

К 2000-ЛЕТИЮ РОЖДЕНИЯ ХРИСТА

Православная
Энциклопедия

XXXIII

**2000-летию
Рождества Господа нашего Иисуса Христа
посвящается**

**ПО БЛАГОСЛОВЕНИЮ
СВЯТЕЙШЕГО ПАТРИАРХА
МОСКОВСКОГО И ВСЕЯ РУСИ
КИРИЛЛА
ИЗДАЕТСЯ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКОВЬЮ**

при участии

*Вселенского Константинопольского Патриархата,
Александрийского Патриархата, Антиохийского Патриархата,
Иерусалимского Патриархата, Грузинской Православной Церкви,
Сербской Православной Церкви, Румынской Православной Церкви,
Болгарской Православной Церкви, Кипрской Православной Церкви,
Элладской Православной Церкви, Албанской Православной Церкви,
Польской Православной Церкви, Православной Церкви Чешских земель
и Словакии, Православной Церкви в Америке,
Православной автономной Церкви в Финляндии,
Православной автономной Церкви в Японии*

**ПОПЕЧЕНИЕМ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА
В РАМКАХ ФЕДЕРАЛЬНОЙ ПРОГРАММЫ
«КУЛЬТУРА РОССИИ 2012–2018 гг.»**

*Допущено Министерством образования Российской Федерации
в качестве учебного пособия для студентов высших учебных заведений
по направлению 520200 «Теология», направлению 520800 «История», специальности 020700 «История»,
направлению 521800 «Искусствоведение», специальности 020900 «Искусствоведение»*

**МОСКВА
2013**

Рождество Христово.
Фреска ц. Панагии Аракос близ Лагудеры, Кипр. 1192 г.

ПРАВОСЛАВНАЯ ЭНЦИКЛОПЕДИЯ

Под редакцией
Патриарха Московского и всея Руси
Кирилла

Том XXXIII КИЕВО-ПЕЧЕРСКАЯ ЛАВРА – КИПРСКАЯ ИКОНА БОЖИЕЙ МАТЕРИ

Церковно-научный центр
«ПРАВОСЛАВНАЯ ЭНЦИКЛОПЕДИЯ»

Наблюдательный совет по изданию
ПРАВОСЛАВНОЙ ЭНЦИКЛОПЕДИИ

Председатель совета –
Патриарх Московский и всея Руси Кирилл

Варсонофий,
Митрополит Саранский и Мордовский,
Управляющий делами МП РПЦ
Владимир,
Митрополит Киевский и всея Украины
С. Б. Иванов,
Руководитель Администрации
Президента РФ
С. В. Лавров,
Министр иностранных дел РФ
Д. В. Ливанов,
Министр образования
и науки РФ

В. Р. Мединский,
Министр культуры РФ
С. Е. Нарышкин,
Председатель
Государственной Думы Федерального
Собрания РФ, Председатель
Общественного совета
И. А. Никифоров,
Министр связи и массовых
коммуникаций РФ
С. Э. Приходько,
Заместитель Председателя
Правительства РФ

С. С. Собянин,
Мэр Москвы, Председатель
Попечительского совета
Филарет,
Митрополит Минский и Слуцкий,
Патриарший Экзарх всея Белоруссии
В. Е. Фортков,
Президент Российской академии наук
Ювеналий,
Митрополит
Крутицкий и Коломенский
С. Л. Кравец,
ответственный секретарь

Попечительский совет по изданию
ПРАВОСЛАВНОЙ ЭНЦИКЛОПЕДИИ

Председатель совета –
Сергей Семенович Собянин, Мэр Москвы

А. И. Акимов,
Председатель правления «Газпромбанка»
(открытое акционерное общество)
В. А. Асирян,
Генеральный директор
фирмы «Теплоремонт»
Д. А. Барченков,
Председатель совета директоров
холдинга «Щёлковский»
В. Ф. Вексельберг,
Председатель
Наблюдательного совета группы
компаний «Ренова»
А. Ю. Воробьёв,
Губернатор Московской области
А. Н. Гурбенко,
Заместитель Мэра Москвы
в Правительстве Москвы по вопросам
работы со СМИ, межрегиональному
сотрудничеству, спорту и туризму

Г. О. Греф,
Президент ОАО
«Сбербанк России»
О. В. Дерипаска,
Председатель
совета директоров
компании «Базовый Элемент»
М. В. Ковтун,
Губернатор Мурманской области
Н. И. Меркушкин,
Губернатор Самарской области
И. А. Оболенцев,
Глава Группы компаний «Оптифуд»
Г. С. Полтавченко,
Губернатор Санкт-Петербурга
М. В. Сеславинский,
Руководитель
Федерального агентства
по печати и массовым
коммуникациям

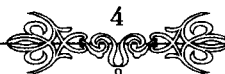
В. И. Тарасов,
Председатель
совета директоров
АКБ «Интрастбанк»
А. К. Титов,
Председатель
совета директоров
КБ «Солидарность»
К. А. Титов,
Член Комитета
Совета Федерации
Федерального Собрания РФ
по экономической политике
Ю. Е. Шеляпин,
Президент ЗАО «Эко-Тепло»
В. П. Шанцев,
Губернатор
Нижегородской области
Ю. В. Артюх,
ответственный секретарь

Ассоциация благотворителей при Попечительском совете по изданию
ПРАВОСЛАВНОЙ ЭНЦИКЛОПЕДИИ

А. К. Галенко,
Генеральный директор
ООО «Стрибог»
В. Н. Коромысличенко,
Генеральный директор
ЗАО «Эмпауэр»
С. М. Линович,
Президент ООО «Учебная книга»

А. Н. Палазник,
Председатель правления
Группы компаний РТ
В. И. Токарев,
Заместитель Генерального директора
по производству ЗАО Фирма «ЭПО»
В. И. Тохтин,
Президент Группы компаний «Вита»

А. И. Хромотов,
Генеральный директор
ООО «ДИТАРС»
И. С. Юров,
Председатель совета директоров
инвестиционного банка «ТРАСТ»
О. Ю. Ярцева,
Генеральный директор ООО «К. Л. Т. и К»

**Общественный совет по изданию
ПРАВОСЛАВНОЙ ЭНЦИКЛОПЕДИИ**

Председатель совета —

Сергей Евгеньевич Нарышкин, Председатель Государственной Думы Федерального Собрания РФ

П. П. Александро-Деркаченко,
Исполнительный директор
Фонда сохранения
духовного наследия
преподобного Сергия Радонежского
Н. И. Булаев,
Первый заместитель руководителя
фракции «Единая Россия»
в Государственной Думе
Федерального Собрания РФ
С. С. Гворухин,
Председатель Комитета
Государственной Думы
Федерального Собрания РФ
по культуре
А. Н. Дегтярёв,
Председатель Комитета
Государственной Думы
Федерального Собрания РФ
по образованию
О. Б. Добродеев,
Генеральный директор ВГТРК
А. Д. Жуков,
Первый заместитель Председателя
Государственной Думы
Федерального Собрания РФ

В. И. Кожин,
Управляющий делами Президента РФ
А. В. Логинов,
Заместитель руководителя
Аппарата Правительства РФ
С. В. Михайлов,
Генеральный директор
ИТАР-ТАСС
Ю. С. Осипов,
Действительный член Российской
академии наук
А. Е. Петров,
Начальник Аналитического управления
Аппарата Государственной Думы
Федерального Собрания РФ,
ответственный секретарь
Российского исторического общества
В. М. Платонов,
Председатель
Московской городской Думы
С. А. Попов,
Председатель Комитета
Государственной Думы
Федерального Собрания РФ
по регламенту и организации работы
Государственной Думы

Е. М. Примаков,
Действительный член
Российской академии наук
Ю. М. Соломин,
Художественный руководитель
Академического
Малого театра
А. В. Торкунов,
Ректор
Московского
государственного института
международных отношений
МИД РФ
А. П. Торшин,
Первый заместитель
Председателя
Совета Федерации
Федерального Собрания РФ
М. Е. Швыдкой,
Специальный представитель
Президента РФ
по международному
культурному сотрудничеству
П. В. Хорошилов,
Ответственный
секретарь

При подготовке тома научно-информационную поддержку ЦНЦ «Православная энциклопедия» оказали:

Киевская Духовная Академия, Московская Православная Духовная Академия, Санкт-Петербургская Православная Духовная Академия, Институт российской истории РАН, Институт всеобщей истории РАН, Институт славяноведения РАН, Институт востоковедения РАН, Институт литературы имени Т. Г. Шевченко Национальной академии наук Украины, Московский государственный университет, Санкт-Петербургский государственный университет, Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет, Российский православный университет св. Иоанна Богослова, Свято-Троицкая Джорданвиллская Духовная Семинария РПЦЗ, Церковное управление Финляндской Православной Церкви в Куопио (Финляндия), Киевская митрополия, Кипрская Православная Церковь, Киево-Печерская лавра, Троице-Сергиева лавра, собор блгв. вел. кн. Александра Невского в Петро-заводске, церковь свт. Николая Чудотворца в Кузнецях (Москва), Церковно-археологический кабинет МДА, Издательский Совет РПЦ, Библиотека Российской Академии наук, Государственная публичная историческая библиотека, Институт древних рукописей «Матенадаран» имени Месропа Маштоца, Институт рукописей Национальной библиотеки Украины имени В. И. Вернадского, Российская государственная библиотека, Российская национальная библиотека, Харьковская государственная научная библиотека имени В. Г. Короленко, Великоустюжский историко-архитектурный и художественный музей-заповедник, Вологодский государственный историко-архитектурный и художественный музей-заповедник, Государственный историко-культурный музей-заповедник «Московский Кремль», Государственный исторический музей, Государственный музей изобразительных искусств имени А. С. Пушкина, Государственный музей истории религии, Государственный литературный музей, Государственный Русский музей, Государственная Третьяковская галерея, Государственный Эрмитаж, Музей изобразительных искусств Республики Карелия, Национальный заповедник «София Киевская», Национальный Киево-Печерский историко-культурный заповедник, Национальный музей Т. Г. Шевченко (Киев), Центральный музей древнерусской культуры и искусства имени Андрея Рублёва, Комитет по связям с религиозными организациями Правительства Москвы, Московский государственный университет печати, Российская католическая энциклопедия.

При подготовке тома оказали содействие в предоставлении иллюстраций Е. А. Виноградова, М. В. Зубова, Г. Ю. Ивакин, Ф. С. Киреев, В. М. Колпакова, К. К. Крайний, Б. Кудавя, Е. В. Лопухина, О. Г. Чирва, Е. Ю. Шевчук.

Церковно-научный совет по изданию
ПРАВОСЛАВНОЙ ЭНЦИКЛОПЕДИИ

Председатель совета —
Патриарх Московский и всея Руси Кирилл

З. Д. Абашидзе, глава
представительства ЦНЦ
«Православная энциклопедия»
в Грузии
Алексий, архиеп.
Костромской и Галичский,
Председатель Синодальной
Богослужбной комиссии
Амеросий, еп. Петергофский,
ректор Санкт-Петербургских
Духовных Академии и Семинарии
Анастасий, митр.
Казанский и Татарстанский,
глава Казанского представительства
ЦНЦ «Православная энциклопедия»
Антоний, митр.
Бориспольский, ректор Киевских
Духовных Академии и Семинарии,
глава Украинского представительства
ЦНЦ «Православная энциклопедия»
С. С. Аревшатян, директор
Института древних рукописей
«Матенадаран» имени Месропа Маштоца
Арсений, архиеп. Истринский,
Председатель Научно-редакционного
совета по изданию Православной
энциклопедии
А. Н. Артизов, директор
Федерального архивного агентства
Афанасий, митр. Киринский,
Александрийский Патриархат,
Кипрская Православная Церковь
Владимир Воробьев, прот., ректор
Православного Свято-Тихоновского
гуманитарного университета,
глава Свято-Тихоновского
представительства
ЦНЦ «Православная энциклопедия»
Е. Ю. Гагарина, директор
Государственного историко-
культурного музея-заповедника
«Московский Кремль»

Георгий, митр.
Нижегородский и Арзамасский,
глава Нижегородского
представительства
ЦНЦ «Православная энциклопедия»
Герман, митр.
Волгоградский и Камышинский,
глава Волгоградского
представительства
ЦНЦ «Православная энциклопедия»
В. А. Гусев, директор ФГУК
«Государственный Русский музей»
Евгений, архиеп. Верейский,
ректор Московских Духовных
Академии и Семинарии,
Председатель Учебного комитета
Московского Патриархата
Иларион, митр. Волоколамский,
Председатель Отдела внешних
церковных связей
Московского Патриархата
Иоанн, митр.
Белгородский и Старооскольский,
Председатель Миссионерского
отдела Московского Патриархата
С. П. Карпов, декан исторического
факультета Московского
государственного университета
Климент, митр.
Калужский и Боровский,
Председатель Издательского совета
Русской Православной Церкви
А. К. Левыкин, директор
Государственного исторического музея
А. П. Либеровский, директор
Исторического архивного бюро,
Православная Церковь в Америке
А. В. Лихоманов, директор ФГБУ
«Российская национальная
библиотека»
Макарий, митр. Кенийский,
Александрийский Патриархат

С. В. Мироненко, директор
Государственного архива РФ
Михаил Наджим, прот.,
Антиохийский Патриархат
А. В. Назаренко, председатель
Научного совета РАН
«Роль религий в истории»
Пантелеимон, митр. Оулуский,
Православная автономная Церковь
в Финляндии
М. Б. Пиотровский, директор
Государственного Эрмитажа
Г. В. Попов, директор
Центрального музея
древнерусской культуры и искусства
имени Андрея Рублёва
В. А. Садовничий, ректор
Московского государственного
университета
А. Р. Соколов, директор
Российского государственного
исторического архива
Г. Ф. Статис, профессор
Афинского университета
Тихон, митр.
Новосибирский и Бердский,
глава Новосибирского
представительства
ЦНЦ «Православная энциклопедия»
Тихон, архим.,
ректор Сретенской Духовной
Семинарии
В. В. Фёдоров, президент
Российской государственной
библиотеки
В. С. Христофоров, начальник
Управления регистрации
и архивных фондов ФСБ России
А. О. Чубарьян, директор
Института всеобщей истории РАН
С. Л. Кравец, ответственный
секретарь

Представительства и координаторы Церковно-научного центра
«ПРАВОСЛАВНАЯ ЭНЦИКЛОПЕДИЯ»

Армянское (С. С. Аревшатян, академик), Белорусское (Г. Н. Шейкин), Болгарское (игум. Филипп (Васильцев)), Волгоградское (А. В. Дубаков, канд. ист. наук), Грузинское (З. Д. Абашидзе, канд. ист. наук), Казанское, Костромское (Н. А. Зонтиков, канд. ист. наук), Нижегородское (А. И. Стариченков), Новосибирское (прот. Борис Пивоваров, магистр богословия), ПСТГУ, Римское, Санкт-Петербургское (А. И. Алексеев, канд. ист. наук), Свято-Троицкая Духовная Семинария РПЦЗ (прот. Владимир Цуриков, канд. богословия), Сербское (прот. Виталий Тарасьев), Украинское (К. К. Крайний)

Научно-редакционный совет по изданию
ПРАВОСЛАВНОЙ ЭНЦИКЛОПЕДИИ

Председатель совета — **Арсений, архиепископ Истринский**
Заместитель Председателя совета — **С. Л. Кравец**

игум. Андроник (Трубачёв), канд. богословия (редакция *Истории Русской Православной Церкви*)
прот. Валентин Асмус, магистр богословия (редакция *Восточных христианских Церквей*)
Л. А. Беляев, д-р ист. наук (редакция *Церковного искусства и археологии*)
прот. Владимир Воробьёв (редакция *Истории Русской Православной Церкви*)
прот. Леонид Грилихес (редакция *Священного Писания*)
прот. Олег Давыденков, д-р богословия (редакция *Восточных христианских Церквей*)
игум. Дамаскин (Орловский) (редакция *Истории Русской Православной Церкви*)
О. В. Дмитриева, д-р ист. наук (редакция *Протестантизма*)

М. С. Иванов, д-р богословия (редакция *Богословия*)
А. Т. Казарян, д-р философии (редакция *Богословия*)
Н. В. Квливидзе, канд. искусствоведения (редакция *Церковного искусства и археологии*)
прот. Максим Козлов, канд. богословия (редакция *Истории Русской Православной Церкви*)
Ю. А. Лабынцев, д-р филол. наук (редакция *Поместных Православных Церквей*)
И. Е. Лозовая, канд. искусствоведения (редакция *Церковной музыки*)
архим. Макарый (Веретенников), магистр богословия (редакция *Истории Русской Православной Церкви*)
А. В. Назаренко, д-р ист. наук (редакция *Истории Русской Православной Церкви*)

архим. Платон (Игуменов), магистр богословия (редакция *Богословия*)
прот. Сергей Правдолюбов, магистр богословия (редакция *Литургики*)
Н. В. Сеницына, д-р ист. наук (редакция *Истории Русской Православной Церкви*)
К. Е. Скурат, д-р церковной истории (редакция *Поместных Православных Церквей*)
А. А. Турилов, канд. ист. наук (редакция *Истории Русской Православной Церкви*)
Б. Н. Флоря, чл.-кор. РАН (редакция *Истории Русской Православной Церкви*)
прот. Владислав Цытин, д-р церковной истории (редакция *Истории Русской Православной Церкви* и редакция *Церковного права*)
прот. Владимир Шмалый, канд. богословия (редакция *Богословия*)

Церковно-научный центр
«ПРАВОСЛАВНАЯ ЭНЦИКЛОПЕДИЯ»

Руководитель — **С. Л. Кравец**

Научные редакции:
**Богословия,
Церковного права
и патрологии**

Л. В. Литвинова, Е. В. Барский,
М. М. Бернацкий,
свящ. Дмитрий Артёмкин,
М. В. Никифоров, Е. А. Пилипенко,
Д. В. Смирнов

Выпускающая
редакция:

Л. В. Барбашова (ответственный секретарь)
Т. Д. Волоховская, Е. В. Никитина, О. Н. Никитина,
Ю. М. Развякина, А. Н. Фомичёва
И. В. Кузнецова, А. А. Сурина, Т. А. Колесникова,
Н. В. Кузнецова (группа компьютерного набора
и верстки)
Т. М. Чернышёва (картограф)
Л. М. Бахарева, Т. В. Евстагеева (корректорская
группа)
И. П. Кашникова, Н. В. Полякова, С. Г. Извеков,
О. В. Хабарова (группа транскрипции)
мон. Елена (Хиловская), А. Л. Мелешко,
В. С. Назарова, О. В. Ручоль
(справочно-библиографическая группа)
С. Г. Мереминский, Е. Г. Волоховская, Е. В. Гуцина,
Ю. В. Иванова, М. Э. Михайлов, Т. С. Павлова
(группа информации и проверки)
В. Н. Шишкова, Н. Н. Ларина, А. Г. Новак
(информационно-библиотечная группа)
А. С. Зверев, М. И. Ачкасова, А. Ю. Горчакова,
свящ. Игорь Палкин, Е. Е. Калашникова,
А. М. Кузьмин, Л. Б. Максимова, Т. Ю. Облицова,
Ю. А. Романова (группа подбора иллюстраций
и фотолаборатория)
О. В. Мелихова, В. В. Растворова (электронная
версия)
свящ. Павел Конотопов, А. В. Кузнецов
(служба компьютерного и технического обеспечения)
Н. В. Колубина (производственно-полиграфическая
служба)

Священного Писания

К. В. Неклюдов, М. Г. Калинин, А. Е. Петров

Литургики

А. А. Ткаченко, Е. Е. Макаров

Церковной музыки

С. И. Никитин

**Церковного искусства
и археологии**

Э. В. Шевченко, Я. Э. Зеленина,
А. А. Климова, М. А. Маханько

**Агиографии Восточных
христианских Церквей**

О. В. Лосева, О. Н. Афиногенова,
Т. А. Артюхова, А. Н. Крюкова

**Истории Русской
Православной Церкви**

Е. В. Кравец, М. В. Печников,
В. Г. Пидгайко, Е. В. Романенко,
Д. Б. Кочетов, А. А. Лиманов,
Д. Н. Никитин, И. А. Маякова,
А. М. Феофанов

**Восточных
христианских Церквей**

И. Н. Попов, Л. В. Луховицкий, С. А. Моисеева

**Поместных
Православных Церквей**

Н. Н. Крашенинникова, В. С. Мухин,
М. М. Розинская

Латинская

Н. И. Алтухова, А. А. Королёв, В. В. Тюшагин

**Протестантизма
и религиоведения**

И. Р. Леоненкова, А. М. Соснина

Административная группа: Е. Б. Братухина, О. Л. Данова, С. В. Завадская, Е. Б. Колобин, С. Н. Кузина, А. В. Милованова, Т. П. Соколова,
А. Б. Тимошенко, Е. Е. Тимошенко
Пресс-группа: Ю. В. Клиценко, В. И. Петрушко, О. В. Владимирцев, А. М. Киселёв

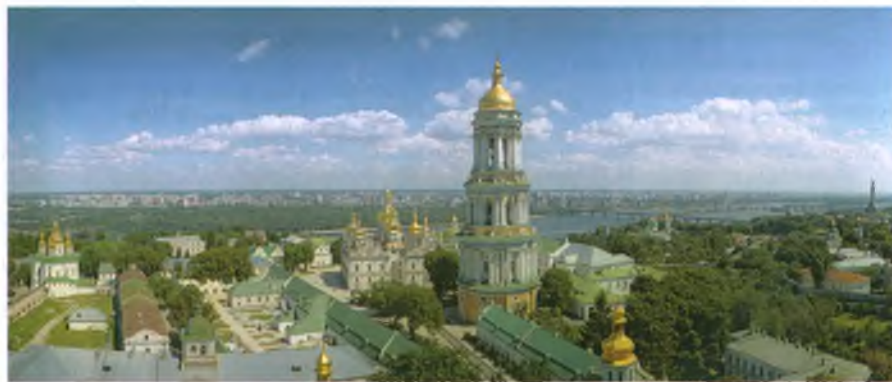
КІЕВО-ПЕЧЕРСКАЯ ЛАВРА, ставропигиальный муж. мон-рь УПЦ в Киеве (Украина).

X–XIII вв. Киево-Печерский монастырь располагался на юж. окраине древнего Киева, в непосредственной близости от с. Берестова, где с кон. X в. находилась загородная резиденция киевских князей с ц. во имя св. Апостолов. Сведения о возникновении и первых 10-летиях истории монастыря содержатся в *Повести временных лет* (10-е гг. XII в.) (ПВЛ), Житии прп. Феодосия Киево-Печерского (далее: ЖФ), *Киево-Печерском патерике* (1-я треть XIII в.) (далее: КПП). Нек-рые противоречия текстов этих источников свидетельствуют об отражении в них разных монастырских традиций, которые условно принято именовать «антониевской» и «феодосиевской». Первая, фрагментарно сохранившаяся в ПВЛ и КПП, была представлена ныне утраченным древним Житием прп. Антония Киево-Печерского; вторая, усваивающая прп. *Феодосию* Киево-Печерскому ключевую роль в создании обители, отразилась в его Житии.

Об истории возникновения К.-П. л. повествует «Сказание, чего ради прозвася Печерский монастырь» (далее: СПМ), к-рое известно в 2 версиях — летописной (под 6559 (1051) г.) и патериковой. Согласно 1-й редакции, пришедший с Афона мон. *Антоний* поселился на месте, где до поставления в митрополиты (1051) подвизался в небольшой пещерке берестовский свящ. *Иларион*. Во 2-й, представленной списками 2-й Кассиановской редакции КПП (1462), говорится, что прп. Антоний вернулся со Св. горы на Русь и поселился в Варяжской пещере на берегу Днепра еще при св. кн. *Владимире* (*Васи-*

лиш) *Святославиче* (978/80–1015), но с началом братоубийственной войны 1015–1019 гг. вновь ушел на Афон. Второе возвращение мон. Антония в Киев состоялось при св. кн. *Ярославе* (*Георгии*) *Владимировиче Мудром* (1019–1054). Попытку А. А. *Шахматова* увидеть в этом рассказе соединение 2 версий истории становления Киево-Печерского мон-ря, из к-рых «антониевская» относилась к возникновению обители ко времени кн. Вла-

рованным сообщением о поставлении Илариона митрополитом Руси в 1051 г. («В лето 6559. Постави Ярославъ Лариона митрополитомъ русина в святей Софьи, собравъ епископы»), а с другой — знал из текста СПМ, что прп. Антоний поселился на холме уже после того, как бывший берестовский священник стал главой Русской Церкви. Эти обстоятельства и позволили летописцу отнести СПМ к 1051 г. По пред-

Киево-Печерская лавра. Фотография. 2011 г.

димира, а «феодосиевская» — к последним годам правления кн. Ярослава, следует признать несостоятельной. По мнению А. М. *Кубарева* и П. С. *Казанского*, рассказ о двукратном путешествии прп. Антония на Афон, читаемый в списках 2-й Кассиановской редакции КПП, является результатом лит. деятельности ее составителя — печерского мон. Кассиана.

Возникновение Киево-Печерского мон-ря принято относить к 1051 г., под к-рым в ПВЛ читается СПМ. Но эта датировка условна: точное время основания обители неизвестно. Хронологический расчет летописца был прост и логичен. С одной стороны, он располагал дати-

рованию А. Ю. Карпова, возвращение прп. Антония на Русь и поселение в окрестностях с. Берестова могло иметь место уже во 2-й пол. 40-х гг. XI в.

В сообщении о том, что прп. Антоний поселился на холме, где втайне молился будущий митрополит Руси, некоторые исследователи (А. В. *Попне*) усматривают намек на участие Илариона в учреждении Киево-Печерского мон-ря. Однако для подобных утверждений нет серьезных оснований. В рассказе о пещерке свящ. Илариона скорее следует видеть монастырское предание кон. XI — нач. XII в., к-рое пыталось связать начальную историю обители с авторитетом митр. Илариона.

Согласно СПМ, обитель была основана уроженцем Любеча, принявшим постриг с именем Антоний в одном из афонских мон-рей. Здесь он получил навыки иноческого жи-

Келья прп. Антония в Ближних пещерах. Фотография. 2013 г.

тия, после чего был отправлен на Русь, напутствуемый словами настоятеля: «Иди в Русь опять, и буди благословенъ от Святыя Горы, яко от тебе мнози черньци быти имуть» (ПСРЛ. Т. 1. Вып. 1. Стб. 156). После долгих поисков прп. Антоний решил поселиться на высоком берегу Днепра в районе с. Берестова. Ископав пещеру, он подвизался в бдении и молитвах. Слава о нем распространилась среди окрестных жи-

План Ближних пещер. Патерик, или Отечник, Печерский. К., 1661 (РГБ)

телей. Взошедший на киевский престол кн. *Изяслав (Димитрий) Ярославич* вместе с дружиной посетил преподобного, чтобы получить благословение и испросить молитвы.

Вскоре сложилась небольшая монашеская община, трудами к-рой были созданы пещерная церковь и кельи. В числе первых последователей прп. Антония были прп. Никон Великий и прп. Феодосий Печерский.

В ЖФ прп. Нестор сообщает, что не санкционированное кн. Изяславом пострижение 2 близких к нему людей — *Ефрема* (управляющий княжеским двором, буд. митрополит Переяславский) и прп. *Варлаама* (сын боярина Иоанна) — стало причиной конфликта князя с общи-

Келья прп. Феодосия в Дальних пещерах. Фотография. 2013 г.

ной. Кн. Изяслав угрожал уничтожить пещеры и отправить иноков в заточение. Конфликт был улажен благодаря заступничеству супруги князя, польки Гертруды. Но единство общины было нарушено: прп. Никон отправился в Тмутаракань и там основал обитель в честь Успения Пресв. Богородицы, мон. Ефрем выбрал местом подвигов один из к-польских мон-рей. Прп. Антоний переселился на соседний холм (впосл. Ближние пещеры), где основал новое отшельническое поселение («новый монастырь»). Причину этих изменений обычно усматривают в стремлении печерской братии к уединению, которое могло быть нарушено либо стечением народа, либо продолжающимся гневом кн. Изяслава (Казанский; архим. Леонид (Кавелин), Л. К. Гётц). Но, по всей видимости, кризис был вызван вмешательством князя во внутренние дела монастыря, которое выразилось в назначении на игуменство Варлаама (ок. 1060–1061), и начавшейся в связи с этим трансформацией отшельнической общины в киновиальную (общежительную). О том, что судьба сына боярина Иоанна была безразлична кн. Изяславу, свидетельствует последующее назначение его настоятелем княжеского киевского во имя амч.

Димитрия Солунского монастыря: «Изяславъ же постави манастирь святаго Дмитрия и выведе Варлаама на игуменьство... хотя створити вышнии сего манастиря, надеяся богатъству» (ПСРЛ. Т. 1. Вып. 1. Стб. 159). По благословиению прп. Антония при Дальних пещерах были возведены первые наземные постройки: деревянная ц. в честь Успения Пресв. Богородицы, кельи и др.

Переход к киновии был осуществлен в игуменство прп. Феодосия Печерского (ок. 1062–1074) введением общежительного *Студийского устава*. История обретения устава по-разному изла-

гается в источниках. Согласно СПМ, он был получен прп. Феодосием от студийского мон. Михаила, пришедшего в Киев с митрополитом-греком Георгием; по ЖФ — от мон. Ефрема, который изготовил его копию непосредственно в столице Византии. Большинство исследователей (Е. Е. Голубинский, Д. С. Ищенко, М. И. Бълхова, А. М. Пентковский) полагают, что прп. Феодосий заимствовал Алексеевскую редакцию Студийского устава. А. В. Поппе указывает на введение в Киево-Печерском мон-ре Студийского устава в редакции *Никиты Стифата*, напрямую восходящей к Ипотипикону прп. *Феодора Студита*. Однако это мнение слабо аргументировано.

Студийский устав предусматривал обобществление имущества, общий стол, равенство всех в отношении к монастырским работам. Подробно регламентируя поведение монахов в трапезной, он определял правила относительно пищи братии и времени ее приема. Насельники могли выходить за пределы монастыря с разрешения игумена и только по крайней необходимости. Существовал строгий запрет на ношение одежды из дорогих и ярких тканей, прием пищи вне трапезной, использование для своих нужд труда слуг и др., монахам не разрешалось собираться в кельях. Прп. Феодосий активно боролся с любыми проявлениями стяжательства. Обнаружив

в келье инока к.-л. имущество, не предусмотренное уставом, он приказывал бросать его в печь. Некоторые послабления делались для больных и немощных старцев. Описание быта печерских насельников в период игуменства прп. Феодосия, которое дает прп. Нестор в его Житии, свидетельствует, что в основных частях Студийский устав был введен в Киево-Печерском мон-ре в полном объеме. Однако после кончины прп. Феодосия ряд требований устава стал постепенно нарушаться. Из рассказов КПП следует, что уже в посл. четв. XI в. среди иноков существовало разделение на богатых и бедных, бытовала практика оплаты взаимных услуг, монахи имели частную собственность и т. д. С введением Студийского устава принято связывать появление в Киево-Печерском мон-ре «греческого чиноначалия». Источники упоминают о послушаниях domestica, экклисиарха, эконома, келаря, пономаря, вратаря.

Во время игуменства Феодосия резко возросло число постриженников: согласно СПМ, оно достигло 100 чел. Выказывалось мнение (в т. ч. Гётц), что прп. Феодосий несколько смягчил условия приема в обитель: если ранее существенную роль играл социальный статус кандидата, то в годы его игуменства в обитель принимали всех желающих (Goetz. 1904). Хотя для подобных утверждений нет серьезных оснований, однако известно, напр., что бедная одежда прп. Феодосия не помешала прп. Антонию дать согласие на его пострижение. Прп. Нестор в ЖФ сообщает, что при игум. Феодосии был введен обязательный испытательный срок, по истечении к-рого желающий принять постриг мог стать монахом. Вероятно, рост числа постриженников следует объяснять сочетанием нескольких факторов: заинтересованностью самого игум. Феодосия, который понимал, что многочисленная братия — залог стабильности и процветания обители, а значит, независимости Киево-Печерского монастыря от ктиторов — князей и бояр, и большим авторитетом мон-ря в древнерус. обществе, сформировавшимся за счет высокого благочестия и аскетизма его основателей.

Принятие Студийского устава означало «оттеснение Антониевской особножительной традиции», но оно не пресекло развития отшельниче-

ства. Параллельно с общиной, к-рой руководил прп. Феодосий, продолжала существовать община анахоретов, жизнь к-рой направлялась прп. Антонием. Одним из ее членов

План Дальних пещер.
Патерик, или Отечник, Печерский.
К., 1661 (РГБ)

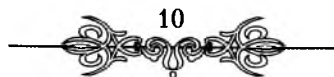
был прп. Исаакий Чернь, 7 лет находившийся в пещерном затворе. Единственным способом его связи с миром было небольшое оконце, через к-рое он принимал хлеб и воду от прп. Антония. В мае 1069 г., когда прп. Антоний был вынужден покинуть Киев и переселиться в Чернигов, отшельническое поселение временно прекратило существование. Разбитый параличом прп. Исаакий остался без заботы и внимания. После того как прп. Антоний покинул монастырь, прп. Феодосий «шесть с братьею взя Исакия и принесе к себе в келью, и служаше около его» (ПСРЛ. Т. 1. Вып. 1. Стб. 194).

Переселение прп. Антония в главный город Северской земли было связано с политическими событиями 1068–1069 гг.: изгнанием восставшими киевлянами кн. Изяслава, возведением на киевский стол полоцкого кн. Всеслава Брячиславича и последующим возвращением кн. Изяслава в столицу Руси: «В си же времена приключися прити Изяславу из Ляховъ, и нача гневатися Изяславъ на Антонья изъ Всеслава, и присла Святославъ в ночь поя Антонья Чернигову» (Там же. Стб. 193). На юго-восточной окраине города, в местности, известной под названием Болдины горы, прп. Антоний основал Богородичный мон-рь. Вероятно, становление новой обители осуществлялось усилиями не только прп. Антония, но и части его бли-

жайших сподвижников, последовавших за учителем. Покровителем братии был кн. Святослав (Николай) Ярославич. Материалы археологических исследований свидетельствуют, что пещерный комплекс на Болдыньих горах имеет сходство с подземельями Киево-Печерского мон-ря. А значит, жизнь печерян в новых условиях не претерпела существенных изменений.

Источники не сообщают о времени и об обстоятельствах возвращения прп. Антония в Киев. В исторической лит-ре бытует мнение, согласно к-рому кн. Изяслав, вскоре раскаявшись, упросил прп. Антония вернуться в Киев, что тот с радостью и сделал (Карпов). Оно восходит к позднему Житию прп. Антония в составе печатной редакции КПП 1661 г. Его воспроизводит свт. Димитрий (Савич (Туптало)) Ростовский: «Когда князь Изяслав одумался, убедился в несправедливости своего гнева, он послал в Чернигов, прося Антония вернуться. Антоний, кроткий и смиренный подвижник, откликнулся на эту просьбу. Не желал он оставить овец без пастыря, вернулся к покинутой им, находящейся в смятении пастве». Но для подобных интерпретаций нет оснований. Более убедительным представляется мнение Казанского, согласно которому возвращение преподобного следует относить к кон. марта 1073 г., когда кн. Святослав Ярославич овладел Киевом.

Незаконно захватив великокняжеский стол, черниговский князь нуждался в поддержке населения столицы. Поэтому практически сразу после утверждения кн. Святослава в Киеве принимается решение о строительстве каменного Успенского собора, причем местом его возведения становится поселение отшельников (Ближние пещеры), а не общежительный мон-рь прп. Феодосия (Дальние пещеры). Из княжеской казны на строительство была выделена большая по тем временам сумма — 100 гривен золотом. Видимо, этим решением кн. Святослав пытался снискать расположение не только монахов-отшельников, но и киевлян, для которых прп. Антоний являлся духовным авторитетом. Так, согласно ЖФ, князь в присутствии множества людей собственноручно начал копать ров под фундамент будущего храма.

Прп. Феодосий.
Гравюра Л. Тарасевича.
Патерик, или Отечник, Печерский.
К., 1702. Л. 40 об. (РГБ)

Согласно «Слову о создании церкви Печерской» (в составе КПП), прп. Антоний трижды молился Богу с просьбой указать место возведения храма и трижды оно было отмечено чудесными знамениями. В отличие от него игум. Феодосий не был сторонником кн. Святослава, и в то время, когда начинались работы по возведению Успенского собора, находился в оппозиции к черниговскому князю. Согласно прп. Нестору, он настойчиво обличал кн. Святослава в вероломстве, используя для этого любые способы: «Овьда епистолия пища посылаше томоу, овьгда же вельможамъ его приходящемъ къ нему обличаше того о неправдьнемъ прогьнании брата, веля темъ поведати томоу». Противостояние зашло так далеко, что после одного из обличительных писем, в котором кн. Святослав был уподоблен древним «гонителям» и «братоненавистникам», по Киеву распространился слух о возможном заточении Феодосия.

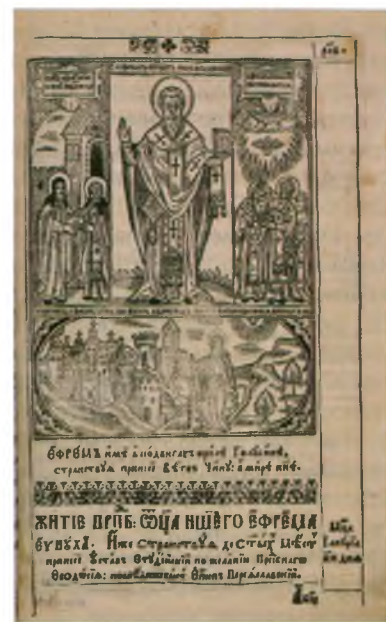
Вероятно, смерть прп. Антония положила конец не только противостоянию между кн. Святославом и прп. Феодосием, но и обособленному существованию 2 общин. Уже начавшееся строительство Успенского собора предопределило перевод братии из «ветхого монастыря» (Дальних пещер) в «новый» (Ближние пещеры). Вероятно, идея интеграции была предложена игум. Феодосием, который выступил в качестве преем-

ника прп. Антония. Поэтому уход в Тмутаракань прп. Никона Великого в сопровождении 2 черноризцев позволяет предположить, что часть отшельников не была довольна этим объединением. Менее чем через год (3 мая 1074) прп. Феодосий скончался. Согласно завещанию, его тело было погребено в пещере, в к-рой печерский игумен затворялся на время Великого поста. В период игуменства Стефана (1074–1077/78) слияние общин завершилось созданием единого монастырского комплекса. Братия была переведена в «новый монастырь», и только неск. человек остались в «ветхом монастыре» для погребения усопших и совершения ежедневной заупокойной литургии. Однако память о некогда обособленном существовании Феодосиевой и Антониевой общин сохранилась в топографии Киево-Печерского монастыря в виде разделения его территории на Ближние и Дальние пещеры.

При игум. Стефане было завершено строительство Успенского собора (11 июля 1075/76). В 1077/78 г. в результате внутримонастырского мятежа, о причинах к-рого источники умалчивают, преемник прп. Феодосия сначала был лишен игуменства, а затем и вовсе изгнан из обители. Возможно, смещение игум. Стефана было связано с претензиями на старейшинство в Киево-Печерском монастыре Никона Великого, вернувшегося из Тмутаракани ок. 1077 г. Опираясь на финансовую помощь бояр, своих «духовных сыновей», игум. Стефан основал неподалеку на Кловце собственный мон-рь, посвященный Влахернской иконе Божией Матери.

При игумене прп. Никоне (1077/78–1088) велись работы по украшению интерьеров Успенского собора. В этот период обучение ремеслу художника в обители проходил прп. Алимпий — первый известный по имени иконописец Др. Руси. Период самостоятельности игум. Никона был отмечен попыткой церковного прославления прп. Антония, которая выразилась в составлении его Жития. Но, видимо, эта инициатива не нашла поддержки у духовных и светских властей Киева, хотя факт почитания преподобного в мон-ре не вызывает сомнений. В ЖФ прп. Нестор отмечает, что игуменство Никона не было спокойным временем для обители: неоднократно предпринимались попытки поднять мятеж против настоятеля.

14 авг. 1089 г., в 1-й год игуменства прп. Иоанна, с участием Киевского митр. Иоанна II, епископов свт. Луки Белгородского и Иоанна Черниговского, свт. Исаии Ростовского и Антония Юрьевского состоялось торжественное освящение Успенского собора (ПСРЛ. Т. 1. Вып. 1. Стб. 208). Вскоре после этого было принято решение о перенесении в него мощей прп. Феодосия Печерского. Не располагая поддержкой великокняжеской власти и митрополии, митр.

Свт. Ефрем Переяславский.
Гравюра. Патерик, или Отечник,
Печерский. К., 1661. Л. 136 (РГБ)

Иоанн предпочел опереться на ту часть епископата, к-рая была воспитана в стенах Киево-Печерского мон-ря. Приглашение принять участие в торжествах получили епископы Ефрем Переяславский, Стефан Владимирский, Иоанн Черниговский. В ПВЛ под 6599 (1091) г. сохранилось подробное описание обречения мощей прп. Феодосия. За 3 дня до праздника Успения Богородицы игумен и автор рассказа посетили место погребения преподобного, где обозначили место буд. раскопа. Копать предстояло «кроме устья», т. е. в стороне от заложеного входа в пещеру, вероятно, чтобы не допустить обрушения кладки и повреждения мощей. Т. о., необходимо было выкопать новый вход в пещерную келью прп. Феодосия. Игумен распорядился не сообщать никому из братии о предстоящих раскопках и взять в помощь одного из иноков. Вечером 12 авг. монахи

отправились в пещеру. Работая попеременно, они трудились до самой полуночи и уже начали переживать, что копают не в ту сторону. Но в момент, когда в мон-ре ударили в било к заутрене, вход в пещеру был прокопан. Обретение мощей сопровождалось чудесными знаменами. Два черноризца стали свидетелями явления 3 огненных дуг, к-рые протянулись от пещеры к церкви, «иде же положень бысть Феодосий». «Зарю великую» над пещерой видел в Богородицком мон-ре на Клове еп. Стефан. Взяв с собой ученика Климента, он поспешил отправиться к месту погребения своего учителя. О том, что путь к мощам прорыт, уведомили игумена, к-рый вскоре пришел в сопровождении 2 монахов. Когда мощи были обретены нетленными, игум. Иоанн с неск. монахами положил их на мантию и вынес из пещеры (Там же. Стб. 209–212).

По всей видимости, инициатива прославления прп. Феодосия не получила признания со стороны прибывшего на Русь митрополита-грека свт. *Николая*. Известие о перенесении мощей подвижника с участием 3 епископов, вероятно, было воспринято новым главой Русской Церкви негативно, поскольку в нем нетрудно было усмотреть угрозу падения авторитета власти митрополии. Для того чтобы реализовать инициативу прославления прп. Феодосия, игум. Иоанну необходима была поддержка нового киевского правителя кн. Святополка Изяславича (1093–1113). Однако добиться этого не удалось, по-видимому, из-за резкого осложнения внешнеполитической ситуации, связанной с половецкой военной угрозой. 26 мая 1093 г. половцы нанесли тяжелое поражение рус. князьям на р. Стугне. В 1094 г. вместе с кн. *Олегом (Михаилом) Святославичем* они разграбили Черниговское княжество, а уже в следующем году сожгли Юрьев (ныне г. Белая Церковь, Украина). В 1096 г. хан Боняк внезапно появился под стенами Киева. Половцы обрушились на пригород столицы, сожгли княжеский двор в Берестове, а затем разграбили Киево-Печерский мон-рь, убив неск. монахов. Неспособность кн. Святополка обеспечить безопасность внешних рубежей стала причиной недовольства его политикой со стороны широких слоев населения, к-рое было поддержано печерской братией. Игум. Иоанн высту-

пил с обличениями в адрес кн. Святополка, обвинив князя в жадности и насилии. По приказу кн. Святополка настоятель был схвачен и сослан в Туров. Заключение игум. Иоанна продлилось недолго: благодаря ходатайству кн. Владимира Всеволодовича Мономаха (возможно, на Любечском съезде в 1097) он вскоре получил возможность вернуться в Киево-Печерский монастырь. Место его погребения неизвестно.

К нач. XII в. ситуация изменилась. С кончиной игум. Иоанна и прихо-

Возвращение свт. Ефрема Переяславского в Киев. Гравюра Л. Тарасевича. Патерик, или Отечник, Печерский. К., 1702 (РГБ)

дом на игуменство св. *Феоктиста* (ок. 1103) Святополк начал открыто покровительствовать печерянам: «Святополкъ же приде в Печерьским монастырь на заутреню на Оуспень святыя Богородица, и братья целоваша и с радостью великою, [глаголюще], яко врази наша побежени быша, молитвами святыя Богородица и святаго отца нашего Феодосья. Такъ бо обычаи имейше Святополкъ: коли идяше на воину, или инамо, толи, поклонився оу гроба Феодосья и молитву возьмь оу игумена ту сущаго, то же идяше на путь свои» (Там же. Стб. 282). Используя благоприятный момент, игумен ходатайствовал перед князем о прославлении прп. Феодосия в масштабах всей Руси. В обители понимали, что княжеская власть может реализовать этот замысел, преодолев возможное противодействие со стороны митрополита-грека и части епископата. Согласно летописной статье 6616 (1108) г., кн. Святополк поддержал инициативу братии и отдал соответствующее распоряжение митрополиту, к-рый обязал архиереев внести имя прп. Феодосия в синодики для ежегодного поминания, что было равносильно офиц. канонизации.

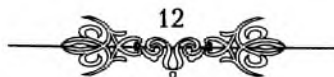
Период игуменства *Феоктиста*, продолжавшийся до янв. 1113 г., ознаменовался возведением в монастыре каменной трапезной (не сохр., известна по результатам археологических раскопок) и надвратной ц. во имя Св. Троицы. Согласно преда-

нию, храм над главными воротами Киево-Печерского мон-ря был построен на средства кн. Святослава Давидовича, принявшего постриг 17 февр. 1107 г. (см. *Николай Святоша*, прп.). После того как 12 янв. 1113 г. игум. *Феоктист* был хиротонисан митр. Никифором I на Черниговскую кафедру, Киево-Печерский мон-рь возглавил игум. Прохор (поставлен 9 февр. 1113). Новый настоятель упоминается первым среди игуменов, 2 мая 1115 г. участвовавших в торжественном перенесении мощей св. князей Бориса и Глеба. Это свидетельство дает

основание полагать, что уже в нач. XII в. Киево-Печерский мон-рь занимал 1-е место среди столичных обителей.

Ипатьевская летопись датирует смерть игум. Прохора 15 нояб. 1125 г. Его преемник игум. Тимофей упоминается в летописи под 1130 г. в связи с решением ростовского тысяцкого Георгия оковать раку прп. Феодосия. Согласно «Слову о поковании раце преподобнаго отца нашего Феодосия Печерского» (в КПП), для этих целей было выделено 500 гривен серебром и 50 гривен золотом.

Под 1128 г. Лаврентьевская летопись сообщает: «Преяша церковь Дмитрия печеряне, и нарекоша ю Петра, съ грехом великим и неправо» (Там же. Стб. 299). Исследователи по-разному интерпретируют это известие. П. Г. *Лебединцев*, М. Д. *Прищёлков*, Я. Н. *Щапов* относят его на счет Димитриевского мон-ря, основанного кн. Изяславом, но Голубинский, Д. Н. Слюсарёв, М. К. Каргер полагают, что речь идет о ц. св. Димитрия, располагавшейся рядом с Киево-Печерским мон-рем. Мнение о поглощении Печерской обителью Димитриевского мон-ря представляется более аргументированным. Оно основывается на свидетельстве статьи 1158 г. Ипатьевской летописи о крупных пожертвованиях в пользу Киево-Печерского мон-ря, сделанных кн. Ярополком Изяславичем и его дочерью, вдовой минского кн. Глеба Всеславича. После 1128 г. сведения о Димитриевском мон-ре в источниках отсутствуют.

В списке печерских игуменов («О игуменех печерских отъ начала бывших») в качестве преемников Тимофея названы Пимен и Акидин. Однако источник этих сведений неизвестен. С 1168 г. в летописи упоминается игум. Поликарп, исполнявший важные поручения киевских князей (под 1170, 1171), а также участвовавший в торжественной встрече в Киеве смоленского кн. Романа Ростиславича (под 1174). После кончины игумена летом 1182 г. в обители произошли волнения: братия не могла выбрать нового настоятеля. Только после общего молебна в Успенском соборе было принято единодушное решение: «Послемся к Васильеву попови на Шьковицу, абы была намь игоумень и оуправитель стадоу черноризиць Федосьева монастыря Печерьского» (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 627). Василий был удивлен решением печерян, считая себя недостойным такой чести, но в итоге согласился. Пострижение и поставление было совершено в Киево-Печерском мон-ре митр. Никифором с участием епископов Лаврентия Туровского и Николая Полоцкого. Высокую оценку игум. Василию дает свт. Кирилл, еп. Туровский («Послание некоего старца к богоблаженному Василию архимандриту о схиме»), называя его «вторым Феодосием». В «Послании...» также содержится свидетельство, неизвестное по др. источникам, о том, что в игуменство Василия вокруг обители была возведена каменная стена.

Высокий авторитет Киево-Печерского мон-ря в обществе позволял его игуменам проводить достаточно независимую политику в отношении светских и духовных властей. Известны конфликты Киево-Печерского мон-ря с киевскими князьями Изяславом Ярославичем, Святославом Ярославичем, Святополком Изяславичем. Мон-рь сохранял определенную дистанцию по отношению к митр. Клименту Смолятичу, а при игум. Поликарпе вступил в конфликт с Киевским митр. Константином II в вопросе о постах в Господские праздники (60-е гг. XII в.). Вероятно, в 1171 г. печерский настоятель получил титул архимандрита, возглавив черное духовенство столицы в его взаимоотношениях с митрополией и великокняжеской властью. По мнению Поппе, этот титул был пожалован игум. Поликарпу К-польским патриархом Михаилом III (1170–1178), соответствующую грамоту доставил на Русь приехавший в июне 1171 г. митр. Михаил. Согласно др. мнению (напр., Шапова), инициатива учреждения архимандритии в Киево-Печерском монастыре исходила от княжеской власти.

Привлечение щедрых жертвователей и вклады богатых постриженников обеспечили Киево-Печерскому мон-рю экономическую независимость и сделали его крупнейшим собственником. Уже в период игуменства Феодосия у обители имелись собственные села и «монастырские работники». После кончины кн. Ярополка Изяславича (22 нояб. 1086) Киево-Печерский мон-рь получил права на взимание доходов с Небельской, Дереванской и Луческой волостей, а также с земель близ Киева. Вероятно, в 80-х гг. XI в. митр. Переяславский Ефрем передал обители двор в Суздале с храмом во имя вмч. Димитрия Солунского и пригородные села. На средства кн. Глеба Всеславича (600 гривен серебром и 50 гривен золотом) была возведена каменная трапезная. После его кончины (13 сент. 1118) Киево-Печерский мон-рь получил от вдовы князя 100 гривен серебром и 50 гривен золотом, а после ее кончины — 5 сел с челядью. Уже к кон. XI в. обитель имела возможность влиять на ценовую ситуацию киевского рынка, выступая в качестве серьезного конкурента местного купечества. Многочисленные бенефиции позволяли Киево-Печерскому мон-рю создавать дочерние обители — скиты (Гнилецкие пещеры). Материальный достаток позволял решать некоторые социальные задачи города. При обители существовала больница с ц. во имя св. первомч. Стефана. Каждую пятницу по распоряжению прп. Феодосия заключенные в тюрьмах получали от обители воз хлеба. Монастырь покровительствовал и бедным городским приходом.

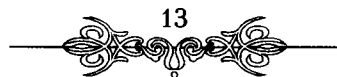
Киево-Печерский мон-рь был одним из крупнейших культурных и духовных центров Руси, школой подготовки иерархов. Только со 2-й пол. XI до нач. XIII в. ок. 50 бывш. печерских насельников занимали епископские кафедры. В стенах обители работали иконописцы, действовала мастерская по производству смальты. Уже в 60-х гг. XI в. в Киево-Печерском мон-ре не только переписывали и переплетали рукописи, но и создавали оригинальные произведения лит-ры (летописи, жития,

поучения, послания). Рассказывая о деятельности игумена прп. Феодосия, Нестор пишет: «Мъногашьды же паки великоуоумоу Никоноу седящю и делающю книги, блаженоуоумоу въ скраи того седящю и прядоущю нити еже на потребу такоуоумоу делуу».

По мнению Шапматова, летописание в Киево-Печерском мон-ре началось уже в 60-х гг. XI в. и завершилось ок. 1073 г. составлением Первого Киево-Печерского свода — «свода Никона». А. А. Гиппиус указывает на существование «Свода 1060 г.», связывая его появление с лит. деятельностью прп. Варлаама Печерского (Гиппиус А. А. К проблеме редакций Повести временных лет // Славяноведение. 2007. № 5. С. 20–44; 2008. № 2. С. 3–24). В 1093–1095 гг. в стенах Киево-Печерского мон-ря был составлен Второй Киево-Печерский свод, чаще всего именуемый Начальным сводом. Согласно Шапматову, это был 1-й общерус. летописный свод, в котором нашла отражение критика деятельности современных летописцев князей и дружинников. На нач. XII в. приходится составление летописного свода, получившего название «Повесть временных лет». Большинство исследователей считают, что его автором был монах Киево-Печерского монастыря прп. Нестор. В ПВЛ прошлое Руси помещено в контекст всемирной истории христианства.

С именем мон. Нестора связано и написание 2 ранних агиографических сочинений — «Чтения о житии и погублении блаженную страсто-терпцю Бориса и Глеба» и «Жития преподобного отца нашего Феодосия игумена Печерского». В обширном введении «Чтения...» излагаются основные вехи библейской истории человечества, представленной Нестором как борьба добра и зла. Для агиографа князья Борис и Глеб являют собой идеал христ. правителей: они набожны, милостивы к вдовицам и сиротам, покорны старшим, готовы жертвовать собственной жизнью ради других. Точное следование мон. Нестора византийскому агиографическому канону позволило С. А. Бугославскому предположить, что «Чтение...» предназначалось для «произнесения во время монастырских трапез».

ЖФ — первое из сохранившихся древнерус. житий чина преподобных. Мон. Нестор рассказывает о жизни

30-х гг. XIII в.) (см. также *Акиндин*, прп.). В стенах Киево-Печерского монастыря писались послания, поучения и мо-

*Рака с мощами
прп. Нестора Летописца.
Фотография. 2013 г.*

литвы. Так, вероятно, ок. 1069 г. прп. Феодосием было составлено послание к кн. Изяславу Ярославичу — «Слово... о ве-

и подвигах прп. Феодосия, насыщая текст живыми характеристиками печерских монахов, реалистичными изображениями быта, яркими диалогами героев. Вопрос о том, когда мон. Нестор писал «Чтение...» и ЖФ, является предметом научной дискуссии: одна часть исследователей относит составление памятников к кон. 70-х — 80-м гг. XI в. (Шахматов, Поппе, Н. М. Левитский), другая — к нач. XII в. (М. П. *Погодин*, Бугославский, А. Г. Кузьмин, Ю. А. Артамонов).

Др. старейшим памятником древнерус. агиографии было Житие прп. Антония Печерского. Ряд исследователей высказали сомнения в его существовании (Казанский, И. П. Хрущёв, Г. П. *Федотов*, Р. Д. Босли). Однако сведения Жития, заимствованные составителем Начального свода, а также ссылки на него авторов КПП свидетельствуют, что Житие прп. Антония не только существовало, но и пользовалось популярностью среди неск. поколений печерских книжников. Житие, составленное, вероятно, во время игуменства Никона (80-е гг. XI в.), повествовало о жизни и подвигах основателя Киево-Печерского мон-ря, об истории обители и о жизни некоторых выдающихся постриженников. Высказывалось мнение, что Житие писалось не в Киеве, а в Чернигове или Тмутаракани (*Розанов*. 1914).

Печерские агиографические традиции получили развитие в творчестве еп. Владимиро-Суздальского свт. *Симона* (в прошлом постриженника Киево-Печерского мон-ря) и мон. *Поликарпа*. Первому принадлежит «Слово о создании Печерской церкви» (не ранее 1222), Послание к Поликарпу с приложением 9 рассказов о печерских черноризах (между 8 сент. 1224 и 22 мая 1226); второму — Послание к игум. Акиндину и 11 рассказов о печерских монахах (нач.

ре крестьянской и о латыньской». Ему же обычно атрибутируют 8 кратких, простых по композиции поучений к братии. Терпение и любовь, пост и молитва, смирение и милостыня — таковы основные темы поучений прп. Феодосия.

Источники упоминают о существовании в Киево-Печерском мон-ре б-ки, в состав к-рой входили слав., греч., лат. и евр. рукописи.

В XII–XIII вв. многочисленных palmоников привлекали святыни обители: чудотворная икона Божией Матери, вода «из печерского кладезя»,

*Прп. Симон.
Гравюра Л. Тарасевича.
Патерик, или Отечник, Печерский.
К., 1702 (РГБ)*

мощи подвижников, рака прп. Феодосия. Само место расположения Киево-Печерского мон-ря почиталось святым, что способствовало формированию здесь обширного некрополя. В обители были погребены киевский тысяцкий Ян (Иоанн) (1106) и его супруга Мария (1091).

Исключительное значение Киево-Печерского мон-ря в истории становления рус. монашества было отмечено летописцем на рубеже XI и XII вв.: «Мнози бо манастыри от цесарь и от боярь и от богатства поставлени, но не суть тацци, кацци суть поставлени слезами, пощеньемь, молитвою, бденьемь». Говоря же о введении в обители Студийского устава, летописец замечает: «От того же манастыря переяша вси манастыре-

*Прп. Поликарп.
Гравюра. Патерик, или Отечник,
Печерский. К., 1661 г. (РГБ)*

ве уставъ: темь же почтенъ есть манастырь Печерский старей всехъ» (ПСРЛ. Т. 1. Вып. 1. Стб. 159–160). В 1240 г. Киево-Печерский мон-рь был разграблен войсками Батые, но не прекратил своего существования.

Ю. А. Артамонов
1240 — 2-я треть XIV в. Во 2-й пол. XIII — нач. XVI в. игуменами были Серапион (50–60-е гг. XIII в. — 1273), Агапит (1288), Максим (1335), Давид (до 1377 — до 1392), Феодосий (1398), Иоанн, Азарий, Варсонофий, Никифор (1434), Авраамий (17 окт. 1437), Игнатий, Николай (до 16 июня 1446 — после 1462), Макарий, Иоанн (до 1470 — после 1476), Иоасаф (с 1477(?)), Феодосий (Войнилович) (до 1 сент. 1482 — после 10 марта 1493), Филарет (Волынец) (до 23 апр. 1494 — после 25 авг. 1501), Феодосий, Сильвестр, Вассиан (до 1506 — после 1508).

Исторические свидетельства о Киево-Печерском мон-ре с сер. XIII до 2-й пол. XIV в. скудны. Кроме редких фрагментарных летописных упоми-

наний и свидетельств в различных исторических актах имеются устные предания, зафиксированные в более поздних источниках (XV–XVII вв.), а также археологические исследования кон. XX — нач. XXI в., внесшие значительные уточнения. Согласно Лаврентьевской летописи 1377 г. (свод 1305 г.), во время штурма Киева монг. воины «святую Софью разграбиша, и манастыри все, и иконы, и кресты честныя, и взя оузорочья церковная взяша, а люди от мала и до велика вся убиша мечем» (ПСРЛ. Т. 1. Вып. 2. Стб. 470). Поскольку Киево-Печерский мон-рь находился за линией городских стен, он, по-видимому, подвергся разорению в начале осады Киева, т. е. уже в сент. 1240 г. В «Синописе» настоятеля мон-ря в сер. XVII в. *Иннокентия (Гизеля)* говорится, что «нечестивые варвары овнами, или таранами, стены каменные монастырские столкши... и самую небеси подобную церковь Пресвятыя Богородицы оскверниша... верх до полуцеркви по окна повелением проклятого Батяя испровергоша, такожде и верх олтаря великого по перси иконы пресвятыя Богородицы ишца, и весь Манастырь со всеми украшениями и каменными стенами искорениша и разметаша» (К., 1836⁵. С. 125–127).

Осенью 1240 г. часть братии была убита монголами (в т. ч. сщмч. *Лукиан*); другим удалось спастись в окрестных лесах. Накануне нападения монголов на обитель монахи сумели замуровать все входы в Ближние и Дальние пещеры, благодаря чему были спасены главные святыни Киево-Печерского мон-ря: мощи святых, по-видимому, часть икон и рукописных книг (*Евгений (Болховитинов)*. 1831. С. 332). По приказу монголов в сер. XIII в. оставшиеся в живых монахи и киевляне разобрали укрепления Киево-Печерского мон-ря, включая стены (*Ивакин Г.* 1982. С. 77). Несмотря на разорения 1240 г. и последующих лет, на территории обители сохранилась каменная надвратная Свято-Троицкая ц. Богослужение в ней, очевидно, не прерывалось в течение длительного времени. Уцелела и Иоанно-Предтеченская ц., в к-рой тоже, видимо, совершались богослужения (*Он же.* 1996. С. 166, 171). Вместе с братией погибли или были уведены в рабство монастырские ремесленники. Их мастерские, расположенные за оградой Киево-Печерского мон-ря, были разруше-

ны монголами и уже больше не восстанавливались. Новые ремесленные постройки появились в обители лишь в кон. XIII–XIV в.

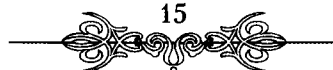
До получения в 1267 г. митр. *Кириллом II* ярлыка, освобождавшего церковных людей от уплаты налогов, монастырские облагались налогами наравне с проч. жителями Киева и часто попадали в рабство за недоимки. Прибывший в Юж. Русь в 1246 г. чиновник («сарацин») «из партии Куйюк-хана и Бату» тех из церковных людей, кто не смогли заплатить наложенную на них дань, увел в Орду (*Плано Карпини Дж., дель.* История монгалов. Рубрик Г., де. Путешествие в вост. страны. Книга Марко Поло. М., 1997. С. 57–58; и др.).

В кон. 50-х — 60-х гг. XIII в., когда Киев вновь стал местом временного пребывания Киевского митрополита (Кирилла II), началось возрождение монастырской общинной жизни на регулярной основе. Очевидно, именно в это время настоятелем Киево-Печерского монастыря стал архим. Серапион (в 1273 о нем упом. в связи с поездкой митр. Кирилла II в Сев.-Вост. Русь и поставлением Серапиона во епископа Владимирского). Фрагментарность сохранившихся источников не дает возможность установить имя его преемника, известно лишь, что в 1288 г. на похоронах владимирово-волинского кн. *Владимира (Иоанна) Васильковича* присутствовал киево-печерский архим. Агапит. В годы настоятельства архим. Серапиона укреплялись связи обители с одним из влиятельных «заднепровских» князей — вел. кн. Черниговским и кн. брянским Романом Михайловичем Старым, который вел напряженную борьбу против литовцев и правителей Смоленского вел. княжества, претендовавших на его владения. При Киево-Печерском мон-ре кн. Роман основал в своих владениях *Свенский в честь Успения Пресв. Богородицы монастырь*. Когда в кон. зимы — весной 1299 г. Киев и его окрестности подверглись особенно сильному ордынскому разорению, митр. Киевский и всея Руси Максим, как и значительная часть населения города («весь Киевъ розбежался»), покинул Киев и направился в Брянск («а митрополитъ иде ко Брянску и оттоле иде в Суждальскую землю и со всемъ своимъ житьемъ» (ПСРЛ. Т. 1. Вып. 2. Стб. 485)).

Еще одним косвенным подтверждением связей Киево-Печерского монастыря с Черниговским и Брянским княжеством может служить тот факт, что в 1335 г., при Киевском митр. *Феогносте*, в числе кандидатов «[на епископию] богоспасаемаго города Чернигова» и Брянска был архим. Максим (ПДРКП. Прил. № 7. Стб. 443–446).

Со времени Батыева нашествия и до 2-й пол. XIV в. жизнь братии была малообеспеченной и требовала значительных трудов: датируемые этим периодом землянки-кели, обнаруженные археологами в митрополичьем саду, содержат очень скромные бытовые предметы, там же были раскопаны ремесленные мастерские, по всей вероятности костореза и мастера по металлу. Часть предметов, принадлежавших печерянам, была привозной, новгородского и херсонесского происхождения (*Ивакин Г.* 1996. С. 169–171). О том, каким образом складывалась монашеская жизнь в Киево-Печерском мон-ре в правление митрополитов Феогноста и свт. *Алексия*, к-рые неоднократно пребывали в Киеве, свидетельств не сохранилось.

Посл. треть XIV — нач. XVI в. Возрождение Киево-Печерского монастыря как одного из духовных и экономических центров Православия в Юж. Руси связано с периодом правления в Киевском великом княжестве сначала в качестве отцовского наместника (до 1377), а затем и самостоятельного правителя *Владимира (Василия) Ольгердовича* (ок. сер. 60-х гг. XIV в.— 1395). Во время его княжения в каменных зданиях обители были произведены реставрационные работы, у апсид Успенского собора сделаны небольшие контрфорсы (*Беляева.* 1982. С. 104; *Ивакин Г.* 1996. С. 173). Очевидно, произведенные работы были связаны не только с временным снижением военной опасности от набегов ордынцев на Ср. Поднепровье, но и с увеличением числа паломников, приходивших на богомолье в Киево-Печерский монастырь. Возрождению популярности обители способствовало ежедневное поминание преподобных Антония и Феодосия и др. подвижников (напр., кн. Николая Святоши и Моисея Угрина) в Успенском соборе Московского Кремля (ДРВ. Ч. 6. С. 436, 438, 488) и в главных храмах епископий Сев.-Вост. Руси (РГБ. Ф. 344. № 99. Л. 53 об.).

Во 2-й пол. XIV — нач. XV в., судя по найденным на территории Киево-Печерского монастыря монетным кладам, материальное положение обители улучшилось (в нояб. 1898 в одном из горшков было обнаружено 2236 монет различного происхождения). В кон. XIV в. для хозяйственных целей были разобраны руины собора Кловского мон-ря посл. четв. XI в., разрушенного монголами, очевидно, также в 1240 г. По мнению укр. археологов, в этом принимали участие печерские монахи, по-видимому получившие право распоряжаться оставшимся от обители имуществом (Ивакин Г. 1982. С. 80–81; Он же. 1996. С. 180–181). В кон. XIV в. в крепости, построенной в Киеве на Замковой горе, было возобновлено «осадное место» (подворье на случай военной опасности) Киево-Печерского мон-ря. Оно известно по упоминаниям в источниках XVI–XVII вв. Согласно люстрации 1552 г., здесь находилось 9 дворов, принадлежавших обители. Осенью 1399 г. новым великокняжеским наместником в Киеве Литовский вел. кн. *Витовт* назначил своего ближайшего соратника и родственника кн. Иоанна Ольгимонтовича Гольшанского († после 1401). Будучи православным, этот князь поддерживал местные обители, включая Киево-Печерский мон-рь, с к-рым у его семьи установились доверительные отношения. Кн. Гольшанский стал одним из его самых щедрых вкладчиков. Киево-Печерский мон-рь пользовался вниманием его сыновей Андрея и Симеона, бывших в нач. XV в. также великокняжескими наместниками в Киеве.

В сер. авг. 1399 г., после разгрома 12 авг. на р. Ворскле войск Литовского вел. кн. Витовта и гибели киевского кн. Иоанна Борисовича, войска хана Тимур-Кутлуга и его темника Едигея подошли к городу, но штурмовать его укрепления не стали. В результате переговоров ордынцы удовлетворились получением выкупа с Киева. Он составил «3000 рублей Литовьским серебром» (ПСРЛ. Т. 25. С. 229). Благодаря условиям этого мира Киево-Печерский мон-рь не пострадал. Он заплатил ордынцам 30 р. (ПСРЛ. Т. 11. С. 174; Т. 40. С. 132).

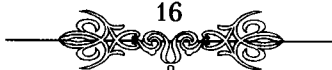
Большое внимание обители оказывала вдовствующая Литовская вел. кнг. Иулиания Александровна Тверская. По-видимому, еще до 1377 г. ее

духовником стал печерский архим. *Давид*. Позднее связям между Киево-Печерским мон-рем и Тверью способствовал его постриженник свт. *Арсений*, еп. Тверской и Кашинский.

Монастырские акты кон. XIV — XV в. и синодик 1482 г. свидетельствуют о довольно развитой структуре управления Киево-Печерского монастыря. Обитель возглавлял архимандрит, кандидатуру к-рого с посл. трети XV в. утверждал правитель Великого княжества Литовского. Он рассматривал Киево-Печерский монастырь как одно из своих держаний, разрешение на управление которым Ягеллоны могли выдать еще при жизни действовавшего настоятеля (АЗР. Т. 1. № 117. С. 143). С сер. XV в. 1-е место после архимандрита в Киево-Печерском мон-ре занимал уставник. С кон. XIV в. в управлении имуществом большую роль играл ключник («полатник»), выбиравшийся из монастырских старцев. С 40-х гг. XV в. в Киево-Печерском мон-ре известен и келарь (Грамоти XIV ст. 1974. С. 135; АЗР. Т. 1. № 46. С. 60). Появление этой должности в обители свидетельствует об определенном изменении во внутренней жизни монахов, происшедшем, очевидно, в кон. 1-й — нач. 2-й четв. XV в. Помимо келаря большую роль в управлении монастырским хозяйством играл ключник. С кон. XIV в. монах, исполнявший эту должность, также выступал как писец вкладных грамот (Грамоти XIV ст. 1974. С. 135). К кон. XV в. значение «полатника» возросло. Наряду с некоторыми др. старцами после получения вклада в обитель он имел право вписывать имена членов семьи вкладчика в синодик (*Голубев*. 1892. С. 81. Примеч. 5). В монастырских актах он указывался ранее духовника, уставника и застольников (Українські грамоти XV ст. 1965. № 3. С. 31). Кроме того, к кон. XV — нач. XVI в. относится упоминание должности наместника архимандрита. По свидетельству Киевского митр. *Фотия*, прибывшего на Русь в 1410 г., братия Киево-Печерского монастыря отличалась образованностью («по-неже сами искусни есте по языку вашему божественна писаниа и имеющее всегда и прочитающе самую тую книгу великаго Лествичника, и сего же ради убо о семь како болей не пишу», а также «весте же паки и великаго Исаака, и великаго Дорофеа, и прочих божественных отец...»).

Во время 1-го приезда в Киево-Печерский мон-рь митр. *Фотий* общался с насельниками и, по-видимому, осматривал монастырскую б-ку. Летом 1416 г. темник Едигей совершил набег на Киев, разграбил и сжег посад. Не пострадал лишь Киевский замок, расположенный на горе над Подолом. Участь киевлян разделили монахи Киево-Печерского мон-ря. Ордынцы «монастырь Печерський пограбиша и пожгоша» (ПСРЛ. Т. 25. С. 242). В поздней Густынской летописи (кон. XVI в.) отмечалось, что ордынцы «поплени Рускую землю и Киевъ и Печерский монастырь сожже и со землею соровна, яко оттоле Киевъ погуби красоту свою, и даже доселе уже не може бытии таковы» (ПСРЛ. Т. 40. С. 133). Очевидно, именно во время этого внезапного набега ордынцев могло быть утрачено большинство ранее спасенных рукописных памятников.

В Киево-Печерском мон-ре вместо общепринятого постепенно вводился общежительный устав. Этот процесс мог начаться под влиянием Киевского митр. *Фотия*, отправившего печерской братии 3 послания. Первое (авг. 1411, датировка А. И. Плигузова) и второе (на праздник Вознесения Господня, год неизв.) касаются прежде всего укрепления монашеской дисциплины. К этому времени усилилось имущественное расслоение среди братии, а авторитет настоятеля обители подвергался сомнению. В посланиях митр. *Фотий* подчеркнул важность исполнения всех монашеских заповедей («творить по преданию всего иноческаго чина и оустава»), осудил пьянство и чревоугодие, напомнил о запрете ухода из обители без разрешения настоятеля, об обязательном участии в церковных службах. Митрополита возмущало, что нек-рые печерские иноки, «называющихся тоя честныа обители, и яко забывших к Богу даннаго своего обета, и иже оумертвивших себе мирови, безъчинными пьянствы себе помрачающе, и въ смещении корчемных и со иноязычными себе смешающе въ преседании и в кощонах, и всему всегда тако подлежащих» (*Фотий*. 2005. № 14. С. 302–303). Об отношении Киево-Печерского мон-ря к попытке Литовского вел. кн. Витовта отстранить от власти митр. *Фотия* и признать вместо него митр. *Григория Цамблака*, участвовавшего в работе униат. XVI *Констанцского Собора*, прямых свиде-

тельств не сохранилось, но отсутствие имени Григория Цамблака в монастырском синодике (1482) подтверждает то, что братия Киево-Печерского мон-ря не разделяла униат. идей кн. Витовта и политики митр. Григория. Летом 1420 г., во время пребывания в Великом княжестве Литовском, митр. Фотий посетил Киев и, очевидно, Печерский мон-рь. В связи с этой поездкой святитель написал 3-е послание в обитель, в котором он вновь коснулся вопросов о необходимости соблюдения братией монашеских обетов и традиций (Там же. № 17. С. 331–336, 462–463).

В 30-х гг. XV в., во время династического кризиса и феодальной войны в Великом княжестве Литовском, Киево-Печерский мон-рь поддерживал претензии вел. кн. *Свидригайло* Ольгердовича, к-рый боролся против своего двоюродного брата Литовского вел. кн. *Сигизмунда Кейстутовича* за великокняжеский престол в Вильне. Об этом свидетельствует неск. источников. Так, в 1434 г., в период настоятельства архим. Никифора, в выходной записи писца Иосифа, переписавшего Толкования архиеп. *Феофилакта Болгарского* на Евангелия от Иоанна и от Луки, отмечалось, что это событие произошло «при самодержци литовском великом князи Швитригайле», а также «при архиепископе нашем Герасиме Киевском и всея Руси» (РНБ. Ф. 1. 73. Л. 331; *Запаско*. 1995. С. 295). Т. о., в 1432–1435 гг. Киево-Печерский мон-рь признавал и духовную власть митр. *Герасима*, кандидата, выдвинутого на Киевскую митрополию вел. кн. Свидригайло. В его жалованной грамоте (17 окт. 1437) отмечается, что в это время 1-е место в составе великокняжеской рады занимал печерский архим. Авраамий (АЮЗР. Т. 1. № 19. С. 12). Некоторые влиятельные сторонники Литовского вел. кн. Свидригайло являлись вкладчиками обители. В их числе — князья Пинские, Кобринские, Гольшанские, Друцкие и Острожские, из рода к-рых происходил печерский инок прп. *Феодор*. В кон. XV — нач. XVII в. его потомки также были вкладчиками Киево-Печерского мон-ря. Тесные отношения с обителью поддерживала и княжеская семья Слуцких-Олельковичей. В правление польск. кор. и Литовского вел. кн. *Казимира IV Ягеллончика* она смогла вернуть под свое управление Киевское великое княже-

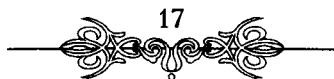
ство. Поскольку Киево-Печерский мон-рь являлся традиционным местом погребения князей Олельковичей, они жертвовали значительные средства, чтобы возродить комплекс монастырских построек. В период княжения Александра (Олелько) Владимировича (1440–1455) и его сына Симеона Александровича (1455–1470) Киево-Печерскому мон-рю пожаловали земельные владения и держания, обеспечивавшие его независимое материальное положение. Благодаря вкладам семьи Слуцких-Олельковичей был возрожден каменный Успенский собор. После 1462 г. Олельковичам удалось добиться того, чтобы архимандритом Киево-Печерского мон-ря стал близкий к ним Макарий, ранее бывший настоятелем *Слуцкого во имя Св. Троицы мон-ря* (АЮЗР. Т. 1. № 232. С. 296). В 1470 г. в связи с восстановлением Успенского собора по заказу Киевского вел. кн. Симеона Александровича «был выполнен рельеф-триптих с изображением Оранты, Антония и Феодосия». На рельефе была вырезана надпись: «Основана бысть церковь Пресвятыя Богородица Печерскаа на старом основании при великом короли Казимире благоверным князем Симеоном Александровичем отчичи Киевском при архимандрите Иоанне» (*Ивакин Г.* 1982. С. 94).

В 70-х гг. XV в. Киево-Печерский монастырь был вновь вовлечен во внутривосточную и в церковную борьбу в Великом княжестве Литовском. Поддерживая претензии слуцкого и копальского кн. Михаила Александровича Олельковича на Киевское вел. княжество, в 1470–1471 гг. братия вместе с др. киевлянами не принимала на воеводство католика пана Мартина Гаштольда, дважды подходившего к Киеву с войсками. Воспользовавшись внутренними проблемами в Ср. Поднепровье, в 1473 г. ордынцы вновь разорили окрестности Киева. Киево-Печерский мон-рь не пострадал (ПСРЛ. Т. 40. С. 138), но монастырским владениям, по-видимому, был нанесен материальный ущерб. Синодик обители 1482 г. отмечает такую категорию служилых людей, как «дворяне Пречистой Печерской» и «слоугы печерские», появление к-рых в обители в этот период связано с необходимостью защищать свои владения, а также, вероятно, с активным участием в политической жизни (*Голубев*. 1892. С. 7–8, 39). Власть над ни-

ми принадлежала архимандриту, на что польск. короли особо указывали в текстах привилеев, данных настоятелям Киево-Печерского мон-ря (Метрыка Вялікага Княства Літоўскага: Кн. 30 (1480–1546): Кн. записаў № 30 (копія канца XVI в.). Мінск, 2008. № 149. С. 220). С XVI в. известно, что во время возвращения из Вильны в Киев печерские слуги нередко выполняли функции королевских гонцов (Lietuvos Metrika: Knyga 564. 1996. N 35. S. 56). Дворянами и слугами командовал «моршалокъ Печерскій». Однако лица, находившиеся в подчинении Киево-Печерскому мон-рю, не обладали налоговыми привилегиями: они наряду с митрополитскими, епископскими и бискупскими людьми обязаны были платить «зуполное мыто» в пользу киевского Никольского кляштора и его приора (Lietuvos Metrika: Knyga 9 (1511–1518): Užrašymu Knyga 9 / Par. K. Pietkiewicz. Vilnius, 2002. N 564(25). S. 312–314).

В 1472 г., при нареченном митр. униате («электе») и Смоленском еп. *Мисаиле*, печерский архим. Иоанн стал митрополитским наместником в Киевской архиепископии. 14 марта 1476 г., при митр. Мисаиле, имя архим. Иоанна попало в послание духовных и светских лиц, адресованное папе Римскому *Сиксту IV*, с просьбой о церковной унии. Вряд ли подобные униат. симпатии настоятеля Киево-Печерского монастыря были возможны без одобрения по крайней мере части его главных ктиторов и покровителей. Слуцкий и копальский кн. Михаил Александрович Олелькович и его младший двоюродный брат бельский кн. Федор Иванович также упоминались в этом послании (*Флоря*. 2007. С. 246–248). Но уже в 1477–1478 гг. братия Киево-Печерского мон-ря вместе с др. противниками унии попыталась провозгласить нового Киевского митрополита — Галактиона (в миру Григорий Халецкий), представителя правосл. боярского рода. В отличие от митр. Мисаила имя Галактиона после его кончины было записано в синодик обители.

1481 г. датируется 1-й известный по публикациям документ К-польской Патриархии, определивший ставропигию мон-ря, — Грамота патриарха К-польского Максима (сохр. копия в рус. пер., внесена в Луцкие земские книги 4 июня 1670 по просьбе архим. Иннокентия (Гизеля) —

АрхЮЗР. 1859. Ч. 1. Т. 1. № 1. С. 1–3). Однако совр. исследователи оспаривают подлинность этого документа (*Русакова Ю. М.* Неавтентичні документи Києво-Печерського мон-ря XVI–XVII ст.: Текстологія та поземельний аспект побутування: АКД. К., 2008. С. 3).

В 1481 г. в Киеве были казнены участники заговора против польского кор. Казимира IV Ягеллончика князя Михаил Александрович Олелькович и И. Ю. Гольшанский, которые, так же как и сбежавший в Москву кн. Ф. И. Бельский, входили в число крупных вкладчиков Киево-Печерского мон-ря. Они поминались в обители на богослужениях, причем первые два как «оубиенные». О политической ориентации Киево-Печерского мон-ря в эти годы свидетельствует текст синодика 1482 г., в одной из первых статей к-рого («Помяни, Господи, князи наших великих») наряду с Литовскими вел. князьями из рода Гедиминовичей записаны поименно все Московские вел. князья, начиная со св. блгв. вел. кн. *Даниила Александровича* (Там же. С. 6–7). В сент. 1482 г. Киево-Печерский мон-рь был разорен во время захвата Киева и его окрестностей войсками крымского хана Менгли-Гирея. Многие жители были взяты в плен. В предисловии к синодику 1482 г. отмечалось, что ордынцы «Божественую церковь опустоши, и вся святая книга, и иконы пожгоша». Очевидно, это произошло уже 1 сент., когда ордынцы подошли к Киеву (ПСРЛ. Т. 12. С. 215). Но вскоре часть монашеской братии была выкуплена, т. к. писец отмечает, что он начал писать синодик «по днехъ неколиких изъ ихъ поганства изшедше...». При обороне обители погибло несколько слуг. Для вечного поминания в синодик в 1482 г. были вписаны «слоугы печерьский от тотарь, Коунецъ и товарищи его, побиты: Кондрата, Ефрема, Андреа, Сергеа, Никона, Исидора, Игнатиа, Мефедиа» (*Голубев.* 1892. С. 2, 39). Киево-Печерский мон-рь восстанавливался трудами архим. Феодосия (Войниловича). При нем и его преемниках в обители, по-видимому, работали Феодор Иконник и «моураль» Фома. Члены их семей были внесены в монастырский синодик (Там же. С. 21, 37). В кон. 90-х гг. XV в. (после 1494/95) была разобрана монастырская трапеза 1-й трети XII в., к-рая пострадала во время ра-

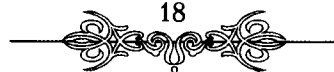
зорения обители в сент. 1482 г. У сев. стены Успенского собора была построена небольшая часовня-усыпальница (*Івакін Г.* 1996. С. 171, 174).

В кон. XV — нач. XVI в. в Киево-Печерском мон-ре ощущались экономические последствия набегов ордынцев в 1482 и 1497 гг. Каменное строительство, реставрация зданий и частая смена настоятелей подорвали материальное положение обители. Тем не менее развитие Киево-Печерского мон-ря способствовало поддержке его высокого духовного авторитета. Так, в 1498 г. новгородский воевода пан Александр Ходкевич, сын умершего в крымском плену киевского воеводы Ивана Ходкевича, при поддержке митр. *Иосифа II (Солтана)* основал в своих владениях в Подляшье *Супрасльський мон-рь*. Его первыми насельниками стали выходцы из Киево-Печерского монастыря, которые посвятили приделы главного монастырского собора прп. Феодосию Печерскому и святым Борису и Глебу.

Землевладение. В XIII–XV вв. Киево-Печерский мон-рь постепенно становится одним из самых крупных церковных землевладельцев Ср. Поднепровья. Власти обители добились, чтобы в сер. XIII — кон. XIV в. им были переданы загородные Зверинецкий мон-рь, пещеры которого до XVII в. иногда использовались для захоронений, а также Стефаниев Пресв. Богородицы Влахернской на Клове мон-рь. В сер. XII — кон. XV в. печерский наместник управлял и Златоверхим Михайловским монастырем. Кроме того, печерской братии вплоть до кон. XV в. принадлежал значительный участок земли на Угорской горе в Киеве, где была похоронена мать прп. Феодосия. Такое близкое соседство с Киево-Печерским мон-рем не нравилось братии расположенной здесь же киевской Николо-Пустынской обители, к-рая в итоге добилась от печерского архимандрита продажи ей этого участка земли. Вскоре Киево-Печерский монастырь получил рядом новое земельное владение. Этот случай вызвал протест властей Николо-Пустынского мон-ря. Они обратились к кор. Сигизмунду I Старому и попросили его настоять на выкупе этой вотчины у Киево-Печерского мон-ря. В нач. XVI в. смежные владения обеих монастырей находились недалеко от Киева, за Днепром (АЮЗР. Т. 1. № 48. С. 37).

О владениях Киево-Печерского монастыря до 1482 г. сохранилось мало известий в источниках, т. к. в сент. 1482 г., когда «было у Киево-Божие зневоление», многие «записы предковъ» его вкладчиков «погорели зъ ихъ печатями» (АЗР. Т. 1. № 111. С. 130). Ок. 1459 г. кн. Юрий Симеонович Гольшанский подтвердил права мон-ря на владение землями и оставил в его подчинении людей. Ранее по грамоте эти пожалования обители сделал его дед, киевский наместник (после 12 авг. 1399) кн. Иоанн Ольгимонтович Гольшанский († после 1401). «Сидевшие на земле» люди Иванишевичи были обязаны давать годовую дань «св. той Богородици Печерской... у Глуской волости» размером в меру меда и один рубль «грошей Литовскихъ», а в Поречье Андрей «зъ землею и зъ данью» платил полмеры меда и полтину «грошей Литовская» (АЗР. Т. 1. № 72. С. 92).

Внук Литовского вел. кн. Ольгерда кн. Андрей Владимирович, приезжавший в 1446 г. в обитель на богомолье, по примеру своих ближайших родственников также делал земельные вклады в пользу Киево-Печерского мон-ря. Первоначально нек-рые из них, очевидно, принадлежали обители на распространенном в XV в. праве держания. Так, напр., во время правления в Киеве его старшего брата вел. кн. Александра (Олелько) Владимировича и его сына вел. кн. Симеона Александровича в имении Остр архимандрит Киево-Печерского монастыря на условном праве держал с. Чернин (АЗР. Т. 1. № 77. С. 98). Пожалования кн. Андрея Владимировича лишь позднее отошли властям обители. 1 дек. 1532 г. кн. Алексей Лахтынович и его мать кнг. Маруха за обязательство включения их имен и имен их родственников в помянник отдали обители Печерский двор с сельцом («вески») Печерским «зъ частью моею сноповою и грошовою, зо всеми моими доходами», с землями, а также с людьми (АСЗР. Т. 2. № 13. С. 11). Владения находились возле дороги в Могилёв. Ранее двор принадлежал кн. Андрею Владимировичу (АЗР. Т. 1. № 46. С. 59–60). Вероятно, появление у Могилёва таких географических топонимов, как двор Печерский и одноименное сельцо, могло быть связано с деятельностью властей Киево-Печерского мон-ря. Данный вывод косвенно подтверж-

дают названия некоторых владений обители, расположенных на Чернигово-Северской земле. Так, в Посемье находилась Печерская волость, в которой располагался Печерский *Путыльский Молченский в честь Рождества Пресв. Богородицы мон-рь*. Помимо нее на Северщине Киево-Печерский мон-рь имел владения под Стародубом и Новгородом-Северским (*Русина*. 1992; *Она же*. 1998. С. 23, 136, 152–156). Часть этих владений ок. 1496–1500 гг. была пожалована новгород-северским кн. Василием Ивановичем Шемячичем и стародубским кн. Семеном Ивановичем Можайским (*Каштанов С. М.* О взаимоотношениях Киево-Печерского мон-ря с правительством царя Федора Ивановича в 1585 г. // *ИА*. 2005. № 1. С. 175–188). После вхождения этих земель в состав Московского гос-ва в нач. XVI в. власти не стали лишать Киево-Печерский мон-рь владельческих прав на эти монастырские вотчины, сначала разрешив монахам собирать здесь церковную дань, а в кон. XVI в. заменив ее стабильным доходом в 50 р. из своей казны (*Там же*. С. 177, 195).

В 1488 г. Киево-Печерский мон-рь получил во владение с. Княжичи, права на к-рые были подтверждены в 1569 г. Между 1493/94 и 1499 гг. братья Полозовичи подтвердили владельческое право Киево-Печерского мон-ря на $\frac{1}{3}$ земли с. Бобрица на р. Бобриск «у Васильковском обрубе». Здесь сидел человек, к-рый со 2-й пол. XV в. «дань давал в Пречистое дом полтретя ведра меду». Летом 1499 г. Киево-Печерский мон-рь вернул эту землю ее прежним владельцам в обмен на ежегодную дань в 5 ведер меда киевской меры (*Лютта*. 1999. С. 31–32).

10 марта 1493 г. в пользу Киево-Печерского мон-ря была составлена жалованная подтвердительная грамота от имени кнг. Федоры Ивановны, жены кн. Иоанна Семеновича Кобринского. В ней внучка кн. Андрея Владимировича и кнг. Марии указывала, что ранее они «записали» обители свое имение Осово вместе со всеми данями и доходами. Поскольку эта грамота была утрачена во время разорения крымцами Киево-Печерского монастыря в 1482 г., то его архим. Феодосий (Войнилович) «просиль» кнг. Федору, чтобы она вклад в обитель подтвердила «своимъ записомъ» (*АЗР*. Т. 1. № 111. С. 130).

16 марта 1486 г. др. представитель видного православного магнатского рода, вкладчик обители пан Юрий Иванович Зиновьевич († после 1516) вместе с супругой и детьми, «подлугъ отца своего данья и запису», подтвердил права Киево-Печерского мон-ря на «отчинное свое и дединое» с. Киселевичи, расположенное в Бобруйской волости. Согласно его распоряжению, проживавшие в Киселевичах селяне были обязаны по-прежнему давать властям Киево-Печерского монастыря «лукно уставное» меда и 100 грошей, «а возити тымъ людемъ тую дань и тые грошы, самымъ». За этот вклад монахи обещали «свечу ставити у Пречистое дому, отъ году до году, надъ гробомъ отца моего и за душу всихъ родителей моихъ, и память чинити за предковъ моихъ и за весь родъ мой, и на веки память чинити за всихъ моихъ родителей нынешнихъ и напотомъ будучихъ». На этой подтвердительной грамоте стоит печать архим. Феодосия (*АЗР*. Т. 1. № 86. С. 105–106). Киево-Печерский монастырь владел данной вотчиной в Бобруйской вол. и до осени 1524 г. собирал здесь церковную дань. 3 окт. 1524 г. паны Миколай, Михаил и Юрий Зиновьевичи, дети пана Юрия Ивановича, добились от кор. Сигизмунда I Старого выдачи грамоты и посылки в Киселевичи дворянина Грицко Павловича, который запретил представителям обители собирать дань в с. Киселевичи (*Lietuvos Metrika: Knyga 14 (1524–1529): Užrašymu Knyga 14 / Par. L. Karalius, D. Antanavicius. Vilnius, 2008. N 492(419). S. 203–204*).

23 апр. 1494 г. Литовский вел. кн. Александр Ягеллончик подтвердил права Филарета «ажъ до смерти свое» на архимандритию в Киево-Печерском мон-ре, которые ранее он получил от польск. кор. Казимира IV Ягеллончика (*АЗР*. Т. 1. № 117. С. 143).

Весной (до 29 апр.) 1506 г. кн. Михаил Львович Глинский, душеприказчик киевского воеводы кн. Дмитрия Путятича-Друцкого, для поминания умершего и его родителей отдал в Киево-Печерский мон-рь половину данников Зеремцов за р. Березиной и «устав меда», который «съ нихъ идетъ» (*АЗР*. Т. 1. № 224. С. 370).

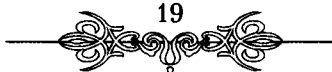
31 дек. 1506 г. кн. Алексей Львович Толочко Буйницкий (из рода князей Друцких) пожаловал Киево-Печер-

скому мон-рю двор Барсуковский «зъ даниною моею медовою и грошовою, и зов сими моими доходами, и што кеды на насъ шло», включая людей, «которые въ Добрейце» живут, и с землей («грунтомъ») Цвирковским, и «зъ тыми людьми, которые на чиншу седятъ». При этом из медовой дани в обитель должно было идти 15 пудов. Отданные люди обязывались служить Киево-Печерскому мон-рю «вечно и непорушно» (*АСЗР*. Т. 2. № 5. С. 6).

В нач. XV в. – 1500 г. часть деревень с людьми в вол. Буйгород принадлежала Киево-Печерскому монастырю, в 1503–1509 гг. сначала временно, а в 1514 г. окончательно отошла вел. кн. Иоанну III Васильевичу (*СБРИО*. 1892. Т. 35. № 75. С. 400). В 1543 г. кн. Богущ Федорович Корецкий пожаловал Киево-Печерскому монастырю с. Безрадичи (ныне Ст. Безрадичи), которое ранее выслужил его отец и вкладчик обители кн. Ф. И. Корецкий (*Лютта*. 1999. С. 32).

Согласно ревизии 1552 г., мон-рю принадлежало 20 сел и деревень, население к-рых платило церковную дань его властям (*РГАДА*. Ф. 389. Оп. 1. № 563. Л. 44 об. – 45).

С кон. XIV в. в Киево-Печерском мон-ре составлялись и заверялись частные акты. Напр., 21 нояб. 1398 г. «у Печерскомъ монастыре» полатник Филарет написал вкладную грамоту вотчинника Семена Сколково из имения Лесники. Братия за полученный ею щедрый вклад должна была поминать его ближайших предков (Грамоты XIV ст. 1974. № 72. С. 134–135). Этот факт свидетельствует о ведении в обители поминальных записей вкладчиков. Позднее они составили отдельный синодик, рукопись которого, очевидно, пострадала во время разорения Киево-Печерского монастыря в 1482 г. 16 июня 1446 г. кн. Андрей Владимирович, внук Литовского вел. кн. Ольгерда, составил в обители завещание. По этому поводу в Киево-Печерском монастыре князь советовался с женой, с архим. Николаем и «съ святыми старци, и съ своими бояры». Свидетелями в его духовной грамоте стали насельники обители: архим. Николай, уставник Иона Философ, ключник Давид, келарь Герасим и «иныхъ господаи наше старцевъ много», а также кн. Глеб Дмитриевич, бояре и слуги кн. Андрея Владимировича. Духовную князя писал

«старец Пахнотий, Лихачевъ братъ» (АЗР. Т. 1. № 46. С. 60). 16 марта 1486 г. архим. Феодосий (Войнилович) запечатал грамоту литов. магната пана Ю. И. Зиновьевича (Там же. № 86. С. 106).

Киево-Печерский монастырь как центр духовной жизни Руси.

В связи с последствиями монг. нашествия (1240) и установившегося ордынского ига (1242–1480), которое сопровождалось многочисленными набегами на Киев и Ср. Поднепровье, сохранилось не так много источников, свидетельствующих о Киево-Печерском мон-ре в XIII–XV вв. Одними из главных являются синодики ц. в честь Введения во храм Пресв. Богородицы и Киево-Печерского мон-ря, к-рые содержат сведения об обители как о духовном центре Руси.

В сер. — 2-й пол. XIII в. в отличие от киевского Выдубицкого во имя арх. Михаила мон-ря Киево-Печерская обитель в основном поддерживала связи не с галицко-волыньскими Романовичами, а с черниговскими Ольговичами. Этот факт наглядно объясняет то, что в Галицко-Волыньской летописи не упоминается Киево-Печерский мон-рь после разгрома монг. царевичем Батыем Киева в 1240 г. (ср.: ПСРЛ. Т. 2. Стб. 784–786). Отсутствие сведений о нем в др. летописях, вероятно, косвенно свидетельствует о том, что с сер. XIII в. влияние Киево-Печерского мон-ря на духовную жизнь распространялось не далее пределов Ср. Поднепровья. В 50–60-х гг. XIII в. обитель, очевидно, наладила тесные связи с митр. Кириллом II. Возможно, с его разрешения в ее подчинение перешли земли уничтоженной в 1240 г. монголами братии киевского Зверинецкого мон-ря.

О тесных контактах Киево-Печерского мон-ря и митр. Кирилла II свидетельствует карьера настоятеля обители игум. *Серапиона*, рукоположенного во епископа Владимирского. Проповеди еп. Серапиона получили широкое распространение в Сев.-Вост. Руси. Упоминание в синодиках Киево-Печерского мон-ря митрополитов *Алексия*, *Пимена*, *Дионисия* и *Ионы*, а также отсутствие в них имен *Феодорита* и *Романа* свидетельствуют о том, что в XIV в. власти Киево-Печерского мон-ря сочувственно относились к идее сохранения общерус. митрополии и выступали против ее разделения.

Собор Киево-Печерских святых. Литография. 1893 г. (ГЛМ)

Значение Киево-Печерского монастыря как духовного центра, объединившего все земли Руси, увеличивается во 2-й пол. XIV в. Прежде всего это было связано с правлением в Киевском вел. княжестве Владимира (Василия) Ольгеровича и с частым пребыванием в Киеве митр. *Киприана*.

Судьба рукописной б-ки обители после 1240 г. остается неизвестной. В описи церковного имущества, составленной в Киево-Печерском монастыре в 1594 г., отмечено всего 90 рукописей, нек-рые были позднейшими вкладами. Основная часть б-ки погибла во время разорений мон-ря в 1240 г., нач. XIV в., 1416 и 1482 гг., а также пожаров XVII — нач. XVIII в. (прежде всего 1713 г.). Несомненно, что в 1240 г. монахами обители в Ближних и Дальних пещерах были сохранены часть комплектов богослужебных книг, патристические сочинения и КПП.

Разорение Киева в 1299 г. и ордынские набеги на него в 1-й пол. XIV в. не способствовали развитию в обители книгописания. Утверждение Л. А. Ольшевской и С. Н. Травникова о переписке в Киеве в 1317 г., в правление кн. Иоанна I Даниловича Калиты и митр. Петра, списка КПП (Древнерус. патерики. С. 309), основанное на полууставной записи, сохранившейся на нижних полях листов 1–13 в списке данного источника в рукописи кон. XV — нач. XVI в. (РНБ. Ф. 893. № 9. 4. 130), ошибочно из-за ее явного фальсификационного характера и более позднего происхождения, чем сама рукопись (*Конявская Е. Л.* Очерки

по истории тверской лит-ры XIV–XV вв. М., 2007. С. 202).

Известные исследователям выходные записи писцов указывают, что по крайней мере с кон. XIV в. в обители работали неместные каллиграфы. Очевидно, благодаря деятельности Литовской вел. кнг. Иулинии Александровны, митр. Киприана и Тверского еп. Арсения были заложены тесные книжные связи между Киево-Печерским мон-рем и Тверью. Так, напр., 21 марта 1406 г. в Твери была закончена переписка наиболее раннего пергаменного списка Арсеньевской редакции КПП с рукописи, по-видимому взятой ранее из Киево-Печерского монастыря. В выходной записи писца отмечается, что это событие произошло «на память святого отца Якова», когда «созданы быша книги сия при благовернем великом князи Иване Михайловиче замышлениемъ боголюбиваго епископа Арсения Тферьскаго» (*Вздорнов Г. И.* Искусство книги в Др. Руси: Рукописная книга в Сев.-Вост. Руси XII — нач. XV в. М., 1980. № 23).

А. П. Визирь считает, что в 1455 г. в Киево-Печерском мон-ре была переписана «Лествица» прп. *Иоанна Лествичника* (*Визирь*. 1976. С. 64). В 1460 г., при архим. Николае, согласно выходным записям писцов, для присланного ранее из Москвы митрополитчьего наместника в Киеве Акакия «повелениемъ инока Касияна, крилошанина Печерьского» была написана Акакиевская редакция, а к 10 апр. 1462 г. монахами Касианом и Иоанном закончена Касиановская 2-я редакция КПП. Уже в посл. трети XV в. обе эти редакции получили распространение в Сев.-Вост. Руси. В 1474 г. в Киево-Печерском мон-ре был переписан значительный по объему «Златоструй», включавший Слова и поучения свт. Иоанна Златоуста. Кодекс был написан книжным полууставом, типичным для Сев.-Вост. Руси (РГБ. МДА. Фунд. Ф. 173/1. № 43. 2°. 672 л.). В XVI в. эта рукопись попала в б-ку Троице-Сергиева мон-ря.

Из ризницы Киево-Печерского монастыря происходит синодик, написанный по благословению архим. Феодосия (Войниловича), после разорительного набега на Киев войск хана Менгли-Гирея в 1482 г. (в 8°. 266 л.). Первые 126 листов синодика были написаны поздним уставом, а листы 127–215 имеют позднейшие добавления (1483 — кон.

XVI в.) (ср.: *Голубев*. 1892. С. I–XIV; *Де-Витте*. 1910. С. 2–7; *Запаско*. 1995. С. 63). В предисловии синодика, объясняющем причины его написания, отмечается, что мн. «святыя книги» погибли во время разорения обители крымскими татарами (*Голубев*. 1892. С. 2).

В число рукописных книг Киево-Печерского монастыря, которые не были переписаны в местном скриптории, но впоследствии стали образцами для новых списков, входили пергаменные «Лаврское» Евангелие-апракос 80-х гг. XIV в. (датировка А. А. *Турилова*), бумажный Пролог нач. 50-х гг. XV в. (*Бульчев*. 2002. С. 23–24. Примеч. 45), пергаменный Служебник 1462 г. из Пскова (поступил в б-ку обители в 1732), Толковая Псалтирь до 1492 г. из Витебска (*Визирь*. 1976. С. 64–65). Кроме того, в Баварской гос. б-ке хранится пергаменное Евангелие 1492 г. Оно было написано по повелению молдав. господаря Стефана III Великого диак. Феодором «въ Нямецком монастыре» и вложено в ц. Успения Пресв. Богородицы «града Хотинскаго» (Монас. slav. 1). Впосл. рукопись стала собственностью буд. Киевского митр. Петра (Могила), к-рый в 1637 г. вложил ее в Киево-Печерский монастырь (*Строев*. С. Описание памятников славяно-рус. лит-ры, хранящихся в публичных б-ках Германии и Франции, со снимками из рукописей. М., 1841. С. 31–32; *Демкова Н. С.* Древнерусские рукописи в нек-рых собраниях ФРГ // ТОДРЛ. 1983. Т. 37. С. 377–378).

Синодики Киево-Печерского монастыря дают основание считать, что в XV в. обитель по степени своего влияния на духовную жизнь средневековой Руси могла сравниться лишь с Троице-Сергиевым мон-рем. В числе паломников и вкладчиков Киево-Печерского монастыря была военно-служилая знать и духовная элита не только Ср. Поднепровья, но и всего Великого княжества Литовского, а также Русского гос-ва.

В кон. XIV — нач. XVI в. среди правосл. литовских князей прежде всего следует выделить покровителей обители — князей Слуцких-Олельковичей и Пинских, потомков вел. кн. Владимира Ольгердовича, их родственников по женской линии — князей Гольшанских, Трабских и Острожских, имевших ряд владений в Полесье и Ср. Поднепровье. Помимо Острожских Киево-

Печерскому монастырю покровительствовали такие наиболее видные князья Юго-Зап. Руси и фундаторы местных церквей и обителей, как князья Корецкие, Кобринские, Сангушко, Вишневецкие и Ружинские, в В. Поднепровье — князья Заславские (Жеславские), Мстиславские, Крошинские, Полубенские, Друцкие, Путятины, Соколинские, Прихавские, Озерецкие, Одинцевичи, Буйницкие, Вяземские и Козловские, а в Подесенье — князья Трубецкие и многочисленные потомки черниговских Ольговичей (князья Воротыньские, Мосальские, Мезецкие, Говдыревские и др.), князья Глинские. Мелкие князья и нетитулованная знать (паны, бояре, воеводы, шляхтичи, земяне, писари, сотники и др.), а также рядовые вкладчики (мещане) Киево-Печерского мон-ря, включая представителей черного и белого духовенства, происходили из Белой, Брянска, Вильны, Винницы, Владимира-Волынского, Давид-Городка, Дубно, Дубровицы, Жидичина, Житомира, Заслава, Клецка, Курска, Лопатина, Канева, Минска, Мозыря, Новгорода-Северского, Новгородка-Литовского, Острога, Пинска, Полоцка, Порецка, Пустынки, Путивля, Слуцка, Смоленска, Стародуба, Турова, Черкасс и Чернигова. Из Сев.-Зап. и Сев.-Вост. Руси — правители Москвы, их служилая знать (князья Патрикеевы, Рязанские, Ромодановские, бояре Плещеевы, дворянин М. В. Дурной из рода Сорокоумовых-Глебовых и др.), духовенство (напр., настоятель Спаского мон-ря в Заязье Ксенофонт) и горожане Москвы, Калуги, Костромы и Новгорода (*Голубев*. 1892. С. 4–88; НКПИКЗ. № 907. Синодик ц. Введения во храм Пресв. Богородицы Киево-Печерской лавры [список 2-й пол. XVII в.]).

Некрополь XI — нач. XVI в. После окончания строительства и освящения Успенского собора в 1089 г. его площадь в юж. части храма и прилегающая к нему местность в пределах обители стали одним из самых престижных некрополей Киева и его округи в кон. XI–XIX в. Первенствующую роль Киево-Печерского монастыря не смогли поколебать даже события, связанные с ордынским игом XIII–XV вв. К числу древнейших захоронений относятся мощи первых насельников, а также перенесенные в Успенский собор мощи прп. Феодосия Печерского.

На территории Киево-Печерского мон-ря также были похоронены знатные и щедрые вкладчики. Первым из них стал киевский боярин Шимон (Симон) Африканович (кон. XI в.). Помимо него в обители были похоронены такие представительные высшей киевской титулованной и нетитулованной знати, как тысяцкий и боярин Ян (Иоанн) Вышатиц (в 1106) и его жена Мария (родители прп. Варлаама), сестра Киевского вел. кн. Владимира (Василия) Всеволодовича Мономаха — Евпраксия Всеволодовна (в 1109), минский кн. *Глеб Всеславич* (в 1119), его жена кнг. Анастасия Ярополковна (в 1158), дочь владимира-волынского кн. Ярополка (Петра) Изяславича, пожаловавшего Киево-Печерскому монастырю в 1080 г. права на свои доходы в Небльской, Деревской и Луцкой волостях, а также ряд сел «около Киева», в кон. сент. 1143 г. — князь-иннок Николай Святоша и др.

При изучении Успенского собора археологами было найдено 13 шиферных саркофагов, относящихся к древнерус. периоду. О существовании до 1941 г. еще 2 саркофагов известно по плану М. М. Захарченко. Кроме того, в 1961 г. один саркофаг был найден за Успенским собором. Всего в них были похоронены не менее 9 мужчин, 4 женщин и 4 детей. Число захоронений древнерус. элиты до сер. XIII в., несомненно, было больше (*Холостенко*. 1967. С. 58–59; *Івакін Г. Ю., Балакін С. А.* Археологічні дослідження Успенського собору у 1998 р. // Археологічні відкриття в Україні 1997–1998 рр. К., 1998. С. 78–79; *Івакін В.* 2008. С. 142).

Захоронение вкладчиков практиковалось не только на территории Киево-Печерского мон-ря, Ближних и Дальних пещер, но и в некрополях сел, принадлежавших обители (Древнерус. патерики. 1999. С. 11).

Наибольшее число захоронений в Киево-Печерском мон-ре относится к XIV–XVIII вв. Они маркируются надгробными плитами, имеющими в т. ч. надписи. Точно датированные свидетельства письменных источников о захоронении в обители вновь встречаются с кон. XIV в. Так, напр., 15 окт. 1385 г. в Киеве «въ нятие и въ заточении» умер Суздальский и Нижегородский архиеп. Дионисий, поставленный в 1384 г. в К-поле на Киевскую митрополию. Он был похоронен в пещерах. Согласно источникам, восходящим к летописанию

Троице-Сергиева мон-ря, «тело же его и до ныне цело есть и нетленно» (ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. Стб. 151; Т. 25. С. 212). Для поминания его имя было внесено в монастырский синодик. Это важное свидетельство источников указывает, что в Киево-Печерском мон-ре почитание свт. Дионисия началось уже в XV в.

Кроме того, необходимо отметить, что Киево-Печерский мон-рь стал одной из усыпальниц представителей старшей ветви правившей в Великом княжестве Литовском династии Гедиминовичей. Весной 1392 г. в Киеве умерла проживавшая при дворе вел. кн. Владимира Ольгердовича вдовствующая вел. кнг. Иулиания Александровна, дочь св. блгв. вел. кн. Владимирского и Тверского *Александра Михайловича*. Она была 2-й женой Литовского вел. кн. Ольгерда. Перед смертью вел. кнг. Иулиания Александровна приняла монашеский постриг с именем Марина, «положена бысть в Печере на Кыеве» (ПСРЛ. Т. 25. С. 219). Впосл. ее гробница находилась в Успенском соборе (*Ивакин Г.* 1996. С. 175). В 1396 г. на пиру на митрополичьем дворе у Св. Софии в Киеве наместник митр. Киприана монах «з Афонской горы» Фома (Изуфов) отравил Киевского вел. кн. Скиргайло (Иоанна) Ольгердовича. Его похоронили «подле гроба Федосия Печерьчкого» (ПСРЛ. Т. 35. С. 65, 159; Т. 32. С. 71, 147; *Ивакин Г.* 1996. С. 175). В кон. 1398 г. и не позднее авг. 1399 г. в обители был похоронен бывш. правитель Киевского вел. княжества — слуцкий и копыльский кн. Владимир Ольгердович (АЗР. Т. 1. № 46. С. 59). Впосл. его гробница находилась в Успенском соборе (*Ивакин Г.* 1996. С. 175). В сер. июня 1446 г. в Киев на богомолье приезжал кн. Андрей Владимирович, сын вел. кн. Владимира Ольгердовича. 16 июня вместе с женой кнг. Марией и детьми кн. Глебом и кнж. Евдокией он посетил Киево-Печерский мон-рь, чтобы поклониться образу Божией Матери, отцам Антонию, Феодосию и «прочим преподобнымъ и богоноснымъ отцемъ Печерскимъ». Здесь княжеская семья получила благословение у архим. Николая и «у всехъ святыхъ старцевъ». Кн. Андрей Владимирович поклонился «отца своего гробу... и дядь своихъ гробомъ, и всехъ святыхъ старцевъ гробомъ въ Печере». Он «размыслихъ на своемъ сердци, колико то гробовъ, а вси тыи жили

на семь свете, а пошли вси къ Богу». Князь решил, что «помале и намъ тамо поити, где отци и братиа наша» (АЗР. Т. 1. № 46. С. 59). После 5 мая 1455 и до 25 марта 1459 г. кн. Андрей Владимирович был похоронен в Киево-Печерском монастыре. Его гроб находился в Успенском соборе (*Ивакин Г.* 1996. С. 175). В 1455 г. в обители был похоронен его старший брат — Киевский вел. кн. Александр (Олелько) Владимирович. Позднее его гробница находилась в Успенском соборе (*Он же.* 1982. С. 78; *Он же.* 1996. С. 175). Согласно «Тератургиму» 1638 г. мон. Афанасия Кальнофойского, 3 дек. 1470 г. здесь же нашло упокоение его старший сын — Киевский вел. кн. Симеон Александрович Олелькович (*Каргер.* 1958. С. 516).

Из числа влиятельных правосл. магнатов Великого княжества Литовского в Киево-Печерском мон-ре до 1486 г. был похоронен видный полочанин пан Иван Зиновьевич (АЗР. Т. 1. № 86. С. 106), а в 1506 г. — киевский воевода кн. Дмитрий Иванович Путятич-Друцкий. При жизни кн. Путятич-Друцкий не успел сделать вклад в Киево-Печерский монастырь «по своей души и тежь по души родителей своихъ, которые лежать въ монастыри Печерскомъ у Святое Пречистое въ Кыеве». Это известие источника указывает на то, что в сер. XV в. в обители также был похоронен видный сторонник Литовского вел. кн. Свидригайло Ольгердовича и член его рады — кн. Иван Семенович Путятя Друцкий (АЗР. Т. 1. № 224. С. 370; Lietuvos Metrika: Knyga 6. 2007. N 19. S. 63).

А. В. Кузьмин

Ист.: Патерик Киевского Печерского мон-ря / Изд.: Д. И. Абрамович. СПб., 1911. К., 1931; ПСРЛ. Т. 1. 2. 35. С. 23, 41, 55, 65, 72, 73, 82, 86, 102, 106, 118, 119, 138, 140, 159, 161, 186, 188, 207, 208, 230; АЗР. Т. 1. № 46. С. 59–60; № 72. С. 92–93; № 77. С. 98; № 86. С. 105–106; № 111. С. 130; № 117. С. 143; № 207. С. 355; № 224. С. 369–371; АЮЗР. Т. 1. № 48. С. 37; № 53. С. 40; № 76. С. 64–65; № 80. С. 68; № 82. С. 69; № 88. С. 73–74; № 232. С. 296; АСЗР. Т. 2. № 5. С. 6; № 13. С. 11; *Голубев С. Т.* Древний помятник Киево-Печерской лавры: (Кон. XV и нач. XVI ст.) // ЧИОНЛ. 1892. Кн. 6. Отд. 3. С. I–XIV, 1–88; АСЭИ. Т. 1. № 279. С. 200; Украинські грамоти XV ст. / Підгот. тексту, вступ. ст. і комент.: В. М. Русанівський. К., 1965. № 3. С. 30–31; Грамоти XIV ст. / Упоряд., вступ. ст., комент. і слов.-показ.: М. М. Пешак. К., 1974. № 72. С. 134–135; Lietuvos Metrika: Knyga 8 (1499–1514): Užrašymu Knyga 8 / Par. A. Balulis e. a. Vilnius, 1995. N 80. S. 126; N 83. S. 130; Knyga 564 (1553–1567): Viešuju reikalu Knyga 7. 1996. N 35. S. 56; N 68. S. 77; N 93. S. 100; Knyga 6 (1494–

1506): Užrašymu Knyga 6. 2007. N 19. S. 63–64; N 202. S. 147–148; Древнерус. патерики: Киево-Печерский патерик. Волоколамский патерик / Изд. подгот.: Л. А. Ольшевская и С. Н. Травников. М., 1999; *Русина О. В.* Мисаилове послання Сиксту IV за Синаодальним списком // Український археограф. щорічник. Н. с. К., 2002. Вип. 7. С. 281–296; *Фотий, митр. Киевский и всея Руси.* Сочинения. Книга глаголемая Фотий / Подгот. текстов: Н. А. Кобяк, А. И. Плигузов. М., 2005. № 14. С. 293–308; № 16–17. С. 321–336; *Кузьмук О. С.* Поменник Введенської ц. в Ближніх печерах Киево-Печерської лаври // Лаврський альм. К., 2007. Вип. 18. (Спецвип. 7); *Ивакина Г. Ю.* Археол. дослідження печерного комплексу Ближніх печер НКПІКЗ у 1930-х рр. // Болховітнівський щорічник, 2010. К., 2011. С. 340–362.

Лит.: *Евгеній (Болховитинов), митр.* Описание Киево-Печерской лавры с присовокуплением разных грамот и выписок, объясняющих оное, также планов лавры и обеих пещер. К., 1831; *Казанский П. С.* История правосл. рус. монашества, от основания Печерской обители прп. Антонием до основания лавры Св. Троицы прп. Сергием. М., 1855; *Шахматов А. А.* Киево-Печерский патерик и Печерская летопись // ИОРЯС. 1897. Т. 2. Кн. 3. С. 795–844; *он же.* Житие Антония Печерского и Киевская летопись // ЖМНП. 1898. Ч. 316. Март. Отд. 2. С. 105–149; *он же.* Разыскания о древнейших рус. летописных сводах. СПб., 1908. С. 257–289; *Голубинский.* Канонизация святых; *Goetz L. K.* Das Kiever Holenkloster als Kulturzentrum des vormongolischen Russlands. Passau, 1904; *Де-Витте Е. И.* Комментарий к древнейшим помяникам Киево-Печерской Лавры и киевского Златоверхого Михайловского мон-ря // ЧИОНЛ. 1910. Кн. 21. Вып. 3. Прил. С. 2–7; *Приселков М. Д.* Афон в начальной истории Киево-Печерского мон-ря // ИОРЯС. 1912. Т. 17. Кн. 3. С. 186–197; *он же.* Очерки по церк.-полит. истории Киевской Руси X–XII вв. СПб., 1913; *Пархоменко В. А.* В какой мере было тенденциозно не сохранившееся древнейшее «Житие Антония Печерского»? // ИОРЯС. 1914. Т. 19. Кн. 1. С. 237–242; *Розанов С. П.* К вопросу о Житии прп. Антония Печерского // Там же. С. 34–46; *Спаский Ф. Г.* Рус. литургическое творчество. П., 1951. С. 114–116; *Воронович Н. И.* Политическая легенда в Киево-Печерском патерике // ТОДРЛ. 1955. Т. 11. С. 96–102; *Каргер М. К.* Древний Киев. М.; Л., 1958. Т. 1. С. 11, 16–22, 26, 28, 30, 35, 47, 50, 60, 190, 234, 239–241, 374, 405, 410, 491–492, 515–517, 519; *Холостенко Н. В.* Исследования руин Успенского собора Киево-Печерской лавры в 1962–1963 гг. // Культура и искусство Др. Руси: Сб. ст. в честь проф. М. К. Каргера / Отв. ред.: М. И. Артамонов. Л., 1967. С. 58–68; *он же.* Успенский собор Печерского мон-ря // Стародавній Київ. К., 1975. С. 107–170; *Килессо С. К.* Киево-Печерская лавра. М., 1975; *Визирь А. П.* Собр. книг XV ст. в отд. рукописей ЦНБ АН УССР // Проблемы рукописной и печатной книги. М., 1976. С. 63–69; *Беллева С. А.* Южно-рус. земли во 2-й пол. XIII–XIV вв.: (По мат-лам археол. исслед.). К., 1982. С. 78, 104, 112; *Ивакин Г. Ю.* Киев в XIII–XV вв. К., 1982. С. 21, 38–44, 59–60, 61, 68, 75, 76–80, 85–87, 91, 93–99; *он же (Ивакин Г.)* Киево-Печерский мон-рь в XIII–XV вв. // Духовная культура населения Украины с древнейших времен. К., 1991. С. 9–22; *он же.* Историчний розвиток Києва XIII – сер. XVI ст. К., 1996. С. 16, 21, 29, 52, 54, 74–76, 82, 84, 87, 101, 123, 130, 134, 159, 163–181; *Козубовский Г. А., Ивакин Г. Ю.* Новый клад праж-

ских грошей вблизи Киево-Печерского мон-ря // Древняя история населения Украины. К., 1991. С. 77–86; Харламов В. А., Гончар В. Н. Хозяйственно-бытовой комплекс XIII–XIV вв. на территории Киево-Печерского заповедника // Там же. С. 67–76; Русина О. В. До питання про земельні володіння Києво-Печерського мон-ря на Лівобережжі: (За актами XVI–XVII ст.) // Український археол. щорічник. Н. с. 1992. Вип. 1. С. 300–306; она же. Сіверська земля у складі Великого князівства Литовського. К., 1998. С. 11, 23, 42, 48, 108, 152–156, 188, 197, 199; Гончар В. М. Археологічні дослідження колишнього митрополитичого саду Києво-Печерської Лаври у 1987–1988 рр. // Стародавній Київ: Археол. дослідження 1984–1989 рр. К., 1993. С. 167–185; Запаско Я. П. Пам'ятки книжкового мистецтва: Українська рукописна книга. Львів, 1995. С. 63, 295; Макарій. Історія РЦ. 1995. Кн. 2. С. 146–170; Кабанець. Історія печерської канонізації; Карпов А. Ю. Когда возник Киевский Печерский мон-рь? // Очерки феод. России. М., 1997. Вип. 1. С. 5–23; Асеев Ю. С. Успенський собор Києво-Печерського мон-ря і його значення в розвитку архітектури Київської Русі // Історія Русі — України. К., 1998. С. 61–71; Люта Т. Ю. Земельна власність Києво-Печерського мон-ря в Києві та його околиці в XVI — 1-й пол. XVII ст. // НаУКМА. К., 1999. Т. 14: Історія. С. 30–38; Івакін В. Г. Поменники як джерело з історії роду князів Вишневецьких // Просемінарії: Медієвістика. Історія Церкви, науки і культури. К., 2000. Вип. 4. С. 67–79; он же (Івакін В.). Топографія християнських погребальних пам'яток древнерус. Києва // Acta Archaeologica Albaruthenica. Мінск, 2008. Vol. 4. С. 134, 142–143; Артамонов Ю. А. Мон-рь в древнерус. городе XI — нач. XII в. // Столичные и периферийные города Руси и России в средние века и раннее новое время (XI–XVIII вв.): Докл. 2-й науч. конф. (Москва, 7–8 дек. 1999). М., 2001. С. 268–277; он же. К истории строительства Успенского собора Киево-Печерской лавры // Велика Успенська церква Києво-Печерської лаври: Слід у віках: Мат-ли міжнар. наук. конф., 1–2 жовт. 2001 р. К., 2002. С. 20–32; он же. Житие Феодосия Печерского: Проблемы источниковедения // ДГВЕ, 2000 г. М., 2003. С. 173–277; он же. «Гипотеза, выстроенная на гипотезах»: По поводу нового исслед. А. Поппэ [рец. на: Поппэ А. Студиты на Руси. К., 2011] // ВЦИ. 2013. № 1/2 (29/30). С. 361–387; Бульчев А. А. Дионисий Суздальский и его время // Архив РИ. 2002. Вип. 7. С. 7–33; Івакін Г. Ю., Балакін С. А. Поховання у саркофагах Успенського собору Києво-Печерської лаври // Праці Центру пам'яткознавства. К., 2003. Вип. 5. С. 85–103; Кузьмук О. С. Поменники у фондах НКПІКЗ // Моглянські читання, 2002. К., 2003. С. 267–273; Києво-Печерська лавра — пам'ятка історії та культури України / Отв. ред.: Е. М. Кумченко. К., 2006. С. 7–19; Бобровський Т. А. Підземні споруди Києва від найдавніших часів до сер. XI ст.: (Спелео-археол. нарис). К., 2007. С. 49–54. Рис. 29, 30; Флоря Б. Н. Исследования по истории Церкви: Древнерус. и слав. средневековье: Сб. М., 2007. С. 50–52, 69, 129, 131–132, 246, 252–253, 280, 282, 416, 487–490, 496; Білоус Н. В. Київ наприкінці XV — у 1-ї пол. XVII ст. К., 2008. С. 24, 43, 70–71, 75–76, 80, 87, 126, 194, 198–199, 223–224, 228, 230, 252, 262, 270; Поппэ А. Студиты на Руси: Истоки и начальная история Киево-Печерского монастыря. К., 2011.

Ю. А. Артамонов, А. В. Кузьмин

Нач. XVI в. — 1786 г. 4 июля 1522 г. по ходатайству архим. Игнатия и братии кор. Сигизмунд I дал разрешение на утверждение в Киево-Печерском мон-ре «общего жития» — введение общежительного устава. После кончины архимандрита до назначения его преемника монастырским имуществом должны были веждать киево-печерские старцы, а не киевские воеводы; архимандрита теперь избирала братия мон-ря вместе с представителями шляхты Киевской земли; воеводы могли посещать мон-рь лишь 1 или 2 раза в год во время праздников и не требовать больших даров. Также Киево-Печерский мон-рь освобождался от обязанности обслуживать посольские нужды, в т. ч. предоставлять подводы и лошадей (АЗР. Т. 2. С. 140–142). Подобные порядки ранее были установлены в Жидичинском во имя свт. Николая Чудотворца мон-ре, находившемся «в держанин» кн. К. И. Острожского.

В 1540 г. при участии Киевского митр. Макария кор. Сигизмунд I улаживал конфликт между архим. Софронием и братией: «...великое замешане и розницы межы архимандритом и чернцы тамошними ся деет, зачим оный монастыр у великой нерадности теперешнего часу есть, а чернцы теж послушни его

Киево-Печерская лавра.
Копия XVIII в.
с рис. А. ван Вестерфельда.
1651 г.

быть не хотят» (Голубев. 1883–1898. Т. 1. Прил. № 1. С. 2). Король направил в Киево-Печерский мон-рь своего представителя Ивана Протасовича («дворанина нашего»), который должен был выступить в роли посредника. Именно ему мон-рь передавался во временное управление. При этом Протасович получал от короля полномочия, касающиеся имущества и доходов обители: «...а тот дворанин наш, в оном монастыри мешкаючи, мает все платы, доходы, пожитки, дани и иншие живности на одно место збирати и то вцелости ховати» (Там же. С. 3). Вмеша-

тельство Сигизмунда I было вызвано тем, что настоятельство архим. Софрония сопровождалось различными злоупотреблениями с его стороны: жестоким обращением с «клирошанами, застолпниками, слугами и людьми монастырскими», к-рые в связи с этим уходили или бежали из мон-ря; использованием доходов с монастырских поместий для собственных, семейных нужд. Кроме того, уезжая куда-либо, он брал с собой различные монастырские вещи (книги, изделия из серебра, меди) и не возвращал. Вероятно, архим. Софроний не внял просьбе короля о прекращении беспорядков в обители, и тот на его место назначил нового архим. Вассиана, бывш. настоятеля минского Вознесенского монастыря (АЗР. Т. 2. № 216; Голубев. 1883–1898. Т. 1. С. 5; Описание докт-тов. 1897. С. 17–18). В кон. 1541 — нач. 1542 г. архим. Вассиану была выдана королевская жалованная грамота на управление Печерской архимандритией.

В 1551 г. во главе Киево-Печерского мон-ря был поставлен Иларион (Песочинский), избранный братией и киевской шляхтой. В 1555 г. упоминается печерский архим. Иосиф.

После кончины архим. Илариона в 1573 г. в течение некоторого времени Киево-Печерский монастырь оставался без настоятеля («архимандритство... через час нема-

лый, перво сего вакова-ло»: АрхЮЗР. Ч. 1. Т. 1. № 15. С. 65). В 1574 г. братия избрала архимандритом

Мелетия (Хребтовича-Богуринского). 10 нояб. 1576 г. по просьбе насельников и по ходатайству сенаторов и послов Киевской земли на сейме в Торуни кор. Стефан Баторий дал подтверждающую жалованную грамоту о. Мелетию на Киево-Печерскую архимандритию «до его живота» (т. е. пожизненно) и особым посланием известил об этом правосл. магнатов и шляхту. В грамоте отмечалось, что Мелетий избран печерским архимандритом братией и киевским духовенством, после чего утвержден в должности кор. Генрихом Валуа (Там же. № 14. С. 62–63).

Речь шла и о необходимости передать в управление архим. Мелетия давно принадлежащие Киево-Печерскому монастырю владения со всеми доходами на Киевской, Волынской землях и в Великом княжестве Литовском (Там же. № 15. С. 66). Кроме того, в ответ на просьбу Владимир-Волынского еп. Феодосия (Лазовского) 23 дек. 1579 г. кор. Стефан Баторий дал архим. Мелетию жалованную грамоту на управление Владимир-Волынской и Брестской епископиями (Там же. № 19. С. 119–122). 16 апр. 1580 г. он утвердил передачу Владимир-Волынской и Брестской епархии еп. Феодосием (Лазовским) киево-печерскому архимандриту (Там же. № 20. С. 123–125). Фактически между престарелым Владимир-Волынским еп. Феодосием и архим. Мелетием была заключена сделка об уступке последнему епископской кафедры со всеми владениями и с имуществом. Архим. Мелетий стал нареченным епископом и получил права на кафедру и часть доходов епархиальных владений, сохранив за собой Киево-Печерский мон-рь и его владения. 20 апр. 1580 г. архим. Мелетий вступил в управление Владимир-Волынской епархией на правах нареченного епископа и принял владения и имущество кафедры. В 1588 и 1589 гг., во время посещения Речи Посполитой (на пути в Москву и обратно в К-поль), патриархом *Иеремией II* был проведен ряд преобразований. В их числе важное место отводилось ежегодному созыву Соборов правосл. иерархов Речи Посполитой. В июне 1590 г. в г. Бресте состоялся Собор, в котором принимал участие и архим. Мелетий (Хребтович-Богуринский). В 1592 г. Иеремия II грамотой подтвердил статус Киево-Печерского монастыря как ставропигии К-польского патриарха (РГАДА. Ф. 124. Оп. 1. Д. 12).

Архим. Никифор (Тур), избранный настоятелем в 1593 г., получил привилей кор. Сигизмунда III на архимандритию со всем имуществом. Но 6 окт. 1594 г. нареченный архим. Никифор отказался приехать к митр. Киевскому *Михаилу (Рагозе)* для поставления на Печерскую архимандритию. При этом архим. Никифор писал, что Киево-Печерский мон-рь является ставропигией К-польского патриарха, а Киевский митрополит «тут жадного вряду и владзы не має» (АЗР. Т. 4. № 52. С. 76–77; АрхЮЗР.

Ч. 1. Т. 1. № 106. С. 447–448). 9 окт. 1596 г. участники унииат. Брестского Собора составили соборные грамоты о низложении противников унии — архим. Никифора и Львовского еп. Гедона (Балабана) (АЗР. Т. 4. № 109. С. 148–149; Уния в документах. 1997. С. 141–144; Описание док-тов. 1897. С. 91–92). В том же году архим. Никифор участвовал в правосл. Соборе в Бресте.

Деятельность архим. Никифора была направлена на укрепление независимости Киево-Печерского монастыря, возвращение его владений и увеличение прибыли с имеющихся земель (Описание док-тов. 1897. С. 71–75, 78–80, 93). В 1597 г. между архим. Никифором и митр. Михаилом возник конфликт по поводу спорных селений, принадлежавших монастырю. По приказу митрополита был арестован посланный в Новогрудок инок Киево-Печерского мон-ря, у него отобрали сундук с монастырскими документами (Там же. С. 93–94, 99–100). 2 дек. 1597 г. кор. Сигизмунд III выдал королевскому шляхтичу Яну Кошицу наказную грамоту, поручая ему ввести унииат. митр. Михаила во владение Киево-Печерским монастырем и монастырскими землями (села Вольница, Межилесье, Дуброва, Положевичи, Ясень, Осов, Вильча, Хоромцы, Бородичи, Иванищевичи, Доколь, Поречье и Косаричи). В грамоте говорилось, что Рагоза должен сменить в качестве настоятеля обители архим. Никифора, низложенного за отказ принять унию. Предполагавшаяся передача митрополиту-униату Киево-Печерского мон-ря стала исполнением обещания, данного Рагозе еще прежде заключения Брестской унии и призванного укрепить колеблющегося иерарха в намерении примкнуть к сторонникам унии. Действия короля нарушали установленный его предшественниками и закрепленный законодательно порядок: Киево-Печерский мон-рь находился под патронатом шляхты Киевской земли, король мог назначить архимандритом обители только кандидата, предложенного братией и шляхтой (Там же. С. 98, 103; АЗР. Т. 4. № 124. С. 177). Но намерение митрополита-униата и короля не было реализовано: монастырские имения защитили и сами владельцы, и архимандрит через своих урядников.

После кончины митр. Михаила Рагозы на кафедру вступил Ипатий Ло-

тей. 26 сент. и 2 окт. 1599 г. кор. Сигизмунд III передал в его управление Печерскую архимандритию со всеми земельными владениями и с имуществом. Король объявил, что Киево-Печерский мон-рь «на вечные времена» соединяется с «достоинством» унииат. митрополитов Киевских. Но Потее так и не удалось вступить в управление обителью (Описание док-тов. 1897. С. 104, 106). 12 окт. 1599 г. шляхтич Ян Кошиц, назначенный королем руководить передачей унииат. митрополиту Киево-Печерского монастыря и имений, прибыл вместе с оршанским ввозным Зенковичем, со шляхтичами и слугами в монастырское имение Печерск в Оршанском повете. Здесь их встретили 2 киево-печерских монаха, вооруженные казаки и могилевские мещане, к-рые не допустили в Печерск представителей короля. Киевский воевода (1559–1608) кн. К. К. Острожский не поддержал посланца.

После кончины в 1599 г. архим. Никифора настоятелем был избран игумен *Лецинского в честь Рождества Пресв. Богородицы мон-ря Елисей (Плетенецкий)*. Новый архимандрит активно боролся против передачи Киево-Печерского мон-ря и его владений Потее. 22 нояб. 1600 г. сторонники Потее по его приказу захватили монастырское имение Печерск в Оршанском повете. 21 янв. 1601 г. доходы от этого имения митрополит передал на содержание унииат. коллегии в Вильно.

На сейме 1603 г. правосл. депутаты во главе с князьями Александром и Константином Острожскими выдвинули требования офиц. признания Елисея (Плетенецкого) печерским архимандритом и закрепления за братией права последующего избрания настоятелей. Под давлением правосл. фракции кор. Сигизмунд III обратился к папе Римскому Клименту VIII с просьбой об отмене буллы о переходе Киево-Печерского мон-ря в подчинение Киевским митрополитам в связи с тем, что право патроната над обителью принадлежит не королю, а правосл. родам Речи Посполитой.

В февр. 1603 г. на Краковском сейме кор. Сигизмунд III был вынужден впервые официально подтвердить право братии Печерского монастыря выбирать архимандрита без ведома Киевского митрополита. Тем самым польск. власти признали осо-

Архим. Елисей (Плетенецкий).
Портрет. XVIII в. (НКПИКЗ)

бый, ставропигиальный статус монастыря (Жукович П. Н. Сеймовая борьба правосл. западнорус. дворянства с церковной унией (до 1609). СПб., 1901. С. 427–428). В мае 1603 г. К-польский патриарх Рафаил II утвердил ставропигию Киево-Печерского мон-ря, подчеркнув в грамоте независимость обители от Киевских митрополитов (Евгений (Болховитинов). 1831. С. 252).

В 1603 г. папа Климент VIII издал бреве, отменявшее прежнее решение, к-рым понтифик утверждал акт кор. Сигизмунда III о передаче Потею мон-ря и его земельных владений. Ранее принятое польским королем решение о передаче Киево-Печерского монастыря Потею нарушало предоставленное в 1522 г. шляхте Киевской земли право избирать вместе с братией архимандрита обители; король был вынужден подтвердить это право. Папе пришлось считаться с протестами киевской шляхты, которая на сейме Речи Посполитой решительно отстаивала свое право вместе с печерскими иноками самостоятельно избирать архимандрита. Вместе с тем понтифик потребовал от короля, чтобы тот вознаграждал униат. митрополита вместо Киево-Печерского монастыря к.-л. иным владением и в дальнейшем обеспечил передачу Печерской архимандритии лицу католич. вероисповедания (АрхЮЗР Ч. 2. Т. 1. № 5, 6. С. 40–46).

В 1605 г. архим. Елисей получил от патриарха К-польского Тимофея II грамоту с подтверждением независимости Киево-Печерского мон-ря от власти Киевских митрополитов (Евгений (Болховитинов). 1831. Приб.

№ 2. С. 171). 22 февр. 1605 г. король выдал избранному архим. Елисею (Плетенецкому) привилей на право возглавить Киево-Печерскую архимандритию (АЮЗР. Т. 2. № 17. С. 31–32). Однако почти одновременно (20 февр. 1605) Сигизмунд III отдал митр. Ипатию имения мон-ря в Великом княжестве Литовском (Там же. № 16. С. 30–31).

В 1606 г. по поручению кн. Константина Острожского архим. Елисей, борясь за права православных, участвовал в съезде под Сандомиром.

6 окт. 1612 г. митр. Ипатий Потей заявил протест в связи с отказом архим. Елисея (Плетенецкого) и братии признать его власть и присоединиться к унии. Конфликт был связан с пребыванием в Киево-Печерском мон-ре митр. Софийского грека Неофита, к-рый с согласия архимандрита и братии рукополагал для Киева священников и диаконов, освящал храмы (АрхЮЗР. Ч. 1. Т. 6. № 161. С. 411–413). В марте (апр.?) 1613 г. Потей вызвал на Трибунальный суд в Люблине представителей киевских мон-рей, в т. ч. и Киево-Печерского, в связи с их отказом признать его власть и присоединиться к унии.

В 1615–1616 гг. в Киево-Печерском монастыре по инициативе архим. Елисея, несмотря на сопротивление некоторых насельников, было восстановлено общежитие по образцу афонских мон-рей. Одновременно был учрежден просветительный кружок, целью которого было духовное и культурное обновление обители. Архим. Елисей купил оборудование типографии Балабанов в Стрягине, и в Радомысле, имении монастыря, было устроено бумажное производство. Для проповеднической и издательской деятельности архимандрит пригласил книжников и типографов (в т. ч. инока Памву (Беринду) и его брата Стефана, переводчика, проповедника и типографа мон. Тарасия (Земку), проповедника прот. Лаврентия Зизания, проповедника Захария (Копыстенского), переводчика с греч. языка мон. Иосифа (Кирилловича) и др.), составивших т. н. печерский кружок.

Не ранее 20 дек. 1616 г. в Киево-Печерском мон-ре была издана 1-я книга — «Часослов» с предисловиями архим. Елисея и архидиака Захария (Копыстенского). В 1616–1624 гг. в типографии мон-ря было подготовлено и напечатано неск. изданий: богослужебные книги (Литургиари-

он [Служебник]. К., 1620), *Кормчая книга* (Номоканон. К., 1620, 1624), Псалтирь (К., 1624), труды свт. Иоанна Златоуста (Беседы на 14 посланий св. ап. Павла. К., 1623; Беседы на Деяния св. апостолов. К., 1624), полемические сочинения: направленная против католиков и *антитринитариев* «Книга о вере» (К., 1619, 2-е, расширенное издание по сравнению с изданием в Вильне ок. 1602), «Слова на латинов» прп. *Максима Грека*. Была подготовлена антиуниат. «Палинодия» Захарии (Копыстенского). При архим. Елисее были напечатаны составленный А. Мытурой панегирик архим. Елисею «Везерунк цнот прелелебного в Боге... отца Елисея Плетенецкого» (К., 1618), «Верше на жалосный погреб Петра Конашевича Сагайдачного» Кассиана *Саковича* (К., 1622). В т. н. печерском кружке были сделаны переводы на церковнослав. язык неск. сочинений свт. Иоанна Златоуста (*Голубев*. 1883–1898. Т. 1. С. 396). Впервые в типографии Киево-Печерского мон-ря на церковнослав. языке был напечатан Анфологион. В искусно оформленных изданиях Киево-Печерского мон-ря помещались гербы меценатов и посвященные им стихи, предисловия и послесловия с описанием подготовительных работ и указанием трудившихся над книгой переводчиков, редакторов, типографов.

Архим. Елисей восстановил в Киево-Печерской обители традицию регулярных проповедей. Среди печерских проповедников 1-й четв. XVII в. известны архим. Захария (Копыстенский), иером. Тарасий (Земка), прот. Лаврентий Зизаний, инок Памва (Беринда). Ок. 1618 г. архим. Елисей основал близ Киево-Печерского мон-ря женскую обитель, устроил монашескую жизнь в учрежденном в 1622 г. общежительном Дятловицком Преображенском мужском мон-ре, в который переселилась часть печерских иноков. Когда в апр. 1619 г. в *Манявском в честь Воздвижения Креста Господня скиту* началось возведение собора, архим. Елисей передал на строительство 20 золотых.

Архим. Елисей был похоронен в монастырском Успенском соборе. 20 нояб. 1624 г. братия и киевская шляхта избрали новым настоятелем его ближайшего сподвижника архим. Захария (Копыстенского). В янв. 1625 г. на сейме Речи Посполитой в Варшаве послы запорожского казачества обратились к кор.

Сигизмунду III с просьбой об утверждении Захарии архимандритом мон-ря. 7 февр. король выдал подтверждающую грамоту. Одним из важнейших результатов трудов архим. Захарии стало сохранение за мон-рем ставропигии К-польского патриарха. 28 июля (июня?) 1626 г. по поручению архим. Захарии киево-печерский мон. Варлаам (Дизковский) отстаивал ставропигиальные права Киево-Печерского мон-ря перед Киевским митр. Иовом (Борецким), к-рый, вероятно, был инициатором получения от К-польского патриарха Кирилла Лукариса грамот об упразднении ставропигий. В итоге митрополит признал ставропигиальный статус обители.

Особое внимание архим. Захария обратил на соблюдение общежительного устава и на регулярное произнесение проповедей в обители. При нем в Киево-Печерском мон-ре была введена цензура проповедей: дозволялось говорить только тем, кто «от писаний святых умели поучати», а не от «самоумнений и странных учений». В годы настоятельства архим. Захарии число монахов увеличилось до 800. Благодаря его деятельности Киево-Печерский мон-рь стал важнейшим центром церковной жизни Юго-Зап. Руси. В марте 1627 г. архим. Захария был похоронен в Киево-Печерском мон-ре. Братия избрала архимандритом Феофана (Боярского), но кор. Сигизмунд III отказался утвердить этот выбор (*Голубев*. 1883–1898. Т. 1. С. 555–559).

6 сент. 1627 г. на сейме в Житомире, созванном соборными печерскими старцами, духовенство и миряне избрали архимандритом Петра (Могилу), «воеводича земель молдавских». Между тем 13 сент. житомирский староста римо-католик Ян Тышкевич во главе вооруженного отряда занял Киево-Печерский мон-рь, чтобы обеспечить «избрание» печерским архимандритом своего родственника — униат. свящ. Германа Тышкевича, ставленника униатского митр. Иосифа Вельямина *Рутского*. Однако, несмотря на угрозы со стороны Яна Тышкевича, братия категорически отказалась избрать архимандритом униата. 29 нояб. 1627 г. кор. Сигизмунд III грамотой утвердил Петра (Могилу) архимандритом Киево-Печерского монастыря (Там же. С. 296–297, 557).

Трудами нового настоятеля в Киево-Печерском мон-ре начались зна-

Свт. Петр (Могил),
митр. Киевский и Галицкий.
Портрет. XIX в. (НКПИКЗ)

чительные преобразования, являвшиеся частью тех реформ, к-рые святитель провел в Киевской митрополии и к-рые оказали влияние на церковную и культурную жизнь восточноправосл. мира. Деятельность свт. Петра проходила на фоне усиления позиций правосл. Церкви в Речи Посполитой — в 1632 г. при избрании на престол кор. *Владислав IV Ваза* принял обязательства соблюдать права православных.

При архим. Петре были отреставрированы и благоустроены пещеры, построены новые гробницы для мощей. Новый настоятель завершил начатый его предшественниками процесс канонизации Киево-Печерских святых. Именно он инициировал печатное издание КПП на польском языке (1635) и начал собирать сведения о «новых» чудесах печерских отцов, происходивших в пещерах. В 1638 г. эти материалы были опубликованы мон. Афанасием Кальнофойским в кн. «Тератургиме». Митр. Петр обратился к К-польскому патриарху с просьбой об офиц. прославлении печерских отцов. В 1643 г. вышел «Канон печерским святым», авторство которого, возможно, принадлежит патриаршему протосинкеллу Мелетию Сиригу. 12 янв. 1628 г. архим. Петр (Могил) обратился с посланием к московскому царю Михаилу Феодоровичу с просьбой оказать помощь обители (Там же. С. 337–338).

7 янв. 1629 г. архим. Петр издал грамоту, в к-рой требовал от братии более торжественно и величественно совершать богослужения в обители. В частности, вменялось в обязан-

ность произносить проповеди за богослужением (архим. Петр написал в 1632 подборку проповедей «Крест Христа Спасителя и каждого человека»). Также в Киево-Печерский мон-рь по образцу католич. Церкви была введена традиция совершения великопостных пассий. В 1629 г. по благословению архим. Петра в Киево-Печерской типографии вышло исправленное издание Службника, к-рое впервые сопровождалось изъяснением Божественной литургии для священников. В 1633 г. свт. Петр (Могил) ввел в обиход типографии Киево-Печерского мон-ря латинопольские шрифты. Прежде книги в монастырской типографии издавались только на церковнослав. языке кириллическим шрифтом. В 1631 г. он основал скитской *Голосеевский в честь Покрова Пресв. Богородицы монастырь* с храмом вмч. Иоанна Нового Сочавского (покровителя молдав. господарей рода Могил), передав этой обители частицу мощей святого. Заботясь об авторитете Киево-Печерского монастыря, архим. Петр ввел в титулатуру печерского архимандрита слово «Великий». О значимости монастыря в эти годы свидетельствует большое количество благотворителей; печерский инок Афанасий Кальнофойский в «Тератургиме» 1638 г. насчитывал ок. 190 имен жертвователей.

К числу важнейших начинаний архим. Петра относится организация в Киево-Печерском мон-ре школы и активная поддержка Киевского братства. 11 марта 1631 г. он вступил в число его членов, признавался старшим братчиком, опекуном и ктиторм братства. 15 июня архим. Петр составил декларацию по поводу своего намерения создать в Киево-Печерском монастыре духовную школу и пригласить в качестве преподавателей из Львова 2 ученых иноков — иером. Исая (Трофимовича-Козловского) и мон. *Сильвестра (Косова)*. Осенью 1631 г. в новооткрытую школу было набрано ок. 100 учеников. Иером. Исая стал ректором школы, мон. Сильвестр — ее префектом. При создании Киево-Печерской школы архим. Петр ориентировался на европ. (прежде всего польские) образцы. За основу обучения было положено преподавание лат. и польск. языков. О др. предметах, которые изучали в школе («свободные науки» — грамматика, риторика, диалектика, арифме-

тика, музыка, геометрия, астрономия и теология), можно судить, напр., на основании панегирика, в 1632 г. поднесенного ее учениками свт. Петру.

Школа разместилась в стенах Троицкого больничного мон-ря, расположенного на верхней территории печерской обители и пользовавшегося определенной автономией (в частности, имел отдельного игумена). При этом архим. Петр приказал перевести старых и больных монахов в др. место. Но братия не согласилась на переезд и во главе с игум. Арсением организовала сопротивление. По приказу архим. Петра игум. Арсений и др. недовольные монахи были подвергнуты телесным наказаниям и заточению, в результате чего игум. Арсений скончался.

30 дек. 1631 г. члены Киевского братства обратились к архимандриту с предложением объединить Киево-Печерскую школу с Братской и разместить новую школу в Братском мон-ре. В тот же день был подписан акт об условиях объединения школ. Тем самым преодолевался конфликт, возникший ранее в связи с появлением школы в Киево-Печерском монастыре, что вызывало недовольство киевлян, видевших в этом прямое нарушение воли почившего митр. Иова (Борецкого). Кроме того, обеспокоенность верующих вызывал латино-польск. характер обучения в Печерской школе. Решение об объединении школ утвердил митр. Киевский Исаия (Копинский).

Весной 1631 г., после кончины митр. Иова (Борецкого), протопоп А. Мужилковский, принявший постриг с именем Анатолий в Киево-Печерском мон-ре, выступил как один из кандидатов на Киевскую митрополицию кафедру. Но 28 апр. 1633 г. архим. Петр был хиротонисан во епископа с возведением в сан митрополита Киевского, Галицкого и всея Руси. После поставления на Киевскую митрополицию он оставался настоятелем Киево-Печерского монастыря вплоть до своей кончины. Исаия (Копинский) был переведен в Киево-Печерский мон-рь, где за ним был установлен надзор.

В нач. 1640 г. печерский наместник *Игнатий (Оксенович-Старушич)* во главе посольства киевского духовенства прибыл в Москву. Царю Михаилу Феодоровичу было передано прошение митр. Петра о подтверждении прежних пожалований Киево-Печерскому монастырю, помощи

в ремонте храмов обители, снабжении мон-ря богослужебными книгами. Свои просьбы митрополит обосновал тем, что мон-рь «прародители твоего всесветлого царского величества великие князи российской державы и различными изобилии украсиша». 3 апр. на приеме у царя печерский наместник Игнатий предложил основать в Москве мон-рь, в к-ром бы киевские старцы «детей боярских и простого чину грамоте греческой и славянской учили». Царю передали в дар часть мощей равноап. вел. кн. Владимира. Государь пожаловал Киево-Печерскому монастырю Месячные Минеи, денежные средства и 40 соболей. Весной 1644 г. в Москву прибыло новое посольство из Киева, которое возглавили уставщик Киево-Печерского монастыря Иринарх и архидиак. Амвросий (Быковский) (АЮЗР. Т. 3. № 60–63. С. 65–66; РГАДА. Ф. 52. Кн. 5). В числе подарков царю были «2 книги печатные в десть, одна — Беседы апостольские, другая — Деяния апостольские с Апокалипсисом». Участники посольства получили «жалование», аналогичное дарам 1640 г. Но «жалование», посланное свт. Петру, оказалось более существенным, митрополиту было отправлено «на милостину и на церковное строенье 20 сороков соболей по цене на 1000 рублей» (РГАДА. Ф. 52. Кн. 5. Л. 133, 179 об. — 180). Скончавшийся в ночь на 1 янв. 1647 г. митр. Петр, согласно завещанию, был погребен в склепе Успенского собора («Великой Церкви») Киево-Печерского мон-ря под центральной частью храма.

Поскольку должность архимандрита Киево-Печерского мон-ря была предоставлена кор. Владиславом IV лично свт. Петру (Могиле) «до его живота», братия на основании своего давнего права избрала настоятелем обители (1647–1656) игум. виленского Свято-Духова монастыря *Иосифа (Тризну)*, к-рого рекомендовал перед кончиной свт. Петр (Могиле). Иосиф (Тризна) был пострижен и воспитывался в Киево-Печерском мон-ре, хорошо знал иноческий устав, богословские науки. 25 янв. 1647 г. в его избрании приняли участие печерские монахи во главе с наместником Варлаамом (Детковским). Став печерским архимандритом, Иосиф остался настоятелем и виленского монастыря. 27 февр. 1647 г. он подписался под актом об избрании на митрополицию кафед-

ру Сильвестра (Косова) как «архимандрит печерский киевский, старший монастыря братского виленского». В июле 1651 г. архим. Иосиф вместе с митр. Сильвестром вел переговоры с польским командованием, готовившимся к захвату Киева. Вместе с представителями киевского магистрата печерский архимандрит встретился под Киевом с польским гетманом Я. Радзивиллом и просил пощадить город, не разорять монастырей, подчеркивая, что против Польши воюют только казаки, а не горожане. Киевские послы убеждали прекратить разграбление города и просили гетмана не допустить мародерства, Радзивилл пообещал выполнить их просьбу. 25 июля (4 авг.) польск. войска заняли Киев и оставались там до сент. 1651 г., когда городом снова овладели казаки.

Во время восстания под предводительством Б. М. *Хмельницкого* (1648–1654) мон-рю и его имениям был нанесен большой урон. На протяжении всего периода военных действий архим. Иосиф оставался в Киево-Печерском мон-ре, защищал его права. Так, 16 февр. 1652 г. он подал жалобу на Я. Домановского, разграбившего монастырское имение с. Вышевичи. Во время восстания в Киево-Печерском монастыре прятались некоторые польск. и укр. шляхтичи, в частности Иоаким (Яким) Ерлич из с. Коломля Волынского воеводства. В мемуарах Ерлича приводятся сведения о Киево-Печерском мон-ре сер. XVII в., указывается, что осенью 1649 г. архим. Иосиф делегировал его на сейм, созванный в Житомире по инициативе киевского воеводы А. Г. *Киселя*, выступавшего за переговоры с Хмельницким. Переговоры прошли в Киеве в кон. 1649 — нач. 1650 г. Ерлич привез на сейм письма архимандрита.

Когда 17 янв. 1654 г. киевляне признали власть московского царя и принесли присягу Алексею Михайловичу, архим. Иосиф вместе с митр. Киевским Сильвестром (Косовым) отказался отпустить слуг на принесение присяги, опасаясь мести со стороны польск. короля по отношению к правосл. духовенству Речи Посполитой. Действия архим. Иосифа также объясняются боязнью потерять обширные имения Киево-Печерского монастыря на польско-литов. землях и утратить привилегии и независимость, к-рыми Иосиф пользовался

в Речи Посполитой как шляхтич и настоятель ставропигиального монастыря. Но 19 янв. под давлением киевских казаков архим. Иосиф все же выслал своих людей к присяге,

Лавра и Печерское местечко на плане Киева. 1695 г. И. Ушаков (ЦИАЛ)

после чего московские послы передали киевским духовным властям (в т. ч. архимандриту) «жалование» от царя Алексея Михайловича.

6 июля 1654 г. архим. Иосиф отправил царю Алексею Михайловичу грамоту, в которой высказал надежду на то, что московский государь вскоре примет в подданство весь православный народ на землях Украины, а также послал книги Апостол, Апокалипсис, резной крест и частицу мощей прп. Марка Гробокопателя Киево-Печерского. Известно, что в янв. 1656 г. царь Алексей Михайлович повелел архим. Иосифу направить в Москву проживавшего в Киево-Печерском монастыре певца мон. Иосифа (Загвойского) для обучения москвичей партесному пению.

В 1653 г. Киево-Печерский мон-рь и типографию посетил Антиохийский патриарх *Макарий III*. Даже во время боевых действий типография продолжала работать. При архим. Иосифе вышли 4 крупных издания, представлявшие собой перепечатку ранее выпущенных книг (в частности, в 1653 по благословению Иосифа был издан сокращенный вариант Треника митр. Петра (Могилы)), а также неск. брошюр. Архим. Иосиф составил особую редакцию КПП. При этом он опирался на труд Сильвестра (Косова) «Патерик, или Жития святых отцов Пе-

черских» (К., 1635) и на более ранние редакции, содержавшие помимо агиографических повествований летописные сообщения.

В 1656–1683 гг. Киево-Печерский мон-рь возглавлял архим. Иннокентий (Гизель). В 1657 г. представители киевского духовенства выдвигали его на митрополичью кафедру. Но кандидатура лояльного по отношению к России архим. Иннокентия не была поддержана гетманом И. Е. Выговским, выступавшим за возвращение Гетманщины в состав Польско-Литовского гос-ва. В нач. 1658 г. на митрополичью кафедру был избран Луцкий еп. *Дионисий (Балабан-Тукальский)*.

5 янв. 1658 г. архим. Иннокентий и архим. *Иосиф (Нелюбович-Тукальский)* обратились с посланием к Алексею Михайловичу. Они предупредили государя о том, что шляхта занятого рус. войсками в ходе военных действий Новоградского воеводства враждебна царской власти и тайно сносится с литов. войском. Послание содержало просьбу снова прислать рус. войска в Пинский повет, к-рый они «напрасно оставиша». Архимандриты призывали царя принять меры к искоренению унии на белорус. землях, занятых русскими войсками (АЮЗР. Т. 4. № 51. С. 83–87).

Осенью того же года печерский архимандрит выступил против Гадячского договора, заключенного гетманом Выговским с властями Речи Посполитой, и отказался от участия в Варшавском сейме 29 апр. 1659 г., к-рый должен был ратифицировать договор. В ответ на это польск. кор. Ян II Казимир обещал передать Киево-Печерский монастырь и его владения митр. Киевскому Дионисию

(Балабану-Тукальскому). Но это решение не было осуществлено.

Со временем архим. Иннокентий стал лидером киевского духовенства, руководил его собраниями — «киевскими соборами», на которых принимались решения об отправке по-

сольств в Москву. В 60–70-х гг. XVII в. в донесениях киевских воевод в Москву он характеризовался как один из верных сторонников России среди укр. духовенства. Так, в февр. 1668 г., во время поднятого гетманом И. М. Брюховецким восстания, архим. Иннокентий не впустил мятежников в Киево-Печерский монастырь, выступив против них со всеми монастырскими людьми. Печерский архимандрит неоднократно выполнял посредническую миссию в переговорах русского правительства с гетманами.

Архим. Иннокентий не раз обращался в Москву с просьбами о защите мон-ря и об оказании финансовой помощи. В 1661 г. он писал царю о московских ратных людях, разоривших монастырские владения, прося компенсировать убытки. Весной 1667 г., после заключения Андрусовского перемирия между Россией и Польшей, он ходатайствовал перед царем Алексеем Михайловичем о том, чтобы Киев не был отдан Польше. В сер. февр. 1673 г. архим. Иннокентий с братией устроил торжественную встречу рус. армии во главе с кн. Ю. П. Трубецким, посланной из Москвы на защиту Киева.

В февр. 1669 г. царь Алексей Михайлович отправил в Киево-Печерский монастырь соболей на 500 р. и 500 золотых червонцев, а осенью того же года — деньги для окончания строительства колокольни. Печерским монахам разрешалось приезжать в Москву для сбора пожертвований раз в 4 года.

Архим. Иннокентий, руководивший монастырской типографией, принимал участие в подготовке различных изданий, в частности благословил «Патерик, или Отечник, Печерский» (1661), внес исправления

Киево-Печерская лавра. Фрагмент титульного листа Календаря, или Месяцеслова на 1727 г. 1726 г. Мастер Георгий

в сочинение архиеп. Лазаря (Барановича) «Трубы словес проповедных

на нарочитыя дни праздников» (1674). В 1672 г. архим. Иннокентий направил в Москву монахов для устройства книжной лавки и организации продажи изданий обители.

30 июля 1677 (1678?) г., после принятия унии Львовским еп. *Иосифом*

(Шумлянским), польск. кор. Ян III Собеский выдал ему привилей на Киево-Печерскую архимандритию и часть монастырских имений в Великом княжестве Литовском. В том же году печерский архимандрит подал протест в королевский суд Речи Посполитой, обвинив еп. Иосифа в незаконном присвоении титула киево-печерского архимандрита и в стремлении захватить владения обители, расположенные в Правобережной части Украины, входившей в состав Речи Посполитой. Но 10 мая 1682 г., после подтверждения перехода в унию, Львовский еп. Иосиф получил от польского кор. Яна III привилей на все имения Печерской архимандритии в Речи Посполитой (3 города, местечко и 53 села). Еп. Иосиф владел этими имениями до своей смерти и неоднократно отдавал их в аренду светским лицам. Он присвоил себе титул киево-печерского архимандрита, несмотря на то что в 1656–1683 гг. эту должность занимал пребывавший в Киеве архим. Иннокентий (Гизель). 6 февр. 1684 г., после кончины архим. Иннокентия, король вновь пожаловал архимандритию со всеми владениями Иосифу (Шумлянскому), к-рый передавал монастырские имения в аренду светским лицам, в т. ч. волынскому шляхтичу Д. Жабокрицкому.

В 1683 г. гетман И. Самойлович отправил письмо патриарху Московскому и всея Руси *Иоакиму (Савёлову)*, прося благословение на избрание нового настоятеля. Патриарх поблагодарил гетмана за обращение именно к нему, и преподал благословение на проведение выборов (АрхЮЗР. Ч. 1. Т. 5. № 54. С. 211–212). Архимандритом был избран игум. Варлаам (Ясинский). Несмотря на приглашение патриарха Иоакима приехать для поставления в Москву, игум. Варлаам был возведен в сан архимандрита архиеп. Лазарем (Барановичем). Новый настоятель дважды обращался к патриарху Иоакиму с просьбой о получении подтвердительной грамоты на архимандритию, т. к. претензии на нее предъявлял Львовский еп. Иосиф (Шумлянский). 26 февр. 1685 г. патриарх Иоаким отправил новоизбранному архимандриту утвердительную грамоту (Там же. № 58. С. 219–222).

Время управления обителью архим. Варлаамом называют «золотым веком» в истории Киево-Печерского мона-ря во многом благодаря дру-

Митр. Киевский Варлаам (Ясинский).
Портрет. XVIII в. (НКПИКЗ)

жественным отношениям архимандрита и гетмана И. С. Мазепы, к-рый взял под защиту монастырские землевладения, запрещал местной администрации вмешиваться во внутренние дела братии и защищал их от местных жителей. После того как К-польский патриарх *Дионисий IV* в согласии с другими вост. патриархами в 1687 г. утвердил переход Киевской митрополии в юрисдикцию Московского патриарха, архим. Варлаам стремился к примирению с Москвой, используя ходатайства гетмана Мазепы и заручившись покровительством главы Посольского приказа кн. В. В. Голицына. Два посольства, отправленные монастырем в Москву, имели успех. 18 янв. 1688 г. архим. Варлаам обратился к царям Иоанну и Петру Алексеевичам с просьбой о подтверждении ставропигии Киево-Печерского монастыря, которой обитель обладала прежде, находясь еще в юрисдикции К-польского патриарха. Монастырь получил статус лавры и перешел в прямое подчинение патриарху Московскому и всея Руси. Отныне избрание архимандрита проходило уже с участием и по благословению патриарха Московского.

В мае–июне 1684 г. поселившийся в обители свт. Димитрий (Савич (Туптало)) по благословию архим. Варлаама (Ясинского) приступил к работе над «Книгой житий святых». Архим. Варлаам вопреки желанию патриарха Иоакима опубликовал кн. «Венец Христов» (1688) и составленные свт. Димитрием Четвы-Минеи за 1-ю четв. года (1689), к этому изданию Варлаам написал предисловие (Л. 2–4). При архим. Варлаа-

ме в К.-П. л. было установлено празднование Соборам преподобных отцов Ближних (в 1-ю субботу по отдании праздника Воздвижения Креста Господня) и Дальних (28 авг.) пещер.

Летом 1685 г. на вдовствующую Киевскую кафедру был избран митр. *Гедеон (Святополк-Четвертинский)*. После его кончины 6 апр. 1690 г. гетман Мазепа испросил разрешение на избрание нового митрополита у царя Петра I. В июне 1690 г. на Соборе укр. духовенства и казачества архим. Варлаам был избран и 31 авг. патриархом Московским и всея Руси *Адрианом* хиротонисан в *Успенском соборе Московского Кремля* во митрополита Киевского, Галицкого и Малая России.

Митр. Варлаам вопреки пожеланию патриарха назначил на Печерскую архимандритию светского кандидата — бывшего генерального судью Михаила Вуяхевича-Высочинского. 16 нояб. 1690 г. он был единогласно избран братией на это служение и вскоре пострижен в монашество с именем Мелетий. В дек. 1690 г. патриарх Адриан отправил послание гетману Мазепе с выражением неудовольствия по поводу избрания архимандритом светского лица. Но 31 окт. 1691 г. патриарх в послании наместнику К.-П. л. Паисию извещал о позволении совершить поставление Мелетия в архимандрита (АрхЮЗР. Ч. 1. Т. 5. № 84. С. 296–298; № 96. С. 323–325). Перед кончиной Мелетий завещал лавре свои земли — Жукин, Воропаев, Буромку, Шиловичи и двор в Киеве.

29 июня 1697 г. наместником К.-П. л. был избран архим. *Иоасаф (Кроковский)*, который заботился прежде всего о строительстве и благоуукрашении храмов, а также о хозяйственной деятельности. При архим. Иоасафе было завершено возведение ц. во имя Всех святых и крепостной стены вокруг лавры, в 1700 г. на Ближних пещерах построена ц. в честь Воздвижения Честного Креста. Для Киево-Печерской типографии было построено каменное помещение и закуплено оборудование. Здесь было выпущено ок. 40 изданий, среди которых «Жития святых» митр. Ростовского Димитрия (1689–1705), КПП (1702), напестольное Евангелие (1707) и др. В лаврской типографии печатались и светские издания, напр. «Артикул воинский» (1705). В предисловии к КПП архимандрит объявлял себя сторонником реформ имп. Петра.

В кон. XVII — нач. XVIII в. в лавре проживало много воспитанников *Киево-Могилянской академии*. Указом имп. Петра I от 18 июня 1700 г. Киевский митр. Варлаам должен был

Митр. Киевский и Галицкий Иосаф (Кроковский). Портрет. XVIII в. (НКПИКЗ)

найти «из архимандритов и игуменов, или иных знаменитых иноков доброго и ученаго и благонепорочнаго жития человека, которому бы в Тобольске быть митрополитом» и дать ему неск. монахов, к-рые могли бы совершать миссионерское служение среди нехристиан. Таким миссионером стал наместник приписного лаврского Свенского мон-ря архим. *Филофей (Лещинский)*. С нач. XVIII в. почти все Тобольские, Иркутские, Казанские, Астраханские и Архангельские архиереи были выходцами из К.-П. л. Печерское монашество сыграло ведущую роль в истории «внешних миссий» в Китае и Монголии. Так, в 1719 г. иером. св. *Иннокентий (Кульчицкий)* в числе 36 монашествующих был вызван в С.-Петербург и назначен обер-иеромонахом в г. Або (Турку, Финляндия), а в 1721 г. хиротонисан во епископа «для проповеди Слова Божия и размножения ради православных восточнаго благочестия веры в Хинское государство», т. е. в Китае. Впосл. он стал 1-м епископом Иркутским, Нерчинским и Якутским.

19 окт. 1707 г. по представлению гетмана Мазепы и утверждению Петра I архим. Иосаф был избран митрополитом Киевским и всея Малой Руси, 15 авг. 1708 г. рукоположен в Успенском соборе Московского Кремля. Вскоре К.-П. л. утратила своего могущественного покровителя — гетмана Мазепу, выступившего против царя. В нояб. 1708 г. Мазепа был предан анафеме, а в 1709 г. лаврские книгоиздатели выпустили панегирик, написанный архиеп. *Феофаном (Прокоповичем)* в честь победы Петра I в Полтавской битве. Лаврская архимандрития оставалась вакантной до 20 июля 1710 г. (согласно др. данным — до 17 июня 1711), когда по благословению митр. Рязанского и Муромского *Стефана (Яворского)* архимандритом обители стал Афанасий (Миславский). При нем лаврская типография издала 7 объемных трудов: «Жития святых» (1711–1718) свт. Димитрия Ростовского, «Ифика иерополитика» (1712), напрестольное Евангелие (1712), «Катехизис» (1712), «Алфавит духовный» (1713), «Молитвословец повседневный» (1713), Календарь на 1714 г.

После кончины Афанасия (Миславского) в 1715 г. в присутствии митр. Иосафа (Кроковского) и гетмана И. И. Скоропадского архимандритом К.-П. л. был избран Иоанникий (Сенютович). На время его настоятельства приходится одно из тяжелейших испытаний лавры — пожар 1718 г. практически уничтожил типографию, нанес значительный урон храмам, особенно Успенскому собору, монастырской ризнице, архиву и библиотеке. С 1720 г. началось восстановление поврежденных пожаром сооружений и возведение новых. Царское правительство пожертвовало на ремонт 5 тыс. р. и прислало в Киев архит. Ф. Васильева. Для нужд строительства в монастырских вотчинах основали кирпичные и известняковые заводы. Со временем возрождается монастырская типография и б-ка (она находилась сначала в Успенском соборе, а с 1745 была перемещена на колокольню).

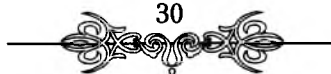
В 1721 г. по духовному завещанию скончавшегося митр. Смоленского *Варлаама (Коссовского)* в К.-П. л. была передана часть его б-ки (в т. ч. Библия «полская Вуйкова», творения свт. *Григория Богослова, Амвросия*, еп. Медиоланского, и прочие «книги полские и латинские»), бархатный «золотой» саккос и др. облачения (ОДДС. Т. 1. Прил. № 20. Стб. СХLI–СХLII). В 1722 г. постриженник К.-П. л. бывший митр. Тобольский *Филофей (Лещинский)* направил в обитель богатую ризницу с золотой и серебряной богослужебной утварью, облачениями, украшенными драгоценными камнями, но в мест. Ревяки (близ Н. Новгорода) она была разграблена (Там же. Т. 2. Ч. 2. Стб. 204–206). Бывший наместник обители архим. Варлаам (Голенковский; † 1740) передал в обитель по завещанию значительную сумму денег (Там же. Т. 5. Стб. 171–172). Среди архиереев, завещавших К.-П. л. книжные собрания — еп. Черниговский *Зосима (Прокопович)* и др.

В 10–20-х гг. XVIII в. указами Петра I в новоустроенный с.-петербургский *Александро-Невский* монастырь (впосл. лавра) из К.-П. л. направлялись иеромонахи и монахи «для пения в крылос» и др. послушаний (напр., в 1716–1720 в столичной обители служил на клиросе мон. Афанасий (Черкасов), но в июле 1723 вернулся в Киев и «за старостию и немощию» проживал в больничном Троицком мон-ре при лавре). Малороссийские иноки «не охотно ехали в Невский», а настоятели «не охотно отпускали от себя голосистых монахов, придумывая разные предлоги к их удержанию» (Там же. Т. 1. Стб. 167–168; Т. 2. Ч. 2. Стб. 369–370).

В 1-й пол. XVIII в. лавра сохраняла тесную связь с Киево-Могилянской академией: в 1715–1729 гг. здесь приняли иноческий постриг не менее 22 выпускников; лаврские монахи нередко преподавали в этом учебном заведении.

С 22 февр. 1721 г., при архим. Иоанникии (Сенютовиче), указом имп. Петра I и Синода К.-П. л. стала именоваться ставропигиальной обителью, подчиненной Синоду. При этом лаврская типография должна была состоять в ведении Синода, «от которого требовали бы повеления на печатание книг, а без повеления Синода никаких книг не печатали бы». 5 авг. 1727 г. по представлению в Сенат киевского губернатора кн. Трубецкого некий мон. Костула обвинил архим. Иоанникия в укрывательстве в монастыре 4 запорожских казаков. Архимандриту удалось оправдаться, а Костулу намеревались сослать в Соловецкий монастырь с предписанием содержать его в «тягчайших монастырских трудах». Но в итоге он находился в К.-П. л. «в крепком заключении».

После кончины архим. Иоанникия имп. указом от 28 нояб. 1729 г. лаврскую братию обязали избрать 3–4 кандидатов на пост архимандрита. Были избраны иеромонахи Роман (Копя), Варсонофий, Вассиан, Ве-

мофея (*Щербацкого*), проявившего себя энергичным администратором. При нем 25 июня 1742 г. лавра получила право по-

Вид на Киево-Печерскую лавру. Кон. XVIII в. Гравюра Л. Тамзевича

стрига монашествующих без получения предварительного разрешения Синода, лишь с донесением в Синод погодно. В 1744 г.

ниамин (*Фальковский*), *Платон (Малиновский)*. Однако фактически обязанности настоятеля К.-П. л. исполнял иером. Роман (*Копа*), как «от старейших мужей летами, заслугами и житием свидетельствованный». Но имп. Анна Иоанновна по настоянию архим. *Феофана (Прокоповича)* назначила настоятелем К.-П. л. харьковского архим. *Платона (Малиновского)*. Монахи, несогласные с назначением иером. *Платона*, отправили депутацию к императрице с прошением, «чтобы в Печерской обители *Платону* архимандритом не быть, а быть бы *Роману*». Согласно докладу Иностранной коллегии, 18 апр. 1730 г. назначение иером. *Платона* было отменено, и 12 июня архиеп. Нижегородский *Питирим (Потёмкин)* возвел игум. *Романа* в сан архимандрита. По описи 1733 г., в лавре и подчиненных ей обителях и скитах проживало 525 насельников, в т. ч. 368 монашествующих.

В окт. 1735 г. Синод по рассмотрении изданных в лаврской типографии «Календарей, или Месяцесловов» приказал отменить их печатание во избежание «нарекания и беславия духовному чину», т. к. они представляли собой «перевод с польских календарешков» с различными сведениями и астрологическими «и прочими тем подобными бреднишками», к-рые к тому же «и теми самыми астрологишками за суетна и ложна признаваемы суть и потому весьма ни к чему годны». Архим. Роман в представлениях Синоду указывал на их распространенность и разнообразие. Скончавшийся 13 сент. 1736 г. архим. Роман был погребен у зап. стены Великой церкви. 13 дек. архимандритом лавры был избран и 2 янв. 1737 г. утверждён Иларион (*Негребецкий*; † 8 янв. 1740).

17 марта 1740 г. духовный собор К.-П. л. избрал архимандритом *Ти-*

К.-П. л. посетила имп. Елизавета Петровна, она остановилась в архимандричьих покоях. Императрица пожертвовала на украшение Успенского собора 10 тыс. р.

С 1752 г. К.-П. л. возглавлял архим. Лука (*Белоусович (Билоусович)*), поддерживавший тесные связи с лаврскими постриженниками, пребывавшими в сане высших иерархов, в т. ч. с митр. Тобольским свт. *Павлом (Конюскевичем)* и еп. Нижегородским *Феофаном (Чарнуцким)*. При нем в К.-П. л. приняло монашество не менее 30 выпускников Киево-Могилянского коллегіума.

В 1761 г. состоялись последние выборы архимандрита. Мон-рь возглавил старец *Зосима (Валкевич)*. При нем были обновлены почти все церкви и колокольни как Верхней, так и Нижней территории лавры, украшен позолоченным серебром престол и жертвенник Успенского собора, раки преподобных *Антония* и *Феодосия Печерских*. Время настоятельства архим. *Зосимы* стало тяжелейшим в истории лаврской типографии. Монастырю пришлось сократить небывалый до этого объем книгопечатания (в 1765 типография ежедневно печатала 4 тыс. листов). 6 нояб. 1766 г. Синод повелел «впредь во оных типографиях печатать и в продажу употреблять одни те книги, которыя в Московской типографии с апробации Св. Правительствующаго Синода печатаются и в продажу производятся». В 1768 г. Синод обнаружил «погрешности» и несходство с московскими изданиями в напечатанных лаврой *Октоихе* и *Псалтири*. В 1769 г. несправными оказались лаврские *Шестоднев* и *Библия*. В том же году Синод запретил лавре издавать *Букварь*. Однако вопреки синодальным постановлениям в 1767 г. архим. *Зосиме* удалось напечатать *Месяце-*

слов, где упоминались Печерские святые. Продолжала издаваться и учебная лит-ра: в 1774 г. издана грамматика, в 1775 г. вышел *Букварь* для солдатских детей, в 1779 г. — *Букварь* с катехизисом.

22 авг. 1754 г. Синод в соответствии с полученным из К.-П. л. донесением приказал, чтобы по представлению обители рукоположение во диаконы и иереи из числа монашествующих лавры совершали архиепископы Киевский, Черниговский и Переяславский, а из приписных к лавре мон-рей — Московский и Белгородский. 10 окт. 1762 г. Синод постановил в *Свенский* и *Чёлнский* монастыри, приписные к К.-П. л., направлять «инвалидов» соответственно числу имеющихся в вотчинах «крестьянских мужеска полу душ», чтобы среди монастырей «одному пред другим отягощения не было» (*ПСПиР*. 1910. Т. 1. № 50. С. 48–49). В ответ на запросы Синода от 20 окт. и 22 дек. 1770 г., «по каким грамотам и дозволениям, как ставропигиальных, так и некоторых епаршеских монастырей, архимандриты имеют в церковных служениях, одни пред другими, некоторыя отличности», печерский настоятель сообщал, что архимандрит К.-П. л. «священнослужение отправлял с осеняльными свечами, рипидами, на ковре каковой Киево-Печерския лавры архимандрита священнослужение Троицкия Сергиевы лавры и ставропигиальнаго Воскресенскаго монастыря архимандритам именными указами дозволено употреблять» (*ОДДС*. Т. 50. Стб. 654, 657).

2 нояб. 1776 г. по случаю бракосочетания наследника престола вел. кн. *Павла Петровича* насельник К.-П. л. иером. *Феофан (Шиянов-Чернявский)* был отправлен в С.-Петербург с сочиненными им поздравительными речами, за что 26 февр. 1777 г. получил именной рескрипт от вел. кн. *Павла Петровича* на имя печерского архимандрита. Имп. *Екатерина II* во время визита (1787) в Киев повелела назначить иером. *Феофана* архимандритом *нежинского в честь Благовещения Пресв. Богородицы монастыря*.

В апр. 1786 г. архим. *Зосима* — последний «ставропигиальный» настоятель, возглавлявший К.-П. л. до секуляризационной реформы имп. *Екатерины II*, был переведен на покой в *Голосеевскую* пуст., по завещанию похоронен в К.-П. л.

Материальное положение и владения К.-П. л. В составленной в 1554 г. описи предметов, принадлежавших главному храму — ц. Пресв. Богородицы, упоминалась богатая серебряная утварь, иконы, покрова, книги, документы, оружие и др. («Келихов, и мисок, и ложок, и звезд сполно сосудов сребренных сем. Кадил великих сребренных тры, два великих, а трете малое. Панагий чотыры сребренных, две позлотистых а две позлоты. Чаша сребренная великая».) Среди прочего отмечены кресты «великий сребренный стоячий позлотистый» и «сребренный позлотистый скамением и сперлами добре справеный» (Описание док-тов. 1897. С. 23; *Голубев*. 1883–1898. Т. 1. С. 6).

В сер. XVI в. в Киево-Печерском монастыре, а также между монастырем (в лице его архимандрита) и представителями местной власти (киевский воевода) или шляхтичами нередко возникали конфликты (часто по имущественным вопросам). Для их разрешения иногда обращались к королю (т. к. с имений мон-ря платились налоги в гос. казну). Однако суды, как правило, тянулись годами. Эти процессы прослеживаются по документам по крайней мере с кон. 20-х гг. XVI в. Так, в 1528 г. кор. Сигизмунд I в ответ на жалобу архим. Антония на кн. Константина Феодоровича Коноплю писал, чтобы последний «не вступался в дани и доходы» имения Глушков, к-рое передал мон-рю кн. Иван Соколинский (АЮЗР. Т. 1. № 88. С. 73–74; Описание док-тов. 1897. С. 14); в 1544 г. король в связи с жалобой архим. Вассиана приказывал кн. Андрею Симеоновичу Соколинскому прекратить имущественные притязания, поскольку его покойный брат, выменяв у него «людей у Старынщине и на Глушце», записал их «на церковь Божью Пречистое Богоматери» — соборный храм мон-ря (АЗР. Т. 3. № 1. С. 1; Описание док-тов. 1897. С. 19–20).

Документы свидетельствуют о нескольких имущественных конфликтах между Киево-Печерским монастырем и светскими лицами во время настоятельства архимандритов Иосифа и Илариона (Песочинского). В 1554 г. архимандрит с братией жаловались на землянина Киевского повета Михаила Лещенского, захватившего монастырские земли «пашня и бортня и сеножатя» (Описание док-тов. 1897. С. 23); в 1555 г. на-

стоятель инициировал возбуждение дела против кн. Семена Юрьевича Гольшанского о захвате «острова Весное у монастырских крестьян-вольничан» (Описание документов. 1897. С. 24; *Голубев*. 1883–1898. Т. 1). Тогда же в связи с жалобой архим. Иосифа на маршалка Ярослава Анд-

Вход
в Ближние пещеры.
Литография В. Ф. Тимма.
1859 г.

реевича Микитинича и его брата кн. Евстафия, к-рые отняли неск. монастырских имений, было принято судебное решение. В 1558 г. архим. Иларион жаловался на «великие кривды и шкоды и грабежи» со стороны крестьян — глусских подданных «государского землянина Степана Юхновича Ванкевича» (Описание документов. 1897. С. 26). Известны также жалоба (1560) архим. Илариона королю по поводу того, что «наезды» различных лиц на монастырские имения привели к обнищанию обители и она не в состоянии исправлять «земские службы»

Вход
в Дальние пещеры.
Литография В. Ф. Тимма.
1859 г.

(поводом для жалобы послужил «наезд» кн. Семена Михайловича Соколинского на монастырское имение Старинки); королевское повеление (1561) Киевскому митр. *Сильвестру (Белькевичу)* об удволении жалобы архим. Илариона, связанной с «наездами», захватами и грабежами монастырских имений митропо-

личным наместником в Киеве, в частности, «грунтов» тетеревских крестьян, киевского Николо-Пустынского мон-ря; жалоба (1564) архим. Илариона на кн. Александра Ивановича Полубенского в связи с тем, что он не платит мон-рю дани со своих глусских имений Доколь и Поречье; жалоба (1580) архим. *Мелетия (Хребтовича-Богуринского)* по поводу отнятого у мон-ря еще в 1569 г. слуцким кн. Юри-

ем Юрьевичем Олельковичем с. Хоромцы Мозырского повета. В 1566 г. по королевскому приказанию мон-рю были воз-

вращены селения Вольница, Дуброва, Межилесье и Положевичи, отнятые Альбертом Ласким (Описание док-тов. 1897. С. 28–32, 37–41, 43–44). Менее частыми были имущественные претензии по отношению к мон-рю или к тем, кто проживали на подвластных ему землях (напр., в 1581: Там же. С. 45). Иногда виновниками конфликтов были крестьяне — подданные Киево-Печерского мон-ря. Так, в 1584 г. они вырубали и выжгли под пашню большой участок пограничного леса в имении Бегни, принадлежавшем Войцеху Старыховскому; в 1585 г. земляне Василий и Юрий Зенковичи-Тихинские жаловались на жителей монастырского с. Озераны Речицкого по-

вета за совершенный ими «наезд» на тихинское имение Зенковичей; в свою очередь архим. Мелетий (Хребтович-Богуринский) подал встречный иск о «наезде» подданных Юрия Зенковича на монастырское имение Яловец (Там же. С. 50–51).

О положении Киево-Печерского мон-ря в кон. XVI в., об увеличении его владений, о новых явлениях хозяйственной жизни можно судить на основании «заставного листа»

(1583), согласно к-рому монастырские имения находились на Киевской и Новоградской земле, в Мозырском и Оршанском поветах (Там же. С. 48, 83). В числе важных источников увеличения владений Киево-Печерского мон-ря были вклады и пожертвования. Напр., в 1579 г. воевода земли Волынской, староста Луцкий, Браславский и Винницкий завещал, чтобы его похоронили в «монастыри Пречистое Богородицы Печерском»; из 100 коп грошей, предназначенных «на оправу звыклых обходов, при погребѣ тела моего и по души моей... мает бытии дано на вечистые сорокоуст и уписы... на монастыр и Печерский Пречистую Богородицу десеть коп грошей» (АЮЗР. Ч. 1. Т. 1. С. 95–96). В кон. XVI в. Киево-Печерский монастырь был одним из важнейших центров хозяйственной жизни Киевской митрополии. Получить представление о движимом и недвижимом имуществе Киево-Печерского мон-ря в это время можно на основании описи, составленной в 1593 г., после кончины архим. Мелетия, королевским коморником Сосницким, к-рый ввел нового архим. Никифора во владение обителью и всем имуществом. В монастырском Богородицком соборе имелось много икон (Спасителя, Рождества Христова, Благовещения Пресв. Богородицы, свт. Николая Чудотворца, прор. Илии, преподобных Антония и Феодосия) в серебряных, позолоченных окладах, украшенных «золотыми монетами», дукатами и драгоценными камнями; вкладных Евангелий, серебряных чаш, лжиц, кадильниц, панагий, крестов и др. Среди книг упоминаются Часослов, Палеи, Учительные Евангелия, Псалтирь, Требник, Минеи, Цветная и Постная Триоди, Ирмологий, Патерик, сборник Маргарит, сочинения преподобных Дионисия Ареопагита, Исаака Сирина и др. (АрхЮЗР. Ч. 1. Т. 1. № 91. С. 375–389). В 1593 г. обители принадлежали обширные имения в Великом княжестве Литовском и Королевстве Польском. Среди владений Киево-Печерского мон-ря — г. Василёв с замком, местечко Радомысль с замком, 59 селений в поветах Киевском, Овручском, Луцком, Пинском, Новоград-Волынском, Мозырском и Оршанском, рыбные ловли на Днепре, рудокопный завод над р. Микой, медовые дани и другие доходы с 5 селений в Полесье, дань медовая с ко-

ролевских сел Бобруйской вол., приносившая 300 пудов меда ежегодно, и др.

С 1613 г., после смерти униатского митр. Ипатия Потея, архим. Елисей при помощи казаков возвращал монастырские земли на территории Великого княжества Литовского. В апр. 1615 г. король выдал привилей, подтверждавший права архимандрита на лаврские имения. В те же годы архим. Елисей занимался укреплением монастырского земельного фонда и его четким разграничением. В частности, 15 мая 1618 г. был подписан договор между ним и Станиславом Харлинским о границах имений Харлинского — Гостомель и Романовый Мост. Архим. Петр (Могила) также укреплял материальное положение Киево-Печерского монастыря, инициировав ряд судебных процессов с целью возвращения монастырских земель. По его благословию начался сбор пожертвований в пользу обители, на к-рые архимандрит выкупил заложенные его предшественниками церковные сосуды и облачения и приобрел новые, начал ремонтные работы в храмах и кельях. В 1633 г. вернул в подчинение киевский Николо-Пустынский мон-рь. 15 февр. 1650 г. (и 12 авг. 1653) Ян II Казимир утвердил земельные владения обители и права на приписные мон-ри. 23 апр. 1647 г. архим. Иосиф по завещанию митр. Петра (Моги-

ушавшика иером. Герасима и казначея мон. Авксентия (Устрицкого), которые должны были передать царю ходатайство настоятеля о подтверждении за обителью имений и владельческие документы в связи с посягательством на монастырские имения местных дворян. К грамоте архимандрита гетман Б. Хмельницкий присоединил сопроводительное письмо от 28 июля 1654 г., в котором просил царя удовлетворить это ходатайство (АЮЗР. Т. 10. № 16. Стб. 719–724). Царь исполнил просьбу архимандрита, подтвердив за Киево-Печерским мон-рем все его имения и привилегии.

В 1658 г. архим. Иннокентий (Гизель) обратился к царю с челобитной о подтверждении прав Киево-Печерского мон-ря на его прежние владения. В марте того же года архим. Иннокентий отправил в Москву посольство во главе с «наместником» Авксентием. Послы привезли в Москву частицы мошей «прашура» Алексея Михайловича св. кн. Владимира и попросили подтвердить все земельные владения Киево-Печерского монастыря (РГАДА. Ф. 124. Оп. 1. Д. 12). Грамотой царя от 31 авг. 1658 г. права монастыря были подтверждены. В 1658 г. обители были возвращены приписные *новгород-северский в честь Преображения Господня и Елецкий черниговский в честь Успения Пресв. Богородицы мон-ри*. 15 апр. 1669 г. архимандрит вместе с братией обратился к царю с просьбой об утверждении за Киево-Печерским мон-рем его владений и

Вид на Киево-Печерскую лавру. Литография К. Эргота. XIX в.

передал Киевскому братству села Вишенки и Гнедин, принадлежавшие ранее Киево-Печерскому монастырю.

После присоединения Украины к России одним из важнейших дел настоятелей Киево-Печерского монастыря стало подтверждение новой властью монастырских владений и привилегий. 6 июля 1654 г. архим. Иосиф сообщил об отправке из Киево-Печерского мон-ря в Москву

о подтверждении независимости обители от Киевского митрополита. Царская грамота на имения мон-ря была послана на 5 мая того же года. 8 марта 1680 г. печерский архимандрит отправил в Москву старцев Паисия, *Варлаама (Ясинского)* и писаря И. Армашенко с просьбой пожаловать Киево-Печерскому мон-рю обитель в Брянске или Трубчевске для укрытия на случай неприятельского нападения. В следующем году грамотой царя *Феодора Алексеевича* к Киево-Печерскому мон-рю были приписаны Свенский Успенский мон-рь близ

Брянска и Чёлнский в честь Преображения Господня мон-рь близ Трубчевска. В 1681 г. обители был возвращен Свенский мон-рь, переименованный в Новопечерский. Но после заключения Вечного мира 1686 г. мон-рь утратил владения на территории Речи Посполитой.

8 марта 1699 г. гетман Мазепа подтвердил владение лаврой с. Иванкова в Черниговском полку, а 2 сент. 1702 г. — хутором Карлики в Нежинском полку. По прошению архим. Иоасафа 30 нояб. 1702 г. к лавре был приписан Преображенский Змиёвский, а 2 янв. 1703 г. — Покровский Сеннянский мон-ри (оба в пределах Белгородской епархии). В 1706 г. в собственность мон-ря перешли с. Рубежовка и Михайловская слободка. Гетман неоднократно подтверждал право владения К.-П. л. мельницами и винокурнями, которые давали монастырю значительную прибыль. Напр., универсалом от 20 авг. 1708 г. Мазепа предоставлял привилегию

Фрагмент панорамы
«Вид Киево-Печерской крепости».
1784–1798 гг. (ГПИБ)

для Козелецкой лаврской мельницы, чем значительно увеличил ее прибыль. К 1706 г. (до устройства Печерской крепости) лавре принадлежало в Киеве 955 дворов, 70,5 дес. земли, 121 торговая лавка с ежегодным доходом ок. 5 тыс. р.

В XVIII в. К.-П. л. стала богатейшей обителью на территории совр. Украины. Владения К.-П. л. находились в Киевском (53 вол.), Черниговском (34 вол.) и Новгород-Северском (49 вол.) наместничествах. На этих землях насчитывалось ок. 28 тыс. крепостных. В ведомстве лавры находилось 9 приписных монастырей: Больничный, Омбышский в Нежинском полку, Змиёвской и Си-

нявский в Слободском Ахтырском полку, Свенский и Чёлнский в Белгородской губ., Дятловицкий на Правобережье (совр. Беларусь), пустыни Голосеевская и Китаевская киевская во имя Святой Троицы в Киевском полку. Эти обители со своими именными непосредственно зависели от лавры, а не от епархиального начальства. Кроме того, во владении лавры находилось множество подворий (в Глухове, Воронеже, Стародубе, Кролевце и др.), 2 бумажные фабрики, 11 кирпичных, 6 стекольных заводов, свыше 160 винокурен, столько же мельниц, 2 конных завода.

Ист.: ПВКДА; АЗР. Т. 2–4; АОЗР. Т. 2. № 161 (Сигизмунд III — Михаилу Рогозе по поводу Никифора (Тура)); АрхЮЗР. 1859. Ч. 1. Т. 1; 1872. Ч. 1. Т. 5; 1898. Ч. 1. Т. 9; Предсмертные письма Иоасафа Кроковского к царю и кн. Д. Голицыну о своей болезни // ЧОИДР. 1861. Т. 3. С. 193–195; [Левицкий О.] Письмо и стихи Варлаама Ясинского // Киев. старина. 1890. Т. 28. № 3. С. 537–539; Описание докт-ва архива западнорус. униатских митрополитов. СПб., 1897. Т. 1: 1470–1700; ПККДА. Т. 1; Акты и док-ты, относящиеся к истории Киевской академии. Отд. 2: (1721–1795). К., 1904–1908. 5 т.; Уния в док-тах: Сб. / Сост.: В. А. Теплова, З. И. Зуева. Минск, 1997; Записки сат. Петра Могили / Упоряд.: I. В. Жиленко. К., 2011.

Лит.: Самуил (Миславский), митр. Краткое ист. описание Киево-Печерской лавры. К., 1795², 1805; Евгений (Болховитинов), митр. Описание Киево-Печерской лавры с присокуплением разных грамот и выписок, объясняющих оное, также планов лавры и обеих пещер. К., 1831²; он же (Евгений (Болховитинов), митр.) Выбранные праці з історії Києва. К., 1995; Петра Могили стихиры и канон в благодарность за чудесное избавление Киево-Печерской лавры от неприятельского разорения в 1630 г. // Киевские Ев. 1861. № 17. С. 491–500; Эпитафии фундаторам Киево-Печерской лавры из Тератургимы Афанасия Кальнофойского // Там же. 1874. Отд. 2. № 14. С. 398–403; № 19. С. 532–536; № 20. С. 566–569; Корольков К. Арсений Могилянський, митр. Київський, и его заботы об улучшении проповеднического дела: (Во 2-й пол. XVIII в.) // Там же. 1875. Отд. 2. № 12. С. 405–414; Голубев С. Т. Киевский митр. Петр Могила и его сподвижники. К., 1883–1898. 2 т.; он же. История КДА. К., 1886. Т. 1: Период домогилянський; Лебединцев П. Г., прот. Киево-Печерская лавра в ее прошедшем и нынешнем состоянии. К., 1886; Каманин И. К истории Киево-Печерской лаврской типографии // Киев. старина. 1894. Т. 46. № 8. С. 276–278; Петров Н. И. Описание рукописных собраний, находящихся в г. Киеве. М., 1896. Вып. 2. С. 3–129; Титов Ф. И., прот. Краткое ист. описание Киево-Печерской лавры. К., 1911; он же. Типография Киево-Печерской лавры: Ист. очерк, 1606–1616–1916. К., 1916. Т. 1; он же. Киево-Печерская лавра как староригинальный монастырь. К., 1918; Маслоу С. I. Этюды з історії укр. стародруків // Українська книга XVI–XVIII ст. К., 1926. С. 77–152; La Confession orthodoxe de Pierre Moghila, métropolitain de Kiev (1633–1646) / Introd., not. A. Malvy, M. Viller. R., 1927. (OrChr.; Vol. 10. N 39); Во-

няк М. Письменницька діяльність Івана Борецького на Волині і у Львові. Львів, 1954; Горфункель А. Х. Каталог книг кирилловской печати XVI–XVII вв. М.; Л., 1970; Хижняк З. I. Киево-Могилянська академія. К., 1970, 1981²; Быкова Т. А., Гуревич М. М., Козинцева Р. И. Описание изданий, напечатанных при Петре I: Свод. кат. Л., 1972; Запаско Я. П., Ісаевич Я. Д. Пам'ятки книжкового мистецтва: Кат. стародруків. Львів, 1981–1984. 3 кн.; История Украинской ССР: В 10 т. К., 1982. Т. 2; Описи Київського намісництва 70–80-х рр. XVIII ст. К., 1989; Ісиченко Ю. А. Киево-Печерський патерик у літературному процесі кін. XVI — поч. XVIII ст. на Україні. К., 1990; Очерки истории Киево-Печерской лавры и заповедника. К., 1992; Макарий. История РЦ. Т. 5–7; Гирич І. Б. Києво-Печерська лавра в контексті української історії і культури // Пам'ять століть. К., 1996. № 1. С. 102–119; Отечественная история: Энцикл. М., 1996. Т. 2. С. 556–557; Феномен Петра Могили: Біографія, діяльність, позиція. К., 1996; Дзюба О. Єлисей Плетинський // Історія України в особах: Литовсько-польська доба. К., 1997. С. 142–145; Жиленко І. В. Історія печер Києво-Печерської лаври // Дива печер лаврських. К., 1997. С. 13–25; Жуковський А. Петро Могила й питання єдності Церков. К., 1997; Кагамлик С. Р. Видавнича справа в Києво-Печерській лаврі у XVIII ст.: Умови, характер, особливості // Наукові праці НБУ. К., 2000. Вип. 3. С. 175–187; она же. «Муж премудрый, столп благочестия святого»: (До 320-річчя від дня смерті Інокентія Гізіля) // Українознавство — 2003: Календар-щорічник. К., 2002. С. 185–187; она же. Киево-Печерська лавра: Світ правосл. духовності і культури. К., 2005; Лорци Й. История Церкви, рассмотренная в связи с историей идей. М., 2000. Т. 2: Новое время. С. 140–234, 515–523; Козак Н. С. До питання про набуття ймення «лавра» Киево-Печерським мон-рем // Лаврський альм. К., 2001. Вип. 5. С. 63–68; Степовик Д. В. Історія Києво-Печерської лаври. К., 2001; Павленко С. О. Іван Мазепа як будівничий укр. культури. К., 2005; Яковенко Н. Нарис історії середньовічної та ранньомодерної України. К., 2006³.

Д. Б. Кочетов, С. Г. Яковенко

1786–1961 гг. После подписания имп. Екатериной II 10 апр. 1786 г. указов «Про принятие монастырских крестьян, находящихся в Киевском, Черниговском и Новгород-Северском наместничествах при архиерейских домах, Киево-Печерской лавре и др., в ведомство Директоров Домоводства...» и «Про штаты Киевской, Черниговской и Новгород-Северской епархии» в укладе К.-П. л. произошли существенные изменения. Согласно 1-му указу, у лавры наряду с др. мон-рями изымали все пахотные земли, она лишалась крестьян, которых обязали платить налог; из этих денег лавра получала определенную сумму на содержание. В распоряжении К.-П. л. оставалась небольшая часть некогда обширных земельных владений — сенокосы, в т. ч. на днепровских островах, леса и рыбные озера под Киевом, неск.

подворий в самом городе — на Печерске и Подоле. К.-П. л. утратила власть над всеми приписными монастырями, из к-рых Свенский Успенский и Чёлнский Преображенский отходили Орловской епархии, Омбышский Богородице-Рождественский — Черниговской, Змиевский Преображенский (Николаевский) и Сеннянский Покровский — Белгородской, Дятловицкий Преображенский — Минской епархии. За К.-П. л. закреплялось лишь 2 пустыни — Китаевская Свято-Троицкая, предназначенная для проживания старых и немощных монахов, и Голосеевская Покровская, которая со штатным содержанием 3-го класса была отдана «до конца дней» отправленному на покой архим. Зосиме (Валкевичу). В последующие годы лаврское начальство небезуспешно обращалось к представителям высшей светской и духовной власти с просьбой расширить ее земельные владения. Всего же в кон. XIX в. К.-П. л. принадлежало ок. 3 тыс. га земельных угодий, преимущественно на юж. околицах Киева (ЦГИАК. Ф. 128. Оп. 1 бл. Д. 3390. Л. 12).

Второй указ регламентировал внутреннюю жизнь мон-рей. К.-П. л. потеряла права ставропигии и самостоятельного избрания настоятеля, ее архимандритом (с этого времени был введен титул священноархимандрита) являлся Киевский митрополит. К.-П. л., как и Троице-Сергиева лавра, должна была получать из гос. казны содержание на 100 монахов и 100 служителей. Все остальные иноки — почти половина братии, преимущественно старые и немощные, объявлялись внештатными, им выделялось от 8 до 13 р. в год на пропитание (ПСЗ. Т. 44. Ч. 2. С. 50). Местом их жительства определялась Китаевская пуст. близ Киева. В то же время Никольский Больничный мон-рь, утратив свой статус, становился лаврской больницей. Согласно указу, в лавре при архиерейском доме предусматривалось разместить КДА. В указе содержалось следующее требование: «...число монашествующих так распорядить, чтобы половина оных была из ученых и к высшим духовным степеням приготовляемых; другая же для служения по Архиерейскому дому и монастырю». Выполнение этих указаний должно было способствовать превращению К.-П. л. в главный духовно-просветительский центр епархии (Там же.

Т. 22. С. 575). Однако митр. Киевский *Самуил (Миславский)* в письме киевскому наместнику ген.-фельдмаршалу П. А. Румянцеву-Задунайскому отмечал, что «в лавре академию поместить почти не можно... нет покоев ни для классов, ни для

при отбытии из Ростова в Киев» и 2 поздравительные речи. В следующем году была выпущена 1-я книга — «Таврикия, или Известия древнейшие и новейшие о состоянии Крыма и его жителей» А. С. Нарушевича. С 90-х гг. XVIII в. книги и брошюры, напечатанные гражданским шрифтом, выходили регулярно, при этом тиражи неуклонно

*Китаевская пуст.
Киево-Печерской лавры.
Фотография. Нач. XX в.
(РГБ)*

росли. Кроме публикации богословских изданий большое внимание уделялось выпуску исторической лит-ры (в т. ч. о Киеве, киевских святынях, в первую очередь К.-П. л.). Так, в 1791 г. тиражом 2,6 тыс. экз. вышло первое из 6 изданий кн. «Краткое историческое описание Киево-Печерской лавры», положившее начало совр. лаврской историографии; печатались также учебники, словари, публицистические и поэтические произведения, в т. ч. студентов и преподавателей академии.

*Св. ворота Киево-Печерской лавры.
Акварель М. М. Сажина. 1840 г.*

Заявленные в имп. указах планы по привлечению в обитель представителей ученого монашества не вполне оправдались. Согласно утвержденному в 1786 г. штату, в состав лаврского братства входили: наместник, казначей, эконо, духовник, ризничий, уставщик, 30 иеромонахов, 20 иеродиаконов, 20 служебных монахов, 20 больничных и 4 пономаря. Данного количества братии едва хватало для ведения обширного хозяйства лавры. В то время лавра более нуждалась в монахах-хозяйственниках, нежели в монахах-ученых. Только в 1797 г. было предусмотрено включение в число братии К.-П. л. и еще 3 обителей — Троице-Сергиевой и *Александро-Невской лавры*, а также *Донской иконы Божией Матери муж. мон-ря* — дополнительно по 10 соборных иеромонахов «из окончивших с успехом и пользою свое учение в Семинариях и Академиях», которых обязывали заниматься написанием сочинений, переводами, проповедничеством, преподавательской деятельностью. Они должны были отличаться «добрым поведением. А тем и могли бы достигать помещения на степени Архиерейские» (Там же. Т. 24. С. 821–822).

решения, ни для казенных учеников; место тесное, безводное, бездровное; своекоштным ученикам во все негде квартиры нанять» (Тимов. 1924. С. 265). Академию было решено оставить при Братском мон-ре. 15 марта 1787 г. вышел имп. рескрипт о создании при академии гражданской типографии «для печатания книг как на Российском, так и на иностранных языках, содержа сию Типографию в Киево-Печерской лавре и наблюдая, чтобы тут не были издаваемы книги, противные православной вере нашей или наполненные нелепыми заблуждениями, просвещению и добрым нравам не-

сходственными» (ПСЗ. Т. 22. С. 823). В том же году лаврская типография выпустила составленные митр. Самуилом (Миславским) и напечатанные гражданским шрифтом «Слово

при отбытии из Ростова в Киев» и 2 поздравительные речи. В следующем году была выпущена 1-я книга — «Таврикия, или Известия древнейшие и новейшие о состоянии Крыма и его жителей» А. С. Нарушевича. С 90-х гг. XVIII в. книги и брошюры, напечатанные гражданским шрифтом, выходили регулярно, при этом тиражи неуклонно росли. Кроме публикации богословских изданий большое внимание уделялось выпуску исторической лит-ры (в т. ч. о Киеве, киевских святынях, в первую очередь К.-П. л.). Так, в 1791 г. тиражом 2,6 тыс. экз. вышло первое из 6 изданий кн. «Краткое историческое описание Киево-Печерской лавры», положившее начало совр. лаврской историографии; печатались также учебники, словари, публицистические и поэтические произведения, в т. ч. студентов и преподавателей академии.

Для К.-П. л. последствием реформы 1786 г. стала не только потеря экономического могущества, но и утрата независимости. Нарушались устои, на которых строилась жизнь обители на протяжении предыдущих веков. Киевский митрополит не имел достаточно времени для руководства внутренней жизнью К.-П. л., тем более что его резиденцией оставался собор Св. Софии. Расширились полномочия лаврского наместника: на него и на Духовный Собор, в состав которого входили начальники лаврских ведомств, возлагалась ответственность за решение большинства текущих монастырских дел. Первым наместником стал игум. Каллист (Стефанов), возведенный 15 марта 1787 г. в сан архимандрита. С 1817 г. все наместники К.-П. л. пребывали в этом сане.

Особое внимание лаврское начальство уделяло экономической стороне жизни обители. Благодаря умелому хозяйствованию уже к нач. XIX в. К.-П. л. смогла в целом компенсировать те значительные финансовые потери, которые понесла после секуляризации земельных владений и утраты крепостных крестьян. Постоянный доход приносили типография и принадлежавшие К.-П. л. заводы: стекольные, винокуренные, кирпичные, пивоваренный и свечной, а также лесопилка, водяные и паровые мельницы, пасажи, сдаваемые в аренду земли и жилые дома в Киеве. Важным финансовым подспорьем были лаврские гостиницы, принимавшие до 200 тыс. постояльцев в год, а также подворья, где торговали книгами, свечами и иконами, собирали пожертвования среди верующих.

Отдельной и весьма существенной статьей дохода являлись многочисленные пожертвования августейших особ, представителей знатных родов, зажиточных граждан и простых паломников. Среди них выделяется вклад гр. А. А. Орловой-Чесменской, которая в янв. 1846 г. внесла на счет лавры в Гос. заемный банк 285 715 р. серебром. Проценты от этой суммы должны были идти на украшение храмов, позолоту куполов, ремонт и проч. церковные потребности в лавре и ее пустынях. В целом к сер. XIX в. на банковских счетах К.-П. л. находилось более 800 тыс. р. (СГИАК. Ф. 128. Оп. 1 общ. Д. 2306. Л. 47), в кон. XIX в. — ок. 1,5 млн р. (Там же. Оп. 1 бухг. Д. 2378. Л. 41), а накануне первой мировой войны (1914–1918) — ок.

3 млн р. при 100 тыс. р. годовых процентов с капитала (Там же. Д. 3124. Л. 9).

Финансовая стабильность позволяла К.-П. л. увеличивать число своих насельников за счет принимаемых вне штата. В целом из гос. казны в год на содержание штатов отпускалось 8643 р. 88 к., а кружечная сумма, распределяемая между лаврской братией, в 1882 г. составила ок. 125 тыс. р. (Там же. Д. 2378. Л. 39). В 1838 г. в лавре проживали 134 монаха, 250 послушников и 100 штатных служителей (Там же. Оп. 1 общ. Д. 1919. Л. 3), в 1881 г. — 214 монахов, 363 послушника и 519 служителей (Там же. Оп. 1 бухг. Д. 2378. Л. 14), в 1914 г. в лавре, ее 3 пустынях (Китаевской, Голосеевской и Преображенской) и на 7 подворьях (6 Киевских и С.-Петербургском) — 518 монахов и 618 послушников (Там же. Оп. 1 мон. Д. 379. Л. 1).

С кон. XVIII в. в жизни обители наступил длительный период стабильности. Благодаря мудрой политике священноархимандритов *Сератина* (Александровского), Евгения (Бол-

Киево-Печерская лавра.
Литография. 2-я пол. XIX в. (ГПИБ)

ховитинова), Филарета (Амфитеатрова), наместников *Антония* (Смирницкого), Авксентия (Галинского), Иоанна (Петина), *Иувеналия* (Половцева), Сергия (Ланина) и др. процветало монастырское хозяйство, возрождались истинно подвижническая жизнь. Среди именитых наместников XIX в. — архим. Антоний (Петрушевский; † 8 окт. 1912), погребенный с вост. стороны Богородице-Рождественской ц. и архим. *Амвросий* (Булгаков). С открытием в 1911 г. Зверинецких пещер архим. Амвросий добился их передачи в ведение

лавры. Во время первой мировой войны он инициировал деятельность по опеке над детьми погибших воинов. В 1918 г. удалился на покой из-за болезни глаз, но остался в лавре. Награжден набедренником, золотым наперсным крестом и красным крестом, орденами Анны 3, 2 и 1-й степени, св. Владимира 4-й и 3-й степени, медалью за участие в Первой всеобщей переписи населения России в 1897 г. Был погребен на территории Дальних пещер рядом с могилой архим. Антония (Петрушевского). Почитаются лаврские старцы XIX — нач. XX в. *Вассиан* (Балашевич), *Феofil* (Горенковский), *Парфений* (Краснопевцев), *Паисий* (Яроцкий), *Алексий* (Шепелев).

В нач. XX в., когда Киевскую кафедру возглавил митр. *Флавиан* (Городецкий), лавра стала крупным культурно-просветительским центром: была создана новая «Флавиановская» б-ка, открыто приходское уч-ще, в путеводителях по Киеву упоминается об организации т. н. Лаврского музея при ризнице Успенского собора. Типография выпускала ежегодно до 100 тыс. экз. книг и 130 тыс. листовок и брошюр, напечатанных гражданским шрифтом.

Новый этап в жизни обители связан с началом первой мировой войны. В ряды действующей армии были призваны 316 лаврских послушников; 20 священников командированы на фронт для исполнения пастырских обязанностей. Для раненых воинов лавра предоставила свою больницу на 130 мест и выделила 13 корпусов для нужд военного ведомства, в Китаевской пуст. был основан приют для детей воинов, погибших на фронте. Финансовая помощь К.-П. л. на нужды страны в военные годы составила более 500 тыс. р.

Революционные события, начавшиеся в февр. — марте 1917 г., отразились на жизни К.-П. л. В киевских газетах 1917 г. сообщалось о бесчинствах дезертиров и агитаторов в лавре, случаях надругательства над ее святынями. Но главная опасность таилась в расколе внутри братии. В это время в лавре проживали 563 монаха и 221 послушник, из которых 80% были по происхождению крестьянами. Их реакция на политические перипетии во многом предопределила дальнейшие печальные события. Священноархимандрит К.-П. л. митр. *Владимир* (Бого-

Митр. Киевский Флавиан (Городецкий).
Портрет. Нач. XX в. (НКПИКЗ)

яленский) значительную часть времени проводил в Петрограде, на заседаниях Синода, первенствующим членом которого являлся, а 73-летний наместник архим. Амвросий (Булгаков) по слабости здоровья не мог должным образом влиять на ситуацию.

В апр. 1917 г. в Трапезной ц. начались не санкционированные монастырским начальством собрания. Радикально настроенная часть братии выбрала свой комитет во главе с экономом лавры архим. Климен-

Библиотека митр. Флавиана
и братская читальня.
Фотография. 1911 г. (ГПИБ)

том (Жеретиенко). Митр. Владимир запретил собрания в Трапезной, но они проходили в новом корпусе келей и у эконома. Выдвигались требования выборности всех должност-

ных лиц общим собранием, равного материального содержания для всех (одежда, еда, деньги), обязательности избрания представителей младшей братии в Духовный Собор, смещения наместника архим. Амвросия, выселения митр. Владимира из монастыря и выведения лавры из-под его власти.

Летом 1917 г. митр. Владимир участвовал в работе Предсоборного совета в Петрограде, в авг. уехал в Москву на Поместный Собор Православной Российской Церкви 1917–1918 гг. 21 нояб. Киевский митрополит возглавил чин интронизации патриарха Московского и всея России свт. Тихона. Когда в дек. митр. Владимир вернулся в Киев, братия стала открыто критиковать его, выступая за демократизацию жизни лавры. Радикально настроенные монахи требовали выселения митрополита в Софийский митрополичий дом, лишения титула священноархимандрита лавры и переизбрания наместника. Последний вскоре сам сложил полномочия. Не дождавшись решения Синода по этому вопросу, братия на общем собрании 6 дек. 1917 г. в присутствии

Рака с мощами
митр. Владимира Киевского.
Фотография. 2013 г.

600 чел. (230 с правом голоса) избрала нового наместника — архим. Климента.

В янв. 1918 г. началось наступление Красной гвардии под командованием М. А. Муравьева на Киев. Красногвардейцы вели прицельный огонь по городским памятникам. В Великую ц. попало 8 снарядов. Значительные повреждения были нанесены Великой лаврской колокольне, типографии, просфорне. В дни боев митр. Владимир находился в лавре, служил молебны, читал акафисты. Вечером 23 янв. 1918 г. отряды Муравьева ворвались на территорию К.-П. л. Солдаты грабили помещения, глумились над монастырскими святынями, издевались над насель-

никами. В ночь на 26 янв. вооруженные люди ворвались в покои митр. Владимира. Его расстреляли недалеко от Всехсвятской ц. Лаврская братия, побоявшаяся защитить своего архипастыря, навлекла на себя многочисленные нарекания со стороны верующих. Наместник лавры архим. Климент все же отслужил панихиду по убиенному архипастырю. 29 янв. тело митр. Владимира перенесли в Успенский собор лавры. Чин отпевания совершили митр. Тифлиссский Платон (Рождественский), Екатеринославский еп. Агапит (Вишневецкий), Черниговский еп. Пахомий (Кедров), Чигиринский еп. сщмч. Никодим (Кротков) и Балтский еп. Пимен (Пегов). Гроб с телом сщмч. Владимира был перенесен в Ближние пещеры лавры и погребен в Крестовоздвиженской ц. Большевики не взяли на себя ответственность за убийство иерарха. После установления власти гетмана П. П. Скоропадского была создана комиссия по расследованию обстоятельств трагедии, но она так ничего и не выяснила.

19 мая 1918 г. епархиальное собрание избрало новым Киевским митрополитом архиеп. Харьковского Антония (Храповицкого). И он, и наместник Климент старались вернуть жизнь обители в

привычное русло. В нояб. прошли торжества по случаю 300-летия лаврской типографии. Но вскоре в город вошли войска Ди-

ректории. 4 дек. лавру окружили 2 роты солдат. По распоряжению пришедшего к власти на Украине правительству С. В. Петлюры был арестован архиеп. Волынский Евлогий (Георгиевский), на следующий день — Киевский митр. Антоний. Братия и верующие пожелали сопроводить арестованного митрополита крестным ходом. При выходе из св. ворот толпа буквально смяла солдат, и лишь самообладание, твердость и рассудительность митр. Антония помогли избежать кровопролития. Полковник Е. М. Коновалец, начальник Осадного корпуса, распорядился расстрелять архиереев. Но, опасаясь негативной реакции населения, власти решили сослать их в Галицию.

В 1919 г. в Киеве утвердились большевики. Церковная собственность лавры и ее пустыней перешла в ведение Отдела по ликвидации имущества религиозных установлений, а жилые здания и весь комплекс лаврских построек, не имевших непосредственного отношения к богослужению, были переданы в Отдел социального обеспечения городского совета. В этих условиях архим. Климент предложил создать из братии трудовую общину для сохранения за лаврой ее имущества. 1(14) апр. 1919 г. Духовный Собор всесторонне обсудил и одобрил эту идею. Членами «Киево-лаврской сельскохозяйственной и ремесленной трудовой общины» пожелали стать 972 чел., способные к сельскохозяйственным и ремесленным работам; в дек. 1920 г. в ней насчитывалось 573 монаха, 316 послушников, 132 вольнонаемных работника (тогда в монастыре еще выплачивали небольшую зарплату). Однако власти потребовали перерегистрировать общину, удалив из нее монашествующих. Ее возглавили светские лица. Община была переименована в «Сельскохозяйственную трудовую артель «Трудолюбие»».

В нач. 20-х гг. XX в. на территории К.-П. л. был основан инвалидный городок, состоящий преимущественно из деклассированных элементов. Т. н. инвалиды уничтожали бесценные лаврские памятники, грабили иноков, оскверняли святыни. Нападали они и на Музей культов и быта, основанный в лавре в 1922 г. Монастырские б-ку и типографию передали Всеукраинской АН. В течение 1921–1922 гг. происходило изъятие ценностей из ризницы Успенского собора, лаврских церквей. Монахов, пытавшихся спасти древние реликвии, заключали под стражу. Несколько раз подвергался аресту архим. Климент, с 1921 г. временно исполнявший обязанности настоятеля лавры. В его отсутствие эти обязанности исполнял архим. *Ермоген (Голубев)*. В 1922 г. под давлением властей прекратил деятельность лаврский Духовный Собор. К 1923 г. в обители проживало ок. 400 чел. братии. Лавра временно перешла от общежительного устава к своекоштному, что повлекло за собой упадок иноческой жизни. С целью духовного укрепления иночества архим. Ермоген создал Братство прип. Феодора Студита.

Осенью 1924 г., после отказа большинства монахов признать обновленческое управление, советские власти передали храмы лавры обновленцам (подробнее о деятельности обновленческих общин на территории К.-П. л. см. в ст. *Киевская епархия* РПЦ). Но братии, не отпавшей в раскол, позволялось проживать в кельях. Для старых

Вид на Киево-Печерскую лавру. Литография. Кон. XIX в.

и немощных иноков продолжала действовать богадельня. Богослужения совершались в городской Ольгинской ц. на Печерске и в лаврских пустынях, ставших приходскими храмами. С 1924 г. К.-П. л. пользовалась правами ставропигии. Настоятеля, имевшего при совершении службы особые, сопоставимые с архиерейскими, привилегии, выбирала братия, утверждала высшая церковная власть — патриарх или его местоблюститель. После очередного ареста и отправки в ссылку архим. Климент обратился к Духовному Собору лавры с письмом, в котором просил избрать др. настоятеля. 5 окт. 1926 г. заместитель патриаршего местоблюстителя митр. *Сергий (Страгородский)*; вполн. патриарх Московский и всея Руси) утвердил избрание архим. Ермогена, проживавшего в Китаевской пуст. в небольшом домике вместе с пребывавшим на покое архиеп. Димитрием (Абашидзе, в схиме *Антоний*).

К 1 янв. 1928 г. на Украине было только 9 мон-рей, в т. ч. и К.-П. л. Власти приложили максимум усилий для ее ликвидации. 18 июля 1929 г. появилась статья в газ. «Комсомолец Украины». Авторы публикации требовали немедленного закрытия «контрреволюционного очага». 20 июля спешивший на работу милиционер «случайно» нашел под лаврскими стенами фрагменты че-

ловческого тела. Власти объявили, что они принадлежат крестьянке Прасковье Барышниковой, убитой 15 июля лаврским монахом архидиак. Ольгинской ц. Елладием (Чехуном) и монахиней (послушницей?) киевского Фроловского жен. мон-ря Любовью (Воронковой). Дело получило широкое освещение в прессе, в кратчайшие сроки была организована выставка, посвященная этому событию. В помещении городского цирка начался судебный процесс. Народная молва твердила, что дело сфаб-

риковано, Барышникова жива, а ГПУ взяло труп из анатомического театра. Власти строго пресекали «контрреволюционные слухи». 12 авг. был оглашен приговор: обви-

няемые получили по 10 лет, а главное — суд поставил вопрос о ликвидации К.-П. л. и Флоровской обители.

17 янв. 1930 г. древнейшие киевские муж. и жен. обители были закрыты. Над св. воротами лавры появилось объявление, запрещавшее вход на ее территорию монахам и священнослужителям.

Последние монахи поселились в Китаевской пуст., церковь которой официально зарегистрировали как приходский храм местные крестьяне. 27–28 янв. 1931 г. все священнослужители во главе с настоятелем архим. Ермогеном были арестованы по обвинению в создании «контрреволюционной организации церковников, ставившей своей целью поднять вооруженное восстание», а также в проведении «нелегальных сборищ» и распространении «контрреволюционной литературы». И. о. настоятеля стал казначей лавры архим. Вонифатий (Черевко).

5 нояб. 1933 г. Китаевскую пуст. тоже закрыли. Оставшиеся на свободе монахи перешли в Преображенскую пуст., а после ее ликвидации в мае 1934 г. жили при Ольгинской ц. После ее захвата обновленцами в окт. 1934 г. братия разошлась по частным домам.

3 нояб. 1941 г., во время второй мировой войны (1939–1945), была уничтожена главная святыня К.-П. л. — Успенский собор. По инициативе схи-

Успенский собор Киево-Печерской лавры. Вид с востока. Фотография. 1940 г.

архиеп. Антония (Абашидзе) при Ближних пещерах возродилась монашеская жизнь. Братии выделили 2 корпуса и домик благодетеля пещер. Настоятелем монашества стал один из старейших лаврских насельников, архим. Валерий (Устименко; † 1953), под началом которого собралось несколько насельников (на 1 авг. 1944 насчитывалось 37 монахов).

В отличие от Нижней лавры Верхняя пострадала сильнее. По воспоминаниям очевидцев, в нач. 1943 г. «вся территория Верхней лавры представляла собой кладбище разрушенных зданий» (ГАРФ. Ф. 7021. Оп. 65. Д. 10. Л. 60), усыпанное обломками, кирпичом и мусором. За годы вой-

Руины Успенского собора. Фотография. 1944 г.

ны были разрушены Никольская ц. Больничного монашества, частично Благовещенская и Трапезная церкви, 33 келейных корпуса Верхней лавры и один Нижней, 4 башни ограды. Была повреждена дренажная система, появились многочисленные провалы почвы.

В 1955 г. число братии в К.-П. л. составляло 87 чел.

Закрытие К.-П. л. власти начали готовить незадолго до выхода в окт. 1958 г. постановлений Совета министров СССР, положивших начало новым широкомасштабным гонениям на Церковь (постановления Совета министров СССР от 16 окт. 1958 г. «О монастырях в СССР» и «О повышении налогов на доходы епархиальных предприятий и монастырей»). 10 сент. 1958 г. председатель Совета по делам религий Г. Г. Карпов приехал в Одессу, где находился на отдыхе патриарх Московский и всея Руси *Алексий I*, чтобы провести первые «консультации» (выражение Карпова) по поводу возможного закрытия лавры. Карпов сообщил патриарху о якобы имеющихся в Совете «обращениях» о пещерах К.-П. л. и о находящихся там мощах. По свидетельству Карпова, патриарх был встревожен и на предложение закрыть доступ к мощам ответил: «Я вижу, что речь идет опять же о закрытии Киево-Печерской лавры, ибо не может быть Киево-Печерской лавры без мощей, находящихся в пещерах». В связи с этим «он хотел бы поднять тот вопрос, о котором неоднократно думал, а именно, не уйти ли ему на покой...» (Запись беседы Г. Г. Карпова с Алексием, Одесса, дача Патриарха. 10 сент. 1958 г.— *Одинцов М. И.* Письма и диалоги времен «хрущёвской оттепели»: (Десять лет из жизни патриарха

Алексия I, 1955–1964 гг.) // Отеч. арх. 1994. № 5. С. 44–48 (№ 13)). Возможность отставки патриарха Алексия I властями не предусматрива-

лась, и вопрос о немедленном закрытии К.-П. л., казалось бы, удалось отложить. Но уже 13 сент. 1958 г. секретарь Киевского обкома партии Г. Г.

Шевель отправил в ЦК КПУ письмо, в котором община К.-П. л. обвинялась в разрушении памятников архитектуры, использовании охранной зоны под хозяйственные нужды, нарушении паспортного режима. Шевель предлагал перенести монастырь в другое место, а лаврские

постройки передать в распоряжение заповедника (*Пащенко. 2008. С. 159*). Данное намерение поддержал и первый секретарь ЦК КПУ Н. В. Подгорный.

20 февр. 1959 г. патриарх Алексий I в беседе с Карповым заявил протест против насильственного выселения из К.-П. л. 32 монахов и получил заверения, что все это осуществлялось без ведома Совета по делам религий и что подобное больше не повторится (Запись беседы председателя Совета Русской Православной Церкви при Совете Министров СССР Г. Г. Карпова и зам. председателя Совета П. Г. Чередняка с патриархом Алексием. 20 февраля 1959 г.; Письма патриарха Алексия I в Совет по делам религий. М., 2010. Т. 2. С. 240). Однако в том же году были уничтожены колодцы преподобных Антония и Феодосия (когда ниже по склону, во дворе частного дома по Днепровскому спуску, открылся источник, к которому стали приходить сотни верующих, власти поставили вопрос о сносе дома и ликвидации источника). Количество насельников неуклонно уменьшалось (к 1 янв. 1960 в К.-П. л. оставалось 55 чел.). Весной 1960 г. в лавре активно работали комиссии Госстроя УССР и Мин-ва культуры УССР, готовившие основания для ее закрытия. В авг.—сент. 1960 г. в газ. «Вечерний Киев» и киевской «Рабочей газете» были опубликованы неск. статей о необходимости срочных аварийно-реставрационных работ и закрытия лаврского комплекса. 11 окт. 1960 г. Киевский горисполком принял решение о проведении исследования историко-архитектурных памятников и сооружений подземного хозяйства лавры, а 30 нояб. комиссия уже дала заключение о необходимости немедленного начала работ. 28 дек. Киевский горисполком потребовал «запретить всем гражданам посещать аварийные объекты монастыря, в первую очередь Ближние и Дальние пещеры», насельники лавры были обвинены в нарушении арендно-охранного договора и решением Киевского горисполкома от 28 февр. 1961 г. выселены из лавры.

Большинство насельников переехало в *Почаевскую в честь Успения Пресв. Богородицы лавру*.

Попытку вернуть К.-П. л. патриарх Алексий I предпринял в 1967 г.: он хотел связать возобновление монастыря со своим визитом в Киев,

но митр. Киевский Филарет (см. *Денисенко* М. А.) не поддержал намерение патриарха, и Алексий I отказался ехать в Киев.

К. К. Крайний, Э. П. Р.

1988–2013 гг. В марте 1988 г. на Предсоборном совещании после многочисленных ходатайств появилась 1-е письменное свидетельство возможной передачи К.-П. л. Русской Православной Церкви (Коммюнике Архиерейского Предсоборного совещания, состоявшегося в Успенском храме Новодевичьего монастыря 28–31 марта 1988 г. // ЖМП. 1988. № 6. С. 7). 31 мая 1988 г. Советом министров СССР принято постановление № 147 («О передаче отдельных объектов Киево-Печерского государственного историко-культурного заповедника Русской Православной Церкви»). 24 июня митр. Киевский Филарет и буд. наместник К.-П. л. игум. *Ионафан (Елецких)* в присутствии неск. иноков и архиеп. Кентерберийского д-ра Роберта Ранси подписали акт приема-передачи Дальних пещер, храмов Рождества Пресв. Богородицы и Зачатия св. прав. Анной Пресв. Богородицы, колокольни Дальних пещер, 5 корпусов, 2 колодцев (преподобных Анто-

ский *Ювеналий (Полярков)*, Одесский и Херсонский *Сергий (Петров)*, Львовский и Тернопольский *Никодим (Руснак)*, архиепископы Ивано-Франковский и Коломенский *Макарий (Свистун)*, Волинский и Ровенский *Варлаам (Ильющенко)*, епископы Житомирский и Овручский *Иоанн (Боднарчук)*, Черновицкий и Кременчугский *Савва (Бабинец)*, Алма-Атинский и Казахстанский *Евсевий (Саввин)*. За литургией молились патриархи Иерусалимский *Диодор*, Румынский *Феоктист*, Болгарский *Максим*, архиеп. Кипрский *Хризостом*, в богослужении участвовали папа и патриарх Коптской Церкви *Шенуда III*, кард. *Йоханнес Виллебрандс*, д-р *Уильям Грэм* и др.

К кон. июля 1988 г. братия К.-П. л. состояла из 9 чел. Начались ремонтно-реставрационные работы в храмах и келейных корпусах, но из-за аварийного состояния переданных построек мн. насельники приходили в лавру только днем для несения послушания. 19 авг. впервые после открытия К.-П. л. в ходе литургии использовались просфоры, выпеченные в лавре (ранее просфоры привозили из киевских Покровского или Флоровского мон-рей). В галерее под Богородице-Рождественской ц. устроили временную колокольню, на которой

Вид с колокольни на территорию Нижней лавры. Фотография. 2013 г.

разместили 5 колоколов. Первый перезвон прихожане услышали 19 авг., в праздник Преображения Господня. 28 авг., в день Успения Пресв. Богородицы, состоялся 1-й чин панагии. 11 окт. 1988 г. по благословению патриарха Московского и всея Руси *Пимена* наместником К.-П. л. был назначен архим. *Ионафан (Елецких)*. 26 янв. 1989 г. прошло 1-е заседание Духовного Собора лавры. В его состав первоначально вошли 5 чел.: наместник, благочинный, казначей, келарь и уставщик.

23 апр. 1989 г. во Владимирском кафедральном соборе архим. *Ионафан* был хиротонисан во епископа Переяслав-Хмельницкого. В авг. того же года наместником назначен архим. *Елевферий (Диденко)*. Пер-

вый постриг после возобновления обители был совершен с 27 на 28 окт. того же года; постриженниками стали иноки *Антоний (Новицкий)* и *Дамиан (Давыдов)*, их духовником назначен игум. *Исаия (Коровай)*. К кон. года число братии возросло до 40 чел. 3 дек. 1989 г. состоялось освящение ц. в честь Воздвижения Креста Господня на Ближних пещерах. 28 апр. 1990 г. Совет министров УССР принял постановление о передаче в ведение К.-П. л. неск. зданий на нижней территории и лабиринтов Ближних пещер. Были переданы Крестовоздвиженская ц., галерея и колокольня, дом смотрителя, братские кельи, храм в честь иконы Божией Матери «Животворящий Источник» над артезианским колодцем, кельи Гостиного двора (корпуса № 63, 64), а также строения, не представляющие архитектурной ценности (совр. здание (корпус № 70), хозяйственное помещение (корпус № 64а) и др.). Большинство построек требовало капитального ремонта. К маю 1990 г. в К.-П. л. было 66 насельников, а в авг. того же года — 73 насельника.

Богослужебный устав возрожденной К.-П. л. ориентировался на указания архим. *Спиридона (Лукича)*, уставщика лавры до ее закрытия в нач. 60-х гг. XX в. Новый устав составляли наместник, уставщик *Антоний (Новицкий)* и послушник *Владимир Линенко* (ныне архим. *Поликарп*, уставщик лавры). Согласно принятому уставу, в 16 ч. 30 мин. начинались вечерние богослужения (вечерня, повечерие с канонем Божией Матери и утреня), с 7 ч. утра совершалось чтение часов и служение литургии.

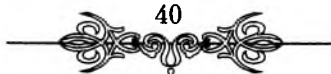
23 февр. 1992 г. наместником К.-П. л. был назначен *Питирим (Старинский)*. Его служение (ок. 6 месяцев) совпало со временем серьезных испытаний. В 1992 г. митр. *Филарет (Денисенко)* уклонился в раскол. В ночь на 18 июня раскольниками (УПЦ КП) была предпринята попытка захвата дома наместника с целью дальнейшего присвоения всей обители, которая не увенчалась успехом. С 25 авг. наместником являлся еп. *Инполит (Хилько)*, с дек. 1992 г. — игум. *Ахилла (Шахтарин)*.

30 марта 1994 г. указом Блаженнейшего *Владимира (Сабодана)*, митр. Киевского и всея Украины, наместником К.-П. л. был назначен

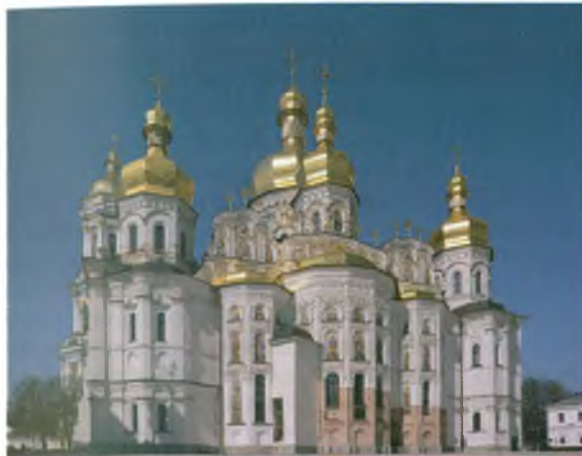

ния и *Феодосия*), а также земельного участка (5,5 га). Со стороны гос-ва документ подписал представитель Совета по делам религий при Совете министров УССР *Н. А. Колесник*.

14 июня 1988 г. в Киеве начались торжественные мероприятия, посвященные празднованию 1000-летия Крещения Руси. 16 июня, в последний день торжеств, в К.-П. л., на площади перед Зачатиевским храмом, была отслужена 1-я Божественная литургия после 26-летнего перерыва. В служении приняли участие митрополиты Киевский и Галицкий *Филарет*, Крутицкий и Коломен-

архим. Павел (Лебедь) (впосл. митрополит Вышгородский и Чернобыльский, викарий Киевской митрополии). При архим. Павле строились новые корпуса на Гостином дворе, на месте колодцев преподобных Антония и Феодосия возведены часовни (2002), лавра приобрела в собственность для нужд братии подсобное хозяйство. Постановлением от 14 февр. 2002 г. Киевское городское управление передало в ведение лавры 21 объект. Здания в основном расположены на территории Гостиного двора К.-П. л., в т. ч. корпуса № 54–58, 60, 69, 71, больница с ц. в честь иконы Божией Матери «Всех скорбящих Радость», зап. во-

Успенский собор.
Вид с востока.
Восстановлен в 2000 г.
Фотография. 2013 г.

рота и др. К 2013 г. вся территория Нижней лавры с постройками находилась в пользовании монастыря. В К.-П. л. действуют 9 наземных (в т. ч. 4 — на верхней территории) и 5 подземных церквей. В храмах преподобных Антония и Феодосия (Трапезный) и Успения Пресв. Богородицы, к-рые расположены на верхней территории, богослужения совершаются в субботу, воскресенье и по праздничным дням, а в храмах Всех святых и Св. Троицы — в течение летнего периода. В подземных церквах служат поочередно. В Крестовоздвиженском храме и Богородице-Рождественской ц. богослужение проходит ежедневно. В остальных церквах (в честь икон «Всех скорбящих Радость», «Живоносный Источник» и во имя Всех преподобных Печерских) службы совершаются по воскресным и праздничным дням.

Для посетителей открыты Дальние и Ближние пещеры. Отреставрированы корпуса № 53 и 56, где находятся паломнические гостиницы. На цокольном этаже корпуса № 53 расположена паломническая трапез-

ная, в корпусе № 39 — монастырское экскурсионное бюро. На территории К.-П. л. действуют Киевские ДС и ДА, находятся адм. здания Киевской митрополии, резиденция Предстоятеля УПЦ, митрополита Киевского и всея Украины. В доме настоятеля лавры на Ближних пещерах на цокольном этаже расположен свечной завод. Остальные постройки используются в качестве общежития для братии и под хозяйственные нужды.

К нач. 2013 г. в К.-П. л. проживало ок. 180 чел. братии.

В. В. Воронин

Скиты и подворья. В ведении К.-П. л. в различные периоды находилось не менее 14 приписных скитов или подворий с храмами (не считая отдельных приписных мон-рей или приходских храмов). Первое из подворий, упо-

минаемое в летописи под 1096 г., существовало в Суздале (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 228); впосл. преобразовано в *суздальский во имя вмч. Димитрия Солунского муж. мон-рь*. В 1631 г. был основан скит в Голосеевском лесу близ Киева (см. *Голосеевский в честь Покрова Пресв. Богородицы муж. мон-рь*). Видимо, с сер. XVII в. в Ст. Киеве у Нижнего вала существовало подворье в честь Покрова Пресв. Богородицы. В сер. XVIII в. Покровский храм подворья был обращен в приходский, к 1784 г. он обветшал, был упразднен, а приход приписан к Верхне-Местской ц. святителей Василия Великого, Иоанна Златоуста и Григория Богослова (*Берлинский М. История г. Киева // Київська старовина. 1992. № 1(292). С. 99*).

В люстрации Киевского замка за 1552 г. упоминается подворье на территории Замковой горы (горы Киселёвка), а также церковь, вероятно относившаяся к подворью (АрхЮЗР. 1886. Ч. 7. Т. 1. С. 107). Правосл. храм на Замковой горе отмечен и на плане Киева, приложенном к кн. «Тератургима» (1638) мон. Афанасия (Кальнофойского). В 1651 г. Киевский замок был сожжен казаками Б. Хмельницкого, храм с подворьем разрушены.

С XVI в. известно подворье с храмами во имя прор. Илии и свт. Николая Чудотворца в с. Городок (Гродек, Грудек) Луцкого у. Первое известие о с. Городок как о лаврском имени датировано 6 марта 1516 г. (в этот день кн. Константин Иванович Острожский, женатый на дочери кнг. Анастасии Гольшанской Татьяне, подтвердил завещание тещи о передаче Городка обителю). О проживании монахов в Городке известно из документа Луцкого суда от 22 мая 1562 г., в к-ром упоминается иером. Иларий, урядник подворья (Опись актов книги Киевского Центрального Архива. № 2036 / Сост.: О. И. Левицкий. [Офиц. изд. архива]. К., 1883. С. 18). В янв. 1593 г. в скиту скончался еп. Владимирско-Брестский Мелетий (Хребтович-Богуринский). В 1702 г. подворье было обращено в загородную резиденцию Луцких униат. епископов.

К 1714 г., согласно актам ревизии, в Киеве существовало Кловское подворье с деревянной ц. в честь Положения ризы Пресв. Богородицы (*Луцкицкий И. Киев в 1766 г. // Киевская старина. 1888. № 1/3. С. 22*). В 1744 г. к визиту имп. Елизаветы на Кловском подворье вместо деревянного дома был заложен кирпичный 2-этажный дворец (архитекторы И. И. Шедель, П. И. Неёлов, С. Д. Ковнир), предназначенный для проживания монастырского архимандрита и почетных гостей лавры. Строительство завершилось в 1755 (?) г. После начала секуляризационных реформ указом имп. Екатерины II от 17 апр. 1787 г. в здании бывш. подворья разместился губернаторский дом (ПСЗ. 1830. Т. 22. С. 835–836). В нем находилась резиденция киевских гражданских губернаторов, в 1811–1857 гг. — первая в Киеве мужская гимназия, в 1857–1917 гг. — Киевское епархиальное жен. уч-ще.

К 1714 г. близ Киева, на берегу Святого (Зверинецкого) оз., в принадлежавшей лавре Святоозерской слободке, существовал домовый храм в честь Рождества св. Иоанна Предтечи. В 1715–1729 гг. в этом месте по инициативе печерского архим. Иоанникия (Сенютовича) была построена деревянная церковь с тем же посвящением. В 1866 г. обветшавший храм заменили новым.

В 1725 г. на средства печерского архим. Луки (Белоусовича) в г. Василькове было построено подворье с храмом во имя преподобных Антония

и Феодосия Печерских (ныне городской собор). Образцом для каменного здания церкви послужили работы архит. Малороссийской коллегии А. В. Квасова, в т. ч. храм Рождества Пресв. Богородицы в Козельце.

Не позднее 1755 г. близ Киева, в мест. Н. Лыбедь (Нижне-Лыбедская слободка), было открыто Лыбедское подворье с деревянным корпусом (13 келий и домовый храм во имя прп. Харалампия). К 1766 г. на подворье проживало 18 печерских послушников. Впосл. рядом с подворьем был основан лаврский кирпичный завод, просуществовавший до 1917 г. С 2007 г. недалеко от бывш. подворья строится собор в честь Воскресения Господня.

С 1764 г. известно подворье на Подоле, рядом со сгоревшим в 1811 г. киевским Греческим Петропавловским муж. мон-рем. В 1849 г. руководство Киевской ДС на отпущенные Синодом средства приобрело Подольское подворье, состоявшее из 2 флигелей. В одном из них были устроены квартиры для ректора (5 комнат), 2 наставников и священнослужителей Петропавловской ц., в др. флигеле разместились больницы. Подворье было собственностью семинарии вплоть до 1917 г.

Особый ставропигиальный статус К.-П. л. предполагал, что обители принадлежали не только приписные скиты и подворья, но и приходские храмы в загородных лаврских имениях (т. н. лаврские вотчинные приходы). Для управления приписными храмами при приходской Феодосиевской ц. на Печерске в 1629 г. была основана протопопия. В 1685–1725 гг. велись споры за приписные храмы и мон-ри между священноначалием лавры и Киевскими митрополитами. Последние хотели назначать в приписные приходы своих клириков, в то время как лавра обращалась за хиротониями к епископам др. епархий — Черниговской и Переяславской. Только в 1769 г. приходы в имениях К.-П. л. были подчинены местным архиереям, и в тот же период расположенные за пределами храмы, а также принадлежавшие мон-рю церкви Спаса на Берестове, прп. Феодосия Печерского и Воскресения Господня были обращены в приходские. Впрочем, отдельные приходские храмы подчинялись лавре вплоть до реформы 1786 г.

В 1862 г. близ Китаевской пуст., на о-ве Жуков, был основан скит с хра-

мом в честь иконы Божией Матери «Взыскание погибших» и отдельным лаврским хутором, в котором проживали братия и рабочие. В нач. 20-х гг. XX в. скит был упразднен.

В 1869 г. решением Духовного Собора лавры в мест. Круглик Хотовской вол. Киевского у., на опушке

*Преображенская пустынь
Киево-Печерской лавры.
Фотография.
Кон. XIX в. (РГБ)*

Голосеевского леса, предписывалось открыть скит в честь Преображения Господня и новое лаврское кладбище (на территории приписной к лавре Китаевской пуст. уже не хватало места для погребения братии). Это решение было утверждено митр. Киевским и Галицким Арсением (Москвиным). В 1870 г. военный инженер А. Серета составил проект строительства скитского каменного Преображенского храма и келейных корпусов. В скиту уже существовал временный деревянный храм. В 1873 г. была окончена постройка каменной церкви.

В 1930 г. община скита была упразднена. В нач. 1934 г. Преображенская ц., ставшая к тому времени приходской, была закрыта и передана под клуб, в 1938 г. разрушена. 9 апр. 1934 г. был арестован настоятель Преображенского храма иером. Менаандр (Степанюк-Максимюк), а в 1937 г. — заштатный иером. Мартирий (Слободянюк), с 1934 г. работавший столяром и садовником на территории пустыни, при доме отдыха ученых в пос. Мышеловка. В 60–70-х гг. XX в. бывшее лаврское кладбище было уничтожено. К 2013 г. на территории пустыни восстанавливался приходский храм.

Особое место среди лаврских подворий занимало С.-Петербургское, располагавшееся на Васильевском о-ве в здании, приобретенном в 1874 г. за 86 тыс. р. (ранее принадлежало Псковскому архиерейскому дому). Продажа была утверждена 11 июня 1875 г. При подворье был устроен домовый храм в честь Рож-

дства Христова, а также резиденция митрополитов Киевских. В 1894–1900 гг. здание подворья было перестроено, возведен храм в честь Успения Пресв. Богородицы. Его «византийский» по архитектуре проект (архит. В. А. Косяков) выполнен в традиции исторического стиля 2-й пол. XIX в. Компактный в плане, внушительных размеров храм благодаря декору в стиле мос-

ковского зодчества сер. XVII в. (кокошники, профильные тяги наличников), луковичной форме глав разной величины (крупных и гладких — на световых барабанах 5 куполов, маленьких, с фигурной фактурой — на глухих постаментах-«шейках» малых глав над алтарными компартиментами и входом) приобрел «московский» облик и служил воплощением символического единства духовных центров гос-ва: Киева—Москвы—С.-Петербурга.

Среди настоятелей известны: архим. Феогност (Поликов) (1892–1922), архим. Трифиллий (Смага) (1922–1924), игум. Никон (Белокобыльский) (1924–1925), игум. Клавдий (Савинский) (1925–1926), игум. *Гурий (Егоров)* (1926–1927), архим. Иоасаф (Стаценко) (1927–1928), архим. Феодосий (Михайловский) (1928–1929), архим. Трифиллий (Смага) (1929–1930 (вторично)), иером. Иустин (Перебийнос) (1930–1931), еп. Николай (Муравьев-Уральский) (1931–1932), прот. Николай Тихомиров (1932–1933), прот. Николай Ладыгин (1933–1934), прот. Александр Боголепов (1934), архим. *Владимир (Кобец)* (1934–1935). Большинство из них были репрессированы и погибли в лагерях.

В июле 1919 г. подворье было зарегистрировано как приходская трудовая община, к-рая фактически являлась монашеской. В 1921–1922 гг. на подворье происходило изъятие церковных ценностей. В 1922 г. в 8 оставленных для обители кельях проживало 15 насельников. В 1924–1925 гг. на подворье прибыли некоторые насельники К.-П. л., среди них — игум. Клавдий (Савинский), иером. Александр (Банько) и архи-

диака Евмений (Хорольский; впол. архиепископ), в 1928 г. — иеромонахи Савва (Каменский), Леонид (Данильченко) и др. В 1924 г. власти предприняли т. н. уплотнение жилплощади, поселив в здание подворья десятки семей. Так, в 1925 г. здесь проживало 98 чел., в т. ч. 18 монахов, в 1928 г. — 157 чел., в т. ч. 25 монахов в 2 кельях.

В 1924 г. был арестован настоятель подворья архим. Трифиллий (Смага), к-рый проходил по делу еп. Мануила (Лемешевского). Настоятелю удалось вернуться только в 1929 г. Но в авг. 1930 г. по сфабрикованному 1-му групповому делу в отношении монахов подворья о сокрытии ценностей были арестованы архим. Трифиллий (Смага), игум. Никон (Белокобыльский), архидиаконы Евмений (Хорольский), Софония (Гопко), а также неск. рядовых монахов обители, проживавших в городе на частных квартирах.

Массовые аресты среди братии и прихожан подворья, имевшего очень сильную и сплоченную общину, прошли в 1932–1934 гг. в рамках 3 групповых дел. В февр.—марте 1932 г. по «делу церковно-монархической группы» проходили бывш. настоятель подворья иером. Иустин (Перебийнос) и неск. монахов и послушников. В нояб. 1932 г. были арестованы иподиаконы еп. Николая (Муравьева-Уральского): Анатолий Клинге, Александр Ефимов, Петр Матвеев, Николай Лобов, Владимир Клименталь и др. Всем обвиняемым пытались приписать заговор с целью убийства И. В. Сталина, выбив у некоторых арестованных соответствующие «признательные показания». В 1933 г. начались аресты в рамках группового «Дела Братства защиты веры», по к-рому проходили еп. Николай (Муравьев-Уральский), священники Константин Александров, Павел Тиманов, Николай Тихомиров и Сергей Поспелов, диака. Александр Коломеец-Пелак, иподиак. Александр Горбачев, монахини Акилина (Зубкова) и Глафира (Вороница). Кроме духовных лиц были репрессированы мн. миряне, хористы подворья, среди них — регент хора В. Н. Виноградов, а также один из певчих, псаломщик Михаил Гундяев (впол. священник, отец Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Кирилла).

Аресты братии и прихожан парализовали деятельность общины.

В июле 1932 г. храм подворья сменил свой статус: из ставропигиального стал приходом епархиального подчинения. 25 авг. 1934 г. президиум Леноблисполкома принял решение о его закрытии и об использовании помещения под спортзал, утвержденное ВЦИК 14 дек. 23 янв. 1935 г., после безуспешных попыток общины обжаловать это решение, храм был закрыт, его здание передано Ленинградскому военному порту под спортзал. Решением исполкома Ленинградского горсовета от 3 июня 1991 г. храм был возвращен Церкви и по благословению Святейшего патриарха Алексия II передан *Оптинской пустыни*.

В 1913 г. был основан Зверинецкий Рождество-Богородичный скит (ныне киевский Зверинецкий во имя арх. Михаила мужской монастырь). В 1918 г. скит был разрушен во время взрывов на артиллерийских складах, а братия приписана к Рождество-Богородичному мон-рю в Церковщине. В 1915–1916 гг. часть братии К.-П. л. эвакуировалась, в связи с чем обустроивались временные подворья в Харьковской, Полтавской и Екатеринославской губерниях. Также в К.-П. л. прибывали эвакуированные монахи и монахини из мон-рей зап. губерний.

Не позднее 1916 г. в подворье К.-П. л. обращен храм прп. Феодосия Печерского близ лавры. В 1916 г. в Киев прибыла настоятельница эвакуированного из Прибалтики Антолептского жен. монастыря игум. Мария (Щёлкина), которая с 10 монахинями разместились на Феодосиевском подворье. В 1917 г. игум. Мария приняла схиму с именем Михаила. В 1919 г. указом управляющего Киевской епархией еп. Назария (Блинова) Киевский мон-рь при Феодосиевском подворье передан со всеми штатами в ведение схиигум. Михаила. Между 1919 и 1924 гг. на Печерске также было основано Воскресенское подворье.

24 окт. 1924 г. указом патриарха Тихона лавре была предоставлена ставропигия. Этот указ распространялся на Феодосиевское и Воскресенское подворья, находившиеся в подчинении лавры, к-рыми управляла схиигум. Михаила (Щёлкина). Указом управляющего Киевской епархией еп. Макария (Кармазина) от 30 окт. 1924 г. Воскресенское и Феодосиевское подворья стали именовать «Киевским Ставропигиаль-

ным монастырем». В 1925 г. К.-П. л., а также Феодосиевское и Воскресенское подворья, объединенные в т. н. Ставропигиальный жен. монастырь, были закрыты, их здания переданы обновленцам. Однако ок. 200 насельниц Ставропигиального монастыря после его закрытия поселились в киевских частных домах. Они группировались вокруг схиигум. Михаила и самозванного «архимандрита» Михаила Костюка, ставшего духовником для неск. групп монахинь. В 20–30-х гг. XX в. в различных местностях Киевщины, а также в др. областях появились тайные монашеские общины, муж. и жен., возводившие свою историю к К.-П. л. и ее подворьям.

В окт. 1998 г. указом Киевского митр. Владимира (Сабодана) при Свято-Духовской ц. в с. Троещина Деснянского р-на Киева основан скит, приписанный к К.-П. л.; настоятелем был архим. Пимен (Соболев; в схиме Серафим; † 2000). В 2002 г. скит был упразднен, Свято-Духовский храм приписан к Троицкому собору в Троещине. В 2009–2010 гг. недалеко от бывш. Преображенской кладбищенской пуст., в киевском предместье Корчеватое (Голосеевский р-н Киева), рядом с мирянским Корчеватовским кладбищем, было обустроено монашеское кладбище лавры. На его территории с 2011 г. возводится храм в честь Печерской иконы Божией Матери, а также корпуса лаврского кладбищенского скита. С 2012 г. устраивается подворье при восстанавливаемом Преображенском храме на территории бывш. с. Гусинцы Бориспольского р-на Киевской обл.

В. Г. Пидгайко

Святые. Мощи. В Ближних и Дальних пещерах К.-П. л. почивают мощи прославленных Церковью подвижников, входящих в Собор Киево-Печерских святых. Мощи прп. Антония Киево-Печерского находятся под спудом в Ближних пещерах; недалеко от места их пребывания установлен кенотаф. Еще один кенотаф установлен в Дальних пещерах в память пребывания там до перенесения в Успенский собор (1074–1091) мощей прп. Феодосия Печерского (в 1240 скрыты под спудом, место неизв.). Мощи др. святых доступны для поклонения: они находятся в деревянных раках и погребальных нишах (затворах), при к-рых имеются иконы подвижников

франц. инженера и картографа Гийома Левассёра де Боплана (Там же. С. 43), об этом же писал архидиак. Павел Алепп-

*Ближние пещеры.
Фотография. 2013 г.*

ский в 1654 г. (*Павел Алеппский. Путешествие. 1897. Вып. 2. С. 57*). В описаниях 2-й пол. XVII — нач. XX в. мироточивые

и таблички с их именами (72 таблички — в Ближних, 49 — в Дальних пещерах). Но сведения о месте пребывания в пещерах мощей отдельных святых утрачены.

В Дальних пещерах хранятся мироточивые главы безымянных подвижников. Самое раннее упоминание о мироточении в пещерах лавры содержится в записках 1584 г. львовского купца Мартина Груневега,

*Кенотаф прп. Антония Печерского
в Ближних пещерах.
Фотография. 2013 г.*

немца по происхождению. Судя по начертанной на полях рукописи схеме, Груневег видел мироточивые главы в Ближних пещерах (*Исаевич. 1982. С. 129; Дива печер лаврських. 1997. С. 40*). Исцеления при помазании миром от глав были зафиксированы в 1621 и 1630 гг. (Киево-Печерський Патерик / Підгот. тексту, примеч.: Д. Абрамович. К., 1931, 1991р. С. XVI, XIX). О пребывании в Ближних пещерах мироточивых глав (количество разнится) сообщается в пояснениях к плану пещер 1638 г. (Дива печер лаврських. 1997. С. 123, 129), в записях 40-х гг. XVII в.

главы отмечают в Ближних и Дальних пещерах. К кон. XX в. оставалось только одно специально оборудо-

*Кенотаф
прп. Феодосия Печерского
в Дальних пещерах.
Фотография. 2013 г.*

ванное место для хранения мироточивых глав — в Дальних пещерах, напротив ц. Рождества Христова.

Считается, что в Успенском соборе у юж. стены в серебряной раке хранилась глава св. равноап. кн. Владимира, мощи к-рого были обретенны в 1632–1636 г. митр. Петром (Могилой) во время разборки руин *Десятинной церкви* (не все исследователи отождествляют обнаруженные останки с мощами кн. Владимира). Взяв из гроба главу, митр. Петр перенес ее в Златоверхий мон-рь арх. Михаила, а затем в Успенский собор лавры. Незадолго до начала Великой Отечественной войны глава была отправлена в Ленинград для создания скульптурной реконструкции по методу М. М. Герасимова и исчезла во время блокады города. Однако сохранилась нижняя челюсть, подаренная в 1638 г. митр. Петром царю Михаилу Феодоровичу. Впосл. эта святыня находилась в Успенском соборе Московского Кремля. В 1988 г. из фондов Музеев Московского Кремля Церкви был передан ковчег с частью мощей равноап. кн. Владимира, к-рый находился в Ростове-на-Дону, а в 2005 г. был доставлен в К.-П. л.; хранится в ц. во имя Всех преподобных Печерских.

С 1717 г. в К.-П. л. находится частица мощей (указательный перст) первомч. архидиак. Стефана. Святыня была принесена из *Нямецкого в честь Вознесения Господня мон-ря* свт. Пахомием, архиеп. Романским, проживавшим на покое в Китаевской пуст. К.-П. л. Для этой святыни в 1830 г. изготовили кипарисовую раку, на серебряной крышке к-рой помещено рельефное в рост изображение первомученика; она находилась в Стефаниевском приделе (упом. с 1638) Успенского собора. Позже (до 1898) для перста, видимо, соорудили серебряную раку (Путеводитель по св. местам Киево-Печерской лавры. К., 1898. С. 55); в 1912 г. была изготовлена еще одна серебряная рака. Впосл. ее

обнаружили в завалах взорванного Успенского собора (к 2013 в фондах НКПИКЗ). В 1990 г. обит-

тели был передан вынутый из раки ковчег с перстом первомч. Стефана. Тогда же для святыни построили деревянную резную раку, к-рую поместили в Крестовоздвиженской ц.

После возрождения лавры из фондов НКПИКЗ в обитель был возвра-

*Мироточивые главы
в Дальних пещерах.
Фотография. Кон. XX в.*

щен изготовленный во 2-й пол. XIX в. ковчег, в который помещены части Древа Животворящего Креста Господня и гроба ап. Андрея Первозванного, частицы мощей святых,

почивающих в лаврских пещерах, прав. Лазаря Четверодневного, ап. Анании, еп. Дамасского, святителей Иоанна Златоуста, Николая Чудотворца, сщмч. Игнатия Богоносца, великомучеников Меркурия Кесарийского, Феодора Стратилата, Пантелеимона, Иакова Персянина, вмч. Варвары, преподобных Иоанна Дамаскина, Афанасия Афонского, Александра Свирского.

В Крестовоздвиженской ц. находится изготовленное в 1999 г. резное Распятие с частью Древа Животворящего Креста Господня в киоте с частицами мощей святых. Частицы мощей также вложены в иконы ап. Андрея Первозванного (90-е гг. XX в., храм преподобных Антония и Феодосия Киево-Печерских), свт. Николая Чудотворца (нач. XIX в.), свт. Никиты Новгородского (1992, Крестовоздвиженская ц.), свт. Феодосия Черниговского (XIX в., ц. Всех святых Киево-Печерских), вмч. Пантелеимона (2000, Крестовоздвиженская ц.), вмч. Варвары (2-я пол. XIX в., ц. Всех святых Киево-Печерских, передана из НКПИКЗ; рубеж XX и XXI вв., Крестовоздвиженская ц.), прп. Александры Дивеевской (2001).

Иконы. Главной святыней К.-П. л. КПП называется «наместную» икону. В патерике рассказывается о принесении в 1073 г. преподобным Антонию и Феодосию к-польскими зодчими иконы, к-рую они получили во Влахернах из рук Самой Богородицы со словами: «Она будет наместной» (Киево-Печерский патерик. Слово 2. «О приходе мастеров церковных из Царьграда к Антонию и Феодосию»). Монастырское предание, восходящее к сер. XVII в., считает древней «наместной» иконой образ «Успение Пресв. Богородицы» (см. ст. *Киево-Печерская икона «Успение Пресвятой Богородицы»*). В XVII — нач. XX в. прославившийся чудесами образ находился в круглом драгоценном киоте над царскими вратами иконостаса Успенского собора и опускался на шелковых шнурах для целования. Икона утрачена во время оккупации Киева в 1941 г. В К.-П. л. хранятся ее почитаемые списки XIX в. — в Крестовоздвиженской ц. на Ближних пещерах, в киоте над царскими вратами и в алтаре Трапезного храма преподобных Антония и Феодосия Печерских. Каждую среду перед литургией соборно читался акафист

Киево-Печерская икона
«Успение Пресв. Богородицы».
Литография. 1847 г. (ГПИБ)

Успению Пресв. Богородицы. Празднование в честь иконы «Успение Пресв. Богородицы» совершается 16 мая в память о принесении ее из К-поля и 28 авг., в день Успения Пресв. Богородицы. Возобновлена традиция соборного чтения по средам акафиста Успению Богоматери перед Ее чудотворной иконой.

В К.-П. л. почитается список одного из древнейших в обители образов — *Печерской иконы Божией Матери* (ок. 1288, ГТГ) с предстоящими преподобными Антонием и Феодосием Киево-Печерскими. Список был сделан во 2-й пол. XIX в. При закрытии обители в 1-й пол. XX в. икону удалось спрятать, а позже передать лаврскому насельнику архим. Спиридону (Лукичу; в схиме Дионисий). В 1991 г. он завещал образ К.-П. л.; его установили на горнем месте в алтаре ц. Всех святых Киево-Печерских (с 2002 — в киоте за левым клиросом).

В Иоанно-Богословском приделе Успенского собора находилась *Игоревская икона Божией Матери*. Согласно «Повести о убиении блаженного Игоря» (Бережков. 1893. С. 37–38), перед этим образом молился перед кончиной блгв. вел. кн. Киевский *Игорь (Георгий) Ольгович*, убитый киевлянами в 1147 г. Икона, вывезенная в 1941–1943 гг. в Германию, по одной из версий, сгорела в февр. 1945 г. в имении Вильденхоф возле Кёнигсберга (ныне Калининград) (Полушко. 2012. С. 22–25). Серебряные риза чудотворной иконы 1-й пол. XVIII в. и рама работы ювелира А. С. Стрельбицкого 1833 г., найденные после 1943 г. при разборке руин Успенского собора, хранятся в НКПИКЗ.

В Крестовоздвиженской ц. находится киевская *Барская икона Божией Матери*, переданная в лавру в 1992 г. В Зачатиевском храме хранятся чтимые *Иверская икона Божией Матери* и образ свт. Николая Чудотворца (1-я пол. XVIII в.), переданные в лавру в 1988 г. Ранее иконы находились в семье сына прот. А. Глаголева, настоятеля ц. Николы Доброго на Подоле.

В К.-П. л. находятся также чтимые иконы, возвращенные или пожертвованные обители в XX в., после возобновления монашеской жизни.

Другие реликвии. Древней святыней К.-П. л. является крест прп. Марка Гробокопателя, изготовленный во 2-й пол. XI в. в Византии (НКПИКЗ). На лицевой стороне (утрачена) медного креста-энколпиона размещалось изображение Распятия с предстоящими Богоматерью

Крест прп. Марка Гробокопателя.
2-я пол. XI в. (НКПИКЗ)

и св. Иоанном Крестителем, вверху — прп. Марка (*Евгений (Болховитинов), митр.* Описание Киево-Печерской лавры. К., 1831. С. 320). Сохранилась обратная часть креста с изображением Спасителя в центре, 12 апостолов на горизонтальной ветви (по 6 с каждой стороны), св. Феодора вверху и вмч. Георгия Победоносца внизу. Крест, полевой внутри, по преданию, служил прп. Марку сосудом для питья. Позднее богомольцам позволялось пить из него воду. В 1701 г. московский свящ. Иоанн Лукьянов писал: «И ходихом по пещере... И пихом воду с Маркового креста, что на себе нашивал преподобный» (*Лукьянов И., свящ.* Путешествие в св. землю // РА. 1863.

Вып. 1. Стб. 40–44). В 1621 г. было отмечено исцеление теряющего зрение кн. Павла Курцевича, который, вняв совету братии лавры, омыл глаза водой из креста на мощах прп. Марка (Дива печер лаврських. 1997. С. 76–77). К 1830 г. крест хранился при мощах прп. Марка, а к 1868 г. — в ризнице Успенского собора. В кон. XIX в. крест предлагался для целования на выходе из пещерной Введенской ц.

В. А. Дятлов, Е. В. Лопухина

Архивы. Основной корпус документов по истории К.-П. л. XVIII — нач. XX в. — более 30 тыс. дел — хранится в ф. 128 («Киево-Печерская лавра») ЦГИАК. Фонд включает как непосредственно монастырский архив, начало формирования которого относится к 1718 г. (Оп. 1 общ. Д. 3105. Л. 14), так и текущую деловую документацию лаврской общины на момент ликвидации Духовного Собора К.-П. л. (дек. 1922). Первоначально фонд находился в Киевском обл. историческом архиве, а в 1944 г., после освобождения города от фашистских захватчиков, был передан в Центральный гос. архив УССР в Киеве. К 1944 г. в него входило 21 678 описанных единиц хранения и ок. 200 кг документов в россыпи (*Кагамлик С. Р. Архівні студії Києво-Печерської лаври // Архів Києво-Печерської лаври та заповідника. 2007–2008. [Т. 2.] С. 9*). После разбора неописанных документов, а также передачи в нач. 60-х гг. XX в. части дел из ф. 127 («Киевская духовная консистория») и из Киево-Печерского заповедника произошло окончательное формирование ф. 128, к-рый к 2013 г. включал 30 014 дел, входящих в 21 именную опись. Часть описей (1-я общая, вотчинные, грамоты) сформировалась на рубеже XIX и XX вв. (*Крайня. 2008. С. 71–72*).

Описи фонда распределены в 11 структурных частях, при этом структура, как и нумерация отдельных дел и их листов, неоднократно менялась, а дела перемещались из одной части в другую.

В общую структурную часть (входят 3 описи — 1-я общ. (1646–1913). 3204 дела; 2-я общ. (1715–1924). 663 дела; 3-я общ. (1731–1924). 880 дел) включены документы, характеризующие деятельность лавры в целом: адм. управление, землевладение, ведение хозяйства, строительство и ремонт, предоставление лавре пожертвований и проч. В вотчинную

(4 описи, 5 томов — 1-я вотч., т. 1 (1710–1777). 1293 дела; т. 2 (1710–1808). 3239 дел; 1-я вотч. (1632–1791), 340 дел; 3-я вотч. (1718–1784). 107 дел; 4-я вотч. (1646–1786). 243 дела) входят оригиналы и копии царских грамот, королевских привилеев, универсалы гетманов, проч. документы на право владения именьями; дела, посвященные хозяйственно-адм. вопросам, и др. Часть «Грамоты» (1-я грам. (1481–1846). 83 дела) содержит грамоты и указы царей на право собственности лавры на земли и имения, о предоставлении духовного сана, чинов и званий, перемещении, выдаче жалованья духовенству.

Материалы части «Канцелярия Духовного Собора» (1-я КДС (1719–1924). 775 дел) составляют указы императоров, Сената, Синода, коллегий и мин-в, инструкции митрополитов, доклады и реестры резолюций Духовного Собора, реестры входящих и исходящих документов канцелярии и проч. ведомств лавры.

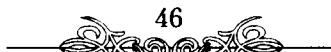
В типографской описи (3 описи — 1-я тип. (1720–1916), 1315 дел; 2-я тип. (1760–1922). 1169 дел; 3-я тип. (1790–1920). 313 дел) сосредоточены материалы, посвященные вопросам издательско-типографского производства, здесь же — сведения о репертуаре книг и об их распространении, об условиях труда рабочих и служащих типографии, иконописной и переплетной мастерских, о живописной школе. Монашеская опись (1-я мон. (1699–1924). 775 дел; 2-я мон. (1720–1919). 1225 дел; 3-я алф.-мон. («Алфавит монашеских дел») (1848–1923). 478 дел; сюда же может быть отнесена общемонашеская опись — 1-я общемон. (1753–1814). 1837 дел) включает списки насельников лавры и приписных монастырей, документы о принятии в лавру, постриге, перемещении и выплате жалованья монашествующим, их личные дела и др. В бухгалтерскую часть (1-я бухг. (1726–1924). 3363 дела) вошли годовые и месячные финансовые отчеты К.-П. л. и ее отдельных подразделений, доклады Духовного Собора и рапорты ведомств митрополиту о приходе и расходе денежных средств, информация о банковских вкладах и ценных бумагах лавры и проч. В банковскую опись (1-я банк. (1719–1918). 1403 дела) — дела о пожертвованиях в пользу К.-П. л. денежных средств, ценных бумаг и др., переписка с Московским гос. и проч. банками, попечительскими советами и др.

В благочиннической описи (1-я благ. (1862–1919). 276 дел) содержатся материалы о сборах в лаврских церквях, пожертвованиях лавры в пользу благотворительных учреждений; дела о строительстве и ремонте храмов, промышленных и хозяйственных зданий К.-П. л. Послушническая опись (алфавитно-послушническая опись — 1-я алф.-посл. (1744–1922), 6551 дело) сформирована из размещенных в алфавитном порядке личных дел послушников К.-П. л. Опись «Маловажные дела» (1-я маловаж. (1724–1811), 783 дела) содержит списки монахов, послушников лавры и др. лиц, различные дела, посвященные хозяйственным и бытовым вопросам, строительству и ремонту, работе промышленных предприятий (*Кагамлик С. Р. Архівні студії // Архів Києво-Печерської лаври та заповідника. 2007–2008. С. 10–12*).

Также более 250 дел, касающихся К.-П. л., содержится в ф. 127 («Киевская духовная консистория»). Эти дела датируются преимущественно кон. XVIII — нач. XX в. Они посвящены постройке храмов, хозяйству и земельным угодьям К.-П. л., завещаниям и пожертвованиям в ее пользу, разрешению погребений на ее территории и проч. Отдельные документы, освещающие историю К.-П. л., хранятся и в др. фондах ЦГИАК Украины. В частности, в ф. 59 («Киевская губернская канцелярия») содержатся сведения о строительстве в обители (Оп. 1. Д. 121, 1326, 1763), в ф. 711 («Киевская Духовная Академия») — об издании лаврской типографией книг для КДА (Оп. 1. Д. 1299, 1320, 1326; Оп. 3. Д. 4109), в ф. 1396 («Церковно-археологическое общество при КДА») — об исследовании древних памятников К.-П. л. в кон. XIX — нач. XX в. (Оп. 1. Д. 33, 46, 57, 92) и др.

Из др. киевских архивных собраний следует отметить Ин-т рукописи НБУВ, где дела по истории К.-П. л. хранятся в личных фондах проф. Ф. И. Титова (Ф. 175. № 77, 80, 132, 139–141, 321, 347, 350, 351), И. Н. Королькова (Ф. 162. № 222), Н. И. Петрова (Ф. 225. № 293–302, 635), а также в фонде КДА (Ф. 160. № 28, 302, 315, 581, 589–591, 593, 619). Также ряд дел из лаврского архива остались на ее территории и ныне хранятся в фондах НКПИКЗ (группа хранения «Архив»).

Документы советского периода находятся в ГА г. Киева, ГА Киевской

обл., Центральном гос. архиве высших органов власти и управления Украины (ЦДАВО). В частности, в ГА г. Киева имеется ф. Р-1517 («Киево-Печерский государственный историко-культурный заповедник»), в котором собрано 500 единиц хранения за 1943–1972 гг., в основном посвященных Киево-Печерскому заповеднику. Значительный по объему комплекс документов по истории лавры хранится в архивах РФ – РГАДА (Ф. 18, 248, 305), РГВИА (Ф. 13135), РГИА (Ф. 796). Лит.: Евгений (Болховитинов), митр. Описание Киево-Печерской лавры с присовокуплением разных грамот и выписок. К., 1831; Захревский Н. В. Описание Киева. М., 1868. 2 т.; Бережков М. Н. Блж. Игорь Ольгович, кн. Новгородсеверский и вел. кн. Киевский. Чернигов, 1893. С. 37–38; Косьяков В. А. Постройка храма подворья Киево-Печерской лавры. СПб., 1900; Титов Ф. И., прот. Краткое ист. описание Киево-Печерской лавры и др. святынь и достопримечательностей г. Киева. К., 1911; он же (Титов Хв.). Стара вища освіта в Київській Україні XVI – початку XIX ст. К., 1924; Венок на могилу високопреосв. митр. Флавиана (4 нояб. 1915 г.) / Ред.: прот. Ф. И. Титов. К., 1915; Венок на могилу високопреосв. митр. Владимира (25 янв. 1918 г.) / Ред.: прот. Ф. И. Титов. К., 1918; Ісаевич Я. Д. Нове джерело про історичну топографію та архітектурні пам'ятки стародавнього Києва // Київська Русь: Культура, традиції. К., 1982. С. 113–129; Архирейська Передсобора Народа: (Комюніке) // Правосл. вісник. 1988. № 7. С. 7; Документи Помісного Собору РПЦ // Там же. № 9. С. 16; Очерки истории Киево-Печерской лавры и заповедника. К., 1992; Дива печер лаврських. К., 1997; Мордавіцев В. М. Російське самодержавство і українська православна Церква в кін. XVII–XVIII ст. К., 1997; Ульяновський В. І. Церква в Українській Державі 1917–1920 рр. К., 1997. 2 т.; Никодимов Н. И. Воспоминание о Киево-Печерской лавре. К., 1999; Черепенина Н. Ю., Шкаровский М. В. Правосл. храмы С.-Петербурга, 1917–1945 гг. СПб., 1999. С. 269–270; Крайний К. К. Историки Киево-Печерської лаври кін. XIX – початку XX ст. К., 2000; Васильев М. Г. С.-Петербурзьке подвір'я Киево-Печерської лаври // Лаврський альм. 2001. Вип. 5. С. 33–36; он же. Либідське подвір'я Киево-Печерської лаври у XVII і XIX ст. // Там же. 2002. Вип. 7. С. 34–37; Крайня О. О. Киево-Печерський мон-р у 1919–1929 рр. // Віра і розум. 2001. № 2. С. 241–255; она же. Функціонування архіву Киево-Печерської лаври в контексті розвитку архівної справи // Лаврський альм. 2008. Вип. 22. С. 64–77; Хоменко К. В. Запровадження штатів 1786 р. в Киево-Печерському мон-рі // Там же. 2001. Вип. 3. С. 67–74; он же. Самуїл Миславський: (Біогр. довідка) // Там же. 2003. Вип. 9. С. 120–129; Морза А. Архiep. Ермоген (Голубев): Жизнь и исповедничество // Там же. 2002. Вип. 7. С. 136–166; Гришин А. Д. Огляд мат-лів з історії Киево-Печерського мон-ря (1917–1930 і 1941–1961 рр.) // Там же. 2003. Вип. 9. С. 8–19; Пашенко В. О. Доля Киево-Печерської лаври в контексті політики радянської держави щодо Церкви // Там же. С. 95–100; он же. Злочин проти культури, або як ком-партійна влада знищувала Киево-Печерську

лаву // Православ'я – наука – суспільство: питання взаємодії: Мат-ли V Міжнар. наук. конф. К., 2008. С. 157–161; Храм на Николаевской набережной: Успенское подворье ставропигиального мон-ря Оптина пуст. / Сост.: Н. Н. Никитина. СПб., 2006; Архив Киево-Печерської лаври та заповідника / Упоряд.: С. Р. Кагамлик. К., 2007. Вип. 1: ЦДІАК України: Фонд 128: Киево-Печерська лавра. [Т. 1]: Іменний покажчик; 2008. [Т. 2]: Предметно-тематичний покажчик; Біографічне свідчення о братии Киево-Печерської лавры, пострадавшей за Правосл. веру в XX ст. К., 2008; Дятлов В. А. Киево-Печерская лавра: Справ.-путев. К., 2008. С. 341–366; Кабанець Є. П. Загибель митр. Володимира: Злочин без покарання // Лаврський альм. 2008. Вип. 20. С. 38–50; Киево-Печерская лавра: Возрождение мон-ря: (Фотолетопись). К., 2008; Гуржій О. З історії функціонування Киево-Печерської лаври в останній період сталінського тоталітарного режиму. Черкаси, 2009; Антонов В. В., Кобак А. В. Святыни С.-Петербурга: Энциклопедия христ. храмов. СПб., 2010; Путеводитель по св. местам С.-Петербурга / Сост.: свящ. А. Берташ. СПб., 2011; Святыни Киево-Печерської лавры / Сост.: М. Ю. Ефимова. К., 2011; Полюшко Г. В. Ігорівська ікона Божої Матері: Історія і доля святині. К., 2012.

К. К. Крайний

Архитектурный ансамбль К.-П. л. IX – 1-я пол. XIV в. В состав архитектурного ансамбля лавры входят 2 пещерных комплекса – Дальние и Ближние пещеры, с которых и началось развитие мон-ря. Совр. облик этих комплексов является результатом разновременных реконструк-

Успенская
Киево-Печерская лавра.
Литография. Кон. XIX в.
(ГЛМ)

ций, древнейшие их составляющие определяются предположительно. В частности, исследователи выделяют в Дальних пещерах 3 участка. На 1-м, расположенном в сев.-вост. части комплекса, сосредоточены подземные церкви в честь Рождества Христова и во имя прп. Феодосия Печерского, а также неск. помещенный-камер (2×2×2 м) с выступами в виде лежанок, устроенными в материке вдоль стен. Одна из камер, по мнению нек-рых исследователей,

была кельей прп. Феодосия Печерского (Харламов. 1992. С. 63–66). Возможно, участок совр. ц. прп. Феодосия Печерского – древнейшая часть мон-ря – летописная «великая пещера», где находились неск. келий и пещерный храм, впосл. объединенные между собой переходами (Бобровський. 2007. С. 50). Вероятно, нек-рые из этих первоначально жилых помещений позже стали частью ц. Рождества Христова.

В зап. части Дальних пещер расположены неск. разветвленных и закольцованных галерей, сосредоточенных вокруг подземной Благовещенской ц., традиционно считавшейся самой древней частью пещерного мон-ря (Воронцова. 2005. С. 28). Однако нек-рые исследователи полагают, что данный участок сформировался не ранее XV в. и использовался исключительно для захоронения почившей братии (Бобровський. 2007. С. 51). В 1968 г. в стене подземного хода были выявлены сводчатые ниши – локулы (средний размер 0,5×2 м), расположенные перпендикулярно пещерному коридору; некоторые ниши размещены вдоль коридора, подобно локулам рим. катакомб (Дяденко. 2012; Чумаченко. 2012; Юра. 2012). На этом же участке находится верхний вход в пещеры из наземной ц. Зачатия св. Анною Пресв. Богородицы, а также позднесредневеков. келья затворника, состоящая из 2 соединен-

ных между собой камер с лежанками из кирпича вдоль стен. С юго-востока к этому участку прилегает длинная галерея, которая направляется к

нижнему входу в пещеры. В стенах галереи зафиксировано неск. крипт – камер для захоронений, характерных для древнерус. времени. Возможно, эта галерея представляет собой остатки одного из участков монастырского кладбища XI–XIV вв.

В юж. части Дальних пещер расположены Варяжские пещеры. Первоначально полностью самостоятельные, позднее они были соединены с основным комплексом длинной извилистой галереями. В домонг.

период Варяжские пещеры, вероятно, являлись местом затворнического подвига отдельных монахов.

В Ближних пещерах, так же как и в Дальних, есть 3 подземные церкви, из к-рых лишь Введенская может быть отнесена к древнерус. периоду. В пещерах устроены крипты, они представляют собой небольшие (4–6 кв. м) искусственные пустоты прямоугольной формы, перекрытые сводами. В нек-рых из них справа и слева от входа вдоль стен в материке устроены выступы в виде лежанок. Поэтому участок, где сосредоточены эти помещения, долгое время считался жилой зоной. Проведенные в кон. 70-х гг. XX в. исследования позволили с большой долей вероятности определить, что камерные сооружения, традиционно называемые кельями затворников, служили погребальными криптами (*Мовчан И. И., Авагян А. Б.* Отчет об археологических исследованиях в Ближних пещерах Киево-Печерского заповедника, проведенных в 1978–1979 гг. // *Лаврский альманах.* 2012. Вип. 27. С. 158–215). Их локализация в центральной и сев. частях комплекса позволяет предполагать здесь наличие монастырского некрополя — летописного места «где всю братию погребают» (*Бобровский Т. А.* «Место идеже и всю братию погребают»: (Древнейший некрополь Киево-Печерского монастыря в свете новых данных) // *Тр. ГЭ. СПб., 2010. Т. 53: Архитектура Византии и Др. Руси IX–XII вв. С. 309–317).*

Первый наземный монастырский храм в честь Успения Пресв. Богородицы и др. постройки, возведенные на территории Дальних пещер, были деревянными. Можно предположить, что на этом месте взамен ветшавших храмов в последующие века сооружались новые, вплоть до существующей ныне каменной ц. Рождества Пресв. Богородицы. Освоение территории над Ближними пещерами, к-рая располагается на склоне, находящемся намного ниже холма Дальних пещер, началось позже.

При вел. кн. Святославе Ярославиче мон-рь получил обширный участок земли на холме неподалеку от Ближних пещер. Впосл. эту территорию назвали Верхней лаврой. Здесь была поставлена ограда со св. воротами в центральной части зап. прясла. Вероятно, над входом первоначально была построена деревянная надвратная церковь. В юго-вост. части ограды были устроены ворота, свя-

зывающие Верхнюю лавру с участком, где находились пещеры, также обнесенным оградой.

Монастырская территория сложилась как концентрическая архитектурно-пространственная схема с особыми функциональными зонами. В пределах внутренней зоны находились обязательные («уставные») постройки (главный храм, трапезная, кельи, возможно б-ка и скрипторий). Центральное место занимал доминирующий над остальными сооружениями собор. Закладка Великой церкви, или Успенского собора, состоялась в 1073 г., еще при жизни прп. Антония. На строительство собора кн. Святослав Ярославич пожертвовал 100 гривен (16 кг золота). После кончины прп. Феодосия (1074) строительство было прервано и возобновилось в 1075 г., при игум. Стефане. В 1089 г. храм освятили. Согласно КПП, в строительстве собора участвовали пришедшие из К-поля визант. мастера, прославленных в лике святых. В патерике многократно подчеркивается мистическое значение данного сооружения. Мастера были призваны во Влахернский храм Пресв. Богородицей, которая направила их в Киев, к преподобным Антонию и Феодосию, для построения храма в Ее честь. Божия Матерь вручила им меру для постройки — пояс Христов по Его собственному повелению, а также мощи св. мучеников Артемия и Полиевкта, Леонтия, Акакия, Арефы, Иакова, Феодора, с тем чтобы положить их в основание церкви, и «золота с избытком». Место под постройку было указано Самим Господом по усердной молитве прп. Антония (Патерик. 1911. С. 5–6).

Связь собора с визант. архитектурой выявляют его технико-стилевые особенности (*Лазарев В. Н.* Мозаики Софии Киевской. М., 1960. С. 36–37; *Логвин Г. Н.* София Киевская: Альбом. К., 1981. С. 15; *Комеч А. И.* Древнерусское зодчество кон. X — нач. XII в. // *Византийское наследие и становление самостоятельной традиции.* М., 1987. С. 176–177). Это был 6-столпный крестово-купольный одноглавый храм с 3 апсидами. В зап. части находился выраженный нартекс. Внутренние столбы, поддерживающие арки и своды, имели крещатую форму. Над средокрестьем на подпружных арках и парусах поднимался световой барабан, перекрытый полусферическим куполом. Кладка

собора состояла из комбинации рядов плинфы и валунов. Фасады здания были не оштукатурены, а затерты цемянкой — известковым раствором розоватого цвета с примесью измельченной плинфы, т. о. при системе кладки со «скрытым рядом» образовывались характерные полосы. В сочетании с рядами валунов это придавало стенам собора особую живописность. Художественную выразительность фасадов усиливал внешний декор (для выкладки деталей использовалась фигурная плинфа): 2-ступенчатые ниши с полуциркульным верхом, перспективные обрамления располагавшихся в 2 яруса окон, тонкие полуколонки на граненых апсидах, пояс меандра, равноконечные кресты на стенах и т. д.

Входы в собор находились с запада, севера и юга. В послании свт. Симона, еп. Владимирского и Суздальского, к мон. Поликарпу упоминается, что последний устроил 2 двери Великой церкви (Патерик. 1911. С. 87); по аналогии с дверями некоторых храмов этого периода можно предположить, что они были обиты медными пластинами с золотым письмом.

Не исключена, но и не доказана принадлежность к убранству собора вмонтированных в XIX в. в фасад здания лаврской типографии монументальных шиферных рельефов (НКПИКЗ; точная дата неизвестна, сведений о прежнем местонахождении или о месте находки нет). На 2 полностью сохранившихся рельефах одинаковых размеров (183–185×79–80 см) представлены античные сюжеты («Самсон, побеждающий льва» и «Дионис (Кибеларей?) на колеснице, запряженной львами») (см.: *Ткаченко М. В.* Дві давньорус. шиферні плити з фондів нац. Києво-Печерського заповідника // *Лаврский альманах.* 2001. Вип. 5. С. 109–125; *Архипова Е. И.* Резной камень в архитектуре древнего Киева (кон. X — 1-я пол. XIII в.). К., 2005. С. 103–108). В разные годы при раскопках были обнаружены фрагменты рельефов (реконструирована композиция с конным святым-змееборцем, см.: *Холостенко.* 1967. С. 65. Табл. XI, 1) и одинаковые 3-частные рамки. Порталы были оформлены мраморными наличниками (фрагменты находятся в ц. прп. Варлаама в Ближних пещерах).

В кладке в большом количестве использовался красный шифер в виде плит разной толщины. Края плит выступали из толщ стен и были профилированы, создавая карнизы, которые проходили около основания конх апсид и по стенам на уровне пола хор, подчеркивая поярусное решение внутреннего пространства храма, а также охватывали крестчатые столбы и пилястры, фиксируя начало арок. Т. о., шиферные пояса были не только конструктивными элементами, но и оригинальными декоративными деталями убранства собора. Этот розово-пурпурного цвета камень добывали на Воляни близ Овруча, где известны залежи красного песчаника, т. н. красного шифера, и более мягкого по сравнению с ним фиолетового и розового кембрийского талькового сланца, также часто применяемого в декоративном оформлении храмов (*Осовский Г. О.* Откуда привозился красный шифер, встречаемый как в древних храмах, так и в других памятниках Киева // *Тр. III Археол. съезда, 1874. К., 1878. Т. 2. С. 159–164; Тукowski П. А.* Древнейшая добывающая промышленность на Воляни // *Тр. Об-ва исследователей Воляни. Житомир, 1915. Т. 12. С. 167–198*).

Собор был украшен в игуменство прп. Никона (1077/78–1088) прибывшими из К-поля живописцами (Патерик. 1911. С. 8–9). В архитектурно-художественном замысле собора внутреннее оформление играло исключительную роль, органично сочетались мозаики, фрески и скульптурный декор. Наиболее значимые части собора — подкупольное пространство и центральную апсиду — украсила мозаика. Смальту изготавливали в стеклянно-смальтовой мастерской, выявленной археологами на территории мон-ря. В боковых объемах собора были выполнены фресковые росписи. Сохранились фрагменты резных мраморных и шиферных плит, к-рые украшали парапеты хор (мраморные декорировали, возможно, алтарную преграду); пластики язык с элементами орнамента решен в стиле традиц. образцов раннехрист. и юстиниановского времени.

Древняя алтарная преграда (темплон) в соборе по общей композиции была близка к темплогам визант. соборов IX–XII вв. В алтаре над престолом находился киворий: колонны с капителями, поддерживающие сень

(изображение подобного кивория представлено на мозаике «Евхаристия» в Софийском соборе в Киеве, 40-е гг. XI в.). Киворий был окован металлическими позолоченными листами. Под сенью, над престолом, висел золотой венец, принесенный варягом Шимоном Африкановичем (Патерик. 1911. С. 4). Ныне 2 мраморные колонны от кивория находятся во Введенской ц. в Ближних пещерах. Во время археологических раскопок выявлено большое количество шиферных плит пола розово-фиолетового цвета, а также 23 фрагмента разноцветных тессер мозаики. Согласно реконструкции Н. В. Холостенко, мозаикой был украшен только участок пола в подкупольном квадрате (*Холостенко. 1975. С. 132–133*). Однако не исключено, что по примеру мн. визант. храмов наборной мозаикой в технике «opus tessellatum» мог быть выложен пол в зап. ветви креста и в пространстве вимы.

В мае 1230 г. в Киеве произошло землетрясение, во время которого «церк(ва) святых Богородица каменная на 4 части раступись» (ПСРЛ. Т. 1. Вып. 2. Стб. 454). Была значительно повреждена юж. часть собора, где сохранился только угол, примыкающий к центральной апсиде, пострадали и своды купола. Нуждающиеся в восстановлении участки стен были переложены еще до Батыева нашествия: ученые выявили значительные фрагменты строительных слоев, где битая плинфа XI в. положена с плинфой рубежа XII и XIII вв. (*Лашкарев. 1898. С. 209–212; Холостенко М. В.* Нові дослідження Іоанно-Предтеченської церкви та реконструкція Успенського собору Києво-Печерської лаври // *Археологічні дослідження стародавнього Києва. К., 1976. С. 149*).

По ясности, выразительности, новизне архитектурной концепции и по совершенству ее воплощения собор, построенный Божиим Промыслом, стал явлением в архитектуре Киевской Руси. По образцу Великой церкви строились особо значимые соборные храмы Руси. Этот тип церковного здания с теми или иными вариантами в разных масштабах воспроизводили в древнерус. городах.

Во время игуменства прп. Иоанна (1088/89 — ок. 1103), вскоре после завершения работ в соборе, у сев. фасада на небольшом (менее 2 м) расстоянии построили ц. во имя св. Иоанна Предтечи. Церковь возвели

на 2 тыс. гривен серебром и 200 гривен золотом, пожертвованных монастырю мон. Захарией (Патерик. 1911. С. 10). Эта постройка, хорошо сохранявшаяся до 1941 г., представляла собой квадратный в плане объем (6×6 м) с 4 опорными столбами, на к-рых покоился купол на световом барабане. Три апсиды были лишь намечены в виде небольших граничных выступов, вход был с зап. стороны. При небольших объемах храм был 2-ярусным. Декорация стен в виде ступенчатых ниш, перспективных оконных обрамлений и т. д., а также характерная «полосатая» поверхность стен создавали стилистическое единство ц. св. Иоанна Предтечи и Успенского собора. Интерьер церкви, вероятно, тоже имел богатое убранство в стиле визант. искусства XI в.

К ц. св. Иоанна Предтечи по конструктивному решению близка построенная, возможно, одновременно с ней надвратная Троицкая ц. — единственный, хорошо сохранившийся памятник архитектуры древнерус. периода на территории К.-П. л. Это 4-столпный однокупольный 2-ярусный храм (11,5×11,0 м; высота в интерьере 14,85 м). В центральной части 1-го яруса был устроен арочный проход св. ворот. Первоначально на уровень 2-го яруса можно было попасть по деревянной лестнице через дверной проем в сев. стене. Храм сложен из плинфы и грубо отесанных валунов на цемяночном растворе. В кладке сводов использовались голосники. Стены храма прорезаны 2-ступенчатыми окнами и нишами с полуциркульными завершениями. Не закрытая позднейшими наслоениями юж. стена позволяет представить не только первоначальное оформление фасадов храма, но и его структуру в целом. Так, членение фасада по вертикали лопатками на 3 яруса соответствует внутреннему делению храма 4 столбами на 3 нефа. Первоначально фасады завершались закомарами. Вверху столбы соединены между собой подпружными арками, к-рые вместе с парусами составляют основу для барабана и купола. Апсиды спрятаны в толще вост. стены.

Строительство каменной трапезной было окончено в 1108 г. (ПСРЛ. Т. 1. Вып. 1. Стб. 283). О существовании при трапезной церкви упоминается в летописи под 1110 г.: «...явился столпъ огнен от земля до

н(е)б(е)си... Сеи же столпъ ста первие на трапезнице каменной, яко не видети бы кр(е)ста...» (Там же. Стб. 284). Ктиторами постройки трапезной были кн. Глеб Всеславич, пожертвовавший мон-рю 600 гривен серебром и 50 гривен золотом, и, вероятно, прп. Николай Святоша, сын черниговского князя, которому, согласно КПП, на 8-й год после пострига поручили выполнять послушание в трапезной.

В планировке территории Верхней лавры наблюдается стремление выдержать распространенную в правосл. мон-рях традицию размещения соборного храма и здания трапезной рядом, со входами, обращенными друг к другу (напр., афонские монастыри Великая Лавра, Ватопед, Ивирон). Согласно результатам археологических исследований, трапезная палата с церковью находилась к юго-западу от Успенского собора, на расстоянии 18 м от него. Были выявлены фрагменты внешних и внутренних фундаментов и стен трапезной, к-рые свидетельствуют, что это было квадратное в плане сооружение (ок. 18×18 м). Посередине трапезной было выделено внутреннее пространство (6,5×6,5 м) с мощным крещатым столбом (1,55×1,64 м) в центре. Кладка стен выполнена в технике «opus mixtum» из плинфы и гранитных валунов на известково-цемяночном растворе. Найдено много фрагментов от голосников, применявшихся при устройстве сводов. Трапезная была расписана (обнаружены фрагменты штукатурки со следами росписи; *Харламов В. О.* Раскопки древнерус. трапезной Киево-Печерского мон-ря // Археологические открытия, 1984 г. М., 1986. С. 320–321). В оформлении интерьера использовались квадратные, фигурные и треугольные керамические поливные плитки вишневого, желтого и зеленого цвета. Летопись сообщает о том, что трапезная пережила землетрясение в мае 1230 г., хотя «камень дробное сверху падая», но «вся трапезница не падесе, ни верх ея» (ПСРЛ. Т. 1. Вып. 2. Стб. 454).

От св. ворот шла улица, ориентированная на Успенский собор, к-рая, постепенно расширяясь, переходила в Соборную площадь. План этой территории имел трапециевидную форму; благодаря такому своеобразному приему создавался архитектурно-художественный эффект, когда от св. ворот собор воспринимался зна-

чительно ближе, и наоборот, от собора путь к выходу из мон-ря казался более длинным. Перед собором, в центре площади было установлено «било», к-рым монастырскую братию созывали на молитву.

После возведения Успенского собора и др. каменных построек композиционный центр от ансамблей Ближних и Дальних пещер переместился на Верхнюю территорию, где на сравнительно небольшом участке расположились каменные Успенский собор, трапезная палата с церковью, Троицкий надвратный храм. Став композиционным центром архитектурного ансамбля мон-ря, собор определил его дальнейшее развитие, размещение и группировку отдельных частей. Анализ планировочной структуры мон-ря показывает, что его особенности, сложившиеся до 1240 г., существенно не менялись в последующие века.

Соборную площадь по периметру окружали здания, находившиеся в пределах внутренней ограды мон-ря. Неоднократно упоминаемые в летописных источниках кельи в этот период, вероятно, представляли собой небольшие отдельно стоящие деревянные домики (Летопись русская за Ипатьевским списком / Перекл.: Л. Махновец. К., 1989. С. 141, 291; Патерик Киево-Печерский. К., 2009. Т. 1. С. 241). Хозяйственные постройки, больница с огородом, а также странноприимный дом, располагавшийся между Нижней и Верхней территориями мон-ря, находились соответственно во внешней монастырской ограде.

При игум. Василии (1182 — после 1197) деревянную монастырскую ограду заменили каменной. Ее фрагменты выявлены во время археологических раскопок в 1951 и 1991 гг. (*Асеев Ю. С., Богусевич В. А.* Военно-оборонні стіни XII віку в Києво-Печерській лаврі: Архітектурно-археологічні дослідження 1951 р. // Вісник Академії будівництва і архітектури УРСР. К., 1951. № 4. С. 40; *Харламов В. А., Гончар В. Н., Трофименко Г. В.* Отчет об археологических раскопках хозяйственного двора вблизи корпуса № 22 на территории Киево-Печерского гос. историко-культурного заповедника за 1991 г. К., 1991. С. 14–16. Ил. 59, 60, 61. Ркп.).

Рядом с Печерским мон-рем находился Спасский мон-рь в с. Берестове, где в 1113–1125 гг., при кн. Владимире Мономахе, был возве-

ден Спасо-Преображенский собор. Строения этих мон-рей образовывали единый архитектурный ансамбль.

Во время нашествия хана Батые были сожжены и разорены строения обители, пострадал в т. ч. Успенский собор. В качестве свидетельства масштабов утрат после событий 1240 г. традиционно приводят цитату из Синописа: «...самую Небеси подобную Церковь Пресвятыя Богородицы Печерскую оскверниша, от всего украшения обнажиша и Крест с главы Церковныя златокованный сняша, а верх до полуцеркве по окна повелением проклятого Батые испровергоша; такожде и верх олтаря великаго по перси иконы Пресвятыя Богородицы избиша» (*Иннокентий (Гизель)*. 2006. С. 148). Однако данное архим. Иннокентием (Гизелем) описание относится к 1674 г. и не отражает реальных наблюдений сер. XIII в. Возможно, с Батыевым разрушением связывали последствия землетрясения 1230 г. (*Івакін*. 1996. С. 173). Сообщение Синописа не соответствует и сведениям архидиак. Павла Алеппского, видевшего в 1653 г. в алтаре изображение Богородицы «мозаикой с золотом, как в Св. Софии» (*Павел Алеппский*. Путешествие. Вып. 2. С. 52). Сохранилось главное сооружение оборонительной стены — Троицкая надвратная ц. Несмотря на разорение, в мон-ре в этот период поддерживалась письменная традиция, действовала художественная мастерская. С работой последней некоторые исследователи связывают создание Печерской (Свенской) иконы Божией Матери с предстоящими преподобными Антонием и Феодосием (ок. 1288, ГТГ) (*Ананьева Т. А.* Икона «Богоматерь на престоле» XIII в. // ПКНО, 1975. М., 1978. С. 138–144).

2-я пол. XIV — 1-я пол. XVII в. После вхождения Киева в состав Великого княжества Литовского значение мон-ря не уменьшилось, о чем свидетельствует появление в XIV–XV вв. в Успенском соборе усыпальниц Гедиминовичей из княжеских родов Ольгердовичей и Наримунтовичей, что было бы невозможно в разрушенном или полуразрушенном храме.

В 1416 г. Киев захватил хан Едигей. О том, насколько пострадал мон-рь в этот период, сведений нет. В записках 1419 г. иеродиакона Троице-Сергиева мон-ря Зосимы отсутствуют описания строений мон-ря и

сказано лишь о том, что в течение полугода он «пробыл в лавре, которая зовется Киевская пещера», и находился «у гроба преподобного Антония и Феодосия» (Книга, глаголемая Ксенось, сиречь Странникъ Зосимы... // Киевлянин. 1840. № 1. С. 164; Прокофьева Н. И. Хождение Зосимы в Царьград, Афон и Палестину: Текст и археогр. вступл. // Вопросы рус. лит-ры: Уч. зап. МГПИ. М., 1971. Т. 435. С. 299).

Известно о восстановительных работах в мон-ре, начавшихся при сыне Владимира Ольгердовича Александре (Олельке). В правление Симеона Олельковича, к 1470 г. Успенский собор был капитально отремонтирован. Об этом масштабном ремонте свидетельствует надпись на каменном рельефе-триптихе с изображением Богоматери «Оранта» и предстоящих ей по сторонам преподобных Антония и Феодосия Печерских, выполненном по заказу Симеона Олельковича в честь окончания восстановительных работ в соборе: «...основана бысть церковь Пресвятыя Богородица Печерскаа, по старом основании при великом короле Казимире благоверным князем Симеоном Александровичем, отчичи Киевском, при архимандрите Иоанне» (при ремонте собора после пожара 1718 г. триптих сняли с фасада алтарной апсиды, в наст. время его разрозненные рельефы находятся над сев., юж. и зап. входами нижнего яруса лаврской колокольни). Под «старым основанием» восстанавливаемого собора следует в данном случае понимать не его фундаменты, а каменные стены и опорные столбы, сохранившиеся после 1240 г.

В 1470 г. над старыми стенами храма, вероятно, были возведены кирпичные арки и своды, барабан и купол, а также устроена новая скатная кровля. Зап. стена собора была укреплена контрфорсами, 2 из которых поставлены по сторонам главного зап. входа на линии опорных столбов, а 2 других — по углам собора. Контрфорсами укрепили и южную стену. Кладку выполнили из очень крепкого, хорошо обожженного, брусковатого с бороздками в нижних частях т. н. литов. кирпича (8×17×32 см). Самым существенным изменением в архитектуре храма после проведенного ремонта явился отказ от посподных покрытий по закомарам и переход к скатным кровлям и к пофронтонному покры-

тию. В это время каждая закомара зап. фасада надстраивается и превращается в 2-скатный, украшенный зубчиками шиферного карниза фронтон. От 3 фронтонов зап. фасада к востоку, до барабана купола и пересечения среднего нефа, шли 3 гребня кровли. Их прерывала идущая от барабана над трансептом к северу и югу также 2-скатная кровля, формирующая фронтоны на сев. и юж. фасадах. С вост. стороны, над полу сводами апсид, во всю ширину храма был возведен фронтон, от которого к барабану шла 2-скатная кровля. Покрытие храма было, по-видимому, свинцовое.

Изменения произошли и в интерьере храма. Во многом сохранившиеся древнерус. мозаики были дополнены новыми настенными росписями: «...иже о украсию [Успенскую ц.] красотою, якоже бѣ мощно, такожде и внутрь иконными писанием, но единаче не тако, якоже прежде, исперва бо мусією сажена бысть, не токмо по стѣнам, но и по земли, и обогати ю златом и сребромъ и сосуды црковными» (Густынская летопись — ПСРЛ. 1843. Т. 2. С. 358).

В результате археологических исследований 1998 г. в южной части нартекса XI в. был выявлен погребальный комплекс из 5 шиферных саркофагов, в одном из которых обнаружена серебряная монета кн. Владимира Ольгердовича 60–80-х гг. XIV в. Комплекс имеет вторичный характер, о чем свидетельствуют обнаруженные под нижними плитами саркофагов следы погребальных сооружений XI–XII вв., а также особенности использованных строительных материалов. Эти данные позволяют считать, что комплекс был сооружен ко времени восстановления собора в 1470 г. и являлся родовой усыпальницей Олельковичей (Івакін Г. Ю., Балакін С. А. Поховальний комплекс XV ст. у нартексі Успенського собору Києво-Печерської лаври // Лаврський альманах. 1999. Вип. 2. С. 76–86).

В 1482 г. собор пострадал при нападении на Киев войск хана Менгли-Гирея, было также разрушено здание трапезной (Харламов В. О., Гончар В. Н. Хозяйственно-бытовой комплекс XIII–XIV вв. на территории Печерского монастыря // Древняя история населения Украины. К., 1991. С. 67–71). Несмотря на тяжелое время, строительные работы в мон-ре не прекращались. Так, в нач.

90-х гг. XV в. к юж. стене Успенского собора пристроили небольшую (4,54×3,96 м) усыпальницу. Археологи выявили тут захоронение неизвестной, но, по-видимому, влиятельной особы в гробнице из шиферных плит с остатками надписи 1492 г. Тенденция строительства возле стен Успенского собора небольших родовых усыпальниц отмечалась и в дальнейшем.

Особое покровительство Печерскому мон-рю оказывали потомки кн. Полоцкого Наримунта (в крещении Глеб) магнаты Острожские. Гетман Великого княжества Литовского Константин Иванович Острожский в 1-й четв. XVI в. капитально отремонтировал родовую усыпальницу (Петров Н. И. Историко-топографические очерки древнего Киева. К., 1897. С. 79). Ремонтные работы проводились в интерьере собора, где установили новый 5-ярусный ренессансный иконостас, известный по его описанию 1651 г. и медной копии, изготовленной по заказу патриарха Московского и всея Руси Никона (Он же. Южно-рус. иконы // Искусство в Юж. России: Живопись, графика, худож. печать. К., 1913. № 11/12. С. 487–488). По желанию Острожского к юго-вост. углу храма был пристроен придел во имя ап. Иоанна Богослова (Каргер М. К. Древний Киев. М.; Л., 1961. Т. 2. С. 366). Тут гетман и был похоронен в 1530 г. Над могилой отца Константин Константинович Острожский установил в 1579 г. скульптурное надгробие (автор Генрих Горст?) в ренессансных формах из волынского порфира, схема которого соответствовала общепринятому в то время в Европе типу пристенных надгробий. Гетман был изображен в виде воина в латах, который полулежит на саркофаге, опираясь на согнутую руку.

Ко времени посещения в 1584 г. мон-ря львовским купцом Мартином Груневегом в застройке Печерской обители произошли существенные изменения: древняя каменная трапезная уже не использовалась, но еще не была разобрана и стояла «весьма опустошенная и разрушенная». Вместо нее напротив юж. фасада Успенского собора была сооружена новая трапезная. На площади перед храмом находилась колокольня с часами. Улица, ведущая к Успенскому собору, как и раньше, была застроена монашескими кельями. Груневегу удалось посетить Ближние

пещеры, куда он прошел через большой сад; кроме маленького домика смотрителя пещер, других построек на участке Ближних пещер он не видел (*Мартин Груневег*. Славнозвісне місто Київ / Перекл. та коментар: Я. Ісаєвич // Всесвіт. К., 1981. № 5. С. 210–211). Судя по описаниям путешественников XVI в. и лаврским гравюрам 20-х гг. XVII в., особым благоустройством и красотой пещеры и постройки, расположенные над ними, не отличались.

Значительные строительные работы велись при архим. Елисее (Плетенецком), к-рый, как писал в 1618 г. Александр Митура в панегирике, «дивно обновил славный Печерский монастырь и отлично украсил соборную церковь...» (*Титов*. 1916. С. 68). При архим. Елисее было построено здание типографии. Напечатанные здесь книги иллюстрировались гравюрами, нередко с изображением Успенского собора. Первые достоверные виды собора запечатлены на гравюрах из «Анфологиона» (1619) и кн. «Беседы свт. Иоанна Златоуста на 14 посланий ап. Павла» (1623). На обеих гравюрах изображение собора, показанного с зап. фасада, условно, но позволяет составить определенное представление об облике этого здания. Собор одноглавый, еще одна глава поднимается над приделом св. Иоанна Предтечи, который кажется объединенным с основным объемом храма. С юж. стороны к зап. фасаду примыкает невысокая пристройка с фронтоном, на вершине к-рой укреплен крест. По сторонам центрального прясла устроены ступенчатые контрфорсы. Такой же контрфорс помещен у юго-зап. угла. Покрытие на соборе и приделе св. Иоанна Предтечи выполнено не по законам, а по шипцам.

Много сделал для мон-ря митр. Киевский Петр (Могила), уделявший особое внимание благоустройству пещер. При нем по маршруту паломников в пещерах были устроены ниши-аркосолонны, в которых установили раки с мощами печерских угодников. В созданную по инициативе митрополита «Тератургиму» мон. Афанасия Кальнофойского (1638) вошел план, отображающий застройку территории мон-ря этого времени. Так, на участке Дальних пещер показаны: ц. Рождества Богородицы — деревянная, 3-срубная, с ярусным венчанием (на гра-

Успенский собор в 1-й четв. XVII в.

Вид с запада. Фрагмент гравюры на титульном листе кн. «Беседы свт. Иоанна Златоуста на 14 Посланий ап. Павла». К., 1623

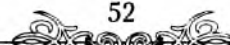
юре 1623 г. церковь изображена в виде маленького 2-ярусного храма с шатровым верхом; в посл. обветшала и была возобновлена в 1635); небольшое сооружение в виде квадратного сруба с крышей со световым фонарем над входом в пещеры; в пещерах отмечены 2 кельи — прп. Феодосия и где «почил от трудов своих благословенный законник Зинон»; 3 подземные церкви — Рождества Христова, прп. Феодосия и Благовещенская, судя по схематическим изображениям, в них были установлены 3-ярусные с полукруглыми завершениями иконостасы; территорию окружали многочисленные ограды, в черте которых находились виноградники, вишневый сад, неск. келий, колодец.

На участке Ближних пещер отмечены: «келия превелебного отца печерного», «найнижча келия», «садовникова келия», а также «студня напротив ворот»; в пещерах было 2 церкви — Введения во храм Пресв. Богородицы, «красиво украшенная», и во имя прп. Антония; над пещерами при митр. Петре была поставлена деревянная Крестовоздвиженская ц. (*Атанасій Кальнофойський, свящ. Тератургима, або чуда // Хроніка 2000*. К., 1997. Вип. 17/18. С. 28–30). План из «Тератургимы» в этой части хорошо дополняет рисунок голл. худож. Абрахама ван Вестерфельда (1651). На рисунке видно, что Крестовоздвиженская ц. представляла собой 3-срубное деревянное сооружение, юго-западнее от нее изображена деревянная 3-ярусная колокольня, к которой примыкали длинные и узкие, тесно связанные с рельефом одноэтажные корпуса с частым ритмом окон, вероятно первые крытые галереи, ведущие к пещерам. От шатровой невысокой башни, служившей, по-видимому, входом в галерею, вверх по склону поднималось

деревянное ограждение, примыкавшее ко 2-му ряду ограды, окружавшей мон-рь. Близ церкви и колокольни находилось еще неск. жилых и хозяйственных построек.

Участки Дальних и Ближних пещер были связаны между собой многочисленными дорожками и тропинками. Склоны между ними, занятые садами и огородами, окружала деревянная ограда с воротами и калитками. С сев. стороны ограда шла параллельно юж. части ограждения Верхней территории мон-ря и образовывала широкую улицу. Поворачивая на юг, улица шла вдоль подошвы склонов верхней кромки естественного «амфитеатра», включавшего ближнепещерную территорию и глубокую долину между 2 пещерами. Существовала и непосредственная связь между участком Дальних пещер и Печерским местечком, о чем свидетельствуют ворота в ограде, проходившей по склону между церквами Рождества Богородицы и св. Параскевы Пятницы на посаде.

Т. о., все составляющие архитектурного ансамбля мон-ря: Верхняя лавра, территории Ближних и Дальних пещер — имели собственные дороги, ведущие к сформировавшемуся возле него укрепленному поселению, и составляли вместе с ним единый градостроительный комплекс. Компактно располагаясь на плато, отделенном от др. частей Киева глубоким оврагом, объемно-пространственная композиция этого комплекса в условиях сложного рельефа ориентировалась на структуру, сложившуюся в предыдущий период. Мон. Афанасий Кальнофойский называл это поселение местечком, Г. Левассёр де Боплан — «селение Пещеры с большим монастырем» (*Левассёр де Боплан Г. Опис України, кількох провінцій Королівства*

Польського, що тягнуться від кордонів Московії до границь Трансільванії, разом з їхніми звичаями, способом життя і ведення воєн. К., 1990. С. 34–35). Исторически оно подлежало юрисдикции Печерского мон-ря и было связано с ним хозяйственной деятельностью. Укрепления Печерского местечка в 1638 г. были деревоземляные, в виде окруженной рвом деревянной ограды, в состав к-рой входили 2 проезжие надвратные башни: 2-ярусная при подъезде из Киева и более низкая при выезде на «дорогу к Лыбеди». Со стороны Неводницкого оврага в местечко попадали через широкие ворота без башни, располагавшиеся близ деревянной Пятницкой ц. (дата строительства неизв.). Сев. укрепления местечка примыкали к сев.-зап. углу ограды мон-ря, образующая одну оборонительную линию.

К нач. XVII в. сложилась планировка Печерского местечка, имевшая нерегулярный характер. Основой для ее формирования послужили направления старых дорог, одна из которых пролегла с севера на юг, вдоль линии водораздела, а вторая, перпендикулярная ей, — на запад, в сторону Лыбеди и Василькова. Кварталы неправильных очертаний с отдельными усадьбами ограждали заборы. Расположенные на участках небольшие одноэтажные домики стояли преимущественно по красным линиям улиц и переулков, а тылы усадеб занимали сады и огороды. Аналогичным образом было застроено поселение с северной стороны местечка, обозначенное мон. Афанасием Кальнофойским как «погост Спасский». В его центре находились руины ц. Спаса на Берестове, восстановленной митр. Петром (Могилей): к наиболее сохранившейся части храма — нартексу — с использованием плинфы от разборки руин были пристроены 3 апсиды с востока и деревянный притвор с запада; устроены 3 купола.

Церкви в Печерском местечке, расположенной вдоль основной планировочной оси на бровке днепровской возвышенности, являлись композиционными доминантами. Самая древняя из церквей — во имя прп. Феодосия — была в 1638 г. деревянной 3-срубной и вместе с колокольней занимала огороженное подворье. Недалеко от нее находился также деревянный 3-срубный Воскресенский храм (время основания

неизв.). Незастроенное пространство между этими храмами использовалось для торгов.

Со стороны Печерского местечка к юго-зап. углу монастырской ограды примыкала огражденная территория, отмеченная в «Тератургиме» как гостинный дом для монашеской

*Успенский собор
во 2-й четв. XVII в.
Фрагмент гравюры
с панорамой Верхней лавры
из кн. мон. Афанасия
Кальнофойского
«Тератургима». К., 1638*

братии и богомольцев; на плане изображен небольшой одноэтажный деревянный дом. Напротив св. ворот Печерского мон-ря был вход в жен. Вознесенский мон-рь. В 1638 г. его окружала ограда из бревен или брусев, положенных горизонтально. Все монастырские постройки — церковь с колокольней, кельи — были деревянными.

Печерский монастырь в это время окружала ограда в виде стены из вертикально поставленных брусев, связанных сверху тесаным карнизом. Границы Верхней территории мон-ря были близки к современным и, вероятно, тождественны определенным в древнерусский период. Единственная транзитная ось, намечившаяся на начальном этапе развития архитектурного ансамбля монастыря, проходила от Троицкой надвратной ц. к нижней калитке в створе «крутой по причине горы тропинки к типографии», т. е. по оси совр. спуска с Верхней территории к Нижней.

Планировочным и композиционным центром мон-ря в этот период оставался Успенский собор с окружающей его площадью. В 1638 г. собор, судя по его изображению на плане мон. Афанасия Кальнофойского, был также увенчан 2 главами — над центральным нефом и ц. св. Иоанна Предтечи, основной объем покрыт 2-скатной крышей. К сев. и юж. фасадам собора были пристроены каплицы-усыпальницы, названные в «Тератургиме» приделами: «придел их милостей панов Ельцев», «трех церковных учителей: Васи-

лия Великого, Григория Богослова, Иоанна Златоустого», «св. Иоанна Богослова», «св. архидиакона Стефана, князей их милостей Корецких». При митр. Петре (Могиле) в архитектуру Успенского собора были внесены некоторые композиционные изменения. Так, придел у юго-зап. угла собора был поднят до высоты придела св. Иоанна Предтечи, что придало

композиции храма большую уравновешенность.

В таком виде его зафиксировал в 1651 г. ван Вестерфельд. На рисунке видны характер покрытий собора и расположение его глав, в число которых помимо световых барабанов с куполами входили ложные главки поверх шипцов фронтонов. Все главы имели полусферическую форму, центральный купол завершался фонарем. Архидиак. Павел Алеппский, видевший Успенский собор 3 годами позже, сообщал, что храм имел «высокий свод и девять высоких куполов, покрытых блестящей жемчужной, с девятью позолоченными крестами» (Павел Алеппский. Путешествие. Вып. 2. С. 47). В храме было много окон с железными решетками и прозрачными хрустальными стеклами.

На площади близ Успенского собора находились 2 деревянные колокольни. Несущая 5 колоколов высокая 2-ярусная колокольня с часами стояла перед зап. фасадом собора. По высоте она не превышала центральную главу храма. Вторая, приземистая, где висел один большой колокол, состояла из 4 опорных столбов, покрытых шатровой крышей.

К 1638 г. некоторым изменениям подверглась Троицкая надвратная ц. Храм сохранял еще первоначальный барабан и купол, однако закомары были переложены в виде треугольных фронтонок аналогично фронтонам зап. фасада Успенского собора. Попасть в храм можно было через территорию Больничного мон-ря и расположенные слева от входа ворота. В церковь поднимались по высокой лестнице.

Вдоль улицы от главных ворот к собору, как и раньше, располагались монашеские кельи. С правой стороны находилось 11 «новопостроенных под одной крышей» келий, с ле-

Троицкая надвратная ц.
Вид с востока. Фотография. 2013 г.

вой — 18 более старых, разновременных. Кельи, вероятно, были деревянными. Архидиак. Павел Алеппский оставил их описание: «...каждая келья содержит три комнаты с тремя дверями, которые крепко запираются удивительными железными замками. Кельи разрисованы и расписаны красками и украшены всякими картинами и превосходными изображениями, снабжены столами и длинными скамьями, каптурами, печами, то есть очагами, с красиво расписанными изразцами. При них находятся прекрасные комнаты с уважаемыми, драгоценными книгами. Каждая келья изукрашена всякого рода убранством, красива, изящна, опрятна» (Павел Алеппский. Путешествие. Вып. 2. С. 44); возле келий находились «...прекрасные палисадники с цветами, базиликом и иными пахучими и восхитительными растениями, окруженные изящными решетками» (Там же).

Сев. сторону Соборной пл. в 1638 г. образовывала непрерывная линия одноэтажных келий. Проезда между этими зданиями еще не существовало. Судя по плану из «Тератургимы», зап. сторону площади замыкал комп-

лекс богатых настоятельских покоев, возведенных, по-видимому, из дерева. Он состоял из 2-этажного жилого корпуса с высокой крышей, домового одноглавой церкви, колокольни, парадных въездных ворот и расположенного неподалеку большого здания монастырской аптеки. Кельи архимандрита находились на верхнем этаже. Юж. сторону площади образовывал идущий в вост. направлении ряд одноэтажных хозяйственных и жилых построек: братская и архимандричья кухни, кельи прислуги.

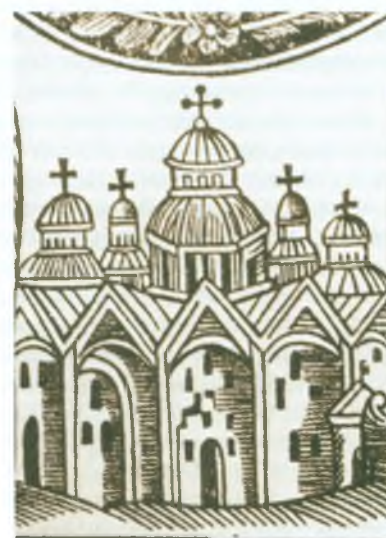
Напротив юж. фасада Успенского собора размещалась 2-ярусная трапезная палата с ц. апостолов Петра и Павла, заменившая разобранный древнюю трапезную. Продольные стены трапезной, судя по плану 1638 г., завершались щипцеобразными фронтонами, являвшимися торцами 2-скатных кровель, к-рые образовывали над всем зданием складчатую систему покрытия. Павел Алеппский, видевший здание в 1654 г., написал: «Нас повели в трапезную, где помещаются... кельи настоятеля. В кельях настоятеля была красивая церковь в честь Петра и Павла, а вне келий — церковь в честь святых Антония и Феодосия» (Павел Алеппский. Путешествие. Вып. 2. С. 45–46). Возле трапезной стоял дом для гостей в 2 этажа, а также небольшое здание б-ки.

С востока площадь фланкировали деревянные одноэтажные корпуса, в т. ч. пекарня и типография. Возле Троицкой надвратной ц. с сев. стороны, судя по плану 1638 г., находились ворота, ведущие на территорию Большичного мон-ря, в центре к-рого стояло большое здание больницы и при ней — маленькая церковь. Храм был деревянным, покрытым шатровой крышей. На территории больницы находилось еще неск. строений: кельи, кладовые и погребя. К сев. фасаду Троицкой ц. была пристроена деревянная колокольня Большичного мон-ря.

1654 г. — *нач. XIX в.* Изменения в облике Успенского собора, отраженные на гравюрах из книг «Пречестны акафисты» (1674) и «Огородок Марии Богородицы» (1676), возможно, были связаны с ремонтными работами после землетрясения 1662 г. На гравюрах видно, что закомару придела св. Иоанна Предтечи сменил щипец, по верху стен устроен высокий венчающий карниз. С зап.

стороны, перед сев. пряслом основного объема собора, появилась маленькая часовня, увенчанная крестом. Изменился характер фронтона над центральной закомарой — в центре разорванного барочного фронтона поставлена главка на барабане (подобная главка, возможно, была и с вост. стороны). По центру юж. и сев. фасадов установлены главы на глухих барабанах на фронтонах. Световые барабаны были только над центром храма и над Иоанно-Предтеченским приделом. Вскоре перед фасадом Иоанно-Предтеченской ц. появилась еще одна часовня, известная по гравюре из кн. «Пречестные акафисты всеседмичные» (1677), на к-рой она изображена.

Самым значительным строительным мероприятием в этот период явилось возведение на Соборной пл. вместо 2 обветшавших колоколен новой, 3-ярусной, с открытыми галереями на верхних ярусах и ба-

Успенский собор.
Фрагмент гравюры иером. Или
из кн. «Патерик, или Отечник,
Печерский». К., 1661

рочным куполом. Судя по изображению 1677 г., ее высота примерно соответствовала высоте центральной главы Успенского собора.

При архим. Варлааме (Ясинском; вполн. митрополит Киевский) было начато строительство каменной трапезной с ц. апостолов Петра и Павла, законченное в 1694 г.

Ок. 1679 г. на территории Дальних пещер возвели небольшой каменный храм ап. Андрея Первозванного, изображенный на плане И. Ушакова в виде 3-частного в плане одноглавого сооружения, соединенно-

Киево-Печерская лавра в кон. 70-х гг. XVII в.
Фрагмент гравюры на титульном листе кн. «Пречестные акафисты». К., 1677

го с помощью деревянной галереи с расположенной ниже, над входом в пещеры, каменной часовенкой.

В 1679 г. в Печерском местечке построили новые укрепления, состоявшие из рвов и валов с бруствером в виде заостренного палисада, а также 2 прямоугольных в плане земляных площадок — «роскатов» на сев.-зап. и юго-зап. углах укрепления. В систему валов были включены 2-ярусные деревянные надвратные башни, перекрытые шатровыми крышами.

Расположение и общий вид этих укреплений отражает «Роспись Киеву 1682 г.», в к-рой упоминаются «Киевская проезжая башня», «Васильковская башня, через которую ездили к реке Лыбеди и до Василькова», «Пятницкая башня с воротами, которыми попадали на Зверинец и в Выдубицкий монастырь». «Всего около Печерского монастыря и местечка по валу и по бояракам и горам 1318 сажень» (Алферова Г. В., Харламов В. А. Киев во 2-й пол. XVII в. К., 1982. С. 62).

Планировочная, функциональная и композиционная основы архитек-

лю. Возведенные в Печерском местечке храмы и колокольни, господствующие над малоэтажной жилой застройкой, значительно обогатили панораму Печерска. И хотя строительство велось преимущественно из дерева, возведенные в этот период недолговечные сооружения по существу предопределили как расположение, так и функциональное назначение более поздних по времени каменных построек.

Масштабное каменное строительство в лавре развернулось при гетмане И. С. Мазепе. Значительные средства обитель получила как от самого гетмана, так и от его ближайших сподвижников и родственников. В очередной раз был перестроен Успенский собор, композиция его зап. фасада стала уравновешенной: высота придела Трех святителей с юго-зап. стороны собора была доведена до высоты придела св. Иоанна Предтечи, а вместо фальшивой главки, резко отличавшейся от купола и главы придела св. Иоанна Предтечи, его увенчали главой на световом барабане; разные по размерам и архитектурным формам часовни по бокам главного входа заменили 2 невысокими папертьями-часовнями. Медную кровлю ок-

Успенский собор.
Фрагмент гравюры на титульном листе кн. «Пречестные акафисты». К., 1709

расили в красный цвет, купола и кресты позолотили. Вид собора после этих перестроек за-

фиксирован на гравюрах лаврских книг «Апостол» (1695), «Евангелие» (1697), «Акафисты» (1693). Та же структура сооружения передана на чертеже кон. XVII в., где Успенский собор изображен с запада.

турного ансамбля Печерского местечка, сложившиеся в предшествующие века, остались неизменными. Сохранилось четкое функциональное разделение территории на местечко с торгом и монастырскую зем-

До 1701 г. Успенский собор обновляли еще раз. Во время этого ремонта строительный объем Стефаниевского придела подняли до уровня высоты стен основного объема собора и поставили купол на световом барабане. Центральный купол пере-

Освящение Успенского собора.
Гравюра Л. Тарасевича из кн. «Патерик, или Отечник, Печерский». К., 1702

ложили из старого кирпича, количество куполов увеличилось с 4 до 7. Эти изменения можно увидеть на гравюрах Л. Тарасевича в КПП (1702), Илариона (Мигуры) в панегирике Мазепе (1706) и Д. Галяховского на титульной странице «Евангелия-апракос» (1707).

Результаты еще одной перестройки отображены на гравюре Марко Семёнова в кн. «Литургион» (1708) и на гравюре в кн. «Пречестные акафисты» (1709). Главный портал собора получил декоративное оформление из лекального кирпича. Также появились новые двери, зафиксированные на рисунках акад. Ф. Г. Солнцева сер. XIX в. и на фотографиях нач. XX ст. (одни из них в наст. время находятся в дверном проеме главной колокольни).

Между 1695 и 1706 гг., при гетмане Мазепе, вокруг верхней территории монастыря, перед линией старого деревянного ограждения XVII в., была возведена каменная стена с башнями и церквями. Существует мнение, что она сооружена московским archit. Д. В. Аксамитовым, но последний мог прибыть в Киев не ранее 1700 г., когда строительство шло уже полным ходом. Новая стена (длина

ок. 1190 м) представляла в плане неправильный многоугольник; она повышалась или понижалась соответственно рельефу местности, но при этом высота оставалась в основном неизменной (в среднем ок. 7 м). На углах и заламах оборонной системы были построены 3 выступающие из толщи стены башни: Мясная, Часовая, а также башня, располагавшаяся в юж. прясле стены (разобрана в 1822). В систему монастырских укреплений входили 3 надвратные церкви: древняя Троицкая — на зап. участке стены, новопостроенная Всех святых — на северном и церковь над Южными (Пещерными) воротами — на юго-вост. участке, а также 2 башни-церкви — во имя прп. Иоанна Кущника и во имя прп. Онуфрия Великого.

Для придания стилистического единства обновленному ансамблю мон-ря на Троицкой надвратной ц. был проведен ряд работ: надстроены древние стены и барабан купола (оконные проемы в нем частично замуровали и пробили новые); на зап. фасаде вместо 3 небольших фронтонов времени митр. Петра (Могилы) сделан один большой.

Ворота, ведущие к пещерам, были перенесены в юго-зап. угол новой каменной стены. Они приобрели вид проездной башни с церковью в верхнем ярусе (разобрана после землетрясения в кон. XVIII в.). Существование церкви над этими воротами подтверждает план печерской крепости, составленный военным инженером Д. де Боскетом в 1742 г.

Большое влияние на последующую планировку монастыря оказало строительство на сев. участке монастырской стены ц. Всех святых с воротами в 1-м ярусе (в некоторых архивных документах XVIII в. они названы Коновскими). К востоку от ворот находился хозяйственный двор, где размещались конюшни, кузницы и т. д. Церковь была построена архит. Аксамитовым после 1700 г. Храм с планом в виде равноконечного креста представляет характерную для укр. бесстолпных церквей 5-камерную конструкцию. Венчают ее 5 позолоченных выпуклых куполов с перехватами и главками красивого пирамидального силуэта. Архитектура храма отличается богатством и разнообразием декоративного оформления.

Онуфриевская башня-церковь представляет собой одноглавое бес-

столпное сооружение без проезда. Фасады здания на уровне 1-го яруса решены как оборонное сооружение — башня с глухими, лишенными декора стенами. Здесь, вероятно,

Церковь Всех святых.
1696 г. Фотография. 2008 г.

находился арсенал, а на 2-м этаже, фасады к-рого имеют богатый архитектурный декор, — церковь. Объемно-пространственное решение постройки также восходит к традиц. крестообразным в плане укр. храмам этого периода. Первоначально башня-церковь, как и ц. Всех святых, имела завершение в виде барочного купола на световом барабане с главкой, увенчанной крестом (представлена на изображениях 2-й пол. XVIII в.). Ее 4-гранный объем завершается фронтонами. Расположение башни-церкви обусловило ее ведущую градостроительную роль в окружающей застройке.

Возведенная в 1696 г. башня с ц. во имя прп. Иоанна Кущника имеет в плане неправильный восьмиугольник, удлинённый по оси «восток—запад». В стенах 1-го яруса были устроены бойницы для артиллерийских орудий, 2-го — для ружей; на 3-м ярусе размещалась церковь. Объем сооружения почти полностью выступает за пределы оборонной стены, что обеспечивало господствующее положение при защите подступов с севера, юга и запада.

Еще одна башня-церковь, построенная на изломе юж. участка монастырской стены, представляла собой восьмигранное в плане 2-ярусное сооружение, увенчанное главой с декоративным фонариком. На гранях

башни во 2-м ярусе были прорезаны узкие окна-бойницы. По своим архитектурным формам сооружение напоминало башню-церковь прп. Иоанна Кущника.

Башня в сев.-вост. углу монастырской стены построена в 1698–1701 гг., в XIX в. ее разобрали. По-видимому, первоначально она была перекрыта куполом и имела фонарь и главку. В ее стенах были сделаны бойницы: в нижнем ярусе — амбразуры для пушечного фланкирующего огня, во 2-м — для стрельбы из пищалей.

На Верхней территории была устроена разветвленная система подземных ходов, а также сооружены подземные погреба для хранения пороха и боеприпасов. Один из таких ходов располагался под надвратной Троицкой ц. Он представляет собой сводчатую галерею с ответвлениями, выложенную из кирпича. Основная галерея (высота ок. 2 м, ширина 1 м) начинается под церковью, проходит под монастырской стеной в западном направлении. В ней устроены 2 колодца и 9 ниш разного размера и конфигурации, расположенных по обе стороны галереи в шахматном порядке.

Общая планировка мон-ря времени правления Мазепы оставалась без изменений, но архитектура сооружений приобрела черты, свойственные новой эпохе. На Верхней территории западнее Трапезной ц. и палаты, построенных в 1694 г., был возведен корпус архимандричьих покоев — одноэтажное 3-камерное сооружение, главный фасад к-рого венчали 3 фигурных фронтона. Стены были расчленены пилястрами, украшены декоративными нишами, оригинальными наличниками и сандриками. К архимандричьим покоям с юга примыкали кухни и др. хозяйственные постройки. Под помещением кухни был устроен подвал, засыпанный, вероятно, в кон. XIX в., во время строительства новой трапезной.

Недалеко располагалась каменная келья квасоваров с погребями (сохр. небольшие фрагменты, вошедшие в состав более поздних сооружений). Она была построена после 1695 г., поскольку на плане Ушакова на этом месте изображено еще деревянное здание.

Монашеские кельи в 1695 г. представляли собой высокие, поставленные на подклеты деревянные здания, перекрытые 4-скатными тесовыми крышами. Разные по вели-

чине и конструкциям кельи отличались по форме крыш, количеству окон, входных дверей и т. д. В 1705 г. кельи горели, отстраивали их уже в кирпиче. До пожара 1718 г. таких зданий было не меньше 10.

Изменилась архитектура типографии и пекарни. Зап. фасад пекарни увенчал невысокий фронтон, а к сев. фасаду была пристроена одноэтажная келья. Каменное здание типографии, как свидетельствует московский свящ. Иоанн Лукьянов, тоже было построено в правление Мазепы. Первоначально оно было одноэтажным, а над его главным фасадом возвышался фронтон.

После строительства монастырской стены и появления новых ворот с ц. Всех святых от нее формируется широкая улица, ориентированная на Успенский собор. Перспективу с северной стороны замыкала ц. Спаса на Берестове. Вдоль улицы было выстроено одноэтажное здание, существующее в настоящее время в составе совр. корпуса № 7. Его фасады завершались развитым многопрофильным карнизом и имели барочный декор, близкий к декору др. сооружений кон. XVII в.: Всехсвятской ц., сев. пристройки к Никольской больничной церкви и т. д.

Территория Больничного мон-ря оставалась застроенной деревянными сооружениями, но его Никольская ц. в 1689–1700 гг. была заме-

Никольская ц.
1689–1700 гг. Фотография. 2004 г.

нена каменной. От 1-го каменного сооружения сохранилась лишь подвальная часть и фрагменты западной. Здание, вероятно, пострадало от пожара 1703 г., но вскоре было возобновлено. Композиционное решение повторяло распространен-

Крестовоздвиженская ц.
1691–1695 гг.
Фотография. 2008 г.

ный в это время тип одноярусного 3-частного храма.

При Мазепе началась подготовка к возведению каменной колокольни. Ее строительство поручили архит. Аксамитову, к-рый успел заложить фундамент (выявлен в 2002), и вскоре умер. В одном из документов сообщалось: «Суммы всей на колокольню от изменника Мазепы может быть 4000 рублей, за которую всякую материю — камень, известь и кирпич к делу приспособлено, за делание фундамента каменного плочено мастеру Оксамитову и с ним бывшим работникам задатки дано; якое, когда вскоре помер, дело зачатое заваковало, а остаток денег в пожар сгорел» (Щербина В. І. Головні будівлі Печерської лаври // Нові студії з історії Києва. К., 1926. С. 84; ЦГИАК. Ф. 59. Оп. 1. Д. 40. Л. 5). Деревянная колокольня, вероятно, была разобрана, а пригодная для строительства древесина была использована для возведения др. сооружений или для фортификационных работ.

На Дальних пещерах в 1696 г. деревянный храм Рождества Богородицы был заменен каменным в барочных формах, построенным на средства киевского полковника Константина Мокиевского. На Ближних пещерах появилась каменная Крестовоздвиженская ц. (1691–1695), деньги на строительство выделил полтавский полковник П. С. Герцик. Церковь повторяла в камне распространенный на Украине тип деревянного 3-частного храма. Ее венчали 3 грушевидных, близко поставленных купола на 8-гранных барабанах. Фасады реше-

ны лаконично, к западному примыкала теплая трапезная, построенная немного позднее и имевшая на фасадах др. архитектурный декор.

Активно застраивалось и Печерское местечко. На средства гетмана был возведен каменный Никольский собор и храмы Вознесения Господня и Покрова Богородицы в Вознесенском жен. мон-ре. На средства казацкой старшины вместо деревянных были построены каменные приходские храмы прп. Феодосия Печерского и Воскресения Христова.

В это время окончательно сформировался уникальный архитектурный ансамбль Печерского монастыря и Печерского местечка, которому присущи композиционная завершенность и гармоническая связь с природным окружением.

В 1718 г. в К. П. л. произошел пожар, от которого пострадали мн. постройки. Учитывая военное время, в первую очередь отремонтировали башни-церкви на монастырской стене: Онуфриевскую и прп. Иоанна Кущника, а также надвратную Всехсвятскую ц., к ее вост. фасаду пристроили ризницу.

Для руководства восстановлением Успенского собора в Киев в 1720 г. по указу имп. Петра I прибыл архит. Ф. Васильев (кроме того, он разработал чертеж и составил смету на строительство новой каменной колокольни). В ходе ремонта за счет дополнительных пристроек у юж. и сев. фасадов, в состав к-рых вошли более ранние приделы, была расширена площадь собора, надстроена паперть перед зап. фасадом. Т. о., было достигнуто единство объема, стилистически связанный декор фасадов скрыл разновременные пристройки, а развитый разделительный карниз подчеркнул ярко выраженную ярусность. Существенные изменения вносились и в ансамбль завершенный собора: его увенчали 7 глав на световых барабанах. Главы были выполнены из металлоконструкций, покрыты медью и позолочены. На фасадах появились высокие барочные фронтоны, которые украсили пышной лепниной, выполненной мастером И. Белинским, монументальная живопись и позолота. На зап. фасаде был сделан резной белокаменный портал. Во время ремонта уничтожили участки древнерусского шиферного пола, в 1727 г. положили чугунные плиты, изготовленные на заводе А. Н. Демидова.

Все двери на фасадах были заменены новыми, привезенными из Тулы. Двери на зап. фасаде были обиты золоченой медью «и украшены разными резными цветами».

Вместо старого, пострадавшего во время пожара центрального иконостаса на средства гетмана И. И. Скоропадского в 1729 г. был сделан новый, 7-ярусный, вырезанный из липы. Он имел богатое художественное оформление в виде ажурной позолоченной резьбы с использованием мотива вьющейся вокруг колонн лозы с листьями и гроздьями винограда. Были изготовлены иконостасы в боковые приделы: Преображения Господня, ап. Андрея Первозванного, первомч. архидиак. Стефана и ап. Иоанна Богослова.

В 1731 г. завершено декоративное оформление фасадов надвратной Троицкой ц. Мастер Василий Стефанович, чье имя было указано в надписи на польск. языке под карнизом храма («Reka Pana Bazylego Stefanowicza, zrobilo w roku 1731» — ЦГИАК. Ф. 128. Оп. (1 общ.) Д. 2776), украсил ее с зап. и вост. сторон резьбой по известковой штукатурке. Лепку на фасадах дополняли настенная живопись и позолота. Храм венчал грушевидный барочный позолоченный купол с главкой, на 8-гранном барабане, декорированном лепкой и цветными керамическими розетками. В интерьере храма был настлан новый пол из фигурных чугунных плит, изготовленных в 1727–1732 гг. на заводе Демидова.

В первые годы после пожара были восстановлены трапезная, пекарня и типография. Архитектура Трапезной палаты и церкви с этого времени существенно не менялась до кон. XIX в. Ярусная церковь была увенчана граненым барабаном с куполом, аналогичным по форме тем, к-рые находились на возобновленном Успенском соборе. Прямоугольная в плане трапезная палата перекрыта системой сводов, опирающихся на центральный столб. С запада щипец 2-скатной крыши здания был прикрыт высоким барочным фронтоном.

При восстановлении пекарни к ней пристроили небольшое одноэтажное здание, прямоугольное в плане, с большим сводчатым подвалом и 2 тамбурами — возле вост. и зап. фасадов. Типография после возобновления сохранила первоначальную объемно-планировочную схему: была одноэтажной, состояла из 2 боль-

Троицкая надвратная ц.
Вид с запада. Фотография. 2008 г.

ших помещений, разделенных между собой длинным коридором. С вост. фасада к зданию были пристроены 2 прямоугольных объема. Оно было накрыто 4-скатной крышей с заломом и украшено фронтонами. Портал типографии сохранил вид, свойственный сооружениям времен гетмана Мазепы.

В 1721–1726 гг. были реконструированы здания, входившие в комплекс архимандричьих покоев. Их размеры увеличились за счет каменных пристроек к юж. фасаду и сооружения 2-го, деревянного, этажа. К сев. фасаду был пристроен 2-этажный тамбур. В 1731 г. мастер Белинский украсил фасады и интерьер здания пышной лепниной.

Значительную роль в формировании планировочной структуры монастыря, как и до пожара, играли кельи, располагавшиеся вдоль улиц, к-рые соединяли Соборную пл. с 2 монастырскими воротами. Длинные прямоугольные в плане кельи, накрытые высокими 2-скатными с заломом крышами, образовали главную улицу монастыря. Оба корпуса заканчивались на торцах фигурными фронтонами. Кровля на них сначала предположительно была из черепицы. Внутреннее пространство келий, расположенных к югу от надвратной Троицкой ц., было разделено на 5 почти равных по объему секций, соединенных между собой сенями. Сев. фасад корпуса имел уравновешенную симметричную композицию, созданную чередованием дверей с 2 или 4 окнами. Он был расчленен широкими пилястрами с тос-

канскими капителями. Внутреннее пространство келий, построенных с сев. стороны от Троицкой ц., было разделено на 9 изолированных модулей, имеющих в зависимости от их назначения разные размеры и количество комнат. За юж. стеной находились «задворки» — огороды и хозяйственные строения. Кельи, которые стояли вдоль улицы, соединявшей Успенский собор и ц. Всех святых, вошли в состав нового корпуса. Последний после реконструкции превратился в каменное Г-образное в плане сооружение, вытянутое длинной частью по оси «юг—север», а короткой — по оси «восток—запад». Корпус был одноэтажным, с высоким многопрофильным карнизом, перекрытый 2-скатной с заломом крышей, вероятно тоже с черепичной кровлей. Торцы корпуса заканчивались фигурными фронтонами с декоративной отделкой. Здание имело неск. входов с тамбурами.

Обновленный после пожара 1718 г. архитектурный ансамбль Верхней территории монастыря сохранил градостроительный каркас, сложившийся ранее. В целом в это время не было возведено новых высотных доминант, поэтому объемно-пространственная композиция архитектурного ансамбля монастыря осталась прежней и его силуэт почти не изменился. Застройка монастыря состояла из сооружений разных функциональных типов, отличавшихся пространственно-планировочными решениями. За исключением храмов, это были преимущественно одноэтажные здания простой многокамерной структуры, перекрытые разными типами сводов; их архитектурное решение было обусловлено не только функциями, но и требованиями целостности архитектурного ансамбля. Большое значение придавалось силуэтным характеристикам, выразительность к-рых достигалась активным применением элементов завершения — куполов, крыш, фронтонов. Купола храмов имели грушевидную форму; крыши жилых и хозяйственных зданий были преимущественно вальмовые с переломами. Композиционно важные места акцентировались фронтонами с волютами, создающими пластичный переход от одной геометрической формы к другой. В этот период резко выросло значение декора, в т. ч. штукатурной лепки, полихромии, позолоты, монументальной живописи. Объем пластики

на фасадах зависел от степени репрезентативности сооружения. Так, богатством декоративного оформления фасадов отличались Успенский собор, надвратная Троицкая ц. и дом архимандрита.

В 1744 г., перед приездом в Киев имп. Елизаветы Петровны с многочисленной свитой, к-рая пожелала остановиться в К.-П. л., в мон-ре были построены и отремонтированы жилые помещения и хозяйственные здания (погреб, ледники, кухня, пекарня и др.).

При главном входе в К.-П. л. установили новые железные ворота работы мастера А. Сребрянского; их украшали чеканные медные позолоченные накладки с изображением двуглавого орла. К сев. фасаду Троицкой ц. был пристроен новый каменный притвор с одномаршевой лестницей, выполненный в барочных архитектурных формах (проект архит. И. Г. Шеделя). Новый притвор и участки монастырских стен, примыкающие к церкви, расписали масляной живописью. Церковь Всех святых получила аркаду-галерею с лестницей (проект Шеделя). Торец аркады замыкал барочный фронтон, украшенный лепниной. Иконостас, выполненный резчиками И. Сповольским и С. Никитичем, заменил пострадавший во время пожара 1718 г.

К приезду Елизаветы Петровны закончили строительство Большой лаврской колокольни, начатое еще в 1731 г., — самого высокого архитектурного сооружения Киева. Четырехъярусная колокольня башенного типа, с аттиком, возведенная Шеделем, увенчана куполом и главкой с яблоком и крестом (высота 96,52 м). В плане она 8-гранная, по ширине каждый верхний ярус меньше нижнего, благодаря чему на 3-м и 4-м ярусах образовались обходные видовые площадки. На 1-м ярусе находится центральный 8-гранный зал, перекрытый сомкнутым сводом, и 8 радиально расположенных 6-гранных помещений, перекрытых полуцилиндрическими сводами. Вместе с внешними и внутренними стенами они создают конструктивную систему, напоминающую пчелиные соты. Стены 1-го яруса украшены рустом. На 2-м ярусе тоже имеется большой центральный зал, круглый в плане, перекрытый полусферическим сводом, а также радиально расположенные, открытые в сторону зала поме-

Колокольня Киево-Печерской лавры. 1731–1744 гг. Архит. И. Г. Шедель. Фотография. 2013 г.

щения. Массив 2-го яруса облегчает ряд гладких тосканских колонн. Третий ярус — звона. Он декорирован ионическими колоннами, к-рые расположены парами с обеих сторон широких и высоких сквозных арок. На 4-м ярусе с 1744 г. находились часы с колоколом. Этот ярус, самый стройный по пропорциям, украшен пучками из 3 коринфских колонн,

Успенский собор. 2-я пол. XVIII в. Фрагмент гравюры на титульном листе кн. «Патерик, или Отечник, Печерский». К., 1760

которые придают его объему большую живописность. Т. о., ордер различен для каждого яруса, своеобразно трактован в авторской «перифразировке», что делает колоколь-

ню оригинальной и вместе с др. особенностями создает неповторимость этого памятника. Стены колокольни были окрашены светлой охрой; колонны, карнизы, лепка, штукатурная профилировка, откосы ниш и окон — в белый цвет; неоштукатуренные керамические наличники, триглыфы и метопы, кронштейны и аканты на фризах, маскароны, фоны капителей и лепки — в сине-зеленый. Керамические двуглавые орлы на капителях колонн, а также медальон в лепных композициях над арками 4-го яруса позолочены.

В поездке по Украине в свите Елизаветы Петровны был Б. Ф. Растрелли, которому императрица поручила выполнить планы Дальних и Ближних пещер в связи с необходимостью проведения в этом районе масштабных мероприятий по укреплению днепровских склонов. Выполнение этих работ требовало привлечения больших средств из казны. Строительство 2 подпорных стен возле Крестовоздвиженской ц. на Ближних и храма Рождества Богородицы на Дальних пещерах являлось локальной мерой против оползней. Эти сооружения были разработаны в Киевской инженерной команде и возводились под надзором военного инженера де Боскета. Возле каждой подпорной стенки по проектам Шеделя были построены аркады-галереи.

Ремонтно-строительные работы на Нижней территории активизировались в 50–60-х гг. XVIII в. Так, на Дальних пещерах в 1752 г. была капитально отремонтирована ц. Рождества Богородицы. В 1754–1761 гг. «каменных дел мастер» С. Д. Ковнир построил здесь каменную 2-ярусную квадратную в плане (9,8×9,8 м) колокольню (высота вместе с крестом 41 м). В 1-м ярусе устроен арочный проход, нижний рустован, а верхний оформлен колоннами коринфского ордера и богатой лепниной. Завершение колокольни высокое, многоярусное. Над большим 12-гранным куполом возвышается 2-ярусная барочная 12-гранная глава, на которой установлен ажурный 4-конечный позолоченный крест, а над спаренными угловыми колоннами — четыре 8-гранных шпиля, увенчанные яблоками и солнцами. На 2-м ярусе колокольни подвешены колокола.

На территории Ближних пещер в 1754–1763 гг. была возведена каменная 2-ярусная квадратная в плане

(10,5×10,5 м, высота 27,3 м) колокольня. Она построена по типу надвратной башни. Сводчатый сквозной проход в 1-м ярусе ориентирован с севера на юг и является частью деревянной галереи, ведущей с Верхней территории к Ближним пещерам. Колокольню венчает большой

Колокольня на Дальних пещерах. 1754–1761 гг. Фотография. 2008 г.

купол и 2-ярусная декоративная глава. С появлением на территории Дальних и Ближних пещер 2 новых колоколен их застройка приобрела характер композиционно завершенных архитектурных ансамблей.

На Верхней территории были построены новые каменные хозяйственные сооружения: ключня, погреб, переплетная. Ключня сооружена в 1745 г. на месте прежней кельи квасоваров с погребями по проекту Шеделя. При этом часть келий квасоваров была включена в состав нового здания. Ключня представляла собой одноэтажное с мансардой здание, фасады которого решены в барочных формах. Переплетная построена в сев.-зап. части Верхней лавры в 1757 г. Это одноэтажное с подва-

лом каменное сооружение с 4-скатной крышей с заломом; фасады также оформлены в стиле барокко.

В 1789 г. в Киеве произошло землетрясение, от которого пострадали здание типографии, Южные (Пещерные) ворота и участок монастырской стены, прилегающий к ним, а также каменная подпорная стена с 2 башнями. Повреждение подпорной стены было настолько серьезным, что это создало угрозу для мн. зданий в этом районе, в т. ч. и для Успенского собора. С 1793 г. под рук. направленного в Киев военного инженера ген.-майора К. Н. де Шардона начали разбирать часть подпорной стены с башнями, на этом месте возвели новую, мощную контрфорсную подпорную стену. Кроме того, был переложен участок ограды и реконструированы Южные (Пещерные) ворота, к-рые получили новый архитектурный вид, но уже без надвратной церкви. Тогда же по проекту де Шардона стены типографии укрепили аркбутанами оригинальной конструкции. Позднее, в кон. 20-х гг. XIX в., была значительно увеличена площадь типографии со стороны ее вост. и сев. фасадов. Тогда же реконструировали митрополичьи покои. Домовая церковь в честь Благовещения Пресв. Богородицы стала теплой. Во 2-й пол. XVIII — 1-й пол. XIX в. позади митрополичьего дома находилась деревянная крестовая в плане ц. Входа Господня в Иерусалим, позднее разобранный. В 1840 г. в митрополичьи покои была переведена ц. свт. Михаила, митр. Киевского.

XIX–XX вв. Самыми ранними монастырскими сооружениями в стиле классицизма являются спроектированные А. Г. Яновским дом блюстителя Ближних пещер (1793; с 40-х гг. XX в. дом наместника) и 3 башни-ротонды на подпорной стене (т. н. Дебоскетовой, по имени инженера де Боскета, к-рый в сер. XVIII в. укреплял лаврские скло-

Здание типографии Киево-Печерской лавры. 1793–1820 гг. Фотография. 2004 г.

ны). Две башни-ротонды — одна на зап. конце стены, в самом начале галереи, ведущей к Дальним пещерам, другая на

стыке вост. и юж. крыла — были закончены в 1793 г.; еще одна была возведена на рубеже XVIII и XIX вв. вне террасы и является по расположению самой западной относительно 2 других (восстановлена в 1988). Башни-ротонды одинаковы по архитектурно-планировочным и композиционным решениям и представляют собой небольшие 8-гранные в плане павильоны с полусферическими куполами. Дом блюстителя Ближних пещер построен на месте крутого перепада рельефа, со стороны склона выделяется каменный цокольный этаж. Верхняя часть здания деревянная, оштукатуренная. С главного фасада здание одноэтажное, с тамбуром, оформленным треугольным фронтоном с профилированным карнизом. На сев. фасаде — балкон с деревянной колоннадой дорического ордера. Здесь же к зданию была пристроена специальная площадка, от к-рой вниз по склону спускалась деревянная лестница к колодцу под горой. В 1854 г. в одном из помещений устроили ц. Сретения Господня (упразднена в 1922).

В 1-й четв. XIX в. по проекту archit. А. И. Меленского над одноярусной открытой аркадой-галереей, примыкающей к сев.-вост. фасаду Крестовоздвиженской ц., был надстроен 2-й этаж. В 1830 г. на Ближних пещерах под рук. начальника Киевской инженерной команды подполковника И. Г. Дзичканца возвели новое здание келий (корпус № 48) в стиле позднего ампира. В объем его сев.-зап. крыла входит часть галереи, ведущей от Верхней территории к Ближним пещерам. Между 1837 и 1844 гг. рядом построили еще одно каменное одноэтажное здание (корпус № 46), в упрощенных формах безордерного классицизма. Эти здания келий соединило каменное ограждение с воротами посередине, к-рое благодаря своему местонахождению играет важную роль в формировании ансамбля площади Ближних пещер. В 1815 г. построены новые деревянные галереи на кирпичных опорных столбах, ведущие к Дальним и Ближним пещерам, к-рые сохранили прежнюю трассировку. Вход в галерею, ведущую к Ближним пещерам, решен в виде колонного портика (1826).

При Дальних пещерах, где чрезвычайно остро стояла проблема укрепления крутого склона Днепра, в кон.

XVIII — нач. XIX в. выполнялись масштабные противооползневые мероприятия по проектам военных инженеров де Шардона, К. Ф. фон Толля, И. И. Князева, П. К. Сухтелена,

Галерея между Дальними и Ближними пещерами. 1815 г. Фотография. 2013 г.

И. А. Глухова и др. Проводимые до этого времени по инициативе монастыря работы ощутимых результатов не давали. Поэтому в 1810 г., учитывая, что лавра являлась составной частью Печерской крепости, попечение об этой территории было передано в Управление Инженерного департамента.

В 1809–1811 гг. по проекту Глухова под наблюдением А. И. Якушкина (в монастыре Арсений) над входом в Дальние пещеры была надстроена каменная круглая в плане башня, покрытая листовым железом и увенчанная позолоченным крестом на яблоке. В 1-й четв. XIX в. здесь по проекту архит. Меленского построили здание келий (корпус № 52) — каменное 2-этажное прямоугольное в плане

Церковь Зачатия св. Анною Пресв. Богородицы. 1679 г. Фотография. 2008 г.

сооружение с подвалом и высокой 2-скатной крышей. Фасады здания решены в строгих формах классицизма. В 1809 г. в связи с появлением трещин в храме ц. Зачатия св. Анною Пресв. Богородицы его перестроили с сохранением прежних размеров и формы барочной главы. В 1823 г. в храме устроено печное отопление.

В 1812–1814 гг. по проекту Арсения (Якушкина) был построен в формах классицизма дом начальника Дальних пещер (корпус № 49), сохранившийся без значительных изменений, — прямоугольное в плане каменное одноэтажное здание на высоком цоколе, украшенном горизонтальным ру-

стом. Вдоль восточного фасада протянута открытая галерея с колоннами тосканского ордера, к которой ведет лестница.

Четырехскатная крыша с 4 люкарнами располагается над всем зданием, включая галерею. Стены и потолки внутренних помещений здания были декорированы лепниной и расписаны масляной живописью И. И. Квятковским. Этот же художник в 1817 г. расписал в стиле ампира ц. Рождества Богородицы. В 1835–1837 гг. была капитально отремонтирована колокольня на Дальних пещерах.

В 1-й пол. XIX в. активизировались строительные работы в Гостином дворе. Здесь в 1829–1830 гг. по проекту архит. И. С. Кедрина было возведено новое каменное 2-этажное здание гостиницы в формах классицизма (корпус № 55). Немного ниже по склону от Гостиного двора в 1-й трети XIX в. построен свечной завод (корпус № 64). Первоначально это было одноэтажное прямоугольное в плане

здание, накрытое вальмовой крышей; за счет перепада рельефа местности в его восточной части образовался полуподвал. В то же время проводились значительные работы по благоустройству территории монастыря: площадь вокруг Успенского собора (1826) и перед св. воротами (1838) замостили каменными плитами. Также в 1827–1828 гг. устроили каменную мостовую с надежным водостоком на крутой дороге от Гостиного двора к пещерам.

В 30-х гг. XIX в. в Киеве по проекту ген. К. И. Оппермана развернулись масштабные работы по повышению обороноспособности Печерской цитадели. Программа предусматривала строительство вокруг Нижней территории лавры каменной стены, проект к-рой разработали военные инженеры О. О. фон Фрейман и Дзичканец. Смету к проекту составил командир Киевской инженерной команды В. В. Клименко, к-рый в 1844–1846 гг. осуществлял технический контроль над работами. Оборонная стена охватывала полукольцом неправильной формы территорию Дальних и Ближних пещер. На этом участке она имела 3 полубашни: одну — напротив колодца прп. Антония, другую — южнее, «на расстоянии выстрела» от нее, а третью — на Рождественском бастионе. Длина стены составляла ок. километра, высота — до 4,5 м. В ней насчитывалось 733 бойницы и 44 амбразуры, 20 из которых были устроены в полубашнях. Амбразуры имели дубовые запоры с железными задвижками. Двое ворот были устроены в местах примыкания новой оборонной стены к каменной монастырской (XVIII в.). Еще одни ворота были обращены к Днепру. В 1847 г. в амбразуры установили орудия, а у ворот и в полубашнях выставили часовых.

В 1839–1841 гг. в связи с появлением значительных деформаций в конструкциях по проекту Дзичканца была переложена Малярная башня. Сооружение сохранило при этом прежний 8-гранный план и объем, но завершение башни было выполнено в ампирических формах в виде полукупола со шпилем и флюгером. В стенах башни было пробито 2 ряда бойниц.

Характерной чертой эволюции архитектурного ансамбля К.-П. л. в сер. XIX в. является повышение этажности зданий, освоение незастроенных территорий, переход в строительстве от деревянных сооружений к каменным. Для формирования облика монастыря большое значение приобрело строительство по образцовым проектам. Здания этого периода, как правило, маловыразительны, просты по планировочным решениям и по декору фасадов. Однако их постановка на террасах, расположенных на разных уровнях, отличалась определенной живописностью. Архитекторами были учтены не только

особенности рельефа местности, но и характер исторически сложившегося ансамбля; они обеспечили единство застройки, основанное на принципах классицизма: повторении декоративных элементов и композиционном равновесии. Несмотря на трансформацию архитектурного стиля в сер. XIX в., развитие ансамбля лавры продолжалось последовательно, новое строительство носило подчиненный характер по отношению к сложившейся ранее градостроительной композиции и не внесло принципиальных изменений в общий ансамбль мон-ря.

Строительство этого времени в первую очередь связано с именем киевского епархиального архит. П. И. Спарро. По его проектам над рядом одноэтажных монастырских зданий были надстроены 2-е этажи, к нек-рым пристроены дополнительные объемы. Среди неск. возведенных им новых зданий — братская больница (1841) в формах позднего классицизма на Верхней территории мон-ря. В 1859–1861 гг. по его же проекту над Никольской ц., к к-рой вплотную примыкало новое здание больницы, был надстроен 2-й этаж, существенно изменивший первоначальный вид храма. В 1863–1866 гг. здание больницы было расширено и на 2-м этаже устроена теплая «малая» ц. в честь иконы Божией Матери «Всех скорбящих Радость». В 1846–1849 гг., после реконструкции по проекту Спарро, окончательно сформировался архитектурный вид келий в сев. части Верхней лавры (корпус № 20). Декор фасадов надстроенного при этом 2-го этажа здания имеет сдержанный характер, поэтому застройка не внесла особого диссонанса в художественный вид памятника. В это же время было перестроено здание келий на Экономической ул. (корпус № 7). Возведенный 2-й этаж значительно скромнее 1-го, выполненного в барочных формах. На Дальних пещерах в 1856–1857 гг. по проекту Спарро выстроили 2-этажное здание келий, решенное в упрощенных формах.

В сер. XIX в. вновь изменилась архитектура митрополичьего дома. Михайловская ц. в 1844 г. была перенесена из зап. части здания в северо-восточную, в помещение прежней парадной столовой. В 1861 г. Спарро соорудил 2-этажный балкон-галерею на каменных столбах между

2 ризалитами здания, к-рая охватила весь юж. фасад. Одновременно возвели 2-й каменный этаж над помещениями в зап. части юж. корпуса, к зап. стене тамбура пристроили небольшое помещение, где была устроена лестница.

Продолжалась замена деревянных зданий каменными на территории Гостиного двора. Здесь практика строительства по образцовым проектам нашла наиболее широкое применение. В архитектурном отношении выделяется 2-этажное здание гостиницы (корпус № 56) для размещения богатых богомольцев, возведенное в 1851 г. Сооружение отличается практической целесообразностью объемно-планировочного решения и имеет художественное оформление, свойственное ампириной архитектуре. Тогда же территория Гостиного двора со стороны крепости была обнесена каменным ограждением с воротами и кельей привратника, построенными по проекту Спарро. В сер. XIX в. по его же проекту здесь соорудили больницу для богомольцев (корпус № 68), а также т. н. престолярный дом (не сохр.) и гостиничный корпус (№ 58) в позднеклассицистических формах на «Олененском подворье», завершаясь с зап. стороны сложную объемно-пространственную композицию комплекса Гостиного двора. Во 2-й пол. XIX в. в связи с увеличением количества приезжающих в К.-П. л. паломников, особенно после появления железной дороги, в монастыре были построены новые гостиничные корпуса, больница для паломников, навесы для бедных богомольцев, расширены здания кухни и пекарни, увеличились производственные площади типографии, свечного завода, строились лавки для продажи икон и печатной продукции.

После отмены в 1858 г. указа об обязательном строительстве по утвержденным образцовым проектам ансамбль мон-ря утратил стилистическое единство. Под рук. инженеров А. П. Середы, О. Р. Ветринского, Г. Водопьянова, архит. В. И. Сычугова и др. был возведен ряд зданий в архитектурных формах неоготики, неороманского, неоренессансного и др. исторических направлений, частично в т. н. кирпичном стиле (с декором из неоштукатуренного кирпича). Эти скромные здания стали фоновой застройкой в ансамбле лавры. Нек-рые из них, например зда-

ние иконописной мастерской (корпус № 30), не были соотношены с панорамой мон-ря со стороны Днепра и внесли элемент случайности. Хотя по силуэтам, архитектуре и стилистике новые здания не соответствовали исторически сложившейся застройке, мон-рь по-прежнему развивался на основе созданной в предшествующие столетия планировочной структуры, что содействовало сохранению композиционной целостности архитектурного ансамбля.

В 1859–1863 гг. после пожара была реконструирована типография. Ее оснастили новыми станками и др. оборудованием; были устроены пневматические печи; перед главным фасадом сооружена подземная «цистерна», вмещавшая до 8 тыс. ведер воды, к-рая подавалась к локомотиву для питания парового котла насосом в подвале типографии. Паровая машина приводила в движение типографские и токарные станки. В 80-х гг. XIX в., после очередного пожара, здание еще раз перестраивалось (автор проекта Сычугов).

В 1864–1866 гг. на Гостином дворе по проекту Середы была возведена ц. в честь иконы Божией Матери «Всех скорбящих Радость», примыкавшая к зданию больницы. В перестроенном тем же архитектором здании бывш. бани (корпус № 31) в 1874–1880 гг. находились иконописная школа, фотография, позолотная и чеканная мастерские. В 1880 г. для иконописной школы по проекту Сычугова построили 2-этажное здание в «кирпичном стиле». Архитектурные элементы (карнизы, пояса, аттики, ризалиты) сооружения оформлены фигурной кирпичной кладкой, декорированы орнаментом из красного и желтого кирпича. В 1878–1882 гг. построены 2 гостиничных корпуса: 4-этажный — на Гостином дворе и 2-этажный с цокольным этажом в вост. части здания — на «Олененском подворье» (архит. Сычугов). Под рук. Ветринского в 1872–1874 гг. надстроен 2-й этаж над зданием свечного завода. По его проекту в 1872 г. на Ближних пещерах над корпусом, сооруженным в 1839 г., была устроена теплая ц. во имя Всех Печерских преподобных.

Подворье ц. Воскресения Христова было окружено каменной оградой, к к-рой пристроили жилые здания и иконные лавки, а возле зап.

фасада храма в 1860–1863 гг. сооружена каменная колокольня. Некоторые изменения претерпело и подворье ц. прп. Феодосия Печерского. Вокруг него вместо деревянной была поставлена ограда из камня с воротами, а в 1866 г. по проекту Середы по ее периметру возведены флигели для богомольцев.

На рубеже XIX и XX вв. строительство на территории К.-П. л. велось особенно интенсивно. При возведении зданий применялись распространенные в то время прокатный металл и железобетон, а также чугунное литье, в декорации фасадов — полихромия, керамика. Наиболее значительные объекты, построенные в это время в лавре, — Трапезная палата с ц. преподобных Антония и Феодосия Печерских и Благовещен-

ский храм. В 1894–1900 гг. в интерьере Успенского собора появилась новая монументальная живопись и мраморная декоративная отделка. В 1894 г. установили ограждение хор из плит, изготовленных из каррарского белого мрамора; центральная же часть храма была облицована панелями из цветных мраморных плит. Перед входами в собор по проектам В. Н. Николаева и Е. Ф. Ермакова были устроены тамбуры. В 1895 г. сделано воздушное отопление и принудительная вентиляция.

Трапезная палата с ц. преподобных Антония и Феодосия Печерских была возведена по проекту лаврского архит. Николаева в 1893–1895 гг. в визант. стиле. Церковь представляет собой бесстолпное сооружение с большим полусферическим куполом диаметром ок. 22 м, к-рый по форме напоминает купол Св. Софии в К.-поле. Церковь соединена с Трапезной палатой большим арочным проходом, в к-ром установлены застекленные металлические ажурные двери-решетки. Палата —

2-этажное кирпичное здание. На 1-м этаже находится собственно трапезная — большой зал, разделенный посередине 2 рядами чугунных колонн, поддерживающих свод. На 2-м этаже над залом располагались кельи и хоры. Зап. фасад украшает

Церковь преподобных Антония и Феодосия Печерских с трапезной палатой. 1893–1895 гг. Фотография. 2013 г.

небольшая арочка-колокольня в виде фронтона с позолоченной главкой. Фасады церкви декори-

рованы кирпичным «кружевом», цветными орнаментальными рельефами из алебастра, на фризе размещены полихромные керамические розетки. Поля пилястр и ризалитов разделены на квадратные филенки с цветными орнаментированными заполнениями из алебастра. К центральной части сев. стены трапезной

примыкают 2 могильные ограды. В восточной — погребение П. А. Столыпина. Надгробный памятник был спроектирован архит. А. В. Щусевым и худож. М. В. Нестеровым. На эс-

кизе (1912, ГТГ) он имеет вид металлического креста на ступенчатом постаменте, на лицевой стороне — мозаичный об-

Интерьер ц. преподобных Антония и Феодосия Печерских с трапезной палатой. Фотография. 2013 г.

раз Воскресшего Спасителя и лампада у подножия, на оборотной — рельефное Распятие (Михаил Нестеров: В поисках своей России: К 150-летию со дня рождения: Кат. выст. / ГТГ. М., 2013. С. 324–325). Выбор техники изображения, сам тип поклонного креста указывали на преемственность средневеков. традиции, а иконографический извод Спасителя, восстающего во славе и в свете, был воплощен в живописных формах, близких к стилю модерн, и восходил к образу, сделанному Нестеровым еще в 90-х гг. XIX в. для мозаики в храме Воскресения Христова (Спаса на Крови) в С.-Петербурге. В нач. 60-х гг. XX в. надгробие демонтировали и переместили на 1-й этаж Большой колокольни, в 1991 г. отреставрировали (мозаика утрачена) и вернули на место.

На территории Дальних пещер по проектам Николаева были построены в рус. стиле каменный 2-этажный корпус братских келий (корпус № 53) — в 1897 г. и часовня над входом в галерею пещер — в 1898 г. По чертежам того же архитектора в кон. XIX в. в лавре был установлен с использованием сборного литого чугуна ряд навесов-часовен над питьевыми фонтанчиками: в сквере на Соборной площади, на территории Больничного двора (не сохр.), на

Проект надгробного памятника П. А. Столыпину. 1912 г. Архит. А. В. Щусев, худож. М. В. Нестеров (ГТГ)

Дальних пещерах. Ряд зданий Николаев возвел в формах «кирпичного стиля» с использованием элементов древнерус. архитектуры: в Верхней лавре, на Экономическом подворье, в 1897–1898 гг. — 2-этажный «дом братских келий печатного и кесарского ведомства» (корпус № 14);

в Гостином дворе в 1898 г. — 3-этажный корпус для размещения «простых богомольцев» (не сохр.); на территории Ближних пещер в 1898–1899 гг. — 3-этажные братские кельи (с главного, зап. фасада 2-этажные) (корпус № 43), возведенные на перепаде рельефа с разницей отметок ок. 3 м, где стена 1-го этажа является подпорной.

В дек. 1899 г. лаврским архитектором стал Ермаков, к-рый спроекти-

Благовещенская ц.
1904–1905 гг.
Фотография. 1911 г.

Благовещенская. Фасадная отделка отличается оригинальным сочетанием элементов русского стиля (2-й этаж) и баро-

ковал и построил в мон-ре несколько разных по назначению сооружений, преимущественно в «московско-ярославском» рус. стиле, воспроизводящем черты узорочья XVII в.: в 1902 г. — высокий шатер над колокольней у ц. прп. Феодосия Печерского, в 1914–1915 гг. — часовню над артезианским колодцем в черте оборонной стены Нижней лавры и др. В эти же годы Ермаков реконструировал ризницу Дальних пещер (корпус № 73). Над зданием был надстроен 2-й этаж, перекрытый граненым приземистым куполом, увенчанным маленькой главкой с крестом на яблоне. Архитектура ризницы решена в формах эклектики.

Активные строительные работы на Верхней территории привели к значительному уплотнению ее застройки. Все деревянные или ветхие здания были заменены 2- и 3-этажными каменными, возведенными по проектам Ермакова. В 1902–1903 гг. построены 2-этажный «певческий корпус», представляющий собой Г-образное в плане сооружение, накрытое вальмовой крышей, и 2-этажное прямоугольное в плане здание иконой лапки (корпус № 35) в «кирпичном стиле». В эти же годы в «кирпичном стиле» возведен 2-этажный братский корпус (№ 24), в центральной части основного его объема расположен проезд, сверху возвышается колокольня, увенчанная куполом.

В связи с расширением издательской деятельности в 1903–1904 гг. было построено здание переплетной мастерской, 2-этажное с подвалом, решенное в формах эклектики.

В 1904–1905 гг. между митрополичьим домом и кухней-трапезной по проекту Ермакова возведено 2-этажное каменное здание с цокольным этажом со стороны юж. фасада, образованным за счет перепада рельефа местности. В нем были устроены 2 церкви: на цокольном этаже — во имя свт. Михаила Киевского, а на 1-м этаже и хорах — 3-престольная

церковь (1-й этаж и центральный ризалит). В 2-светном зале церкви внутренними несущими элементами являются 10 колонн, на к-рые опираются перекрытия хор, их продолжают 10 небольших утонченных металлических колонн на хорах, имеющих такие же пропорции и декор, как и большие. На хоры ведут 2 винтовые лестницы из сборных чугунных элементов с ажурным ограждением. Иконостасы для церкви изготовили в мастерской А. А. Мурашко.

По проекту Ермакова в 1907–1908 гг. также построили Г-образное 2-этажное здание гостиницы «для приходящих богомольцев» (корпус № 19), расположенное параллельно монастырской стене XVIII в. и образующее с ней со стороны юж. фасада замкнутый внутренний двор; в 1908–1909 гг. — 2-этажное здание б-ки (на 1-м этаже — читальный зал, на 2-м — книгохранилище). В 1911–1914 гг. вблизи юго-зап. угла монастырской стены Верхней лавры построено 2-этажное здание больницы в модернизованных формах рус. стиля (корпус № 111), ориентированное вдоль красной линии застройки улицы. Оно представляет собой П-образное в плане сооружение с ризалитами и вальмовой крышей. В центральном граненом ризалите была устроена ц. в честь иконы Божией Матери «Всех скорбящих Радость». Из-за значительного перепада рельефа под-

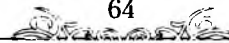
вальный этаж на юго-вост. фасаде переходит в цокольный. В 1913 г. возведено 3-этажное здание просфорни в «кирпичном стиле». Архитектурный ансамбль, сложившийся в нач. XX в., в значительной степени сохранился до наст. времени.

О. В. Ситкарёва

Арх.: Юра Р. О. Дневник археологической экспедиции по исследованию Дальних пещер Киево-Печерского заповедника в 1968 г. // НА ИАНАНУ. Фонд экспедиций 1968/256, № 5176. С. 7, 12, 14–15, 21–22.

Ист.: Патерик Киево-Печерского мон-ря / Ред.: Д. И. Абрамович. СПб., 1911; *Иннокентий (Гизель), архим.* Синописис. К., 1674 (цит. по изд.: он же. Мечта о рус. единстве: Киевский синописис (1674) / Предисл. и подгот. текста: О. Я. Сапожников, И. Ю. Сапожникова. М., 2006); *Атанасий Кальнофойский, свящ.* Тератургима, або чуда (Київ, 1638 року) / Пер. з польської: В. Шевчук // Хроніка 2000. К., 1997. Вип. 17/18. С. 23–44.

Лит.: *Самуил (Миславский), митр.* Краткое ист. описание Киево-Печерской Лавры. К., 1817; *Лашкарёв П. А.* Остатки древних зданий Киево-Печерской Лавры // Он же. Церковно-археол. очерки, иссл. и рефераты. К., 1898. С. 209–220; *Титов Ф. И., прот.* Типография Киево-Печерской лавры: Ист. очерк (1606–1616–1721 гг.). К., 1916. Т. 1; *Холостенко Н. В.* Исследование руин Успенского собора Киево-Печерской лавры в 1962–1963 гг. // Культура и искусство Древней Руси. Л., 1967. С. 58–66; он же (*Холостенко М. В.*). Успенский собор Печерского мон-ря // Стародавий Київ. К., 1975. С. 107–170; *Ситкарёва О. В.* Мат-лы к истории Гостиного двора Киево-Печерской лавры // Проблемы охраны, изучения и реставрации архит. памятников Киево-Печерской лавры. К., 1991. С. 80–91; он же. Военный инженер Дебоскет // Архит.-археол. исследования в Киеве и Киево-Печерской лавре. К., 1995. С. 5–36; она же. Киевская крепость XVIII–XIX вв. К., 1997; она же (*Ситкарёва О.*). Успенский собор Киево-Печерской лавры. К., 2000; она же. Архитектура Киево-Печерской Лавры кін. XVIII–XX ст. К., 2001; она же. Архитектурный ансамбль Киево-Печерской Лавры та її історичного оточення за доби гетьмана І. С. Мазепи. К., 2005; она же. Формування архітектурного ансамблю Києво-Печерської лаври XVII–XX ст. К., 2006. Ч. 2: Ансамбль Києво-Печерської лаври за доби гетьманів І. Скоропадського та Д. Апостола: Історичний, архітектурний та мистецький контекст; *Харламов В. О.* Відкриття келії XI ст. Феодосія, ігумена Києво-Печерського // 1000 років Чернігівської єпархії. Чернівці, 1992. С. 63–66; *Івакін Г. Ю.* Історичний розвиток Києва XIII – сер. XVI ст. К., 1996; *Кабанець Є. П.* Походження успішної топоніміки Києво-Печерського мон-ря // Лаврський альманах. К., 1999. Вип. 1. С. 55–63; он же. Успенські церкви Давньої Русі (X – кін. XIII ст.) // Там же. 1999. Вип. 2. С. 53–61; *Анісімов І. О.* До історії архітектурного ансамблю Ближніх пещер Києво-Печерської Лаври // Там же. 2001. Вип. 3. С. 5–11; он же. До історії споруд на Дальніх печерах Києво-Печерської Лаври // Там же. 2002. Вип. 7. С. 10–33; он же. Історія Верхньої території Києво-Печерської лаври: Великокняжа доба // Там же. 2004. Вип. 12. С. 5–21; он же. Деякі особливості архітектури Успенського собору Києво-Печерської лаври за доби бароко // Там же. 2005. Вип. 14. С. 116–130; *Артамонов Ю. А.*

К истории строительства Успенского собора Киево-Печерской лавры // Велика Успенська церква Києво-Печерської лаври: Слід у віках. К., 2002. С. 20–32; *он же*. О начальном этапе монастырского строительства в Древней Руси // Могилянські читання, 2005. К., 2006. С. 33–39; *Архилова Е. И.* Архитектурный декор XI–XII вв. Успенского собора Киево-Печерского мон-ря // Лаврский альманах. 2003. Вип. 11. С. 15–21; *Воронцова Е. А.* Киевские пещеры. К., 2005; *Чередниченко С. Ф.* Архитектура та функціональні призначення підземних споруд Верхньої Лаври // Могилянські читання, 2005. К., 2006. С. 539–554; *Бобровський Т. А.* Підземні споруди Києва від найдавніших часів до сер. XIX ст.: Спелео-археол. нарис. К., 2007; *Дяденко В. Д.* Звіт про наслідки антропологічного обстеження поховань, виявлених під час археологічних досліджень 1968 р. у Дальніх печерах Києво-Печерської лаври // Лавський альманах. 2012. [Спецвип. 10: Дослідження печерних комплексів Києво-Печерської лаври]. С. 29–37; *Чумаченко В. В.* Звіт про археологічні дослідження Дальніх печер // Там же. С. 17–25; *Юра Р. О.* Звіт про археологічні дослідження Дальніх печер Києво-Печерської лаври в червні 1968 р. // Там же. С. 26–28; Лавський альманах. 2012. [Спецвип. 10: Дослідження печерних комплексів Києво-Печерської лаври].

Монументальная живопись, иконостасы храмов К.-П. л. Успенский собор. Из текста КПП о создании убранства Успенского собора можно сделать вывод о том, что в Печерском мон-ре во 2-й пол. XII в. сформировалась своя художественная мастерская. Ее основой стали «писци иконные», пришедшие из К-поля в Киев в игуменство прп. Никона (1077/78–1088), через 10 лет после кончины преподобных Антония и Феодосия (Патерик. 1911. С. 8–9). В мон-ре визант. живописцы приняли постриг, здесь окончили свой земной путь, успев наставить в «хитрости иконной» учеников, среди к-рых был и прп. Алимпий (Алимпий) — 1-й известный по имени рус. иконописец, о к-ром в тексте КПП говорится, что он «помога и учася» визант. мастерам в украшении Успенского собора. Прп. Алимпий, очевидно, был не единственным учеником греков, называют еще прп. Григория Печерского, хотя др. источников, кроме «Сказания о святых иконописцах» (XVIII в.), не имеется: «...иконописец киевский много святых икон написал чудотворных, яже zde в Российской земли обретаются, спостник бе преподобному Алимпию» (*Буслаев*. 1861. С. 379). Нек-рые сведения о первоначальном декоре Великой церкви можно почерпнуть из текста Слова 34 о чуде с явленным нерукотворным образом Божией Матери: «Мастером бо алтарь мусиею [мозаику] кладущим, и образ Пречистой святой Вла-

дычицы нашей Богородицы и Приснодевы Марии сам вообразися... и се из уст Пречистые Богоматери излете голубь бел и лете горе ко образу Спасову и там скрыся... и паки голубь излете от уст Спасов и леташе по всей церкви. И к коемуждо святому прилетая, овому на руке седая, иному же на главе; слетев же долу, седе за иконою чудною Богородичною наместною» (Патерик. 1911. С. 121). При строительстве Успенского собора была соблюдена известная с раннехрист. времени традиция возведения храма с мощами святых в его основании. Места закладки принесенных к-польскими зодчими мощей св. мучеников Артемия, Полиевкта, Леонтия, Акакия, Арефы, Иакова и Феодора были отмечены в соборе их изображениями: «...и мощи святых мученик под всеми стенами положены быша, идеже и сами написаны суть над мощми по стенам» (Там же. С. 7). Данное сообщение из КПП «фиксирует один из основополагающих принципов подбора святых, которым руководствовались художники при составлении программы декорации», а анализ изображений собора Св. Софии, бывшей во многом прототипом Успенского собора, позволяет предположить, как выглядела нижняя зона росписи (*Сарабьянов*. 2003. С. 135). Работы по украшению собора продолжались 4 года и были закончены в 1089 г., при игум. Варлааме.

Собор обновляли в 1470 г., при кн. Симеоне Олельковиче, к-рый «украши ю всякою красотою и различными шарами [красками] росписа» (*Инокентий Гизель*). 2006. С. 211). Работы, затронувшие интерьер собора, относятся ко времени его капитального ремонта в 1530 г., при князьях Острожских. Росписи поновлялись в 1555–1556 гг.; во время посещения Киева в 1584 г. купцом Мартином Груневегом собор был украшен «красиво и богато». В кон. 20-х — 30-х гг. XVII в. производилось очередное поновление живописи, когда митр. Петром (Могилой) были приглашены греч. живописцы (*Лебединцев*. 1999. С. 153–154).

Об убранстве собора в этот период, когда в поновленном виде, но еще сохранялась его первоначальная декорация, оставил сведения в 1654 г. архидиака Павел Алеппский. В алтарной части он видел древние мозаики: «Святой алтарь очень высок и возносится в пространство. От

верху полукруглой его арки до половины ее изображены: Владычица, стоя благословляющая, с платом у пояса, а ниже Ее Господь, окруженный архиереями, — мозаикой с золотом, как в Св. Софии» (*Павел Алеппский*. Путешествие. Вып. 2. С. 52). В алтарной конхе было мозаичное изображение Богоматери «Оранта», подобное образу в соборе Св. Софии. Согласно реконструкции мозаик Успенского собора В. Д. Сарабьянова, «учитывая огромные размеры Успенского собора, высота алтарной апсиды которого была около 18 м, т. е. достигала половины высоты всего здания, можно предположить, что именно здесь декорация апсиды впервые могла быть расширена двухъярусным святительским чином» (*Сарабьянов*. 2003. С. 100–101): под изображением Богородицы в конхе апсиды находилась композиция «Евхаристия», а ниже — 2 регистра с изображением святителей.

Если упоминаемый в КПП мозаичный «горе... образ Спасов» тоже мог быть близок к изображению Христа Пантократора в куполе собора Св. Софии, то в описании образа Спасителя в куполе (видимо, восстановлен в период наиболее масштабных ремонтных работ при Киевском вел. кн. Симеоне Олельковиче), составленном архидиаком Павлом, не указано, в какой технике он был сделан: «Наверху большого купола изображен Господь — да будет прославлено имя Его!» (*Павел Алеппский*. Путешествие. Вып. 2. С. 51).

Очевидно, Успенский собор, как Десятинная ц., собор Св. Софии, а позже собор арх. Михаила Златоверхого мон-ря и др., был украшен мозаиками и фресками. К важным сведениям относится упомянутая архидиаком Павлом роспись на сев. стене с Успенским циклом больших размеров, связанным с посвящением собора: «...начиная от верху, изображено Успение Богородицы и апостолы, восхищаемые в облаках; каждый апостол имеет при себе ангела. Внизу же изображены апостолы, собравшиеся вокруг мраморного гроба Св. Девы; саван раскрыт, и они в изумлении поднимают руки к небу, говоря, «Она вознеслась!». Насупротив этого места они также в сборе, и хитон Ея среди них» (Там же). По описанию, в верхней части стены представлен извод т. н. Облачного Успения, известный в визант. искусстве с X в. Из приведенных композиций

одна восходит к иконографии «Апостолы у пустого гроба Богоматери» (наиболее ранний пример в ц. Богородицы Перивлепты в Охриде, 1295) или «Явление Богоматери апостолам», которая, видимо, появилась на Афоне с распространением в XVI в. «Чина о пангии», связанного, по толкованию прп. Максима Грека, с Успением Пресв. Богородицы (напр., клеймо 16 иконы «Рождество Богоматери, с житием» из ц. Рождества Богоматери на Исаевце, близ Твери, 3-я четв. XVI в., ЦМиАР; см.: Иконы XIII–XVI вв. в собр. Музея им. Андрея Рублёва. М., 2007. Кат. 89. С. 488), другая — «Положение ризы Богородицы», где апостолами ошибочно названы святители. На основании анализа системы храмовой росписи ряда памятников византийского круга Сарабьянов предположил, что напротив композиции «Успение Пресв. Богородицы» на юж. стене собора находилась сцена «Рождество Христово» (Сарабьянов. 2003. С. 101–112).

Еще одно из приведенных архидаком Павлом изображений — «написанный» на «самом верху арки» жертвенника образ св. Иоанна Предтечи «с двумя крылами, ибо престол в честь его» (Павел Алептский. Путешествие. Вып. 2. С. 52) тоже может относиться к древней декорации собора. В древнерусской живописи посвящение жертвенника и соответственно связь тематики его росписи со св. Иоанном Предтечей известны с XII в. (фрески Спасо-Преображенского собора Мирожского монастыря, ок. 1140).

Ко времени (или во время) следующего этапа работ по обновлению интерьера собора его древняя декорация была утрачена. Восстановительные работы проводились по повелению царя Петра I после пожара, охватившего всю Верхнюю территорию в апр. 1718 г. Роспись была закончена в 1730 г., уже после освящения собора (14 авг. 1729), как то следует из надписи, находившейся на столбе возле левого клироса при проповеднической кафедре: «Сия Богородичная церковь от своего по разорении огненным основанием, в лета Господня 1722 совершившагося, иконописным художеством украшена 1730» (Евгений (Болховитинов). 1826. С. 301). Ее исполнители — художники лаврской иконописной мастерской, среди которых — Феоктист (Павловский), Алимпий (Га-

лик), Даниил (Глинский) (Уманцев. 1968. С. 178; Жолтовський. 1988. С. 160). В разработке программы росписи могли принимать участие лаврский архим. Иоанникий (Сенютович) и ученые богословы Киево-Могилянской академии. Программа росписи Успенского собора включала как традиционные, так и новые сюжеты и темы. Изображения входили в состав циклов, объединенных определенной богословской или церковно-исторической идеей. Значение их пояснялось текстами на хартиях, сопровождавших большинство изображений. В верхней зоне была сохранена византийская система росписи, лишь вместо образа Христа Пантократора в центральном куполе была изображена Св. Троица. В конхе центральной апсиды — «Распятие» в окружении символических композиций «Семь таинств». Над горним местом — «Тайная вечеря» и традиц. чин святителей. На боковых стенах апсиды помимо сцен на тему «Воскресение Христово» были помещены композиции символично-аллегорического характера: «Семь даров Св. Духа», «Отче наш», «Евангельские заповеди блаженства». В жертвеннике находился Страстный цикл и сцены из ВЗ, прообразующие Крестную Жертву. В диаконнике — изображения архангелов, в т. ч. деяния, а также сцены из ВЗ и Откровения ап. Иоанна Богослова. Хоры украшала роспись на историческую тему — благословение Киева и Печерской обители: напротив Афонской горы с образами преподобных Афанасия Великого и Петра Афонского была изображена Киевская гора, на крую ап. Андрей воздвигает крест, внизу композицию фланкировали фигуры преподобных Антония и Феодосия. Исторические портреты составляли отдельную галерею, разместившуюся в центральной части собора в нижней зоне стен: справа были изображены в рост печерские игумены и архимандриты, а слева — ктиторы лавры. В центральной части собора на стене перед иконостасом, а также на боковых стенах находились композиции с изображением 7 Вселенских Соборов. Боковые алтари и приделы собора имели отдельные тематические циклы росписей. Так, цикл росписей в приделе арх. Михаила включал разнообразные библейские сюжеты, связанные с явлением ангелов (фотографии с изоб-

Успенский собор.
Разрез по линии восток–запад.
Сев. половина. Чертеж Ф. Г. Солнцева.
1843 г. (РНБ)

ражением Вселенских Соборов и галереи архимандритов и ктиторов, сделанные в кон. XIX в., хранятся в фондах НКПИКЗ).

О системе росписей XVIII в. дает представление документ 20–30-х гг. того века, известный в неск. копиях 1-й пол. XIX в. под названиями «Описание иконописи Киево-Пе-

Успенский собор.
Разрез по линии запад–восток.
Юж. половина. Чертеж Ф. Г. Солнцева.
1843 г. (РНБ)

черской лавры» (Истомин. Описание иконописи. 1897) и «Память, что внутри святой великой печерской церкви изображено» (НБУВ ИР. Ф. 1. № 5411–5413); размещение живописных композиций передают также разверстки интерьеров Успенского собора Солнцева, выполненные в 1843 г. (РНБ. Ф. 1381/1. Оп. Р-40: Архит. чертежи. Д. № 310. Л. 21–24).

В 1772–1776 гг. лаврские иконописцы под рук. иером. Захарии (Голубовского) поновляли в соборе росписи с сохранением всех композиций: «...внутри иконописным художеством вновь на стенах и сводах совершенно вся выписана и ук-

рашена» (Евгений (Болховитинов). 1826. С. 301).

В 1813 г. живопись обновлялась в приделе архидак. Стефана, в 1829 г. — в алтаре собора, в 1830 г. — в приделе арх. Михаила, в 1831 г. — в приделе ап. Иоанна Богослова. Следующее масштабное обновление росписей было предпринято митр. Филаретом (Амфитеатовым). В донесении митрополита Святейшему Синоду причиной предпринятых им работ (велись с сер. июля 1840 по 1 окт. 1842) названо плохое состояние живописи, к-рая «весьма потемнела и во многих местах попортилась» от сырости (Лебединцев. 1999. С. 154). Митр. Филарет ставил целью возобновить живопись «совершенно в прежнем виде, без всякого изменения» (Там же), для чего пригласил из Орловской епархии иером. *Иринарха* (с 1841 начальник лаврской иконописной мастерской). Работа была выполнена только наполовину от запланированного объема и приостановлена по причине недовольства имп. Николая I поновленной живописью. Специально созданная комиссия исследовала новую живопись и пришла к выводу, что она «не имеет характера превосходной греческой живописи, ибо она светла и ярка... в ней видна смесь древней иконописной живописи с манерой нынешней, что, вероятно, произошло от верного соблюдения прежних рисунков при отделке их рукой художника, принадлежавшего новой церковно-живописной школе». Иером. Иринарха отстранили от работ (живописцу были высказаны признательность митр. Филарета (Амфитеатрова) и благодарность «всех лавры»), а «исправление живописи» было произведено по эскизам Солнцева в соответствии с представлением о визант. стиле, характерным для XIX в. (Там же. С. 157). Судя по произведенным в течение лета 1843 г. работам Солнцева, «исправления» коснулись гл. обр. тона живописи, к-рый сделали темнее, перспективы и пейзажей, ставших более легкими и не такими резкими, а также орнаментов (вместо белого цвета вернули желтый и убрали «букеты цветов»).

В 80-х гг. XIX в. снова встал вопрос о реставрации росписи, к-рую предполагалось выполнить в визант. стиле. Однако вопреки первоначальному замыслу в нач. 90-х гг. XIX в. пришли к решению о полной замене живописи (Крайня. 2002. С. 111–

120). Духовный Собор лавры планировал пригласить В. М. Васнецова и акад. живописи М. Н. Васильева, к-рому в 1893 г. было поручено создание проекта, однако оба художника отказались от предложения. В 1894 г. проект новой росписи Успенского собора представили художники проф. В. П. Верещагин и акад. архитектуры С. Н. Лазарев-Стани-

Сошествие Св. Духа.
Роспись Успенского собора. 1894–1900 гг.
Худож. В. П. Верещагин. Фотография.
Нач. XX в. (НКПИКЗ)

щев (позже при участии акад. живописи В. Д. Фартусова были разработаны орнаменты). В мае того же года проект был одобрен имп. Александром III. Роспись основного объема собора, ок. 1366 кв. м, продолжалась в течение 6 лет (вместо 5 запланированных) при участии 10 художников (под рук. Г. И. Попова) (Лазайкин. 2001). Комиссия, в которую входили представители Духовного Собора лавры и такие знатоки церковного искусства, как члены Киевского церковно-археологического товарищества, профессора П. А. Лашкарёв, Н. И. Петров, позже В. З. Завитневич, художники И. Ф. Селезнёв, Н. К. Пимоненко и др., наблюдала за процессом росписи, начиная с утверждения эскизов и заканчивая приемом выполненной работы. 23 июля 1900 г. комиссия приняла работу Верещагина, указав на некие моменты несоответствия нормам церковной живописи, исправление к-рых не составило труда для художника. Одна часть комиссии, состоявшая из экспертов-художников, уже после отъезда Верещагина в С.-Петербург представила Духовному Собо-

ру альтернативный акт осмотра всех, в т. ч. и ранее принятых, работ Верещагина. Когда акт только рассматривался Духовным Собором, его опубликовала «Киевская газета» (1900. № 368), вызвав критику только что законченной росписи. Суть претензий была основана не столько на конкретных замечаниях (Духовный Собор не признал обоснованным пункт о перестановке композиций), сколько преследовала цель добиться разрешения на переделку всей росписи художниками — составителями данного акта. Дискуссия проходила в период становления укр. национальной художественной школы реалистической живописи, заложенной Н. И. Мурашко. Защитником росписи Верещагина выступил, в частности, проф. Петров, оценив ее положительно в сравнении с росписью Владимирского собора как служащую «не столько для эстетического наслаждения, а главным образом для молитвы» и имеющую «строгий церковный характер» (Петров Н. И. О новом росписании стен Великой церкви Киево-Печерской лавры // ТКДА. 1901. Т. 1. № 2. С. 232). Роспись без изменений просуществовала до гибели собора в 1941 г. Фрагменты росписей Верещагина сохранились на стенах южного (бывш. арх. Михаила) придела, устоявших во время взрыва в 1941 г.

Работы по воссозданию убранства восстановленного в 1998–2000 гг. собора начались с 1999 г. Проект росписи фасадов собора (под рук. Н. И. Слипченко, О. Е. Мамолат, художники-реставраторы С. Н. Баяндин, Ю. А. Гузенко), ориентированный на живопись кон. XVII — сер. XVIII в., был разработан в 1999 г. на основе сохранившегося ансамбля росписи надвратной Троицкой ц., а также сведений по декору фасадов XIX — нач. XX в. Роспись выполнена на шиферных плитах в технике силикатной живописи. Открытый на главную улицу зап. фасад украшен значительными по содержанию композициями. Над главным входом в собор помещена композиция «Успение Пресв. Богородицы». В центральных частях фронтонов сев. и юж. объемов зап. фасада находятся ростовые образы первоначальников обители преподобных Антония и Феодосия, окруженные сценами из Житий этих святых. На зап. фасаде представлены также Печерские преподобные: Стефан, Поликарп, Варлаам, Никон.

На фронтонах сев. фасада размещены 12 изображений, на 3 из них — родители св. Иоанна Предтечи праведные Захария и Елисавета и сам пророк с народом; там же — образы митрополитов Михаила и Петра (Могилы), прп. Нестора Летописца и др. На вост. фасаде — 32 образа пророков, апостолов и святителей; на фронтонах помещены иконы Божией Матери «Печерская» и «Ахтырская», изображены евангелисты, а также связанные темой просвещения Руси апостолы Андрей Первозванный, Кирилл и Мефодий, равноапостольные Владимир и Ольга.

Для создания живописи в интерьере собора (2007–2013; проект разра-

*Успенский собор.
Восстановлен в 2000 г.
Фотография. 2013 г.*

ботан под рук. О. А. Граужиса) за основу были взяты рисунки Солнцева, зафиксировавшие систему росписи XVIII в. (см.: *Моргуновська*. 2001. С. 95–98).

Древняя алтарная преграда собора была выполнена из сероватого с голубыми прожилками мрамора проконесского происхождения. Во время археологических раскопок были обнаружены фрагменты темплона, позволяющие предположительно судить о его размерах и архитектурных формах. Согласно реконструк-

*Купол и своды
Успенского собора.
Фотография. 2013 г.*

(не сохр., 1-е воспроизведение см.: *Петров Н. И.* Альбом достопримечательностей ЦАМ. К., 1914. Вып. 3: Южнорусские иконы. С. 31). Под сним-

ции Н. В. Холостенко, общая высота темплона составляла 3,02 м, над архитравом было размещено 5 деисусных икон, ниже — 2 иконы местного ряда (*Холостенко*. 1975. С. 134–137). Части древней алтарной преграды в наст. время находятся в Ближних пещерах: 2 фрагмента мраморных колонн (фусты в перевернутом виде) — в ц. прп. Антония, фрагмент архитрава — во Введенской ц. Очевидно, в состав икон темплона входили образы, созданные в иконописной мастерской мон-ря.

Первые сведения, дающие представление о том, как выглядел иконостас, оставил в 1654 г. архидиак. Павел Алеппский: «...он великолепен, но стар» (*Павел Алеппский*. Путешествие. Вып. 2. С. 51). Архидиак. Павел сосредоточил внимание только на иконах местного ряда, а также

указал, что иконостас венчает «распятие и опоясание Спасителя из кованого чистого золота» (Там же). Местный ряд, по его описанию, вклю-

чает «иконы при вратах олтаря весьма благолепны, в особенности иконы Господа и Владычицы... с венцами и многочисленными привесками... Евангелие (в руках Спасителя. — *Ред.*) из кованого серебра, а письмена золотые. На левой стороне от иконы Господа икона Успения Богородицы, весьма благолепная. Точно так же справа от иконы Владычицы икона святых Антония и Феодосия» (Там же). Следующее свидетельство близко по времени к предыдущему и имеет самый наглядный характер — это меднолитой складень — модель иконостаса, выполненная по заказу патриарха Никона

ком с изображением модели, сделанным в лаврской фотомастерской в 90-х гг. XIX в., подпись: «Фотографический снимок с металлического складня иконостаса Лаврской Великой церкви 1685 г., находящийся в ризнице Воскресенского «Новый Иерусалим» именуемого, монастыря». На модели зафиксирован 5-ярусный с резным каркасом иконостас; изображения икон выполнены красками. Местный ряд в целом отвечает описанию 1654 г., за исключением того, что на копии между иконами справа и слева от царских врат обозначены диаконостасные врата, не упомянутые архидиаком Павлом. Выше — праздничный ряд из небольших по размеру 12 икон, разделенных в центре Нерукотворным образом Спасителя; над ним — деисусный чин из 12 икон с ростовыми изображениями апостолов по сторонам большой (размера и формата икон местного ряда) иконы Спасителя на троне с предстоящими («Предста Царица»); да-

*Модель иконостаса Успенского собора.
1685 г. Фотография. 90-е гг. XIX в.*

лее — в овальных картушах 9 икон пророческого ряда с образом Божией Матери «Знамение» в центре; в трапециевидном завершении помещена большая икона «Распятие с предстоящими» (в размер икон местного ряда), там же внизу по сторонам иконы — небольшие медальоны с 2 иконками на Страстную тему и вверху — Бог Саваоф. Плоскостной характер «тягловой» конструкции иконостаса с ясными членениями на ряды и размещением в них икон указывает на сохранение в нем ранних черт. В то же время характер резного декора близок к барочной стилистике. Данные наблюдения, анализ иконографии (в частности, изображение на иконе преподобных Антония и Феодосия

Иконостас Успенского собора.
20-е гг. XVIII в.
Фотография. Нач. XX в.

собора с одним куполом, до перестройки митр. Петром (Могилой) в 5-купольный), а также сопоставление близких по времени укр. иконостасов (см.: *Таранушенко*. 1994) позволяют датировать лаврский иконостас ок. 1620 г., когда собор был обновлен при архим. Елисее (Плетенцеком), к-рый «отлично украсил соборную церковь» (*Титов*. 1916. С. 68).

К немаловажным относится упоминание архидиак. Павла о том, что в соборе были установлены «такие же иконостасы при вратах других алтарей». Он сообщил размер икон Спасителя и Божией Матери в тройных киотах в нартексе (15 локтей), соотнося их с иконами местного ряда главного иконостаса, к-рые «больше и лучше находящихся в нартексе» (*Павел Алеппский*. Путешествие. Вып. 2. С. 49, 51). Несмотря на отсылку к древности иконостаса, остается только строить догадки по поводу того, сохранялись ли в нем иконы от первоначальной алтарной преграды. Оба источника могут быть свидетельством того, что ко 2-й пол. XVII в. в лавре еще не сформировалась традиция опускания и поднимания чудотворной *Киево-Печерской иконы «Успение Пресв. Богородицы»* — расположение этой иконы над царскими вратами не зафиксировано архидиак. Павлом, она отсутствует на модели.

В число работ по обновлению собора после пожара 1718 г. входило и создание новых иконостасов во всех приделах (кроме неповрежденного иконостаса в приделе св. Иоанна Предтечи). В 1729 г. «иконостас большой снецерскою (слесарной. — *Ред.*) и малярскою работою окончен. Так-

же и другие, меньшие иконостасы до пределов вниз и горе числом осм, одни готовы, другие кончаются. И все тие к настоящей зиме купно на местцу своем поставлены будут» (цит. по: *Ситкарьова*. 2012. С. 492). Вид этих иконостасов (центральный — 5-ярусный, придельные — 2-ярусные) в пышном барочном резном оформлении зафиксирован на разверстке интерьеров с настенной живописью собора, выполненной

Иконостас Успенского собора.
Нач. XXI в. Фотография. 2012 г.

Солнцевым в 1843 г., а их состав — в описи собора 1867 г. Ок. 20 икон из иконостасов этого времени выявлены (среди них — иконы праздников «Крещение», «Сретение», «Вход Господень в Иерусалим», «Рождество Христово», «Успение Пресв. Богородицы», а также «Тайная вечеря», все — в НХМУ; *Пархоменко* I. Иконы з иконостаса Успенського собору Києво-Печерської лаври: [У фондах Держ. Музею укр. образотворчого мистецтва виявлено ряд творів іконопису, які вважалися втраченими під час війни] // *Образотворче мистецтво*. 1993. № 3/4. С. 22–23). В числе иконописцев исследователи называют Якима Глинского, Стефана Лубенского, Стефана Синявского. Серебряные позолоченные царские врата центрального иконостаса, а также серебряная оправа престола с сюжетными композициями литургического характера были выполнены в 1748 г. лаврским мастером Михаилом Юревичем.

В нач. XX в., в связи с тем, что в новом интерьере собора, украшенном живописью Верещагина, «общая гармония нарушается иконостасом, ко-

торый своим стилем вносит резкий диссонанс в строго византийский характер храма» (цит. по: *Ситкарьова*. 2012. С. 493–494), Святейший Синод утвердил проект нового иконостаса, разработанный А. В. Щусевым. В проекте был заявлен 3-ярусный мраморный иконостас с ажурными элементами из позолоченного металла; местный ряд должны были занять иконы из прежнего иконостаса, а чудотворный образ «Успение Пресв. Богородицы» также помещался над царскими вратами. Демонтаж старого иконостаса начали в 1896 г., оставив только местный ряд, однако проект Щусева не был осуществлен.

Пятиярусный иконостас центрального придела совр. собора был создан на основе рисунков Солнцева (художники Ю. П. и Е. Лесюк, А. Стралик и др.). На основе сохранившихся фрагментов царских врат (на средства гр. Б. П. Шереметева) была сделана их реконструкция.

Э. В. Шевченко

Троицкая церковь. Единственный, полностью сохранившийся монументальный ансамбль К.-П. л. — росписи надвратной Троицкой ц., выполненные в 20–30-х гг. XVIII в. лаврскими мастерами в технике масляной живописи (общая площадь 617 кв. м). В росписи храма представлено неск. тематических циклов. В неск. композициях отражено посвящение церкви, надписи точно воспроизводят праздничные песнопения и молитвы Св. Троице; тексты заимствованы из церковной лит-ры XVII — 1-й пол. XVIII в. Евхаристическая (литургическая) тема связана с богословской полемикой 80-х гг. XVII в. о времени пресуществления Св. Даров. В стенописи Троицкой ц. проиллюстрированы наиболее значимые моменты литургии, т. о. создается своеобразный комментарий к догматической и богослужебной символике (напр., в центральном алтаре — масштабное изображение «Св. литургия»). В композиции главного свода «Соберет избранныя своя от четырех ветров» представлен Бог в окружении славословящих Небесных сил: от уст херувимов исходят надписи, преимущественно на темы т. н. хвалебных псалмов.

В росписях столбов, пилястр, подпружных и малых арок средствами изобразительного искусства раскрыты тексты молитвы «Отче наш», евангельские заповеди блаженства; в композициях «Семь Даров Св. Духа»

и «Семь таинств» — догматы православного вероисповедания. Проиллюстрированы также притчи и проповеди Иисуса Христа. Изображения на стенах и сводах притвора (престройка XVIII в. к основному объему храма) закомпонованы в 9 многофигурных композиций с группами преподобных, девственников, мучеников, праведных царей, святителей, пророков и др. В отличие от росписей помещения церкви, где сцены отделяются золотыми рамами, в притворе нет четких границ между сюжетами верхнего, среднего и нижнего ярусов.

Монументальный ансамбль Троицкой ц. — яркий пример присущего стилю барокко стремления к синтезу искусств. В живописи проявились тенденции, характерные для европ. искусства эпохи в целом. Мастерами

*Господь Вседержитель.
Икона из иконостаса Троицкой ц.
1734–1735 гг.*

была использована вся пригодная для росписи поверхность: внутренние углы крещатых столбов, оконные откосы, даже деревянные стасидии. Одна и та же композиция иногда размещается на перпендикулярных плоскостях. Нередко реальная архитектура помещения дополнена иллюзорными архитектурными элементами. Интерьер не воспринимается замкнутым — в большинстве крупных композиций создано глубокое пространство.

Одна из главных особенностей системы росписей — сопоставление

*Крещение евнуха ап. Филиппом.
Роспись Троицкой ц. 20–30-е гг. XVIII в.*

больших плоскостей и мелкой формы. В иконографической программе акценты распределены так, что в зависимости от момента богослужения некоторые композиции меняют смысловое значение. Отдельные росписи сводов, стен нефов и трансепта, алтарных апсид особо выделены благодаря размерам или местоположению, напр. «Первый Вселенский Собор» (зап. стена центрального нефа), «Литургическая композиция» (центральная алтарная апсида), «Крещение Господне» и «Сошествие Св. Духа» (своды трансепта), «Иисус Христос с апостолами» и «Отослание учеников на проповедь» (стены

*Иконостас Троицкой ц.
1734–1735 гг. Фотография. 2013 г.*

нефов) и др. Каждая «ключевая» композиция окружена сюжетами меньшего размера. Росписи стен, сводов и подпружных арок выполняют в тематических циклах роль вступления или заключения.

Создавая живопись Троицкой ц., мастера пользовались большим ко-

личеством образцов. К известным европ. эталонам восходят «Крещение евнуха ап. Филиппом» (сев. стена трансепта), «Жертвоприношение Авраама» (апсида жертвенника), росписи цикла «Евангельские заповеди блаженства» и др. Источниками композиций являлись иллюстрации Библии Н. И. Пискарева, К. Вайгеля, М. Мериана, а также отдельные эстампы.

Росписи Троицкой ц. едины в стилистическом отношении, однако в ансамбле можно выделить неск. индивидуальных «почерков», свидетельствующих об участии ряда художников. С большим профессионализмом исполнены лики в крупных композициях притвора и церкви — очевидно, это работа ведущих мастеров. Не так совершенно — помощниками и учениками — написаны руки мн. персонажей, некоторые фигуры в группах. Архивные и иные материалы, позволяющие соотнести росписи храма с конкретными художниками, не обнаружены.

Резной позолоченный иконостас храма, памятник монументально-декоративного искусства, был создан в 20–30-х гг. XVIII в.

А. Ю. Кондратьев

Церковь преподобных Антония и Феодосия с трапезной палатой. Проект художественного оформления интерьера храма и трапезной палаты 1895 г., в т. ч. разбивку стен и сводов под росписи, детальную разработку орнаментов, проекты солей, иконостаса, киотов и панелей выполнил архит. Шусев, который и осуществлял контроль за работами. В 1902 г. с ним был подписан контракт на выполнение росписей. Через год окончили роспись палаты, в 1910 г. — храма. Настенные росписи, а также иконы для иконостаса и киотов храма выполняли художники Г. И. Попов («Нагорная проповедь», «Умножение хлебов», «Чудесный лов рыбы», «Иисус Христос в Эммаусе»), И. С. Ижакевич («Рождество Христово», «Сретение», «Крещение», «Воскресение», лики святых в медальонах), А. А. Лаков (орнаменты) и др. Детонацией во время подрыва Успенского собора были повреждены своды трапезной, живопись на своде была утрачена вслед. снятия нем. оккупантами кровли храма.

Двухъярусный иконостас в неовизант. стиле изготовлен мраморно-гранитным «заведением» И. А. Дрекслера из итал. мрамора белого, ро-

в 1817 г. В 1893–1895 гг. проводились масштабные работы по обнов-

Умножение хлебов.

Роспись

ц. преподобных Антония и Феодосия Печерских. 1910 г. Мастер Г. И. Попов

лению интерьера. Стены были расписаны киевским худож. Д. Давыдовым в академическом

завого и серого цветов. Чеканка и позолота его металлических частей выполнены на московской фабрике золотых и серебряных изделий М. Н. Рындина. Уцелели 6 икон местного ряда, на рубеже XX и XXI вв. взамен утраченных были написаны новые.

Крестовоздвиженская церковь. Надпись на южной стене сообщает, что в храме, освященном еще в 1700 г., был помещен новый ико-

Интерьер Крестовоздвиженской ц.

ностас «и прочиим благолепием украсися и освятися, 1769 года, месяца Декабря 13 дня», при архим. Зосиме (Валкевиче) (*Евгений (Болховитинов)*. 1826. С. 388). В рапорте 1815 г. блюстителя Ближних пещер о состоянии алтаря, который «от древности весь очернел и окоптел», содержится замечание, ставящее под сомнение существование до 1816 г. росписи в храме: «...надобно оный (алтарь.— *Ред.*) известью побелить или красками с различными изображениями расписать» (ЦГИАК. Ф. 128. Оп. 2 (общ.). Д. 60; *Лопухина*. 2007. С. 74). Храм был расписан

стиле с сохранением прежней иконографической программы. В контракте оговаривалось, что настенные композиции должны быть написаны по рисункам, снятым с ранних изображений и размещены на тех же местах (ЦГИАК. Ф. 128. Оп. 2 (общ.). Д. 370. Л. 52).

Резной по дереву вызолоченный иконостас был создан в 1767–1769 гг. Работы по изготовлению рамы с резными рокайльными элементами выполнял лаврский мастер К. Шверин. Архитектурное членение плоскости иконостаса 3-частное, в нем скомпонованы 7 рядов икон, увенчанных под самым куполом живописным «Распятием». Иконы были созданы лаврским иконописцем иером. Захарией (Голубовским). Убранство иконостаса довершили установленные в 1784 г. серебряные царские врата (в 20-х гг. XX в. конфискованы советской властью, перепроданы за границу, в наст. время находятся в Музее Виктории и Альберта, Лондон). Иконостас неск. раз в течение XIX в. поновлялся, так, в 1822–1823 гг. отдельные иконы были «вновь переписаны, а иные направлены мастером киевским жителем Яковом Ключинским». В 1893–1895 гг. большая часть икон была написана заново в академическом стиле, некоторые поновлены. Живописные работы выполнил киевский мастер Аким Чухнов, а также Спиридон Науменко и др. лаврские иконописцы под наблюдением и при участии начальника лаврской иконописной мастерской иером. Феогноста (Шанцова) (*Лопухина*. 2007. С. 73–79). В наст. время в иконостасе находятся иконы разных периодов. От XVIII в. сохранились 4 иконы местного ряда («Вознесение Креста Господня», «Введение во храм Пресв. Богородицы», «Собор преподобных Печерских», «Собор всех российских чудотворцев»), а также

«Тайная вечеря» над царскими вратами. На оборотной стороне иконостаса размещаются еще 10 икон XVIII в. со страстными сюжетами (*Питателева*. 2006. С. 160–164).

Е. В. Л., Э. В. Ш.

Всехсвятская церковь. Письменные источники не содержат точных сведений, была ли расписана церковь по окончании строительных работ (1698). По мнению ряда иссле-

Интерьер ц. Всех святых

дователей, если роспись и существовала, то была уничтожена пожаром 1718 г. Выявленные в ходе реставрации (1969, 1974, 1987 и 1989) участки орнаментальной живописи точной датировки не имеют, однако указывают на то, что декор храма существовал до работ по обновлению интерьера в 30-х гг. XVIII в., т. е., видимо, мог быть создан в кон. XVII в. До сер. XIX в. материалов о художественном обновлении нет, несмотря на часто проводимые ремонтно-реставрационные работы. И только из описи 1853 г. стало известно, что в скупье купола был написан образ Бога Отца, в простенках окон барабана — ангельские силы, в юж., сев. и вост. куполах — Св. Дух в виде голубя, в западном — надпись: «О. Θεοεϋ». Согласно реставрационному отчету 1975 г., подпружные арки центрального купола украшала орнаментальная роспись в виде кессонов. Сохранившаяся роспись была выполнена в 1905–1906 гг. 24 учениками и послушниками лаврской иконописной мастерской (среди них — имена В. Шуришкова, В. Лукина, Е. И. Судоморы, Ф. З. Коновалюка и др.). Художественное руководство

работами осуществляли смотритель иконописной школы иером. Владимир (Соколов) и учитель рисования худож. Ижакевич. В основном пространстве храма представлены обра-

Икона Божией Матери «Знамение» из иконостаса ц. Всех святых. XVIII в.

зы святых, на стенах крытой галереи изображены Небесный Иерусалим и Св. Гора Афон. Оригинальной особенностью является орнамент, выполненный в традиции нач. XX в.

Предполагают, что из-за пожара недолго простоял в новопостроенном храме и 1-й иконостас. Новый появился лишь спустя 23 года. Это 5-ярусный с позолоченной резьбой иконостас 1741 г., над его созданием трудились резчики И. Сповольский и С. Никитич. Отдельные архаичные для сер. XVIII в. черты иконостаса позволяют предполагать, что в ос-

Лиц царей.
Икона из иконостаса ц. Всех святых.
XVIII в.

новных формах он мог быть повторением первоначального. Иконы, несмотря на следы неоднократных поновлений (некоторые были переписаны в XIX в.), сохранили художественно-

стилистические качества иконописи XVIII в. В наст. время иконостас предстает в неполном виде: утрачены иконы местного ряда (кроме икон диаконских врат, на к-рых изображены равноапостольные имп. Константин и кн. Владимир); 15 икон праздничного и 3 цокольного ряда. Среди сохранившихся икон основной в живописной системе иконостаса является «Собор арх. Михаила»: сонм святых и небесное воинство во главе с арх. Михаилом славят Св. Троицу и Пресв. Богородицу.

Дальние и Ближние пещеры. Монументальная роспись в пещерах имеет единый художественный замысел, обусловленный самим местом ее нахождения, — прославление духовного подвига Печерских святых. В Дальних пещерах наибольшее количество изображений сохранилось в ц. прп. Феодосия. В зап. части, при входе в храм, на простенках арочного прохода слева и справа, представлены образы прп. Геронтия и прп. Евфросинии Полоцкой; в сев. части, также в арочном проеме, — прп. Ипатия Целителя и неизвестного святого (надпись вокруг нимба утрачена); на юж. стене притвора — преподобных Пимена, Лонгина и Захарии. В соответствии с описью Дальних пещер 1877 г. в интерьере храма находилось 19 выполненных масляными красками фигур святых, заполнявших почти все свободные простенки: прп. Агафона Чудотворца, Лонгина Вратаря, Захарии Постника, Евфросинии Полоцкой, мч. Иоанна Воина, преподобных Илариона и Силуана схимников, сщмч. Лукиана, преподобных Иосифа Многоболезненного, Пимена Постника, св. отрока Леонтия, канонархов, преподобных Ипатия Целебника, Паисия, Меркурия Постника, Макария диакона, Сисоя схимника, Нестора Летописца, Ахиллы диакона, Мартирия затворника (Опись 1877 г. Л. 42, 43 об.). Графическим свидетельством стенописи ц. прп. Феодосия являются рисунки К. П. Мазера.

В описании ц. Благовещения Пресв. Богородицы за 1877 г. упоминается, что стены и своды храма были расписаны масляными красками; в алтаре «...над престолом — Святой Дух; с правой стороны изображены прп. Феофил, еп. Новгородский, Игнатий, архимандрит Печерский, и Моисей-чудотворец; с левой — архангел Гавриил, прп. Анатолий и Памва затворники», в наосе на стенах «...в рост

по правую сторону — отроки Леонтий и Геронтий, канонархи Печерские, с дополнением написанных между ними на столе скрижалей завета, Антоний Печерский; по левую сторону — Николай-чудотворец, Феодосий и Тит Воин. На задней стене — прп. Амон затворник (в углублении), прп. Евфросиния Полоцкая, на железной доске, мерою 2 аршина, напротив ее раки. За северной дверью иконостаса под аркой изображены преподобные-затворники: Пагкратий священник, Дионисий, Сафоний и Пафнутий. На земляном столбе под аркой же — Арсений Трудолюбивый и Феодор, князь Острожский; на другой стороне столба — Кассиан и Лаврентий затворники и Евфимий схимник (напротив его раки). На задней стороне земляного столба — Руф и Мартирий затворник, а напротив них на западной стене — изображение Вениамина (напротив его раки)» (Там же. Л. 36 об., 37). О масштабном живописном убранстве Благовещенской ц., существовавшем еще во 2-й пол. XIX в., можно судить лишь по образу Тита Воина. Еще один сохранившийся образ — прп. Евфросинии — написан на стене, а не на металле и, по сведениям В. А. Шиденко, был создан худож. В. Д. Сониным в нач. XX в. (Шиденко. 2008. С. 98).

В документе «О возобновлении в церкви преподобного Феодосия в Дальних пещерах иконостаса» (ЦГИАК. Ф. 128. Оп. 1 (общ.). Д. 1814. Л. 23) сообщается, что «Симбирской губернии города Сызрани мещанин Николай Попов» в 1834 г. подвизался поновить живопись в иконостасе Феодосиевской ц., после завершения работ иером. Гимнасий попросил Попова помочь лаврским иконописцам в росписи храма. Мастер написал 8 образов Печерских святых; работы были окончены в 1835 г. Т. о., роспись церковью Благовещения Пресв. Богородицы и прп. Феодосия, очевидно, была осуществлена в 1834–1835 гг.; в ее создании принимали участие неск. мастеров, написавших ок. 50 образов Печерских святых. Инициатором художественного оформления Дальних пещер мог быть соборный старец иером. Гимнасий, к-рый с 1831 по 1839 г. руководил рядом работ по восстановлению настенной живописи, икон и иконостасов в Успенском соборе, церквях преподобных Антония и Феодосия (Трапезной), Крес-

товоздвиженской, Троицкой и Рождества Пресв. Богородицы.

В Ближних пещерах сохранившиеся на стенах и сводах росписи можно условно разделить на 2 группы: живописные фрагменты XII и XIV–XV вв. на закрытых для посетителей т. н. участках Меркурия и Нестора; росписи XVII–XVIII вв. в доступных для осмотра коридорах.

Проход на участок Меркурия проделан через обвал в стене (высота не превышает 1 м 20 см) и начинается за местом захоронения прп. Меркурия Смоленского. На древнюю часть пещер приходится $\frac{2}{3}$ участка. Во время археологических исследований 1978–1979 гг. в одном из ответвлений были открыты фрагменты кладки (длина 6 м) из древнерус. плинфы, а на освобожденной из-под обвала стене — изображения 4 крестов, выполненные черной краской по выровненной поверхности песчаника. На противоположной стене обнаружено изображение процветшего креста, ветви к-рого трактованы в виде крингов. Справа и сверху от него различимы фрагменты сходных с первыми крестов. Выявлены также: на своде — параллельные черные линии, на стене — небольшой участок цветочного орнамента. Все фрагменты были частью единой художественной программы пещерного комплекса, вероятно сакрального назначения. Предположительно создание росписи относится к периоду появления кладки из плинфы, датированной 30–80-ми гг. XII в. Аналогичные плинфы с «расчесами» (нанесенными до обжига волнистыми линиями) встречаются, напр. в киевских храме св. Феодора Тирона Феодоровского мон-ря (1128), Успенской (Пирогощей) ц. на Подоле (1131), храме Кириллового мон-ря (40-х гг. XII в.).

На участке Нестора, начинающемся за гробницей прп. Нестора Летописца, справа на стене сохранилось выполненное в технике фрески по-грудное изображение святого; впервые зафиксировано в 1978–1979 гг. Изначально эта стена была боковой частью ниши-аркосолия в камере с 2 лежанками (такие камеры, видимо, предназначались для погребения Печерских угодников), а образ «святого» располагался над изголовьем несохранившейся лежанки. Абрис фигуры с нимбом хорошо прочитывается, однако из-за сильных утрат определить стилистичес-

стиля выполненные маслом росписи датировались 1-й пол. XVIII в. На своде аркосолия с моща-

Преподобные Никодим и Спиридон просфорники. Роспись Ближних пещер. 1-я пол. XVIII в.

ми прп. Афанасия затворника представлены образы Спасителя и Богоматери. Живописная

манера архаична и нехарактерна для лаврской живописи XVIII в. Ближайшими аналогами этих изображений могут быть гравюры из КПП 1661 г. мастера мон. Илии. Так, заметно сходство в трактовке рук, непропорционально увеличенных по отношению к фигурам. Несмотря на то что краски местами потерты или утрачены, в правой руке Иисуса Христа просматривается необычная для Его изображений и более нигде не встречающаяся деталь — четки. Вероятно, этот свойственный иконографии преподобных атрибут появился при поновлении живописи в XIX в., когда утративший четкость образ Иисуса Христа мог быть принят живописцем за изображение прп. Афанасия.

В росписи стены аркосолия с мощами прп. Никодима просфорника представлена 2-частная композиция: слева — больших размеров поясной образ святого на фоне с растительностью, очевидно прп. Никодима, а справа — чудесное погашение пожара прп. Спиридоном просфорником (аркосолий с его мощами расположен напротив аркосолия прп. Никодима). Сцена, где эти святые показаны в просфорне, имеется на гравюре из КПП 1661 г. и, очевидно, повлияла на композицию росписи.

Значительные участки живописи сохранились в нартексе ц. Введения во храм Богородицы. На западной стене изображено преставление святого. Композиция восходит к гравюрам с тем же сюжетом из КПП 1661 г. Автор росписи практически без изменений заимствовал из гравюр мастера Илии изображение ангелов, принимающих душу умершего. Идентифицирующая сюжет надпись напольвину утрачена, однако в описи Ближних пещер за 1892 г. она названа «Преставление прп. Исаакия», мощи к-рого покоятся в аркосолии рядом с храмом.

Преподобные Спиридон и Никодим просфорники. Гравюра из Киево-Печерского патерика. К., 1661

участке Нестора также обнаружены следы росписи красного и черного цвета. С кон. XVI до сер. XVII в. эта часть Ближних пещер была доступна для паломников, о чем свидетельствуют многочисленные датированные граффити на стенах.

Росписи XVII–XIX вв. (открыты в 1978–1979) сохранились на небольшом отрезке доступного для осмотра главного пещерного коридора, расположенного между церквами прп. Варлаама и Введения во храм Богородицы. На основании

В описи это изображение указано как находящееся рядом с мощами, «у главы преподобного на стене» (Опись 1892 г. Л. 35. Ч. 156. Гл. 49). На пилонах восточной стены нартекса Введенской ц. представлены живописные образы Иисуса Христа и Богородицы с Младенцем (в наст. время расчищены из-под записей и закрыты стеклом). В ходе комплексных исследований 1978–1979 гг. под ними был обнаружен цветочный орнамент из красных маков и зеленых

Церковь Введения во храм Пресв. Богородицы в Ближних пещерах. Фотография. 2013 г.

ростков (подобный орнамент сохр. на стенках свода аркосолия с мощами прп. Илии Муромца). Под изображением Иисуса Христа, на уровне 1 м от пола был открыт ранее неизвестный текст, написанный белыми красками по темному фону, из которого следует, что роспись в храме выполнил в 1687 г. «Исакий Драник маляр из Могилева» во славу своего небесного патрона прп. Исаакия затворника. Т. о., 1687 год можно считать началом художественного оформления Ближних пещер, укрепление и частичная перестройка к-рых, связанная прежде всего с канонизацией лаврских святых, проходили со 2-й пол. XVII в.

Реставрация 1978–1979 гг. выявила, что под побелкой на всех участках пещерных проходов существует от 2 до 5 красочных слоев разного цвета (светло-коричневого, светло-серого, серого), т. е. стены и своды пещер на протяжении длительного времени неоднократно тонировались. Такое покрытие выявлено в ц. прп. Варлаама, в коридоре справа от храма со стороны гробницы прп. Иулиании Ольшанской, в коридоре при выходе из Трапезы преподобных отцов Печерских и на участке, где покоятся мощи прп. Никона Великого и прп. Алипия Иконописца. На простенке аркосолия последнего виден фрагмент фигуры Спасителя в красном хитоне, благословляющего правой

рукой и держащего открытое Евангелие в левой. Время его возникновения определяется условно — кон. XVII — нач. XVIII в. На стене ц. прп. Варлаама поверх охры был нанесен слой воска толщиной от 0,5 до 5 мм. Это покрытие могло носить характер декоративного оформления.

Представление о художественном оформлении еще одного участка пещер — кельи прп. Иоанна Многострадального дают рисунки швед. путешественника Мазера, посетившего Киев в 1852 г., и опись 1892 г. Стены были обиты цинковыми листами с живописными изобра-

жениями: на фронтальной стене — «Преставление прп. Иоанна», справа — «Прп. Иоанн вру-

чает некоему брату, обуреваемому страстями плоти, кость прп. Моисея Утрина», слева — «Опаление головы прп. Иоанна диаволом»; сверху — образ Бога со Св. Духом. В основе композиций — гравюра мастера Илии из КПП 1661 г.

Иконостасы и иконы пещерных храмов. Об иконостасах пещерных храмов лавры 1-й пол. XVII в. известно из «Тератургимы» Афанасия Кальнофойского 1638 г., схематически отметившего их на планах Дальних и Ближних пещер.

Самым ранним из сохранившихся иконостасов пещерных храмов

Церковь прп. Феодосия Печерского в Дальних пещерах. Фотография. 2013 г.

К.-П. л. является медный позолоченный иконостас в ц. прп. Феодосия. Первое упоминание о нем зафиксировано в архивном деле за 1767 г. (ЦГИАК. Ф. 128. Оп. 1 (общ.). Д. 58). По мнению Шиденко, установка

этого иконостаса взамен старого произошла в 1762-м, в год 700-летия поставления прп. Феодосия игуменом монастыря, он же называет имя мастера — Петр Иванович Шафиров (Шиденко. 2008. С. 151). Этот иконостас — уникальный пример высокого укр. иконостаса в «миниатюре». В нем присутствуют все классические ряды — цокольный, местный, праздничный, увенчанные Распятием с предстоящими Богородицей и св. Иоанном Предтечей и изображением апостолов и пророков. Он состоит из 31 иконы, живопись которых неоднократно поновлялась вплоть до рубежа XIX и XX вв.

Медный позолоченный иконостас в ц. Рождества Христова установлен в 1803 г. По мнению Шиденко, его создателем был золотых и серебряных дел мастер Алексей Иосифович Туманский (Там же. С. 154). В местном ряду справа от царских врат помещены икона Спасителя и храмовый образ «Рождество Христово», слева — Пресв. Богородица с Младенцем Христом. Над царскими вратами — Св. Троица («Новозаветная»), по сторонам от нее — горизонтального формата 2 иконы с чинами апостолов и пророков. В цокольном ряду — 3 иконы с изображениями аллегорического характера на прообразовательные тексты ВЗ. На диаконских вратах — первомч. Стефан. Согласно описи 1893 г., при храме Рождества Христова сохранялась частица мощей св. Вифлеемского младенца в ковчеге (в наст. время при храме прп. Феодосия, на его кенотафе) на специально устроенном пьедестале с изображением на металлической доске «Избиение младенцев в Вифлееме», датированным 1811 г. (ныне в НКПИКЗ). Опись

упоминает находившееся около киота на стене «и другое, по-видимому давнее, живописное изображение избияния младенцев» — на деревянной доске (Опись 1893. Л. 49 об. Ч. 173. Гл. 12).

В Благовещенской ц. в 1989–1990 гг. был создан иконостас в виде каменной алтарной преграды; на рубеже XX и XXI вв. для него бы-

ли выполнены мозаичные иконы в визант. стиле. В «Тераургиме» Афанасия Кальнофойского 1638 г. на планах пещер со схематичным изображением иконостасов отмечен деревянный иконостас Благовещен-

*Иконостас
ц. Рождества Христова
в Дальних пещерах.
Фотография. 2013 г.*

ской ц., состоявший из 3 рядов: цокольный (видимо, имел декоративный характер и не содержал икон), местный (2 иконы слева и 3 справа от царских врат) и праздничный, наверху — Распятие. В 1805 г. блюститель Дальних пещер соборный старец иером. Трифиллий заключил контракт с мастером Григорием Чижевским на изготовление медного позолоченного иконостаса. В мае 1807 г. он был установлен. Согласно описанию 1893 г. (Опись 1893 г. Л. 32 об. — 37 об.), в иконостасе было 3 ряда: цокольный, местный и апостольский. В местном ряду размещались 4 иконы: Спасителя, Богоматери с Младенцем, Благовещения и Введения во храм Пресв. Богородицы. В апостольском ярусе — 3 иконы: «Св. Троица» — в центре, лики апостолов — слева и справа от нее. В цокольном ряду — «Иисус Христос Добрый Пастырь», «Прор. Моисей перед Неопалимой Купиной», «Праведные Иоаким и Анна с Богороди-

цей», «Встреча Марии и Елисаветы». В 1915 г. иконостас вместе с драгоценностями мон-ря был эвакуирован в Тамбов (впосл. утрачен).

В церквях Ближних пещер — прп. Антония, прп. Варлаама и Введения во храм Пресв. Богородицы, — сохранившиеся медные позолоченные иконостасы относятся к

одному периоду. Первым храмом, где старый деревянный иконостас был заменен металлическим, стала ц. прп. Антония.

В верхней части диаконских врат сохранилась литая хартия с выгравированной надписью, на к-рой указана дата совершения 1-й литургии в храме после обновления иконостаса — 1 сент. 1814 г. Изготовление иконостаса началось в дек. 1809 г.

*Церковь прп. Антония
Печерского в Ближних
пещерах. Фотография. 2013 г.*

ность священником церкви в с. Берестове. Прямых аналогов этой сцене нет. В цокольный ряд помещены иконы «Прор.

и завершилось в авг. 1812 г. Работы были выполнены киевлянами золотых дел мастерами братьями Захарием и Юрием Брезгуновыми; автор проекта — А. И. Якушкин. Архитектурное решение иконостаса отличается лаконичностью, 2 яруса, цокольный и местный, венчает фронто́н с ико-

*Иконостас ц. Благовещения
в Дальних пещерах.
Фотография. XIX в.*

ной «Тайная вечеря» (утрачена до 80-х гг. XX в.) над царскими вратами и 2 иконами в круглых картушах по сторонам. Гладкое поле его «рамы» деко-

рировано литыми элементами в виде канелированных колонок, гирлянд и розеток-метоп. Украшением иконостаса были «среброчеканные пестро-золоченые прорезные» царские врата (не сохр.), по центру на полуколонке был чеканный образ прп. Антония, а на створках — традиц. чеканные же композиция «Благовещение» и образы евангелистов (Опись 1892 г. Л. 23. Ч. 74. Гл. 2). Установка иконостаса была отложена из-за необходимости написания новых икон. Из 30 икон только 4 (в местном ряду; были украшены серебряными окладами, к-рые ныне утрачены) ранее находились в деревянном иконостасе. В соответствии с описью 1892 г. в местном ряду помимо икон Спасителя и Богородицы с Младенцем представлены храмовый образ «Успение прп. Антония» и икона «Преподобные Антоний и Феодосий благословляют место для Успенского собора». Изображения на диаконских дверях, выполненные иконописцем Леоном Антоновым, связаны со св. Иларионом, митр. Киевским: в верхней части врат он представлен в епископском облачении, а ниже изображено его моление в пещере в быт-

Моисей», «Прор. Исаия», «Пришествие прп. Антония с Афона в Киев», «Чудо схождения огня при избрании места для Успенского собора».

В описи храма 1803 г. упомянута икона прп. Антония в медной раме с 10 медальонами с избранными печерскими святыми (ныне над кенотафом прп. Антония). В находящейся напротив церкви «келье» прп. Антония на северной стене сохранилась икона на металле «Божия Мать Печерская с предстоящими в молении Печерскими преподобными во главе с Антонием и Феодосием». Авторская подпись на иконе датирует ее 1848 г.; вероятно, др. иконы на медных листах относятся к тому же времени. Так, на вост. стене «кельи» размещалась икона «Божия Мать Влахернская». На

зап. стене были иконы, посвященные строительству Успенского собора: «Чудо схождения огня при избрании места для собора», ниже — «Копание рва кн. Святославом» (обе не сохр.).

Инициатором создания новых медных иконостасов в 2 др. подземных церквях был блюститель Ближних пещер соборный старец иером. Филарет. Оба иконостаса, сделанные в Киеве мастером Ф. М. Коробкиным, по размерам и архитектонике близки к иконостасу в ц. прп. Антония.

Новый иконостас в ц. прп. Варлаама был установлен в нояб. 1818 г. По описи 1892 г. количество икон в новом иконостасе по сравнению со старым увеличилось. В «медно-чеканные, прорезные, позолоченные» царские врата (сохр. от прежнего иконостаса, но с переделками) вмонтировано 6 медальонов с изображениями «Благовещения» и евангелистов, внизу надпись о создании иконостаса с датой, именами жертвователей, попечителей и мастера. В сохранившемся до наст. времени иконостасе отсутствуют венчавшие царские врата серебряное чеканное изображение голубя — Св. Духа и корона. В местном ряду — иконы

Церковь прп. Варлаама Печерского в Ближних пещерах. Фотография. 2013 г.

Спасителя, Богородицы с Младенцем, храмовый образ «Преставление прп. Варлаама» и «Собор всех преподобных Печерских»; над ним — «Св. Троица» с 4 иконами пророков и апостолов по сторонам; в цокольном ряду — «Прп. Варлаам, отпущенный родителями в пещеру на жительство», «Прп. Варлаам, пришедший в монастырь и свергнувший с себя княжескую одежду», «Прп. Варлаам принимает постриг», «Прп. Варлаам, изводимый отцом

Прп. Варлаам Хутынский, мч. Варлаам, прп. Варлаам Печерский. Икона из ц. прп. Варлаама Печерского в Ближних пещерах. 1691 г.

в сопровождении воинов из пещеры» (Опись 1892 г. Л. 29. Ч. 100. Гл. 8). На диаконской двери — арх. Михаил с огненным мечом в руке.

Согласно той же описи, на сев. стороне храма, близ иконостаса, помещались 4 образа на медных досках, вероятно, из первоначального деревянного иконостаса церкви, освященной в 1691 г. (в наст. время иконы находятся там же): «Спаситель с предстоящими святителями Василием Великим и Иоанном Златоустом», «Печерская икона Божией Матери с предстоящими преподобными Антонием и Феодосием Печерскими», «Прп. Варлаам Хутынский, мч. Варлаам, прп. Варлаам Печерский» (в описи названа иконой «Св. Иоанн Воин с 2 неизвестными святыми») и «Прп. Варлаам с 6 сценами жития».

Начало работ по созданию нового иконостаса Введенской ц. относится к янв.—февр. 1819 г.; в нояб. он уже был установлен. В рапорте Духовному Собору иером. Филарет просил сохранить в этом иконостасе 4 иконы местного ряда из деревянного иконостаса (ЦГИАК. Ф. 128. Оп. 1 (общ.). Д. 1449. Л. 3). Царские врата (не сохр.), «среброчеканные, прорезные», с вкладной надписью в медальонах, видимо, тоже были из старого деревянного иконостаса, но частично переделаны. В местном ряду — иконы Спасителя, Богородицы с Младенцем Христом, храмовая — «Введение во храм Пресв. Бо-

городицы» и «Собор всех Печерских угодников»; несохранившиеся оклады на 2 последних иконах датированы 1783 г. (Опись 1892 г. Л. 37. Ч. 170—171. Гл. 5—6). В овальных иконах над царскими вратами — «Коронавание Пресв. Богородицы», по сторонам архангелы — Михаил и Гавриил. В цокольном ряду помещены иконы «Иисус Христос Добрый Пастырь», «Встреча Марии и Елисаветы», «Праведные Иоаким и Анна», «Лестница Иакова». На диаконской двери вверху — «Благовещение», внизу — прор. Исаия.

Датировка сохранившихся икон, ранее находившихся в деревянных иконостасах всех 3 пещерных храмов, уточняется. Возможно, создание следует связывать с проведением масштабных работ по замене иконостаса в Крестовоздвиженском храме, освященном в 1769 г., и с последовавшим затем украшением пещерных иконостасов.

Я. В. Литвиненко

Арх.: Опись 1877 г.: Главная церковная и ризничная опись Дальних пещер // ЦГИАК. Ф. 128. Оп. 2 (общ.). Д. 294. Л. 36 об., 37, 42, 43 об.; Опись 1892 г.: Главная церковная ризничная опись Ближних пещер Киево-Печерской Лавры, составленная в 1892 г. // Там же. Д. 374. Л. 21—40 (публ.: Опис Ближних пещер Киево-Печерской лавры 1892 г. // Лаврский альманах. К., 2012. Вип. 27. С. 126—139); Опись 1893 г.: Главная церковная и ризничная опись Дальних пещер Киево-Печерской Лавры, составленная в 1893 г. // ЦГИАК. Ф. 128. Оп. 2 (общ.). Д. 383. Л. 27 об.—52 (публ.: Инвентарний опис майна Дальних пещер. 1892 г. // Лаврский альманах. 2012. Вип. 27. С. 8—16). Ист.: Киево-Печерский патерик. К., 1661; Патерик Киево-Печерского мон-ря / Ред.: Д. И. Абрамович. СПб., 1911; *Иннокентий (Гузель), архим.* Синопис. К., 1674 (цит. по изд.: *Он же.* Мечта о рус. единстве: Киевский синопис (1674) / Предисл. и подгот. текста: О. Я. Сапожников, И. Ю. Сапожникова. М., 2006); *Атанасий Кальнофойский, свящ.* Тератургима, або чуда (Київ, 1638 року) / Пер. з польськ.: В. Шевчук // Хроніка 2000. К., 1997. Вип. 17/18. С. 23—44; *Мазер К.-П.* Образи Києва сер. XIX ст. Ньюстремс, 1999.

Лит.: *Евгений (Болховитинов), митр.* Описание Киево-Печерской Лавры. К., 1826, 1847^а. С. 301; *Буслаев Ф. И.* Ист. очерки рус. народ. словесности и искусства. СПб., 1861. Т. 2; *Истомин М. П.* К вопр. о древней иконописи Киево-Печерской лавры. К., 1897. Прил.: Описание иконописи Киево-Печерской лавры; *Титов Ф. И., прот.* Типография Киево-Печерской лавры: Ист. очерк (1606—1616—1721 гг.) К., 1916. Т. 1; *Уманцев Ф. С.* Настінні розписи в мурованих спорудах // Історія українського мистецтва: В 6 т. К., 1968. Т. 3. С. 175—193; *Холостенко М. В.* Успенський собор Печерського мон-ря // Стародавній Київ. К., 1975. С. 107—170; *Жолтовський П. М.* Монументальний живопис на Україні XVII—XVIII ст. К., 1988; *Таранушенко С.* Український іконостас // ЗНТШ. 1994. Т. 227: Праці секції мис-

тектвознавства. С. 141–164; *Лебединцев П. прот.* О возобновлении стеной живописи в Великой церкви Киево-Печерской лавры в 1840–1843 гг. // Лаврский альманах. 1999. Вып. 2. С. 153–157; *Лопухина О. В.* Діяльність та художній напрям лаврської іконописної майстерні в XIX – поч. XX ст. // Там же. С. 11–17; *она же.* Живописна школа Києво-Печерської лаври другої пол. XIX – початку XX ст.: Художня освіта і виховання // Там же. 2001. Вып. 5. С. 74–82; *она же.* Иконостас Хрестовоздвиженської церкви в контексті історичного і художнього життя Києво-Печерської лаври XVIII–XIX ст. // Там же. 2007. Вып. 17. С. 73–79; *Питателева О. В.* До питання про розвиток українського іконостасу: Зображення іконостасів підземних церков Києво-Печерської лаври у планах до книги А. Кальнофойської «Тератургіма» // Там же. 1999. Вып. 2. С. 7–10; *она же.* Иконостаси двох церков Києво-Печерської лаври та їх зворотні боки: Передумови виникнення і тематичний паралелі // Там же. 2006. Вып. 16. С. 155–165; *Лазайкін Ф. Д.* Творчість В. П. Верещагіна і його проект розпису Успенського собору: (До 165-річчя з дня народження) // Там же. 2001. Вып. 3. С. 90–94; *Моргуновська Л. Р.* Мат-ли про відбудову Успенського собору // Там же. С. 95–98; *Крайня О. О.* До історії монументального розпису Успенського собору кін. XIX ст. // Велика Успенська церква Києво-Печерської лаври: Слід у віках. К., 2002. С. 111–120; *Сарабьянов В. Д.* Росписи Успенського собора Києво-Печерської лаври і їх місце в історії древнерусської живописи (Ч. 1) // Лаврский альманах. 2003. Вып. 11. С. 97–117; *Кондратюк А. Ю.* Монументальний живопис Троїцької надбрамної церкви Києво-Печерської лаври: Семантика. Стилiстика // Там же. 2004. Вып. 13. Спецвип. 5; *она же.* Иконостас Троїцької надбрамної церкви Києво-Печерської лаври: Історіографія теми і проблематика дослідження // Там же. 2007. Вып. 17. С. 47–58; *Філіпова Т.* Церква Спаса на Берестові // Вісник УкрДНПроектреставрації. К., 2004. С. 45–46; *Литвиненко Я. В.* Деякі аспекти художнього оформлення лаврських печер // Могилянські читання, 2004. К., 2005. С. 335–341; *он же.* Живопись трех столетий: К вопросу о художественном оформлении и. Всех святых // Там же. 2005. К., 2006. С. 312–316; *он же.* Художественное воплощение программы «Всех святых» в иконостасе Всехсвятской ц. [Києво-Печерської Лаври] // Там же, 2006. К., 2007. Ч. 2. С. 96–101; *он же.* Иконостаси і монументальний живопис лаврських печер: Датування, атрибуція, втрати, поновлення // Лаврский альманах. 2012. Вып. 27. Спецвип. 10: Дослідження печерних комплексів Києво-Печерської лаври. С. 282–305; *Дятлов В. А.* Киево-Печерская лавра: Справ. путей. К., 2008; *Шиденко В. А.* Живописная школа Киево-Печерской лавры // Вибрані праці з історії Києво-Печерської лаври. К., 2008. С. 5–138; *он же.* Иконостасы церквей, находящихся в Дальних пещерах Киево-Печерской лавры // Лаврский альманах. 2010. Вып. 23. Спецвип. 9. С. 144–157; *Ситкарьова О.* До історії іконостасов в Успенському соборі Києво-Печерської лаври // Сучасні проблеми дослідження, реставрації та збереження культурної спадщини: Зб. наук. праць з мистецтвознавства, архітектурознавства і культурології. К., 2012. Вып. 8. С. 483–496; *Корень Ю. О.* Успенський собор Києво-Печерської лаври: Тези до історії художнього ансамблю, стародавньої та новітньої // Ук-

раїнська художня культура: пам'яткоохоронні проблеми: Зб. наукових праць. К., 2011. С. 104–193.

Иконописная мастерская К.-П. л. XVIII в. В этот период живописная мастерская К.-П. л. являлась центром киевской школы монументального искусства. Как крупнейший художественный центр своего времени она определила стилистику и высокий профессиональный уровень мастеров Украины (особенно в эпоху барокко), повлияла на искусство др. стран (напр., ц. Благовещения Пресв. Богородицы Крушедельского монастыря в Сербии была расписана в 1750–1756 по образцу надвратной Троицкой ц. К.-П. л. — *Пащенко.* 1983).

О художниках, работавших в мастерской в 1-й пол. XVIII в., архивных документов почти не сохранилось. До нач. 60-х гг. XVIII в. лаврские иконописцы имели начальника, но работали и обучали «молодиков» (молодых монахов-живописцев) в своих кельях (*Жолтовський.* 1982. С. 5). Имена иеромонахов Иоанна (Максимовича), Феокиста (Павловского) и Алимпия (Галика), поочередно возглавлявших мастерскую в этот период (ЦГИАК. Ф. 128. Оп. 1 (общ.). Д. 135), упомянуты в архивных материалах 2-й пол. XVIII в. (ЦГИАК, РГИА). В мастерской учились греки, болгары, сербы (*Дарманский, Пивоваренко.* 1991). Имена учеников встречаются в альбомах тушеванных рисунков 2-й пол. XVIII в., т. н. кужбушках. Многократно повторяются подписи Грицька Маляренко и Федора Бальцеровского, некоторые рисунки подписаны преподавателем иером. Алимпием (Галиком).

Указом 1763 г. было предписано «келейные малярские обучения уничтожить» и учредить «единую только малярню», т. е. живописная мастерская была учреждена официально («Дело о бытии в лавре единой только малярни» — ЦГИАК. Ф. 128. Оп. 1 (общ.). Д. 254). Начальником реорганизованной монастырской «малярни» был назначен иером. Захария (Голубовский). В ней должны были состоять 10 «молодиков» и 20 учеников (*Жолтовський.* 1982. С. 5). Сохраняя мн. черты цеховой организации, мастерская К.-П. л. во 2-й пол. XVIII в. по характеру учебного и творческого процесса все более приближалась к европ. художественным школам. С этого времени в русско-стилистической переориентации

украинского искусства в произведениях лаврской мастерской заметны признаки стилей рококо и классицизма.

Наиболее ценные источники для исследования деятельности мастерской эпохи барокко — монументальные ансамбли и иконы, в первую очередь росписи лаврских церквей — Великой Успенской и надвратной Троицкой, выполненные после пожара 1718 г. Росписи Троицкой ц.

Икона Божией Матери с Младенцем из иконостаса Троицкой ц. 1734–1735 гг.

(закончены в 30-х гг. XVIII в.) — единственный, полностью сохранившийся ансамбль. О сюжетах и некоторых особенностях барочной стенописи Успенского собора позволяет судить проект 20–30-х гг. XVIII в., известный в нескольких копиях 1-й пол. XIX в. под названиями «Описание иконописи Киево-Печерской лавры» (*Истомин.* Описание иконописи. 1898) и «Память, что внутри святой великой печерской церкви изображено» (НБУВ ИР. Ф. 1. № 5411–5413). Фрагменты интерьера главного храма лавры воспроизведены в 40-х гг. XIX в. на акварельных рисунках акад. Ф. Г. Солнцева (барочная живопись Успенского собора тогда еще существовала, но была записана). Эти ансамбли были образцовыми для всего времени. Уцелевшие фрагменты росписей XVIII в. собора Св. Софии Киевской, собора Чуда арх. Михаила и

трапезной ц. Преображения Выдубицкого монастыря выполнены не много позже лаврских росписей мастерами, прошедшими обучение в киево-печерской «малярне» или испытывавшими ее влияние.

Наиболее показательные образцы станковой живописи и декоративной резьбы лаврской мастерской XVIII в. — иконы из иконостасов Успенского собора (НКПИКЗ, НХМУ), почти полностью сохранившийся иконостас надвратной Троицкой ц. (1734–1735), иконостас лаврской ц. Всех святых (1741; значительная часть его икон утрачена). Мастерами киевской школы, ориентировавшимися на живописные традиции К.-П. л., по-видимому, выполнены иконостасы ц. Преображения Господня в с. Великие Сорочинцы (60-е гг. XVIII в.).

О характере учебного процесса в мастерской во 2-й пол. XVIII в. дают представление упомянутые «кужбушки» (НБУВ ИР. Ф. 229): традиц. образцы для иконописи, проекты произведений декоративно-прикладного искусства, жанровые сценки в «голландском» стиле, абстрактно-героические пейзажи и др. Значительная часть ученических работ — копии укр. и европ. гравированных образцов. Представлены также популярные европ. издания: лицевые Библии Пискагора и Мериана, гравированные альбомы-учебники для художников («абцадла»). Коллекция позволяет судить о круге сюжетов и тем лаврской мастерской и о степени знакомства укр. художников с культурой Зап. Европы.

Метод работы лаврских живописцев был основан в это время на принципах средневекового искусства: главной была не личность художника, а коллективная работа мастерской. Монументальные ансамбли исполнялись большим количеством мастеров. Напр., поновление живописи фасадов Троицкой ц. в кон. XVIII в. потребовало участия более 30 художников (ЦГИАК. Ф. 128. Оп. 1 (общ.). Д. 440). Разделялись обязанности между живописцами разной квалификации, между мастерами и учениками. Мастера выполняли более ответственные части изображения — голову и лицо, остальное, т. н. доличное, обычно писали ученики (*Жолтовський*. 1983. С. 63). Подобный принцип работы применялся и в портретной живописи того времени.

Существовала определенная последовательность исполнения монументальной росписи. Поверхность известковой, хорошо выдержанной штукатурки шпаклевалась. На нее наносились (чаще всего углем) с помощью заранее разработанных эскизов рисунки буд. композиции. На эскизах выявлялся характер каждой фигуры и композиции в целом, обозначались краски, к-рыми нужно было передать отдельные части изображения. Подобные предварительные рисунки, содержащие надписи с названием красок, представлены среди лаврских «кужбушек» (*Уманцев*. 1970. С. 166).

Киевские живописцы еще с XVII в. обратились к технике масляной живописи, что было вызвано стремлением придать изображению большую материальную убедительность и достичь его тональной проработки. В частности, росписи лаврской Троицкой ц. выполнены масляными красками с добавлением, вероятно, воска или скипидара. В зависимости от характера изображения художники меняли способ наложения красок: в одних местах употребляли жидкую краску, в других наносили ее пастозно. В некоторых частях храма живопись локальными цветовыми пятнами соседствует с тональной светотеневой проработкой формы (Там же. С. 171). При выполнении росписей мастера пользовались большим количеством вспомогательного материала (европ. лицевые Библии, гравированные альбомы, отдельные эстампы), изменяя и преобразовывая композицию в зависимости от поставленной задачи.

Можно определить прототипы значительной части композиций Троицкой ц., ряда изображений 60-х гг. XVIII в. в соборе Св. Софии Киевской. В надвратном храме, напр., по известным европ. образцам выполнены композиции «Крещение евнуха ап. Филиппом» на сев. стене трансепта, «Жертвоприношение Авраама» в апсиде жертвенника, цикл «Евангельские заповеди блаженства» на пилястре юж. стены и на юж. пилоне юго-зап. крещатого столпа и др. В алтарной части храма Св. Софии — также сюжеты цикла «Евангельские блаженства». Образцами для подобных росписей были иллюстрации Библий Пискагора, Вайгеля, Мериана, Данкерта и др. популярных европейских гравированных альбомов.

Стенопись лаврских мастеров 1-й пол. XVIII в. по характеру и манере исполнения почти не отличается от станковой живописи, что заметно, напр., при сопоставлении настенных росписей Троицкой ц. с иконами из ее иконостаса. Эти особенности соответствуют общеевроп. тенденциям — с XVII в. в искусстве Зап. Европы ведущую роль играет станковая живопись.

Киевская монументальная живопись XVIII в. по стилю родственна укр. портрету эпохи: реалистичес-

*Лик преподобных.
Роспись притвора Троицкой ц.
20–30-е гг. XVIII в.*

кая тенденция объединялась с использованием орнаментики. Типично введение в стенопись или размещение в рамы портретов исторических персонажей — гетманов, князей, царей, митрополитов, архимандритов, донаторов. В Успенском соборе монументальная «портретная галерея» (до 1718, поновлена и дописана в 20-х гг. XVIII в.), включавшая ростовые изображения архимандритов, князей, царей и гетманов, опоясывала 3 стены нефа (Там же. С. 180). С 20-х гг. XVIII в. до 1-й трети XIX в. на хорах собора формировался комплекс крупных ростовых портретов на холстах (после 1832 перенесены в ризницу, ныне в собр. НКПИКЗ, НХМУ; см.: *Лопухіна*. 2005).

Значительны достижения лаврских мастеров в изображении пейзажа. Так, в Троицкой ц. композиции с образами природы представлены не только в стенописи, но и на ико-

нах из иконостаса, а также на дверях и стасидиях. Аналогичные приемы исполнения пейзажа наблюдаются и на др. иконах того времени: «Грехопадение» (НХМУ, происходит из с. Березна), «Встреча Марии и Елисаветы» и «Соглядатаи земли Ханаанской» (НМ(Л), НХМУ, обе из с. Сулимовка) и др.

Тексты в композициях лаврских ансамблей раскрывали содержание каждого изображения, а их совокупность определяла общую направленность богословской концепции. Введение текстов, заимствованных из церковной лит-ры повседневного использования, — характерная черта росписей киевской школы. Авторы иконографических программ этих монументальных циклов не только старались соотнести зрительный ряд с последованием богослужения, но решали более сложную задачу — создать комментарий к догматической символике (Милыева. 1994. С. 311).

Монументальные ансамбли киево-печерской школы эпохи барокко отразили мировоззренческие изменения в укр. обществе. В них посте-

Изгнание торгующих из храма.
Роспись Троицкой ц. 20–30-е гг. XVIII в.

пенно усложнялся сюжетный замысел, появлялись новые тематические и иконографические решения. Традиц. система росписей становилась средством аллегорического повествования. Концептуализм барокко,

склонность художников эпохи к «играм разума» воплотились в сложных по иконографии программах, требовавших от зрителя богословской эрудиции. Взаимодействие богословия и изобразительного искусства определялось деятельностью и тесными связями 2 центров просвещения эпохи — Киево-Могилянской академии и К.-П. л. Содержание стенописи разрабатывалось на основе риторики — ведущей дисциплины в Киево-Могилянской академии. Создание при участии ведущих богословов общей концепции росписи предшествовало живописным работам (Титов. 1915. С. 238). Новые тенденции и традиция, восходившая к средневеку, наследию, взаимодействовали в укр. варианте живописи барокко, создавая ее неповторимый облик.

А. Ю. Кондратьюк

В XIX в. художественная жизнь К.-П. л. была отмечена ориентацией на академические традиции и пере-

Сретение Господне.
Икона. 1855 г.

Иконописец иером. Пафнутий (Львов)
(НКПИКЗ)

ходом к систематическому обучению иконописи. Показательным является смена названия мастерской: в документах 40–80-х гг. XIX в. лаврская «малярня» стала именоваться живописной мастерской, ее продукция — живописными иконами. С 90-х гг. XIX в. она называлась иконописной.

В 1840–1852 гг. начальником мастерской был иером. Иринарх, возобновивший в 1840–1842 гг. росписи Успенского собора лавры. Под его началом трудились преимущественно городские вольнонаемные иконописцы, также были мальчишки-ученики. В 40-х гг. XIX в. под рук. иером. Ири-

нарха были написаны «иконопортреты» Печерских преподобных, размещенные над их раками в пещерах лавры.

По решению Духовного Собора в 1852 г. мастерская иером. Иринарха была закрыта и создана новая, состоящая только из лаврских послушников. Начальником ее в 1852–1865 гг. был выпускник АХ иером. Пафнутий (Львов). В собрании НКПИКЗ сохранились его подписные работы «Сретение Господне» (1855), «Мученики Косма и Дамиан» (1858), «Спас на престоле» (1860). Под его руководством начинали свое послушание иеродиак. Алипий, иеромонахи Альвиан (Скотенко), Григорий (Гордиевский), Феогност (Шанцов), впоследствии руководившие иконописной мастерской и школой лавры.

Живописная школа, открытая в 1866 г., стала одним из первых средних художественных учебных заведений на Украине. В справке Духовного Собора 1901 г. указано: «Иконописные мастерские при Лавре существуют издавна, школа же при мастерской учреждена с 1866 года» (ЦГИАК. Ф. 128. Оп. 1 (тип.). Д. 916). Инициатором и организатором ее стал иеродиак. Алипий, по словам худож. Н. И. Мурашко, «истинный смиренный монах и преданный искусству художник» (Мурашко М. И. Спогади старого учителя. К., 1964. С. 13). Школа, ориентированная на академическую систему обучения, имела дорогостоящие учебные пособия. Иеродиак. Алипий, сопровождавший митр. Арсения (Москвина) во время его поездок в С.-Петербург на заседания Святейшего Синода, копировал для школы в Эрмитаже картины К. П. Брюллова и западноевроп. мастеров. Первым преподавателем в 1866/67 уч. г. был акад. А. Е. Рокачевский. В 1867–1869 гг. его место занял П. С. Сорокин (в 1870–1886 преподаватель МУВЖЗ, с 1883 академик). Превосходные рисовальщики и иконописцы, они заложили основу серьезного академического обучения рисунку и живописи.

В лавре проявляли интерес и к т. н. греческому (или визант.) стилю иконописания, известным представителем к-рого, по мнению современников, был иконописец Троице-Сергиевой лавры И. М. Мальшев. В 1866 г. послушники Андрей Бубликов и Феофан Шанцов были направлены в Троице-Сергиеву лавру, где в течение

года изучали «способы и приемы живописи греческого стиля» (ЦГИАК. Ф. 128. Оп. 1 (общ.). Д. 2445). В 1868 г. митр. Арсений (Москвин) предписал мон. Алипию (Бубликову) обучать иконописанию «греко-византийского стиля» в К.-П. л.

Одновременно с открытием живописной школы в 1866 г. было решено обучать неск. мальчиков гравированию на дереве и печати на камне при лаврской типографии. Предполагалось, что их подготовкой будут заниматься приглашенные для работы иностранные мастера. Так, один из лучших учеников, Федор Козачинский, в 1867 г. был

*Вид Киево-Печерской лавры.
Тонолитография.
1866 г. (РГБ)*

направлен в типографию для изучения техники литографирования. Известны литографии с пометой об исполнении живописной школы» К.-П. л., напр. «Вид Киево-Печерской лавры с северной стороны» (1866, РГБ), «Распятие Христово, с предстоящими» нач. XX в. (НКПИКЗ); в ж. «Нива» была опубликована литография М. Рашевского по рисунку Ф. (Феодосия?) Козачинского «Вход в Ближние пещеры» (1889).

В 1871 г. Духовный Собор лавры, обеспокоенный большими затратами на школу (10 тыс. р. за 4 года),

отказался от вольнонаемных преподавателей. Заведующим живописной школой стал смотритель иконописной мастерской иером. Альвиан (Скотенко). В собрании НКПИКЗ имеются 2 подписные его работы: «Кончина иеросхим. Парфения» (1855) и портрет митр. Арсения (Москвина) (1874). Сохранилась также выполненная в 1872 г. иером. Альвианом с учениками настенная композиция «Мытарства прп. Феодоры» при входе в Ближние пещеры.

Школа, первоначально размещавшаяся на Ипсилантьевском подворье на Печерске, в 1874 г. была переведена на территорию лавры; из нее были исключены вольноприходящие ученики. Для школы было построено 2-этажное здание с 2 большими зала-

ми и 10 комнатами для учеников (корпус № 31). Для хорошего освещения над залом была надстроена стеклянная галерея с потолком из ма-

тового стекла и устроен световой фонарь на внешней стене.

В 1882 г. были составлены программа и устав лаврской иконописной школы. Целью ставилось «дать учащимся художественно-иконописное образование, а также и художественную подготовку для учеников, имеющих выдающиеся способности, к поступлению в высшие художественные училища» (ЦГИАК. Ф. 28. Оп. 3 (тип.). Д. 167). Принимали мальчиков не младше 12 лет после экзамена по рисованию. Программа, рассчитанная на 6 лет, повторяла начальные разделы академической. Сначала, в течение года или 2, серьезно изучался рисунок (рисование орнаментов,

*Поклонение души Христу.
Фрагмент росписи
«Мытарства прп. Феодоры»
при входе в Ближние пещеры.
1872 г. Иером. Альвиан
с учениками*

затем античных гипсов). Занятия живописью на следующем этапе предполагали копирование об-

разцов, учащиеся писали натюрморты, драпировки, живую натуру и выполняли эскизы на заданные религиозные темы; создавали иконы красками на дереве. После основного, 3-летнего курса обучения, выдавалось свидетельство об окончании лаврской иконописной школы и о получении звания мастера церковного иконописания. Обучение носило практический характер, в течение дня занятия чередовались с иконописанием. На уроки рисования и живописи, которые должны были вести 2 вольнонаемных учителя, отводилось ежедневно 4 ч., на общеобразовательные предметы — 2 ч. В свободные воскресные и праздничные дни учащиеся присутствовали на богослужениях в больничной Никольской ц. лавры. Планировалось, что в течение 6 месяцев, с марта по авг., ученики будут выполнять заказные работы по художественному оформлению церквей. Лето проводили в Китаевской пуст., работая над пейзажными этюдами. В сент. предоставлялся отпуск, учебный год начинался 1 окт.

Число воспитанников, находившихся на полном лаврском обеспечении, в разные годы менялось от 15 до 20 чел. В основном это были дети, часто сироты, из бедных семей духовного сословия, крестьян и мещан. В 70-х гг. XIX в. в школе училось неск. сербов и болгар. На содержание каждого ученика лавра тратила ежегодно 100 р. Ученику полагалось небольшое жалованье (8 р. в год) и особое вознаграждение за успехи.

В кон. 70-х — нач. 80-х гг. XIX в. лучшие из учеников иером. Альвиана работали репетиторами в рисовальной школе Мурашко, который высоко оценивал уровень их подготовки. В числе выпускников АХ посл. четв. XIX в. значились лаврские воспитанники художники братья П. С. и Ф. С. Козачинские, худож.-медальер М. А. Скуднов, передвижник Ф. А. Чирко, С. Т. Власенко, худож.-мозаичист И. Е. Вершинин, И. С. Ижакевич (Кондаков С. Н. Юбилейный справочник Имп. АХ. Пг., 1915. Ч. 2). Искусствовед и худож. С. П. Яремич с 1882 по 1887 г. учился в школе, а затем трудился в иконописной мастерской лавры.

Старшие ученики принимали участие в монументальных художественных работах. Так, Ижакевич и С. В. Науменко в 1883–1884 гг. участвовали в реставрации и поновлении древних фресок Кирилловской ц. в

Поклонение души Христу

Киеве. Яремич в кон. 80-х гг. XIX в. помогал М. А. Врубелю писать орнаменты во Владимирском соборе. В 1911 г. учащиеся школы поновляли живопись на фасадах Успенского собора лавры.

В 1883 г. иконописная мастерская и школа переехали в новое большое 2-этажное здание (корпус № 30) на площадке с видом на Днепр и нижнюю территорию лавры. В школе были собраны разнообразные пособия и живописные образцы для обучения и копирования, имелась б-ка с альбомами и книгами по искусству. Устраивались выставки работ для поощрения учеников и ознакомления публики с деятельностью школы. Лучшие из работ отмечались денежной наградой и предоставлялись для отчета в Духовный Собор лавры. В архивных фондах Св. Синода сохранились нек-рые рисунки учеников школы, присланные в синодальный училищный совет (РГИА. Ф. 835. Оп. 4. Д. 144).

Наряду со школой в К.-П. л. существовала иконописная мастерская, где писали кроме икон и портреты духовных лиц. В позолотной мастерской золотили иконные доски, украшая их чеканным орнаментом и живописью под эмаль. Согласно Уставу 1874 г., задачами иконописной мастерской было поновление и поддержание икон и росписей в лаврских церквях, изготовление икон для поднесения знатым гостям и для продажи в иконных лавках. По отчетным ведомостям 70–80-х гг. XIX в., основной объем работ составляло поновление живописи и иконостасов в лавре. В 1893–1895 гг. лаврские мастера под рук. начальника иером. Феогноста (Шанцова) поновляли иконостас Крестовоздвиженской ц., новые иконы праздничного ряда были написаны воспитанником школы Науменко.

Постоянной проблемой была необходимость передавать поступавшие в лавру заказы городским иконописцам, ввиду невозможности выполнить их собственными силами школы. Ученики школы, завершив обучение, в большинстве своем покидали лавру. Как указывал в рапорте 1897 г. иером. Феогност, «посторонние мастера работают прежде всего для своих мирских интересов и материальных выгод, а вся нравственная ответственность за выполнение работ падает всецело на иконописную школу Лавры» (ЦГИАК.

(тип.). Д. 916). Указывалось на отсутствие в тот момент квалифицированного преподавателя рисо-

*Господь Вседержитель.
Роспись ц. Всех святых.
1906 г.
Худож. И. С. Ижакевич
с учениками*

Ф. 128. Оп. 1 (благочин.). Д. 3443). Для священноначалия лавры главным критерием было написание икон в строго церковном духе. «Исполненные в мастерской работы производят впечатление надлежащей правильности по рисунку, церковному стилю и технике, а некоторые из них — даже по художественности», — отметил наместник архим. Антоний (Петрушевский) в 1906 г. (Там же. Оп. 1 (КДС). Д. 644. Л. 618).

Руководствуясь практическими нуждами мон-ря, Духовный Собор по мере возможности стремился уменьшить расходы на содержание иконописной школы. Были длительные периоды отсутствия профессиональных преподавателей. В справке 1901 г. для Комитета попечительства о рус. иконописи сообщалось: «В иконописной школе обучают рисованию и пишут иконы, в последнее время вводится преподавание предметов из программы церковно-приходских школ. Постановка дела в лаврской иконописной мастерской носит практический характер,

вения и живописи, занятия проводили иконописцы из монашеской братии. В ответ на запрос о системе обучения, поступивший в 1903 г. из Троице-Сергиевой лавры, сообщалось, что «в лаврской иконописной школе определенных программ преподавания пока не выработано» (Там же. Оп. 2 (тип.). Д. 862).

Известным воспитанником школы К.-П. л. был иконописец и народный художник Украины Ижакевич (1864–1962). В 1876 г. мальчик из бедной крестьянской семьи был принят в иконописную школу и, завершив 6-летний курс обучения, поступил в АХ (1884). В 1894–1901 гг. он участвовал в росписи Успенского собора лавры под рук. В. П. Верещагина. В течение 1905/06 уч. г., работая под началом Щусева над росписями Трапезной ц. преподобных Антония и Феодосия Киево-Печерских, Ижакевич преподавал рисование в лаврской школе. Занятия проводил безвозмездно, как было написано в его заявлении наместнику: «...ввиду того, что я, как бывший воспитанник лаврской рисовальной школы, хочу в настоящее время быть полезным Лавре, в ответ на ее прежние обо мне заботы» (Там же. Оп. 1 (КДС). Д. 644. Л. 77). О результатах его педа-

*Иконописная мастерская
Киево-Печерской лавры
(в центре — иером. Владимир
(Соколов), 2-й слева в 1-м ряду —
К. Н. Редько, во 2-м ряду —
за иеродиаком Евсевием
Н. Н. Гусаченко).
Фотография. 1914 г.*

предлагаются хорошие иконописные образцы, делаются технические указания, но не преподаются общие научные сведения об иконописном искусстве» (Там же. Оп. 1

гогической деятельности сообщал смотритель иконописной школы и мастерской иером. Владимир (Соколов): «...учитель рисования И. С. Ижакевич в продолжение истекшего года относился к преподаванию с большой любовью и усердием, к ученикам —

с крайним вниманием и простотою, и этим возбудил в них большую энергию к занятиям, результатом этого явилась возможность своими силами расписать церковь Всех святых на Экономических воротах» (Там же. Л. 78).

Храм Всех святых был расписан под рук. Ижакевича в 1906 г. в течение 6 месяцев, отводившихся, по уставу школы, для выполнения прак-

*Небесный Иерусалим.
Роспись ц. Всех святых. 1906 г.
Худож. И. С. Ижакевич с учениками*

тических работ. В составе бригады из 24 иконописцев было 18 учеников школы, выполнявших росписи по собственным эскизам. Среди них — Ф. З. Коновалюк и Е. И. Судомора, в советское время получившие профессиональное признание как художники. Непосредственное участие в этих художественных работах принимал иером. Владимир (Соколов), выпускник Строгановского училища технического рисования, который в 1888 г. поступил учителем рисования в лаврскую школу, принял постриг в 1894 г. Он был последним руководителем лаврской иконописной школы и мастерской в 1905–1918 гг. Вспоминая своего наставника, худож. К. Н. Редько писал, что «этот человек был одним из самых выдающихся по культуре и интересным по индивидуальности из встреченных мною в тот период моей жизни. Суровый аскетизм и вера в Божие предопределение уживались в нем с эстетическим пантеизмом истинного художника. Будучи монахом, он писал иконы и пейзажи в светлых тонах» (ЦДАМЛМУ. Ф. 333. Д. 20).

В 1906–1910 гг. преподавателем рисования в школе и руководителем иконописных работ лаврской мастерской был В. Д. Сонин. Потомственный иконописец, в 1901 г. он получил диплом АХ. Под его рук. в 1900–1901 гг. была заново выпол-

рамки овладения приемами иконописного ремесла. В программе занятий наряду с академи-

*Эскиз к росписи у входа
в Киево-Печерскую лавру.
1900–1901 гг.*

Худож. В. Д. Сонин (НКПИКЗ)

ческим рисунком были также натюрморт и пейзаж. Проводились сеансы рисования с живой природы. Учеников знако-

нена наружная роспись фасадов надвратной Троицкой ц. и написаны композиции Соборов Киево-Печерских чудотворцев на стенах перед св. воротами лавры. В числе работ Сонины — образ прп. Евфросинии Полоцкой на раке с ее мощами в Дальних пещерах.

Воспитанником иером. Владимира (Соколова) и учеником иконописной школы в 1906–1910 гг. был В. Н. Чекрыгин (1897–1922), позднее ставший одним из ярких художников рус. авангарда. Проведенные в лавре годы в значительной степени определили настрой души и духовную устремленность его творчества. В качестве своих учителей он указывал нем. философов и «больше всего церковь, или, верней, конкретней, школу Богослужения» (Мурина Е. Б., Ракитин В. И. Василий Николаевич Чекрыгин. М., 2005. С. 215). К последнему поколению воспитанников лаврской школы относился также Н. Н. Гусаченко (1893–1984), в со-

вместе с анатомией и перспективой, искусством эпохи Ренессанса. Иконы писались по образцам, к-рыми служили репродукции. В 1910–1912 гг. преподавателем был А. Е. Чижский, после него — И. И. Мищенко. В свободное время ученики занимались живописью, наиболее способным из них разрешалось писать этюды в стиле импрессионистов. Художники Ижакевич и М. В. Нестеров, часто бывавшие в школе, смотрели и обсуждали с учениками их работы. Неск. раз в год в мастерской устраивались ученические выставки, где лучшие произведения отмечались денежным вознаграждением. После открытой 25 дек. 1913 г. рождественской выставки Редько, получивший 1-ю премию, продолжил обучение в школе Имп. об-ва поощрения художеств в С.-Петербурге.

Школа прекратила существование в 1915 г., после начала первой мировой войны. В списке лаврской мастерской за 1918 г. значилось только 5 иконописцев. Смерть иером. Владимира, принявшего схиму с именем

*Собор
Киево-Печерских святых.
Роспись у входа
в Киево-Печерскую лавру.
1900–1901 гг.
Худож. В. Д. Сонин*

Варлаам, в 1919 г. ознаменовала конец истории лаврской иконописной

школы. Худож. Редько, увидев в послевоенной лавре разрушенное здание иконописной школы, записал в дневнике: «Погиб родной дом, в котором я узнал, что помимо жизни, существует мир Искусства» (Там же. Д. 22. Л. 228).

школы. Худож. Редько, увидев в послевоенной лавре разрушенное здание иконописной школы, записал в дневнике: «Погиб родной дом, в котором я узнал, что помимо жизни, существует мир Искусства» (Там же. Д. 22. Л. 228).

Е. В. Лопухина

Арх.: НБУВ ИР. Ф. 1. № 5411–5413; Ф. 229. № 1–48; РГБ ОР. Ф. 152. № 2; РГИА. Ф. 797. Оп. 64. Ст. 3. Отд. 3. Д. 161; Ф. 835. Оп. 4. Д. 144; ЦГИАК. Ф. 28. Оп. 3. Д. 167; Ф. 128. Оп. 1 (тип.). Д. 916; Оп. 1 (общ.). Д. 135, 254, 440, 2445; Оп. 1 (благочин.). Д. 3443; Оп. 1 (КДС). Д. 644; Оп. 2 (тип.). Д. 862; ЦДАМЛМУ. Ф. 333. Д. 8–10, 20, 22.

Лит.: *Истомин М. П.* К истории живописи в Киево-Печерской лавре в XVIII в. // ЧИОНЛ. 1895. Кн. 9. Отд. 2. С. 65–75; *он же.* К вопросу о древней иконописи Киево-Печерской лавры // Там же. 1898. Кн. 12. Отд. 2. С. 3–19; *он же.* Описание иконописи Киево-Печерской лавры // Там же. Отд. 3. Прил. С. 34–89; *он же.* Обучение живописи в Киево-Печерской лавре // Искусство и худож. промышленность. СПб., 1901. № 10. С. 291–310; № 11. С. 311–318; *Вишневецкий Д. К.* Киевская академия в 1-й пол. XVIII ст. К., 1903; *Петров Н. И.* Воспитанники Киевской Академии из сербов с нач. синодального периода и до царствования Екатерины II (1721–1762) // ИОРЯС. 1904. Т. 9. Кн. 4. С. 1–16; *Титов Ф. И., прот.* Имп. КДА в ее трехвековой жизни и деятельности (1615–1915 гг.). К., 1915; *Білецький П. О.* Портрет // Історія українського мистецтва. К., 1968. Т. 3: Мистецтво др. пол. XVII – XVIII ст. С. 240–283; *он же.* Український портретний живопис XVII – початку XVIII ст.: Проблеми становлення і розвитку. К., 1969; *он же.* Українське мистецтво др. пол. XVII – XVIII ст. К., 1981; *Уманцев Ф. С.* Настінні розписи в мурованих спорудах // Історія Українського мистецтва. К., 1968. Т. 3. С. 154–193; *он же.* Троїцька надбрамна церква Києво-Печерської Лаври. К., 1970; *Міляева С. К.* Києво-Печерська лавра. М., 1975; *Міляева Л. С.* Російсько-українсько-сербські зв'язки 14–18 ст. // Образотворче мистецтво. К., 1976. № 4. С. 28–30; *она же.* Спасо-Преображенська ц. с. Великі Сорочинці Полтавської обл. // Українське барокко та європейський контекст / Ред.: О. К. Федорук. К., 1991. С. 128–135; *она же (Міляева Л. С.).* Іконографія і краснореччя українського барокко (росписи надвратної ц. Києво-Печерської Лаври) // Восточнохристиянський храм: Литургия и искусство. СПб., 1994. С. 308–316; *Жолтовський П. М.* Малюнки Києво-Лаврської іконописної майстерні (Альбом-кат.). К., 1982; *он же.* Художнє життя на Україні в XVI–XVIII ст. К., 1983; *он же.* Монументальний живопис на Україні XVII–XVIII ст. К., 1988; *Пащенко Є. М.* Про походження стінописів мон-ря Крушелол у Сербії // Українське мистецтво у міжнародних зв'язках: Дожовтневий період / Ред.: В. А. Афанасьєв. К., 1983. С. 96–106; *Дарманський П. Ф., Пивоваренко Л. Н.* О связях Киево-Печерской лавры с Болгарией // Духовная культура населения Украины с древнейших времен. К., 1991. С. 53–68; *Корній Л.* До питання про синтез мистецтв в українському барокко: (Роль музики в шкільній драмі) // Українське барокко: Мат-ли I конгр. Міжнар. асоціації українців. К., 1993. С. 251–257; *Шевчук В.* З методики виховання художників у маларні Києво-Печерської Лаври 1-й пол. XVIII ст.: Дипломна робота / Нац. акад. образотворчого мистецтва і архітектури. К., 1998. Ркп.; *Лопухіна О. В.* Діяльність та художній напрям лаврської іконописної майстерні в XIX – поч. XX ст. // Лаврський альманах. К., 1999. Вип. 2. С. 11–17; *она же.* Живописна школа Києво-Печерської лаври др. пол. XIX – поч. XX ст.: Художня освіта і виховання // Там же. 2001. Вип. 5. С. 74–82; *она же.* Портретна галерея Успенського собора Києво-Печерської лаври // Там же. 2005. Вип. 14. С. 81–87; *она же.* Пафнутій Львов –

лаврський іконописець і художник Імператорської академії мистецтв // Там же. 2006. Вип. 16. С. 37–41; *она же.* Художники В. Черкунін і К. Редько: Життя та творчість вихованців лаврської іконописної школи поч. XX ст. // Там же. 2012. Вип. 26. С. 143–155; *Ошуркевич Л. О., Сліпченко Н. І., Сьомочкін І. В.* Концепція відтворення стінопису Успенського собору Києво-Печерської лаври // Вісник інституту Укрзахідпроектреставрація. Львів. 2000. № 11. С. 101–144; *Пітателева О. В.* До проблеми пейзажу лаврської живописної школи: (Троїцька надбрамна церква) // Лаврський альманах. 2001. Вип. 5. С. 99–104; *Кондратюк А. Ю.* Монументальний живопис Троїцької надбрамної церкви Києво-Печерської лаври: Семантика, стилістика // Там же. 2004. Вип. 13. Спецвип. 5. С. 5–159; *она же.* Монументальний живопис Троїцької надбрамної церкви Києво-Печерської лаври: Кат. / НКПІКЗ. К., 2005; *Шиденко В. А.* Живописна школа Києво-Печерської лаври // *Он же.* Вибрані праці з історії Києво-Печерської лаври. К., 2008. С. 5–138.

КІЕВО-ПЕЧЕРСКИЙ НАПЕВ

[киево-печерский распев], певч. традиция Киево-Печерской лавры, монастырская ветвь развития киевской церковнопевч. традиции. Появившийся в одноголосной и существующий ныне в многоголосной форме, К.-п. н. охватывает весь корпус богослужебных песнопений и отличается яркой стилиевой оригинальностью. По мнению составителей издания Киево-Печерского Обихода нач. XX в. – регента митрополичьего хора Благовещенской ц. Киево-Печерской лавры иером. *Иадора (Ткаченко)* и др., К.-п. н. сложился на основе *знаменного, киевского* и южнослав. распевов (см.: *Иадор (Ткаченко)*. 1907. Стб. 99; Предисловие // Нотный Обиход. 1910. Ч. 1. С. 1; *Дзбановский*. 1927).

История. Рукописи и издания. Монодийные образцы К.-п. н. встречаются в укр. и белорус. рукописных *Ирмологиях* кон. XVI – сер. XIX в., нередко сопровождаются ремарками «МП» (мон-ря печерского), «Киевопечерский», «Печерский», «Киевопечерский лаврский», «Лаврский», «Лаврского напѣлу». Мн. Ирмологии были созданы в Киево-Печерской лавре или находятся в ее фондах. Ю. П. *Ясиновский* описал более 50 источников, непосредственно связанных с этим мон-рем (см.: *Ясиновский*. 1996). Большинство этих певч. сборников хранится в Ин-те рукописи НБУВ НАНУ (один – в Отделе старопечатных книг той же б-ки: НБУВ. Кир. № 876п, 1775 г.), а также в фондах Национального Киево-Печерского историко-культурного заповедника (НКПІКЗ). Нек-рые Ирмологии Киево-Печерской лавры были недавно обна-

ружены В. А. Зинченко (НКПІКЗ. Кн. № 2078, 2084, 2086; см.: *Зинченко*. 2006). Неск. экземпляров находится в б-ках и музеях Киева (Музей книги. СД. № 408, 20-е гг. XVIII в.), Москвы (РГБ. Ф. 379. № 95, 1701 г.; ГИМ. Син. певч. № 1080, 1718–1720 гг.), С.-Петербурга (РНБ. Осн. Q.1.1460, посл. четв. XVIII в.).

Самые ранние Ирмологии, непосредственно связанные с Киево-Печерским мон-рем, относятся ко

«С нами Бог»
в Супрасльском Ирмологиионе.
1598–1601 гг.
(НБУВ ИР. Ф. 1. № 5391. Л. 515)

2-й четв. XVII в. О принадлежности этому мон-рю ряда певч. сборников могут свидетельствовать имеющиеся в них гравюры, известные также по книжным изданиям обители (НБУВ ИР. Ф. 301. № 350п, 2-я четв. XVII в.; № 85л, 1629 г.; см.: *Ясиновский*. 1996. С. 68). Нек-рые экземпляры были написаны вне мон-ря, но со временем стали его собственностью: это Ирмологии Киевского (НБУВ ИР. КПЛ. № 33п, 34п) и смежных (Там же. № 30п, 35п; Ф. 312. № 114/644с) регионов, а также сборники российского происхождения: Ирмологий московского *Симонова Нового в честь Успения Пресв. Богородицы муж. монастыря* (Там же. № 38п), Осмогласник из с. Жданова Смоленской губ. (Там же. Ф. 305. № 226) и др.

В ряде укр. Ирмологий XVIII–XIX вв., составленных как в Киево-Печерской лавре, так и в других местах, отмечена их принадлежность разным храмам и частям обители: Великой Успенской ц. (НБУВ ИР. Ф. 1. № 5385, 20-е гг. XVIII в.; № 5394, 20–30-е гг. XVIII в.; № 5396,

20–30-е гг. XVIII в.; НКПИКЗ. Кн. № 2084, 1852 г.; № 2087, 1852 г.; № 855, XIX в., № 879 и 2874, оба — 1854 г.), Дальним пещерам (НБУВ ИР. Ф. 30. № 20, 80-е гг. XVIII в.), Ближним пещерам прп. Антония (Там же. Ф. 1. № 5390, кон. XVIII в.), ц. Рождества Богородицы Дальних пещер (Там же. КПЛ. № 36п; Ф. 30. № 17), просфорне (Там же. Кир. № 876п; см.: *Прилепа*. 2011. С. 177), Никольскому Больничному монастырю (НБУВ ИР. Ф. 1. № 5392, 20–30-е гг. XVIII в.; № 5386, после 1768–1770 гг.), Феодосиевской ц. (Там же. КДА. № 91л).

Несмотря на то что на Украине нотопечатание началось с 1700 г., в Киево-Печерской лавре до нач. XX в. придерживались рукописной нотной традиции. С посл. трети XVII в. в мон-ре периодически печатали ненотированные Октоихи (1670, 1699, 1704, 1739, 1768, 1797) и ненотированные Ирмологионы (1674, 1698, 1753, 1769, 1778, 1791), что указывает на устную традицию монашеского пения. Большое значение имела ориентация на распевание богослужебных текстов по ненотированным богослужебным певч. книгам — по памяти. Такое исполнение передавало живой опыт многовековой монастырской молитвы. В рукописных певч. памятниках К.-п. н., с одной стороны, частично запечатлена древняя устная традиция, с другой — зафиксированы более поздние формы песнопений, в к-рых отражены исторические особенности их бытования.

В XVII–XVIII вв. в К.-п. н. происходил процесс утверждения в певч. практике многоголосия (его своеобразного «воцерковления», т. е. сохранения духовного содержания напева при кардинальном обновлении формы его изложения). Многоголосие К.-п. н. явилось «ответом» на распространение *партесного пения* (как концертного типа многоголосия зап. образца). Однако, судя по известным рукописным источникам, многоголосная певч. практика транслировалась в этот период в монастыре только устным путем, остальные партии К.-п. н., кроме мелодии, не записывались.

В то же время в России появляются партесные гармонизации отдельных образцов К.-п. н. Так, в сборниках кон. XVII — 1-й пол. XVIII в. встречаются различные гармонизации киево-печерской херувимской:

4-голосные (ГИМ. Син. певч. № 342, 721, 758), 5-голосная («Киевопечерская большая» в Обиходе новгородского Знаменского собора — Там же. № 657, посл. четв. XVII в.; мелодия совпадает с напечатанной в московском Синодальном Обиходе 1772 г.; см.: *Городецкая*. 2000), 6-голосные (2 варианта, в т. ч. «Киевопечерская малого роспева» — ГИМ. Син. певч. № 664).

В XIX — нач. XX в. происходит окончательная письменная фиксация устной певческой традиции Киево-Печерской лавры. В 1-й пол.—сер. XIX в. одноголосные рукописные Ирмологионы были выполнены *киевской нотацией* в альтовом ключе (в 2 экз. — по 1 для каждого клироса) послушником Петром Робищуком (1811), иеродиаком Саввой (1820), иером. Модестом (впосл. игумен; † 1871) и послушником Ианнуарием Салухой (1849–1852), а также последним уже в сане иеродиакона и с именем Онисим (1854).

14 февр. 1816 г. был издан указ Святейшего Синода о запрете использования в церковном пении рукописных нот: «...все, что ни поется в церквах по нотам, должно быть печатное и состоять или из собственных сочинений директора придворного певческого хора... Бортиянского, или других известных сочинителей, но... непременно... с одобрения г. Бортиянского»; синодальные одноголосные нотные издания оставались в употреблении (см.: Церковно-гражданские постановления о церковном пении / Сост.: прот. И. Чижевский. Х., 1878. С. 6). 5 апр. 1816 г. наместник лавры иером. (впосл. архиеп.) *Антоний (Смирницкий)* написал митр. *Серрапиону (Александровскому)* донесение, в к-ром выражено отношение братии к К.-п. н. и к указанному нововведению Синода: «В сей святой обители церковное пение, непременно содержится яко издревле установленное от святых отец... которому хотя нот печатных во лавре и не имеется, но из древних рукописных оставшихся Ирмологиев, в лавре поется ныне лаврскими монашескими довольно навывшими оному исправно... Нововводимое показалось бы весьма странным, яко не соответственное чину и обряду сея святыя обители, для того вашего Высокопреосвященства Духовный собор покорнейше просит сделать от себя отношение к господину Синод обер-прокурору о исходатай-

ствовании у Его Императорского Величества Высочайшего повеления, чтобы существующее в сей святой обители с древнейших времен церковное пение оставлено без отмены» (НБУВ ИР. Ф. 128. Оп. 1. № 1395).

7–10 сент. 1816 г. в Киево-Печерской лавре находился имп. Александр I. Слушая К.-п. н. (ЦГИАК. Ф. 128. Оп. 2 мон. № 1109. Л. 67 об.—69), который пели «старцы», он повелел «сохранить его и впредь, употребляя только в Киево-Печерской лавре» (см. изд.: Киевские подвижники благочестия. К., 1994. Т. 1. С. 227). После литургии, к-рую пели в пещерном храме придворные певчие, в покоях наместника состоялся такой разговор: «А каково пели певчие?» — спросил император наместника. — «Скоропоспешно, Ваше Величество». — «Ну что ж?.. Люди дорожные». — «Дело Божие должно делать в надлежащем порядке, Государь» (Там же. С. 230). Слова наместника отражают стремление монахов обители сохранить традицию К.-п. н. и неприятие ими столичных певч. новшеств, приводивших к сокращению богослужения.

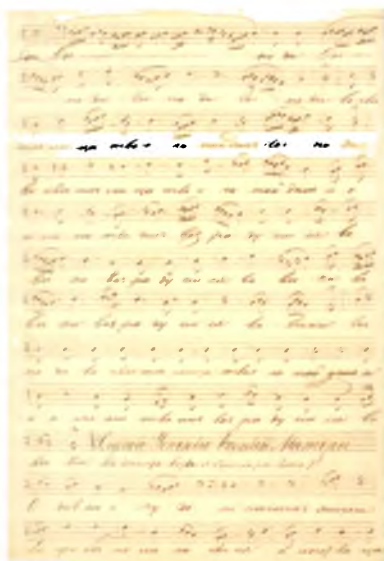
В 1841 г. митр. *Филарет (Амфитеатров)* благословил Духовный собор лавры хранить «древнее сея святой обители пение без малейшей перемены» (*Шамаева*. 1992. С. 80). Вскоре Духовный собор лавры издал указ «О переложении всего круга пения Киево-Печерской лавры на круглую ноту» (ЦГИАК. Ф. 1 общ. № 1956). Во исполнение указа Святейшего Синода № 16603 от 10 дек. 1846 г. «О доставлении верных списков употребляющегося в разных епархиях одноголосного и многоголосного церковного пения...» в лавре был создан комитет, в который вошли помимо представителей священноначалия знаток лаврского пения уставщик иером. Модест и учитель Киево-Подольского ДУ, «наставник церковного спиву» Ильинской ц. прот. Мина Жолткевич († 1872). 18 апр. 1849 г. иером. Модест доложил Духовному собору, что «положил на ноту все лаврское церковное пение» (см.: *Шамаева*. 1992. С. 79). В 1852 г. составленный иером. Модестом Ирмологион был переписан «квадратной нотой» в 2 книгах послушником Ианнуарием Салухой. 18 марта 1852 г. митр. Филарет на представленном ему экземпляре этого сборника сделал следующую надпись: «Установ-

ленное с древних времен преподобными отцами в святой великой чудотворной Киево-Печерской лавре пение, содержащееся в сем Ирмологии... завещаю соблюдать и хранить во всей целости, без всякого изменения во все роды родов... Препроводя Ирмологию древнего пения Киево-Печерской лавры с моим письменным завещанием на оном, поручаю Духовному собору хранить напев сей навсегда без всякого изменения и преемникам моим, настоятелям лавры, представлять для сведения и соблюдения по прибытии их в лавру» (ЦГИАК. Ф. 128. Оп. 2 мон. № 1109. Л. 67 об.— 69). Т. о., составлением Ирмология 1852 г. был подведен промежуточный итог развития К.-п. н., а благословение митр. Филарета способствовало закреплению этой традиции.

Поскольку в Ирмологии 1852 г. богослужебный круг песнопений был записан не полностью, а сам напев

Черновик киево-печерского Обихода 1865–1873 гг.

в устной традиции продолжал меняться, в 1865–1873 гг. под рук. епископа архим. Валентина регент А. С. Фатеев и послушник Евфимий Жарков записали «круглой итальянской нотой» полный одногласный лаврский Обиход в 2-х экземплярах» (2-й экз. — в скрипичном ключе; см.: Иадор (Ткаченко). 1907. Стб. 101–102). «В сем Обиходе лаврский напев изложен точно в таком виде, какой он принял в половине прошлого века и в каком он уже неизменно сохраняется донныне» (Нотный Обиход. 1910. Ч. 1. С. I–II). Неизвестно, где в наст. время находятся эти

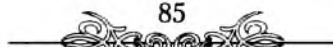
Страница из изд. Л. Д. Малашкина «Всенощное бдение: По напеву Киево-Печерской лавры» (К., 1887)

экземпляры; возможно, черновой вариант хранится в б-ке Свято-Троицкого Ионинского мон-ря в Киеве. Ирмология иером. Модеста и полный лаврский Обиход Фатеева и Жаркова фиксируют К.-п. н. в одногласном изложении, предполагающем многоголосные распевы в реальном исполнении, с добавлением верхних и нижних голосов.

Развитие многоголосной певческой практики потребовало составления и печатного издания полного гармонизованного Обихода, способного максимально полноценно — как по тематическому охвату материала, так и по стилю гармонизации — отразить К.-п. н. Отсутствие полного многоголосного круга песнопений «представляло значительные затруднения при обучении клирошан и иногда служило поводом к введению некоторых изменений или сокращений мелодических оборотов, по усмотрению исполнителей» (Нотный Обиход. 1910. Ч. 1. С. II–III). Многоголосный К.-п. н. был опубликован в изданиях, подготовленных Л. Д. Малашкиным (1887–1888) и специальной лаврской комиссией (1910–1915). В нач. 70-х гг. XIX в. регент Я. С. Калишевский записывал напевы от старых лаврских певцов, но его переложения для 3–4-голосного хора не были опубликованы. По данным прот. Михаила Лисицына, этими записями воспользовался Малашкин, отредактировавший и издавший их под своим именем без упоминания Калишевского (Лисицын. Я. С. Калишевский и его хор. 1903; Пархоменко. 2008). Публика-

ции в приложении к ж. «Руководство для сельских пастырей» и вышедшие в посл. отдельные сборники принесли переложениям Малашкина большую известность. В предисловии к «Всенощному бдению» он пишет, что один раз ему неожиданно попала в руки старинная рукопись литургии и всенощной лаврского напева и он, сверяя мелодию с совр. вариантом, заметил достаточное количество отступлений от древнего варианта, а именно: «...введен хроматизм и кое-что укорочено из длинных музыкальных строф» (Малашкин. Всенощное бдение. 1887. С. 2). Работая над переложением, Малашкин, по его словам, «не позволил себе делать никаких изменений в отношении мелодии и только восстановил старинное деление нот, удержав даже строй гармонизации лаврского напева со всеми его хроматизмами, параллельными квинтами и октавами, заключительными полукаденциями и полными каденциями, разложив его на четыре однородных голоса. Заключительные каденции скопированы, а поэтому иногда из 4-голосной гармонии выпадают в 3-голосную» (Там же).

Нотное переложение Малашкина в целом отразило особенности К.-п. н., однако работа по его записи и изданию не была завершена. В 1905 г. Духовный собор лавры поручил комиссии из лиц, хорошо знакомых с лаврским пением (регент иером. Иадор (Ткаченко), уставщики клиросов Великой ц. иеромонахи Флавиан (Приходько) и Феодорит, подуставщики иеромонахи Прокл и Иоасаф), под председательством епископа архим. (впсл. архиеп.) Назария (Блинова) «проверить и сличить употребляющиеся на клиросах Великой церкви нотные книги с Обиходом 1865–73 гг., представляющим последнюю и наиболее полную запись мелодий лаврского напева, с первоначально записанными переложениями, а также с действительным исполнением пения в лавре; установить точную редакцию напева и его гармонизации; восполнить существующие изложения лаврского пения в гармоническом виде теми песнопениями, которые еще не были записаны, и приготовить исполненный и дополненный Обиход для печати» (Нотный Обиход. 1910. Ч. 1. С. III). Это предписание было выполнено, и в 1910 г. Лаврской типографией были изданы первые 2 части

«Нотного Обихода Киево-Печерской лавры» — «Всенощное бдение» и «Божественная литургия». В 1912 г. вышла 3-я часть (Дванадцатые праздники), в 1915 г. — 4-я (Постная Триодь), в 1918 г. подготовлена к печати 5-я часть (Цветная Триодь), однако выходу ее в свет помешали политические события в стране. Обиходом, изданным в 1910–1915 гг., был подведен итог многовековой певческой истории мон-ря. Были окончательно зафиксированы и изложены в виде гармонизаций вырабатывавшиеся столетиями напевы, которые с этого времени в полном объеме стали доступны др. мон-рям, церковным приходам и всем любителям богослужбных песнопений.

Отношение братии мон-ря к «флавиановскому» изданию было неоднозначным, т. к. гармонизация напевов в нем часто «приглажена» под общие закономерности хоровой гармонии того времени и не совсем соответствует лаврской традиции многоголосного пения. По воспоминаниям архим. Спиридона (Лукича), Обиход Малашкина пользовался у братии большим уважением, чем Обиход иером. Флавиана, т. к. в первом наиболее верно и приближенно к монашеской традиции изложены как сама мелодия К.-п. н., так и принципы ее гармонического изложения (см.: *Спиридон (Лукич)*. Богослужбные заметки).

В 1910 г. киевским об-вом грамофонных пластинок «Экстрафон» было записано 68 песнопений К.-п. н. в исполнении братского хора под упр. уставщика игум. Флавиана (Приходько).

В кон. XIX — нач. XX в. гармонизации и переложения К.-п. н. делали Г. Ф. Львовский, иером. *Парфений (Девятин)*, Фатеев, В. Д. Беневский, Н. И. Компанейский, В. Г. Петрушевский, И. И. Смирнов, иером. Иадор (Ткаченко), иером. *Нафанаил (Бачкало)* и др.

После выселения монашеской общины из лавры в 1930 г. службы по лаврскому уставу с К.-п. н. нек-рое время совершались малочисленной братией в Ольговской ц., затем, до 1933 г., в *Китаевской киевской муж. пустыни* 8 оставшимися монахами. Позднее богослужение продолжалось в доме схиархиеп. *Антония (Абашидзе)*. В 1942 г. была возобновлена монашеская жизнь на нижней территории лавры, наместником был назначен уставщик архим. Вале-

рий (Устименко), и в Крестовоздвиженской ц. вновь зазвучал К.-п. н. В 1961 г. мон-рь был закрыт во 2-й раз, богослужбная традиция переместилась в частные квартиры: в Житомире совершал службы с К.-п. н. насельник лавры с 1921 г. архим. Спи-

ридон (Лукич), в Киеве — уставщик архим. Феодосий (в схиме Антоний). Во Владимирском соборе службы с К.-п. н. нерегулярно звучали в исполнении старых певчих лавры. Каждое из таких богослужений было событием для верующих Киева.

Большую работу по возрождению К.-п. н. провел 1-й наместник Киево-Печерской лавры после ее возобновления в 1988 г. иером. (в наст. время архиеп.) *Ионафан (Елецких)*: были проанализированы грамофонные записи хора 1910 г., магнитофонные записи 1958–1960 гг., упорядочены нотные архивы архимандритов Валерия (Устименко) и Феодосия. Многие для восстановления мелодического предания мон-ря сделал архим. Спиридон (Лукич), чьи воспоминания об особенностях лаврского богослужбного устава и пения были записаны мон. Лаврентией (Черновой). В возрожденной обители было создано 2 хора — братский и из приглашенных профессиональных певчих. Основную нагрузку нес профессиональный хор, разделявшийся в праздники на 2 лика. Регентом хора приглашенных певчих был Б. И. Орлов. Одними из первых регентов братского клироса были инок Владимир (Линенко; впол. архим. Поликарп, уставщик Киево-Печерской лавры) и Павел (Письменный; впол. архим. Спиридон, насельник Свято-Троицкого Ионинского монастыря). Хоры стремились возродить дух лаврского пения. Живой опыт стиливых особенностей К.-п. н. передал возвратившийся в лавру схи-

игум. Агапит (Кармаз), до 1961 г. служивший там канонархом.

Черты стиля. Одноголосие. Наиболее ранние формы К.-п. н., записанные киевской нотацией, найдены в Супрасльском Ирмологионе 1596–1601 гг. (НБУВ ИР. Ф. 1. № 5391) —

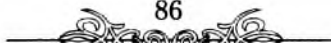
древнейшей датированной юго-западнорусской нотологической рукописи, содержащей переводы крюковых образцов

*Супрасльский Ирмологион.
1598–1601 гг. (НБУВ ИР.
Ф. 1. № 5391. Л. 32 об. — 33)*

южнорус. редакции знаменного распева (см.: *Конотоп*. 1975. С. 532). По мнению А. В. *Конотопа* и Е. Ю. Шевчук, пение Супрасльского мон-ря,

основанного в 1498 г. монахами из Киево-Печерской обители, отражает киево-печерскую богослужбную монодийную традицию XVI в. С сер. XVII в. Супрасльский Ирмологион находился в Ближних пещерах (прп. Антония), а в 1718 г. был передан лаврской б-ке, что зафиксировано в ее реестре (см.: Систематический каталог. 1908). Закапанные воском, потертые страницы этой рукописи указывают на ее частое использование в богослужении. Хранение рукописи именно в пещерном храме (а не на клиросе, напр., Великой лаврской ц. Успения Пресв. Богородицы) и передача ее в нач. XVIII в. в архив монастыря свидетельствуют, с одной стороны, о монодийной традиции пения в пещерах в сер. XVII в. (и существовании отличных от нее напевов в наземных храмах), с другой — о новых стиливых изменениях распева в нач. XVIII в.

О. П. Прилепа, проанализировав попевочный фонд осмогласного цикла К.-п. н. в Супрасльском Ирмологионе, установила единство музыкально-интонационной структуры в части этой рукописи и в своде знаменных попевок (по изд.: *Металлов В., прот.* Осмогласие знаменного распева: Опыт руководства к изучению осмогласия знам. расп. по гласовым попевкам. М., 1899). Большая часть супрасльских попевок интонационно совпадает со знаменными, по отношению к к-рым киево-печерские попевки являются вариантами, другая их часть сходится по форме с традиц. попевками Киево-Печерского

монастыря, что было выявлено указанным исследователем по рукописным Ирмологионам 1-й пол. XVII в. (НБУВ ИР. Ф. 301. № 91л, 350п и др.; *Прилепа*. 2008. С. 162–166).

В XVII–XVIII вв. для развития попевочного фонда монодийного К.-п. н. были характерны следующие тенденции: 1) неизменяемость части фонда попевок, 2) формирование в 1-й пол. XVII в. стилистических особенностей К.-п. н.: сохранение или мелодическое варьирование попевок (усиление плавности, упрощение мелодики ряда формул), 3) во 2-й пол. XVII – 1-й пол. XVIII в., в условиях противостояния влиянию католицизма, возвращение к более ранним редакциям К.-п. н., «реставрация» элементов мелодико-ритмических формул, характерных для напева кон. XVI в., в частности синкопированного ритма. Сравнение осмогласного К.-п. н. с песнопениями киевского Межигорского (40-е гг. XVII в.), Львовского (1709) и Почаевского (1766) Ирмологионов, а также со знаменными песнопениями по синодальным изданиям нотного Октоиха (1772, 1889) выявило стилистические особенности его попевок: тенденции к упрощению мелодического рельефа (напр., его «выравнивание», появление фрагментов читка в начале и середине попевок), к размерности движения, к «сглаженности» характерных мелодико-ритмических фигур (замена синкоп поступенным движением в попевках «кимза», «кулизма скамейная», «долинка переметная» и др.), к усилению плавности, избеганию скачков (напр., замена «ломки» поступенным движением в попевке «долинка» 1-го и 5-го гласов) (*Прилепа*. 2008. С. 166–170). Возможно, одной из причин упрощения форм попевок К.-п. н. и их мелодизации являлось введение в мон-ре многоголосного изложения напева. Вместе с тем часть попевок знаменного фонда не претерпела изменений.

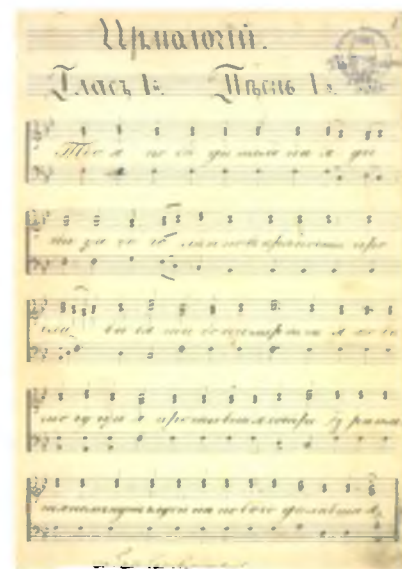
С нач. XVIII в. в текстах киево-печерских Ирмологионов фиксировались изменения текстов согласно богослужбной реформе патриарха *Никона* (сер. XVII в.). В некоторых источниках (напр.: НБУВ ИР. Ф. 1. № 5392, 5394) содержатся смешанные текстовые редакции, объединяющие местный вариант текста XVII в. с пореформенным. В полном виде новая редакция присутствует в источниках со 2-й пол. XVIII в. (Там же.

Ф. 30. № 17 – Ирмологион 2-й пол. XVIII в., переданный иером. Мартирием в ц. Рождества Пресв. Богородицы Дальних пещер в 1815; также НБУВ ИР. Ф. 1. № 5386, 1768 г.), что свидетельствует об офиц. введении пореформенных текстов в богослужебный обиход мон-ря и о связи изменения попевочного фонда с изменением редакции текстов (*Прилепа*. 2011. С. 152).

Анализ мелодических формул в одноголосных киево-печерских Ирмологионах нач. – сер. XIX в. выявил те же тенденции, что и в Ирмологионе 1775 г. (НБУВ. Кир. № 876п): уменьшилось количество традиционных, не подвергшихся изменению попевок, а число упрощенных, сокращенных, – увеличилось. Упрощение попевок не охватывало равномерно весь репертуар: в одних песнопениях они в основном сохранили свою структуру, и только некоторые подверглись сокращению, в других – большинство попевок трансформировалось, в результате чего «оголился» музыкально-интонационный каркас песнопения. Особо показательным в этом плане является догматик 3-го гласа из Ирмологиона И. Салухи (1852): в источниках XVII–XVIII вв. на словах «родила еси без Отца Сына плотию» сохраняется 3 попевки, а в Ирмологионе 1852 г. – лишь одна, расширенная за счет включения читка, в то время как остальные попевки были заменены syllабическими мелодическими фразами (*Прилепа*. 2011. С. 155).

Многоголосие К.-п. н., как специфическая система гармонического изложения богослужебного пения мон-ря, является одной из основных его стилистических характеристик. Многоголосная традиция К.-п. н. формировалась на основе одноголосия постепенно. Известны 3-голосные нотные книги лаврского происхождения кон. XIX в.: рукописный Ирмологион, длительное время применявшийся на клиросах, и изданное в 1896 г. 3-голосное Молебное пение Успению Пресв. Богородицы с акафистом (*Верхняяцкая*. 2003. С. 112). В трехголосии движение параллельными терциями в верхних голосах сочетается с относительно самостоятельным басом, образуя типичную фактуру укр. канта, что позволяет отнести возникновение устойчивой традиции лаврского трехголосия предположительно к сер. XVII в. (см. в ст. *Кант*).

Четырехголосие К.-п. н. начало складываться при игум. Модесте, а первым автором 4-голосных переложений К.-п. н. был иером. Виктор, «который управлял тогда левым клиросом Великой церкви. Начал он писать некоторые из песнопений четырехголосно, приспособляя голоса к мелодии, но администрация лавры тогдашнего времени была против новатора, которого не утвердили и уставщиком за сие дело» (*Иадор (Ткаченко)*. 1907. Стб. 101). В кон. XIX в. основой для 4-голосного пения могли

Рукописный киево-печерский Ирмологий.
Кон. XIX в.

стать 3-голосные партитуры, поскольку баритон, вероятно, исполнялся по слуху (*Верхняяцкая*. 2003. С. 112).

В сложившемся четырехголосии всегда присутствуют 1-й и 2-й тенора, баритон и бас (иногда разделяющийся на 1-й, нижний, и 2-й, верхний, дублирующий 1-й бас или баритон на расстоянии октавы). Эпизодически сверху добавляется 5-я партия – альт. Киево-печерское многоголосие основано на традиционном принципе ведущего голоса, к-рый получает терцовое сопровождение (в партии 1-го тенора). Ведущий голос, в к-ром сохраняется сам напев, в киево-печерском многоголосии всегда находится в партии 2-го тенора. В отличие от удвоенной в терцию мелодии, соединяющей оба тенора, 2 нижних голоса выполняют разные функции. Партия баса имеет 2 основных вида: в распевном многоголосии бас дублирует в октаву мелодию 2-го тенора; в syllабическом многоголосии бас, как правило, образует гармоническую

основу — автентические ходы с V на I ступень. В партии 4-го голоса, баритона, часто выдерживается V ступень — общий тон для аккордов тонической и доминантовой функций, обладающий свойствами «бурдонного», связующе-стержневого элемента гармонического изложения К.-п. н. Квинтовый тон может располагаться также октавой выше — у альты и выполнять функцию верхнего подголоска по аналогии с укр. народным многоголосием. Использование добавочной верхней партии можно сравнить с описанным Павлом Алеппским участием малолетних певчих в богослужении Киево-Печерского мон-ря в 1654 г.: «Потом пропели на обоих клиросах «Слава в вышних Богу»... все вместе с певчими, заменяющими орган, т. е. с маленькими мальчиками, голосом, хватающим за душу; [так делали] всякий раз, как пение исполнялось с особою силою по нотам, в течение этого всеобщего бдения и до конца обедни этого дня» (Павел Алеппский. Путешествие. Вып. 2. С. 61).

Т. о., многоголосное пение Киево-Печерского мон-ря ориентировано на гармоническое мышление, сохраняющее, однако, прочную связь с более ранней традицией одноголосного распева, подразумевающей независимость от вертикального измерения звукового пространства; его основные черты: а) терцовая «лента» — удвоение ведущего голоса, б) стержневой квинтовый тон баритонов (используемый также октавой выше у альтов), в) октавное удвоение основного голоса или автентические ходы в партии басов, чем и достигается в целом необходимая слаженная полнота вертикали. У слушающих К.-п. н. создается особое впечатление пространственно-объемного движения звуковой «материи». В таком изложении гармонично раскрывается каждый из певцов, исполняющих свою партию в удобном для голоса регистре, а канонический напев не утрачивает своей самобытности.

Наличие монодийной основы в организации фактуры лаврской гармонизации позволило сохранить преемственность старого и «нового» пения (в Московской Руси аналогичное явление наблюдалось в различных певч. стилях: знаменном многоголосии, партесных гармонизациях (см. в статьях *Гармонизация, Партесное пение*)). Оригинальность лаврской

гармонизации можно сравнить с иконой: ведущий голос облекается новой «одеждой» многоголосного изложения подобно иконописному образу, обрамленному в драгоценную ризу. Лаврские монахи-распевщики использовали новые возможности, заложенные в средствах многоголосия. Благодаря интонационному родству мелодии и окружающих ее голосов было достигнуто единство многоголосного комплекса, что является основой непрерывности традиции К.-п. н.

Несомненно влияние на стиль К.-п. н. эстетики укр. барокко и в нек-рой степени народного творчества. Под влиянием первого в К.-п. н. возник специфический тип эмоционально окрашенного мелоса. Подобно тому как в барочной живописи и архитектуре лаврских храмов синтезируются четкость, структурность с витиеватым разнообра-

Предначинательный псалом
в изд. Л. Д. Малашкина
«Всеношное бдение: По напеву
Киево-Печерской лавры» (К., 1887)

зием линий и красок, так и в мелодической ткани К.-п. н. заметен внутренний динамизм, отражающий радость от восприятия красоты Божьего мира («взыгранность духа»). Густая мелодическая вязь напева проявляется в таких песнопениях, как «Благослови, душе моя, Господа» (Пс 103), херувимская песнь (особенно часть «Яко да Царя»), прокимны и аллилуиарий. Павел Алеппский сходным образом описывал мелизматическое пение в жен. Вознесенском монастыре, расположенном рядом с Киево-Печерским, что говорит о стилевом единстве киевского монастырского пения в XVII в.:

«Псалом и прокимен они поют с переливами» (Павел Алеппский. Путешествие. Вып. 2. С. 59). Вместе с тем были проигнорированы, как чуждые монашескому духу, такие особенности барочного стиля, как изменчивость настроения, эмоциональная напряженность, контрасты. Отзвуки запорожских воинских напевов находят в догматике 5-го гласа «В Чернем мори» и задостойнике Успению Пресв. Богородицы «Побеждаются естества уставы».

Сравнение нескольких песнопений (предначинательного псалма, полиелея и нек-рых др.) многоголосного К.-п. н. (по изд.: Малашкин. Всеношное бдение. 1887) и знаменного распева (по изд.: Обиход нотного пения употребительных церковных распевов. М., 1892. Ч. 1) позволяет выявить ряд особенностей в соотношении их словесного и муз. рядов и стилевых признаков К.-п. н. Во мн. песнопениях знаменного распева и К.-п. н. выбор стихов для распевания не совпадает (напр., в предначинательном псалме). В знаменном распеве не все стихи псалма исполняются певчески, но выбираются ключевые по содержанию; строка может излагаться не сначала («И в велепоту облелся еси»). Как правило, в знаменном распеве и в К.-п. н. не совпадают места мелизматических распевов слогов, связанных с трактовкой текста, т. е. выделяются и акцентируются разные смысловые моменты. Одним из элементов К.-п. н., связанных с влиянием барокко, является свободное обращение с ударениями в словесном тексте (напр., в припеве 103-го псалма «Благословен еси Господи», в ответе «Господи, помилуй» на ектении).

В знаменном распеве все слова и фразы пропеваются однократно. В К.-п. н. почти в каждом стихе наиболее значимых и торжественных песнопений присутствует повторение слов или словосочетаний. В многоголосие принцип повтора текста пришел из одноголосных киевского распева и К.-п. н. Большинство повторов словесного текста имеет форму утроения. Утраиваться может как весь стих, так и только ключевое слово. Текстовому повтору необязательно соответствует точный муз. повтор. Так, в предначинательном псалме встречаются и др. варианты: полное обновление, вариантное обновление, а также полный повтор (в частности, в кадансовых оборотах). Муз. повтор может

вуализироваться за счет иного соотношения с текстом. При повторе может звучать весь стих или часть стиха с незначительным изменением текста (иногда в качестве 2-го элемента в утроении используется иной текст).

В начале торжественно исполняемых псалмов — предначинательного (Пс 103), «Блажен муж», «Хвалите имя Господне» (полиелея) и особенно показательно «На реках Вави-

«На реках вавилонских» в «Нотном Обиходе Киево-Печерской лавры» (К., 1910. Ч. 1)

лонских» (Пс 136) — звучит запев *установщика* (или *головщика*). В одном песнопении могут объединяться псалмодический, или силлабический, невматический и мелизматический типы мелоса, причем их соотношение на всем протяжении произведения четко композиционно обусловлено. Некоторые стихи, распеты в К.-п. н., могут большей частью только псалмодироваться (напр., «Творяй Ангелы...» в предначинательном псалме). В более сложно организованных стихах движение осуществляется от «читка» через силлабику к мелизматике. То же явление встречается и в знаменном распеве некоторых псалмовых припевов и стихов.

В херувимской песни К.-п. н. (см.: Нотный Обиход. 1910. Ч. 2. С. 25–30) отразилось влияние поствизантийской певч. культуры, а также, отчасти, западноевроп. барочной музыки на южнорус. знаменную традицию. В традиц. херувимской — 25 слов, в лаврской из-за повторов — 123. Обычно перед херувимской слово «Аминь» поется 1 раз, в херувимской К.-п. н. — 9 раз (по образу 9 чинов ангельских). Особенности муз. сти-

Херувимская песня в «Нотном Обиходе Киево-Печерской лавры». (К., 1910. Ч. 2)

листки херувимских обусловлены богослужебными причинами. В Великой Успенской ц. Киево-Печерской лавры великий вход на литургии совершался через весь храм — от сев. дверей алтаря по сев. стороне храма вплоть до его зап. дверей и через середину храма — до солеи, где и происходило поминовение, что воспроизводит визант. литургическую традицию. Этим объясняются продолжительность пения херувимской, гибкость и разнообразие мелодической ткани, частые текстовые повторы, значение к-рых состоит как в символике их числа, так и в техническом упрощении вокального исполнения продолжительного напева.

Мн. паломники (как православные, так и инославные), посещавшие Киево-Печерскую лавру в XIX — нач. XX в., восхищались К.-п. н. и отмечали его торжественную благозвучность, проникновенность и молитвенность, внутреннюю динамику и силу. Его особенностями являются величественная приподнятость, соединенная с украинским песенным лиризмом, характерные повторы слов, витиеватость мелодии, особая плотность аккордовой фактуры. П. И. Чайковский отмечал самобытность пения в Киево-Печерской лавре: «Там поют на свой древний лад, с соблюдением тысячелетних традиций, без нот, и, следовательно, без претензии на концертность, но зато, что за самобытное, оригинальное и иногда величественно-прекрасное богослужебное пение!» (Чайковский. 1966). В нач. XX в. юрисконсулт

лавры проф. И. Н. Никодимов (наст. фам. Шумилин) писал: «Когда слушаешь эти распевы, то реально ощущаешь их мощь и величие. Они многогранны: в них чувствуются и беспредельность и раздолье украинских вольных степей, и грусть и тоска мятежной кающейся души, и величие религиозных настроений, и хоралы торжества победы духа над материей, и звуки народных песен. Все это слилось в одну стройную, подкупающую своей художественной простотой, строгой гармонией и величием прекрасную мелодию» (Никодимов. 1999. С. 56).

Арх.: Из воспоминаний архим. Спиридона (Кислякова). [Жизнеописание]: Ркп. // Б-ка Киево-Печерской лавры; Спиридон (Лукич), архим. Богослужебные заметки: Маш. // Там же.

Ист.: Систематический каталог книг б-ки Киево-Печерской лавры: В 2 т. К., 1908. Т. 1. С. 1–2, 219–221; Киево-Печерский патерик, или Сказания о житии и подвигах святых угодников Киево-Печерской лавры. К., 1991. С. 27–28.

Изд.: Херувимская песнь: Киево-Печерская // Обиход церковный нотного пения разных распевов. М.: [Синод. тип.], 1772. [Ч. 1]. Л. 158 об.—161 (переизд.: Обиход нотного пения употребительных церковных распевов. М.: Синод. тип., 1909. Ч. 2. Л. 15–16); Малашкин Л. Д. Литургия св. Иоанна Златоустого: По напеву Киево-Печерской лавры: Ор. 40: На 4 голоса для муж. или смеш. хора. К.: [изд. ж. РукСП, литогр. В. Гроссе], 1887; То же. М.: [изд. авт.], 1890; он же. Всенощное бдение: По напеву Киево-Печерской лавры: Для муж. или смеш. хора: Ор. 42. К.: [изд. ж. РукСП, литогр. В. Гроссе], 1887; он же. Круг церк. песнопений по напеву Киево-Печерской лавры: На 4 голоса для муж. или смеш. хора. М.; Лпц.: Юргенсон, 1888, 1898^а, 1899^б. Вып. 1: Литургия св. Иоанна Златоуста: Ор. 40; Вып. 1а: То же: Для 3-голосного муж. или смеш. хора; Вып. 2: Всенощное бдение: Ор. 42; Вып. 2а: То же: Для 3-голосного муж. или смеш. хора; Вып. 3: Панихида с добавлением погребения монашествующей братии: Ор. 43; Вып. 4: Литургия св. Василия Великого и Преждеосвященных Даров: Ор. 44; Вып. 5: Блаженны и прокимны воскресные на 8 гласов, «Тебе поем»: Ор. 45; Вып. 6: Подобны на 8 гласов, Богородичны малые, Припевы на полиелей и «На реках Вавилонских»: Ор. 46; Вып. 7: Службы [№ 1–10, двенадцатым праздникам]: Ор. 47; Вып. 8: Службы (неполные): ирмосы и проч.: [№ 11–21: Зачатия прав. Анны, в Неделе крестопоклонную и вайи, в Страстную седмицу, в Неделе Пятидесятницы, Стихиры самогласны (3)]: Ор. 48; Вып. 9: Ирмосы (дневные) на все 8 гласов с добавлением канонов и трипеснец и проч.: Ор. 49; Вып. 10: Разные песнопения: Ор. 50. М., 1888; он же. «Да исправится»: Киево-Печерской лавры // Церковно-певческий сб. СПб., 1902. Т. 3. Ч. 1. № 43; Львовский Г. Ф. «Апостоли от конца»: Киево-печерского расп. // Он же. Духовно-муз. предложения с древних распевов и соч. СПб., 1888. № 33; Фатеев А. С. «Благослови, душе моя, Господа», «Блажен муж», «Ныне отпускаеши», Херувимская песнь: Из Обихода

Киево-Печерской лавры // *Он же*. [Сборник духовно-муз. соч.]. СПб.: В. Бессель, 1890. № 1, 2, 4, 6; *Парфений (Деятин)*, *иером.* Собрание переложений по напеву Киево-Печерской лавры. М.: В. Гроссе, 1892. № 1: Литургия св. Иоанна Златоуста; № 2: То же: На 3 голоса; № 3: «Покой, Спасе наш»: Тропарь; № 4а: Акафист Успению: В тесной гармонии; № 4б: То же: В широкой гармонии; № 5: Панихида и погребение; № 6: Всенощное бдение; № 7: «Милость мира», Стихира Кресту, «Ныне слыша», «Вкусите и видите», «Благословлю Господа»; № 8: Задостойники; № 10: «На реках Вавилонских», «Покаяния отверзи»; № 11: Литургия Преждеосвященных Даров; *он же*. Всенощное бдение по напеву Киево-Печерской лавры. СПб., 1897; *он же*. Печерская херувимская. М.: Юргенсон, б. г.; *Беневский В. Д.* Херувимская песнь (№ 6): Киев. лаврского расп. // *Он же*. Духовно-муз. соч.: Для смеш. хора. М.: Юргенсон, 1896. № 20; *Компанейский Н. И.* Херувимская песнь (№ 2): Киево-Печерского расп.: М.: Юргенсон, 1900; Многолетие: Напева Киево-Печерской лавры // Сборник духовно-муз. произведений / Сост. В. Г. Петрушевский. М.: [изд. ж. РукСП, литогр. В. Гроссе], 1901. № 14; «Блажен муж», Прокимны вечерни (дневные), Полнелей, Славословие великое: (Киево-Печерской лавры) // Церковно-певческий сб. СПб., 1903. Т. 1. Отд. 1. № 8, 26, 45, 66; *Смирнов И. И.* «Во царствии Твоем», «Святы Боже», Прокимны: Гласы 1–8, «Аллилуйя»: Гласы 1–8: (Киево-Печерской лавры) // Там же. 1904. Т. 2. Ч. 1. № 15, 35, 48, 55; *он же*. «Чертог Твой», «Вечери Твоя тайная»: (Киево-Печерской лавры) // Там же. 1904. Т. 3. Ч. 2. № 41, 83; «Разбойника благоразумного»: (Киево-Печерской лавры) // Там же. № 109; «Един Свят»: Киево-Печерской лавры // Там же. 1911. Т. 2. Ч. 2. № 77; *Петрушевский В. Г.* «В молитвах неуспяющую»: (Напева Киево-Печерской лавры) // Церковные песнопения. К.: [Изд. ж. РукСП, типолитогр. И. И. Чоколова], 1907. Вып. 1. № 1; *Иадор (Ткаченко)*, *иером.* «Разбойника благоразумного»: (Напева Киево-Печерской лавры) // Там же. № 7; *он же*. «Чертог Твой», «Вечери Твоя тайная»: (Напева Киево-Печерской лавры) // Там же. 1909. Вып. 2. № 4, 5; *Вишневецкий А. И.* Херувимская песнь: (Сокр. напева Киево-Печерской лавры) // Там же. № 3; Нотный Обиход Киево-Печерской лавры. К.: [Тип. КПЛ], 1910, 2002^а. М.: Живоносный Источник, 2001. Ч. 1: Всенощное бдение; К., 1910, 2008^а. М.: Живоносный Источник, 2001, 2006. Ч. 2: Литургия св. Иоанна Златоуста и Василия Великаго; К., 1912, 1913^а. Ч. 3: Дванадцатые праздники; 1915, 2008^а. М.: Рос. муз. изд-во, 1996^а. М.: Живоносный Источник, 1999. Ч. 4: Пение во св. Четырдесятницу и Страстную седмицу; М.: Живоносный Источник, 2002. Ч. 5: Цветная Триодь / Сост. и ред.: игум. Спиридон (Письменный); К.: Св.-Троицкий Ионинский мон-рь, 2008. Ч. 6: Ирмологий: В 2 вып. / Сост. и ред.: игум. Спиридон (Письменный); *Нафанаил (Бачкало)*, *иером.* Херувимская песнь: Киево-Печерская: Для 4-голосных однородных муж. и жен. хоров. М., 1911; *он же*. «На реках Вавилонских»: (Киевской лавры) // *Он же*. Духовно-муз. соч. и переложения. М.: [изд. авт.], 1912. № 21; Ирмосы канонов Пресв. Богородице: Глас 4: На Введение, Благовещение, Успение и Вознесение // Ирмологий. М.: Изд. МП, 1983. Ч. 3: Нотное приложение. С. 137–147; Ирмосы на дванадцатые праздники: На Рождество Пресв. Богородицы: Ирмосы 1-го

канона: Глас 2, Ирмосы 2-го канона: Глас 8 // Там же. С. 184–189, 200–207; [Ирмосы] на Воздвижение Честного Креста: Глас 8 // Там же. С. 208–217; [Ирмосы] в Неделю вайи: Глас 4-й // Там же. С. 311–318; На Успение Пресв. Богородицы: Ирмосы 1-го канона: Глас 1-й // Там же. С. 358–364.

Лит.: *Соловьев Д.* Рец. на изд.: Малашкин А. Д. По напеву Киево-Печерской лавры круг церк. песнопений, положенных для хора // ПрибЦВед. 1891. № 45. С. 1608–1609; *Веймарн П.* Несколько слов о церк. музыке: По поводу нового соч.: Всенощное бдение по напеву Киево-Печерския лавры. Перелож. иером. Парфения; положено на 4 голоса // РМГ. 1896. Июнь. Стб. 627–640; *Вознесенский И., прот.* Церковное пение православной Юго-Зап. Руси по Ирмологам XVII и XVIII вв.: Вып. 2: Сравнительное обозрение церковных песнопений и напевов старой Юго-Зап. Руси по Ирмологам XVII и XVIII вв., Ирмологу Г. Головни 1752 г., московским синодальным изданиям и гармоническим переложениям Л. Д. Малашкина. М.; Лпц., 1898; *Лисицын М., свящ.* Еще о пении в Киево-Печерской лавре // РМГ. 1903. № 37. Стб. 834–839; *он же*. Я. С. Калишевский и его хор // Музыка и пение. 1903. № 3. С. 1; *он же*. Упадок киево-печерского распева // Совр. театр и музыка. 1903. № 13; *он же*. Имеющему уши... (Ответ г. В. П.) // РМГ. 1904. № 8. Стб. 208–209; № 9. Стб. 235–237; В. П. [Петр В. И.]. О современном состоянии церк. пения в Киево-Печерской лавре // РМГ. 1903. № 27/28. Стб. 631–642 [Ответ на ст. свящ. М. Лисицына «Упадок киево-печерского распева»]; № 45. Стб. 1087–1092 [возражение Лисицыну]; *Компанейский Н. И.* Лаврская херувимская песнь // Музыка и пение. 1906. № 1–2; *Иадор (Ткаченко)*, *иером.* История киево-печерского лаврского распева // РМГ. 1907. № 3. Стб. 99–102; *Дзбановский О.* Минуте музыкальной культуры на Україні // Червоный шлях. Х., 1927. № 11. С. 243–251; *Никодимов И. Н.* Воспоминание о Киево-Печерской лавре (1918–1943). Мюнхен, 1960. К., 1999², 2005³; *Чайковский П. И.* Письмо к Н. Ф. фон Мекк от 8 нояб. 1881 г. // *Он же*. ПСС. Лит. произв. М., 1966. Т. 10. С. 265; *Конотоп А. В.* Структура Супрасльского Ирмологикона 1598–1601 гг., древнейшего памятника укр. нотолинейного письма // МААС. 1975. Т. 4. С. 521–533; *Заболотная Н. В.* 3 истории Киево-Печерского напева // 3 истории украинской музыкальной культуры. К., 1991. С. 75–85; *Шамаева К.* 3 музыкального побуту Киево-Печерской лавры // Київська старовина. 1992. № 2. С. 77–84; *она же (Шамаева К. И.)*. Из истории церковного пения в Киево-Печерской лавре // Наук. вісник НМАУ. К., 2007. Вып. 61: Старовинна музика: сучасний погляд. Кн. 3. С. 88–110; *Любимов Н. М.* Неувядаемый цвет: Главы из кн. воспоминаний // Москва: Ж. 1993. № 6. С. 82–106; *Петр (Спасский)*, *инок.* Песнопения Киево-Печерской лавры // Православная жизнь: (Прил. к ж. «Православная Русь»). 1995. № 12. С. 10–19; *он же*. Песнопения Киево-Печерской лавры // Рус. инок. Джорданвилль, 2005. Сент. № 37 (200); *Ясиновский Ю.* Украинські та білоруські нотолінійні Ирмологі XVI–XVIII ст.: Кат. Львів, 1996; *Болгарський Д.* Тема покаяння у музичному обиході Києво-Печерської лаври // Духовний світ бароко: 36. ст. / НМАУ. К., 1997. С. 83–87; *он же*. Киево-Печерский распев как отражение личности // Наук. вісник НМАУ. 2001. Вып. 15: Православна монодія: її богословська, літургічна та естетична сутність. С. 21–32;

он же (Болгарский Д. А.). Киево-Печерский распев как церковно-певческий феномен украинской культуры: Канд. дис. К., 2002; *он же*. История Киево-Печерского розпіву XI–XII ст. // Наук. вісник НМАУ. 2002. Вып. 16: Культурологічні проблеми української музики: Наукові дискусії пам'яті акад. І. Ф. Ляшенка. С. 249–262; *он же*. Киево-печерский распев в контексте мистерии храмового действа // Там же. 2003. Вып. 24: Старовинна музика: сучасний погляд. Кн. 1. С. 98–108; *Резниченко Е. Б.* Пение на подoben по обиходу Киево-Печерской лавры // ЕжБК. 1998. С. 357–360; *Городецкая Н. В.* О различных подходах к гармонизации Херувимской песни в партесных композициях сер. XVII – нач. XVIII в.: На мат-ле рукописи ГИМ, Син. певч. № 657 // Гимнология. М., 2000. Вып. 1. Кн. 2. С. 416–428; *Верхняцкая Н.* Распев Киево-Печерской лавры: устная и письменная традиции и их взаимодействие в XIX–XX вв. // Наук. вісник НМАУ. 2003. Вып. 24: Старовинна музика: сучасний погляд. Кн. 1. С. 108–117; *Стиридон (Письменный)*, *игум.* Распев Киево-Печерской лавры (к вопросу о выделении в распев лаврских напевов) // Регентское дело. К., 2004. № 8. С. 51–53; *он же*. Несколько слов об истории Киево-Печерского лаврского распева // Там же. 2005. № 1. С. 14–23; *Зинченко В. О.* Принципи фіксації фітних розпівів в українських нотолінійних Ирмологіях кін. XVI–XVIII ст. // Наук. вісник НМАУ. 2006. Вып. 41: Старовинна музика: сучасний погляд. Кн. 2. С. 136–150; *Прилепа О. П.* Семантичне поле «поспівкового словника» Киево-Печерського Ирмологіону // Там же. 2006. Вып. 60: Теоретичні та практичні аспекти музичного смислоутворення. С. 175–179; *она же*. Исторично усталені форми поспівок у Киево-Печерській традиції // Там же. 2008. Вып. 78: Мистецтвознавчі пошуки: 36. наук. ст. та есе, присвячений ювілею Н. О. Герасимової-Персидської. С. 161–171; *она же*. Функции музыкального текста в воплощении канонического текста Богородичных песнопений в традиции богослужебного пения Киево-Печерской лавры (по источникам кон. XVI – нач. XIX ст.): Канд. дис. К., 2011; *Кожан О.* Функции неизменяемых песнопений в циклизации всенощного бдения // Наук. вісник НМАУ. 2008. Вып. 76: Наукова думка молодих: 36. ст. Кн. 2. С. 134–143; *она же*. Факторы интонационной однородности Киево-Печерского распева // Там же. 2012. Вып. 99: Музичне мистецтво: сучасні аспекти дослідження: 36. ст. С. 101–120; *Костюк Н. О.* Киево-Печерська Лавра // Українська музична енциклопедія. К., 2008. Т. 2. С. 365–368; *Пархоменко Л. О.* Калишевский Я. С. // Там же. 2011. Т. 2. С. 293; *Шевчук О. Ю.* Киево-Печерский напев // Там же. С. 368–369.

Дискогр.: Изд. Киево-Печерской лавры: Братский хор Киево-Печерской лавры под упр. уставици, игум. Флавиана (Приходько): Великая ектения, «Блажен муж», «Благообразный Иосиф», «Ангел вопияше»: (Запись 1910 г.) // Записи старинных церк. хоров / RSKPL 027: Компакт-диск. (Сокровищница правосл. духовной музыки из архивного собр. Киево-Печерской лавры); Песнопения Киево-Печерской лавры в исполнении хора КДАиС под упр. диак. Дмитрия Болгарского: Всенощное бдение / RSKPL 012: Компакт-диск; Божественная литургия / RSKPL 013/1-013/2: 2 компакт-диска; Акафист Успению Пречистыя Владычицы Богородицы и Прис-

нодевы Марии: Хор Киево-Печерской лавры под упр. диак. Дмитрия Болгарского / RSKPL 014/1-014/2: 2 компакт-диска; Великий пост: Песнопения Киево-Печерской лавры: Хор Свято-Троицкого Ионинского мон-ря под упр. диак. Дмитрия Болгарского / RSKPL 021: Компакт-диск.

Протодиак. Дмитрий Болгарский

КИЕВО-ПЕЧЕРСКИЙ ПАТЕРИК, первый оригинальный памятник патерикового жанра в древнерус. книжности, основная часть которого была создана в 1-й трети XIII в., включает повествования о насельниках Киево-Печерского мон-ря

Прп. Нестор, летописец Печерский. Гравюра Л. Тарасевича. Патерик, или Отечник, Печерский. К., 1702. Дек. Л. 257 об. (РГБ)

(см. *Киево-Печерская лавра*), о событиях из истории обители, произведения др. жанров. Первые рассказы о Киево-Печерском монастыре и его подвижниках (преподобных *Дамиана*, *Иеремии*, *Матфее*, *Исаакии*) находим в созданном прп. *Нестором* Житии прп. *Феодосия* Печерского (кон. XI — нач. XII в.) и в «*Повести временных лет*» (нач. XII в., далее ПВЛ) (рассказ помещен под 1074), но именно благодаря К.-П. п. известно о внутренней жизни первого рус. мон-ря, основанного в отличие от княжеских ктиторских мон-рей более раннего времени постриженником *Афона* — прп. *Антонием* Печерским. К.-П. п. был популярным чтением в Др. Руси, сохранился во мн. рукописях; его традициям следовали в XVI в. составители *Иосифо-Волоколамского патерика*.

Патерики (греч. *πατερικόν* — отечник) пришли в древнерусскую книж-

ность в болг. переводах в XI в., когда на Руси познакомились с «*Лавсаиком*» — переводом творения *Палладия*, еп. Еленопольского, *Синайским патериком*, основанным на «*Луге духовном*» («*Лимонис*», «*Лимонарь*») *Иоанна Мосха* (позже появились новые переводы и редакции этого памятника, где новеллы располагались тематически (по добродетелям) или по алфавиту (напр., *Азбучно-Иерусалимский патерик*)).

Историческое ядро памятника. Начало К.-П. п. было положено посланием *Владимира-Суздальского* еп. свт. *Симона* († 22 мая 1226), постриженника Киево-Печерского монастыря, к своему духовному сыну — молодому иноку этой обители *Поликарпу*, позднее продолжившему

Свт. Симон, еп. Владимирский и Суздальский. Патерик, или Отечник, Печерский. К., 1661. Л. 276 об. (РГБ)

агиографический труд своего наставника. Оба автора К.-П. п. были людьми начитанными в греч. патристической лит-ре, греч. и рус. агиографии, рус. летописях и др. Созданные ими тексты дают основание полагать, что они использовали ряд рус. произведений: *Житие* прп. *Феодосия* Печерского, несохранившееся *Житие* прп. *Антония* Печерского, ПВЛ, монастырский синодик, древний Ростовский летописец.

Свт. Симон приступил к своему труду ради наставления *Поликарпа*, отвечая на послание последнего, в котором *Поликарп* выражал недовольство жизнью в Киево-Печерском мон-ре. Эпистолярная часть послания свт. *Симона* представляет собой поучение, к-рое в новеллисти-

ческой части подкрепляется рассказами о добродетельных и греховных поступках печерских монахов, сохранившимися в монастырском предании. Дидактические обращения

Прп. Поликарп, архим. Печерский. Гравюра Л. Тарасевича. Патерик, или Отечник, Печерский. К., 1702. Л. 265 (РГБ)

к *Поликарпу* присутствуют не только во вступлении, но и в заключительной части каждой новеллы. Сочинение еп. *Симона* соответствует традиции патериков, которым свойственны 2 жанровые модели: поучение и патериковая новелла; повторяется и такая черта греч. патериков, как «парность» составителей («*Лавсаик*» обращен к знатному и добродетельному мужу *Лавсу*, являвшемуся заказчиком сочинения; «*Луг духовный*» создавался *Иоанном Мосхом* по впечатлениям его путешествия вместе с учеником *Софонием* по знаменитым монастырям и др.).

Перефразируя «*Паренесис*» прп. *Ефрема Сирина*, свт. *Симон* укоряет *Поликарпа* за «высокоумие», роптание на игумена, стремление к власти, желание покинуть мон-рь, не подобающие монаху. Святитель призывает своего духовного сына к смиренному участию в жизни монастыря и в братском богослужении, обличает его пренебрежение уставом. Общежительный *Студийский устав* был введен в обители прп. *Феодосием Печерским*, но в дальнейшем от него были отступления, о чем свидетельствуют многие сюжеты патерика. Для свт. *Симона* неоспорима

ценность монастырского общего жития. Он утверждает, что ни чтение Псалтыри, ни пение псалмов в келье не стоят одного возгласа «Господи, помилуй» на братском богослужении. Святитель пишет о значимости общей трапезы: братская пища создается от «божественного огня», и он сам, Симон, находясь вдали от обители, отдал бы все яства за «единую крупицу» обеда, приготовленного в мон-ре для братии.

Симон порицает Поликарпа за желание уйти из Печерской обители, чтобы принять игуменский или епископский сан, и пишет, что был бы счастлив вернуться в мон-рь и быть в нем погребенным. Епископ приводит неск. примеров в подтверждение своих слов об особой благодатности пребывания и погребения в Печерской обители. Первым в послании приведен рассказ о явлении прп. *Онисифору* Прозорливцу прп. *Антония* Печерского, который сказал о недопустимости погребения в монастырской пещере грешника, но затем простил его, потому что «положенные сде всяк помилован будет, аще и грешен будет» (Древнерус. патерики. 1999. С. 23). Еп. Симон пишет о прп. *Афанасии Затворнике* Киево-Печерском, который после бывшего ему видения призывал братию молиться, «да скончается сде и со святыми отци погребени быти в пещере» (Там же. С. 27). Рассказы о преподобных *Еразме* и *Арефе Затворнике* посвящены прославлению нестяжательности, при этом свт. Симон похвалил Поликарпа за щедрость, напомнив, что стараниями последнего сооружены две двери в монастырском храме. Следующее наставление касается необходимости со смирением переносить укоризну и не поддаваться гневу, этой же теме посвящено повествование о поссорившихся монахах прп. *Тите* и *Евагрии*. В повести о прп. *Николае Святоше* рассказывается о подвижнической жизни в Киево-Печерском мон-ре представителя черниговского княжеского дома *Святослава Давидовича*, принявшего постриг несмотря на отговоры братьев, и удостоившегося за смирение дара исцеления. Завершается послание свт. Симона рассказами о подвигах преподобномучеников *Евстратия* и *Никона* Печерских.

Предания о чудотворениях, сопровождавших строительство Успенского собора в Киево-Печерском мон-ре,

«Венец Пресвятой Богородицы». Патерик, или Отечник, Печерский. К., 1661 (РГБ)

стали складываться в XI в., что отразилось в Житии прп. *Феодосия* и в несохранившемся Житии прп. *Антония*. Однако именно в К.-П. п. в «Слове о создании церкви Печерской» свт. Симона подробно рассказано о чудесах и знамениях, к-рые сопутствовали возведению, росписи и освящению каменного Успенского собора. Строительство храма было связано с представителями соседних с Русью народов: с варягом *Симоном*, пожертвовавшим золотые венец и пояс (пояс стал мерой при возведении храма), и греками — приглашенными в Киев зодчими и живописцами (см. *Двенадцать греков*, преподобных, Киево-Печерских), что придает монастырским событиям международный масштаб. В ходе работы текст свт. Симона из нравоучительного послания Поликарпу стал трудом, написанным «для всех». Это ясно из вступительной фразы «Слова о создании церкви Печерской» в старшем списке К.-П. п.: «Приидоу же на другая сказания, оуведят вси, яко Самого Господа промыслом и волею, Того Пречистыя Матере молитвою и хотением создася и свершися боголепная и великая церькы святыя Богородица Печерьская» (РНБ. Q.п.1.31. Л. 1256–в, 1406 г.).

Вторая часть К.-П. п. принадлежит перу инок Киево-Печерской обители Поликарпа, корреспондента свт. Симона, по-видимому, создавшего свое произведение после кончины своего духовного отца. Поликарп стремился следовать форме

текстов свт. Симона, но излагал дидактические наставления только в предисловиях. Инок предварил сказания о черноризцах посланием к игум. Киево-Печерского мон-ря прп. *Акиндину*. Поликарп пишет, что игумен «некогда» просил его рассказать о прежде живших печерских иноках, но Поликарп в беседе смог сообщить лишь «мало нечто», поэтому он решил записать известные ему от свт. Симона «дивных и блаженных муж жития, и деяния, и знамения» (Древнерус. патерики. 1999. С. 36). Во вступлении к повести о прп. *Марке* Печернике Поликарп говорит, что подражает составителям древних патериков.

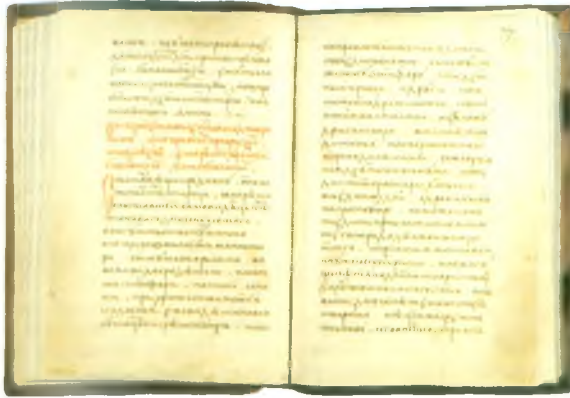
В отличие от свт. Симона Поликарп адресует свой труд в первую очередь монахам («да и сущии по нас черноризци уведят благодать Божию, бывшую в святем сем месте» — Там же) и значительное внимание уделяет правильному выбору пути монашеского делания. Мн. написанные Поликарпом повести посвящены опасностям подвига затворничества и необходимости прохождение в начале монашеского пути послушания в общем монастырском житии. Поликарп рассказал о тяжелых искушениях, к-рым подверглись самовольно ушедшие в затвор прп. *Исаакий* и *Никита* (впосл. еп. Новгородский, святитель). Печерские «святые отцы оти нудь не повелеша» затвориться *Лаврентию* (впосл. еп. Туровский, святитель), который осуществил свое желание лишь в др. мон-ре. Поликарп рассказывает о единственном случае, когда подвиг затворничества увенчался победой над страстями: прп. *Иоанн* «себе отлучив на Божию волю и Того заповеди непорочно сохранив, в чистоте же соблюдо тело свое и душу, кроме всякоа скверны плотския и душевныя» (Там же. С. 46).

В ряде повестей Поликарп обличает недостойные действия одержимых наживой или жестоких князей, к-рые преследуют духовных лиц и подвергают их насилию. Бог карает князей за их действия и прощает тех, кто покаялся. Как высшие образцы добродетели представлены Поликарпом печерские монахи — бескорыстные неустанные труженики преподобные: иконописец *Алипий*, лекарь *Агапит*, *Прохор*, надеющийся в голодные годы людей хлебом и солью, *Марк* Печерник. В по-

вестях К.-П. п. обычно изложены один или неск. эпизодов из жизни насельников обители. Глава об иконописце Алипии (отсутствует в Арсениевской редакции К.-П. п.) выделяется среди др. новелл, поскольку в ней изложен почти весь жизненный путь инока. Это связано с тем, что Алипий оказался в мон-ре мальчиком: родители отдали его учиться иконописи у расписывавших Успенский собор греч. изографов.

Редакции К.-П. п. Памятник существует в ряде редакций. Наиболее ранним списком представлена Арсениевская редакция — РНБ. Q.п.131,

*Киево-Печерский патерик
(Арсениевская редакция).
Список. Нач. XV в.
(РНБ. Q.п.131. 1406 г.)*

1406 г. Она получила название по имени выходца из Киево-Печерской обители Тверского еп. свт. *Арсения*, «замышлением» которого она была создана в Твери в самом нач. XV в. для насельников основанного свт. Арсением *Жёлтикова в честь Успения Пресв. Богородицы муж. мон-ря* (обитель была создана по образцу Киево-Печерского монастыря, в ней имелся храм во имя преподобных Антония и Феодосия Печерских). Свт. Арсений дополнил древнейшую часть памятника Житием прп. Феодосия Печерского, службой ему и Похвалой. Особенностью Арсениевской редакции является отсутствие эпистолярной части в посланиях свт. Симона и Поликарпа. Служба прп. Феодосию содержится в древнейшей рукописи данной редакции; в дальнейшем сборник, составленный «замышлением» свт. Арсения, переписывался и распространялся вне Жёлтикова мон-ря как четий, без службы прп. Феодосию.

Во 2-й четв. XV в. была создана Феодосиевская редакция памятника, о составителе к-рой кроме имени, приведенного в тексте, ничего не известно. В данной редакции К.-П. п., так же как и в Арсениевской, опущены, хотя и непоследовательно, лич-

ные обращения Симона и Поликарпа (Феодосий в ряде случаев изменил обращения Поликарпа к игум. Акиндину на обращения ко «всем христолюбцам»), а также др. фрагменты. Сокращению не подверглось начало послания свт. Симона (до той части, где говорится о желании Поликарпа получить игуменство или епископство). В данной редакции добавлены разделы, напрямую не связанные с историей Киево-Печерского мон-ря: о равноап. кнг. *Ольге*, равноап. кн. *Владимире (Василии) Святославиче*, св. кн. *Михаиле Всеволодовиче* Черниговском. По-видимому, повествования о крещении равноапостольных Ольги и Владимира заимствованы из

ПВЛ. Две названные редакции сближает древность языка, свидетельствующая о том, что от времени составления по-

вествовательного ядра до создания данных редакций памятник едва ли испытывал существенные изменения.

Древний протограф во многом отразился в Основной редакции К.-П. п., датировка к-рой вызывает споры, поскольку ранние ее списки неизвестны (редакция представлена в рукописях начиная с рубежа XV и XVI вв.), и она не сохранилась в первоначальном виде (списки отличаются по составу и композиции). Ядро Основной редакции состоит из произведений свт. Симона и Поликарпа, а также летописного по своему происхождению «Сказания о первых черноризцах печерских»; в разных списках Основной редакции древнейшая часть дополнена Житием прп. Феодосия, Похвалой святому, летописным по происхождению «Сказанием, чего ради прозвался Печерский монастырь» и др. текстами. В Основной редакции наиболее полно сохранены эпистолярные части сочинений Симона и Поликарпа.

Три ранние редакции (Арсениевская, Феодосиевская и Основная) не восходят друг к другу. В Арсениевской редакции сохранен первоначальный порядок глав. Об этом сви-

детельствует первая фраза в «Слове о создании церкви Печерской» свт. Симона, к-рое в указанной редакции начинается так: «Прииду же и на другая сказания». Очевидно, что так может начинаться повествование, к-рому предшествовал некий рассказ того же автора. Составитель Основной редакции переставил «Слово...» на первое место — до сказаний о печерских подвижниках и опустил эти слова.

В кон. 50-х — нач. 60-х гг. XV в. в Киево-Печерском мон-ре были созданы 2 Кассиановские редакции К.-П. п. Время составления Кассиановской 1-й редакции приведено в тексте — 1460 г. с указанием, что она создана «повелением инока Кассиана, крилошанина печерьскаго». В подобной приписке в Кассиановской 2-й редакции, составленной в 1462 г. по поручению митрополитичего наместника Акакия, Кассиан назван уже уставщиком. В Кассиановских редакциях К.-П. п. историю обители дополняют новые тексты, в основном летописного происхождения. Таковы повествования о перенесении мощей прп. Феодосия, о пострижении кн. прп. Николая Святоши, о внесении имени прп. Феодосия в синодик, о свт. *Нифонте* Новгородском, о преставлении архим. прп. *Поликарпа* и поставлении попá Василия (обе редакции), «Вопрос благоверного князя Изяслава о латынях» (Кассиановская 2-я редакция) и др. 2-я Кассиановская редакция отличается от 1-й систематизацией материала и расположением его в хронологическом порядке. В обеих названных версиях К.-П. п., как и в Основной редакции, сохранены полные тексты посланий Симона и Поликарпа. В обеих Кассиановских редакциях можно отметить появление имени Нестора в заглавии «Сказания, чего ради прозвался Печерский монастырь» и в повествовании о перенесении мощей прп. Феодосия.

В 1635 г. по благословению Киевского митр. свт. *Петра (Могила)* еп. *Сильвестр (Косов)* (пострижник Киево-Печерского мон-ря, буд. Киевский митрополит) в типографии Киево-Печерского монастыря издал К.-П. п. на польск. языке (*Paterikon, albo Żywoty ss. ojców Pieczerskich*). Основываясь на Кассиановской 2-й редакции, составитель перекомпоновал памятник, выстроив его по сюжетно-тематическому принципу,

и дополнил жизнеописаниями авторов сказаний — прп. Нестора Летописца, свт. Симона и Поликарпа. 40–50-ми гг. XVII в. датируется редакция К.-П. п., созданная архим.

Титульный лист.
Гравюра иером. Или. Патерик, или
Отечник, Печерский. К., 1661 (РГБ)

Киево-Печерского мон-ря *Иосифом (Тризно́й)*, она сохранилась в единственном списке. В этой редакции К.-П. п. дополнен извлечениями из Тверского сборника, Ипатьевской и Никоновской летописей. На основе указанных редакций XVII в. в 1661 г. в Киеве по инициативе архим. Киево-Печерского мон-ря *Иннокентия (Гизеля)* было подготовлено новое издание патерика, с иллюстрациями. Здесь были устранены мн. тексты, не имеющие отношения к истории обители, которыми оброс патерик в процессе своего бытования. Вместе с тем расположение глав не вернулось ни к первоначальному, ни к хронологическому. Соблюдая последовательность текстов по авторам, составитель сначала поместил произведения, связанные с Нестором, затем сказания Поликарпа и свт. Симона, в самом конце приведены эпистолярные разделы посланий последних авторов. Перешли в эту редакцию и жития Нестора, Симона и Поликарпа из редакции Сильвестра (Косова). Издание 1661 г. было перепечатано почти без изменений в 1678 г., затем в 1792 г. — с заменой иллюстраций.

К истории текста К.-П. п. ученые обратились в XIX в. А. М. Кубарев выделил 3 рукописные (по числу известных ему списков) и одну печат-

ную (К., 1661) редакции. Митр. *Макарий (Булгаков)* назвал 10 редакций, особенно отметил лит. достоинства печатной редакции 1661 г., в к-рой повествования о подвижниках, по его мнению, были приведены в строгое соответствие с церковной нормой; церковному историку было известно 28 списков памятника. А. А. *Шахматов* и Д. И. *Абрамович* обосновали представление о 2 древнейших редакциях памятника: Основной и Арсениевской. Шахматов пришел к выводу, что Арсениевская редакция возникла независимо от Основной. Абрамович считал, что составитель Арсениевской редакции К.-П. п. использовал Основную редакцию, дополнив ее рядом текстов и сделав нек-рые сокращения. В 1969 г. Р. Поп выразил сомнение в раннем происхождении Основной редакции, основываясь на данных языка и на датировке списков. Л. А. Ольшевская вернулась к концепции Абрамовича, утверждая, что развитие памятника шло линейно: от Основной редакции через Арсениевскую и Феодосиевскую к Кассиановским редакциям. Исследование Е. Л. Конявской показало, что более ранние, чем в Основной редакции, чтения, порядок следования глав и состав статей обнаруживаются в Арсениевской редакции; получила подтверждение концепция Шахматова о независимом друг от друга возникновении Арсениевской и Основной редакций.

Изд.: Патерик Киево-Печерского мон-ря / Ред.: Д. И. Абрамович. СПб., 1911; *Абрамович Д. И.* Киево-Печерский патерик. К., 1930; БЛДР. 1997. Т. 4. С. 296–495; Древнерус. патерик: Киево-Печерский патерик. Волоколамский патерик / Изд. подгот.: Л. А. Ольшевская, С. Н. Травников. М., 1999.

Лит.: *Тимковский Р. Ф.* Краткое исследование о патерике прп. Нестора, летописца русского // Зап. и труды ОИДР. 1815. Ч. 1. С. 53–74; *Кубарев А. М.* Описание харатейного списка Патерика Печерского // ЧОИДР. 1847. № 9. С. 23–30; он же. О редакциях Патерика Печерского вообще // Там же. 1858. Кн. 3. С. 95–128; *Макарий (Булгаков), еп.* Обзор редакций Киево-Печерского патерика, преимущественно древних // ИОРЯС. 1856. Т. 5. Вып. 3. Стб. 129–167; *Викторова М. А.* Составители Киево-Печерского патерика и позднейшая его судьба. Воронеж, 1871; *Яковлев В. А.* Древнекиевские религиозные сказания. Варшава, 1875; *Шахматов А. А.* Киево-Печерский патерик и Печерская летопись // ИОРЯС. 1897. Т. 2. Кн. 3. С. 795–844; он же. Житие Антония и Печерская летопись // ЖМНП. 1898. Ч. 313. № 3. Отд. 2. С. 105–149; *Голубев С. Т.* Киевский митр. Петр Могила и его сподвижники. К., 1898. Т. 2. С. 293–309; *Абрамович Д. И.* Исследование о Киево-Печерском патерике как ист.-лит. памятнике. СПб., 1902; История рус. лит-ры / Ред.: А. С. Орлов и др. М.; Л., 1941. Т. 1. С. 338–346; *Воронин Н. Н.* Полити-

ческая легенда в Киево-Печерском патерике // ТОДРЛ. 1955. Т. 11. С. 96–102; *Еремин И. П.* Киево-Печерский патерик // Худож. проза Киевской Руси XI–XIII вв. М., 1957. С. 317–326; *Перетц В. Н.* Киево-Печерский патерик в польском и укр. переводе // Славянская филология: IV Междунар. съезд славистов: Сб. ст. М., 1958. Сб. 3. С. 174–188; *Дуйчев И.* Эпизод из Киево-Печерского патерика // ТОДРЛ. 1969. Т. 24. С. 89–92; *Поп Р.* Древнейший отрывок Послания Симона Поликарпу // Там же. С. 93–100; *Bubner F.* Das Kiever Patetikon: Eine Untersuchung zu seiner Struktur und den literarischen Quellen: Diss. Augsburg, 1969; *Адрианова-Перетц В. П.* Сюжетное повествование в житийных памятниках XI–XIII вв. // Истоки рус. беллетристики. Л., 1970. С. 101–107; *Ольшевская Л. А.* Киево-Печерский патерик: АКД. М., 1979; она же. Патерик Киево-Печерский // СККДР. 1987. Вып. 1. С. 308–313; *Кусков В. В.* Жанровое своеобразие Киево-Печерского патерика // Методология литературоведческих исслед.: Ст. о рус. лит-ре. Прага, 1982. С. 38–47; *Конявская Е. Л.* Арсениевская редакция Киево-Печерского патерика // ВМУ: Филол. 1983. № 2. С. 3–11; она же. Нравственное значение Киево-Печерского патерика в древнерус. культуре XV в. // ГДРЛ. 1992. Сб. 3. С. 288–312; она же. Авторское самосознание создателей Киево-Печерского патерика // Филол. науки. 2000. № 4. С. 86–93; она же. Арсениевская редакция Киево-Печерского патерика и Тверской Жёлтиков мон-рь // ДРВМ. 2005. № 3(21). С. 41–42; она же. Древнейшие редакции Киево-Печерского патерика // Там же. 2006. № 1(23). С. 32–45; она же. Греческая тема в Киево-Печерском патерике // Проблемы филологии: Язык и лит-ра. 2010. № 2. С. 85–92; *Башлыкова М. Е.* К вопросу о почитании святых подвижников, на основе текстов Киево-Печерского патерика // Макарьевские чт. 2000. Вып. 7. С. 381–389; она же. Топика житий в Киево-Печерском патерике редакции 1661 г.: АКД. М., 2008; она же. О некоторых особенностях структуры житий святых в составе Киево-Печерского патерика // ГДРЛ. 2010. Сб. 14. С. 690–707; *Alberts P.* Die Gedruckten Ausgaben des Vaterbuches des Kiewer Hohlenklosters im 17. Jh. // ДРВМ. 2001. № 2(4). С. 1–14; *Ранчин А. М.* Из наблюдений над пространственной структурой в сказаниях Киево-Печерского патерика // ГДРЛ. 2004. Сб. 11. С. 367–379; *Кошелева Н. В.* Киево-Печерский патерик: Библиогр. указ., 1661–2008 гг. Екатеринбург, 2009 [Библиогр.]; *Поплз А.* Студиты на Руси: Истоки и начальная история Киево-Печерского мон-ря. К., 2011.

Е. Л. Конявская

Иллюстрации к сюжетам К.-П. п. появляются в 1-м издании на церковнослав. языке, напечатанном в типографии Киево-Печерского монастыря в 1661 г. Это были гравюры на дереве — ксилографии, в большинстве созданные лаврским мон. Илией и др. мастерами, известные им по именам или монограммам: Прокопий, КР, КП. Гравюры, имеющие подпись мастера Или, нередко включали даты, к-рые позволяют определить период их создания 1652–1660 гг., в основном это 1656 г. Мастер Илиа, инок сначала Львовского Онуфриевского, а затем Киево-Печерского мон-ря, к моменту созда-

ния гравюр имел уже большой опыт работы и заслуженную славу мастера (в 1645–1649 он создал 133 гравюры для лицевой Библии, ориентируясь на Библию Пискагора).

На титульном листе К.-П. п., изданного в 1661 г., помещено изображение Киево-Печерского мон-ря с про-

Прп. Антоний.
Гравюра иером. Или. Патерик,
или Отечник, Печерский. К., 1661.
Л. 1 об. (РГБ)

израстающей из его пещер виноградной лозой с образами святых, символизирующей происхождение печерской святости. На обороте титульного листа — гравюра. Далее следуют «Успение Пресв. Богородицы, с предстоящими преподобными Антонием и Феодосием». В К.-П. п. включены также изображения «Покров Божией Матери над обителью», Российского герба, более 40 иллюстраций к житиям и сказаниям, входящим в состав патерика, планы Антониевых и Феодосиевых пещер и в конце книги — композиция «Венец Пресвятой Богородицы».

К моменту появления издания К.-П. п. 1661 г. иконографический канон был разработан только для изображений преподобных Антония и Феодосия. Иконография др. печерских святых создавалась гравюрами в процессе работы, и позже сюжеты появившихся гравюр почти без изменений повторялись в изданиях патерика более 2 столетий. Часть гравюр представляет собой ростовые фронтальные изображения печерских преподобных; другие построены по принципу житийных икон: в центре помещено крупное изображение святого, обычно фрон-

Чудо на Пасху.
Патерик, или Отечник, Печерский.
К., 1661. Л. 286 об. (РГБ)

тальное, по сторонам и внизу или только в нижней части — сцены из его жития. На гравюре, предваряющей Житие прп. Антония, в клеймах даны сюжеты в след. порядке: пострижение прп. Антония на Св. Горе Афон, молитвенные подвиги святого в пещере, приход в Киев (1661. Л. 1 об.).

Патерик с 1-й серией гравюр переиздавался в 1678 г. и в июне 1702 г. В дек. 1702 г. типография Киево-Печерского мон-ря выпустила новое из-

Чудо на Пасху.
Патерик, или Отечник, Печерский.
К., 1702. Дек. Л. 270 об. (РГБ)

дание Патерика, украшенное мастером Леонтием Тарасевичем. Иллюстрациям Тарасевича, созданным в технике гравюры на меди, свойственно стремление к высокой художествен-

ности, тонкая проработка деталей, разработанный задний план с изображением монастырской жизни (монахи несут воду, ловят рыбу, разговаривают с паломниками). Иногда художник изменяет композиционную трактовку сюжетов, напр., сюжеты боковых клейм «Принесение прп. Ефремом Студийского устава из Константинополя» и «Поставление прп. Ефрема в епископы» перемещены на поле центрального изображения подвижника (1661. Л. 136; 1702. Л. 134). В нек-рых случаях сцены жития дополнены новыми сюжетами. Так, на гравюре с образом прп. Прохора в центре представлены сцены раздачи святым народу хлеба и соли во время голода (1702. Л. 187 об.). Наиболее часто на гравюрах Тарасевича в отличие от гравюр мастера Или изображения развернуты в др. сторону или изменен порядок следования 2 клейм. И лишь в отдельных случаях сокращено количество клейм или изменен сюжет. У мастера Или образ прп. Феодосия окружают клейма со сценами его подвигов в пещере во время Великого поста, разговор со вдовой, просившей его защиты от несправедливого судьи, моление перед кончиной, преставление преподобного, перенесение его мощей в Великую Печерскую церковь (1661. Л. 415). У Тарасевича сохранены сюжеты только 2 клейм — перенесение мощей преподобного и его молитвенные подвиги, которые благодаря подписи: «Подвиг его в ночи и бдение» воспринимаются как обобщенное изображение иноческих молитв. Три изображения связаны с др. эпизодами Жития прп. Феодосия: разговор с матерью, к-рая уговаривает его вернуться домой; получение золота от ангела для покупки пищи для братии; поучение братии перед кончиной (1702. Л. 40 об.). Небольшие сюжетные клейма у обоих мастеров часто расположены с нарушением порядка следования эпизодов Жития святого, что характерно для церковного искусства эпохи барокко. Композиции в гравюрах Тарасевича построены по законам прямой перспективы, гравюры мастера Или следуют иконописной традиции.

Трактовка сюжетов у Тарасевича более конкретна. Так, создавая иллюстрацию к Сказанию об освящении церкви Печерской, мастер Илья изобразил храм, стоящих по сторонам от него преподобных Антония

и Феодосия, и парящего голубя — символ Св. Духа (1661. Л. 118 об.). Тарасевич же представил многолюдный крестный ход на освящение и его конкретный момент, когда все были свидетелями одного из чудес — певчим из пустого храма отвечал ангельский глас (1702. Л. 116 об.). К художественным новшествам изображения следует отнести и то, что некоторые участники шествия представлены со спины. Нередко в гравюрах Тарасевича появляются бытовые детали — предметы утвари, или животные, напр. кот или 2 кролика у ног святого. С особой реалистичностью изображены монахи — молящиеся или сидящие за столом с книгами, как напр., на гравюре с образом прп. Нестора Летописца (1702. Л. 257 об.). В большинстве иллюстраций Тарасевича земля у ног святых украшена дико-

Преподобные
Спиридон и Никодим просфорники.
Патерик, или Отечник, Печерский.
К., 1702. Дек. Л. 217 (РГБ)

винными цветами, заимствованными из западноевроп. гравюр.

В К.-П. п., изданном в дек. 1702 г., новой гравюрой стало изображение «Богоматери Азовской», прославляющей взятие Азова в 1696 г. российскими войсками во главе с Петром I.

Художественное оформление К.-П. п. дек. 1702 г. было образцом для мастеров, трудившихся над украшением последующих изданий. В 1759 г. К.-П. п. был напечатан в Москве, а через год — в Киеве. Для московского издания мастер ПД (Пастухов Дмитрий?) выполнил 26,

вероятно, пробных гравюр на меди — копии из издания дек. 1702 г. Эти гравюры известны лишь в одном экземпляре К.-П. п. (РГБ). Для киевского издания была создана новая серия иллюстраций по образцу гравюр Тарасевича в технике ксилографии. Их мастера известны по подписям под гравюрами: Евагрий, С: I;

Прп. Иоанн Многострадальный.
Патерик, или Отечник, Печерский.
К., 1895. Л. 143 (РГБ)

Филипп Б., Филипп Григ. и др.; полностью было дано только имя гравера Якова Кончаковского. До кон. XVIII в. эта серия гравюр была переиздана 8 раз. Большинство досок использовалось печатниками вплоть до 1872 г. И только для издания К.-П. п.

Киево-Братский мон-рь
и Киевская Духовная
Академия.
Фотография. 1903 г.

1883 г. была выполнена новая серия иллюстраций, с к-рыми патерик был переиздан в 1895 г.

На протяжении XVII–XIX вв. только в лаврской типографии К.-П. п. был переиздан ок. 30 раз. О популярности входивших в его состав гравюр свидетельствует появление отдельного выпуска с 40 гравюрами пе-

черских преподобных, вышедшего в Киеве после июня 1702 г. Среди гравюр этого издания были не вошедшие в состав патерика изображения прп. Илии Муромца, св. мучеников Феодора, Иоанна и др. святых. В XVIII в. наиболее известной стала интерпретация патериковых сюжетов в гравюрах Тарасевича, к-рые издавались отдельно, как эстампы, и на протяжении 2 веков служили образцами для киевских художников.

Лит.: Ровинский Д. А. Подробный словарь рус. гравюров XVI–XIX вв. СПб., 1895; Титов Ф. И., прот. Типография Киево-Печерской лавры: Ист. очерк (1606–1616–1721 гг.). К., 1916 [1918]; Попов П. М. Материалы до словника укр. гравюрів. К., 1926; Сводный кат. рус. книги кирилловской печати XVIII в. / Сост.: А. С. Зернова, Т. Н. Каменева. М., 1968; Запаско Я. П., Исаевич Я. Д. Пам'ятки книжкового мистецтва: Кат. стародруків, виданих на Україні. Львів, 1981. Кн. 1: (1574–1700); 1984. Кн. 2: (1701–1800); Києво-Печерські патерики з колекції Музею книги і друкарства України: Кат. / Авт. упоряд.: В. Гончарук. К., 2003.

М. Е. Башлыкова

КИЕВСКАЯ ДУХОВНАЯ АКАДЕМИЯ (в 1913–1917 — Императорская Киевская Духовная Академия, в 1920–1924 — Киевская православная богословская академия), высшее духовное учебное заведение, действовавшее в Киеве в 1819–1924 гг. и возрожденное в 1992 г. С 1992 г. составляет единый учебный комплекс с КДС (КДАиС).

История КДА (XIX — нач. XX в.). Основание КДА было частью реформы духовного образования, проведенной в Российской империи при имп. Александре I. Реформа предполагала поэтапное введение нового устава духовных академий в С.-Петербурге, Москве,

Киеве и Казани. В 1809 г. новый устав был введен в СПбДА, в 1814 г. (после 1-го выпуска реформированной СПбДА) — в МДА. Первоначально планировалось ввести новый устав в КДА в 1816 г., однако реализация этого плана по ряду причин затянулась до 1819 г.

В ходе реформы Киевско-Могилянская академия должна была быть разделена на 3 самостоятельных учебных заведения: духовное уч-ще, се-

минарию и академию. Осенью 1816 г. Комиссия духовных училищ сообщила в Киев, что в ближайшее время предполагается введение в академии нового устава. Комиссия просила Киевского митрополита ответить, достаточно ли академических зданий для размещения в них академии, семинарии и уч-ща. Кроме того, поскольку новый устав предполагал коренную реформу учебного процесса, комиссия просила представить в С.-Петербург конспекты лекций преподавателей Киево-Могилянской академии. После рассмотрения представленных конспектов Комиссия духовных уч-щ пришла

Собор святых
Киевской Духовной Академии.
Икона. 2012 г.
(Академический храм КДАиС)

к выводу, что практически никто из учителей Киево-Могилянской академии не готов к преподаванию по новой программе. Поэтому было решено прислать в киевскую школу в качестве преподавателей выпускников реформированной СПбДА. Однако заместить все вакансии сразу комиссия не могла. Помимо того, из числа воспитанников Киево-Могилянской академии и семинарий Киевского окр. оказалось невозможным набрать достаточное количество студентов, готовых к обучению в академии по новой программе. К тому же материальное положение киевского Братского в честь Богоявления мон-ря, в к-ром располагалась Киево-Могилянская академия, оставалось достаточно сложным: обитель не оправилась от последствий пожара 1811 г., богослужения в Богоявленском соборе не совершались, храм даже не был очищен от мусора,

Кахетинский, экзарх Грузии), а инспектором — его однокурсник по СПбДА буд. архиеп. св. *Мелетий*

Старый («Мазетин») академический корпус.
20-е гг. XIX в.

оставшегося после пожара. Все это заставило Комиссию духовных уч-щ 24 июля 1817 г. «открытие Киевской академии по новому образованию отсрочить до совершения хотя бы двухгодичного курса в семинариях Киевского округа по новому их образованию» (Акты. 1913. Т. 4. С. 666). Киевская академия была временно закрыта, а в ее помещениях разместились духовное училище и семинария. Имущество Киево-Могилянской академии было передано КДС, а руководство Киевским духовно-учебным окр. временно перешло к СПбДА, которая открыла в Киеве свою канцелярию.

Решение о закрытии Киево-Могилянской академии было встречено

(*Леонтович*). Подготовка к открытию реформированной академии заняла около 2 лет. Из преподавателей Киево-Могилянской академии в состав корпорации КДС вошел лишь иером. Кирилл (Куницкий; вполн. епископ).

Первый набор в КДА был произведен летом 1819 г. В число студентов 1-го курса вошли лучшие выпускники 11 учебных заведений: Киевской, Волынской, Воронежской, Екатеринославской, Курской, Минской, Орловской, Подольской, Полтавской, Черниговской семинарий и Харьковской коллегии. Всего в КДА было набрано 53 студента. 26 авг. 1819 г. Синод предписал митр. Серапиону открыть в Киеве академию по новому уставу. Торжественное открытие КДА состоялось в воскресенье 28 сент. В этот день митр. Серапион совершил литургию в Успенском соборе на Подоле, после чего состоялся крестный ход к Братской обители. В крестном ходе

Фасад
нового учебного корпуса КДА.
Фотография. Нач. XX в.

в Киеве крайне негативно. Киевский митр. *Серапион (Александровский)* просил императора «об оставлении при вновь учрежденной Киевской семинарии имени Академии, то есть чтобы семинария сия именовалась и писалась: Киевской академии духовная семинария» (Там же. С. 691–692). Однако эта просьба была отклонена, и до 1819 г. академии в Киеве не существовало.

27 окт. 1817 г. начала работу КДС. Ее первым ректором и настоятелем Братского мон-ря был назначен выпускник СПбДА архим. *Моисей (Богданов-Платонов-Антипов)*; вполн. епископ; с 1832 архиеп. Карталинский и

приняло участие не только почти все духовенство Киева, но и представители городских властей во главе с генерал-губернатором и учащиеся духовных учебных заведений. В Конгрегационном зале академии состоялось торжественное собрание. Сначала был зачитан указ об открытии КДА, а затем с речами выступили ректор, инспектор и 2 профессора академии. С тех пор торжественные акты стали в академии традиционными. Они проводились ежегодно 26 сент. (день издания царем Петром I указа о даровании Киевской коллегии статуса академии). КДА расположилась в зданиях старой академии в Братском монастыре и всегда считала себя преемницей Киево-Могилянской академии.

В 20-х гг. XIX в. в Братском монастыре велось масштабное строительство. Уже при первом ректоре КДА архим. Моисее по проекту петербургского архит. Л. И. Шарлеманя здесь был заложен новый академический корпус. Строительными работами руководил киевский городской архит. А. И. Меленский. Также был реконструирован старый («Мазепин») академический корпус, пострадавший во время пожара 1811 г. 14 дек. 1824 г. состоялось освящение обновленного Благовещенского конгрегационного храма в старом здании академии.

Становление КДА. 1819–1830 гг.

В 1820 г. Комиссия духовных уч-щ утвердила для КДА следующий штат (согласно уставу 1814): ректор, инспектор, 6 профессоров, 12 бакалавров, эконо, врач, секретарь, библиотекарь и его помощник, 3 письмоводителя при академическом правлении и письмоводитель при экономе. Количество студентов определялось в 120 чел. (60 чел. в низшем (философском) и 60 — в высшем (богословском) классе). На содержание КДА ежегодно отпускалось по 78 600 р. Большинство профессорских и бакалаврских вакансий в КДА заняли выпускники первых курсов СПбДА. В 1819 г. в КДА было набрано лишь младшее (философское) отделение. Вплоть до 1869 г. набор студентов осуществлялся раз в 2 года (по нечетным годам). Первый выпуск состоялся в 1823 г.

В первое десятилетие существования КДА реальное количество профессоров и бакалавров было меньше предусмотренного штатом. Так, в 1819–1821 гг. в КДА трудилось лишь 6 преподавателей (1 профессор и 5 бакалавров). В 1823 г. общее их количество возросло до 8 (2 профессора и 6 бакалавров), в 1824–1825 гг. было уже 13 преподавателей (2 профессора и 11 бакалавров), в 1828 г. — 14 (6 профессоров и 8 бакалавров). И лишь в 1830 г. количество преподавателей достигло предусмотренной штатом цифры — 18 чел. (6 профессоров и 12 бакалавров).

По предположению проф. прот. Федора Титова, 1-й ректор архим. Моисей благодаря своим добрым отношениям с обер-прокурором Синода кн. А. Н. Голицыным сумел добиться назначения на преподавательские вакансии в новооткрытую КДА выпускников СПбДА, к-рых он хорошо знал еще со студенческой

скамьи (Титов. Очерк из истории КДА. 1897. С. 190–191). В результате в КДА сформировался круг единомышленников, вышедших из реформированной столичной академии. В первые годы существования КДА ее даже именовали голицынской.

В соответствии с уставом 1809–1814 гг. КДА являлась головным учебным заведением Киевского духовно-учебного окр. В 1817–1819 гг. в состав этого округа входило 12 учебных заведений (Киевская, Смоленская, Орловская, Воронежская, Курская, Минская, Подольская, Волынская, Черниговская, Полтавская и Екатеринославская семинарии, а также Харьковская коллегия). В 1820 г. Смоленская ДС была присоединена к С.-Петербургскому окр., а в Киевский окр. была включена Кишиневская ДС. В 1835 г. в Киевский окр. вошла также Тифлисская ДС с подведомственными ей духовными уч-щами. Внешнее правление КДА ежегодно получало и просматривало разрядные списки всех семинарий округа, осуществляло надзор за проведением экзаменов, а также распределяло докторов, магистров и кандидатов богословия на вакантные профессорские места в семинариях.

18 дек. 1823 г. открылась Конференция КДА, в состав которой кроме внутренних действительных членов — профессоров КДА вошли ректор КДС иером. Кирилл (Куницкий) и представители киевского духовенства из числа выпускников и преподавателей Киево-Могилянской академии. Т. о., Конференция КДА отчасти стала связующим звеном между старой и новой Киевской академией. Предусмотренное уставом избрание почетных членов и членов-корреспондентов КДА регулярно проводилось лишь с 30-х гг. XIX в.

21 марта 1824 г. начал работу цензурный комитет при КДА. Устав духовных академий не предусматривал материального вознаграждения для членов цензурного комитета. Эту норму подтвердил и устав духовной цензуры, утвержденный 22 апр. 1828 г. Последний документ ограничивал деятельность цензурного комитета рассмотрением мелких сочинений (статей, проповедей и программ), авторами которых являлись лица из Киевского духовно-учебного окр. Однако на деле по инициативе Киевских митрополи-

тов и Комиссии духовных училищ (позже — обер-прокурора Синода) в цензурный комитет могли поступать и фундаментальные научные труды (как, напр., сочинения митр. Евгения (Болховитинова)), а также переводы. В результате члены корпорации КДА неохотно брали на себя выполнение цензурских функций. Как правило, в цензурный комитет входили ректор, инспектор КДА и ректор КДС. В 20-х гг. XIX в. в силу частой сменяемости лиц на этих должностях комитет нередко существовал лишь номинально. В 30–50-х гг. XIX в. корпорация КДА неоднократно предпринимала попытки добиться расширения прав цензурного комитета и выделения материальных средств на его содержание, однако ее обращения не нашли поддержки в С.-Петербурге.

В 20-х гг. XIX в. большинство профессоров и бакалавров КДА преподавали несколько дисциплин, а также совмещали преподавание с выполнением различных адм. функций и пастырским служением. Достаточно высокой в эти годы была текучесть кадров, чему способствовало и быстрое перемещение по местам служения учебного монашества. За период с 1819 по 1830 г. сменилось 5 ректоров и 4 инспектора. Довольно частыми были и изменения в преподавательском составе. Профессора и бакалавры либо по распоряжению Комиссии духовных уч-щ перемещались на службу в др. учебные заведения, либо оставляли КДА по собственному желанию. Всего за этот период сменилось 14 профессоров и бакалавров, а также 6 библиотечарей. По замечанию проф. И. И. Мальшевского, «при такой сменяемости лиц в академической корпорации в ней не могла прочно установиться союзная деятельность и последовательность научных занятий, обогащающая общее достояние науки» (Мальшевский. 1869. С. 83). Вместе с тем лучшие выпускники были оставлены в академии для замещения преподавательских вакансий. Так, в 1823 г. из 39 выпускников в КДА было оставлено 6 чел. В посл. корпорация КДА пополнялась гл. обр. за счет своих выпускников.

Особую роль в первоначальном становлении КДА сыграл митр. Евгений (Болховитинов), назначенный на Киевскую кафедру в 1822 г. Будучи приверженцем «старой шко-

лы», он не испытывал симпатий к новому академическому уставу. У преосвященного была дополнительная причина не сочувствовать новым школам: в 1805–1807 гг. он был разработчиком начального проекта предполагаемой реформы, а в Комитет по усовершенствованию духовных училищ и обеспечению приходского духовенства (составивший итоговый проект) его не включили. Кроме того, он принадлежал к числу противников обер-прокурора кн. Голицына. Прибыв в Киев, митр. Евгений пытался внести коррективы во внутреннюю жизнь КДА. Напр., он стремился придать академической Конференции черты не столько адм. органа (как предполагал устав), сколько научного об-ва. Митр. Евгений не приветствовал написание студентами диссертаций на отвлеченные богословские темы (видимо, усматривая в них «соблазн мистицизма»). В противовес этому он настаивал на развитии в КДА исторической науки. Нек-рые исследователи полагают, что именно по инициативе митр. Евгения, стремившегося искоренить в КДА «голицынский» дух, 31 дек. 1823 г. Синод принял решение о назначении архим. Моисея епископом Старорусским, викарием Новгородской епархии. Новым ректором был назначен архим. Мелетий (Леонтович).

В нач. 1825 г., после отставки Голицына, митр. Евгений был вызван в С.-Петербург для присутствия в Синоде. Здесь он сумел провести через Комиссию духовных уч-щ распоряжение о том, чтобы темы для курсовых работ в академиях избирались прежде всего из истории РПЦ. Тогда же он добился согласия комиссии на открытие в КДА кафедры польского языка, знание которого было необходимо для изучения источников по истории Церкви на территории Украины, Белоруссии и Литвы в XVI–XVII вв. Попечение о развитии исторической науки в КДА выразилось и в учреждении митр. Евгением особой премии за диссертации на исторические темы. В 1825–1826 гг. его друг гр. Н. П. Румянцев пожертвовал КДА 3 тыс. р. для учреждения премии за сочинения на историко-археологические темы. Уже в 1827 г. митр. Евгений сам предложил первую тему для такого исследования: «История создания на Подоле в Киеве Ильинского храма». Сочинение на эту те-

му написал студент Е. А. Остромылинский, за что получил премию в 100 р., а его работа была издана за счет процентов с суммы, пожертвованной гр. Румянцевым. В 1834 г. митр. Евгений добавил к премиальной сумме 3 тыс. р. от себя лично. Чуть позже капитал, с которого шли проценты на ежегодные вознаграждения и публикацию произведений студентов-победителей, достиг 7 тыс. р. В течение всего дореволюционного периода на проценты от этих сумм выдавалась премия, традиционно именовавшаяся «Евгения-Румянцевская».

Митр. Евгений стремился найти кандидатуру ректора, который потрудился бы на этой должности достаточное время, чтобы воплотить в жизнь его видение дальнейшего развития академии. Поначалу он возлагал надежды на архим. Кирилла (Куницкого), единственного преподавателя старой академии, трудившегося в КДА. В 1826 г. митр. Евгению удалось добиться от Комиссии духовных училищ назначения с янв. 1827 г. архим. Кирилла на ректорскую должность в КДА. Однако уже в 1828 г. Синод назначил архим. Кирилла викарием Киевской епархии, а новым ректором стал архим. *Смарагд (Крыжановский; вполн. архиепископ)*. Это решение, видимо, было принято без учета мнения митр. Евгения, поскольку у него были весьма натянутые отношения с архим. Смарагдом. Став ректором, архим. Смарагд не поддерживал инициатив митр. Евгения. Так, несмотря на требование митрополита давать студентам курсовые работы на исторические темы, ректор отдавал предпочтение темам богословским. Все это заметно осложняло отношения между КДА и митрополитом. В результате уже 27 авг. 1830 г. Комиссия духовных училищ приняла решение о переводе архим. Смарагда на должность ректора СПбДА, а в Киев по просьбе митр. Евгения был назначен архим. свт. *Иннокентий (Борисов; вполн. епископ)*.

1830–1860 гг. С назначением свт. Иннокентия в КДА наступило время стабилизации и формирования самобытной учебной и научной традиции. Свт. Иннокентий занимал ректорскую должность с 1830 по 1839 г. (с 1836 – в сане епископа). Прежде всего он пересмотрел схоластический подход к преподава-

нию богословских дисциплин. Читал лекции на рус. языке, что способствовало формированию богословской и философской терминологии.

Важное значение для развития КДА имели решения академической Конференции, принятые по инициативе святителя 5 окт. 1832 г. Каждому преподавателю было поручено составление учебного пособия по своей дисциплине, а каждый студент в рамках занятий иностранными языками обязывался переводить на русский язык книги «лучших иностранных писателей» т. о., чтобы на протяжении одного курса была переведена к.-л. книга по каждому классу наук. Тогда же было принято решение о создании в библиотеке КДА читального зала, где студенты могли бы заниматься «в известные дни под надзором библиотекаря и бакалавров, живущих в академическом корпусе» (Акты. 1915. Т. 5. С. 85). Богато одаренная личность свт. Иннокентия оказала влияние на развитие в КДА не только богословской, но и философской, церковно-исторической и гомилетической школ. В 1837 г. по инициативе святителя в самостоятельный предмет было выделено каноническое право.

С именем свт. Иннокентия связаны также мн. академические традиции. Именно он ввел в жизнь КДА обычай торжественного поминовения основателей и благоустроителей школы 31 дек., в день кончины свт. *Петра (Могила)*. Он также предложил украшать Конгрегационный зал портретами знаменитых профессоров и выпускников академии (в полной мере этот проект был реализован позже). По инициативе свт. Иннокентия КДА стала публиковать лучшие сочинения своих воспитанников. В 1837 г. он основал в Киеве ж. «*Воскресное чтение*», издававшийся силами академической корпорации. Особое внимание святитель обращал на академическое богослужение. Службы в храмах Братского мон-ря стали привлекать множество киевлян и паломников. Он также ввел в академии традицию совершения *пассий*. Стараниями святителя были улучшены условия жизни студентов, реконструирована больница, усовершенствован физический кабинет, обустроен академический двор, в котором появились аллеи. Свт. Иннокентий стал более последовательно

осуществлять надзор за семинариями Киевского окр. Он первым потребовал от семинарских правлений ежегодно представлять в Киев отчеты «об учено-литературных занятиях» преподавателей. Благодаря его деятельности корпорация КДА почувствовала себя единым целым, сплотившись для решения общих учебных и научных задач. Если за первое десятилетие существования КДА сменилось 5 ректоров, то за последующие почти 30 лет (1830–1858) ректорскую должность занимали лишь 4 чел., имело значение для укрепления положения киевской школы. В 30-х гг. улучшилось и материальное положение КДА. 23 мая 1836 г. был утвержден новый штат, заметно увеличивший оклады ректора, инспектора, профессоров, бакалавров и сотрудников. С этого времени на содержание КДА ежегодно выделялось по 91,8 тыс. р.

В 1837 г. скончался митр. Евгений. Его преемником на Киевской кафедре стал свт. *Филарет (Амфитеатров)*, к-рый также заметно повлиял на дальнейшее развитие КДА. Вскоре после прибытия свт. Филарета в Киев свт. Иннокентий фактически перестал преподавать догматическое богословие в академии (хотя и оставался ректором). Будучи викарием Киевской епархии, еп. Иннокентий больше занимался епархиальными делами, постепенно отдаваясь от КДА.

Важные перемены в учебном процессе произошли в 40-х гг. XIX в. при ректоре (1841–1850) архим. *Димитрии (Муретове; впол. архиепископ)*. Они были связаны как с реформаторскими устремлениями обер-прокурора Синода гр. Н. А. *Протасова*, так и с местными киевскими инициативами. В 1841 г. в КДА самостоятельными предметами стали русская гражданская (в низшем классе) и церковная (в высшем классе) история. Первым бакалавром рус. гражданской и церковной истории тогда же был назначен иером. *Макарий (Булгаков; впол. митрополит)*. С 1841/42 уч. г. в КДА начали преподавать патрологию (сначала в виде эксперимента, а затем постоянно). В 1843 г. по инициативе свт. Филарета в учебный курс были введены основы педагогики. В 1848 г., когда стало очевидно, что вслед за переходом преподавания на русский язык в кон. 30-х гг. XIX в. выпускники семинарий недостаточно хо-

рошо владеют латынью, в академическую программу был введен лат. язык. К кон. 40-х гг. XIX в. преподавалось уже 28 общеобязательных предметов. Это заставило администрацию пересмотреть расписание и сократить продолжительность каждой лекции с 2 до 1,5 ч. Количество студентов на каждом курсе в эти годы обычно составляло немногим более 50 чел. С 1841 г. было офиц. разрешено принимать в КДА выпускников семинарий не только Киевского, но и др. учебных округов. Это привело к заметным изменениям в национальном составе студентов. Если прежде большинство студентов КДА были украинцами (выпускники семинарий, расположенных на территории совр. Украины), то с 1841 г. все больше абитуриентов стало приезжать из др. регионов Российской империи. С 40-х гг. XIX в. на обучение в КДА также принимали иностранцев, гл. обр. это были болгары, сербы, черногорцы, румыны, греки и сирийцы.

В янв. 1851 г. ректором был назначен архим. *Антоний (Амфитеатров; впол. архиепископ)*. Племянник свт. Филарета, он в руководстве академией всецело опирался на его советы. Свт. Филарету передавались для предварительного прочтения все студенческие сочинения, претендовавшие на магистерскую степень. Митрополит лично принимал решение о расположении выпускников в разрядных списках. Также митр. Филарет всячески поощрял монашеские постриги в студенческой среде. За годы ректорства архим. Антония монашество приняло 27 студентов, большинство из них достигли епископского сана. Архим. Антоний также с особым вниманием относился к студенческим проповедям, к-рые произносились в Братском мон-ре; как правило, ректор предварительно сам их прочитывал. По настоянию архим. Антония проф. прот. *Назарий Фаворов* подготовил к печати свой учебник по *гомилетике*. По инициативе архим. Антония было увеличено количество учебных часов, отводившихся на изучение гомиластики. В отличие от своих предшественников на ректорской должности архим. Антоний довольно редко совершал богослужения в Братском мон-ре, т. к. по требованию свт. Филарета он сослужил ему в Киево-Печерской лавре. Академические службы в Братском мон-ре в эти годы, как

правило, возглавляли инспекторы КДА. С 1855 г., когда здоровье свт. Филарета стало заметно ослабевать, архим. Антоний фактически исполнял функции его секретаря. С этого времени и до кончины свт. Филарета вся переписка проходила через архим. Антония, что отрывало его от исполнения ректорских обязанностей. В годы Крымской войны, когда в Киеве существенно выросли цены на продукты питания и выделываемые из С.-Петербурга суммы стали недостаточными для содержания студентов, архим. Антоний отдавал эконому свое жалованье на нужды академии.

Свт. Филарет скончался 21 дек. 1857 г., а на 20-й день после его смерти (10 янв. 1858) скончался и викарий Киевской епархии еп. Аполлинарий (Вигилянский). В этой ситуации уже 1 марта 1858 г. архим. Антонию было определено быть еп. Чигиринским, викарием Киевской епархии. До прибытия в Киев нового митрополита он осуществлял руководство епархией. В частной переписке он выражал обеспокоенность тем, что новый ректор может быть назначен не из состава корпорации КДА: «Я боюсь, как бы не обошли у нас своих достойных и готовых и не прислали кого со стороны. Без Владыки (покойного митр. Филарета. — В. Б.) теперь постоять за своих некому» (письмо от 17 марта 1858; цит. по: *Сергий (Василевский)*. 1885. Т. 1. С. 276). Эти опасения оправдались. 2 мая 1858 г. новым ректором был назначен архим. Израиль (Лукин; впол. епископ), ранее занимавший должность ректора Тифлисской ДС. А 10 окт. 1858 г. инспектором был назначен молодой бакалавр СПбДА иером. Валериан (Орлов). Одновременно КДА лишилась сразу неск. одаренных преподавателей. Еще в янв. 1858 г. помощник инспектора иером. *Филарет (Филаретов; впол. епископ)* был переведен на должность инспектора КазДА, а инспектор архим. *Иоанникий (Руднев; впол. митрополит)* был назначен ректором КДС. Эти кадровые решения были негативно восприняты в Киеве. В частности, архиеп. Антоний (Амфитеатров) так отзывался о них в одном из частных писем: «И надобно же так переменить начальников заведения, что вдруг все собраны с разных концов, не знающие ни друг друга, ни своих сослуживцев на новом месте...». В др.

Еп. Филарет (Филаретов), ректор КДА.
Портрет. 2-я пол. XIX в.

письме он писал: «Крепко обидели нашу Академию в последнее время,— обобрали, набросали сюда кого попало,— парализовали все... Бог весть, как она выйдет из этого положения» (цит. по: Там же. С. 275–276).

Непродуманные кадровые решения стали причиной внутреннего кризиса КДА. Новые ректор и инспектор не пользовались авторитетом у студентов. Иером. Валериан явно не справлялся с инспекторскими обязанностями и к тому же, по воспоминаниям современников, имел пристрастие к алкоголю (см.,

Конгрегационный зал КДА.
Фотография. Нач. XX в.

напр.: Певницкий. 1912. № 6. С. 305–312). Назначение новых руководителей совпало по времени с оживлением общественной жизни, начавшимся в Российской империи после восшествия на престол имп. Александра II. Оно отразилось и на внутренней жизни духовных академий. В кон. 50-х гг. XIX в. в студенческой среде активно обсужда-

лись общественно-политические и культурно-национальные проблемы. Стремление к обновлению церковной жизни, с одной стороны, и недовольство академическим начальством — с другой, привели к тому, что осенью 1859 г. в КДА произошла масштабная студенческая забастовка. Студенты 20-го академического курса написали письмо императору с резкой критикой администрации и профессоров. Письмо не было отправлено в С.-Петербург, но было опубликовано в Лондоне в газете А. И. Герцена «Колокол» и вызвало широкий общественный резонанс. Преодолеть эту конфликтную ситуацию удалось благодаря вмешательству в дело викария Киевской епархии архиеп. Антония (Амфитеатрова). Важную роль в урегулировании конфликта сыграл и проф. В. Ф. Певницкий. В дек. 1859 г. решением Синода архим. Израиль (Лукин) и инспектор иером. Валериан (Орлов) были уволены с занимаемых должностей. Проф. Певницкий получил благодарность Синода «за заботливость и воспитание студентов и за удержание их своим нравственным влиянием после бывших в 1858 и 1859 годах случаев в границах надлежащего поведения, несмотря на всеобщее брожение умов» (ЦГИАК. Ф. 711. Оп. 1. Д. 10942. Л. 3 об.). Часть студентов, виновных в беспорядках, оставили КДА по собственному желанию, перейдя на обучение в светские высшие учебные заведения. По решению

Конференции КДА никто из выпускников 20-го курса не был оставлен для преподавания в академии (впосл. ис-

ключение было сделано лишь для С. М. Сольского, который не участвовал в забастовке). Также по решению Синода выпускники 20-го курса бы-

ли утверждены в ученых степенях лишь после получения положительных отзывов об их 2-летней службе в духовном или духовно-учебном ведомстве. Тем не менее и после этого студенты КДА принимали участие в различных общественных акциях. Так, в 1861 г., во время перенесения через Киев тела Т. Г. Шевченко, 3 студента КДА произнесли речи над

гробом укр. поэта, за что получили порицание от академического начальства.

После увольнения архим. Израйля в КДА вновь был возвращен архим. Иоанникий (Руднев), занявший ректорскую должность. Однако он пробыл на ней менее года, и уже 6 окт. 1860 г. ректором был назначен архим. Филарет (Филаретов), к-рый занимал эту должность 17 лет (с 1874 в сане епископа). С его именем связан ряд важных перемен в учебном процессе. В 1861 г. было произведено перераспределение учебной нагрузки по греч. и евр. языкам, а также по Свящ. Писанию ВЗ и церковной истории. В самостоятельный предмет было выделено «учение о русском расколе». В 1863 г. по инициативе ректора рус. гражданская история была отделена от рус. церковной истории и для ее преподавания назначен отдельный наставник. В 1864 г. с согласия Синода преподавание математики было поручено одному преподавателю (вместо прежних 2), а образовавшаяся вакансия использована для открытия еще одной кафедры Свящ. Писания. В результате кафедра Ветхого Завета была отделена от кафедры Нового Завета. В 1863–1864 гг. была произведена реконструкция нового академического корпуса, для которого закупили мебель. В связи с переносом из нового корпуса в старый (Мазепин) 6-ки КДА была осуществлена реконструкция помещений, предназначенных для 6-ки. Важным событием стало создание ж. «Труды Киевской Духовной Академии» (Труды КДА), к-рый начал выходить в 1860 г. и быстро превратился в одно из лучших богословских периодических изданий в Российской империи.

28 сент. 1869 г. состоялось торжественное празднование 50-летнего юбилея КДА. Для участия в торжествах в Киев прибыли многочисленные выпускники КДА, а также представители духовных и светских высших учебных заведений, научных об-в, семинарий и уч-щ. К юбилейному дню в Конгрегационном зале КДА была открыта портретная галерея выдающихся деятелей и выпускников Киево-Могилянской академии и КДА, в к-рой было представлено более 100 портретов. На торжественном акте 28 сент. проф. Малышевский прочел свою «Историческую записку о состоянии академии

в минувшее 50-летие», в посл. опубликованную как в ж. Труды КДА, так и отдельным изданием и ставшую важным вкладом в изучение исторического прошлого академии.

За первые 50 лет существования КДА (1819–1869) состоялось 24 выпуска общей численностью 1239 чел., из к-рых 384 получили степень магистра богословия и 633 — степень кандидата богословия. По ходатайству Конференции КДА за эти годы было присуждено 5 ученых степеней доктора богословия. Более 60 воспитанников и преподавателей до-

Студенты КДА с профессорами И. И. Малышевским, Ф. А. Терновским, В. Ф. Певницким и А. Д. Вороновым. Фотография. 60-е гг. XIX в.

стигли епископского сана. Неск. выпускников стали известными иерархами др. Поместных Церквей (ПЦ): митр. Сербской ПЦ *Михаил (Йованович)*, митр. Болгарской ПЦ Климент (Друмев), еп. Румынской ПЦ Филарет (Скрибан-Попеску) и др. Неск. выпускников и преподавателей этого периода почитаются в лике святых: Иннокентий (Борисов), Мелетий (Леонтович), *Феофан Затворник (Говоров)*.

1869–1900 гг. 30 мая 1869 г. имп. Александр II утвердил новый устав духовных академий. В КДА этот устав был введен уже в 1869/70 уч. г. По новому уставу штат состоял из ректора, инспектора, 9 ординарных профессоров, 9 экстраординарных профессоров, 8 доцентов, 3 лекторов, помощника инспектора, библиотекаря, помощника библиотекаря, секретаря Совета и Правления, помощника секретаря, эконома и врача. Кроме того, устав допускал наличие в академиях приват-доцентов, для к-рых штатные оклады не выделялись. Устав предполагал одновременное обучение в академии не 2 (как ранее), а 4 курсов. Поэтому с 1869 г. набор студентов в КДА осуществлялся ежегодно. В результате к 1873 г. в КДА было уже 4 полных студенческих курса и соответственно ежегодными стали акаде-

мические выпуски. Количество казеннокоштных студентов КДА определялось в 120 чел. (по 30 на курсе). На содержание КДА в год отпускалось по 100,4 тыс. р.

Новый устав предполагал существенные перемены как в учебном процессе, так и во внутреннем устройстве академии. В соответствии с требованиями устава 1869 г. в КДА была введена специализация и открыто 3 отд-ния (богословское, церковно-историческое и церковно-практическое). Первыми помощниками ректора по 3 отд-ниям были избраны профессор Д. В. *Поспехов* (по богословскому

отд-нию), Малышевский (по церковно-историческому отд-нию) и Певницкий (по церковно-практическому отделению). Инспектором был избран архим. *Сильвестр (Малеванский)*; в посл. епископ), к-рый занимал эту должность еще с 1862 г. Цензурный комитет при КДА был упразднен 18 авг. 1871 г.

Устав 1869 г. вводил ряд новых предметов, и в КДА образовалось неск. вакансий, требовавших скорейшего замещения. Особые трудности возникли с замещением кафедр слав. языков и метафизики. Лишь в 1873 г., после неудачных попыток привлечь на кафедру славянских языков кого-нибудь из университетских профессоров, академия направила студента В. Н. *Малинина* сначала в С.-Петербургский ун-т, а затем за границу для подготовки к преподаванию слав. языков. Для преподавания метафизики в КДА был приглашен Ф. Ф. Гусев, являвшийся приват-доцентом СПбДА. Поскольку новый устав предполагал, что ректор является не только администратором, но и профессором по одной из кафедр, архим. Филарет (Филаретов) избрал для преподавания Свящ. Писание ВЗ (прежде он не совмещал ректорство с преподаванием).

С 70-х гг. XIX в. в КДА регулярно проводились предусмотренные новым уставом публичные защиты

докторских и магистерских диссертаций. Первые докторские диспуты состоялись в КДА в 1872 г. (диссертация проф. К. И. Скворцова «Исследование вопроса об авторе сочинения Ареопагита» и диссертация проф. Певницкого «Св. Григорий Двоеслов, его проповеди и гомилетические правила»). Первая магистерская защита по новому уставу состоялась в 1873 г. (С. А. *Терновский* представил к защите подготовленный им к изданию 5-й т. АрхЮЗР (К., 1872) со вступительной ст. «Исследование о подчинении Киевской митрополии Московскому Патриархату»).

Поскольку реализация положений нового устава требовала существенного увеличения учебных площадей, в КДА была проведена очередная реконструкция академических зданий. Ректор архим. Филарет считал неудобным размещение на территории Братского мон-ря квартир для женатых профессоров и сотрудников академии и потому предложил Совету ходатайствовать перед Синодом о закрытии мон-ря с последующим приспособлением его зданий для нужд КДА. Однако эта инициатива была решительно отвергнута Киевским митр. *Арсением (Москвиным)*. В результате в 1872 г. вне монастырских стен был построен 3-этажный корпус с квартирами для преподавателей.

17 нояб. 1872 г. при КДА был открыт Церковно-археологический музей (ЦАМ) и Церковно-археологическое об-во (с 1901 — Церковно-историческое и археологическое об-во). ЦАМ стал первым в Российской империи музеем такого рода и постепенно превратился в крупнейшее собрание церковных древностей в Европе. С 1883 г. в свет выходили «Чтения в Церковно-археологическом обществе при КДА» (с 1901 — «Чтения в Церковно-историческом и археологическом обществе при КДА»). Издание выпускалось нерегулярно. С 1883 по 1916 г. было выпущено 14 номеров «Чтений». Бессменным редактором издания являлся проф. Н. И. *Петров*.

В 1874 г. ректор архим. Филарет (Филаретов) был поставлен еп. Уманским, викарием Киевской митрополии с оставлением за ним должностей ректора и настоятеля Братской обители. С этого времени и до закрытия КДА в 20-х гг. XX в. все ее ректоры носили епископский сан.

Церковно-археологический музей.
Фотография. Нач. XX в.

На рубеже 70-х и 80-х гг. XIX в. в КДА наблюдалось существенное ослабление дисциплинарных требований, предъявлявшихся к студентам. Результатом этого стали не только нарушения внутреннего академического распорядка, но и более серьезные проступки. Так, один из студентов был арестован за хранение революционных сочинений и бомбы, а также предоставление ночлега членам террористической орг-ции. Синод обвинял в этом Совет академии, к-рый «стеснял распоряжения ректора», а «заправляли» всем профессором Малышевский, Ф. А. Терновский и М. С. Гуляев (РГИА. Ф. 796. Оп. 205. Д. 452. Л. 420–421). Студенты тех лет в воспоминаниях выдвигали свою версию падения дисциплины в академии: замена инспектора архим. Сильвестра (Малеванского) на А. А. Олесницкого, «человека мягкого и доброго» (Руткевич. 1915. С. 294).

Ректор (1877/78–1883) еп. Михаил (Лузин) шел навстречу просьбам и пожеланиям студентов. В частности, он разрешил проведение в академии студенческих лит. вечеров. В 1882 г. по его инициативе при КДА начало действовать Богоявленское братство «для вспомоществования нуждающимся студентам» (устав братства был утвержден министром внутренних дел 10 дек. 1881). Братство снабжало своекоштных студентов денежными пособиями, книгами, одеждой, оплачивало их лечение, проживание на квартирах и т. д. Предполагалось, что студенты, получившие помощь

от братства, после окончания учебы и поступления на службу будут возвращать братству полученные от него средства. Бюджет братства пополнялся за счет членских взносов, пожертвований и сборов от устраиваемых им публичных мероприятий. К нач. XX в. в состав братства входило 230 членов (19 почетных, 9 пожизненных, 164 действительных и 38 членов-соревнователей). В 1900 г. по инициативе ректора еп. Димитрия (Ковальницкого; вполн. архиепископ) был выработан новый устав Богоявленского братства, предполагавший оказание помощи не только студентам, но и служащим при академии лицам и их семьям.

20 апр. 1884 г. имп. Александр III утвердил новый устав духовных академий, который был введен в КДА в 1884/85 уч. г. Этот устав отменил либеральные нововведения прежних лет. По уставу 1884 г. штат КДА должен был состоять из ректора, инспектора, 8 ординарных профессоров, 9 экстраординарных профессоров, 9 доцентов, 3 лекторов, 2 помощников инспектора, библиотекаря, помощника библиотекаря, секретаря Совета и Правления, помощника секретаря, эконома, врача. Количество казеннокоштных студентов определялось в 180 чел. В год на содержание КДА выделялось по 124 800 р. После введения в действие нового устава в КДА наблюдалась тенденция постепенного сокращения общего количества студентов. Это было обусловлено тем, что устав 1884 г. запретил проживание студентов вне стен академии. Отныне все студенты (как казеннокоштные, так и своекоштные) должны были проживать в академическом общежитии. Исключение могло быть сделано лишь для своекоштных студентов, желающих жить у родителей. Т. о., общее количество студентов зависело теперь прежде всего от вместительности общежитий. Так, если в 1883 г. в КДА обучалось 227 чел., из к-рых 180 получали казенные стипендии, то в 1890 г. в академии было 177 студентов, но казенные стипендии получали лишь 119 чел. В посл. десятилетие XIX в. число казеннокоштных студентов составляло 120 чел., а общее количество студентов — 180–190 чел.

По уставу 1884 г. было восстановлено наблюдение КДА над духовными семинариями Киевского духовно-учебного окр. С 1887 г. подведом-

ственными КДА были 16 семинарий (Киевская, Черниговская, Минская, Подольская, Волынская, Кишиневская, Одесская, Таврическая, Харьковская, Донская, Екатеринославская, Курская, Воронежская, Орловская, Полтавская и Тифлисская).

Практически сразу после введения в действие нового устава в КДА ужесточили дисциплинарные требования к студентам, что было обусловлено как общим характером устава, так и особой ситуацией, сложившейся к тому времени. В нач. 1884 г. в КДА была выявлена связь нескольких студентов с подпольными политическими орг-циями. Согласно синодальному указу инспектор КДА проф. И. Н. Корольков провел тщательную проверку студенческой б-ки, чтобы выявить в ней и изъять из употребления книги и периодические издания, запрещенные к обращению среди студентов. Это повлекло за собой студенческие беспорядки. Кроме того, в студенческих общежитиях произвела обыск жандармерия, один из студентов был арестован и сослан в Сибирь за создание конспиративной квартиры и причастность к деятельности подпольной типографии. Также жандармерией было установлено негласное наблюдение за нек-рыми студентами и профессорами КДА. Студенты, виновные в беспорядках 1884 г., были выпущены из академии со сниженным баллом по поведению. Нек-рые из них вынуждены были оставить КДА по окончании 3-го курса без ученых степеней (в звании действительных студентов). Некоторые преподаватели были заподозрены в неблагонадежности. В результате в 1884 г. КДА были вынуждены покинуть проф. Ф. А. Терновский и доц. Н. С. Тумасов. Причиной ухода Терновского было особое «дело Терновского», связанное с изданием им соч. «Опыт руководства по церковной истории: Греко-Восточная Церковь в период Вселенских Соборов». Терновский читал церковную историю в Киевском ун-те и свой учебник, изданный с разрешения Совета ун-та, предназначал для студентов ун-тов. Событие имело широкий отклик в печати, вызвало неоднозначную реакцию среди епископата и преподавателей духовных академий. На рассмотрение Синода была представлена сводка «сомнительных» цитат из «Опыта руководства...», среди к-рых наиболее вызывающей была

фраза о том, что «иконоборчество Византийских Императоров» было «политической мудростью», не достигшей цели только по невежеству некоторых фанатиков (*Исидор (Никольский)*, митр. Дневник // РГИА. Ф. 796. Оп. 205. Д. 451. Л. 338 об. — 339).

После введения устава 1884 г. последовал ряд указов Синода, касавшихся различных сторон академической жизни и носивших, как правило, запретительный или ограничительный характер. Однако ректор (1883–1898) архим. Сильвестр (Малеванский) некие из этих указов лишь формально принимал к сведению, не делая никаких специальных распоряжений по академии. Как вспоминал проф. Петров, несмотря на предписание Синода об обязательном участии всех студентов в богослуженном пении, в КДА был сохранен особый принцип формирования академического хора, предполагавший привлечение в его состав воспитанников духовных уч-щ. Фактически не было исполнено и предписание Синода отпускать студентов на прогулки в город лишь по письменному разрешению администрации (см.: *Петров*. 2003. С. 188).

Студенческие беспорядки случались в КДА и после 1884 г. Так, в 1895 г. студенты демонстративно отказались от ужина и заявили ряд претензий к администрации. В результате 2 студента были отчислены из КДА, а еще 19 участников забастовки временно лишены казенного содержания (среди отчисленных студентов был В. И. Максименко, вполсл. архиепископ *Виталий*). Беспорядки 1895 г. заставили инспектора КДА проф. прот. Иоанна Королькова добровольно оставить эту должность. Новым инспектором был назначен проф. М. Г. Ковальницкий, в том же году принявший монашество с именем Димитрий и священный сан (вполсл. архиепископ). Годы инспекторства архим. Димитрия стали временем очередного ужесточения дисциплинарных требований, имели место и новые конфликты между администрацией и студентами. Отчисленные студенты, как правило, завершали учебу в стенах КДА, где с 1895 по 1900 г. ректорскую должность занимал архим. (с 1897 епископ) *Антоний (Храповицкий)*, вполсл. митрополит).

Ректор еп. Сильвестр требовал строгого соблюдения нормы устава 1884 г., по к-рой все преподаватели

в начале каждого учебного года обязывались подавать в Совет академии учебные программы, к-рые рассматривались специально создаваемыми комиссиями и затем утверждались Советом. В конце учебного года каждый преподаватель представлял в Совет отчет о степени выполнения им программы своего курса. Также были введены в учебный процесс обязательные регулярные опросы студентов по пройденному материалу (т. н. репетиции), к-рые проводились в конце каждого семестра по всем предметам. Перед началом экзаменов в конце учебного года ректор требовал от каждого преподавателя составления разрядных списков студентов, места в к-рых распределялись исходя из баллов, полученных за «репетиции» и семестровые сочинения. На основании разрядных списков по отдельным предметам, результатов экзаменов и оценок по поведению составлялся единый разрядный список всех студентов (по курсам).

Последние полтора десятилетия XIX в. стали временем заметного увеличения в КДА количества иностранных студентов. Если в 1883 г. в КДА обучалось 6 иностранцев (4 болгарина, черногорец и грек), то в 1887 г. было уже 25 иностранных студентов (11 сербов, 7 болгар, 6 румын и японец), а в 1897 г. — 43 иностранца (10 греков, 11 болгар, 13 сербов, 5 румын, 2 черногорца и 2 сирийца). КДА была самой южной из духовных академий Российской империи, и, как правило, сюда направлялись на учебу выходцы с Балкан и Ближ. Востока. Иностранные студенты обычно получали стипендии от Синода, некие (с 1888) — от Императорского православного Палестинского об-ва. В 80–90-х гг. XIX в. не существовало единой системы приема и направления иностранных граждан на обучение в духовные академии России, поэтому нередко в КДА поступали иностранцы, не имевшие достаточной подготовки для обучения в академии. Однако, исходя из внешнеполитических интересов России, считалось необходимым всячески способствовать обучению в российских высших духовных учебных заведениях болгар, сербов и черногорцев. Постановлением Синода от 11 марта 1869 г. к балканским славянам как при поступлении в КДА, так и во время обучения проявлялось заметное снисхождение. Пло-

щади студенческого общежития КДА были ограничены, и увеличение количества иностранных студентов означало сокращение числа российских подданных, к-рых могла принять на обучение академия. Все это вызывало недовольство как в преподавательской, так и в студенческой среде.

В 1897 г. российский МИД утвердил новые правила приема и рекомендации «славянских уроженцев» в высшие учебные заведения Российской империи, к-рые упорядочивали и заметно ужесточали прежде существовавшую практику. В 1901 г. по предложению обер-прокурора Синода эти правила были распространены и на духовные учебные заведения. Отныне для правосл. славян существовало 2 пути поступления в духовные академии в России. Они могли подать соответствующие прошения в дипломатические представительства России; прошения рассматривались Комиссией МИД «по образованию в России южных славян», к-рая и принимала решение об их удовлетворении или отклонении. Зарубежные правосл. иерархи могли напрямую обращаться в Синод с ходатайством о приеме на учебу в духовные учебные заведения России выходцев из их епархий. Без разрешения МИД или Синода принимать иностранцев в КДА воспрещалось. Кроме того, со всех иностранных студентов бралась подписка о том, что они не будут претендовать на службу в России, за исключением случаев принятия российского подданства (выпускник КДА 1906 г. сириец Т. Г. Кезма, приняв российское подданство, преподавал в Киевском ун-те), и обязуются по окончании учебы вернуться на родину. В июле 1901 г. Синод направил указ Киевскому митр. *Феофану (Лебедеву)* о введении в действие нового порядка приема на учебу иностранных студентов (ЦГИАК. Ф. 711. Оп. 3. Ед. хр. 2576. Л. 2–3). По свидетельству проф. Петрова, внедрение новых правил преградило «приток в русские духовные академии разных проходимцев и искателей приключений. С тех пор состав иностранного студенчества в Киевской духовной академии стал несравненно выше прежнего в качественном отношении» (*Петров*. 2003. С. 199).

В 80–90-х гг. XIX в. по инициативе ректора еп. Сильвестра (Малеванского) были в очередной раз перестроены академические корпуса.

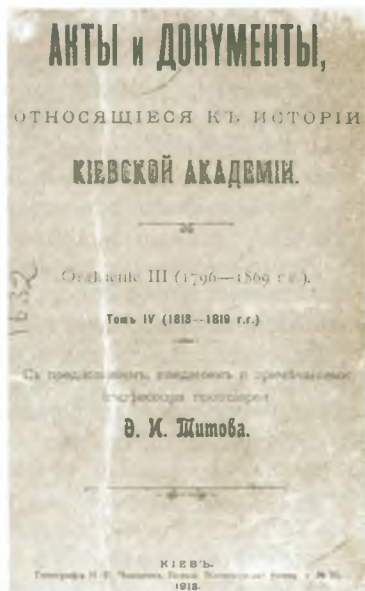

В 1886 г. к новому академическому корпусу пристроены 2 поперечных здания, перестроена студенческая баня, отремонтированы помещения студенческой столовой и кухни. В 1896 г. был произведен капитальный ремонт «Мазепиного» академического корпуса: была заложена нижняя галерея, укреплены стены и устроено калориферное отопление всего здания.

В 60–90-х гг. XIX в. регулярно выходил ж. Труды КДА. Кроме того, в период с 1878 по 1886 г. КДА курировала издание «*Киевских епархиальных ведомостей*».

1900–1914 гг. В 1900 г. в штате КДА состояли: ректор, инспектор, 26 преподавателей (6 ординарных профессоров, 9 экстраординарных профессоров, 6 доцентов, 3 исполняющих должность доцента, 2 лектора новых языков) и 8 сотрудников (2 помощника инспектора, секретарь Совета и Правления, помощник секретаря, библиотекарь, помощник библиотекаря, эконом и врач). К кон. 1899/1900 уч. г. в КДА обучалось 182 сту-

Акты и документы, относящиеся к истории КДА. К., 1913

дента, из которых 25 — иностранцы (6 сербов, 8 болгар, 6 румын и 5 греков). Казенные стипендии получали 120 студентов.

В первые годы XX в. в КДА началась подготовка к празднованию 300-летнего юбилея академии, намеченного на окт. 1915 г. Уже в 1901 г. по инициативе ректора еп. Димитрия (Ковальницкого) Совет принял решение о подготовке юбилейных

Архим. Василий (Богдашевский), ректор КДА. Фотография. 1914 г.

изданий. Предполагалось силами профессоров написать полную научную историю КДА. Для решения этой задачи архиеп. Димитрий предложил сначала собрать и опубликовать серию «Актов и документов по истории Киевской Академии». Совет поддержал эту инициативу. Было решено разделить намеченное издание на 3 отдела: 1-й должен был охватить XVII в., 2-й — XVIII в. и 3-й — XIX в. Подготовка 1-го отдела была поручена проф. С. Т. Голубеву, 2-го — проф. Петрову, 3-го — проф. прот. Ф. И. Титову. Профессора Петров и прот. Ф. Титов выполнили поручение Совета. В результате в течение 1904–1915 гг. в свет вышло в общей сложности 10 т. документов, охватывающих период с 1721 до 1855 г. Но Голубев не успел издать собранные им материалы, так что намеченный грандиозный проект оказался реализованным лишь частично. Кроме «Актов и документов» было также подготовлено неск. популярных изданий, наибольшую известность получила историческая записка о КДА прот. Ф. Титова (Титов. 2003).

XX век принес новые тенденции в жизнь КДА. Духовная школа не могла остаться в стороне от тех бурных процессов, к-рые протекали в российском и укр. обществе. Именно в первые годы нового века, при ректоре еп. Платоне (Рождественском; вполсл. митрополит Америки и Канады; с 1924 находился вне общения с Московской Патриархией), среди киевских профессоров сформировалась «либеральная» партия, выступавшая за коренную реформу

духовных академий. Все это в полной мере проявилось во время революционных событий 1905–1907 гг. Студенты бастовали в ун-тах и требовали реформы высшего образования, введения в ун-тах автономии. 27 авг. 1905 г. Совет министров утвердил «Временные правила об управлении высшими учебными заведениями», к-рые предполагали выборность ректоров и деканов, а также наделяли самостоятельностью университетские Советы. Эти события стали причиной движения за автономию и в духовных академиях. 6–7 окт. 1905 г. студенты КДА потребовали внедрения в академическую жизнь начал автономии и заявили об отказе посещать занятия до тех пор, пока их требования не будут выполнены. Киевский митр. Флавиан (Гордещкий) доложил о студенческой забастовке Синоду. Забастовки начались и в др. духовных академиях. 15 окт. 1905 г. Синод определил: если к 1 нояб. 1905 г. «не установится в академиях нормальное течение жизни и не начнутся обычные занятия, то а) студентов распустить по домам и б) академии закрыть до начала будущего учебного года» (ЦГИАК. Ф. 711. Оп. 3. Ед. хр. 2831. Л. 1). Поскольку студенты отказались возобновить занятия в указанный срок, Совет исполнил предписание Синода: студенты были распущены, а КДА временно закрыта. 3 нояб. 1905 г. обер-прокурор Синода отправил в КДА телеграмму с предложением избрать 3 представителей для участия в совещании о мероприятиях по восстановлению нормального академического порядка. 5 нояб. общим собранием корпорации для этой цели были избраны профессор Н. М. Дроздов, В. З. Завитневич и В. П. Рыбинский. Поскольку Дроздов отказался от этого поручения, 6 нояб. вместо него был избран проф. Д. И. Богдашевский (вполсл. архиеп. Василий). Кроме того, Совет выработал записку, в которой излагался проект возможных реформ в духовных академиях. С 10 по 22 нояб. 1905 г. в С.-Петербурге представители КДА вместе с делегатами др. академий приняли участие в заседаниях Комиссии для совещания о мероприятиях к восстановлению нормального порядка в духовных академиях под председательством обер-прокурора кн. А. Д. Оболенского. В ряде заседаний комиссии также принимали участие

архиеп. Финляндский *Сергий* (*Страгородский*; вполн. патриарх) и еп. Псковский *Арсений* (*Стадницкий*; вполн. митрополит). После напряженных дискуссий комиссия разработала записку, адресованную Синоду, в которой предлагалось немедленно провести ряд реформ. Комиссия рекомендовала, во-первых, сделать должность ректора выборной. Кандидатом в ректоры может быть лицо духовное, имеющее ученую степень не ниже магистра богословия. При этом в особых случаях «может быть временно допущено к исправлению должности ректора лицо, не имеющее духовного сана», но «непременно доктор богословия». Избирать ректора рекомендовалось тайным голосованием в Совете академии с последующим утверждением выбора Синодом. Во-вторых, предложение комиссии касалось ослабления власти над академией правящего архиерея. Предлагалось подчинить КДА непосредственно Синоду, а власти правящего архиерея придать «характер почитательный». В-третьих, комиссия предписывала ввести в состав Советов академий «всех академических преподавателей» (а не только профессоров, как это было ранее). Комиссия также рекомендовала сделать Совет «центром, к которому сходятся все нити академической жизни и из которого исходят все распоряжения, дабы Совет этот мог служить не только центральной академической властью, но и пользоваться необходимым нравственным авторитетом среди учащегося юношества» (ЦГИАК. Ф. 711. Оп. 3. Ед. хр. 2831. Л. 13 об.— 14). 25–26 нояб. 1905 г. предложения комиссии были приняты Синодом и введены в действие в академиях в качестве «Временных правил». Уже в кон. нояб. 1905 г. Синод сообщил в КДА о принятом решении и предложил возобновить занятия, а также представить свои соображения по составлению нового устава. 7 дек. 1905 г. Совет КДА образовал комиссию для разработки проекта нового устава духовных академий в составе профессоров Дроздова, А. А. *Дмитриевского*, Завитневича, прот. Ф. Титова, Богдасhevского, Рыбинского, доц. В. И. *Экземплярского* и исполняющего должность доц. П. П. *Кудрявцева*. 12 янв. 1906 г. в КДА были возобновлены учебные занятия.

К кон. янв. 1906 г. в КДА был разработан проект нового устава, к-рый

с 3 по 8 февр. обсуждался в Совете. Проект предполагал проведение коренной реформы академий. Предлагалось переименовать духовные академии в Православные богословские академии, окончательно ликвидировать сословную замкнутость академий и придать им характер всеобщих высших богословских учебных заведений. Проект устанавливал выборность ректора, ограничение служения на ректорской должности 5-летним сроком, допуск временное исполнение должности ректора лицами, не имеющими священного сана. Проект также существенно расширял права Совета академии и предполагал внесение корректив в учебный процесс: открытие кафедр истории Вост. Церкви после разделения Церкви, истории Западнорусской Церкви, основных начал законоведения и сравнительного языкознания. Проект вызвал бурные дискуссии в Совете КДА. Против него активно выступила консервативная часть корпорации. Ряд преподавателей (профессора Голубев, Певницкий, К. Д. Попов, М. Ф. *Ястребов*, Дмитриевский, А. И. *Булгаков*, Н. К. *Маккавейский*, доц. Ф. И. *Мищенко*) подали в Совет свои особые мнения по поводу нового устава. Голубев выступил с острой критикой проекта. Используя связи в С.-Петербурге, он старался заблокировать инициативы «либералов». Тем не менее составленный комиссией проект устава был принят Советом с незначительными поправками и отправлен в Синод. В кон. мая 1906 г. инспектор Ястребов вышел в отставку по болезни. 31 авг. 1906 г. тайным голосованием был избран новый инспектор КДА, один из лидеров «либерального» крыла корпорации проф. Рыбинский. 2 нояб. 1906 г. он был утвержден в должности Синодом.

В июне 1907 г. ректор еп. Платон (Рожественский) был назначен на Алеутскую и Североамериканскую кафедру. 6 сент. 1907 г. в Киеве состоялось избрание нового ректора путем тайного голосования. Избранным оказался свящ. Александр *Глаголев* (вполн. протоиерей), экстраординарный проф. кафедры древнеевр. языка и библейской археологии. Однако Синод не утвердил его в должности ректора, настаивая на избрании кандидата из числа монашествующих (в КДА традиционно должность ректора совмещалась с должностью настоятеля Братского

мон-ря). Новое голосование состоялось в Совете 19 дек. того же года. Был избран викарий Полтавской епархии еп. Феодосий (Олтаржевский). Этот выбор был утвержден Синодом.

Отголоском революционных потрясений стала и получившая ши-

Прот. А. А. Глаголев, проф. КДА.
Фотография. 1905 г.

рокий резонанс ревизия КДА, проведенная в марте—апр. 1908 г. Волыньским архиеп. Антонием (Храповицким) по поручению Синода. Архиеп. Антоний был принципиальным противником «Временных правил», введенных в 1905 г. Его отзыв о состоянии КДА оказался резко отрицательным. В отчете, отправленном в Синод, он обвинял корпорацию КДА в революционных, «автономистских» настроениях и даже в нигилизме. Странники академической автономии получили в отзыве уничижительные оценки. Архиеп. Антоний издал этот отзыв за свой счет (тиражом 300 экз.) и способствовал его распространению в церковных и общественных кругах. Этот отзыв вызвал широкий резонанс и побудил корпорацию КДА выступить с публичным опровержением обвинений, обнародованных ревизором. В 1910 г. группа профессоров КДА опубликовала брошюру «Правда о Киевской Духовной академии» с опровержением большинства обвинений архиеп. Антония.

В февр. 1909 г. Синод, заслушав отчеты о ревизии 4 духовных академий, принял решение об отмене «Временных правил» и о возврате к нормам устава 1884 г. В 1910 г. был введен в действие очередной устав,

опирающийся в значительной мере на положения устава 1884 г. В комиссии, которая занималась разработкой этого устава на протяжении 1909 г., представителем КДА был проф. Богдашевский, а после его избрания инспектором — В. Д. Попов. 26 июля и 26 авг. 1911 г. в академический устав вносились изменения. Одно из них предполагало, что не менее половины членов Совета академии должны составлять лица в священном сане.

В 1910 г. был назначен новый ректор КДА — еп. *Иннокентий (Ястребов)*; в посл. архиепископ). Вокруг него сплотилась консервативно настроенная часть корпорации во главе с проф. Голубевым. После этого началось оттеснение «либералов» (оппоненты называли их «кадетами») от влияния на академические дела. В 1912 г. был отстранен от преподавания проф. Экземплярский за произнесенную им на заседании *Киевского религиозно-философского общества* речь «Лев Толстой и св. Иоанн Златоуст в их взгляде на жизненное значение заповедей Христовых» (опубл.: О религии Л. Толстого. М., 1912. С. 76–113). Проф. Петров (один из инициаторов издания брошюры 1910) был отправлен в отставку по выслуге лет, а М. Н. *Скабланович* был отстранен от преподавания догматического богословия и переведен на преподавание латыни.

21 февр. 1913 г. в связи с празднованием 300-летия Дома Романовых всем 4 духовным академиям Российской империи было даровано звание «Императорские». 21 марта в Царском Селе ректоры академий получили аудиенцию у имп. Николая II. Во время аудиенции ректор еп. Иннокентий (Ястребов) прочитал приветственный адрес от всех академий.

К нач. 1913/14 уч. г. штат КДА состоял из 52 чел. (ректор, инспектор, 8 ординарных профессоров, 11 экстраординарных профессоров, 8 доцентов, 9 исполняющих должность доцента, 2 лектора, 2 помощника инспектора, секретарь Совета и Правления, помощник секретаря, библиотекарь, эконом, врач и 4 профессорских стипендиата). К кон. того же учебного года в КДА обучалось 204 студента (из них 18 иностранцев: 4 серба, 8 болгар, 3 румына, сириец, грек, черногорец). Священный сан имели

Архим. Анатолий (Гришук),
проф. КДА. Фотография. 1911 г.

30 студентов (24 иерея и 6 диаконов). 161 студент получал синодальные и частные стипендии, 43 чел. обучались за свой счет. При этом своекоштным студентам по традиции оказывалась материальная помощь Богоявленским братством.

В нач. XX в. в КДА действовали 3 студенческих научных кружка: богословско-философский, проповеднический и Златоустовский. Первый из них стремился реагировать «на волновавшие общество церковно-общественные вопросы» (Отчет о состоянии КДА в 1907–1908 уч. году // ТКДА. 1908. № 11. С. 419). Особо активно богословско-философский кружок работал в 1905–1907 гг., когда на его собраниях обсуждались проблемы реформирования системы богословского образования в России, перспектива созыва Всероссийского Церковного Собора, взаимоотношения между богословием и современной наукой и т. д. Работой кружка руководил один из представителей либерального крыла корпорации проф. Завитневич. Проповеднический кружок под руководством преподавателей гомилетики ставил целью изучение истории и теории церковного проповедничества. Члены кружка регулярно произносили проповеди в храмах Киева. Златоустовский кружок был создан в 1907 г. в связи с празднованием 1500-летия со дня смерти свт. Иоанна Златоуста. Целью кружка были изучение и популяризация в обществе творений свт. Иоанна. На собраниях кружка в систематическом порядке рассматривались беседы святителя на библейские книги, а также заслушивались студенческие рефераты, посвященные различ-

ным аспектам изучения его наследия. Работой кружка руководили проф. Богдашевский и иером. сщмч. *Анатолий (Гришук)*; в посл. митрополит).

К 1914 г. в КДА существовало неск. премий, ежегодно присуждавшихся преподавателям и студентам за научные труды: 3 премии митр. Макария (Булгакова), премия имени еп. Михаила (Лузина) за труды по Свящ. Писанию, премия им. еп. Сильвестра (Малеванского), премия им. проф. В. Ф. Певницкого, премия им. митр. *Иосифа (Семашко)* и Евгение-Румянцевская премия.

1914 — 20-е гг. XX в. Закрытие КДА. 29 июля 1914 г., т. е. почти одновременно с началом первой мировой войны, был назначен последний ректор дореволюционной КДА — еп. Василий (Богдашевский), проф. кафедры Свящ. Писания НЗ. Годы его

Прот. Ф. И. Титов, проф. КДА.
Фотография. Нач. XX в.

ректорства стали для академии временем серьезных испытаний.

1 июня 1915 г. почетными членами КДА были избраны Верховный главнокомандующий вел. кн. Николай Николаевич и главнокомандующий Юго-Западным фронтом ген. Н. И. Иванов. На средства наставников, сотрудников и студентов на фронт неоднократно отправлялись посылки с теплыми вещами и подарками для солдат. При академической больнице был открыт лазарет для раненых офицеров, к-рый содержался на 3-процентные отчисления из жалованья всех служащих при КДА. Студенты работали в лазаретах и санитарных отрядах Киева. Некоторые студенты по окончании академии поступили в военные училища, желая отправиться на фронт. Профессора также трудились в действующей армии. Так, прот. Ф. Титов являлся членом Комиссии

по пересмотру положения об управлении оккупированными областями Австро-Венгрии и, кроме того, выполнял особые поручения главнокомандующего Юго-Западным фронтом. В 1916 г. он был назначен представителем протопресвитера военного и морского духовенства в оккупированных российскими войсками областях Австро-Венгрии.

15 сент. 1915 г., когда возникла опасность оккупации Киева нем. войсками, Синод принял решение об эвакуации КДА в Казань. Переезд начался в окт., и занятия были приостановлены. Здания академии были реквизированы для военных нужд. Предполагалось, что занятия начнутся в Казани в янв. 1916 г., однако полная эвакуация КДА не была проведена. Уже в дек. 1915 г. с согласия главнокомандующего занятия возобновились в Киеве. Но поскольку здания КДА были заняты военными учреждениями, ей пришлось ютиться в различных помещениях на Подоле, а студентов размещать на частных квартирах. Все это заставило Совет КДА закончить учебный год уже в марте 1916 г. В связи с военными событиями приостановил работу ЦАМ. Осенью 1915 г. экспонаты музея были сложены в 100 ящиков, предназначенных для отправки в Казань. Однако эвакуировано было лишь 15 ящиков, к-рые вернулись в Киев уже в 1916 г. С тех пор экспозиция ЦАМ более не возобновлялась. Впосл. (в 20–40-х гг. XX в.) экспонаты ЦАМ были распределены по музейным и архивным собраниям Киева.

Война не позволила КДА отметить свой 300-летний юбилей так, как предполагалось. Программа торжеств была утверждена Синодом еще летом 1914 г. Юбилейные мероприятия должны были продлиться с 12 по 16 окт. 1915 г. Однако реализовать эту программу в условиях военного времени не представлялось возможным. Поэтому еще в апр. 1915 г. Синод принял решение отложить запланированные торжества на год (до окт. 1916). Тем не менее в окт. 1915 г. КДА все же отметила свое 300-летие. 14 окт. в соборе Братского мон-ря состоялось торжественное всенощное бдение, на следующий день служили Божественную литургию. Затем, после панихиды по почившим преподавателям и молебна о здравии профессоров и студентов, был проведен тор-

ния на Киев большевистских войск в янв. 1918 г. корпорация КДА постепенно переориентировалась на укр. власть, видя в ней единственную за-

Юбилейная виньетка к 300-летию КДА. 1915 г.

жественный акт. Проф. прот. Николай Гроссу прочел актовую речь об истории академии, ректор еп. Василий (Богдашевский) произнес слово о заслугах КДА.

Февральская революция 1917 г. повлекла за собой новые перемены в жизни КДА. Уже 8 марта Совет академии принял решение вернуть в состав корпорации уволенного в 1912 г. проф. Экземплярского. В кон. марта Синод издал новые «Временные правила» для духовных академий. Сразу после этого в КДА была создана комиссия по выработке нового академического устава, в которую вошли гл. обр. представители либерального крыла профессуры, стремившиеся продолжить автономистское движение 1905–1907 гг. В апр. 1917 г. комиссия подала в Совет свои предложения по поводу нового устава, в которых излагалась программа либерализации внутриакадемического устройства, усиления самоуправления и выборного начала. Однако уже в это время стали очевидными серьезные материальные проблемы КДА. После большевистского переворота в России финансирование КДА из Петрограда полностью прекратилось. Украинская Центральная рада, считавшая КДА реликтом старой имперской системы, также не планировала оказывать ей поддержку.

Поначалу академическая профессура довольно сдержанно отнеслась к укр. национальному движению. В авг.–сент. 1917 г. Совет даже принял специальный протест «против насильственной украинизации южной России». Тем не менее уже 21 авг. 1917 г. Совет КДА принял решение об открытии кафедр укр. истории, укр. языка и укр. лит.-ры. После октябрьского переворота 1917 г. в Петрограде и особенно после наступле-

ниту от возможных репрессий со стороны большевиков. В янв. 1918 г. было решено открыть в КДА еще одну украиноведческую кафедру: истории западнорус. права. Однако конкурс на замещение новых кафедр был оглашен лишь в мае 1918 г. Из-за недостатка средств и сложной военно-политической обстановки этот проект не был реализован.

29 апр. 1918 г. в Киеве произошел гос. переворот; к власти пришло правительство гетмана П. П. Скоропадского. Большая часть академической корпорации поддержала гетманское правительство. Во 2-й пол. мая 1918 г. было создано укр. Мин-во исповеданий, которое возглавил проф. Киевского ун-та В. В. Зеньковский (впосл. протоиерей). Профессора КДА приняли активное участие в работе этого мин-ва. Так, проф. Ф. И. Мищенко возглавил созданную при мин-ве Комиссию по подготовке законопроектов церковно-гос. характера. В состав этой комиссии вошли также Кудрявцев, Экземплярский, В. Д. Попов, Завитневич, Н. Ф. Мухин. 21 авг. 1918 г. при Мин-ве исповеданий был создан Ученый комитет, руководство к-рым было поручено проф. Кудрявцеву. Т. о., Зеньковский оказал поддержку идейно близкому ему либеральному крылу академической корпорации.

После мученической кончины митр. Владимира (Богоявленского) Киевский митрополичий престол в течение нескольких месяцев оставался вакантным. Лишь 19 мая 1918 г. в соборе Св. Софии состоялись выборы нового митрополита, им стал Антоний (Храповицкий). В ночь на 19 июня он прибыл в Киев, а 26 июня его полномочия были признаны гетманским правительством. У митр. Антония сложились достаточно натянутые отношения с академической корпорацией. В Киеве помнили его отзыв о КДА 1908 г. Кроме того, на момент прибытия в Киев митр. Антония ведущую роль в КДА вновь стали иг-

рать либералы, против к-рых ранее была направлена его критика. Поэтому академическая корпорация сделала ставку на тесное сотрудничество не с митрополитом, а с Мин-вом исповеданий, глава к-рого поддерживал реформаторские устремления профессоров.

Вскоре после создания Мин-ва исповеданий Зеньковский предложил проф. Кудрявцеву выработать временный устав КДА с учетом новой политической ситуации. В июле 1918 г. устав был подготовлен и принят Советом академии. В документе были закреплены реформаторские инициативы прежних лет. Кроме того, в новом уставе подчеркивалось, что в административном плане КДА подчиняется Мин-ву исповеданий, а в каноническом — находится под властью Киевского митрополита. Устав также утвердил создание новых кафедр: истории Украины, укр. языка, укр. лит-ры, западнорус. права и истории Украинской Церкви. 13 авг. новый устав был утвержден Советом министров Украины, а 16 авг. подписан гетманом Скоропадским. После этого правительство ассигновало средства на содержание КДА на 2-е полугодие 1918 г. 11 дек. 1918 г. устав был также утвержден *Всеукраинским православным церковным Собором*, к-рый предварительно внес в него ряд изменений, касавшихся усиления власти над КДА Киевского митрополита. Этим уставом КДА руководствовалась до нач. 1920 г.

В 1918 г. была создана Украинская Академия наук (УАН, с 1921 — Всеукраинская Академия наук, ВУАН), первым ее президентом стал В. И. Вернадский. Он старался оказывать поддержку КДА. УАН выкупила ряд частных б-к и архивов профессоров КДА, чем спасла от уничтожения мн. ценные материалы. 14 сент. 1918 г. проф. Н. И. Петров был избран академиком УАН. Неск. профессоров КДА стали штатными сотрудниками УАН. Однако гетманское правительство продержалось у власти лишь 7 с половиной месяцев. В нояб. 1918 г., после падения кайзеровской Германии и окончания первой мировой войны, гетман Скоропадский лишился военной поддержки нем. и австр. армий. 14 дек. он отказался от власти и покинул Украину вместе с нем. войсками. К власти пришла Директория Украинской Народной республики. С этого времени и вплоть до сер. 1920 г. на территории Украи-

ны шла гражданская война, а в Киеве происходили многократные смены власти. В условиях войны и революции учебный процесс в КДА приходилось неск. раз приостанавливать. Отсутствие финансирования и постоянная нехватка продуктов питания заставляла студентов и профессоров покидать Киев в поисках пропитания. Еще в 1917 г. было прекращено издание ж. Труды КДА. Кроме того, академия по-прежнему была лишена возможности размещаться в своих исторических зданиях. После реквизиции 1915 г. они не были ей возвращены в полной мере.

19–22 янв. 1919 г. Временное рабоче-крестьянское правительство Украины издало декрет «Об отделении Церкви от государства и школы от Церкви», а 25 янв. был издан декрет «О передаче всех учебных заведений в ведомство отдела просвещения». 15 февр. 1919 г. Народный комиссариат просвещения Украины издал постановление «О духовных училищах и семинариях», в соответствии с к-рым все уч-ща и семинарии на территории Украины переходили в ведомство Народного комиссариата и преобразовывались в школы общеобразовательного характера. 3 апр. временно установленная в Киеве советская власть приняла решение о закрытии КДА, однако уже в кон. авг. 1919 г., после прихода в Киев войск ген. А. И. Деникина, деятельность КДА была возобновлена. В янв. — февр. 1920 г., когда в Киеве вновь была установлена советская власть, еп. Василий (Богдашевский) и профессора КДА предприняли попытку преобразовать КДА в частное высшее учебное заведение, к-рое могло бы функционировать в соответствии с советским законодательством. 3 февр. 1920 г. Киевский губернский исполнительный комитет зарегистрировал Киевское православное богословское об-во. Его членами стали профессор и доценты КДА. При этом об-ве тогда же было создано частное высшее богословское учебное заведение под названием Киевская православная богословская академия (КПБА), к-рая считалась наследницей КДА. Хотя КПБА начала действовать уже в 1920 г., ее устав официально утвержден Синодом епископов Православной Церкви на Украине лишь 5 сент. 1921 г. До своего ареста весной 1923 г. ректором КПБА являлся еп. Василий (Богдашевский). После его ареста Совет

академии избрал на должность ректора прот. А. Глаголева, к-рый, вероятно, и руководил КПБА до ее окончательного закрытия. Однако устав КПБА предполагал, что избранный Советом ректор должен утверждаться Синодом епископов Православной Церкви Украины по представлению Киевского митрополита. Видимо, это уставное требование соблюдено не было.

В 1919–1923 гг. скончались 11 членов профессорско-преподавательской корпорации. С 1918 г. значительная часть профессоров КДА также работала в структурах УАН (с 1921 ВУАН). Так, Мищенко, Н. И. Петров, В. И. Барвинок, М. Ф. Оксюк (впосл. митр. *Макарий*) входили в состав Византологической комиссии ВУАН; прот. А. Глаголев, В. Ф. *Иваницкий*, Г. Г. Попович, В. П. Рыбинский — в состав Гебраистической комиссии ВУАН, что позволяло им продолжать научную деятельность и получать более или менее стабильный доход. Кроме того, нек-рые профессора, не имевшие священного сана, служили псаломщиками на приходах Киевской епархии.

Устав КПБА предполагал преподавание в ней следующих дисциплин: Свящ. Писание Ветхого и Нового Завета, патрология «со специальным изучением по первоисточникам золотого века восточной и западной письменности», библейская история и археология, основное и нравственное богословие, христ. метафизика с философией религии, сравнительное богословие, церковное право, общая церковная история, история РПЦ «с изучением по первоисточникам древнерусской письменности», история Западно-русской Церкви, литургика, церковная археология с историей христ. искусства, гомилетика с историей христ. проповедничества, пастырское богословие, история и обличение российского сектанства, история правосл. Церкви после 1054 г.

Количество студентов КПБА составляло 30–35 чел. Академия не имела возможности обеспечивать их общежитием и выплачивать стипендию. С 1920 г., после того как у академии были окончательно конфискованы помещения, учебные занятия и заседания Совета проходили только на частных квартирах. Преподавание велось на рус. языке. Украинизация, активно проводившаяся в светских вузах, КПБА не задела.

С 1920 по 1924 г. КПБА содержалась почти исключительно на пожертвования киевских приходов, монастырей и частных лиц. Как правило, это были продукты питания. В начале 1920 г. еп. Василий (Богдасhevский) в одном из частных писем так характеризовал состояние академии: «Крайне бедствуют... профессора академии. Бедствие дошло до того, что В. Д. Попов пошел в деревню в псаломщики; собирается в деревню и Скабаланович. Почтеннейший Н. П. Смирнов, тяжело переболевший тифом, отправился искать свободного прихода в Киевский у., ибо семья буквально умирает с голоду. Страшно подумать, что ожидает нас в будущем... Голубев до того исхудал, что прямо стал неузнаваем и еле передвигает ноги... Петров тяжело болен и лежит в кровати уже давно. А. И. Чекановский перенес тиф и потерял, к великому прискорбию, супругу, имея на своем попечении четырех детей... Н. К. Маккавейский скончался 16 сентября 1919 года. Кафедру его занял Л. А. Соколов, а нравственное богословие читает Экземплярский, потерявший почти совершенно зрение» (Сосуд избранный. 1994. С. 283).

Последние документальные свидетельства о деятельности КПБА относятся к маю 1924 г. После этого академия, видимо, окончательно прекратила свое существование. Часть профессоров подверглась репрессиям, часть оказалась в эмиграции, часть вынуждена была перебраться в др. регионы Советского Союза. Ныне профессор КДА, митр. Анатолий (Грисяк), а также более 20 выпускников КДА канонизированы в лике новомучеников и исповедников.

В. В. Буреза

Учебный процесс и научный потенциал КДА (XIX — нач. XX в.).

Библеистика. Преподавание библиологических дисциплин в КДА определялось задачами КДА как православного духовного учебного заведения. Все уставы духовных академий XIX — нач. XX в. сохраняли высокий статус библиологических дисциплин, основополагающих для всего богословского цикла. В то же время система преподавания Свящ. Писания в КДА прошла в XIX — нач. XX в. заметную эволюцию.

Уже первый ректор архим. Моисей (Богданов-Платонов-Антипов) стремился своими лекциями, прочитанными по-русски, поставить во главу

богословского образования научное изучение Свящ. Писания. Преподавание в академиях в первые годы после преобразования в нач. XIX в. велось согласно «Обозрению богословских наук в отношении преподавания их в высших духовных училищах», составленному в 1814 г. ректором СПбДА свт. Филаретом (Дроздовым) (*Филарет Московский, свт. Собр. мнений. Т. 1. С. 123–151*). Предложенная им структура богословия (*Architectonica Theologica*) на 1-е место ставила чтение Свящ. Писания и богословие толковательное (*Heperneutic*) (предваряя догматическое богословие). Тем не менее в 1-й пол. XIX в. изучение Библии в КДА еще не имело систематического и структурно определенного характера. Все же и в эти годы среди преподавателей Свящ. Писания были личности, оставившие заметный след в отечественной богословской и философской науке: прот. Н. Фаворов, архим. Антонин (*Капустин*), архим. Феофан (Авсеньев), митр. Иоанникий (Руднев). Но до принятия академического устава 1869 г. изучение Свящ. Писания не занимало в общем курсе академического образования первенствующего положения. Преподаватели часто менялись, предпочитая читать студентам др. богословские науки, поэтому профессора смотрели на свой предмет как на переходную ступень и студенты относились к нему без должного уважения.

В 30–40-х гг. XIX в. возникают первые попытки специализации в области изучения и преподавания Свящ. Писания, в частности евр. филологии и библейской археологии. Уже в уставе 1814 г. была рекомендация использовать библейские языки на практике. В 30–50-х гг. XIX в. евр. язык был предметом публичных испытаний для студентов высшего отделения. Испытания сочетались с экзегетическими упражнениями — чтением глав ветхозаветных книг с разбором еврейского оригинала или герменевтическим разбором. Язык Библии, как и само Писание, изучался студентами обоих отделений (высшего и низшего) в течение 4 лет обучения по 2 ч. в неделю. В первые 50 лет существования академии этот предмет преподавали А. А. Максимович (1819–1821), С. В. Гуляев (1821–1823), И. Д. Грузин (1823–1825), С. Ф. Соловьёв (1825–1836), И. П. Максимович (1836–1861), М. С. Гуляев (1861–1866).

Педагогическая и научно-богословская деятельность архим. Филарета (Филаретова) для преподавания Библии в КДА стала этапом. В 1851–1858 гг. он был бакалавром Свящ. Писания и в 1869–1877 гг., уже будучи ректором КДА, активно внедрял академический устав 1869 г. В эти годы он стремился сохранить преемственность в академическом преподавании Библии, выделяя систему специальных библиологических дисциплин в КДА: «Свящ. Писание Ветхого Завета», «Свящ. Писание Нового Завета», «Библейская история», «Еврейский язык и библейская археология». Последняя дисциплина стала фактически первой из библиологических специализаций в КДА, просуществовав здесь при всех преобразованиях до нач. XX в. С нач. 60-х гг. XIX в. ректор еп. Филарет настаивал на теснейшей связи преподавания евр. языка и изучения Писания, предлагая даже совмещать их преподавание. Это и было достигнуто при создании кафедры евр. языка и библейской археологии.

Еп. Филарет был автором ряда фундаментальных курсов по библиологии. В 1-й, бакалаврский период преподавания, излагая низшему отд-нию сведения о ВЗ, а высшему — о НЗ, он сообщал студентам предварительные сведения о введении в Свящ. Писание (понятие о науке, место ее в общем составе богословских наук, задачи и структура науки, ее важность; см. ст. *Исагогика*); излагал общие сведения о Свящ. Писании (различные деления книг Свящ. Писания, их отличительные свойства, общие правила изъяснения Писания); общие библиологические данные о книгах канонических, неканонических и невошедших в состав Свящ. Писания; сведения об истории текста Писания и его переводах и изданиях, в т. ч. славянских и русских. Завершалось изложение «частным обозрением» канонических и неканонических книг ВЗ и НЗ и обстоятельной информацией о каждой из них (название книги, личность писателя, цель и время написания, содержание и церковное употребление). По НЗ еп. Филарет предлагал сравнительное обозрение 4 Евангелий, их особенностей и способов объяснения различий между ними.

Во 2-й, «ректорский» период еп. Филарет в качестве ординарного профессора преподавал только ВЗ

(именно его стараниями в 1863/64 уч. г. в КДА чтение ВЗ и НЗ были разделены между 2 преподавателями). Для студентов 1-го курса еп. Филарет читал 3 ч. в неделю «общее введение» в Свящ. Писание ВЗ (происхождение и история канона ветхозаветных писаний, история сохранения и обработки текста, история переводов и изданий, начала критики текста и история его толкований). На 2-м курсе читалось «частное критико-экзегетическое введение» в ветхозаветные книги и их толкование; в разные годы это были либо исторические, либо пророческие, либо учительные книги, как канонические, так и неканонические. На некоторых книгах ВЗ еп. Филарет останавливался особо (Книги Иова, Екклесиаста; эти лекции стали основой публикаций в ж. Труды КДА). Еп. Филарет внимательно следил за достижениями европ. библейской науки и активно вовлекал студентов в процесс обучения и самостоятельного исследования.

Основные направления и традиции в преподавании Библии, заложенные в КДА еп. Филаретом, в 60–90-х гг. XIX в. развивали его сподвижники и последователи. Среди них — еп. Михаил (Лузин), в 1878–1883 гг. занимавший кафедру Свящ. Писания ВЗ, а также др. воспитанники КДА. Так, на кафедре Свящ. Писания ВЗ в эти десятилетия преподавали А. С. Царевский (1883–1891), Рыбинский (с 1892). Кафедру Свящ. Писания НЗ занимали Сольский (1864–1897) и Богдашевский. Библейскую историю в 1869–1871 гг. преподавал проф. Н. И. Щёголев, с 1857 г. также трудившийся на кафедре церковной истории. Мн. десятилетия этот предмет читал Ф. Я. Покровский (1876–1907). На кафедре евр. языка И. П. Максимович читал лекции по библейской археологии, с 1867 по 1899 г. эту кафедру занимал проф. А. А. Олесницкий — единственный профессор российских духовных академий, имевший опыт личных полевых исследований (раскопок) на Св. Земле. С 1899 г. кафедру занял А. А. Глаголев, в посл. прославившийся и в др. областях библейской науки.

С нач. XX в. состав преподавателей библеистов в КДА заметно обновился. Первой причиной этого стал перевод мн. старейших профессоров в положение «сверхштатных» и освобождение неск. кафедр.

В. П. Рыбинский, проф. КДА.
Фотография. Нач. XX в.

В результате с 1907 г. кафедру библейской истории вместо проф. Покровского в должности доцента занял выпускник КДА, кандидат, затем магистр богословия В. Ф. Ивановичий.

Др. причиной стало расширение базы для изучения Свящ. Писания в связи с принятием академического устава 1910 г. Оно выразилось в основном т. н. вторых кафедр по ВЗ и НЗ и в увеличении количества лекционных часов в неделю с разделением занятий на теоретические и практические. После того как Глаголев по собственному прошению был переведен на 2-ю кафедру Свящ. Писания ВЗ (1-ю продолжал занимать проф. Рыбинский), вакантную кафедру евр. языка и библейской археологии с 1911 г. занял магистр богословия Попович. В то время как на 1-й кафедре НЗ продолжал преподавать Богдашевский, на вакантную 2-ю кафедру был назначен доцент, затем ставший экстраординарным профессором, магистр богословия М. Э. Поснов (1910–1913). С 1914/15 уч. г. кафедры НЗ решениями Совета КДА, утвержденными Синодом, заняли соответственно магистр богословия свящ. Н. П. Смирнов и канд. богословия Н. Д. Бессарабов.

Основные обязанности преподавателей КДА, в т. ч. библеистов, в уставах формулировались несколько по-разному. Напр., в 80–90-х гг. XIX в. к ним относилось: а) «изложение своего предмета в лекциях в соответствии ее современному состоянию и в строгом согласии с духом православия... по порядку составленных и утвержденных Советом программ»; б) «руководство студентами в разработке вопросов, касающихся предметов их специ-

альных занятий и рецензирование их сочинений...»; в) «проверка знаний и оценка успехов студентов в репетициях и экзаменах»; г) «специальный труд учебный и литературный». В 10-х гг. XX в. преподавателям вменялось в обязанность чтение лекций по предметам, практические занятия со студентами по этим предметам и учено-лит. деятельность. К последней кроме научных публикаций в Трудах КДА относилась просветительская и проповедническая деятельность с элементами гомилетической экзегезы Свящ. Писания, часто выходявшая за пределы учебного процесса. Это были и популярные публикации для просвещения приходского духовенства и правосл. мирян в «Руководстве для сельских пастырей» и «Воскресном Чтении», и слова-проповеди на недельные библейские чтения во время Великого поста.

В общей структуре академического богословского образования как ветхозаветный, так и новозаветный материал кроме изложения собственного предмета использовался прежде всего во «введении в круг богословских наук» — при изложении общего понятия о религии и при сравнительном обзоре религий (тема «О религии ветхозаветной и новозаветной»). Специально же излагаемые библиологические предметы, согласно всем академическим уставам, разделялись на общеобязательные (или общеобразовательные) и преподаваемые по отделениям, в т. н. параллельных классах или группах. Так, к общеобразовательным относились Свящ. Писание ВЗ и НЗ. В период действия устава 1869 г. по ВЗ, имея 3 часовых лекции в неделю, еп. Филарет (Филаретов) и еп. Михаил (Лузин) читали студентам 1-го и 2-го курса соответственно «Общее введение» (сведения о происхождении библейских книг, историю канона и текста, переводов и изданий, начала ветхозаветной критики и толкования) и «Частное историческое и историко-критическое введение» во все ветхозаветные книги (по годам чередовались, как и прежде у еп. Филарета, книги исторические с учительными и пророческими). По НЗ проф. Сольский для студентов 3-го курса 4 ч. в неделю также читал «Общее введение» (понятие о науке, историю происхождения новозаветной письменности, о языке новозаветных текстов, об их богодухновенности)

и «Частное историко-критическое и экзегетическое введение» во все новозаветные книги (историю канона НЗ, обозрение Четвероевангелия, Деяний и Посланий апостолов, Апокалипсиса).

По уставу 1884 г. ВЗ и НЗ оставались общеобязательными предметами. По офиц. отчетам, недельная нагрузка по этим предметам состояла из «четырех лекций или не менее трех»; она варьировалась в зависимости от статуса преподавателя: доценты имели 3 ч., а профессора — 4 ч. в неделю. Как типичную можно рассматривать структуру курсов, сложившуюся в 80–90-х гг. Из ВЗ, долгое время преподаваемого доц. Царевским, затем с 1892 г. Рыбинским, на 1-м курсе излагалось историко-критическое введение в ВЗ. Оно делилось на «общее» (происхождение, собирание в канон, история толкований) и «специальное» (к каждой группе книг: законодательным, историческим, учительным). На 2-м курсе читалось историко-экзегетическое введение к пророческим книгам. Эти курсы были стандартизированы; в отдельные годы возможны были незначительные модификации. Напр., на 1-м курсе могли преподавать «Специальное введение» к историческим книгам и Пятикнижию «с разбором замечаний отрицательной критики»; на 2-м курсе излагалось содержание и толкование великих и малых пророков, к-рому предшествовали «предварительные сведения о пророках и пророческом служении».

По НЗ проф. Сольский много лет преподавал на 3-м курсе «Общее историко-критическое введение», а также «Специальное введение» к Четвероевангелию, Деяниям и соборным Посланиям апостолов «с критическим разбором отрицательных точек зрения касательно их происхождения» и «с обозрением содержания наиболее трудных для понимания мест». На 4-м курсе он же читал специальное историко-экзегетическое введение к Посланиям ап. Павла и к кн. Апокалипсис. В изложении материала, как ветхозаветного, так и новозаветного, в этот период заметно усиление научно-апологетической направленности против негативной критики Библии, развивавшейся в кон. XIX — нач. XX в. в Европе.

В уставе 1910 г. сохранялась задача обучить студентов апологетичес-

С. М. Сольский, проф. КДА.
Фотография. 1900 г.

кому подходу к их будущей деятельности прежде всего в области церковно-пастырской на базе углубленного преподавания библиологических дисциплин. И ВЗ, и НЗ теперь вели по 2 преподавателя, каждый имел по 5 лекций в неделю. Проф. Рыбинский и свящ. Глаголев по ВЗ и проф. Богдашевский по НЗ имели 3 теоретические часовые лекции и 1 практическую 2-часовую лекцию в неделю. Начинающие преподаватели, как, напр., доц. Поснов с 1910/11 уч. г., читали 2 ч. лекций по НЗ еженедельно. Сохраняя в целом структуру курсов, выработанную и апробированную в предшествующие периоды, новый устав рекомендовал специализацию преподавателей парных кафедр. Так, по кафедре ВЗ 1-му преподавателю следовало излагать «Общее введение и сведения о книгах законоположительных и исторических», а за 2-м преподавателем закреплялось изложение «О книгах учительных, пророческих и неканонических».

По кафедре НЗ 1-й преподаватель должен был читать «Введение в новозаветные книги, исагогические и экзегетические лекции о Евангелиях», а также «Историю земной жизни Иисуса Христа с опровержением всяких лживых и богохульных теорий». Чтение лекций «О Деяниях апостольских, о Посланиях апостольских и об Апокалипсисе» брал на себя 2-й преподаватель. Основной идеей была «более основательная постановка, целостность и систематичность в преподавании Свящ. Писания: хорошему богослову «нельзя ограничиваться сообщением исагогических сведений о священных

книгах и истолкованием лишь некоторых мест из них. Преподавание должно иметь своей задачей изучение всего текста Свящ. Писания с надлежащим его ученым истолкованием... для обличения лжеучений».

Преподавание в КДА «специальных», «параллельных» или «групповых» библиологических дисциплин также претерпело изменения. Так, по уставу 1869 г. евр. язык с библейской археологией и библейская история относились к «специальным» наукам, изучавшимся соответственно на богословском и церковно-историческом отд-ниях. Евр. язык и библейская археология в период действия этого устава читались доц. (с 1873 — профессором) Олесницким в числе «специальных» наук богословского отд-ния на 1-м и 2-м курсе по 2 ч. в неделю. 1-му курсу излагались общие сведения о древнеевр. языке, его история и отношение к др. семит. языкам, о семит. алфавитах, а также курс грамматики, сопровождавшийся переводом различных мест из ветхозаветных книг или определенных глав из к.-л. ветхозаветной книги — для практического изучения этимологии и синтаксиса. 2-му курсу давались задания по переводу ветхозаветных книг с текстологическим и литературно-филологическим анализом (сравнение переводов, грамматический разбор, анализ поэтической метрики), а также с «подробными археологическими объяснениями», касавшимися религ., гражданской, хозяйственной и домашней жизни древних евреев по содержанию изучаемых текстов.

По библейской истории на 1-м курсе церковно-исторического отделения при 2 лекциях в неделю проф. Щёголев несколько лет читал «Библейскую историю Ветхого и Нового Завета в полном объеме» как «Историю церкви ветхозаветной» и «Историю земной жизни Иисуса Христа». Позднее при той же нагрузке доц. Покровский излагал ветхозаветную историю «от сотворения человека» или «начала мира». Изложение ветхозаветной истории Покровский предварял «Введением в науку и кратким очерком литературы по ней».

После введения устава 1884 г. евр. язык и библейская археология преподавались в филологическом, или «словесном», классе. Сложилось и более четкое распределение этих пред-

метов по курсам: на 1-м курсе преподавался евр. язык, на 2-м — библейская археология. Но с 1889/90 уч. г., после всероссийской дискуссии в духовных академиях по этому вопросу, согласно указу Синода от 21 июля 1889 г. изучение евр. языка стало общеобязательным для всех студентов 1-го курса. Более структурированным стало и содержание лекций. Так, курс евр. языка в изложении Олесницкого включал: общее введение в семитские языки и евр. язык в частности; знакомство с алфавитом; иногда историю языка; обязательно грамматику, а для практического ознакомления с этимологией и синтаксисом евр. языка — переводы из ветхозаветных книг с разбором и объяснениями языковых трудностей. Библейская археология читалась для «словесной» группы 2-го курса и содержала: понятие о науке, ее источниках и истории; археологию религиозно-богослужебных, гражданских и домашних древностей ветхозаветных евреев. До 1889 г. еще практиковались традиц. переводы «с подробным археологическим разбором» различных ветхозаветных книг.

В «параллельном» историческом классе на 1-м курсе преподавалась библейская история по 2 ч. в неделю. Покровский излагал предмет, задачи и источники данной науки; историю первобытного человека «от сотворения мира до призвания Авраама»; историю евр. народа, его государственности и судьбы «до пришествия Спасителя мира», а также события, подготовившие крестную смерть Иисуса Христа и основание Христового царства, но теперь уже обязательно «с разъяснением недоумений, вызванных отрицательной критикой относительно библейского повествования о тех или иных событиях».

В нач. XX в. сложившаяся структура курсов была в целом сохранена и наследниками Олесницкого — Глаголевым и Поповичем, трудившимися уже по уставу 1910 г. Евр. язык как общеобязательная дисциплина преподавался на 1-м курсе по 2 лекции в неделю, а библейская археология была отнесена (вместе с библейской историей) к «групповым» предметам и читалась на 2-м курсе по 3 лекции в неделю, 2 из к-рых отводились на практические занятия. Так в КДА сложилась практически не прерывавшаяся за все время суще-

ствования академии традиция преподавания евр. языка, а в посл.— и библейской археологии. Именно в связи с практикой изучения евр. языка устав 1910 г. вообще усиливал ориентацию преподавания древних, «классических» языков, прежде изучавшихся по светским программам, на библейско-богословскую тематику. Так, «Пояснительная записка» к уставу признавала важность знания для христ. богослова не столько древних классических авторов, сколько лингвистического материала НЗ и творений отцов Церкви.

Библейская история по уставу 1910 г. также изменила свой статус. Будучи отнесена к разряду «групповых» предметов, она преподавалась в расширенном объеме: 5 лекционных часов в неделю (3 ч. теоретических и 2 ч. практических занятий). Но главное, усиливалась ее роль в апологии христ. мировоззрения. Не случайно предмет стал называться «Библейская история в связи с историей Древнего мира». Именно библейская история рассматривалась как основа, образец для изучения религ. и нравственной истории человечества; при этом историю Древнего мира, а также совр. археологию преподавали как вспомогательные части библейской истории.

Изучение Свящ. Писания в КДА предполагало также интенсивные студенческие занятия: обязательное посещение лекций; освоение специальной литературы по предметам с использованием академической библиотеки; сдачу «репетиций и ежегодных экзаменов» и особенно написание сочинений по библеистике. Ясная и структурированная система письменных сочинений сложилась в период действия устава 1884 г. В 80-х гг. XIX в., напр., на 1-м курсе из 3 курсовых (т. н. третних) сочинений 2 писалось по ВЗ; на 3-м курсе 3-е сочинение — по НЗ. На 4-м курсе студенты писали сочинения на соискание ученой степени по разным наукам на богословские темы, объявленные им в начале отчетного года. Заметное место среди этих тем занимало исследование Библии в различных аспектах. Так, в разные годы от 9% (5 из 54) до 15% (6 из 40) кандидатских сочинений посвящались библейской археологии, библейской истории, археологии и культуре, исагогике и экзегезе, библейскому богословию, сравнительно-религиозному изучению Биб-

лии. Лучшие кандидатские сочинения (порой до половины из них были по библеистике) на следующий год после доработки, публикации и успешной защиты на коллоквиуме засчитывались как магистерские работы.

Отзывы преподавателей, рассматриваемые на заседаниях Совета академии в разные годы, свидетельствуют о критериях оценки и результатах студенческих работ. Целью изучения Свящ. Писания студентами было «надлежащее толкование» прежде всего вероучительных частей текста. Для этого приветствовалось широкое использование библиографических и исагогических данных; внимание к текстологическим и филологическим особенностям, к историко-культурному контексту описанных в Библии событий. Важной считалась защита достоверности, единства и целостности библейского текста. Такая апологетика была направлена против рационалистической «отрицательной критики».

Наиболее надежным считалось привлечение в начале исследования святоотеческих и лишь затем совр. зап. и отечественных комментаторов. Знакомство с комментариями требовалось не для демонстрации эрудиции, а для «лучшего понимания апостольского учения». Использование зап. лит-ры оценивалось как вынужденное, говорилось о необходимости избегать ее идейного и терминологического влияния. Одобрялась «простота и естественность» в экзегезе, «сдержанность в суждениях и умеренность в изложении», стремление понять библейский текст «не только с точки зрения научной, теоретической, но и жизненно-практической». Основой «целиком научного отношения» должна была стать «вера в Священное Писание как в слово Божие». Минимум, позволявший студенту претендовать на степень кандидата богословия, — способность, пусть и без «глубокого понимания», «овладеть предметом в общедоступной форме» и результаты передать «общепонятным языком», не прибегая к «изысканным толкованиям», но придерживаясь отеческих комментариев как «путеводителей».

В области библейского образования в КДА во 2-й пол. XIX — нач. XX в. имели место: а) опыты написания исагогических введений (еп. Филарет (Филаретов) и Сольский);

б) поиски путей создания школьной (или популярной) Толковой Библии на основе общедоступного (синодального) текста (Олесницким, Покровским, Рыбинским); в) организация дискуссий о повышении уровня преподавания библейских знаний в правосл. духовных школах (1896–1897); г) обсуждения вопроса о более эффективном преподавании в правосл. духовных школах оригинальных библейских языков как базы для профессионального изучения Свящ. Писания (1889–1890).

Вклад КДА в отечественную библеистику очевиден прежде всего в областях: а) переводов Свящ. Писания и святоотеческих библейских комментариев, а также сопутствующих им палеографических, текстологических и филологических исследований; б) различных библиологических дисциплин в связи с разработками программ их преподавания.

Так, еще в 20-е гг. XIX в. А. А. Максимович и С. В. Гуляев по поручению Комиссии духовных уч-щ переводили кн. Левит; в тесной связи с преподаванием библейских языков и практикой переводов находились и научные работы С. Ф. Соловьёва, к-рый в 1827 г. составил араам. грамматику, заслужившую похвалу гебраиста проф. прот. Герасима Павского. И. П. Максимович и М. С. Гуляев принимали участие в подготовке рус. перевода Библии. Максимович выполнил переводы с древнееврейского первых 19 глав 1-й Книги Царств и Книги Екклесиаста (ТКДА. 1861; ХЧ. 1861. Т. 2. № 4. С. 1–28). Гуляев перевел 4 Книги Царств, 2 книги Паралипоменон, Книги Ездры, Неемии, Есфири. Переводы сопровождались историческими и филологическими примечаниями (Исторические книги Свящ. Писания Ветхого Завета. К., 1866). Выдающиеся заслуги в этой области принадлежат Олесницкому: его переводы ветхозаветных книг пророков Исаии, Иеремии, Иезекииля, Даниила печатались в 1865–1873 гг. в Трудах КДА. Им написан ряд работ по библейской текстологии и ветхозаветной поэзии (Рифм и метр ветхозаветной поэзии // ТКДА. 1872. № 10. С. 242–294; № 11. С. 403–472; № 12. С. 501–592; Тенденциозные корректуры иудейских книжников (соферимов) в чтении Ветхого Завета // Там же. 1879. № 5. С. 3–54). В нач. XX в. в создании переводов зап. учителей Церкви принимали учас-

тие как профессора старшего поколения, так и молодые преподаватели. Напр., комментарии блж. Августина на НЗ переводил еп. Василий (Богдашевский), привлекались Смирнов и Бессарабов; комментарии блж. Августина на ВЗ переводили Рыбинский, Глаголев, Иваницкий, Попович (см.: Журнал от 26 янв. 1916 г. // Извлечения из Журналов Совета КДА за 1915–1916 уч. г. К., 1916).

Труды киевских библеистов по исагогике и экзегезе ветхозаветного и новозаветного текстов стали прямым продолжением их преподавательской работы; характерной особенностью публикаций в этой области была возможность непосредственного использования многих из них в качестве учебных пособий. Так, еп. Филарет (Филаретов) в связи со своими лекциями подготовил ряд исагогических исследований учительных и поэтических книг ВЗ (Песни степеней // ВЧ. 1856/1857. Т. 20. № 41. С. 390–395; № 52. С. 517–522; Происхождение книги Иова: Библиологическое исслед. К., 1872; Происхождение книги Екклесиаст. К., 1875). Профессор по кафедре Свящ. Писания НЗ Сольский публиковал исагогические лекции к книгам ВЗ и НЗ, анализировал историю библейской критики и толкований Свящ. Писания (Из чтений по Ветхому Завету // ТКДА. 1870. № 9. С. 589–640; 1871. № 7. С. 71–117; Из лекций по Новому Завету // Там же. 1877. № 8. С. 243–284; 1878. № 4. С. 98–127; Краткий очерк истории священной библиологии и экзегетики // Там же. 1866. № 10. С. 157–190; № 11. С. 305–342; № 12. С. 466–506; Употребление и изучение Библии в России // ПО. 1868. Т. 27. № 10. С. 145–180; № 11. С. 251–270; Обзор трудов по изучению Библии в России с XV в. до настоящего времени // Там же. 1869. Т. 1. № 2. С. 190–221; № 4. С. 538–577; № 6. С. 797–822). Сольский одним из первых сформулировал задачу изложения исагогических сведений на должном научном уровне и предложил пути ее решения (Каков может быть состав научных введений в книги Свящ. Писания в настоящее время? // ТКДА. 1887. № 3. С. 358–376). Значительные исагогические труды принадлежат Олесницкому; кроме анализа отдельных книг ВЗ им написаны работы по исследованию и систематизации святоотеческой экзегетики (Книга Песни Пес-

ней (Шир га-Ширим) и ее новейшие критики. К., 1882; Книга Притчей Соломоновых (Мишле) и ее новейшие критики. К., 1884; Руководственные о Свящ. Писании Ветхого и Нового Завета сведения из творений св. отцов и учителей Церкви. СПб., 1894).

А. С. Царевский посвятил магистерскую диссертацию исагогическим вопросам в ветхозаветных исторических книгах. Среди его трудов — введение в ВЗ, из к-рого опубликован раздел о Пятикнижии (Происхождение и состав 1-й и 2-й книги Паралипоменон. К., 1878; Введение в Свящ. Писание Ветхого Завета: Пятикнижие Моисея. К., 1890). Его преемник по кафедре Рыбинский с позиций правосл. исагогики полемизировал с представителями панвавилонистского направления в зап. библеистике (см. в ст. *Библеистика*), писал о ветхозаветном профетизме (см., напр.: К вопросу об отношении Библии к Вавилону. К., 1904; Ветхозаветные пророки // ТКДА. 1907. № 12. С. 603–619), затрагивал некоторые аспекты научно-популярного преподавания вводных знаний о Библии и его воспитательного значения (Библия для детей // Там же. 1897. № 1. С. 3–34; О Библии. К., 1902; Библейская ветхозаветная критика // ТКДА. 1908. Т. 3. № 12. С. 573–613).

Крупнейшим специалистом по исагогике и экзегезе НЗ был архиеп. Василий (Богдашевский). Церковное Предание в его работах рассматривалось как основа решения всех актуальных вопросов библейской науки. К его наиболее зрелым исагогическим и экзегетическим трудам относятся докторская диссертация о Послании ап. Павла к Ефессянам и исследование Евангелия от Матфея (Послание св. ап. Павла к Ефессянам: Исагогико-экзегетич. исслед. К., 1904; Евангелие от Матфея: Критико-экзегетич. исслед. К., 1915). Еще один постоянный аспект трудов архиеп. Василия (Богдашевского) — апология историчности новозаветного повествования (О Евангелиях и евангельской истории: (Против совр. рационализма). К., 1902; Исторический характер книги Деяний Апостольских // ТКДА. 1909. № 11. С. 381–425; Об источниках книги Деяний Апостольских // Там же. 1910. № 10. С. 169–202; Хронология книги Деяний Апостольских // Там же. 1911. № 1. С. 1–29). Конкретным

проблемам толкования новозаветных текстов посвящен ряд его работ (напр.: Экзегетические заметки. К., 1904–1911. Вып. 1–7). Глаголев критиковал положения школы Ю. Велльгаузена о происхождении священства и, шире, об атрибуции книг Пятикнижия (Комментарий на книгу Левит // *Лопухин*. Толковая Библия. 1905. Т. 1. С. 408–503; Левиты и Левино колено // ТКДА. 1912. № 2. С. 171–190; № 3. С. 341–361; Книга Левит. К., 1914).

Преподавание библейской истории в КДА было неразрывно связано с научными исследованиями. Щёголев, раскрывая смысл ветхозаветной истории, признавал важность сопоставления ветхозаветной религии с религиями др. народов древности и поиска провиденциального смысла в существовании язычества (Призвание Авраама и церковно-историческое значение этого события. К., 1873). Исторический анализ библейских книг был темой исследований Покровского, к-рый полемизировал с представителями рационалистической исторической критики и утверждал супранатуралистический подход к реконструкции библейской истории (см., напр.: Разделение Еврейского царства на царства Иудейское и Израильское. К., 1885; По поводу возражений современной критики против существования Моисеева закона ранее древнейших пророков-писателей. К., 1890).

Ветхозаветная история в контексте истории Др. Востока, история ветхозаветного и межзаветного иудейства были и в кругу научных интересов Рыбинского (Религиозное влияние иудеев на языческий мир в конце ветхозаветной и в начале новозаветной истории и прозелиты иудейства. К., 1898; Исторический очерк лже-мессианских движений в иудействе. К., 1901). Его фундаментальные работы посвящены самарянской традиции в ее связи с традициями ветхозаветной и гностической; здесь автор также применил сравнительно-религиоведческий анализ Библии (Самаряне: Обзор источников для изучения самарянства. История и религия самарян. К., 1913). Известны труды Поснова, к-рый на основе библейского материала также исследовал ветхозаветную и межзаветную историю (см., напр.: Иудейство: (К характеристике внутренней жизни еврейского народа в после-пленное время). К., 1906). Истории иудейской эл-

линистической диаспоры были посвящены исследования Иваницкого, последнего преподавателя библейской истории КДА (О происхождении иудейского эллинизма Александрии // ТКДА. 1912. № 2. С. 253–269; Иудейско-арамейские папирусы с о-ва Элефантины и их значение для науки Ветхого Завета // Там же. 1914. № 11. С. 259–301).

В области библейской археологии наиболее плодотворным киевским библеистом кон. XIX — нач. XX в. был Олесницкий. Работая в 70–80-х гг. XIX в. над изучением древних памятников Палестины, он создал ряд фундаментальных описательных и обобщающих трудов (см., напр.: Святая Земля. К., 1875–1878. 2 т.; Ветхозаветный храм в Иерусалиме. СПб., 1889; Мегалитические памятники Св. Земли. СПб., 1895; Библейская археология. Пг., 1920). Библейская археология и связанные с ней социально-религ. вопросы были отдельными областями научно-богословских интересов Глаголева (Древнееврейская благотворительность. К., 1903; Иерусалим библейско-иудейский и частию современный в историко-археологическом отношении. [К.,] 1905; Закон ужичества или левиратный брак у древних евреев: (Библейско-археол. очерк) // ТКДА. 1914. № 4. С. 519–540). Этому предмету также был посвящен ряд очерков Рыбинского (Древнееврейская суббота. К., 1892; По поводу новейших археол. раскопок в Палестине // ТКДА. 1908. № 11. С. 436–458; О паломничестве в Иерусалим в библейское время // Там же. 1909. № 11. С. 495–515).

Преподаватели базовых библиологических предметов оставили интересные работы и в области библейского богословия. Так, Сольский уже в докторской диссертации заявил о своей приверженности супранатуралистическому подходу в понимании Свящ. Писания (Сверхъестественный элемент в новозаветном откровении по свидетельствам Посланий ап. Павла. К., 1877). Библейской ангелологии посвящено исследование Глаголева, к-рый применял сравнительно-религ. метод и привлекал данные истории религий Др. Востока (Ветхозаветное библейское учение об ангелах: (Опыт библейско-богосл. исслед.). К., 1900). Поснов исследовал историософию Библии (Идея завета Бога с израильским народом в Ветхом Завете:

Опыт богосл.-филос. обозрения истории израильского народа. Богуслав, 1902; Взаимодействие двух факторов в истории израильского народа — Божественного и человеческого. К., 1903).

Значительным вкладом в развитие отечественной библейской науки было участие профессоров-библеистов КДА во всероссийских научно-богословских проектах: в составлении Толковой Библии под ред. А. П. Лопухина (см., напр.: комментарии Глаголева к 3–4-й Книгам Царств, Книге Товита, Книге пророка Наума, Деяниям св. апостолов, к 3 Посланиям Иоанна; комментарии Рыбинского к Книгам пророков Амоса, Осии, Иоилья, Михея, Авдия) и в Православной Богословской Энциклопедии под ред. Н. Н. Глубоковского (см., напр.: статьи Глаголева «Апокалипсис» в т. 1; «Иегова» в т. 6; «Календарь библейско-еврейский и иудейский» в т. 8. и Рыбинского — «Иеговисты и Элогисты», «Иезекииль», «Иисус, сын Сирахов», «Иов», «Иоиль», «Казни египетские» в томах 6, 7).

Преподавательская и исследовательская работа требовала постоянного внимания к достижениям европ. и отечественной библейской науки. Этому способствовали и регулярная комплектация академической б-ки, и практика рецензирования, и образцовые ежегодные обзоры лит-ры по библеистике, в создании к-рых особая роль принадлежала ведущим профессорам-библеистам (см., напр.: *Царевский А. С.* Библейская лит-ра истекшего года на Западе // ТКДА. 1882. № 4, 10; 1883. № 9, 12; 1884. № 5; 1885. № 4, 11; 1887. № 3; 1888. № 2, 3; *Рыбинский В. П.* Заметки о лит-ре по Свящ. Писанию Ветхого Завета за истекший год. К., 1898, 1899, 1900; *Глаголев А. А.* Новости немецкой лит-ры по библейской археологии // ТКДА. 1901. № 11. С. 466–474; № 12. С. 610–618).

Кроме штатных профессоров-библеистов в развитии библейской науки в КДА в разные годы принимали участие преподаватели и воспитанники, к-рые либо сочетали свои библеистические работы с работами в др. областях богословия, либо писали по Свящ. Писанию выпускные и магистер. сочинения, вполн. напечатанные. Так, труд по библейской хронологии выпускника и магистра КДА архиеп. *Сергия (Спаского)* (1857) стал одним из первых

в правосл. библеистике исследованием этого вопроса с привлечением внебиблейских источников по истории Древнего мира. Свои палеографические и переводческие опыты в 60–70-х гг. XIX в. публиковал еп. *Порфирий (Успенский)*. Выпускник КДА архим. Антонин (Капустин) перевел работы зарубежных исследователей, связанные с библейской археологией (1875), много сделал для пополнения Церковно-археологического музея КДА, в нач. 80-х гг. XIX в. руководил археологическими раскопками в Иерусалиме. Профессор по кафедре патрологии К. И. Скворцов был автором работ по атрибуции библейских апокрифов (1862, 1873), проблемам канонической и апокрифической христологии (1876). Профессор философии Д. В. Поспехов известен докторской диссертацией по ветхозаветной неканонической Книге премудрости Соломона (1873). Х. М. Орда (впосл. еп. *Ириней*), выпускник КДА, преподаватель Свящ. Писания и ректор КДС, написал несколько учебников по книгам ВЗ (1871, 1872, 1882), переводил толкования на библейские книги и историко-религ. очерки зарубежных авторов, рецензировал публикации зап. библеистов. Исагогико-экзегетические пособия по изучению Свящ. Писания А. В. Иванова, неоднократно переиздаваемые (1872–1873, 1886), получили высокую оценку Сольского. Социально-правовые и экономические аспекты истории Древнего мира по свидетельствам библейских книг были проанализированы, в частности, в трудах С. А. Булатова (1883, 1886). Общественный и религ. институт брака и его понимание, отраженное в Библии, исследовал свящ. Н. С. *Стеллецкий* (1892). Одним из первых в отечественной библеистике Н. Ф. Мухин в магистерской диссертации о Послании ап. Павла к Колоссянам (1897) использовал т. н. критические издания греч. текстов НЗ (в т. ч. *К. Тишендорфа*). Анализ рукописной традиции, древних переводов, истории текста, вопросов атрибуции и литературных форм был предложен в историко-экзегетической магистерской диссертации о Книге Плач Иеремии М. Д. *Благовещенским* (1899). Детально рассмотрению святоотеческой традиции толкования и полемике с т. н. школой истории религии посвящена магист. диссертация о Книге пророка Осии И. А. *Бродовича*

(1901). Вклад в библейскую науку Н. К. Маккавейского, профессора по кафедре педагогики, определялся профессиональными интересами — ему принадлежат работы по воспитанию и образованию у древних евреев (1903). Проф. Н. М. Дроздов в магист. и докт. диссертациях сделал анализ ветхозаветных Книг Иудифи (1876) и Товита (1901); он обращался также к вопросу о согласовании библейских свидетельств с данными ассириологии (1896). М. Н. Скабланович в работах о Книге пророка Иезекииля (1905–1909) предложил глубокий сравнительно-религиоведческий анализ библейской символики с использованием материала древневост. искусства. В. И. Экземлярский также касался библиологической тематики — и в докторской диссертации о библейском и святоотеческом учении о священстве (1904), и в статье, посвященной евангельскому пониманию проблем общественной жизни (1913). Наконец, монография одного из последних профессоров КДА, митр. Макария (Оксиюка), посвященная учению ап. Павла об оправдании (1914), представляла отечественное православное библейское богословие в области, прежде освоенной лишь протестант. исследователями.

С. И. Головащенко

Догматическое богословие. По уставу 1809–1814 гг. в духовных академиях богословский курс читался в течение 3-го и 4-го года обучения и включал «богословие толковательное» (герменевтика), «богословие созерцательное» (догматическое), «богословие деятельное» (нравственное), «богословие обличительное» (сравнительное), «богословие собеседовательное» (гомилетика) и каноническое право. Типовой конспект преподавания богословских наук, составленный в СПбДА в 1814 г. и впосл. разосланный Комиссией духовных уч-щ в др. академии, предполагал, что догматическое богословие преподается в течение 3-го года обучения вместе с герменевтикой. Остальные разделы богословия изучались на 4-м году обучения. В 1819 г. в новооткрытой КДА преподавание догматического богословия было поручено ректору, а остальные разделы богословия распределялись между бакалаврами. Первым профессором догматического богословия стал 1-й ректор архим. Моисей (Богданов-Платонов-Антипов). Лекции по дог-

матике он читал на латыни, полный курс догматики преподавал в 1821–1823 гг. Его курс состоял из 2 частей: введения в богословие и собственно догматического богословия. В основу лекций архим. Моисей положил новейшее на тот момент изложение католич. богословской системы бенедиктинца Мариана Доб-

Архим. Моисей (Богданов-Платонов-Антипов), ректор КДА. Портрет. Сер. XIX в.

майера (*Dobmayer M. Systema Theologiae Catholicae / Ed. Th. P. Senestrey. Solisbaci, 1807–1819. Vol. 1–8*). Некоторые части его лекций полностью заимствованы у Добмайера. Введение в богословие (*Introductio in universam Theologiam Christianam*) вслед за Добмайером архим. Моисей разделил на 5 основных частей: 1) о религии в целом (*De religione in genere*); 2) о естественной религии (*De religione naturali*); 3) о богооткровенной религии (*De religionis revelatae*); 4) о христ. религии (*De religionis christiana*) и 5) о богословии (*De theologia*). Программа преподавания догматики была разделена на 3 части: теогнозия (*theognosia*), сотериология (*soteriologia*) и дикестология (*dikestologia*). В свою очередь 1-я часть состояла из 7 пунктов: 1) понятие о Боге и действительность Его бытия; 2) способы богопознания; 3) учение о существе Божиим; 4) учение о Св. Троице; 5) богословская космология (учение о творении мира и о Промысле Божиим); 6) учение о духах (оно именовалось «пневматологией») и 7) антропология. Вторая часть включала 3 раздела: 1) о падении человека и первородном грехе, 2) о Христе Спасителе и 3) об усвоении людьми спасения, совершенного Христом. Третья часть также разделялась

на 3 подраздела: 1) об определении Божественного суда, 2) об исполнении Божественного определения в смерти каждого человека и 3) об исполнении Божественного определения при конце мира. Эта система имела очевидные недостатки. Главный из них — полное отсутствие учения о Церкви. Тем не менее структура курса архим. Моисея оказала заметное влияние на преподавание профессоров последующих лет.

В марте 1824 г. архим. Моисей был хиротонисан во епископа Старорусского и покинул Киев. Ректорскую должность занял свт. Мелетий (Леонтович), к-рый преподавал Свящ. Писание, а чтение догматики поручил новому инспектору архим. Смарагду (Крыжановскому; вполн. архиепископ). Судя по сохранившимся экзаменационным программам 1824–1825 гг. (ЦГИАК. Ф. 711. Оп. 1. Д. 276, 332), его курс во многом совпадал с программой лекций архиеп. Моисея и включал введение в богословие и догматику. Однако в догматическом курсе архим. Смарагда встречается ряд частных отступлений от программы архиеп. Моисея. Кроме того, если введение в богословие архиеп. Смарагда читал по-латыни, то лекции по догматике — уже по-русски.

В 1826 г. новым ректором и профессором богословия КДА стал архим. Кирилл (Куницкий; вполн. епископ). В отличие от выпускников СПбДА архиеп. Моисея и свт. Мелетия еп. Кирилл был воспитанником Киево-Могилянской академии, что отразилось на структуре его богословского курса. Фактически он вернулся к дореформенной схеме преподавания богословия. Возмозно, это было связано с его симпатией к старой школе Киевского митр. Евгения (Болховитинова). Лекции еп. Кирилла состоят из «Введения в христианское богословие» (prolegomena) и 2 основных частей: «О Боге в Самом Себе» (ad intra) и «О Боге во вне» (ad extra). Такое деление восходит к догматике архиеп. Феофана (Прокоповича). Во 2-й пол. XVIII — нач. XIX в. оно считалось нормативным. В частности, именно такая структура богословского курса зафиксирована в Академической инструкции 1763 г. Кроме того, еп. Кирилл вновь стал читать лекции на латинском языке, что также было возвратом к традициям старой академии.

Еп. Иннокентий (Борисов),
ректор КДА. Портрет. XIX в.

Принципиальные перемены в преподавании богословских дисциплин произошли после назначения на должность ректора КДА (в 1830) свт. Иннокентия (Борисова). Еще до назначения в КДА, когда свт. Иннокентий был профессором СПбДА, его уничижительно называли «неологом», т. е. богословским новатором. Это обвинение выдвигали и в годы его преподавательской деятельности в КДА. Свт. Иннокентий полностью перешел на рус. язык в преподавании богословия, что привлекло к его лекциям особое внимание студентов. Как вспоминал один из его учеников, «когда стал читать лекции... Иннокентий, то он до того увлек нас, что мы находили его несравненным» (Сokolov Н. И., *прот.* Восп. и автобиография // Киев. старина. 1906. Т. 94. № 10. С. 180). На студентов производила особое впечатление сама манера его преподавания: «Слушатели Иннокентия видели у него богословскую истину, строгую и важную, в таком блестящем облачении, какого они никогда себе и не представляли, привыкши к прежней схоластической манере изложения» (Сб. из лекций бывш. профессоров КДА. 1869. С. III).

В 1830/31 уч. г. свт. Иннокентий прочел студентам 5-го академического курса лишь 2-ю часть программы лекций по богословию (1-ю часть успел прочесть прежний ректор — архиеп. Смарагд (Крыжановский)). Студентам 6-го академического курса (1831–1833) он преподавал введение в круг богословских наук и полный курс догматики. 7-му академическому курсу в 1-й пол. 1833/34 уч. г. он также прочел введение в богосло-

вие, во 2-й половине года и в следующем 1834/35 уч. г. — богословие нравственное (т. н. деятельное). Догматику этому курсу читал бакалавр иером. Мелитон (Переверзев). Но 8-му академическому курсу (1835–1837) свт. Иннокентий, по-видимому, уже не преподавал. Став епископом, он лишь изредка читал лекции на отдельные темы. В нач. 1836 г. его сменил на богословской кафедре архим. Димитрий (Муретов). Т. о., в полном объеме курс догматического богословия был прочитан свт. Иннокентием в КДА лишь один раз. Хотя лекции он читал по-русски, программы составлял по-латыни.

Программа лекций свт. Иннокентия (Борисова) по введению в богословие (Ex prolegomenis in theologiam universam) чрезвычайно близка к программе архиеп. Моисея (Богданова-Платонова-Антипова). Проф. М. Ф. Ястребов, сравнивший 2 программы, пришел к выводу, что свт. Иннокентий взял за основу конспект архим. Моисея, заметно его переработав: «По конспекту Моисея прошла, очевидно, рука первостепенного мастера» (Ястребов. 1900. С. 535). Важной новацией свт. Иннокентия стало предложенное им разделение богословия и богословского курса на 2 части: религиозистики и экклезиастики. Первая посвящена религии в самой себе, 2-я — религии в ее проявлениях в обществе. Религиозистика в свою очередь включает догматическое и нравственное богословие. Экклезиастика охватывает «символику» (учение о Символах веры), литургику, «иерархику» (наука о лицах, совершающих церковные службы) и канонику. Отдельную группу богословских наук составляют, по классификации свт. Иннокентия, аскетика и пастырское богословие с гомилетикой. Поскольку все отделы богословия постоянно вызывали противодействие со стороны «лжеименной мудрости», то они обязательно должны были сопровождаться «полемикой» (т. е. полемическим (сравнительным) богословием).

Конспект свт. Иннокентия по догматическому богословию повторяет структуру курса архиеп. Моисея. Он разбит на те же 3 части: теогнозию (theognosia), сотериологию (soteriologia) и дикестологию (dikestologia). Но свт. Иннокентий дает свое обоснование такой структуре. В основу этого деления он полагает идею

Царства Божия: «Царство Божие — такое понятие, которое может и должно быть средоточием, куда должны сходиться и действительно сходятся все истины веры, потому что учение веры есть учение о царстве Божиим». Отсюда и разделение догматики на 3 части: «1) учение о Боге как Основателе нравственного царства, 2) учение о Боге, как Восстановителе этого царства, 3) учение о Боге как Судии Своего царства» (цит. по: Там же. С. 552). Исходя из своей главной идеи, свт. Иннокентий существенно переработал курс архиеп. Моисея, дополнив его рядом разделов (напр., он добавил в программу учение о Церкви). В результате был создан целостный план догматического богословия.

Новаторское содержание лекций свт. Иннокентия (Борисова) навлекло на него подозрения в вольнодумстве. В 1834 г. по инициативе Московского митр. Филарета (Дроздова) в Синоде было возбуждено секретное дознание «об образе мыслей архим. Иннокентия», поводом для которого послужили студенческие записи его лекций. Свт. Иннокентий был оправдан и получил разрешение продолжать преподавательскую деятельность. Однако после этого он требовал, чтобы студенты подавали ему конспекты для просмотра.

В 1836 г. догматику в КДА начал преподавать иером. Димитрий (Муретов; вполс. архиепископ). С сент. 1837 г. он становится профессором догматического богословия. Несмотря на то что архиеп. Димитрия обычно считают учеником свт. Иннокентия (Борисова) и продолжателем его традиций, сравнение студенческих записей лекций архиеп. Димитрия с сочинениями свт. Иннокентия выявило в них существенные различия. Скабалланович писал: «Курс архиеп. Димитрия выше и по творческому таланту, по свежести и силе мысли» (Скабалланович. 1911. С. 447). Ястребов определял метод преподавания архиеп. Димитрия как «историко-библейский» в противоположность «субъективно-спекулятивному» методу свт. Иннокентия. Курс архиеп. Димитрия делился на 2 части: общую (учение о Боге как предмете веры) и «особенное» (учение о спасении рода человеческого Сыном Божиим). В 1-ю ч. входили учение о Троице-Едине Боге, о действиях Троице-Едине Бога в мире (уче-

ние о творении мира, Промысле Божиим, ангелах, человеке), во 2-ю — учение о приготовлении рода человеческого к принятию Искупителя, о пришествии Иисуса Христа и Его служении. Современники вспоминали архиеп. Димитрия как даровитого преподавателя, лекции которого пользовались популярностью у студентов. «Он... изумляет всех разнообразием своих сведений, необъятностью своей памяти, энциклопедическим знанием всего, что входит как-нибудь в сферу богословия, и, кончая необъятную свою лекцию, выходит сам со своими слушателями утомленным, измученным» (Дневник В. И. Аскоценского. 1882. № 2. С. 336).

В 1851 г. ректором и профессором догматического богословия КДА был назначен архим. Антоний (Амфитеатров). Во время обучения в КДА он слушал лекции свт. Иннокентия (Борисова) по религиозистике; догматику ему преподавал архиеп. Димитрий (Муретов). Вполс. архиеп. Антоний вспоминал, что он симпатизировал методу преподавания архиеп. Димитрия, о чтении же свт. Иннокентия говорил: «Мне не по душе было особенно то мистифицирование, в котором как-то безразлично перемешивалось человеческое психофилософическое содержание с истинно христианским... Оно не увлекало, а держало как бы ум в раздумье, но бесплодном» (цит. по: Сергей (Василевский), архим. Высокопроев. Антоний (Амфитеатров), архиеп. Казанский и Свияжский. Каз., 1885. Т. 1. С. 70). Курс свт. Иннокентия он называл «богословским философствованием». По окончании КДА архим. Антоний был сначала инспектором, а затем ректором КДС, где с 1841 по 1847 г. преподавал догматическое богословие. Под рук. своего дяди свт. Филарета (Амфитеатрова) он подготовил к печати учебник «Догматическое богословие» (К., 1848). При его написании архим. Антоний ориентировался на лекции по догматике архиеп. Димитрия (Муретова), а также на курс лекций по догматике, к-рый свт. Филарет (Амфитеатров) читал в МДА, когда занимал ректорскую должность. Позже свт. Филарет даже отмечал, что книга архим. Антония является переводом его лекций по догматике с латинского на рус. язык с дополнениями (Леонтий (Лебединский). 1913. С. 326). Книга была написана

в течение 1841–1847 гг. и параллельно по требованию свт. Филарета проходила апробацию в КДС. Лишь после того как курс догматики, написанный архим. Антонием, был им неск. раз прочитан воспитанникам семинарии, свт. Филарет представил рукопись на одобрение в Синод. За этот труд архим. Антоний получил степень д-ра богословия. С 1848 г. учебник являлся главным

Еп. Антоний (Амфитеатров),
ректор КДА. 2-я пол. XIX в.

пособием по догматике для духовных школ Российской империи. Поэтому к моменту назначения на должность ректора архим. Антоний был уже известен как авторитетный специалист и преподаватель догматического богословия.

Во вступительной части своего курса архим. Антоний указывал, что догматическое богословие имеет 2 «главные составные части»: учение о Троице-Едине Боге и учение о домостроительстве Божиим. Первая часть «есть собственно по преимуществу Богословие, начало и верх Богословия». Вторая же часть «есть Богословие применительное, созерцающее Бога в Его действиях во вселенной или царстве Божиим» (Антоний (Амфитеатров), архим. Догматическое богословие Православной Кафолической Восточной Церкви, с присовокуплением общего введения в круг богословских наук. СПб., 1862⁸. С. 38). Его курс имел следующую структуру. После введения, содержащего понятие о богословии, определение его начал, состава и метода, следуют 2 основные части. В 1-й ч. имеется 2 отделения: учение о Боге Едине по преимуществу и учение о таинстве Пресв.

Троицы. Во 2-й ч.— 3 отд-ния: о вселенной вообще (о творении мира и о Промысле Божиим), учение об ангелах, учение о человеке. В последнее отд-ние («о человеке») включены темы о первобытном состоянии человека и его грехопадении, а также о деле его спасения во Христе (приготовление человеческого рода к таинству искупления, совершение искупления в пришествии на землю Христа Спасителя, усвоение таинства искупления человеческому роду, учение о Церкви, учение о последней судьбе человеческого рода и о Царстве Славы). Т. о., в этой схеме христология, сотериология, экклезиология, сакраментология и эсхатология оказываются фактически включенными в учение о человеке (антропологию).

В годы ректорства архим. Антония готовилось 2-е изд. его курса догматики. Пересмотр содержания книги для нового издания Синод поручил архиеп. Григорию (*Постникову*), к-рый высказал ряд критических замечаний и предложил внести в текст исправления. Однако архим. Антоний дал на замечания рецензента пространный письменный ответ и отказался от внесения в книгу предложенных поправок. Несмотря на то что свт. Филарет (*Амфитеатров*) поддержал архим. Антония, в Синоде его поступок произвел неблагоприятное впечатление. Впосл. это осложнило взаимоотношения между архим. Антонием и архиеп. Григорием.

По отзывам современников, архим. Антоний читал лекции «скучно», «не владел даром импровизации» и «не обнаруживал такой глубокой и многосторонней учености, такого увлекающего таланта, каким восторгались студенты в архим. Димитрии [(*Муретове*)]». Однако архим. Антоний «был человек сильной веры, глубокого убеждения, живой любви к истине, и это восполняло не особенно сильную научную сторону его богословских чтений» (*Леонтий (Лебединский)*). 1913. С. 324–325). В преподавании он полностью опирался на свой учебник, даже в аудиторию приходил с учебником в руках, на экзаменах также требовал давать ответы по своей книге. По структуре его лекции скорее напоминали проповеди: в начале всегда был «приступ» с указанием темы и плана лекции, а в конце обязательно присутствовало нравствен-

ное приложение. Это вполне соответствовало тому методу, который архим. Антоний сформулировал в своей книге. Он писал, что преподаватель догматического богословия должен указывать употребление догматов «в жизни христианской и переносить [их] из области теоретической веры в область живой и деятельной веры сердечной». Привести нравственные приложения догматов в печатном курсе ему не позволили лишь «переделы учебника» (*Антоний (Амфитеатров)*, архим. *Догматическое богословие*. 1862. С. 37).

Вершиной развития школы догматического богословия в КДА считается время преподавания еп. Сильвестра (*Малеванского*). Он занимал кафедру догматического богословия в течение 36 лет (1862–1898). До 1869 г. догматическое богословие оставалось общеобязательным предметом и преподавалось студентам

Еп. Сильвестр (*Малеванский*), ректор КДА. Портрет. Нач. XX в.

«высшего» отд-ния. После введения в действие академического устава 1869 г. догматическое богословие преподавалось только на богословском отделении. В 1869–1884 гг. в КДА на изучение догматики отводилось по 4 лекции в неделю в течение одного учебного года (на 3-м курсе).

Еп. Сильвестр был выпускником КДА 1857 г. В студенческие годы он слушал лекции по догматике архиеп. Антония (*Амфитеатрова*). Его ранние публикации посвящены богословской полемике с рационалистическими течениями зап. мысли

и с инославными конфессиями (см.: Краткий исторический очерк рационализма в его отношении к вере // *ТКДА*. 1862. № 4. С. 388–432; № 5. С. 11–30; 1863. № 11. С. 247–321; № 12. С. 440–485; Историческое развитие новейшего пантеизма, как доказательство его несостоятельности // Там же. 1865. № 2. С. 179–228; № 8. С. 447–511; Несостоятельность новейшего пантеизма в решении существеннейших для человека вопросов // Там же. 1867. № 6. С. 323–351; № 7. С. 3–35; Ответ православного на схему старокатоликов о Пресв. Деве // Там же. 1875. № 1. С. 1–7; Ответ православного на предложенную старокатоликами схему о Св. Духе. К., 1874 (переведено на нем. и итал. языки); Ответ православного на схему старокатоликов о добрых делах // *ТКДА*. 1875. № 1. С. 8–78; № 2. С. 167–213). Однако уже с нач. 70-х гг. XIX в. научный интерес еп. Сильвестра сосредоточивается гл. обр. на догматическом богословии, что находит отражение в его докт. дис. «Учение о Церкви в первые три века христианства» (К., 1872; защищена в КДА в 1873). С 1877 г. в ж. Труды КДА он публиковал чтения по догматическому богословию, которые впоследствии составили «Опыт православного догматического богословия: (С историческим изложением догматов)» в 5 т. (К., 1878–1891). Этот труд остается самым фундаментальным русскоязычным курсом догматики. «Опыт...» принципиально отличается от предшествующих сочинений по догматическому богословию методологией. Свою задачу еп. Сильвестр видел прежде всего в преодолении сухости и излишней рационалистичности пособий по догматике и в гармоничном раскрытии догматического учения Церкви как внутренне необходимого и обязательного не в силу авторитета, но вслед. согласованности с потребностями человеческой природы. При изложении догматического учения Церкви еп. Сильвестр распределяет материал по 2 разделам: учение о Боге в Самом Себе и учение об отношении Бога к миру и человеку (митр. Макарий (*Булгаков*) разделяет догматику на 2 раздела: учение о Боге и Его общем отношении к человеку (творение мира, Промысл) и учение о Боге и Его особенном (*extraordinario*) отношении к миру (спасение)). Структура догматики, которой придерживается еп. Сильвестр,

соответствует построению догматического курса архиеп. Антония (Амфитеатрова); фактически это был возврат к классической схеме архиеп. Феофана (Прокоповича). Еп. Сильвестр положительно оценивал богословское наследие архиеп. Феофана; он отмечал, что «в методе, каким написана догматика архиеп. Феофана, ясно замечается уже отрешенность от стеснительного формализма схоластики и стремление к изложению предмета в духе более свободном и приспособленном к потребностям времени» (*Сильвестр (Малеванский), еп. Опыт правосл. догматич. богословия. 1892³. Т. 1. С. 123*).

Свой метод изложения материала еп. Сильвестр именуется историческим. Суть его не просто в приведении краткой или, наоборот, обширной информации из истории верования Церкви, а в принципиальном ином взгляде на историю догматов. Предшественники еп. Сильвестра, давая исторические экскурсы, рассматривали их как вспомогательный материал для разъяснения свидетельства Свящ. Писания и Предания, в то время как метод, избранный еп. Сильвестром, демонстрирует догмат в его движении, прочувствованном и продуманном церковным соборным разумом. Т. о., догмат становится не артефактом, не сухой формулировкой, передаваемой поколениям христиан, а живым свидетельством веры. Исторический метод, предложенный еп. Сильвестром, позволяет «подслушать пульс догматической жизни Церкви» (*Введенский. 1886. С. 137*). Глубоковский, поясняя метод еп. Сильвестра, писал, что через исторический подход «озаряется образование формулированного догмата и ограждается для последнего авторитетно-нормативное применение» (*Глубоковский. 2002. С. 5*). В то же время некоторые исследователи полагают, что исторический метод означал для еп. Сильвестра фактическое отождествление догматического богословия с историей догматов (см.: *Лисовой. 2002. С. 27*).

В работе над курсом еп. Сильвестр учитывал новейшую зап. литературу. Кроме того, по предположению прот. Георгия *Флоровского*, определенное влияние на него могли оказать идеи А. С. Хомякова: «По-видимому, под влиянием Хомякова Сильвестр исходит из догматического опыта Церкви... И задачей историка становится проследить и показать, как этот

опыт отвердевает в догматических определениях и богословских формулировках. Догмат в таком понимании оказывается уже не только внешним данным, но и внутренним заданием церковной мысли» (*Флоровский. Пути рус. богословия. 1988. С. 380*). В то же время Глубоковский полагал, что выработка еп. Сильвестром исторического метода была прямым следствием требований устава духовных академий 1869 г., который предписывал преподавать «догматическое богословие с историческим изложением догматов».

В «Опыте...» еп. Сильвестр отходит от деления догматов на библейские и церковные, существенные и несущественные, общие и частные, раскрытые и нераскрытые (подобную дифференциацию вводит в «Догматике» митр. Макарий (Булгаков)). Также еп. Сильвестр включил в свой курс гл. «Истина бытия Божьего», к-рая занимает значительное место (Т. 1. § 24–36) и имеет скорее апологетический, чем собственно догматический характер. Ее наличие в «Опыте...» является очевидным отголоском прежнего интереса еп. Сильвестра к апологетике.

Автор интерпретирует некоторые свойства догматов, исходя из принципа не просто нравственного приложения (как это всегда делает, напр., митр. Макарий (Булгаков)), а личностного принятия, субъективного переживания истин веры. Сами догматы характеризуются им не как крест для разума, а как иго благое, желаемое, принимаемое членом Церкви: «Кто живой член церковного организма, тот не может не считать для себя безусловно обязательным то, что составляет в нем (в церковном организме.— *Авт.*) внутреннюю жизненную норму... Кто, следовательно, идет против догматов, тот мало того, что идет против Богоучрежденной власти церковной, становится вместе с тем противником всей Церкви, посягающим на ее жизнь и целостность, а в то же время налагающим руки и на свою собственную духовную жизнь» (*Сильвестр (Малеванский). Опыт. 1892³. Т. 1. С. 22–23*).

В изложении учения о первородном грехе еп. Сильвестр не дает однозначных ответов на полемические аспекты, связанные с этим учением. Скабалланович обращает внимание на то, что еп. Сильвестр не проводит точного разграничения «между первородным грехом самим по себе и

Митр. Макарий (Булгаков).
Портрет. Нач. 80-х гг. XIX в. (ГИМ)

его следствиями», и это может привести к отождествлению первого с последними (*Скабалланович. 1909. С. 194*). Еп. Сильвестр при раскрытии учения о грехе использовал такие термины, как «греховная порча», «греховная наследственная порча», «наследственная греховность людей». Такой подход не позволяет дать четкого ответа на вопрос, что прощается человеку в таинстве Крещения и почему крещеный человек продолжает грешить. А. И. Введенский, критиковавший «Догматику» митр. Макария (Булгакова), все же полагал, что учение о первородном грехе у митрополита изложено «с ясностью», а соответствующий раздел в «Опыте...» еп. Сильвестра носит характер условности. В учении об искуплении еп. Сильвестр признает искупительное значение не только за крестной смертью Иисуса Христа, но и за всей Его земной жизнью: «Начало великому делу искупления нашего Им положено было в самом Его воплощении» (*Сильвестр [Малеванский], еп. Богословие. 1897. Т. 4. С. 116*). Еп. Сильвестр избегает юридической терминологии (старается не употреблять термины «удовлетворение», «уплата», «вина», «долг» и т. п.), тем не менее он не делает резких выводов, свойственных критикам юридической теории, и признает, что в основе юридического взгляда на спасение лежат мн. тексты Свящ. Писания. Прот. Павел Светлов писал, что раздел об искуплении в «Опыте...» еп. Сильвестра не лишен «неопределенности и неясности», однако «в такого рода неяснос-

ти следует видеть знак осторожной мудрости нашего богослова» (*Светлов П. Я., прот.* Крест Христов: Значение креста в деле Христовом: (Опыт изъяснения догмата искупления). К., 1907². С. 101). (Подробнее см. в ст. *Искушение.*) План изложения догматического учения Церкви, который зафиксирован еп. Сильвестром в «Опыте...», был положен им и в основание программы преподавания догматического богословия в КДА.

После введения в действие устава 1884 г. (когда еп. Сильвестр уже стал ректором КДА) 2-м преподавателем по кафедре догматического богословия был назначен М. Ф. Ястребов, занимавший до этого кафедру сравнительного богословия. С этого времени еп. Сильвестр и Ястребов делили между собой преподавание курса догматики. Еп. Сильвестр читал введение в науку и разд. «О Боге в Самом Себе», а Ястребов — разд. «О Боге в Его отношении к миру и человеку» (начиная с темы о сотворении мира и до эсхатологии включительно). После того как 5 марта 1898 г. еп. Сильвестр по состоянию здоровья был уволен с должности ректора и профессора, Ястребов преподавал догматику в полном объеме.

В период действия устава 1884 г. догматическое богословие вновь стало общеобязательным предметом. Его преподавали теперь в КДА в течение 2 лет (на 3-м и 4-м курсе). В 1-й год студенты изучали предмет от введения и до сотериологии включительно, за 2-й год осваивали экклезиологию, сакраментологию и эсхатологию. Поскольку Ястребов более 10 лет преподавал в КДА сравнительное богословие, то и в лекции по догматике он ввел заметный полемический элемент. Излагая учение правосл. Церкви, он сопоставлял его с инославными вероучительными системами. По воспоминаниям современника, Ястребов «представлял строго выдержанный тип традиционного православного богослова догматиста, являясь в этом отношении учеником, соратником и, наконец, преемником... преосвященного Сильвестра... Он критически или прямо отрицательно относился к разного рода новейшим течениям в области богословия» (цит. по: *Покровский.* 1906. С. 386). В частности, Ястребов критиковал «теорию развития догматов», зародившуюся в католич. богословии, а также богословские системы А. Ричля и А. фон

Гарнака. Часть лекций Ястребова (сакраментология и эсхатология) была посмертно опубликована в Трудах КДА (1907–1908).

После кончины Ястребова († 1906) кафедра догматического богословия оставалась вакантной почти целый год. Лишь в сент. 1907 г. ее занял Скабалланович. Но уже в 1912 г. он был перемещен на кафедру латинского языка, а кафедру догматики занял А. И. Чекановский (ранее пре-

М. Н. Скабалланович, проф. КДА.
Фотография. 1913 г.

подаватель Самарской ДС). В связи с этими перестановками догматику могли преподавать в течение как года, так и 2 лет.

Преподаватели нач. XX в. не оставили целостных курсов догматики, публиковали лишь статьи на отдельные темы. Напр., Скабалланович, известный прежде всего трудами в области исторической литургики, является автором и неск. статей догматического характера (см., напр.: *Хранение догмата в Церкви // ТКДА. 1910. № 9. С. 17–77; О символическом богословии // Там же. 1911. № 11. С. 534–566*). Кроме того, на рубеже XIX и XX вв. в КДА возрастает интерес к собственной традиции изучения и преподавания догматики. Так, Ястребову принадлежит заслуга реконструкции и сравнительного изучения богословских курсов архиеп. Моисея (Богданова-Платонова-Антипова), свт. Иннокентия (Борисова), архим. Димитрия (Муретова). Эту линию продолжил и Скабалланович, занимавшийся изучением богословского наследия архиеп. Димитрия и еп. Сильвестра.

В. В. Бурега, ижум.
Сильвестр (Стойчев)

Нравственное богословие. После открытия КДА нравственное богословие преподавалось как часть общего богословского курса. Первый профессор богословия в КДА, ректор архим. Моисей (Богданов-Платонов-Антипов), в основу лекций по нравственному («деятельному») богословию положил 2-ю ч. руководства еп. Феофилакта (Горского) «*Orthodoxae orientalis ecclesiae dogmata, seu doctrina christiana de agendis*» (Учение православной восточной Церкви, или Христианское деятельное учение. СПб., 1818). Его преемник, ректор свт. Мелетий (Леонтович), строил свой курс нравственного богословия под влиянием «Христианского нравоучения, или Богословия деятельного» свт. *Иннокентия (Смирнова)*. Об интересе студентов КДА к нравственному богословию свидетельствует изданный в 1824 г. сборник студенческих статей. В нем, в частности, помещены статьи «О признаках повреждения человеческого в самой природе человека» и «О совести в поврежденном ее состоянии». Хотя авторы статей в сборнике не указаны, но, по свидетельству В. И. Аскоченского, 1-я из них была написана студентом И. А. Борисовым (впосл. архиепископ свт. Иннокентий). Тем не менее до 30-х гг. XIX в. оригинального курса нравственного богословия в КДА, по-видимому, выработано не было. Христ. этика составляла особый раздел в лекциях по философии проф. прот. Иоанна Скворцова. В 20-х гг. XIX в. он читал этику по лат. изданию книги Франца Самуэля Карпе «*Institutiones philosophiae*» (Наставления в философии; Vienna, 1804–1805. 3 vol.).

Начало самостоятельного развития нравственного богословия в КДА связано с периодом ректорства свт. Иннокентия (Борисова). В 1833–1835 гг. он прочел в КДА полный курс нравственного («деятельного») богословия. Его программа включает введение («Предварительные понятия о науке») и 2 части: «Христианская этика» и «Христианское законоведение». Первая часть охватывает темы: 1) о природе человека вне таинства веры, или естественного человека; 2) о состояниях естественного человека; 3) о духовном бессилии естественного человека; 4) о действительном откровении в человеке таинства веры; 5) о природе возрожденного человека; 6) о росте и возрастах духовной жизни; 7) об искушениях

возрожденных и духовной брани; 8) о духовном испытании; 9) о средствах, служащих к преуспеянию и сохранению тайнства веры. Во 2-ю ч. включено 2 главы: «О божественных законах вообще» и «Об обязанностях человека-христианина (по отношению к Богу, к самому себе и к другим)». Хотя лекции свт. Иннокентий читал по-русски, его программа была написана на латыни. В конспекте он указал, что главным источником для него послужила книга нем. лютеран. теолога Иоганна Франца Буддея «*Institutiones theologiae moralis*» (Наставления в нравственном богословии; Lpz., 1711). Однако, по замечанию Ястребова, программа свт. Иннокентия представляет собой переработанный план книги Буддея (см.: Ястребов. 1900. С. 564–566). Курс «деятельного богословия» свт. Иннокентия не был издан в полном объеме, посмертно была опубликована лишь часть лекций в студенческих записях («Введение в нравственное богословие с учением о поврежденном и возрожденном состоянии человека» — см: Сб. из лекций бывших профессоров КДА. 1869). Тем не менее исследования свт. Иннокентия в области христианской морали открыли новый период в истории нравственного богословия в России (Бронзов. 1901. С. 87).

Создание в КДА самобытного курса нравственного богословия связано с именем архим. Леонтия (Лебединского; вполн. митрополит Московский), который преподавал этот предмет с 1853 по 1856 г. Частично его курс опубликован (Леонтий (Лебединский), митр. Из лекций по нравственному богословию // БВ. 1892. № 4. С. 1–33. № 7. С. 1–38). По воспоминаниям митр. Леонтия, он самостоятельно готовил курс, поскольку конспекты прешественников его не устраивали (Он же. 1913. С. 324). Его курс разделен на 3 части: «предварительную», первую и вторую. В «Части предварительной» изложен христ. взгляд на «ветхого» (или «естественного») человека. Здесь рассмотрена «жизнь ветхого человека» в отношении к его сердцу, воле, разуму и совести. Название 1-й ч. курса — «О существе христианской жизни и начале христианской деятельности». Существо христ. жизни определено как усвоение человеком искупления или «возрождение и пакибытие». Разд. «О существе христианской жизни»

содержит темы: «О благодати» (благодать как начало новой жизни, ее отношение к свободе и природе человека, ее действия в человеке, степени христ. благодатной жизни или «возрасты духовной жизни», препятствия в духовной жизни) и «О покаянии и вере». В разд. «О начале христианской деятельности» помещены темы: «О добродетели вообще» и «Об основной, или Коренной, христианской добродетели». Для 2-й ч. курса «О проявлениях христианской любви в различных добродетелях — по отношению христианина к Богу, себе самому и к ближним» в рукописи митр. Леонтия указана только программа. Студентам поручалось изучать ее самостоятельно «по нарочито указанным печатным сочинениям различных авторов» (Он же. Из лекций // БВ. 1892. № 7. С. 33). Структура курса митр. Леонтия имеет явные черты сходства с программой свт. Иннокентия (Борисова). В ней, как и у свт. Иннокентия, выделены 2 основных тематических раздела: 1-й касается проблем правосл. богословской антропологии, 2-й посвящен практическим аспектам христ. морали. Эти тематические блоки есть и в более поздних курсах нравственного богословия в КДА. Митр. Леонтий вполн. вспоминал, что стремился избавиться в своем курсе от сухости и формализма, свойственных лат. и франц. учебникам. Нем. (протестант.) книги он считал более основательными, хотя и противными правосл. «аскетической морали» (Он же. 1913. С. 324). Судя по опубликованной рукописи, при построении курса митр. Леонтий использовал и святоотеческие труды: творения преподобных Макария Великого, Иоанна Лествичника, Исаака Сирина, Диадоча Фотикийского, святителей Иоанна Златоуста, Григория Богослова.

Новый этап в развитии нравственного богословия в КДА связан с введением в действие устава 1869 г. С этого времени нравственное богословие окончательно получило статус самостоятельной учебной дисциплины. Однако оно преподавалось лишь студентам богословского отделения. Наставник нравственного богословия должен был совмещать его преподавание с преподаванием педагогики. После введения нового устава в КДА лекции по нравственному богословию читались студентам 2-го курса в течение года по 2 лекции

в неделю. С 1873 г. преподавателем нравственного богословия стал проф. М. А. Олесницкий, лекции которого повлияли на развитие этой дисциплины в КДА. В 70-х гг. XIX в. его курс состоял из введения в науку и 2 частей: «Основы нравственности как субъективные, так и объективные» и «Формы нравственной жизнедеятельности как независимо от различия объектов деятельности, так и в отношении к различным объектам — к Богу, к самому себе, к ближним и к физической природе». После введения в действие устава 1884 г. нравственное богословие вновь стало общеобязательным предметом. Теперь оно преподавалось в КДА в течение 2 лет, на 3-м и 4-м курсе. В 1-й год Олесницкий читал введение в нравственное богословие и его 1-ю часть. Во введении он говорил о предмете, задачах, истории и совр. состоянии этой дисциплины на Западе и в России. Содержание 1-й ч. он формулировал следующим образом: «О свободе человеческой воли и вменяемости человеческого действий, о нравственном законе, о нравственном благе, о нравственном зле или грехе и о нравственной жизни, обновленной искуплением». Студентам 4-го курса Олесницкий читал 2-ю ч. программы: «О формах нравственной жизни и деятельности, т. е. об обязанностях человека к самому себе, ближним и Богу, а также об обязанностях человека, как члена общества, по отношению к семейству, государству и Церкви» (Отчет о состоянии КДА в уч. 1874/75 г. К., 1875. С. 15; Отчет о состоянии КДА в 1888/89 уч. году // ТКДА. 1890. № 1. С. 116–117). Т. о., 1-я часть его курса охватывала вопросы христианской антропологии, 2-я содержала практическое изложение христианской морали.

М. А. Олесницкий одним из первых в отечественной богословской науке провел фундаментальные исследования по теории морали, уделил большое внимание обоснованию особого научного статуса нравственного богословия и определению его предмета. Он издал неск. монографий по нравственному богословию, «Историю нравственности и нравственных учений» (К., 1882. Ч. 1; 1886. Ч. 2), в к-рой проведено детальное исследование нравственности различных народов мира. В 1892 г. Олесницкий опубликовал учебник по нравственному богословию для

духовных семинарий («Нравственное богословие, или Христианское учение о нравственности»). Главным его научным трудом стала кн. «Из системы христианского нравоучения» (К., 1896).

При построении курса Олесницкий активно использовал труды протестант. богословов, что вызывало неодобрение со стороны академического начальства. Такой подход к построению системы нравственного богословия навлек на него критику Киевского митр. Иоанникия (Руднева). Это заставило Олесницкого в 1895 г. оставить кафедру нравственного богословия и перейти на кафедру психологии. Чрезвычайно непростым оказался и его путь к получению докторской степени. В 1897 г. он представил в Совет КДА для получения ученой степени д-ра богословия монографию «Из системы христианского нравоучения». Однако книга получила отрицательные отзывы рецензентов (Ястребова и П. И. *Линицкого*), и Совет отказал ему в присуждении докторской степени. Рецензенты заявили, что Олесницкий в монографии «не дает ясного и определенного понятия о христианской нравственности». По их мнению, он полагал в основание нравственности не «специально-христианские», а «общечеловеческие» начала. По словам *Линицкого*, понимание Олесницким нравственного блага сводилось к следующему определению: «Нравственное благо есть не что иное как личная деятельность воли, согласная с нравственным законом, каковой закон содержится в разуме, и осуществляемая в правильно организованном обществе». По мнению *Линицкого*, в таком определении «собственно христианского пока ничего нет» (цит. по: *Кудрявцев*. 1905. С. 689–690). С этим выводом позже соглашался и проф. СПбДА *Глубоковский*, упрекавший Олесницкого в том, что он строит свою систему не на христианских, а на «общегуманитарных предпосылках» (*Журналы заседаний Совета СПбДА за 1904/05 уч. год*. СПб., 1905. С. 67). После неудачи, постигшей Олесницкого в родной академии, он представил свой труд в СПбДА. В 1904 г. Совет СПбДА признал его монографию достойной докторской степени. Монография Олесницкого стала единственной докторской диссертацией по нравственному богословию, написанной в КДА в XIX – нач. XX в.

С 1896 г. нравственное богословие преподавал инспектор КДА архим. Платон (Рождественский). Программа его лекций выглядела следующим образом. На 3-м курсе он читал введение в науку, а затем «учение о естественных и особенных богодарованных христианину средствах ко спасению и о личной нравственной жизни христианина»; на 4-м курсе — «об обязанностях христианина к Богу, ближним и самому себе и об общественной жизни христианина» (Отчет о состоянии КДА за 1897/98 уч. г. К., 1898. С. 24). Т. о., план 2-й ч. его курса в целом совпадает с программой Олесницкого. Первая же часть построена иначе. Хотя архим. Платон опубликовал в Трудах КДА неск. статей, посвященных нравственному богословию, все же эта дисциплина не была сферой его специального научного интереса. Магистерскую диссертацию он посвятил истории Др. Востока.

В 1902 г., после назначения архим. Платона ректором КДА, кафедре нравственного богословия занял один из ярких представителей киевской академической науки В. И. Экземплярский. С этого времени нравственное богословие в КДА читалось в течение 1 года на 3-м курсе. Становление Экземплярского как мыслителя совпало с бурными общественно-политическими процессами нач. XX в., когда в российском обществе особо остро ощущался кризис морали. В этой ситуации Экземплярский видел главную задачу в преодолении схоластичности нравственного богословия как учебной и научной дисциплины. Его беспокоил разительный контраст между евангельскими заповедями и реальной жизнью отдельных христиан и общества в целом. Экземплярский настаивал на том, что нравственное богословие должно оценивать действительность с т. зр. христ. нравственного идеала и добиваться того, чтобы христианская мораль стала краеугольным камнем общественной жизни. Эта главная установка Экземплярского определила тематику его публикаций в 1900-х гг. на страницах Трудов КДА и в других изданиях. Его статьи вызывали дискуссии как в академической среде, так и в церковно-общественных кругах. 25 сент. 1905 г., в разгар революционных событий, он подготовил для годового акта КДА речь «К вопросу об отношении нравст-

венности к политике: (Нравственные нормы жизни и международные отношения)» (ТКДА. 1905. № 11. С. 240–308). Он высказал одну из своих ключевых идей тех лет: политика и нравственность противостоят друг другу, а «моральное начало правды» в политике всегда побеждается началом силы. Экземплярский критиковал традиц. разделе-

В. И. Экземплярский, проф. КДА.
Фотография. 1932 г.

ние между личной и гос. (общественной) моралью. Если к первой предъявляются христ. требования, то вторая исходит из гос. интереса, который оправдывает аморальные поступки, войны и политические преступления. Экземплярский настаивал на необходимости применения норм христ. морали в международных отношениях и выдвигал утопический идеал христ. единства народов.

В. И. Экземплярский принял участие в спорах о смертной казни, развернувшихся в российском обществе во время революции 1905–1907 гг. Ряд церковных деятелей (среди них — архиеп. Антоний (Храповицкий), прот. Тимофей Буткевич) выступили в защиту смертной казни. Однако Экземплярский заявил решительный протест против «богословской апологии» смертной казни. В ст. «Несколько мыслей по поводу защиты смертной казни в русской богословской литературе последнего времени» (ТКДА. 1907. № 3. С. 377–426) он разбирает аргументы, приводимые защитниками смертной казни, и стремится показать их несостоятельность с библейско-богословской, морально-этической и правовой точек зрения.

Актуальной темой, затронутой в публикациях Экземплярского,

стала проблема богатства и бедности. Он посвятил ей специальное исследование «Учение древней Церкви о собственности и милостыне» (К., 1910). Основываясь на творениях св. отцов как Восточной, так и Зап. Церкви, автор пришел к выводу, что частная собственность в библейской и патристической письменности считается уклонением от заповеди о любви к ближнему. В церковном сознании всегда присутствовал идеал добровольной бедности ради Христа. Экземплярский выступил с критикой тех отечественных богословов (свт. Феофана (Говорова), Олесницкого и др.), которые считали призыв к евангельской бедности не «заповедью», а «пожеланием» — он усматривал в такой позиции недопустимый компромисс. Очевидно, взгляды Экземплярского вызвали недовольство церковных властей.

Злободневные темы проф. Экземплярский обсуждал со студентами во время аудиторных занятий. По отзыву архиеп. Антония (Храповицкого), ревизовавшего КДА в 1908 г., Экземплярский излишне поддавался «духу времени» и потому вносил в лекции «слишком много публицистического элемента». Тем не менее ревизор признавал, что Экземплярский в стремлении «быть современным и либеральным» ни на минуту не позволял себе «забывать точку зрения чистого православия и Церкви». Архиеп. Антоний писал, что Экземплярский — это «горячо одушевленный, искренно и церковно верующий молодой лектор», его лекции пользовались популярностью у студентов. Однако архиеп. Антоний полагал, что Экземплярскому было бы полезно «более углубиться в источники христианского нравоучения, нежели в обозрение наличной жизни» (*Антоний (Храповицкий)*, 1909. С. 55–56). Вместе с тем архиеп. Антоний обвинил Экземплярского в том, что он был одним из виновников студенческой забастовки в КДА в 1905 г. Экземплярский выступил с опровержением этих обвинений, призвав архиеп. Антония публично отказаться от своих заявлений и «хоть этим дать нравственное удовлетворение лицам, пострадавшим от этой ошибки» (*Правда о КДА*, 1910. С. 123–131).

В 1912 г. очередная публикация Экземплярского привела к открытому конфликту с высшей церковной

властью. В сб. «О религии Льва Толстого» (М., 1912. С. 76–113) была напечатана его ст. «Гр. Л. Н. Толстой и св. Иоанн Златоуст в их взгляде на жизненное значение заповедей Христовых». 30 окт. 1911 г. она также была прочитана в качестве реферата на заседании Киевского религиозно-философского общества (КРФО). Критикуя учение Толстого, Экземплярский отмечал и положительное значение его нравственной проповеди. Эта публикация вызвала недовольство ректора еп. Иннокентия (Ястребова) и консервативной части профессуры. 13 апр. 1912 г. Синод издал указ об увольнении Экземплярского из КДА. Кроме того, этот указ запретил профессорам КДА входить в состав не утвержденных церковной властью обществ (имелось в виду прежде всего КРФО) (текст указа см.: *Экземплярский*. За что меня осудили? 1912. С. 6–8). Тем не менее и после увольнения Экземплярский продолжал писать и публиковать статьи на актуальные морально-этические темы. На кафедре нравственного богословия его преемником стал Л. А. Соколов. Нравственное богословие по-прежнему преподавалось в течение 1 года на 3-м курсе. После Февральской революции 1917 г. Экземплярский вернулся к преподавательской деятельности в КДА.

В нач. XX в. и другие профессора КДА (С. А. Аскольдов (псевдоним С. А. Алексеева), Стеллецкий, Соколов, Кудрявцев и др.) публиковали в ж. Труды КДА статьи, посвященные вопросам христианской нравственности, в особенности проблемам социальной этики. Как и Экземплярский, они пытались найти новые подходы к решению злободневных этических проблем (смертная казнь, допустимость применения аппарата государственного принуждения, взаимовлияние религии и политики и т. п.). Некоторые выпускники КДА внесли значительный вклад (ценность которого особенно очевидна в XXI в.) в развитие теории нравственного богословия, в т. ч. свт. Феофан (Говоров). Ряд сочинений по проблемам христианской морали опубликовал проф. Киевского ун-та (ранее проф. КДА) прот. Н. Фаворов (Очерки нравственного православно-христианского учения. К., 1868³; О христианской нравственности // ТКДА. 1879. № 10. С. 191–226; № 12. С. 463–494; 1880.

№ 1. С. 100–137; № 2. С. 226–252). Кроме того, проблемы христ. этики активно разрабатывались и профессорами кафедр философии КДА (см. разд. «Философия в КДА»).

Еп. Климент (Вечера),

В. В. Бурега

Сравнительное богословие и история западных исповеданий в КДА. Академический устав 1809–1814 гг. не выделял сравнительное (или обличительное, как оно тогда называлось) богословие в самостоятельную дисциплину. Более того, составители устава считали нецелесообразным уделять слишком большое внимание «части полемической». Преподавателю богословского класса предписывалось давать студентам лишь общее понятие «о вопросах, в споре обращающихся, и о лучшем способе их разрешения». В соответствии с типовым конспектом по богословским наукам, подготовленным в 1814 г. в СПбДА и в посл. разосланным во все ДА, обличительное богословие входило в состав общего курса богословия и изучалось во 2-м полугодии 4-го года обучения вместе с «собеседовательным богословием» (гомилетикой) и каноническим правом. Т. о., в первые годы существования КДА студенты получали лишь самые общие сведения о вероучении других христианских конфессий в рамках общего богословского курса. Бакалавры богословских наук должны были преподавать не только обличительное богословие, но и ряд других разделов богословия, что не способствовало самостоятельному развитию этой дисциплины.

В 30-х гг. XIX в. ректор свт. Иннокентий (Борисов) в богословском курсе рассматривал обличительное богословие как отдельную дисциплину и стремился выделить ее в самостоятельную кафедру. По воспоминаниям одного из студентов КДА 30-х гг. XIX в., «полемическое богословие в Академии и семинариях исключительно обязано ему (свт. Иннокентию. — В. Б.) своим бытием в настоящем виде» (*Феофилакт (Праведников)*, 1895. С. 637). Тем не менее до 50-х гг. XIX в. бакалавры богословских наук совмещали в КДА преподавание обличительного богословия с преподаванием др. дисциплин.

Наиболее ранние из сохранившихся программ КДА по обличительному богословию относятся к 1847/48

и 1848/49 уч. г. (ЦГИАК. Ф. 711. Оп. 1. Ед. хр. 2981). Они были составлены преподававшим эту дисциплину архим. Антонином (Капустиним). Во введении в свой курс он рассматривал цели и задачи обличительного богословия, раскрывал его метод и приемы, говорил о его связи с другими богословскими дисциплинами. Историю обличительного богословия он разделял на 4 периода: 1) ветхозаветный; 2) «Церкви нераздельной»; 3) «Церкви разделенной»; 4) «Церкви преобразовываемой». Содержательная часть программы архим. Антонина открывается разд. «Обличение безверия», в котором выделяется «безверие открытое» (безбожие, религ. сомнительность и религ. безразличие) и «безверие скрытое» (материализм, идеализм и пантеизм). Второй раздел озаглавлен «Обличение лжеверия» и охватывает полемику с язычеством, иудейством и магометанством. Далее следует разд. «Обличение неправоверия», к-рый содержит материал о католич. и лютеран. вероучении (др. протестант. конфессии в программе не рассматриваются). Последняя часть программы названа «Обличение суеверия» и посвящена старообрядческим толкам, а также сектам молокан, духоборов, скопцов и т. п. Т. о., в курсе архим. Антонина изучались не только инославные христ. конфессии, но и нехрист. религии, а также учения старообрядцев и рус. сектантов. Кроме того, программа содержала значительный раздел, посвященный полемике с материализмом и атеизмом, к-рый тематически пересекался с программой введения в курс богословских наук. Фактически архим. Антонин был в КДА первопроходцем в своей дисциплине. Его программа повлияла на программы др. преподавателей кафедры. По словам проф. И. И. Мальшевского, в его лекциях «сказывалось вообще усиление критического направления в нашей науке, возобладавшего впоследствии» (Мальшевский. 1869. С. 98–99).

После назначения архим. Антонина на служение в посольскую церковь в Афинах (1850) преподавание обличительного богословия было поручено иером. Иоаннию (Рудневу; вполн. митрополит). Из его программы сохранились лишь описание введения и 1-й части курса (ЦГИАК. Ф. 711. Оп. 1. Ед. хр. 3607).

Введение содержит общие сведения о науке, а также подраздел, в к-ром повествуется о приемах богословской полемики и о качествах, необходимых богослову-обличителю. Первый раздел программы был посвящен критике натурализма (или «естественной веры»). Здесь подробно говорилось о происхождении и отличительных чертах «естественной религии» и о ее судьбах в христ. эпоху (рассмотрена ересь Пелагия, ее возрождение в эпоху Реформации, а также упоминается о «высшем торжестве натурализма во время Французской революции»).

Эта тенденция получила развитие и в программе лекций архим. Сильвестра (Малеванского), к-рый преподавал обличительное богословие с 1857 по 1862 г. Во вступительной части программы архим. Сильвестр рассматривал «уместность, законность и необходимость обличительного богословия», его предмет, метод и составные части, место в составе богословских наук, актуальность для пастыря Церкви, а также излагал краткую историю этой науки. Первая часть программы посвящена полемике с неверием, натурализмом и деизмом. В 1862 г. был добавлен материал о рационализме и мистицизме. Затем следовали разделы, посвященные католицизму и протестантизму, к-рые по содержанию в целом соответствовали программе архим. Антонина (Капустина).

Т. о., в программах преподавателей обличительного богословия 2-й пол. 40-х — нач. 60-х гг. XIX в. видна тенденция постепенного расширения тематического блока, посвященного полемике с актуальными для того времени мировоззренческими течениями (рационализмом, натурализмом, материализмом, мистицизмом и т. п.). При этом вероучение зап. конфессий (особенно протестантизма) рассматривалось с меньшей основательностью. С 50-х гг. XIX в. в преподавание богословских дисциплин в КДА постепенно внедрялся исторический метод. Это отразилось и на курсах обличительного богословия. Новая тенденция проявилась в программах проф. Ф. А. Терновского. Он преподавал обличительное богословие в течение лишь 2 семестров (2-й семестр 1862/63 и 1-й семестр 1863/64 уч. годов), потому его программа не содержала полного описания курса (ЦГИАК. Ф. 711. Оп. 1. Ед. хр. 4861. Л. 108–110).

Во 2-м семестре 1862/63 уч. г. Терновский прочел лекции по истории «общей христианской полемики», в которых говорилось о полемике с иудеями, язычниками, гностиками и манихеями. Завершал эту часть курса раздел под названием «Общие замечания о полемике против еретиков в период Вселенских Соборов и о существенном различии появившихся в тот период ересей в Восточной и Западной Церкви». Далее следовал разд. «Из истории русских ересей» (рассматривались еретические движения, начиная со стригольников и до новейших мистических сект; старообрядческий раскол не упоминался). В лекциях за 1-е полугодие 1863/64 уч. г. Терновский подробно рассматривал совр. полемику христианства с иудаизмом (даже говорилось об истории иудеев в России и Польше). Далее следовали разделы о язычестве и гностицизме.

О содержании и объеме курса обличительного богословия в 60-х гг. XIX в. можно судить по программе, составленной иером. Августином (Гуляницким), который преподавал эту дисциплину в 1864–1870 гг. (ЦГИАК. Ф. 711. Оп. 3. Ед. хр. 703). Его курс был рассчитан на 4 семестра (на 3-й и 4-й годы обучения). Общий объем курса — 62 лекции (в 1-й год — 26 лекций и во 2-й — 36 лекций). В 1-м семестре рассматривалась полемика христиан с иудеями, язычниками, гностиками и манихеями. 2-й семестр был посвящен обзору тринитарных, христологических и иконоборческих, а также пелагианских споров на Западе. В 3-м семестре изучалась полемика между Православием и католицизмом с IX по XVII в. 4-й семестр включал обзор истории Реформации и критический анализ протестант. учения. При этом с максимальной подробностью в программе представлена история Реформации в Германии и критический разбор лютеран. вероучения (этой теме посвящено 17 лекций). На изучение англиканства программа отводила только 2 лекции, а цвинглианство и кальвинизм упомянуты лишь вскользь. Т. о., в 60-х гг. XIX в. в программе обличительного богословия окончательно закрепился исторический метод. Фактически курс представлял собой исторический обзор различных инославных вероучительных систем без углубления в богословскую полемику с ними. Кроме того, в программе

обличительного богословия присутствовало немало тем, дублировавших курс общей церковной истории.

Широкое применение в обличительном богословии исторического метода привело к тому, что часть корпорации КДА стала рассматривать эту дисциплину, во-первых, не как богословскую, а как историческую, а во-вторых, не как самостоятельную, а лишь как подраздел общей церковной истории. Так, когда во 2-й пол. 60-х гг. XIX в. велась активная полемика о возможных путях реформирования высших духовных школ, некоторые профессора КДА, стремясь решить проблему многопредметности в ДА, высказывались за упразднение обличительного богословия как самостоятельной учебной дисциплины. В частности, проф. В. Ф. Певницкий утверждал, что обличительное богословие не имеет положительного предмета, а его содержание — это лишь различные уклонения от церковного догмата и их опровержение; программы этого предмета фактически содержат историю ересей и расколов, и потому этот материал можно без труда включить в курс истории Церкви (Певницкий В. По вопросу о преобразовании духовных академий // ТКДА. 1867. № 5. С. 253–291). Мнение Певницкого разделял и проф. А. Д. Воронов, к-рый также не считал обличительное богословие самостоятельной наукой (В-нов А. Заметки по вопросу о преобразовании духовных академий // ТКДА. 1867. № 5. С. 292–303). Однако подобные суждения не нашли поддержки в Синоде.

Устав 1869 г. переименовал обличительное богословие в сравнительное, а также окончательно закрепил за ним статус самостоятельной учебной дисциплины. По новому уставу сравнительное богословие преподавалось лишь на 3-м курсе богословского отделения, на др. отделениях этот предмет не изучался. В 70-х гг. XIX в. в КДА на сравнительное богословие в течение года отводилось сначала по 2, а затем по 3 лекции в неделю. Содержание курса в эти годы было изменено: из программы удалены темы, дублировавшие общую церковную историю и догматическое богословие. С 1873 г. сравнительное богословие преподавал М. Ф. Ястребов. Содержание его курса в разные годы могло меняться. Так, в 1876/77 уч. г. при 2 лекциях в неделю он

преподавал сначала введение в науку, а затем «сравнительное изложение догматических различий между вероисповеданиями католическим, лютеранским и реформатским в учении о невинном состоянии человека и начале зла в мире, о первородном грехе, об оправдании, о таинствах, о Церкви и наконец о Церкви небесной и ее отношении к Церкви земной; обозрение малых протестантских сект как мистического, так и рационалистического направления, и сведения об англиканской церкви» (Отчет о состоянии КДА в уч. 1876/77 г. К., 1878. С. 23). В 1879/80 уч. г. при 3 лекциях в неделю Ястребов добавил в свой курс еще и сведения «о восточных церковных сообществах — несторианских и евтихианских» (Отчет о состоянии КДА в уч. 1879/80 г. К., 1881. С. 18).

Устав 1884 г. внес новые коррективы в учебную программу академий. Во-первых, сравнительное богословие было преобразовано в историю и разбор зап. исповеданий. Во-вторых, этот курс был отнесен ко 2-й (т. н. исторической) группе предметов, изучавшихся студентами по выбору. Т. о., новый предмет трактовался как историческая, а не богословская дисциплина. В 1897 г. указом Синода история и разбор зап. исповеданий были переведены в разряд общеобязательных предметов.

После введения в КДА нового устава прежний преподаватель сравнительного богословия проф. Ястребов перешел на кафедру догматического богословия. В течение 1884/85 и 1885/86 уч. годов история и разбор зап. исповеданий не преподавалась. Для занятия вакантной кафедры в КДА был оставлен в качестве профессорского стипендиата выпускник 1885 г. С. А. Булатов. К лету 1886 г. он выработал программу нового предмета, в к-рой стремился соединить темы, изучавшиеся ранее в курсе сравнительного богословия, с материалом по «новой церковной истории». Его программа охватывала историю западного христианства от времени Карла Великого и до 1-й пол. XIX в. с особым вниманием к развитию инославных вероучительных систем. Эта программа была одобрена Советом КДА, и с сент. 1886 г. Булатов приступил к преподаванию. Однако уже в нояб. 1888 г. он покинул КДА, перейдя на гражданскую службу.

А. И. Булгаков, проф. КДА.
Фотография. Нач. XX в.

С янв. 1889 г. кафедру истории и разбора зап. исповеданий занимал проф. А. И. Булгаков. На изучение предмета теперь отводилось 2 года — 3-й и 4-й курсы. На 3-м курсе после введения в науку излагалась история католич. Церкви в XI–XV вв. «с подробным разбором важнейших пунктов римско-католического учения». На 4-м курсе преподавалась история Реформации в Германии, Швейцарии, Англии и др. странах с разбором основных положений лютеран. и реформатского вероучений. Затем следовал обзор истории католицизма со времени Реформации до XIX в. В заключение курса предлагался «краткий обзор западных миссий вне Западной Европы» (Годичный акт в КДА 26 сент. 1893 г. К., 1893. С. 30). Т. о., к нач. 90-х гг. XIX в. сложилась та концепция курса истории западных исповеданий, которая в общих чертах сохраняется и в нач. XXI в.

После кончины Булгакова преподавателем истории зап. исповеданий в 1907 г. стал В. Д. Попов. В целом структура его курса продолжала традицию Булгакова, хотя и не дублировала ее в полной мере. Так, в 1914/15 уч. г. программа истории и разбора зап. исповеданий, составленная Поповым, предполагала изучение истории католицизма, лютеранства и кальвинизма. Темы об англиканстве в программе отсутствовали. В курсе излагались события истории Церкви на Западе до сер. XVII в. (до Вестфальского мира). Состояние зап. конфессий в XIX — нач. XX в. в программе не рассмат-

ривалось. Кроме того, Попов не всегда успевал выполнить свою программу (ЦГИАК. Ф. 711. Оп. 3. Ед. хр. 3666. Л. 23–26). Сопоставление программы истории зап. исповеданий с программой истории Греко-Восточной Церкви показывает, что в этих курсах имелись тематические пересечения (напр., оба курса предполагали рассмотрение «Фотиевой схизмы», событий 1054 г., первых попыток заключения церковной унии между Востоком и Западом и т. д.).

Во временном уставе КДА, утвержденном гетманом П. П. Скоропадским 16 авг. 1918 г., история зап. исповеданий вновь была переименована в сравнительное богословие. Этот предмет не входил в число общеобязательных дисциплин, а был отнесен к «богословско-философской группе», что фактически означало возврат к нормам устава 1869 г. Устав академии, выработанный в 1920 г., также предполагал изучение сравнительного богословия. В этом уставе все дисциплины являлись общеобязательными и потому изучались всеми студентами. Преподавателем сравнительного богословия в последние годы существования академии оставался В. Д. Попов. Сохранившаяся студенческая запись одной из его лекций, датированная 1923 г., отражает содержание курса, к-рый не претерпел заметных изменений.

В дореволюционный период единственным профессором КДА, получившим и магистерскую, и докторскую степени за специальные исследования в области сравнительного богословия и истории западных исповеданий, был Булгаков. В 1887 г. ему была присвоена степень магистра богословия за соч. «Очерки истории методизма» (К., 1887. 2 т.), а в 1906 г. — степень д-ра богословия за соч. «Старокатолическое и христианско-католическое богослужение и его отношение к римско-католическому богослужению и вероучению» (К., 1901) и «О законности и действительности англиканской иерархии с точки зрения Православной Церкви» (К., 1906). Др. 2 профессора КДА получили магистерские степени за исследования в области сравнительного богословия: в 1877 г. Ястребов за соч. «Учение Аугсбургского исповедания и его апологии о первородном грехе» (К., 1877), в 1911 г. Чекановский (на момент присуждения

степени был преподавателем Самарской ДС, впосл. стал экстраординарным профессором КДА) за соч. «К уяснению учения о самоуничтожении Господа нашего Иисуса Христа: Изложение и критический разбор кенотических теорий о Лице Иисуса Христа» (Самара, 1909; К., 1910; исследование посвящено анализу христологических воззрений протест. «кенотиков»). Еще 2 магистерские степени за исследования в области сравнительного богословия были присуждены в КДА преподавателям других духовных школ: в 1894 г. помощнику смотрителя Каменецкого духовного уч-ща И. А. Олесницкому за соч. «Символическое учение лютеран о таинстве Евхаристии и несостоятельность этого учения» (Каменец-Подольск, 1894) и в 1909 г. преподавателю Владимирской ДС А. Я. Рождественскому за соч. «Символические и богослужебные книги Англиканской Церкви как выражение ее вероисповедания» (К., 1908). Практически все названные сочинения были посвящены истории, вероучению и богослужению протестантизма.

Исследовательский интерес к сравнительному богословию отразился и в Трудах КДА. В частности, в академическом журнале публиковались статьи, посвященные разбору вероучительных положений, принятых Римско-католич. Церковью в XIX в. (прежде всего статьи Ястребова и Булгакова). Кроме того, в 90-х гг. XIX в. Булгаков регулярно публиковал в Трудах КДА очерки «Из заграничной религиозной жизни», содержавшие обзоры важнейших событий жизни католицизма и протестантизма в Европе и Америке.

В. В. Бурева

Патрология. Введение патрологии в курс духовных семинарий и академий в качестве отдельного предмета связано с инициативами обер-прокурора Синода гр. Н. А. Протасова. 28 июня 1838 г. Комиссия духовных уч-щ приняла решение ввести в высших классах семинарий преподавание «богословско-исторического учения о святых отцах». Поскольку в тот момент не существовало русскоязычных учебных пособий по патрологии, Конференция духовных академий было поручено «составить в самом непродолжительном времени для преподавания в семинариях» особый конспект по этому предмету. 19 июля

в ответ на это требование Конференция КДА поручила инспектору архим. Димитрию (Муретову) написать конспект «богословско-исторического учения о святых отцах Церкви» (Акты. 1915. Т. 5. С. 217–220). Уже к 9 сент. 1838 г. архим. Димитрий выполнил это поручение и подал в Конференцию КДА свой конспект, к-рый был направлен в Комиссию духовных уч-щ. Это была 1-я специальная программа по патрологии, составленная в КДА.

В 1841 г. по распоряжению Синода в академиях была введена патрология (по офиц. терминологии тех лет — «патристика»). Первым преподавателем новой дисциплины в КДА в авг. 1841 г. был назначен В. И. Аскоченский. В 1841/42 уч. г. он «безмездно» (т. к. штатный оклад для новой дисциплины еще не был выделен) читал лекции по патрологии (по 2 ч. в неделю) студентам 11-го академического курса. Первый опыт преподавания новой дисциплины был признан успешным, и свт. Филарет (Амфитеатров) направил ходатайство в Синод «о приличном вознаграждении преподавателю за истекший год и потом о назначении ему особенного жалованья наравне с другими предметами» (Аскоченский. 1863. С. 211). В 1844 г. свт. Филарет сообщал в Синод, что бакалавр Аскоченский читает патрологию «с отличным успехом», и предлагал назначить для патрологии не менее 4 ч. в неделю. Это ходатайство было Синодом одобрено. С нояб. 1842 г. еще одним преподавателем патрологии стал в КДА иером. Михаил (Монастырьев). По представлению свт. Филарета (Амфитеатрова) Синод назначил его бакалавром Свящ. Писания и патрологии.

Наиболее ранний сохранившийся рукописный конспект «Введения в патрологию» относится к 1841 г. (НБУВ ИР. Ф. 160. Ед. хр. 43). В рукописи не указано, кто был ее автором. Возможно, это студенческая запись ранних лекций Аскоченского. В этом конспекте термины «патрология» и «патристика» понимаются как тождественные. Предмет патрологии определен предельно узко: «Патрология, или патристика, есть наука, которая изучает жизнь и писания Отцов Церкви, излагает результаты сего учения в догматическом отношении, т. е. сводит замечательнейшие свидетельства, какие можно найти в писаниях отеческих

в подтверждение догматов, чтобы таким образом доказать последние исторически. Следовательно, патрология говорит об Отцах Церкви как свидетелях и изъяснителях Священного Предания, а через предание — и Свящ. Писания» (Там же. Л. 1). Т. о., курс не предполагал изучение церковных писателей, высказывавших мнения, не принятые Церковью. Как отмечал автор лекций, по внешней форме курс патрологии походит на историю лит-ры, но отличается от нее по сути: история лит-ры интересуется особенным в творчестве эпохи и отдельных авторов, а патрология, «напротив, ищет единства и согласия рассматриваемых писателей в проповедании того учения, которое по происхождению своему Божественно и поэтому неусовержимо» (Там же. Л. 2–2 об.). Хронологических пределов патрология не имеет, потому что «нельзя положить предела времени, далее которого продолжается существование Отцов; Отцы не престанут являться до тех пор, пока в Церкви Христовой будет обитать Дух Божий, пока она не оскудеет святыми» (Там же. Л. 3–3 об.). В курсе выделяется 4 периода развития патристики, изучавшей творения отцов Церкви: 1-й — I–III вв.; 2-й — IV в.; 3-й — V–VIII вв. (до последнего Вселенского Собора); 4-й — «остальных веков» (Там же. Л. 4). Основное внимание в патрологии уделялось рассмотрению учения древних отцов как вернейших свидетелей Свящ. Предания. «Патристика смотрит на Учителей Церкви как на свидетелей Свящ. Предания Апостольского, а потому ограничивается первыми восьмью или девятью веками... Поздние Отцы по отношению к Св. Преданию только повторили высказанное Отцами предшествующими. По этой причине богословие часто довольствуется в подтверждение догматов свидетельствами древнейших Отцов» (Там же. Л. 3 об.). При таком понимании предмета и задач патрологии неудивительно, что в лекциях рассматривались исключительно учение и творения св. отцов только I–IV вв. В 1-й гл. анализируются творения свящ. мучеников *Климента Римского*, *Игнатия Богоносца*, *Поликарпа Смирнского*, а также «*Ареопагитики*» (к-рые считаются здесь произведением периода мужей апостольских), «*Пастырь Ермы*» и *Варнавы апостола Послание*. Во 2-й гл. рассматриваются творения

мч. *Иустина Философа*, сщмч. *Иринея Лионского*, а также сщмч. *Климента Александрийского*. В 3-й гл. анализируются творения *Ипполита Римского*, сщмч. Киприана Карфагенского и свт. Григория Чудотворца. Творения Оригена в курсе не рассматриваются. В 4-й гл. содержится анализ творений отцов IV в. («второго периода») — святителей *Афанасия I Великого*, *Василия Великого*, *Григория Нисского* и *Григория Богослова*.

В 1844–1846 г. Аскоченский составил «Записки по патрологии» в 3 т. (сохр. лишь 1-й и 3-й), в к-рых изложение материала доведено до Оригена. В концептуальном отношении «Записки...» отличаются от рукописи 1841 г. В «Записках...» Аскоченский подчеркивал, что читает курс патрологии, а не патристики: «Патрология есть наука, руководствующая к деятельному познанию Св. Отцов, их жизни, писаний и содержания в них правильного учения веры и христианской нравственности. Патрология и патристика не суть одно и то же. Собственно патристика (*Theologia Patristica*) есть систематическое изложение истин, содержащихся в творениях Отцов Церкви; значит, она есть в некотором смысле богословская система, исключая критический анализ внешней судьбы и внутреннего содержания творений отеческих, а только излагающая учение христианское на основании писаний отеческих. Но такая наука, кроме неизбежной неполноты своей, не обнимает всего того, что должна дать патрология, понимаемая в обширном смысле» (НБУВ ИР. Ф. 160. Ед. хр. 387. С. 15–16). Если патристика есть наука теоретическая и догматическая, то патрология — наука «деятельная» и в своей широте охватывает знание жизни, творений и «обнимает весь круг христианского богословия», как он был дан у св. отцов на основе их учения о вере и христ. нравственности (Там же. С. 17). Отличая патристику от патрологии, Аскоченский тем не менее считал, что необходимо в рамках одного учебного курса преподавать и патрологию и патристику. Их соотношение — это соотношение начала и конца, они составляют единое целое. Согласно Аскоченскому, исследование биографий и творений св. отцов есть дело патрологии. При рассмотрении учения св. отцов закономерным является переход от патрологии к пат-

ристике. Патрология есть «учение об отцах», но должна рассматривать и церковных писателей, не признанных святыми и не названных Церковью «отцами», поскольку эти учителя были выдающимися богословами, повлиявшими и на отцов. Патролог должен помнить, что отцы не развивали догматического учения, а только «утверждали и защищали то учение, которое было утверждено божественным авторитетом». В отличие от философов у отцов были не развивающиеся идеи, а «целый символ» веры, к-рый служил им критерием для отличия Православия от ересей (Там же. Ед. хр. 389. С. 4–6).

Курс патрологии, прочитанный в 1845 г., прежде всего включал основательную пропедевтику. Кроме обычного общего введения о понятии и предмете патрологии Аскоченский рассматривал «теоретическую часть пропедевтики» патрологии. В этой части обстоятельно обсуждена методика отличия подлинных сочинений от неподлинных, понятие о поврежденных сочинениях, сомнительных и утерянных. Также Аскоченский останавливается на методе работы с рукописями и отдельно говорит о различных изданиях отеческих творений. В изложении основного материала автор выделяет период первый — «от времен мужей апостольских до Никейского Первого Вселенского Собора». В периоде первом 2 отдела: «Отцы Церкви» (святые Варнава, Ерма, Климент Римский, Игнатий Богоносец, Поликарп Смирнский, Дионисий Ареопагит (автор «Ареопагитик», принявший имя св. Дионисия), Иустин Философ, Иринея Лионский, Ипполит Римский, Киприан Карфагенский, Григорий Чудотворец, Дионисий Александрийский, Мефодий Патарский) и «Церковные писатели» (Мелитон, Афинагор, Феофил, Татиан, Ермий, Климент Александрийский, Тертуллиан, Ориген, Минуций Феликс, Арнобий; также имеется глава «о церковных писателях первого периода, чьи сочинения не дошли до нас»). Период второй — «от Никейского Первого Вселенского до Шестого Вселенского Собора». Эта глава также включает 2 отдела: «Отцы Церкви» (святые Афанасий Великий, Кирилл Иерусалимский, Епифаний Кипрский, Ефрем Сирин, Василий Великий, Григорий Нисский, Григорий Богослов, Иоанн Златоуст, Августин, Исидор Пелуси-

от, Кирилл Александрийский, Анастасий Синаит, Софроний Иерусалимский, Иоанн Лествичник, Григорий Великий, Максим Исповедник и «Церковные писатели» (Евсевий Кесарийский, Лактанций, Серапион, Иларий Пиктавийский, Луцифер Каралитанский, Пациан, Опат, Тит Бострийский, Дидим Александрийский, Филастрий, Тимофей Александрийский, Евагрий Понтийский, Палладий, Руфин, Сульпиций Север, Синесий, Петр Хрисолог, Евхерий, Иоанн Кассиан, Феодот Анкирский, Сократ, Созомен, Феодорит, Сальвиан, Марий, Проспер, Вигилий Тапийский, Арнобий Младший, Клавдиан Мамерт, Юлиан Померий, Геннадий Марсельский, Фульгенций, Боэций). Сохранились также записи отдельных лекций Аскоченского, посвященных святым Василию Великому, Иоанну Дамаскину и Косме Маюмскому (НБУВ ИР. Ф. 160. Ед. хр. 388. Л. 169–182 об.; Ед. хр. 2647. Л. 79–82 об., 85–91 об., 101–112 об.).

В «Дневнике» Аскоченский рассказал о том, как он подходил к преподаванию патрологии. Прежде всего он «решился оторваться от той мысли», что читает лекции о подвижниках, причисленных к лику святых: «Что мне за надобность, думал я, пиша... свои лекции, до святости такого-то... Передо мной пусть он станет человеком, с своей разумной речью, с своими сердечными убеждениями, даже с своими человеческими взглядами и ошибками... Я читаю его сочинения, разбираю их, как критик, а не безответный поклонник прославленной Богом и людьми святыни». Аскоченский понимал, что при таком подходе его могут обвинить в неправомыслии и даже кощунстве. Чтобы не навлечь на себя таких подозрений, он «в аудитории, оставаясь глаз на глаз со студентами» говорил им то, что являлось его глубинным убеждением. При этом в рукописных лекциях, представленных академическому начальству, он был гораздо более сдержан в суждениях: «Когда приходят экзамены и ареопаг монашеский судит меня, студентов и мои лекции, тут мои записки становятся неукоризненны, как первые четыре правила арифметики, уступчивы, как воздух, и невинны, как речная вода». Сам Аскоченский называет эти 2 подхода к преподаванию «исотерическим» и «эксотерическим» и признаёт, что

в такой его позиции явно присутствует «иезуитская логика» (Дневник В. И. Аскоченского. 1882. С. 339–340).

Хотя в «Дневнике» Аскоченский писал, что работал над курсом патрологии самостоятельно, шествуя «непробитой дорогой... без руководителя», все же очевидна его зависимость от зап. пособий, к-рые он чрезмерно хвалит в начале 1-го т. «Записок...». Автор старался организовать дело преподавания патрологии на уровне совр. ему науки. Он готовил лекции к публикации. По его свидетельству, в сент. 1844 г. он представил в Конференцию КДА составленную им «Пропедевтику патрологии» (т. е. 1-й т. своего курса лекций), но эта рукопись не была допущена к печати из-за «ограниченности прав, предоставленных Киевскому цензурному комитету». Возможно, истинной причиной отказа в публикации было наличие в курсе Аскоченского либеральных идей, заимствованных у зап. авторов.

В 1846–1849 гг. патрологию в КДА преподавал прот. Н. Фаворов. Часть лекций он опубликовал в ж. «Воскресное чтение», издававшемся при КДА. Уже в 1847–1848 гг. на страницах «Воскресного чтения» появились его очерки о свт. Амвросии Медиоланском, блж. Августине, свт. Иоанне Златоусте, прп. Макарии Великом, Феодорите Кирском. В 1849 г. он начал в том же журнале публикацию своих «Чтений о св. отцах — учителях Церкви и о писателях церковных», содержавших введение в патрологию и рассмотрение церковных писателей доникейского периода. Автор планировал опубликовать полный курс патрологии, однако не осуществил этот план в связи с переходом на кафедру церковного красноречия. Тем не менее и в последующие годы он публиковал статьи на патрологические темы как в «Воскресном чтении», так и в «Трудах КДА».

В 1849–1857 гг. кафедру патрологии в КДА занимал Н. И. Щёголев, к-рый рассматривал предмет патрологии достаточно консервативно: «Предмет патрологии составляют отцы Церкви. Отцами Церкви называются те церковные писатели, которые преподали нам правила веры и благочестия» (НБУВ ИР. Ф. 160. Ед. хр. 2647. Л. 1). Задачей науки он считал установление неповрежденного Свящ. Предания, а потому особое внимание считал нужным уделять древним св. отцам.

Начало нового этапа в изучении патрологии в КДА связано с именем К. И. Скворцова — сына проф. КДА прот. Иоанна Скворцова. Скворцов преподавал патрологию в течение 19 лет (1857–1876). Продолжив начинания Аскоченского (лекции которого слушал, будучи студентом), он создал в КДА самобытную патрологическую традицию. Скворцов находился под влиянием современной ему западноевроп. патрологической мысли, но при этом сохранял самостоятельность суждений. Он не принимал гиперкритической позиции мн. зарубежных ученых. Предмет патрологии Скворцов определял следующим образом: «Существенный предмет патрологии составляют относящиеся к христианской религии писания главным образом св. Отцов Церкви. Но второстепенным предметом патрологических исследований могут быть и те знаменитые церковные писатели, которые хотя и не признаны святыми, но были прилежно изучаемы и уважаемы самими Отцами Церкви. К истинному и обстоятельному пониманию отеческих писаний патрология сообщает сведения о жизни церковных писателей и занимается историко-критическим обследованием тех творений, коих подлинность и неповрежденность находится в сомнении» (Там же. Л. 5). Скворцов развивает то понимание патрологии, к-рое было характерно для Аскоченского. Он строго отличает патрологию от патристики как догматической науки (Theologia Patristica), видя в патрологии дисциплину не теоретико-догматическую, а историко-практическую. Как вариант Скворцов предлагал и др. деление на периоды, тоже в зависимости от особенностей писаний отеческих: 1) писания преемников апостолов; 2) писания св. отцов с сер. II до IV в.; 3) писания времен Вселенских Соборов; 4) писания св. отцов со времени разделения Церквей. Последний период представляется как время упадка: «...с X века упадок просвещения духовного на Востоке сделался так силен, что мы почти не встречаем мужей, подобных прежним светильникам Церкви» (Там же. Л. 24). Относительно этого периода Скворцов считал возможным довольствоваться краткими обзорами греч. и рус. церковной лит-ры. От патролога требуется знание языков, чтение полных творений отцов в оригинале, знание всех особенностей контекста.

В 1869 г. в КДА был введен в действие новый академический устав, в соответствии с к-рым патрология была переименована в патристику и перестала быть общеобязательным предметом. Патристика преподавалась теперь студентам богословского отделения. В КДА на патристику отводилось по 3 лекции в неделю на 1-м и 2-м курсе. Однако эти перемены не оказали существенного влияния на содержание курса Скворцова. В 1-й год он преподавал введение в науку и рассматривал творения мужей апостольских и апологетов, а во 2-й — творения св. отцов и учителей Церкви эпохи Вселенских Соборов.

От собственно патрологии Скворцов отличал «философию отцов». В кн. «Философия отцов и учителей Церкви» (К., 1868) он сосредоточил внимание на философской деятельности древних церковных авторов, понимая под ней усилия отцов Церкви «из начал разума объяснить предметы веры, или же при свете откровения созерцать предметы знания». Для Скворцова «философия отцов» имеет собственный предмет изучения, поскольку рассматривает все достижения отцов, включая их вклад в историю Церкви как свидетелей Предания, и учитывает христ. мысли всех церковных писателей, а не только причисленных к лику святых. Скворцов хотел, чтобы развитие философии ни в чем не уступало аналогичной святоотеческой. Он считал вполне возможным для современной ему философии иметь учение о Боге и душе, подобное тому, к-рое было у греч. и лат. отцов. Большие надежды он возлагал на свою кн. «Августин Иппонийский как психолог» (К., 1870), поскольку считал учение блж. Августина о душе вполне приемлемым для философии кон. XIX в., в к-рой оживился интерес к идеалистическому мировоззрению.

Особую ценность для развития отечественной патрологической науки имело исследование Скворцова «О творениях, приписываемых св. Дионисию Ареопагиту» (ТКДА. 1863. № 8. С. 385–425; № 12. С. 401–439). Автор не считал возможным следовать традиции приписывания «Ареопагитик» ученику ап. Павла. Однако на фоне современной ему зап. науки, в к-рой большинство ученых высказывались за гораздо более позднее происхождение «Ареопагитик» и лишь единицы пытались защищать

древность памятника, Скворцов принадлежал скорее к консерваторам. Он относил написание «Ареопагитик» к нач. II в., видя в них сочинение антигностическое, созданное во времена мужей апостольских. Рассуждения Скворцова были во многом верны, поскольку и совр. исследователи видят в «Ареопагитиках» антиманихейскую тенденцию. Но его выводы о древности памятника, о влиянии гениального христ. автора на неоплатоников являются ошибочными.

В 1871 г. Скворцов издал монографию «Исследование вопроса об авторе сочинений, известных под именем Дионисия Ареопагита» и через год защитил ее в КДА как докт. диссертацию, в которой скорректировал свою т. зр. на датировку «Ареопагитик». Согласно новой гипотезе Скворцова, автором «Ареопагитик» был Дионисий Александрийский, ученик Оригена. Как известно, автор «Ареопагитик» цитирует как своего учителя «святого Иерофея». Скворцов попытался найти аналогии с высказанными в этих цитатах взглядами в сочинениях Оригена. Но эти аналогии не могут считаться достаточным основанием для датировки «Ареопагитик». К тому же Скворцов не замечал существенной разницы между богословием «Ареопагитик» и Оригена. Согласно Скворцову, философия «Ареопагитик» есть тот же платонизм, что и у Оригена. А цитаты из «Иерофея», по мнению Скворцова, могли действительно быть в первоначальном полном тексте труда Оригена «О началах», но редактор Руфин, вероятно, выбросил подобные места из текста как непонятные для читателей. С критикой версии Скворцова выступил еп. Порфирий (Успенский), пытавшийся доказать, что «Ареопагитики» действительно написаны 1-м епископом Афин, учеником ап. Павла. Однако симпатии рус. патрологов в споре еп. Порфирия и Скворцова были на стороне последнего. Через 2 десятилетия после издания книги Скворцова в исследованиях Х. Коха и Й. Штигельмайра было доказано, что «Ареопагитики» написаны после Прокла. Это открыло новую эпоху в науке. И догадки Скворцова стали восприниматься как смелая, но ошибочная гипотеза.

В 1877/78–1911 гг. патристику в КДА преподавал К. Д. Попов. В 1880 г. он защитил магист. дис. «Тертуллиан, его теория христианского знания

и основные начала его богословия» (К., 1880), а в 1904 г. — докт. дис. «Блж. Диадокх (V в.), еп. Фотики, древнего Эпира, и его творения. Т. 1: Творения блж. Диадокха» (К., 1903). Последняя монография содержала публикацию 3 сочинений блж. Диадокха («Слово аскетическое», «Слово на Вознесение Господне» и «Против ариан») по греч. рукописям с параллельным переводом и обширными комментариями.

В 1884 г. введенный в действие новый устав духовных академий перевел патристику в число общеобязательных предметов. Преподаватели должны были прочитывать полные курсы (по уставу 1869 г. преподаватели имели право выбирать, что и как читать) и представлять программы чтений в Совет до начала учебного года (в отличие от устава 1869 г., к-рый обязывал лишь давать отчет после завершения учебного года о прочитанном). Программа по-прежнему была рассчитана на 2 года (1-й и 2-й курс). На 1-м курсе Попов читал лекции о церковных писателях «первых трех веков», на 2-м освещал «период второй: время процветания церковной письменности от начала единовластия императора Константина Великого до половины пятого века» и «период третий» — до прп. Иоанна Дамаскина (ИР НБУВ. Ф. 160. Ед. хр. 410. Курс 2. Л. 97–100). Судя по конспектам студентов, обычно на 2-м году обучения читался курс от Евсевия Кесарийского и свт. Афанасия Александрийского до прп. Иоанна Лествичника (Там же. Ед. хр. 360). Общей задачей курса, согласно Попову, было изучение Свящ. Предания как источника христ. вероучения, второго по отношению к Свящ. Писанию способа выражения христианской истины. Предание сохранилось неповрежденным и выражено в творениях отцов. «Единодушное согласие всех отцов и учителей Церкви в учении о предметах божественных, откровений из христианской веры есть несомненный признак истины. Но приписывая полный авторитет всем отцам в совокупности, нельзя приписывать этого авторитета каждому отцу в отдельности». Более широкая задача патрологии — изучение Свящ. Предания, как оно «сохранялось и выражалось в церковном сознании», — предполагает исследование не только творений отцов, но и сочинений тех церковных писате-

лей, к-рые «не всегда учили по разуму Церкви и проявили колебания в отношении к учению Православному (Климент Александрийский, Ориген, Евсевий Кесарийский, Феодорит)» (Там же. Ед. хр. 410. Курс 1. Л. 1–2, 4). С нач. XX в. Попов часто болел, поэтому курсы по патрологии прочитывал не полностью. Студентам рекомендовалось готовиться к экзамену по 2 пособиям: «Отцы Церкви» Ф. У. Фаррара и «Историческое учение об Отцах Церкви» архиеп. Филарета (Гумилевского). Лекции могли читать разные преподаватели, что препятствовало качественному изучению этого предмета студентами.

С 1910/11 уч. г. патрологию преподавал С. Л. Епифанович. Он окончил КДА в 1910 г. и защитил канд. диссертацию, посвященную прп. Максиму Исповеднику (общий объем рукописи 948 с.). Начало педагогической деятельности Епифановича совпало с введением в действие нового устава духовных академий. Устав 1910 г. переименовал патристику в патрологию. Кроме того, новый устав предполагал не 1 (как прежде), а 2 штатные единицы для преподавания патрологии. В связи с этим в КДА была открыта 2-я кафедра патрологии, которую в 1912 г. занял М. Ф. Оксюк (впосл. митр. Макарий). В объяснительной записке к уставу указывалось, что в преподавании патрологии нельзя «ограничиваться сообщением историко-библиографических сведений о святоотеческих творениях и церковной письменности», следует особое внимание уделять «ознакомлению слушателей с самим содержанием творений св. отцов и церковных писателей» (ЦВед. 1910. № 18. С. 133). В соответствии с этим предписанием в КДА были введены не только лекционные, но и практические занятия по патрологии, в рамках к-рых студенты изучали святоотеческие творения в рус. переводах и отчасти в подлиннике, а также писали, читали и обсуждали рефераты (ЦГИАК. Ф. 711. Оп. 3. Ед. хр. 3666. Л. 18 об., 64).

Епифанович, занимавший 1-ю кафедру патрологии, читал лекции для 1-го курса. Программа его лекций предполагала рассмотрение введения в патрологию (понятие о науке, ее история, издания и переводы святоотеческих творений, периодизация истории церковной письменности) и обзор развития церковной

С. Л. Епифанович, доцент КДА.
Фотография. 1913 г.

письменности с I по IV в. включительно, хотя на практике пройти за год весь этот материал, как правило, не удавалось. В 1910/11, 1912/13 и 1913/14 уч. годах лекции фактически закончились рассмотрением наследия Оригена. В 1911/12 и 1914/15 уч. годах Епифанович дошел до изучения сочинений свт. Афанасия Великого. Конспект лекций за 1915/16 уч. г. отличается лаконичностью. Он содержит главы практически обо всех значительных авторах IV в.: свт. Афанасии Великом, прп. Макарии Египетском, святителях Кирилле Иерусалимском, Василии Великом, Григории Богослове и Григории Нисском. Однако в связи с военным временем и предполагавшейся эвакуацией КДА в Казань этот учебный год был существенно сокращен; вероятно, Епифановичу не удалось прочесть лекции в полном объеме (НБУВ ИР. Ф. 187. Ед. хр. 11–13, 15, 16, 17, 31; ЦГИАК. Ф. 711. Оп. 3. Ед. хр. 3666. Л. 63–64).

Сохранился написанный от руки курс патрологии Епифановича, охватывающий церковную письменность первых 3 веков христианства (НБУВ ИР. Ф. 187. Ед. хр. 16, 17, 31). В нач. 50-х гг. XX в. выпускник КДА и проф. МДА Н. А. Муравьев расшифровал и отредактировал имевшийся у него экземпляр лекционного курса Епифановича. Эта машинописная версия лекций киевского патролога была передана в б-ку МДА. На основе курса лекций Епифановича Муравьев составил машинописное учебное пособие по патрологии для студентов МДА (см.: Светозарский А. К. Участие «киевлян» в возрождении Московских духовных школ // ТКДА. 2010. № 13. С. 328).

Предмет патрологии понимался Епифановичем предельно широко: «Предмет изучения для патрологии составляет церковная письменность, то есть все те литературные памятники, которые появились в недрах Церкви на всем протяжении ее существования после апостолов и были более или менее полным отражением ее жизни, в особенности ее веросознания и нравственных идеалов». Сочинения еретиков в объеме предмета патрологии не входят, но изучаются по 2 причинам: из-за близости к святоотеческой письменности, а также из-за «связи их с противоеретической церковной литературой, насколько выяснение учения и объема литературной пропаганды еретиков может способствовать пониманию направленной против них полемической литературы». Отношения между писаниями св. отцов и Свящ. Преданием представлены как сложные: при неизменности Предания изменялось богословие, что и зафиксировано в памятниках церковной письменности. «Главнейший момент патрологического изучения — это установление элементов Свящ. Предания, выделение Кафолического сознания Церкви из исторического церковного сознания, всегда заключающего в себе черты своеобразия, индивидуальности и субъективизма. Однако задача эта должна выполняться патрологией вовсе не в том смысле, чтобы представить вечно неизменное содержание Свящ. Предания, ибо по существу оно очерчено в соборных вероопределениях и относится к догматике. Задача патрологии по отношению к Свящ. Преданию должна заключаться в оценке содержания церковной письменности по степени верности и точности выражения в нем Свящ. Предания; патролог должен изучить историческое веросознание Церкви и в нем отметить неизменные элементы предания кафолического веросознания, иначе говоря, он должен проследить историю закрепления Свящ. Предания в церковной письменности, то есть историю образования и развития (на почве предания) христианского богословия, понимаемого в широком смысле этого слова, как церковного сознания в области догмы, морали и церковной практики».

В 1913 г. Епифанович подал в Совет КДА магист. диссертацию, посвященную жизни и богословскому

наследию прп. Максима Исповедника. По свидетельству рецензентов, 1-й том, посвященный изучению Жития преподобного, представлял собой переработанный текст его канд. диссертации. 2-й том содержал анализ творений прп. Максима, а также доказательства принадлежности ему комментариев на Книгу Притчей Соломоновых и Книгу Песни Песней Соломона, атрибутируемых в рукописной традиции *Прокопию Газскому*. Впосл. Епифанович готовил к изданию и последующей защите полный текст магист. сочинения. Однако это издание не было осуществлено, полная его рукопись до сих пор не найдена, возможно погибла. Сохранившиеся фрагменты имеют большое научное значение, особенно анализ подхода прп. Максима к толкованию Свящ. Писания.

Программа лекций преподавателя 2-й кафедры патологии Оксьюка охватывала церковную письменность на Востоке и Западе с кон. IV до 2-й пол. VIII в. В этом курсе рассматривались сочинения Диодора Тарсийского, Феодора Мопсуестийского, свт. Иоанна Златоуста, Феодорита Кирского, свт. Кирилла Александрийского, свт. Палладия Елеопольского, св. Нила Синайского, блж. Августина и Мария Меркатора (НБУВ ИР. Ф. 187. Ед. хр. 14). Содержание рукописи практически полностью совпадает с 1-м отделом программы лекций Оксьюка за 1914/15 уч. г. (ЦГИАК. Ф. 711. Оп. 3. Ед. хр. 3666. Л. 17–18). Следующий отдел программы предполагал изучение церковной письменности со 2-й пол. V до 2-й пол. VIII в. Здесь рассматривались авторы: Леонтий Византийский, Иоанн Максентий, свт. Евлогий Александрийский, свт. Софроний Иерусалимский, преподобные Максим Исповедник, Иоанн Дамаскин, Феодор Студит, Иоанн Лествичник, а также Иоанн Мосх. Зап. письменности этого периода в программе отведена 1-я гл.: «Строгие и умеренные последователи блж. Августина». Здесь рассматривалось наследие Фульгенция Руспийского и свт. Григория Великого (Там же. Л. 18).

В 1914 г. Оксьюк защитил магист. дис. «Эсхатология св. Григория Нисского», которая в значительной степени сохраняет научную ценность. Также достаточно ценным является его исследование «Теопасхитские

М. Ф. Оксьюк, доцент КДА.
Фотография. 1913 г.

споры» (ТКДА. 1913. № 4. С. 529–559). В последние годы существования КДА, а также в КПБА лекции по патологии кроме Оксьюка читал и ректор еп. Василий (Богдашевский).

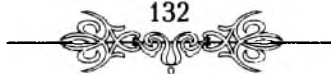
Важным вкладом КДА в развитие патологии как науки был осуществленный в Киеве рус. перевод корпуса памятников лат. патристики. В Трудах КДА, а также отдельными изданиями были опубликованы творения блж. Августина, Арнобия Старшего, блж. Иеронима Стридонского, сщмч. Киприана Карфагенского, Тертуллиана. Профессора КДА осуществили перевод и некоторых творений вост. отцов. К. Д. Попов перевел на рус. язык неск. сочинений Диадокха Фотикийского, а Епифанович — часть «Вопросоответов к Фалассию» прп. Максима Исповедника. В рамках кандидатских сочинений студенты КДА также осуществили перевод ряда творений как вост., так и зап. церковных писателей. Напр., в 1910 г. В. Романович защитил дис. «Трактат Ансельма Кентерберийского «*Cur Deus Homo*» и его значение в истории догматики», в приложении к к-рой был дан полный рус. перевод указанного трактата (НБУВ ИР. Ф. 304. Ед. хр. 2109). Выпускник КДА еп. Арсений (Ивашенко) переводил с греч. языка отдельные сочинения свт. Григория Паламы и его современников (Там же. Ф. 160. Ед. хр. 66).

Во 2-й пол. XIX — нач. XX в. в КДА были защищены неск. диссертаций, внесших весомый вклад в развитие отечественной патологии. Кроме упомянутых исследований Скворцова, Попова, Епифановича и Оксьюка это были докт. диссертации Певницкого «Св. Григорий Двоеслов, его

проповеди и гомилетические правила» (К., 1871) и еп. Сильвестра (Малеванского) «Учение о Церкви в первые 3 века христианства» (К., 1872), а также магист. диссертации свящ. Г. В. Малеванского «Догматическая система Оригена» (ТКДА. 1870. № 1. С. 76–148; № 2. С. 293–401; № 3. С. 513–610; № 4. С. 3–107; № 5. С. 245–323; № 6. С. 495–567; № 7. С. 3–82), прот. Н. Гроссу «Прп. Феодор Студит: Его время, жизнь и творения» (К., 1907), В. И. Барвинка «Никифор Влеммид и его сочинения» (К., 1911), В. Ф. Иваницкого «Филон Александрийский: Жизнь и обзор литературной деятельности» (К., 1911), свящ. Тимофея Лященко «Св. Кирилл, архиеп. Александрийский: Его жизнь и деятельность» (К., 1913), свящ. Н. Фетисова «Диодор Тарсский: Опыт церковно-исторического исследования его жизни и деятельности» (К., 1915). Нesk. магистерских работ, защищенных в КДА в предреволюционные годы, были посвящены рус. святоотеческому наследию. Так, в 1916 г. Л. А. Соколов защитил диссертацию, посвященную свт. Игнатию (Брянчанинову), а в 1917 г. свящ. Тихон Попов — диссертацию о свт. Тихоне Задонском.

Ю. П. Черноморец, В. В. Бурга

Философия. Основные параметры преподавания философских дисциплин в КДА были заданы уставом 1814 г., возлагавшим на изучение философских предметов ответственную миссию «преодоления раскола между верой и разумом» буд. богословов и церковнослужителей. Закрепляя за философскими курсами (история философии, логика, психология, метафизика, моральная философия) значительный объем преподавания (10 ч. в неделю) и приоритетную роль в учебных планах «низшего» отделения, устав сохранил немало новых и важных положений, ставших стимулом для развития философии в духовных академиях. Статус фундаментальной философской дисциплины приобрела история философии, а необходимым условием изучения и преподавания философии впервые признавались источниковедческий, генетический и историко-сравнительный подходы. Поощрялись самостоятельные историко-философские исследования преподавателей и студентов. Воспитательное значение придавалось изучению нравственной философии.

В то же время всестороннее осуществление «философских параграфов» устава 1814 г. в реальной практике преподавания философии в первое десятилетие истории КДА сталкивалось с трудностями, связанными как с дефицитом кадров, так и с необходимостью придерживаться многочисленных дополнительных инструкций, вступающих в противоречие с уставом. В частности, в нач. 20-х гг. XIX в. все философские дисциплины преподавал профессор философии прот. И. Скворцов, закончивший СПбДА и присланный в КДА для организации кафедры философии; он положил начало возникновению киевской религиозно-философской школы; им были написаны статьи о Платоне, Плотине, Г. В. Лейбнице, И. Канте, был подготовлен курс лекций по истории философии. Попытки возложить чтение истории философии на магистров 1-го выпуска КДА (1823) К. Д. Грузина, а затем его сокурсника А. А. Шокотова (впосл. Антоний, архиеп. Кишиневский и Хотинский) не принесли ожидаемых результатов. К тому же предписание Комиссии духовных уч-щ от 12 июня 1825 г. придерживаться «назначения книг, коими исключительно должны руководствоваться в преподавании уроков учащиеся в Академиях, семинариях и низших училищах, с запрещением писать собственные свои уроки» (ЦГИАК. Ф. 711. Оп. 2. Ед. хр. 1. Л. 1 об.), неявно предполагало использование устаревших латиноязычных руководств Ф. Х. Баумейстера, И. Я. Брукера, И. Г. Винклера и Ф. С. Карпе (пособие последнего по нравственной философии в 1825 было изъято из программ духовных академий ввиду его недостаточной «благонадежности») и не способствовало изучению философии по первоисточникам и формированию у студентов навыков их самостоятельной интерпретации, требуемых уставом. В соответствии с этой и др. должностными инструкциями философские курсы преподавателей КДА 20-х гг. XIX в. читались на лат. языке, в основном это были вольфианские компендиумы, не соответствовавшие уровню развития того времени европ. философской мысли. Яркое философское дарование проявил лишь один из магистров КДА этого периода, В. Н. Карпов, окончивший академию в 1825 г.; с его

именем связан более чем 30-летний период развития философии в СПбДА. Карпов приобрел широкую известность своими переводами произведений Платона.

Позитивные изменения в преподавании философских дисциплин в КДА, знаменовавшие их освобождение от схоластического влияния и выход на иной уровень, связаны с оживлением научной жизни в академии в годы ректорства свт. Иннокентия (Борисова), проявлявшего глубокий интерес к философии. Стараниями свт. Иннокентия преподаватели и студенты, оставив учебники XVIII в., открыли для себя мир новейшего нем. идеализма, впервые приобщившись к совр. философским процессам. Появилась возможность разрабатывать собственные курсы, основанные на непосредственном изучении первоисточников. Критическое осмысление их с позиции правосл. вероучения способствовало развитию всех составляющих философской науки в КДА тех лет — истории философии, логики, метафизики и в особенности психологии, преподавание к-рой впервые закреплялось за отдельным наставником (с 1833 философский курс читался 3 преподавателями). КДА в 30-х гг. XIX в. взрастила плеяду философов, в числе к-рых О. М. Новицкий, П. С. Авсенов (впосл. архим. Феофан), И. Г. Михневич, С. С. Гогоцкий. Они внесли весомый вклад не только в поддержание высокого уровня преподавания философских дисциплин в 40-х гг. XIX в. (особая заслуга принадлежит здесь Гогоцкому и архим. Феофану (Авсенеvu)), но и в становление и развитие университетской философии в Киеве (Новицкий с 1834, Гогоцкий с 1851 — преподавали на кафедре философии Ун-та св. Владимира, архим. Феофан одновременно преподавал в КДА и в Ун-те св. Владимира) и в Одессе (Михневич преподавал в лицее). Их дело в КДА продолжили магистры Д. В. Поспехов, П. Д. Юркевич и М. М. Троицкий, к-рые обеспечили высокий уровень преподавания философских дисциплин в КДА 50-х гг. XIX в. и участвовали в возрождении прерванной университетской традиции преподавания философии в Московском ун-те (Юркевич с 1861, Троицкий с 1865 — преподаватели Московского ун-та).

При всех нововведениях в жизни духовных академий, связанных с при-

нятием последующих уставов (1869, 1884, 1910), преподавание философских курсов сохраняло высокий статус и значение. В частности, устав 1869 г., вводящий специализацию студентов по 3 отд-ниям — богословскому, церковно-историческому и церковно-практическому, не только оставлял историю философии, логику, метафизику и психологию в составе дисциплин, обязательных для изучения на всех отд-ниях, но и увеличивал объем их преподавания до 12 ч. в неделю. Изменения, внесенные в учебные планы академий уставом 1884 г., упразднившим специализацию по отд-ниям, не касались философских дисциплин, преподававшихся в том же объеме и не утративших значения важнейших после богословского предметного цикла. Подчеркивая церковно-пастырский статус духовных академий, устав 1910 г. сохранял лояльность к философским дисциплинам, отводя на преподавание систематической философии (заменившей метафизику), логики, психологии и истории философии 15 ч. в неделю. Устойчивая тенденция к сокращению философских курсов в духовно-академическом образовании, проявляющаяся с кон. XIX в., обнаруживает себя в полной мере с 1911/12 уч. г., когда в соответствии с принятыми летом 1911 г. изменениями в действующем уставе история философии утратила характер обязательной дисциплины и стала предлагаться студентам на выбор с педагогикой.

Преподавание философских дисциплин в КДА с сер. 60-х гг. XIX в. связано преимущественно с именами ее воспитанников — Линицкого, Богдашевского, П. П. Кудрявцева, И. П. Четверикова, Н. Н. Пузанова, С. Г. Остроумова. Линицкий является автором неск. учебников по философии и истории философии: «Обзор философских учений» (К., 1874), рекомендованный в качестве учебного пособия для семинарий; «Основные вопросы философии: Опыт систематического изложения философии» (К., 1901); «Очерки истории философии древней и новой» (К., 1902). С нач. XX в. и до закрытия КДА ведущая роль в преподавании философских дисциплин принадлежала Кудрявцеву и Четверикову, в течение 20 лет читавших курсы истории философии и психологии.

Преподавательская деятельность профессоров философии КДА способствовала становлению и развитию модели философского образования в ДА, основанной на преемственном и систематическом характере философской подготовки, осуществляемой в семинариях и академиях и направленной на формирование у воспитанников духовных школ прочной историко-философской базы, овладение ими методикой самостоятельной работы с классическими первоисточниками и новейшей философской лит-рой. Эти положительные особенности философского образования в КДА способствовали появлению в духовной среде талантливых философов и квалифицированных преподавателей философии, способных развивать философские науки и удовлетворять кадровые потребности не только духовных семинарий и академий, но и ун-тов.

Новицкий, Гогоцкий, Юркевич, Линицкий и др. считали философию важнейшей составляющей как общего, так и специального образования, возлагая на ее изучение задачу формирования у студентов широты умственного кругозора, стимулирования их самостоятельной мыслительной деятельности и интеллектуального творчества, воспитания мировоззренческих убеждений и нравственных ценностей.

Развиваясь в русле богословия и находя вдохновение в неисчерпаемой сокровищнице Откровения как в источнике постижения «тайн о Боге, мире и человеке», философствование в КДА XIX — нач. XX в. исходило из установок христ. теизма, из понимания Абсолюта как «живого» Бога, Творца и Промыслителя. Обращаясь к истокам правосл. традиции, к святоотеческому наследию, и в то же время к творческой рецепции нем. философского идеализма, философия в КДА развивалась в русле «конкретного идеализма», который предусматривает в отличие от идеализма абстрактного укорененность философского мышления в абсолютно сущем, в Боге как начале всего сущего. Понимая дух как реальную субстанцию, а следов., нечто большее, нежели сознание и познавательная деятельность, усматривая в истине не мыслительную категорию, а «живую», конкретную онтологическую сущность, именно философы КДА сформировали основы «киевской школы теизма».

В частности, с именем выпускника и преподавателя КДА и СПбДА В. Н. Карпова связан опыт разработки в 30-х гг. XIX в. собственной философской системы — «синтетизма», утверждающего единство духовного и материального начал в философии конкретного идеализма (*Карпов В. Н. Введение в философию*. СПб., 1840). На развитие христ. философии, ищущей высшего единства веры и разума, в 30–40-х гг. XIX в. были направлены усилия Новицкого (Об упреках, делаемых философии в теоретическом и практическом отношении, их силе и важности // ЖМНП. 1838. Ч. 17. № 2. Отд. 2. С. 229–329), Михневича (О достоинстве философии, ее действительном бытии, содержании и частях // Там же. 1840. Ч. 25. № 2. Отд. 2. С. 111–131; Задача философии // Там же. 1842. Ч. 34. № 6. Отд. 2. С. 67–86) и архим. Феофана (Авсенева) (Из записок по психологии архим. *Феофана Авсенева* // Сб. из лекций бывших профессоров КДА. 1869). В последующие годы существенное значение в поисках академической философией универсального мировоззрения, отвечающего идеалам целостного знания и целостной жизни, имели труды Юркевича «Идея» (ЖМНП. 1859. Ч. 104. Отд. 2. № 10. С. 1–35; № 11. С. 87–125), «Сердце и его значение в духовной жизни человека по учению слова Божия» (ТКДА. 1860. № 1. С. 63–118), «Разум по учению Платона и опыт по учению Канта» (Моск. унив. изв. 1866. № 5. С. 321–392); труды Линицкого «К философии истории» (Х., 1902), «О бессмертии души и загробной жизни» (Х., 1903); «Пособие к апологетическому богословию (философия веры)» (Х., 1904) и др. Выдающаяся роль в развитии религ. метафизики в России принадлежит ученику Юркевича Вл. С. Соловьёву. В трудах Линицкого (Об умозрении и отношении умозрительного познания к опыту. К., 1881; Идеализм и реализм // ВиР. 1884. № 11–24; 1885. № 9–11, 13, 15, 16, 22, 24; 1886. № 5–8, 11, 14, 17–20; 1887. № 4–6, 9–11, 14–16, 19; 1888. № 4, 5, 7, 10, 12, 14, 16, 18, 20, 22; Пособие к изучению вопросов философии: (Элементы филос. мирозерцания). Х., 1892; Основные вопросы философии: Опыт систематического изложения философии. К., 1901 и др.) последовательно отстаиваются ценности «верующего разума» и развивается логико-ра-

ционалистический подход к их обоснованию.

В полемике с разными философскими направлениями XIX–XX вв. философы КДА обосновали ограниченность и односторонность атеистического материализма, отрицающего духовную сторону бытия и отождествляющего добро с «полезностью», а философское творчество — со служением утилитарно-общественным целям.

Стремлением противостоять «духу позитивизма», отрицающему ценность абсолютного и создающему искусственную пропасть между верой и знанием, проникнуто философское творчество Линицкого. В нач. XX в. то же направление нашло достойного преемника в лице Кудрявцева, в работах которого убедительно показана несостоятельность претензий позитивистской философии на полноту истины (Очерки современного эмпиризма. К., 1907. Вып. 1; Абсолютизм или релятивизм?: Опыт ист.-крит. изучения чистого эмпиризма новейшего времени в его отношениях к нравственности и религии. К., 1908. Вып. 1). Кроме того, в многочисленных рецензиях на новейшие работы отечественных и зап. мыслителей Линицкий, архиеп. Василий (Богдашевский), Кудрявцев, Четвериков стремились противостоять влиянию позитивизма и релятивизма на философскую мысль 2-й пол. XIX — нач. XX в.

Полемика с «шестидесятниками», сеявшими в сознание молодого поколения зерна нигилизма и вульгарного материализма, развернулась после публикации статьи Юркевича «Из науки о человеческом духе: (По поводу статей «Современника», озаглавленных «Антропологический принцип в философии)» (ТКДА. 1860. № 4. С. 367–511).

Свой вклад в развитие философской науки в стенах КДА кроме профессоров философии внесли и некоторые преподаватели богословских и исторических кафедр. В частности, заметное возрастание со 2-й пол. XIX в. исследовательского интереса киевских богословов к патристическому наследию отмечено стремлением отыскать в нем истоки не только богословской, но и философской традиции: в этой связи историко-богословские исследования ряда профессоров и воспитанников КДА приобретали в значительной мере историко-философский характер, стиму-

лируя развитие междисциплинарного подхода к изучению патристики. Продуктивность последнего демонстрируют исследования по истории христ. философии в трудах патролога К. И. Скворцова (Философия отцов и учителей Церкви: Период апологетов; Августин Иппонийский как психолог). Сочинения профессоров кафедры нравственного богословия прот. Н. Фаворова («Очерки нравственного православно-христианского учения»; «О христианской нравственности») и М. А. Олесницкого («История нравственности и нравственных учений», «Нравственный прогресс» и др.) стимулировали развитие христ. этики. В предреволюционное десятилетие продолжателем этой традиции стал профессор нравственного богословия В. И. Экземплярский («К вопросу об отношении нравственности к политике»; «Несколько мыслей по поводу защиты смертной казни в русской богословской литературе последнего времени»; «Учение древней Церкви о собственности и милостыне»; «Евангелие и общественная жизнь» и др.). В. З. Завитневичу принадлежит одна из лучших работ, посвященных Хомякову, — 2-томное исследование «Алексей Степанович Хомяков» (К., 1902–1913).

Достойный вклад в развитие историко-философских исследований в КДА внесли доцент кафедры основного богословия Г. В. Малеванский («Музыкальная и астрономическая система Платона в связи с др. системами древности», «Нравственные принципы и характеры древних греческих философов» и др.) и библист еп. Василий (Богдашевский) (О взаимном отношении философии и естествознания. К., 1894; Из истории греческой философии. К., 1898; Философия Канта. К., 1898. Вып. 1: Анализ критики чистого разума и критики практического разума).

Ученые КДА сыграли значительную роль как в становлении профессиональной философии в России, так и в развитии отдельных философских наук — истории философии (Новицкий, Гогоцкий, Юркевич, Линецкий, архиеп. Василий (Богдашевский), Кудрявцев), метафизики (Юркевич, Линецкий), философской антропологии (архим. Феофан (Авсенеv), Юркевич, Олесницкий), эпистемологии (Новицкий, Юркевич, Линецкий), логики (Новицкий, Михневич, Линецкий),

психологии (архим. Феофан (Авсенеv), Поспехов, Четвериков), этики (прот. Н. Фаворов, Юркевич, Олесницкий, Линецкий, Экземплярский), философии образования (Гогоцкий, Юркевич, Линецкий, Маккавейский, Олесницкий), философии религии (свт. Иннокентий (Борисов), Новицкий, Линецкий), философии права (Юркевич).

Наиболее значительные исследовательские результаты профессоров и воспитанников КДА относятся к историко-философской сфере. Труды Новицкого, Гогоцкого, Юркевича, Линецкого, Кудрявцева способствовали становлению в России истории философии как самостоятельной научной дисциплины, разработке ее теории, методологии и историографии. Их интерес к теоретическим и методологическим проблемам историко-философского знания стимулировался творческой рецепцией историко-философской концепции Г. Гегеля, первый отечественный опыт к-рой представлен в трудах Новицкого (Об упреках, делаемых философии в теоретическом и практическом отношении, их силе и важности // ЖМНП. 1838. Ч. 17. № 2. С. 229–329; Разбор сочинения К. Зедергольма, под заглавием «История древней философии» // 11-е присуждение учрежденных П. Н. Демидовым наград. СПб., 1842. С. 237–266); и Гогоцкого (Обозрение системы философии Гегеля. К., 1860; Введение в историю философии. К., 1871; его статьи о Гегеле и Канте в «Философском лексиконе»).

Вместе с тем последовательная реализация принципа историзма, всестороннее осмысление развития философии как единого и целостного процесса направили научный поиск философов КДА XIX — нач. XX в. к преодолению гегелевского имманентизма и монологизма в истолковании историко-философского процесса, к утверждению плюрализма методологических подходов, в которых реализуется единство логического, культурно-исторического и личного измерения философии. В их трудах представлен ряд конструктивных идей, касающихся механизмов взаимодействия философии с религией, наукой, искусством, а также принципов историко-философской реконструкции, сохраняющих научную значимость. Разрабатывая теоретико-методологический аппарат историко-философских ис-

следований, философы КДА понимали историю философии не только как специальную дисциплину, но как «введение» в совр. философию, а как способ существования философии, ее «живую жизнь», как неотъемлемую часть того культурного поля, в к-ром развивается философское мышление. Именно таким пониманием мотивирован и обширный опыт обращения профессоров и воспитанников КДА к изучению философского наследия, особенно плодотворный в сфере осмысления древней, в т. ч. вост., философии (Новицкий О. М. Очерк индийской философии // ЖМНП. 1844. Отд. 2. Ч. 41. № 3. С. 151–203; Ч. 43. № 8. С. 99–118; 1846. Ч. 52. № 10. С. 1–53; Линецкий П. И. Общий взгляд на философию Платона // ТКДА. 1867. № 10. С. 52–58; Он же. Платон — представитель идеализма в древней философии // Там же. 1868. № 7. С. 48–108; № 9. С. 419–467; Он же. Нравственные и религиозные понятия у древних греческих философов // Там же. 1870. № 10. С. 127–219; № 11. С. 410–456; № 12. С. 567–609; 1871. № 3. С. 592–632; 1872. № 4. С. 67–153; Он же. Учение Платона о божестве. К., 1876; Богдашевский Д. И. Об источниках к изучению философии Сократа // ТКДА. 1895. № 9. С. 123–152; 1896. № 8. С. 547–574; 1897. № 6. С. 242–336; № 7. С. 381–401; Он же. Греческие софисты // Там же. 1897. № 8. С. 455–493; Он же. Учение Платона о знании // Там же. 1897. № 12. С. 557–579 и др.) и традиции нем. идеализма (Гогоцкий С. С. Критический взгляд на философию Канта. К., 1847; Он же. Обзор системы философии Гегеля. К., 1860; Он же. Философия XVII и XVIII вв. в сравнении с философией XIX в. и отношении той и другой к образованию. К., 1878–1884. 3 вып.; Юркевич П. Д. Характер и направление современной германской философии // ВФ. 2001. № 7. С. 120–128; Михневич И. Г. Опыт простого изложения системы Шеллинга, рассматриваемой в связи с системами других германских философов. Од., 1850; Линецкий П. И. [псевд. Петров И.]. Различные направления немецкой философии после Гегеля в отношении ее к религии // ВиР. 1887. № 1. С. 1–26; № 2. С. 51–72; № 3. С. 99–113; № 6. С. 293–307; № 8. С. 370–391; № 12. С. 575–593; № 13. С. 1–18; № 21. С. 435–452; № 22. С. 477–512; Он же. Философия Эдуарда Гартмана. Х., 1898;

Богдашевский Д. И. Философия Канта. К., 1898. Вып. 1; *Знаменский Д. В.* Из этюдов о Канте. К., 1912).

Активно выступая на страницах религиозно-философских и богословских журналов, философы КДА вносили весомую лепту в развитие философской мысли и создание профессионального философского сообщества в России, а также в утверждение в общественном сознании значимости философии как необходимой составляющей духовной культуры, в создание возможностей для ознакомления «читающей публики» с памятниками мировой философской мысли. Последнему особенно способствовала переводческая деятельность воспитанников и профессоров КДА, обогативших российскую культуру переводами «Золотых стихов» пифагорейцев (Золотые стихи пифагорейцев с коммент. Гиерокла-философа / Пер. с греч.: Г. В. Малеванский // ВиР. 1897. № 16. С. 130–158; № 17. С. 177–206; № 18. С. 229–254; № 20. С. 335–345; № 23. С. 479–490), творений Платона (*Платон.* Апология Сократа / Пер. с греч. Г. В. Малеванского с присоединением объяснения, словаря, крат. биографии и неск. слов об «Апологии» и ее содержании. К., 1880; Диалоги *Платона* «Тимей», или О природе вещей, и «Критий» / Пер., введ. и примеч.: Г. В. Малеванский. К., 1883), Плотина (Избр. труды / Пер. с греч.: Г. В. Малеванский // ВиР. 1898. № 8, 9, 11, 13, 14, 17, 19; 1899. № 2, 6, 11–15; 1900. № 18–21), Аврелия Августина, Тертуллиана и др. (сочинения последних, над переводами к-рых трудилось неск. поколений профессоров — Д. А. Подгурский, Н. М. Дроздов, еп. Василий (Богдашевский) и др. — печатались на страницах Трудов КДА и вошли в «Библиотеку творений святых отцов и учителей Церкви, издаваемых при КДА» с 1879, 2-е изд. — в 1893–1915). Большое значение для развития философской науки и образования в России имели первые опыты создания философской энциклопедии (Философский лексикон. К., 1857–1873. 4 т., 5 вып.) и философского словаря (Философский словарь, или Краткое объяснение философских и др. научных выражений, встречающихся в истории философии. К., 1876), предпринятые Гогоцким.

Профессора КДА П. П. Кудрявцев, В. И. Экземплярский, В. З. Завит-

невич, И. П. Четвериков принимали деятельное участие в религиозно-философской жизни Киева нач. XX в. Именно в стенах КДА реализовалась идея создания Киевского религиозно-философского общества (1908–1919), сплотившего не только академических и университетских религ. мыслителей, но и всю религиозно настроенную интеллигенцию города. Деятельность академической профессуры Н. А. Бердяев справедливо отмечал как особенность Киевского религиозно-философского об-ва, отличавшую его от аналогичных обществ в С.-Петербурге и Москве (см.: *Бердяев Н. А.* Русский духовный ренессанс нач. XX в. и журнал «Путь» // Н. А. Бердяев о русской философии. Свердловск, 1991. Ч. 2. С. 219). То же касается деятельности издательства «Христианская мысль» и одноименного журнала (1916–1917), являвшегося печатным органом Киевского религиозно-философского об-ва. Инициатором создания и руководителем «Христианской мысли» был Экземплярский. Активное участие в издании журнала принимали также Кудрявцев, Зеньковский, Завитневич, Четвериков и другие киевские профессора; среди его авторов были С. А. Аскольдов, Бердяев, прот. Сергей Булгаков, А. В. Карташев, В. А. Кожевников, свящ. Павел Флоренский, Л. И. Шестов, В. Ф. Эрн и мн. др.

М. Л. Ткачук

Историческая наука. В первые годы существования КДА истории как предмету преподавания не уделялось должного внимания. В новой образовательной системе кафедры общей церковной и гражданской истории имели второстепенное значение. При этом гражданская история не входила в перечень обязательных предметов и наряду с физико-математическими науками изучалась факультативно; ни курсовых, ни магист. работ по ней не защищалось.

Главной целью исторической науки в системе академического преподавания декларировалось «не исследование, не ученые поиски», а непосредственное образование студента, который в течение 2-годичного курса должен был пройти всю всемирную историю, от древнейших времен до современности. Задача преподавателя заключалась в том, чтобы «в связи происшествий открыть успехи нравственности, постепенное шествие человеческого

разума и различные его заблуждения, образование и превращения гражданских обществ в коренные причины славы и падения государств, судьбу ложных религий и преуспевание единой истинной, христианской». При этом особое внимание уделялось отечественной истории, которая излагалась отдельно. Преподавание предмета велось с позиций провиденциализма. Преподавателям указывалось, что при изложении студентам истории следует «ограничиваться полезным, повествовать только о происшествиях великих и достопамятных по своим последствиям, произведших важные перемены в мире политическом или нравственном, преимущественно о происшествиях, показывающих явные следы Промысла Божия о человеческом роде» (*Аскоченский.* 1863. С. 79–81).

Преподаватели истории часто сменялись, что не способствовало качеству преподавания. Так, за первые 5 лет существования КДА сменилось 4 преподавателя общей гражданской истории — Г. К. Огиевский (1819–1820), иером. Евгений (Соловьёв) (1820–1821), прот. Иоаким Орлов (1821–1824) и А. Д. Граников, возглавлявший кафедру до своей кончины в 1860 г. О последнем В. Ф. Певницкий вспоминает как о формалисте, «каких мало»: «Он преследовал фактическую полноту, и в его записках изложена подробнейшая фактическая «история рода человеческого»; он не желал упустить ни малейшей частности, ни одного самого мелкого события, о котором можно найти упоминание у других историков» (цит. по: *Тимов Хв.* Стара вища освіта в Київській Україні XVI — поч. XIX вв. К., 1924. С. 385). Общую церковную историю весьма непродолжительное время, до своего пострига, вместе с греч. языком читал свт. Мелетий (Леонтович) (1819–20/21), затем иером. Евгений (Соловьёв) (1821–1824), прот. И. Орлов (1824–1834). В то же время, несмотря на поставленную в уставе 1814 г. задачу, чтобы «в историческом учении история Отечественная, и особенно история нашей Церкви, занимала 1-е место» (ПСЗ. 1830. Т. 32. С. 925. П. 155), в КДА для рус. истории, как церковной, так и гражданской, не было создано самостоятельных кафедр и отдельно эти исторические дисциплины не преподавались.

Определенные сдвиги в отношении исторических наук произошли после того, как Киевскую кафедру возглавил митр. Евгений (Болховитинов), к-рый первым предпринял попытку привлечь студентов к историческим (преимущественно краеведческим) исследованиям. Он предложил давать студентам для курсовых работ темы по общей, и особенно отечественной, церковной истории. Его предложение долго не находило отклика со стороны преподавателей и ректоров КДА, пока в 1830 г. ректором не был назначен свт. Иннокентий (Борисов). Проявляя неподдельный интерес к отечественным памятникам истории, как письменным, так и материальным, свт. Иннокентий стал деятельным помощником Киевского митрополита в вопросе привлечения студентов и преподавателей к изучению рус. истории. В февр. 1827 г. митрополит предложил студентам составленную им программу по написанию диссертации о киевской Ильинской ц. Для облегчения работы в программе были указаны цель и задачи исследования, его примерная структура и основные письменные источники, к-рыми студенты должны пользоваться при написании сочинения. За год текст должен был быть закончен, в янв. 1828 г. Правление академии собралось рассмотреть работы и наградить автора лучшей из них 100 р., 2-я премия — 50 р.

Однако работа над исследованием и определение победителя заняло намного больше времени, чем ожидалось. Лишь весной 1830 г. в типографии Киево-Печерской лавры было напечатано сочинение студента Е. А. Остромысленского «О древнейшей киевской церкви св. Илии», за к-рое автор получил 1-ю премию. К этому времени (1830–1831) относился появление и др. студенческих работ, посвященных вопросам отечественной истории. Студент «высшего» отделения Н. И. Соколов избрал для своего исследования тему о времени крещения кнг. Ольги, иером. *Евсевий (Ильинский)*; в посл. архиепископ) — тему «Кто был первый митрополит Киевский», а буд. проф. истории О. М. Новицкий — «О духоборцах».

В то же время решение вопроса о создании кафедры русской церковной и гражданской истории было отложено из-за недостатка средств.

И. И. Малышевский, проф. КДА. Фотография. XIX в.

Начиная с 1831 г. курс отечественной истории читал на добровольных началах и без получения дополнительного жалования бакалавр французского языка А. Л. Минервин.

Самостоятельная кафедра рус. церковной и гражданской истории появилась в КДА в 1841 г., уже после смерти митр. Евгения и переезда из Киева свт. Иннокентия. Гражданская история читалась студентам в 2 низших, а церковная — в высших классах. Первым преподавателем кафедры был назначен молодой выпускник КДА иером. Макарий (Булгаков). Выбор кандидатуры был обусловлен магист. диссертацией иером. Макария, посвященной истории КДА. Его лекции по истории Русской Церкви, читавшиеся в течение 1841/42 уч. г., в посл. легли в основу известного труда митр. Макария (Булгакова) «История распространения христианства в России до равноапостольного князя Владимира». После непродолжительного руководства кафедрой иером. Макарием на протяжении 10 лет (1843–1853) ее возглавлял Минервин, к-рый, по замечанию прот. Ф. Титова, отдавал больше сил и времени секретарским (по академической Конференции), чем ученым обязанностям (*Титов Хв.* Стара вища освіта в Київській Україні. 1924. С. 384). После смерти Минервина кафедрой более 4 десятилетий (до 1897) руководил И. И. Малышевский — один из создателей церковно-исторического направления в КДА, учитель историков С. Т. Голубева и прот. Ф. Титова. Последний и стал преемником Малышевского на кафедре истории Русской Церкви.

В 1863 г. в КДА была создана самостоятельная кафедра рус. гражд-

данской истории, к-рую возглавил выпускник МДА и ученик А. В. Горского Ф. А. Терновский. В 1884 г. кафедре занял Завитневич.

В 1858 г. была создана кафедра истории и обличения рус. раскола. До 1861 г. и в 1865–1869 гг. этой кафедрой, наряду с кафедрой истории Русской Церкви, руководил Малышевский. В 1861–1864 гг. профессором кафедры был Ф. Г. *Лебединцев*, в 1869–1883 гг. — прот. Александр Воскресенский. С дек. 1883 г. кафедре возглавил известный историк Церкви XVI–XVII вв. С. Т. Голубев. В 1899 г. он получил в КазДА докт. степень за 2-й т. исследования «Петр Могила и его сподвижники».

Преподавателями общей гражданской истории во 2-й пол. XIX — нач. XX в. были Ю. Д. Подгурский, Н. С. Тумасов, А. И. Булгаков, Н. Ф. Мухин (древняя история) и А. В. Розов (новая история).

Кафедру общей церковной истории после прот. И. Орлова занимали Д. И. Макаров (в монашестве Лаврентий) (1835–1844), прот. Г. Н. Кра-

Еп. Димитрий (Ковальницкий), ректор КДА. Портрет. Нач. XX в.

марев (1844–1857), Н. И. Щёголев. В нач. 60-х гг. XIX в. предмет церковной истории был разделен на древнюю (продолжал преподавать Щёголев) и новую, преподавать к-рую было поручено А. Д. Воронову, выпускнику МДА. В 1869–1884 гг. существовали 2 отдельные кафедры — древней и новой церковной истории, возглавляемые соответственно М. Г. Ковальницким и Вороновым. После того как по новому академическому уставу кафедры вновь были объединены, руководителем стал

Ковальницкий (в монашестве Дмитрий, в 1898–1902 ректор КДА, вполн. архиепископ). Именно с ректорством последнего связано существенное оживление в кон. XIX — нач. XX в. исследований по церковной истории, общей и русской. По его настоянию в 1901 г. Церковно-археологическое об-во при КДА было реорганизовано в Церковно-историческое и археологическое, причем научная деятельность об-ва должна была быть поставлена на службу в первую очередь церковной истории. В том же году по инициативе ректора началась подготовка к изданию многотомных «Актов по истории Академии».

После введения нового академического устава в 1910 г. произошли изменения в структуре и числе исторических кафедр. Наряду с кафедрой истории Русской Церкви (прот. Ф. Титов) появилась кафедра истории Западнорусской Церкви (Мухин), а кроме кафедры истории и обличения рус. раскола старообрядчества (В. З. Белоликов) — кафедра истории и обличения сектантства (прот. Т. Фетисов). Кафедра общей истории Церкви была реорганизована в кафедру истории древней Церкви (М. Э. Поснов) и кафедру истории Греко-Восточной Церкви со времени отпадения Западной Церкви (прот. Н. Гроссу).

В целом развитие исторической науки в КДА было успешным, при этом отмечаются на базе кафедры истории Русской Церкви предпосылки к формированию своей церковно-исторической школы. Из 7 докторских и 29 магистерских диссертаций по исторической тематике, защищенных в стенах КДА за 1869–1918 гг., по истории Русской Церкви было защищено 4 докторских и 18 магистерских диссертаций.

Церковная археология. Преподавание этой дисциплины в КДА началось по уставу 1869 г. Этот предмет, как и вся деятельность новообразованной кафедры церковной археологии и литургики, были отнесены к церковно-практическому отделению. Первым, временным, преподавателем церковной археологии с марта по дек. 1870 г. был П. А. Лашкарёв. В его научные интересы преимущественно входили вопросы церковного права. Как преподаватель церковной археологии он недостаточно проявил себя, ограничившись в рамках курса лишь небольшим историческим описанием памятников культу-

рой архитектуры, скульптуры, живописи и музыки. Несмотря на это, роль Лашкарёва в становлении церковной археологии как самостоятельного предмета преподавания несомненна. Еще весной 1869 г., выступая в Москве на 1-м Археологическом съезде, он обратил внимание на необходимость введения курса церковной археологии в духовных учебных заведениях и составления систематической учебной программы по этому предмету (Труды I Археол. съезда. М., 1871. С. XLVIII). В мае 1870 г. на заседании Совета академии он поставил вопрос о создании церковно-археологического музея (ЦАМ) при КДА. Совет академии поручил заниматься этим вопросом специальной комиссии, в состав которой кроме Лашкарёва вошли А. Д. Воронов и Ф. А. Терновский. В сент. того же года члены комиссии обратились в Совет с докладной запиской, в которой отмечали, что с открытием при духовных академиях кафедры церковной археологии возникла насущная необходимость поиска средств и пособий для разработки этого предмета преподавателями и успешного изучения его студентами. Лучшим средством для этого, по их мнению, стало бы создание при духовных академиях церковно-археологических музеев, дающих возможность наглядно ознакомиться с древними памятниками (*Бродович И. А. 30-летие Церковно-археологического музея при КДА // Чтения в Церк.-ист. и археол. об-ве при КДА. 1904. Вып. 5. С. 27*). В 1871 г., на 2-м Археологическом съезде в С.-Петербурге, Лашкарёв представил проект создания при академиях музеев, а в кон. 1872 г. музей был открыт при КДА.

В кон. дек. 1870 г. на должность штатного преподавателя церковной археологии был принят Ф. А. Смирнов (вполн. епископ *Христофор (Смирнов)*, ректор МДА). Последний, как и Лашкарёв, не имея опыта в преподавании данного курса, основное внимание сосредоточивал на архитектурных памятниках и предметах древнего искусства. Кроме того, Смирнов принимал активное участие в описании предметов, поступавших в ЦАМ, в первую очередь собраний икон (*Смирнов Ф.* Описание коллекции древних русских икон, приобретенных Церковно-археологическим обществом для Церковно-археологического музея

при КДА в 1875 г. покупкою у московского почетного гражданина Сорокина // ТКДА. 1877. № 11. С. 398–411; 1878. № 2. С. 414–426; № 5. С. 327–356; 1879. № 8. С. 528–541; № 12. С. 528–536; 1880. № 2. С. 253–262; № 8. С. 576–583; № 11. С. 448–459; 1881. № 9. С. 99–108), составил проект Указателя музея.

В 1884 г., согласно новому уставу духовных академий, церковная археология вошла в число дисциплин, обязательных для всех студентов КДА. Кафедру церковной археологии и литургики в это время возглавил А. А. Дмитриевский. Он внес серьезные изменения как в программу преподавания, так и в научную работу кафедры. Но он не смог найти общего языка с другими преподавателями в вопросе подчинения работы ЦАМ исключительно нуждам своей кафедры и превращения его в специализированный научно-методический кабинет (НБУВ ИР. Ф. 225. № 571. Л. 8) и вышел из состава ЦАМ. В 1907 г. Дмитриевский оставил преподавание в КДА, его место на кафедре занял В. Д. Прилуцкий. После введения в 1910 г. нового академического устава в КДА была создана кафедра церковной археологии и истории христианского искусства, которую в 1912 г. возглавил ученик Дмитриевского Н. Н. Пальмов. Т. о., в стенах КДА осуществлялось последовательное развитие церковной археологии как самостоятельной науки; кроме того, она сыграла важную роль в деле создания одного из первых в России и крупнейшего Церковно-археологического музея.

К. К. Крайний

Литургическая наука. Уже в XVII в. именно в Киеве изданы первые славяно-рус. научные сочинения по истории правосл. богослужения. Первым ученым-литургистом среди русских и украинцев обычно называют *Тарасия (Земку)* († 1632), директора Киево-Печерской типографии и игумена Братского мон-ря, сподвижника свт. Петра (Могилы). Тарасий составил небольшой трактат, опубликованный в качестве предисловия к отредактированному свт. Петром (Могилой) Служебнику (К., 1629), где коснулся проблемы происхождения чина литургии (*Отроковский В. М. Тарасий Земка, южнорусский литературный деятель XVII в. Пг., 1921*). Тем не менее в XVIII в. в Киево-Могилянской ака-

демии литургики как самостоятельный предмет не изучалась.

В КДА в качестве научной дисциплины литургики стала динамично развиваться лишь на рубеже 60-х и 70-х гг. XIX в., достигнув расцвета в 1-е десятилетие XX в. Огромную роль в этом сыграло то, что ученые и преподаватели КДА были ориентированы на работу с оригинальными литургическими источниками, сохранившимися в рукописях. Вероятно, определенную роль в формировании этой научной установки сыграли труды викария Киевской митрополии еп. Порфирия (Успенского), исследователя древних рукописей. Некоторые его работы по литургики были опубликованы в периодическом издании КДА (*Порфирий (Успенский), архим.* Восток христианский. Богослужение абиссинов: 1. Чин Крещения и Миропомазания в эфиопском Требнике; 2. Апостольская литургия Александрийской Церкви // ТКДА. 1869. № 3. С. 334–372; № 4. С. 14–51). Работа «О церковном Октоихе» (К., 1865) выпускника КДА еп. Модеста (Стрельбицкого) несколько раз переиздавалась. Значительный вклад в изучение православного богослужения внес еп. Христофор (Смирнов). Среди его трудов — монографии «Богослужение христианское со времени апостолов до IV в.» (К., 1876) и «Происхождение и значение праздника Рождества Христова» (К., 1887), а также статьи, опубликованные в журналах.

Однако подлинную славу литургической науке в КДА принес Дмитриевский, к-рый был выпускником Астраханской семинарии и КазДА и продолжателем научной традиции, заложенной Н. Ф. Красносельцевым. В 1884/85 уч. г. он читал студентам 3-го и 4-го курса историю христ. архитектуры, иконографии и церковных облачений. Студенты 4-го курса кроме вводного курса по литургики прослушали курсы лекций по истории гимнографии и развитию богослужебных чинопоследований. В 1885/86 уч. г. в курс литургики Дмитриевский включил чтения «О Типиконе, его составе и значении в ряду других богослужебных книг, с обзором и характеристикой известных уставов церковных». В 1886/87 уч. г. в этот курс был добавлен разд. «О Служебнике и Требнике, Триоди Постной и Цветной». Помимо чтения лекций Дмитриевский занимался описанием церковных

предметов, книг и рукописей, поступивших по его инициативе из Нежино в ЦАМ при КДА, где было собрано множество ценных экспонатов (в первую очередь рукописи на греч. и слав. языках и другие, напр.: *Тураев Б. А.* Ночное богослужение Эфиопской Церкви по ркп. № 143 археол. музея при КДА // ТКДА. 1901. № 3. С. 389–424). В 1896–1903 гг. Дмитриевский вместе с неск. преподавателями КДА предпринял 7 научных путешествий по греч. Востоку и Зап. Европе с целью изучения литургических рукописей. По материалу рукописных исследований Дмитриевского в Киеве были изданы первые 2 т. его монументального труда «Описание литургических рукописей, хранящихся в библиотеках православного Востока». За эту работу он был удостоен степени д-ра церковной истории и избран ординарным профессором КДА. В 1907 г. в Киеве Дмитриевский издал монографию «Древнейшие патриаршие Типиконы — Святогробский иерусалимский и Великой Константинопольской Церкви: Критико-библиогр. исслед.». Помимо этих объемных томов в 2 киевских журналах — Трудах КДА и «Руководстве для сельских пастырей» — Дмитриевским были опубликованы десятки статей литургического содержания. В их числе: 1-я публикация *Серапиона Евхология*, ценнейшего литургического памятника IV в., обнаруженного Дмитриевским в одной из афонских рукописей (отд. отт. из Трудов КДА: К., 1894); серия статей о чинах рукоположений, в посл. объединенных в монографию «Ставленник: Руководство для священноцерковно-служителей и избранных в епископа, при их хиротониях, посвящениях и награждениях...» (К., 1904); публикации новонайденных памятников древнего савваитского богослужения и др.

В нояб. 1907 г. Дмитриевский получил звание заслуженного профессора, тогда же он перестал преподавать в КДА. Однако он оставил после себя учеников, среди них — прот. В. Прилуцкий, Пальмов, А. З. Неселовский, Е. П. Диаковский, прот. Михаил Лисицын, прот. Корнелий Кекелидзе. Преемником Дмитриевского на кафедре литургики и церковной археологии КДА стал прот. В. Прилуцкий. Ему принадлежит фундаментальное исследование о различных чинопоследованиях Требника

в традиции Киевской митрополии в XVI–XVII вв. (Дмитриевский занимался этой темой еще в КазДА), озаглавленное «Частное богослужение в Русской Церкви в XVI и 1-й пол. XVII в.» (К., 1912). После разделения кафедры на 2 прот. Прилуцкий возглавил кафедру литургики, а кафедру церковной археологии — Пальмов. Несмотря на это, большая часть работ Пальмова, вышедших в 1902–1906 гг., также была посвящена литургическим вопросам (небольшие по объему публикации: «О просфорах на проскомидии»; «Канун праздника Рождества Христова»; «Свет Христов просвещает всех»; «Праздник Пятидесятницы в древнем христианском Иерусалиме»; «Пасхальная заутреня»; «Пасхальная литургия»). Пальмов — автор ст. «Об омофоре, саккосе и митре: Историко-археологический этюд» (в сб.: XXV Киево-Могилянский сб. в честь прот. Д. И. Богдашевского... по случаю 25-летия его ученой деятельности. К., 1913. С. 1–50) и монографии «Пострижение в монашество: Чины пострижения в монашество в Греческой Церкви: Ист.-археол. исслед. (с прил. греч. текстов)» (К., 1914).

Работы Дмитриевского о богослужении суточного круга продолжил Диаковский, опубликовавший сначала неск. статей в Трудах КДА, а затем монографию «Последование часов и изобразительных: Историческое исследование» (К., 1913). Исследования Дмитриевского по истории богослужения РПЦ помимо прот. В. Прилуцкого продолжил прот. М. Лисицын, опубликовавший монографию «Первоначальный славяно-русский Типикон: Ист.-археол. исслед.» (СПб., 1911), где попытался обосновать гипотезу о том, что изначальным богослужебным уставом на Руси был к-польский Типикон Великой ц. (как показала последовавшая затем критика М. Н. Скаблановича и И. А. Карабинова, обосновать эту гипотезу прот. М. Лисицын не сумел). Особое значение имеют работы прот. К. Кекелидзе — основателя груз. литургической науки. Основные труды по литургики он опубликовал уже в Тифлисе (монографии: «Литургические грузинские памятники в отечественных книгохранилищах и их научное значение» (1905), «Древнегрузинский Архиратикон» (1912) и «Иерусалимский Канонарь VII в.: Груз. версия» (1912)), однако еще до отъезда из

КДА он издал работу «К вопросу о времени празднования Рождества Христова в древней Церкви» (ТКДА. 1905. № 1. С. 149–158). Публикации Дмитриевского и его учеников не только соответствовали самым высоким стандартам исторической литургики своего времени, но и во многом не утратили научного значения.

Литургическая школа КДА не ограничивается Дмитриевским и его студентами. В 1892–1896 гг. в КДА учились крупнейший литургист своего времени, Скабалланович, а также Г. М. Чепур (впосл. архиеп. *Гавриил*). Тема кандидатской работы архиеп. Гавриила (Чепура) — «Типикон Великой Константинопольской Церкви: Ист. очерк» (1896); Скабалланович прославился обширным систематическим трудом о церковном уставе в его историческом развитии: «Толковый Типикон: Объяснительное изложение Типикона с историческим введением» (К., 1910. Вып. 1; 1913. Вып. 2; 1915. Вып. 3), а также серией работ о христ. праздниках (К., 1915–1916. 6 кн.).

Отдельное направление литургических исследований, проводившихся в КДА, — изучение богослужения униатов, а шире — вообще латинских влияний на литургическую традицию Киевской митрополии. Прот. Андрей Хойнацкий, исследовавший в стенах КДА униатские литургические книги и католическое богослужение, — автор серии статей на эту тему, опубликованных в Трудах КДА в 1867 и 70-х гг. XIX в. и монографии «Западнорусская церковная уния в ее богослужении и обрядах» (К., 1871); Е. М. Крыжановский, преподаватель КДС, напечатал в 1860 г. в ж. «Руководство для сельских пастырей» 2 статьи: «О Требнике Киевского митр. Петра Могилы» и «Повреждение церковной обрядности и религиозных обычаев в южнорусской митрополии в период, предшествующий открытому введению в ней унии» (переизд.: *Крыжановский Е. М. Собр. соч.* К., 1890. Т. 1. С. 33–50, 67–86); а также упомянутая монография на ту же тему прот. В. Прилуцкого.

Поступательное развитие литургической науки в КДА было трагически прервано революционными событиями 1917 г., гражданской войной и гонениями на Церковь. После десятилетий практически полного забвения традиция научного изуче-

ния истории богослужения в КДА начала возрождаться лишь в последние неск. лет.

*Свящ. Михаил Желтов,
А. А. Ткаченко*

Церковное право. До 30-х гг. XIX в. каноническое право не являлось самостоятельным предметом как в КДА, так и в др. академиях. Сведения по церковному законоведению сообщались студентам в рамках общего курса богословия. Второй семестр 4-го года обучения предполагал изучение обличительного и «собеседовательного» богословия, а также церковного права. Лишь в 1837 г. по предложению проф. прот. Иоанна Скворцова и при поддержке ректора свт. Иннокентия (Борисова) академическая Конференция ввела в учебную программу обязательный курс канонического права. Содержание курса было направлено на изучение истории становления канонов и совр. церковного законодательства. Первым преподавателем канонического права был назначен прот. И. Скворцов, который принял «сей новый бескорыстный труд... с благодарностью» (Акты. 1915. Т. 5. С. 169). Он же составил 1-е в России учебное пособие по каноническому праву («Записки по церковному законоведению» (1848, 1857², 1861³)), содержащее руководство к изучению церковных законов и канонического права и служившее учебником соответствующей дисциплины в КДА и в Киевском ун-те. Прот. И. Скворцов разработал программу по каноническому праву для преподавания в ун-тах и др. высших учебных заведениях Министерства народного просвещения. Он был автором еще неск. исследований по каноническому праву. В 1849–1850 гг. в «Воскресном чтении» была помещена его ст. «Очерк истории церковного законодательства». В 1861 г. в ж. «Руководство для сельских пастырей» он опубликовал исследование «О видах и степенях родства» (отд. изд.: К., 1864⁴), где рассмотрены практические вопросы, касающиеся кровного и духовного родства. Прот. И. Скворцов также являлся профессором церковного права в Киевском ун-те.

С 1859 по 1899 г. кафедру канонического права занимал проф. П. А. Лашкарёв. После введения в действие устава 1869 г. церковное право перестало быть общеобязательной дисциплиной и преподавалось лишь сту-

дентам церковно-практического отделения. В КДА на этот предмет отводилось по 4 лекции в неделю на 3-м курсе. Программа лекций Лашкарёва включала общее введение в науку и обзор истории развития церковного права, затем следовали разделы: «О церковной власти и управлении вообще», «О церковных званиях и состояниях», «О церковном учении», «О богослужбных установлениях и актах», «О таинствах», «О церковных освящениях — лиц, вещей и действий», «О погребении христианском».

По уставу 1884 г. церковное право вновь стало общеобязательной дисциплиной. В КДА оно преподавалось на 3-м и 4-м курсах (до 1910/11 уч. г. включительно). Программа лекций Лашкарёва во 2-й пол. 80-х — 90-х гг. была несколько изменена. На 3-м курсе после введения в науку следовали разделы «Об основах церковного права», «Об образовании церковного права и видах его» и «О памятниках церковного законодательства». На 4-м курсе изучались «Организация церковного управления от времен апостольских до IX в.», «Организация церковного управления в России», «Право религиозное христианской Церкви: 1) учение веры христианской; 2) таинства церковные; 3) праздники и посты; 4) церковные освящения; 5) церковно-имущественное право; 6) суд церковный».

Кроме общего курса церковного права Лашкарёв опубликовал несколько статей, посвященных различным частным вопросам. Особый резонанс получили его работы «Об отношении древней христианской Церкви к римскому государству» (ТКДА. 1873. № 10. С. 1–36; отд. изд.: К., 1873) и «Отношение римского государства к религии вообще и к христианству в особенности до Константина Великого включительно» (ТКДА. 1876. № 11. С. 357–504). В труде «Право церковное в его основах, видах и источниках» (К., 1886) Лашкарёв развивает мысль о том, что исследование права правосл. Церкви должно происходить в русле античной юриспруденции и в контексте юридических принципов римско-визант. императоров. В этих работах отражен основной принцип, положенный автором в основу изучения церковного права: преобладающее влияние гражданского права на церковное законодательство выражается в полной симфонии гос-ва

и Церкви, политики и морали и определяет нормальный правовой строй Церкви. Работа «Право церковное» была представлена Лашкарёвым на соискание ученой степени д-ра церковного права. Однако защита оказалась неудачной, т. к. один из оппонентов, проф. Ковальничкий (впосл. архиепископ Димитрий), дал отрицательный отзыв о работе Лашкарёва, критикуя особый акцент автора на зависимости церковного права от государственного. В дальнейшем Лашкарёв пытался защитить эту работу как докторскую в КазДА, однако и 2-я попытка оказалась безуспешной.

После смерти Лашкарёва (28 авг. 1899) временное чтение лекций по каноническому праву было поручено доценту КДА свящ. Ф. Титову. Для приготовления к занятию вакантной кафедры в качестве профессорского стипендиата был оставлен в КДА выпускник 1899/1900 уч. г. Ф. И. Мищенко, к-рый в 1901 г. стал последним профессором церковного права на этой кафедре в дореволюционной КДА. С янв. 1908 по май 1910 г. лекции по церковному праву читал также ректор КДА еп. Феодосий (Олтаржевский), хотя кафедре по-прежнему возглавлял Мищенко. С 1911/12 уч. г. в связи с введением в действие нового академического устава церковное право преподавалось в течение года на 3-м курсе. Программа лекций Мищенко кроме введения в науку включала разделы: «Об источниках церковного права (до разделения Церкви и по разделении — в Церкви восточной и, в частности, в Русской Церкви)»; «Внутреннее право Церкви (церковное устройство и управление)», «Внешнее право Церкви (отношение между Церковью и государством и отношение Церкви к неправославным христианам и иноверцам)». В 1906 г. Мищенко принял участие в дискуссии о возможном созыве Всероссийского Церковного Собора. В 1908 г. он опубликовал исследование, посвященное церковному устройству доникейского периода (Церковное устройство христианских общин (прикиий) II и III в. // ТКДА. 1908. № 12. С. 525–574). В 1917 г. Мищенко участвовал в работе Предсоборного Совета в С.-Петербурге, а с июля 1918 г. — в работе Ученого Комитета и Законодательной комиссии при Мин-ве исповеданий Украины.

В течение дореволюционного периода в КДА были присуждены лишь 1 докторская и 2 магистерские степени за исследования в области церковного права — авторы этих исследований не были профессорами КДА. Так, в 1881 г. проф. С.-Петербургского ун-та прот. Михаил *Горчаков* защитил докт. дис. «О тайне супружества: Происхождение, историко-юридическое значение и каноническое достоинство 50-й главы печатной Кормчей» (СПб., 1880). Магистерская степень без публичной защиты была присуждена известному серб. канонисту еп. *Никодиму (Милашу)* за соч. «Историко-канонический взгляд на учреждение новой сербско-румынской митрополии» (Белград, 1873). В 1913 г. С. В. Троицкий защитил в КДА магист. дис. «Второбрачие клириков: Историко-каноническое исследование» (СПб., 1912).

А. А. Ухтомский

Гомилетика. В течение 1-го десятилетия существования КДА на кафедре гомилетики сменилось 3 преподавателя, что не способствовало развитию церковного проповедничества как научной, учебной и практической дисциплины. Начало самобытного развития гомилетики в КДА относится к 30-м гг. XIX в. и связано с именем свт. Иннокентия (Борисова). Став ректором КДА (в 1830), он уделил особое внимание совершенствованию студентов и преподавателей в искусстве церковного красноречия, лично проверял проповеди студентов, предназначенные к произнесению в Братском мон-ре, указывал на имеющиеся недостатки. Главным стимулом для обучения искусству проповеди был личный пример свт. Иннокентия. На его проповеди приходило множество верующих (см. подробно в ст. *Иннокентий (Борисов)*). В студенческой среде пользовались популярностью изданные ректором тематические сборники его высказываний: «Страстная седмица» (К., 1835), «Светлая седмица» (К., 1835), «Первая седмица Велико поста» (К., 1840). Практическая школа проповедничества, пройденная в КДА в годы служения здесь свт. Иннокентия, сыграла важную роль в становлении таких знаменитых проповедников, как митр. Макарий (Булгаков), архиепископы Димитрий (Муретов), Евсевий (Ильинский), *Аполлос (Беляев)*, Антоний (Амфитеатров), архим. *Фотий (Щиревский)*.

Проповедническая деятельность свт. Иннокентия оказала влияние на профессора церковной словесности Я. К. *Амфитеатрова* и послужила стимулом для подготовки к печати «Чтений о церковной словесности, или Гомилетики» (К., 1846. 2 ч.). По воспоминаниям современников, «до г-на Амфитеатрова церковной гомилетики почти не было, а он, без преувеличения говоря, создал и обработал свою науку по мысли и побуждению пресвященного Иннокентия» (*Феофилакт (Праведников)*. 1895. С. 637). По замыслу Амфитеатрова, полный курс гомилетики должен был состоять из 3 частей: «О материи церковного собеседования», «О характере церковного собеседования» и «О видах и родах поучений». Эта структура фактически повторила гимназические курсы риторики. Однако проф. Амфитеатров успел завершить лишь первые 2 части «Чтений...» († 1848). Следуя предшествующей традиции, Амфитеатров в своей книге стремился не столько раскрыть сущность проповедничества «в его жизненном обнаружении, сколько научить искусству проповедничества соответственно принципиальным его законам» (*Глубоковский*. 2002. С. 35). Поэтому «Чтения...» представляют собой прежде всего практическое пособие по составлению и произнесению проповедей. Несмотря на то что Амфитеатров в значительной мере переносил в сферу гомилетики категории риторики, его книга положила начало преодолению зап. влияния в гомилетической науке и послужила основой для формирования самобытной церковной проповеди в России. Во 2-й пол. XIX — нач. XX в. книга Амфитеатрова оставалась одним из главных и наиболее авторитетных руководств по гомилетике на рус. языке. Курсы гомилетики, изданные во 2-й пол. XIX в., в основном следовали принципам, выработанным Амфитеатровым, и внесли немного нового материала в гомилетическую науку. Одним из главных представителей этой линии был преемник Амфитеатрова на кафедре проф. прот. Н. Фаворов. Он занимал в КДА кафедру церковной словесности с 1849 по 1862 г. Прот. Н. Фаворов подготовил к печати кн. «Руководство к церковному собеседованию, или Гомилетика» (К., 1858). За этот труд он был удостоен степени д-ра богословия (21 авг. 1862).

«Руководство...» прот. Н. Фаворова выдержало множество переизданий и вплоть до 1917 г. являлось нормативным семинарским учебником по гомилетике.

К 1862 г. прот. Н. Фаворов покинул КДА, став профессором богословия в Киевском ун-те. 22 мая 1862 г. кафедру церковной словесности в КДА занял В. Ф. Певницкий, с именем которого связано формирование принципиально нового направления в отечественной гомилетической науке. Певницкий преподавал в КДА гомилетику более 40 лет (до 1906). Главной его заслугой является последовательное применение в гомилетике исторического метода. Он опубликовал ряд сочинений, посвященных истории церковного проповедничества, охвативших период от св. апостолов до проповедников XIX в. Его очерки о жизни и проповеднической деятельности мужей апостольских — Оригена, святителей *Григория Чудотворца*, Максима Туринского, *Льва I Великого*, блж. Августина — стали существенным вкладом не только в гомилетическую науку, но и в патрологию. Докт. дис. Певницкого «Св. Григорий Двоеслов, его проповеди и гомилетическое правила» (К., 1871) до наст. времени остается единственным исследованием на рус. языке, специально посвященным гомилетическому наследию свт. *Григория I Великого*. Благодаря Певницкому в КДА сформировалась программа преподавания гомилетики, в к-рой особое внимание уделялось святоотеческому гомилетическому наследию. На базе глубокого изучения истории проповедничества Певницкий издал фундаментальное сочинение по теории проповеди «Церковное красноречие и его основные законы» (К., 1906), ставшее итогом его многолетних научных и педагогических трудов. Книга представляет собой попытку возврата к святоотеческому подходу в церковном проповедничестве и потому является фактическим отказом от принципов, заложенных в классическом курсе Я. К. Амфитеатрова. Так, отвергая схоластический взгляд на церковную проповедь, характерный для его предшественников, Певницкий настаивает на том, что главной отличительной чертой проповеднического слова должно быть не соблюдение отвлеченных правил составления и произнесения проповеди,

а внутреннее «одушевление» проповедника: «Проповедник-оратор берет истину христианскую из мертвой книги, оживляет ее своим дыханием и дает ей движение, и она, направляемая, находит путь к сердцу слушателей и действует на них тем быстрее и сильнее, чем более проповедник вносит своей душевной силы и энергии в оживление истины, служащей предметом его слов» (*Певницкий В. Ф. Церковное красноречие и его основные законы*. К., 1906. С. 40). Певницкий также признает по существу неверным подход Амфитеатрова к решению вопроса о содержании проповеди. В книге последнего есть достаточно подробное перечисление «материй проповеднического слова» (т. е. возможных тем для проповеди). Певницкий настаивает на том, что тематическим средоточием церковной проповеди должна быть весть об Иисусе Христе, Распятом и Воскресшем, «Которого проповедник ни на минуту не должен опускать из внимания. От этого пункта, как радиусы от центра, должны расходиться до далекой окружности многообразные сочетания разных представлений, вызываемые нуждами слушателей и потребностями времени... Все, что бы ни говорил проповедник, должно иметь связь с словом крестным» (Там же. С. 96). Т. о., несмотря на то что Певницкий воздерживался от прямой критики своих предшественников, его книга представляет собой принципиальное переосмысление подходов к построению курса гомилетики.

Изучение истории проповедничества осуществлялось в КДА не только в рамках кафедры гомилетики. Исследование гомилетического наследия отечественных проповедников и теорий церковного красноречия XVII–XVIII вв. было связано с изучением истории Киево-Могилянской академии. Ряд работ, посвященных этой теме, опубликовали профессор С. Т. Голубев, прот. Ф. Титов, Н. И. Петров и др.

В 1905 г. в КДА торжественно отмечался 50-летний юбилей педагогической деятельности проф. Певницкого. Его ученики собрали и пожертвовали КДА капитал для учреждения премии имени В. Ф. Певницкого за лучшие сочинения по гомилетике и за студенческие проповеди. Впосл. эти премии присуждались ежегодно на основании правил, выработанных Советом КДА.

Принципы, заложенные Певницким, стали руководством и для его преемников на кафедре гомилетики: прот. Н. Гроссу и архим. *Тихона (Лященко)*. Программа преподавания гомилетики в КДА предполагала углубленное изучение истории церковного проповедничества, а также развития гомилетики как науки. Кроме того, студенты КДА регулярно произносили проповеди в соборном храме Братского мон-ря.

В дек. 1904 г. в КДА был создан студенческий проповеднический кружок, который преследовал 2 цели: «разработку теоретических вопросов в области гомилетики и проповедывание слова Божия в церквах г. Киева» (Речь и отчет о состоянии КДА за 1909–1910 уч. г. К., 1910. С. 75). Члены кружка собирались на еженедельные встречи (как правило, по пятницам), на к-рых студенты, готовившиеся к произнесению проповеди в ближайший воскресный день, обсуждали их содержание. Кроме того, зачитывались и обсуждались доклады по теории и практике церковной проповеди. Руководили работой кружка преподаватели гомилетики (до 1910 прот. Н. Гроссу, с 1910 — архим. Тихон (Лященко)). В 1915 г. в состав кружка входило 52 студента. В течение 1914/15 уч. г. они произнесли 154 проповеди в различных храмах Киева. В 1910 г. была создана небольшая 6-ка кружка, в которой хранились сборники проповедей лучших российских и зарубежных проповедников. Библиотека формировалась из книг, подаренных ректором и профессорами КДА, а также приобретенных на добровольные пожертвования членов кружка. В 1912 г. в 6-ке кружка числилось 45 экземпляров (24 наименования) книг (Отчет о состоянии КДА за 1911–1912 уч. г. // ТКДА. 1913. № 1. С. 70).

Библиотека. КДА унаследовала богатое книжное собрание Киево-Могилянской коллегии и академии. После закрытия старой академии в 1817 г. ее 6-ка была передана в КДС. При этом она располагалась в прежнем помещении — на чердаке Свято-Духовской ц. Братского мон-ря. Обязанности библиотекаря КДС исполнял иером. Кирилл (Куницкий), последний библиотекарь Киево-Могилянской академии. В 1817–1819 гг. 6-ка пополнялась лишь учебными пособиями и периодическими изданиями. В 1819 г. она была пере-

дана в новооткрытую КДА (инвентаризация б-ки не проводилась). О состоянии академической б-ки на рубеже XVIII и XIX вв. можно судить по каталогу, составленному еп. *Иринеем (Фальковским)*. В нем зафиксированы 6272 книги, более половины которых были светского содержания. По мнению укр. иссле-

Библиотека КДА.
Фотография. Нач. XX в.

дователя И. И. Корнейчука, структура каталога еп. Ириния повторяла классификацию австрийского библиографа, блюстителя имп. б-ки в Вене М. Дениса (см.: *Корнейчук І. І. Історія української бібліографії: Дожовтневий період. Х., 1971. С. 38–39*). В 1811 г. Киево-Могилянская академия пострадала от пожара. О степени сохранности б-ки после пожара существуют противоречивые свидетельства: по одним, она утратила более 1 тыс. книг, по другим — практически не пострадала.

Первый каталог б-ки КДА был составлен проф. свящ. Аверкием Пушновым в 1826 г. В нем зафиксировано 4488 книг. С момента создания КДА началось более регулярное пополнение фондов б-ки. Особенно активным этот процесс стал при ректоре свт. Иннокентии (Борисове). По свидетельству митр. Макария, к нач. 40-х гг. XIX в. в б-ке было уже ок. 10 тыс. книг (*Макарий (Булгаков)*. 1843. С. 217–218). Сохранившийся «Каталог книг, вновь поступивших и жертвуемых в академическую библиотеку», охватывающий период с 1825 по 1861 г., фиксирует 5382 книги. К 1870 г., по офиц. данным, здесь было 11 903 наименования книг общей численностью 24 978 томов, а также 300 наименований рукописей.

В 1825 г. б-ка была перемещена из Свято-Духовского храма на 2-й этаж нового учебного корпуса КДА. В 1863–1869 гг. она располагалась

в Конгрегационном зале старого («Мазеиново») академического корпуса, в 1869 г. разместилась в специально оборудованных для нее помещениях на 2-м и 3-м этажах того же корпуса, отчего вполн. этот корпус также именовался библиотечным.

Устав 1808–1814 гг. предполагал введение в б-ках духовных академий новой системы классификации, сочетавшей языковой и предметный принципы. Как видно из сохранившихся документов, эта система была по-

степенно внедрена и в КДА. Введение в действие устава 1869 г., предполагавшего коренную реформу учебного процесса, повлекло за собой

и реорганизацию б-ки КДА. В 1871 г. комиссия, составленная из представителей всех 3 отд-ний КДА, пришла к выводу о необходимости создания в б-ке 4 каталогов: алфавитного, инвентарного, систематического и хронологического (для новых поступлений). В основу систематического каталога предлагалось положить распределение предметов между штатными преподавателями в соответствии с уставом 1869 г. Схему систематизации книг внутри каждого тематического раздела должны были выработать преподаватели соответствующих дисциплин. Но прежде всего комиссия считала необходимым составить на основе существующих каталогов б-ки ее полный алфавитный каталог. Затем библиотечарь должен был собрать все книги, находившиеся на руках у преподавателей и студентов, и начать перераспределение внутри фондов. После этого предполагалось составление полного инвентарного каталога. Алфавитный каталог с инвентарной нумерацией комиссия предлагала опубликовать в приложении к протоколам Совета КДА. Предложенная комиссией реорганизация б-ки началась уже в 1871 г. В результате алфавитный каталог был создан, однако в полном объеме опубликован не был.

В 1864 г. ректор архим. Филарет (Филаретов) составил правила пользования б-кой для студентов, в соответствии с к-рыми студенты могли

получать книги из б-ки только с разрешения ректора. Для этого 2 раза в неделю (в среду и субботу) они могли через дежурного представлять ректору записки с перечнем нужных им книг. После утверждения ректором эти заявки передавались библиотечарю. Студент мог получить на руки не более 5 книг за 1 раз и держать их у себя не более 2 недель. Студентам, работавшим над курсовыми сочинениями, разрешалось брать сразу до 10 книг. Книги, служащие источниками для курсовых работ, разрешалось держать на руках больше 2 недель. Редкие книги и рукописи дозволялось читать только в помещении б-ки без выноса. Библиотечарю предписывалось тщательно просматривать книги при их возврате в б-ку и немедленно сообщать ректору о замеченной порче книг. Эти правила были одобрены Правлением КДА и введены в действие в сент. 1864 г.

В последующие годы правила пользования б-кой для студентов были значительно облегчены. Так, в соответствии с «Правилами о чтении книг студентами Киевской Духовной Академии», принятыми Советом в 1885 г., для получения книг из б-ки студентам уже не нужно было иметь санкцию ректора. Решение о возможности выдачи на руки заказанных студентами книг принималось библиотечарем. Студент мог «единовременно получить... не более десяти книг сроком на три недели». Студентам 4-го курса, работавшим над кандидатскими диссертациями, разрешалось брать одновременно до 20 книг. Выдача книг осуществлялась в учебные дни по окончании лекций (с 15.00 до 17.00). Запрещалось выносить из б-ки редкие книги, рукописи, гравюры, чертежи и «археологические редкости». Также студентам не выдавались курсовые сочинения, написанные в КДА в прежние годы. Студент, потерявший или испортивший взятую им книгу, должен был либо представить в б-ку др. экземпляр той же книги, либо «заплатить показанную в каталогах стоимость книги и ее переплета». Все книги, находившиеся на руках у студентов, необходимо было возвращать в библиотеку при каждой поездке в отпуск или на каникулы. Учет выдачи книг велся в особой тетради.

ЦАМ в первые годы своего существования располагался в помещении

б-ки и потому первым блюстителем ЦАМ был библиотекарь КДА К. Д. Думитрашко. Лишь в 1877 г. коллекция ЦАМ была выделена из фондов б-ки, а должность блюстителя ЦАМ отделена от должности библиотекаря. Значительную часть фондов б-ки составляли пожертвования бывших воспитанников КДА, известных церковных и общественных деятелей. В разное время в КДА передавались книги и рукописи из личных собраний Н. Н. Бантыш-Камenskого, гр. И. О. Потоцкого, митрополитов Евгения (Болховитинова), Макария (Булгакова) и Платона (Гордецкого), архим. Августина (Капустина), некоторых профессоров. В 1865 г. в КДА поступила б-ка Олонецкой ДС. Митр. Макарий (Булгаков), осуществивший ревизию КДА в 1874 г., предложил передать в б-ку КДА рукописи и старопечатные книги из храмов и мон-рей Киевской и Волынской епархий. Синод одобрил эту инициативу, издав в 1875 г. соответствующий указ. В результате фонды б-ки пополнились мн. ценными рукописями и изданиями из собраний киевского Софийского собора, Киево-Печерской и Почаевской лавр, Михайловского Златоверхого, Выдубицкого, Николаевского Слупского, Тригорского Преображенского, Загоровского, Дерманского и Мелецкого мон-рей. К 1886 г. в составе б-ки было уже 18 132 наименования книг и брошюр общим количеством 42 716 томов, 710 рукописей, 326 наименований актов и грамот. Т. о., в период с 1870 по 1886 г. фонды б-ки увеличились почти вдвое.

28 нояб. 1887 г. специально созданная комиссия из числа профессоров КДА высказалась за введение в б-ке форматно-крепостной системы по образцу Императорской библиотеки в Вене. Совет КДА поддержал эту инициативу, после чего началось перераспределение книг в библиотечных фондах. Однако окончательно форматно-крепостная система была введена в б-ке КДА с 1910 по 1915 г. В таком виде она функционировала вплоть до закрытия КДА.

После того как в 1877 г. собрание ЦАМ было отделено от б-ки, все рукописи, поступавшие в КДА, передавались не в б-ку, а в ЦАМ. Однако с 1903 г. по инициативе смотрителя ЦАМ проф. Н. И. Петрова в фонды б-ки стали поступать книги и рукописи, к-рые считались недостаточно ценными для хранения в му-

зее. В результате за период с 1903 по 1915 г. из ЦАМ в б-ку было передано 1303 ед. хр.

К началу первой мировой войны в б-ке числилось 59 972 наименования печатных книг и брошюр в количестве 98 070 томов, 953 рукописи, 89 актов и грамот, 366 атласов, 359 наименований учебников в количестве 2286 томов, 863 периодических издания. Фундаментальная б-ка КДА являлась одним из лучших в Российской империи собраний богословской лит-ры. Кроме того, в КДА действовала отдельная студенческая б-ка, находившаяся в ведении академической инспекции и комплектовавшаяся на добровольные пожертвования и ежегодные взносы студентов. К апр. 1919 г. в студенческой б-ке было 4542 тома. Небольшие б-ки собирались и студенческими научными об-вами, действовавшими при КДА. Напр., свою б-ку имели Златоустовский и гомилетический студенческие кружки. В б-ку Златоустовского кружка входили 3 комплекта полного собрания творений свт. Иоанна Златоуста, а также лит-ра, посвященная жизни и наследию святителя. Отдельную нотную б-ку имел хор КДА.

В период с 1819 по 1919 г. в должности библиотекарей КДА трудились 26 чел. Из них особый вклад в развитие б-ки внесли Думитрашко (1870–1886) и А. С. Крыловский (с 1886 и до закрытия КДА). Думитрашко начал работу по составлению и изданию полного алфавитного каталога б-ки, однако не успел завершить его. Крыловскому принадлежит заслуга реорганизации б-ки по форматно-крепостному принципу. Он также составил и осуществил издание ее полного систематического каталога. С 1890 по 1915 г. было опубликовано 5 т. (в 13 выпусках) подготовленного Крыловским «Систематического каталога книг библиотеки Киевской Духовной Академии». Кроме того, в 1906 г. был выпущен отдельным изданием систематический каталог Полоцкой униатской б-ки, переданной в КДА в 1900 г. Всего в издании Крыловского учтено 36 339 наименований книг. Однако в его каталог не включены книги по математике, медицине и др. наукам, не имеющим прямого отношения к дисциплинам, преподававшимся в КДА. Крыловский также трудился надписанием истории б-ки КДА, но не довел этот труд до конца.

В нач. февр. 1919 г., когда к власти в Киеве в очередной раз пришли большевики, б-ка КДА оказалась под угрозой конфискации. Чтобы этого не допустить, руководство КДА решило передать б-ку в пользование Украинской Академии наук (УАН, с 1921 – Всеукраинская Академия наук, ВУАН). 15 февр. в Совет КДА было направлено письмо за подписями президента УАН В. И. Вернадского и секретаря УАН А. Е. Крымского, в к-ром высказывалась просьба передать б-ку КДА во временное пользование УАН. 27 февр. Совет КДА одобрил эту инициативу, и 7 марта было направлено соответствующее распоряжение библиотекарю Крыловскому. Однако на момент 1-го закрытия КДА советской властью (3 апр. 1919) передача б-ки осуществлена не была. 12 апр. 1919 г. по решению студентов в фонды фундаментальной б-ки КДА была передана студенческая б-ка. С 1 авг. 1919 по 1 окт. 1923 г. б-ка КДА находилась в подчинении Высшего ин-та народного образования, созданного на базе расформированного Ун-та св. Владимира. С 1 окт. 1923 г. б-ка перешла в распоряжение Всенародной библиотеки Украины при ВУАН (ныне – Национальная б-ка Украины им. В. И. Вернадского, НБУВ). Все эти годы библиотекарем КДА оставался Крыловский, благодаря к-рому удалось сберечь библиотечные фонды от разграбления.

Пополнение б-ки КДА осуществлялось и после ее передачи Всенародной библиотеке Украины. В 20-х гг. XX в. в нее были включены частные б-ки бывш. профессоров КДА архиеп. Василия (Богдашевского), прот. И. Королькова, Н. М. Дроздова, Н. Н. Пальмова и др. В ее составе находятся студенческая б-ка, б-ка ЦАМ, нотная б-ка хора и б-ка Украинского кружка. В наст. время б-ка КДА хранится в отделе библиотечных собраний и исторических коллекций НБУВ. Она насчитывает более 96 тыс. ед. хр. Среди них есть немало уникальных изданий: 12 инкунабул (издания 2-й пол. XV в.), 132 палеотипа (издания 1501–1550 гг.), 450 наименований церковнослав. изданий XVI–XVIII вв. В б-ке сохранились книги из личных собраний свт. Петра (Могила), митр. Рафаила (Заборовского), свт. Тимофея (Щербачко), митр. Арсения (Могилянского) и др. Рукописи, хранившиеся в б-ке КДА, переданы в Ин-т рукописей НБУВ.

Хор и церковное пение. В XVII — нач. XIX в. в Киево-Могилянской академии сложилась самобытная певч. традиция. Хор академии, одновременно являвшийся и главным хором Братского мон-ря, пользовался славой одного из лучших хоров Киева. В его состав входили певчие разных возрастов из числа студентов, к-рые исполняли произведения, написанные для смешанного хора: партии сопрано и альтов — мальчики из младших классов, тенорами и басами пели старшекурсники. Из стен Киево-Могилянской академии вышла плеяда известных композиторов, оказавших влияние на развитие церковного пения как на Украине, так и в России.

Преобразование Киево-Могилянской академии в КДА привело к существенным переменам в жизни академического хора. Количество студентов КДА (и их возраст) было недостаточным для создания хора, подобного хору старой академии. Тем не менее уже в первые годы существования КДА был организован студенческий хор, к-рый представлял собой, по словам В. И. Аскоченского, небольшую «домашнюю капеллию». Однако в 1823 г. после 1-го выпуска студентов, когда певцы капеллы покинули стены академии, хор фактически распался. Заслуга восстановления хора и организации его на новых началах принадлежит ректору свт. Мелетию (Леонтовичу). 15 янв. 1825 г. он предложил академическому Правлению отобрать в Киево-Подольском духовном уч-ще 6 учеников с хорошими голосами из числа сирот или студентов из бедных семей, зачислить их в академический хор и поселить в зданиях академии или Братского мон-ря. Предполагалось, что эти мальчики, оставаясь студентами уч-ща, на время пребывания в хоре будут получать казенное содержание с процентов от академических капиталов. Этот проект был поддержан академическим Правлением и утвержден митр. Евгением (Болховитиновым). Т. о. был создан хор, продолжавший старую академическую традицию.

В последующие годы количество мальчиков для пения в академическом хоре было увеличено сначала до 10, а затем и до 12 чел., в нач. XX в. их было 14 чел. Финансирование хора осуществлялось за счет процентов с академических капиталов. Так, согласно указанию Хозяйствен-

ного управления при Синоде, в смете КДА на 1865 г. «на содержание десяти певчих академического хора из бедных учеников духовных училищ» было выделено 1 тыс. р. Такой объем материального обеспечения мальчиков-певчих сохранялся вплоть до 1915 г., когда хор прекратил существование.

Первоначально мальчики-певчие вместе с регентом и надзирателем-репетитором жили в одноэтажном флигеле на территории КДА. Впосл. регенту и певчим была отведена квартира в принадлежавшем академии доме на углу Волошской и Ильинской улиц. В 1906 г. мальчиков перевели в общежитие Киево-Подольского уч-ща, воспитанниками которого они являлись. С этого времени мальчики-певчие приходили в академию лишь на спевки и богослужения. Однако в период рождественских и пасхальных каникул, когда занятий в уч-ще не было, а хор должен был петь за праздничными монастырскими богослужениями, певчих временно селили в академии.

Студенты КДА исполняли партии теноров, баритонов и басов. Общее количество певчих хора КДА составляло ок. 40 чел. Пение студентов в хоре не предполагало материального вознаграждения. Оплата за пение в хоре была введена лишь осенью 1905 г. С этого времени на хор выделялось ежемесячно по 80 р. Из них 10 р. полагалось регенту и 70 р. — певчим.

Регент хора избирался хористами, как правило, из своей среды. Затем кандидатуру регента представляли ректору академии на утверждение. Т. о., регент не был представителем администрации, а являлся одним из студентов, что обусловило частую смену регентов. С 1819 по 1915 г. обязанности регента в КДА исполнял 47 чел. (*Козицкий П. О.* Спів і музика в Київській академії за 300 років її існування. К., 1971. С. 95–96).

Хор КДА всегда ориентировался как на эталон на *партесное пение* кон. XVIII — нач. XIX в., поэтому в его репертуаре отсутствовали древние церковные распевы. Хор исполнял прежде всего авторские произведения совр. композиторов. Особой популярностью пользовалось творчество А. Л. Веделя и Д. С. *Бортнянского*. Усилия по возрождению в КДА творческого наследия Веделя предпринял А. А. *Кошиц*, являв-

шийся регентом хора в 1898–1901 гг. Привязанность хора КДА к партесному пению явно контрастировала с возросшим в России к кон. XIX в. интересом к древним церковным распевам. Поэтому сторонники возрождения уставного храмового пения порой высказывали довольно резкую критику в адрес певч. традиций КДА. Напр., 29 сент. 1882 г. П. И. *Чайковский* после посещения богослужения в Братском мон-ре написал гневное письмо ректору еп. Михаилу (Лузину), в к-ром требовал пересмотреть отношение к церковному пению в КДА. Однако это письмо не возымело действия. Репертуар академического хора и в дальнейшем формировался в русле сложившейся традиции.

Хор КДА фактически прекратил существование осенью 1915 г., когда в связи с угрозой оккупации Киева было принято решение об эвакуации КДА в Казань. И хотя в полном объеме эвакуация так и не была проведена, работа хора на прежних основаниях стала невозможной. Тем не менее сохранившаяся нотная б-ка хора КДА дает основания полагать, что хор продолжал действовать как минимум до 1920 г., хотя об этом периоде его существования достоверных сведений практически не осталось.

В разное время регентами и певчими хора КДА были такие известные церковные и культурные деятели, как историк Аскоченский, укр. писатель И. С. Нечуй-Левицкий, литургист и церковный композитор прот. М. Лисицын, укр. советский композитор Ф. Е. Козицкий, выдающийся регент Н. П. *Афонский* и др. Однако по согласному свидетельству современников, наибольшего расцвета хор КДА достиг под упр. Кошица, к-рому удалось добиться наиболее качественного исполнения.

Возрождение и современное состояние КДА. Первая попытка возрождения КДА была предпринята после окончания Великой Отечественной войны. В 1946 г. патриарх Московский и всея Руси *Алексий I* предлагал восстановить в Киеве духовные семинарию и академию. Однако реализовать эту инициативу тогда не удалось. В 1947 г. в Киеве была открыта лишь семинария, просуществовавшая до 1960 г. Возрождение КДС состоялось в 1989 г. Духовная школа разместилась на территории Киево-Печерской лавры.

Первый выпуск возрожденной КДС в 1992 г. совпал по времени с серьезными потрясениями в жизни УПЦ. В июне 1992 г. митр. Киевский Филарет (см.: *Денисенко М. А.*) уклонился в раскол, заявив об объединении с Украинской Автокефальной Православной Церковью и о создании Киевского Патриархата. Ректор КДС архим. Даниил (Чокалюк) поддержал митр. Филарета и летом 1992 г. также отпал в раскол и увлек за собой часть студентов семинарии. После приезда в Киев митр. *Владимира (Сабодана)* исполняющим обязанности ректора КДС был назначен прот. Александр Кубе-лиус. Несмотря на непростую ситуацию, сложившуюся в Киеве, было

*Открытие Киевской духовной семинарии.
4 окт. 1989 г.*

принято решение о возрождении КДА. Первый набор в академию состоялся летом 1992 г., осенью в возрожденной КДА начался 1-й учебный год. С тех пор КДА составляет единый учебный комплекс с КДС. С 1992 г. по инициативе митр. *Владимира* Актовые дни КДАиС ежегодно отмечаются 9 нояб., в день памяти прп. *Нестора* Летописца. КДАиС находится на территории бывш. Гостиного двора лавры. Администрация КДАиС, учебные аудитории и б-ка расположены в корпусах № 63 и № 64, а студенческие общежития — в корпусах № 55 и № 60. Первоначально у возрожденных киевских духовных школ не было своего храма. Семинарские богослужения совершались в Зачатьевском храме, в храме Рождества Богородицы или в Воскресенском храме (у главных ворот Нижней лавры). Лишь с 1992 г. за КДАиС был окончательно закреплен храм Рождест-

*Церковь Рождества Богородицы.
Фотография. 2013 г.*

ва Пресв. Богородицы на территории Дальних пещер. Кроме академических богослужений здесь также совершаются требы (крещения и венчания). Решением Синода УПЦ от 25 авг. 2012 г. в распоряжение КДАиС передан храм Воскресения Христова у главных ворот Нижней лавры.

28 окт. 1993 г. исполняющим обязанности ректора КДАиС был назначен прот. *Н. Забуга*. В 1994 г. он был утвержден в этой должности и занимал ее до мая 2007 г. С 1995 г. в ака-

*Церковь Рождества Богородицы.
Интерьер*

демии регулярно проводятся защиты канд. диссертаций и дипломных работ. В 1997 г. было возобновлено издание *Трудов КДА* (до 2007 г. вышло 7 номеров). В 2001 г. была торжественно отмечена 300-летняя го-

довщина издания имп. *Петром I* указа о даровании Киевской школе статуса академии.

31 мая 2007 г. решением Свящ. Синода УПЦ ректором КДАиС назначен еп. *Антоний (Паканич; в посл. митрополит)*. В 2007/08 уч. г. в КДАиС была начата реформа. В семинарии было усилено преподавание древних и новых языков, а также введены новые учебные дисциплины. С 2009 г. в КДА утверждена новая процедура защиты докт. и канд. диссертаций, ежегодно проводится международная научная конференция «Духовное и светское образование: история взаимоотношений — современность — перспективы», а также студенческая научная конференция. С сент. 2009 г. действует студенческое научное общество. Важным событием в жизни КДАиС стало посещение академии Святейшим Патриархом Московским и всея Руси *Кириллом*. 10 июня 2009 г. Ученый совет КДАиС принял решение о присвоении Его Святейшеству ученой степени д-ра богословия. Летом того же года во время визита Святейшего Патриарха в Киев в Трапезном храме лавры состоялась встреча Его Святейшества с профессорско-преподавательской корпорацией КДАиС, во время которой митр. *Владимир* вручил Патриарху диплом д-ра богословия и докторский крест. 30 июля 2011 г. КДА посетил Предстоятель Грузинской ПЦ Католикос *Илия II*, которому также было присвоено звание почетного д-ра богословия.

К 2013 г. КДА является инициатором широкого обсуждения путей развития духовных школ УПЦ. С этой целью на базе КДА проводятся учебно-методические семинары по различным предметам, на которые приглашаются как преподаватели духовных школ Украины, так и ведущие специалисты др. духовных академий РПЦ. Преподаватели КДАиС принимают участие в работе Межсоборного Присутствия РПЦ, Синодальной библейско-богословской комиссии РПЦ, Богословско-канонической комиссии при Синоде УПЦ и др. синодальных учреждений. В сент. 2007 г. Ученый совет утвердил новую концепцию издания *Трудов КДА*. Академический журнал выходит 2 раза в год. В нем публикуются статьи не только профессоров, доцентов и преподавателей КДА, но и представителей др. светских и богословских образова-

ются временные выставки. Напр., в нояб. 2010 г. была открыта выставка,

*Посещение КДАиС
Патриархом
Московским и всея Руси
Кириллом.
29 июля 2009 г.*

посвященная 75-летию митр. Владимира. В марте 2011 г. в связи со 150-летием со дня смерти Т. Г. Шевченко

также была открыта специальная экспозиция.

Активно развиваются международные связи КДА. На учебу в Киев приезжают студенты не только из

тельных центров. К нач. 2013 г. выпущено 10 номеров в обновленном формате. Труды КДА являются двуязычным изданием: публикуются материалы на русском и украинском языках. Кроме того, были отсканированы и выпущены в электронном виде все дореволюционные выпуски журнала (1860–1917). Ведется работа по оцифровке других дореволюционных периодических изданий. С 2008 г. КДА публикует студенческий ж. «Академический летописец». Действует офиц. интернет-сайт КДАиС (kdais.kiev.ua).

21 окт. 2009 г. при КДА возрожден ЦАМ. Для новообразованного музея митр. Владимир передал книги, иконы, облачения и предметы церковной утвари из личной коллекции. В музее нет экспонатов, принадлежавших дореволюционному ЦАМ при КДА, все коллекции собирались заново. К нач. 2013 г. в музее хранится ок. 250 экспона-

*Открытие
церковно-археологического
кабинета при КДАиС.
21 окт. 2009 г.*

ся активная работа по изучению исторического прошлого киевских духовных школ. Проведено неск. научных конферен-

Украины, но и из России, Грузии, Казахстана, Сербии, Боснии и Герцеговины, Македонии и др. стран. Преподаватели КДА участвуют в научных конференциях за рубежом. В 2011 г. КДА подписала договоры о сотрудничестве с римским

*Вручение
Патриарху Московскому
и всея Руси Кириллу
диплома почетного доктора
КДА. 29 июля 2009 г.*

ун-том «La Sapienza» и Православным богословским фак-том Бухарестского ун-та, подписан про-

токол о сотрудничестве с ун-том Фрибура (Швейцария).

По состоянию на 1 янв. 2013 г. в КДАиС обучалось 336 студентов в стационаре (204 — в семинарии и 132 — в академии) и 887 — в заочном секторе (534 — в семинарии и 353 — в академии). В состав профессорско-преподавательской корпорации входило 67 чел. Среди них — 10 профессоров и 10 доцентов, д-р бого-

словия, д-р педагогических наук, магистр богословия, 41 кандидат богословия и 10 кандидатов др. наук; 4 члена профессорско-преподавательской корпорации КДАиС являются епископами УПЦ. При КДАиС действуют катехизаторские курсы, воскресная школа и Антисектантский консультационно-просветительский центр «Надежда».

В нач. XXI в. существенно улучшены условия жизни и быта студентов. В 2007 г. был проведен ремонт учебного и библиотечного корпусов. К 1 сент. 2008 г. завершена генеральная реконструкция студенческого общежития, а к 1 сент. 2009 г. — жилого корпуса. В КДАиС действуют учебно-методический кабинет, студенческий компьютерный класс, медико-санитарная часть, спортивный зал. В КДАиС ведет-

ся активная работа по изучению исторического прошлого киевских духовных школ. Проведено неск. научных конференций, на к-рых обсуждались различные аспекты истории КДА. В 2009–2012 гг. в Трудах КДА опубликовано неск. десятков статей и материалов, посвященных истории академии. Ведется подготовка к празднованию 400-летнего юбилея киевских духовных школ, к-рый намечен на 2015 г. Начата серия юбилейных изданий. В 2012 г. по благословению митр. Киевского и всея Украины Владимира установлено местное празднование в честь Собора святых КДА, которое будет совершаться 9 нояб., в Актовый день КДАиС. Написана и освящена икона Собора святых КДА, на которой изображены 44 святых.

В. В. Бурега

Арх.: ЦГИАК. Ф. 711 (КДА). 1396 (Церковно-ист. и археол. об-во при КДА); НБУВ ИР. Ф. 139, 154, 155, 162, 175, 184, 187, 191, 194, 216, 225, 304.

Ист.: Проект устава духовных Академий. СПб., 1823; Венок на могилу высокопреосв. Иннокентия, архиеп. Таврического: Собр. восп. о нем с прил. избр. проповедей / Сост.: М. П. Погодин. М., 1867; 50-летний юбилей КДА. 28 сент. 1869 г. К., 1869; Сб. из лекций бывш. профессоров КДА: архим. *Иннокентия [Борисова]*, прот. *И. М. Скворцова*, *П. С. Авсенева* (архим. *Феофана*) и *Я. К. Амфитеатрова*, изд. Академиею по случаю 50-летнего

тов. Среди них: 120 книг, 32 иконы, коллекция энколпионов XI–XII вв., собрание старообрядческих крестов и икон из меди XVIII–XIX вв., коллекция антиминсов, различные предметы искусства. Пополнение коллекций осуществляется за счет пожертвований. Экспозиция размещена в читальном зале б-ки академии. По случаю знаменательных событий здесь устраива-

юбилей (1819–1869) ея. К., 1869; Устав Правосл. Духовных Академий (30 мая 1869 г.). [СПб., 1869]; Устав Церковно-археол. Об-ва при КДА. К., 1873; Отчеты Церк.-ист. и археол. об-ва при КДА. К., 1872–1915 (кроме 1876); Протоколы заседаний Совета КДА. К., 1870–1884; Устав Богоявленского братства при КДА для вспомоществования нуждающимся студентам ея. К., 1882; Устав Церк.-археол. об-ва при КДА (10 авг. 1881 г.). К., 1882; *Дневник В. И. Аскоченского* / Предисл. и коммент.: Ф. И. Булгаков // ИВ. 1882. Т. 7. № 1. С. 79–106; № 2. С. 318–345; Устав и штат Правосл. Духовных Академий, Высочайше утвержденный 20 апр. 1884 г. СПб., 1884; Извлечение из протоколов (журналов) Совета КДА. К., 1885–1916; *Петров Н. И.* Известия Церковно-археол. об-ва при КДА. К., 1875–1895; *он же.* Указатель Церк.-археол. музея при КДА. К., 1897²; *он же.* Альбом достопримечательностей Церк.-археол. музея при КДА. К., 1912–1915. 5 вып. 1912. Вып. 1: Колл. сирийских и афонских икон преосв. Порфирия (Успенского); 1913. Вып. 2: Сорокинско-Филаретовская колл. русских икон различных пошибов или писем; 1913. Вып. 3: Южно-рус. иконы; 1915. Вып. 4/5; *он же.* Київська Академія // Зап. іст.-філологічного відділу Укр. АН. К., 1919. Кн. 1. С. 3–17; *он же.* Скрижалі пам'яті / Упоряд.: В. Ульяновський, І. Карсим. К., 2003; *Феофилакт (Праведников), еп.* Восп. о преосв. Иннокентии (Борисове), как ректоре КДА / Предисл.: прот. Ф. И. Титов // ТКДА. 1895. № 4. С. 627–648; Устав Церк.-ист. и археол. об-ва при КДА. К., 1901; Записка председателя Церк.-археол. об-ва при КДА, еп. *Димитрия [Ковальницького]*, заслушанная в собр. об-ва 9 окт. 1900 г. // ТКДА. 1901. № 12. С. 18–30; *Антоний (Храповицкий), архиеп.* Отчет по Высочайше назначенной ревизии КДА в марте и апр. 1908 г. Почаев, 1909; Правда о КДА: Вынужденный ответ на изд. архиеп. Волынским Антоном брошюры «Отчет по Высочайше назначенной ревизии КДА в марте и апр. 1908 г.». Сб. К., 1910; *Певницкий В. Ф.* Мои воспоминания // ТКДА. 1911. № 5. С. 95–120; № 6. С. 273–302; № 10. С. 338–348; 1912. № 6. С. 305–326; Акты и док-ты, относящиеся к истории Киев. Академии. Отд. 3: (1796–1869) / Предисл., примеч.: прот. Ф. И. Титов. К., 1910. Т. 1: (1796–1803); 1911. Т. 2: (1804–1808); 1912. Т. 3: (1809–1812); 1913. Т. 4: (1813–1819); 1915. Т. 5: (1819–1869); *Леонтий (Лебединский), митр.* Мои заметки и восп. // БВ. 1913. № 10. С. 318–331; *Рыбинский В. П.* К истории КДА: (Курс 1887–1891 гг.) // Б-ка МДА. Б. м., б. г. Маш.; Сосуд избранный. 1994; Каталог збережених пам'яток Київського Церк.-археол. музею 1872–1922 рр. К., 2002.

Лит.: *История КДА. Макарий (Булгаков), иером.* История Киев. академии. СПб., 1843; *Аскоченский В. И.* Публичное испытание в КДА. К., 1857; *он же.* История КДА, по преобразовании ее в 1819 г. СПб., 1863; *Мальшевский И. И.* Ист. записка о состоянии академии в минувшее 50-летие // ТКДА. 1869. № 11/12. С. 64–138; *Дьял посетителя портретной залы КДА. К., 1874; Петров Н. И.* Описание рукописей Церк.-археол. музея при КДА. К., 1875. Вып. 1; 1877. Вып. 2; 1879. Вып. 3; *он же.* Записка о состоянии церк.-археол. музея и об-ва при КДА за первое десятилетие их существования // ТКДА. 1882. № 12. С. 421–448; *он же.* 30-летие Церк.-ист. и археол. об-ва при КДА // Там же. 1903. № 1. С. 134–151; *он же.* КДА // ПБЭ. 1909.

Т. 10. Стб. 678–694; *Барсов Н. И.* К биографии Иннокентия, архиеп. Херсонского и Таврического // ХЧ. 1883. № 11/12. С. 629–656; 1884. № 1/2. С. 188–224; № 7/8. С. 99–161; *Сергий (Василевский), архим.* Высокопресв. Антоний (Амфитеатров), архиеп. Казанский и Свяязский. Каз., 1885. 2 т.; *Мацевич Л. С.* К мат-лам для истории КДА // ТКДА. 1888. № 11. С. 118–131; 1893. № 1. С. 77–92; *Мушин Н. Ф.* Киево-Братский училищный монастырь: Ист. очерк. К., 1893; *Титов Ф. И., прот. И. И. Мальшевский.* К., 1897; *он же.* Очерк из истории КДА: Преосв. Моисей Богданов-Платонов, 1-й ректор КДА // ТКДА. 1897. № 10. С. 167–207; *он же.* Преосв. Иннокентий (Борисов), архиеп. Херсонский и Таврический, как ректор КДА // Там же. 1900. № 12. С. 493–522; *он же.* Страничка из 30-летней истории Церк.-ист. и археол. об-ва при КДА // Там же. 1903. № 1. С. 152–158; *он же.* Преобразование духовных академий в России в XIX в. К., 1906; *он же.* Преосв. Сильвестр, бывш. еп. Каневский, ректор КДА (1828–1908) // ТКДА. 1909. № 1. С. 136–146; *он же.* Памяти высокопресв. архиеп. Дмитрия (Муретова), бывш. ученика, профессора и ректора КДА. К., 1911; *он же.* Памяти П. Д. Юркевича, бывш. ученика и профессора КДА: (1826–1874). К., 1911; *он же.* Киев. академия в эпоху реформ: (1796–1819). К., 1910–1915. 5 вып.; *он же.* Имп. КДА в ее 3-вековой жизни и деятельности (1615–1915 гг.): Ист. зап. К., 2003; *Бродович И. А.* 30-летие Церк.-археол. музея при КДА // ТКДА. 1903. № 2. С. 231–253; *Голубев С. Т.* Неск. страниц из новейшей истории КДА: (Ответ проф. Голубева проф. Титову и беседе его с разными лицами по вопросам научным, учебным и житейским). К., 1907; *Родосский.* Словарь студентов СПбДА. 1907; *Титлинов В. В.* Духовная школа в России в XIX ст. Вильна, 1908–1909. 2 т.; *Пархомович А. М.* КДА (ныне императорская) для Кишиневской епархии с ее учебными заведениями (1813–1913): Ист.-археол. справкa к 300-летию Академии (15.10.1615 – 1915). Кишинев, 1914; *Руткевич П., прот.* Мои восп. о КДА за время с 1879 до 1883 гг. // Киевские Ев. 1915. Ч. неофиц. № 12/13. С. 285–296; *Свенцицкий И.* Украинська старовина в Київській Церк.-археол. музеї // Зап. Укр. науч. товариства в Києві. К., 1918. Кн. 17: Зап. Іст. і філол. секції. С. 87–91; *Микитась В. Л., Микитась Н. Д.* Акад. М. І. Петров. К., 1994; *Ульяновський В. І.* «Третя складова» історико-церк. школи КДА // Медієвістика: Історія Церкви, науки і культури: Промінарії. К., 1997. Вип. 1. С. 134–144; *он же.* Церква в Українській Державі 1917–1920 рр. К., 1997. 2 кн.; *он же.* Двічі професор: Степан Голубев в університетському та академічному контекстах. К., 2007; *Ткачук М. Л.* КДА в освітньому «автономізаційному» русі поч. ХХ ст. // Київська Академія. 2007. Вип. 4. С. 149–165; *она же.* Філософська спадщина КДА: Стан і перспективи дослідження // ТКДА. 2009. № 11. С. 205–214; *она же.* За що його засудили? (До історії вигнання з КДА проф. В. Екземлярського) // Київська Академія. 2010. Вип. 8. С. 64–78; *она же.* Свт. Іннокентій (Борисов) і його роль в історії КДА // ТКДА. 2010. № 12. С. 207–225; *она же.* Трансформаційні процеси в духовній школі нач. ХХ в.: Опыт КДА // Там же. 2011. № 14. С. 109–121; *она же.* «Академію безкінечно люблю...»: Архиеп. Василий (Боглашевский) как студент, профессор и ректор КДА // Там же. 2012. № 16. С. 27–56; *Крайняя К. К.* Историки Киево-Печерської лаври XIX – поч. ХХ ст. К.,

2000; *он же.* Київське Церк.-історичне та археологічне товариство, 1872–1920 // Лаврський альм. К., 2001. Вип. 4. Спецвип. 1; *он же.* Видання Церк.-іст. та археол. товариства при КДА як джерело до його історії // ТКДА. 2012. № 17. С. 38–47; *Файда О. В.* Кирило-мефодіяна на сторінках «Трудов КДА» // Проблеми слов'янознавства. Львів, 2003. Вип. 53. С. 27–36; *он же.* Візантиністика в КДА на поч. ХХ ст. // Проблеми гуманітарних наук: Наук. зап. Дрогобицького держ. пед. ун-ту ім. І. Франка. Дрогобич, 2004. Вип. 14: Історія. С. 115–125; *Мозгова Н. Г.* КДА. 1819–1920: Філософ. спадок. К., 2004; *Тарасова В. А.* Высшая духовная школа в России в кон. XIX – нач. ХХ в.: История имп. правосл. духовных академий. М., 2005; *Дениско Л. М.* Библиотека КДА (1819–1919). К., 2006; *Сухова Н. Ю.* Высшая духовная школа: Проблемы и реформы (2-я пол. XIX в.). М., 2006; *она же.* Система научно-богосл. аттестации в России в XIX – нач. ХХ в. М., 2009; *она же.* Богосл. образование в России в нач. ХХ в.: (На примере КДА) // ТКДА. 2011. № 15. С. 141–155; *она же.* «Арабская колония» в Киевле: Стипендиаты ИППО в КДА (1887–1918) // Там же. 2012. № 17. С. 181–192; *Антоний (Паканич), архиеп.* 20-летний юбилей возрождения Киев. духовных школ и перспективы изучения истории КДА // Там же. 2009. № 11. С. 13–24; *он же.* Внесок КДА в розвиток українознавства (XIX – поч. ХХ ст.) // Там же. 2011. № 14. С. 17–27; *он же.* Церк.-археол. музей и Церк.-археол. об-во при КДА: История создания и обзор деятельности // Там же. 2012. № 17. С. 13–29; *Буреза В. В.* КДА и семинария. К., 2009; *он же.* Забытая книга об истории КДС // ТКДА. 2011. № 14. С. 122–128; *Головащенко С. І.* Викладання Св. Письма в КДА (кін. XIX – поч. ХХ ст.) // Там же. 2009. № 11. С. 25–35; *Карсим І. А.* Проф. С. Сольський: До історії біблійної школи КДА 2-ї пол. XIX ст. // Там же. С. 36–47; *Козловський В. П.* Кант і Православ'я: Трансцендентальне вчення про душу у сприйнятті викладачів КДА // Там же. С. 215–230; *Крайняя О. А.* Диссертационный фонд КДА в ИР НБУВ // Там же. С. 164–192; *Кузьміна С. А.* КДА XIX – поч. ХХ ст. та її роль у розвитку вітчизняної педагогічної культури та освіти // Там же. С. 193–198; *Лопухина Е. В.* Юбилей КДА в 1869 г. и создание портретной галереи Академии: (По мат-лам колл. НКПИКЗ) // Там же. С. 199–204; *Прокон'юк О. Б.* «Знаний» і «незнаний» дослідник історії Київської митрополії другої пол. XVIII ст. о. Микола Шпачинський, або ще раз про науковий доробок студентів КДА // Там же. С. 238–255; *Яременко М. В.* Києво-Могилянська академія в 1817 році: Кінець історії? (Про реформу Київських Атен, їх рецепцію та визначальні дати) // Там же. С. 106–121; *Путро О. І.* Засновник журналу «Труды КДА»: Слово про ректора КДА архім. Антонія (Амфитеатрова) // Там же. 2010. № 13. С. 50–54; Систематический указ. статей, опубл. в журнале «Труды КДА» в 1915–1917 гг. // Там же. С. 55–70; *Хроненко И. В.* Из истории издания журнала «Труды КДА» (1860–1917) // Там же. С. 39–49; *Чередищенко А. М.* Проф. КДА Ф. І. Мішенко та його доля у післяреволюційний період // Там же. № 12. С. 259–265; *Пастушенко Л. А.* Архієп. Каневський Василій (Д. І. Боглашевський): Мат-ли до життєпису // Там же. 2011. № 15. С. 156–166; *Платон (Петров), еп.* Краткая ист. записка о судьбах Киев. семинарии за 100 лет ее существования: (1817–1917) // Там же. № 14. С. 129–154; *Путро О. І., Путро А. О.* Студен-

ти-іноземні КДА та Семінарії (XIX — поч. XX ст.). К., 2011; Систематичний покажчик статей, надрукованих в «Трудах КДА» в 1997–2010 роках // ТКДА. 2011. № 14. С. 317–334.

Біблієстика. Указание предметов, предназначенных для публ. испытания студентов КДА, имеющего быть 1834 г. К., 1834. С. 3, 4; Программа публ. испытания студентов КДА, имеющего быть 30 июня 1849 г. по случаю окончания 16 учеб. курса. К., 1849. С. 6; Программа публичного испытания студентов КДА по окончании 5 учебного курса. К., 1851. С. 4; *Чистович И. А.* История перевода Библии на рус. яз. М., 1899, 1997^р. С. 317–318; *Богдановский Д. И.*, *прот.* Учено-лит. деятельность покойного проф. КДА С. М. Сольского // ТКДА. 1900. № 12. С. 660–685; *он же.* Речь у гроба почившаго проф. КДА А. А. Олесницкого // Там же. 1907. № 10. С. 330–334; *Титов Ф. И.*, *прот.* С. М. Сольский: (Некр.) // Там же. 1900. № 12. С. 629–640; *Войтков А.* Памяти проф. А. А. Олесницкого: (Из студенческих восп.) // Там же. 1907. № 10. С. 340–346; *Глаголев А. А.*, *свящ.* Слово на заупокойной литургии при погребении заслуженного проф. КДА А. А. Олесницкого (3 сент. 1907) // Там же. С. 323–329; *он же.* К 25-летию акад. службы проф. В. П. Рыбинского // Там же. 1917. № 3/8. С. 254–260; *Маккавейский Н. К.* Речь у гроба почившаго проф. КДА А. А. Олесницкого // Там же. 1907. № 10. С. 334–339; *Рыбинский В. П.* Проф. А. А. Олесницкий: (Некр.) // Там же. С. 308–322; *Головащенко С. І.* Київська духовно-академ. традиція XIX — поч. XX ст. в історії вітчизняного біблеїзнавства // Наукові зап. НаУКМА. К., 2001. Т. 19: Філософія та релігієзнавство. С. 87–96; *он же.* Викладання й вивчення біблійних мов у КДА: Культурно-конфесійні та ідеологічні обставини // Магістеріум. 2004. Вип. 13: Іст.-філос. студії. С. 22–34; *он же.* До питання про становлення в КДА біблійної археології як науки: Досвід Я. О. Олесницкого // Наукові зап. НаУКМА. 2008. Вип. 5: Київська Академія. С. 73–81; *он же.* З історії біблійної текстологічної критики в КДА: Я. О. Олесницький // Магістеріум. 2008. Вип. 30: Іст.-філос. студії. С. 65–70; *он же.* Філософські та богословські засади західноєвропейської біблеїстики: досвід критики та реценції в КДА: (Др. пол. XIX — поч. XX ст.) // Могиланські іст.-філос. студії. К., 2008. С. 188–213; *он же.* Викладання Св. Письма в КДА (кін. XIX — поч. XX ст.) // ТКДА. 2009. № 11. С. 25–35; *он же.* З історії літературної критики Біблії в КДА: Я. О. Олесницький та його «Ритм і метр ветхозаветной поэзии» // Наукові зап. НаУКМА. 2009. Т. 89: Філософія та релігієзнавство. С. 54–59; *он же.* Біблія як предмет популярного вивчення: Київська візія кінця XIX — початку XX ст.: (Володимир Рибінський) // Київська Академія. 2010. Вип. 8. С. 44–50; *он же.* Історична критика Біблії та виклад біблійної історії в КДА кін. XIX — поч. XX ст.: (Ф. Покровський та В. Рибінський) // Наукові зап. НаУКМА. 2010. Т. 102: Філософія та релігієзнавство. С. 65–71; *он же.* Предыстория рус. Толковой Библии в КДА («Правила для руководства при составлении объяснительных примечаний к русскому тексту Библии» А. А. Олесницкого) // ТКДА. 2010. № 12. С. 79–91; *он же.* С. М. Сольский и А. А. Олесницкий как исследователи Свящ. Писания: (К вопросу о становлении проблемного и методологического поля киев. духовно-академической б-ки) // Там же. № 13. С. 82–96; *он же.* Апологетичний дискурс у київській біблеїстиці поч. XX ст.

(Д. Богдановський та О. Глаголев) // Київська академія. 2011. Вип. 9. С. 47–57; *он же.* Исследование Свящ. Писания в КДА в 1861–1914 гг.: Осн. темы и проблемы (по публ. в «Трудах КДА») // ТКДА. 2011. № 14. С. 40–54; *он же.* Дослідження та викладання Біблії в КДА XIX — поч. XX ст. К., 2012; *Сильвестр (Стойчев)*, *игум.* Из истории богосл. дискуссий: проф. М. М. Тареев и Д. И. Богдановский // ТКДА. 2012. № 16. С. 74–80.

Догматическое и нравственное богословие. *Барсов Н. И.* К биографии Иннокентия, архиеп. Херсонского и Таврического // ХЧ. 1883. № 11/12. С. 629–653; 1884. № 1/2. С. 188–224; № 7/8. С. 99–161; *Введенский А. И.* Сравнительная оценка догматич. систем митр. Макария (Булгакова) и еп. Сильвестра (Малеванского) // ЧОЛДП. 1886. Февр. С. 127–149; Март. С. 248–279; Апр. С. 334–352; *он же.* К вопросу о методологической реформе правосл. догматики // БВ. 1904. № 6. С. 179–208; *Флоринский Н. И.*, *прот.* О преосв. Димитрии, архиеп. Херсонском и Одесском, бывш. ректоре и проф. Академии: Восп. студента 14-го курса КДА // ДЧ. 1886. № 8. С. 410–425; *Буткевич Т. И.*, *свящ.* Иннокентий Борисов, бывш. архиеп. Херсонский. СПб., 1887; *Ястребов М. Ф.* Памяти Высокопреосв. Димитрия (Муретова) и Макария (Булгакова) // ТКДА. 1887. № 6. С. 231–241; *он же.* Новая точка зрения в системе нравственного богословия: (К вопросу о желательной постановке нравственного богословия): [Отзыв на кн. М. А. Олесницкого «Из системы христианского правоучения» (К., 1896)] // Там же. 1897. № 10. С. 367–399; 1898. № 4. С. 498–545; *он же.* Высокопреосв. Димитрий как проф. догматического богословия. М., 1899; *он же.* Высокопреосв. Иннокентий (Борисов) как профессор богословия КДА // ТКДА. 1900. № 12. С. 522–566; *Мацевич Л. С.* К мат.-лам для истории КДА // Там же. 1888. № 11. С. 118–131; 1893. № 1. С. 77–92; *Феофилакт (Праведников)*, *еп.* Восп. о преосв. Иннокентии (Борисове) как ректоре КДА / Предисл.: *прот. Ф. И. Титов* // Там же. 1895. № 4. С. 627–648; *Титов Ф. И.*, *прот.* Очерк из истории КДА: Преосв. Моисей Богданов-Платонов, 1-й ректор КДА // Там же. 1897. № 10. С. 167–207; *он же.* Памяти высокопреосв. архиеп. Димитрия (Муретова), бывш. ученика, профессора и ректора КДА. К., 1911; Критика экстраординарного проф. М. А. Олесницкого на критику экстраординарного проф. М. Ф. Ястребова. К., 1899; *Бронзов А. А.* Нравственное богословие в России в течение XIX ст. СПб., 1901; *Кудрявцев П. П.* Проф. М. А. Олесницкий († 12 марта 1905 г.) // ТКДА. 1905. № 4. С. 675–704; *Бронзов А. А.* Отзыв на кн. М. А. Олесницкого «Из системы христианского нравоучения» (К., 1896)] // ХЧ. 1905. № 2. Прил.: Журналы Совета СПбДА за 1904/05 уч. год. С. 42–48; № 3. С. 49–65; *Глубоковский Н. Н.* Отзыв... // Там же. № 3. С. 65–75; *он же.* Рус. богословская наука в ее ист. развитии и новейшем состоянии. Варшава, 1928. М., 2002; *Покровский Ф. Я.*, *прот.* М. Ф. Ястребов († 13 сент. 1906 г.) // ТКДА. 1906. № 11. С. 383–400; *Скабалланович М. Н.* Преосв. Сильвестр, как догматист // Там же. 1909. № 1. С. 175–201; *он же.* О лекциях по богословию архим. Димитрия (Муретова) в их студенческих записях // Там же. 1911. № 3. С. 444–449; *Пономарев П. П.* Преосв. еп. Сильвестр, как ученый богослов. Каз., 1909; *Екземплярский В. И.* Прощальное слово проф. нравственного богословия к своим бывш. слушателям. К.,

1912; *он же.* За что меня осудили? К., 1912; *Грищенко В. Л. В.* Екземплярський у релігійно-філософському житті Києва поч. XX ст. // Наукові зап. НаУКМА. 1999. Т. 8: Філософія. Право. С. 42–49; *он же.* Сенс любові: християнська етика В. Екземплярського // Там же. 2000. Т. 18: Філософія та релігієзнавство. С. 35–48; *он же.* Основні напрямки релігійно-філософської творчості В. Екземплярського // Там же. Т. 20: Філософія та релігієзнавство. 2002. С. 69–76; *Аристарх (Лебедев)*, *иером.* Еп. Сильвестр (Малеванский) — представитель новой догматич. школы в КДА на рубеже XIX–XX вв. // ТКДА. 2002. № 4. С. 119–123; *он же.* Богословие еп. Сильвестра (Малеванского), ректора КДА // Там же. 2009. № 10. С. 90–99; *Лисовой Н. Н.* Обзор осн. направлений рус. богосл. акад. науки в XIX — нач. XX ст. // БТ. 2002. Сб. 37. С. 6–127; *Нападиста В. Г.* Історія етики в Україні: (Друга пол. XIX — поч. XX ст.). К., 2004; *Климент (Вечера)*, *архим.* Методологія богосл. дослідження питань соціальної етики: (За мат.-мн часопису «Труди КДА») // ТКДА. 2010. № 13. С. 97–106.

Патрология. *Петров Н. И.* Некролог проф. К. И. Скворцова // ТКДА. 1876. № 11. С. 537–542; *Корольков И. Н.*, *прот.* Прот. Н. А. Фаворов: (Некр.) // Там же. 1897. № 3. С. 454–487; *Анатолий (Грисюк)*, *иером.* Проф. К. Д. Попов: (Некр.) // Там же. 1911. № 7/8. С. 541–551; *Епифанович С. Л.* Отзыв на книгу М. Ф. Оксюка «Эсхатология св. Григория Нисского: Ист.-догматическое исследование» // *Он же.* Прп. Максим Исповедник и визант. богословие. М., 1996. С. 189–214; *Сидоров А. И.* С. Л. Епифанович и его книга о прп. Максиме Исповеднике // Там же. С. 3–9; *он же.* Митр. Макарий (Оксюк) и его церк.-научная деятельность // *Макарий (Оксюк)*, *митр.* Эсхатология св. Григория Нисского. М., 1999. С. III–XXXIV; *Григоренко Т. М.* Памяти моего отца, Оксюка Михаила Васильевича — митр. Макария Варшавского и всея Польши // Вісник Пресс-служби УПЦ. 2002. Вип. 10. С. 62–63.

Философия. *Соловьев В. С.* О филос. трудах П. Д. Юркевича // ЖМНП. 1874. Ч. 178. № 12. Отд. 2. С. 294–318 (То же // ПСС и писем: В 20 т. М., 2000. Т. 1. С. 156–175); *он же.* Три характеристики: М. М. Троицкий, Н. Я. Грот, П. Д. Юркевич // Собр. соч.: В 10 т. СПб., [1911–1914?]. Т. 9. С. 380–397; *Колубовский Я. Н.* Мат.-лы для истории философии в России, 1855–1888 // ВФип. 1890. Прил. 1. Кн. 4. С. 1–32; Кн. 5. С. 33–44; *Никольский А. А.* Рус. духовно-акад. философия как предшественница славянофильства и университетской философии в России // Вир. 1907. № 2–5, 9, 20; *Шпет Г. Г.* Философское наследство Юркевича // ВФип. 1914. Кн. 125. Отд. 1. С. 653–727 (То же // *Юркевич П. Д.* Философские произведения. М., 1990. С. 578–638); *он же.* Очерк развития рус. философии // Соч. М., 1989. С. 11–342; *Ходзинский [Ходзицкий] А.*, *свящ.* Проф. философии П. Д. Юркевич (1826–1874): Очерк жизни, лит. деятельности и богословско-филос. мировоззрения. Х., 1915; *Флоровский Г. В.* Пути русского богословия. П., 1988^г; *Зеньковский В. В.*, *прот.* История рус. философии. П., 1989^г. Т. 1; *Абрамов А. И.* Филос. творчество П. Д. Юркевича и его влияние на развитие рус. филос. мысли кон. XIX — нач. XX вв. // Из истории религ. философии в России, XIX — нач. XX вв. М., 1990. С. 26–39; *он же.* Кант в рус. духовно-акад. философии // Кант и философия в России.

М., 1994. С. 81–113; *он же*. Философия в духовных академиях: (Традиция платонизма в рус. духовно-акад. философствовании) // ВФ. 1997. № 9. С. 138–155; *он же*. Духовно-акад. философия кон. XX – нач. XX в. в ее сущностном отношении к филос. учению Фихте // Философия Фихте в России. СПб., 2000. С. 238–257; *он же*. Фихте и духовно-акад. философия // Там же. С. 146–157; *он же*. Христиан Вольф в рус. духовно-акад. философии // Христиан Вольф и философия в России. СПб., 2001. С. 189–209; *Питч Р.* Найголовніші елементи філософії П. Д. Юркевича // Філософська і соціологічна думка. 1992. № 9. С. 86–94; *idem (Pietsch R.)*. Beiträge zur Entwicklung der Philosophie bei den Ostslawen im 19. Jh. – Pamfil D. Jurkevyc (1826–1874). Ulm, 1992; *Чижевський Д. І.* Нариси з історії філософії на Україні. К., 1992; *Лук М. І.* Етичні ідеї в філософії України др. пол. XIX – поч. XX ст. К., 1993; Спадщина П. Юркевича: Світовий і вітчизняний контекст. К., 1995; *Горський В. С.* Історія української філософії. К., 1996; *Пишун С. В.* Правосл. персоналії і духовно-акад. філософія XIX в. М., 1996; *он же*. Содержание и смысл филос. знания в интерпретации представителей киев. школы духовно-академического теизма сер. XIX века // Гуманитарные иссл. Усурийск, 2004. № 7. С. 34–40; *Ткачук М. Л. О.* Новицький: Долаючи забуття // Філософська і соціологічна думка. 1996. № 1/2. С. 175–191; *она же*. Київська академічна філософія XIX – поч. XX ст.: Методологічні проблеми дослідження. К., 2000; *она же*. Київська кантіана XIX – початку XX ст.: Досвід і традиції // Кантівські студії, 1999: Щорічник Кантівського товариства в Україні. К., 2000. С. 26–36; *она же*. Кантознавчі студії в київській акад. філософії XIX – поч. XX ст. // Collegium. К., 2001. № 11. С. 103–119; *она же*. О рукописном наследии П. Юркевича // ВФ. 2001. № 7. С. 113–119; *она же*. «Славетна київська школа»: Феномен чи метафора? // Філософська думка. 2001. № 2. С. 58–82; *она же*. Теоретичні і методологічні проблеми іст.-філос. знання у спадщині С. Гогоцького // Наукові записки НАУКМА. 2001. Т. 19: Філософія та релігієзнавство. С. 70–75; *она же*. Історія філософії в культурологічному вимірі: (з досвіду київських істориків філософії XIX – поч. XX ст.) // Там же. 2002. Т. 20: Філософія та релігієзнавство. С. 19–29; *она же*. Київ в історії академічної філософії XIX – поч. XX ст. // Практична філософія. К., 2002. № 2(6). С. 119–125; *она же*. Як вивчали історію філософії в КДА // Магістеріум. 2002. Вип. 9: Іст.-філос. студії. С. 35–51; *она же*. Іст.-філос. античнознавство в Києві XIX – поч. XX ст. // Наукові зап. НАУКМА. 2003. Т. 21: Філософія та релігієзнавство. С. 49–59; *она же*. КДА очима сучасної укр. гуманітаристики // Дух і Літера. К., 2004. № 13/14. С. 91–99; *она же*. Філософська спадщина КДА: Джерелознавчий аспект дослідження // Наукові зап. НАУКМА. 2004. Т. 35: Київська Академія. С. 45–51; *она же*. Іст.-філос. сходознавство в Києві XIX – поч. XX ст. // Там же. 2005. Т. 50: Філософія та релігієзнавство. С. 50–55. *она же*. Духовно-академічна філософія як феномен // Київська Академія. 2006. Вип. 2/3. С. 237–243; *она же*. Київ в релігієзнавчо-філос. відродженні нач. XX в. // Чоловек. Історія. Весті: [Мат.-лы V Междунар. конф. «Успенские чтения»]. К., 2006. С. 283–300; *она же*. Проблема віри та знання у творчості П. Лінницького // Наукові зап. НАУКМА. 2008. Т. 76: Філософія та релігієзнавство. С. 35–42; *она же*.

Проблеми філос. освіти у творчості київських духовно-академічних мислителів XIX – поч. XX ст. // Київська Академія. 2008. Вип. 5. С. 58–66; *она же*. Сльвєстр Гогоцький: Мат.-лы до життєпису // Наукові зап. НАУКМА. 2009. Т. 89: Філософія та релігієзнавство. С. 41–48; *она же*. Філософська спадщина КДА: Стан і перспективи дослідження // ТКДА. 2009. № 11. С. 205–214; *она же*. О роли философии в системе правосл. духовного образования // Там же. 2010. № 13. С. 187–199; *она же*. Проблеми теорії і методології історико-філос. пізнання в інтерпретації П. Лінницького // Наукові зап. НАУКМА. 2010. Т. 102: Філософія та релігієзнавство. С. 43–49; Київські обрії: Іст.-філос. нариси. К., 1997; *Кирик Д.* Київська філос. школа в 1-й пол. XIX ст. // Хроніка 2000. К., 1997. № 17/18. С. 127–145; *Шутик-Мозгова Н. Г. П.* Лінницький: Життєвий шлях і духовна спадщина. К., 1997; *Грищенко В. Л. В.* Екземплярський у релігійно-філос. житті Києва поч. XX ст. // Наукові зап. НАУКМА. 1999. Т. 8: Філософія та право. С. 42–50; *она же*. Сенс любові: Християнська етика В. Екземплярського // Там же. 2000. Т. 18: Філософія та релігієзнавство. С. 35–50; *она же*. Основні напрями релігійно-філос. творчості В. Екземплярського // Там же. 2002. Т. 20: Філософія та релігієзнавство. С. 69–76; *Огородник І. В., Огородник В. В.* Історія філос. думки в Україні. К., 1999; *Рождественский Ю. Т.* Киевская школа академ. психологии 1-й пол. XIX в. К., 1999; *Горський В. С. і др.* Київ в історії філософії України, К., 2000; Скаральная педагогика сердца П. Юркевича. Луганск, 2000; *Федів Ю. О., Мозгова Н. Г.* Історія укр. філософії. К., 2000; *Куценко Н. А.* К вопросу о нравственно-антропологической философии Иннокентия (Борисова) // Ист.-филос. ежег. '99. М., 2001. С. 270–273; *она же*. И. М. Скворцов – первый профессор философии в КДА // История философии. М., 2002. № 9. С. 43–51; *она же*. Формирование «киевской школы теизма» в 1-й пол. XIX в. // Восточнохрист. цивилизация и проблемы межрегион. взаимодействия. М., 2004. С. 336–346; *она же*. Духовно-академическая философия в России 1-й пол. XIX в.: Киев, и петербургская школы: (Новые мат.-лы). М., 2005; *она же*. Идеи этики категорического императива в рос. профессиональной философии 1-й трети XIX в. // Ист.-филос. ежег., 2004. М., 2005. С. 296–303; *она же*. Профессиональная философия в России 1-й пол.–сер. XIX в.: Процесс становления и виднейшие представители. М., 2008; *Кузьміна С. Л.* Творчість П. Д. Юркевича в контексті укр. філософської культури // Наукові зап. НАУКМА. 2002. Т. 20: Філософія та релігієзнавство. С. 64–69; *она же*. Філософсько-педагогічна концепція П. Д. Юркевича. К., 2002; *она же*. «Філософський єлей» педагогіки М. Олесницького // Наукові зап. НАУКМА. 2004. Т. 35: Київська Академія. С. 60–66; *она же*. Правосл. педагог-мыслитель М. Олесницький // Педагогика. 2005. № 9. С. 80–86; *она же*. Педагогика на страницах «Философского лексикона» С. С. Гогоцкого // Там же. 2006. № 5. С. 71–80; *она же*. Філософсько-педагогічна спадщина КДА: Стан і проблеми дослідження // Київська Академія. 2006. Вип. 2/3. С. 243–254; *она же*. Проблема сполучення знання і віри у філософії освіти київських академічних мислителів XIX – поч. XX ст. // Актуальні проблеми духовності. Кривий Ріг, 2007. Вип. 8. С. 125–134; *она же*. Проблеми філософії освіти в творчості П. Лінницького // Київська Академія. 2007. Вип. 4.

С. 130–148; *она же*. КДА та її роль у розвитку вітчизняної філософської культури та освіти // ТКДА. 2009. № 11. С. 193–198; *она же*. Філософія освіти в Україні XIX – поч. XX ст.: Що кажуть архівні джерела // Філософ. думка. 2010. № 6. С. 5–20; *она же*. Філософія освіти та виховання в київській акад. традиції XIX – поч. XX ст. Сімферополь, 2010; *она же*. Філософсько-педагогічні ідеї проф. КДА Н. Маккавейского // ТКДА. 2010. № 13. С. 355–368; *она же*. Християнська етика як джерело філософії виховання: Деякі аспекти творчості М. Олесницького // Магістеріум. 2010. Вип. 30: Іст.-філос. студії. С. 72–79; Філософська думка в Україні: Біобібліогр. словник / Авт.: В. С. Горський, М. Л. Ткачук, В. М. Нічик та ін. К., 2002; *Цвях І. В.* Духовно-акад. філософія в Росії XIX в.: Дис. М., 2002; *она же*. Проблема истинности в рус. духовно-академической философии XIX в. // ВМУ: Филос. 2004. № 2. С. 14–30; *Тихолаз А. Г.* Платон и платонизм в рус. религ. философии 2-й пол. XIX – нач. XX в. К., 2003; *Тихонов В. Н.* Идеи П. Д. Юркевича о гос-ве и праве в контексте современности. Луганск, 2003; *Яковенко Б. В.* История рус. философии. М., 2003; *Мозгова Н. Г.* КДА, 1819–1920: Філософ. спадок. К., 2004; *она же*. Логіко-гносеологічна проблематика в київській духовно-академічній філософії XIX – поч. XX ст. К., 2005; *Нападиста В. Г.* Історія етики в Україні. К., 2004; *Пастушенко Л. А. П.* Кудрявцев: абсолютні цінності в іст.-філос. вимірі // Наукові зап. НАУКМА. 2005. Т. 37: Філософія та релігієзнавство. С. 77–83; *она же*. П. Кудрявцев: віхи життя і творчості // Мультиверсум. К., 2005. Вип. 50. С. 83–93; *она же*. Реліг.-філософська публіцистика П. Кудрявцева // Там же. 2006. Вип. 57. С. 113–124; *она же*. Філософська спадщина Київської Академії в інтерпретації П. Кудрявцева // Наукові зап. НАУКМА. 2006. Т. 50: Філософія та релігієзнавство. С. 68–73; *она же*. П. Кудрявцев у релігійно-філос. житті Києва поч. XX ст. // Київська Академія. 2007. Вип. 4. С. 166–179; *она же*. П. Кудрявцев: Основні напрями творчості // Наукові зап. НАУКМА. 2009. Т. 89: Філософія та релігієзнавство. С. 60–66; *она же*. Церква та світська культура: Погляд на проблему очима П. Кудрявцева // ТКДА. 2009. Т. 11. С. 318–326; *Красотин Е. П.* Концептуальная связь философии и религии в учении архиеп. Иннокентия (Борисова) // Рус. религ. философия в ист., теоретическом и социальном измерениях. Владивосток, 2006. С. 221–226; *Пишун С. В. і др.* Правосл. философский тезис (XIX – нач. XX в.). Владивосток, 2006; *Козловський В. П.* Маркелін Олесницький про витоки і природу практичної філософії // Київська Академія. 2007. Вип. 4. С. 109–129; *он же*. Інтерпретація П. Лінницьким кантівської ідеї про інтелегібельну та емпіричну природу людини // Наукові зап. НАУКМА. 2008. Т. 76: Філософія та релігієзнавство. С. 43–48; *он же*. Кантові «паралогізми чистого розуму» в інтелектуальній атмосфері (XIX – XX ст.) // Філософська думка. 2008. № 6. С. 59–83; *он же*. Кант і православ'я: трансцендентальне вчення про душу у сприйнятті викладачів // ТКДА. 2009. Т. 11. С. 215–230; *он же*. Кантова критика раціональної психології в оцінці Дмитра Богдаського // Наукові зап. НАУКМА. 2010. Т. 102: Філософія та релігієзнавство. С. 50–54; *он же*. Дмитрій Богдаський як дослідник філософії Канта // ТКДА. 2012. № 16. С. 57–73; *Филіппенко Н. Г.* Киев. религиозно-филос.

общество (1908–1919): Очерк истории. К., 2009; Філософська освіта в Україні: Історія та сучасність / Упоряд.: М. Л. Ткачук. К., 2011. **Церковное право:** *Малышевский И. И.* И. М. Скворцов, кафедральный протоиерей Киево-Софийского собора: Некр. // ТКДА. 1863. № 8. С. 435–490; Проф. П. А. Лашкарев: Некр. // Там же. 1899. № 9. С. 126–131; Из академической жизни // Там же. 1908. № 2. С. 209–307; *Чердиченко А. М.* Проф. КДА Ф. І. Міщенко та його доля у післяреволюційний період // Там же. 2010. № 12. С. 259–261.

Гомилетика: *Аскоченский В. И.* Амфитеатров Яков Космич. К., 1857; *Певницкий В. Ф.* В каком виде может и должна быть поставлена кафедра гомилетики? // ТКДА. 1863. № 5. С. 1–48; *Корольков И. Н., прот.* Прот. Н. А. Фаворов: Некр. // Там же. 1897. № 8. С. 454–487; *Титов Ф., прот.* Заслуженный ординарный профессор КДА В. Ф. Певницкий // Там же. 1905. № 12. С. 485–504; *он же.* Заслуженный... проф. КДА В. Ф. Певницкий: Некр. // Там же. 1911. № 9. С. 145–179; 50-летний юбилей заслуженного ординарного проф. КДА В. Ф. Певницкого // Там же. С. 505–544; *Тихвинский В.* Из академической жизни: Гомилетический кружок КДА // Там же. 1906. № 5. С. 159–166; *Остроумов С.* Из академической жизни: (Гомилетический кружок студентов КДА в 1906–1907 уч. г.) // Там же. 1907. № 8. С. 641–646; *Гроссу Н., прот.* Проф. В. Ф. Певницкий как гомилет // Там же. 1911. № 9. С. 207–230; *Маркелл (Павук), игум.* Жизнь и деятельность проф. КДА В. Ф. Певницкого // Там же. 2009. № 11. С. 133–159; *он же.* Исследования проф. КДА В. Ф. Певницкого по истории гомилетики // Там же. 2010. № 13. С. 147–175; *он же.* Исследования проф. КДА В. Ф. Певницкого в области теории и практики церк. проповедничества // Там же. 2012. № 16. С. 193–220; 2012. № 17. С. 157–180.

Хор: *Козицкий П. О.* Спів і музика в Київській академії за 300 років її існування. К., 1971; *Кошиць О. А.* Спогади. К., 1995; *Руденко Л. Г. О.* Кошиць — диригент хору КДА // *Наук. вісник НМАУ ім. П. І. Чайковського.* К., 2007. Вип. 57: (Мат-ли Міжнар. конф. «Олександр Кошиць і час»). С. 22–27; *она же.* Рукописна частина нотної 6-ки хору КДА з відділу бібліотечних зібрань та іст. колекцій НБУВ // Там же. 2007. Вип. 61: Старовинна музика: Сучасний погляд. Кн. 3. С. 111–117; *она же.* Пилип Козицкий як один з упорядників нотної 6-ки хору КДА // Там же. 2008. Вип. 67: Музична культура. С. 119–128; *она же.* Наукова реконструкція нотної 6-ки хору КДА // *Вісник Держ. академії керівних кадрів культури і мистецтв.* К., 2009. № 1. С. 89–94; *она же.* Роль Києво-Могилянської та Духовної академії у розвитку хорового мистецтва України: (За мат-лами їх нотозбірні): Дис. К., 2010; *она же.* Регенти хору КДА останньої чверті XIX — поч. XX ст. та їх внесок у збереження нац. духовно-музичної спадщини // Там же. 2012. № 16. С. 221–240; *Буреза В. В.* Из истории хора КДА в XIX — нач. XX в. // ТКДА. 2010. № 12. С. 226–245; *Готшус П.* Автобиографическая заметка, относящаяся к истории академического хора за 1902–1906 гг. // Там же. С. 246–252.

Б-ка: Правила КДА: О приеме студентов; о чтении книг студентами; О хранении б-ки и управлении ею. К., 1886; Систематический кат. книг б-ки КДА / Сост.: А. С. Крыловский. К., 1890–1915. Т. 1–5. Вып. 1–13; *Дениско Л. М.* Б-ка КДА (1819–1919). К., 2006.

В. В. Буреза, С. И. Головащенко, М. Л. Ткачук

КІЄВСКАЯ ЕПАРХИЯ, диоцез на укр. и в отдельные периоды белорус. землях под непосредственным управлением Киевского митрополита (общерусского в юрисдикции К-польского Патриархата в кон. X — сер. XV в., западнорусского в юрисдикции К-польского Патриархата в сер. XV — кон. XVII в., в юрисдикции Московского Патриархата с кон. XVII в. до наст. времени). Киевская митрополия К-польского Патриархата (в источниках: митрополия «Русская» — «ἡ Ῥωσσία», «всая Руси» — «πάσης Ῥωσσίας», «Киевская и всяя Руси» — «Κυέβου καὶ πάσης Ῥωσσίας»), обнимавшая епархии Др. Руси, а затем бывш. древнерус. земель, входивших в состав разных гос. образований — Великого княжества Владимирского, Великого княжества Литовского, Польши, Золотой Орды, — возникла в кон. X в., примерно одновременно с *Крещением Руси*, между 1448 и 1458 гг. разделилась на митрополии: собственно Киевскую (остававшуюся до 1685–1686 в юрисдикции К-польского патриарха) и автокефальную Московскую. Главы обоих диоцезов первоначально имели титул «митрополит Киевский и всяя Руси», с нач. XVI в. первоиерарх, имевший кафедру в Москве, титуловался как «митрополит (с 1589 патриарх) Московский и всяя Руси». Позднее архиереи, занимавшие Киевскую кафедру, имели титул: «митрополит (архиепископ) Киевский и Галицкий (и всей Малой России)», в кон. XX — нач. XXI в.: «митрополит Киевский и всяя Украины».

Кафедральный город К. е.— *Киев*, кафедральный собор во имя преподобных Антония и Феодосия Печерских в Киево-Печерской лавре. Правящий архиерей — Блаженнейший митр. Киевский и всяя Украины *Владимир (Сабодан)*; с 27 мая 1992). К 1 апр. 2013 г. территория К. е. включала в себя Киев и 15 районов Киевской обл.: Барышевский, Бориспольский, Бородянский, Броварский, Васильковский, Вышгородский, Згуровский, Иванковский, Киево-Святошинский, Макаровский, Обуховский, Переяслав-Хмельницкий, Полесский, Фастовский и Яготинский, а также зону отчуждения Чернобыльской АЭС. К 1 апр. 2013 г. в К. е. действовало 562 прихода (165 в Киеве, 397 в Киевской обл.), 17 муж. и 8 жен. монастырей; в епархии несло служение 761 священник и 112

диаконов. 25 сент. 2013 г. решением Синода УПЦ от К. е. была отделена Бориспольская и Броварская епархия в границах Барышевского, Бориспольского, Броварского, Вышгородского, Згуровского, Переяслав-Хмельницкого и Яготинского р-нов Киевской обл.

К. е. в кон. X — сер. XIII в. Учреждение Киевской митрополии. Точной даты учреждения Киевской митрополичьей кафедры в источниках нет, но по сумме косвенных хронологических указаний следует признать, что это произошло либо в первые же годы по крещению равноап. кн. *Владимира (Василия) Святославича*, т. е. в 988/91 г., либо после 996 г., ибо в 991–996 гг. Патриарший престол пустовал. В списках митрополий К-польского Патриархата митрополия «Росия» до времени имп. *Андроника II Палеолога* (1282–1328) стоит стабильно на 60-м месте, затем перемещается на 71-е. На 61-м значится митрополия Алании; признававшееся в связи с этим еще совсем недавно в качестве *terminus ante quem* для возникновения Киевской кафедры наиболее раннее на то время упоминание Аланской митрополии (997/8) потеряло силу в свете недавнего открытия датированной 2 апр. 965 г. надписи, в к-рой упоминается митр. Алании *Феодор (Белецкий Д. В., Виноградов А. Ю.* Фрески Сентинского храма и проблемы истории аланского христианства в X в. // *Рос. Арх.* 2005. № 1. С. 138). В пользу 988/91 г. говорит также свидетельство арм. историка *Степаноса Таронечи* (Асолика) (рубеж X и XI вв.) о бежавшем в 986 г. в К-поль из М. Азии преследователе антихалкидонитов митрополите Севастийском (Всеобщая история *Степаноса Таронского.* М., 1864. С. 142, 175), если отождествлять последнего с митр. *Феофилактом*, к-рый был переведен из Севастии «на Росию» при имп. *Василии II Болгаробойце* (976–1025), согласно «Церковной истории» *Никифора Каллиста Ксанфопула* (нач. XIV в.) (*Nicéph. Callist. Hist. eccl.* // PG. 146. Col. 1196 C), а также нек-рым редакциям визант. трактата «О перемещениях епископов» (*Laurent V. Aux origines de l'Église Russe: L'établissement de la hiérarchie byzantine* // *EO.* 1939. Т. 38. P. 293; *Владимир (Филантропов).* Описание. С. 170). На более позднюю дату, как иногда считают (*Я. Н. Щапов*), указывает отсутствие упоминания

Монастыри
Действующие

1 Киевско-Печерская лавра	16 В честь иконы Божией Матери "Живоносный Источник" муж. мон-рь
2 Зверинский Михайло-Архангельский муж. мон-рь	17 В честь Положения Ризы Божией Матери во Влацхерне муж. мон-рь в с. Томашовка
3 Благовещенский Бортничский муж. мон-рь	18 Спасо-Преображенский муж. мон-рь в с. Нещеров
4 Введенский муж. мон-рь на Печерске	19 Спасо-Преображенский муж. мон-рь в с. Княжичи
5 Вознесенский (Флоровский) жен. мон-рь	20 Спасо-Преображенский жен. мон-рь в пгт Песковка
6 Голосеевский Покровский муж. мон-рь	21 Успенский жен. мон-рь в с. Райковщина
7 Китаевская Свято-Троицкая муж. пустынь	22 Переяслав-Хмельницкий Михайловский муж. мон-рь
8 Голосеевский Николю-Тихвинский жен. мон-рь	23 Киево-Братской иконы Божией Матери жен. мон-рь
9 Пантелеймоновский жен. мон-рь в Феофании	24 Пустынно-Николаевский жен. скит
10 Покровский жен. мон-рь	
11 Рождества Пресв. Богородицы Десятинный муж. мон-рь	
12 Рождества Пресв. Богородицы муж. мон-рь в урочище Церковщина	
13 Свято-Троицкий Ионинский муж. мон-рь	
14 Анастасиевский жен. мон-рь	
15 В честь иконы Божией Матери "Отрада и утешение" жен. мон-рь	

Занятые «Киевским Патриархатом»

Упраздненные

1 Киевский Иоанно-Богословский жен. мон-рь	12 Переяслав-Хмельницкий Вознесенский муж. мон-рь
2 Киево-Синайский Свято-Екатерининский греческий муж. мон-рь	13 Пустынно-Николаевский Залеснянский муж. мон-рь
3 Киево-Слуцкий Пустынно-Николаевский муж. мон-рь	14 Зазимская Николаевская муж. пустынь
4 Киево-Печерский Вознесенский жен. мон-рь	15 Липлянская Онуфриевская Даниловская муж. пустынь
5 Киево-Софийский муж. мон-рь	16 Красногорский Рождество-Богородичный муж. мон-рь
6 Киево-Братский Богоявленский муж. мон-рь	17 Борисоглебский муж. скит
7 Киево-Подольский Петропавловский муж. мон-рь	
8 Норданский Николаевский жен. мон-рь	
9 Киевский Трехсвятительский муж. мон-рь	
10 Кирилловский Свято-Троицкий муж. мон-рь	
11 Межиторский Преображенский муж. мон-рь	

Старообрядческие

Цифрой 1 обозначена Кременчугская и Лубенская епархия РПЦ

митрополита в ретроспективном летописном повествовании о крещении киевлян (под 988/9), а также о заложении и освящении *Десятинной ц.* (991/2, 996/7). Однако такое умолчание характерно для летописного рассказа о раннем периоде в целом (до 1039/40) и не может быть признано аргументом хотя бы ввиду упоминания совещаний Владимира с епископами, к-рых трудно помыслить вне к.-н. церковного возглавления. Повторяемые иногда по сей день гипотезы об основании Киевской митрополии в 1037/38 г. (под этим годом в ПВЛ сообщается о заложении кафедрального митрополичьего *Софий Св. собора* в Киеве) (А. А. Шахматов) и о подчиненности Русской Церкви до той поры болг. *Охридской архиепископии* (М. Д. Присёлков) можно считать опровергнутыми (Л. Мюллер).

Митрополиты домонгольского времени. Вопросы о личности 1-го Киевского митрополита (Феофиллакт?), о происхождении традиции (фиксируемой с крайней мере с XIV в.), связывающей Крещение Руси при кн. Владимире с именами митр. свт. *Михаила* (это мнение официально утвердилось в Русской Церкви с XVI в.) или *Леонтия*, наконец, о предшественниках митр. *Феофемпта* (рубеж 30-х и 40-х гг. XI в.) на Киевской кафедре остаются открытыми. Поскольку митр. *Иоанн I*, автор 1-й службы святым Борису и Глебу, был, вероятно всего, не предшественником (как считалось), а преемником Феофемпта, не исключено, что печать «Иоанна, митрополита России», к-рая по сфрагистическим признакам датируется кон. X — нач. XI в. (*Laurent V. Le corpus des sceaux de l'Empire Byzantin. P., 1963. T. 5. Pt. 1. N 781*), принадлежит не Иоанну I, а неизвестному по др. источникам Киевскому митр. Иоанну, современнику кн. Владимира. Наиболее ранним, точно датированным упоминанием о митрополите в Киеве является сообщение об анонимном «архиепископе того града» («archiepiscopus illius civitatis») в хронике *Титмара* Мерзебургского († 1018) при описании вступления в Киев войск польск. кн. *Болеслава I Храброго* и киевского кн. *Святополка Владимировича* (Святополка Окаянного) в авг. 1018 г. (*Die Chronik des Bischofs Thietmar von Merseburg und ihre Korveier Überarbeitung. VIII 32 / Hrsg. R. Holtzmann. B., 1935. S. 531 (MGH. Script. Rer. Germ. NS; 9)*).

Титул Киевских митрополитов, как и название митрополии, со временем менялся. В грекоязычных источниках с начала и до сер. XII в. встречаются только «μητροπολίτης Ῥωσίας». Таковы, напр., легенды пе-

Собор Св. Софии в Киеве.
Ок. 1037 г.;
рубеж XVII и XVIII вв.
Фотография. 2008 г.

чатей XI в. митрополитов Феопемпта, *Ефрема* и др. Существование во 2-й пол. XI и, может быть, нач. XII в. Киевской митрополии с временными митрополиями в Чернигове и Переяславле (Переяславе) не отразилось на титулатуре Киевских митрополитов, судя по печатям *Георгия*, *Иоанна II*, *Иоанна III* и *Николая* (*Янин*. 1970. № 43–45; *Янин*, *Гайдуков*. 1998. № 43а–б). В славяноязычных текстах, как переводных, так и оригинальных, претендующих на официальность, титулатура часто калькирует греческую: «митропо-

λίτης πάσης Ῥωσίας») (*Янин*. 1970. № 51). Можно предположить, что введение такого определения в титул подчеркивало целостность Киевской митрополии после урегулирования вопроса о Владимирской митрополии, планировавшейся кн. св. *Андреем Юрьевичем* Боголюбским в 60-х гг. XII в. Не последовательно, а лишь эпизодически оно фик-

сируется и позднее, в т. ч. и в русскоязычных текстах, напр., в послании болгарского деспота *Иакова Святослава* к митр. *Кириллу II* от 1262/70 г.:

«Архиепископу *Кирилу* преславнаго града *Кыева*, учителю же всея *Руси*» и «освященный архиепископе всея *Руския* земля» (*Щапов Я. Н.* Византийское и южнославянское правовое наследие на Руси в XI–XIII вв. М., 1978. С. 141). Относительно стабильным элементом митрополичьей титулатуры формула «всея Руси» с частым, хотя и не неизменным присовокуплением определения «Киевский» становится в XIV в., в пору постоянно возобновлявшихся разделений митрополии. Так, в документах 1347 г. митр. *Феогност* именуется «ιερώτατε μητροπολίτης Κυύεβου, υπέρτιμος και ἔξαρχος πάσης Ῥωσίας», т. е. «преосвященный митрополит

Интерьер собора Св. Софии.
Главный алтарь. Ок. 1037 г.
Фотография. 2013 г.

Киевский, пречестной экзарх всея Руси» (ПДРКП. Прил. Стб. 13, 17, 21 и др.). Вместе с тем не выходит из употребления и пер-

воначальный упрощенный вариант. В патриаршей грамоте *Феогнosta* от 1339 г. читается обращение: «ιερώτατος μητροπολίτα Ῥωσίας και υπέρτιμ» («преосвященный митрополит Руси и пречестной») (Там же. Стб. 11). Перемену в канцелярской терминологии редактор-составитель к-польской *notitiae* 20 (нач. XV в.)

резюмировал так: «Ὁ δὲ Ῥωσίας μητροπολίτης γράφεται Κυύεβου και πάσης Ῥωσίας» («А митрополит Руси пишется митрополитом Киевским и всея Руси») (*Darrouzès*. *Notitiae*. P. 418). В качестве наименования Киевской митрополии наряду с официальным «ἁγιωτάτη μητρόπολις Κυύεβου και πάσις Ῥωσίας» («святейшая митрополия Киевская и всея Руси») (ПДРКП. Стб. 200; Прил. Стб. 14, 17, 19 и др.) в употреблении патриаршей канцелярии был также и др. вариант. Перечень епископий Киевской митрополии времен имп. *Мануила I* возглавлен: «τῇ Μεγάλῃ Ῥωσίᾳ» — «[митрополии] Великой Руси [подчиняются]» (*Darrouzès*. *Notitiae*. P. 367). Это свидетельство 70-х гг. XII в. получает продолжение в к-польской терминологии XIV в., когда хороним «Великая Русь» упоминается многократно и, как правило, уже в связке с термином «Малая Русь» («ἡ Μικρὰ Ῥωσία»), к-рый служил для обозначения Галицко-Волынской митрополии: митрополии «Галича [или] Малой Руси» («τῆς Γαλιτζῆς τῆς Μικρὰ Ῥωσίας») (*Ibid*. P. 403. Append. 2, 3). Следует, однако, подчеркнуть, что термин «ἡ Μεγάλῃ Ῥωσίᾳ» фиксируется много раньше термина «ἡ Μικρὰ Ῥωσία» и независимо от последнего. «Великая Русь» упоминается уже у визант. канониста *Нила Доксопатра* в соч. «О порядке патриарших престолов» 1142/43 г.: «Ἀλλὰ και εἰς τὴν Μεγάλῃν Ῥωσίᾳν ἀπὸ τοῦ πατριάρχου Κωνσταντινουπόλεως στέλλεται μητροπολίτης» («Но также и в Великую Русь митрополита посылает патриарх Константинопольский») (PG. 132. Col. 1105). Необходимо отметить, что научного издания труда *Нила Доксопатра* до сих пор нет, так что вопрос требует дальнейших исследований.

Согласно обычаю К-польской Церкви, к X в. уже безраздельно господствовавшему, право избрания, назначения и рукоположения митрополитов принадлежало императору и патриарху с его постоянным Синодом. Все Киевские митрополиты домонг. времени были греками, кроме поставленного в 1051 г. свт. *Илариона*: он не только был русским по происхождению, но и рукоположен Собором епископов Киевской митрополии. Поставление состоялось вскоре после заключения в 1045/46 г. Русско-визант. мира и могло быть санкционировано визант. стороной в виде исключения, в качестве уступки

киевскому князю. Внешне аналогичное поставление в 1147 г. Собором древнерус. архиереев митр. *Климента Смолятича*, совершенное под давлением киевского кн. *Изяслава (Пантелеимона) Мстиславича*, сопровождалось отказом Климента получить, пусть и задним числом, благословение патриарха. Причины таких действий Изяслава и Климента неясны, зато ясно, что они означали канонический разрыв — попытку вывести

(σύγκελλος), предполагавшее для того времени членство в имп. сенате. Можно усмотреть придворное звание также в титуле «протопроедр» (протопроедрος — на печати митр. Ефрема, предшественника Георгия), хотя не исключено, что мы имеем дело всего лишь с риторическим усилением обычного «проедр» (проедрος), служившего синонимом терминов «епископ, архиерей», к-рые встречаются на печатах др. Киевских митрополитов XI–XII вв. (Николая, Кон-

Поставление свт. Илариона митрополитом в соборе Св. Софии. Миниатюра из Радзивилловской летописи. Кон. XV в. (БАН. 34.5.30. Л. 90)

стантина I). В то же время не подлежит сомнению, что выбор кандида-

та на Киевскую кафедру производился в К-поле, как правило, весьма тщательно, так что в ряду русских митрополитов-греков было немало выдающихся церковных деятелей (Иоанн II, Никифор I, Фотий). Древнерус. летописи и др. источники сохранили скудные сведения о деятельности митрополитов домонг. времени. В текстах XI в. даже не всегда фиксируются перемены на митрополичьей кафедре. Как правило, в этих записях говорится либо об освящении митрополитом храма, либо о поставлении настоятеля к.-л. мон-ря, либо об участии митрополита в ином крупном событии церковной жизни. Одно из таких сообщений в «Чтении о Борисе и Глебе» прп. *Нестора* характеризует митрополита как организатора церковной жизни. По его инициативе был построен храм над останками святых и учрежден праздник в их честь. Митрополит «постави попы и диаконы» для храма и выделил из них «старейшину». Интересное свидетельство о пастырской деятельности сохранилось в летописном некрологе митр. Иоанна II (1089): «муж хитр книгам и ученью... книгами святыми утешая печальныя».

Хиротонии священников, диаконов и поставление настоятелей монастырей в митрополичьей области были прерогативой митрополита. Когда в сер. XII в. кафедры лишился митр. Климент Смолятич,

занимавший ее без благословения К-польского патриарха, были отменены все его «ставления», духовных лиц вторично посвящали в сан, и они должны были давать «рукописание» с осуждением Климента. При назначении настоятелей мон-рей митрополит должен был считаться с желаниями их княжеских патронов. Главные киевские монастыри в XII в. были под патронатом отдельных ветвей княжеского рода, в них находились родовые усыпальницы. Однако митрополит обладал над настоятелями реальной властью. После убийства в Киеве св. кн. *Игоря (Георгия) Ольговича* митрополит послал для совершения похорон «игумена Онанью святого Федора». Когда печерский игум. *Поликарп* не последовал указаниям митрополита относительно поста по средам и пятницам в «Господские праздники», митрополит, по свидетельству Лаврентьевской летописи, его «запретил», хотя Поликарп был весьма влиятельным лицом, близким к киевскому кн. Ростиславу Мстиславичу.

Высшие духовные лица во главе с митрополитом в летописных текстах обозначаются формулой «митрополит и вси игумени». Обычно такая формула употребляется при описании торжественной встречи князя, а также при характеристике иных ситуаций. Так, «митрополит и игумени» добились в 1101 г. от киевского кн. Святополка Изяславича помилования кн. Ярослава Ярополчича и приняли его присягу у гробниц святых Бориса и Глеба. В сер. XII в. они выступили против выдачи кн. Ивана Берладника его двоюродному брату галицкому кн. Ярославу Владимировичу, и их требование было удовлетворено.

Для митрополичьей кафедры в XI–XII вв., как и для других епископств, главным источником содержания была десятина от разных видов княжеских доходов (так же, вероятно, снабжались первоначально храмы и первые мон-ри). Даже скудные летописные свидетельства показывают, что в XII в. церковные учреждения на территории митрополичьей области становились землевладельцами. Так, сохранились сведения о крупных вкладах кн. Ярополка Изяславича и его дочери в Киево-Печерский монастырь (см. ст. *Киево-Печерская лавра*): дочь, скончавшаяся в 1158 г., дала вкладом по завещанию «5 сел и с че-

занимавший ее без благословения К-польского патриарха, были отменены все его «ставления», духовных лиц вторично посвящали в сан, и они должны были давать «рукописание» с осуждением Климента. При назначении настоятелей мон-рей митрополит должен был считаться с желаниями их княжеских патронов. Главные киевские монастыри в XII в. были под патронатом отдельных ветвей княжеского рода, в них находились родовые усыпальницы. Однако митрополит обладал над настоятелями реальной властью. После убийства в Киеве св. кн. *Игоря (Георгия) Ольговича* митрополит послал для совершения похорон «игумена Онанью святого Федора». Когда печерский игум. *Поликарп* не последовал указаниям митрополита относительно поста по средам и пятницам в «Господские праздники», митрополит, по свидетельству Лаврентьевской летописи, его «запретил», хотя Поликарп был весьма влиятельным лицом, близким к киевскому кн. Ростиславу Мстиславичу.

Высшие духовные лица во главе с митрополитом в летописных текстах обозначаются формулой «митрополит и вси игумени». Обычно такая формула употребляется при описании торжественной встречи князя, а также при характеристике иных ситуаций. Так, «митрополит и игумени» добились в 1101 г. от киевского кн. Святополка Изяславича помилования кн. Ярослава Ярополчича и приняли его присягу у гробниц святых Бориса и Глеба. В сер. XII в. они выступили против выдачи кн. Ивана Берладника его двоюродному брату галицкому кн. Ярославу Владимировичу, и их требование было удовлетворено.

Для митрополичьей кафедры в XI–XII вв., как и для других епископств, главным источником содержания была десятина от разных видов княжеских доходов (так же, вероятно, снабжались первоначально храмы и первые мон-ри). Даже скудные летописные свидетельства показывают, что в XII в. церковные учреждения на территории митрополичьей области становились землевладельцами. Так, сохранились сведения о крупных вкладах кн. Ярополка Изяславича и его дочери в Киево-Печерский монастырь (см. ст. *Киево-Печерская лавра*): дочь, скончавшаяся в 1158 г., дала вкладом по завещанию «5 сел и с че-

лядью». В рассказах о войне с половцами в нач. 70-х гг. XII в. упоминаются град Полонный (Полоное) и «волости», принадлежавшие Десятиной ц. Киева; вероятно, в XII в.

мира или Ярослава имелись княжеские столы, замещавшиеся сыновьями киевского князя (исключениями являются Белгород и Юрьев, к-рые до сер. XII в. собственных столов не имели, находясь под управлением непосред-

Ансамбль
Киево-Печерского мон-ря
в XI–XII вв.
Реконструкция В. И. Масика,
А. В. Масика.
Панно. 1974–1975 гг.
(НКПИКЗ)

появились земельные владения и у митрополичьей кафедры, но никакими сведениями на этот счет исследователи не располагают.

Территория К. е. Формирование особой митрополичьей области завершилось не позднее 70–80-х гг. XI в., когда сложилась основная сеть епископств (епархии XII в. выделялись из состава уже существовавших диоцезов). Костяк епархиальной структуры Киевской митрополии должен был сформироваться в течение полувека после Крещения Руси. Поскольку кафедры основывались в таких удаленных от Киева центрах, как Новгород, Полоцк, Владимир-Волынский и Ростов, это свидетельствует, что первые епископии открывались с целью обеспечить архиерейское окормление более или менее равномерно всем областям огромной державы. К моменту организации Киевской кафедры должно быть приурочено создание не только Новгородской и Белгородской, но, как минимум, также Черниговской и, вероятно, Полоцкой епископий. Наличие под властью Киевского митрополита архиепископов (Новгородского, позднее Ростовского, Суздальского) — специфическая черта древнерус. Церкви по сравнению с др. митрополиями К-польского Патриархата, в котором архиепископства существовали, но были автокефальными, т. е. отличались именно тем, что были изъяты из системы митрополичьих округов, подчиняясь непосредственно патриархии. Причины появления в Киевской митрополии такого рода архиепископов не совсем понятны. Наиболее ранние древнерус. кафедры располагались в тех городских центрах, где уже со времен Влади-

ственно Киева, но были центрами епархий). Следов., на Руси, как и в Византии, с самого начала имело место совпадение границ епархий с политико-адм. пределами городских волостей, как то и предполагалось 17-м прав. IV Вселенского (Халкидонского) Собора.

На территории Киевской волости помещались 3 епархии — митрополичья К. е., Белгородская и прибавившаяся к ним позднее, но еще в XI в., видимо, в миссионерских целях Юрьевская (Каневская). Юрьевское еп-ство охватывало территорию бассейна р. Рось, территория Белгородского еп-ства не определяется. Исследователи справедливо отметили отличие этих 2 кафедр от др. епархий, территория к-рых совпадала, как правило, с территорией волости. Отсюда предположения о каком-то особом статусе их кафедр, их подчинении митрополиту, не раз высказывалась мысль об особом положении Белгородских епископов как викарных, помогавших митрополитам в управлении митрополичьей областью и замещавших их во время их отсутствия. Такое положение Белгородской кафедры среди древнерус. епископий могло объясняться ее географической близостью к Киеву. Данная гипотеза вполне вероятна, хотя прямых указаний на это в источниках нет.

Сложен вопрос о сев. части митрополичьей области. Территория совр. Зап. Белоруссии с центром в Гродно составляла особое княжество, связанное в 1-й пол. XII в. не с Полоцкой землей, а с Киевом. Поэтому, возможно, уже в домонг. время эта территория входила в состав митрополичьей области. Неясно, каково было положение дел к сер. XIII в., когда эти земли были заняты литов-

князьями-язычниками, затем, судя по всему, они вошли в созданную при Гедимине *Литовскую митрополию*. Ок. 1330 г. она, по-видимому, перестала существовать, и эти территории присоединились к митрополичьей области; юрисдикция Киевских митрополитов как епархиальных архиереев распространялась и на православных в самой Литве. Впрочем, возможно, что западнорус. земли в домонг. время входили в Туровскую епархию (учитывая принадлежность тогда Турова Киеву), были отделены от нее при создании Литовской митрополии, после упразднения к-рой Киевские митрополиты не вернули эти земли Туровским епископам, а оставили за собой.

К. е. в сер. XIII — сер. XV в. Перемещение центра Киевской митрополии в Сев.-Вост. Русь. Положение К. е. принципиально изменилось во 2-й пол. XIII в., когда резиденция общерус. митрополита переместилась из Киева в Сев.-Вост. Русь. После разгрома Киева монголами в дек. 1240 г. и исчезновения митр. Иосифа Киевская кафедра некоторое время оставалась вакантной. Ок. 1246 г. митрополитом был поставлен свт. Кирилл II, кандидат галицко-волынского кн. Даниила Романовича. Свт. Кирилл прибыл из Никеи в Киев ранее 1250 г. Вскоре он оставил разоренный татарами город (в Киеве были разрушены Софийский собор, Десятинная ц., Печерский мон-рь) и в 1250 г. переселился во Владимир-на-Клязьме, откуда предпринимал поездки по епархиям митрополии. В 1274 г. он вернулся в Киев, в 1281 г. отправился в Сев. Русь, 6 дек. скончался в Переяславле, погребен в киевском Софийском соборе. В 1283 г. Киевскую кафедру занял грек митр. Максим. Вскоре после прибытия на кафедру он отправился в Орду за ярлыком, в 1284 г. вернулся в Киев. В 1299 г. митр. Максим переселился в столицу Сев.-Вост. Руси Владимир-на-Клязьме «с крылосом и со всем житием своим», т. е. взяв с собой кафедральный причт и администрацию, а Владимирская епархия (см. *Владимирская и Суздальская епархия*) вошла вместе с Киевской в состав митрополичьей области. В качестве оправдания переезда были выдвинуты «насилие от татар в Киеве», так что «весь Киев разыдеся» (ПСРЛ. Т. 10. С. 172).

Тот факт, что новый митр. св. Петр (1308–1326) — уроженец Волыни — оставил своей резиденцией Владимир-на-Клязьме (в конце жизни поселился в Москве), говорит об объективном и необратимом характере происшедших перемен. Москва стала местопребыванием преемника свт. Петра — грека митр. Феогноста, неоднократно посещавшего юго-западнорусские части Киевской митрополии. Перед кончиной свт. Феогност добился от К-поля согласия после своей смерти поставить на митрополию свт. Алексия, что и совершилось в июне 1354 г. Перед своим отъездом из К-поля свт. Алексей получил от патриарха Филофея утверждение перемещения кафедры Киевского митрополита из Киева в Сев. Русь (Владимир-на-Клязьме). Патриарх закрепил за Киевским митрополитом управление Владимирской епархией, Киев должен был числиться «собственным престолом и первым седалищем архиерейским, а после него и вместе с ним святейшая епископия Владимирская была бы вторым седалищем и местом постоянного пребывания и упокоения» митрополитов (ПДРКП. Прил. Стб. 67–70).

После перемещения церковного центра на северо-восток Киевские митрополиты приезжали на южные земли митрополии. По свидетельству древнейшего Жития митр. Петра, этот святитель посетил «Волынскую землю и Киевскую...» (Макарий. История РЦ. Кн. 3. С. 415). Митр. Феогност, путешествуя по Юго-Зап. Руси в 1329–1331 гг., неск. месяцев провел в Киеве; святитель вновь побывал в волынских епархиях в 1347 г. Митр. Алексей приехал в Киев в янв. 1359 г. и ок. 1360 г. был арестован по приказу Литовского вел. кн. Ольгерда. Митрополиту удалось бежать, и он вернулся в Москву. После этого последовал разрыв отношений между главой Рус. Церкви и литов. правителем, к-рый сопровождался расстройством церковной жизни и управления в правосл. литов. епархиях. Впосл. Ольгерд неоднократно жаловался в К-поль на то, что митр. Алексей не посещает ни Киев, ни епархии в Великом княжестве Литовском.

Положение улучшилось после поставления в 1375 г. митр. св. Киприана, жившего в Киеве в 1376–1390 гг. (с перерывами). В 1396 г. и 1404–1405 гг. он приезжал в Киев уже в

качестве общерусского митрополита. Очевидно, свт. Киприан во 2-й пол. 70-х гг. сумел установить связи и с духовенством восстановленной в 1371 г. Галицкой митрополии. Поставленный на Киевскую кафедру в 1408 г., свт. Фотий провел в Киеве осень и зиму 1409/10 г., в марте 1410 г. уехал в Москву, митрополит вновь посетил литовские епархии в 1411–1412, 1420 г. Фотий неоднократно обращался с наставлениями к братии Киево-Печерского мон-ря.

В 1448 г. Собор рус. епископов в Москве возвел на Киевскую кафедру св. Иону, в 1451 г. его архипастырскую власть над правосл. епархиями в пределах Великого княжества Литовского признал польск. кор. и Литовский вел. кн. Казимир IV Ягеллончик. В том же году свт. Иона посетил литов. епархии, побывал в Киеве; до 1456 г. митр. Иона, по его свидетельству, неоднократно приезжал в Киев («бывал паки есмь неоднова тамо управления ради святыя Церкви» — цит. по: Там же. Кн. 4. Ч. 1. С. 536).

Попытки разделения митрополии в XIV — сер. XV в. Перемещение резиденции общерус. митрополитов из Киева во Владимир-на-Клязьме, затем в Москву делало их одиозными в глазах правителей, под властью к-рых находились зап. земли Руси, т. е. галицких князей, Литовских вел. князей и польск. королей. В 1302/03 или 1304/05 гг. имп. Андроник II Палеолог и патриарх Афанасий I учредили митрополию в Галиче с подчинением ей епископий Галицко-Волынской Руси (Владимири-Волынской, Перемышльской, Луцкой, Холмской), а также епископии Туровской земли, политически зависевшей от Галича. Инициативу этого шага следует приписать галицко-волынскому кн. Юрию (Георгию) Львовичу. Митрополия была упразднена при поставлении митр. св. Петра в 1308 г. В 30-х гг. XIV в., при митр. св. Феогносте, митрополия в Галиче бывала восстанавливаема по меньшей мере дважды: несколько ранее апр. 1331 г. (вероятно, после смерти митр. Петра) и при патриархе Иоанне XIV Калеке (1334–1347) — следов., по требованию последнего галицко-волынского кн. Юрия (Болеслава) Тройденовича (ок. 1325–1340). В 1347 г., когда гражданская смута в Византии завершилась приходом к власти имп. Иоанна VI Кантакузина, эта митрополия оказалась окончательно упразднена в резуль-

тате усилий митр. Феогноста и московского кн. и вел. кн. Владимирского Симеона Иоанновича Гордого, к-рым некому было противостоять в Галицко-Волынской Руси, потерявшей в 40-х гг. XIV в. независимость и раздираемой между Польшей и Великим княжеством Литовским.

Немного спустя после учреждения Галицкой митрополии тот же имп. Андроник II при патриархе Иоанне XIII Глике (1315–1319) открыл еще и Литовскую митрополию; безусловно, это случилось вскоре по вокняжении в Литве вел. кн. Гедимина (1315–1340/41), но не позднее авг. 1317 г., когда архиерей «Литвы» (ὁ Λιθβάδων) упомянут среди митрополитов — участников Собора в К-поле (Miklosich, Müller. Т. 1. Р. 72). В последний раз (до восстановления кафедры в сер. XIV в.) Литовский митрополит (ὁ Λιθβών) назван в источниках под 1329 г. (Ibid. Р. 147). Хотя структура Литовской митрополии 1-й трети XIV в. по источникам того времени неизвестна, но, судя по данным сер. XIV в., митрополичья кафедра находилась в Новгороде (ныне Новогрудок, Белоруссия), имея в подчинении, как минимум, Полоцкую кафедру. По видимому, кафедра получила от Литовского вел. князя десятину и земельные владения, перешедшие после упразднения Литовской митрополии Киевскому митрополиту.

Итак, положение дел было таково, что политически мотивированные требования об отдельной митрополии для западнорус. земель должны были возбуждаться едва ли не всякий раз при замещении Киевской кафедры. Действительно, практически одновременно с поставлением на митрополию свт. Алексия в 1354 г. в К-поле удовлетворили настоятельное желание вел. кн. Литовского Ольгерда (1345–1377), возобновив в 1355 г. Литовскую митрополию во главе с митр. Романом, чья кафедра разместились в Новгороде (в летописи сообщается, что Роман пробовал обосноваться в Киеве «и не прияша его княне» (ПСРЛ. Т. 17. Стб. 34); несмотря на это, Литовский митрополит приезжал в Киев, совершал здесь богослужения и хиротонии). Роман и его покровители (митрополит был свояком вел. князя) претендовали на Киевскую митрополичью область, к-рой фактически Роман и овладел, Брянско-Черниговскую и даже Тверскую епархии,

надеясь стать во главе общерус. митрополии с центром в Великом княжестве Литовском. Ради умиротворения его в К-поле приговорили, чтобы к 2 литов. епископиям Романа, Полоцкой и Туровской, присоединить все галицко-волынские кафедры. Это разделение упразднилось со смертью Романа в 1361/62 г. решением патриарха *Каллиста I*, к-рое было подтверждено и патриархом Филофеем Коккином немедленно по вторичном его вступлении на престол в 1364 г. (Возможно, попыткой возобновить Литовскую митрополию была хиротония на Киевскую кафедру в 1352 Болг. патриархом в Тырнове инока Феодорита. Поставление Феодорита было осуждено в К-поле, но ему удалось в продолжение по крайней мере 2 лет управлять церковными делами в Киеве.) При этом патриарх Филофей снова открыл Галицкую митрополию из внимания к угрозам польск. кор. *Казимира III Великого* (1333–1370) в случае отказа от создания кафедры принудить подвластных ему православных к переходу в католичество. Этот акт ставит ряд вопросов. В пределы возобновленной Галицкой митрополии входили, согласно грамоте патриаршего Собора (май 1371), Холмская, Туровская, Перемышльская и Владимирская (на Волыни) епархии, а согласно патриаршему посланию к митр. Алексию — только Владимирская, Перемышльская и Холмская, «которые находятся под властью ляхского короля: больше мы ему ничего не дали, ни Луцка, ни другой какой [епископии]» (ПДРКП. Прил. Стб. 145–146). Очевидно, границы учитывали территориальные приобретения Казимира III по литовско-польскому договору 1366 г. (Холм, Владимир) и присоединение к ним еще и Турова остается непонятным. Далее, восстанавливая митрополию в Галиче в мае 1371 г., в К-поле вряд ли могли не знать о смерти Казимира, случившейся полугодом ранее, и тем не менее не воспользовались этим обстоятельством для отмены вынужденного шага. Приходится думать, что положение епархий на крайнем юго-западе Киевской митрополии было действительно отчаянным, поскольку вследствие невозможности (в т. ч. и по политическим причинам) их регулярной связи с митрополичьим центром к 1371 г. неск. кафедр пустовали и для их замещения патриарх

Филофей был вынужден адресовать новопоставленного Галицкого митр. Антония к митрополиту Угро-Влахийскому. Вместе с тем возобновление Галицкой митрополии представлялось к-польскому священноначалию мерой временной, «пока не прекратятся там происходящие теперь брани (польско-литовская война за галицко-волынские земли возобновилась в 1368/69. — *Авт.*) и не настанет мир и конец соблазнам» (Там же. Стб. 131–132).

О том же говорят и аналогичные события, развернувшиеся вокруг Литовской митрополии. В 1371 г., несколько позже послания Казимира III, в К-поле было получено требование вел. кн. Ольгерда дать особого митрополита «на Киев, Смоленск, Тверь, Малую Русь (вероятно, литовскую ее часть, включавшую к тому времени снова кроме Луцка также Владимир и Холм. — *Авт.*), Новосиль, Нижний Новгород» (Там же. Стб. 139–140), т. е. на земли, не только находившиеся в составе Великого княжества Литовского, но и союзные с ним. Патриарх Филофей поначалу ответил дипломатическими попытками примирить митр. Алексию с Ольгердом и тверским кн. *Михаилом Александровичем*, но в 1375 г. все же поставил для Киева и Литвы митр. св. Киприана. И снова это решение выглядело как «дело неотложной нужды» — временный компромисс с тем условием, чтобы по смерти митр. Алексия Киприан стал бы его преемником на кафедре нераздельной митрополии. Это действие в дальнейшем повело к смуте в Киевской митрополии, когда после кончины свт. Алексия (1378) на митрополию был возведен *Пимен* (1380), хотя сам по себе конфликт между 2 митрополитами в принципе не ставил под вопрос единства Рус. Церкви.

Соборный акт от февр. 1389 г., подтвердивший при патриархе *Антонии IV* низложение Пимена, уже совершенное предшественником Антония патриархом *Нилом* в конце своего правления, устанавливал целостность митрополии «всей Руси» во главе с Киприаном (Там же. Стб. 203–206, 223–226), обходя при этом молчанием продолжавшую существовать Галицкую митрополию. После смерти Галицкого митр. Антония в 1391/92 г. патриарх Антоний IV не утвердил его преемника только потому, что присланный польским кор.

Ягайло кандидат оказался подвержен каким-то каноническим обвинениям, в силу чего митрополия управлялась патриаршими наместниками. Между тем митр. Киприан воспринимал область освободившейся Галицкой митрополии как подлежащую юрисдикции Киевского митрополита и даже предпринимал там епископские хиротонии. Был ли урегулирован этот спор в Патриаршестве *Матфея I* (1397–1410), с определенностью сказать нельзя; во всяком случае в 1405 г. митр. Киприан *de facto* руководил Владимирским и Холмским епископами (*Присёлков*. 2003. С. 459).

О митр. св. Фотии известно, что уже в начале правления, в 1412 г., он посещал Галич, и это наряду с отсутствием к-л. сведений о повторных попытках Ягайло добыть митрополита для Галича позволяет предполагать упразднение Галицкой митрополии по меньшей мере при вступлении на престол патриарха *Евфимия III (II)* (1410–1416). В посл. со стороны К-поля попыток разделения последней уже не предпринималось.

Последний эпизод в истории временных разделений общерусской митрополии по своему характеру выпадает из ряда. Вел. кн. Литовский *Витовт* (1392–1430) старался сразу по преставлении свт. Киприана (1406) получить для своих владений отдельного митрополита, прислав в К-поль в качестве кандидата Полоцкого еп. *Феодосия*. Столкнувшись с неоднократным отказом Патриархии, он созвал в Новгороде Собор епископов, к-рый 15 нояб. 1415 г. без санкции К-поля поставил «митрополитом Киевским и всея Руси» *Григория Цамблака* (ПДРКП. Стб. 309–314). Судя по составу Собора, митрополия Григория обнимала епархии на территории не только Витовта, но и Ягайло, поскольку наряду с литов. епископами Полоцка, Чернигова, Луцка, Владимира, Смоленска, Турова участниками были также архиереи из Перемышля и Холма, лежавших на территории Польского королевства. Григорий попытался расширить свой диоцез за счет великорус. епархий. В послании вел. кн. Тверскому Иоанну Михайловичу 1415 г., имевшем характер окружного (ГИМ. Муз. № 1209. Л. 226–227), Григорий титулуется себя «митрополитом Киевским и всея Руси», извещает адресата о своем избрании

и обязанности молиться за него. В 1414 г. Григорий «от Святейшаго Вселенскаго Патриарха Евфимия и от Божественного и священнаго збора извержен бысть из сану и проклят» за желание при жизни свт. Фотия занять митрополичий стол (РФА. 1987. Вып. 2. № 125. С. 422), но, по всей видимости, Григорий был прощен преемником Евфимия *Исидором II*. Литовско-Польская митрополия с центром в Новгородеке упразднена со смертью ее предстоятеля в 1419/20 г.

Окончательное разделение Киевской митрополии связано в первую очередь с деятельностью митр. *Исидора*, поставленного главой Русской Церкви в 1436 г., принявшего унию (см. *Ферраро-Флорентийский Собор*) в 1439 г. и вслед этого изгнанного из Москвы в 1441 г. В 1458 г. по согласованию с папой *Каллистом III* униат. К-польский патриарх *Григорий III Мамма* принял решение о выделении из Киевской митрополии особой митрополии — «Киевской, Литовской и всея Руси», охватывающей епархии на территории Великого княжества Литовского и Польши. 15 окт. 1458 г. в Риме Григорий Мамма поставил на эту кафедру *Григория*, ученика Исидора. В пользу Григория Исидор отказался от своих прав на польско-литов. часть Киевской митрополии, в янв. 1459 г. он отказался в пользу Григория и от своих прав на московскую часть митрополии. В 1467 г. Григорий перешел в юрисдикцию правосл. К-польского патриарха *Дионисия I*, этот поступок, по-видимому, был вызван позицией правосл. населения Великого княжества Литовского и Польского королевства. Патриарх Дионисий признал за Григорием титул «митрополит Киевский и всея Руси», так же титуловали себя и преемники Григория (с 1509 западнорус. митрополиты имели титул «Киевские и Галицкие», чтобы подчеркнуть свою власть над Галицкой епархией, где грамотой 1509 г. кор. Сигизмунда I управление правосл. духовенством было предоставлено Львовскому католич. епископу). В Москве западнорус. первоиерархов именовали «Киевскими митрополитами», живших в Сев. Руси митрополитов (возглавлявших автокефальную митрополию с центром в Москве) титуловали «митрополитами всея Руси».

Резиденцией западнорус. митрополитов с 1460 г., когда Григорий

прибыл в Великое княжество Литовское, являлся Новгородок, местопребывание Киевских митрополитов не изменилось и после принятия Михаилом (Рагозой) в 1596 г. унии. После 1497 и до 1591 г. западнорус. митрополиты не посещали Киев.

Территория К. е. и владения митрополитов. В XIII в. к К. е. присоединились территории упраздненных Белгородской (под Киевом) и Юрьевской (на р. Рось) епархий. После падения улуса Ногай (1300) в состав Киевской земли вошли обширные территории на левом берегу Днепра, включая Переяславль и Посемье. К посл. четв. XIV в. можно говорить о появлении правосл. населения в ранее языческой Литве, территория которой стала частью митрополичьей епархии: упоминается храм Св. Троицы в Вильно, православные здесь получили св. покровителей в лице канонизированных при участии митр. Киприана Литовских мучеников *Антония*, *Иоанна* и *Евстафия*. К сер. XV в. митрополичью епархию, по-видимому, составляли земли, из к-рых в XV–XVI вв. были образованы воеводства: Киевское, Виленское, Троцкое, Новогрудское. В XV в. была закрыта правосл. Галицкая кафедра, с того времени Галицкая епархия также состояла под управлением Киевских митрополитов.

Владения митрополитов находились как в киевской, так и в белорусско-литов. частях К. е., с них в пользу митрополичьей кафедры собиралась десятина. В послании 1378 г. к преподобным *Сергию* Радонежскому и *Феодору* Симоновскому свт. Киприан писал о том, что он вернул митрополии «села софийская», к-рые захватили князья и бояре, также вернул «Новый городок литовский... десятину доспел же к митрополии и села». Действия митр. Киприана, по-видимому, дали возможность Новогородку в посл. стать резиденцией западнорус. Киевских митрополитов. Владения в белорусско-литов. части увеличились при митр. Фотии: в своем завещании он просил сохранить то, что ему «пришло... в Литовьской земли» (ПСРЛ. Т. 6. Вып. 2. Стб. 62). Возможно, при святителях Киприане и Фотии под управление митрополита перешел *гродненский Коложский во имя мучеников Бориса и Глеба муж. мон-рь* (в 1506 митр. *Иона II* передал обитель в потомственное «по-

давань» королевскому писарю Богушу Боговитиновичу и отказался за себя и своих преемников от всех доходов, собиравшихся в митрополичью казну с мон-ря).

В XV в. митрополичья кафедра имела значительные владения в Киевской земле. Одним из древнейших имений близ Киева была Гнилецкая земля с урочищами Глушец, Калиновщина, Кальным лугом и Куликовским селищем. Севернее и западнее Киева располагались имения по р. Ирпень: села Бышев, Княжичи (в сер. XV в. запустело, в 1489 передано Пустынскому мон-рю) и Демидово (в сер. XV в. отнято у кафедры, передано частному владельцу), по р. Здвиж: земли на территории позднейших сел Бородянка, Забуянье, Филимоновщина. Многочисленными были митрополичьи села в Полесье — в Житомирском и Овручском поветах — в бассейнах рек Уж (Уш, Уша) и Тетерев (Хабное, Тарасы, Мартыновичи, Стечанка, Нежиловичи, Мигалки, Унин, Зарудье, Торчин, Межиречка и др.). В «Записи о денежных и медовых данях, взимаемых с киевской Софийской митрополичьей отчины» 1-й пол. XV в. перечислено более 30 сел, находившихся вблизи этих рек (АЗР. Т. 1. № 26. С. 37–38). Почти все они были приобретены кафедрой ранее XV в., многие были утрачены в следующем столетии: перешли в частное владение или разорены (см. ниже). Кроме сел в источниках упоминаются принадлежавшие Киевскому митрополиту многочисленные острова и озера.

В грамоте, выданной киевским кн. Александром (Олелько) Владимировичем митр. Исидору 3 февр. 1441 г., содержатся сведения о доходах митрополичьей кафедры и ее обязательствах по отношению к местной княжеской власти. Князь подтверждал права кафедры на земли, принадлежавшие ей «издавна», и на недавние вклады князей и бояр — волости, села, озера и борти «с всеми пошлинами». В пользу митрополита должны были поступать доходы от торговых пошлин в Киеве — половина осмичьего (налога, взимавшегося при взвешивании сыпучих тел) и «мыто конское». Все церковные земли и пошлыны в отсутствие митрополита передавались в ведение его наместника. Митрополичьи люди должны были участвовать в подводной повинности и укреплении городских стен, как это было и ранее. Для решения

споров создавался «смесный» суд светского и митрополичьего судьи (АИ. Т. 1. № 259. С. 488–489). Документ 1470 г. показывает, что последнее установление не соблюдалось. В документе речь идет о земельном споре, продолжавшемся неск. десятилетий, он начался при вел. кн. Витовте, когда интересы «софийских людей» защищал наместник Давид Голобородый, но суд на всех стадиях рассматривали по распоряжению правителей светские судьи (Полехов С. Новые док-ты о Киевской земле XV в. // Сфрагистичний щорічник. К., 2012. Вип. 2. С. 277–278).

Наместники Киевских митрополитов. После переезда общерусских митрополитов во Владимирна-Клязьме управление делами К. е. перешло к митрополичьим наместникам. В поздних летописях при сообщении о переселении митр. Максима в Сев.-Вост. Русь говорится: «Оттоле начаша митрополиты Киевские в Москве жити, а в Киеве токмо наместники бяху» (ПСРЛ. 1841. Т. 3. С. 221 и др.). Местопребыванием наместников был Киев, куда направлялись касающиеся их грамоты. Первые сведения о киевских наместниках общерус. митрополитов относятся к кон. XIV в., первоначально это были исключительно духовные лица, с кон. XV в. среди них стали появляться светские «паны». Возможно, уезжая из Киева в Москву в 1390 г., митр. Киприан поставил своим наместником Фому (Изуфова), старца с *Афона*. В 1396 г. митрополит заменил Фому на этой должности архим. Тимофеем (киевляне обвинили Фому в том, что он отравил литов. правителя Киева кн. Скиргайло на пиру на митрополичьем дворе). В 1404 г. митр. Киприан лишил архим. Тимофея наместничества и отослал его вместе со всеми прислужниками в Москву, на его место был назначен архим. Феодосий, настоятель *московского в честь Преображения Господня мон-ря*. Т. о., наместниками митрополита в Киеве были высокопоставленные духовные лица. Нового наместника назначил свт. Фотий, находившийся в Киеве в 1409–1410 гг. В 1414 г. Литовский вел. кн. Витовт, решивший поставить на митрополичью кафедру Григория Цамблака, приказал переписать все имения кафедр и раздал их «паном своим», наместников митр. Фотия ограбил и выслал в Москву. По-видимому, новый наместник был

назначен митр. Фотием в 1420 г., после примирения с Витовтом. В 1451 г. митр. св. Иона назначил киевским наместником протодиака Михаила, в 1455 г. фиксируется наместник архим. Давид, после него архим. Акакий — лицо особо близкое к митро-

политу (старец из его кельи). Отношения главы Церкви с наместниками не всегда складывались благополучно. Так, требуя от архим. Давида явиться в Москву, митр. Иона угрожал ему отлучением от Церкви.

До сер. XV в. власть митрополитского наместника распространялась не только на киевскую, но и на бело-русско-литов. часть К. е. О «наместничестве» общерус. митрополита подробно говорится в грамоте митр. св. Ионы Михаилу 1451 г.: «Приказал есмь ему держати наместничество свое на Киеве, и в Вилне, и в Новегородке, и в Городне, и по всем градом, и местом, и селом, где ни есть мои митропольские церкви, которые из старины потяглы при моем брате при Фотеи митрополите к тому нашему наместничеству» (АИ. Т. 1. № 48. С. 96). После разделения общерус. митрополии в 1458 г. и устройства резиденции западнорус. Киевского митрополита в Новгороде в ведении киевского наместника осталась только Киевская земля, в Вильно и в др. городах Великого княжества Литовского появились свои наместники.

Полномочия митрополичьих наместников были достаточно широкими. В грамоте свт. Ионы говорится, что им поручалось управление владениями и доходами кафедры и управление духовенством епархии («суды и дела духовна»). По более поздним документам известно о том, что митрополичьи наместники вершили епархиальный суд при участии соборных клирошан. В обязанности наместников входило заботиться об освящении церковей и обес-

печении их антиминомиями, о проверке кандидатов в священники и диаконы, которых следовало направлять для посвящения к архиереям соседних епархий (по мнению В. П. Рыбинского, хиротонии совершали преимущественно Луцкие епископы).

Наместники заведовали кафедральным Софийским собором и Софийским монастырем, участ-

Киевский Софийский мон-рь в кон. XVII в.

План И. Ушакова. 1695 г.

вовали в «смесном» суде светского и митрополичьего судей, принимали участие в комиссиях по разграничению цер-

ковных и монастырских владений, рассматривали споры (преимущественно земельные) с киевскими монастырями, защищали имения Софийской кафедры от посягательств шляхтичей, выполняли поручения митрополита в др. епархиях, участвовали в Соборах.

Ист.: ПСРЛ; Miklosich, Müller. Т. 1; ПДРКП; Абрамович Д. И. Жития святых мучеников Бориса и Глеба и службы им. Пг., 1916; НПЛ; Янин В. Л. Актовые печати Др. Руси X–XV вв. М., 1970. Т. 1: Печати X — нач. XIII в.; Янин В. Л., Гайдуков П. Г. Актовые печати Др. Руси X–XV вв. М., 1998. Т. 3; Darroutzès. Notitia; Присёлков М. Д. Троицкая летопись: Реконструкция текста. СПб., 2002. Лит.: Рыбинский В. П. Киевская митрополичья кафедра с пол. XIII до кон. XVI в. К., 1891; Павлов А. С. О начале Галицкой и Литовской митрополий и о первых тамошних митрополитах по византийским документальным источникам XIV в. М., 1894; Голубинский. История РЦ; Соколов П. П. Русский архиерей из Византии и право его назначения до нач. XV в. К., 1913; Soloviev A. V. Le nom byzantin de la Russie. 'S-Gravenhage, 1957. (Musagetes; 3); Müller L. Zum Problem des hierarchischen Status und der jurisdiktionellen Abhängigkeit der russischen Kirche vor 1039. Köln; Braunsfeld, 1959. (Osteuropa und der deutsche Osten; R. 3. Bd 6); Poppe A. Państwo i kościół na Rusi w XI w. Warsz., 1968. (Rozprawy Uniwersytetu Warszawskiego; 26); idem. The Rise of Christian Russia. L., 1982; Щанов Я. Н. Государство и Церковь Др. Руси X–XIII вв. М., 1989; Плигузов А. И. О титуле «митрополит Киевский и всея Руси» // РФА. 1992. Вып. 5. С. 1034–1042; Макарий. История РЦ. Кн. 2, 3; Присёлков М. Д. Очерки по церковно-полит. истории Киевской Руси X–XII вв. СПб., 2003; Mironowicz A. Kościół Prawosławny w Państwie Piastów i Jagiellonów. Białystok, 2003; Цукерман К. Дуумвираты Ярославичей: К вопросу о митрополиях Чернигова и Переяславля // Дньеслово: Збірка праць на пошану дійсного члена НАНУ П. П. Толочка з нагоди його 70-річчя. К., 2008. С. 40–50; Назаренко А. В. Древняя Русь и славяне: (Ист.-филол. исследования). М., 2009. (ДГВЕ, 2007).

А. В. Назаренко, Б. Н. Флора

К. е. в 1458–1596 гг. Киевская митрополичья епархия была крупнейшим диоцезом Западнорусской митрополии, образовавшейся после поставления в 1458 г. в Риме на Киевскую кафедру униата Григория, который вскоре перешел в юрисдикцию правосл. К-польского патриарха. К. е. имела особый статус архиепископства, по-видимому близкий к статусу католической архиепархии (кафедры, во главе которой стоит архиерей, непосредственно подчиненный главе Церкви), вследствие чего глава Киевской митрополии мог титуловаться как «архиепископ-митрополит». В 1569 г. митр. *Иона III (Протасович)* жаловался вел. князю Литовскому на «панов виленских», хранивших у себя документы на имущество К. е. — «того архиепископства». В нач. 80-х гг. XVI в. в письме галицких мирян к митр. *Онисифору (Девочке)* упоминается «архиепископия Киевская». Митр. *Иосиф II (Солтан)* в грамоте Собору 1509 г. подписался как «архиепископ-митрополит», так же титуловал себя митр. *Иона (Протасович)* в 1569 г. Митр. *Михаил (Рагоза)* под важнейшими документами подписывался: «*Миха(и)ло Ра(г)оза, волею Божею а(р)хиепи(с)коп, митрополи(т) Кие(в)ский, и Галича, и в(с)ея Роси(и), рукою вла(с)ною*» (провозглашение унии на Брестском Соборе 9 окт. 1596).

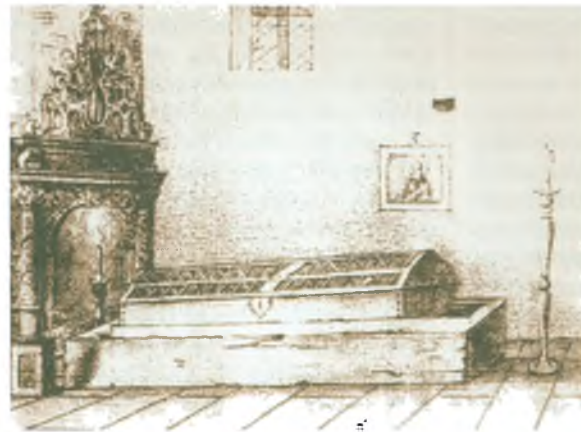
Резиденция предстоятелей Западнорус. Киевской митрополии со времени митр. Григория находилась в Новогородке (Новогрудке) в Литве, кафедральным являлся Борисоглебский собор. После гибели под Мозырем в 1497 г. от рук татар Киевского митр. сщмч. *Макария*, ехавшего в Киев из Литвы, прекратились архипастырские посещения Киева (*Макарий* стал последним из древнерус. Киевских митрополитов, похороненных в Киеве). Кафедральным собором Вильно был Успенский (Пречистенский) храм, собору подчинялись городские церкви Пятницкая и Космодемьянская. Вероятно, в Вильно митрополит рукополагал священников. В городе и в предместьях в нач. XVI в. насчитывалось 12 приходов и церквей, во 2-й половине столетия их число возросло, по некоторым данным до 30. Под властью Киевского митрополита состоял *Виленский во имя Св. Троицы муж. мон-рь*. Др. митрополичьей резиденцией был Минск

Сщмч. *Макарий, митр. Киевский*. Икона на юж. стороне арки царских врат главного иконостаса Софийского собора. XVIII в.

с соборной церковью Рождества Пресв. Богородицы («Святая Пречистая в замке»), в Минске нек-рое время жил митр. *Иона (Глезна)*.

Данные о границах и адм. устройстве К. е. Западнорусской митрополии существуют начиная с XVI в. Митрополичья епархия делилась на 2 части: собственно Киевскую с центром в Киеве и Литовско-Белорусскую с центром в Вильно. По-видимому, власть митрополита распространялась также на Галицкую землю (см. *Галицкая Русь*) и Подолье, когда там

Усыпальница митр. *Макария* в киевском Софийском соборе. Копия XVIII в. с рис. А. ван Вестерфельда. 1651 г.

не было архиереев (нач. XV в. — 1539): по приказу митрополита в 1509 г. Холмский еп. *Филарет* посетил правосл. храмы в Галицкой земле, в 1526 г. митр. *Иосиф III* назначил *Исаакия*, архим. мон-ря св. Георгия во Львове, своим наместником в Галицкой земле, 1 авг. 1535 г. митрополичьим наместником стал *Макарий (Тучапский)*.

В связи с нахождением западнорус. Киевских митрополитов в Лит-

ве ведущую роль в данный период играла литовско-белорус. часть К. е. Во 2-й пол. XVI в. в нее входила территория Виленского, Трокского, Новогрудского и Минского воеводств, Жямайтия. Не исключено, что в границах поветов (в составе воеводств) функционировали наместничества, или протопопии, но данные о них для этого периода отсутствуют. Количество приходов в митрополичьей епархии в Литве и на белорус. землях было различным. Большинство храмов размещалось в Новогрудском и Минском воеводствах, где с сер. XVI в. создавались многочисленные протестант. общины; на территории Виленского и Трокского воеводств доминировали католич. приходы.

После того как наиболее крупные города Великого княжества Литовского в XV в. получили самоуправление на Магдебургском праве, укреплялось стремление правосл. горожан к установлению патроната над городскими храмами. Уже в грамоте Литовского вел. кн. *Александра Ягеллончика* 1499 г. упоминаются «войтове, бурмистрове и радцы», которые вмешиваются в церковные дела. 20 марта 1499 г. вел. кн. *Александр* по просьбе Киевского митр. *Иосифа (Болгариновича)* подтвердил «Свиток Ярославль» — особую редакцию церковного Устава кн. *Ярослава*, в к-рой защищались полномочия митрополичьего суда против посягательств мирян. Ус-

тав налагал высокие денежные штрафы на ктиторов церквей — «властителей», «князей» и «бояр», — к-рые попытались бы своей властью разводять супругов, оказывать поддержку епископу, низложенному митрополитом, или «заступовати» священника перед епархиальным архиереем; помимо штрафа виновному угрожало «погубление ктиторства». В традиционное право светского патрона «подавать» священника для храма в своих владениях была внесена поправка, что патрон не имеет права удалить такого священника из церкви «без

осмотра и воли митрополичье». В 1511 г. кор. *Сигизмунд I* подтвердил данную редакцию Устава кн. Ярослава.

В 1511 г. Киевский митр. Иосиф (Солтан) заключил соглашение с виленскими мешанами. Соглашение предусматривало, что городские власти могут предлагать кандидатов на опустевшие приходы, но, если они своевременно такого кандидата не пришлют, они должны будут принять иерея, поставленного митрополитом. Горожане не могли сами удалить священника, но должны обратиться с жалобами к митрополиту. Митрополит согласился на то, чтобы представители городских властей участвовали в процедуре ежегодного осмотра имущества городских церквей митрополичьим наместником и в описании церковного имущества в приходе, лишившемся священника, и чтобы полученные результаты были занесены в городские книги, но ключи от храма должны находиться у наместника митрополита, и чтобы наместник передавал их новому священнику. Виленские горожане не были довольны такими установлениями и хотели расширить свою власть, стараясь не допускать поставления священника без их согласия, ежегодный осмотр имущества городских церквей также перешел к городским властям. В 1542 г. вслед за жалобой виленского клироса королю особые права местных мирян были отменены. Однако в 1544 г. они подтвердили свое право выбирать священников (привилегия была подтверждена в 1562, 1582, 1584 и 1588), за митрополитами осталось право утверждения избранных священников и их рукоположения.

В Вильно прошли церковные Соборы: в 1509/10 г. (решения Собора были нацелены на укрепление власти архиереев) и 1589 г. (с участием К-польского патриарха *Иеремии II*). Последующие Соборы созывались в 90-х гг. XVI в. в Бресте (см. *Брестские Соборы*), в нач. 1596 г. состоялся Собор в Новоградке.

Административное устройство литовско-белорусской части К. е. имело специфику. Для этой части епархии были важны институты митрополичьих наместников (протопопов) и кафедральных (соборных) клиросов, здесь были активны церковные братства. О разделении К. е. на протопопии (наместниче-

ства) к нач. XVI в. свидетельствует присутствие на Виленском Соборе 1509 г. виленского, новоградского, гродненского, слуцкого, слонимского и волковысского протопопов. В работе правосл. Брестского Собора 1596 г. (см. *Брестская уния*) участвовали протопопы: волковысский Филипп, минский Иродион Троицкий, слуцкий Емельян Никольский Загоровский, заблудовский Нестор Козменич. Виленский протопоп имел особые полномочия, в частности осуществлял надзор за богослужением в виленских церквях. Наряду с протопопами в нач. XVI в. в сев. части епархии (напр., в Слониме) действовали светские представители власти — десятичники из числа митрополичьих дворян, позднее они перестают упоминаться.

Митрополиты поддерживали институт клиросов. Одно из ранних упоминаний виленского клироса (объединение священников приходских церквей Вильно и округи) относится к 1498 г., когда местные клирошане жаловались королю на то, что митрополит поручил наместничество в Вильно архимандриту Свято-Троицкого монастыря, игнорируя «древнюю традицию». Следующий, виленский клирос ранее имел прерогативу назначать наместника в Вильно. Виленские клирошане присутствовали на Соборе в 1509 г. В 1514 г. митр. Иосиф (Солтан) советовался с клирошанами, предоставляя ставропигию *супрасльскому в честь Благовещения Пресв. Богородицы мон-рю*. В документе перечислены клирошане: новоградский протопоп, никольский поп Иаков, михайловский поп Иван Каша, юрьевский поп Ифентий Масло, Роман Пятницкий, — представители духовенства Вильно и Новоградка. По просьбе митр. Онисифора (Девочки) кор. *Сигизмунд III Ваза* 25 апр. 1589 г. издал универсал о том, что после смерти митрополита надзор за именными Киевской кафедры будет осуществлять виленский клирос, имущество должен был принять протопоп со старшими священниками. (Ранее дело обстояло иначе — в первые десятилетия XVI в. по ходатайству митрополитов опекуном имущества Киевской кафедры был кн. *Константин Иванович Острожский*.) Виленский клирос составил оппозицию митр. Михаилу (Рагозе) после принятия митрополитом

унии. На Брестском правосл. Соборе 1596 г. присутствовали виленские клирошане: свящ. Воскресенской ц. Леонтий Бобрикович, свящ. Юрьевской ц. Емельян. Очевидно, существовал клирос при Борисоглебском соборе в Новоградке: в королевской грамоте 1517 г. о пожаловании собору управлять предоставленными селами поручалось клирошанам.

Важную часть К. е. составляли православные учреждения на территории Случкого княжества. В Слуцке — центре протопопии — насчитывалось 14 приходов. *Слуцкий во имя Св. Троицы муж. мон-рь* был архимандритией, к-рой подчинялись мон-рь св. Илии в Слуцке и обители в др. местах (в Строчицах, Морочах, Грозове, Заблудове и Дитятковичах). Архимандрития находилась под патронатом князей Олельковичей и имела фактически статус митрополичьей ставропигии, слуцкий архимандрит являлся наместником митрополита на территории Случкого княжества. В православном Брестском Соборе 1596 г. участвовали слуцкий протопоп и слуцкие мешане.

В литовско-белорусской части К. е. имелось несколько крупных монастырей, напр., *Лавришевский (Лаврашевский) в честь Успения Пресв. Богородицы* близ Новоградка, настоятелем которого был до епископской хиротонии Онисифор (Девочка). Став митрополитом, он сохранил за собой управление мон-рем, в 1579 г. получил также виленский Свято-Троицкий мон-рь. В эти обители он назначал наместников-игуменов. Особый статус имел основанный в 1498 г. Супрасльский монастырь: он был освобожден митр. Иосифом II от всяческих обязанностей по отношению к кафедре, митрополит утвердил монастырю особый устав.

Стремление Киевских митрополитов быть настоятелями крупных обителей, владеющих земельной собственностью, объясняется недостаточностью материального обеспечения митрополичьей кафедры в XVI в. Утвердилась практика, согласно которой митрополитами становились архимандриты крупных монастырей, напр. Михаил (Рагоза) перед поставлением на Киевскую кафедру являлся игуменом Вознесенского монастыря в Минске, затем он получил в управление еще 3 монастыря. Именья некоторых западнорус.

епископских кафедр были обширнее владений Киевских митрополитов. К кон. XVI в. по актам известны митрополичьи владения: участок (юрисдикция) в Вильно, имения Прилепы и Колодежи в Минском старостве, села Аристовщина, Павловщина, Ничипоровщина, имение Быкевичи и двор Хоневици с 3 участками и 2 участка в Новогрудском повете (предоставленные в 1517 Борисоглебскому собору в Новогрудке), корчма у Новогрудка, владения в Новогрудке (1586), имения Шешоли, Крошты и Свираны, Колокосы с фольварками, имение Филиповщина (Филиповское) в Виленском повете (продано Михаилом (Рагозой) Григорию Хорельскому в 1592), грунт Шнипелиский (упом. в 1598), имение Вака (пожалование Сапег, упом. в 1602). Значительная их часть была приобретена кафедрой лишь в XVI в.: Прилепы куплены Иосифом (Солтаном), Шешоли, Быкевичи и Хоневици — вклады кн. Константина Ивановича Острожского, земли в Новогрудском повете пожалованы митрополиту королем по ходатайству кн. Острожского.

В белорусско-литовской части К. е. было активным братское движение, поддержанное митрополитами. В 1586 г. было основано слущкое Преображенское братство, в 1587 г. — виленское Свято-Троицкое братство, которое благословил митр. Онисифор (Девочка) и в к-рое в 1594 г. вступил Михаил (Рагоза), в 1592 г. было создано минское братство при соборе Рождества Пресв. Богородицы. В документах упом. виленское Роское (по названию предместья) братство. Объединения мирян активно пытались влиять на церковную жизнь. По инициативе виленского братства и правосл. дворянства Великого княжества Литовского на Брестских Соборах 1590–1594 гг. обсуждались предложения по улучшению положения Церкви, главным препятствием чему правосл. миряне считали позицию епископов. По мнению авторов обращения к Собору, доходы епископских кафедр должны использоваться на содержание школ, строительство храмов и больниц. Предлагалось учредить братства и братские школы в центре каждого повета, подчинить духовенство всех братских храмов непосредственно Киевскому митрополиту, который должен рукополагать кандидатов, избранных мирянами;

избрание епископов и митрополита также должно происходить «с согласия мирских людей». Архиереи во главе с митр. Михаилом (Рагозой) и Владимиром-Волынским еп. Ипатием *Потеем* не согласились на эти предложения.

Киевская часть митрополичьей епархии охватывала территорию Киевского воеводства (создано в 1471). Согласно исследованиям М. Г. Крыкуна, на севере граница воеводства проходила по рекам Случь и Уборть (до впадения в Припять), воеводство граничило с Пинским и позже Мозырским поветами (Мозырский повет в XVII в. окончательно перешел в состав Великого княжества Литовского), Речицкой земли до Днепра. На востоке граница шла преимущественно по Днепру, воеводство включало также часть Левобережья. На юге территория Киевского воеводства ограничивалась Черкасским поветом (до линии Тясмин — Ирклей — Б. Высь, границы с Диким полем и Брацлавским воеводством), на западе Киевское воеводство граничило с Кременецким и Луцким поветами Волынского воеводства (граница проходила по р. Случь до Любара). Территория включала регионы совр. Украины: зап. части Киевской и Черкасской областей, сев.-вост. часть Ровненской обл., части Хмельницкой, Житомирской областей, сев. части Винницкой и Кировоградской областей, а также юж. часть Гомельской обл. Белоруссии. Киевское воеводство делилось на 4 повета: Киевский, Житомирский, Овручский и Черкасский. Вероятно, в поветах воеводства функционировали местничества Киевского митрополита.

В Киеве кафедральным являлся Софийский собор, есть свидетельства о софийском клиросе: киевские клирошане упоминаются в королевских привилеях сер. XVI в. В городе действовало значительное количество храмов, наиболее известными были церкви: *Успения Пресв. Богородицы (Пирогощяя)*, Десятинная в честь Рождества Пресв. Богородицы, Афанасиевская (с кон. XVI в. Николая Доброго), *Спаса на Берестове*, Крестовоздвиженская, Успенская на Подоле, свт. Василия (Трехсвятительская), св. Никиты. Роль приходских выполняли также монастырские храмы.

Сведения о мон-рях в этот период ограничиваются Киевом и его ок-

рестностями. По сравнению с периодом Киевской Руси количество монастырей в Киеве уменьшилось. В кон. XV–XVI в. в Киеве функционировали: Киево-Печерская архимандрития, Киево-Печерский жен. мон-рь (Вознесенский), *киевский Златоверхий во имя арх. Михаила*, Софийский (см. *Софии Св. собор в Киеве*), *киевский Выдубицкий Всеволож во имя арх. Михаила муж. мон-рь*, Кирилловский Свято-Троицкий, Пустынно-Николаевский, *киевский во имя святых Флора и Лавра (в честь Вознесения Господня) жен. мон-рь*, Борисоглебский, *киевский Церковщинский в честь Рождества Пресв. Богородицы муж. мон-рь*, Феодоровский. За пределами Киева существовали обители: *Межигорский в честь Преображения Господня монастырь*, *Ржищевский в честь Преображения Господня муж. мон-рь*, Богородичный в Зарубе, Трехтемировский (Зарубский), Пивский (на Левобережье, на берегу Тясмина), Георгиевский в Любаре.

Два киевских мон-ря, Златоверхий Михайловский (с 1523) и Печерский (по привилеям 1522, 1551 и 1570), были в существенной мере независимы от митрополита (братья Киево-Печерского мон-ря, как явствует из ее синодика, признавала в 70-х гг. XV в. митрополитом не сторонника унии *Мисаила*, а Галактиона—Григория Халецкого, правосл. кандидата на митрополию, выдвинутого слущкими князьями Олельковичами). В соответствии с грамотами польск. королей эти обители имели право самостоятельно выбирать настоятелей при участии шляхты Киевской земли. Это установление нарушалось, но дворянство добивалось его осуществления. Так, по представлению дворянства настоятельство в Киево-Печерском мон-ре в 1574 г. получил *Мелетий (Хребтович-Богуринский)*. С ним связано изготовление фальсификатов — грамот кн. Андрея Боголюбского и К-польского патриарха Максима, согласно к-рым Печерский мон-рь издревле являлся патриаршей ставропигией. Преемником Мелетия стал *Никифор (Тур)*, избранный на должность настоятеля печерской братией в 1593 г. Архим. Никифор был одним из главных участников правосл. Брестского Собора 1596 г. как «архимандрит киевский», вступил в конфликт с принявшим унию митр. Михаилом (Рагозой), незадолго до

того получившим от короля привилегию на Киево-Печерскую архимандрию. Митрополит-униат отлучил архим. Никифора от Церкви. Несмотря на давление со стороны митрополита и польских властей, архим. Никифор сохранил Киево-Печерский мон-рь в Православии.

Западнорус. Киевские митрополиты не посещали Киев с кон. XV по кон. XVI в. (в янв. 1591 митр. Михаил (Рагоза) побывал в Киеве по пути во Львов), церковными делами в этой части К. е. занимались митрополиты-наместники. В 1470 г. в должности киевского наместника упоминается Мануил, к-рый в сер. 60-х гг. по поручению митр. Григория ездил с важной миссией в К-поль — «ищущи» для Киевского митрополита, поставленного в 1458 г. К-польским патриархом-униатом, «благословения и подтверждения» от правосл. К-польского первоиерарха; переговоры завершились успешно. С 1496 г., при митрополитах Иосифе (Болгариниче) и Ионе II, должность наместника занимал Панько; его преемником был Антоний Крицкий, назначенный, вероятно, Иосифом (Солтаном) (в 1517 он упом. как бывш. киевский наместник). В источниках фигурируют «пан» Василий Шишка и Василий Панкевич (сын Панько) (1518). При Макарии II, в 1539–1545 гг., упоминается наместник Василий Пацкевич, затем Василий Панькович (ранее 1549–1556). При митр. *Сильвестре (Белькевиче)* наместниками были протопоп киевского Успенского собора на Подоле Иаков Гулькевич (после 1556), «паны» Есько (Иосиф) Прокопович (до 1564–1565) и Федор Тиш (1565–1568), при Ионе III, Илии (Куче) и Онисифоре (Девочке) — «пан» Богуш Гулькевич Глебовский (1575–1589). В период правления Михаила (Рагозы) известны 4 наместника: «пан» Евстафий Радовецкий (1589–1590), протопоп Софийского собора Афанасий Одоней (90-е гг. XVI в.), протопоп Иоанн (1594), «пан» Гурин (до нач. XVII в.). В имениях Киево-Софийской кафедры распространялись «атаманы».

Управление киевской частью К. е. в этот период было фактически дезорганизовано. К нач. XVII в. здесь не созывались Соборы, съезды приходского духовенства, не создавались братства. На Виленском Соборе 1509 г. из всего духовенства киевской части К. е. присутствовал толь-

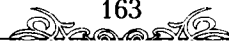
ко киево-печерский архим. Иона. В этих условиях большое влияние на местные правосл. общины имели крупные киевские мон-ри и казаки.

Источники изобилуют свидетельствами о запустении киевских святынь в XVI в. Ряд свидетельств сохранился о судьбе Софийского собора с кон. XV в. В 1482 г. он был разграблен во время набега на Киев отрядов Менгли-Гирея. В XVI в. состояние здания продолжало ухудшаться. Митр. Илия (Куча) признавал, что в кафедральном храме многое давно уже «отпало и заронено было» (АЗР. Т. 3. № 83. С. 212). Благодаря усилиям митрополитского наместника Богуша Гулькевича Глебовского собор был отремонтирован снаружи, но его убранство было бедным, а количество утвари и богослужебных риз недостаточным. В послании галицких православных дворян митр. Онисифору (Девочке) 1585 г. сообщалось, что в это время Софийский собор был отдан в аренду «еретику-жолнеру» (Там же. № 146. С. 290). В 1596 г. Р. Гейденштейн отмечал, что в Киеве «немало уничтоженных храмов, которые все были греческого обряда. Остался доселе один из них — Св. Софии, но и то в таком жалком виде, что богослужение в нем не совершается» (Сборник мат-лов для исторической топографии Киева и его окрестностей. К., 1874. Отд. 2. С. 23). К 1599 г. почти вся богослужебная утварь из собора, находившегося с 1596 г. в руках униатов, была заложена. Получая в 1633 г. собор от униатов, митр. св. *Петр (Могила)* писал царю *Михаилу Феодоровичу*, что он «принял Софийскую церковь бескровную (без кровли.— Л. Т.), украшения внутренняго и внешняго, св. икон, св. сосудов и св. одежд ни единого не имущую» (АЮЗР. Т. 3. № 18. С. 28). Попытки обновления в XVI в. предпринимались в Межигорском и Златоверхом Михайловском монастырях (1523), более зависевших от киевской шляхты, нежели от митрополита.

В XV–XVI вв. в Киеве и окрестностях митрополитской кафедре принадлежали: Софийская слобода (запустела к кон. XVI в.), 3 митрополитские церкви с участками земли (Спаса, св. Никиты и свт. Василия, все разрушились к кон. XVI в.), слобода в нижней части Киева с Воздвиженской ц., обвалившейся к кон. XVI в., урочище Кудрявец с митро-

поличим загородным домом, урочище Паньковщина, заднепровские имения Зазимье и Погребы с лесными дачами. За пределами Киева находились имения: Гнилецкая земля с урочищами Глушец, Калиновщина, Кальным лугом и Куликовским селищем (Гнилецкая земля была предметом спора между митрополитской кафедрой и Выдубицким монастырем), Правденицкая земля (Мильковщина), селище Халимовщина по р. Борщавка (спорные территории с Пустынским мон-рем). В Киевском повете имелись митрополитские села по р. Вите (Вете): Янковичи, Рославичи (оба села запустели к сер. XVI в.), Гвоздово, Псютычи, Столпец, Невчолово и Подгарцукица (смежные и спорные с владениями Печерского мон-ря). На Вите находились также митрополитские села Куликово, Попадичи, Юрьевичи, Новосёлово и Иванковичи (все запустели к сер. столетия). Сохранились с. Бышев на р. Лупе, имения по р. Здвиж. По-прежнему кафедра обладала обширными имениями в Полесье в пределах Житомирского и Овручского поветов. В окрестностях Радомысля (ныне Радомышль) митрополиты владели имениями Малин, Водотый, Вирлоцы, Потиевка и Толокунь. В Сквирском повете находились церковные села Соколыча, Ходорков и Кривое, захваченные в кон. XVI в. шляхтичами. К сер. XVI в. Киевская кафедра утратила значительную часть своих территорий, перешедших к разным панам и землянам (шляхтичам, владевшим землей на условиях службы). В XVI в. новые пожертвования митрополитской кафедре в Юго-Зап. Руси не отмечены, хотя документы о вкладах и пожалованиях отдельным храмам и мон-рям сохранились. Начиная с митр. Иосифа (Солтана) почти все западнорус. первоиерархи в XVI в. жаловались на «кривды, чинимые в церковных имениях» со стороны светских лиц — шляхтичей и представителей власти, мн. митрополитские имения к 70-м гг. XVI в. были захвачены светскими лицами.

Помимо доходов от земельных владений Киевский митрополит получал доход в виде налога с духовенства К. е. Определенные сведения на этот счет можно почерпнуть из освободительных формул митрополитских грамот. Так, в грамоте митр. Ионы II (1506) братия Коложского мон-ря освобождалась от «сборных куниц»,

«стаций», «поклонов» и иных уплат. В 90-х гг. XV в. виленские священники жаловались Литовскому вел. кн. Александру на митр. Макария, к-рый повысил налоги со священников в архиерейскую казну, стал взимать в свою пользу ряд пошлин, ранее поступавших священникам.

В 1596 г. литовско-белорус. часть К. е. почти целиком приняла унию; Православие сохранялось здесь в виде небольших анклавов: в Вильно, на территории Слуцкого княжества. Известны многочисленные случаи сопротивления православных униат. иерархии (в Новогрудке — митр. Михаилу (Рагозе), в Вильно — митр. Ипатию (Потею)). Киевская часть митрополичьей епархии осталась православной, за исключением Софийского собора и Выдубицкого мон-ря в Киеве, перешедших под управление наместника униат. митрополита; униат. митрополиты завладели частью имений Софийского собора.

Арх.: Архив СПбФНИ РАН. Ф. 52. Оп. 1. Д. 51. Л. 1; Lietuvos mokslų akademijos Vrublevskių biblioteka. F. 264. N 1102; F. 21. N 1114, 1618; LVIA. F. 634. Op. 3. N 382. L. 21, 22–27; F. 597. Op. 2. N 77. L. 27; F. 1135. Op. 20. N 1. L. 1–2.

Ист.: Собрание древних грамот и актов городов Вильны, Ковна, Трок, правосл. мон-рей, церквей, и по разным предметам. Вильно, 1843. Ч. 1. № 1–12. С. 1–26; [Деяния Виленского Собора 1509 г.] // Памятники полемической лит-ры в Зап. Руси. СПб., 1878. Кн. 1. Стб. 6–18. (РИБ; 4); АЗР. Т. 6. № 4. С. 7–10; № 26. С. 39; АЗР. Т. 1. № 152. С. 175; Т. 2. № 219. С. 384–385; АВАК. Т. 1. № 10. С. 39–41; Архив униатич. митрополита: Документы да гісторыі Царквы ў Беларусі XV–XIX ст. у фондзе «Канцелярыя митрополита грэка-уніяцкіх цэркваў у Расіі»: Деведнік. Мінск: Полацк, 1999. С. 10–24; Lietuvos Metrika. Vilnius, 2001. Кн. 12 (1522–1529). № 70. С. 159–160; № 164. С. 211–212; 2002. Кн. 9 (1511–1518). № 690. С. 370; № 692. С. 371; 2007. Кн. 6 (1494–1506). № 248. С. 169–170; Метрыка Вялікага Княства Літоўскага. Мінск, 2008. Кн. 30 (1480–1546). № 149. С. 220; Кн. 70 (1582–1585). № 122. С. 190–192; Тимошенко Л. В. Берестейська униа 1596 р. Дрогобич, 2004. Документи. № 3. С. 148; № 4. С. 151; № 6. С. 162; Додатки. С. 180.

Лит.: *Закревский Н. В.* Описание Киева. М., 1868. 2 т.; *Чистович И. А.* Очерки истории Западнорус. Церкви. СПб., 1882. Ч. 1. С. 146–160; *Рыбинский В. П.* Киевская митрополичья кафедра с пол. XIII до кон. XVI в. К., 1891; *Ситкевич А. И., свящ.* Западнорус. крылос и его судьба в униатской Церкви до пол. XVIII в. Гродно, 1903. С. 7, 14–17, 20; *Владимирский-Буданов М.* Церковные имущества в Юго-Зап. России XVI в. // АрхЮЗР. Ч. 8. Т. 4. С. 144–147, 154; *Chodynicky K.* Kościół prawosławny a Rzeczypospolita Polska: Zarys historyczny, 1370–1632. Warsz., 1934; *Historia kościoła w Polsce.* Poznań; Warsz., 1974. Т. 1: Do roku 1764. Cz. 2: Od roku 1506 / Red. В. Kumor, Z. Ober-tyński. S. 83–89; *Федорів Ю., свящ.* Организа-

ційна структура Української Церкви. Торонто, 1990. С. 51–73, 83–86; *Крикун М. Г.* Адміністративно-територіальний устрій Правобережної України в XV–XVIII ст.: Кордони воеводств у світлі джерел. К., 1993. С. 135–176; *Грушевський М. С.* Історія України—Руси. К., 1994. Т. 5: Суспільно-політичний і церковний устрій і відносини в українсько-руських землях XIV–XVII вв. С. 261–287; *Ульяновський В. І.* Історія Церкви та релігійної думки в Україні. К., 1994. Кн. 1. С. 80–81; *Макарий.* История РЦ. Кн. 5. С. 87, 158–160, 168–169; *Mironowicz A.* Kościół prawosławny w dziejach dawnej Rzeczypospolitej. Białystok, 2001. S. 28–54; *Liedke M.* Od prawosławia do katolicyzmu: Ruscy możni i szlachta Wielkiego Księstwa Litewskiego wobec wyznań reformacyjnych. Białystok, 2004. S. 226–235; *Тимошенко Л. В.* «Жаль намъ души и сумненья вашей милости»: (Київський митр. Онисифор Дівочка перед викликами часу) // Дрогобицький краєзнавчий зб. Дрогобич, 2006. Вип. 10. С. 149–165; *он же.* Криза церковного життя Київської православної митрополії наприкінці XVI ст.: Інтерпретації істориків і свідчення джерел // Там же. 2008. Вип. 11/12. С. 96–116; *он же.* Парафіальне і братське самоврядування Київської митрополії в добу Берестейської унії (друга пол. XVI–XVII ст.) // Urzędy państwowe, organy samorządowe i kościelne oraz ich kancelarie na polsko-ruskim pograniczu kulturowym i etnicznym w okresie od XV do XIX w.: Materiały polsko-ukraińskiej konferencji naukowej w Okunince koło Włodawy 10–12 września 2007 r. / Red. H. Gmiterek J. Losowski. Kraków, 2010. S. 321–345; *Пазднякоў В.* Кіеўская праваслаўная мітрапаліцкая епарыя // Вялікае Княства Літоўскае: Эцыклапедыя. Мінск, 2007. Т. 2. С. 91; *Білоус Н.* Київ наприкінці XV — у першій пол. XVII ст.: Міська влада і самоврядування. К., 2008. С. 219–228; *Абеленцева О. А.* Митр. Иона и установление автокефалии Рус. Церкви. М.; СПб., 2009. С. 145–203.

Л. В. Тимошенко

К. е. в 1596–1686 гг. В указанный период митрополичья епархия, по-видимому, функционировала практически нераздельно от Киевской правосл. митрополии, территория которой после Собора 1596 г., принявшего Брестскую унию, значительно сузилась. После восстановления правосл. иерархии в 1620–1621 гг. власть Киевских митрополитов и соответственно территории К. е. постепенно распространились на Левобережье и казацкий юг. Митрополичья область сократилась, после того как Исаия (Копинский) не позднее 1628 г. стал «архиепископом Смоленским, Черниговским и всего Севера, архимандритом монастырей заднепрских».

После 1596 г. литовско-белорус. часть К. е. почти целиком приняла унию, в Вильно подавляющее большинство приходских храмов во главе с наместником протопопом Иоанном Парфеновичем признали митрополита-униата Михаила (Рагозу). Несмотря на противоречия в 1608–1609 гг. между униат. митр. Ипатием

Потеем и униатским духовенством в Вильно, Новогрудке, Гродно, Минске, Жировицах и др., к-рое протестовало против латинизации униатства и грозил вернуться в правосл. Церковь, униа при вооруженной поддержке властей сохранила свое господство в белорусско-литов. части К. е. Оппозицию унии возглавило правосл. братство, переместившееся в монастырь в честь Сошествия Св. Духа на апостолов (Святодуховское). Братство вело активную полемическую, книгоиздательскую и образовательную деятельность. В 1609 г. в Вильно было совершено покушение на Ипатию Потее. В 1609–1611 гг. неск. правосл. мон-рей появилось в Минском воеводстве на частных землях, они находились в зависимости от виленского Свято-Духова мон-ря (см. *Вильнюсский в честь Сошествия Св. Духа на апостолов муж. мон-рь*). В нач. XVII в. было создано братство при минском Петропавловском мон-ре, в 1614 г. принявшее устав Виленского братства, при братстве действовала школа.

Юж. часть К. е., в пределах Киевского воеводства, не подчинилась унии. Ни один представитель Киева и Киевского воеводства не присутствовал на униат. Брестском Соборе. На правосл. Соборе 1596 г. эта часть К. е. была представлена архимандритом Киево-Печерского монастыря Никифором (Туром), старцем Выдубицкого монастыря Никоном и 8 светскими лицами: князьями, шляхтичами и земскими чиновниками (в т. ч. 2 чиновниками с Брацлавщины). В связи с тем что униатам сразу же удалось завладеть киевским собором Св. Софии (в унию перешел митрополичий наместник), неск. церквями в Киеве и Выдубицким мон-рем, управление данной частью К. е. было дезорганизовано, но фактически православная жизнь в Киеве и воеводстве продолжалась и даже развивалась. Униа была принята в части митрополичьих владений на Киевщине, во владениях Выдубицкого мон-ря, частью приходов в Сев. Полесье (Обручский повет), в некоторых храмах на Левобережье в имениях кн. Иеремии Вишневецкого начиная с 30-х гг. XVII в., хотя там же в нач. XVII в. активно действовал, основав ряд правосл. мон-рей, *Исаия (Копинский)*; он способствовал созданию *Густынского во имя Св. Троицы жен. мон-ря* близ Прилук (1600), *Ладинского Прилуцкого*

в честь Покрова Пресв. Богородицы жен. мон-ря (1616), Мгарского в честь Преображения Господня муж. мон-ря под Лубнами (1619).

Исследователи предполагают, что попечение над К. е. после 1596 г. осуществляли в это время Белгородский митр. Лука, к-рого приютил в Степанском мон-ре на Волыни кн. Константин Константинович Острожский, а также правосл. Львовский еп. Гедеон (Балабан). Возможно, после смерти еп. Гедеона (1607) архипастырское окормление К. е. осуществлял его преемник *Иеремия (Тиссаровский)*. В протестации униатского митр. Ипатия Потeya от 16 окт. 1612 г. говорилось, что рукоположение священников и освящение храмов в Киеве осуществлял греч. митр. Неофит, живший в Киево-Печерском монастыре под защитой мещан и казаков.

В литературе, посвященной борьбе с унией и восстановлению правосл. институтов на Киевщине в 1-й трети XVII в., митрополичья епархия практически не упоминается. Основное внимание исследователи обращают на роль в этих процессах Киево-Печерского мон-ря. Архим. Никифору (Туру), не подчинившемуся распоряжению Михаила (Рагозы) и декретам светских властей о смещении его с должности киево-печерского настоятеля, удалось объединить мн. киевские обители в борьбе против унии. После кончины архим. Никифора в 1599 г. печерские монахи и киевская шляхта избрали архимандритом *Елисея (Плетенецкого)*. Избрание не было признано польск. властью, кор. Сигизмунд III предоставил Печерскую архимандритию вместе с имениями Ипатию Потeya, вконец подчинение обители униат. митрополитам было утверждено папским бреве. В 1603 г. вслед. протестов со стороны православных папа *Климент VIII* разделил должности Киевского митрополита и настоятеля Киево-Печерского мон-ря и согласился на выборы архимандрита. В 1604 г. выборы повторились и пост настоятеля вновь достался Елисею (Плетенецкому), в следующем году результат выборов был признан польск. властями, но в том же 1605 г. король отдал Потeya имения Печерского монастыря в Великом княжестве Литовском. После смерти Потeya в 1613 г. архим. Елисей при помощи казаков вернул земли мон-рю, и униат. митр.

Кн. Константин Константинович Острожский. Копия 1883 г.
Худож. Я. Сваричевский (НКПИКЗ)

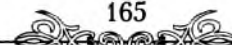
Иосиф Вельямин *Рутский* вынужден был от них отказаться. Печерский настоятель боролся с униатами и в Киевской земле, заняв часть имений Выдубицкого мон-ря. Архим. Елисей добился для Печерского монастыря ставропигии — независимости от Киевской кафедры и подчинения К-польскому патриарху. Большое значение имело основание в 1615 г. в Киеве правосл. Богоявленского братства и *Киево-Братского в честь Богоявления мон-ря*, руководство к-рыми осуществляла братия Печерской обители. Значительную роль в возрождении правосл. жизни на Киевщине и в противодействии униатам в 20-х гг. XVII в. сыграл архим. Киево-Печерского монастыря *Захария (Котыстенский)*.

Борьбу правосл. мирян и шляхты за Киево-Печерский мон-рь на рубеже XVI и XVII вв. возглавил киевский воевода кн. Константин Константинович Острожский († 1608), имевший полномочия «экзарха патриаршего престола» (в этом качестве он утвердил избрание в 1603 киевским протопопом Иоанна Мужилковского). Позицию киевлян определила прежде всего антиуниат. позиция кн. Острожского, киевского войта Яцко Балыки и киевского магистрата. Киевская земля в этот период стала оплотом Православия, помогало то обстоятельство, что шляхта Киевщины и соседней Волыни была непримиримо настроена против унии. В это же время на защиту правосл. веры выступило казачество.

В нач. XVII в. в Киеве происходили столкновения православных и униатов. Приезд в Киев униат. наместника Антония Грековича (1609)

и его действия встретили яростное сопротивление приходских священников, мещан, шляхты и казаков. Грекович был вынужден воздержаться от репрессивных действий по отношению к противникам. Король пожаловал Ипатию Потeya в 1612 г. Михайловский мон-рь, но тот не смог им овладеть. В 1618 г. Грекович сделал еще одну попытку занять мон-рь, но был убит, вскоре был убит сборщик податей униатского митрополита пан Околинский. В жалобе в связи с гибелью Околинского говорилось, что его умертвили православные «з ведомости войта киевского Федора Ходьки и всих радец того ж Киева». В сент. 1622 г. казаки и правосл. мещане совершили нападение на собор Св. Софии и воспрепятствовали проведению в ней униат. богослужения. Принявший унию киевский войт Ф. Ходька в кон. 1623 г. «запечатал» ряд правосл. церквей в Киеве и в следующем году передал униат. свящ. Ивану Юзефовичу Воскресенскую ц. на Подоле. В янв. 1625 г. по городу пронесся слух, что король назначил настоятелем Киево-Печерского мон-ря своего ставленника, который направляется к Киеву, чтобы силой захватить мон-рь. Казаки убили Ходьку и униатского свящ. Юзефовича, храмы были распечатаны. Следующим православно-униатским конфликтом в Киеве стала борьба за ц. св. Василия в Верхнем городе, к-рая в авг. 1626 г. была захвачена православными.

В 1620 г. в Киев прибыл Иерусалимский патриарх *Феофан IV*. На большом съезде, собравшемся на праздник Успения Пресв. Богородицы, духовные и светские участники просили патриарха поставить православных митрополита и епископов. После того как Запорожское войско взяло патриарха под свою защиту, он согласился исполнить просьбу. *Иов (Борецкий)* был хиротонисан во епископа с возведением в сан Киевского митрополита 9 окт. 1620 г. в ц. Богоявления Киевского братства. В кон. 1620 — нач. 1621 г. были рукоположены православные епископы и в другие епархии Киевской митрополии. Положение новопоставленных иерархов было тяжелым. Они были рукоположены не только без санкции, но и против воли властей Речи Посполитой, поддерживавших униатскую Церковь и считавших униатских епископов

единственными законными архипастырями. Правосл. епископы не могли находиться в своих епархиях и были вынуждены жить в Киеве под защитой войска Запорожского, митр. Иов жил в киевском Златоверхом Михайловском мон-ре. Одной из главных забот православных стало не только сохранение церковной иерархии, но и ее признание гос. властью.

Власть митр. Иова распространялась преимущественно на юж. часть К. е., литовско-белорус. часть митрополичьей епархии (более обширная) почти целиком состояла в юрисдикции униат. митрополитов. Однако и в этой части К. е. продолжали действовать правосл. церковные учреждения: Виленское братство, храмы и мон-ри в Слуцком княжестве и в ряде других мест. Позиции православных поддерживал в 20-х гг. живший в Вильно Полоцкий архиеп. Мелетий Смотрицкий (до перехода в унию в 1627). Слуцкое правосл. братство при церкви Св. Спаса получило в 1621 г. права патриаршей ставропигии. В правосл. церковном Соборе, состоявшемся в Киеве в 1628 г., участвовал не только слуцкий протопоп Андрей Мужилковский, но и протопопы таких городов, как Копысь и Шклов. Митрополит не имел возможности совершать поездки по епархии, т. к. существовали королевские универсалы об аресте его и др. епископов (гетман С. Конецпольский в 1625 пытался арестовать митр. Иова). Западнорус. правосл. архиереи, в т. ч. митрополит, не могли рассчитывать на получение земель и доходов, традиционно связанных с соответствующими кафедрами, поскольку и то и другое находилось в руках униатов. Однако уже в нач. 20-х гг. влияние митрополичьей кафедры распространялось достаточно широко: в Киев для «намов духовных» ездили и проповедник Виленского братства *Иосиф (Бобрикович)*, и игум. Варлаам из стародубского монастыря в честь Рождества Пресв. Богородицы. Поставление правосл. иерархов и возрождение Киева как центра Православия способствовали распространению в 1-й трети XVII в. теории «Киев — второй Иерусалим».

В 20-х числах мая 1621 г. в Киеве под рук. митр. Иова собрался большой съезд «духовенства и людей греческой религии». Позднее в Житомире первоиерарх встречался с шляхтой

Киевского воеводства, собравшейся на предсеймовый сеймик. 15 июня митрополит вместе с Владимирско-Волынским еп. *Иосифом (Куцевичем)* принял участие в казацкой раде в урочище Сухая Дубрава, вместе с митрополитом на раду прибыло неск. сот правосл. священников и монахов. На раде было принято решение защищать свою веру и направить на сейм посольство с участием еп. Иосифа, чтобы добиваться признания поставления правосл. иерархов. Несмотря на любезный прием послов королем, универсалы, направленные против правосл. епископов, не были отменены, никаких грамот от Сигизмунда III правосл. иерархи не получили.

Митр. Иов вместе с др. епископами принял первые меры для организации церковной жизни. Осенью 1621 г. в Киеве был созван Собор, в решениях к-рого говорилось о необходимости ставить в священники достойных людей, не взимая с них платы, основывать в городах школы и братства, укрепить связи с Афоном, печатать книги в защиту Православия после их предварительного одобрения «богомудрыми мужами». Решения предусматривали регулярный созыв Соборов, на к-рых епископы должны принимать меры для собственного исправления, заботиться об устройстве жизни духовных лиц и мирян, епископам запрещалось при жизни назначать себе преемников. Планировалось образование Черкасской епархии, но идея не была реализована. Вероятно, в это время был восстановлен институт митрополичьих наместников. Об одном из них, иером. Леонтии, речь идет в грамоте митр. Иова 1623 г. Леонтий получил полномочия освящать храмы, назначать протопопов для «дозора в церквах Божиих», устранять недостойных священников. Ставший в 1627 г. архимандритом Киево-Печерского мон-ря Петр (Могила) получил от митр. Иова грамоту, по которой он был уполномочен посещать правосл. епархии, по-видимому в первую очередь митрополичью область. 15 дек. 1621 г. митр. Иов обратился с окружным посланием к православным Киевской митрополии. В нем говорилось, что теперь православные имеют своих законных пастырей и могут обращаться к «своему власному святителю... до богоспасаемого места Киева — второго Иерусалима».

Ряд решений в области церковного управления принял Киевский Собор 1628 г. Соборную грамоту подписали архимандрит кронский, наместник митрополии в Литве, прот. монастырей Великого княжества Литовского, а также игумен любартовский, прот. мон-рей воеводств Киевского, Волынского и Брацлавского. При митрополичьей кафедре существовала капитула во главе с протопопом, такая же — в Слуцке.

В 1621 — нач. 1623 г. митр. Иов стремился укрепить связи со своей главной опорой — Запорожским войском и с Россией. В связи с обострением противоречий между казачеством и польск. властями и решением последних о посылке в 1625 г. на Украину армии митр. Иов пытался найти поддержку в России и побудить войско Запорожское к сближению с Русским гос-вом. 24 авг. 1624 г. митрополит обратился к царю Михаилу Феодоровичу с просьбой помочь «российского ти племени единокровным людем» как «щедротами», так и «промыслом о свободе» (Воссоединение Украины с Россией: Док-ты и мат-лы: В 3 т. М., 1953. Т. 1. № 22. С. 47). 1 сент. митр. Иов направил грамоту патриарху *Филарету*, в к-рой обращался к патриарху как «господину отцу и пастыру своему» и называл его «пастырем всея России» (Там же. № 23. С. 49). Это было не 1-е обращение митр. Иова в Москву: начало его контактов с рус. властями относится к авг. 1621 г., когда Киевский первоиерарх передал грамоты царю и патриарху вместе с священнослужителями из свиты Иерусалимского патриарха Феофана. Киевский митрополит давал знать царю, что в Киеве отвергают унию, стремился рассеять сомнения в Православии поставленных в 1620–1621 гг. в Речи Посполитой епископов. Грамоты митр. Иова 1621 г. представляли собой изложенный в косвенной форме призыв к установлению связей, объединению усилий в борьбе за сохранение позиций Православия на «русских» землях Речи Посполитой. В кон. 1622 — нач. 1623 г. начались контакты Москвы с Западнорусским первоиерархом. (После раскола общерус. митрополии в кон. 50-х гг. XV в. у Киевской кафедры не было никаких связей ни с рус. властью, ни с Московской митрополией (затем Патриархатом), да и не могло быть, т. к. в Москве ставили под сомнение законность су-

шествования Западнорусской митрополии; само Православие жителей Речи Посполитой также вызвало в России сомнения.)

Планам митр. Иова по созданию единой, управляемой из одного центра церковной орг-ции, способной бороться с униат. и католич. экспансией, мешали особенности статуса

*Межигорский мон-рь.
Копия XVIII в.
с рис. А. ван Вестерфельда.
1651 г.*

монастырей и братств в Западнорусской митрополии. В предшествующие десятилетия мн. братства и мон-ри приобрели ставропигиальный статус и вышли из подчинения местным архиереям. Ряд ставропигий в Западнорусской митрополии создал, в частности, Иерусалимский патриарх Феофан IV: предоставил этот статус Луцкому, Киевскому и Слуцкому братствам. В нач. XVII в. усилилось влияние Межигорского муж. мон-ря в Вышгороде, в 1610 г. мон-рь получил патриаршую ставропигию (статус подтвержден в 1617 и 1620). В условиях, когда в большей части западнорус. епархий не было правосл. епископов, такие действия были оправданными. Положение изменилось после воссоздания правосл. иерархии, ставропигиальный статус братств и монастырей стал препятствием на пути к созданию единой церковной организации. Полоцкий архиеп. Мелетий (Смотрицкий), совершивший в 1624 г. путешествие на правосл. Восток, должен был добиться у К-польского патриарха Кирилла I Лукариса ликвидации ставропигий в Западнорусской митрополии. Соответствующая грамота была получена и позднее подтверждена патриархом (ставропигиальный статус был сохранен только у Львовского и Виленского братств, Киево-Печерского монастыря).

В 20-х гг. XVII в. светская власть Речи Посполитой вынашивала планы «новой унии». В 1626 г. была разослана королевская грамота о со-

звье Собора осенью того же года в Кобрине. Правосл. сторона этот Собор проигнорировала. Впрочем, события 1627–1630 гг. (Соборы и совещания православногo духовенства, встреча правосл. иерархов с королевским представителем А. Г. Киселем) продемонстрировали, что в вопросе о соединении с униатами правосл. иерархи и киевское духовенство готовы идти на уступки, против чего резко выступили правосла-

ная шляхта и казаки, угрожавшие отступникам расправой. Когда в янв. 1631 г. униат. митр. Иосиф Вельямин Рутский посе-

тил Киев, очевидно, чтобы возобновить переговоры о соединении Церквей, митр. Иов с ним не встречался, но у униат. митрополита были контакты с архим. Петром (Могилой).

После смерти митр. Иова (Борецкого), не позднее 20 июля 1631 г. на митрополичью кафедру был избран при активной поддержке казачества Исаия (Копинский). 29 окт. 1631 г. духовенство, собравшееся в киевском Златоверхом Михайловском мон-ре, утвердило Исаию митрополитом, его резиденцией был определен Златоверхий Михайловский мон-рь. Однако избрание и поставление Исаии не было признано значительной частью киевских клириков и польск. сеймом. Сторонникам нового митрополита пришлось занять мон-рь силой при поддержке запорожского полковника Д. Байбузы. При Исаии власти Киевского митрополита подчинились храмы и мон-ри Левобережной Украины и Запорожской Сечи. Косвенным свидетельством этому является универсал гетмана И. Кулаги-Петражицкого от 12 марта 1632 г., в к-ром признается юрисдикция митр. Исаии над православными не только Киевского воеводства, но и войска Запорожского. В свою очередь запорожцы принимали обязательство защищать правосл. церковные учреждения в Киеве.

Между митр. Исаией, опиравшимся на казачество и духовенство левобережных мон-рей, и влиятельным архим. Киево-Печерского мон-ря

Петром (Могилой), лояльным по отношению к Речи Посполитой, существовали противоречия. В сент. 1631 г. монахи левобережных монастырей говорили, что только митрополит стоит за Православие, а Петр (Могила) «поддаетца к ляхом в лядцкую веру» (Воссоединение Украины с Россией. М., 1953. Т. 1. № 68. С. 119). В нач. 1632 г., когда начиналась Смоленская война, в Черняховской Дубраве близ Канева собралась казачья рада, на которой митрополит и старцы призывали казаков стоять за правосл. веру, «против ляхов», говоря, что, если казаки этого не сделают, «духовный чин» будет вынужден ехать в Россию. В нач. окт. 1632 г. собралась рада в Корсуне, на ней митрополит снова призывал казаков стоять за веру и обещал просить царя, чтобы он принял казаков под свою власть.

Несмотря на противоречия между Исаией (Копинским) и Петром (Могилой), последний в качестве доверенного лица митрополита и представителя от киевского духовенства был направлен летом 1632 г. в Варшаву для участия в элекционном сейме. Сейм принял важные решения, изменившие положение правосл. Церкви в Речи Посполитой. Стремясь обеспечить лояльность правосл. населения накануне Смоленской войны, польск. власти пошли на пересмотр своей религ. политики. Решениями сейма (без санкции Ватикана) в нояб. 1632 г. было признано право православных иметь в Речи Посполитой собственную митрополию со своей иерархией, подчиненной К-полю. Однако никто из епископов, поставленных в 1620–1621 гг., в т. ч. митр. Исаия, не был утвержден на кафедре. В силу этого правосл. послы, участвовавшие в элекционном сейме, избрали Киевским митрополитом Петра (Могилу). Избрание было утверждено на коронационном сейме, Петр (Могила) получил благословение К-польского патриарха Кирилла Лукариса и титул патриаршего экзарха, в апр. 1633 г. во Львове был хиротонисан во епископа с возведением в сан митрополита. Митр. Петр сохранил за собой настоятельство в Киево-Печерском мон-ре и использовал доходы от монастырских имений для осуществления реформ церковного управления. Важной частью соглашений 1632 г. было право Киевского митрополита иметь наместника в Великом

княжестве Литовском. Сейм также постановил передать православным часть епископских кафедр, монастырей и приходских церквей, находившихся в руках униатов, в т. ч. киевский собор Св. Софии. 2 июля 1633 г. митр. Петр в сопровождении вооруженных отрядов завладел Софийским собором, туда из Михайловского мон-ря переместилась митрополичья кафедра. 7 июля православные заняли последние униат. церкви в Киеве: свт. Николая Десятинного, св. Симеона и св. Василия. Выдубицкий мон-рь православные обменяли у униатов на гродненскую Коложскую обитель.

Соглашения распространяли власть митрополита и на Левобережье, где в 20-х гг. существовала архиепископия во главе с Исаией (Копинским). После сопротивления Исаия подписал отречение от митрополичьей кафедры, но сохранил за собой управление Левобережьем: в дек. 1635 г. он добился от кор. Владислава IV издания указов, предписывавших митр. Петру примириться с Исаией, а кн. Иеремии Вишневецкому (которому принадлежала почти вся Левобережная Украина) не отбирать у Исаии окормляемых им заднепровских монастырей. В указе кн. Вишневецкому король назвал Исаию законным «архиепископом Заднепровским и Северским, от короля поданным» и требовал, чтобы в его подчинении оставались все мон-ри, духовенство и миряне в заднепровских владениях князя. Однако Петр (Могила), по всей вероятности, не допустил существования Северной епархии. Исаия (Копинский) управлял заднепровскими монастырями до 1636 г., после чего они вошли в митрополичью область. Территория К. е. существенно изменилась после возрождения к кон. 40-х гг. XVII в., при митр. Сильвестре (Косове), Черниговской епархии.

В годы предстоятельства митр. Петра (Могила), ставшие временем укрепления правосл. церковной организации в Речи Посполитой, была усилена власть митрополита над духовенством и братствами, чему способствовало создание новых органов управления, в частности консистории как высшей судебной инстанции (консистория заседала в пресбитерии Св. Софии). Киевская митрополичья кафедра, частично освободившись от влияния казачества и опираясь на поддержку пра-

вославной шляхты, стремилась получить независимость от вмешательства светских патронов. При митр. Петре усилилось значение митрополичьих наместников и протопопов. Петр (Могила) ввел практику регулярных объездов протопопами приходов и наблюдения за состоянием духовенства и церквей, протопопы также ведали сбором податей в пользу митрополита. Служение протопопов контролировали визитаторы, назначавшиеся из монахов Киево-Печерского мон-ря. Наместником в белорусско-литов. части Западнорусской митрополии являлся Самуил (Шитик-Залесский), представителем митрополита на укр. землях в составе короны польской — Леонтий (Шитик-Залесский), игум. Овручского мон-ря. Власти митрополита подчинили Киевское братство, «фундатором» к-рого был митрополит, и Виленское братство, во главе которого стоял митрополичий наместник. Митрополит совершал объезды митрополичьей области, в частности весной—летом 1635 г. он посетил Вильно, Минск, Оршу и Кутейно.

Митр. Петр начал масштабное восстановление киевских храмов. Реставрационные работы прошли в соборе Св. Софии, были устроены новый иконостас и неск. реликвариев. В украшении собора принимали участие рус. мастера, в благодарность митр. Петр послал царю часть незадолго до этого обретенных останков равноап. кн. Владимира. Были возобновлены Десятинная и Васильевская (Трехсвятительская) церкви, храм Спаса на Берестове, Михайловская ц. Выдубицкого мон-ря и др. Благодаря усилиям свт. Петра укрепилось почитание Киево-Печерского мон-ря. Этой цели послужило издание на польск. языке *Киево-Печерского патерика* Сильвестра (Косова) (*Paterikon, albo Zywyoty ss. ojcyw Pieczerskich*) (1635), «Тератургимы» *Афанасия Кальнофойского* (1638) с описанием новых чудес печерских святых. В 1643 г. митрополит канонизировал всех печерских угодников, тогда же была составлена молитва с обращением к «святым, в Малой России просиявшим».

В результате деятельности митр. Петра (Могила) и его сподвижников возросла образованность и пастырская активность духовенства, этому способствовала практика регулярного созыва священников на Соборы епископами и митрополитом.

В противоположат. соч. «Лифос», изданном в 1644 г. в Киево-Печерском мон-ре, отмечается, что кандидаты в священники иногда полгода или год жили на иждивении митрополита в Киево-Печерском мон-ре для подготовки к принятию сана, были смещены с приходов священники-двоеженцы. Тексты ставленных грамот Петра (Могила) включали обязательство священника не оставлять церковь «без митрополитского благословения». Имело большое значение создание в 1632 г. 1-го на территории Вост. Европы православного высшего учебного заведения — *Киево-Могилянской коллегии*, предпринималась попытка создать филиал коллегии в Виннице. Преемником Петра (Могила) на митрополичьей кафедре стал бывший ректор коллегии Сильвестр (Косов).

Одной из важнейших задач свт. Петра (Могила) и его окружения было дать систематическое изложение вероучения, на к-рое православные смогли бы опереться в спорах с протестантами и католиками. Особое значение имела подготовка святителем и его сподвижниками правосл. Исповедания веры, принятого на церковном Соборе в Киеве в 1640 г. и получившего затем одобрение Церковью правосл. Востока на Соборе в Яссах в 1642 г. Богослужбная жизнь при митр. Петре была реформирована путем унификации богослужбных книг, большую роль в этом сыграло издание новых Службника (1629) и Требника (1646). В конце Требника были приведены образцы ведения приходских метрических книг. В огромной работе, проделанной свт. Петром (Могилой) и его сподвижниками, был и негативный аспект. Стремясь, чтобы пособия, которыми пользовались православные, ничем не уступали пособиям католиков, они во многом ориентировались на последние, и на страницы сочинений проникали отдельные неправосл. мнения (напр., католич. т. зр. о времени пресуществления Св. Даров на страницах «Собрания короткой науки о артикулах веры православно-кафолической христианской», напечатанного в Киеве в 1645).

С приходом Петра (Могила) на кафедру возобновившиеся связи между Москвой и Киевом были разорваны. Вскоре после заключения Поляновского мира (1634) Киевский митрополит попытался восстановить

Архим. Петр (Могила) на горе Геликон.
Иллюстрация к панегирику
«Евхаристирион»
от учащихся лаврской школы. 1632 г.

контакты с Россией, чтобы получить средства на возобновление Софийского собора, но его обращение проигнорировали. Новая попытка была предпринята осенью 1637 г., когда литовский митрополитичий наместник Леонтий (Шитик-Залесский) поехал в Россию за милостыней на построение в Виленском братстве каменного храма. С собой Леонтий вез грамоты Петра (Могила) и братчиков, адресованные царю и патриарху Иоасафу. Отношение рус. властей к посольству оказалось сдержанным. В течение ряда лет отношения между Киевской кафедрой и Моск-

ставляли лишь одну сторону в жизни Западнорусской Церкви в 20–40-х гг. XVII в. Решения сейма 1632 г. в отношении православной Церкви были выполнены лишь частично, значительная часть церковного имущества, предназначенного для православных, осталась в собственности униатов. Власти Речи Посполитой разными способами содействовали распространению католицизма и унии: именно в годы предстоятельства митр. Петра иезуиты появились в Киеве. Одновременно на православную иерархию оказывалось давление со стороны гос. власти, чтобы она начала переговоры о «новой унии» (теперь не с униатской Церковью, а непосредственно с Римом). К сер. XVII в. униаты владели ок. 1/4 всех «русских» приходов Киевской митрополии. Однако накануне восстания Б. М. Хмельницкого, несмотря на наступление католицизма, значительная часть шляхты Киевской земли исповедовала Православие; на воеводских сеймиках, часто становившихся ареной конфликтов православных с униатами, побеждали, как правило, православные.

Период управления Киевской митрополией Сильвестра (Косова; 1647–1657) почти полностью совпал с национально-освободительной войной под рук. Б. М. Хмельницкого, что наложило отпечаток на церковную жизнь того времени. Митрополичья область

находилась в эпицентре военных действий в 40–60-х гг. XVII в., особенно пострадала литовско-белорусская часть епархии.

Антиминс
Киевского митр. Сильвестра
(Косова).
XVII в. (НКПИКЗ)

Согласно письму в Рим 1672 г. униат. митр. Гавриила Коленды, правосл. митрополичья епархия насчитывала в то время

ок. 8 тыс. приходов, к-рые, как сообщал Коленда, сильно пострадали от татар, казаков, польск. и рус. войск.

Религ. лозунги (защита «греческой религии», ликвидация унии и т. д.) не сразу появились в ходе национально-освободительной войны. Первоначально требования восставших имели по преимуществу сословный характер. После первых крупных побед Хмельницкого значение

религ. лозунгов возросло, они подтверждали «священное право» восстания против польск. владычества. После занятия Хмельником Киева (1649) изменилось его понимание религиозных вопросов в восстании, в частности остро был поставлен вопрос об отмене унии. На переговорах с властями Речи Посполитой казаки требовали ликвидации унии на всей территории Польского государства (на практике борьба казачества с унией заключалась в изъятии у униатов церквей и имений). По ходу войны гетманская администрация переместила акцент с попыток «соединить Русь с Русью» (объединить униатов с православными), что было характерно для могилянской эпохи, на трактовку унии как средства уничтожения православной Церкви, что соответствовало положению кон. XVI – первых 2 десятилетий XVII в. В Запорожском гетманстве (совр. Вост. Украина) была прекращена деятельность униат. и католической Церквей. На длительный период в Ср. Поднепровье была устранена опасность, угрожавшая правосл. Церкви со стороны католиков и униатов. Власти гетманства с самого начала стремились оказывать поддержку церковным учреждениям, в первую очередь правосл. монастырям (материалы об этом лучше всего сохранились в отношении Киева, Левобережья и юга Украины), что отчасти компенсировало отрицательные последствия ухода с исторической сцены правосл. шляхты на укр. землях. Хмельницкий стремился перенять от королевской власти право патроната над правосл. Церковью и «подачи хлебов духовных». Это встретило сопротивление киевского высшего духовенства, поскольку еще с могилянских времен Церковь искала пути сосуществования с королевской властью, считая себя единственным выразителем интересов правосл. мирян.

Значимой была попытка сакрализации власти Хмельницкого: в февр. 1649 г. гетман заявил польск. комиссарам, что ему Бог дал власть «самодержца русского». В письме к московскому воеводе С. Н. Болховскому в июле 1648 г. гетман назвал себя «Богдан Хмельницкий, Божию милостью гетман». Эта формула регулярно встречается в переписке между казачьей администрацией и царскими воеводами в 1648–1654 гг. После поражения под Берестечком

вой не налаживались, и лишь в сер. 40-х гг. XVII в. наступило улучшение. Вместе с тем упорные попытки Петра (Могила) возобновить прерванные контакты говорят о том, что он, по-видимому, уже не представлял нормальной жизни Киевской митрополии без возобновления контактов с Россией.

Перемены к лучшему в годы предстоятельства свт. Петра (Могила) со-

20 июня 1651 г., когда Хмельницкий вынужден был признать власть короля, употребление формулы «Божью милостью» было отставлено. Однако после Переяславской рады по мере расширения связей с Россией титул снова стал использоваться. Во времена Сильвестра (Косова) и Б. М. Хмельницкого возросла роль Киева как религиозной столицы, здесь правосл. иерархи благословляли гетмана на власть. Киев (Софийский собор или Печерский

Гетман Богдан Хмельницкий.
Портрет. 1-я пол. XIX в.
(НМИУ)

мон-рь) мог стать местом казачьей присяги царю в янв. 1654 г., перенос присяги в Переяслав (Переяславль) был вызван не в последнюю очередь позицией митрополита, отрицательно относившегося к событию. При подписании Переяславского договора укр. лидеры, отмечая ист. связи между Киевом и Москвой, подчеркивали «первостепенность» Киева и его великих князей.

Иначе обстояло дело в сев. части К. е., где, несмотря на успехи казацких войск, православным не удалось добиться улучшения своего положения. Новые осложнения возникли после начала польско-русской войны. Они были связаны с деятельностью наместника митрополита в Великом княжестве Литовском Феодосия (Василевича), который встал в этой войне на сторону Речи Посполитой, поэтому на занятой рус. войсками в 1654–1655 гг. территории Великого княжества Литовского правосл. духовенство было подчинено власти поставленного в Москве Полоцкого еп. Каллиста.

Между митр. Сильвестром и Б. М. Хмельницким не было полного со-

гласия. 2 янв. 1649 г. вместе с Иерусалимским патриархом Паисием митр. Сильвестр приветствовал Хмельницкого при его триумфальном въезде в Киев. В то же время митрополит вел тайные переговоры с польскими властями, заверяя их в своей лояльности. Сыграла свою роль тесная связь в сер. XVII в. западнорусских иерархов с правосл. шляхтой, которая, наряду с католической, стала объектом ненависти восставших. Создалась парадоксальная ситуация: Хмельницкий угрозами заставлял митр. Сильвестра отстаивать права правосл. Церкви в Речи Посполитой. На переговорах с польск. властями после победы войск Б. Хмельницкого под Зборовом митр. Сильвестр (Косов) выполнял инструкции Хмельницкого и одновременно поддерживал королевских послов в лагере гетмана. До кампании 1651 г. митрополит не решался выступить против гетмана. В июле 1651 г., когда польское войско приблизилось к Киеву, Сильвестр высказался за капитуляцию, что привело к конфликту с гетманом. Во главе киевского духовенства митрополит приветствовал в Киеве польск. войско под командованием гетмана Я. Радзивилла. Накануне митр. Сильвестр обратился с письмом к Радзивиллу, в к-ром писал о своей верности Речи Посполитой, оправдывал свои действия в предыдущие годы страхом перед казаками. 31 авг. 1651 г. митрополит получил королевский универсал, который гарантировал протекцию православному духовенству. Несмотря на обострение отношений с митрополитом, Б. Хмельницкий просил его благословения перед битвой под Берестечком. Митр. Сильвестр и его окружение отнеслись отрицательно к соединению Украины с Россией (несмотря на это, в июле 1654 митрополит послал грамоту царю, прося о подтверждении прав западнорус. духовенства). Страхась подчинения Киевской митрополии Московскому Патриархату, Сильвестр пошел на компромисс с гетманом и согласился на патронат Б. Хмельницкого над Церковью. Т. о., поставление епископов, настоятелей мон-рей, а в перспективе и митрополита, стало прерогативой гетмана (27 мая 1657 гетман утвердил на кафедре Лазаря (Барановича), избранного Черниговским епископом).

Митр. Дионисий (Балабан).
Портрет. XIX в. (НКПИКЗ)

В русско-польск. войне после первоначальных успехов рус. армия стала терпеть неудачи, осложнились и отношения рус. правительства с разными группами казачества. В этих условиях среди правосл. духовенства произошел раскол. Часть духовенства, прежде всего преемники Сильвестра митрополиты Дионисий (Балабан-Тукальский), а затем Иосиф (Нелюбович-Тукальский), ориентировалась на тех гетманов (сначала И. Е. Выговского, затем П. Д. Дорошенко), к-рые, лавируя между соседями Украины, стремились добиться для гетманства возможно более широкой автономии. В июне 1658 г. митр. Дионисий поддержал курс Выговского на разрыв с Россией, участвовал в разработке и принятии Гадячского соглашения, по которому гетманство становилось частью Польско-Литовского гос-ва. В том же году митрополит покинул Киев, подчинявшийся власти царя, и поселился на Правобережной Украине, в резиденции гетманов Чигирине. Власть митрополита перестала распространяться на Левобережье, где местоблюстителем митрополичьей кафедры стал Черниговский еп. Лазарь (Баранович). 2 нояб. 1658 г. митр. Дионисий передал еп. Лазарю под управление протопопии Черниговскую, Менскую, Борзнянскую, Глуховскую, Конотопскую, Новгород-Северскую и Стародубскую. После низложения Выговского и нового подчинения Запорожского войска власти царя в окт. 1659 г. еп. Лазарь был назначен «блюстителем Киевской митрополии». В 1661 г. митрополичьим местоблюстителем на Левобережье стал посвященный в Москве на Мстиславскую кафедру

Мефодий (Филимонович), занимавший этот пост до 1668 г.

После заключения в 1667 г. Андрусовского мира, закрепившего Правобережную Украину за Речью Посполитой, а Киев и Левобережье за Россией, фактически произошел раскол митрополии и К. е. Киевские митрополиты, находившиеся на территории Польско-Литовского гос-ва, практически утратили власть над Левобережьем и Киевом, где усиливалось влияние России (в условиях постоянных войн и разорений определенное значение приобрела материальная поддержка, которую оказывали русские власти киевским мон-рям, и возможность продавать в Москве книги киево-печерской типографии). За укрепление связей с Россией как гарантом сохранения Православия на Украине выступала влиятельная западнорус. группа духовенства во главе с архиеп. Лазарем (Барановичем) и архим. Киево-Печерского мон-ря *Иннокентием (Гизелем)*.

Важную роль в западнорус. церковной жизни во 2-й пол. XVII в. играло киевское духовенство. Наиболее видные его представители составляли клирос при кафедральном Софийском соборе («велебная капитула свято-софийская»). В пожаловании митр. Сильвестром (Косовым) слуге поместья Лазаровщина от 19 февр. 1657 г. перечислены члены кафедральной капитулы: Черниговский еп. Лазарь (Баранович), игумены киевских мон-рей — Никольского Пустынского Алексей (Тур), Выдубицкого Климентий (Старушич), Златоверхого Михайловского *Феодосий (Сафонович)*, софийский наместник Феофан (Креховецкий). По универсалу Б. Хмельницкого от 4 авг. 1654 г. священникам кафедральной капитулы предоставлялось право сычения двух кадей меда. Капитулы существовали в Киево-Печерском, Пустынно-Николаевском, киевском Братском, Межигорском и в Златоверхом Михайловском монастырях. В 60-х гг. большое влияние приобрели настоятели киевских мон-рей во главе с архим. Иннокентием (Гизелем) и настоятелем Златоверхого Михайловского мон-ря игум. *Феодосием (Сафоновичем)*, часто выступавшие вместе. Помимо архим. Иннокентия и игум. *Феодосия* к высшему киевскому духовенству принадлежали игум. Кирилловского Свято-Троицкого мон-ря

Мелетий (Дзик) (2-я пол. 60-х гг. XVII в.), выдубицкий игум. *Феодосий (Углицкий)*, пустынский игум. Алексей (Тур), игум. Братского монастыря *Варлаам (Ясинский)*, игум. Иоанн (Станиславский).

С 70-х гг. XVII в. окормление Запорожской Сечи осуществлял Межигорский мон-рь. Зависимость Сечи от Киевских митрополитов была слабой. Митрополит не мог поставить священнослужителя без согласия казаков, белое духовенство было выборным. Клирики получали разрешение на служение в сечевых храмах у начальника кошевых церквей (эту должность занимал настоятель сечевой Покровской ц.), священнослужители приносили присягу на верность Сечи. В 1672–1686 гг. запорожские кошевые атаманы вели переписку с Межигорским монастырем о духовном окормлении Сечи, в частности о приписке сечевой Покровской ц. к обители. Эти юрисдикционные отношения были закреплены универсалами кошевого атамана И. Сирко и казацкой рады в 1676, 1683 и 1686 гг. 4 окт. 1683 г. универсалом войсковой рады было определено, что в Покровской ц. имеют право служить только священники из Межигорской обители. Кош принял мон-рь под свою опеку, а мон-рь обязывался направлять на Сечь нужное число священнослужителей и содержать госпиталь. В 1686–1687 гг. Киевский митр. *Геден (Святополк-Четвертинский)* сделал попытку установить свою власть над главным казачьим храмом, но потерпел поражение: по просьбе властей Межигорского мон-ря Московский патриарх Иоаким в 1687 г. даровал обители ставропигию и сохранил ее права в отношении Запорожской Сечи. Статус мон-ря был подтвержден грамотой царя Петра I от 12 мая 1698 г. В 1708 г. запорожцы прекратили отношения с Межигорским мон-рем, т. к. его наместник *Иродион (Жураковский)* убеждал казаков не поддерживать Мазепу.

В 60-х гг. XVII в. обострился кризис церковной жизни на Правобережье, где выборы 1663 г. (после смерти митр. Дионисия (Балабана-Тукальского)) завершились избранием 2 кандидатов — *Антония (Винницкого)* и Иосифа (Нелюбовича-Тукальского). В 1664 г. Иосиф, пользовавшийся поддержкой большей части духовенства Правобережья, был арестован польск. властями и заключен

в тюрьму. Он вышел на свободу лишь в 1667 г. (или в кон. 1666) и при помощи правобережного гетмана П. Дорошенко смог установить свою власть над зап. частью митрополичьей области (Правобережная Украина) и правосл. учреждениями в Белоруссии и Литве. Гетман и митрополит вели борьбу с распространением унии на этой территории. Северная, литовско-белорус., часть К. е. после ухода рус. войск оказалась под упр. наместника митр. Иосифа — слущкого архим. *Феодосия (Василевича)*. Здесь уже в 60–70-х гг. XVII в. активно восстанавливались позиции униат. Церкви (за исключением Слуцкого княжества). Когда в 1672 г. *Феодосий* был утвержден на Могилевской кафедре, он оставался одновременно и архимандритом слущким, и наместником митрополита в Великом княжестве Литовском.

В кон. 60-х гг. XVII в. обозначился курс укр. лидеров Правобережья на поиски поддержки у Османской империи для обеспечения автономии гетманства и ликвидации на его территории униат. Церкви. На раде в янв. 1668 г. в Чигирине при участии митр. Иосифа (Нелюбовича-Тукальского) было принято решение подчиниться власти султана. С этим решением, вероятно, была связана выдача «по челобитью Дорошенко» 6 марта 1668 г. К-польским патриархом *Мефодием III* настоятельной грамотой Иосифу на Киевскую митрополичью кафедру, Иосиф получил титул «митрополит Киевский, Галицкий и всея Руси, экзарх Константинопольского престола, епископ Белорусский и архимандрит лещинский». Одновременно Иосифу была послана грамота султана об утверждении на кафедре, что стало важным шагом на пути подчинения Правобережного гетманства Османской империи. И рус., и польск. современники считали митрополита главным советником гетмана Дорошенко при установлении османского протектората.

В 1665–1666 гг. обострились отношения между левобережным гетманом И. М. Брюховецким и киевским высшим духовенством. Протест вызвало прежде всего стремление гетмана подчинить Киевскую митрополию Московскому патриарху, население Левобережной Украины было против ограничения автономии гетманства со стороны русских властей и введение новых налогов. Митр.

Иосиф убеждал Брюховецкого поднять восстание против рус. власти и объединить земли по обоим берегам Днепра. Когда началось восстание и войска правобережного гетмана Дорошенко перешли Днепр, у митр. Иосифа появилась возможность распространить свою власть на земли Левобережья. Стоявший во главе местного духовенства Мстиславский еп. Мефодий (Филимонович) в июле 1668 г. был арестован и доставлен в Чигирин, где митрополит судил его, лишил сана под тем предлогом, что он был поставлен «Московским митрополитом» и служил царю. Мефодий был заключен в тюрьму, совершенные им поставления были объявлены недействительными, полученные от Мефодия антимины сжигались. Не позднее сент. 1668 г. еп. Мефодий был арестован в Киеве по приказу киевского воеводы кн. П. В. Шереметева и отправлен в Москву, где был предан суду за подстрекательство гетмана Брюховецкого к измене. Во время суда Мефодий обвинил настоятелей нескольких киевских монастырей (игум. Выдубицкого монастыря Феодосия (Углицкого), игум. киевского Братского монастыря Варлаама (Ясинского) и др.) в контактах с митр. Иосифом.

Постепенное укрепление на Левобережной Украине позиций гетмана Д. И. Многогрешного и рус. власти привело к тому, что митр. Иосиф утратил контроль над церковной жизнью к востоку от Днепра. Гетман запретил духовным лицам выполнять распоряжения митрополита и просить его благословения, отклонил просьбы Иосифа о сборе в его пользу дани с храмов на Левобережье. Главное духовное лицо на Левобережье — архиеп. Лазарь (Баранович) поручил игум. киевского Златоверхого Михайловского монастыря Феодосию (Сафоновичу) ведать всеми делами в Киеве, не обращаясь ни по каким вопросам к митрополиту.

В 1672 г. османская армия под предводительством султана вступила на Правобережную Украину, в ее составе были казачьи полки во главе с гетманом Дорошенко. В окт. 1672 г. был подписан польско-османский Бучачский мир, по к-рому Подолия стала адм. округом в составе Османской империи. Планам Дорошенко и митр. Иосифа был нанесен сокрушительный удар: террито-

рия гетманства не была расширена за счет тур. завоеваний, решение о походе османской армии на Киев (на чем настаивал митр. Иосиф) не было принято, на занятой турками укр. территории началось распространение ислама. Зависимость гетманства от Османской империи укреплялась: в нач. 1673 г. в Чигирин прибыли османские послы, которые привели гетмана и старшину к присяге на верность султану, «а приводил-де их ко кресту Иосиф митрополит Тукальской».

После смерти митр. Иосифа (Нелюбовича-Тукальского) в 1675 г. и ликвидации Правобережного гетманства на Правобережье стали складываться благоприятные условия для распространения унии. 10 мая 1675 г. кор. *Ян III Собеский*, видя «клир без пастыря», назначил администратором Киевской митрополии Львовского еп. Иосифа (Шумлянського). В 1677 г. Иосиф тайно принял унию и стал вести политику на разрыв связей с вост. частью митрополии. Правосл. клирики подчинялись власти наместников Иосифа (Шумлянського) из числа его сторонников, у священников отбирались миро и антимины, полученные из Киева. Возможности Иосифа (Шумлянського) были ограничены, т. к. по миру в Журавно 1676 г. юж. часть К. е. оказалась под властью Османской империи. В 1681 г. на территории принадлежавшей османам Подолия К-польский патриарх учредил митрополию, ему непосредственно подчиненную, во главе с Панкратием, «митрополитом Каменецким, и Подольским, и всей Малой Руси, экзархом константинопольским». В сев., белорусско-литов., части ситуация была другой. Здесь в марте 1678 г. умер Феодосий (Василевич), наместник митр. Иосифа (Нелюбовича-Тукальского) в Великом княжестве Литовском и «белорусский» епископ. Ссылаясь на то, что находившиеся здесь именные Киево-Печерского мон-ря остались «без опеки», Ян Собеский полностью передал их 30 июня 1678 г. под упр. Иосифа (Шумлянського) «до возвращения Киева от Москвы» (АрхЮЗР. Ч. 1. Т. 10. № 267).

Вместе с тем после смерти Иосифа (Нелюбовича-Тукальского) был и другой митрополит, имевший привилегии на кафедре от Яна Казимира, — Антоний (Винницкий). 12 апр. 1679 г. он назначил своим наместником в Великом княжестве Литов-

ском слущкого архим. Феофана (Креховецкого). Его преемником стал Серапион (Полховский), к-рый получил назначение на пост наместника в 1687 г. в Киеве от митр. Гедео́на (Святополк-Четвертинского), позднее занял Могилевскую кафедру (хиротонисан в 1697 в Киево-Печерском мон-ре). После смерти Антония (Винницкого) 14 дек. 1679 г. король назначил Иосифа (Шумлянського) постоянным администратором Киевской митрополии вплоть до выборов нового митрополита, к-рые был уполномочен провести Шумлянський.

К нач. 80-х гг. XVII в. относятся свидетельства об осуществлении Иосифом (Шумлянским) власти в юж. части К. е. Так, в Овручскую архимандритию в 1680 г. был поставлен Сильвестр (Творовский), а избранный братией *Иннокентий (Монастырский)* был вынужден бежать в Киев. В 1683 г. возобновилась война между Польшей и Османской империей и польск. войска стали занимать земли Правобережной Украины. В овручские городские книги генеральный наместник Шумлянського Иосиф Болонский, игумен колодезженский, внес обращение Шумлянського к шляхте Киевского воеводства с просьбой помочь его наместнику подчинить местное духовенство, которое противится установлению его власти. 6 февр. 1684 г. в связи со смертью Иннокентия (Гизеля) король пожаловал Шумлянскому Киево-Печерскую архимандритию со всеми ее владениями.

В 1685–1686 гг. произошел ряд крупных событий — возведение Московским патриархом Иоакимом Гедео́на (Святополк-Четвертинского) на митрополичью кафедру и признание К-польским патриархом вхождение Киевской митрополии в Русскую Церковь; заключение «вечного мира» между Россией и Речью Посполитой, по к-рому Киев остался в России. Одним из ближайших последствий стала раздача королем владений киевских мон-рей в Речи Посполитой светским лицам и местным церковным учреждениям (так, Овручской архимандритии была передана часть имений Пустынно-Николаевского мон-ря). Православные из Речи Посполитой начали искать у митр. Гедео́на помощи и защиты (обращение Виленского братства от 10 окт. 1686). По нормам права после избрания митр. Гедео́на епископы в

Митр. Гедеон
(Святополк-Четвертинский).
Портрет. XVII в. (НКПИКЗ)

Речи Посполитой должны были подчиниться его власти, она должна была восстановиться на территории К. е., но этого не произошло. В грамоте русскому воеводе митр. Гедеон писал, что Шумлянский занимает митрополичьи владения, дает приют «виновным священникам», расторгает браки, заключенные на землях под властью митрополита. 7 февр. 1690 г. митр. Гедеон писал в Москву о Шумлянском, что «его прикащики по деревням свято-софийским ездят, от крестьян емлют рубли, дань медовую и пашенную и иные поборы... так же и старосты поповские с моих же священников за три или за четыре мили от Киева рубли емлют. Антиминсы и миро святое тем же священником велел раздавать, а предо мною будучих митрополитов велит с престолов имати и к себе отвозити» (АрхЮЗР. Ч. 1. Т. 10. № 277. С. 765). 28 марта 1691 г. Варлаам (Ясинский) писал, что Шумлянский запрещает поминать Киевского митрополита за богослужением. Одновременно укреплялись связи Киевской кафедры с православными в Речи Посполитой. В сент. 1692 г. Варлаам (Ясинский) отправил в Вильно посольство во главе с Иоасафом (Кроковским), которое уладило конфликты в Виленском братстве, провело избрание «старшего» и мирских старост. Очевидно, открытое признание Шумлянским унии в 1700 г. окончательно разъяснило положение, оставшиеся верными Православию церковные учреждения в Речи Посполитой подчинились власти митрополита в Киеве («заграничные» мон-ри).

Л. В. Тимошенко, Б. Н. Флоря

Ист.: ПМКДА. Т. 2. Отд. 2. С. 421–422; АЮЗР. Т. 2. С. 196–198; Т. 7. С. 68–84; АрхЮЗР. Ч. 1. Т. 6. С. 459–462, 463–465, 543–546; Голубев С. Т. Киевский митр. Петр Могила и его сподвижники: (Опыт ист. исслед.). К., 1883. Т. 1. Прил. С. 181–182, 261–264, 277–279, 287–290, 296–297, 302–317, 351–353, 360–363, 552–555; Т. 2. Прил. С. 21–24, 56–57, 66–74, 169–170, 358–487; Требник Петра Могили: Перевидання з оригіналу, що появився у друкарні Києво-Печерської лаври 16 грудня 1646 р. / Упоряд.: А. Жуковський. Канберра; Мюнхен; П., 1988; Катехизис Петра Могили: Оригінал 1645 р. / Пер.: В. Шевчук, упоряд.: А. Жуковський. К.; П., 1996; Заборовский Л. В. Католики, православные, униаты: Проблемы религии в русско-польско-украинских отношениях кон. 40-х – 80-х гг. XVII в.: Док-ты, исслед. М., 1998. Ч. 1: Источники времени гетманства Б. М. Хмельницого. С. 28–29, 81–85, 103, 160–167, 172, 177, 180, 182–184, 198, 203, 208, 210–211, 214, 215, 217, 240, 241–246; Универсали Богдана Хмельницкого, 1648–1657 / Упоряд.: І. Крип'якевич, І. Бутич. К.; Львів, 1998. С. 45–72, 76–77, 78, 85, 90, 92, 94, 110, 116–119, 122–123, 126–127, 130, 132, 145–147, 150, 154–155, 158–159, 160–161, 163–171, 176–177, 178, 180–181, 183, 185, 188–189, 192, 196, 206, 214, 217, 225, 236–237; Универсали укр. гетьманів від Івана Виговського до Івана Самойловича (1657–1687) / Упоряд.: І. Бутич, В. Ринсевич, І. Тесленко. К.; Львів, 2004. С. 113–124, 236, 239, 265–283, 338–339, 809–810, 997 (покажчик мон-рів); Универсали Івана Мазепи (1687–1709). К.; Львів, 2006. Ч. 2 / Упоряд.: І. Бутич, В. Ринсевич. С. 419–421; Халебський Н. Україна – земля козаків: Подорожній щоденник / Упоряд.: М. Рябий. К., 2008. С. 119–19; Кузьмук О. С. Поменник Межигірського мон-ря: Публ. рукописної пам'ятки XVII ст. // Болховитиновський щорічник, 2011. К., 2012. С. 139–322; Джерела з історії Національно-визвольної війни укр. народу 1648–1658 рр. / Упоряд.: Ю. А. Мицик. К., 2012. Т. 1: 1648–1649 рр. С. 407–409. Лит.: Голубев С. Т. Киевский митр. Петр Могила и его сподвижники: (Опыт ист. исслед.). К., 1883. Т. 1. С. 241–412, 449–553; Т. 2. С. 241–463, 470–524; Титов Ф. И., прот. Русская Правосл. Церковь в Польско-Литовском гос-ве в XVII–XVIII вв. К., 1905. Т. 2: Киевская митрополия-епархия в XVII–XVIII вв. 1-я пол. т. С. 2–8; он же. Киевская митрополия-епархия // ПБЭ. 1909. Т. 10. Стб. 596–655; Жуковський А. І. Петро Могила і питання єдності Церков / З передмовою Н. Полонської-Василенко. П., 1969. С. 48–119; Плохий С. Н. Папство и Украина: Политика римской курии на укр. землях в XVI–XVII вв. К., 1989. С. 139–189; он же (Плохий С. М.). Наливайкова віра: Козацтво та релігія в ранньомодерній Україні. К., 2005. С. 119–135, 150–175, 230–422; Litwin H. Katolicyzacja szlachty ruskiej a procesy asymilacyjne na Ukrainie w latach 1569–1648 // Tryumf i porażki: Studia z dziejów kultury polskiej XVI–XVIII w. Warsz., 1989. S. 47–73; Власовський І. Ф. Нарис історії Української Правосл. Церкви. Н.-Й.; Бавнд Брук, 1990. Т. 2: (XVII ст.). С. 28–183, 292–378; Яворницький Д. І. Історія Запорізьких козаків. К., 1990. Т. 1. С. 198–199; Крижанівський О. П., Плохий С. М. Історія Церкви та релігійної думки в Україні. К., 1994. Кн. 3: Кін. XVI – сер. XIX ст. С. 50–94; Грушевський М. С. Історія України–Руси. К., 1995. Т. 7. С. 388–425; Т. 8. Ч. 1. С. 4–18, 73–100, 132–134, 147–148, 160–173, 177–199; Ч. 2. С. 89–117; Евге-

ний (Болховитинов), митр. Описание Киево-Софийского собора и киевской иерархии // Он же. Выбрані праці з історії Києва / Упоряд.: Т. Ананьева. К., 1995. С. 35–270; Блажейовський Д. Ієрархія Київської Церкви (861–1996). Львів, 1996. С. 219–227; Феномен Петра Могили: Біографія, діяльність, позиція / Відп. ред.: В. Климов. К., 1996. С. 49–73; Mirowski A. Prawoslawie i unia za panowania Jana Kazimierza. Białystok, 1996; idem. Sylwester Kosow – władca Białoruski, metropolita Kijowski. Białystok, 1999. S. 33–114; Історія релігій в Україні. К., 1997. Т. 2: Українське православ'я / Ред.: П. Яроцький. С. 235–320; Нічик В. М. Петро Могила в духовній історії України. К., 1997. С. 96–159; Флоря Б. М. Національно-конфесійна свідомість населення Східної України в 1-й пол. XVII ст. // Берестейська унія та внутрішнє життя Церкви в XVII ст.: Мат-ли IV «Берестейських читань». Львів, Луцьк, Київ, 2–6 жовтня 1995 р. Львів, 1997. С. 125–147; он же. Митр. Иосиф (Тукальский) и судьбы Православия в Вост. Европе в XVII в. // ВЦИ. 2009. № 1/2(13/14). С. 123–147; он же. Новые данные о начале контактов Киевского митр. Иова (Борецкого) с Россией // Там же. 2011. № 1/2(21/22). С. 225–232; он же. Киевский митр. Петр (Могила) и рус. власть: Эволюция взаимоотношений // Там же. 2013. № 1/2(29/30). С. 179–187; Брестская уния 1596 г. и общественно-полит. борьба на Украине и в Белоруссии в кон. XVI – 1-й пол. XVII в. / Отв. ред.: Б. Н. Флоря. М., 1999. Ч. 2: Брестская уния 1596 г.: Ист. последствия события. С. 151–189; Люта Т. Ю. Земельна власність Києво-Печерського мон-ря в Києві та його околиці в XVI – 1-й пол. XVII ст. // Наукові зап. НаУКМА. К., 1999. Т. 14: Історія. С. 30–38; Довбищенко М. В. Українські церковні архіви Литовсько-Польської доби: Історична доля та перспективи реконструкції // Архіви України. 2001. № 6. С. 11–23; Історія української культури: У 5 т. К., 2001. Т. 2: Українська культура XIII – 1-й пол. XVII ст. С. 519–530, 564–574; Беднов В. А. Православная Церковь в Польше и Литве (по Volumina Legum). Минск, 2002. С. 206–287; Яковенко Н. Паралельний світ: Дослідження з історії уявленень та ідей в Україні XVI–XVII вв. К., 2002. С. 37–38, 296–332; она же. Дзеркала ідентичності: Дослідження з історії уявленень та ідей в Україні XVI – поч. XVIII ст. К., 2012. С. 371–396; Kempa T. Metropolita Michał Rahoza a unia Brzeska // Klio: Czasopismo poświęcone dziejom Polski i powszechnym. Toruń, 2002. N 2. S. 49–69; idem. Rywalizacja o Ławrę Pечerską w Kijowie między prawosławnymi a unitami w końcu XVI i na początku XVII w. // Przegląd Wschodni. Warsz., 2003. T. 8. Zesz. 4(32). S. 831–870; idem. Recepcja unii Brzeskiej na obszarze Wielkiego Księstwa Litewskiego i ziem ruskich Korony do połowy XVII w. // Rocznik Instytutu Europy Środkowo-Wschodniej. Lublin, 2005. R. 3. S. 141–170; Ісіченко Ю. А. Історія Христової Церкви в Україні. Х., 2003. С. 157–192, 196–201; Кагамлик С. Києво-Печерська лавра: Світ правосл. духовності і культури (XVII–XVIII ст.). К., 2005. С. 18–21, 66–68, 95–105, 119–149, 272–280; Мицик Ю. А. З нових документів до біографії св. Петра Могили // Україна XVII ст.: Суспільство, філософія, культура: 36. наук. праць на пошану пам'яті проф. В. М. Нічик. К., 2005. С. 376–385; Нікітєнко Н. М. Петро Могила – ктитор Софії Київської // Там же. С. 387–392; Кузьмук О. С. «Козацьке благочестя»: Військо Запорозьке Низове і київські чоловічі мон-рі в XVII–XVIII ст.:

Еволюція взаємовідносин. К., 2006. С. 24–49; *он же*. Межигірський ігумен. Феодосій Васильовський // Болховітинівський щорічник, 2011. К., 2012. С. 109–117; *Świątko L.* Polityka władz państwowych wobec Kościoła prawosławnego i ludności prawosławnej w Królestwie Polskim, Wielkim Księstwie Litewskim oraz Rzeczypospolitej Obojga Narodów w latach 1344–1795. Lublin, 2006. S. 153–254; *Drozdowski M.* Religia i kozaczyzna zaporoska w Rzeczypospolitej w 1-j połowie XVII w. Warsz., 2008. S. 76–205; *Тимошенко Л. В.* Религиозные конфликты в Речи Посполитой в кон. XVI – 1-й трети XVII в. // Сравнительное изучение религ. традиций: Россия, Вост. Европа, постсоветское пространство: Сб. авторских программ и мат-лов учебных курсов. Иваново, 2010. С. 394–409; *Ульяновский В. I.* Князь Василь—Костянтин Острозький: Историчний портрет у галереї предків та нащадків. К., 2012. С. 976–978, 980–986.

Л. В. Тимошенко

К. е. в 1686–1786 гг. (на территории Российского государства). В 1686 г. юрисдикцию Киевского митрополита признали 6 епархий: Киевская и Черниговская на Лаво-

Вид на Межигорский мон-рь.
Худож. Ф. Г. Солнцев.
1843 г.

бережной Украине, находившейся под властью России, и Львовская, Луцкая, Перемышльская, Могилёвско-Мстиславская кафедры на территории Речи Посполитой. В 1687 г. стал ставропигиальным по отношению к Московскому патриарху Межигорский мон-рь, в 1688 г. — Киево-Печерский мон-рь. 10 апр. 1688 г. Черниговская епархия перешла под непосредственное управление Московского патриарха (К. е. были возвращены Глуховская, Конотопская и Борзнянская протопопии, присоединенные к Черниговской епархии в 1658). В это же время правобережные епархии Львовская, Луцкая и Перемышльская приняли унию, а Могилёвско-Мстиславская епархия перешла под управление Московского патриарха. Т. о., к нач. XVIII в. Киевский митрополит утратил власть над всеми епархиями, кроме Киевской. В 1700 г. учреждено *Переяславское и Бориспольское викариатства* К. е.,

в 1733 г. ставшее самостоятельной епархией. В 1785 г. было создано викариатство К. е. для приходов и монастырей в Речи Посполитой (на Правобережной Украине, в Литве и в Белоруссии).

Вхождение Киевской митрополии в состав Московского Патриархата положило начало ее постепенной унификации с др. правосл. епархиями на территории Российской империи. На развитие К. е. в XVIII в. решающим образом повлияли события, определившие судьбу Русской Церкви в целом: отмена Патриаршества, принятие *«Духовного регламента»* (25 янв. 1721), учреждение Святейшего Синода (14 февр. 1721). Со времени Петра I российские власти принимали меры для упразднения древних прав и привилегий Киевской кафедры. Процесс унификации К. е. официально

был завершен к 80-м гг. XVIII в. К этому времени была проведена реформа, в ходе которой границы К. е. были приведены

в соответствии с границами одноименного наместничества, изданный 10 апр. 1786 г. указ о секуляризации церковных земель в Малороссии по-

влинял на все сферы жизни К. е. В целом период 1686–1786 гг. ознаменовался, с одной стороны, активной унификационной политикой высшей гос. и церковной власти в отношении укр. епархий, в т. ч. К. е., с другой — усилиями духовенства К. е., направленными на восстановление давних прав и привилегий. Традиц. местный церковный уклад дольше всего сохранялся в приходской жизни, где практика существенно расходилась с предписаниями высшей церковной власти.

Архиереи. Первым Киевским митрополитом, поставленным в Москве, стал Гедеон (Святополк-Четвертинский). В полученной им 15 дек. 1686 г. настоятельной грамоте он именовался «митрополитом Киевским, Галицким и Малой России». Т. о., сразу после подчинения Московскому Патриархату изначальный титул митрополита Киевского был изменен: с «всея России» на «Малой Рос-

сии». Однако митр. Гедеон продолжал подписываться как «митрополит Киевский, Галицкий и всея России». Указом от 27 янв. 1688 г. ему было еще раз запрещено использовать этот титул. После этого митр. Гедеон до конца жизни подписывался как «митрополит всея Малой России и епископ Луцкий и Острожский».

После смерти митр. Гедеона 6 апр. 1690 г. гетман И. С. Мазепа испросил у царя Петра I разрешение на избрание нового митрополита. После получения одобрения гетман созвал избирателей. На Соборе, прошедшем в Софийском храме 1–2 июня 1690 г., на Киевскую кафедру был избран архим. Киево-Печерского мон-ря Варлаам (Ясинский). 31 авг. в московском Успенском соборе состоялась его хиротония, 26 и 28 сент. 1690 г. он получил настоятельные грамоты от патриарха и от царя. Митр. Варлааму благодаря поддержке гетмана впервые в истории Киевской митрополии в 1698 г. было разрешено иметь викария (коадьютора) — Переяславского епископа, в 1700 г. им стал игум. Златоверхого Михайловского мон-ря *Захария (Корнилович)*. Создание Переяславского и Бориспольского викариатств существенно повысило престиж Киевской кафедры, к-рая к этому времени уже утратила все прежде подчиненные ей епархии. Митр. Варлаам (Ясинский) пытался вернуть себе статус экзарха К-польского или Московского Патриаршего престола, но осуществить это не получилось.

Следующим избранным на Киевскую кафедру митрополитом стал *Иоасаф (Кроковский)*. Его избрание состоялось 19 окт. 1707 г., 15 авг. следующего года он был хиротонисан в московском Успенском соборе, настоятельную грамоту от царя получил 14 сент. 1709 г. В грамоте были подтверждены все права и привилегии, пожалованные его предшественникам Гедеону (Святополку-Четвертинскому) и Варлааму (Ясинскому). 12 нояб. 1708 г. в Троицком соборе Глухова по требованию Петра I митрополит возглавил богослужение, на к-ром была провозглашена анафема Мазепе. При этом иерарх отказался произнести проповедь с осуждением Мазепы и не подписал акт избрания нового гетмана — И. И. Скоропадского; есть предположение, что митр. Иоасаф был посвящен в план Мазепы выступить против Петра I.

В 1718 г. начался процесс по делу царевича Алексея Петровича. На допросах царевич оговорил митр. Иоасафа; в том же году на митрополита поступил донос о том, что собор укр. иерархов во главе с Иоасафом постановил не принимать церковных реформ. По распоряжению Петра I митрополит был вызван для дачи показаний в С.-Петербург, по дороге в Твери скончался. После его смерти Киевская кафедра 4 года оставалась вакантной. Указы о епархиальных делах присылались софийскому наместнику или казначею и приказным архиерейского дома, с 1721 г. — Киевской духовной консистории.

В 1721 г. поступило позволение избрать Киевского митрополита. Был избран архим. киевского Межигорского мон-ря Иродион (Жураковский), но его кандидатуру не утвердили (позже он стал Черниговским архиепископом). 11 мая 1722 г. Петр I назначил на Киевскую кафедру по представлению Синода *Варлаама (Вонатовича)*, тем самым была фактически упразднена выборность Киевского митрополита. Варлаам должен был именоваться не митрополитом, а архиепископом «Киевским, Галицким и Малой России», хиротония состоялась 14 мая того же года. В 1724 г. архиерей просил вернуть Киевской кафедре статус митрополии, но не добился цели. Со времени учреждения Синода было фактически упразднено право Киевских архиереев на духовный суд. Синод принимал жалобы от духовных лиц К. е. на решения местного духовного суда, подтверждал или отменял их. Архиеп. Варлаам был противником церковных преобразований, иницированных Петром I, был оппонентом архиеп. Феофана (Прокоповича). Архиеп. Варлаам и Киевская консистория признавали распоряжения Синода обязательными для себя лишь в той мере, в которой они не противоречили традициям К. е. В июле 1730 г. архиеп. Феофан использовал донос киевского войта Д. Прилуцкого о неслужении Варлаамом торжественных молебнов по случаю восшествия на престол *Анны Иоанновны* для расправы с ним. 2 авг. 1730 г. Киевский архиепископ был вызван в Москву, судебное разбирательство завершилось 25 нояб. 1730 г. лишением его сана и ссылкой в *Кириллов Белозерский мон-рь*. Игумены киевских Пустынно-Ни-

новить и др. права Киевской кафедры: неподсудность духовенства светскому суду, привилегии, изложенные в царской

Антиминс митр. Варлаама (Вонатовича). 1724 г. (НКПИКЗ)

колаевского, Златоверхого Михайловского, Выдубицкого и Кирилловского мон-рей, софийский наместник, архидиакон, кафедральный писарь и экзаменатор были уволены от присутствия в духовной консистории. В 1740 г. Варлаам (Вонатович) был восстановлен в сане и поселился в тихвинском Успенском мон-ре, где прежде он был архимандритом. Во время отсутствия в Киеве архиерея К. е. управляла духовная консистория, 28 февр. 1731 г. производство в духовные чины было поручено греч. Коринфскому митр. Митрофану, в окт. 1728 г. прибывшему в Киев.

В 1731 г. Киевским архиепископом стал *Рафаил (Заборовский)*. В 1733 г.

Митр. Арсений (Могилянский). Портрет. XVIII в. (НКПИКЗ)

из ведения Киевского архиепископа была изъята Переяславско-Бориспольская епархия. Имп. указом от 16 июня 1743 г. Рафаилу (Заборовскому) был возвращен титул митрополита. Владыка пытался возоб-

ное внимание митр. Рафаил оказывал Киево-Могилянской академии.

В 1748 г., после смерти митр. Рафаила, на Киевскую кафедру был назначен архим. Киево-Печерского мон-ря *Тимофей (Щербатский)*, хиротония состоялась в С.-Петербурге. Митр. Тимофей, с одной стороны, выступал в защиту привилегий Киевской кафедры, с другой — будучи опытным администратором (долгое время занимал должность кафедрального писаря), использовал нововведения для упорядочения жизни К. е. При поддержке гетмана К. Г. Разумовского митр. Тимофей в 1752 г. подал петицию в Коллегию иностранных дел с требованиями вернуть в юрисдикцию Киевского митрополита Переяславскую епархию и Межигорский монастырь, восстановить церковный суд, снять ограничения на печатание книг. Митрополит выступал в защиту имущественных прав К. е., провел выборы нового епископа в Переяславе. Синод отказал по всем пунктам и объявил себя высшей инстанцией во всех делах управления и суда К. е. Митр. Тимофей получил выговор за попытку избрать Переяславского епископа.

Указом имп. Елизаветы от 22 окт. 1757 г. митр. Тимофей был переведен на Московскую кафедру, на К. е. был назначен *Арсений (Могилянский)*. В 1766 г. возник конфликт между митр. Арсением и Синодом. 2 апр. 1767 г. вышел указ имп. Екатерины II об исключении из титула Киевского митрополита слов «и всея Малая Россия» (поскольку территория Малороссии была значительно больше, нежели территория К. е.); архиерей пытался сохранить титул, но 18 марта 1770 г. ему было окончательно предписано титуловаться

«митрополитом Киевским и Галицким» (слово «Галицкий» было сохранено в надежде на присоединение галицких земель и возрождение там Православия). Митр. Арсений активно занимался организацией епархиальной жизни, провел ряд важных реформ.

В ходе работы созданной в 1767 г. Законодательной комиссии епархиальные архиереи должны были присылать в С.-Петербург записки с изложением необходимых перемен в церковном управлении. Из Малороссии в Синод прислали донесения Киевский, Черниговский и Переяславско-Бориспольский архиереи, настоятели Киево-Печерской лавры и Межигорского мон-ря. В записке Киевского митрополита была изложена программа церковной автономии для укр. епархий под властью Киевского митрополита: признание титула «митрополит Киевский, Галицкий и всей Малороссии», возобновление избрания митрополита, передача юрисдикции над Киевским митрополитом из Синода в Коллегию иностранных дел; напоминание о том, что Черниговская, Переяславская и другие украинские епархии, а также ставропигиальные мон-ри когда-то состояли под властью Киевского митрополита, требование, чтобы настоятели мон-рей утверждались Киевским митрополитом или епархиальными архиереями, но не назначались Синодом. В то же время Переяславский и Черниговский епископы и ставропигиальные монастыри не высказали желания вернуться под власть Киева. Приходские клирики требовали подтверждения шляхетских прав, выступали за невмешательство светских властей в материальное обеспечение храмов прихожанами, духовенство просило подтверждения своих владений и доходов. В донесениях из всех епархий имелся протест против вмешательства в церковный суд, требования присутствия в светских судах представителей духовенства при разборе дел духовных лиц, освобождения духовенства и церковных людей от военного постоя и нек-рых налогов (пункты от Киевской епархии и Межигорского мон-ря включали просьбы об освобождении от всех налогов). Киевский митрополит просил о финансовой поддержке и повышении статуса Киево-Могилянской академии, о создании для епархии отдельной типографии. Донесения

не имели последствий, но они свидетельствовали об оппозиционных и автономистских настроениях в К. е. После кончины митр. Арсения († 8 июня 1770) власти желали видеть в качестве его преемника более послушного архиерея. Таким оказался *Гавриил (Кременецкий)*, назначенный на Киевскую кафедру 22 сент. 1770 г. Он стал членом Синода, ему пожаловали белый клобук. Вслед за ним в Синод перешли другие архиереи. Митр. Гавриил К. е. поте-

Митр. Гавриил (Кременецкий).
Посл. треть XVIII в.
(НКПКИЗ)

ряла значительную часть своей территории, переданную соседним епархиям.

Следующим шагом на пути ликвидации церковной автономии Киева стала секуляризация церковных имений в Малороссии, осуществленная при митр. *Самуиле (Миславском)* (назначен на Киевскую кафедру в 1783, так же как и его предшественник, стал членом Синода и получил право ношения белого клобука). 10 апр. 1786 г. высочайшим указом предписывалось ввести в малороссийских епархиях духовные штаты, церковные владения с жителями передать в Ведомство казенных палат. В основном указе о секуляризации названы суммы, к-рые казна выделяла на содержание епископских кафедр, духовных школ и монастырей. Киевский митрополит получил содержание наравне с Московским архиепископом. Киевский митрополит становился архимандритом Киево-Печерской лавры. Митрополичий дом должен был перейти гос-ву, там планировалось создать губернскую школу и перевести туда часть Киево-Могилян-

ской академии. Др. часть академии должна была переместиться в Киево-Печерскую лавру, а на территории упраздненного Братского монастыря предполагалось создать госпиталь. На содержание Киево-Печерской лавры планировалось выделять столько же средств, как и на содержание Троице-Сергиевой лавры. Кафедральная церковь киевского Софийского мон-ря стала кафедральным собором со штатом белого духовенства наравне с московским Архангельским собором. Киевские муж. мон-ри Пустынно-Николаевский, Златоверхий Михайловский и жен. киевский Флоровский признаны первоклассными. Второклассными стали муж. обители: греческий Екатерининский, Мгарский Преображенский под Лубнами, переяславский Вознесенский и жен. киевский Богословский. К 3-му классу были причислены муж. мон-ри: киевский Выдубицкий, козелецкий Георгиевский, и женские: козелецкий Богоявленский и золотоношский Благовещенский. Ставропигиальный Межигорский монастырь со штатом 1-го класса планировалось перевести в Таврическую обл. Не вошедшие в штат мон-ри и пустыни должны были быть обращены в приходские церкви с открытием при них, где возможно, народных уч-щ и богаделен. Оставшихся за штатами монахов и монахинь предписывалось разослать по др. епархиям, белое духовенство, оказавшееся вне штата, должно было ожидать вакансий. До размещения всего духовенства приказывалось не рукополагать новых иереев и не постригать в монашество. Киевская консистория была переименована в дикастерию, изменялись ее кадровый состав и принципы функционирования.

Новые распоряжения не были исполнены в полной мере, нек-рые даже были вскоре отменены. Монастыри получили право сбора последнего урожая на полях, перешедших к гос-ву. Киево-Могилянская академия осталась в помещениях Братского мон-ря (мон-рь был закрыт). Митрополит, несмотря на то что получил новые апартаменты в Киево-Печерской лавре, оставил за собой также прежнюю резиденцию. Самой большой проблемой для властей было значительное число монахов из закрытых обителей, оставшихся без средств к существованию. В указе от 13 июля 1786 г. уво-

Митр. Самуил (Миславский).
Портрет. XVIII в. (НКПИКЗ)

ленным монахам и монахиням гарантировалась минимальная гос. пенсия, было разрешено существование неск. мон-рей, к-рые перед тем планировали закрыть, запрещалось действующим мон-рям принимать новых послушников, пока все уволенные монахи не подыщут себе мест. Благодаря этим мерам секуляризация не вызвала значительного протеста. Митр. Самуил в храмах епархии произносил наставления о необходимости подчиниться реформам.

В 1785 г. было организовано викарлатство К. е. для приходов и монастырей в Речи Посполитой (на Правобережной Украине, в Литве и Белоруссии), глава которого Виктор (Садковский) получил титул «Переяславский и Бориспольский», хотя его кафедра была в Слуцке,

Пустынно-Николаевский
мон-рь. Фотография.
1911 г. (ГПИБ)

в его юрисдикцию не входили ни Переяслав, ни Борисполь. Викариатство фактически начало действовать в кон. 1786 г., когда после долгих проволочек был получен привилей польского короля на открытие в Слуцке православной епископской кафедры.

Епархиальное управление. В систему управления К. е. входили общепархиальные органы: духовная консистория и кафедральный контора и местные власти: протопопы, наместники, духовные правления. Монастырями управляли настоятель и Духовный собор.

В XVIII в. консистория по отношению к митрополиту выступала как совещательный адм. орган, все ее решения утверждались митрополитом. Консистория имела также судебные полномочия, но их объем постоянно уменьшался, во 2-й пол.

Дом митрополита.
1722–1730 гг.
Фотография. 2013 г.

XVIII в. ее деятельность была сосредоточена на решении адм. вопросов и осуществлении исполнительной власти. В консистории имелись присутствие (собрание всех членов) и канцелярское отд-ние. В 1-й пол. XVIII в. число присутствующих в Киевской консистории приближалось к нормам, закрепленным в «Духовном регламенте» (10–11 членов), в кон. 60-х гг. XVIII в. число присутствующих уменьшилось вдвое.

В консистории заседали исключительно представители духовенства, преимущественно из мона-

шествующих. Членами присутствия, как правило, назначались настоятели киевских мужских неставропигиальных монастырей: Пустынно-Николаевского, Златоверхого Михайловского, Братского, Выдубицкого Михайловского, Софийского, Кирилловского Свято-Троицкого, Петропавловского. В 1-й пол. XVIII в. Софийскую кафедральную обитель в присутствии в отличие от др. мон-рей могли

представлять не только наместник, но и насельники. С кон. 60-х гг. XVIII в. места в присутствии стали привилегией архимандритов Пустынно-Николаевского, Златоверхого Михайловского, Братского мон-рей и наместника Софийского мон-ря. Во 2-й пол. XVIII в. в присутствии появились представители некиевских мон-рей: с 1764 г. в присутствии заседал архимандрит нежинского Благовещенского Назарет-Богородичного мон-ря Епифаний (Могиланский).

Канцелярия консистории обеспечивала делопроизводство учреждения. С 20-х гг. XVIII в. дела епархии, митрополичьей кафедры и кафедрального Софийско-

го мон-ря вел один кафедральный писарь (нотарий) с небольшим числом писцов. Через некоторое время для ведения

документации кафедрального монастыря был назначен отдельный писарь, в 1745 г. произошла очередная реорганизация, следствием которой стало создание отдельной консисторской канцелярии во главе с консисторским писарем. Помимо писарей высшими чиновниками канцелярии были регент (организовывал работу канцеляристов) и поветчики; низший канцелярский персонал составляли канцеляристы, подканцеляристы, копиисты, писцы. В 1-й пол. XVIII в. в канцелярии Киевской консистории служили 12–15 чел., с середины столетия их число увеличивалось. В нач. XVIII в. канцелярия практически полностью формировалась из монахов кафедрального мон-ря, с кон. 30-х гг. в ее составе появились представители разных социальных слоев, преимущественно дети белого духовенства.

В 1-й пол. XVIII в. при митрополите действовал отдельный орган — кафедра архиерейская, или кафедральное правление, в ведении которого находились управление владениями митрополичьей кафедры, сборы в архиерейскую казну (солодовые, мировые, столовые, венечные подати), ставленические и «омофорные» дела. В этом учреждении состояли наместник кафедрального Софийского монастыря, кафедральный писарь,

архидиакон, экзаменатор, крестовый иеромонах и неск. монахов кафедрального мон-ря. Позже все указанные полномочия перешли к кафедральной конторе — учреждению, созданному 2 сент. 1758 г. по указу митр. Арсения (Могилянского). В конторе заседали кафедральный наместник, кафедральный писарь, архидиакон, духовник, экзаменатор и крестовый иеромонах — все они принадлежали к братии кафедрального Софийского мон-ря.

Органами местного управления, подчиненными консистории, были духовные правления в протопопиях и наместничествах. В духовном правлении заседали протопоп или наместник, неск. священников. В XVIII в. места протопопа, наместника или члена духовного правления были выборными с обязательным утверждением митрополитом, принцип выборности подрывался практикой передачи места протопопа или наместника по наследству (особенность К. е.). На протопопов (наместников) возлагалась задача ознакомления приходов с указами, присылавшимися консисторией, контроль над их исполнением. Протопоп и духовное правление проводили выборы наместников и представляли их на кафедру для получения грамот, составляли отчетную документацию о подчиненной им церковной области; делопроизводство в местных органах епархиального управления, как правило, обеспечивали временные писари, принимавшиеся на работу на определенный срок. Небольшие протопопии включали от 20 до 50 приходов, крупные — 50–70 храмов. Центры протопопий размещались в полковых и сотенных центрах гетманщины.

Надзор за монастырями осуществляла кафедра (кафедральная контора) митрополита. Право назначать в епархиальные монастыри настоятелей имели митрополиты Гedeон (Святополк-Четвертинский), Варлаам (Ясинский), Иоасаф (Кроковский). Согласно синодальному указу от 2 апр. 1724 г., архиерей был обязан сообщать в Синод о вакантных настоятельских местах и ждать его решения. Фактически этот указ в К. е. не действовал, митрополит назначал настоятелей самостоятельно или по рекомендации консистории. В 1765 г. было вновь запрещено посвящать архимандритов без разрешения Синода, в 1774 г. — ставить без ведома Синода также игуменов. Данная политика привела к тому,

что в 70-х гг. XVIII в. почти половина настоятелей мон-рей в К. е. не были местными уроженцами.

В 1-й трети XVIII в. всеми монастырями, кроме ставропигиальных, управляли игумены, кафедральным мон-рем — наместник. В 1732 г. настоятели Пустынно-Николаевского и Братского монастырей получили

сан архимандрита. В 1734 г. сана архимандрита удостоились настоятели Златоверхого Михайловского, 1743 г. — Тамалеевского Пустынно-Харалампиевского, в 1744 г. — глуховского Петропавловского и Мгарского Спасо-Преображенского под Лубнами монастырей. В самых важных вопросах настоятели должны были совещаться с монастырским Духовным собором. Кроме настоятеля в обителях К. е. имелись следующие должностные лица: наместник, духовник, экклезиарх, уставщик, городничий, шафарь. Именно они, как правило, составляли Духовный собор. Эти должности оставались выборными. Помимо управления мон-рем настоятели (в первую очередь киевских обителей) были активно задействованы в общепархиальных делах.

Территория. В 1688 г. в состав К. е. вернулись протопопии Глуховская, Конотопская и Борзнянская, уступленные митр. Дионисием (Балабаном-Тукальским) Черниговскому архиепископу в 1658 г. В царской грамоте Варлааму (Ясинскому), данной при назначении его на Киевскую кафедру в 1690 г., этот переход был подтвержден. По-видимому, созданное в 1700 г. Переяславско-Бориспольское викариатство было полусамостоятельным, т. к. его территория не входила в К. е. Для Переяславского еп. Кирилла (Шумлянського) в 1715 г. были отделены от митрополии храмы Переяславского, Корсунского и Богуславского полков.

Точно очертить границы К. е. становится возможным с 20-х гг. XVIII в.

К. е. делилась на округа (протопопии) во главе с протопопами, в составе протопопий могли выделяться наместничества во главе с наместниками. Четкого закрепления приходов за наместничествами не было, количество наместничеств также менялось. Первый известный список протопопий К. е. датируется 1722 г. — это ведомость, поданная архиеп. Варлаамом (Ванатовичем) в Синод. К. е. включала 20 протопопий:

*Мгарский
Спасо-Преображенский
мон-рь. IX в.*

Старокиевскую (Верхнекиевскую), Киево-Подольскую (Нижнекиевскую), Козелецкую, Острицкую, Нежинскую, Борзнянскую, Конотопскую, Воронежскую, Глуховскую, Ивановскую, Ичнянскую, Прилуцкую, Пирятинскую, Лохвицкую, Лубенскую, Роменскую, Гадяцкую, Опишнянскую, Миргородскую, Полтавскую. В указах архиеп. Варлаама, изданных в янв., февр., июне и нояб. 1723 г., упоминается также Кролевецкая протопопия, а под 26 апр. 1724 г. — Трипольская протопопия, при этом отсутствуют Острицкая и Ивановская протопопии. В нач. 30-х гг. XVIII в. в ведомостях о присяге имп. Анне Иоанновне в К. е. снова зафиксированы 20 протопопий (с учетом указанных изменений). В 40-х — 1-й пол. 50-х гг. XVIII в. насчитывалась 21 протопопия, в т. ч. 2 новые — Батуринская и Сорочинская, была ликвидирована Конотопская протопопия. До 70-х гг. XVIII в. менялись границы протопопий внутри К. е., переносились центры из одного города в другой, создавались новые протопопии путем повышения в статусе наместничеств. В 1757 г. Крыловская и Новомиргородская протопопии отошли Переяславско-Бориспольской епархии. В кон. 50-х гг. XVIII в. в К. е. действовали 22 протопопии: Старокиевская, Киево-Подольская, Трипольская, Козелецкая, Кролевецкая, Воронежская, Глуховская, Прилуцкая, Ичнянская, Лубенская, Пирятинская, Лохвицкая, Роменская, Миргородская, Сорочинская, Гадяцкая, Опишнянская, Полтавская, Кобелякская, Нежинская, Борзнянская, Конотопская. В 1768 г. в К. е. входило 23 про-

топопии (прибавилась Решетилловская) и Старокодакское наместничество. Периодически в епархии появлялись протопопии, существование которых было кратковременным. Так, в 1778 г. из Нежинской протопопии ненадолго выделилась Ивангородская протопопия.

В 70-х гг. XVIII в. епархия утратила значительную часть территории на юге и востоке. 9 сент. 1775 г. была создана Славяно-Херсонская епархия (см. *Херсонская и Таврическая епархия*), к-рой отошли Полтавская, Кобелякская протопопии, Старокодакское наместничество и частично храмы Решетилловской, Сорочинской, Миргородской протопопий (173 церкви и 7 мон-рей). По указу Синода от 13 окт. 1777 г. из К. е. в Переяславо-Бориспольскую епархию перешли 126 храмов Миргородской, Сорочинской и Лубенской протопопий. В 1778 г. Переяславо-Бориспольская епархия получила Сорочинский Михайловский мон-рь с церквями.

К нач. 80-х гг. XVIII в. в К. е. насчитывалась 21 протопопия: Старокиевская, Киево-Подольская, Киево-Печерская, Борзнянская, Прилуцкая, Ивангородская, Роменская, Воронежская, Гадячская, Кролевецкая, Пирятинская, Конотопская, Ичнянская, Трипольская, Козелецкая, Нежинская, Лубенская, Лохвицкая, Опишнянская, Зеньковская, Глуховская. В епархию входили приходы на территории Киевского, Нежинского, Прилуцкого, Черниговского, Лубенского, Стародубского, Гадячского и Переяславского полков — 8 из 10 существовавших полков. Всего насчитывалось 973 приходские церкви. Самой маленькой была Трипольская протопопия (18 приходов), самой большой — Прилуцкая (82 церкви).

Территории протопопий были достаточно компактными. Исключением являлись киевские протопопии (Старокиевская, Киево-Подольская, Киево-Печерская). Они включали приходы на землях киевских монастырей, название протопопии соответствовало той части Киева, где находился мон-рь — владелец земельных наделов: приходы в селах Братского мон-ря попали в состав Киево-Подольской протопопии, приходы во владениях Киево-Печерской лавры составили Киево-Печерскую протопопию, владения Софийского кафедрального мон-ря — Староки-

евскую протопопию. Приходы в монастырских вотчинах первоначально подчинялись мон-рям, указ митрополита от 17 сент. 1771 г. предписывал все церкви в монастырских владениях и жен. мон-ри подчинить духовным правлениям протопопий.

В 1781 г. на украинских землях в Российской империи были образованы 3 наместничества: Киевское, Черниговское и Новгород-Северское. В состав Киевского наместничества была включена территория Киевского, Переяславского, Лубенского и Миргородского полков. Указом от 27 марта 1785 г. предписывалось создать в границах наместничеств отдельные епархии: Киевскую, Черниговскую и Новгород-Северскую. Указ имп. Екатерины II о штатах Киевской, Черниговской и Новгород-Северской епархий был подписан 10 апр. 1786 г.

Монастыри и монашество. Первая ведомость о количестве монастырей в К. е. была представлена в Синод в 1722 г., но она не была исчерпы-

товский, нежинский Введенский, Новомлинский Успенский, Пушкарковский Вознесенский. На терри-

Никольский мон-рь. Фрагмент панорамы «Вид Киево-Печерской крепости». 1783 г. Неизвестный художник

вающей. Полный список мон-рей известен на начало правления митр. Тимофея (Щербатского) (1748), тогда Киевской кафедре подчинялось 34 мужские и 12 жен. обителей. Их количество практически не менялось до 1786 г. В 1775–1783 гг. в К. е. действовали следующие муж. мон-ри (в скобки взяты приписные обители): Максаковский Киселевский Преображенский, киевский Софийский кафедральный (Зазимская Николаевская пуст., Моровская Онуфриевская пуст., Кудрявское подворье, Шулявское подворье), Пустынно-Николаевский (Пивгородский Николаевский), киевский Златоверхий Михайловский (Красногорская пуст., Липянская Онуфриевская пуст.), киевский Братский Богоявленский, киевский Выдубицкий Михайловский, киевский Кирилловский Свято-Тро-

ицкий, киевский Петропавловский, батурицкий Николаевский, гадячский Красногорский Николаевский (гадячский Красногорский Преображенский скит), Гамалеевский Пустынно-Харалампиевский, глуховский Петропавловский, Густынский Свято-Троицкий (Деймановский скиток), козелецкий Георгиевский (козелецкий Свято-Троицкий), Мгарский Преображенский (Слепородский Успенский скит, Онуфриевский «дворец»), нежинский Благовещенский (нежинский Ветхорождественский Рождества Пресв. Богородицы), Нехворощанский Успенский (Сокольский Преображенский), *полтавский в честь Воздвижения Креста Господня жен. мон-рь*, Пустынно-Скельский Преображенский. В тот же период существовали жен. монастыри: киевский Богословский, киевский Иорданский, киевский Флоровский, Быстрицкий Вознесенский, Великобудищский Преображенский, глуховский Успенский, Ладинский Покровский, Мутинский Златоу-

сповский, нежинский Введенский, Новомлинский Успенский, Пушкарковский Вознесенский. На территории К. е. действовали 2 ставропигиальных монастыря — Киево-Печерская лавра (с подворьями) и Межигорский мон-рь (с 2 приписными мон-рями). Особым статусом обладал Софийский мон-рь. На его территории размещались резиденция митрополита, органы епархиального управления. Мон-рь служил своеобразным кадровым резервом для кафедры.

В XVIII в. число монашеских постригов регулировалось законодательно, вслед. ограничений на принятие монашества оно значительно уменьшилось в 1721–1740 гг. Кроме того, в XVIII в. много монахов было перемещено из укр. обителей, в основном киевских, в Россию. В 40–70-х гг. XVIII в. численность братии в мон-рях, прежде всего в киевских, росла. В 40–50-х гг. XVIII в. среди ставропигиальных киевских монастырей наибольшее число насельников имели кафедральная Софийская

обитель, Пустынно-Николаевский, Выдубицкий, Златоверхий Михайловский, Братский, Кирилловский и Петропавловский мон-ри. В Софийском мон-ре во 2-й пол. 50-х гг. насчитывалось более 100 монахов, в Пустынно-Николаевском — более 50, в Златоверхом Михайловском — более 60, в Братском — более 35, в Выдубицком — ок. 30, в Кирилловском — ок. 20, в Петропавловском — более 10, в Екатерининском — 4 сельника. В 1757 г. в К. е. подвизались 729 монахов и 592 монахини. После резкого увеличения числа монахов в результате разрешения в 1760 г. принимать постриг лицам всех сословий численный состав обителей уменьшался в 70-х — 1-й пол. 80-х гг. XVIII в. В 1784 г. в киевских неставропигиальных мон-рях насчитывалось 213 монахов. Одной из причин сокращения численности братии было уменьшение числа выпускников Киево-Могилянской академии, желавших принять постриг.

В мон-ри поступали преимущественно выходцы из мещан, крестьян и духовенства. Большинство насельников киевских обителей были грамотными, ок. $\frac{2}{3}$ братии составляли иеромонахи и иеродиаконы. Образовательный уровень монахов в разных обителях различался. Последние места по уровню грамотности среди киевских мон-рей занимали Кирилловский и Петропавловский, выше был уровень иноков Софийского, Пустынно-Николаевского, Златоверхого Михайловского и Братского мон-рей. Изучая монастырские б-ки, исследователи пришли к выводу о малом интересе к книгам среди монашествующих.

Храмы и приходское духовенство. В К. е. в XVIII в. имелись соборные, ружные, кладбищенские, домовые и приходские церкви, отдельную группу составляли монастырские храмы. В сер. 20-х гг. XVIII в. в епархии насчитывалось 987 церквей, это число оставалось неизменным до сер. 30-х гг. XVIII в., в 1737 г. зафиксировано 1107 церквей. Во 2-й пол. XVIII в. количество храмов в К. е. менялось следующим образом: 1751–1752 гг. — 1130 церквей, 1759 г. — 1157, 1764 г. — 1174, 1769 г. — 1199, 1776 г. — 1250, 1780 г. — 968, 1785 г. — 935 церквей. Количество храмов в К. е. росло на протяжении всего XVIII в., уменьшение их числа во 2-й пол. 70-х — 80-х гг. связано с территориальными потерями кафедр.

Наиболее многочисленными в К. е. были приходские церкви. Инициировала и обеспечивала строительство приходская община, постоянный рост числа церквей свидетельствует о высокой степени религиозности населения этих земель. Количество соборных храмов, находившихся в центрах протопопий и в больших населенных пунктах, в разное время составляло от 30 до 40. Ружных храмов во 2-й пол. XVIII в. в К. е. было от 7 до 16. Еще более нетипичными для Киевщины были кладбищенские церкви, информация о них единичная. В 1773 г. в епархии насчитывалось 10 домовых храмов (все они были построены в кон. XVII — XVIII в. генеральной старшиной), в нач. 80-х гг. — 6 домовых церквей.

Посвящение храмов было достаточно традиционным, преобладали церкви, посвященные Богородичным праздникам и свт. Николаю Чудотворцу. Из 973 церквей, действовавших в 1780–1783 гг., 128 были посвящены свт. Николаю Чудотворцу, 115 — Покрову Пресв. Богородицы, 95 — арх. Михаилу, 82 — Рождеству Пресв. Богородицы, 77 — Успению Пресв. Богородицы, 13 — Введению во храм Пресв. Богородицы, 10 — Благовещению Пресв. Богородицы, 77 — Св. Троице, 54 — Преображению Господню (храмов, посвященных киево-печерским угодникам, было немного: 3 во имя преподобных Антония и Феодосия Печерских, 2 во имя прп. Иоанна Многострадального).

В XVIII в. в К. е. проводились ревизии храмов, они были 3 типов: епископская, кафедральная (назначенными консисторией представителями), протопопская ревизии. Наиболее регулярными были протопопские осмотры, введенные в 30-х гг. XVIII в. митр. Рафаилом (Заборовским). Они преследовали неск. целей: контроль над богослужбной деятельностью священнослужителей, замена старых или несоответствующих антиминов, регулирование храмостроительства. Ревизии храмов в К. е. существенно отличались от тех, к-рые предписывались «Духовным регламентом», напр., совершать обязательные объезды епархии архиереем; в XVIII в. продолжались традиции посещения храмов, заложенные митр. Петром (Могилой). Материалы осмотров свидетельствуют о преобладании в XVIII в. в епархии деревянных храмов. Они поддерживались в хорошем состоя-

нии, число ветхих, требовавших полной перестройки было небольшим. Церкви в достаточном количестве были обеспечены богослужбными книгами, в то же время почти отсутствовала учительная и проповедническая лит-ра.

До кон. XVIII в. в К. е. действовал принцип выборности священнослужителей общиной, особую роль играло мнение владельцев населенных пунктов, где находились храмы, кроме того, сильной была традиция наследования церковных мест. Киевскому митрополиту часто оставалось только рукоположение избранного кандидата. Зафиксировано много примеров, когда при занятии церковного места прихожане отдавали предпочтение малограмотному кандидату перед более образованным ставленником, рекомендованным епархиальными властями. Попытки епархиальных властей в XVIII в. повысить уровень образования духовенства обычно не достигали цели.

Традиционно приходская община содержала священнослужителей. Изменения последовали после указа 1778 г., к-рым для каждого прихода было определено денежное содержание. Еще одним указом регулировалось число священно- и церковнослужителей в приходе. На протяжении XVIII в. власти возлагали на приходское духовенство новые обязанности. Ряд синодальных указов был направлен на усиление контроля над исповедью прихожан, от священников требовалась активная проповедническая деятельность и т. д.

Ист.: *Климов Н. Ф., свящ.* Постановления по делам правосл. Церкви и духовенства в царствование имп. Екатерины II. СПб., 1902. Вып. 1; ПСЗ. Т. 6, 7, 9–11, 16–20.

Лит.: *Крыжановский Е. М.* Феофан Прокопович и Варлаам Ванатович // ТКДА. 1861. № 3. С. 267–315; *он же.* Очерки быта южнорус. сельского духовенства в XVIII в. // Собр. соч.: В 2 т. К., 1890. Т. 1. С. 391–439; *Антонович В. Б.* Очерк состояния Правосл. Церкви в Юго-Зап. России по актам (1650–1798). К., 1871; *Корольков К. Арсений (Могилянский), митр. Киевский, и его заботы об улучшении проповеднического дела (во 2-й пол. XVIII в.)* // Киевские Ев. 1875. Ч. неофиц. № 12. С. 405–414; № 19. С. 642–651; *Рождественский Ф.* Самуил Миславский, митр. Киевский // ТКДА. 1876. № 3. С. 510–563; № 11. С. 505–536; 1877. № 4. С. 3–39; № 5. С. 301–359; № 6. С. 529–577; *Терновский Ф. А.* Очерки из истории Киевской епархии в XVIII ст., на основании док-тов Синодального архива. К., 1879; *Знаменский И. П.* Положение духовенства в царствование Екатерины II и Павла I. М., 1880; *Знаменский П. В.* Приходское духовенство в России со времени реформы Петра I. Каз., 1883; *Орловский П. И., прот.* Исключение из титула митрополитов

Киевских слов «митрополит всей Малой России» // Киевские Ев. 1894. № 18. С. 546–552; *он же*. Материалы для биографии Киевского митр. Арсения (Могилянського) // ТКДА. 1894. № 6. С. 280–323; № 7. С. 479–485; № 10. С. 301–322; *он же*. Сказание о блаженном Рафаиле, митр. Киевском. К., 1908; *Маркевич Г. И.* Выборное начало в духовенстве в древнерус. преимущественно юго-зап. Церкви до реформы Петра I. Полтава, 1905; *Титов Ф. И., прот.* Русская Правосл. Церковь в Польско-Литовском гос-ве в XVII–XVIII вв. К., 1905. Т. 2: Киевская митрополия-епархия в XVII–XVIII вв. 1-я пол. т.; *он же*. Киевская митрополия-епархия // ПБЭ. 1909. Т. 10. Стб. 596–655; *Шпациский Н. А., свящ.* Киевский митр. Арсений Могилянський и состояние Киевской митрополии в его правление (1757–1770 гг.). К., 1907; *он же*. Общий взгляд на историю Киевской епархии в половине XVIII ст. К., 1907; *Рыболовский А. П.* Варлаам Ванатович, архиеп. Киевский, Галицкий и Малыя России. К., 1908; *Граевский И. С.* Киевский митр. Тимофей (Шербакский). К., 1912; *Крижанівський О. П., Плохій С. М.* Історія Церкви та релігійної думки в Україні. К., 1994. Кн. 3: *Евгеній (Болховитинов), митр.* Описание Киево-Софийского собора и киевской иерархии // *Он же*. Вибрані праці з історії Києва / Упоряд.: Т. Ананьєва. К., 1995. С. 35–270; *Смолич.* История РЦ. Т. 1: *Власовський І. Ф.* Нарис історії Української Правосл. Церкви. К., 1998. Т. 3: XVIII–XX ст.; *Мордвинцев В. М.* Государственные налоги и повинности монастырских крестьян Левобережной Украины в XVIII в. К., 1998; *Козут З. Е.* Коріння ідентичності: Студії з ранньомодерної та модерної історії України. К., 2004; *Яременко М. В.* Київське чернецтво XVIII ст. К., 2007; *Прокоп'юк О. Б.* Духовна консисторія в системі єпархіального управління (1721–1786 рр.). К., 2008; *она же*. Кафедральний статус мон-ря Св. Софії у 1721–1786 рр.: Практична реалізація // *Болховитиновський щорічник*, 2009. К., 2010. С. 38–56; *она же*. Книги в парафіяльних храмах Київської митрополії (70–80-ті рр. XVIII ст.): Функції, кількість, репертуар, шляхи надходження // *Київська старовина*. 2010. № 3. С. 91–112; *она же*. Київська митрополія: Топографія посвяг: Реконструкція реєстру храмів за відомостями про церковнослужителів (1780–1783). К., 2012; *она же*. Парафіяльне посвячення: Практика проповідництва в храмах Київської митрополії у другій пол. XVIII ст. // *Повсякдення ранньомодерної України: Історичні студії* / Ред.: В. Горобець. К., 2012. Т. 1: Практики, казуси та девіації посвячення. С. 187–200; *она же*. Парафіяльне проповідництво в Київській митрополії XVIII ст.: Організаційні засади та посвячення практика // *Болховитиновський щорічник*, 2011. К., 2012. С. 118–129; *она же*. Проповідництво у Київській митрополії XVIII ст. між освітою та адміністративним примусом // *Київська академія*. К., 2012. Вип. 10. С. 185–201; *она же*. Оглядя храмів Київської митрополії у XVIII ст.: Управлінські ініціативи та парафіяльні реалії // *ЗНТШ. Праці Іст.-філос. секції* (в печ.); *Романова О. О.* Сповідальні книги Київської митрополії XVIII ст. як спосіб церк. контролю за мораллю парафіян // *Український іст. журнал*. 2008. № 4. С. 122–148.

О. Б. Прокоп'юк

«Заграничная часть» К. е. В 1686–1795 гг. Киевскому митрополиту подчинялись правосл. мон-ри и приходы, находившиеся в Речи Посполитой — на территории Польской Ук-

раины (юж. часть Киевщины и Брацлавщины), Белоруссии, Литвы, Пинского Полесья, Холмщины и Подляшья (территория существовавших до 1793 г. Киевского, Брацлавского и Минского воеводств, существовавших до 1795 г. Брест-Литовского, Новоградского, Люблинского, Подляшского (с центром в Бельске), Виленского, Трокского (в 1793–1795 Гродненского) воеводств). До 1686 г. правосл. монастыри на этих землях имели статус ставропигии К-польского патриарха или ставропигии Киевского митрополита (последнее стало практиковаться со времени Петра (Могилы)). Этот статус был обусловлен отпадением в унию архиереев западнорус. епархий: Полоцкой и Витебской (1618), Владимирской и Брестской (1625), Пинской и Туровской (1633), Львовской и Галицкой (1700), Луцкой и Острожской (1715). Ставропигиальный статус, утвержденный за обителями до 1686 г., сохранялся и после присоединения Киевской митрополии к Русской Церкви. В нач. XVIII в. ряд мон-рей и приходов на соседних с Киевщиной землях Речи Посполитой состоял под управлением Переяславского епископа, викария Киевского митрополита. В ведении Переяславского епископа в 1702 г. находились запустевшие Ирдынский-Виноградский Успенский, каневский Успенский, Крестовоздвиженский Трехтемировский мон-ри (два последних вскоре на неск. десятилетия стали униатскими). В 1704 г. в урочище Монастырище близ г. Богуслава был возобновлен Рождество-Богородичный муж. мон-рь, также в юрисдикции Переяславского епископа (в 1740 перенесен к Николаевской ц. в Богуславе, в 1750 перешел в унию).

В непосредственном подчинении Киевского митрополиту состояли приходские церкви и мон-ри в обширных имениях Киево-Печерского монастыря на Волини (Городокский скит, Овручский монастырь и др.). Этими имениями пытался завладеть Львовский еп. Иосиф (Шумлянський), которого король назначил администратором Киевской митрополии на Правобережной Украине, однако далеко не везде признали его власть. После открытого признания Иосифом (Шумлянским) унии в 1700 г. правосл. приходы перешли под власть Луцкого и Острожского еп. Дионисия (Жабокрицкого), ко-

торый в 1702 г. также принял унию. В 1712 г. митр. Иоасаф (Кроковский) разрешил настоятелям белорус. заграничных мон-рей принимать посвящения от белорус. правосл. епископов вслед. затрудненности связи правосл. клира Речи Посполитой с Киевской митрополией. Не позднее 1713 г. должность управляющего имениями Киево-Печерского монастыря и Киевской митрополии на Правобережной Украине получил Луцкий и Острожский еп. Кирилл (Шумлянський): 3 июля 1713 г. он имел титул «епископ Луцкий и Острожский, прототроний митрополии Киевской и добр. до митрополии Киевской и архимандрии Печерской в Короне Польской належаших, генеральный администратор» (Киевские Ев. 1865. № 5. Отд. 2. С. 187–188). В 1715 г. он был назначен Переяславским епископом-коадьютором с сохранением Луцкой кафедры. Как Переяславский архиерей он управлял храмами на территории Переяславского, Корсунского и Богуславского полков. Местопребывание еп. Кирилла, лишеного возможности находиться в Луцкой епархии, постоянно менялось. В 1711 г. он находился в мест. Унин (ныне с. Тетеревское Киевской обл.), в 1713 г. — в с. Микulichи под Киевом, в 1721 г. — в Радомысле (ныне Радомышль), уже в пределах Речи Посполитой.

По Прутскому договору 1711 г. и Адрианопольскому договору 1713 г. царь Петр I передал почти всю юж. часть Киевщины (кроме Киева и окрестностей) Польше. В 1711 г. эта территория подверглась сильному разорению татар. войск и казаков — сторонников Ф. С. Орлика (вассал султана). Несмотря на это, правосл. церковная жизнь на Правобережье продолжалась. По благословению еп. Кирилла (Шумлянського) не позднее 1718 г. был возобновлен Маньковский Преображенский мон-рь, настоятелем к-рого стал игум. Арсений (Беляшевский) (в 1766 обитель в Маньковке упоминается как «филиальный монастырек» основанного в том же году униат. уманского Рождество-Богородичного муж. мон-ря). Игум. Арсений заложил Успенский храм в соседнем с. Иваньки и Рождество-Богородичный храм в близлежащем мест. Лукашовка.

В 1-й пол. XVIII в. правосл. храмы открылись во внутренних районах Польши: Торуне и Люблине. В кон.

XVII в. при русском посольстве в Варшаве появились священники в юрисдикции Киевского митрополита. В 1711 г. по рекомендации еп. Кирилла (Шумлянского) капелланом при русском посольстве в Варшаве стал свящ. Авраамий Скорута из Чуднова. Так начала действовать Варшавская правосл. капеллания в ведении Киевской митрополии, просуществовавшая до 1793 г. При иером. Сильвестре (Каховском) Варшавская капеллания была влиятельным церковным учреждением.

В 20-х гг. XVIII в., вскоре после перехода юж. части Киевщины под польскую власть, здесь началась экспансия униатства. Уже в 1724 г. как настоятель запустелого вслед татар. набегов каневского Успенского мон-ря упоминается униат. архим. Феодосий Рудницкий, к-рому униат. митр. Лев Кишка поручил восстановить обитель. В 1729 г. при поддержке коронного хорунжего Яблоновского василиане заняли Лысянский Троицкий муж. мон-рь под предлогом того, что в нем проживали «бунтовщики».

В 1724 г., при жизни еп. Кирилла (Шумлянского), имела место попытка создания «епископства Чигиринского и Украинского» в пределах Польской Украины беглым игум. Скельского монастыря Епифанием (Ревуцким), использовавшим для этой цели поддельные документы от имени Киевского архиеп. Варлаама (Ванатовича). Введенный Епифанием в заблуждение, Ясский митр. Георгий 22 июля 1724 г. хиротонисал его во «епископа Чигиринского и Украинского», и Епифаний служил несколько месяцев в мест. Лысянка, рукополагая священников, но его изгнали униаты. В Киеве за использование подложных грамот Епифаний был арестован, впоследствии стал старообрядческим епископом на Ветке. Сменивший еп. Кирилла в 1727 г. на Переяславской кафедре еп. Иоаким (Струков) расследовал дело о злоупотреблениях покойного архиерея, связанных, в частности, с продажей им частным лицам части имений Киево-Печерского монастыря в Речи Посполитой. Вероятно, Иоаким как Переяславский епископ также управлял приходами Киевской митрополии и именными Киево-Печерского монастыря на Правобережной Украине.

В 1726 г. Переяславское викариатство было преобразовано в коадьютор-

ство с большей степенью самостоятельности. Правобережные мон-ри были переданы под непосредственное управление Киевского митрополита. В 1733 г. Переяславское коадьюторство было преобразовано в Переяславскую и Бориспольскую епархию. Духовенство заграничных приходов и мон-рей К. е. с тех пор обращалось по духовным делам в основном к Киевскому митрополиту, в отдельных случаях — к Переяславскому епископу. Так продолжалось до 70-х гг. XVIII в., когда приходы Правобережной Украины полностью перешли в ведение епископа Переяславского и Бориспольского и его наместника на Правобережье.

В 30–50-х гг. XVIII в. шло массовое присоединение правосл. приходов к униат. Церкви. В 1734 г. в унию перешел настоятель Георгиевского собора в мест. Лысянка Симеон Кондрацкий. В 1736 г. униат. свящ. Иоанн Ильяшевич занял Никольский собор в Смеле. В 1739 г. униат. свящ. Лука Падановский захватил правосл. Покровский храм в Смеле, после чего его назначили главой новообразованного униатского Смелянского деканата. (Священники Падановский и Ильяшевич в 1766 присоединились к правосл. Церкви.) В 1739 г. униат. игум. Анастасий Дубина силой занял Лебединский Георгиевский муж. монастырь. К 1739 г. в «коронной части» Львовско-Галиций униат. епархии существовали «крылосы-официалаты»: Брацлавский, Житомирский и Киевский. В 1739 и 1743 гг. на Киевщину приезжал визитатор — архим. униат. Овручского мон-ря Бенецкий. Он проводил собрания правосл. духовенства, на которых объявлял собравшихся униатами, требовал взять у него униат. антимины.

В 1740 г. греко-католики захватили Никольский собор в мест. Животов, изгнав из него правосл. свящ. Феодора Достоянского. Был образован униат. Животовский деканат, его декан, или протопоп (использовались оба термина), Корнилий Шпановский в кон. 40-х — нач. 50-х гг. присоединил к униатству ряд близлежащих правосл. храмов. В 1745 г. был захвачен Успенский храм в с. Вязовок, в том же году униатскими стали Успенский собор и Преображенская ц. в мест. Мошны, в их насильственном отнятии у православных участвовал униат. свящ. Иеремия

Калиновский. В Мошнах разместился центр униат. деканата во главе с гонителем Православия Афанасием Гдешицким, к-рый в 1746 г. обратил в унию храм в с. Шелепухи Мошенского староства. В том же году силой при участии жолнеров был переведен в унию причт Николаевского собора в г. Корсуне во главе с настоятелем свящ. Николаем Рудницким, захвачен униатами Михайловский храм в с. Маньковка. В 1748 г. униаты заняли храмы Преображенский в том же селе, Петропавловский в мест. Конела; насильно был переведен в унию священник из с. Ерки Трофим Головченко, из мест. Соколовка был изгнан правосл. свящ. Иоанн Зулевич, местный Иоанно-Богословский храм заняли греко-католики. В 1751 г. был захвачен Михайловский храм в мест. Ст. Дашев, в 1755 г. — Михайловский храм в мест. Оратов. В том же году униат. свящ. Феодор Круть завладел храмом в с. Хацки Черкасского староства, население не стало посещать униат. богослужение.

Помимо благочиннических храмов в уездных городах и местечках униаты отнимали десятки церквей в отдаленных селах. В 1759 г. в с. Белозерье Черкасского староства местный храм силой захватил униатский свящ. Лукиан Космачёвский (в 1766 присоединился к Православию). Особую активность в присоединении православных приходов в южной части Киевщины и восточной части Подолии в 40–50-х гг. XVIII в. проявили униатские деканы: уманский Василий Лепнецкий, грановский Николай Сендик, погребщенский Афанасий Лесенский, животовский Корнилий Шпановский, чигиринский Стефан Ветвицкий, смелянский Лука Падановский, мошенский Афанасий Гдешицкий. Несмотря на то что униатам удалось захватить десятки храмов в южной части Киевщины, большинство прихожан оставались православными, что констатировали греко-католические священники в описаниях своих приходов, указывая на малое количество прихожан из-за сильного влияния «схизмы». Население Киевщины с враждебностью относилось к униатскому духовенству, считая его «польским». Несколько более прочные позиции униатства имела на Брацлавщине, которая гораздо раньше вошла в состав Речи Посполитой.

К 1761 г. на территории Польской Украины (Киевского и Брацлавского воеводств) имелось от 20 до 30 православных приходов. Впрочем, учитывая, что в один приход часто входило по 2–3 храма, можно предположить, что самих церквей было не менее 50. Действовали 6 мужских монастырей: Ирдынский Виноградский Успенский, Матронинский Троицкий, Медведовский Николаевский, Лебединский Георгиевский, Жаботинский Онуфриевский, Мошенский Вознесенский, а также 3 жен. мон-ря: чигиринский Троицкий, Лебединский Николаевский и Плескачовский Онуфриевский. Ирдынский Виноградский мон-рь в 1749–1761 гг. принадлежал василианам, в распоряжении греко-католиков в 1739–1744 и в 1748–1751 гг. находился Лебединский Николаевский мон-рь. Неоднократно под угрозу захвата униатами попадал чигиринский Троицкий муж. мон-рь, в 1735 г. преобразованный в жен. обитель (в 1766–1768 занят униат. монахинями).

В 1761 г. настоятель Матронинского монастыря игум. Мелхиседек (Значко-Яворский) начал активную работу по присоединению к Православию униат. приходов, оказывал всестороннюю помощь тем униат. клирикам, к-рые стремились вернуться в Православие. 26 авг. 1761 г. Переяславский и Бориспольский еп. Гервасий (Линцевский) назначил игум. Мелхиседека управляющим православными церквями «Украины и Брацлавщины» («правителем духовных дел польской Украины»). Тогда же в Матронинском монастыре было образовано духовное управление, поначалу распространявшее свою юрисдикцию на Чигиринское и Мошенское староства. Первыми в Православие вернулись в 1761 г. все храмы в мест. Мошны и в соседних селах Мошенского староства. Обеспокоенный этим греко-католический митр. Филипп (Фелициан) Володкович послал туда группу униатов во главе со свящ. Филимоном Кротевичем, которая захватила Николаевский храм в Мошнях (Кротевич вместе с приходом присоединился к Православию в 1766). Несмотря на противодействие со стороны греко-католиков, с февр. по кон. сент. 1761 г. в Чигиринском старостве в Православие вернулись 22 униатских прихода со священниками.

В 1761–1765 гг. игум. Мелхиседек неоднократно предпринимал поездки по юж. части Киевщины, уговаривая униат. священнослужителей, особенно тех, кто получили посвящение в сан в правосл. Церкви, вернуться в Православие. В 1762 г. под влиянием проповеди игум. Мелхиседека вернулся в Православие униатский, ранее православный свящ. из с. Ольшана Чигиринского староства Симеон Фёдоровский, хиротонисанный в 1737 г. на этот приход правосл. Переяславским еп. Арсением (Берло). Кроме того, в юж. части Киевщины служили священники, рукоположенные «волошскими» архиереями, назначение на приход они получали от униатских архиереев, но их переход в унию был формальным. Клирики «волошского посвящения» в числе первых возвращались в правосл. Церковь, в 1761 г. были зачислены в клир Переяславской епархии рукоположенные в Валахии священники Григорий Синячевский из с. Пархомовка Белоцерковского староства, Дионисий Григоревич из мест. Кальниболото (ныне пос. Катеринополь). В 1762–1766 гг. движение за воссоединение охватило униат. приходы Смелянского, Черкасского, Чигиринского и Жаботинского староств. В нояб. 1765 г. к Православию присоединился униат. мошенский декан, настоятель собора в мест. Мошны Роман Клиницкий. Иногда к вере предков возвращались целые села. Так было, напр., в с. Телепин Смелянского староства, где в 1763 г. в правосл. Церковь перешел свящ. Василий Карпенко, а в следующем году грамоту о присоединении к Православию подписали все жители села. 29 дек. 1765 г. униат. митр. Ф. Володкович жаловался, что правосл. движение охватило 80 церквей и распространяется на Киевский повет. Правосл. возрождение активизировалось, после того как в нач. 1766 г. кор. Станислав Август издал привилей, которым подтвердил все «права и вольности» правосл. Церкви в Речи Посполитой. В 1766 г. переходы в Православие были особенно частыми в Смелянском, Мошенском, Корсунском, Белоцерковском, Лысянском, Звенигородском, Каневском староствах. В 1766 г. православными стали настоятели храмов в Черкассах: Николаевской ц.—Евстафий Карака и Троицкой ц.—Максим Борзаковский.

Православные не только отнимали храмы у униатов, но и строили новые. В 1761 г. игум. Мелхиседек заложил церковь в мест. Жаботин, в 1762 г.— храм в с. Вороновка близ Чигирина. В 1764 г. им же был построен правосл. храм в мест. Медведовка, где с 40-х гг. XVIII в. все храмы находились в унии. В 1765 г. был сооружен храм в мест. Каменка Смелянского староства. В авг. 1765 г. еп. Гервасий посетил Матронинский мон-рь и ряд новоприсоединенных приходов, что вызвало новый подъем православного движения в крае.

Противодействуя этому движению, греко-католики предпринимали новые захваты православных храмов. В 1763 г. был обращен в унию Успенский храм в мест. Липовец. 28 февр. 1765 г. суррогат (инструктор) униат. митрополии Василий Любинский написал письмо еп. Гервасию с требованием положить конец деятельности игум. Мелхиседека. 17 марта униаты с польскими казаками осадили Матронинский и Мошногорский монастыри, требуя от иноков перейти в унию. В кон. 1765 г. греко-католики по указанию митр. Ф. Володковича пытались захватить 15 приходов Жаботинского староства. В сент. 1766 г. униат. официал Киевской митрополии Григорий Мокрицкий захватил Лебединский Николаевский жен. мон-рь и совершил нападение на Чигиринскую Троицкую жен. обитель. Был избит настоятель Жаботинского мон-ря игум. Ефрем (Быковский). Разорениям со стороны униатов и польск. казаков в 1765–1766 гг. подвергался также Плескачовский Онуфриевский жен. скит, находившийся в подчинении Жаботинского монастыря, в сент. 1766 г. скит прекратил существование.

Опасаясь усиления гонений, еп. Гервасий 3 марта 1766 г. издал к православным «Польской Украины» грамоту, в к-рой писал, чтобы все переходы из католичества в Православие совершались по согласованию с «местными панями», чтобы это «никоим образом их не прогневно». Однако это предписание было неисполнимо, поскольку большинство помещиков, поляков-католиков, преследовали православных. 21 марта 1766 г. вопреки воле местного пана к правосл. Церкви присоединились Троицкий и Успенский приходы в с. Млиев. В мае 1766 г.

в Млиев прибыл униатский мошенский декан Афанасий Гдещицкий, пытавшийся вернуть Успенский храм, при этом он взял потир и хотел забрать дарохранительницу, но титарь (ктитор) храма Даниил Кушнир воспрепятствовал ему. Гдещицкий обвинил Кушнира в святотатстве, поскольку мирянам нельзя касаться свящ. сосудов, и потребовал ареста Кушнира. 29 июля 1766 г. Кушнир был обезглавлен в с. Ольшана. По благословению еп. Гервасия часть его останков была перевезена в переяславский Вознесенский муж. мон-рь, почти сразу же началось его почитание как мученика, в 1994 г. он был канонизирован Синодом УПЦ. Из-за насилий униатов часть храмов в 1766 г. вернулась в унию.

В 1766 г. последовал ряд арестов правосл. священнослужителей, к-рых привозили в униат. митрополию в Радомысле и принуждали к принятию унии. В июне 1766 г. был арестован свящ. Иосиф Морозенко из с. Крещатик Мошенского староства, после отказа перейти в унию он был изучен и выслан в Россию. В том же году официал Григорий Мокрицкий направил в заключение в Радомысль свящ. с. Березняки Иоанна Старжевского, духовного правителя Чигиринского окр. Максима Левицкого, игум. Лебединского Георгиевского мон-ря Иосифа, игум. Медведовского мон-ря Виссариона и др. В июле 1766 г. был арестован и игум. Мелхиседек (Значко-Яворский), 30 авг. его судил прокурор Радомысльской униат. консистории Иосиф Скульский. В сент. игум. Мелхиседека перевели в митрополичий замок в с. Грудек (ныне Городок Ровненской обл.), затем в василянский Дерманский мон-рь, откуда ему удалось бежать, он вернулся в Матронинский мон-рь 31 окт. 1766 г. В нач. 1767 г. в Радомысль был доставлен арестованный иером. Матронинского мон-ря Иоанн. К тому времени в темнице Радомысльской униат. консистории находились 11 монахов Мошногорского мон-ря. Монахов расстригали, избивали, заставляя принять унию.

Случаи перехода в Православие участились после вступления в Польшу рус. войск в мае 1767 г. По договоренности между Речью Посполитой и Россией от 24 февр. 1768 г. все мон-ри и храмы, к-рые покинули унию в 1761–1767 гг., должны были оставаться в Православии. Движение за воссоединение с Православием на

юге Киевщины стало массовым после Колиивщины (крупнейшее крестьянско-казацкое восстание на Правобережной Украине в мае–июле 1768 против крепостнического, религ. и национального гнета, жестоко подавленное Речью Посполитой при поддержке России). В ходе Колиивщины были разгромлены все 8 униат. мон-рей Киевщины и Брацлавщины. Уманский мон-рь в июне 1768 г. был полностью сожжен вместе с крупнейшей на Правобережье василянкой школой, был убит архим. мон-ря Иракий Костецкий, а также десятки монахов и учеников школы. Остальные 7 монастырей (Маньковский, Лысянский, Ржишевский, Корсунский, Уляницкий, Трехтемировский, Богуславский, Каневский) были возвращены в Православие. (После подавления восстания Каневский, Маньковский и Лысянский мон-ри вновь стали униатскими, Уманский был заново отстроен в нач. 70-х гг. XVIII в. гр. С. Щ. Поттоким, к-рый возобновил василянскую школу при нем.) Монахи-василяне частью были убиты, частью бежали. Исключение составили перешедшие в Православие игум. Лысянского мон-ря Гавриил Баевский (в 1769 вернулся в унию) и игум. Маньковского мон-ря Феодор Туревич (в нач. 70-х гг. изгнан из обители униатами). Участники Колиивщины убивали не только униат. священников, но и правосл. клириков, недавно перешедших из унии и ранее зарекомендовавших себя ревнителями униатства. Жертвами восставших стали правосл. священники Иоанн Коломацкий из с. Верещаки, Фома Пискуненко из с. Костянец, Феодор Гдещицкий из с. Млиев, последний был причастен к осуждению на казнь Даниила Кушнира, но во время Колиивщины оставил унию.

В июле и авг. 1768 г. еп. Гервасий назначил на Брацлавщину и Киевщину «духовных правителей», в основном священников. До Колиивщины на юж. Киевщине активную деятельность вели духовные правители 3 округов: Чигиринского (свящ. Максим Левицкий, с 1762), Мошенского (свящ. Филимон Кротевич, перешед в 1766 из унии), Смелянского (свящ. Иоанн Вейнарский из с. Вальява, с 1766). До начала восстания на Киевщине насчитывалось 118 правосл. приходов, в период восстания (май–июль 1768) их число возросло до 800. 5 авг. 1768 г. еп. Гервасий ут-

вердил более 10 новых духовных правителей, которых рекомендовал игум. Мелхиседек, из числа бывш. униат. священников: Богуславского окр.— Иоанна Яроцкого, Лысянского окр.— Симеона Кондрацкого, Великопольшанковского окр.— Павла Тхоржевского, Ставищенского окр.— Николая Тучапского, Конельского окр.— Симеона Маценко-Переровского, Маньковского окр.— Петра Савенского, Уманского окр.— Якова Усаневича, Белоцерковского окр.— Василия Зражевского, Тетиевского окр.— Григория Добрянского, Каневского окр.— Иоанна Крупы, Фастовского окр.— Михаила Гуранды. Духовные правители, замененные в 1770 г. протопопами, принимали от униат. священников прошения о присоединении к правосл. Церкви, передавали их епископу, от к-рого получали «усыновительные грамоты на приход» для духовенства.

В сент. 1768 г. еп. Гервасий и игум. Мелхиседек были заподозрены в содействии восстанию, указом Синода от 14 окт. 1768 г. епископ был переселен из Переяслава в Киев, сохранив за собой кафедру до своей смерти в 1769 г. Игум. Мелхиседек 3 сент. 1768 г. был переведен из Матронинского в переяславский Михайловский мон-рь (утверждение отдельных историков о том, что игум. Мелхиседека подвергли церковному суду за причастность к восстанию, не имели оснований). После перемещения клириков движение за возвращение униатов в Православие на Брацлавщине пошло на спад, осенью 1768 г. начался обратный процесс — возвращение в унию. 18 окт. 1768 г. официал Львовской униат. консистории Иоанн Любинский собрал в Умани священников Уманского окр. и потребовал под угрозой ареста перейти в унию. В числе первых в унию вернулись священнослужители — гонители правосл. Церкви, к-рые из страха перед восставшими на время стали православными: корсунский декан и официал Киевского воеводства Григорий Мокрицкий и мошенский декан Афанасий Гдещицкий, к-рые пробыли в Православии неск. месяцев. Польск. конфедераты арестовали ряд правосл. клириков, отказавшиеся принять унию были казнены: в нояб. 1768 г. конфедераты убили свящ. Романа Кривецкого из с. Ольховец Лысянского староства, в дек.— свящ. Иоанна Зубковского из с. Севериновка. В 1769 г. умер от

побоев в польск. тюрьме свящ. Петр Куцевич из с. Насташка Белоцерковского староства. На правосл. клирики были наложены контрибуции. Несмотря на гонения, в 1769 г. имело место присоединение отдельных приходов к правосл. Церкви: по 1 храму в Фастовском и Уманском округах, 2 храма в Каневском окр.

По ведомости 1771 г., Переяславской епархии принадлежали Ирдынский Виноградский Успенский, Матронинский Троицкий, корсунский Онуфриевский, богуславский Николаевский, ржищевский Преображенский, Лысянский Троицкий и Маньковский Преображенский мон-ри. Последние 3 мон-ря до 1774 г. снова стали униатскими с помощью польск. военных команд. Осенью 1771 г. подольские священники Симеон Маценко-Переровский (благочинный Аннопольского и Животовского округов) и Михаил Гуранда (благочинный Фастовского окр.) посетили С.-Петербург, где просили об оказании помощи православным в Речи Посполитой. Приняв их, имп. Екатерина II 7 нояб. 1771 г. издала рескрипт ген.-губернатору Малороссии гр. П. А. Румянцеву о покровительстве православным Киевщины и Подолии. Синодальным указом от 15 янв. 1772 г. Переяславскому еп. Иову (Базилевичу) было предписано ведать «находящимися в Польше греческого звания исповедниками в Киевском и Брацлавском воеводствах». Весной 1772 г. протопопы Симеон Маценко-Переровский и Михаил Гуранда направились в Яссы к находившемуся там гр. Румянцеву, чтобы ознакомить его с рескриптом императрицы. На обратном пути в Балте Михаил Гуранда был замучен поляками, закопавшими священника живым в землю. В 1771–1772 гг. с помощью военных команд из своих приходов были изгнаны правосл. протопопы: богуславский Стефан Левандовский, белоцерковский Василий Зражевский, каневский Иоанн Крупа. В сент. 1772 г. силой был возвращен в унию Лысянский Троицкий мон-рь, настоятель иером. Иаков (Крамаренко) с 2 монахами изгнан из обители. Поляки арестовали ряд правосл. клириков Киевщины, которых содержали в тюрьме в Корсуне.

В марте 1772 г. всем рус. военным командам, находившимся в Подолии и на юге Киевщины, было дано распоряжение защищать правосл. приходы от посягательств униатов и ри-

мо-католиков. В 1772 г. еп. Иов (Базилевич) направил населению Брацлавщины увещание, в к-ром призывал «заявлять себя православными». В 1772–1773 гг. произошел новый подъем движения из унии в Православие. В 1772 г. православными стали 23 деканата и ок. 1 тыс. приходов. Об этом сообщил униат. митрополит, хотя указанные цифры представляются завышенными, особенно учитывая тот факт, что мн. униат. клирики номинально объявляли себя православными и при первом же удобном случае возвращаясь в унию. В февр. 1773 г. большая группа униат. священников (от 54 до 71 чел.) была помещена российскими войсками под арест в Бердичевском замке, к сент. все они были освобождены. Это событие спровоцировало возвращение многих клириков в унию. 9–29 июня 1773 г. митр. Володкович провел в Радомысле собор, на к-ром 400 униат. священников, часть к-рых ранее приняла Православие, объявили о верности униат. Церкви.

К нач. 1773 г. в пределах Польской Украины (Киевского и Брацлавского воеводств) насчитывалось 1902 правосл. прихода, объединенных в 33 протопопии. В Брацлавском воеводстве существовало 11 протопопий: Кальницкая, Ямпольская, Комаргородская, Браиловская, Красненская, Рашковская, Немировская, Брацлавская, Винницкая, Грановская и Чечельницкая. На юге Киевщины действовало 11 протопопий: Белоцерковская, Фастовская, Паволочская, Погребищенская, Тетиевская, Каневская, Корсунская, Мошенская, Чигиринская, Радомысльская и Дымерская. На западе Киевщины возникли правосл. протопопии Чудновская, Любарская, Барашевская, Овручская и Брагинская. При этом в ведении униат. Церкви к нач. 1773 г. остались в полном составе только 9 деканатов в Киевском воеводстве. Согласно резолюции еп. Иова от 11 июля 1774 г., был возобновлен разоренный василянами бершадский Преображенский муж. мон-рь, где поселился иером. Крискент (Михайловский) с 3 монахами, бежавшими из разгромленного турками Подольского Успенского Машковского мон-ря (Подольские ЕВ. 1890. № 25. С. 566–567).

После ратификации польск. сеймом в сент. 1773 г. договора о разделе страны переход греко-католиков в Православие в Речи Посполитой был запрещен, мн. приходы Подолии,

вернувшиеся в 1772–1773 гг. в Православие, снова стали униатскими. Этому немало поспособствовал папский нунций в Польше Дж. Гарампи. В дек. 1773 г. на Брацлавщину прибыл посланный нунцием униат. еп. Максимилиан Рыло, имевший титул апостольского визитатора греко-католич. приходов Киевского и Брацлавского воеводств. При помощи польск. казаков с дек. 1773 г. он захватывал правосл. храмы в Брацлавской, Уманской и Браиловской протопопиях, в февр. 1774 г. был арестован ген. С. Е. Ширковым и выдворен из региона. В 1774–1776 гг. из Православия в унию перешло свыше 700 храмов. В частности, в 1774–1775 гг. в унию были переведены свыше 40 церквей Тетиевской протопопии (о чем сообщал в 1775 свящ. Стефан Симонович), свыше 100 церквей Уманской протопопии (согласно отчету уманского протопопа Кирилла Зельницкого), свыше 50 церквей Каневской протопопии (по данным каневского протопопа Иоанна Крупы), свыше 20 церквей Кальницкой протопопии (по отчету кальницкого протопопа Григория Леневица). Польск. военные команды в 1774–1775 гг. захватили и передали униатам Воскресенскую и Покровскую церкви в г. Фастове, Рождество-Богородичный храм в мест. Ясногородка, Никольский храм в Богуславе. В 1775 г. униаты избили белоцерковского протопопа Василия Зражевского, фастовского протопопа Алексея Андриевского, в нач. 1776 г. были убиты уманский протопоп Кирилл Зельницкий (умерщвлен за совершение богослужения в униат. церкви), помощник протопопа Красненского окр. свящ. Петр Зборовский из Воскресенской ц. мест. Красное, присоединенный из унии в 1774 г. Так униаты отреагировали на жалобу, поданную православными королю. Однако и тогда имел место переход в Православие: в февр. 1775 г. унию оставил свящ. Михаил Перетятко из с. Рыбница Рашковской протопопии.

15 марта 1776 г. был издан королевский универсал, осуждавший притеснения православных и призывавший шляхту к гуманности. Он не оказал влияния на конфессиональную ситуацию. Так, 10 апр. 1776 г. в мест. Бершадь польск. полковник Р. Ерлич избил брацлавского православного протопопа Василия Мокрицкого, к-рый от полученных побоев скончался. 7 мая того же года

православные протопопы Переровский и Радзимовский получили в С.-Петербурге от Коллегии иностранных дел имп. рескрипт на имя посла в Варшаве барона О. М. Штакельберга, в котором послу предписывалось более внимательное отношение к нуждам православных, но и это не оказало никакого влияния на положение дел. В 1778 г. православные вторично направили королю жалобу по поводу преследований. Эта жалоба, как и предыдущая, имела плохие последствия для православных. После рассмотрения документа «пре-светлая постоянная рада» при короле предписала униат. митр. Льву Шептицкому поручить своим официалам — киевскому Михаилу Примовичу и брацлавскому Иоанну Любинскому «собрать сведения о всех кривдах, причиненных униатами не-униатам, и всех виновных предать строгой каре». Однако притеснения православных только усилились. В 1778 г. в ряде мест Киевщины и Брацлавщины польск. помещики наложили на правосл. священников новые подати (напр., за пользование водой из колодезев), запрещали хоронить православных на общих с униатами кладбищах.

Постепенное поглощение униат. Церковью правосл. приходов юж. части Киевщины и вост. части Подолии продолжалось и в последующие годы, в 1779–1780 гг. в унию перешло не менее 70 священников. Для многих из них такой переход был далеко не первым, над такими священнослужителями в униат. Церкви совершался чин «разрешения от апостасии». Небольшая часть клириков, подавших заявление о переходе в унию, не была принята, это касалось гл. обр. рукоположенных в священ-ный сан «епископами-схизматиками» (православными). Помимо добровольных переходов продолжался насильственный перевод в унию православных. В 1780 г. уманский декан Иоанн Яхимович во главе группы униатов ограбил правосл. храм в мест. Гранов. 25 июля 1781 г. брайловский декан Василий Рогаль-Левицкий (ранее 1773, будучи литинским деканом, перешел в Православие, в 1774 вернулся в унию) со своими сторонниками во время богослужения напал на правосл. церковь в мест. Литин, избил священника. В 1781–1782 гг. имела место новая эскалация насилия против православных во время сбора налогов с правосл.

мон-рей, к-рый был поручен униатам — настоятелю василианского Лысянского мон-ря Иустину Погорлецкому и декану чигиринскому и мошенскому Иосифу Гдешницкому. Они использовали польск. военные команды для нападений на правосл. обители. С протестом выступил российский посол в Варшаве Штакельберг, сбор податей в 1782 г. был отменен. Агрессивностью в отношении к православному отличался униат. митр. Иасон Смогоржевский (1780–1788). Он провоцировал конфликты между униатами и православными, объявлял последних «сборищем отверженных и бунтовщиков», призывал власти расправляться со «схизматиками». Массовый переход клириков в унию завершился в мае 1781 г., когда митр. И. Смогоржевский на соборе униат. Церкви в Радомысле с участием 89 делегатов от всех деканатов Киевской митрополии объявил о повышении налогов с приходов (в мае 1782 он инициировал новое повышение взносов). Это оттолкнуло от него часть клириков, в отдельных деканатах начался переход духовенства обратно в правосл. юрисдикцию.

В нач. 1785 г. между Россией и Польшей было достигнуто соглашение о восстановлении в пределах Речи Посполитой правосл. кафедры в юрисдикции Русской Церкви, во главе к-рой указом имп. Екатерины II от 27 марта 1785 г. был поставлен Виктор (Садковский), архим. слущкого Свято-Троицкого мон-ря. С нояб. 1783 г. архим. Виктор являлся наместником Киевской митрополии в Польше, Слуцкое наместничество (протопопия) с консисторией при Свято-Троицком мон-ре стало центром управления большей частью правосл. приходов в Речи Посполитой, кроме отдельной группы мон-рей и приписных к ним приходских храмов, к-рые подчинялись непосредственно Киевскому митрополиту. В 1785 г. самостоятельная Переяславская епархия, занимавшая почти всю Правобережную Украину и большую часть Белоруссии, была преобразована в «Переяславское коадьюторство с консисторией в Слуцке» (полусамостоятельное вик-ство), Переяславским епископом был назначен архим. Виктор, его хиротония состоялась в Киеве 9 июня 1785 г. Переяславская протопопия и др. протопопии левобережной части Киевщины оставались в составе К. е. и не были переданы еп. Виктору, его власть

распространялась только на правосл. учреждения в Речи Посполитой. Резиденцией архиерея стал слущкий Свято-Троицкий монастырь. 15 сент. 1785 г. в Слуцке была открыта духовная семинария. В сент. 1786 г. король передал еп. Виктору через российского посла в Варшаве рескрипт от 27 июня 1785 г., к-рым подтвердил его назначение в Польшу; 7 мая 1787 г. еп. Виктор в Тульчине вместе с настоятелями мон-рей принес присягу королю.

Помимо приходов и мон-рей Правобережной Украины в заграничную часть К. е. входили мон-ри и приходские церкви на белорус. землях, организованные в неск. корпораций. Крупнейшим было Литовское, или Виленское, «старшинство» в составе 8 муж. и 2 жен. мон-рей. Во главе этой корпорации стоял архимандрит виленского Свято-Духова мон-ря, называвшийся «виленским старшим». Второй по значимости была Слуцкая архимандрития, объединявшая 6 муж. мон-рей и 1 женский. Монастырями этой группы заведовал архимандрит слущкого Свято-Троицкого мон-ря, имевший звание наместника Киевского митрополита. В его подчинении, в свою очередь, находились мн. приходские священники, старшие над к-рыми имели звание «наместников архимандритии». Третьей по численности была Белорусская группа мон-рей, в которую входили 5 муж. обителей и 2 женские. Четвертая — Подляшская группа из 5 муж. мон-рей. На последнем месте по числу мон-рей была Пинская архимандрития, в ее ведении находились пинский Богоявленский и Дятловский Преображенский мон-ри. В ведении Пинской архимандритии была бóльшая часть белорус. приходов К. е. — ок. 100, составлявших 6 протопопий: Слуцкую, Мозырскую, Петриковскую, Пинскую, Туровскую и Давид-Городецкую.

Указом Синода от 2 апр. 1722 г. Виленский и Слуцкий мон-ри были признаны ставропигиальными по отношению к Киевскому митрополиту, что было подтверждено в 1741 г. Однако нередки вопросы, связанные с названными мон-рями, решались непосредственно в Синоде в обход Киевского митрополита, к-рый обязан был согласовывать с Синодом назначения наместников мон-рей. Епископы Белорусско-Могилевской епархии, начиная с еп. Сильвестра (Четвертинского), безуспешно пы-

тались отнять у Киевских митрополитов власть над этими обителями. В 1772 г. все мон-ри Сев.-Вост. Белоруссии (Мстиславское, Витебское, Полоцкое воеводства) после вхождения их в состав Российской империи стали епархиальными. То же произошло с мон-рями, присоединенными в 1793 г., после 2-го раздела Польши: почти все, кроме обителей Литвы и Подляшья, перешли в ведение Минского коадьюторства Киевского митрополита (см. *Минское, Изяславское и Брацлавское викариатство* Киевской епархии). В 1785–1793 гг., когда существовало Переяславское коадьюторство, власть еп. Виктора над ставропигиальными монастырями была формальной.

К 60-м гг. XVIII в. настоятели Слуцкого, Виленского и Пинского мон-рей имели особые полномочия, близкие к полномочиям викарных архиереев; при архимандритиях действовали консистории. Архимандриты служили как архиереи: с дикрием и трикрием, имели право судить священников и ставить псаломщиков. Особые полномочия имели старшины («старшие») Виленского Свято-Духовского старшинства: игум. Сильвестр (Добрыня; 1755), архим. Авраамий (Флоринский; ранее 1762), игум. Сиф (Гамалей; 1762–1764), игум. Иакинф (Пелкинский; 1776–1787). Такую же власть имел игумен пинского Богоявленского монастыря. В 1752 г. обитель освободилась от власти униатов, ее первым православным настоятелем стал игум. Иакинф (Пелкинский; 1752–1756), игум. Варлаам (Шишацкий; 1787–1789). Особую роль играл Слуцкий мон-рь, где уже с 1766 г., при архим. Павле (Волчанском), была устроена Слуцкая духовная консистория.

В авг. 1787 г. началась русско-тур. война, после чего на территорию юж. части Киевщины вошли российские войска. Польск. власти предоставили еп. Виктору больше свободы передвижения, в 1787 г. он неск. раз посещал Киев. В кон. 1787 г. польск. власти разрешили еп. Виктору приехать на юг Киевщины, где он прожил почти год, посещая правосл. мон-ри и приходы. По благословению архиерея протопоп смелянский и чечельницкий Лука Романовский открыл 1 янв. 1787 г. в мест. Ольшана «церковное училище», к-рым заведовал выпускник Киево-Могилянской академии И. Уланов, там же стали преподавать еще 9 священни-

ков Смелянского староства. В 1791 г. уч-ще перестало существовать в результате новых гонений на правосл. Церковь в Речи Посполитой.

Гонения начались в 1789 г. «волынской тревогой» — массовыми арестами православных и униатов на Волини и Подолии в связи с мнимым антипольск. заговором, репрессии обрушились и на белорусско-литов. часть К. е. 18 апр. 1789 г. сейм постановил арестовать еп. Виктора и отправить в Варшаву для допроса. Вместе с еп. Виктором были арестованы священники Слуцкой консистории. В Виленском и Минском монастырях были проведены разгромные обыски. Конфедерационный сейм 18 апр. 1789 г. потребовал, чтобы все православное духовенство приняло присягу на верность королю. 30 апр. 1789 г. в Шполе все игумены и протопопы юж. части Киевщины в присутствии польск. шляхты приняли присягу. В Шполу не приехал игум. Медведовского монастыря Виссарион, принесший присягу в 1787 г., Медведовский монастырь осадил военная команда, в 1791 г. игум. Виссарион был арестован, мон-рь разграблен.

Польск. гос. комиссия, рассмотревшая положение правосл. Церкви в Речи Посполитой, в нач. 1791 г. сделала вывод о том, что существование Церкви, имеющей центр за пределами Польши, не соответствует интересам Польского гос-ва, и предложила создать автономную «схизматическую» Церковь для окормления польск. подданных. С этим планом польск. власти ознакомили К-польского патриарха, к-рый его одобрил. 15 мая и 15–16 июня 1791 г. в Пинске в Богоявленском муж. мон-ре прошли первые заседания генеральной конгрегации «Православной Церкви Польши, Литвы и Белоруссии», в к-рых участвовали 44 духовных лица, а также десятки мирян, польск. чиновники, представители униат. и римо-католич. Церквей. Первоначально конгрегацию возглавлял архим. Матронинского монастыря Иринарх (Балановский). 1 июля 1791 г. состоялась очередное заседание конгрегации, на котором было провозглашено создание автономной Польской Церкви в юрисдикции К-польского Патриархата. Решение было утверждено королем. Была образована «главная, или генеральная, консистория» в Богоявленском монастыре в Пин-

ске, которую возглавил игум. Бельско-Подляшского монастыря Савва (Пальмовский), его заместителем стал духовный правитель Виленской и Минской архимандритий архим. Сильвестр (Бутлай). В подчинении генеральной консистории была образована «Брацлавско-Житомирская провинциальная консистория для Малопольской провинции» в Богуславе, главой к-рой был избран архимандрит Матронинского монастыря Иринарх (Балановский).

Согласно актам Пинской конгрегации, протопопы, наместники и члены протопопских правлений должны были избираться при участии всех священников протопопий на деканальных конгрегациях, которые рекомендовано проводить раз в 4 года. С такой же периодичностью предписано проводить провинциальные конгрегации, т. е. окружные соборы духовенства ([*Лебединцев И.*] Состояние Православной Церкви в Польше по взятии преосв. Виктора под арест в Варшаву // Киевские ЕВ. 1861. № 12. С. 372–385; № 14. С. 413–425). Особо регулировалась деятельность братств, учреждавшихся, по решениям Пинской конгрегации, при участии шляхты как при протопопиях, так и при отдельных приходах. Акты конгрегации подписали в т. ч. делегаты от Брацлавского воеводства: прот. Лука Романовский, уполномоченный от Смелянской, Чечельницкой и Рашковской протопопий, его помощник свящ. Феодор Атаназевич из мест. Круты. От Киевского воеводства акты подписали прот. Иоанн Крупа, уполномоченный от Каневской, Богуславской, Мошенской и Корсунской протопопий, а также протопоп Ольшанского окр. Иоанн Радзимовский, чигиринский протопоп Димитрий Кривицкий, черкасский протопоп Феодор Бетулинский, игум. Лебединского Георгиевского мон-ря Даниил (Натток-Михайловский).

Генеральная и провинциальная консистории управляли правосл. Церковью в Речи Посполитой до нач. 1793 г. Проект создания Польской Православной Церкви не осуществился из-за освобождения в июле 1793 г. из заключения законного управляющего правосл. приходами на польск. землях еп. Виктора (Садковского), а также из-за последовавших вскоре 2-го и 3-го разделов Речи Посполитой.

После упразднения в 1793 г. Переяславского коадьюторства на новоприсоединенных территориях было учреждено Минское коадьюторство К. е. Его консистория и кафедральный собор размещались в Слуцке, на кафедре остался еп. Виктор (Садковский), 13 апр. 1793 г. ему был присвоен титул «архиепископ Минский, Изяславский и Брацлавский» с сохранением звания коадьютора Киевской митрополии (Минское коадьюторство ошибочно называют самостоятельной епархией, оно являлось полусамостоятельным викариатством.) 12 апр. 1795 г. вместо Минского коадьюторства К. е. были учреждены самостоятельные Минская и Изяславская епархия во главе с еп. Виктором (Садковским) и Брацлавская и Подольская епархия. После этого события был упразднен ин-т заграничных приходов и монастырей К. е.

Лит.: *Петров Н. И.* Меры к поддержанию унии в XVIII в. в пределах нынешней Киевской епархии // Киевские Ев. 1867. № 22. Отд. 2. С. 707–721; *Павловский И. Д.* Симония в укр. духовенстве 1-й четв. XVIII в. // ИВ. 1881. № 3. С. 696–697; *Добролюбовский К. С.* Виктор Садковский, еп. Переяславский и Бориспольский, а затем Минский, Изяславский и Брацлавский // К 100-летию воссоединения Подоллии с Россией: Сб. ст. Каменец-Подольский, 1893. С. 31–100; *Иваницкий С. М.* Переяславский еп. Гервасий Линцевский и начало воссоединения униатов в Зап. или Польск. Украине: 1757–1769 гг. // Тр. Подольского церк. ист.-археол. об-ва. Каменец-Подольск, 1904. Вып. 10. С. 1–392; *П[архоменко] В. А.* Гервасий Линцевский: Мат-лы по истории Переяславской епархии 3-й четв. XVIII в. // Киев. старина. 1904. Т. 87. № 12. С. 408–443; *он же.* Очерк истории Переяславско-Бориспольской епархии: 1733–1785 гг. Полтава, 1908; *Титов Ф. И., прот.* Русская Правосл. Церковь в Польско-Литовском гос-ве в XVII–XVIII вв. К., 1916. Т. 3; *Заграничные мон-ри Киевской епархии в XVII–XVIII вв.* Ч. 1; *Ластовський В. В.* Монастирі Переяславсько-Бориспільської єпархії у 18 ст. // Переяславська земля і світ людини. К., 1998. С. 132–135; *Дмитренко В. А.* Матеріали церк. обліку населення Київської та Переяславсько-Бориспільської єпархії як джерело з соціальної історії Гетьманщини XVIII ст.: АКД. К., 2011.

В. Г. Пидгайко

1786–1836 гг. Реформы 1786 г., ликвидировавшие монастырское землевладение и существенно ослабившие самостоятельность монастырей, усилили власть епархиальных архиереев, в т. ч. Киевского митрополита. В 1786 г. он стал священноархимандритом Киево-Печерской лавры, до этого времени имевшей статус ставропигии по отношению к Московскому патриарху, позднее

к Синоду. К. е. получила статус перwokлассной наряду с Московской и С.-Петербургской епархиями.

Реформа в наибольшей степени затронула мон-ри, в т. ч. в К. е. Из 40 обителей (23 мужских, из которых Киево-Печерская лавра и Межигорский мон-рь были ставропигиальными, и 17 женских), согласно указу от 10 апр. 1786 г., должны были сохраниться 12, из них 8 мужских (Киево-Печерская лавра, киевские Пустынно-Николаевский (1-й класс), Златоверхий Михайловский (1-й класс), греч. Екатерининский (2-й класс) и Выдубицкий (3-й класс) мон-ри, а также Мгарский Преображенский (2-й класс), переяславский Вознесенский (2-й класс), козелецкий Георгиевский (3-й класс)) и 4 женских (киевские Флоровско-Вознесенский (1-й класс) и Богословский (2-й класс), а также козелецкий Богословский и золотонешский Благовещенский (оба — 3-й класса). 29 мая 1799 г. по ходатайству митр. Самуила (Миславского) был восстановлен киевский Братский Богоявленский мон-рь, упраздненный в 1786 г. Количество епархиальных монастырей уменьшилось после изменения границ епархии в 1797 г., в нач. XIX в. был упразднен киевский Иоанно-Богословский жен. мон-рь.

Границы К. е. совпадали с границами Киевской губ. (до 1796 Киевское наместничество), кроме т. н. заграничной части. В 1-й пол. XVIII в. К. е. располагалась преимущественно на левом берегу Днепра, охватывая территории, позднее вошедшие в Полтавскую и Черниговскую губернии. После разделов Польши и присоединения к Российской империи Правобережной Украины произошла перестройка административно-территориального деления укр. земель, что привело к изменению епархиального деления. В 1786 г. из К. е. были отчислены в Екатеринославскую епархию уезды Голтынянский и Городищенский (с 1789 Градижский), в 1795 г. в новоучрежденную Вознесенскую епархию вошли Хорольский и Миргородский уезды, в Черниговскую епархию — Гадячский у. 30 нояб. 1796 г. вместо Киевского наместничества была образована Киевская губ., полностью расположенная на правом берегу Днепра. Соответственно изменились и границы К. е. Распоряжением Синода от 7 сент. 1797 г. в нее вошли

приходы 12 уездов: Киевского, Богуславского (в 1800 уездным городом стал Канев), Васильковского, присоединенных из Подольской губ.: Махновского, Липовецкого, Пятигорского (с 1800 Таращанский), Сквирского, присоединенных из Волынской губ.: Радомысльского, из Новороссийской губ.: Катеринопольского (с 1798 Звенигородский), Уманского, Черкасского и Чигиринского, а также бывш. Белоцерковского округа (включен в Васильковский у.). Т. о., основу территории К. е. составили земли, ранее принадлежавшие Речи Посполитой. Большинство местных дворян были католиками, неправославными (католиками, униатами, иудаистами) были также мн. жители городов и местечек губернии, что в значительной степени осложняло межконфессиональную обстановку.

Митрополичьей резиденцией с 1786 г. являлась Киево-Печерская лавра. После упразднения в 1786 г. киевского Софийского монастыря Софийский собор остался кафедральным, должность митрополичьего наместника при соборе была упразднена, его полномочия переданы кафедральному протоиерею, принимавшему участие в делах управления епархии. На подворье Софийского собора находилась 2-я резиденция митрополита — «митрополитанский дом».

Главным органом епархиального управления после объединения в 1786 г. кафедрального («митрополитанского») управления и консистории стала Киевская духовная дикастерия, в 1832 г. вновь переименованная в Киевскую духовную консисторию. До 1786 г. дикастерии содержались за счет епархиальных средств (сборов с мон-рей и приходов, пошлин за оформление документов). Указом от 10 апр. 1786 г. из гос. казначейства было приказано отпускать на содержание Киевской дикастерии 932 р. 90 к. В соответствии с реформой 1786 г. были значительно увеличены полномочия секретаря дикастерии, одновременно урезаны полномочия духовных правлений. В 1786 г. митр. Самуил (Миславский) обратился в Синод с предложением о сокращении в его епархии числа духовных правлений с 17 до 10 в целях экономии средств. Просьба была удовлетворена, Синод распорядился сохранить следующие духовные правления: Ко-

зелецкое, Пирятинское, Лубенское, Переяславское, Миргородское, Хорольское, Золотоношское, Городищенское, Остерское и Трипольское. Упразднены протопопии: Верхнекиевская, Нижнекиевская, Борзнянская, Ичнянская, Кролевецкая, Прилуцкая, Воронежская. В 1796 г. в К. е. с учетом новоприсоединенных уездов существовало 12 уездных духовных правлений. В 1796 г. в присоединенных от Речи Посполитой районах Киевщины была введена церковная должность десятоначальника в подчинении уездных протопопов. Как и ранее, практиковалась выборность протопопов и «протопопских духовников». В 1799 г. в К. е. насчитывалось 1327 приходских церквей, 1384 штатных священника и протопопов, 107 диаконов, 1142 дьячка и 910 пономарей.

В 70–80-х гг. XVIII в. духовенство К. е. несло многочисленные гос. повинности в условиях русско-турецких войн. Стремясь облегчить положение клириков, митр. Самуил отменил ряд налогов: в 1787 г. были отменены 4 вида «кафедральных сборов с парохияльных дворов», которые направлялись на содержание консистории, митрополичьего дома, протопопий и семинарии; в 1788 г. отменен налог с приходов, который собирали на мирование и на раздачу св. мира по церквам. 22 июля 1787 г. митр. Самуил издал указ духовенству К. е. осылке детей из священнических семей на учебу в Киево-Могилянскую академию или в Переяславскую ДС (архиерей высказал недовольство тем фактом, что в академии учились по преимуществу дети мещан, а не священников).

В 1798 г. управление К. е. было реформировано. Митр. Иерофей ввел инструкцию для благочинных по образцу великорус. епархий. Протопопские правления преобразовались в духовные, действовавшие во всех 11 уездных городах на территории епархии (Киевский у. с 1793 был подчинен непосредственно дикастерии). Во главе духовных правлений стояли протопопы соборов в уездных городах (в 1798 вместо должности протопопов была учреждена должность соборного городского или уездного протоиерея с широким объемом власти, в 1841 по новому уставу консисторий полномочия протоиереев сократились, фактически должность просущест-

Митр. Иерофей (Малицкий).
Портрет. XVIII в. (НКПИКЗ)

вовала до 90-х гг. XIX в.). Уездные церковные округа разделялись на благочиннические во главе с приходскими священниками. Указом от 26 февр. 1798 г. митр. Иерофей отменил выборность благочинных и членов духовных правлений, утвердив назначение их митрополитом; тем же постановлением, ссылаясь на указ Синода от 7 мая 1797 г., митр. Иерофей потребовал, чтобы в каждом благочинническом округе было 10–15 приходов. Эти распоряжения не выполнялись. Так, в вошедших в К. е. благочиннических округах бывш. Киевского воеводства Речи Посполитой, а также Брацлавщины благочинные продолжали избираться всем духовенством округа.

В 1797–1798 гг. митр. Иерофей боролся против практики избрания общинами священнослужителей. Официально выборность священнослужителей была отменена в 1786 г., но прихожане, избрав ставленника, подавали прошения о его рукоположении. В 1797 г. имел место конфликт вокруг киево-подольской Васильевской ц., прихожане которой выбрали священником диакона этой церкви Евфимия Чернявского, а митр. Иерофей, проигнорировав их решение, назначил на приход свящ. Петра Кнешинского. Миряне не пустили священника в храм, митрополит обратился за помощью к властям, протест был подавлен. Суд управы Киевского благочиннического округа поддержал мирян, а не митрополита. Во избежание подобных происшествий митр. Иерофей в марте 1798 г. издал распоряжение, по которому миряне имели право подавать не прошения о рукоположении

кандидата во иерея, но рекомендацию кандидату, аналогичную рекомендацию мог давать и помещик — владелец прихода. В 1816 г. епархиальному начальству было предписано не обращать внимания на такие рекомендации.

При проведении реформ митр. Иерофей столкнулся с трудностями. В нач. 1798 г. он упразднил 2 духовных правления, находившихся с 1793 г. на территории Киевского у.: Корсунское и Чернобыльское. В результате очень большое число приходов Киева и Киевского у. перешло в непосредственное ведение дикастерии. В янв. 1798 г. митр. Иерофей просил Синод открыть для управления приходами Киевского у. духовное правление в мест. Триполье, существовавшее до 1793 г., но получил отказ.

После смерти митр. Иерофея в 1799 г. его преемником стал митр. Гавриил (Банулеску-Бодони). По указу Синода от 16 окт. 1799 г. Переяславская епархия перестала быть викариатством К. е. и стала самостоя-

Митр. Гавриил (Банулеску-Бодони).
Портрет. XIX в. (НКПИКЗ)

тельной 3-классной кафедрой. Тем же указом было образовано Чигиринское викариатство К. е. Чигиринским епископом был назначен архим. новгород-северского в честь Преображения Господня муж. монарха Феофан (Шиянов), его хиротония состоялась 12 февр. 1800 г. Под управление еп. Феофана перешел Златоверхий Михайловский монастырь, ставший его резиденцией. 31 янв. 1807 г. еп. Феофана на Чигиринской кафедре сменил еп. Иринеи (Фальковский).

Митр. Гавриил продолжил сближение устройства К. е. с др. епархиями

РПЦ (утверждение «церковного купночиния»). Из богослужебного обихода вытеснялись книги западнорус. печати, содержащие тексты на «простой мове». Указ Синода 1800 г. повторил положения указа 1766 г., к-рым Киево-Печерской лаврской типографии запрещалось издавать богослужебные книги, по содержанию или по языку отличающиеся от московских изданий. Власть лавры писали в Синод о том, что «книги московского наречия», особенно буквари, не пользуются спросом и в лавру поступают просьбы возобновить издание южнорус. книг, но Синод оставался непреклонен. Власть поставили правосл. книгопечатание в Малороссии в неравное положение с выпуском книг униатами, т. к. имп. указом от 4 мая 1800 г. униат. Почаевской типографии было разрешено издавать лит-ру без языковых ограничений, и василиане Почаевского мон-ря печатали книги на «простой мове». Вслед такого положения случались злоупотребления. Сотрудник типографии Киево-Печерской лавры иеродиак. Иустин получал от василиан униат. богослужебные книги и агиографические сборники (в частности, издававшееся параллельно на польск. языке и на «простой мове» описание чудес от Почаевской иконы Божией Матери «Пресветлая гора Почаевская» и др.), заменял титульные листы и распространял книги в Киеве. В 1800–1801 гг. почаевские униат. издания с переклеенными титульными листами активно продавались в городе. В окт. 1801 г. Иустин был арестован. Митр. Гавриил обратился в Синод с просьбой запретить реализацию почаевских изданий в Киевской губ. 9 февр. 1802 г. последовал указ, запрещающий продавать в светских книжных лавках неправосл. издания, благодаря чему распространение униат. книг в Киеве было прекращено.

В 1800–1802 гг. митр. Гавриил упорядочил распределение приходов по благочинническим округам К. е. таким образом, чтобы в каждом округе было от 10 до 15 приходов. Владыка боролся за унификацию богослужения и за ликвидацию униат. пережитков. 17 сент. 1800 г. он распорядился, чтобы дикастерия разослала по всем приходам «книги краткого объяснения церковного устава». Митрополит запретил обливательное крещение и 11 июля 1800 г.

сделал распоряжение, чтобы во всех храмах епархии были устроены крестильни. 22 февр. 1803 г. митр. Гавриил упразднил имевшую место в храмах Киева практику причащения мирян в алтарях. 2 июня 1803 г. Киевская дикастерия по поручению митрополита приказала всем благочинным и духовным правлениям приобрести для всех приходских храмов дароносицы (для правильного хранения Св. Даров) и киоты.

Митрополит уменьшил полномочия духовных правлений. В мае 1802 г. он запретил духовным правлениям самостоятельно рассматривать дела о дисциплинарных нарушениях духовенства, повелев направлять все дела в дикастерию. Указом от 11 июля того же года было запрещено членам духовных правлений созывать «соборники» подчиненного духовенства.

Указом Синода от 10 февр. 1810 г. предписывалось архиереям 7 епархий Малороссии и Белороссии: Новороссийской (с центром в Новомиргороде), Черниговской, Минской, Подольской, Переяславской, Волынской и Слободско-Украинской получать миро от митрополита Киевского и Галицкого, чем существенно был повышен статус последнего. В 1817 г. была начата реформа духовных учебных заведений К. е., результатом которой стало открытие Киевской ДС и 3 духовных уч-щ, в 1819 г. начала работу реформированная КДА. Главная проблема приходского духовенства на рубеже XVIII и XIX вв. заключалась в недостатке образованных пастырей, а в нач. XIX в. среди белого духовенства К. е. лишь четверть имела духовное образование, в 1837 г. соотношение было таким же. Это вынуждало архиереев часто назначать на приходы бывш. униат. священников, имевших более высокий уровень образования.

При митр. *Серапионе (Александровском; 1803–1822)* принимались меры для упорядочения монастырской жизни. 22 апр. 1814 г. Киевская дикастерия, опираясь на требования Синода, приняла постановление, к-рым запрещалось принимать в братию без документов. Чигиринский еп. Ириней (Фальковский), настоятель Златоверхого Михайловского мон-ря, отказался от выполнения данных указов, ссылаясь на то, что не следует лишать мон-ри статуса «священных убежищ». 9 мая

Митр. Серапион (Александровский).
Портрет. XIX в. (НКПИКЗ)

1819 г. по указу Синода состоялась реформа духовных правлений. Киевской дикастерией в 1819 г. было предписано, чтобы все вопросы деятельности правлений решались коллегиально, а не единолично по воле первоприсутствующего члена правления. Ранее, в 1807 г., митр. Серапион ввел обязательную ревизию деятельности служащих дикастерии, учредив для этого должность «депутата дикастерии».

В июне 1811 г. пожар уничтожил мн. мон-ри и храмы на Подоле: Братский мон-рь, Синайский Екатерининский муж. мон-рь, Флоровский жен. мон-рь и др. Под угрозой закрытия в 1811–1817 гг. находился Пустынно-Николаевский мон-рь на Печерске.

После того как 24 янв. 1822 г. митр. Серапион ушел на покой, архиепископом Киевским и Галицким назначили *Евгения (Болховитинова)*, 16 марта 1822 г. он был возведен в сан митрополита, стал членом Синода. Митр. Евгений инициировал ряд нововведений в епархии, добивался упорядочения работы Киевской дикастерии и духовных правлений. В мае 1822 г. он распорядился, чтобы духовные правления под угрозой штрафа присылали ему копии с журналов заседаний, 5 июня распорядился поручать все следственные дела духовных правлений благочинным. В 1825 г. митр. Евгений, ссылаясь на имп. указ 1820 г. об усилении благочиннического надзора, добился от Синода разрешения на избрание в К. е. благочинных с участием всего духовенства округа, что стало важной особенностью К. е., обусловленной традициями.

Ранее, 29 июля 1824 г., митр. Евгений составил правила избрания благочинных, их утвердила Киевская дикастерия. В 1828 г. митр. Евгений расширил штат дикастерии, введя должности присутствующих, обязанных следить за делопроизводством. По ходатайству митр. Евгения на содержание Киевской дикастерии ввиду ее «исключительных нужд» Синод в 1828 г. постановил выделять дополнительно 1962 р. в год. Сино-

*Десятинная церковь.
Фотография.
Нач. XX в. (РГБ)*

дальным указом от 31 марта 1832 г. Киевская духовная дикастерия была переименована в консисторию «для соблюдения единообразия по образцу великороссийских епархий».

Митр. Евгений усилил контроль за дисциплиной духовенства. В 1827 г. он запретил совершение треб заштатным священникам. В указе от 18 авг. 1831 г. архиерей отмечал, что при рукоположении предпочтение будет оказано выпускникам духовных семинарий, предписывал, чтобы священники назначались на те приходы, где среди клира не имеется их родственников. В 1831 г. митрополит принял жесткие меры в отношении нарушителей церковной дисциплины: 26 священников были лишены сана за «пьянство, буянство, порочное поведение», десятки священнослужителей отправлены за штат. В апр. 1835 г. были лишены сана неск. десятков диаконов К. е. Современники считали эти действия неоправданно жестокими. Строгим был контроль со стороны митрополита за совершением богослужения. 4 февр. 1835 г. митр. Евгений в письме в Киевскую консисторию указывал, что в К. е. мн. священники крестят младенцев не погружением, а обливанием, по католич. обычаю; митрополит предупредил о возможном лишении сана за это нарушение. 20 сент. 1823 г. митр. Евгений учредил Киевское епархиальное попечительство о бедных духовного звания, для к-рого ис-

ходатайствовал у имп. Александра I капитал в 15 тыс. р. Стремясь поддержать малообеспеченную часть духовного сословия, в февр. 1835 г. митр. Евгений передал право печь и продавать просфоры вдовам и сиротам духовного звания, в то время как ранее этим в Киеве занимались булочники.

Митр. Евгений много сделал для церковно-исторической науки и духовного просвещения. В Киеве он организовал первые систематические археологические раскопки, офиц. начало к-рых относится к

17 окт. 1824 г., когда приступили к поискам фундамента Десятинной ц., обнаруженного в том же году вместе с остатками

фресок. 2 авг. 1828 г. митрополит освятил закладку новой Десятинной ц. Он объехал мн. исторические места Киевской губ., составил план ее археологического обследования. При содействии митр. Евгения в 1822–1825 гг. было возведено новое здание КДА, в 1828–1830 гг. — новое здание КДС.

В 1830–1831 гг. в зап. губерниях произошло 2-е польск. восстание, частично затронувшее и Киевщину. Частично подавления восстания митр. Евгений инициировал в 1834–1835 гг. упразднение на Киевщине римо-католич. приходов в селах Рудое Село Сквирского у., Мервин Липовецкого у., Салиха Таращанского у., Пенёжково Уманского у.

Завершающим в истории процесса унификации К. е. с др. епархиями РПЦ стал 1836 год, когда указом Синода была окончательно отменена выборность благочинных в К. е. Официально избрание благочинных в епархии было упразднено в предыдущем столетии, но фактически оно сохранялось, т. к. благочинных избирали духовные правления, и в 1805 г. эта практика была узаконена Синодом как «исключение для малороссийских епархий» (в февр. 1825 митр. Евгений (Болховитинов) добился разрешения на избрание благочинных в К. е. с участием всего духовенства округа). Однако в авг. 1836 г. Синод издал указ Киевской консистории, где говори-

лось, что существующий способ избрания благочинных «не совсем согласен с иерархическими и высочайшими постановлениями». Несмотря на многочисленные прошения в Синод о сохранении старой традиции, ее отменили окончательно, система управления в К. е. пришла в полное соответствие с адм. устройством великорус. епархий.

1837–1917 гг. 18 апр. 1837 г. на Киевскую кафедру был назначен архиеп. *Филарет (Амфитеатров)* с возведением в сан митрополита. В 1837–1840 гг. митр. Филарет столкнулся с трудностями, связанными с завершающим этапом воссоединения униатов Киевщины с православной Церковью. Имели место конфликты между польск. помещиками-католиками, поддерживавшими униатов, и правосл. священниками, окормлявшими перешедшие из унии приходы. Митр. Филарет выступал в защиту духовенства перед лицом гражданской власти. По его инициативе в 1837 г. был закрыт римо-католич. костел в мест. Вчерайше Сквирского у., активно занимавшийся обращением униатов в лат. обряд.

В 1844 г. территория К. е. расширилась, из Волынско-Житомирской епархии в нее перешел г. Бердичев с рядом сел, ставший центром уезда вместо мест. Махновка. В Бердичев перевели Махновское духовное правление вместе со штатом уездного собора. Данный уезд был особенно подвержен влиянию католицизма: там находился один из главных католич. санктуариев на укр. землях с Бердичевской иконой Божией Матери, здесь же жили многочисленные бывш. униаты, записавшиеся православными, но обращавшиеся за исполнением треб к римо-католич. духовенству. Хотя уния в зап. и юж. уездах Киевской губ. в 1839–1840 гг. была ликвидирована, там продолжалась экспансия католицизма лат. обряда, преимущественно среди бывш. униатов. В целях окончательного искоренения пережитков униатства в 40-х гг. XIX в. в бывш. греко-католич. храмах Киевщины массово изымалась униат. лит-ра, в т. ч. богослужебная (к 1852 в К. е. было собрано 540 униат. книг, старейшая из к-рых датировалась 1605). Отношения православных с католиками в Киевской губ. были сложными. Стремясь защитить православное духовенство от помещиков-католиков, митр. Филарет в письме

к обер-прокурору Синода в 1851 г. указывал, что шляхтичи не должны принуждать правосл. священников вести деловую переписку на польском языке. В 1862 г. митр. *Арсений (Москвин)* посетил Радомысльский у. и констатировал, что во внут-

*Митр. Филарет (Амфитеатров).
1865 г. Худож. П. Ф. Борель.
Литография А. Э. Мюнстера (ГИМ)*

реннем убранстве храмов сохраняются уният. особенности, «следы католических образований в иконах и иконостасах», потому что духовенство не имеет средств на их замену православными. Влияние католичества на Киевщине немного уменьшилось после 3-го польск. восстания 1863 г., в борьбе с к-рым отличились 44 священника К. е., удостоенные за это гос. награда. Однако и после подавления восстания и последовавшего за ним упразднения в юго-зап. губерниях ряда католич. мон-рей католицизм сохранял сильные позиции на Киевщине.

При митр. Филарете совершенствовались органы епархиального управления, окончательно сложился аппарат Киевской духовной консистории. Киевская консистория (до 1832 дикастерия) включала присутственное место и канцелярию с протокольным столом, в функции которого входило решение общепархиальных дел. Хотя еще в 1828 г. синодальным указом часть дел, проходивших через канцелярию, рекомендовалось передавать в ведение присутственных мест, в К. е. это не выполнялось. В ходе реформирования консистории в 1838 г. она была разделена на 4 подразделения. В «общем» столе решались общепархиальные дела, устанавливалась достоверность чудес, это подразделение отвечало за информирование

причтов о консисторских указах. «Административный» стол занимался назначением и увольнением священнослужителей, деятельностью духовных учебных заведений и благотворительных учреждений. «Экономический» стол решал вопросы о материальном обеспечении духовенства. «Бракоразводный», или «дисциплинарный», стол занимался вопросами о расторжении браков и церковных епитимиях. Во главе каждого стола стоял столоначальник («повитчик»), к-рый назначался лично митрополитом. В 30–40-х гг. XIX в. материальное положение служащих Киевской консистории было тяжелым, о чем неоднократно писал в Синод митр. Филарет. В 1868 г. от консистории в качестве отдельного присутствия было отделено Киевское епархиальное попечительство о заштатных священнослужителях, вдовах и сиротах духовного звания, что сопровождалось урезанием расходов на содержание др. структур консистории. В 1869 г. Киевская духовная консистория получила в 2 раза меньше жалованья из Синода, нежели консистории 2 др. первенствующих кафедр — С.-Петербургской и Московской.

Принятие в 1841 г. устава духовных консисторий отразилось и на местном управлении в К. е. Устав предписывал закрывать уездные духовные правления в целях экономии средств, а также для того, чтобы последние не дублировали функции консисторий. В К. е. данная реформа была реализована в 60-х гг. XIX в. В 1861 г. были закрыты 3 духовных правления: Васильковское, Радомыльское и Черкасское; в 1868 г. прекратили существование и остальные 7 духовных правлений. Вместо духовных правлений в 1868 г. в К. е. были учреждены благочиннические советы (в 1892 их насчитывалось 62) для руководства благочинническими округами. На фоне данных преобразований в К. е. еще сохранялись должности «протопопов уездных городов», или «уездных протоиереев»; к кон. XIX в. их функция была сведена к передаче распоряжений епархиального начальства в приходы.

Значительное место в деятельности митр. Филарета занимало попечение о духовных учебных заведениях К. е. Открытому в 1837 г. Киево-Софийскому ДУ митр. Филарет передал 3-этажный митрополичий дом при Софийском соборе, на свои

средства содержал 40 из 110 учеников. Мн. воспитанники уч-ща поступали в Киевскую ДС, число студентов в к-рой увеличилось. Митрополит передал КДС личную б-ку и распорядился о передаче ей же б-ки Пустынно-Николаевского монастыря. При вступлении митр. Филарета на Киевскую кафедру из 1213 священников К. е. 377 имели полное семинарское образование, в 1858 г. — из 1265 штатных священнослужителей К. е. окончили семинарию 887 священников. В 1858 г. благодаря деятельности митр. Филарета в Киевской губ. насчитывалось 225 приходских школ с 2006 учащимися. В епархии действовали 1330 церквей, из них 1242 самостоятельные приходские, 14 соборных, а также 12 мужских и 4 женских мон-ря.

Живя в Киево-Печерской лавре, митр. Филарет много внимания уделял устройству внутренней жизни обители, строго следил за нравственным состоянием братии, постоянно наставляя ее поучениями. В 1837 г. он запретил привлекать братию на полевые работы, что было заведено митр. Евгением в 1827 г. Примером для подражания была подвижническая жизнь митр. Филарета, 13 авг. 1841 г. тайно принявшего постриг в великую схиму.

По инициативе митр. Филарета в К. е. были построены десятки храмов, средства на возведение к-рых часто он находил лично. Митрополит активно участвовал в обсуждении вопроса о материальном обеспечении сельского духовенства, защищая положение 1842 г., по к-рому сельское духовенство должно получать земли, дома и пособия от прихожан. В 1855 г. на Киевщине имело место крестьянское восстание («Киевская козаччина», «вторая Колиивщина»). Митр. Филарет вошел в правительственную комиссию, созданную для преодоления последствий восстания, лично выезжал в наиболее охваченный восстанием Корсунский у., где увещевал крестьян, проводил миссионерские беседы.

При активном участии митр. *Исидора (Никольского)*, сменившего в 1858 г. на Киевской кафедре митр. Филарета, по предложению киевского военного ген.-губернатора И. И. Васильчикова в 1859 г. была начата организация церковно-народных (церковно-приходских) школ в К. е. В 1862 г. в К. е. насчитывалось 1370 церковно-приходских школ. Митр. Исидор

Митр. Исидор (Никольский).
Гравюра. Кон. XIX в.

инициировал учреждение журнала Киевской ДС «Руководство для сельского пастыря». В 1862 г. Киевский митр. Арсений (Москвин) создал в консистории 5-й, «школьный», стол в связи с распространением в К. е. церковноприходского образования. По инициативе митр. Арсения были созданы епархиальные просветительские орг-ции: киевское Владимирское братство (1864), Киевский комитет Православного миссионерского об-ва (1870). В марте 1866 г. митр. Арсений был назначен председателем комиссии Синода по реформе духовных школ.

В 1874 г. было образовано 2-е викарство К. е.— Уманское, во главе которого стоял ректор КДА и настоятель киевского Братского мон-ря. После образования в 1884 г. *Каневского викариатства* ректоры КДА до 1923 г. являлись епископами Каневскими. В 1885 г. митр. Платон распределил обязанности между викариями К. е. Каневскому епископу помимо заведования духовно-учебными заведениями и церковноприходскими школами было поручено осуществлять надзор за духовенством и храмами Каневского у. Уманскому епископу помимо заведования епархиальными попечительскими комитетами для бедных духовного звания и председательства в Киевской церковно-строительной палате поручался надзор за церковной жизнью в Звенигородском, Уманском, Липовецком, Бердичевском, Сквирском и Таращанском уездах. На Чигиринского епископа было возложено заведование преподаванием Закона Божия в светских учебных заведениях и председательство в комитете по обеспечению быта духовенства,

а также надзор за церковной жизнью в Радомысльском, Киевском, Черкасском, Чигиринском и Васильковском уездах (О распределении дел между епархиальными преосвященными // Киевские ЕВ. 1885. № 23. С. 1121–1122). 30 дек. 1909 г. было образовано Черкасское викарство К. е. с резиденцией архиерея в киевском Выдубицком мон-ре.

В 1862–1882 гг. в К. е. вновь практиковалась выборность благочинных местным духовенством, возобновления этого местного обычая в дек. 1861 г. добился митр. Арсений. В 1882 г. Синод восстановил назначение благочинных епархиальным архиереем. В целях возрождения еще одной местной традиции — братского движения — в 1862 г. в «Киевских епархиальных ведомостях» был опубликован «Проект устава для сельских братств», на основе которого начали возрождаться братства. 15 июля 1864 г. митр. Арсений торжественно открыл киевское Владимирское епархиальное братство. К нач. 80-х гг. XIX в. епархия была разделена на 94 благочиния, включала 1326 приходов, в каждом благочинии насчитывалось от 9 до 27 приходов. В 1882 г. число благочиннических округов по инициативе митр. Платона (*Гордецкого*) было уменьшено до 59, в каждом округе осталось в среднем по 23 храма, 29 апр. 1883 г. митр. Платон утвердил распределение церквей К. е. по благочинническим округам. В 1882 г. в клире К. е. состояли 1330 священников, из них 33 протоиерея.

В июне—авг. 1883 и в июне 1884 г. митр. Платон посетил все мон-ри и значительную часть приходов К. е., обращая особое внимание благочинных на состояние приходских храмов (до этого в течение 10 лет Киевские митрополиты не совершали объезд епархии) (ЦГИАК. Ф.127. Оп. 685. Д. 658. Л. 33). Усилиями митр. Платона в 1884–1886 гг. был возрожден Межигорский Преображенский муж. мон-рь под Киевом, упраздненный в 1786 г. Настоятелем мон-ря стал, согласно резолюции Синода 1886 г., настоятель *киевского Ионинского во имя Св. Троицы мон-ря* игум. прп. *Иона (Миросниченко)* с возведением в сан архимандрита, Ионинский мон-рь был приписан к Межигорскому.

В 1886 г. по инициативе митр. Платона в Киеве прошел съезд преосвященных юж. и зап. епархий для вы-

работки мер по борьбе с распространением *штундизма*. В К. е. были учреждены 4 должности епархиального миссионера. В 1896 г. для борьбы со штундизмом митр. *Иоанникий (Руднев)* основал в Киеве ж. «Миссионерское обозрение». В 1902 г. митр. *Феогност (Лебедев)* с той же целью открыл в Киеве миссионерский комитет, преобразованный в 1908 г. в Киевский епархиальный миссионерский комитет. По инициативе митр. Иоанникия в 1893 г.

Митр. Иоанникий (Руднев).
Портрет. XIX в. (НКПИКЗ)

было создано Киевское религиозно-просветительское об-во. В 1902 г. основаны киевский отдел правосл. Палестинского имп. об-ва и Киевский отдел Об-ва ревнителей рус. исторического просвещения в память имп. Александра III.

В 1888 г. в К. е. торжественно праздновали 900-летний юбилей Крещения Руси. К этому событию отреставрировали древнейший Трехсвятительский храм в Верхнем городе, к-рый в 1888 г. был переосвящен во имя свт. Василия, придел Нерукотворного образа Господня — во имя равноап. Ольги. 20 авг. 1896 г. в присутствии имп. семьи митр. Иоанникий (Руднев) освятил новостроенный Владимирский кафедральный собор (закладка собора состоялась 15 июля 1862). В 1899 г. впервые в истории Киевской митрополии митр. Иоанникий стал первенствующим членом Синода.

В 1890 г. по инициативе митр. Платона был выработан устав Киевского епархиального взаимопомогательного общества, которое начало свою деятельность в 1893 г. при митр. Иоанникии. 25 дек. 1898 г. митр. Иоанникий пожертвовал 50 тыс. р. на создание Киевской епархиальной

богадельни. «Иоанникиевский приют» открылся в г. Богуславе в здании упраздненного ДУ уже после смерти архиерея, в 1905 г., существовал на средства московского «Иоанникиевского фонда». В 1890 г. начал работу Киевский епархиальный свечной завод.

В ходе революционных событий 1905–1906 гг. на территории К. е. активизировалась деятельность католиков и протестант. объединений, после издания манифеста «Об укреплении начал веротерпимости» в К. е. участились случаи перехода православных в католичество. 1 сент. 1905 г. митр. *Флавиан (Городецкий)* издал окружное послание к духовенству К. е., в к-ром призывал к более активной миссионерской деятельности в новых условиях. В 1908 г. митр. *Флавиан* инициировал проведение в Киеве 4-го Всероссийского миссионерского съезда. В 1909 г. он открыл при Киево-Печерской лавре крупнейшую к тому времени церковную б-ку (более 20 тыс. томов).

Отдельные либерально настроенные представители правосл. духовенства К. е. и преподаватели духовных школ приняли участие в революционных событиях. В К. е. революционные прокламации распространяли свящ. Марк Грушевский из Чигирина (впосл. «епископ» УАПЦ) и диак. Куликовский из Умани. За сочувствие революционным идеям был лишен права священнослужения и направлен в Выдубицкий Михайловский мон-рь свящ. Григорий Нечаевский из Таращанского у. Идеи христ. социализма пропагандировала выходившая в Киеве с 1906 г. газ. «Народ». Исходя из «идеалов вселенского христианства», газета отстаивала «народную свободу», раскрывала «неправду капиталистической эксплуатации», боролась против национальной вражды. В ее редакционной коллегии состояли профессор Киевской политехники (1901–1905), буд. священник С. Н. *Булгаков*, профессора КДА П. П. Кудрявцев и Ф. И. Мищенко, буд. «митрополит» УАПЦ В. *Липковский*; в редколлегии сотрудничали 14 священнослужителей К. е.

В 1882 г. в К. е. имелось 84 благочиннических округа, в 1913 г. — 80 (3 в Киеве, по 6 в Киевском, Васильковском, Липовецком, Радомысльском, Сквирском, Черкасском уездах, по 7 в Бердичевском, Звенигородском, Каневском уездах, в Уман-

Митр. *Флавиан (Городецкий)*.
Портрет. Нач. XX в. (НКПИКЗ)

ском у. — 8, в Чигиринском у. — 5). Количество приходских церквей в кон. XIX — нач. XX в. увеличивалось. В 1882 г. в К. е. насчитывалось 1326 приходов, в 1895 г. — 1340 приходов (в т. ч. 13 соборных храмов, 23 церкви при уч-щах, благотворительных и др. заведений, а также при кладбищах), в 1913 г. имелось 1384 прихода. В 1908–1909 гг. в К. е. действовали 12 муж. мон-рей (5 штатных и 7 заштатных) и 7 женских (2 штатных и 5 заштатных). В муж. обителях жили 474 чел., в жен. мон-рях — 438 насельниц. В нач. XX в. система духовного образования К. е. включала КДАиС, 4 духовных уч-ща — Киево-Подольское, Киево-Софийское, Уманское и Черкасское, 2 киевских жен. епархиальных уч-ща. Ок. 90% священников имели семинарское образование, 5% священников и 40% протоиереев были выпускниками духовных академий. В 1900–1919 гг. в Киевской консистории были представлены только клирики из белого духовенства.

Во время первой мировой войны в ряде мон-рей К. е. открылись лазареты, работали церковные приюты для сирот. В 1914 г. начал работу крупнейший в епархии лазарет при Киевском Владимирском епархиальном братстве. Большой детский приют (для 49 мальчиков и 27 девочек) существовал при Киево-Печерской лавре (ЦГИАК. Ф. 128. Оп. 3. Д. 726); в нач. 1917 г. 31-й Киевский епархиальный съезд принял решение выделить 25 тыс. р. на строительство приюта для детей погибших воинов при Межигорском Преображенском жен. мон-ре. При поддержке Церкви в Киеве и Киевской

губ. нашли приют многочисленные беженцы из оккупированных австрийскими и нем. войсками юго-зап. и северо-зап. губерний Российской империи. Особенно много беженцев прибыло весной — летом 1915 г., 3 приехавших униат. священника (*Сваричевский*, *Кульчицкий* и *Криницкий*) приняли в Киеве Православие. По указу Киевского митрополита от 6 мая 1915 г. представители интеллигенции размещались в Киево-Софийском и Киево-Подольском духовных уч-щах (на 1916 в каждом из них размещалось по 300 чел.), студенты — в Ионинском и Выдубицком мон-рях, учащиеся девушки — в Киево-Покровском и Межигорском жен. мон-рях. С 1915 г. епархиальное духовенство проводило регулярный сбор денег и продуктов питания для солдат на фронтах, в 1916–1917 гг. проходили сборы средств на нужды инвалидов войны. В нач. 1917 г. настоятель церкви в мест. Хабное Радомысльского у. провел сбор золотых вещей для передачи в фонд поддержки раненых.

23 нояб. 1915 г. на Киевскую кафедру был назначен митр. сщмч. *Владимир (Богоявленский)*. В янв. 1916 г. митр. *Владимир* уехал в Петроград для участия в заседаниях Синода как первоприсутствующий член Синода. Революционные события 1917 г. коренным образом изменили церковную жизнь на Украине, как и во всей стране.

Лит.: Памятная книжка Киевской епархии / Сост.: А. Воронов, свящ. В. Антонов. К., 1882. С. 24; *Белгородский А. В.* Киевский митр. *Ерофей Малицкий*. К., 1901; *Чеховской В. М.* Киевский митр. *Гавриил Банулевско-Болони*. К., 1905; Памятная книжка Киевской губ. на 1909 г. К., 1909; Всеподданнейший отчет обер-прокурора Св. Синода по ведомству правосл. исповедания за 1908–1909 гг. СПб., 1911; *Покровский И. М.* Русские епархии в XVI–XIX вв.: Их открытие, состав и пределы. Каз., 1913. Т. 2; Венок на могилу высокопреосв. митр. *Флавиана* (4 нояб. 1915 г.). К., 1915; *Мордвинцев В. М.* Російське самодержавство і Українська Правосл. Церква в кін. XVII–XVIII ст. К., 1997; *Перега В. С.* Державний вплив на церковне богослужіння в Київській епархії кін. 18–19 ст. // Вісник Київського нац. ун-ту ім. Т. Шевченка. Сер.: Історія. 2000. Вип. 47. С. 70–74; *он же*. Протидія Київських митрополитів використанню греко-католицьких богослужбових книг у Київській епархії XIX ст. // Дрогобицький краєзнавчий зб. 2000. Вип. 4. С. 150–160; *он же*. Православне Наддніпрянське у XIX ст. Біла Церква, 2004; *Хитровська Ю. В.* Громадянсько-політична позиція духовенства Правобережної України наприкінці XVIII — сер. XIX ст.: (В контексті церк. політики самодержавства): Канд. дис. К., 2001; *Хоменко К. В.* Самуїл Миславський: (Біогр. довідка) // Лаврсь-

кий альманах. К., 2003. Вып. 9. С. 120–129; *Коптюх Ю. В.* Реформы устрою Російської Правосл. Церкви на Правобережній Україні (кін. XVIII – перша пол. XIX ст.): АКД. К., 2005; *Шульгова І. М.* Зміни в адміністративному устрої Правосл. Церкви в Україні в другій пол. XIX ст.: Канд. дис. Запоріжжя, 2005; *Потапова О. Б.* Православне духовенство в суспільному житті України у 1917–1920 рр.: Канд. дис. К., 2010; *Баранова Н. В.* Освітня, благодійна та місіонерська діяльність митр. Київського і Галицького Платона Городецького (1882–1891 рр.): Канд. дис. К., 2011; *Святненко А. В.* Київська єпархія за часів митрополитів Єрофія Малицького й Гавріїла Банулеско-Бодоні // Вісник Державної академії керівних кадрів культури і мистецтв. К., 2011. № 4. С. 203–207; *она же.* Становлення організаційної структури Київської єпархії (кін. XVIII – сер. XIX ст.) // Там же. 2012. № 1. С. 186–189.

К. К. Крайний, В. Г. Підгайко
1917–1920 гг. Февральская революция 1917 г. вызвала большие перемены в жизни К. е. Значительная часть духовенства Киева стояла на консервативных позициях. 22 февр.

Еп. Никодим (Кротков).
 Фотография. 1908 г.

1917 г., после начала в Петрограде Хлебных бунтов, в Киеве прошло совещание городского духовенства под председательством Чигиринского еп. сщмч. Никодима (Кроткова), 1-го викария К. е. Участники приняли телеграмму к императрице с призывом к «разгону Думы, революционизирующей общество» (Церковь и жизнь. Пг., 1917. № 5/6. С. 77). После отречения имп. св. *Николая II Александровича* (2 марта 1917) представители киевского духовенства во главе с еп. Никодимом предприняли попытку реабилитироваться перед новыми властями: 7–9 марта 1917 г. в Киеве прошло расширенное собрание духовенства К. е., участники которого выпустили неск. заявлений в поддержку Временного правитель-

ства, хотя и достаточно сдержанных. В кон. марта 1917 г. по настоянию обер-прокурора Синода В. Н. *Львова* еп. Никодим как активный «старорежимник» и «черносотенец» был переведен викарием в Саратовскую епархию, несмотря на несогласие Киевского митр. Владимира (Богоявленского) и протесты киевлян. В июле еп. Никодим был возвращен на Чигиринское викариатство.

В марте–апр. 1917 г. среди духовенства К. е. активно проявляли себя сторонники автономии Церкви на Украине и украинизации богослужения (позднее аналогичные группы духовенства стали активно действовать в Полтавской, Волынской и Подольской епархиях). Начав с требований церковной автономии, эти круги духовенства впосл. перешли к пропаганде автокефалии. Толчком к росту этого движения стало образование 4 марта 1917 г. Украинской Центральной рады, которую возглавил М. С. *Грушевский*, стремившийся уменьшить церковное влияние на политические процессы. Рада пользовалась поддержкой части киевского духовенства: ее приветствовал еп. *Димитрий (Вербицкий)*, викарий К. е., собрание киевского духовенства под рук. еп. Никодима 15 марта 1917 г. избрало 3 делегатов в раду. В янв. 1918 г. рада учредила департамент исповеданий, главой к-рого стал Н. Н. Бессонов – бывш. Красноярский еп. Никон, снявший с себя сан и монашество. У киевских монастырей были реквизированы земли и городские владения.

В апр. 1917 г. в трапезной палате Киево-Печерской лавры начали проводить собрания с участием как белого духовенства, так и монашествующих, на одном из к-рых было провозглашено создание Исполнительного комитета духовенства и мирян Киевской епархии. Комитет учредил должность комиссара по духовным делам, к-рым стал прот. *Феодор Поспеловский*. Киевский исполком духовенства и мирян стал выразителем идей независимости Украинской Церкви. Митр. Владимир отрицательно отнесся к самочинно провозглашенному комитету, но после вмешательства обер-прокурора Львова он благословил созыв в сер. апр. 1917 г. по инициативе Киевского исполкома духовенства и мирян епархиального съезда духовенства и мирян. Участники постановили назвать собрание «1-м ук-

раинским епархиальным съездом Киевщины». Большинство делегатов съезда настаивали на автономии Украины и Украинской Церкви, викарные епископы К. е. выступали на съезде за сохранение связи с Русской Церковью. Мн. делегаты предлагали провозгласить автономию или автокефалию Киевской митрополии, в юрисдикцию к-рой рекомендовалось включить все епархии с укр. населением. Съезд принял постановление о Киевском епархиальном совете при 1-м викарии К. е. из 43 чел. (21 мирянин, 9 священников, 9 диаконов и псаломщиков, 2 представителя от духовных учебных заведений, 1 монашествующий и 1 законоучитель), впосл. число членов совета уменьшилось до 37. Согласно принятому положению, Киевскому епархиальному совету принадлежали значительные права в управлении епархией. В совете была создана церковно-адм. комиссия, к-рая стала аналогом консистории, хотя последняя, с урезанными полномочиями, также продолжала существовать.

Руководство съездом захватил Киевский исполком духовенства и мирян, который начал совершать назначения на приходы. Митр. Владимир отказался признать решения съезда. Вернувшись 23 апр. 1917 г. в Киев из Петрограда (14 апр. митр. Владимир был отстранен от работы в Синоде), митрополит принял делегацию епархиального съезда во главе с проф. В. В. *Зеньковским*, которая потребовала ввести в епархии выборность благочинных. Митрополит отказался и долгое время продолжал игнорировать решения съезда. 28 апр. митр. Владимир провел совещание со старым составом Киевской консистории, в связи с чем комиссар духовных дел Киевского епархиального совета прот. *Феодор Поспеловский* выразил митрополиту протест (ЦГИАК. Ф. 127. Оп. 953. Д. 46. Л. 3). После поездки руководителей Киевского епархиального совета (прот. Поспеловского, проф. *КДА П. П. Кудрявцева*, преподавателя КДС М. П. *Максакова*) к обер-прокурору Львову Синод издал указ, по которому епархиальный совет допускался к управлению К. е., Киевская консистория была расформирована, епархиальный совет должен был избрать новый состав консистории. 30 июня 1917 г. Киевский епархиальный совет принял решение

о создании комиссии во главе с Уманским еп. Дмитрием (Вербицким) для подготовки и созыва Всеукраинского церковного Собора, на что митр. Владимир вполн. дал согласие.

Противостояние митр. Владимира и епархиального совета продолжилось в связи с проведением 9 авг. 1917 г. 2-го епархиального съезда,

Сщмч. Владимир (Богоявленский), митр. Московский.
Фотография. Кон. 90-х гг. XIX в.

к-рый подтвердил решения апрельского собрания. В ответ митр. Владимир издал послание, в к-ром резко осудил автокефалистские устремления части духовенства и мирян. Автокефалистски настроенная часть братии Киево-Печерской лавры потребовала переселения митрополита из лавры в Киево-Софийский митрополичий дом и смены наместника. Наместник архим. Амвросий (Булгаков) подал прошение об отставке, новым наместником был избран экон. лавры архим. *Климент (Жеретиенко)*. Все громче звучали требования изъятия лавры из-под власти Киевского митрополита.

По инициативе еп. Никодима в сент. 1917 г. при К. е. были образованы орг-ции духовенства и мирян, стоявшие на церковно-канонических позициях и активно поддерживавшие митр. Владимира: «Совет объединенных приходов», «Братство приходских советов», «Союз пастырей Киева» («Киевский пастырский союз»). Председателем общих собраний «Союза пастырей» был избран прот. Симеон Трегубов. 10 окт. 1917 г. митр. Владимир благословил деятельность союза. В нач. дек. 1917 г. митр. Владимир подал про-

шение об уходе на покой, но патриарх Тихон счел это прошение несвоевременным.

23 нояб. 1917 г. состоялось совещание инициативного комитета по созыву Всеукраинского Собора духовенства и мирян; фактически комитет состоял из членов Киевского епархиального совета и автокефалистски настроенного киевского Воскресенского братства. На совещании был создан совет по управлению епархиями Украины — «Временная всеукраинская православная церковная рада» (см. ст. *Всеукраинская православная церковная рада*) во главе с жившим на покое в Киево-Печерской лавре архиеп. *Алексием (Дородницыным)*, реальным главой рады стал заштатный прот. Александр Марычев, ранее неоднократно подвергавшийся каноническим прещениям и взысканиям. Рада потребовала изгнания митр. Владимира из Киева и провозглашения автокефалии правосл. Церкви на Украине. Эти предложения поддержала на собрании 1 дек. 1917 г. и часть лаврской братии во главе с архим. Климентом (Жеретиенко). Оппоненты рады организовали «Союз приходских советов Киева», к-рый в нач. дек. 1917 г. призвал митрополита «выступить против самочинной антиканонической попытки создать автокефальную Украинскую Церковь». На такой же позиции стоял «Киевский пастырский союз». Не собиравшись идти на уступки автокефалистам и патриарх Тихон, хотя он и принял 12 дек. 1917 г. в Москве делегацию церковной рады, требовавшую предоставления автокефалии. В тот же день патриарх послал в Киев Кавказского митр. Платона (Рождественского), который должен был убедить киевское духовенство в ошибочности борьбы за отделение. Патриарх дал согласие на проведение Всеукраинского Собора.

Дважды — 9 и 20 дек. 1917 г. — автокефалисты пытались депортировать митр. Владимира из Киева. В свою очередь большая группа духовенства К. е. опубликовала 21 дек. 1917 г. в газ. «Киевлянин» заявление с поддержкой митр. Владимира и с резкой критикой церковной рады во главе с прот. Александром Марычевым. 23 дек. того же года, потеряв надежду каноническим путем утвердить свои права, автокефалистская рада при помощи солдат захватила консисторию, после чего были на-

значены новые члены консистории во главе с комиссаром свящ. Павлом Пашевским. Церковная рада издала распоряжение о прекращении поминовения за богослужением патриарха, митр. Владимира и «чужой власти». Правительство Украинской Республики признало церковную раду и включило в ее состав своих представителей, в Киеве создано церковное двоевластие. В этой ситуации митр. Владимир был вынужден одобрить введение нек-рых особенностей богослужения в укр. храмах.

7 янв. 1918 г. в Киеве открылась 1-я сессия Всеукраинского церковного Собора. Патриарх и Всероссийский Собор делегировали на него своих представителей. Одновременно архиеп. Алексий (Дородницыну) было предписано покинуть Киев в связи с назначением на др. кафедру. Возглавляемая им и Марычевым Всеукраинская церковная рада, согласно своему уставу, самораспустилась сразу же после открытия Собора (в апр. 1918 большинство ее участников создали автокефалистское всеукр. Кирилло-Мефодиевское братство). Перед открытием Собора, 18 дек. 1917 г., рада признала его полномочия. Архиеп. Алексий отказался уехать из Киева, и в день открытия Собора митр. Владимир вместе с архиереями принял решение о лишении его епископского сана. К этому времени Святейший патриарх Тихон известил представителей К. е. о своем согласии «на полную автономию с самым широким внутренним самоуправлением» Украинской Церкви. Собор прервал работу 19 янв., не приняв к.-л. решений, материалы 1-й сессии Собора не сохранились.

В ночь с 25 на 26 янв. 1918 г. неподалеку от лавры группой солдат был застрелен Киевский и Галицкий митр. сщмч. Владимир, в убийстве оказалась замешана революционно настроенная часть лаврской братии. Временное управление К. е. взял на себя Чигиринский еп. Никодим (Кротков).

29 апр. 1918 г. власть в Киеве перешла к гетману П. П. Скоропадскому, стремившемуся в религ. сфере реализовать идею «государственной Церкви». Киевское духовенство во главе с еп. Никодимом заявило о поддержке гетманата. Первым министром исповеданий в правительстве гетманата стал проф. Киевского ун-та св. Владимира Зеньковский,

в прошлом один из организаторов Киевского епархиального совета. 19 окт. того же года его сменил на этой должности А. И. Лотоцкий, который в отличие от своего предшественника выступал уже не за автономию, а за автокефалию Украинской Церкви. Государство стремилось провести выборы нового митрополита на Всеукраинском Соборе, но еп. Никодиму при поддержке епископата удалось провести выборы на киевском епархиальном собрании (это собрание иногда ошибочно называют «областным собором»). 1 июня Киевским и Галицким митрополитом был избран Антоний (Храповицкий). 4 июня патриарх Тихон утвердил избрание, поддержку новому митрополиту выразило большинство киевского духовенства и все члены епархиального совета.

20 июня 1918 г. началась 2-я сессия Всеукраинского церковного Собора. Мнения делегатов в вопросе об автокефалии разделились. На 2-й сессии проект автономии Украинской Церкви и организации ее высшего управления отстаивал прот. Феодор *Титов*, автокефалистский проект продвигал прот. Василий Липковский. 8 июля 1917 г. Липковский, как и остальные 45 членов бывш. Всеукраинской церковной рады, был исключен из числа делегатов Всеукраинского Собора. 9 июля 1918 г. Собор принял «Статут высшего церковного управления православной Церкви на Украине». 20 сент. Всероссийский Поместный Собор утвердил «Положение о высшем управлении православной Церковью на Украине», где говорилось об укр. церковной автономии. За патриархом сохранялось право утверждения на кафедре Киевского митрополита и архиереев украинских епархий.

2 авг. 1918 г. Киевская консистория была расформирована (фактически работала до 29 апр. 1919), вместо нее указом митрополита учреждался Киевский епархиальный совет. Прекратился выпуск «*Киевских епархиальных ведомостей*», вместо них был учрежден «Киевский православный вестник». Им руководил еп. Никодим (Кротков), который проводил достаточно независимую линию, не подчиняясь всем требованиям властей. Министры гетманского правительства, в частности Лотоцкий, критиковали «Киевский православный вестник»

за его «антиукраинские выпады» (ЦГИАК. Ф. 1072. Оп. 3. Д. 11. Л. 126).

В период гетманата в Киеве при поддержке гос-ва начали активно создаваться православные братства (Кирилло-Мефодиевское, Покрова Пресв. Богородицы, в честь иконы Божией Матери «Нечаянная Радость», благотворительное Братство белого креста и др.), деятельность к-рых в основном была направлена на украинизацию богослужения и достижение церковной автокефалии. Наиболее радикальным было Кирилло-Мефодиевское братство во главе с социалистом-федералистом С. П. Шелухиным (одним из его заместителей являлся прот. Александр Марычев). Члены братства предлагали обратиться к К-польскому патриарху с просьбой о даровании независимости Украинской Церкви. Украинское гос-во взяло курс на полное гособеспечение церковной деятельности, но выполнить этот план не смогло. 22 авг. 1918 г. Киевская консистория при поддержке Мин-ва исповеданий отказалась от перечисления средств на общецерковные нужды в Московскую Патриархию. Тогда же прекратилось финансирование Синодом К. е.

16 окт. прошел 1-й миссионерский съезд духовенства К. е., в тот же день митр. Антоний составил резолюцию о деятельности церковной рады. 28 окт. 1918 г. в Киеве открылась 3-я сессия Всеукраинского Собора, на которой говорилось о расширении границ К. е. в связи с включением в состав гетманата части уездов Минской и Курской губерний. Киевскому митрополиту подчинились викарные епископы: Гомельский *Варлаам (Ряшенцев)*, Рыльский *Аполлинарий (Кошевой)* и Белгородский Никодим (Кононов), принявшие участие в Соборе. К этому времени в К. е. числилось 82 благочиннических округа, 1478 самостоятельных приходских и 29 приписных храмов.

В сер. дек. 1918 г., после отречения от власти Скоропадского и установления власти Директории Украинской народной республики (УНР) во главе с С. В. Петлюрой, церковно-гос. отношения обострились. Украинское гос-во пыталось взять Церковь под полный контроль. 15 (по др. данным, 18) дек. 1918 г. был арестован Киевский и Галицкий митр. Антоний (Храповицкий), 21 (по др. данным, 30) дек. арестовали еп. Ни-

кодима (Кроткова). Вскоре их отправили в ссылку в базилианский Бучачский мон-рь в Галиции (их освобождение произошло в авг. 1919, после протестов со стороны правительств Антанты). Перестали действовать Высший церковный совет УПЦ и образованный 7 дек. 1918 г. Собор епископов Украины. Перед арестом митр. Антоний издал указ о том, что в случае его смерти обязанности Киевского митрополита до решения Собора переходят к Херсонскому митр. Платону (Рождественскому). Однако митр. Платон 21 дек. из-за угрозы ареста переехал в Одессу, церковными делами в Киеве краткое время управлял Екатеринославский архиеп. Агапит (Вишневский), которому Контора Собора епископов всея Украины поручила оставаться в Киеве и поддерживать контакты с Директорией УНР (РГИА. Ф. 796. Оп. 445. Д. 784. Л. 47). Официально управляющим К. е. 21–30 дек. 1918 г. был Рыльский еп. Аполлинарий (Кошевой), входивший в состав Конторы Собора епископов всея Украины, но из-за заболевания он не смог руководить епархией.

Архиеп. Агапит и прот. Василий Липковский 19 дек. 1918 г. приветствовали в Киеве на Софийской пл. Директорию УНР. Липковский выступил на торжественном митинге с речью, в к-рой высказал пожелание, что Директория «установит закон, по которому Украинская православная Церковь станет независимой». По инициативе Петлюры был образован «Украинский высший церковный синод» из 5 чел., в который вошли архиеп. Агапит (впосл. за участие в самочинном «синоде» архиеп. Агапит был подвергнут церковному суду), прот. Василий Липковский, а также автокефалистски настроенные священники Макарий Крамаренко, Александр Матеек, Петр Тарнавский. Никакой канонической силы этот орган не имел, реальную власть осуществляла Контора Собора епископов всея Украины во главе с Кременецким еп. *Дионисием (Валединским)*. 12 янв. 1919 г. Контора Собора епископов всея Украины поручила управление К. е. викарному Черкасскому еп. *Назарю (Блинову)*.

1 янв. 1919 г. Директория приняла «Закон о высшем управлении Украинской автокефальной православной соборной Церкви», составленный

Лотоцким и В. М. Чеховским. В соответствии с законом правосл. Церковь на Украине должна быть преобразована на принципах автокефалии и соборности, под соборностью подразумевалась, вероятно, либерализация внутрицерковного устройства. Мин-во культов УНР активно искало возможности признания готовившейся укр. автокефалии со стороны К-польского Патриархата.

В нач. февр. 1919 г. Киев заняли большевики. Еще в янв. Временное рабоче-крестьянское правительство Украины издало декреты «Об отделении церкви от государства и школы от церкви», «О передаче всех учебных заведений в ведомство отдела просвещения». 15 февр. 1919 г. Народный комиссариат просвещения Украины издал постановление «О духовных училищах и семинариях», в соответствии с к-рым все училища и семинарии на Украине переходили в ведомство указанного комиссариата и преобразовывались в общеобразовательные школы. По приказу комиссара по ликвидации бывш. Мин-ва культов Г. Мазуркевича 1 марта 1919 г. прекратила свою деятельность Киевская консистория. Все сбережения консистории были конфискованы (в т. ч. 765 р., собранные на нужды военнопленных в кон. 1918 — нач. 1919), рассматривался вопрос о реквизиции взносов на содержание детского приюта при киевском Покровском жен. монастыре (ЦГИАК. Ф. 127. Оп. 874. Д. 11. Л. 13, 1; Оп. 953. Д. 174. Л. 66). 3 апр. 1919 г. власти приняли решение о закрытии КДА и КДС и состоявших в ведении семинарии 3 ДУ.

В марте 1919 г. началась репрессия против духовенства К. е. Временно управляющий К. е. еп. Назарий (Блинов) был арестован в ночь с 6 на 7 марта 1919 г., 8 марта освобожден. Во время облавы в киевском Покровском мон-ре 26 марта 1919 г. были арестованы 30 представителей духовенства и мирян и благочинная обители. 4 апр. Киевская ЧК освободила 24 арестованных, свящ. Андрей Скрипчинский остался под арестом. 16 мая в качестве заложника в рамках дела против «Киевского клуба русских националистов» был арестован настоятель киевской Мариинско-Благовещенской ц. прот. Михаил Вишневецкий, 26 мая он был освобожден.

Нек-рые бывш. члены 1-го состава церковной рады вошли в возникший

в Киеве в марте 1919 г. церковно-революционный кружок автокефалистского направления. В то же время при Военно-Никольском соборе на Печерске была организована 1-я «украинская православная парафия», получившая в бессрочное пользование здание собора. 17 апр. с согласия властей была учреждена Всеукраинская правосл. церковная рада («Церковная рада Всеукраинского общества православных парафий»), к-рая провозгласила себя «временным руководящим органом в деле организации Украинской автокефальной православной Церкви». Раду возглавил зав. секцией сельскохозяйственной статистики при Киевском губисполкоме М. Н. Мороз, его заместителями стали священники Василий Липковский, Нестор Шараевский и Петр Тарнавский. В июне сторонники рады имели в Киеве 4 прихода: Софийский собор, Печерский Никольский, Андреевский и Лыбедский Ильинский храмы, богослужение в к-рых совершалось на укр. языке. Рада приветствовала декрет «Об отделении церкви от государства и школы от церкви», охарактеризовав его как «самую совершенную форму отношения церкви и государства» («Меморандум уполномоченных приходов УАПЦ в г. Киеве»). Сторонники рады в своих обращениях к чиновникам Киевского губревкома называли свои приходы «очагами церковно-революционного движения».

В связи с активизацией автокефалистов еп. Назарий 23 мая 1919 г. подал рапорт на имя патриарха с просьбой благословить возобновление деятельности Конторы Собора епископов всея Украины в составе викариев К. е. Постановлением от 4 июля 1919 г. патриарх и Синод дали такое благословение. Фактически Собора епископов всея Украины не было, существовал епископский синод с урезанными полномочиями, что было вызвано отсутствием в 1919–1921 гг. в Киеве правящего архиерея. После захвата Киева денкинцами в авг. 1919 г. Всеукраинская церковная рада прекратила деятельность. 7 сент. в Киев вернулся митр. Антоний (Храповицкий), 10 сент. он запретил в священнослужении священников — членов рады и добился возвращения занятых ими храмов (в данный период «украинизированные» приходы оставались в юрисдикции РПЦ).

Особые полномочия Антония как митр. Киевского и Галицкого и областного архиерея были почти полностью отменены постановлениями Ставропольского церковного Собора в мае 1919 г., к-рый фактически упразднил автономию УПЦ и поставил Контору Собора епископов всея Украины, председательство в которой сохранялось за Киевским митрополитом, в полную зависимость от *Временного высшего церковного управления на Юго-Востоке России*. 17 нояб. митр. Антоний покинул Киев и вскоре навсегда уехал с Украины в связи с установлением власти большевиков.

1920–1941 гг. После окончательного утверждения в Киеве большевиков начался новый период в истории К. е., к-рый характеризуется активизацией и организационным оформлением автокефалистского раскола, а также усилением гонений и дезорганизацией канонического церковного управления. В 1919 г. автокефалистское «Украинское православное общество в г. Киеве» ходатайствовало перед Киевским епархиальным советом о снятии запрета в священнослужении с 11 клириков К. е., данное ходатайство совет удовлетворил 22 дек. 1919 г. (ГА Киевской обл. Ф. Р–4752. Оп. 4. Д. 450). К тому времени председателем совета являлся руководитель «Киевского союза пастырей» прот. Николай Гроссу, сменивший в июне 1919 г. в руководстве советом прот. Симеона Трегубова, он пытался проводить более умеренную линию в отношении сторонников автокефалии. В дек. 1919 г. советские власти вернули автокефалистам храмы в Киеве, зимой 1919/20 г. им передали еще 2 храма: Петропавловский на Подоле и Кирилловский Троицкий в предместье Дорогожичи. В последних 2 церквях параллельно совершали службы как автокефалисты, так и общины РПЦ. Аналогичная ситуация существовала и в отношении Трапезной ц. при Софийском соборе (Малая София).

В нач. 1920 г. конфликт автокефалистов со священноначалием К. е. обострился. 5 янв. Киевский губревком зарегистрировал статут «Всеукраинского сообщества православных парафий», сформированного из Всеукраинской церковной рады (старое название также продолжало употребляться), главой новой структуры стал Мороз, заместителем —

прот. В. Липковский. 3 февр. 1920 г. было зарегистрировано также «Всеукраинское товарищество «Церква жива» при Софийском соборе», главой к-рого стал буд. «священник» УАПЦ И. С. Белосорочко, его заместителем являлся Мороз. Последнее сообщество стояло на обновленческих позициях, выступая за «новое устройство Церкви в духе первого христианства». Обе структуры претендовали на Софийский собор с прилегающими зданиями.

В февр. 1920 г. Киевский епархиальный совет постановил запретить в священнослужении всех клириков — членов автокефалистской рады, поддерживающим их мирянам пригрозил отлучением от Церкви. Однако в результате переговоров, которые автокефалисты периодически вели с Киевским епархиальным советом, еп. Назарий в марте 1920 г. снял с них все прещения, ожидая от своих оппонентов прекращения смуты. Уступкой автокефалистам стало назначение временно управляющим Полтавской епархией заштатного еп. *Парфения (Левицкого)*, выступавшего за разрешение украиноязычных богослужений, его кандидатуру утвердил не позднее 23 февр. 1920 г. патриарх Тихон и Всероссийский церковный совет (РГИА. Ф. 831. Оп. 1. Д. 26. Д. 159). Ожидания оказались тщетными, переговоры лишь показали непоследовательность того курса, к-рый проводил в отношении раскольников еп. Назарий. После попыток автокефалистов при поддержке властей вытеснить из Малой Софии общину РПЦ Киевский епархиальный совет прекратил диалог с радой и предложил возобновить прещения. 30 апр. 1920 г. указом еп. Назария были запрещены в священнослужении 5 священников автокефалистского прихода при Софийском соборе: Василий Липковский, Нестор Шараевский, Петр Тарнавский, Кирилл Стеценко, Иоанн Степаненко; 3 мая этот указ утвердил Киевский епархиальный совет. Официально данное решение мотивировалось неподчинением указанных клириков распоряжениям управляющего епархией, а также «возобновлением богослужений в храме, отнятом при поддержке советской власти у православной общины». В ответ 5 мая 1920 г. церковная рада под рук. Липковского объявила правосл. Церковь на Украине «автокефальной и соборно-

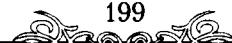
правной», постановила прекратить общение с епископатам РПЦ и провозгласила себя руководящим органом УАПЦ.

7 мая — 12 июня 1920 г. Киев был занят польск. войсками и воевавшими на их стороне петлюровскими отрядами. По требованию Петлюры 1 июня 1920 г. был упразднен Киевский епархиальный совет, функции которого перешли к автокефалистской Киевской губ. церковной раде, захватившей здание совета. 15 июня 1920 г., после ухода из Киева польско-украинских войск, председатель возобновившего свою деятельность Киевского епархиального совета прот. Михаил Вишневецкий добивался у большевистских властей возвращения совету его архива и др. имущества. Однако это не дало результата, 6 авг. Киевский епархиальный совет самораспустился, указом еп. Назария была учреждена заменившая совет Киевская епархиальная канцелярия (ГА Киевской обл. Ф. Р-4752. Оп. 5. Д. 634). В свою очередь автокефалисты в июле—авг. 1920 г. обращались к властям с требованиями передать в их ведение все имущество Киевского епархиального совета, запятнавшего себя «сотрудничеством с белогвардейским оккупационным режимом денкинцев» (Там же. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 196. Л. 5).

29 июля 1920 г. автокефалистская рада известила Киевский губпартком, что в ближайшее время у нее должен появиться епископ. 21 авг. на очередном заседании церковная рада вновь объявила о выходе К. е. из Русской Церкви и провозгласила своим архиереем и главой УАПЦ Полтавского архиеп. Парфения (Левицкого). В письме к еп. Назарию от 24 авг. еп. Парфений оправдывался, указывая на то, что он согласился принять «киевских украинцев» под свое архипастырское окормление, но никак не под управление. Он утверждал, что является лишь «духовным попечителем» для приверженцев раскола с целью их увещевания и вразумления, но вовсе не руководителем УАПЦ. Архиеп. Парфений также обратился с письмом к патриарху Тихону, прося себе как «епископу для украиноязычных приходов» особых «экстерриториальных полномочий». Ответ патриарха Тихона от 4 окт. 1920 г. был негативным. В 1920–1921 гг. архиеп. Парфений допустил ряд неканонических

вмешательств в жизнь К. е., рукоположив для Киевщины 30 кандидатов, предложенных Всеукраинской церковной радой (как правило, кандидаты рады рукополагались на приходы Полтавской епархии и потом отправлялись «украинизировать» приходы Киевщины). Несмотря на это, 22 дек. 1920 г. еп. Назарий докладывал патриарху Тихону о якобы наступившей нормализации церковной жизни на Киевщине, в ответ на что патриарх заявил о необходимости создания в Киеве общеукр. церковного управления, устав которого должно утвердить собрание епископов Украины. 14 янв. 1921 г. Каневский еп. Василий (Богдашевский) в одном из частных писем указывал на то, что данная инициатива патриарха блокируется на местном уровне, ввиду категорического нежелания отдельных епископов К. е. «улаживать украинские церковные вопросы» (ОР РНБ. Ф. 194. Оп. 1. Д. 354. Л. 30).

Образованный по инициативе патриарха Свящ. синод епископов Украины (иногда обозначаемый в литературе как собор-синод, поскольку называл себя «Священным собором») на 1-м же заседании 22–28 февр. 1921 г. обратился к архиеп. Парфению с требованием письменно подтвердить свою подчиненность ему и в дальнейшем согласовывать с синодом все вопросы. Также был поставлен вопрос о смещении архиеп. Парфения с Полтавской кафедры. Синод рассмотрел вопросы, связанные с распространением автокефалистского движения прежде всего на Киевщине. В частности, было решено «допустить совершение богослужения в украинских храмах по церковнославянским книгам с украинским произношением и чтением св. Евангелия в переводе на украинский язык, а также проповедь на украинском языке, где того пожелают прихожане». 28 февр. синод принял резолюцию: священнослужители, «отпадающие от единства со Святейшим патриархом Тихоном», подлежат извержению из сана; миряне, участвующие в организации «самочинных церковно-административных учреждений», отлучаются от общения церковного. 25 марта 1921 г. еп. Назарий подписал указ о лишении сана прот. В. Липковского со ссылкой на это постановление (ГА Киевской обл. Ф. Р-3. Оп. 2. Д. 73. Л. 27).

В 1920–1921 гг. власти предпринимали попытки ликвидировать Киевское епархиальное управление, отказывая в регистрации руководящим структурам и епархиальным организациям канонической Церкви в Киеве и Киевской губ. Это происходило в период становления автокефалистского раскола на Киевщине и значительно облегчало деятельность автокефалистов. 2 июля 1920 г. Киевский епархиальный совет (с 1917 являвшийся основным органом епархиального управления) во главе с прот. Михаилом Вышеславцевым обратился в Киевский губревком с прошением о регистрации устава совета. 28 июля 1920 г. в прошении было отказано якобы из-за неправильно оформленного документа (Там же. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 18. Л. 275). В нач. авг. епархиальный совет был закрыт решением Киевского губревкома, которое 4 авг. утвердил Всеукраинский ЦИК. Киевский губревком захватил имущество совета, включая архив (сохр. до наст. времени). 28 сент. 1920 г. еп. Назарий просил Киевский губревком о восстановлении совета, но получил отказ, и совет вынужден был объявить о самороспуске. Ликвидация этого важного органа церковного управления негативно сказалась на жизни К. е. Вместо епархиального совета в кон. 1920 г. начала работу образованная в более узком составе и с гораздо меньшими полномочиями Киевская епархиальная канцелярия под фактическим рук. еп. Назария. Автокефалисты обвиняли руководство К. е. в отсутствии коллегияльного управления, указывали, что в К. е. нет постоянного правящего архиерея (еп. Назарий был временно управляющим, его нередко обвиняли в самоуправстве).

Автокефалистские общины пользовались полной поддержкой со стороны органов власти на селе — волостных комитетов незажиточных крестьян (комнезамов), к-рые выделяли средства на проведение волостных и окружных раскольнических съездов. На губ. уровне непосредственного содействия раскольникам не было, но власти без проволочек давали разрешение на проведение всех собраний автокефалистских групп. Иной подход практиковался в отношении канонической Церкви: ни Собор епископов всея Украины, ни епархиальные Соборы не разрешались. Опираясь на волостные комитеты бедноты, автокефалисты созда-

вали инициативные группы, к-рые регистрировали при храмах канонической Церкви раскольнические общины и заявляли претензии на церковные здания. После того как в 1920–1921 гг. на Киевщине набралось неск. десятков украинизированных приходов, было решено провести губ. съезд автокефалистов, который должен был сыграть ключевую роль в консолидации раскола. 27–29 марта 1921 г. в Малой Софии и в Лыбедской Ильинской ц. прошло подготовительное совещание представителей «украинских» сельских приходов киевской округи.

Губернский съезд сторонников автокефалии («1-й украинский церковный собор Киевщины») состоялся в Киеве 22–26 мая 1921 г., в нем участвовали 412 делегатов, из них 58 священников, 12 диаконов и 29 псаломщиков. Одной из главных была резолюция «Про киевский епископат». В ней говорилось, что епископы РПЦ на Киевщине — это «духовные чиновники», к-рых назначила «российская черносотенная власть», после уничтожения этой власти они потеряли право на руководство Церковью. Предписывалось всех 3 викариев К. е. «считать самочинными руководителями, и созданной ими Киевской епархиальной канцелярии украинские приходы принадлежать не должны». Съезд запретил допускать к служению на «украинских» приходах действующих епископов или священников, которые поддерживают «бывший российский старорежимный черносотенный епископат». «Собор Киевщины» принял решение об избрании «митрополитом Всеукраинским» архиеп. Парфения (Левицкого), на должность «архиепископа Киевского» был назначен еп. Антонин (Грановский), живший в то время в Москве и участвовавший в создании *обновленчества*. Это была авантюра со стороны участников съезда, поскольку оба архиерея письменно неоднократно отказывались руководить автокефалистами. Видимо, в силу этого обстоятельства «собор Киевщины» не предоставил им никаких реальных полномочий, но избрал для управления «украинскими» приходами Киевщины «Киевский губернский церковный совет».

Получив приглашение на съезд автокефалистов, архиеп. Парфений 21 мая 1921 г. написал об этом еп. Назарию и патриарху Тихону и вы-

ступил с предложением о проведении в противовес автокефалистам Всеукраинского Собора епископов. Синод епископов, собравшийся 1–2 июня 1921 г., обратился к патриарху Тихону с предложением назначить для управления Киевской митрополией и К. е. вместо отсутствовавшего митр. Антония (Храповицкого) «заместителя митрополита Киевского и Галицкого» и выдвинул на эту должность архиерея, знакомого с укр. церковными проблемами, — Новгородского митр. *Арсения (Стадницкого)*. Архиеп. Парфений не участвовал в заседании синода епископов 1–2 июня 1921 г. Хотя он и отмежевался от Киевского автокефалистского съезда, в его архиве сохранилось письмо на имя патриарха (кон. мая 1917), в к-ром проводилась мысль о законности «собора Киевщины», поскольку на него не было прямого запрета епископата, повторялось предложение назначить для «окормления заблудших чад» отдельного экстерриториального архиерея. 15 июля 1921 г. в офиц. записке в синод епископов Украины архиеп. Парфений впервые осудил съезд автокефалистов и отказался от сотрудничества с «украинской церковной радой», раскритиковав постановления «Собора Киевщины» (ЦДАВО. Ф. 3984. Оп. 1. Д. 4. Л. 3).

23 июля 1921 г. патриарх Тихон назначил в Киев «временным заместителем отсутствующего по нынешним обстоятельствам Киевского митрополита Высокопреосвященнейшего Антония» Гродненского архиеп. *Михаила (Ермакова)* «с званием Патриаршего экзарха на Украине, с возведением его в сан митрополита и с предоставлением ему прав, принадлежащих митрополиту Киевскому» (Обращение Патриарха Московского и всея России Тихона к чадам Православной Церкви на Украине от 23(10).07.1921 // Перший Всеукраїнський правосл. церковний собор УАПЦ 14–30 жовтня 1921 р.: Док-ти і мат-ли. К.; Львів, 1999. С. 504). Митр. Михаил получил полномочия Патриаршего экзарха для противодействия укреплявшемуся автокефалистскому движению и восстановления церковного мира; митр. Михаилу не был усвоен титул «Киевский и Галицкий», он остался Гродненским архиереем. 13 авг. 1921 г. митрополит прибыл в Киев.

В связи с тем что автокефалисты уже назначили на 14 окт. 1921 г. про-

ведение учредительного «Всеукраинского собора», епископы Украины также решили создать Собор духовенства и мирян Украины. 18 авг. 1921 г. синод епископов Украины под председательством митр. Михаила принял обращение «К украинцам, которые отпадают от святой православной Церкви и от своих законных епископов» (ЦДАВО. Ф. 3984. Оп. 1. Д. 67. Л. 12–13). 28 авг. 1921 г. на расширенном заседании синода епископов Украины (в документах названо «епископским совещанием») было решено не выполнять пожелание автокефалистской «Всеукраинской рады» о назначении экстерриториального епископа «для украинцев». Вместо этого синод постановил созвать в мае 1922 г. Всеукраинский Собор, поручив его подготовку митр. Михаилу. 15 окт. 1921 г. митрополит обратился в Киевский губисполком с просьбой разрешить проведение Всеукраинского церковного Собора в Киеве 28 мая 1922 г. На Собор, как сообщалось в прошении, будут вынесены вопросы о языке богослужения, о переводе Свящ. Писания и богослужебных книг на укр. язык, о внесении изменений в организацию церковноприходской жизни (Там же. Ф. 5. Оп. 1. Д. 2189. Л. 51–52). Киевский губисполком передал прошение во Всеукраинский ЦИК. 28 нояб. 1921 г. митр. Михаил подал аналогичное заявление в НКВД Украинской ССР. Ответы из ЦИК и НКВД были отрицательными. На заседании 5–10 сент. 1921 г. синод епископов Украины запретил клирикам и верным чадам Церкви принимать участие в автокефалистском съезде. Синод также утвердил устав нового правосл. высшего учебного заведения — Киевской православной богословской академии, к-рая должна была противостоять создававшейся тогда автокефалистской богословской школе.

Окончательное организационное оформление автокефалистского раскола произошло 14–30 окт. 1921 г. на «Всеукраинском соборе» УАПЦ, когда с грубым нарушением канонов были поставлены раскольнические «епископы» («самосвяты»). Единственным архиереем РПЦ, прибывшим на съезд, стал митр. Михаил, к-рый обратился к участникам с архипастырским увещанием и предложением покинуть самочинное собрание.

В 1921–1923 гг. власти периодически снимали с регистрации органы

церковного управления, заставляя создавать и регистрировать новые. В нач. окт. 1921 г. митр. Михаил учредил «Церковный совет из клириков и мирян при Киевском митрополите», в него вошли секретарь прот. Николай Гроссу, протоиереи Михаил Вишневецкий и Феодосий Павловский, миряне Н. Белогорский, В. Петрушевский, А. Браиловский. Совет был зарегистрирован Киевским губисполкомом. Согласно уставу, новый епархиальный орган имел в своем ведении благочиния и благочиннические советы в пределах Киевской губ., пользовался печатью «Управление Киевской епархии» (ГА Киевской обл. Ф. 111. Оп. 1. Д. 322. Л. 112). Церковный совет действовал до янв. 1923 г.

В нач. 20-х гг. произошли перемены в составе вик-ств К. е. В 1921 г. появились *Бердичевское* и *Звенигородское* вик-ства. Не позднее февр. 1921 г. во епископа Звенигородского был хиротонисан архим. *Алексий (Готовцев)*, назначенный настоятелем киевского Златоверхого Михайловского мон-ря, в это время почти полностью занятого советскими учреждениями. В том же году в Киеве состоялась хиротония во епископа Бердичевского Александра (Чекановского). В нач. окт. 1921 г. Черкасский еп. Назарий (Блинов) был переведен на *Радомысльское* вик-ство, на Черкасскую кафедру 9 окт. 1921 г. был хиротонисан архим. Николай (Браиловский), бывш. ключарь Киево-Софийского собора. В нач. 1922 г. было учреждено *Богуславское* викариатство, 8 янв. во епископа Богуславского и Липовецкого был хиротонисан *Георгий (Делиев)*. 4 мая 1922 г. скончался Уманский еп. Платон (Петров), возглавлявший викариатство с 1920 г., в 1922 г. на Уманскую кафедру был хиротонисан архим. *Макарий (Кармазин)*.

8 марта 1922 г. Всеукраинский ЦИК принял постановление «О передаче церковных ценностей в фонд помощи голодающим». 2 апр. кампания по *изъятию церковных ценностей* началась в Киеве с конфискации ценностей лавры. В ходе обысков в лавре и скитах были обнаружены тайники с ценностями. 18 апр. газ. «Правда» отметила «доброе отношение к делу изъятия ценностей настоятеля лавры о. Климентя (Жерегиенко) и его помощников». 10 апр. были изъяты ценности из Софийского собора. 14 мая нача-

лось изъятие из Златоверхого Михайловского мон-ря. По делу «сокрытия ценностей в Михайловском монастыре» был арестован приходский совет. Не избежала репрессий и братия: 21–23 мая Киевский ревтрибунал приговорил настоятеля обители Звенигородского еп. Алексия (Готовцева), наместника архим. Тихона, ризничего архим. Иннокентия к 5 годам принудительных работ, замененных домашним заключением. В отчете ГПУ отмечено, что за «непредставление инвентарных книг» 33 приходских совета в Киевской губ. преданы суду ревтрибунала (ЦДАВО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 707. Л. 9).

26 июня 1922 г. украинские ученые А. Е. Крымский, С. А. Ефремов, Д. М. Щербаковский и другие обратились в Совнарком с письмом, где содержалась просьба прекратить изъятие церковных ценностей, превратившееся в акты вандализма по отношению к произведениям искусства. Своего рода ответом на письмо стало проведенное 27 июня 1922 г. вторичное изъятие ценностей в лавре, во время к-рого была конфискована старинная золотая риза с чудотворной Киево-Печерской иконы Успения Богоматери, несмотря на то что братия лавры внесла за нее половину выкупа; были изъяты большое серебряное паникадило из Успенской ц., серебряная доска с престола из Трапезной ц. и серебряная рака с частицами мощей св. кнг. Иулиании из Благовещенской ц. В авг. в К. е. образовалась «группа прогрессивного духовенства», выступавшая за легализацию церковного управления, нормализацию отношений с властями и проведение церковной реформы. Лидерами группы стали прот. Александр Ходзицкий и свящ. Хрисанф Григорович, в нее вошло свыше 40 клириков.

Участники совещаний духовенства Киевской губ. в авг.—сент. 1922 г. обращались к патриарху с просьбой разрешить проведение Всеукраинского Собора, аналогичные резолюции принимали благочиннические съезды Киевщины, прошедшие в 1923 г. (РГИА. Ф. 831. Оп. 1. Д. 211. Л. 18–19). Стремясь укрепить церковную жизнь на Украине в условиях распространения автокефалистского и обновленческого раскола, митр. Михаил добился регистрации 7 авг. 1922 г. «Киевского церковного совета епископов, клириков и мирян» (ГА Киевской обл. Ф. 111. Оп. 1.

Д. 484. Л. 204). Совет провел 2–4 сент. 1922 г. в Киеве под рук. митр. Михаила свое единственное совещание с участием ряда епископов, священников и прихожан из др. епархий, к-рые прибыли на предполагавшийся Всеукраинский Собор (см. *Киевское совещание 1922 г.*). На совещании обсуждались возможность украинизации богослужения в приходах по желанию прихожан, вопросы реформирования церковноприходской жизни на принципах «соборноправности», была принята резолюция с осуждением деятельности обновленческой «Живой церкви». После обсуждения создания автокефалистской лжеиерархии на совещании организовали комиссию по диалогу с УАПЦ во главе с еп. Дмитрием (Вербицким). На заключительном заседании большинство участников выступило с пожеланием к Собору епископов всея Украины «объявить, что Украинская Церковь отныне стала на путь автокефалии, и принять меры к закреплению этой автокефалии законно-каноническим путем». На состоявшемся 5 сент. заседании синода украинских епископов были утверждены высказанные на Киевском совещании предложения.

В Москве отрицательно отнеслись к укр. инициативам. В определении патриарха и Синода от 1 февр. 1924 г. указывалось: «Не благословляется как Святейшим Патриархом, так и Священным Синодом вводить в церковную жизнь Украины постановления и пожелания Собора епископов Украины, который состоялся в августе 1922 г.» (РГИА. Ф. 831. Оп. 1. Д. 211. Л. 27–28). Впосл. укр. раскольники использовали материалы Киевского совещания, к-рое они называли «Всеукраинским собором», для подтверждения собственной позиции. Обновленцы утверждали, что на совещании митр. Михаил выступил в поддержку идей обновленчества, за автокефалию правосл. Церкви на Украине (Автокефалия Православной Украинской Церкви в совещании депутатов Киевского собора 1922 г. // *Голос правосл. Украины*. Х., 1925. № 3. С. 3–4). При организации «лубенского» раскола Ф. И. Булдовский в заявлении от 11 нояб. 1923 г. апеллировал к «Киевскому собору 1922 года», к-рый, по утверждению Булдовского, прошел под лозунгами автокефалии, украинизации и соборноправности, но его резолюции не были реализованы.

В сент. 1922 г. митр. Михаил и еп. Дмитрий (Вербицкий) встречались в Киеве с прибывшими из Москвы представителями «Живой церкви», условия обновленцев не были приняты. В то же время в поддержку обновленчества выступил еп. Алексей (Готовцев), изъявивший желание участвовать в намеченном на 10–15 дек. 1922 г. учредительном съезде киевской группы обновленцев. В преддверии съезда митр. Михаил написал своим викариям Алексею Звенигородскому и Георгию Богуславскому, что не препятствует им участвовать в съезде «Живой церкви» с целью окончательного определения своей позиции в отношении обновленчества. Со стороны еп. Алексея готовность к сотрудничеству с обновленцами имела вынужденный характер. Он находился под домашним арестом до 12 дек. 1922 г., когда власти согласились на его освобождение во время проведения в Киеве 1-го обновленческого съезда, от участия в к-ром еп. Алексей все же уклонился. Еп. Алексей выступал за смещение с кафедры митр. Михаила как «недостаточно прогрессивного», против принятия резолюции с осуждением обновленцев (ЦДАВО. Ф. 5. Оп. 20. Д. 998. Л. 78). 19 янв. 1923 г. один из первых на Киевщине съездов «Живой церкви» прошел в Черкассах, раскольники объявили о поддержке их деятельности со стороны Черкасского еп. Николая (Браиловского).

В нач. янв. 1923 г. прекратились полномочия «Церковного совета из клириков и мирян при Киевском митрополите», митр. Михаил подал в Киевский губисполком прошение о регистрации личной канцелярии при митрополите. 12 янв. 1923 г. канцелярия была зарегистрирована (Там же. Оп. 1. Д. 2189. Л. 207; НБУВ ИР. Ф. № 191. Д. № 41. Л. 1–1 об.). В состав нового органа управления К. е. вошли протоиереи Евгений Капралов, Николай Поройков, Феодосий Павловский, Александр Ходзицкий и мирянин А. Браиловский в качестве секретаря.

Митр. Михаил не считал нужным запрещать в служении или лишать сана перешедших в обновленчество священников. В кон. 1922 — нач. 1923 г. иерарх благословил деятельность «инициативной группы» для урегулирования отношений с обновленцами (ЦДАВО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 2189. Л. 212). 12 янв. 1923 г. митр.

Михаил принял представителя обновленческого «митрополита» Антонина (Грановского), но не согласился на его предложения. Деятельность «инициативной группы» и самого митрополита по налаживанию диалога с обновленцами оказалась недолгой. 27 янв. члены киевской обновленческой инициативной группы получили распоряжение раскольнического *Высшего церковного управления* (ВЦУ) от 23 янв. 1923 г., утверждавшее ноябрьский 1922 г. указ президиума ВЦУ об увольнении на покой митр. Михаила и поселении его в г. Холмогоры. На Киевскую кафедру обновленческое ВЦУ назначило Воронежского митр. Тихона (Василевского), к-рый сразу же по приезде в Киев заявил претензии на все крупнейшие храмы в Киеве и Киевской губ.

Предвидя свой арест, митр. Михаил 22 янв. 1923 г. издал тайное распоряжение о передаче управления К. е. в случае своего отстранения от должности в порядке очередности и старшинства: епископам Белоцерковскому Дмитрию (Вербицкому), Уманскому Макарию (Кармазину), Богуславскому и Липовецкому Георгию (Делиеву), Звенигородскому Алексею (Готовцеву), Бердичевскому Александру (Чекановскому), Радомысльскому Назарию (Блинову) и Каневскому Василию (Богдашевскому). В данный список вошли почти все викарии К. е., кроме Черкасского еп. Николая (Браиловского), не пользовавшегося доверием из-за своих тесных контактов с обновленцами и НКВД.

5 февр. 1923 г. митр. Михаил был арестован у себя в келье в Киево-Печерской лавре и отправлен в Москву. Вскоре о своем переходе к обновленцам заявил Бердичевский еп. Александр (Чекановский). Остальные викарии К. е., не согласившиеся перейти в обновленчество, почти все подверглись репрессиям. В ночь с 22 на 23 марта 1923 г. арестовали еп. Назария (Блинова) (ЦГИАК. Ф. 130. Оп. 3. Ед. хр. 52. Л. 28; впрочем, есть данные, что арест состоялся в апр. 1923). В ночь с 3 на 4 апр. были арестованы епископы Дмитрий (Вербицкий) в Пустынно-Николаевском мон-ре, Алексей (Готовцев) в Златоверхом Михайловском мон-ре, Василий (Богдашевский) в Братском Богоявленском мон-ре, епархиальный миссионер архим. Ермоген (Голубев) в Киево-Печер-

ской лавре и двое влиятельных представителей белого духовенства: прот. Василий Словачевский из ц. св. Марии Магдалины на Шулявке и прот. Анатолий Жураковский из ц. свт. Иоанна Златоуста. Почти все арестованные были приговорены к ссылке. Еп. Назария (Блинова) освободили, в июне 1923 г. он вернулся в Киев, но уже через месяц по требованию Киевского ГПУ выехал в Москву. Освобожден был и еп. Алексей (Готовцев), получивший в том же году назначение на *Серпуховское викариатство* Московской епархии. Митр. Михаил до 1925 г. находился в заключении, позднее в ссылке, на Украину вернулся в кон. 1927 г., поселился в Харькове.

4 апр. 1923 г. в права управляющего К. е. вступил Уманский еп. Макарий (Кармазин), приехавший из Умани. В это время в предместье Киева Святошино поселился живший на покое бывш. Ананьевский еп. Парфений (Брянских). Вместе с ним еп. Макарий совершил тайные хиротонии новых викариев К. е., кандидатуры к-рых предварительно были согласованы с представителями киевского духовенства. В кон. 1923 — нач. 1924 г. были тайно хиротонисаны: *Сергий (Куминский)* во епископа Радомысльского и Чернобыльского, *Филарет (Линчевский)* во епископа Черкасского, Афанасий (Молчановский) во епископа Сквирского (см. в ст. *Сквирское викариатство*), Феодор (Власов) во епископа Вышгородского (в ст. *Вышгородское викариатство* (ПЭ. Т. 10. С. 112) неверно указано, что викариатство было создано в 1997), *Варлаам (Лазаренко)* во епископа Хорольского (вероятно, *Хорольское викариатство* в связи с арестом всех епископов Полтавской епархии временно входило тогда в К. е.).

Еп. Макарий (Кармазин) управлял К. е. до янв. 1925 г. с небольшими перерывами, когда он на краткое время подвергался арестам. Ему удалось наладить тайную систему епархиального управления, в к-рую были включены почти все благочиннические округа, что позволило противодействовать расширению влияния обновленцев. Впосл. «уполномоченный представитель Софийской старо-славянской общины г. Киева» Владимир Воловик на допросе свидетельствовал: «Деятельность епископа Макария была чрезвычайно реальна и действенна. Еще будучи в Киеве, параллельно с деятельностью руко-

Еп. Макарий (Кармазин).
Фотография. 20-е гг. XX в.

водящих ячеек епископ Макарий создал г[ак] н[азываемую] пятерку общекиевского масштаба из Н. В. Кривицкого, А. Г. Феоктистова, Волошинова, М. Н. Петренко, И. П. Мельникова. В задачи этой пятерки входила координация всех киевских групп» (цит. по: *Доненко Н., прот.* Наследники Царства. Симферополь, 2000. С. 338–339). Ключарь Мало-Софийского собора прот. Александр Должанский был особенно близок к еп. Макарию и еп. Сергию (Куминскому) и часто ездил в Харьков, Полтаву, Москву с особыми поручениями. Киевский прот. Владимир Демьяновский в 1923–1924 гг. пытался наладить отношения еп. Макария с еп. Георгием (Делиевым), находившимся в Тараше.

25 марта 1924 г. патриарх Тихон назначил *Иоанникия (Соколовского)*, Екатеринославского архиеп., временно управлявшего Харьковской епархией, своим «уполномоченным представителем на Украине» (РГИА. Ф. 831. Оп. 1. Д. 211. Л. 27). Постановлением патриарха и Синода от 1 февр. 1924 г. архиеп. Иоанникию благословлялось организовать новый «Украинский собор (синод) православных епископов» (ГА Харьковской обл. Ф. Р–845. Оп. 2. Д. 822. Л. 29). Однако эти решения еще больше запутали укр. церковную ситуацию, т. к. вскоре после смерти патриарха Тихона архиеп. Иоанникий присоединился к автокефалистскому лубенскому расколу и претендовал на полученные им «особые полномочия от патриарха Тихона». В нач. 1924 г. патриарх Тихон, чтобы защитить Киево-Печерскую лавру от притязаний

обновленцев, объявил ее патриаршей ставропигией. Против этого шага выступил еп. Макарий (Кармазин), в 1924 г. киевский прот. Евгений Капралов вместе с еп. Сергием (Куминским) по просьбе еп. Макария ездил в Москву, чтобы урегулировать вопрос о ставропигии лавры, но безрезультатно.

Решение патриарха о ставропигии лавры, согласованное с властями Украины, объясняется, в частности, той неоднозначной ролью, к-рую играл в жизни К. е. в 1924–1925 гг. еп. Макарий. Он не признал полномочий архиеп. Иоанникия и именовал себя «заместителем митрополита Киевского и Галицкого, экзарха Украины», претендуя на руководство Украинским экзархатом. В связи с этим патриарх Тихон 2 апр. 1924 г. дал разъяснение на имя архиеп. Иоанникия, в к-ром отмечал, что в юрисдикции еп. Макария состоит только К. е. и он не может быть председателем Собора епископов всей Украины. Такое же разъяснение патриарх направил и Полтавскому архиеп. Григорию (Лисовскому). Вероятно, это подтолкнуло еп. Макария к разрыву с патриархом. 31 дек. 1924 г. в заявлении от собрания киевского духовенства в НКВД Украинской ССР еп. Макарий писал, что «Украинская церковь с 1922 г. вступила на путь самостоятельности», поэтому он в 1923 г. прекратил поминовение патриарха Тихона. По словам еп. Макария, с авг. 1924 г., после освобождения патриарха из-под ареста, духовная власть К. е. «вновь допустила его поминовение как канонического руководителя православной Церкви... а в данное время она прекратила это поминовение, как только ей стало очевидно, что поминовение это враги ее желают использовать в качестве доказательства политической неблагонадежности ее представителей». Подчеркивая свою лояльность властям, еп. Макарий, в частности, писал о своих общих политических взглядах с обновленцами: «Епископы, духовенство г. Киева с особенной настойчивостью обращают внимание центральной власти на Украине на то, что их разделяют с т. н. обновленцами церковно-религиозные различия, а отнюдь не противоположности в политических воззрениях» (ЦДАВО. Ф. 5. Оп. 2. Д. 220. Л. 96–97).

В мае 1924 г. окончательно прекратила работу основанная в 1920 г.

Киевская правосл. богословская академия, последним ректором которой в 1923–1924 гг. был прот. Александр Глаголев. В янв. 1925 г. в рамках кампании по передаче лавры обновленцам были арестованы более 20 насельников во главе с настоятелем архим. Климентом (Жеретиенко). Было заведено групповое дело против насельников лавры, архим. Климента и наместника игум. Макария (Величко) весной 1925 г. выслали в Харьков, в том же году состоялась передача лавры обновленцам. В 1924–1925 гг. происходило массовое отречение от сана священнослужителей. К 1 февр. 1925 г. в Киевской губ. сняли с себя сан 49 священников, 3 диакона, отреклись от веры 36 псаломщиков.

В янв. 1925 г. еп. Макарий был арестован и отправлен в ссылку, управление перешло к еп. Георгию (Делиеву), к-рый тогда же подвергся кратковременному аресту. В марте архиеп. Иоанникий, проживавший в Харькове, был переведен указом патриарха в Омск, после отказа покинуть кафедру был запрещен в служении. До апр. временное управление К. е. осуществляли Радомысльский еп. Сергей (Куминский) и Сквирский еп. Афанасий (Молчановский). В апр. в Москве управляющим К. е. был официально утвержден Богуславский еп. Георгий (Делиев), который в отличие от др. киевских викариев имел относительно хорошие отношения с гражданской властью.

Весной 1925 г. группа епископов-автокефалистов во главе с П. Ф. Погорилко, получившим «епископскую хиротонию» у обновленцев, рассчитывала созвать в мае 1925 г. всеукр. съезд в Лубнах. Приглашения на съезд были разосланы всем епископам, в т. ч. киевским викариям Георгию (Делиеву), Сергию (Куминскому), Филарету (Линчевскому; со 2 дек. 1923 епископ Черкасский и Чигиринский) и Афанасию (Молчановскому). К сторонникам Погорилко 12 мая присоединился архиеп. Иоанникий с общиной Мироносицкой ц. Харькова. Григорианский и лубенский расколы частично затронули Киевщину, но массового распространения в К. е. не получили благодаря действенным мерам со стороны еп. Георгия, к-рый в дек. 1925 г. собрал подписи всех укр. епископов под постановлением с осуждением лубенского раскола.

В нояб. 1925 г. в Москву из Ташкента приехал митр. Михаил (Ермаков), после нового ареста и допросов он был освобожден под подписку о невыезде. В дек. 1925 г. был освобожден еп. Макарий (Кармазин). Еп. Георгий (Делиев) отказался передать ему дела К. е. и обвинил епископов Макария, Сергия и др. в неправильной линии поведения. Еп. Георгий послал митр. Михаилу в Москву секретное письмо, стремясь возбудить недоверие экзарха к др. викариям К. е. Он уговаривал «приехать в Киев и здесь на месте решить все дела», намекая на обещание поддержки со стороны главы «церковного отдела» ГПУ УССР С. Т. Даниленко-Карина. Еп. Георгий писал о своей преданности и сообщал, что митр. Михаила хотят лишить кафедры и звания экзарха и поставить во главе К. е. еп. *Дамаскина (Цедрика)*. Митр. Михаил, поверив еп. Георгию, сместил Макария (Кармазина) с Уманского викариата и назначил его на Екатеринославскую (с 1926 Днепропетровскую) кафедру. Это произошло после того, как в марте 1926 г. все викарии К. е., включая еп. Макария, объявили о своей верности заместителю патриаршего местоблюстителя митр. Сергию (Страгородскому). 4 марта 1926 г. в Харькове, где тогда жил еп. Макарий, 6 укр. епископов подписали заявление с осуждением григорианского раскола. Похожее по содержанию письмо было позже подписано в Киеве 6 викариями К. е.: архиеп. Каневским Василием (Богдашевским), еп. Богуславским Георгием (Делиевым), еп. Сквирским Афанасием (Молчановским), еп. Радомысльским Сергием (Куминским), еп. Черкасским Филаретом (Линчевским), еп. Белоцерковским Дмитрием (Вербицким).

В 1926–1927 гг. митр. Михаил вновь находился в ссылке предположительно из-за конфликта с властями в связи с подготовкой декларации о лояльности советской власти (митр. Михаил начал ее составлять не позднее июня 1926). В окт. 1926 г. основные кадровые решения по Украине принимал митр. Сергей (Страгородский), в частности, 5 окт. он утвердил архим. Ермогена (Голубева) в должности наместника Киево-Печерской лавры вместо арестованного архим. Климента (Жеретиенко). В сент. 1926 г. имела место попытка проведения «нелегального

Собора тихоновского епископата Украинны», сорванная властями. В документах следствия записано, что Собор «имел тесную связь с руководством тихоновской верхушки в СССР в лице зам. местоблюстителя митр. Сергия Нижегородского и экзарха Украины митр. Михаила». Связь осуществлялась посредством специального курьера — «тихоновского полтавского попа» Николая Пискановского. 24 дек. 1926 г. свящ. Николай Пискановский был арестован и направлен в Харьков. На допросе он показал, что осуществлял связь епископов Украины с Москвой, совершил 9 поездок в разные города (Москва, Ярославль, Н. Новгород) с документами для подготовки Собора в сент. 1926 г.

Предвидя возможность своего ареста, киевские викарии Сергей (Куминский) и Филарет (Линчевский) приняли меры для сохранения созданной еп. Макарием (Кармазиным) тайной системы киевского епархиального управления. По совету еп. Макария владыка Сергей до своего ареста в нояб. 1926 г. создал окружные комиссии-«пятерки», обладавшие широкими полномочиями. Еп. Сергей заготовил акты назначений в «пятерки» с определением полномочий. Окружным «пятеркам» предоставлялось право вести церковные дела, сохранять преемство в руководстве комиссией в случае ареста, увольнения или взыскания, сохранять связь с находившимся в Харькове еп. Макарием. Осенью 1926 г. еп. Сергей разрабатывал план совершения тайных епископских хиротоний, кандидатами в епископы для Киевщины были выдвинуты священники Селецкий, Цуйманов и Скрипка. План был одобрен еп. Макарием, временно управлявшим Харьковской епархией Сумским еп. *Константином (Дьяковым)* и др., но новых епископов для К. е. рукоположить не удалось. Ставился вопрос о привлечении архиеп. Василия (Богдашевского) к работе тайного центра по управлению Церковью на Украине.

Временно управлявшего К. е. еп. Георгия (Делиева) пытались привлечь на свою сторону как обновленческий Киевский митр. Иннокентий Пустынский, так и глава УАПЦ лжемитр. В. Липковский. Последний 13 мая 1927 г. пригласил еп. Георгия на 2-й Всеукраинский поместный собор УАПЦ, открытие ко-

того намечалось на 17 окт. 1927 г.; еп. Георгий отказался участвовать в соборе (ЦДАВО. Ф. 3984. Оп. 4. Д. 167. Л. 193–194).

В кон. 1927 г. встал вопрос о принятии духовенством декларации о лояльности советской власти как условия легализации церковно-адм. структур. Чтобы подчеркнуть самоуправляемый статус экзархата Украины, митр. Михаил вслед за митр. Сергием и временным Синодом РПЦ издал 17 нояб. 1927 г. отдельную декларацию, к-рая в целом повторяла московский документ (см. «Декларация 1927 г.»), но была выдержана в более мягкой форме. По свидетельству современников, еп. Георгий и др. 4 викария К. е. критически отнеслись к декларации митр. Михаила, принимали меры, чтобы она не дошла до верующих, сообщили документ членам приходских «пятнадцати» фрагментарно, опуская места, где речь шла о контактах с советской властью. Тем не менее благодаря декларации митр. Михаилу удалось легализовать церковное управление на Украине. 23 нояб. 1927 г. он получил указ от митр. Сергия, к-рым освобождался от Гродненской кафедры и назначался митрополитом Киевским, Галицким и всея Украины с сохранением звания экзарха Украины. В дек. 1927 г. владыка Михаил получил гос. регистрацию как экзарх Украины, митрополит Киевский и Галицкий, ему было дано разрешение на учреждение канцелярии, изготовление бланков, личную печать и штамп (Там же. Ф. 5. Оп. 3. Д. 369. Л. 7). Тогда же митрополит получил возможность выезжать из Харькова (с 1919 по июнь 1934 город являлся столицей Украины) и неск. раз посещал Киев. 30 дек. 1927 г. в Киеве его встречали староста Софийского собора Владимир Воловик и прот. Александр Ходзицкий, более 60 священников К. е., множество мирян. Было совершено торжественное богослужение в Малом Софийском соборе. В день равноап. Владимира 28 июля 1928 г. митр. Михаил впервые служил молебен у памятника Крещению Руси. Еп. Георгий хотел устроить крестный ход с участием ок. 100 клириков К. е., но инициатива не была одобрена НКВД как «религиозная демонстрация» (З архівів ВУЧК—ГПУ—НКВД—КГБ. К., 2005. № 1/2(24/25). С. 200).

Впервые за много лет митр. Михаил получил разрешение на проведе-

ние в Киеве совещания епископов Украины, назначенного на 24–25 янв. 1928 г. (ЦДАВО. Ф. 5. Оп. 3. Д. 369. Л. 10–12). Особенно важное значение имело заседание 25 янв. 1928 г., на котором были одобрены предложение митр. Михаила организовать Высшее церковное управление и епархиальные управления и постановление о границах епархий в соответствии с гражданским делением на округа. Епископы имели суждение о сохранении в титулатуре Киевского митрополита слов «и Галицкий». Одобрение получило предложение митр. Михаила о порядке присоединения к Церкви отпавших от нее в обновленчество и др. течения. Харьковский архиеп. Константин от лица митр. Сергия (Страгородского) и патриаршего Синода высказал негативное мнение по вопросу об автокефалии правосл. Церкви в Польше, и участники совещания единогласно осудили польск. автокефалию как несаканоническую. На совещании присутствовали и акт подписали: Киевский митр. и экзарх Украины Михаил, Полтавский архиеп. Дамиан, Харьковский архиеп. Константин, Белоцерковский архиеп. Димитрий, Богуславский еп. Георгий, Кременчугский еп. Николай, викарии Волинско-Житомирской епархии Коростенский еп. Леонтий и Полонский еп. Максим (Руберовский), Винницкий и Подольский еп. Варлаам, Пирятинский еп. Димитрий. Следующее епископское совещание прошло в Киеве 25–26 июля 1928 г.

Не позднее 25 сент. 1928 г. митр. Михаил поселился в киевском Златоверхом Михайловском монастыре, служил в Малом Софийском соборе, скончался в марте 1929 г., похоронен у Малой Софии.

После кончины митр. Михаила экзархом Украины стал Харьковский архиеп. Константин (Дьяков), центр экзархата переместился в Харьков. В 1929–1930 гг. К. е. временно управляли архиеп. Константин и переведенный на Днепропетровскую кафедру еп. Георгий (Делиев).

В 1929–1931 гг. (годы «великого перелома») антирелигиозная политика властей ужесточилась. 7 окт. 1929 г. Киевский городской совет принял решение выселить из киевских монастырей всех монахов (Там же. Ф. 1. Оп. 7. Д. 345. Л. 3). В качестве 1-го этапа органы НКВД приступили к инвентаризации мо-

настырского имущества и к учету населения (Там же. Ф. 5. Оп. 3. Д. 1065. Л. 20; Д. 1066. Л. 3). 18 нояб. 1929 г. Киевский окрисполком принял решение о закрытии Киево-Печерской лавры. В К. е., как и повсеместно, совершалось повальное закрытие храмов, шли массовые аресты духовенства, вслед чего значительная часть клириков отсеклась от сана. В 1929 г. были арестованы и осуждены противники «Декларации 1927 г.»: настоятель Александро-Невской ц. на Липках прот. Виктор Элланский, настоятель Пустынно-Николаевского мон-ря игум. Иларион (Копыл). В 1930 г. оказались в заключении прот. Александр Ходзицкий из Щекавицкой ц., настоятель Петропавловской ц. прот. Михаил Иваницкий, свящ. Андреевской ц. Петр Спиваков, настоятель Приорской ц. свящ. Сергей Филиппенко, настоятель Покровской Соломенской ц. прот. Василий Демьяненко. С окт. 1930 по янв. 1931 г. шло следствие по «антисоветскому делу церковников». По нему проходили киевские клирики: ключарь Софийского собора прот. Александр Должанский, клирик собора прот. Николай Шпачинский, архим. Братского монастыря Иоанн (Черкасский), прот. Николай Гроссу, прот. Василий Долгополов (Иоанно-Златоустовская Железная ц.), протоиереи Феодор Пospelовский, Евгений Капралов, Александр Вишняков, Виталий Богдан (настоятель Десятинной ц.), священники Хрисанф Григорович, Вячеслав Бычковский, Константин Стешенко (Лыбедская Троицкая ц.), Ксенофонт Соколовский, Александр Лобачевский (из Владимирского собора), Николай Малиженовский (Десятинная ц.) и др. 14 апр. 1931 г. были приговорены к расстрелу протоиереи Александр Должанский и Виталий Богдан, остальные были приговорены к лагерным работам и к ссылкам.

Экзарх Украины архиеп. Константин постарался укрепить церковное управление. В 1930 г. вместо благочинных, число к-рых в связи с массовым закрытием храмов сокращалось, на Украине была введена должность экзарших наблюдателей по округам, которые утверждались лично экзархом (такой должности не было в России). Также вводилась должность районных наблюдателей. В апр. 1930 г. Белоцерковский еп. Димитрий (Вербицкий) был назначен архиепископом Киевским при

эксархе Украины архиеп. Константине. Еп. Димитрий пользовался большим влиянием в Киеве, но у властей имел репутацию «черносотенца». В февр. 1932 г. архиерей скончался в Киеве (возможно, после ареста). В февр.— окт. 1932 г. К. е. окормлял эксарх Украины архиеп. Константин (Дьяков), к-рый получил от НКВД разрешение посещать Киев. В связи с образованием 27 февр. 1932 г. Киевской обл., в состав к-рой также вошла территория совр. Житомирской обл., границы К. е. существенно расширились; была упразднена Волынская и Житомирская епархия, большая часть которой присоединилась к К. е.

21 марта 1932 г. на Киевскую кафедру назначили архиеп. *Сергия (Гришина)*. По его рекомендации 30 окт. 1932 г. во епископа Уманского, викария К. е., был рукоположен архим. сщмч. *Александр (Петровский)*; его хиротонию в Малом Софийском соборе совершили архиеп. *Сергий (Гришин)*, архиеп. *Василий (Богда-*

*Еп. Димитрий (Вербицкий).
Фотография. 1910 г.*

шевский) и схиархиеп. *Антоний (Абашидзе)*. 13 нояб. 1932 г. во епископа Новоград-Волынского, викария К. е., был хиротонисан *Вячеслав (Шкурко)* (его предшественник по Новоград-Волынской кафедре еп. *Николай (Пирский)* являлся викарием Волынско-Житомирской епархии и исполнял должность временно управляющего этой епархией).

15 мая 1932 г. ЦК ВКП(б) провозгласил начало «безбожной пятилетки», к-рая была отмечена дальнейшим закрытием храмов и репрессиями против духовенства. В февр.— марте 1933 г. следственные органы начали дело «Абашидзе, Любимов и другие», главными обвиняемыми

*Архиеп. Сергей (Гришин).
Фотография. 30-е гг. XX в.*

по к-рому проходили проживавший в Киево-Печерской лавре схиархиеп. *Антоний (Абашидзе)* и его келейник *М. Н. Любимов*; было арестовано более 20 монахов и послушников, живших в Китаевской и Преображенской пустынях в Киеве. 21 апр. 1935 г. был закрыт последний действующий монастырь Киева — жен. *Введенский* на Печерске.

21 янв. 1934 г. XII съезд КП(б) Украины принял решение о переносе столицы из Харькова в Киев. Вначале власти не разрешали переместить центр Украинского эксархата из

*Схиархиеп. Антоний (Абашидзе).
Фотография. 30-е гг. XX в.*

Харькова в Киев, хотя вопрос об этом обсуждался. Впрочем, архиеп. *Константин* имел право посещать Киев, он совершил в новую столицу 1-й визит в марте 1934 г., как следует из его показаний, данных на следствии в 1937 г.: «В связи с переводом столицы из Харькова в Киев я прибыл к месту своего нового служения 29 марта 1935 года. На Киевщине

было 170 приходов, из них 70 функционировало и 100 взяты под заготовку» (цит. по: *Шоломова С. Б.* Служенья узкие врата. X., 2007. С. 120). В 1934–1935 гг. в Киеве оставались действующими 7 канонических («старославянских») и 5 обновленческих («синодальных») церквей. С 27 марта 1934 г. в Киеве стал служить близкий соратник архиеп. *Константина* Уманский архиеп. *Филарет (Линчевский)*. Хотя еп. *Филарет* был назначен в кон. 1934 — нач. 1935 г. епископом Житомирским (что, по-видимому, предусматривало возрождение самостоятельной Волынско-Житомирской епархии), он не был утвержден на кафедре властями и с нач. 1936 г. служил настоятелем ц. *Николаы Набережного* на Подоле в Киеве, управлял церковной жизнью на Житомирщине через своего представителя. В Киеве он был арестован в 1937 г., в посл. расстрелян.

Руководители оппозиционно настроенной в отношении эксарха *Константина* части клира — киевские священники *Александр Глаголев*, *Александр Браиловский* и *Адриан Рымаренко* (см. *Андрей (Рымаренко)*) 13 июня 1934 г. отправились в Москву к митр. *Сергию (Страгородскому)* с ходатайством об оставлении на Киевской кафедре в случае окончательного перевода в Киев центра Украинского эксархата архиеп. *Сергия (Гришина)*. Однако их просьба не была удовлетворена, и после перемещения центра эксархата в Киев архиеп. *Сергий* получил назначение на Харьковскую кафедру, Харьковский митр. *Константин (Дьяков)* стал Киевским.

13 мая 1937 г. политбюро ЦК КП(б)У рассматривало вопрос об антирелиг. пропаганде (ЦДАГОУ. Ф. 1. Оп. 6. Д. 450. Л. 125–138). К этому заседанию была подготовлена «Справка о молитвенных зданиях по Киевской области», где указывалось, что в Киеве и Киевской обл. на 1 мая 1937 г. насчитывалось 311 культовых зданий, формально находившихся в распоряжении верующих, в т. ч. 273 православных храма, 9 католич. костелов и каплиц, 29 синагог (Там же. Оп. 20. Д. 7105. Л. 2). Треть церквей использовалась под склады зерна, хотя формально числилась в ведении религ. общин. Закрытыми в области были 1579 культовых зданий разных конфессий, использовавшихся в основном под клубы, б-ки и склады. Указывалось

Митр. Константин (Дьяков).
Фрагмент иконы
«Святые Слободского края».
Кон. XX в.

на высокую активность верующих в борьбе за возвращение храмов. В мае 1937 г. во Всеукраинском ЦИК побывали 95 делегаций от религ. общин, было подано 46 обращений верующих Киевской обл. Отмечалось, что храмы Киева — «тихоновские» и «синодальные» — за время пасхальных праздников посетило почти 14 тыс. молящихся. В апр. 1937 г. в православных храмах Киева было совершено 549 обрядов крещения. Констатируя высокий уровень религиозности населения Киева и Киевской обл., партийное руководство Украины 13 мая 1937 г. приняло решение об усилении антирелиг. пропаганды, что предусматривало в т. ч. ускоренное закрытие храмов.

29 окт. 1937 г. митр. Константин был арестован по обвинению в руководстве «антисоветской фашистской организацией церковников (тихоновцев)». О своем служении на Киевской кафедре архиерей на допросе сообщил следующее: «Серьезная болезнь прекратила мою деятельность почти на 3 месяца. В настоящий момент число приходов на Киевщине сократилось до минимума: всего 16 с 4 городскими» (цит. по: Шоломова С. Б. Служенья узкие врата. 2007. С. 120). Также были арестованы архиепископы Филарет (Линчевский), Георгий (Делиев), киевские клирики: секретарь канцелярии Украинского экзархата настоятель Покровской Соломенской ц. прот. Виктор Вельмин, прот. Александр Глаголев из Набережно-Никольской ц. († 25 нояб. 1937 после допросов),

настоятель Борисоглебской ц. прот. Михаил Едлинский (расстрелян 17 нояб. 1937), бывш. свящ. Введенского жен. мон-ря прот. Иоанн Предтеченский, настоятель прихода в Чоколовке под Киевом прот. Михаил Алабовский, бывш. настоятель Царе-Константиновской ц. на Подоле прот. Николай Поройков, священники Трифиллий Гороневский, Вячеслав Бычковский. В Киевской обл. были арестованы 8 священников в Васильковском р-не, 6 священников во главе с прот. Александром Коломацким из Городища в р-не им. Г. И. Петровского Киевской обл. (ныне Городищенский р-н Черкасской обл.), 4 священника из др. районов. В отчете главы НКВД УССР И. М. Леплевского от 27 нояб. 1937 г. записано, что «антисоветская фашистская организация церковников», которую в Киеве возглавлял митр. Константин (Дьяков), а в Москве — митр. Сергей (Страгород-

Митр. Николай (Ярушевич).
Фотография. 50-е гг. XX в.

ский), успешно разгромлена. Митр. Константин был признан виновным. На допросах архиерей не дал признательных показаний, скончался 10 нояб. 1937 г. В 1937–1938 гг. подверглись репрессиям десятки киевских священнослужителей. В сент. 1938 г. органы НКВД раскрыли «фашистскую организацию церковников «Истинно православная церковь», проводившую контрреволюционную деятельность в отдаленных районах Киева».

Осенью 1937 г. временное управление К. е. по указу митр. Сергия (Страгородского) было поручено Харьковскому архиеп. Александру (Петровскому). 28 июля 1938 г. архиерей был арестован. На террито-

рии К. е. в авг. 1940 г. была образована Житомирская епархия, во епископа Житомирского в Москве был хиротонисан *Дамаскин (Малюта)*, на кафедру он не прибыл. На покое в Киеве жил схиархиеп. Антоний (Абашидзе), из-за запрета властей не служивший. Из-за отсутствия правящего архиерея в Киеве появлялись «епископы»-самозванцы, один из них — М. А. Поздеев — был арестован 23 июня 1940 г. 15 июля 1941 г. митрополитом Киевским и Галицким, экзархом Украины, был назначен *Николай (Ярушевич)*, вскоре после назначения эвакуированный из Киева в Москву при наступлении нем. войск.

В 1940–1941 гг. в К. е. действовали 3 храма в Киеве: Набережно-Никольская, Покровская Соломенская и Байково-кладбищенская Вознесенская церкви. Соломенская ц. официально была закрыта в 1939 г., но в ней совершалось богослужение, ее настоятелем являлся настоятель Набережно-Никольской ц. архим. Александр (Вишняков). Настоятелем Байково-кладбищенской ц. был свящ. Павел Остренский.

В. Г. Пидгайко

Истинно православные христиане и иосифлянское движение. Одной из первых организационно оформленных структур буд. *иосифлянства* в К. е. стало созданное в Киеве в 1915 г. усилиями свящ. Анатолия *Жураковского* и архим. Спиридона (Кислякова) Братство Иисуса Сладчайшего, первоначально имевшего целью духовно и материально поддержать беднейшие слои населения. Взгляды архим. Спиридона были весьма далеки от традиц. Православия. 21 авг. 1920 г. Черкасский еп. Назарий (Блинов) писал патриарху Тихону: «Появившийся в Киеве в 1917 году архимандрит Спиридон года два тому назад организовал братство во имя Иисуса Сладчайшего и как председатель этого братства стал устраивать при некоторых храмах на окраинах города, по соглашению с местными причтами, богослужения с особыми молениями и проповедями, а также крестные ходы с участием преимущественно детей и женщин. Необычное совершение литургии при открытых царских вратах и с чтением совершительных молитв вслух всех молящихся привлекали к о. Спиридону... тем более что о. Спиридон во время евхаристийного канона

обыкновенно становился сбоку у св. престола и театральными жестами старался направить внимание богомольцев на святые чашу и дискос. При проповедях своих о. Спиридон варьировал одну и ту же тему — о нашем отступлении от Христа и необходимости покаяния, причем особой аффектацией голоса и движений он в каждой проповеди непременно стремился вызвать у слушателей воздыхания, слезы и общий вопль, для чего, прерывая проповедь, сам становился на колени... Излюбленной темой о. Спиридона в проповедях была также речь о грехах духовенства православного, которое он публично обвинял в «коммерсализме», в «торговле Богом, Христом, таинствами», в «обмане народа» и т. п.» (ГА Киевской обл. Ф. Р–4752. Оп. 1. Д. 1217. Л. 9–11). В 1919 г. архим. Спиридон издал в Киеве брошюру «Исповедь священника перед Церковью», в к-рой объявил не соответствующими учению Христа совр. гос. и церковное устройство, деятельность Церкви и т. д. В сент. 1919 г. митр. Антоний (Храповицкий) поручил епархиальному совету расследовать дело архим. Спиридона и привлечь его как автора кн. «Исповедь священника перед Церковью» к церковному суду, а до суда запретил клирика в священнослужении.

Архим. Спиридон апеллировал к патриарху Тихону: «...я с самого своего детства горячо стремился всем своим существом служить Христу, но потом все это во мне заглохло, и я отдался обыкновенному течению жизни. Потом со мной произошла перемена в жизни, и я после этого написал книгу «Исповедь священника перед Церковью». Я же лично не считаю себя настолько виновным, чтобы быть под запрещением священнослужения, наоборот, я думаю, что каждый священнослужитель, стоящий за христианскую законность войны, смертной казни и вообще всякого насилия среди христиан недостоин не только священнодействовать, но даже и принадлежать в качестве члена к Церкви Христовой... Евхаристические молитвы я начал читать при открытых царских вратах еще при покойном митрополите Владимире. Владыка Владимир узнал об этом и тотчас же призвал меня к себе и спросил меня: что руководит мною так совершать Божественную литургию. Я ему ответил, что в этом руководит мною

прежде всего моя пастырская совесть, а затем и та чисто практическая цель, чтобы этим чтением вслух евхаристических молитв в такое страшное, смутное и антихристианское время увлечь как можно больше людей ко Христу и силой молитвы закрепить их возле и около Самого Господа. Тогда митрополит Владимир одобрил мою инициативу, согласился со мной и благословил меня совершать Божественную литургию так, как я совершаю ее и сейчас» (Там же. Д. 1233. Л. 2–3). Резолюция патриарха Тихона от 20 окт. 1920 г.: «Дело архим. Спиридона еще не окончено Киевским епарх. начальством, и потому мое суждение о нем было бы преждевременным. Но не признаете ли возможным, Преосвящен. Назарий, разрешить о. Спиридону священнослужение в братстве без проповедывания» (Там же. Л. 4) — укрепила общину архим. Спиридона в представлении о своей правоте. Общине удалось получить бывш. единоверческую ц. Преображения на Гоголевской ул., которая в посл. стала одним из оплотов оппозиционного движения.

Параллельно стали создаваться и др. оппозиционные центры правого уклона, поначалу открыто не декларирующие своих позиций. Они формировались в основном вокруг киевских мон-рей Подола и Печерска. Активное наступление властей на Покровский жен. мон-рь (в 1918 там была устроена укр. гимназия, в 1923 создан центр киевской группы духовенства и мирян «Живая церковь») способствовало постепенному вытеснению монахинь из монастыря. Часть монахинь, категорически отказавшись принимать существующую власть, пошла за бывш. настоятельницей игум. Софией (Гринёвой), которая благодаря приобретению в Ирпене дачи Бабенко смогла наладить монастырский быт на новом месте. Игум. Софию активно поддержал бывший старший свящ. Покровского монастыря Димитрий Иванов. Еще один будущий центр оппозиции был образован на Подоле, где в Покровской ц. с 1923 г. служил бывш. свящ. из с. Черевач Радомысльского у. Леонид Рохлиц. С 1928 г. оппозиционно настроенная община сложилась вокруг настоятеля Ильинской ц. на Подоле свящ. Василия Конского (он присоединился к иосифлянскому движению в авг. 1930, подчинившись еп. Павлу

(Кратирову)). С 1922 г. 2-м священником Введенского монастыря служил иерей-беженец Борис Квасницкий. Несколько особо стояла община, сформировавшаяся вокруг бывш. до 14 июля 1928 г. священником в с. Ст. Позняки Никиты Смолия, а затем работавшего сапожником в Дарнице (в 1929 приговорен к заключению в лагерь на 2 года).

Это белое духовенство составило костяк киевской оппозиции, в сент. 1928 г. открыто выступившей против деклараций митрополитов Сергия (Страгородского) и Михаила (Ермакова). Как утверждал на допросе прот. В. П. Вельмин: «...фактически отколовшись... они только через полгода заявили об этом официально в письменной форме, т. к. только тогда смогли найти малейший канонический повод (лишение кафедр ссыльных викарных епископов)». Центральной фигурой новой церковной группы в Киеве стал свящ. Димитрий Иванов, в 1928 г. установивший контакт с еп. Димитрием (Любимовым) в Ленинграде и др. иосифлянами: «...Дмитрий Иванов явился объединительным центром для киевской группы, будучи как бы уполномоченным архиепископа Дмитрия Гдовского, и держал самую тесную связь с единственным оппозиционным епископом на Украине епископом Павлом (Кратировым)» (ЦДАГОУ. Ф. 263. Оп. 1. Д. 59164. Л. 18–19). Анатолий Жураковский и последователи архим. Спиридона (Кислякова) также старались заручиться поддержкой в Ленинграде, однако поездка туда Жураковского в сер. окт. 1928 г. окончилась безрезультатно, поскольку он попал в квартиру прот. Феодора Андреева во время ареста последнего. Лишь свящ. Андрей Бойчук встретился в Ленинграде с Гдовским еп. Димитрием, который согласился духовно окормлять киевских иосифлян.

Т. о., в 1930 г. в Киеве действовало неск. иосифлянских приходов: Покровская ц. (священники Леонид Рохлиц, Борис Квасницкий и Анатолий Бобров), Ильинская ц. (свящ. Василий Конский), Преображенская ц. на Гоголевской ул. (священники Анатолий Жураковский, Евгений Лукьянов, Андрей Бойчук, архим. Спиридон), Троицкая ц. в дачном пос. Ирпень (ныне город в Киевской обл.), где настоятелем был Виктор Давидович, в 1928 г.

перешедший к иосифлянам. В нач. 30-х гг. XX в. в Киевской обл. к иосифлянским относились общины сел Купьеватое Каневского р-на, Шибеное Бородянского р-на, Андреевка Бородянского р-на, Погребы, Гута, Косачовка. Среди киевского епископата на сторону иосифлян перешли епископы Макарий (Кармазин) и Афанасий (Молчановский). К «непоминающим» относился также еп. Сергей (Куминский). Нек-рые представители киевского духовенства заняли выжидательную позицию и не поминали митрополитов Сергия и Михаила. К их числу принадлежали протоиереи Михаил Едлинский, Александр Глаголев, Сергей Филиппенко, Николай Богдашевский и др.

На роль идеолога иосифлянского движения в Киеве выдвинулся свящ. Анатолий Жураковский. Ему принадлежит ведущая роль в составлении обращения киевлян к митр. Сергию (Страгородскому) с подробным разбором «Декларации 1927 г.». Выражая солидарную позицию киевского оппозиционного духовенства, священник писал: «...у нас перед глазами позорный путь «церкви лукавующих» — обновленчества, и этот же позор постепенного засасывания в болото все более и более страшных компромиссов и отступничества, этот ужас полного нравственного растления неизбежно ждет церковное общество, если оно пойдет по пути, намеченному деятелями «синода». Нам кажется, что митрополит Сергей поколебался в уверенности во всемогущество все преодолевающей истины, во всемогущество Божие, в роковой миг, когда он подписывал декларацию, и это колебание, как страшный толчок, передается всему телу Церкви и заставляет его содрогнуться... Немало найдется тех, для которых лучше умереть в истине, чем жить во лжи; тех, кто не переменит своего знамени. Над Церковью навис грозный призрак нового раскола» (Шкаровский М. В. Иосифлянство: течение в РПЦ. СПб., 1999. С. 212–213). Жураковский неоднократно обращался и к митр. Михаилу, издавшему декларацию, аналогичную декларации митр. Сергия.

Киевское духовенство пыталось дистанцироваться от оппозиционно настроенного священника: благочинный киево-подольских церквей прот. Александр Ходзицкий в письме к митр. Михаилу уверял:

«Спешим заверить Ваше Высокопреосвященство, что он, священник Жураковский, по-видимому и вышел от нас, но никогда не был нашим ни по духу той высокомерной гордыни, ни по практике, какой он старается отправлять свою пастырскую работу среди небольшой горсти киевской интеллигентной молодежи, также духовно неопытной и неуравновешенной, как и ее вожак» (ЦДАГОУ. Ф. 263. Оп. 1. Д. 9900. Л. 32–33).

Между легально существовавшими иосифлянскими общинами не было полного согласия и в степени признания реалий советской власти: если Покровская ц. не разделяла к.-л. признания советской власти (в основном под влиянием монахинь бывш. Флоровского, Введенского и Покровского мон-рей), то для Ильинской общины, состав к-рой в основном определялся бывш. профессурой КДА, характерно более компромиссное отношение (члены общины даже вывешивали красный флаг на советские праздники). На особое место в жизни киевских иосифлянских общин претендовал и свящ. Леонид Рохлиц, сумевший привлечь в свою группу монахинь Флоровского и Введенского монастырей, часть из к-рых перешла в Покровскую ц. в 1928 г. вместе со свящ. Борисом Квасницким. По словам свящ. Флоровского мон-ря Космы Петрушевского, «...Рохлиц Леонид, один из видных членов контрреволюционной организации, старающийся привлечь в свою организацию темные массы крестьян окрестных сел, кликуш, монахов и монахинь. У него свои агенты на пристанях, у храмов близлежащих, у него агенты, буквально за руки затягивающие в храм Покрова к о. Леониду, к-рый молится за гонимых, не поминает митрополита Михаила и впоследствии архиепископа Димитрия. ...Рохлиц всеми силами старается втянуть в свою организацию возможно большее количество. К его организации принадлежит Бойчук Андрей, монахиня Тихона, Пелагея, Мария» (Отраслевой ГА СБУ. Д. № 67093–ФП. Л. 20).

У каждого из представителей иосифлян были свои почитатели, свои представления о церковной работе и свой духовный опыт, поэтому нередко возникали внутренние конфликты. После того как еп. Димитрий (Любимов) назначил сво-

им уполномоченным (благочинным) свящ. Димитрия Иванова, группа А. Жураковского выразила резкий протест. Результатом стала очередная поездка в Ленинград священников Б. Квасницкого и А. Бойчука, где был достигнут компромисс — свящ. Д. Иванов привлекался к руководству всеми общинами по мере надобности, а право принимать в свои ряды духовенство было предоставлено всем лидерам киевского иосифлянского. После временного урегулирования разногласий состоялись совещания киевского иосифлянского духовенства. Первое прошло в кон. июня 1929 г. на квартире свящ. Леонида Рохлица, где обсуждалось присоединение свящ. Щербатова. Через 2 недели на 2-м собрании рассматривалось предложение архиеп. Димитрия (Любимова) об установлении контакта с еп. Павлом (Кратировым). На совещании 25 июля 1929 г. у свящ. Бориса Квасницкого свящ. Димитрию Иванову было поручено посетить еп. Дамаскина (Цедрика) и выяснить его позицию. На 4-м совещании в авг. того же года обсуждались результаты этой поездки. В сент. состоялось последнее совещание. В окт. 1929 г. возник конфликт с архим. Спиридоном. После обращения Л. Рохлица к архиеп. Димитрию (Любимову) с описанием прошлых вольностей архим. Спиридона архиеп. предложил архим. Спиридону покаяться, чего он не сделал. В результате «...о. Иванов, а никто иной объявил о Спиридона и всех его сторонников (Жураковский, Лукьянов, Бойчук), потерявшими общение с церковью...» (ЦДАГОУ. Ф. 263. Оп. 1. Д. 59164. Л. 20). Впосл. разгорелся конфликт между бывш. единомышленниками Л. Рохлицем и Б. Квасницким, улаживать к-рый пришлось также свящ. Димитрию Иванову. После ареста еп. Димитрия (Любимова) киевские иосифляне перешли под омофор еп. Старобельского Павла (Кратирова).

Влиятельным, как и прежде, было киевское монашество, к-рое вслед массового закрытия мон-рей становилось частью городского и пригородного и сумело создать довольно много нелегальных центров Истинно православной церкви (ИПЦ). Лаврские иеромонахи, Агапит (Жиденко), Еразм (Прокопенко), Мартирий (Слободенко), Амфилохий (Фурс), Феогний (Деркач), Аполлоный (Кононский), монахи Кодрат

(Речка), Патрикий (Недроль), Патрикий (Кирдай), Виктор (Емельянский), Тимофей (Гнатюк), вышли из подчинения архим. Ермогену (Голубеву) и признавали своим настоятелем прежнего архим. Климента (Жеретиенко), высланного в Харьков. Немаловажную роль играл и игумен подворья Киево-Печерской лавры в Ленинграде Клавдий (Савинский), каждое лето приезжавший в Киев и привозивший послания, воззвания, письма архиеп. Димитрия (Любимова). Все оппозиционное лаврское монашество имело своих сторонников, в основном жителей прилегающих к Киеву окрестностей. Еще один центр оппозиции во главе с игум. Михайлой (Шепелевой (Щёлкиной)) сформировался на Феодосиевском подворье.

Многолюдной была община иером. Еразма (Прокопенко) в Ирпене (ей принадлежало неск. домов по Надсоновской ул., № 10, Украинской ул., № 34 и т. д.). Состояла она в основном из женщин-крестьянок и жила довольно обособленно (Там же. Д. 46790. Л. 45). Впосл. органами ГПУ деятелем иером. Еразма была расценена как «участие в к/р церковной группе и проведение а/с агитации». Он был арестован 23 нояб. 1932 г. Одновременно с иером. Еразмом и позднее, в нач. 1933 г., была арестована и вся его группа, а также лаврские монахи Мартирий (Слободенко) и Тимофей (Гнатюк).

В Ирпене проживали также члены общины иером. Агапита (Жиденко), мон. Филарета (он являлся представителем полтавского монашества и имел много сторонников в с. Лебедин), схим. Саввы. В Ирпень часто приезжали игум. Рафаила из Гомеля, игум. Валерия из Ржищевского мон-ря, монахини из Дивеевского, Шамординского, Оренбургского мон-рей. В янв. 1929 г. свящ. Димитрий Иванов привлек к иосифлянскому движению мон. Анастасию из Славянска, мон. Ирину (Гладышеву) из Оренбурга.

После смерти архим. Спиридона (Кислякова), ареста 14 окт. 1930 г. свящ. Анатолия Жураковского и массовых арестов 15 янв. 1931 г. в рамках общей кампании уничтожения ИПЦ оппозиционная группа в Киеве и близлежащих окрестностях была в основном представлена монашествующими. Так, вместо арестованного Виктора (Давидовича) на-

стоятелем Троицкой ц. Ирпеня по приглашению общины стал иером. Мартирий (Слободянка), официально работавший 10 лет в должности столяра и садовника в доме отдыха секции научных работников в бывш. Преображенской пуст.

Единственным белым священником до своего ареста 14 июля 1935 г. был настоятель Ильинской ц. (окт. 1933–1934) прот. Димитрий Шпаковский, с к-рым впосл. сослужили иеромонахи Мартирий (Слободянка), Каллиник (Хоменко) и свящ. Игнатий Шпаков. Все эти священники входили в юрисдикцию еп. Дамаскина (Цедрика) и служили в Покровской ц., к-рая находилась на попечении иером. Амфилохия (Фурса).

В 1935 г., вернувшись после ареста, возобновил подпольную церковную деятельность и свящ. Никита Смолий. Впосл. на допросе он так ответил на вопросы следователя: «С митрополитом Сергием и его церковью я порвал потому, что он в своей декларации от июля 1927 г. объявил во всеуслышание, что он вполне разделяет и одобряет политическое направление и деятельность Советской власти, требуя того же от духовенства и верующих. С этим я согласиться не мог, поскольку считаю, что Советская власть открыто проявила духовные и церковные свойства «царства антихриста», как-то: закрытие и разрушение христианских храмов, поругание и упразднение святых, гонение на всех православных священнослужителей, отрыв путем антирелигиозной пропаганды верующих масс от Бога и церкви, упразднение праздничных дней (...) К церковному течению, в котором я в настоящее время нахожусь, я примкнул в 1927 г., т. е. после опубликования декларации митрополита Сергия. ...По возвращению из концлагеря в январе 1932 г. я по сентябрь 1933 г. проживал в деревне Новинки-Абрамовы Александровского района Ивановской промышленной области, но там никакой религиозной деятельности не проводил. В сентябре 1933 г. я приехал в Киев и, поселившись на хуторе Красном Киевского района, начал продолжать на нелегальных началах свою пастырскую деятельность... Последователи «истинно-православной церкви», с к-рыми я, как священник этой церкви, имел связь и обслуживаю их духовно-религиозные нуж-

ды, проживают... 1) г. Киев — 4 человека; 2) хут. Красный — 4 человека; 3) хут. Шевченко — 3 человека; 4) с. Новые Позняки — 2 человека; 5) с. Старые Позняки — 2 человека; 6) Ворзель — 2 человека; 7) Дарница — 1 человек; 8) с. Скопцы Барышевского района — 1 человек» (ЦДАГОУ. Ф. 263. Оп. 1. Д. 33067. Л. 14–15, 20).

Следующая волна арестов 1933–1934 гг. практически полностью загнала оппозиционное движение в подполье. После 1-го ареста в 1932 г. иером. Еразм (Прокопенко), выпущенный из тюрьмы, ушел в затвор (в кон. 1945 вернулся в Киево-Печерскую лавру; киевская прописка в мон-ре оформлена 22 янв. 1946), затем был опять арестован, умер в заключении 5 февр. 1951 г. Вернувшийся после ссылки в Киев Евгений Лукьянов отошел от активной церковной деятельности, но тем не менее 12 июня 1937 г. был арестован и погиб в заключении. 13 сент. 1937 г. были расстреляны иеромонахи-иосифляне Мартирий (Слободянка), Феогний (Деркач), Аполлоний (Кононский).

Свящ. Андрей Бойчук, вернувшись из заключения в 1939 г., всячески старался наладить связи между уцелевшими представителями киевских иосифлян. Проживая на нелегальном положении в Киеве, он совершал тайные богослужения на частных квартирах и периодически посещал схим. Еразма (Прокопенко). 7 мая 1941 г. был арестован и на допросах сообщил, что «начал совершение нелегальных религиозных треб в начале июня 1940 г., после того, как умер бывший профессор Киевской духовной академии Кудрявцев. Попросил меня отслужить панихиду по Кудрявцеву бывший псаломщик Преображенской церкви Глаголев Алексей Александрович, к-рый и принес туда облачение для священника, антиминос, сосуды и другие церковные принадлежности. Панихида совершалась ночью после того, как разошлись посторонние, присутствовали при панихиде только родственники Кудрявцева, Глаголев и я. После этого случая фактически началась моя подпольная церковная деятельность» (Там же. Д. 60260. Л. 38). Свящ. А. Бойчук погиб в заключении.

Частичная легализация ИПЦ произошла во время нем. оккупации Киева, когда общине архим. Ми-

хаила (Костюка), преемника игум. Михаила (Шепелевой (Щёлкиной)), в нач. 1942 г. удалось организовать в Чоколовке мон-рь (после освобождения Киева арестован, расстрелян, были арестованы и члены общины). Активизировались также члены общины расстрелянного иером. Мартирия в Мышеловке, к-рых окормлял прибывший в Киев бывш. наместник Киево-Печерской лавры архим. Климент (Жеретиенко), так и не сумевший восстановить свои полномочия по управлению лаврой (после отъезда архим. Климента в Харьков общину стал окормлять свящ. Владимир Веселовский). Сохранился и костяк общины иером. Агапита (Жиденко), к-рый окормлял крестьян Золотоношского р-на и нек-рых сел Киевского р-на (эта община была разгромлена властями в 1950, когда вместе с иером. Агапитом были арестованы почти 15 прихожан; 26 мая 1950 все они приговорены к разным срокам заключения — от 5 до 10 лет). В сер. 50-х гг. XX в. начали постепенно восстанавливаться общины ИПЦ в окрестностях Киева — Ирпене и Буче. Проживавшие в Киеве представители ИПЦ — еп. Варнава (Беляев), некоторые монашествующие, члены общин священников Анатолия Жураковского, Андрея Бойчука, Леонида Рохлица были обособлены, имели некоторое количество почитателей и старались ничем не привлекать внимание. К кон. 60-х гг. XX в. ИПЦ не имело влияния в Киеве.

Т. В. Кальченко

1941–1943 гг. Летом—осенью 1941 г. СССР оккупировали нем. войска, 19 сент. был взят Киев. В период нем. оккупации в жизни православной Церкви на Украине происходили значительные изменения. Решением 1-го Почаевского Собора от 18 авг. 1941 г. на территории Украины была создана автономная правосл. Церковь в каноническом единстве с РПЦ, архиеп. Волынскому и Кременецкому Алексию (Громадскому) были предоставлены права областного митрополита и титул экзарха всея Украины. 21 авг. были утверждены правила приема в Церковь священнослужителей-раскольников: обновленцев принимали в клир после принесения публичного покаяния, «липковцев-самосвятов» рукополагали во все священные степени. Не позднее сер. дек. 1941 г. временно управляющим К. е.

*Еп. Пантелеимон (Рудык).
Фотография. 40-е гг. XX в.*

был назначен Львовский еп. *Пантелеимон (Рудык)*.

29 сент. 1941 г. в Киеве образовалась Киевская церковная рада («Украинская церковная рада г. Киева»), в состав к-рой вошли представители автономной УПЦ (впосл. покинули раду), оставшиеся на свободе деятели УАПЦ Липковского и прибывшие с Волыни представители УАПЦ *Поликарпа (Сикорского)*, которым было поручено создать автокефалистские структуры в Киеве и Киевской обл. и добиться объединения с липковцами. В раде были представлены также бывш. клирики почти полностью пришедшей в упадок к нач. 40-х гг. XX в. «Украинской обновленческой автокефальной церкви», имевшей общины в отдельных районах Киевщины. Почетным председателем рады стал свящ. Леонтий Юнаков, в прошлом активный деятель липковского и лубенского расколов. В окт. 1941 г. с Киевской церковной радой наладил контакты пообещавший поставить для Украины епископов Варшавский митр. Дионисий (Валединский), к-рый 29 окт. 1941 г. направил в Киев свое письменное благословение и пожелание «молитвенного труда по возрождению и упорядочению автокефальной Украинской православной Церкви» (*Бурчак-Абрамович Н. Н.* УПЦ в 1941–1943 гг. // *Рідна церква. Новий Ульм; Мюнхен, 1956. № 25. С. 6*). С Киевской радой наладила контакты Ровенская церковная рада во главе с С. И. Скрыпником (см. *Скрыпник Мстислав*).

В нач. окт. 1941 г. председателем Киевской церковной рады был из-

бран сын священника-поликарповца с Волыни бывш. полковник петлюровской армии Н. Рыбачук (впосл. священник УАПЦ в эмиграции). Он объявил своей целью объединить представленные в раде 3 деноминации. Фактически ему удалось объединить киевских автокефалистов — поликарповцев и липковцев. Объединительное заседание состоялось 17 окт. 1941 г., на нем не были решены все вопросы (полное слияние 2 автокефалистских движений произошло в 1942). Рыбачук в кон. окт. 1941 г. объявил свою раду главным органом церковного управления на «Надднепрянщине», канцелярия рады разместились в митрополичьем дворце при Софийском соборе. Позже др. активный деятель автокефалистского раскола Скрыпник (лжепатриарх Мстислав) писал, что Рыбачук выполнял роль связного между киевскими липковцами и «архиепископом Луцким», впосл. главой УАПЦ Поликарпом (Сикорским). Со стороны оккупационных властей не было препятствий для создания на Киевщине структур УАПЦ. 2 окт. 1941 г. в Мин-ве вост. территорий был подготовлен меморандум, в нач. 1942 г. разосланный чиновникам оккупационной администрации, где указывалось, что не следует препятствовать развитию укр. национально ориентированной Церкви, враждебной Москве (ЦДАВО. Ф. КМФ–8. Оп. 2. Д. 296).

Члены «Украинской церковной рады» отказались принять главу автономной УПЦ митр. Алексия (Громадского), прибывшего в Киев в нач. нояб. 1941 г. Перед приездом председателя УПЦ рядом с митрополичьим дворцом взорвались мины. В результате было сорвано проведение на территории Софийского мон-ря киевского епархиального совещания духовенства автономной УПЦ под председательством митр. Алексия. После начала утром 7 нояб. 1941 г. встречи духовенства и мирян К. е. с митр. Алексием, в к-рой участвовали 49 священников и 95 гражданских лиц, сотрудники нем. службы безопасности провели облаву, во время к-рой были задержаны участники собрания; вскоре почти все они были освобождены. Митр. Алексия также ненадолго арестовали и отпустили, на допросе он рассказал, что по пути в Киев посетил Житомир и Бердичев. В Киеве митр. Алексей имел краткие встречи с настоятелем

Покровского храма на Приорке свящ. Тимофеем Ковалиной, а также с автокефалистом Н. Рыбачуком. Под арестом остались архим. Александр (Вишняков) и прот. Павел Остренский. Поскольку в 1941 г. они являлись единственными легально служившими в Киеве клириками, немцы обвинили их в сотрудничестве с НКВД, в нояб. 1941 г. архим. Александр (Вишняков) и прот. Павел Остренский были расстреляны.

По разрешению немецких властей 20 нояб. 1941 г. в Петропавловской ц. в с. Лесная Буча под Киевом прошел Киевский окружной собор УАПЦ, объединивший делегатов от 5 приходов и 13 сел., на нем председательствовал киевский окружной миссионер УАПЦ прот. Иоанн Потапенко. По его предложению председателем Киевского окружного совета УАПЦ был избран прот. Павел Семинский из пос. Борзель. Потапенко говорил о том, что членам окружного собора надо войти в Киевскую церковную раду и направить ее деятельность в автокефалистское русло (Там же. Ф. 4398. Оп. 1. Д. 4. Л. 110–112). Судя по дальнейшим событиям, именно такую направленность и получила деятельность рады. После того как у Рыбачука возник конфликт с частью членов рады, выступавших против ее политизации, в нач. дек. 1941 г. было принято решение о его отставке. После этого раду возглавил один из активных деятелей укр. обновленчества киевлянин Филипп Руденко, его заместителем избрали свящ. Петра Длугопольского. Однако и при них никакого сближения рады с автономной УПЦ не произошло.

Важное значение имел 2-й Почаевский Собор автономной УПЦ, проходивший 8–9 дек. 1941 г. в Почаевской лавре. Собор провозгласил курс на достижение автокефалии УПЦ каноническим путем, 8 дек. Алексей (Громадский) был возведен в сан митрополита Волынского и Житомирского с присвоением ему титула «экзарх Украины». В тот же день участники Собора предложили служившему в юрисдикции митр. Дионисия (Валединского) Холмско-Подляшскому архиеп. *Илариону (Огиенко)*, к-рый имел высокий авторитет на Украине, титул архиепископа Киевского и Переяславского, управляющего К. е. (речь не шла о назначении его главой Украинской Церкви). Служивший ранее подпольно

в Киеве архим. Леонтий (Филиппович) был хиротонисан 11 дек. 1941 г. в Почаевской лавре во епископа Бердичевского, викария Волынского-Житомирской епархии (т. о. Бердичевский округ был исключен из К. е.). Митр. Алексей не мог находиться в Житомире из-за плохого состояния Преображенского кафедрального собора и архиерейской резиденции, предстоятель УПЦ продолжал жить в *кременецком в честь Богоявления муж. мон-ре*.

22 дек. 1941 г. несогласные с политикой Скрыпника члены «Ровенского украинского церковного совета» во главе с И. Карнауховым провели свой съезд, на к-ром приняли резолюцию в поддержку решения Почаевского Собора о приглашении архиепископа Илариона (Огиенко) на Киевскую кафедру и просили митр. Дионисия благословить отъезд Илариона в Киев. Митр. Дионисий отказался, тем самым отвергнув всякую возможность для компромисса с митр. Алексием (Громадским).

Указом митр. Алексия между 8 и 15 дек. 1941 г. временно управляющим К. е. был назначен Львовский еп. Пантелеимон (Рудык). 18 дек. 1941 г. еп. Пантелеимон, получивший разрешение на проживание в Киеве, прибыл в столицу Украины; 21 дек. его принял председатель Киевской городской управы В. П. Багазий. К февр. 1942 г. еп. Пантелеимон образовал в Киеве при Покровском жен. мон-ре епархиальное управление (консисторию), секретарем к-рой стал прот. Михаил Иваськов, служивший ранее благочинным одного из округов Волынского-Кременецкой епархии. Архиерейские службы еп. Пантелеимон совершал в единственном сохранившемся храме в Златоверхом Михайловском мон-ре.

Архиерей был враждебно встречен автокефалистами. В дек. 1941 г. Волынская церковная рада направила письмо Киевской церковной раде, в к-ром сообщалось о назначении «Луцкого архиепископа» Поликарпа (Сикорского) «администратором» правосл. Церкви на Украине и содержалось предписание «не принимать епископов — посланцев еп. Алексия, дать им должный отпор и ожидать архиеп. Поликарпа и рукоположенных им епископов» (*Власовский И. Нарис історії Української Православної Церкви. К., 1998*. Т. 3. С. 211). С целью присоединить к ав-

тономной УПЦ автокефалистов, а также чтобы не допустить объединения липковцев с поликарповцами по всей Украине (в Киеве и Киевской обл. такое объединение уже фактически состоялось) еп. Пантелеимон решил провести 29 (по др. данным, 20) дек. 1941 г. совещание с Киевской церковной радой, в к-рой к тому времени возобладало умеренное течение. Еп. Пантелеимон совершил хиротонии в священный сан неск. священнослужителей — бывш. автокефалистов и обновленцев, присоединившихся к канонической Церкви.

Кроме еп. Пантелеимона в Киеве в этот период жил на покое схиархиеп. Антоний (Абашидзе). После открытия для богослужений Ближних пещер Киево-Печерской лавры в нояб. 1941 г. схиархиеп. Антоний переехал в лавру, там скончался 1 нояб. 1942 г. Открытие пещер состоялось после того, как 3 нояб. 1941 г. взрыв уничтожил лаврский Успенский собор. 28 февр. 1942 г. еп. Пантелеимон дал благословение наместнику лавры архим. Валерию (Устименко) на перенесение мощей вмц. *Варвары* в Златоверхий Михайловский муж. мон-рь.

Помимо Киево-Печерской лавры, насчитывавшей в кон. 1943 г. 37 насельников, в 1941–1942 гг. в Киеве было возрождено 9 мон-рей: мужские — Златоверхий во имя арх. Михаила (наместник — архим. Еразм (Довбенко), 18 насельников), Ионинский Троицкий (настоятель — архим. Иадор (Лось), 31 насельник), Выдубицкий Михайловский (настоятель — архим. Варлаам (Цивенко), 3 насельника), Церковщинский Рождество-Богородичный (настоятель — архим. Иона (Рябокоть), 8 насельников), Киево-Никольский Слупский (настоятель — архим. Евстафий (Кисель), 3 насельника); женские — Покровский (игум. Археля (Савельева), 245 сестер), Введенский (игум. Елевферия (Прудько), 103 сестры), Вознесенский Флоровский (игум. Флавия (Тищенко), 239 сестер), Знаменский скит Ионинского мон-ря (под рук. мон. Манефы (Енакоевой), 39 сестер). В К. е. были возрождены женские мон-ри — богуславский Николаевский (игум. Евфалия (Пряничникова), 22 сестры), чигиринский Троицкий (игум. Елеазара (Белоусова), 59 сестер), Лебедзинский Николаевский (игум. Валентина (Резниченко), 83 сестры), Красно-

горский Покровский (игум. Анатолия (Водопицына), 33 сестры). Предпринимались попытки возродить монашескую жизнь при храмах, бывших ранее монастырскими: при Вознесенском в киевском предместье Китаево (настоятель — иером. Варнава (Череп), из братии Киево-Печерской лавры), при храме иконы Божией Матери «Нечаянная Радость» в киевском предместье Сталинка (ныне Демиевка; настоятель — иером. Тихон (Яценко), из братии Церковщинского Рождество-Богородичного мон-ря), при Покровском храме в киевском предместье Феофания (настоятель — свящ. Афанасий Слободянский), при храме в честь иконы Божией Матери «Нечаянная Радость» в Киеве (настоятель — игум. Маврикий (Бойко), из братии Церковщинского мон-ря, он же в 1942–1943 гг. пытался возродить подворье Церковщинского мон-ря в Умани), при Онуфриевском храме в с. Гарбузин Корсунь-Шевченковского р-на (настоятель — прот. Николай Кукулевский). Монахи Киево-Никольского мон-ря добивались у властей возвращения зданий обители — трапезной и Никольского храма на Аскольдовой могиле, но получили отказ и разместились в 2-этажном флигеле, где до 1928 г. жил викарий К. е. К кон. 1943 г. в Киеве с пригородами действовало 10 мон-рей и 26 приходских храмов автономной УПЦ, 6 приходских храмов УАПЦ и легализованный при немцах ставропигиальный мужской мон-рь *истинно православных христиан*. Территория К. е. совпадала с территорией Киевского генерального округа, в т. ч. включавшего Полтавщину.

В нач. 1942 г. УАПЦ сделала попытку захватить управление К. е. 13 марта 1942 г. в Киев прибыли автокефалистские викарии К. е., «хиротонисанные» в Пинске в нач. февр. 1942 г. («хиротонии» возглавил Поликарп (Сикорский)): «Чигиринский епископ» Никанор Абрамович, 16 марта назначенный управляющим К. е. УАПЦ, и «Уманский епископ» Игорь Губа. Они провели переговоры с киевской группой липковцев, после чего 19 марта 1942 г. «Представительство УАПЦ (Василия Липкивского) в Киеве» объявило о вхождении в юрисдикцию Поликарпа (Сикорского), признав Никанора Абрамовича своим архиереем. Вместе с липковцами-са-

мосвятами Никанор Абрамович и Игорь Губа 21 марта 1942 г. совершили в Андреевской ц. литургию, Андреевский собор был полностью передан автокефалистам. В кон. 1942 г. Никанор Абрамович упразднил Киевскую церковную раду УАПЦ, не желая мириться с конкурирующим органом управления (позднее Абрамович писал о том, что Киевская церковная рада якобы была разогнана немцами в февр. 1942 по требованию еп. Пантелеимона (Рудыка)).

9 мая 1942 г. в киевской Андреевской ц. открылся «Второй архиерейский собор УАПЦ», проходивший без участия Поликарпа (Сикорского), поручившего председательство на нем Никанору Абрамовичу. Данный собор, очевидно, был создан в ответ на проведенный 30 апр. 1942 г. 3-й Почаевский Собор автономной Церкви, который охарактеризовал УАПЦ как секту, осудил евхаристическое единение ее «епископов» с липковцами. Согласно 1-му решению Киевского собора УАПЦ, в Андреевской ц. 10 мая состоялась «хиротония» архим. Фотия (Тимощука) во епископа Черниговского и Нежинского. 11 мая в Андреевской ц. была совершена «хиротония» архим. Мануила (Тарнавского) во епископа Белоцерковского, викария Киевско-Чигиринской епархии УАПЦ. Эти 2 «хиротонии», а также «Положение о Киевском церковном управлении УАПЦ», предусматривавшее наличие в К. е. УАПЦ 3 викарных епископов, были утверждены главой УАПЦ Поликарпом 29 мая 1942 г. По решению собора УАПЦ С. Скрыпник после принятия монашеского пострига с именем Мстислав был «хиротонисан» 14 мая 1942 г. во епископа Переяславского, викария К. е. На Лубенское вика-ство К. е. 16 мая был поставлен Сильвестр Гаевский с титулом «епископ Лубенский и Миргородский» (Полтава не входила в его епархию, т. к. там большинство храмов подчинялось Феофилу (Булдовскому)). Архим. Владимир (Малец) был «хиротонисан» 23 июня во епископа Черкасского, викария К. е. В Черкасы он не прибыл, служил в качестве епископа Новомиргородского, викария К. е.

Киевский собор епископов УАПЦ своими провокационными и противоречивыми решениями оттолкнул от УАПЦ мн. клириков. Наиболь-

шие споры вызвало постановление собора от 17 мая 1942 г., к-рым Почаевский Собор автономной Церкви 18 авг. 1941 г. объявлялся самостоятельным сборищем, а его постановления не обязательными для исполнения. Этим же решением духовенству УАПЦ предписывалось не иметь молитвенного единения с клириками автономной Церкви «до тех пор, пока те не покаются и не вернуться в юрисдикцию своего канонического митрополита Дионисия (Валединского)». Собор постановил «считать местоблюстителем Киевской митрополии до проведения Всеукраинского поместного собора» митр. Дионисия (со ссылкой на томос К-польского патриарха от 13 нояб. 1924).

В письме от 27 мая 1942 г. митр. Илариону (Огиенко), к-рый негативно оценивал деятельность укр. автокефалистов и критиковал митр. Дионисия за поддержку Поликарпа (Сикорского), митр. Алексей (Громадский) выражал беспокойство по поводу Киевского собора «неолипковцев» (УАПЦ Поликарпа (Сикорского)), отмечая, что собор своими решениями усугубил церковный раскол; писал, что викарий К. е. УАПЦ Игорь Губа был лишен иерейского сана, когда являлся клириком Волынской епархии. В том же письме митр. Алексей сообщил, что он планирует реорганизовать управление К. е. и назначить Пантелеимона епископом Вышгородским, викарием К. е., исключив из его власти Киев, к-рый должен находиться под непосредственным руководством Собора епископов и митр. Алексея как предстоятеля автономной УПЦ и экзарха Украины (Листи громадських діячів, представників української науки, культури і Церкви до Івана Огієнка (митр. Іларіона), 1910–1969. К., 2011. С. 279).

12 июня 1942 г. на 4-м Почаевском Соборе епископов автономной УПЦ для управления Церковью в случае чрезвычайных обстоятельств был избран Свящ. Синод, в к-рый вошли митр. Алексей, архиепископы Симон (Ивановский) и Вениамин (Новицкий) и еп. Пантелеимон (Рудык). «Противоавтокефальным миссионером» при Свящ. Синоде был назначен секретарь еп. Пантелеимона прот. Михаил Ивасков, до 1939 г. являвшийся председателем Волынского епархиального миссионерско-законоучительного комитета

и имевший богатый опыт миссионерской деятельности. Синод просуществовал до окт. 1942 г., когда по указанию нем. властей был распущен. 4 авг. 1942 г. 5-й Почаевский Собор автономной УПЦ принял из раскола бывш. автокефалистского Владимирско-Волынского и Ковельского еп. Мануила (Тарнавского), он был хиротонисан по «упрошенному чину» во епископа Белоцерковского, викария К. е. На епископские кафедры Киевщины планировалось хиротонисать канонических архиереев в противовес уже поставленным автокефалистским «епископам». 12 авг. 1942 г. митр. Алексей писал Илариону (Огиенко), что Собор епископов УПЦ планирует назначить на викарные кафедры К. е. следующих утвержденных им кандидатов: на Каневское вик-ство — свящ. Михаила Оксюка (см. *Макарий (Оксюк)*), на Черкасское вик-ство — прот. Андрея Славинского, на Кременчугское вик-ство — архим. Мефодия (Сибиковского), на Елисаветградское вик-ство (планировалось в составе К. е.) — прот. Георгия Боришкевича (Там же. С. 282–283). Власти не разрешили проведение нового архиерейского Собора и хиротонии епископов автономной УПЦ, в то время как на хиротонии автокефалистских «архиереев» разрешения давались до окт. 1943 г., когда был хиротонисан последний за время оккупации «епископ» УАПЦ.

В окт. 1942 г. автокефалисты попытались склонить митр. Алексея к объединению. 8 окт. «архиепископы» Никанор Абрамович и Мстислав Скрыпник прибыли в Почаевскую лавру и убедили митр. Алексея подписать соглашение, признавшее существование «Украинской автокефальной православной Церкви» в юрисдикции Варшавского митр. Дионисия. Этот акт вызвал протест среди архиереев и видных деятелей автономной УПЦ. В нояб. 1942 г. был издан меморандум против объединения УАПЦ и автономной УПЦ за подписями еп. Пантелеимона (Рудыка), архиепископов Симона (Ивановского) и Вениамина (Новицкого). Архиереи заявили, что в случае объединения они не войдут в новую структуру и создадут новую юрисдикцию. Категорическое несогласие с актом выразил схиархиеп. Антоний (Абашидзе). Все это заставило митр. Алексея пересмотреть свою позицию. Кроме того, нем. власть

была резко против приведения акта в жизнь. Объединения не произошло, единство канонической Церкви было сохранено. В нач. 1943 г. митр. Алексей признал подписание акта с автокефалистами ошибкой.

Накануне Пасхи 1943 г. немецкие власти по просьбе еп. Пантелеимона (Рудыка) передали в ведение автономной УПЦ Владимирский кафедральный собор. По свидетельству в 1967 г. еп. Пантелеимона, к кон. 1943 г. в городе было 36 действующих храмов и 9 мон-рей (ЦДАВО. Ф. 4648. Оп. 5. Д. 54. Л. 37). Очевидно, владыка имел в виду все храмы Киева, как автономной УПЦ, так и УАПЦ, поскольку, по др. данным, автономистам в Киеве принадлежало 28 храмов, часть церквей находилась в совместном пользовании автономистов и автокефалистов (напр., Демиевская Вознесенская ц.).

Гибель митр. Алексея от рук укр. националистов 7 мая 1943 г. внесла коррективы в деятельность автономной УПЦ. 9 мая 1943 г. в Киеве образовался Временный синод для управления правосл. епархиями Киевско-Полтавского генерального комиссариата в составе Пантелеимона (Рудыка), Симона (Ивановского) и Вениамина (Новицкого) (Церковная жизнь. Ладомирова, 1943. № 9. С. 35). Этот орган стал управлять епархиями УПЦ в центральной и вост. областях Украины в условиях, когда кафедра председателя автономной УПЦ была вакантной. Фактически в неск. нем. генеральных округах (генерал-комиссариатах) образовались автономные церковные структуры, основанием для чего был циркуляр рейхскомиссара Украины Э. Коха от 1 окт. 1942 г. (документ трактовался по-разному, поначалу он не был реализован, но под давлением нем. властей иерархи автономной УПЦ и УАПЦ постепенно стали выполнять основные его положения). Архиеп. Дамаскин (Малюта), избранный новым первоиерархом автономной УПЦ по решению Ковельского Собора от 6 июня 1943 г. с титулом «Подольский и Волынский», уже не был полноправным главой автономной УПЦ, но «старшим епископом», его власть являлась номинальной. В пределах Киевского генерального округа, или генерал-комиссариата, фактически существовала самостоятельная церковная структура, к-рой руководил епископ, управлявший К. е.

25 сент. 1943 г. (по др. данным, в окт. 1943) архиеп. Пантелеимон вместе со своим келейником мон. Димитрием (Щуром) по распоряжению нем. власти об эвакуации гражданского населения покинул Киев, нек-рое время находился на территории К. е. и продолжал управлять епархией. На момент отъезда из Киева владыка Пантелеимон имел титул «архиепископ Киевский и Галицкий», когда и кем он был возведен в сан архиепископа, данных нет, но несомненно, что это произошло между маем и сент. 1943 г., после гибели митр. Алексея (Громадского). Вероятно, назначение его правящим архиереем инициировал Временный синод. По всей видимости, архиеп. Пантелеимон играл важную роль в общецерковной жизни на оккупированных укр. землях; известно, что глава автономной УПЦ архиеп. Дамаскин (Малюта) из-за активных контактов с УАПЦ не пользовался доверием укр. архиереев. Вскоре после отъезда архиеп. Пантелеимона в Киев прибыл архиеп. Дамаскин, ожидая признания своего звания экзарха и первоиерарха автономной УПЦ от Московской Патриархии и от советских властей; вероятно, он претендовал и на управление К. е. Однако 15 мая 1944 г. владыка Дамаскин был арестован в Киеве, трибунал войск НКВД Киевской обл. приговорил его к 15 годам заключения.

Следом за архиеп. Пантелеимоном родную землю покинули Бердичевский еп. Леонтий (Филиппович), духовник киевского Покровского жен. мон-ря прот. Адриан Рымаренко, благочинный Печерского р-на Киева прот. Антоний Юнак, клирик Владимирского собора свящ. Стефан Ляшевский, свящ. Владимир Чекановский и др. священнослужители К. е. Бывш. секретарь К. е. прот. Михаил Иваськов также уехал из Киева вместе с отступавшими нем. войсками, но остался на территории Волынского-Ровенской епархии, где в 1944 г. он был арестован и осужден на 10 лет лагерей.

При отступлении из Киева оккупанты прибегли к новым репрессиям. 26 окт. 1943 г. немцы убили почитавшуюся как блаженная схим. Серафиму (Фёдорову) и послушницу Александру. Перед смертью подвижниц жестоко пытали; возможно, немцы посчитали их советскими агентами (были сведения, что они прятали у себя бежавших из плена красноармейцев) (*Аганит (Юрков)*, *игум.*

Древо плодovitое и благосеннолист-
венное. К., 2007. С. 34–35).

В нач. окт. 1943 г. в Умани, на тер-
ритории К. е., стал служить бывш.
Таганрогский еп. автономной УПЦ
Иосиф (Чернов), к-рого, согласно его
свидетельству, архиеп. Пантелеимон
назначил епископом Уманским, ви-
карием К. е. (документами это сви-
детельство не подтверждается). В то
время в Умани действовало 7 хра-
мов. Еп. Иосиф служил не в соборе,
к-рый был закреплен за благочин-
ным Уманского округа прот. Кон-
стантином Буйникло, а в храме на
Мещанском кладбище. По доносу
жившего в Умани «епископа» УАПЦ
Игоря Губы 5 нояб. 1943 г. еп. Иосиф
был арестован как «советский агент»,
до 11 янв. 1944 г. находился в Вин-
ницкой тюрьме СД. 15 янв. 1944 г.,
после 2-й оккупации Умани немца-
ми во время контрнаступления, еп.
Иосиф вернулся на Уманскую ка-
федру и пробыл в Умани до прихода
советских войск. После освобожде-
ния Киевщины от немецко-фашист-
ских захватчиков он был утверж-
ден патриархом Сергием как епи-
скоп Уманский, викарий К. е., но уже
4 июня 1944 г. был арестован в Кие-
ве органами НКВД и осужден по об-
винению в коллаборационизме.

В апр. 1944 г. в связи с отсутстви-
ем данных о судьбе первоиерарха
автономной УПЦ архиеп. Дамас-
кина архиерейский Собор автоном-
ной УПЦ в Варшаве назначил глав-
вой Церкви архиеп. Пантелеимона
с сохранением за ним титула «Ки-
евский и Галицкий». Одновремен-
но укр. епископы вели переговоры
по вопросу объединения с *Русской
Православной Церковью за границей*.
В марте 1946 г. в Мюнхене состоял-
ся последний архиерейский Собор
автономной УПЦ, который принял
решение о присоединении к РПЦЗ.
5 апр. 1946 г. на Архиерейском Со-
боре РПЦЗ в Мюнхене под предсе-
дательством Анастасия (Грибанов-
ского) архиеп. Пантелеимон в чис-
ле 12 архиереев бывш. автономных
Украинской и Белорусской Церквей
был принят в Зарубежную Церковь
в сущем сане, в 1959 г. он перешел
в юрисдикцию Московского Патри-
архата и был назначен архиеписко-
пом Эдмонтонским и Канадским.

В. Г. Лидгайко

1943–1945 гг. 6 нояб. 1943 г. Киев
был освобожден советскими войска-
ми. 7 нояб. митр. Киевский и Галиц-
кий Николай (Ярушевич) издал об-

*Митр. Иоанн (Соколов).
Фотография. 50-е гг. XX в.*

ращение к духовенству и верующим
Украины. Митрополит поздравил
украинцев с освобождением Киева и
приближением окончательного ос-
вобождения Украины от оккупантов
и предостерег духовенство от уча-
стия в церковных нестроениях и пере-
хода на сторону оккупантов (ЖМП.
1943. № 3. С. 5–6). 15 окт. 1944 г. во
Владимирском соборе прошло тор-
жественное богослужение с благо-
дарственным молебном по поводу
окончательного освобождения тер-
ритории Украины от немецко-фа-
шистских оккупантов.

В нояб. 1943 г. митр. Николай вер-
нулся в Киев, однако многочислен-
ные обязанности, связанные с Мос-
ковской Патриархией и Синодом, не
позволяли ему регулярно бывать на
своей кафедре, и уже с дек. 1943 г.
обсуждался вопрос о назначении
экзархом Украины и управляющим
К. е. нового архиерея, который мог
бы постоянно находиться в епархии.
В кон. янв. 1944 г. митр. Николай
(Ярушевич) решением Свящ. Си-
нода был перемещен на Крутицкую
кафедру, а митрополитом Киевским
и Галицким, патриаршим экзархом
всех Украины, постоянным членом
Свящ. Синода Московского Пат-
риархата, священноархимандритом
Киево-Печерской лавры был назна-
чен архиеп. Ярославский и Ростов-
ский *Иоанн (Соколов)*. На правах эк-
зарха митр. Иоанн возглавлял хиро-
тонии архиереев для укр. епархий,
к-рые совершались, как правило, во
Владимирском кафедральном собо-
ре в Киеве. В сер. мая (не позднее
18 мая) 1945 г. Киев посетил Патри-
арх Московский и всея Руси Алек-
сий I (Симанский). Официальной

информации об этой поездке нет,
единственным свидетельством визи-
та является письмо патриарха Алек-
сия Г. Г. *Карпову*, в котором он бла-
годарит председателя Совета по де-
лам РПЦ за организацию поездки
в Киев. Цель и точное время поезд-
ки из письма не ясны (Письма *Пат-
риарха Алексия I* в Совет по делам
РПЦ, М., 2009. Т. 1. С. 55).

Из-за участия в работе Синода
митр. Иоанн часто отсутствовал в
епархии, его функции по управле-
нию К. е. в это время выполнял уп-
равляющий делами Украинского Эк-
зархата прот. Димитрий Введенский,
приехавший с ним из Ярославля.
12 окт. 1945 г. в Москве была со-
вершена хиротония архим. Нестора
(Сидорука), настоятеля полтавского
кафедрального собора, во епископа
Уманского, викария К. е. Ему так-
же было предоставлено управление
Мукачевско-Пряшевской епархией.
24 окт. 1945 г. еп. Нестор возглавил
Мукачевскую кафедру как правя-
щий архиерей с соответствующим
титулом, и в связи с этим через год
на Уманское викариатство был назначен
еп. Нифонт (Сапожков).

В день освобождения Киева по
благословию настоятельницы По-
кровского жен. мон-ря игум. Архе-
лаи (Савельевой) в обители был от-
крыт госпиталь на 100 мест. Немно-
го позднее на территории мон-ря
разместились военный эвакогоспи-
таль и Центральная железнодорож-
ная больница, весь младший и об-
служивающий персонал этих ме-
дицинских учреждений состоял ис-
ключительно из инокинь. В главном
корпусе эвакогоспиталя был открыт
больничный храм во имя прп. Агапи-
та Печерского. Монахини Флоров-
ского мон-ря во главе с игум. Фла-
вией (Тищенко) установили шеф-
ство над 3 военными госпиталями.
В одном из киевских эвакогоспита-
лей самоотверженно трудились под
началом игум. Елевферии (Прудь-
ко) сестры Введенского монастыря
(ЦДАВО. Ф. 4648. Оп. 1. Д. 1. Л. 204–
205). Несмотря на настороженное
отношение советского руководства
к попыткам со стороны верующих
входить в непосредственные отно-
шения с командованием госпиталей
и ранеными, служение монахинь в
госпиталях продолжалось (РГАСПИ.
Ф. 17. Оп. 125. Д. 188. Л. 13).

Помощь фронту оказывали и муж.
монастыри Киева. Они посылали
на фронт денежные пожертвования,

медикаменты, продукты питания. Так, братия Киево-Печерской лавры во главе с наместником архим. Валерием (Устименко) в 1944 г. внесла в Фонд обороны 70 тыс. р., несмотря на то что большая часть монастырских доходов уходила на уплату гос. налогов (ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 2. Д. 18. Л. 50–58). Из протокола заседания Духовного собора лавры от 14 июля 1944 г. видно, что на оборону страны была выделена «часть дохода лавры, равная 3-месячному содержанию братии». Сбор средств в пользу раненых бойцов Красной Армии проводила также братия Златоверхого Михайловского монастыря (ЦДАВО. Ф. 4648. Оп. 1. Д. 1. Л. 205). Духовенство и прихожане киевских храмов в февр. 1944 г. одновременно передали в Фонд обороны собранные ими 150 тыс. р. (ЦДАГОУ. Ф. 1. Оп. 23. Д. 1030. Л. 1). После освобождения Украины правосл. Церковь увеличила свою помощь армии. Так, на изготовление самолетов и танков было выделено 1 135 661 р., в фонд Красного Креста — 185 163 р., на помощь детям фронтовиков — 553 381 р. Духовенством и верующими одного лишь Шполянского благочиния К. е. с 1 сент. 1944 по 15 марта 1945 г. на оборону страны было собрано 325 тыс. р. В 1944 г. К. е. перечислила на нужды фронта 3 365 861 р. Многие клирики, монашествующие и миряне помогли деньгами и продуктами раненым в госпиталях. 24 янв. 1945 г. митр. Киевский и Галицкий Иоанн издал указ о сборе пожертвований на подарки бойцам Красной Армии к празднику 23 февр. (ЦДАВО. Ф. 4648. Оп. 3. Д. 11. Л. 119). Отмечалось увеличение количества крещений и венчаний, активное участие в церковной жизни молодежи. В День Победы 9 мая 1945 г. во мн. укр. городах и селах священнослужители от имени верующих выступали на торжественных митингах, после к-рых служили благодарственные молебны. В окт. 1947 г. 11 клириков К. е. во главе с митр. Иоанном (Соколовым) были представлены к гос. наградам за участие в Великой Отечественной войне (митр. Иоанн был удостоен медали «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.»).

В 1944–1945 гг. значительно возросла посещаемость храмов, особенно в Киеве; увеличилось количество совершенных треб (ГА Киевской

обл. Ф. 4828. Оп. 3. Д. 5. Л. 9). Нередко таинство Крещения принимали взрослые люди, иногда это были молодые члены коммунистической партии, достаточно частым явлением было крещение комсомольцев (Там же. Д. 7. Л. 36). Широкое распространение на Киевщине получили крестные ходы в день вмч. Георгия Победоносца с освящением воды у колодцев и полей, особенно массовыми они были в Иванковском и Ржищевском районах (Там же. Оп. 2. Д. 2. Л. 1).

1 мая 1944 г. была учреждена должность уполномоченного Всесоюзного Совета по делам РПЦ при правительстве Украинской ССР, первым уполномоченным стал писатель П. С. Ходченко, в прошлом известный атеистический агитатор. Он продолжал использовать антирелиг. методы 30-х гг. XX в., допускал «перегибы» и «администрирование». Начиная с 1945 г. председатель Совета по делам РПЦ Карпов безуспешно добивался увольнения Ходченко, указывая на «совершенно недопустимые» способы его работы. Позиция Карпова поддержки в Киеве не встретила, Ходченко был уволен лишь в 1950 г.

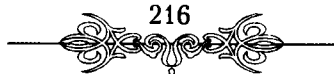
Открытые во время оккупации на укр. землях храмы и мон-ри сначала не закрывались. К 1 июня 1944 г. в Киевской обл. (без 12 районов, сведения по к-рым на тот момент отсутствовали) было зарегистрировано 348 правосл. общин; не все они принадлежали РПЦ: 18 общин были обновленческими, 31 храм занят УАПЦ (ГА Киевской обл. Ф. 4828. Оп. 3. Д. 1. Л. 2). Однако еще до окончания войны власти начали принимать меры по «возвращению» помещений, ранее находившихся в «общественном и государственном пользовании». Поскольку в довоенный период почти все закрытые храмы Киевщины были переданы «под социально-культурные нужды» (магазины, склады, зернохранилища и т. д.), данное обоснование стало удобным предлогом для закрытия большинства сельских храмов — в отдаленных селах храмы начали закрывать уже в 1944 г. (за 10 месяцев 1944 в Киевской обл. у правосл. общин было отнято 77 помещений). Отмечались случаи самоуправства со стороны сельских руководителей: взлом замков на церковных зданиях, изъятие утвари. Все это вызывало возмущение верующих, о чем свиде-

тельствуют отчеты уполномоченного Совета по делам правосл. Церкви по Киеву и Киевской обл. (эту должность с 1944 занимал П. В. Федотов, кадровый работник НКВД). В отдельных случаях уполномоченному удавалось найти мирное решение конфликтов. В этот период религ. общины К. е. не снимались с учета в адм. порядке в связи с отсутствием у них помещений, им давали право искать себе новые молитвенные здания (Там же. Л. 5, 7–8). После Поместного Собора РПЦ, проходившего в Москве с 31 янв. по 4 февр. 1945 г., увеличилось количество просьб верующих об открытии храмов, в большинстве случаев эти прошения не удовлетворялись. В нек-рых районах Киевской обл. (Бориспольский, Бородянский) правосл. общины строили храмы, не дожидаясь офиц. разрешения властей.

В окт. 1944 г. был закрыт Вознесенский храм, открытый в бывш. Китаевой пуст. в 1942 г. иером. Варнавой (Черепом). В кон. 1944 г. определен к закрытию киевский Никольский муж. мон-рь на Печерске, окончательно упраздненный в нач. 1945 г., его помещения были переданы заводу «Арсенал», 3 насельника переведены на приходское служение (ЦДАВО. Ф. 4648. Оп. 1. Д. 1. Л. 5). В данном случае уполномоченный сразу снял общину с регистрации, отказав ей в новом помещении. В том же году были закрыты Выдубицкий Михайловский муж. мон-рь, Ионинский Троицкий муж. мон-рь, Знаменский жен. скит при Ботаническом саду. В 1945 г. закрылись Пантелеимоновский храм в Феофании, где в последний год оккупации создавалась жен. монашеская община под рук. местного настоятеля свящ. Афанасия Слободянского, и бывш. церковь Онуфриевского муж. мон-ря в с. Гарбузин Корсунь-Шевченковского р-на, при к-рой ее настоятель прот. Николай Кукулевский пытался возродить муж. обитель.

Часть клириков и мирян К. е. автономной УПЦ с кон. 1943 г. подверглась репрессиям по обвинению в антисоветской деятельности и коллаборационизме. В 1944 г. среди небольшого количества удовлетворенных просьб верующих была и просьба об освобождении из заключения одного священнослужителя.

В июне 1945 г. в К. е. насчитывалось 569 священнослужителей (562 священника и 7 диаконов), из них

10 чел. были рукоположены в 1945 г., 361 чел. получил сан в 1941–1944 гг. К нач. 1945 г. в Киевской обл. самоликвидировалась последняя обновленческая община. Ускорился процесс перехода в РПЦ клириков и мирян из УАПЦ (были перерукоположены 123 священника-автокефалиста). Число автокефалистов, отказывавшихся присоединяться к РПЦ, было незначительным. Они быстро теряли поддержку верующих, о чем свидетельствуют данные о посещаемости автокефалистских храмов; напр., Андреевская ц., где служба совершалась на укр. языке, даже в праздники была заполнена лишь наполовину (ГА Киевской обл. Ф. 4828. Оп. 3. Д. 7. Л. 36). Большинство священников К. е. не имели духовного образования (только 80 чел. окончили семинарию, еще 7 — ДА), 264 чел. имели лишь начальное школьное образование (Там же. Л. 27). В 1945 г. Совет министров СССР дал согласие на открытие в Киеве пастырско-богословских курсов, разместившихся в единственном неразрушенном здании Златоверхого Михайловского муж. мон-ря.

*Еп. Климент (Вечера),
еп. Филарет (Гаврин)*

1946–1964 гг. В первые послевоенные годы Киевский митр. Иоанн (Сokolov) отказывался создавать епархиальное управление в К. е. «за надобностью». Функции секретаря епархиального управления выполняли управляющие делами канцелярии Киевской митрополии и Украинского Экзархата (в 1944–1946 прот. Димитрий Введенский, в 1946–1949 прот. Константин Ружицкий, в 1949–1950 прот. Михаил Вертоградский, настоятель Рождество-Богородичной ц. в Киеве). Благочинным Киева в 1948 г. был назначен прот. Николай Скоропостижный, с 1950 г. он также занимал должность управляющего делами Киевской митрополии и Украинского Экзархата. При нем система епархиального управления в К. е. стабилизировалась. В 1947 г. митр. Иоанн получил от властей здание в центре Киева, в котором разместилась митрополичья резиденция и канцелярия Украинского Экзархата. В нояб. 1948 г. Уманский еп. Нифонт (Сапожников) был переведен на Уфимскую кафедру. По указу Святейшего патриарха и Свящ. Синода от 21 окт. 1949 г. епископом Уманским, викарием К. е., стал преподаватель Киев-

ской ДС иером. Иларион (Кочергин), епископская хиротония к-рого была совершена в Киеве 13 нояб. 1949 г. Уже 17 марта 1950 г. он был переведен на Мукачевскую и Ужгородскую кафедру, и К. е. до кон. 1953 г. не имела викарного архиерея.

В нач. 1946 г. в Киеве и Киевской обл. насчитывалось 604 общины, служили ок. 600 священников, в нач. 1947 г.— 606 приходских церквей и 6 мон-рей, было 563 зарегистрированных священника. Впосл. число приходов с каждым годом уменьшалось из-за закрытия храмов и снятия общин с регистрации. Так, в нач. 1948 г. было 605 общин, служили 519 священников, в нач. 1949 г. имелось 565 общин, в т. ч. мужской (Киево-Печерская лавра) и 4 жен. монастыря (киевские Флоровский, Покровский и Введенский, а также Лебединский Вознесенский) (Там же. Д. 13. Л. 1), служили 494 священника, 23 диакона, 83 псаломщика. В 1949 г. во всех 53 районах Киевской обл. имелись действующие храмы (Там же. Л. 10), большинство храмов и молитвенных домов располагались в сельской местности, лишь 69 из 560 церквей находились в городах и поселках городского типа (Там же. Д. 15. Л. 3). В мон-рях в кон. 1949 г. жили 99 чел. (из них 15 послушников) в Киево-Печерской лавре и 818 (из них 275 послушниц) в жен. обителях. Большинство монашествующих были старше 55 лет. В указанном году в лавру на послушание пришло 24 чел., в жен. монастыри — 63 послушницы (ЦДАГОУ. Ф. 1. Оп. 23. Д. 1638. Л. 6). Для поступающих в мон-ри был установлен 35-летний возрастной ценз.

Число заявлений о регистрации новых общин с каждым годом уменьшалось. Если в 1948 г. верующие в К. е. подали 40 заявлений об открытии новых храмов, то в 1949 г. такие заявления не зафиксированы, но было много просьб о возвращении общинам молитвенных помещений, изъятых в 1944–1948 гг.; в ряде случаев общины предлагали выкупить у гос-ва такие помещения, пустующие и «неосвоенные». Только в кон. 1949 г. в Киеве и Киевской обл. было подано 30 таких заявлений (Там же. Л. 97–104). Все они остались без удовлетворения. Более того, участились случаи закрытия храмов: в 1949 г. у религ. общин было изъято 7 зданий, 45 общин было снято с регистрации по причине того, что в их

храмах более года не совершалось церковных служб (Там же. Л. 30). Многие из храмов, значившихся как действующие, не имели штатного священника, что служило поводом к их снятию с регистрации. С этими обстоятельствами связана новая черта в религ. жизни республики, на к-рую обратил внимание уполномоченный по делам РПЦ Ходченко: верующие обращались с многочисленными просьбами об открытии церквей в индивидуальных жилых домах, настойчиво доказывая «пригодность таких домов для осуществления в них религиозных обрядов». Не получая разрешения на строительство храмов, верующие готовы были отдать под храмы свои дома. В 1948–1953 гг. в Киеве и Киевской обл. было закрыто 122 храма (121 приходский и 1 монастырский), из них в 1948 г.— 2, в 1949 г.— 47, в 1950 г.— 58, в 1951 г.— 5, в 1952 г.— 4, в 1953 г.— 6 церквей (ГА Киевской обл. Ф. 4828. Оп. 1. Д. 5. Л. 1–9).

Центром епархиальной жизни был кафедральный Владимирский собор. Всенощное бдение под престольный праздник в соборе традиционно оканчивалось не раньше полуночи (На киевских церковных торжествах // ЖМП. 1953. № 10. С. 9–11), в соборе священники проводили занятия по Закону Божию (ГА Киевской обл. Ф. 4828. Оп. 3. Д. 3. Л. 54). 20 мая 1948 г. в соборе служил патриарх Алексей I. Вторым кафедральным собором Киева с дек. 1949 г. была Андреевская ц. Митр. Иоанн намеренно присвоил ей статус 2-го кафедрального храма в условиях, когда местные власти собирались закрыть церковь под предлогом ее особого историко-культурного значения. Почетным настоятелем храма стал еп. Иларион (Кочергин). До 5 тыс. чел. собиралось в праздничные дни в киевском Покровском жен. мон-ре, на великопостных литургиях бывало до 3 тыс. причастников (Там же. Оп. 2. Д. 3. Л. 15). Городское духовенство заботилось о привлечении в церковные хоры талантливых певцов, владеющих традициями пения киевским распевом, таинство Елеосвящения совершалось круглый год, а не только в период Великого поста. Уделялось внимание работе с молодежью. Значительный приток молящихся в храмах наблюдался после введения в богослужение чина пассива (Там же. Оп. 3. Д. 1. Л. 13). Прихожанами

киевских храмов были преимущественно женщины, в нач. 50-х гг. мужчины составляли 10–20% членов приходского актива (ГА Киевской обл. Ф. 4828. Оп. 1. Д. 4. Л. 1).

Большая часть духовенства К. е. была старше 55 лет (303 чел.), только 17 священнослужителей были в возрасте до 40 лет (Там же. Л. 9). Значительная часть клириков (162 чел.) успела получить среднее духовное образование, 14 священников имели высшее духовное и еще 23 — высшее светское образование (Там же. Л. 35). К 1951 г. количество священников уменьшилось до 472 (Там же. Оп. 2. Д. 2. Л. 57), в нач. 1952 г. в Киеве и Киевской обл. насчитывалось 503 общины, служили 469 священников.

18 февр. 1947 г. состоялось торжественное открытие Киевской ДС, возрожденной на базе пастырско-богословских курсов в Златоверхом Михайловском мужском монастыре. Праздничное богослужение и молебен перед началом учебных занятий совершил митр. Иоанн (Соколов) в сослужении 14 священников. Ректором семинарии был назначен свящ. Сергей Афонский. В 1-й класс семинарии по итогам экзаменов было зачислено 11 чел. Классы и интернат были размещены в центре Киева. В 1949 г. Михайловский Златоверхий монастырь был вновь упразднен (келейный корпус передали орг-ции «Заготзерно», в Иоанно-Богословской ц. разместился спортзал), семинарию перевели в помещения в стилобатной части Андреевской ц. 12 авг. 1947 г. по благословению Киевского митр. Иоанна при КДС были открыты месячные пастырские курсы для сельского духовенства К. е., не имеющего духовного образования. Курсы были организованы также в 1949, 1951 гг. и в последующие годы. На курсах ежегодно обучалось не менее 30 священников (Там же. Оп. 3. Д. 1. Л. 27).

В февр. 1946 г. в Киеве прошли мероприятия, связанные с воссоединением западноукр. униатов с правосл. Церковью. 20 февр. в Киев из Львова прибыла делегация инициативной группы по воссоединению греко-католиков с РПЦ. В состав делегации входили глава инициативной группы прот. Гавриил Костельник, предназначенные к епископской хиротонии на Станиславско-Коломыйскую и Дрогобычско-Самборскую кафедры священники Антоний Пельвецкий и Михаил Мельник, а также

священники Тимофей Марко, Иоанн Крук, Василий Дрели, Мирон Крутяк, Константин Добрянский, Роман Дорик, Юрий Ванчицкий, Евгений Юрик (буд. митр. Львовский и Тернопольский *Николай*), Иосиф Маринович и др. 23 февр. в Воздвиженской ц. Киево-Печерской лавры во время литургии, которую возглавил митр. Иоанн, был совершен чин воссоединения делегатов греко-католич. инициативной группы с православной Церковью. 24 февр. во Владимирском соборе состоялась хиротония иером. Антония (Пельвецкого) во епископа Станиславского и Коломыйского, 25 февр. там же состоялась хиротония во епископа Дрогобычского и Самборского иером. Михаила (Мельника). Обе хиротонии совершили епископы Украинского экзархата во главе с митр. Киевским и Галицким Иоанном.

В 50-х гг. XX в. Киев и К. е. неоднократно посещали делегации Поместных Правосл. Церквей, приезжавшие в СССР. 16 июля — 4 авг. 1954 г. здесь побывали представители Болгарской Церкви во главе с ее предстоятелем патриархом *Кириллом*. 17 авг. — 12 сент. 1954 г. в рамках визита, приуроченного к 100-летию учреждения Антиохийского подворья в Москве, Киев и Одессу посетила делегация Антиохийской Церкви во главе с патриархом *Александром III*. 15 июля — 4 авг. 1956 г. Киев и Львов посетил иерарх Антиохийской Церкви митр. Тирский и Сидонский Павел (Кури). 20–27 окт. 1956 г. в Киеве побывала делегация Сербской Церкви во главе с патриархом *Викентием*.

Во 2-й пол. 40-х гг. XX в. продолжались массовые аресты духовенства и представителей церковного актива в связи с усилением борьбы с «украинским буржуазным национализмом» по обвинениям в антисоветской деятельности и коллаборационизме. Усиление антицерковной направленности укр. властей в этот период обусловлено прежде всего позицией укр. партийного руководства во главе с Н. С. *Хрущёвым*, которую активно проводил в жизнь уполномоченный по делам РПЦ в УССР Ходченко. В 1946 г. была предпринята 1-я попытка закрытия Киево-Печерской лавры, власти лишили ее всех земельных угодий. В том же году в Киеве и Киевской обл. были репрессированы 47 правосл. «церковников». Были аресто-

ваны наместник Златоверхого Михайловского мон-ря архим. Еразм (Прокопенко), игум. *Лебединского во имя свт. Николая Чудотворца мон-ря* Валентина (Резниченко), протоиереи Иоанн Пустотин (Байково-кладбищенский приход, Киев) и Иоанн Березовский (настоятель Успенского собора в Переяславе-Хмельницком), священники Савва Коломиец (пос. Святошино, ныне в черте Киева), Иаков Московит (г. Ирпень), Захария Куценко (настоятель Преображенского собора в Белой Церкви), Григорий Витковский (настоятель Мариино-Магдалинской ц. в Заречном предместье в Белой Церкви) и мн. др. священнослужители и представители церковноприходского актива Киевщины (ГА Киевской обл. Ф. 4828. Оп. 1. Д. 18). Нек-рые клирики К. е. УАПЦ с наступлением советских войск в 1943 г. перевелись на приходы Воыни и в 1944 г. перешли в клир РПЦ, но и это не помогло им избежать репрессий. В Воынской обл. в кон. 40-х гг. были репрессированы бывш. клирики К. е. УАПЦ: Иван Брук, Константин Гаврилюк, Самуил Брик-Выстанов, Иван Лихнякевич, Иван Матюха, Евгений Богуславский, а также бывш. секретарь Киевского епархиального управления автономной УПЦ прот. Михаил Иваськов.

Поводом для ареста могло быть принятие сана в период оккупации (таких было большинство среди клириков К. е.), «антисоветское поведение» во время оккупации (напр., по просьбе прихожан священник служил панихиды по жертвам бездной власти), недостаточная с т. зр. советских властей лояльность (напр., клирик не платил взносы в советские фонды, не подписывался на госзаймы), «религиозный фанатизм», критика антирелигиозных действий властей и др. В 1952–1953 гг. в Киевской обл. органы МГБ ликвидировали 6 «антисоветских» церковных орг-ций и групп, в которые входили 86 лиц (представители правосл. духовенства, истинно православные христиане, баптисты). Репрессии и закрытие храмов сопровождались усилением атеистической пропаганды.

После избрания в сент. 1953 г. 1-м секретарем ЦК КПСС Хрущёва (с 1938 1-й секретарь ЦК КП(б) Украины, с 1944 председатель Совета министров УССР, в 1947–1949 вновь 1-й секретарь ЦК КП(б) Украины)

усиление гос. антицерковной политики сразу же стало ощутимым и на Украине. Митр. Иоанн (Соколов) ограничил прием посетителей, не созывал собрания епархиальных благочинных, отказался от др. мер по активизации церковной жизни. Епархиальное управление практически осуществлял управляющий делами Украинского Экзархата прот. Николай Скоропостижный, что вызывало недовольство киевских клириков.

6 дек. 1953 г. во Владимирском соборе совершилась епископская хиротония наместника Киево-Печерской лавры архим. Нестора (Тугая) во епископа Уманского, викария К. е. С 11 нояб. 1954 г. владыка Нестор имел титул епископа Переяслав-Хмельницкого, до закрытия лавры в 1961 г. являлся наместником обители. Киево-Печерская лавра во 2-й пол. 40-х — 50-х гг. XX в. оставалась одним из крупнейших духовных центров на Украине. Помимо еп. Нестора из братии обители в эти годы были поставлены и др. архиереи РПЦ: настоятель лавры в 1926–1931 гг. архим. Ермоген (Голубев) 1 марта 1953 г. был рукоположен во епископа Ташкентского и Среднеазиатского; 28 февр. 1954 г. во епископа Черновицкого и Буковинского был хиротонисан благочинный лавры архим. Евмений (Хорольский); 4 марта 1956 г. во епископа Великолукского и Торопецкого хиротонисан насельник лавры архим. Мстислав (Волонсевич), перешедший в 1953 г. из РПЦЗ в РПЦ.

К 1 янв. 1954 г. в Киеве и Киевской обл. насчитывалось 485 зарегистрированных общин, из них 22 прихода и 4 мон-ря в Киеве; в К. е. служили 2 архиерея, 441 священник и 22 диакона. В 1953–1954 гг. в УССР прошла адм. реформа. 6 янв. 1954 г. из Киевской обл. было отделено 20 районов для образования Черкасской обл. В них числилось 147 храмов и жен. мон-рь (в с. Лебедин Шполянского р-на). Одновременно к Киевской обл. было присоединено 2 района Полтавской обл. — Згуровский и Яготинский с 9 храмами (ГА Киевской обл. Ф. 4828. Оп. 2. Д. 6. Л. 62). Количество приходов в К. е. увеличилось, поскольку Черкасская обл. продолжала входить в ее состав. К нач. 1957 г. в Киеве и Киевской обл. насчитывалось 347 приходских общин, служили 2 архиерея, 302 священника и 18 диаконов, действовали 2 муж. обители — Киево-Печерская лавра (99 насель-

ников) и Введенский мон-рь (143 насельника), 2 жен. мон-ря — Покровский (255 насельниц) и Флоровский (275 насельниц). В Черкасской обл. насчитывалось 236 приходских общин РПЦ, 2 жен. мон-ря — Лебединский и Красногорский, в к-рых жили соответственно 182 и 81 насельница, на территории области служили 182 священника, 5 диаконов (ЦДАВО. Ф. 4648. Оп. 1. Д. 151. Л. 166–170). Сохранялась тенденция к старению епархиального духовенства: из 327 священнослужителей в 1955 г. 254 чел. были старше 55 лет, иерейские хиротонии в Киеве совершались не каждый год (ГА Киевской обл. Ф. 4828. Оп. 2. Д. 9. Л. 6).

Одной из важнейших задач митрополита Киевского и Галицкого оставалась пастырская забота о перешедших в 1946 г. в лоно РПЦ униатах, а также о преодолении последствий возглавляемого еп. Поликарпом (Сикорским) автокефального раскола (Славный юбилей // ЖМП. 1952. № 1. С. 15–18). В 1954–1956 гг. на Киевщину возвращались десятки ранее репрессированных священников, значительную их часть составляли бывш. автокефалисты, ранее судимым клирикам разрешалось селиться не ближе чем в 50 км от Киева. Многих из них митр. Иоанн присоединил к правосл. Церкви и повторно рукоположил. В 1954 г. был повторно рукоположен в сан иерея вернувшийся из заключения один из основателей Липковского раскола, Дмитрий Ходзицкий; он получил назначение на приход в с. Лукьяновка Барышевского р-на. В 1957 г. перерукоположение принял клирик УАПЦ Илья Маняко.

В ходе совещания с уполномоченными Совета в Киеве 15–17 дек. 1953 г., которое проводил зам. председателя Совета по делам РПЦ С. К. Бельшев, чиновникам было поручено усилить наблюдение за деятельностью правосл. мон-рей. В февр. следующего года, после инспекционной поездки зам. председателя инспекторского отдела Совета по делам РПЦ В. С. Спиридонова, в Киеве прошло совещание, на к-ром рекомендовалось изучить вопрос об ограничении использования пещер Киево-Печерской лавры монастырской общиной (ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 1110. Л. 77–78). В сент. 1954 г. в «Литературной газете» прозвучал призыв к закрытию Киево-Печерской лавры. В ЦК КПСС посчитали

эту идею правильной, но преждевременной; тем не менее статья положила начало активной антицерковной кампании в печати. Власти опасались, что активное наступление на Церковь вызовет негативную реакцию в обществе. В дек. 1954 — февр. 1955 г. в Киеве, как и в др. центральных городах СССР (Москва, Ленинград, Минск), Совет по делам РПЦ провел ряд «кустовых» совещаний уполномоченных. На совещаниях обсуждалось постановление ЦК КПСС от 10 нояб. 1954 г. «Об ошибках в проведении научно-атеистической пропаганды среди населения». Отмечалось, что деятельность уполномоченных должна быть направлена на исполнение задачи удержать Церковь на тех лояльных позициях по отношению к гос-ву, на к-рые она встала в годы Великой Отечественной войны, и в то же время сдерживать рост влияния Церкви на советское общество.

Церковь, видя нарастание угрозы для лавры, попыталась закрепить свои права на нее. Совет по делам РПЦ на заседании 27 марта 1956 г., проведенном по итогам встречи председателя Совета министров СССР Н. А. Булганина с патриархом Алексием I, на которой патриарх поднял вопрос о судьбе Киево-Печерской лавры, распорядился войти в контакт с руководящими органами Украинской ССР для выяснения вопроса о целесообразности дальнейшего существования на территории монастыря государственного музея (ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 1329. Л. 24–25). Однако общеукраинские и киевские власти не хотели уступить «церковникам»: в нач. 1957 г. киевский уполномоченный Совета по делам РПЦ Федотов выступил с предложением изъять все мощи Киево-Печерских святых из лавры, ликвидировать источник преподобных Антония и Феодосия, а главный храм лавры превратить в «небольшую приходскую церковь». В 1957 г. этот план показался властям слишком радикальным. Федотов за многочисленными «перегибы» и «администрирование» в том же году был смещен с поста, а на его место назначили М. Ф. Бибика. В 1958 г. были уволены также уполномоченный по делам РПЦ при Совете министров УССР Г. А. Корчевой и его заместитель Г. С. Катунин, вместо них были назначены Г. П. Пинчук и М. И. Гладаревский.

Антицерковная кампания на Украине продолжала развиваться. 24 окт. 1958 г. в ЦК КПСС поступила докладная записка секретаря компартии Украины Н. В. Подгорного, предлагавшего в ближайшее время закрыть 13 из 40 украинских монастырей и скитов и передать территорию нижней части Киево-Печерской лавры с Ближними пещерами музею-заповеднику. Записка была одобрена заведующим отделом пропаганды ЦК Л. Ф. Ильичёвым. 1 нояб. Совет министров УССР принял постановление об изъятии у православных монастырей Украины 293 га земли (из имевшихся 357 га). 28 нояб. ЦК КПСС принял постановление «О мерах по прекращению паломничества к так называемым святым местам». Срок для выполнения данного постановления местными партийными организациями определили в полгода, после чего они должны были отчитаться о проделанной работе. На Украине засыпали несколько почитаемых верующими источников и выпустили фильм «Правда о мощах» с клеветническими измышлениями о мощах Киево-Печерских преподобных и о др. святынях Украины. В дек. 1958 г. Совет по делам РПЦ утвердил план закрытия мон-рей на 1959–1960 гг., согласно к-рому на Украине должны были упразднить 17 монастырей, в т. ч. Киево-Печерскую лавру и жен. Введенский мон-рь. В янв. 1959 г. из лавры были выселены 32 монаха. 4 мая 1960 г. патриарх Алексей I под сильнейшим давлением со стороны советских властей был вынужден дать согласие на закрытие неск. духовных семинарий, в т. ч. Киевской.

В янв. 1959 г. в К. е. насчитывалось 25 благочиннических округов и 577 приходов. В Киеве было 23 прихода и 2 благочиннических округа, 4 монастыря; в Киевской обл. имелось 317 приходов и 14 благочиннических округов; в Черкасской обл. насчитывалось 237 приходов и 9 благочиннических округов, 2 мон-ря. Все острее становилась проблема восполнения числа монашествующих.

В нач. 60-х гг. митр. Иоанн (Сokolov) в связи с ухудшением здоровья почти безвыездно жил в киевском предместье Святошино, епархией практически руководил управляющий делами Украинского Экзархата прот. Василий Юрченко. При этом митрополит категоричес-

ки отвергал предложения Патриархии о назначении vikарного епископа. В кон. 50-х гг. в качестве самостоятельной управленческой единицы сформировалась канцелярия К. е. (аналог епархиального управления), в 1959–1960 гг. ею заведовал vikарий К. е. В 60-х гг. канцелярию К. е. объединили с канцелярией Украинского Экзархата. В окт. 1960 г. был уволен с должности управляющего делами Украинского Экзархата прот. Николай Скоропостижный. Уполномоченный Совета по делам РПЦ Пинчук обвинил его в «непринятии должных мер» против духовенства, к-рое нарушает законодательство о культах (Скоропостижный не готовил экзарху документы на запрещение в священнослужении мн. клириков, которых снимал с регистрации уполномоченный), в неуважении к уполномоченным и т. п. С окт. 1960 по май 1961 г. управляющим делами Украинского Экзархата являлся архим. Филарет (см. Денисенко М. А.), в 1961 г. переведенный на должность настоятеля подворья РПЦ в Александрии (Египет). По инициативе архим. Филарета в нач. 1961 г. прот. Н. Скоропостижный был уволен с прихода и отправлен за штат, Уманский еп. Нестор (Тугай), вик. К. е., 17 марта 1961 г. был освобожден от должности наместника Киево-Печерской лавры и переведен на Харьковскую и Богодуховскую кафедры. Престарелый митр. Иоанн фактически был лишен сотрудников, к-рые помогали ему осуществлять управление К. е.

В 1958–1964 гг. шло ускоренное закрытие храмов во всех районах Киевской и Черкасской областей. Особое рвение проявлял уполномоченный по Черкасской обл. Ф. Матюха. 15 авг. 1960 г. Совет по делам РПЦ осудил рекомендацию, данную Матюхой областным советским органам власти, о сжигании всей культовой утвари снятых с регистрации религ. общин (ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 1744. Л. 126–130). В Киевской обл. в 1959 г. было снято с регистрации 45 церквей (ГА Киевской обл. Ф. 4828. Оп. 1. Д. 51. Л. 1–2). В 1959 г. в Киеве закрылись Вознесенский храм в Китаево, Троицкий в предместье Мышеловка. 13 июля 1960 г. власти приняли решение о закрытии Киевского Введенского жен. мон-ря (Там же. Д. 13. Л. 188), прекратилось богослужение в киевских храмах: Покровском на Подоле, На-

бережно-Никольском, Притиско-Никольском, Рождество-Богородичном в предместье Чапаевка. В 1961 г. закрылись кафедральная Андреевская ц., Киево-Печерская лавра, Никольский храм в Никольской слободе. К кон. 1961 г. количество храмов в Киеве уменьшилось до 15 (Там же. Д. 57. Л. 1). На 15 апр. 1961 г. в К. е. насчитывалось 244 клирика (Там же. Оп. 3. Д. 63. Л. 35–44).

Особенно драматичным стало изгнание общины из Андреевского храма. 2 марта 1961 г. уполномоченный по делам РПЦ М. Бибик написал докладную записку на имя секретаря Киевского горкома компартии Украины с предложением закрыть в Киеве еще 6 храмов, включая Андреевскую ц., окончательно прекратить богослужения в Киево-Печерской лавре, где продолжал действовать в качестве приходского Крестовоздвиженский храм (Там же. Оп. 1. Д. 59. Л. 1). В апр.–мае 1961 г. власти закрыли 2-ю кафедру К. е.— Андреевскую ц. Власти ожидали, что закрытие одной из самых популярных киевских церквей, в к-рой хранилась часть мощей вмц. Варвары, вызовет массовые протесты. Несмотря на все меры предосторожности, верующие узнали о планах властей и 18 апр. 1961 г. заняли храм, чтобы помешать его закрытию. Кампания верующих в защиту храма получила широкую огласку. Власти осаждали храм ок. месяца, 11 мая 1961 г. сотрудникам милиции и КГБ удалось выдворить из церкви защищавших ее людей. Среди верующих — защитников собора, арестованных и допрошенных в КГБ, было много молодежи, людей с высшим образованием и даже членов КПСС, как докладывал в ЦК КПУ (письмо от 14 мая 1961) секретарь Киевского обкома КПСС В. Дрозденко.

В кон. 1961 г. уполномоченный по Киеву и Киевской обл. Бибик за недостаточную активную работу был уволен, на его место назначен В. П. Сухонин, занявший непримиримую по отношению к верующим позицию. В 1962 г. он начал проводить мероприятия по закрытию Флоровского мон-ря в Киеве, однако обитель закрыть не удалось. В Киеве в том году перестали действовать храмы: Екатерининский на Лукьяновском кладбище и Вознесенский на Байковом кладбище. В 1963–1964 гг. закрылись церкви: Димитриевская на Щекавице, Пантелеимоновская на Куренёвке (снесена), Феодосиев-

ская на Дарнице, Варваринская церковь-колокольня в ограде храма Николая Доброго на Подоле.

В 1961 г. в Черкасской обл. сняты с регистрации Лебединский Николаевский жен. мон-рь. Из крупнейших городских храмов К. е. были закрыты Владимирская и Покров-

Церковь
Покрова Пресв. Богородицы
в Фастове. 1740 г.

ская церкви в г. Фастове (9 марта 1960), Феодосиевская ц. в г. Василькове (12 июля 1962), Успенская церковь в г. Сквире (3 янв. 1963), Преображенский собор в г. Белая Церковь (15 марта 1963). В 1963 г. в Киеве и Киевской обл. насчитывалось 188 общин (число приходов с 1957 уменьшилось почти в 2 раза), 89 общин в Черкасской обл. (число приходов с 1957 уменьшилось в 3 раза).

За особенно активное сопротивление закрытию своих храмов отдельные настоятели приходов привлекались к уголовной ответственности. Так, в сент. 1961 г. был арестован и осужден на 3 года с отбыванием срока в исправительно-трудовом лагере (ГА Киевской обл. Ф. 4828. Оп. 1. Д. 64. Л. 91) якобы за хищение денежных средств и культового имущества священник закрытого властями храма в пос. Никольская Слободка Дарницкого р-на прот. Алексей Ильющенко, выпускник Киевской ДС 1953 г. (срок отбыл полностью, в Киев вернулся в 1964). В апр. 1962 г. жители с. Жукин Вышгородского р-на (ныне Вышгородского р-на) Киевской обл. силой защищали свою церковь от закрытия, образовав живую цепь вокруг храма, мн. участники акции были арестованы.

В 1960 г. в Киеве и Киевской обл. 14 священников сняты с регистрации, 36 оставили служение; в 1961 г. 18 священников самовольно оставили служение, 6 чел. были сняты с регистрации, 11 клириков уволены за

штат митрополитом, 1 иерей осужден на тюремное заключение. В Черкасской обл. 6 священников сняты с регистрации, 5 иереев были уволены за штат епископом. В 1962 г. в Киеве и Киевской обл. 20 священников оставили служение, 4 — сняты с регистрации. В 1963 г. имели регистрацию 160 священников, 11 диаконов, 12 псаломщиков. В 1962 г. уполномоченный по делам РПЦ в УССР Пинчук

жаловался в ЦК КПб(У) на то, что местные власти недостаточно активно осуществляют переоборудование или разрушение церквей, в к-рых в связи

с отсутствием священников прекращены богослужения. 9 окт. 1962 г. ЦК КП Украины принял постановление «О состоянии и мерах улучшения научно-атеистического воспитания трудящихся в УССР». Помимо рекомендации партийным и советским органам создавать в городах и райцентрах дома и дворцы торжественной регистрации браков и систематически заниматься вопросами введения советских гражданских обрядов постановление содержало директиву об открытии при горисполкомах общественных комиссий по контролю над исполнением законодательства о культах. Комиссии должны были контролировать деятельность духовенства и религ. общин, в т. ч. это касалось содержания проповедей. О фактах «незаконной» деятельности комиссии общали в партийные и советские органы для принятия соответствующих мер против нарушителей. В целях дальнейшего усиления борьбы с религией 1 февр. 1963 г. были уволены уполномоченный по делам РПЦ при Совете министров УССР Пинчук и его заместитель Гладаревский, новым уполномоченным по делам РПЦ стал бывш. секретарь ЦК КП(б)У по вопросам агитации и пропаганды К. З. Литвин, его заместителем был назначен Р. И. Швайко.

И все же гонения на Церковь в пределах К. е. не были столь жестокими, как в остальных 15 епархиях Украинского Экзархата, что было обусловлено столичным статусом, а так-

же частой посещаемостью епархии иностранными делегациями. В 1963 г. количество церквей и молитвенных домов в УССР сократилось на 526, службу оставили 176 священников, 12 из них отречлись от сана. В Киеве и Киевской обл. за год было закрыто 23 прихода, тогда как во Львовской — 142, в Ивано-Франковской обл. — 110 приходов (Там же. С. 64). В 1961–1964 гг. в Киеве и Киевской обл. у православных общин было изъято 225 церковных и прицерковных зданий (в т. ч. в Киеве — 31 здание), не считая сооружений Киево-Печерской лавры (ЦДАВО. Ф. 4648. Оп. 1. Д. 433. Л. 38а).

30 марта 1964 г. Свящ. Синод удовлетворил прошение 87-летнего Киевского и Галицкого митр. Иоанна (Соколова) об удалении на покой. Уполномоченный Совета по делам РПЦ Литвин всячески противился смене Киевского митрополита, т. к. бездеятельность экзарха существенно облегчала властям процесс закрытия церквей (в 1961–1962 гг. священники и псаломщики были сняты с гос. регистрации, потому что указы на них канцелярия управления Экзархата вовремя не предоставляла на утверждение уполномоченного). Согласие на смену экзарха власти дали после того, как митр. Иоанна 2 года отказывался платить взносы от К. е. в Советский фонд мира, мотивируя свои действия тем, что в случае продолжения закрытия церквей епархия разорится.

1964–1988 гг. 30 марта 1964 г. митрополитом Киевским и Галицким, постоянным членом Свящ. Синода, патриаршим экзархом Украины был избран архиеп. Винницкий и Брацлавский *Иоасаф (Лелюхин)* с возведением в сан митрополита. Недолгое управление митр. Иоасафа (1964–1966) не оставило серьезного следа в истории К. е. В 1964–1965 гг. управляющим делами Украинского Экзархата был прот. Борис Дикарëв, бывш. секретарь Синода Украинской обновленческой церкви. Из-за недовольства новым управляющим значительной частью духовенства К. е., помнившей Дикарëва как одного из руководителей обновленчества на Украине, митр. Иоасаф уволил его. И в 1965 г. управляющим делами Украинского Экзархата стал прот. Василий Юрченко, который уже занимал эту должность в 1961–1963 гг. Постановлением Синода от 5 февр. 1965 г. митр. Иоасафу было

поручено временное управление Луганской епархией. Для помощи митр. Иоасафу ввиду его частого отсутствия 5 февр. 1965 г. епископом Переяслав-Хмельницким, викарием К. е., был назначен *Боголеп (Анцих)*, ранее еп. Мукачевский и Ужгородский. Однако уже 25 мая 1965 г. по инициативе митр. Иоасафа еп. Боголеп был переведен на Кировоградскую и Николаевскую кафедру. На том же Синоде митр. Иоасаф был освобожден от временного управления Луганской епархией (Определения Свящ. Синода // ЖМП. 1965. № 6. С. 2). Причиной было то, что митр. Иоасаф решал кадровые вопросы для Луганской епархии без согласования с Патриархией (ЦДАВО. Ф. 4648. Оп. 1. Д. 459. Л. 6–8). 24 апр. 1966 г. митр. Иоасаф скончался.

После отставки Хрущёва в окт. 1964 г. инициированная им антицерковная кампания приостановилась, в процессе закрытия храмов наступило временное затишье, в 1965 г. в Киеве и Киевской обл. не было ни одного случая закрытия церкви или снятия с регистрации религ. общины. Удалось сохранить Свято-Духовский храм в с. Троещина (ныне в Деснянском р-не Киева), процесс закрытия которого начался еще в 1963 г. Расположенное в центре села здание планировали снести. Только в связи со смягчением политики властей в отношении Церкви, а также благодаря стойкой позиции прихожан в дек. 1965 г. настоятель прихода прот. Леонид Соболев (см. *Серафим (Соболев)*) добился от местного руководства перенесения деревянной церкви на заброшенный пустырь в 2 км от села, и храм удалось спасти от разрушения. 13 авг. 1965 г. Президиум Верховного Совета СССР принял постановление «О некоторых фактах нарушения социалистической законности в отношении верующих», к-рое дало толчок принятию местными советами аналогичных постановлений. Так, в постановлении исполкома Черкасского облсовета критиковались имевшие место адм. меры против верующих: увольнение с работы, обыски в молитвенных помещениях и т. д. Постановлением СМ СССР от 8 дек. 1965 г. Совет по делам РПЦ и Совет по делам религиозных культов были реорганизованы в Совет по делам религий. В мае 1966 г. были назначены уполномоченные по делам религий: в Киеве (Сухонин с 1962 занимал

*Митр. Иоасаф (Лелюхин).
Фотография. 60-е гг. XX в.*

должность уполномоченного по делам РПЦ по Киеву и Киевской обл.), в Киевской обл. (А. Е. Шарандак), и в Черкасской обл. (З. С. Сидоренко).

К нач. 1965 г. в Киеве и Киевской обл. имелась 141 зарегистрированная община РПЦ (из них 26 храмов больше года не действовали), служили 121 священник, 11 диаконов и 76 псаломщиков; 208 церквей были закрыты. В Черкасской обл. было 75 зарегистрированных общин РПЦ (из них 5 храмов больше года не действовали), служили 60 священников, 3 диакона и 44 псаломщика; закрытых церквей — 157. Ост-

*Насельницы
Киево-Вознесенского
Флоровского мон-ря.
60-е гг. XX в.*

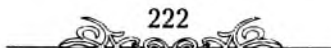
по ощущалась нехватка духовенства, в то время как десятки клириков находились за штатом по воле уполномоченного по делам РПЦ. Позиция митр. Иоасафа, во всем следовавшего указаниям уполномоченного, приводила к необоснованному перемещению и выведению за штат и так небольшого количества духовенства. В 1965 г. митр. Иоасаф по совету

уполномоченного сократил число священников Флоровского монастыря с 2 до 1. Настоятельница Флоровского мон-ря Анимаиса (Кайдунова-Бутовская) сумела через Патриархию добиться отмены указов митрополита о перемещении монастырских священников (в 1965 патриарх Алексей без ведома митр. Иоасафа возвел монахиню Анимaisu в сан игуменни).

24 апр. 1966 г., в день кончины митр. Иоасафа, патриарх Алексей без согласования с властями своим указом возвел Винницкого и Брацлавского еп. Алипия (Хотовицкого) в сан архиепископа и назначил его архиепископом Киевским и Галицким, экзархом Украины. Это решение патриарха вскоре было отменено вслед. вмешательства Ленинградского митр. *Никодима (Ротова)*, который в апр. 1966 г. находился в зарубежной командировке и не смог повлиять на замещение Киевской кафедры. После возвращения в Москву митр. Никодим сразу же поставил вопрос о необходимости пересмотра назначения, принятого без участия Синода. Свое мнение митр. Никодим высказал председателю Совета по делам религий В. А. Куроедову. Недовольство назначением архиеп. Алипия на Киевскую кафедру выразил и уполномоченный по делам религий при Совете министров СССР Литвин. В письме к Куроедову от 28 апр. 1966 г. он писал, что архиеп. Алипий не отличается широтой взглядов и с ним нельзя будет решать во-

просы так же просто, как с митр. Иоасафом. Литвин потребовал объяснений по данному поводу от управляющего делами Московской Патри-

архии архиеп. Алексия (Ридигера; в посл. патриарх Московский и всея Руси *Алексий II*), прибывшего в Киев 27 апр. 1966 г. на похороны митр. Иоасафа (ЦДАВО. Ф. 4648. Оп. 5. Д. 17. Л. 71–72). В итоге постановлением Свящ. Синода от 14 мая 1966 г. архиепископом Киевским и Галицким, экзархом Украины, было определено стать 34-летнему Дмитров-

скому еп. Филарету (Денисенко), ректору МДАиС, с возведением его в сан архиепископа. Тем же решением архиеп. Алипий был освобожден от управления Киевской кафедрой.

С первых месяцев пребывания на Киевской кафедре архиеп. Филарет находился в тесном сотрудничестве с уполномоченным Совета по делам религий Литвиным. Позднее Литвин характеризовал Филарета как «вполне советского человека», которому патриарх Алексей «мешал проводить работу в нужном для нас направлении» (ГА г. Киева. Ф. Р-525. Оп. 1. Д. 17. Л. 26). В апр. 1967 г. архиеп. Филарет пожаловался Литвину, что патриарх не хочет давать экзарху Украины сан митрополита (хотя архиепископом Филарет стал всего за год до этого), что это вызывает нежелательные пересуды за рубежом относительно того, что советскими властями упраздняются Киевская митрополия и Украинский Экзархат. В янв. 1967 г. Филарет просил Литвина посодействовать, чтобы в его управление была передана Луганская епархия, поскольку К. е. несет большие расходы по приему иностранных делегаций и по содержанию учреждений Украинского Экзархата, спрашивал разрешения на хиротонию архим. Феодосия (Дикуну) во викарного епископа К. е. Просьбу о назначении викария уполномоченный поддержал. 7 февр. 1967 г. Синод определил архим. Феодосию (Дикуну), ректору Одесской ДС, быть епископом Переяслав-Хмельницким, викарием К. е. На хиротонии архим. Феодосия планировал присутствовать патриарх Алексей, который предварительно попросил архиеп. Филарета составить ходатайство к властям Украины о возвращении Киево-Печерской лавры. Однако архиеп. Филарет отказался, ссылаясь на то, что действующих храмов в Киеве достаточно и в возвращении лавры необходимости нет. Патриарх Алексей не поехал в Киев и предложил провести хиротонию еп. Феодосия в Одессе, где он тогда находился. Архиеп. Филарет писал Литвину, что решение патриарха обусловлено тем, что Киево-Печерские пещеры не возвращены Церкви и что поступок патриарха Алексея нужно истолковать как нападки на власть. В итоге епископскую хиротонию Феодосия (Дикуну) возглавил 4 июня того же года во Владимирском кафедральном со-

боре Киева Крутицкий и Коломенский митр. Пимен (Извеков; вполн. Патриарх Московский и всея Руси). В хиротонии участвовали находившиеся тогда в Киеве архиеп. Эдмонтонский и Канадский Пантелеимон (Рудык), архиеп. Иркутский и Читинский Вениамин (Новицкий). 7 окт. 1967 г. вопреки желанию Филарета еп. Феодосий (Дикун) был переведен на Полтавскую кафедру, после чего Киевский архиепископ снова обратился к уполномоченному за содействием в хиротонии нового викария. 16 июня 1967 г. Литвин ходатайствовал перед председателем Совета по делам религий Куроедовым о расширении полномочий Филарета в отношении украинских епархий: «В политических целях целесообразно, если епископов для украинских епархий будет представлять только экзарх Украины совместно с украинскими архиереями» (ЦДАВО. Ф. 4648. Оп. 5. Д. 54. Л. 55-56).

Тесное сотрудничество экзарха Украины с советскими властями неизбежно влекло за собой многочисленные требования к архиеп. Филарету со стороны властей: усиление контроля за духовенством (напр., Филарет лишил права священнодействовать в К. е. заштатного еп. Феодосия (Ковернинского), к-рый, по мнению властей, входил в оппозиционную группу духовенства), увольнение из хора Владимирского собора ранее репрессированных лиц (в т. ч. реабилитированных). В 1968 г. районные уполномоченные сообщали, что Филарет стал первым из архиереев, кто, выполняя рекомендации Совета по делам религий, жестко наказывал священников в случае, если те в период посевного или хлебоуборочного сезонов допускали «затягивание богослужений до 14-15 часов дня в ущерб сельскохозяйственным работам» (ГА г. Киева. Ф. Р-1525. Оп. 1. Д. 83. Л. 13). Во 2-й пол. 60-х гг. участились случаи закрытия церквей в Киевской обл.; в частности, были закрыты крупные храмы в райцентрах Ирпень и Макаров, пос. Песковка, с. Триполье. В 1967 г. была снята с регистрации Рождество-Богородичная община в пос. Совки Московского р-на Киева. После пожара, повредившего церковь, община хотела взять в аренду новое помещение, но из-за отсутствия поддержки со стороны экзарха это стало невозможным; в том же году ар-

хиеп. Филарет благословил общину перечислить ее банковские сбережения для нужд государства (Там же. Д. 26. Л. 8). 1 февр. 1973 г. по согласованию с Филаретом была снята с регистрации Трапезная ц. Флоровского монастыря, переданная в аренду Украинскому специальному научно-реставрационному управлению (Там же. Д. 41. Л. 27).

Указом патриарха Алексея I 25 февр. 1968 г. архиеп. Киевский и Галицкий Филарет был возведен в сан митрополита. 28 нояб. 1968 г. митр. Филарет подал в Синод рапорт о назначении ему «ввиду частых заграничных командировок» викарием Звенигородского еп. Владимира (Сабодана), вик. Московской епархии. Синод удовлетворил прошение и назначил еп. Владимира викарием К. е. с титулом «Переяслав-Хмельницкий». Вернувшись на родину из Швейцарии, где он был представителем Московского Патриархата при ВСЦ, еп. Владимир часто служил в кафедральном Владимирском соборе (настоятелем собора был широко известный на Украине прот. Николай Радецкий) и вскоре стал пользоваться любовью прихожан. Под редакцией еп. Владимира в 1968 г. было возобновлено издание ж. «Православний вісник». Популярность викария не понравилась экзарху, и 20 марта 1969 г. еп. Владимир был перемещен на Черниговскую и Нежинскую кафедру. Переяслав-Хмельницкое викариатство занял благочинный Виноградовского округа Мукачевской епархии игум. Савва (Бабинец), чья епископская хиротония состоялась 30 марта 1969 г. в кафедральном соборе Киева. 2 февр. 1972 г. еп. Савва был переведен на Черновицкую и Буковинскую кафедру. Переяслав-Хмельницким епископом 11 окт. 1972 г. был назначен управляющий делами Украинского Экзархата архим. Варлаам (Ильющенко), хиротонисанный во епископа 22 окт. того же года (до 1973 он осуществлял также временное управление Черниговской епархией). Вполн. Переяслав-Хмельницкое викариатство К. е. замещалось непрерывно, кроме периода 1977-1985 гг. 16 дек. 1969 г. Свящ. Синод РПЦ принял решение об образовании при экзархе Украины филиала ОВЦС. 7 июня 1970 г. во епископа Уманского, 2-го викария К. е., хиротонисан архим. Макарий (Свистун). Участия в жизни К. е. еп. Макарий до 1978 г.

не принимал, неся служение за границей. В 1978 г. еп. Макарий вернулся на Украину, в 1979 г. был возведен в сан архиепископа, в 1982 г. назначен архиепископом Ивано-Франковским и Коломыйским.

23–24 июля 1969 г. православная Церковь торжественно отметила 1000-летний юбилей со дня преставления равноап. кнг. *Ольги*. Центром празднеств стал киевский Владимирский собор, в котором богослужение возглавил прибывший в Киев патриарх Александрийский и всея Африки *Николай VI*. 14–25 марта 1972 г. в рамках визита патриарха Болгарского Максима в СССР председатель Болгарской Церкви посетил Киев. 16–17 дек. 1972 г. в Киеве побывал с архипастырским визитом патриарх Московский и всея Руси Пимен. 21–28 июля 1986 г. в Киеве прошла международная научная конференция, посвященная 1000-летию Крещения Руси. В 1987 г. Украину в рамках визита в СССР посетил К-польский патриарх *Димитрий I*.

По предложению митр. Филарета в 1971 г. в Киеве был проведен семинар по проблемам христ. служения миру между народами (ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 6. Д. 454. Л. 101–108). 9 июня 1978 г. по инициативе Литвина состоялась 1-я встреча Филарета с преподавателями кафедр атеизма вузов Киева. На вопрос, воспитываются ли в семинариях студенты в духе советского патриотизма, Филарет ответил утвердительно, отметив: «Все, что мы делаем в наших духовных учебных заведениях, — это специальное обучение, а формирование личности продолжается под непрерывным влиянием социализма» (ГА г. Киева. Ф. Р–1525. Оп. 1. Д. 63. Л. 30).

В 1970 г. власти вновь вернулись к вопросу о закрытии Владимирского собора и др. храмов К. е. В 1970–1971 гг. форсированными темпами были упразднены неск. церквей в Киевской и Черкасской областях в основном благодаря тому, что митр. Филарет не присылал в упраздняемые приходы священников, т. о. власти снимали с регистрации приходские общины как «фактически прекратившие деятельность». На Киевщине при таких обстоятельствах в окт. 1970 г. закрыли храм в с. Бобрин Броварского р-на, в апр. 1971 г. — храм в с. Грузское Макаровского р-на, в дек. 1971 г. — в с. Скригалева Фастовского р-на. В Черкас-

ской обл. в 1970 г. были закрыты храмы в с. Шарине Уманского р-на, с. Иваньки Маньковского р-на. Уполномоченный по делам религий по Киеву В. В. Руденко в июне 1971 г.

писал о возможности закрытия Владимирского собора: «Для решения данного вопроса создались определенные возможности после смерти патриарха Алексия. Новый патриарх Пимен уже не будет иметь такого авторитета в церковных кругах; кроме того, патриарх должен опираться в своей деятельности на таких лиц, как митр. Филарет, а он, по мнению К. Литвина (уполномоченный Совета по делам религий при СМ УССР), является вполне советским человеком, но ему покойный патриарх Алексий мешал проводить работу в нужном для нас направлении» (Там же. Ф. Р–525. Оп. 1. Д. 17. Л. 26). По указанию уполномоченного по

делам религий по Киевской обл. Бунтина в 1973 г. был проведен «ряд мероприятий» по прекращению паломничеств к св. местам (ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 6. Д. 1247). В 1973 г. закрыт благочиннический храм в г. Кагарлык. В 1974 г. уполномоченный по Киеву Руденко сообщил о принятии мер по пресечению паломничеств к источнику св. Пантелеи-

мона в предместье Киева Феофания (Там же. Оп. 5. Д. 1413).

1 нояб. 1974 г. постановлением ЦК КПУ был образован Совет по делам религий при Совете министров УССР, его председателем стал Литвин. Антирелигиозная политика властей Украины сделалась более самостоя-

*Трехсвятительская ц.
из с. Пищики.
Фотография. 2012 г.*

тельной и жесткой в сравнении с позицией общесоюзного Совета по делам религий. В 1973–1975 гг. в Киевской обл. закрылись храмы в г. Ка-

гарлык, с. Леоновка Иванковского р-на, с. Ярешки Барышевского р-на, с. Македоны Мироновского р-на, с. Трушки Белоцерковского р-на; в Черкасской обл. были упразднены храмы в селах Терешки Шполянского р-на, Антиповка Золотоношского р-на, Корытня Монастырищенского р-на, Доброводы Уманского р-на, Лящовка (ныне Чернобаевского р-на). Затем на несколько лет наступило относительное затишье, храмы не закрывались до 1981 г. Зато в 1977 г. усилилась борьба с паломничествами к св. местам. Так, уполномоченный по Киевской обл. Н. А. Мишенин докладывал о посещении верующими св. источника в с. Черкас Белоцерковского р-на Киевской обл. 19 июня 1977 г. и о принятых впоследст-

*Покровская ц.
из с. Сухой Яр
Ставищенского района.
Фотография. 2012 г.*

вии властями мерах по ликвидации источника (Там же. Оп. 6. Д. 1225. Л. 17–18). В 1979 г. в аппарате укр. уполномо-

ченных произошли кадровые изменения. В 1979 г. новым председателем Совета по делам религий при Совете министров УССР после ухода на пенсию Литвина стал Н. А. Колесник, в 1980 г. уполномоченным по делам религий по Киеву был назначен М. Т. Донченко, в 1985 г. — Н. В. Соловей, занимавший эту должность до 1992 г.

В 1980 г. в Киевской обл. числилось 111 действующих храмов (ЦДАГОУ. Ф. 1. Оп. 40. Д. 1. Л. 9). В столице насчитывалось 9 приходских и 3 монастырских храма (Там же. Л. 1). Пасхальное ночное богослужение в 1980 г. в Киевской обл. посетили ок. 113 тыс. чел., из них в Киеве — ок. 18 тыс. верующих (Там же. Д. 5. Л. 2). Средняя посещаемость Владимирского кафедрального собора в воскресные и особо праздничные дни колебалась от 1,5 до 4,5 тыс. чел. (Там же. Д. 2. Л. 21).

В 1981 г. имела место последняя кампания по закрытию храмов в Киевской и Черкасской областях: в Черкасской обл. снята с регистрации община в с. Степанцы Каневского р-на, на Киевщине закрыта община в с. М. Старица Бориспольского р-на. 1986-й год стал трагическим для К. е. в связи аварией на Чернобыльской АЭС. После аварии были отселены жители ряда сел Чернобыльского, Полесского р-нов и сев. части Иванковского р-на Киевской обл. Действовавшие в этих селах храмы снимались с регистрации. В 1987 г. были закрыты храмы в селах Красное и Толстый Лес Чернобыльского р-на, 10 мая 1990 г. была снята с регистрации как «прекратившая свою деятельность в связи с эвакуацией населения» Свято-Ильинская община г. Чернобыля (Там же. Д. 8. Л. 12). Храмы вполн. были разрушены, а вся зона отчуждения Чернобыльской АЭС (в 1991 получила статус особой адм. единицы в составе 69 населенных пунктов Киевской обл. и 7 населенных пунктов Житомирской обл.) стала особой территорией в подчинении Киевского митрополита. В 1994 г. возобновились богослужения в Воскресенском храме в с. Толстый Лес Чернобыльского (ныне Иванковского) р-на, куда вместе с другими жителями вернулся священник, но в 1996 г. храм сгорел. В 1999 г. возобновлен приход при Ильинском храме в Чернобыле, настоятелем которого стал прот. Николай Якушин. Благодаря его усилиям приспособлены для богослужения заброшенные храмы: Михайловский в с. Красном и Казанско-Богородичный в с. Замощье.

В янв. 1985 г. в Киеве прошел семинар-совещание, организованный рабочей группой по контрпропаганде при ЦК КП Украины, по вопро-

сам атеистической пропаганды и контрпропаганды в связи с «церковной кампанией подготовки 1000-летия введения христианства на Руси». После совещания в советской прессе вышел ряд публикаций, «разоблачающих буржуазно-клерикальную суть празднования юбилея 1000-летия Крещения Руси», было создано неск. документальных фильмов атеистического содержания. В то же время в 1984–1986 гг. имели место и первые положительные моменты в отношениях между Церковью и местными властями. 25 июля 1984 г. республиканский Совет по делам религий разрешил общине РПЦ в с. Григоровка Обуховского р-на Киевской обл. приобрести жилой дом, чтобы обустроить там храм (аналогичное разрешение в 1979 было дано общине в с. Летки Броварского р-на, в 1981 — общине в с. Кононча Каневского р-на Черкасской обл.). В 1986 г. общине в с. Микуличи Бородянского р-на разрешили провести реконструкцию церковного здания, хотя раньше обветшавшие храмы закрывались. Примечательно, что в 1985–1986 гг. закрытые храмы Киевщины, предназначенные к

1988 г. в Киеве имелось 10 общин, в Киевской обл. — 106 общин (ГА Киевской обл. Ф. 5571. Оп. 1. Д. 124. Л. 2). Именно при Филарете, в 1967–1987 гг. две общины Киева и 23 общины Киевской обл. были сняты с регистрации, их храмы закрыты, и это в условиях, когда число зарегистрированных общин других христ. конфессий в эти годы в Киевской обл. незначительно увеличилось (так, число общин баптистов — с 73 до 75, адвентистов — с 4 до 6). 15 апр. 1987 г. митр. Филарет обратился в Совет министров УССР и Совет по делам религий УССР с просьбой дать разрешение на возобновление богослужений в Ближних и Дальних пещерах Киево-Печерской лавры. Однако прошение осталось без ответа.

Еп. Климент (Вечера), В. Г. Пидгайко
1988–1992 гг. 1988 г. стал особо значимым в истории правосл. Церкви на Украине. Киев был определен как один из центров торжественного празднования 1000-летия Крещения Руси. В июне 1988 г. гос-во передало Украинскому Экзархату РПЦ несколько помещений на территории Дальних пещер Киево-Печерской лавры. С этого момента началось возрождение после почти 30-летнего бездействия 1-го на Руси монастыря. 16 авг.

Церковь вмч. Георгия Победоносца в с. Софиполь. Кон. XVIII — нач. XIX в. Фотография. 2010 г.

снесу, но представлявшие историко-архитектурную ценность, не разрушались, но перевозились в Музей народной архитектуры в Переяслав-Хмельницкий: в 1985 г. туда была перенесена церковь из с. Пищики Сквирского р-на, в 1986 г. — храмы из с. Сухой Яр Ставищенского р-на и из с. Софиполь Тетиевского р-на.

В целом итоги первых 20 лет служения Филарета (1967–1987) в статистическом отношении являются следующими. В 1967 г. в Киеве действовало 12 общин РПЦ, в Киевской обл. — 129 общин (ГА г. Киева. Ф. Р–1525. Оп. 1. Д. 1. Л. 2). К нач.

1988 г. Совет по делам религий при СМ СССР дал согласие на регистрацию 1-й на Киевщине за неск. десятилетий новой общины РПЦ — в Борисполе, где верующим был возвращен храм, 30 июня 1989 г. той же общине было разрешено строить новый храм. В 1988 г. в Киевской обл. были возвращены храмы для вновь зарегистрированных общин РПЦ в г. Тараща, с. Тоголев Броварского р-на, с. Креничи Обуховского р-на, с. Синява Ракитнянского р-на, с. Софиполь Тетиевского р-на. 14 апр. 1989 г. по решению Совета по делам религий при СМ СССР возобновилось богослужение в Преображенском соборе в г. Белая Церковь. 30 сент. 1988 г. уполномоченный по Черкасской обл. принял решение о регистрации общин

РПЦ и возвращении им храмов в г. Монастырише, в с. Халайдове Монастырищенского р-на, с. Худяки Черкасского р-на, пос. Русская Поляна Черкасского р-на. 28 окт. 1988 г. возвращен Церкви находившийся в аварийном состоянии деревянный Успенский храм в с. Жаботин Каменского р-на, предназначенный властями к сносу в 1985 г. В февр. 1989 г. Церкви возвращен Успенский собор в Каневе, где располагался музей народно-декоративного искусства. 14 апр. 1989 г. Флоровскому жен. мон-рю были переданы ранее отчужденные у него здания Трапезной и Воскресенской церквей. Важнейшим событием стало возрождение 4 окт. 1989 г. Киевской ДС, ректором к-рой стал прот. Петр Влодек. В первый набор были зачислены 44 чел. 9 июля 1990 г. на Архиерейском Соборе РПЦ было принято решение о возрождении КДА.

В 1989 г. митр. Филарет вел переписку с главой укр. Совета по делам религий Н. Колесником о возвращении верующим Софийского собора и Ближних пещер Киево-Печерской лавры. Удалось вернуть Ближние пещеры, в передаче Церкви Софийского собора было отказано (ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 6. Д. 4156). В 1990 г. были зарегистрированы 22 новые общины УПЦ в Киевской обл. и 6 об-

*Преображенский собор
в г. Белая Церковь. 1812 г.
Фотография. 2008 г.*

щин в Киеве. К нач. 1991 г., по данным Совета по делам религий, в Киевской обл. числилось 197 религиозных общин и 160 священнослужителей. В Киеве на 1991 г. были зарегистрированы 17 общин РПЦ, 47 священнослужителей. В Киевской ДС в 1991 г. насчитывалось 159 студентов (ЦДАВО. Оп. 7. Д. 607. Л. 80–87).

Однако на Киевщине возобновилась деятельность раскольнических движений. 16 февр. 1989 г. в Киеве при активном участии движения

«Рух» был создан «Инициативный комитет по возрождению Украинской автокефальной православной церкви». Возглавил самочинный комитет свящ. Богдан Михайличенко, клирик Рижской епархии, объявивший о разрыве с РПЦ. Комитет декларировал свое преемство от «самосвятской» УАПЦ 1921 г. и призвал приходы выходить из юрисдикции РПЦ и поминать за богослужением К-польского патриарха. В сент. 1989 г. автокефалисты начали в Киеве издание газ. «Наша віра — Православ'я» (позднее «Наша віра»). На «соборе» во Львове 20 окт. было провозглашено возрождение УАПЦ, 30 окт. 1989 г. ее первоиерархом был объявлен живший в США Мстислав (Скрыпник). 5–6 июня 1990 г. раскольники провели в Киеве «Всеукраинский собор УАПЦ», к-рый утвердил устав УАПЦ и избрал заочно «патриархом Киевским» Мстислава (Скрыпника). 7 июня Совет по делам религий при Совете министров УССР зарегистрировал Устав УАПЦ. 17–18 нояб. 1990 г. в киевском Софийском соборе автокефалисты совершили интронизацию 90-летнего Мстислава как «патриарха Киевского и всея Руси—Украины».

9 июля 1990 г. укр. православные епископы на совещании в Киеве составили «Обращение Украинской Православной Церкви о предоставлении ей независимости и самостоятельности в уп-

равлении», что предполагало расширение автономии УПЦ. Предстоятелем УПЦ епископы избрали Киевского митр. Фила-

рета (Денисенко). 10 июля 1990 г. Свящ. Синод Украинской Церкви принял постановление о мерах по расширению автономии Украинского Экзархата. Согласно постановлению, Синод Украинской Православной Церкви имел право избирать и поставлять правящих и викарных архиереев, открывать новые епархии в границах Украины; Предстоятель Украинской Православной Церкви должен был избираться укр. епископами и утверждаться патриархом и Свящ. Синодом РПЦ; Предстоятель

*Собор святых Бориса и Глеба в Борисполе.
1998 г. Фотография. 2005 г.*

Украинской Православной Церкви получал титул «митрополит Киевский и всея Украины» и титул «Блаженнейший» (в границах Украины). 20 июля 1990 г. Синод РПЦ рассмотрел постановление укр. Синода и принял решение: в связи со значимостью данного вопроса обсудить его на Архиерейском Соборе Русской Православной Церкви, назначенном на 25–27 окт. 1990 г. (см. *Архиерейский Собор РПЦ 25–27 окт. 1990 г.*). 27 июля 1990 г. было опубликовано «Обращение епископата Украинской Православной Церкви к Святейшему Патриарху Московскому и всея Руси Алексию и Священному Синоду Русской Православной Церкви» с предложениями по нормализации обстановки, вызванной экстремистскими действиями на Украине униатов и раскольников-автокефалистов.

В такой неспокойной обстановке 27 июля — 6 авг. 1990 г. состоялся визит патриарха Московского и всея Руси Алексия II на Украину, продиктованный стремлением оказать поддержку правосл. населению Украины. Предстоятель Русской Церкви побывал в Киево-Печерской и Почаевской лаврах, Покровском, Флоровском и Корецком жен. мон-рях, совершил богослужения в храмах Киева, Житомира, Ровно и Чернигова. Патриарх встретился с главой Верховного Совета УССР Л. М. Кравчуком. 28 июля, в день памяти св. равноапостольного кн. Владимира, патриарх Алексей совершил праздничное богослужение в кафедральном Владимирском соборе в Киеве, после которого обратился к верующим со словами, передававшими его тревогу о распространении раскола в Церкви и объяснявшими его посещение Украины как свидетель-

ство единства с епископатом, клиром и верующими УПЦ.

25–27 окт. 1990 г. Архиерейский Собор принял определение о независимости и самостоятельности в управлении Украинской Православной Церкви. 28 окт. 1990 г. патриарх Московский и всея Руси Алексей II прибыл в Киев. В соборе Св. Софии он совершил литургию, после которой вручил митр. Филарету Благословенную грамоту о даровании УПЦ самостоятельности в управлении. Это событие было омрачено беспорядками, спровоцированными представителями политических сил правого толка (гл. обр. «Руха»). 29 окт. 1990 г. в Киеве состоялся Собор правосл. епископов Украины, подготовивший проект Устава УПЦ. 22–23 нояб. 1990 г. в Киеве прошел 1-й Собор УПЦ, к-рый принял Устав УПЦ. На Соборе в очередной раз обсуждались проблемы противостояния автокефалистам и униатам, было отмечено, что церковный раскол на Украине с самого начала носил политический характер и являлся составной частью сепаратистского направления в укр. политике. В 1990 г. в Киеве начался выпуск изд. «Церковна православна газета» — офиц. органа УПЦ.

В 1991 г. в Киеве происходили важные события, связанные с процессом институционализации УПЦ. Большое влияние на них оказало провозглашение Украиной гос. независимости 24 авг. 1991 г. Архиерейский Собор УПЦ, проходивший 6–7 сент. 1991 г., лишил Переяслав-Хмельницкого еп. *Ионафана (Елецких)* архиерейского сана. Этому событию предшествовал конфликт между митр. Филаретом и еп. Ионафаном, который выступил против внесения в Устав УПЦ ряда пунктов об особых правах Киевского митрополита, нарушающих принцип соборности в церковном управлении. 21 апр. 1991 г. под влиянием митр. Филарета Свящ. Синод УПЦ выдвинул против еп. Ионафана обвинения в хищении имущества Киево-Печерской лавры. Однако главным «преступлением» еп. Ионафана стал его рапорт патриарху Алексию II от 24 июня 1991 г., в к-ром митр. Филарет был обвинен в нарушении монашеских обетов. Еп. Ионафан был лишен всех должностей в Украинском Экзархате (22 дек. 1992 Синод РПЦ признал недействительным лишение владыки Ионафана епископ-

ского сана, 22 июня 1993 Ионафан (Елецких) в сане епископа Белоцерковского, викария К. е., был назначен на должность управляющего делами Киевской митрополии УПЦ). 1–3 нояб. 1991 г. на Соборе УПЦ в Киеве митр. Филарет впервые объявил о планах полной независимости Украинской Церкви, что отвечало курсу нового укр. правительства. В работе Собора приняли участие 95 делегатов от 22 епархий и 32 монастырей Украины. Под сильнейшим нажимом митр. Филарета участники Собора приняли определение о необходимости автокефалии для УПЦ. С этой просьбой от имени Собора укр. иерархи обратились к патриарху Московскому и всея Руси Алексию II. Необходимость автокефалии мотивировалась новыми политическими условиями — провозглашением независимого Украинского гос-ва. 20–21 нояб. 1991 г., в канун президентских выборов, в Киеве прошел созданный по инициативе председателя Верховного Совета Украины Кравчука межрелиг. форум, в к-ром участвовали 211 глав и представителей 16 действовавших в стране конфессий. Кравчук, выступая на форуме, произнес призыв в адрес Украинской Православной Церкви: «Независимой Украине — независимую Церковь» и сказал о необходимости объединения с УАПЦ. Митр. Филарет выразил поддержку идеям Кравчука. Управляющий делами УАПЦ Антоний (Масендич) заявил, что об объединении можно будет говорить после обретения Украинской Церковью автокефалии.

25–27 дек. 1991 г. на заседании Свящ. Синода РПЦ рассматривался вопрос об автокефалии Украинской Церкви. Синод постановил, что этот вопрос в силу своей исключительной важности должен быть рассмотрен на Архиерейском Соборе Русской Церкви, а возможно, и на ее Поместном Соборе, также было высказано пожелание о необходимости лучше выявить позицию клира и мирян Украины по этому вопросу.

22 янв. 1992 г. в Киеве состоялось епископское совещание УПЦ, которое под нажимом митр. Филарета, действовавшего в тесном союзе с Президентом Украины Кравчуком, приняло ультимативное обращение к патриарху Алексию II, Синоду и ко всем архиереям РПЦ с призывом о даровании полной независимости УПЦ. Епископы Черновиц-

кий Онуфрий (Березовский), Тернопольский Сергей (Генсичкий) и Донецкий Алипий (Погребняк) отозвали свои подписи под обращением, 23 янв. решением Синода УПЦ они были смещены со своих кафедр. Епископы Алипий и Сергей были назначены викариями К. е.: Алипий — епископом Черкасским, Сергей — епископом Переяслав-Хмельницким (Постанови Свящ. Синоду УПЦ // Правосл. вісник. 1992. № 4. С. 6–7). За отказ братии Киево-Печерской лавры поставить подписи в поддержку решения Собора УПЦ о даровании ей автокефалии Синодом УПЦ в 1992 г. с должности наместника был смещен архим. Елевферий (Диденко), на его место назначен архим. Питирим (Старинский).

4 февр. патриарх Алексей II отправил митр. Филарету телеграмму с просьбой воздержаться от канонических прещений до предстоящего 18–19 февр. 1992 г. заседания Синода Русской Церкви. В ответ митр. Филарет писал, что просит патриарха и Свящ. Синод РПЦ не принимать никаких постановлений, касающихся внутренней жизни УПЦ. 18–19 февр. 1992 г. Свящ. Синод Русской Церкви повторно рассмотрел вопрос о даровании УПЦ автокефалии и вновь подтвердил свое декабрьское решение отложить рассмотрение этого вопроса до Архиерейского или Поместного Собора. Митр. Филарет и в этот раз не прибыл на заседание Синода «по болезни», в связи с чем было подготовлено «Послание Патриарха Московского и всея Руси Алексия II и Священного Синода Русской Православной Церкви митрополиту Киевскому и всея Украины Филарету и епископату Украинской Православной Церкви». В нем сообщалось о предстоящем Архиерейском Соборе, к-рый рассмотрит вопрос об укр. автокефалии, митр. Филарету рекомендовалось незамедлительно пересмотреть свои решения от 23 янв. относительно епископов, не подписавших обращение о даровании автокефалии.

31 марта — 5 апр. 1992 г. положение в УПЦ рассмотрел Архиерейский Собор РПЦ, вопрос об автокефалии Украинской Церкви был ключевым. Митр. Филарет на Соборе отстаивал курс на достижение автокефалии Украинской Церкви, тако-го же рода пожелание содержалось

в телеграммах Собору от Президента Украины Кравчука и Кабинета министров Украины. Однако в ходе обсуждения большинство укр. архиереев, согласно с волей своей паствы, высказались против предоставления полной самостоятельности Украинской Церкви и дезавуировали свои подписи, поставленные под Обращением с просьбой о даровании автокефалии, т. к. были к тому принуждаемы угрозами прещений со стороны митр. Филарета. Митр. Филарет перед крестом и Евангелием пообещал, что сложит с себя полномочия предстоятеля УПЦ, и попросил оставить за ним право перехода в др. епархию УПЦ. Архиерейский Собор РПЦ принял к сведению заявления митр. Филарета о том, что во имя мира церковного он подаст прошение предстоящему Архиерейскому Собору УПЦ об освобождении его от обязанностей предстоятеля УПЦ. Собор благословил ему нести епископское служение на др. кафедре УПЦ. Митр. Филарет попросил провести выборы нового митрополита Киевского и всея Украины в Киеве, на что было получено согласие Собора. Архиерейский Собор Русской Церкви постановил вопрос об автокефалии Украинской Церкви вынести на обсуждение ближайшего Поместного Собора. В послании, с которым Архиерейский Собор РПЦ обратился к пастырям и пастве Украинской Церкви, также сообщалось, что митр. Филарет подаст в отставку с поста предстоятеля Украинской Церкви на ее предстоящем Архиерейском Соборе. 6 апр. 1992 г. прошло расширенное заседание Свящ. Синода УПЦ, на к-ром епископы Онуфрий, Сергей и Алипий были восстановлены на своих кафедрах.

1992–2013 гг. В апр. 1992 г. митр. Киевский и всея Украины Филарет во время богослужения в кафедральном соборе объявил о своем отказе уйти с поста предстоятеля УПЦ. 14 апр. на пресс-конференции в Украинформангентстве в Киеве митр. Филарет сказал, что намерен остаться на посту предстоятеля УПЦ до конца жизни. С этого момента начался период трагического раскола укр. Православия. В большинстве храмов прекратилось поминовение предстоятеля УПЦ за богослужением, т. о. правосл. духовенство и миряне стали ограждать от антицерковной деятельности митр. Филарета. 30 апр. 1992 г. в г. Житомире по

инициативе Житомирского и Овручского архиеп. *Иова (Тывонюка)* состоялось собрание архиереев УПЦ, а также духовенства, монашествующих, представителей православных братств и мирян. Заявление Киевского митрополита было подвергнуто острой критике, а сам он был обвинен в клевете на Архиерейский Собор РПЦ и в клятвopеступлении. Собрание потребовало от митр. Филарета незамедлительной отставки, участники собрания объявили о необходимости созыва Архиерейского Собора УПЦ, чтобы утвердить отставку митр. Филарета.

6–7 мая в Москве состоялось расширенное заседание Свящ. Синода РПЦ, на котором был рассмотрен вопрос о ситуации в УПЦ. Синод призвал Филарета исполнить данное им на кресте и Евангелии обещание Архиерейскому Собору РПЦ уйти с поста предстоятеля УПЦ. Синод запретил митр. Филарету до созыва Архиерейского Собора УПЦ действовать в качестве предстоятеля, в т. ч. рукополагать архиереев.

Церковь
Преображения Господня
Преображенского мон-ря
в с. Нещерове. 1794 г.
Фотография. 2010 г.

Синод предупредил Филарета о том, что в случае неисполнения постановлений Собора и данного решения Синода он будет предан церковному суду. О принятых решениях укр. паства была извещена посланием, в к-ром подчеркивалось, что принятие решений, пресекающих антиканонические действия митр. Филарета, находятся в строгом соответствии с соборными определениями и не являются покушением на самостоятельность Украинской Церкви, дарованную ей в окт. 1990 г. 21 мая 1992 г. на заседании Синода РПЦ, приглашение на к-рое также было проигнорировано митр. Филаретом, старейшему по хиротонии архиерею УПЦ митр. *Никодиму (Руснаку)* было поручено собрать Архиерейский Собор УПЦ

для избрания нового предстоятеля УПЦ, до выборов управление Украинской Церковью поручалось митр. Никодиму.

26 мая 1992 г. митр. Филарет собрал в Киеве своих немногочисленных сторонников на «всеукраинскую конференцию по защите прав Украинской Православной Церкви», в ее работе не принял участия ни один архиерей. «Конференция» отвергла решения Синода Русской Церкви от 7 и 21 мая 1992 г., деятельность правосл. епископата, не последовавшего за Филаретом, назвала «предательством Церкви и православного народа Украины». 30 мая 1992 г. митр. Филарет направил К-польскому патриарху *Варфоломею I* послание, в к-ром обвинил Московскую Патриархию в «антиканонической деятельности» и в учинении раскола в Украинской Церкви. Также митр. Филарет просил К-польского патриарха принять его вместе с ближайшими помощниками.

Поскольку проведение Архиерейского Собора УПЦ в Киеве не представлялось возможным из-за прямых угроз со стороны митр. Филарета и националистически

настроенных политиков, 27–28 мая 1992 г. митр. Никодим провел Собор в Харькове. На Собор

приехали 18 укр. правосл. архиереев, митр. Филарет не явился. Собор внес поправки в Устав УПЦ, касающиеся митрополита Киевского и всея Украины. В частности, были упразднены пункты о пожизненности титула предстоятеля УПЦ и о том, что он должен избираться только из числа архиереев УПЦ. Основным деянием Харьковского Собора было смещение Филарета (Денисенко) с поста предстоятеля УПЦ с почислением за штат. В качестве пресудебной меры Архиерейский Собор УПЦ запретил Филарета в священнослужении вплоть до окончательного решения по этому вопросу кириархальной Церкви. Новым предстоятелем УПЦ большинством голосов (16 из 18) был избран Владимир (Сабодан), митр. Ростовский и Новочеркасский,

управляющий делами Московской Патриархии. Патриарх Московский и всея Руси Алексей II благословил митр. Владимира особой грамотой на предстоятельское служение. Определение Архиерейского Собора УПЦ об избрании Владимира митрополитом Киевским и всея Украины было с одобрением принято всеми Поместными правосл. Церквами. 10 июня 1992 г. в Киево-Печерской лавре состоялось собрание клириков К. е., к-рое возглавил духовник епархии прот. Михаил Бойко. Собрание приняло неск. обращений, в к-рых выразило свою поддержку решениям Харьковского Собора. Духовенство Киевщины направило телеграмму новоизбранному митр. Киевскому и всея Украины Владимиру со словами приветствия и призывом к скорейшему вступлению в управление К. е.

11 июня 1992 г. в Даниловом монастыре в Москве под председательством патриарха Московского и всея Руси Алексия II был проведен специально созванный Архиерейский Собор РПЦ (см. *Архиерейский Собор РПЦ 11 июня 1992 г.*), на к-ром вновь рассматривалась церковная ситуация на Украине. 10 июня на собрании 16 укр. правосл. епископов было составлено заявление с характеристикой противоканонических действий митр. Филарета. Заявление было представлено на Архиерейском Соборе РПЦ. Собор постановил извергнуть митр. Филарета (Денисенко) из сана, лишив всех степеней священства. Поскольку запрещенный в священнослужении митр. Филарет продолжал совершать хиротонии, в т. ч. епископские (совм. с Почаевским еп. *Иаковом (Панчуком)*), Собор постановил считать недействительными все совершенные им хиротонии, начиная с 27 мая 1992 г. Архиерейский Собор обратился с посланием к пастырям и верным чадам УПЦ, оповещавшим о возникновении в Украинской Церкви нового раскола. В Послании отмечалось, что извержение из сана Филарета (Денисенко) и Иакова (Панчука) не связано с принципиальным отношением к вопросу об автокефалии Украинской Церкви, к-рый станет предметом обсуждения на Поместном Соборе РПЦ на основании свободного волеизъявления верующих. В послании также содержалось предупреждение о том, что все, кто будут вступать в церковное общение с Фила-

ретом (Денисенко) и Иаковом (Панчуком), подвергают себя отлучению от Церкви, а клирики — извержению из сана.

18 июня 1992 г. для принятия имущества и документов Киевской митрополии от бывш. митр. Филарета прибыла комиссия, образованная решением Архиерейского Собора УПЦ в Харькове. Однако члены комиссии не были допущены в здание канцелярии митрополии по ул. Пушкинской, 36. Ночью по инициативе Филарета националистические боевые группировки УНА-УНСО предприняли попытку, используя холодное оружие захватить Киево-Печерскую лавру, захватом руководил настоятель Владимирского кафедрального собора прот. Борис Табачек. Предотвратить их вторжение в лавру удалось после вмешательства правоохранительных органов. Одновременно были инициированы силовые захваты др. храмов УПЦ. Власти Украины во главе с президентом Кравчуком оказали поддержку Филарету (Денисенко). Кравчук и председатель Совета по делам религий Украины А. Л. Зинченко объявили незаконными решения Харьковского Собора УПЦ. Президиум Верховной рады Украины по инициативе западноукр. депутата Д. В. Павлычко (униата) принял заявление, объявлявшее Харьковский Собор не только незаконным, но и неканоническим.

20 июня 1992 г. в Киев прибыл митр. Киевский и всея Украины Владимир, радостно встреченный тысячами верующих канонической Церкви. Поскольку в этот день Владимирский кафедральный собор был забаррикадирован боевиками УНСО, митр. Владимир направился в Киево-Печерскую лавру, к-рая с этого дня стала резиденцией Киевского митрополита. В лаврском Трапезном храме преподобных Антония и Феодосия митр. Владимир совершил благодарственный молебен и обратился с 1-й проповедью к верующим УПЦ. После молебна в Трапезном храме состоялся Архиерейский Собор, который констатировал, что митр. Владимир приступил к исполнению обязанностей управляющего К. е. и предстоятеля УПЦ. Собор признал факт хищения мон. Филаретом (Денисенко) церковной казны и имущества, принадлежавших Киевской митрополии.

23 июня 1992 г. Филарет (Денисенко) вместе с «архиереями» УАПЦ,

группой народных депутатов и представителями гражданской общности создал «Комитет по защите украинского православия». На раскольническом «соборе» 25–26 июня 1992 г. произошло организационное оформление «Украинской православной церкви — Киевского Патриархата» (УПЦ КП), фактическим главой к-рой стал Филарет (Денисенко) с титулом «митрополит Киевский и всея Украины». Номинально УПЦ КП возглавил «патриарх Киевский» Мстислав (Скрыпник). Т. о., оба руководителя раскольнической структуры имели титул «Киевский».

26 июня 1992 г. в Киево-Печерской лавре прошел Собор УПЦ, который своим решением подтвердил правомочность низложения бывш. митр. Филарета (Денисенко) и избрания предстоятелем УПЦ и митрополитом Киевским и всея Украины Владимира (Сабодана). В постановлении указывалось, что объединение с УАПЦ является личным делом Филарета (Денисенко) и никакого отношения к УПЦ не имеет. Постановлением Собора Черкасское викариатство К. е. было преобразовано в самостоятельную епархию.

В июле 1992 г. Филарет (Денисенко) и Антоний (Масендич) посетили в Стамбуле К-польского патриарха Варфоломея, прося признать УПЦ КП. Патриарх ограничился обещаниями, отказал он им и в выдаче св. мира. Одновременно патриарх Московский и всея Руси Алексей II обратился с письмом к К-польскому предстоятелю, в к-ром описал церковную ситуацию на Украине, возникшую в связи с раскольнической деятельностью Филарета (Денисенко), и просил патриарха Варфоломея не оказывать поддержку раскольникам. 26 авг. 1992 г. патриарх Варфоломей известил патриарха Алексия о признании митр. Владимира (Сабодана) единственным законным предстоятелем УПЦ и о поддержке решения о лишении Филарета священного сана.

Несмотря на то что УПЦ неоднократно обращалась в гос. органы по вопросу возвращения ей незаконно отнятых митрополичьей резиденции, Владимирского кафедрального собора, имущества и документации Киевской митрополии, никаких решений по данным обращениям принято не было. В связи с этим новым кафедральным собором К. е. УПЦ временно был определен Трапезный

храм преподобных Антония и Феодосия Киево-Печерской лавры, а резиденцией Киевского митрополита стал корпус № 49 лавры. После июньского 1992 г. Собора УПЦ все

*Церковь арх. Михаила
в Переяславе-Хмельницком.
1646–1666 гг.
Фотография. 2004 г.*

мон-ри и подавляющее большинство общин К. е. подтвердили свою верность предстоятелю УПЦ, митр. Киевскому и всея Украины Владимиру. 14 июля 1992 г. Синод УПЦ определил архим. *Антонию (Филко)*, ранее состоявшему в УАПЦ, быть епископом Переяслав-Хмельницким, викарием К. е. 27 июля в Крестовоздвиженском храме Киево-Печерской лавры состоялась его епископская хиротония (22 июня 1993 назначен епископом Хмельницким и Шепетовским). На том же заседании Синода наместнику московского Данилова мон-ря архим. *Игнатию (Хилько)* определено быть епископом Белоцерковским, викарием Киевской митрополии. 16 авг. в киевском Покровском храме на Соломенке была совершена его архиерейская хиротония (впосл. храм отпал в раскол).

И в 1992 г., и в последующие годы продолжилась положительная динамика в регистрации новых общин и мон-рей УПЦ. Так, в 1992 г. в Киевской обл. было зарегистрировано 226 общин УПЦ, в к-рых совершали служение 156 священнослужителей. В Киеве в 1992 г. насчитывалось 37 религ. орг-ций и 3 монастыря. Открывались воскресные школы, к кон. 1992 г. их число достигло 30 (ЦДАГОУ. Ф. 1. Оп. 41. Ед. хр. 1. Л. 2). В 90-х гг. УПЦ уверенно сохраняла в Киеве и Киевской обл. доминирующее положение по количеству общин.

7 сент. 1993 г. частью бывш. «епископов» УАПЦ, отколовшихся от УПЦ КП, был организован «второй поместный собор УАПЦ», избрав-

ший «патриархом Киевским» и главой УАПЦ Димитрия (до принятия «монашеского пострига» львовский прот. Владимир Ярема). 21–24 окт. 1993 г. на «поместном соборе» УПЦ КП также состоялись выборы нового «патриарха» УПЦ КП, им стал Владимир *Романюк*, Филарет (Денисенко) имел

титул «Блаженнейший митрополит Киевский» и должность «заместителя патриарха Киевского и всея Руси–Украины».

1 нояб. 1993 г. Свящ. Синод РПЦ определил считать избрание обоих «Киевских патриархов» самочинным, а лиц, дерзнувших незаконно принять на себя патриарший сан, святотатцами. В постановлении Синода обращалось внимание, что сам факт появления двух «патриархов Киевских» в одном месте и для одного народа является свидетельством лжи и обмана. 23 дек. 1993 г. Верховная рада Украины утвердила внесение изменения в ст. 17 закона «О свободе совести и религиозных

*Церковь святых Бориса и Глеба
в Вышгороде. 1863 г.
Фотография. 2009 г.*

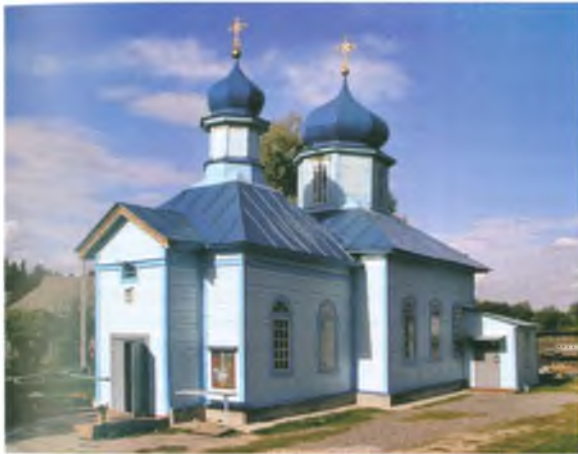
организациях», согласно которому стало возможным предоставление храмов в поочередное пользование 2 и более общинам верующих без их взаимного согласия. Впосл. данное постановление, якобы призванное

помочь урегулированию межцерковного противостояния, напротив, стало причиной роста количества межрелиг. столкновений.

В июле 1994 г. решением Синода УПЦ из К. е. были выведены 10 районов южной части Киевской обл. для образования Белоцерковской и Богуславской епархий, в состав которой вошли Белоцерковский, Богуславский, Володарский, Кагарлыкский, Мироновский, Ракитнянский, Ржищевский, Сквирский, Ставищенский, Таращанский, Тетиевский и Узинский благочиннические округа. С того времени К. е. имеет современные границы. 1 авг. 1994 г. во епископа Белоцерковского и Богуславского был хиротонисан архим. *Серафим (Зализницкий)*. В том же году викарий К. е. Белоцерковский архиеп. Ионафан (Елецких) был переведен на новообразованную Конотопскую и Глуховскую кафедру. С образованием самостоятельной Белоцерковской епархии удалось более эффективно противостоять деятельности Киевского Патриархата, руководство которого создавало и регистрировало в Киевской обл. «параллельные общины», претендовавшие на храмы канонической Церкви.

14 июля 1995 г. скончался «патриарх Киевский и всея Руси–Украины» Владимир Романюк. 18 июля в Киеве на Софийской пл. во время похорон «патриарха» Владимира произошли массовые беспорядки. Похороны своего предстоятеля епископы УПЦ КП во главе с Филаретом (Денисенко) использовали в политических целях. Желая представить «Киевский патриархат» правопреемником канонической православ. Церкви, Денисенко потребовал передать УПЦ КП Софийский собор, митрополичьи палаты, церкви и строения верхней Киево-Печерской лавры, Почаевскую лавру, Выдубицкий мон-рь, строения Златоверхого Михайловского мон-ря, Андреевскую ц. 22 июля 1995 г. патриарх Московский и всея Руси Алексей II во время своей поездки в Минск высказался по поводу происшедших в Киеве событий, заявив, что достойны осуждения действия раскольников, отделившихся от Матери-Церкви и использующих для удовлетворения политических амбиций даже смерть. В авг. 1995 г. в Киево-Печерской лавре состоялся Архиерейский Собор УПЦ, давший оценку июльским событиям на Со-

фийской пл. Участники Собора указали: имевшая место провокация в очередной раз подтвердила, что «Киевский патриархат» — это организация не религиозная, а политическая, насаждающая разделение. Архиереи УПЦ обратились к братьям, пребывающим в расколе, с призывом покаяться и вернуться в лоно Матери-Церкви, отметив, что любой диалог с УПЦ КП будет возможен лишь при условии, что осужденный Церковью и извергнутый из сана Филарет (Денисенко) не будет принимать в нем участия. Была также подтверждена готовность канонической Церкви к диалогу с автокефалистами в случае останова насильственных захватов православных храмов и прекращения вмешательства политиков в церковную жизнь. 20–21 окт. 1995 г. на «поместном соборе УПЦ КП» новым «патриархом

Церковь
Рождества Пресв. Богородицы
в Василькове. 1859 г.
Фотография. 2011 г.

Киевским и всея Руси—Украины» был избран Филарет (Денисенко). 13 дек. 1996 г. епископом Переяслав-Хмельницким, викарием К. е., был назначен архим. *Иоанн (Снопко)*. 26 июля еп. Иоанн стал управляющим Хустской и Виноградовской епархией, на Переяслав-Хмельницкое викариатство был назначен проректор КДА архим. *Митрофан (Юрчук)*, ему также было определено исполнять послушание управляющего делами УПЦ. 19 дек. 2007 г. на вакантную Переяслав-Хмельницкую викарную кафедру был хиротонисан секретарь предстоятеля УПЦ митр. Владимира архим. Александр (Драбинко), 19 дек. 2010 г. возведенный в сан архиепископа. Решением Синода УПЦ от 14 июня 2011 г. архиеп. Александру была присвоена расширенная титулатура: Переяслав-Хмельницкий и Вишневский.

19 апр. 1997 г. решением Синода УПЦ было учреждено Вышгородское вик-ство, епископом Вышгородским, викарием К. е., был избран наместник Киево-Печерской лавры архим. *Павел (Лебедь)*. 1 мая 2011 г. викариатство было преобразовано в Вышгородское и Чернобыльское, а возглавляющий его архиеп. Павел (Лебедь) указом митр. Владимира был возведен в сан митрополита. 3 дек. 2000 г. было учреждено Почаевское вик-ство К. е., бывшее ранее вик-ством Тернопольской епархии УПЦ; епископом Почаевским, викарием К. е., Свящ. Синод УПЦ определил быть наместнику Почаевской Успенской лавры архим. *Владимиру (Морозу)*. 24 дек. решением Синода УПЦ было учреждено *Васильковское вик-ство* К. е. Первым епископом Васильковским стал наместник Глинской пуст. архим. *Пантелеимон (Бащук)*, 13 нояб. 2005 г. викариатство возглавил Лука (Коваленко), который пребывал на кафедре по 8 мая 2008 г., с 24 сент.

2008 г. Васильковским епископом является бывший благочинный Киево-Печерской лавры архим. *Пантелеимон (Поворозюк)*. В нач. 2013 г. кафедра стала вакантной в связи с переводом еп. Пантелеимона на новообразованную Ровеньковскую и Свердловскую епархию, 17 марта во епископа Васильковского был хиротонисан архим. *Николай (Почтовий)*. Бориспольское вик-ство К. е. создано решением Свящ. Синода УПЦ от 22 нояб. 2006 г. с избранием епископом Бориспольским архим. Антония (Паканича), насельника Киево-Печерской лавры, заведующего канцелярией Киевской митрополии. 31 мая 2007 г. еп. (с 24 сент. 2008 архиеп., с 19 янв. 2013 митр.) Антоний (Паканич) был назначен ректором КДАиС.

Решением Свящ. Синода УПЦ от 18 окт. 2007 г. было учреждено Белгородское вик-ство К. е., на которое был назначен архиеп. *Николай (Грох)*, занимавший до этого Ивано-Франковскую и Коломыйскую кафедру. Местопребыванием викарно-

го архиерея определен Пантелеимоновский мон-рь в Киеве (Феофания). 14 нояб. того же года образовано *Яготинское вик-ство*, 16 нояб. 2007 г. во епископа Яготинского был хиротонисан клирик К. е. архим. *Серафим (Демьянов)*. 11 нояб. 2008 г. было учреждено Городницкое викариатство К. е. с назначением на него наместника ставропигиального Городницкого Георгиевского мон-ря в Новоград-Вольнском р-не Житомирской обл. архим. Александра (Нестерчука). 17 нояб. 2008 г. Свящ. Синод УПЦ учредил *Макаровское вик-ство* К. е., назначив на него еп. *Иларию (Шишковского)*, освобожденного от управления Херсонской и Таврической епархией.

Решением Синода УПЦ от 23 дек. 2010 г. территорию К. е. (кроме Киева) разделили между 4 вик-ствами: Броварским, Макаровским, Переяслав-Хмельницким и Яготинским. Каждый из названных викариев имеет полномочия над частью территории К. е.; на новоучрежденное Броварское вик-ство был назначен архим. *Феодосий (Снигурёв)*, благочинный мон-рей К. е. В соответствии с распоряжением митр. Владимира от 1 нояб. 2012 г. была проведена реорганизация благочиннических округов Киева. С этого времени Киев разделен на 14 благочиний: Голосеевское, 1-е и 2-е Дарницкие, Деснянское, Днепровское, Оболонское, Печерское, Подольское, Святошинское, Соломенское, 1-е и 2-е Шевченковские, Кладбищенское, Больничное. Монашеские общины К. е. объединены в Монастырское благочиние.

Синодальным решением от 26 августа 2011 г. образовано *Обуховское вик-ство*, 9 сент. 2011 г. во епископа Обуховского, викария К. е., хиротонисан архим. Иона (Черепанов), настоятель киевского Ионинского монастыря. Решением Свящ. Синода УПЦ от 8 мая 2012 г. архим. Антоний (Крипак) был избран епископом Бородянским, викарием Киевской митрополии. 20 июля 2012 г. при ставропигиальной Глинской Рождество-Богородичной пуст. было образовано *Путивльское викариатство* К. е., на новоучрежденную кафедру был переведен еп. Антоний (Крипак), назначенный наместником Глинской пуст. 28 авг. 2012 г. во епископа Бородянского, викария К. е., был хиротонисан архим. Варсонофий (Столяр). 20 июля 2012 г.

образовано Ирпенское викариатство, 23 июля во епископа Ирпенского был хиротонисан архим. *Климент (Вечера)*, председатель Учебного комитета УПЦ. 25 авг. 2012 г. учреждено *Фастовское викариатство*, во епископа Фастовского 30 авг. был хиротонисан архим. Дамиан (Давыдов), настоятель киевского Введенского мон-ря.

К сер. 2013 г. в УПЦ несли служение 15 викариев К. е.: митр. Бориспольский Антоний (Паканич), митр. Вышгородский и Чернобыльский Павел (Лебедь), митр. Почаевский Владимир (Мороз), архиеп. Белгородский Николай (Грох), архиеп. Переяслав-Хмельницкий и Вишневский Александр (Драбинко), архиеп. Яготинский Серафим (Демьянов), архиеп. Городницкий Александр (Нестерчук), еп. Макаровский Иларий (Шишковский), еп. Броварский Феодосий (Снигирёв), еп. Обуховский Иона (Черепанов), еп. Путивльский Антоний (Крипак), еп. Ирпенский Климент (Вечера), еп. Бородянский Варсонофий (Столяр), еп. Фастовский Дамиан (Давыдов) и еп. Васильковский Николай (Почтовый).

25 сент. 2013 г. были учреждены новые викариатства: в пределах Киева — Северное, Южное и Восточное.

В соответствии с уставом об управлении УПЦ митрополит Киевский и всея Украины осуществляет руководство церковной жизнью при помощи Киевской митрополии УПЦ. Киевская митрополия представляет собой высший адм. аппарат УПЦ, а также выполняет функции управления К. е. Киевскую митрополию возглавляет митрополит Киевский и всея Украины. Указом митр. Владимира (Сабодана) от 8 мая 2012 г. учреждена должность 1-го викария Киевской митрополии. Ему делегированы следующие полномочия: координация деятельности викариатств Киевской митрополии, управление мон-рями и приходами Киева и К. е., председательство в епархиальном совете К. е., созыв епархиального совета и епархиального собрания К. е. и председательство на них. С 8 мая 2012 г. должность 1-го викария занимал Бориспольский митр. Антоний (Паканич), 25 сент. 2013 г. он возглавил новоучрежденную самостоятельную Бориспольскую и Броварскую епархию (отделена от К. е.). 19 июня 2012 г. митр. Владимир издал указ о реорганизации Киевской митрополии. В составе митрополии

созданы: адм. аппарат, исполнительный секретариат, информационно-аналитическая служба, пресс-служба, юридическая служба, финансово-хозяйственная служба, отдел кадров и референтура. В состав исполнительного секретариата входят секретарь К. е. и секретарь по Киеву.

2 июня 2007 г., во время празднования 15-летия Харьковского Архирейского Собора, в Киеве состоялась закладка кафедрального собора в честь Воскресения Христова, в том же году возле места строительства был воздвигнут временный храм во имя Всех святых. Решением Свящ. Синода УПЦ от 10 февр. 2011 г. установлено празднование Собору Киевских святых, совершаемое 15/28 июля в день памяти равноап. вел. кн. Владимира. В Соборе значатся имена 125 подвижников благочестия.

В 2000-х гг. сложилась традиция празднования в Киеве памяти Крещения Руси. 26–28 июля 2008 г. прошли торжества в честь 1020-летия Крещения Руси, к-рые возглавили патриарх Московский и всея Руси Алексей II и патриарх К-польский Варфоломей. На следующие торжества 27 июля 2009 г. Киев впервые после своего избрания посетил Патриарх Московский и всея Руси Кирилл, визиты к-рого в столицу Украины стали ежегодными. В кон. июля 2013 г. в Киеве прошли торжества по случаю 1025-летия Крещения Руси. 26 июля для участия в торжествах в Киев прибыли предстоятели Поместных Православных Церквей: Патриарх Московский и всея Руси Кирилл, патриарх Александрийский *Феодор II*, Патриарх Иерусалимский *Феофил III*, Католикос-Патриарх всея Грузии *Илия II*, Патриарх Сербский *Ириней*, Патриарх Болгарский *Неофит*, Архиепископ Кипрский *Хризостом II*, Митрополит Варшавский *Савва* и митрополит всей Америки и Канады *Тихон*, представители всех Поместных Церквей. В Киев был доставлен крест св. ап. Андрея Первозванного, прибывший из Греции по случаю годовщины Крещения Руси. Кульминацией торжеств стали праздничный молебен на Владимирской горке, совершенный 27 июля предстоятелями правосл. Церквей, и торжественная литургия на площади Киево-Печерской лавры. По случаю юбилея было опубликовано послание митрополита Киевского и всея Украины Владимира и Синода УПЦ. В рамках торжеств в Киеве

был освящен отреставрированный памятник Крещению Руси, действовало множество выставок, прошла Международная научная конференция «Владимир Святой и Крещение Руси».

В К. е. издаются газеты «Вера и культура», «Ионинский листок», «Кириллица», «Прямая речь», «Вертоград», «Вера и честь», журналы «Отрок», «Покров», «Фамилия». Действует ряд духовно-просветительских центров, братств и сестричеств. При КДАиС открыты катехизаторские курсы, при Ионинском мон-ре — певческие, катехизаторские (для людей с недостатками слуха), миссионерские курсы и курсы чтецов.

Еп. Климент (Вечера)

Ист.: *Шаповалова А.* Пасхальные дни в Киеве // ЖМП. 1945. № 6. С. 13; *Александров И. В.* Частичный список погибшего духовенства г. Киева // Вісник прес-служби УПЦ. 2002. № 11; Київ у дні нацистської навали: (За док-тами радянських спецслужб) / Упоряд.: Т. В. Вронська та ін. К., 2003. С. 374–382; Малоизвестные страницы церковного служения эскадрона Украины митр. Михаила (Ермакова) в 1922–1923 гг.: (По мат-лам следственного дела) / Публ. вступ. ст. и примеч.: А. Н. Сухоруков // Вестн. ПСТГУ. Сер. 2: История. История РПЦ. 2009. Вып. 1(30). С. 79–122; *Варнава (Беляев), еп.* «Для Коля» против...: Зап. книжки. 1950–1960 / Сост., вступ. очерк, коммент.: П. Г. Проценко. Н. Новг., 2010; Церковная жизнь эпохи гонений глазами тайного курьера укр. епископов: Следственные показания Г. А. Косткевича 1931 г. / Вступ. ст., публ. и примеч.: свящ. А. Мазырин, О. В. Косик, А. Н. Сухоруков // Вестн. ПСТГУ. Сер. 2. 2010. Вып. 4(37). С. 70–87; 2011. Вып. 2(39). С. 89–130.

Лит.: *Білокінь С. І.* Православні єпархії України 1917–1941 рр. // Історико-географічні дослідження на Україні. К., 1992. С. 100–120; *Пашенко В. О.* Держава і православ'я в Україні: 20–30-ті рр. XX ст. К., 1993; *он же.* «Ніч минула, а день наблизився...»: Держава і православ'я в Україні. 20-ті рр. К., 1994; *он же.* Свобода совісті в Україні: Міфи і факти 20–30-х рр. К., 1994; *он же.* Православ'я в новітній історії України. Полтава. 1997. Ч. 1; 2001. Ч. 2; *он же.* Православна Церква в тоталітарній державі: Україна 1940 — початку 1990-х рр. Полтава, 2005; *Пілявець Л. Б.* Взаємовідносини між православ. Церквами в Україні в умовах становлення тоталітаризму // Церква і національне відродження. К., 1993. С. 78–89; *Нестуля О.* Доля церковної старовини в Україні, 1917–1941 рр. К., 1995. Ч. 1: 1917 — сер. 20-х рр.; *Ткачук А. П.* Розп'яті на Хресті: Київські священики та чернецтво — жертви комуністичного режиму (1930–1944 рр.) // Українське слово: Газ. К., 1995. № 16–19; *Шип Н. А.* Церковно-православний рух в Україні (початок XX ст.). К., 1995; *Надтока Г. М.* Православна Церква і процес українського нац. відродження 1900–1917 рр. К., 1996; *Андрусишин Б.* Церква в Українській державі, 1917–1920 рр.: (Доба Директорії УНР). К., 1997; *Лисенко О. Є.* Церковне життя в Україні, 1943–1946. К., 1998;

Гордієнко В. В. Православні конфесії в Україні періоду другої світової війни (вересень 1939 р. – вересень 1945 р.): Канд. дис. К., 1999; Стародуб А. В. Боротьба за церковну самостійність в 1917–1921 рр. та участь у ній єпископів-українців // Наукові зап.: Зб. праць молодих вчених і аспірантів / Ін-т укр. археографії і джерелознавства ім. М. Грушевського. К., 1999. Вип. 3. С. 325–343; *он же*. Українська державність 1917–1921 рр. «очима» центр. влади Російської Правосл. Церкви: Еволюція несприйняття // Просемінарії: Медієвістика, історія Церкви, науки, культури. К., 1999. Вип. 3. С. 190–203; *он же*. Юрисдикційна політика Російської Правосл. Церкви 1917–1921 рр.: Український аспект: Канд. дис. К., 1999; Шкаровский М. В. Иосифлянство: Течение в РПЦ. СПб., 1999; *он же*. Судьбы иосифлянских пастырей: Иосифлянское движение РПЦ в судьбах его участников: Арх. док-ты. СПб., 2006; Бажан О. Г. До питання про опозиційний рух в середовищі Російської Правосл. Церкви в Україні в 1950–1980-х рр. // Історія релігій в Україні: Праці Х Міжнар. наук. конф. Львів, 2000. Кн. 1. С. 52–56; *он же*. Антирадянська політика в УРСР в 1950-ті рр.: Позиція Церкви, настрої серед віруючих // Релігія і Церква в історії України: Мат-ли Міжнар. наук. конф. Полтава, 2006. С. 31–38; *он же*. Репресивна політика радянських органів держбезпеки на Київщині у 1940-х – на початку 1950-х років // Наук. зап. НАУКМА. К., 2009. Т. 91: Історичні науки. С. 35–41; *он же*. «Шпигуни в сутанах»: До питання про масштаби політ. репресій среди духовенства та віруючих в УРСР у 1937–1938 рр. // Сумський іст.-арх. ж. 2010. № 10/11. С. 135–154; Бажан О. Г., Данилюк Ю. З. Випробування вірою: Боротьба за реалізацію прав і свобод віруючих в Україні в другій пол. 1950-х – 1980-ті рр. К., 2000; Киридон А. М. Обновленство в Україні: Причини виникнення та спроби періодизації // Історична пам'ять: Зб. наук. праць. Полтава, 2000. № 1/2. С. 152–160; *она же*. Державно-церковні відносини в радянській Україні 1920–1930-х рр.: Соціальний вимір // Проблеми історії України: Факти, судження, пошуки: Міжвідомчий зб. наук. праць. К., 2004. Вип. 12. С. 234–256; *она же*. Документи «Окремої папки» ЦК КП(б)У як джерело з історії політики радянської влади щодо релігії і Церкви // Студії з архівної справи та документознавства. К., 2004. Т. 11. С. 150–157; *она же*. Еволюція політики партійно-державного керівництва радянської України щодо релігії і Церкви (1917–1930-ті рр.) // Історичний ж. К., 2004. № 6/7. С. 20–31; *она же*. Мораль і моральність провідників політики відокремлення Церкви від держави в радянській Україні 1920–1930-х рр. // Лаврський альманах. 2004. Вип. 12. С. 52–59; *она же*. Причини розколів в українському православ'ї (1920-і рр.) // Дрогобицький краєзнавчий сб. Дрогобич, 2004. Вип. 8. С. 294–307; *она же*. Духовенство в радянській Україні 1920–1930-х рр. // Проблеми історії України: Факти, судження, пошуки. 2005. Вип. 14. С. 301–328; *она же*. Міжконфесійні відносини в радянській Україні (1920–1930-ті рр.) // Історичний ж. 2005. № 6. С. 15–33; *она же*. Парфеній Левицький і рух за автокефалію Української Правосл. Церкви // Вісник Київського нац. ун-ту ім. Т. Шевченка. Сер.: Історія. 2005. № 77/79. С. 79–82; *она же*. Стан збереження архівних документів ліквідованих релігійних громад (кін. 1920-х – початок 1930-х рр.) // Студії

з архівної справи та документознавства. 2005. Т. 13. С. 155–163; *она же*. Час випробувань: Держава, Церква і суспільство в радянській Україні 1917–1930-х рр. Тернопіль, 2005; Свєєва Т. М. Екуменічний аспект міжцерковних стосунків в Україні 1914–1921 рр. // Проблеми історії України XIX – початку XX ст. К., 2001. Вип. 3. С. 264–278; *она же*. Зародження християнської демократії у структурі Російської Правосл. Церкви в 1917–1921 рр.: (Загальний та український аспект) // Український іст. ж. 2001. № 1. С. 107–122; *она же*. Боротьба міністерства ісповідань уряду УНР Директорії за визнання Української Церкви у всеправославному та всехристиянському контексті // Проблеми історії України: Факти, судження, пошуки. 2002. Вип. 6. С. 393–405; *она же*. Російська Православна Церква в Україні 1917–1921 рр.: Конфлікт нац. ідентичностей у правосл. полі. К., 2005; Свистун В. Спасая тела и души: Киевские мон-ри в годы Великой Отечественной // Вестник пресс-службы УПЦ. 2003. № 27. С. 21–22; Ігнатуша О. М. Інституційний розкол правосл. Церкви в Україні: Генеза і характер (XIX – 30-і рр. XX ст.). Запоріжжя, 2004; Пащенко В. О., Киридон А. М. Більшовицька держава і правосл. Церква в Україні 1917–1930-ті рр. Полтава, 2004; Войналович В. А. Партійно-державна політика щодо релігії та релігійних інституцій в Україні 1940–1960-х рр.: Політ. дискурс. К., 2005; Удовик В. М. Німецько-фашистський окупаційний режим (1941–1944 рр.) на території генеральної області «Київ»: Канд. дис. К., 2005; Серафима (Шевчик), игум. Молитва за Победу: Церковь в Великой Отечественной войне. К., 2006; Бойко О. В. Протидія правосл. Церкви і громадськості антирелігійному наступу держави у 20–30-ті рр. XX ст.: (На мат-лах Півдня України): АКД. Дніпропетровськ, 2007; Кальченко Т. В. Етапизація і результати репресій против киевского духовенства // Вісник УПЦ. 2007. № 68; Рубльова Н. Репресії проти «церковників» і «сектантів» в УРСР, 1917–1939 рр. // З архівів ВУЧК–ГПУ–НКВД–КГБ. К., 2007. № 1(28). С. 205–219; Сварчевський А. Священноісп. Михаил: К 40-летию преставления о. Михаила Иваськова // Одиитрия: Газ. Вінниця, 2007. № 2(58). С. 4–5; Самофалова М. О. Міжвоєнна історіографія взаємин влади і правосл. Церкви в Україні: АКД. К., 2008; Олійник Ю. В. Духовенство УАПЦ і УПЦ в роки нацистської окупації: (На мат-лах Хмельниччини) // Освіта, наука і культура на Поділлі: Зб. наук. праць. Хмельницький, 2009. Т. 14. С. 418–427; Релігійна політика в Україні у 1960-х – 1980-х рр. і сучасна практика міжконфесійних відносин / Ред.: В. М. Даниленко. К., 2010; Сухоруков А. Н. Конспіративная деятельность украинских архиереев в борьбе за внутрицерковную свободу в 1920-е гг. // ЕЖБК. 2010. Т. 1. С. 307–312; *он же*. Архим. Климент (Жеретиенко) и преодоление церковного большевизма в Киево-Печерской лавре в 1-й пол. XX в. // Там же. 2011. Т. 1. С. 367–369; Бондарчук П. М. Релігійне життя населення України (сер. 1940-х – сер. 80-х рр.): Докт. дис. К., 2011.

**Еп. Климент (Вечера),
В. Г. Підгайко**

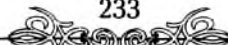
Духовное просвещение в К. е. в XVIII–XXI вв. 1738–1924 гг.
В июне 1738 г. Переяславская консистория и еп. Переяславский и Бо-

риспольский Арсений (Берло) объявили об открытии при Переяславском архиерейском доме славяно-греко-лат. уч-ща. Занятия в уч-ще начались 2 окт. 1738 г. в переяславском Вознесенском монастыре. Для нужд уч-ща наместник Киево-Печерской лавры архим. Иларион (Негребецкий) пожертвовал 4 монастырских здания. Открытие семина-

*Вознесенский собор
в Переяславе-Хмельницком. 1700 г.
Фотография. 2010 г.*

рии в Переяславе связано с тем, что в левобережной части К. е. школ было гораздо больше, чем в Киеве и на Правобережье. «Церковные школы грамоты» в тот период массово открывались при всех крупнейших приходских церквях Левобережного гетманства. В 1748 г. в Переяславском полку насчитывалось 119 школ, Полтавском – 98, Прилуцком – 69, Миргородском – 37, Лубенском – 172 школы. В 1774 г. в Переяславском уч-ще был открыт философский класс, в 1778 г. богословский класс, с того времени уч-ще стало семинарией. В 1785 г., после преобразования Переяславской епархии в коадьюторство с центром в Слуцке, философский и богословский классы были закрыты, Переяславское уч-ще стало «просемінарией» и было поставлено в зависимость от Киево-Могилянської академії, к-рая ассигновала на ее содержание по 50 р. ежегодно. В 1797 г., когда Переяславская епархия снова стала самостоятельной, возобновились гос. дотации на семинарию. В 1807 г. кн. А. Б. Куракин инициировал открытие 53 приходских школ в Переяславском у. В 1817 г. от Переяславской ДС отделилось Переяславское

уездное ДУ, его ректорами до 1832 г. были инспекторы Переяславской ДС. В 1867 г. Переяславская ДС была переведена в Полтаву, а в Переяславе (относившемся к Полтавской губ.) сохранилось духовное уч-ще, закрытое в 1919 г.

1817 год ознаменовался проведением реформы духовного образования в К. е. в соответствии с решением, к-рое приняла в начале 1816 г. синодальная комиссия духовных уч-щ о преобразовании Киевского духовно-учебного округа. Решением синодальной комиссии духовных уч-щ от 24 июля 1817 г. было образовано правление проектируемой Киевской ДС, первым ректором которой стал профессор богословия СПбДА иером. Моисей (Богданов-Платонов-Антипов), инспектором — свящ. Михаил Леонтович (впосл. епископ Мелетий, свт.), ставший 11 июля 1818 г. ректором киевских уездного и приходского уч-щ. Преподавателем и секретарем правления КДС был назначен магистр СПбДА А. Максимович, преподавателем философии — магистр СПбДА проф. И. М. Скворцов, учителем церковной истории, греч. и лат. языков, заведующим б-кой — иером. Кирилл (Куницкий), ставший в нач. 1819 г. ректором КДС в связи с переходом иером. Моисея на должность ректора новообразованной КДА (открыта 28 сент. 1819). Торжественное открытие КДС состоялось 27 окт. 1817 г. На 1-й курс поступило 273 чел., из них 66 — в среднее отд-ние, 162 — в низшее и 45 — в высшее (из последней категории студентов набирались учителя для уездных и приходских уч-щ). Семинария сначала находилась на территории киевского Братского мон-ря, в 1819 г. в связи с открытием КДА перенесена в здание на набережной Днепра на Подоле. Она была отнесена в 1817 г. к 3-му разряду с окладом в 12 850 р., существовавшее при ней Киевское (Киево-Подольское) уездное уч-ще получило оклад 950 р., Киевское приходское училище получило 400 р. В 1832 г. семинария была переведена в киевский Петропавловский муж. мон-рь на Подоле.

В 1818 г. были открыты Черкасское, Уманское и Богуславское училища, в 1819 г. — Бердичевское ДУ, перешедшее в 1844 г. в К. е. из Волынской и Житомирской епархии (упразднено в 1846). В 1837 г. из Киевского уездного училища было вы-

делено Киево-Софийское училище. К 1917 г. в Киевской губ. имелось 5 муж. ДУ, из них 2 в Киеве. В 1861 г. в Киеве открылось епархиальное жен. уч-ще, размещавшееся с 1863 г. на территории бывшего Кловского подворья Киево-Печерской лавры. В 1878 г. было создано Киевское жен. училище духовного ведомства.

В 1860–1917 гг. издавался печатный орган Киевской ДС ж. «Руководство для сельского пастыря», главными редакторами к-рого являлись, как правило, ректоры семинарии. Отдельные преподаватели семинарии получали широкую известность в богословских кругах своими научными трудами: прот. Матфей Поторжинский, архим. Борис (Плотников), архим. Феодосий (Олтаржевский).

В 30-х гг. XIX в. митр. Евгений (Болховитинов) поощрял духовенство к организации приходских школ грамоты. Первые полные школы грамоты в правобережной части К. е. были созданы усилиями помещиков и священников в 30-х гг. XIX в. в мест. Кагарлык Киевского у., мест. Корсунь Каневского у., мест. Кошевата (ныне Ковшеватая) Таращанского у., с. Соловьёвка Радомысльского у., с. Ступично Звенигородского у. и др. К нач. 1846 г. насчитывалось: 34 школы в Уманском у., 21 школа — в Липовецком у., 8 школ — в Васильковском у. В 1846–1847 гг. большинство школ было закрыто из-за нехватки средств. В Киеве на Печерске на средства Пустынно-Николаевского муж. монастыря в нач. 30-х гг. было образовано «монастырское Аскольдовское церковное училище грамоты» (ЦГИАК. Ф. 131. Оп. 16. Д. 29). Оно существовало в здании рядом с ц. свт. Николая на Аскольдовой могиле и входило в состав скита Пустынно-Николаевского мон-ря — Аскольдово-Никольского подворья. Несколько лучше организация церковных школ была поставлена в имениях казенного ведомства, где к 1843 г. насчитывалось 109 церковных школ грамоты с 1269 учащимися. В 1858 г. при поддержке гос-ва открылись большие церковные школы в мест. Торговица и в мест. Ольговец.

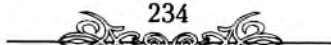
В 1859 г. Киевский митр. Исидор (Никольский) первым в Российской империи выдвинул идею «распространения церковно-народных школ во всех местечках и селах», которая позже была принята и в др. епархиях РПЦ. Он же предложил открывать разные типы церковных школ. Бла-

Свящ. Петр Лебединцев.
Портрет. Кон. XIX в.
(Национальный заповедник
«София Киевская»)

гочинный церковью Белоцерковского у. свящ. Петр Лебединцев в 1859 г. приступил к организации начального образования для детей. При содействии митр. Исидора и владельца имений в мест. Белая Церковь и окрестностях гр. В. Г. Браницкого о. Петр открыл в Белой Церкви 4 школы, к-рые послужили примером при организации школ на Правобережной Украине. Киевский ген.-губернатор гр. И. И. Васильчиков в 1860 г. предложил передать начальное обучение крестьян правосл. приходским священникам, благодаря усилиям митр. Исидора и Васильчикова число церковных школ на Киевщине стремительно росло. Организация в 1859–1860 гг. церковно-приходских школ нового типа позднее была названа «киевским почином». В 1862 г. в обязанность приходскому духовенству юго-западных губерний было вменено своими силами организовывать церковноприходские школы.

Количество церковноприходских школ на Киевщине резко возросло при митр. Арсении (Москвине): если ко времени вступления им в управление К. е. (1860) их было 355 (по др. данным, 385), то уже к нач. 1861 г. насчитывалось 1036 школ. По числу открытых в 60-х гг. XIX в. школ К. е. значительно опережала др. епархии РПЦ. В Киеве действовали 2 школы: при Куренёвской ц. и при киево-подольской Царе-Константиновской ц. В кон. 60-х — нач. 70-х гг. XIX в. на Киевщине имели место попытки перевести церковноприходские школы из ведения Синода в ведение Мин-ва народно-

го просвещения, эти попытки участились в условиях личного конфликта между митр. Арсением и киевским ген.-губернатором А. П. Безаком. Митр. Арсений принял ряд мер, направленных на поднятие уровня педагогической подготовки священнослужителей. В 1870 г. вышел указ, которым предписывалось обязательное изучение буд. пастырями педагогики, в 1872 г. митрополит издал указ, в соответствии с которым каждый выпускник Киевской ДС направлялся на 3-летнюю педагогическую работу в церковно-приходскую школу.

В 1859 г. при Лебединском Николаевском жен. мон-ре было открыто одно из первых на Киевщине женских 3-классных уч-щ, имевшее сначала статус епархиального. Аналогичное женское уч-ще начало работу в 1874 г. при чигиринском Троицком жен. мон-ре. Оба уч-ща в 1887 г. были реорганизованы из 3-классных в 2-классные, из них только Лебединское, переведенное в посл. в статус высшего, просуществовало до 1919 г. Существовали также школы иконописи, 1-я школа была открыта в 1864 г. при Медведовском Николаевском муж. мон-ре. С 1874 г. существовала школа иконописи при Жаботинском Онуфриевском муж. мон-ре.

В 1873 г. в Киевской губ. насчитывалось 1413 учебных заведений разных уровней, из них ведомству правосл. исповедания принадлежали 1270 школ, в ведении Мин-ва народного просвещения состояли 112 учебных заведений. В последующие годы шло уменьшение числа церковных школ в пользу государственных. Уникальной чертой К. е. был тот факт, что даже в 1881 г., в условиях наиболее массового вытеснения церковных школ государственными, из 4,4 тыс. церковных школ Российской империи 1063 приходилось на Киевскую губ. После принятия в 1884 г. положения о церковноприходских школах число церковных школ в К. е. снова стало расти. Уже в 1885 г. в К. е. насчитывалось 1198 школ при храмах, из них 551 церковноприходская школа и 647 школ грамотности.

Многие инициативы в области церковноприходского просвещения Русской Церкви берут начало в Киевской митрополии. 24 янв. 1885 г. в К. е. была учреждена должность окружного наблюдателя для церков-

ноприходских школ, первоначально в епархии насчитывалось 58 наблюдателей. В 1888 г. учреждены уездные отделения Киевского епархиального училищного совета. В 1889 г. Киевский митр. Платон (Городецкий) предложил синодальному училищному совету утвердить предложенный им порядок отношений Киевского епархиального училищного совета с подчиненными ему уездными отделениями. Предложенный митр. Платоном вариант положения был одобрен, в посл. его использовали на общецерковном уровне. Следующим шагом в развитии школьного дела в К. е. стало введение по инициативе архиереев Юго-Западного края в 1893 г. должностей епархиальных наблюдателей школ и уездных ревизоров («наблюдателей»), что было утверждено столичным училищным советом. Нововведение затрагивало неземские (не охваченные широко земствами) губернии, т. е. Киевщину, Подолию и Волинь. Уездным ревизорам церковноприходских школ К. е. подчинялись уездные отделения Киевского епархиального училищного совета. Каждый уезд имел в своем составе неск. округов-благочиний, школы в к-рых состояли под контролем окружных ревизоров. В 1896 г. киевская епархиальная власть добилась установления гос. жалованья служащим уездных отделений епархиального училищного совета.

В 1896 г. Киевское об-во распространения религ. образования открыло школу-церковь в киевской Юрковице в честь «священного коронования их императорских величеств». При ректоре Киевской ДС архим. *Амвросии (Полянском; 1906–1918)* на высокий уровень вышла «образцовая церковноприходская школа» при семинарии, к-рой руководил прот. Виталий Кулинский. Также при учебном заведении состояло Петровское попечительство о бедных воспитанниках семинарии, председателем к-рого являлся ректор.

В 1893 г. в К. е. действовало 1590 школ, в т. ч. 859 церковноприходских и 727 школ грамоты. В 1911 г. в К. е. насчитывалось 1628 школ, из них 1411 церковноприходских и 217 школ грамотности.

В 1919 г. все духовные учебные заведения Киева были закрыты. В 1920 г. нек-рые попытались возобновить деятельность. Так, КДА зарегистрировалась в 1920 г. как высшая школа при «Киевском право-

славном богословском обществе», в дек. 1921 г. перерегистрировалась с названием «Киевская православная богословская академия». 14 июля 1920 г. Трехсвятительский храм КДС на Подоле был зарегистрирован как приходский. По-видимому, в 1920 г. семинария была упразднена и заменена пастырскими курсами под рук. последнего ректора семинарии в 1918–1919 гг. архим. Платона (Петрова), хиротонисанного в 1920 г. во епископа Уманского, викария К. е. Киевские пастырские курсы были зарегистрированы в июне 1920 г., упоминаются в 1920–1922 гг. Курсы содержались на средства «Союза православного духовенства г. Киева и Киевской епархии», «Вспомогательного общества духовенства Киевской епархии», а также частных лиц. В нач. 1920 г. Киевский епархиальный совет (вскоре упраздненный) утвердил учебную программу и преподавательский состав курсов. 9 февр. 1920 г. курсы были сняты с регистрации (ГА Киевской обл. Ф. Р–1. Оп. 1. Д. 189. Л. 137), в 1920–1921 гг. они были вновь зарегистрированы и продолжали функционировать, в 1922 г. закрылись, что совпало со смертью еп. Платона. По меньшей мере до 1922 г. существовали Высшие жен. богословские курсы Киева под рук. некой Полонской, также относившиеся к К. е. Занятия шли в квартирах преподавателей. 24 дек. 1921 г. курсы были перерегистрированы Киевским губревкомом одновременно с Киевской правосл. богословской академией. Краткое время в Киеве действовал «домашний богословский университет» проф. В. И. *Экземплярского*. История духовного просвещения в К. е. прерывается в 1924 г., после окончательной ликвидации советскими властями богословской академии. После этого в Киеве краткое время существовали пастырские курсы автокефалистов и обновленцев, основанные в нач. 20-х гг. XX в.

1947–1960 гг. 12 марта 1945 г. патриарх Алексий I обратился в Совет по делам РПЦ с прошением об открытии пастырско-богословских курсов в Ленинграде, Минске, Киеве, Ставрополе, Луцке и Львове. 22 марта 1945 г. постановлением СНК было разрешено создание пастырских курсов в Киеве, 29 мая 1946 г. СНК СССР принял постановление, которым разрешалось открытие духовных академий в Москве, Ленинграде

и Киеве. Организация духовного учебного заведения затянулась на 2 года из-за отсутствия помещения. В 1947 г. власти предложили Киево-Святошинскому митр. Иоанну бывш. купеческий особняк в центре Киева под «официальную резиденцию для приема иностранных делегаций». Митр. Иоанн переехал в это здание, а занимаемый им с 1944 г. трапезный корпус Златоверхого Михайловского мон-ря передал для семинарии.

18 февр. 1947 г. состоялось торжественное открытие Киевской ДС. Ее ректором стал прот. Сергей Афонский, настоятель киевской Димитриевской ц., выпускник КДА 1914 г., его заместителем и инспектором был назначен прот. Александр Луценко, настоятель киевской Троицкой ц., выпускник КДС 1916 г. Духовником семинарии стал прот. Георгий Едлинский — выпускник Киевской православной богословской академии 1924 г. Предполагалось, что в зданиях Михайловского мон-ря семинария будет находиться временно, т. к. 16 февр. 1948 г. Украинскому Экзархату были переданы 3 корпуса Киево-Печерской лавры для обустройства там семинарии и КДА (ЦДАВО. Ф. 4648. Оп. 3. Д. 248. Л. 68–69). В связи с ужесточением гос. антицерковной политики договор не был выполнен: ни один из корпусов лавры Церкви не был передан, открытие академии не состоялось.

В 1948 г. по настоянию уполномоченного был смещен с должности ректора КДС прот. Сергей Афонский (как ранее репрессированный). В 1949 г. ректором семинарии был назначен свящ. Борис Шулькевич, настоятель киевской Притисско-Никольской ц., работавший до войны преподавателем в техникумах Киева. Условия деятельности Киевской ДС постоянно ухудшались. В нач. 1949 г. в связи с закрытием Златоверхого Михайловского мон-ря семинария была переведена в помещения в стилобате Андреевской ц. Сосуществование учебного заведения с существовавшей при Андреевской ц. «украинской соборной общиной», к-рую окормляли перешедшие из УАПЦ священники — прот. Александр Езерский и свящ. Павел Прилипко, совершавшие богослужение на укр. языке, нередко вызывало конфликты. В апр. 1949 г. власти расторгли договор с украиноязычной общиной, при Андреевской ц. была сформирована община под рук.

свящ. Николая Капшученко, служившего на церковнослав. языке. 15 июня 1949 г. нижняя часть Андреевской ц. перешла в ведение Киевской ДС. В 1950 г. состоялся 1-й выпуск, семинарию окончили 9 чел., выпуск 1951 г. был более многочисленным — 13 чел. Первоначально семинаристы проходили богослужебную практику при Киево-Печерской лавре, где совершались ежедневные богослужения. В окт. 1954 г. в помещении семинарии при стилобате Андреевской ц. был открыт домовый храм прп. Сергия Радонежского (существовал там в 1865–1931) (ЦДАВО. Ф. 4848. Оп. 3. Д. 205. Л. 122).

В июле 1953 г. при Киевской ДС были организованы курсы для духовенства К. е., к-рые окончили 33 священника (Там же. Д. 139. Л. 246–250). Инициатором выступил митр. Иоанн, к-рый объяснял властям свою инициативу тем, что среди духовенства К. е. на 1953 г. насчитывалось 130 священников — бывш. автокефалистов (из расколов Липковского, Павловского и Поликарпа Сикорского), образовательный уровень которых был очень низким (ГА Киевской обл. Ф. 4828. Оп. 1. Д. 5. Л. 1–9). Гл. о. именно они и направлялись епархией на курсы.

В 1951–1954 гг. ректором Киевской ДС являлся прот. Владимир Ганецкий, в 1954–1957 гг. — прот. Николай Концевич. В 1951–1954 гг. из семинарии под надуманными предлогами были отчислены 199 студентов. Власти всячески ограничивали деятельность учебного заведения. Так, в 1955 г. в семинарию поступило лишь 9 чел. (Там же. Д. 322. Л. 30). Учебное заведение испытывало большие трудности с финансами и продовольствием. В 1957–1958 гг. ректором Киевской ДС был архим. *Иоанн (Вендланд)*, инспектором игум. Филарет (Денисенко), в 1958 г. в сане архимандрита ставший последним ректором семинарии перед ее закрытием. В 1957 г. в семинарии не было выпуска, т. к. набор учеников в 1953 г. был сорван властями. В 1957/58 уч. г. в КДС училось 118 чел. В 1958 г. семинарию окончили рекордное для тех лет число выпускников — 21 чел., но уже в 1959 г. — 14 чел. Уполномоченный по делам РПЦ в 1958 г. предложил постепенно ликвидировать семинарию, не производя новых наборов.

В 1957 г. ректор семинарии прот. Н. Концевич, узнав о планах закрытия

семинарии вместе с Андреевской ц., предложил компромиссный вариант: перенести семинарию из Киева в Будаевку в черте г. Боярка Киево-Святошинского р-на. Не возражал против такого варианта позднее и архим. Иоанн (Вендланд). Заместитель уполномоченного Совета по делам РПЦ при СМ УССР Г. С. Катунин 6 февр. 1958 г., поддерживая данное предложение, обратился к председателю СМ УССР с просьбой помочь РПЦ стройматериалами для обустройства в Будаевке нового здания семинарии. Однако архим. Филарет настаивал на нереалистичном плане — перенесении семинарии в Киево-Печерскую лавру, которая находилась под угрозой закрытия.

27 сент. 1959 г. всеукр. уполномоченный по делам РПЦ Г. Пинчук обратился с инициативой закрытия Киевской ДС, на что Карпов ответил, что первоочередно следует закрыть семинарии в Саратове и Ставрополе, а вот Киевскую ДС закрывать в ближайшее время нецелесообразно, т. к. она находится в столице союзной республики, и лучше закрыть Одесскую. Однако зам. председателя СМ СССР М. С. Гречуха решил, что существование семинарии в Киеве нецелесообразно, т. к. укрепляет в городе позиции церковников, поэтому и саму Андреевскую ц. необходимо скорее закрыть. В этих условиях планировавшийся на июнь 1960 г. выпуск 4-го класса Киевской ДС, в к-ром насчитывалось 15 семинаристов, оказался невозможным. Уполномоченный Пинчук 12 мая 1960 г. сообщил в Москву о закрытии Киевской ДС. 8 июня 1960 г. Учебный комитет при Свящ. Синоде принял вынужденное решение о закрытии семинарии в Киеве, лишь констатировав то, что фактически уже состоялось за месяц.

В 1957 г. были прекращены богослужения в семинарской ц. прп. Сергия Радонежского, на основании чего игум. Филарет в 1957 г. добился у митр. Иоанна (Соколова) придания Андреевскому храму статуса семинарского. Впоследствии у ректора ДС архим. Филарета происходили столкновения с общиной Андреевской ц. Как отмечал уполномоченный Совета по делам РПЦ В. Сухонин, с приходом в храм Филарета в качестве настоятеля между ним и приходом возник конфликт, в 1958 г. закончившийся «изгнанием всего ста-

рого церковного совета и назначением нового совета и нового старосты И. С. Отрощенко, по усмотрению настоятеля» (Там же. Д. 122. Л. 57). Назначенный «по усмотрению» Филарета староста стал активным участником закрытия Андреевской ц. в 1961 г., объявив при этом о своем переходе к «атеистическому мировоззрению».

1988–2013 гг. В июне 1988 г. Совет министров УССР принял решение о передаче РПЦ части территории Киево-Печерской лавры, в 1989 г. было получено разрешение на возрождение Киевской ДС. Первоначально семинария разместилась в 53-м корпусе лавры (ныне архиерейская гостиница). Ректором возрожденной школы стал прот. Петр Влодек, занимавший в 1988–1989 гг. должность управляющего делами Украинского Экзархата, а инспектором назначен наместник лавры архим. Елевферий (Диденко). В авг. 1989 г. прошли вступительные экзамены, по итогам к-рых в 1-й класс были зачислены 44 чел. Кроме того, из Одесской семинарии в Киев была переведена группа 2-го класса. Весной 1990 г. в распоряжение Церкви было передано неск. корпусов бывш. Гостиного двора лавры, 2 корпуса решено было использовать для нужд семинарии.

7 авг. 1991 г. прот. Петр Влодек был переведен на должность ректора Волынской ДС в Луцке, новым ректором Киевской ДС стал архим. Даниил (Чокалюк). В нач. мая 1992 г. в семинарии произошло разделение среди семинаристов и преподавателей, вызванное разным отношением к действиям митр. Филарета, при этом сторонники Филарета оказались в меньшинстве. После Харьковского Собора 27 мая 1992 г. архим. Даниил объявил о поддержке митр. Владимира лишь для того, чтобы беспрепятственно завладеть архивом семинарии (архив был тайно перевезен Даниилом в резиденцию Филарета). На учредительном соборе УПЦ КП 26 июня 1992 г. архим. Даниил открыто примкнул к филаретовскому расколу. Вместе с архим. Даниилом в УПЦ КП перешли 2 преподавателя семинарии в священном сане и ок. 10 семинаристов. Из них была образована «Киевская духовная семинария УПЦ КП», которая объединилась с существовавшей при трапезном корпусе Златоверхого Михайловского мон-ря Киевской се-

минарией УАПЦ, открытой в 1991 г. и перерегистрировавшей в 1992 г. свой устав в юрисдикции УПЦ КП (с 1992 размещается в стилобате Андреевской ц.).

16 сент. 1992 г. Свящ. Синод УПЦ назначил новым ректором Киевской ДС прот. Александра Кубелиуса (ЩАВО. Ф. 4648. Оп. 7. Д. 648. Л. 136). В 1992 г. начала свою деятельность КДА УПЦ. На 1-й курс стационара возрожденной академии в 1992 г. было зачислено 15 чел. (ЩАГОУ Ф. 1. Оп. 41. Ед. хр. 1. Л. 3). В 1993 г. за академией и семинарией был закреплен храм в честь Рождества Пресв. Богородицы при Киево-Печерской лавре, который в наст. время является академической церковью. В 2012 г. статус храма Киевских духовных школ получил Воскресенский («афганский») храм у ворот лавры.

К 1 янв. 1993 г. в Киевской ДС очно обучалось 207 чел., на заочном отделении — 320 чел. 28 окт. 1993 г. исполняющим обязанности ректора Киевских духовных школ был назначен прот. Николай Забуга, он занимал эту должность до мая 2007 г. На посту ректора его сменил Бориспольский еп. Антоний (Паканич; с 2008 архиеп., с 2013 митр.). В 1992–2006 гг. Киевскую ДС окончили 3758 студентов, КДА — 1255 студентов. В 2012/13 г. в КДС обучалось 195 студентов, в КДА — 132 студента.

Ист.: *Лебединцев П., прот.* Открытие первых школ в Киевской губ. // Киевские Ев. 1864. № 12. Отд. 2. С. 393–397; Историко-стат. сведения о церковноприходских школах Киевской епархии // Там же. 1872. Отд. 2. № 5. С. 108–112; № 6. С. 125–132; *Афонский С., прот.* Открытие Киевской ДС // ЖМП. 1947. № 6. С. 6–10.

Лит.: *Булашев Г.* Очерк деятельности по народному образованию Арсения (Москвина), митр. Киевского и Галицкого // Народное образование. СПб., 1896. Кн. 4. С. 108–112; *Перерва В. С.* Відкриття церк.-парафіяльних шкіл у Київській єпархії (сер. XIX ст.) // Проблеми гуманітарних наук: Наук. зап. Дрогобицького державного пед. ун-ту ім. І. Я. Франка. 2000. Вип. 5. С. 116–129; *он же.* Національний фактор у освітній діяльності духовенства у Київській та Фінській єпархіях в XIX ст. // Етнічна історія народів Європи. К., 2001. Вип. 10. С. 63–66; *он же.* Історія шкільництва в містах і селах Київщини XIX — поч. XX ст. Біла Церква, 2008; *Войналович В. А.* Духовні навчальні заклади України (друга пол. 40-х — перша пол. 60-х рр. XX ст.) // Український іст. ж. 2003. № 2. С. 24–38; № 4. С. 61–74; *Степаненко А. В.* «Киевский почин» о. Петра Лебединцева: Попытка микроста. анализа // Проблеми історії України XIX — поч. XX ст. К., 2008. Вип. 15. С. 320–334.

В. Г. Пидгайко

Чудотворные и чтимые иконы К. е. Одними из наиболее почитаемых святынь К. е. являются древнейшие чудотворные иконы Киева: *Киево-Печерская икона «Успение Пресв. Богородицы»* (не сохр., в наст. время почитается список XIX в. из Крестовоздвиженской ц. в Киево-Печерской лавре); икона свт. Николая Чудотворца «Мокрого» из Софийского собора, перед к-рой, согласно Житию святого, был обнаружен живым утонувший в Днепре младенец (*Закревский.* 1868. Т. 2. С. 824); икона свт. Николая Чудотворца «Слупского» (Столпового) из Пустынно-Николаевского мон-ря, явившаяся блгв. кн. киевскому Мстиславу (Феодору) Владимировичу (не сохр.). Одновременно с *Владимирской иконой Божией Матери* (до 1130, ГТГ, ц. свт. Николая Чудотворца в Толмачах), ставшей главной святыней правосл. Руси, была привезена в Киев из К-поля известная только по летописным источникам *Пирогощая икона Божией Матери* и поставлена в ц. Успения Пресв. Богородицы (Пирогощей) на Подоле (ПСРЛ. Т. 2. С. 78). *Игоревская икона Божией Матери*, моленный образ блгв. кн. киевского Игоря (Георгия) Ольговича († 1147), до нач. 40-х гг. XX в. находилась в Успенском соборе Киево-Печерской лавры (не сохр.). История иконы свт. Николая Чудотворца «Доброго» связана с одноименной киевской церковью на Подоле (не сохр., в наст. время почитается список 1-й пол. XVIII в. в Зачатьевской ц. Киево-Печерской лавры). Среди древнейших сохранившихся святынь в Киеве особо почитается мозаика с образом Божией Матери «Нерушимая Стена» («Оранта») в алтарной конхе Софийского собора (40-е гг. XI в.).

Во 2-й пол. XVII в. в Софийский собор были перенесены *Купятицкая* и *Любечская иконы Божией Матери* (1-я оставалась в соборе до 20-х гг. XX в., 2-я в 1701 возвращена в Любеч; обе не сохр.). Особым почитанием в XVII–XVIII вв. пользовалась *Киево-Братская икона Божией Матери* из Киево-Братского в честь Богоявления мон-ря на Подоле (70–90-е гг. XVII в., ныне в НХМУ).

С 1712 г. в киевском Флоровском мон-ре находилась *Рудненская икона Божией Матери* (не сохр.). В Краснотомском Покровском мон-ре почитается *Дубенская Красногорская икона Божией Матери* (не сохр.,

в наст. время в мон-ре находится чтимый список 1864). В XVIII в. был написан чтимый храмовый образ Софийского собора «*София Премудрость Божия*».

В XIX в. особую известность получила местночтимая *Рудосельская икона Божией Матери*, исцелившая польского помещика С. Залесского, который в благодарность построил для образа Троицкую ц. в Рудном Селе (ныне Володарского р-на Киевской обл.). В 1832 г. было официально разрешено местное почитание *Байбузской иконы Божией Матери* в с. Байбузы (ныне Черкасского р-на Черкасской обл.). В 1915 г. прославлена обретенная в пещерах Зверинецкого во имя арх. Михаила мон-ря *Зверинецкая икона Божией Матери*.

Во время гонений на Православие в советское время, а также в период Великой Отечественной войны мн. чудотворные иконы К. е. были утрачены. Некоторые уцелели, будучи спрятаны в частных домах, возвращены Церкви в 90-х гг. XX в.

В кон. XX в. прославились иконы Божией Матери «*Призри на смирение*» в киевском Введенском мон-ре, «*Услышательница*» в с. Фасовая Макаровского р-на Киевской обл. В наст. время чудотворные и чтимые иконы, а также их списки находятся во мн. храмах и мон-рях Киева и К. е.

Э. П. И.

Старообрядчество на Киевщине. В нач. 70-х гг. XVIII в. (не позднее 1773) старообрядцы-беглопоповцы переселились с *Ветки* в окрестности Чернобыля и основали ряд слобод: Красиловка, Спасская, Покровская, Замошье, Залесье, Андреевская, Глинная и др. В 1783 г. часть чернобыльцев во главе с Иларионом Петровичем (по прозвищу Коровьи Ножки) перебралась в низовья Дуная, позже переселенцы создали сел. Белая Криница (ныне в Черновицкой обл. Украины). В 1823 г. в дер. Кошарище Радомысльского у., на землях ген. А. П. Племянникова, обосновались *беспоповцы*.

В посл. четв. XVIII — нач. XIX в. в Киевской губ. появилось 71 поселение с компактным проживанием старообрядцев и единоверцев, собственно старообрядческими были 27 селений края. В 1833 г. в Киевской губ. проживало 2936 старообрядцев, наиболее многочисленными были общины в Киеве, в Красиловке (326 чел.), в Замошье (94 чел.), в Спасской сло-

бодe (280 чел.). В 1850 г. в Красиловке жили 776 старообрядцев, в Замошье — 226 чел., в слободе Спасской — 420, в слободе Стрижевка — 121 чел. С 1861 г., после отмены крепостного права, расселение последователей «старой веры» изменило свой характер: они начали создавать хуторские хозяйства, преимущественно на юге края. Большинство поселенцев являлись выходцами из Черниговской губ. В 1893 г. на Киевщине числилось 11 212 старообрядцев, почти все они принадлежали к мещанскому сословию, занимались мелкой торговлей, плотничеством, редко земледелием, в Киеве было широко представлено старообрядческое купечество, особенно среди купцов 1-й гильдии.

Наиболее многочисленными в регионе были старообрядцы, признающие *Белокриницкую иерархию*. Они жили в Чернобыле, Спасской слободе, Замошье, Глинной слободе, Залешане, Покровской слободе, Вересне, Андреевской слободе, а также в Красиловке, Дитятках, Стрижевке (Радомысльский у.), в Киеве, Демиевке и Ржищеве (Киевский у.), в Ставище и Тараще (Таращанский у.), в Монастырище (Липовецкий у.). Беспоповцев было значительно меньше, они жили в Новосёлке и Кошарище (Радомысльский у.), в Киеве, Демиевке и Ржищеве, в городах Васильков и Звенигородка. Центрами беглопоповщины считались города Черкасы и Смела (совр. Черкасская обл.). В 1913 г. в Киевской губ. насчитывалось 14 562 старообрядца, в т. ч. представителей Белокриницкой иерархии — 8860 чел., беглопоповцев — 2468 и беспоповцев — 3234 чел. В Киеве жили 1586 старообрядцев, из них 1429 чел. принадлежало к белокриницкому согласию, 157 чел. являлись беспоповцами.

В Киеве старообрядцы появились в нач. XIX в., когда здесь поселились купцы Алексеевы, Шишкины, Беляевы и Поповы. Основу старообрядческой общины города составили выходцы из Черниговской и Калужской губерний, прибывшие в Киев после предоставления правительством льгот на занятие торговых дел. Большое влияние на дела киевской общины имели выходцы из Калуги купцы Дехтерёвы, принимавшие активное участие в учреждении Белокриницкой иерархии. В 40-х гг. XIX в. кроме Дехтерёвых в Киеве обосновались купцы 1-й гильдии

Бугаев из посада Добрянка и Шириков из посада Клинцы (Черниговская губ.), купцы 3-й гильдии Фокин и Желтов. Большая группа старообрядцев из Калуги участвовала в сооружении Николаевского цепного моста через Днепр (1848–1853), после окончания строительства они вернулись в Калугу. В нач. XX в. на сезонные работы в Киев приезжали жители черниговских старообрядческих слобод в городах Городня и Новозыбков, посадах Климов, Клинцы и др., на землях Софийского собора они основали поселение, вполн. получившее название Теремки.

В первые годы XIX в. в Киеве была устроена старообрядческая часовня, сгоревшая в 1811 г. В 1813 г. киевский купец И. Алексеев выстроил новый молитвенный дом на ул. Чёрная Грязь. Еще одна часовня находилась в урочище Глубочица. В 1817 г. старообрядческая молельня была устроена в доме купца Н. Самофалова по Немецкой ул. на Печерске. Дом сгорел в 1841 г., после чего утварь перенесли в специально приобретенное здание. В сер. XIX в. в связи с приездом в Киев большого числа старообрядцев из Калужской губ. на Б. и М. Шияновских улицах на Печерске действовали 2 беспоповские молельни. В 1860 г. на Набережно-Никольской ул. была освящена ц. в честь Успения Пресв. Богородицы, престол к-рой перенесли из молитвенного дома на ул. Чёрная Грязь. В 1875 г. в общине возник конфликт, от нее отделился со своими сторонниками свящ. Кирилл Куликов, создавший в частном доме на Почайнинской ул. молельную в честь Вознесения Господня. К 1886 г. на Почайнинской ул. был построен храм, обе старообрядческие общины примирились (РГБ. Ф. 246. К. 204. Д. 7). В 1895 г. власти зафиксировали 2 «раскольнические молельни» в Киеве, одна из них была открыта с разрешения министра внутренних дел, 2-я — самовольно. В нач. XX в. уставщиком в Успенском храме служил Л. Ф. *Калашников*, создавший после 1905 г. в Киеве изд-во «Знаменное пение», где публиковались старообрядческие богослужебные книги на основе рукописей из 6-ки Успенской общины.

В Чернобыле действовали 2 старообрядческих храма: белокриницкого согласия и беглопоповский, в Красиловке имелись слободской

и скитский храмы белокрыницкого согласия. По неск. храмов действовали в чернобыльском Пустынно-Николаевском мон-ре и в Замошском Казанском мон-ре, в Городищенском жен. мон-ре имела часовня, церкви были открыты в слободах Замошье и Покровская (белокрыницкое согласие). В дер. Кошарище действовала беспоповская молезна.

Несмотря на относительно малочисленность последователей «старой веры» на Киевщине, здесь существовало 4 старообрядческих монастыря. Наиболее влиятельными были чернобыльский Пустынно-Николаевский муж. мон-рь и Замошский Казанский жен. мон-рь. Непродолжительное время существовали Городищенский Георгиевский жен. мон-рь вблизи дер. Залешане и жен. скит в Красиловке.

Чернобыльский Пустынно-Николаевский мон-рь был основан ок. 1772 г. в имени польск. шляхтича гр. Я. Н. Ходкевича. В 1812 г. владелец имения подарил монастырю 275 десятин земли с условием в случае упразднения мон-ря вернуть угодья помещику. По др. сведениям, ок. 20-х гг. XIX в. мон-рь приобрел ок. 600 дес. земли. Сначала мон-рь размещался в Чернобыле на берегу р. Припяти, из-за подмыва берега позднее был перенесен в урочище Бычки. Монастырь был богат. В обители действовали деревянная Никольская ц. 70-х гг. XVIII в., каменная ц. Рождества Христова, освященная в 1829 г., ранее этого времени была построена ц. во имя вмч. Димитрия Мироточивого. В 1805 г. в монастыре возвели ок. 50 братских келий. После пожара 1842 г. обитель была отстроена заново, в ней имелся кирпичный завод. В мон-ре жили выходцы из Новгородской, Вятской, Бессарабской, Московской, Калужской, Тульской, Витебской, Тверской, Орловской, Курской, Смоленской, Херсонской губерний, Новочеркасска, Житомира, Балты (Подольская губ.), близлежащих старообрядческих слобод Красиловка, Замошье, Забелочье. Чернобыльский монастырь был окружным; после того как в старообрядческом Куренёвском Никольском мон-ре (Подольская губ.) было осуждено «*Окружное послание*», часть несогласных с общим решением иноков переселилась в Пустынно-Николаевский мон-рь.

В 1845 г. был издан имп. указ о переходе Пустынно-Николаевского мо-

настыря в единоверие. Обер-прокурор Н. А. Протасов поставил перед Киевским митр. Филаретом (Амфиатовым) задачу присоединить к единоверию мон-рь и все чернобыльские старообрядческие слободы. 18 апр. 1847 г. и 28 апр. 1850 г. последовали новые имп. указы о Пустынно-Николаевском мон-ре. Для увещевания чернобыльских старцев из Радомысла был командирован свящ. Успенский, но его миссия была безуспешной, в 1857 г. Киевский митр. Филарет писал в Синод о невозможности присоединить к единоверию чернобыльских старообрядцев. 3 февр. 1859 г. киевский ген.-губернатор Васильчиков предложил уничтожить мон-рь через запрет на прием новых лиц. Эта политика дала результаты; по офиц. данным, в мон-ре проживало: в 1830 г.— 22 чел., в 1839 г.— 60, в 1853 г.— 47, в 1861 г.— 29, в 1867 г.— 15 чел. Проверка в 1866 г. выявила, что, несмотря на запрет, в мон-рь поступали новые насельники под видом прислуги, число проживающих в мон-ре иноков и бельцов увеличилось. Ввиду этого министр внутренних дел издал распоряжение о недопущении прислуги в Пустынно-Николаевский мон-рь. 19 сент. 1874 г. пожар истребил значительную часть монастырских построек, в т. ч. церковь. В 1882 г. в Чернобыльском мон-ре официально числилось 2 инока, однако при очередной проверке было установлено, что там проживало 35 иноков и послушников, были построены новая церковь взамен сгоревшей и др. здания. По старообрядческим данным, в 1884 г. в Пустынно-Николаевском мон-ре проживал 41 чел. (15 иноков и 26 послушников), по офиц. сведениям 1887 г., в мон-ре имелось 12 насельников.

В нач. XIX в. в слободу Замошье был основан Казанский жен. монастырь. В 1834 г. гр. А. И. Ходкевич подарил обители ок. 2 дес. земли. В 1836 г. в Замошском мон-ре жили 23 чел., в 1842 г.— ок. 50, в 1853 г.— 23, в 1861 г.— 52, в 1890 г.— 63, в 1899 г.— 29 чел. В сент. 1863 г. пожар истребил все монастырские постройки. Вскоре обитель удалось полностью отстроить заново, к 1867 г. в мон-ре были возведены деревянная церковь, ограда, неск. десятков келий, в т. ч. на средства киевских купцов Поповых. В 1881 г. Замошский монастырь посетил старообрядческий Балтский еп. Сильвестр.

В 1827 г. в урочище Городище дер. Залешане был основан Городищенский Георгиевский жен. мон-рь, получивший от помещика Липпома на 15 дес. земли. В обители были сооружены деревянный молитвенный дом и неск. келий. В 1839 г. монастырскую часовню опечатали, инокиням было предписано вернуться в места прежнего жительства. Несмотря на это, в 1850 г. в Городищенском мон-ре жили 13 инокинь во главе с игум. Евфросинией (Михайловой) и 6 белиц.

В 1852 г. по инициативе игум. Пустынно-Николаевского мон-ря Гурия был основан жен. скит в слободу Красиловка. В скиту имела часовня, ок. 30 келий. В 1858 г. скит сгорел, но продолжал существовать до 20-х гг. XX в.

В 1907 г. была образована Киевская епархия Белокрыницкой иерархии, ее возглавил еп. Ермоген (Перфилов), кафедральным стал Успенский храм в Киеве. В 1914 и 1915 гг. в Киеве прошли епархиальные съезды, в 1914 г. съезд причислил к Успенскому храму Пустынно-Николаевский и Замошский мон-ри. В 1915 г., после смерти еп. Ермогена, Киевскую епархию присоединили к Новоыбковской кафедре. В годы первой мировой войны киевская Успенская община содержала лазарет для раненых на 33 места.

В первые десятилетия советской власти старообрядцы Киевщины подверглись жестоким гонениям. В 20-х гг. XX в. были ликвидированы все старообрядческие мон-ри. В сер. 20-х гг. началось преследование духовенства и прихожан старообрядческих общин, в 1930 г. арестован служивший в Успенской ц. свящ. Феодор Торлин (расстрелян в 1938). Оба киевских храма (Успенский и Вознесенский) были закрыты. Деятельность Успенской общины возобновилась в 30-х гг. XX в. в Вознесенской ц., куда были перенесены иконостас и утварь Успенского храма. В советский период киевский храм, не имевший постоянного священника, являлся одним из 3 действующих в регионе старообрядческих церквей. Шел постоянный отток населения из сельской местности в города. Основные миграционные потоки были связаны с коллективизацией и индустриализацией (2-я пол. 20-х — 30-е гг. XX в.), многие жители старообрядческих слобод погибли во время Великой Отечественной

войны, в нач. 50-х гг. десятки старообрядческих семейств переселялись в Крым в ходе русификации полуострова. В Киев переезжали староверы в основном из черныбыльских слобод: Глинная, Спасская, Покровская, Замошье и др. Непоправимый ущерб старообрядческому населению Украины нанесла черныбыльская катастрофа (1986), после которой ряд старообрядческих селений попал в зону отчуждения, в т. ч. Черныбыль со Спасской слободой, Замошье, Бычки и Глинная. В нач. 2000-х гг. был сожжен Успенский храм в Красиловке (построен в значительной степени на средства купца Д. А. Олейникова и освящен в 1909 в честь свт. Николая как храм-памятник в честь дарования вероисповедных свобод). Совр. границы Киевской и всей Украины епархии Русской православной старообрядческой церкви (Белокриницкая иерархия) совпадают с границами Украины, кафедральным является Успенский храм в Киеве, в городе живет ок. 2 тыс. старообрядцев.

15 марта 2008 г. в Киеве прошло учредительное собрание поморцев, на котором было принято решение о создании Киевской общины Древлеправославной поморской церкви, духовное попечение над общиной взяла на себя поморская община Житомира.

Арх.: ГА Киевской обл. Ф. 1. Оп. 219. Д. 221; Оп. 86. Д. 57; Ф. 2. Оп. 1. Д. 10884, 196011, 6136, 916011; Оп. 154. Д. 24; Оп. 168. Д. 257; Оп. 175. Д. 96; Оп. 176. Д. 556; Оп. 178. Д. 794; Оп. 205. Д. 91; Оп. 24. Д. 491; Ф. 28. Оп. 1. Д. 262; Ф. 280. Оп. 2. Д. 991; РГБ. Ф. 246. Карт. 187. Д. 4; Карт. 193. Д. 5; РГИА. Ф. 1284. Оп. 205. Д. 207; Ф. 797. Оп. 15. Д. 36530; Ф. 821. Оп. 433. Д. 59; ЦГИАК. Ф. 127. Оп. 660. Д. 225; Ф. 442. Оп. 153. Д. 1008; Оп. 35. Д. 765; Оп. 620. Д. 185; Оп. 839. Д. 77; Оп. 855. Д. 125; Ф. 533. Оп. 1. Д. 31; Оп. 168. Д. 257; Оп. 176. Д. 556; Оп. 4. Д. 10884, 63; Оп. 46. Д. 420.

Ист.: Обзор Киевской губ. за 1893 г. К., 1894; То же за 1913 г. К., 1913; Старообрядческое население России по всеобщей переписи 1897 г. М., 1909. С. 3–17; Весь Киев: Адресная и справ. книга на 1914 г. К., 1914. Л. 278 об.

Лит.: *Похилевич Л. И.* Сказания о населенных местностях Киевской губ., или Статистические, ист. и церк. заметки о всех деревнях, селах, местечках и городах, в пределах губернии находящихся. К., 1864; *он же.* Монастыри и церкви г. Киева: Прежнее и нынешнее состояние их. К., 1865; *Закревский Н. В.* Описание Киева. М., 1868. 2 т.; *Л. П.* Город Черныбыль Киевской губ., описанный отставным военным. К., 1884; *Лилеев М. И.* Из истории раскола на Ветке и Стародубье XVII–XVIII вв. К., 1895. Вып. 1; *Белоликов В. З.* Черныбыльское согласие. К., 1915; *Таранец С. В.* Старообрядчество г. Киева и Киевской губ. К., 2004.

С. В. Таранец

Расколы на территории К. е. в XX–XXI вв. После 1917 г. на территории К. е. действовали неканонические движения и группировки различного толка (обновленческие, националистические, эсхатологические и т. д.). Нек-рые из них прекратили свое существование, другие в том или ином юридическом статусе действуют и в нач. XXI в. Одновременно возникновения и деятельность ряда движений, постоянная миграция деятелей раскольничьих движений между неканоническими организациями, отсутствие четких эклизиологических принципов построения этих организаций представляют серьезные трудности для исследователей. В наст. разделе представлены наиболее значимые в истории К. е. расколы, имевшие (или имеющие до сих пор) организационное оформление.

Киевская обновленческая епархия. Предшественницей Киевской обновленческой епархии стала киевская группа белого духовенства и мирян «Живая церковь», сформировавшаяся осенью 1922 г. Согласно уставу группы, зарегистрированному 11 нояб. 1922 г., ее целью было «обновление церковной жизни путем приближения ее к первым векам христианства». Для достижения этой цели выдвигались следующие задачи: «предоставление пастырям свободы в исполнении пастырского долга, пересмотр школьной догматики, этики, литургики и вообще очищение от всех сторон церковной жизни, явившихся результатом господства монархического государства над церковью; удаление из церкви политиканствующих элементов». Выказывались предложения о введении белого епископата, автокефалии Церкви на Украине, введении в богослужение «украинского языка там, где этого пожелает большинство верующих», об участии во всех органах церковного управления духовенства наряду с епископатом.

Высшим органом управления обновленческого движения на Украине признавался Всеукраинский съезд делегатов (избираемых епархиальными съездами группы по 3 лица от епархии), к-рый в свою очередь избирал высший исполнительный орган сроком на год. В епархиях предполагалась организация местных комитетов, к-рые вели бы всю организационную работу, распоряжались средствами и имуществом группы, издавали жур-

налы, принимали в свое ведение храмы, арендовали помещения (Живая церковь. 1922. № 1. С. 3–4). Идейным вдохновителем группы стал бывш. учитель, свящ. Матфей Бережной (впосл. обновленческий архиепископ Омский). Главной задачей группы и ее лидера была не столько реализация реформистских планов, сколько устранение канонического церковного руководства К. е. и разрушение механизма епархиальной власти. Еще 16 нояб. 1922 г. настоятель железнодорожной церкви мест. Казатин Бердичевского у. свящ. Павел Циприанович в письме к еп. Каневскому Василию (Богдашевскому), описывая визит Бережного, передавал его слова о том, что «митрополита Михаила они прогонят, что всех священников, не сочувствующих Живой церкви, они будут удалять и что Живая церковь должна занять господствующее положение в государстве...» (НБУВ ИР. Ф. 191. № 888. Л. 7–7 об.).

10–15 дек. 1922 г. Бережной созвал Киевский съезд духовенства, стоящего на платформе «Живой церкви». На открытии съезда присутствовало 34 депутата из Киева, Богуславского, Бердичевского, Радомишльского, Таращанского и Звенигородского уездов. На 1-м же заседании съезда 10 дек. 1922 г. в Михайловской домово-й ц. Покровского мон-ря после выборов президиума во главе со свящ. М. Бережным (председатель), прот. С. Соколовским, Ф. К. Руденко (товарищи председателя) был поднят вопрос о необходимости привлечения на съезд правосл. епископата, к которому был принят текст соответствующего обращения. На следующий день депутация от духовенства «Живой церкви» направилась к митр. Михаилу и епископам Димитрию (Вербицкому) и Василию (Богдашевскому). Митр. Михаил на приглашение благословить съезд и возглавить его ответил отказом, также поступили, сославшись на позицию митр. Михаила, и епископы Димитрий и Василий. На съезде был принят текст резолюции о лояльности советской власти, в котором между прочим декларировалось желание «помогать ему (правительству) в проведении в жизнь начал революции...» (Живая церковь. 1923. № 2/3. С. 3–6). 12 дек. 1922 г. съезд признал необходимыми церковные реформы и на основе доклада прот. из Бердичевского у. С. Соко-

довского проголосовал за необходимость введения белого епископата. Были также заслушаны доклады об отношении к «УАПЦ Липковского», которая была признана самочинной и контрреволюционной организацией, а в качестве действенного средства ликвидации церковной распри было признано образование особой согласительной комиссии. Затем члены комиссии съезда вновь отправились к митр. Михаилу и в епархиальное управление с целью окончательно прояснить отношение православного епископата к съезду. 13 дек. 1922 г. митр. Михаил в своем пастырском послании просил делегатов съезда: «...прекратите ваши заседания, возвратитесь в свои приходы, и затем все будем молиться и ждать, когда Господь увенчает успехом наши старания исходайствовать у Государственной Власти разрешение на созыв упомянутых канонических съездов со всей Киевской епархии и со всей Украины» (Вестн. ПСТГУ. Сер. 2. 2009. Вып. 1(30). С. 92), нынешний же съезд митрополит назвал незаконным, проводящимся без его благословения. В тот же день съезд, проигнорировав позицию епархиальных властей, избрал состав центрального комитета группы в составе: священников В. Коваленко (председатель), Д. Нечая, М. Бережного, В. Ярового, Б. Кротевича, А. Черняховского, С. Соколовского и бывшего проф. КДА В. З. Белоликова. На следующий день были избраны уполномоченные группы «Живая церковь» по уездам: Киевскому — прот. В. Демущий (мест. Бородянка), Белоцерковскому — свящ. В. Лисевичкий (с. Чупира), Богуславскому — свящ. В. Слущкий (с. Биевцы), Бердичевскому — свящ. В. Барановский, Звенигородскому — свящ. Г. Марчевский; Сквирскому — свящ. Сиротинский (с. Березна); Таращанскому — прот. А. Кудрицкий и свящ. Д. Плахтеев; Радомысльскому — свящ. Д. Беляков и свящ. П. Попов (по Чернобыльскому у.). Поскольку представители от Черкасского и Чигиринского уездов отсутствовали на съезде, право выбора их уездных уполномоченных было предоставлено ЦК группы.

Ключевым документом съезда стало постановление о принятии центрального комитета группы всех дел по управлению епархией. Центральному комитету киевской группы «Живой церкви» было поручено немед-

ленно предложить епархиальному управлению «как не имеющему церковно-юридического значения» сложить свои полномочия и передать все дела ЦК, к-рый временно, до созыва общепархиального съезда, примет на себя управление епархией, за «исключением тех священно-служебных действий, которые составляют каноническую прерогативу епископата». Митр. Михаилу предлагалось благословить ЦК на начало работы. Однако митр. Михаил 21 дек. 1922 г. прислал телеграмму с отказом благословить обновленческий «центральный епархиальный комитет».

В ответ на отказ митрополита признать центральный комитет киевской группы «Живая церковь» его участники учредили альтернативное «Киевское епархиальное управление», в к-рое вошли: перешедший к обновленцам бывш. архиеп. Воронежский Тихон Василевский, ставший «митрополитом Киевским» (председатель), протоиереи В. Коваленко (Воскресенской ц. мест. Ильинцы Липовецкого у.), С. Соколовский, священники М. Бережной, Д. Нечай, А. Черняховский, Б. Кротевич, В. Яровой и проф. Белоликов (он же — епархиальный уполномоченный Высшего церковного управления (ВЦУ)). 25 дек. 1923 г. эта структура была утверждена ВЦУ в Москве.

После того как постановлением ВЦУ были уволены на покой еп. Радомысльский Назарий (Блинов) и еп. Черкасский Николай (Браиловский), 25 янв. 1923 г. состоялось назначение 2 новых «викариев Киевской епархии»: прот. Александра Раевского «епископом» Радомысльским (позднее принят в Православную Церковь в сущем сане как поставленный обновленческим архиереем «старого поставления») и прот. Павла Погорилко «епископом» Липовецким для Липовецкого у. Киевской губ. (их хиротонисал обновленческий «митрополит» Антонин Грановский в Заиконоспасском монастыре в Москве 26 и 28 янв. 1923 г.). Погорилко уже 10 февр. назначен епископом Каменецким, викарием Подольской обновленческой епархии, а в марте 1923 г. создал «Братское объединение приходов УАПЦ» (БОПУПАЦ), вполн. перешел от обновленцев к самосвятам. Еп. Александр (Чекановский), в 1921 г. рукоположенный во епископа Бердичевского и в кон. 1922 г. перешедший

в «Живую церковь», также нек-рое время титуловался епископом Радомысльским и Чернобыльским.

ЦК киевской группы «Живая церковь» сразу провел ряд адм. реформ (учредил в составе епархиального управления информационное отделение для оперативной связи с губернией и уездными отд-ниями, образовал редакцию и контору печатного органа — ж. «Живая церковь») и разослал циркуляры к «подведомственным учреждениям с информацией о новом составе управления, о прекращении поминовения патриарха Тихона, о том, что Епархиальное Управление до окончательной организации УВЦУ в Харькове работает под руководством Московского ВЦУ» (Пролетарская правда. 1923. 4 февр. С. 2).

13–16 февр. 1923 г. в киевском Покровском монастыре под председательством «митрополита» Тихона состоялся 1-й Всеукраинский съезд обновленцев. Киевскую епархию представляли: «митрополит» Тихон, «епископ» Александр, протоиереи Б. Кротевич, М. Бережной, В. Коваленко, Д. Беляков и Д. Нечай, архим. Каллист, проф. Белоликов, священники Г. Марчевский (Рождество-Богородичной ц. с. Каменка Радомысльского у.), Ф. Ефимовский. Съезд принял резолюции о ведении «неослабной борьбы с тихоновщиной», об увольнении священнослужителей, не признающих обновленческие ВЦУ, ЕУ и местного епископа, об объявлении правосл. Церкви на Украине, в Крыму и Галиции автокефальной со своим собственным независимым Всеукраинским Высшим церковным управлением (ВУВЦУ), находящимся в живом братском каноническом общении с ВЦУ в Москве, а также и со всеми др. правосл. автокефальными Церквами. В очередной раз было заявлено об увольнении на покой митр. Киевского и Галицкого Михаила, к-рый был обвинен в т. ч. и в расколе Липковского, ибо он «обнаружил непонимание духа украинского народа (...); в результате этого украинские церковные деятели, стремившиеся к обновлению и возрождению церкви на основах национального духа, пошли по ложному пути и образовали у себя самочинно лжеиерархию...» (ЦДАВО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 2189. Л. 222 об., 223).

14 февр. 1923 г. «митрополитом Киевским и всея Украины» был избран председатель съезда Тихон

Василевский. Он же стал почетным председателем ВУВЦУ, а его заместителем — проф. Белоликов. 14 февр. 1923 г. в состав ВУВЦУ от Киевской обновленческой епархии вошел протоиерей В. Коваленко (вскоре вышел из состава ВУВЦУ), позже — М. Бережной и Д. Нечай. По живо обсуждавшемуся вопросу о «белом брачном епископате» было принято решение о его «желательности и возможности в автокефальной православной Украинской церкви, соотносясь однако с условиями церковной жизни данной епархии». (Там же. Л. 223 об., 224). Следует отметить, что, несмотря на выпущенные воззвания и активную пропаганду, киевская группа «Живая церковь» не пользовалась доверием у населения, небезосновательно подозревавшего ее в сотрудничестве с властями. После инцидента на 1-м же богослужении «митрополита Киевского» в большом соборе Покровского мон-ря, во время к-рого Тихон подвергся прихожанами публичному обвинению в получении поддержки со стороны властей, он прекратил служить и вскоре покинул Киев. Временно обязанности «митрополита Киевского» исполнял обновленческий «епископ Черниговский» Александр Мигулин.

Первыми храмами, захваченными обновленцами в Киеве, стали церкви Покровского жен. мон-ря, где в игуменских покоях разместились канцелярия епархиального комитета. Серафимовское братство и Покровская жен. община, действовавшие при Покровском мон-ре, были выдворены обновленцами из обители, а их попытки вернуть себе хотя бы нижний храм наталкивались на противодействие со стороны властей (Там же. Л. 227). Чуть позднее, в дек. 1922 — янв. 1923 г., обновленцы стали претендовать на наиболее посещаемые храмы и мон-ри: большой Софийский собор, Киево-Печерскую лавру, Владимирский собор, Михайловский и Флоровский мон-ри, часовню в честь иконы Божией Матери «Нечаянная Радость». Однако 12 янв. 1923 г. Киевский губликвидком согласился лишь на передачу 2 храмов Флоровского мон-ря и домового храма иконы Божией Матери «Нечаянная Радость» на Демиевке.

В нек-рых бывш. уездах Киевской губ. идеи «Живой церкви» нашли поддержку благодаря авторитету местного духовенства и епископата.

Особенно это было характерным для Бердичевского и Липовецкого уездов, входивших в подчинение еп. Александра (Чекановского). Впосл. в ж. «Живая церковь» отмечалось, что активную роль играет настоятель Воскресенской ц. мест. Ильинцы прот. В. Коваленко. Утверждалось, что он «собрал уездный церковный совет, который единогласно постановил всем уездом примкнуть к «Ж. Ц.»». (Живая церковь. 1922. № 1. С. 16). Однако положение «Живой церкви» на Киевщине, согласно сводке ОГПУ, оценивалось в целом как удручающее: «В то время, когда Живая церковь не может проявить себя, экзархисты (т. е. сторонники канонической Русской Православной Церкви и экзарха митр. Михаила.— *Ред.*) работают... устраивают собрания в доме Михаила, пропагандируют среди мирян, называют Живую церковь еретической. Епископ Дмитрий сказал, что все священники Живой церкви будут лишены сана. В приходах работают черносотенцы, устраивают собрания, грозят выгнать священников «живоцерковцев». Если будут существовать нынешние приходские советы, никакого обновления ожидать нельзя, а только будут смуты и нестроения. Надо распустить немедленно советы и прекратить собрания хотя бы на некоторое время» (ЦДАГОУ. Ф. 263. Д. 45504. Оп. 1. Л. 16). Особенно слабой власти считали работу секретаря «киевского епархиального управления» прот. М. Бережного, в результате он был «рукоположен» во епископа и выехал из Киева. Проф. Белоликов также вскоре отошел от дел. Т. о., рост «Живой церкви» уже в начале ее создания остановился (на 1 янв. 1924 в ее ведении находилось 4 киевских храма: Екатерининский на Лукьяновском кладбище, Николаевский собор Покровского монастыря, Вознесенский собор Флоровского монастыря и часовня «Нечаянная Радость»). В отчете Киевского губликвидкома за апрель—июль 1923 г. говорилось, что «Живая церковь» «никаким авторитетом среди местных общин не пользуется. Поскольку Живая церковь быстро клонится к окончательному упадку, Губликвидком в настоящее время, в целях сохранения оппозиции среди экзархии, намечает ряд мер для углубления и расширения происходящих процессов дробления эк-

зархии...» (ЦДАВО. Ф. 5. Оп. 2. Д. 197. Л. 3—6).

Чтобы улучшить положение «Живой церкви» и со стороны ОГПУ, и со стороны губликвидкома принимались меры по укреплению руководящих кадров киевской обновленческой епархий: уже 21 апр. 1924 г. «митрополитом» на киевскую обновленческую кафедру был определен перешедший к обновленцам архиеп. Иннокентий (Пустынский), который в Киев переехал только спустя полгода (в это время возглавлял обновленцев Курской епархии). За месяц до своего переезда для того, чтобы подтвердить свои права на обновленческую Киевскую кафедру, «митрополит», заручившись прямой поддержкой властей, 14 сент. 1924 г. совершил раннюю литургию в Киево-Печерской лавре. 13 сент. 1924 г. Киевский губ. исполнительный комитет уведомил общину лавры о том, что постановлением заседания губликвидкома от 11/IX с. г. № 19 выдано разрешение Киевскому ЕУ на отправление богослужений 14 сент. 1924 г. в Успенском храме лавры «митрополитом» Иннокентием, и далее общине лавры предписывалось: «Предоставить Киевскому епархиальному управлению для совершения богослужения все необходимые религиозные предметы, как утварь, так и облачения и проч., согласно существующему в сем случае порядку. Общине вменяется в обязанность следить, чтобы во время отправления богослужения не было никаких выступлений, эксцессов и проч. нежелательных явлений, могущих нарушить общественный порядок и спокойствие на территории лавры...» (ЦГИАК. Ф. 128. Оп. 3. Д. 843. Л. 21). Служба «митрополита» Иннокентия получила широкий отклик как в советской прессе, так и в заявлениях лаврской общины, которая сообщала: «...14 сентября «митрополит» Иннокентий, сопровождаемый большим нарядом конной и пешей вооруженной милиции подошел к воротам лавры. Конная милиция осталась охранять ворота лавры, а пешая, окружив «митрополита» Иннокентия, вошла в ограду лавры. Несмотря на вооруженную силу, между верующими и сторонниками «митрополита» Иннокентия произошли эксцессы, причем из числа верующих, принадлежащих к старо-славянской канонической церкви, 55 человек было арестовано и от-

правлено в тюрьму. При поддержке вооруженной милиции, инвалидов, призываемых в Инвалидном городке, «митрополит» Иннокентий 14 сентября совершил богослужение в Успенской церкви лавры (...) По заявлению члена обновленческого Синода прот. Письменного, «митрополит» Иннокентий совершал эти богослужения с целью пропаганды...» (ЦДАВО. Ф. 5. Оп. 2. Д. 230. С. 145–148). Газ. «Пролетарская правда» писала о 1-й обновленческой литургии в Киево-Печерской лавре: «В лавре, в Большом Успенском соборе, служил приехавший в Киев митрополит живой церкви Иннокентий, с участием 13 священников и 10 дьяконов, а рядом, в трапезной, служили тихоновцы, во главе с настоятелем лавры, архимандритом Климентом. По адресу представителей живой церкви со стороны кликуш, старух и монашествующих раздавались угрозы и выкрики. Были попытки со стороны кликуш нарушить порядок, но милиция задержала зачинщиков и, таким образом, порядок нарушен не был» (Пролетарская правда. 1924. № 211. С. 3). Т. о., деятельность «митрополита» Иннокентия на Киевской обновленческой кафедре фактически началась демонстрацией силы, обеспеченной советскими властями. Уже после его окончательного переезда в Киев началось юридическое оформление обновленчества в Киеве. Первым шагом в этом направлении стало увеличение количественного состава общин, что представляло из себя немалую трудность в условиях, когда большинство верующих считало обновленцев еретиками. К нач. 1925 г. обновленцы имели 9 официально зарегистрированных властями общин в Киеве, 10 — в Киевском округе, 28 — в Шевченковском, 1 — в Белоцерковском, 3 — в Уманском, 48 — в Черкасском, 26 — в Бердичевском, всего по губернии — 125 общин.

Благодаря всемерной поддержке киевских властей в собственность обновленцев в кон. 1924 — нач. 1925 г. перешел целый ряд храмов Киева. В дополнение к доставшимся в наследство Екатерининской ц. на Лукьяновском кладбище, Николаевскому собору Покровского монастыря (14 февр. 1923), 2 церквам Флоровского мон-ря и ранее перешедшей к обновленцам Шулявской ц. (14 авг. 1924) обновленческое Киевское ЕУ получило Владимирский

собор (10 нояб. 1924), Мариинско-Благовещенскую (20 нояб. 1924), Феодоровскую (нояб. 1924), Преображенскую на Караваевых Дачах (дек. 1924), Троице-Лыбедскую (8 дек. 1924) (31 янв. 1925 церковь была вновь закреплена за старославянской общиной), Старовознесенскую (11 дек. 1924), Макариевскую (кон. 1924), Демиевскую Вознесенскую (13 янв. 1925), Лыбедско-Владимирскую (31 янв. 1925), Байково-Кладбищенскую (13 янв. 1925), Железную Иоанно-Златоустовскую (23 окт. 1924) церкви. В дек. 1924 г., как писалось в петиции обновленческого Синода, «для успокоения широких народных масс в распоряжение Всеукраинского Священного Синода возвращается главная религиозная святыня всей Украины — Киево-Печерская лавра...» (ЦДАВО. Ф. 5. Оп. 2. Д. 991. С. 208). Чуть позднее, в 1925 г., были захвачены Феодосиевская ц. (5 июня 1925), Воскресенская ц. на Печерске (17 июля 1925), Андреевская ц. в Старом городе (7 дек. 1925) и Никольско-Иорданская ц. на Подоле. Т. о., к кон. 1925 г. обновленцы владели 18 общинами в Киеве.

Основными предложениями для передачи органами власти правосл. церквей в ведение обновленцев было якобы небрежное и халатное отношение к церковному имуществу, непроведение ремонтов, неправильное ведение приходно-расходных книг, т. е. нарушение обязательств, прописанных в уставных документах. Напр., мотивом при передаче обновленцам Иоанно-Златоустовской (Железной) ц. было «отсутствие своевременной починки испорченных предметов, а также непроизводство требуемого необходимого ремонта» (Там же. Д. 197. Л. 56 об. — 57).

В целях укрепления «Живой церкви» ОГПУ разными методами старалось привлечь в обновленчество образованное (часто с академическим дипломом) духовенство. Среди киевских обновленцев важные позиции стали занимать священнослужители из др. епархий: свящ. Варшавский епархии Е. Викторовский стал настоятелем Владимирского собора в 1924–1929 гг., из Варшавской же епархии прибыл свящ. А. Никольский, ставший настоятелем Старокиевской Сретенской ц. в 1924–1927 гг., из Екатеринослава прибыл свящ. П. Письменный, из Черниговской епархии Ф. Смелницкий (настоятель Ильинской ц. в 1924–1930 гг.)

и т. д. Заметную роль играли представители бывш. военного духовенства: протоиерей 15 гусарского Украинского полка Е. Яскевич (настоятель Сретенской ц. в 1927–1933); протоиерей I Сунженско-Владикавказского полка Терского казачьего войска Р. Мартышевский (настоятель Шулявской Мариинско-Благовещенской ц.). В стане обновленцев оказалось и несколько дореволюционных киевских священников: И. Тарасевич (настоятель Киево-Лукьяновской Феодоровской ц. в 1925–1935); бывш. проф. КДА Н. Н. Фетисов (настоятель Старовознесенской ц. в 1925–1935); Григорий Богословский (настоятель Преображенского собора и Демиевской Вознесенской ц.); Антоний Чепурковский (настоятель Марие-Магдалининской Шулявской ц.); Николай Дядьков (настоятель Старокиевской Васильевской ц.); протоиерей Владимирского собора Георгий Лисянский. Временно примкнули к обновленцам свящ. Евгений Эргардт (настоятель Екатерининской ц. на Лукьяновском кладбище); Григорий Олтаржевский (настоятель Демиевской Вознесенской ц.). К числу обновленческого клира относилась и группа молодого духовенства, часто выходцев из среды интеллигенции, священники: Тимофей Постоловский (2-й священник Старовознесенской ц., отрекся от сана в июне 1930); Михаил Грибов (2-й священник Демиевской Вознесенской ц.); Василий Визерский (настоятель Киево-Юрковецкой Макариевской ц.); Борис Кротевич (настоятель Екатерининской ц. на Лукьяновском кладбище); Алексей Хмелевский (настоятель Киево-Печерской Феодосиевской ц.); Софония Яскевич (настоятель Киево-Печерской Феодосиевской ц., в посл. архиепископ Свердловский и Ирбитский) и т. д. Среди молодого обновленческого духовенства Киева ведущую роль стал играть свящ. Сергей Бобров (5 окт. 1891 — 12 июня 1955), к-рый в 1925 г. стал секретарем Киевского ЕУ и доверенным лицом митр. Иннокентия, именно он руководил приемом киевских храмов, передаваемых властями обновленцам. К кон. 1939 г. Бобров стал настоятелем одного из двух незакрытых в Киеве храмов — Вознесенской ц. на Байковом кладбище.

15 дек. 1924 г. на территории Киево-Печерской лавры была зарегистрирована обновленческая община, которой были переданы 15 храмов

обители. В ее уставе говорилось, что община «имеет целью объединить граждан православного исповедания синодальной ориентации, живущих в гор. Киеве и его предместьях» (ЦИАК. Ф. 128. Оп. 2. Д. 605. Л. 5). 17 дек. 1924 г. «митрополит» Иннокентий выступил с воззванием к монашествующим К. е., в котором отмечалось: «15 декабря, после соответствующей подготовки, главная святыня Украины Киево-Печерская лавра перешла в мое ведение; в скором времени за нею последуют и прочие обители, как несколько ранее уже перешли Покровская и Флоровская. Таким образом, вы один за другим уходите из своих храмов, в которых привыкли молиться, лишаетесь своих келий. (...) Лично я никоим образом не могу признать себя причиной такого явления. (...) Всякий здравомыслящий человек согласится, что если я по праву Киевского митрополита считаю себя обязанным иметь в своем ведении все храмы и обители Киевской епархии и вывести их из состояния анархии и избавиться от произвола безответственных лиц, то делаю это вполне правильно и законно... Итак, братья и сестры, перестаньте упорствовать, оставьте в сторону вашу политическую игру и покажите, что вам дороги ваши обители; не смущайтесь переходом их в мое ведение и оставайтесь на своих местах» (ГА Черкасской обл. Ф. Р-314. Оп. 1. Д. 8. Л. 1-1 об.). На призыв митрополита откликнулась лишь небольшая часть братии Киево-Печерской лавры, в основном те, кто находился под влиянием бывш. блюстителя Дальних Пещер архим. Михаила (Чалого). Значительную группу обновленческой монашеской общины Киево-Печерской лавры составили насельники закрытых монастырей др. епархий, в т. ч. архимандриты Киприан (Носов) (бывш. ризничий Белопесочного мон-ря Тульской губ.), Кирилл (Парафейник) (бывш. иеромонах Бахчисарайского Успенского мон-ря Таврической епархии); игумены Сергей (Зубрицкий) (бывш. монах московского Спасо-Андроникова мон-ря), Виталий (бывш. игумен Шаргородского мон-ря Подольской епархии), Серафим (Андриевский) (бывш. монах Будундинского Успенского мон-ря Благовещенской епархии); иеромонахи Августин (Змиевский) (бывш. иеромонах Краснохолмского

мон-ря Тверской епархии), Аполлос (Нежданов) (бывш. иеромонах ц. прп. Сергия Радонежского на бывшем Троицком подворье в Москве), Иоасаф (Коломиец) (бывш. монах Грановского монастыря Подольской епархии) и др. В 1926 г. в число братии Киево-Печерской лавры поступил бывш. священник, вполн. архим. Василий (Маевский). Также помимо монашествующих в общину мон-ря с 1925 по 1928 г. входило до 60 чел., среди них — белое чередное духовенство (протоиереи Тихон Бурков и Виктор Падалка; священники Николай Буйницкий и Феодор Садовский), послушники (Ф. К. Гладченков, К. К. Иванов, Г. Е. Гусев, Т. Я. Четвертков, А. Ф. Выборнов, М. Г. Корсаков, А. А. Красильников), хористы, звонари, регенты, студенты Киевской высшей богословской школы.

Обновленческий Синод 15 июня 1925 г. выдал мон-рю особую грамоту о ставропигии. 30 июня открытым голосованием общего собрания общины и братии Киево-Печерской лавры настоятелем мон-ря был избран «митрополит» Иннокентий, а наместником — бывш. управляющий типографией лавры архим. Филадельф (Пшеничный). Казначеем стал бывший блюститель Дальних Пещер лавры архим. Михаил (Чалый). С 12 апр. 1926 г. в Духовный собор лавры вошли: благочинный — архим. Киприан (Носов), эконо́м — игум. Кирилл (Парафейник), ризничий — иером. Сергей (Зубрицкий), келарь — игум. Петр, временное исполнение обязанностей правителя дел было возложено на архим. Филадельфа. 20 июля 1926 г. уполномоченные обновленческой общины Киево-Печерской лавры Н. Потехин и И. Варгулевич передали на баланс обители имущество и строения.

По инициативе «митрополита» Иннокентия продолжались переговоры с епископами РПЦ в Киеве о присоединении их к обновленческому движению, окончившиеся безрезультатно. 25 янв. 1925 г. в своем письме «епископу» Черкасскому Иосифу Иннокентий сообщал, что тихоновцы не собираются переходить в обновленчество: «В Киеве были вызваны епископы Георгий и Филарет, о. Письменный имел с ними два продолжительных разговора, но в наше православие они не перешли, хотя заявили, что никакой ереси у нас не находят» (ГА Чер-

ниговской обл. Ф. Р-314. Оп. 1. Д. 4. Л. 20 об.). В февр. 1925 г. в своем, более всего напоминающем политический донос, заявлении на имя председателя ЦИКа УССР «митрополит» Иннокентий писал: «За епископом Макарием (имеется в виду еп. РПЦ Макарий (Кармазин).— Ред.) в настоящее время идут и ему верят только те из именуемых себя православными, которым ненавистна социальная революция, существующая советская власть, а поэтому и открыто признавая ее обновленческая православная Церковь... провокационные измышления тихоновцев волнуют умы верующих масс и настраивают их против советской власти, что и является главной целью тихоновцев...» (ЦДАВО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 230. Л. 163-164 об.).

Получив при помощи местных властей многие киевские храмы, «митрополит» Иннокентий теперь должен был их удержать, привлечь молящихся и, кроме того, идеологически наполнить обновленческое течение. Программными для жизни обновленческой епархии стали решения епархиальных съездов. В резолюции первого из них (состоялся 21-24 дек. 1924 во Владимирском соборе с участием «митрополита» Иннокентия и его викариев, «архиепископа» Бердичевского Александра и «епископа» Черкасского Иосифа; в заседаниях приняли участие 74 делегата, в т. ч. 36 представителей духовенства) подчеркивалась признание обновленцев советской властью, утверждалось, что «только Свящ. Синод, единственно зарегистрированный и легальный орган православной церкви на Украине, может вывести Украинскую церковь из той разрухи, в какую заведена она нелегальными органами и разного рода нецерковными религиозными объединениями» и что следует «в дружном единении стремиться к заветной цели церковных людей — Всеукраинскому Церковному собору». Съезд объявил, что неканоническим является назначение в Киев патриархом Тихоном «экзарха Михаила Ермакова, после того как он сам согласился дать Украинской церкви автокефалию» (очевидно, здесь имеет место явная ложь, т. к. никакого согласия на автокефалию патриарх Тихон не давал). Подчеркивалось, что «столь же неканоничными с канонической

точки зрения являются и нынешние епископы тихоновского течения на территории Киевской губернии: Макарий, Георгий, Феодор, Филарет, Афанасий, Сергей, как никем не избранные, не зарегистрированные, не имеющие административных прав» (Український православний благовісник. Х., 1925. № 3. С. 7–8). Были также приняты постановления по вопросам: о духовном образовании с признанием необходимости восстановления пастырских школ повсеместно, а в Киеве — КДА, о липковщине («липковщина по своим основным началам есть тоже церковно-обновленческое движение, но только получившее в силу тех или иных причин ложное направление с ложным уклоном к политиканству, с догматической и канонической точек зрения она безусловно неправославна; в вопросе о ликвидации липковщины необходимо держаться тактики возможного примирения с липковцами путем выработки приемлемого для обеих сторон чина воссоединения, и проведения истинной украинизации и богослужения, и церковной жизни на строго канонических началах...» (Там же). Киевскому епархиальному управлению было поручено организовать окружные управления, по возможности с епископом во главе их. В самом Киеве «с целью приблизить общину к Киевскому центру» был ликвидирован институт городских благочинных. Съезд избрал пленум Киевского епархиального управления из 34 чел., а пленум избрал новый состав киевского епархиального управления: «митрополит» Иннокентий (председатель), vikарии Александр и Иосиф, представитель Свящ. Синода прот. П. Письменный (выбыл из состава 2 апр. 1926), прот. Р. Мартышевский, член-секретарь Бобров и Е. Рудаков (Там же. № 4. С. 4–5). 20 дек. 1925 г. состоялся 2-й Киевский епархиальный съезд, в повестку дня которого входили доклады: о состоянии обновленчества на Киевщине в связи с др. течениями церковной жизни; о 2-м Всеукраинском соборе в Харькове (1-й состоялся в Харькове в мае 1925 г.) и 3-м Всероссийском соборе в Москве; о деятельности Киевского епархиального управления за 1925 г. и др. (ЦДАВО. Ф. 5. Оп. 2. Д. 951. С. 368).

1 янв. 1926 г. «митрополит» Иннокентий выпустил очередное посла-

ние «Членам Поместной Киевской Церкви», в котором призывал киевлян объединиться под его властью, указывал на организацию Синода, епархиальных управлений, благочиннических советов, объявлял об открытии в Киеве Высшей богословской школы, «которая впоследствии могла бы заменить собою Духовную академию, организовав синодальное издание книг Св. Писания и богослужебных на украинском языке и вообще украинизацию церковной жизни, устранив таким образом препятствие к нашему общению с теми, кто желал церковной автокефалии и украинизации» («Обновленческий» раскол. С. 487–488).

«Митрополит» Иннокентий стремился наладить отношения в Киеве с самосвятским движением (УАПЦ). По сообщению «митрополита» УАПЦ Николая Борецкого на Малом соборании ВПЦР, к нему 17 февр. 1928 г. с «братским» визитом прибыл «митрополит» Иннокентий. «Митрополиты» по сути не отрицали возможность объединения православных течений на Украине в одну автокефальную Церковь, но в тот момент не нашли возможным объединение даже двух своих организаций, т. к., по словам Борецкого, «природа наших течений предшествующим воспитанием их, идеологией и борьбой настолько противоположны друг другу, что они сами по себе совершенно не способны сейчас к душевному соединению в единое стадо Христово» (Зінченко. 2003. С. 46).

«Митрополитом» Иннокентием была инициирована и широкая пропагандистская работа. Так, в Старокиевской Вознесенской ц. был открыт лекторий для внебогослужебных чтений. Настоятель Старокиевской Сретенской ц. прот. А. Никольский в своем храме практиковал чтение лекций по церковной истории, прот. Владимирского собора Е. Викторский — по апологетике, настоятель Мариинско-Благовещенской ц. прот. Преображенский — по нравственному богословию, а настоятель Киево-Шулявской Марии-Магдалининской ц. прот. Р. Мартышевский — по догматике. В янв. 1926 и янв. 1927 г. в Киеве с публичными лекциями выступал «митрополит-благовестник» А. И. Введенский. 27–30 авг. 1925 г. с особой торжественностью был отмечен праздник Успения Пресв. Богородицы в Киево-Печерской лавре. По этому

случаю в Киев прибыл «митрополит» Харьковский и всея Украины Пимен, а также vikарий Могилёв-Подольской епархии — «епископ» Барский Гавриил. 28 июля 1925 г., в день памяти св. кн. Владимира, из Владимирского собора обновленцами был совершен торжественный ход к памятнику Крещения Руси. В нем приняло участие духовенство 18 синодальных приходов Киева во главе с «митрополитом» Иннокентием и Васильковским «епископом» Павлом; аналогичные крестные ходы прошли в 1926 и 1927 г. 13 нояб. 1927 г. в присутствии «митрополитов» Харьковского и всея Украины Пимена, Киевского Иннокентия и Изюмского Владимира, а также «епископов» Житомирского Павла и Белоцерковского Иова состоялось освящение нового обновленческого соборного храма во имя Преображения Господня в Киеве (Український православний благовісник. 1928. № 1. С. 12–14). В 1925 г. митр. Киевский и Галицкий Иннокентий совершил ряд инспекционных поездок по епархии. Он посетил Белую Церковь (янв. 1925), Сквиру (20–24 февр. 1925), Смелу, Черкассы, Корсунь, Шполу, Уманщину, Переяславщину.

24 апр. 1925 г. административный отдел НКВД УССР уведомил Харьковское епархиальное управление о разрешении на открытие в Киеве Высшей богословской школы. Вначале предполагалось назвать ее академией, однако административный отдел НКВД воспротивился и поставил Свящ. Синоду условие: «...чтобы школа не именовалась академией и не давала ученых степеней, как ходатайствовали учредители, и находилась именно в Киеве...» (Голос православной Украины. Х., 1925. № 10. С. 6). В уставе школы, просуществовавшей до марта 1929 г., отмечалось, что «преподаватели школы выбираются советом школы и утверждаются Всеукраинским Св. Синодом... Преподаются следующие предметы: Священное Писание Ветхого и Нового Завета с исагогикой и экзегетикой, догматическое богословие с историей догматов, христианская этика, апологетика, христианская философия с философской пропедевтикой, церковная история (общая, русская и инославных исповеданий), патрология, сравнительное богословие с сектантством и расколом, литургия, каноника

аскетика, пастырское богословие, гомилетика, христианская археология и искусство, церковное украиноведение и библейские языки» (Там же). Определениями обновленческого Синода от 10 июля и 5 сент. 1925 г. «митрополиту» Иннокентию было поручено провести подготовительные работы и переговоры с органами гражданской власти относительно предоставления помещения в Киево-Печерской лавре как для учебных занятий и студенческого общежития, так и для преподавателей школы, а также ходатайствовать о разрешении пользоваться б-ками и музеями бывш. КДА, бывш. Флавиановской и лаврской. Одновременно с тем от имени учредителей школы «митрополиту» Киевскому дана была особая доверенность от 17 авг. 1925 г. Иннокентий создал в Киеве особую оргкомиссию, в к-рую вошли бывший проф. КДА прот. Н. Фетисов, бывш. преподаватель Киевской семинарии А. Д. Дмитров и магистр богословия КДА прот. А. Никольский. Кроме указанных лиц преподавателями в новой школе стали «митрополит» Одесский Ювеналий (Машковский), «архиепископы» Бердичевский Александр и Могилевский Лоллий (Юрьевский), «епископ» Змиевский Серафим, прот. Г. Богословский, прот. Г. Олтаржевский, профессора А. М. Покровский, Н. И. Смирнов и др. Община Киево-Печерской лавры выразила готовность уступить для школьной аудитории одну большую залу и неск. прилегающих к ней комнат для преподавателей и необходимое количество келий для интерната студентов, а для желающих предоставить и монастырский стол за небольшую плату (Український православний благовісник. 1925. № 16. С. 12). В состав совета школы вошли ректор и профессор правосл. катехизиса «митрополит» Иннокентий (назначен ректором школы определением Свящ. Синода от 16 нояб. 1925 (Указ от 1 дек. 1925 за № 1127)); прот. А. Никольский (преподаватель литургии, церковнослав. языка и церковной истории); прот. Е. Викторовский (преподаватель Свящ. истории); прот. Г. Гордеенко (церковное пение); А. Дмитров. 21 марта 1926 г. в Неделю Православия состоялся акт открытия школы, в к-рую были приняты 42 студента. На следующий день начались занятия («Обновленческий» раскол. С. 497–498). Второй

учебный год в богословской школе начался с окт. 1926 г. На 1-м курсе школы преподавались: Свящ. Писание ВЗ, евр. язык, греч. язык, общая церковная история, патрология, апологетика, философская пропедевтика, украиноведение. Для чтения лекций по космологии в нояб. 1926 г. был приглашен «епископ» Змиевский Серафим (Ляде), а вопрос происхождения, сущности, несостоятельности иерархии самосвятов был освещен в лекциях «архиепископа» Подольского Лоллия (Юрьевского). На 2-м курсе изучали Свящ. Писание НЗ, догматическое богословие, христ. этику и философию, рус. церковную историю, патрологию III и IV вв., канонику и укр. лит-ру. Состав преподавателей включал уже 15 чел., а количество воспитанников на 2-м курсе насчитывало 38 чел., на подготовительном отд-нии обучалось 23 чел. (Український православної благовісник. 1927. № 21. С. 32–33). В сент. 1927 г. в школе был открыт 3-й учебный академический год с предполагаемым окончанием к празднику Св. Троицы 1928 г.

Несмотря на то что 12 апр. 1926 г. особым отношением НКВД УССР преподаватели и слушатели школы получили возможность доступа к книжным собраниям бывш. Флавиановской и Академической б-к, они так и остались недоступными для пользования. Поэтому при школе была сформирована собственная б-ка из собраний лаврской второклассной школы, Киевской епархиальной б-ки, б-ки Владимирского собора, б-ки Воскресенской ц., собственных книг преподавателей и студентов, а также частных даров. Распоряжением Админуправления НКВД от 22 февр. 1929 г. Высшая богословская школа подлежала переводу из Киево-Печерской лавры в другое помещение. В марте 1929 г. руководство школы обратилось в Отделение культов при Административном отделе Киевского окрисполкома с просьбой оставить учебное заведение на прежнем месте. В обращении отмечалось: «...если Школа будет выведена из лавры, то это даст уже законное основание для заграницы говорить, что Советская власть действительно стесняет религиозные организации, существующие на советской территории с ея же разрешения — и притом без всякого основания» (ЦДАВО. Ф. 1.

Оп. 2. Д. 2706. Л. 56–58). Результатом переписки стало компромиссное решение о выселении школы из Киево-Печерской лавры и переводе ее в подвальное помещение Ильинской ц., которая предварительно была освобождена от липковской общины, сначала паритетно владевшей храмом с обновленцами.

Несмотря на поддержку властей, обновленчество из-за массового отхода прихожан уже в 1927 г. столкнулось с серьезными финансовыми проблемами: многие храмы, особенно в центре Киева, владели жалкое существование (в 1928 г., чтобы как-то пополнить бюджет, община Владимирского собора с согласия НКВД стала взимать за его посещение с экскурсантов и любопытствующих по 15–20 к.). К сер. 1928 г. трудности стала испытывать и обновленческая община Киево-Печерской лавры, которая насчитывала 72 чел. и располагала 4 арендуемыми (Анно-Зачатиевской, Крестовоздвиженской, Трапезной, Успенским собором) храмами монастыря (остальные 11 были закрыты) (Там же. Ф. 5. Оп. 3. Д. 1134. Л. 122). 11 июля 1928 г., после загадочной смерти архим. Филадельфа, бразды правления обителью были переданы архим. Михаилу. На 10 авг. 1928 г. братия Киево-Печерской лавры составляла 20 чел. (ЦГИАК. Ф. 128. Оп. 1. Д. 460. Л. 1–5). Было принято решение урезать на 50% заработную плату всему обслуживающему персоналу, а студентов-певчих вообще лишить заработка (Там же. Оп. 2 (общ.). Д. 614. Л. 130).

К нач. 1929 г. в Киеве насчитывалось 17 обновленческих общин и действующая Высшая богословская школа, но уже 5 авг. 1929 г. был закрыт Владимирский собор, а зимой — Киево-Печерская лавра. В сент. 1929 г. после перевода «митрополита» Иннокентия на Архангельскую обновленческую кафедру в Преображенском соборе Киева состоялась первая служба вновь прибывшего обновленческого «митрополита Киевского и Галицкого» Ювеналия (Машковского). Ставший кафедральным Преображенский собор также находился под постоянной угрозой закрытия (в первый раз был временно закрыт постановлением Президиума Киевсовета от 28 нояб. 1931, окончательно — в июле 1934). Не помогали даже самые лояльные обращения к властям, так настоя-

тель собора Григорий Богословский, недоумевая о причинах закрытия, писал в ВУЦИК: «Мы просим иметь в виду то, что община наша есть община синодальная, обновленческая. А синодалы отличаются от тихоновцев главным образом тем, что признали справедливость социальной революции. Из-за этого, ведь, половина наших бывших прихожан отделилась от нас и перекочевала в соседнюю с нами Троицкую тихоновскую церковь» (ЦДАВО. Ф. 1. Оп. 8. Д. 128. Л. 93–94 об.).

Обновленческая кафедра на непродолжительное время переместилась в Ильинскую ц. на Нов. Строевни. Последним кафедральным собором во время пребывания в Киеве «митрополита» Ювеналия была Сретенская-Старокиевская ц., где он и сам прожил до отъезда из Киева в 1936 г.

В условиях, когда после Декларации 1927 г. власти потеряли интерес к обновленцам как к средству разрушения канонической Церкви, «митрополит» Ювеналий столкнулся с открытым враждебным отношением к нему власти, как центральной, так и местной, которая пыталась саботировать любые проявления его активной деятельности. Его инспекционная поездка по епархии сопровождалась обысками и угрозами местных властей (Там же. Ф. 5. Оп. 3. Д. 1961. С. 108–109). Ухудшилось и положение дел в Киеве. «Целый ряд приходо-в Киевского округа остается без священников», — писал «митрополит» в Свящ. Синод обновленцев Украины (Там же. С. 110). Отмечались случаи передачи храмов от обновленцев к «тихоновцам» (напр., Преображенский храм в Дарнице в 1933). На кон. 1934 г. обновленцы потеряли также Златоустовскую, Ильинскую, Феодоровскую, Ольгинскую церкви Киева. Сокрушительный удар был нанесен обновленчеству в 1935 г. целым рядом его иерархов, принесших покаяние и перешедших в каноническую Церковь, среди них были и председатель Всеукраинского Синода «митрополит» Пимен, и «митрополит» Ювеналий.

Возглавить обновленчество на территории Украины было поручено новому «митрополиту» Киевскому и всея Украины Александру (Чекановскому), который в сер. 1936 г. переехал на жительство в Киев. Ему удалось на время вдохнуть жизнь в «синодальное движение» на тер-

ритории Киевской обл. Роль кафедрального собора при нем стала играть Притисско-Никольская ц. (в 1935 отнятая властями у автокефалистов), вокруг к-рой сложилась община, преимущественно из торговцев Житного рынка и части интеллигенции. Удалось получить и некоторые храмы (Михайловскую ц. бывш. Выдубицкого мон-ря (28 мая 1936); Екатерининскую ц. на Лукьяновском кладбище; Рождество-Богородичную ц. г. Борисполя, ранее принадлежавшую самосвятам). «Митрополит» Александр сделал ставку на бывших сослуживцев по Бердичевскому окр.: были приглашены прот. Александр Хотовицкий (настоятель Байковской кладбищенской ц.); прот. Венедикт Лысаковский (настоятель церкви в Староконстантинове, а затем настоятель Михайловской ц. бывшего Выдубицкого мон-ря); священники Александр Полищук (настоятель Екатерининской ц. на Лукьяновском кладбище); Владимир Захаревич (настоятель Новоград-Волынского кафедрального собора, а потом настоятель Притисско-Никольского собора на Подоле в Киеве); Леонтий Данилевич (представитель Староконстантиновского окр., настоятель Рождество-Богородичной ц. в Борисполе); Алексей Буйницкий (настоятель церкви с. Стырты Черняховского р-на Житомирщины, а затем — 2-й священник Байково-кладбищенской ц.) и др. Влилось в обновленчество и значительное количество дезориентированных самосвятов из Коростенского, Киевского и других районов. Были установлены тесные контакты с властью на местах.

В конце 1937 г. митр. Александр (Чекановский) был арестован. Как руководитель церковников на Украине и «виновный в проведении антисоветской работы» он был приговорен к расстрелу. 10 дек. 1937 г. приговор был приведен в исполнение. Чуть позднее были арестованы и расстреляны почти все настоятели и младшие члены причтов обновленческих храмов Киева. Некоторые представители обновленческого духовенства, в основном диаконы, сняли сан (диак. Сретенской ц. Иоанн Головкин, протодиак. Иоанн Курганский, диак. Иаков Подашевский), а некоторые со временем перешли в каноническую Церковь (диаконы Иоанн Пустотин, Сергей Кедреновский и др.). Единственным действующим обновленческим хра-

мом Киева до 1940 г. оставалась Байково-кладбищенская ц., настоятель к-рой Сергей Бобров уцелел, вовремя покинув Киев.

Более прочные позиции обновленцы имели в отдельных сельских районах Киевщины. После территориальной реформы 7 марта 1923 г. 14 уездов Киевской губ. были объединены в 7 округов: Белоцерковский, Бердичевский, Киевский, Шевченковский (Корсунский), Малинский, Уманский, Черкасский. Движение «Живая церковь» получило активную поддержку в Бердичевском, Малинском и Белоцерковском округах. После структурного оформления обновленчества на территории Киевской обл. было учреждено 2 викариата — Черкасское во главе с «епископом» Иосифом (Яцковским) и Бердичевское во главе с «архиепископом» Александром (Чекановским). В посл. викариата выделены самостоятельные епархии. 20 февр. 1925 г. пленум Киевского ЕУ принял решение учредить для Киева кафедру викарного епископа с титулом «Васильковский». Кандидатом был избран вдовый прот. Павел Циприанович, «хиротонисанный» в июне 1924 г. (уже 3 окт. 1924 после избрания «епископа» Павла на Белоцерковскую кафедру Васильковское викариатство было упразднено).

Кардинальные изменения в структуре Киевской обновленческой епархии произошли после Харьковского Собора (май 1925), провозгласившего автокефалию Украинской синодальной Церкви. 1 янв. 1926 г. в своем обращении к пастве «митрополит» Иннокентий обратил внимание, что Киевская епархия «после Харьковского собора, следуя новому гражданскому районированию Украины, разделена на пять самостоятельных епархий: Киевскую, Бердичевскую, Черкасскую, Белоцерковскую и Уманскую, причем в состав нынешней Киевской епархии, кроме самого гор. Киева и его окрестностей, вошли следующие районы прежней Киевщины: Васильков, Чернобыль, Ржищев, Обухов, Макаров, Ново-Шепеличи, Хабное, Дымер, Будаевка, Гостомель, Иванков, Розважев, Кагарлык, Германовка, Бышев, Бородеянка и Брусилы и к ним, согласно гражданской схеме, присоединены бывшие Полтавские и Черниговские районы левого берега Днепра: Переяславль,

Жукино, Великая Дымерка, Борисполь, Барышевка, Бровары, Рогозов и Лехновка» (Український православний благовісник. 1926. № 8. С. 10–11).

Бердичевское вик-ство (округ), возглавляемое с 1921 г. Александром (Чекановским), занимало 1-е место по количеству обновленческих общин и их организованности. Округ делился на благоточиннические округа, духовенство к-рых регулярно проводило собрания, на к-рых обсуждались все решения священноначалия. К кон. 1930 г. Чекановский был возведен в сан «митрополита» Бердичевского, одновременно став управляющим Волынской и Коростенской епархиями. В Бердичевской обл., часть которой в 1923–1925 гг. входила в состав Киевской губ., «митрополиту» подчинялись приходы Бердичевского горсовета и районы — Андрушёвский, Вечерайшанский, Казатинский, Любарский, Махновский, Плисковский, Погребисненский, Ружинский, Улановский, Янушпольский.

Александр (Чекановский) развернул активную деятельность и в Уманском окр. 31 авг. 1925 г. он был утвержден и. о. председателя Уманского епархиального управления (размещалось в с. Шляховая Терновского р-на), в которое вошли приходы 6 районов — Оратовского, Цыбулевского, Монастырищенского, Терновского, Тепликского и Грановского. Усилиями «архиепископа» Александра был созван в 1927 г. окружной съезд и переведены в обновленчество общины Бабанки, Жашкова, Псяровка, Собковки, Степковки, Успенской ц. на Лысой горе в Умани (с нояб. 1927), Бугаёвки (до авг. 1927). Как писал «Украинский православный благовестник» в 1928 г. об Уманской епархии, «количество приходов со времени епарх. съезда 1927 года увеличилось на 60%: было их около 60, теперь — около 120. Синодальное дело на Уманщине растет и крепнет, частью за счет тихоновских приходов, частью за счет самосвятов» (Там же. 1928. № 7. С. 96).

Значительных успехов достигло обновленчество и на территории Черкасского окр., где личный авторитет еп. Иосифа позволил не только сохранить, но и приумножить число общин. Только на окт. 1924 г. обновленческих храмов по Черкасскому окр. насчитывалось 44 (ЦДАВО. Ф. 5. Оп. 2. Д. 197. Л. 107). К числу

обновленческих принадлежали храмы Черкасского окр.: Николаевский собор, Троицкая, Петропавловская кладбищенская, Георгиевская железнодорожная церкви г. Черкассы; церкви в селах: Великий Хутор, Рейментаровка, Мокрая Калигорка, Худоліевка, Дубіевка, Красная Слободка, Панское, Калиберта, Соболевка, Змагайловка (Покровская ц.), Вергуны, Степанки, Дахновка, Михайловка, Ташлык, Сунки, Александровка, Хацки, Нечаево, Бондурів, Леськи, Головковка, Жаботин, Ротмистровка, Бобровица, Михайловка; Чигиринский жен. мон-рь; собор мест. Корсунь; Никольская, Миронисицкая, кладбищенская церкви в г. Золотоноше; Успенская, Покровская, Преображенская церкви в мест. Смела. В центре Шевченковского окр. (Каневский, Звенигородский и Таращанский уезды) в г. Корсуне обновленцами было открыто окружное викариальное управление, предполагавшее наличие епископа. В состав Черкасского епархиального управления вошли еп. Иосиф (председатель), прот. Д. Залесский, свящ. М. Лебедович, прот. Киба. После перевода еп. Черкасского Иосифа (Яцковского) на Херсонскую обновленческую кафедру 26 июня 1926 г. «епископом» Черкасским стал Герасим (Строганов), после смерти которого в 1934 г. кафедра перешла «архиепископу» Павлу (Циприановичу), с расстрелом последнего 2 нояб. 1937 г. она была ликвидирована.

В Переяславе в результате деятельности благочинного прот. Алексея Полушкина часть церковей Переяславского р-на вошла в подчинение Всеукраинского Свящ. Синода и «митрополита» Иннокентия. Это были общины в селах Лецки, Помокли, Строкова, Козлов, М. Каратуль, Семёновка, Денисы, Сомкова Долина. В с. Строкова в 1926 г. удалось торжественно заложить новый храм св. Иоанна Богослова.

В Белоцерковском окр. обновленческими числились общины в селах: Чупира, Жидовцы, Трилеса, Дорогинка, Пивни, Пришивальня, Медвин, Ходорков, Семигоры, Ромашки, М. Лисовцы, Саливонки, Биевцы, Хировка, Долгая Гребля, Кривое, Озёра, Росава, Шарки, Синява, Житние Горы, Татаринька, Кирданы, Весёлый Кут, Снегуровка, Мотовилевская Слободка; Марие-Магдалинская ц. и собор в г. Белая Церковь; Покровская и Воскресенская

церкви в Фастове и др. После того как 26 февр. 1926 г. Волынский епархиальный съезд просил Павла взять руководство Житомирской епархией, Белоцерковская епархия временно перешла в ведение Киевского митрополита (с 12 апр. 1926). До 1928 г. Белоцерковской кафедрой управлял «епископ» Иов Сахновский, 20 сент. 1928 г. переведенный на Уманскую кафедру, а в Белую Церковь вновь возвратился еп. Павел (Циприанович). В составе К. е. остались в основном слабые и несплоченные обновленческие общины в селах Андреевичи, Глебовка, Братская Борщаговка, Брусилов, Любарцы, Катюжанка, Германовка, Стайки, Щучинка, Воропаевка, Сваромье, Гатное, местечках Обухов, Ржищев и др.

После очередной территориальной реформы в 1932 г. и образования Киевской обл. в ее состав вошла часть районов Житомирщины, поэтому обновленческая епархия приросла обновленческими храмами Житомира, Коростеня, Коростышева. Частично восполнить потерю мн. обновленческих церковей в области удалось «митрополиту» Александру, к-рый благодаря организаторским способностям и умению договариваться с властями перерегистрировал в качестве обновленческих мн. самосвятские и канонические общины Бориспольского, Коростышевского, Житомирского р-нов.

Несмотря на то что с арестом митр. Александра в 1937 г. Киевская обновленческая кафедра перестала существовать, формально подчинившись «митрополиту» Днепропетровскому Владимиру Злобину, с 10 янв. 1938 г. ставшему управляющим правосл. церквами в УССР, приходы не были упразднены. Даже после ликвидации обновленческого руководства Киевщины часть общин сохраняла свою приверженность обновленческому течению (напр., в Фастовском р-не, ранее принадлежавшем Белоцерковской епархии). К началу немецко-фашистской оккупации Украины в 1941 г. обновленческие приходы оставались действовать только в сельских районах Киевщины.

По состоянию на ноябрь 1944 г. обновленческими числились: Фастовский р-н (Александрово-Невская ц. в с. Елёновка, Покровская ц. в с. Скригалевка, Николаевская ц. в с. Кожанка, Михайловская ц. в с. Пилиповка, Иоанно-Златоустовская ц. в с. Пив-

ни, Григорьевская ц. в с. Пришивальня, Рождества Богородицы ц. в с. Великая Мотовиловка, Михайловская ц. в с. Великая Офирна, Покровская ц. в Заречье в Фастове, Николаевская ц. в с. Великая Снетинка, Владимирский собор в Фастове); Богуславский р-н (церкви в селах Мисайловка, Шупики, Розкопанцы, Бородани, Чайки); Катеринопольский р-н (Покровская ц. в с. Петраковка, Покровская ц. в с. Ерки); Смелянский р-н (Варваринская ц. в с. М. Смелянка, Преображенская ц. в с. Белозорье, Николаевская ц. в с. Балаклея); Володарский р-н (Покровская ц. в с. Пархомовка); Броварской р-н (Георгиевская ц. в с. Заворичи).

Т. В. Кальченко

Обновленческо-автокефалистский раскол Феофила Булдовского («Соборно-епископская церковь»). «Соборно-епископская церковь», официально именованная «Украинской православной автокефальной церковью с канонически преемственной иерархией», на 1927 г. имела 418 (5% от общего количества) общин, охватывая часть исторической К. е.—гл. обр. бывш. Переяславский и Золотоношский уезды Полтавской губ. (эпизодические очаги раскола фиксировались также в Бердичевском и Уманском уездах).

14 янв. 1923 г. в полтавском кафедральном соборе состоялась хиротония Ф. И. Булдовского во епископа Лубенского, Миргородского и Лохвицкого, викария Полтавской епархии. Сразу после хиротонии 15 янв. состоялось собрание епископов Полтавской и Киевской епархий (фактически — приходов бывш. Кременчугской и Полтавской губерний), присутствовали епископы Полтавский Григорий (Лисовский), Лубенский Феофил, Чигиринский и Черкасский Николай (Браиловский), Кобелякский и Кременчугский Николай (Пирский), Переяславский и Пирятинский Петр (Киреев) — последний управлял и бывш. Переяславским у., входившим с 1921 г. в Киевскую губ., и бывш. Пирятинским у., входившим в Полтавскую губ., т. к. границы епархий РПЦ на территории Украинской ССР к тому времени не были приведены в соответствие с новым адм. делением. Основным вопросом обсуждения стала линия поведения в отношении группы «Живая церковь».

Епископы единогласно решили не присоединяться к «Живой церкви», потому что она «слишком революционная, неканоническая и несвоевременная».

Это решение стимулировало обновленцев и поддерживающие их органы ОГПУ на решительные действия и усиление давления, в результате которых еп. Кобелякский Николай перешел к обновленцам, еп. Григорий оказался под следствием, а Переяславская кафедра после смерти еп. Петра оставалась без епископа. В таких условиях еп. Григорий актом от 1 марта 1923 г. дал еп. Феофилу право на управление епархией в случае своего увольнения или смещения с кафедры, и 13 мая 1923 г. еп. Феофил стал управляющим Полтавской епархией. В сер. 1923 г. епископы Феофил и Григорий приступили к созданию независимого от неканонических течений церковного центра в Полтаве или Лубнах и рукоположили архим. Сергия (Лабунцева) во епископа Золотоношского.

Осенью 1923 г. еп. Григорий начал активную подготовку к проведению епархиального съезда, к-рый должен был стать началом созыва «канонического Всеукраинского Собора». Освобождение 25 июня 1923 г. из-под стражи патриарха Тихона внесло коррективы в реализацию их планов. С возвращением патриарха к власти для образования Всеукраинского центра РПЦ и реализации дальнейших планов необходимо было его благословение. 11 нояб. 1923 г. еп. Феофил направил патриарху письмо, в котором выразил свою просьбу «в особой грамоте Полтавщину, как епархию наиболее на Украине стойкую в православии, благословить на решение этого вопроса на Всеукраинском церковном Соборе, на организацию центра Украинской Православной Автокефальной Церкви, находящейся в тесном единении со всей Вселенской Церковью, а особенно, с родной нам церковью Российской». Главными аргументами этого были: претворение в жизнь постановлений т. н. Киевского Собора Епископов 1922 г. (см. «Киевское совещание 1922 г.»), которые воплощаются в лозунгах: «православие», «автокефалия», «украинизация» и «соборноправность», а также необходимость объединения для борьбы с «самосвятами» и «Живой церковью». Патриарх Тихон направил это письмо на отзыв еп. Гри-

горию (Лисовскому), к-рый поддержал просьбу еп. Феофила и в своем ответе просил патриарха благословить организацию центра в Полтаве под названием «Высший Церковный Совет Епископов Православной Автокефальной Украинской Церкви на Полтавщине». Несмотря на поддержку со стороны еп. Григория, 1 февр. 1924 г. патриарх издал постановление, осуждающее любые попытки объявить автокефалию на Украине, и посоветовал обращаться по всем вопросам внутрицерковной жизни к архиеп. Екатеринославскому Иоанникию (Соколовскому), временно управляющему Харьковской епархией. Кроме того, патриарх Тихон предостерегал, что «без благословения Святейшего Патриарха и Священного при нем Синода, даже из одних православных епископов не может быть [Украинского] Собора» (законного и правомочного), и что «не благословляется... вводить в церковную жизнь Украины постановлений и пожеланий Собора православных епископов Украины, который состоялся в августе 1922 г.». При этом грамотой от 6 апр. 1924 г., направленной архиеп. Иоанникию, патриарх благословлял последнему созывать Соборы укр. епископов для решения текущих вопросов, а также поручал «по возможности тщательнее соблюдать интересы украинского верующего населения, оберегая национальные чувства его и не рассматривая заранее, по обстоятельствам времени, вопрос о внутреннем управлении Украинской Церкви и ее отношении к Церкви Великорусской, всемерно проявляя заботу с архипастырями, пастырями и верующей паствой Украины о скорейшем созыве Всеукраинского Православного Собора, как единого правомочного органа при решении существующих в жизни Церкви вопросов» (ГА Харьковской обл. Ф. Р-845. Оп. 2. Д. 822. Л. 29).

В сент. 1924 г. по благословению архиеп. Полтавского Григория (Лисовского) для беседы с патриархом Тихоном о возможности дарования Украинской Церкви автокефалии в Москву прибыла делегация во главе с еп. Феофилом (Булдовским). На встрече патриарх заявил, что вопрос о предоставлении автокефалии выходит за пределы патриарших полномочий. После возвращения в Лубны в дек. 1924 г. еп. Феофил (Булдовский) прервал общение с архиеп.

Григорием и провозгласил себя «автокефальным епископом Полтавским». 25 дек. 1924 г. Феофил и Сергей (Лабунцев) рукоположили прот. Сергия Иваницкого во «епископа Черниговского». Вскоре к Феофилу и Сергию присоединился успевший побывать в автокефалистском и обновленческом расколах Павел Погорилко, получивший ранее епископскую хиротонию от «митрополита» Антонина Грановского.

Экзарх Украины митр. Михаил (Ермаков) созвал Собор архиереев для суда над Феофилом Булдовским, к-рый отказался явиться на его заседания. Суд, в к-ром приняли участие 13 епископов, проходил заочно в дек. 1924 г. 25 дек. 1924 г. Булдовский и др. деятели «лубенского раскола» были извержены из сана и отлучены от Церкви. Низложенные епископы Иоанникий Соколовский (учинивший раскол в Харьковской епархии) и Феофил Булдовский создали «инициативную группу» по созыву съезда укр. архиереев. На него были приглашены более 20 архипастырей, находившихся на тот момент на Украине. Однако в Лубны, где 4–5 июня 1925 г. проходил Собор, приехал только еп. Черкасский Иосиф (Яцковский), который вскоре покинул собрание. Архиеп. Иоанникий (Соколовский) также прямо на собрании отмежевался от нового раскола. В протоколе сессии «Собора православных епископов всей Украины по созданию Соборно-епископской церкви» упоминаются: Председатель Собора — «епископ» Каменецкий и глава «Братского Объединения Украинских Православных Канонических Парафий всего Подолья» Павел Погорилко, избранный главой церкви, его заместитель, «епископ» Лубенский и Миргородский Феофил Булдовский, «епископ» Золотоношский и Пирятинский Сергей Лабунцев, «епископ» Сновский и «управляющий канонических парафий всей Черниговщины» Сергей Иваницкий, а также секретари: протоиереи Н. Базилевский и Н. Лукьянов. Главой нового органа — «Президиума Собора епископов Украины» стал Погорилко, к-рому было присвоено звание «архиепископ всея Украины», т. к. он проживал в Харькове.

25 июня 1925 г. патриарший местоблжественный митр. Петр (Полянский) подписал 2-ю запретительную грамоту в отношении Булдов-

ского. В кон. 1925 г. на основании составленных архиеп. Полтавским Григорием (Лисовским) и еп. Прилукским, викарием Полтавской епархии Василием (Зеленцовым) записок о лубенском расколе было подготовлено определение о «главарях лубенского раскола», подписанное 5 янв. 1926 г. 13 укр. правосл. архиереями. В определении лидеры булдовщины объявлялись лишенными сана и отлученными от Церкви, оно было утверждено заместителем патриаршего местоблжественного митр. Сергием (Страгородским).

Не позднее нояб. 1927 г. Булдовский созвал в Лубнах очередную «сессию собора епископов Украины», на к-рой он был избран председателем и возведен в сан «архиепископа», а через год — в сан «митрополита». Погорилко в 1927 г. отошел от церковного служения и устроился учителем укр. языка в одну из школ Харькова.

К нач. 1928 г. Соборно-епископская церковь имела на Киевщине 3 общины в Бердичевском округе и 1 общину в Уманском округе (ЦДАВО. Ф. 5. Оп. 3. Д. 116. Л. 114–116). Впосл. власти Украинской ССР, убедившись в слабом влиянии «лубенского» раскола и его неэффективности в борьбе с канонической правосл. Церковью, перешли к репрессивной политике. В результате закрытия храмов и арестов духовенства число приходов, состоящих под началом Феофила (Булдовского), в 30-х гг. XX в. резко сократилось.

УАПЦ лжемитр. В. Липковского на Киевщине в 20–30-х гг. XX в. Созданная 17 апр. 1919 г. «Всеукраинская православная церковная рада» (ВПЦР) объявила, что действует на основе декрета СНК «Об отделении церкви от государства и школы от церкви» и является «временным органом по украинизации Церкви на Украине». Главой ВПЦР был избран зав. секцией сельскохозяйственной статистики при Киевском губисполкоме мирянин М. Н. Мороз, его заместителем — прот. В. Липковский. В то время ВПЦР называла себя «консультативным, церковно-совещательным органом» и не добивалась юридических прав отдельной, соперничающей с РПЦ централизованной религиозной орг-ции, надеясь на бесконфликтное урегулирование всех спорных вопросов, подразумевая под

этим выполнение ее требований, с управляющим в 1919 г. К. е. еп. Назарием (Блиновым). Так, подчинявшаяся ВПЦР «Украинская Печерская Никольская община», получившая 22 мая 1919 г. к празднику свт. Николая Военно-Никольский собор на Печерске, приняла условия еп. Назария об обязательном поминовении патриарха Тихона и о совершении службы на церковнослав. языке, за исключением чтения Евангелия (его разрешено было читать на укр. языке), и на этих условиях получила архиерейское благословение на совершение служб и антиминос. Однако впосл. ни одно из этих условий не выполнялось: патриарха не поминали, а на укр. языке совершали бóльшую часть служб. Уже 12 июля 1919 г. община Липковского впервые провела службу на укр. языке в большом Софийском соборе, после чего еп. Назарий запретил Липковского в священнослужении, но в скором времени, пытаясь избежать прямого конфликта и появления «оппозиционной» структуры, отменил свое решение.

Позиция еп. Назария, стремившегося добиться компромиссного и бесконфликтного решения «украинского церковного вопроса», была мягкой: на раннем этапе раскола он нередко ограничивался декларативными заявлениями (напр., в воззвании от 8 авг. 1919 он призывал «возлюбленных чад, именующих себя «украинскими гражданами», не нарушать церковное единство в сфере богослужебного языка» (РГИА. Ф. 130. Оп. 3. Д. 75. Л. 1–2)) или вступал с ними в объяснения по поводу неканоничности и низкого качества переводов на укр. язык (автокефалисты сами переводили богослужебные тексты с церковнославянского). Позиция патриарха Тихона также была располагающей к поиску компромисса: он с пониманием отнесся к стремлению «украинских общин» к богослужениям на «родном наречии», но указывал, что этот вопрос может быть решен только на Всероссийском и Всеукраинском Соборах (Там же. Ф. 182. Оп. 1. Д. 136. Л. 7).

Однако последователи ВПЦР расценивали готовность к обсуждению как слабость позиции священноначалия и незамедлительно перешли в наступление. 20 июня 1919 г. уставы первых 4 украиноязычных религ.

общин Киева — Печерской при соборе свт. Николая, Подольской при соборе ап. Андрея Первозванного, Старокиевской при соборе Св. Софии и Лыбедской при ц. прор. Илии были зарегистрированы в отделе управления Киевского губисполкома, а уже 2 авг. был подан и принят для регистрации устав новой централизованной орг-ции — «Всеукраинского союза православных приходов», в который и объединились уже зарегистрированные приходы (ЦДАВО. Ф. 3984. Оп. 3. Д. 29. Л. 24). Процесс регистрации этой орг-ции приостановился на время захвата Киева войсками А. И. Деникина, но в дек. 1919 г. возобновился. Одновременно автокефалисты вели переговоры с еп. Назарием, соглашаясь остаться в составе РПЦ только на правах автономного самоуправляющегося образования. Прибывший в Киев митр. Киевский Антоний (Храповицкий) быстро разобрался в сути конфликта и уже 10 сент. 1919 г. запретил клириков «украинских общин» в священнослужении, выдворив их из занятых храмов (позже оставил для совершения украиноязычных служб ц. Малая София). Всего прешениям подверглись 13 священников и 3 диакона К. е. Автокефалисты подчинились воле митрополита, однако после отъезда митр. Антония и возвращения в Киев большевиков стали оказывать давление на еп. Назария, и тот, пытаясь отмежеваться от митр. Антония и обелить себя в глазах большевистских властей, сразу же снял запрет в служении с клириков «украинских общин» Киева, не препятствовал возвращению принадлежавших им до прихода деникинцев храмов.

Но уже с нач. 1920 г. (возможно, в связи с возвращением в Киев в кон. 1919 главного идеолога автокефалистского движения прот. Липковского) началось открытое противостояние между автокефалистами и каноническим священноначалием. Начиная с янв. 1920 г. автокефалисты все более четко стали позиционировать себя как враждебная в отношении РПЦ структура. При поддержке властей в ряде уездов Киевской губ. началась работа по созданию параллельных (с действующими приходами РПЦ) приходов и общин, к-рые в будущем должны были составить отдельную централизованную структуру автокефа-

листского направления. В янв. 1920 г. Киевский губревком впервые официально зарегистрировал статут «Всеукраинского сообщества православных парафий», сформированного из «Всеукраинской православной церковной рады» (старое название также параллельно продолжало употребляться); главой новой структуры стал Мороз, заместителем — прот. Липковский. Они же руководили «Старокиевской Украинской православной парафией при Софийском соборе», образованной в 1919 г. как украиноязычная община. Т. о., вместо «совещательной рады» появилось отдельное раскольническое, юридически оформленное сообщество приходов. 3 февр. 1920 г. было зарегистрировано также «Всеукраинское товарищество «Церква жива» («Церковь живая») при Софийском соборе», главой которого стал буд. «священник» УАПЦ, уполномоченный представитель Подольско-Андреевской общины И. Белосорочко, а его заместителем — Мороз. Последнее сообщество стояло на обновленческих позициях, выступая за «новое устройство Церкви в духе первого христианства». Вероятно, эта орг-ция с теми же руководителями создавалась на случай возможного объединения с обновленцами или их безусловной поддержки властями (это «товарищество» просуществовало недолго и уже 27 июля 1920 перерегистрировало свой устав в качестве «кооперативного студенческого общества», которое впосл. преобразовалось в братство «Церковь трудящихся» под рук. К. Янушевского, а к 1924 вновь трансформировалось в раскольническую орг-цию под названием «Деятельно-Христова Церковь»).

С нач. 1920 г. в Киеве началось постепенное формирование группы «независимых» оппозиционных приходов, действовавших параллельно с приходскими общинами патриаршей Церкви. Эти «независимые» приходы отделялись от Московского Патриархата и объявляли на собраниях о присоединении к «Всеукраинскому сообществу православных парафий» Мороза—Липковского. 4 февр. властями были зарегистрированы уставы Лыбедской Украинской православной парафии при Ильинской ц. (глава Г. Ляшенко) и Печерской Украинской парафии при соборе свт. Николая (глава Л. Скрипец), 14 февр.— устав Петропавловской

парафии на Подоле (глава Ф. Глущенко), 21 июля зарегистрированы Подольская парафия при Андреевской ц. и Кирилловская Украинская парафия при Троицкой ц. Кирилловской больницы. Всего в Киеве в июле 1920 г. было 6 приходов автокефалистов, либо уже занявших православные храмы, либо претендовавших на действующие храмы РПЦ. Нередко инициаторами перехода становились прихожане, оказывавшие давление на своих пастырей.

После попыток Старокиевского автокефалистского прихода при Софийском соборе вытеснить из храма общину РПЦ, в чем автокефалисты просили поддержки большевистской власти, Киевский епархиальный совет прекратил с ними общение и предложил управляющему епархией возобновить прешения. 30 апр. 1920 г. указом еп. Назария были запрещены (вторично) в священнослужении 5 священников автокефалистского Старокиевского прихода при Софийском соборе: Липковский, Нестор Шараевский, Петр Тарнавский, Кирилл Стеценко, Иоанн Степаненко; 3 мая 1920 г. этот указ утвердил Киевский епархиальный совет.

В ответ 5 мая 1920 г. ВПЦР под рук. Липковского провозгласила «автокефалию и соборноправность» Православной Церкви на Украине, а себя — главным руководящим органом этой Церкви и постановила прекратить общение с епископатом РПЦ. Момент был выбран политически очень точно — польско-петлюровские войска наступали на Киев. С 6 мая по 12 июня 1920 г. Киев был занят польскими войсками и воевавшими на их стороне петлюровскими отрядами. По требованию С. В. Петлюры комиссар польско-украинской власти в Киеве 1 июня 1920 г. упразднил Киевский епархиальный совет и передал его функции автокефалистам, к-рые захватили принадлежавшее совету здание митрополичьего подворья при Софийском соборе со всем имуществом и архивом.

Примечательно, что после возвращения в Киев большевиков здание митрополии было оставлено за автокефалистами, а последующая «украинизация приходов» нередко проводилась при активной поддержке местных большевистских властей. Именно после возвращения в Киев в сер. июня 1920 г. большевиков

начинается развитие укр. автокефалистского раскола в Киеве и по всей Украине.

В июле—авг. 1920 г. орг-ция «Всеукраинская православная церковная рада — Всеукраинское сообщество православных парафий» разослала по всей Киевщине воззвание, в котором говорилось: «Российская революция полностью разрушила царскую власть и все старорежимные гражданские учреждения, что же касается царскорежимных духовных учреждений, то волны революции их совсем не затронули» (ГА Киевской обл. Ф. 3. Оп. 2. Д. 73. Л. 19). Автокефалистская «рада» обращалась к советским местным органам власти с призывом к «замене черносотенного духовенства в селах», указывая, что ВПЦР — это «церковный орган, который образовала революционная общественность для борьбы с черносотенным духовенством» (Там же). Одним из первых 30 авг. 1920 г. деятельность ВПЦР поддержал Киевский уездный съезд комитетов незажиточных крестьян, принявший заявление, в котором говорилось: «Для окончательного устранения среди населения различных препятствий, которые стоят на пути социального самосознания населения и держат его в духовной темноте, необходимо, чтобы старые попы черносотенного строя, которые провоцируют антисоветчину среди населения, были немедленно заменены людьми, которые бы поддерживали идеи советской власти» (Там же. Л. 21). Опираясь на сельские «комнезамы» и волостные «рады», автокефалисты сумели 7–29 марта 1921 г. провести в Киеве в Софийском соборе и в Лыбедской Ильинской церкви «предсоборный съезд представителей сельских приходов от волостей Киевской округи» (Там же. Л. 24). В июле 1920 г. с поддержкой ВПЦР выступил Чигиринский уездный съезд учителей.

Предварительное организационное оформление автокефалистов Киева и Киевской губ. произошло 22–26 мая 1921 г. на губ. церковном съезде Киевщины, самоназвавшемся как «1-й Украинский православный церковный собор Киевщины». Псевдособор автокефалистов проходил в Софийском соборе. В нем приняли участие 412 делегатов, среди которых было 58 священников, 12 диаконов и 29 псаломщиков, причем не только из Киевской губ., но

и из отдельных уездов Черниговской и Полтавской губерний. Участниками собора стали 33 члена ВПЦР, среди них были и автокефалистские клирики от 5 зарегистрированных приходов Киева: настоятель Старокиевского Софийского прихода прот. В. Липковский, зам. настоятеля прот. Н. Шараевский, настоятель Печерского Никольского собора прот. Николай Бутовский, настоятель Подольской Петропавловской общины прот. Ксенофонт Соколовский, настоятель Киево-Кирилловской Троицкой общины свящ. Степаненко, настоятель Подольской Андреевской общины свящ. Г. Жевченко (2 последние общины делили храмы с приходами РПЦ). Еще одна киевская община, «Лыбедская Украинская парафия при Ильинской Безарковской церкви», своего делегата не прислала, т. к. ее регистрация была отменена и оспаривалась летом 1921 г. Ликвидотделом НКЮ УССР.

В 1-м докладе председатель ВПЦР Мороз раскрыл цель своего движения, к-рая заключалась в преобразовании церковного устройства укр. правосл. приходов на почве автокефалии, соборноправности и украинизации. Одной из важнейших задач собора он назвал образование собственного епископата. Собор принял резолюцию «Про киевский епископат», в которой объявил викарных епископов К. е. Назария (Блинова), Димитрия (Вербицкого) и Василия (Богдашевского) «самочинными руководителями», запретил приходам подчиняться им, допускать к богослужениям как самих епископов, так и подчиняющихся им священников, а также поминать «каких-либо патриархов и епископов, которые не принадлежат к украинской церкви».

В постановлении собора Киевщины ВПЦР признаётся как «единственный высокий правомочный, временный орган руководства делами» Украинской автокефальной Православной Церкви. Собор утвердил, что основами церковного устройства для Украины следует считать автокефалию церкви, ее отделение от гос-ва, соборноправность в церковном управлении и использование в богослужениях укр. языка, народных обрядов и обычаев. Он избрал для коллегиального управления «украинизированными» приходами Киевщины т. н. Киевскую губернскую церковную раду, в состав которой вошли 9 священников: Михаил Малярев-

ский, Иоаким Калишевский, Конон Бей, Иаков Чулаевский, Марк Грушевский, Петр Тарнавский, Владимир Бржосновский, Жевченко, Иоанн Павловский (все они впосл. стали «уездными епископами» УАПЦ). Собор единогласно избрал митрополитом Киевским заштатного архиеп. РПЦ Парфения (Левицкого), а его заместителем — перешедшего в обновленчество еп. РПЦ Антонина (Грановского), обоих — в заочном порядке, без их согласия и желания. Кандидатами на должность «губернского епископа Киевщины» участники собора избрали 10 лиц: протоиереев Липковского, Евфимия Сецинского, Шараевского, священников Стефана Орлика, Кирилла Бережницкого, Марка Грушевского, Константина Кротевича, Андроника Руденко и П. Погорилко, а также мирянина Г. Д. Стороженко. Выборы «епископа Киевщины» планировалось провести в ходе намеченного на 14 окт. 1921 г. «Всеукраинского собора».

Для «осуществления настоящего народовластия в церкви» собор Киевщины также постановил: ликвидировать все старые церковные учреждения на Киевщине (приходские советы, благочиния, епархиальную канцелярию и др.); руководство делами приходов осуществлять по уставу, принятому ВПЦР; должны быть образованы приходские «рады» — обязательно в составе «Всеукраинского сообщества православных парафий» во главе с ВПЦР, также предписано создавать уездные и волостные церковные «рады», подлежащие ведению ВПЦР и получающие от нее инструкции; службы во всех церквях должны совершаться на укр. языке, для чего «приходские рады заботятся о немедленном получении от ВПЦР богослужебных книг и песнопений на украинском языке». Собор поблагодарил ликвидотдел Киевского губревкома за передачу киевских храмов укр. автокефалистским приходам, попросил о передаче для Старокиевского прихода «теплой» (трапезной) церкви Софийского собора (эту просьбу власти вскоре выполнили) и «архиерейской ризницы», а также об обеспечении жильем на территории Софийского монастыря епископа, причта и стражи. Собор потребовал от советской власти передачи Киевского епархиального свечного завода РПЦ в распоряжение Киевской губ. церковной рады, на что последовал отказ властей.

Окончательное организационное становление раскола под названием УАПЦ как общеукр. орг-ции произошло на т. н. I Всеукраинском православном церковном соборе УАПЦ 14–30 окт. 1921 г. Примечательно, что по числу духовенства этот собор стал всего лишь немногим более представительным, чем собор Киевщины. При этом большинством делегатов представляли Киев (6 священников: Н. Ковальский, С. Осинский (возглавил Елизаветинский приход на Трухановом о-ве), К. Соколовский, К. Янушевский, а также В. Липковский и Н. Шараевский) и Киевскую губ. (27 священников, при этом часть клириков представляла только самих себя, а не приходы; из них как минимум 10 вскоре покинули УАПЦ: перешли либо в РПЦ, либо в обновленчество). Значительная часть священников и мирян выступила против идеи Мороза и Липковского относительно хиротонии для УАПЦ своего «епископа» без участия др. епископов, самочинно; с критикой такого самочиния выступили даже отдельные влиятельные деятели УАПЦ: Димитрий Ходзицкий, Конон Бей и др., для к-рых, вероятно, сама постановка вопроса стала неожиданностью. На соборе завязалась жесткая дискуссия по этому поводу, впрочем быстро прерванная председателем Морозом: «Коль мы встали на революционный путь, то должны сами избрать себе епископа и сами его рукоположить». 23 окт. 1921 г. во «митрополита Киевского и всей Украины» был «рукоположен» Липковский, «хиротонию» к-рого совершили не епископы, а пресвитеры, диаконы и миряне — участники заседания. От него в свою очередь получили «поставление» др. «епископы» (отсюда традиц. название приверженцев УАПЦ — «самосвяты»). В «Киевских канонах», утвержденных решениями I собора УАПЦ 1921 г., этот акт был признан в качестве исключения, к-рое УАПЦ допустила «по причине чрезвычайных, неблагоприятных обстоятельств». Это же касалось и «рукоположения» 26 окт. 1921 г. прот. Н. Шараевского, к-рый был посвящен в «губернского архиепископа Киевщины» со званием заместителя «митрополита» УАПЦ.

С образованием на соборе 1921 г. «иерархии» УАПЦ начинается быстрый рост количества приходов и последующая организация местных церковных структур. В 1921–1925 гг.

УАПЦ делилась на «уездные» или «окружные» церкви, находившиеся под коллективным руководством как «уездных» или «окружных епископов», так и выбиравших их уездных или окружных соборов УАПЦ. В 1925 г. не только приходы Киевщины, но и вся УАПЦ в целом стала делиться на церковные округа. С 1926 г. они совпадали в своих границах с советским адм. делением. «Епископы» соответствующих округов УАПЦ обязательно входили в состав окружных церковных советов и должны были избираться на общем собрании окружного духовенства и мирян.

Вскоре после завершения работы собора в нояб. 1921 г. для Киевщины были хиротонисаны первые «уездные епископы» (с 1923, после введения окружного деления, — «окружные»): Белоцерковский — Бржосновский и «епископ для Киевского уезда» Стороженко (в 1926 публично отрекся от Церкви). Иногда «епископы» из-за малочисленности приходов распространяли свою власть сразу на 2 уезда. В 1922–1925 гг. были поставлены «епископ Богуславский и Каневский» Конон Бей, «епископ Черкасский и Чигиринский» Иван Павловский, претендовавший также на соседний Звенигородский у. Киевской губ., «епископ Переяславский» Владимир Даховник-Даховский, «епископ Звенигородский» Евфимий Калишевский, «епископ Уманский» Константин Малюшкевич, «епископ Сквирский» Георгий Жевченко, «епископ Таращанский» Николай Пивоваров, «епископ Бердичевский» Иаков Чулаевский, принят и утвержден как «епископ Переяславский» обновленческий «архиерей» Феодосий Сергиев. Последним «пополнением» для УАПЦ на Киевщине стал хиротонисанный в 1925 г. «епископ Белоцерковский» Георгий Тесленко.

Как правило, «епископы» пытались стать также настоятелями «уездных» соборов, что приводило к острым конфликтам с местным духовенством и «церковными радами» мирян, к тому же кадровая политика ВПЦР предусматривала частые перемещения «епископов» с одной кафедры на другую, и в этом «рады» использовались ею как союзники. Показателен случай с назначением «епископа» для Малинского округа (существовал в 1923–1925). В соответствии с решением Малинского окружного съезда 28 окт. 1923 г. в Кие-

ве поставлен во «епископа Малинского» перешедший из РПЦ прот. Иоанн Гей. Он пробыл «епископом» не более месяца и был лишен «епископства», т. к. на богатые приходы округа стал претендовать др. «кандидат во епископы» — Михаил Маляревский. Прибыв в кон. окт. 1923 г. в Радомысль (Радомысльский у. вошел в Малинский округ) со своим сыном-священником, он уже в нач. нояб. стал настоятелем местного Троицкого собора УАПЦ, с помощью интриг выжил оттуда еп. И. Гея, и последнему пришлось возвращаться в Киев, где ВПЦР без к.-л. объяснений лишила его «епископства», а М. Маляревского тут же «рукоположила» во «епископа Радомысльского».

В течение 1921–1923 гг. автокефалисты беспрепятственно, при поддержке властей проводили, согласно их формулировке, «мероприятия по украинизации церквей». Такие мероприятия нередко имели насильственный характер. Часто бывало так, что сторонники УАПЦ, находившиеся в меньшинстве, неск. раз нападали на какой-то храм, и тогда советская власть якобы в целях недопущения кровопролития передавала им здание (напр., в нач. марта 1922 УАПЦ неоднократно пыталась захватить силой Троицкий храм в Богуславе. Используя столкновение за храм в качестве повода, местные власти 28 марта 1922 передали его под «кафедральный собор» для общины УАПЦ).

В Киеве в нач. 1922 г. за УАПЦ был закреплен Лыбедский Ильинский храм, за который в 1921 г. неск. раз имели место ожесточенные столкновения между сторонниками РПЦ и УАПЦ (1-м настоятелем общины УАПЦ стал перешедший из РПЦ свящ. Тихон Белоконь); впрочем, уже в 1924 г. при этом храме появилась также община обновленцев. При Лыбедском храме в февр. 1922 г. по просьбе главы ВПЦР Мороза были зарегистрированы Киевские пастырские курсы УАПЦ. В 1922 г. к УАПЦ присоединился Борисоглебский приход в Киеве, организованный при Борисоглебском приделе в Соломенском Покровском храме (в 1924 автокефалисты заняли весь храм, настоятелем стал поставленный Липковским «священник» Харитон Говядовский), в 1923 г. автокефалистским стал Святошинский Никольский храм под Киевом (1-й настоятель — глава ВПЦР

Мороз), в 1924 г. — Покровский приход на Соломенке (настоятель — Х. Говядовский).

В 1922–1923 гг. власти в проводимой ими антицерковной политике опирались на автокефалистов больше, чем на их конкурентов в борьбе за поддержку советских органов управления — обновленцев, и даже защищали липковцев от обновленческих притязаний (напр., когда в февр. 1923 обновленцы просили передать им принадлежавшую УАПЦ теплую церковь Софийского собора, то ее по требованию главы Ликвидотдела НКЮ И. К. Сухоплюева оставили за УАПЦ). А 4 марта 1923 г. глава НКВД УССР В. Н. Манцев и Сухоплюев направили циркуляр в НКЮ, где говорилось, что «по политическим соображениям не следует передавать Софийский собор от автокефалистов их противникам» (ЦДАВО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 2189. Л. 31). В то же время, буквально на следующий день — 5 марта, НКВД впервые арестовало Липковского. Этот кратковременный арест носил явно демонстрационный характер.

К нач. 1924 г. УАПЦ имела 8 приходов в Киеве (Киево-Софийский, Никольский Печерский, Петропавловский Подольский, Андреевский, Лыбедский Ильинский, Елисаветинский Трухановский, Вознесенский Демиевский и Покровский Соломенский; в предместьях Киева: Никольский Святошинский и Покровский Приорский), 108 общин в Киевском окр., 13 — в Малинском, 100 — в Шевченковском, 92 — в Белоцерковском, 73 — в Уманском, 48 — в Черкасском, 47 — в Бердичевском, всего в Киевской губ. — 489 общин.

25–30 мая 1924 г. на Большом Николаевском собрании председателя ВПЦР Мороза освободили от церковной деятельности. Избранный вместо него главой ВПЦР протоиерей Василий Потиечко, как и его заместители Александр Ярещенко и Николай Хомичевский, также не оправдал надежд продвигавших его властей.

Расплывчатость экклезиологии УАПЦ, вольное обращение с канонами часто приводило к конфликтам между «либеральным» духовенством и еще сохранявшей представления о правилах паствой. Так, вслед за российскими обновленцами и в отличие от обновленцев Украины УАПЦ отрицала институт монашества, и те немногочисленные представители черного духо-

венства Киевщины, которые вливались в УАПЦ, становились женатыми «священниками», что далеко не всегда принималось прихожанами (конфликт с иером. Моисеем в с. Ковалёвка Белоцерковского у., с иером. Силуаном в с. Дивин Радомысльского у.). В июле 1922 г. священник Поржевский был снят Белоцерковской радой с прихода за то, что прогнал законную жену и жил с невенчанной сожительницей (восстановлен на приходе после апелляции к Липковскому). В ответ в условиях экклезиологического волюнтаризма окружные рады сами стали решать, нужен им епископ, или же следует обходиться без него и вообще упразднить епископское управление. В нояб. 1924 г. председатель Липовецкой окружной рады Мефодий Вертилецкий инициировал решение отменить все финансовые сборы для содержания уездного еп. Владимира Самборского в связи с нецелесообразностью пребывания в округе отдельного «епископа», а также выступил против совмещения должности «епископа» с настоятельством кафедрального собора г. Липовец, указывая, что «епископ» должен жить только на требы, как в апостольские времена. В итоге уже в дек. 1924 г., несмотря на сопротивление со стороны ВПЦР, Липовецкий у. пришлось присоединить к Бердичевскому округу. Из-за ущемленного статуса «епископа» в ряде случаев имели место отказы от «епископского служения». Так, в Уманском округе прот. Леонид Мизерницкий, избранный Уманской радой 21 дек. 1927 г. на должность «епископа Уманского», из-за недостаточного финансирования уже 14 мая 1928 г. отказался от епископского служения не только в Уманском округе, но и в любом другом. После этого больше года Уманское еп-ство УАПЦ оставалось вакантным, пока на эту «вакансию» не напросился безместный «епископ» Николай Карабиневич. Достаточно частым для УАПЦ явлением были отречения от церкви ее «священников». Лидером по числу отречений стал Уманский округ, где только за 1926 г. отреклись от священства 12 деятелей УАПЦ. Кроме того, в Бердичевском округе в 1928 г. отреклись от священства клирики УАПЦ Дмитрий Жданович, Григорий Ленчевский, Николай Панкевич. Вслед за ними в 1929–1930 гг. с публичными отречениями

от Церкви и заявлениями о снятии сана выступили ряд епископов и священников УАПЦ из Киева и Киевского округа: Марк Грушевский, Иаков Чулаевский, Петр Ромоданов, Георгий Тесленко, Харитон Говядовский (все — из Киева), Дмитрий Остапенко из Умани и др.

Сильным ударом по позициям УАПЦ стала активизация деятельности обновленческой Украинской синодальной церкви, провозгласившей на «Всеукраинском соборе» (Харьков, 17–27 мая 1925) автокефалию укр. обновленцев (в окт. 1925 это решение утвердил Всесоюзный обновленческий съезд в Москве). Фактически обновленцы также стали автокефалистами, но при этом признавали институт монашества и значение канонического права, чего не было в практике УАПЦ. При этом они создали переводческую комиссию, к-рая успела сделать ряд переводов богослужебных текстов на укр. язык. Такие перемены в деятельности обновленцев существенно прибавили им авторитет, и мн. приходы УАПЦ в полном составе стали переходить в обновленческую юрисдикцию. Власти, постоянно поддерживающие противоборство УАПЦ и обновленцев, летом—осенью 1925 г. отняли у общин УАПЦ в Киеве Андреевский собор и Никольский собор на Печерске и передали их в ведение обновленцев, мотивируя это тем, что храмы не содержались общинами УАПЦ в должном порядке. После того как община Лыбедского Ильинского прихода УАПЦ 4 авг. 1925 г. выступила с открытыми обвинениями в адрес админотдела Киева (обвиняя власти после закрытия Андреевского собора в «ограничениях и притеснениях украинского православного люда»), ее храм к кон. 1925 г. также был отнят у УАПЦ и передан обновленцам (ЦДАВО. Ф. 5. Оп. 2. Д. 997. Л. 14–20). В дек. 1925 г. «митрополит» Липковский был снова арестован ГПУ в Харькове якобы в связи с перепиской ВПЦР с зарубежными представителями УАПЦ С. П. Шелухиным и Е. В. Бачинским и находился в заключении 2 недели.

31 июля 1926 г. был арестован весь состав ВПЦР, помещение на Владимирском подворье Софийского монастыря в Киеве опечатано. Поводом к арестам стала панихида по Петлюре, отслуженная автокефалистами 30 мая 1926 г. тайно, под видом

панихиды по случаю приходившегося на эту дату юбилея смерти писателя И. Я. Франко. Реальной же причиной стала реализация решения политбюро ЦК КП(б)У, к-рое на закрытом заседании 25 февр. 1926 г. одобрило предложения Комиссии по церковным делам «о репрессиях в отношении руководителей (Потиеенко, Ярещенко, Шараевского) автокефальной церкви» и поручило Антирелигиозной комиссии «вести дальнейшую работу по разложению автокефалистов». Впрочем, через месяц всех арестованных отпустили на условиях нормализации отношений с гос-вом и «чистки от нецерковных элементов». В результате председатель ВПЦР Потиеенко был смещен с должности (10 февр. 1928 написал во Всеукраинский отдел культтов заявление о выходе из состава духовенства УАПЦ и снятии сана), членам ВПЦР запрещена любая деятельность. В рамках выполнения поставленных условий состоявшееся 1–3 сент. 1926 г. в Киеве Совещание епископов и представителей УАПЦ «призвало достойными порицания» Василия Липковского, Александра Ярещенко, Василия Потиеенко, а также всего состава бывш. Президиума ВПЦР за «политические и антисоветские выступления». Это же совещание решило создать «Временную комиссию по унормированию жизни УАПЦ», состав которой одобрило Большое Никольское собрание в мае 1927 г. Главой ВПЦР Большим Покровским собранием 25–30 окт. 1926 г. избран «епископ» Петр Ромоданов, противник Липковского. Также Большое Покровское собрание зафиксировало разделение этой церкви на 20 церковных округов в соответствии с адм. реформой 1925 г., из них в Киевской губ.: Бердичевский, Белоцерковский, Киевский (городской), Киевский (сельский), Уманский, Черкасский округа. 10 дек. 1926 г. власть утвердила «Устав Всеукраинского объединения религиозных общин УАПЦ», тем самым легализовав центральный орган управления автокефалистов. До 1927 г. в качестве руководящих органов Киевского городского и сельского округов УАПЦ упоминаются не первоиерархи УАПЦ с титулом «митрополиты Киевские», а Киевская городская церковная рада (впервые Киевская уездно-городская рада упоминается в актах I Всеукраинского собора (окт. 1921);

уполномоченными представителями этой рады на соборе и членами ВПЦР были киевский диак. Л. Клепатский и заместитель председателя Киевской уездно-городской церковной рады В. Мартыненко, также киевлянин; с окт. 1921 г. приходами Киева управлял «митрополит» В. Липковский, а «епископом Киевского уезда» был Г. Стороженко).

К нач. 1927 г. ситуация запуталась еще больше: были Киевская городская рада, Киевская уездная рада, нек-рые богатые приходы Киева (Софийский собор, Андреевский собор и др.) подчинялись непосредственно ВПЦР, образуя некую «ставропигию», не подвластную окружным радам и «епископам». Т. о., адм. вертикаль УАПЦ в Киеве имела свои особенности, к-рые были устранены уже в 1927 г. на окружном соборе Киевщины, прошедшем 29–30 сент.: было решено объединить Киевский городской и Киевский сельский (уездный) церковные округа в «окружную церковь Киевщины» с единой окружной радой во главе. «Окружным епископом» Киевщины был избран «епископ» Уманский Константин Малюшкевич, оставивший за собой и управление Уманским округом. Новым кафедральным собором Киевского округа был утвержден Покровский храм на Соломенке. При этом окружная рада, к-рую возглавил мирянин О. П. Коляда, не стала присоединять к себе городскую раду, офиц. главой которой был избран свящ. И. Базилевский, а почетное председательство было оставлено за «митрополитом Киевским». Это был удар прежде всего по полномочиям Липковского, который в 1926–1927 гг. являлся не только «митрополитом Киевским и всея Украины», но и «епископом» Киевского городского округа (имел 9 приходов Киева).

II Всеукраинский собор УАПЦ начал свою работу после литургии в храме Св. Софии 17 окт. 1927 г. После увольнения «митрополита» УАПЦ Липковского «от бремени митрополичьего служения» и вместе с ним его заместителя «архиепископа» Киевщины Н. Шараевского 22 окт. 1927 г. собор приступил к выборам нового «митрополита». После долгих дебатов по рекомендации органов ГПУ 24 окт. 1927 г. еп. Гайсинского Николая Борецкого избрали «митрополитом Киевским и всея Украины». Шараевский был уволен

также с должности «губернского архиепископа Киевщины», вместо него новым «архиепископом» Киевщины был избран Константин Малюшкевич, ставший также «вторым заместителем митрополита» и 1-м зам. нового председателя ВПЦР прот. Леонтия Юнакова (занимал эту должность до 1929). Прежнее адм. деление УАПЦ на «окружные церкви» и «районные благовестничества» как на вспомогательные органы окружных рад отменено, и вместо этого введено новое устройство. Внутри «окружных церквей» образуются «районные церкви», и обе структуры вправе созывать свои церковные соборы; низшим звеном провозглашались «приходские соборы». Высшим органом над округами помимо ВПЦР провозглашались «краевые соборы» (объединявшие неск. округов в рамках бывш. губерний).

По офиц. данным руководства УАПЦ, к нач. 1928 г. «окружная церковь Киевщины» насчитывала 152 прихода, из них 14 в Киеве (Округова церква Київщини // Церква й життя. Х., 1928. Ч. 1(6). С. 46–48). Однако данные властей иные: в Киевском округе было только 117 зарегистрированных общин УАПЦ (ЦДАВО. Ф. 5. Оп. 3. Д. 116. Л. 114–119). В др. округах число приходов УАПЦ распределялось следующим образом: Уманский округ — 114 приходов, Бердичевский — 51, Белоцерковский — 97, Черкасско-Зиновьевский — 107 приходов (данные руководства УАПЦ на окт. 1927). Несколько иную статистику содержит ведомости НКВД на янв. 1928 г., согласно к-рым УАПЦ имела 102 общины в Белоцерковском округе, 56 общин — в Бердичевском, 125 общин — в Уманском. Благодаря компромиссам с ГПУ уже в янв. 1928 г. УАПЦ возобновила в Киеве регентскую школу, а в сент. того же года вновь открыла богословскую школу при Софийском соборе. Взамен отобранных церквей автокефалисты получили один из храмов Покровского жен. мон-ря и Троицкий храм при кладбище Флоровского жен. мон-ря на Замковой (Киселёвской) горе.

В результате рекомендаций ГПУ постановлениями ВПЦР в сент. 1928 г. исключены из церкви «архиепископ» А. Ярещенко и «епископ» Стефан Орлик; Впрочем, последний выделялся не только «антисоветской деятельностью», но и аморальным поведением, из-за чего ранее оставил

Бердичевскую кафедру. Также бывш. «всеукраинский благовестник» УАПЦ В. М. Чеховский исключен из руководства за «вредную деятельность». Экс-митр. В. Липковскому запрещено было служить в церкви. Также выработана специальная инструкция о борьбе с «нецерковными элементами» в УАПЦ, к-рую предписано разослать всем окружным радам, с предложением провести чистку до Покровского собрания в окт. 1928 г. Центр липковщины — Софиевский приход — ликвидирован и передан в непосредственное ведение ВПЦР, к-рая распустила причт, состоявший из сторонников Липковского. В условиях кадровых чисток и внутреннего кризиса УАПЦ продолжала терпеть поражения в борьбе с обновленцами. Так, в Уманском округе, где в сент. 1927 г. 20 храмов находилось в поочередном пользовании с обновленцами, уже к нач. 1929 г. таких «условно присоединенных приходов» насчитывалось только 4, все же остальные перешли в обновленчество. Иногда при расколе общин УАПЦ на «пролиповскую» и «антилиповскую» фракции их снимали с регистрации, а приходские храмы передавали обновленцам. Так, 24 сент. 1928 г. в с. Гребенки Белоцерковского округа храм, которым автокефалисты и обновленцы неск. лет пользовались поочередно, был передан обновленцам из-за раскола общины УАПЦ.

Пытаясь всячески подчеркнуть свою особую лояльность к властям, окружные церковные рады УАПЦ нередко исключали из клира, подвергали «церковному осуждению» и лишали сана тех, кто были осуждены или высланы за «антисоветскую деятельность» (напр., 28 февр. 1929 из состава духовенства Бердичевского округа постановлением Президиума ВПЦР были исключены, лишены сана свящ. Моисей Ткачук и Иван Мартынюк, по офиц. формулировке за то, что они подозреваемы в антигос. деятельности, и арестованы; 16 янв. 1929 Уманская окружная церковная рада по совету «архиепископа Киевщины» К. Малюшкевича «исключила из состава духовенства» клириков Ланчинского и Годзира, отправленных в ссылку, и т. д.).

Эти демонстрации лояльности невысоко ценились властями: в сент. 1929 г. был арестован один из инициаторов исключения арестованных священнослужителей, председатель

Уманской окружной рады Н. И. Чижский, а также 10 подчиненных ему «священников», в 1930 г. были арестованы и мн. члены ВПЦР, которые в 1929 г. единогласно лишали сана и выносили «церковное осуждение» провинившимся перед советской властью клирикам.

28–29 янв. 1930 г. состоялось собрание епископов УАПЦ и 40 священников. Его участники объявили свое собрание «чрезвычайным церковным Собором» и вынесли решение о «самоликвидации» УАПЦ. «Митрополит» Николай Борецкий и все епископы «самоликвидовались», прекратили свое духовное руководство, оставшись лишь «служителями культа» на тех приходах, при к-рых зарегистрированы. По требованию властей они осуществили «всеукраинскую церковную ликвидацию» структур УАПЦ. К моменту проведения «чрезвычайного» собора 28–29 янв. 1930 г. УАПЦ имела 22 округа и более 1 тыс. приходов, а после этого Собора оставалось ок. 300 «украинских» приходов. Мн. храмы властями попросту закрывались, хотя частыми были и переходы священников и прихожан УАПЦ в лоно РПЦ. Следует отметить, что о полном уничтожении УАПЦ речь не шла, произошло только упразднение митрополичьего церковного управления и местных управлений УАПЦ. Автокефалистские общины с тех пор существовали на правах местных религ. орг-ций.

Однако следует отметить, что вскоре после «ликвидационного собора» на мн. деятелей УАПЦ обрушились репрессии в рамках сфабрикованного властями «дела Союза освобождения Украины», суд по к-рому заседал весной 1930 г. Со стороны УАПЦ главным обвиняемым стал «всеукраинский благовестник УАПЦ» и председатель идеологической комиссии ВПЦР Чеховский. Также были репрессированы и. о. главы ВПЦР и глава издательского отдела УАПЦ прот. Леонид Карпов, Шевченковский еп. Евфимий Калишевский, зав. ризницей Софийского собора прот. Георгий Красицкий, прот. Д. Ходзицкий и др.

Не позднее 12 июня 1930 г. начал работу т. н. Всеукраинский церковный временный организационный комитет во главе с настоятелем бывшего кафедрального храма УАПЦ, Воскресенского собора в Харькове, «епископом» Иоанном Павловским.

Этот комитет, координировавший работу ряда бывших автокефалистских общин, полностью согласовывал свою деятельность с НКВД (ЦДАВО. Ф. 1. Оп. 6. Д. 212). Павловским и его окружением была начата подготовка к восстановлению централизованной структуры УАПЦ. В дек. 1930 г. прошел 2-й чрезвычайный собор УАПЦ, провозгласивший создание новой структуры во главе с «митрополитом» Иоанном Павловским.

В. Г. Пидгайко

Раскол Тарнавского—Бржосновского (Братство «Деятельно-Христовой Церкви»). Во время пребывания Мороза во главе ВПЦР (1919–1924) по инициативе ГПУ УССР внутри движения автокефалистов была создана организация в форме братства, которая сначала регистрировалась под названиями «Церковь живая» (февр. 1920) и «Церковь работающих» (1920–1921), а позже была зарегистрирована под названием «Деятельно-Христовой Церкви». Инициаторами создания братства стали Мороз и прот. Константин Янушевский. После на удивление быстрой регистрации органами власти «Деятельно-Христовой Церкви» получила в пользование Свято-Михайловский Златоверхий собор. На Великом Никольском собрании УАПЦ 25–30 мая 1924 г. образование этого братства было признано опасным и вредным.

11 сент. 1924 г. «Деятельно-Христовой Церкви» выпустила воззвание с клеветой на «митрополита» и др. деятелей УАПЦ, несмотря на то что на службах они продолжали поминать имя главы УАПЦ. Воззвание было подписано председателем братства бывш. «епископом» Белоцерковским УАПЦ В. Бржосновским, «епископом» П. Тарнавским, прот. К. Янушевским. «Дияльники» заявляли о скорой катастрофе УАПЦ, потому что она никогда не будет зарегистрирована, и предлагали как единственный способ спасти ее прихожан, духовенство и епископат немедленный переход в уже зарегистрированную «Деятельно-Христову Церковь». Также руководство «Деятельно-Христовой Церкви» безуспешно пыталось объединиться с обновленческо-синодальной церковью.

21 окт. 1925 г. состоялось Всеукраинское собрание «Деятельно-Христовой Церкви», на к-ром было заяв-

лено, что «время смерти УАПЦ уже наступило» и поэтому они являются единственными правомочными наследниками УАПЦ. Был избран новый состав ВПЦР из малоизвестных, случайных лиц и объявлено, что ВПЦР (УАПЦ) должна немедленно передать свои функции новоизбранной «раде». Они также обвинили в политической неблагонадежности «митрополита» Василия Липковского и всю ВПЦР. Поддержка властями обеспечила рост количества общин «Деятельно-Христовой Церкви» и соответственно количества «епархий»: в 1925 г. кроме Киевской и Белоцерковской появились Нежинская, Новомиргородская и Зиновьевская «епархии». Из «епископов» УАПЦ, к-рых «рукоположил» Липковский, в состав «Деятельно-Христовой Церкви» вошли: П. Тарнавский (Михайловский Златоверхий собор в Киеве), Владимир Бржосновский (Свято-Пантелеимоновская ц., г. Белая Церковь), Николай Ширий («епископ» Нежинщины), Н. Пивоваров («епископ» Брацлавщины) и т. д. 25 дек. 1925 г. в соборе Златоверхого Михайловского монастыря, к-рый был кафедральным собором «Деятельно-Христовой Церкви», были проведены хиротонии. В частности, во епископа Новомиргородского и Зиновьевского был поставлен Феофан Хомжа. Посвящение осуществляли «епископы» Н. Ширий — Нежинский, П. Тарнавский — Киевский и В. Бржосновский — Белоцерковский.

В 1926 г. «Деятельно-Христова Церковь» имела ок. 300 приходов в 8 округах Украины (в т. ч. 7 общин в Киевском окр., 42 общины — в Белоцерковском). Но после преодоления кризиса в отношениях между властью и УАПЦ в 1926 г. интерес карательных органов к содействию раскольнической орг-ции пропал, и в последующие годы происходит уменьшение количества приходов. Нежелание верующих поддерживать «Деятельно-Христову Церковь» заставило ГПУ даже взять ее на свое содержание. После прекращения работы «Деятельно-Христовой Церкви» «епископы», «священники» и прихожане снова присоединились к УАПЦ. Они участвовали в заседании Пленума малой рады УАПЦ, 29 дек. 1926 г. ВПЦР официально провозгласила ликвидацию «Деятельно-Христовой Церкви». В мае 1927 г. «епископ» П. Тарнавский давал объяснения президиуму ВПЦР, почему община

Михайловского собора, фактически объединившаяся с УАПЦ, юридически в нее не входила. К 1930 г. относятся сведения о существовании Свято-Михайловского прихода уже в составе УАПЦ и о том, что служил и произносил проповеди в Михайловском соборе уже сам «митрополит» УАПЦ И. Борецкий.

«Украинская православная церковь» Павловского в Киеве и Киевской обл. Образованный после январского собора 1930 г. в Харькове Всеукраинский организационный церковный комитет во главе с «архиепископом» И. Павловским 9 июня 1930 г., получив необходимое разрешение властей, обратился с циркулярным письмом более чем к 300 бывш. приходам УАПЦ, приглашая их объединиться в единую церковную орг-цию, чтобы принять участие в уже запланированном на осень «чрезвычайном церковном Соборе». В нояб. 1930 г. комитет организовал ряд епархиальных конференций, которые «выбрали» «епископов» и «духовенство», последним было предложено подписать декларацию, провозглашавшую лояльность к власти и отказ от политической деятельности. Прошедший 9–12 дек. 1930 г. в Благовещенском храме Киева «экстренный» собор, известный также как «2-й чрезвычайный собор», с разрешения властей восстановил УАПЦ, изъяв из названия слово «автокефальная», — так стала официально именоваться «Украинская православная церковь» (УПЦ). «Митрополитом» УПЦ (УАПЦ) был избран «архиепископ» Харьковский И. Павловский (с 1927 ответственный редактор ж. УАПЦ «Церква й життя» («Церковь и жизнь»), издаваемого Харьковской окружной церковной радой). Зам. «митрополита» стал «архиепископ» К. Малюшкевич. Была образована новая ВПЦР, в к-рую вошли: «митрополит» (председатель), 2 «священника» (делопроизводитель и казначей). Вначале в состав восстановленной УПЦ (УАПЦ) вошло ок. 200 приходов (в нояб. 1931 в юрисдикции Павловского насчитывалось 474 прихода). На соборе осуществили ревизию «Киевских канонов» и др. решений Всеукраинского православного церковного собора УАПЦ 1921 г. и устранили те из них, к-рые были раскритикованы властями и квалифицированы как «политические». Была восстановлена связь с «епархией» УАПЦ в США, офиц.

представителем УПЦ в Зап. Европе участники собора утвердили Е. Бачинского.

В нояб. 1931 г. в Киевскую епархию УАПЦ во главе с архиеп. К. Малюшкевичем входил 141 священник и 132 прихода, объединенные в 21 «благовестничество» (ЦДАВО. Ф. 1. Оп. 7. Д. 174. Л. 17–18). В Белоцерковской епархии во главе с Владимиром Бржосновским было 65 приходов, в Уманской епархии во главе с Николаем Карабиневицем — 85, в Черкасской епархии во главе с Кононом Беєм — 21 приход. В 1931–1934 гг. в Киеве действовали 7 приходов УАПЦ: Покровский, Софийский, Трухановский, Демиевский, Соломенский, Благовещенский и Успенский Подольский (ц. Пирогошая).

Когда в 1934 г., с переносом столицы в Киев, глава УПЦ Павловский переехал из Харькова, кафедральным храмом «митрополита» стал Успенский собор на Подоле (ц. Пирогошая) — Софийский собор был закрыт 15 февр. 1934 г. Но уже в дек. и этот храм решено было закрыть (в янв. 1935 опечатан и вскоре разрушен), и некоторое время «митрополит» служил в ц. Николая Притиска на Подоле (в июне 1935 и эту церковь закрыли и опечатали).

Полная ликвидация УПЦ состоялась в мае 1936 г., когда был арестован Павловский, переехавший к тому времени из Киева в Черкассы, и те «епископы» и «священники», к-рые оставались еще на отдельных приходах: Юрий Михновский, Владимир Самборский, Александр Червинский, Владимир Бржосновский, Конон Бей и др. Далее началась волна арестов тех, кто отреклись от священства и пошли работать в государственные учреждения, — их, как «бывших», разоблачали и отправляли в лагерь.

И. Н. Преловская

«Киевская епархия» УАПЦ лже-митрополита Поликарпа (Сикорского) в 1942–1945 гг. 9 февр. 1942 г. решением Пинского собора, восстановившего УАПЦ на оккупированной территории Украины, Никанор Абрамович был «хиротонисан» во «епископа» Чигиринского с назначением пребывать в Киеве и являться «временным викарием администратора УАПЦ» «архиепископа Луцкого и Ковельского» Поликарпа (Сикорского). В марте он прибыл в Киев и приступил к созданию управления УАПЦ.

К тому времени в Киеве и Киевской обл. уже действовали возобновившиеся церковно-адм. структуры автокефалистов — окружные рады УАПЦ Липковского, являвшиеся на основании Киевских канонов 1921 г. также и руководящими органами местных самоуправляемых «окружных церквей». В Киеве «городской окружной церковью» руководили председатель «Всеукраинской православной церковной рады» УАПЦ Филипп Руденко и его заместители, прот. Петр Длугопольский и игум. Нестор (Святогор), последний претендовал на роль епископа. В Киевскую городскую раду, именованную одновременно «Всеукраинской», входили также прот. Павел Подлесный, священники Феодот Шпаченко, Юрий Пелешук и Николай Саранча. Киевским окружным миссионером-благовестником УАПЦ был прот. Иоанн Потапенко.

Активную деятельность проявила и Киевская областная церковная рада. Ее возглавил, по согласованию с ВПЦР, глава Комитета по организации Украинской Церкви на Киевщине свящ. Пантелеимон Норец. Последний 13 янв. 1942 г. провел собрание духовенства в с. М. Александровка, на к-ром потребовал, чтобы все клирики встали на учет в ВПЦР, а до этого они не могут считаться законными священниками (ЦДАВО. Ф. 4398. Оп. 1. Д. 4. Л. 133). Также Норец сообщал, что в Бориспольской типографии на средства ВПЦР в кон. 1941 г. были изданы укр. богослужебные книги, предлагая духовенству передавать деньги на их приобретение. 11 февр. 1942 г. под давлением немцев был распущен состав Киевской «Всеукраинской православной церковной рады» УАПЦ, а вскоре по согласованию с оккупационными властями представителями УАПЦ Липковского в органах власти были назначены настоятель Андреевского собора прот. Юрий Пелешук, настоятель Вознесенской ц. на Демиевке прот. Николай Саранча и настоятель Покровской ц. на Соломенке прот. Феодот Шпаченко. Уже весной 1942 г. сторонники УАПЦ Липковского отнимали храмы у автономной УПЦ; так, под рук. Киевского окружного миссионера УАПЦ свящ. Иоанна Потапенко был отнят храм в Обухове (Там же. Л. 174).

Поликарп стремился перехватить инициативу у «липковцев» и устано-

вить в Киеве свою иерархию из преданных ему людей. Им надлежало подготовить почву для прибытия в Киев на митрополичью кафедру самого Поликарпа как «владыки-администратора» УАПЦ «новой формации». Примечательно, что хотя по решениям Пинского собора УАПЦ в февр. 1942 г. духовенство липковцев принималось в существующем сане, но это постановление не распространялось на «епископов» иерархии Липковского. Причиной такого неприятия являлся неженатый статус большинства из них — согласно постановлению Киевского церковного управления УАПЦ в апр. 1942 г. все женатые священники перед епископскими хиротониями разрешались от брака и принимали монашество, при этом каждый отдельный священник и принятия последним монашества должен был утверждаться архиерейским собором УАПЦ (Рідна церква. Карлсруе, 1960. № 44. С. 14). Основная причина, вероятно, состояла в том, что бывш. «епископы»-липковцы рассматривались Поликарпом как серьезные конкуренты, более опытные и деятельные, к-рые могут проявлять гораздо больше самостоятельности, нежели молодые архиереи — воспитанники Поликарпа. Вот почему одному из иерархов поставления Липковского, бывш. еп. Радомысльскому Михаилу Малайревскому на просьбу о признании епископства Высшее церковное управление УАПЦ ответило отказом, но, признавая его высокий статус, назначило благочинным Васильковского окр. Проживавшего в Виннице еп. Владимира Самборского вообще не допустили к служению в храмах УАПЦ (в итоге и Владимир Самборский, и его сын свящ. Серафим Самборский перешли в автономную УПЦ). Третий бывш. «епископ» иерархии Липковского Иосиф Оксий, житель Киева, стал работать как мирянин в Полтавском церковном управлении автономной УПЦ.

13 марта 1942 г. в Киев прибыли епископы УАПЦ Никанор Чигиринский и Игорь Уманский. 19 марта 1942 г. их приняла новая, утвержденная немцами «Всеукраинская православная церковная рада УАПЦ» (официально именованная «Представительство УАПЦ митр. Василия Липковского») в лице протоиереев Юрия Пелешука, Николая Саранчи и Феодота Шпаченко, к-рые подпи-

сали «Акт передачи всех дел и полномочий ВПЦР Собору епископов УАПЦ». В Акте говорилось о том, что уполномоченные представители ВПЦР передают «верховенство и представительство интересов Православной Автокефальной Церкви репрезентанту Администратора Автокефальной Православной Церкви на освобожденных украинских землях — еп. Чигиринскому Никанору в Киеве» (3 джерел // Там же. 1962. № 49. С. 15). Впрочем, в посл. отдельные деятели Киевской украинской церковной рады (например, прот. Леонтий Юнаков) оспаривали это их решение как самочинное.

1 апр. 1942 г. Никанор создал Высшее церковное управление УАПЦ в Киеве, в к-рое вошли представители упраздненной ВПЦР, а также выходцы с Волины. Управляющим делами ВЦУ был назначен Степан Скрыпник, принявший в апр. 1942 г. диаконскую и иерейскую хиротонию от Никанора.

По решению Киевского собора УАПЦ (май 1942) Степан Скрыпник после принятия монашеского пострига с именем Мстислав был хиротонисан 14 мая 1942 г. во епископа Переяславского, викария Киевской епархии. На Лубенское викариатство Киевской епархии, объединявшей всю территорию Киевского генерального округа, включавшего Полтавщину, по решению Киевского собора УАПЦ 16 мая был хиротонисан Сильвестр Гаевский с титулом епископа Лубенского и Миргородского, викария Киевской епархии (Полтава не включалась в его ведение, т. к. там большинство храмов относилось к юрисдикции Феодила Булдовского, переговоры по объединению с которым в то время только начинал вести Скрыпник). 23 июня во епископа Черкасского, викария Киевской епархии был хиротонисан «архимандрит» Владимир Малец (из-за препятствий со стороны немцев в Черкасы не прибыл, служил в качестве епископа Новомиргородского, викария Киевской епархии).

17 мая 1942 г. постановлением Киевского собора УАПЦ было утверждено Положение о Высшем церковном управлении УАПЦ. Управляющим делами ВЦУ стал мирянин Роман Мельниченко, в составе ВЦУ были образованы 4 отдела: административный, судебный-юридический, образовательный и хозяйственный. Положение о ВЦУ 29 мая

1942 г. было утверждено Поликарпом, а 20 июля 1942 г. ВЦУ зарегистрировалось в штабкомиссариате Киева.

Постановлением Киевского собора от 17 мая 1942 г. также предписывалось ходатайствовать перед нем. властями об открытии в Киеве пастырских курсов УАПЦ. В тот же день было решено основать в Киеве при ВЦУ издание богослужебных книг. Оба проекта удалось реализовать. В Киеве были открыты 3-месячные курсы для кандидатов на священство и месячные курсы для подготовки церковнослужителей и «миссионеров-благовестников» (должность, введенную в УАПЦ Липковского в 1921, было решено ввести и в «новой» УАПЦ). Также в Киеве удалось открыть изд-во УАПЦ, где на средства ВЦУ была издана литургия свт. Иоанна Златоуста (по варшавскому изд. 30-х гг. XX в.), «Молитвенник» под ред. Никанора, «Вечерня и утренняя», «Литургия свт. Василия Великого» по тексту ВПЦР, «Евангелие» в переводе Ф. С. Морачевского и «Постная Триодь» под ред. Ф. Гавриша. Под ред. Никанора был подготовлен к печати учебник Закона Божия для начальных школ (его утвердил председатель оккупационной комиссии по изданию книг проф. В. З. Завитневич). Был основан богословско-философский кружок УАПЦ при Киевском доме ученых. Необходимо отметить, что в отличие от УАПЦ автономная УПЦ не получила от нем. властей разрешений ни на пастырские курсы, ни на изд-во, что свидетельствует о явной поддержке нем. властями УАПЦ в данный период.

Также важным постановлением Киевского собора от 17 мая 1942 г. стало решение «считать митрополита Дионисия (митр. Варшавский Дионисий (Валединский).— Ред.) временным местоблюстителем Киевского митрополичьего престола до следующего Всеукраинского собора». И тут же просил Поликарпа, чтобы Никанор «взял под свое непосредственное управление Киевскую кафедру и получил титул архиепископа Киевского и Чигиринского, с подчинением ему районов Правобережья Киевщины» (эту просьбу удовлетворил Луцкий собор УАПЦ в окт. 1942). Также собор предписал, чтобы четверть всех добровольных пожертвований на приходах шла на содержание ВЦУ УАПЦ.

В июле 1942 г. митр. Варшавский Дионисий (Валединский) написал меморандум к нем. властям, в котором, со ссылкой на томос патриарха Константинопольского от 13 нояб. 1924 г., объявлял Варшавскую митрополию правопреемницей Киевской митрополии и предлагал временную форму канонического устройства составных частей бывш. Киевской митрополии, существовавшей до 1686 г. в виде отдельных самостоятельных правосл. Церквей — Украинской, Белорусской, Литовской, кириархом которых с титулом «митрополит Киевский» мог бы стать сам Дионисий. Однако немцы запретили Дионисию распространять свою церковную деятельность за пределы генерал-губернаторства Польши.

В авг. 1942 г. Мстислав освятил переданный немцами для УАПЦ Свято-Духовский храм бывш. Братского Богоявленского монастыря и стал его 1-м настоятелем. Было вполне очевидно, что переезжать в Переяслав, где ему была определена кафедра, Мстислав не собирался. Возможно, это было связано с тем, что Мстислав во время объезда приходов левобережной части Киевщины в июне—июле 1942 г. (он посетил Переяслав, Золотоношу, Кременчуг, Хорол, Лубны) осознал шаткость и непрочность позиций УАПЦ на этих территориях.

С марта по сент. 1942 г. Никанором были рукоположены 136 священников, 93 священника «присоединены от иерархии митр. Василия Липковского» (неясно, в чем состоял сам чин присоединения и был ли он вообще), а также 226 священников перешло в УАПЦ из автономной УПЦ (следует отметить, что среди них было немало бывш. липковцев, после роспуска УАПЦ в 1930 перешедших в РПЦ). По данным Никанора, на 1 сент. 1942 г. под его управлением находилось 513 приходов, из которых 298 приходилось на Киевщину, а 215 — на др. области, где тогда не было епископов УАПЦ и духовенство подчинялось Никанору.

Никанор и Мстислав регулярно писали доносы в оккупационную нем. администрацию, называя сторонников архиеп. Пантелеимона (Рудыка) агентами Москвы и НКВД и постоянно напоминая немцам о том, что архиеп. Пантелеимон был хиротонисан в Москве в 1941 г. незадолго до начала войны, «по определению советских политических чиновников, имевших на него свои виды»

(ЦДАВО. Ф. 4398. Оп. 1. Д. 4. Л. 150). Своими доносами автокефалисты пытались спровоцировать нем. репрессии против автономной УПЦ.

В кон. 1942 — нач. 1943 г. в связи с сотрудничеством Поликарпа с ОУН и УПА, а также из-за обострения межконфессионального противостояния нем. власть начинает постепенно менять свое отношение к УАПЦ. В нач. авг. 1942 г. еп. Никанор уехал на Вольтынь, причины отъезда неизвестны, после этого его замещал в Киеве еп. Мстислав, который также стал титуловаться заместителем администратора УАПЦ. Замещая Никанора в Киеве, Мстислав организовал нападения сторонников УАПЦ на храмы автономной УПЦ. После этого нем. власти 24 авг. 1942 г. уведомили Мстислава о запрещении ему пребывать в Киевском генеральном комиссариате, а также на Правобережной Украине. Когда же Мстислав не подчинился, то рескриптом киевского генерал-комиссара от 22 сент. 1942 г. его выселили из Киева с запретом появляться на территории Левобережной Украины. Мстислав (по собственным его воспоминаниям) снова стал нарушать предписания властей, и 14 окт. 1942 г. его арестовали, поместили в тюрьму гестапо в г. Прилуки, а в февр. 1943 г. перевели в тюрьму в Киев, где освободили, с запретом выезда из Киева и священнослужения. Несколько иную версию событий изложил глава УАПЦ Поликарп (Сикорский) в письме от 29 мая 1943 г. райхскомиссару занятых вост. земель Г. Шёне. Он сообщал, что еще 24 июля 1942 г. райхскомиссар Украины Э. Кох предложил удалить Скрыпника из Киевской епархии, на что Поликарп согласия не дал; тогда 22 сент. генерал-комиссар Киева потребовал от Мстислава покинуть Киев. После этого, по словам Поликарпа, Мстислав выбрал себе место проживания в г. Прилуки Черниговской обл., где находился до февр. 1943 г., когда переехал в Киев (об аресте Мстислава и 5-месячном пребывании в тюрьме гестапо ничего не говорится). В том же письме от 29 мая 1943 г. Поликарп далее говорит: «Он (Мстислав) честно сотрудничал с немцами в момент начала немецко-большевистской войны, между прочим, в должности редактора газеты «Вольтынь» в Ровно, и такого тяжелого наказания, как удаление из Киева, не заслужил; еп. Мстислав,

безусловно, был бы полезен для немецкой власти на той или иной епископской кафедре в Украине» (ЦДАВО. Ф. 4398. Д. 6. Л. 85–86). Можно сделать вывод, что никакого реального ареста не было, был миф, который впоследствии придумал о себе сам Мстислав, чтобы отвергнуть обвинения в коллаборационизме.

Никанор также писал в мемуарах, что его самого 26 марта 1943 г. в Киеве немцы арестовали и допрашивали по подозрению в связях с «украинскими бандитами». В 1943 г. имели место убийства немцами клириков УАПЦ. Так, в Киевской обл. были убиты свящ. Иларий Головкич и Андрей Иващенко. Жестокому избиению подверглись священники Леонид Попов, Стефан Позичайло, Иоанн Конашинский и др. В Черниговской обл., к-рая с окт. 1942 г., после низложения и лишения сана «епископа Чернигово-Нежинского» Фотия Тимошука, относилась к юрисдикции «Киевской епархии» Никанора, немцами были убиты священники УАПЦ Кравченко и Смаль. Никанор, желая оградить себя от подозрений, сам заявлял, что среди подчиненного ему духовенства Киевской епархии УАПЦ немало «замаскированных большевистских агентов», к-рые мешают ему нормально работать.

В авг.—сент. 1943 г. УАПЦ постепенно приходит в упадок. Так, только в авг. в юрисдикцию еп. Пантелеимона (Рудыка) перешли 6 священников УАПЦ из Богуславского р-на, а также настоятель собора УАПЦ в Фастове. Также в авг. один из клириков УАПЦ, прот. Леонтий Юнаков, перешел в юрисдикцию «истинноправославной церкви» под рук. «архимандрита», в посл. «епископа» Михаила Костюка, имевшего т. н. Ставропигиальный мон-рь в Чоколовке (в черте Киева); еще ранее к Костюку из УАПЦ перешел свящ. Максимчук (Там же. Д. 4. Л. 133). Из автономной УПЦ к нему перешла община Вознесенской ц. на Байковом кладбище вместе с настоятелем прот. Петром Каменецким и прот. Иоанном Пустотиним. В Мышеловке (в черте Киева) в помещении школы открылся «истинноправославный» храм под рук. схиархим. Антония (Жеретиенко), бывш. настоятеля Киево-Печерской лавры, считавшего себя в юрисдикции митр. *Серафима (Ляде)*.

В сент. 1943 г. немцы начали эвакуацию учреждений Киева. 22 сент. Киев покинул «епископ» Мстислав Скрыпник, а 24 сент. из Киева выехал и сам «архиепископ» Никанор, его архидиак. Василий и неск. др. клириков УАПЦ. Перед отъездом всю текущую документацию и весь архив личных дел духовенства Киевской епархии УАПЦ было решено сжечь (*Бурчак-Абрамович Н.* Украинська Православна Церква в 1941–1943 рр. // Рідна церква. 1962. С. 4–5).

На Варшавском соборе УАПЦ в марте—апр. 1944 г., проходившем под председательством митр. Дионисия, который по просьбе Поликарпа Сикорского отказался от титула «местоблюстителя Киевского митрополичьего престола», «митрополит» Поликарп решением собора УАПЦ (от 8 апр. 1944) был провозглашен местоблюстителем Киевского митрополичьего престола УАПЦ, а также митрополитом-администратором УАПЦ, к-рый также окормляет «угнетенную и запрещенную Украинскую Православную Церковь на Украине».

Вполне возможно, что речь шла о подпольных структурах УАПЦ, к-рые действовали в Волынской и Ровненской обл. (так, в документах 1944–1945 упом. «подпольные благочинные» УАПЦ Полиевкт Скрыпник и Алексей Гуменюк, состоявшие в подпольных группах ОУН на Волыни и уничтоженные агентами НКВД). В отличие от Волыни в Киеве и Киевской обл. существовали открыто провозглашавшие свою принадлежность к УАПЦ и даже зарегистрированные в качестве «автокефальных», независимых от РПЦ, общины мирян и духовенства (напр., Андреевский собор (настоятель Стефан Редько), Свято-Духовский храм Братского мон-ря на Подоле (настоятель Иоанн Юрченко), Покровский храм в Совках (настоятель Борис Андриевский), Вознесенский храм в Сталинке (ныне Демиевка) (настоятель Димитрий Ходзицкий), а также более 20 приходов УАПЦ в Киевской обл. В июне 1944 г. в докладе уполномоченного по делам Русской Православной Церкви в СССР отмечалось, что характерным моментом 1-го полугодия являлось противостояние среди духовенства между последователями патриаршей ориентации и т. н. автокефалистами («самосвятами»), к-рые к тому моменту уже неск. месяцев оставались

без епископа. Наиболее ярко эта борьба проявлялась в Киеве и Киевской обл. Автокефалистов явочным порядком пытался возглавить настоятель Андреевского собора в Киеве прот. Стефан Редько, самозванно называвшийся Администратором всей «Автокефальной Церкви» на Украине (в период оккупации он короткое время являлся благочинным Киевского окр. УАПЦ). Но уже в 1945 г. он был арестован. Но и те, кто присоединялся к канонической правосл. Церкви, также не избежали репрессий: так, в июне 1944 г. группа из числа оставшегося автокефального духовенства в количестве 27 чел. во главе с настоятелем Андреевского собора обратилась с просьбой о воссоединении (ЦДАМЛМУ. Ф. 127. Оп. 1. Д. 297. Л. 1–8); часть этой группы арестовали органы НКВД, не дожидаясь завершения процесса воссоединения. Среди арестованных священников — глава инициативной группы духовенства УАПЦ Стефан Редько (Андреевский собор Киева), Иаков Острожецкий (с. Медведевка Чигиринского р-на), Филипп Больбат (с. Шабельники Золотоношского р-на), Стефан Куликовский (с. Боровица Чигиринского р-на), Сергей Царько (с. Сагуновка Черкасского р-на) и др. Не успели до ареста принять перерукоположение священники-автокефалисты: Димитрий Ходзицкий (Киево-Демиевская Вознесенская ц.), Илья Маняко (г. Тараща), Андрей Титаренко, Николай Орел, принявшие каноническую иерейскую хиротонию в 50-х гг. XX в., после возвращения из заключения.

Всего же с нояб. 1943 по дек. 1944 г. в Киеве и Киевской обл. приняли каноническое перерукоположение ок. 100 бывш. священников и диаконов УАПЦ. Процесс возвращения автокефалистов в лоно РПЦ несколько замедлился из-за того, что в Киев летом 1944 г. прибыл рукоположенный Никанором еп. Фотий Тимошук — единственный из иерархов УАПЦ, кто не только не покинул Украину при отступлении немцев, но и избежал ареста, а по прибытии в Киев смог свободно, без регистрации органами власти длительное время приходить на богослужения и присутствовать в алтаре (без права служения) в Андреевском соборе Киева. Как писал в отчете уполномоченный по Киеву и Киевской обл. М. Федотов: «На 1 октября 1944 г. перешедших из авто-

кефалии священников значилось по области до 90 человек. Казалось, к концу подходит автокефалия, но вот на сцену Фотий Тимошук появляется; пошли слухи упорные, что он, как епископ, автокефалию возглавляет, вот и ухватились за него упорствующие столпы автокефалии с Прилипко, наследником Редько, во главе — не идут на рукоположение, хотя их уже немного осталось» (ЦДАВО. Ф. 4648. Оп. 3. Д. 3. Л. 132 об.). Мотивы этого «упорства» раскрываются в мемуарах бывшего иподиака. Киевской епархии УАПЦ Ивана Денисенко (осужденного в 1948 за связи с ОУН), свидетельствовавшего про Фотия следующее: «Из его рассказа я понял, что он, как и о. Степан (Редько), хочет спасти хотя бы украинскую службу в бывших приходах УАПЦ, хоть в какой-то их части, и хочет их возглавить как епископ, пусть и подчиняясь РПЦ... Потом он исчез так же неожиданно, как и появился» (Денисенко *И.* Урывки з минулого. К., 2005. С. 19). В 1945 г. бывш. еп. УАПЦ Фотий, проживавший уже в Волынской обл., был репрессирован.

Впосл. по благословию митр. Иоанна украиноязычные богослужения совершались в 2 храмах Киева: Андреевской ц. (до 1948, когда община во главе со свящ. Александром Езерским была снята с регистрации) и Подольском Свято-Духовском храме, община которого в последний период своего существования размещалась во временном храме при колокольне ц. Николы Набережного на Подоле (храм закрыт в 1960, тогда же община во главе с прот. Павлом Прилипко снята с регистрации).

Киевская епархия УАПЦ с 1990 г. История совр. Киевской епархии УАПЦ начинается в 1990 г. Уже на Пасху 1990 г. УАПЦ имела в Киеве 2 храма: Покровскую ц. на Подоле и Михайловскую ц. при Музее народной архитектуры в Пирогове (в черте Киева). Управляющим Киевской епархией УАПЦ считался «митрополит» Иоанн Боднарчук.

На собрании 2 окт. 1990 г. образована Киевская епархиальная рада УАПЦ, которая избрала своим новым председателем «епископа» Владимира Романюка, к-рый и был в 1990–1992 гг. фактическим главой Киевской епархии УАПЦ (ЦДАВО. Ф. 4648. Оп. 7. Д. 545. Л. 124–128).

17 окт. 1990 г. председатель парламента Украины Л. М. Кравчук поручил Совмину Украинской ССР подготовить документы по передаче УАПЦ митрополичьих палат Софийского собора, Андреевской ц. и Иоанно-Богословской трапезной ц. Златоверхого Михайловского мон-ря (2 последних архитектурных памятника были переданы в 1991 в пользование общин УАПЦ). В сент. 1990 г. общине УАПЦ был передан Притиско-Никольский храм на Подоле, в 1991 г. УАПЦ получила Покровскую ц. на Подоле и часовню бывш. Шулявского кладбища, где был обустроен Иоанно-Предтеченский храм в микрорайоне Отрадный.

На 1 янв. 1992 г. в Киеве было 11 зарегистрированных общин УАПЦ, в Киевской обл. — 13, в Черкасской обл. — 3 общины. 24 марта 1992 г. общине УАПЦ был передан бывш. Казанский храм в Борщаговке, который впосл. был переименован в честь иконы Божией Матери «Живоносный Источник». Все они составляли Киевскую епархию УАПЦ, к-рой управлял *Антоний Масендич* («хиротонисан» осенью 1990, с июля 1991 «архиепископ» Вышгородский и Сечеславский; с 25 янв. 1992 «митрополит» Переяславский и Сечеславский; с 1 дек. 1990 управляющий делами «патриархии» УАПЦ). «Патриархия» УАПЦ разместилась в зданиях на территории Златоверхого Михайловского мон-ря.

Именно Масендич и Романюк в июне 1992 г. готовили объединение с УАПЦ УПЦ КП, их «повторные архиерейские хиротонии» были тайно совершены Денисенко, т. к. архиерейские хиротонии, полученные в УАПЦ, были признаны им недействительными (при этом иерейские признавались действительными).

Летом—осенью 1992 г. происходит включение в новообразованную УПЦ КП приходов УАПЦ в Киеве и Киевской обл. На 1 авг. 1992 г. в Киеве было 17 общин УАПЦ, в Киевской обл. — 19, в Черкасской обл. — 5 общин УАПЦ (Там же. Д. 670. Л. 7). Большинство этих общин зарегистрировали изменения и дополнения в свои уставы, утверждавшие их общинами УПЦ КП, но нек-рые общины медлили с внесением изменений. В своем отчете в окт. 1992 г. глава отдела религий Киевской гор. администрации А. П. Ткачук характеризовал их как «общины, не установившие свой юридический ста-

тус (не внесшие изменения в свои приходские уставы после объединительного Всеукраинского собора), но фактически объединившиеся в УПЦ КП» (Там же. Л. 92). Тех, кто затягивал регистрацию уставов в юрисдикции УПЦ КП, обвиняли в провокациях, в «антиукраинской деятельности», в «нелегитимности».

Воздержались от окончательного перевода своих общин в УПЦ КП и последующей перерегистрации приходских уставов проживавший в г. Белая Церковь бывш. «епископ Уманский и викарий Киевской епархии УАПЦ» Михаил Дуткевич, а также настоятель Набережно-Никольского прихода УАПЦ Киева Стефан Яремчук, настоятель Борисоглебского прихода УАПЦ Киева Юрий Бойко, настоятель церкви в пос. Макаров Киевской обл. свящ. Андрей Чмелик. Именно эти клирики участвовали в проведении в Киеве 2 предсоборных совещаний УАПЦ (31 мая и 13 июля) и 2-го поместного Собора УАПЦ (7 сент. 1993), избравшего предстоятелем «митрополита» Дмитрия Ярему с назначением его на должность «патриарха Киевского и всея Украины». Церемония «патриаршей интронизации» Дмитрия Яремы состоялась в нач. окт. 1993 г. в ц. Спаса на Берестове, к-рая являлась собственностью Киево-Печерского заповедника.

Однако власть по-прежнему отказывала УАПЦ в регистрации центр. органов власти и епархиальных управлений. 12 янв. 1993 г. Совет по делам религий отклонил протест главы УАПЦ Мстислава Скрыпника от 24 дек. 1992 г., направленный против решений «Всеукраинского собора 25–26 июня 1992 г.» и против ликвидации УАПЦ и регистрации УПЦ КП (Там же. Д. 675. Л. 3–7). 26 авг. 1993 г. в ответ на жалобу Мстислава Скрыпника генеральный прокурор Украины В. И. Шишкин опротестовал регистрацию УПЦ КП в качестве правопреемницы УАПЦ, но 28 авг. 1993 г. глава Совета по делам религий А. Л. Зинченко отклонил его протест. 27 сент. 1993 г. председатель УАПЦ Дмитрий Ярема и управляющий делами Киевской патриархии УАПЦ архиеп. Петр Петрусь направили в Совет по делам религий на регистрацию измененный и дополненный устав УАПЦ, но Совет 19 нояб. 1993 г. отказал в повторной регистрации, ссылаясь на то, что Киевская патриархия УАПЦ

во главе с патриархом Димитрием является «новообразованным религиозным центром», поэтому должна взять себе новое название, поскольку только УПЦ КП является единственной правопреемницей УАПЦ. Пока обсуждалась легитимность регистрации УПЦ КП, 3 дек. 1993 г. Денисенко и Романюк сообщили в Совет по делам религий об утере регистрационных документов 1990 г., в дек. 1993 г. был зарегистрирован новый устав Киевской патриархии УПЦ КП, более четко оговаривавший мнимое преемство от УАПЦ.

В 1992–1994 гг. УАПЦ являлась нелегальной структурой, не имея зарегистрированного религ. центра, в регистрации к-рого под прежним названием Зинченко несколько раз отказывал. Местные общины УАПЦ находились на регистрации, как «независимые православные общины, не присоединившиеся к УПЦ КП». Именно с такой формулировкой «епископ» Михаил Дуткевич добился в 1993 г. перерегистрации в отделе религий Киевского обл. исполкома уставов 3 общин УАПЦ с храмами в Киевской обл. (ГА Киевской обл. Ф. 5571. Оп. 1. Д. 124. Л. 6). В отчетах Совета по делам религий отдельно фиксировались «православные общины, называющие себя автокефальными», в нач. 1994 г. их насчитывалось: в Киевской обл. 3 (1 служитель культа), в Киеве — 9 (4 служителя культа). 6 июня 1994 г. Дуткевич перерегистровал в Мин-ве Украины по делам национальностей, миграции и культов устав местной общины УАПЦ в Киеве, первый после 1992 г. Однако, пока Президентом Украины оставался один из создателей УПЦ КП, Кравчук, о регистрации устава УАПЦ как централизованной религ. орг-ции речь не шла.

После смены власти наметились изменения: 29 дек. 1994 г. впервые в Киеве была зарегистрирована новая местная религ. орг-ция с офиц. названием УАПЦ — Борисо-Глебский приход на Теремках, под непосредственным руководством «патриарха» УАПЦ Димитрия Яремы. 5 июня 1995 г. зарегистрирована «Патриархия УАПЦ», к-рой власти передали один из корпусов Златоверхого Михайловского мон-ря. После захвата этого корпуса УПЦ КП в 1997 г. «Патриархии УАПЦ» был передан др. корпус, где удалась открыть Свято-Димитриевскую пат-

риаршую домовую часовню, а также офис «патриархии», там же разместилась резиденция Димитрия Яремы. Кроме того, 3 окт. 1995 г. в г. Белая Церковь было зарегистрировано «Белоцерковское епархиальное управление УАПЦ», к-рое возглавил «епископ Белоцерковский и Уманский» Михаил Дуткевич, занимавший до сент. 1996 г. также должность управляющего делами УАПЦ (в сент. 1996 главой УАПЦ отправлен за штат, но не согласился с этим решением и продолжал считать себя управляющим Белоцерковской епархией УАПЦ). После увольнения Дуткевича новым управляющим делами УАПЦ 17 окт. 1996 г. был назначен «епископ Харьковский и Полтавский» Игорь Исиченко.

4 нояб. 1995 г. община храма Николая Набережного на Подоле объявила о переходе из УПЦ КП в УАПЦ, но столкнулась с сопротивлением властей (зарегистрирована только в 2000 г. по решению Верховного суда Украины). Этот храм стал кафедральным собором УАПЦ. Однако в окт. 1996 — нач. 1997 г. неск. готовившихся к переходу в УПЦ КП «епископов» УАПЦ выступили против «патриарха» Димитрия и попытались захватить здания «патриархии» УАПЦ и Набережно-Никольский храм, община которого перестала почитать «патриарха» Димитрия. 26 нояб. 1996 г. самозванный «3-й поместный собор УАПЦ» объявил Димитрия Ярему низложенным и избрал «митрополита» Иоанна Боднарчука на должность «местоблюстителя Киевского патриаршего престола УАПЦ». Глава госкомитета по делам религий В. Д. Бондаренко поддержал Димитрия и 24 февр. 1997 г. издал заявление о том, что Димитрий остается законным «патриархом» УАПЦ, а решения самозванного «3-го Поместного собора» не могут быть признаны действительными (Там же. Д. 52. Л. 117–118). Тем не менее 9 марта 1997 г. по инициативе ректора Киевской духовной академии УПЦ КП Даниила Чокалюка семинаристы и прихожане УПЦ КП силой захватили корпус Златоверхого Михайловского мон-ря, где размещалась «патриархия» УАПЦ. Престарелого главу УАПЦ Димитрия Ярему насильно вытолкали из здания. Чокалюк мотивировал захват тем, что права на это здание уступил ему управляющий делами Патриар-

хии УАПЦ еп. Ровненско-Житомирский Иоанн Бойчук, перед этим тайно перешедший в УПЦ КП (Там же. Л. 61). Димитрий направил жалобу в администрацию президента, а 12 марта 1997 г. сторонники УАПЦ пытались силой вернуть здание, но попытка оказалась неудачной, при этом семинаристами УПЦ КП были избиты «архиепископ» УАПЦ Макарий Малетич и сопровождавшие его священники. После вмешательства президента Украины и судебных разбирательств УАПЦ была передана часть бывш. певч. корпуса, где разместились руководящие органы УАПЦ, а также патриаршая домовая часовня св. Димитрия. Своего рода компенсацией для патриархии УАПЦ за эту потерю стала переданная ей в 2001 г. часть стилобата Андреевской ц.

25 дек. 1997 г. был зарегистрирован устав консистории Киевской епархии УАПЦ, которую возглавил Димитрий Ярема. Также в 1997 г. из Киевской епархии УАПЦ была выделена Черкасско-Кировоградская епархия, которой в 1997–1998 гг. временно управлял Игорь Исиченко, 8 нояб. 1998 г. ее возглавил «епископ» Иаков Макаруч (в июле 2004 перешел в УПЦ КП).

В 1999 г. по инициативе главы УАПЦ «патриарха» Димитрия Яремы начала организовываться Киевская епархиальная семинария УАПЦ — «Коллегия св. Петра Могилы», ректор к-рой прот. Юрий Бойко в том же году зарегистрировал устав новообразованного учреждения (занятия в семинарии так и не начались).

После смерти в февр. 2000 г. главы УАПЦ Димитрия Яремы общины УАПЦ в Киевской обл. пережили процесс дезинтеграции. В 2001–2002 гг. из 14 общин УАПЦ в Киевской обл. только 7 подчинялись главе УАПЦ Мефодию Кудрякову, остальные же 7 существовали под упр. порвавшего с Мефодием «архиепископа» Белоцерковского Михаила Дуткевича (служил в г. Тараша) и не считали Мефодия своим предстоятелем, хотя и вели с ним переговоры о воссоединении (Там же. Д. 124. Л. 129). Дуткевич в нач. 2001 г. объявил о создании «УАПЦ-апостольской», провозгласив себя местоблюстителем Киевского митрополитического престола. Им были «хиротонисаны» новые архиереи: «епископ Богуславский» Захария Чернов-Тарасюк, служивший в Захариевском

кафедральном храме в Соломенском р-не Киева, и «епископ Броварский» Николай Кабак, имевший приход в с. Погребы Броварского р-на. Но уже в дек. 2001 г. Дуткевич скончался. Новым главой УАПЦ-апостольской стал проживающий во Львове бывш. архим. УАПЦ Олег Нарольский («епископ» Лука). Однако последнему отказались подчиняться бывш. приходы Дуткевича (в г. Макаров, г. Тараща, с. Плоское Таращанского р-на, с. Станишовка Таращанского р-на); их настоятели объявили свои приходы «независимыми православными общинами».

С нач. 2002 г. в Киевской епархии УАПЦ возник новый конфликт. 30 янв. 2002 г. «архиерейский собор» УАПЦ лишил «архиепископа Харьковско-Полтавского» Игоря Исиченко должности управляющего Киевской епархией УАПЦ. Тот в свою очередь 2 марта 2003 г. издал указ о выводе за штат главы УАПЦ «митрополита Тернопольского и Подольского» Мефодия Кудрякова и «епископа Черкасского» Иакова. Тогда «митрополит» Мефодий Кудряков 15 мая 2003 г. отлучил Игоря Исиченко, к-рый в сент. 2002 г. зарегистрировал в новой редакции устав «патриархии» УАПЦ, по к-рому стал ее руководителем, а также зарегистрировал 9 сент. 2002 г. при «патриархии» УАПЦ «Украинский центр византистики и патрологии» и стал его директором.

26 янв. 2005 г. зарегистрирован новый вариант устава УАПЦ, по которому главой «патриархии» УАПЦ стал «митрополит» Мефодий Кудряков. Опираясь на этот устав, 4 февр. 2005 г. сторонники Кудрякова силой захватили здание «патриархии» УАПЦ, в котором также находилась редакция газ. «Наша віра», «Украинский центр византистики и патрологии». Часть священников Киевской епархии УАПЦ со своими приходами перешли в юрисдикцию Исиченко. 29 марта 2006 г. Гос. департаментом по делам религий Мин-ва юстиции Украины был зарегистрирован устав нового религ. объединения — «Харьковско-Полтавской епархии УАПЦ (обновленной)». Т. о. произошло формально-юридическое оформление раскола в УАПЦ, начавшегося в 2002 г. В 2008–2009 гг. как общины Харьковско-Полтавской епархии УАПЦ (обновленной) регистрируются приходы св. Юрия в Днепровском р-не

Киева, Рождества Богородицы в Соломенском р-не Киева, Сретенский в г. Белая Церковь, Михайловский в с. Коженики Белоцерковского р-на.

В 2003–2004 гг. активные действия в Киеве и Киевской обл. принял бывш. клирик УАПЦ Моисей Кулик, создавший УАПЦ-Соборную и провозгласивший себя в 2005 г. «патриархом». К нему в 2004–2005 гг. перешли неск. общин УАПЦ. В то же время имели место и обратные случаи; так, в 2005 г. в УАПЦ из юрисдикции Моисея перешел благочинный Фастовского р-на Георгий Кушнирюк, под руководством к-рого было 9 приходов района. В 2010–2011 гг. 2 действующие в Киеве общины УАПЦ-Соборной Моисея Кулика, Преображенская и Воскресенская, неск. раз обращались к властям Киева с просьбами о регистрации, но во всех случаях получали отказы.

В 2004–2005 гг. в Киеве и Киевской обл. распространился новый раскол, возводящий свою традицию к «истинно-православному движению», к-рый возглавил отделившийся от УАПЦ свящ. Владимир Трегуб из Киева, объявивший себя «митрополитом Киевским и всея Украины Андреем» и главой «Украинской автокефальной истинно православной церкви». К нему перешли 6 зарегистрированных общин УАПЦ в Киеве и Киевской обл. После кончины лжемитр. Андрея Трегуба в 2013 г. данная структура распалась.

В 2003 г. в УАПЦ перешел наместник киевского Феодосиевского «ставропигиального» муж. мон-ря «архимандрит» Викентий Миськов, к-рый 1 дек. 2003 г. зарегистрировал возглавляемую им Михайловскую общину УАПЦ в Соломенском р-не Киева. 12 дек. 2004 г. в УАПЦ был принят вышедший из «УАПЦ-Соборноправной Америки» гражданин США «епископ» Богдан Кулик, который в 2004–2006 гг. был «епископом» Житомирским и викарием Киевской епархии УАПЦ, а также с 2005 г. являлся настоятелем Юрьевской общины УАПЦ в Дарницком р-не Киева. С 2006 г. Кулик служил как «епископ» Хмельницкий, «викарий» Киевской епархии УАПЦ, в 2010 г. был перерукоположен с именем Адриан, в 2013 г. перешел в УПЦ КП. В 2006 г. в УАПЦ перешел «епископ» УПЦ КП Михаил Бондарчук, к-рый 15 авг. 2006 г. был назначен «епископом» Жито-

мирским, «викарием» Киевской епархии, а в 2009 г. стал «епископом» Фастовским, также «викарием» Киевской епархии. В 2011 г. перешел обратно в УПЦ КП. 2 марта 2007 г. в УАПЦ возобновлено Уманское викариатство Киевской епархии, на которое был назначен «архиепископ» Иоанн Модзалевский (в 2013 перешел в УПЦ КП). В 2008 г. в клир Киевской епархии УАПЦ перешел архим. УПЦ КП Владимир Шлапак, рукоположенный в июле 2009 г. во «епископа Житомирского и Полесского». В 2010 г. в УАПЦ перешел Подольский Покровский храм УПЦ КП в Киеве, настоятель к-рого прот. Владимир Черпак 16 нояб. 2010 г. был хиротонисан во «епископа» Вышгородского, «викария» Киевской епархии УАПЦ. В 2011 г. Владимир Черпак был назначен управляющим Киевской епархией УАПЦ. В 2010 г. в УАПЦ перешел Иоанн Швец, настоятель Святошинского Рождество-Богородичного прихода УПЦ КП в Киеве, хиротонисанный 29 дек. 2010 г. во «епископа» Святошинского и «викария» Киевской епархии УАПЦ. Но уже в 2013 г. он вернулся в УПЦ КП.

На 2013 г. УАПЦ имеет 24 зарегистрированные общины в Киеве и 23 общины в Киевской обл.

Филаретовский раскол (УПЦ КП). Началом филаретовского раскола в укр. Православии следует считать 7 апр. 1992 г., когда в день праздника Благовещения, за богослужением в киевском Владимирском соборе митр. Филарет вопреки решению Архиерейского Собора в Москве и принесенной им перед Крестом и Евангелием присягой о добровольной отставке объявил о своем отказе сложить с себя обязанности предстоятеля Украинской Православной Церкви. 14 апр. митр. Филарет на пресс-конференции в Укринформгентстве заявил, что его присяга была якобы вынужденной, а потому недействительной и что он намерен оставаться на посту предстоятеля Украинской Православной Церкви до конца жизни.

Подавляющее число верующих К. е. отнеслось к действиям митр. Филарета крайне негативно: в большинстве храмов прекратилось поминовение главы Украинской Православной Церкви за богослужением.

27 мая 1992 г. на Архиерейском Соборе в Харькове епископы УПЦ приняли решение о смещении Филарета

с поста митрополита Киевского и всея Украины с запрещением в служении. 11 июня 1992 г. Архиерейский Собор РПЦ постановил извергнуть митр. Филарета (Денисенко) из сущего сана, лишив его всех степеней священства и всех прав, связанных с пребыванием в клире, а также считать все рукоположения в сан диакона, пресвитера и епископа, совершенные митр. Филаретом в запрещенном состоянии с 27 мая 1992 г., а также все прещения, наложенные им на клириков и мирян с 6 мая того же года, незаконными и недействительными.

25–26 июня 1992 г. при поддержке властей Украины состоялся «Всеукраинский собор», к-рый провозгласил «объединение УПЦ и УАПЦ в одну церковь, УПЦ КП». 10 июля 1992 г. Денисенко и Антоний (Масендич) подали на регистрацию устав УПЦ КП, представляя его как новую редакцию устава УАПЦ, переименованной в УПЦ КП. Попытка Совета по делам религий поставить под сомнение легитимность этого «преемства» (ЦДАВО. Ф. 4648. Оп. 7. Д. 648. Л. 55, 94) привела к отставке его руководящего состава. Уже 12 авг. Совет возглавил бывш. депутат Верховной рады Украины А. Л. Зинченко, к-рый сформировал новое «профиларетовское» руководство Совета, а также отдела религий Киевского горсовета. Любая критика УПЦ КП со стороны канонического духовенства расценивалась ими как «откровенная антиукраинская пропаганда» (из отчета Зинченко на имя премьер-министра В. П. Фокина от 7 авг. 1992 г. — Там же. Д. 644. Л. 94, 108). Также Зинченко сообщал, что в разговоре с ним Филарет Денисенко и Антоний Масендич изъявили согласие подписать предложенный им текст меморандума «Основные принципы согласия между руководством УПЦ КП и УГКЦ», чтобы положить конец взаимным конфликтам, в целях объединения усилий для борьбы против УПЦ; впрочем, из-за отказа греко-католиков подписания меморандума не состоялось.

Под давлением властей почти все священники УАПЦ в Киеве, за редкими исключениями, массово перешли в УПЦ КП. Отдельные случаи перехода в раскол имели место и среди киевского духовенства канонической УПЦ, в т. ч. еп. Почаевский и викарий Киевской митрополии Иаков (Панчук), настоятель Владимирского собора и управляющий делами

Киевской митрополии прот. Борис Табачек, ректор Киевской ДС архим. Даниил (Чокалюк).

Вскоре начались насильственные захваты представителями УПЦ КП правосл. храмов в Киеве и Киевской обл. 17 сент. 1992 г. был захвачен Покровский храм на Соломенке, его настоятель прот. Николай Радецкий был силой выдворен из храма представителями УНСО. Незаконный захват храма активно поддержали власти, создавшие комиссию по приему имущества храма у якобы «прекратившей существование» общины УПЦ и уже 29 сент. 1992 г. распорядившиеся передать Покровский храм на Соломенке в ведение УПЦ КП. В тот же день была зарегистрирована община УПЦ КП при Соломенском храме. Когда же община канонической УПЦ во главе с прот. Радецким через суд стала добиваться восстановления справедливости и проводить службы под стенами захваченного храма, то власти обвинили ее в совершении правонарушений, в «несанкционированных под открытым небом богослужениях, религиозных процессиях и церемониях», против «старой общины» было возбуждено уголовное дело, общину прот. Н. Радецкого постоянно запугивали и шантажировали (Там же. Д. 670. Л. 93). 10 февр. 1993 г. арбитражный суд Киева постановил, что именно Филарет Денисенко был и остается законным архиереем К. е., поэтому он имел все законные права на Соломенский Покровский приход Киева (Там же. Д. 708. Л. 22). В 1993–1994 гг. клирики К. е. прот. Мефодий Финкевич и прот. Н. Радецкий продолжали совершать службы под стенами Соломенского храма, что расценивалось председателем Совета по делам религий Зинченко как умышленное разжигание межконфессиональной вражды, по его требованию в отношении клириков были составлены протоколы об адм. правонарушениях (Там же. Д. 716. Л. 94).

Сопrotивлявшиеся переходу в раскол не только попадали под давление властей, но и подвергались прямому насилию. 16 авг. 1992 г. сторонниками УПЦ КП в райцентре Бородянка за отказ перейти в УПЦ КП в собственных домах были избиты благочинный Бородянского округа прот. Виктор Талько и настоятель Микуличского прихода иерей Николай Гнидец (Там же. Д. 648. Л. 165). 30 авг. 1992 г. сторонники УПЦ КП ворва-

лись в дом к благочинному Васильковского округа прот. Алексею Таранову, к-рого также избивали и запугивали, принуждая к переходу в раскол (ГА Киевской обл. Ф. 5571. Оп. 1. Д. 117. Л. 15–21).

4 сент. 1992 г. власти передали УПЦ КП принадлежавший Киево-Печерскому заповеднику Феодосиевский храм на Печерске, на к-рый еще с нач. 1992 г. претендовала община УАПЦ. Передача храма состоялась по согласованию между Фондом гос. имущества Украины и директором музейного объединения «Киево-Печерский государственный историко-культурный заповедник» (ЦДАВО. Ф. 4648. Оп. 7. Д. 644. Л. 116). В окт. того же года общине УПЦ КП передали Михайловскую ц. Выдубицкого мон-ря. Тогда же УПЦ КП получила ц. Николы Набережного на Подоле, но здесь власти столкнулись с сопротивлением со стороны настоятеля Степана Яремчука, к-рый, несмотря на давление со стороны Денисенко и Масендича, не стал перерегистрировать статут общины с УАПЦ на УПЦ КП, а в 1995 г. официально перешел под управление главы УАПЦ Димитрия Яремы.

8 сент. 1992 г. решениями «синода» УПЦ КП открыты Феодосиевский муж. мон-рь в Киеве, настоятелем к-рого стал Антоний Масендич, он же возглавил и Покровский муж. мон-рь в с. Пархомовка Володарского р-на Киевской обл. Также был открыт Рождество-Богородичный жен. мон-рь УПЦ КП «на территории Киевского епархиального управления» (т. е. в ограде Феодосиевского муж. мон-ря).

9 сент. 1992 г. был зарегистрирован устав Киевской епархии УПЦ КП. Тогда же регистрируется и «Киевская митрополия УПЦ КП». Т. о., в УПЦ КП в 1992–1993 гг. существовали сразу 3 параллельные управляющие структуры: «Киевская Патриархия УПЦ КП» (управление которой делили Денисенко как зам. «патриарха» и Масендич как управляющий делами), «Киевская митрополия УПЦ КП» (к-рую возглавлял Денисенко как «митрополит Киевский и всея Украины») и «Киевская епархия УПЦ КП» (к-рую возглавлял Масендич, представленный в документах как «управляющий делами Киевской епархии УПЦ КП»). В окт. 1992 г. Киевская гор. администрация потребовала от Денисенко освободить «церковный дом на

Пушкинской» (его служебную резиденцию, бывш. здание Украинского Экзархата). В ответ Денисенко 28 окт. 1992 г. потребовал передать этот дом в собственность УПЦ КП, угрожая силовым противостоянием и кровопролитием. После долгих дискуссий Киевский горсовет принял постановление от 1 июля 1999 г., которым безвозмездно передал 2 здания Украинского Экзархата в собственность УПЦ КП.

30 окт. 1992 г. из Киевской епархии УПЦ КП выделена Черкасская епархия (во «епископа Черкасского и Чигиринского» 15 нояб. 1992 был поставлен архим. Нестор Кулиш). К нач. 1993 г., когда каноническая УПЦ имела 226 общин в Киевской обл. и 44 общины в Киеве, УПЦ КП насчитывала 68 зарегистрированных общин в Киевской обл. и 26 в Киеве, среди последних было 8 общин, образованных в 1992 г., и 18 бывш. общин УАПЦ, часть к-рых не успела внести в приходские уставы изменения, утверждавшие их переход в УПЦ КП. Из общин, формально числившихся за УАПЦ, к 1993 г. состояли на регистрации: Киевская духовная семинария (106 слушателей) и Златоверхий Михайловский мон-рь (Там же. Д. 670). 10 февр. 1993 г. открылся жен. мон-рь во имя вмц. Екатерины в с. Ташань Переяслав-Хмельницкого р-на, а 20 авг. 1993 г. — муж. мон-рь во имя прп. Антония Печерского в с. Петровское Киево-Святошинского р-на (эти мон-ри, хотя и были зарегистрированы в органах власти, на деле оказались фиктивными общинами, и создавались, по свидетельству местных властей, всего лишь с целью получения для УПЦ КП новых помещений и для улучшения отчетности). Власти активно передавали раскольникам древние святыни и памятники архитектуры: в июне 1993 г. представитель президента в Киевской обл. И. М. Капштик передал в ведение УПЦ КП Николаевский муж. мон-рь в г. Богуслав, к сент. 1993 г. за УПЦ КП закреплен стилобат киевской Андреевской ц., закрытой к тому времени на ремонт (21 сент. 1993 здесь была зарегистрирована новообразованная «Киевская духовная академия» УПЦ КП).

По инициативе Денисенко и при поддержке властей постоянно регистрировались «параллельные» общины УПЦ КП (часто фиктивные), к-рые заявляли свои претензии на

храмы и мон-ри, принадлежавшие к юрисдикции канонической УПЦ. Так, 19 авг. 1993 г. по личной просьбе Филарета Денисенко были зарегистрированы общины УПЦ КП: Введенского жен. мон-ря (претендовала на Введенский муж. мон-рь УПЦ), Ионинского муж. мон-ря (претендовала на киевский Ионинский муж. мон-рь УПЦ), Кирилловского жен. мон-ря (претендовала на Кирилловскую ц.; раскольническая община была сразу зарегистрирована властями по юридическому адресу Кирилловского храма, что в посл. привело к эксцессам). После неудачной попытки захвата Киево-Печерской лавры (19 июня 1992) Денисенко 24 нояб. 1992 г. подал в Совет по делам религий «Дополнения к уставу Киево-Печерской Успенской лавры», присоединяющие ее к УПЦ КП, но Совет 4 марта 1993 г. вернул документ на доработку на том основании, что оригинал устава у Филарета отсутствовал (Там же. Д. 677. Л. 113–136). Также Филарет дважды: 7 дек. 1992 и 10 марта 1993 г. подавал на регистрацию устав «общины Почаевской лавры в ставропигии Киевской митрополии УПЦ КП», по которому объявлялся настоятелем лавры, аргументируя это тем, что еще 30 окт. 1991 г. постановлением Совета по делам религий Почаевская лавра была зарегистрирована в качестве ставропигиального мон-ря митрополита Киевского и всея Украины (Там же. Д. 713. Л. 101). Однако этот устав зарегистрировать не удалось, хотя сторонники УПЦ КП дважды пытались силой захватить Почаевскую лавру.

Альянс властей и УПЦ КП нередко встречал сопротивление верующих: когда в июле 1993 г. Совет по делам религий пытался передать Кирилловскую ц. Киева в совместное пользование УПЦ КП и УГКЦ (несмотря на то, что при храме еще с дек. 1991 существовала зарегистрированная община канонической УПЦ), прихожане общины УПЦ воспрепятствовали проникновению раскольников на территорию храма, после чего против защитников храма возбудили уголовные дела (Там же. Д. 716. Л. 93). Не удалось занять и Серафимовский храм Китаевой пуст., хотя по его адресу в 1993 г. был зарегистрирован Серафимовский приход УПЦ КП, в нач. 1994 г. Владимир Романюк пытался зарегистрировать устав фиктивного «Китаевского Троицкого мужского монастыря УПЦ КП».

Но даже в условиях беспрецедентного давления властей уже в кон. 1993 г. большие группы клириков покидали УПЦ КП и возвращались в лоно канонической УПЦ. Важным событием стал переход в УПЦ 25 дек. 1993 г. «митрополита» Антония Масендича и «епископов» Иоанна Сиопко, Романа Попенко, Софрония Власова. Масендич, один из наиболее активных деятелей УПЦ КП, обладал авторитетом и влиянием среди значительного числа клириков УПЦ КП, и после его возвращения в каноническую Церковь, следуя его примеру, начали уходить из УПЦ КП и рядовые клирики. Из-за противодействия властей священники, как правило, возвращались без храмов, хотя были и исключения: 2 февр. 1993 г. в УПЦ вернулся свящ. Иоанн Лапко с приходским храмом в с. Страхолесье Иванковского р-на. В 1994 г. 20 общин УПЦ КП в Киевской обл. перешли в УПЦ, в то же время из УПЦ в УПЦ КП за 1994 г. насильственным путем были переведены 4 общины (ГА Киевской обл. Ф. 5571. Оп. 1. Д. 124. Л. 13). В 1995 г. в юрисдикцию УПЦ КП перешло 4 храма (при этом одну из захваченных церквей — в с. Горностайполь Иванковского р-на — в том же году удалось вернуть).

После ухода «митрополита» Масендича полномочия по управлению епархией взял на себя «патриарх» Владимир Романюк. Но уже в 1994 г. решением «синода» УПЦ КП управляющим Киевской епархией УПЦ КП назначен Денисенко, тем самым «патриаршие» полномочия Романюка существенно урезались. Фактически с тех пор и само «патриаршество» Романюка стало носить булфорский, декларативный характер, т. к. он перестал обладать реальной властью даже в пределах Киева и Киевской обл. Также близкий к Романюку управляющий делами Киевской патриархии УПЦ КП прот. Александр Антонюк (вскоре перешел в УПЦ) почти не имел никаких реальных управленческих полномочий. Все властные рычаги оказались в руках «заместителя патриарха» Денисенко, а также рукоположенных им «викарных епископов Киевской епархии УПЦ КП». К нач. 1994 г. УПЦ КП имела 30 общин (включая 7 мон-рей) и 38 священнослужителей в Киеве, 162 общины и 124 священнослужителя в Киевской обл. (ЦДАВО. Ф. 4648. Оп. 7. Д. 721. Л. 114).

В окт. 1995 г., после избрания новым «патриархом» УПЦ КП самого Денисенко, последний постепенно убрал с наиболее важных должностей сторонников Романюка, многих лишил приходов. Новым управляющим делами Киевской Патриархии УПЦ КП Денисенко назначил своего приближенного, настоятеля Владимирского собора прот. Бориса Табачека, тем самым замкнув все управление на себе. В 1995 г. новым управляющим Киевской епархией назначен «епископ» Нестор Кулиш, который с тех пор титуловался как «митрополит Переяслав-Хмельницкий и Богуславский». Ему же в управление был передан Феодосиевский муж. мон-рь. Но уже в 1997 г. Нестор был отстранен от должности управляющего и силой выдворен из Феодосиевского мон-ря, несмотря на сопротивление его сторонников. С тех пор Киевская епархия УПЦ КП снова находится в непосредственном управлении Денисенко, и даже штат «Киевского епархиального управления УПЦ КП» в 1997 г. был переведен из Феодосиевского мон-ря в здание «патриархии» УПЦ КП в центре Киева, мон-рь был объявлен «ставропигией» Филарета.

В Киеве позиции УПЦ КП продолжали укрепляться благодаря поддержке властей. В 1997 г. начато строительство Михайловского собора Златоверхого Михайловского мон-ря в юрисдикции УПЦ КП. Решением Кабинета министров от 4 апр. 1997 г. весь ансамбль Выдубицкого Михайловского монастыря передан УПЦ КП. 22 мая 1997 г. Киевский горсовет, в котором большинство мест имели члены «Руха», принял провокационное решение о передаче из ведения Киево-Печерского заповедника в ведение УПЦ КП отдельных церквей на территории Киево-Печерской лавры, а также находящейся за территорией лавры ц. Спаса на Берестове. Руководствуясь этим решением, к-рое так и не стало выполняться Киево-Печерским заповедником из-за отсутствия согласования на уровне правительства Украины, отдельные деятели УПЦ КП стали выступать с угрозами насильственного захвата храмов лавры. Филаретовцами была предпринята неудачная попытка занять силой храм Спаса на Берестове. Эти и др. события заставили власти Украины оказать влияние на руководство УПЦ КП с тем, чтобы добить-

ся отказа от силовых методов. По инициативе Президента Украины Л. Д. Кучмы 21 июля 1997 г. главами всех конфессий, в т. ч. и Денисенко, был подписан меморандум о неприменении силы в межконфессиональных отношениях. Впрочем, этот меморандум неоднократно нарушался сторонниками УПЦ КП.

Для Киевской епархии УПЦ КП характерны частые переходы клириков в др. раскольнические группировки. В 2004–2005 гг. от Киевской епархии УПЦ КП стали отходить целые благочиния. В авг. 2004 г. в Фастовском р-не начал активную деятельность председатель новообразованной «УАПЦ-Соборноправной», самозванный «митрополит» (с 2005 «патриарх») Моисей Кулик. В результате активной агитации в его юрисдикцию в 2004 г. перешли вместе с храмами священники 9 приходов района (Вольное, Дорогинка, Дедовщина, Скригалева, Олёновка, Пришивальня, Яхны, пос. Кожанка, г. Фастов) и было образовано Фастовское благочиние УАПЦ-Соборноправной. В 2007 г. из УПЦ КП в юрисдикцию нового раскола под рук. лжемитр. Андрея Трегуба перешел игум. Гурий из Макаровского р-на, хиротонисанный Трегубом во «епископа Бородянского».

С приходом к власти В. А. Ющенко, в Киевской обл. возобновились попытки захвата сторонниками УПЦ КП храмов УПЦ (напр., Свято-Воскресенского храма в г. Тараща 23 апр. 2005 г., Георгиевского храма в с. Тхоровка Сквирского р-на 2 марта 2007 г., Михайловского храма в с. Карапыши Мироновского р-на 29 нояб. 2008 г., колокольню Переяслав-Хмельницкого Вознесенского муж. мон-ря в г. Переяслав-Хмельницкий в 2010 г., Николаевского храма на горе Татарка на окраине Киева в 2009–2011 гг. и т. д.).

21 окт. 2009 г. из Киевской епархии УПЦ КП выделена Переяслав-Хмельницкая епархия. В 2009–2010 гг. ею управлял «митрополит» Дмитрий Рудюк, с 2010 г. — «епископ» Епифаний Думенко (ныне — «митрополит»).

После того как в 2010 г. произошла смена власти на Украине, снова возобновились переходы общин УПЦ КП в юрисдикцию УПЦ.

На 2013 г. УПЦ КП имела в Киеве 111 зарегистрированных общин (ок. 60 храмов), в т. ч. 8 общин мон-рей (из к-рых реально действующими

являются только 3), в Киевской обл. насчитывается 374 общины УПЦ КП, в т. ч. 3 мон-ря (Богуславский, Пархомовский и Ташанский).

Иные раскольнические группировки. В Киеве действуют более 10 зарегистрированных т. н. независимых правосл. общин, к-рые относятся к различным группировкам, отделившимся от РПЦЗ, а также к различным представителям «истинно православных христиан».

Первая из них, во имя св. Иоанна Шанхайского в юрисдикции Одесско-Тамбовской епархии РПЦЗ под рук. еп. Лазаря (Журбенко), была зарегистрирована в марте 1997 г. в Киеве. В апр. 1997 г. в Мышеловке в Голосеевском р-не Киева зарегистрирована община святых Бориса и Глеба, которую возглавил свящ. Николай Фуртатенко, клирик в юрисдикции Ишимско-Сибирской епархии РПЦЗ. В посл., в июне 1997 г., также в юрисдикции Ишимско-Сибирской епархии зарегистрирован мужской монастырь св. Иоанна Шанхайского в Лукьяновке (в черте Киева), который возглавил иером. Алексей (Пергаменцев), впоследствии «епископ Солтановский и Малороссийский» в юрисдикции раскольнической группы митр. Виталия (Устинова). Также в апр. 1998 г. зарегистрирован приход св. Царственных Мучеников в г. Ирпень Киевской обл. Все 4 общины зарегистрированы под названием «Российская истинно-православная церковь», на что было благословение со стороны тогдашнего первоиерарха РПЦЗ митр. Виталия (Устинова), и все они после образования раскола митр. Виталия в 2001 г. перешли в юрисдикцию этой группы. В 2007 г. началось строительство храмового комплекса в с. М. Солтановка Васильковского р-на, к-рый включает муж. скит святых Захарии и Елисаветы, а также обитель милосердия св. Иоанна Кронштадтского. Настоятелем скита стал Тихон (Антонов), «хиротонисанный» 3 окт. 2010 г. во «епископа» Васильковского, викария Малороссийской епархии. В тот же период регистрируются новые общины: приход св. Георгия этой же юрисдикции в г. Бровары под рук. иерея Александра Веберова, и жен. мон-рь св. Иоанна Кронштадтского в Киеве, настоятельницей которого стала мон. Марфа (Аверина).

В 2004–2006 гг. управляющий приходами РПЦЗ еп. Агафангел (Паш-

ковский) зарегистрировал в Киеве и Киевской обл. новые общины в составе централизованной орг-ции — Одесской епархии РПЦЗ. В 2004 г. с уведомлением о своей деятельности обратились община монарха РПЦЗ во имя прп. Серафима Саровского в пос. (ныне город) Буча Ирпенского горсовета Киевской обл. и приход РПЦЗ в с. Лебедёвка Вышгородского р-на. В мае 2006 г. зарегистрирована Михаило-Архангельская община в Печерском р-не Киева, а в нояб. 2006 г. — Георгиевская община в Шевченковском р-не Киева. После того как в 2007 г. еп. Агафангел перестал подчиняться предстоятелю РПЦЗ и создал свою независимую структуру, обе общины вместе с ним ушли в раскольническую группу Агафангела.

С 2006 г. свои первые общины в Киеве регистрирует т. н. Русская истинно православная церковь под рук. «Омско-Сибирского архиепископа» Тихона Пасечника, ставшего в 2012 г. также управляющим епархиями Украины. В 2006 г. в Святошинском р-не Киева зарегистрирован приход святых Владимира и Ольги, в том же году открыт домовый храм прп. Варлаама Киево-Печерского в Дарницком р-не Киева. В 2009 г. в ведении той же юрисдикции зарегистрирован приход св. Николая в г. Бровары.

К «истинно православным» себя причисляют отдельные религ. группы, никак не связанные по происхождению с РПЦЗ. Среди таких известна т. н. Украинская автокефальная истинно православная церковь (апостольская), организационно оформившаяся в кон. 2003 г. под рук. бывш. свящ. УАПЦ Владимира Трегуба, настоятеля 2 приходов УАПЦ в Киеве, зарегистрированных под его руководством в марте и нояб. 2003 г. К раскольнической группе, созданной под рук. Трегуба, присоединился ряд приходов УАПЦ и УПЦ КП. Трегуб в кон. 2003 г. объявил себя «митрополитом Вышгородским и Галицким, управляющим Киевской истинно православной епархией», а в 2005 г. назвался как «экзарх Андрей, митрополит Киевский и Галицкий, глава Истинно православной церкви в Украине». В нояб. 2007 г. самозванный «митрополит» Андрей Трегуб вошел в юрисдикцию «ИПЦ России» под рук. «митрополита» Рафаила Прокопьева-Мотовилова, образовав в 2008 г.

в составе указанной раскольнической структуры «Украинский экзархат». Особенностью новой группы стало то, что ее руководители Трегуб и Черников, являясь лжесвященниками, под прикрытием религ. деятельности занимались т. н. народным целительством, трактовали Православие в духе оккультизма, а в посл. по лицензиям Минздрава Украины образовали «целительские центры нетрадиционной медицины» и «школы экстрасенсорики» в Киеве, Полтаве и других городах Украины (что в целом вписывалось в общую канву деятельности «ИПЦ-Рафаила» как оккультно-коммерческой секты). Благодаря этому бизнесу уже в 2009–2010 гг. секта Трегуба смогла приобрести новые участки под строительство храмов в Киеве и Киевской обл., а также арендовать отдельные офисные здания Киева под свои храмы. Им удалось открыть Преображенский жен. монарх в Вышгородском р-не Киевской обл., где «настоятельницей» стала бывш. жена Трегуба «игуменя» Анна Трегуб, а также Вознесенский муж. скит в г. Богуслав Киевской обл. Отдельные храмы данного раскола делили помещения с «целительскими клиниками», где подопечные Трегуба проводили сеансы экстрасенсорики. В нач. 2012 г. секта Трегуба подозревалась правоохранительными органами Украины в причастности к доведению до самоубийств неск. несовершеннолетних в Киевской обл. После кончины Трегуба в марте 2013 г. его религ. сообщество начало распадаться на независимые группы, что было обусловлено также и отсутствием регистрации группы в качестве централизованной орг-ции. Тем не менее все приходы Трегуба в Киеве и Киевской обл. продолжают официально состоять на регистрации как общины в юрисдикции УАПЦ, а один из храмов этой секты в Киеве зарегистрировался как община УПЦ КП.

Из руководителей незарегистрированных общин истинно православных христиан, к-рые ранее состояли на регистрации, а теперь объявили себя «катакомбными церквями», известен «архимандрит» Серафим Медведев, бывший женатый иерей РПЦ, после лишения сана Московским Патриархатом принявший в 1994 г. монашеский постриг в одной из греко-старостильных юрисдикций и открывший свой монастырь под названием «скит Пара-

клит» близ пос. Глеваха Васильковского р-на. В 2006 г. он покинул старостильников и создал свою независимую сектантскую группу, которая принципиально не регистрируется.

Остальные известные в Киеве «истинно-православные группы» под руководством т. н. «архиереев» никогда не были зарегистрированы, широкого распространения не имеют.

В. Г. Пудайко

Ист.: Сухоллюев И. Майский собор автокефалистов Киевщины 1921 г. // Антирелигиозная пропаганда: Сб. мат-лов. Х., 1922. С. 149–155; *он же* (Сухоллюев И.). Українські автокефалісти. Х., 1925; Ядась М., *прот.* Українська автокефальна правосл. церква: Док-ти для історії Української автокефальної правосл. церкви, 1921–1936. Мюнхен, 1956.

Лит.: Полонська-Василенко Н. Історичні підвалини УАПЦ. Рим, 1964; Бевзюк Н. П. Українська автокефальна правосл. церковь в годы гражданской войны: Образование и деятельность: АКД. Од., 1989; Пилявець Л. Б. Автокефалія правосл. Церкви на Україні // Людина і світ. К., 1990. № 5. С. 19–24; *он же*. Всеукраїнський правосл. церковний собор УАПЦ, 14–30 жовтня 1921 р. // Український історик. 1997. Т. 34. № 1/4(132/135). С. 91–104; *он же*. Всеукраїнський правосл. собор 1921 р.: учасники й проблеми // Український церковно-визвольний рух і утворення УАПЦ: Мат-ли наук. конф. Київ, 12.10.1996 р. / Ред.: А. Зінченко. К., 1997; Зінченко А. Л. Благочестя нац. духу: Українська Церква на Поділлі в 1-й третині ХХ ст. К., 1993; *он же*. Ієрархи Української Церкви: Митр. Микола Борецький, архієп. Костянтин Кротевич, митр. Іван Павловський. К., 2003; Преловська І. ВПЦР — організаційний осередок УАПЦ (1917–1921 рр.) // Український церковно-визвольний рух і утворення УАПЦ. 1997. С. 29–48; Сергійчук Б., Сергійчук В. Проблеми визнання УАПЦ у листуванні уряду УНР та його посольства в Туреччині // Там же. С. 81–86; Гнатуша О. М. Адміністративний устрій ранньої УАПЦ (1921 р.) // Наукові праці іст. фак-ту Запорізького державного ун-ту. 1999. Вип. 8. С. 17–32; *он же*. Трансформація структури вищих органів Української синодальної церкви протягом 20–30-х рр. ХХ ст. // Сумська старовина: Наук. ж. 2006. № 18/19. С. 111–121; *он же*. Інституційні трансформації Українського екзархату РПЦ у 20–30-х рр. ХХ ст.: парафіальна ланка // Культура народів Причорномор'я: Науч. ж. Симферополь, 2008. № 145. С. 159–162; *он же*. Організаційний устрій соборно-єпископської церкви в 1925–1937 рр. // Історична пам'ять. Полтава, 2009. № 1. С. 92–103; Житюк С. І. Обновленська церква в Україні (1922–1928 рр.). Рівне, 2002; Киридон А. М. Українська автокефальна правосл. церква: Проблеми історіографії // Лаврський альманах. К., 2003. Вип. 9. С. 27–31; *она же*. Всеукраїнський церковний обновленський з'їзд духовенства і мирян (13–16 лютого 1923 р.) // Студії з архівної справи та документознавства. К., 2004. Т. 12. С. 162–173; *она же*. Джерела з історії Української Правосл. Церкви (1930–1936 рр.): Спроба реконструкції // Історична пам'ять. 2004. № 2. С. 20–38; *она же*. Діяльність комісії Української Правосл. Церкви (1930–1936 рр.) // Література та культура Полісся. Ніжин, 2004. Вип. 27: Регіональна історія та культура в українському та східноєвропейському контексті.

С. 159–163; она же. Документи ЦДАВО України з історії Української Правосл. Церкви на чолі з митр. Іваном Павловським (1930–1936 рр.) // Історичний ж. К., 2004. № 12. С. 55–62; она же. Організація епархії Української Правосл. Церкви (1930 р.) // Історичні зап.: Зб. наук. праць. Луганськ, 2004. Вип. 2. С. 104–115; она же. До питання про взаємини УАПЦ і радянської влади в сер. 1920-х рр. // Наукові праці Кам'янець-Подільського державного пед. ун-ту: Іст. науки. 2005. Т. 14. С. 317–329; она же. Українська Правосл. Церква (1930–1936 рр.) // Український іст. ж. К., 2005. № 3. С. 143–159; Братко Н. Д. Процес утворення автокефальних парафій в 1-й пол. 1920-х рр. // Православ'я—наука суспільство: Проблеми взаємодії: Мат-ли Другої Всеукр. наук.-практ. конф. Черкаси, 2004. С. 57–59; Білан Г. І. Обновленський рух в Україні 20–30-х рр. ХХ ст.: АКД. К., 2005; Кальченко Т. В. Состав и характеристика обновленческого духовенства г. Киева // Православ'я—наука—суспільство: питання взаємодії: Мат-ли VI Міжнар. наук. конф. К., 2009; он же. Деятельность митр. Иннокентия на Киевской обновленческой кафедре // Там же: Мат-ли VII Міжнар. наук. конф. К., 2010. С. 51–61; он же. Закат и ликвидация обновленчества в Киеве // Там же: Мат-ли VIII Міжнар. наук. конф. К., 2011.

Т. В. Кальченко, В. Г. Лидгайко

Римско-католическая Церковь. Равноап. вел. кнг. Киевская *Ольга (Елена)* в 961 г. пригласила в Киев поставленного по распоряжению герм. кор. *Оттона I* епископом Руси *Адальберта*, однако его миссия по невыясненным причинам оказалась безуспешной, и он вынужден был в 962 г. покинуть Русь. Католич. авторы утверждают, что первым епископом для Киева был сщмч. *Бруно Кверфуртский*, убитый в 1009 г. язычниками-пруссам. В 1004 г. по просьбе папы *Сильвестра II* и по распоряжению имп. *Генриха II* Бруно был рукоположен «в archiepiscopus gentium», т. е. миссийного архиепископа без определенного диоцеза. В янв. 1008 г. прибыл в Киев с целью создания епископии для проповеди христианства среди печенегов, однако успех Печенежской епископии, основанной с помощью равноап. кн. *Владимира (Василия) Святославича*, оказался кратковременным. В том же году Бруно покинул Русь; содержащиеся в нек-рых лат. памятниках 30-х гг. XI в. сведения о Крещении Руси в результате деятельности Бруно Кверфуртского не имеют под собой никаких исторических оснований. Малодостоверными являются и др. «епископы Руси» XI в., упоминающиеся нек-рыми католич. авторами: Рейнберн (1010–1014) и Алексий Болгарин (1018–1021).

Первый католич. храм Пресв. Богородицы с мон-рем доминиканцев появился в Киеве в сер. 20-х гг.

XIII в., в княжение в Киеве Владимира (Димитрия) Рюриковича (см. в ст. *Доминиканцы*). Основателем монастыря считается *Гиакинф* (Гиацинт, Яцек) Польский, его житие составлено в XV в., а канонизация состоялась в 1524 г. Ян *Длугош* в своей хронике (1480) сообщает: в 1233 г. киевский кн. Владимир, видя ослабление позиций греч. обряда в Киеве из-за активной деятельности доминиканцев, распорядился изгнать из костела Пресв. Марии в Киеве доминиканского приора *Мартина* Сандомирского и др. братьев и «с угрозой запретил им возвращаться сюда». Согласно булле папы *Григория IX* от 15 июня 1234 г., окормление проживавших в Киеве католиков перешло к сандомирскому духовенству. При этом «папа брал под свою опеку латинских сограждан в Киеве (conciuibus latinis in Kiev), которые подвергались преследованиям за распространение католической веры» (цит. по: *Флоря Б. Н.* Исследования по истории Церкви: Сб. М., 2007. С. 190–191).

В 1234 г. католическим епископом в Киев был назначен доминиканец Герард (Готгард). По-видимому, он был не епископом Киева, но титулярным миссионерским епископом Руси (упом. как «епископ Руси без постоянной кафедры»), постоянное жительство имел при Опатовском аббатстве близ Кракова. В 1321 г. Любушский еп. Стефан нарек на Киевское еп-ство доминиканца Генрика, к-рый получил утверждение в Авиньоне от папы *Иоанна XXII*. С тех пор начинается непрерывный ряд католич. епископов для Руси, живших сначала в Польше. Переезд католич. архиерея в Киев, по-видимому, совершился в нач. XV в., это событие следует связать со строительством в городе в 1429–1433 гг. костела.

Закладка нового доминиканского мон-ря и костела св. Николая (над Днепром на Оболони) датируется рубежом XIII и XIV вв. К 1411 г. относится предоставившая Киевскому доминиканскому мон-рю и костелу св. Николая земельный участок в предместье Сырец грамота, данная кн. Александром (Олелько) Владимировичем, подлинность к-рой оспаривается. Несмотря на вероятный подложный характер этой грамоты, ее подтвердил в 1614 г. польск. кор. Сигизмунд III по просьбе приора киевского доминиканского конвен-

та Регинальда Крушинского. Мон-рь был сожжен во время татарского набега на Киев в 1482 г., в посл. быстро восстановлен на новом месте — вблизи Житного торго, под замком на горе Хоривица (позже Замковая гора, Киселёвка), и был посвящен Св. Троице. Как действующий упоминается уже в 1495 г., в люстрации Киева за 1552 г. В 1552 г. доминиканский мон-рь Св. Троицы брал особую подать — «померное» от зерна, ввозимого в Киев (Сб. мат-лов для исторической топографии Киева и его окрестностей. К., 1874. С. 10). Между 1592 и 1638 гг. костел Св. Троицы на Житном торго сгорел, рядом с ним после пожара был построен костел св. Николая, сгоревший в 1651 г.

На Замковой горе, на территории Киевского замка, построенный ок. 1542 г., действовал приходский костел, упоминаемый в люстрации 1552 г., по соседству с ним тогда располагались 3 правосл. храма. Но уже в 1592 г. там вместо костела была небольшая заброшенная часовня, к-рую видел еп. Иосиф Верещинский. Вероятно, при пожаре, к-рый около 1606 г. уничтожил деревянный Киевский замок, сгорела и католическая часовня. В 1638 г. в замке был построен новый костел, просуществовавший до 1651 г.

Были случаи, когда католич. Киевские епископы, пользуясь отдаленностью от Папского престола, вели независимую политику. Так, Николай Пац, занимавший Киевскую кафедру в 1562–1580 гг., принял лютеранство. Эти и подобные случаи способствовали упадку католичества в Киеве в кон. XVI в. В 1592 г., как пишет Киевский еп. Иосиф Верещинский († 1599) в кн. «Способ заселения нового Киева и обороны бывшей столицы Киевского княжества», в Киеве было 2 католич. храма: «Капличка в замке, в которую замковые урядники из пренебрежения к ней запирали своих лошадей, да костелик доминиканцев с одним монахом при нем» (Малоизвестные сочинения Киевского бискупа *Иосифа Верещинского*. К., 1895. С. 29). Вероятно, из-за отсутствия храмов Верещинский не стал жить в Киеве, но построил не позднее 1597 г. близ совр. Фастова замок и небольшое местечко, к-рое назвал Нов. Верещин; там же был сооружен костел, ставший временной кафедрой для Верещинского, неподалеку, в с. Чер-

ногородка, построили еще один епископский замок. В 1597–1598 гг. в Нов. Верещине действовала 1-я на Киевщине католич. типография, которая издавала сочинения Верещинского.

Кафедральный собор Киевского католич. еп-ства впервые упоминается еп. И. Верещинским как ранее существовавший на горе Щекавица (Там же. С. 31–32). Каменный кафедральный храм Киевской католической епархии начал строиться при еп. Кшиштофе Казимирском (1599–1618), вероятно, в 1614 г.; завершен при еп. Богуславе Окше-Радошевском (1618–1633). Собор был возведен на Подоле в районе Житного торго, между бернардинским и доминиканским костелами. Активную помощь в строительстве оказывал тогдашний киевский воевода Ян Тишкевич. Павел Алеппский в 1656 г. отмечал, что кафедральный костел построен из кирпича разоренного правосл. Борисоглебского храма в Борисполе, а в 1695 г. митр. Варлаам Ясинский писал о постройке костела из материалов Борисоглебского храма в Вышгороде. После национально-освободительной войны 1648–1654 гг. кафедральный костел был разобран для восстановления поврежденных пожаром 1651 г. правосл. церквей.

Расцвет католичества в Киеве и Киевском воеводстве приходится на нач. XVII в. Было построено несколько доминиканских монастырей: Чернобыльский (1626), Овручский (1629), Любарский (1631), Бышевский (1647), а также Бердичевский кармелитский мон-рь (1630). На Подоле между 1618 и 1640 гг. на средства киевского земского судьи С. Аксака, 1-го католика в старинном роду киевских землян Аксаков, был восстановлен доминиканский мон-рь, построен новый каменный монастырский костел вместо старого деревянного. После освободительной войны 1648–1654 гг. мон-рь прекратил действовать; в кон. XVII в. превращен в правосл. Петропавловский муж. мон-рь, к-рый в 1786 г. был упразднен и передан в ведение киевского Синайского Екатерининского муж. мон-ря, в 30-х гг. XX в. полностью разрушен. Первый в Киеве мон-рь и костел бернардинов сооружен в 1623 г. под горой Борич (ныне Андреевская), в урочище Боричев Ток на средства К. Сулимирского, пожертвовавшего земельный

участок. Как и доминиканский, сгорел во время освободительной войны в 1651 г.

Иезуитская резиденция появилась в Киеве в 1620 г. по инициативе еп. Богуслава Окше-Радошевского; в 1632 г. переместилась в епископский городок Фастов (имение Киевских католических епископов), где с 1625 г. начала действовать коллегия среднего уровня со школами грамматики, поэтики и риторики. Киевский воевода Тишкевич в 1627 г. вернул иезуитов в Киев. Где именно находились двор и костел иезуитов, упомянутые в описании Киева французским инженером Гийомом де Бопланом, неизвестно. Несмотря на то что в 1646 г. Адам Кисель и Петр Могила, тогдашний митрополит Киевский, выступали на сейме с ходатайством о запрещении открытия в Киеве иезуитских учебных заведений, здесь в сент. 1647 г. была открыта коллегия, аналогичная Фастовской. Во дворе иезуитов в 1646 г. состоялся 3-дневный публичный диспут католических теологов С. Смялковича и М. Цихоцкого с ректором Киево-Могилянкой коллегии Иннокентием (Гизелем). Иезуиты оставили Киев в самом начале войны 1648–1654 гг., судьба принадлежавших им зданий неизвестна.

После перехода Киева под власть России Киевский суффраганальный капитул приходского духовенства продолжал существовать в Житомире, ставшем в 1668 г. центром Киевского воеводства, в городе к тому времени действовал костел, построенный в 1636 г. житомирским старостой Тишкевичем. Однако главный, кафедральный капитул католич. Киевских епископов долго не возобновлялся, их власть ограничивалась вост. частью Киевщины (ныне Житомирская обл.) и распространялась на 3 деканата: Чудновский, Веледниковский и Коднянский (Житомирский). Так, титулярный еп. Киевский Томаш Уейский в 1667 г. дал разрешение на строительство мон-ря августинцев в Белой Церкви (упразднен в 1715), а в 1669 г. дал разрешение на строительство кармелитского мон-ря в мест. Олевск Веледниковского деканата.

С 1684 г. кафедра католич. Киевского епископа с кафедральным капитулом официально находилась в Люблине, в 1724 г. переместилась в Житомир, с тех пор именовалась как Киево-Житомирская. В 1724 г.

еп. Самуил Ожга учредил в Житомире Киево-Житомирский кафедральный капитул, положив начало возрождению католичества в Киевском воеводстве; ведению капитула подлежали 7 прелатур и 8 каноникатур. В 1724–1773 гг. в Житомире действовали школа и миссия иезуитов. В 1735–1749 гг. в Житомире был построен каменный кафедральный собор Св. Софии, который в 1751 г. освятил еп. Киевский Каетан Солтык. В 1754 г. в Житомире была основана Киево-Житомирская епархиальная семинария. При вероятной поддержке римо-католиков и с их согласия в Житомире в 1776 г. для борьбы с Православием были учреждены Русская униат. семинария и Русская униат. миссия. Во 2-й пол. XVIII в. на Киевщине возводились новые костелы и католич. мон-ри. В этот период построены мон-ри: Народичский кармелитский (1748), Ходорковский доминиканский (1751), Коднянский августинианский (1757), Чудновский бернардинский (1760), Житомирский бернардинский (1760), Ходорковский капуцинский (1764), Ржищевский тринитарский (1765), Народичский августинианский (1765), Житомирский сестер милосердия (1766), Жорнищенский францисканский (1768), Ушомирский кармелитский (1772), Юровичский доминиканский (1780), Топорищенский кармелитский (1788). К 1793 г. Киево-Житомирская католич. епархия насчитывала по меньшей мере 22 мон-ря и не менее 40 приходских костелов.

В 1793 г. в результате 2-го раздела Речи Посполитой бо́льшая часть Киевщины была присоединена к России. Императрица Екатерина II провела реорганизацию лат. епархий на новоприсоединенных землях. Указом императрицы от 27 сент. 1795 г. Киево-Житомирская епархия была упразднена, учреждены Пинская и Летичевская кафедры. Киево-Житомирский еп. Каспар Цецишевский стал епископом Пинским, поселился в Бердичеве, в Житомире оставался кафедральный капитул. 28 апр. 1798 г. учреждена католич. Луцко-Житомирская епархия, ее возглавил Цецишевский. Декретом нунция Л. Литты от 8 авг. 1798 г. приходы в Киевской губ. были выделены в Киевский архидеканат с подчинением его Могилевскому архиепископу, тем же декретом сохранялись

права Луцкой кафедры на Житомир, где учреждался 2-й кафедральный капитул. Кафедральный капитул сохранился в Житомире до 1917 г. с кафедральными собором и епархиальной семинарией.

В 1799 г. в Киеве на Печерске был построен костел св. Николая, сгоревший в 1817 г. В 1820–1838 гг. в центре Киева сооружен Александровский костел, освященный в 1842 г. Могилёвским еп. И. Головинским. Из католич. чудотворных образов к нач. XIX в. известны иконы Белиловской Богоматери, Зозовской Богоматери, Ставищенской Богоматери. 19 июля 1832 г. был издан имп. указ «Об упразднении некоторых римско-католических монастырей», прежде всего «некомплектных и малобратных», и о передаче в казну их имений и земель. В 1832–1833 гг. в зап. губерниях были упразднены 194 римско-католич. мон-ря, в т. ч. 7 мон-рей в Киевской губ., среди них — Киевский доминиканский мон-рь, который с 1801 г. располагался посреди древней Лядской слободы в центре Киева, между Крещатиком и Старым (Верхним) Киевом, имел костел Благовещения. Кроме Киевского доминиканского в 1832 г. упразднены были также мон-ри Жорнищенский реформатский, Бышевский доминиканский, Лысянский францисканский, Чернобыльский доминиканский, Ржищевский тринитарский, Ходорковский доминиканский, несмотря на то что 4 последних соответствовали всем требованиям, имели школы для прихожан (ЦГИАК. Ф. 707. Оп. 1. Д. 732. Л. 45). После подавления Польского восстания 1830–1831 гг. массово упразднялись католич. часовни при учебных заведениях.

В 1848 г. Киевский архидеанат был передан в Луцко-Житомирскую епархию. К этому времени архидеанат включал 6 деканатов (Киево-Васильковский, Сквирский, Липовецко-Махновский, Радомысльский, Черкасско-Чигиринско-Звенигородский, Богуславско-Уманско-Таращанский), насчитывал 105 храмов и столько же священников. В 1853 г. в Киевской губ. существовало 46 самостоятельных католич. приходов и 3 мон-ря: Брусилевский капуцинский в мест. Брусилев Радомысльского у., Бердичевский кармелитов босых в г. Бердичев и Ходорковский капуцинский в мест. Ходорков Сквирского у. После 3-го поль-

ского восстания мон-ри в Брусилеве и Ходоркове в 60-х гг. XIX в. были упразднены как причастные к поддержке восставших, а Бердичевский мон-рь кармелитов, к-рый в виде исключения остался действующим, закрыли в 1869 г. В Киеве помимо приходских костелов до 1863 г. существовали католич. часовни: при Киевском ун-те св. Владимира, Киевской гимназии, Киевском кадетском корпусе; в 1863 г. их упразднили. Действующей осталась часовня на старом польск. кладбище на Байковой горе. В 1899–1909 гг. в Киеве был построен костел св. Николая.

В 1897 г. в Киевской губ. жило 106,7 тыс. римо-католиков, в т. ч. в Киеве — 19,2 тыс. чел., Бердичевском у. — 28,6 тыс., Радомысльском у. — 14,7 тыс. чел. Римско-католическая Церковь была 3-й по численности конфессией после православных и иудеев. После издания манифеста «Об укреплении основ веротерпимости» количество католиков стало стремительно расти, заметно усилилась католич. пропаганда и влияние католич. Церкви. Уже в 1906 г. упоминаются новые католич. домовые храмы: при приюте св. Стефана в Верхнем Киеве, при Киевской польск. гимназии, при польск. детском приюте К. Ярошевской на Подоле, часовня св. Станислава при католич. госпитале С. Серочинского. В 1913 г. был заложен костел св. Иосифа на горе Юрковица, в 1916 г. — костел в дачном поселке Пуша-Водица, однако их не удалось построить из-за гражданской войны и прихода к власти большевиков. В 1916 г. была обустроена иезуитская часовня св. Игнатия Лойолы на Шулявке, при к-рой существовала Киевская миссия иезуитов. В 1914 г. в Киевской губ. насчитывалось 140 100 римо-католиков, в 1918 г. в Киевской губ. проживало 152 800 римо- и греко-католиков.

В 1926 г. Луцко-Житомирская епархия, несмотря на сопротивление Луцкого еп. Игнатия Дубовского, была разделена на Луцко-Кременецкую и Житомирско-Киевскую, в связи с тем что после окончания советско-польской войны 1920 г. зап. часть бывш. Волынской губ. оказалась в составе Польши, а вост. часть Волынской губ. и Киевская губ. остались в составе Украинской ССР. Каноник житомирского кафедрального капитула и настоятель киевского Александровского костела Теофил

Скальский, выполнявший с 1926 г. обязанности апостольского администратора Житомирско-Киевской епархии, был приговорен в 1928 г. к 10 годам заключения, в 1932 г. освобожден и передан властям Польши в обмен на арестованных польск. коммунистов. В 1929–1935 гг. должность апостольского администратора Житомирской епархии занимал прелат Станислав Яхневич, осужденный в мае 1936 г. вместе с 16 римско-католич. и 2 греко-католическими церковными деятелями в рамках сфабрикованного НКВД «Дела о фашистской контрреволюционной организации римско-католического и униатского духовенства на Правобережье Украины». После этого Житомирско-Киевская епархия фактически прекратила существование.

В период немецко-фашистской оккупации римско-католические костелы Киева вновь открылись. После войны почти все они были упразднены, действующей до 1958 г. оставалась небольшая Крестовоздвиженская часовня в предместье Святошино. В 1958 г. она была закрыта, но католич. Крестовоздвиженская община добилась в 1964 г. предоставления ей молитвенного дома в киевском предместье Петропавловская Борщаговка. С 1989 г. при этом храме размещается Киевский деканат во главе со свящ. Яном Крапаном, который добился возобновления богослужений в Александровском (1991) и Николаевском (1992) костелах. В 1991 г. при Крестовоздвиженском костеле был основан Киевский мон-рь кармелиток, переведенный в 1994 г. в с. Софиевская Борщаговка Киево-Святошинского р-на.

Указом папы Иоанна Павла II от 16 янв. 1991 г. был возобновлен Житомирский диоцез. 4 марта 1991 г. в епископа Житомирского был рукоположен Ян Пурвинский. Указом папы от 25 нояб. 1998 г. диоцезу вернули его историческое название: Киевско-Житомирский. Епископом-ординарием остался Пурвинский. В 2002 г. часть территории диоцеза отошла вновь образованной Харьковско-Запорожской епархии. С 15 июня 2011 г. Киевско-Житомирскую епархию возглавляет архиеп. Петр Мальчук. В 2013 г. насчитывалось в Киеве 8 римско-католич. общин (в т. ч. 3 мон-ря), 21 община в Киевской обл. (в т. ч. 4 мон-ря). Крупнейшими монашескими объединениями

в Киевско-Житомирском диоцезе являются Киевский мон-рь капуцинов с приходом в честь Марии Матери Церкви, Киевский мон-рь доминиканцев Пресв. Девы с часовней св. Гиацинта, Киевский мон-рь паллотинов с приходом во имя Христа Царя Вселенной, Киевский мон-рь кармелитов босых с Кресто-воздвиженским приходом, Бориспольский мон-рь францисканцев, Обуховский мон-рь миссионеров облатов, Бердичевский мон-рь кармелитов босых, мон-рь кармелиток в с. Софиевская Борщаговка Киево-Святошинского р-на.

Лит.: [Okolski S.]. *Illustrissimum et reverendissimum episcoporum Kijoviensium in Russia Austrah Ordo et Numerus. Cracoviae, 1833; Zaleski S. Jezuiti w Polsce. Lwów, 1905. T. 4. Cz. 3. Kolegia i domy, założone w drugiej dobie rządów Zygmunta III i Władysława IV. 1608–1648. S. 1439–1443; [Wolyniak (pseud. Gizycki J. M.)]. *Zniesione kościoły i klasztory rzymsko-katolickie przez rząd rosyjski w wieku XIX w diecezji Luckiej, Żytomierskiej i Kamienieckiej // Nova Polonia Sacra. Kraków, 1928. T. 1. S. 161; Iwanicki K. Kościoły i kaplice w Kijowie. Warsz., [1931]; Długosz T. *Z dziejów biskupstwa Kijowskiego. Lwów, 1932; Рубльова Н. С. Політика радянської влади щодо Римо-католицької Церкви в Україні, 20–30-ті рр. XX ст.: АКД. К., 1999; Воїналович В. А. Доля римо-католицького культу в Україні в умовах політики державного атеїзму (кін. 50-х – 1-а пол. 60-х рр. XX ст.) // Історія України: Маловідомі імена, події, факти: (36. ст.). К., 2002. Вип. 20/21. С. 405–425; он же. Обмежувальні заходи влади щодо римо-католицького духовенства в Україні: Причини, механізм, наслідки (друга пол. 40-х – 50-ті рр. XX ст.) // Наук. вісник Полтавського ун-ту споживчої кооперації України. Сер.: Гуманітарні науки. 2002. № 2(6). С. 64–71; Серяков С. О. Єзуїтське шкільництво на українських землях Речі Посполитої у другій пол. XVII ст.: АКД. Х., 2004.***

В. Г. Пидгайко

Уния на Киевщине. Литовско-белорусская часть Киевской униатской архиепархии в 1596–1700 гг. После Собора 1596 г. униат. Церковь имела неск. епископов во главе с митрополитом и очень небольшое число мирян; по всей видимости, границы митрополичьей области не изменились. Духовенство литовско-белорус. части К. е. сразу же почти полностью приняло унию, поскольку власть митрополита здесь была сильной. Однако местная шляхта и большинство магнатов оставались православными или протестантами. Так, сенаторско-шляхетский съезд в Новогрудке (Новгородке) 25 сент. 1596 г. отправил на Собор в Брест 2 делегатов (войскового Волковысского повета Шимона Цивинского и виленского помещанина Филиппа Лимонта), к-рым было поручено

ничего нового не принимать, т. е. оставаться в Православии. На правосл. Соборе в Бресте были широко представлены делегаты из литовско-белорус. части К. е. (15 приходских и братских священников, протопопов, архимандритов, 14 братьев и делегатов от виленского мещанства и шляхты). Примечательно, что митр. Михаилу Рагозе удалось привезти из К. е. на униат. собор в Брест только 3 архимандритов; позиции униатов на Соборе были усилены присутствием 2 крупнейших чиновников и магнатов Великого княжества Литовского — виленского воеводы Николая Христофора Радзивилла Сиротки и литов. канцлера Льва Сапеги.

Митр. Михаил присоединил к унии большинство виленских храмов (в результате усилий виленского протопопа Иоанна Парфёновича) и отнял у Киево-Печерского мон-ря в пользу униат. митрополичьей кафедры белорус. имения (в нач. XVII в. возвращены обители архим. Елисеем (Плетенецким) с помощью казаков). В Слуцке горожане забросали митрополита-униата камнями. Несмотря на это, Михаил (Рагоза), получивший от короля слуцкой Свято-Троицкий мон-рь, поставил в городе наместника, позднее наместника в Слуцке назначил униат. митр. Ипатий Потей, но со временем униаты были изгнаны из Слуцкого княжества. Ситуация для греко-католиков осложнялась тем, что в 1599 г. в Вильно состоялся съезд православных и протестантов с участием покровителя православных — кн. Константина Константиновича Острожского; была разработана совместная программа борьбы против унии и католицизма. Неск. десятков лет шла «борьба Руси с Русью».

В 1599–1613 гг. униат. Киевским митрополитом являлся бывш. Владимир-Брестский еп. Ипатий Потей, сохранивший за собой управление Владимир-Брестской епархией (это противоречило канонам, запрещение занимать неск. кафедр было подтверждено Брестским Собором в 1591 г.; православные протестовали против этого нарушения на сеймиках и сеймах, жаловались в главный трибунал, но безуспешно). Потеем ценой мн. усилий, в т. ч. насильственных мер, удалось создать адм. структуры униат. Церкви на территории Киевской митрополии и утвердить унию. Митрополит

отстранял от управления приходами правосл. священников, лишал монашества несогласных с унией, проводил латинизацию униат. обрядов. Кандидатов на главные церковные должности стали готовить в Риме. Митр. Ипатий опирался на поддержку королевского двора и местных магнатов, приверженных унии. Унию не принимала правосл. шляхта. По свидетельству униат. митр. Иосифа Рутского, в 20-х гг. XVII в. шляхта в основной части или оставалась православной или переходила в католичество; митрополит сетовал, что на сейме нет послгов от униат. шляхты.

Наиболее успешными действиями Потеем по утверждению унии были в Вильно. Здесь в 1608–1609 гг. имел место конфликт местного духовенства с митрополитом, когда против Потеем выступило не только правосл. Братство Св. Духа, но и перешедшие в унию городские священники. Конфликт перешел и на др. города: Новогрудок, Гродно, Минск, Жировицы и др. Во главе недовольных в Вильно стояли униаты — архим. мон-ря Св. Троицы Самуил (Сенчило) и городской протопоп Варфоломей Шашковский (Зашковский). Поводом для конфликта было назначение в 1608 г. настоятелем Свято-Троицкого мон-ря и наместником митрополита во всей К. е. Иосифа Рутского, недавно закончившего обучение в Риме. Духовенство митрополичьей епархии справедливо опасалось латинизации униатства при Рутском и грозило вернуться в Православие.

Ход конфликта описал Ипатий Потей в полемическом соч. «Relacja y uwazenie postępków niektórych około cerkwi ruskich wileńskich roku 1608 y 1609, Wilnu wszystkim świadomych» (1609). Мятежники были лишены должностей, на их место назначены более послушные униаты. 10 дек. 1608 г. митрополит отлучил от причастия Самуила (Сенчило), Варфоломея Шашковского, священника Воскресенской ц. Леонтия Бобриковича, священника Пятницкой ц. Александра Василевича, священников Покровской ц. Василия Ивановича, Ивана Власовича Росского, диак. Пречистенской ц. Федора Гавриловича. Были арестованы четверо горожан — члены правосл. Братства Св. Духа. В их защиту выступила правосл. шляхта. Дело дошло до сейма в 1609 г., но окончательное решение было вынесено

королевским задворным судом, который встал на сторону униатов. Виленских бурмистров Ивана Тупеку и Исаака Кононовича приговорили к смертной казни, к-рую заменили на лишение должностей и денежный штраф. Потеею удалось подчинить себе мон-рь и Братство Св. Троицы. По позиции правосл. горожан был нанесен удар: с этого времени большинство мест в органах городского самоуправления (в первую очередь в рус. лавице магистрата) занимали униаты.

В результате личного вмешательства кор. Сигизмунда III почти все виленские церкви признали власть униат. митрополита. 25 июля 1609 г. в Вильно неск. десятков духовных лиц из Вильно, Гродно, Минска, Новогрудка, Жировиц и Мозыря поставили свои подписи под декларацией верности унии. Летом 1609 г. виленские храмы передавались греко-католикам с помощью правительственных войск (акция началась с взятия кафедрального Пречистенского собора). 11 авг. того же года на Ипатия Потеея было совершено покушение, он был ранен. 1 июля 1610 г. в Вильно вспыхнул пожар, во время к-рого сгорели практически все рус. церкви; восстановление храмов затянулось, что было использовано униатами для укрепления своих позиций. К концу правления Потеея на территории униат. К. е. оставались большие анклавы Православия, в первую очередь Слуцкое княжество, стойко держались Православия виленский Свято-Духов мон-рь и братство при нем.

При митр. Иосифе Вельямине Рутском (1613–1637) шло дальнейшее развитие структур униат. Церкви. Рутский возобновил практику проведения архиерейских соборов, созывавшихся на периферии (в 1626 состоялся Собор в Кобрине, который начал реформы униат. Церкви в направлении латинизации). Рутский попытался основать семинарию: она открылась в Минске в 1629 г., к 1631 г. прекратила деятельность. Важным событием была беатификация Иосафата Кунцевича в 1643 г.; празднования, в к-рых приняли участие кор. Владислав и королева Цецилия Рената, прошли в Вильно.

Вступив на кафедру, Иосиф Рутский усилил давление на православных в Вильно. Попытки Рутского при поддержке светских властей на рубеже 20-х и 30-х гг. XVII в. заключить

«новую унию» с православными (переговоры с православными, контакты с Петром (Могилой)) оказались безуспешными. Принятие в 1632 г. статей «успокоения русского народа» не разрешило конфликтов между православными и униатами, т. к. положения документа были выполнены лишь частично, значительная часть церковного имущества, предназначенного для православных, осталась в руках униатов. В результате действий правосл. Киевского митр. Петра (Могила) Рутский потерял власть над юж. частью К. е.

При Рутском была проведена коренная реформа греко-католич. монашества. 20–26 июля 1617 г. в Новогрудке собрался первый капитул униат. монашества, что считается офиц. учреждением «ордена св. Василия Великого» (см. *Василиане*). В качестве консультантов на капитуле присутствовали *иезуиты*, принявшие активное участие в учреждении ордена (составленные Рутским «Правила», к-рыми впосл. василяне руководствовались в своей деятельности, в значительной степени повторяли положения устава иезуитского ордена). Было объявлено об объединении всех униат. мон-рей Киевской митрополии в единую структуру василянского ордена, или конгрегации Св. Троицы, принят ряд постановлений, к-рые легли в основу организации и деятельности василян. Вскоре в митрополии насчитывалось ок. 20 василянских мон-рей, в XVII в. их число увеличивалось. Первые василянские общины появились в 1613 г. в Бытском и Жировицком монастырях, в 1617 г. — в Вильно, Новогрудке, Минске и других местах. Успенский мон-рь в Жировицах стал одним из наиболее влиятельных центров униатства. Здесь хранилась *Жировицкая икона Божией Матери*, в нач. XVII в. образ стал почитаться как чудотворный, поклоняться ему приезжали крупные магнаты и польск. короли. В 1636 г. число василянских мон-рей достигло 36, в т. ч. в городах и селениях на территории К. е. Вильно, Троки, Бытень, Гродно, Жировицы, Лавришево, Минск. Одновременно возникли и жен. обители, в числе первых — общины в Вильно и Бытене, в сер. XVII в. василянки появились в Новогрудке, Гродно, Минске, Полоцке, Пинске и др. городах. Василянские мон-ри были небольшими: в них редко жи-

ло более 10 монахов (у православных число насельников мон-рей доходило до неск. сот). Влияние василян усилилось, когда в 1635 г. кор. Владислав IV дал привилей, по которому иерархия униат. Церкви должна была формироваться из членов ордена. Раз в 4 года василяне собирались на съезды (генеральные капитулы, или конгрегации), часть из них проводилась на территории К. е.: в Вильно (1636, 1642, 1650, 1667), в Жировицах (1629, 1658, 1659, 1661, 1675, 1679, 1694), в Бытене (1657, 1698), в Минске (1652, 1683, 1690), в Новогрудке (1617, 1671, 1684, 1686). Генеральные капитулы василян выполняли в этот период роль соборов униат. Церкви. Однако правовое положение ордена (муж. василянские мон-ри, не подчиняясь епархиальному архиерею, состояли в ведении митрополита, позднее папы, жен. обители подчинялись местным униат. епископам) создавало условия для конфликтов между черным и белым духовенством греко-католич. Церкви.

Униат. митрополиты жили в Новогрудке, изредка приезжали в Вильно. Сразу после Брестского Собора 1596 г. митр. Михаил (Рагоза) под угрозой митрополичьего суда подчинил себе виленский клирос, во главе к-рого стоял протопоп Иоанн Парфёнович, и клирос Новогрудка. По-видимому, митрополичий клирос был реорганизован по образцу реформы, проведенной Ипатием Потеем во Владимире в 1598 г., когда местный клирос претерпел латинизацию. В 1608 г. митр. Ипатий заменил должность митрополичьего наместника должностью официала, права которого были больше, чем у клироса (в частности, официал возглавлял духовный суд). Это вызвало протест виленских клирошан требовавших возвращения старой практики. В правление Рутского при официалах появились помощники-суррогаты. Митрополиту в работе с епархиальным духовенством также помогали теолог, экзаменатор, аудитор, делегат — эти должности представлялись исключительно василянам. После пожара 1611 г. и восстановления Пречистенского собора в Вильно местный клирос стал называться по лат. образцу капитулой. Виленский протопоп по-прежнему возглавлял городское духовенство, но его функции сводились теперь к опеке над соборным храмом.

В 1631 г. Рутский подтвердил права и владения новогрудского капитула (имения Лисневичи, Литовка, Печураны, Лавришевичи). Известны члены новогрудского капитула в 1672 г.: протопоп Павел Красневич, священники сулятичский Александр, воскресенский Иван, сенненский Александр Волоскович, негневичский Христофор Клочковский. К кон. XVII в. наблюдается упадок влияния униат. кафедрального духовенства и соборных капитулов, одновременно в церковном управлении усилилась роль василиан.

Материальное положение униат. митрополичьей кафедры оставалось на том же уровне, что и в правосл. период. Оно сначала улучшилось за счет отобранных у Киево-Печерского мон-ря полесских владений, но в 1613 г. имения были возвращены обители (несмотря на это, униат. митрополиты присвоили себе титул «архимандрит киево-печерский»). Униатские митрополиты стремились к увеличению владений кафедры. Рутский, поселив в 1633 г. при Борисоглебском соборе в Новогрудке василиан, передал им принадлежавшие клирошанам «юрисдикции» (районы в городе в собственности частных владельцев), сделал митрополичьими имения местного клироса. Материальное обеспечение униат. Церкви в Литве и Белоруссии ухудшалось в связи с действиями римо-католиков, католич. шляхта часто использовала борьбу униатов с православными для увеличения своих имений за счет православных.

Ситуация в К. е. существенно не изменилась при преемниках Рутского митрополита Рафаиле Корсаке (1637–1640) и Антонии Селяве (1641–1655). В 1655–1665 гг. униат. Киевская кафедра была вакантной. В 1665–1674 гг. ее занимал митр. Гавриил Коленда, в 1674–1693 гг. — Киприан Жоховский, в 1694–1708 гг. — Лев Заленский. В сер. XVII в. Рим вынашивал (очевидно, с подачи польск. епископата) планы подчинения униат. иерархии католической, от этих планов отказались после утверждения митр. Гавриила Коленды.

Из-за непрекращавшихся войн 2-я пол. XVII в. для литовско-белорус. части униат. К. е. стала временем разрушений. В 1655–1661 гг. Вильно был оккупирован рус. войсками, все церкви города вернулись в Православие. Униат. митрополит

уехал из Вильно, василиане покинули Свято-Троицкий мон-рь, останки Иосифа Рутского были вывезены за пределы Литвы. Униат. мон-ри в Бытене, Жировицах, Минске также вернулись в Православие. Однако в масштабе всей униат. митрополии с 60-х гг. XVII в. проследживается значительный рост числа приходов и василианских мон-рей. Во 2-й пол. XVII в. униаты одержали ряд побед над православными, хотя, вероятно, православные численно преобладали. Быстрое распространение унии во 2-й пол. XVII в. было вызвано неск. факторами: поддержкой властей, более благосклонным отношением католиков к униатам, чем к православным, уходом правосл. шляхты из Православия (в первую очередь в католицизм) и др.

В связи с тем что во время национально-освободительной войны доходы униат. митрополичьей кафедры резко сократились, для Гавриила Коленды при поставлении на митрополичью кафедру было сохранено управление Полоцкой архиепископией. В 1668 г. Коленда добился королевского привилея, который позволял ему распоряжаться имениями вдовствовавших епископских кафедр (ранее это было прерогативой епархиального клироса). У православных была отнята недвижимость в Вильно, часть имений монастыря и братства Св. Духа.

В кон. XVII в. митр. Киприан Жоховский (одновременно с митрополичьей кафедрой занимал также Полоцкую) провел нек-рые реформы униат. Церкви. Митрополит стремился унифицировать богослужение униат. Церкви (в 1692 вышло 1-е изд. униат. Служебника). К нововведениям в духе *Тридентского Собора* следует отнести начало визитаций митрополичьими чиновниками К. е. По инициативе Жоховского в 1680–1682 гг. была проведена визитация церковью Минского и Новогрудского соборов (адм. округа митрополичьей епархии). Одной из целей была ревизия приходских документов, поскольку в 1654 г., во время русско-польск. войны, бо́льшая часть архива униат. митрополитов, хранившегося в Полоцке, была уничтожена. (Займованная у католиков практика визитации наталкивалась на сопротивление духовенства, так, летом 1674 не удалась попытка объезда униат. Туровско-Пин-

ским епископом своей епархии: духовенство не пустило епископа в храмы.) В 1680–1682 гг. ревизию церковью Минского собора осуществляли слонимский и поречский протопоп Маркиян Петрович и священник Минского повета Самуил Загоровский (с. Погорелое), выполнявший обязанности писаря и помощника. Храмы Новогрудского собора инспектировал священник церкви в с. Сенно Александр Валасович. Примечательно, что визитация была доверена не василианам, а представителям белого духовенства. В 1680–1682 гг. ревизией были охвачены 212 церквей и 104 часовни в Минском и Новогрудском поветах, отчасти в Ошмянском, Оршанском и Речицком поветах, единичные церкви и часовни в Слонимском повете и в Полоцкой земле. В протоколах ревизий упоминается ок. 1,4 тыс. населенных пунктов. В документах ревизии сообщалось, что значительное количество униат. храмов в результате военных действий было разорено, началось их восстановление. Большинство церквей были деревянными, отмечены 3 каменных храма: в Минске, в местечках Мир и Нов. Свержень. Зафиксировано наличие в униатских церквях утвари великорус. происхождения: облачений, рукописных богослужебных книг, икон и др. В протоколах отмечены случаи возвращения униатов в Православие, особенно многочисленные на восточнобелорус. землях. На территории Минского собора число униатов также уменьшилось, здесь появились правосл. анклав: Кейданы, Рубежовичи, Смолевичи. В протоколах записано, что в 1655 г. три униат. священника перешли в Православие, в т. ч. священник минской Преображенской ц. Ян Балгаровский. Визитация была использована для возвращения верующих в унию.

При Жоховском продолжились конфликты между василианами и главой греко-католич. Церкви, начавшиеся при митр. Гаврииле Коленде, объявившем себя протоархимандритом ордена. Жоховский также объявил себя главой василианского ордена. Василиане подали на него жалобу в Рим, и папа *Иннокентий XI* в 1686 г. повелел собрать в Новогрудке капитул, где были четко сформулированы принципы, определявшие характер взаимоотношений униат. Киевского митрополита и ордена василиан, подчиненного

митрополиту, но обладавшего широкой внутренней автономией. Согласно принятому капитулом документу, возглавлять орден в сане протоархимандрита должен один из монахов-василиан, но не митрополит или иной епископ; назначение униат. епископов должен был совершать король по представлению митрополита, но с согласия протоархимандрита ордена.

26 янв. 1680 г. в Люблине прошел съезд униат. иерархов, в котором приняли участие православные. Целью съезда было объединение православных с униатами, задачу свою он не выполнил, поскольку правосл. сторона не намеревалась присоединиться к униии и прибыла на съезд из повиновения светским властям, поддерживавшим идею «новой униии» (до созыва съезда Антоний (Винницкий) и Гедеон (Святополк-Четвертинский) обратились в Москву с просьбой о защите, затем повторили эту просьбу, встречаясь с рус. послами).

Братское движение в литовско-белорусской части униат. К. е. в XVII в. почти не развивалось. Братства неохотно принимали униию. В кон. XVII в. униат. объединения мирян активизировались с целью защиты униат. Церкви от полонизации и латинизации.

Южная часть униатской К. е. в 1596–1700 гг. В киевской части митрополичьей епархии положение униатов оказалась сложнее, чем на белорусско-литов. землях. В 1596 г. делегаты из Киева присутствовали только на правосл. Соборе, но уже в том же году униаты заняли в Киев-Софийский собор и Выдубицкий мон-рь. Вероятно, наместник митрополита Ян Крушинский (коморник киевский) принял униию. В 1596/1600–1610 гг. проходил 1-й этап распространения униии на Киевщине. В 1597 г. кор. Сигизмунд III распорядился передать Киево-Печерскую архимандритию униат. митрополиту, местные магистрат и духовенство должны были подчиниться власти униатского первоиерарха. Однако к кон. 90-х гг. XVI в. униаты владели в Киеве только Верхним городом с собором Св. Софии, «нагорными церквами» и Софийской слободой. Среди первых греко-католиков в Киеве был «нагорный поп» Филипп, в 1605 г. в униию перешел киевский протопоп Иоанн Мужилковский. После вступления на ка-

федру Ипатия Потеея мероприятия по насаждению униии стали более решительными. 2 окт. 1599 г. король объединил должность печерского архимандрита с саном униат. Киевского митрополита. В течение длительного времени униаты пытались завладеть Киево-Печерской архимандритией. Несмотря на усилия светских властей, Рима и некоторых магнатов, мон-рь остался православным.

Униаты завладели именными рядом церковных учреждений. Им принадлежали владения Выдубицкого монастыря («грунты» в Киеве, села вблизи города), «юридики» Св. Софии и нагорных церквей. Несмотря на то что Елисею (Плетенецкому) при помощи казаков удалось отстоять имения Киево-Печерского монастыря в Великом княжестве Литовском, в 1596–1627 гг. часть владений обители в киевском Полесье стала собственностью униат. Церкви: Теревская, Малинская, Овручская и др. волости. В 2 распоряжениях кор. Сигизмунда III от 1600 г. упоминается соглашение между Елисеем (Плетенецким) и Ипатием Потеем об имениях Киево-Печерского мон-ря. После 1600 г. ряд полесских имений (Осеча, Облетки, Торчин, Стерки, Булгаково, Потиевка, Воробьевичи) упоминается среди владений униат. митрополитов.

В 1610–1618 гг. униия в Киеве неск. укрепила свои позиции, что связано с назначением в 1609 г. нового митрополичьего наместника — Антония Грековича, вступившего во владение Выдубицким мон-рем. Его приезд в Киев и действия встретили сопротивление приходских священников, мещан, шляхты и казаков. Наместника не пускали в Софийский собор, в Выдубицком мон-ре на него было совершено покушение. В 1614 г. в Киев прибыл митр. Иосиф Рутский, он отслужил неск. служб в Софийском соборе. Предположение о том, что Киев посещал Иосафат Кунцевич, не подтверждается.

В 1618–1636 гг. имел место 3-й этап утверждения униатства в Киеве. 23 февр. 1618 г. казаки убили Грековича из-за попыток последнего занять киевский Златоверхий монастырь, пожалованный королем Ипатием Потеею в 1612 г. Второй жертвой стал шляхтич Околинский, который по поручению Рутского пытался собирать налоги с правосл. церквей в пользу униат. митропо-

лита. Ок. 1618–1619 гг. митрополит составил инструкцию о введении униии в Киеве, среди предполагаемых мероприятий было учреждение при Софийском соборе василианского мон-ря со школой. Однако в сент. 1622 г. казаки и правосл. мещане совершили нападение на собор Св. Софии и воспрепятствовали проведению в нем униат. богослужения, был ликвидирован василианский мон-рь при соборе. В 1625 г. убили деятелей униатства: киевского войта Ф. Ходыку и униат. свящ. Ивана Юзефовича. (В кон. 1623 Ходыка «запечатал» ряд правосл. церквей в Киеве и в следующем году передал Юзефовичу Воскресенскую ц. на Подоле.) После этого ситуация в Киеве уже складывалась не в пользу униат-греко-католиков.

Как и православные митрополиты, униат. первоиерархи управляли южной частью епархии с помощью наместников, как правило живших в Выдубицком мон-ре. Кроме Яна (Якова) Крушинского (Хруслинского) (1594–1604), Иоанна Мужилковского (упом. в 1605) и Антония Грековича (1609–1618) есть сведения о Григории Гошкевиче (1608), Станиславе (Вацлаве) Садковском (1618–1626) и Мартине Корсаке (1626–1633).

Митр. Петр (Могила) ликвидировал остатки униии в Киеве. В июле 1633 г. единственными очагами униатов в Киеве оставались Выдубицкий монастырь и Десятинная ц. В соответствии со статьями «успокоения греческой религии» православные вернули себе Выдубицкий монастырь в обмен на гродненскую Коложскую обитель, в 1636 г. у униатов отобрали ц. Николая Десятинного. Свт. Петр многое сделал для возвращения собственности митрополичьего дома.

Униатская К. е. в 1700–1793 гг. XVIII век стал временем подъема униат. Церкви, в первую очередь вслед широкого распространения униии на укр. землях. После Вечного мира Польши с Россией 1682 г. Киев, отошедший России, перестал быть центром воеводства в Речи Посполитой, но Киевское воеводство с центром в Житомире продолжало существовать. В 1679 г. король назначил администратором православной Киевской митрополии на землях Речи Посполитой Львовского еп. Иосифа (Шумлянско-го), тайного униата. Эта должность

давала Шумлянскому возможность подготавливать условия для распространения унии в Киевском воеводстве; полному успеху в этом отношении препятствовали действия казацких полков (прежде всего Семена Палия).

Первые свидетельства о присутствии униатов на Правобережной Украине относятся к нач. XVIII в., со временем юж. часть униат. Киевской митрополии (и митрополичьей епархии) приобретала все большее влияние в униат. Церкви. Ок. 1737 г. в укр. части униат. К. е. был учрежден духовный суд. В 1754–1756 гг. к К. е. присоединились 10 деканатов на территории Брацлавщины, отделенные от Львовской епархии (Браиловский, Брацлавский, Винницкий, Кальницкий, Немировский, Рашковский-Ягорлыцкий, Смелянский, Уманский, Чигиринский, Ямпольский). К 1756 г. в К. е. входило 39 деканатов (вместе с Овручским официалатом), из них в юж. части: Барашовский, Бердичевский, Богуславский, Брагинский, Чудновский, Чигиринский, Дымерский, Фастовский, Каневский, Корсунский, Любарский, Мошенский, Овручский, Паволочский, Брацлавский, Браиловский, Чечельницкий, Грановский, Уманский, Ямпольский, Кальницкий, Комаргородский, Красенский, Немировский, Винницкий. Литовско-белорус. часть К. е. была разделена на 13 деканатов: Несвижский, Гродненский, Лидский, Ошмянский, Слонимский, Волковысский, Криновский, Минский, Долгиновский, Блонский, Бобруйский, Мидзеленский, Логойский. В 1772–1773 гг. территория униатской К. е. составляла 264 200 кв. км (юж. часть — ок. 150 тыс. кв. км), некоторые территории были спорными (Мозырский деканат оспаривался между К. е. и Пинско-Туровской епархией). По сведениям В. Колбука, в 1772 г. в сев. части униат. К. е. насчитывалось 625 приходов, в юж. части — 2091 приход (в 1746 укр. часть архиепархии насчитывала ок. 1200 приходов). По данным С. Набиванца, в 1771–1772 гг. для униат. К. е. были поставлены 38 священников.

До сер. XVIII в. униат. митрополиты жили в литовско-белорус. части К. е. В 1694–1708 гг. митрополичью кафедру занимал Лев Заленский, в 1710–1713 гг. — Юрий Винницкий, в 1713–1728 гг. — Лев Кишка, в 1729–1746 гг. — Афанасий Шептицкий.

Митр. Флориан Гребницкий (1748–1762) перенес резиденцию в Радомысль в Житомирском старостве Киевского воеводства. Причины переноса резиденции не вполне понятны. Возможно, выезд униат. митрополитов был вызван тем, что Радомысль расположен недалеко от Киева; по-видимому, здесь было незначительным влияние тех, с кем униат. митрополиты находились в конфликте: василян и православных. Временем офиц. перехода церквей Житомирского староства в унию можно считать 1726 г., когда митр. Лев собрал в городе местное духовенство и объявил ему постановление Замойского Собора. В 1729 г. во владение Радомыслем вступил номинант и администратор Киевской митрополии еп. Афанасий Шептицкий (в том же году возведенный в сан митрополита). 11 июля 1739 г. было образовано Радомысльское протопресвитерство во главе с наместником свящ. Симеоном Барановским. В 1746 г. в Радомысле была устроена консистория (старейшая книга консисторских актов — «Akta konsistorialia archidiececesis metropolitana Kyioviensis», 1-я запись относится к янв. 1747). 10 мая 1747 г. в Радомысле был созван 1-й епархиальный собор, в посл. соборы стали ежегодными (сохранились сведения о соборах в 1747, 1748, 1749, 1750, 1754, 1756, 1758, 1770, 1773, 1774, 1776, 1777, 1778, 1779, 1781, 1782, 1783, 1784, 1787, 1789, 1790, 1793, 1794 гг.). На соборах 2-й пол. столетия принимались решения, направленные на сохранение униат. Церкви в условиях разложения Польского гос-ва. В 1758 г. были утверждены правила деятельности наместничеств, определены обязанности наместников (в частности, они должны были 4 раза в год созывать собрания приходского духовенства). В 1773 г. на собор в Радомысль съехалось 400 священников, они составили подписи под обещанием «не отступать от унии и подчиняться униатскому митрополиту», поднимался вопрос о визитациях. На собор 1781 г. деканы должны были привезти списки церквей и часовен, а также реестры прихожан каждой церкви.

Главная кафедра униат. митрополитов находилась в виленском соборе, который в XVIII в. был посвящен Успению Богородицы. При митр. Льве Шептицком (1778–1779) храм имел посвящение Святейшему

Спасителю. По мнению С. Набиванца, два посвящения виленского собора — Христу и Богородице — указывают на латинизацию униатства в тот период. В 1-й пол. XVIII в. виленский собор пришел в упадок, он сильно пострадал во время пожара в 1748 г. При кафедре уже не было капитулы, но она не имела статуса прихода. В соборе служили епархиальные священники, к-рым помогали ученики Виленского алумната (духовного учебного заведения). В 1752 г. при соборе состояли 2 священника, содержащиеся за счет имений митрополита, им подчинялись городские церкви свт. Николая и Воскресения. В 1762 г. в храме служили 4 священника, в 1785 г. там упоминается 1 священник-викарий. Вблизи кафедральной церкви находилась митрополичья резиденция, глава униат. Церкви владел неск. домами в городе. Число униатов в Вильно на протяжении XVIII в. уменьшалось, в 80-х гг. в городе проживало ок. 1 тыс. униатов (римо-католиков — 11 тыс. чел.). В XVIII в. 4 церкви в К. е. имели статус митрополичьих вспомогательных кафедр (конкафедр): Борисоглебский собор в Новоградке, Успенский собор в Минске, собор в Гродно (с 1756), после переселения униат. митрополитов в Радомысль местная церковь Св.Троицы стала выполнять функции митрополичьей кафедры и епархиального собора. 18 апр. 1746 г. настоятелем радомысльской ц. был назначен Матвей (Мацей) Кривицкий, в актах 1751–1752 гг. он подписывался как наместник Радомысльского деканата.

Перестройка униат. кафедральных клиросов по лат. образцу началась в XVII в., но процесс укрепления греко-католич. капитул не был поддержан в Риме. На соборе в Радомысле 1781 г. было принято решение о создании соборной капитулы из 12 каноников; в 1783 г., после очередного собора, вновь высказавшегося за образование кафедральных капитул, митр. Иасон Смогоржевский сделал представление королю, к-рый дал согласие. Несмотря на это, апостольская столица не разрешила создавать капитулы в униат. Церкви, чем еще раз подтвердила более низкий статус униатов по сравнению с католиками. К кон. XVIII в. униат. клирос (капитула) как орган епархиального управления окончательно пришел в упадок.

Коренные изменения в униатской Церкви произошли после Замоиского Собора, проведенного в 1720 г. по инициативе василиан, на Соборе среди проч. делегатов присутствовали представители обеих частей К. е. Собор утвердил реформы униатства в духе Тридентского Собора, ориентируясь на обряд и практику католич. Церкви. Был принят ряд решений по упорядочению церковной жизни, в частности утверждена практика регулярных визитаций приходов. Епархии митрополии были разделены на деканаты. На Соборе признали учение о примате папы Римского, о *Filioque*, чистилище и проч., ввели нек-рые лат. обряды в униат. богослужение. После Собора во мн. униат. храмах и василианских мон-рях стали уничтожать иконостасы, устанавливая лат. образца исповедальни и кафедры для чтения проповедей, появлялись органы и совершать нек-рые праздники лат. церковного календаря. Неизбежными были дальнейшая латинизация и полонизация униат. Церкви, ведущую роль в этих процессах играли василиане.

Визитации деканатов стали регулярными с 1754 г. Сохранились документы визитаций 1744, 1779, 1782, 1783–1784 и 1789 гг. Опубликованы протоколы визитаций 4 деканатов в Киевском и Брацлавском воеводствах: Житомирского (1783), Чудновского (1785), Брацлавского (1785) и Прилуцкого (ок. 1790), содержащие описания более 160 униат. приходов. Как свидетельствуют эти материалы, надсмотр за деятельностью приходских священников становился все более пристальным, учитывались разные стороны внебогослужебной приходской деятельности: произнесение поучений, контроль за проявлениями народных верований, катехизаторская деятельность, состав храмовой б-ки и т. д. Вместе с тем усиливалась полонизация (вслед учреждения семинарий и монастырских школ с обучением на польск. языке). Униат. духовенство имело неплохое материальное обеспечение по сравнению с горожанами и мелкой шляхтой (число крупных церковных хозяйств было вдвое выше на западе и в центре литовско-белорус. земель).

XVIII век был временем расцвета униат. монашества во главе с василианами. Продолжали созываться василианские капитулы, в т. ч. на

территории К. е.: в 1709 г. капитул состоялся в Бельске, в 1713 г. — в Вильно, в 1717 и 1719 гг. — в Новоградке. В XVIII в. продолжились конфликты между василианским орденом и главой униат. Церкви (а также между василианами и епархиальными епископами; вследствие усиления влияния василиан униат. епископские кафедры во 2-й пол. XVIII в. практически потеряли свои владения). С нач. XVIII в. ввиду перехода в унию правосл. епархий юго-запада Речи Посполитой общая численность униат. мон-рей возросла. На территории Великого княжества Литовского мон-ри были объединены в Литовскую конгрегацию ордена, на юго-западе они продолжали находиться в подчинении епископов. На Замоиском Соборе было принято решение объединить мон-ри Владимирского, Луцкого, Холмского, Львовского и Перемышльского еп-ств в Русскую (Польскую, Коронную) конгрегацию. Литовские василиане выступили против независимости Русской конгрегации. На проходившем в 1739 г. во Львове общем съезде василиан представители Литовской конгрегации выступили с проектом объединения обеих структур. На капитуле, проходившем в Дубно в 1743 г., было объявлено о разделении василианского ордена на 2 провинции — Литовскую и Польскую (Русскую). Резиденцией протоархимандрита Русской провинции стал Почаевский Успенский мон-рь, протоархимандрита Литовской провинции — виленский Троицкий мон-рь. В 1743 г. Литовская провинция имела 66 мон-рей, из них 29 находилось на территории К. е. Папа Бенедикт XIV в 1744 г. утвердил решения Дубенского капитула о слиянии василианских провинций в единый орден с широкой независимостью в рамках униат. Церкви. Папа освободил василиан от власти греко-католич. митрополита, протоархимандрит ордена был подчинен непосредственно папе; был упразднен ряд мелких обителей. Организационная реформа ордена, усиление его материальной базы и укрепление внутренней дисциплины привели к усилению позиций василиан в Речи Посполитой. Наиболее активной была деятельность ордена в сфере просвещения и книгопечатания. В XVIII в. василиане имели в Речи Посполитой 4 типографии, в т. ч. на террито-

рии К. е. — при виленском монастыре Св. Троицы. После 1-го раздела Польши в 1772 г., на генеральном капитуле в Троках в 1780 г. орден был разделен на 4 провинции: Галицкую в империи Габсбургов, Русскую и Литовскую в Речи Посполитой, Белорусскую в России.

В XVIII в. униаты открывали учебные заведения для подготовки духовенства. Замоиский Собор обязал епископов создавать епархиальные семинарии (алюмнаты). В К. е. такая семинария была открыта в 1743 г. в Свержно (Нов. Свержене) — имении Радзивиллов, ею управляли василиане. По булле папы Бенедикта XIV от 5 апр. 1753 г. униаты получили принадлежавшую иезуитам Виленскую коллегию для воспитания образованных клириков как из черного, так и из белого духовенства. Образцом для виленской школы послужил основанный ранее Львовский алюмнат. После запрета ордена иезуитов в 1773 г. управление Виленским алюмнатом целиком перешло к василианам. До закрытия Виленского алюмната в 1799 г. 20 мест в этом учебном заведении распределялись следующим образом: 4 места были отданы василианам, 16 — учащимся из белого духовенства. Алюмнаты решили проблему подготовки униат. клириков.

Развивались униат. церковные братства, к-рые переходили на лат. организационные модели. Полномочия братчиков ограничивались опекой над братским храмом, организацией взаимопомощи и благотворительной деятельности. К сер. XVIII в. окончательно сложилось самосознание униат. Церкви. Считая себя представителями вост. церковной традиции («греческой религии»), униаты все больше ориентировались на лат. образцы, были лояльны к Речи Посполитой, воспитывали в своей среде «русский» (белорус.) патриотизм, с осторожностью (часто враждебно) относились к Православию.

Во 2-й пол. XVIII в. во главе униат. Церкви стояли Флориан Гребницкий (1748–1762), Филипп (Фелициан) Володкович (1762–1778), Лев Шептицкий (1778–1779), Иасон Смогоржевский (1780–1788), Феодосий Росецкий (1788–1805). Униат. Церковь, в особенности К. е., пострадала во время крупнейшего крестьянско-казацкого восстания 1768 г. (Колиивщины), начавшегося на юге Киевского воеводства и вскоре захватив-

шого Киевщину, Брацлавщину, Подолию, Вольту. В восстании ярко проявилась враждебность населения к греко-католикам. Так, при взятии Умани были перебиты не только поляки и евреи, но и ученики местной василианской коллегии. Одним из центров восстания стал правосл. *Матронинский (Мотронинский) во имя Св. Троицы мон-рь*, настоятель к-рого игум. *Мелхиседек (Значко-Яворский)* являлся наместником на Правобережье правосл. Переяславского еп. *Гервасия (Линцевского)* и способствовал возвращению из унии в Православие общин на Киевщине и Брацлавщине. В 1766 г. игум. Мелхиседек был схвачен униатами и привезен в митрополичий дворец в Радомысле, где его пытками принуждали к переходу в унию; в городе содержались в заключении и др. монахи из укр. правосл. мон-рей. Для подавления восстания на Правобережье в 1768 г. были введены российские войска, их присутствие способствовало возвращению униатских церквей в Православие. Униатский митр. Филипп Володкович в 1768 г. уехал из Радомысля, вернулся в город весной 1773 г.

Несмотря на неблагоприятные внешние обстоятельства, в 70-х гг. XVIII в. униат. митрополия процветала, прежде всего в экономическом отношении. По данным люстрационных инвентарей 1774 г., только в киевском Полесье и на Вольту в имениях униатского митрополита имелось 1740 дворов, жило не менее 15 тыс. крестьян. В 1780 г. в Радомысле и округе митрополиту принадлежало более 30 сел и селений (Радомысль, Мыкгород, Чудин, Великая Рача, М. Рача, Межиречка, Вышевичи, Меделевка, Мигалки, Гута-Вишевичская, Гута-Забелочская, Папирня, Нежиловичи, Заболоть, Берёзцы, Негребовка, Полисовци, Облитки, Бучки, Потиевка, Ст. и Нов. Буда и др.). В инвентарях также указаны пахотные земли, озера, реки, лесные угодья, мельницы, сенокосы, а также живущие в имениях крестьяне и др. тяглые люди. Известен состав имений митрополичьей кафедры в литовско-белорус. землях в сер. XVIII в.: имение Рута-Бабнево (с селами Дольная и Горная Рута, Омневичи, Тупалы, Минущицы, Бабнево, Петрики, Фуравщина (Монастырщина)), имение Печураны (села Печураны, Леонишевичи), имение Прилепы (села Цна, Крышка, Погорель-

цы, Аношки, Усяж, Колодищи, Малаховичи, Рудня, Равбичи, Багута, Глодовка, Ковалёвщина, Рудамейка, Беличаны, Палетка, Черневичи), «юридика» в Минске, имение Быкевичи (села Быкевичи, Митропольщина), имение Шешоли (села Шешоли, Берналойцы, Станцелы, Антыпуны, Юшкели, Гаспадаранцы, Сургулянцы, Подворцы), «юридика» в Новогрудке, имение Мотча (села Мотча, Литовка, Ляжневичи, Карныши), имение Вака (села Ахмяница, Тарляны).

В 80-х гг. XVIII в., при митр. Иасоне Смогоржевском, регулярно созывались соборы К. е., что способствовало укреплению дисциплины среди епархиального духовенства. В Радомысле Смогоржевский открыл епархиальную семинарию, начал возведение кафедрального собора, построил митрополичий дворец. Феодосий Ростоцкий был последним митрополитом, жившим в Радомысле. В сент. 1790 г. он впервые в истории униат. Церкви занял место в польск. сенате. Ростоцкий гораздо активнее, чем его предшественники, занимался делами униат. Церкви и не связывал ее будущее исключительно с Польским гос-вом, защищал вост. обряд от латинизации.

Арх.: НБУВ ИР. Ф. 1. Спр. 2459. Л. 1, 2, 280, 281; ЦГИАК. Ф. 1040. Оп. 1. Спр. 2. Л. 490 об. — 491 об.; Арх. СПбФ ИИ РАН. Ф. 52. Оп. 2. Карт. 9. № 1. Л. 302 об. 355.

Ист.: Справа братства церковного Виленского перед судом трибунальным виленским с иеродиак. Антонием Грековичем, передавшимся в унию осужденным на смерть, 1605 г. // ЧОИДР. 1859. Кн. 3. С. 1–22; Опись актовой книги Киевского центр. архива № 3. К., 1869. С. 22, 26, 364, 377; То же. № 27. К., 1882. С. 13, 42–43; // *Pamięć i. / Relacja u Uwazenie Posterkow niektorych okolo Cerkwi Ruskich Wileńskich. Roku 1608, u 1609* // Памятки полемичного письменства кін. XVI і поч. XVII в. / Вид. К. Студинський. Львів, 1906. Т. 1. С. 230–249. (Памятки українсько-руської мови і літ-ри; 5); Описание док-тов Архива западно-рус. униатских митрополитов / Ред.: С. Г. Рункевич. СПб., 1907. Т. 2. С. 15, 35, 39, 138, 155, 176; *Analecta OSBM. SPECUB. 1957. T. 2. P. 253–295; Epistolae Feliciani Philippi Wolodkowycz metropolitae Kiowiensis catholici (1762–1778) / Ed. A. G. Welykyj. R., 1967. T. 1. P. 14–20, 287–288. (Analecta OSBM. Ser. 2. Sect. 3; 5); Kolbul W. Kościoły wschodnie w Rzeczypospolitej okolo 1772 r.: Struktury administracyjne. Lublin, 1998. S. 81–151; Люта Т. Ю. Документи про юрисдикційний статус та економічне становище Святософіївської митрополичьої катедри і Києво-Печерської архимандрії в перші роки після Берестейської унії // Ковчег: Науковий зб. із церк. історії. Львів, 2000. Ч. 2. С. 313–328; [Довбищенко М. В.] Уніатська Церква на Київщині кін. XVI — 1-ї третини XVII ст.: (Суспільно-реліг. аспект) // Памятки: Археографічний збірник. 2001. Т. 3: Архів Укр. Церкви. Вип. 1: Док-ти до*

історії унії на Волині і Київщині кін. XVI — 1-ї пол. XVII ст. / Упоряд.: М. В. Довбищенко. С. 285–322; Київщина: [Док-ти № 1–120] // Там же. С. 323–387; *Wizytacje generalne parafii unickich w województwie kijowskim i Braclawskim po 1782 r.* / Oprac. i wyd. M. Radwan. Lublin, 2004; *Тимошенко Л. В.* Берестейська унія 1596 р. Дрогобич, 2004. Додатки. С. 177–181, 188; *Провінційний Синод у Замості 1720 р[оку] Б[ожого]: Постанови / Пер. з лат.: свящ. І. Козовик. Івано-Франківськ, 2006; Візити уніяцких цэркваў Мінскага і Наваградскага сабораў 1680–1682 гг.: Зб. дак-таў / Уклад.: Д. В. Лісейчыкаў. Мінск, 2009. Лит.: *Евгеній (Болховитинов), митр.* Описание Киево-Софийского собора и Киевской иерархии. К., 1825. С. 34–35; *Троцкий П., свящ.* Киево-Выдубицкий мон-рь во время занятия его униатами // Вестн. Зап. России. 1866. Кн. 9. Т. 3. Отд. 2. С. 158–178; *Петров Н. И.* Меры к поддержанию унии в пределах нынешней Киевской епархии // Киевские Ев. 1867. № 22. Отд. 2. С. 707–721; *Коялович М. О.* История воссоединения западно-рус. униатов старых времен. СПб., 1873. С. 6, 51, 149, 152; *Лебединцев П., прот.* Мат-ль для истории Киевской митрополии. К., 1873. С. 10; *Likowski E.* Dzieje kościoła unickiego na Litwie i Rusi w XVIII i XIX w. Poznań, 1880. S. 129; *Голубев С. Т.* Мат-ль для истории Западнорус. Церкви // ЧИОНЛ. 1891. Кн. 5. Отд. 3. С. 145–227; *Левитский О. Н.* К истории водворения в Киеве унии // Там же. С. 137–143; *Петрушевич А. С.* Дополнения ко сводной Галицко-Русской летописи с 1700 по 1772 г. Львов, 1896. Ч. 1. С. 235; *Ситкевич А., свящ.* Униатские кафедральные капитулы в XVIII в.: Очерки положения и деятельности белого духовенства в Западнорус. униатской Церкви // ХЧ. 1904. № 9. С. 320–354; № 10. С. 510–534; № 12. С. 819–834; *Титов Ф. И., прот.* Русская Правосл. Церковь в Польско-Литовском гос-ве в XVII–XVIII вв. К., 1905². Т. 1: Зап. Русь в борьбе за веру и народность в XVII–XVIII вв. 1-я пол. т. С. 43–44, 74–80, 105, 192–200, 233–240, 288; *Крижанівський О. П.* Церква у соціально-економ. розвитку Правобережної України. К., 1991. С. 29, 31; *Патрило І.* Нарис історії василіан від 1743 до 1839 р. // Нарис історії Василіанського чину св. Йосафата. Рим, 1992. С. 183–250. (Analecta OSBM. Ser. 2. Sect. 1; 48); *Підручний П.* Василіанський чин від Берестейського зданання (1596) до 1743 р. // Там же. С. 96–159; *Тимошенко Л. В.* З історії уніатської Церкви на Київщині (XVI–XIX ст.). К., 1997. С. 7–40; *он же.* Радомишльський архів уніатських митрополитів // ЗНТШ. 2000. Т. 240. С. 72–85; *он же.* Резиденція Кнівських митрополитів в Радомишлі на Кнівщині: (До історії структури уніатської Церкви у XVIII ст.) // Архів Української Церкви. Сер. 1: Дослідження. Вип. 1: Історія унії на Київщині 1596–1839 рр. / Ред.: М. І. Обушний. К., 2011. С. 203–250; *Nabywaniec St.* Unicka archidiecezja Kijowska w okresie rządów arcybiskupa metropolity Felicjana Filipa Wołodkowicza, 1762–1778. Rzeszów, 1998; *Марозава С. В.* Уніяцка царква ў этнакультурным развіцці Беларусі (1596–1839 гг.). Гродна, 2001. С. 70–143, 165–196, 213–236; *Лось В.* Зміни територіально-адм. організації Греко-Католицької Церкви: (Правобережна Україна наприкінці XVIII — 1-й пол. XIX ст.) // Український іст. зб. К., 2004. Вип. 7. С. 153–166; *Лісейчыкаў Д. В.* Візиты і інвентары уніяцкіх храмаў Беларусі як крыніца па гісторыі штодзённасці (наводле матэрыялаў НГАБ) // Беларускі археаграфічны штогоднік. Мінск, 2005. Вип. 6. С. 94–101;*

он же. Штодзённае жыцце уніяцкага парафіяльнага святарства беларуска-літоўскіх земляў (1720–1839 гг.): АКД. Мінск, 2009. С. 13–17; *Кемра Т.* Recepja unii brzeskiej na obszarze Wielkiego Księstwa Litewskiego i ziem ruskich Korony do połowy XVII w. // Rocznik Instytutu Europy Środkowo-Wschodniej. 2005. Rok 3. S. 141–183; *idem.* Wydarzenia wileńskie z lat 1608–1609 – konflikt duchowieństwa obrządku greckiego z metropolitą kijowskim Hipacyt Pocijem // Przegląd wschodni. Warsz., 2009. T. 11. Zesz. 3(43). S. 457–488; Wilnianie: Żywoty siedemnasutowieczne / Ed. D. A. Frick. Warsz., 2007. S. XVII–XXX; *Герасимова И. В.* Вильна под властью русского царя (1655–1661): судьба города и горожан: АКД. СПб., 2012.

Л. В. Тимошенко

Киевская униатская митрополия и униатские приходы Киевщины в 1793–2013 гг. В нач. 1793 г. совершился 2-й раздел Польши, по к-рому Российской империи отошли Минское воеводство, часть Брестско-Литовского воеводства с пинским Полесьем, Киевское воеводство с центром в Житомире, северо-вост. Волинь (Новоград-Волинский стал центром Волинского наместничества), юго-вост. Волинь (г. Заслав стал центром Подольского наместничества), вост. Подолия (Брацлавское воеводство) и частично Каменецкий повет (Каменец-Подольский с рядом сел и местечек вокруг него). Положение православных на этих землях существенно улучшилось, позиции униат. Церкви ослабли. 14–21 мая 1794 г. в Радомысле под рук. митр. Феодосия Ростоцкого прошел собор, на к-ром обсуждались новые условия существования униат. Церкви. Не позднее осени 1794 г., вероятно, из-за массового перехода униат. храмов Киевщины в Православие Ростоцкий уехал из Радомысла и поселился в Вильно. Вильно был центром Виленского официалата с митрополичьей консисторией во главе с митрополичьим наместником (в 1795–1798 наместником являлся Иоанн Гачевский, настоятель кафедрального Успенского собора). Кроме Вильно Ростоцкий служил в Минске и Новогрудке, где также имелись митрополичьи кафедральные соборы.

На белорусско-литов. землях уния был гораздо глубже укоренена, чем на Киевщине и Брацлавщине. Это особенно видно по состоянию монашеской жизни. К 1793 г. униат. Церковь имела не менее 44 обителей в Новогрудском, Минском, Виленском и Трокском (в 1793–1795 Гродненском) воеводствах. В Виленском воеводстве действовали униат.

мон-ри: виленский Троицкий, Трокский, Поставский, Глушновский, Березвечский, Сутковский, Борунский, Касутский, Красноборский, Брацлавский, Крожский, Тельяновский или Козачизненский; на Гродненщине (бывш. Брестское воеводство): гродненский Богородичный, Коложский, Дрогичинский, Супрасльский, в мест. Игумен (ныне Червень Минской обл.), Ятвеский, Рожанский, Кузницкий; в Новогрудском воеводстве: Новоградский, Лавришевский, Жировицкий, Бытенский, Фуновицкий, Даревский, Вольненский, Мирский, Циперский, Лысковский, Новодворский; в Минском воеводстве: минский Свято-Духов, Полонковский, Суховицкий, Логойский, Ляданский, Казимировский, Новосверженский, Раковский, Рогачёвский, Брагинский, Селецкий, Любавичский, Толочинский. Всего 7 униат. мон-рей действовали в Киевском воеводстве (Любарский, Овручский, Тригорский, Белиловский, Каневский, Маньковский, Лысянский), 3 — в Брацлавском воеводстве (Уманский, Грановский, Шаргородский) и 3 мон-ря имелось в Подольском воеводстве (Барский, Малиевецкий, Каменец-Подольский). В 1772 г. к К. е. присоединились 3 мон-ря в Полоцком воеводстве, до 1-го раздела Польши входившие в Полоцкую епархию, оставшиеся в Речи Посполитой после включения большей части Полоцкого воеводства в состав России: Добригорский, Ушачский и Белоцерковский-Черейский. Единичные мон-ри василян в составе Киевской митрополии действовали к 1793 г. в прибалтийских владениях Речи Посполитой: в Жмудском старостве (Подубисский мон-рь) и в Курляндском герцогстве (Якобштадтский и Илукстский мон-ри).

По 3-му разделу Польши (1795) последние центры униат. Киевско-Виленской митрополичьей епархии — Вильно и Новогрудок присоединились к Российской империи. На территории России оказались почти все приходы униат. Киевской митрополии, кроме 31 прихода К. е. и 37 приходов Брестской епархии на землях, отошедших Пруссии, в 1796 г. из них была образована Супрасльская епархия. В 1795 г. Феодосий Ростоцкий был отстранен от управления униат. Церковью из-за отказа принять присягу на верность имп. *Екатерине II Алексеевне*. Указом императрицы от 6 сент. 1795 г. была ли-

квидирована К. е. и все др. униат. кафедры, кроме Полоцкой, Полоцкий архиеп. Ираклий Лисовский фактически стал главой униат. Церкви в России. С 1795 г. Ростоцкий жил под надзором в С.-Петербурге, являлся митрополитом на покое, в отдельных случаях выступал с заявлениями и распоряжениями по указаниям российских властей. Так, по их требованию 7 янв. 1796 г. он издал указ об учреждении Супрасльской епархии, что было утверждено 25 окт. 1797 г. властями Пруссии.

В 1794–1796 гг. подавляющее большинство униат. приходов на Киевщине и Брацлавщине перешло в Православие. В 1795 г. была закрыта Радомысльская семинария, в июле следующего года — Житомирская семинария. В 1795 г. была упразднена Минская семинария при минском василянском мон-ре, закрыты богословская школа в Полоцке, Жировицкая и Борунская философские школы с 300 учениками, Якобштадтская риторическая школа в Курляндии с 200 учениками. Продолжали работать Новосверженская семинария при мон-ре василян в мест. Нов. Свержень Минского у. и Лавришевская семинария в Брестской епархии, в них было небольшое число студентов: в 1795 г. в Новосверженской семинарии обучалось 6 чел. До 1795 г. Новосверженская семинария входила в К. е., в 1798 г. перешла под управление Брестского епископа, в 1810–1828 гг. вновь вошла в митрополичью епархию (Литовско-Виленскую). В 1795 г. на Киевщине закрылся Белиловский монастырь, на Подоле были упразднены Малиевецкий и Грановский василянские мон-ри.

Единственным центром униатства в 1796 г. оставался Радомысльский у., где греко-католики находились под покровительством польск. помещиков; 19 униат. приходами в Радомысльском у. управлял митрополичий визитатор Гавриил Сенькович. Однако и там к 1803 г. большинство церквей присоединились к Православию, митрополичий собор Св. Троицы в Радомысле стал правосл. приходским храмом уже в 1795 г. Долгое время оставались в унии жители 6 сел, ранее принадлежавших униатской митрополичьей кафедре: Борщов, Горбулев, Модылев, Мелени, Чоповичи и Шкураты. Богатые имения униатской митрополичьей кафедры на Киевщине были пере-

даны российскими властями помещикам, преимущественно военным. 28 июня 1796 г. ген. Злотницкому был подарен фольварок униатских митрополитов, включавший селения Мыкгород, Чудин, Межиречка, Красноборка, Берёзцы, Белка, Крымская Рудня и Вел. и М. Рача; он же получил каменный митрополичий дворец в Радомысле. Недостроенное здание митрополичьего собора, заложенное в 80-х гг. XVIII в., впоследствии было разобрано. В 1803 г. был изъят старый деревянный митрополичий дом на территории Радомысльского замка, в нем разместились городской магистрат, дума и суд. В 1804 г. униатам удалось обустроить часовню в полуразрушенной каменной резиденции митрополитов в Радомысле, храм просуществовал до 1840 г., впоследствии был православной часовней. Помимо Радомысла центрами униат. деканатов на рубеже XVIII и XIX вв. являлись Сквиря, Умань, Корсунь, Овруч, Липовец (ныне в Винницкой обл.) и Махновка (ныне с. Комсомольское Винницкой обл.). Правосл. Киевский и Галицкий митр. *Иерофей (Малицкий)* в указе от 7 авг. 1798 г. Киевской духовной дикастерии писал о низком образовательном уровне бывш. униат. священников на Киевщине, перешедших в Православие, о наличии ряда униатских пережитков в убранстве храмов и в богослужении (боковые алтари, особая форма главного престола и др.). 6 сент. митрополит издал указ об открытии школ по переподготовке греко-католич. священников.

В кон. 1796 — нач. 1797 г., вскоре после восшествия на престол имп. *Павла I Петровича*, на Правобережной Украине и в Минской губ. получила широкое распространение «благодарственная речь», будто бы произнесенная перед императором митрополитом Ростоцким в ответ на обещание имп. Павла возобновить униат. митрополию. Документ стал причиной беспорядков на укр. землях. Об активном распространении в Уманском у. в нач. 1797 г. униат. и римо-католич. клириками «речи Ростоцкого» сообщается в рапорте правосл. Уманского духовного правления (ЦГИАК. Ф. 127. Оп. 589. Д. 6. Л. 4). 17 марта 1797 г. император повелел Ростоцкому составить опровержение. Оно было написано 30 марта 1797 г., содержало опровержение слухов о возобновлении уни-

атской митрополии и призыв к повинности властям.

28 апр. 1798 г. имп. Павел I восстановил ранее упраздненные униат. епархии: Луцкую с центром в Почаеве (объединила приходы в Волынской, Киевской и Подольской губерниях) и Брестскую с центром в Жировицах (объединила приходы Литовской и Минской губерний). Ростоцкий был окончательно отстранен от управления униат. Церковью, первоиерархом униатов в Российской империи стал Полоцкий архиеп. *Иракий Лисовский*. Тогда же Брестскому униатскому еп. *Иосафату Булгаку* была передана виленская кафедра с собором, митрополичьим домом и имениями, а также Виленский папский алюминат. В 1799 г. по инициативе Булгака, но с согласия паского нунция алюминат был закрыт, его здания позднее были проданы униатами для уплаты долгов, униат. Церковь лишилась единственного учебного заведения для белого духовенства.

Митр. *Феодосий Ростоцкий* скончался 13 янв. 1805 г. в С.-Петербурге. В том же году имп. *Александр I Павлович* учредил униат. департамент в римско-католич. коллегии и назначил его начальником архиеп. *И. Лисовского*. Имп. указом от 24 июля 1806 г. в униат. Церкви было восстановлено митрополичье управление, *Лисовский* получил титул «Митрополит Киевский, Галицкий и всея Руси» (утверждения отдельных историков о том, что он титуловался только как «митрополит всех униатских церквей в Российской империи», не соответствует действительности). Титул *Лисовского* не был признан папой Пием VII, который в 1807 г. основал униат. Галицкую митрополию с центром во Львове как преемницу «Русской митрополии».

В нач. XIX в. центр униатства вновь находился в литовско-белорус. части униатской митрополии. В это время в митрополичьей епархии действовало ок. 300 приходов, их подавляющее большинство располагалось на литовско-белорусских землях. К 1803 г. в Киевской губ. насчитывалось ок. 10 легально действующих униатских храмов (не считая часовен (каплиц), которые польские помещики открывали у себя в имениях), в Овручском у. Волынской губ., входившем до 1793 г. в Киевское воеводство, имелось 17 греко-католич. приходов.

Кафедра митр. *И. Лисовского* располагалась в Полоцке, митрополичьи резиденции находились в с. Струнье под Полоцком и в Онуфриевском муж. мон-ре в с. Онуфриево (Онуфрево) Могилёвской губ. (ныне Селец Могилёвской обл., Белоруссия). Однако даже в Полоцке положение митрополита было неустойчивым. Соборы города — Софийский и Борисоглебский — принадлежали василианам, с 10 янв. 1793 г. Софийский храм являлся центром Белорусской провинции ордена, при нем действовал кафедральный мон-рь василиан. *Лисовский* жил неск. лет при Онуфриевской архимандритии, там же находилась не только епархиальная, но и митрополичья консистория. Полоцкий Софийский мон-рь стал епархиальным в 1806 г., после неск. судов, прошедших по искам Полоцкой епархии против василиан. 16 дек. 1806 г. был издан имп. указ о передаче полоцкого Софийского мон-ря с его имениями на содержание епархиальной семинарии, соборного клира и консистории. В янв. 1807 г. при обители открылась Полоцкая ДС, преобразованная впоследствии в академию, тогда же в мон-рь переехала митрополичья консистория. После Тильзитского мира 1807 г., когда к России присоединилась Белостокская обл., в ведение *Лисовского* перешла вскоре упраздненная Супрасльская епархия, включавшая 59 приходов, а также василианские Супрасльский, Дрогичинский и Кузницкий мон-ри.

В 1806 г. Вильно не стал местопребыванием униат. митрополитов из-за ветхости местных владений униат. кафедры: богослужение в Успенском соборе не совершалось с 1805 г., нуждавшаяся в капитальном ремонте и митрополичья резиденция. В 1808 г. Успенский собор был продан Брестским еп. *Иосафатом Булгаком* Виленскому ун-ту под анатомический театр. На рубеже XVIII и XIX вв. в Вильно действовали 10 униат. церквей, из к-рых наиболее вместительной была Никольская. Униатским оставался митрополичий Борисоглебский собор в Новогрудке. Троицкий собор в Радомысле был занят православными.

Живя в Полоцке, *Лисовский* предполагал сделать Вильно центром епархии и митрополии. Такой план разработал *Иоанн Дамаскин Ястржембец-Красовский*, назначенный

14 февр. 1808 г. суффраганом Полоцкой епархии (хиротонисан во епископа 1 янв. 1811). В соответствии с имп. указом от 14 февр. 1809 г. Вильно стал центром униат. митрополии (и митрополичьей епархии). В мае того же года Брестский еп. И. Булгак, в ведении которого находились приходы Вильно и окрестностей, получил выговор за продажу Успенского собора и др. зданий митрополичьей кафедры в Вильно, у него были отняты бывш. митрополичья кафедра в Новогрудке с именьями, к-рую присоединили к митрополичьей епархии (консистерия Брестской епархии, размещавшаяся в Новогрудке, в 1810 была переведена в Жировицкий мон-рь). 30 сент. 1809 г. униат. коллегия закончила дело о создании Литовской митрополии, постановление коллегии 3 февр. 1810 г. утвердил сенат. Несмотря на то что глава униат. Церкви имел титул «митрополит Киевский и всея Руси», митрополию в документах обычно называли Виленско-Литовской, митрополиты имели также титул «архиепископы Виленско-Литовские» (до 1795 униат. митрополия неофициально именовалась как «митрополичья архидиoceseя Короны Польской и Литвы»). На ее содержание были назначены капиталы (фундуши) Виленской и Новогрудской митрополичьих кафедр.

Лисовский скончался 30 авг. 1809 г. Перед смертью он объявил своим преемником Луцкого еп. Григория Кохановича, в посл. утвержденном властями. Архиепископом Полоцким, по желанию Лисовского, стал Иоанн Дамаскин Ястржембец-Красовский, получивший епископский сан без предварительного принятия монашества, что вызвало недовольство со стороны василиан. Согласно заветанию Лисовского, в янв. 1811 г. были хиротонисаны двое суффраганов (викариев) митрополичьей епархии: епископом Оршанским стал василианин Адриан Головня, епископом Супрасльским — василианин Лев Яворский. При Кохановиче вместо Виленского официалата была образована Виленская консистория. В 1808 г. была открыта Главная латинско-униат. семинария при Виленском ун-те (в 1828 униат. классы в семинарии были упразднены в связи с открытием семинарии в Жировицах), получены дополнительные средства на содержание Новосверженской семинарии.

Митр. Григорий Коханович, сохранивший за собой Луцкую кафедру, не жил в Вильно. Его основной резиденцией был Почаевский монастырь, также он жил в Жидичинском монастыре близ Луцка, имел титул «епископ Луцкий и экзарх Киевской митрополии, митрополит всея Руси», под его непосредственным управлением в составе Луцкой епархии находилась также Киевщина. Он также титуловался как «опат (аббат) онуфревский», будучи настоятелем василианского Онуфриевского мон-ря в с. Онуфриево. Возможно, Г. Коханович не взял титул «митрополит Киевский», т. к. это могло вызвать протесты православных.

В нач. XIX в. в литовско-белорус. губерниях имели место массовый переход униатов в лат. обряд и преобразование греко-католич. церквей в костелы (в 1802–1803 этот процесс подогревался слухами о скором упразднении униат. Церкви). Несмотря на то что 25 окт. 1807 г. сенат назначил наказание для инициаторов совращения в латинство в Могилёвской губ., подобные нарушения продолжались. Латинизации униатов способствовали василианский орден и постриженник ордена митр. Г. Коханович, к-рый 18 окт. 1811 г. просил разрешить прием в василианские мон-ри римо-католиков. Наиболее масштабным процессом окатоличивания был в митрополичьей епархии, где епископ-суффраган А. Головня всемерно его поддерживал. В связи со смертью митр. Г. Кохановича († 25 марта 1814) Литовско-Виленская униат. консистория сообщила в униат. коллегиям в С.-Петербургу, что в митрополичьей епархии 21 380 униатов приняли лат. обряд, при этом Головня отказался этому противодействовать.

Возможность для сопротивления латинизации униатов появилась после образования 25 июля 1810 г. Главного управления духовных дел иностранных исповеданий. В 1810 г. по требованию российских властей римо-католич. Могилёвский архиеп. С. Богущ-Сестренцевич издал указ о запрете перехода униат. священников и прихожан в лат. обряд. После этого униат. Церковь начала восстанавливать свои позиции, преимущественно на Киевщине. В 10-х гг. XIX в. росло число иерейских хиротоний, священнослужителей назначали даже в те уезды, где почти не было приходов. Так, для Махновско-

го у., где офиц. статистика фиксировала 1 приход, были рукоположены 11 священников, 3 священника рукоположены в Уманский у., где вообще не было приходов. Это делалось, с одной стороны, с целью прозелитизма среди православных, с другой — ради недопущения перехода униатов в лат. обряд.

31 окт. 1814 г. временно управляющим Виленско-Литовской митрополичьей епархией был назначен Полоцкий архиеп. Иоанн Дамаскин Ястржембец-Красовский, в таком статусе он служил до 1817 г. Временным администратором Луцкой епархии стал Брестский еп. Иосафат Булгак, выходец из ордена василиан, суффраганом Луцкой епархии с правом последующего управления кафедрой был назначен ставленник Красовского Иаков Мартусевич. Впервые во главе униат. Церкви встал выходец из белого духовенства, что стало причиной острого противостояния в 1814–1817 гг. между белым униат. духовенством во главе с Красовским и василианами под рук. Брестского еп. И. Булгака. Василлиане требовали от Красовского принять монашество и вступить в их орден. Красовский оставался непреклонен. С 1815 г. он вел борьбу с латинизацией униатов на белорусско-литов. землях, проводившейся при деятельном участии василиан. 12 апр. 1815 г. официал Виленской консистории Илья Мокрицкий сообщил Красовскому, что римо-католики ведут открытую пропаганду в пользу лат. обряда, католики силой отнимают у униатов церкви и фондуши, греко-католики массово переходят в латинство, униат. духовенство терпит притеснения от польск. помещиков. В нач. мая 1815 г. Красовский потребовал отчета по этому вопросу от Оршанского еп. А. Головни, предписав тому усилить борьбу с латинизацией. Головня не подчинился, 14 мая 1815 г. Красовский в письме Мокрицкому констатировал, что «до времени» он не может остановить переход униатов в латинство ввиду «чрезвычайного хладнокровия к этому делу епископа-суффрагана Головни». Не имела результата попытка Мокрицкого расследовать в 1814–1815 гг. расхищение василианами фондуша, назначенного на содержание Новосверженской семинарии, из-за чего последняя пришла в упадок. Успешно решено дело о незаконной сда-

че в аренду еп. А. Головней в 1810 г. мон-ря василиан в Браславе. Аренда была аннулирована по инициативе Красовского в нач. 1817 г., мон-рь снова стал епархиальным.

Красовский стремился преодолеть гегемонию василиан в униат. Церкви путем усиления значения белого духовенства. В этом его поддерживал еп. Иаков Мартусевич, советовавший митрополиту перенять опыт Галицкой униат. митрополии и создать капитулу из белого духовенства, как это было сделано во Львове. Красовский был согласен с этой мыслью и указывал на пример Галицких и Карпаторусских епископов, многие из к-рых не принимали монашество и, принадлежа к белому духовенству, имели право управлять архимандритиями. Однако Красовский не имел достаточно власти, не пользовался широкой поддержкой духовенства и мирян и не мог осуществить реформу управления униат. Церковью. Фактически главой Виленско-Литовской епархии в те годы являлся лит. провинциал ордена василиан и архимандрит Лещинского мон-ря Цезарий Каменский, живший в основном в Вильно. Впрочем, Красовскому удалось добиться возвращения части имений митрополичьей епархии, он получил в мае 1815 г. от униат. свящ. Иакова Кохановича, племянника митр. Г. Кохановича, митрополичью резиденцию при Онуфрейевском монастыре близ Мстислава.

Широкую огласку приобрел конфликт между униатами и римо-католиками в связи с униат. церковью в с. Белом Оршанского у. Храм был построен в 1807–1809 гг. как греко-католический шляхтичами-униатами Друговичами, в 1809 г. был освящен доминиканцем, в 1809–1812 гг. являлся униатской приходской церковью. После уничтожения в ходе боев в 1812 г. ближайшего костела католики заявили претензии на Бельскую часовню, основываясь на том, что она была освящена по лат. обряду, в 1813 г. храм был опечатан. (Настоятелем храма в с. Белом был ближайший соратник Красовского, ректор Полоцкой академии при Софийском соборе Николай Будзько, боровшийся против латинизации. Примеры захвата на белорус. землях новопостроенных униат. храмов католиками при содействии местной шляхты были многочисленными, часто предлогом служило ос-

вящение храма римо-католическим священником.) Красовский предложил компромиссный вариант выхода из конфликта: разрешить униатским священникам служить в церкви в с. Белом на одном престоле с римо-католиками. Однако обер-прокурор Синода и главноуправляющий иностранными исповеданиями кн. А. Н. Голицын отказал митрополиту, указав на невозможность единства престола у римо-католиков и униатов. В свою очередь Могилёвская римо-католич. консистория 21 июля 1815 г. выпустила заявление с обвинениями Красовского в том, что он ходатайствовал перед властями о разрешении униатам принимать латинство и совершать богослужения совместно с римо-католиками; в этом же заявлении консистория категорически запрещала лат. духовенству служить на одном престоле с униатами. Как отмечал Красовский, из-за этого заявления некоторые прихожане и даже клирики сделали вывод, что униат. Церковь больше не находится в единении с Зап. Церковью. 30 июля 1815 г. Красовский направил кн. Голицыну записку, в к-рой утверждал, что униат. митр. И. Лисовский часто совершал богослужения в костелах, равно как и католич. Могилёвский митр. С. Богуш-Сестренцевич, когда жил в Могилёве, регулярно участвовал в униат. литургиях. По мнению Красовского, разрешении униатам и римо-католикам служить на одном престоле предотвратило бы массовую латинизацию униатства. Впосл. католич. Могилёвская консистория в отдельных случаях давала разрешение на служение униат. священников в костелах, Полоцкая униат. консистория также позволяла совершать лат. богослужение в униат. церквях.

В 1817 г. в униат. Церкви победила партия василиан и латинизаторов. 27 янв. 1817 г. последовал указ о назначении униат. митрополитом Брестского еп. Иосафата Булгака. Новый глава греко-католиков имел титул «митрополит Киевский и всея Руси, епископ Брестский и опат онуфрейский», главным кафедральным городом униат. Церкви являлся Вильно. В 1818 г. И. Булгак был утвержден папой в сане митрополита униат. Церкви в России, его предшественники на кафедре — Ираклий Лисовский и Григорий Коханович — не получили папского назначения. Одновременно Булгак был утверж-

ден в правах архиепископа Виленского (в 1828 резиденцией вместо Вильно стал Жировицкий мон-рь). Митр. И. Булгак в 1817–1819 гг. жил в С.-Петербурге, 12 дек. 1820 г. получил для Виленской епархии дом на Васильевском о-ве в С.-Петербурге, принадлежавший ранее Полоцкой епархии; позднее офиц. резиденцией стало здание греко-униат. духовной коллегии на Васильевском о-ве. Вернувшись в Литву, митрополит в 1819–1820 гг. жил при василианском Троицком мон-ре в Вильно. В городе в эти годы действовали 2 униат. храма: монастырская Троицкая ц. и приходская Никольская ц., выполнявшая функции митрополичьего собора. Виленская консистория жаловалась, что виленский василианский мон-рь присвоил себе фондуши 10 упраздненных униат. церквей в Вильно. На Киевщине на рубеже 10-х и 20-х гг. XIX в. существовали Киевская проофициалия, Радомыльский протопресвитериат, Махновский, Уманский и Сквирский деканаты (ГА Волинской обл. Ф. 382. Оп. 2. Д. 295. Л. 1–2). Недолгое время действовали Барашевский и Ксаверовский деканаты, в 1823 г. их присоединили соответственно к Овручскому и Выговскому деканатам.

Латинизация униатов, особенно в Литве, продолжалась. В частности, сильной латинизации и полонизации подверглись мон-ри василиан, в связи с тем что они массово принимали монахов лат. обряда. Притязания василиан на высшую церковную власть и неподчинение митрополиту особенно ярко проявились после 1825 г., когда новым лит. провинциалом ордена стал Иосафат Жарский. В нояб. 1826 г. Литовско-Виленская митрополичья консистория жаловалась в католич. коллегию в С.-Петербург, что в мон-ри василиан поступают латиняне, при этом не соблюдают установленные сенатом условия их приема. В 1827 г. коллегия сделала замечание василианам, но те настаивали на сохранении существующей практики. Проведенное под рук. митр. И. Булгака в Жировицком монастыре в дек. 1825 — янв. 1826 г. совещание духовенства не только не привело к согласию между белыми клириками и монашествующими, но породило еще большую смуту.

Указом имп. Николая I в 1828 г. была образована греко-униат. духовная коллегия, отдельная от римско-католич. коллегии. Вместо 4 униат.

архиепископств, с 1809 г. существовавших на территории Российской империи (Виленское, Полоцкое, Луцкое и Брестское), были созданы 2 кафедры: Виленско-Литовское архиепископство (с кафедрой в Жировицах) и Белорусское архиепископство (с кафедрой в Полоцке). Иосафат Булгак в 1828 г. возглавил Литовское архиепископство, оставаясь первоиерархом униат. Церкви с титулом «митрополит Киевский». Крупнейшие на Киевщине ареалы распространения унии: Житомирский и Овручский уезды Волынской губ., Радомысльский, Сквирский, Махновский, Таращанский и Уманский уезды Киевской губ. вошли в Белорусское (Полоцкое) архиепископство. В 1828 г. в Жировицах открылась Литовская митрополичья семинария. В 1833 г., после кончины архиеп. Иакова Маргусевича, министр внутренних дел гр. Д. Н. Блудов предложил перевести на Полоцкое архиепископство Иосифа (Семашко), коадьютора этой кафедры. Однако тот отказался в пользу Булгака. Императорским указом от 17 апр. 1833 г. Булгак был назначен греко-католическим архиепископом Полоцким.

В пределах исторической Киевщины в 1829–1830 гг. были известны 16 униатских приходов в Киевской губ. и 25 приходов в Овручском и Житомирском уездах Волынской губ. (недатированный список, относящийся ориентировочно к данному периоду, опубликован в «Архиве униатских митрополитов»). В Киевской губ. существовали Киевский деканат во главе с безместным священником Дамианом Лашевским (не имел ни одного прихода, объединял безместных иереев, совершавших богослужения в римско-католических костелах), Липовецко-Таращанский деканат во главе с безместным священником Феодосием Кудрицким (также не имел ни одного прихода и объединял безместных священников), деканаты Радомысльский (6 приходов), Сквирский (4 прихода), Корсунский (4 прихода), Махновский (1 приход), Уманский (1 приход). В 1829 г. в Киевской губ. насчитывалось ок. 2190 униатов, окормлявшихся при римско-католических приходах. Иногда, несмотря на установленный властями 4 июля 1803 г. запрет, совершались совместные службы униатских и римско-католических священников. Однако далеко не везде между униатами и римско-католиками существовало

взаимопонимание. Показательными стали конфликты в с. Чернорудка Махновского у., в с. Марьяновка Васильевского у., в мест. Медведовка Чигиринского у., где часовни, используемые римско-католиками и униатами, с 1834 г. являлись предметом судебных разбирательств. Именно в этот период вновь разгорелся начавшийся в 1815 г. спор о возможности служения униатов и римско-католиков на одном престоле, имевший не столько богословскую, сколько церковно-политическую подоплеку. В 1835 г. администратор Могилёвского католического диоцеза еп. В. Камионка сделал запрос в католический коллегийный совет относительно законности совершения униатскими священниками богослужений в римско-католических храмах и получил утвердительный ответ.

В 1831 г. в Киевской губ. насчитывалось 22 униатских храма, приходов было значительно меньше: очевидно, в указанное число вошли и спорные с римско-католиками часовни. В 30-х гг. XIX в. в рамках инициированных еп. Иосифом (Семашко) реформ с целью делатинизации униатства шло переустройство униатских храмов: из них устранялись боковые «алтарчики», амвоны, монстрации, разбирались органы, сооружались иконостасы. К 16 марта 1839 г. в Киевской губ. проживало 9319 униатов, действовали 34 униатские церкви и часовни, в основном в Радомысльском у. — 6 храмов, Уманском у. — 7, Сквирском у. — 5, Махновском у. — 4 храма. В 1837–1838 гг. в Киеве при доминиканском монастыре имелась устроенная василианами униатская часовня, при которой служил декан Киева и Киевского у. Дамиан Лашевский. 30 дек. 1838 г. он просил Белорусскую униатскую консисторию о том, чтобы она содействовала в возобновлении униатского прихода в Киеве. Приход не был открыт.

В 30-х гг. XIX в. были закрыты последние униатские монастыри на Киевщине и Житомирщине (ранее находившиеся на территории Киевского воеводства): в Киевской губ. — Каневский (1832), Уманский и Лысянский (1834), которые долго не закрывались из-за содержания ими светских учреждений; в Волынской губ. (в пределах исторической Киевщины) — Овручский (1831, за причастность братии к польскому восстанию), Любарский (указ о закрытии — 1837), Тригорский (в 1839 преобразован в православную обитель). За поддержку польского восстания были арестованы 9 мона-

хов Овручского монастыря, из них двое непосредственно участвовали в военных действиях (РГИА. Ф. 795. Оп. 11. Д. 8. Л. 30–40; ЦГИАК. Ф. 1342. Оп. 1. Д. 68. Л. 8, 22). Отдельные обители не удавалось упразднить сразу: Любарский монастырь был определен к закрытию в 1837 г., но и в 1839 г. оставался униатским. 18 июня 1839 г. 17 иеромонахов Любарского монастыря в письме в Литовскую консисторию просили оставить их в католической вере, в 1840 г. монастырь был разогнан (ЦГИАК. Ф. 470. Оп. 1. Д. 238; Ф. 972. Оп. 2. Д. 65). В Подольской губ. в 1837 г. был закрыт последний в регионе Барский монастырь василиан. Несмотря на упразднение монастырей и большинства легально действующих униатских храмов, многие безместные униатские священники служили в поместьях шляхтичей-католиков в специально устраиваемых униатских каплицах. В 1838 г. в Киевской губ. насчитывалось 25 таких каплиц, они упоминаются и в 1839–1840 гг.

После кончины 23 февр. 1838 г. последнего униатского митрополита митр. Киевского и всея Руси Иосафата Булгака активизировалось движение за воссоединение униатов с Православием, избрание нового митрополита униатской Церкви в России было отложено на неопределенное время. *Полоцкий Собор* униатской Церкви, состоявшийся 12 февр. 1839 г., провозгласил воссоединение униатов с Православием. Однако из-за того, что на Киевщине польские помещики-католики имели обширные владения и поддерживали нелегально служивших униатских священников, процесс воссоединения затянулся. В 1828 г. в Киевской губ. насчитывалось 78 таких священнослужителей, в дек. 1839 г. — 35 безместных униатских священников, которые не подали подписки на присоединение к Православию. Нелегально продолжали служить, в частности, близкие родственники еп. Иосифа (Семашко) — его дядя священник Николай Семашко, живший в с. Бугаёвка Таращанского у. Киевской губ., и находившийся при нем родной брат архиепископа священник Иоанн (в письме брату от 1 июля 1840 г. священник Иоанн Семашко писал, что отказывается причащаться в православно-католических храмах). В нач. 40-х гг. XIX в. власти ликвидировали последние общины упорствующих униатов в Киевской и Волынской губерниях.

Инициативу по возобновлению униатских приходов на Киевщине про-

явила в 1916–1917 гг. Львовская митрополия Украинской греко-католической Церкви. В 1916 г. в Киеве создавался 1-й легальный униат. приход Сердца Христова, настоятелем к-рого стал свящ. Михаил Цегельский, получивший от митр. Андрея Шептицкого должность «генерального vicария для Великой Украины». После возвращения Цегельского в дек. 1917 г. во Львов настоятелем киевского прихода стал свящ. Николай Щепанюк, переехавший из Львова в Киев. В Киеве и Киевской губ. были известны униат. священники Глеб Верховский, Николай Толстой, Андроник Руденко, Владимир Клепфер, ранее православные. Они подчинялись Житомирской римско-католич. епархии. Не имея своих приходских храмов, они совершали богослужения в римско-католич. костелах.

В 1929 г. настоятель киевского униат. прихода Н. В. Щепанюк был арестован, в 1929–1930 гг. настоятелем был свящ. Александр Алексеев, к-рый также был арестован, после чего в униат. храме Киева служили римско-католич. клирики, переведшие его на лат. обряд. В нач. 30-х гг. XX в. храм Сердца Христова был закрыт и разрушен. Когда Щепанюк в 1933 г. вернулся в Киев, он служил преимущественно как клирик лат. обряда. В 1935 г. органы НКВД сфабриковали «Дело о фашистской контрреволюционной организации римско-католического и униатского духовенства на Правобережье Украины», по которому подвергли репрессиям 2 униат. деятелей Киева: Щепанюка и бывш. псаломщика униат. прихода П. Сосенко. В период оккупации Киева, в 1941–1943 гг., литургии для образовавшейся в городе небольшой униат. общины периодически совершали приезжавшие из Галичины униат. священники в 2 действовавших костелах Киева: Александровском и Николаевском.

Возрождение униат. Церкви в Киеве началось в 1990 г., когда были зарегистрированы 1 община Украинской греко-католич. Церкви в Киеве и 1 — в Киевской обл. В 1991 г. эти общины получили храм свт. Николая на Аскольдовой могиле и храм свт. Николая Доброго на Подоле, к-рые ранее никогда не были униатскими. 2 апр. 1996 г. из Львовской епархии был выделен Киево-Вышгородский экзархат, охвативший территорию 21 области Украины, 1 июля 2001 г.

из экзархата были выделены Донецко-Харьковский и Одесско-Крымский экзархаты. Во главе Киево-Вышгородского экзархата стояли: Нисский еп. Любомир Гузар (7 апр. — 14 окт. 1996), еп. Кас Памфилийских Михаил Колтун (13 нояб. 1996 — 7 нояб. 1997), Адрианский еп. Василий Медвит (нояб. 1997 — 21 авг. 2005).

21 авг. 2005 г. кафедра предстоятеля УГКЦ была перенесена в Киев, экзархат был преобразован в Киевскую архиепархию. Управляющим архиепархией с титулом «Верховный архиепископ Киево-Галицкий» стал Любомир Гузар (21 авг. 2005 — 10 февр. 2011), с 25 марта 2011 г. данную должность занимает Святослав Шевчук. 15 янв. 2008 г. из состава архиепархии был выделен Луцко-Волынский экзархат. Епархия в 2008 г. была разделена на 5 протопресвитерств (Киевское, Вышгородское, Житомирское, Винницкое и Чернигово-Черкасское). В архиепархии действовали 58 общин: по 14 приходов в Киевской и Винницкой областях, 11 приходов в Житомирской обл., 6 — в Черкасской обл., 3 — в Черниговской обл. и 10 приходов в Киеве.

В 2002–2011 гг. строился униат. Патриарший собор Воскресения Христова в Киеве. Первое богослужение в храме совершено 19 янв. 2006 г., собор был открыт 27 марта 2011 г. интронизацией Святослава Шевчука, избранного верховным архиепископом УГКЦ. 18 авг. 2013 г. Патриарший собор Воскресения Христова был освящен верховным архиеп. Святославом. В 2010 г. в с. Княжичи Броварского р-на начала работу Киевская Трехсвятительская ДС УГКЦ, в которой в 2013 г. обучалось 22 студента.

К нач. 2013 г. УГКЦ имела 14 зарегистрированных общин в г. Киеве и 19 общин в Киевской обл. В Киеве действуют 6 монашеских миссий УГКЦ: мон-рь василиан, мон-рь студитов, мон-рь салезиан вост. обряда и женские «законные дома» орденов Непорочного Сердца Марии Фатимской, служебниц Девы Марии и василианок.

Лит.: Сульжинский Л. Краткие известия о положении базилианского ордена и разных временах в его управлении от 1772–1811 гг. / Пер. с польск.: Н. П. Петров // ТКДА. 1868. № 7. С. 147–168; № 10. С. 100–144; № 11. С. 245–302; Wernicki J. A. O przeszledowaniu kościoła unickiego: Wedlug zrodol moskewskich. Lwów, 1869; Петров Н. И. Очерк истории базилианского ордена в бывшей Поль-

ше // ТКДА. 1870. № 5. С. 428–494; № 8. С. 373–436; № 11. С. 343–409; 1871. № 2. С. 295–374; № 5. С. 225–317; № 6. С. 480–554; № 7. С. 118–189; 1872. № 1. С. 3–85; № 2. С. 161–273; Хойнацкий А. Ф. Западнорусская церковная уния в ее богослужении и обрядах. К., 1871; Одинцов Н. Ф. Униатское богослужение в XVII–XVIII вв. по рукописям Виленской публичной б-ки. Вильно, 1886; Сецинский Е. И., прот. Мат-лы для истории мон-рей Подольской епархии // Тр. Подольского епарх. историко-стат. комитета. Каменец-Подольск, 1890/1891. Вып. 5. С. 207–444; Липковский В., свящ. Уния и воссоединение униатов в 1794–1795 г. в пределах нынешнего Липовецкого у. // Киевские Ев. 1895. Ч. неофиц. № 21. С. 994–1010; № 23. С. 1104–119; Лотоцкий А. И. Где обучалось подольское духовенство до учреждения Подольской ДС. Каменец-Подольск, 1898; Wolyński (pseud.), Gzycki J. M. A.). Z przeszłości zakonu Bazylikańskiego na Litwie i Rusi // Przewodnik Naukowy i Literacki. Lwów, 1904. Roc. 32. S. 65–82, 157–172, 250–268, 353–360, 449–463; Likowski E. Dzieje kościoła unickiego na Litwie i Rusi w XVIII i XIX w., uwazane głównie ze względu na przyczynę jego upadku. Warsz., 1906². 2 t.; Грушевський М. С. Історія України—Руси. К.: Львів, 1907². Т. 6; Скрутьє І. «Візита» Дубенського монастиря сс. Василян 1818 р. // Analecta OSBM. Ser. 1. Sect. 2. 1927. T. 2. Fasc. 3/4. P. 355–361; Flaga J. Działalność duszpasterska zakonów w drugiej połowie XVIII w.: 1767–1772. Lublin, 1986; Pidlypczak-Majero-wicz M. Bazylianie w Koronie i na Litwie: Szkoły i książki w działalności zakonu. Warsz., 1986; Зінченко А. Л. Акти візитації монастирів і костелів XVIII — у 1-й пол. XIX ст. як історичне джерело // Подільська старовина: Зб. наук. праць / Ред.: В. А. Косаківський. Вінниця, 1993. С. 205–211; Крижанівський О. П. Джерела до соціально-економічної історії Церкви на Правобережній Україні (XVIII — 1-а пол. XIX ст.) // Архіви України. К., 1993. № 1/3. С. 73–79; Nabywaniec S. Unicka Archidiecezja Kijowska w okresie rządów arcybiskupa metropolity Felicjana Filipa Wołodkowicza 1762–1778. Rzeszów, 1998; Кондратюк Р. Ю. Джерела з історії униатської Церкви Південно-Східної Волни 2-ї пол. XVIII ст. // Архіви України. 2001. № 4/5. С. 99–110; Крижанівська О. О., Крижанівський О. П. Архівні документи про історію Церкви на Правобережній Україні XVIII — 1-ї пол. XIX ст. // Студії з архівних справ та документознавства. К., 2001. Т. 7. С. 56–59; Radwan M. Carat wobec Kościoła greckokatolickiego w zaborze rosyjskim (1795–1839). R.; Lublin, 2001; idem. Kościoł greckokatolicki w zaborze rosyjskim około 1803 r. Lublin, 2003; Лось В. Е. Опір униатської традиції державно-силовим методам впровадження православ'я в 1-ї третині XIX ст. (на прикладі Волинської губ.) // Дрогобицький краєзнавчий зб. 2002. Вип. 6. С. 316–326; она же. Луцька епархія у 1801–1825 рр.: Майнові конфлікти униатського та правосл. духовенства // Там же. 2003. Вип. 7. С. 259–269; она же. Василянські мон-рі як основна опора унії на Волині (кін. XVIII — 1-а пол. XIX ст.) // Велика Волинь: Наук. зб. Житомир, 2004. Т. 31. С. 240–247; она же. Зміни територіально-адміністративної організації греко-католицької Церкви: (Правобережна Україна наприкінці XVIII — у 1-й пол. XIX ст.) // Український іст. зб. 2004. Вип. 7. С. 153–166; она же. Релігійне життя вірних: Особливості виконання релігійних практик униатським населенням Правобережної України (1-а пол.

XIX ст.) // Дрогобицький краєзнавчий зб. 2004. Вип. 8. С. 264–272; *она же*. Релігійні конверсії в шлюбно-сімейних стосунках населення Правобережної України за судовими справами 30–40-х рр. XX ст. // Український іст. зб. К., 2004. Вип. 6. С. 159–175; *она же*. Освітня та видавнича діяльність греко-католицької Церкви: (Правобережна Україна 1-ї третини XIX ст.) // Рукописна та книжкова спадщина України. К., 2005. Вип. 10. С. 75–90; *она же*. Становище уніатського духовенства Правобережної України наприкінці XVIII ст. // Зб. молодих вчених. К., 2005. С. 412–426; *она же*. Уніатське духовенство Правобережної України 1-ї третини XIX ст.: Міжконфесійні конфлікти за майно і паству // Kościoły wschodnie w Rzeczypospolitej XVI–XVIII w.: Zbiór studiów. Lublin, 2005. T. 3. S. 107–122; *она же*. Монастирська книга дубенських василіанок та її інформаційні можливості // Архівознавство. Археографія. Джерелознавство. К., 2006. Вип. 9. С. 128–145; *она же*. Уніатська Церква Правобережної України кінця XVIII – початку XIX ст.: Історіографія проблеми // Рукописна та книжкова спадщина України. 2006. Вип. 11. С. 151–170; *она же*. Документи державно-адм. установ як джерело до історії греко-уніатської церкви (Правобережна Україна кін. XVIII – поч. XIX ст.) // Студії з архівної справи та документознавства. К., 2007. Т. XV. С. 30–37; *она же*. Історія греко-уніатської церкви на Правобережній Україні кін. XVIII – 1-ї пол. XIX ст.: Джерелознавчий аспект. АКД. К., 2007; *она же*. Корпус церковних джерел з історії греко-уніатської церкви на Правобережній Україні кін. XVIII – 1-ї пол. XIX ст.: Класифікація та інформаційні можливості // Бібліотечний вісник. К., 2007. № 6. С. 11–16.

Лютеранство и другие направления протестантизма. В 1765 г. в Киев в качестве учителя для семьи немца-аптекаря прибыл пастор Кристофер Лебрехт Грааль, к-рый стал совершать богослужения в домовом временном храме, община составила из многочисленных немцев, живших в Киеве. В 1795 г. рядом с Воскресенской ц. на Подоле была построена первая в Киеве лютеран. кирха. На месте усадьбы нем. портного Кальбе (территория совр. Крещатика) существовало 1-е в Киеве лютеран. кладбище, упраздненное в 1812 г.

В февр. 1811 г. в киевской лютеранской общине состояли 318 чел. 9 июля 1811 г., во время масштабного пожара на Подоле, кирха сгорела. Новая деревянная церковь была построена в 1812 г. в предместье Печерские Липки на Немецкой горе. Там же сооружены пасторский дом и хозяйственные постройки, устроено кладбище, позже появились начальная школа и дом для бедных. В 1837 г. при кирхе начало работу 1-е нем. уч-ще, закрывшееся в 1839 г. В 1852 г. при кирхе открыто новое нем. уч-ще во имя св. Мартина, преобразованное в 1865 г. в 4-классную

нем. прогимназию. В последующие годы число учеников возросло до 120 (1869). В одной части здания находилась жен. гимназия, во 2-й — реальная школа св. Екатерины для мальчиков. Первое время после открытия в Киеве в 1834 г. университета св. Владимира в нем преподавали немцы из лютеран. общины вслед. недостатка отечественных преподавателей. Лютеран. кладбище на Немецкой горе в 1839 г. было упразднено и перенесено на Байкову гору в связи с постройкой на Печерске крепости. На территории нового кладбища в 1857 г. была построена большая каменная часовня — 2-й лютеран. храм Киева.

По переписи 1897 г. в Киевской губ. насчитывалось 14,2 тыс. лютеран, в основном немцев. Впосл. лютеранство распространялось и среди рус. жителей Киева, особенно после 1905 г., в 1914 г. в Киевской губ. было 20,1 тыс. лютеран. После начала первой мировой войны ухудшилось положение не только герм. подданных, проживавших в России, но и рус. подданных нем. происхождения. В то время Киев временно стал резиденцией укр. лютеран. руководства, а киевский пастор Генрих Юнгер — руководителем независимой лютеран. церкви на Украине.

В янв. 1919 г. укр. советское правительство в Харькове издало декрет «Об отделении церкви от государства». Для того чтобы зарегистрировать общину, церковный совет представил в губернский ревком 9 авг. 1920 г. новый устав, инвентарный список предметов для богослужений, находящихся в церкви, и список членов церковного совета. Пастор Юнгер в 1921 г. уехал в Берлин, впосл. киевскую лютеран. общину до своей смерти в 1932 г. возглавлял пастор Рихард Кёнигсфельд. Последний пастор киевской общины перед ее роспуском Иоганн Геринг служил в 1932–1935 гг. в Киеве, в 1933–1935 гг. он упоминается также как пастор в Новоград-Волынском. Геринг был приговорен к смертной казни, к-рую заменили 10-летней ссылкой в Карелию, где пастор скончался.

В сент. 1989 г. в Киеве состоялась 1-я всеукр. конференция «советских немцев», на к-рой немцы всей Украины высказали желание возрождать свои традиции, в значительной мере утраченные за годы советской власти. На состоявшемся через неск. дней собрании немцев Киева было

решено возродить евангелическо-лютеранскую общину и вернуть общине церковь. Лютеранскую общину в Киеве зарегистрировали в дек. 1990 г. 31 янв. — 2 февр. 1992 г. в Киеве состоялся 1-й (установочный) Синод Немецкой евангелическо-лютеранской церкви Украины при участии представителей общин из разных городов. Синод провозгласил создание Немецкой евангелическо-лютеранской церкви Украины, избрал ее руководящие органы. С приездом в Киев из Германии в мае 1992 г. пастора Ханса Мартина Негельсбаха закончился период становления общины.

В наст. время Немецкая евангелическо-лютеранская церковь имеет по 1 общине в Киеве и в Киевской обл. Кроме того, в Киеве действуют 5 общин Украинской лютеранской церкви и 2 общины др. лютеран. церквей.

В 70-х гг. XIX в. Киевщина стала одним из первых регионов, где бурно распространялся «штундо-баптизм» (см. *Штундизм*). С 1870 г. в с. Чаплинка Таращанского у. и в соседних селах проповедовал Г. Балабан. В 1886 г. в Киеве была образована 1-я община штундистов во главе с пресвитером Д. Тимошенко. В 1884 г. большинство штундистских общин вошло в Союз русских баптистов Юж. России и Кавказа. Число штундистов и баптистов на Киевщине на рубеже XIX и XX вв. стремительно росло, на что повлияло издание в 1905 г. манифеста «Об укреплении основ веротерпимости». Если по переписи 1897 г. к баптистам в Киевской губ. относился 931 чел., к реформатам — 403 чел., то в 1914 г. штундистов и представителей др. протестант. деноминаций и конфессий (кроме лютеран, к-рые учитывались отдельно) насчитывалось 18 тыс.

Баптисты возобновили легальную деятельность в Украинской ССР в 1943 г. В Киеве и Киевской обл. в послевоенный период по меньшей мере 73 баптистские общины оставались легально действующими; в состав баптистских орг-ций входили и пятидесятники, которым было запрещено регистрироваться. В 90-х гг. XX в. шел стремительный рост числа баптистских общин.

В 2013 г. насчитывалось 68 зарегистрированных общин Всеукр. совета баптистов в Киеве и 160 общин в Киевской обл. Кроме того, в Киеве действовало 5 общин *инициативни*

ков, 25 общин др. орг-ций баптистов, евангельские христиане имели 80 общин в Киеве и 45 общин в Киевской обл., пятидесятники — 22 общины в Киеве и 51 в области, адвентисты — 20 общин в Киеве и 52 в области, иеговисты — 50 общин в Киеве и 17 в области, последователи «Церкви полного евангелия» — 50 орг-ций в Киеве и 57 в области. Лит.: *Вільховий Ю. В.* Політика Радянської держави щодо протестантських церков в Україні (сер. 40 — 70-х рр. ХХ ст.): АКД. Полтава, 2002.

Архиерен. Митрополиты Киевские (и всея Руси) в юрисдикции Константинопольского Патриархата: свт. Михаил (кон. X — нач. XI в.), Леонт (Леонтий; кон. X — нач. XI в.), Феофилакт (кон. X в.), Иоанн I (после 1039 — не позднее 1051 или не позднее 1018 — до 1039), Феофемпт (ок. 1039 — не позднее 1051), Кирилл (?), свт. Иларион (1051 — ок. 1054/55), Ефрем I (1054/55—1061/62), Георгий (ок. 1062 — после 1073), свт. Иоанн II (между 1073—1077/8), Иоанн III (1089—1091), Николай (ок. 1093 — ранее 1104), Никифор I (1104—1121), *Никита* (1122—1126), Михаил II(I) (1130—1145), Климент (Клим Смолятич, 1147—1155; не признан К-польской Патриархией), свт. Константин I (1155/56—1158/59), *Феодор* (1160/61—1163), *Иоанн IV* (1163/64—1166), *Константин II* (1167—1169/70; начиная с Константина II Киевские митрополиты имели в титуле слова «всея Руси»), Михаил II(III) (не позднее 1171 — не позднее 1182), *Никифор II* (1182 — не ранее 1199), *Матфей* (не ранее 1201—1220), *Кирилл I(II)* (1224—1233), Иосиф (1237 — не ранее 1240), свт. Кирилл II(III) (ок. 1246—1280), свт. Максим (1283—1305), свт. Петр (1308—1326), свт. Феогност (1328—1353), свт. Алексей (1354—1378), *Митяй (Михаил)* (1378—1380; наречен, не поставлен К-польским патриархом), свт. Киприан (1375—1378, 1381—1382, 1389—1406), Пимен (1380, 1382—1389), свт. *Дионисий* (1384—1385), свт. Фотий (1409—1431), Герасим (1432/33—1435), Исидор (1436—1443), свт. Иона (1448—1461).

Митрополиты Киевские (Западно-русские) в юрисдикции Константинопольского Патриархата: Григорий II (1458—1473), *Спиридон* (1475 — не ранее 1482; не признан на территории ВКЛ), *Симеон* (не ранее 1482—1488), Иона (Глезна; ок. 1489—1494), сщмч. Макарий (1495—1497), Иосиф I (Болгариневич; 1498—1501), Иона II (1503—1507), Иосиф II (Солтан; 1509—1521/22), Иосиф III (Русин; 1522—1533), *Макарий II* (1534—1555), Сильвестр (Белькевич; 1556—1567), Иона III (Протасович; 1568—1577), Илия (Куча; 1577—1579), Онисифор (Девочка; 1579—1588/89); Михаил (Рагоза; 1588/89—1596), Иов (Борецкий; 1620—1631),

Исаия (Копинский; 1631—1632), свт. Петр (Могила; 1633—1646/47), Сильвестр (Косов; 1647—1657), Дионисий (Балабан-Тукальский; 1658—1663), Иосиф (Нелюбович-Тукальский; 1663—1675), Антоний (Винницкий; 1663—1679).

Местоблюстители Киевской митрополии в юрисдикции Московского Патриархата: архиеп. Лазарь (Баранович; 1659—1661, 1670—1685), еп. Мефодий (Филимонович; 1661—1668).

Митрополиты (архиепископы) Киевские и Галицкие (и всей Малой России) в юрисдикции Московского Патриархата: Геденон (Святополк-Четвертинский; 1685—1690), Варлаам (Ясинский; 1690—1707), Иоасаф (Кроковский; 1708—1718), Варлаам (Вонатович; 1722—1730, в сане архиепископа), Рафаил (Заборовский; 1731—1747, в сане архиепископа, затем митрополита), Тимофей (Щербацкий; 1748—1757), Арсений (Могилянский; 1757—1770), Гавриил (Кременецкий; 1770—1783), Самуил (Миславский; 1783—1796), Иерофей (Малицкий; 1796—1799), Гавриил (Банулеску-Бодони; 1799—1803), Серапион (Александровский; 1803—1822), Евгений (Болховитинов; 1822—1837), Филарет (Амфитеатов; 1837—1857), Исидор (Никольский; 1858—1860), Арсений (Москвин; 1860—1876), *Филофей (Успенский)*; 1876—1882), Платон (Городецкий; 1882—1891), Иоанниковий (Руднев; 1891—1900), Феогност (Лебедев; 1900—1903), *Флавиан (Городецкий)*; 1903—1915), сщмч. Владимир (Богоявленский; 1915—1918), Антоний (Храповицкий; 1918—1919), архиеп. Назарий (Блинов; 1919—1921, в. у.).

Митрополиты (архиепископы) Киевские и Галицкие, экзархи Украины: Михаил (Ермаков; 1921—1923 (как митрополит Гродненский), 1928—1929, вторично), еп. Макарий (Карамзин; 1923 — янв. 1925, в. у.), еп. Сергей (Куминский; янв.—апр. 1925, в. у.), еп. Афанасий (Молчановский; 1924, в. у.), еп. Георгий (Делиев; апр. 1925—1928, в. у.), архиеп. Димитрий (Вербицкий; 1930—1932, в. у.), еп. Сергей (Гришин; 1932 — июнь 1934), Константин (Дьяков; июнь 1934—1937), архиеп. *Александр (Петровский)*; 1937—1938, в. у.), Николай (Ярушевич; 1941—1944, фактически июнь—сент. 1941), еп. Пантелеимон (Рудык; 1941—1943, в. у.), Иоанн (Соколов; 1944—1964), Иоасаф (Лелюхин; 1964—1966), архиеп. Алипий (Хотовицкий; 24 апр.—14 мая 1966), Филарет (Денисенко; 1966—1990, в сане архиепископа, затем митрополита).

Митрополиты Киевские и всея Украины, предстоятели УПЦ: Филарет (Денисенко; 28 окт. 1990 — 27 мая 1992), Владимир (Сабодан; с 27 мая 1992).

Монастыри. Действующие: Киево-Печерская лавра в честь Успения Пресв. Богородицы (муж., в Киеве, основана ок. сер. XI в., закрыта в 1930, возрождена в 1941, закрыта в 1961,

возрождена в 1988); Межигорский в честь Преображения Господня монастырь (муж., в с. Нов. Петровцы Вышгородского р-на, известен к нач. XVI в., существовал близ совр. с. Нов. Петровцы, упразднен в 1786, возрожден в 1884—1886 как муж., в 1894 преобразован в жен., закрыт в 1929 и в 30-х гг. XX в. разрушен, с июня 2011 восстанавливается как муж. скит); Вознесенский Флоровский (жен., в Киеве, основан до 1566, закрыт в 1930, возрожден в 1941); Голосеевский Покровский (муж., в Киеве, основан в 1631 как скит Киево-Печерского монастыря, в 1793 обращен в хозяйственный хутор, в 1831 возобновлен как скит лавры, после 1918 обращен в трудовую артель, к-рая в 1926 была упразднена, в 1996 возобновлен); *перяяслав-хмельницкий во имя арх. Михаила* (муж., в Перяяславе-Хмельницком, основан до 1646, упразднен в 20-х гг. XX в., возрожден в 2011); Китаевская Свято-Троицкая пуст. (мон-рь) (муж., в Киеве, основана в XVIII в. как пустынь Киево-Печерского монастыря, пустынь закрыта в 1933, возрождена в 1993 г. как скит Киево-Печерской лавры, с 2002 самостоятельный мон-рь); киевский Церковщинский в честь Рождества Пресв. Богородицы (муж., в Киеве, основан в 1833 как подворье киевского Братского монастыря, с 1919 самостоятельный мон-рь, в 1920 обращен в трудовую артель, закрытую в 1928, с 2010 мон-рь); Ионинский Свято-Троицкий (муж., в Киеве, основан в 1866, в 1928 обращен в трудовую артель, закрытую в 30-х гг. XX в., возрожден в 1995 как самостоятельный мон-рь); Покровский (жен., в Киеве, основан в 1889, к 1919 обращен в трудовую артель, упраздненную ок. 1923, возрожден в 1941); Введенский на Печерске (муж., в Киеве, основан в 1878 как жен. община, с 1901 жен. мон-рь, упразднен в 1935, действовал в 1941—1960, возрожден в 1996 как муж.); киевский Зверинецкий Михаило-Архангельский (муж., в Киеве, основан в 1913 как Рождество-Богородицкий скит Киево-Печерской лавры, закрыт, вероятно, в 1934, в 1997 возрожден как скит Ионинского Троицкого монастыря, с 2009 самостоятельный мон-рь); Пантелеимоновский в Феофании (жен., в Киеве, основан в 1901 как скит киевского Златоверхого Михайловского муж. монастыря, с 1915 самостоятельный мон-рь, в 1930 закрыт, возрожден

в 1993 как скит киевского Покровского жен. мон-ря, с 2002 самостоятельный мон-рь); Преображенский (муж., в с. Княжичи Броварского р-на, основан в 1992); Положения Ризы Божией Матери во Влахерне (муж., в с. Томашовка Фастовского р-на, открыт в 2000 как скит киевского Введенского мон-ря); Преображенский (жен., в пос. Песковка Бородинского р-на, основан в 2003); Преображенский (муж., в с. Нещеров Обуховского р-на, основан в 2004); Благовещенский Бортничский (муж., в Киеве, основан в 2005); Успенский (жен., в с. Райковщина Яготинского р-на, основан в 2006); Голосеевский Николо-Тихвинский (жен., в Киеве, основан в 2007); бориспольский в честь иконы Божией Матери «Живоносный Источник» (муж., в Борисполе, основан в 2008); иконы Божией Матери «Отрада и Утешение» (жен., в с. Вел. Ольшанка Васильковского р-на, открыт в 2008); Ковалёвский во имя прп. Анастасии Киевской (жен., в с. Ковалёвка Васильковского р-на, основан в 2009); Рождества Пресв. Богородицы Десятинный (муж., в Киеве, основан в 2009); Пустынно-Николаевский скит (жен., в с. Орджоникидзе Полесского р-на, приписан к киевскому Покровскому жен. мон-рю, основан в 2011); Киево-Братской иконы Божией Матери (жен., в с. Горенка Киево-Святошинского р-на, с 2013).

Упраздненные: вмч. Георгия (муж., в Киеве, основан после 1037, уничтожен в 1240); мц. Ирины (жен., в Киеве, основан после 1037, уничтожен в 1240); вмч. Димитрия Солунского (муж., в Киеве, основан в сер. XI в., после 1128 не упом.); во имя свт. Николая Чудотворца (жен., в Киеве, упом. в 50–60-х гг. XI в.); Германеч на Берестове во имя Спасителя (муж., в Киеве, основан ранее 1072, разрушен в 1240); во имя св. Симеона в Копыреве конце (муж., в Киеве, основан ранее 1076, разрушен в 1240); Янчин Андреевский мон-рь (жен., в Киеве, основан в 1086, разрушен в 1240); Кловский Стефанеч в честь Положения Ризы Пресв. Богородицы во Влахерне (жен., в Киеве, основан ранее 1096, разрушен в 1240); Выдубицкий во имя арх. Михаила (муж., в Киеве, основан в XI в., в 1924 обращен в общину, окончательно закрыт в 1929); Лазарев (жен., в Киеве, упом. в 1113); Златоверхий во имя арх. Михаила (муж., в Киеве, основан в нач. XII в.,

закрыт после 1923, в 1941 возрожден, в 1949 закрыт); Отний (Вотчь) во имя вмч. Феодора Тирона (муж., в Киеве, упом. в 1128–1259); Кирилловский Свято-Троицкий (муж., в Киеве, основан ранее 1146, упразднен в 1786); Зарубский в честь Успения Пресв. Богородицы (муж., под Киевом, упом. в 1147); Воскресенский (муж., в Киеве, упом. в 1231); во имя свт. Василия Великого (муж., в Киеве, упом. в 1231); Трехсвятительский (муж., в Киеве, основан, вероятно, в XIII в., упразднен в 1786); Киево-Слупский Пустынно-Николаевский (муж., в Киеве, известен с 1411, разорен в XVII в., вторично основан в 1690, упразднен в 1929); Киево-Печерский Вознесенский (жен., в Киеве, известен к нач. XVII в., в 1717 упразднен); киевский Братский Богоявленский училищный (муж., в Киеве, основан в 1615, закрыт в 1929); Иорданский Николаевский (жен., в Киеве, основан ок. 1615, упразднен в 1786); Иоанно-Богословский (жен., в Киеве, основан в 1621, в 1789 переведен в помещения Красногорского Преображенского монастыря Полтавской губ.); Киево-Софийский кафедральный (муж., в Киеве, основан в 1633, упразднен в 1786); Борисоглебский скит (муж., находился близ совр. с. Борисовка Переяслав-Хмельницкого р-на, известен с 1664, упразднен в 1920, скит переяславского Вознесенского монастыря); Подольский Петропавловский (муж., в Киеве, основан в 1693, упразднен в 1786); Пустынно-Никольский Задеснянский (Задесенский) скит (муж., в совр. с. Новосёлки Вышгородского р-на, известен с кон. XVII в. как приписной к Киево-Слупскому мон-рю, в 1757 приписан к киевскому Софийскому мон-рю, упразднен в 1786); Вознесенский (муж., в Переяславе (с 1943 Переяслав-Хмельницкий), основан в 1700, упразднен в 20-х гг. XX в., в 2010 передан УПЦ КП); Липлянская Онуфриевская Даниловская пуст. (муж., в совр. с. Липовый Скиток Васильковского р-на, приписана к Златоверхому Михайловскому муж. мон-рю, существовала в 1714–1786); Красногорский Рождество-Богородичный (муж., существовал близ дер. Красногорка Киевского у., ныне с. Червоная Горка Макаровского р-на Киевской обл., известен с 1727 как униатский, с 1760 приписной к Белиловскому Георгиевскому мон-рю Чигиринского у., в 1795 упразднен);

Киево-Синайский Екатерининский греческий (муж., основан в 1748, закрыт в 1928); Зазимская Николаевская пуст. (муж., в совр. с. Зазимье Броварского р-на, известна с 1775 как приписная к киевскому Софийскому мон-рю, упразднена в 1786); Аскольдово-Никольский скит (муж., в Киеве, основан в 1831 как скит Киево-Слупского мон-ря, упразднен к 1921); Кругликовский Преображенский (муж., основан в 1869 на горе Круглик в киевском предместье Мышеловка как скит Киево-Печерской лавры, с 1925 самостоятельный монастырь, упразднен в 1930); Троещинский Свято-Духовский скит (муж., в с. Троещина в черте Киева, основан в 1998 в подчинении Киево-Печерской лавры, упразднен в 2002).

В. Г. Пидгайко

Архитектура. К. е. — одна из самых богатых археологическими и архитектурными памятниками епархии на Украине. На ее территории находились важные памятники домонг. периода (см. статьи *Киев*; *Вышгород*; *Борисоглебская ц. в Вышгороде*; *Десятинная церковь в Киеве*; *Георгия Победоносца вмч. ц. в Киеве*; *киевский Златоверхий во имя арх. Михаила мон-рь*; *Софии Св. собор*; *Выдубицкий мон-рь*; *Киево-Печерская лавра*; *Переяславская митрополия*), нек-рые из них сохранились до наст. времени, а также яркие образцы укр. церковного зодчества XVII–XIX вв. Административно-территориальное деление неоднократно менялось за время существования епархии — мн. памятники, возведенные на ее землях, ныне оказались за пределами К. е. В 80-х гг. XIX в. в епархии насчитывалось 1406 церквей, из них 162 каменные (Памятная книжка Киевской епархии. 1882. С. 231). Большинство храмов было освящено в честь Богородичных праздников (больше всего — в честь Покрова Пресв. Богородицы), а также во имя арх. Михаила, свт. Николая Чудотворца, вмч. Димитрия Солунского и вмч. Георгия Победоносца. Вероятнее всего, в выборе посвящений прослеживается влияние запорожского казачества, особо почитавшего праздник Покрова Пресв. Богородицы (*Стороженко*. 1891. С. 344), а также поиск заступничества Богородицы и св. воинов жителями региона, на территории к-рого часто велись военные действия (Памятная книжка Киевской епархии. 1882. С. 235). До 2-й пол. XIX в. сравни-

тельно редко церкви посвящали древнерусским, в т. ч. местным, киевским, святым и чтимым чудотворным иконам Божией Матери (особенно вне Киева; Там же. С. 234).

Ранних примеров деревянного зодчества на территории епархии не сохранилось, но представление об их облике можно получить на примере дошедших до наст. времени деревянных церквей XVII–XVIII вв., в большинстве своем воспроизводивших традиц. планировку и архитектурные особенности. Одной из старейших сохранившихся деревянных церквей К. е. считается ц. арх. Михаила из с. Дорогинка Фастовского р-на Киевской обл., ныне находящаяся на территории Музея народной архитектуры и быта Украины в Киеве. Храм имеет спорную датировку: 1600 г. (Юрченко. 1970. С. 43–51), 1751 г. (Вечерський. 2007. С. 242–243), однако большинство исследователей отмечают архаичность и простоту сооружения. Три сруба из сосновых брусьев, поставленные по оси «запад–восток», завершаются шатровыми крышами с 3 главами. Вост., алтарный сруб — 6-гранный, западный (притвор) и центральный — прямоугольные, причем центральный сруб шире и выше боковых. Подобную композицию имеют ц. ап. Иоанна Богослова из с. Острийки Белоцерковского р-на (1606) и церковь неизвестного посвящения из

ноглавая Покровская ц. в с. Креничи Обуховского р-на (1761) благодаря почти одинаковым размерам срубов, объединенных под общей крышей, напоминают самые простые, «клетские» храмы. Необычной ком-

Церковь св. Онуфрия
в с. Липовый Скиток. 1705 г.
Фотография. 2012 г.

Срубы обшиты горизонтально положенными досками. Церковь отличается стройным силуэтом и удачно вписывается в ландшафт. Крестообраз-

позицией и приземистым силуэтом отличается Покровская ц. в с. Кожанка Фастовского р-на Киевской обл. (1758) — ее срубы перекрыты тремя 8-гранными куполами без барабанов. Характерными примерами 3-частного типа храмов являются Воскресенская ц. в бывш. с. Толстый Лес Чернобыльского р-на (1760, сгорела в 1996) и гармоничная по пропорциям Покровская ц. в Фастове (1779–1781).

Др. распространенным типом укр. деревянных храмов были 5-частные крестообразные в плане церкви, завершенные одной или 5 главами. Сведения о церквях такого

Церковь арх. Михаила
из с. Дорогинка.
1751 г. (?)
Фотография. 2012 г.
(Музей народной архитектуры
и быта Украины)

типа сохранились у архи-диака Павла Алеппского, который отмечал стройность, вытянутость их объемов и «замысловатость форм», напр. описывая Успенскую ц. в Переяславе (ныне Переяслав-Хмельницкий; Павел Алеппский. Вып. 4. С. 191). На одном из рисунков голл. худож. А. ван Вестерфельда (1651) с изображением Межигорского в честь Преображения Господня мон-ря показан большой 5-главый храм, окруженный галереей. Ранним сохранившимся примером 5-частной церкви

является Свято-Онуфриевская в с. Липовый Скиток Васильковского р-на (1705–1706). Она построена на каменном фундаменте и состоит из 5 срубов, притвора и небольших пристроек. Три главных сруба на оси «запад–восток» перекрыты единой крышей, на к-рой поставлены 3 гранных барабана с главами (западная не сохр.).

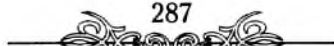
ная в плане одноглавая ц. вмч. Георгия Победоносца (1768) из с. Андруши Переяслав-Хмельницкого р-на находится на территории Музея народной архитектуры и быта Средней Надднепрянщины в Переяславе-Хмельницком.

В послемонг. время сложная политическая ситуация в регионе не способствовала развитию каменного строительства до XVII в. На формирование в этот период в церковном зодчестве стиля укр. барокко повлияли особенности деревянной архитектуры, из к-рой был заимствован 3- и 5-частный тип храмов. Древнейшей дошедшей до наших дней каменной церковной постройкой в К. е. вне Киева является Покровская ц. в с. Сулимовка Бориспольского р-на (1622–1629, колокольня пристроена в 1900), возведенная по заказу гетмана И. М. Сулимы в благодарность за избавление из тур. плена и ставшая его родовой усыпальницей. План и пространственная организация храма повторяют традиционную для деревянных церквей 3-частную композицию, центральный объем увенчан одной главой. Части здания прямоугольные (апсида граненая), вытянутые в направлении, поперечном основной оси здания, благодаря чему достигается компактность и целостность силуэта и внутреннего пространства. Конструкция подпружных арок напоминает ц. прор. Илии в Чернигове (XII в.; Логвин. 1968. С. 64). Строгий силуэт, лаконичный декор из плоских пилястр и скромного карниза

с. Пищики Сквирского р-на (1651, обе — Музей народной архитектуры и быта Средней Надднепрянщины, Переяслав-Хмельницкий).

Трехчастный тип с одной или 3 главами был наиболее распространенным среди деревянных храмов, в К. е. сохранилось неск. таких церквей, построенных в сер. XVIII в. Трехглавая Михайловская ц. в с. Подгорцы Обуховского р-на (1742) и од-

сближают Покровскую ц. в Сулимовке с ц. свт. Николая Чудотворца Притиска в Киеве (1695–1707).

Во 2-й пол. XVII и на рубеже XVII и XVIII вв. начали складываться но-

*Покровская ц.
в с. Сулимовка. 1622–1629 гг.
Фотография. 2012 г.*

вые каменные архитектурные ансамбли мон-рей как в Киеве (Киево-Братского в честь Богоявления, киевского во имя святых Флора и Лавра (в честь Вознесения Господня), Пустынно-Никольского), так и в его окрестностях. Церковное строительство велось большей частью на средства войска Запорожского. К 1676–1690 гг. относится постройка каменного Спасо-Преображенского собора Межигорского мон-ря. В нач. XVII в. в мон-ре насчитывалось 3 деревянные церкви; они погибли вместе с остальными постройками при пожаре в 1665 г. Новый каменный собор был заложен на деньги патриарха Московского и всея Руси

В Переяславе на средства Переяславского полка в 1646–1666 гг. был построен Михаило-Архангельский собор. Возведенный на месте древнего храма, разрушенного в 1239 г., во время нашествия хана Батия, собор относится к 3-частному типу, его граненые апсида и при-

твор примыкают к прямоугольному центральному объему. Внешний декор включает фриз из круглых керамических

вставок, в оконных фронтонах размещены орнаментальные и сюжетные рельефы. В 1745 г. рядом с собором было построено единое здание колокольни, трапезной и келий. По инициативе гетмана И. С. Мазепы в Переяславе был возведен собор Вознесенского мон-ря (1695–1700). Девятичастный храм имеет в основе плана крест и увенчан куполом на высоком 2-ярусном граненом барабане; рукава креста завершены высокими фронтонами «волнистой» формы, а стены декорированы плоскими раскрепованными пилястрами. Внешний вид и внутреннее пространство собора создают эффект устремленности вверх. На протяжении XVIII в. монастырский ансамбль был дополнен зданием колле-

*Покровская ц.
в Переяславе. Акварель.
1845 г.*

*Худож. Т. Г. Шевченко
(Национальный музей
Т. Г. Шевченко. Киев)*

Иоакима, принявшего в Межигорском мон-ре монашеский постриг. Облик разрушенного в 1936 г. собора известен по обмерам архит. А. И. Меленского нач. XIX в. и рис. Т. Г. Шевченко 1843 г. (*Вечерський*. 2002. С. 103–104); он представлял собой 5-главый крестово-купольный 6-столпный храм. Монументальность сооружения подчеркивала окружающая собор одноэтажная закрытая галерея.

гиума (1753–1757) и колокольней в барочных формах (1770–1776), к которой в 1782 г. была пристроена ц. вмц. Варвары (разрушена во время Великой Отечественной войны, когда мон-рь сильно пострадал). Покровская ц. в Переяславе (1704–1709; разобрана в 1936–1937), возведенная на средства сподвижника Мазепы полковника И. М. Мировича, была крестообразной в плане, с 3 главами.

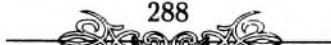
По заказу архим. Киево-Печерской лавры Луки (Белоусовича) на при-

надлежавших лавре землях в Васильковке в 1756–1758 гг. был построен собор во имя преподобных Антония и Феодосия Печерских. Работами руководил С. Д. Ковнир. По планировке, композиции и художественным особенностям храм близок к собору в честь Рождества Пресв. Богородицы в Козельце (1752–1763, архит. Андрей Васильевич Квасов), к-рый, возможно, послужил для него прототипом. Выгодно расположенный на высоком городском холме храм стал градостроительной доминантой. Четырехстолпный собор имеет план в виде квадрифолия, полукруглые ризалиты завершены полукруглыми фронтонами. Необычна для укр. церквей постройка 5 глав: они расположены не традиционно, в виде креста, рукава к-рого ориентированы по сторонам света, а по диагонали над угловыми ячеекми. Декор характерен для укр. барокко: пилястры с лепными капителями на фасаде, плавно изогнутые фронтоны над окнами, раскрепованные карнизы.

В сер. XVIII в. была построена Успенская ц. в Барышевке (уничтожена в сер. 30-х гг. XX в.). Трехчастный храм завершала 2-ярусная барочная глава на световом барабане и 2 маленькие декоративные главки — над алтарем и притвором. Традиционный для укр. барокко декор был дополнен фризом из керамических вставок. Характерными архитектурными деталями этого храма являлись крестообразные окна на фасадах и фронтон над входом с нишами-киотами для икон и барочной лепниной, к-рая «спускалась» до середины стены.

На средства П. И. Калнышевского архит. И. Г. Григорович-Барский возвел надвратную Петропавловскую ц. Межигорского мон-ря, соединившую черты укр. и елизаветинского барокко (1772–1774, уничтожена в 1936).

Переход в архитектуре от барокко к классицизму виден в формах Преображенской ц. *Преображения Господня муж. мон-ря* в с. Нещеров (1794, ныне скит Троицкого Ионина мон-ря) и ц. свт. Николая Чудотворца в Васильковке (ок. 1792). Никольская ц. крестообразная в плане, с 3 апсидами; в ее куполе с люкарнами, поставленном на высоком световом фонарике, и классическом карнизе можно видеть черты нового архитектурного стиля. К зданию пристроена колокольня того же време-

ни с рустованным 1-м ярусом, крупными арками во втором, небольшими треугольными фронтонами и куполом с главкой.

С начала и до 40-х гг. XIX в. в церковном строительстве на территории епархии наметился спад, памят-

ников этого периода сохранилось мало. В классицистических формах выполнена Вознесенская ц. в с. Жовтневом Згуровского р-на (1808): центральный полусферический купол дополнен 4 боковыми декоративными, вход в здание решен в виде полуторонды. Среди др. примеров храмов в стиле классицизма — церкви Преображенская в урочище Гусинцы близ Ржищева (1822), арх. Михаила в с. Филиппове Фастовского р-на (1836), свт. Николая Чудотворца в с. Остролучье Барышевского р-на (1827–1836), Преображенский собор (1833–1839) и ц. св. Марии Магдалины (1843) в Белой Церкви. К числу лучших памятников классицизма на Украине относится возведенный на средства гр. К. Г. Разумовского и его сына Алексея Троицкий собор в Яготине (1800, снесен в 1936, ныне находится в процессе воссоздания). Храм представлял собой ротонду, ок-

руженную колоннадой. Строительством руководил архит. А. А. Менелас, к-рый, возможно, использовал проект Н. А. Львова: общая композиция церкви и ее архитектурные де-

тали напоминают постройки Львова на Валдае, в с. Александровском под С.-Петербургом и в усадьбе Никольское-Черенчицы (ныне с. Никольское Торжокского р-на Тверской обл.) (Чекмарёв А. В., Слёзкин А. В. Хроника вандализма // Русская усадьба. М., 2006. № 12(28). С. 822–840). В церков-

*Собор
во имя преподобных
Антония и Феодосия
Печерских
в Василькове. 1756–1758 гг.
Фотография. 2012 г.*

ную ограду были встроены ворота с колокольней необычной формы,

архитектурное решение к-рой напоминает звонницу Никольской ц. в Диканьке Полтавской обл.: на массивное основание с проездной аркой был поставлен 2-й ярус, оформленный колоннадой со сдвоенными колоннами и завершенный полусферическим куполом. Образцом позднего провинциального классицизма является Борисоглебская ц. в Переяславе-Хмельницком (1839). Интересный пример использования классицистических форм в деревянной архитектуре можно видеть в ц. свт. Иоанна Златоуста в с. Пивни Фастовского р-на (1738(?), сер. XIX в.). Фасады крестообразной в плане 5-срубной церкви здесь оформлены в виде портиков с колоннами и фронтонами, а окна имеют полуциркульные завершения.

Расцвет храмовоздательства в епархии начался в 40-х гг. и продолжался во 2-й пол. XIX — нач. XX в. С 1842 по 1861 г. было построено или возобновлено 325 храмов (более 16 церквей в год), с 1862

*Вознесенская ц.
в с. Жовтневом. 1808 г.
Фотография. 2010 г.*

по 1879 г. — 365 (более 20 церквей в год) (Памятная книжка Киевской епархии. 1882. С. 232).

В архитектуре этого времени наметился переход от классицизма к историцизму (эkleктике), преимущественно рус. стилю. Наиболее оригинальные церковные постройки были возведены в Киеве и

киевских мон-рях епархиальными архитекторами П. И. Спарро, В. Н. Николаевым, Е. Ф. Ермаковым, массовое строительство на территории епархии велось по доработанным образцовым проектам (Борисоглебская ц. в Вышгороде, 1861–1863). Трехчастная одношатровая ц. прор. Илии в Чернобыле (1877) была возведена на основе проекта К. А. Тона, однако отличалась более насыщенным декором в духе XVII в.

Характерный для т. н. кирпичного стиля декор из фигурной кладки с элементами русского стиля имеют фасады Воскресенской ц. в с. Зазимье Броварского р-на (1875) и Успенской ц. в Переяславе-Хмельниц-

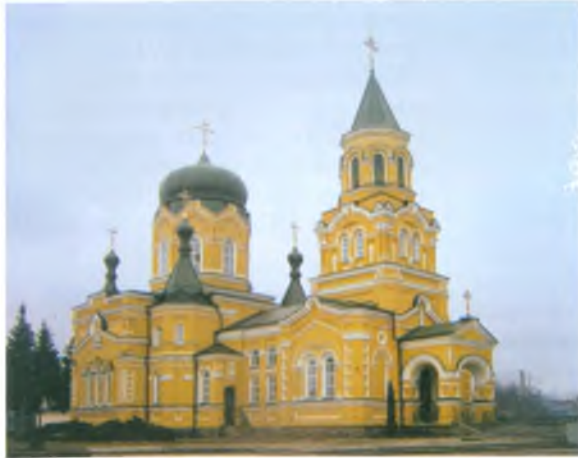
*Троицкий собор в Яготине.
(восстанавливается с 2005 г.).
Фотография. 2011 г.*

ком, в декоре к-рой можно видеть также элементы романской и барочной архитектуры (1904). Большинство сельских храмов строилось в дереве с сохранением традиц. планировки, но на их архитектуру влияли стили, господствовавшие в каменном зодчестве. Интересными примерами использования рус. стиля в деревянной архитектуре являются ц. арх. Михаила в Лукашах Барышевского р-на (1892–1896), Сретенская ц. в Сулимовке (1905), Никольская ц. в с. Лозовый Яр Яготинского р-на (нач. XX в.), 5-шатровая Никольская ц. в Рогозове (1886), воспроизводящая формы храмов Тона.

В нач. XX в. неск. храмов в окрестностях Киева спроектировал и построил архит. Н. Н. Горденин (1864–1914), работавший в различных исторических стилях, преимущественно русском: деревянная, обложенная кирпичом Михайловская ц. в Боярке Киево-Святошинского р-на (1898–1902), Покровская ц. в с. Козаровичи

Вышгородского р-на (1901–1909, не сохр.), кирпичная Покровская ц. в с. Нов. Петровцы Вышгородского р-на (1902–1911), деревянная Покровская ц. в с. Требухов Броварского р-на (1910). Неосуществленным остался выполненный этим архитектором в 1903 г. проект расширения собора преподобных Антония и Фео-

*Церковь
Покрова Пресв. Богородицы
в с. Новые Петровцы.
1902–1910 гг.
Фотография. 2012 г.*

досия в Василькове за счет пристройки с запада притвора в аутентичных храму барочных формах. В своих проектах Горденин использовал новые, совр. материалы: напр., для Воскресенской ц. в Зазимье он спроектировал хоры из железобетона (1911–1912).

Уникальным примером неорус. стиля в церковной архитектуре окрестностей Киева является Покровская ц. в с. Пархомовка Володарского р-на (ныне относится к Белоцер-

*Покровская ц. в с. Пархомовка.
1903–1907 гг. Фотография. 2008 г.*

ковской и Богуславской епархии). Храм построен в 1903–1907 гг. в имени В. В. Голубева по проекту столичного архит. В. А. Покровского как 3-нефная крестово-купольная бази-

лика, над зап. фасадом к-рой возвышается столпообразная 8-гранная колокольня наподобие Евфимиевской часозвони, а к южному пристроена маленькая часовня-усыпальница. В формах здания заметно влияние древнерус., преимущественно новгородской и псковской, архитектуры и модерна. Монументальные мозаичные панно «Покров Пресв. Богородицы» и «Спас Нерукотворный» для церкви были изготовлены по эскизам Н. К.

Рериха в с.-петербургской мастерской В. А. Фролова. Архитектурный ансамбль дополняет ограда с воротами необычной формы. Церковь послужила прототипом для ряда российских храмов нач. XX в., напр. Покровского старообрядческого собора в Боровске (*Слёзкин А. В. Церковь Покрова в Пархомовке и ее влияние на храмостроение неорус. стиля // Архит. наследство. М., 2008. № 49. С. 274–290.*)

Невосполнимый урон архитектурному наследию К. е. был нанесен в XX в.: в 20–30-х гг., когда в одном Киеве было уничтожено более 100 церквей (*Анисимов А. В. Скорбное бесчувствие. К., 1992. С. 223–237*), и в 60-х гг. В наст. время проводятся масштабные работы по воссозданию памятников церковной архитектуры как домонгольского (в Киеве), так и более позднего периода (ц. Св. Троицы в Яготине).

Лит.: *Похилевич Л. И.* Сказание о населенных местностях Киевской губ. К., 1864; *Памятная книжка Киевской епархии. К., 1882; Стороженко А.* Михайловская и Покровская церкви в г. Переяславе Полтавской губ. // *Киев. старина. 1891. Т. 32. № 2. С. 337–351; Павел Алеттский.* Путешествие. Вып. 4; *Ернст Ф.* Украинське мистецтво XVII–XVIII вв. К., 1919; *Гравовский И. А., Днестров И. Н.* Переяслав-Хмельницький: Архит.-ист. очерк. К., 1954; *Всеобщая история архитектуры. М., 1968. Т. 6. С. 372–450; Логвин Г. Н.* По Україні: Стародавні мистецькі пам'ятки. К., 1968; *Юрченко П. Г.* Дерев'яна архітектура України. К., 1970; *История городов и сел Укр. ССР. В 26 т. К., 1971. [Т. 10:] Киевская обл.; Памятники градостроительства и архитектуры Укр. ССР: В 4 т. К., 1983. Т. 1: Киев. Киевская обл.; Тимофіенко В. I.* Зодчі України кін. XVIII – початку XX ст.: Біогр. довідник. К., 1999; *Памятки архітектури та містобудування України: Довідник*

Державного реєстру нац. культурного надбання / Ред.: А. П. Мардер, В. В. Вечерський. К., 2000; *Вечерський В. В.* Втрачені об'єкти архітектурної спадщини України. К., 2002. С. 100–114; *он же.* Українські дерев'яні храми. К., 2007; *Івашко Ю.* Дерев'яне церковне зодчество Київщини. К., 2003.

А. А. К.

КИЕВСКАЯ КОМИССИЯ ДЛЯ РАЗБОРА ДРЕВНИХ АКТОВ

[Временная комиссия для разбора древних актов; Киевская археографическая комиссия, 1843–1921], научно-исследовательская организация, учрежденная в Киеве в 1843 г. с целью выявления, изучения и публикации архивных документов. Образование К. к. происходило в условиях интенсивного развития научных исторических объединений в разных регионах Российской империи – Московского и Одесского об-в истории и древностей, Виленского статистического комитета и др. В 1835 г. аналогичное об-во организовал 1-й ректор Киевского ун-та М. А. Максимович. Финансирование этой структуры было скудным, и в 1841 г. Максимович предложил киевскому генерал-губернатору Д. Г. Бибикову создать об-во по образцу московского. 30 апр. 1843 г. Бибиков подал соответствующее прошение на имя министра внутренних дел. В ответе от 31 мая того же года указывалось, что «император Высочайше соизволил на учреждение при Вас Временной комиссии для разбора древних актов в архивах присутственных мест и монастырей Киевской, Подольской и Волынской губерний» (ЦГИАК. Ф. 442. Оп. 152. Д. 232. Ч. 1. Л. 1–2). Т. о., сразу же была определена задача и территориальные границы деятельности организации. Об этом распоряжении были уведомлены Мин-во финансов, Синод и Главное духовное начальство римско-католич. исповедания. Им вменялось в обязанность помогать деятельности комиссии. Правовой статус К. к. был определен как структурное подразделение Мин-ва внутренних дел и одновременно как часть аппарата управления Юго-Западного края.

Первоначальные шаги по формированию К. к. были сделаны профессорами Максимовичем, Н. Д. Иванишевым, В. Ф. Домбровским и коллежником бароном С. де Шодуаром, которые разработали устав орг-ции, ее структуру и первые акты. Подбором кадров для работы в ко-

миссии занимался Бибиков. Археографические экспедиции начали работу уже летом 1843 г. Первыми получили соответствующие указания Домбровский (выехал на Волынь) и П. А. Кулиш (работал на Киевщине). Им поручалось исследовать и описать местные архивы (в т. ч. церковные и монастырские), а также приобрести документы у частных лиц. Успехи экспедиции и были положены в основу первых изданий К. к. и дальнейших исследований.

Датой основания К. к. считается 19 нояб. 1843 г., когда организационным комитетом был составлен акт о ее создании. 8 дек. состоялось 1-е заседание.

Деятельность новой комиссии не ограничивалась рамками К. к. генерал-губернаторства. Уже в 1844 г. для К. к. были открыты архивы Черниговского губ. правления, а с 1845 г. начали поступать материалы из архива Львовского ставропигиального ин-та и из Московского Главного архива Мин-ва иностранных дел. В дальнейшем разыскная деятельность охватила значительную часть гос., частных и церковных архивов. Члены комиссии отбирали наиболее важные документы и создавали собственный архив. При необходимости документы копировали. К примеру, собрание фельдмаршала П. А. Румянцева-Задунайского в 1852 г. было передано из Чернигова полностью, а материалы московского архива, касающиеся деятельности гетмана Б. М. Хмельницкого, скопированы и возвращены (среди них — письма гетмана патриарху Московскому и всея Руси Никону 1653 г.).

Накопленный материал уже в первые годы поставил перед комиссией необходимость публикаций. В нач. 1844 г. был представлен проект издания сборника, осуществленный в 1845–1859 гг. под названием «Памятники, изданные Временною комиссиею для разбора древних актов, Высочайше учрежденною при Киевском военном, Подольском и Волыньском генерал-губернаторе». Четыре тома «Памятников...» содержали документы из истории укр. церковных братств XVI–XVII вв., социально-экономического развития Украины, времен Освободительной войны и Руины. Т. о., впервые на территории Украины были реализованы принципы публикации исторических источников. Первый же

изданный том был высоко оценен специалистами, о чем свидетельствуют рецензии 1845 г., размещенные в «Финском вестнике» и «Отечественных записках». Единственный критический отзыв был опубликован историком К. Д. Кавелиным в 1847 г. на страницах «Современника».

В 50-х гг. XIX в. комиссия переживала бюджетные трудности. До 1853 г. было издано 9 томов, за следующие 5 лет — только 3 тома, причем 2 из них были подготовлены ранее. В то же время сборники пользовались большим успехом среди учебных заведений (тираж составлял 800–1200 экз.). Издания К. к. рассылались в ун-ты, гимназии и уч-ща С.-Петербурга, Киева, Казани, Н. Новгорода, Ровно, Симбирска, Новгород-Северска, Немирова, Полтавской, Новгородской, Олонецкой губ. и т. д.

Еще одной формой работы комиссии стала публикация материалов ее членами на страницах др. изданий. Напр., в «Чтениях Общества истории и древностей Российских» и «Временнике Общества истории и древностей Российских» регулярно печатались Максимович, Д. И. Зубрицкий, М. О. Судиенко, Кулиш.

С 1857 г. в работе К. к. появляется политическая направленность. Этому способствовал ее председатель М. В. Юзефович. В 1865 г. он писал, что деятельность К. к. должна служить «не только научным, но и правительственным целям» (Левицкий. 1893. С. 108). По политическим мотивам по инициативе Юзефовича в 1882 г. с должности главного редактора комиссии был уволен В. Б. Антонович.

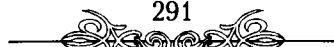
В 1864 г. деятельность К. к. послужила образцом для создания аналогичной Виленской комиссии. Разница между ними была только в значительно лучшем финансировании последней и в предмете научных розысков. В 1875 г. обсуждалась возможность слияния Киевской и С.-Петербургской комиссий, но реорганизации так и не последовало.

Только к 1863 г. сформировалась структура К. к., просуществовавшая до 1921 г. Центральными фигурами стали председатель, главный редактор и делопроизводитель. В 1845 (1843?) г. К. к. официально возглавил правитель канцелярии генерал-губернатора Н. Э. Писарев. Затем деятельностью К. к. руководили Судии-

енко (1848–1857), Юзефович (1857–1889), В. В. Вельяминов-Зернов (1889–1904) и В. С. Иконников (1904–1921). Председатель осуществлял общее руководство и поддерживал связи с другими структурами (государственными, научными, общественными). В научной работе К. к. центральную роль играл главный редактор. В его обязанности входил отбор материалов и подготовка к публикации. Эту должность поочередно занимали известные исследователи Иванишев (1859 (1861?)–1863), Антонович (1863–1882), М. Ф. Владимирский-Буданов (1882–1916) и М. Н. Ясинский (1916–1921). Из делопроизводителей в К. к. наиболее известными личностями были Иванишев и О. И. Левицкий, к-рый, занимая эту должность на протяжении 47 лет, собрал большой материал о ее деятельности.

С сер. 50-х гг. XIX в. необходимость концептуального переосмысления дальнейшей работы комиссии стала очевидной. В результате с 1859 г. начался регулярный выход новой серии — «Архив Юго-Западной России», продолжавшейся до 1914 г. Идея издания принадлежала известному юристу Иванишеву, хорошо знакомому с содержанием актовых книг. Эти публикации не только заслужили похвальные отзывы со стороны историков (напр., М. О. Коялович в 1870 называл издание «образцовым»), но и стали основным источником информации для исследований по истории Украины XV–XVIII вв. К кон. XIX в. на страницах «Архива Юго-Западной России» публиковались материалы по социальной истории, истории общественной мысли, административному устройству, истории экономики, этнографии, обычному и церковному праву и т. д.

В 1914 г. в связи с началом войны работа К. к. фактически прекратилась. Уже в 1915 г. комиссия вместе с Киевским ун-том эвакуировалась в Саратов. После Февральской революции 1917 г. деятельность К. к. была возобновлена в Киеве, но сводилась в основном к распространению изданий и поддержанию отношений с научными и культурными центрами. 13 апр. 1921 г. вслед слияния К. к. и Археографической комиссии (создана в 1919) сформировалась Археографическая комиссия Всеукраинской АН. Устав для новой орг-ции разработал бывший

руководитель К. к. Иконников. Предполагалось подготовить к публикации летописи, юридические акты, документы по социальным отношениям, истории экономики, истории Церкви. Возглавили новую структуру Иконников и Левицкий. В первую очередь планировалось опубликовать издания, подготовленные бывш. комиссией (6 томов), но это начинание не было осуществлено.

В результате деятельности К. к. был собран значительный археографический материал. К нач. 2013 г. часть этой коллекции находится в Центральном государственном историческом архиве Украины в г. Киеве (ЦГИАУК): в фонде 220 («Коллекции документов Киевской археографической комиссии») хранится 550 дел. Документы датируются от 1369 до 1897 г. Среди них — привилегии, грамоты, указы, акты, патенты, письма, найденные в частных собраниях, монастырских и правительственных архивах. Значительная часть документов касается истории монастырей и церквей, к примеру: грамота кор. *Сигизмунда I* о даровании судебных прав Киевским митрополитам (1511), Устав Луцкого братства (1624), универсал гетмана Хмельницкого на право *Самарского Пустынного во имя свт. Николая Чудотворца монастыря* собирать десятину с казаков (1651), грамота царя Петра I и его брата Иоанна V об узаконении Киевской богословской школы при *Киево-Братском мон-ре* (1693), грамота имп. Елизаветы Петровны о подтверждении ставропигии Киево-Печерского мон-ря (1742) и др.

Арх.: НБУВ ИР. Ф. 1. Д. 11850; Ф. 10. Д. 1718, 7136, 7715, 8063, 8435, 8442, 8444, 10153, 10154, 10156, 10206, 10237–10239, 10404, 10408, 10545; ЦГИАК. Ф. 220; Ф. 442. Оп. 152. Д. 232. Ч. 1, 2; Оп. 520. Д. 144; Ф. 849. Оп. 1. Д. 69; Ф. 873. Оп. 1. Д. 11, 35.

Изд.: Памятники, изд. Временною комиссиею для разбора древних актов, Высочайше учрежденною при Киевском военном, Подольском и Вольнском генерал-губернаторе. К., 1845, 1848². Т. 1; 1846. Т. 2; 1852. Т. 3; 1859. Т. 4; То же, изм. загл.: Памятники, изд. Киевскою комиссиею для разбора древних актов. К., 1898². Т. 1; 1897². Т. 2; 1898². Т. 3; Древности, изд. Временною комиссиею для разбора древних актов. К., 1846. Вып. 1–3; Летопись событий в Юго-Зап. России в XVII в., сост. С. Величко, бывш. канцелярист канцелярии войска запорожского, 1720. К., 1848. Т. 1 / [Ред.: Н. И. Костомаров, Н. А. Ригельман]; 1851. Т. 2 / [Ред.: Н. А. Ригельман]; 1855. Т. 3 / [Ред.: И. О. Самчевский]; 1864. Т. 4: Приложения / [Ред.: В. Б. Антонович, И. О. Самчевский]; Жизнь кн. А. М. Курбского в Литве и на Волыни / [Ред.: Н. Д. Иванишев]. К., 1849. 2 т.;

Гряблянка Г. Действия презельной и от начала поляков кривавшой небывалой брани Богдана Хмельницкого, гетмана Запорожского, с поляки / Предисл.: И. О. Самчевский. К., 1854; Архив Юго-Западной России, изд. Временною комиссиею для разбора древних актов. К., 1859–1914. 8 ч. в 35 т.; *Иванишев Н. Д.* О древних сельских общинах в Юго-Зап. России. К., 1863; Сборник мат-лов для ист. топографии Киева и его окрестностей / [Ред.: В. Б. Антонович, Ф. А. Терновский]. К., 1874; Летопись Самовидца по новооткрытым спискам / [Ред.: О. И. Левицкий]. К., 1878; Указатель к изданиям Временной комиссии для разбора древних актов / Сост.: И. П. Новицкий. К., 1878. Т. 1: Имена личные; 1882. Т. 2: Имена геогр.; *Иннокентий (Борисов), архиеп.* О начале христианства в Польше. К., 1886; *Кордт В. А.* Мат-лы по истории рус. картографии. К., 1899–1910. 2 вып.; Сер. 2. 1906. Вып. 1; Палеографический изборник: Мат-лы по истории южнорусского письма в XV–XVIII вв. / [Ред.: И. М. Каманин]. К., 1899. Вып. 1; Сборник статей и мат-лов по истории Юго-Зап. России. К., 1911. Вып. 1; 1916. Вып. 2.

Лит.: *Коялович М. О.* Западнорус. археографические издания последнего времени // ЖМНП. 1870. Ч. 152. Ноябрь. С. 100–110; *Романович-Славатинский А. В.* Жизнь и деятельность Н. Д. Иванишева, ректора ун-та Св. Владимира и вице-председателя Киевской археогр. комиссии // ДНР. 1876. № 1. С. 19–44; *Каманин И. М.* [Рец. на:] Архив Юго-Зап. России. Ч. 1. Т. 6: Акты о церковно-религ. отношениях в юго-зап. Руси (1322–1648). К., 1883 // Киевская старина. 1884. № 12. С. 708–716; *Лобода Ф.* Из воспоминаний об Н. Д. Иванишеве // Там же. 1887. № 12. С. 788–794; [Мякотин В. А.] [Рец. на:] Архив Юго-Зап. России. Ч. 7. Т. 2: Акты о заселении Юго-Зап. России. К., 1890 // Там же. 1892. № 10. С. 131–156; *Левицкий О. И.* 50-летие Киевской комиссии для разбора древних актов, 1843–1893: Ист. зап. о ее деятельности. К., 1893; *он же.* Сведения о деятельности Киевской комиссии для разбора др. актов // Сб. статей и мат-лов по истории Юго-Зап. России. К., 1911. Вып. 1. С. 1–37; *он же.* Летопись занятий Комиссии (1911–1914) // Там же. 1916. Вып. 2. С. 1–9; Торжественное публичное собрание Киевской комиссии для разбора др. актов в день 50-летнего ее юбилея. К., 1893; *О. М.* Памятники, изданные Киевской Комиссией для разбора др. актов. Т. 1–3. Изд. 2-е. К., 1898; [Рец.] // Киевская старина. 1899. № 2. С. 119–121; *Иконников В. С.* Опыт рус. историографии. К., 1908. Т. 2. Кн. 2. С. 1050–1052; *Василенко М. П.* Академик О. И. Левицкий // Зап. соціально-економічного відділу Всеукраїнської АН. К., 1923. Т. 1. С. 1–81; *Грушевський М. С.* О. И. Левицкий // Україна. К., 1924. Кн. 1/2. С. 199–202; *Міаковський В.* Кирило-методіївці в Археографічній комісії // Ювілейний збірник на пошану акад. М. С. Грушевського. К., 1928. Т. 1. С. 312–323; *Романовський В. О.* Колекція, що належала «Комісії для разбора древних актов» // Центральный архив стародавніх актів у Києві. К., 1929. С. 147–150; *Ватуля Б. С.* Из истории археографической практики на Украине в XIX–XX вв. // ИА. 1957. № 2. С. 192–195; *Журба О. I.* *Ковальський М. П.* Значення діяльності В. Ф. Домбровського у становленні Київської археографічної комісії // Вісник Київського ун-ту. Сер.: Історія. 1989. Вип. 31. С. 48–55; *Журба О. I.* Київська археографічна комісія, 1843–1921: Нарис історії і діяльності. К., 1993; *он же.* Проблеми та перспективи до-

слідження діяльності Київської археографічної комісії // Мат-ли ювілейної конференції, присвяченої 150-річчю Київської археографічної комісії. К., 1997. С. 34–50; *он же.* Становлення укр. археографії: Люди, ідеї, інституції. Дніпропетровськ, 2003; *Дорошенко Д. I.* Огляд укр. історіографії. К., 1996. С. 118–122; *Войцехівська І. Н.* Академик В. Иконников: Життєпис та бібліографія. К., 1998; *Сарбей В. Г., Москвич Л. Г.* Академик УАН О. I. Левицкий (1848–1922 рр.). К., 1998; *Каманин И. М.* Киевский центральный архив (1852–1880 гг.) // Київський центр. архів давніх актів, 1852–1943. К., 2002. Т. 1. С. 17–24; Київський центр. архів давніх актів, 1852–1943. К., 2002. Т. 1: 1852–1921. С. 60–69; *Калакура Я.* Укр. історіографія. К., 2004. С. 192–194, 198.

В. В. Ластовский

КИЕВСКАЯ НОТАЦИЯ [киевское знамя], нотопевиная система записи одноголосных и многоголосных богослужебных песнопений РПЦ, разработанная на западноукр. и западнобелорус. землях не позднее нач. 90-х гг. XVI в. Для записи мелоса используется 5-линейный нотный стан. В сер. XVII в. К. н. была принесена украинцами и белорусами в Москву, где в конце столетия в одной из певч. азбук получила название «киевское знамя» (см.: Наука всяя мусикии. Аще хощеша разумети киеуское знамя // РНБ. Q.XII.1. Л. 125–129, 80-е гг. XVII в.; изд. *Шабалин*. 2003. С. 364). В Московской Руси К. н. применялась для записи одноголосных песнопений и многоголосного *партесного пения*. Наименования К. н. и ее элементов (ключей, нот, длительностей и др.) известны из двозначенных *азбук певческих* и музыкально-теоретических трактатов о партесном пении 2-й пол. XVII в., составленных, вероятно, с участием укр. певчих (см.: «Сказание — како подмечати над российским знаменем столповым в странных и простых согласиях, где прилучится, русскою согласною пометою против киевския шкали (т. е. звукоряда.— *Е. III.*) и против существа» // РНБ. Q.XII.1. Л. 80 об.; изд.: *Шабалин*. 2003. С. 190). Линейная нотация называлась также «органопартесной» (см., напр.: «Извещение о согласнейших пометах, снесенных (т. е. соотносенных.— *Е. III.*) с нотами органопартесными» // РНБ. Кир.-Бел. № 677/934. Л. 26, 90-е гг. XVII в.; изд.: *Шабалин*. 2003. С. 192). В работах укр. исследователей К. н. нередко именуется «ирмолойной» по причине ее применения в укр. и белорус. *Ирмологионах* — певч. сборниках смешанного типа кон. XVI–XIX в.

Проблемы происхождения и типологии. Поскольку с рубежа XVII и XVIII вв. К. н. стала преобладать в певч. книгах РПЦ (*знаменная нотация* продолжала применяться в *старобрядчестве*), вопросы ее генезиса и особенности графики рассматривались во мн. научных и научно-популярных трудах, посвященных истории рус. церковнопевческой культуры. Несмотря на это, история К. н. изучена недостаточно, ее позднейшие графические формы часто принимаются за ранние. Причина ошибок — в недоступности для большинства исследователей таких источников по К. н., как украинско-белорус. Ирмологионы кон. XVI — 1-й пол. XVII в., и, как следствие — невозможность сличить графику ранней К. н. и зап. нотного письма.

Рассматривая западноевропейские прототипы К. н., исследователи иногда определяют ее как «латинскую» (Castro. 1881) или «униатскую», т. е. смешивающую «католический и восточно-православный тип богослужебного пения и его нотации» (Поспелова. 2003. С. 277). Однако к 1596 г., когда была провозглашена Брестская уния, послужившая основой для возникновения Украинской и Белорусской греко-католических Церквей, К. н. уже существовала: она присутствует в Ирмологионе правосл. Супрасльского в честь Благовещения Пресв. Богородицы мон-ря, составление одного из разделов к-рого, судя по филиграням, приходится на 1594–1596 гг. (см.: Дубровина. 1993. С. 18). Поскольку в начальной форме К. н. уже тщательно разработаны способы обозначения ритма и звуковысотности напевов, можно предположить, что как система она сформировалась до 1596 г. В униат. Ирмологионах К. н. применялась параллельно правосл. традиции примерно со 2-й четв. XVII в. (время, с к-рого можно определить принадлежность к униатству тех или иных церквей и составленных в них певч. сборников). Поскольку правосл. мон-ри (напр., белорусские Жировицкий, Супрасльский и др.) стали греко-католическими в XVII в., традиция письма «киевским знаменем» уже успела закрепиться в них до момента перехода их в унию. Н. А. Герасимова-Персидская предположила, что создатель К. н. мог происходить из протестант. среды (Герасимова-Персидская. 1991. С. 59), что невозмож-

но ни подтвердить, ни оспорить, хотя применение линейной нотации протестантами действительно имело для православных важнейшее значение и служило дополнительным доводом для возможности перехода к новому типу письма.

Аргументом против узко конфессиональной характеристики К. н. является то обстоятельство, что линейная нотация, возникшая в XI в. в церковнопевч. традиции, получила в Зап. Европе в XVI в. всеобщее распространение и применялась не только в нотах Римско-католической Церкви и всех протестант. церквей, но и для записи светской вокальной и вокально-инструментальной музыки, а в виде ритмических знаков — во всех типах табулатур (французской, итальянской, испанской, немецкой), в т. ч. фиксирующих духовные песни, исполняемые с инструментальным сопровождением. Южнорус. книжники использовали в К. н. самые общие принципы западноевроп. линейной нотации, не связанные с той или иной конфессией и присущие сборникам разного происхождения и назначения.

В кон. XVI в. правосл. юго-западнорус. певчим был необходим универсальный тип нотации для записи песнопений 3 певч. стилей, распространенных в данном регионе: 1) *знаменного распева* украинско-белорус. редакций, 2) греко-балканских поствизант. песнопений XVI в. (мелизматических) и новых песнопений XVII в. того же происхождения (*болгарского распева, греческого распева*; разной мелодической структуры), в т. ч. записанных в то время в поздневизант. нотации, 3) партесного многоголосия нового стиля, разработанного в кон. XVI в. в юго-западнорус. *братствах*, и новых одноголосных напевов юго-западнорус. Церкви, стилистически сходных с партесными. Духовный *кант* (жанр песенного творчества эпохи барокко), широко распространившийся на укр. землях с кон. XVI в., был впервые зафиксирован с помощью К. н. в 3-голосном виде в 1649 г.; в посл. сборники духовных и светских кантов переписывались и издавались на Севере и Юго-Западе Руси.

Можно предположить, что стимулом к освоению православными Юго-Зап. Руси в кон. XVI в. нотолинейной системы также было намерение организовать нотопечатание, поскольку римско-католические печатные но-

ты имели хождение с кон. XV в., а протестант. *канционалы* и сборники духовных песен с др. названиями — с кон. 10-х гг. XVI в. Тиражирование певч. сборников могло значительно упрочить в регионе позиции правосл. Церкви, однако оно началось лишь через столетие — в 1697 г. в Супрасле (см.: Лабынцев. 1983) и в 1700 и 1709 гг. во Львове. Эти издания стали первыми восточнорус. старопечатными певч. книгами с квадратной К. н.

Графическая система К. н. является результатом органичного соединения разнородных элементов, заимствованных из нотаций разного происхождения: западноевропейских хоральной *квадратной* и *мензуральной*, а также рус. знаменной. О родстве К. н. с зап. нотациями писал ряд зарубежных исследователей (Castro. 1881; Riesemann. 1909; Wolf. 1913. S. 91, 96, 120; Lehmann. 1962). Проанализировав их суждения и рассмотрев К. н. 2-й пол. XVII — нач. XVIII в., Р. Л. Поспелова отметила, что по графике («сплошная зачерненность нотных головок, их квадратно-ромбовидные очертания, бестактовость») К. н. «восходит к общему типу римской квадратной нотации» и «родственна более архаичным типам нотаций квадратно-мензуральной конституции» (Поспелова. 2003. С. 269). По способу же выражения ритма К. н. — «это позднемезуральная нотация, точнее, ранняя барочно-мензуральная, т. е. фактически нотация Нового времени на начальном этапе («на выходе от мензуральной»)» (Там же). Самобытность графического симбиоза, осуществленного в К. н., подчеркивается тем фактом, что ранняя хоральная нотация применялась для одноголосного пения, а позднейшая мензуральная нотация была разработана для многоголосия. Поздняя К. н. также имеет общие черты с региональной разновидностью зап. хоральной нотации — *готической нотацией*. В ней присутствует «ромбовидная форма, равно как и характерное утолщение и изгиб хвоста в четверках (четвертях.— Е. Ш.)», что напоминает знак «вирга» (в форме подковного гвоздя, нем. Hufnagel) готической нотации, «распространенной с XIII в. в восточнонемецких, а позднее в примыкающих к ним славянских землях». На основе этой графической параллели исследователь делает предположение, что «киевская

нотация через Польшу наследует именно этот тип нотации» (Там же. С. 270). Однако указанное сходство проявляется только в поздней К. н. и не позволяет судить о ее генезисе и о зап. источниках, поскольку ранние формы К. н. отличаются начертаниями от поздних.

Кон. XVI–XVII в. В истории графики юго-западнорус. К. н., предназначенной для монодийного пения, можно выделить быстро сменяющиеся ранний, средний и поздний этапы, различаемые по видам ключей, нотных

чек, расположенных на расстоянии терции), причем обозначаемый ею звук находится посередине. Ноты, предназначенные для долгих звуков, напоминают западноевропейские, но имеют и отличия. Для бревиса (удвоенной целой) в К. н. выбран знак целой-статии с присоединением к нему справа 3-го элемента — боковой вертикальной черты, выступающей сверху и снизу, что напоминает западноевроп. лонгу. Лонга (удвоенный бревис) в К. н. строится из 4 элементов: статии и 2 боковых черт вокруг нее; максима

Фрагмент ранней киевской нотации из западноукр. Долынянского Ирмологиона. Нач. XVII в. (Ин-т лит-ры им. Т. Г. Шевченко. Фонд И. Франко. № 4779. Л. 243 об.)

и нек-рых дополнительных знаков. Ранняя К. н. имеет неск. характерных признаков, отличающих ее от западноевроп. письма. Ей не присуща «квадратность»: это легкое, беглое, «крюкоподобное» письмо (*Ясиновский. 2006. С. 102*). Хорошо известно графическое сходство между 3 основными нотными знаками К. н. и знаменного письма: целая нота — статия (2 параллельные черты), половинная — крюк (в «зеркальном отражении» относительно вер-

та же лонга, «вытянутая» в длину. Лонга и максима, применяемые преимущественно на последнем звуке песнопения, выразительно маркируют его завершение, иногда несколько лонг объединены лигами.

1-ю графическую подгруппу знаков К. н. образуют незаштрихованные половинная, целая, бревис, лонга и максима, 2-ю — заштрихованные четверть и ноты кратких длительностей (восьмая, шестнадцатая). Последние различаются по стилям (у четверти — длинный прямой, у восьмой — «ломаный» или волнообраз-

Поздняя киевская нотация. Долгие ноты (лонги) в конце раздела. Ирмологион Т. Чеховича. 1720 г. (НБУВ ИР. Ф. 1. № 7477. Л. 126 об.)

тикального элемента), четверть — стопица (также «в обращении»). По сравнению с квадратной К. н. графика этих знаков самобытна и легко узнаваема, хотя крюк и стопица несколько изменены (укорочены их горизонтальные элементы), что диктуется потребностью уместить эти знаки на одной линии ноты, не задевая соседние линии, или в узком промежутке между линиями.

Самым оригинальным знаком К. н. стала целая нота-статия (из 2 черто-

вый, у шестнадцатой — с двойным штрихом). Изогнутый стиль в знаке четвертной ноты в ранней К. н. не применялся (он появился в более позднее время в российских линейных списках). Группы восьмых часто записывались под одним ребром — «вязками», так же и шестнадцатые, к-рые в монодии в то время применялись очень редко (в болгарском распеве), гораздо чаще — в записи партесной музыки. Для продления длительности использовали точку и фермату, значение которых в западноевроп. нотации

уже установилось и соответствовало современному. Дополнительные заимствованные знаки в ранней К. н. были кустоды, или сторожи, проставляемые в конце нотной строки для того, чтобы определить высоту 1-го звука следующей строки. Во 2-й пол. XVII в. кустоды утратили свою функцию и проставлялись на одной и той же высоте с декоративной целью, а в XVIII в. перестали применяться.

Создатели К. н. сознательно отказались от типичной ромбовидной формы большинства знаков европ. мензуральной нотации: ноты-ромбы в К. н. заменены черточками, незаштрихованными квадратами и прямоугольниками. В К. н. отсутствуют типичные для хорального и мензурального письма лигатуры (обозначения одним начертанием 2 или нескольких связно поющих звуков). В графике ранней К. н. аналогичными ромбовидному зап. нотному письму являются такие общие элементы, как нотыносек и кустоды, тогда как ключ, нотные и некоторые дополнительные знаки отмечены графическим своеобразием. Несовпадение К. н. ни с одним видом европ. нотного письма было отмечено прот. Дмитрием *Разумовским*, к-рый справедливо признал ее самобытной (*Разумовский. 1867. Вып. 1. С. 85*); такую же т. зр. высказал прот. Иоанн *Вознесенский* (*Вознесенский. 1898. С. 22*). Утверждения о заимствовании К. н. как целостной графической системы не находят подтверждения в источниках.

Поскольку с кон. XVI в. К. н. начала широко использоваться, ее графика быстро менялась в деталях. Приблизительно со 2-й четв. XVII в. начинается средний этап развития ирмолойной нотации, когда в некоторых кодексах стали применять квадратную форму нот. Для партесных поголосников она была определяющей уже в нач. XVII в., когда квадратная К. н. составила отдельную функциональную разновидность наряду с крюковидной ирмолойной. «Утолщение» нот заметно и по «одинарным» (половинная, четверть, восьмая, шестнадцатая), и по «двойным» знакам (целая, бревис, лонга) (см. иллюстрации в ст. *Жировицкий (Жировичский) в честь Успения Пресв. Богородицы ставропигиальный муж. мон-рь*, разд. «Певческая традиция»). Вариантами квадратных начертаний становятся пря-

моугольники. Благодаря «квадратности» К. н. возникает аналогия со средневеков. европ. квадратной нотацией. Не исключено, что квадратная К. н. такого вида попала в тек-

ный крен (в этом случае целая-статья несколько напоминает сложитие знаменной нотации). Этим поздняя К. н. больше напоминает зап. письмо, чем ранняя. Однако идеально четкое западноевропейское ромбовидное письмо и К. н. с наклонными нотами различаются по расположению штиля. В симметричной

*Средний этап
развития киевской нотации.
Фрагмент из Ирмологиона
киевского Межигорского
мон-ря. 40-е гг. XVII в.
(НБУВ ИР. Ф. 312.
№ 112/645 с. Л. 13)*

сты Ирмологионов из партесных поголосников, составленных в нач. XVII в. во Львовском братстве (*Дешифра*. 2002). Ирмолойная К. н. среднего этапа характеризуется 2 отличительными признаками: формой целой ноты (2 квадрата, расположенные по вертикали через терцию) и наличием кустодов в нотном тексте с сохранением их функции. В нотных текстах ряда Ирмологионов изображение целой, напротив, утратило четкость (2 «пятнышка» неопределенной формы).

В поздней К. н. (со 2-й пол. XVII в.) признак «квадратности» остается оп-

западноевроп. ноте-ромбе он закреплен ровно посередине в одной точке, тогда как в асимметричных нотах К. н. — с правой стороны, что позволяет считать их наклонными квадратами или прямоугольниками, а не ромбами.

Если в кон. XVI в. юго-западнорус. переписчики намеренно выбрали графическую форму нотных знаков, отличную от западноевропейской, то во 2-й пол. XVII в. эта идея утратила актуальность и вид нотных знаков был в большей степени «европеизирован», что было отражением общего интереса к зап. культуре в то время, сказавшегося, в частности, в появлении партесного многоголосия, музыкально-теоретическое осмысление особенностей к-рого выразилось в рус. и зап. тональных системах и терминологии. В поздней К. н. изменилось начер-

*Поздняя киевская нотация.
Фрагмент из Ирмологиона
киевского Межигорского
мон-ря. Запись кон. XVII в.
(НБУВ ИР. Ф. 312.
№ 112/645 с. Л. 12 об.)*

ределяющим (ср. ее разговорное название — «топорики»). Удобство бокового нажима пера все чаще приводит к более или менее выраженному наклону нот вправо, благодаря чему становится заметным их ромбовид-

тание целой ноты, к-рая приобрела вид 2 ромбов (сдвоенный западноевроп. семибравис; ее геометрическая четкость особенно наглядна в старопечатных нотных изданиях, начиная с Ирмологиона 1700 г.). Но головки других знаков К. н. сохранили прежние квадратно-прямоугольные начертания. В гра-

фике Ирмологионов 2-й пол. XVII–XVIII в. заметно стремление сделать наглядной метрическую организацию напева, проявившееся в объединении нот в группы, где единицей измерения времени была целая нота-«такт» в 2 метрических вариантах: чаще двудольном (из 2 половинных нот), иногда 3-дольном (из 3 половинных).

Целая нота из 2 ромбов стала самым оригинальным элементом К. н., своеобразие к-рого отмечено мн. историками музыки (так, О. фон Риземан назвал ее «двухголовой» — *Riesemann*. 1909. S. 105). Высоту звука целой ноты определяет промежуток между 2 нотными головками (как в ранней целой-статии — между 2 чертами). Незнание этого факта иногда приводило к ошибочному прочтению К. н., особенно в начале советского периода, когда церковнопевч. книжность изучалась мало (см., напр., работу Б. И. Загурского, где целые ноты были расшифрованы терциями как 2 лат. семибрависа и традиц. кантовое трехголосие «сменялось» шестиглосием при появлении целых нот в тексте оригинала: *Загурский Б. И.* Музыкальная культура в России XVIII в. // Музыка и балет в России XVIII в. / Я. Штелин и др. Л., 1935. С. 16).

В 1675 г. лютеран. пастор Иоганн Гербиний опубликовал в книге о Киево-Печерской лавре (*Religiosae Kijovienses Cryptae, sive Kijovia Subterranea*) оригинальный рисунок под названием «notae musicae ruthenorum». Этот 4-строчный набросок партесного поголосника с «рутенской» нотой и подтекстовкой «Слава Тебе, Боже наш» приводился в трудах по истории церковного пения и нотации прот. Димитрия Разумовского (см.: *Разумовский*. 1867. Вып. 1. С. 84), А. С. Цалай-Якименко, Пospelовой и др. Хотя Гербиний посещал Вильно и, возможно, Киево-Печерскую лавру и видел певч. книги, его рисунок, судя по графике, — неточная копия неизвестного укр. или белорус. протографа. Изображенные им «двойные» ромбы-целые и «квадратные»-восьмые действительно соответствуют нормам К. н. 2-й пол. XVII в., однако др. ноты — напр., одинарные ромбы без штилей — отсутствуют и отражают влияние зап. нотного письма, хорошо известного Гербинию, в т. ч. по нотным протестант. канционалам. Изображение ключа С в виде наклоненной скобки

40-е гг. XVII в.) или (реже) фитных мелодий;

*Запись канта
«О, прекрасная пустыни»
киевской нотацией
в сборнике XVIII в.*

по доступным певч. книгам неизвестно. Вероятно, зарисовка «рутенских» нот была сделана им по па-

т. п.), применявшихся с той же целью в масштабных песнопениях, имеющих несколько «припевов» (см. полиелей «мултанский» (т. е. молдавский)

*Ошибочная
расшифровка записи канта
«О, прекрасная пустыни»
в публикации Б. И. Загурского*

в Супрасльском Ирмологионе НБУВ ИР. Ф. 1. № 5391, 1596–1601 гг.).

мяти или в спешке, вслед. чего она не может быть признана надежным источником, точно отражающим партесную К. н. 2-й пол. XVII в.

XVIII в. Заметные изменения в графике К. н. отмечены в Ирмологионах Киево-Печерской лавры 20-х гг. XVIII в. После пожара 1718 г. необходимо было пополнить утраченные книжные фонды и началась работа по подготовке певч. изданий. В 20-х гг. XVIII в. здесь было создано неск. печатно-рукописных Ирмологионов с необычной для Украины ромбовидной К. н., близкой к зап. типу. Этот технический эксперимент не имел удачного завершения, и издание полупечатных Ирмологионов прекратилось в лавре до нач. XIX в. (подробнее см. в ст. *Издательства и издания духовно-музыкальные, разд. «На Украине»*). В возобновившейся рукописной практике XVIII–XIX вв. К. н. снова стала традиционной (квадратно-прямоугольной с наклонными нотами) и больше не менялась.

В разных списках Ирмологионов XVII–XVIII вв. применялся набор дополнительных графических элементов К. н. Особое внимание уделялось значкам, отражающим особенности композиции напевов и позволяющим сжато записать песнопение с точно повторяемыми муз. фрагментами. Это, во-первых, знак ⋈ , представленный в мелодических строках на месте «припевов» (напр., в песнопении «*Блажен муж*» начиная со 2-й строки — НБУВ ИР. Ф. 312. № 112/645 с,

Киноварные «крестики» или 8-угольные «звездочки» проставлялись в нотной строке на месте случайно пропущенного переписчиком фрагмента нотного текста (соответствующая вставка с таким же значком выписывалась на поле страницы).

Длительные мелодические синтагмы (фитные и нефитные) выделялись в песнопениях квадратными или фигурными скобками, «звездоч-

*Фрагмент из Ирмологиона
послушника Ианнуария
Салухи. Киево-Печерская
лавра. 1852 г. (НКПИКЗ.
Кн. № 2084. Л. 34 об.)*

ками» и т. п. Для маркировки *фит* из знаменных рукописей в нотолинейные Ирмологионы «перешел» знак θ (без окружающих крюков). Он проставлялся по желанию переписчика: в начале или конце нотной записи распева фиты, вместо него и даже в строке словесного текста под точно выписанным фитным распевом (Зинченко. 2006; Она же. 2013). Знак θ указывал на необходимость спеть фиту по памяти, подобно тому

как распевались на память фитные формулы безлинейных текстов.

Набор основных знаков К. н. включал кроме нот ключи и бемоли, отражающие звуковысотное положение и интервальную структуру церковных напевов. Названия ключей соотнесены со звукорядом и приведены в поздних азбуках. Цефавтные ключи проставлялись в партиях голосов разной тесситуры на всех линейках (начиная с нижней в восходящем направлении): дискант, альт-крыжак (высокий альт), альт, тенор, бас. Для записи в разных тональностях применялись бемоли и дизезы, что влияло на расположение тонов и полутонов на нотномоще и меняло релятивное название ключа (напр., для «дурального» звукоряда — це-фа-ут, для «бемольного», при том же расположении ключа, — це-сол-ут и т. п.; см.: *Шабалин*. 2003. С. 356).

В записи монодийных песнопений украинско-белорус. Ирмологионов использовалась «абсолютно-релятивная» К. н., в к-рой интервалу мелодии регулировали ключи и бемоли; «абсолютной» считают функцию ключа, проставленного в начале песнопения (*Цалай-Якименко*. 1974. С. 205). Значение бемоля несколько различалось в зависимости от того, ставился он при ключе или отдельно. Возле цефавтного ключа в начале песнопения мог ставиться только 1 бемоль (для обозначения бемольного звукоряда),

который обозначал низкое высотное положение («понижение») тех ступеней, к-рые в монодийных ладах осмогласия в

принципе были переменными (в абсолютной записи — си-беквар/си-бемоль и/или ми-беквар/ми-бемоль и др.), а в исполнительской практике они звучали в мелодических оборотах и без письменных указаний (ср. с зап. *musica ficta*). Если же бемоль ставился отдельно вместо ключа (на линейке), то перенимал его функцию и маркировал высоту не своей ступени *ut/fa*, а нижележащего «си (ми) беквара». В любом слу-

чае функции дурального ключа и бемоля совпадали в том, что оба они обозначали верхний звук полутона, независимо от реальной высоты звука и принципа прочтения звукоряда (в 7-звучной системе do—si или в 6-звучной (гексахордной) ut—la). Бекары в К. н. использовались редко (для отмены действия предыдущего бемоля; см. ил. из Долынянского Ирмологиона), дизезы до нач. XVIII в. в записи юго-западнорус. монодии не применялись (в отличие от партесных поголосников), поскольку правила расстановки бемолей позволяли фиксировать с их помощью и «повышение» ступеней (при переводе в абсолютную запись — фа-диез, до-диез и др.).

Если мелодия песнопения была украшена т. н. *мутацией* (условно, модуляция, возникающая вслед. высотной транспозиции напева вместе с соответствующим участком звукоряда), то ключ и бемоль (или один из них) «перемещались» на письме по сравнению с первоначальным положением (Там же. С. 206). Новое положение ключа, ключа вместе с бемолем или одного бемоля указывало на смещение полутона, расположенного между 3-звучными ячейками-«естествогласиями» (между ступенями-«степенями» с и м, в и м «с хохлом»; см.: *Шабалин*. 2003. С. 167), и по этому смещению можно было определить новое высотное закрепление звукорядного участка и новые интервальные соотношения между нотами. Аналогом знаков мутации К. н. в знаменном письме были крыжевые и сипавые *пометы* (см.: *Цалай-Якименко*. 1996; *Холопов*. 1987). В кон. XVII в. применение мутаций в монодийном пении уменьшилось (в пореформенной традиции РПЦ они остались в XVIII в. в распевках нек-рых лиц и фит, в певч. практике старообрядцев сохр. до наст. времени), но переменные бемоли встречаются в текстах Ирмологионов и в нач. XVIII в.

Передача ритмики и звуковысотности в К. н. характеризует ее поразному. Если двойное соподчинение длительностей было принято как общее свойство позднего мезурального зап. письма в момент его перехода к совр. западноевроп. нотации, то звуковысотный релятивизм К. н. — это ее оригинальное «средневековое» свойство, необходимое для фиксации традиц. одноголосных напевов. Релятивизм К. н.

можно оценить как совершенный алгоритм, характеризующий ее как относительно самостоятельную знаковую систему. Точное знание живой традиции исполнения песнопений разных гласов позволило разработать средства линейного письма, способные отразить градации в интервально-ладовых структурах песнопений знаменного распева и отчасти — греко-балканских напевов. Однако в ряде случаев знаковые средства украинско-белорус. К. н. оказались недостаточными — прежде всего для записи высотной нюансировки в нек-рых ладово-переменных греч. и болг. мелизматических напевах с переменными ладами, вслед. чего их дешифровка представляет значительную сложность (*Шевчук*. Київська нотация. 2008. С. 380)

Именно практическое знание звуковысотных закономерностей осмогласной знаменной мелодики и ее точное отражение на письме позволяют считать, что ирмолойная К. н. была разработана в юго-западнорус. правосл. традиции. Представители др. конфессий — римо-католики или протестанты, изолированные от певческого мира Православия, не могли иметь исчерпывающее представление о специфичной ладовой нюансировке знаменного распева (*Шевчук*. 2008. С. 134). Для них было бы сложно «перевести» совр. абсолютную западноевроп. нотацию в релятивный формат, тем более что это потребовало бы сокращения ее знакового ресурса, в частности отказа от применения дизеза и уменьшения числа бемолей до 1 при изменении его функции (либо, в случае точной фиксации модуляционных смещений, потребовало бы увеличения числа знаков свыше 2–3, что для барочного письма было нетипично). Если по графике квадратно-ромбовидная К. н. может быть в какой-то мере сопоставима с зап. нотацией, то на уровне алгоритма передачи звуковысотной системы в ней выявляются параллели с традиц. для Руси знаменной нотацией (в ее поздней форме, с крыжевыми и сипавыми пометами).

В певческой и музыкально-теоретической книжности Московской Руси К. н. получила распространение с сер. XVII в., когда укр. и белорус. певчими были принесены на север традиции церковного юго-западнорус. пения и линейного нотописания. Поскольку партесное пение

и К. н. появились в Московии одновременно, мн. исследователи стали воспринимать эти новшества во взаимосвязи. И. А. *Гарднер* констатировал, что линейная нотация стала быстро входить в употребление в Московской Руси, когда был отмечен «полный переворот как во всей церковной жизни, так и в системе богослужебного пения, в котором было допущено многоголосие» (*Гарднер*. Богослужебное пение. 1978. С. 154). Возможно, К. н. оценили сквозь призму восприятия многоголосия потому, что и первая и вторая стали принципиально новыми явлениями для рус. церковного пения и нотописания сер. XVII в. В отличие от партесного пения юго-западнорус. распевы (*киевский распев*, родственный знаменному, греческий и болгарский), представляющие традиц. певч. стили, вероятно, не воспринимались певчими Московии как неразрывно связанные с К. н., и во 2-й пол. XVII в. их часто записывали крюками (очень редко также и партесное многоголосие; см.: *Герасимова-Персидская*. 1991. С. 60). На ранние формы К. н. югозападнорус. монодийного пения исследователи обращали меньше внимания, поскольку в Московию было привезено мало Ирмологионов 1-й пол. XVII в. и они были почти неизвестны. Лишь нек-рые ученые отмечали, что К. н. применялась «первоначально для записи одноголосных старых распевов» (*Преображенский А. В.* Культурная музыка в России. Л., 1924. С. 43), тогда как 2 разновидности К. н., предназначенные для монодийного и партесного пения, возникли в Юго-Зап. Руси в кон. XVI в. почти одновременно.

В Московской Руси стилевой спектр древнерус. пения, нотированного «киевским знаменем», был значительно расширен. Мн. певч. книги знаменного распева были представлены либо в виде *двознаменников*, либо со временем только с К. н. Нотами были записаны киевский, греческий, болгарский распевы, *демественное пение*; в Ирмологионах XVIII в., составленных в России, — *авторские распевы* (напр., *герасимовский напев*). Многораспевный контекст рус. одноголосного пения был расширен благодаря укр. и белорус. образцам, распространявшимся в нотописании. Кроме этого, во 2-й пол. XVII в. с помощью К. н. были составлены «партитуры»

многоголосных обработок разных монодийных напевов (см. иллюстрации в ст. *Киевский распев*), *строчного пения*. В старообрядческой среде линейная нотация, как правило, не использовалась; исключением можно считать знакомство с ней некоторых мастеров-певцов Выга и наличие ее элементов в певч. книгах и азбуках (см. в ст. *Выголексинское общецерковное искусство*, разд. «Певческое искусство»). Отдельное стилизованное направление составили партесные концерты и гармонизации, зафиксированные К. н. Издание певч. книг с К. н. в России осуществлялось с 1772 г. Последней публикацией перед революционными событиями 1917 г. было 3-е изд. «Спутника псаломщика» (М.: [Синодальная типогр.], 1916); эта же книга стала первой в России переизданием книги с К. н. по окончании советского периода (Спутник псаломщика. М.: [Учебный комитет Московского Патриархата], 1999).

С целью лучшего усвоения правил записи «киевским знаменем» его элементы (ноты, длительности, ключи, названия сольмизационных ступеней) были воспроизведены и разъяснены российскими певчими в музыкально-теоретических трактатах разных видов. Пик их создания пришелся в Московии на 80–90-е гг. XVII в. Важно, что с линейными нотами или названиями ступеней сопоставлялись разные компоненты знаменной нотации — крюки или/и пометы, так что большая часть азбук XVII в. имеет черты двознаменников, сводящих воедино элементы разных нотных систем. Высотные параметры пения отражены в нотных «горках», в к-рых звукоряд из 12 ступеней (4 трихордов (по терминологии архим. Тихона Макариевского — «триестествогласий»), см.: *Шабалин*. 2003. С. 315, 319) соотносился с сольмизационными названиями ступеней, и с 12 киноварными пометами (напр., «Извещение о согласнейших пометах, снесенных с нотами органо-партесными», 90-е гг. XVII в.; см.: Там же. С. 192, 339). Иногда *амбитус* нотированного звукоряда сокращен до 9–11 ступеней, первый комплекс высотных помет включал 7 позиций (шайдуровы пометы). В коротких вариантах азбук составители обошлись без нотной строки и ограничились сопоставлением помет и сольмизационных слогов (Там же. С. 243), помет, слогов и крюковых

знаков (Там же. С. 246, 261), всех тех же с добавлением лат. названий нот (Там же. С. 254, 255, 257 и др.). В одном из видов азбук, где параллельно изложены ноты, пометы и названия сольмизационных ступеней, была попытка показать с помощью разных графических средств запись мутаций (напр., в «Указании о странных согласных и о простых пометах», посл. четв. XVII в.; см.: Там же. С. 233, 251 и др.).

Наиболее наглядно знаменный распев и его отдельные элементы зафиксированы в двознаменных азбуках, где ряд крюков пометной нотации размещался над расшифровывающей их нотолинейной строкой. Двознаменная запись как «перевод» могла служить объяснением мало-понятного певчим нотолинейного

Двознаменная азбука.
Кон. XVII — нач. XVIII в.
(РНБ. Q.1.1052. Л. 18 об.)

текста с помощью привычных им крюков. Если длительности нот можно было соотносить с ритмическим значением крюков, то высотное положение нот — с пометами (Там же. С. 298–300, 302–304, 321–326). В более подробных азбуках сложные знамена расшифровывались их *разводами*: такой текст был удобен для обучения, поскольку между цепочками простых знамен и линейными нотами можно установить более точные аналогии в записи распевов по сравнению со сложными знаменами (Там же. С. 309–313). В виде двознаменников были записаны своды попевок и певч. строк — избранных фрагментов песнопений (Там же. С. 301, 327–334), нотировались целые ирмосы (и их фрагменты) с мутациями (Там же. С. 335–338). О крюках и «знамени нотном»

в ритмическом, мелодическом, терминологическом аспектах говорится в обобщающем труде «Ключ разума» архим. *Тихона Макариевского* (см.: Там же. С. 314–320). Ценность двознаменных текстов двойная, поскольку каждая из систем письма раскрывается с помощью другой; в наст. время двознаменники «помогают» исследователям изучать знаменную нотацию.

В трактатах, посвященных теории партесного пения, его звуковысотные и ритмические свойства анализируются с привлечением и подробным разъяснением всех элементов и обозначений К. н., в т. ч. ключей, приключевых знаков, пауз, тактовых размеров и т. д. (см.: «О пении божественном, по чину мусикийских согласий состроенном» (Там же. С. 349, 350–354), «Первое учение мусикийских согласий» (Там же. С. 355–358), «Начало учению нотного знамени всякому пению» (Там же. С. 359–363), «Наука вся мусикийская» (Там же. С. 364–369)). Выдающимся образцом такого труда является «Мусикийская грамматика» Н. П. *Дилецкого*.

Наименее подробна музыкально-теоретическая информация в многочисленных поздних азбуках линейной нотации — т. н. ирмолойных, предназначенных для освоения монодийных распевов. В них напечатаны звукоряд-«горка», названия ступеней звукоряда и длительностей. Хорошо известна печатная «Азбука начального учения простого нотного пения, содержащаяся на цефалном ключе», подготовленная к печати одновременно с первыми рус. синодальными изданиями нотных книг С. И. *Бышковским*, разработавшим для них нотный шрифт (М., 1772, 2-е «тиснение»: 1784; см.: Там же. С. 346–348).

В контексте развития древнерус. певч. культуры Московской Руси линейная нотация получила неоднозначную оценку. Критики К. н. признают средства этой системы записи музыки не соответствующими интонационной сущности знаменного распева, к-рая в полноте может быть выражена только крюковой нотацией. Так, принято считать, что точная кратность ритмических единиц К. н. делает невозможной передачу на письме асимметричного знаменного ритма. Подробная запись (звук за звуком) противоположна формульной фиксации попевок, *лиц* и *фит*,

т. е. неспособна отразить центонную композицию осмогласных напевов («составленность» целого из замкнутых мелодических оборотов). Кроме того, ноты «безразличны» к характеру исполнения, в то время как за крюками закреплены те или иные средства певч. выразительности. Т. о., ряд «недостатков» К. н. определяется ее несоответст-

вием целостной интонационной системе знаменного пения. Наконец, в соотношении устной (предание) и письменной («писание») традиции певч. культуры важнейшую роль всегда исполнял 1-й компонент, чему способствовал идеографический, обобщенный характер знаменной нотации. От певцов требовалась в первую очередь профессиональная певч. выучка и отменная память, во вторую — умение записывать напев крюками и считать его по правилам «тайнозамкнутости» — сжатой формульной записи мелодиче-

Учитывая эти и др. несоответствия, сторонники чистоты стиля до-реформенного знаменного распева пришли к выводу, что принятие новой нотации сказалось на его внутренних муз. свойствах и стало признаком необратимых кризисных явлений в знаменном пении пореформенного периода. Показательно, что старообрядцы не приняли К. н., сохранив единство традиции знаменного пения и знаменной нотации. Однако, проанализировав развитие восточнослав.

*Ирмологий русской традиции.
XVIII в.
(ХНБ. № 816631. Л. 121)*

певч. культуры в XVII в., следует признать, что кризисные явления в русской певч. культуре той эпохи были связаны не только

с принятием партесного пения, линейной нотации и др. новшеств. Изменения начали происходить в самом знаменном распеве и знаменном письме еще в 1-й пол. XVII в. Вслед. нарушения взаимной высотной координации крюков в системе *беспометной нотации* в употребление вошел ряд шайдуровых киноварных помет (по мнению нескольких ученых, западного происхождения; см.: Там же. С. 275) — по сути аналога К. н., с помощью которого точно указывалось высотное положение знамен. «То, что крюковые знамена привязывались к музыкальным звукам через киноварные пометы, превращало крюки в некие традиционно оп-

*Праздники нотного пения.
М.: Синодальная типография,
1900. Л. 1 (фрагмент)*

равданные, но структурно уже не необходимые дополнительные разъяснения точно фиксированного звука» (*Мартынов В. И.* Пение, игра и молитва в русской богослужебно-певческой системе. М., 1997. С. 43). В кон. 40-х — 1-й пол. 60-х гг. XVII в. была проведена реформа знаменного пения, результаты к-рой изложены в трактате *«Извещение о согласнейших пометах»* старца *Александра Мезенца*, полемизировавшего

го с приверженцами «нотного (т. е. нотоплинейного) знамени» (*Шабалин. 2003. С. 211*). Однако притом, что содержание трактата было пронизано пафосом защиты традиции усовершенствованного знаменного письма и пения, осмысление его теории оказалось близким к основам западноевроп. музыкознания. Так, певч. звукоряд из 12 ступеней был «поделен» на 4 трихорда-«естествогласия», в к-рых соединение 2 соседних трихордов соответствует зап. гексахорду. Было установлено и наглядно показано во мн. азбуках соответствие между киноварными пометами и сольмизационными ступенями церковного звукоряда.

Неточность К. н. в отражении знаменного ритма, по мнению исследователей, состояла в невозможности передать свободу просодического и певч. произношения посредством сетки длительностей бинарного деления. «При монодическом пении не было... метрономической точности исполнения временного (ритмического) значения (достоинства) звуков, указываемых безлинейным знаком» (*Гарднер. Богослужебное пение. 1981. С. 94*). Однако тенденция к кратному соотношению длительностей крюков присутствовала уже в самом знаменном пении и подробно отражена в поздних музыкально-теоретических руководствах: «Две убо стопицы... противу крюка единого. Два же крюка — вместо единого со оттяжкой. Два крюка же со оттяжками — противу статей или стрелы» (см.: *Шабалин. 2003. С. 209–210*). Те же идеи были развиты в труде архим. Тихона Макариевского (Там же. С. 319). Хотя в певч. практике установилось иное соотношение длительностей вышеуказанных однозвучных («единогласостепенных») знамен, важно само стремление справщиков определить и зафиксировать в азбуках принцип их временной кратности, выявляющий общность не только с бинарной ритмической иерархией зап. мензуральных нот, но и с системой визант. невм, длительность к-рых регулировалась специальными значками. Т. о., кратное соотношение единиц знаменного ритма осмыслялось 2-й комиссией по исправлению певч. книг (Москва, 1669–1670) в широком контексте — вероятно, по аналогии с временной организацией западноевроп. музыки. Роль К. н. состояла в более точной передаче

ских синтагм. Со вводом К. н. роль письменной традиции возросла, устной, наоборот, уменьшилась (*Лазарь, иером. 2003. С. 276*), поскольку подробная запись К. н. вошла в противоречие с необходимостью безупречного практического знания певч. материала наизусть.

таких ритмических соотношений звуков, к-рые в знаменном пении уже сложились (или складывались) и были теоретически осмыслены.

В отличие от поздней К. н. рус. источников ранняя, юго-западнорус. К. н. была богаче графикой и отражала разнообразные звуковысотные параметры и асимметричную ритмику напевов, мутации со звуковыми сдвигами на разные интервалы. В Московии во 2-й пол. XVII в. был принят упрощенный вариант К. н. — с 4 длительностями и одним положением цефалитного ключа (на 3-й линейке), чем, в частности, можно объяснить недостатки в записи звуков самого высокого и самого низкого регистров (см.: *Шабалин*. 2003. С. 357–358 и др.). Аналогичные процессы «минимизации» знаковой системы К. н. параллельно происходили в юго-западнорус. певческой книжности нач. XVIII в., что отражено, в частности, в старопечатных Львовских Ирмологионах 1700 и 1709 гг., где звуковысотноритмические средства К. н. ограничены идентично. При общности комплекса знаковых ресурсов палеография поздних рус. певч. книг с К. н. заметно отличается от украинских и белорусских по неск. признакам: преимущественно мелким квадратным головкам нот (иногда с ромбовидным наклоном), ромбовидной целой ноте и характерному утолщению и изгибу хвоста в четвертях, что и послужило поводом для сравнения с готической нотацией. К. н. рус. образца наглядно отражена в шрифте первых российских печатных нотных книг (1772) и их переизданий. Т. о., вслед. многообразия графических форм К. н. во всем восточнослав. ареале невозможно выявить ее единый архетип; самым общим признаком является квадратно-прямоугольная форма всех нот (кроме целой ноты, начертание к-рой заметно изменилось).

В западноукраинских печатных певческих сборниках 1766 г. — сер. XIX в. Применение К. н. для записи укр. монодийного пения в XVII–XIX вв. не прерывалось. Значительный интерес представляют западноукраинские печатные Ирмологионы кон. XVIII–XIX в. и «Гласопеснцы» XIX в., снабженные вступительными разделами, содержащими сведения о К. н. В старопечатном Почаевском Ирмологионе 1766 г. помещена краткая (1 лист F°) азбука «Алфа-

вит ирмологисания», наглядно открывшая графические особенности поздней К. н. и долгое время применявшаяся при обучении пению и теории музыки (так, лист с этим «Алфавитом...» обнаружен в виде вкладки в неск. Ирмологионах предыдущих лет, напр. в старопечатном Львов-

«Алфавит ирмологисания» в старопечатном Почаевском Ирмологионе. Фрагмент. 1766 г. (Л. 4)

ском Ирмологионе 1709 г.; см.: *Вознесенский*. 1898. С. 23). В этом «Алфавите...», состоящем из 3 кратких разделов, вначале перечислены 6 сольмизационных ступеней, составляющих гексахорд (ут, ре, ми, фа, соль, ля), и 4 длительности (от целой-«такта» до «получетверти», т. е. восьмой).

Звукоряд представлен 3 гексахордами в низком («гласа нижайшаго»), среднем и высоком («гласа вышшаго») высотных положениях. Хотя в начале «Алфавита...» ключ отсутствует, интервалы между всеми ступенями (тоны и полутоны) легко определяются, исходя из напечатанного названия 1-й ступени гексахордов — «ут». Далее ноты всех гексахордов расположены подряд («Сочинение всех тех знамений») и полностью охватывают церковнопевч. звукоряд в виде «горки» — от нижней добавочной до верхней добавочной линии нотного носца и обратно (4 «триестествогласия» (согласия) с дополнительным наивысшим звуком «фа», всего 13 нот). Нотная графика данного «Алфавита...» более совершенна по сравнению с некоторыми предшествующими рукописными азбуками кон. XVII в. такого типа (*Шабалин*. 2003. С. 357–358), поскольку при написании нот, выходящих на терцию за пределы нотного носца, здесь использованы короткие добавочные линейки (совр. вида). В завершающем «Алфавит...» разд. «Обучение» цефалитный ключ выписан на 3-й линии (это его единственное применяемое высотное положение в монодийных текстах кон. XVIII в.).

Звукорядный «горовосходный холм» изображен в этом «Алфа-

вите...» четырежды (целыми, половинными, четвертными и восьмыми) с оригинальной асимметрией: в восходящем движении показаны звуки 3 трихордов-«естествогласий», начиная с мрачного, в нисходящем — 4 «триестествогласий», завершаемых простым (С. В. *Смоленский* и др. исследователи стали называть их согласиями). Подобные

«конусы» в преобладающем большинстве азбук симметричны (асимметричный обнаружен лишь

в партесной азбуке «Первое учение мусикийских согласий»; см.: Там же). «Усечение» левой части «горки» в этом «Алфавите...» обусловлено, вероятно, технической необходимостью уместить его в одной строке нотного носца, но может иметь и певч. смысл. Мрачное согласие, начинающее нотную строку, визуальнo противопоставляется простому, завершающему ее, что, возможно, отражает традиц. применение простого согласия в каденциях ряда попевок знаменного пения.

Несмотря на то что «Алфавит ирмологисания» 1766 г. — поздний вид певч. азбуки, в нем наглядно представлен такой архаический признак, как отсутствие 7 лат. названий нот (a, b, c, d, e, f, g) и самого термина «нота», вместо к-рого применяется название «знамение», известное по азбукам XVII в. В данном «Алфавите...» так названы сольмизационные ступени и сами нотные знаки (напр., начальная строка: «Шести знаменни все Ирмологисания состоится художество»). Очевидно, что термин «знамение» применяется в новом значении, установленном в XVII в. Когда в Юго-Зап. Руси была жива память о безлинейной нотации, термины «знаменный» и «кулизмьяный» встречались в библиотечных описаниях («реестрах») по отношению к крюковым певч. книгам. Но в XVII в. название «знаменья» распространилось на квадратные ноты линейного письма, а через 2 столетия в результате длительного применения на Зап. Украине — на ромбовидные (см. поздний экземпляр «Алфавита ирмологисания» с ре-

дакционными изменениями: Ирмологион. Львов, 1904. Л. 4, 4 об., 5).

В XIX в. К. н. была вытеснена «итальянской» круглой нотацией, к-рую стали использовать не только в записи светской музыки, но и в церковнопевч. сборниках. Однако западноукр. певчие продолжали различать квадратные и круглые ноты по их функциям. Если квадратная К. н. осознавалась как церковнопевческая, то круглая — как изначально предназначенная для записи светской музыки. Так, регент кафедрального хора в Станиславе (ныне Ивано-Франковск) Игнатий Полотнюк во «Вступительном слове» к изданному им «Напевнику церковному» (Перемышль, 1902. С. 3) дифференцирует ноты «ирмологийни», т. е. квадратные, и ноты «музычни» — круглые. Сборник Полотнюка, напечатанный круглыми нотами, отразил новый этап развития графики церковнопевч. текстов в кон. XIX — нач. XX в. К этому времени сложилась оригинальная практика «перевода» певч. источников с К. н. на круглую ноту, при к-ром звуковысотное расположение напевов на нотномосце оставалось неизменным. Для этого вместо цефалютого ключа К. н. на 3-й линейке выставляли совр. «скрипичный» (G) с 2 бемолями при нем, что позволяло сохранить тоново-полутоновые отношения между звуками и, следов., оставить нотный текст без изменения. Обращаясь к читателю, Полотнюк дает следующее методическое указание, акцентируя легкость прочтения «переводного» варианта с круглой нотацией: «...кто же не знает нот музыкальных, только ирмологийни, тому выстарчить слидуюча всказовка: нехай не звертае уваги на ключи [скрипичные] и умещену при них сигнатуру (бемоли), а читае ноты пуся правила читаня нот ирмологийных» (...тому, кто не знает музыкальных нот, а [знает] только ирмологийные, достаточно следующего указания: пусть не обращает внимания на [скрипичные] ключи и сигнатуру при ключах (бемоли), а читает ноты согласно правилу чтения нот ирмологийных (т. е. как в альтовом ключе.— *Е. Ш.*)) (Там же). В таком же «переводе» на круглую ноту вышли в нач. XX в. мн. др. сборники.

В изложении итал. нотацией вышли в 1910 и 1915 гг. певч. издания Киево-Печерской лавры, которым предшествовал рукописный «пере-

вод» Ирмологиона 1865–1873 гг. на круглую ноту, выполненный по требованию епископа архим. Валентина для того, чтобы с этого экземпляра можно было делать 4-голосные переложения (см.: *Иадор (Ткаченко), архим.* История киево-печерского лаврского распева // РМГ. 1907. Стб. 101). В этом случае наглядна связь между переходом в Киево-Печерской лавре к традиции 4-голосного пения и заменой в лаврских нотах квадратного графического вида линейной нотации круглым, более удобным для записи хорового многоголосия.

Кроме круглой нотации, вытеснившей квадратную К. н., с XIX в. на Зап. Украине использовалась совр. рим. певч. нотация с ромбовидной формой всех нотных головок (средневек. рим. нотация была квадратной). От поздней К. н. она унаследовала четкую ритмическую субординацию 4 видов длительностей, «альтовый» ключ и сдвоенный знак целой (см.: *Castro*. 1881. P. 45 et al.). Но по сравнению с К. н. общий вид нотного текста кардинально изменился. Нота целой длительности рим. нотации распространилась в 2 графических вариантах — прежнем, вертикального строения (ромб над ромбом), и «новом», горизонтальном (ромб за ромбом встык). Последний знак в отличие от первого позволял безошибочно определить высоту звука. Название «знамения», использовавшееся для традиц. К. н., на Зап. Украине перешло и на ромбовидную нотацию (см., напр.: *Ирмологион*. Львов, 1904. Л. 4, 4 об., 5), что подчеркивало ее церковнопевч. предназначение.

Основными памятниками К. н. являются восточнослав. рукописные и печатные певч. книги и музыкально-теоретические источники кон. XVI — нач. XX в., к к-рым в наст. время возрастает интерес исследователей. Для ознакомления с местными особенностями К. н. важнейшее значение имеют факсимильные издания укр. Ирмологионов (*Тончева*. 1981; *Ясиновский, Луцка*. 2008) и факсимиле, помещенные в научных изданиях (*Ясиновский*. 1996; *Шевчук*. Київська нотація. 2008 и др.). Ист.: *Азбука начального учения простого нотного пения*. М., 1772, 1784²; *Тончева Е.* Манастирът Голям Скит — школа на «болгарский распев»: Скитски «болгарски» Ирмолози от XVII–XVIII в. София, 1981. Т. 2: Из болгарский распев [факс. изд.]; *Шабалин Д. С.* Певческие азбуки Древней Руси: Тексты. Крас-

нодар, 2003; *Ясиновский Ю., ред. и вступ. ст., Луцка К., транскр. и коммент.* Львівський Ирмологіон: Давній літургійний музичний рукопис п'ятилінійної нотації кін. XVI ст. Köln; Weimar; W., 2008. (Bausteine zur slav. Philologie und Kulturgeschichte. N. F. Reihe B: Editionen; Bd. 24).

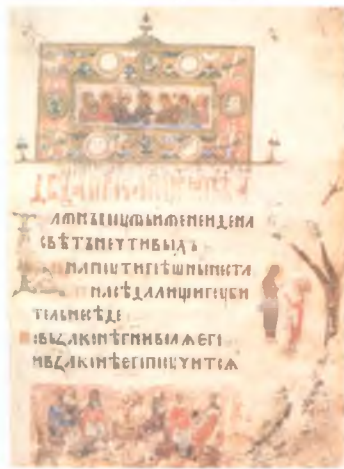
Лит.: *Разумовский Д., прот.* Церковное пение в России: Опыт ист.-техн. изложения. М., 1867–1869. 3 вып.; *Castro J., de.* Methodus cantus ecclesiastici graeco-slavici: Accedit Enchiridion canticorum eiusdem ecclesiae. R., 1881 (рус. пер.: *Кастро И., де.* Метод греко-славянского церк. пения: С присовокуплением сборника (энхиридиона) песнопений той же церкви и 5 таблиц / Пер.: прот. И. Вознесенский. М.; Лпц., 1899); *Соловьев Д. Н.* Краткое руководство к первоначальному изучению церк. пения по квадратной ноте. СПб., 1886, 1889², 1892³, 1894, 1898, 1900, 1905. Вып. 1; 1892, 1894², 1895³, 1897. Вып. 2; *Вознесенский И., прот.* Церковное пение правосл. Юго-Западной Руси по нотной-линейной Ирмологам XVII и XVIII вв. М., 1898²; *Riesemann O., v.* Die Notationen des altrussischen Kirchengesanges. Lpz., 1909; *Wölf J.* Handbuch der Notationskunde. Lpz., 1913. Bd. 1; *Фундейзен Н.* Очерки по истории рус. музыки в России с древнейших времен до кон. XVII в. М.; Л., 1929. Т. 1; *Lehmann D.* Nikolai Dilezki und seine «Musikalische Grammatik». Thesis. [В.], 1962; *Кононов А. В.* К вопросу расшифровки певч. нотной системы памятников XVII в. // Сов. музыка. М., 1973. № 7. С. 78–85; *он же.* Супрасльський Ирмологіон 1598–1601 гг. и теория транспозиции знаменного распева (на мат-ле певч. нотной системы рукописей XVII в.): АКД. М., 1974; *он же.* Об одном музыкально-палеографическом признаке «царского» Ирмология 1680 г. // МААС. 1978. Т. 5. С. 531–542; *он же.* О некоторых принципах прочтения рус. нотной системы рукописей XVI–XVII вв. // Теоретические наблюдения над историей музыки: Сб. ст. / Сост.: Ю. К. Евдокимова и др. М., 1978. С. 200–226; *он же.* О «странных голосах» двоезнаменного музыкально-теоретического руководства кон. XVII в. // Проблемы истории и теории древнерус. музыки / Ред.: А. Н. Кручинина, А. С. Белоненко. Л., 1979. С. 160–172; *он же.* Значение нотной системы рукописей для понимания древнерус. строчного пения // Муз. академия. М., 1996. № 1. С. 173–180; *он же.* Русское строчное многоголосие XV–XVIII вв.: Текстология. Стиль. Культурный контекст. М., 2005; *Петров С., Кодов Х.* Старобългарски музикални паметници. София, 1973. С. 70–72, 76; *Цалый-Якименко О. С.* Київська нотація як релятивна система (за рукописами XVI–XVII ст.) // Укр. музикознавство. К., 1974. Вип. 9. С. 197–224; *она же.* «Літерні поміти» російських співацьких рукописів XVII ст. — різновид київської релятивної нотації // ЗНТШ. 1996. Т. 232. С. 41–58; *она же.* Духовні світи давньої України: Антологія. К., 2000; *она же.* Київська школа музики XVII ст. К.: Львів; Полтава, 2002; *Гарднер.* Богослужбное пение. 1978. Т. 1. С. 154–157; 1981. Т. 2. С. 92–97; *Никишов Г. А.* Двоезнаменные рукописи XVII в. как форма разъяснения и пропаганды нотной системы // Теоретические наблюдения над историей музыки. 1978. С. 227–238; *он же.* Палеография знаменного-нотной системы учебных руководств // МААС / Ed. A. Czekanowska-Kuklińska. 1982. Т. 6. С. 825–837; *Лабунцев Ю. А.* Неизвестный памятник нотной печати // Сов. музыка. 1983. № 3. С. 76–78; *Холопов Ю. Н.* «Странные

бемоли» в связи с модальными функциями в рус. монодии // Проблемы дешифровки древнерус. нотаций: Сб. науч. тр. / Сост.: А. Н. Кручинина, С. П. Кравченко. Л., 1987. С. 106–129; *Antonowycz M.* Ukrainische geistliche Musik: Ein Beitr. zur Kirchenmusik Osteuropas. Münch., 1990; *Герасимова-Персидская Н.* Переход от «знамени» к «киевской квадратной ноте» в музыке Юго-Зап. Руси XVII в. // Музыка. Культура. Человек: Сб. ст. / Отв. ред.: М. Л. Мугинштейн. Свердловск, 1991. Вып. 2. С. 58–64; *Тевосян А.* Средневековая монодия и пятилинейная нотация: Расшифровка или перевод? // Музыкальная культура средневековья. М., 1992. Вып. 2 / Сост.: Т. Ф. Владышевская. С. 54–57; *Дубровина Л. А.* Супрасльский Ирмологийон 1601 г.: Некоторые аспекты кодикологического исследования // Рукописна та книжкова спадщина України: Археологічні дослідження унікальних архівних та бібліотечних фондів. К., 1993. Вып. 1. С. 13–20; *Ясиновський Ю.* Українські нотні видання XVIII ст. // Бібліографія українознавства. Львів, 1994. Вып. 2: Бібліографія та джерела музикознавства. С. 23–29; *он же.* Українські та білоруські нотолінійні Ирмології XVI–XVIII ст.: Кат. і кодикологічно-палеографічне дослідження. Львів, 1996. С. 51, 56–65; *он же.* Сучасний погляд на київську нотацію // Наук. вісник НМАУ. К., 2006. Вып. 41. С. 94–106. (Старовинна музика: сучасний погляд; 2); *он же.* Візантійська гимнографія і церковна монодія в укр. рецепції ранньомодерного часу: Монографічне дослідження. Львів, 2011. С. 232–270; *Поспелова Р. Л.* К изучению генезиса и феномена киев. нотации в контексте зап. нотаций // Гимнология. М., 2000. Вып. 1. Кн. 2. С. 563–571; *она же.* Западная нотация XI–XIV вв.: Осн. реформы. М., 2003. С. 248–295; *Дециця М.* Найдавніша пам'ятка партесних творів // КАЛОФОНІА. Львів, 2002. № 1. С. 112–122; *Лазарь (Гнатив), иером.* Реформа певческой нотации XVII в. // Гимнология. 2003. Вып. 3. С. 272–293; *Шевчук О.* Про деякі особливості білоруської церковно-монодійної традиції кін. XVI–XVIII ст. // Київське музикознавство. К., 2003. Вып. 9. С. 64–79; *она же.* Київська нотація // Українська музична енциклопедія. К., 2008. Т. 2. С. 377–382; *она же (Шевчук Е. Ю.).* Киевская нотация кон. XVI – нач. XVIII вв. в зеркале совр. данных // Звуковое пространство православ. культуры: Сб. тр. / РАМ им. Гнесиных. М., 2008. С. 111–151; *Зинченко В.* Принципи фіксації фітних розспівів в укр. нотолінійних Ирмологіях кон. XVI – початку XVIII ст. // Наук. вісник НМАУ. 2006. Вып. 41. С. 136–150; *она же (Зинченко В. А.).* Фиты Октоиха украинской певческой традиции в нотолінійних Ирмологіях кон. XVI–XVIII вв. // Вестн. ПСТГУ. Сер. 5. 2013. Вып. 3 (в печати); *Плотникова Н. Ю.* Нотация партесного многоголосия // Там же. 2013. Вып. 1(10). С. 83–109.

Е. Ю. Шевчук

КИЕВСКАЯ ПСАЛТИРЬ (РНБ. ОЛДП. Ф. 6), рус. рукописная лицевая книга кон. XIV в., выдающийся памятник каллиграфии и живописи. Название К. П. получила по месту создания, указанному в послесловии: «В лето 6905 [1397] списана бысть книга си[я] Давыда царя повеленьем смиреннаго владыкы Михаила рукою грешнаго раба Спиридонья протодиякона. А писана в гра-

Заставка и начало
Киевской Псалтири.
1397 г. (РНБ. ОЛДП. Ф. 6. Л. 2)

де в Киеве». Историю бытования К. П. можно проследить по владельческим записям. В самой ранней из них, датированной 1518 г., сообщается, что рукопись принадлежала подскарбию (гос. казначею) Великого княжества Литовского Авраму Езофовичу Глембицкому, к-рый пожертвовал К. П. в правосл. Никольскую ц. в Вильно. В нач. XIX в. К. П. привлекла внимание профессоров Виленского ун-та П. А. Сосновского, И. Н. Лобойко и прот. М. К. Бобровского, который включил ее в личное собрание слав. старины, а в 1848 г. продал помещику-библиофилу В. Трембицкому. Наследники Трембицкого, скончавшегося в 1861 г., продали рукопись в б-ку гр. А. С. Замойского в Варшаве. При каких обстоятельствах К. П. перешла в собственность следующего владельца, кн. П. П. Вяземского, неизвестно; возможно, она была реквизирована во время усмирения польск. восстания в 1864 г. или подарена Замойским Вяземскому при посещении С.-Петербурга, куда польский магнат был вызван для расследования неудавшейся революции в Польше. Между 1874 (год смерти Замойского) и 1881 г. К. П. находилась у Вяземского, затем была продана им гр. С. Д. Шереметеву, к-рый принес ее в дар Об-ву любителей древней письменности (ОЛДП), что было засвидетельствовано в записи на особом листке в начале рукописи. Поскольку ОЛДП было основано Шереметевым и находилось в его дворце в С.-Петербурге, К. П. хранилась в «Фонтанном доме» Шереметевых (на набережной р. Фонтанки). После пожара 1932 г. рукописное собрание общества было перемещено

в Отдел рукописей РНБ, где К. П. и обрела место постоянного хранения.

Первым к изучению К. П. приступил в нач. XIX в. А. Ю. Сосновский, виленский официал и священник Никольской ц., к-рой принадлежала рукопись. Он сообщил о ней профессору Виленского ун-та Лобойко, от него сведения о К. П. получили Евгений (Болховитинов), митр. Киевский и Галицкий, гр. Н. П. Румянцев и П. И. Кеппен. Лобойко привозил К. П. «для показа» митр. Евгению в Киев и Кеппену в С.-Петербург. Уже тогда К. П. приобрела известность как выдающийся памятник, но только полвека спустя ее стали активно изучать историки и палеографы, в числе к-рых были Ю. И. Крашевский (1861), П. Г. Янковский (1866), И. Ф. Скимборович (1878), Ф. И. Буслаев (1875), Х. М. Лопарев (1892), Н. П. Кондаков (1900), Н. В. Малицкий (1926), Я. П. Запаско (1960), П. Н. Жолтовский (1961), Н. Н. Розов (1966), Г. Н. Логвин (1971). В 1890 г. по инициативе ОЛДП часть К. П. была издана фотолитографическим способом, но это издание уже тогда было признано неудовлетворительным. В 1978 г. в изд-ве «Искусство» вышло факсимильное издание рукописи с сопоставляющим текстом Г. И. Вздорнова («Исследование о Киевской Псалтири»). Неубедительной, направленной на разрушение ранее накопленных знаний о рукописи является статья С. Г. Жемайтиса, к-рый попытался увязать создание К. П. с К-полем по заказу Вифлеемского архиеп. Михаила (Жемайтис, 2005).

Происхождение К. П. из Киева и ее длительное нахождение на территории Великого княжества Литовского и в запад. губерниях Российской империи послужили причинами считать ее памятником староукр. письменности (Я. П. Запаско, П. Н. Жолтовский, Г. Н. Логвин). К. П. связана с московской рукописной школой, что может быть доказано не только историческими сообщениями, но и ее сопоставлением с рядом роскошных московских рукописей, имеющих с ней много общего в художественном плане, прежде всего с напестольным *Евангелием Успенского собора Московского Кремля* и древнейшей частью Синодика Успенского собора (ГИМ. Син. 667). Приписка протодиака Спиридония о месте К. П. («а писана в граде в Киеве») говорит о его стремле-

нии обратить внимание на это обстоятельство. Подобные указания не типичны для рукописей, над к-рыми писцы работали в их родных городах; «выходные данные» ограничивались упоминанием местного князя, епископа, священника, старосты, игумена или церкви. Иногда писец, уроженец одного города, работал в другом, и тогда в рукописях появлялось указание о месте переписки, как в К. П.

Протодиак. Спиридоний, очевидно, служил в Успенском соборе Московского Кремля и переписывал книги при Московской митрополичьей кафедре, к-рую с 1390 по 1406 г. возглавлял свт. Киприан, митр. Киевский. По сообщению московских летописей, святитель с марта 1396 по сент. 1397 г. жил в Киеве. Посетив Смоленск, незадолго перед этим захваченный литовским вел. кн. Витовтом, митр. Киприан «оттоле иде к Киеву и тамо пребысть полтора года» (ПСРЛ. Т. 11. С. 164). Согласно той же летописи, вместе с митр. Киприаном в Киев ездил и бывш. Смоленский владыка Михаил, которого В. В. Майков отождествил с заказчиком К. П. (Майков. 1902). Московские митрополиты, отправляясь в путь, брали с собой большую свиту. Т. о. Спиридоний оказался в Киеве, где он, очевидно, и жил, исполняя церковные обязанности в Софийском соборе и переписывая заказанную ему Псалтирь. Упомянутый в записи протодиак. Спиридония Михаил в 1383 г. был поставлен Смоленским епископом, а в кон. 80-х гг. XIV в. стал дипломатическим представителем и советником при Московской митрополии. Он постоянно находился в свите митр. Киприана, с которым ездил в 1391 г. в Тверь, в 1396 и 1397 гг. — в Смоленск и Киев. Еп. Михаил, большая часть жизни к-рого была связана с Москвой (где он, вероятно, и родился), умер 6 мая 1402 г. и был похоронен в Троице-Сергиевом мон-ре. К. П., хотя и была написана в Киеве, была заказана жителем Москвы, выполнялась москвичом в московской церковной среде.

С К. П. связана еще одна рукопись — Евангелие, переписанное для кн. Владимира Андреевича Храброго боровско-серпуховского (РНБ. Ф. п. I. 18, 1393 г.). В послесловии сказано, что она написана «благословенъем Киприяна, митрополита Всея Руси, повеленьем благоверного кня-

зя Володимира Андреевича... в лето 6801 (1393) индикта 1»; а автор называет себя «многогрешный раб Спиридон дьякон» (Л. 207 а—б). Хотя место написания Евангелия не указано, это, несомненно, была Москва, т. к. здесь кн. Владимир Андреевич жил постоянно. Начальная фраза послесловия свидетельствует, что диак. Спиридон работал при митрополичьей кафедре. По заключению А. И. Соболевского, писец К. П. Спиридоний и писец Евангелия 1393 г. Спиридон — одно и то же лицо. Именованное в послесловии к Евангелию Спиридона диаконом, а в К. П. протодиаконом не мешает отождествлению писцов, т. к. за 4 года, разделяющие рукописи, Спиридон мог получить повышение в сане. Диалектологические особенности языка Евангелия 1393 г. свидетельствуют, что писец Спиридон был москвич. Поскольку язык К. П. совершенно сходен с языком Евангелия 1393 г., это также доказывает, что К. П. является памятником московской, а не киевской письменности.

Можно лишь предполагать, где находилась К. П. между 1397 и 1518 гг. и как она попала к земскому под-

скарбию Глембицкому. Вполне вероятно, что ее заказчик еп. Михаил мог отправить рукопись в Смоленск. Пребывание Глембицкого в 1496—1505 гг. в должности старосты смоленского невольного наводит на мысль, что К. П., если она действительно находилась в Смоленске, была приобретена Глембицким там, поскольку, будучи главой смоленского мещанского населения, он проживал непосредственно в Смоленске. Здесь он мог получить рукопись, к-рая, возможно, уже не принадлежала Никольской ц., а являлась собственностью частного лица.

Не исключено, что дата, поставленная протодиаком. Спиридонию в

конце книги, относится к его личной части труда, т. е. к тексту, миниатюры же и инициалы К. П. были выполнены, несомненно, художниками-профессионалами. Они могли работать параллельно с писцом, но могли приступить к украшению рукописи и после ее написания, т. е. художественная часть заказа могла осуществляться уже после отъезда еп. Михаила и протодиака. Спиридония из Киева в Москву. По иконографии миниатюры К. П. восходят к иллюстрациям таких греческих рукописей, как Лондонская Псалтирь (Lond. Brit. Lib. Add. 19352, 1066 г.), Псалтирь Барберини (Vat. Barber. gr. 372, 3-я четв. XI в.) и Псалтирь из Музея Уолтерс в Балтиморе (Baltim. W. 733, ок. 1300 г.), с к-рой К. П., как показал Э. Катлер, имеет особенно близкое сходство. Скорее всего художники этих 2 рукописей использовали общий оригинал XI в. В К. П. содержится 303 иллюстрации; первоначально их было больше, т. к. в рукописи отсутствуют 4 листа, восполненные вставками XVII в., к-рые тоже были украшены рисунками. Учитывая иконографическое сходство рус. рукописи с Балтиморской Псалтирью, можно с уверенностью сказать, что в К. П. недостает 3 миниатюр и что в древности

Рождество Христово.

Миниатюра

*из Киевской Псалтири. 1397 г.
(РНБ. ОЛДП. Ф. 6. Л. 128)*

общее число иллюстраций К. П. достигало 306. Подавляющее число миниатюр (за очень редкими исключениями) «при-

вязано» к соответствующим стихам Псалтири тончайшими киноварными линиями, что облегчало читателю поиск нужной строки текста.

В К. П. различаются 2 художественных почерка. Главным мастером выполнены миниатюры в 23 тетрадах, а его помощником украшено только 6. В иллюстрациях, созданных главным мастером, рисунок всегда точен, фигурки изящные, краски чистые, золото отполировано до блеска, шраффировка лежит густо и плотно. В каждой сцене или отдельно взятой детали виден артистизм исполнения; перо и кисть художника движутся уверенно, свободно, легко. Несмотря на крохотные

размеры миниатюр, лики написаны умело и тонко, в зависимости от содержания мастер сообщает им выражение молитвенной сосредоточенности, радости, страдания, стойкости, страха, злости, величия и меланхолии. Почти воздушными прикосновениями кисти светлой краской на-

ного мастера и его помощника βρίσκεται в глаза прежде всего в композициях на один и тот же сюжет (напр., «Рождество Христово» (РНБ. ОЛДП. Ф. 6. Л. 3 в, 128), «Вознесение» (Там же. Л. 20, 64, 76 об.)).

Миниатюры лишь одной московской рукописи имеют общие черты с иллюстрациями К. П. Это Евангелие 1401 г. из собрания Н. П. Румянцева (РГБ. Ф. 256. № 118). Источником вдохнове-

*Гора Сион.
Миниатюра
из Киевской Псалтири.
1397 г. (РНБ. ОЛДП. Ф. 6.
Л. 181 об.)*

ния при создании обеих послужили греческие рукописи, в иллюстрациях черты московской живописи рубежа XIV и XV вв. совсем не выра-

жены. Пропорции фигур, типы лиц, колорит и даже написание некоторых слов в пояснительных надписях сохраняют особенности визант. лицевого кодекса. Столь точная передача особенностей визант. подлинника свидетельствует, что ведущий мастер, украсивший К. П., был грек или славянин, обучавшийся в греч. школе и хорошо знавший визант. искусство. Но в отличие от визант. лицевых рукописей XI в. миниатюры К. П. производят особое впечатление, поскольку украшают книгу, задуманную и выполненную согласно рус., а не визант. традиции. Все греч. Псалтири XI в. с иллюстрациями на полях имеют небольшие размеры (Бристольская (Lond. Brit. Lib. Add. 40731, ок. 1000 г.), Лондонская, Барберини, Синайская (Sinait. 48, 1074–1075 гг., см.: Weitzmann. 1980). В наст. время размеры К. П. — 30,0×24,5 см, но ее листы были сильно

*Тайная вечеря.
Миниатюра
из Киевской Псалтири.
1397 г. (РНБ. ОЛДП. Ф. 6.
Л. 199 об.)*

обрезаны. Греч. рукописи написаны мелким минускулом, а К. П. — крупным уставом, к-рый использовался на Руси при изготовлении наиболее

богато украшенных литургических книг. В сочетании с уставом рисунки К. П. кажутся особенно изящными и легкими. Изобилие щедро расцвеченных и вызолоченных инициалов, украшающих К. П., не находит аналогий в греч. Псалтирях с иллюстрациями на полях.

К. П. выделяется на фоне рус. иллюминированных рукописей кон. XIV в. виртуозностью исполнения иллюстраций. Главный мастер замечательно владеет рисунком, выбирает красивейшие сочетания красок, использует чисто миниатюрный, каллиграфический стиль; подобно визант. предшественникам, широко применяет прием сокращения к.-л. предмета до однозначного символа: небо изображается в виде крохотного голубоватого сегмента, город — в виде крепости, лес, роща или пустыня — в виде одинокого дерева, земля — в виде узкой полоски желтоватого или изумрудно-зеленого цвета (чаще всего почва и небо совсем не изображаются). Маленькие и словно точеные головки, удлиненные тела, тонкие кисти рук и ступни ног, изящно намеченные драпировки придают фигуркам подчеркнуто изысканный вид. Складки ломкие; позы угловатые, как бы шарнирные, что особенно заметно там, где содержание псалмов требовало от художника передачи движения. Частые изображения крестов, посохов, копий, стрел даны тонкими, едва намеченными линиями; такие миниатюры кажутся хрупкими. Стремление представить идеальный мир выражено очень сильно, не только в художественной манере, но и в сюжете. Изображая райские сады, художник рисует деревья с гибкими стволами, порхающих диких птиц и расхаживающих павлинов с волочащимися по земле разноцветными хвостами. В миниатюрах последовательно сочетаются графическая манера в трактовке драпировок и в четких контурах зданий и горок с отдельными живописными приемами. В ликах, несмотря на их крохотные размеры, ударами светлой краски умело обозначены выпуклые места и тени. Это позволило добиться в отдельных случаях большой психологической выразительности. Хорошо прочитываются выражения печали, мольбы, аскетической отрешенности, импульсивной радости. В сложных сценах, где сюжет разворачивается на фоне природного ландшафта или архитектур-

мечены освещенные части тела, темной подчеркнуты затенения впадин. Двумя-тремя беглыми мазками художник пишет пряди волос и бороды, зрачки и белки глаз. Созданные им образы, отвечая задаче декоративной отделки кодекса, в то же время обладают индивидуальными характеристиками, им присущи острота переживания, динамика действия. Миниатюры др. художника написаны старательно, но не отличаются блеском и красочностью. Его палитра тусклая и скучная, звучные тона исчезают: голубой превращается в водянисто-синий, зеленый лишен свежести, красный — нарядной сочности, желтый — прозрачности. Рисунок тоже заметно ухудшается. Эта разница в качестве миниатюр глав-

ных сооружений, продуманно чередуются планы изображений. Но в целом иллюзионистическое начало играет менее значительную роль в системе изобразительных средств, чем колорит. Палитра свежая, радостная; краски почти не смешиваются, а даются в чистом виде: розовая, оранжевая, красная, фиолетовая, лиловая, сиреневая, белая, небесно-голубая, синяя, малахитово-зеленая, оливковая, серая, охры всех оттенков – от ярко-желтой до темно-коричневой, даже черная. Но черный цвет лишен присущей ему мрачности; он имеет глубокий бархатистый тон и не нарушает праздничного характера иллюстраций. Цвет редко дается открытым, в виде локального пятна. Фигурки людей, животных, архитектурные кулисы, скалистые горки и деревья покрыты легкой золотой штриховкой, дематериализующей форму. Тончайшие золотые линии нанесены параллельно, они используются исключительно в декоративных целях. Золото смягчает звучность тонов и позволяет достичь гармонии колорита.

При иллюстрациях в К. П. много пояснительных надписей – от кратких лигатурных именовании Иисуса Христа и царя Давида до обширных текстов, к-рые сопровождают, напр., композицию на сюжет притчи о сладости сего мира. Из 303 миниатюр только 71 не имеет подписей. Такого числа вспомогательных текстов нет больше ни в одной рукописи XIV в. Они важны, чтобы понимать сюжеты иллюстраций и исследовать, как соотносились эти подписи с текстом псалмов, и отыскать лит. источники ряда редких иконографических решений, а также для характеристики рус. языка кон. XIV в. Все надписи на полях К. П. выполнены мелким полууставом – характерным, легко узнаваемым письмом, ведущим свое происхождение от приписок на полях рукописей и письма деловых документов. Оно возникло еще в кон. XIII в., но окончательно сформировалось в период второго южнославянского влияния, когда сложились и его специфические признаки: использование большого числа лигатур, подражание греческим буквам, наличие надстрочных знаков, орнаментация, сознательно неодинаковое написание одних и тех же букв; это письмо также отличают особая орфография и пунктуация.

Бытование иллюстрированной визант. рукописи XI в. на Руси и ее использование как образца при изготовлении лицевой К. П. представляются существенными фактами рус. культурной жизни кон. XIV в. Миниатюры К. П. свидетельствуют о характерном для рубежа XIV и XV вв. слиянии визант. традиции и рус. мастерства. Лит.: Майков В. В. О владыке Михаиле, упомянутом в записи лицевой Псалтири 1397 г. // Памяти Л. Н. Майкова: Сб. ст. и мат.-лов. СПб., 1902. С. 99–107; Culter A. The Marginal Psalter in the Walters Art Gallery: A Reconsideration // The Journal of the Walters Art Gallery. 1977. Vol. 35. P. 37–61; Киевская Псалтирь 1397 г. из Гос. Публ. б-ки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде (ОЛДП. Ф. 6). М., 1978 [факс. воспроизв. рукописи]; Вздорнов Г. И. Исследование о Киевской Псалтири. М., 1978; он же. Искусство книги в Др. Руси: Рукописная книга Сев.-Вост. Руси XII – нач. XV в. М., 1980. С. 94–97. № 49 [Библиография]; Weitzmann K. Sinai Psalter cod. 48 // Idem. Byzantine Liturgical Psalters and Gospels. L., 1980. [Сар.] 7. P. 4. Fig. 9; Жемайтис С. Г. К вопросу о происхождении и бытовании Киевской Псалтири (1397–1518 гг.) // Хризограф. М., 2005. Вып. 2. С. 126–138.

Г. И. Вздорнов

КИЕВСКАЯ РУСЬ – см. Древняя Русь.

«КИЕВСКАЯ СТАРИНА» (1882–1906), 1-й исторический научный периодический ж. на территории Украины. Издавался в Киеве. Разрешение цензуры на выпуск журнала получено 1 февр. 1882 г. Идея

КИЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ
ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛЪ.
—
ГОДЪ ПЕРВЫЙ
ТЪМЪ I.
Л Е В А Е Р Ъ .
—
ИЗДАТЪ
—
К И Е ВЪ .
—
Изданъ въ К. въ Типографіи «Свѣтъ» въ 1882 г.

«Киевская старина».
К., 1882. Т. 1. Янв.

создания «К. с.» принадлежит киевским ученым, членам кружка «Киевская громада», в к-рый входили В. Б. Антонович, А. М. Лазаревский, П. И. Житецкий и др. 29 мая 1881 г.

на организационном заседании (присутствовали профессора Киевского ун-та и КДА, в т. ч. Антонович, Ф. А. Терновский, С. Т. Голубев, И. И. Малышевский) был определен состав ор-

Ф. Г. Лебединцев.
Фотография. Кон. XIX в.

ганизационного комитета журнала, в который включены Антонович, Ф. Г. Лебединцев, П. Г. Лебединцев, О. И. Левицкий, Н. И. Петров. С этого момента началась разработка концепции и программы издания. В С.-Петербурге идею создания журнала активно поддержал В. М. Лазаревский, член совета Мин-ва внутренних дел и совета Главного управления по делам печати. 17 окт. 1881 г. министр внутренних дел Н. П. Игнатьев утвердил программу издания «К. с.», в к-рой определялась структура и содержание журнала, предлагались публикации материалов по истории Украины (в т. ч. документов, дневников, воспоминаний и т. д.) и библиографии. Предполагалось, что одним из главных направлений в содержании журнала станут исследования по истории Церкви: «Церковно-религиозному быту южнорусского народа, в виду появившихся в нем разномыслий и, в частности, быту и положению духовенства, взаимных отношений его и паствы, по важности сего предмета, мы готовы отвести одно из видных мест в нашем издании, рассчитывая при этом на содействие любителей и знатоков старины в его собственной среде» (ЦГИАК. Ф. КМФ-19. Оп. 1. Д. 20. Л. 3–4).

Первым редактором «К. с.» стал известный научный и церковный деятель статский советник Ф. Лебединцев (1828–1888). За его плечами был опыт издательской и редакторской работы («Руководство для

сельских пастырей» и «Киевские епархиальные ведомости»). Основной проблемой на начальном этапе руководства для Лебединцева стало финансирование журнала. Он обратился к гос. структурам с просьбой о ежегодной субсидии, но удалось добиться только одноразовой помощи в 1884 г. в размере 2 тыс. р. В целом же существование «К. с.» зависело от пожертвований со стороны меценатов (В. Ф. Симиренко, Г. П. Галаган, В. В. Тарновский и др.) и подписки преподавателей ун-тов, гимназий, уч-щ. География распространения журнала была весьма обширна: кроме городов Российской империи (Москва, С.-Петербург, Самара, Тверь, Тула, Харьков, Одесса, Чернигов, Полтава, Тифлис (ныне Тбилиси), Баку и др.) он доставлялся в Вену, Париж, Мадрид, Женеву, Гейдельберг, Цюрих. Позже, в 1896 г., редактор «К. с.» В. П. Науменко отмечал, что журнал расходуется «главным образом среди людей науки, особенно лиц, интересующихся местной историей, литературой и этнографией» (Там же. Л. 208–209).

В 1887 г. в связи с трудностями издания Лебединцев оставил редакторский пост. Организация «Киевская громада» предложила др. кандидатуру — А. С. Лашкевича (1842–1889). Офиц. утверждение его в этой должности состоялось 13 февр. 1888 г. Членами нового редакционного совета стали А. М. Лазаревский, Антонович, Житецкий, Левицкий, Науменко, И. В. Луцицкий, Н. В. Молчановский, Н. В. Шугуров. Изменения коснулись и самого журнала. Было расширено его содержание и увеличен объем. Но финансовая сторона оставалась в прежнем состоянии. После смерти Лашкевича портфель руководителя «К. с.» был предложен секретарю редакции Е. А. Кивлицкому (тогда еще студенту Киевского ун-та). Главное управление по делам печати утвердило его 20 нояб. 1889 г. При этом обязанности научного руководителя журнала фактически исполнял Лазаревский.

26 июля 1893 г. редактором был назначен Науменко, преподаватель 2-й киевской гимназии и член «Киевской громады». С его приходом изменилось и направление «К. с.»: научных статей стало меньше, увеличилось количество публицистических и полемических материалов. От аполитичной позиции был осуществлен переход к украинофиль-

ской направленности. В 1896 г. редакция объявила конкурс на лучшую научно-популярную работу по истории Украины, учредив премию в размере 1 тыс. р. В 1897 г. Науменко организовал и возглавил Киевское об-во грамотности. При нем стали активно издаваться отдельные оттиски статей и материалов, ранее опубликованных в «К. с.». Опираясь на поддержку киевского губернатора М. И. Драгомирова, он частично ослабил давление офиц. цензуры. Как следствие, с 1899 г. редакция «К. с.» начала заниматься также проведением общественных лекций, организацией благотворительных спектаклей, распространением украиноязычных книг и т. п. Была создана своя типография (1898) и открыт книжный магазин (1899). 23 марта 1902 г. Науменко был утвержден в должности издателя «К. с.».

В 1899–1900 гг. в «К. с.» появился целый ряд публикаций по истории развития укр. языка, науки и культуры. Характерной чертой «К. с.» этого периода стала популяризация укр. художественной лит-ры (путем публикации как самих сочинений, так и исследований). В целом кон. XIX в. характеризуется уже определенной политизацией журнала. На страницах «К. с.» публиковались статьи, связанные с отстаиванием свободы слова и презентацией укр. истории и культуры. Особенно это проявилось в последние годы существования «К. с.» — в 1905–1906 гг. Именно поэтому было принято решение об изменении названия и программы журнала. 13 дек. 1906 г. на заседании «Киевской громады» была утверждена его программа. В 1907 г. начал издаваться ж. «Україна» (было выпущено 12 номеров).

За время существования «К. с.» были опубликованы работы ок. 450 авторов самых разных историографических направлений и школ. Здесь печатались исследования российских, польск., евр. историков. Тематика публикаций была разнообразна — археология, этнография, история, лит-ра и т. д. Большое внимание уделялось публикации работ по истории религии и Церкви. Статьи и сообщения по этой тематике охватывали довольно широкий круг вопросов — история Церкви, межконфессиональные отношения, взаимоотношения гос-ва и Церкви и т. п. Неоднократно публиковались и соответствующие документы. Эти ра-

боты принадлежали перу представителей как церковной науки (П. Лебединцев, Голубев, Малышевский и др.), так и гражданской (В. А. Пархоменко, А. Лазаревский и др.).

В 1922 г. выпуск ж. возобновлен под названием «Київська старовина».

Лит.: Лазаревский А. Как основалась «Киевская старина» // Киевская старина. 1897. Т. 56. № 3. Отд. 2. С. 63–64; Данилов В. В. Лит. поминки // ИВ. 1907. Т. 109. № 7. С. 211; Систематический указ. журн. «Киевская старина» (1882–1906) / Сост.: И. Ф. Павловский и др. Полтава, 1911; Грушевский М. С. Историография 1880–1890 гг. и кружок «Киевской старины» // Укр. народ в его прошлом и настоящем. СПб., 1914. Т. 1. С. 29–31; Житецкий И. П. «Київська Старина» за часи Ф. Лебединцева (1882–1887) // Україна. 1926. № 6. С. 113–120; он же. «Киевская Старина» 40 років тому: (Іст. нариси та спомини) // За сто літ. Х.; К., 1928. Кн. 3. С. 125–146; Савченко Ф. В. Б. Антонович і перша редакція «Київської Старини»: (Листи В. Б. Антоновича до Ф. Г. Лебединцева, Ф. Г. Лебединцева до М. І. Петрова та інші) // Україна. 1926. № 6. С. 83–96; Оглоблин Д. О. С. Лашкевич (1842–1889), редактор-видавець «Кієвської Старини» // Укр. історик. 1974. № 1/3. С. 155–168; № 4. С. 47–73; Антонович М. Д. «Киевская старина» // Там же. 1983. № 2/4. С. 25–36; Матях В. М. Проблеми укр. державності на сторінках журн. «Киевская старина» // Укр. державність: Історія і сучасність. К., 1993. С. 74–76; Сошинська Я. Є. «Киевская старина» як бібліографічне джерело з історії укр. селянства // Зб. ст. аспірантів Київського держ. ін-ту культури. К., 1994. С. 57–63; Галас Б. К. Зауваження П. Житецького до Грінченкової рукописної редакції словника «Киевской старины» // Наук. вісник. Сер. філол. / Ужгородський ун-т. Ужгород, 1995. Вип. 1. С. 19–23; Дорошенко Д. І. Огляд укр. історіографії. К., 1996. С. 140–147; Кучинський М. В. Діяльність Б. Хмельницького в оцінці жур. «Киевская старина» // Мова і культура — Язык и культура. К., 1997. Т. 3. С. 94–96; Люзьяк М. М. Публікація історичних пам'яток «Киевской стариной» (кін. XIX ст.) // Укр. періодика: Історія і сучасність. Львів, 1997. С. 43–46; он же. Тема Волині на сторінках «Киевской старины»: (Проблеми публікації іст. матеріалів та пам'яток) // Минуле і сучасне Волині: О. Цинкаловський і край. Луцьк, 1998. С. 20–21; Ракова О. В. Іст. публікації В. Б. Антоновича в жур. «Киевская старина» // Вісник Харківського ун-ту. Х., 1998. № 401: Історія України. Вип. 2. С. 264–275; Забіяка І. М. Взаємостосунки В. Горленка з редакцією та редакторами журн. «Киевская старина»: (За листами В. Горленка до О. Лазаревського) // Наук. зап. / Ін-т укр. археогр. та джерелознавства ім. М. С. Грушевського. К., 1999. Т. 3. С. 293–307; он же. Журнал «Киевская старина»: вчора, сьогодні, завжди // Наук. зап. Ін-ту журналістики / Київський нац. ун-т ім. Т. Шевченка. К., 2001. Т. 3. С. 74–77; Примах А. Ф. Б. Ханенко та «Киевская старина» // До 150-річчя з дня народження Б. І. Ханенка, мецената, колекціонера, фундатора музею. К., 1999. С. 59–64; она же. Пам'ятки історії та культури в дослідженнях М. Ф. Біляшівського на сторінках часопису «Киевская старина» // Праці Центру пам'ятокознавства. К., 2003. Вип. 5. С. 170–179; Крячок М. І. Києво-Печерська лавра на сторінках журн. «Киевская старина»

1882–1906 рр. // Могилянські читання, 2000. К., 2001. С. 183–193; *Буряк Н. В.* Культурна спадщина Київської Русі на сторінках журн. «Київська старовина» (іст.-археол. аспект) // Наук. зап. / Нац. ун-т «Кієво-Могилянська акад.». К., 2002. Т. 20. Ч. 1. С. 39–41; *Старченко Т.* «Київська старина»: Хронотоп святко на сторінках журналу (1882–1906) // Образ: 36. К., 2002. Вип. 3. Ч. 1. С. 5–10; *Алексієвець М.* Журнал «Київська старина» як осередок іст. науки та культурне явище кін. XIX – поч. XX ст. // Наук. зап. Сер.: Історія / Тернопільський держ. пед. ун-т. Тернопіль, 2003. Вип. 2. С. 177–181; *Михайлин І. Л.* Історіографія історії укр. журналістики в журн. «Київська старина» // Вісник. № 595: Сер. Філологія / Харківський нац. ун-т. 2003. Вип. 38. С. 159–163; *Пода О. Ю.* Публікації «Київської старини» про історію козаччини // Вісник: Філологічні науки / Запорізький держ. ун-т. Запоріжжя, 2003. № 1. С. 132–142; *Березовський О.* Журнал «Україна» – спадкоємець «Київської старини» // Київська старовина. 2004. № 1. С. 52–57; *Демиденко О.* Висвітлення пам'яток історії та культури України у часописі «Київська старина» (1882–1906) // Укр. іст. збірник. К., 2004. Вип. 6. С. 377–390; *Андрейчук Т.* Духовна культура українців на сторінках журн. «Київська старина» в кін. XIX ст. // *Кайндль Р. Ф.* Вікно в європейську науку. Чернівці, 2005. С. 270–273; *Ластовський В. В.* Суспільно-політичні аспекти історії Правосл. Церкви в Україні наприкінці XVII – протягом XVIII ст. на сторінках «Київської старовини», (1882–1906) // Вісник Академії праці і соц. відносин Федерації профспілок України. К., 2005. № 4. С. 166–173; *он же.* Відображення соціально-економічного розвитку Правосл. Церкви в Україні наприкінці XVII – протягом XVIII ст. на сторінках «Київської старовини» (1882–1906) // Вісник. Сер.: Історія / Київський нац. ун-т ім. Т. Шевченка. 2006. Вип. 87/88. С. 23–25; *он же.* Між суспільством і державою: Правосл. Церква в Україні наприкінці XVII – у XVIII ст. в історії та історіографії. К., 2008; *Палієнко М.* «Київська старина» у громадському та науковому житті України (кін. XIX – поч. XX ст.): [Т. 3 т.]. К., 2005. [Т. 2]: Хронологічний показник змісту журналу (1882–1906); [Т. 3]: Систематичний показник; *Райківський І. Я.* Галичина на сторінках журн. «Київська старина» (1882–1906 рр.) // Україна соборна: Зб. наук. ст. К., 2005. Вип. 2. Ч. 3: Іст. регіоналістика в контексті соборності України. С. 167–177; *Негодченко О. П.* Журнал «Київська старина» (1882–1906) як явище укр. культури // Проблеми культурної ідентичності в ситуації сучасного діалогу культур. Острого, 2007. С. 169–177; *Тиховіс І. О.* До історіографії часопису «Київська старина» // Вісник Дніпропетровського ун-ту. 2008. Вип. 16. С. 220–223.

В. В. Ластовський

«КІЕВСКИЕ ЕПАРХІАЛЬНЫЕ ВЕДОМОСТИ», офіц. издание (1861–1917) *Киевской епархии*. Журнал учрежден указом Синода от 8 янв. 1861 г. по ходатайству Киевского и Галицкого митр. *Арсения (Москвина)*. Состоял из офиц. и неофиц. частей. В первой публиковалась офиц. епархиальная хроника, слова и поучения церковных

«Киевские епархиальные ведомости». 1917. № 13

иерархов, во второй – материалы и научные исследования, посвященные преимущественно истории Киевской митрополии-епархии, ее храмам и мон-рям, статьи о духовном образовании и воспитании, борьбе с сектантством, быте духовенства, а также некрологи, стихи духовно-содержания и проч.

Первый выпуск «К. е. в.» вышел 1 марта 1861 г. В 1861–1878 и 1882–1886 гг. журнал выходил дважды в месяц (24 номера в год), в 1879–1881, 1887–1890 гг. и начиная с 1903 г. – еженедельно (52 номера в год). «К. е. в.» издавались в 1861–1878 гг. и с 1886 г. Киевской духовной консистории, в 1874–1878 гг. – прот. А. М. Колосовым, в 1878–1886 гг. – КДА. В «Энциклопедическом словаре» Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона (СПб., 1895. Т. 15. С. 262) ошибочно указано, что «К. е. в.» издавались при КДС.

Редактором журнала с марта 1861 по авг. 1863 г. был профессор КДА и Киевского ун-та св. Владимира прот. И. М. Скворцов, к-рый в 1862 г. инициировал выпуск «К. е. в.» в качестве приложения к изданию «Листок для сельских школ» (в 60-х гг. XIX в. в Киевской епархии начали создаваться сельские школы, призванные поддержать церковноприходские школы). Вдохнителем же создания «К. е. в.» считается прот. Киево-Софийского кафедрального собора П. Г. Лебединцев, первые 3 года осуществлявший «издательско-идейную линию» журнала (*Денисенко*. 2006. С. 11). Прот. Лебединцев –

выходец из среды киевского духовенства и знаток местной церковной жизни, ближайший помощник и советчик митрополитов Киевских и Галицких свт. *Филарета (Амфитеатрова)*, *Арсения (Москвина)* и *Платона (Городецкого)*. Именно этим объясняется его первенствующая роль в редакционной политике издания. За время редакторства (1863–1873) прот. Лебединцева в работе «К. е. в.» принимали участие такие известные ученые и церковные деятели, как М. А. Максимович, Ф. Г. Лебединцев (брат прот. П. Лебединцева), Е. М. Крыжановский, прот. Н. А. Фаворов и др. Но вследствие возникшего между митр. Арсением и прот. П. Лебединцевым конфликта последний был вынужден оставить пост редактора.

В янв. 1874 г. редактором-издателем стал приходский прот. А. Колосов, ранее служивший законоучителем и ректором Черниговской ДС. По ходатайству ректора КДА еп. *Михаила (Лузина)* в окт. 1878 г. Киевский митр. *Филофей (Успенский)* распорядился передать издание из ведения Киевской духовной консистории в ведение академии. Редакцией журнала по поручению Совета академии занимались профессор И. И. *Мальшевский* (редактор), А. Д. *Воронов*, Н. И. *Петров* и др. Журнал изменил не только периодичность издания, но и формат (вместо 1/8 начал печататься на 1/4 листа). С этого времени духовная консистория стала доставлять в редакцию издания только материалы для офиц. части.

В 1882 г. епархиальный съезд духовенства выразил недовольство редакционной политикой «К. е. в.». Редакторы и сотрудники журнала обвинялись в свободном и чрезмерно критическом обсуждении не только текущей церковно-общественной жизни епархии, но и прямых распоряжений епархиального начальства. Митр. Киевский *Платон (Городецкий)* обратился к ректору КДА еп. *Михаилу (Лузину)* с письмом, в к-ром, детально проанализировав содержание и направление журнала, предложил ректору, восстановив прежний формат журнала, впредь размещать в нем преимущественно образцы лучших церковных проповедей, а также статьи церковно-исторического направления. Материалы, касавшиеся официальной хроники Киевской епархии,

предписывалось направлять для предварительной цензуры прот. П. Лебединцеву, ближайшему сотруднику митр. Платона. Руководство КДА подчинилось этим требованиям.

В 1886 г. на епархиальном съезде духовенства Киевской епархии было решено издавать только офиц. отдел, что стало причиной отказа КДА от редактирования издания, к-рое вновь перешло в ведение Киевской духовной консистории. При этом решении съезда об упразднении неофициального отдела выполнено не было. В сент. того же года редактором «К. е. в.» был назначен ключарь Киево-Софийского кафедрального собора прот. В. М. Розов. После его кончины в 1890 г. на редакторскую должность вновь вернулся прот. П. Лебединцев. При последнем основное внимание уделялось местным церковным памятникам, приоритет отдавался публикациям церковно-исторического характера. В янв. 1894 г. Синод утвердил в должности редактора настоятеля киевской Сретенской ц. прот. П. А. Троцкого († 5 июня 1900), при котором в журнале публиковались материалы в основном церковно-практического направления.

С февр. 1897 г. назначались отдельные редакторы для офиц. и неофиц. частей. Первым редактором офиц. части стал секретарь Киевской духовной консистории Н. В. Соловьёв. Редакторами «К. е. в.» с 1901 г. и до закрытия издания были профессор КДА прот. Ф. И. *Титов*, В. А. Соколов, И. И. Троицкий, Н. И. Лузгин (офиц. часть), А. П. Демяновский.

С 1901 г. «К. е. в.» издавались по новой программе, согласно к-рой офиц. часть журнала разделялась на 6 отделов: 1) руководящие статьи по вопросам церковно-приходской жизни и практики или образцовые проповеди; 2) миссионерский отдел; 3) церковно-исторический, посвященный систематическому изучению истории Киевской епархии-митрополии; 4) текущая епархиальная хроника; 5) обозрение жизни др. епархий; 6) обозрение новейших богословских сочинений преимущественно церковно-практического направления.

В неофиц. части «К. е. в.» публиковались материалы по истории Киевской епархии, а также по истории правосл. Церкви, статьи о киевских иерархах, об истории мон-рей, храмов, приходов, о церковных раско-

лах и об уни, библиографические заметки.

Основное внимание в «К. е. в.» уделялось церковной истории. Среди наиболее значимых статей — работы С. Т. Голубева «Вступление Петра Могилы на Киево-Печерскую архимандрию» (1880. № 45. С. 1–5; № 46. С. 3–7) — 1-я публикация отрывка его фундаментальной работы «Киевский митр. Петр Могила и его сподвижники», «Объяснительные параграфы по истории Западно-русской Церкви» (1893. № 3. С. 67–77; № 4. С. 95–100; № 5. С. 124–131; № 12. С. 312–329; № 24. С. 739–755), Ф. Лебединцева «Братства» (1862. № 8. С. 258–274; № 9. С. 310–325; № 10. С. 353–359), Крыжановского «Киевская духовная консистория в XVIII ст.» (1862. № 1. С. 8–29; № 14. С. 471–486; № 15. С. 511–524), Петрова «Материалы для истории уни и католичества в Киевской губернии» (1876. № 1. С. 13–21; № 2. С. 49–55).

Особый интерес среди статей церковно-исторического характера представляют материалы, посвященные отдельным мон-рям и храмам, в первую очередь киевским. Так, в «К. е. в.» были напечатаны статьи прот. П. Лебединцева о ц. Спаса на Берестове (1862. № 21. С. 668–681), Софийском соборе (1893. № 11. С. 298–301), Максимовича о Межигорском мон-ре (1865. № 6. С. 221–235; № 7. С. 263–286) и о ц. св. Андрея (1866. № 11. С. 350–358), свящ. И. Малышевского о ц. свт. Николая Чудотворца (Набережного) на Подоле (1866. № 5. С. 167–179), Троицкого о скитах Феофании (1901. № 17. С. 763–778) и «Пречистая» в урочище Церковщина (1901. № 21. С. 942–953) и др.

Большое внимание уделялось биографическим исследованиям. На страницах «К. е. в.» ежегодно печатались десятки статей, посвященных рус. святым, митрополитам, деятелям правосл. Церкви, напр.: «По поводу 500-летия со дня кончины прп. Сергия Радонежского: (Ист.-биог. очерк)» (1892. № 22. С. 791–797; № 23. С. 830–845) и «Биографические сведения о Петре Могиле до посвящения его в сан Киево-Печерского архимандрита» (1875. № 1. С. 1–6; № 3. С. 95–102; № 6. С. 213–221) Голубева; «Прп. Феодосий, основатель Киево-Печерского монастыря» (1902. № 9. С. 352–357; № 11. С. 433–438; № 12. С. 472–486) В. Н. Мали-

нина; «Арсений Могилянский, митр. Киевский» (1875. № 12. С. 405–414; № 19. С. 642–651) И. Н. Королькова; «Протектор Киевской академии Рафаил Заборовский, митр. Киевский» (1876. № 5. С. 162–172; № 7. С. 228–236) П. Молчанова; «Деятельность митр. Евгения по управлению Киевской епархией» (1901. № 9. С. 415–425; № 13. С. 600–607; № 14. С. 627–634) П. И. Орловского; «Воспоминания о Леванде» (1869. № 10. С. 369–384) и «Иван Босый [юродивый]» (1873. № 22. С. 653–670) И. Максимовича.

В кон. XIX — нач. XX в. значительное внимание на страницах журнала уделялось сектанству, в первую очередь штундизму. Авторами большинства статей выступали С. М. Потехин, Ф. Титов, Троицкий.

Вопросы богословского характера в статьях разрабатывал проф. КДА В. Ф. Певницкий — «О промысле Божиим» (1899. № 3. С. 95–106; № 4. С. 138–150), «Как будет жить душа по смерти тела?» (1903. № 37. С. 993–1000), а также свящ. К. И. Фоменко, Троицкий.

Среди публикаций общеисторического характера следует отметить статьи Максимовича «Письма о князьях Острожских» (1866. № 3. С. 103–111; № 4. С. 141–146; № 6. С. 196–202; № 7. С. 235–240; № 9. С. 289–296; № 10. С. 322–329), «О Киевском Синописе» (1868. № 9. С. 352–359); Петрова «Новые материалы для истории Юго-Западной России и в частности г. Киева» (1874. № 9. С. 204–213; № 14. С. 375–383; № 18. С. 510–515; № 19. С. 527–531; № 23. С. 640–646), «Две надгробные надписи XVI в. Константину Ивановичу князьям Острожским» (1875. № 15. С. 513–516); свящ. К. Фоменко «Местечко Фастов по описанию московского св. Иоанна Лукьянова» (1903. № 18. С. 479–485), фрагменты, посвященные Киевской земле, из «Записок» о путешествии Антиохийского патриарха *Макария III* (1872. № 18. С. 422–431; № 21. С. 490–499; № 23. С. 544–552; № 24. С. 592–600; 1873. № 1. С. 1–7) и др.

Арх.: ЦГИАК Украины. Ф. 1038 (Киевские епархиальные ведомости). Оп. 1. 154 дл.

Лит.: Пономарёв С. И. Указ. неофиц. отдела «Киевских ЕВ» за 10-летие их издания, 1861–1870. К., 1870; он же. Указ. офиц. отдела «Киевских ЕВ» за 10-летие их издания, 1861–1870. К., 1871; Петров Н. И. 20-летие издания «Киевских ЕВ» // Киевские ЕВ. 1886. № 5. С. 201–215; № 6. С. 251–262; Указ. неофиц.

отдела «Киевских ЕВ» за последнее двадцатипятилетие, 1871–1895. К., 1896; 50-летие издания «Киевских ЕВ», 1861–1911 гг. // Киевские ЕВ. 1911. № 51/52. С. 1186–1195; Киев: Энцикл. справ. К., 1986. С. 274; Дениско Л. М. Релігійні православні періодичні видання XIX — початку XX ст. у фондах Нац. б-ки України ім. В. І. Вернадського: Кат. К., 2001; Денисенко В. А. Часопис «Киевские ЕВ» в історії національно-духовного життя України (1861–1918 рр.): Іст. огляд, редактори, системний показник видання. К., 2006.

Прот. В. Савельев,
К. К. Крайний

«КІЕВСКИЕ ЛИСТКИ» («Киевские глаголические листки», «Киевский миссал»), один из древнейших памятников старославянского языка и глаголической письменности (X — нач. XI в.). Осенью 1870 г. в монастыре в мц. Екатерины на Синае архим. Антонином (Капустиным) были найдены 7 листов пергаменного кодекса (13,6/14,5×10,2/10,8 см). (Фонкич. 1972. С. 82–83); 2 мая 1872 г. он передал их в дар КДА (совр. место хранения: НБУВ ИР. ДА/П 328). В научный оборот памятник ввел И. И. Срезневский (Срезневский. 1878).

Основная часть «К. л.» (л. 1 об. — 7 об.) содержит перевод Сакраментария лат. Миссала и включает молитвы 10 месс: 1) сщмч. Клименту, папе Римскому; 2) мц. Фелиците; 3–8) мессы седмичного круга с понедельника по субботу; 9) св. мученикам; 10) всем небесным силам. Мессы седмичные и сщмч. Клименту состоят из 4 молитв: oratio (основная), super oblatae («надъ оплатъмъ»), praefatio («префация») и postcommunio («на всуде»), остальные не включают praefatio. Содержащие основной части «К. л.» текстологически связаны с Падуанским Сакраментарием (Padua. Bibl. Capit. D. 47), написанным при Римском имп. Лотаре (817–855) в районе Ахена — Льежа на нижнем Рейне в качестве парадной рукописи для Вероны; в нем находится лат. аналог praefatio мессы св. Клименту. Лат. аналоги молитв «К. л.» (отсутствующие в Падуанской рукописи) имеются и в Сакраментарии нач. IX в., происходящем, возможно, из Сев. Италии (St. Gallen. Stiftsbibl. 348), и в Фульдском Сакраментарии X в. (Goth. N 231). Эти рукописи не могут считаться текстами, с которых непосредственно был выполнен перевод, представленный в «К. л.», однако «К. л.» и Падуанский Сакраментарий могут восходить к общему

«Киевские листки»
X — нач. XI в.
(НБУВ ИР. ДА/П 328. л. 5)

архетипу, отражающему т. н. Григория Сакраментарий, кон. VI — нач. VII в. (Mohlberg. 1928. P. 213–220). При этом Падуанский кодекс воспроизводит позднюю редакцию Римского Сакраментария, которая широко использовалась в Аквилейском Патриархате и в связанных с ним епархиях в Зальцбурге, Пассау и Регенсбурге, занимавшихся миссионерством на землях соседней Вел. Моравии.

Вопрос о времени и месте перевода на слав. язык текстов «К. л.» является предметом дискуссий и едва ли может быть решен однозначно. Лексика древнейшей части памятника содержит значительные заимствования («фелицита», «поганьскъ», «префация», «всудь» и др.) и кальки («вълитие», «всеомгы» и др.) из лат. и староверхненем. языков. При этом бесспорным источником таких слов, как «Богородица», «Приснодева», и имен собственных Иисус и Климент был греч. язык (подробнее о лексике «К. л.» см.: Натт. 1979; Нимчук. 1983). Синтаксис памятника в основном соответствует кирилло-мефодиевским нормам старославянского языка. Главнейшей фонетической особенностью текстов «К. л.», отличающей их от большинства старослав. памятников (имеющих южнослав. (болг.) происхождение), является употребление букв «з», «ц» для передачи *tj, *dj, «шч» для *skj, *stj, переход «з» в «ж» перед мягкими «л» и «н», наличие эпентетического «л» и «ђ». Эти и др. признаки указывают на чеш. или моравское происхождение текста (или его архетипа). Следов., перевод тек-

тов «К. л.» был выполнен в слав. регионе, по соседству с областями распространения римского литургического обряда и староверхненемецкого языка, но ориентированном на кирилло-мефодиевскую книжно-письменную традицию, прежде всего это могут быть Моравия, Паннония (Блатненское княжество кн. Коцела (сер. IX в.)) или чешские земли. Единого мнения о более узкой локализации места создания рукописи в научной литературе не сложилось (обзор мнений см.: Нимчук. 1983. С. 63–84; Минчева. 1995. С. 254–257). С одной стороны, это вызвано тем, что язык паннонских славян (растворившихся среди славян после венгерского завоевания в кон. IX в.) не засвидетельствован письменными памятниками (за исключением, быть может, «К. л.»), а с др. стороны — отражает колебания исследователей в определении самого отрывка: являются ли его правописно-языковые особенности исходными, или же они возникли при копировании текста в близкой, но не тождественной языковой среде. Это не умаляет уникальности «К. л.» как нового (моравского) текста, созданного в рамках кирилло-мефодиевских образцов, но в соответствии с местной культурной лексикой и церковной терминологией отражающими лат. и староверхненем. заимствования (Минчева. 1995. С. 257).

Особое место в вопросе о происхождении «К. л.» занимает гиперкритическая, не получившая признания в науке т. зр. австр. исследователя Й. Хамма, который пытался доказать, что памятник является подделкой, созданной в 1-й пол.—сер. XIX в. фальсификатором западнослав. письменных древностей чеш. ученым В. Ганкой. Но физико-химическое изучение кодекса, проведенное на рубеже 70–80 гг. XX в. в лаборатории судебно-технических исследований документов Киевского научно-исследовательского института судебных экспертиз и лаборатории радиофизики Киевского ун-та показало отсутствие в «К. л.» палимпсестных текстов и отличие состава их чернил от чернил, которыми пользовался Ганка (Нимчук. 1983. С. 26, 28–29).

Основная (древнейшая) часть «К. л.» написана 2 почерками. Первым — 2 начальные мессы (Л. 1 об. — 2 (верхние 8 строк)), вторым — остальные (Л. 2–7 об.). Оба почерка представляют древнейший, не вполне

круглый вариант глаголицы, письмо «висящее» (буквы не стоят на линии строки, а подвешены к ней), что свойственно ряду древнейших слав. рукописей, как глаголических, так и кириллических. В «К. л.» употребляются 34 глаголические буквы: нет букв «зело», «омега», «щ», «юс малый» и «х паукообразное»; «у» встречается только в составе диграфа «оу». Литургические тексты снабжены развитой системой надстрочных знаков, отсутствующей в других старослав. памятниках, истолкованию к-рой посвящена обширная лит-ра (Н. К. Грунский, Дж. Л. Трагер, Э. Зиверс, Э. Кошмидер, О. Неделькович, Ф. Кортландт, Й. Схакен, В. М. Загребин). Изолированное положение почерков «К. л.» среди древнейших памятников глаголической письменности осложняет их датировку, к-рая в научной лит-ре колеблется от кон. IX — нач. X в. до кон. X — нач. XI в. (последняя считается наиболее вероятной).

На лицевой стороне 1-го листа позднее (вероятно, в XII в.) были приписаны отрывок Послания к римлянам ап. Павла (Рим 13. 11–14; 14. 1–4) и молитва Богородице из мессы на Благовещение. Единого мнения о месте написания этой части рукописи также не сложилось: высказывались предположения о ее древнеболг. (Б. Велчева, Схакен) или хорват. (далматинском) происхождении (И. В. Ягич, М. А. Пантелич).

Время и обстоятельства, при которых «К. л.» оказались на Синае, остаются невыясненными. В 1985 г. М. Пантелич (Pantelić. 1985) отождествила почерк писца позднейших дополнений на лицевой стороне Л. 1 «К. л.» с письмом пасхальных таблиц, приписанных на Л. 2 отрывка Синайского Евхология (РНБ. Глаг. 2). Отождествление представляется вполне вероятным, несмотря на ограниченное число глаголических графем, содержащихся в таблицах. Однако вопрос о месте, где были сделаны обе приписки — на родном языке писца (будь то Болгария или Далмация) или же на Синае (либо в Палестине), остается открытым.

Лит.: Kolář J. O starém a posud neznámém rukopise hláholském v Kyjevě // Časopis Musea Království Českého. Praha, 1875. Roč. 49. S. 192–197; *idem*. O hláholském zlpkmu Kyjevském // *Ibid*. 1878. Roč. 52. S. 330–334; Срезневский И. И. Римско-католический миссал в древнем глаголическом списке // *Он же*. Сведения и заметки о малоизвестных и неиз-

вестных памятниках. СПб., 1876. С. 529–545. (СБОРЯС; Т. 15. № 1); *он же*. О древней глаголической рукописи, хранящейся в КДА // Тр. III Археол. съезда в России, бывшего в Киеве в 1874 г. К., 1878. Т. 2. С. 269–276; *он же*. Список с подлинника древнего глаголического миссала КДА кирилловскими буквами // Там же. Прил. С. 185–197; Махушев В. В. О римско-католическом миссале, писанном глаголицею в Чехии: (Доп. к 1 чтению) // Филологические зап. Воронеж, 1878. Вып. 3. С. 64–69; Ягич И. В. Образцы языка церковнослав. по древнейшим памятникам глаголической и кирилловской письменности. СПб., 1882. С. 30–33; *idem*. (Jagić V.). Glagolitsa: Würdigung neuentdeckter Fragmente. W., 1890. (Acad. d. Wissenschaften in Wien. Philos.-hist. Kl.; Bd. 38/2); *idem*. Einige Streitfragen: 1. Zur Provenienz der Kijever glagolischen Blätter // ASPH. 1898. Bd. 20. S. 1–13; *idem*. Einige Streitfragen: 4. Nochmals die Kijever Blätter // *Ibid*. 1900. Bd. 22. S. 39–45; *idem*. Neueste Publikationen über Kijever Blätter // *Ibid*. 1905. Bd. 27. S. 441–446; Oblak V. Zur Proveniens der Kijever und Prager Fragmente // *Ibid*. 1896. Bd. 18. S. 106–112; Соболевский А. И. Церковно-слав. тексты моравского происхождения // РФВ. 1900. Т. 43. С. 159–160; *он же*. Киевские глаголические отрывки // *Он же*. Мат-лы и исследования в области слав. филологии и археологии. СПб., 1910. С. 92–99. (СБОРЯС; Т. 88. № 3); *он же*. Родина Киевских отрывков // Там же. С. 106–109; Каринский Н. М. Об ударениях в Киевских глаголических отрывках // ИОРЯС. 1901. Т. 6. Кн. 3. С. 281–289; Грунский Н. К. Памятники и вопросы древнеслав. письменности. Юрьев, 1904. Т. 1. Вып. 1–3: Киевские глаголические листки; *он же* (Грунський М. К.). Київські листки та Фрейзінгенські уривки. К., 1928; Vondrák V. O původu Kijevských listů a Pražských zlomků: A o bohemismech v starších církevněslovanšských památkách vůbec. Praha, 1904; *idem*. Über die Provenienz der Kiever Blätter und der Prager Fragmente // ASPH. 1906. Bd. 28. S. 472–478; *idem*. Kirchenglavische Chrestomathie. Gött., 1910. S. 15–16, 71–72; Šachmatov A. Der Ausdruck «всѣдѣ» in altkirchenslavischen Denkmälern // *Ibid*. 1905. Bd. 27. S. 141; Lietzmann H., Hrsrg. Das Sacramentarium Gregorianum nach dem Aachener Urexemplar. Münster, 1921; Дурново Н. Н. К вопросу о языке Киевских листков // Slavia. Praha, 1922/1923. Roč. 1. S. 219–227; Čremošnik G. Kratice «Nomina sacra» u crkoslovenskim spomenicima // *Ibid*. 1925/1926. Roč. 4. S. 238–264, 485–498; Sievers E. Die altslawischen Verstehtexte von Kiew und Freising. Lpz., 1925; Van Wijk N. Kilka uwag o pochodzeniu Miszału Kijowskiego // Księga pamiątkowa ku czci O. Balzera. Lwów, 1925. T. 2. S. 665–667; Арасимович Л. К вопросу о Киевских листках // Slavia. 1927/1928. Roč. 6. S. 18–27; Mohlberg L. C., Baumstark A. Die älteste erreichbare Gestalt des Liber sacramentorum anni circuli der römischen Kirche: (Cod. Pad. D47, fol. 11r – 100r). Münster, 1927; Mohlberg L. C. Il messale glagolitico di Kiew (sec. IX) ed il suo prototipo romano del sec. VI–VII. R., 1928; *idem*. Zu meinen Untersuchungen über das glagolitische Missale von Kiew // ZSP. 1933. Bd. 10. S. 100–103; Озиеико I. Памятки старословянскої мови X–XI в. Варшава, 1929. С. 75–91, 311–323; Ушеничник F. Najstarejši glagolski spomenik i Liturgija sv. Cirila in Metodija: (De primo fragmento glagolitico et de liturgia ss. Cyrilli et Methodii) // Bogoslovni vestnik. Ljubljana, 1930. Letnik 10. S. 235–253; Vajs J. Kyevské listy a jejich latinský (římský) originál století VI–

VII // Bratislava: Časopis Učene společnosti Šafaříkovy. Bratislava, 1930. Roč. 4. S. 521–527; *idem*. Rukověť hláholské paleografie. Praha, 1932. S. 117–119; Trager G. L. The Old Church Slavonic Kiev Fragment: Its Accent and Their Relation to Modern Slavonic Accentuation. Phil., 1933; Vaillant A. Vieux slave stuždí, tuždí // Сб. в чест на Л. Милетич за 70-годишнината от рождението му (1863–1933). София, 1933. С. 26–28; Nahtigal R. Kijevski listi staroslavenskog prevoda latinskog misala (sakramentarija) // *Idem*. Starocerkenvoslovanške študije. Ljubljana, 1936. S. 5–31; Vašica J. Slovanská liturgie sv. Petra a její slovanský překlad // Bsl. 1939/1946. T. 8. S. 313–332; *idem*. Slovanská liturgie nově osvětlená Kijevskými listy // Slovo a slovesnost. Praha, 1940. Roč. 6. S. 65–77; *idem*. Origine cyrillo-méthodienne du plus ancien code slave dit «Zakon sudnyi ljudem» // Bsl. 1951. T. 12. S. 154–174; Koschmieder E. Die ekphonetische Notation in Kirchenglavischen Sprachdenkmälern // Südost-Forschungen. Lpz., 1940. Bd. 5. S. 22–32; *idem*. Die vermeintlichen Akzentzeichen der Kiever Blätter // Slovo. Zagreb, 1955. Br. 4/5. S. 5–23; *idem*. Wie haben Kyrill und Method celebriert? // Anfänge der slavischen Musik. Bratislava, 1966. S. 7–22; Weingart M. Československý typ cirkevnej slovančiny. Bratislava, 1949. S. 33–44, 126–128; Weingart M., Kurz J. Texty ke studiu jazyka a písemnictví staroslověnského. Praha, 1949; Liewehr F. Zum Vers der Kiever Blätter // ZfS. 1956. Bd. 1. N 2. S. 35–48; Tradičik V. Trojí hláholské i v Kyjevských listech // Slavia. 1956. Roč. 25. S. 200–216; Gamber K. Das glagolitische Sakramentar der Slavenapostel Cyrill und Method und seine lateinische Vorlage // ÖS. 1957. Bd. 6. S. 165–173; *idem*. Die Kiever Blätter in sakramentargeschichtlicher Sicht // Cyrillo-Methodiana: Zur Frühgeschichte des Christentums bei den Slaven, 863–1963. Köln; Graz, 1964. S. 362–371; Leumann M. Die altkirchenslavischen Kiever Blätter und ihr lateinisches Original // *Idem*. Kleine Schriften. Zürich; Stuttg., 1959. P. 371–385; Мареу Ф. В. Древнеславянский лит. язык в Великоморавском гос-ве // ВЯ. 1961. № 2. С. 12–23; *idem* (Mareš F. V.). Das altkirchenslavische «всѣдѣ», communio Eucharistia // Das Romanische in den Ostalpen: Vorträge und Aufsätze. W., 1984. S. 125–131; Matějka L. Systematic Sound Repetition in the Kiev Leaflets // Slavic and East European J. Bloomington, 1962. Vol. 6. N 4. P. 334–340; *idem*. On Translating from Latin into Church Slavonic // American Contributions to the VI Intern. Congress of Slavists: Prague, 1968, Aug. 7–13. The Hague; 1968. Vol. 1: Linguistic Contributions. P. 247–274; *idem*. K syntaxi církevněslovanšských překladů z latiny // Studia Palaeoslovenica. Praha, 1971. S. 227–236; Večerka R. Slovanské počátky české knižní vzdělanosti. Praha, 1963; *idem*. Zur Periodisierung des Altkirchenslavischen // Methodiana: Beitr. zur Zeit und Persönlichkeit sowie zum Schicksal und Werk des hl. Method. W.; Köln; Graz, 1976. S. 92–121; *idem*. Das Altkirchenslavischen als Schriftsprache Großmährens // Wiener slawistischer Almanach. W., 1980. Bd. 6. S. 279–297; *idem*. Anmerkungen zu den Kiever glagolitischen Blättern // Bsl. 1988. T. 49. S. 46–58; Nedeljković O. Akcenti ili neume u Kijevskim listićima? // Slovo. 1964. Br. 14. S. 25–51; Zagiba F. Der historische Umkreis der Kiever Sakramentarfragmente: Zur Frage der Priorität der Texte westlichen oder östlichen Ritus in der kirchenslavischen Übersetzungsliteratur // *Ibid*. S. 59–77; *idem*. Das slavische als Missionsprache (Lingua

quarta) und das Altkirchenslavische als Lingua liturgica im 9/10 Jh.: (Eine Einführung in die Problematik des altkirchenslavischen als Lehr- und Liturgiesprache) // Studia Palaeoslovenica. 1971. S. 401–414; *Stanislav J.* Aus dem slowakischen Material zum Studium der Kiever Blätter // Die Welt der Slaven. Köln; W., 1966. Jg. 11. N 3. S. 221–232; *idem (Станислав Я.)*. Към въпроса за изследването на Киевските листи // Език и лит.-ра. София, 1967. № 1. С. 3–24; *Auty R.* The Western Lexical Elements in the Kiev Missal // Slawisch-deutsche Wechselbeziehungen in Sprache: Literatur und Kultur. В., 1969. S. 3–6; *Laurenčik J.* K otázce slovenské liturgie sv. Petra // Studia Palaeoslovenica. 1971. S. 201–214; *Vlašek J.* Staroslověnská modlitva za vlast (Kij. 4b 8–13), její poetika, sémantická struktura a překlad // Palaeoslovenica: Sb. oddělení spravnávací slovenské jazykovědy Ústavu jazyků a literatur ČSAV. Praha, 1971. S. 125–141; *Фонкич Б. Л.* О судьбе киевских глаголических листков // ССл. 1972. № 2. С. 82–83; *Kurz J.* Problematika překládání řeckých účelových infinitivů v staroslověnině // *Idem.* Kapitoly ze syntaxe a z morfolgie staroslověnského jazyka. Praha, 1972. S. 70–79; *Birnbaum H.* Noch einmal zur Lautgestalt der Kiever Blätter und zur Frage nach ihrer Herkunft // ZSP. 1975. Bd. 38. S. 335–348; *idem.* Wie alt ist das altertümlichste slavische Sprachdenkmal?: Weitere Erwägungen zur Herkunft der Kiever Blätter und zu ihrem Platz in der Literatur des slavischen Mittelalters // Die Welt der Slaven. 1981. Jg. 26. N 2. S. 225–258; *Hamm J.* Das glagolitische Missale von Kiew. W., 1979; *Kortlandt F.* Zur Akzentuierung der Kiever Blätter // ZSP. 1980. Bd. 41. S. 1–14; *Vrana J.* Kijevski listovi nisu falsifikat // Slavia. 1981. Roč. 50. S. 322–326; *Lunt H. G.* On Dating Old Church Slavonic Gospel Manuscripts // South Slavic and Balkan Linguistics. Amst., 1982. P. 215–231 (Studies in Slavic and General Linguistics; 2); *Велчева Б.* Киевские листове // Славянска филология. София, 1983. Т. 17. С. 231–236; *Німчук В. В.* Київські глаголичні листки – найдавніша пам'ятка слов'янської писемності. К., 1983; *он же.* Лексика Київських глаголических листків на фоні словникового складу найдавніших слов'янських пам'яток // Слов'янське мовознавство. К., 1988. С. 182–214; СКСРК, XI–XIII. С. 27–30; *Pantelić M.* O Kijevskim i Sinajskim listićima // Slovo. 1985. Br. 35. S. 5–56; *Schaeken J.* Die Kiever Blätter. Amst., 1987; *idem.* Zur Funktion der supralinearen Zeichen in den Kiever Blättern // Symposium Methodianum: Beiträge der Intern. Tagung in Regensburg (17. bis 24. April 1985) zum Gedenken an den 1100. Todestag des hl. Method. Neuried, 1988. S. 663–668; *Вилкул Т. Л., Собуцький М. А.* «Київські глаголичні листки» та їх латинський прототип: (Перекладацька праця середньовічного книжника: погляд із сучасності) // Mediaevalia Ucrainica: Ментальність та історія ідей. К., 1995. Т. 4. С. 5–37; *Загребин В. М.* Периодизация употребления надстрочных знаков в средневеков. серб. рукописях и надстрочные знаки Киевских глаголических листков // Проучаване средњовеков. јужнослов. рукописа: 36. радова са III Међунар. Хиландарског конференције. Београд, 1995. С. 469–479; *он же.* Исследования памятников южнослав. и древнерус. письменности. М.; СПб., 2006. С. 183–196; *Минчева А.* Киевски листове // КМЕ. 1995. Т. 2. С. 248–260; *Кульбакин С. М.* Славянская палеография. Београд, 2008. С. 87–94.

А. А. Турчилов

КИЕВСКИЙ БРАТСКИЙ В ЧЕСТЬ БОГОЯВЛЕНИЯ УЧИЛИЩНЫЙ МУЖСКОЙ МОНАСТЫРЬ – см. *Киево-Братский в честь Богоявления училищный мужской монастырь*.

КИЕВСКИЙ В ЧЕСТЬ БЛАГОВЕЩЕНИЯ ПРЕСВЯТОЙ БОГОРОДИЦЫ МУЖСКОЙ МОНАСТЫРЬ (Киевской епархии УПЦ), в микрорайоне Бортничи Дарницкого р-на Киева (Украина). Основан решением Свящ. Синода УПЦ от

Благовещенская ц.
киевского
в честь Благовещения
Пресв. Богородицы
мон-ря.
Фотография. 2012 г.

10 нояб. 2005 г. На территории Бортничей обнаружены остатки поселенческой эпохи белгородской, днепродонецкой, среднеднепровской и тиницкой культур. Впервые эта местность упомянута в 1508 г. как «борная земля», к-рую ее собственник Салтан Албеев (Албиевич) продал киевскому во имя свт. Николая Чудотворца монастырю «за 400 копеек денег». За этой местностью закрепилось наименование «монастырской». Как село Бортничи впервые упоминаются в 1585 и 1598 гг. в связи с размежеванием территории между Никольским и Киево-Печерским монастырями. С кон. XVIII в. Бортничи перешли в казенное владение, с 1935 г. находились в пригородной зоне Киева, с 1988 г. – в составе Киева.

Во 2-й пол. XX в. в Бортничах служил почитаемый киевлянами свящ. Леонид Соболев. После Великой Отечественной войны он восстановил здесь небольшой храм, разрушенный в 30-х гг. XX в., впоследствии принял постриг с именем Серафим.

В 1999–2000 гг. по инициативе схииархим. Макария (Болотова) в районе старого Бортнического кладбища на участке земли 0,15 га начали возводить новую церковь. Руководил строительством игум. Варлаам (Гергель), настоятель киевского храма во

имя ап. Иоанна Богослова. 5 февр. 2000 г. в строящейся церкви была отслужена первая Божественная литургия. 8 нояб. 2006 г. митр. Киевский и всея Украины *Владимир (Сабодан)* освятил церковь во имя прмц. Параскевы. Перед храмом выкопан колодец, освященный во имя прмц. Параскевы, над к-рым возведена 16-метровая колокольня (2001).

10 нояб. 2005 г. Свящ. Синод УПЦ благословил открытие К. м., наместником был назначен архим. Варлаам (Гергель). В братии К. м. ок. 10 чел.

Также при обители живут 14 насельниц, в т. ч. 2 схимонахини. В К. м. выстроен 2-этажный брат-

ский келейный корпус, 2-этажный корпус, 3-этажный корпус. С 2007 г. ведется строительство на новой территории обители, к-рая была отведена мон-рю. В посл. основной монастырский комплекс планируется перенести на новое место, а на старом образовать жен. мон-рь во имя прмц. Параскевы. На месте сооружения центрального храма обители – Благовещенского собора – находится одноименная временная церковь (2008). В Параскевинском храме имеются чтимые иконы Божией Матери «Неупиваемая Чаша», «Скоропослушница», «Благодатное Небо» и образ вмч. Пантелеимона. Особо почитается Тиносская икона Благовещения Пресв. Богородицы, подаренная митр. Тиносским Дорофеем (Элладская Православная Церковь). В К. м. хранится более 300 частиц мощей святых, в т. ч. Оптинских, Почаевских, Святогорских и Глинских старцев.

Арх.: Архив ЦНЦ.

Лит.: *Пономаренко Л., Різник О.* Київ: Короткий топонімічний довідник. К., 2003. С. 11.

Прот. В. Коцаба, В. В. Буреза

КИЕВСКИЙ В ЧЕСТЬ ВВЕЩЕНИЯ ВО ХРАМ ПРЕСВЯТОЙ БОГОРОДИЦЫ МУЖСКОЙ МОНАСТЫРЬ (Киевской митрополии УПЦ), находится в г. Киеве (Украина). Основан как жен. община по инициативе вдовы Матроны Александровны Егоровой (см. *Димитра (Егорова)*).

1877–1921 гг. 27 июня 1877 г. Егорова подала прошение митр. Киевскому и Галицкому Филофею (Успенскому) об основании в границах своих владений Введенской общины

Киевский
в честь Введения во храм
Пресв. Богородицы
мон-рь. Фотография. 1911 г.
(ГПИБ)

«для малообеспеченных женщин православного вероисповедания и призрения престарелых вдов в количестве 33-х, в соответствии с возможностями по их содержанию». Буд. обители Егорова передавала неск. домов с флигелями, хозяйственными постройками и земельными участками (2388 кв. саж.). Учредительница жертвовала общине неприкосновенный капитал в виде ценных бумаг на сумму 21 тыс. р., к-рый был помещен в казнохранилище Киево-Печерской лавры. В обращении к митр. Филофею 68-летняя помещица просила предоставить ей возможность жить в общине в «небольшом помещении». К прошению был приложен план зданий и земли, а также устав, составлен-

заболевшая Егорова приняла постриг с именем Димитра в честь вмч. Димитрия Солунского. После кончины она была временно погребена 13 марта 1878 г. при *Александро-Невской лавре*, в «палатке» при Феодоровской ц. 8 авг. 1878 г. по высочайшему позволению ее останки были перенесены в К. м. Из столицы в Киев мощи сопровождали эконоом С.-Петербургского архиерейского дома архим. Исаия, духовник покойной иером. Иннокентий и иеродиак. Сергей. В окт. 1878 г. в главном корпусе общины был устроен и 14 нояб. 1878 г. митр. Киевским Филофеем освящен храм в честь Введения во храм Пресв. Богородицы, а 17 июня 1879 г. в его склепе — ц. во имя вмч. Димитрия Солунского. Божественную литургию в новом храме возглавил митр. Филофей в сослужении благочинного городских обителей архим. Смарагда, благочинного Киево-Печерской лавры архим. *Виталия (Иосифова)* и др. У юж. стены Димитриевской ц. перезахоронили мощи основательницы общины. На могиле мон. Димитры был установлен крест и зажжена неугасимая лампада. В июне 1885 г. на ее могиле было установлено Распятие, присланное из *Андрея апостола скита* на Афоне. Ежегодно 9 марта и 26 окт. служились панихиды, в т. ч. Виталием (Иосифовым), еп. Чигиринским, викарием Киевской епархии.

Интерьер ц. во имя
вмч. Димитрия Солунского.
1879 г.
Фотография. 2013 г.

ный на основе общего положения о жен. общинах в России. Сестры обязывались иметь общую трапезу, единообразное облачение, заниматься рукоделием, средства от к-рого отдавать в общую казну или раздавать нищим. В дек. 1877 г. митр. Филофей (Успенский) представил ходатайство Егоровой в Синод. Постановлением Синода от 20 янв. 1878 г.

установлен крест и зажжена неугасимая лампада. В июне 1885 г. на ее могиле было установлено Распятие, присланное из *Андрея апостола скита* на Афоне. Ежегодно 9 марта и 26 окт. служились панихиды, в т. ч. Виталием (Иосифовым), еп. Чигиринским, викарием Киевской епархии.

Эскиз деревянного с позолотой иконостаса монастырского Введен-

ского храма был выполнен по просьбе мон. Димитры худож. В. М. Пешехоновым (см. *Пешехоновы*) в С.-Петербурге. Внутреннее убранство украшали Ахтырская, Владимирская (написана на Афоне), Казанская, Старорусская, Тихвинская, «Взыскание погибших», «Всех скорбящих Радость» иконы Божией Матери, а также иконы свт. Николая Чудотворца, вмч. Варвары, преподобных Исидора Пилусиота, Анны Кашинской, Феодосия Тотемского (Суморина) и др. Часть святынь, в т. ч. чтимый список Боголюбской иконы Божией Матери, подарил основательнице Киевский митр. *Исидор (Никольский)*. В 1880 г. начальник Киево-Печерской живописной школы о. Альвиан по просьбе мон. Евфалии (Лебедевой) написал для общины Киево-Печерский образ Божией Матери, а киевский золотарь Максим Бышевский изготовил серебряную позолоченную рамку (весом 38 золотников).

К основному объему монастырского корпуса примыкали 2 двухэтажных здания, в к-рых располагались сестринские кельи и канцелярия. На территории обители находились деревянные флигели, сараи, хозяйственные службы. В 1882 г. при въезде в К. м. была построена каменная 3-ярусная колокольня с шатровым куполом (по проекту архит. В. Н. Николаева, на средства действительного статского советника М. Г. Петрова, киевского купца П. И. Губонина и др.), отреставрированная в 1898–1899 гг. К нач. XX в. в К. м. располагались также 3-этажный корпус (1880) с кельями, просфорней, хлебной, кладовой, кухней, корпус с трапезной и рукодельной мастерской, 2-этажная гостиница, больница и богадельня для призрения 33 старцев разного сословия, множество деревянных построек, в т. ч. 2 кухни, баня, сараи, конюшня, погреба. На территории К. м. были разбиты фруктовый сад и огород. К 1891 г. обитель владела усадебной землей (762 кв. саж.), пожертвованной столичной купчихой П. Ф. Медведевой, земельным участком с постройками (112 кв. саж.); недвижимый капитал общины, состоявший из гос. процентных бумаг, составлял 49 160 р. В 1900 г. К. м. владел 1,934 дес. усадебной земли с 17 различными постройками и неприкосновенным капиталом в 60 тыс. р. в виде процентных бумаг разных кредитных

учреждений. Среди благотворителей и вкладчиков К. м. — с.-петербургские купцы Е. Н. Сивохин, Русанов, киевский предприниматель Н. А. Терещенко, киевская купчиха Е. К. Фатеева, столичная жительница П. Т. Лесникова, московская помещица М. А. Охотникова, купчиха г. Павловска А. У. Джамусова и др.

В сент. 1901 г. по инициативе игум. Клеопатры в обители была открыта церковноприходская школа с бесплатным обучением девочек из бедного сословия. Преподавались все предметы, предусмотренные общими программами. Ученицам давались и навыки к.-н. ремесла. 2 нояб. 1917 г. школа перешла в ведение Киевского городского общественного управления.

Настоятельницы и сестры. Первой начальницей общины стала прибывшая из новгородского *Десятинного в честь Рождества Пресв. Богородицы монастыря* рясофорная послушница Евпраксия (Лебедева; 1837–1915). 1 апр. 1878 г. она приняла постриг с именем Евфалия, 10 апр. 1878 г. утверждена Киевской духовной консисторией, 8 мая 1886 г. Киевским митр. *Платоном (Городецким)* возведена в сан игумении, 9 апр. 1891 г. награждена наперсным крестом. С авг. 1878 г. ее ближайшей помощницей являлась бывш. насельница *вышневолоцкого в честь Казанской иконы Божией Матери жен. мон-ря* казначея Мария Ивановна Иванова, 9 июня 1884 г. постриженная в монашество с именем Исидора. К нач. 80-х гг. XIX в. из *Десятинного мон-ря* в Киев переехали еще неск. сестер, в т. ч. позже принявшие в К. м. монашеский постриг Евстолия (Чмырева) и Евпраксия (Саврасова), а также Агния Пономарёва, в посл. игум. Клеопатра, настоятельница К. м. В 1878 г. в обители проживало ок. 20 чел., в 1882 г. — ок. 70, к кон. 80-х гг. XIX в. — ок. 100, в т. ч. 4 монахини и 11 послушниц. В авг. 1887 г. 5 штатных послушниц подали игум. Евфалии прошения о пострижении в монашество. 15 сент. Киевская духовная консистория рассмотрела рапорт начальницы, но, учитывая, что уставом подобных общин Российской империи не предусматривался монашеский постриг, запросила разрешение Святейшего Синода по данному вопросу. После того как 22 дек. 1887 г. Синод отказал игум. Евфалии в постриге сестер, она безуспешно пыталась ини-

цировать преобразование общины в общежительный мон-рь.

В дек. 1891 г. игум. Евфалия была переведена в лебедянский во имя свт. Николая Чудотворца монастырь Чигиринского у. Киевской губ., и 31 янв. 1892 г. обитель возглавила мон. Клеопатра (Пономарёва; 1849–1913). В посл. обе настоятельницы неоднократно встречались и переписывались. 28 нояб. 1900 г. мон. Клеопатра подала в Синод прошение о придании Введенской общине статуса мон-ря. Решением Синода от 30 апр. 1901 г. община была преобразована в общежительный нештатный жен. мон-рь. 27 мая в К. м. состоялись торжества по случаю получения обителью монастырского статуса, к-рые возглавил митр. Киевский *Феогност (Лебедев)*. 29 мая 1901 г. Киевский митрополит возвел мон. Клеопатру в сан игумении. К 1913 г. в К. м. проживало 107 сестер, в т. ч. игумения, 17 монахинь и 79 послушниц. 9 нояб. 1913 г. К. м. возглавила постриженка Введен-

как правило, клирики из числа белого духовенства Киева, в т. ч. священники Кодрат († 1903) и Андроник Кобылковские, с 1903 г. — Хрисанф Коцюбинский, с 1906 г. — Макар Сергеев, с 1907 г. — Василий Коломейцев, с 1915 г. — Зиновий Гребентский, Андрей Колбус. Обитель посещали: 12 окт. 1883 г. — патриарх Иерусалимский *Никодим I*, 8 авг. 1881 г. — архиеп. *Палладий (Раев)*, Киевские митрополиты и викарии, др. архиереи Русской Церкви, несколько раз — вел. кнг. Александра Петровна Романова (см. *Анастасия Киевская*, мон.), 21 авг. 1912 г. — вел. кнг. прмц. *Елисавета Феодоровна*.

1921–1992 гг. В 20-х гг. XX в. сестры и клирики обители подвергались гонениям. 28 янв. 1921 г. насельницы подали в Отдел управления Киевского губ. революционного комитета заявление на регистрацию церковной общины и утверждение нового устава, согласно которому она организуется для «взаимного содействия удовлетворению церковно-религиозных потребностей ее членов под руководством епископа». 14 марта 1922 г. в общину был

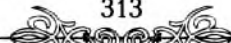

Интерьер
ц. в честь Введения во храм
Пресв. Богородицы.
Фотография. 2013 г.

ской общины игум. Феофания (Шишова; † 1926), а казначеей вскоре стала мон. Евфрасия (Ткаченко). В 1918 г. в обители подвизалось 137 насельниц, в т. ч. схимонахиня и 35 монахинь.

Со времени освящения Введенского храма службы в общине совершались по монастырскому чину. В церкви служили клирики Киево-Печерской лавры, в т. ч. иеромонахи Мардарий, Макарий, Павлин, Дионисий, Адам, Алипий I и Алипий II. В окт. 1887 г. игум. Евфалия обратилась к митр. Платону с прошением определить в общину постоянного священника, к-рому предлагались жалованье 350 р. в год, бесплатная квартира. Вскоре на служение в К. м. был назначен свящ. (в посл. прот.) Павел Загородский († 1899). В дальнейшем духовниками К. м. служили,

назначен свящ. Владимир Попов. 24 июня того же года указом временного управляющего Киевской епархией архиеп. *Михаила (Ермакова)* на служение в общину был назначен прот. Борис Квасницкий, пользовавшийся авторитетом среди прихожан. Но 20 сент. 1928 г., после отказа в поддержке Декларации митр. *Сергия (Страгородского)*, митр. Михаил (Ермаков) отстранил прот. Б. Квасницкого от должности монастырского духовника. В посл. протоиерей примкнул к иосифлянскому движению, служил в принадлежавшей иосифлянам Покровской ц. на Подоле. Известно, что его деятельность вызвала раскол в общине К. м.: неск. монахинь ушли с ним из обители и стали нести служение при Покровской ц. на Подоле (*Шкаровский*. 1999. С. 93). В 1930 г. прот. Б. Квасницкий был арестован по обвинению в принадлежности к «Киевской группе Истинно православной церкви».

По нек-рым сведениям, незадолго до 2-го ареста (января 1931) клирик признал каноническое священноначалие РПЦ.

С 1926 г. К. м. возглавляла мон. Елевферия (Прудько; † 1966), в 1932 г. возведенная в сан игумении архиеп. Киевским *Сергием (Гришиным)*. К 1929 г. на территории К. м. в 3-этажном корпусе проживало 56 сестер, в основном преклонного возраста. С 1928 г. из монастырских храмов власти изымали церковную утварь, несколько икон поступило в Киево-Печерский музей-заповедник. 21 апр. 1935 г. К. м. был окончательно закрыт, все здания переданы под общежитие воинской части и склады, в 1936 г. разрушена колокольня. Иконостасы обоих храмов демонтированы, часть святынь сохранили сестры, переселившиеся к родственникам.

В нояб. 1941 г., в период немецко-фашистской оккупации Киева, обитель была возрождена. Настоятельницей вновь стала игум. Елевферия, обязанности благочинной и регента исполняла мон. Аполлинария (Диденко), ризницей заведовала мон. Антонина (Лагуева). Община восстановленного мон-ря насчитывала 34 монахини и послушницы. После освобождения Киева К. м. оказывал посильную помощь Советской Армии: насельницы чинили и штопали одежду для пациентов Киевского эвакуационного госпиталя, шили халаты, фартуки, нарукавники для лазаретов (Актуальні проблеми вітчизняної історії ХХ ст.: Зб. наук. праць, присвячених пам'яті акад. НАН України Ю. Ю. Кондуфора. К., 2004. Т. 2. С. 194). К. м. перечислял соборные средства в фонд Красной Армии: весной 1944 г. сестры передали в Госбанк 752 р., в нояб. — 10 тыс. р., в дек. — 1588 р. В 1945 г. К. м. посетили патриарх Московский и всея Руси *Алексий I (Симанский)*, делегация Болгарской Православной Церкви во главе с митр. Софийским *Стефаном (Шоковым)*, в 1948 г. — митр. Гор Ливанских *Илия (Карам)*, в июне 1953 г. — представители Антиохийской Православной Церкви, в июне 1956 г. — еп. Пекинский *Василий (Шуан)*, в июле — митр. Пражский и всея Чехословакии *Иоанн (Кухтин)* и мн. др.

Во 2-й пол. 40-х гг. в распоряжении сестер оставались неск. небольших корпусов и церковь, в к-рой после ремонта был установлен но-

вый иконостас. Иконы, сохранные монахинями в 20–30-х гг. XX в., были возвращены в обитель, в т. ч. чтимые Боголюбский образ Божией Матери (дар Киевского митр. Исидора), иконы вмч. Димитрия Солунского, прп. Серафима Саровского. В 1953 г. была проведена реставрация во Введенском храме, в т. ч. обновлены настенные росписи, в 1954–1956 гг. отремонтированы монастырские корпуса.

С 1953 г. в К. м. служил свящ. Николай Ганкевич, с 1959 г. — свящ. Тимофей Яценко. В кон. 50-х гг. XX в. уполномоченный по делам РПЦ при СМ УССР Г. Пинчук разработал комплексный план мероприятий по закрытию мон-ря. Предусматривалась, в частности, подготовка общественного мнения посредством публикаций в периодике с обличением монастырских нравов, образа жизни насельниц, их семейных и родственных связей с «контрреволюционными» деятелями. Игум. Елевферия обвинялась в сотрудничестве с оккупантами, в причастности к выселению в 1942 г. из монастырских зданий проживавших в них граждан. Пинчук поставил перед митр. Киевским и Галицким, экзархом Украины *Иоанном (Соколовым)* вопрос о переселении «руководящей ячейки монастыря» — игум. Елевферии, казначеи Августы, благочинной Макарии и ризницей Мефодии в *киевский в честь Покрова Пресв. Богородицы жен. мон-рь*. В июле 1960 г. под давлением властей митр. Иоанн подписал указ о переселении сестер в *киевский в честь Вознесения Господня и святых Флора и Лавра* и в Покровский мон-ри. Некоторые монахини переселились к родным. Последняя настоятельница К. м. игум. Елевферия приняла постриг в схиму с именем Михаила, скончалась в Покровской обители, похоронена на Зверинецком кладбище Киева. 16 сент. 1960 г. останки основательницы мон. Димитры (Егоровой) были изъяты из склепа в Димитриевском домовом храме и перезахоронены на Зверинецком кладбище. После 1960 г. в помещениях мон-ря разместились районная больница и склады.

1992–2013 гг. 15 июня 1992 г. ц. в честь Введения во храм Пресв. Богородицы была передана в ведение УПЦ МП как приходская. После образования в 1992 г. раскольнической структуры т. н. Киевского

Икона Божией Матери
«Призри на смирение».
Фотография. 2013 г.

Патриархата на корпусе обители стал претендовать лишенный сана бывш. Киевский митр. Филарет (см. *Денисенко М. А.*). Добившись регистрации в Киевском горисполкоме фиктивной «общины киевского Введенского женского монастыря», Денисенко назначил настоятельницей обители свою келейницу, бывш. мон. Варвару (Боронину). Однако раскольникам не удалось захватить монастырь. В том же году при Введенском храме была организована муж. монашеская община канонической УПЦ МП — скит Киево-Печерской лавры.

Осенью 1992 г. бывш. насельница К. м. мон. Феодания (Тоцкая), принявшая схиму с именем Феодора († 1994) в киевском Флоровском мон-ре, передала во Введенский храм список чудотворной Псковской иконы Божией Матери «*Призри на смирение*», выполненный в XIX в. схим. Марией. Икону сохранил монастырский клирик прот. Б. Квасницкий, репрессированный в 30-х гг. XX в. Его сын передал святыню мон. Феодании. По свидетельству очевидцев, 1 авг. 1993 г. на стекле киота с обратной стороны проявился серебристый отпечаток, повторивший силуэты Богоматери и Младенца. Указом Синода УПЦ от 22 нояб. 1995 г. Киевский список иконы «Призри на смирение» был признан чудотворным. В обители поддерживают традицию: по просьбе верующих и по благословию священноначалия

икону «Призри на смирение» вывозят в различные епархии, а в мон-рь привозят др. святыни. В К. м. почитаются также списки Тихвинской, Касперовской и Владимирской икон Божией Матери.

21 авг. 1996 г. по благословению митр. Киевского и всея Украины *Владимира (Сабодана)* и с разрешения властей города мощи мон. Димитры были обреты на Зверинецком кладбище и перенесены в обитель. При обретении и освидетельствовании мощей комиссия установила, что нетленными оставались голова и верхняя часть тела. Под светским платьем преподобной был обнаружен монашеский параман, тело обернуто мантией, на лицо возложен налечник. В К. м. совершались особые заупокойные бого-

обретение ее мощей, а 8 мая 2008 г. Синод УПЦ причислил ее к лику местночтимых святых Киевской епархии. В К. м. освящены также часовня и домовый храм во имя прп. Исидора Пелусиота, среди святынь к-рого — частицы мощей мц. Христины, преподобных Алипия, Ипатия и Дамиана Киево-Печерских, Амвросия Оптинского, Саввы Освященного, Димитры Киевской и др.

В нояб. 2000 г. в с. Томашовка Фастовского р-на Киевской обл., на территории усадьбы С. Хоецкого, был основан монастырский скит в честь Положения ризы Пресв. Богородицы во Влахерне.

18 нояб. 2003 г. митр. Киевский и всея Украины Владимир освятил престол в скитской домовой ц. во имя вел. кнг. прмц. Елисаветы Феодоровны, 6 сент. 2012 г. митр. Киевский и всея Украины Владимир освятил на территории скита храм в честь Стра-

*Рака с мощами
прп. Димитры Киевской.
Фотография. 2013 г.*

стей Христовых. Главная святыня скита — икона Божией Матери «Всех скорбящих Радость», копия одноименного образа XIX в., хранившегося в Никольском храме Киево-Печерской лавры. К нач. 2013 г. в К. м. проживало ок. 15 насельников; наместником является архим. Дамиан (Давыдов), 30 авг. 2012 г. хиротонисанный во епископа Фастовского, викария Киевской епархии.

Лит.: [Известия и заметки] // ПрибЦВед. 1901. № 23. С. 819; Настоятельница Арзамаской Алексеевской общины схимон. Олимпиада // ЖПодв. Авг. 1994. С. 71–94; *Дятлов В.* Мон-рь УПЦ: Справ.-путев. К., 1997. С. 29–30; *Сургай О.* Введенська община // Арсеналець: Газ. 1994. 22 апр.; *Шкаровский М. В.* Иосифлянство: течение в РПЦ. СПб., 1999; Чудотворные и местночтимые иконы Св. Руси, на земле Украинской просиявшие. К., 2004. С. 26–27; *Кочубинская Т. В.* Обитель на Печерске: Киевский Св.-Введенский мон-рь. К., 2008.

В. Г. Пидгайко, Д. Б. К.

КИЕВСКИЙ В ЧЕСТЬ ВОЗНЕСЕНИЯ ГОСПОДНЯ И ФЛОРА И ЛАВРА ЖЕНСКИЙ МОНАСТЫРЬ — см. *Киевский во имя святых Флора и Лавра (в честь Вознесения Господня) женский монастырь*.

КИЕВСКИЙ В ЧЕСТЬ ПОКРОВА ПРЕСВЯТОЙ БОГОРОДИЦЫ (КНЯГИНИН) ЖЕНСКИЙ МОНАСТЫРЬ, находится в г. Киеве (Украина). Основан в 1889 г. вел. кнг. Александрой Петровной Романовой (см. мон. *Анастасия Киевская*), супругой вел. кн. Николая Николаевича, брата имп. *Александра II*.

История основания. К сер. XIX в. на месте К. м. находился большой сад, в к-рый любил удаляться на молитву иеросхим. прп. *Феофил (Юренковский)*, насельник *Китаевской киевской пустыни*. По преданию, однажды подвижник сказал содержанию сада Иосифу Никифоровичу Диковскому, что здесь будет основан мон-рь, чьей строительницей и правительницей станет «Царственная жена». Действительно, основательницей К. м. стала вел. кнг. Александра Петровна, с 1879 г. страдавшая от тяжелого заболевания и подвизавшаяся в посте и молитве. В окрестностях Киева она подыскивала место для создания обители, в которой сочетались бы монашеское делание, благотворительность и бесплатная медицинская помощь нуждающимся больным. Дочь Диковского *Феодосия* продала кнг. Александре Петровне сад, в котором подвизался иеросхим. *Феофил*. Примечательно, что к тому времени *Феодосия* забыла о предсказании преподобного и даже не осознала, что исполняет его слова, а вспомнив, рассказала об этом вел. княгине. По просьбе Александры Петровны на могиле прп. *Феофила* была отслужена панихида. Приобретение данной усадьбы с садом обошлось княгине в 50 тыс. р. Кроме земли, выкупленной кнг. Александрой на собственные средства, в 1889 г. К. м. получил от города безвозмездно еще ок. 2 дес. земли в Дионисьевском пер.

Одновременно вел. кнг. Александра Петровна обратилась к митр. Киевскому и Галицкому *Платону (Городецкому)* с прошением о благословении устройства монашеской общины на приобретенной земле. Она писала, что обитель может давать приют бедным женщинам правосл. вероисповедания, к-рые хотели бы посвятить себя служению ближнему. Указом Синода от 20 июля 1889 г. в Киеве был учрежден общежительный жен. мон-рь на пожертвованной княгиней земле в Лукьяновском участке города, к-рый включал «6 десятин земли с большим зданием для

служения в дни памяти основательницы: в день кончины, 26 окт. — в день памяти вмч. Димитрия Солунского, 8/21 авг. — в день перенесения ее мощей из С.-Петербурга. Отмечены случаи исцеления по молитвам у ее мощей. 18 апр. 2008 г. решением Синода УПЦ мон. Димитра (Егорова) была причислена к лику местночтимых святых Киевской епархии.

6 дек. 1996 г. указом Синода УПЦ обитель была официально возобновлена как мужская. В 1997 и 2002 гг. постановлением Кабинета министров Украины мон-рю передавались игуменский корпус и др. постройки. В 2008 г. в отремонтированном Введенском храме была установлена рака с мощами прп. *Олимпиады (Стригалёвой)*, настоятельницы *арзамасского во имя Алексия, человека Божия, жен. мон-ря*, скончавшейся 6 авг. 1828 г., во время паломнической поездки в Киево-Печерскую лавру. В сент. 1999 г. на кладбище близ Богородице-Рождественской ц. Киево-Печерской лавры состоялось

келий инокинь, трехпрядельным храмом и с 12 другими домами». В них размещалось или предполагалось устроить «больницу с домовою церковью, бесплатное училище для девочек, рукодельные мастер-

*Киевский
в честь Покрова
Пресв. Богородицы мон-рь.
Хромотография
Е. И. Фесенко. 1913 г.*

ские, бесплатную лечебницу, странноприимную аптеку, кельи для вдов и девиц, которые пожелают жить в монастыре без принятия до времени монашества, со взносом платы, просфорную с пекарнею, кухню, прачечную, теплицу, пчельник и вне ограды монастырской скотный двор и конюшню, дом для мирских служителей и гостиницу для богомольцев и приезжающих» (ЦГИАК. Ф. 442. Оп. 559. Д. 61. Л. 14–15).

Храмы и другие постройки. 19 дек. 1888 г. митр. Платон утвердил про-

*Мон. Анастасия
(вел. кнг. Александра Петровна).
Фотография. 90-е гг. XIX в.*

ект главного монастырского корпуса, включавшего соборную и трапезную церкви, игуменские покои и кельи для сестер. 11 янв. 1889 г. прот. В. И. Лебедев освятил место,

избранное для его сооружения. Именно этот день считается официальной датой основания мон-ря.

К 1899 г. на территории К. м. находились 3-прядельный деревянный на каменном фундаменте собор в честь Покрова Пресв. Богородицы с правым приделом во имя св. прор. Илии, левым — во имя Всех святых (освя-

щен 17 дек. 1890). К собору примыкал главный 2-этажный корпус с домовою ц. во имя арх. Михаила, кельей Александ-

ры Петровны, приемным покоем, б-кой, ризницей, кельей игумении и т. д. На верхнем этаже располагались покои для приема высокопоставленных особ. На территории К. м. архит. Николаевым также были построены больница с ц. во имя прп. Агапита Киево-Печерского («старый

*Собор
в честь Покрова
Пресв. Богородицы.
Фотография.
Нач. XX в. (РГБ)*

хирургический корпус», 1893–1895), корпус для терапевтических больных с домовою ц. в честь иконы Божией Матери «Всех скорбящих Радость» (1897–1898), звонница с 11 колоколами (самый большой — 101 пуд), «покойницкая» часовня, 2-этажный корпус с отд-нием для слепых, малый (Николаевский) барак на 8 кроватей, «заразный» барак на 15 кроватей, здание бесплатной лечебницы для приходящих больных (1897–1898, на месте здания по ул. Артема, 52а), просфорня (1898), аптека с кельями (1897) и, вероятно, св. врата. В аптеке малоимущие граждане получали бесплатные медикаменты по рецептам, выписанным монастырскими врачами. Имелись и 2-этаж-

ный корпус с монастырской портняжной мастерской и кельями, 3 сторожки для сестер-привратниц, хозяйственные постройки.

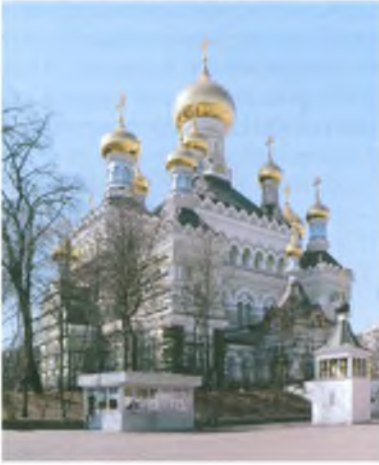
С разрешения киевского губернатора от 5 апр. 1891 г. по проекту гражданского инженера К. Тарасова вокруг К. м. была возведена каменная ограда. Строительство осуществлялось под рук. иером. Авраамия, главного архит. *Киево-Печерской лавры*. В ограде имелось 4 входа в мон-рь: с Дионисьевского пер. (ныне Бехтеревский пер.) через св. ворота; через экономические ворота; т. н. Житомирские ворота, которые прилегали к упраздненному кладбищу Вознесенской ц.; с сев. стороны через Глубочицкое шоссе. За оградой К. м. были сооружены 2-этажная гостиница, странноприимный дом, 2-этажный корпус для духовенства и хозяйственные постройки.

6 сент. 1895 г. К. м. был выделен «Ярославов вал», расположенный в Лукьяновском полицейском участке, между упраздненным Вознесенским кладбищем и монастырской оградой. 22 июля 1896 г. игум. Каллисфения подала рапорт на имя митр. Киевского и Галицкого *Иоанникия (Руднева)*, в котором испрашивала благословение на сооружение на

этом участке собора во имя свт. Николая Чудотворца. 21 авг. 1896 г. св. мч. имп. *Николай II Алек-*

сандрович собственноручно положил 1-й камень в его основание. 7 июня 1897 г. указом Киевской духовной консистории был утвержден проект на строительство Никольского собора.

9 авг. 1902 г. указом Синода был объявлен повсеместный сбор средств для окончания строительства собора. В высочайшем повелении, опубликованном в «Церковных ведомостях», говорилось об установлении 2 сборов: кружечного по всей России и особого, в день Покрова Пресв. Богородицы, престольного праздника обители. Всего к 1913 г. поступило 392 973 р. 93 к., в т. ч. от вел. кнг. Александры Петровны (152,9 тыс. р.) от румын. кор. Карла I (1 тыс. р.), от

Собор во имя свт. Николая Чудотворца. 1911 г. Фотография. 2013 г.

вел. князей Николая Николаевича и Петра Николаевича (1 тыс. р.), от Синода (2 тыс. р.), от Всероссийского кружечного сбора (65 697 р. 22 к.), от настоятельниц игум. Каллисфении и игум. Мелитины (8764 р. 12 к.) и др. Из пожертвованных сумм на возведение собора было потрачено

Интерьер собора во имя свт. Николая Чудотворца. Фотография. 2011 г.

392 257 р. 90 к. Средства на иконостас выделили Н. и П. Терещенко.

9 мая 1911 г. еп. Чигиринский Павел (Преображенский) освятил собор свт. Николая Чудотворца, с правым приделом мц. Анастасии и царицы Александры и левым — ап. Петра и блж. Николая Новгородского. В нижнем храме находился придел Сорока мучеников Севастийских.

В 1903 г. К. м. приобрел за 100 тыс. р. у наследников дворянина Софоновича 3-этажный каменный дом

с надворными постройками и усадьбой (274 кв. саж.), примыкавшей к монастырской ограде с юго-вост. стороны. 19 июля 1904 г. К. м. получил разрешение Киевской духовной консистории на строительство 2-этажного деревянного корпуса под кельи вместо старого обветшавшего корпуса. Последней крупной постройкой в К. м. стал 2-этажный хирургический корпус (1910–1911; по проекту архит. Е. Ф. Ермакова), в к-ром 9 окт. 1911 г. архим. Амвросий освятил ц. во имя вмч. Пантелеимона.

14 нояб. 1918 г. игум. София (Гринёва) подала в Киевскую духовную консисторию рапорт, в к-ром сообщила о том, что, согласно разрешению духовной консистории от 11 июня 1918 г., в монастыре у Житомирских ворот устроена и 11 нояб. 1918 г. освящена часовня в честь иконы Божией Матери «Скоропослушница». В часовне совершались требы, была открыта продажа свечей и крестиков.

Настоятельницы и насельницы.

Вел. кнг. Александра Петровна завещала, чтобы в обители «никогда не была назначена игуменья и чтобы начальствующее лицо именовалось наместница». Предполагалось, что у наместницы и сестер «все должно быть общим» (Там же. Ф. 179. Оп. 1. Д. 6). Но когда община получила статус мон-ря, пост игумении стал обязательным. В марте 1890 г. 1-й игуменией стала сестра Неофита, переведенная в Киев из московского *Страстной иконы Божией Матери мон-ря*. Но в том же году Неофита была отправлена обратно в Страстной мон-рь, а К. м. возглавила игум. Каллисфения, ранее настоятельствовавшая в Покровской общине С.-Петербурга. К кон. 1890 г. в К. м. проживали игуменья, 5 монахинь и 117 послушниц. Жизнь сестер была организована по строгому *Студийскому уставу*. После кончины супруга (13 апр. 1891) вел. кнг. Александра Петровна приняла постриг с именем Анастасия. Строгая постница, она жила в простой келье, отдавая все средства на содержание основанной ею обители. До 1894 г., когда состояние здоровья вел. княгини стало ухудшаться, она присутствовала на всех монастырских службах, читала шестопсалмие, часы, канон. По собственному завещанию инокня Анастасия была похоронена напротив алтаря Покровского хра-

ма в простом сосновом гробу. После ее смерти 23 июня 1900 г. К. м. просил Духовный собор Киево-Печерской лавры разрешить продажу в лаврской книжной лавке брошюры «Блаженная кончина кнг. Александры Петровны в иночестве Анастасии», на что получил положительное решение. 30 окт. 1902 г., после кончины Каллисфении, игуменией К. м. назначена настоятельница *Ржищевского в честь Преображения Господня мон-ря* мон. Мелитина. В 1911–1912 гг. К. м. возглавляла игум. Магдалина, затем — игум. София (Гринёва), ранее основавшая в Калужской епархии обитель в честь иконы Божией Матери «Отрада и Утешение».

Благотворительные просветительские и медицинские учреждения.

В 1889 г. вел. кнг. Александра Петровна организовала при К. м. приют для сирот и бедных детей всех сословий на 25 чел. и школу-училище. 14 авг. 1892 г. Киевское уездное отд-ние епархиального училищного совета постановило принять школу для девочек при К. м. в ведение епархиального училищного совета. Заведующей школой стала игум. Каллисфения. Школа находилась в отдельном здании монастыря, кроме классов имелись спальни, квартира учительницы и воспитательницы, столовая, был водопровод, газовое освещение. Обучение велось по программе церковноприходской школы. Кроме постоянно проживающих учениц здесь обучались и приходящие девочки (25 чел.). В 1901 г. школа была преобразована в 2-классную церковноприходскую. На ее содержание К. м. отпускал более 5 тыс. р. К. м. имел большое миссионерское и просветительское значение: здесь работали книжная и иконная лавки, значительным тиражом выпускались листки религиозно-нравственного содержания, помещенные в обитель сектантски-штундистки благодаря мягкому обращению насельниц и беседам с вел. княгиней через нек-рое время возвращались в Православие.

В 1893 г. при К. м. были учреждены бесплатная больница для неимущих и амбулаторная лечебница для бесплатного приема приходящих больных с безвозмездной выдачей лекарств. В состав монастырского больничного комплекса входили: больница на 125 кроватей для лечения неимущих женщин и детей обоего пола, лечебница для приходящих

неимущих больных (обоего пола, всех возрастов, без различия вероисповедания), приют для 20 неимущих неизлечимо больных женщин правосл. вероисповедания, приют для 20 неимущих слепых женщин правосл. вероисповедания, приют на 50 коек для неизлечимо больных, бараки для инфекционных больных. Содержание больницы обеспечивалось из сумм Гос. казначейства на 80 тыс. р. ежегодно. В больнице по-

Мон. Анастасия (вел. кнг. Александра Петровна) помогает хирургу во время операции. Фотография. 90-е гг. XIX в.

стоянно работали 40 лучших киевских врачей, в т. ч. Д. К. Заболотный, вполсл. президент АН Украины; младший медицинский персонал состоял из сестер мон-ря, к-рые трудились безвозмездно. Со временем она приобрела репутацию лучшей окружной больницы. За все время существования больницы в ней пролечилось 17 598 чел.; в 1904–1914 гг. на 12 578 больных приходилось 6138 крестьян. В бесплатной лечебнице с амбулаторным приемом было зарегистрировано 1 165 620 обращений за медицинской помощью. Было выдано 1 250 229 лекарственных препаратов и произведено более 7,9 тыс. сложных операций. Смертность среди пациентов мон-ря составляла 4%.

В К. м. появился первый в Киеве рентгеновский аппарат. Вел. княгиня, служившая некогда ассистенткой врача С. П. Боткина, помогала во время операций хирургам, трудившимся в К. м.

В 1914 г., с началом первой мировой войны, больница при К. м. была преобразована в военный лазарет на 200 коек (175 — для солдат, 25 — для офицеров). После Октябрьской революции 1917 г. прекратилось гос. финансирование больницы. В связи с этим игум. София 2 июня 1917 г. отправила митр. Киевскому и Галицкому сщмч. *Владимиру (Богоявленскому)* рапорт с просьбой о выделении для финансирования больницы

при Покровском мон-ре 153 643 р. Однако с окт. 1917 г. больница перешла в ведение врачебно-санитарного отдела Киевского окр. путей сообщения.

Святые. В 1890 г. лаврский иеросхим. Исихий пожертвовал в К. м. частицы Древа Креста Господня и неск. мошей. 19 авг. того же года крестным ходом святые перенесли из Киево-Печерской лавры в К. м. От вел. кн. Петра Николаевича поступила семейная реликвия — икона Божией Матери «Всех скорбящих Радость» и образ «Успе-

ние Пресв. Богородицы», а также иконы Спасителя и Божией Матери для иконостаса Никольского

собора. К 2013 г. в обители находятся: частицы хитона Господня, мощей преподобных Киево-Печерских (в иконе Всех святых), мощи основательницы. Особым почитанием пользуются чудотворная Почаевская икона Божией Матери (XIX в.), от которой, по преданию, получила исцеление вел. княгиня; «Неопалимая Купина» (XIX в.); Боголюбская (XIX в.); Смоленская (1900) иконы Божией Матери; иконы прп. Сергия Радонежского с частицей мошей; свт. Николая Чудотворца (XIX в.) с частицей мошей (выносилась для поклонения в дни его памяти); в Распятии — часть от камня Гроба Господня.

Экономическое положение. 26 марта 1894 г. *Межигорский в честь Преображения Господня мон-рь* был обращен в женский и приписан к К. м. со всеми угодьями, капиталами и имуществом. На основании бюджета К. м., составленного Киевским митр. Платоном, в 1899 г. игумения получила на содержание обители 47 тыс. р. от Киевской удельной конторы. При этом неприкосновенный капитал К. м. на 1 янв. 1900 г. составлял 120 тыс. р., неприкосновенный капитал Межигорского мон-ря в 28 031 р. хранился в процентных бумагах в Киевской конторе Госбанка.

1917–1922 гг. 4 дек. 1917 г. деятели неканонической *Всеукраинской Православной Церковной Рады* отправи-

ли в К. м. послание за подписью архиеп. *Алексия (Дородницына)* с просьбой о выделении 1 тыс. р. 21 дек. 1917 г. после рапорта игум. Софии (Гринёвой) Киевская духовная консистория приказала настоятельнице одолжить из монастырских сумм 1 тыс. р.

В апр. 1918 г. игум. София подписала договор об устройстве в Межигорье санатория, к-рый предназначался для 100 «слабогрудных, усталых, истощенных, хирургических и прочих больных» и должен был действовать 2 сезона. Мон-рь сдал врачам в аренду 79 комнат в 3-этажном здании, летнюю веранду, кухню, ряд хозяйственных помещений и выделил 20 послушниц в качестве младшего персонала. Санаторий принимал больных с 1 мая по 1 окт. с оплатой за полное содержание и лечение от 15 до 35 р. в сутки. В окт. 1918 г. здание монастырской лечебницы по постановлению межведомственной реквизиционной комиссии гетманского правительства было реквизировано для 1-й украинской гимназии им. Т. Г. Шевченко.

После издания декрета 1918 г. «*Об отделении церкви от государства и школы от церкви*» насельницы К. м. подали прошение в политический отдел по ликвидации имущества религиозных установлений при коллегии социального обеспечения Киевского исполкома о предоставлении храмов и имущества мон-ря в бесплатное богослужбное пользование. В том же году на территории К. м. была организована трудовая община. Фактически это была реорганизация мон-ря под новым названием, поскольку в состав общины вошли все оставшиеся сестры. Точная дата реорганизации общины неизвестна: она существовала уже 31 авг. 1919 г. и называлась Киево-Покровской жен. трудовой религиозной и садово-огородничной общиной и к 1920 г. насчитывала 703 члена. Согласно приказу, до 22 июня 1920 г. все трудовые общины должны были предоставить в кооперативный подотдел Губзема отдела свои уставы для переерегистрации. 2 авг. 1920 г. отдел Губревкома Киева зарегистрировал устав Киево-Покровской трудовой общины. Согласно уставу, община ставила своей целью «применение женского труда... для удовлетворения материальных и духовно-культурных запросов» своих членов. В общину могли принимать

ся одинокие женщины не моложе 18 лет. По закону общине предоставлялось право иметь мастерские: беловейную, чулочную, туфельную, ботиночную, рукодельную, порт-

В госпитале
киевского Покровского мон-ря.
Фотография. 1943–1945 гг.

няжную, живописную, для изготовления искусственных цветов, игрушек, корзин и др. кустарных изделий. Сестры могли пользоваться усадьбой на территории мон-ря, развивать садоводство и огородничество, приобретать движимое имущество, ремесленный и технический инвентарь. Монастырская больница перешла в ведение Наркомздрава, однако члены общины могли в ней лечиться. Финансовое обеспечение общины состояло из добровольных взносов. Управлялась община общим собранием и советом. Известно, что мн. послушницы в те годы испрашивали благословение на постриг в мантию, а монахини — на принятие вел. схимы.

1923–2013 гг. Из-за отсутствия заказов Киево-Печерская община существовала недолго и после 1923 г. была упразднена.

Одновременно к 1923 г. при поддержке властей в К. м. сформировался центр Киевской группировки раскольнической «Живой церкви». Так, уже с дек. 1922 г. в монастырской домовой Михайловской ц. проходили заседания съезда Киевской группировки «Живой церкви», в февр. 1923 г. — 1-й Всеукраинский съезд белого духовенства и мирян «Живой церкви». После 1923 г. некоторое время на территории К. м. проживали 2 общины: одна, во главе с новой игум. Митрофанией (Демеховой), старалась приспособиться к существующим реалиям и шла на контакт с властями, а другая — категорически отказывалась принимать власть и осталась верной игум. Софии (Гринёвой), к-рая благодаря приобретению дачи в пос. Ирпень

пыталась наладить монастырский быт на новом месте. Игум. Софию активно поддержал бывш. старший свящ. мон-ря Димитрий Иванов. К кон. 20-х гг. XX в. на территории К. м. разместились «городок металлистов» и др. учреждения. Храмы были закрыты; в Никольском соборе устроены

типография и книгохранилище Украинской АН, в Покровской ц. — детские ясли, а с 1934 г. — клуб железнодорожной

больницы. В 1923 г. в бывш. Межигорском монастыре разместился Художественно-керамический техникум, преобразованный затем в ин-т. В 30-х гг. XX в. здесь открылся дом отдыха писателей. В 1934 г. здания Межигорского мон-ря были снесены для строительства гос. дач.

В окт. 1941 г., во время нацистской оккупации Киева, К. м. был открыт, сестрам во главе с игум. Архелай (Савельевой) предоставили 3-ю часть прежней территории обители. К февр. 1942 г. временно управлял К. м. епархией еп. Пантелеимон (Рудык) образовал при К. м. епархиальное управление (консistorию). Весной 1942 г. в К. м. открылась амбулатория. По воспоминаниям, киевские врачи, рискуя жизнью, выдавали фиктивные справки о болезнях и т. о. спасали советских граждан от вывоза на работы в нацистскую Германию. Осенью 1943 г. линия фронта приблизилась к Киеву, мон-рь попал в «запретную зону». Невзирая на угрозы и приказы фашистских властей, монахини во главе с игуменией отказались покидать кельи. Закрывшись в сыром помещении под одним из храмов, сестры 40 дней, до самого освобождения Киева, пребывали там вместе с 300 гражданами, скрывавшимися от преследования гитлеровцев. После освобождения Киева советскими войсками К. м. на собственные средства открыл госпиталь для раненых бойцов. С приходом 1-го полевого госпиталя К. м. передал ему все медоборудование, спасенное сестрами от вывоза в Германию.

19 июля 1943 г. был открыт монастырский Покровский храм, пределы

к-рого, прежде освященные во имя прор. Илии и Всех святых, переосвятили во имя арх. Михаила и прп. Агапита Киево-Печерского. 16 мая 1949 г. отремонтированный Никольский собор был освящен митр. Киевским и Галицким Иоанном (Соколовым), 30 июня 1950 г. правый придел собора освящен во имя Всех святых, 9 июля 1951 г. левый — во имя прп. Сергия Радонежского. В 1950 г. в нижнем храме собора был освящен престол в честь иконы Божией Матери «Живоносный Источник», в нояб. того же года — придел во имя прп. Серафима Саровского.

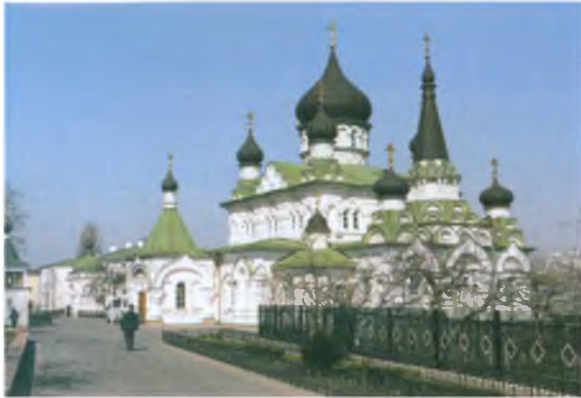
В 1960 г. были уничтожены здания трапезной и амбулатории. 6 июня 1961 г. Киевский горисполком принял решение: «Передать корпус № 21 Горздравотделу для расширения городской клинической больницы, а монахов, проживающих в этом корпусе, расселить в других корпусах монастыря; вместе с корпусом № 21 передать больнице усадьбу 0,45 га». Одновременно было решено «просить Совет по делам Русской православной церкви при Совете Министров СССР дать согласие и снять с регистрации Покровский монастырь» (ГА г. Киева. Ф. Р-1. Оп. 8. Д. 29).

1 окт. 1963 г. решением Киевского горисполкома за подписью его председателя А. И. Давыдова следовало «изъять помещение собора у монастыря и возратить АН УССР для размещения библиотечного фонда, а также обязать АН УССР и клиническую больницу Шевченковского района сделать капитальное ограждение между монастырем и изъятим помещением, больницей и прилегающими к ним территориями» (Там же. Д. 232). Но решение горисполкома выполнено не было. В 1980 г. строения К. м. были взяты под охрану как памятники архитектуры местного значения. Никольский собор пострадал вслед пожара от удара молнии в 1981 г. В 1982–1986 гг. в соборе, в 1989–1993 гг. в Покровской ц. велись ремонтно-реставрационные работы.

В мае 1999 г. митр. Киевский и всея Украины Владимир совершил освящение отремонтированного Покровского храма. В 2001 г. Киевская городская администрация распорядилась провести ремонтно-реставрационные работы в Никольском соборе. По сохранившимся архивным документам в течение нескольких

лет изготавливались 15 куполов, разрушенных в советский период. В дек. 2006 г. Никольский собор увенчали позолоченные купола, 26 мая 2007 г. воздвигнут крест над последним восстановленным куполом. В целом к 2013 г. монастырская усадьба по сравнению с нач. XX в. значительно сократилась: на исторической территории обители выстроены многоэтажные дома, в монастырской

*Собор в честь Покрова
Пресв. Богородицы.
Фотография. 2013 г.*

чтожение половины зданий, завершений храмов Покровского (1923) и Николаевского (1935) (ныне восстановлены), хаотичная застройка послереволюционного периода, особенно в 50–90-х гг. XX в., резко снизили градостроительное значение ансамбля К. м.

Мон-рь, главная усадьба к-рого расположена на пересеченной местности, на участке площадью 9,5 га, со времени основания задумывался как многофункциональный комплекс. 14 мая 1889 г. вел. княгиня уведомила митр.

Платона о своем желании построить на приобретенной земле большой корпус для монашеских келий с 3-престольным храмом и 12 др. зданиями. Основные здания комплекса расположены по оси «север–юг»: на нижней террасе — терапевтическое отделение, Покровская ц. с келейным корпусом, где находилась также надкладная часовня, на верхней террасе — Никольский собор, а также утраченное здание трапезной и кухни.

В вост. части усадьбы на площади 0,8 га располагалось кладбище, где в 1922 г. находилось 839 захоронений, в т. ч. прп. Анастасии (в 1951 перезахоронена на Лукьяновском кладбище), акад. А. Е. Рокачевского (1830–1901), основателя общедоступной рисовальной школы при Киево-Печерской лавре; ген.-лейтенанта П. Т. Гловацкого, участника Крымской войны; И. И. Чоколова, промышленника, издателя, общественного деятеля. В 1923 г. кладбище было закрыто и в 40–50-х гг. XX в. уничтожено.

Архит. В. Н. Николаев, отличавшийся приверженностью не только формам рус., но и визант. стиля, при проектировании зданий К. м. следовал исключительно традиции московско-ярославского узорочья сер. XVI–XVII в., при этом применял ряд конструктивных новшеств. Покровская ц. замыкает келейный корпус с вост. стороны. Здание храма прямоугольное в плане, с обширным юж. притвором, где расположен вход, оформленный крытым крыльцом с висячими гирьками,

завершалось шатром. В середине одноэтажной части келейного корпуса с традиц. коридорной планировкой находились покои прп. Анастасии, с севера — трапезная и домовый храм, увенчанный первоначально луковичной главой, в зап., 2-этажной, части — игуменские покои. Были использованы такие основные элементы декора, как луковичное пятиглавие и главы над ризалитами храма, кокошники разнообразных форм (полуциркулярные, килевидные, 3-частные), наборные колонки с муфтами, шатры, аркатурно-колончатые пояса. Келейный корпус украшен оконными наличниками с кокошниками. Центральный объем Покровской ц. квадратный в плане, с плоским перекрытием и падурами. В центре перекрытия — проем для светового барабана. Росписи 1997–1998 гг. выполнены в духе позднего академизма и живописи киевского Владимирского собора. Тогда же изготовлен иконостас в русском стиле. Храмовая икона «Покров Пресв. Богородицы» написана во 2-й пол. XIX в.

Никольский собор — самый большой храм Киева — был рассчитан на 2,5 тыс. чел. При его проектировании архит. Николаев использовал эскизы отделки фасадов, главного иконостаса и крестов, выполненные сыном прп. Анастасии вел. кн. Петром Николаевичем. При строительстве впервые в России применили железобетонные сводчатые конструкции перекрытий (проект гражданского инженера А. М. Вербицкого). Высота собора до верха креста на главном куполе составила 64 м, длина — 53,25 м, ширина — 38,34 м, толщина стен — до 2 м. Композиция собора пирамидальная. Его план близок к прямоугольнику. Центральное ядро, квадратное в плане, окружено галереями с вынесенными на 7 м крыльцами с гранитными ступенями с севера и юга, нартексом и экзонартексом с крыльцами с запада и 5-частным алтарным объемом с востока и увенчано пятиглавием. Боковые компартименты завершали 6 глав, крыльца и алтарь — 4 главы. Т. о., собор имел 15 луковичных глав, покрытых листовым железом и позолоченных. Насыщенный пластичный декор отличается характерными элементами рус. зодчества, преимущественно XVII в.: кокошники, колонки и по-

аптеке расположено предприятие по ремонту радиотехники, в гостинице — правоохранительные учреждения, на месте кухни и трапезной — стоматологическая поликлиника, вместо лечебницы — жилой дом.

Со времени возобновления (1942) К. м. возглавляла игум. Архелая (Савельева), с 1957 г. — Рафаила (Певницкая), с 1974 г. — Еликонида (Храмцова), с 1978 г. — Маргарита (Зюкина) и с 2005 г. — Каллифения (Шамайло). Решением Свящ. Синода УПЦ от 24 нояб. 2009 г. к лику местночтимых святых УПЦ причислена инокиня Анастасия (вел. кнг. Александра Петровна), рака с мощами к-рой находится в Никольском соборе. На ее могиле стоит деревянный крест с неугасимой лампадой.

Прот. Максим Бойко

Архитектура и некрополь. К. м., позднейший из крупных монастырских ансамблей Киева, был возведен практически одновременно (на протяжении четверти века) на рубеже XIX и XX вв. Отличается единством застройки в московско-ярославском стиле XVII в. и является самым значительным на Украине комплексом, выстроенным в данной стилистике. К. м. служил также городской доминантой юж. части приднепровских возвышенностей. В общей сложности монастырский комплекс включал более 30 сооружений (до наст. времени сохр. 15; 9 имеют историко-архитектурную ценность). Уни-

луколонки, кубышки, дентикулы, ширинки, многопрофильные карнизы. Нижний ярус декорирован гл. обр. рустом и ширинками, верхний, двусветный, — полуколонками с муфтами. Окна 2-го света оформлены аркатурно-колончатый поясом, фасад центрального объема завершен поясом килевидных кокошников. Основания барабанов декорированы полуциркульными кокошниками. Шатровые крыльца представляют собой открытые опирающиеся на кубышки 3-частные арки, каждая с 2 висячими гирьками.

Центральный объем храма перекрыт крещатым сводом с небольшой стрелой подъема при обширной площади, опирающимся на 2 диагонально перекрещенные арки-нервюры, боковые компартименты перекрыты смкнутыми и цилиндрическими сводами. В 80-х гг. XX в. собор был расписан мастерами из Почаева в стилистике, близкой к росписям Покровской ц. Встроенный в террасу нижний ярус с теплой церковью перекрыт цилиндрическими сводами на подпружных арках.

Ризалит в 3 оси 2-этажного старого хирургического корпуса (не сохр.) в сев.-зап. части усадьбы, где располагалась домовая церковь прп. Агапита, был завершен луковичной главкой, оконные наличники декорированы 3-частными кокошниками и наборными колонками. Терапевтический корпус (Бехтеревский пер., 15), скромный по декору, выделялся утраченными в советское время луковичными и шатровыми завершениями Скорбященской ц. и крылец, в основании всех 6 завершеный был использован мотив килевидных кокошников. Лечебница для приходящих больных (амбулатория; разобрана в 60-х гг. XX в.) имела шатровую башню с 2-ярусным крыльцом в виде открытых сеней, арочные проемы которых опирались на угловые столбы-кубышки в духе фантастических проектов В. А. Гартмана и И. П. Ропета. Двухэтажное здание аптеки отличалось мощным центральным ризалитом в 3 оси, каждый этаж был декорирован 3 арочными проемами с висячими гирьками, пяты арок опирались на столбы-кубышки (полностью перестроено). Одноэтажное (со двора — 2-этажное) П-образное здание просфорни с иконной лавкой (ныне кельи) имеет декор только на лицевом фасаде (наличники с киле-

видными кокошниками, оформленные входа кубышками). Св. ворота (сохр. с утратами) обители были выполнены в формах 3-частного кокошника, увенчанного луковичной главкой, в тимпане к-рого был выведен в штукатурке также 3-частный кокошник с внутренней извилистой тягой и киотом. Гипертрофированные формы декора, особенно оформления центрального входа и 2 боковых калиток в виде многопрофильных, приближающихся к полному кругу тяг, близки к эстетике модерна.

Преимник Николаева на должности епархиального архитектора Е. Ф. Ермаков работал в той же стилистике. Новый хирургический корпус (ул. Н. Пимоненко, 18) выполнен в духе московско-ярославского узорочья. Ковровый декор из килевидных кокошников, в т. ч. венчающие 3 ризалита, колонки, ширинки, арочки) покрывает стены протяженного П-образного здания (длина 58 м, боковые крыльца — 36 и 28 м). В отделке 1-го этажа преобладают классицистические элементы (руст, замковые камни). Иконостас ц. вмч. Пантелеимона также был выполнен в формах, близких к классицизму. В сдержанных неоклассицистических формах (пилястры, рамочные наличники, сандрики) с немногочисленными элементами русского стиля (килевидные кокошники) решено Ермаковым 2-этажное здание странноприимницы (Бехтеревский пер., 12 б).

Двухэтажные келейные монастырские корпуса были почти лишены декора. Архитектура 3-этажной странноприимницы на Экономическом подворье (1912–1913; Бехтеревский пер., 13 а; надстроена 2 этажами в 1932 для студенческого общежития), П-образного здания с мансардой, эклектична и сочетает черты «кирпичного стиля», неоренессанса и неоклассицизма. В отделке использованы рустовка и дентикулы. Возможно, неизвестный автор проекта здания стремился достигнуть стилистического единства с архитектурой главного здания Экономического подворья, построенного в 1901 г. и затем приобретенного монастырем неоренессансного 3-этажного дома, где разместилась гостиница (Бехтеревский пер., 13; надстроено 2 этажами в 1964).

Свящ. Александр Берташ

Арх.: ЦГИАК. Ф. 127. Оп. 781. Д. 612; Оп. 874. Д. 77, 261; Оп. 876. Д. 53, 987; Оп. 943. Д. 474; Оп. 1055. Д. 272; Оп. 1056. Д. 39; Ф. 128. Оп. 1. Д. 1488, 1520, 2893, 3205; Ф. 179. Оп. 1. Д. 6, 7, 23, 30, 33, 35, 47а, 54, 78, 80, 90, 93, 106; Ф. 442. Оп. 559. Д. 61; Оп. 661. Д. 273; Ф. 692. Оп. 3. Д. 46; ГА г. Киева. Ф. 163. Оп. 38. Д. 413; Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 5355, 6203; Оп. 8. Д. 29, 232; Ф. 346. Оп. 1. Д. 16.

Лит.: ЖПолв. Апр. С. 167–175; *Захарченко М. М.* Киев теперь и прежде. К., 1888; *Киевлянин*. 1889. № 9. 12 янв.; № 23. 28 янв.; № 119. 3 июня; *Петров Н. И.* Киев, его святые и памятники. К., 1896; ЦВед. 1902. № 5. С. 23; *Левцкий Г.* Ее имп. высочество вел. кнг. Александра Петровна (в иночестве Анастасия): Биогр. очерк. К., 1904; Воспоминания об августейшей строительнице Киево-Покровского жен. мон-ря монахини Анастасии. К., 1911; *Иосиф (Шапошников), игум.* История Киево-Покровского жен. общежит. мон-ря: Дипл. / МДА. Серг. П., 1984. Ркп.; Царственная инокиня / Предисл., ред.: игум. Серафима (Шевчик). Од., 1995; *Ковалинский В. В.* Мценатгы Киева. К., 1998²; *Тимонович Е., Трегубова Т., Федорова Л.* Покровский жіночий мон-р // Звід пам'яток історії та культури України. К., 2004. Кн. 1. Ч. 2. С. 929–942; Св.-Покровский Киевский жен. мон-рь: Обитель Матушки Великой. К., 2007; *Клименко В. Я.* Правосл. мон-ри Украины и их святые. К., 2008; *Кудряцев Л. А.* Древние мон-ри Украины. К., 2008.

Прот. Максим Бойко

КИЕВСКИЙ ВО ИМЯ ВЕЛИКОМУЧЕНИКА ДИМИТРИЯ СОЛУНСКОГО МУЖСКОЙ МОНАСТЫРЬ, находился в Киеве.

Основан в сер. XI в. вел. кн. Киевским *Изяславом (Димитрием) Ярославичем*, при крещении названным в честь вмч. *Димитрия Солунского*. Впервые К. м. упоминается в летописной статье 1051 (6559) г., содержащей собирательную информацию о возникновении Киево-Печерского мон-ря и первых его насельниках: «Изяславъ же постави монастырь святаго Дмитрия и выведе Варлама на игуменство святому Дмитрию, хотя створити вышнии сего монастыря, надеяся багательству» (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 159; Т. 2. Стб. 148). Та же информация включена и в Житие прп. *Феодосия Печерского*. Настоятель К. м. прп. *Варлаам*, — сын Иоанна, который «бе первый у князя в боярех», — ранее был игуменом Киево-Печерской обители, паломничал в Иерусалим и К-поль. После смерти игум. Варлаама (до 1067) настоятелем К. м. был назначен св. *Исаия* († после 1089), в посл. еп. Ростовский (Киево-Печерский патерик. 1931. С. 44–45). Но и будучи настоятелем К. м., игум. Исаия участвовал в духовной жизни печерской общины, в частности присутствовал на суде над св. Никитой Затворником (см.: *Никита*, свт. еп. Новгородский),

обвиненным в «бесовском прельщении» (Там же. С. 126).

В Житии прп. Феодосия содержится указание, что преподобный ввел правило посещать с большинством печерской братии Д. м. в праздник вмч. Димитрия Солунского (Там же. 1931. С. 58). Вероятно, это свидетельствует о формировании патерналистских отношений Киево-Печерского мон-ря по отношению к К. м., к-рый возглавлял его бывш. постриженник. В посл. К. м. упоминался под 1086 г. в связи с погребением здесь кн. *Ярополка (Гавриила) Изяславича*, «со псалмы и пенми проводиша и до святого Дмитрея спрятавше тело его, с честью положиша и в раце мраморяне в церкви святого апостола Петра, юже самъ началъ здати преже» (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 206; Т. 2. Стб. 198). Вероятно, монастырская ц. во имя ап. Петра была возведена между 1085 и 1087 гг. (Каргер. 1961. С. 282). Возможно, в состав К. м. входила и ц. во имя арх. Михаила, заложенная в 1108 г. вел. кн. Киевским *Святополком (Михаилом) Изяславичем*: «Заложена бысть церкви святого Михаила Золотоверхая Святополком князем» (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 283; Т. 2. Стб. 259, 275). В 1113 г. он был погребен в этом храме (см. *Киевский Златоверхий во имя арх. Михаила мон-рь*).

Вероятно, последнее упоминание о К. м. содержится в Лаврентьевской летописи под 1128 г.: «Преяша церковь Дмитрия Печеряне и нарекоша ю Петра съ грехом великим и неправо» (Там же. Т. 1. Стб. 299). Вероятно, насильственные действия были связаны с борьбой за выморочное наследство династии Изяславичей. Ярополк завещал Киево-Печерскому мон-рю свои волости, его дочь и др. бездетные потомки жертвовали значительные суммы этой обители и даже были удостоены погребения в ней. По мнению М. Д. *Присёлкова*, «печеряне, добившись получения дара, наименовали его монастырем св. Петра, давая понять, что взяли долю Ярополка Изяславича» (Присёлков. 1913. С. 74).

Территориально К. м. был расположен восточнее «града Владимира», в пределах Михайловской горы (севернее Нагорной части совр. ул. Трёхсвятительской). Но общая планировка и протяженность монастырской застройки не установлены.

Вопрос о количестве и месте расположения храмов К. м. остается дис-

куссионным. Златоверхий Михайловский собор сохранился до 30-х гг. XX в., что позволило использовать его для топографической ориентации остальных построек. В результате земляных работ и археологических раскопок на Михайловской горе были выявлены остатки неск. культовых сооружений. К юго-западу от Михайловской ц., на краю Дмитриевского оврага, во 2-й пол. XVIII в. обнаружены древние фундаменты, раскопки к-рых в 1838 г. проведены под рук. А. С. Анненкова. Исследователи отождествили их с собором К. м. Повторно этот памятник исследовался в 1940 и 1980 гг. (усадыба по ул. Трёхсвятительской, 4). Здание представляло собой 6-столпный 3-апсидный храм с галереями, имевший в длину ок. 28 м, в ширину 19,5 м. Найдено много мозаичной смальты и обломков штукатурки с фресками, фрагменты резных шиферных плит. Судя по схеме плана и строительной технике, здание датируется 2-й пол. XI в. (Каргер. 1961. С. 268–273; Асеев. 1961. С. 293; Ратнопорт. 1982. С. 17).

В XII в. К. м. расширился территориально и включил новые культовые и хозяйственные постройки, выявленные археологическими раскопками. В связи с восстановлением

комплекса Златоверхого Михайловского мон-ря Архитектурно-археологической экспедицией ИА НАНУ (руководитель В. А. Харламов, с 1996 Г. Ю. Ивакин) в 1992–1999 гг. была исследована территория вокруг Михайловского храма. К северо-вост. от него обнаружены надвратная церковь 70-80-х гг. XII в. и остатки деревянной ограды (Ивакин, Козюба. 2002. С. 79–85).

Ист.: ПСРЛ. Т. 1, 2; Киево-Печерський патерик / Підгот. тексту: Д. І. Абрамович. К., 1931. Лит.: Лебединцев П. Г. Дмитриевский мон-рь, устроенный в Киеве вел. кн. Изяславом Яро-

славичем, его судьба и местность // ЧИОНЛ. 1879. Кн. 1. С. 28–36; *Присёлков М. Д.* Очерки по церковно-полит. истории Киевской Руси X–XII вв. СПб., 1913. (ЗИФФ; 116); *Асеев Ю. С.* Новые данные о соборе Дмитриевского мон-ря в Киеве // Сов. Арх. 1961. № 3. С. 291–296; *Каргер М. К.* Древний Киев: Очерки по истории материальной культуры древнерус. города. М.; Л., 1961. Т. 2: Памятники киевского зодчества X–XIII вв.; *Ратнопорт П. А.* Рус. архитектура X–XIII вв.: Кат. памятников. Л., 1982. С. 16–17; *Шапов Я. Н.* Гос-во и Церковь Др. Руси X–XIII вв. М., 1989. С. 134–136; *Ивакин Г. Ю., Козюба В. К.* Историч. топография Михайлівської гори у Києві в XI–XIII ст. // «А се его сребро...»: Зб. праць на пошану М. Ф. Котляра з нагоди його 70-річчя. К., 2002. С. 71–88.

Е. П. Кабанец

КІЕВСКИЙ ВО ИМЯ ВЕЛИКОМУЧЕНИКА ПАНТЕЛЕЙМОНА ЖЕНСКИЙ МОНАСТЫРЬ (ФЕОФАНИЯ) (Киевской епархии УПЦ), расположен в Голосеевском р-не Киева, в исторической местности *Феофания*, условно ограниченной ул. Ивана Сирко и пос. Пироговом. Прилегает к р-нам Голосеево и Теремки, на юге граничит с пос. городского типа Новосёлки и с. Хотов Киево-Святошинского р-на Киевской обл.

До 1803 г. местность, именуемая *Феофания*, носила название *Лазаревщина*. По преданию, в домонг. период на территории К. м. существовал жен. монастырь во имя прав. *Лазаря Четверодневно-*

Киевский
во имя вмч. Пантелеимона
мон-рь.
Фотография. 2012 г.

го. Возможно, именно эта обитель упомянута в «*Повести временных лет*»: «В се же лето 1113 г. (6621) преставися игуменія Лазарева монастыря, свята житием, месяца сентября на десять день, а живши шестьдесят в чернечестве, а от рожденья девяносто и два» (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 276). По предположению митр. Московского и Коломенского *Макария (Булгакова)*, основание Лазаревского мон-ря может быть отнесено ко времени княжения *Ярослава (Георгия) Владимировича Мудрого* (1019–1054). Возможно, обитель была разорена ок. 1240 г., во время взятия Киева войсками Батыя. По др. версии, название *Лазаревщина* имеет более позд-

нее происхождение и связано с именем проживавшего здесь монаха-пасечника.

Впервые эта местность упоминается как Лазаревщина в 1471 г. Она принадлежала киевскому тиуну (литов. администратору) Ходыке. Согласно акту митр. Киевского *Сильвестра (Косова)* от 19 февр. 1657 г., в XVI в. Лазаревщина принадлежала Киево-Печерскому монастырю, а затем была приписана Киевским митрополитам св. *Петру (Могиле)* и *Сильвестру*. В 1657 г. митр. *Сильвестр* передал Лазаревщину домовому митрополичьему чиновнику Михаилу Шахравскому, а после его кончины местность перешла в собственность киевского Софийского мон-ря. С 1786 г. Лазаревщина находилась в ведомстве Киевской казенной палаты.

12 февр. 1800 г. в Киеве архим. *новгород-северского в честь Преображения Господня мон-ря* Феофан (Шиянов-Чернявский) был хиротонисан во еп. Чигиринского, викария Киевской митрополии, и назначен настоятелем *киевского Златоверхого во имя арх. Михаила муж. мон-ря*. По Высочайшему указу от 18 дек. 1797 г. всем архиерейским домам полагалось иметь загородные владения, и еп. Феофан в том же году начал дело в Киевской казенной палате об отводе из казенных владений места для загородного архиерейского дома. Указом от 28 апр. 1802 г. Сенат предписал Киевской казенной палате передать во владение настоятелю Михайловского мон-ря земли и угодья, среди к-рых была и Лазаревщина. Обитель «как пасечное место с окололежащей землей и зарослями орешника, между которыми есть липовые, ольховые и изредка дубовые деревья» стала собственностью мон-ря. Общая площадь ее территории составляла 142 га. По инициативе еп. Феофана в Лазаревщине был возведен и 23 авг. 1803 г. митр. Киевским *Гавриилом (Банулеску-Бодони)* освящен храм в память Чуда арх. Михаила в Колоссах; построен загородный архиерейский дом, устроены пасака на 800 ульев, в саду посажены плодовые деревья, расчищен родник, над которым выстроена часовня, выкопаны 2 пруда. В день освящения Михайловского храма митр. Гавриил издал указ: «Усмотрев довольное рачение преосвященного Феофана, епископа Чигиринского, викария Киевской мит-

рополии, и неусыпные труды его в приведение в наилучшее состояние места, называемого Лазаревщина... благословили мы сие место отныне впредь называть не Лазаревщиной уже, но Феофанией».

После назначения в 1807 г. еп. Феофана на Полтавскую кафедру работы по обустройству Феофании приостановились. В 1835 г. еп. Тобольский и Сибирский *Владимир (Алявдин)* предпринял попытку устроить в Феофании скит. В следующем году по инициативе свт. *Иннокентия (Борисова)* в Феофании были прорублены просеки и поставлены беседки. Все холмы, ручьи, пруды и дороги были названы по образцу библейских мест: Фавор, Елеон, Синай, Хорив, Кедрский и Силоамский потоки, Иосафатова долина. В 1838 г. к территории Феофании было добавлено еще 43 га земли, и ее общая площадь составила 186 га. В 1836 и 1849 гг. территория Феофании была окружена рвом (его длина ок. 5 км, ширина ок. 1,5 м, глубина 1 м).

В 1861 г. настоятель Михайловского мон-ря еп. *Серафим (Аретинский)* поручил иером. *Вонифатию (Виноградскому)* устроить в Феофании скит. К отремонтированной Михайловской ц. был пристроен архиерейский дом, построены деревянные кельи, колокольня и гостиница для богомольцев, а над «Великим источником» возведена часовня. 26 сент. 1866 г. по проекту викария Киевской епархии еп. Чигиринского *Порфирия (Успенского)* в Феофании был заложен каменный храм во имя Всех святых. 8 июня 1869 г. еп. Порфирий, игум. Вонифатий и др. освятили этот храм. Ближайшим помощником в строительстве скита для игум. Вонифатия стал прп. *Гавриил Афонский*. После кончины игум. Вонифатия († 27 дек. 1871) его труды продолжил иеросхим. Иринарх (Дорогавцев), управлявший скитом более 30 лет (до 1905). Все деревянные постройки были обложены кирпичом, возведена 3-ярусная колокольня, построены помещения для хозяйственных служб, перестроены храмы, проведен водопровод. К часовне над источником был пристроен алтарь, т. о. был открыт 3-й храм с источником внутри. 28 сент. 1900 г. еп. Сергей (Ланин) освятил его в честь Владимирской иконы Божией Матери. В 1891 г. в Феофании был зарегистрирован случай исцеления

прихожанки у чтимой Касперовской иконы Божией Матери.

До 1901 г. Феофания фактически являлась монастырским хутором при загородном архиерейском доме настоятеля Михайловской обители. 25 июля 1901 г. Синод определил «существующее близ Киева иноческое общежитие Феофания обратить в общежительный мужской скит, с припискою одного к Киево-Михайловскому Златоверхому монастырю». Начальником скита был поставлен настоятель Михайловского монастыря. Он управлял скитом через скитона начальника в звании строителя. Помощниками строителя являлись казначей, благочинный и расходчик. Строитель назначался в Феофанию Киевским митрополитом, а его помощники утверждались в должности преосвященным настоятелем Михайловского монастыря. Скиту предписывалось учредить для канонархов церковно-приходскую школу с общежитием. К 1901 г. в Феофании проживали схиигумен, иеросхимонах, 6 иеромонахов, 5 иеродиаконов, 9 монахов и ок. 70 послушников. После кончины схиигум. Иринарха († 25 мая 1905) обязанности строителя в 1905–1906 гг. исполнял иером. Леонид (Яроцкий). Его трудами был заложен собор вмч. Пантелеимона по проекту епархиального архит. Е. Ф. Ермакова. В 1906 г. строителем скита стал иером. Софроний (Гаркуша), при к-ром была начата постройка нового здания странноприимного дома. 1 июня 1914 г. митр. Киевский и Галицкий *Флавиан (Городецкий)* освятил главный престол 5-купольного Пантелеимоновского собора.

26 февр. 1915 г. скит Феофании был преобразован в самостоятельный общежительный Феофаниевский Пантелеимоновский мон-рь, 1-м настоятелем избран игум. Софроний (Гаркуша). 27 авг. 1917 г. его сменил игум. Серапион (Ременюк), бывш. казначей. К этому времени на территории мон-ря насчитывалось более 50 зданий разного назначения и проживало ок. 50 монахов и более 100 послушников.

После установления на Украине советской власти монастырское имущество, согласно декрету Правительства УССР «Об отделении церкви от государства и школы от церкви» (1919), перешло в гос. собственность, однако монахи продолжали проживать на территории обители. Кроме

того, в К. м. переселялись иноки и инокини из закрывавшихся мон-рей. В 1921 г. на территории обители была зарегистрирована сельскохозяйственная артель «Земледелие». В 1925 г. хутор Феофания перешел в распоряжение Губернской комиссии помощи детям. Здесь сформировали детскую сельскохозяйственную колонию, а также разместили хозяйство рабочей кооперации — скотный двор и птицеферму. Вместе с тем 4 церкви бывш. обители продолжали действовать. На 1 янв. 1929 г. в Феофании проживали 69 монахов и 22 монахини. Решением секретариата президиума ВУЦИК от 15 сент. 1930 г. все церкви в Феофании были закрыты, а монастырские помещения переданы агрошколе и социалистическому рабочему кооперативу. Всех монашествующих принудительно выселили с территории бывш. мон-ря.

В дни обороны Киева в 1941 г. на крыше Пантелеимоновского собора были устроены огневые точки, и храм пострадал от минометного огня. Пожар повредил и бывш. гостиницу. По некоторым сведениям, в 1944 г. в Феофании совершал богослужения свящ. Афанасий. После освобождения Киева в 1944 г. территория Феофании была передана АН УССР. В бывш. церкви Всех святых действовал Ин-т механики АН УССР, в 70-х гг. XX в. к храму пристроили новые производственные помещения. Руины Панте-

Церковь в честь Чуда арх. Михаила в Колоссах с келейным корпусом. Фотография. 2013 г.

шины. В 1950–1951 гг. в этом помещении начала действовать МЭСМ (малая электронно-счетная машина). До 1958 г. в здании гостиницы находился вычислительный центр АН УССР, затем помещение передали академической типографии, с северной стороны к зданию был пристроен наборный цех, а с южной — котельная. На территории бывш. пасеки в кон. 60-х гг. XX в. была сооружена академическая гостиница-пансионат.

В 1990 г. собор вмч. Пантелеимона был передан УПЦ, настоятелем назначен архим. Серафим (Демьянов; в посл. епископ Яготинский, викарий Киевской митрополии), к-рый руководил всеми восстановительными работами на территории Феофании. В 1993 г. решением Свящ. Синода УПЦ отремонтированный собор и при-

Интерьер собора во имя вмч. Пантелеимона. Фотография. 2013 г.

легающие к нему строения были переданы киевскому в честь Покрова Пресв. Богородицы жен. мон-рю, организовавшему здесь скит во имя вмч.

Пантелеимона. 30 авг. 1998 г. митр. Киевский и всея Украины Владимир (Сабодан) освятил центральный престол собора. Восстановительный проект подготовили архитекторы Я. Дихтярь и Ю. Г. Лосицкий. В храме установлен иконостас высотой 14 м, иконы написаны мастерами художественной школы им. свт. Петра, митр. Киевского и Московского.

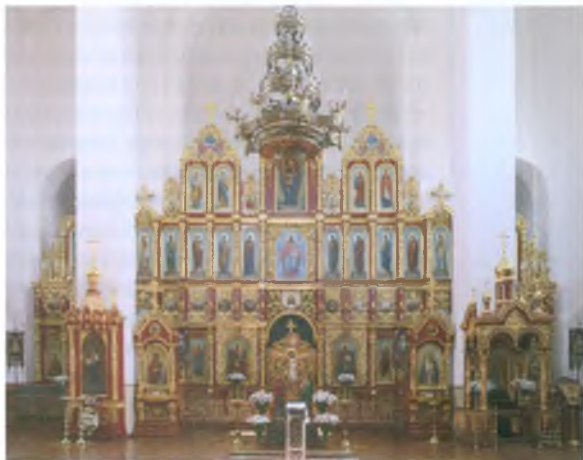
24 апр. 2002 г. Синод УПЦ предоставил скиту Феофания статус самостоятельного жен. мон-ря с правом избрания игумении из числа сестер. 9 июня 2002 г. 1-й настоятельницей была избрана игум. Елисавета (Андреева). В тот же день митр. Владимир освятил престол правого придела собора во имя прп. Серафима Саровского. 29 марта 2004 г. К. м. выкупил у гос-ва остатки полуразрушенного храма Всех святых с прилегающими постройками. В 2005 г. восстановлен 4-этажный монашеский корпус с домовою церковью в честь Чуда арх. Михаила в Колоссах, обустроен хозяйственный двор с подсобными помещениями, построен теплый кирпичный коровник, заасфальтирована дорога и посажены сады. Отреставрирован жилой комплекс храма Всех святых, в к-ром обустроены покои викарного епископа. Обнаружены местонахождения 3 кладбищ, на к-рых в XIX–XX вв. хоронили монахов Феофании и др. киевских мон-рей. 26 июля 2007 г. Киевский городской совет решил передать К. м. в долгосрочную аренду сроком на 25 лет земельные участки общей площадью 23,69 га для эксплуатации и обслуживания сооружений обители и благоустройства монастырской территории. 16 нояб. того же года Свящ. Синод УПЦ определил архим. Серафиму (Демьянову) быть еп. Яготинским, викар. Киевской митрополии, с продолжением послушания по восстановлению К. м. Осенью 2008 г. начато строительство центральных св. ворот. К 2009 г. ц. Всех святых была восстановлена, и 16 мая того же года освящена митр. Владимиром.

К 2013 г. в К. м. проживало ок. 70 сестер.

Арх.: ЦДАВО. Ф. 5. Оп. 3. Д. 1066, 1939; Ф. 4648. Оп. 1. Д. 2; ЦГИАК. Ф. 127, 169; ГА Киевской обл. Ф. Р862. Оп. 1. Д. 142. *Илларион, иером.* Заметки о Лазаревщине или теперешней Феофании. Ркп. // НБУВ ИР. Ф. 160. Ед. хр. 300; Копии указов Синода о преобразовании иноческого общежития Феофания в самостоятельный монастырь // Там же. Ф. 232. Ед. хр. 532; *Лебединцев П., прот.* Сведения о Лазаревщине или Феофании. Ркп. // Там же. Ф. 154. Ед. хр. 181.

Ист.: ПСРЛ. 1962. Т.1: Лаврентиевская летопись и Суздальская летопись по Академическому списку; ПСРЛ. 1908. Т. 2: Ипатьевская летопись; *Порфирий (Успенский), еп.* Книга бытия моего. СПб., 1894–1902. 8 т.

Лит.: *Евстратий (Голованский), иером.* Игумен Вонифатий, основатель и строитель скита Феофания, принадлежавшего Киево-Златоверхо-Михайловскому мон-рю, и наставник его Иван Босой. К., 1873; *он же.* Киево-Златоверхо-Михайловский первокл. мон-рь и его скит Феофания. К., 1878; Игумен Вонифатий:

леимоновского собора использовались как лабораторное помещение. Здание бывш. монастырской гостиницы в кон. 40-х — 50-х гг. XX в. занимал Ин-т электротехники АН УССР, где под рук. директора ин-та акад. С. А. Лебедева находилась исследовательская лаборатория по созданию 1-й в СССР и в континентальной Европе цифровой вычислительной ма-

[Биогр. очерк] // Киевские Ев. 1873. № 10. Неофиц. отд. С. 290–298; *Голубинский*. История РЦ. 1882. Т. 1. 2-я пол.; *Зверинский*. Т. 3; *Толочко П. П.* Исторична топографія стародавнього Києва. К., 1970; *Дойль Л.* Завещанное временем / Пер.: Э. А. Марков; ред.: Я. В. Васильков. М., 1980; *Творогов О. В.* Лексический состав «Повести временных лет»: Словоуказатели и частотный словарь. К., 1984; *Макарий*. История РЦ. 1994. Т. 2; Правосл. русские обители. СПб., 1994; *Ратшин А.* Полное собрание ист. сведений о всех бывших в древности и ныне существующих мон-рях и примечательных церквах в России. М., 2000; *Полномаренко Л., Різник О.* Київ: Короткий топонімічний довідник. К., 2003.

Еп. Серафим (Демьянов), прот. В. Коцаба, В. В. Бурега

КИЕВСКИЙ (Киево-Синайский, Греческий) ВО ИМЯ ВЕЛИКОМУЧЕНИЦЫ ЕКАТЕРИНЫ МУЖСКОЙ МОНАСТЫРЬ

находился в Киеве, на территории совр. Подольского р-на. Основан в 1748 г.

1733–1786 гг. В 30-х гг. XVIII в. группа монахов из *Екатерины в мц. мон-ря на Синае* во главе с иером. Евгением († ок. 1752), а также купец *Стаматис Николаев* с греч. общиной Киева пытались получить разрешение на строительство греч. храма на территории Подола. В янв. 1733 г. архиеп. Киевский *Рафаил (Заборовский)* намеревался передать синайским монахам бывш. Петропавловский мон-рь на Подоле с богатыми имениями и подворьями «для жития и пристанища приходящих из стран греческих и ради научения других желающих греческого языка школу». Но мещане Подола, а также прихожане Петропавловской ц. воспротивились этому. 25 окт. 1733 г. Юс. коллегия иностранных дел предписала гетману Д. П. Апостолу осведомиться, можно ли вселить греч. монахов в Петропавловский мон-рь, но, получив отрицательный ответ Киевского магистрата, решили греч. обитель не учреждать (*Закревский Н. В.* Описание Киева. М., 1868. Т. 1. С. 29).

В 1736 г. в Киев с Синая опять прибыл иером. Евгений, уполномоченный Синайского архим. Кирилла, с др. группой греч. монахов. У иером. Евгения была репутация «изворотливого», «умного в практическом отношении и энергичного человека» (*Петров*. 1896. С. 90, 91). По его инициативе от имени 19 греков, проживавших в Киеве, в 1736 и 1737 гг. направлялись ходатайства в Синод о выделении для киевских греков земельного участка для устройства церкви и школы; свою землю и дом был готов пожертвовать для этих

целей греч. купец *Николаев*. Решение вопроса затянулось из-за отрицательного отношения Киевского магистрата, но митр. *Рафаил (Заборовский)* в донесении Синоду от 7 марта 1738 г. указывал, что никаких препятствий не имеется, а магистрат противится «доброму делу» ради «партикулярной выгоды», и поэтому следует уважить ходатайство

Церковь в мц. Екатерины.
Гравюра. 1878 г.

киевских греков. 16 сент. 1738 г. Синод разрешил строительство на Подоле греч. приходской ц. во имя в мц. Екатерины, но при условии, что она будет подчиняться Киевскому митрополиту (ЦГИАК. Ф. 127. Оп. 133. Д. 42).

С кон. 1736 г. при деревянном особняке купца *Николаева* действовал временный храм-часовня, к-рый в 1738 г. был официально зарегистрирован Синодом как греч. *Екатерининский приход* для синайских монахов. В 1739–1741 гг. при участии игум. *Евгения* была построена и 12 авг. 1741 г. освящена каменная *Екатерининская ц.* После пожара (июль 1742) храм был вновь освящен 3 авг. 1742 г. В том же году греч. община подала на имя Киевского митр. *Рафаила* прошение, «дабы им, грекам, на Подоле жительствовавшим по разным приходским парохиям, также и приежающим грекам к новопостроенной на Подоле греческой церкви на богомолие ходить и всякие христианские требы от оной церкви игумена либо тамошнего священника получать». Митрополит удовлетворил эту просьбу, но, по уверению греков, настоятели соседних приходов продолжали препятствовать им, поэтому аналогичные прошения были поданы и в 1743–1744 гг.

С 1744 г. Синайский архиеп. *Никифор* и игум. *Евгений* ходатайство-

вали о предоставлении киевской ц. в мц. *Екатерины*, при которой уже проживала небольшая монашеская община, статуса самостоятельного мон-ря, напрямую подчиненного Синаю. 2 июня 1748 г. архиеп. Синайской горы *Константин I*, сообщая в Синод о своем вступлении на архиепископскую кафедру, напомнил и о последней воле своего предшественника, архиеп. *Никифора*: «Да получим совершенное чрез императорскую грамоту утверждение на монастырец наш суций в Киеве, святой великомученицы девы *Екатерины*, предписанный (к Синайской горе), по бывшем изначала благословенном изволении» (*Бабару*. 2012). С дек. 1747 г. по благословию киево-печерского архим. (впосл. митрополита Киевского) *Тимофея (Щербацкого)* игум. *Евгений* обращался в Синод для решения вопроса о преобразовании *Екатерининского прихода* в мон-рь. В его прошениях отмечалось, что мон-рь в мц. *Екатерины* основывался с целью преподавания киевским грекам треб и погребения умерших, а также для временного пребывания здесь греч. священнослужителей и монашествующих.

8 марта 1748 г. Синод заслушал доношение покойного митр. Киевского *Рафаила*. В нем содержались перевод письма архиепископа Синайской горы *Никифора* к митр. *Рафаилу* и прошение игум. *Евгения* о преобразовании киевского греч. прихода в Киев в мон-рь. В тот же день *Екатерининская ц.* была обращена в *Екатерининский греч. муж. мон-рь* с полным подчинением мон-рю в мц. *Екатерины* на Синайской горе (Иерусалимский Патриархат) (ЦГИАК. Ф. 127. Оп. 147. Д. 17). С 1748 г. К. м. часто именовали «Греческим подворьем». Во 2-й пол. 50-х гг. XVIII в. в нем проживало 4 насельника. По штатам 1764 г. К. м. был причислен ко 2-му классу с 16 штатными служителями. В 1770 г. в обители проживало 4 насельника, в 1775 г.— 3, в 1776 г.— 2, в 1783 г.— 3 насельника (2 иеромонаха и иеродиакон), в воскресные дни богослужения совершались на греч. языке.

К 1785 г. на территории К. м. были выстроены 3-купольная *Екатерининская ц.*, 8 деревянных братских келий, гостиничные кельи на кирпичном фундаменте, деревянная ограда. Возможно, одно из келейных помещений было построено во 2-й пол. XVIII в. известным

архит. И. Г. Григоровичем-Барским. 9 дек. 1785 г. Киевский митр. Самуил (Миславский) разрешил игум. Иакову в течение года собирать милостыню для ремонта построек с обязательством вписывать имена жертвователей в «шнурозапечатанную» книгу, выданную Духовной консисторией.

Насельником К. м. был обучавшийся в 1790–1794 гг. в *Киево-Могилянской академии* иеродиак. (впосл. патриарх К-польский) *Констанций I*. В нач. 1796 г. он был вызван в К-поль, рукоположен во иеромонаха, назначен архимандритом К. м. и оставался в этой должности до 1804 г. Он «успел усилить и упрочить монастырские доходы в пользу Синайской обители» и привел мон-рь «в лучшее устройство, внешнее и внутреннее» (К. З. Воспоминания очевидца о великом Патриархе Константии // Странник. 1860. Июнь. С. 249). «Константий был человек очень ученый и образованный... отличался кротким нравом и был исполнен многих добродетелей» (Соколов. 1901. С. 72). Вероятно, некоторое время в К. м. скрывался осужденный в 1751 г. бывш. игумен *Угрешского во имя свт. Николая Чудотворца мон-ря* Иоанн (Ястрембский). Среди проживавших в обители гостей был серб. иером. Захария (Алексеев), в 1751 г. прибывший в Киев для обучения иконописи. Ок. 5 лет в К. м. прожил архим. Порфирий I (Павлидис), буд. Синайский архиепископ, отличавшийся «выдающимся умом, энергией и дипломатическим тактом» (История Христианской церкви. 1901. С. 333).

1786–2013 гг. Статус архимандритии мон-рь получил 10 апр. 1786 г. и именным имп. указом 15 марта 1787 г. переведен на территорию упраздненного киевского Петропавловского муж. мон-ря. Тем же указом предписывалось «оставить тому монастырю в подворье и нынешний дом, им занимаемый, с церковью; в прочем сему греческому мон-рю быть на том основании, как Московский Греческий Николаевский мон-рь состоит; следовательно, отчета в деньгах от него не требовать, и остатки оных от годового содержания оставить в пользу его в милостинное подавание православным монастырям в варварских местах, от коих сей находится так сказать отделенным» (Там же. Оп. 182. Д. 33). Благодаря такому статусу К. м. получил возмож-

ность регулярно направлять в Синайский Екатерининский мон-рь пособия и пожертвования. В частности, из Киева в Синайский мон-рь поступали иконы и утварь, созданные гл. обр. в художественных мастерских Киево-Печерской лавры (*Порфирий Успенский*). Синайский полуостров. 1848. С. 169; он же. Первое путешествие. 1856. С. 152–153).

С 1787 г. братия во главе с игум. Иаковым проживала в просторном келейном корпусе Петропавловского мон-ря, а храм вмц. Екатерины с прицерковной усадьбой был объявлен «двором» (подворьем), при котором насчитывалось 8 келий, а к 1811 г. существовала домовая теплая ц. свт. Спиридона Тримифунтского. 19 дек. 1797 г. имп. указом мон-рю было предоставлено право на 30 дес. городских «сеножатей». В 1787 г. к обители был приписан скит прп. Симеона Столпника в с. Петропавловская Борщаговка Киевского у. (к 1811 Симеоновский храм стал приходским, но во владении К. м. осталось подворье с сельскохозяйственными угодьями, постоянным двором, водяной мельницей и прудом). С 1787 по 1826 г. обитель официально именовалась Греческим Петропавловским мон-рем.

В нач. 1811 г. при настоятеле (1804–1816) архим. Мисаиле в К. м. имелось 2 церкви: соборная апостолов Петра и Павла с 2 приделами, Захариево-Елисаветинским и Алексиевским, и небольшая церковь-колокольня с престолом вмц. Екатерины (*Бабару*. 2012).

9 июля 1811 г. на Подоле был сильный пожар, во время которого сгорели почти все здания бывш. Петропавловского мон-ря и деревянные постройки Екатерининского подворья, в т. ч. монашеский корпус с 8 кельями и домовая ц. свт. Спиридона, конюшенный двор. Уцелели лишь каменная трапезная и Екатерининская ц. с металлическими дверями и ставнями. По свидетельству очевидцев, монастырский храм не пострадал лишь потому, что настоятель не открыл мощные двери бежавшим с вещами погорельцам. Комиссия, созданная после пожара для восстановления Подольской части города, разделила землю К. м. между частными лицами, причем от обители было отчуждено более 400 кв. саж. земли, за пределами монастырских владений оказались также и 2 монастырских каменных погребя.

В 1826 г. территория бывш. Петропавловского мон-ря была отдана Киевским магистратом под строительство зданий Киевской семинарии. Т. о., в 1826–1828 гг. немногочисленная братия К. м. вернулась на монастырский двор при ц. вмц. Екатерины близ Ярмарочной пл. В 1826 г. в Екатерининском храме служили настоятель архим. Неофит, свящ. Василий Капитанский, диак. Стефан Ковровский, послушник Василий Матковский, в 1834 г. — настоятель архим. Кирилл, свящ. Феодор Белячевский (Белошицкий?), диак. Иоанн и неск. служителей.

22 апр. 1834 г. на территории Подола вновь был пожар, уничтоживший большую часть каменного келейного корпуса, 4 деревянные келии, 13 деревянных монастырских лавок. 22 февр. 1836 г. митр. Киевскому и Галицкому *Евгению (Болховитинову)* были направлены планы строительства новых сооружений обители. 20 дек. 1842 г. архиеп. Синайский *Констанций* сообщил А. Н. *Муравьеву*, что мон-рь «исключен из штата и уничтожен»: «Сия неожиданная весть жестоко поразила меня, всегда преданного к России и сей ради приверженности низложенного с патриаршего престола» (РГБ ОР. Ф. 188. Картон 7. Ед. хр. 30. Л. 11–11 об.). Но уже в февр. 1843 г. было получено известие, что «собственная обитель горы Синайской останется непоколебимою на горах Киевских, залогом единоверия обеих Православных Церквей, Греческой и Российской» (Там же. Картон 3. Ед. хр. 18. Л. 17–17 об.). В апр. 1850 г. *Муравьев* посетил К. м., беседовал с архиеп. *Констанцием*, к-рому советовал «поместить там несколько братий, если будут на то средства, и представить, куда следует, прошение о пособии», выражая надежду, что «быть может, принята будет во внимание просьба маститого старца, уважаемого на Севере, как и на Востоке» (Там же. Л. 33).

В 1852–1853 гг., при архим. *Хрисанфе*, обитель вела судебный процесс с Киевским магистратом о возвращении земельных владений (ЦГИАК. Ф. 127. Оп. 876. Д. 68), следствием которого стало то, что в кон. 1853 г. до архиепископа Горы Синайской дошли слухи о «вредных будто бы действиях по управлению Киево-Греческим монастырем архимандрита *Хрисанфа*», и архиеп. *Констанций* обратился в Синод с просьбой уда-

лить архимандрита от управления. Однако митр. Киевский свт. *Филарет (Амфитеатров)* на запрос Синода сообщал, что архим. Хрисанф «действиями своими принес монастырю пользу» (РГБ ОР. Ф. 188. Картон 7. Ед. хр. 30. Л. 57 об.). Подозрения архиеп. Констанция относительно киевского настоятеля, вероятно, не имели оснований, поскольку за время его управления мон-рь был значительно перестроен. По проекту киевского епархиального архит. П. И. Спарро в 1848–1850 гг. возведены братские кельи, в 1852–1853 гг. сооружена 2-ярусная колокольня, в янв. 1853 г. К. м. получил разрешение на устройство магазина, в апр. 1856 г. поставлена новая ограда, в сент. того же года закончен ремонт печей в настоятельских и братских кельях; оштукатурены и побелены все корпуса и ограждения, отремонтирована Екатерининская ц.

После начала Крымской войны переписка была прервана и возобновилась лишь в 1857 г. Тем временем архим. Хрисанф обратился к Киевскому митр. Филарету с просьбой принять его в один из рус. мон-рей. 2 сент. 1856 г. митрополит в донесении в Синод сообщал, «что Хрисанф, по прибытии на его место другого настоятеля, может быть определен в какой-либо русский монастырь и что он уже при восшествии на престол Государя Императора выполнил установленную присягу» (РГБ ОР. Ф. 188. Картон 7. Ед. хр. 30. Л. 57 об.).

В кон. 1856 г. новым настоятелем К. м. был назначен архим. Кирилл, вызванный из Синайской обители вмц. Екатерины. 15 июля 1857 г. Синод заявил, что «не встречает препятствия к дозволению приехать в Россию для управления Киево-Греческим монастырем архимандриту Кириллу с диаконом Порфирием... с присовокуплением, что об архимандрите Хрисанфе будет сделано особое распоряжение по получении ожидаемых о нем отзывов от Патриарха Константия и Киевского митрополита» (Там же. Л. 43, 56–56 об.).

В 1878 г. настоятель архим. Мелетий испросил у Киевской духовной консистории и Киевской городской управы дозволение построить каменный дом для сдачи его в аренду лавочникам. На 27 авг. 1885 г. было составлено более полное описание монастырской усадьбы, в которой под застройкой находилось 371 кв.

саж., сад занимал 50 кв. саж., двор — 379 кв. саж. В перечне зданий К. м. названы 2 кирпичные церкви — соборная вмц. Екатерины и деревянная св. Мелетия, флигель для братии, ризница, деревянные конюшни и сараи (*Бабару.* 2012). К 1902 г. была пристроена каменная ц. св. Филарета Милостивого, связавшая колокольню с Екатерининским храмом. Для сдачи в аренду в 1906 г. на средства К. м. на Александрийской пл. был построен монастырский доходный дом, в 1912–1913 гг. на месте примыкавшего к обители каменного дома (1878) возведен 6-этажный доходный дом (архит. Л. Эйсер). В 1914–1915 гг. возведены новая колокольня (архит. Эйсер), келейные корпуса (архит. Ф. И. Лидваль).

29 июля 1858 г., в день памяти апостолов Петра и Павла, в К. м. был рукоположен во иерея мон. прп. *Иона (Мирошниченко)*. С авг. 1892 по сент. 1901 г. в мон-ре подвизался иером. Амфилохий (Шур; в схиме Алексей; † 1932). В 1914 г. в братии состояло 10 чел., в т. ч. назначенный в 1903 г. настоятелем архим. Амфилохий (Аргиракис), иеромонахи Пантелеимон и Николай, иеродиакон, 6 послушников. К. м. получал из казны 746 р. 81 к.

В 1919 г. большевистские власти реквизировали доходные дома К. м. на Подоле и торговые палатки на Ярмарочной (ныне Контрактовой) пл., лишив обитель основной статьи доходов — сдачи в аренду недвижимости. В 1920 г. настоятель архим. Амфилохий обратился к Киевскому епархиальному совету с предложением перевести рус. иноков в *Киево-Братский в честь Богоявления муж. мон-рь* ввиду недостаточности средств на содержание всех насельников (ГА Киевской обл. Ф. Р–4752. Оп. 6. Д. 259). Вероятно, его просьба не была удовлетворена.

К нач. 1926 г. монашеская община была изгнана с территории К. м., судьба насельников во главе с архим. Амфилохием неизвестна. В монастырских зданиях был открыт Всеукраинский торговый музей. Екатерининский храм обращен в приходский, до 1928 г. в нем служил иером. Николай (Завертайло), старостой храма был представитель общины киевских греков Д. Колумбис. В 1928 г. решением президиума Киевского окружного исполнительного комитета все здания К. м. были переданы в ведение коммунального

хозяйства, а общину сняли с регистрации. Екатерининский храм с примыкавшей ц. св. Филарета Милостивого в 1929 г. снесли под предлогом «аварийного» состояния здания (были незначительные трещины); тогда же разобрали верхние ярусы колокольни.

В апр. 1927 г. сотрудник Киевского Лаврского музея культов и быта П. Попов обнаружил в здании колокольни 181 том старопечатных книг из монастырской б-ки, к-рая к тому времени была частично раз-

Колокольня бывшего мон-ря вмц. Екатерины в Киеве. 1915 г. Фотография. 2013 г.

граблена. По его требованию 15 апр. 1927 г. была произведена опись всего имущества обители, удалось выявить 4 «старинные» иконы. Киевский окрисполком изъял коллекцию книг, а также неск. рукописей и икон, все эти ценности были перевезены в Киевский Лаврский музей культа и быта (НКПІКЗ). К 2013 г. часть рукописей находится в Центральном гос. историческом архиве Украины. В Киево-Печерском музее-заповеднике оказалась, вероятно уже после окончательного закрытия прихода, и храмовая икона вмц. Екатерины (1612) работы Иеремии Синаита. Др. реликвия — икона имп. Юстиниана I (основателя Синайского мон-ря) хранится в Национальном художественном музее Украины. Др. почитаемые святые К. м., вероятно, утрачены. Среди них — Тихвинская икона Божией Матери в серебряной ризе (пожертвована игум. Евгению полковником гусарского серб. полка С. Витковичем (Вактовичем?) ок. 1740–1744), находившаяся в соборном иконостасе

с правой стороны, и икона свт. Николая Чудотворца «древнего письма», оправленная в серебро.

5 июля 1995 г. решением Кабинета министров Украины бывш. монастырский комплекс, по формулировке постановления — «ансамбль доходных домов», был передан в ведение Управления Национального банка Украины по Киеву и Киевской обл. как коммунальная собственность.

В кон. 1995 г. была образована община правосл. греков Киева — «Греческий приход вмц. Екатерины Украинской Православной Церкви», получившая регистрацию 16 февр. 1996 г. Настоятелем и старостой прихода стал архим. Никодим (Замборский-Карафа). Ему от архиеп. Дамиана (Самардзиса), предстоятеля Синайской Автономной Православной Церкви Иерусалимского Патриархата, были переданы специальные полномочия, касающиеся устройства в Киеве подворья Синайской архиепископии. В 1995–1997 гг. на гос. средства были восстановлены келейный корпус, ошибочно именованный в лит-ре как «доходный дом», и колокольня.

В июле 1999 г. между греч. приходом и Управлением НБУ по г. Киеву и Киевской обл. был подписан договор, согласно к-рому приход получил в бесплатное пользование «храмовое помещение» на 1-м ярусе колокольни и комнату для размещения церковной канцелярии. Первый молебен состоялся на престольный праздник, 7 дек. 1999 г., первая литургия — на Рождество Христово, 7 янв. 2000 г. Однако в 2001 г. руководство киевского Управления НБУ запретило совершение богослужений во временно оборудованном храме. Екатерининская община, которую с 2000 г. возглавлял свящ. Петр Зуев, по благословению митр. Киевского и всея Украины Владимира (Сабодана) совершала богослужение перед закрытым храмом, а впосл. располагалась в арендуемых помещениях на Подоле и в Липском пер. В 2006 г. община устроила домовую церковь в помещении Центра богословских исследований (ул. Полуланова, 10), в к-ром также разместилась экспозиция Музея новомучеников и исповедников Российских. 2 апр. 2006 г. здесь была совершена 1-я литургия.

Лит.: ИРИ. Ч. 3. С. 755–757; Порфирий (Успенский), архим. Синайский полуостров // ЖМНП. 1848. Ч. 60. Ноябрь. Отд. 2. С. 137–170;

он же. Первое путешествие в Синайский мон-рь в 1845 г. СПб., 1856; *Закревский Н. В.* Описание Киева. К., 1868. Т. 2. С. 596–597; Из истории киевского греч. Екатерининского мон-ря // Киевские Ев. 1877. № 20. С. 540–559; *Петров Н. И.* Греч. Екатерининский мон-рь в Киеве // ТКДА. 1896. № 1. С. 55–112; История Христианской Церкви в XIX в. СПб., 1901. Т. 2 (репр., изм. загл: История Правосл. Церкви в XIX в. М., 1998); *Соколов И. И.* История Греч. Церквей в XIX в. // История Правосл. Церкви в XIX в. СПб., 1901. М., 1998^р. Кн. 1: Правосл. Восток. С. 1–335; *Чернухін Є. К.* Грецькі акти в рукописних збірках ЦНБ ім. В. Вернадського АН України // Рукописна та книжкова спадщина України. К., 1993. Вип. 1. С. 217–237; он же. Грецькі справи в ЦДІА України в м. Києві // Україна – Греція: Архівна та книжкова спадщина греків України: Наук. зб. К., 1998. С. 145–149; он же. Книжкова спадщина греків України: (Монастир св. Катерини в Києві) // Рукописна та книжкова спадщина України. К., 1998. Вип. 4. С. 262–280; он же. Грецька рукописна спадщина в Києві: Історіографія та огляд матеріалів IV–XX ст. К., 2002; *Лосицький Ю., Перунова Н.* Ділянка та споруди колишнього Св.-Катерининського мон-ря // Синопис. К., 1999. № 1. С. 89–95; *Терюшов М., прот.* Історія киевського Греч. Св.-Екатерининського мон-ря: Дис. К., 2003; *Бабару Т. М.* Архівні документи Синайського мон-ря св. Катерини у Єгипті як джерело з історії церкви в Україні: (За наслідками археографічної експедиції 1997 р.) // Рукописна та книжкова спадщина України. К., 2004. Вип. 9. С. 121–128; она же. Реконструкція проєпографічного складу чернечої братії Київського Синайського мон-ря св. Катерини та аналіз джерел // Наукові праці Національної бібліотеки України ім. В. І. Вернадського. К., 2007. Вип. 19. С. 607–624; она же. Киевский Синайский мон-рь св. Екатерины как пример трансформации сакрального пространства в советском гос-ве (1917–1927 гг.) // Религиозные практики в СССР: Выживание и сопротивление в условиях насильственной секуляризации: Междунар. конф. 16–18 февр. 2012 г.: Сб. мат-лов. М., (в печ.); *Комашко Н. И.* О художественных связях Киева и Синайского мон-ря в XVII–XIX вв. // Ист. традиции рус.-сир. культурных и духовных связей: 4-е чт. памяти проф. Н. Ф. Каптерева: Мат-лы. М., 2006. С. 81–87; *Пряхин Ю. Д.* Греки в истории России XVIII–XIX вв.: Ист. очерки. СПб., 2008. С. 117–118.

В. Г. Пидгайко, Д. Б. К.

КИЕВСКИЙ ВО ИМЯ СВЯТЫХ ФЛОРА И ЛАВРА (В ЧЕСТЬ ВОЗНЕСЕНИЯ ГОСПОДНЯ) ЖЕНСКИЙ МОНАСТЫРЬ (Киевской митрополии УПЦ), находится в Кие-

ве, в Подольском р-не. Старейший из действующих киевских жен. мон-рей.

История. Основание К. м. связано с его расположением на Подоле, у подножия Замковой горы, — в адм. и торговом центре города периода Великого княжества Литовского (XIV–XVI вв.). К. м. известен с XVI в., когда наблюдалась тенденция к увеличению числа правосл. обителей в Великом княжестве Литовском на фоне усиления религ., политического, эко-

номического влияния католической Польши. Среди основателей мон-ря были местные магнаты (правосл. князья Ольшанские и Острожские), которые по праву «подаванья» могли передавать обители во владение частным лицам. Первое письменное свидетельство о К. м. — подтверждающая грамота 1566 г., выданная на владение им прот. Иакову Гулькевичу и подписанная кор. Сигизмундом II Августом (Малиженевский). 2010. С. 213–214). Текст документа освещает предшествующие события, когда киевский воевода кн. К. К. Острожский передал К. м. в пожизненное владение Иакова Гулькевича. Неск. лет спустя прот. Иаков обратился к королю с просьбой о переводе обители в наследственную собственность, чего и добился упомянутой грамотой.

К. м. был заложен на неблагоприятном в геологическом отношении грунте, незадолго до того заболоченном, у подножия оползневого склона, на замковой земле, граничившей с участком, подконтрольным католич. епископу. Замок, служивший резиденцией литов. воевод и наместников, находился на вершине горы, за к-рой закрепилось неск. исторически обусловленных топонимов (Замковая, Киселёвка, Флоровская, иногда Княжья гора, отождествляется также с летописной Хоревией). К. м. занял небольшую территорию у ее подошвы, а напротив него, на епископском участке, до сер. XVII в. находился доминиканский мон-рь свт. Николая Чудотворца.

Основание К. м. на замковой земле, подведомственной киевскому воеводе, объясняется не только духовными, но и экономическими причинами. Получение Киевом в кон. XV в. Магдебургского права повлекло за собой выведение из юрисдикции администрации Киевского замка мн. прибыльных объектов, значительно уменьшило влияние воевод и наместников на жизнь горожан, их контроль над торговлей. В то же время церковные структуры независимо от конфессиональной принадлежности пользовались определенными привилегиями. Напр., К. м. собирал налог с мешан, торговавших скотом и продовольственными товарами на Подольском рынке (Каталог документів з історії Києва XV–XIX ст. / Упоряд.: Г. В. Боряк, Н. М. Яковенко. К., 1982. С. 80). На Руси мученики Флор и Лавр счита-

лись защитниками от «губительного мора скотов», с чем, возможно, связано нехарактерное для Киева посвящение мон-ря. Т. о., опосредованно, удерживая обитель под своим патронатом, администрация замка сохраняла влияние и на торговлю горожан.

Ситуация вокруг К. м. усложнилась после заключения *Брестской унии* (1596) и особенно после кончины кн. Константина Острожского (1608),

Киевский
во имя святых Флора и Лавра
жен. мон-рь.
Фотография. 2013 г.

когда администрацию Киевского замка стали возглавлять преимущественно католики. В это время церковный раскол коснулся и семьи владельцев мон-ря. Один из внуков Иакова Гулькевича, бобруйский прот. Федор, присутствовал на Соборе духовенства в Новогрудке (янв. 1596) среди сторонников унии, а другой постригся в монахи с именем Иоанн в Киево-Печерской обители. В 1-й пол. XVII в. фиксируются дарения или перевод монастырей, состоявших в семейном владении, под протекторат печерского архимандрита с целью удер-

Киевский
во имя святых Флора и Лавра мон-рь
на плане И. Ушакова. 1695 г.

жать их в лоне правосл. Церкви. В 1642 г. потомок Гулькевича мон. Иоанн дарственной записью на имя игум. Агафии (Гуменицкой) и сестер К. м. отказался в пользу обители от своих прав с условием «однак при

вере старожитний, греческой православнии церкви восточное» оставаться (*Малиженовский*. 2010. С. 217), и, как уточнялось в подтвердительной грамоте 1646 г., «законницы регулы святого Василия вызнана веры греческой» после смены патрона находились под «протекциею и урядом духовным велебного в Господе Бозе Архимандрита Печерского теперешняго (Петра (Могила)).— Авт.) и за часом будучого» (Там же. С. 223–224). Бывш. владелец отказал-

ся от своих прав на монастырь, но вместе с тем обещал ему в случае любого посягательства защиту в судах собственными средствами и, более того, закрепил это обязательство за своими родственниками, гарантией чему стал крупный денежный залог (1 тыс. литов. коп).

Трудами игум. Агафии мон-рь был благоустроен, его территория расширена за счет покупки и пожертвованной соседних участков. Киевский судья Федор Гуменицкий, родной брат игум. Агафии, передал наследицам право пользоваться доходами от своих имений в селах Вишенки, Вел. и М. Дмитровичи, к-рые вскоре оказались в полном распоряжении мон-ря. Царские грамоты и гетманские универсалы подтверждают, что во владении К. м. со 2-й пол. XVII в. находились также села Яблонька, Сеньковка, Старица. Одно-временно в пользу К. м. сложились и политические условия. Находившийся рядом с обителью Николаевский костел (с 1640 каменный, тогда как ансамбль К. м. оставался деревянным) в ходе войны под предводительством Б. М. Хмельницкого (1648–1654) пришел в запустение, а в кон. XVII в. на месте бывш. доминиканского кляштора основали правосл. муж. мон-рь во имя апостолов Петра и Павла (не сохр.).

В 1711 г. в Нижний город (на Подол и Плоское), в киевские Флоровский и Иорданский во имя св. Николая Чудотворца мон-ри, с Печерского местечка и Верхнего города были переведены монахини 2 жен. обителей — Печерского Вознесенского и киевского Златовер-

хого во имя арх. Михаила мон-ря, находившихся в подчинении Киево-Печерскому мон-рю (НБУВ ИР. Ф. 301. Д. 216 П. Л. 20 об.— 21 об.). Лаврская земля, на к-рой остались каменные церкви и др. капитальные строения Вознесенской обители, отошла военному ведомству в период Северной войны (1700–1721) в связи с планами возведения Печерской крепости (заложена имп. Петром I в 1706). Встречается также др. датировка перемещения — 1712 г., что могло быть связано со сложностью расселения общины Вознесенского мон-ря в короткие сроки на новом месте. Нек-рые монахини оставались при каменной Вознесенской ц., выстроенной незадолго до отчуждения лаврской земли под Печерскую крепость в 1705 г. игум. Марией Магдалиной (Мазепой) (мать гетмана И. С. Мазепы, в девичестве Мокиевская). Даже при ее преемницах — родственницах, правивших уже в К. м. на Подоле, Марии Магдалине (Мокиевской) (с 1709 игуменья Вознесенского, а затем, до 1737,— объединенного Флоровского Вознесенского мон-ря) и Памфилии (Мокиевской) (игуменья в 1737–1739) — на территории бывш. Печерского жен. мон-ря хранилась часть его казны и архива. Участок жен. Златоверхо-Михайловской обители с деревянными постройками, примыкавший к одноименному муж. мон-рю, был оставлен в распоряжении последнего. Хотя михайловских сестер перевели на территорию Иорданского Николаевского жен. мон-ря, игуменья и наместница, взяв с собой казну и часть ризничных вещей, поселились в К. м. (*Лебединцев*. 1884. С. 241–243). Решения по перемещению монашеских общин в Киеве принимались генерал-губернатором Д. М. Голицыным сразу после окончания эпидемии чумы (март 1710 — янв. 1711). Сокращение числа монашествующих стало дополнительным основанием для объединения жен. общин. Сестры, перемещенные из Печерского местечка и Верхнего города, ожидали выделения участков для строительства на новом месте. Михайловские монахини вскоре получили недалеко от Иорданского Николаевского монастыря землю под строительство обители во имя ап. Иоанна Богослова. В то же время решение по поводу Нововознесенского (Вознесенского) монастыря

затягивалось. После выхода «Духовного регламента» (1721) и «Прибавлений...» к нему (1722) обозначилась тенденция к объединению мон-рей и сокращению их числа. Вознесенские сестры продолжали проживать на территории К. м., который изначально считали временным пристанищем. Несмотря на трудности, возникшие во взаимоотношениях между старожилами К. м. и вознесенскими монахинями, происходившими из знатных родов и привыкшими к особым привилегиям, объединение общин облегчало их подчинение архимандриту Киево-Печерской лавры. Такое положение изменилось лишь в 1771 г., когда по принципу церковно-адм. деления города К. м. был переведен в юрисдикцию Подольской протопопии (Крайня. 2012. С. 76–86).

Несмотря на судебные тяжбы по поводу нек-рых имений бывш. Вознесенского мон-ря, связанные в основном с приобретениями их в период гетманства Мазепы и игуменства его матери, объединение с мон-рем прибавило к флоровским владениям села Ходосовка, Бугаевка, Берков (Берковец), Русанов, Подгорцы и др. (всего до секуляризации 1786 г. К. м. принадлежало 12 сел и 8 хуторов). На территории К. м. в отличие от др. жен. мон-рей Киева развернулось каменное строительство. Из Вознесенского во Флоровский мон-рь перешли искусные мастерицы-златошвей. Драгоценные церковные ткани пополнили его ризницу. Часть их сохранилась в музейных коллекциях, и в XXI в. изделия школы золотшвейного искусства обители представлены в экспозиции.

Подчинение К. м. печерскому архимандриту имело большое значение для сестер, искавших монашеского пострига вблизи такой святыни, как Киево-Печерская лавра. До перемещения вознесенских насельниц на Подол самым территориально близким к лавре оставался Вознесенский мон-рь (располагался напротив ее св. ворот), где подвизались монахини из самых именитых родов. С 20-х гг. XVIII в. эту тенденцию следует отнести уже к К. м., состав к-рого пополнили вознесенские монахини. Со 2-й пол. XVIII в. состав К. м. увеличивался за счет поступления в обитель женщин знатного происхождения из Великороссии. Почти одновременно монахинями обители стали кнг. Наталия Долгорукова (в девичестве гр. Шереметева,

Рака с мощами прп. Елены (Бехтеевой).
Фотография. 2013 г.

в постриге Нектария; † 1771) и Татьяна Горчакова (в девичестве княжна Морткина, прапрабабушка Л. Н. Толстого, в постриге Афанасия; † 1781). Не позднее 1760 г. в К. м. приняла постриг прп. *Александра Дивеевская* (Мельгунова).

После реформы 1786 г. в Киевской епархии осталось 4 жен. мон-ря, в т. ч. и К. м. По штату флоровским сестрам полагалось жалованье в 2409 р. 80 к. Из прежних земельных владений за монастырем остались ок. 100 дес. сеножатной земли, мельница в с. Хамбикове и пруд в с. Ходосовка. На рубеже XVIII и XIX вв. решилась судьба киевских Иоанно-Богословского и Иорданского Николаевского мон-рей. Часть монахинь была переведена в *Красногорский в честь Покрова Пресв. Богородицы монастырь* Золотоношского у. Однако многие, согласно рапорту митр. Киевского и Галицкого *Серапиона (Александровского)* от 22 авг. 1808 г., остались в К. м. (РГИА. Ф. 796. Оп. 79. Д. 642. Л. 1, 4). С 1808 г. до основания *киевского в честь Покрова Пресв. Богородицы женского мон-ря* в 1889 г. К. м. был единственным действующим в Киеве жен. мон-рем.

Реформа имп. *Екатерины II Алексеевны*, в ходе которой сократилось число монастырей, лишила надежды мн. сестер, желавших пострига в Киеве. Дополнительные трудности возникли вслед. пожара 1811 г., уничтожившего кельи насельниц. По сообщению от 12 июля 1811 г. Киевского губ. правления военному губернатору М. А. Милорадовичу, вслед. пожара погибли схимонахи-

ня, 10 штатных монахинь и 12 послушниц (Путова. 2012. С. 326). В рапорте 1820 г. игум. Смарагды (Норовой) поименно указаны 25 погибших насельниц (ЦГИАК. Ф. 127. Оп. 214. Д. 65. Л. 4 об.). Прием на послушание приостановился. Штат обители составляли в основном старожилы Флоровского и закрытых мон-рей. По состоянию на 1786 г., в игуменство мон. Августы (гр. Апраксина, в девичестве кнг. Ягужинская), в обители проживали 71 штатная монахиня в возрасте от 59 до 86 лет и 54 заштатные — от 60 до 83 лет (Там же. Оп. 180. Д. 80. Л. 1–2 об.). Вдовствующая кнг. Прасковья Шаховская (мон. Пульхерия, с 1806 по 1812 игумения) после 8 лет пребывания в К. м. в 1805 г. получила отказ митр. Серапиона в постриге на основании того, что после ликвидации мон-рей в Киевской епархии оставались неустроенными 24 заштатные монахини. Только личное обращение к императору способствовало положительному решению вопроса. Инокня Елена (в миру Екатерина (1756–1834), дочь генерал-майора А. Д. Бехтеева), причисленная в 2009 г. решением Синода УПЦ к лику местночтимых святых Киевской епархии, лишь незадолго до кончины, при митр. Киевском и Галицком *Евгении (Болховитинове)*, удостоилась пострига в К. м. Она приехала в Киев из Воронежской губ. для поступления на послушание в К. м., но как не состоявшая в штате мон-ря была вынуждена покинуть город после пожара 1811 г. В 1817 г. Бехтеева вместе с Елизаветой Придорогиной, дочерью «именитого воронежского гражданина», вновь поступила на послушание в К. м. и с разрешения начальства построила на собственные средства кельи, которые после ее смерти должны были остаться в собственности монастыря (ЦГИАК. Ф. 167. Оп. 1. Д. 65. Л. 15–17, 54–54 об.).

До нач. XIX в. кельи и хозяйственные сооружения К. м. были деревянными, сохранялось их размещение на территории обители, сформировавшееся еще в XVII в. К югу от соборной площади находилось хозяйственное подворье. К северу, сразу за оградой, начиналось кладбище приходской Васильевской ц. Теснота и неудобство расположения монастыря подтолкнули монахинь к обращению по поводу возможности перемещения обители ближе к лавре,

возле Печерской крепости. Это совпало с планами благоустройства Подола, в частности с заменой всех деревянных строений мон-ря каменными. В связи с тем что в Российской империи не было ни одного жен. мон-ря, к-рый отвечал бы по своим условиям статусу лиц из высшего общества, желавших принять постриг, в 1804 г. на уровне Мин-ва внутренних дел, Киевского губ. правления и митрополии рассматривал-

Вид мон-ря
во имя святых Флора и Лавра.
2-я пол. XIX в.
Литография В. Барштова

ся вопрос о возможности перемещения флоровских сестер в более удобно расположенный мон-рь в Киеве. Самым приемлемым вариантом был признан обмен местами проживания общин: братия Пустынно-Никольского муж. мон-ря должна была переселиться во Флоровский мон-рь, уступив свой жен. общине этой обители. Составление планов и смет расходов на каменное строительство во Флоровском и Никольском мон-рях было поручено городовому архитектору Киева А. И. Меленскому. Однако Киевский митр. Серапион (Александровский) не поддержал эту идею. Новая игум. Пульхерия (Шаховская) присоединилась к мнению архиепископа и доложила о решении основных проблем К. м., связанных с водонасыщенностью грунтов и сезонными оползнями, а именно: с проведением труб, окружением церквей каналами, выведенными за св. ворота в «большой городской канал». Рынок же, находившийся за колокольной при входе в мон-рь, ко времени составления рапорта уже был перенесен на др. место (ЦГИАК. Ф. 127. Оп. 198. Д. 48. Л. 2–10, 55–56 об.). И все же описание монастырской застройки 1810 г., плохого состояния старых деревянных келий с учетом пополнения в 1808 г. обители сестрами выведенного за пределы Киева Иорданского монастыря подтверждает нехватку территории и сопряженные с этим неудобства (на

тот момент в монастыре проживало 300 чел.). 10 келий были построены на склоне горы, за пределами ограды. Игум. Пульхерия считала, что расширить территорию мон-ря можно лишь за счет присоединения погоста Васильевской ц. (в 1715 это же место как одно из приемлемых для строительства Нововознесенского мон-ря рассматривали переделанные из Печерского местечка монахини). Из-за большого строительства, развернувшегося в Киеве, расширение территории и возведение каменных келий в К. м.

было отложено до 1812 г. Естественный ход событий был нарушен пожаром, охватившим весь

Подол в июле 1811 г., а также корректировкой планов строительства в связи с начавшейся *Отечественной войной 1812 г.* С пепелища флоровских монахинь эвакуировали на территорию Пустынно-Никольского мон-ря, братию к-рого в спешном порядке перевели в помещения Киево-Печерской лавры. Никто не ожидал восстановления К. м. на прежнем месте. Однако в янв. 1812 г., при обсуждении планов подготовки Печерской крепости к возможному нападению наполеоновских войск, генерал-майор И. А. Глухов предложил снести Пустынно-Никольский монастырь. Вышел соответствующий тайный приказ имп. Александра I, и одновременно из казны были выделены деньги на ускоренное восстановление К. м. Новый проект отличался от первоначального проекта Меленского: вместо каменных корпусов спешно возвели 4 деревянных жилых здания, в к-рые уже в апр. 1812 г. переехали флоровские монахини. Никольской братии в начале было отдано распоряжение оставаться в лавре, но посылкой имп. Наполеон повел войска сразу на Москву через Белоруссию и Смоленск, то идея разрушения мон-ря около Печерской крепости была забыта.

В XIX в. произошло значительное расширение территории обители: с юга был присоединен участок сгоревшей в 1811 г. т. н. казачьей Васильевской ц., с запада — прилегаю-

щий склон с вершиной горы, имеваемой Киселёвка (по имени киевского воеводы А. Г. Киселя, к-рый последним жил на горе с 1649 по 1652). Т. о., мон-рь получил возможность контролировать состояние оползневого склона и укреплять его, прежде всего насаждением деревьев (сохр. остатки монастырского сада). С сер. XIX в. началось использование вершины горы под монастырское кладбище. Отсюда происходит ее последнее название — Флоровская. На расширенной территории К. м. началось интенсивное строительство. Одновременно обитель выполняла социальные задачи: содержала богадельню (до 100 мест), больницу (до 10 мест) и уделяла большое внимание развитию духовного образования, на к-рое во 2-й пол. XIX в. было выделено 10 тыс. р. В 1870 г. игум. Парфения (Адабаш) открыла церковноприходскую школу, фактически приют для девочек-сирот (в разные годы от 35 до 50 чел.), большинство из них жили на полном содержании мон-ря. Для этой цели в 1869 г. дочерью статского советника Елизаветой Матвеевой, желавшей принять монашеский постриг, был выкуплен и пожертвован мон-рю деревянный с каменным цоколем дом при входе в обитель (Там же. Оп. 758. Д. 672. Л. 7). Преподавателями церковноприходской школы были игум. Парфения, свящ. Федор Маниковский, составивший одну из первых книг об обители — «Историко-статистическое описание Киево-Флоровского Вознесенского женского монастыря» (1894) и обучавший детей Закону Божию.

Внутренняя жизнь обители и путь, приводивший в нее сестер, отчасти раскрывались в лит. творчестве монахинь. Наиболее известными стали мемуары мон. Нектарии (Долгоруковой), написанные в К. м. перед принятием схимы в 1767 г., сборник стихов игум. Парфении (Адабаш) (1875), менее известно ее авторство Службы святым Кириллу и Мефодию, «Сказания о жизни и подвигах старца Киево-Печерской Лавры иеросхим. Парфения» (Парфения (Краснопевцева), духовника игум. Парфении).

На 1 янв. 1880 г. в К. м. числилось 52 монахини, 152 послушницы и 331 вольнонаемный работник, в 1906 г. — 911 чел., а в 1914 г. — 1 тыс. чел. (вместе с жившими за пределами ограды монастыря в Киеве и на хуторах) (ЦГИАК. Ф. 167. Оп. 1. Д. 800. Л. 91,

129 об.). В 1918 г. на территории обители, на хуторах, в уч-ще, гостиницах мон-ря насчитывалось 569 чел., из них 130 монахинь и 78 послушниц.

Во время пожара 1895 г. сгорела церковноприходская школа. Ее работа возобновилась лишь в 1905 г. и продолжалась до 1919 г., когда вышло постановление о закрытии духовных школ. К северу, при входе в мон-рь, от школьного подворья сохранились фрагменты деревянной ограды. На плане монастырского подворья 1919 г. в сравнении с планом 1895 г. видны результаты деятельности игум. Евпраксии (Артеменко), к-рая помимо строительства новых зданий уделяла большое внимание ремонту и украшению церкви. Почти все монастырские здания в период ее управления обителью (1899–1919) были электрифицированы, проведен водопровод на Флоровскую гору, где находилось кладбище, совершались богослужения в Троицкой ц. Монахини ухаживали за декоративными растениями, высаженными на прилегавшем к мон-рю склоне и вершине горы, где также находились жилой корпус и оранжерея. В условиях надвигавшейся революции мн. насельникам мон-ря такие усилия игумении казались излишними. Однако ее духовный пример остался в памяти сестер и вызывал глубокое почтение современников. Кенотаф Евпраксии (Артеменко) установлен в сент. 2005 г. у юж. стены Вознесенского храма.

Архитектурный ансамбль К. м. XVII – нач. XX в. включает 4 церкви (Никольско-Тихвинскую трапезную, Вознесенскую, Воскресенскую, Казанской иконы Божией Матери), надвратную колокольню и 15 памятников гражданской архитектуры. Мон-рь занимает прямоугольный в плане огражденный участок (площадь 3, 4 га), вытянутый по оси «север–юг», с расположенными по периметру келейными и хозяйственными постройками.

С XVI и до сер. XVII в., когда Киевский замок был сторожевым постом, деревянные постройки мон-ря страдали от интенсивных оползней, т. к. склоны Замковой горы очищались от растительности для лучшего обзора окрестностей, а на вершине часто велись строительные работы. Первое изображение подпорных стен, удерживавших склон, сохранилось на плане 1695 г. Следующее

свидетельство замены старых крепей на новые относится ко времени поселения в мон-ре кнг. Наталии Долгоруковой (1758), к-рая финансировала строительство 1-й каменной стены с 3 сторон обители и деревянных укреплений по нижней части горы.

Адм. подчинение киево-печерскому архимандриту с сер. XVII в. обусловило связь развития архитектурного ансамбля К. м. со строительными программами лавры. План Киева 1695 г. отображает сходство композиционного решения ансамблей Вознесенского и Флоровского мон-рей. Вероятно, каменное строительство в К. м. не опережало подобную же застройку в границах Печерского местечка, принадлежавшего лавре, поэтому самая ранняя каменная трапезная церковь К. м. скорее всего была построена после появления аналогичных трапезных Никольской ц. Троицкого Больничного мон-ря и Покровской ц. Вознесенского Печерского, возведенных между 1695 и 1700 гг. Нижний и верхний алтари Флоровской трапезной церкви были освящены соответственно во имя ап. Иоанна Богослова и св. блгв. кн. Александра Невского. Масштабное строительство 2-й пол. XVIII в. связано в обители с постригом кнг. Наталии Долгоруковой. В 1758 г. наряду с финансированием строительства оград она позаботилась о ремонте трапезной церкви и об устройстве там престола мучеников Флора и Лавра (1759), которого не было в мон-ре со времени возведения Воз-

несенской ц., к-рая заменила главный храм обители, пострадавший от пожара 1718 г. Престол был освящен на месте бывш. Александро-Невского придела; в 1819 г. Флоро-Лавр-

Колокольня Киевского во имя святых Флора и Лавра мон-ря. Фотография. 2013 г.

ский престол был перенесен на нижний этаж, а сверху устроен придел в честь Тихвинской иконы Божией Матери. С тех пор за трапезной церковью закрепилось название Флоро-Лаврской, которое употреблялось даже после перенесения этого престола в 1844 г. в боковой придел Казанской ц. Место алтаря мучеников Флора и Лавра некое время использовалось под ризницу. В 50-х гг. XIX в. там был устроен придел свт. Николая Мирликийского и трапезная церковь стала называться Никольско-Тихвинской. После пожара 1811 г. архит. Меленский, восстанавливая храм, сохранил его барочную стилистику. Помещение собственно трапезной под прямым углом примыкает к одноглавому храму с 5-гранной апсидой.

После объединения К. м. с богатым Вознесенским мон-рем началось строительство каменных зданий. Так, игум. Марией Магдалиной (Мокиевской) на месте сгоревшего в 1718 г. деревянного храма св. муче-

Никольско-Тихвинская трапезная церковь. Фотография. 2013 г.

ников Флора и Лавра с боковыми приделами в честь Вознесения Господня и Успения св. Анны была построена каменная Вознесенская ц. (1722–1732). В 1740–1741 гг. игум. Анастасией (Перевисской), также постриженицей Печерского Вознесенского монастыря, возведена каменная колокольня. Упомянутые сооружения, расположенные по

оси «запад—восток», в историческом центре архитектурного ансамбля К. м. заменили деревянные. Пережив неск. реконструкций, они и сегодня определяют архитектурный облик обители, а колокольня и Вознесенская ц. наряду с недавно восстановленным Казанским храмом являются вертикальными доминантами ансамбля.

Вознесенская ц., в наст. время 2-престольная, в конструктивном отношении восходит к образцам деревянных крестообразных в плане церквей укр. барокко. Это 4-угольное в плане 3-нефное сооружение базиликального типа, немного вытянутое с запада на восток (35×28 м, высота ок. 35 м), завершено 3 апсидами с востока и 3 папертями с входными дверями — с запада, севера и юга. Неизвестный архитектор, очевидно, следовал вкусам игум. Марии Магдалины (Мокиевской), заказчицы постройки. Неслучайным представляется сходство композиционного решения храма с Феодосиевской ц. в Печерской крепости напротив лавры (каменная приходская церковь, построенная на пожертвования полковника К. М. Мокиевского в 1768–1769), напр. аналогичное расположение 3 куполов по оси «восток—запад» с более крупным средним куполом. За время существования храма купола грушеобразной формы, увенчанные крестами с сиянием, покрывались позолотой, перекрашивались в зеленый цвет, декорировались золочеными звездами. Внутри храм 6-столпный, 2-ярусный: верхний этаж с открытым над центральным нефом пространством имеет в зап. части хоры, а в северной и южной — приделы. Церковь оставалась однопрестольной до нач. 70-х гг. XVIII в., когда в ней появились боковые алтари Всех святых на хорах справа и Ахтырской иконы Божией Матери слева. В 1777 г. в вост. части юж. нефа был освящен престол Собора Пресв. Богородицы. Параллельно ему в сев. нефе устроили ризницу. С этого времени Вознесенский собор функционировал как 4-престольный (ЦГИАК. Ф. 127. Оп. 699. Д. 46. Л. 4). Барочная отделка храма после восстановления в 1817 г. не претерпела изменений.

В июле 1757 г. на средства мон. Нектарии у самого подножия горы было завершено возведение деревянной ц. Воскресения Господня с колокольней и кельями. Фактически это

Интерьер церкви в честь Вознесения Господня. Фотография. 2013 г.

была домовая церковь княгини-монахини (после ее смерти — монастырская «больничная»). В 1811 г. церковь сгорела. В 1824 г. по плану архит. Меленского на пожертвования А. Р. Чернышевой она была отстроена в камне в виде купольной ротонды. Она была украшена колоннадой, к сев. и юж. сторонам пристроили кельи.

После пожара в ограду К. м., выстроенную Меленским в 1817–1820 гг., был включен погост сго-

Церковь в честь Воскресения Господня. 1824 г. Фотография. 2013 г.

ревшей ц. свт. Василия Великого. На месте престола этого храма долгое время стоял памятный знак. В 1827 г. рядом возвели каменную богадельню (ныне жилой корпус № 6). На плане 1816 г. с указанием новых и старых границ (до пожара)

заметно выравнивание границ монастырской территории, приблизившейся по форме к прямоугольнику. Меленский бережно подошел к восстановлению Вознесенской и трапезной церквей, отреставрировав их в стиле барокко. Тщательно обследовав надвратную колокольню, он пришел к выводу, что лишь ее нижний ярус (нач. 40-х гг. XVIII в.), в котором были отмечены черты готического стиля, можно оставить в основе требовавшего реконструкции сооружения. Верхние ярусы колокольни, замененные еще в кон. XVIII в. деревянными, сгорели и, восстановленные по проекту Меленского, приобрели классицистические формы. Подрядчики В. Сериков и П. Кукунин, работавшие над возведением колокольни в 1819–1821 гг., упростили первоначальную идею архитектора: напр., не воспроизвели на фасаде при входе в мон-рь лепное изображение «Всеядящего Ока» и живописные образы святых. Колокольня 4-ярусная: нижний ярус квадратный в плане, с 2 кельями и со св. воротами; на 3-м размещались колокола; на 4-м ярусе, высоком, с круглым в плане барабаном с 4 световыми окнами, находились часы, к-рые не работали уже в кон. XIX в. Долгое время сооружение страдало от отсутствия водоотводных конструкций, и приходилось часто штукатурить и белить стены. Лишь в 1844 г. были установлены жестяные желоба и трубы для отвода дождевой воды. Последний капитальный ремонт сооружения был проведен в 1900 г., когда позолотили купол и звезды на шпиле.

По проектам Меленского в монастыре построили дом игумении (1818–1819) на месте сгоревших покоев к юго-востоку от Вознесенской ц., жилой корпус (по совр. нумерации № 11), вначале задуманный как «новая трапезная», и гостиницу — в юго-западной части монастырского подворья у подножия горы. Жилой корпус спроектирован в 1824 г., но выстроен с изменениями в 1838–1839 гг. (Дегтярьов, Крайня. 2011. С. 1696). Его часто называют «дом Чернышевой» по имени благодетельницы, пожертвовавшей средства на строительство. Наряду со старым домом игумении это одно из лучших сооружений гражданской архитектуры на территории мон-ря: 2-этажное здание, прямоугольное в плане, вытянутое

с севера на юг, украшенное в северо-вост. части полукруглием колоннадой, поддерживающей портик. Выполненные в стиле классицизма строения обогатили новыми формами архитектурный ансамбль мон-ря. Дополнением стали 8-колонные ротонды над колодцами, деревянные на каменном фундаменте, симметрично размещенные Меленским в 20-х гг. XIX в. по обе стороны от зап. фасада Вознесенской ц. (не сохр.).

В 1841–1844 гг. по проекту архит. П. И. Спарро в центре бывш. хозяйственного подворья был сооружен самый значительный по размерам в ансамбле К. м. Казанский храм в русско-визант. стиле, преобразивший юж. часть территории, т. н. черный двор. Между Вознесенской и Казанской церквами был разбит сквер. Кроме главного престола в церкви были освящены перенесенные из трапезной ц. престолы ап. Иоанна Богослова (северный) и св. мучеников Флора и Лавра (южный). В предалтарной части с правой стороны находилась монастырская ризница. Единственный купол Казанского храма размещен над его вост. частью. В 1906 г. епархиальный архит. Е. Ф. Ермаков составил проект замены деревянного купола железным и смету расходов на проведение этих работ. Обновленный верх церкви был выкрашен медянкой и декорирован золочеными звездами.

В позднеклассицистических формах архит. Спарро был сооружен корпус № 7 (1847), каменная ограда на Флоровской горе (кон. 40-х — нач. 50-х гг. XIX в.) и корпус № 10 (1856–1859). В 1860–1862 гг. Спарро построил по проекту инженера Н. Духонина звонницу и трапезную Воскресенской ц. Ряд памятников гражданской архитектуры на территории монастыря, появился благодаря пожертвованиям вдов, которые желали провести остаток дней в мон-ре, не принимая пострига. Это дома капитанши Н. А. Аммосовой в юго-зап. части обители — каменный, одноэтажный, спроектированный Меленским; купчихи М. К. Ерофеевой — деревянный флигель, построенный в кон. XIX в., позднее обложенный кирпичом; генеральши А. А. Ротт, которая провела в монастырском корпусе последние 5 лет жизни (1883–1888) и внесла 7 тыс. р. серебром на строительство 2-этажного кирпичного здания (28 келий), поныне называемого «домом гене-

ральши Ротт» (корпус № 4, архит. В. Н. Николаев). Николаев построил также больничную Михайловскую ц. (1895–1897) с 2-ярусной звонницей (1901), Ермаков — келейный корпус № 2 (1902). В результате в ансамбле К. м. отразилась смена архитектурных стилей — от барокко до модерна. К нач. XX в. он включал более 40 жилых корпусов (каменных и деревянных), надвратную колокольню и 5 церквей с 12 престолами. В застройке исторического ядра сохранялась преемственность: новые каменные сооружения возводились на месте предшествовавших деревянных XVII–XVIII вв. и повторяли их функциональное назначение.

В советский период благодаря включению в 60-х гг. XX в. ряда построек в реестр охраняемых гос-вом памятников архитектуры центр монастырского ансамбля с 3 церквами и колокольней, а также сев. часть с жилыми помещениями (памятниками гражданской архитектуры XIX — нач. XX в.) сохранились достаточно хорошо. В преддверии празднования 1000-летия Крещения Руси в К. м. были проведены ремонтно-реставрационные работы Научно-исследовательским ин-том «Укрпроектреставрация». Однако наружный вид Вознесенской ц. и колокольни искажены разрушением подлинных завершений (кресты были сняты еще в 30-х гг. XX в.) и вынужденной заменой куполов в 1945–1946 гг. шлемовидными, упрощенными в сравнении с барочными. Изменение облика доминирующих сооружений сказалось на ансамбле в целом. Наиболее пострадала юж. часть мон-ря. Значительные усилия потребовались для восстановления Казанской ц., к-рая не включалась в реестр памятников архитектуры, долгое время использовалась не по назначению и была возвращена мон-рю только в 1990 г.

Кладбищенский комплекс почти полностью утрачен в советский период. К нач. XX в. в ограде К. м. погосты располагались у каждого из 5 монастырских храмов. Старейшими были кладбища у Трапезной и Вознесенской церквей, уничтоженные в советское время. Возле 1-й сохранилось лишь погребение 1924 г. еп. Феодора (Власова). У алтарной стены Вознесенской ц. находится каменная надгробная плита, предположительно XVIII в., надпись на к-рой не прочитывается. По письменным

источникам доподлинно известно о захоронении у стен этого храма 3 игумений обители: Каллисфены (Милославской; † 1785), Августы (Апраксиной; † 1804) и Пульхерии (Шаховской; † 1812). Из 25 погребений настоятельниц, о которых имеются документальные данные от 20-х гг. XVII до 20-х гг. XX в., на территории К. м., включая кладбище на горе, найдено 10 погребений.

Самый большой погост у подножия Киселёвки сформировался близ Казанской ц. В связи с его быстрым увеличением вокруг храма постепенно сносились монастырские хозяйственные постройки. Здесь были похоронены игумении мон-ря Иувеналия (Михайлович), Серафима (Вонлярлярская), Парфения (Адабаш), профессора КДА А. Л. Штрогофер, П. А. Лашкарёв, В. Ф. Певницкий, А. А. Олесницкий, М. А. Соколов, князя С. И. Мещерский, И. Д. Ширинский-Шихматов и др.

Присоединенный в 1834 г. участок на горе вначале был обнесен деревянной оградой, к-рая постепенно с кон. 40-х гг. XIX в. была заменена каменной. На вост. склоне посажен сад. По проекту архит. Спарро в 1855–1857 гг. на вершине горы возвели храм во имя Пресв. Животворящей Троицы и в честь Ахтырской иконы Божией Матери. Крестово-купольная церковь в русском стиле была увенчана 2 куполами: большим — посредине и меньшим — над притвором в зап. части, где находилась колокольня с 6 колоколами. Высота и длина церкви составляли ок. 22 м, ширина — 15 м.

С северо-зап. стороны церкви одновременно с ней был построен одноэтажный каменный дом.

В 1858–1859 гг. было завершено устройство достаточно широкой дороги к вершине горы. До ее появления в большинстве случаев монахини продолжали погребать на горе Щекавица, на общем с мирянами кладбище. В 1861 г. игум. Агния согласовала с Киевской духовной консисторией вопрос о возможности захоронения мирян на Флоровском кладбище у Троицкой ц. Здесь наряду с духовными лицами похоронены мн. горожане, в т. ч. известные ученые, писатели, общественные деятели, инженеры, врачи, благотворители, среди которых профессора КДА и Киевского университета св. Владимира Н. И. Петров, С. Т. Голубев, О. М. Новицкий, Н. Д. Иванишев,

кн. А. Г. Баратов. Один из постоянных прихожан и благотворитель, В. И. Хомяков (похоронен к югу от Казанской ц.), установил на горе, на высоком пьедестале с юж. стороны от церкви, 8-метровый заметный издалека крест.

Проекты превращения горы в зону отдыха, к-рые впервые появились

Церковь во имя Св. Троицы на кладбище.
Фотография. 1890 г.

в сер. 30-х гг. XX в. и попытки начать их воплощение нарушили порядок, сложившийся благодаря упорному труду монахинь обители. После отчуждения земли от К. м., уничтожения Троицкой ц. за несколько десятков лет территория пришла в полное запустение. От кирпичной стены остались отдельные фрагменты. Оползневые процессы довершают деструктивную работу. При этом на горе сохранилась часть захоронений, надгробий и их фрагментов. Среди них — один из первых памятников с могилы вдовы статского советника А. М. Матвеевой († 20 дек. 1861) — матери благодетельницы Елизаветы Матвеевой, выкупившей дом для церковноприходской школы мон-ря.

8 дек. 2012 г. началось перезахоронение во Флоровском мон-ре останков, извлеченных во время археологической экспедиции 2005–2007 гг. Ин-та археологии НАН на территории бывшего рядом с Киево-Печерской лаврой Вознесенского жен. мон-ря. Перезахоронение совершено по благословению митр. Киевского и всея Украины Владимира (Сабодана) и игум. Антонии (Филькиной).

1919–2013 гг. После выхода декрета «Об отделении церкви от государства и школы от церкви» (1918), реализация к-рого на Украине началась в 1919 г., чиновники совместно с представителями мон-ря составили инвентарные описи имущества. За этим последовало изъятие ценностей и отчуждение недвижимой собственности. Среди утрат этих лет —

чудотворная Рудневская икона Божией Матери, отправленная в драгоценную ризу из красного жемчуга. Чудотворения от иконы зафиксированы в местечке Рудня близ Чернигова, откуда икона была перенесена в Печерскую Вознесенскую обитель, а затем — в К. м. Снимок чудотворного образа сохранился благодаря публикации в кон. XIX в. (*Маниковский*. 1894). Имелись списки иконы. Серебряный позолоченный оклад одного из таких

списков хранится в Национальном художественном музее Украины. На нем выгравирована характерная для копий надпись: «Подобие Чудотворной иконы Пр(есвя)тыя Б(огороди)цы Рудневския» (НХМУ. Инв. № XII–185).

В янв. 1923 г. монастырские храмы были переданы сторонникам «*Живой церкви*», однако воспользоваться полученными правами последние не успели. Трапезная вскоре была отдана в пользование фабрике грампластинок. Вознесенская ц. постановлением секретариата ВУЦИК в 1931 г. закрыта «під клюб» завода «Ленинская кузница» (ГА г. Киева. Ф. Р–1. Оп. 1. Д. 1733. Л. 9). В сер. 20-х гг. XX в. на территории обители основали «Городок металлистов» с расселением в кельях рабочих с семьями и закреплением в 1926 г. арендных прав за жилищным кооперативом. Богослужения «старославянской» общины продолжались только в Казанской ц. Кладбищенская Троицкая ц. была закрыта в 1927 г. (разобрана в 1938). Монахини по примеру братии Печерской лавры регистрировались как члены ремесленной и сельскохозяйственной трудовых общин. Занимались преимущественно шитьем одежды, обуви, изготовлением одеял, сезонными сельскохозяйственными работами. Сфабрикованное в 1929 г. против монашествующих Киево-Печерской лавры и К. м. уголовное дело (т. н. дело Чехуна), обвиняемых в бытовом убийстве, по к-рому проходили лаврский мон. Евладий (Чехун) и представительница К. м. Любовь (Воронкова) (*Карпенко*. 1929. С. 30–34), послужи-

ло поводом для закрытия обителей. Началось выселение сестер из «жил-коопа».

Однако еще неск. лет после этого сестры собирались на богослужения в Казанском храме, ставшем приходским и закрытом последним из монастырских церквей. В 1934 г., согласно решению Киевского горсовета, его отдали Ленкузне под культурно-просветительное учреждение. В дальнейшем арендаторы мон-ря менялись. В юж. части монастырского подворья, центром к-рого является Казанская ц., возвели ряд сооружений, нарушивших композицию архитектурного ансамбля. В 1934 г. горсовет дал разрешение на строительство там цехов протезного завода (ГА г. Киева. Ф. Р–1. Оп. 1. Д. 6447. Л. 1). К сер. 30-х гг. монахини были выселены с территории обители. Часть оставшихся в Киеве сестер рискнула вернуться в К. м. в 1941 г., в период оккупации города немецко-фашистскими войсками. В это сложное время общину возглавила мон. Флавия (Тищенко). После освобождения Киева в нояб. 1943 г. сестры не ушли из мон-ря и он более уже не закрывался, хотя такие планы существовали в 50–60-х гг. XX в. В 1945–1946 гг. были проведены восстановительные работы в соборе, в 1968 г. — в Воскресенской ц. В 1960 г. из Печерской части Киева в К. м. перевели 58 монахинь закрытого Введенского жен. мон-ря, после чего общая численность насельниц составила 250 чел.

Вернуть прежние границы территории К. м. в послевоенное время не удалось. Богослужения совершались только в Вознесенской ц. Трапезная ц. была объявлена «незаконно используемой под морг» и решением Подольского райсовета в 1962 г. отобрана у монашеской общины для склада райпищеторга (Там же. Оп. 8. Д. 155. Л. 184). В Казанской ц. в кон. 40-х гг. XX в. разместились фабрика детской одежды. Контроль над тем, чтобы не увеличивалось количество прихожан и число монашествующих, борьба с «тунеядством», в к-ром могли обвинить молодых послушниц, институт прописки — все это заставляло искать новые формы выживания монашеской общины. Изменения во внутримонастырской жизни коснулись самых основ традиц. уклада: мн. сестры не могли постоянно находиться в монастырской ограде, поскольку часто проводились рейды

по проверке паспортного режима, а прописку в большинстве своем они получили в пригороде Киева; удлинились ночные богослужения за счет дневных, которые часто невозможно было проводить (большинство сестер находилось на рабочих местах в советских учреждениях — госпиталях, столовых и т. п.). Постриг также совершался в ночное время; днем сестры были вынуждены носить мирскую одежду.

В советский период в К. м., традиционно посещаемом большим количеством паломников и прихожан, из 12 алтарей, находившихся на исторической территории, осталось 2 освященных в Вознесенском храме: главный — в честь Вознесения Господня и боковой, на месте престола в честь Собора Божией Матери, — в честь Казанской иконы Божией Матери. Последнее переосвящение связано с закрытием большой Казанской ц. В кон. 80-х — 90-х гг. XX в. в рамках гос. программы были проведены ремонтно-реставрационные работы в историческом центре мон-ря, начался процесс передачи в аренду монастырской общине нек-рых сооружений. К нач. XXI в. все церковные и гражданские сооружения, к-рые представляют собой памятники истории и архитектуры, после заключения арендно-охранных договоров перешли в пользование К. м. Ряд бывш. корпусов сев. части мон-ря возвращен в его пользование в аварийном состоянии. Здесь же, в частности на бывш. погосте Казанской ц., остаются строения советских предприятий, возводившиеся без учета структуры архитектурного ансамбля. После канонизации инокини Елены (Бехтеевой) на монастырском подворье в с. Гоголев Броварского р-на Киевской обл. устроен и освящен алтарь во имя прп. Елены Флоровской. В селах Киевской обл. имеется 2 подворья, используемые для хозяйственных нужд мон-ря.

К 2013 г. на исторической территории К. м. под рук. игум. Антонии (Филькиной) проживали 193 сестры: 4 схимонахини, 141 монахиня, 2 инокини, 46 послушниц.

Святые. Казанская икона Божией Матери с частицей мощей св. Георгия Победоносца, иконы вмц. Варвары, прп. Иова Почаевского и свт. Феодосия Черниговского также с частицами мощей; в алтаре Вознесенской ц. хранится мощевик с частицами мощей преподобных Печерских и др.

Казанская икона Божией Матери.
Фотография. 2013 г.

угодников Божиих; список чудотворной Почаевской иконы Божией Матери (при входе в мон-рь, на вост. фасаде колокольни); мощи прп. Елены Флоровской в храме Вознесения Господня (обретены 16 авг. 2009).

Арх.: ЦГИАК. Ф. 167: Киево-Флоровский Вознесенский жен. мон-рь, 1745–1921. Оп. 1–3; Ф. 59. Оп. 1. Д. 7775, 7594, 2948; Ф. 127. Оп. 128. Д. 4, 8; Оп. 129. Д. 5; Оп. 136. Д. 35, 74; Оп. 147. Д. 44; Оп. 153. Д. 39, 85; Оп. 154. Д. 59, 60, 71; Оп. 155. Д. 41; Оп. 156. Д. 71; Оп. 158. Д. 48; Оп. 165. Д. 62; Оп. 166. Д. 23, 80; Оп. 179. Д. 75; Оп. 180. Д. 80; Оп. 190. Д. 84; Оп. 196. Д. 202, 211; Оп. 198. Д. 48; Оп. 200. Д. 104; Оп. 207. Д. 49, 69; Оп. 213. Д. 163; Оп. 214. Д. 65, 92; Оп. 215. Д. 71; Оп. 221. Д. 50; Оп. 223. Д. 218; Оп. 352. Д. 92; Оп. 639. Д. 405; Оп. 699. Д. 46, 658; Оп. 705. Д. 776; Оп. 758. Д. 672; Оп. 764. Д. 485; Оп. 768. Д. 322; Оп. 798. Д. 87; Оп. 805. Д. 105; Оп. 813. Д. 182; Оп. 817. Д. 21; Оп. 819. Д. 271; Оп. 828. Д. 24; Оп. 833. Д. 24; Оп. 855. Д. 73; Оп. 860. Д. 285; Оп. 868. Д. 204, 588; Оп. 873. Д. 392; Оп. 998. Д. 181, 196, 284; Оп. 1006. Д. 6; Оп. 1021. Д. 40; Оп. 1024. Д. 1139, 1484; Оп. 1033. Д. 32; Оп. 1056. Д. 487, 519; Оп. 1076. Д. 8, 54, 76; Ф. 128: Киево-Печерська лавра, 1699–1924 рр. Оп. 1общ. Д. 118, 119, 152, 266, 309; Оп. 1 обще-мон. Д. 1576. Спр. 566; Ф. 442. Оп. 1. Спр. 9286; Ф. 533. Оп. 1. Д. 782; Ф. 711. Оп. 1. Д. 4323; НБУВІР. Ф. 160. № 242, 243, 438, 451, 2363; Ф. 285. № 6996; Ф. 304. № 805; ГА г. Києва. Ф. 19. Оп. 1. Д. 77, 2525; Ф. 163. Оп. 41. Д. 4947; ГА Киев. обл. Ф. 41. Оп. 1. Д. 1303; Оп. 3. Д. 31; Ф. 42. Оп. 3. Д. 4276; Ф. Р–862. Оп. 1. Д. 16, 38; РГИА. Ф. 796. Оп. 77. Д. 262; Оп. 79. Д. 642; Ф. 797. Оп. 1. Д. 2297, 2849; Оп. 2. Д. 5132, 5138, 5284; Ф. 799. Оп. 33. Д. 555; РГАДА. Ф. 18. Оп. 1. Д. 190; Ф. 124. Оп. 6. Д. 197; Ф. 248. Оп. 1. Д. 531.

Ист.: Грамота Жигмонта Августа: (О Киево-Флоровском мон-ре) / Сообщ.: прот. П. Ле-

бединцев // ТКДА. 1860. № 1. С. 259–260; «Запись»: (Дарственная грамота Киево-Флоровскому мон-рю) / Сообщ.: прот. П. Лебединцев // Там же. С. 261–264.

Лит.: Лебединцев П., прот. Ист. заметки о Киево-Флоровском мон-ре. 1884. № 10. С. 227–253; Маниковский Ф., свящ. Ист.-стат. описание Киево-Флоровского Вознесенского жен. мон-ря. К., 1894; Малиженовский Н. Ф., свящ. Киевский жен. Флоровский (Вознесенский) мон-рь. К., 1895, 2010; Карпенко П. Звірське вбивство в колишній Київ-Печерській лаврі // Безвірник. 1929. № 17. С. 30–34; Суд над недобитками старого світу // Безвірник. 1929. № 18. С. 42–43; Памятники градостроительства и архитектуры УССР: Иллюстр. справ.-кат. К., 1983. Т. 1: Киев. Киевская обл. С. 113–119; Крайня О. О. Київський Вознесення Господнього і святих мучеників Флора і Лавра жіночий монастир. К., 2002; она же. Некрополь Киево-Вознесенського Флорівського мон-ря // Лаврський альм. К., 2003. Вип. 9. С. 36–66; она же. Культурно-мистецька спадщина Києво-Вознесенського Флорівського мон-ря // Там же. 2005. Вип. 14. С. 65–80; она же. Публікація найраніших документів з історії Вознесенського Флорівського мон-ря у XIX ст. // Болховітнівський щорічник, 2008. К., 2009. С. 53–62; она же. Монастирські кладовища як історико-культурна пам'ятка (на прикладі Києво-Флорівського мон-ря) // Православ'я — цивілізаційний стрижень слов'янського світу. К., 2011. С. 114–117; она же. Вкладний хрест черниці Афанасії (Горчакової) з колекції НКПІКЗ // Моглянські читання, 2010. К., 2011. С. 87–93; она же. Киево-Печерський жіночий мон-р XVI — поч. XVIII т. і доля його пам'яток. К., 2012; Климовский С. И. Замковая гора в Киеве: Пять тысяч лет истории. К., 2005; Воспоминания об инокине Елене, почивающей в гробе свт. Тихона Задонского в Киево-Флоровском жен. мон-ре. К., 2009; Дегтярьов М., Крайня О. Флорівський (Вознесенський) жіночий монастир, 16–20 ст. // Звід пам'яток історії та культури України: У 28 т. Енцикл. К., 2011. Кн. 1: Київ. Ч. 3. С. 1685–1696; Путова Г. Документи про велику подільську пожежу 1811 р. в Центральному держ. історичному архіві України в м. Києві // Болховітнівський щорічник, 2011. К., 2012. С. 323–348.

О. А. Крайня

КИЕВСКИЙ ВЫДУБИЦКИЙ ВО ИМЯ АРХАНГЕЛА МИХАИЛА (в честь Чуда арх. Михаила в Хонех) МУЖСКОЙ МОНАСТЫРЬ, находился в Киеве.

История. Первоначально на месте К. В. м. была пещерная обитель иноков-анахоретов. Пещеры в Выдубичах были обнаружены во 2-й пол. XIX в., исследованы в 1945 г. археологом М. К. Каргером, а в 2003 г. изучались киевским археологом Т. А. Бобровским, который датировал открытую часть ходов кон. X — нач. XI в. На глубине 3–4,5 м выявлена келья (2,2×1,6×1,5 м) и место, где мог располагаться пещерный храм. Впосл. поселение анахоретов эволюционировало в киновию, располагающуюся на поверхности земли. Часть пещер была разрушена при строитель-

стве монастырского собора, но некоторые пришли в запустение только после монг. нашествия.

По позднему преданию, впервые зафиксированному в 60–70-х гг. XVII в. игуменом киевского *Златоверхого во имя арх. Михаила муж. мон-ря* Феодосием (Сафоновичем), храм на месте буд. мон-ря был воздвигнут считавшимся 1-м Киевским митр. *Михаилом*; недалеко отсюда «выдыбал» (выплыл) на берег идол Перуна, сброшенный в Днепр по приказу св. равноап. кн. *Владимира (Василия) Святославича (Софонович. 1992. С. 68)*. Согласно гипотезе В. И. Ульяновского, К. В. м. был основан в период княжения св. Владимира Святославича по инициативе предположительно 1-го Киевского митр. *Феофилакты* (988–1018), а монастырский храм изначально был посвящен Чуду арх. Михаила в Хонех.

Впервые К. В. м. упоминается в летописи под 1070 г.: «В се же лето заложена бысть церкви святого Михаила в монастыре Всеволожи» (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 174), «на Выдобычи» (Там же. Т. 2. Стб. 164). Согласно этому сообщению, ктиторм обители был переяславский (впосл. Киевский) кн. *Всеволод (Андрей) Ярославич* (ок. 1030–1093). Освящать закладку каменного храма на Выдубичах должен был Киевский митр. *Георгий* (ок. 1062 – после 1073). Мон-рь располагался вблизи загородной резиденции кн. Всеволода – Красного двора (в 1096 сожжена при нападении половецкого хана Боняка на Киев – Там же. Т. 1. Стб. 233). Первый известный по имени выдубицкий игум. Софроний в 1072 г. участвовал в переносе мощей св. князей *Бориса и*

Собор во имя арх. Михаила.
Зап. фасад. Фотография. 2013 г.

Всеволода митрополитом Иоаном, а игуменство тогда державший того монастыря Лазареви» (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 207; ср.: Там же. Т. 2. Стб. 199).

В 1093 г., возможно, в К. В. м. состоялся княжеский съезд, крестоцелование вел. кн. Киевского *Святополка (Михаила) Изяславича* и кн. *Владимира (Василия) Всеволодовича* Мономаха («совокупистася у святого Михаила и взяста между собою распря и которы и уладившеся, целоваста крест между собою» (Там же. Т. 1. Стб. 219)). 4 нояб. 1097 г. в К. В. м. останавливался прибывший в Киев кн. *Василий (Василько) Ростиславич*, к-рый вскоре был закован и ослеплен. В 1146 г. в К. В. м. на короткое время был заточен схваченный вел. кн. Киевским *Изяславом (Пантелеимоном) Мстиславичем* св. блгв. вел. кн. Киевский *Игорь (Георгий) Ольгович* (Там же. Стб. 258, 313).

После вокняжения в Киеве Владимира Мономаха (1113) из Киево-Печерского монастыря в К. В. м. было перенесено ведение летописания. Согласно А. А. *Шахматову*,

Киевский Выдубицкий
во имя арх. Михаила
муж. мон-рь. Литография.
1862 г. (ГИМ)

автором 2-й (после редакции прп. *Никона* Киево-Печерского) редакции «Повести временных лет»

(ПВЛ) был выдубицкий игум. *Сильвестр* (в 1118–1123 епископ Переяславский), к-рый оставил соответствующую запись под 1110 г.: «Игумен Сильвестр святого Михаила написал книги си Летописец, надеясь от

Бога милость прияти, при князи Володимере, княжашю ему Киева, а мне в то время игуменящу у святого Михаила в 6624, индикта 9 лета; а иже четьь книги сия, то буди ми в молитвах» (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 286; ПВЛ. 1996. С. 121). Ряд исследователей отводят игум. Сильвестру значительную большую роль в летописании нач. XII в., считая К. В. м. главным центром составления ПВЛ в 1116 и 1117 гг. В частности, по их мнению, именно игум. Сильвестр, близкий к вел. кн. Владимиру Мономаху, вставил в летопись договоры Руси с греками, хранившиеся, несомненно, в княжеском архиве (см.: *Гиттиус А. А.* К проблеме редакций Повести временных лет // Славяноведение. 2007. № 5. С. 20–44; 2008. № 2. С. 3–24; *Михеев С. М.* Кто писал «Повесть временных лет»? М., 2011. С. 140–154, 156; подробнее см. *Летописание*). Согласно этой т. зр., при игум. Сильвестре обитель становится значительным книжным центром. В монастырь свозятся и в нем переписываются рукописи. По гипотезе Е. В. Ухановой, в К. В. м. действовал скрипторий, в котором было создано неск. сохранившихся рукописей (в т. ч. ГИМ. Чуд. № 12 (сборник эсхатологических сочинений *Ипполита*, папы Римского) и ГИМ. Син. № 262 (Учительное Евангелие Константина Преславского)). По предположению С. М. Михеева, в монастырской б-ке имелась иллюминированная рукопись славянского перевода «Хроники» *Георгия Амартола*. Она использовалась при составлении в обители редакции ПВЛ 1117 г., представлявшей собой лицевую рукопись (*Уханова Е. В.* Древнейшие изображения св. кн. Бориса: К истории б-ки Владимира Мономаха // Борисо-Глебский сб. П., 2009. Вып. 1. С. 117–152; *Михеев С. М.* Кто писал «Повесть временных лет»? М., 2011. С. 147–148, 153–154).

В кон. XII в. либо в связи с опасностью обвала берега, либо для защиты от днепровских вод было решено укрепить береговую линию, соорудив стену ниже Михайловского собора. Вел. кн. Киевский Рюрик Ростиславич пригласил для этого архит. Петра Милонегу (предположительно построившего ц. св. Параскевы Пятницы в Чернигове и др. храмы). 24 сент. 1199 г. состоялось освящение укрепления. В торжествах по этому поводу участвовали члены великокняжеской семьи и княжеский

Глеба в Вышгороде под Киевом (Там же. Стб. 181; ПВЛ. 1996. Ч. 2. С. 78).

Михайловский собор был освящен в 1088 г., при Киевском митр. *Иоанне II*: «В лето 6596 священа бысть церкви святого Михаила монастыря

двор (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 708–711). В том же году выдубицкий игум. *Моисей* составил пространную торжественную похвалу Рюрику Ростиславичу, считающуюся выдающимся памятником древнерус. риторики. Она вошла в киевский летописный свод 1200 г., предположительно составленный Моисеем (Там же. Стб. 712–715; *Бегунов*. 1974; *Творогов О. В.* Моисей // СККДР. Вып. 1. С. 257–258). «Стена Милонег» простояла неск. веков.

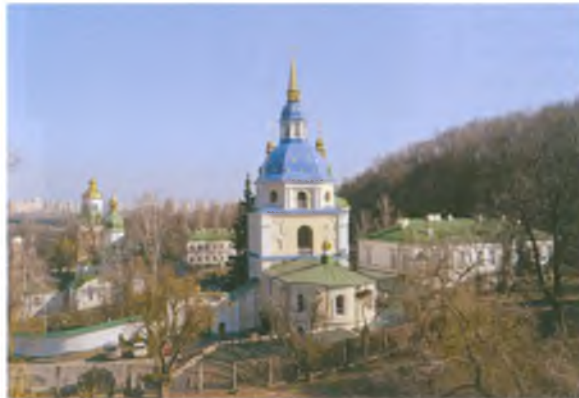
В 1204 г. вел. кн. Рюрик Ростиславич был насильно пострижен в монахи в К. В. м. по приказу галицко-волинского кн. *Романа Мстиславича* (зятя Рюрика), но в 1205 г. князь-инок оставил монашество и вернулся к политической деятельности.

К. В. м. продолжил существовать и после падения Киева под ударом монголо-татар. Последнее летописное упоминание обители относится к 1245 г.: 26 окт. в К. В. м. на пути в Орду молился вел. кн. Галицкий и Волинский *Даниил Романович*. Даниил привез из Киева в Холм «чуднии» иконы, в т. ч. образ арх. Михаила (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 844).

Во время раскопок 1972 г. в нартексе у юж. стены Михайловского собора был обнаружен шиферный саркофаг с надписью-граффити XIII (?) в.: «Господи помози рабу своему (Га)ворилови» (см.: *Высоцкий С. А.* Киевские граффити XI–XVII вв. К., 1985. С. 48–49), однако неизвестно, кто именно в нем погребен (на стенках представлены птица, зверь с повернутой назад головой, схематические человеческие изображения).

Существование К. В. м. в XIV–XV вв. засвидетельствовано лишь настенными граффити на сев. и зап. стенах собора XI в., к-рые лучше всего сохранились (см.: Там же. С. 49–52). Еще в XVIII в. обитель доказывала во всех земельных судебных процессах, что князя Всеволод, Владимир Мономах и Рюрик подарили мон-рю основные земельные владения: Зверинец (весь), оз. Затон, Наводничи (Неводничи) с пристанью и паромной переправой через Днепр, Перепеличью долину и Лыбедское имение. Монастырский архив сохранил документы на земельные владения с нач. XVI в.: Зверинецкие, Лыбедские, Багриновские, Осокорские, Гнилецкие, Свинодские, Рожновские, Трипольские, а также перевоз через Днепр, из которых известны имена выдубицких

игуменов. До 1515 г. К. В. м. возглавлял игум. Евстафий, в 1531–1536 гг. — игум. Иоаким (Сапега), принадлежность к-рого к шляхетскому роду указывает на высокий статус монастыря. С 1531 г. по благословению игум. Иоакима была отстроена деревянная трапезная с храмом, что указывает на материальные возможности обители. Известны имена игуме-

Киевский Выдубицкий во имя арх. Михаила муж. мон-рь. Фотография. 2013 г.

нов Ефрема (Кошеля; 1536–1541), Евфимия (1541 — нач. 50-х гг. XVI в.), Алексия (50-е гг. XVI в.), Дионисия (упом. в 1560), Феофила (1564), Антония (1564–1566), Никона (1567), Григория (Шваба; 1568 — нач. 70-х гг. XVI в.), Сергия (до 1576). В 1576 г. К. В. м. «был впусе», в нем проживал лишь свящ. Сергей Игольниченко (НБУВ ИР. Ф. 194. Ед. 114. Л. 7), причиной чему, очевидно, было татар. опустошение Киевщины 1575 г. С 1577 г. К. В. м. находился в подчинении Киевского митрополиту и управлялся назначаемыми светскими администраторами (напр., в 1587 — Захарием Философовичем). В 1588 г. в К. В. м. упоминается игум. Серапион, однако, поскольку он «не сидел» в обители, ею управляли митрополиты урядники. 13 марта 1593 г., при игум. Каллисте, было составлено подробное описание всех владений и имущества (включая отобранные различными лицами).

После провозглашения *Брестской унии* в окт. 1596 г. К. В. м. стал единственным из киевских и окрестных обителей, переведенных в унию. Но в тексте определений антиуниатского православного Собора в Бресте стоит подпись выдубицкого старца Никона (АрхЮЗР. Ч. 1. Т. 1. С. 528). Т. о., выдубицкие монахи не приняли унии и оставили мон-рь. В постройках К. В. м. разместилась офиц. резиденция наместников Киевского униат. митрополита, а в кельях — жен. община: в 1600 г. здесь прожи-

вало ок. 10 монахинь во главе с Устиной (Пам'ятки: [Археогр. щоричник]. К., 2001. Т. 3: Архів Української Церкви. Вип. 1. С. 289–290, 331).

В 1605 г. мон-рь вновь стал мужским, игуменом был Иоасаф (Быковский), ставленник униат. митр. *Ипатия Потя* (НБУВ ИР. Ф. II. Ед. 6413–6576. Л. 57–57 об.). 22 янв. 1610 г. выдубицким настоятелем и наместником униат. митрополита в Киеве (Софии Киевской) стал Антоний (Грекович), прибывший

в обитель 21 февр. К тому времени алтарная стена Михайловского храма рухнула в Днепр. Игум. Антоний пристроил де-

ревянную алтарную часть к обрушившемуся храму, оштукатурил и побелил ее. К авг. 1612 г. церковь уже действовала. Игумен-униат постоянно получал угрозы от казаков. Из его жалоб в суд видно, что в К. В. м. проживали лишь немногочисленные слуги самого Антония. 23 февр. 1618 г. запорожские казаки утопили Антония (Грековича) в Днепре рядом с мон-рем, а саму обитель разграбили. Впосл. униат. игуменами были Исаакий (1618–1628) и Евстафий (Пешковский; 1628–1635). Немногочисленная братия жила за счет переправы через Днепр, собственность на которую мон-рю 24 авг. 1628 г. подтвердил польск. кор. *Сигизмунд III* с условием, что доходы будут использованы только на благоустройство подчиненной униат. митрополиту обители. 15 июня 1629 г. по приказу печерского архим. св. *Петра (Могилы)* паром был сожжен, перевозчики избиты. В 1635 г. по требованию православных вместо К. В. м. униатам был передан Борисоглебский мон-рь.

Киевский митр. Петр (Могила) совершил новое освящение обители и храма. В 1640 г. он обращался к царю *Михаилу Федоровичу*, прося средств на возобновление в камне алтарной стены собора (АЮЗР. Т. 3. № 18. С. 28). Сам митр. Петр передал в К. В. м. Службеник Печерского типографии (23 нояб. 1636), подписные серебряный потир и лжицу (13 янв. 1637, 11 янв. 1637), Учительное Еван-

гелие той же типографии (27 нояб. 1637), Евангелие львовской печати и напрестольный серебряный крест (26 и 27 мая 1642).

19 авг. 1645 г. королевский привилей на игуменство в К. В. м. получил *Игнатий (Оксенович-Старушич)*, сподвижник митр. Петра. В 1646 г. игум. Игнатий испросил у царя *Алексея Михайловича* новые церковные сосуды, облачения, богослужебные книги, кадило: «Пожалуй, всесветлейший благочестивый царю, храм святого архистратига Михаила оскудный в сосуды напрестольные, одежды священнические, книги церковные и кадилницу и что Бог на сердце положит Вашему царскому величеству» (Там же. № 71. С. 75–77; АИ. Т. 4. № 85. С. 221). Среди вкладов в обитель, поступивших при игум. Игнатии, — сохранившийся серебряный позолоченный потир с дарственной надписью 1648 г. В период его настоятельства К. В. м. был разграблен войсками гетмана Я. Радзивилла. 12 июля 1650 г. игум. Игнатий был хиротонисан во епископа Могилевского, Мстиславского и Оршанского. Вскоре после назначения он умер; погребен в монастырском Михайловском храме. Сохранился текст его эпитафии (*Полубев С. Т.*) Надгробная надпись всечестному иером. Игнатию Оксеновичу, игум. мон-ря Выдубицкого, к-рый преставился року 1651, окт. 30 дня // Киевские ЕВ. 1877. № 15. Отд. 2. С. 422–424; *Перетц В. Н.* К биографии о. Игнатия Оксеновича Старушича, киев. проповедника пол. XVII в. Пг., 1914. С. 5–6 (отд. отт.: ИОРЯС. 1914. Т. 19. Кн. 1. С. 187–199)). К. В. м. возглавил брат игум. Игнатия, Климентий (Старушич), получивший королевский привилей на игуменство 15 апр. 1652 г. В сер. XVII в. наблюдается усиление роли игуменов в управлении обителью. В то же время почти все гетманы как Правобережной, так и Левобережной Украины выдавали охранительные универсалы на владения и имущество обители, делали вклады и жаловали земли.

Заручившись рекомендательным письмом гетмана Богдана *Хмельницкого*, в 1654 и 1658 гг. игум. Климентий испрашивал милостыню у царя *Алексея Михайловича* (НБУВ ИР. Ф. 194. Ед. 136. Л. 65–66). Игум. Климентий уговорил Киевского митр. *Сильвестра (Косова)* отказаться от прав непосредственного управления обителью и ее имениями (*Троицкий.*

1870. № 21. С. 625), в 1658 г. испросил подтверждение всех прав монастыря у гетмана И. Е. Выговского, но после лишения его власти добился передачи обители в 1660 г. конфискованных у него сел Рожны и Лесники (Там же. С. 626–627). Игум. Климентий привлек в К. В. м. нового ктитора — миргородского полковника Г. С. Лесницкого (среди его даров — сохранившееся Евангелие в драгоценном окладе). Игум. Климентий был похоронен в склепе Михайловской ц. Погребение было обнаружено в 1972 г., в нем найден резной кипарисовый крест.

При настоятеле (1664–1668) св. игум. *Феодосии (Углицком)* гетман П. Д. Дорошенко утвердил во владении мон-ря «навечно» с. Лесники, а гетман Ю. Б. Хмельницкий передал 2 мельницы на Десне (Универсали украинских гетьманів від Івана Виговського до Івана Самойловича (1657–1687). К.; Львів, 2004. С. 432). В Киеве на Подоле игум. Феодосий приобрел подворье, а в мозырских владениях обители на о-ве Михайловщина основал скит. Игум. Феодосию, как и его предшественникам, пришлось отстаивать право перевоза через Днепр, на к-рое претендовал Киево-Печерский мон-рь. Позже, в 1684–1685 гг., пребывая в Чернигове, он выхлопотал для К. В. м. у царя напрестольное Евангелие. Игум. Пахомий (Подлужский), сменивший о. Феодосия, был одновременно ректором Киевского коллегиума и настоятелем К. В. м. 19 янв. 1690 г. гетман И. С. *Мазепа* выдал ему подтвердительный универсал на все владения мон-ря (*Троицкий.* 1870. № 22. С. 644–645).

В 1688 г. митр. *Гedeон (Святополк-Четвертинский)*, при к-ром Киевская митрополия была подчинена Московскому Патриархату, добился царского разрешения на передачу К. В. м. со всем его имуществом и владениями в собственное распоряжение как загородной резиденции. Митр. Гedeон просил «присоединить» К. В. м. к Софийскому митрополичьему дому, но получил отказ; в царском указе напоминалось о древности княжеской обители и ее многовековом самостоятельном существовании. Тем не менее митрополит вывез ее казну и архив в киевский Софийский мон-рь.

При митр. Киевском *Варлааме (Ясинском)* К. В. м. был приписан к Софийскому митрополичьему до-

му «для лутчаго ему митрополиту упокоения» (НБУВ ИР. Ф. 312. Ед. 430/655-С. Отд. 3. Л. 34 об.). Но братия опротестовала это распоряжение, и митр. Варлааму пришлось хлопотать об окончательной передаче К. В. м. при помощи царской администрации в Киеве (19 сент. 1690; новая царская грамота от 28 марта 1691), к-рая убеждала, что митрополит «никаковые тому монастыреви обид или разорения не творит... но паче желает построити, лучше да будет вся церквою каменна сеже ныне половина каменна, а половина деревинна» (Там же. Л. 44 об.— 45, 84 об.— 85).

В 1696–1709 гг., при игум. Варлааме (Страховском), близ К. В. м. были открыты залежи высококачественной строительной глины и устроены кирпичные заводы. Игумен получил универсал гетмана И. И. Скоропадского на подтверждение владений монастыря (включая новые, подаренные Мазепой) (ЦГИАК. Ф. 130. Оп. 2. Ед. 10). В апр. 1706 г. митр. Варлаам от своего и последующих Киевских митрополитов имени письменно отказался от прав на К. В. м., его владения и имущество (см.: *Троицкий.* 1870. № 22. С. 650–651). Гетман Мазепа выдал обители ок. 10 универсалов с подтверждением старых и дарованием новых земельвладений.

По преданию, в 1706 г. К. В. м. посетил Петр I. Целью визита было предполагаемое строительство укрепления на подступах к Киеву. Видимо, вслед этого посещения царским указом в марте 1708 г. К. В. м. был подчинен Киевскому митр. *Иоасафу (Кроковскому)* (НБУВ ИР. Ф. 312. Ед. 430/655-С. Отд. 3. Л. 115 об.— 116 об.). Эта зависимость прекратилась в 1718 г., после вызова на допрос в С.-Петербург и кончины митр. Иоасафа. В 1719 г. попытку подчинить себе К. В. м. с владениями предпринял печерский архим. Иоанникий (Сенютович), но выдубицкий настоятель (1711–1719) игум. Лаврентий (Горка) при поддержке митр. *Феофана (Прокоповича)* и Скоропадского не допустил реализации этого замысла. От времени игуменства Лаврентия (Горки) сохранилось напрестольное Евангелие в окладе (1716) и потир (1715), изготовленные киевским ювелиром И. А. Равичем.

В 1729 г. гетман Д. П. Апостол выдал универсал с подтверждением земельных владений обители. Сохранилось напрестольное Евангелие

с гербом гетмана Апостола и его дарственной надписью. При игум. Феодосии (Хоменском) началась традиция погребения игуменов в соборе в честь Чуда арх. Михаила в Хонех (1701). В 1737 г. в нем был похоронен и сам игум. Феодосий. В 1737–1739 гг. К. В. м. возглавлял игум. Тимофей (Щербацкий), буд. митрополит Киевский, а затем Московский. Впосл. митр. Тимофей безуспешно испрашивал разрешение поселиться в К. В. м. на покое. Митр. Тимофей прислал в К. В. м. позолоченный и украшенный драгоценными камнями посох. 8 окт. 1745 г. настоятель (1739–1747) игум. Гавриил (Леопольский) получил у царицы Елизаветы Петровны генеральное подтверждение на владения монастыря (ЦГИАК. Ф. 130. Оп. 2. Ед. 276. Л. 1 об.). Этот документ был необходим в ходе судебных тяжб за выдубицкие имения (особенно днепровский перевоз) с Печерским монастырем. Настоятель (1747–1753) игум. Викентий также в 1748 г. обращался к императрице за подтверждением владений, в т. ч. перевоза, который пыталась захватить лавра (Там же. Ф. 59. Оп. 1. Ед. 6361. Л. 41–43, 48–55 об.).

Весной 1760 г. в К. В. м. сгорела трапезная с церковью и значительно выгорел (из-за деревянного покрытия и деревянной алтарной стены) древний Михайловский собор. Митр. Арсений (Могиланский) регулярно выдавал грамоты на право собирать милостыню в Запорожье и по всей митрополии для восстановления собора. Известный своими проповедями митрополит настоял на регулярном проповедничестве во всех киевских храмах и обителях, в т. ч. в К. В. м., к-рый приглашал для этого академических профессоров.

Первый историк К. В. м. настоятель (1767–1774) игум. Иаков (Воронковский) в 1767 г. составил полную опись монастырского имущества, завел приходно-расходные книги, создал подробную инструкцию для управляющих монастырскими имениями, собрал в различных учреждениях и б-ках копии утраченных документов (с нач. XVI в.). 18 июня 1771 г. игум. Иаков подал на имя Екатерины II челобитную о помощи старинной обители (Голубев. 2011. С. 595–596). После его кончины б-ка и ценный архив были переданы в обитель (сохр. лишь отдельные кни-

ги и рукописи: ЦГИАК. Ф. 130. Оп. 2. Ед. 555. Л. 1–7).

В 1760–1765 гг., при игум. Митрофане (Горленко), младшем брате еп. Белгородского свт. Иоасафа (Горлен-

ко), и игум. Сифе (Гамалее; † 24 февр. 1767), в соборе и мон-ре велись ремонтные работы, завершившиеся в 1774–1781 гг., при игум. Мелхиседеке (Значко-Яворском). После кончины игум. Сифа в К. В. м. поступили сребропозлащенные большой крест с частями мощей 18 святых и подписаны к каждой частице; наперсный крест с 4 камнями и цепью; деревянная панагия в серебряной оправе. Личную казну, а также движимое имущество скончавшегося игум. Сифа Духовный собор 24 июня 1767 г. постановил потратить на возобновление Михайловской ц. и др. построек.

Последним десекуляризационным игуменом с 26 марта 1783 г. был Иероним (Блонский). В послужном списке 1787 г. он отметил, что обитель он «возобновил и украсил» (Там же. Оп. 1. Ед. 261. Л. 37 об.— 43; Ф. 127. Оп. 1024. Ед. 2987. Л. 4 об.— 5, 42 об.). Однако документы времен игуменства Иеронима не фиксируют строительной деятельности. В 1791 г. игум. Иероним был возведен в сан архимандрита киевского Златоверхого мон-ря. В описании выдубицкой ризницы указано, что игум. Иероним приказал перешить ризу из черного атласа в мантию и взял ее с собой при переходе в Златоверхую обитель; именно в этой мантии его положили в гроб. В завещании от 1 янв. 1794 г. он поручал в «Сохранную казну Московского опекунского совета» 2 тыс. р., с тем чтобы ежегодно из процентной суммы 45 р. передавалось в Киевскую Академию и 45 р.— в К. В. м., однако исключительно «в братскую кружку на раздел братии».

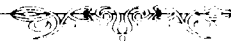
В 1786 г. по инициативе митр. Самуила (Миславского) К. В. м. был лишен земельных владений, переведен в 3-й класс и обращен в больницу для старых и больных монахов. Игумены назначались преимущественно из префектов и ректоров Киевской Академии, поэтому оби-

Киевский Выдубицкий
во имя арх. Михаила
муж. мон-рь. Акварель.
Кон. 40-х гг. XIX в.
Худож. М. М. Сажин (ГПИБ)

тельно занимались мало, управление находилось в ведении казначеев и Духовного собора. 28 авг.

1798 г. по ходатайству митр. Иерофея (Малицкого) К. В. м. был возведен в степень архимандритии (Там же. Ф. 128. Оп. 1 (общемонаш.). Ед. 183. Л. 1–1 об.). В 1818 г. полковница М. С. Высоцкая начала хлопоты в Синоде о превращении К. В. м. в жен. обитель. Она обещала содержать монастырь, на свои средства построить церковь и больницу. Но после обсуждений проект утвержден не был (РГИА. Ф. 796. Оп. 99. Ед. хр. 772. Л. 1–34). В 1842 г. К. В. м. стал второклассным. 27 февр. 1855 г. настоятелем был назначен начальник лаврской типографии архим. Вениамин (Базилевич), к-рый стал вкладывать в восстановление обители собственные средства. Он убедил митр. Киевского свт. Филарета (Амфитеатрова) содействовать возобновлению в мон-ре почитания легендарного Киевского митр. Михаила, отнеся основание К. В. м. ко временам княжения св. Владимира: распространял образки, а также акафисты свт. Михаилу и его Жития, печатавшиеся в лаврской типографии.

Новый расцвет К. В. м. в 1869–1882 гг. связан с деятельностью архим. Арсения (Радкевича), к-рого называют «возобновителем» обители. В июле 1870 г. он заказал в лаврской типографии «напечатать с резных изображений на дереве» тиражом по 2 тыс. экз. образки Божией Матери, вмч. Георгия Победоносца и Чуда архистратига Михаила в Хонех. Эти иконы мог получить каждый паломник. В 1871 г. он вложил личные сбережения (4 тыс. р.) в Задонский городской общественный банк, с тем чтобы проценты использовались на благоустройство обители. В долгих

торгах с Военным ведомством за монастырские земли (90 дес., планируемых под склады боеприпасов и укрепления) архим. Арсению удалось выторговать из казны значительную сумму (39 тыс. р.). Благодаря знакомству архимандрита с мещанами и купцами Ростова-на-Дону для обители был изготовлен большой колокол. Уйдя на покой, архим. Арсений передал мон-рю все личные сбережения (90 тыс. р. в ценных бумагах), облачения, священные сосуды, книги и проч. имущество. На его средства (18 тыс. р.) был изготовлен полный набор церковно-служебных сосудов и облачений для Георгиевского собора. Благодаря обширным знакомствам архим. Арсения покровительство К. В. м. оказывал генерал-губернатор С.-Петербурга Ф. Ф. Трепов, жена которого была погребена в обители. На средства, собранные Треповым, были реставрированы монастырские постройки, укреплен днепровский склон, проложена дорога от обители до границы городских владений. Общие пожертвования, присланные Треповым, составили от 14 до 21 тыс. р. В сент. 1890 г. архим. Арсений был погребен с сев.-зап. стороны Георгиевского собора.

Архим. Евлогий (Василянский), 27 окт. 1882 г. возглавивший К. В. м., привлек к работе над историей обители проф. КДА С. Т. Голубева. Настоятель также опубликовал материалы натурного осмотра Михайловской ц. и раскопок возле нее, проведенных в 1886 г. (ТКДА. 1892. № 4. С. 651–652). К. В. м. стал первой обителью Российской империи, где в кон. XIX в. в трапезной было проведено пневматическое отопление (горячим воздухом), что позволило решить проблему сырости и холода и в трапезной, и в церкви. Одновременно архим. Евлогий осуществил капитальный ремонт Георгиевского собора; обновил иконостасы всех храмов; росписи в старинном соборе и трапезной; перестроил настоятельский корпус и кельи; оборудовал специальное здание для б-ки и архива; принимал участие в археологических раскопках близ Михайловского храма. Среди ктиторов, привлеченных архим. Евлогием, — П. С. Соломка и графиня М. К. Нирод. 29 дек. 1909 г. Евлогий просил митр. Флавиана (Гордецкого) уволить его от настоятельства «как совершенно старчески ослабленного» и разрешить поселиться

при братской больнице в маленькой комнатке с перегородкой вместе с его келейником (ЦГИАК. Ф. 130. Оп. 1. Ед. 1116. Л. 79–79 об.). Архим. Евлогий был погребен у сев. стены Георгиевского собора.

С 1910 г. К. В. м. управлял наместник — викарий Киевской епархии, еп. Черкасский Назарий (Блинов). Обитель была переведена в ранг первоклассной. Еп. Назарий подготовил мон-рь к несостоявшейся эвакуации в 1915 г., принимал в обители беженцев-галичан и военные формирования на постой, организовал военный госпиталь. В 1914–1918 гг. казначей иером. Митрофан вел летопись монастырских событий, к-рая указывает на попытки разграбить имущество обители и насельников. В янв. 1918 г. красные отряды М. А. Муравьева во время штурма Киева разорили монастырское имущество на хуторе Круглик. Мародеры захватили Зверинец, разграбили мон-рь, расхитили имущество еп. Назария и иером. Митрофана. 6 июня 1918 г. К. В. м. пострадал в результате взрыва пороховых складов на Зверинце: на всех каменных строениях возникли трещины, снесло кресты, купола храмов и кровлю, были выбиты все двери и окна. В кон. 1918 г. в мон-ре проживало 14 иеромонахов, 12 иеродиаконов, 12 монахов и 3 духовных лица на покое, 12 послушников, 8 работников и 16 работниц. Настоятелем оставался еп. Назарий.

В кон. 1918 — нач. 1919 г. войска Директории вновь разграбили хозяйство мон-ря в Круглике: реквизировали продовольствие, скот и орудия труда. Весной 1919 г. представители большевистской власти конфисковали капиталы в банках, реквизировали продовольствие и личное имущество братии, кирпичный завод и монастырскую мельницу. 28 марта погиб послушник Симеон Приходько, к-рый был послан сообщить властям о нападении бандитов и грабеже мон-ря. Войска Добровольческой армии А. И. Деникина также реквизировали оставшееся продовольствие и имущество в Круглике и потребовали материальной поддержки армии.

Монахи основали «Киево-Выдубицкую сельскохозяйственную и ремесленную коммуны» в составе 75 чел. Все насельники именовались «коммунарами»: еп. Назарий числился писарем Назарием Михайловичем

Блиновым, казначей иером. Митрофан — Митрофаном Ивановичем Шенкарёвым, экклезиарх иером. Спиридон — Спиридоном Марковичем Глухеньким, остальные монахи определялись как чернорабочие, кузнецы, садовники, стекольщики, столяры, слесари. Всего в коммуне значилось 75 чел.: 66 мужчин и 9 женщин («работают по огородничеству и стирке белья») (Там же. Оп. 2. Ед. 994. Л. 1–2). Для совершения богослужений была зарегистрирована церковноприходская Георгиевская община, в ведение к-рой передавались все храмы и имущество. Председателем общины избрали мирян Савву Федотовича Зороку, а после его смерти († 18 мая 1919) — Федора Федотовича Зайцева. В общину вступили все жители Зверинца — 600 чел. Ими было принято решение о совершении богослужений на церковнослав. языке. В 1919 г. по приказу Киевского окрисполкома часть богослужебных сосудов и облачений община передала автокефальному приходу Братской Борщаговки. 19 мая 1920 г. Наркомат земельных дел утвердил «Киево-Выдубицкую сельскохозяйственную и ремесленную трудовую артель». Однако в авг. центр монастырского земледелия — хутор Круглик (15 дес.) Хотовской вол. Киевского у. захватил «Культсовхоз». Братия жила только плодами из монастырских садов, но в 1921 г. по условиям кабальной аренды почти весь урожай фруктовых деревьев нужно было сдавать гос-ву бесплатно, а саму коммуну обложили налогом в 1800 р.

Существует ошибочное мнение, будто К. В. м. был официально ликвидирован в 1921 г. (Звід пам'яток. 1999. С. 241; Ковалинський. 2011. С. 238). По др. версии, мон-рь «самоликвидировался» в 1924 г. (Кілеско. 1999. С. 32). Однако архивные документы свидетельствуют о существовании мон-ря до кон. 20-х гг. XX в. В 1923 г., во время кампании по изъятию церковных ценностей, сотрудники ГПУ нашли в обители тайник с вкладами митр. Петра (Могила), еп. Игнатия (Оксеновича-Старушича), ювелира Равича, Евангелиями в драгоценных окладах, вещами Феодосия (Углицкого) и проч. Реликвии и др. предметы конфисковали и передали на оценку экспертам во главе с Д. М. Щербаковским, а затем — в Первый гос. музей (Науч. арх. ИАНАНУ. Ф. 9.

168/Е-370. Л. 1). После ареста в ночь на 23 марта 1923 г. еп. Назария монашескую общину возглавил бывш. казначей иером. Митрофан, к-рый значился игуменом в 1927 г. В 1928–1929 гг., по официальным данным советских органов, в стенах обители проживал 31 монашествующий (ЦДАВО. Ф. 5. Оп. 3. Ед. 1065. Л. 20; Ед. 1066. Л. 3).

7 окт. 1929 г. Киевский горсовет вынес постановление о выселении монахов из киевских монастырей, К. В. м. был окончательно ликвидирован (Там же. Ф. 1. Оп. 7. Ед. 345. Л. 3). Формально же в соответствии с постановлением еще 1924 г. здесь числилась лишь община прихожан Георгиевского собора. В помещениях устроили клуб и жилые комнаты для работников деревообрабатывающего предприятия. Археологическая комиссия Всеукраинской АН поставила архитектурные памятники К. В. м. на государственный учет и в 1927 г. безуспешно просила на ремонт 23 тыс. р. В дек. 1930 г. были сняты для переплавки или музейного хранения все колокола.

В 1929–1934 гг. Михайловский собор находился в ведении общины УАПЦ во главе со свящ. Павлом Высочанским (арестован в июне 1934), а в Георгиевском соборе размещалась община монахов закрытого Киево-Печерского мон-ря (по воспоминаниям свящ. Д. Бурко, существовала до 1936).

Осенью 1934 г. К. В. м. был занят военными частями. Были разрушены надгробия и сбиты с них кресты, однако утверждение, будто в это время были разрушены и сожжены иконостасы всех выдубицких храмов, является ошибочным (Килессо. 1999. С. 32). Описание монастырского имущества от 28 мая 1936 г. свидетельствует о сохранении обоих иконостасов (Михайловского и Благовещенского) в старинном соборе. Иконостасы, облачения и сосуды свящ. К. Стешенко с членами общины официально передал Дарницкой общине во главе со свящ. В. Лысаковским. В 1924 г. все иконы из трапезной церкви были перенесены в Георгиевский собор. Во время фашистской оккупации специальная комиссия Киевской городской управы в акте от 31 мая 1943 г. указала, будто иконостас Георгиевского собора «уничтожен большевиками в 1930 г.» (Ковалинский. 2011. С. 242–

243). Это сомнительно, если учесть существование общины, ее опеку над святынями обители и большое количество икон в соборе в 1936 г. С 1937 г. почти все строения К. В. м. находились в ведении Ботанического сада и деревообрабатывающего комбината; здесь проживали рабочие и действовали продуктовые магазины.

В 1939 г. в СНК УССР возник проект создания на базе Софийского собора музейного комплекса, в состав к-рого должны были войти и памятники мон-ря. Соответствующее постановление было издано 7 марта 1939 г., но не воплощено в жизнь. Во время оккупации города 1941–1943 гг. Киевская городская управа издала постановление о возрождении мон-ря или приходского храма в ведении УАПЦ. Однако неизвестно, было ли оно исполнено. В нач. мая 1943 г. отмечено наличие в обители «архимандрита монастыря, ведающего всеми церквями». При этом Георгиевский собор был завален сеном и древесиной, к-рую здесь же рубили на дрова. Отмечалось сохранение росписей и пригодность собора к богослужениям (Там же).

После освобождения Киева советскими войсками спецорганы засвидетельствовали проживание в обители в 1944 г. монахини и 3 монахов «патриаршей ориентации», в т. ч. настоятеля архим. Варлаама (Цывенко). Они были выселены, и мон-рь вновь официально закрыли. Однако, вероятно, архим. Варлаам проживал в колокольне по крайней мере до 1955 г. Постановлением СНК УССР от 30 мая 1944 г. К. В. м. был присоединен к заповеднику «Киево-Печерская лавра», но 21 нояб. 1944 г. передан на баланс Ботанического сада АН УССР, администрация которого сдала в аренду все строения монастыря Киевпромторгу, из-ву АН УССР, Центральной научной б-ке АН УССР. В 1967–1982 гг. в монастырском комплексе были проведены масштабные реставрационные работы под рук. Р. П. Быковой. В 1975–1997 гг. на территории и в зданиях мон-ря размещался Ин-т археологии. В 1992 г. К. В. м. был частично (до окончательного выселения Ин-та археологии в 1997) передан УПЦ. В 2013 г. постройкой занимает мужская община раскольнического «Киевского Патриархата УПЦ».

Храмы и другие строения. *Собор во имя арх. Михаила* (по Ульяновскому — *в честь Чуда арх. Михаила*) был заложен в 1070 г. переяславским кн. Всеволодом (Андреем) Ярославичем и освящен в 1088 г., когда ктитор был уже вел. Киевским князем. Реконструкция первоначального облика собора осложняется из-за падения алтарной стены, что вызвало многовариантность

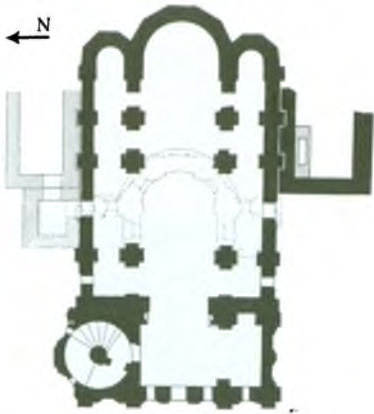

Собор во имя арх. Михаила.
Юж. фасад. Фотография. 2008 г.

гипотез о планировке храма: 3-нефный крестово-купольный с дополнительной парой столбов (8-столпный), удлиненный по оси «восток–запад» (Каргер); традиц. 6-столпный (Н. И. Брунов); 5-купольный (Н. Г. Логвин); новый тип однокупольного 3-нефного храма с закомарами по всему периметру (А. И. Комеч). По предположению Комеча, строительство завершила артель, к-рая возводила Успенский собор Киево-Печерского мон-ря.

В сев. башне собора находилась винтовая лестница на хоры. На юж. стене притвора во время реставрации 70-х гг. XX в. были открыты фрагменты фрески XI в. «Страшный Суд»: огненный ангел на воротах рая, часть изображения ап. Петра с ключами и святого, идущего за ним. Исследователи допускают, что под барочной записью XVIII в. композиция «Страшный Суд» сохранилась полностью. В простенках окон обнаружены фрески XI в. с цветочно-лиственными орнаментами. Предположение об украшении мозаикой алтаря, купола и парусов (Т. С. Килессо) не подтверждают археологи: вероятно, мозаика использовалась только для украшения пола в подкупольном пространстве храма.

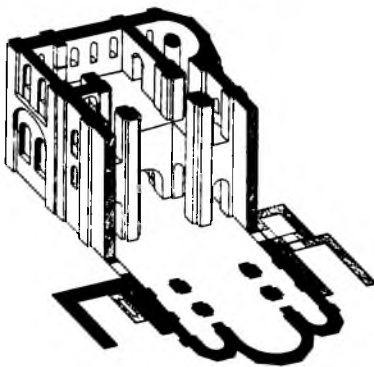
Строительство было завершено в 1086 г., когда та же артель начала воз-

Собор во имя арх. Михаила
киевского Выдубицкого мон-ря.
План по М. К. Каргеру

водить Андреевский собор в «князьем граде», патрональный для вел. кн. Всеволода Ярославича. Внутренние работы в выдубицком соборе велись в 1086–1088 гг. В XV – нач. XVII в. вост. часть храма с алтарем упала в Днепр (по Ульяновскому – в кон. XVI в., после 1593, но до 1610). Деревянная пристройка алтарной стены, выполненная ок. 1610–1612 гг., при наместнике униат. митр. Антонии (Грековиче), сохранялась до пожара 1760 г.

Внешний вид одноярусного (утверждение о разделении собора на 2 этажа и 2 храма при митр. Петре (Могиле) ошибочно) однокупольного с деревянным верхом собора и с деревянной пристройкой алта-

Собор во имя арх. Михаила
киевского Выдубицкого мон-ря.
Аксиометрический разрез
по М. К. Каргеру

ря отчетливо виден в сюжете «Чудо арх. Михаила» на окладе Евангелия, подаренного обители Лесницким в 1660 г., а также на плане И. Ушакова 1695 г. В 1655 г. Черниговский еп. Зосима (Прокопович) поставил над куполом собора позолоченный крест (НБУВ. Отд. старопечатных и редких изд. Кор. 179. Л. 315 об.).

С 1701 г., когда был построен Чудовский собор, древний Михайловский храм стал исполнять функцию простой монастырской церкви, ризницы, хранилища документов и книг. 28 марта 1760 г. храм сильно пострадал во время пожара: вост. алтарная деревянная стена, купол и крыша выгорели, но при этом насельники успели вынести священные предметы, даже полный иконостас. В 1761–1779 гг. выдубицкие монахи собирали пожертвования на ремонт собора и мон-ря в целом гл. обр. в Запорожье. Проект реставрации собора в камне (с каменной алтарной стеной) разработал в 1766 г. киево-подольский мастер Петр Недилка (в т. ч. разделение здания на 2 этажа для большей устойчивости). Из-за отсутствия средств К. В. м. заключил контракт на работы не с Недилкой, а с «третьего класса архитектуры учеником» М. И. Юрасовым. Для возведения в камне небольшой вост. стены, разделения храма на 2 этажа и покрытия храма с куполом понадобилось почти 9 лет (1766–1774). Наконец, в 1774 г. Духовный собор окончательно отстранил Юрасова от работ (ЦГИАК. Ф. 130. Оп. 1. Ед. 486. Л. 78–79). Ремонт храма заканчивали др. мастера.

25 авг. 1779 г. был освящен нижний, Михайловский храм, в 1781 г. на 2-м ярусе собора – ц. в честь Благовещения Пресв. Богородицы.

В 1777–1778 гг. киево-подольские мастера Я. В. Мосцицкий и И. Я. Пшегалевский изготовили и позолотили новый иконостас для Михайловского храма. Одновременно в нижнем храме был установлен ктиторский портрет вел. кн. Всеволода Ярославича, исполненный в стиле XVIII в. Сохранился портрет князя, написанный темперой на юж. пилястре алтарной стены. В 1779 г. в Благовещенскую ц. перенесли иконостас закрытой надвратной Даниловской ц.

Собор был вновь отреставрирован в 1870–1879 гг. в связи с открытием Киево-Курской железной дороги, которая была проведена через мост близ обители. Склон, на к-ром стоит собор, был укреплен насыпным земляным контрфорсом, высадкой лозы и каменной стеной у подошвы горы, в 1916–1917 гг. дополнительно возвели железобетонную стенку. В 1873 г. на откосе за алтарем храма по проекту М. П. Саймонова была построена беседка. Очередная реставрация собора проводилась в 1887–

1888 гг., в преддверии 900-летия Крещения Руси и 800-летия освящения каменного Михайловского храма. Были сняты 2 верхних яруса иконостаса и оставлен только наместный ряд. З. Махлай выполнил новые росписи в алтаре и на своде арки нартекса.

Собор сильно пострадал в результате взрыва пороховых складов на Зверинце 6 июня 1918 г.: образовались трещины в стенах, что повредило живопись, упал купол и стропила крыши. 10 июня 1920 г., во время обстрела Зверинца войсками, преследовавшими белополяков, 2 снаряда попали в купол собора, были повреждены погребения (Там же. Оп. 3. Ед. 86. Л. 1–1 об.). После окончательной ликвидации монастырской и приходской общин (РПЦ и УАПЦ) имущество Михайловского и Благовещенского приделов собора (в т. ч. иконостасы, переносные иконы, сосуды и облачения) 28 мая 1936 г. было передано Дарницкой религ. общине, а собор стал использоваться как склад книг Центральной научной б-ки АН УССР. В кон. 60-х – нач. 70-х гг. XX в. были проведены масштабные реставрационные работы с максимальным открытием элементов архитектуры и росписи собора XI в., сохранена также вся живопись XVIII–XIX вв. (в алтарной части храма – изображения вмч. Иоанна Воина, вел. кн. Всеволода Ярославича и композиция «Успение Пресв. Богородицы»; в притворе – ап. Иоанн Богослов и «Воскрешение Лазаря»). Уникальной для укр. барочной живописи считается сцена «Страшный Суд» на южной стене нартекса. В год празднования «1500-летия Киева» (1982) на зап. фасаде собора была установлена мемориальная доска с условным изображением Петра Милонегга (скульптор В. Н. Борисенко, архит. В. В. Савченко). В 1998 г. над входом в собор было смонтировано мозаичное изображение арх. Михаила (худож. Б. Б. Лобановский, мозаичист Р. А. Кириченко).

Георгиевский собор является выдающимся памятником укр. барочной архитектуры. Имя архитектора остается неизвестным (предположительно указываются Д. В. Аксамитов, М. Ефимов). Собор возведен по инициативе митр. Киевского Варлаама (Ясинского), который привлек к строительству богатого стародубского полковника М. А. Миклашевского. Первоначально был посвящен

Чуду арх. Михаила, небесного патрона ктитора. При закладке собора, к-рая состоялась 11 июня 1696 г., митр. Варлаам поместил в алтарную стену мощи еп. Синадского *Михаила*, свт. *Иоанна Златоуста*, вмч. *Георгия Победоносца*, вмц. *Варвары*, мч. *Никона* Сухого Киево-Печерского. 4 окт. 1701 г. митр. Варлаам в сослужении киево-печерского архим. Иоасафа (Кроковского) освятил собор (НБУВ. Отд. старопечатных и редких изд. Кор. 179. Л. 315 об.). Второй престол был освящен в честь Преображения Господня. Соответственно старинный княжеский храм тогда же был переосвящен в Благовещенский. Новое переосвящение всех монастырских храмов было совершено в 1781 г.: в старинном соборе на 1-м ярусе возобновили Чудо-Михайловский, а на 2-м — Благовещенский храмы; церковь в трапезной из Георгиевской переосветили в Преображенскую, а новый собор был посвящен св. Георгию Победоносцу.

Пятикупольный собор был возведен в топографическом центре обители, что изменило архитектурную композицию мон-ря. В основании храма — крест, рукава которого создают объемы в виде высоких восьмериков, объединенных вокруг такого же восьмерика в центре. Каждый восьмерик увенчан стройным грушевидным куполом: центральный с 2 залами, а боковые — с одним. В промежутках между боковыми объемами смонтированы вдвое меньшие по размеру пристройки для жертвенника, диаконника, лестницы на хоры и часовни-усыпальницы. Сдержанный внешний декор собора (сильно раскрепованные угловые пилястры, капители, многопрофильные карнизы и прорезанные в форме визант. крестов окна) подчеркивает его стройность и стремление вверх. Над зап., юж. и сев. входом были смонтированы картуши и герб М. А. Миклашевского (не сохр.). Изображения в картушах (над юж. входом — арх. Михаил, над северным — «Благовещение») в 1704 г. исполнил мон. Лазарь. Для создания иллюзии ритма окна украшены висящими полуколонками, по бокам оконных отверстий выложены глухие ниши. В храме отсутствуют столпы, подпружные арки и высокие своды собирают в единое целое пространство здания и купола.

Чертеж собора вмч. *Георгия Победоносца*. Литография. 1847 г. (ГПИБ)

В 1724 г. на монастырские средства был изготовлен 5- или 7-ярусный иконостас (считается цокольный ряд и резные фигуры над последним сплошным рядом). Возможно, иконы писали лаврские мастера и местный выдубицкий иконописец мон. Варфоломей.

В 1772 г. в соборе был установлен специально изготовленный реликварий с частицами Животворящего

Собор вмч. *Георгия Победоносца*. 1696–1701 гг. Фотография. 2008 г.

Древа и мощей (равноап. кн. Владимира, святителей Василия Великого, Григория Богослова, Иоанна Златоуста, вмч. *Георгия Победоносца* и др.). Рака для мощей обновлялась и украшалась в 1834 г.

В 1770–1773 гг. собор был отремонтирован, в 1784 г. перекрыта крыша. Подобные ремонты в дальнейшем выполнялись регулярно.

В 1868–1872 гг. проведен новый капитальный ремонт собора; И. Р. Желтоножский перекрасил внутренние стены в голубой цвет, написал орнаменты по образцу Софийского собора, изобразил в главном куполе Св. Троицу, обновил все иконы иконостаса (1872). Мастер Я. Коблов соорудил новые деревянные с позолотой хоры над зап. входом. Итал. мастер из Одессы Э. Вернетти положил мраморный пол. В 1891–1902 гг. по проекту архит. В. Н. Николаева была облегчена конструкция куполов, купола и лепнина вновь позолочены, обновлена и дополнена живопись внутри храма (1900, худож. Махлай).

Собор пострадал от взрыва на Зверинце 6 июня 1918 г. После закрытия мон-ря и ликвидации прихода в 1936 г. здание было передано под склад. В период оккупации при возобновлении мон-ря в соборе хранили сено и дрова. После 1945 г. здание было передано Центральной научной б-ке АН УССР. 26 нояб. 1968 г. в соборе случился пожар. В 1970–1973 гг. он был отреставрирован под рук. Быковой. Сначала в нем разместили скульптурные мастерские, а в 1975–1997 гг. — фонды Ин-та археологии. В 2006–2009 гг. дрогобичские мастера полностью расписали собор, изготовили неск. мозаичных изображений.

Трапезная с церковью Преображения Господня (вмч. *Георгия Победоносца*). Была сооружена напротив сев. фасада Георгиевского собора одновременно с ним, в 1696–1701 гг., на средства Миклашевского. Это единственное подобное строение кон. XVII — нач. XVIII в. на Украине, сохранившееся целиком. Изначально трапезная церковь была посвящена вмч. Георгию Победоносцу. В 1781 г., когда состоялось переосвящение всех главных храмов обители, церковь стала Преображенской (этот престол был перенесен из нового собора). Со стороны центральной площади трапезная одноэтажная, с обратной у нее 2 этажа. Эта архитектурная особенность постройки связана с рельефом местности. Орнаментальный портал с элементами резьбы и лепнины (возобновленный после пожара весной 1760 г., когда пострадала трапезная с храмом) увенчан фигурным картушем с гербом Миклашевского.

В авг. 1760 г. обгоревшие храм и трапезная были уже отремонтиро-

ваны, поставлены 2-ярусный иконостас и престол с прежним антиминсом, спасенные во время пожара. Трапезная ц. стала главным храмом обители в холодное время года.

Алтарь храма полностью расписан евангельскими сценами (живопись

*Трапезная с церковью
Преображения Господня.
1696–1701 г.
Фотография. 2013 г.*

XVIII в. сохр. лишь частично). В кон. XVIII в. алтарь и часть трапезной палаты были вновь расписаны маслом.

Капитальный ремонт трапезной из-за порчи фундамента и трещин в стенах был произведен в 1784 г. (Л. Ф. Веретенников). Был подведен дополнительный фундамент и сооружены контрфорсы.

В 1837 г. на пожертвования семьи кн. Яшвиля (1 тыс. р.) киевский иконописец И. Г. Оробиевский изготовил новый иконостас для трапезной церкви и украсил алтарь новыми росписями, в основе к-рых — Христос Вседержитель и Его жертва, символы литургии и причастия. В 1879 г. в Москве был изготовлен новый иконостас; иконы были написаны в Мокшане (Пензенская губ.) в мастерской М. Хрущева. Старый иконостас передали для бедного сельского прихода Черниговской епархии. Капитальный ремонт трапезной церкви осуществил архим. Евлогий (Василянский): в 1884 г. возведена подпорная каменная стенка, сделана новая крыша, позолочен купол и крест; в 1888 г. по проекту Николаева на средства казначея иером. Тимофея (Шепченко) построена каменная 2-ярусная пономарня. В 1889 г. в храме появились новые росписи («Преображение Господне» — на юж. стене алтаря, «Крещение Господне» — на северной, «Нагорная проповедь» — на западной); в 1897 г. устроено калориферное отопление и вентиляция. Ок. 1900 г. Махлай обновил живопись, выполнил новые росписи: образ прп. Нестора Летописца и сце-

ну «Снятие со креста». Он написал и 6 новых икон для иконостаса, 2-й ярус которого сняли для большего освещения трапезной.

Трапезная, пострадавшая от взрыва пороховых складов 6 июня 1918 г., была отремонтирована. В нач. 20-х гг.

XX в. в помещении трапезной разместили клуб Об-ва деревообработчиков, устроив сцену на месте алтаря, росписи забели-

ли. Позже здесь находилась склад мебели. В 1967–1974 гг. трапезная была полностью отреставрирована коллективом под рук. Быковой. С 1997 г.

трапезный храм служил главной монастырской церковью до завершения реставрации Георгиевского собора. В 2009 г. трапезная с храмом выгорела во время ночного пожара (существует версия о поджоге). На протяжении 2009–2011 гг. здесь осуществлялись реставрационные работы.

Колокольня с храмом пророка Даниила. Традиционно возведение колокольни датируется 1725–1727 (1727–1733?) гг. и приписывается ктиторству миргородского полковника Д. П. Апостола. Однако прямых письменных подтверждений этому нет, а на плане И. Ушакова 1695 г. колокольня уже изображена 3-ярусной: въездные ворота, храм и собственно колокольня. Вероятно, уже к 1695 г. колокольня была каменной.

На 2-м ярусе находилась ц. прор. Даниила, а собственно колокольня — на 3-м ярусе, к-рый имел открытые на все стороны арочные пролеты. В 1779 г. по настоянию архим. Мелхиседека (Значко-Яворского) из-за аварийного состояния колокольни Данииловская ц. была закрыта, а иконостас перенесен в Благовещенский храм на 2-м этаже древнего собора. В помещении церкви был устроен склад. В 1828–1830 (1829–1833?) гг. по проекту архит. А. И. Меленского колокольню надстроили облегченным 4-м восьмигранным ярусом с 8 круговыми арочными пролетами. Поставленный на четверик, этот дополнительный ярус не имел перекрытия и возвышался над колоколами. На колокольне находились 3 больших и 5 малых колоколов.

Самый большой (100 пудов) был отлит 20 апр. 1690 г. на средства мещанина Т. Петровича Железного Гроша; старейший малый датирован 1621 г., 18-пудовый — 1643 г. и «субботник» — 1657 г. На колокольне также был поставлен «зигар сутковый» (часы) козелецкого мастера П. Зарина.

В 1871 г. в помещении Данииловской ц. разместили ризницу и архив; для большей устойчивости здания въездные ворота заложили, а проезд был пробит в стене рядом с колокольней. Взрыв пороховых складов на Зверинце в июне 1918 г. повредил колокольню: возникла сквозная трещина на вост. стене, был разрушен верхний ярус. В 20-х гг. XX в. в ко-

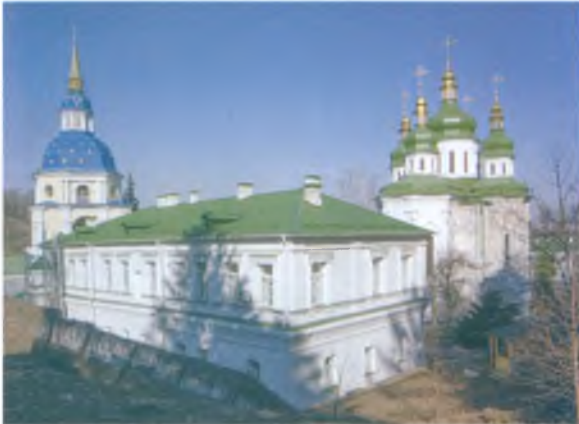
*Собор вмч. Георгия Победоносца
и колокольня с ц. прор. Даниила.
Фотография. 2008 г.*

локольне были устроены жилые помещения для рабочих. Реставрация произведена в 1965–1966 гг. (архит. В. Т. Шимко) и в 1971–1973 гг. (коллектив Быковой). После передачи строения мон-рю здесь возобновили храм прор. Даниила, к-рый был расписан в народном стиле.

Большие братские кельи. Жилища иноков изображены на плане Ушакова 1695 г. В XVIII в. вдоль стен были выстроены деревянные малые кельи. В 1811 г. пожар уничтожил большинство помещений. К 1814 г. на их месте вновь построили деревянные здания, к дек. 1846 г. по проекту архит. П. И. Спарро — каменный

корпус (на 1-м этаже — 12 комнат, на 2-м — 4 комнаты с мезонином). В 1901–1902 гг. по инициативе архим. Евлогия корпус был перестроен: возведен каменный 2-й этаж над всей площадью первого, к-рый был целиком перепланирован; в средней части 1-го этажа устроена больница (проект Е. Ф. Ермакова). Кельи пострадали в результате взрыва в июне 1918 г., но были отремонтированы силами братии. В 2013 г. здание вновь ремонтируется.

Справа от св. врат и колокольни, напротив зап. входа в Георгиевский собор, находится **настоятельский корпус (митрополичьи покои)**. Он был построен в 1784–1785 гг. над старым каменным погребом. Второй этаж был деревянным. Частично сохранился нижний этаж с пиляст-

*Настоятельский корпус.
1784–1785 гг.
Фотография. 2013 г.*

рами, обозначавшими внутренние перегородки, окна с «ушастыми» наличниками и лучковыми перемычками. Известно, что на 2-м, деревянном этаже было 10 комнат. Со стороны внутреннего двора монастыря вход был украшен резьбой. В 1883 г. архим. Евлогий на средства бывш. архим. Арсения, пребывавшего на покое, перестроил кельи: оба этажа изменили планировку, был пристроен контрфорс для укрепления горы близ келий (проект В. П. Катеринича). В 1892 г. со стороны зап. фасада был сооружен мостик для выхода со 2-го этажа в игуменский садик. В 1896–1898 гг. по проекту архит. Ермакова корпус вновь был перестроен: уменьшен размер 1-го этажа, осуществлены дренажные работы по осушиванию фундаментов и подполья, разобран деревянный верхний этаж и выстроен каменный в стиле модерн, устроено 3 входа: парадный (восточный) и 2 западных, ведущие на мостик в сад игумена. Над парадным входом устроено крыльцо под

навесом с коваными металлическими ступенями. Внутри появилась широкая дубовая лестница. В связи с тем что здесь останавливались Киевские митрополиты во время посещения мон-ря, этот корпус именовался и «митрополичьими покоями». Вслед взрыва пороховых складов в 1918 г. здание пострадало, после закрытия мон-ря использовалось для жилищ и хозяйственных помещений деревообрабатывающего предприятия. Реконструкция келий произведена в 1966 г. В 1975–1997 гг. здесь размещалась дирекция, архив и б-ка Ин-та археологии. С 1997 г. в отремонтированных кельях настоятеля живет наместник обители.

Ограда, святые врата, колодец. На плане Ушакова 1695 г. изображена деревянная ограда. В 1740 г. инженер Д. де Боскет в докладной записке указывал, что ограда находится в жалком состоянии (ЦГИАК. Ф. 130. Оп. 2.

Ед. 12. Л. 1–1 об.). Власти обязали мон-рь поставить новую ограду и вырубить насаждения вокруг обители для лучшего просмотра стратегической в

военном отношении территории. Но К. В. м. благодаря ходатайству митрополита не выполнил эти работы. Игумен Иаков (Воронковский) благословил выстроить ограду, выселить с монастырской территории поселян и никому из светских лиц не разрешать проживать здесь в дальнейшем, тем более торговать спиртными напитками (Там же. Оп. 1. Ед. 67. Л. 77–78 об.). В 1853 г. ограда была поставлена на каменные столбы, чтобы окончательно зафиксировать монастырскую территорию. К 1865 г. каменная ограда была построена только со стороны дороги. В 1869 г. ограда при входе в мон-рь и у трапезной была украшена сюжетной масляной живописью; одновременно возобновлен ров вокруг обители. В 1873 г. в связи со строительством рядом с К. В. м. промышленной дороги и моста через Днепр была возведена каменная стена (реставрирована в 1978).

После возведения каменной колокольни на уровне 1-го яруса были уст-

роены св. врата, к-рые впосл. в связи с наклоном колокольни пришлось замуровать и прорубить новые в ограде рядом. В 1807 г. старые врата были заменены амбирными. В 1870 г. свящ. И. Желтоножский написал на цинковой доске новый надвратный образ Спасителя. В 1892 г. были установлены новые железные ворота, над вратами в каменной арке написаны маслом образ вмч. Георгия, сцены «Чудо арх. Михаила в Хонех», «Ангел молитвы», «Преображение Господне». Врата венчал новый позолоченный крест. Взрыв на Зверинце 1918 г. привел к появлению сквозной вертикальной трещины, все было испещрено шрапнелью. Мон-рь успел возобновить врата и отреставрировать образ Спасителя над ними. В 2013 г. над вратами помещен мозаичный образ Спаса Нерукотворного.

Сведения о сооружении колодца зафиксированы в рукописи неизвестного монаха в 50-х гг. XVIII в.: «Божием поспешеством создася студенец сей року Божого 1715 месяца июля 11 тцанием всецетнаго отца нашего игумена Лаврентия Горки» (Перец В. Н. К биографии о. Игнатия Оксеновича Старишича, киевского проповедника пол. XVII в. Пг., 1914. С. 4). В 1775 г. колодец был облицован кованым железом, в 1785 г. возле него выкопали другую «саженку» — для наполнения колодца водой. В 1791 г. был устроен водопровод в кухню мон-ря по керамическим трубам, а над самим колодцем соорудили шатровый навес, покрыв его гонтом и увенчав главкой с крестом. В 1869 г. архим. Арсений приказал снять это громоздкое сооружение и сделать легкий навес по примеру постройки в Голосеевской пуст. В 1889 г. новый дубовый сруб колодца обложили кирпичами на цементе и по железным трубам провели водопровод в братский корпус, баню и кухню. В 1890 г. соорудили железный навес со шпилем и с железным крестом. Для стока подземных вод были проведены трубы-выводы к склону Днепра. В 1900 г. был выкопан новый колодец, соединенный со старым (для большего водозабора). Однако из-за отсутствия должного ухода колодец в 20-х гг. XX в. перестал функционировать. Реконструкцию его старинного вида осуществили в 1978 г. с использованием гравюры подобного колодца XVIII в. (проект П. Г. Юрченко).

Библиотека, архив, ризница.

В 1765 г. был составлен общий обзор и начата регистрация б-ки. В ней было 83 наименования печатных кириллических изданий. Это гл. обр. церковно-служебные книги, Библии, жития святых, толкования Свящ. Писания, катехизисы, сборники проповедей, сочинения Иоанникия (Галатовского), Лазаря (Барановича), Феофана (Прокоповича), Антония (Радивиловского) и др., а также лексиконы. 30 рукописных книг имели тот же состав по тематике. Из числа аскетических сочинений, традиционных для монашеского чтения, в наличии имелась только «Лествица» прп. Иоанна Лествичника. Лат. книг насчитывалось 29 (Библии, комментарии к Евангелиям, гомилии, философские и теологические трактаты, словари и соч. «Органон» Аристотеля). Собрание имело также 23 польск. книги, гл. обр. проповеди, жития святых, тексты диспутов и проч. Общее количество изданий (кириллических и латиницей) составило 165 наименований.

В 1776 г. в б-ке хранилась уже 201 книга. Самыми ценными были: рукописное Евангелие (1561), Острожская Библия (1581), выпущенные в Киево-Печерской лавре Евангелие (1637), «Беседы свт. Иоанна Златоуста» (1624), «Законоправильник» (1629), «История Варлаама и Иоасафа» прп. Иоанна Дамаскина (1637); «Параланфия сиречь утешительная мольба к Господу» (1634), «Казанье Св. Кирилла Иерусалимского» (Вильно, 1596). В целом насчитывался 151 экз. кириллических изданий и рукописей. Латинских книг оставалось 25, а также 7 рукописных, польскоязычных изданий — 25. Старейшими среди них были: сборник проповедей различных греч. авторов, составленный иезуитом Якобом Венгровичем в 1573 г., соч. «О христианском совершенстве» (Познань, 1612), «Книга визерунка земного» (Краков, 1612), богословские трактаты Яна Касиана Эремиты (Краков, 1603–1604) (возможно, эти книги ранее принадлежали Антонию (Грековичу)) (ЦГИАК. Ф. 127. Оп. 169. Ед. 20. Л. 24–47).

Опись 1775 г. содержит более полное и точное описание монастырского собрания. Именно здесь зафиксировано, что в б-ке было уже 2 экз. Острожской Библии 1581 г. В числе раритетов кроме названных выше указаны изданные в лаврской типо-

Серебряный крест, подаренный митр. Киевским Петром (Могилой) Выдубицкому мон-рю. Литография. 1847 г. (ГПИБ)

графии: Номоканон (1629), «Крест Христа Спасителя» (1632), Учебное Евангелие (1637); лат. Библия (кельнское издание 1609 г.), лат. издание творений прп. Ефрема Сирина (1616), польскоязычная Библия (Гданьск, 1632) в 2 экз. Среди рукописей выделялся список службы прп. Сергию Радонежскому, его Жития и чудес (с московского печатного издания 1647 г.). В целом в б-ке насчитывалось 152 кириллических издания и 29 рукописей, 27 латиноязычных и 21 польскоязычное издание, среди к-рых особо выделялось издание 1441 г. сочинения *Фомы Кемпийского* «О наследовании Христу» (Там же. Ф. 130. Оп. 2. Ед. хр. 552. Л. 5–31 об.). Описи 1775–1776 гг. свидетельствуют, что во время пожара 1760 г. б-ка была спасена.

В 1833 г., принимая ризницу, новый ризничий иером. Амфилохий обнаружил, что пропало немало вещей (иконы, 2 плащаницы, привески из ценных металлов, 7 ручных серебряных крестов, элементы из дорогих окладов, ризы и т. п.) и книг: Правильник (К., 1754), Акафисты (К., 1798), Поучения архиеп. Платона (М., 1782) и др. В докладной записке архим. *Иустину (Михайлову)* иером. Амфилохий просил прика-

зать братии, «дабы находящиеся при церкви книги и другие церковные вещи без позволения не брали» (Там же. Оп. 1. Ед. хр. 840. Л. 42–48 об.). Последующий игум. Амфилохий собирался продать А. С. Анненкову Острожскую Библию, но в 1840 г. митр. Филарет (Амфитеатров) пресек это намерение. Тем не менее именно в то время бесследно пропала часть выдубицких раритетов.

О состоянии выдубицкой б-ки во 2-й пол. XIX в. свидетельствуют описи монастырского имущества 1856 и 1872 гг. Книжное собрание описано в определенной системе, в основании к-рой — тематический принцип. Всего указано 169 наименований, хотя реально книг было больше (в одну позицию объединялись многотомные и книги в неск. экземплярах). Имелось 12 разных изданий Свящ. Писания, в т. ч. Острожская Библия (2-й экз. был передан в КДА). Среди 9 богослужебных книг упомянуты печерские издания Служебника (1620, 1639, 1653), Евангелие (Львов, 1636), службы прп. Сергию Радонежскому и его Житие (М., 1647). В б-ке было 2 издания «Чинопоследования присоединения к Православию», но их изъяли «в числе других 32 книг» по распоряжению Консистории от 31 июля 1863 г. К разд. «Творения Св. Отцов» было отнесено 32 книги, в т. ч. сочинения святителей Иоанна Златоуста (самое старое печерское издание 1624 г.), Василия Великого, Григория Назианзина, Димитрия Ростовского, преподобных Ефрема Сирина и аввы Дорофея, Макария Египетского, Авраамия Медиоланского, Иоанна Лествичника, Нила Сорского, Кормчая книга и «Духовный регламент» (М., 1818). К группе «прочие книги духовного содержания» (57) принадлежали многочисленные Исповедания веры, катехизисы, толкования, сочинения митр. Стефана (Яворского), архиеп. Лазаря (Барановича) и др. Самым старым изданием этой группы была «Скрижаль» Святейшего патриарха Московского и всея Руси Никона (М., 1656). Среди «исторических и разных» названо всего 14 изданий, почти все XIX в., за исключением сочинений Сульпиция Севера (1783), 3-томника М. В. Ломоносова (СПб., 1794) и Лексикона триязычного (1704). Кроме того, в б-ке имелось 7 планов выдубицких имений 1788–1824 гг. Реестр 1872 г. прибавил 2 книги: Описание знамений от Животворящего

Креста (1864) и объяснение обрядов и таинств (1866), а также планы хутора Круглик и Зверинца 1847–1869 гг. (ЦГИАК. Ф. 130. Оп. 2. Ед. 830. Л. 109–117 об.; Ед. 869. Л. 146–163; Оп. 1. Ед. 1082. Л. 165–180 об.), однако по сравнению с предыдущим отсутствуют латино- и польскоязычные издания, изъяты по постановлению Консistorии, возможно для передачи в КДА.

К 1915 г. в б-ке находилось 25 рукописей XVI–XVIII вв., а также старопечатные книги: XVI в. — одна (Острожская Библия), XVII в. — 36, XVIII в. — 105 и недатированных (XVIII в.) — 11. Среди старопечатных выделялись Службник (1619), Учительное Евангелие патриарха Каллиста (1637), Благовестник (М., 1649) и др. Почти все рукописи, зафиксированные в 1915 г., хранятся во Всенародной б-ке Украины (в Ин-те рукописи НБУВ НАН), самая ранняя из них датируется XVI в. (НБУВ ИР. Ф. I. Ед. 5541–5569).

Архив обители был одним из самых крупных и ценных в Киеве. Здесь хранились документы с нач. XVI в. в оригиналах и копиях; значительные усилия к собиранию и копированию документов в архивах центральных судебных учреждений и Киевского магистрата приложил историк обители игум. Иаков (Воронковский). Сохранился систематизированный сборник, в к-рый вошли документы за 1507–1767 гг. по Зверинцу, с. Выдубичи, Лесникам, Осокоркам, Багаринову, а также Лыбедскому перевозу и др. (ЦГИАК. Ф. 130. Оп. 1. Ед. 907. Л. 1–67 об.). Интерес представляет и сборник с алфавитным порядком владений (их географических названий) и копиями документов по каждому. Здесь также находится полная выкладка тяжб К. В. м. с лаврой. Наконец, в этом сборнике имеется выдержка из старого рукописного Службника Киево-Софийской б-ки — это грамота Киевского митр. Иосифа (Солтана) от 25 дек. 1509 г. и выписка из «книг королевских» от 12 нояб. 1622 г. (Там же. Ед. 906. Л. 99–100, 153–153 об.). Оба сборника — результат планомерной работы сотрудников игум. Иакова по реконструкции утраченных документов старинного архива обители. 21 сент. 1780 г. Духовный собор вынес постановление о том, что все грамоты князей, царей, королей и гетманов и «все дела до архива относящиеся» следует поручить послушнику иеродиак. Исихию,

забрав их из кельи казначея Нектария (Там же. Оп. 2. Ед. хр. 598. Л. 3). Т. о., именно с этого времени в К. В. м. была учреждена «архивная служба».

В 1875 г. Комиссия КДА обследовала древнейшие киевские монастыри с целью выявления ценных исторических документов и их передачи в академическое собрание. В Выдубичах работал приват-доцент С. Т. Голубев, к-рый отметил богатство монастырского архива, включающего документы с нач. XVI в., наличие в б-ке старопечатных книг и рукописей. Ученый констатировал: «Богатство монастырского архива, который по древности и численности сохранившихся в нем документов далеко превосходит все, вместе взятые архивы остальных киевских монастырей. Довольно большая комната в одном из монастырских корпусов буквально загромождена кипами бумажных связок» (Голубев. 1875).

В 1890 г. ценную коллекцию рукописей, гравюр и книг (700 единиц) подарил мон-рю ктитор Соломка. Сначала б-ка и архив хранились на хорах Михайловской ц. (во время пожара в 1760 были вынесены из горящего храма), в посл. — в закрытой Данииловской ц. на колокольне. В 1902–1904 гг. для архива и б-ки построили специальное здание. На 1-м этаже разместили центр пневматического отопления и церковную лавку, а 2-й этаж заняли б-ка и архив. Резные шкафы для книг и документов изготовил послушник Г. Кишев. В 20-х гг. XX в. архив и б-ку конфисковали и передали во Всенародную б-ку Украины. К 2013 г. архив хранится в ЦГИАК (Ф. 130. Оп. 1–3), рукописное собрание — в НБУВ ИР. В здании бывш. б-ки и архива К. В. м. устроен ресторан.

Некрополь. В древности погребения совершались и в Михайловском соборе, и в специальных пристройках к нему. Но лишь с XVIII в. документы подробно фиксируют имена погребенных лиц и места их захоронения. В 1706 г. в специальном склепе Георгиевского (в то время новостроенного Михайловского) собора был погребен ктитор Миклашевский (в 2010 трудами одного из наследников Миклашевских склеп отреставрирован и останки положены в новую раку). В 1754 г. здесь был погребен поэт и богослов архим. Сильвестр (Ляскоронский). В кон. XVIII в. монастырское священноначалие уведо-

мил митр. Самуила (Миславского), что на территории К. В. м. исчерпаны места для погребения, испрашивая разрешение на вторичные захоронения. В 1788 г. на горе рядом с К. В. м. было открыто новое кладбище для погребения братии. В посл. трети XIX в. был составлен перечень погребенных известных лиц (105 имен) и скопированы надписи с надгробий. Перечень могил 1910 г. включал 310 имен. В 1919 г. архитекторы Н. Н. Ильин и В. И. Лесючевский обследовали памятники, зарисовали их и скопировали надписи (все 3 списка опубли.: Ульяновский. 2009. С. 549–591). В 20-х гг. XX в. большинство памятников со скульптурами, из драгоценных металлов и мрамора были украдены или разбиты, кресты повалены. После 20-х гг. здесь уже никого не погребали. Только в 1943 г. были похоронены в 2 братских могилах освободители Киева, останки к-рых в посл. перенесли в Парк Славы. На территории К. В. м. сохранились немногочисленные надгробия, в т. ч. над погребением известных меценатов и основателей киевских музеев Б. И. Ханенко (1844 (1849?) — 1917) и В. Н. Ханенко (1848–1922), педагога К. Д. Ушинского (1824–1870) и др.

Арх.: ЦГИАК. Ф. 130. Оп. 1–3; НБУВ ИР. Ф. I. Ед. 5541–5569 (рукописные книги); Ф. II. Ед. 6405–6771, 27700–27867; Ф. 160; Ф. 279. Ед. 412. Л. 1–86.

Ист.: АН. Т. 4. № 85. С. 221; АЮЗР. Т. 3. № 18. С. 27–29; № 71. С. 75–77; *Аскоценский В. И.* Наказ Киево-Выдубицкого Всеволожа Свято-Михайлова мон-ря прикажчикам или правителям или городничим, чего им, будучи при своих занятиях, смотреть // Киевские ГВ. 1857. Ч. неофиц. № 34. С. 244–248; № 35. С. 251–255; *он же.* Переписка (1769 г.) Самуила, митр. Киевского и Галицкого, с игум. Киево-Выдубицкого мон-ря // Иаковом // Киевские ГВ. 1857. № 27. Ч. неофиц. С. 185–186; *Лазаревский А. М.* Описание старой Малороссии. К., 1888. Т. 1; *Павел Алеппский.* Путешествие. 1898. Вып. 4. С. 188–189; Описание рукописей и старопечатных книг б-ки Киево-Выдубицкого мон-ря // *Петец В. Н.* Отчет об экскурсии Семинария рус. филологии в Киев 30 мая — 10 июня 1915. К., 1916. С. 182–221; *Оглоблин О. П.* Петро Калнишевський і Києво-Выдубицький мон-р: Два неопубл. документи // Віра і знання: Праці Науково-Богословського Ін-ту УПЦ в ЗДА [= США]. Н.-Й., 1954. Вип. 1. С. 117–118; Повесть временных лет. СПб., 1996²; ПСРЛ. Т. 1–2; *Высоцкий С. А.* Надпись XI в. на стене ц. Михаила Выдубицкого мон-ря в Киеве // Средневековая Русь. М., 1976. С. 41–48; *Софонович Ф.* Хроніка з літописців стародавніх. К., 1992; Слово Моисея Выдубицкого о построении стены в Выдубичах // БЛДР. 1997. Т. 4. С. 292–295.

Лит.: *Максимович М. А.* Выдубицкий мон-рь // Киевлянин. 1841. Т. 2. С. 5–26; *он же (Максимович М. О.).* «Киев явился градом великим»: Вибрані українознавчі твори. К., 1994. С. 162–

170; *Троицкий П. А., свящ.* Киево-Выдубицкий мон-рь во время занятия его унітатами (в 1596–1637 гг.) // *Вестник Зап. России.* Вильно, 1866. Кн. 9. Т. 3. Отд. 2. С. 158–178; *он же.* Киево-Выдубицкий Михайловский мон-рь // *Киевские ЕВ.* Отд. 2. 1870. № 18. С. 547–555; № 21. С. 617–631; № 22. С. 644–651; 1871. № 10. С. 231–[245]; *Закревский Н. В.* Описание Киева. М., 1868. Т. 1; *Голубев С. Т.* Рукописи Киево-Выдубицкого мон-ря // *Киевские ЕВ.* 1875. № 16. Ч. неофиц. С. 529–531; *он же.* Киево-Выдубицкий мон-рь: Домонгольское время // *ТКДА.* 1913. Кн. Т. 3. № 10. С. 204–246; № 11. С. 339–352; № 12. С. 523–565; *он же.* История Киево-Выдубицкого Св.-Михайловского мон-ря. К., 2011; *Петров Н. И.* Киев, его святыни и памятники. СПб., 1896; *Бородулин Г.* Памятники о свт. Феодосии Углицком, хранящиеся в Киевском Выдубицком мон-ре // *Черниговские ЕВ.* 1898. № 10. Ч. неофиц. С. 404–412; *Сементовский Н. М.* Киев, его святыни, древности, достопамятности. К.; СПб., 1900; *Миллер Г. П.* Киево-Выдубицкий Свято-Михайловский мон-рь // *ИВ.* 1903. Т. 93. Авг. С. 644–653; *П. Т.* Архим. Евлогий, бывш. настоятель Киево-Выдубицкого мон-ря: (Некр.) // *Киевские ЕВ.* 1914. № 33. Ч. неофиц. С. 819–822; *Шероцкий К. В.* Киев: Путев. К., 1917; *Смирнов В.* Завершить реставрацию Выдубицкого архит. заповедника в Киеве // *Архитектура СССР.* 1956. № 11. С. 43–44; *Тиманович Е. В.* Праці архітектора Юрасова у Києві // *Питання історії архітектури та будівельної техніки України.* К., 1959. С. 138–147; *Каргер М. К.* Древний Киев: Очерки по истории материальной культуры древнерус. города. М.; Л., 1961. Т. 2. С. 287–310; *Цапенко М. П.* Архитектура Левобережной Украины XVII–XVIII вв. М., 1967; *Мирошенко О. К.* Древні Видубичі. К., 1971; *Бегунов Ю. К.* Речь Моисея Выдубицкого как памятник торжественного красноречия XII в. // *ТОДРЛ.* 1974. Т. 28. С. 60–76; *Мовчан І. І.* Археологічні дослідження на Видубичах // *Стародавній Київ.* К., 1975. С. 80–106; *он же (Мовчан І. І.).* Древние Выдубичи. К., 1982; *он же.* Давньокієвська околиця. К., 1993; *Жалтовський П. М.* Український живопис XVII–XVIII ст. К., 1978; *Асеев Ю. С.* Архитектура Древнего Киева. К., 1982; *Логвин Г. Н., Логвин Н. Г.* Ансамбль Выдубицкого мон-ря XI–XIX вв. // *Мат-лы к своду памятников истории и культуры народов СССР по УССР.* К., 1985. Вып. 3. С. 7–11; *Логвин Н. Г.* Михайловская ц. на Выдубичах в Киеве // *Сов. Арх.* 1986. № 4. С. 266–272; *Ранпопорт П. А.* Зодчество Др. Руси. Л., 1986; *Комеч А. И.* Древнерус. зодчество кон. X – нач. XII в. М., 1987; *Бикова Р. П.* Выдубицкий мон-рь // *З історії укр. реставрації.* К., 1996. С. 177–184; *Ленченко В. О.* Бароковий ансамбль Выдубицкого мон-ря за планом 1740-х рр. // *Архітектурна спадщина України.* К., 1997. Вып. 4. С. 160–162; *Проценко Л. А.* Некрополь Киево-Выдубицкого мон-ря // *ПКНО.* 1991. М., 1997. С. 389–398; *она же.* Выдубицкий некрополь // *Праці Центру пам'яткознавства.* К., 2003. Вып. 5. С. 198–205; *Звід пам'яток історії та культури України.* К., 1999. Кн. 1. Ч. 1. С. 241–249; *Кілессо Т. С.* Выдубицкий монастырь. К., 1999; *Оглоблин О. П.* Михайло Миклашевський // *Он же.* Люди старої України та інші праці. Острог; Н.-Й., 2000. С. 152–166; *Вечерський В. В.* Іконостас Георгіївської ц. Видубицького мон-ря // *Он же.* Втрачені об'єкти архітектурної спадщини України. К., 2002. № 34; *Бобровський Т.* Печери Видубиць-

кого монастиря у Києві: (За мат-ми досліджень відділу «Київ-підземний») // *Київ і кияни: Мат-ли щорічної науково-практ. конф.* К., 2005. Вып. 5. С. 6–9; *он же.* Підземні споруди Києва від найдавніших часів до сер. XIX ст.: Спелео-археол. нарис. К., 2007; *Тоцька І. Ф.* «Страшний Суд» в монументальному живописі Київської Русі // *Могилянські читання.* 2004. К., 2005. С. 541–552; *Ульяновський В. І.* Выдубицкий Чуда Архангела Михаила мон-рь: История в лицах, памятниках архитектуры и церк. искусства. К., 2009; *он же (Ульяновський В. І.).* Перша посягата Видубицького Георгіївського собору в світлі арх. докт-ів, пам'яток мистецтва та розпису Св. Софії Київської // *Софійські читання.* К., 2009. Вып. 4. С. 333–344; *Эртель А.* Новые данные по истории Выдубицкого мон-ря. 1920 // *Ульяновський В. І.* Выдубицкий Чуда Архангела Михаила мон-рь. 2009. С. 610–623; *Видубицький Михайлівський монастир – погляд крізь віки: 3б. мат-лів наукової конф., присвяченої 940-літтю Св.-Михайлівського мон-ря у Києві.* К., 2010; *Обитель Архангела.* К., 2010; *Ковалинський В.* Київські мініатюри. К., 2011. Кн. 9. Ч. 1. С. 198–247.

В. И. Ульяновский, Э. П. Р.

КИЕВСКИЙ ЗВЕРИНЕЦКИЙ ВО ИМЯ АРХАНГЕЛА МИХАИЛА МУЖСКОЙ МОНАСТЫРЬ

(Киевская митрополия УПЦ), находится в Киеве (Украина), на правом берегу Днепра, недалеко от *киевского Ионинского во имя Св. Троицы мон-ря.* Основан 9 июля 2009 г. решением Свящ. Синода УПЦ. Самое раннее упоминание названия «Зверинец» относится к 1-й пол.

Киевский Зверинецкий во имя арх. Михаила муж. мон-рь. Фотография. 2013 г.

XIII в. (надпись над жертвенником в подземной церкви пещерного кладбища: «Игоумени Звериньнсьци Левоньтия Марькьяна Михаила Ионы Мины Клименьтъя Мануила»). Но в летописях название «Зверинец», как и сведения о возможном пещерном мон-ре, не встречаются (*Высоцкий.* 1985. С. 85).

12 окт. 1888 г. состоялось открытие Зверинецких пещер. По преданию, киевлянке Феодосии Матвиенко, проживавшей близ пещер, триж-

ды во сне являлись монахи с просьбой накормить их. Она отнесла продукты в расположенный поблизости Ионинский Троицкий мон-рь и попросила братию отслужить панихиду. Утром 12 окт. Феодосия услышала некий гул и обнаружила свежий провал грунта. Проникнув вниз со свечой, женщина и ее сосед, худож. Д. Зайченко, увидели за полузасыпанной деревянной дверью проход и человеческие останки: одни были погребены в кельях и криптах, другие лежали на поверхности. По благословению настоятеля Троицкого мон-ря прп. *Ионы (Мирошниченко)* в тот же день монахи спустились в пещеру и подтвердили свидетельство Матвиенко и Зайченко. Вскоре у пещер начали собираться богомольцы, любопытные посетители спускались вниз и выносили оттуда уникальные артефакты. Пещеры взяла под охрану полиция, тем более что над ними находились артиллерийские склады, а сама территория принадлежала Киевскому фортификационному инженерному управлению в составе военного ведомства.

14 окт. в газ. «Киевское слово» в разд. «Местная хроника» сообщалось, что недалеко от Троицкого мон-ря, в нижней части Зверинецкой горы, при добыче глины был открыт вход в пещеру. Длина обнаруженного подземного коридора составила 68 м. В нем насчитывалось 48 погребальных ниш, т. е. пещера являлась подзем-

ным кладбищем. Пещеры посетили профессор Киевского ун-та археолог В. Б. Антонович, уже имевший опыт исследования подземных памят-

ников, историк проф. А. В. Прахов, директор Херсонского музея древностей В. И. Гошкевич и художник П. А. Сведомский. Были найдены серебряные крестик с цепочкой в виде тесьмы, гривна в середине к-рой был вырезан крест, неск. медных крестиков, фрагменты древнего кирпича. Остатки кожаной обуви, кожаные кресты и пояса были отправлены в Имп. археологическую комиссию в С.-Петербург, откуда находки вскоре вернулись в Киев, в Музей

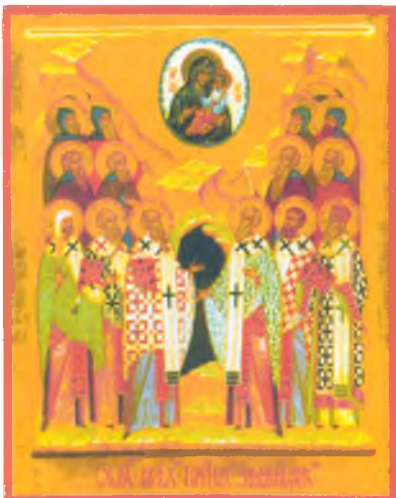
Церковно-археологического об-ва при КДА. Но полноценные археологические исследования в подземном памятнике на Зверинце провести не удалось.

В 1911 г. состоялось т. н. второе открытие пещер (*Серапион. 1914. С. 6–7*). В Троицком монастыре стало известно об очередном провале грунта на Зверинецкой горе. Игум. Валентин (Коротенко), проживавший в Троицком мон-ре с 1874 г., хорошо помнил события 1-го открытия пещер. Игум. Валентин решил

Интерьер
Зверинецких пещер.
Фотография. 2013 г.

открыть древнее подземное кладбище для посещений паломниками. Эту идею поддержал чиновник особых поручений при Киевском, Подольском и Волынском генерал-губернаторе, коллежский асессор кн. В. Д. Жевахов (см. *Иоасаф (Жевахов)*, сщмч., еп. Могилёвский и Минский). 1 июня 1912 г. Жевахов под-

Икона всех преподобных Зверинецких.
Нач. XXI в.

писал контракт с Киевским инженерным управлением, к-рому принадлежала территория, о передаче ему в аренду сроком на 6 лет участка земли в предместье Киева Зве-

ринец для проведения раскопок (ИМК. Ф. 1. Д. 30-в (1908). Л. 250). Для археологических исследований был приглашен А. Д. Эртель, член Киевского об-ва охраны памятников древности и искусства и Киевского отд-ния Имп. российского военно-исторического об-ва, который имел опыт проведения археологических раскопок в Киеве и его окрестностях (ЦГИАК. Ф. 127. Оп. 872. Д. 123. Л. 19–20; Ф. 725. Оп. 1. Д. 40. Л. 1).

7 июня 1912 г. по благословению наместника *Киево-Печерской лавры* игум. Валентин переселился из мон-ря в сбитый из досок курень, установ-

ленный над Зверинецкими пещерами. Слухи о древней пещере быстро распространились среди верующих. К игум. Валентину приходили паломники, монахи и послушники из разных обителей России. Постепенно образовалась об-

Ниша
игум. Климента Зверинецкого.
Фотография. 2013 г.

щина. Игум. Валентин организовал расчистку пещер, за что платил деньги из пожертвований. Таким же образом финансировались и археологические раскопки.

Открытый лист, т. е. разрешение на проведение раскопок, был выдан Имп. археологической комиссией на имя кн. Жевахова как владельца земельного участка, на котором расположен подземный памятник. Эртель получил открытый лист на раскопки на территории всего Киева и его окрестностей, а потому имел право руководить раскопками в Зверинецких пещерах. На раскопках в подземном памятнике работал С. П. Вельмин.

Исследования в пещерах на Зверинце начались в авг. 1912 г. с подготовительных работ, а с кон. сент. приступили к расчистке и раскопкам. Было открыто 2 входа: древний и прорытый до начала работ для удобства входа в одну из галерей. Всего открыто 3 подземные галереи: 2 основные и соединяющая. В том же году для удобства осмотра пещер был выкопан новый ход, который соединил подземный лабиринт в кольцо (Там же. Ф. 725. Оп. 1. Д. 3. Л. 154). В ходе исследований было обнаружено, что усыпальницы в пещерах разграблены еще до начала раскопок. Остались лишь разбросанные кости и неск. кожаных поясов, крестов и фрагментов керамики. На стенах пещерного лабиринта обнаружили неск. древних надписей. Первоначально материалы датировались XII–XIV вв. (Киевская мысль. 1913. № 11. С. 8). Раскопки посетил председатель Имп. археологической комиссии гр. А. А. Бобринский. Он взял с собой в столицу некоторые предметы и снимки надписей для «определения эпохи палеографического материала» (Киевлянин. 1912. № 324. С. 4).

В кон. 1912 г. на склоне горы, над пещерами, был построен деревянный дом на каменном фундаменте с намерением освятить здесь каменную церковь (ЦГИАК.

Ф. 127. Оп. 872. Д. 123. Л. 1–4). Одновременно кн. Жевахов хлопотал о передаче участка игум.

Валентину, однако оформить это юридически оказалось невозможно. К нач. 1913 г. Зверинецкую общину, созданную игум. Валентином, стали именовать скитом. Князь встретился с наместником Ионинского Троицкого монастыря архим. Иувеналием (Онокало), к-рый не решился просить о приписке Зверинецких пещер к Троицкой обители (Там же. Л. 6). После отъезда князя было решено, что если скит будет официально создан, то уместно передать пещеры Киево-Печерской лавре, у которой достаточно средств для окончания работ, связанных с раскопками и со строительством. В решении духовной кон-

«Зверинецкий крест»
в пещерной церкви во имя арх. Михаила

истории записано, что «передачу означенных пещер консистория считает возможной осуществить лишь

Граффити в пещерной церкви
во имя арх. Михаила

тогда, когда закончатся раскопки и когда будет должным образом разделен весь простор земли, где размещены пещеры, которые принадлежат теперь инженерному военному ведомству» (Там же. Л. 68).

В нояб. 1913 г. митр. *Флавиан (Городецкий)* получил от киевского генерал-губернатора письмо с просьбой об освящении церкви на Зве-

Пещерная церковь
во имя арх. Михаила.
Фотография. 2013 г.

рине. Под церковь подразумевался деревянный дом, построенный на склоне над пещерами. В резолюции на это письмо митрополит поручал преосвященному Никодиму «22 ноября 1913 года... осуществить освящение храма, с зачислением его и пещер к Киево-Печерской лавре, которые ей должны быть переданы (формальным порядком), хотя бы временно и на арендных правах, чтобы лавра была там полноправным и единственным хозяином» (Там же. Л. 69). 1 дек. 1913 г. еп. Чигиринский *Никодим (Кротков)* освятил ц. в честь Рождества Пресв. Богородицы (Там же. Л. 71). В марте 1914 г. был освящен придел во имя свт. Иоасафа Белгородского. В февр. 1914 г. в письме киевскому генерал-губернатору имп. *Николай II Александрович* выразил благодарность всем работникам «Зверинецкого дела», наградив их иконой Спаса Вседержителя и напрестольным крестом. Царские дары были размещены в Успенском соборе Киево-Печерской лавры, а 23 апр. 1914 г. перенесены в ц. в честь Рождества Пресв. Бого-

родицы. Весной 1915 г. кн. *Жевахов* обратился в Киевскую духовную консисторию с просьбой разрешить именовать образ Богородицы, обнаруженный в пещере, *Зверинецкой иконой Божией Матери*. В июне был получен ответ: «Духовная Консистория сообщает, что указом Синода от 24 апреля за № 5333 вследствие прошения позволяет именовать изображение Божией Матери Зверинецкою иконой Божией Матери». После полученного разрешения икону на металлической пластине украсили дорогим обрамлением и укрепили над царскими вратами иконостаса

родицы. Весной 1915 г. кн. *Жевахов* обратился в Киевскую духовную консисторию с просьбой разрешить именовать образ

Богородицы, обнаруженный в пещере, *Зверинецкой иконой Божией Матери*. В июне был получен ответ: «Духовная Консистория сообщает, что указом Синода от 24 апреля за № 5333 вследствие прошения позволяет именовать изображение Божией Матери Зверинецкою иконой Божией Матери». После полученного разрешения икону на металлической пластине украсили дорогим обрамлением и укрепили над царскими вратами иконостаса

ния скита и уничтожения храма, икона исчезла.

Весной—летом 1915 г. проводилось укрепление стен лабиринта: наиболее опасные участки (т. н. Алтарную улицу) укрепили кирпичом, менее опасные — деревом (Там же. Ф. 260. Оп. 1. Д. 74. Л. 48). Пещеры функционировали до 30-х гг. XX в. В 1934 г. вышло Постановление Киевского городского Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов «О закрытии греко-униатского костела и Зверинецкой церкви» (ГА г. Киева. Ф. Р-1. Оп. 1 (кн. 2). Д. 6295. С. 2). Вероятно, в кон. 30-х гг. XX в. был взорван храм на Зверинце. С 25 сент. 1943 г., в период оккупации Киева, район Зверинца объявили запрещенной для проживания зоной. Жители покинули свои дома; некоторые днем прятались в пещерах, а ночью возвращались домой.

Первые описания и попытки атрибутировать и датировать подземный памятник принадлежат руководителю раскопок 1912–1913 гг. *Эртелю* и историку *И. М. Каманину*. 19 янв. 1913 г. *Эртель* выступил на заседании Киевского общества охраны памятников старины и искусств с докладом о результатах археологических исследований, проведенных с авг. 1912 по янв. 1913 г. Вскоре он опубликовал доклад в виде брошюры под названием «Древние пещеры на Зве-

Мощи в Зверинецком мон-ре
(т. н. Алтарная улица)

рине в Киеве»; это было 1-е научное исследование одного из древнейших памятников Киева. Он дал краткое описание памятника и материала, полученного во время раскопок, сообщив, что в ходе исследований были открыты 2 древние пещерные улицы. На одной располагались церковь (алтарь) с древними надписями на стенах, погребальные ниши (локулы) и крипты. Улица получила название «Алтарная».

Вторая подземная улица, где располагались локулы с погребениями, была названа «Улица неисследованных захоронений» (*Эртель*. 1913. С. 43). Первый вывод о принадлежности пещер Эртель сделал на основании анализа открытых надписей: «...то, что именуется Зверинецким монастырем, существовало в XI, в XII и в XVII столетиях». Описание памятника он составил за год до окончания археологических раскопок (Там же. С. 13). Каманин написал монографию спустя год, т. е. когда был получен дополнительный археологический материал. Он изучил летописные источники и археологические находки и сделал выводы, что Зверинецкие пещеры были древним пещерным мон-рем во имя арх. Михаила. По мнению Каманина, мон-рь возник в 988 г. и просуществовал самостоятельно до 1088 г. В 1096–1097 гг., при разорении Киева половцами, или в 1240 г., во время монголо-татар. нашествия, он был разрушен до основания (*Каманин*. 1914. С. 129–130).

Иную т. зр. высказал проф. Н. И. Петров (*Петров Н. И.* Ученые труды по исследованию новооткрытых в Киеве Зверинецких пещер // ИОРЯС. 1918. Т. 22. Кн. 2. С. 227–255). Базируясь на исследованиях граффити, открытых на стенах пещер, а также обнаруженных на кожаных поясах тисненых изображений и надписей, ученый сделал вывод, что Зверинецкие пещеры были не мон-рем, а местом проживания отшельников, к-рое постепенно превратилось в иноческий некрополь. Пещеры, по его мнению, возникли не ранее XIV в. и просуществовали до XVIII в. (НБУВ ИР. Ф. 1. Д. 6588. Л. 21–28).

До кон. 90-х гг. XX в. Зверинецкие пещеры практически не изучались. В 60-х гг. в нек-рых киевских пещерах были проведены небольшие разведки, после чего вышла брошюра П. П. Толочко (*К.*, 1968), в к-рой автор высказал мнение о том, что пещерный комплекс на Зверинце является предшественником Выдубицкого мон-ря. Погибли эти пещеры, по предположению Толочко, во время монг. нашествия 1240 г. С. А. Высоцкий, проведя в 80-х гг. исследования надписей Зверинецкого лабиринта, отмечал, что общий характер почерка указывает на 1-ю пол. XIII в., а не на XI в., как ошибочно определил Каманин (*Высоцкий*. 1985. С. 52).

Киево-Зверинецкая икона Божией Матери «Всех скорбящих Радость». Нач. XX в.

Т. о., единого мнения по вопросу атрибуции и датировки подземного памятника на Зверинце в Киеве не существует.

В 1988 г. Киевский горисполком принял решение о передаче Зверинецких пещер Музею истории Киева с целью их расчистки, исследования и музеефикации. С 1990 г. (в течение 3 сезонов) сотрудники отдела «Киев подземный» Музея истории Киева проводили археологические

следователи зафиксировали в пещерах 58 погребальных ниш, 7 крипт и церковь. Среди находок, обнаруженных при раскопках, — фрагменты керамической посуды (венчики, стенки, доньшки) и кожаных изделий, серебряная монета 1893 г., медные монеты кон. XIX — нач. XX в., остатки дерева, изделия из металла (материалы датируются древнерус. и позднесредневек. периодами — XII–XV, XVII, а также XIX–XX вв.). Особое внимание уделялось настенным граффити (надписям, рисункам) как материалу, содержащему информацию, важную для определения времени существования пещерного комплекса. Было выявлено 7 надписей (3 из них ранее неизвестные), 6 изображений крестов, сложное (геральдическое) изображение и следы практически стертых надписей. Все они сконцентрированы на т. н. Алтарной улице, в районе пещерной церкви. Надписи с именем игум. Климента, опубликованные Каманиным, скорее всего датируются XII–XIV вв. (*Воронцова*. 2010. С. 37–38). Разнообразный археологический материал, полученный во время раскопок, был тщательно изучен, что позволило назвать пещерный комплекс на Зверинце монастырским кладбищем XII–XVII вв., принадлежащим Зверинецкой обители. О ее существовании свидетельствуют надписи на стенах пещер, среди которых и синодик зверинецких игуменов. В состав исследовательской группы вошли студенты Национального медицинского ун-та им. А. А. Богомольца Р. Л. Новакович, С. В. Дудник, В. В. Столяров, которые работали под рук. профессора ка-

Интерьер храма во имя Всех преподобных Зверинецких. Фотография. 2013 г.

раскопки одновременно с ремонтно-реставрационными работами. По свидетельству Е. А. Воронцовой, в начале раскопок «70% ходов были завалены грунтом. Пришлось, по сути, открывать их для науки заново». Ис-

федры рентгенографии НМУ Т. В. Топчий. Объектом исследований стали 1721 целая кость и ок. 5 тыс. плохо сохранившихся костных фрагментов. Согласно подсчетам, в пещерах было похоронено ок. 200 чел. Из них 145 взрослых (в т. ч. 5 женщин) и 53 ребенка в возрасте до 15 лет. Средний возраст похороненных 45–55 лет. Средний рост мужчин 166,3 см.

В 1997 г. насельники Ионинского Троицкого мужского мон-ря устроили Зверинецкий скит, в пещерном храме стали совершаться регулярные богослужения. 26 окт. 2001 г. благочинный Барышевского р-на Киевской обл. свящ. Михаил Макеев передал Ионинскому мон-рю оклад к утраченной Зверинецкой иконе Божией Матери (в наст. время в окладе находится список). В апр. 2009 г. была передана Киево-Зверинецкая икона Божией Матери «Всех скорбящих Радость» (нач. XX в.). 22 нояб. обители подарили икону Божией Матери «Скоропослушница» из мон-ря Дохиар на Афоне. 14 апр. 2009 г. решением Свящ. Синода УПЦ установлено местное почитание Собора преподобных и преподобномучеников Зверинецких (празд. в 5-ю Неделю Великого поста).

В кон. 2007 г. над входом в Зверинецкие пещеры был заложен храм во имя Всех преподобных Зверинецких. Одновременно состоялась закладка ц. в честь Рождества Пресв. Богородицы. 2 авг. 2010 г. архиерейским чином было совершено освящение накупольных крестов Богородице-Рождественского храма. Работы по возведению храмов завершены к 2013 г. В куполе золотой мозаикой на синем фоне выложен крест. Купол украшают образы апостолов, вел. кн. Владимира и кнг. Ольги, князей Игоря, Андрея Боголюбского, Александра Невского и Дмитрия Донского, страстотерпцев имп. Николая II и цесаревича Алексея. Группой иконописцев под рук. А. И. Микловды в традициях визант. школы XII в. расписана ц. Всех преподобных Зверинецких. В центральной апсиде алтаря изображены Спаситель и святители Василий Великий и Иоанн Златоуст, в клиросе — Собор преподобных Зверинецких. Завершаются работы по росписи подземной ц. во имя свт. Иоасафа (Горленко) и сщмч. Иоасафа (Жевахова), освященной на цокольном этаже Богородице-Рождественского храма. Росписи выполняются также в традициях визант. школы XII в.

Наместник К. З. м. — архим. Кассиан (Шостак); в обители проживают неск. насельников.
Арх.: ЦГИАК. Ф. 127. Оп. 872. Д. 123; Ф. 128. Оп. 1 благ. Д. 3555; Оп. 2. Д. 471; Оп. 3. Д. 729; Ф. 260. Оп. 1. Д. 25, 27, 74; Ф. 725. Оп. 1. Д. 3, 23, 25, 40, 43, 76; Ф. 442. Оп. 641. Д. 161; Ин-т материальной культуры (ИМК). Ф. 1. 1888.

№ 20. Оп. 872. Д. 123; Д. 30-в (1908); Д. 30-г (1908); Д. 306 (1908); Д. 358 (1913); НБУВ ИР. Ф. 1. Д. 6588; [Петров Н. И. Ученые труды по исследованию новооткрытых в Киеве на Зверинце пещер]; Ф. 10. Д. 389–4390, 4393; Ф. 28. Д. 349; Науч. арх. ИАНАНУ. Ф. ВУАН. Д. 9; Ф. 12. Д. 269; Архивно-следственное дело еп. Иоасафа (Жевахова Владимира Давыдовича) // Арх. УФСБ по Курской обл. Д. 3742; Бобровский Т. А., Стрихарь М. Н. Отчет о разведочных исследованиях пещерных памятников Киева и Киевской обл. в 1990 г. // Науч. арх. ИАНАНУ. Фонд экспедиций. Д. 1990/54; Бобровский Т. А. Отчет о спелеоархеол. изысканиях в Гнилецких пещерах г. Киева в 1993 г. // Там же. Д. 1999/31; Воронцова Е. А., Дьячкова Е. Б. Отчет об археол. исследованиях Музея истории Киева в 1990 г. (Зверинецкие пещеры) // Там же. Д. 1990/83; Воронцова Е. А., Бобровский Т. А. Отчет об археол. исследованиях Зверинецких пещер в Киеве в 1991 г. // Там же. Д. 1991/154.
Лит.: Закревский Н. В. Описание Киева. М., 1868. Т. 1; Сборник мат-лов для ист. топографии Киева и его окрестностей. К., 1874; Антонович В. Б. Археол. находки и раскопки в Киеве и в Киевской губ. в течение 1876 г. // ЧИОНЛ. 1879. Кн. 1. С. 244–261; он же. Археол. карта Киевской губ. М., 1895; Обзорные журналы и газет за 1888 г. // Киев. старина. 1888. № 12. Отд. 4. С. 28–34; Бобринский А. А. Курганы и случайные археол. находки вблизи местечка Смела. СПб., 1894. Т. 2: Дневники раскопок, 1887–1889 гг.; Петров Н. И. Указатель Церковно-археол. музея при КДА. К., 1897; Эртель А. Д. Древние пещеры на Зверинце в Киеве. К., 1913; Каманин И. М. Зверинецкие пещеры в Киеве: (Их древность и святость). К., 1914, 2007; Серапион, иером. Новооткрывающиеся древние пещеры в Киеве на Зверинце. К., 1914; Архангельский Н. В. Новооткрытые Зверинецкие пещеры в Киеве: (Древняя обитель св. Михаила). К., 1915; ИИАК. 1916. Вып. 63. Приб. С. 54; Толочко П. П. Таємниці київських підземель. К., 1968; Высоцкий С. А. Киевские граффити XI–XVII вв. К., 1985; Очерки истории Киево-Печерской лавры и Заповедника. К., 1992; Мовчан І. І. Давньокіївська околиця. К., 1993; Бобровский Т. А. Дещо про печерні житла давньо руських центів // Культурно-просвітницька діяльність в сучасних умовах: Тези наук. конф. 25–26 квітня 1994 р. К., 1994. С. 42–44; он же. Історичні підземелля Києва: (Спроба загальної характеристики) // Склелі й печери в історії та культурі стародавнього населення України: Зб. тез. повідомлень та доповідей. Львів, 1995. С. 14–16; он же. Печерні мон-рі й печерне чернецтво в історії та культурі середньовічного Києва: Дис. К., 1995; он же. Підземні споруди Києва від найдавніших часів до сер. XIX ст.: (Спелео-археол. нарис). К., 2007; Воронцова О. А. Історія «Зверинецької справи» // Питання культурології: Міжвідомчий зб. К., 1994. Вип. 13. № 2. С. 44–51; она же. Дослідження та відродження Зверинецького печерного комплексу у Києві — середньовічної пам'ятки історії та культури України // Лаврський альманах. К., 2010. Вип. 23. Спецвип. 9: Дослідження монастирських печерних комплексів. С. 7–53; она же (Воронцова Е. А.). Киевские пещеры: [Путев.]. К., 2010; Левищенко В. Тайна подземного кладбища // Сегодня: Газ. К., 2000. № 144(645), 28 авг.; Вечерский В. Украинські мон-рі. К., 2008.

Е. А. Воронцова, прот. В. Коцаба

КИЕВСКИЙ ЗЛАТОВЕРХИЙ ВО ИМЯ АРХАНГЕЛА МИХАИЛА МУЖСКОЙ МОНАСТЫРЬ, находился в Киеве. Основан в нач. XII в.

Кон. XI–XVII в. Точное время основания К. З. м. неизвестно. В мае 1093 г. упоминается церковь «у святого Михаила», где, собрав войска против половцев, военно-политический союз заключили Киевский вел. кн. Святополк (Михаил) Изяславич и черниговский кн. Владимир (Василий) Всеволодович Мономах (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 210). По мнению Я. Н. Щапова, речь могла идти о Михайловском соборе будущего К. З. м. (Щапов. 1989. С. 135). Однако вряд ли сбор войск проходил в верхней части города. Отсутствие упоминания в летописях о более статусном киевском во имя вмч. Димитрия Солунского муж. мон-ре дает основание полагать, что в источнике говорилось о Михайловской ц. киевского Выдубицкого мужского монастыря, рядом с которым располагался княжеский Красный двор.

11 июля 1108 г. на средства правителя Киева был заложен каменный собор (ПСРЛ. Т. 1. Вып. 1. Стб. 283; Т. 2. Стб. 259), посвященный арх. Михаилу — небесному покровителю вел. кн. Святополка Изяславича. Позднее с зап. стороны к Михайловскому собору была пристроена круглая лестничная башня, а в 10–20-х гг. XII в. — небольшой храм-крещальня (Івакін Г. Храм-крещальня. 1997) — т. о., возможно, одной из целей создания К. З. м. было продолжение крещения городского и сельского населения Киева. В сер. XVII в. игум. Феодосий (Сафонович) считал, что на том месте ранее могло находиться языческое капище. В поздней традиции 1672 г., вслед за игум. Феодосием, и до нач. XXI в. основание собора ошибочно приписывалось Киевскому митр. Михаилу (см.: Феодосий (Сафонович). 1992. С. 68). Однако археологические раскопки не подтвердили эту версию. Михайловский собор, как и Десятинная церковь, был воздвигнут на месте древнего некрополя, где ранее производились погребения с сожжением (Каргер. 1958. С. 134, 162–163). Возможно, что его материальные остатки игум. Феодосий ошибочно принял за следы языческого капища.

Михайловский собор находился на территории совместного родового богомоля Изяславичей — киевского

Димитриевского мон-ря, переданного в 1128 г. властям Киево-Печерского мон-ря, несмотря на имевшиеся по этому поводу протесты («с грехом великим и неправо»). Очевидно, князья Юрий и Вячеслав Ярославичи не смогли воспользоваться своим законным правом родового выкупа (Щапов. 1989. С. 136), и юж. часть Михайловской горы вместе с киевским

Киевский Златоверхий
во имя арх. Михаила
муж. мон-рь.
Литография. Нач. XX в.

к северу от Михайловского собора вместо деревянных были построены из плинфы ворота с надвратной церковью, крыша к-рой была покрыта свинцом. Церковь украшали фрески. По мнению исследователей, «каменные ворота с надвратной церковью могли появиться в этой части города в связи со строительством или функционированием в северо-восточной части Михайловской горы Нового двора, упомянутого в летописи под 1194 и 1197 гг. Каменные ворота могли служить парадным въездом на территорию княжеского

Нового двора со стороны монастыря» (Ивакин, Козюба. 2009. С. 85–100). В 1190 г. в Михайловском соборе был погребен кн. Святополк Юрьевич, а в 1195 г. — его младший брат Глеб Юрьевич, тело к-рого для захоронения специально привезли из Турова в Киев (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 665–666, 694). 3 мая 1230 г. здание надвратной церкви пострадало во время землетрясения. В связи с этим в нем были проведены реставрационные работы и поновлены фрески (Ивакин, Козюба. 2009). Между тем 6 апр. 1231 г. игумен обители не упоминается среди наиболее видных настоятелей киевских мон-рей, участвовавших во главе с печерским архим. Акиндином в поставлении на Ростовскую кафедру еп. Кирилла I (ПСРЛ. Т. 1. Вып. 2. Стб. 456–457). Согласно Лаврентьевской летописи 1377 г. (свод 1305 г.), во время штурма Киева монголы и их союзники «святую Софью разграбиша, и монастыри все, и иконы, и кресты честныя, и взя оузорочья церковная взяша, а люди от мала и до велика вся убиша мечем» (Там же. Вып. 3. Стб. 470). Разорение монголами К. З. м. произошло в самом конце обороны города, т. е. в нач. дек. 1240 г. Укрывавшиеся на его территории жители Киева успели зарыть в мон-ре богатые клады. Частично пострадали иконостас, фрески и мозаики Михайловского собора, в алтаре к-рого во время сильного мороза захватчики разожгли костер. По-видимому, тогда же монголами была уничтожена круглая

Димитриевым мон-рем осталась во владении братии Киево-Печерской обители (Киево-Златоверхо-Михайловский мон-рь. 1889. С. 5–6; Ивакин, Козюба. 2002). Впрочем, несмотря на это событие, по крайней мере треть обители, включая Михайловский собор — богомолье Святополчичей, сохранила церковную независимость. В летописном рассказе 1113 г. о погребении в Михайловском соборе его ктитора, Киевского вел. кн. Святополка Изяславича, не говорится о существовавшем при нем монастыре, но отмечается, что в связи со смертью правителя Киева его вдова раздала «много... богатство монастыремъ, и попомъ и оубогымъ» (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 275). Возможно, семья Святополчичей организовала вотчинный мон-рь при Михайловском соборе лишь после кончины его основателя и ктитора. При покровительстве турово-пинских князей Святополчичей мон-рь действовал по крайней мере вплоть до кон. XII в. В синодике К. З. м. читалась вечная память вел. кн. Святополку Изяславичу, его родителям и их «сродники» (Де-Витте. 1903. Кн. 17. Вып. 1. С. 8). 8–10 марта 1169 г. и 2 янв. 1202 г., во время захвата Киева войсками рус. князей и союзных им половцев, были разграблены «монастыри все» (ПСРЛ. Т. 1. Вып. 2. Стб. 354, 418–419). Очевидно, одной из пострадавших обителей был и К. З. м.

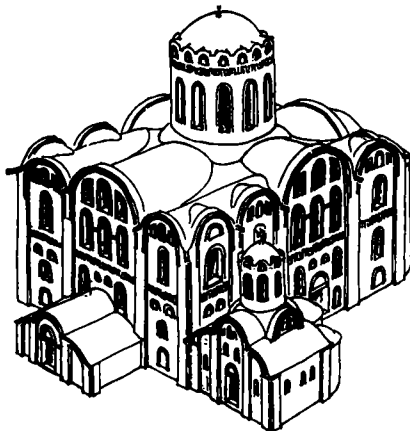
лестничная башня К. З. м., внутри к-рой нет вещей, бытовавших в сер. XIII — нач. XVII в. Некоторое время захватчики жили в надвратной церкви, к-рую затем сожгли, из-за чего она разрушилась. Установление ордынского ига (1242–1480) прервало тесные связи Киева и его обителей с соседними рус. землями. В это время угасают отношения К. З. м. с его прежними ктиторами — Святополчичами, к-рые уже не могли восстановить и поддерживать материальное положение обители. В сер. XIII — 1-й пол. XIV в. братия на территории К. З. м., вероятно, не проживала; мн. постройки, включая кельи и ремесленные мастерские (ювелирное, стеклодувное и керамическое производство), были уничтожены во время пожара 1240 г. и не восстанавливались. В отличие от территории Киево-Печерского и Выдубицкого мон-рей в К. З. м. археологи редко обнаруживают предметы сер. XIII — нач. XVI в. (Каргер. 1958. С. 298–328, 352, 370–371, 386, 391–393, 416, 420, 422–423, 483, 492–498; Ивакин, Козюба. 2009. С. 99).

В связи с тем что митр. Кирилл II в основном стал проживать в Сев.-Вост. Руси, лишь изредка посещая Киев, в городе и его сельской округе усилилось влияние братии Киево-Печерского мон-ря и возглавлявшего ее архимандрита. Особенно это проявилось в кон. 1-й четв. XIV в., когда турово-пинские князья потеряли политическую независимость и были вынуждены стать вассалами Литовского вел. кн. Гедимина. Его младший брат кн. Федор († после 1331) был правителем Киевской земли. Со 2-й пол. XIV в. источники свидетельствуют о подчиненности Киево-Печерскому мон-рю ряда киевских обителей. В сер. 50-х гг. XIV в. на связи братии К. З. м. с митр. свт. Алексием указывает известие синодика в Неделю Православия Успенского собора Московского Кремля. В нем среди лиц, убиенных от рук литовцев в правление вел. кн. Ольгерда между 1347 г. (казнь Виленских мучеников Антония, Иоанна и Евстафия) и 1368 г. (гибелью в бою московских воевод кн. Симеона Дмитриевича Стародубского, Дмитрия Минича и Иакинфа Федоровича Шубы), «вечная память» записана «Симеону Золотоверхому новому мученику и исповеднику, убиенному за православную веру» (ДРВ. Ч. 6. С. 450). О подчинении

К. З. м. властям Киево-Печерской обители известно из грамоты, относящейся ко времени правления Киевского митр. свт. *Киприана* (1375–1406). По-видимому, к этому периоду относится ремонт Михайловского собора и возникновение рядом с ним жилых и хозяйственных комплексов, к-рые археологи датируют XIV–XVI вв. Найденные здесь западноевроп. и ордынские монеты относятся к XV–XVIII вв. (*Ивакин Г. Историчний розвиток Києва. 1996. С. 130; Ивакин, Козубовський, Козюба, Поляков. 1998*).

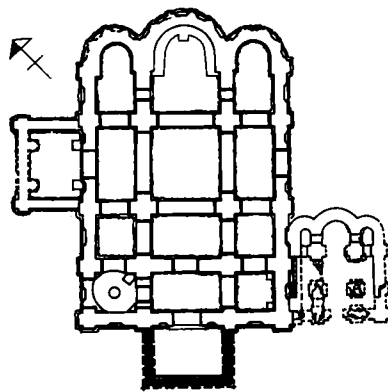
Вкладная грамота от 21 нояб. 1398 г. свидетельствует, что в состав печерских соборных старцев входил игум. Стефан (Переломило) из «Святаго Михаила Златоверхого». Его статус среди старцев Киево-Печерского мон-ря не был высоким. Игум. Стефан занимал место ниже нек-рых из них, напр. монастырского ключника Нифонта (Грамоти XIV ст. 1974). По-видимому, в это время состав братии К. З. м. был незначителен, а игуменство в обители в большей степени могло иметь символическое значение. Подчиненное состояние К. З. м. властям Киево-Печерской обители отразилось в его синодике. В нем ранее главного ктитора К. З. м., вел. кн. Святополка Изяславича, читалась «вечная память» архимандритам и братии Печерского мон-ря, их родителям и родственникам (*Де-Витте. 1903. Кн. 17. Вып. 1. С. 8*). Летом 1416 г., когда темн. Едигей совершил неожиданный набег на Киев, ордынцы сумели захватить его посады К. З. м., находившийся за линией городских укреплений и подчинявшийся разоренной Едигеем Печерской обители (ПСРЛ. Т. 25. С. 242; Т. 40. С. 133), также мог быть захвачен и разграблен ордынцами.

История К. З. м. в правление Литовских вел. князей *Свидригайло* (*Болеслава*) *Ольгердовича* и *Сигизмунда Кейстутовича*, а также Киевских вел. князей *Слуцких-Олельковичей* малоизвестна. До 1470 г. на средства кнж. Ирины в Михайловском соборе был устроен каменный придел в честь Входа Господня в Иерусалим (*Ивакин Г. Историчний розвиток Києва. 1996. С. 130*). После ликвидации верховной власти над Киевской землей потомков вел. кн. *Владимира (Василия) Ольгердовича* ктиторами обители вновь стали Ягеллоны, представителем к-рых в Киеве был назна-

Реконструкция Михайловского собора нач. XII в. А. В. Реутова

чаемый ими воевода. Сложившаяся ситуация привела к тому, что в посл. трети XV в. (после 1470/71?) права властей Печерского мон-ря на К. З. м. постепенно стали ограничиваться. Возможно, негативную роль сыграл захват Киева в нач. сент. 1482 г. войсками крымского хана Менгли-Гирея, когда было утрачено много документов из архива Киево-Печерского мон-ря. В кон. XV в. К. З. м. стал рассматриваться как типичное королевское держание, которое за службу с разрешения Ягеллонов, а также по их или своему усмотрению киевский воевода мог отдать

План Михайловского собора нач. XII в. по раскопкам Г. Ю. Ивакина 1996–1997 гг.

любому лицу. По крайней мере в сер. 90-х гг. XV в. польск. кор. Казимир IV Ягеллончик считал, что К. З. м. «есть наше поданье». Так, 27 июля 1496 г. вместо Иоанна (Смолянина), назначенного сюда киевским воеводой кн. Д. И. Путятичем-Друцким († 1505) уже без согласования с Киево-Печерским мон-рем, король передал права на К. З. м. своему кандидату – свящ. Гришке Григорьевичу Поповичу (*Lietuvos Metrika. 2007.*

N 202. S. 147–148). Несмотря на обретение самостоятельного статуса, связи между обоими обителями продолжали сохраняться. Напр., в кон. 90-х гг. XV – нач. XVI в. настоятель К. З. м. игум. Илия был духовником печерской монашеской братии (*Українські грамоти XV ст. 1965. С. 31*). Более того, в начале синодика К. З. м. отдельной строкой было записано редко встречающееся в синодиках др. киевских обителей поминание «архимандрито(в) Печерських, всехъ, еже о Х(рист)е з братиею, от(е)ць и м(а)т(е)рей ихъ, вся родителя ихъ и сродники» (*Де-Витте. 1903. Кн. 17. Вып. 1. С. 8*).

В 1-й четв. XVI в. общежительный К. З. м. пользовался благосклонностью польск. кор. *Сигизмунда I*. В период настоятельства игум. Макария он «дал богомолью свою, храм святого Михаила на общину, на веки веком». Среди старинных владений К. З. м., принадлежавших ему до 1525 г., на р. Припяти были «звечные» церковные люди: Карповичи «дани дают 9 ведр меду», «Антоновичи дают 2 ведре меду», «з Масановича земле две ведре меду» и др. Обители принадлежало старинное «езовище» на р. Припяти и озеро «у Голубеевичох». Вблизи от обители его братия издревле владела полем «возле Борщовки», мельницей на р. Лыбеди («млын... звечный»), а на р. Днепре, «против Роздорв, на правой стороне», ей принадлежал «звечный» Михайловский остров «с озера». Кор. Сигизмунд I Старый, способствуя укреплению имущественного положения обители, сделал в К. З. м. неск. земельных вкладов, в т. ч. «пашню за пробитым валом, по обею сторон дороги», «у Чорторыи озеро и с сеножатью», в Толстом лесу «селище Селивоновское, и с землею бортною и с пашнею, и со всеми входы, што с старины прислухало к тому селищу; а дани с той земли идет две кади меду и ведро меду». Помимо этих владений власти К. З. м. на свои средства купили под Киевом неск. больших земельных наделов. Уже в это время нек-рые монастырские крестьяне в качестве повинности в пользу обители должны были делать плот, «монастырь городити, и кельи ставити» (*АЗР. Т. 2. № 140. С. 167–168*).

Большое внимание обители уделял и киевский воевода кн. К. И. Острожский, и др. православные магнаты,

и шляхта (*Мицик*. Св. Костянтин Острозкий. 2008). Среди них следует отметить представителей таких видных семей Юго-Зап. и Юж. Руси, как князья Белевские, Вишневецкие, Гольшанские, Друцкие, Дубровицкие, Корецкие, Мосальские, Одинцевичи, Омельковичи-Слуцкие, Полубенские, Пронские, Сангушки и Сокольские. Влиятельным вкладчиком обители был и близкий родственник правосл. магнатов Ходкевичей и известный организатор казачьей службы в Юж. Поднепровье (см. *Запорожская Сечь*) каневский и черкасский староста пан Евстафий Иванович Дашкевич († 1535), к-рый в нач. XVI в. нек-рое время служил в Москве, а также Феодора Сангушка, жена пана Богуша Михаила Боговитиновича († 1530). Среди видных боярских семей следует выделить Кмит, Скуминых, Тышкевичей и Хребтовичей, а также выходцев из Смоленска бояр Плюсковых и Ходыкиных. Среди киевлян вкладчиками были игумены и монахи как К. З. м., так и др. киевских обителей и церквей (напр., Печерского и Николо-Пустынского мон-рей, Борисоглебского храма, ц. Николы Десятинного). Из числа шляхты, духовенства и мещан «русских» земель *Литовского великого княжества* — лица, проживавшие в таких городах, как Белая Церковь, Бобруйск, Брацлав (в Подолии), Бужск, Винница, Владимир-Волынский, Гомель, Друя, Дубно, Ковель, Коломыя, Корсунь, Лутава, Луцк, Львов, Любеч, Могилёв, Мстиславль, Овруч, Остёр, Речица, Рогачёв, Свислочь, Слуцк, Сокаль, Степань, Черкасы, Чернобыль и др. Т. о., основными центрами страны помимо Киева и Киевской земли, население к-рых активно поддерживало связи с К. З. м., в Юго-Зап. Руси были Подолия и Волынь, а в Белой Руси — Полесье и Посожье. При этом неск. раз вклады в обитель также делали казаки, в т. ч. из тех, кто проживали в Запорожской Сечи (*Девитте*. 1903. Кн. 17. Вып. 1. С. 8–32). Благодаря такой всесословной материальной поддержке вкладчиков в XVI — нач. XVII в. К. З. м. наряду с Киево-Печерским и Николо-Пустынским мон-рями стал одной из самых богатых духовных корпораций в Ср. Поднепровье.

В 1612 г. польск. кор. Сигизмунд III Ваза вопреки сложившейся традиции отдал К. З. м. и его имущество униат. митр. *Ипатию Потю*, к-рый

Энеолитический топорик, превращенный в подвеску, с изображением Божией Матери «Великая Панагия» и архидиака Стефана. Из раскопок на территории киевского Златоверхого мон-ря 1998 г.

должен был вступить во владельческие права после смерти настоятеля (1601–1618) игум. Иоасафа (Мировского). Однако этот королевский приказ не был выполнен из-за преждевременной смерти митрополита и сопротивления населения Киева и казаков, к-рые в 1618 г. поддержали нового настоятеля К. З. м. игум. *Иова (Борецкого)*. В 1620 г. он был хиротонисан во митрополита Киевского, Галицкого и всея Руси. В годы настоятельства митр. Киевского *Иова (Борецкого)* К. З. м. стал митрополичьей резиденцией. При игум. *Филофее (Казаревиче; † 1645)* на средства Киевской митрополии и благодаря денежной «милости» царя *Михаила Феодоровича* в обители был проведен ряд реставрационных и строительных работ (*Боплан*. 2004. С. 147). По инициативе и на средства митр. *Иова* началось возведение колокольни, к-рую строил «каменщик *Петро Немец*, обиватель киевский» (*Закревский Н. В.* Описание Киева. М., 1868. Т. 1. С. 518–520). После смерти митр. *Иова (Борецкого)* на митрополичью кафедру был избран при активной поддержке казначества *Исаия (Копинский)*. 29 окт. 1631 г. духовенство, собравшееся в обители, утвердило Киевским митрополитом *Исаию (Копинского)*, а К. З. м. стал его резиденцией. После поставления на Киевскую кафедру свт. *Петра (Могила)* митр. *Исаия* отказался покинуть К. З. м.

Сторонники новопоставленного митрополита силой выдворили митр. *Исаию* из обители. При Киевском митр. *Петре* резиденция была перенесена в Софийский собор. Одновременно К. З. м. вошел в состав Софийской слободы В. Киева, управление которой осуществлялось непосредственно митр. *Петром* и его преемниками. С этого времени настоятелями К. З. м. несколько раз становились игумены др. киевских обителей, чаще всего Братского монастыря (напр., в XVII в. *Иосиф (Кононович-Горбацкий)*; сподвижник митр. *Петра (Могила)*, один из душеприказчиков его завещания; возглавлял мон-рь в 1646–1650; † 1651), *Варлаам (Ясинский)*, *Мелетий (Дзик)* и *Сильвестр (Головчич)*, в XVIII в. *Амвросий (Дубневич; † 1750)*, *Сильвестр (Думницкий)* и дважды — *Варлаам (Миславский)*). На территории К. З. м. находился митрополичий сад. В 1653 г., во время поездки в Москву на богомолье, в К. З. м. приезжал Антиохийский митр. *Макарий III*. По благословению митр. Киевского *Сильвестра (Косова)* в К. З. м. он получил частицу мощей вмц. *Варвары*.

В 1654 г. братия К. З. м. признала власть рус. царя *Алексея Михайловича*. Несмотря на противодействие митр. *Сильвестра (Косова)*, тайного униата и сторонника польск. кор. *Яна II Казимира*, московские воеводы построили новый острог на территории В. Киева. Внутри укреплений оказалась часть территории К. З. м. В 1654 г. близкий к митрополиту игум. *Феодосий (Василевич)* в своем челобитье просил царя *Алексея Михайловича* о подтверждении обители ее прежних пожалований. Но в том же году настоятель К. З. м. бежал из города в Литовское великое княжество, где под опекой магнатов *Радзивиллов* стал архимандритом в слущком Троицком монастыре. В 1655 г. вместо него настоятелем К. З. м. стал *Феодосий (Сафонович; † 1672)*. В возникавших время от времени конфликтах игум. *Феодосий*, как и ряд др. настоятелей, выступал обычно вместе с киево-печерским архим. *Иннокентием (Гизелем)*. Однако в позиции игум. *Феодосия* были и свои особенности. Лояльный по отношению к рус. властям, что позднее нашло отражение в написанной им «Хронике», тем не менее он не ездил в Москву и не направлял туда посольств. Лишь летом 1665 г. в К. З. м. наряду

с др. киевскими обителями была послана царская «милостыня». В кон. 60-х гг. XVII в. — 1672 г. в отсутствие митрополитского местоблюстителя *Лазаря (Барановича)*, находившегося в Новгороде-Северском, игум. Феодосий ведал от его имени церковными делами в Киеве. В 1672 г. вместе с архим. Иннокентием он просил царя Алексея Михайловича о защите Киева от военной угрозы со стороны тур. войск. В 1679 г., во время русско-тур. войны, Киев был вновь укреплен: новый земляной вал насыпали от Золотых ворот до юж. угла территории К. З. м.

А. В. Кузьмин

Кон. XVII–XXI в. Материальное положение. В нач. XVII в. К. З. м. владел в Киеве почти всей южной частью Старого города, Дворцовой частью вдоль Крещатика и т. н. Введенской нивой. На окраине города, за Пробитым валом, находилось имение Кудрявцы с монастырскими пашнями. Рядом с городом, на Ориновской земле и на Девич-горе, обитель владела ок. 75 дес. земли и мельницей. К. З. м. принадлежали богатые рыбной ловлей и сенокосом острова на Днепре Церковный, Обрубной и озера с р. Половицей, лесные владения Селивонщина, Золотаяевская земля в Толстом лесу, Лысковщина, имения Глевацкое (Глеваха), Ветянское (Вета, ныне Вита-Почтовая) и Юровка, Борщаговка.

В 1654 г. активную поддержку К. З. м. оказывал гетман Б. М. *Хмельницкий*, пожаловавший братии богатые имения в Левобережной Украине, в т. ч. с. Выгуровщина, со «ставами, сеножатми, озерами, полями и иными всеми акциденциями», запретив казакам, чтобы «жебы в жадные наименьше провента не встучали ане жадными шинками не бывали» (к кон. XVII в. мон-рь значительно увеличил имение Выгуровщина, купив соседние участки земли). Но оставшиеся в Правобережной Украине на территории Речи Посполитой владения К. З. м. после заключения Андрусовского перемирия в 1667 г. постепенно были отданы польск. шляхте. К кон. XVII в. в собственности обители находилось ок. 70 дворов в Глевахе, 2 двора на хуторе Вета, 25 дворов в Соколовке, Даниловке и Драновке, 6 дворов в Юровке, 5 дворов в Борщаговке, 18 дворов в Жерновке, 16 дворов в Заборье; в окрестностях Киева — сёла Даниловка, Крюковщина, Заборье,

Княжичи, Блиставица, мельница на р. Красной. В 1708 г. еп. Переяславский *Захария (Корнилович)* основал Онуфриевский Даниловский Липянский (Липлянский) скит на землях Даниловки и Заборья. К мон-рю была приписана и Красногорская Троицкая пуст. (Киево-Златоверхо-Михайловский мон-рь. 1889. С. 63, 64, 119–129).

Во 2-й пол. XVII — нач. XVIII в. крупные земельные приобретения экономически укрепили положение обители. Гетманы не только подтверждали прежние владения, но и дарили К. З. м. новые земли. Так, гетман И. И. Скоропадский передал мон-рю сёла Боденьки и Крехаев на р. Десне. Здесь же К. З. м. приобрел мельницу, двор с пекарней и «винницей». На пожертвования мон-рь купил мельницу в Переяславе, 11 дворов с полями, озерами, 2 мельницами в г. Остре. Среди щедрых благотворительниц упоминается Мария Гамалия, в нач. XVIII в. завещавшая с. Хрули (ныне Лохвицкого р-на Полтавской обл.) с 25 крестьянами, 2 мельницами на р. Суле, «дворцом», «винницею», хуторами Ведкаловка и Деркаловка, лесами и садами. Ее сын Иван пожаловал мон-рю с. Бодавка.

Храмы и другие постройки. До нач. XVIII в. все постройки К. З. м., кроме собора, оставались деревянными. На плане Киева Ивана Ушакова 1695 г. (*Алферова, Харламов.* 1982) в зап. части монастырской территории изображены деревянные 2-ярусная колокольня и келья, ограда.

На средства генерального судьи Михаила Вуяхевича с сев. стороны к Михайловскому собору был пристроен каменный низкий придел во имя вмц. Варвары и перестроены купола. Улучшение благосостояния К. З. м. позволило в 50-х гг. XVII в.

отремонтировать Михайловский собор: вместо деревянной укрепить железную кровлю, на средства гетмана Хмельницкого главный купол покрыть медью и позолотить. В 1718 г. на средства гетмана Скоропадского был сооружен резной 5-ярусный иконостас Михайловского собора, один из богатейших в Киеве.

В 1746 (?) г. архим. Сильвестр IV (Думинский (Думневич)) доносил митр. Киевскому *Рафаилу (Заборовскому)*, что Михайловская ц. обветшала и «во многих местах поразседалася». Назначенная митрополитом комиссия обнаружила, что в алтарной стене образовалась щель, «от горнего места до арки, при которой стоит иконостас»; стены, отделяющие храм от приделов, «наклонились», в них также образовались большие щели. Купол раскололся на 4 части и грозил обрушением; в зап. своде и зап. куполах тоже зияли щели и трещины. Фундаменты приделов, заложенные при 1-й кладке «мелко», осели; новые стены приделов отошли от стен главного храма как на восток, так и на запад. Во временно запечатанном храме были устроены контрфорсы у сев., зап. и юж. стен, по 4 с каждой стороны, перестроены своды древнего храма и купол. Между контрфорсами выведены каменные палатки для устройства ризницы, хранения свечей и др. церковных принадлежностей.

Ок. 1713 г. на средства киевского ген.-губернатора Д. М. Голицына в соборе был перестроен сев. придел вмц. Варвары, стены к-рого расписаны в 1818 г. Голицын заказал для Варваринского придела деревянный резной иконостас и деревянный балдахин над ракой с мощами вмц. Варвары. В 1877 г., при еп. Порфирии (Успенском), на средства московского купца В. Зенина был построен новый 3-ярусный позолоченный иконостас. В 1731 г., возможно на пожертвования имп. Петра I и его супруги Екатерины, с юж. стороны Михайловского со-

Михайловский собор. Фотография. Нач. XX в.

бора симметрично Варваринскому был пристроен придел во имя вмц. Екатерины. В 3-ярусном иконостасе имелись иконы великомучениц Екатерины

и Варвары в серебряных ризах. Для освещения собора между основным объемом и приделами были вырезаны широкие арки. В 1820 г. на средства иером. Иеронима стены Екатерининского придела были расписаны сценами из Апокалипсиса; в 1888 г. росписи «возобновлены».

В 1888 г. в Михайловском соборе была проведена масштабная рекон-

Трапезная с церковью св. Иоанна Богослова. 1713 г. Фотография. 2013 г.

струкция: по инициативе еп. Чигиринского *Иеронима (Экземплярского)* «возобновлены» нек-рые настенные росписи XVIII в., в основном объеме храма настелен дубовый паркет, а в алтаре и на солее — мраморный пол (вместо прежних чугунных плит), с зап. стороны сделаны пристройки для установки калориферного отопления, ко всем входам пристроены мраморные тамбуры. Для осмотра композиции «Евхаристия» были разобраны верхние ярусы 4-ярусного иконостаса (1718) и под рук. проф. А. В. Прахова отреставрированы древние фрески на предалтарных столпах. 4 дек. 1888 г. отремонтированный собор был освящен.

К кон. XIX в. над посеребренными царскими вратами Михайловского собора находилась икона Успения Пресв. Богородицы в сребропозлащенной ризе, украшенной 158 бриллиантами. Этот образ в 1860 г. пожертвовала в обитель киевлянка Львова. Среди др. чтимых икон в иконостасе имелись образ арх. Михаила (пожалован в 1817 имп. Александром I) в ризе «из чистого золота в виде триумфальной арки» с 2280 бриллиантами, 301 алмазом и проч.; икона свт. Николая Чудотворца в серебряной ризе и митре (пожертвована кн. Д. Л. Волконским). В соборе также почитались Новодворская икона Божией Матери в сребропо-

злащенной ризе и венцах, перед которой по субботам читался акафист (Киево-Златоверхо-Михайловский мон-рь. 1889. С. 95–97).

В 1713–1715 гг., при игум. Иоанникии (Сенютовиче), в К. З. м. была возведена (отчасти на монастырские средства, отчасти на пожертвования) каменная трапезная с ц. во имя ап. Иоанна Богослова. В 1848 г. купол был покрыт железом и позолочен; в 1888 и 1893 гг. храм отремонтирован. В 1785 г. митр. Киевский *Самуил (Миславский)* при деревянных

кельях устроил ц. во имя свт. Николая Чудотворца (в 1832 перестроена). По инициативе еп. Чигиринского Аполлинария (Вигилянского) при каменном настоятельском

корпусе была устроена и 7 окт. 1856 г. освящена одноименная крестовая церковь. В 1884 г. храм был перестроен и расширен, освящен придел в честь Преображения Господня. В среднее алтарное окно храма была вставлена ростовая икона свт. Николая Чудотворца, «мозаической работы из стекол, расписанных разноцветными красками» (Там же. С. 89, 104). В 1852–1858 гг. по инициативе еп. Аполлинария была построена 2-этажная странноприимница с каменной 2-ярусной ц. в честь Смоленской иконы Божией Матери «Одигитрия». Кипарисовые престол и жертвенник были привезены из Иерусалима.

При игум. *Варлааме (Леницком)* московским мастером Иваном Матвеевичем была возведена кирпичная 3-ярусная колокольня (1716–1720; в 1850 верх колокольни покрыт позолотой). К 1898 г. на ней находилось 12 колоколов. На 1-м ярусе располагались св. ворота, кельи, иконо-книжная лавка.

В сер. XVIII в. в К. З. м. была выстроена каменная ограда. В нач. 80-х гг. были построены каменные братские кельи, в 1800–1804 гг. — объединенные общей крышей (т. н. Варваринское отд-ние) просфорня и настоятельская кухня. В 20-х гг. XIX в. в К. З. м. возведены экономический и регентский корпуса, келар-

ская палата, в 30-х гг. — просфорня, а также перестроена монастырская ограда, к-рая, как и трапезный храм, расписана фресками. В 1852–1856 гг. (по др. сведениям — в 1849–1852) по инициативе еп. Чигиринского Аполлинария (Вигилянского) были построены зап. полутораэтаж-ный келейный корпус (Михайловское отделение), каменный (вместо деревянного) настоятельский корпус с Никольской ц.; в 1857–1858 гг. на месте деревянной возвели 2-этажную каменную гостиницу, к к-рой в 1883–1884 гг. был пристроен 3-этажный корпус. По инициативе еп. Чигиринского Порфирия (Успенского), возглавлявшего К. З. м. в 1865–1877 гг., было построено деревянное на каменном фундаменте здание монастырской больницы. В 90-х гг. XIX в. на месте сев. Варваринского отд-ния был сооружен 2-этажный кирпичный корпус, в 1907–1908 гг. выстроена 4-этажная монастырская гостиница, к-рая по размерам считалась 2-й в городе после лаврской. К нач. XX в. в обители находились также деревянная квасоварня, экономический двор с домом для эконом-а, его помощника и монастырских рабочих, с конюшней, амбарами, сараями, ледниками. По инициативе еп. Иеронима (Экземплярского) при К. З. м. открылись бесплатные школа церковного пения для подготовки псаломщиков и учителей пения и ежедневная читальня.

Святыни и реликвии. Главной монастырской святыней были перенесенные из К-поля мощи вмц. Варвары (*Богдан.* 2004. С. 149). Очевидно, на Русь они были привезены по просьбе одного из ближайших родственников кн. Святополка Изяславича. О многочисленных исцелениях от святыни известно из повести, написанной в 1669–1670 гг. игум. Феодосием (Сафоновичем). В 1644 г., при митр. Киевском Петре (Моги-ле), к мощам совершил паломничество канцлер Польского королевства Георгий Осолинский, получивший в дар часть перста десницы вмц. Варвары. Когда в 1650–1651 гг. Киев был захвачен лит. гетманом Янушем Радзивиллом, им были также взяты 2 частицы мощей святой. Одна частица находилась сначала у его жены Марии, дучери молдав. господаря Василия Лупу, затем хранилась в г. Каневе. По нек-рым сведениям, при поддержке гетмана И. С. Мазепы в нач. 90-х гг. XVII в. частицу мощей

перенесли в батурицкий Крупицкий во имя свт. Николая мон-рь, к-рый возглавлял игум. Димитрий (Савич (Туптало)). Др. частица была передана Виленскому католич. еп. Георгию Тышкевичу.

В 1701 г., следуя в Иерусалим через Киев, московский старообрядец

Рака вмц. Варвары.
Фотография. 1909 г.
(ГПИБ)

Иоанн Лукьянов (Леонтий) так описывал визит в мон-рь: «В Верхнем городе церковь хороша — Михаила Златоверхова; в той церкви мощи св. великомученицы Варвары; а меня грешного Бог сподобил ея мощи лобзати» (*Лазаревский* А. Отрывки из путевых записок старца Леонтия // Черниговский листок. 1862. № 5. С. 38). Среди паломников к мощам были выходцы не только с Левобережной Украины, но и с Подляшья, Волыни, из Галиции, Подолии, Белоруссии, Литвы, России.

Первоначально мощи вмц. Варвары покоились в кипарисовом гробу, затем — в позолоченной раке из серебра, сделанной на сред-

ченая сень (1775), «поддерживаемая четырьмя ангелами». В 1847 г. с.-петербургский мастер Андреев на средства гр. А. А. Орловой-Чесменской изготовил новую позолоченную серебряную раку чеканной работы с сенью на 4 серебряных «тумбах» с рельефными изображениями ангелов. Купол сени украшали позолоченные фигуры 4 серафимов и 4 херувимов. Над ракой висели 9 лампад, одна из

которых — золотая — пожертвована имп. Екатериной II. Киевский митр. Иоасаф (*Кроковский*) составил Акафист вмц. Варваре, к-рый читался перед

ее мощами еженедельно по вторникам. В XIX в. существовала традиция 4 дек. торжественно обносить мощи вокруг собора. В 30-х гг. XX в. они были перенесены в Музейный городок в Киево-Печерском музее-заповеднике, в 1941–1944 гг. находились в Варваринских кельях обители, в 1944–1961 гг. — в Андреевской ц. К 2013 г. святыня хранится в киевском Владимирском соборе.

С сер. XIX в. в Екатерининском приделе, справа у юж. стены, находилась серебряная позолоченная рака с частицами мощей вмц. Димитрия Солунского, вмц. Пантелеимона, сщмч. Харалампия, сщмч. Фоки, свт. Спиридона Тримифунтского, прп. Ефрема Сирина и др. В 1888 г. к верхней доске раки был припаян се-

Крестный ход
с мощами вмц. Варвары
вокруг обители.
11 июля 1909 г.
Фотография. 1909 г.

ребряный ковчежец с серебряным крестом и частицами мощей ап. Луки, сщмч. Анастасия, мучеников Артемия и Арефы, мц. Фека-

лы, прп. Феофана Сигрианского.

В ризнице, располагавшейся в пристройке между контрфорсами Екатерининского придела, хранились золотая лампада с бриллиантовой и жемчужной кистями, пожалованная имп. Екатериной II, золотая с брил-

лиантами панagia еп. Чигиринского Афанасия (Протопопова), а также икона «Усечение главы вмц. Варвары» в сребропозлащенной ризе с венцом, украшенным жемчугом. Среди привесов к этой иконе — бриллиантовый перстень с вензелем имп. Александра I, пожертвованный гр. А. А. Аракчеевым, перстни и кольца с рубинами и бриллиантами цесаревны Анны Петровны, имп. Анны Иоанновны, имп. Екатерины II, кнг. Н. Б. Шереметевой (мон. Нектарии) и др.

В К. З. м. имелась б-ка, насчитывавшая к 1808 г. ок. 1 тыс. наименований. Половина значилась в разделе книг «славенских и российских», остальные были латинскими, польскими, частично греческими. В XVIII в. в б-ке также находилось ок. 100 рукописей. К кон. XIX в. собрание насчитывало ок. 3 тыс. томов, среди них — экземпляры из собрания митр. Иова (Борецкого).

В XVIII в. К. З. м. по статусу занимал 2-е место в Киевской епархии среди неставропигиальных обителей. 31 марта 1732 г. архиеп. Киевский Рафаил (Заборовский) сообщил в Синод, что в монастырях Киевской епархии, за исключением *нежинского в честь Благовещения Пресв. Богородицы*, нет архимандритии, и просил разрешения в К. З. м. «посвятить ко архимандрическому чину достойных и годных во архимандриты, в сослужение его преосвященству». От лица членов Синода архиеп. Новгородский и Великолукский *Феофан (Прокопович)* «доложил по данному вопросу» имп. Анне Иоанновне, которая выдала резолюцию: «Быть по прошению» (ПСПиР. 1890. Т. 7. С. 467).

К. З. м. возглавляли настоятели, в посл. ставшие архиереями: в 1697–1713 (?) гг. Захария (Корнилович), в 1716–1719 гг. — Варлаам (Леницкий), в 1737–1739 гг. — Амвросий (Дубневич), в 1739–1740 гг. — Тимофей (*Шербацкий*), до 1775 г. — Феохтист (*Мочульский*). Игумены и архимандриты К. З. м. заседали в Киевской духовной консистории. В 40-х гг. XVIII в. в обители проживало 45–50 чел., в 50-х гг. — ок. 60, в 70-х гг. — 35, в 80-х гг. — ок. 40 чел. Возраст большинства насельников от 30 до 50 лет. В 1773 г. в обители до 18% иноков были малограмотными и неграмотными. В XVIII в. несколько десятков монахов вызывались на различные послушания

ства гетмана Мазепы. По свидетельству архидиака Павла Алеппского, рака стояла в соборе за левым клиросом. Над ней находилась сень с железной створчатой дверью. На средства статского советника Я. А. Шубского была поставлена новая деревянная резная позоло-

в Россию (в МДА, Кадетский корпус, Китайскую миссию, *Александро-Невскую* и *Троице-Сергиеву* лавры).

В 1786 г. К. З. м. перевели в 1-й класс со штатом 33 чел., содержание составляло 2317 р. 50 к. в год, но отобрали имения, оставив лишь двор и остров в Выгуровщине и двор на Подоле. Вскоре мон-рю вернули небольшие угодья: скотный двор и остров Обрубной с 3 озерами. К 1799 г. в К. З. м. проживало 18 иеромонахов, 9 иеродиаконов и 6 указных послушников.

Согласно указу Синода 1799 г., обитель стала местом пребывания викариев Киевской епархии, епископов Чигиринских. Часть владений была отведена К. З. м. как викариатские имения. По ходатайству

40 кв. саж.), бобрлицкой мельницей (18 дес. 1200 кв. саж.) в 30 верстах от Киева, мельницей в с. Мотовиловка с хутором, лесом и сенокосом, Сераковским прудом, сдававшимся в аренду, рыболовным оз. Старик с хутором Стан (199 дес. 440 кв. саж.), усадьбой с домом на р. Лыбеди и сенокосными урочищами Голятское и Згонное (125 дес. 2265 кв. саж.). В 1807 г. К. З. м. располагал неокладной суммой 9317 р., в сер. 20-х гг. XIX в. — ок. 36 тыс. р.

В К. З. м. принял постриг *Гервасий* (*Линцевский*; вполн. епископ Переяславский), в 1750 г. — Амфилохий (Леонтович; вполн. епископ Переяславский), 21 июля 1835 г. рукоположен во иерея буд. Тверской и Кашинский архиеп. *Евсевий* (*Ильинский*); 19 дек. 1854 г. принял постриг, 8 дек. 1856 г. рукоположен во диакона, 10 мая 1860 г. — во иерея

*Киевский Златоверхий
во имя арх. Михаила
муж. мон-рь.
Фотография. Нач. XX в.*

киевский старец *Вонифатий* (*Виноградский*); 10 февр. 1908 г. принял постриг и вскоре был

рукоположен во диакона и иерея св. *Макарий* (*Гневушев*; вполн. епископ Орловский); 20 окт. 1908 г. принял постриг, 22 окт. возведен в сан архимандрита Павел (Преображенский; вполн. епископ Чигиринский), в 1919 г. принял постриг Евмений (Хорольский; вполн. архиепископ Житомирский). В обители проживали: после 1761 г. — филолог иером. *Иаков* (*Блонницкий*), составлявший лексиконы и грамматики церковнослав. языка, с 1813 г. — еп. *Ириней* (*Фальковский*), в 60-х гг. XIX в. — прп. *Гавриил Афонский*, с 1918 г. — иером. св. *Дамаскин* (*Цедрик*), служивший епархиальным миссионером. 18 июня 1909 г. К. З. м. посетили имп. *Николай II Александрович* и вел. кн. Михаил Александрович.

В 1918 г. храмы К. З. м. пострадали во время бомбардировки Киева армией М. А. Муравьева. В 1919 г. в постройках мон-ря располагался Укрсовнархоз. В мае 1921 г. викарий Киевской епархии, еп. Звенигородский *Алексий* (*Готовцев*) был назначен настоятелем обители, помещенная к-рой почти полностью занимали советские учреждения. С 1922 г.

в кельях начали размещать студенческие общежития, трапезную использовали как студенческую столовую. В апр. 1922 г. еп. Алексий был арестован. 21–23 мая Киевский ревтрибунал приговорил еп. Алексия, наместника архим. Тихона, ризничего архим. Иннокентия к 5 годам принудительных работ, замененных домашним заключением. В ночь на 4 апр. 1923 г. еп. Алексий (Готовцев) вновь был арестован и выслан в Москву.

14 мая 1922 г. началось изъятие церковных ценностей из обители. Местонахождение мн. святынь обители, в т. ч. раки вмц. Варвары и серебряных врат иконостаса, неизвестно. Монастырское книжное собрание оказалось во Всенародной б-ке Украины при ВУАН (ныне Национальная б-ка Украины им. В. И. Вернадского). Нек-рое время Михайловский собор занимала община раскольнической «Деятельно-Христовой Церкви», которую возглавлял «епископ» Петр Тарнавский, совершавший в Михайловском соборе «хиротонии», в 1930 г. — община УАПЦ.

24 янв. 1934 г. XII съезд Коммунистической партии Украины и Всеукраинский ЦИК приняли решение о перенесении столицы из Харькова в Киев. На месте К. З. м. планировалось построить Правительственный центр. Против уничтожения обители выступили киевские и московские ученые. Летом 1934 г. перед уничтожением Михайловского собора сотрудники Ин-та материальной культуры УАН всего лишь за месяц произвели его обследование и вынуждены были принять решение, что храм как позднейшая барочная постройка не представляет исторической ценности. Весной 1935 г. с собора сняли купола, а 14 авг. 1937 г. его взорвали.

В 1941 г. К. З. м. был возрожден; под началом наместника архим. Еразма (Довбенко) в обители проживало 18 насельников. С кон. дек. 1941 г. в Иоанно-Богословской ц. совершал архиерейские богослужения еп. Пантелеимон (Рудык), временно управлявший Киевской епархией. После освобождения Киева от фашистских захватчиков в 1945 г. в обители предполагалось открытие пастырско-богословских курсов. 8 февр. 1947 г. помещение монастырской трапезной было предоставлено Киевской ДС. Но в 1949 г. мон-рь был закрыт, келейный кор-

1-го настоятеля-викария еп. Феофана (Шиянова-Чернявского) мон-рю были отведены луг Корабица близ с. Козина (90 дес.), хутор Яровицы (Полатницкий) с садами и огородами (43 дес.), мельница в с. Мотовиловка с 11 дес. земли. В нач. 1802 г. еп. Феофан получил от властей викариатское имение в урочище Лазаревщина (131 дес. 207 кв. саж.). По его инициативе там были построены часовня, загородный архиерейский дом, 3 деревянных дома, в которых проживали 2 иеромонаха, иеродиакон и 3 послушника, устроена пасека (800 ульев), в саду посажены плодовые деревья, выкопаны пруды; 23 авг. 1803 г. митр. *Гавриил* (*Банулеску-Бодони*) освятил храм в честь Чуда арх. Михаила в Хонех; в тот же день митр. Гавриил благословил называть Лазаревщину Феофанией в память о трудах викарного епископа (см. *Киевский во имя вмц. Пантелеимона жен. мон-рь* (*Феофания*)). К кон. XIX в. К. З. м. также владел хутором Выгуровщина со скотным двором (2 дес. 100 кв. саж.) и с сенокосным островом (206 дес. 1700 кв. саж.), хутором Яровицы (28 дес.

пус передан организации «Заготзерно», в трапезной Иоанно-Богословской ц. разместился спортзал.

В 1963 г. здание Иоанно-Богословской ц. получило статус архитектурного памятника УССР, в 1976–1981 гг. реставрировалось. В 1991 г. храм был передан в пользование общине неканонической УАПЦ. С 1998 г. по указу Президента Украины (1996) корпорация «Укрреставрация» воссоздавала постройки на старой монастырской территории в формах укр. барокко. К нач. XXI в. возведены Михайловский собор (2000), колокольня, Экономические ворота, реконструированы Михайловская пл. и келейный корпус. В 2013 г. здания К. З. м. занимает община неканонической УПЦ Киевского Патриархата, в Варваринском корпусе размещена т. н. Киевская православная богословская академия.

Д. Б. Кочетов

Ист.: АЗР. Т. 1. № 141. С. 164–165; Т. 2. № 140. С. 167–168; ПСРЛ. Т. 1–2 (по указ.); Т. 35. С. 23, 41, 55, 65, 72, 73, 82, 86, 102, 106, 118, 119, 138, 140, 159, 161, 186, 188, 207, 208, 230; АЮЗР. Т. 1. № 48. С. 36–37; № 53. С. 40–42; № 76. С. 64–65; № 80. С. 68; № 82. С. 69; № 88. С. 73–74; № 232. С. 296–297; *Иннокентий (Гизель)*, архим. Синопис, или Краткое собрание от различных летописцев о начале славянорусского народа и первоначальных князех богоспасаемого града Киева... до пресветлаго и благочестиваго государя нашего царя и великаго князя Феодора Алексеевича. К., 1680³. Köln, 1983⁷; *De-Vumte E. I.* Древний помяник Киево-Михайловского (Золотоверхого) мон-ря (XVI–XVII вв.) // ЧИОНЛ. 1903. Отд. 3. Кн. 17. Вып. 1. С. 3–32; Вып. 3. С. 33–48; Вып. 4. С. 49–64; 1904. Кн. 18. Вып. 1. Отд. 3. С. 65–76; Украинські грамоти XV ст. / Підгот. тексту, вступ. ст. і комент.: В. М. Русанівський. К., 1965. № 5. С. 30–31; Грамоти XIV ст. / Упоряд., вступ. ст., комент. і слов.-показ.: М. М. Пешак. К., 1974. № 72. С. 134–135; *Феодосій (Софонович)*, игум. Хроніка з літописців стародавніх. К., 1992; Lietuvos Metrika / Par. A. Baliulis, R. Firkovičius, D. Antanavičius: Užrašymu Kn. 8 (1499–1514). Vilnius, 1995. N 80. S. 126; N 83. S. 130; Idem: Viešju reikalu Kn. 7 (1553–1567). Vilnius, 1996. N 35. S. 56; N 68. S. 77; N 93. S. 100; Idem: Užrašymu Kn. 6 (1494–1506). Vilnius, 2007. N 19. S. 63–64; N 202. S. 147–148; *Заборовский Л. В.* Католики, православные, униаты: Проблемы религии в рус.-польско-укр. отношениях кон. 40–80-х гг. XVII в. М., 1998. Ч. 1: Источники времени гетманства Б. М. Хмельницкого. № 81. С. 177, 180, 182–184; № 85. С. 198, 208, 211; № 96. С. 240, 241, 243–246; *Мицик Ю. А., прот.* Документи Св.-Михайлівського Золотоверхого мон-ря // Сіверянський літопис. Чернівці, 2000. № 6. С. 39–48; *он же.* Універсали гетьмана Івана Мазепи Св.-Михайлівському Золотоверхому монастиреві у Києві // Там же. 2002. № 2. С. 18–31; *он же.* З документів до історії Св.-Михайлівського Золотоверхого мон-ря у Києві XVII–XVIII ст. // Там же. 2007. № 5. С. 28–43; *он же.* З документації Св.-Михайлівського Золотоверхого

мон-ря XVII–XVIII ст.: (Маєстності в Острі) // Там же. 2008. № 3. С. 52–67; № 5. С. 29–51; *Богдан Г. Л., де.* Описание Украины. М., 2004. С. 147, 149.

Лит.: *Евстратий (Голованский)*, иером. Киево-Златоверхо-Михайловский 1-кл. мон-рь и его скит Феофания. К., 1878, 1998⁸; *Лебединцев П. Г., прот.* Киево-Михайловский Златоверхий мон-рь в его прошедшем и настоящем состоянии. К., 1884; Киево-Златоверхо-Михайловский мон-рь: Ист. очерк от основания его до наст. времени. К., 1889; *Петровский С. В., свящ.* Златоверхий Михайловский мон-рь в Киеве: Ист. очерк и совр. состояние обители. Од., 1902; *De-Vumte E. I.* Комментарий к древнейшим помяникам Киево-Печерской Лавры и Киевско-Златоверхо-Михайловского мон-ря // ЧИОНЛ. Прил. 1910. Кн. 21. Вып. 3. С. 1–16; 1911. Кн. 22. Вып. 1/2. С. 17–32; 1912. Кн. 22. Вып. 3. С. 33–48; Кн. 23. Вып. 1. С. 49–64; 1913. Кн. 23. Вып. 2. С. 65–80; 1914. Кн. 24. Вып. 1. С. 81–112; Вып. 2. С. 113–144; *Титов Ф. И., прот.* Киевский Златоверхо-Михайловский мон-рь: Краткий ист. очерк к 800-летию существования соборного храма обители. К., 1908 (отт. из: Киевские Ев. 1908. № 26. С. 636–641; № 27. С. 662–670); В память 800-летия Киево-Михайловского Златоверхого мон-ря, 11 июля 1108 – 11 июля 1908 г. К., 1909; *Фролов В. А.* / О снятии мозаик Михайловского мон-ря в Киеве. Л., 1935; *он же.* Робочий щоденник зняття і консервації мозаїк Михайлівського мон-ря в Києві (1934 року) / Публ.: А. Бережина, В. Погрібняк, В. Фролов (онук) // Памятки України. К., 1990/1991. № 4/1. С. 35–39; 1991. № 2. С. 48–49; *Каргер М. К.* Землянка-мастерская киевского художника XIII в. // КСИИМК. 1945. Вып. 11. С. 5–15; *он же.* Археологические исследования древнего Киева (1938–1947). К., 1950. С. 8–44; *он же.* Новые данные к истории древнерус. жилища // КСИИМК. 1951. Вып. 38. С. 3–11; *он же.* Древний Киев. М.; Л., 1958. Т. 1. С. 24, 28–29, 35, 40–41, 50–51, 59, 79, 134, 162–163, 236, 241, 248–252, 298–328, 352, 366–367, 370–371, 386, 391–393, 416, 420, 422–423, 483, 492–498, 517–518, 529–530; 1961. Т. 2. С. 261–287, 473; *Шаповалова А.* Пасхальные дни в Киеве // ЖМП. 1945. № 6. С. 13; *Афонский С., прот.* Открытие Киевской ДС // Там же. 1947. № 6. С. 6; *Лазарев В. Н.* Михайловские мозаики. М., 1966; *Алпатов М. В.* О мозаиках Михайловского мон-ря // ТОДРЛ. 1969. Т. 24. С. 80–84; *Вицирь А. П.* Собрание книг XV ст. в ОР ЦНБ АН УССР // Проблемы рукописной и печатной книги. М., 1976. С. 63–69; *Алферова Г. В., Харламов В. А.* Киев во 2-й пол. XVII в.: Ист.-архит. очерк. К., 1982. С. 55–58; *Геврик Т.* Втрачені архітектурні пам'ятки Києва. Н.-Й., 1982. С. 15–17, 68; *Івакін Г. Ю.* Киев в XIII–XV вв. К., 1982; *он же (Івакін Г. Ю.).* Историчний розвиток Києва XIII – сер. XVI ст. К., 1996. С. 129–132; *он же.* Нові дослідження Михайлівського Золотоверхого собору // Памятки архітектури і монументального мистецтва в світлі нових досліджень. К., 1996. С. 26–28; *он же.* Нова знахідка святого вершишка за територією Михайлівського Золотоверхого мон-ря // Візантія і Київська Русь: Кат. виставки. К., 1997. С. 13–14; *он же.* Храм-хрещальня Михайлівського Золотоверхого собору // Любецький з'їзд князів 1097 р. в історичній долі Київської Русі: Мат-ли міжнар. наук. конф., присвяченої 900-літтю з'їзду князів Київської Русі у Любечі / Ред.: П. П. Толочко. Чернівці, 1997. С. 212–214; *он же.* Нове в історії «міста Ізяслава» в Києві // Магістеріум. К.,

2001. Вип. 6: Археологічні студії. С. 19–22; *Шапов Я. Н.* Государство и Церковь Др. Руси, X–XIII вв. М., 1989. С. 134–137; *Дегтярьов М. Г., Реутов А. В.* Михайлівський Золотоверхий мон-р. К., 1997; *Івакін Г. Ю., Козубовський Г. А., Козюба В. К., Поляков С. Е.* Дослідження Михайлівського Золотоверхого собору в 1997 р. // Археологічні відкриття в Україні 1997–1998 рр. К., 1998. С. 17–18; *Люта Т. Ю.* Земельні володіння Михайлівського Золотоверхого мон-ря в Києві та його околицях (15–17 ст.): Огляд джерел // Памятки України. 1999. № 1. С. 92–94; *Івакін В. [Г.]* Поменники як джерело з історії роду князів Вишневецьких // Медієвістика: Історія Церкви, науки і культури. К., 2000. Вип. 4. С. 67–79; *Мицик Ю. А., прот.* Гетьман І. Скоропадський – покровитель Св.-Михайлівського Золотоверхого мон-ря у Києві // Сіверянський літопис. 2000. № 4. С. 50–64; № 5. С. 65–81; *он же.* З документів до історії Св.-Михайлівського Золотоверхого мон-ря у Києві XVII–XVIII ст. // Сіверянський літопис. 2007. № 5. С. 28–43; *он же.* Гетьман І. Мазепа як покровитель Св.-Михайлівського Золотоверхого мон-ря у Києві // Іван Мазепа та його доба: Історія, культура, нац. пам'ять: Мат-ли міжнар. наук. конф. К., 2008. С. 261–270; *он же.* Св. Костянтин Острозький як покровитель Свято-Михайлівського Золотоверхого мон-ря у Києві // Наукові зап. / Нац. ун-т «Острозька Академія». Сер.: Історичні науки. Острого, 2008. Вип. 13. С. 26–43; *Підгора В.* Настінний живопис мури Михайлівського мон-ря // Київська старовина. 2000. № 4. С. 156–162; *Артамонов Ю. А.* Формирование родовых некрополей на Руси в XI–XII вв. // Вост. Европа в древности и средневековье: Генеалогия как форма ист. памяти: XIII Чтения пам. В. Т. Пашуто: Мат-лы конф. М., 2001. С. 11–20; *Івакін Г. Ю., Козюба В. К.* Історична топографія Михайлівської гори у Києві в XI–XIII ст. // «А се его сребро»: Зб. праць на пошану М. Ф. Котляра з нагоди його 70-річчя. К., 2002. С. 71–88; *он же (Івакін Г. Ю., Козюба В. К.).* Ворота с надвратної церковью кон. XII в. в Києві: (По исслед. 1998–1999 гг.) // Архитектура и археология Др. Руси: Мат-лы науч. конф. СПб., 2009. С. 85–100. (ТрГЭ; 46); *Орленко М.* Михайлівський Золотоверхий мон-р: Методичні засади і хронологія відтворення. К., 2002; *Попова О. С.* Мозаїки Михайлівського мон-ря в Києві і візант. искусство кон. XI – нач. XII в. // ДРИ. 2002. [Вып.:] Русь и страны Визант. мира XII в. С. 344–364; *[Клос В., свящ.]* Історія Св.-Михайлівського Золотоверхого мон-ря. К., 2007; *Коренюк Ю. О., Кот С.* Мозаїки і фрески Михайлівського Золотоверхого собору в Києві: Сучасний стан мистецької спадщини // Памятки України. 2007. № 1. С. 2–38; *он же.* Орнаментальні фрески Михайлівського Золотоверхого собору // Студії мистецтвознавчі. К., 2007. № 1(17). С. 23–45; *Яременко М.* Київське чернецтво XVIII ст. К., 2007; *Білоус Н. О.* Київ наприкінці XV – у 1-й пол. XVII ст. К., 2008. С. 70, 77–78, 99, 101, 110, 126, 131, 199, 225, 252; Науковий зб., присвячений 900-літтю Св.-Михайлівського Золотоверхого мон-ря: Мат-ли наук.-практ. конф. «Михайлівський Золотоверхий мон-р: Історія криз століття» / Упоряд.: архієп. Дмитрій (Рудюк), свящ. В. Клос. К., 2008; *Ульяновський В., Кошіл О.* Старожитня 6-ка Михайлівського Золотоверхого мон-ря. К., 2008. Вип. 1: Спроба реконструкції кириличної збірки; *Коренюк Ю. О.* Історія Михайлівського Золотоверхого собору – історія НХМУ // Музейний провулок.

К., 2010. № 1(15). С. 16–29; Коренюк Ю. О., Світлична Н. О. Демонтаж мозаїк та фресок Михайлівського Золотоверхого собору: (За архівними мат-лами) // Могилянські читання, 2010. К., 2011. С. 231–238; Нікітенко Н. М., Корнієнко В. В. Св. Варвара в стінопису Софії Київської: Нові дослідження графіті, атрибуція та святокультовий статус образу // Там же. С. 264–272.

А. В. Кузьмин

Археологические исследования 1996–1999 гг. показали, что территория мон-ря в кон. X — нач. XI в.

Раскопки надвратной церкви 90-х гг. XII в. около Михайловского собора. 1999 г.

была занята сначала курганным языческим, а затем христианским могильником. В сер. XI в. могильник сменила монастырская и жилая застройка. О количестве монастырей в этом районе и об истории их взаимоотношений ведутся дискуссии. Ок. 1051 г. вел. кн. Изяслав (Димитрий) Ярославич возвел здесь патрональный Димитриевский монастырь с одноименным собором. Высказывалось предположение, что Димитриевский собор был позднее переименован в Михайловский Златоверхий (Каргер. 1951. С. 266). Гипотеза о тождестве Димитриевского и Михайловского Златоверхого храмов была опровергнута в 1961 г. в работе Ю. С. Асеева на основании «сопоставления данных стилистического и технологического анализом мозаик и фресок, приемов строительной техники и архитектуры»

(Асеев. 1961) с учетом выявленно-го исследователем в архиве Одесского краеведческого музея плана Димитриевского храма (снят в ходе работ 1838 г. архит. М. А. Щуруповым) и археологических наблюдений 1940 г., зафиксировавших остатки этого храма (ул. Трёхсвятительская, 4).

Вероятно, К. З. м. принадлежала надвратная церковь 90-х гг. XII в., открытая при раскопках Г. Ю. Ивакина в 1999 г. По технике строительства и стилю архитектуры ее связывают со школой архит.

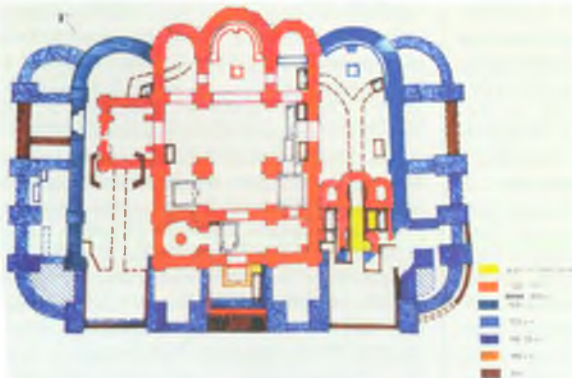
Петра Милонегга. Постройка представляла собой небольшую надвратную церковь с одной апсидой, ориентированной

перпендикулярно проезду на юго-восток и отходящей от вост. пилоны. Внешние размеры здания (без пилястр): длина 9,23 м, ширина 11,22 м; внутренняя ширина апсиды 2,67 м, диаметр 2,69 м.

«Повесть временных лет» под 1108 г. сообщает, что «церковь святого Михаила, Золотоверхая» была заложена 11 июля вел. кн. Святополком (Михаилом) Изяславичем (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 259). Указание на то, что скончавшегося 16 апр. 1113 г. князя погребли в стенах построенной им церкви (Там же. Стб. 275), свидетельствует, что храм к этому времени был уже возведен и, возможно, полностью или частично расписан. Согласно Ипатьевской летописи, здесь же были похоронены Святополк (1190) и Глеб (1195) Юрьевичи — т. о., К. З. м. был родовым для потомков Святополка.

Перед работами по созданию собора жилая застройка была снесена,

План Михайловского собора по раскопкам 1996–1999 гг. Красным цветом выделены стены нач. XII в., синим — 1-й пол. XVIII в.

площадка тщательно распланирована, в некоторых местах был подсыпан грунт (более 0,5 м),

под которым оказались более древние языческие погребения.

До уничтожения собора в 1937 г. И. В. Моргилевский провел некие исследования и сделал обмеры здания. В 1938, 1940, 1948, 1949 гг. на территории мон-ря вел раскопки М. К. Каргер. В 1992–1999 гг. проведены исследования (с 1992 — В. А. Харламов, с 1996 — Ивакин) остатков храма для его воссоздания в формах XVIII в. (архит. Ю. Г. Лосицкий). В 1997–1999 гг. собор отстроен заново.

Первоначальное ядро собора представляло собой типичный крестово-купольный в плане одноглавый храм — трехнефный, 6-столпный, с ясно выраженным нартексом, в сев. части к-рого находилась винтовая лестница на П-образные хоры. Купола над лестничной башней, вероятнее всего, не было. Длина постройки 28,8 м, ширина (по оси подкупольного квадрата) 18,79 м, а по зап. стене 18,86 м. Размеры подкупольного квадрата по оси «восток–запад» — 6,78–6,82 м, по оси «север–юг» — 6,43–6,46 м. Собор построен в смешанной технике кладки (opus mixtum) из большеформатной плинфы (27–29 × 34–38 × 4–4,5 см) и бутового камня со скрытым рядом.

В алтарной части храма находился синтрон из плинфы шириной 0,85 м с выступом для владычного места. Внешняя часть синтрона покрыта тщательно заглаженной цемяночной затиркой. В центре апсиды — прямоугольный алтарь (1,48 × 1,88 м), также из плинфы. Новые исследования показали, что апсиды собора не были гранеными, их фасады расчленены тонкими полуколонками диаметром 20 см. Центральная апсида имела 4, а боковые — по 3 полуколонки. Между ними с высоты 4-го ряда кладки шли уступчатые ниши. Фасады завершались равновысокими закомарами. В тимпанах боковых фасадов размещалось по 3 двухступенчатых ниши. Под окнами 2-го яруса проходил меандровый фриз из плинфы, ниже — пояс декоративных плоских ниш. Барабан купола имел 12 окон, над которыми находился пояс меандра, выше — декоративные ниши. На фасадах была применена структурная система членений (в соответствии с внутренней планировкой храма), в к-рой чувствуется рафинированность стиля.

Вскоре после завершения основного объема собора у его юго-западного угла была возведена неболь-

Реконструкция надвратной церкви
90-х гг. XII в. А. В. Реутова

шая церковь (придел Входа Господня в Иерусалим — в XVI–XVII вв.). Это был 4-столпный одноглавый храм (10,8×8,6 м) с 3 апсидами (радиус центральной апсиды — 1,6 м, боковых — по 0,6 м). Считалось, что его построила кнг. Ирина ок. 1470 г. Характер конструкции и малая мощность фундамента указывают на то, что храм был одноярусным — не выше линии хор собора.

Тогда же с севера и запада были пристроены притворы, перекрытые сводами 3-лопастной формы; все они выполнены из тех же материалов и с такими же технологическими приемами, что и основное ядро храма, но перекрывали его фасады, расписанные к тому времени.

Планировочная структура храма следовала схеме Успенского собора Печерского мон-ря. Отдельные элементы архитектуры восходят к более ранним постройкам. Напр., пары небольших декоративных ниш в уровне сводов под хорами, устроенные над нижними окнами, повторяют формы зап. фасада черниговского Спасского собора (ок. 1036). Построение 3-частных групп окон, или декоративных ниш, является доказательством визант. происхождения архитектурного облика собора. Эти мотивы тройного проема были характерны для к-польской архитектуры.

Об упомянутом в летописи позолоченном верхе собора сообщали авторы XVI в. (напр., М. Груневег писал, что главный купол «имеет

яркую позолоту, но края крыши вокруг свинцовые» (Исаевич Я. Д. Новое джерело про історичну топографію та архітектурні пам'ятки стародавнього Києва // Київська Русь: культура, традиції. К., 1982. С. 113–128)).

Собор имел богатое внутреннее убранство, его интерьер выдержан в характерном для XI в. торжественном и монументальном стиле. Центральная апсида была украшена мозаиками, остальная часть храма расписана фресками. Пол выложен шиферными плитами, инкрустированными мозаикой, и разнообразными цветными поливными плитками. Три резные плиты из овручского шифера с изображением св. всадников, которые часто называют «михайловскими», найдены вне Михайловского собора и относятся к украшениям Димитриевского.

Г. Ю. Ивакин

Росписи и мозаики. Работы по созданию монументальной декорации храма были завершены к 1113 г. От древнего убранства сохранилось всего неск. фрагментов. Перед уничтожением собора, в 1935–1936 гг., часть мозаик и фресок (общая площадь 45 кв. м) была снята со стен профессором мозаичной мастерской Ленинградской АХ В. А. Фроловым и реставратором П. И. Юкиным (в XX в. хранились в Национальном заповеднике «София Киевская», ГТГ, ГИМ, ГРМ, ГЭ, НГОМЗ). Мозаики «Евхаристия», «Архидиак. Стефан» и «Архидиак. Фаддей», фресковые изображения арх. Гавриила и Пресв. Богородицы из композиции «Благовещение» находятся в Софийском соборе Киева, мозаичное изобра-

Описание живописи, составленное архидиаком Павлом Алеппским, сыном Антиохийского патриарха Макария, в сер. XVII в. прибывшего в Москву, и сохранившиеся фрагменты росписи позволяют представить систему декорации храма. В алтаре находилось изображение Богоматери «Оранта»; под ним располагалась композиция «Евхаристия», центральная часть которой сохранилась (экспонируется на хорах Софийского собора в Киеве); ниже шел фриз ростовых фигур св. отцов (не сохр.). По описанию архидиака Павла, алтарь Михайловского собора «...похож на алтарь Св. Софии и монастыря Печерского... На передней (восточной) его стороне есть изображение Владычицы, стоящей, воздев свои пречистые руки с открытыми дланями, из позолоченной мозаики... также изображение Господа, который подает своим ученикам, стоящим с обеих сторон, хлеб и кровь божественные... Под ними кругом изображения архиереев — все из мозаики» (Павел Алеппский. Путешествие. 1897. Вып. 2. С. 73). Роспись собора К. З. м. не только имела очевидное сходство с декорацией алтаря Софийского собора, но и обладала иконографическим, композиционным и стилистическим своеобразием. Композиция «Причащение апостолов», занимавшая апсиду и стены вимы, помимо 12 апостолов, направлявшихся к Спасителю, включала 8 апостолов из числа 70, представленных фронтально (сохр. только изображение ап. Фаддея). В том же регистре, на лопатках вост. столбов, обращенных в алтарь, были помещены друг против друга вмч.

Димитрий Солунский и архидиак. Стефан. Такое подчеркнутое выделение

Причащение апостолов.
Мозаика
Михайловского собора.
1113 г.

образа вмч. Димитрия связывается с патрональным характером образа

святого, соименного отцу заказчика — вел. кн. Изяславу (Димитрию). Др. особенностью программы декорации собора являлось изображение 2 столпников на зап. гранях тех же лопаток ярусом выше. Их фигуры фланкировали пространство алтаря, подчеркивая высокое значение монашеского образа жизни. По всей

святого, соименного отцу заказчика — вел. кн. Изяславу (Димитрию). Др. особенностью программы декорации собора являлось изображение 2 столпников на зап. гранях тех же лопаток ярусом выше. Их фигуры фланкировали пространство алтаря, подчеркивая высокое значение монашеского образа жизни. По всей

видимости, мозаикой был украшен только центральный алтарь собора. В отличие от собора Софии Киевской, где мозаика покрывала в т. ч. зап. грани вост. столбов, в соборе К. З. м. фигуры арх. Гавриила и

Архидиак. Стефан.
Мозаика Михайловского собора. 1113 г.

Пресв. Богородицы из композиции «Благовещение» были выполнены в технике фрески. Под ними располагались фронтальные фигуры пророков Захарии и Самуила, ниже — святителей. Над «Благовещением», на склонах подпружных арок, так же как в Софийском соборе, помещались медальоны с изображениями 40 Севастийских мучеников. От росписи купола и сводов не дошло достоверных фрагментов, поэтому судить о ее программе можно только по аналогии с др. памятниками.

При иконографическом сходстве сцен «Причащение апостолов» в соборе Софии Киевской и в соборе К. З. м. отмечаются их композиционные и стилистические особенности. Так, надпись, сопровождающая композицию в соборе К. З. м., выполнена по-славянски. Образ Иисуса Христа отличается мягкостью. Он обращен к приступающим к Нему апостолам. Апостолы представлены в разнообразных поворотах относительно друг друга; их жесты нюансированы, а индивидуально трактованные образы отличаются не только портретными типами, но и характером. Пропорции чуть вытянуты, движения складок одежд изящны, позы сдержанны, но динамичны, лики отмечены глубоким размышлением, красотой и благородством. Богатую цве-

товую гамму мозаик образуют переливающиеся цветные линии и пятна, отвечающие дополнительными тонами, контурные линии, выполненные коричневой, черной и красной смальтой, придающие естественность формам. Живописные приемы позволяют художникам добиться почти реалистической достоверности в передаче живого блеска глаз, теплоты телесного тона, фактуры тонких струящихся тканей. Живопись собора К. З. м., стоящая в одном ряду с такими ансамблями 2-й пол. XI — нач. XII в., как мозаики кафоликона мон-ря Неа-Мони (1042–1056), нартекса ц. Успения Пресв. Богородицы в Никее (1067), ц. Успения Пресв. Богородицы мон-ря Дафни (ок. 1100), принадлежит к традиции столичного, к-польского искусства, памятники которого получили распространение на большом географическом пространстве.

Н. В. Квливидзе

Лит.: *Лебединцев П. Г.* Дмитриевский мон-рь, устроительный вел. кн. Изяславом Ярославовичем, его судьба и местность // Киевские Ев. 1877. № 4. С. 85–96 (То же // ЧИОНЛ. 1879. Кн. 1. С. 28–36); *Каргер М. К.* Архитектура // История культуры Др. Руси: Домонг. период. М.; Л., 1951. Т. 2. С. 245–395; *он же.* Древний Киев. М.; Л., 1961. Т. 2. С. 273–282; *Асеев Ю. С.* Новые данные о соборе Дмитриевского мон-ря в Киеве // Сов. Арх. 1961. № 3. С. 291–296; *он же.* Архитектура древнего Киева. К., 1982. С. 91–92, 99–102; *Раппопорт П. А.* Русская архитектура X–XIII вв.: Кат. памятников. Л., 1982. С. 16–17. № 18; *Комеч А. И.* Древнерус. зодчество кон. X — нач. XII в. М., 1987; *Щапов Я. Н.* Государство и Церковь Др. Руси X–XIII вв. М., 1989. С. 134–136; *Дегтярьов М. Г., Реутов А. В.* Михайлівський Золотоверхий мон-р. К., 1997; *Івакін Г. Ю.* Археологічне вивчення Михайлівського Золотоверхого мон-ря у 1996–1998 рр. // Пам'ятки України. 1999. № 1. С. 52–54; *он же (Івакін Г. Ю.).* Исслед. Михайловского Золотоверхого мон-ря // Новгородские археол. чт.—2. Вел. Новгород, 2004. С. 276–285; *Івакін Г. Ю., Козюба В. К.* Исторична топографія Михайлівської гори в Києві в XI–XIII ст. // «А се его сребро»: Зб. праць на пошану М. Ф. Котляра з нагоди його 70-річчя. К., 2002. С. 71–88; *Попова О. С.* Мозаики Михайловского мон-ря в Киеве и визант. искусство кон. XI — нач. XII в. // ДРИ. СПб., 2002. [Вып.] Русь и страны визант. мира: XII в. С. 344–364; *Івакін Г. Ю., Іоаннісан О. М.* Мурована архітектура // Історія українського мистецтва: В 5 т. К., 2010. Т. 2. С. 477–524; *Коренюк Ю. А.* Мозаїки Михайлівського Золотоверхого собору. К., 2013.

КИЕВСКИЙ ИОНИНСКИЙ (ИОНОВСКИЙ) ВО ИМЯ СЯТОЙ ТРОИЦЫ МУЖСКОЙ МОНАСТЫРЬ (Киевская митрополия УПЦ), находится в Киеве (Украина), на Зверинецком холме. Основан в 1866 г. по инициативе прп. *Ионы (Мирошниченко)*.

XIX в.—1942 г. Митр. Киевский *Евгений (Болховитинов)* в нач. 30-х гг. XIX в. назвал юж. окрестность Киева Русским Афоном. По преданию, иеросхим. прп. *Феофил (Горенковский)* за 10 лет до основания обители предсказал устройство здесь большого мон-ря (Христа ради юродивый иеросхим. Феофил, подвижник и прозорливец Киево-Печерской Лавры / Сост.: В. Зноско. М., 1996. С. 148).

Основатель К. И. м. прп. *Иона* в записках упоминал, что «потрудиться в созидании и устройении святая обители мужского общежительного монастыря» и что благословил его прп. *Серафим Саровский*. В 40-х гг. XIX в., во время пребывания в Белобережской пуст., мон. *Иона* трижды сподоблялся видения Богородицы, повелевавшей ему идти «во град Киев» для основания мон-ря, место к-рого на берегу Днепра будет указано огненным столпом (Сказания. 2005. С. 77). Вскоре он отправился в Киев и с 1851 г. по благословию митр. Киевского свт. *Филарета (Амфитеатрова)* проживал в разных обителях, в т. ч. с 1860 г.— в *киевском Выдубицком во имя арх. Михаила мон-ре*, где стал известен как старец. Иером. *Иона* часто посещал сад рядом с Выдубицкой обителью — территорию буд. Троицкого мон-ря. Здесь ему трижды являлась Богородица, обещавшая помощь в обустройстве новой обители.

Вскоре иером. *Иона* переселился в сад на Зверинецком холме, к нему присоединился мон. *Иларион*. Образовалась небольшая монашеская община, в документах именованная «частным скитом иеромонаха *Ионы*». Старец выкупил 2 усадьбы: «у Марии Романовны (Шушовой) и у соседа *Молявки*. Первая была приобретена за 130 р., а вторая — за 115 р.» (Там же. С. 141). Сначала подвижники жили в небольших куренях из хвороста, затем построили временные деревянные кельи. С 1864 г. по благословию митр. Киевского *Арсения (Москвина)* на средства кнг. Е. А. Васильчиковой (вдовы киевского ген.-губернатора кн. И. И. Васильчикова) на Зверинецком холме стали возводить деревянные монастырские постройки.

В 1864 г., вероятно по благословию митр. Московского свт. *Филарета (Дроздова)*, кнг. Васильчикова обратилась в Синод с прошением учредить К. И. м. и разрешить ей передать обители дом, находившийся на территории одной из приобретен-

сано участие братии в содержании странноприимного дома, больницы, а также «приюта для сирот

*Киевский Ионинский
во имя Св. Троицы
муж. мон-рь.
Фотография. 2013 г.*

и полусирот» (ЦГИАК. Ф. 127. Оп. 761. Д. 181). Поэтому сначала были построены здания приюта, школы и больницы,

ных усадеб, а также 10 тыс. р. серебром и др. вклады. 19 янв. 1865 г. Синод благословил устроить домовую ц. во имя Св. Троицы и определил «наблюдение за церковью и отправление в ней богослужения поручить духовному отцу... иеромонаху Ионе с представлением для большего ему надзора за церковью... перейти на жительство в дом княгини, а для чтения и пения пригласить по своему усмотрению послушников из Выдубицкого монастыря». В 1865 г. в К. И. м. был выстроен деревянный 2-этажный дом с небольшой домовою ц. во имя Св. Троицы (освящена выдубицким архим. Вениамином (Базилевичем) с 4 иеромонахами и иеродиаконами 4 мая 1865). Иконостас, пре-

а затем — кельи для братии. Зверинецкий холм находился на территории Киевской крепости, созданной еще в 1812 г., и все вопросы строительства согласовывались с военным ведомством, а нек-рые строительные проекты требовали разрешения императора. Трудности при основании обители были связаны также с судебным процессом, к-рый в 1867–1868 гг. К. И. м. вел с Выдубицкой обителью за спорный земельный участок чиновницы Андреевой (Там же. Ф. 130. Оп. 1. Д. 1055).

Игум. Иона (Мирошниченко) стал известен среди киевлян, и многие искали у него совета и наставления. Благодаря кнг. Васильчиковой и др. благодетелям обитель расширялась.

В 1869 г. казак Л. К. Кальницкий подарил К. И. м. усадьбу близ Выдубицкого мон-ря (Там же. Ф. 486. Оп. 5. Д. 532. Л. 8 об.). Ус-

*Звонница.
XX в.
Фотография. 2013 г.*

тав К. И. м. не позволял братии покупать земельные наделы, монастырские имения состояли из подаренных в Киеве и за его пределами 15 земель-

ных участков. Наибольший вклад в расширение мон-ря внесла кнг. Васильчикова. Кроме подаренной ею земли на Зверинце в сер. 60-х гг. XIX в. она отдала в пользование К. И. м. свое киевское имение — хутор Васильчики на р. Сырец.

Указом имп. Александра II от 5–6 апр. 1866 г. К. И. м. был официально учрежден, а 18 апр. того же года иером. Иона определен строителем К. И. м., а также странноприимного дома, больницы и школы-приюта для мальчиков-сирот; в авг. 1872 г. он был возведен в сан игумена.

В уставе К. И. м., составленном под рук. игум. Ионы, было пропи-

тав К. И. м. не позволял братии покупать земельные наделы, монастырские имения состояли из подаренных в Киеве и за его пределами 15 земель-

ных участков. Наибольший вклад в расширение мон-ря внесла кнг. Васильчикова. Кроме подаренной ею земли на Зверинце в сер. 60-х гг. XIX в. она отдала в пользование К. И. м. свое киевское имение — хутор Васильчики на р. Сырец. Был заложен каменный Свято-Троицкий собор, проект к-рого 3 апр. 1868 г. был представлен на утверждение Киевскому митр. Филарету (Амфитеатрову) и киевскому коменданту. До нач. 70-х гг. богослужения совершались в деревянной Троицкой ц.

28 нояб. 1871 г. митр. Киевский Арсений (Москвин) освятил в новом каменном соборе правый придел в честь иконы Божией Матери «Троеручица». Отец Иона особо чтит этот образ; он хранился в келье старца, а вполсл. был помещен в Троицком храме за правым клиросом. Еще при жизни преподобного по молитве перед иконой «Троеручица» совершилось множество чудес. 23 июля 1872 г. в соборе был освящен главный престол во имя Св. Троицы. В 1897–1900 гг. при расширении храма по проекту архит. В. Н. Николаева пристроен и 13 окт. 1900 г. митр. Киевским Иоанникием (Рудневым) освящен придел во имя Всех святых.

В 1896 г. в К. И. м. была возведена временная деревянная колокольня. В мае того же года из Москвы был привезен отлитый на заводе А. Д. Самгина колокол весом 1150 пудов (в то время самый большой в Киеве) и неск. мелких — по 57 пудов. В 80–90-х гг. XIX в. в К. И. м. были сооружены трапезная, игуменский, больничный и просфорный корпуса, устроены хлебопекарня, просфорня, свечная, иконописная, переплетная, столярная мастерские. Дети из школы-приюта помимо изучения общеобразовательных предметов могли обучаться ремеслам — столярному, сапожному, кузнечному и др. В 1878 г. в школе числилось 28 учеников, в 1904–1905 гг. — 61 ученик.

Последними крупными строительными начинаниями игум. Ионы стали сооружение 4-этажного корпуса на 87 келий (строительство обошлось в 100 тыс. р. и велось на средства благотворителей) и оформления разрешения властей на возведение колокольни. Монастырская усадьба «находилась в черте эспланады Киевской крепости, почему всякий раз при возведении каменных построек необходимо было испрашивать Высочайшее соизволение»; когда подавали на утверждение проект келейного корпуса, «дабы не утруждать два раза священную особу государя», главное инженерное управление потребовало представления и проекта колокольни, к-рый срочно подготовил Николаев (Там же. Ф. 127. Оп. 781. Д. 20). Разрешение было получено в 1901 г., но начало строительства откладывалось: колокольня должна была стать самой высокой в России, выше лаврской. Высота

колокольни предполагалась 110 м, высота каменной кладки — 75, диаметр в основании — 30, толщина стен 1-го яруса — 9 м. На каждом из 4 ярусов решено было устроить круглый зал диаметром 11 м и высотой 17 м, для подъема колоколов в перекрытиях оставляли круглые отверстия диаметром 4,5 м, на 1-м

ярусе запланировали устроить двое ворот, а для подъема на колокольню спроектировали не лестницу, а винтовую дорожку длиной 370 м и шириной 1 м. 27 июля 1903 г. состоялась торжественная закладка колокольни, но к 1917 г. возвели только 1-й ярус.

Игумен Иона отличался странноприимством и заботой о нищих. Ежедневно в К. И. м. ок. 400 паломников могли получить 2-разовое горячее питание и ночлег в 3 гостиных. В обители для богомольцев имелось 19 деревянных помещений и летняя столовая с кухней. Школа-приют для мальчиков-сирот и больница со странноприимным домом содержались исключительно на монастырские средства, без дотаций из казны. Всего на плане 1900 г. обозначено 125 строений. В нач. XX в. монастырские постройки занимали 10 дес., а огород, сад и виноградник — более 2 дес. (Там же. Ф. 922. Оп. 1. Д. 18). Игумен Иона разрешал сажать в К. И. м. только плодовые сады, причем «деревья, не приносившие плодов, он вырубал собственноручно». В 1917 г. в мон-ре было 45 жилых помещений: 39 занимали насельники, 5 корпусов отводилось для странников и богомольцев, в 1 корпусе располагалась больница. За оградой находилось 5 жилых помещений, в 2 из них размещались школа-приют для мальчиков, в остальных проживали монастырские рабочие. Кроме того, в мон-ре были устроены мас-

терские: живописная, переплетная, столярно-плотницкая, бондарная, сапожная, портняжная, кузнечно-слесарная; отдельное здание было построено для башенных часов.

17 янв. 1886 г. указом Синода игумен Иона был возведен в сан архимандрита и назначен одновременно настоятелем возрождавшегося *Межигорского в честь Преображения Господня мон-ря*. К. И. м. был приписан к Межигорской обители, которая в 1894 г. бы-

*Трапезная.
Нач. XX в.
Фотография. 2013 г.*

ла преобразована в женскую (с отделением от нее К. И. м. со всеми удобствами и капиталами), и передан в ведение *киевского в честь Покрова*

Пресв. Богородицы жен. мон-ря; по настоянию архим. Ионы К. И. м. стал самостоятельным. Но в дек. 1899 г. в связи с преклонным возрастом преподобный был освобожден от управления обителью и поселился в деревянном домике (построен в 1884; снесен в 50-х гг. XX в.). 15 дек. 1901 г. он соборовался и до самой кончины ничего не ел, ежедневно причащался и пил св. воду. Сразу после кончины преподобного настоятель Выдубицкого мон-ря архим. Евлогий отслужил панихиду по старцу. 1 янв. гроб с телом почившего был перенесен в храм Св. Троицы. 12 янв. 1902 г. пребывавший на покое еп. Сильвестр (Малеванский) и ок. 60 клириков в присутствии ок. 30 тыс. паломников совершили отпевание основателя мон-ря. Затем гроб с телом старца трижды обнесли вокруг храма. Он был погребен в склепе под Свято-Троицким собором. В 1899–1902 гг. К. И. м. возглавлял игумен Евгений, в 1902–1911 гг. — архим. Мелхиседек (Стещенко), при котором в 1902–1909 гг. производился капитальный ремонт Троицкого храма. В 1911 г. новым настоятелем был назначен иером. (впосл. архимандрит) Иувеналий (Онокало).

В 1869 г. в К. И. м. проживало 27 насельников, в т. ч. иеросхимонах и 4 иеромонаха, в 1901 г. — 470 насельников, в 1905 г. — 523 (обитель среди киевских мон-рей занимала 2-е место по числу братии после Киево-Печерской лавры), в 1908 г. —

602, в 1913 г. — 559 насельников, в т. ч. 54 иеромонаха, 27 иеродиаконов, 124 монаха и 354 послушника. К. И. м. являлся единственной муж. общежительной обителью в Киеве. Прп. Иона не позволял принимать братию из др. мон-рей, в К. И. м. поступали только миряне. Ок. 10 стриженников К. И. м. стали настоятелями др. обителей. Так, настоятелем оренбургского Макариевского Успенского мон-ря был о. Вениамин (Курач), *Жаботинского Чубовского во имя прп. Онуфрия Великого мон-ря* — о. Евгений (Загородний), строителем Пречистенского скита в мест. Церковщина — о. Мануил (Ковш; в схиме Серафим). Организатором скита на Зверинецких пещерах стал игумен Валентин (Коротенко). Насельники К. И. м. назначались настоятелями оршанского в честь Покрова Пресв. Богородицы мон-ря и Неклюдовского Борисоглебского скита Могилевской губ.

В 1917 г. в обители возникли конфликты. Так, 18 авг. 1917 г. часть насельников подала жалобу в Департамент вероисповеданий при Центральной раде на злоупотребления архим. Иувеналия и его помощников, однако ответа не последовало (*Ульяновский В. И.* Церква в Українській державі 1917–1920 рр. К., 1997. С. 75).

6 июня 1918 г., когда Киевом управлял гетман П. П. Скоропадский, рядом с К. И. м. взорвались Зверинецкие артиллерийские склады. Возможно, взрывы организовали сторонники большевиков, чтобы destabilизировать ситуацию в городе. В результате взрывов погибли 12 насельников, по одним данным — на территории К. И. м., по другим — в приписном Зверинецком скиту, находившемся ближе к складам. Из-за взрывов и пожаров были разрушены монастырские здания, часть 1-го яруса строившейся колокольни, полностью уцелел лишь каменный келейный корпус (1895). 27 сент. 1918 г. архим. Иувеналий писал в рапорте Киевскому епархиальному совету, что сгорела также монастырская канцелярия с архивом и документами (ЦГИАК. Ф. 4752. Оп. 6. Д. 241. Л. 1). Полуразрушенный Троицкий храм впосл. был восстановлен, но колокольня разобрана. Руины строений, примыкавших к обители, были снесены, а местность в июле–авг. 1918 г. очищена под котлованы и фундаменты для новых

зданий. Большевики, захватившие Киев, планировали построить на Зверинце правительственный центр, что поставило под угрозу существование обители. Но планы строительства были отменены, чему способствовали и 2 обвала земли в этих местах, обозначившие наличие пещерных галерей на всем пространстве Зверинца.

В 1924–1926 гг. в братии К. И. м. состоял иером. св. *Иоасаф (Жевахов)*, хиротонисанный в 1926 г. во епископа Дмитровского, викария Курской епархии. В 1928 г. настоятель архим. Иувеналий был арестован. Воспользовавшись арестом, 29 авг. 1928 г. президиум Киевского горсовета постановил упразднить К. И. м. и выселить братию из обители. Но реализация данного решения затянулась, а братия зарегистрировалась как рабочая артель «Труд», главой к-рой был избран архим. Иов (Пругло). На 1 янв. 1929 г. в артели, по офиц. данным, числился 51 насельник, в действительности же при обители проживало 214 чел. (вероятно, учитывая также братию приписных скитов). Неск. человек жили в старом келейном корпусе, мн. монахи — на квартирах, в подвалах и сараях, но все собирались на богослужения в Троицком храме, к-рый к 1934 г. стал приходским. В оставшихся келейных корпусах размещались детская исправительная колония, фабричное общежитие, склады и мастерские.

16 июля 1931 г. Наркомат просвещения Украинской ССР отправил в Киевский горсовет письмо с перечнем «культовых зданий», не имевших исторической ценности и предназначенных к сносу, среди них — монастырская каменная ограда нач. XX в. (ГА г. Киева. Ф. Р–1. Оп. 1. Д. 3151. Л. 4–5). 25 июля 1933 г. решением президиума Киевского горсовета келейный корпус с хозяйственными постройками был передан в ведение трудовой школы. В том же году были арестованы архим. Иов, иеросхим. Алексей (Шур) и десятки монахов. 15 февр. 1934 г. решением президиума Киевского горсовета был закрыт Троицкий храм. При закрытии церкви был арестован иером. Паисий, один из последних насельников, нелегально служивший и проповедовавший на территории обители (ЦДАГОУ. Ф. 263. Оп. 1. Д. 30355; Ф. прекращенных дел. Кор. 151. Л. 11). До сер. 30-х гг.

были репрессированы последние насельники: монахи Архип (Мельников), Гедеон (Матвейченко), Иеремия (Рошак), Михаил (Тарасенко), Арсений (Дудник) и Тихон (Алексиевко). Небольшая часть монашествующих, опасаясь репрессий, перешла за 100-километровую запретную для проживания «антисоветского элемента» зону, в пос. Малин (ныне город Житомирской обл.). Здесь под началом иером. Геронтия (Носенко) иноки организовали общину, члены к-рой в 1937 г. были репрессированы. Один из клириков обители, иером. Полихроний (в схиме Прохор) (Дубровский), после освобождения из-под ареста в 1935–1937 гг. служил настоятелем церкви в мест. Носовка (ныне город Черниговской обл.), затем был вновь репрессирован, а после 1941 г. служил в Киево-Печерской лавре.

1942–1991 гг. В 1942 г. монастырская община в К. И. м. была восстановлена. Братию возглавил архим. Иадор (Лось), благочинным стал иером. Галактион (Репник). Одновременно в 1942–1944 гг. действовал и Знаменский жен. скит на Караваевых Дачах. В 1944 г. в К. И. м. был 31 насельник (29 монахов и 2 послушника).

12 мая 1944 г. постановлением СНК УССР предписывалось К. И. м. закрыть и его территорию передать для устройства ботанического сада при Ин-те ботаники АН УССР (организован в 1935 на бывших монастырских землях). Архим. Иадор стремился обжаловать данное решение властей и затягивал освобождение братией монастырских помещений. Так, в отчете благочинному мон-рей Киева архим. Еразму (Прокопенко) от 18 мая 1944 г. он писал, что ботанический сад уже получил причитавшиеся ему территории. По его словам, в распоряжении К. И. м. имелись храм, 8 домов с 30 кельями, огород и сад площадью 23 га, к-рый к маю был возвращен Ин-ту ботаники. «Нам выделили около половины десятины пахотной земли, так и ту землю ботаники отдали своим рабочим», — сообщал архим. Иадор (ЦДАГОУ. Ф. 4648. Оп. 1. Д. 1. Л. 230). В авг. 1944 г. благочинный иером. Галактион и иером. Димитриан (Васянович; † 1970) подали на имя председателя СНК УССР Н. С. Хрущёва заявление об оставлении в их распоряжении монастырских зданий (Там же. Л. 113). Ожидая положительно-

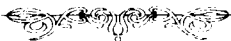
го ответа, монахи отказывались покидать территорию обители. В 1944 г. уполномоченный по делам РПЦ при СНК УССР П. С. Ходченко рекомендовал властям адм. выселение братии (Там же. Л. 114). Большинство монахов вместе с настоятелем были переведены в Киево-Печерскую лавру, а нек-рым из них пришлось скрываться за территорией мон-ря. После закрытия обители иером. Димитриан (Васянович) работал дворником в ботаническом саду, организованном на месте мон-ря; он проживал в ветхой часовой башне, в к-рой по ночам тайно служил литургии.

В Троицком соборе размещались лаборатории, а затем склад и свалка Центрального республиканского ботанического сада, образованного в 1944 г. в новых пределах за счет расширения границ прежнего сада Ин-та ботаники АН УССР. В сер. 60-х гг. Троицкий храм было решено перестроить под музей ботаники. В 80-х гг. «Укрреставрация» восстановила старинные росписи в храме и частично отремонтировала здание церкви, находившееся в аварийном состоянии.

В окт. 1966 г. кощунственно был вскрыт склеп, в к-ром покоились мощи прп. Ионы. Монахи Печерской лавры, проживавшие в миру и регулярно читавшие акафист у могилы преподобного, нашли в кустах часть его мощей (руку). Во избежание новых надругательств над телом старца схиархим. Прохор (Дубровский) при содействии печерского иеродиака Игоря перезахоронил мощи святого на Зверинецком кладбище в одной могиле с еп. Калужским *Виталием (Иосифовым)*.

Приписные скиты и подворья. Согласно архивным документам, владения К. И. м. включали 6 имений-экономий, каждое из к-рых преобразовывалось в полноценное подворье с храмом.

По благословению прп. Ионы на хуторе Васильчики на р. Сырец, заведенном кнг. Васильчиковой, был построен деревянный Знаменский храм и открыт жен. скит, в котором подвизались духовные чада старца. Впоследствии скит был преобразован в мужской. По проекту Е. Ф. Ермакова вместо деревянной церкви был возведен и в сент. 1913 г. освящен каменный Знаменский храм. В память о щедрой благотворительнице скит именовался Васильчиковой или Дальней дачей. В янв. 1930 г.

скит был закрыт, а территория передана Ветеринарно-зоотехническому ин-ту. Знаменский храм, продолжавший действовать в статусе приходского, был закрыт в 1933 г., разрушен в 1936 г. В сер. 30-х гг. XX в. на месте скита и хутора были построены 2 правительственные дачи (в 2013 эта территория находится в черте Шевченковского р-на г. Киева). В вост. части парка, на месте хутора Васильчики, сохранились подземные погребки, ранее принадлежавшие скиту. Не позднее 1913 г. насельники К. И. м. устроили также скит «Ближняя дача» с храмом в честь иконы Божией Матери «Знамение», расположенный на Шулявке на Брест-Литовском шоссе. В нач. 30-х гг. XX в. передан военному ведомству, в 1941–1945 гг. разрушен.

К 1867 г. кнг. Васильчикова пожертвовала К. И. м. участок (ок. 60 га леса, прудов и сенокоса) близ с. Гусинцы (Гусино) Переяславского у. Полтавской губ. Ок. 1880 г. рядом с селом, у берегов Днепра, был учрежден муж. скит в честь Преображения Господня с больницей, маслобойней и паровой мельницей. Так обитель окончательно закрепила за собой землю между селами Гусинцы и Кальное, за к-рую до 1880 г. продолжался судебный процесс с казаками с. Старого Переяславского у. (ЦГИАК. Ф. 1072. Оп. 1. Д. 2. Л. 1–144). Сначала богослужения для братии скита совершались в приходском Преображенском храме (1822) с. Гусинцы. В 1876 г. на средства скита был возведен Иоанно-Богословский храм в с. Кальном. Новый каменный скитский храм Преображения Господня (1913) был построен на средства Алексея Руденко, крестьянина-землевладельца Таврической губ., Преображенская ц. в Гусинцах вновь стала приходской.

29 окт. 1919 г. Преображенский скит в Гусинцах был разорен вооруженными грабителями из банды Н. И. Махно, при этом были убиты иеромонахи Парфений (Заводный) и Илиодор (Кочубей), иеродиак. Протасий (Ободовский) и мон. Дамаскин (Потапов), которые в резолюции еп. Чигиринского Никодима (Кроткова) названы «мучениками за веру» (ГА Киевской обл. Ф. 4752. Оп. 6. Д. 247. Л. 3). На рубеже 1919 и 1920 гг. в связи с продолжавшимися нападениями банд скит окончательно был разорен, в 20-х гг. XX в. постройки уничтожены, каменный келейный

корпус разобран на кирпичи; скитский Преображенский храм в 60-х гг. начал разрушаться. В 1978 г. в связи со строительством Каневского водохранилища территория скита попала в зону затопления. Преображенская ц. и колокольня оказались на отмели среди воды и до нач. 10-х гг. XXI в. оставались полуразрушенными. В 2010–2012 гг. скитские постройки отреставрировали, в Преображенском храме возобновились богослужения. С осени 2012 г. при церкви создается хозяйственное подворье Киево-Печерской лавры.

Муж. скит в честь Покрова Пресв. Богородицы был заложен на хуторах близ совр. с. В. Жужмановка Козельщинского р-на Полтавской обл. Эти земли, общая площадь к-рых составила 204 дес. 408 кв. саж., в 1894 г. пожертвовал обители Д. К. Шатохин. 25 окт. 1895 г. схиархим. Иона благословил место для строительства Покровского скита. Храм был возведен на средства Шатохина, принявшего перед смертью постриг и похороненного под церковью. В 1927–1930 гг. последним настоятелем скита, закрытого в 1930 г., был иером. (впосл. схиигумен) Адриан (Антонов). В 1935 г. скитская церковь и др. здания были разрушены. В 2013 г. рассматривается вопрос о строительстве на месте руин скита Козельщинского жен. мон-ря.

К 1913 г. в с. Пилипчичи Переяславского у. (ныне Пилипче Барышевского р-на Киевской обл.) был небольшой жен. скит в честь Покрова Пресв. Богородицы, к-рому принадлежало 40 дес. 143 кв. саж. земли.

В 10-х гг. XX в. близ с. Тальянки Уманского у. (ныне Черкасской обл.) существовал т. н. монастырский хутор со скитом и с домовою ц. свт. Николая Чудотворца (не позднее 1913). В его ведении находилось 949 дес. земли, пруд с водяной мельницей, кирпичный завод. В 11 постройках проживали братия и сезонные рабочие. 29 авг. 1919 г. к монастырскому хутору прибыла группа солдат, назвавшаяся деникинским передовым отрядом, но, как выяснилось впосл., это была банда под рук. Махно. В тот же день рядом с с. Тальянки отряд устроил главную ставку, в которую вывез из скита все сено и зерно. 4 сент., перед отступлением, бандиты подожгли скит и убили 6 насельников: иеромонахов Анатолия (Опарина), Иринея (Марченко), Христофора (Наседки-

на), монахов Павла (Мацимоха-Ковалю), Елисея (Федоренко), послушника Адама Максимюка (ГА Киевской обл. Ф. 4752. Оп. 6. Д. 247. Л. 2).

В 1942–1944 гг. на территории ботанического сада К. И. м. принадлежал скит в честь иконы Божией Матери «Знамение», настоятельницей к-рого являлась мон. Мамелфа (Енакочева). В 1944 г., перед закрытием, в скиту проживало 39 монахинь и послушниц, многие из них исполняли послушание «садовниц» в ботаническом саду (ЦДАГОУ. Ф. 4648. Оп. 1. Д. 1. Л. 158–159).

Арх.: ЦГИАК. Ф. 127. Оп. 752. Д. 729; Оп. 761. Д. 181; Оп. 781. Д. 20; Ф. 922. Оп. 1. Д. 18, 41; ЦДАВО. Ф. Р–1. Оп. 2. Д. 2706; Ф. Р–5. Оп. 3. Д. 1065; Ф. 4648. Оп. 1. Д. 1; Ф. 4752. Оп. 6. Д. 241.

Лит.: Григорович Н. И. Обзор учреждения в России правосл. мон-рей со времени введения штатов по Духовному ведомству: (1769–1869). СПб., 1869. С. 178; Петров Н. И. Киев, его святые и памятники. СПб., 1896; Строитель Киево-Свято-Троицкого общежительного мон-ря в Бозе почивший о. архим. Иона (в схиме Петр). Од., 1902; Ковалинский В. Св.-Троїцький мон-р: [Історія мон-ря] // Андріївський узвіз. К., 1992. № 8. С. 7; он же (Ковалинский В.). Меценаты Киева. К., 1998. С. 98–112; Архим. Иона, основатель и настоятель киевского Св.-Троїцького общежительного мон-ря: Житие, подвиги и чудеса. М., 1995; Дятлов В. Святой Троицы Іонинський // Он же. Мон-ри УПЦ: Справ.-путев. К., 1997. С. 26–29; Рилкова Л., Трегубова Т. Св.-Троїцький (Іонівський) мон-р // Звід пам'яток історії та культури України. Київ: Енцикл. видання. К., 2004. Кн. 1. Ч. 2. С. 1150–1160; Сказання о прп. старце Іоне, киевском чудотворце. К., 2005, 2011; Киевский Св.-Троїцький Іонинський мон-рь. Севастополь, 2008; Житие прп. Іони, Киевского чудотворца. К., 2009.

В. Г. Пидгайко

1991–2013 гг. В 1991 г. на бывш. территории К. И. м. возобновились богослужения: община во главе с игум. Агапитом (Бевциком), первоначально зарегистрированная по адресу частной квартиры на ул. Киквидзе (как скит Киево-Печерской лавры), молилась перед закрытой Троицкой ц. На постройки обители необоснованно претендовала грекокатолич. община Киева, которая в 1991–1992 гг. также совершала богослужения перед храмом. 25 нояб. 1992 г. игум. Агапиту удалось добиться разрешения на совершение богослужений в храме; в тот же день была отслужена 1-я литургия. В сер. 90-х гг. XX в. на территорию обители претендовала зарегистрированная в 1992 г. Киевским горисполкомом по адресу резиденции бывш. Киевского митр. Филарета (см. Денисенко М. А.) община «Іонинського мужского монастыря УПЦ-КП»,

которую возглавил «архимандрит» Изяслав (Ю. А. Карга). Однако благодаря совместным усилиям братии и прихожан обитель удалось сохранить в ведении канонической Церкви.

Архим. Спиридон (Лукич; † 2 сент. 1991), начинавший свой монашеский путь послушником К. И. м. в нач. XX в., дожил до начала возрождения обители, в 1990–1991 гг. служил духовником Киево-Печерской лавры. До 1995 г. К. И. м. являлся скитом лавры. В 1995 г. монастырю был возвращен статус самостоятельного. В 1996 г. Госкомитет Украины по делам религий официально зарегистрировал К. И. м. по его прежнему адресу, на территории ботанического сада. В К. И. м. был построен келейный корпус, восстановлена трапезная. Рядом со старой «часозвоней», находившейся в аварийном состоянии, поставлена ее точная копия, на которую перенесены старинные часы. По соседству оборудована временная деревянная звонница; к 1-му колоколу, висевшему еще на соборной звоннице, прибавились новые большие колокола.

Восстановлен Троицкий собор. Еще на рубеже 70-х и 80-х гг. XX в. художниками «Укрреставрации» с рухнувшего потолка главного объема Троицкого храма была снята композиция «Покров Пресв. Богородицы». В 1996 г. под рук. Н. А. Романченко в храме проводились реставрационные работы. Среди сохранившихся живописных композиций — «Троица Ветхозаветная», «Троица Новозаветная» и образы 4 евангелистов (в барабане главного купола), изображения святых в верхней части стен центрального нефа, сюжет «Сотворение мира» в боковых нефах, 2 композиции «Собор Пресвятой Богородицы и всех святых» — над юж. и сев. дверями,

Крест, установленный в 1996 г. на месте явлений прп. Ионе Пресв. Богородицы. Фотография. 2013 г.

представляющие явления преподобному Божией Матери с сонмом святых, сюжеты «Нагорная проповедь» (в приделе Всех святых), «Отшествие прп. Антония с Афонской горы на подвиги в Киев» (в Троеручицком приделе), «Поражение ангелом Евагрия за непримирение с прп. Титом Печерским», «Распятие» и «Сшествие во ад» (в притворе). Фасады собора украшены мозаиками работы худож. А. А. Манькова. Иконостас выполнен искусными резчиками по проекту «Укрреставрации».

Возрождается монастырское богослужение. В обители 3 хора — праздничный, братский и детский. Используется преимущественно распев Киево-Печерской лавры и др. старинные распевы.

5 окт. 1993 г. были обретены и перенесены в Троицкий собор К. И. м. нетленные мощи прп. Ионы. Святые хранятся в соборной крипте в мраморной раке. В левом приделе церкви находится кипарисовый гроб, собственноручно изготовленный архим. Ионой, а так-

Рака с мощами прп. Ионы Киевского. Фотография. 2013 г.

же некоторые его личные вещи. В 2010 г. из Покровского мон-ря была возвращена икона Божией Матери «Троеру-

чица» — келейный образ, особо чтимый преподобным, написанный по его просьбе в *Белобережской брянской пустыни*. На месте явлений прп. Ионе Пресв. Богородицы установлен крест, освященный 25 июля 1996 г. митр. Киевским и всея Украины *Владимиром (Сабоданом)*. 4 нояб. 1999 г. было установлено общецерковное прославление прп. Ионы. Основными памятными датами обители являются: праздник Св. Троицы; 25 июля — празднование иконе Божией Матери «Троеручица»; дни явления Божией Матери прп. Ионе — 1 марта (1861) и 9 марта (1862); 9 янв. — день кончины прп. Ионы; 5 окт. — обретение его мощей.

В К. И. м. имеются б-ка, воскресная школа для взрослых, певч. и художественная школы, при монастыре трудятся вышивальщицы. В стенах обители готовились и выходили в эфир радиопрограмма «Православный мир», телепрограмма «Православный календарь», телесериал «Паломник». Основным направлением социальной деятельности братии является работа с детьми и молодежью. В 1996 г. была организована детская воскресная школа (под рук. О. В. Алексеевой), по четвергам проходят беседы для молодежи 18–30 лет, действуют объединение «Молодость неравнодушна» и волонтерские группы, оказываются помощь детским домам, домам престарелых, детским больницам. В К. И. м. совершается литургия с сурдопереводом. С 2000 г. издается «Ионинский листок», еженедельная иллюстрированная газета. Первые места на конкурсах изданий для юношества занимает регулярно выходящий ж. «Отрок».

В 1997 г. К. И. м. были переданы Зверинецкие пещеры, где был устроен скит во имя арх. Михаила, впоследствии преобразованный в самостоятельный монастырь. В 2004 г. в с. Нещеров Обуховского р-на Киевской обл. был учрежден Преображенский скит. В 2008 г. решением Синода УПЦ в с. Вел. Ольшанка Васильковского р-на Киевской обл. открыто подворье К. И. м. — жен. мон-рь в честь иконы Божией Матери «Отрада и Утешение».

С 1999 г. настоятелем К. И. м. является архим. Иона (Черепанов), хиротонисанный 26 авг. 2011 г. во епископа Обуховского, викария Киевской епархии.

И. А. Ковалёва

КИЕВСКИЙ РАСПЕВ (киевский напев), певч. традиция укр. происхождения, один из самых распространенных обиходных распевов в богослужебной практике РПЦ с XVIII в.

На Украине и в Белоруссии в кон. XVI — сер. XIX в. песнопения этой традиции обозначались в певч. рукописях ремарками «напѣвъ киевского» (сокращенно — ѣ к), в России — «киевского распѣва (распѣва)»; известны также краткие определения: «киевское», «по киевскѣ» и т. п. (орфография надписаний различна). Иногда исследователи включают в понятие «киевский распев» всю традицию укр. церковного монодийного пения, в т. ч. песнопения, к-рые в рукописях так не атрибутировались (по аналогии с обобщенным пониманием *знаменного распева* в традиции Московской Руси). Монодийные песнопения К. р. записывали с помощью нотолинейной *киевской нотации* в Ирмологионах, составлявшихся украинцами и белорусами с кон. XVI в. на их этнической территории, со 2-й пол. XVII в. — в Москве, позднее — в С.-Петербурге и др. певч. центрах России.

Кон. XVI — 1-я четв. XVII в. Понятие «напѣвъ» в украинско-белорус. профессиональной церковнопевч. терминологии обозначало корпус мелодий, имеющих общность происхождения, реже — одну или неск. самостоятельных мелодий (при единичных версиях песнопений) и отражающих представления переписчиков о происхождении или месте их бытования. Введение понятия «напѣвъ» в кон. XVI в. (судя по самым ранним сохранившимся экземплярам Ирмологионов), вероятно, связано с южнослав. влиянием в Юго-Зап. Руси, поскольку данное слово было образовано по образцу традиц. церковнослав. терминов «запѣвъ», «припѣвъ» и подобно им применялось в рукописях в неизменном виде до 2-й пол. XIX в. Изредка встречается фонетическая запись «напна» (в соответствии с укр. произношением ѣ как [и]). В украинско-белорус. Ирмологионах, составленных в XVIII в. на Левобережной Украине и в Белоруссии, под российским влиянием появляется термин «ропѣвъ»/«распѣвъ» (*Шевчук*. 2003. С. 76), в частности после публикации Синодального Обихода 1772 г. и широкого распространения его певч. материала и терминологии.

Вопрос о времени происхождения К. р. в научной лит-ре долгое время

был предметом дискуссий. По мнению мн. исследователей, К. р. сформировался поздно. Так, Г. В. *Келдыш* отмечал, что К. р., подобно *греческому и болгарскому* распевам, возник, вероятно, «на Украине в начале или середине XVII века и своим названием обязан каким-нибудь побочным обстоятельствам» (История рус. музыки: В 10 т. М., 1983. Т. 1: Древняя Русь. XI–XVII вв. С. 219). Это и подобные мнения объясняются появлением в XVII в. названия «киевский распев», а также тем, что в рус. рукописях он мог иметь сходство как со знаменным, так и с болгарским или греческим распевом. Однако мнение о происхождении К. р. в XVII в. не вполне справедливо, т. к. возникновение распева (системы пения в определенном стиле) и появление его названия могут относиться к разным историческим периодам. Так, знаменный распев сформировался в древнерус. эпоху, а получил название, зафиксированное в певч. рукописях, в кон. XVI — нач. XVII в.

Истоки К. р., включающего песнопения различного времени формирования, также восходят к певч. культуре Др. Руси. На протяжении сложной и драматической истории юго-западнорус. земель развитие певч. искусства шло то угасая, то возрождаясь. Благодаря существенному обновлению восточнослав. певч. традиции в XV–XVI вв. в певч. практику вошли новые мелодические редакции песнопений Обихода, получившие в рукописях XVII в. различные местные названия. Песнопения псалмодического склада, по всей видимости, значительно не изменились, сохранив преимущество с древнерус. знаменным пением. Украинско-белорус. монодия, позднее названная К. р., с наибольшей полнотой была зафиксирована в Ирмологионах с кон. XVI в. Прот. И. И. *Вознесенский*, выявив различия между певч. материалами из Ирмологионов и из российских певч. книг XVII–XVIII вв., сделал вывод о мелодическом своеобразии укр. редакции юго-западнорус. ветви знаменного распева и о ее формировании в XV–XVI вв. («Нотные юго-западные переводы представляют собою... лишь особую параллельную великорусской ветвь того же древнего знаменного пения, по крайней мере XV и XVI века, и следовательно, новый ключ к объяснению знаменных

напевов того времени» — *Вознесенский*. 1898. С. 56–57). В украинской науке древнерусский распев домонг. эпохи называют старокиевским (*Антонович*. 1997. С. 78, 82 и др.; *Корний*. 1996. С. 65, 71) и старознаменным (*Відгуки минулого*. 1954. С. 18–19; *Маценко*. 1968. С. 5 и др.); эти термины воспринимаются как синонимы, что позволяет отличить обозначаемые ими песнопения от поздних форм певч. искусства. В более широком значении термин «старокиевский» понимается как «староукраинский» (*Антонович*. 1997. С. 91–92 и др.).

До кон. XVI в. в юго-западнорус. знаменных сборниках напевы отечественного происхождения не имели названий (первым названием было «греческое» — см. в ст. *Греческий распев*). Национальные, местные и др. названия обиходных напевов, к-рые начали активно использоваться в кон. XVI — нач. XVII в., свидетельствуют о распространении *многораспевности*. Хотя атрибуция «напѣвъ киевского» появилась только во 2-й четв. XVII в., сам напев обнаружен в нотолинейном Ирмологионе 1596–1601 гг. из *Супрасльського в честь Благовещенія Пресв. Богородици мон-ря*. Тожество (или сходство) основных песнопений «супряскаго» и киевского (т. е. известного под этим названием со 2-й четв. XVII в.) напевов, установленное А. В. *Конотопом*, позволило определить время, к к-рому сформировался К. р., — кон. XVI в. (см.: *Конотоп*. 1972).

Супрасльская обитель со времени основания киевлянами (1498) поддерживала связи с Киевом, вслед чего в Ирмологионе 1596–1601 гг. присутствует показательный для К. р. набор песнопений всенощного бдения и литургии, составляющих разд. «*Извѣрѣное пѣніе демествѣнное вѣщше ж от напѣла Монастырѣ Супрасльскаго*» (НБУВ ИР. Ф. 1. № 5391. Л. 271). Название «пѣніе демествѣнное» характеризует не мелодику обиходных песнопений (как здесь указано, это традиц. супрасльский напев, в генезисе — киевский), а, вероятно, виртуозное, мастерское исполнение (исходя из церковнопевч. значения слова «демestik» (*домestik*) — «руководитель» или «солист хора»), не исключено, что грецизированное (по мнению Конотопа, это было пение с «исоном» (см. *Исократима*)). Некоторые супрасльские мелодии имеют отдельные признаки киевской ре-

дакции (напр., кондак «Возбранной Воеводе»; см.: Шевчук. 2003. С. 67). В том же разделе есть традиц. песнопения с несколько отличающимися напевами, которые либо названы иначе, либо вовсе не имеют атрибуции (так, безымянный напев стихов «Блажен муж» не принадлежит ни к одной из 2 редакций, распространенных в то время в Юго-Зап. Руси, — киевской и острожской (см. Южнорусские распевы) и, видимо, является супрасльским (Шевчук. 1989. С. 37)).

2-я четв. XVII в. — начальный период распространения «напелу киевского», к-рый обычно связывают с возрастанием роли Киева с 1620 г. как центра митрополии, вступившего в новый этап культурного и религ. развития. Этот напев стал известен на Украине и в значительной части Белоруссии. Атрибуцию «напелу киевского» получали традиц. песнопения на Украине и в Белоруссии на протяжении более чем 2 веков; по спискам, датируемым XVII в., известны ок. 50, к сер. XIX в. — до 115 таких песнопений. Атрибутировались как единичные песнопения, так и циклы (с разной степенью полноты) — почти в каждом полном Ирмологионе. Ранние записи К. р. найдены в киевском Ирмологионе 2-й четв. XVII в. (НБУВ ИР. Ф. 301. № 350 п) — это херувимская песня, задостойник «О Тебе радуется» с названием «печерское» (напев совпадает с К. р.) и кондак «Возбранной Воеводе» киевской редакции без названия; несомненно, что и неатрибутированные песнопения в этом сборнике также представляют киевскую традицию.

Репертуарным ядром напева как в центрально-, так и в западноукр. Ирмологионах стали важнейшие песнопения всенощного бдения и Литургии свт. Иоанна Златоуста. Для украинско-белорус. традиции характерна фиксация лишь немногих песнопений этих служб. Первый сохранившийся список с заглавием «Всенощное киевское на праздники Господския...» включает 2 песнопения — *предначитальный псалом* и «Блажен муж» (Ирмологион 2-й четв. XVII в. из Гайсина (ныне Винницкой обл.) — Там же. № 91 л. Л. 1), в посл. широко распространившиеся в певч. сборниках. В краткую редакцию «литургии напелу киевского» входит неск. основных песнопений: припевы *ектений*, херувим-

ская, песнопения анафоры — от «Отца и Сына» до «Поем Тя» (в пореформенной редакции Литургии свт. Иоанна Златоуста К. р. и во всех редакциях Литургии свт. Васи-

Херувимская песнь «киевского напелу» в киевском Ирмологионе 2-й четв. XVII в. (НБУВ ИР. Ф. 301. № 350 п. Л. 296)

ли Великого болгарского распева — «Тебе поем»), «Един Свят» и «Хвалите Господа со небес» (данное дореформенное написание сохранилось в Ирмологионах пореформенной редакции приблизительно до сер. XVIII в.). Название напева повторялось на протяжении цикла на верхнем поле листов в виде колонтитула. Объясняя краткость письменных версий служб, избирательный подход укр. переписчиков к певч. материалу, прот. И. Вознесенский отметил значительную роль устного

небольшим числом Ирмологионов и неизвестна большинству исследователей, вслед. чего на основе анализа циклов К. р. краткого состава утвердилось мнение о немногочисленности его песнопений. Разновидности расширенной редакции киевской литургии различаются по количеству ли-

тургийных текстов и/или напевов. В первую известную западноукр. версию расширенного цикла 2-й четв. XVII в. вошли ред-

ко фиксируемые (в т. ч. известные только по одному списку) песнопения: великое славословие, «Сподоби, Господи», «Преблагословенна еси», «Единородный Сыне», «Приидите, поклонимся», прокимен «Величит душа Моя Господа», «Достойно есть» (ранний «киевский» мелодический тип) (западноукр. Ирмологион из с. Верхрата (ныне Подкарпатского воеводства, Польша) — НБВ. Акс. 2616). С кон. XVI — 2-й четв. XVII в. встречаются краткие обиходные циклы с дополнительными напевами (см.: Шевчук. 2013), в к-рых количество текстов ключевых богослужебных песнопений не меняется, но прибавляются иные мелодические версии на те же тексты. Дополнительные напевы могли быть вписаны внутри цикла и/или размещены вне его пределов (как в Супрасльском Ирмологионе).

«Литургия киевская» в Ирмологионе 1720 г. из Правобережной Украины. Переписчик Т. Чехович (НБУВ ИР. Ф. 1. № 7477. Л. 109 об. — 110)

предания в Юго-Зап. Руси: «Не положенные на ноты песнопения пелись... краткими напевами, сохранявшимися в певческом предании. Ибо мы не можем себе представить, чтобы только читались или вовсе же пропускались необходимые при богослужении песнопения» (Вознесенский. 1898. С. 9).

Расширенная редакция «литургии напелу киевского» представлена

Proисхождение напевов-«спутников» позволяет уточнить смысл названия «киевское» для традиционных песнопений. Так, в сопоставлении с западноукраинским «острозким» напевом «киевский» представляет локальную центральноукраинскую (возможно, именно киевскую)

редакцию. Острожский напев применялся наряду с К. р. в 4 песнопениях: предначинательном псалме, стихах «Блажен муж», задостойнике «О Тебе радуется» и кондаке «Возбранной Воеводе» (такая редакция текста названия характерна для большинства укр. списков до кон. XVIII в.). Во мн. Ирмологионах напевы с названиями «киевское» — «острожское» приводятся рядом для песнопений «Блажен муж» (его острожский напев нередко «вводится» во «Всенощное бдение киевское...»; см.: НБУВ ИР. Ф. 301. № 91 л; Шевчук. 1989. С. 36) и «О Тебе радуется». В отличие от них предначинательный псалом и кондак представлены в каждом сборнике только одной из укр. версий, чаще острожской. Наиболее показательная пара напевов для кондака «Возбранной Воеводе»: острожский — болгарский (с названиями или без них); киевская редакция применяется крайне редко, чаще в центральноукр. Ирмологионах (также в Супрасльском).

Если в краткой редакции «киевского» цикла все песнопения относятся именно к этому распеву и представляют традиц. певч. стиль (знаменный юго-западнорус. редакции), то в цикл расширенного состава могут вводиться песнопения различного происхождения, неоднородные по муз. признакам. Чаще других в «киевские» циклы включались «болгарские» песнопения (с названием или без него): напр., во всенощное бдение — полиелей «Хвалите имя Господне», в литургию — «Достойно есть» (в разных вариантах и редакциях основного болгарского мелодического типа), «Да исполнятся уста наша» и др. В сопоставлении с «болгарскими» и «греческими» образцами атрибуция «киевское» становится показателем укр. певч. традиции.

Часто песнопение болгарского распева «замещало» отсутствующее в цикле киевское, гораздо реже служило дополнением к нему. Херувимские песни и причастные стихи греко-балканских напевов (на греч. и церковнослав. языках) присутствуют уже в Супрасльском Ирмологионе 1596–1601 гг. Украинско-белорус. супрасльский напев соотносится с ними (по названию и по мелодике) так же, как в Ирмологионах XVII в. — киевский. Во мн. сборниках (начиная с Супрасльского) по функции и по певч. стилю различа-

ется 2 цикла: Литургия свт. Иоанна Златоуста, обычно представленная К. р., и Литургия свт. Василия Великого (точнее, песнопения анафоры) — «болгарская» (с названием или без него). В этом случае поводом к применению названий служб и напевов могло послужить стремление переписчиков подчеркнуть литургические и муз. различия между ними.

Еще один аспект значения надписания «киевского напелу» становится очевиден при сопоставлении этих песнопений с краткими песенно-кантовыми мелодиями, пришедшими в укр. певч. практику в нач. XVII в. Во 2-й четв. XVII в. известен один из первых случаев введения в цикл Литургии свт. Иоанна Златоуста 3 кратких песенных мелодий (без названий) для текста «Иже херувимы» (НБУВ ИР. Ф. 301. № 91 л; Ирмологион из Гайсина, 2-я четв. XVII в.); в Ирмологионе Жировицкого монастыря (20-е гг. XVII в.) варианты этих новых напевов названы «случайный», «подгорский» и «кремнецкий» (см.: Шевчук. 2000. С. 374. № 1, 13–15). Это стало поводом для переписчика назвать традиц. (киевский) напев херувимской «старожитным», «старосвецким», «старым». Т. о., рядом с новыми на то время мелодиями атрибуция «напелу киевского» подчеркивала традиционность основного песнопения так же, как заменяющие ее прямые указания на древность напева.

Включение тех или иных песнопений в Ирмологионы и присвоение названий напевам не были жестко регламентированы, поэтому в сохранившихся экземплярах представлен разный объем как включенных, так и надписанных песнопений. Выбор образцов для записи варьировался отчасти в зависимости от предназначения книг для монастырской, соборной или приходской певч. практики; в первом случае содержание книг было наиболее разнообразным. Различная частотность появления песнопений в кодексах (постоянно, время от времени или очень редко) может быть объяснена и неустойчивым составом Ирмологиона (особенно его обиходного и минейно-триодного разделов), объемом знаний и профессиональными интересами переписчиков и церковных певчих, наличием разных протографов. Помещение «киевской литургии» в монастырских Ирмологионах вы-

являет еще один смысловой аспект этого названия — в связи с многораспевностью. Во время будничного служения литургии, принятого в обителях, ее исполняли краткими напевами, передававшимися устно и не фиксировавшимися в Ирмологионах до сер. XIX в. Поэтому версия службы «напелу киевского» (с песнопениями мелизматического склада), предназначенная для использования в праздничные, в т. ч. воскресные, дни, является элементом многораспевной певч. традиции монастырского храма.

Во 2-й пол. XVII в. атрибуция «напелу киевского», отмеченная в Ирмологионах разного происхождения (западноукраинских, белорусских и составленных в Московской Руси), охватила уже бытовавшие прежде безымянные традиционные песнопения (единичные или жанровые группы). В западноукр. сборниках «киевскими» названы канон Недели вай «Явишася источници», «Сподоби, Господи» и «Кирие, елейсон» (Ирмологион из с. Кальница (ныне Подкарпатского воеводства, Польша) — НБВ. Акс. 2690, 1650–1668 гг.), осмогласный цикл богородичных на помяновение «Грешных молитвы» (в 1-м гласе) и блаженны на литургии: евангельские стихи и тропари на 8 гласов (Там же. Акс. 2973, 1675 г., и др.), катавасия молебна на 8 гласов «Избави от бед» (ЛНБ. Ф. 9. № 235, 1679 г.), кондак Иисусу Сладчайшему «Возбранный Воеводо» и причастен «Спасение соделал еси» (Там же. Ф. 2. № 417, 1695 г.), а также нек-рые др. песнопения.

В цикл «киевской литургии» расширенного состава были включены единичные песнопения иного происхождения, певч. стиль которых не соответствует общему названию цикла (так, безымянное песнопение «Утверди, Боже» напоминает мелодикой тонального (мажорного) склада новогреч. напевы XVII в.; см. западноукр. Ирмологион из с. Кальница — НБВ. Акс. 2690). В Ирмологионе, составленном в *Саввином Сторожевском в честь Рождества Пресв. Богородицы муж. мон-ре* (ГИМ. Собр. Донского мон-ря. № 3, 1682 г., переписчик иером. Нафанаил), антифоны изобразительные — редчайшие для Ирмологиона образцы данного жанра — в цикле Литургии свт. Иоанна Златоуста «киевского напелу» характеризуются теми же стилистическими признаками, что и упомянутое

«Утверди, Боже». Из корпуса обиходных песнопений в Ирмологионах выделяется песнь на похвалу Пресв. Богородице «Достойно есть», поскольку в XVII–XVIII вв. «киевскими» назывались ее различные мелодические типы. Т. о., название цикла расширенного состава «литургия киевская» не определяет происхождение всех включенных в него редких песнопений и атрибуция последних требует отдельных изысканий.

XVIII в. В Ирмологионах XVIII в., составленных украинцами в России, «киевскими» именуется те жанровые группы песнопений, к-рые в укр. сборниках не имели этого названия. Корпус образцов «напелу киевского» пополнился 26 стихирами-подобными (РГБ. Ф. 178. № 5407, 1-я треть XVIII в.), 4 стихирами на мо-

Антифоны степенны
4-го гласа. Ирмологион
1-й пол. XIX в. из книжницы
Свято-Георгиевского
Козелецкого мон-ря.
Дополнительная запись
П. И. Друлова 1856 г.
(НБУВ ИР. Ф. 1. № 1662)

лебне иконе Божией Матери «Всех скорбящих Радость», песнопениями Литургии Преждеосвященных Даров (Там же. Ф. 304. № 456, 908) и нек-рыми др. Та же тенденция отразилась в Ирмологионах, составленных на Левобережье Белоруссии и Украины, в которых влияние российской книжности сказалось в стремлении к детализации изложения и к точности в наименовании напевов. Показателен белорус. сборник 2-й четв. XVIII в. (Нац. б-ка Беларуси. № 091126), где «киевский» репертуар представлен циклами седмичных причастных стихов, пасхальных стихир на хвалитех 5-го гласа «Пасха священная», стихир евангельских и др. Причинами наименования укр. песнопений «киевскими» могли послужить изменение их восприятия певцами в новом контексте бытования, необходимость отличить с помощью названия укр. песнопения от местных.

В укр. Ирмологионах XVIII в. с Левобережья «киевскими» названы мелодии песнопений «Вечная память», «Да молчит всяка плоть» (оба киево-печерского напева; см.: НБУВ

ИР. Ф. 301. № 35 п), «Свете тихий», «С нами Бог» (Там же. Ф. 1. № 5386), светилен «Чертог Твой» (Там же. Ф. 30. № 15, 1785 г.), степенны 4-го гласа «От юности моя» (Там же. Ф. 1. № 1661) и нек-рые др. Причиной наименования этих традиц. образцов, и ранее включавшихся в Ирмологионы, но без названия, стало обогащение многораспевной традиции. На Левобережье Украины с кон. XVII в. и особенно в XVIII в. стали известны песнопения из России, что дало дополнительный повод атрибутировать укр. версии на те же тексты. Состав Ирмологионов разного происхождения свидетельствует о том, что киевские напевы в большинстве случаев сопровождалась напевами-«спутниками» иного происхождения (однако последние могли и не фиксироваться,

если передавались в устной традиции или помещались в др. певч. книгах); в то же время единичные «киевские» образцы имеют греко-балканский или неустановленный генезис. В любом случае присвоение традиц. напевам названия «киевское» отражало их древность и укорененность в укр. практике.

Т. о., в Ирмологионах название «киевское» поэтапно получили 3 основные стилевые ветви южнорус. певч. традиции, сформировавшиеся в разное время. Со 2-й четв. XVII в. «киевскими» назывались основные неосмогласные песнопения всенощного бдения и литургии, к-рые и в посл. в певч. рукописях наиболее часто представляли К. р. Богатая мелизматика этих обиходных напевов сформировалась в XV–XVII вв. вслед. обновления мелодических редакций после введения на Руси *Иерусалимского устава*. В 1-й пол. XVII в. определилась связь К. р. с монастырскими напевами того же склада — супрасльским, киево-печерским и киевского *Межигорского мон-ря* (последний является самой виртуозной мелизматической редакцией К. р.). Др. стилевой слой «на-

пелу киевского» образуют обиходные песнопения силлабического склада, редко фиксировавшиеся в рукописях: неосмогласные песнопения 1-й пол. XVII в. и осмогласные циклы 2-й пол. XVII в.; их псалмодическая мелодика (преимущественно терцово-квартового диапазона) может считаться аргументом в пользу большей древности происхождения. В последнюю очередь, в XVIII в., «киевскими» были названы циклы стихир, напевы к-рых (невматического склада) восходят либо к древнерус. периоду (подобны), либо ко времени формирования попевочного фонда Октоиха в кон. XV–XVI в. (стихиры евангельские и др.). Исходя из муз. разнообразия «киевских» напевов Ирмологионов, можно предположить, что те или иные структурно-стилевые признаки не являлись основанием для этого названия, поскольку в каждой из этих стилевых ветвей укр. знаменного пения «осталось» множество безымянных песнопений. Наиболее вероятными причинами наименования песнопений «киевскими» могли послужить многораспевный контекст, необходимость выделить традиц. напевы среди мелодий-«спутников». Не исключено, что нек-рые атрибуции отражают точные знания переписчиков о происхождении тех или иных напевов из Киева или их бытование где-либо под этим названием. Традиц. происхождение большинства «киевских» напевов подчеркивается противопоставлением в разных укр. исторических источниках киевского и *партесного пения* как «старого» и «нового», одноголосия и многоголосия.

Развитие певческого стиля в связи с редактированием текстов песнопений. Особенности традиц. юго-западнорус. песнопений, в т. ч. «киевских», — повторение слов и слогов, сочетание признаков раздельнословия и *истинноречия*, дореформенных и пореформенных редакций.

Повторение слов и слогов в юго-западнорус. обиходных песнопениях, обусловленное греко-балканским влиянием, заметно уже в самых ранних из сохранившихся Ирмологионов (кон. XVI — нач. XVII в.). В одних случаях повторы устанавливались при пении свободно (в разных источниках при подтекстовке одного напева слова «сдвигались»), в других — определяли редакцию песнопения. Так, в херувимских XVII в. и в др.

песнопениях отмечено разное количество произнесений припева «Аллилуия» (1, 2, 3 и более), что имело значение для установления в сер. XVII в. пореформенной нормы «трегубой Аллилуии» (Шевчук. 2011. С. 434–450). В сугубой «Аллилуии» укр. версий определилось характерное правило краткого повторного пропевания слова в самом конце мелодической строфы, в трегубой «Аллилуии» роль «каденционного завершения» часто выполняло 3-е слово. Принципы распева 2 слов «Аллилуия» различны: 1-е равномерно распределяется на протяжении длительной певч. строки по правилам знаменной лицевой мелизматики, 2-е произносится кратко, силлабически, в самом конце строки, обозначая тем самым завершение песнопения (Там же. С. 439). В каденционных мелодических строк обиходных песнопений было также принято повторять последнее слово. В традиц. юго-западнорус. осмогласных напевах (ирмосы, стихиры и т. д.) повторы слов не являлись нормой и почти не применялись. Количество повторяемых слов со временем менялось. В песнопениях 1-й пол. XVII в. повторы слов были редкими, благодаря чему мелизматическое строение напевов в целом сохранялось. К кон. XVII в. повторение элементов текста разного объема (от слогов до фраз) участилось. В XVIII в. повторы слов (вначале в западноукр., позднее в центральноукр. практике) иногда были несоразмерно частыми, дробными и почти полностью «закрывали» мелодию, вслед. чего внутрислоговые распевы исчезали и прежний мелизматический напев становился почти силлабическим (Там же. С. 446–447). В излишней «дробности» текста поздних обиходных песнопений с повторяемыми словами можно усмотреть влияние партесного пения.

Раздельноречие в текстах Ирмологионов к кон. XVII в. в целом постепенно сменилось истинноречием, но степень присутствия того или другого различна в зависимости от источника. Так, в Ирмологионе униат. Жировицкого мон-ря 2-й четв. XVII в. произнесение «на речь» уже преобладает, тогда как в сборниках правосл. Межигорской обители 40-х гг. XVII в. еще очень много раздельноречных словоформ. В XVIII в. при доминировании истинноречия признаки хомонии кое-где сохранились

в распевах предлогов и префиксов, что отражает традиц. приверженность южнорус. певчих южнослав. раздельноречной норме XV–XVI вв. (напр., 4 постоянных случая распева: «вочеловечившийся» в песнопении «Единородный Сыне»; «Вонегда скорбети», «Возбранной Воеводе», «Хвалите Господа со небес»). Раздельноречные формы слов сохранялись в XVIII в. и применялись даже в поясняющих текстах Ирмологионов, глоссах (напр., «воход» (вход)) и др. (см.: Шевчук. Раздельноречие. 2008).

Сокращение или расширение поэтической строфы типично для нескольких причастных стихов и прокимнов, что различает киевские и болгарские версии: до 1-й строки сокращены тексты киевских причастнов воскресенья («Хвалите Господа со небес») и вторника («Во память вечную будет праведник»). Строфы аналогичных псалмов болгарского распева, как правило, всегда полные (исключения крайне редки и делались, вероятно, под «киевским» влиянием). Тексты причастна «Хвалите Господа со небес» и припева «Воскресни, Боже, суди земли» (вместо «Аллилуия» в Великую субботу) типичны для киевского напева, тогда как их продолжение («...хвалите Его во вышних» и «...яко царствуеши во веки») изложено в болгарском распеве. Можно предположить, что в воскресный день, когда было много причастников и требовалось длительное исполнение причастна, записанное песнопение повторялось (после 1-й строки с тем же напевом пелась 2-я строка, изосиллабичная 1-й). Подтекстовка юго-западнорус. причастных воскресенья и будничных дней основывалась на разных принципах, поскольку вторые имеют преимущественно нормативные 2-строчные строфы. Сокращение (в записи) текста «Хвалите Господа со небес» «киевского напева» может быть объяснено ориентацией на предполагаемый греч. протограф «*Ἐνίτη τὸν Κυριὸν ἐκ τὸν οὐρανόν*», также одностроичный (известен по поздним версиям 2 песнопений, записанных кириллицей в *Маньяском скиту* в 1674–1676 и 1684; см.: Тончева. 1981. Т. 2. С. 409–412, 415–416, 523–524). Двухстрочная форма седмичных киевских причастнов (напр., «Чашу спасения прииму и имя Господне призову» и др.) также находят аналоги в строении греч. песнопений

(см.: Там же). В XVIII в. текстовая редакция всех «киевских» причастнов была унифицирована и приведена к 2-строчной норме.

Признаки редакций текстов литургии в 1-й пол. XVII в. зависят, в частности, от вида службы и напева, напр.: «Поем Тя» типично для «киевской» Литургии свт. Иоанна Златоуста, «Тебе поем» — для «болгарской» Литургии свт. Василия Великого (оба опубл. Л. Ф. Корний; см.: Корний. 1993. С. 152–159; Корний, Дубровіна. 1998. С. 41–44).

В Ирмологионах, составленных в Московской Руси, дореформенные признаки текстовых редакций «исчезают» в кон. XVII в. (на Левобережной Украине — в 1-й пол. XVIII в.), что в обоих случаях было связано с установлением новой нормы после реформ патриарха Никона. В Ирмологионах с Правобережной Украины дореформенные признаки сохранялись дольше (см. краткую строку текста «Достойно и праведно» в Ирмологионе 1720 г. Т. Чеховича). Не сохранилось ни одного Ирмологиона кон. XVII в. с полностью исправленным текстом, что говорит о постепенности обновления старой юго-западнорус. традиции.

В Московской Руси юго-западнорус. песнопения получили известность с сер. XVII в., в ходе церковных реформ патриарха Никона, результатом к-рых стало существенное обновление богослужбной традиции. Приезды в Москву укр. и белорус. «воспеваков», хоровых коллективов способствовали введению в рус. певч. практику разных монодийных распевов и партесного многоголосия, появлению и увеличению числа Ирмологионов в храмовых книжницах (в частности, *Новоиерусалимского в честь Воскресения Христова муж. мон-ря*), освоению линейной нотации. Сохранились свидетельства «Книги записной» о том, что московские, киевские и греч. «певчие дьяки с подьяки» вместе участвовали в архиерейских службах 1655–1658 гг., распределяясь по разным клиросам (Голубцов. Чиновники Московские. С. 292); это способствовало освоению всеми певчими разностилевого репертуара. После знаменного и греческого распевов К. р. стал 3-м в России по степени известности («его значение уступает и знаменному, и греческому роспевам» — Захарьина. 2003. С. 117–118); в отличие от 2 первых он не

был представлен корпусом самостоятельных певч. книг, а фиксировался в Обиходе (Там же). К. р. получил в России широкое распространение: во 2-й пол. XVII в. его одногласные образцы фиксировались (очевидно, вначале на слух) в рукописных знаменных, в XVIII в. — в нотолинейных Обиходах, с 1772 г. — в печатных синодальных певч. книгах и их переизданиях.

Многоголосие К. р. известно во 2-й пол. XVII в. по демественным и знаменным партитурам, в кон. XVII — 1-й пол. XVIII в. — по партесным обработкам, в кон. XVIII — XX в. — по многочисленным композиторским гармонизациям и аранжировкам (см.: *Лисицын*. Обзор; Свод напевов). Во 2-й пол. XVII в. К. р. постоянно звучал на службах в присутствии царей и патриархов и поощрялся ими; этим, возможно, объясняется надписание «Достойно есть» именем царя *Феодора Алексеевича* (опубл. в сб.: *Успенский*. Образцы. 1971. С. 139–140). В 1772 г. подобны К. р. вошли в печатный синодальный Октоих, значительное число песнопений К. р. — в Обиход (см.: *Захарьина*. 2003. С. 141–142).

К. р. стал неотъемлемой частью пореформенной русской певческой традиции, а с сер. XIX в. — предметом сравнительных исследований (чаще по печатному синодальному Обиходу 1772 г., чем по рукописям). Изучение песнопений рус. певч. источников выявило частые совпадения (или заметное родство) К. р. со знаменным и с греческим (а иногда и болгарским) распевом. В лит-ре содержится много примеров такого рода. Описывая современное ему церковное пение, архиеп. Курский и Белгородский *Феоктист (Мочульский)* отмечал: «...киевский, черниговский и новгородский напевы суть не что иное, как один и тот же греческий, но переименованный по вкусу и характеру жителей городов российских» (*Феоктист (Мочульский)*. 1813. С. 9); прот. Д. В. *Разумовский* обратил внимание на полное совпадение напевов песнопений «Воскресение Христово видевше» греческого распева и псалма «Господи, воззвах» К. р. (см. в изд.: *История рус. музыки*. М., 1983. Т. 1. С. 219). Родство К. р. со знаменным отмечали Н. М. *Потулов* («По характеру своему он (К. р. — *Е. Ш.*), видимо, истекает из знаменного и местами до того бывает с ним сходен, что если бы над песнопени-

«Свете тихий» киевского распева в синодальном изд. Обихода (М., 1772. Л. 20 об. — 21)

ем не стояло надписание киевского распева (каковому надписанию не доверять нет основания), то напев можно было бы назвать знаменным» — *Потулов*. 1884. С. 73), прот. Д. *Разумовский* («Воскресные тропари «Днесь спасение» и «Воскрес из гроба» с надписанием киевского распева суть, несомненно, большого знаменного распева. Прокимны утренние в большом знаменном и киевском распеве почти сходны по напеву гласов» — *Разумовский*. 1867.

«Достойно есть» киевского перевода». Демественное трехголосие. Рус. певч. рукопись сер. XVII в. (СПбДАуС. № 312Р. Л. 264 об. — 265 — *Успенский*. Образцы. 1971. Ил. XXXII)

Вып. 1. С. 85), А. В. *Преображенский* («Киевский распев образовался под несомненным влиянием знаменного и есть его упрощение» — *Преображенский*. 1910. С. 23).

Родство К. р. и «напелу киевского» со знаменным распевом рус. традиции неслучайно, поскольку древнее знаменное пение является их общим истоком и есть много образцов с Севера и Юго-Запада Руси, полностью совпадающих. «Компактность» напевов мн. юго-западнорус. песнопений

объясняется меньшей степенью распевности их мелодических типов по сравнению с той, что была достигнута в певч. редакциях Московской Руси в эпоху расцвета церковного пения — в XVI — нач. XVII в. Сжатость юго-западнорус. напевов также может быть следствием их бытования в устной традиции или их сокращения в XVIII в.

Различное соотношение между К. р. и греко-балканскими распевами могло быть связано с разными причинами, напр. с неточными наименованиями или с записью от «киевлян» песнопений устной традиции, к-рые могли «сближаться» с совр. греческими напевами в устной практике. В укр. Ирмологионах «напел киевский» всегда отличался по мелодическому рельефу как от пречезант. напевов XVI в., так и от греческих и болгарских напевов XVII в. на тот же текст (при том, что мелодика мелизматических образцов могла быть стилистически близкой).

Различие 2 репертуаров — юго-западнорус. «напелу киевского» и К. р. российской традиции — было впервые определено прот. И. Вознесенским, сопоставившим корпус песнопений синодального Обихода и Ирмологионов: он определил, что нек-рые песнопения К. р. из русских книг отсутствуют в укр. Ирмологионах (*Вознесенский*. 1898.

С. 16). Прот. И. Вознесенский установил, что в России сложилась самостоятельная традиция К. р., отличавшаяся от

юго-западнорусской; это открытие имело значение для дальнейшего изучения истории певч. искусства.

Согласно совр. исследованиям, причины несовпадения репертуара укр. и рус. К. р. — разные принципы присвоения названия и несовпадение его содержания. В Московии наименование «киевский распев» давалось песнопениям разных распевов и местных напевов, пришедшим с Украины и из Белоруссии, бытовавшим там в письменной и устной

ческое искусство. 1971. С. 303), но эта тенденция могла коснуться и менее распевных образцов.

3. Небольшая часть рус. К. р. — юго-западнорус. местные мелодии. Так, Г. де Пикарда считал, что белорус. напевы «распространились... в Московии, где вместе с напевами украинского цикла были частично русифицированы и неправильно названы киевским распевом» (*Пикарда*. 1995. С. 17). Количество местных распевов в западноукр. и белорус. Ирмологионах возросло со 2-й четв. XVII в., когда состав обиходного раздела расширился благодаря стремлению собрать разные распевы на один и тот же текст. В частности, текст «Иже херувимы» стал излагаться наряду с основным напевом «новыми», краткими мелодическими строфами (их повторение со строками текста создавало «куплетную» форму). Если в укр. Ирмологионах эти напевы в основном безымянны, то в белорусских — часто сопровождаются «местными» названиями. В 1-й пол. XVIII в. таких мелодий известно до 2 десятков, к концу века их число увеличилось. В России название «киевский» давалось новым напевам нечасто, в нек-рой степени такие случаи могли определяться стилем мелодики: кантово-песенным (безымянные, «езвицкая» (иезуитская) херувимская), «болгарским» («подгорская», «кремenceцкая», «виленская» или «литовская», их варианты без названий) или традиц. юго-западнорусским, собственно «киевским» («слуцкая», «витебская» «скитская» и др.). Песнопения последней группы получали название «киевский распев» чаще и наиболее обоснованно. Каждое новое песнопение могло также сопровождаться ремаркой «ин» (см. ст. «*Ин распев*»). В Ирмологионах безымянные напевы херувимских иногда размещались отдельной группой и нумеровались. В рус. Обиходах переписчики также объединяли различные напевы в одну группу, помещенную в цикле литургии знаменного распева или К. р. В литургию К. р. рус. сборников были включены напевы «виленский», «слуцкий»/«витебский», «смоленский» и др. (см.: *Герасимова*. 2013). Показателен состав синодального издания Обихода, где неск. кратких мелодий херувимских включено в большой разд. «Литургии киевского распева», вслед. чего их принимают за «киевские» (напр.: *Холопова В. Н.*

Русская музыкальная ритмика. М., 1983. С. 81), тогда как в действительности каждая из них безымянна.

4. Под названием «киевское» в Московии были записаны, по всей видимости, также мелодии партесных композиций, к-рые в Юго-Зап. Руси четко различались по стилю как пение «киевское» и «партесное», монодийное и многоголосное.

Т. о., название «киевский распев» рус. певч. книг может обозначать, что песнопения записаны от киевлян (или отражает представления переписчиков об их юго-западнорус. происхождении), но не всегда точно характеризует их генезис и певч. стиль. Возможны ошибки атрибуции, к-рые определяются при сопоставлении образцов, принадлежащих к разным традициям.

Все юго-западнорус. песнопения получили в России новую редакцию текста (дореформенная сменялась пореформенной), тогда как в укр. Ирмологионах признаки первой сохранялись гораздо дольше или в одном сборнике соединялись и те и другие, из-за чего все рукописи кон. XVII — 1-й пол. XVIII в. представляют собой индивидуальное смешение («диффузию») редакционных особенностей (см.: *Шевчук*. Роль старообр. традиций. 2008. С. 99; *Герасимова*. 2013).

После синодального издания Обихода в 1772 г. образцы К. р. стали известны на всей территории Российской империи. В XIX и XX вв. возникло множество его многоголосных обработок. Одним из первых обратился к их созданию Д. С. *Бортнянский*. В кон. XIX в. его сочинения вышли в редакции П. И. *Чайковского*, В. Т. *Соколова*, А. И. *Рожнова* и прот. М. А. *Лисицына*, в к-рых сохранены ссылки на разные распевы, в т. ч. на К. р. В XIX — нач. XX в. гармонизации и обработки К. р. создали рус. композиторы и регенты свящ. Д. *Абламский*, Е. С. *Азеев*, свящ. Д. В. *Аллеманов*, А. И. *Альбанов*, А. А. *Архангельский*, А. М. *Архангельский*, М. А. *Балакирев*, А. Н. *Бекаревич*, свящ. И. *Беляев*, В. Д. *Беневский*, свящ. М. А. *Березовский*, В. А. *Бирюков*, Е. А. *Богданов*, иером. *Викторин*, Е. М. *Витошинский*, В. П. *Войденев*, свящ. М. И. *Георгиевский*, А. Т. *Гречанинов*, А. Я. *Губарев*, С. А. *Зайцев*, В. А. *Жданов*, А. Д. *Кастальский*, П. М. *Киреев*, М. Г. *Климов*, Н. И. *Компанейский*, диак. М. Ф. *Коновский*, свящ. Н. И. *Курлов*, свящ.

В. В. *Лебедев*, прот. М. А. *Лисицын*, А. Ф. *Львов*, Г. Ф. *Львовский*, прот. В. М. *Металлов*, иером. *Нафанаил (Бачкало)*, свящ. А. *Невский*, А. В. *Никольский*, С. В. *Панченко*, Потулов, С. В. *Рахманинов*, Н. А. *Римский-Корсаков*, Рожнов, И. И. *Смирнов*, С. В. *Смоленский*, Д. Н. *Соловьёв*, А. Е. *Ставровский*, прот. П. И. *Турчанинов*, А. С. *Фатеев*, Чайковский, П. Г. *Чесноков*, Д. М. *Яичков* и др.; в сер.— 2-й пол. XX в.— Н. Н. *Кедров-младший* (см. в ст. *Кедровы*), М. Е. *Ковалевский*, архим. *Матфей (Мормыль)*, диак. С. З. *Трубачёв* и др.; на Украине — иером. *Виктор (Высоцкий)*, иером. Киево-Печерской лавры *Парфений (Девятин)*, Л. Д. *Малашкин*, Н. Д. *Леонтович*, А. А. *Кошиц*, В. Г. *Петрушевский*, К. Г. *Стеценко*, архиеп. *Ионафан (Елецких)*, протодиак. Д. *Болгарский*, В. И. *Степурко*, Н. Н. *Гобдич*, И. Л. *Сахно*, В. *Давиденко* и др., значительная часть произведений не опубликована. В изданиях представлены как укр. «напел киевский», так и К. р. (последний преобладает). Опубликованы десятки обработок К. р. без указания на авторство.

В ряде научных трудов XX в. утвердилось понимание К. р. в широком смысле — как синонима укр. традиц. монодийного пения; при таком подходе отсутствие около песнопения ремарки «киевское» не имело значения. Так, С. С. *Скребков* отнес к сфере К. р. ирмосы из Ирмологионов, не учитывая того, что песнопения этого жанра «киевскими» в них не именуется (за очень редкими исключениями). Сопоставив 2 редакции ирмосов — знаменного распева и киевского напева, ученый пришел к выводу, что последний является национальным вариантом восточнослав. знаменного распева (*Скребков*. 1969. С. 38). Сопоставительные исследования К. р. юго-западнорус. и русской традиций продолжаются.

Е. Ю. *Шевчук*

Обработки К. р. в партесном стиле обнаружены в рукописях кон. XVII — 1-й трети XVIII в. Это полные циклы песнопений всенощного бдения и литургии или их части, а также отдельные песнопения («На реках Вавилонских», «С нами Бог» и др.). Все они рассчитаны на 4-голосный хор (дискант, альт, тенор, бас), мелодия К. р. помещается в теноровой партии. В большинстве случаев многоголосные обработки

одного и того же напева различаются по деталям гармонии, приемам голосоведения, отражая своеобразие мышления их авторов, имена к-рых остаются неизвестными.

Один из наиболее полных циклов всенощного бдения с пометкой «киевской роспев» содержится в комплекте партий ГИМ. Син. певч. № 342. В него входят предначинательный псалом, «Блажен муж», «Господи, воззвах» на 8 гласов, «Свете тихий», «Ныне отпускаеши», «Богородице Дево, радуйся», «Бог Господь», «Хвалите имя Господне», тропари «Благословен еси, Господи», антифон «От юности моя», воскресные прокимны на утрене 8 гласов, катавасия «Отверзу уста моя», «Величит душа Моя Господа», «И ныне... Преблагословенна еси», «Слава в вышних Богу», «Возбранной Воеводе» (дискант: № 342-а. Л. 19–51; альт: № 342-б. Л. 19–50 об. (окончание утрачено); тенор: № 342-в. Л. 20–54 об.; бас: № 342-г. Л. 18–53), а также нек-рые песнопения праздников. Известен комплект поголосников «литургии киевского напева», включающий только гармонизации песнопений украинско-белорус. традиции (Арх. СПбФ ИИ РАН. Колл. 114. № 237–239; *Герасимова*. 2013. С. 135).

Уникальный по полноте состава 4-голосный комплект рукописей ГИМ. Син. певч. № 658, содержащий песнопения всенощного бдения (как неизменяемые песнопения, так и осмогласные циклы), происходит из собора Знамения Пресв. Богородицы в Новгороде. Обработки К. р. чередуются с гармонизациями знаменного, демественного, греческого распевов, нотолинейной записью троестрочия (см. *Строчное пение*), отражая традиции многораспевности в певч. обиходе петровской эпохи. После заголовка «Всенощное киевского распева» (по партии дисканта: № 658-а. Л. 11) изложен предначинательный псалом, далее рассредоточены по рукописи: «Блажен муж» «киевского распева» (Л. 19), «Воззвахи Киевские на осемь гласов» (Л. 25), «Киевского распева запевы: на осемь гласов» (Л. 49), «Прокимы во всю седмицу киевская» (Л. 64), «Бог Господь» «киевского распева» (Л. 105 об.) и «киевского малаго распева» (Л. 109), «Всякое дыхание» «киевского распева» (Л. 151). В конце рукописи помещено песнопение «На реках Вавилонских» с пометкой «киевской

роспев» (№ 658-а. Л. 171 об.) и «киевского напева» (№ 658-в. Л. 190; № 658-г. Л. 208 об.). В сборнике ГИМ. Син. певч. № 444 (партия альта) также присутствуют различные распевы песнопений всенощного бдения, в т. ч. «Блажен муж» «киевской» (Л. 4), «Хвалите имя Господне» — 2 песнопения «киевские» (Л. 26), «Взбранной Воеводе» «ин роспев киевской» (Л. 49), а также «С нами Бог» (Л. 13), «На реках Вавилонских» «киевская» (Л. 28). В комплекте ГИМ. Син. певч. № 1283 (из Иоанно-Богословской ц. при костромском *Ипатиевском во имя Св. Троицы муж. мон-ре*) надпись: «Начало Всенощного бдения киевского напева» — встречается дважды (№ 1283-а. Л. 24 об., 158); в 1-й раз после нее следует только предначинательный псалом, во 2-й раз — псалом, «Блажен муж» и «Хвалите имя Господне». Предначинательный псалом после заголовка «Всенощное бдение киевское» помещен и в сборнике ГИМ. Син. певч. № 790 (партии альта и баса: № 790-а. Л. 69 об.— 70; № 790-б. Л. 70 об.— 71).

Указания на К. р. в цикле литургии встречаются реже, напр.: «Начало Божественных литургии киевского пения» (ГИМ. Син. певч. № 421-а. Л. 1, ркп. из Владимирской ц. г. Каргополя), «Божественная литургия киевского распева» (Там же. № 444. Л. 52). Весьма распространена херувимская песнь с пометками «киевская» (Там же. № 375. Л. 88; № 444. Л. 66; № 785-а. Л. 22 об.; ГЦММК. Ф. 283. № 540, партия дисканта, л. 45) или «малая киевская» (ГЦММК. Ф. 283. № 993/9. Л. 6), «киевского напелу» (РГБ ОР. Ф. 37. № 383. Л. 23), можно встретить и «Достойно ест» («киевская» — ГИМ. Син. певч. № 444. Л. 79; «киевской» — ГЦММК. Ф. 283. № 540. Л. 70). По мнению И. В. Герасимовой, ремарка «киевская» у херувимской в сборнике РНБ. Сол. № 1194/1338, 1320, 1351, 1354 относится к болгарскому напева (*Герасимова*. 2013. С. 143), поскольку эта ремарка «в русской певческой традиции вбирала в себя широкий круг привнесенных в страну локальных белорусско-украинских и инонациональных напевов» (Там же. С. 150).

Редкий образец использования К. р. в *Трезвонах* — «Стихиры Казанской Богородице киевского согласия» (ГИМ. Син. певч. № 790-а. Л. 71 об.).

Н. Ю. Плотникова

Арх.: МГК им. П. И. Чайковского. ОРИП Науч. 6-ки им. С. И. Танеева: X-40995: *Войденов В. П.* «Блажен муж». [М., 2-я пол. XIX в.]. Ркп.; X-41130: *Кастальский А. Д.* [Подобная стихира] на 6 сентября Рождеству Пресв. Богородицы: На хвалитех, глас 1 «О дивнаго чудесе» // *Он же*. Подобны. М., 1910. Отт. с рукописного экз.

Изд.: *Одногласие*: Ирмологон, сиречь песнослов. Львов, 1709; Обиход церк. нотного пения разных распевов: [киев. нотация]. М., 1772. [2 ч.]; Переизд. с изм.: Обиход нотного пения употребительных церк. распевов. М., 1909. Ч. 1: Всенощное бдение. № 1–6, 8–11, 13–15, 17–19, 21, 24, 25, 29; Ч. 2: Божественная литургия. № 1, 4, 6–8, 9–13, 15–17, 20, 22, 24, 25, 28; «Да молчит»: (Из Львовского Ирмолога 1701 г.) // Церковные песнопения для хорового исполнения / Ред.: В. Г. Петрушевский. К., 1907. Вып. 1. С. 7; *Круг церк. песнопений обычного напева Моск. епархии*: [киев. нотация]. М., 1915. Ч. 4: Божественная литургия. № 1, 3, 5–7, 10–23, 26–36, 37–44, 45, 47, 49–53, 55–57, 59–60, 64, 69–71, 74, 79, 83; *Успенский Н. Д.* Образцы древнерус. певч. искусства: Муз. мат-л с ист.-теорет. коммент. и ил. Л., 1971; *Тончева Е.* Манастирът Голям Скит — школа на «болгарский роспев»: Скитски «болгарски» Ирмолози от XVII–XVIII в. София, 1981. 2 т.; Песнопения 8 гласов: «Господи, воззвах»: [Стихи и 1-я стихира]. Стихиры на стиховне. Богородичен. «Бог Господь», тропарь и богородичен [гласы 2, 5, 6, 8]. [Стихи и] стихиры на хвалитех. Воскресные евангельские стихиры // *Октоих, сиречь Осмогласник*. М., 1991. [Ч. 3]: Прил. С. 44–46, 49–50, 58–59, 62–64, 67–68, 69–70, 75–77, 79–81, 83–84, 91–92, 95–97, 100–101, 108–109, 112–113, 117–118, 119, 124–126, 128–130, 133–134, 135, 137, 142–143, 145–147, 149–150, 158–159, 161–163, 166–167, 171–172, 177–178, 183–190; *Цалый-Якименко О. С.* Духовні співи давньої України: Антологія. К., 2000. *Многогласие: Турчинов П. И., прот.* «Милость мира» // *Он же*. Древнее простое церк. пение разных напевов. СПб., 1831. Кн. 2; *он же*. «Се Жених грядет в полунощи». «Чертог Твой вижду» // *Он же*. Полное собр. духовно-муз. соч. М., 1905. Кн. 3. № 4, 5. С. 16–18, 19–20; *Бортнянский Д. С.* «Ангел вопияше». «Слава, и ныне: Единородный Сыне» // Собрание 3-голосных и 4-голосных духовных песен. СПб., 1840. Тетр. 1; *он же*. «Да исполнятся уста наша» // *Партитурное собр. 4-голосных и 3-голосных мелких духовных песен*. СПб., 1845. Кн. 1. № 22; «Ныне силы небесная» № 1, 2. «Тело Христово». «Чертог Твой вижду» // Там же. Кн. 2. № 3, 4, 7, 9; *он же*. «Слава, и ныне: Единородный». «Да исполнятся». «Ныне силы небесная» № 1. «Тело Христово». «Чертог Твой» // *Он же*. Полное собр. духовно-муз. соч. / Изд., пересм. и испр. П. И. Чайковским. М., 1881. Отд. 1. Ч. 1Б. Вып. 1: Песнопения... однокорные, 4-голосные. № 1, 7, 14, 16, 18; *он же*. «Слава, и ныне: Единородный Сыне», «Тело Христово», «Да исполнятся уста наша», «Ныне силы небесная» № 1, 2, «Чертог Твой», «Приидите убожам», «Ангел вопияше» // *Духовно-муз. соч. Бортнянского, Давыдова, Березовского, Галушки и др.* / Перелож. для 4-голосного муж. хора: В. Т. Соколов. М., 1897; *он же*. «Да исполнятся уста наша», «Тело Христово», «Чертог Твой вижду» // *Он же*. Собрание 4-голосных однокорных духовно-муз. соч. / Ред.: М. А. Лисицын. СПб., 1898. С. 50, 84, 89; *Львов А. Ф.* «Взбранной Воеводе» // *Он же*. Духовно-муз. соч.: Для смеш.

хора. СПб., 1848; *он же*. «Взбранной Воеводе» (№ 1), «Да исправится молитва моя» // *Он же*. Духовные соч. СПб., [между 1852 и 1855]. № 15, 38; *он же*. Подобны: 1-го гласа «О дивное чудо», 3-го гласа «Велие Креста Твоего», 6-го гласа «Ангельския предидите силы», 7-го гласа «Не ктому возбраняеми есмы» // *Он же*. Октоих нотного пения знаменного напева с 12-го изд. ... Св. Синода... положен на 4 голоса. СПб., 1849; *Потулов Н. М.* Сборник церк. песнопений: Сост. и на голоса положен по нотным церк. книгам, изд. по благословению Св. Синода... в 1772 г. М., 1876–1887. 5 вып.; *Альбанов А. И.* «Достойно и праведно есть» на литургии св. Василия Великого. «Слава страстем Твоим» в Великий четверток // *Он же*. Великопостное № 1–5 / Обработка мелодий, взятых из Обихода 1786 г. Синод. изд. и «Руководства» Н. Потулова. Астрахань; М., 1882. № 1, 4; *он же*. «Приидите, поклонимся», именуемое «архирейское». «Аллилуия». «Иже херувимы» (2). «Иже херувимы», именуемое «простое». «Хвалите Господа». «Чашу спасения». «Радуйтесь, праведнии», именуемое «простое» // *Он же*. На литургии № 1–18: Обработка мелодий, взятых из Обиходов, полного 1786 г. и сокращенного 1809 г. Синод. изд., а также «Руководства» Н. Потулова. Астрахань; М., 1883. № 2, 5, 7–9, 14, 16, 17; *Чайковский П. И.* «Господи, воззвах», на 8 гласов. «Свете тихий». «Господь воцарися», прокимен великий // *Он же*. Всенощное бдение: Соч. 52. № 4. М., 1882; *Георгиевский М. И., свящ.* «Приидите, убожим Иосифа»: Стихира в Великую пятницу. М., 1885; *он же*. «Ныне отпускаеши». М., 1887; *Малашкин Л. Д.* Духовно-муз. соч. М., 1886³. Ор. 25. № 12: «Достойно» киевское; 1888. Ор. 51: Молебный канон ко Пресв. Богородице древне-киев. напева; *он же*. Многолетие. Ирмос «Христос раждается». Тропарь «Се Жених» // *Он же*. Сборник церк. песнопений Моск. распева: Ор. 53. М., 1889. № 1, 4; Пение при всенощном бдении древних напевов / Положенное для 4-голосного смещ. хора [под рук. Н. А. Римского-Корсакова]. СПб., 1888, 1904⁴. № 3, 5, 6, 8, 10, 14, 16, 18, 19, 20, 23, 24, 27 (перезд.: Всенощное бдение: Древние распевы в перелож. для 4-голосного смещ. хора. М., 2003); *Коневский М. Ф., диак.* «Хвалите имя Господне». «Благословен еси, Господи». «Воскресение Христово видевше». Славословие великое. «Взбранной Воеводе». «Господи, помилуй» из Обихода Потулова. «Слава... Единородный». «Приидите, поклонимся». «Милость мира». «И всех и вся». «Отче наш» // *Он же*. Всенощное бдение и Божественная литургия св. Иоанна Златоуста разных расп. Н. Новг., 1889; *Рожнов А. И.* «Хвалите имя Господне». «Отверзу уста моя». Славословие великое. «Днесь спасение миру бысть». «Воскрес Иисус от гроба» // *Он же*. Сборник духовно-муз. пьес, употребляемых при богослужении. М., 1889. Кн. 2: Пение во время всенощного бдения; *Бирюков В. А.* «Блажен муж». «Свете тихий». «Взбранной Воеводе». «Архангельский глас». «Тебе поем». Полиелей // *Он же*. 17 духовно-муз. перелож. древних напевов. М., 1891/1892. [Т. 1]. № 2–4, 7, 9; *он же*. Антифоны «Благослови, душе моя, Господа» и «Единородный Сыне»: Из Синод. Обихода 1864 г. «Тебе поем». «Милость мира» № 2. «И всех и вся». «С нами Бог» // *Он же*. 39 духовно-муз. перелож. древних напевов. М., 1893. Т. 2. № 26, 27, 30, 32, 33, 37; *он же*. Тропари воскресны на непорочках. «Чертог Твой». Стихира вмч. Георгию «Яко

добля в мученицех» // *Он же*. 69 духовно-муз. перелож. древних напевов. М., 1896. Т. 3. № 66, 68, 69; *он же*. «Ныне отпускаеши» // *Он же*. 93 духовно-муз. перелож. древних напевов. М., 1897. Т. 4. № 93; *он же*. Херувимская № 3. «Да молчит всякая плоть человека» // *Он же*. 100 духовно-муз. перелож. древних напевов. М., 1900. Т. 5. № 96, 98; *Металлов В. М., свящ.* «Приидите, поклонимся». «Ныне силы небесныя» // *Он же*. Духовно-муз. соч. М., 1891. № 5, 18; *он же*. «Чашу спасения прииму» // Избр. песнопения Правосл. Церкви / Сост.: В. М. Орлов. СПб., 1897. № 26; *он же*. Пение на всенощном бдении древних распевов (киев. и греч.). М., 1898; *он же*. «Блаженныяже избрал»: Причастен за упокой. СПб., 1905; *Архангельский А. А.* «Блажен муж». «Господи, воззвах» с воскресными стихирами: Гласы 1–6, 8. «Свете тихий». Сугубая ектения. «Хвалите имя Господне». «Воскресение Христово видевше» // *Он же*. Пение всенощного бдения, сост. по церк. Обиходу и по обычным церк. напевам. СПб., 1892²; *Смоленский С. В.* Главнейшие песнопения Божественной литургии, молебного пения, панихиды и всенощного бдения. СПб., 1893. Вып. 1. № 13; Вып. 3. № 2, 3, 7, 10; *Богданов Е., свящ.* Великое славословие «Слава в вышних Богу» // *Он же*. Сборник церк. напевов, издревле употребляемых в Подольской, а частью в Волынской епархиях. Вильна, 1894; *Соловьев Д. Н.* Стихиры и тропари воскресны малых распевов и неизменяемые песнопения всенощного бдения и литургии. СПб., 1894². Б. м., б. г. р. С. 18–42, 61–66, 77–82, 87–89, 90, 94–97, 104–107, 110–111; *Беневский В. Д.* Херувимская № 3. «Достойно есть» № 2. «Слава... Единородный Сыне» // *Он же*. Духовно-муз. соч. № 1–21. М., 1896. № 7, 17, 21; *он же*. Церковное осмогласие (пение гармоническое) разных расп.: Для 4-голосного жен. или муж. хоров. М., 1899, 1904². 2 ч.; Всенощная на двенадцатые праздники / Ред.: А. Е. Ставровский. СПб., 1896. 12 вып.; *Ячков Д. М.* «Свете тихий» // *Он же*. Избр. песнопения из всенощного бдения и литургии. М., 1896. № 2. С. 8–10; *Фатеев А. С.* Антифоны воскресные 8 гласов / Ред.: А. Д. Кастальский. М.; Лейпциг, 1896, 1907. СПб., 1901; *он же*. Богородичны на «Господи, воззвах», именуемые догматиками, богородичны на стиховнах, антифоны и ирмосы воскресные всех 8 гласов, киев. расп. СПб., 1901; *Беляев И., свящ.* Переложения из Обихода и воскресного нотного Октоиха. М., 1898. № 22–26, 46; *он же*. Переложения из Обихода (изд. 1864, 1892 и 1894 г.) разных распевов. М., 1898. № 52, 55–58, 60–62; *он же*. То же: Песнопения литургии разных распевов. М., 1898. № 72–74, 75, 89–91, 93; *Кастальский А. Д.* Духовно-муз. соч. и перелож. М., 1898. № 17, 17а: «Достойно есть»: Киевское, Афонское, № 20: «Со святыми упокой»; 1903. № 40: «Милость мира»; 1904. № 50а: «Ныне отпускаеши», № 53: «Хвалите имя Господне»; *он же*. Ектения старо-киевского расп.: На 2 голоса // *Он же*. Образцы церк. пения на Руси в 15–17 вв.: Мат-лы для ист. духовных концертов. М., [1915]; *он же*. Киев. расп.: Употребительные распевы 8 гласов: «Господи, воззвах» и 2 стихиры; Упрощенное перелож. 8 гласов: «Господи, воззвах», стих (запев) и стихира // *Он же*. Октоих / Сост.: прот. М. Фортунато. [Серг. П.], 1997. С. 13–63; *он же*. Вечерня, «Господи, воззвах»: Гласы 1–5 и 7, минор; гласы 6 и 8, мажор // *Он же*. Триодь / Сост.: прот. М. Фортунато. [Серг. П.], 1999. С. 5–13; *Петрушевский В. Г.*

Духовно-муз. перелож. песнопений обычного киев. напева № 1–4. М., 1898; *он же*. Сборник главнейших песнопений Божественной литургии киев. расп. СПб., 1900; *он же*. Главнейшие песнопения всенощного бдения киев. расп. М., 1901; *Березовский М. А., свящ.* «Милость мира». «Достойно есть» // *Он же*. Литургия св. Иоанна Златоуста по напевам обиходно-обычным и др. М., 1900. № 11, 12; *Львовский Г. Ф.* «На реках Вавилонских»: Для однородных голосов. «Блажен муж». «На реках Вавилонских» // *Он же*. Духовно-муз. переложения с древних расп. и сочинения. М., 1900. № 7, 13, 38; Церковно-певческий сборник. СПб., 1901. Т. 1. Ч. 1: Всенощное бдение. № 6, 7, 9, 12, 17, 24, 30, 34, 35, 51; Т. 2. Ч. 1: Литургия. № 2, 8, 15, 16, 36, 51; Т. 2. Ч. 2: Литургия. № 2, 18, 19, 23, 39, 45, 78, 79, 86, 88–89, 92–95, 103, 109, 114; 1902. Т. 3. Ч. 1: Триодь постная и цветная. № 8, 16, 17, 46, 48, 54, 55; 1904. Т. 3. Ч. 2: Страстная седмица. № 35, 42, 70; 1905. Т. 4: Триодь цветная. № 29; Т. 5: Октоих. № 5, 16, 41, 43, 50, 56, 58, 105, 177–179; *Климов М. Г., Лебедев В. В., свящ.* «На спасения стези». «Богородице Дево, радуйся». «Под Твоем благоутробие». Тропари на часах. «Ныне силы небесныя» // *Он же*. Песнопения из Триоди Постной. М., 1902. № 1, 5, 7, 13; *он же*. «Се Жених». «Чертог Твой виджу». «Егда славнии ученицы». «Да молчит всякая плоть» // *Он же*. Песнопения из Триоди Постной: Страстная седмица. М., 1902. № 1, 3, 6, 15; *Курлов Н. И., свящ.* «Господи, воззвах»: 8 гласов киев. расп. СПб., 1902; *он же*. «Свете тихий». «Ныне отпускаеши» // *Он же*. Вечерня. СПб., 1902; *он же*. Тропарь «Святых лик обрете». «Покой, Господи» // *Он же*. Панихида. СПб., 1902²; *Максименко Ф.* «Приидите, последнее целование». «Свете тихий». «Преблагословенна еси» // Историческая хрестоматия церк. пения / Сост.: прот. М. А. Лисицын. СПб., 1902. Вып. 6. С. 17–19; *Панченко С. В.* Прокимны воскресные на 8 гласов. «Достойно есть» // *Он же*. Литургия св. Иоанна Златоуста с напевами придворного Обихода. Ор. 20. СПб., 1902; *он же*. «Достойно есть» киев. расп. Ор. 33. № 1. М., 1904; *он же*. «Милость мира» киев. расп. Ор. 33. № 2. М., 1904; *он же*. «Приидите, поклонимся» и «Господи, спаси благочестивыя» киев. расп. Ор. 30. № 6–9. М., 1905; *он же*. «Свете тихий» в свободном излож. «Ныне отпускаеши». «Богородице Дево» по киев. расп. Воскресные тропари. «Воскресение Христово». «Взбранной Воеводе» и окончание 1-го часа // *Он же*. Пение на всенощной. Ор. 45. М., [1906]; *он же*. «Милость мира» киев. расп. Ор. 54. № 4. М., [1908/1909]; *он же*. «Слава, и ныне: Единородный Сыне», Малая ектения. Ор. 54. № 2. М., [1908/1909]; *он же*. Тропари за упокой «Благословен еси, Господи» по придворным напевам «Малого пения» и киев. расп. «Большого пения» // *Он же*. Панихида. Ор. 48. М., [1908/1909]; «Give Rest, o Christ»: Contakion of the Faithful Departed (Kieff Melody) / Transl. W. J. Birkbeck, the Music ed. W. Parratt. L.; N. Y., 1902; *Витошинский Е. М.* «Господи, воззвах». Ор. 3. Гласы 1, 2 // *Он же*. Духовно-муз. соч. М., 1903. № 26, 27; *Чесноков П. Г.* «Милость мира»: На литургии св. Василия Великого. Ор. 3 // *Он же*. Духовно-муз. соч. и перелож. М., 1904. № 2; *он же*. «Свете тихий». «Воскресение Христово видевше». «Взбранной Воеводе» // *Он же*. Главнейшие песнопения всенощного бдения. Ор. 44. М., 1915. № 3, 8, 10; *Викторин, иером.* Прокимны, поемые в Великий пост на вечернях в неделю // *Он же*.

Духовно-муз. перелож. и соч. СПб., [1904]; *Невский А., свящ.* «Единокорный Сыне». «Приидите, поклонимся» // *Он же.* Литургия св. Иоанна Златоуста по напеву Спасо-Преображенского Гуслицкого мон-ря Моск. губ. М., 1904. № 5, 8; *Губарев А. Я.* Гласы на «Господи, воззвах». Гласы на «Бог Господь». Гласы на «Всякое дыхание» // *Он же.* Церковное осмогласие по напевам Придворного нотного Обихода. Екатеринодар, 1905; *он же.* Тропари воскресные по непорочнах // *Он же.* Всенощное бдение, изложенное по напевам Придворного нотного Обихода. Екатеринодар, 1905; *он же.* «Се Жених грядет». «Егда славнии». Трипеснец «К Тебе утреню». «Да молчит всяка плоть» // *Он же.* Пение на каждый день Страстной седмицы Вел. поста по напевам Придворного нотного Обихода. Екатеринодар, 1914; *он же.* Тропари «Богородице Дево», «Крестителю Христов», «Молите за ны». То же: Д. С. Боршнянского. «С нами Бог». «Господи сил». «Да исправится». Ектенія сугубая // *Он же.* Пение на каждый день 1-й седмицы Вел. Поста по напевам Придворного нотного Обихода. Екатеринодар, 1914; *Лисицын М. А., прот.* «Взбранной Воеводе» киев. расп. Ор. 17. № 3. М., [1908/1909]; *Нафанаил (Бачкало), иером.* «Светися, светися»: На пасхальных молебнах вместо «Достойно» // *Он же.* Песнопения молебнов. М., 1912. Вып. 3. С. 42; *Никольский А. В.* Литийные стихиры киев. расп. Ор. 47. М., [после 1912]; *Римский-Корсаков Н. А.* «Кресту Твоему» [завершено Е. С. Азеевым], «Тебе поем» № 5: В-дур, № 6: G-дур // *Он же.* Собрание духовно-муз. соч. и перелож. № 1–23. Соч. 1883–1884 г. / Ред.: Е. С. Азеев. СПб., [1913]. № 2, 9, 10; *Киреев П. М.* Седален «Покрой, Спасе наш» и богородичен «От Девы возсиявый» // *Он же.* Погребение мирян. № 34. Пг., [после 1914]; *Феофан (Александров), архим.* «Слава в вышних Богу»: Великое славословие // Сборник духовно-муз. песнопений / Изд.: П. М. Киреев. Пг., 1914. Вып. 9. № 33; *Рахманинов С. В.* «Свете тихий». «Ныне отпускаши» // *Он же.* Всенощное бдение. Соч. 37. М., 1915. № 4, 5; *Гречанинов А. Т.* «Ныне отпускаши» // Нотный сборник православного русского церковного пения. Лондон, 1975. Т. 2. Ч. 1: Всенощная. С. 40; «Блажен муж». «Свете тихий». «Ныне отпускаши». «Воскресение Христово видевше» // Октоих, сиречь Осмогласник. М., 1991. [Ч. 3]. Прил. С. 8–10, 12–13, 17, 26–28; Ектенія: Сб. церк. песнопений / Ред.: Е. Б. Резниченко. М., 1991. С. 5–6, 13, 19, 20, 21, 27–28; «Милость мира»: На литургии Василия Великого № 1 (С. В. Смоленского). № 2 // «Милость мира»: Сб. литург. песнопений / Ред.-сост.: Е. Б. Резниченко. М., 1991. № 10, 11; Песнопения всенощного бдения: В певч. традициях МДАиС / Собр.: игум. Никифор (Кирзин). Серг. П., 1992. С. 29–30, 31, 46, 81, 115, 129; Песнопения Страстной седмицы: Из репертуара хора МДАиС / Сост.: игум. Никифор (Кирзин). Серг. П., 1992/1993. С. 35, 42, 43, 44, 65, 109; Всенощное бдение: Незменяемые песнопения для монастырских хоров / Сост.: архим. Матфей (Мормыль). Серг. П.; Коломна, 2000. С. 62, 69, 167, 172, 262, 327, 487; Песнопения Постной Троицы / Сост.: архим. Матфей (Мормыль). Серг. П.; Коломна, 2010. С. 13, 15, 17, 41, 46, 47, 50, 52, 71, 81, 93, 108, 110, 114, 122, 133, 134, 136, 137, 146, 150, 216, 229, 232. См. также нотогр. в статьях об авторах гармонизаций. Лит.: *Феофист (Мочульский), архиеп.* Руководство к нотному простому церк. пению.

СПб., 1813; *Разумовский Д., прот.* Церковное пение в России: Опыт ист.-техн. изложения. М., 1867–1869. 3 вып.; *Потулов Н. М.* Руководство к практическому изучению древнего богослужебного пения Правосл. Рос. Церкви. М., 1884; *Вознесенский И., прот.* Осмогласные распевы трех последних веков Правосл. Рус. Церкви. Вып. 1: Киевский распев и дневные стихирные напевы на «Господи воззвах» (техн. построение). К., 1888. М., 1898; *он же.* Образцы осмогласия распевов киевского, болгарского, греческого с объяснением их технических устройств: Прил. к соч. «Осмогласные распевы трех последних веков Правосл. Рус. Церкви». Рига, 1893; *он же.* Церковное пение правосл. Юго-Зап. Руси по нотной линейной Ирмологии XVII и XVIII вв. М., 1898; *Лисицын.* Обзор; *Преображенский А. В.* Очерк истории церк. пения в России. СПб., 1910; *Відгуки минулого: О.* Кошиць в листах до П. Маценка. Вінніпег, 1954; *Маценко П.* Нариси до історії укр. церк. музики. Роблін; Вінніпег, 1968; *он же.* Склад та технічна будова мелодій киевського розспіву в Почаєвському ірмології, вид. 1775 р. // Павло Маценко: Музиколог, композитор і громадський діяч: Зб. на пошану 90-ліття народин / Упоряд.: В. Верига. Торонто, 1992. С. 127–238; *Скрєбков С. С.* Русская хоровая музыка XVII – нач. XVIII вв.: Очерки / Ред.: Ю. В. Келдыш. М., 1969; *Успенский Н. Д.* Древнерус. певческое искусство. М., 1971; *он же.* Киевский распев // Муз. энциклопедия. М., 1974. Т. 2. Стб. 789–790; *Конотоп А. В.* Супрасльський ірмологіон // Сов. музыка. М., 1972. № 2. С. 117–121; *Гарднер.* Богослужебное пение. 1978. Т. 1; *Антонович М.* Дещо про українську церковну монодію та про назви «знаменний» і «київський розспів» // *Symbolae in honorem Volodymyri Janiw.* Münch., 1983. S. 147–170. (Univ. Libera Ucrainensis. St.; 10) (перезд.: *Он же.* *Musica sacra:* 36. ст. з історії укр. церк. музики / Ред.: Ю. Ясиновський. Львів, 1997. С. 71–92. (Історія укр. музики. Дослідження; 3)); *Шевчук О. Ю.* До питання про самотуність киевського розспіву (за мат-лами нотних рукописів кін. XVI–XVII ст.) // Українська музична культура минулого та сучасності у міжнародних зв'язках: Зб. ст. К., 1989. С. 16–45; *она же (Шевчук Е. Ю.).* Киевский распев как явление певч. искусства Юго-Зап. Руси // Музыкальная культура Средневековья / Отв. ред.: Т. Ф. Владышевская. М., 1992. Вып. 2. С. 46–48; *она же.* Об атрибуции киевского распева в многоголосном контексте укр. певческой культуры XVII–XVIII ст. // Київське музикознавство: Зб. ст. К., 1998. Вип. 1. С. 14–27 (перезд. в сб.: Гимнологія. М., 2000. Вып. 1. С. 367–376); *она же.* Київський наснів у контексті церковно-монодичного співу України та Білорусії XVII–XVIII ст. (джерела, жанри, риси стилістики): Канд. дис. К., 1999; *она же.* Про деякі особливості білоруської церковно-монодичної традиції кін. XVI–XVII ст. // Київське музикознавство. 2003. Вип. 9. С. 64–79; *она же.* Прот. Иоанн Вознесенский о репертуаре укр. нотолінійних Ирмологіонів XVII – нач. XVIII в. (совр. комент.) // Вестн. ПСТГУ. Сер. 5. 2007. Вип. 1(3). С. 105–120; *она же.* Киевский напев в контексте многоголосности XVII в. [доп. статья 1995 г.] // Традиционные муз. культуры на рубеже столетий: Проблемы, методы, перспективы исслед.: Мат-лы Междунар. науч. конф. РАМ. М., 2008. С. 403–427; *она же.* Київський наснів. Київський розспів

// Українська музична енциклопедія. К., 2008. Т. 2. С. 387–393; *она же.* Раздельноречие в аспекте связи южнослав. и восточнослав. певческих традиций // Гимнология. 2008. Вып. 5. С. 205–218; *она же.* Роль старообр. традиций в сравнительных исслед. восточнослав. церк. монодии (XVII в.) // Доля старообрядства в XX – на початку XXI ст.: Історія та сучасність: Зб. К., 2008. Вип. 2. С. 187–202; *она же.* О редактировании славянами литургийных текстов в XVI–XVII вв. (припев «Аллилуия» в херувимских песнях) // Гимнология. 2011. Вып. 6. С. 435–450; *она же.* Литургийные циклы в укр. и белорус. Ирмологиях кон. XVI–XVII в. // Theorie und Geschichte der Monodie = Теория и история монодии: VII Междунар. конф. Вена, 3–7 окт. 2012 г. (в печати); *Ясиновский Ю. П.* О напевах в укр. певческих рукописях // Музыкальная культура Средневековья. 1992. Вып. 2. С. 41–43; *он же (Ясиновский Ю.).* Українські та білоруські нотолінійні Ирмології XVI–XVIII ст.: Кат. і кодикологічно-палеографічне дослідження. Львів, 1996; *он же.* Українська сакральна монодія: історія, тексти, музично-стильові навістрівання: АДД. К., 1998; *Корній Л. П.* Українська шкільна драма і духовна музика XVII – 1-ї пол. XVIII ст. К., 1993; *она же.* Історія української музики: У 3 ч. К.; Х.; Н.-Й., 1996. Ч. 1: Від найдавніших часів до сер. XVIII ст.; *Пікарда Г., дз.* Царкоўная музыка на Беларусі, 989–1995. Мінск, 1995; *Цалай-Якименко О. С., Ясиновський Ю. П.* Музичне мистецтво Давнього Острога // Острозька давнина. Львів, 1995. Т. 1. С. 74–89; *Цалай-Якименко О. С.* Взаємодія «Схід – Захід» і Берестейської Унії в становленні музичного бароко в Україні // Берестейська Унія і українська культура XVII ст.: Мат-ли 3-х «Берестейських читань». Львів; К.; Х., 20–23 червня 1995 р. / Ред.: Б. Гудзяк. Львів, 1996. С. 65–127; *Корній Л. П., Дубровіна Л. А.* Болгарський наснів з рукописних нотолінійних Ирмологів України кін. XVI–XVII ст. К., 1998; *Захарьина Н. Б.* Русские богослужебные певч. книги XVIII–XIX вв.: Синодальная традиция. СПб., 2003; Песнопения Русской Православной Церкви: Кат. / РГБ; сост.: А. А. Семенов. М., 2003. Ч. 1: Сборники песнопений разных композиторов и песнопений без указания автора (по указ.); *Плотникова Н. Ю.* Обработки древних распевов в творчестве Д. С. Боршнянского // Боршнянский и его время: К 250-летию со дня рождения Д. С. Боршнянского: Мат-лы междунар. конф. / Ред.: Ю. А. Розанова, И. А. Скворцова, Е. Г. Сорокина. М., 2003. С. 35–49. (Науч. тр. МГК им. П. И. Чайковского; Сб. 43); *Фортунато М., прот.* Киевский распев в восприятии регента // Гимнология. 2003. Вып. 3. С. 238–246; *Лебедева-Емелина А. В.* Русская духовная музыка эпохи классицизма (1765–1825): Кат. произведений. М., 2004; *Малинина Г. М.* Коллекция духовных произведений рус. композиторов XVIII–XX вв.: Кат. / МГК им. П. И. Чайковского: Науч. 6-ка им. С. И. Танеева: Отд. редких изд. и рукописей. М., 2009–2012. Вып. 1–3; *Маркевич С., прот.* Осмогласие киевского распева: История. Современность. Пути возрождения. К., 2010; *Герасимова И. В.* Проблема адаптации текста и напева песнопений литургии киевской в рукописях Моск. Патриархата XVII – 1-й пол. XVIII в. // Письменность, литература, фольклор слав. народов. История славистики: XV Междунар. съезд славистов. Минск, 20–27 авг. 2013 г.: Докл. рос. делегации. М., 2013. С. 128–151.

Е. Ю. Шевчук, С. И. Никитин

КИЕВСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ СВЯТОГО ВЛАДИМИРА (НАЦИОНАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМЕНИ ТАРАСА ШЕВЧЕНКО), высшее учебное заведение, находится в Киеве.

История. Идея создания в Киеве ун-та обсуждалась еще в кон. XVIII в. В нач. XIX в. предлагалось преобразовать в ун-т Киевскую гимназию (открыта в 1812), для чего даже начали сбор средств (одним из жертвователей был П. Г. Демидов, миллионер и меценат, представитель известной династии горнозаводчиков). Возникла также идея о соответствующем преобразовании КДА, но против этого выступил митр. Киевский и Галицкий *Серапион (Александровский)*. 9 мая 1833 г., после Польского восстания 1830–1831 гг. и ликвидации Виленского ун-та (1832), был утвержден проект учреждения в Киеве ин-та св. кн. Владимира с целью подготовки чиновников с юридическим образованием. Осенью 1833 г. с соответствующим предложением о создании ун-та выступил министр народного образования гр. С. С. Уваров. 8 нояб. того же года имп. *Николай I Павлович* подписал указ о пе-

М. А. Максимович.
Гравюра Й. Мукаровского. 1882 г.

гическое и физико-математическое). Через год был открыт юридический фак-т, и в 1841 г. — медицинский (на базе закрытой Виленской медико-хирургической академии). В 1842 г. завершилось строительство главного корпуса по проекту архит. В. И. Беретти (1781–1842) и был принят университетский устав. Здание было освящено митр. Киевским и Галицким *Филаретом (Амфитеатровым)*. При постройке в основание ун-та была заложена платиновая медаль с изображением на одной стороне портрета имп. Николая I, на другой — креста с надписью: «Во све-

Киевский ун-т
св. Владимира.
Фотография. Нач. XX в.

те Твоем узрим свет». Одновременно в здании были открыты ц. во имя св. Владимира и католическая каплица, однако последняя уже в 1864 г. была закрыта.

18 окт. 1834 г. на должность ректора К. у. был назначен проф. Московского ун-та М. А. Максимович (1804–1873). Одновременно (еще с 4 мая) он исполнял обязанности профессора российской словесности и декана философского фак-та. Однако в 1835 г. он отказался от ректорства. После Максимовича К. у. возглавляли: в 1836–1837 гг. — В. Цих, в 1837–1843 гг. — К. А. Неволин, в 1843–1847 гг. — В. Ф. Фёдоров, в 1847–1859 гг. — Р. Э. Траутфеттер, в 1859–1862, 1871–1875, 1878–1880 гг. — Н. Х. Бунге, в 1862–1865 гг. — Н. Д. Иванишев, в 1865 г. — К. А. Митюков, в 1865–1871, 1875–1878 гг. — А. П. Матвеев, в 1880–1881 гг. —

К. М. Теофилактов, в 1881–1883 гг. — И. И. Рахманинов, в 1883–1890 гг. — Н. К. Ренненкампф, в 1890–1902 гг. — Ф. Я. Фортинский, в 1903–1905 гг. — Н. В. Бобрецкий, в 1905–1917 гг. — Н. М. Цитович, в 1917 г. — Г. Г. де Метц, в 1917–1918 гг. — А. А. Садовень, в 1918–1919 гг. — Е. В. Спекторский, в 1933–1934 гг. — Д. Ф. Мельников, в 1934 г. — Р. С. Левик, в 1935–1936 гг. — М. А. Кушнарёв, в 1936–1937 гг. — Ф. И. Зюльков, в 1937 г. — И. Д. Давыдов, в 1937–1938 гг. — Н. М. Чупис, в 1938–1944 гг. — А. Н. Русько, в 1941–1942 гг. — К. Т. Штеппа, в 1944–1951 гг. — В. Г. Бондарчук, в 1951–1955 гг. — А. З. Голик, в 1955–1969 гг. — И. Т. Швец, в 1970–1985 гг. — М. У. Белый, в 1985–2008 гг. — В. В. Скопенко, с 2008 г. — Л. В. Губерский.

Ун-т стал крупнейшим образовательным и научным центром Вост. Европы. Количество студентов постоянно менялось: в 1834 г. было 62 чел., в 1838 г. — 267, в 1840 г. — 58, в 1846 г. — 525, в 1860 г. — 1049, в 1883 г. — 1700, в 1900 г. — 2 тыс., в 1913 г. — 4919 студентов и 81 слушатель, в 1939 г. — ок. 4 тыс., в 1944 г. — 1500, в 1946 г. — 3800, в 1958 г. — ок. 10 тыс., в 2007 г. — ок. 20 тыс. чел.

В 1834–1835 гг. К. у. пользовался автономными правами. По временному уставу от 25 дек. 1833 г., ему было предоставлено право избирать ректора на 2 года, а проректора и деканов ежегодно. К. у. подчинялись все учебные заведения Киевского учебного окр. Но с 1835 г. им руководил попечитель Киевского учебного окр. Уже в 1842 г., после принятия нового устава, количество кафедр увеличилось до 37. В 1850 г. 2 отделения философского фак-та были преобразованы в историко-филологический и физико-математический фак-ты. В 1852 г. при К. у. был основан Центральный архив древних актов книг. В период проведения либеральных реформ, после принятия нового устава в 1863 г., ун-ту была возвращена автономия. В то же время было открыто еще 15 кафедр. В 1884 г., с введением нового устава, К. у. был подчинен министру народного просвещения и попечителю Киевского учебного окр.

С первых лет существования К. у. стал центром общественно-политических орг-ций студентов и преподавателей, к-рые ориентировались на польск. национально-освободительное движение, а позже — на украинское. Пришлось даже временно

реводе Кременецкого лицея (открыт в 1805) в Киев с последующим созданием на его основе высшего учебного заведения; 25 дек. был утвержден проект устава и штаты; проведение всех организационных мероприятий было возложено на В. Ф. Циха, профессора *Харьковского ун-та*.

Торжественное открытие К. у. состоялось 15 июля 1834 г. (день памяти св. кн. Владимира). Торжественное богослужение в *Киево-Печерской лавре* возглавил Киевский митр. *Евгений (Болховитинов)*. В 1-м наборе было 62 студента (из них только 28 чел. правосл. исповедания, остальные — католики). Занятия в К. у. начались 28 авг. 1834 г. на единственном философском фак-те (имел в составе 2 отд-ния: историко-филоло-

Киевский ун-т св. Владимира (Национальный ун-т им. Тараса Шевченко). Фотография. 2013 г.

закрывать ун-т в 1839 г. в связи с созданием там польск. политического кружка. В 1845–1847 гг. здесь действовало *Кирилло-Мефодиевское общество*, членами которого были В. М. Белозерский, Н. И. Костомаров, Т. Г. Шевченко и др. В 1895 г. в К. у. была организована «Украинская студенческая громада», в нее входили В. Н. Доманицкий, Б. А. Лазаревский и др. Студенты К. у. также были участниками нелегальных студенческих съездов 1898–1899 гг.

В нач. XX в. в К. у. действовали 2 б-ки, 2 обсерватории, ботанический сад, 9 клиник, 9 лабораторий и учебно-вспомогательные учреждения, в т. ч. музей древностей, музей изящных искусств, нумизматический, минералогический, зоологический и др. кабинеты. Библиотечное собрание насчитывало ок. 300 тыс. томов (в т. ч. книги из виленских ун-та и академии, из коллекций кнг. Радзивилл, Костомарова, Н. Бунге и др.; напр., в 1868 фонд б-ки К. у. составлял ок. 70 тыс. томов). При ун-те были организованы Историческое об-во прп. Нестора Летописца, Киевское об-во естествоиспытателей, Киевское юридическое, Хирургическое, Химическое, Физико-математическое и Акушерско-гинекологическое об-ва.

Летом 1915 г., во время первой мировой войны, К. у. частично был эвакуирован в Саратов и возобновил свою деятельность только осенью 1916 г. Летом 1917 г. были открыты 4 новые кафедры. В 1918 г., при гетманате П. П. Скоропадского, К. у. получил офиц. статус «российского университета Киева»; в это же время был создан и Украинский Киевский гос. ун-т. В 1919 г. оба учреждения объединились и перешли в подчинение Народному комиссариату просвещения УССР. Однако в 1920 г. ун-т расформировали, а из его структур были созданы Медицин-

ский ин-т, Ин-т народного хозяйства, Высший ин-т народного образования им. М. П. Драгоманова (с 1926 Киевский ин-т народного образования).

В 1933 г. Киевский гос. ун-т был возрожден. С 1935 г. началось издание научных периодических журналов и сборников. В 1938 г. в составе К. у. было уже 8 фак-тов. В 1939 г. ун-ту присвоено имя Т. Шевченко. Часть преподавательского состава была репрессирована (профессора Н. К. Зеров, И. Ю. Гермайзе, С. А. Ефремов, А. Е. Крымский и др.). В 1941–1944 гг. К. у. находился в эвакуации в г. Кызыл-Орда (ныне Кызылорда) в Казахстане, где вместе с Харьковским гос. ун-том входил в Объединенный украинский гос. ун-т. С 1944 г. занятия проводились в Киеве. В новом уч. г. возобновилась деятельность 80 кафедр. Тогда же был создан фак-т международных отношений (на базе существовавшего с 1919 Киевского техникума международных отношений). В 1958 г. в К. у. действовали 11 фак-тов. С 1959 по 1984 г. было подготовлено ок. 70 тыс. специалистов. 21 апр. 1994 г. по указу Президента Украины К. у. был присвоен статус национального. В 2013 г. в составе К. у. 16 фак-тов, 7 ин-тов, астрономическая обсерватория, ботанический сад, Каневский биосферный заповедник, научная б-ка и др.

Исследования по истории Церкви. С XIX в. в К. у. формировалось и развивалось светское направление изучения истории Церкви. Ректор ун-та М. Максимович первым на Украине сформулировал основные темы и задачи этого направления, которые нашли отражение в его работах. Впосл. этот метод получил развитие в трудах проф. истории В. Б. Антоновича (1834–1908). С его именем связано создание т. н. Киевской исторической школы, к к-рой

принадлежали также Д. И. Багaley, М. С. Грушевский, П. В. Голубовский, И. А. Линниченко и др. С 1885 г. в звании приват-доцента на кафедре истории Церкви начал работать С. Т. Голубев (1848–1920), известный исследователь истории духовных учебных заведений, истории правосл. Церкви XVI–XIX вв., биографий представителей духовенства. С 1891 г. Голубев исполнял обязанности экстраординарного профессора. Грушевский, рассматривавший историю Церкви как неотъемлемую часть развития общественно-политической жизни, опубликовал работу, посвященную истории религ. мысли (*Грушевський М. С. З історії релігійної думки на Україні. Львів, 1925*). Его брат, А. С. Грушевский (1877–1942), не только обучавшийся в К. у., но и получивший здесь звания приват-доцента и профессора, исследовал экономическую сторону жизни мон-рей (см., напр.: *Грушевський О. С. З економічного життя українських монастирів XVII–XVIII вв. // Україна. К., 1914. № 4. С. 42–48*). Аналогичными вопросами занимался проф. В. А. Романовский (1890–1971), работавший на кафедре российской истории (см.: *Романовський В. А. Хозяйства монастырских крестьян Любецкой сотни в 1767 г. // Юбилейный сб. ст. ист.-этногр. кружка при Ун-те св. Владимира. К., 1914. С. 81–98*). Нек-рое время здесь преподавал историк Церкви В. А. Пархоменко (1880–1942). Особое внимание истории Церкви уделяли также выпускники и преподаватели ун-та В. С. Иконников, И. В. Лучицкий, О. И. Левицкий, И. И. Огиенко (см. еп. *Иларион (Огиенко)*), А. П. Оглоблин и др.

В советский период возрождение исследований по истории Церкви в К. у. стало возможным в 70–80-х гг. XX в. благодаря публикациям О. П. Крижановского (итоговая работа: *Крижанівський О. П. Церква у соціально-економічному розвитку Правобережної України (XVIII – перша пол. XIX ст.). К., 1991*) и В. М. Мордвинцева (*Мордвинцев В. М. Соціально-економічне положення і антифеодална боротьба монастирських крест'ян Левобережної України в 30–80-х гг. XVIII в.: АКД. К., 1980*). Их научные труды были посвящены социально-экономическим аспектам развития церковных структур на Правобережной и Левобережной Украине. Это были пер-

вые комплексные работы университетских профессоров советского периода, заложившие основу создания ряда исследований постсоветского периода. Итогом этой деятельности стала история Церкви XV – сер. XIX в. Это 1-е исследование, написанное на Украине В. И. Ульяновским, Крижановским и С. М. Плохией (Історія Церкви та релігійної думки в Україні. К., 1994. 3 кн.). В 90-х гг. XX в. именно в К. у. были подготовлены диссертации по проблемам истории Церкви (организационным, хозяйственно-экономическим, социальным, политическим, биографическим). С 1997 г. на кафедре древней и новой истории Украины (под рук. проф. Ульяновского) проходят ежемесячные семинары, посвященные проблемам средневековья, истории Церкви и науки. Т. о., К. у. является одним из центров на Украине по изучению истории Церкви.

Источники сведений по истории К. у. находятся в основном в Центральном гос. историческом архиве Украины в Киеве (ЦГИАК), в Ин-те рукописей при Центральной научной б-ке им. В. И. Вернадского (НБУВ ИР) и в архиве самого ун-та. В ЦГИАК материалы размещены в неск. архивных фондах. Основным является фонд 708 («Киевский университет»), насчитывающий почти 80 тыс. дел. Среди документов – переписка с Мин-вом просвещения, распоряжения ректора, дела о награждениях, протоколы заседаний, отчеты о деятельности фак-тов, финансовые отчеты и др. Кроме того, материалы находятся и в др. фондах. В НБУВ ИР сведения сконцентрированы в фонде 8 («Киевский университет св. Владимира»). Здесь собраны документы по истории ун-та, его б-ки, научных об-в, а также универсалы укр. гетманов Б. М. Хмельницкого, И. С. Мазепы, И. И. Скоропадского, материалы с автографами А. В. Суворова, М. И. Кутузова, гр. П. А. Румянцева-Задунайского и др. В собрании совр. университетского архива имеются документы советского и постсоветского периодов развития ун-та, хранятся личные дела профессорско-преподавательского состава.

Арх.: НБУВ ИР. Ф. 8; ЦГИАК. Ф. 708.
Ист.: Київський центральний архів давніх актів, 1852–1943. К., 2002. Т. 1: 1852–1921.
Лит.: Шульгин В. Я. История ун-та св. Владимира. СПб., 1860; Закревский Н. В. Описание Киева. К., 1868. Т. 2. С. 852–853; Академичес-

кие списки Имп. ун-та св. Владимира (1834–1884). К., 1884; Биографический словарь профессоров и преподавателей Имп. ун-та св. Владимира (1834–1884) / Сост.: В. С. Иконников. К., 1884; *Владимирский-Буданов М. Ф.* История Имп. ун-та св. Владимира. К., 1884. Т. 1; Историко-стат. записки об учебных и учебно-вспомогательных учреждениях Имп. ун-та св. Владимира (1834–1884). К., 1884; *Сементовский Н. М.* Киев, его святыни, древности, достопамятности и сведения, необходимые для его почитателей и путешественников. К., 1900. С. 237–242; *Ciechowski W.* Kijów i jego ramiątki. Kijów, 1901. S. 166–180; Столетие Киевского ун-та св. Владимира. Белград, 1935; История Київського ун-ту, 1834–1959. К., 1959. С. 181–211; *Лавров П. А., Марченко М. І.* Вітчизняна історія в Київському ун-ті за 125 рр. // Український іст. ж. К., 1959. № 5. С. 127–136; *Лавров П. А.* Розвиток історичної науки в Київському ун-ті за 50 рр. // Вісник Київського ун-ту. Сер.: Історія. 1967. Вип. 9. С. 17–35; *Литвин О. К., Мордвінцев В. М.* Вітчизняна історія у Київському ун-ті // Там же. Сер.: Іст. науки. 1984. Вип. 26. С. 55–61; *Маркіна В. О., Брянцева Т. П., Крижанівський О. П.* Розвиток медієвістики // Там же. С. 86–97; *Мельник Л. Г., Іванова Р. П.* Розробка проблем історії України // Там же. С. 42–55; Київський ун-т ім. Т. Шевченка: Сторінки історії і сьогодення. К., 1994. С. 96–108; *Варварцев М. М.* Беретті // Енциклопедія історії України. К., 2003. Т. 1. С. 236; Историчний фак-т Київського національного ун-ту ім. Т. Шевченка: Минуле й сьогодення / Ред.: Г. Д. Казьмирчук. К., 2004; Київський нац. ун-т ім. Т. Шевченка: Незабутні постаті. К., 2005; *Колесник В. Ф., Патриляк І. К.* Київський нац. ун-т ім. Т. Шевченка // Енциклопедія історії України. К., 2007. Т. 4. С. 260–263.

В. В. Ластовский

КИЕВСКИЙ ЦЕРКОВЩИНСКИЙ В ЧЕСТЬ РОЖДЕСТВА ПРЕСВЯТОЙ БОГОРОДИЦЫ МУЖСКОЙ МОНАСТЫРЬ (Киевской митрополии УПЦ), расположен на юж. окраине Киева (Украина), в урочище Церковщина (ранее Гнилецина). Основан в 1833 г. как подворье *Киево-Братского в честь Богоявления муж. мон-ря*. С 1900 г. скит, с 1919 г. мон-рь.

Обитель устроена на территории бывш. Гнилецкого в честь Рождества Пресв. Богородицы мон-ря. Впервые он упоминается в грамоте Киевского митр. *Иосифа II (Солтана)* от 5 июня 1517 г. о предоставлении настоятелю *киевского Выдубицкого во имя арх. Михаила муж. мон-ря* игум. Иоакиму «землищи, на имя Гнилец, где ж издавна был монастыр, штож держал небожчик Микула Панкевич, слуга... Софейский [митрополчий]» (*Максимович*. 1877). В люстрации Киевского воеводства 1552 г. сообщалось: «Монастыр был Светое Пречистое Гнилецкий, и тому монастыру озера и сеножати бывали, нижли от татар запустели, и гоны

бобровые. С тое пустотины выежчасть слуга панцерный одноконь на службу господарскую» (АрхЮЗР. Ч. 7. Т. 1. С. 121).

В ведомости 1752 г. упомянуты «Гнилецина, где был прежде монастырь мурованный Рождества Богоматери; и пещера в горе при оном же местцу» (*Закревский*. 1868. С. 706). К кон. XVIII в. Гнилецкий мон-рь оказался почти забыт. Так, в описании 1785 г. сказано: «На оной горе, где оная пещеры состоят, видно ныне, что, конечно, на оной состоял монастыр или городок в древния времена, потому что и ныне видно ж как кирпичи, так и каменного несколко фундамента» (Описи Київського намісництва. 1989. С. 170–171). Согласно актам Выдубицкого мон-ря 1768 г., братья *Киево-Печерской лавры* произвольно именовала пещеры Гнилецкого урочища «Антониевыми» (ЦГИАК. Ф. 59. Оп. 1. Д. 5447. Л. 1, 4; *Максимович*. 1841, 1877). Это название могло появиться в результате ошибочной ассоциации Гнилецких пещер с деятельностью прп. *Антония* Киево-Печерского, родоначальника пещерного монашества на Руси. В нач. XIX в. окрестные жители называли один из Гнилецких водных ключей «Антониевым колодцем» (*Максимович И. П.* 1840; *Троцкий*. 1913. С. 18). В 1819 г. Киевское губернское правление намеревалось «пещеру... оказавшуюся пустою и весьма удобною к укрытию бродяг, и даже самих разбойников, уничтожить», но Духовный Собор Печерской лавры, отвечая на запрос о юридической принадлежности урочища (не входит ли оно в состав лаврских угодий), рекомендовал «к ней особливо иметь уважение», поскольку якобы «в оной имел пребывание... отец наш Феодосий Печерский» (ЦГИАК. Ф. 128. Оп. 1 общ. Д. 1446). В нач. XIX в. были «найжены в земле остатки церковного каменного здания: окрестные жители называют это место Церковищем и, по преданию, говорят, что здесь когда-то был монастырь» (*Максимович*. 1877).

Весной 1832 г. настоятель Киево-Братского монастыря и ректор КДА архим. свт. *Иннокентий (Борисов)*, осматривая окрестности монастырской дачи у с. Пирогово, в 14 км к югу от центра Киева, в урочище Гадючий Лог обнаружил заброшенные пещеры. В 1833–1836 гг. он добивался передачи этого участка (с именован-

«Гадючий Лог») в ведение Братской обители. Попечением архимандрита в 1835 г. был благоустроен вход в пещеры, над одним из ключей поставлена часовня, в 1836 г. выкопан искусственный пруд и построена изба для лесников. Ок. 1834 г. иеромонах Братского мон-ря прп. *Феофил (Горенковский)* намеревался уединиться в Гнилецких пещерах, но его ходатайство было отклонено (*Зноско*. 1906).

В сер. 60-х гг. XIX в. насельники Братского мон-ря устроили в урочище хутор с хозяйственным двором, избой, огородом и пасекой. Согласно «Плану Киево-Братского монастыря хутора Гадючаго» 1872 г. (ЦГИАК. Ф. 168. Оп. 2. Д. 172), пасека находилась в саду вокруг урочища Церковщина (район последнего отмечен поздней дорисовкой очертаний нового храма Рождества Пресв. Богородицы и монашеского корпуса нач. XX в.). В 1878–1883 гг. настоятель Киево-Братского мон-ря еп. *Михаил (Лузин)* предполагал в Церковщине «оживление постройкою там загородного настоятельского дома с несколькими кельями для проживания там монашествующих и в зимнее время», но скудость средств и перевод иерарха на новое место служения не позволили осуществить этот замысел (*Лаишкарёв*. 1899). К 1887 г. здесь находились дом со службами, изба и сторожка, проживали 15 чел. послушников и монастырских рабочих.

В 1900 г. настоятель Киево-Братского монастыря еп. *Димитрий (Ковальницкий)* решил основать в Церковщине скит для престарелых насельников и при нем монастырское кладбище. В нач. 1901 г. строителем скита был избран насельник *киевского Ионинского во имя Святой Троицы мон-ря* иером. Мануил (Ковш; † 1920). Весной 1902 г. иером. Мануил окончательно поселился в скиту вместе с 8 чел. братии и 2 сторожами.

В скиту были построены дом на 8 келий и каменное здание, объединявшее св. врата, келью привратника и гостиницу. С 13 июня 1900 по 11 июня 1902 г. по проекту и под рук. епархиального архит. Е. Ф. Ермакова была возведена ц. в честь Рождества Пресв. Богородицы. Храм был выстроен из дуба и облицован кирпичом; кладка фасадов выполнена в «кирпичном стиле». Вытянутый «корабль» здания завершался на востоке 5-гранной апсидой, к боковым

граням к-рой примыкали пониженные прямоугольные в плане помещения ризницы и пономарки. По оси «корабля» здание венчали 3 массивных декоративных «верха» в виде

Церковь в честь Рождества Пресв. Богородицы киевского Церковщинского мон-ря. Фотография. Нач. XX в.

«луковичных» куполов на 8-гранных барабанах, в западном была устроена звонница. В 1910 г. стены были расписаны. В 1925 г. директор лаврского музея П. П. Куринной и археолог В. Г. Ляскоронский провели раскопки у алтаря и зап. стены, обнаружив древнерус. строительный материал, фрагменты фресок, посуды, а также человеческие скелеты, лежавшие на значительной глубине без гробов (и инвентаря) и ориентированные на запад (*Ляскоронский В. Г.* Археологічні розкопки в уроч. Церковщина за Китаєвом в 1925 р. // НА ИАНАНУ. Ф. ВУАК. № 49/8. Л. 8а).

Из-за бедственного материального положения скита в нач. XX в. иером. Мануил переселился в Черниговскую епархию, к-рую возглавлял его друг еп. *Антоний (Соколов)*. Осенью 1903 г. он посетил бывш. настоятеля Братского мон-ря еп. Тамбовского *Димитрия (Ковальницкого)*, св. прав. *Иоанна Кронштадтского* и прп. *Варнаву (Меркулова)* с просьбой о духовной и материальной поддержке. Они выделили киевскому иеромонаху нек-рые средства и убедили потерпеть временные лишения и не покидать Церковщину. Прп. Варнава благословил иером. Мануила иконой Спасителя, к-рая впосл. хранилась в алтаре Богородице-Рождественской ц. Вернувшись, иером. Мануил нашел кладовые скита опечатанными: священноначалие Братского мон-ря полагало, что строитель уехал навсегда. От уныния и отчаяния иером. Мануила предостерег настоятель Троицкого мон-ря прп. *Иона (Мирошниченко)*, явившийся ему во сне и обещавший поддержку.

Вскоре в скит начали поступать пожертвования состоятельных лиц. В 1904 г. был построен еще один монастырский корпус, что позволило перераспределить использование помещений и увеличить число гостиничных комнат. Но переломным моментом считается

завершение основных работ в пещерах: расчистка древних участков, укрепление их кирпичом, благоустройство подземной

церкви для регулярных богослужений, т. е. выполнение задачи, официально заявленной еще при учреждении обители. Торжественным итогом этих мероприятий стало освящение 21 авг. 1905 г. еп. *Платоном (Рождественским)* пещерной ц. во имя прп. Феодосия Печерского.

Увеличение числа паломников в Церковщину требовало постройки большого собора. Храм был заложен в июле 1907 г. Киевским митр. *Флавианом (Городецким)* в сослужении еп. Платона (Рождественского). Первый вариант проекта (1908) предполагал сделать опору зап. части сооружения на постройку с «пещерником» и часовней (к-рые становились «цоколем»), а восточной — на искусственную террасу склона. В 1908 г. был окончен и накрыт временной кровлей 1-й этаж храма; внутри устроена часовня для чтения Псалтири и молитв об усопших. Посвящение нижнего придела свт. Николаю Чудотворцу обусловлено тем, что святитель являлся игум. Мануилу в детстве во сне. Предполагалась надстройка 2-го этажа с приделами во имя прп. Антония Печерского и прп. Серафима Саровского. В 1915 г. был опубликован 2-й вариант проекта храма, предполагавший завершение верхнего этажа массивным «луковичным» пятиглавием вместо шатра с маковками; на иллюстрации изображен примыкающий с севера к 1-му этажу храма 2-этажный корпус (Дополнительный краткий очерк. 1914; ЦГИАК. Ф. 127. Оп. 874. Д. 79. Л. 8 об.). Но строительство Никольского храма было приостановлено.

С 1906 г. скит осуществлял почитательство над памятником Крещения Руси на берегу Днепра, известным также как «Колонна магдебургского права» (ЦГИАК. Ф. 127. Оп. 1057. Д. 733; Ф. 168. Оп. 2. Д. 147. Л. 29–29 об.). К 1908 г. в скиту были устроены ремесленные и иконописная мастерские, неск. жилых и хозяйственных построек, сад, огород, скотный двор, проложен водопровод. С 1907 г. по поручению Киевского епархиального управления скит руководил устройством *Георгия Победоносца вмч. мон-ря*. Эта обитель состояла из 2 отд-ний: Георгиевского скита в урочище Углярки (или Левада) около с. Кочержинцы Уманского у. и Пантелеимоновско-Богородичного подворья с 2-престольным храмом во имя вмч. Пантелеимона и иконы Божией Матери «Нечаянная Радость» (1911–1913) около железнодорожного вокзала г. Умань. К нач. 1919 г. в Кочержинско-Уманском Георгиевском скиту проживали игум. Сильвестр, 2 иеромонаха, 4 иеродиакона, 3 штатных послушника и 80 «бельцов». Решением президиума Уманского ОИК от 1 сент. 1927 г. обители в Умани и Кочержинцах были закрыты, в скитских корпусах разместился приют для беспризорников. В том же году большая часть Кочержинско-Уманских монастырских построек сгорела.

С 1909 г. Церковщинский скит владел также доходным домом на Печерске (Там же. Ф. 127. Оп. 873. Д. 353), к 1913 г.— часовней в честь иконы Божией Матери «Нечаянная Радость» при Киевском религиозно-просветительском об-ве (ул. Б. Житомирская, 7; часовня не сохр.), с 1916 г.— подворьем в киевском предместье Демиевка с храмом в честь иконы «Нечаянная Радость» (1918–1919) и кельями.

В 1912 г. в Церковщинском скиту проживали строитель игум. Мануил, иеросхимонах, 8 иеромонахов, 4 иеродиакона, 5 мантийных монахов, более 130 послушников, в 1915 г.— иеросхимонах, 15 иеромонахов, 7 иеродиакон, 8 мантийных монахов, более 130 послушников, в 1916 г.— 10 иеромонахов, 5 иеродиакон, 4 мантийных монаха, «действительный» послушник, 38 «бельцов» (одновременно в Уманских отделениях — иеросхимонах, 5 иеромонахов, 3 иеродиакон, «действительный» послушник, 47 «бельцов»), в 1918 г.— 12 иеромонахов,

3 иеродиакон, 3 мантийных монаха, 5 «действительных» послушников, ок. 100 «бельцов» (в Уманских отделениях — 8 иеромонахов, 4 иеродиакон, 3 «действительных» послушника, 80 «бельцов»).

Курс на отчуждение церковных земель, заявленный в 3-м и 4-м универсалах Украинской Центральной рады (от 7 нояб. 1917 и от 9 янв. 1918), породил среди братии тревогу, «как наш скит... не сочли за хутор монастырский и не отняли». Насельники добились преобразования скита в самостоятельный мон-рь. 3 авг. (ст. ст.) 1918 г. обитель посетил Киевский митр. *Антоний (Храповицкий)*, к-рый «нашел монастырь в цветущем состоянии духовном и хозяйственном» (Там же. Оп. 874. Д. 79). В окт. 1918 г. ненадолго в ведение К. Ц. м. был передан Зверинецкий скит. Несмотря на протест настоятеля Братского мон-ря еп. Каневского *Василия (Богдашевского)*, в окт. 1918 г. митр. Антоний подписал решение Киевской духовной консистории о предоставлении К. Ц. м. самостоятельного статуса. 29 нояб. 1918 г. митр. Антоний ходатайствовал перед Высшим церковным советом об утверждении преобразования обители в общежительный мон-рь с оставлением за ним обязательств принимать на проживание престарелых монашествующих Братского мон-ря, а также предоставлять скитское кладбище для погребения братских иноков. По решению Высшего церковного совета от 21 янв. 1919 г. скит стал самостоятельным Богородице-Рождественским общежительным мон-рем.

В конце первой мировой войны в монастырской больнице находился на излечении буд. архиеп. *Виталий (Максименко; † 1960)*, который упоминает об этом в своих мемуарах (Мотивы моей жизни. Джорданвилль, 1955). В 1919 г. игум. Мануил укрыл в К. Ц. м. от преследования большевиков князей Н. Д. и В. Д. Жеваховых (см. сщмч. *Иоасаф (Жевахов)*). В том же году игум. Мануил принял постриг в схиму с именем Серафим от архим. Тихона (Лященко; вполн. епископ Берлинский). Видимо, именно при посредничестве Жеваховых писателю С. А. *Нилусу* были переданы автобиографические записки игум. Мануила и записи его послушника Саввы Буренко, изданные в 1919 г. одной книгой (*Мануил, игум.* 1919, 1994). 24 мая 1924 г.

схиигум. Серафим скончался и был похоронен в склепе под ц. Рождества Пресв. Богородицы. По свидетельству киевского схиархим. Серафима (Соболева; † 2000), склеп был разграблен и насельники перенесли останки настоятеля на братское кладбище обители (надгробие не сохр.). В 1924 г. К. Ц. м. возглавил архим. Феофан (Изотов; † 1933).

После окончательного установления на территории Украины советской власти (1920) К. Ц. м. был упразднен, монахи зарегистрировались как церковная община и трудовая артель. В 1922 г. агропункт Церковщина был передан в ведение Губнаробразы для заселения колонии несовершеннолетних правонарушителей. В течение мн. лет колония № 1 добивалась удаления из урочища монашеской артели (ГА Киевской обл. Ф. 350. Оп. 1. Д. 684; ЦГАВО. Ф. 166. Оп. 6. Д. 1993). В 1928 г. артель еще находилась в Церковщине (ГА Киевской обл. Ф. 510. Оп. 1. Д. 38, Л. 230–231 об.), но вскоре братию выселили. В том же году был закрыт и Георгиевский мон-рь в Умани. Среди репрессированных насельников был прмч. *Евтихий (Качур)*.

В 1942–1944 гг. в урочище Церковщина временно действовал мон-рь, в к-ром на момент закрытия числились архим. Иона (Рябоконь), игумен, 4 иеромонаха, 2 иеродиакон. С 50-х гг. XX в. на территории Церковщины располагались лечебные учреждения. В 1964 г. пещеры посетила Комиссия по изучению киевских подземелий, организованная по инициативе Киево-Печерского гос. историко-культурного заповедника и Ин-та археологии Украины. Археолог П. П. Толочко датировал пещеры XI–XII вв. по фрагментам керамики в одном из погребений (*Толочко.* 1969; *Он же.* 1971; *Он же.* 1976). В 1976 и 1980 гг. археолог В. А. Харламов исследовал остатки древнерус. каменной церкви Гнилецкого мон-ря, датировав ее рубежом XII–XIII вв. (*Харламов.* 1985). 16 июля 1979 г. киевский горсовет вынес решение об объявлении Церковщины археологическим заповедником; по решению от 17 нояб. 1987 г. пещеры и фундаменты церкви Гнилецкого мон-ря получили статус памятников археологии. Но пещеры не охранялись, подвергались разграблению и разрушались.

В 1991 г. энтузиасты начали расчистку пещер от обвального грунта

и мусора (первым был расчищен храм прп. Феодосия). Одновременно здесь работала археологическая экспедиция отдела «Киев подземный» Музея истории г. Киева. Решением Киевского горсовета от 13 янв. 1992 г. пещеры были переданы в ведение музея. В противодействие стихийному посещению пещер 17 апр. 1998 г. была учреждена приходская община храма прп. Феодосия, в которую вошли участники расчистки пещер и археологической экспедиции. К сент. 1998 г. на входе в пещеры была установле-

*Киевский Церковщинский
в честь Рождества
Пресв. Богородицы мон-рь.
Фотография. 2012 г.*

на бронированная дверь, после чего началось организованное посещение пещер под контролем общины и музея. 21 сент. 1998 г., в праздник Рождества Пресв. Богородицы, на уцелевшем водном ключе (в стороне от Антониева колодца, обращенного в подземный водный резервуар) насельник киевского Ионинского монастыря игум. Иона (Черепанов; вполн. еп. Обуховский, викарий Киевской митрополии) и иерей Валерий Божок, настоятель Преображенского храма в с. Лесники, отслужили молебен с водосвятием.

Подкоп с проникновением в пещеры, совершенный в февр. 1999 г. группой неизвестных лиц, побудил общину обратиться к священноначалию *Голосеевского в честь Покрова Пресв. Богородицы муж. мон-ря* с просьбой взять святыню под «опеку». С 27 авг. 1999 г. братия Голосеевской обители совершала в пещерном храме прп. Феодосия регулярные богослужения. В окт. 1999 г. музей подписал с К. Ц. м. договор о сотрудничестве. В 2001 г. МВД Украины передало мон-рю здание клуба и администрации больницы, которое располагалось в недостроенном Никольском храме с примыкающими кельями. Здесь был организован скит, приписанный Голосеевскому монастырю. На Антоние-

вом колодце была возведена каменная часовня с купелью, установлен гранитный крест, построены келии и трапезная. В 2003–2005 гг. завершено строительство Никольского храма, освящение которого 30 дек. 2005 г. совершил митр. Киевский и всея Украины *Владимир (Сабодан)* в сослужении наместника Киево-Печерской лавры архиеп. Вышгородского *Павла (Лебеда)*.

По решению Свящ. Синода УПЦ от 26 февр. 2010 г. скит был преобразован в самостоятельный монастырь, наместником назначен бывший скитоначальник архим. Тихон (Софийчук). Близ Никольского храма построены деревянный

дом наместника (2011), каменная летняя трапезная для прихожан, каменный киоск. В 2011 г.

иноки начали расчистку братского кладбища. К перекрестку аллеи около Антониева колодца перенесено единственное сохранившееся надгробие, сброшенное в советское время с могилы врача, проф. Киевского ун-та и благотворителя В. А. Добронравова († 1915). При реструктуризации Музея истории г. Киева в 2012 г. отдел «Киев подземный» был упразднен, опека музея над пещерами прекращена, однако специалисты бывш. отдела продолжают консультировать братию по вопросам режима посещения пещер, их расчистки и укрепления. С участием специалистов К. Ц. м. создается при пещерах церковно-историческую экспозицию.

Чтимой святыней храма является список иконы Божией Матери «Пантанасса», написанный в 1997 г. для киевской ц. *Спаса на Берестове*, настоятель к-рой, архим. Тихон (Софийчук), стал скитоначальником Церковщины. После закрытия Спасской ц. на длительную реставрацию (2001) этот образ перенесен в Никольский храм.

Арх.: Дело о споре за земельные владения у сел Хотова, Пирогова и др. между Выдубецким мон-рем и Киево-Печерской лаврой (1768) // ЦГИАК. Ф. 59. Оп. 1. Д. 5447; Дело о переподчинении Зверинецкого скита в ведомство настоятеля Скита «Пречистыя» (1918) // Там же. Ф. 127. Оп. 795. Д. 577; Дело

о пожертвовании земли Скиту Пречистыя в «Церковщине» крестьянином В. Лисовенко (1912–1913) // Там же. Оп. 871. Д. 530; Дело об освящении церкви в хуторе «Левада», принадлежащей Скиту Пречистыя в Церковщине при г. Умани (1914) // Там же. Оп. 873. Д. 240; Дело о закреплении за Скитом Пречистыя имущества, завещанного Прасковью Ильиной (1914–1915) // Там же. Д. 353; Дело об отделении Скита Пречистыя в «Церковщине» и преобразовании его в самостоятельный мон-рь (1918) // Там же. Оп. 874. Д. 79; Дело о выдаче уполномочия Скита Пречистыя в Церковщине иером. Аполлинарию (1917) // Там же. Д. 107; Скит Церковщина о закреплении земли, даримой разными лицами (1911) // Там же. Оп. 1057. Д. 630; Дело по ходатайству о передаче г. Киевом памятника св. князя Владимира в ведение Скита Пречистыя в Церковщине (1911–1914) // Там же. Д. 733; Дело по сообщению Киевской Духовной Дикастерии о уничтожении отысканной в лесах между селениями Лесниками и Пироговым древней пещеры (1819) // Там же. Ф. 128. Оп. 1 общ. Д. 1446; Свидетельства старожилков монастырских подданных о границах земельных владений Киево-Выдубецкого мон-ря и Киево-Печерской лавры (1694) // Там же. Ф. 130. Оп. 1. Д. 8; Реестр документов мон-ря [Выдубецкого] на его владения (XVIII ст.) // Там же. Д. 906; Дело о взаимных ссорах и захватах земли и имущества между монастырем [Выдубецким] и Киево-Печерской лаврой (1774–1786) // Там же. Оп. 2. Д. 38-6; Ведомость о Киево-Братском Богоявленском первоклассном мон-ре (1887) // Там же. Ф. 168. Оп. 1. Д. 301. Л. 1–8; Переписка Скита «Пречистые» в Церковщине с [Киево-Братским] мон-рем и Киевской духовной Консисторией о сборе пожертвований (1914–1915) // Там же. Оп. 2. Д. 147; План Киево-Братского мон-ря хутора Гадючего Киевской губ. и уезда (1872) // Там же. Оп. 2. Д. 172; Киевский уездный земельный отдел (узмотдел). Переписка с уездной продовольственной комиссией губернской земотделом и акт об передаче хутора Церковщина Хотовской вол. в ведение Облнаробраза и по др. вопросам (1922) // ГА Киевской обл. Ф. 350. Оп. 1. Д. 684; Списки та відомості про економічний стан сільськогосподарських колективів на 1-оє червня 1928 р. // Там же. Ф. 510. Оп. 1. Д. 38; *Максимович И. П.* Древняя пещера прп. Феодосия в окрестностях Киева (ок. 1840) // НБУВ ИР. Ф. 2. № 2392; *Бобровский Т. А.* Отчет о спелео-археол. исследованиях отдела «Киев подземный» в 1992 г. // НА ИАНАНУ. Ф. Экспедиций. Д. 1992/37; он же. Отчет о спелео-археол. исследованиях отдела «Киев подземный» в 1993 г. // Там же. Д. 1993/31; В Губполитсовет — в музейно-выставочно-экскурсионную секцию — совета церковной общины Рождества Богородицы хутора Церковщина Хотовской волости Киевского уезда и губернии — Заявление // ЦДАВО. Ф. 166. Оп. 1. Д. 692. Л. 10.

Ист.: АрхЮЗР. 1886. Ч. 7. Т. 1. Лит.: *Евгений (Болховитинов), митр.* Описание Киево-Печерской лавры с присовокуплением разных грамот и выписок, объясняющих оное, также планов лавры и обеих пещер. К., 1826. С. 62–63; *Максимович И. П.* Древняя Феодосиева пещера в окрестностях Киева // Киевлянин. 1840. Кн. 1. С. 63–68; он же. Паломник Киевский, или Путеводитель. К., 1842; Обзорение Киева в отношении к древностям. К., 1847; Указатель святыни

и священных достопамятностей Киева. К., 1850; *Пахилевич Л. И.* Мон-ри и церкви г. Киева. К., 1865. С. 39; *он же.* Уезды Киевский и Радомысльский. К., 1887. С. 106; *Погодин М.* Венок на могилу высокопреосв. Иннокентия, архиеп. Таврического. М., 1867; *Закревский Н. В.* Описание Киева. М., 1868; *Максимович М. А.* Письма о Киеве и воспоминание о Тавриде. СПб., 1871; *он же.* О мон-ре Гнилецком // Собр. соч. К., 1877. Т. 2. С. 292–304; *Голубев С. Т.* Мат-лы для истории западно-рус. правосл. Церкви (XVI и XVII ст.) // ТЖДА. 1878. № 1. С. 197–219; *Мухин Н. Ф.* Киево-Братский училищный мон-рь: Ист. очерк. К., 1895. С. 268–269, 300; *Лашкаре́в П.* Дача Киево-Братского мон-ря Церковщина. К., 1899; О постройке церкви в принадлежащем Киево-Братскому мон-рю урочище «Церковщина» // Киевлянин. Газ. 1900. 28 мая; *Завитневич В.* Новые археологические находки // Там же. 1900. 3 июня; Церковщина и вновь открытые в ней пещеры // Киевская газ. 1903. 6 марта; *Н. П.* Храмовый праздник в Гнилецком скиту // Киевское слово: Газ. 1903. 11 сент.; *Зноско В.* Христа ради юродивый иеросхим. Феофил, подвижник и прозорливец Киево-Печерской лавры. К., 1906. М., 1996. С. 27–28; *Шуцкий М. М.* Скит в «Церковщине» // Киевлянин. 1909. 21 июля; *он же.* Церковщина // ИВ. 1910. Т. 121. С. 222–264; *он же.* «Скит Пречистая» у пещеры прп. Феодосия Печерского. К., 1911; Краткая история возникновения мон-ря [Св.-Георгиевского скита] близ г. Умани. К., 1913; *Троицкий И., свящ.* «Скит Пречистая» у пещеры прп. Феодосия Печерского в Церковщине. К., 1913⁵; Дополнительный краткий очерк по постройке храмов в скитах: Пречистая в «Церковщине» и в отделении его близ г. Умани. К., 1914, 1915²; *Палицын В.* Начало восстановления Скита Пречистая (Церковщины). К., 1915; *Нилус С. А.* Игум. Мануил, в схиме Серафим. К., 1919, 1994. Т. 4; *Толочко П. П.* Таємниці Київських підземель. К., 1969; *он же.* Тайны Киевских подземелий. К., 1971; *он же.* Древний Киев. К., 1976; Успенский сборник XII–XIII вв. М., 1971; *Пецак М. М.* Грамоты XIV ст. К., 1974; *Асеев Ю. С.* Архитектура Древнего Киева. К., 1982. С. 145–147; *Харламов В. А.* Исследования каменной монументальной архитектуры Киева X–XIII вв. // Археол. исследования Киева 1978–1983 гг.: Сб. науч. тр. К., 1985. С. 106–119; Описи Київського намісництва 70–80 рр. XVIII ст. К., 1989; *Жевахов Н. Д.* Воспоминания товарища обер-прокурора Св. Синода. М., 1993. Т. 2; *Бобровский Т. А.* Гнилецкий пещерный мон-рь в Киеве: (Этапы формирования архитектурно-ист. ансамбля) // Памятки архітектури і монументального мистецтва в світлі нових досліджень: Тези наук. конф. Нац. заповідника «Софія Київська». К., 1996. С. 50–52; *он же.* (Бобровський Т.). Підземні споруди Києва від найдавніших часів до сер. XIX ст.: (Спелео-археол. нарис). К., 2007; *Воронцова О. А.* Дослідження та відродження середньовічної пам'ятки історії та культури України – Звіринецького печерного комплексу у Києві: Дис. К., 1996; *Никодимов И. Н.* Воспоминание о Киево-Печерской лавре. К., 1999; *Дятлов В.* Церковщина: Повесть о забытой киевской святыне. К., 2001; *Ластовський В. В., Ластовська О. Л.* Георгіївський Кочержинський мон-р на Уманщині (1907–1928) // Могилянські читання. 2005. К., 2006. С. 303–305.

В. А. Дятлов

КИЕВСКОЕ БРАТСТВО, в XVII в. объединение мирян при правосл. Киево-Братском в честь Богоявления муж. мон-ре; в 1880–1924 гг. церковное братство при Киевской Духовной Академии.

XVII в. Предпосылкой создания К. б. стал фундуш (дарственная грамота) 14 окт. 1615 г. Елизаветы Васильевны Лозкиной-Гулевич (Галшки Гулевичевны), вдовы мозырского маршалка С. В. Лозки, на доставшуюся ей от мужа усадьбу на киевском Подоле для устройства на этой земле православных мон-ря, школы и странноприимного дома. По-видимому, сразу же на средства дарительницы (возможно, также на средства гетмана П. К. Сагайдачного) на территории двора началось сооружение храма; в грамотах Иерусалимского патриарха *Феофана IV* 1620 г. сообщается о «новозакладенной» ц. в честь Богоявления и Благовещения Пресв. Богородицы. В 1615–1616 гг. при церкви появился Богоявленский мон-рь и при нем школа (о школе см. в ст. *Киево-Могилянская академия*). Первым игуменом обители стал иером. *Исаия (Копинский)*; вполн. митр. Киевский). Учреждение К. б. при Братском Богоявленском мон-ре было обусловлено важной ролью, к-рую киевские мон-ри играли в церковной жизни в нач. XVII в. в условиях отсутствия правосл. епископов. На церковную ситуацию на Киевщине также оказывала большое влияние шляхта Киевского воеводства. Существование братства при мон-ре ограничивало автономию этой организации мирян. Основание К. б. было запоздалым, если рассматривать его в контексте подъема братского движения в кон. XVI – нач. XVII в. (см.: *Лукашова С. С.* Миряне и Церковь: Религиозные братства Киевской митрополии в кон. XVI в. М., 2006). Можно предположить, что запоздание было обусловлено восстановлением роли Киева как церковного центра в нач. XVII в. после упадка значенности города в XVI в. Учреждение К. б. следует рассматривать в контексте перемещения в Киев центра религ. жизни из зап. епархий Киевской митрополии (с Волыни и из *Галицкой Руси*), где братское движение зародилось в сер.–2-й пол. XVI в.

Наиболее ранним документом о К. б. является перечень его членов 1616 г. – «Упис» (сохр. в позднем списке, принадлежавшем митр. *Ев-*

гению (Болховитинову)), в к-ром по именам названы 15 духовных лиц и 5 мирян, вступивших («вписавшихся») в братство (также отмечено, что «и инши незліченні до братства вписалися»). Самая ранняя подпись в документе датируется 4 янв. 1616 г., следов., создание братства можно отнести к 1615 г. Др. документы о начале деятельности братства (устав, протоколы заседаний, реестры братчиков и др.) не сохранились; в частности, не сохранился помянник Богоявленской ц., о к-ром есть упоминание в кон. XVIII в. К. б. имело 3 посвящения по соборному храму Братского мон-ря: в честь Богоявления, Благовещения Пресв. Богородицы и во имя преподобных Антония и Феодосия Печерских. Членами К. б. могли стать все правосл. «обыватели» Киевского воеводства вне зависимости от социальной принадлежности: духовные лица, шляхтичи, мещане и «весь христолобивый народ». Это делало К. б. общецерковной орг-цией и исключало создание в Киеве др. братств. Членство в К. б. было пожизненным. Братство было создано без разрешения короля (на это указывал властям униат. митр. Иосиф Вельямин *Рутский*, писавший, что К. б. ведет активную борьбу против униатов). Лишь 19 февр. 1629 г. кор. *Сигизмунд III* в ответ на просьбу правосл. шляхты Киевского воеводства и земских послов дал разрешение на «основание» К. б. с храмом и госпиталем.

В предисловии к «Упису» изложены основы деятельности К. б. В документе сказано, что в Киеве по благословению и по повелению К-польского патриарха *Тимофея II*, а также Александрийского, Антиохийского и Иерусалимского патриархов создано «душеспасательное друголюбное соединение — братство церковное» (в XIX в. считалось, что упоминание патриархов в предисловии к «Упису» означает предоставление К. б. ставропигии, но в те годы у православных в Речи Посполитой не было епархиальных архиереев, поэтому благословить создание братства мог только один из правосл. патриархов). Отмечено, что образцом киевские братчики считали уставы Львовского, Виленского, Могилевского и других братств. Целью создания К. б. было «утешение и утверждение в благочестии российскому роду сыном всходнего православия». Подробного перечня «повинностей

и порядков» членов братства в «Уписе» нет. «Святое милосердное братство» должно было содействовать его членам в утверждении в благочестии, обучать полезным наукам, защищать вдов и сирот, оказывать помощь «падшим» людям, важными функциями были организация школы, больницы и др. (в связи с каритативной функцией К. б. необходимо отметить существование в Речи Посполитой с XVI в. католич. братств «святого милосердия»). Ставилась задача содействовать утверждению «честного иноческого жития», вероятно, под опекой братства должен был находиться Богоявленский монастырь. Братчики были обязаны финансировать деятельность объединения и защищать его, для каждого члена братства был определен размер взноса в зависимости от материального достатка. Так, Даниил Стрибиль обязался давать 10 золотых ежегодно, Григорий Дегилловский — лошадь или «камин воску» (24 фунта), Иван Путята — «що буде можна» и т. п.

В «Уписе» названы по именам первые члены К. б.: буд. Киевские митрополиты — архим. Киево-Печерского монастыря св. *Петр (Могила)* (вступил 11 марта 1631) и префект киевских братских школ *Сильвестр (Косов)*, наместник монастыря свт. Николая Иоиль, архим. Трехтемировского мон-ря *Иосиф (Курцевич)*, иеромонахи *Феодосий (Оранский)*, *Антоний (Горбацкий)* и *Иоиль*, буд. Луцкий и Острожский еп. *Афанасий (Пузына)*, киево-печерские иноки *Исаия (Трофимович-Козловский)*, *Софроний (Почаский)*, *Антоний (Павельский)*, *Афанасий (Ивашковский)*, *Иларион (Симовский)*, *Арсений (Бережницкий)*, буд. архим. Киево-Печерского мон-ря *Захария (Копыстенский)* (вступил 4 янв. 1616), шляхтичи (?) *Андрей Литинский* (выходец из Галиции), *Даниил Стрибиль*, *Григорий Дегилловский*, младший братчик *Иван Путята*. Нек-рые имена (*Иосифа (Курцевича)*, *Петра (Могила)*, *Сильвестра (Косова)* и др.) были внесены в документ после 1616 г.

Из сочинений *Кассиана Саковича* известно, что в К. б. вступил гетман Сагайдачный со всем Запорожским войском, сделав для братства значительное пожертвование; П. М. Сас предположил, что это произошло между 27 мая и 5 июня 1620 г. Сагайдачный считался главным братским ктитором, он был похоронен

в 1622 г. при братской Богоявленской ц. Вступление в братство всего Запорожского войска можно считать скорее символическим актом, хотя казаки позже подтверждали свою верность К. б. Запорожское войско и К. б. сыграли решающую роль в создании условий для восстановления в Речи Посполитой правосл. иерархии. После того как казаки во главе с Сагайдачным взяли под свою защиту Иерусалимского патриарха *Феофана IV*, тот дал согласие поставить в Киеве правосл. епископов. Епископскую хиротонию *Иова (Борецко-го)* и поставление его в митрополита Киевского патриарх совершил 9 окт. 1620 г. в Богоявленском храме К. б.

Пребывание патриарха *Феофана* в Киеве имело важные последствия непосредственно для К. б. (иерарх остановился в странноприимном доме на «дворе братства»). Грамотой от 17 мая 1620 г. Иерусалимский первосвященитель по просьбе братчиков утвердил «старшее братство» и благословил создание при нем объединения для молодежи — «братства младенческого, старейшему братству единомысленного и повинующагося». Киевское молодежное братство стало одним из самых ранних в Киевской митрополии (в 1606 молодежное братство было основано грамотой Львовского еп. *Гедеопа (Балабана)* при ц. свт. Николая в Замостье (ныне Замосць, Польша)). Патриарх призвал всех членов К. б. к стойкости в вере, к попечению о Божиих храмах. Грамотой от 26 мая патриарх *Феофан* от имени К-польского патриарха *Тимофея*, *Александрийского патриарха Кирилла I Лукариаса* и *Антиохийского патриарха Афанасия II Даббаса* (к тому времени уже скончавшегося) даровал К. б. ставропигию, при братской церкви был установлен патриарший крест. Первосвященитель отметил твердость киевлян в Православии, благочиние в киевских мон-рях и храмах. В грамоте от 7 янв. 1621 г. патриарх *Феофан* благословил братчиков, обращаясь ко всем жителям Киева.

В 20-х гг. XVII в. К. б. развивалось и укреплялось, школа К. б. стала ведущим правосл. учебным заведением, было закончено строительство братского храма, приобретена недвижимость на Подоле. В 1624 г. братчики отправили послов к царю *Михайлу Феодоровичу* с просьбой о пожертвовании для завершения постройки монастыря и церкви, со-

вершавшейся «иждивением» членов братства. Посланцев не пустили дальше Путивля, где им вручили «сорок соболей». В апр. 1625 г. братство обратилось к царю и к Московскому патриарху *Филарету* с просьбой о помощи для устройства крыши и иконостаса Богоявленской ц. Братчики отправили письмо также думному дьяку *И. Т. Грамотину*, с которым, возможно, они имели контакты (*Грамотин* в 1612–1618 жил в Речи Посполитой). В челобитной царю братчики писали, что задачей К. б. является утверждение «отеческой» правосл. веры и борьба с ересями. Милостыня была получена через монахов Богоявленского монастыря. Через неск. месяцев К. б. в 3-й раз обратилось в Москву за помощью. Челобитная, написанная 17 янв. 1626 г., была передана через киево-печерского иером. *Афанасия (Китайчича)*, в ней подчеркивалась роль Киева как христ. центра и источника благочестия, сообщалось об упадке здесь Православия из-за преследований со стороны католиков и униатов.

В нач. 30-х гг. XVII в. члены К. б. подписали неск. обращений к архим. Киево-Печерского мон-ря *Петру (Могила)* с просьбой об объединении уч-ща при Киево-Печерском мон-ре, открытого архим. *Петром* в кон. 1631 г., с братской школой. 30 дек. 1631 г. шляхта Киевского воеводства от всех «уписных» членов К. б. дала заверение *Петру (Могила)* в том, что он как старший братчик будет не только пожизненным «блюстителем» и опекуном объединенной школы и братской церкви, но и Братского мон-ря со всеми именьями, будет заведовать ими в сотрудничестве с «годичными старостами» К. б. из шляхтичей — членов братства, не нарушая, однако ж, ставропигиального статуса братства. Под посланием стоят подписи 32 чел., первыми подписались Луцкий еп. *Исаакий (Борискович)* и Туровский еп. *Авраамий* (грек, рукоположен патриархом *Феофаном*). Остальные подписи принадлежат киевским шляхтичам, среди к-рых выделяются 2 земских чиновника: чашник *Филон Стрибиль* и кладовщик *Ян Струсевич*. 10 подписей сделано кириллицей, остальные — на польском. Это наиболее полный список членов К. б. 5 янв. 1632 г. почти идентичное обращение к *Петру (Могила)* направил митр. *Исаия (Копинский)*,

к-рый обратился от собственного имени, от правосл. епископов и от членов К. б. Обращение помимо митр. Исаии подписали Афанасий (Пузына) и Туровский еп. Авраамий, которые в это время принимали активное участие в деятельности К. б. 12 марта 1632 г. аналогичное послание Петру (Могила) направили запорожские казаки во главе с гетманом И. Д. Кулагой-Петражицким, они обещали защищать братские монастырь, школу, богадельню и имения. Киевские братчики упомянуты в послании после духовенства, правосл. шляхты и жителей Киевского воеводства. В послании содержится информация об управлении К. б.: упомянуты выборные «дорочные» старосты, а также «сполна рада всего братства». 17 марта 1632 г. гетман приказал своему киевскому атаману не прелятьствовать власти печерского архимандрита над К. б. и школой. Предоставление Петру (Могила) почти абсолютной власти над К. б. говорит о фактическом уничтожении прав ставропигии братства. В завещании Петр (Могила) оставил «отцам-коллегиатам Киевского Богоявленского братства» 20 тыс. золотых (имения Мухоеды и Опачица).

Братское движение оказало влияние на решения почти всех Киевских Соборов 20–40-х гг. XVII в. Собор 1621 г. поддержал братское движение. Вероятно, в числе мирян, широко представленных на Соборе 1629 г., были и киевские братчики. Киевский Собор 17 сент. 1640 г. подтвердил ставропигию братств и мон-рей. Считается, что на Соборе был утвержден устав К. б., однако этот памятник не сохранился. В Соборах принимали участие братские священники. О священнослужителях К. б. ничего не известно, вероятно, это были игумены Братского Богоявленского мон-ря.

7 июня 1640 г. кор. Владислав IV в ответ на просьбу игум. Братского мон-ря *Игнатия (Оксеновича-Старушича)*, поддержанную шляхтой, предоставил мон-рю и К. б. 2 киевские церкви с их имениями: Трехсвятительскую и Воздвиженскую. Находясь в 1649 г. в Киеве, Иерусалимский патриарх *Паусий I* посетил местные святыни, в частности Богоявленскую обитель, в к-рой особо отметил уч-ще. Б. М. *Хмельницкий* и Ю. Б. *Хмельницкий* подтвердили акт 1632 г. о слиянии киево-печерской и братской школ. В дальней-

шем упоминания о К. б. становятся редкими, его функции перешли к Братскому мон-рю и коллегиуму. В пожалованиях рус. царей К. б. не упоминается.

Ист.: ПМКДА. Т. 2. С. 385–422, 428–439; Українська літ-ра XVII ст.: Синкретична писемність, поезія, драматургія, белетристика / Ред.: О. Мишанич. К., 1987. С. 232; Боротьба Південно-Західної Русі і України проти експансії Ватикану та унії (X – початок XVII ст.): 36 док-тів і мат-лів. К., 1988. № 162. С. 209–210; Універсали Івана Мазепи (1687–1709). К.; Львів, 2006. Ч. 2. С. 419–421.

Лит.: *Флеров И. Е.* О правосл. церк. братствах, противоборствовавших унии в Юго-Зап. России, в XVI, XVII и XVIII ст. СПб., 1857. С. 98–103; *Максимович М. А.* Записки о первых временах Киевского Богоявленского братства // *Он же.* Собр. соч. К., 1877. Т. 2. С. 172–204; *Голубев С. Т.* Киевский митр. Петр Могила и его сподвижники: Опыт ист. исследования. К., 1883. Т. 1. С. 241–412, 449–553; 1898. Т. 2. С. 241–463, 470–524; *Савич А.* Нариси з історії культурних рухів на Україні та Білорусі в XVI–XVIII в. К., 1929. С. 161–165; *Заикин В.* Участие светского элемента в церк. управлении, выборное начало и «соборность» в Киевской митрополии в XVI и XVII вв. Варшава, 1930. С. 123–162; *Исаевич Я. Д.* Братства та їх роль в розвитку укр. культури XVI–XVIII ст. К., 1966. С. 37, 41, 58–60; *Гуслистий К. Г.* Київське братство // *Радянська енциклопедія історії України.* К., 1970. Т. 2. С. 361–362; *Дзюба Е. Н.* Просвещение на Украине и его роль в укреплении связей укр. народа с русским и белорусским, 2-я пол. XVI – 1-я пол. XVII в. К., 1987. С. 31–34; *Грушевський М. С.* Історія України-Руси. К., 1995. Т. 7. С. 412–425; Історія укр. культури: У 5 т. К., 2001. Т. 2. С. 552, 560–561; *Титов Ф. И., прот.* Имп. Киевская ДА, 1615–1915 / Предисл., примеч. и прил.: В. Ульяновский. К., 2003. С. 33–84; *Mironowicz A.* Bractwa cerkiewne w Rzeczypospolitej. Białystok, 2003. S. 44, 57–58; *Хижняк З. І., Маньківський В. К.* Історія Києво-Могилянської академії. К., 2008². С. 21–38; *Сас П. М.* Чесний рицар Петро Конашевич-Сагайдачний. К., 2012. С. 255–266.

Л. В. Тимошенко

1880–1924 гг. К. б. было восстановлено в 1880–1882 гг. 26 февр. 1880 г. на совещании профессуры КДА, созванном в честь 25-летия царствования имп. Александра II, было решено восстановить «древнее Богоявленское братство с целью пособия нуждающимся студентам академии». Комиссия под рук. профессоров И. И. *Мальшевского* и Н. И. *Петрова* разработала проект устава братства, к-рый 10 дек. 1881 г. был утвержден министром внутренних дел. 28 сент. 1882 г. состоялось торжественное открытие братства, в котором участвовали Киевский и Галицкий митр. *Платон (Городецкий)* и назначенный главой братства ректор КДА Уманский еп. *Михаил (Лузин)*.

В первом общем собрании К. б., которое состоялось 31 окт. 1882 г.

под председательством еп. *Михаила*, приняли участие 29 действительных членов братства. Они единогласно утвердили в должности председателя братства 1-го викария Киевской епархии, Чигиринского еп. *Иоанна (Жданова)*; † 14 янв. 1883). Товарищем председателя был избран благочинный церковью Киево-Подольского округа прот. *Илия Экземлярский*, членами совета стали ректор Киевской ДС архим. *Виталий (Иосифов)* (с 1883 епископ Чигиринский), проф. КДА *Мальшевский*, почетный блюститель КДА по хозяйственной части Н. Г. *Хряков*, инспектор КДА А. А. *Олесницкий*. Секретарем братства стал секретарь совета и правления КДА И. *Исаев*, казначеем – эконом КДА Д. И. *Роздольский*. В братство вступили высшие должностные лица Киева – киевский, подольский и волынский генерал-губернатор и командующий войсками Киевского военного округа А. Р. *Дрентельн* и киевский губернатор С. Н. *Гудим-Левкович*, к-рые регулярно оказывали помощь братству. К нач. 1883 г. братство насчитывало 10 пожизненных членов, 73 действительных и 4 члена-соискателя, сумма пожертвований составляла 6500 р. Главной попечительницей братства стала вел. кнг. *Александра Петровна*.

С нояб. 1882 г. братство регулярно выплачивало пособия нуждающимся студентам. В 1883–1884 гг. единовременное пособие получили 13 студентов (5 своекоштных и 8 казеннокоштных), регулярное пособие получали 12 своекоштных студентов. Ежегодно на Пасху всем своекоштным студентам академии выплачивалось по 100 р. из особой суммы, пожертвванной вел. кнг. *Александрой Петровной*. К нач. 1884 г. благодаря помощи Киевского митр. *Платона* братство имело запасной капитал в размере 8050 р.

После того как 27 нояб. 1897 г. Мин-во внутренних дел издало устав Обществ вспомоществования нуждающимся учащимся, возникла необходимость переработки устава К. б. В 1899 г. ректор КДА Чигиринский еп. *Димитрий (Ковальницкий)* перевел братство под свое управление, закрепив за братством обязанность оказывать материальную помощь не только студентам, но и нуждающимся сотрудникам академии. Это было отражено в новой редакции устава братства, принятой на

общем собрании 10 сент. 1899 и утвержденной министром внутренних дел в следующем году. В новом уставе усиливалась финансовая дисциплина: все финансовые отчеты братства должны были направляться на утверждение митрополита Киевского и Галицкого, признававшие-

Киевский Братский мон-рь и Киевская Духовная Академия. Фотография. 70-е гг. XIX в.

гося главным попечителем орг-ции. В нояб. 1900 г. еп. Димитрий выделил крупнейшие в истории братства единоличные взносы — по 2 тыс. р. на профессорский расходный капитал и на профессорский неприкосновенный капитал. После реформирования орг-ция получила название: «Богоявленское при Киевской духовной академии братство для вспомоществования служащим и студентам» (ЦГИАК. Ф. 442. Оп. 629. Д. 592. Л. 20). К нач. 1901 г. в братстве состоял 241 член, в т. ч. 163 действительных (максимальное число за все время существования К. б.).

В годы первой мировой войны братство сократило выплаты пособий и стипендий, по-видимому, в 1916 г. братство в последний раз выделило пособия 16 студентам. Немного уменьшилось число членов братства: в 1914 г. в братстве состояло 225 членов (в т. ч. 158 действительных), в 1917 г.— 219 членов (в т. ч. 153 действительных). В 1915 г. общий капитал братства составлял 86 920 р., в 1917 г.— 92 530 р. Ключевые посты в управлении братством в эти годы заняли представители духовенства, ранее делившие их с мирянами. В 1915 г. председателем ревизионной комиссии вместо проф. КДА Н. И. Петрова, занимавшего эту должность с 1900 г., был избран прот. Киево-Софийского собора Симеон Трегубов. Председателем К. б. в 1917 г. был еп. *Василий (Богдашевский)*, товарищем председателя являлся кафедральный прот. Киево-Софийского собора Михаил Златоверхников.

В 20-х гг. XX в. была сделана попытка возобновить деятельность орг-ции. В июне 1920 г. в отделе управления Киевского губревкома был зарегистрирован устав «Киевского православного Богоявленского братства» (ГА Киевской обл. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 188. Л. 40–45). Братство под председательством еп. *Василия (Богдашевского)* было зарегистрировано в помещениях Киево-Брат-

ского Богоявленского монастыря. По этому же адресу 17 июля 1920 г. было зарегистрировано тесно связанное с братством

Киевское правосл. богословское об-во, главой к-рого также стал еп. *Василий*. В об-во вошли 10 преподавателей новообразованной Киевской правосл. богословской академии, ставшей преемницей упраздненной в 1919 г. КДА. К. б. прекратило существование, вероятно, в 1924 г., одновременно с прекращением деятельности Киевской богословской академии.

Ист.: Открытие Богоявленского братства при КДА // Киевские Ев. 1882. Ч. неофиц. № 19. С. 349–353; Первое собрание Богоявленского братства // Там же. № 21. С. 390; Устав Богоявленского братства при КДА для вспомоществования нуждающимся студентам ее: [Утвержден 10 дек. 1881 г.]. К., 1882; КДА в 1882/83 уч. г.: Извлеч. из отчета // Киевские Ев. 1883. Ч. неофиц. № 22. С. 446–449; Устав Богоявленского братства при КДА для вспомоществования служащим в академии и студентам ее: [Утвержден 12 окт. 1900 г.]. К., 1901.

В. Г. Пидгайко

КИЕВСКОЕ РЕЛИГИОЗНО-ФИЛОСОФСКОЕ ОБЩЕСТВО, одно из крупнейших религиозно-философских об-в в России (РФО) в нач. XX в., пришедших на смену *Религиозно-философским собраниям* (1901–1903) С.-Петербурга. Действовало в Киеве с 1908 по 1919 г.; воссоздано в 2003 г. по благословению митр. Киевского и всея Украины *Владимира (Сабодана)*.

Создание и организационная структура. Возникновение религиозно-философских об-в как офиц. структур стало возможным благодаря указу от 4 марта 1906 г. «О временных правилах, об обществах и

союзах». В окт. 1906 г. было зарегистрировано *Религиозно-философское общество памяти Вл. Соловьёва* (Московское РФО), летом 1907 г.— С.-Петербургское РФО. Но Киевскому РФО в дек. 1907 г. было отказано в регистрации из-за отсутствия в его уставе информации о местонахождении правления и о наличии в составе лиц, к-рые не могут быть членами об-ва. 23 янв. 1908 г., после внесения соответствующих изменений в устав, Киевское РФО было зарегистрировано. Учредителями об-ва выступили профессор КДА *В. З. Завитневич*, профессор Нежинского историко-филологического ин-та и Высших коммерческих курсов *П. В. Тихомиров*, исполняющий должность доцента КДА *П. П. Кудрявцев* и приват-доцент Киевского ун-та св. Владимира *А. Ф. Одарченко*.

Если уставы Московского и С.-Петербургского РФО в значительной мере дублировали друг друга, то устав Киевского РФО был прописан подробнее и имел ряд отличий. В частности, в нем было указано, что членами об-ва могут быть также и лица, не проживавшие в Киеве. При этом перечислялись те категории лиц, которые не могут быть членами Киевского РФО, оговаривалось участие в собраниях представителей печати, объяснялись принципы организации работы совета и проведения общих собраний.

Об-ву разрешалось начать свою деятельность 6 марта 1908 г. Заседания проходили преимущественно в Киевском общественном собрании (сначала в Музыкальном переулке, 1, а затем по ул. Владимирской, 45), в 1909 г. неск. заседаний прошли в Украинском клубе (ул. Владимирская, 42), в янв. 1917 г.— в помещении Педагогического музея имени Его Имп. Высочества наследника Цесаревича Алексея (ул. Владимирская, 57), в марте того же года — в Киевском ун-те св. Владимира, в апр. и июне — в Коммерческом ин-те; в мае и окт. 1918 г.— в гимназии *А. В. Жекулиной* (ул. Львовская, 27).

За период его существования (1908–1919) в Киевском РФО было 4 председателя: приват-доцент Киевского ун-та им. св. Владимира и профессор Нежинского историко-филологического ин-та *Тихомиров* (1908–1910); проф. КДА *Кудрявцев* (1910–1912); бывш. проф. КДА *В. И. Экземплярский* (1912–

1916); проф. Киевского ун-та им. св. Владимира В. В. *Зеньковский* (1917–1919). В состав Совета об-ва с 1908 по 1912 г. неизменно входили преподаватели КДА, КДС и духовных уч-щ: Завитневич, В. Д. Попов, В. С. Костецкий, А. И. Максаков. Они составляли большинство в об-ве и считали, что преобразования в церковной жизни возможны только с правосл. позиций. Это сближало Киевское РФО с Московским т. н. Соловьёвским РФО, участники к-рого видели свою задачу в том, чтобы деятельность об-ва имела практическое значение. Создатели Московского РФО считали себя приверженцами идей Вл. Соловьёва и стремились с христ. т. зр. осмысливать все стороны жизни.

В программном докладе председателя Киевского РФО Тихомирова «Современные задачи религиозной мысли и практики» (25 апр. 1908) утверждалось, что «современное Православие находится в упадке и как теоретическая доктрина, и как практическая сила». В качестве его оппонента выступил товарищ председателя Кудрявцев (доклад «О мерах к религиозному возрождению России», 30 окт. 1908), к-рый в отличие от Тихомирова говорил не о кризисе, а о «религиозном движении», о необходимости «практического созидания религиозной жизни, а не одного только теоретического и академического обсуждения вопросов религии».

Причину идейных разногласий, к-рые вызвали дискуссии на всех заседаниях Киевского РФО, следует искать в расплывчатой формулировке § 1 устава, определявшего цель об-ва как «всестороннюю разработку вопросов религии и философии». Т. о., уставные формулировки оказались шире идейной платформы большинства создателей Киевского РФО, стремившихся к христ. осмыслению существующих реалий. Члены РФО видели свою задачу в том, чтобы обратиться ко Христу тех, кто «искал Бога на ложных путях». В связи с тем, что на заседаниях об-ва широта обсуждаемых проблем заслоняла темы, связанные с Православием, в Киевском РФО была создана особая правосл. секция ж. «Христианская мысль». Февр. 1910 г. стал переломным моментом в истории об-ва. Двухлетняя дискуссия, проходившая между Тихомировым, видевшим перспективу развития об-ва в

связи с правосл. Церковью, и членами совета об-ва (товарищем председателя Кудрявцевым, Завитневичем, Экземплярским и др.), для которых не существовало абстрактной религиозности, а быть христианином означало принадлежать к Церкви, завершилась (с перевесом позиции 2-го направления) тем, что председателем был избран проф. Кудрявцев.

10 апр. 1912 г. Святейший Синод издал указ об увольнении Экземплярского, экстраординарного профессора кафедры нравственного богословия КДА, члена Совета Киевского РФО, «вследствие признания преподавательской деятельности его несогласною с требованиями Высочайше утвержденного устава духовных академий и вредною» (ТКДА. 1913. Т. 1. № 1. С. 37). Формальным поводом для увольнения стала его ст. «Гр. Л. Н. Толстой и св. Иоанн Златоуст в их взглядах на жизненное значение заповедей Христовых», опубликованная в сб. «О религии Л. Толстого» (М.: «Путь», 1912. С. 76–113). С докладом на основе этой статьи Экземплярский выступил 30 окт. 1911 г. на закрытом собрании Киевского РФО. Согласно резолюции митр. Киевского и Галицкого *Флавиана (Городецкого)* от 16 апр. 1912 г., преподаватели КДА, КДС, Подольского и Софийского ДУ и 2 жен. духовных уч-щ должны были покинуть Киевское РФО. Из состава об-ва были вынуждены выйти профессор Кудрявцев (председатель об-ва), Завитневич (член Совета), доценты КДА Попов (товарищ председателя) и И. П. Четвериков, преподаватель КДС Максаков (казначей), преподаватель Киево-Софийского ДУ Костецкий (кандидат в члены Совета). Об-ву был нанесен значительный урон: во-первых, официально был запрещен диалог богословов и философов, который начал формироваться как общественное явление с момента возникновения столичных Религиозно-философских собраний (1901–1903); во-вторых, об-во лишилось самых деятельных своих членов, двое из к-рых были его основателями. В нояб. 1912 г. председателем об-ва был избран Экземплярский.

В 1915 г. возникла и обсуждалась идея издания ежемесячного ж. «Христианская мысль». Не являясь официально органом Киевского РФО, что сузило бы круг авторов журнала в связи с запретом преподавате-

лям духовных учебных заведений участвовать в деятельности об-ва, ж. «Христианская мысль» (1916–1917) тем не менее фактически был таким органом, поскольку издателем и редактором его стал Экземплярский, в февр. 1916 г. вновь избранный председателем Киевского РФО. В журнале печатались доклады, прочитанные на заседаниях об-ва, статьи членов Киевского РФО. Авторами журнала были также члены Московского (С. Н. *Булгаков*, В. Ф. *Эри*, Н. А. *Бердяев*, С. Н. *Дурьлин*) и С.-Петербургского (прот. К. *Аггеев*, С. А. *Аскольдов* (см. С. А. *Алексеев*)) РФО.

В 1917–1919 гг. в Киевском РФО председательствовал Зеньковский. В это время об-во насчитывало ок. 100 членов и объединяло не только богословов и философов, но и историков, литераторов, экономистов, врачей. К последнему году существования Киевское РФО приобрело значительное влияние на церковно-общественную жизнь: его члены участвовали в работе Киевского комитета по делам правосл. Церкви, входили в постоянный церковно-епархиальный совет при епископе, Зеньковский возглавил Мин-во вероисповеданий при гетмане П. П. Скоропадском, В. Н. Лашинюков стал главным редактором газ. «Слово», издававшейся этим мин-вом, Кудрявцев — делегатом *Поместного Собора Православной Российской Церкви 1917–1918 гг.* В кон. 1919 г. Киевское РФО прекратило существование. Нек-рые из его членов (напр., Зеньковский) вынуждены были покинуть родину, нек-рые умерли от голода (Завитневич), либо ушли во внутреннюю эмиграцию, отказавшись от к.-л. сотрудничества с советской властью (Экземплярский). Несколько членов, в т. ч. свящ. Анатолий *Жураковский*, в 1981 г. канонизированный РПЦЗ, приняли мученическую кончину.

Борьба идей. Особенности Киевского РФО как организационной структуры определили круг вопросов, к-рые обсуждались на его заседаниях. Первое заседание было посвящено анализу религ. движения в России. На протяжении первых лет существования об-ва этот вопрос являлся основным, ему было посвящено (прямо или косвенно) 10 заседаний. И в посл. эта тема обсуждалась, обретая новые аспекты (анализ религиозной ситуации на Украине (А. Б. Селиханович «Религия

в идейной жизни нашего края», доклад 21 марта 1913); связь религ. возрождения с социально-политическими вопросами (В. Н. Лашнюков «Церковь и социализм», доклад 30 апр. 1917; А. Е. Жураковский «Христианство и общественная работа», доклад 24 сент. 1917); участие молодежи в религ. движении (О. П. Прохаско «К вопросу о религиозных исканиях современной молодежи», доклад 10 янв. 1913; П. Р. Слэзкин «О христианских студенческих союзах», доклад 17 янв. 1913)). Обсуждение роли интеллигенции в религ. движении связано с полемикой вокруг сб. «Вехи», участниками к-рой были и нек-рые члены Киевского РФО. Сб. «Вехи» было посвящено 2 заседания (10 и 17 дек. 1909), где был прочитан и обсужден доклад Селихановича «Душевный склад, миросозерцание нашей интеллигенции по «Вехам»». Но и при обсуждении др. тем вопрос об интеллигенции возникал часто. 30 окт. 1908 г. в дискуссии по поводу доклада Кудрявцева «О мерах к религиозному возрождению России» отмечалось, что одной части интеллигенции присуще «искание Бога», а другой — пренебрежительное отношение к ищущим. Указывалось, что ответы на вопросы, поставленные интеллигенцией, можно найти только в Церкви. Доклады о религиозном движении были сделаны членами Киевского РФО, входившими также в Киевское отд-ние Русского теософического об-ва, в частности О. О. Радецким «О современном теософическом движении» (9 дек. 1908) и Е. М. Кузьминым «О текущем религиозном моменте» (13 окт. 1909) и «Религиозные предчувствия современности» (30 марта 1914).

Вопрос о религ. возрождении рассматривался в тесной связи с церковными реформами. Большинство членов об-ва придерживались мнения прот. П. Я. Светлова (настоятеля храма и профессора богословия Киевского ун-та им. св. Владимира), что разрыв с Церковью «образовал бы непроходимую и опасную пропасть и нанес бы ужасный удар религии». При этом и Зеньковский, и Завитневич признавали необходимость церковных реформ, призывали РПЦ освободиться в равной мере и от цезарепапизма, и от папоцезаризма, отказаться от подмены нравственного начала юридическим. В докладах «О религиозном индивидуализме»

(7 мая 1908) и «Об отношении к историческому христианству» (27 окт. 1909) Зеньковский предостерегал от «увлечения индивидуализмом», которое «ведет к религиозному обособлению и неразрешимой религиозной трагедии», задачу христианина он видел в сохранении верности Церкви Христовой.

На заседаниях Киевского РФО были озвучены и др. мнения по вопросу о взаимоотношении религ. движения и Церкви. Одно из них, менее радикальное, высказал на заседании Бердяев, поставив вопрос, «может ли Церковь в настоящее время иметь в себе всю полноту религиозной жизни и каково соотношение между Церковью как мистическим телом и церковью как внешней эмпирической формой выявления религиозной сущности?». Другое, более резкое, мнение выразил Тихомиров, рассмотрев религ. движение как нейтральное по отношению к той или иной Церкви. С его т. зр. религиозно-философские об-ва «должны искать совершенно свободно, не предрешая ничего, не связывая себе рук ничем. Если в результате этих исканий окажется какое-нибудь новое религиозное слово, новая религия, — то этого нечего бояться».

Для тех, кто незыблемо стояли на том, что вне Церкви нет христианства, чрезвычайно важен был вопрос о ее взаимоотношении с гос-вом, тесно связанный с реформой церковного управления. Суть мн. докладов, прозвучавших на эту тему (Экземплярский «Вопрос о свободе вероисповеданий в первые века христианства» (19 нояб. 1908) и «Прения в Государственной Думе по вероисповедному вопросу» (18 апр. 1911), М. П. Истомина «Царь и патриарх: Взаимоотношение государства и Церкви в московский период Русской империи» (6 апр. 1912), Кудрявцева «Современное положение Правосл. Церкви» (26 марта 1917)), можно определить следующим образом: РПЦ не должна, опираясь на гос. поддержку, проявлять насилие в вопросах веры; гос-во одинаково относится ко всем христ. конфессиям; реформа церковного управления должна состоять не только в восстановлении Патриаршества и созыве церковного Собора, но и в оживлении деятельности прихода как основной ячейки церковной структуры.

Значительная часть докладов была связана с философским осмыслени-

ем истин христ. вероучения. Первым на эту тему с докладом «Философское оправдание христианства», посвященным работе «Наука о человеке» профессора Казанской академии В. И. Несмелова, 22 окт. 1908 г. выступил Бердяев. Этот же доклад, который затем был опубликован в ж. «Русская мысль» (1909. Кн. 9. С. 54–72) под заглавием «Опыт философского оправдания христианства: (О книге Несмелова «Наука о человеке»», был произнесен им на заседаниях С.-Петербургского РФО 24 февр. 1909 г. и Московского РФО (дата не установлена). В докладе в Киевском РФО Бердяев определил религиозно-философские темы, которые в посл. неоднократно обсуждались на заседаниях об-ва: 1) опыт человеческого бытия как доказательство истины христ. вероучения (Лашнюков «Вопрос о происхождении религии с точки зрения опытной философии», доклад 31 окт. 1910), «Ум Христов: (К вопросу об опытном Богопознании)», доклад 4 апр. 1915); Зеньковский «Проблема религиозного опыта», доклад 17 дек. 1912); В. Ф. Марцинковский «Религиозная вера как основа жизни», доклад 28 апр. 1915); 2) понимание нравственности как закона человеческого бытия, бытия по образу Божию (Экземплярский «Гр. Л. Н. Толстой и св. Иоанн Златоуст в их взглядах на жизненное значение евангельских заповедей», доклад 30 окт. 1911), «Христианское юродство и христианская сила», доклад 3 марта 1915). Важность этой темы Экземплярский определил следующим образом: «Если в области христианского вероучения, в самом существенном, мы уже можем с благодарной памятью жить плодами многовековых усилий древней Церкви в ее стремлении облечь христианскую истину в точно отвечающие ей догматические формулы, то в области нравственного христианского учения мы почти не имеем таких формул, а дело понимания евангельского учения в его отношении к запросам нашей жизни во многих случаях является нашим долгом, требует напряженной работы нашего христианского сознания, а иногда и нравственного подвига» (Экземплярский В. И. За что меня осудили? К., 1912. С. 13).

Ряд докладов был посвящен осмыслению отечественной религиозно-философской традиции, ее прошлого и настоящего. Здесь прослежи-

ваются интерес прежде всего к раннему славянофильству (Завитневич «Основные положения в системе философского мировоззрения Алексея Степановича Хомякова», доклад 16 нояб. 1910; Кудрявцев «Некоторые мотивы в стихотворениях А. С. Хомякова и К. С. Аксакова», доклад 11 янв. 1911) и к творчеству Вл. Соловьёва (Кудрявцев «Связь с отцами в сердце и мысли В. Соловьёва»; Зеньковский «В. Соловьёв как философ», оба доклада 28 нояб. 1910). Кроме уже упомянутого сб. «Веи» предметом критического разбора стали идеи Д. С. Мережковского, З. Н. Гиппиус, Н. М. Минского, В. В. Розанова (Селиханович «О Д. С. Мережковском», доклад 4 мая 1909); цикл докладов А. К. Закржевского, представивших отдельные главы его кн. «Религия» (К., 1913) («Современное религиозное сознание в России и его представители: Д. С. Мережковский, Н. Минский, З. Гиппиус, В. Розанов», доклады 25 сент., 11 окт., 29 окт., 15 нояб. 1912).

В годы перед первой мировой войной и в начале войны в Киевском РФО рассматривались темы, бывшие предметом обсуждения в Московском и С.-Петербургском РФО: 1) влияние догматических различий Православия и католицизма на формирование самобытных типов культуры (Завитневич «Банкротство просветительских начал западноевропейской образованности и выступление России как носительницы начал истины христианского учения», доклад 9 нояб. 1914; Зеньковский «Идея религиозной культуры и ее исторические судьбы», доклад 25 янв. 1915); 2) проблема мессианизма и миссианизма, связанная с религ. самоопределением общества (И. В. Герчиков «О мессианизме», доклад 5 мая 1913; Истомин «Польский мессианизм в его переживаниях в прошлом», доклад 19 апр. 1915). Этой же теме был посвящен ряд публикаций в ж. «Христианская мысль», в частности ст. «Россия и Православие» Зеньковского (1916. № 1. С. 101–108; № 2. С. 102–119; № 4. С. 85–102).

Воссоздание и современное положение Киевского РФО. В 2003 г. киевская правосл. интеллигенция инициировала возрождение Киевского РФО. Митр. Киевский и всея Украины Владимир благословил это начинание. 20 марта того же года состоялось учредительное собра-

ние об-ва, которое было зарегистрировано 26 июня. Согласно уставу Киевского РФО, действительными членами об-ва могут быть верующие правосл. Церкви. Участвовать в его работе могут все желающие в качестве ассоциированных членов, без права выступать от имени об-ва. Киевское РФО считает своей задачей усиление влияния канонического Православия на Украине, содействие христианскому просвещению, отвечающему религиозным запросам современного общества, формированию христианских ответов на вопросы современного мира, возрождение отечественной религиозной философии. Этими задачами определяются основные направления деятельности Киевского РФО: 1) ежегодное проведение научных конференций, посвященных философской интерпретации актуальных богословских вопросов; 2) издание ежегодника «Христианская мысль» по материалам проведенных конференций; 3) обеспечение работы постоянно действующего научно-методологического семинара «Православие и культура»; 4) освещение деятельности об-ва на офиц. сайте об-ва.

Лит.: Шурляков С. До історії філософських товариств у Києві // Філософська і соціологічна думка. К., 1993. № 7/8. С. 147–185; Зеньковский В., прот. Мои встречи с выдающимися людьми: Ч. 1. Киев // ЗАГ. 1994. Т. 26. С. 3–61; он же. Пять месяцев у власти (15 мая – 19 окт. 1918): Восп. М., 1995. (МИЦ); 6); Биднов В. В. И. Экземплярский: Восп. об умершем // Вестн. РХД. 1998. № 179. С. 72–76; Ткачук М. Л. Київський період творчості В. В. Зеньковського // Магістеріум: Іст.-філос. студії. К. 1998. Вип. 1. С. 28–37; Грищенко В. Л. В. Экземплярский у релігійно-філософському житті Києва початку ХХ ст. // Наук. зап. НаУКМА. 1999. Т. 8: Філософія та право. С. 42–49; Макар Н., прот. В. И. Экземплярский о церк. реформе // Христ. мысль. К., 2004. № 1. С. 115–118; Мозгова Н. Г. Київська духовна академія, 1819–1920: Філософський спадок. К., 2004; Назаров И. В. На пороге Царства // Христ. мысль. 2004. № 1. С. 119–122; Назаров И. В., Филиппенко Н. Г. О религ. основаниях цивилизационного разделения Европы: (Размышления по поводу работы В. В. Зеньковского «Россия и Православие») // Там же. 2005. № 2. С. 118–129; Филиппенко Н. Г. Киевское религиозно-философское об-во (1908–1919): Неизв. страницы истории: Организация, люди, судьба (по мат-лам архивов и дорев. периодики) // Практична філософія. К., 2005. № 4. С. 74–91; она же. Киевское религиозно-философское об-во (1908–1919): Очерк истории. К., 2009; Суходуб Т. Д. Киевский круг Серебряного века: А. Закржевский // Человеческая целостность и встреча культур. К., 2007. С. 329–349.

Н. Г. Филиппенко

КІЕВСКОЕ СОВЕЩАНИЕ 1922 ГОДА, собрание архиереев, клириков и мирян правосл. епархий Украины, состоявшееся в Киеве 2–4 сент. 1922 г. Официально называлось «Заседание членов Киевского православного церковного Собора». Дало рекомендации по важнейшим вопросам церковных реформ, решения по к-рым были приняты на заседании Синода епископов Украины 5 сент. того же года.

В нач. 20-х гг. ХХ в. церковная жизнь Украины оказалась осложнена последствиями «самосвятского» (см. в ст. Липковский В.) и обновленческого (см. Обновленчество) расколов. Обозначился ряд проблем, для решения к-рых был необходим созыв представительного собрания духовенства и мирян Украины. Так, после образования в окт. 1921 г. «Украинской автокефальной православной церкви» (УАПЦ) с самосвятской «иерархией» во главе с бывш. прот. В. Липковским особенно остро встал вопрос о языке богослужения и проповеди (часть укр. прихожан выступала за переход на укр. язык, чем пользовались сторонники УАПЦ), а также проблема будущего канонического статуса правосл. Церкви на Украине. Ранее, 25–28 февр. 1921 г., Синод епископов Украины признал возможным допустить, где того пожелают прихожане, совершенные богослужения по церковнослав. книгам с укр. произношением и чтением Евангелия в переводе на укр. язык, а также проповедь на укр. языке. 6 июня того же года Синод уточнил, что для перехода на укр. язык богослужения необходимо пожелание 2/3 прихожан. Патриарх свт. Тихон признал эти решения согласными с духом правосл. Церкви. Однако патриарх отметил, что окончательное решение по этим вопросам должен принять Всеукраинский церковный Собор ([Обращение Патриарха Московского и всея России Тихона к чадам Православной Церкви на Украине от 23(10).07.1921] // Перший Всеукраїнський Правосл. Церк. Собор УАПЦ 14–30 жовтня 1921 р.: Док-ти і мат-ли. К.; Львів, 1999. С. 503). На предстоящем Всеукраинском Соборе также предполагалось провести обсуждение вопроса о путях преодоления «самосвятского» раскола.

Другой важной проблемой, требовавшей созыва церковного собрания, был неразрешенный вопрос

о замещении Киевской митрополичьей кафедры и о высшем церковном управлении на Украине. Стоявший с 1918 г. во главе составляющей часть Московского Патриархата автономной Православной Церкви на Украине Киевский и Галицкий митр. *Антоний (Храповицкий)* с нояб. 1920 г. был в эмиграции. Согласно принятому *Всеукраинским православным церковным Собором 1918 г.* и утвержденному *Поместным Собором Православной Российской Церкви 1917–1918 гг.* Положению о Высшем церковном управлении на Украине, предполагалось, что новый Киевский митрополит должен избираться на Всеукраинском церковном Соборе и утверждаться затем патриархом Московским и всея России. Следов., патриарх не мог собственной властью объявить Киевский митрополичий престол вакантным и назначить на Киевскую кафедру нового митрополита. В этой ситуации 1–2 июня 1921 г. Синод епископов Украины обратился к патриарху свт. Тихону с просьбой о назначении в Киев своего временного представителя. В ответ на эту просьбу 23 июля того же года патриарх Тихон назначил «временным заместителем отсутствующего по нынешним обстоятельствам Киевского митрополита» Гродненского архиеп. *Михаила (Ермакова)* с титулом патриаршего экзарха на Украине, с возведением его в сан митрополита и с предоставлением ему прав, принадлежащих митрополиту Киевскому (Там же. С. 504).

Для окончательного решения вопроса о замещении Киевской митрополичьей кафедры предполагалось созвать в мае 1922 г. Всеукраинский Собор. Об этом митр. Михаил сообщал в письме от 19 сент. 1922 г. Варшавскому митр. *Георгию (Ярошевскому)*: «Когда я в августе прошлого года прибыл в Киев, здесь уже назрело намерение собрать в мае нынешнего года Всеукраинский Церковный Собор. На этом Соборе предполагалось и избрание Митрополита Киевского. В зависимости от того, кто имел быть избранным, — я или другой кто, — было и решение оставаться тут или возвращаться в свою епархию» (Вестник православной митрополии в Польше. Варшава, 1923. № 1. С. 2–3).

Однако в мае 1922 г. вся Русская Церковь оказалась в крайне тяжелом положении после того, как патриарх Тихон был привлечен совет-

скими органами к судебной ответственности и помещен под домашний арест, а созданное при поддержке властей обновленческое *Высшее церковное управление* (ВЦУ) объявило себя единственной законной высшей властью в Русской Православной Церкви. Митр. Михаил находился в сложной ситуации, поскольку его полномочия как патриаршего экзарха после устранения патриарха от управления Церковью могли быть поставлены под сомнение. Чтобы противостоять обновленцам, пытавшимся подчинить себе и епархии на территории Украины, митр. Михаилу требовалась поддержка и подтверждение его полномочий со стороны представителей укр. духовенства и мирян.

Собором епископов Украины была предпринята еще одна попытка созвать Всеукраинский церковный Собор. Как сообщал летом 1922 г. информатор ГПУ, митр. Михаил придавал предстоящему Собору решающее значение. По его мнению, в работе Собора главное место займут вопросы: 1) отношение к автокефалистам; 2) отношение к «*Живой Церкви*»; 3) формы церковного управления. При этом митр. Михаил заявил, что «он враг отделения Церкви Украинской от Великороссийской и что достаточно для Украины автономии» (Малоизвестные страницы церк. служения Экзарха Украины митр. Михаила (Ермакова). М., 2009. С. 89). Проведение Собора было назначено в Киеве на 1 сент. 1922 г. Предполагалось, что на Собор придут 400 делегатов от всех епархий Украины, но из-за противодействия местных властей к назначенному сроку в Киев смогли приехать лишь ок. 60 делегатов (в последующие дни прибыло еще более 20 чел.). Созыв Всеукраинского Собора вновь был отложен на неопределенное время, однако собравшиеся приняли решение провести если не Собор, то собрание части его делегатов. Власти Украинской ССР дали согласие на организацию представителями епархий «частного совещания по вопросам церковно-религиозной жизни на Украине» для обмена информацией и обсуждения предполагавшихся церковных реформ и новых церковных течений.

Оригиналы протоколов К. с., а также последовавшего за ним заседания Синода считаются утраченными. Неполная копия протоколов, принад-

лежавшая Каменец-Подольскому архиеп. *Пимену (Пегову)*; в 1922–1935 в обновленчестве), была опубликована с сокращениями в обновленческом ж. «Голос Православной Украины» (1925, № 3). Другим источником по К. с. является пастырское послание одного из участников собрания, Полтавского архиеп. *Григория (Лисовского)*. Сведения о К. с. содержатся также в следственных делах ряда укр. архиереев в архивах органов безопасности.

Состоялось 3 заседания К. с. под председательством митр. Михаила, обязанности секретаря исполнял прот. Н. С. *Гроссу*. На 1-м заседании 2 сент. присутствовало 60 чел., на 2-м заседании 3 сент. — 79 чел. на 3-м заседании 4 сент. — 84 чел. Были заслушаны сообщения с мест о «положении церковной жизни и о назревших церковных реформах». На заключительном заседании большинство участников высказалось в пользу автокефалии Православной Церкви на Украине и выступило с желанием к Собору епископов Украины «в первом же своем заседании текущей сессии объявить, что Украинская Церковь отныне стала на путь автокефалии, и принять меры к закреплению этой автокефалии законно-каноническим путем». Решение о необходимости скорейшего провозглашения автокефалии во многом было связано с желанием духовенства и мирян Украины обезопасить себя от захватившего высшую церковную власть в Москве обновленческого ВЦУ. Также К. с. большинством голосов высказалось за «проведение в церковную жизнь широкой соборноправности» и «проведение украинизации богослужебного строя в церковной жизни, но без принуждения». Участники К. с. особо отметили, что «положение об автокефалии, соборноправности и украинизации богослужебного строя должны быть проведены в жизнь в самом непродолжительном времени».

Большое внимание на К. с. было уделено обсуждению ситуации с «самосвятским» расколом, учиненным на Украине сторонниками Липковского, и с действиями обновленцев в Москве. Делегат свящ. Коваленко внес предложение о приглашении на заседание членов «Всеукраинской Церковной Рады» (ВЦР) — высшего органа УАПЦ — «для обмена мнениями по вопросу о взаимном при-

мирении», однако большинство членов собрания высказалось за то, чтобы «послушать сначала обстоятельный доклад о появлении лжеиерархии, а затем уже высказать суждение по поводу сделанных предположений». Был заслушан доклад Н. Белгородского с изложением истории возникновения орг-ции Липковского, после чего делегаты обменялись мнениями о мерах по прекращению церковного раскола. Было решено создать комиссию из 5 представителей правосл. Церкви с приглашением и 5 представителей ВЦР для обсуждения вопроса о «прекращении раскола в Православной Украинской Церкви с целью представления о сем обстоятельного доклада Всеукраинскому Церковному Собору». В эту комиссию вошли епископы Николаевский сщмч. *Прокопий (Титов)*; вполн. архиепископ), Черниговский *Пахомий (Кедров)* и Белоцерковский *Димитрий (Вербицкий)*; вполн. архиепископ), а также профессора КДА Ф. И. *Мищенко* и прот. А. А. *Глаголев*. Кандидатами в комиссию были названы проф. прот. П. Я. *Светлов* и свящ. Коваленко.

С докладом о «московских церковных событиях последнего времени» (т. е. об обновленческом расколе) на К. с. выступил епархиальный миссионер-проповедник Киевской епархии архим. *Ермоген (Голубев)*; вполн. архиепископ). После продолжительного обмена мнениями было сделано заявление о том, что Православная Церковь Украины не ведет контрреволюционной деятельности и всецело стоит «на почве декрета об отделении Церкви от государства», политической лояльности к существующей в СССР власти. Это было необходимо в связи с тем, что обновленцы обвиняли сторонников канонической Церкви в политической нелояльности. Делегаты также заявили, что не имеют никакого отношения к *Карловацкому Собору* 1921 г. Русской Православной Церкви за границей, принявшему политические декларации против советских властей. К. с. также отмежевалось и от руководящей в то время обновленчеством группы «Живая Церковь», заявив следующее: «Составляя автокефальную Украинскую Церковь и имея во главе Священный Собор епископов и Митрополита Михаила, мы стоим за оживление церковной жизни в смысле раскрытия внутреннего богатства

нашего православия. Священный Собор епископов укажет канонические пути этого оживления, обновления». К. с. также обратилось к присутствовавшим на нем епископам с просьбой ознакомить их паству «с положением вопроса о «Живой Церкви»».

К. с. предложило присутствовавшим епископам провести в скорейшее время собрание для обсуждения и утверждения высказанных инициатив. Уже на следующий день после закрытия К. с., 5 сент. 1922 г., состоялось собрание правящих епископов Православной Церкви на Украине под председательством экзарха Украины митр. Михаила, в котором приняли участие: Каменец-Подольский архиеп. Пимен (Пегов), епископы Черниговский *Пахомий (Кедров)*, Волынский и Житомирский *Аверкий (Кедров)*, Николаевский *Прокопий (Титов)*, Лубенский Григорий (Лисовский), Каневский *Василий (Богдашевский)*, Белоцерковский *Димитрий (Вербицкий)*, Винницкий *Амвросий (Полянский)*. Секретарем на заседании был прот. Н. Гроссу.

После обсуждения пожеланий К. с. собрание епископов постановило, что «Украинская Церковь отныне стала на путь автокефалии, то есть полной самостоятельности в делах внутреннего управления». При этом было определено, что разрешение вопроса об автокефалии «принадлежит компетенции Всеукраинского Церковного Собора». Собрание утвердило новую формулу поминовения иерархии за богослужениями на территории Украины: «О святейших православных Патриархах, о преосвященном Экзархе всея Украины митрополите Михаиле и о преосвященном епископе нашем (имярек)». Экзарх Украины в свою очередь поминал за богослужением: «Святейшего Патриарха Тихона и всея Патриархи православные». Архиеп. Григорий (Лисовский) в своем послании подчеркивал, что фактически «Церковь Украинская понималась как автономная, а не автокефальная, подчиненная Экзарху».

На собрании была обсуждена проблема замещения Киевской и Одесской архиерейских кафедр, правящие архиереи к-рых митрополиты Антоний (Храповицкий) и *Платон (Рождественский)* находились в эмиграции. Было определено объявить обе кафедры свободными. Временно уп-

равляющими в этих епархиях Синод постановил считать соответственно экзарха Украины митрополита Михаила (Ермакова) и архиеп. *Феодосия (Феодосиева)*. Назначение выборов на Киевскую и Одесскую кафедры было предоставлено митр. Михаилу. На том же заседании были приняты решения о назначении нового правящего архиерея Полтавской епархии в связи с кончиной ранее управлявшего Полтавской епархией архиеп. *Парфения (Левицкого)*. Новым Полтавским епархиальным архиереем определено было быть возведенному в сан архиепископа Григорию (Лисовскому). Также были приняты решения об образовании новых вик-ств (напр., в Полтавской епархии количество вик-ств увеличилось до 4) и об определении кандидатов в епископы на новые викарные кафедры. Синод обнаружил суждение, что «по каноническим правилам не встречается препятствий к рукоположению во епископа лиц, не постриженных в мантию, а принявших лишь рясофор». Это решение облегчало путь к епископству для безбрачных представителей белого духовенства в условиях недостатка кандидатов в архиереи среди монашествующих.

Решение об увеличении количества вик-ств отражало сложившуюся в 1922 г. ситуацию, когда обновленцы при поддержке советских властей пытались захватить высшую церковную власть и отстранить от руководства епархиями несогласных с ними архиереев. Временный патриарший заместитель Ярославский митр. священноисп. *Агафангел (Преображенский)* в послании от 18 июня 1922 г. предлагал епархиальным архипастырям управлять епархиями самостоятельно «впредь до восстановления Высшей Церковной Власти» (Акты свт. Тихона. С. 220). При самостоятельном управлении епархией было желательным наличие там неск. архиереев, способных составить малый Собор. Кроме того, наличие викарных епископов должно было обеспечить нормальное каноническое управление епархиями в случае ареста правящего архиерея.

Синод обсудил предложения К. с. о демократизации («соборноправности») церковной жизни, украинизации богослужения и путей «к обновлению церковной жизни применительно к требованиям времени».

Было определено рекомендовать архиереям организовать комиссии для обсуждения вопросов о реформах епархиального управления. Предполагалось, что отныне епархиальное управление будет строиться «по упрощенному типу». Все епархии должны были делиться на большее или меньшее количество вик-ств. При всех епископских кафедрах должны были создаваться духовные правления из выборных представителей клира и мирян. Дела по управлению епархией следовало распределять между викарными епископами по указанию управляющего епархией и в соответствии с местными условиями. Епархиальным архиереям рекомендовалось активно привлекать мирян к делам епархиального управления в согласии с каноническими нормами. Планировалось оживить деятельность братств, сестричеств и др. религ. объединений в приходах. Было подтверждено право прихожанам самим выбирать язык богослужения. Появившиеся в регионах переводы богослужебных текстов, а также новые богослужебные тексты (в частности, акафисты) предписывалось присылать для просмотра и одобрения в специальную Переводную комиссию при экзархе Украины. Синод также постановил принять меры к «усилению катехизической проповеди по объяснению богослужения, к распространению всяких религиозно-нравственных по содержанию листов».

Т. о., К. с. и последовавшее за ним заседание Синода епископов Украины фактически выработали масштабную программу реформ, к-рые должны были коснуться канонического статуса Православной Церкви Украины, организации епархиального управления и урегулировать вопросы украинизации богослужения. Принятые постановления должны были способствовать решению комплекса проблем, обозначившихся к тому времени в церковной жизни Украины. Одно из ключевых решений Синода касалось митр. Антония (Храповицкого), находившегося в эмиграции и являвшегося одним из наиболее принципиальных противников советской власти среди епископов-эмигрантов. Попытка К. с. официально освободить митр. Антония от управления Киевской митрополией должна была продемонстрировать лояльность укр. епископата к советской власти. Однако патри-

арх Тихон не поддержал это решение Синода епископов Украины. Согласно сообщению о К. с. и его последствиях, сделанному в посл. в 1925 г. митр. Михаилом на одном из допросов в ОГПУ, «в 1922 г. состоялось на Украине совещание церковников, в том числе около 7 епископов, в том числе и меня, а всего около 70 человек. На этом совещании было вынесено пожелание, чтобы митрополита Антония Храповицкого, митрополита Киевского, считать устранным от управления и звания митрополита Киевского. [...] Пожелание о митрополите Антонии было вынесено на совещании только епископов, бывших на Украинском совещании 1922 г. [...] Однако патриарх Тихон в том же, а может быть, в 1923 или 1924 г. аннулировал это постановление, прислав соответствующий акт на имя Полтавского епископа Григория в ответ на его запрос» (ЦА ФСБ РФ. Д. Н-3677. Т. 4. Л. 44).

Решения К. с. относительно реформ церковной жизни были реализованы лишь частично (в основном в отношении организации новых викарных кафедр). Что касается др. предложений К. с., то они были настороженно встречены большинством прихожан Украинской Церкви и воспринимались как вынужденные меры, связанные с необходимостью противодействовать «самосвятству» и «обновленчеству». Дальнейшая работа в этой области была прервана вмешательством со стороны советских гос. органов. Уже с кон. 1922 г. на Украине произошло ужесточение гонений на Церковь. От митр. Михаила представители советской власти требовали присоединения к обновленчеству или добровольного ухода на покой, угрожая в противном случае репрессиями. 5 февр. 1923 г., после отказа экзарха Украины признать канонически законными обновленческие собрания и за предпринятые им действия против обновленцев, митр. Михаил был арестован и этапирован в Москву. За этим последовали аресты мн. укр. архиереев и священнослужителей, выступавших против обновленцев. В нач. 1924 г., когда ситуация, вызвавшая решения К. с., уже в значительной степени изменилась, патриарх Тихон и Временный Патриарший Синод РПЦ приняли определение не вводить в церковную жизнь Украины постановления и пожелания собрания укр. епископов

в Киеве в сент. 1922 г. (РГИА. Ф. 831. Оп. 1. Д. 211. Л. 27–28).

Лит.: Положение о временном высшем управлении Правосл. Церковью на Украине и письма патр. Тихона. К., 1918; *Феодосий (Процюк), митр.* Обособленческие движения в Правосл. Церкви на Украине (1917–1943). М., 2004. С. 232–245; *Стародуб А.* Російська Правосл. Церква в Україні влітку 1921 р.: номіації Екзарха й пошук оптимальної моделі організаційної структури // Ковчег: Наук. зб. із церк. історії. Львів, 2007. Вип. 5. С. 196–203; *Мазырин А., иерей.* Вопрос о замещении Киевской кафедры в 1920-е гг. // Вестн. ПСТГУ. Сер. 2: История. История РПЦ. 2007. Вип. 2(23). С. 58–67; Вип. 3(24). С. 118–131; Вип. 4(25). С. 62–70; Малоизвестные страницы церк. служения Экзарха Украины митр. Михаила (Ермакова) в 1922–1923 гг.: (По мат-лам следственного дела) // Там же. 2009. Вип. 1(30). С. 79–122.

В. В. Бурева

КИЖИ (Гос. историко-архитектурный и этнографический музей-заповедник «Кижки»), архитектурный комплекс, сооружения к-рого относятся к XVIII–XIX вв. Расположен на одноименном острове на Онежском оз. в Медвежьегорском р-не Республики Карелии; бывш. адм. центр обширной крестьянской округи. Как адм. единица в новгородской Обонежской пятине (Кижский, Кижинский, Спасо-Кижский, Спасский погост) о-в Кижки известен с кон. XV в.; в Писцовой книге Обонежской пятины письма кн. Ю. К. Сверчкова-Сабурова не сохранилось упоминание об острове, но под названием Кижский погост он обозначен в Писцовой книге 1563 г. письма Андрея Лихачёва (Писцовые книги. 1930. С. 124; *Гущина, Гущин.* 1978. С. 347; *Чернякова, Черняков.* 1988. С. 61). В кон. XVI в. к адм. центру было приписано 14 деревень. Рядом с церквами в честь Преображения Господня и Покрова Пресв. Богородицы располагалось 3 двора причта. К нач. XX в. К. включали 9 поселений, в т. ч. дер. Погост, где проживали местные священники и церковные служители; к кон. XX – нач. XXI в. сохранились лишь 2 деревни (Ямка и Васильево), к-рые являются частью музейной экспозиции (*Воробьева.* 2007). В 1920 г. К. как памятник старины были взяты под охрану гос-ва; в 1937 г. прекратились службы в храмах. Благодаря послевоенным ремонтным и исследовательским работам в К., проводившимся под руководством московских архитекторов, прежде всего А. В. Ополовникова, памятники были восстановлены в первоначальном виде. В 1960 г. было принято реше-

ние об организации в К. музея-заповедника. В 1990 г. К. включены в Список Всемирного культурного наследия ЮНЕСКО. В 2003 г. указом патриарха Московского и всея Руси Алексия II в К. основано Патриаршее подворье (*Гущина*. Преображение. 2004. С. 12).

Помимо сохранившихся храмов в самих К. и перевезенных на остров из различных мест Обонежья деревянных церквей, часовен и гражданских сооружений к музейному комплексу относятся деревянные храмы и часовни тех деревень, к-рые известны как «кижское ожерелье» (напр., часовня во имя арх. Михаила в дер. Леликозеро (Леликово), Петропавловская ц. в дер. Лычный Остров, Никольская ц. в дер. Вегоруксы, Петропавловская часовня в дер. Волкостров и др.).

Ансамбль Кижского погоста является одним из немногих сохранившихся деревянных комплексов, включающих 3 сооружения (т. н. тройников): холодный храм в честь Преображения Господня, зимний теплый в честь Покрова Пресв. Богородицы и колокольню. Судя по описанию К. в Писцовой книге 1628–1631 гг. (РГАДА. Ф. 1209. Кн. 308. Л. 382–383 об.; опубл. в: *Чернякова, Черняков*. 1988. С. 71–73), количество зданий осталось прежним и посвящения их престолов не изменялись. Оба храма были шатровыми

2005. С. 19). С кон. XVII — нач. XVIII в. положение К. изменилось; по окончании Северной войны (1700–1721) и привлечению жителей к развитию новых производств, прежде всего металлургии, а также после посещения острова имп. Петром I появилась возможность обновить архитектурный ансамбль К. Согласно архивным данным, 6 июня 1714 г. была заложена ц. Преображения Господня (*Мусин*. 2011). С появлением многоглавого Покровского храма возникла потребность изменить завершение и Преображенской ц. В 1764 г. она получила вместо шатра покрытие с 9 главами и была заново освящена. В 1874 г. перестроена колокольня (1864), к-рую с Преображенской ц. соединяла крытая обходная галерея (о ней напоминает дверной проем в сев. стене храма) (*Гущина, Гуцин*. 1978. С. 349, 351; *Гущина*. 2009. С. 217). Знаменитый ныне облик архитектурного ансамбля К. был запечатлен на гравюре Р. И. Зотова 1785 г. «Вид Кижинского погоста с западной стороны, от пролива Онега озера» и включен в издание акад. Н. Я. Озерецковского, посвященное его путешествию по Русскому Северу летом 1784 г. (*Озерецковский Н. Я.* Путешествие по озерам Ладожскому и Онежскому. СПб., 1792. С. 324; *Гущина*. Преображение. 2004. С. 6; *Крохин*. 2006. С. 6). Специалисты, занимавшиеся изучением и сохранением архитектурного ансамбля К., вдохновлялись пространственным расположением его соору-

«Вид Кижинского погоста с западной стороны от пролива Онега озера».
Гравюра Р. И. Зотова. 1785 г.

жений, предназначенным не столько для близкого, сколько для удаленного их восприятия, и отмечали взаимообусловлен-

ность архитектурных решений природными и социальными факторами (*Ушаков*. 1982. С. 54–55, 80, 136).

Церковь в честь Преображения Господня относится к уникальным произведениям рус. архитектуры, приобретшим значение национального символа. Она принадлежит к редкому типу многоглавого крестообразного в плане храма, в основе к-рого восьмерик с примыкающими к нему по сторонам света 4 приру-

Церковь в честь Преображения Господня Кижского погоста. Фотография. 2012 г.

бами-четвериками. Центральный восьмерик увенчан 2 меньшими по высоте восьмериками, боковые четверики — бочками. Общее число глав — 22; они поставлены на невысоких барабанах, расположенных ярусами над прирубам и восьмериком. Небольшой вынос прирубов и их ступенчато поднимающихся частей, уменьшение размера главок от яруса к ярусу, близкая постановка их барабанов к стенам усиливают эффект высотности и слитности всех форм. Сравнение церкви с др. памятниками деревянной архитектуры показывает, что увеличение высоты здания стало возможным благодаря замене традиц. покрытия в виде крещатой бочки с 5 главами еще одной крещатой бочкой, «раздвинутое средокрестие которой вместило дополнительный, третий ярус восьмерика, увенчанный центральной главой» (*Орфинский*. 2004. С. 49). В архитектуре Преображенской ц. использованы все традиц. приемы строительства и детали убранства, известные в деревянном зодчестве, неповторимое сочетание элементов и форм, подчиненных общей идее устремленности ввысь.

Большинство исследователей русской деревянной архитектуры писали о Преображенской ц. как о продолжении или последнем примере многоглавых и многоглавых храмов Др. Руси X–XIII вв., о которых известно лишь из летописей. Вероятно, на выбор многоглавой композиции для завершения К. повлияла идея о многоглавии как об образе

(«верх шатром»), скорее всего типа «восьмерик на четверике» (Там же. С. 71). Вероятно, летом 1694 г. церкви сгорели, но вскоре были восстановлены (Там же. С. 73. Примеч. 2); известие о восстановлении Покровской ц. в 1694 г. позволило В. А. Гущиной предположить, что в совр. виде этот храм был построен раньше Преображенского (*Гущина, Гуцин*. 1978. С. 349; *Гущина*. 2001; *Она же*. Преображение. 2004. С. 6; *Она же*.

Гроба Господня храма в Иерусалиме; наиболее ярким выражением этой идеи в древнерус. культуре является собор Покрова на Рву (св. Василия Блаженного) в Москве (1555–1561) (*Орфинский*. 1999. С. 79; *Шургин*. 1999. С. 84–85). Неслучайно в бытовом обиходе и народных поговорках Обонежья Преображенская ц. в К. именовалась также «Спасушко — Светлолюбивый Ерусалим!» (*Агапитов В. А.* Кижская топонимия и фольклор // Рябининские чтения, 1995. Петрозаводск, 1997. С. 240). Преображенская ц. была не первой среди многоглавых храмов, возведенных в нач. XVIII в. в Обонежье. Ее предшественница — ц. Св. Троицы Климецкого мон-ря (1712, не сохр.). По композиции Преображенская ц. близка (или непосредственно восходит) к облику Покровской ц. в с. Анхимове (ныне деревня Вытегорского р-на Вологодской обл., 1708, не сохр.; см.: *Орфинский*. 1972. С. 96–100; *Он же*. 2004. С. 113; *Гущина*. К вопросу. 2004. С. 202; *Бобе*. 2010. С. 187–188). Сходство храмовых ансамблей в К. и в Анхимове не ограничивается родством типологии или художественного облика. Как и в Анхимове, где во 2-й пол. XVIII в. был возведен каменный храм, не соответствовавший по стилю и фактуре древней деревянной церкви, в К. в кон. XVIII в. было начато строительство каменного собора. Его остатки были выявлены в 1980 г., во время проведения археологических работ; средства были даны с.-петербургским жителем, но оказались недостаточны (*Гущина*. 2011. С. 21, 24). Большое количество глав Преображенской ц. не только служило эстетическим и композиционным целям, но и отвечало техническим задачам эксплуатации постройки в сев. условиях, таким, напр., как отвод дождевой воды и растаявшего снега от внутренних перекрытий. Помимо этих глав строители дополнительно предусмотрели специальные водостоки, выведенные на 2 уровнях в боковые стены.

В числе перевезенных в К. храмов — ц. в честь Воскрешения прав. Лазаря из Муромского мон-ря в Заонежье (1464), одна из древнейших деревянных церквей, известных по документам, единственное материальное свидетельство существования мон-ря, основанного в XIV в.

прп. Лазарем Муромским на вост. берегу Онежского оз. Это самый яркий сохранившийся пример наиболее простого по композиции храма клетского типа, распространенного в деревянной архитектуре Др. Руси (*Ополовников А. В.* Лазаревская ц.

Церковь в честь Воскрешения прав. Лазаря. Кон. XIV–XVI в. Фотография. 2012 г.

Муромского мон-ря // Архит. наследство. М., 1969. Вып. 18. С. 106–111; *Сергеева Н., Шургин И., Черных Н., Урьева А.* Дендрохронологическое исслед. дерева ц. Воскрешения Лазаря из бывш. Муромского мон-ря // Культура и искусство в СССР: Экспресс-информ. Сер.: Реставрация памятников истории и культуры. М., 1987. Вып. 7. С. 10–15; *Шургин*. 2006. С. 11). Др. основной архитектурный тип представлен часовой во имя арх. Михаила из дер. Леликозеро (посл. треть XVII в., перевезена в 1961). В плане это соединение по оси «вос-

Часовня арх. Михаила из дер. Леликозеро. Кон. XVII — нач. XVIII в. Фотография. 2012 г.

ток—запад» 3 одинаковых по ширине, но разных по высоте помещений-срубов: молельни, трапезной и звонницы, под одним скатом с к-рой размещено крыльцо-вход.

Описание художественного ансамбля К. было бы не полным без упоминания о внутреннем убранстве церквей, от к-рого сохранились отдельные иконы и комплексы иконостасов (ныне хранятся в собраниях ГРМ, МИИРК и Гос. музея-заповедника «Киж»). Во время оккупации Карелии иконы из иконостасов и расписных потол-

ков («небес») церквей К. были вывезены в Финляндию. Их изучением занимался Л. Петтерссон, к-рый описал и отчасти

опубликовал, в т. ч. в выставочных каталогах икон, мн. памятники изобразительного искусства и деревянной архитектуры Карелии (*Гущина*. Преображение. 2004. С. 24–27; *Фролова*. 2005. С. 6; *Мильчик*. 2012. С. 10, 145). Нек-рые иконы из церквей К., возвращенные в 1944–1945 гг., были переданы на хранение в ГРМ и МИИРК, где их реставрировали; благодаря публикациям (начиная с 60-х гг. XX в.) памятники введены в научный оборот. Мн. иконы, прежде всего храмовые, гораздо древнее совр. церквей К. Их иконография и композиция сохраняют память о культурной традиции всего Обонежья. Одними из древнейших являются иконы из Муромского мон-ря (подробнее см.: *Литвинова Н. К., Прохоров Г. М.* Житие Лазаря Муромского // СККДР. 1989. Вып. 2. Ч. 1. С. 288–290). Они свидетельствуют о том, что отдаленный монастырь поддерживал тесные культурные контакты с епархиальным центром, Вел. Новгородом, откуда получал иконы высокого художественного качества, напр. большого размера образ «Свт. Иаков, брат Господень, свт. Николай Чудотворец, свт. Игнатий Богоносец» (кон. XV в., ГРМ), а возможно, и с Москвой, на что указывают иконы из деисусного чина того же мон-ря с образами прп. Сергия Радонежского и свт. Петра, митр. Московского (кон. XV в., ГРМ). О внутреннем убранстве ц. в честь Воскрешения прав. Лазаря можно судить по письменным источникам и сохранившимся иконам. Оно изначально было скромным (графичес-

кую реконструкцию иконостаса по Писцовым книгам 1628–1632 гг. худож.-реставратора И. П. Ярославцева см.: *Смирнова*. 1967. С. 66; см. также: *Смирнова Э. С., Паньшина И. Н.* Экспедиция в Карельскую АССР // Сообщ. ГРМ. 1961. Вып. 7. С. 67; *Гурвич*. 1980. С. 12, 37–40; *Фролова*. 2006. Кат. 1, 11, 30–31, 42–47). Иконостас ц. Воскресения прав. Лазаря из Муромского мон-ря, известный по акварели из собрания московского Исторического музея (опубл. в виде прориси, см.: *Тренев Д. К.* Иконостас Смоленского собора Новодевичьего мон-ря в Москве. М., 1902. С. 26. Рис. 24), включал царские врата с образами арх. Гавриила и Богородицы из композиции «Благовещение», образы святителей на створках, диаконскую дверь без изображений, большую местную икону Нерукотворного образа Спасителя с подвесной пеленой (в правой части иконостаса), ряд небольших икон, поставленных друг над другом (в левой части), и иконы-пялницы в верхнем ряду. В числе сохранившихся икон — Нерукотворный образ Спасителя (кон. XVI в.), отображающий Божественный Лик монументально и декоративно. Следование новгородским образцам, лучшим произведениям иконописцев, работавших для самой крупной епархии Московской Руси, сохранилось и в XVI в. Храмовая икона Покровской ц. (2-я пол. XVI в., МИИРК) при упрощенности рисунка и колорита в сравнении с современными новгородскими памятниками этого извода, напр. иконой из бывш. собрания Н. П. Лихачёва (2-я пол. XVI в., ГРМ), не уступает им в величавой свободе архитектурных построений, спаянности декоративных деталей в гармоничное целое (Художественное наследие Карелии. 2001. Кат. 21). В стиле московских памятников написана икона «Спас Всемиловитый, с архангелами, преподобными Варлаамом Хутыньским и Александром и избранными святыми на полях», повторяющая извод «Спаса Смоленского». Иконное изображение отличается чрезвычайной стройностью фигуры стоящего Иисуса Христа и мягкой живописью личного (XVI в., находилась на правом клиросе Преображенской ц., ныне экспонируется в иконостасе Покровской ц.). В свою очередь иконы из К. служили образцами для икон, предназначенных для храмов вокруг

Всемиловитый Спас.
Икона. XVI в.

(иконостас ц. Покрова Пресв. Богородицы
Кижского погоста)

о-ва Кижь, напр. для образа из Никольской часовни дер. Тамбицы (кон. XVI в., МИИРК; подробнее см.: *Платонов В. Г.* Развитие иконографии «Покрова Богородицы» в искусстве Заонежья XVI–XVIII вв. // Кижский вестн. Петрозаводск, 2002. Вып. 7. С. 142–143). Неизвестный ныне образец, скорее всего новгородского происхождения, воспроиз-

Иконостас
ц. Преображения Господня.
Фотография.
60–70-е гг. XX в.

водит храмовая икона Преображенской ц. (XVII в., Гос. музей-заповедник «Кижь»; см.: *Пуцко*. 2009. С. 197). О почитании древнейших храмовых икон из К. можно также судить по описаниям окладов и привесов, содержащихся в письменных источниках, напр. в Писцовых книгах 1628–1631 гг. (публикацию фрагментов см.: *Чернякова, Черняков*. 1988. С. 71–73). Простота художественного языка сочеталась у мастеров «северных писем» с умением выделять в иконных композициях главное: красный

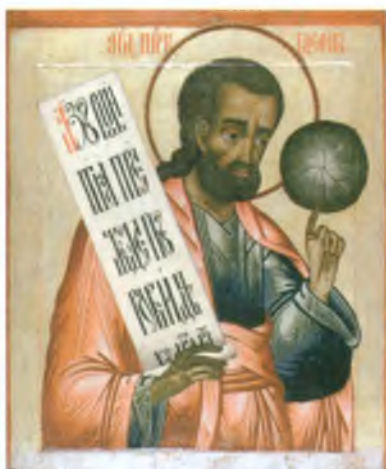
цвет славы Спасителя на иконе «Преображение» окрашивает гору Фавор, треугольные очертания которой повторяют силуэты фигур падающих ниц апостолов. Небольшая икона Нерукотворного образа Спасителя (кон. XVII — нач. XVIII в.) того же извода, что и иконы из Оружейной палаты письма Симона Ушакова.

После перестройки Преображенской ц. в 1714 г. был обновлен и ее иконостас (разобран с началом масштабной архитектурной реставрации в 70-х гг. XX в.; иконы и декоративные элементы золоченой рамы хранятся в фондах музея-заповедника «Кижь», см.: *Гурвич*. 1980. С. 4–6; *Фролова*. 2006. Кат. 28–52. С. 18–28, 36–40, 70–94). Он стал самым крупным резным иконостасом в Олонецкой губ. и состоял более чем из 100 икон деисусного, праздничного, пророческого чинов и местного ряда (3-частная икона с композициями «Лоно Авраамово», «Рай насаженный», «Плачемся и рыдаем», по размеру и сюжетам повторяющая тип декорации диаконских врат). Наиболее ярко сев. традицию представляют иконы праздников, в к-рых заметно влияние столичных образцов, усвоение западноевроп. элементов (прежде всего в изображении

архитектуры) в сочетании с характерным местным светлым, ярким колоритом. Под влиянием произведений масте-

ров Оружейной палаты, напр. царских изографов Г. Т. Зиновьева или Ф. Ф. Ухтомского, был создан местный образ

свт. Николая Чудотворца с 24 клеймами жития; мастер попытался воспроизвести золотые узорчатые ткани в облачении святителя. Лик святого с его пластичной живописью личного более характерен для «живоподобия» мастеров Оружейной палаты. Большая часть икон написана на золоте. Деисусный ряд включал 29 икон с полным апостольским чином; в его состав были введены иконы свт. Модеста, патриарха Иерусалимского, и еп. Власия Севастийского, почитаемых в крестьянской

Прор. Геден.
Икона. 1-я четв. XVIII в.
(иконостас ц. Преображения Господня)

среде, в т. ч. на Русском Севере, как покровителей сельских работ. По краям ряда располагались иконы 6 преподобных, среди которых Антоний Римлянин и Варлаам Хутынский — древние покровители Новгородской земли, преподобные Зосима и Савватий Соловецкие (их иконы позднее были перемещены в местный ряд) — небесные патроны сев. земель Московской Руси и крупнейшей обители края, а также блгв. кн. Александр Невский и прп. Симеон Столпник (изображен без столпа), очевидно покровители заказчиков или строителей Преображенской ц. Для всех образов характерен монументальный масштаб, притемненное личное письмо, соче-

Иконостас
в часовне арх. Михаила

тание глухих коричневых, серых тонов и чрезвычайно светлых охр, розовых, красных, синих пигментов в письме доличного. В составе 28 икон праздничного чина можно выделить циклы: Богородичный («Встреча Иоакима и Анны», «Покров»), Страстной («Моление о чаше», «Снятие с креста») и исторический («Воздвижение Креста Господня», композиции I и II Вселенских Соборов). Традиции «живоподобия» мастера

использовали в живописи личного достаточно вольно: зеленые тона санкирных притенений сочетались с «подрумянкой» на веках, щеках и губах, создавая эффект переливчатости.

Еще одним этапом в истории художественного убранства главного храма К. стали замена древнего тяблогового иконостаса золоченой резной конструкцией-рамой в стиле барокко и поновление росписи «небес» в 1759 г. (Фролова. 2008. С. 139). Тогда же были написаны новые местные иконы, в т. ч. «Прп. Зосима и Савватий Соловецкие, с житием» (в 20 клеймах). Древние иконы были помещены в рамы: икона «Преображение Господне» — в раму с 16 клеймами, иллюстрирующими цикл Страстей Господних; икона Нерукотворного образа Спасителя — в об-

рамление с историей Эдесского Нерукотворного образа Спасителя в 16 клеймах; композиции клейм восходят к столичным образцам, к иконам круга мастеров Оружейной палаты, напр. к иконе неиз-

вестного мастера (посл. четв. XVII в., ГИМ) или к храмовому образу ц. Покрова Пресв. Богородицы в Филях К. И. Уланова (1694, ЦМиАР). Судя по стилю и колориту икон, над их написанием трудились не менее 2 мастеров. Вклады церковной утвари в главный храм К. поступали и позднее. Так, в 1834 г. крестьянин А. Ошевнев вложил плащаницу. Даже покинув родные места, уроженцы К., преуспевшие в новых краях, не забывали соборный храм родного погоста: в Преображенский храм была прислана клиросная икона «Успение»

с киотом, написанная на средства уроженцев дер. Телятниково и Сев. Конец (Фролова. 2005. С. 6–7). Предпочитая столичные образцы, иконы и прориси, близкие к кисти мастеров Оружейной палаты, прихожане К., украшавшие деревенские часовни во 2-й пол. XVIII в., обращались к иконописцам местных художественных центров, напр. к «кондопожскому мастеру» (Она же. 2002. С. 138). Наиболее полно сохранилось убранство в часовне арх. Михаила из дер. Леликозеро: в первоизданном виде представлен 2-ярусный иконостас (посл. треть XVII в.), выносная икона и «небеса» — единственные из сохранившихся в храмах на территории К. (Гурвич. 1980. С. 41–43; Фролова. 2006. Кат. 10–27. С. 13–17, 32–35, 52–69; Она же. 2008. Кат. 1). «Небеса» Преображенской ц. были утрачены,

об их облике дают представление архивные материалы (Фролова. 2006. С. 21–22; Она же. 2008.

Небеса.
Иконы в часовне
арх. Михаила

С. 139). Прimitивные по исполнению иконы часовни в то же время демонстрируют осведомленность сев. мастеров в сложных иконографических программах (напр., «Архистратиг Михаил воевода небесных сил, с деяниями», 1671), знание древних изводов и традиций крупных художественных центров («София Премудрость Божия», 1674), умение писать многочастные иконы с клеймами, в которых сцены из жития святого предстают как часть повседневной жизни рус. крестьянина («Свт. Николай Чудотворец (Можайский), с житием», посл. треть XVII в.).

Ист.: ИИМК РАН. Р-III. Д. 4217 (23 марта 1887; метрика Спасо-Преображенской ц. Кижского погоста); Собрание музея-заповедника «Кижь». КП 3170/1–237; КП 3171/71–277; КП 3172/10–11 (Архив Л. Петтерссона); Писцовые книги Обонежской пятины, 1496 и 1563 гг. Л., 1930; Писцовые книги Обонежской пятины XVI в. / Сост.: К. В. Баранов. СПб., 1999. Т. 2. С. 173.

Лит.: Орфинский В. П. Кижский погост: Путев. Петрозаводск, 1957 (совм. с П. Ю. Тарлер); он же. Деревянное зодчество Карелии. Л., 1972; он же. Преображенская ц. в Кижях и ее место в истории рус. архитектуры // Актуальные проблемы исследования и спасения уникальных памятников деревянного зодчества России: Докл. междунар. симпозиума. СПб., 1999. С. 78–79; он же. Собор По-

крова на Рву и его аналоги: О взаимовлияниях деревянного и каменного храмопостроительства на Руси // Народное зодчество: Межвуз. сб. Петрозаводск, 1999. С. 47–85; *он же*. Типология деревянного культового зодчества Рус. Севера. Петрозаводск, 2004 (совм. с И. Е. Гришиной); *Смирнова Э. С.* Живопись Обонежья XIV–XVI вв. М., 1967; *Гущина В. А., Гущин Б. А.* Новое об истории памятников Кижского архит. ансамбля // ВИД. 1978. Сб. 9. С. 347–351; *Гурвич И. М., сост.* Древняя живопись Карелии: Фонды музея «Кижы»: Кат. Петрозаводск, 1980; *Ушаков Ю. С.* Ансамбль в народном зодчестве Рус. Севера: Пространственная организация. Композиционные приемы. Восприятие. Л., 1982; *Чернякова И. А., Черняков О. В.* Писцовые и переписные книги XVI–XVII вв. как источник по истории деревянного зодчества Карелии // Проблемы исследования, реставрации и использования архит. наследия Рус. Севера: Межвуз. сб. / Отв. ред.: В. П. Орфинский. Петрозаводск, 1988. С. 55–73; *Шургин И. Н.* Великие церкви Рус. Севера: Преображенская на о-ве Кижы и Троицкая в с. Нёнокса // Актуальные проблемы исследования и спасения уникальных памятников деревянного зодчества России. 1999. С. 82–85; *он же*. Исчезающее наследие: Очерки о рус. деревянных храмах XV–XVIII вв. М., 2006; *Платонов В. Г.* Храмы Кижского погоста и их убранство в XVI и XVII ст. // Изв. Вологодского об-ва изуч. Северного края. 1999. Вып. 7. С. 79–83; Художественное наследие Карелии: Иконопись, народное искусство, эпос: Кат. выст. М., 2001; *Фролова Г. И.* Внутреннее убранство часовен Спасо-Кижского погоста // Кижский вестн. Петрозаводск, 2002. Вып. 7. С. 115–139; *она же*. Внутреннее убранство Преображенской ц. Спасо-Кижского погоста // Там же. 2005. Вып. 10. С. 3–18; *она же*. Путь длиною в три столетия: Иконы из фондов Музея-заповедника «Кижы»: Кат. выст. Петрозаводск, 2006; *она же*. «Небеса» Заонежья: Иконы из собр. Музея-заповедника «Кижы». Петрозаводск, 2008; *Гущина В. А.* К вопросу об истоках формирования кижского архит. ансамбля // Кижский вестн. 2004. Вып. 9. С. 180–210; *она же*. Преображение: К 290-летию ц. Преображения Господня на о-ве Кижы. Петрозаводск, 2004; *она же*. Покровская ц. Кижского погоста: Ист. сведения о ремонтных работах: Предложения к разработке проекта реставрации // Кижский вестн. 2005. Вып. 10. С. 19–30; *она же*. О колокольне Кижского архит. ансамбля: Время создания и восприятие образа // Там же. 2009. Вып. 12. С. 212–231; *она же*. Ограда Кижского погоста // Там же. 2011. Вып. 13. С. 13–25; *Крохин В. А.* Новое в формообразовании Кижского ансамбля. Петрозаводск, 2006; *Воробьева С. В.* Крестьянские родословные: Из истории дер. Ямка на о-ве Кижы // Кижский вестн. 2007. Вып. 11. С. 3–15; *Пуцко В. Г.* Храмовая икона Преображенской ц. Кижского погоста // Там же. 2009. Вып. 12. С. 188–210; *Бодя А. Б.* Деревянное зодчество Рус. Севера: Архит. сокровищница Поонежья. М., 2010; *Мусин А. Е.* О времени основания и освящения Спасо-Преображенской ц. Кижского погоста // Кижский вестн. 2011. Вып. 13. С. 3–12; *Герман К. Э., Мельников И. В., Спиридонов А. М.* Юж. Заонежье в X–XVI вв.: Археология центра Кижского погоста. Петрозаводск, 2012; *Мильчик М. И.* Заонежье: История и культура: Очерки, фотографии. СПб., 2012.

М. А. Маханько

КИЗИК [греч. Κόζικος], город на юж. берегу Пропонтиды (Мраморного м.), кафедра епархии К-польской Православной Церкви, совр. локализация — Балкыз (или Белкис), близ Эрдека, Турция. П-ов Арктонес (ныне Капыдагы), на перешейке к-рого находится К., в древности был островом. К. основан во

Возничий.
Рельеф из Кизика. VI в. до Р. Х.
(Археологический музей,
Стамбул)

II тыс. до Р. Х. пеласгами. По преданию, город назван в честь царя Кизика, к-рый оказал гостеприимство аргонавтам, а затем, не узнав их ночью, вступил с ними в бой и был убит (*Apollonii Rhodii Argonautica* / Ed. H. Fraenkel. Oxonii, 1961. I 949). В сер. VII в. до Р. Х. (по др. версии, ок. 775) жители Милета основали здесь колонию. Начался расцвет К. как центра торговли, мореходства и рыбной ловли. Город имел 2 гавани (*Strabo. Geogr. XII 8. 11*), и через него шли пути из Европы в М. Азию. Кизический статир из электра (сплав, состоящий из 80% золота и 20% серебра) играл важную роль в торговле античного мира. «Этот город соперничает с первыми городами Азии величиной, красотой и прекрасным устройством как своих гражданских, так и военных дел» (*Ibidem*).

Уроженец К. Пифарх, друг Кира II Великого (558–530 гг. до Р. Х.), предпринял попытку стать тираном в родном городе, к-рая окончилась неудачей. В 514/3 г. до Р. Х. в К. правил персид. тиран Аристагор (*Herod. Hist. IV 138*). Во время Пелопоннесской войны (431–404) жители К. воевали на стороне афинян, т. к. город входил в Делосский союз (478/7–404). В 387 г. до Р. Х. по Анталкидову миру К. отошел персам. В 334 г. до Р. Х. он был освобожден Александром Македонским, к-рый соединил остров с материком 2 мостами. После смерти Александра К.

сначала достался Селевкидам, а затем в качестве свободного города был союзником Пергамского царства Атталидов.

В рим. период К. находился в привилегированном положении: он сохранил автономию и распространил свою власть до озер Даскилитиды, Милитополитиды и Аполлониатиды.

Имп. Тиберий включил К. в пров. Асия. Имп. Адриан посетил К. в 123 г. и помог жителям в сооружении храма Зевса, ко-

торый считался одним из 7 чудес света (в 1433 сохр. 33 колонны, но в XVIII в. храм разобрали для строительства зданий в Стамбуле). Развитие К. достигло апогея при имп. Каракалле (211–217). В 267 г. город был разрушен готами, но быстро восстановлен.

Имп. Диоклетиан сделал К. главным из 33 городов, входивших в пров. Геллеспонт. Этот статус К. сохранял до VII в. (*Hieroclis Synecdemus et Notitiae Graecae episcopatum* / Ed. G. Parthey. Berolini, 1866. P. 20). Здесь размещался штаб легиона и монетный двор.

Время образования первых христ. общин неизвестно. Вполне вероятно, через К. пролегали маршруты апостолов Павла и Андрея Первозванного (*Janin. 1956. P. 1192; Laurent. 1965. Σ. 1084*). Сведения о первых Кизических епископах, основаны на предположениях или известны из малодостоверных источников. По мнению М. Лекьена, поддерживавший догмат о телесном воскресении мертвых «святой Афродисий, епископ Геллеспонта» (III в.), о к-ром упоминает анонимный автор соч. «*Praedestinatus*» (2-я четв. V в.) (*Primasius. Praedestinatus sive praedestinatorum. I 47 // PL. 53. Col. 605*), являлся епископом К. (*Le Quien. OC. T. 1. P. 748–749*). Из легендарного Жития прмч. Никона известно, что во время гонений на христиан еп. Феодосий Кизический скрывался со своей паствой на горе Ганос. Он крестил воина Никона, а затем рукоположил его во епископа, сделав своим преемником и велел переселиться вместе с христианами в Сицилию. Там они пострадали

в 251 г., в правление имп. Деция (249–251) (ActaSS. Mart. Т. 3. Р. 444). При Деции в К. был обезглавлен пресв. Мирон из Ахайи, при имп. Диоклетиане в К. по приказу правителя города Александра был казнен сщмч. Сисиний. Нек-рые источники называют его епископом (PG. 117.

Деять мучеников Кизических.
Икона. Кон. XVIII – нач. XIX в. (ГРМ)

Col. 176). В кон. III – нач. IV в. (ранее 313) в К. пострадали мц. Трифена, дочь синклитика Анастасия (при игемоне Кесарии), и 9 Кизических мучеников (при не названном по имени наместнике). К правлению Максимиана Галерия (305–311) относится мученический подвиг уроженки К. девы Фавсты и уверовавших благодаря ей жреца Евиласия и епарха Максима (см. в ст. Фавста, Евиласий и Максим, мученики Кизические).

В Житии прп. Парфения, еп. Лампсакийского, говорится, что его поставил на Кизическую кафедру еп. Асхилий в правление равноап. имп. Константина I Великого, после издания Миланского эдикта (Vita et conversatio Parthenii episcopi Lampsaci // PG. 114. Col. 1349). В числе правосл. участников I Вселенского Собора (325) был Кизический еп. Феона (ДВС. Т. 1. С. 78; *Gelasii Syziceni Historia concilii Niceni*. II 27 // PG. 85. Col. 1309–1312). Первоначально К. входил в диоцез Асия со столицей в Эфесе. Видимо, К. был в то время первопрестольной кафедрой (πρωτόθρονος) в этом диоцезе: Феона Кизический именуется епископом Асии, Геллеспонта, Лидии и Карики, а в числе подчиненных ему епископов упоминаются Евтихий Смирнский и Марин Троадский (Ibidem). Во 2-й пол. IV в.

Кизическая епископия была подчинена К-полю и в кон. IV в. возведена в ранг митрополии.

Во 2-й пол. IV в. Кизическую кафедру занимали епископы, отклонившиеся от Никейского Символа веры: сторонник омиийства Германий (с 351 епископ Сирмийский), омиусиан Елевсий (358–360; 362 – после 383) и аномей Евномий (360–362). Елевсий, рукоположенный К-польским еп. Македонием и разделявший его взгляды, подверг преследованиям православных и новациан, чью церковь в К. он разрушил до основания (*Socr. Schol. Hist. eccl.* II 38). Впосл. имп. Юлиан Отступник заставил Елевсия восстановить ее на собственные средства. В 359 г. на Соборе в Селевкии Исаврийской Елевсий активно противостоял арианину Акакию Кесарийскому и его сторонникам. За это он был низложен, формальным предлогом послужило рукоположение им недостойных клириков. Вместо него К-польский епископ-арианин Евдоксий поставил на Кизическую кафедру аномея Евномия, к-рого жители города не приняли, сохраняя верность Елевсию. Хотя имп. Юлиан вновь изгнал Елевсия из города, тот впосл. занял епископскую кафедру К. Имп. Валент II вызвал Елевсия в К-поль и принудил его согласиться с арианским вероучением, однако, вернувшись в К., тот отказался от своих заявлений и остался верен македонианству. В дальнейшем Елевсий был лидером македониан, к-рые имели храм в К. вплоть до Патриаршества Нестория (428–431) (Ibid. VII 31). В посл. четв. IV в. в К. мц. Гаафой или ее дочерью Дуклидой были перенесены мощи *Тотских мучеников* († ок. 375). В 426 г. ученик свт. Иоанна Златоуста свт. Прокл (впосл. патриарх К-польский) был рукоположен К-польским еп. Сисинием во епископа Кизического. «Но между тем как Прокл собирался ехать туда, кизикцы, предупредив его, рукоположили одного подвижника, по имени Далматий. И это сделали они, не обратив внимания на закон, запрещающий рукополагать епископа против воли епископа Константинопольского, а не обратили внимания на этот закон потому, что он давал права одному Аттику (епископ К-польский в 406–425. – *Авт.*)» (Ibid. VII 28). Свт. Прокл выступал против ереси Нестория. В 431 г. Далматий присутствовал на III Вселенском

Соборе (АСО. Т. 1. Vol. 1. Pt. 2. P. 62; Pt. 7. P. 85, 112). О Далматии также известно, что ему принадлежала рукопись актов I Вселенского Собора, к-рую впосл. использовал для написания «Церковной истории» сын кизического пресвитера *Геласий Кизический* (2-я пол. V в.).

На IV Вселенском Соборе в Халкидоне (451), на к-ром присутствовал еп. К. Диоген, участник «разбойничьего» Эфесского Собора (449), Кизическая митрополия была помещена на 5-е место среди епархий К-польского Патриархата. В 1855 г. она была перемещена на 4-е место. Митрополит Кизический носил титул «ипертим и экзарх всего Геллеспонта». Кизической митрополии было подчинено 12 епископий: Герма, Пиманин, Ока, Варис (Сасаварис), Адрианофиры, Лампсак, Авидос, Дардан, Илион (Троя), Троада, Пониин, Мелитополь (иногда в качестве 13-й епископии назывались Адракия, Скамандр или Скиписис) (*Darrouzès. Notitiae*. P. 207, 220, 234, 253, 267, 276, 290, 297, 312, 355. N 1–4, 6–10, 13). Некоторые Кизические митрополиты упоминаются в источниках с титулом архиепископа (напр., Иоанн во 2-й четв. VII в. и Амфилохий в 3-й четв. IX в.).

В 539 г. половина города была разрушена землетрясением. В 610 г. в ц. Пресв. Богородицы в Артаке (предместье К., ныне Эрдек) Кизический митр. Стефан короновал *Ираклия* еще до взятия им К-поля (*Theoph. Chron.* P. 299). В мон-ре вмч. Георгия в К. с 615 г. (*Thunberg L. Man and the Cosmos: The Vision of St. Maximus the Confessor*. N. Y., 1985. P. 18) или немного позже до 626 г. подвижался прп. *Максим Исповедник*. К архиепископу Кизическому обращены его «Амбигвы к Иоанну» (628–630).

С созданием в VII в. фем К. вошел в фему Опсикий. В 671–678 гг., во время осады К-поля, К. был захвачен арабами. В 691 г. (в нек-рых источниках – в 688) имп. Юстиниан II поселил в окрестностях К. беженцев-киприотов во главе с архиеп. *Иоанном I* (*Theoph. Chron.* P. 365). Кафедра Кипрского архиепископа находилась в Нов. Юстиниане (или Артаке). Пято-Шестой (Трулльский) Собор в К-поле (691–692) на короткий период подчинил митрополита Кизического Кипрскому архиепископу: «...и епископ града Кизического да подчиняется предстоятелю реченного Юстинианополя, по приме-

ру всех прочих епископов, подвластных вышереченному боголюбнейшему предстоятелю Иоанну; от которого, когда потребно будет, и самого Кизика града епископ да поставляется» (*Mansi*. Т. 11. Col. 961–962).

Свт. *Герман I*, перед тем как стать патриархом К-польским, ок. 705/6–715 гг. занимал Кизическую кафедру. В работе VII Вселенского Собора (787), восстановившего иконопочитание, принимал участие Кизический митр. Николай (*Mansi*. Т. 13. Col. 381). Его преемником был защитник иконопочитания свт. *Емилиан* (точная дата его рукоположения неизв.). В 814 г., на праздник Рождества Христова, он в числе наиболее выдающихся деятелей К-польской Церкви принял участие в аудиенции у императора-иконоборца Льва V Армянина и вместе с другими противодействовал его претензиям на роль арбитра в церковных делах. В 815 г. Емилиан был отправлен императором в ссылку, где и скончался.

На территории Кизической митрополии находилось неск. мон-рей, самым известным из к-рых был Мегас-Агрос (близ Скиписиса, ныне Куршунлутепе), где подвизался прп. *Феофан Исповедник* († 818). Высказывались предположения, что находящийся недалеко от Мегас-Агроса мон-рь Полихний можно отождествить с мон-рем Полихроний, игуменом которого до начала миссионерской деятельности был равноап. *Мефодий*.

Кизический архиеп. Амфилохий был любимым учеником свт. Фотия, патриарха К-польского, к-рому тот посвятил трактат «Амфилохии» (скорее всего написан в 867–877).

В 902 г. К. разграбил араб. флот Льва Триполлийского.

Кизические митрополиты Игнаций и Димитрий известны как адресаты писем К-польского патриарха Николая I Мистика, написанных в его 2-е Патриаршество (912–925) (*Nikolaos I, Mystikos, Patriarch of Constantinople. Letters* / Ed. R. J. H. Jenkins, L. G. Westerink. Wash., 1973. P. 278, 428, 444–446, 478). Митр. Феодор Кизический был другом имп. *Константина VII Багрянородного* (913–959) (*Theodori metropolitae Syzici Epistulae: Accedunt epistulae mutuae Constantini Porphyrogeniti*. В.; N. Y., 2012). Сохранились его письма и Похвала сщмч. Власию, еп. Севастийскому (ВНГ, N 277k). Известный как строгий аскет К-польский патриарх *Василий I Скамандрин* (970–

974) основал мон-рь на р. Скамандр близ Кизика.

Димитрий, митр. Кизический (1-я пол. XI в.), визант. канонист и церковный писатель, упоминается в источниках в связи с деятельностью К-польского Патриархата, направленной против яковитов (участник Собора в Мелитине в 1030 г. и патриаршего Синода 1039 г., автор трактата о догматических заблуждениях яковитов и армян). Димитрий присоединился к митрополитам, предпринявшим попытку низложить К-польского патриарха Алексия Студита, к-рая окончилась неудачей. Кизический митр. Феофан принял участие в работе патриаршего Синода 1054 г. (RegPatr, N 869).

В 1063 г. землетрясение разрушило почти весь город. В 1081 г. К. разорили турки-сельджуки, в 1092 г. они опять захватили город, но его вскоре освободило войско имп. Алексея I Комнина. В 1113 г. сельджуки снова разграбили К.

Ок. 1204 г. митрополитом Кизическим с именем Кирилл стал писатель и дидакал патриаршей школы Константин Стилвис. Пострадавший в 1204 г. от крестоносцев К. был восстановлен ими в 1206 г.; в городе была учреждена лат. архиепископия. Ок. 1225 г. К. был отвоеван Никейским имп. *Иоанном III Дукой Ватацем*.

Во внутрицерковной жизни 3-й четв. XIII в. активно участвовали Кизические митрополиты *Феодор Скутариот* (до 1270–1283), поддерживавший Лионскую унию и написавший «Обзорную хронику», и *Даниил* (1283–1289) — антиуниат, сторонник, а впоследствии противник патриарха Григория II Кипрского (1283–1289).

В 1303–1304 гг. К. стал пристанищем для пиратов-каталонцев. Вскоре после 1335 г. город захватил султан Орхан. Митр. Афанасий Кизический (1324–1347), хотя и не сразу подписал томос Собора 1341 г., в посл. стал одним из последователей свт. *Григория Паламы*. Соронником Паламы был и митр. Арсений Кизический (1350–1369) (подписал томосы 1351 и 1368 гг., автор сочинения против Прохора Кидониса).

В связи с тем, что Кизические митрополиты в иерархии К-польского Патриархата были на одном из высших мест, многие из них в посл. занимали К-польскую кафедру. Если в поздневизант. период известны

только 3 Кизических митрополита, ставшие К-польскими патриархами (Нифонт I, Матфей I и приверженец Ферраро-Флорентийской унии Митрофан II), то в поствизантийский период — 7 (Паисий I (между 2 Патриаршествами), Кирилл IV, Анфим V, Мелетий III, Иоаким II, Григорий VII, Константин VI). Кроме того, Кизический митр. Иаков был избран Александрийским патриархом с именем *Иаков II*.

В период османского владычества большинство епископий Кизической митрополии были упразднены, а после запустения К. кафедра митрополии была перенесена в Артаку. Точное время этого события неизвестно; впервые об Артаке как о центре митрополии говорится в 1725 г. (Р. Жанен предположил, что это произошло уже после землетрясения 1063 г.— *Janin*. 1956. P. 1193; *Idem*. 1975. P. 194).

Кизический митр. Дионисий Палеолог, изгнанный турками с кафедры, уехал на Запад, но продолжал носить титул «архиепископ Кизический» (упом. в 1562–1584). Дионисий состоял на службе у герц. Козимо Медичи, а затем у Св. престола, посетил с дипломатическими миссиями Францию, Каталонию и Волынь. Недавно была доказана неправомочность отождествления Дионисия Палеолога, митр. Кизического, с Дионисием Ралли-Палеологом, митр. Тырновским (*Χασιώτης*. 2010. Σ. 664–670). В 1557 г. митр. Иоасаф Кизический привез Иоанну IV Грозному от К-польского патриарха Дионисия II частицы мощей вмч. Георгия Победоносца, вмч. Пантелеимона и ап. Варнавы (ПСРЛ. Т. 13. С. 275). В 1645 г. Кизический митрополит, названный в источниках Анемподистом (вместо Анфима), подарил царю Михаилу Феодоровичу частицы мощей Кизических мучеников (*Нуканор (Каменский), еп. Чебоксарский*. Кизический Казанский монастырь: Ист. очерк его 200-летнего существования. Каз., 1893. С. 169). Кизический митр. Кирилл во время пребывания в К-поле на 2 года поручил управление митрополией русскому по происхождению митр. Лаодикийскому Парфению (Небозе) († 1704).

В нач. XX в. на территории Кизической митрополии проживало 70 тыс. правосл. христиан, существовало 65 общин, в 71 церкви служили 98 священников. Кафедральный собор в Артаке был посвящен свт. Николаю Чудотворцу. В марте 1913 г. зап.

часть Кизической митрополии была выделена в Дарданельскую и Лампсакийскую митрополию. В 1920 г. в К. вошла греч. армия. В 1922 г., после поражения в греко-тур. войне, греч. население было вынуждено покинуть территорию Кизической митрополии. Последним митрополитом Кизическим был церковный историк *Каллиник* (Деликанис).

Епископы Кизические: Афродисий (III в.?), Феодосий (?) († незадолго до 251), прмч. Никон (?) († 251), сщмч. Сисиний († нач. IV в.), Феона (упом. в 325), Асхолий (2-я четв. IV в.), Германий (до 351, вполн. епископ Сирмийский), Елевсий (358–360; 362 – после 383), Евномий (360–362).

Митрополиты Кизические: свт. Прокл (426, вполн. патриарх К-польский), Далматий (426 – после 431), Диоген (упом. в 449, 451), Евифий (упом. в 458), Василиск (упом. в 494, 518), Евсевий (упом. в 536), Еврепий (упом. в 553), Стефан (упом. в 610), Иоанн (упом. в 628–630), Георгий (упом. в 681, 689), свт. Герман (ок. 705/6–715, вполн. патриарх К-польский Герман I), Николай (упом. в 787), свт. Емилиан (после 787–815), Иоанн (упом. в 825), Иаков (1-я пол. IX в.), аноним († 846), Антоний (после 846–859), Амфилохий (не позднее 861 – ранее 878, вполн. митрополит Никейский; † 878), Варнава (упом. в 869/70), Григорий (упом. в 879), Даниил (IX–X вв.), аноним (упом. в 906), Игнатий (между 912 и 925), Димитрий (упом. в 920–925), Феодор (925 – после 959), аноним (упом. в 1019), Димитрий (ранее 1028 – после 1043), Феофан (упом. в 1054), аноним (упом. в 1063), аноним (упом. в 1066), Роман (упом. в 1072), Симеон (ранее 1079 – после 1107), Константин (упом. в 1116), Михаил (XII в.), аноним (упом. в 1140), Феофил (упом. в 1143, 1147), Иоанн (упом. в 1156), Василий (упом. в 1166), Иоанн (упом. в 1170–1186), Георгий (упом. в 1191), Кирилл Стилвис (примерно с 1204), Стефан (XIII в.), Георгий (упом. в 1254–1261), Феодор Скутариот (до 1270–1283), Даниил (1283–1289), Мефодий (с 1289/90), Никон (?), Халамас (XIII в.), Никита Кападокиец (ок. 1300), Нифонт (до 1303–1310, в 1310–1314 продолжал управлять епархией, став К-польским патриархом с именем Нифонт I), Афанасий (1315–1350), Арсений (1351–1369), Феодорит (упом. в 1370), Севастиан (упом. в 1381–1386, бывш. митрополит Янинский), Матфей (1387–1397, вполн. патриарх К-польский Матфей I), Феогност (упом. в 1399–1405), Макарий (?) (упом. в 1409), Митрофан (до 1437–1440, вполн. патриарх К-польский Митрофан II), Парфений (40-е гг. XV в.), Феодосий (упом. в 1528), Дионисий Палеолог (сер. XVI в.), Иоасаф (упом. в 1560–1576), Ахиллий (упом. в 1580–1586), Дамаскин (упом. в 1593), Гавриил

(упом. в кон. XVI в., 1606), Парфений (1620–1633), Анфим (1633–1653), Паисий (1653–1654, бывш. патриарх К-польский Паисий I), Митрофан (1656–1675), Кирилл (1686–1711, вполн. патриарх К-польский Кирилл IV), Авксентий (1712–1724), Анания (1725 – после 1755), Герасим Хрисоскулеос (1769–1778), Агапий Грипарис (1778–1794), Иоанн (упом. в 1800), Иоаким (после 1800–1806), Макарий (1806–1811), Константин (Константий) (1811–1822), Захария (1823, вполн. митрополит Халкидонский), Матфей (1823–1831), Анфим (Хрисафидис) (1831–1841, вполн. патриарх К-польский Анфим V), Мелетий (Пангалос) (1841–1845, вполн. патриарх К-польский Мелетий III), Иоаким (Коккодис) (1845–1860, вполн. патриарх К-польский Иоаким II), Иаков (Панкостас) (1860–1861, вполн. патриарх Александрийский Иаков II), Никодим (Константинидис) (1861–1900), Константин (Хадзимарку-Александридис или Алексиадис) (1901–1903), Афанасий (Мегаклис) (1903–1909), Григорий (Зервудакис или Папаставрианос) (1909–1913, вполн. патриарх К-польский Григорий VII), Константин (Арабглу или Карадопулос) (1913–1922, вполн. патриарх К-польский Константин VI), Каллиник (Деликанис) (1922–1932).

Лит.: *Hasluck F. W.* Cyzicus: Being some account of the History and Antiquities of that city, and of the district adjacent to it, with the towns of Apollonia ad Rhynadum, Miletupolis, Hadrianutherae, Priapus, Zeleia, etc. Camb., 1910. P. 192–205; *Μακρής Γ. Κ.* Ἐκκλησιαστικὴ Ἱστορία τῆς Κυζίκου μέχρι τῶν καθ' ἡμᾶς χρόνων // *Μικρασιατικά Χρονικά*. 1955. Т. 6. С. 283–301; *Janin R.* *Cyzique* // *DHGE*. 1956. Т. 13. P. 1191–1196; *idem.* *Grands centres*. 1975. P. 192–214; *Le Quien*. OC. 1958. Т. 1. P. 747–768; *Laurent V.* *Κύζικος* // *ΘHE*. 1965. Т. 7. С. 1083–1085; *Mango C., Sevčenko I.* Some Churches and Monasteries on the Southern Shore of the Sea of Marmara // *DOP*. 1973. Т. 27. P. 235–277; *Fedalto.* *Hierarchia*. 1988. Vol. 1. P. 138–141; *Clive F. W. J. Ffoss.* *Kyzikos* // *ODB*. 1991. Vol. 2. Col. 1164–1165; *Σταυρίδης Β. Θ.* *Ἐπισκοπικὴ Ἱστορία τοῦ Οἰκουμενικοῦ Πατριαρχείου: Αἱ ἐνὸς τῆς Τουρκίας μητροπόλεις κατὰ τὸν 20ὸν αἰῶνα. Θεσσαλονίκη*, 1996. С. 91–101; *T. D.-B.* *Cyzicus* // *Brill's New Pauly: Encyclopaedia on Ancient World*. Leiden, Boston, 2004. Vol. 4. Col. 26–28; *Kiminas D.* *The Ecumenical Patriarchate: A History of Its Metropolitans with Annotated Hierarch Catalogs*. S. l., 2009. P. 76–77, 182; *Χασιάτης Ι. Κ.* *Ο μητροπολίτης Κυζίκου Διονύσιος Παλαιολόγος και η δράση του στη Δυτική και την Ανατολική Ευρώπη κατὰ τον 16ο αἰῶνα* // *Ἠπειρωτικά Χρονικά*. Ἰωάννινα, 2010. Т. 44. С. 575–676.

О. В. Л.

КИЗИЛТАШСКИЙ ВО ИМЯ СВЯТИТЕЛЯ СТЕФАНА СУРОЖСКОГО МУЖСКОЙ МОНАСТЫРЬ (Феодосийской и Керченской епархии), находится близ с. Краснокаменка (Кизилташ) Феодосийского р-на Крыма. Основан в 1856 г. архиеп. Херсонским и Таврическим свт. *Иннокентием* (*Бори-*

совым). Название получил от красных скал (Кизилташ – татар. «красный камень»), где расположены 2 пещеры. В зап. части совр. территории К. м. находится Разбойничья пещера, в к-рой в нач. XIX в., по легенде, скрывался Алим Азамат-оглу (его называли «крымским Робин Гудом»). К западу от нее – Священная пещера с источником, его вода считается целебной.

По преданию, в VIII в. на месте К. м. располагалась летняя резиденция свт. *Стефана*, архиеп. Сурожского (вполн. владыка был погребен в алтаре сурожского Софийского собора). В XV в. этот храм превратили в мечеть, но верующие укрыли мощи святителя от поругания. В XIII в. Крым стал частью Золотой Орды. Наместник золотоордынского хана передал территорию мон-ря венецианским торговцам. В 1365 г. этим местом владела Генуя. После того как во 2-й пол. XV в. поселения генуэзцев пришли в упадок, Судак и др. владения итал. торговцев были захвачены турками-османами. Христ. святые Кизилташа пребывали в заповедии. В сер. 20-х гг. XIX в. в целебном источнике Священной пещеры, к-рый почитался местными жителями различных вероисповеданий, пастух нашел икону Успения Пресв. Богородицы, вполн. перенесенную в монастырский храм (ее местонахождение неизв.). Чудесное обретение иконы не осталось без внимания паломников. Историк и этнограф П. И. Кёппен после путешествия по Крыму в 1837 г. писал, что «близ Отуз, верстах в шести от деревни, несколько вправо от дороги таракташской, есть в скале Кизилташской пещера глубиною на 17 шагов, которая иногда привлекает к себе богомольцев. В конце оной на столе, заменяющем алтарь, при образе лежит обломок беломраморной плиты величиною вершков в пять, на коем иссечен лик какого-то святого, судя по венцу, окружающему главу» (*Köppen*. 1837. С. 37).

Сер. XIX в. – 1917 г. Ок. 1851 г. близ пещер урочища Кизилташ поселились 2 странника: бывш. крепостной крестьянин из Калужской губ. Андроник и отставной вахмистр Пантелеимон. Андроник убедил кизилташского землевладельца доктора Виноградова продать участок земли (157 дес.) действительному статскому советнику М. И. Кашкадамову, к-рый передал ее в собственность

буд. кинонии. Архиеп. Иннокентий выделил 8 тыс. р. на приобретение земли, а также способствовал скорейшему утверждению сделки в законодательном порядке. Именно

на этом участке земли и был основан мон-рь.

В 1852 г. состоятельные прихожане из Феодосии и Судака подали архиеп. Иннокентию прошение об учреждении в Кизилташе «молитвенного пристанища или кинонии». В следующем году святитель посетил Кизилташ. Когда по его просьбе надворная советница Екатерина Виноградова пожертвовала буд. обители 3 дес. земли с лесом, святитель благословил отшельников Андроника и Пантелеимона начать строи-

тельство общежительной кинонии. Были сооружены молитвенный дом во имя свт. Стефана и 2 жилых помещения. В мае 1856 г. в обитель был назначен 1-й настоятель — иером. Арсений, насельник *Балаклавского во имя вмч. Георгия Победоносца муж. мон-ря*. В отчете в 1857 г. он писал о состоянии К. м.: «...кроме ветхого домика, имеется еще 4 землянки, покрытые черепицею, где помещалось 11 человек братии. Они были собраны Андроником, который как сам, так и другие, не умеют хорошо ни читать, ни петь по-церковному».

Архиеп. Иннокентий, скончавшийся в 1857 г., завещал на содержание крымских мон-рей 100 акций Русского об-ва пароходства и торговли. Часть этих акций полагалась и К. м. В том же году в кинонии была освящена глинобитная ц. во имя свт. Стефана Сурожско-

Кизилташский во имя свт. Стефана Сурожского муж. мон-рь. Хромофотография. Нач. XX в.

го. Андроник и Пантелеимон приняли монашество, после чего Андроник покинул мон-рь и отправился на Афон, а Пантелеимон (в монашестве Пахомий) оставался в К. м. вплоть до своей кончины (1874).

20 авг. 1858 г., после того как иером. Арсений был переведен в Ферапонтов муж. скит Измаильского у. Бессарабской губ., настоятелем К. м. стал игум. прмч. *Парфений*. В годы Крымской войны (1853–1856) он окормлял офицеров и солдат в зоне боевых действий, за храбрость получил награды от правительства и Синода. После войны иером. Парфений, обладавший познаниями в инженерном деле, разработал проект подъема кораблей, в сент. 1854 г. затопленных в Севастополь-

Кизилташский во имя свт. Стефана Сурожского мон-рь. Гравюра Э. Берндта и Бертрана. 1867 г. (Лейпциг)

ской бухте. За неск. лет трудами игум. Парфения в К. м. были построены монашеские кельи, 2 гостиницы для паломников, сооружена мельница, устроены огороды и виноградники, скотный двор, хлев для коров и конюшня, к обители проложили дороги. Помимо работ в К. м. с 1862 г. игум. Парфений участвовал в строительстве ц. во имя прмч. Параскевы в соседнем *Топловском жен. мон-ре* и являлся попечителем этой обители.

С учреждением самостоятельной Таврической епархии (16 нояб. 1859) при еп. Таврическом и Симферопольском *Алексии (Ржаницыне)* в К. м. ссылали провинившихся клириков. Поскольку духовная консистория не

выделяла средств на их содержание, все тяготы по обеспечению ссыльных ложились на плечи насельников. Так, игум. Парфений писал в отчете: «В Кизилташе все эпитимийцы пользуются наравне с братией: трапезой, чаем два раза в день и порциями водки или вина в известное время...»

Епархиальное начальство, направляя игум. Парфения в Кизилташ, полагало, что он сможет развернуть строительство в новооснованной кинонии, а также преодолет недоброжелательное отношение татар-мусульман, составлявших значительную часть населения Юж. берега Крыма. По свидетельству публициста и путешественника Е. Л. Маркова, «практический глаз Парфения скоро разоблачил плутни татар, управлявших судакскими садами русских владельцев и доводивших их почти всегда до грустного состояния. Некоторые из управляющих лишились своих мест по доброму совету Парфения». Кроме того, местные жители разоряли и монастырский лес. Когда в очередной раз игум. Парфений застал их на месте преступления (воровство), злоумышленники избили настоятеля. Обращения игум. Парфения к губернатору Тавриды А. А. Солнцеву и еп. Таврическому и Симферопольскому *Алексию (Ржаницыну)* оказались безрезультатны. Глава Таврической консистории прот. Григорий Брюховецкий не стал выяснять положение дел и в ответ на прошения игумена «отписал ему выговор» за «излишне прямые выражения, оскорбительные для должностных лиц».

22 авг. 1866 г. игум. Парфений был убит на пути из Судака в мон-рь. Чтобы скрыть следы преступления, злоумышленники сожгли тело настоятеля. Крестьянин Якуб из дер. Таракташ, искавший в лесу пропавших волов, встретил разбойников. Убийцы взяли с него клятву не выдавать их, запугали и даже по татар. обычаю заставили есть землю. Однако Якуб проговорился, и их схватили. Дело обвиняемых в убийстве игум. Парфения рассматривал Феодосийский военно-полевой суд. Трое были приговорены к смертной казни через повешение. Останки игум. Парфения были собраны и 2 дек. 1866 г. по благословию еп. Таврического *Алексия* погребены недалеко от мон-ря. На пожертвования судакской помещицы Д. И. Рудневой

и др. почитателей игумена был поставлен памятник из белого мрамора с чугунным крестом. Надпись на памятнике гласила: «Отец Парфений, игумен Кизилташской киновии, убит и сожжен таракташскими татарами 22 августа 1866 года на 51 году от рождения». В авг. 2000 г. Архиерейский Собор РПЦ причислил игум. Парфения к лику святых (пам. 22 авг.).

6 сент. 1866 г. К. м. возглавил иером. Николай (Левченко), в 1870 г. утверждён в должности настоятеля и 17 мая 1881 г. возведен в сан игумена. При нем насельники преобразовали в огороды и места для сенокосов ок. 7 дес. дикой земли. Шесть продольных террас, на которых располагались монастырские постройки, были обсажены фруктовыми деревьями. К этому времени мон-рь имел 35 голов скота, в искусственном пруду разводили карпов. В 1870 г. в К. м. была выстроена и в 1871 г. освящена летняя каменная ц. в честь Успения Пресв. Богородицы с колокольней, а в 1885 г. на месте 1-й глинобитной церкви сооружен зимний храм во имя св. Стефана Сурожского с ризницей, кельями для пономаря и послушников. К кон. XIX в. в Успенской ц. над царскими воротами находилась чтимая икона Успения Пресв. Богородицы, обретенная пастухом в сер. 20-х гг. XIX в. в источнике Священной пещеры.

При игум. Николае в К. м. был послан за некие провинности иером. Сампсон, знавший «как никто все грибные и ягодные места». Во 2-й пол. XIX в. фольклорист Н. А. Маркс записал сказание «Грибы отца Самсония», посвященное иеромонаху. Этот рассказ, включенный в сборник легенд Крыма, возможно, основан на реальных событиях и свидетельствует о нравах, сложившихся в обители. По словам Маркова, игум. Николай — «человек не книжный, но зато бравый и деятельный хозяин, который отлично знает, как прививать черенки, как объездить лошадь, как подкараулить татарина на порубке монастырского леса. Он говорил с большим одушевлением о своей скотине, особенно о ее необыкновенной сметливости, о своих коммерческих проектах, об урожае, о воровстве татар. Он был в миру торговым человеком и не покинул своих практических вкусов, надев рясу». Игум. Николай был уличен в пьянстве, и 14 сент. 1889 г. киновию возглавил иером. Митрофан.

13 мая 1890 г. настоятелем К. м. стал иером. Илия, бывш. духовник *Киево-Печерской лавры*. При нем были выстроены 3-этажный корпус с подвалом и неск. келий и флигелей, расчищен сероводородный источник, над к-рым поставлен деревянный сруб. В том же году игум. Илия обратился к еп. Таврическому и Симферопольскому Мартиниану (Муратовскому) с просьбой передать К. м. земельный участок в 300 дес. В прошении игумен сетовал на недостаток пахотной и пастбищной земли, а также обещал епископу на выделенном участке учредить начальную церковную школу для обучения 25 мальчиков. Еп. Мартиниан отказал игум. Илию, посчитав, что у монастыря достаточно земельных владений. Получив отказ преосвященного, игумен нашел способ расширить угодья монастыря, купив на собственные средства 70 дес. леса. В кон. окт. 1892 г. игум. Илия по болезни был уволен на покой, 14 сент. 1893 г. на его место назначен иером. Маркиан.

К нач. XX в. К. м. располагался на 7 террасах, разбитых на горных склонах. Ему принадлежало 227 дес. земли (248 га), ок. 10 га занимали огороды, сад и виноградник. В монастырском хозяйстве имелось ок. 40 голов крупного рогатого скота, лошади, козы и домашняя птица. В саду рос ливанский кедр. На территории мон-ря находились 3 пруда, источник в Священной пещере, а в балке — Монастырский ручей (Лагым-Узень). Были устроены колодцы близ Успенского храма и в Разбойничьей пещере (сохранился). У сероводородного источника на монастырской территории братия построила грязелечебницу. На 1894 г. доход обители составлял 18 179 р. 79 к.; чистая прибыль — 3960 р. 53 к. 21 марта 1905 г. имп. Николай II повелел приписать обители 232,7 кв. саж. земли в Феодосии для устройства подворья.

К. м. посещали имп. Николай II с семьей, художники И. К. Айвазовский, К. Ф. Богаевский, а также кн. Л. С. Голицын, считающийся основоположником рус. виноделия в Крыму.

К 1894 г. в К. м. проживали 65 насельников, к 1904 г. — игумен, 21 монах, 31 послушник. Со 2-й пол. 90-х гг. XIX в. в К. м. усугубился конфликт между насельниками. В 1897 г. часть братии во главе с монастырским свящ. Никитским, иером. Афанасием, иеродиаком. Антонием и иеро-

диаком. Трифоном стала выражать недоверие настоятелю иером. Маркиану, к-рый, по их мнению, злоупотребляя служебным положением, допускал финансовые нарушения, поощрял доносы, осуществлял незаконное вскрытие и чтение писем иноков. Решением Таврической духовной консистории свящ. Никитский был переведен «на черные работы» в *Космы и Дамиана муж. мон-рь* в Алуште, иером. Афанасий сослан в *керченский Катерлезский во имя вмч. Георгия мон-рь*, иеродиаконам Антонию и Трифону сделан выговор. В нач. XX в. настоятелем был назначен игум. Сергей, казначеем — иеродиаком. Мирон, но им не удалось разрешить внутренние конфликты. В марте 1906 г. новым настоятелем стал бывш. экононом архиерейского дома иером. Аркадий. Очередные зачинщики беспорядков, монахи Мамант и Максим, были переведены в *Инкерманский во имя свцмч. Климента и Бахчисарайский в честь Успения Пресв. Богородицы* монастыри. В февр. 1907 г. на подворье в г. Феодосия были зверски убиты мон. Еразм и послушник Александр Гостищев. На месте преступления был найден окровавленный топор, но виновников обнаружить не удалось.

1917–2013 гг. 22 апр. 1920 г. К. м. был разграблен, возможно бандами анархистов, скрывавшимися в горах во время гражданской войны; из обители похищены деньги, документы, сберегательные книжки и процентные банковские бумаги на сумму 83135 р.

К кон. 1920 г. на территории К. м. проживали архим. Мелхиседек, иеромонахи Дорофей (Тригуб), Моисей (Сидоренко), Клим (Лучкин), Григорий (Свищев), Михаил (Иваницкий), Александр (Скляревич), Феодор (Бабенко), Макарий (Кобец), Кирилл (Мосеенко) и Иоасаф (Железняк), 9 иеродиаконов, 2 схимонаха, 14 монахов и 10 послушников, псаломщик Г. Цильбербер, а также садовник М. Русяковский с женой, доярки А. Злаченова и Н. Каменкова. Нек-рое время в К. м. подвизался иеродиаком. прмч. *Антоний (Корж)*, в посл. арестованный и расстрелянный в 1938 г. В 1997 г. определен Свящ. Синодом УПЦ он был причислен к лику местночтимых святых Крымской епархии, на Архиерейском Соборе РПЦ 2000 г. установлено общецерковное почитание.

В 1920 г. в нек-рых постройках обители разместилась детская трудовая колония им. М. И. Калинина. Вскоре насельники зарегистрировались как трудовая община. 7 мая 1921 г. постановлением Феодосийского уездного революционного комитета в бессрочное безвозмездное пользование «Кизилташской трудовой общине» были переданы здания 2 монастырских церквей. В документах советских органов мон-рь назывался «бывшим», а братия — «гражданами Кизилташской трудовой общины». 5 окт. 1923 г. решени-

Церковь во имя прп. Серафима Саровского Кизилташского мон-ря. Фотография. 2011 г.

ем Крымского центрального исполнительного комитета Советов рабочих, крестьянских, красноармейских и военно-морских депутатов обитель была ликвидирована, здания переданы сельскохозяйственной артели из с. Отузы (ныне пос. Щebetовка Феодосийского р-на), храмы переоборудованы под клуб и общежитие, в 1928 г. купола сбиты. В дек. 1926 г. тот же исполком принял решение: «Успенскую и Серафимскую церкви бывшаго Кизилташского монастыря в Судакском районе, как фактически закрытые в 1923 г. в момент закрытия монастыря считать ликвидированными». Последний настоятель К. м. иером. Софроний (Дубинин) некоторое время окормлял небольшую жен. общину в районе Кизилташа, затем был сослан в Чернигов, где вскоре скончался. В 1930–1941 гг. территорию Кизилташа занимал дом отдыха ВВС Московского военного окр. Во время Великой Отечественной войны (1941–1945) в мон-ре находилась база феодосийского партизанского отряда, в 1945–1950 гг. — санаторий Московского военного окр. Во 2-й пол. 40-х гг. XX в. ряд населенных пунктов Крыма подвергся переименованиям. Так, в 1948 г. с. Кизилташ стало называться Крас-

нокаменкой. В 1950 г. по распоряжению зам. председателя Совета министров СССР Л. П. Берии все сооружения бывш. мон-ря были взорваны, в скалах прорублены ходы и размещен арсенал ядерных боеголовок Черноморского флота. Военный городок подчинялся непосредственно 12-му Главному управлению Мин-ва обороны СССР. В 1992 г. ядерный арсенал был вывезен из Крыма.

В 1995 г. в здании Дома офицеров Краснокаменки было совершено пасхальное богослужение; 28 июля 1995 г. для служения на территории военного городка был переведен из 1-й бригады морской пехоты Вооруженных сил

Украины свящ. Николай Демьянюк. 15 апр. 1997 г. в ходе расширенного заседания Свящ. Синода митр. Симферопольский

и Крымский *Лазарь (Швец)* доложил об открытии К. м. 29 окт. 1998 г. Государственный комитет Украины по делам религий зарегистрировал устав обители. В дек. 1998 г. в симферопольском Свято-Троицком кафедральном соборе настоятель обители свящ. Н. Демьянюк был пострижен в монашество с именем Никон, в 2002 г. возведен в сан игумена.

На месте бывш. монастырского пастибища построена и освящена ц. во имя Всех святых Киево-Печерских (2002), в к-рой хранятся частицы мощей святителей Иннокентия (Борисова), Луки (Войно-Ясенецкого), патриарха свт. Тихона (Беллавина), великомучеников Пантелеимона и Георгия Победоносца, прп. Агапита Печерского, блгв. кн. Александра Невского и др. Построены деревянная ц. во имя прп. Серафима Саровского (2008–2010), братский корпус, трапезная, дом настоятеля, б-ка, хозяйственные службы. На старом фундаменте восстанавливается собор свт. Стефана Сурожского. В 2013 г. площадь монастырских владений составляет 8,2 га. Подворьем К. м. является храм в честь Покрова Пресв. Богородицы (1819–1828) в г. Судак.

Арх.: ГА Автономной Респ. Крым. Ф. 118. Оп. 1. Д. 6200. Л. 157; Ф. 443. Оп. 2. Д. 1. Л. 6–7; Ф. 118. Оп. 1. Д. 3430. Л. 1–67; Ф. 663. Оп. 10. Д. 9. Л. 8–10; Д. 812. Л. 132; Д. 813. Л. 48, 54.

Ист.: Высочайшее соизволение на принятие Кизилташской киновией усадебного места // Таврические Ев. 1904. № 7. С. 463; Высочайшее повеление на принятие Кизилташской киновией участка земли // Там же. 1905. № 11. С. 756.

Лит.: *Kёppen П. И.* Крымский сб.: О древностях Южного берега Крыма и гор Таврических. СПб., 1837; Херсонские ГВ. 1853. № 20; Таврические ГВ. 1853. № 25; Описание киновии Св. Исповедника Стефана Сурожского (Судакского), или Кизильташ в Крыму. Феодосия, 1893; *Маркевич А. И.* Неск. слов о деятельности в Тавриде Иннокентия, архиеп. Херсонского и Таврического // Изв. Таврической УАК. 1901. № 31. С. 30–57; *Марков Е. Л.* Очерки Крыма: Картины крымской жизни, природы и истории. СПб., 1902³; *Денисов.* 1908. С. 795–796; *Маркс Н. А.* Легенды Крыма. Симферополь, 1990. Вып. 1. С. 33–35, 42; *Медведев А., прот.* Благословенный лик Тавриды. Симферополь, 1993; *Катунин Ю. А.* Из истории христианства в Крыму: Таврическая епархия (2-я пол. XIX — нач. XX в.). Симферополь, 1995; *он же.* Мон-ри Крыма в XIX–XX вв.: (По мат-лам крымских архивов). Симферополь, 2000. С. 42–55; *Доненко Н., прот.* Претерпевшие до конца. Симферополь, 1997. С. 55–59; *Тур В. Г.* Крымские правосл. мон-ри XIX — нач. XX в.: История, правовое положение. Симферополь, 1998; Правосл. мон-ри России: Кр. справ. Новосиб., 2000. С. 184; *Крючин В.* Мон-рь на атомной бомбе // Русский дом. М., 2002. № 11. С. 18–20; *Доненко Н., прот., Ясельская Л. А.* Свято-Стефано-Сурожский Кизилташский мужской мон-рь // Православные мон-ри: Симферопольская и Крымская епархия УПЦ(М). Симферополь, 2007. С. 345–378.

Д. Б. К.

КИЗИЧЕСКИЕ МУЧЕНИКИ

[греч. ἑννέα μάρτυρες ἐν Κυζίκῳ ἁθ-λῆσαντες] († ранее 313) (пам. 29 апр.; пам. греч. 28 апр.; пам. визант. 4 апр.). Мученичество 9 святых, пострадавших в Кизике, к-рых звали Феогнад, Руф, Антипатр, Феостих, Артема, Магн, Феодот, Фавмасий и Филимон, сохранилось в дометафрастовском Минологии Patm. 254 (X в.). Краткие Жития этих святых содержатся в визант. Синаксарях и в Минологии имп. Василия II. К. м. происходили из разных городов; за проповедь христианской веры они были схвачены и приведены на суд к не названному по имени наместнику Кизика. Святые отказались принести жертвы и обличали идолопоклонство. Наместник велел подвесить их, строгать и прижигать свечами. К. м. стойко переносили мучения, громко призывая Господа. Затем наместник приказал бить их жезлами. Видя непреклонность К. м., он заключил их в темницу. Спустя

7 дней мучеников опять привели на допрос. Снова получив отказ совершить жертвоприношение, наместник велел влачить их по терниям, а затем отсечь им головы. Один благочестивый муж выкупил у стражников тела К. м. и предал их погребению. Над их гробницей была построена церковь, и от мощей святых совершались многочисленные чудеса. Автор Мученичества

*Девять мучеников Кизических.
Икона. Кон. XVIII в. Палех
(частное собрание)*

подробно описывает исцеление ослабленного, к-рого по его просьбе положили на гробницу К. м., и выздоровление знатного жителя Кизика от горячки и дизентерии после молитвы у мощей святых. Описание 1-го чуда содержит заимствования из 4, 25, 30, 31 и 33-го чудес бессребреников Космы и Дамиана (Kosmas und Damian / Einlt. von L. Deubner. Lpz.; B., 1907. S. 107, 164, 174, 176, 182), а 2-е чудо имеет дословные совпадения с 5-м и 16-м чудесами бессребреников Кира и Иоанна (PG. 87/3. Col. 3432, 3433, 3472). Также в Мученичестве говорится, что в этой церкви исцелялись парализованные и бесноватые. Впосл. к К. м. обращались с молитвой при заболевании лихорадкой.

Ни в одном из источников не указано время, когда пострадали К. м. В Четых-Минях свт. *Димитрий* Ростовский упоминает о том, что казнь К. м. произошла за неск. лет до воцарения равноап. имп. Константина I Великого, однако это только его предположение. Поэтому датировка их кончины в совр. календаре РПЦ 286–299 гг. (1-й половиной правления Диоклетиана и Максимиана) является условной.

*Девять мучеников Кизических.
Икона. 1-я четв. XIX в.
(Музей рус. иконы, Москва)*

В тексте Мученичества в рукописи Patm. 254 указано, что святые пострадали 4 апр. В греч. печатной Минее (Венеция, 1603) сведения о К. м. помещены под 28 апр. Под этой датой память К. м. вошла в «Синаксарист» прп. Никодима Святогорца и в совр. календари греч. Церквей. В большинстве визант. календарей имена К. м. указаны 29 апр. Эта дата закрепилась в совр. календаре РПЦ.

В России К. м. особо активно почитались во 2-й пол. XVII в. Поскольку святые считались целителями от лихорадки, то в 1687 г., во время эпидемии этой болезни в Казани, *Адриан*, митр. Казанский и Свяжский (впосл. патриарх Московский и всея Руси), предложил общему городскому совету поставить ц. во имя К. м. Строительство деревянного храма было завершено к июлю 1688 г. После этого эпидемия пошла на убыль и вскоре совсем прекратилась. Храм стал местом массового паломничества, по ходатайству митр. Адриана здесь был основан *казанский Кизический в честь Введения во храм Пресвятой Богородицы мужской мон-рь*. Став патриархом, Адриан продолжал заботиться об этой обители. Так, в июле 1693 г. мон-рю были переданы частицы мощей К. м., подаренные в 1645 г. царю Михаилу Феодоровичу Кизическим митр. Анемподистом (по греч. источникам, Кизической епархией в то время управлял митр. Анфим) (*Никанор (Каменский)*, еп. Кизический Казанский мон-рь: Ист. очерк его 200-летнего существования. Каз., 1891. С. 169). Об этом сообщается в утраченной кн. «Спирида, или Кош-

ница» (1691), написанной ктиторм Кизического мон-ря иеродиаком Стефаном (Сахаровым). В книгу входили служба К. м., Слово об их мучениях и рассказ об устройении мон-ря в Казани. Содержание книги известно благодаря цитатам, приведенным в исследовании еп. Никанора «Кизический Казанский монастырь». Эта реликвия была утрачена в 20-х гг. XX в. В наст. время в казанском Кизическом мон-ре хранится икона с частицей мощей К. м., недавно подаренная московской церковью Кизических мучеников.

По просьбе патриарха Адриана в 1694 г. свт. Димитрий Ростовский составил службу К. м. и написал Слово на день памяти этих святых (*Державин А., прот.* Четии Миней свт. Димитрия, митр. Ростовского, как церк.-ист. и литературный памятник // БТ. 1976. Т. 15. С. 99, 111; СККДР. Вып. 3. Ч. 1. С. 262).

В Москве 1-я деревянная церковь во имя К. м. была построена в 1697 или 1698 г. недалеко от Новинского вала. Ее возвели по обету патриарха Адриана после его исцеления в 1696 г. от паралича, к-рое он связывал с чудесной помощью К. м. В правление имп. Анны Иоанновны деревянная церковь сгорела, в 1732–1735 гг. рядом было построено совр. каменное здание, в 1736 г. был освящен придельный престол во имя арх. Михаила, а в 1738 г. — главный престол во имя К. м. В 1929 г. храм был закрыт; его передали городской жен. тюрьме, располагавшейся по соседству, а затем — ОГПУ. В 70-х гг. XX в. здание храма занимало учреждение «Гипробытпром»; в 1976–1979 гг. была проведена реставрация церкви, на купол был возвращен крест. Передача храма РПЦ состоялась в 1992 г., богослужения в нем возобновились с апр. 1994 г. В 2004 г. из ц. св. Иоанна Предтечи на Пресне была возвращена храмовая икона — образ К. м. с частицей мощей этих святых. В Москве известен еще один храм, посвященный К. м., — домовая церковь гр. В. Г. Орлова, которая была построена в связи с эпидемией чумы 1771 г. Кроме того, придел во имя К. м. имеется в ц. Вознесения Господня за Серпуховскими воротами. Каменную церковь начали строить в 1696 г. на средства царевича Алексея Петровича. Видимо, посвящение придела связано с особым почитанием К. м. при патриархе Адриане (*Паламар-*

чук П. Г. Сорок сороков. М., 1994. Т. 2. С. 110–111; 1995. Т. 3. С. 123, 149–150). В 1696 или 1697 г. был устроен придел во имя К. м. в новгородском Николо-Дворищенском со-

Девять мучеников Кизических.
Икона. Сер. XVIII в. Мастер И. Фёдоров
(ЦАК МДА)

боре (Круговых Л. Н. История приделов Николо-Дворищенского собора // НИС. 1999. Вып. 7(17). С. 174–178).

Кроме того, частицы мощей К. м. были вложены в икону этих святых в Успенском соборе Астрахани (из иконостаса нижнего храма в честь Владимирской иконы Божией Матери). В Вышенском мон-ре также находились икона и ковчег с частицами мощей К. м.

Ист.: ВHG, N 2386; ActaSS. Apr. 1675. T. 3. P. 617; PG. 117. Col. 429; SynCP. Col. 637–638; Lackner W. Eine unedierte Passion der neun Märtyrer von Kyzikos (ВHG 2386) // JÖB. 1973. Bd. 22. S. 45–48 [текст]; Νικόδημος. Συναξαριστής. 1998⁴. Τ. 4. Σ. 284; ЖСв. Apr. С. 466–471. Лит.: Сергий (Спасский). Месяцеслов. Т. 2. С. 125; Sauget J.-M. Rufo, Filemone, Antipatro, Magno, Teodoto, Teostico, Artemas, Tomasio e Teognide // BiblSS. 1968. Vol. 11. Col. 488–489; Lackner W. Eine unedierte Passion der neun Märtyrer von Kyzikos (ВHG 2386) // JÖB. 1973. Bd. 22. S. 37–45 [исслед.]; Σαφρόνιος (Εὐστρατιάδης). Ἀγιολόγιον. Σ. 173; Ἀγαθάγγελος, ἐπ. Φαναρίου. Συναξαριστής τῆς Ὀρθοδόξου Ἐκκλησίας. Ἀθήναι, 2005. Τ. 4: Ἀπρίλιος. Σ. 315; Μακάριος Σιμωνοπερίτης, ἱερομόν. Νέος Συναξαριστής τῆς Ὀρθοδόξου Ἐκκλησίας. Ἀθήναι, 2007. Τ. 8: Ἀπρίλιος. Σ. 266.

О. В. Л.

Иконография. Древнейшим в рус. традиции изображением К. м. следует считать образ «Девяти Кизических мучеников» со Спасителем «в облаце» из числа икон, находившихся весной 1584 г. «в чердаке» государева дворца в Московском Кремле (Опись домашнему имуществу. 1850. С. 3; о датировке документа см.: Жаринов Г. В. О происхождении т. н. «Описи имуществу царя Ивана

Васильевича...» // Архив РИ. 1992. Вып. 2. С. 178–183). Икона имела серебряный золоченый оклад со скаными венцами, вероятно рус. работы. Неизвестно, была ли она рус. письма; однако тот факт, что икона находилась в личных покоях царя Иоанна IV Васильевича, дает возможность предполагать ее связь с дарителями самого высокого ранга: митрополит Кизика, напр. свт. Иоасаф («митрополит Иасаф Кизицкой»), мог привезти образ К. м., покровителей города и митрополии, в сент. 1557 г. (ПСРЛ. 1906, 2000^р. Т. 13. С. 275). После 1584 г. эта икона была передана «Борису Феодоровичу» (Опись домашнему имуществу. 1850. С. 3). Несомненно, имеется в виду боярин Б. Ф. Годунов, брат царевны Ирины Феодоровны и шурин буд. царя Феодора Иоанновича. В сер. XVII в. в Образной палате находилась икона «Девяти мученик, иже в Кизице» в басменном окладе с серебряными венцами, описание к-рой несколько отличается от того, что дано в «Описи имущества царя Иоанна IV». После посещения Образной палаты 2 апр. 7184 (1676) г. царь Феодор Алексеевич «сеи образ изволил взять... в свои великого государя хоромы» (Успенский. 1902. С. 20); судьба иконы во дворце, к-рый неоднократно перестраивался в XVIII–XIX вв., неизвестна. Композиция ее также неясна; возможно, к ней восходит прорись Сийского иконописного подлинника (кон. XVI в.), в к-рой К. м. без к.-л. атрибутов предостоят в 2 ряда Нерукотворному образу Спасителя.

Строительство храмов во имя К. м. могло способствовать написанию их икон. Первые из храмов, деревянные — в Казани (1688) и Москве (1698), были связаны с патриархом Адрианом, бывш. митр. Казанским и Свияжским, приславшим мощи К. м. («Кизикопольских», согласно надписи на утраченной иконе из казанского Кизического в честь Введения во храм Пресв. Богородицы муж. мон-ря — Никанор (Каменский), архиеп. 1891. С. 11). Мощи были помещены в икону К. м., также присланную из Москвы от патриарха в 1693 г., как об этом можно было судить по надписи на иконе К. м. с частицей их мощей, некогда находившейся в нижнем храме в честь Владимирской иконы Божией Матери Успенского собора Астрахани (Там же. С. 13). Оклад на икону в казанском Кизическом мон-ре был сделан ктитором иером. Стефаном (Сахаровым) в нач. 90-х гг. XVII в. (возможно, между 1693 и 1695, годом присылки иконы с мощами К. м. и вклады драгоценной утвари). Оклад украшали «виршы» — надписи в стихотворной форме, вероятно сочиненные заказчиком, в которых прославлялись Пресв. Богородица и К. м. как Ее служители. Предположительно надписи были заключены в самостоятельные обрамления-картуши (?) на полях иконы. Эта

икона в казанском Кизическом мон-ре не сохранилась, ныне ее заместительницей считается икона К. м. XIX в. (возможно, палехского письма). Сохранилась гравюра мастера Л. К. Бунина с изображением К. м. 1692 г. (Д. А. Ровинский указывает листы из Публичной б-ки, из собрания В. И. Даля и повтор 1801 г. из АН (Ровинский. Народные картинки. Кн. 3. С. 575), ставшая образцом для копий (там же упом. гравированный лист «другого перевода» сер. XVIII в. из собраний А. В. Олсуфьева, Даля, из Публичной б-ки и АН, где все образы К. м. сопровождаются «виршами» — Там же. С. 576).

В Новое время почитание К. м. и строительство каменных храмов в их честь известно в городах Поволжья, Костроме, Романове (ныне Тутаев); их иконы получили широкое распространение. В иконописных подлинниках изображения К. м. могли отличаться друг от друга, но в сводном варианте предлагалась схема, характерная для большинства известных икон К. м. XVIII–XIX вв. Она была разработана на основе пространного Слова о мучениях К. м. из кн. «Спирита» (Филлимонов. Иконописный подлинник. С. 332). Девять святых изображены в воинских и мирских облачениях: на 1-м плане коленапреклоненные, стоящие за ними обращены к полуфигуре Иисуса Христа в небесном сегменте, Который благословляет мучеников, над их головами написаны венцы, подобные царским коронам. На всех иконах сходны позы, жесты и одни и те же атрибуты у персонажей. Святые старшего возраста уподоблены апостолам («Феогид, подобием сед, аки Андрей апостол... Руф... аки Матфе Евангелист» — Там же. С. 331), молодые — воину вмч. Димитрию Солунскому. На иконах XVIII в. могут преобладать резкие цветовые контрасты в соответствии с господствующим стилем барокко, как, напр., на иконе сер. XVIII в. костромского изографа И. Ф. Липина (ЦАК МДА), или изящные, в стиле рокайль, сетчатые золоченые орнаменты, как на иконе кон. XVIII в. (собрание банка «Интеза», палатцо Леони Монтанари, Виченца); варьируются архитектурные детали фона: интерьер купольного храма, или перспектива в арочном проеме (Музей рус. иконы, Москва), или закрытые царские врата. В связи с почитанием К. м. как исцеляющих от «трясовицы» (лихорадки) большинство икон было наиболее востребованного небольшого размера. На иконе Липина в картуше у нижнего края помещен текст молитвы за «государыню Елизавет Петровну» и всех православных от «трясовицы». На иконе палехского письма кон. XVIII в. (частное собрание, Москва) с выразительным мелочным письмом «вирши» с подписями по традиции размещены в картушах по полям, в центре — патрональный святой, к к-рому, как и к Спасителю, обращены К. м.

В иконописных подлинниках Новейшего времени внешность и одеяния К. м. предписывалось передавать согласно национальному типу: «Феогид: типа греческого... Руф: типа римского... Феостих: типа сирийского» (*Фартусов. Руководство к писанию икон. С. 263*). В кон. XIX в. к иконе К. м. обратились вновь в связи с тем, что 29 апр. 1891 г., в день памяти этих мучеников, произошло покушение на цесаревича Николая Александровича в г. Оцу (Япония). На иконах, посвященных прославлению чудесного спасения наследника, образы К. м. были соединены с образом небесного покровителя буд. государя, свт. Николая, архиеп. Мирликийского, как на иконе, написанной учителем рисования Оренбургской гимназии М. Н. Кормильцевым и поднесенной имп. фамилии (кон. XIX в., происходит из Аничкова дворца С.-Петербурга, ныне — Самарский обл. историко-краеведческий музей им. П. В. Алабина). На совр. иконах, в т. ч. греч. письма, К. м. могут быть изображены в неск. рядов как воины, священники и миряне разных возрастов.

Ист.: *Опись домашнему имуществу царя Ивана Васильевича, по спискам и книгам 7090 и 7091 гг. // ВОИДР. 1850. Кн. 7. Смесь. С. 1–46; Успенский А. И. Церковно-археологическое хранилище при моск. дворце в XVII в. М., 1902.*

Лит.: *Никанор (Каменский), архиеп. Кизический Казанский монастырь: Ист. очерк его 200-летнего существования. Каз., 1891; Локровский Н. В. Сийский иконописный подлинник. СПб., 1896. Вып. 2. С. 29; Icone russe: Gallerie di Palazzo Leoni Montanari / A cura di S. Pigovano. Mil., 1999. Cat. 78. P. 266–267; Icone russe: Collezione banca Intesa: Cat. ragionato. Mil., 2003. T. 2. Cat. 171. P. 378–379; Костромская икона XIII–XIX вв. / Сост.: Н. И. Комашко. М., 2004. Кат. 233. С. 597; Красилин М. М. Рус. икона XVIII — нач. XX вв. // Евсеева Л. М., Красилин М. М. и др. История иконописи VI–XX вв.: Истоки, традиции, современность. М., 2010². С. 218. Ил. 19; Иконы «романовских писем»: Тайны и открытия забытой традиции Ярославской земли / Авт.-сост. И. Л. Хохлова. М., 2011. Кат. 25. 31.*

М. А. Маханько

КИЗЛЯРСКИЙ В ЧЕСТЬ ВОЗДВИЖЕНИЯ КРЕСТА ГОСПОДНЯ ЖЕНСКИЙ МОНАСТЫРЬ (Махачкалинской и Грозненской епархии), находится в г. Кизляр (Республика Дагестан). Первоначально мужской.

1736–1908 гг. Точная дата основания неизвестна. На ранних планах отведенной обители земли и монастырских построек, к-рые датируются 1736 и 1738 гг., записано, что в Кизляре «имеется мужской монастырь в память Воздвижения Честнаго и Животворящего Креста Господня, возникший здесь одновременно с самим городом» (*Максимов. 1904. С. 306–307*). В сообщении Свя-

тейшего Синода 1749 г. в Сенат указано, что обитель построена в 1738 г. (цит. по: *Попов. 1904. № 12. С. 222*), по др. данным — ок. 1740 г. (*Саввинский. 1905. С. 185*). В церковно-адм. переписке 60-х гг. XVIII в. К. м. именовался Грузинским или Ставропольским (*Попов. 1904. № 12. С. 223*).

Устроителем К. м. был игум. Даниил, происходивший из груз. княжеской фамилии. В 30-х гг. XVIII в. он прибыл в Прикаспийский край

Кизлярский в честь Воздвижения Креста Господня жен. мон-рь. Фотография. 2012 г.

вместе с другими груз. переселенцами. В 1738 г., после посещения С.-Петербурга, игум. Даниил был назначен настоятелем строящейся обители. В К. м. хранилась икона Божией Матери «Знамение», привезенная им из Грузии. В 1739 г. еп. Астраханский Иларион († 1755) возвел игум. Даниила в сан архимандрита. По словам настоятеля, мон-рь помогал грузинам, прибывавшим из Закавказья, и содействовал «освобождению (выкупу) христиан из турецко-крымского, персидского и горского плена» (*Васильев. 1986. С. 93*). Указом Синода 1744 г. архим. Даниилу выражалась благодарность за то, что он «на собственные деньги и за монастырский кошт, на 1557 рублей, выкупил пленных, кои довольствовались в монастыре хлебом и одеждою» (Там же). Среди выкупленных пленников были и мусульмане. Архим. Даниил нередко выступал восприемником изъявивших согласие принять крещение. Архиеп. Манглицкий Иоанн (Саакадзе), поселившийся в 1747 г. в К. м. на покое, организовал при обители школу, «в которой обучались грамоте и началам христианской религии дети осетин, кабардинцев, черкесов и других горцев. Это была первая русская школа на Кавказе для обучения детей кавказских народностей» (Там же. С. 102).

Архим. Даниил неоднократно обращался к Астраханскому еп. Илариону с различными ходатайствами: просил наделить мон-рь земельными, лесными и водными угодьями, заказывал строевой лес, испрашивал церковную утварь. Так, в 1752 г. архим. Даниил приезжал в Астрахань для встречи с еп. Иларионом. По просьбе настоятеля охрану монастыря стал обеспечивать караул, предоставленный комендантом Кизлярской крепости. Сам архимандрит «раза по два и по три в каждой ночи обход чинил вокруг церкви»; в 1757 г. подвергся

нападению злоумышленников. Помимо настоятельского послушания архим. Даниил ок. 20 лет являлся присутствующим в

Кизлярском духовном правлении, занимаясь делами о расколе и следственными делами в отношении священников.

После кончины архим. Даниила (20 апр. 1760) настоятелем (1760–1774) стал выходец из Московской губ. иером. Иероним, при к-ром мн. монашествующие грузины уехали на родину. В 1763 г. в качестве присутствующего в Кизлярском духовном правлении архим. Иероним объезжал казачьи городки для увещевания 740 чел., уклонившихся от ежегодной исповеди.

К. м. не был штатным и не получал средств из казны; для обеспечения мон-ря при его основании была отведена пахотная земля в степи за р. Бороздой (4×3 версты), прежде принадлежавшая Кизлярской крепости и находившаяся в запустении «по непригодности»; под огород выделен участок «площадью 1 верста на 100 сажень». Основной доход К. м. получал от виноградников. Также мон-рю принадлежали лавки, к-рые арендовали торговцы, и рыбные ловли, отдававшиеся на откуп (взимался натурой и деньгами). Губ. канцелярия отпускала на содержание мон-ря 254 р. и 13 порций хлебного жалованья, причём «по тамошнему пограничному месту как денег, так и хлеба в остатке не бывает» (*Саввинский. 1905. С. 191*). В 1764 г. Си-

нод удовлетворил ходатайство Астраханского и Ставропольского еп. Мефодия († 1776) об оставлении заштатного К. м. на прежнем содержании.

В 1777 г. настоятелем К. м. был назначен архим. Порфирий (Багратиони; † 1789), правнук Вахтанга IV, племянник католикоса-патриарха Вост. Грузии *Антония I*, сын грузинского царевича, принявшего российское подданство и проживавшего в Кизляре. В 1767 г. архим. Порфирий прибыл в Кизляр, «желая остаться вечно» в российском подданстве, получил благословение от Астраханского архиерея на совершение в Кизляре богослужений, не позднее 1779 г. был избран членом местного духовного правления.

В 1793–1799 гг. К. м. подчинялся епископу новоучрежденного Моздокского викариата Астраханской епархии *Гайю (Такаову)*. С 1789 по 1800 г. в К. м. сменилось 6 настоятелей. К кон. XVIII в. епархиальное начальство стало допускать к настоятельству белое духовенство: 21 окт. 1796 г. управляющим К. м. стал свящ. Иоанн Сидоров. 31 окт. 1797 г. архиеп. Гайй назначил настоятелем К. м. иером. Пантелеимона, бывш. ризничего и экзаменатора одного из астраханских мон-рей. После закрытия Моздокского викариата в 1799 г. К. м. перешел в ведение архиеп. Астраханского *Платона (Любарского)*, который отмечал, что обитель находится в упадке по нерадению прежних настоятелей и из-за недостатка средств. Помимо тяжелых климатических условий, отсутствия правосл. окружения и постоянной угрозы набегов неблагоприятное положение К. м. усугублялось тем, что к кон. XIX в. в станицах Кизлярского отдела Терской обл. проживало 20 299 чел., или 60,7% от общего числа раскольников на территории Владикавказской епархии (Отчет. 1895. С. 21).

25 февр. 1800 г. кизлярский прот. Стефан Петриев сообщил в Астраханскую консисторию, что «управлять монастырем и его экономией некому». 22 марта свящ. И. Сидоров был вновь назначен управляющим, 16 апр. перемещен на должность казначея К. м., а настоятелем стал прот. С. Петриев. В 1800 г. Кизлярский уездный суд «без претензий сторонних, сам собою написал решение, что монастырь братии не имеет, а потому и упразднить его». Для исправле-

ния ситуации архиеп. Астраханский и Кавказский *Платон (Любарский)* 7 нояб. 1800 г. перевел из *саратовского в честь Преображения Господня мон-ря* в К. м. игум. Сергия, к-рый принял нек-рые меры для лучшей организации монастырской жизни: казначею мон. Борису предписывалось, «чтобы в церкви наблюдать благопристойность; шумства и прочие беспорядки в монастыре и келиях запрещать; без ведома настоятеля чтобы никто из монастыря не отлучался, как то изображено в прибавлении к регламенту... о караульщиках, замках у ворот и калиток, о приходе-расходных книгах иметь попечение» (*Попов*. 1904. № 12. С. 220). 20 нояб. 1808 г. временно управляющим К. м. был вновь назначен прот. С. Петриев. В 1816 г. настоятелем стал соборный свящ. Георгий Мурадханов, кизлярский грузин, к-рый «заботился о сбережении монастырских местностей, особенно рыболовных вод», однако «что улучшено или устроено вновь по обители, того из дел не видно и не дошло по преданиям» (*Он же*. 1905. № 9. С. 149–150). В 1820 г., после смерти свящ. Г. Мурадханова, Кизлярское духовное правление обнаружало растрату монастырского имущества. В нояб. 1820 г. К. м. возглавил иером. Серафим, вскоре переведенный обратно в Астрахань и «оставивший церковь в развалинах, а монастырь без денег» (Там же. С. 151).

В 1821 г. архиеп. Астраханский и Кавказский *Авраам (Шумилин)* назначил настоятелем иером. Аарона, а в 1822 г. ходатайствовал о прекращении процесса закрытия мон-ря, в к-ром проживали 5 насельников. В 1825–1826 гг. иером. Аарон возглавлял Комитет кизлярского библейского сотоварищества, в нач. марта 1827 г. был переведен в Астрахань на должность эконома архиерейского дома и строителя Покровского мон-ря. 14 марта 1827 г. архиеп. Астраханский и Кавказский Павел (Саббатовский) утвердил настоятелем (1827–1843) игум. Вениамина. В июне настоятель прибыл в Кизляр вместе с иеромонахом Болдинского мон-ря Германом, к-рый исполнял обязанности эконома и казначея. В 1829 г., после учреждения Новочеркасской епархии (в ее состав вошли Кавказская обл. и земли Черноморского войска), К. м. находился под управлением еп. Новочеркасского и Георгиевского *Афанасия*

(*Телятева*). В том же году началось дело «о возобновлении монастыря», к-рое осложнилось разграблением обители в 1831 г. войском имама Гази-Мухаммеда; убытки составили более 19 тыс. р. После набега монастырским сторожам были выданы ружья. В июне 1839 г. иером. Герман, активно проявивший себя в деле восстановления К. м., был переведен на должность эконома архиерейского дома в Новочеркасске. 12 дек. 1845 г. еп. Кавказский и Черноморский *Иеремия (Соловьёв)* назначил настоятелем К. м. игум. Иеремию (одновременно с 1846 исполнявший обязанности эконома архиерейского дома). Ок. 1862–1871 гг. при К. м. была открыта школа (ЦГА РД. Ф. 372. Оп. 1. Д. 17. Л. 39).

В авг. 1888 г. управляющий мон-рем прот. Александр Нобилитетов предложил еп. Владикавказскому *Иосифу (Чепиговскому)* преобразовать К. м. в женский, поскольку в нем «служить и хозяйствовать некому, за два года никто не явился пополнить братию... Безлюдует и может совсем закрыться монастырь». В 1891 г. еп. Владикавказский Иоанникий (Казанский) сообщал в Синод, что из Абхазии в Кизляр прибыли 3 монаха, и просил сохранить муж. статус К. м. в силу необходимости ухода за монастырскими угодьями. В 1897 г. настоятелем обители с возведением в сан архимандрита был назначен игумен *керченского Катерлезского во имя вмч. Георгия мон-ря* Филофей (Сташевский). С 20 марта 1899 г. архим. Филофей занимал должность председателя Кизлярского отделения Владикавказского епархиального училищного совета. Ок. 1897–1900 гг. на личные средства он построил уч-ще в Петровском саду и дом-школу. За 2 дня до кончины архим. Филофей принял постриг в великую схиму. После сообщения о смерти настоятеля (4 мая 1900) в его квартиру помимо местного духовенства и братии собралось множество горожан, «причем некоторые почитатели о. Филофея еще с вечера и до часа смерти не отходили от него» (*Зайцев*. 1900. С. 194–196). 6 мая 1900 г. архим. Филофей посмертно был награжден орденом св. Анны 3-й степени «за службу по епархиальному ведомству» (Высочайшие награды. 1900. С. 120).

Указом Синода от 10 нояб. 1901 г. настоятелем К. м. с возведением в сан игумена был назначен насельник *курского в честь иконы Божией*

Матери «Знамение» мон-ря Геласий, который способствовал улучшению монашеской жизни: «...около него, как около центра, ютилась братия — им делал он назидания, указания; в нем всегда братия находила нравственную и материальную поддержку». В 1903 г. игум. Геласий был награжден золотым наперсным крестом. Одним из помощников настоятеля стал свящ. Иоанн Попов, к-рого еп. Владикавказский и Моздокский Владимир (Синьковский) командировал в Кизляр с целью упорядочить монастырский архив и составить летопись обители. 11 февр. 1906 г. игум. Геласий был убит в собственной квартире. Погребение настоятеля 14 февр. возглавил свящ. Василий Мокроусов (*Ляшевский*. 1906. С. 238–239). По ходатайству еп. Владикавказского и Моздокского *Гедона (Покровского)* указом Синода от 27 июня 1907 г. в должности настоятеля К. м. был утвержден иером. Иосиф. К нач. XX в. в К. м. проживали 17 монашествующих и 11 послушников, монастырь служил местом пребывания духовных лиц, отрешенных от места и посланных сюда «до исправления и раскаяния» (ЦГА Респ. Сев. Осетия—Алания. Ф. 143. Оп. 2. Д. 130. Л. 304; О переменах по службе. 1901. № 7. С. 59).

Храмы и другие постройки. На территории К. м. находилась деревянная ц. в честь Воздвижения Креста Господня, перенесенная в Кизляр в 1738 г. из крепости Св. Креста (Дагестан, на развилке р. Сулак и ее рукава р. Аграхань), упраздненной в 1735 г. по Гянджинскому договору России с Персией. В 1759 г. мон-рь посетил еп. Астраханский Мефодий, благословивший возведение каменного храма. В 1763 г. на месте разобранной деревянной Крестовоздвиженской ц. был заложен одноименный каменный храм с 2 приделами (Казанской иконы Божией Матери и арх. Михаила), который в 1764 г. был освящен еп. Мефодием. В 1827–1834 гг. был выстроен новый цоколь храма. В 1858 г. Крестовоздвиженский храм был разобран, и в 1862–1871 гг. при содействии еп. Игнатия возведен новый каменный собор.

Деревянная монастырская ц. во имя свт. Николая Чудотворца была выстроена (ок. 1735) за казенный счет. Ок. 1786–1792 гг. по благословию архиеп. Астраханско-Ставропольского *Никифора (Феотоки)* Никольская ц. находилась в ведении

Московского мушкетерского полка, квартировавшего в Кизляре. По-видимому, сразу это поручение не было выполнено, поскольку в 1794 г. по благословиению еп. Астраханского Гаия монастырская Никольская ц. была продана за 550 р. и перенесена на кизлярское городское кладбище (в 2013 т. н. рус. кладбище).

Ок. 1903–1906 гг. в монастырской ограде был выстроен деревянный теплый храм во имя вмч. Георгия Победоносца для совершения богослужений в зимние месяцы. За алтарем Георгиевской ц. в монастырском склепе похоронены настоятели: почитаемый игум. Вениамин († 21 июля 1847), архим. Филофей († 4 мая 1900), игум. Геласий († 11 февр. 1906). На территории обители находились колокольня (ок. 1800–1808), деревянные настоятельский и братский корпуса, келейный корпус (1909), амбар, ледник и др. помещения.

Хозяйство XIX — нач. XX в. В 1893 г. по инициативе еп. Владикавказского Владимира (Синьковского) было организовано монастырское подворье в г. Петровск-Порт (ныне Махачкала).

К нач. XIX в. необрабатываемая земля К. м. была занята смежными владельцами либо оспаривалась как городская собственность Кизляра. В 1800–1809 гг., при игум. Сергии, земли К. м. были огорожены, настоятель пытался вернуть в собственность обители монастырский сад. В 1801 и 1805 гг. местными светскими властями поднимался вопрос об изъятии в пользу кизлярских граждан части монастырских земель, сада и сенокосных угодий. Но Астраханская духовная консистория, ссылаясь на Высочайший указ от 18 дек. 1797 г., приказала сохранить землю во владении мон-ря (ЦГА РД. Ф. 372. Оп. 1. Д. 1. Л. 8–9 об.; *Данилюк*. 2008. С. 110–111). В следственном деле 1828 г. как распространенное явление упоминался захват монастырских земель (Там же. С. 112).

В 1809 г. прот. С. Петриев представил епархиальному начальству смету, согласно к-рой затраты на постройку торговых лавок составляли более 4,5 тыс. р. В 1821 г. мон-рь получил ок. 5 тыс. р. за счет свечной торговли, сбора с монастырских лавок, арендной платы за принадлежащие мон-рю воды, пожертвованной и др. (Там же. С. 115). Однако монастырские угодья оставались в запустении, рыболовные воды по суду

перешли в пользу Волжского казачьего полка. В 1829 г. иером. Вениамин запретил «сидельцам питейных домов потчевать духовенство пьяными напитками», а также строить близ мон-ря харчевни и «обжорный ряд». В 1833 г. был устроен монастырский хутор, приобретены 2 сада, сенокосная земля и лес по р. Таловка, в 1835 г. началось разведение тутового шелкопряда. В 1832, 1837–1838 гг. владения К. м. заливались водами Таловки; монастырское правление неоднократно вело тяжбы с местным населением, отстаивая права пользования земельной, пастбищной и водной собственностью.

В 1845 г. еп. Кавказский и Черноморский Иеремия (Соловьёв), посетив К. м., назвал его «обителью умирающей» (цит. по: *Попов*. 1904. № 20. С. 395). По распоряжению архиерея была создана комиссия (в составе прот. Д. Мурадханова, иером. Осии и пресв. Василия Бибилурова) для выяснения причин экономического расстройств мон-ря. В результате стало известно, что земля, переданная под застройку мон-ря, была роздана жителям города для создания торговых лавок, владельцы к-рых уклонялись от арендной платы и присваивали землю. Судебное дело, возбужденное по этому поводу 30 июня 1830 г., оставалось без разбирательства 15 лет. Монастырская земля (более 13 тыс. саж. по окружности), находившаяся в 3 верстах от Кизляра, использовалась казной и казаками местных станиц. К тому же «бесспорная часть» земли почти вся была залита водой (ЦГА РД. Ф. 372. Оп. 1. Д. 14. Л. 31–32); сады и виноградники, переданные в аренду, также были присвоены арендаторами, на пользование сенокосными и пашенными землями претендовали казачьи общества Бороздинской (Бороздиновской) и Сосоплинской станиц, к-рые «похищали монастырскую землю, сеяли на ней хлеб, косили сено, рубили растущий на ней хворост, ловили в монастырских водах рыбу». Монастырские рыболовные места по р. Терек, приносившие (по данным 1820 г.) до 3 тыс. р. в год, были неправильно размежеваны в дачи Волжского полка; начатое в 1837 г. разбирательство в Кизлярском окружном и продолженное в Кавказском обл. суде к 1845 г. не было завершено.

Комиссия, учрежденная еп. Иеремией, в 1845 г. подтвердила то, что

в К. м. нет теплой церкви, и то, что монастырский храм обветшал. Братские кельи были «так ветхи, что если не поддержать их к настоящей осени, то в них жить нельзя по причине течи», лавки разрушались. В мон-ре не было ледника, конюшни, экипажа, лошадей, мебели в кельях, посуды и т. п. (Там же. Л. 26–30). Для разбора монастырского архива, «в беспрецедентном беспорядке состоящего», комиссией был приглашен находившийся под запретом свящ. Василий Ладожский; завершил эту работу казначей иером. Осия. По итогам работы комиссии было установлено, что для поддержания К. м. необходимо единовременное субсидирование в 2,5 тыс. р., при том что доход обители составлял ок. 500 р. (Данилюк. 2004. С. 119).

В 1852 г. межевой комиссией Кавказского линейного казачьего войска по ходатайству игум. Германа перед Духовной консисторией и кизлярскими гражданскими властями было начато межевание монастырских земель. Настоятель лично контролировал процесс, осложнявшийся тем, что р. Таловка постоянно меняла русло. К февр. 1864 г. межевание завершилось. В 1858 г. еп. Кавказский свт. *Игнатий (Брянчанинов)* благословил игум. Германа построить мосты через реки Таловка и Борозда с целью сбора «мостовых» сумм. В 1886 г. еп. Владикавказский Иосиф (Чепиговский) направил настоятелю К. м. архим. Алексею предписание запретить рубку леса в монастырских лесах для продажи, а в случае необходимости леса для нужд монастыря испрашивать благословение архиерея. В 1887–1889 гг. управляющий обителью прот. Александр Нобилитетов сдавал в аренду виноградники, а с 1889 г. организовал монастырский винокурный завод. В нач. XX в. в собственности монастыря находилось 2676 дес. земли.

1908–2013 гг. В 1908 г. еп. Владикавказский и Моздокский Гедеон направил в Синод 2 ходатайства: от 9 февр. — об обращении К. м. в женский «в видах улучшения онаго в хозяйственном отношении, каковой монастырь, владеющий более 2000 десятин земли и имеющий собственное подворье в г. Петровск-Порт, Дагестанской обл., пришел за малочисленностью братии (всего 10–12 человек) и по недостатку рабочих рук в крайний упадок» и от 14 февр. — об

открытии при мон-ре штатной священнической вакансии с жалованьем от казны в 600 р. в год. Решением Синода от 8–11 марта 1908 г. К. м. был обращен в женский «с таким числом инокинь, какое обитель в состоянии будет содержать на свои средства, передав в собственность одного все имущества и капиталы Кизлярского мужского монастыря и предоставив Владикавказскому епархиальному начальству нынешнюю братию Кизлярского монастыря разместить по другим монастырям епархии». При мон-ре открылась штатная священническая вакансия «с отнесением содержания по сей вакансии на местные средства» (Указ... из Синода. 1908).

12 мая 1908 г. временно заведующей К. м. была назначена насельница керченского Георгиевского мон-ря мон. Нина; 16 окт. 1909 г. она утверждена в должности настоятельницы. Мон. Нина «неутомимо и ревностно заботилась о благосостоянии и возрождении совсем было упавшего монастыря» (Топкин. 1910. С. 615). В 1912 г. настоятельницей стала мон. Анна (Кравец), в 1914 г. — мон. Антонина (Покровская). 1 июня 1908 г. в К. м. был направлен заштатный священник Владикавказской епархии Василий Дробышев. 1 сент. 1908 г. священническое место при мон-ре было предоставлено Северину Тхоржевскому, исполнявшему обязанности личного секретаря при Владикавказском епископе. В окт. 1913 г. из Георгиевского мон-ря на священническое место в К. м. был переведен Феодор Захеев; 16 нояб. 1915 г. на 2-е, нештатное место перемещен свящ. Димитрий Шилов, настоятель церкви с. Суеткина Коса. Вторая штатная вакансия в К. м. была открыта указом Синода от 23 дек. 1915 г. с отнесением содержания на местные средства. 9 янв. 1916 г. Шилов был утвержден в должности штатного священника.

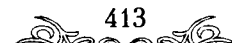
К 1914 г. в К. м. проживали игуменья, 6 монахинь и 54 послушницы. Насельницы были «трудолюбивы и способны к прохождению возложенных на них настоятельницей монастыря послушаний» (ЦГА Респ. Сев. Осетия–Алания. Ф. 143. Оп. 2. Д. 307а. Л. 172; Д. 660. Л. 259). В 1908 г. К. м. внес ок. 100 р. в качестве 10% взноса на общеeparхиальные нужды, в 1912 г. располагал земельными угодьями площадью более 2,8 тыс. дес. (принесившими

ежегодный доход до 6 тыс. р.), виноградной плантацией в 8 дес. На монастырском хуторе было 60 голов скота, 8 лошадей, домашняя птица. Доходы обители в 1914 г. составили более 29 тыс. р., расходы — ок. 20 тыс. р. (Там же. Д. 694. Л. 5 об.— 6).

В 1918 г. К. м. был закрыт. По некоторым сведениям, игум. Антонина с сестрами подвизались в горах. Чекисты обнаружили небольшую общину, и все монахини были расстреляны (с 2011 убиенная Антонина Кизлярская почитается местно). В корпусах обители располагался туберкулезный диспансер.

26 дек. 2006 г. Синод удовлетворил прошение еп. Бакинского и Прикаспийского *Александра (Ищенина)* об открытии К. м. и о назначении бывш. насельницы *ярославского в честь Казанской иконы Божией Матери жен. мон-ря* игум. Михайлы (Сафоновой) настоятельницей обители. 31 марта 2009 г. решением Синода настоятельницей К. м. была назначена мон. Антонина (Павлова). С 22 марта 2011 г. обитель входила в состав Владикавказской и Махачкалинской епархии, с 26 дек. 2012 г. — в состав Махачкалинской и Грозненской епархии РПЦ. В сохранившемся здании мон-ря — 2-этажном деревянном игуменском корпусе — находился городской кожно-венерологический диспансер. Возрожденный монастырь располагается на «русском кладбище» г. Кизляра, в одноэтажном здании при Никольской кладбищенской ц. По инициативе игум. Михайлы в часовню К. м. на территории городского кладбища Кизляра были переданы мощи 49 святых. В окт. 2012 г. единственной насельницей была мон. Антонина (Павлова); к окт. 2013 г. насельниц в обители нет.

Арх.: ЦГА РД. Ф. 372. Оп. 1. Д. 1, 14, 17; ЦГА Респ. Сев. Осетия–Алания. Ф. 143. Оп. 2. Д. 130, 307а, 660, 694; Ф. 261. Оп. 1. Д. 154; ГА Ставропольского края. Ф. 444. Оп. 1. Д. 4072. Ист.: Распоряжения по епарх. управлению // Кавказские Ев. 1873. № 19. С. 614; То же // Владикавказские Ев. 1897. № 3. С. 16; 1900. № 15/16. С. 149; Распоряжения Св. Синода // Там же. 1897. № 20. С. 162; 1916. № 3. С. 141; АКавАК. Т. 1; Определение Св. Синода // Владикавказские Ев. 1896. Ч. офиц. № 18. С. 85; Высочайшие награды // Там же. 1900. Ч. неофиц. № 11. С. 120; О переменах по службе // Там же. № 13. С. 145; Там же. 1901. № 7. С. 59; № 23. С. 192; Перемены по службе // Там же. 1905. № 16. С. 202; № 19. С. 287–288; Там же. 1907. № 29. С. 371; № 42. С. 674; 1908. № 22. С. 417–418; № 23. С. 431; № 25. С. 467; № 38. С. 575–576; 1909. № 23. С. 774; 1913. № 24; Указ ЕИВ, самодержца

Всероссийского, из Синода, преосв. Гедеону, еп. Владикавказскому и Моздокскому // Там же. 1908. № 16. С. 303–304; Журналы съезда духовенства Владикавказской епархии за 1908 г. // Там же. № 38. С. 580; Указы Св. Синода // Там же. 1910. Ч. неофиц. № 4. С. 132; Назначения и перемещения // Там же. 1914. № 21. С. 482; Распоряжения епарх. начальства // Там же. 1915. № 23; 1916. № 3. С. 141–142; Журналы съезда депутатов от духовенства и церк. старост Владикавказской епархии // Там же. 1916. № 1. С. 10–11.

Лит.: *Нестор (Метаниев), еп.* Управление Платона (Любарского), архиеп. Астраханского и Кавказского, кавказскою паствою с 1800 по 1805 гг. // Кавказские Ев. 1879. № 3. С. 47–132; Отчет Владикавказского епарх. училищного совета о состоянии церковно-приходских школ и школ грамоты во Владикавказской епархии за 1893–1894 уч. г. // Владикавказские Ев. 1895. Ч. неофиц. № 2. С. 18–21; То же. за 1899 г. // Там же. 1900. № 13. С. 225–234; *Зайцев И., диак.* Настоятель Кизлярского муж. мон-ря архим. Филофей: (Некр.) // Там же. № 11. С. 194–196; *Колтиков Н., прот.* Обзорение епархии преосв. еп. Владимиром с 11 по 27 апр. 1901 г. // Там же. 1901. № 15. С. 292–293; Епарх. хроника // Там же. 1902. № 2. С. 45–49; *Попов И. Г., свящ.* К предстоящему 300-летию юбилею Астраханской епархии // Там же. 1903. № 9. С. 166–171; *он же.* Крестовоздвиженский муж. мон-рь в г. Кизляре, Владикавказской епархии: (Ист. очерк) // Там же. 1904. № 5. С. 47–83; № 6. С. 117–125; № 9. С. 166–171; № 10. С. 179–184; № 12. С. 220–223; № 15. С. 285–290; № 20. С. 394–397; 1905. № 3. С. 51–53; № 9. С. 148–153; 1906. № 5. С. 167–170; 1907. № 11. С. 194–197; № 12. С. 218–221; № 13. С. 148–151; № 16. С. 214–221; *Максимов Г., прот.* Обзорение церквей преосв. Владимиром, еп. Владикавказским и Моздокским, в апр. месяце // Там же. 1904. № 16. С. 306–307; *Саввинский И. И., прот.* Астраханская епархия, 1602–1902 гг. Астрахань, 1905. Вып. 1: Общее ист. обзорение епархии; *Ляшевский А., диак.* Игум. Кизлярского Крестовоздвиженского муж. мон-ря о. Геласий // Владикавказские Ев. Ч. неофиц. 1906. № 6. С. 237–239; *Монич Г., свящ.* Освящение храма в с. Бюрюзяк // Там же. 1909. № 23. С. 908–812; *Топкин В., свящ.* Отчет о поездке его преосвященства по церквам и школам епархии в апреле и мае // Там же. 1910. № 18. С. 611–616; Архипастырское благословение // Там же. 1911. Ч. офиц. № 13. С. 442; Пострижение в монашество // Там же. 1914. № 21. С. 483; *Орехов И., прот.* Архипастырское посещение г. Кизляра // Там же. 1915. Ч. неофиц. № 21; *Васильев Д. С.* Очерки истории низовьев Терека: (Досоветский период). Махачкала, 1986; *Данилюк М. Ю.* Кизлярский Крестовоздвиженский мон-рь // Кавказ. Балканы. Передняя Азия: Сб. науч. тр. Махачкала, 2004. Вып. 2(9) (То же // Актуальные вопросы истории христианства на Сев. Кавказе: Мат-лы 5-х Междунар. Св.-Игнатиевских чт. Ставрополь, 14 мая 2013 г. / Ставроп. Правосл. ДС. Ставрополь, 2013. С. 161–169); *она же.* Православие в Кизляре: прошлое и настоящее // Кизляр в Кавказской политике России: история и современность: Сб. Кизляр, 2005. С. 133–142 (совм. с С. И. Муртузалиевым); *она же.* Роль РПЦ в политике России в Дагестане во 2-й пол. XVIII – нач. XX в.: Канд. дис. Махачкала, 2008; *Андрей (Мороз), игум.* История Владикавказской епархии. Элиста, 2006.

А. А. Горобец

КИЙ-ОСТРОВСКИЙ КРЕСТНЫЙ ОНЕЖСКИЙ МУЖСКОЙ МОНАСТЫРЬ, находился на Кий-острове, расположенном в Онежской губе Белого м., в 15 км от г. Онеги. Остров вытянут с севера на юг, его длина составляет 1,5 км, ширина не превышает 800 м, площадь ок. 0,5 кв. км. Состоит из выступающих из моря скал коренных (материнских) пород Балтийского щита. Высота скал увеличивается к центральной части, отдельные достигают 25 м над уровнем моря. Большая часть острова покрыта лесом, преобладают сосновые боры,

Кий-Островский
Крестный Онежский
муж. мон-рь.
Фотография. 2013 г.

разреженные можжевельником, рябиной. На языке саамов, в древности заселявших Поморье, слово «кий» означает «след зверя или дикого оленя», на коми-зырянском языке — «камень» (*Шилов Н. И.* Крестный мон-рь // Арх. СГИАПМЗ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 444).

К.-О. м. основан патриархом Московским и всея Руси *Никоном* наряду с *Валдайским Святоозерским в честь Иверской иконы Божией Матери* и *Новоиерусалимским в честь Воскресения Христова* мон-рями. Инициатива строительства принадлежала патриарху, иноческий путь к-рого начался на Севере: ок. 1636 г. он принял постриг от прп. *Елеазара Анзерского* в Троицком скиту *Соловецкого в честь Преображения Господня мон-ря*, а затем служил иеромонахом и игуменом *Кожеезерского в честь Богоявления мон-ря*. Известно, что патриарх *Никон* посещал Кий-остров: в 1639 г., после оставления Соловецкой обители; в 1652 г., когда направлялся в Соловецкий монастырь для перенесения мощей митр. Московского свт. *Филиппа (Кольчова)*, и в 1660–1661 гг., в период строительства К.-О. м.

Место для устройства К.-О. м. было выбрано патриархом *Никоном* по обету. В 1639 г. его судно, следовав-

шее по Белому м. из Анзерского скита к устью р. Онеги, попало в шторм и было выброшено на берег острова. В память о спасении на Кий-острове игум. *Никон* водрузил деревянный крест. В 1652 г., вторично посетив остров, Новгородский митр. *Никон* нашел этот крест невредимым и услышал предание о том, что поморы в молитвах перед крестом «от морского потопления спасаются» (Царская грамота. 1842. С. 244–245).

13 июня 1656 г. царь *Алексей Михайлович* подписал грамоту с повелением «на том острове церковь поставить и монастырь соградить, именуемый *Ставрос*», что в переводе с греческого означает

«крест» (Там же. С. 245). На строительство сразу было выделено 6 тыс. р. Стремясь подчеркнуть

значение новой обители, патриарх *Никон* заказал в Палестине кипарисовый крест-реликварий (см. *Кийский крест*), который торжественно отправил из Москвы. «Под звон колоколов всей Москвы» патриарх провожал святыню в далекий путь. К марту 1657 г. крест был установлен в деревянном соборе в честь Воздвижения Креста Господня на Кий-острове.

Первые монахи пришли на остров из Сырьинского мон-ря. В кон. XVII в. в К.-О. м. числилось 80 насельников, ок. 200 чел. работников и трудников (Ист. описание. 1903. С. 9). После секуляризации К.-О. м. был объявлен второклассным, вскоре пришел в упадок. В 1884 г. в К.-О. м. проживали 4 чел., в 1917 г. — 9 монашествующих. 9 июля 1854 г., во время Крымской войны, на остров высадились англ. войска, разорившие нек-рые постройки. Кийский крест и др. реликвии монахи предусмотрительно эвакуировали на материк. Строения монастыря, уцелевшие после интервентов, пострадали в 1855 г. от пожара, уничтожившего почти все деревянные здания. Восстановление комплекса К.-О. м., производившееся под наблюдением особой комиссии, затянулось на годы. Деньги на работы были выделены толь-

ко в 1870 г. (Там же. С. 18). Писатель С. В. Максимов, посетивший Кий-остров в 1856 г., сообщал, что мон-рь беден и существует «весьма незначительными и редкими вкладами Соловецких богомольцев» (Максимов. 1890. С. 70). Среди немногих паломников, останавливавшихся в монастырской гостинице на Кий-острове в нач. XX в., был худож. А. Е. Архипов. В 10-х гг. XX в. островные пейзажи привлекли сев. художника и писателя С. Г. Писахова, картины к-рого хранятся в собрании АМИИ (Инв. № 208-ж, 186-ж, 756-ж).

В 1921 г. К.-О. м. был упразднен. В годы иностранной интервенции и гражданской войны на Кий-острове дислоцировалась англ. военная база, были сделаны укрепления, установлены дальноточные орудия. В монастырских помещениях размещался склад боеприпасов и продовольствия. После закрытия К.-О. м. на его территории находилась детская колония (ГААО. Ф. Р-286. Оп. 1. Д. 1018), а в 1924 г. — дом отдыха «Кийский» — 1-е курортное заведение на Севере (принадлежит Федерации профсоюзов Архангельской обл., к-рая является арендатором памятников). В 30-х гг. XX в. добычей камня на Кий-острове занимались заключенные «Сороклага» — строители Беломорско-Балтийского канала. В Крестовоздвиженском соборе, к-рый использовался как клуб, в 1960 г. была построена кинобудка, в алтарной части устроена сцена. Каменный келейный корпус «на погребах» стал хранилищем овощей, в одностолпной трапезной палате устраивали танцы.

В результате активной эксплуатации монастырских построек в советское время архитектурный ансамбль К.-О. м. был доведен до аварийного состояния. Лишь в 1965 г. Архангельский облисполком выделил средства для проведения первоочередных консервационных работ. С 1968 г. реставрацией на Кий-острове занимались студенты Московского химико-технологического ин-та им. Д. И. Менделеева под рук. Г. В. Алфёровой. В 1976 г. был организован Онежско-Кийский филиал СГИАПМЗ, проектные и реставрационные работы вели специалисты объединения «Росреставрация» (Москва). Но затем филиал был расформирован, работы прекращены. В 2013 г. консервация архитектурных памятников на Кий-острове

проводится по инициативе дома отдыха. В списке памятников федерального значения на острове числится 8 объектов: Крестовоздвиженский собор, ц. Всех святых, храм Рождества Пресв. Богородицы с трапезной палатой, ц. Происхождения честных древ Животворящего Креста Господня, колокольня, настоятельский и братский корпуса.

С 1991 г. на территории К.-О. м. возрождается духовная жизнь, освящен Крестовоздвиженский собор. Настоятель Троицкого собора г. Онеги каждый летний сезон совершает на острове службы для паломников.

Настоятели. О первых настоятелях, к-рые, как правило, назначались из др. обителей (Новоиерусалимского Воскресенского, *Иосифова Волоколамского мон-рей*), известно немного. Во главе К.-О. м. стояли архимандриты. При первом архим. Иоанне и его последователе архим. Феофане сооружены главные каменные и деревянные храмы мон-ря. В 1797–1800 (1798–1803?) гг. К.-О. м. возглавлял архим. Никон, ректор Архангельской ДС. В число настоятелей на протяжении XIX в. входили бывш. ректоры Архангельской семинарии: в 1806–1817 гг. — Кирилл (Киприянов), в 1820–1821 гг. — Павел (Павлов-Морев), в 1827–1830 гг. — Неофит (Соснин; вполн. архиепископ Пермский и Верхотурский). В 1821–1826 гг. во главе К.-О. м. стоял архим. Антоний (Домкинский), бывш. инспектор Новгородской ДС и ректор Архангельской ДС. В 1839–1847 гг. К.-О. м. возглавлял миссионер, просветитель ненцев (самоедов) архим. *Вениамин (Смирнов)*, к-рый на собранные пожертвования приобрел для мон-ря подворье в Архангельске. В дек. 1842 г. по предложению архангельского гражданского губ. П. В. Степанова архим. Вениамин стал членом-корреспондентом Архангельского губернского статистического комитета. 8 июня 1855 г., при архим. Ниле, в К.-О. м. произошел пожар. Восстановление разрушенных монастырских зданий состоялось позже, при архим. Кирилле (1868–1870) и архим. Нектарии (1870–1881). 28 июня 1885 г., при настоятеле (1884–1886) архим. Иувеналии, К.-О. м. посетил вел. кн. Владимир Александрович. В 1886–1891 гг. обитель возглавлял бывш. наместник Соловецкого мон-ря архим. Варлаам (Горбачёв). Во 2-й пол. XVII в. была выстроена небольшая каменная

усыпальница настоятелей. В списке упоминается лишь 3 настоятеля, почивших на острове в XIX в.: архимандриты Никон, Кирилл и Амвросий (Черноруцкий) (Ист. описание. 1903. С. 13–19).

Материальное положение. Царскими указами начиная с 1656 г. к К.-О. м. были приписаны многочисленные сев. деревни, в к-рых проживало 4537 крестьян (*Иванов*. 1899. С. 6). В основу неопубликованной рукописи 1966 г. А. Г. Гемпа «Вотчины и вотчинные крестьяне Онежского Крестного монастыря (2-я пол. XVII в.)» легли документы монастырского архива (*Гемп*. 1966. Л. 1–20). Мон-рь способствовал расширению традиц. промыслов и ремесел сев. населения. Наиболее доходной отраслью экономики К.-О. м. в XVII–XVIII вв. был рыбный промысел. Только в 1679 г. «на пропитание братии и того монастыря служебникам и детенышем и приезжим разных чинов людем» израсходовано «356 пудов семги, 888 пудов палтуса, 347 пудов трески, 49 пудов трескового сала», добытых на мурманских тонях (Там же. Л. 6). Рыбу ловили не только в Белом м., но и в озерах и реках. Ежегодно ок. 30 пудов отсылали в Москву «на великого князя обиход на Кормовой дворец оброчные рыбы семги Порожской и Подпорожской волостей», располагавшихся на р. Онеге (Там же. Л. 3). Из этих же волостей рыбу отправляли и на «патриарший обиход». Рыбу добывали крестьяне монастырских волостей, она поступала в обитель в качестве оброка. Кроме того, К.-О. м. снаряжал на отдаленные рыбные промыслы в Кольский у. работников «на лодейках и мелких судах» во главе с монастырскими старцами, к-рые везли с собой правосл. служебники (*Иванов*. 1899. С. 10). Традиц. занятием поморских вотчин был «зверобойный промысел» и солеварение. В качестве оброка с крестьян взималось «сало ворвань». К.-О. м. самостоятельно добывал соль на р. Онеге. Соль также взималась в качестве оброка с вотчинных крестьян (в 1679 г. — 1550 пудов). Часть рыбы, звериного сала, соли и др. продуктов и товаров обитель продавала через свои подворья, до 1679 г. не выплачивая таможенных сборов (*Гемп*. 1966. Л. 4–6).

Крестьяне, населявшие более юж. вотчины мон-ря, Каргопольский и Турчасовский уезды, занимались земледелием и скотоводством. В 1679 г.

с крестьян взималось 500 четвертей «хлебных и всяких припасов». Своего хлеба населению вотчин не хватало, и его выменивали в Каргополе и на Ваге на соль, звериное сало и рыбу. Архим. Сергей писал, что «без покупного хлеба кормитце им будет нечем, потому что живут близко моря, межи мхи и болота и хлеб по вся годы позябает» (Там же. Л. 7–8).

Вотчинные крестьяне платили гос. подати и монастырский оброк, кроме того, выполняли монастырские повинности в форме заготовки и поставки леса, бревен, теса, досок, сена, дров, угля; строили каменные и деревянные здания. Среди наемных работников К.-О. м. документы XVII в. упоминают лесосеков, дровосеков, сплавщиков леса, возчиков, косарей, землекопов, плотников, каменщиков, кирпичников, солеваров, «лодейного и цренных» мастеров (Там же. Л. 8–15). Оплата труда наемных рабочих производилась деньгами, реже — натурой. Напр., крестьянам Порожской вол. на Онеге за сплав леса платили по рублю за 100 бревен, а землекопы и плотники, строившие монастырский собор в 1658 г., получали по алтыну в день. Житель Мудюжской вол. Семен Власов подрядился сделать 100 ведер за 38 алтын 2 деньги и 100 скамеек за 1 р. 20 алтын.

В 1660–1670 гг. положение вотчинных крестьян ухудшилось из-за введения медных денег. Как следует из челобитной архим. Феофана царю, в 1667 г. крестьяне более чем 20 волостей и деревень отказались платить «денежные и всякие оброки и подати царские и монастырские» и «изделий никаких не делают» (Там же. Л. 12). В 1673 г. крестьяне приходили в К.-О. м. и говорили «недобре вежливо», чтобы им «монастырской страды не страдать и за всякие взносы и сделья платить по 2 р. с выти вместо прежних 10». Для расправы с бунтовщиками был послан дворянин со стрельцами. Выступления крестьян усмиряли и при помощи монастырских стрельцов, к-рых набирали из населения вотчин; они получали монастырское жалованье (Иванов. 1899. С. 34, 36).

К.-О. м. «имел крестьян более даже, чем имела в то время знаменитая Соловецкая обитель» (Крестный монастырь. 1894. С. 15). Вотчинные земли простирались в Поморье по Онежскому берегу, а также вдоль р. Онеги — от низовьев до среднего

течения. Благодаря поддержке царя Алексея Михайловича и покровительству патриарха Никона К.-О. м. стал крупнейшим землевладельцем. В 1656–1657 гг. обители были переданы в качестве вотчинных земель территории в Поморье и по р. Онеге, в Каргопольском и Турчасовском уездах. Среди них — волости Чекуевская, Чюхчин Бор, Мудьюга, Вонгуда, Подпорожье, Пияла, Вазинга (Вазенская), Поле на р. Кодина и др. На морском берегу — Ворзогоры, Кушерека «с деревнями и с пустошами и реки и с озера и с рыбными ловлями и со всякими угодьями». В 1658 г. мон-рю была передана часть земель вдоль рек «с рыбными ловлями» в Кольском у. Эти земли были известны соляными варницами, рыболовными и зверобойными промыслами, смолокурением и лесозаготовками. Патриарх приписал к строящейся обители *Трифонов Печенгский мон-рь*, а Новгородский митр. *Корнилий* — еще 2 пустыни — Сырьинскую и Благовещенскую на Касьяновом Волочке на р. Онеге (Там же; *Гемп.* 1966. Л. 3). В 60-х гг. XVII в. мон-рю принадлежали села в Вологодском и Белозерском уездах, но вскоре они были отобраны. Вотчины, пожалованные патриархом, либо покупались, либо отбирались у др. владельцев. У Соловецкого мон-ря в пользу К.-О. м. была отобрана Кушерецкая вол., у *Антониева Сийского мон-ря* — земли на р. Иоканьге. В 1686 г. К.-О. м. захватил дер. Калитинскую, принадлежавшую Кожеезерскому Богоявленскому мон-рю, после чего было проведено специальное расследование и размежевание земель (*Гемп.* 1966. Л. 4). После низложения патриарха Никона (1666) К.-О. м. потерял не только своего покровителя, но и часть вотчин, возвращенных прежним владельцам.

В 1682 г. на 3 месяца К.-О. м. был приписан к Новоиерусалимскому Воскресенскому мон-рю, затем указ был отменен. В период преобразований имп. Петра I с вотчин К.-О. м. собирали деньги на «корабельное строение», из монастырской казны направлялись средства на возведение Новодвинской крепости, монастырские крестьяне были ее строителями (Там же. Л. 18). Только в 1702 г. от К.-О. м. потребовали 99 чел. (по одному с 5 дворов), с лопатами, кирками и др. инвентарем, а также 27 лошадей (*Шлюв Н. И.* Крестный мон-рь

// Арх. СГИАПМЗ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 444. Л. 38). В XVIII в. земли по р. Онеге, богатые лесными угодьями, стали интересовать иностранцев. С 1756 г. при мон-ре на рогу (мысе), как на удобном и безопасном месте для пристанища всякого рода судов, устраивалась купеческая лесная биржа с таможенной. На рейде у Кий-острова была стоянка и осуществлялась погрузка судов с лесоматериалами. Англ. купец У. Гом в юго-вост. части острова выстроил лесную биржу. Остров стал местом временного хранения лесоматериалов. За период навигации корабли совершали до 70 рейсов к острову. Лес доставляли на корабли, стоящие на рейде, на плоскодонных лодках (*Пошман.* 1866. С. 144; *Максимов.* 1890. С. 68–70). В нач. XIX в. на содержание К.-О. м. из казны ежегодно выделялось 1684 р. 66 к. Монастырю были оставлены более 193 дес. земли с лесными угодьями на материке, из к-рых 150 дес. занимали леса. Земли сдавались в аренду, от чего К.-О. м. получал небольшой доход.

Подворья. Во 2-й пол. XVII в. К.-О. м. вел строительство подворья в Архангельске, в Устьянской вол. (Усть-Онеге), имел «дворы» в Москве, Каргополе и Турчасове, фактории на Терском берегу Белого м.— на реках Поной и Лахта и в зал. Мурман. Фактории были предназначены для продажи или обмена монастырских товаров на товары, привозимые иностранными судами. Дольше всех просуществовало подворье в Онеге, сгоревшее в 1886 г. На его месте был построен флигель, а в 1888 г.— часовня Успения Пресв. Богородицы. «Назначение сей часовни собственно для приходящих богомольцев, следующих в Соловецкий монастырь». Сохранился ее чертеж (ГААО. Ф. 29. Оп. 3. Т. 3. Д. 3489. Л. 18; Оп. 4. Т. 3. Д. 708, 892; [*Легатов.*] 1890. С. 19).

Монастырская тюрьма. Подобно Соловецкому и другим мон-рям, К.-О. м. был местом ссылки и заточения. В 1721 г. в К.-О. м. был сослан запрещенный в служении иеродиак. Иоасаф «за оскорбление себя» и побег из с.-петербургского Александро-Невского мон-ря (ОДДС. Т. 1. С. 428), в 1722 г.— насельник Козеручьевского Спасского мон-ря Архангельской губ. иером. Виталий. В 1730 г. в К.-О. м. на 12 лет сослали лишенного сана Воронежского еп. *Льва (Юрлова)*, в 1770 г.— насельни-

ка Мгарского в честь Преображения Господня мон-ря иером. Вениамина († 1771). В XIX в. в К.-О. м. ссылали раскольников. В 1825–1843 гг. здесь пребывал раскольник Исаия Алексеев, сосланный по повелению императора. Другой раскольник, Дмитрий Алексеев, умер в мон-ре, отсидев 25 лет (1830–1855), но так и не раскаявшись. В 1838–1843 гг. «за побег к раскольникам» и исполнение у них треб в К.-О. м. был отправлен лишенный сана священник Тамбовской губ. Е. Парфеньев (ГААО. Ф. 29. Оп. 1. Т. 2. Д. 1456. Л. 1–180; Д. 1463. Л. 1–63). Данных о раскольниках в монастырских вотчинах мало. П. И. Иванов приводит слова из письма стольника В. П. Поскочина о рассылке по приходам новых «служебников»: «А какой поп не будет служить по служебникам Патриарха Никона, того посылать в монастырь и сажать на цепь муку сеять» (Иванов. 1899. С. 36). Земли бывшей вотчин обители после секуляризации вошли в Онежский у., «едва ли не единственный в Архангельской губернии, в котором почти нет раскольников» (Краткое ист. описание приходов и церквей Архангельской епархии. Архангельск, 1896. Вып. 3. С. 3).

Строительство в монастыре. Сохранились каменные собор Воздвижения Креста Господня (1657–1661), ц. в честь Происхождения честных древ Животворящего Креста Господня (1661) с примыкающими каменными кельями (1753) на погребках (1693), ц. в честь Рождества Пресв. Богородицы с трапезной и келарской палатами, колокольной и усыпальницей (1689), деревянная ц. во имя Всех святых (1661), фрагмент деревянной ограды с башней (1871), деревянные настоятельский (1871) и братский корпуса (1903).

Строительством первых сооружений на Кий-острове руководили старцы Нифонт и Исаия, а также стольник Василий Поскочин, направленные патриархом Никоном. В 1656 г. из Сырьинского монастыря на р. Онеге был отпущен старец Пахомий, чтобы «учинить чертеж» Кий-острову (Лаврентий [Дальмагов]. 1805. С. 27–28). Однако чертежи зданий К.-О. м. сохранились только с кон. XVIII в., когда были составлены Атласы Архангельской губ. (Панорама Кий-острова, рисованная с натуры и раскрашенная акварелью // РГВИА. ВУА. № 18558. Л. 16–20, 79 об.– 80). После пожара 1855 г. для

осмотра обгоревших построек по распоряжению Архангельской губ. строительной комиссии был командирован архит. Г. К. Иванов, который составил акт «О состоянии этих зданий и проект на возобновление оных» (РГИА. Ф. 218. Оп. 3. Д. 1722. Л. 5 об.).

Первая деревянная ц. в честь Воздвижения Креста Господня была возведена на Кий-острове за пол-

Собор в честь Воздвижения Креста Господня. Фотография. 2013 г.

года небольшим числом плотников, приглашенных из Каргополя, — Гришкой Георгиевым, Васькой Прокопьевым, Трушкой Яковлевым «со товарищи» (РГАДА. Ф. 1195. Оп. 1. Д. 1. Л. 55 об.). Плотницкие работы велись круглогодично, а каменные — только в летний период. Некоторые каменные сооружения строили не один год. Так, Воздвиженская ц. возводилась с 1658 по 1661 г. Крестьяне онежских волостей были основной рабочей силой на всех этапах строительства обители. В 1657–1659 гг. письменные источники зафиксировали имена «пришлых» каменщиков и кирпичников: из Кириллова, Каргополя, Белоозера и даже из Валдайского Иверского мон-ря (Там же.

Интерьер собора в честь Воздвижения Креста Господня

Д. 28. Л. 16 об.– 17), т. к. опыт каменного строительства в Поморье к этому времени был еще невелик. Ближайшим к Кий-острову местом, где каменное строительство велось с сер.

XVI в., был Соловецкий мон-рь. Но в сер. XVII в. его братия находилась в оппозиции к патриарху Никону, что не позволило установить тесные связи между 2 обителями Белого м., близкими по географическому положению.

В XVII в. в устье р. Онеги на Белом дворе, принадлежавшем К.-О. м., были выстроены печи для обжига кирпича. В 1658 г. у этих печей работали кирпичники из Каргополя, Кириллова Белоозерского и Феррапонтова Белоозерского мон-рей, но самой значительной бы-

ла бригада из 43 кирпичников «вотчин монастыря Ставра... разных волостей во главе с Мишкой Григорьевым. Ими

было сделано для монастыря в том же году 262 тысячи кирпичей» (Там же. Д. 1. Л. 111–111 об.), которые с «устья Онежского... барками возили» на Кий-остров.

Сложность доставки строительных материалов на остров и экономические соображения диктовали необходимость использования местного камня, дерева, глины. Из каменных пород в строительное дело шли темно-серый гранит и известняк. Выходы гранита образуют поверхность Кий-острова. Известняковые каменоломни находились далеко, в среднем течении р. Онеги, в районе Биричевских порогов. Известна грамота патриарха Никона с указанием «камень... тесать в Крестном монастыре» (Легатов. 1907. С. 533). В 1657–1658 гг. известняк добывали в основном для строительства Крес-

товоздвиженского храма. В 1659 г. запасы К.-О. м. составляли: «...белого камня 8830 камней да

прежнего привозу, что в 1658 году, 700 камней и обоего в Крестном монастыре камня белого 9530 камней» (РГАДА. Ф. 1195. Оп. 3. Д. 78. Л. 1). Там же, в районе Биричевских порогов, жгли известь.

Строитель старец Исаия в 1657 г. по пути из Москвы нанял крестьян Усть-Мошского стана Михаила Леонтьева и Стеньку Григорьева с 20 товарищами «камени ломать и извести жечь в Бирючевских порогах две печи». Позже к ним прибыли «извести жечь каменщик Сенка Васильев сын Кириловец» и др. (Там же. Оп. 1. Д. 1. Л. 32 об.— 33, 45 об.— 46).

Как основной строительный материал известняк использован только при возведении Крестовоздвиженского храма: из него сложена нижняя часть стен до середины. В верхней части стен известняк применен лишь выборочно, для декоративного оформления фасадов (известняковые пояски на главах собора). В других постройках Кий-острова известняк использовали преимущественно в архитектурных деталях: дверных и оконных перемычках, подоконниках, в фигурном оформлении порталов и дверных проемов. Иногда известняковым блокам придавался несложный профиль. Глину для строительных целей брали в устье р. Онеги, на монастырском Белом дворе. В XVII в. в К.-О. м. были изразцовые печи. Сохранилась челобитная «печного мастеришки» Степаник Мартынова патриарху Никону: «Труждался я, сиротка, в твоём государевом строении в Крестном монастыре восемнадцать недель и делал я, сиротка, в твоём государевом строении в Крестном монастыре семнадцать сот пятьдесят образцов мурамленных и белых тысяча полтораста образцов, да три печи клал, да твоих же государевых крестьян из Крестного монастыря трех выучил образцов делать и печей класть» (Там же. Оп. 9. Д. 194. Л. 29). Возможно, мастерами, которых обучил Мартынов, были вонгудские крестьяне Пронька Годовиков и Ларка Дудников. В 1672 г. они «делали и обжигали образцов в монастырь на три печи» (Там же. Оп. 1. Д. 192. Л. 37). Дер. Вонгуда, находящаяся в нижнем течении р. Онеги, издревле известна как центр гончарного производства. Изделия из грубой керамики вонгудских мастеров закупались мон-рем.

Строительный лес хвойных пород (сосна, ель) привозили на остров с материка: по р. Онеге располагались крупные лесные массивы. Древесину завозили преимущественно в готовых к строительству формах.

Так, в XVII в. на остров поставляли слегу еловые, брус, тес, курицы, бревна сосновые. В XVIII в. крестьяне из разных волостей по подряду поставляли в К.-О. м. сосновый тес, не менее 3 саж. длиной, а также сосновые бревна той же длины. В 1764 г. К.-О. м. лишился лесных угодий на материке, поэтому в XIX в. нуждался «в строевом лесе для построек монастырских, а тем более в дровах». Обитель имела «небольшую лесную дачу, находящуюся на материке в 25 верстах от монастыря, но лесного материала для построек крайне недостаточно, а дров вовсе нет» (ГААО. Ф. 29. Оп. 4. Т. 6. Д. 7034. Л. 6). В XIX в. г. Онега стал крупным лесопромышленным центром и К.-О. м. приобретал лес через Онежскую лесную контору.

Из подсобных строительных материалов широко использовали металл, слюду, стекло, в деревянном строительстве — мох для прокладки. Последняя кузница построена на острове в 1870 г. Кузнецы работали по найму, по мере надобности. Так, в 1657 г. каргопольский кузнец Ондрюшка Васильев «работал в монастыре... всякое кузнешное дело все лето», а в 1658 г. вонгудский кузнец Сергушка Фёдоров ковал «тридцать недель на монастырское строение у каменной церкви связи и гвоздье и всякое кузнешное дело» (РГАДА. Ф. 1195. Оп. 1. Д. 1. Л. 74 об., 120 об.). В XVII в. готовые изделия кузнечного ремесла приобретали для обители также в Каргополе и в монастырских вотчинах. Среди поставщиков металла в XVII в. — каргополец Стефан Никитин, у которого куплено «на заслоны железа полишного»; кузнец Никифорко Козьмин Порожской вол., продававший гвозди; кузнец Матюшка Евтихеев Устьянской вол., ковавший «три заслона печных», и др. (Там же. Д. 1. Л. 64, 78). Для заполнения оконных проемов в XVII—XVIII вв. использовали слюдяные оконницы, шитые оловом. На рубеже XVIII и XIX вв. древние слюдяные оконницы монастырских построек постепенно заменяли оконные переплеты со стеклянным заполнением. Упоминаются не только «белые» стекла, но и зеленые. Последние были приобретены в 1784 г. «в монастырские церковные окна и для починки в настоятельских и прочих кельях окончин» (Там же. Оп. 4. Д. 448. Л. 8 об.). О строительных инструментах известно мало.

Для добычи камня использовали кирку и лом. В 1660 г. К.-О. м. заказал кирки и ломы кузнецу Трошке Устьмошанину, и он ковал их «на Биричеве» (Там же. Оп. 1. Д. 28. Л. 38).

Строительная практика К.-О. м. формировалась во взаимодействии с культурой сопредельных сев. территорий (Каргополь, Белоозеро) на основе богатейшего опыта плотницкого и столярного ремесла на Севере, в первую очередь — в монастырских вотчинах.

М. А. Ильин полагал, что 1-й храм К.-О. м. был деревянным, Алфёрова это исключала. Письменные источники подтверждают мнение Ильина. Уже в марте 1657 г. опись мон-ря упоминает «Церковь Воздвижения Честного и Животворящего Креста Господня, а в ней крест» (Там же. Д. 4. Л. 2 об.). В приходо-расходных книгах сказано, что к лету 1657 г. деревянная церковь с трапезной была построена: «Июля в 26 день каргопольским плотникам Гришке Георгиеву, Ваське Прокопьеву, Трушке Яковлеву с товарищи дано в додате тридцать рублей денег за работу, что оне делали церковь и трапезу по записи... дано за потешенье и на дорогу пять рублей денег» (Там же. Д. 1. Л. 55 об.). После завершения в 1661 г. строительства каменного Крестовоздвиженского храма деревянную церковь переосвятили в честь Собора арх. Михаила. Обе церкви, каменная и деревянная, были освящены в один день, 4 сент. 1661 г.: «...в новую каменную церковь... Воздвижения... к освящению церкви на престол и на жертвенник выдано пятьдесят восемь аршин полотен... тонких... И того ж числа на освящение церкви Воздвижения Честного Креста и Михаила Архангела про церковный обиход выдано 38 гривенок больших и малых» (Там же. Д. 29. Л. 2–3). Переписные книги обители 2-й пол. XVII в. неоднократно упоминают Михаило-Архангельскую ц. с келарской и трапезной. В 1689 г. вместо деревянного трапезного комплекса была построена теплая каменная ц. в честь Рождества Пресв. Богородицы с келарской и трапезной. Это подтверждает переписная книга 1693 г.: «Церковь Собор Архистратига Михаила с трапезою ветхая... а чего налицо против прежних переписных книг... не объявилось, перенесено в каменную церковь и в трапезу Рождества Богородицы» (Там же. Д. 477. Л. 22–23). Обветшавшая деревян-

ная ц. Собора арх. Михаила с трапезной и келарской упомянута в 1694 г. (Там же. Д. 507. Л. 26) и в последний раз — в 1699 г. (Там же. Д. 607. Л. 22). В 1708 г. на хорах Крестовоздвиженского собора был освящен придел арх. Михаила; к этому времени 1-й деревянной церкви на Кий-острове уже не существовало (Там же. Оп. 4. Д. 415. Л. 6). В 1659 г. над св. воротами монастырской ограды (не сохр.) была освящена деревянная ц. в честь Иверской иконы Божией Матери.

8 сент. 1661 г. патриарх Никон освятил деревянную ц. во имя Всех святых (впосл. многократно перестраивалась). Последний ремонт в 1900 г. контролировался Императорской Археологической комиссией, к-рая заботилась о сохранении древнего вида памятника. Церковь выстроена на монастырском кладбище «для погребения мертвых». Это небольшой одноглавый прямоугольный в плане храм. Глава была покрыта лемехом, а кровля — тесом.

Церковь Всех святых.
1661 г. Фотография. 1886 г.

В 1900 г. кладбище было окружено деревянной оградой из соснового леса: поставлены столбы и деревянные решетки. Сохранились фотографии церкви и кладбища, выполненные в 1884 г. А. В. Вьюшиным и в 1886 г. А. Д. Постниковой (в мона-

шестве Филарета) (см.: *Постникова А.* Мон-ри Архангельской епархии: Фотографии 1884, 1885 и 1886 гг. Архангельск, 2006. Б/п). На них можно видеть особый тип захоронения —

городовой от башни до башни переходы, в стенах и в башнях бойницы, а тот город и башни покрыты тесом с зубцами, да в тех башнях и под башнями оружие восемь пушек железных в станках» (Там же. Д. 150. Л. 57 об.). В 1782–1784 гг. ограда была перестроена ме-

Настоятельский корпус
мон-ря. 1871 г.
Фотография. 2013 г.

«в срубе», бытовавший в Поморье, в Онежском, Корельском и Кольском уездах; слой земли на Кий-острове невелик. Срубы представляли собой прямоугольные или квадратные ящики из бревен или досок, установленные над землей; они покрывались 2-скатной крышей, на коньке к-рой ставился крест. Кресты иногда ставились за «срубцем», в головах могил (*Медведев П. П.* Некрокультовые сооружения Карельского Поморья и смежных прибалтийских районов: (Ареальные исследования народного зодчества на территории Респ. Карелия). Петрозаводск, 2001).

На острове находились деревянные часовни: одна была построена «на рогу острова» в 1869 г., «в память пристанища на Кий-острове Патриарха Никона» во время перенесения мощей митр. Филиппа из Соловецкой обители в Москву; другая («Никоновский крест с ковчегом») устроена над крестом, водруженным патриархом в честь своего спасения (РГАДА. Ф. 1195. Оп. 9. Д. 153. Л. 79 об., 80). Обе не сохранились.

Первая ограда была построена в 1658 г. плотниками монастырских вотчин (Там же. Оп. 1. Д. 1. Л. 126 об.). Документы называют ее «город рубленый». В ней име-

Ограда монастыря.
Фотография. 2013 г.

лись элементы крепостного сооружения: «Да в том городе в стенах и по углам семь башен рубленые, а внутри по стене

шанином г. Онеги Иваном Федоровым Вдовицыным и крестьянином с. Покровского Иваном Александровым Мака-

ровым. В 1-й пол. XIX в. ограда имела 4-угольный план; по углам возвышались 4 башни, и одна была в центре восточной стены (Там же. Д. 1. Л. 92, 120; Оп. 5. Д. 2. Л. 9). В 1855 г. ограда сгорела, в 1871 г. полностью восстановлена на старом фундаменте и в старых формах: «Ограда деревянная крашенная... в ограде трои врата створные и три калитки... на башнях утверждены шпиль с флюгерами...; длина всей ограды с башнями 250 сажен» (Там же. Оп. 9. Д. 154. Л. 7). К юго-западу от комплекса каменных сооружений сохранился небольшой участок ограды (1871) с 4-гранной башней.

До сер. XVIII в. все кельи в К.-О. м. были деревянными, в т. ч. «соборная», куда «архимандрит с соборной братией приходят на собор для монастырских дел», «шваленная», где «портные и чоботные швали живут», келья для псаломщиков и др. Сохранился 2-этажный настоятельский корпус (1871) с мезонином на валунном фундаменте, а также 2-этажный братский корпус (1903), возведенный на месте деревянного корпуса с частичным использованием старого материала.

Начало каменного строительства в К.-О. м. относится ко времени настоятельства старца Исаии, к-рый в янв. 1657 г. был направлен патриархом Никоном на Кий-остров из Москвы.

В 1658 г. приступили к строительству каменной Крестовоздвиженской ц. Приходо-расходная книга за сент. 1658 г. упоминает «монастырское строение у каменной церкви». В 1659 г. «в церковь изошло 7034 камня да извести, да кирпичу,

что на устье Онежском, всего 400 тысяч кирпичей... известны 400 бочек бирчевской» (Там же. Оп. 1. Д. 1. Л. 120; Оп. 3. Д. 78. Л. 1). 1660–1661 годы — наиболее важный период каменного строительства в К.-О. м., когда на острове пребывал сам патриарх: «И тамо поживе мало не годишное время и сотвориша вновь соборную церковь велику каменную во имя Воздвижения Креста Господня» ([Шушерин]. 1784. С. 60, 61). 16 сент. патриарх навсегда покинул Кий-остров. Монастырские известняковые каменоломни находились на материке, далеко от острова, но остров весь состоит из гранита. К 1660 г., к приезду патриарха Никона, значительная часть стен храма была уже построена из известняковых блоков, верхняя часть стен — из гранита. Патриарх, видимо, счел доставку белого камня издалека нерациональной, тем более что он был хорошо знаком со строительной практикой Соловецкого мон-ря, где валунный камень использовали еще в XVI в. Во время пребывания патриарха Никона на Кий-острове островной камень стал основным строительным материалом. Так, надкладезная церковь и усыпальница сложены преимущественно из островного камня. Известняк в качестве основного строительного материала ни в одном из каменных сооружений, кроме Воздвиженского храма, более не использован.

Вопрос о первоначальном завершении Крестовоздвиженского собора являлся спорным. Алфёрова и Ильин реконструировали храм с 3-главым асимметричным завершением. Однако создание 3-главого храма во 2-й пол. XVII в. противоречило бы установке патриарха Никона на традиц. 5-главое завершение храмов. К 2013 г. под кровлей собора помимо центрального кирпичного барабана видны остатки только 2 кирпичных барабанов с вост. стороны. На известных изображениях собор представлен 3-главым, за исключением чертежей на его ремонт, составленных после пожара 1855 г.: «вместо обгоревших деревянных двух глав с западной стороны, таковые же главы предполагается устроить вновь из стоек обрешетки и с обивкою листовым железом, наружным видом согласно существующим двум каменным главам с восточной стороны» (РГИА. Ф. 218. Оп. 3. Д. 1722. Л. 11). Пятиглавие на

соборе отмечено и в монастырских описях за 1823 и 1839 гг.: «Пять глав, у большой из них и у двух меньших с восточной стороны шеи каменные, а у других последних с западной стороны деревянные, отбелены» (РГАДА. Ф. 1195. Оп. 9. Д. 150. Л. 1).

До пожара сер. XIX в. собор был 5-главым. Впервые о числе глав собора сообщает опись 1736 г.: «В монастыре церковь соборная Воздвижения Честного и Животворящего Креста Господня каменная, на ней пять глав крыты чешуей, кресты деревянные» (ГАО. Ф. 480. Оп. 1. Д. 367. Л. 1 об.).

Два барабана были выполнены в дереве и окрашены, внешне имитировали камень. Во время пожаров эти 2 деревянных барабана с главами сгорели в первую очередь. 2 зап. глав собор лишился при пожаре 1741 г., долгое время они не восстанавливались. Об этом сообщает опись 1743 г.: «В монастыре церковь соборная Воздвижения Креста Господня каменная, на ней пять глав крыты чешуею, кресты деревянные, на церкви Воздвижения Креста Господня после пожара кровля в один тес тонкий крыта начата, а не совершена, глав не строено» (Там же. Оп. 4. Д. 55. Л. 1 об.).

Из документов XVIII в. следует, что главы на соборе были покрыты лемехом — «чешуею», а после пожара 1855 г. обиты листовым железом.

Первоначально в соборе, включая и алтарь, было «двадцать окончин больших и малых... шиты белым

характерное килевидное завершение. Помимо внутренних железных дверей в XIX в. в соборе были наружные, деревянные. С зап. стороны — каменное крыльцо, над которым «на четырех столбах устроен купол с главой и крестом» (РГАДА. Ф. 1195. Оп. 1. Д. 112. Л. 1 об.; Оп. 9. Д. 150. Л. 1 об.). После пожара 1855 г. к 3 внешним дверям пристроены деревянные крыльца.

В интерьере собора отдельно стоящие опоры сложены из разного материала: зап. столбы — с использованием кирпича и гранита, восточные — из белого камня. Между зап. столбами размещены хоры. К 2013 г. эти столбы плохо видны в интерьере храма из-за поздних перестроек. На хорах были устроены приделы: во имя арх. Михаила, освященный в юго-зап. части 25 июля 1708 г., и во имя свт. Филиппа, митр. Московского, в сев.-зап. части, освященный 27 авг. 1710 г. После пожара 1855 г. на хорах оставлен только Архангельский придел, а в сев.-зап. углу устроена «палатка для хранения драгоценностей и суммы монастыря». Вторые хоры находятся наверху, на внутреннем выступе центрального барабана, и отгорожены деревянными перилами. В разных частях собора в стенах были сделаны ниши. В 2 вост. столбах размещены 2 кладовые палатки, закрывающиеся железными дверями (Молчанов. 1813. С. 266; РГАДА. Ф. 1195. Оп. 5. Д. 232. Л. 22; Д. 264.

Л. 1). В 1903–1904 гг. по указу Архангельской духовной консистории в куполе собора был устроен маяк. Аналогичные

Церковь в честь Происхождения честных древ Животворящего Креста Господня. 1661 г. Фотография. 2013 г.

маяки были размещены в куполах храмов Соловецкого и Пертоминского в честь Преображения Господня монастырей —

железом». К 1699 г. на окнах и дверях храма появились «железные затворы», при этом у соборных дверей и больших окон они были 2-створчатыми. Входы в собор расположены с 3 сторон: северной, южной и западной. Архивольты перспективных порталов сложены из тесаного известняка. Порталы имеют

для безопасного мореходства на Белом м. (ГАО. Ф. 29. Оп. 4. Т. 3. Д. 1736).

Второй каменный храм К.-О. м.— ц. в честь Происхождения честных древ Животворящего Креста Господня («Церковь над кладезем», «Надкладезная церковь»). Биограф патриарха Никона И. К. Шушерин пи-

сал о церкви: «Ископаша кладезь великий из камня дикого, и на том кладези построиша церковь каменную... Построе же той кладезь молитвами и трудами самого Святейшего патриарха» (*Шушерин*, 1784). Единственным источником пресной воды на Кий-острове и в 2013 г. является колодец, созданный трудами патриарха. Согласно прихода-расходной книге 1661 г., 16 сент. «в церковь Происхождения честных древ Животворящего Креста Господня, что над кладезем, на престол и на жертвенник выдано» 12 аршин полотна «да на освящение про церковный обиход 23 гривенки» (РГАДА. Ф. 1195. Оп. 1. Д. 29. Л. 11 об.). Стены сложены из гранита и кирпича, свод кирпичный. Алтарь отделен

Каменный крест над колодцем ц. в честь Происхождения честных древ Животворящего Креста Господня. Фотография. 2013 г.

поперечной стенкой с 3 арками на 2 столбах. На этой стенке первоначально размещался 5-ярусный тябловый иконостас.

Храм 1661 г. неск. раз ремонтировался. В 1823 г. был сделан снаружи контрфорс и покрыт тесом. Во 2-й пол. XIX в. церковь отделили от паперти поперечной стеной. В числе изменений, внесенных в здание после пожара 1855 г., было устройство белокаменных крестов. Один установлен ниже уровня земли, над колодцем, на нем вырезан семиконечный крест с орудиями страстей на Голгофе. Другой — с внешней стороны апсиды, с текстом об основании и освящении мон-ря: «Ставропигий освящен во имя Святаго Его происхождения во освящение и целебного дара приснотекущих вод сих в честней обители Святаго и Животворящего Креста Господня во царство благочестивейшаго Великаго Государя Царя и Великаго Кня-

Каменный крест на апсиде ц. в честь Происхождения честных древ Животворящего Креста Господня. Фотография. 2013 г.

зя Алексия Михайловича всея Великия и Малыя и Белья России Самодержца по благословению Пресвятейшаго Великаго Господина Никона патриарха в лето 7168 года по воплощении Слова Божия 1660 года Августа в 1-й день». Оба креста имеют 4-конечную форму с расширенными концами. Белокаменный крест с текстом на алтаре неоднократно воспроизводился в лит-ре и был определен как «закладной», современный строительству храма. Письменные источники утверждают, что оба белокаменных креста установлены много позже, во время ремонта храма в 1870–1871 гг. (Там же. Оп. 5. Д. 232. Л. 22). Правильнее называть эти кресты памятными.

Одноглавая церковь над кладезем имела каменный барабан и, по

Келейный корпус «на хозяйственных погребях». 1693 г. Фотография. 2013 г.

описи 1736 г., «каменную главу крыту чешуею» (ГАНУ. Ф. 480. Оп. 1. Д. 367. Л. 10). Деревянное перекрытие горело во время пожаров, и во 2-й пол. XVIII в. церковь перекры-

ли «белым железом». Монастырская переписная книга 1666 г. указывает, что в церкви, включая алтарь, «пять окончин слюдяных больших и малых» (РГАДА. Ф. 1195. Оп. 1. Д. 112. Л. 13 об.).

С зап. стороны к храму примыкает каменный келейный корпус на «хозяйственных погребях» (1693). Переписная книга 1694 г. сообщает, что «вновь построены каменные погреба о трех жирах... да квасоварня каменная». О каменных кельях описи кон. XVII — нач. XVIII в. не упоминают, а опись 1839 г. сообщает, что каменные кельи построены только в 1753 г. (Там же. Оп. 9. Д. 150. Л. 96). Этот факт требует дополнительного подтверждения. Каменные кельи построены над каменными погребями, существовавшими с 1693 г. В описи 1772 г. отмечены «настоятельские кельи каменные в одних сводах на погребях в пяти покоях с сеньми и чуланы» (Там же. Оп. 4. Д. 417. Л. 26). Каменные кельи «на погребях» первоначально стояли к западу от надкладезной церкви, но отдельно от нее. В 1774 г. указаны «близ Происхождения Честного Креста Господня церкви три кельи и поварня настоятельские, под оными кельями погреба и квасоварня» (Там же. Д. 429. Л. 1 об.). В 1785 г. настоятельские покои упоминаются уже при «сей церкви». Видимо, в этот период церковь была соединена с кельями, все поздние документы отмечают, что кельи находятся «при церкви» или «в одной связи» с ней.

Создание каменного комплекса (1689) с ц. в честь Рождества Пресв. Богородицы, трапезной, келарской и примыкающими к ним колоколь-

ней и усыпальницей завершает формирование ансамбля мон-ря в кон. XVII в. Храм 2-ярусный, с полукруглой апсидой.

Стены и своды сложены из кирпича и гранита. Богородице-Рождественская ц. размещалась на верхнем этаже, а на ниж-

нем в 1769 г. был освящен престол во имя свт. Димитрия Ростовского. В 1796 г. нижнюю церковь переосвятили в честь Рождества Христова, а после пожара 1855 г. «для

избежания значительных издержек» храм сначала освятили только на нижнем этаже. В 1870–1871 гг. в помещении верхней трапезы в одно-столпной палате разместились 2 при-

*Церковь в честь
Происхождения честных древ
Животворящего Креста
Господня, трапезная
и келарские. Кон. XVII в.
Фотография. 1886 г.*

дельных храма. Верхние церкви были теплыми, отапливались 2 печами.

В XIX в. Богородице-Рождественская ц. подвергалась значительным перестройкам, особенно в 1822 г. Они коснулись 2-го яруса церкви: разобранный свод заменен деревянным «накатным потолком». Причиной тому послужил каменный свод, который «вмещал в себя много дикого камня и своим грузом раздавил все здание церковное, от чего явились трещины» (РГАДА. Ф. 1195. Оп. 4. Д. 673. Л. 18 об.). Юж. угол церкви разломали до нижнего свода и переложили заново, а юж. и сев.

колоколами — деревянный помост. На уровне площадки в стенах — 8 арочных проемов. В XVIII в. колокольня завершалась 8-гранным шатром и главкой, крытой лемехом (Там же. Д. 417. Л. 24 об.). В сев. стене колокольни сделано прямоугольное углубление — колодец

для часов. В монастырских описях начиная с 1693 г. упоминаются при колокольне «часы заводные, стан и одиннадцать колес больших и малых железных, которая и минуты являют» (Там же. Д. 55. Л. 35). Во 2-й пол. XIX в. с вост. стороны колокольни построен портик на 4 колоннах.

Согласно описи 1823 г., на колокольне было 9 колоколов. Два из них 1656 г. — иностранные. Еще 2 колокола — вклад патриарха Никона: один 160 пудов, другой 32 пуда. Два колокола, судя по надписям, были отлиты в 1764 и 1773 гг. в обители. На одном из них была вкладная надпись: «1764 года Июня дня, лит сей колокол в Крестном монастыре, при державе благочестивейшия и Самодержавнейшия Великия Госуда-

рыни наша императрицы Екатерины Алексиевны Всея России, наследнице ея Благоверном Государе Цесаревиче и Великом Князе Павле Петровиче. При архимандрите Иоакиме с братиею. Лил сей колокол колоколенной мастер Иван Никитин Колокольников» (ГААО. Ф. 29. Оп. 31. Д. 218. Л. 577–603 об.). С зап. стороны к церкви примыкает 2-этажная трапезная палата в комплексе с келарской палатой, ризницей, б-кой и архивом, а также с поварнями и кладовыми на 1-м этаже. Назначение помещений трапезного комплекса неоднократно менялось. Напр., ризница и архивная палата длительное время находились

*Церковь в честь Рождества
Пресв. Богородицы и
колокольня. Кон. XVII в.
Фотография. 2013 г.*

стены были скреплены металлическими связями. Церковь была одноглавой, глава покрыта лемехом. После устройства в 1870–1871 гг. придельных церквей на кровле появились еще 2 главы. В кон. XIX — нач. XX в. все главы были покрыты металлом.

К северо-западу от Богородице-Рождественской ц. расположена каменная колокольня, стены которой сложены из кирпича и гранита. Камень применен в основном в нижней части здания. Вверху размещалась площадка для колоколов, а под

в Крестовоздвиженском соборе. Для братской трапезной использовалось помещение верхней палаты. В 70-х гг. XIX в. братская трапезная размещалась на нижнем этаже. Обе трапезные одностолпные, находятся одна над другой, а столбы — на одной оси.

Святые, ризница. Главная святых К.-О. м., крест-реликварий, находился в соборе Воздвижения Креста на месте храмового образа, справа от царских врат. По сторонам от него были изображения равноапостольных Константина и Елены, а также «персоны» ктиторов. Крест почитался царской семьей. В переписной книге домовою казны патриарха Никона 1658 г. упоминаются «две иконы больших, которые писаны к большому кипарисному кресту»: на одной — равноап. царь Константин, патриарх Никон и царь Алексей Михайлович, на другой — равноап. царица Елена, царица Мария Ильинична и царевич Алексей Алексеевич (Переписная книга домовою казны Патриарха Никона, сост. в 7166 г. по велению царя Алексея Михайловича // ВОИДР. 1852. Кн. 15. Ч. 2. С. 1–134). На средства архиеп. Олонецкого *Игнатия (Семёнова)*, вложившего в обитель 5 тыс. р., в 1843–1844 гг. вокруг креста был сооружен мраморный киот (РГАДА. Ф. 1195. Оп. 5. Д. 66). На розовом поле мрамора была вырезана вкладная надпись с именем дарителя. В монастырской б-ке хранилась рукопись с описанием чудес, бывших от креста.

В усыпальнице К.-О. м. стоял камень «более сажени в длину», на к-ром первоначально был водружен в соборе Кийский крест; затем на нем стоял деревянный гроб «с ликом угодника святого праведнаго Иоанна Яренскаго чудотворца, в котором он прежде почивал» (Историческое описание. 1903. С. 13). 29 марта 1841 г. мощи прав. *Иоанна*, хранившиеся в ц. во имя преподобных Зосимы и Савватия Соловецких с. Яренга (Яренга) на побережье Белого м., были переложены в новую раку (ГААО. Ф. 29. Оп. 4. Т. 3. Д. 31. Л. 1, 4). Старая гробница была передана в К.-О. м.

Первоначально ризница находилась в соборе, в кладовой палатке, устроенной в одном из алтарных опорных столбов (РГАДА. Ф. 1195. Оп. 2. Д. 184. Л. 29; *Молчанов*. 1813. С. 266). В ризнице было много предметов церковного богослужения, полученных от патриарха Ни-

кона, с его вкладными надписями: крест серебряный на престольный, «сребропозлащенные» дискос, потир и ковш, чаша медная литая. Боярин В. И. Стрешнев «по душе своей» дал вкладом сосуд серебряный для освящения воды.

В Крестовоздвиженском соборе иконописной артелью Михаила Алексеева был создан 4-ярусный иконостас. Первоначально иконы стояли на 3 тяблах, а на них «писаны травы разными красками» (РГАДА. Ф. 1195. Оп. 1. Д. 112. Л. 13). Около правого клироса устроено каменное настоятельское место, «снаружи крашено разными красками». В 1823 г. иконы стояли также вокруг столбов. В соборных приделах были 2-ярусные иконостасы. Около юж. дверей находился живописный портрет патриарха Никона «во весь рост в рамах крашенных на полотне» (ГААО. Ф. 29. Оп. 31. Д. 218. Л. 577–603 об.). Этот портрет написал для К.-О. м. в 1798 г. с.-петербургский худож. К. Новоселов. «За написание портрета святейшего патриарха во весь свой рост живописцу Корнилию Новоселову двадцать пять рублей» (Там же. Оп. 5. Т. 1. Д. 55. Л. 4 об.). В монастырских храмах находилось множество икон, прославляющих крест, как напоминание о посвящении и главной святыне обители: «Воздвижение Креста Господня», «Образ Животворящего Креста», «Образ Креста Господня с лицами святых благоверных царей Константина и Елены, и пониже их в молении государя царя Алексея Михайловича, царицы Марии Ильиничны, и святейшаго Никона патриарха» («Поклонение Кийскому Кресту»). На юж. и сев. алтарных дверях ц. Происхождения честных древ Животворящего Креста Господня были написаны «образы Креста Господня» (Там же. Оп. 31. Д. 218. Л. 577–603 об.). В нач. XX в. в Крестовоздвиженском соборе хранилась «св. Николая Чудотворца икона, благословляющего по раскольническому обряду. Посему многие поморы-раскольники почитают сию икону и заходят в храм молиться» (Там же. Оп. 2. Т. 6. Д. 329. Л. 116 об.–117).

Предметы храмового убранства из К.-О. м. хранятся в собрании ГММК, СГИАПМЗ и АОКМ. Среди них — митра XVII–XVIII вв. (СГИАПМЗ. КП 42), выполненная из зеленого бархата и украшенная серебряными дробницами и драгоценными камнями;

серебряный ковшик для теплоты, вклад патриарха Никона 1657 г. (СГИАПМЗ. КП 34), с вкладной надписью: «165 (1657) дал святейший Никон патриарх в монастырь Ставрос еже есть крест. А хто украдет будет проклят»; на престольный серебряный крест 1748 г. (СГИАПМЗ. КП 37), вклад архим. Иоасафа «по своему радению» (Святейший патриарх Никон: Кат. выст.: К 400-летию со дня рождения. М., 2005. Кат. 40–42). В 1934 г. в Северный краеведческий музей в составе небольшой коллекции с Кий-острова поступило кресло патриарха Никона (АОКМ. КП 4995).

Архив и библиотека. В 1893–1894 гг. Архангельская духовная консистория обратилась в К.-О. м. с отношением о передаче архива мон-ря в Архангельский епархиальный церковно-археологический комитет, но лишь в 1903 г. древние рукописи поступили в Архангельское епархиальное древлехранилище «для разборки и передачи некоторых в Совет Казанской Духовной академии». Священник Рождественской ц. г. Архангельска Илия Легатов рассмотрел и «распределил материалы на 6 связок рукописей и 255 свитков» (ГААО. Ф. 510. Оп. 1. Д. 39. Л. 120–121, 134). В XX в. рукописи обители были переданы в ГА Архангельской обл., где сформирован самостоятельный фонд монастыря (Ф. 174). Позже он был аннулирован и передан в РГАДА (Ф. 1195). Материалы К.-О. м. имеются в ГААО (Ф. 29, 75, 174); ГАНО (Ф. 480), РГИА (Ф. 797, 799, 218); СПбФИИ РАН (Ф. 74, 115, 172); в фотоархивах ГНИМА (№ РУ 3758; XIII 1634–1651); ИИМК РАН (II – 14006–7, 0.667.55); в архиве Научно-производственного центра по охране памятников Архангельской обл.; АОКМ (КФОФ. 551, 551/1, 735–738, 785/1,2); ИРЛИ (Колл. К. П. и А. Г. Гемп. № 87).

В 1903 г. Архангельская духовная консистория выдала предписание настоятелю К.-О. м. о передаче в Архангельское епархиальное древлехранилище 2 редких книг из 6-ки. В том же году книги были препровождены: «Псалтирь с символическими изображениями, писаную на пергаменте, без обозначения года», «Поучительные слова, писанные Московским патриархом Иосифом на вопросы датского королевича Владислава Христиановича» (ГААО.

Ф. 510. Оп. 1. Д. 39. Л. 58, 79). Псалтирь была написана иноком Лукой Смолянином в 1395 г. на пергамене, о чем свидетельствует его собственноручная подпись. Вероятно, писец прекрасно владел не только искусством письма, но и тайнописью. Среди миниатюр-иллюстраций привлекает внимание аллегорический рисунок: мечущийся заяц в окружении готовых вцепиться друг в друга хищников — льва, медведя, барса и чудища-антихриста. По мнению исследователя Г. К. Богуславского, инок Лука в виде зайца изобразил положение своего родного Смоленского княжества, на к-рое претендовали и Литва, и Москва, и Тевтонский орден, и татары (*Бугославский Г. К. Замечательный памятник смоленской письменности XIV в. и имеющийся в нем рисунок символического-полит. содержания // Древности: Тр. МАО. М., 1906. Т. 21. Вып. 1. С. 67–88. Табл. XVII–XX; Сперанский М. Н. Тайнопись в юго-славянских и русских памятниках письма. Л., 1929; Лифшиц А. Л. Онежская Псалтирь 1395 г.— памятник из Кривецкого погоста? // Византийский мир: Искусство К-поля и нац. традиции. М., 2005. С. 511–514*). В 1916 г. псалтирь попросили прислать из древлехранилища в Синодальную б-ку «для сличения с книгами патриаршей библиотеки», на что был послан ответ: «Просимая Псалтирь представляет собою один из редчайших особенно замечательных по отделке писчего материала (пергамена), изяществу письма и художественности украшений письменных памятников древности; в Архангельском епархиальном древлехранилище — это единственный памятник, и отношение к нему должно быть самое бережное. Вследствие высылки его в 1903 г. в Императорскую Академию наук, где он находился 7 месяцев, и в 1905 г. в Московское Археологическое Общество, где были снимаемы с его заставок и заглавных букв хромофотографированные копии, а также — снятия с них фотографий, памятник этот значительно пострадал» (ГААО. Ф. 510. Оп. 1. Д. 72. Л. 4–4 об.). В 2013 г. рукопись хранится в собрании ГИМ (Муз. № 4040).

Иконописцы вотчин К.-О. м. Иконостасы монастырских храмов — Крестовоздвиженского собора и ц. Происхождения честных древ Животворящего Креста Господня — были

о Животворящем Кресте сказано: «И аще кто с верою восхождет к тому Животворящему Кресту на поклонение приити, да не менее тому силою святого того Честнаго и Животворящаго Креста благодать дастся, якоже путешествующим во святая Палестинская места, в них же святое Свое смотрение Христос Бог наш исполни» (*Лаврентий [Далматов], архим.* Краткое известие о Крестном Онежском Архангельской епархии мон-ре. М., 1805. С. 14–22).

В Москве крест был «обложен» слюдой, серебром, украшен изображениями праздников. В вертикальное древо К. к. врезано 6 четырехконечных афонских крестов размером 10,5×7,5×0,7 см (один утрачен), украшенных миниатюрной резьбой с клеймами праздников и евангелистов. В наст. время вложенные в крест святыни обрамлены 16 серебряными 8-конечными звездами и закрыты 104 серебряными пластинами. На них выгравированы поясные изображения святых, чьи мощи размещены под ними в прямоугольных ковчегах. Образы были исполнены рус. мастерами на основе иконописных подлинников и иконных образцов. Под нижней перекладиной помещена прямоугольная серебряная позолоченная пластина (25,5×18,3 см) с вкладной надписью: «...сотворен сий Великий Крест, Божию милостию Никоном архиепископом Царствующаго Великаго града Москвы: и всея Великия и Малыя и Белья России Патриархом от честнаго древа кипариса, и оукрасил серебром и златом, в похвалу и поклоняние христоролюбцем. Христе Боже помилуй и спаси доущую мою силою Честнаго и Животворящаго Твоего Креста, и святых ради молитв, ихже мощи водружены в сем Кресте. Лета от воплощения Слова Божия [1656]го, а от создания мира [7164]го августа в [1] день». По периметру и на торцах крест покрыт серебряной басмой с геометрическим орнаментом. Художественная программа К. к. не имеет аналогов в визант., зап. и рус. искусстве.

По распоряжению царя Алексея Михайловича крест с большими почестями был отправлен из Москвы на Кий-остров в 1657 г. в сопровождении духовенства и роты драгунов «со 108 большими и малыми чугунными пушками, с ядрами, бердышами, барабанами и запасом пороха» (*Глаголев А.* О древних зданиях и

*Кийский крест
в Воздвиженском соборе
Кий-Островского мон-ря.
Фотография. 2013 г.*

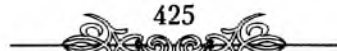
святынях Крестного мон-ря на о-ве Кий // ЖМВД. 1841. № 7. Смесь. С. 4). К марту 1657 г. он был доставлен в Крестный мон-рь на Кий-острове. С тех пор в лит. и письменных источниках его обычно называли «Кийский крест» или «Никоновский крест». В описи 1-й монастырской деревянной ц. Воздвижения Креста Господня, составленной 30 марта 1657 г., значится: «Церковь Воздвижение Честнаго и Животворящаго Креста Господня, а в ней крест с мощами святых отцов и святых мучеников» (РГАДА. Ф. 1195. Оп. 1. Д. 4. Л. 2).

Крест считался главной святыней мон-ря. Он стоял в Воздвиженском соборе на месте храмового образа, справа от царских врат. Сначала был водружен на каменной плите, перенесенной затем в монастырскую усыпальницу; позднее поставлен на высокому ступенчатому основанию. По сторонам от него находились иконы равноапостольных Константина и Елены, а также «персоны» ктиторов. Крест пользовался большим почитанием у царской семьи. В Переписной книге домовою казны патриарха Никона 1658 г. упоминаются «две иконы болших, которые писаны к большому кипарисному кресту»: на одной — равноап. царь Константин, царь Алексей Михайлович и патриарх Никон, на другой — равноап. царица Елена, царица Мария Ильинична и царевич Алексей Алексеевич (Переписная книга домовою казны Патриарха Никона, сост. в 1716 по велению царя Алексея Михайловича // ВОИДР. 1852. Кн. 15. Ч. 2. С. 1–134; Кийский Крест. 2000. С. 14).

Очевидно, именно эти иконы предстоящих были предназначены для установки по сторонам К. к. в соборе (неизвестно, были ли они отправлены на остров). Изображение царевича Алексея Алексеевича, умершего в 1670 г., в дальнейшем не упоминается в числе ктиторов, молящихся К. к.

В описи мон-ря за 1819 г. подробно описан К. к. и вложенные в него святыни (ГААО. Ф. 29. Оп. 38. Д. 17. Л. 4–10): «Подле образа Спасителя образа Честнаго и Животворящаго Креста Господня храмовой, сотворенный от Честнаго Древа Кипариса... В середине того Честнаго Креста утверждён ковчег серебряной кованой золоченой, в котором часть Святыя и Животворящаго Креста Господня, часть Святыя Ризы Господни, часть Млека Пресвятыя Богородицы, часть крови Иоанна Предтечи, часть крови апостола Павла, часть самага Древа Креста Господня; над тем ковчегом Херувим серебряной резной золоченой, всего ковчег и херувим весом три фунта. Вверху в пречном древе в середине звезда серебряная золоченая, в ней часть от Камене Гроба Господня. В том же кресте шесть крестов кипарисных небольших, в которых вырезаны дванадцатые праздники, в привесе крест серебряный небольшой, на нем вырезан образ Распятия Господня. В том же кресте повыше подножия второй ковчег серебряный золоченый; в нем часть самага же Древа Креста Господня, весом шестьдесят пять золотников». Оба ковчега со святынями не сохранились.

В документе перечисляются также 14 серебряных звезд с частями каменной: «пещеры, где родился Господь»; «пещеры, где постился Господь»; Гроба Пресв. Богородицы; пещеры, где св. Иоанн Предтеча скрывался от Ирода; «пещеры, идеже молился Иоанн Предтеча»; «трапезы, на ней же угости Авраам Святую Троицу»; «жезла Моисеева, им же пресече Чермное море»; 7 камней без подписи. 97 частиц мощей (в наст. время — 94) названы в порядке их расположения на К. к. («с возглавия Креста, от левой руки к правой»): вмч. Георгия, мч. Христофора, мч. Трифона, мч. Прокопия, вмч. Дмитрия, вмч. Никиты, вмч. Меркурия, вмч. Пантелеимона, мч. Анастасия, прор. Даниила, равноап. царя Константина, евангелиста Матфея, ап. Андрея, св. Иоанна Предтечи, ап. Павла, вмч. Иакова Перского,

сщмч. Елевферия (по надписи сщмч. Еферия, еп. Херсонесского), свт. Ионы Московского, вмч. Феодора Стратилата, сщмч. Киприана, прп. Алексия, человека Божия, свт. Нектария К-польского, мч. Агафоника (в наст. время свт. Афиногена), свт. Петра Московского, сщмч. Климента Анкирского, сщмч. Петра Александрийского, сщмч. Василия Анкирского (в наст. время свт. Василия Великого), свт. Спиридона Тримифунтского, свт. Григория Нисского, свт. Иоанна Златоуста, ап. Тита, ап. Фомы, ап. Варнавы, первомч. архидиак. Стефана, евангелиста Марка, ап. Иакова, брата Господня, прав. Лазаря, ап. Тимофея, евангелиста Луки, ап. Иоанна Зеведеева (по надписи ап. Иакова Зеведеева), свт. Григория Богослова, свт. Василия Великого (в наст. время сщмч. Василия Анкирского), свт. Иоанна Милостивого, сщмч. Игнатия Богоносца, свт. Епифания Кипрского, сщмч. Акепсима, прп. Андрея Критского, свт. Григория Паламы, сщмч. Ермолая, сщмч. Афиногена, свт. Филиппа Московского, вмч. Феодора Тирона, свт. Гурья Казанского, свт. Алексия Московского, мч. Евстратия, мч. Каллиника, мч. Кирика, мч. Каллистрата, мч. Маманта, мучеников Космы и Дамиана (по надписи мч. Космы), сщмч. диак. Авива, сщмч. диак. Евпла, мч. Лукиана, мч. Неофита, мч. Домна (по надписи мч. Дамиана), мч. Авксентия, вмч. Варвары, прп. Антония Великого, прп. Евфимия Великого, прп. Евфимия Суздальского (в наст. время вмч. Евфимии Всехвальной), прп. Иоанна Дамаскина, прп. Ефрема Сирина, прмч. Стефана Нового, прп. Григория Декаполита, прп. Пимена, прп. Феодосия (по надписи прп. Феодора Сикеота), прп. Кира, прп. Георгия Хозевита, прп. Михаила Малеина, прп. Никиты, исп., мч. Космы Аравийского, прп. Сергия Радонежского, далее 2 надписи закрыты (в наст. время свт. Иоанна Новгородского, прп. Антония Римлянина), прав. Иакова Боровичского, прп. Саввы Сторожевского, прп. Евфимии (в наст. время прп. Евфимия Суздальского), блгв. кн. Александра Невского, блгв. кн. Романа Угличского, вмч. Марины, мч. Ирины, мч. Анастасии Римской, блгв. кн. Владимира Новгородского, блгв. кн. Георгия Владимирского, св. Анны, прмч. Евдокии, прмч. Феодосии девы (в наст. время утрачены); неск. св. мощей без надписи. На об-

разах равноапостольных царей Константина и Елены по сторонам К. к. — венцы «с короною и цатою серебряные, чеканеные позлащенные» и убрус «низан жемчугом, у коего в среди-

Фрагмент Кийского креста.
1656 г. (ц. прп. Сергия Радонежского
в Крапивниках, Москва)

не серебропозлащенная запана с хрустальными вставками»; «пред Крестом завеса белаго ситца с разноцветными травами, разделяющаяся на две половины, в круге по краям обложена китайкой алой».

Во 2-й пол. XIX в. настоятели Крестного мон-ря сообщали в донесениях о частичной утрате мощей. Так, архим. Нектарий в 1876 г. указывал на отсутствие мощей вмч. Прокопия и прор. Даниила: «Оные единственно могли быть затеряны при переносе св. Креста из монастыря по неудобному пути во время нашествия неприятеля... когда в 1854 году подходил англичанин к Соловецкому монастырю и был также и в Крестной обители и что в это время св. Крест был увозим из обители» (ГААО. Ф. 29. Оп. 4. Т. 3. Д. 508. Л. 148–151 об.).

На средства *Игнатия (Семёнова)*, архиеп. Олонецкого, вложившего в Крестный мон-рь 5 тыс. р., в 1843 г. вокруг К. к. был сооружен мраморный киот (РГАДА. Ф. 1195. Оп. 5. Д. 66). На розовом поле мрамора была вырезана вкладная надпись с именем дарителя. Известно изображение К. к. в новом киоте (*Россиев П. А.* Светлое Поморье // ИВ. 1907. № 10. С. 239; Онежский Крестный мон-рь // ИИАК. 1911. Вып. 41. С. 106).

К. к. пребывал в соборе Воздвижения Креста до закрытия мон-ря. В нач. 20-х гг. XX в. он был переве-

зен на Соловки и хранился в музее Соловецкого отд. Архангельского об-ва краеведения (ГААО. Ф. Р–286. Оп. 1. Д. 1018. Л. 8–13). Музей располагался в Благовещенской ц. Соловецкого мон-ря, где было сосредоточено ок. 500 экспонатов, в т. ч. «Никоновский крест из кипарисового дерева, обложенный листовым серебром, сооруженный самим патриархом для Крестного монастыря и затем перенесенный на Соловки» (*Иванов А. П.* Памятники Соловецкой древности // Соловецкие о-ва: Ж. [О. Соловки], 1926. № 2/3. С. 132). В 1939 г. в составе коллекции упраздненного Соловецкого музея К. к. был отправлен в Москву и передан в филиал ГИМ в Новодевичьем монастыре. В 1991 г. передан МП РПЦ и установлен в московской ц. прп. Сергия Радонежского в Крапивниках (находится в приделе Всех святых, в земле Российской просиявших).

В описи Крестовоздвиженского собора, составленной после закрытия обители в 1921 г., упомянута «копия Животворящего Креста Господня» (ГААО. Ф. Р–286. Оп. 1. Д. 1018. Л. 10). Она стояла в соборе монастыря в 1926 г., что подтверждается документами Онежского уездного флотдела: «Копия древнего креста без стекла, украшения с него все сорваны и самый крест попорчен» (ГААО. Ф. Р–230. Оп. 1. Д. 26 б. Л. 265). В июне 1928 г. копию К. к. и 2 большие иконы с изображением равноапостольных царей Константина и Елены, стоявшие по сторонам К. к., по просьбе верующих принял Троицкий собор Онеги (ГААО. Ф. Р–230. Оп. 1. Д. 26 б. Л. 314). После закрытия храма в 1931 г. (ГААО. Ф. 621. Оп. 1. Д. 1145. Л. 81–95) копия хранилась в кладбищенской ц. прав. Лазаря в Онеге, а в 2010 г. возвращена в возрожденный Троицкий собор. По стилистическим и палеографическим особенностям кресткопия относится к нач. XX в. Он был отреставрирован по инициативе настоятеля собора прот. Александра Коптева; в наст. время в нем собрано более 120 частиц мощей святых. Дальнейшая судьба и местонахождение икон с предстоящими святыми неизвестны.

Еще во 2-й пол. XVII в. сложилось почитание живописных изображений К. к. В память о сев. святыне, скорее всего по велению патриарха Никона или царя Алексея Михайловича, был создан живописный об-

раз «Поклонение Кийскому кресту» (или «Кийский крест, с предстоящими», «Никоновский крест»). Иконографическим образцом этого мало распространённого в рус. иконописи сюжета считалась икона, предположительно написанная царским иконописцем Богданом Салтановым в 1677–1678 гг. «к великому государю в хоромы» (*Успенский А. И.* Царский живописец дворянин Иван Иевлевич Салтанов // *Старые годы.* СПб., 1907. Март. С. 75–86; *Кочетков.* Словарь иконописцев. С. 582–583, 587–588); в наст. время — в собрании ГММК,

Поклонение Кийскому кресту. Икона. 1780 г. (ГИМ)

Копия Кийского креста. Нач. XX в. (Троицкий собор Онеги)

происходит из теремной ц. Воздвижения Креста в Кремле (Инв. Ж-1714. Холст, масло. 126×90 см). Однако более вероятно, что 1-й образ был создан до приезда Салтанова в Москву, в 1658 г. (*Комашко Н. И.* Живописец Богдан Салтанов в контексте худож. жизни Москвы 2-й пол. XVII в. // *ДРВМ.* 2003. № 2(12). С. 51–52).

В центре композиции изображен К. к. с перечислением помещенных в нем св. мощей. В композицию включены реальные исторические персонажи: слева в молитвенном предстоянии кресту — равноап. царь Константин, царь Алексей Михайлович и коленопреклоненный патриарх Никон; справа — равноап. царица Елена и царица Мария Ильинична. В соборе на Кий-острове 5 названных предстоящих были изображены в таком же положении, как на 2 иконах по сторонам К. к.

Изображение «Поклонение Кийскому кресту» в посл. стало чтимым образом Крестного мон-ря. Известно ок. 20 его списков, выполненных

и на холстах и на иконных досках в 50-е гг. XVIII в. (ГРМ); 1773 г. (Харьковский худож. музей); 1780 и 1785 гг. (ГИМ); во 2-й пол. XVIII в. (ГТГ, ГМИР, НГОМЗ); 2-й пол. XVIII — нач. XIX в. (ИркОХМ) и др. Они детально воспроизводят композицию кремлевского образца, иногда дополняя ее новыми текстами. Поздние списки идентичны подлиннику по пропорциям, деталям иконографии, включая орнаментацию одежды, даже по светотеневой моделировке ликов. Надпись на нижнем поле икон воспроизводит текст серебряной позолоченной пластины, установленной под нижней перекладной К. к. Тексты в картушах взяты из службы Происхождения честных древ Креста Господня, на свитке патриарха Никона написан тропарь из 7-й песни канона этого праздника.

Ранняя группа списков кон. XVII — нач. XVIII в. (АМИИ, ГТГ; см. также: *Реченский А. И.* Собрание памятников церк. старины в ознаменование 300-летия царствования дома Романовых. М., 1913. С. 67. Ил. 17) имеет отличительную особенность: композиция заключена в орнаментальную сень на колоннах; такое обрамление ассоциируется с гравированными рамками-заставками для книг этого времени. Вероятно, сень воспроизводила барочную резьбу подлинного деревянного киота, обрамлявшего К. к.: «Около Креста и образов киотъ столярная, а столбцы и корона резные золоченые, в короне образ Спасителя» (ГААО. Ф. 29. Оп. 38. Д. 17. Л. 10). Большинство известных икон «Поклонение Кийскому кресту» XVIII в. — без изображения сени.

В Сийском иконописном подлиннике, созданном на Севере во 2-й пол. XVII в., были образцы, как писать патриарха Никона и царя Алексея Михайловича (РНБ. ОЛДП. F 88. Л. 157 об.). Они могли быть использованы сев. иконописцами только для создания образа «Поклонение Кийскому кресту». Основным заказчиком икон был Крестный монастырь. В монастырских документах посл. трети XVII в. сюжет именуется по-разному: «Образ Креста Господня», «Образ Креста Господня с предстоящими лики святых Константина и Елены», «Образ Креста Господня с лицами святых Боговенчальных царей Константина и Елены, и ниже их в молении Государя царя Алексея Михайловича, царицы Марии Ильиничны и святейшего Никона патриарха на одной доске», «Крестовый образ», «Креста Животворящего картины». С XVIII в. стало преобладать упрощенное название: «Крестовый образ».

В посл. трети XVII в. Крестный мон-рь покупал образы Животворящего Креста у иконописцев Михаила Алексея, Артемия Афанасьева, Ивана Павлова; в XVIII в. — у Стефана Иванова, И. И. Богданова-Кривого, Филиппа Васильева, Григория Фёклина, Якова Гаврилова, диак. Андрея Иванова (см.: *Кольцова.* 2005. С. 99–100, 104; *Кочетков.* Словарь иконописцев. С. 41). Эти мастера были крестьянами онежских вотчин обители либо жителями онежских волостей, территориально близких мон-рю. Партии заказываемых икон с изображением К. к. были весьма значительными (иногда более 30). Много «крестовых образов» было создано во 2-й пол. XVIII в., после секуляризации монастырских земель. На нескольких иконах имеется прямое указание о создании их в Крестном мон-ре. На нижнем поле — сходные надписи, к-рые с небольшими вариантами заканчиваются словами: «Написася того монастыря при архимандрите Макарии 1780 года в ноябре месяце» (иконы 1780 и 1785 гг. в ГИМ; 1787, ГМИР).

Во 2-й пол. XVII–XVIII в. «крестовые образы» развозили из Крестного монастыря по всей России. Так, в 1673 г. онежский иконописец Алексеев написал для обители 4 иконы Животворящего Креста Господня за 9 р.: «Пять икон в прошлом году... к Москве послано... три иконы крестов же пядниц к Холмогорам ку

боярину и во двор же князю Дмитрию в Каргопол, Афанасию Кукшино... икона крестовая послана» (РГАДА. Ф. 1195. Оп. 1. Д. 192. Л. 55 об.). Первая Онежская экспедиция под рук. Н. Н. Померанцева зафиксировала в 1958 г. 5 икон «Поклонение Кийскому кресту» на холстах, к-рые хранились в соборе Рождества Христова в Каргополе. Такое количество образов объясняется тем, что в XVII–XVIII вв. рядом с собором размещалось подворье Кийского Крестного мон-ря (Арх. АМИИ. Ф. 3–Н. Д. 1).

Не исключено, что иконы «Поклонение Кийскому Кресту» могли писать и в других центрах, особенно в мон-рях, основанных патриархом Никоном (Новоиерусалимском и Валдайском Иверском). Однако основная часть сохранившихся икон создана сев. иконописцами.

Современная копия К. к., выполненная в 2005 г., находится в Крестовоздвиженском соборе Кий-Островского Крестного мон-ря.

Лит.: *Жизневский А. К.* Описание Тверского музея. М., 1888. С. 57–60; Историческое описание Крестного второкл. мон-ря Онежского у. Архангельской губ. Архангельск, 1890; *Шаскольский Н. П.* Произведения древнерус. искусства в экспозиции музея // Ежег. МИРА. Л., 1958. Т. 2. С. 333–341; *Пастернак О. П.* Иконография «Кийского креста» и его повторения XVIII в. // Оригинал и повторение в живописи: Экспертиза худож. произведений: Сб. науч. тр. ВХНРЦ. М., 1988. С. 47–60; Русские мастера живописи и гравюры XVI–XVIII вв.: Кат. выст. ГИМ / Авт.-сост.: Н. Ф. Трутнева, М. М. Шведова. М., 1989; *Кольцова Т. М.* «Крестовый образ» Кийского Крестного мон-ря // Научно-исслед. работа в худож. музее: Сб. ст. Архангельск, 1998. Вып. 1. С. 14–32; *она же.* Северные иконописцы: Опыт библиограф. словаря. Архангельск, 1998. С. 34–35, 37, 40–45, 82–87, 107, 129; *она же.* Иконы Сев. Поонежья. М., 2005. С. 94–108; Кийский Крест патриарха Никона / Сост.: М. В. Осипенко. М., 2000; Патриарх Никон: Облачения, личные вещи, автографы, вклады, портреты: [Кат. выст.]. М., 2002. С. 72–77; Крест в России / Авт.-сост.: С. В. Гнутова. М., 2004. С. 62–65, 270–275; *Гнутова С. В., Щедрина К. А.* Кийский крест, Крестный мон-рь и преобразование сакрального пространства в эпоху патриарха Никона // Иеротопия: Создание сакральных пространств в Византии и Др. Руси / Ред.: А. М. Лидов. М., 2006. С. 681–705.

Т. М. Кольцова

КИКИЛИЯ, ВАЛЕРИА́Н, ТИВУ́РТИЙ, МАКСИ́М, мученики Римские (пам. 22 нояб.) — см. *Цецилия*, мц.

КИККСКАЯ ИКОНА БОЖИЕЙ МАТЕРИ [Киккотисса, Милостивая; греч. *Κικκ(ι)ώτισσα, Παναγία τοῦ Κύκκου, Θεοτόκος Ἐλεούσα τοῦ Κύκκου*], один из наиболее почитае-

Чудотворная
Киккская икона Божией Матери
(собор Киккского мон-ря)

мых чудотворных образов на Кипре (празд. кипр. 8 сент.; празд. рус. 12 нояб., 26 дек.). Икона находится в местном ряду иконостаса собора *Киккского мон-ря*, третьей слева от царских врат, в отдельном проскинитарии (киоте), украшена окладом и в соответствии с древней традицией скрыта завесой. К. и. до сих пор остается неисследованной. Греч. археолог Г. Сотириу, по приглашению архиеп. Кирилла III изучавший в 1931 г. на Кипре памятники древности, приводит примерный размер иконы (40/50×30/35 см) и сообщает, что в том месте, где в окладе устроена небольшая дверца для целования образа, красочный слой утрачен. Тогда икона находилась во вставленном в иконостас деревянном, инкрустированном искусной резьбой по кости проскинитарии 1785 г., который в 1996 г. был заменен новым и помещен в Музей Киккского мон-ря. Шитая золотом завеса закрывала верхнюю часть образа, как и в наст. время.

Об иконографии К. и. можно судить по серебряному с позолотой окладу 1576 г. (Музей Киккского монастыря) и по многочисленным спискам визант. и поствизант. периода. Богоматерь, держащая Младенца Христа на левой руке, изображена в $\frac{3}{4}$ -ном повороте, Ее щека касается головы Сына (на нек-рых списках фигуры даны в зеркальном изображении). Особенностью иконографии К. и. является поза Богомладенца, необычное положение Его обнаженных до колен ног (правая

нога согнута в колене, левая вытянута вперед) и изгиб правой руки, лежащей в руке Богоматери. Живость движениям Его фигуры придает прием контрапоста, к-рый достигнут тем, что голова Младенца наклонена вправо, торс развернут фронтально, а ножки направлены влево. Динамичность подчеркнута отведенной в сторону и согнутой в локте правой рукой со свитком. Левая рука Младенца частично скрыта под складками плата. Законченность композиции придает жест Богоматери, придерживающей Сына за правую руку. Поверх мафория Богородицы накинута плат, чаще всего яркого красного цвета. Характерной чертой данного извода считается короткий хитон Богомладенца, к-рый перехвачен перевязью с узлом, иногда ленты перевязи уходят за плечи (перевязи нет на иконе XII в. из мон-ря в мц. Екатерины на Синае). По иконографии К. и. очень близка к образу Божией Матери «*Достойно есть*».

Оклад 1576 г. был изготовлен в Никосии мастером Г. Тумазосом. Лики были оставлены открытыми, в том месте, где рука Младенца лежит на груди Богоматери, устроена дверца. Насельники Киккского мон-ря рассказали В. Г. Григоровичу-Барскому, что икона написана в технике энкаустики «на некоем необычном древе, и неписанна художеством нынеш-

Оклад
Киккской иконы Божией Матери.
1576 г. Мастер Г. Тумазос
(Музей Киккского мон-ря)

них времен, но инимь, некимь воскомь и мастихою изображенна, о чемсом испитания известнаго несть, ибо вся покровенна есть сребром, кроме лица и единого на персах малаго оконца, лобызания ради, лице же всегда есть покровенно катетасмоу

драгоценною» (Григорович-Барский. 1886. Ч. 2. С. 267). По словам Ефрема Афинянина (впосл. *Ефрем II*, патриарх Иерусалимский), иноки, менявшие покров раз в год (иногда раз в 3 года), делали это стоя позади иконы, чтобы не видеть лика (*Θεοχαρίδης*. 2010. С. 94–95). Лики открывали лишь во время засухи, вознося К. и. на близлежащую к мон-рю гору (Григорович-Барский. 1886. Ч. 2. С. 268).

Оклад 1576 г. был заменен в 1795 г. новым, серебряным с позолотой, украшенным бриллиантами, сапфирами и др. драгоценными камнями, который покрывает икону в наст. время. На окладе 1576 г. воспроизведены жесты и одеяния, известные по большинству кипрских списков К. и. XIV–XVI вв.; на окладе 1795 г., насколько он доступен для обозрения, Младенец изображен в длинном хитоне, обнажающем лишь ступни Его скрещенных ножек.

«Сказание о трех иконах, написанных ап. Лукой, где находится каждая из них, и иконе Богородицы, называемой Киккской, которая находится на Кипре». В основе лежит рассказ 1422 г. 125-летнего иером. Киккского мон-ря Григория. «Сказание...» известно в 5 списках: Александрийском (Alexandr. Patr. 176 (366), 1614 г., издан К. Хадзипсалтисом), из Музея Киккского мон-ря (Р 12, XVII — нач. XVIII в., принадлежал свящ. Папаставросу Папагафангелосу из ц. Пресв. Богородицы Фанеромени в Никосии, издан К. Спиридакисом), Ватиканском (Vat. gr. 2313, 1661 г., издан К. Константинодисом), Иерусалимском (Hieros. Patr. 328, 1695 г., ныне в б-ке Исследовательского центра Киккского мон-ря на подворье *Архангелу мон-ря*, который описан А. И. Пападопуло-Керамевсом), Китийской митрополии (1740, не сохр., издан А. Папагеоргиу). Еще один утраченный список лег в основу сочинения Ефрема Афинянина. Лучшее всего отражает текст оригинала Александрийский список. История этой иконы также кратко изложена в «Хронике» Леонтия Махераса (1-я пол. XV в.). Из поствизантийских источников наиболее ценные сведения о К. и. содержатся в «Описании честного и царского Киккского монастыря» (Венеция, 1751) Ефрема Афинянина и в «Странствиях по святым местам Востока» Григоровича-Барского, посетившего Киккский монастырь в 1727 и 1735 гг.

Во вступительной части «Сказания...» повествуется о создании ап. Лукой, руководимым арх. Гавриилом, 3 икон Божией Матери, одна из которых — «Елеуса» (т. е. Милостивая) впосл. получил название К. и. Завершив работу над образами, ап. Лука показал их Богородице, и Она благословила иконы. Позже ап. Лука увез их в Египет. Спустя значительное время К. и. была послана «благочестивыми царями» в Афи-

Киккская икона Божией Матери
в иконостасе
(собор Киккского мон-ря)

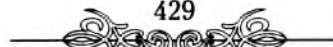
ны (*Κωνσταντινίδης*. 2002. С. 100), однако эта сюжетная линия не получила развития в «Сказании...». Более того, в основной части текста, изложенного со слов киккского иером. Григория, содержится др. версия бытования К. и.: когда икона находилась в Египте, некоторые христиане решили увезти ее на один из островов. По пути их судно было захвачено пиратами-агарянами, но у Таммиата (впосл. Дамиятта, ныне Думьят) 2 к-польских корабля освободили пленников, а икону отвезли в столицу, и она была помещена в имп. дворце (Ibid. С. 101).

Далее в «Сказании...» повествуется о том, как этот образ попал на Кипр. Полководец визант. имп. *Алексея I Комнина* (1081–1118) Мануил Вутомит, заблудившись в горах Троодос во время охоты, встретил отшельника прп. *Исаию*. Мануил разгневался, когда тот не ответил на его вопрос о дороге в Лэфкосию (ныне Никосия), и избил старца. Вскоре Мануил заболел и решил отправиться в горы, чтобы попросить у отшельника прощения. Прп. Исаии во сне явилась Пресв. Богородица в цар-

ском облачении, сообщила ему о раскаянии Мануила и велела, чтобы тот в качестве епитимии привез на Кипр Ее икону из имп. дворца в К-поле. Вскоре Мануил был отозван в столицу, но долго не мог найти удобного случая, чтобы изложить свою просьбу. Через нек-рое время дочь императора заболела тем же недугом, что и Мануил, и врачи не могли помочь ей. Тогда Мануил рассказал императору о своем исцелении и о просьбе отшельника привезти икону на Кипр. Алексей I пообещал отправить туда икону, и его дочь сразу же выздоровела. Однако император не сдержал слова и вскоре сам заболел. Ночью ему явилась Пресв. Богородица, укоряя в нарушении обета. После этого император послал икону на Кипр на царском корабле со свитой, а кипрскому наместнику велел выделить средства для постройки ц. во имя Пресв. Богородицы. Икона была доставлена на остров в 5-й год царствования императора, и от нее сразу же стали происходить чудеса (Ibid. С. 104–109).

Изложение событий в «Хронике» Леонтия Махераса совпадает с описанием в «Сказании...», но оно более кратко. Главное отличие состоит в том, что после рассказа Вутомита император послал корабль за Исаией, и преподобный сам исцелил царевну (*Leont. Makhair. Chronicle. § 37*). В сочинении Ефрема Афинянина появился новый сюжет: попытка имп. Алексея I обмануть прп. Исаию, заказав лучшему художнику изготовление копии, чтобы отправить ее на Кипр вместо подлинника (*Θεοχαρίδης*. 2010. С. 88). Ефрем Афинянин привел также народное предание о том, что когда К. и. несли от корабля к Киккскому мон-рю, по пути склонялись деревья (Ibid. С. 93). Ни в «Описании... Киккского монастыря», составленном Ефремом, ни в его изданиях 1782, 1817 и 1819 гг. нет рассказа о пчеле, к-рая, сев на чудотворный образ, помогла прп. Исаии отличить подлинную икону от копии. Однако эта легенда уже существовала в кон. XVIII в., т. к. игумен Киккского мон-ря Мелетий (1776–1811) использовал изображение пчелы в качестве эмблемы обители.

Ефрем Афинянин пишет, что икону закрыли платом при перевозке из К-поля и с тех пор хранили так (Ibid. С. 94). Однако поскольку на Кипре существует множество копий

К. и., то, видимо, она была скрыта от глаз не сразу. Так же считает и Серафим Писсидиец, подготовивший в 1782 г. исправленное и дополненное издание «Описания... Киккского монастыря»: «Мудрец века сего говорит: «Хорошо, когда эта святая икона была увезена в Египет... не был ли всесвятой лик святой иконы непокрыт? Несомненно, так. А потом, когда она находилась в царском дворце в течение стольких лет, он ведь тоже оставался открытым?» Конечно. «Хорошо,— говорит он.— А почему же тогда Она не хочет показывать Своего вида теперь, как показывала всем раньше?» Человеке, таков Промысел Божий... ради каких-то целей, которые Бог провидит, а мы не знаем. И ведь икона оставалась непокрытой не только когда она была в царском дворце, но и еще и в 1577 году, через шесть лет после оттоманского завоевания, она была украшена [окладом], и тот, кто украшал ее, конечно, видели облик Богородицы и Христа Святой Лик. Только теперь она невидима для всех, так что, те, которые пробовали открыть покров, которым закрыта святая икона, подвергались тяжкому наказанию со стороны Пресвятой Матери Божией, как об этом повествуется в «Описании», несмотря на то, что те, кто предпринимали эти попытки, были мужами добродетельными и людьми Божиими. Таков, человеке, Промысел Божий, и попечение о нас...» (Ibid. С. 196; пер.: С. А. Иванов).

Чудеса от К. и. В основном это исцеления болящих и наказания дерзнувших увидеть изображенный на иконе лик Божией Матери, тем не менее встречаются и др. сюжеты. В «Сказании...» повествуется о чудесном спасении К. и. во время пожара 1365 г., когда чтимый образ вынес из храма паралитик, которого привезли в Киккский монастырь и положили перед иконой в надежде на его выздоровление. Во сне ему явилась Пресв. Богородица со словами: «Восстань и спасайся!» (*Κωνσταντίνου*, 2002. С. 111–112). Исцеленный сообщил об этом чуде кипрскому кор. Петру I Лузиньяну, и тот вместе с супругой Элеонорой Арагонской выделил средства на восстановление монастыря. Икона уцелела и во время пожаров 1542, 1751 и 1813 гг.

В заключительной части «Сказания...» говорится о многочисленных

исцелениях от иконы (в т. ч. слепцов и бесплодных женщин) и о помощи при засухе и нашествиях саранчи (Ibid. С. 114). В добавлении к «Хронике» Леонтия Махераса (Oxon. Selden. Supra 14, 1555 г.) и в венецианских документах 50-х гг. XVI в. подтверждаются сведения из «Сказания...» о том, что К. и. почиталась как подательница дождя (*Leont. Makhair. Chronicle. § 37; Grivaux G. Le monastère de Kykkos et ses revenus en 1553 // Επετηρίδα Κέντρου Μελετών Ἱερῶς Μονῆς Κύκκου. 1990. Τ. 1. Σ. 85–90*). В 1683 г. голландец Корнелиус ван Брэйн слышал рассказ о крестном ходе с К. и. при нашествии в 1668 г. саранчи и о чудесном появлении птиц, истребивших этих насекомых (Excerpta Cypria: Materials for a History of Cyprus / Transl. C. D. Cobham. Camb., 1908. P. 242). В 1699 г. при посещении Киккского монастыря Александрийский патриарх *Герасим II* попытался увидеть икону, но был наказан за дерзость. Раскаявшись, патриарх составил документ, к-рый Ефрем Афинянин включил в «Описание... Киккского монастыря» (*Θεοχαρίδης. 2010. Σ. 107–112*).

Помимо многочисленных исцелений (напр., Аргириса из Кастории и проводника караванов Георгиоса) Ефрем Афинянин приводит такие чудеса от К. и., как спасение сорвавшихся в пропасть (случай с ребенком и с протопсалтом Хрисанфом) и попавших в шторм (мон. Григорий), а также прекращение эпидемий. Он рассказывает, как один «мавр» попытался оскорбить икону, но рука его отсохла. Модель руки «мавра» была подвешена рядом с иконой в память об этом событии (Ibid. С. 102–103). Однажды во время засухи наместник острова призвал игумена и объявил ему, что если икона не ниспошлет дождь, то он казнит его и сожжет чудотворный образ. По молитве игумена и братии хлынул ливень, после чего наместник разрешил беспрепятственное совершение крестных ходов с К. и. по острову (Ibid. С. 103). Когда др. наместник, Бекир-паша, требовал у монарх-денег, иноки спрятали К. и. в пещере недалеко от обители. Хотя было лето, 3 дня продолжалась сильная гроза с ливнем, что бывает на Кипре только зимой. Это природное явление испугало турок, и они оставили мон-рь в покое (Ibid. С. 103–104).

В «Описание... Киккского монастыря», изданное в 1782 г. с исправ-

лениями и дополнениями Серафимом Писсидиецем, добавлено чудо об источнике, к-рый забил по молитве к К. и. умиравшего от жажды монаха (Ibid. С. 179). Это произошло в Пирги, одном из владений Киккского мон-ря, расположенном недалеко от обители. Св. вода из этого источника исцелила иером. Мелетия от отеков головы, мон. Антонию-кузнецу залечила раны на ногах, мон. Парфения спасла от горячки (Ibid. С. 179–180). Благодаря чудодейственной силе иконы исце-

Киккская икона Божией Матери
с ап. Лукой. Кон. XVII в.
(Музей икон, Реклингхаузен)

лился бесноватый иконописец Иаков (Ibid. С. 185–186). Когда после пожара 1751 г. братия временно переселилась во владение Василики, произошло следующее чудо: иноки отравились к сгоревшему мон-рю и издали увидели в нем необычный свет. В др. раз они заметили обходящую обитель дева, блистающую как солнце (Ibid. С. 188). Аналогичное явление произошло после пожара 1813 г.: монахи услышали, что в разрушенном соборе совершается служба, увидели свет и окруженную сиянием женщину (Ibid. С. 526–527). Во время строительства нового собора (1755) на мастеров обрушился купол, но чудесным образом никто не пострадал (Ibid. С. 189). В 1771 г. иером. Иоанн Родосец из Иерусалима, попытавшийся открыть завесу, чтобы увидеть икону, на несколько часов ослепел и потерял дар речи (Ibid. С. 199–201).

В «Описание... Киккского монастыря» 1819 г. приведены новые чу-

деса: напр., прекращение в 1782 г. засухи после крестного хода с К. и. Во время этой процессии помимо исцелений верующих были зафиксированы случаи наказания нечестивых (агаряне в Морфу, армянка в Никосии, Иосиф в Китрее, женщина в Эксо-Метохи, к-рая после раскаяния сразу выздоровела), обращения иноверных (явление Богоматери «язычнику»-американцу в Ларнаке) и помощи пришедшим поклониться иконе мусульманам (дети турок в Аликесе). Ночью на обратном пути к подворью арх. Михаила, где тогда временно хранилась икона, чудотворный образ сопровождало светящееся облако (Ibid. Σ. 503–510). Ист.: ΒΗΓ, N 1069b; Ιεροσολυμιτική βιβλιοθήκη / Ελ. Α. Παπαδόπουλο-Κεραμεύς, Πετρούπολις, 1891. Τ. 1. Σ. 372–373; Γρηγοριου-Βαρσκιού Β. Γ. Странствия по св. местам Востока с 1723 по 1747 г. СПб., 1885. Ч. 1. С. 403; 1886. Ч. 2. С. 266–268; *Εφραίμ ὁ Ἀθηναῖος, ἀρχιμ.* Ἡ Περιγραφή τῆς σεβασμίας καὶ βασιλικῆς Μονῆς τοῦ Κύκκου. Ενείτις, 1751; *Leont. Makhair.* Chronicle. Τ. 1. Ρ. 36–39; *Σπυριδάκης Κ.* Ἡ Περιγραφή τῆς Μονῆς Κύκκου ἐπὶ τῆ βάσει ἀνεκδότου χειρογράφου // Κυπριακαὶ σπουδαί. Λευκωσία, 1949. Τ. 13. Σ. 15–28 [текст]; *Χατζηγάλης Κ.* Τὸ ἀνεκδοτὸ κείμενο τοῦ Ἀλεξανδρινοῦ κώδικος 176 (366): Παραδόσεις καὶ ἱστορία τῆς Μονῆς Κύκκου // Ibid. 1950. Τ. 14. Σ. 49–69 [текст]; *Κωνσταντινίδης Κ. Ν.* Ἡ Διήγησις τῆς θαυματουργῆς εἰκόνας τῆς Θεοτόκου Ἐλεούσας τοῦ Κύκκου κατὰ τὸν ἐλληνικὸ κώδικα 2313 Βατικανοῦ. Λευκωσία, 2002; *Παπαγεωργίου Ἀ.* Μία ἀνεκδοτὴ διήγησις γιὰ τὶς εἰκόνας ποῦ ζωγράφησε, κατὰ τὴν παράδοσι, ὁ ἀπόστολος Λουκᾶς καὶ τὴν ἵδρυσι τῆς Μονῆς Κύκκου // Ἐπετηρίδα Κέντρου Μελετῶν Ἱερᾶς Μονῆς Κύκκου. Λευκωσία, 2004. Τ. 6. Σ. 20–45 [текст]; *Θεοχαρίδης Ι. Π.* Οἱ Περιγραφές τῆς Ἱερᾶς Μονῆς Κύκκου (1751, 1782, 1817, 1819). Λευκωσία, 2010. Лит.: *Σπυριδάκης Κ.* Ἡ Περιγραφή τῆς Μονῆς Κύκκου ἐπὶ τῆ βάσει ἀνεκδότου χειρογράφου // Κυπριακαὶ σπουδαί. 1949. Τ. 13. Σ. 1–14 [исслед.]; *Χατζηγάλης Κ.* Τὸ ἀνεκδοτὸ κείμενο τοῦ Ἀλεξανδρινοῦ κώδικος 176 (366): Παραδόσεις καὶ ἱστορία τῆς Μονῆς Κύκκου // Ibid. 1950. Τ. 14. Σ. 39–48 [исслед.]; *Paraskevopoulou M.* Recherches sur les traditions des fêtes religieuses populaires de Chypre. Nicosie, 1978; *Jakovljević A.* The Miracles of the Mother of God at the Holy Monastery of Kykkos. Nicosia, 1998; *Weyl Carr A.* Thoughts on the Economy of the Image of Mary // Theology Today. Princeton, 1999. N 56. Ρ. 359–378; *eadem.* Icons and Orthodoxy: Case-Studies of the Kykkotissa // Proc. of the 21st Intern. Congress of Byzantine Studies. L., 2006. Vol. 2. Ρ. 230; *Παπαγεωργίου Ἀ.* Μία ἀνεκδοτὴ διήγησις γιὰ τὶς εἰκόνας ποῦ ζωγράφησε, κατὰ τὴν παράδοσι, ὁ ἀπόστολος Λουκᾶς καὶ τὴν ἵδρυσι τῆς Μονῆς Κύκκου // Ἐπετηρίδα Κέντρου Μελετῶν Ἱερᾶς Μονῆς Κύκκου. Λευκωσία, 2004. Τ. 6. Σ. 9–19 [исслед.].

Ο. Β. Лосева

Списки К. и. XII–XVI вв. В научный оборот введено ок. 20 икон типа «Киккотисса», датируемых XII–XVI вв. Древнейшим из сохранившихся списков является икона из мон-ря вмц. Екатерины на Синае

Средник иконы Божией Матери «Киккотиссы». 1-я пол. или сер. XII в. (мон-рь вмц. Екатерины на Синае)

(48,5×41,2 см), созданная в 1-й пол. XII в. (*Mouriki D.* Icons from the 12th to the 15th Cent. // Sinai: Treasures of the Monastery / Ed. K. E. Manafes. Athens, 1990. Ρ. 105, 385. Not. 26–28. Pl. 19) или в середине этого столетия (*Παπαμαστοράκης Τ.* Εἰκόνα Παναγίας Βρεφοκρατούσας με μορφές τῆς Παλαιᾶς καὶ τῆς Καινῆς Διαθήκης // Μήτηρ Θεοῦ: Ἀπεικονίσεις τῆς Παναγίας στὴ βυζαντινὴ τέχνη / Εμπ. Μ. Βασιλάκη. Γενεύη; Μίλανο, 2000. Σ. 314–316). По мнению Х. Бельтинга, композиция этой иконы не столько повторяет, сколько развивает до тронного варианта иконографию чудотворного образа, написанного ап. Лукой (*Бельтинг.* 2002. С. 330–333). В центре изображена Богоматерь на престоле, сидящая в 3/4-ном повороте влево и склонившая голову к Младенцу. Их образы вписаны в арку, в верхних углах средника помещены медальоны с полуфигурами архангелов, поклоняющихся Пресв. Богородице. Над аркой изображен Христос Судия в славе с символами евангелистов и ангельскими силами, по сторонам в клеймах — святые (апостолы, пророки, праотцы и Богоотцы). Необычна поза Младенца, сидящего на левой руке Богоматери: Его ручки и ножки раскинуты, что напоминает иконографический тип «Взыграние». Правой рукой Он опирается на руку Матери, левой, завернутой в складку мафория, держится за Нее, левая ножка выставлена вперед. Большинство исследователей относят эту икону к к-поль-

ской школе (Д. Мурики, Т. Папамасторакис и др.), но П. Л. Вокотопулос отметил выполнение нимбов и медальонов др. оттенком золота, чем фон, что является характерным приемом синайской мастерской (*Вокотопулос Π. Α.* Βυζαντινὲς Εἰκόνας. Ἀθήνα, 1995. Σ. 48–49, 196–197). Общая композиция этой иконы, в т. ч. средника с Богоматерью и Младенцем на престоле, достаточно близко повторена на списке К. и. кон. XII в. почти такого же размера (48,5×37 см) из ГЭ, где поверх мафория голова Богородицы покрыта дополнительным платом и поза Младенца изменена — Он обращен ликом к Матери (Искусство Византии в собр. СССР: Кат. М., 1977. Т. 3. № 883; *Этингоф О. Е.* Образ храма в иконах «Богоматерь с пророками» XII в. // *Она же.* Образ Богоматери: Очерки визант. иконографии XI–XIII вв. М., 2000. С. 179. Ил. 11). Появление плата Л. Хадерман-Мисгиш связывала с влиянием итал. искусства в эпоху крестоносцев (*Hadermann-Misguich.* 1991), хотя наличие этой детали на визант. памятниках более раннего времени оставляет вопрос открытым (напр., красный плат есть уже на иконе Божией Матери «Феоскепаста» из одноименной церкви в Пафосе, к-рая датируется кон. XII в.— *Weyl Carr.* 2005. Ρ. 171). А. Вейл Карр предположила, что цвет плата может быть связан с производимой на Кипре пурпурной тканью с золотыми нитями, к-рой славился остров (*Eadem.* 1997. Ρ. 114).

Среди памятников посл. четв. XIII в. известен диптих небольшого формата, хранящийся также в монастыре вмц. Екатерины на Синае (51×39,7 см), к-рый, согласно М. Аспра-Вардаваки, был изготовлен в синайской мастерской ок. 1280 г. (*Ἀσπρᾶ-Βαρδαβάκη Μ.* Δίπτυχο. Ἀ'. Ἅγιος Προκόπιος. Β'. Παναγία Κυκκώτισσα καὶ ἅγιοι // Μήτηρ Θεοῦ. 2000. Σ. 444–446). На левой створке диптиха помещено изображение вмц. Прокония, на правой — Богоматери с Младенцем. Этот образ традиционно ассоциируется с «Киккотиссой» из-за плата на мафории, несмотря на отличие в позе Младенца, к-рая восходит не к типу «Взыграние», а скорее к изводу «Спас Недреманное Око»: Богомладенец почти лежит на обеих руках Матери, Его головка склонена к плечу, ручки и ножки опущены. Ярко-красный плат, покрывающий мафорий Богоматери,

расшит жемчугом и узорным золотым орнаментом. Этот вариант композиции, связанный с взаимными влияниями в иконографии Византии и лат. Запада, получил почитание в Европе и послужил образцом для некоторых уникальных икон. Так, напр., происходящая из Бржезнице и созданная в 1396 г. по заказу кор. Вацлава IV икона Богоматери

Божия Матерь с Младенцем, со святыми на полях. Часть диптиха. Ок. 1280 г. (мон-рь вмц. Екатерины на Синае)

с Младенцем (Национальная галерея, Прага) повторяет чудотворный, написанный, по преданию, ап. Лукой образ из Роуднице, к-рый, как считает Бельтинг, был привезен из Византии (Бельтинг. 2002. С. 377–379).

На иконе из ц. преподобных Варнавы и Илариона в Перистероне (96,5×62,5 см), к-рую искусствоведы относят к XIII в. (Γερὰ Μητρόπολις Μόρφου. 2000. Σ. 254), повторена иконография синайского диптиха. Сходны не только позы, но и плат на голове Божией Матери, имеющий такой же ярко-красный цвет и крестообразный золотой узор. Тем не менее в деталях есть отличия (напр., белый по цвету свиток в опущенной руке Младенца). О том, как были изображены Его ноги, нельзя судить из-за утраты красочного слоя в нижней части иконы. Константинидис считает, что эта икона могла быть создана в той же мастерской, что и синайский диптих (Κωνσταντινίδης. 2002. Σ. 65), хотя ее живописное исполнение не столь высокого качества.

Вероятно, на ранних стадиях почитания нек-рые детали в облике «Киккотиссы» могли меняться, а сами иконы укрупнились в размерах,

Икона Божией Матери с Младенцем. XIII в. (ц. преподобных Варнавы и Илариона в Перистероне)

по-видимому, в связи с предназначением для местного ряда иконостаса. На иконе из ц. Панагии Асину (Византийский музей в Никосии) (72,5×56 см), датируемой Папагеоргиу посл. четв. XIII в. (Παπαγεωργίου. 1991. Σ. 55, 57), Богородица поддерживает 2 руками Сына прямо перед Собой; одна ножка Младенца обнажена (положение ног плохо различимо из-за утрат), изгиб Его правой

Киккская икона Божией Матери. XIII в. (Визант. музей им. архиеп. Макария III в Никосии, Кипр)

руки близок к изображенному на синайской иконе XII в., киноварный свиток в левой руке, др. концом лежит на ладони Матери. Взгляды обоих устремлены на молящегося. Плат

поверх мафория отсутствует, на золотистом хитоне Младенца — красная перевязь и синий гиматий.

Тем же веком датируются списки К. и., на к-рых композиция дается в зеркальном варианте, когда Младенец находится не на левой, а на правой руке Матери, как на местной иконе из собора мон-ря Пресв. Богородицы Саламиниотиссы близ Пафоса (96×64 см), к-рую после реставрации датировали XIII в. (Χατζηχριστοδούλου, Γερασίμου. 2001. Σ. 55). Цветовое решение изменяется: помимо ярко-красного плата в темно-красный цвет окрашены хитоны Богоматери и Младенца и Ее мафорий. На этой иконе в отличие от синайских прототипов XII–XIII вв. Младенец смотрит в сторону, в то время как Богородица — на молящегося; фон золотой, нимбы и кайма плата с лепным рельефом (пастилья) и позолотой.

Данный иконографический извод, как отмечает Вейл Карр, стал рано известен за пределами Кипра: напр., икона Божией Матери «Знаменская» или «Победная» (Мадонна del Vessillo) кон. XIII — нач. XIV в. из собора в Пьяцца-Армерине на Сицилии. По композиции она очень похожа на синайскую икону XII в.: наклон головы Богоматери, движения Младенца характерные для «Взыгания», Его красная длинная туника надета поверх полупрозрачной рубашки с крапчатым узором. Одежания закрывают ножки до колен, а на груди образуют V-образную складку, наподобие диаконского ораря. В отличие от большинства древних и более поздних списков К. и. на этой иконе Богоматерь держит обеими руками Младенца перед Собой, плат на мафории серого цвета. По преданию, икона была прикреплена к знамени, которое папа Римский Николай II подарил норманнскому гр. Рожеру I при подписании договора в Мельфи (1059). С угасанием династии норманнских правителей Сицилии знамя было утеряно, и лишь в 1348 г. оно было обретоено во время эпидемии чумы, помещено на деревянную основу и перенесено в Пьяццу (ныне Пьяцца-Армерина). О том, что икона привезена скорее всего с Кипра, свидетельствует не только сходство с К. и., но и накладной тисненый орнамент на полях и нимбах, к-рый не соответствует датировке ранее кон. XIII в. Сходство с «Киккотиссой» имеют и др.

иконы, почитаемые в Юж. Италии и на Сицилии, прежде всего те, происхождение которых связано со Св. землей и с крестоносцами: напр., «Мадонна делья Алеманни» («Немецкая Богородица») из ц. Санта-Мария-делла-Неве в Нуоро (нач. XIV в.). Дополнительный плат встречается на сицилийских иконах, в т. ч. других иконографических изводов, напр. «Млекопитательницы», как на иконе «Мадонна дель Пилерио», где он красного цвета (2-я пол. XIII в., Национальная галерея, Козенца), и на иконе Богоматери с Младенцем и ангелами (2-я пол. XIII в.) из ц. Сан-Франческо в Аверсе, где он светло-голубой.

Е. Цигаридас считает, что использование для главного Богородичного образа Афона иконы «Достойно есть» из собора Протата в Карее (к-рую он датирует 2-й пол. XIV в.) иконографического типа «Киккотиссы» свидетельствует о ее широком почитании. При этом исследователь не исключает, что образцом для «Достойно есть» могла послужить к-польская икона, восходящая к написанному ап. Лукой образу Божией Матери «Елеусы» из дворца имп. Алексея I (*Τσιγαρίδας*. 2001. Σ. 187).

Для кипрских храмов, расположенных недалеко от Киккского мон-ря, в долине Маратаса, особенно для церкви с. Калопанайотис, был создан целый ряд списков К. и., однако до XV в. ни один из них не имел надписи с наименованием извода. Все списки принадлежат к одному варианту данного иконографического типа, но неодинаковы по размерам, деталям иконографии и колорита. Вейл Карр отметила, что эти ранние повторения «Киккотиссы» не совпадают в точности с окладом 1576 г. и различаются между собой (*Weyl Carr*. 2004. Σ. 107). В датировке иконы из ц. Панагии в Калопанайотисе (109×72,2 см; Музей мон-ря прп. Иоанна Лампадиста) имеются значительные расхождения: кон. XIII — 1-я пол. XIV в. или кон. XIV в. (*Ibid.* Pl. 6; *Eadem*. 2005. P. 169). Младенец облачен в короткий золотой хитон, под к-рым надета прозрачная рубашка, и препоясан красной перевязью, обвитой впереди дополнительной синей лентой; киноварью написан свиток с золотыми шнурами, который вместе держат Мать и Сын, плат, покрывающий плечи Богородицы, и сандалии Младенца. Богатое узорчье, воспроизводящее

золотое шитье, украшает также края мафория, поручи, синее платье. Взгляды Матери и Богомладенца устремлены на молящегося. О почитании иконы свидетельствуют золотой фон и нимбы из посеребренной меди. Изображение Христа на этой иконе, как и на большинстве списков К. и. из селений долины Маратаса, имеет такую отличительную деталь, как длинные волосы, характерные не для младенческого, а для отроческого возраста. На данной иконе они спускаются до плеч, на других — за спину.

Икона из ц. мучеников Сергия и Вакха в Калопанайотисе (91,5×61,3 см; Музей мон-ря прп. Иоанна Лампадиста) до реставрации датировалась XVI в. (*Eadem*. 2004. Σ. 112), в наст. время ее относят к XIV в. Крестообразный 4-лепестковый узор на красном платке напоминает орнамент платка синайского диптиха посл. четв. XIII в. Одежды Иисуса Христа и свиток красного цвета, на груди Младенца — синяя перевязь с красной обвивающей лентой, на ногах — красные сандалии. Одежды покрыты золотым ассистом, под коротким хитоном, как и на предыдущей иконе, — прозрачная рубашка. Утраты живописи, появившиеся, очевидно, в результате особого почитания (целования, омовения) образа, не позволяют уточнить положение левой руки Богоматери. Папагеоргиу считал, что икона из ц. вмц. Марины в Калопанайотисе (119×84 см; Византийский музей им. архиеп. Макария III в Никосии) выполнена в XIV в. (*Παπαγεωργίου*. 1991. Σ. 72–73), Вейл Карр уточняет эту датировку — кон. XIV в. (*Ibid.* Σ. 110). Образ является 2-сторонним (на обороте «Снятие с креста»), т. е. использовался в крестных ходах. Красочный слой имеет серьезные утраты. Изображение Божией Матери сопровождается надписью: «Афанасиотисса». Образ сходен с иконой из ц. мучеников Сергия и Вакха (позы, детали рисунка, расцветка одежд, в т. ч. перевязи синего цвета на груди Младенца); среди некоторых отличий — перевязь без дополнительной обвивающей ленты. Медальоны с 2 ангелами, руки которых покрыты кровавыми сударями, могут восходить к к-польским образцам или обозначать особое почитание данной иконы, уподобляющее ее чтимому образу «Одигитрии»; возможно, икона почиталась как покровительница города, селения или церкви. Незауряд-

ное живописное качество указывает на ее создание в мастерской крупного художественного центра.

Икона из ц. Пресв. Богородицы Галоктисты между Като-Пиргосом и Пано-Пиргосом (105×82,5 см; Музей Киккского мон-ря), созданная в кон. XIV в. или несколько ранее (*Ibidem*), по композиции близка к спискам К. и. из храмов Панагии и мучеников Сергия и Вакха в Калопанайотисе: сходны положение Младенца и наклон головы Богоматери, жесты, цвета одежд и свит-

Киккская икона Божией Матери.
Кон. XIV в. или ок. 1400 г.
(мон-рь прп. Иоанна Лампадиста)

ка. Отсутствует дополнительная лента на перевязи хитона. С. К. Пердикис отмечает высокие художественные достоинства иконы, что, по его мнению, указывает на образец к-польского происхождения (*Γερά Μπρόπολις Μορφου*. 2000. Σ. 282–283).

Икона из парекклисиона Пресв. Богородицы Феоскепасты в Калопанайотисе (113×82,5 см; находится в Латинской капелле собора мон-ря прп. Иоанна Лампадиста), написанная, как считает Вейл Карр, в кон. XIV в. или ок. 1400 г. (*Weyl Carr*. 2004. Σ. 110), иконографически очень близка к образу из ц. Пресв. Богородицы Галоктисты. Отличия: перевязь хитона и свиток белого, а не красного цвета, на ногах — черные сандалии; перекрестье на нимбе Христа выделено красным, оба нимба имеют окантовку из цветных точек, имитирующих обнизь из драгоценных камней. Эта икона, судя по сохранившейся ручке с 3-частной вилкой, тоже использовалась как выносная

и принимала участие в крестных ходах, подобно «Афанасиотиссе» и К. и. из ц. Пресв. Богородицы Галоктисты.

На Кипре также существовали иконы, где средник с изводом К. и. окружали клейма со сценами из Жития Богородицы, как на иконе из ц. Пресв. Богородицы Хрисалиниотиссы в Никосии (72,5×56 см; Византийский музей им. архиеп. Макария III в Никосии), которую исследователи относят к 1-й пол. XV в. (*Papageorgiou A. Icones de Chypre. P.; Gen.; Münch., 1969. P. 48; Weyl Carr. 2004. Σ. 110. Pl. 7*). Как и на иконе из ц. Пресв. Богородицы Галоктисты, художник использовал один цвет для плата Богородицы, перевязи на хитоне Младенца и свитка. Тема буд. страданий Спасителя подчеркнута не только ярким красным оттенком в одеждах, но и цветом перекрестий на Его нимбе.

В XV в. появились иконы, на которых приводится именование чудотворного первообраза — «Киккотисса», но при этом они могли отличаться и от более древних кипрских икон, и между собой. На иконе из ц. св. Параскевы в Мутуласе (101,3×71,4 см; Музей Киккского мон-ря), датируемой XV–XVI вв. (*Byzantine Medieval Cyprus. 1998. P. 212–213*) или ок. 1500 г. (*Weyl Carr. 2004. Σ. 112*), надпись: «Н ΚΗΚΗΟΤΙΣΑ» — располагается слева от нимба Богородицы. Волосы Младенца уложены косицей. Из-под хитона видны рукава прозрачной рубашки. Здесь, как и на иконе Божией Матери «Саламиниотисса», Богородица держит Младенца на правой руке. Такова же особенность композиции иконы из ц. Пресв. Богородицы в с. Лемиту (109×70,7 см), к-рая, как считает Вейл Карр, была создана в XV–XVI вв. (*Weyl Carr. 2004. Σ. 109. Pl. 8; С. Софоклеус датировал ее кон. XIII в. — Софоклеус. 1993. Σ. 336*). На этой иконе как нимб, так и головной покров Богородицы выполнены лепным рельефом (пастилья), характерным для кипрского иконописания.

К этому же времени восходят примеры повторения чудотворного образа «Киккотиссы» в монументальной живописи, напр. фреска в ц. мучеников Кирика и Иулитты в Летимбу ок. 1500 г. (*Weyl Carr. 2004. Σ. 109. Pl. 8*) или XV–XVI вв. (*Papageorgiou A. Letymbou and the Church of Saint Kerykos and Ioulytta at Letymbou. Letymbou, 2008.*

Киккская икона Божией Матери.
Ок. 1500 г. (Музей Киккского мон-ря)

Fig. 40). Сохранившийся медальон в правом верхнем углу с надписью: «М(Н)Т(Н)Р Н ΚΥΚΚΗ...» — указывает на осознанное воспроизведение иконографии почитаемого образа. Утрачена нижняя часть композиции, но характерный наклон фигур, изгиб правого локтя Младенца и красный плат повторяют извод, к-рый был типичным для списков К. и. XIV в. Фреска в ц. Пресв. Богородицы Хри-

Киккская икона Божией Матери.
1-я пол. XVI в.
(Визант. музей в дер. Педулас)

селеусы в Лисо также датируется ок. 1500 г. или XVI в. (*Weyl Carr. 2004. Σ. 109*, первоначально она вслед за Софоклеусом придерживалась датировки XIII в. — *Софоклеус. 1993.*

Σ. 330, 333). Она воспроизводит вариант, наиболее близкий к кипрским иконам из Калопанайотиса и к иконе из ц. Пресв. Богородицы Галоктисты: прозрачная рубашка под хитоном, белого цвета перевязь и свиток, обилие орнаментов, красный плат Богородицы, украшенный крестообразным 4-лепестковым узором. Необычно изображен высокий лоб Младенца — с 2 отступающими «мысками» волос. Хотя фреска не имеет поясняющей подписи, ее расположение в храмовом интерьере не оставляет сомнений в местном почитании или воспроизведении уже чтимого оригинала. Фигуры помещены в нишу, обрамленную, подобно иконе, красной полосой-опушкой, потолок углубления украшен растительным орнаментом по белому фону, боковые стенки имеют изображения, напоминающие укрепленные в «держателях»-подставках круглые рипиды с образами херувимов на тех же синих фонах, что и образ на центральной стене ниши. Возможно, под влиянием европ. живописи ликам Богородицы и Младенца приданы черты особенной умильности, земной красоты — округлые щеки, улыбающиеся губы, большие глаза.

Иконы XVI в. сопровождаются эпитетом «Киккотисса» гораздо чаще, что свидетельствует об уже сформировавшейся традиции почитания. Как правило, это выносные иконы — напр., образ из ц. Пресв. Богородицы «тис Кивоту» в с. Айос-Теодорос в Пицилье (100,4×65,3 см), созданный, по мнению Вейл Карр, в XVI в. (*Weyl Carr. 2004. Σ. 112*, она опровергает датировку Софоклеуса — кон. XIII в. — *Софоклеус. 1993. Σ. 329–348; Sophocleus S. Icon of Cyprus, 7th–20th Cent. Nicosia, 1994. P. 90, 156*). Эпитет «ΚΗΚΗΟΤΗΣΑ» написан справа от нимба Богородицы. В технике пастилья сделаны фон, нимбы и кайма на плате Богородицы, полностью покрытом крестообразным 4-лепестковым орнаментом, а также каймы ворота и рукавов синего платья Пресв. Богородицы. Свиток в руках золотистого цвета, синяя перевязь на груди Христа дополнительно перевита красной лентой, что роднит икону с образами XIV в. из нек-рых храмов Калопанайотиса.

Иконы XVI в., сопровождаемые эпитетом «Киккотисса», имеют отличия между собой. Икона с надписью: «Н ΚΥΚΗΟΤΙΣΑ» — в 3 строки из

ц. Честного Креста в Педуласе (89,5×54,4 см; Византийский музей с. Педулас) создана «смирненным Лукой», по мнению Папагеоргиу, в 1-й пол. XVI в. Этот исследователь усматривает в ней влияние итал. живописи (*Παπαγεωργίου*. 1991. Σ. 130, 136), тогда как Вейл Карр указывает на следование палеологовским традициям (*Weyl Carr*. 2005. P. 172). В отличие от цветового решения более ранних икон колорит этого списка темнее: золотой фон, насыщенный сине-зеленый цвет плата Богородицы, украшенного не крестообразным, а сердцевидным золотым орнаментом, синий свиток. Рукава рубашки, надетой под красным хитоном, изображены непрозрачными, как на более ранних списках: положенные сеточкой штрихи белил создают эффект белой полупрозрачной ткани. Синяя перевязь на груди имеет 2 узла, напоминая о перевязях на воинских доспехах. Русые локоны Младенца ниспадают до плеч. Вейл Карр считает эту икону наиболее близкой по иконографии к окладу 1576 г. чудотворной К. и. (*Eadem*. 2004. Σ. 107). Кроме того, по-видимому, к XVI в. следует отнести список К. и. из мон-ря свт. Николая Чудотворца в Орунде, на котором Пресв. Богородица держит Младенца на правой руке. Одежды Богородицы и Младенца выполнены разными оттенками красных цветов, хитон отличается от изображенных на более ранних списках глубоким V-образным вырезом.

Списки К. и. XVII–XIX вв. В XVII в. в иконографии К. и. появились новые черты: за счет изменения положения правой ноги Младенца Его поза становится более близкой к сидящей (*Ibid.* Σ. 119); в руке Он держит не свернутый, а открытый свиток с евангельским текстом: «Дух Господень на Мне, егоже ради помаза Мя» (Лк 4. 18, где цитируется текст прор. Исаии (Ис 61. 1–2)); в надпись перед названием иконы «Киккотисса» добавлен эпитет «Елеуса»; плат закрывает лоб Богородицы так, что из-под него не видно мафория. Древнейший сохранившийся список нового извода — икона XVII в. из Музея Киккского мон-ря (99,2×70,4 см); на ней одежды Христа состоят из охряного цвета короткого хитона, белой рубашечки и темной перевязи на груди, а испод мафория Богородицы написан темно-синим с белильными вы-

Киккская икона Божией Матери. XVII в. (Музей Киккского мон-ря)

светлениями, что создает эффект переливающейся на свету ткани. Вейл Карр называет неск. примеров нового типа К. и. (*Weyl Carr*. 2004. Σ. 119–120), среди которых есть и иконы малого формата, копии, возможно игравшие роль заместительниц храмовых почитаемых образов: иконы из ц. мучеников Сергия и Вакха в Калопанайотисе (26×19,3 см), XVII (? в., из мон-ря Хиландар на Афоне (31×28 см), XVII в. (в зеркальном отражении, имеет оклад, по-видимому, рус. работы), из ц. прп. Саввы Освященного в Александрии (75×56 см), 1659 г. (написана киприотом Александрийским патриархом Паисием — *Τηλλυρίδης*. 1990), из ГТГ (130×76 см), 1668 г. (худож. Симон Ушаков, в зеркальном отражении), диптих К. и. и вмц. Екатерины из Пинакотекки Ватикана (15,5×13 см), нач. XVIII в. Наряду с иконами нового типа воспроизводится и «византийский» извод: напр., икона 1757 г. из Киккского мон-ря (123×79 см), написанная иеродиак. Харалампием Киккотом, следует визант. образцам, единственная новая деталь — растительный орнамент головного покрыва Богородицы (*Γκράτςιου*. 1993/1994. Σ. 320).

Появление гравюр с изображением К. и. оказало значительное влияние на развитие ее иконографии и на распространение почитания, с которым связано большое число поздних списков. Первая известная гравюра из «Описания... Киккского монастыря» (1751) иконографически близка к новому типу К. и., но наименование иконы меняется: вместо

«Н' Ελεουσα ή Κυκκωτίσσα» ее подписывают как «Н' Ελεουσα τοῦ Κύκκου» — акцент сделан на связи чудотворного образа с монастырем, чему Вейл Карр придает большое значение (*Weyl Carr*. 2004. Σ. 121).

Немного позднее началось производство предназначенных для паломников гравюр с изображением К. и., ее чудесами и видом Киккского мон-ря в нижней части, что свидетельствует о росте почитания этой иконы именно как монастырской святыни. В 1778 г. в Венеции была отпечатана гравюра на меди (96×67 см) по рисунку 1776 г. Михаила Фессалоникийца, сына Апостолиса, резчики — Инноченче Алесандри и Пьетро Скатталья (тираж 3 тыс. экз., из них 20 были раскрашены 2 художниками). В центре помещен образ К. и. в богато орнаментированной раме. Богородица облачена в традиционные одежды (синее платье с золотыми поручами и коричневый мафорий), которые покрывает ярко-красный плат с шитой

Киккская икона Божией Матери, с чудесами и историей Киккского мон-ря. Гравюра по рис. Михаила Фессалоникийца. 1778 г.

каймою. Младенец держит свиток с текстом (Лк 4. 17), архангелы Михаил и Гавриил, венчающие Богородицу, — свитки со словами из 1-го икоса Акафиста Пресв. Богородице: «Радуйся, яко еси Царево [седалище]; радуйся, яко носиши [Носящего вся]». В облаках парят еще 4 ангела, в углах помещены полуфигуры 4 пророков. К. и. сопровождается надписью: «Н' Ελεουσα τοῦ Κύκκου». Вокруг центрального изображения К. и.—

14 клейм с историей чудотворного образа, каждое заключено в барочный орнаментальный картуш: «Богоматерь просит ап. Луку написать Ее икону, арх. Гавриил приносит доски», «Ап. Лука пишет икону», «Ап. Лука приносит иконы Богоматери для благословения», «Прп. Исаия с Мануилом Вутомитом просят икону у Алексея I Комнина, и Богоматерь является во сне императору», «Процессия во главе с Алексеем I и Константинопольским патриархом несет икону на корабль, отправляющийся на Кипр», «Прибытие иконы на Кипр и вручение прп. Исаии императорского хрисовула с привилегиями монастыря», «Исцеление ребенка перед иконой на Кипре и ослабленного в Константинополе от покрова иконы», «Богоматерь наказывает нечестивого мавра, и у него отсыхает рука», «Богоматерь спасает упавшего с обрыва монаха», «Спасение потерпевшего кораблекрушение», «Сцены исцелений перед иконой», «Богоматерь посылает ливень после угрозы турецкого наместника съечь икону, если не прекратится засуха», «Спасение иконы исцеленным паралитиком во время пожара 1365 г.», «Братия возвращает спасенную икону в монастырь». История К. и. запечатлена также на иллюстрациях ко 2-му изданию «Описания... Киккского монастыря», подготовленному в 1782 г. Серафимом Писсидийцем. Однако есть факты, свидетельствующие о более раннем издании, т. к. гравюра 1778 г. названа «новой гравюрой чтимой иконы Киккского монастыря» (*Περὶ τῆς*. 1990. Σ. 33; *Γκράττιου*. 1993/1994. Σ. 319). В ней заметно сильное влияние зап. живописи (светотеневая моделировка, элементы прямой перспективы, архитектура стиля барокко). Если на гравюре 1751 г. лики имеют вытянутую форму, а ноги Младенца длинные и стройные, то на гравюрах 2-й пол. XVIII в. лики приобретают округленность, ножки Христа изображены пухлыми, как у малолетнего ребенка (*Γκράττιου*. 1993/1994. Σ. 324).

Такая характерная для поздних икон «Киккотиссы» деталь, как включение в композицию фигуры ап. Луки, появилась во 2-й пол. XVIII в. Она встречается и в более ранних произведениях, чем гравюра 1778 г. Напр., на иконе 1761 г. из ц. вмч. Георгия Победоносца в Миликури (41,5×36,5 см) 2 нижних ряда зани-

мают поясные изображения святых, над ними помещены 3 написанные ап. Лукой иконы (К. и. представлена в середине). Богоматерь и ап. Лука представлены по сторонам центральных изображений чудотворных образов: Она стоит перед иконами, обращаясь к Богу Отцу, текст моления красными буквами соединяет Ее и небесный сегмент; апостол прикасается к одной из написанных им икон правой рукой, а левую поднимает в жесте адорации (о почитании ап. Луки как иконописца и об иконах на связанные с этим сюжеты см., напр.: *Смирнова Э. С.* «Смотря на образ древних живописцев»: Тема почитания икон в искусстве Средневеков. Руси. М., 2007. С. 106–134; *Она же.* Новоприобретенная икона «Евангелист Лука, пишущий икону Богоматери» в собр. М. Е. Елизаветина и изображения св. Луки-иконописца в правосл. искусстве позднего средневековья // ИХМ. 2010. Вып. 11. С. 320–335).

Изображение «Киккотиссы» как чудотворного образа включается в композицию икон вместе со святыми, на предстательство к-рых возлагал надежду заказчик: так, на триптихе 1764 г. (35,4×26 см; Музей Киккского мон-ря) из ц. Пресв. Богородицы Хриселеусы в Стрволосе в центральной части над плывущим кораблем изображена К. и. и рядом с ней ап. Лука, на створках — свт. Спиридон Тримифунтский и вмч. Мина.

На фронтисписе «Описания... Киккского монастыря», опубликованного в 1782 г., изображение К. и. по иконографии ближе не к помещенному в издании 1751 г., а к представленному на гравюре 1778 г.: соотносятся типы ликов и присутствует деталь, которая войдет в более поздний извод К. и.: Богоматерь венчают 2 ангела со свитками, содержащими слова из 1-го икоса Акафиста. Ноги Младенца на гравюре 1782 г. изображены не в динамичном размахе, а спокойно опущенными. К этой гравюре восходят, по всей вероятности, списки К. и. последних десятилетий XVIII в. из Византийского музея в Фессалонике (36,5×27 см и 42,5×31 см) и из частного собрания в Цюрихе, на к-рых 2 ангела возлагают венец на главу Богоматери (*Γκράττιου*. 1993/1994. Σ. 321, 325). Их отличительная черта — свиток развернут в 2 «завитка».

Мн. списки К. и. совмещают изображение коронования Богоматери

ангелами и образ ап. Луки. Напр., на серебряном окладе К. и. 1778 г., изготовленном по заказу иером. Иеремии из Митилины в одной из мастерских М. Азии (55,5×41 см; Византийский музей в Афинах), поясное изображение ап. Луки помещено на облаке на уровне плеч Богоматери и Младенца. Богоматерь венчают ангелы, один из них держит свиток, другой — кадильницу. На иконе 1788 г. из Синайского мон-ря (фотография, архив Византийского музея) Богоматерь коронуют 2 ангела со свитками, слева — ап. Лука с кистью в руке завершает написание иконы; похожий извод представлен на кипрской иконе кон. XVIII в. (Музей икон в Реклингхаузене): апостол прикасается кистью к глазу Младенца, а сам устремил взгляд на молящегося. На иконе «Киккотиссы» с образом ап. Луки XVIII–XIX вв., которая происходит из Каппадокии (31×24 см; Музей Бенаки в Афинах), ангелы отсутствуют, а венец над главой Богоматери остался. На нек-рых списках К. и. фигуры святых, помещенные рядом с Богоматерью и Младенцем, напоминают изображения патрональных святых, напр. на иконе, выполненной по заказу некоего Манолакиса (43,5×37 см; частная коллекция в Швейцарии), помимо ап. Луки внизу представлены коленапреклоненные свт. Николай Чудотворец и сщмч. Харалампий.

Приглашенный на Кипр критский живописец Иоаннис Корнарос исполнил неск. списков К. и. Икона 1789 г., находящаяся в соборе Киккского мон-ря в местном ряду иконостаса, первая слева от царских врат, по иконографии повторяет икону 1757 г. Монументальный живописный образ в среднике фланкирован небольшими фигурами святых, отчеканенными на боковых полях оклада, что вызывает в памяти принципы обрамления почитаемых икон еще в визант. период. Другой список К. и. был выполнен Корнаросом в том же году для подворья Киккского мон-ря Айос-Прокопиос. Он скромнее по орнаментации на одеяниях, ноги Младенца спокойно лежат на руке Пресв. Богородицы, а не повторяют положение, характерное для визант. икон XII–XV вв. Лики отличаются характерной для стиля этого живописца округлостью. Богоматерь коронуют ангелы, на полях помещены фигуры святых, иногда попарно, в арочных клеймах, что

Киккская икона Божией Матери.
1789 г. Мастер И. Корнарос
(собор Киккского мон-ря)

не может не напоминать синайский список К. и. XII в. Образ ап. Луки, читающего Евангелие перед мольбертом, на котором стоит икона, помещен под средником. Еще один список К. и. находится в ц. Пресв. Богородицы Хрисополитиссы в Ларнаке (1791). Изображение Божией Матери с Младенцем здесь обрамлено сценами из Акафиста Пресв. Богородице. В среднике Корнарос повторил новое положение ног Младенца. Богоматерь в короне, но ангелы изображены не возлагающими венец, а сложившими крестообразно руки на груди. В нижнем левом углу помещена маленькая фигура сидящего за мольбертом ап. Луки. Орнаменты опять в избытке покрывают одеяния, дополнительный плат на плечах Богородицы уже не красный, а золотой, складки же мафория под ногами Младенца расположены так, что напоминают чашу или раму, своего рода пьедестал для всего образа, и переходят в развернутый свиток с комментирующей надписью. Отличительной чертой всех списков работы Корнароса является большое количество текстов, к-рые не только сопровождают фигуры святых, представленных рядом с «Киккотиссой», но и дополняют Ее образ в среднике.

Для местного ряда иконостаса собора Киккского мон-ря Корнаросом были написаны иконы, сюжеты которых представляют эпизоды из истории создания К. и.: «Ап. Лука пишет Киккскую икону Божией Матери» (1792) и «Ап. Лука приносит Богоматери Ее икону для благословения» (1791). Эти сюжеты, имеющие

повествовательный характер, заимствованы с гравюры 1778 г., но композиционно решены иначе. Иконографические схемы, восходящие к визант. палеологовским образцам, даются в стиле европ. искусства Нового времени: напр., 2-й сюжет напоминает рассматривание портрета заказчицей. На образах Киккотиссы, представляющих композиционный центр этих икон, ноги Младенца изображены в новом положении: они спокойно лежат на левой руке Богоматери и почти полностью закрыты длинным одеянием, к-рое по покрою отличается от традиц. одежды (вокруг шеи Христа отложной воротник с 3 кисточками). Первый сюжет повторен на гравюре на меди, выполненной в 1798 г. в Венеции гравером Дж. Джулиани по эскизу иеродиака Харалампия Киккота. Второй — на гравюре 1802 г. того же иеродиака Харалампия; это изображение с изменением нек-рых деталей воспроизводилось на литографии 1848 г. (К-поль, литограф не-

Киккская икона Божией Матери,
с клеймами Акафиста Пресв. Богородицы.
1791 г. Мастер И. Корнарос
(ц. Пресв. Богородицы Хрисополитиссы,
Ларнака)

изв.) и на гравюре 1851 г. (Афины, гравер И. Платис).

На гравюрах кон. XVIII–XIX в. в композиции К. и. появляются изменения, напр. положения ног Младенца, к-рые, следуя иконографии оклада 1795 г., изображают скрепленными: гравюры 1798, 1802, 1816 (Венеция, имя гравера неизв.) и 1851 г., литография 1848 г. Под влиянием

гравюр в кон. XVIII–XIX в. было создано значительное число списков К. и. (Гкράτζιου. 1993/1994; Βολανάκης. 2001; Τούρτα. 2001; Χατζηχριστοδούλου, Γερασίμου. 2001). Только в Фессалонике в наст. время находится 10 списков К. и., созданных в посл. десятилетии XVIII — 1-й пол. XIX в. (Τούρτα. 2001. Σ. 162).

Кроме того, иконографический тип К. и. оказал влияние на др. изводы: напр., после утраты в поствизант. период оригиналов чудотворных образов Божией Матери «Трикукиотисса» и «Хрисорройтисса» написанные вместо них иконы воспроизводили иконографию К. и.

Почитание К. и. повлияло на создание ее списков и в художественных мастерских церковных центров вне Кипра, в т. ч. на Афоне, откуда они расходились по всему правосл. Востоку (напр., список XVIII в. в Национальном историческом музее в Софии).

Лит.: Papastratou D. Paper Icons: Greek Orthodox Religious Engravings, 1665–1899. Athens, 1986. Т. 2. P. 505–509. N 541–543; Σοφοκλέους Σ. Νέα στοιχεία γιά τήν παραμονή και τὸ ἔργο τοῦ Κρητικοῦ ζωγράφου Ἰωάννη Κορνάρου στήν Κύπρο // Κυπριακά σπουδαί. 1986. Т. 50. Σ. 227–256; *idem*. Ἡ Εἰκόνα τῆς Κυκκώτισσας στὸν Ἅγιο Θεόδωρο τοῦ Ἀγροῦ // Ἐπετηρίδα Κέντρου Μελετῶν Ἱερᾶς Μονῆς Κύκκου. 1993. Т. 2. Σ. 329–348; Djurić M. T. L'icône de la Vierge Kykkotissa // Ibid. 1990. Т. 1. Σ. 181–220; Περδίκη Σ. Κ. Ἡ Περιγραφή τῆς Ἱερᾶς Μονῆς Κύκκου σὲ μία χαλκογραφία τοῦ 1778 // Ibid. Σ. 31–50; Τηλυρίδης Α. Ἡ Παναγία τοῦ Κύκκου στήν Αἴγυπτο // Ibid. Σ. 151–166; Hadermann-Misguich L. La Vierge Kykkotissa et l'eventuelle origine Latine de son voile // Εὐφρόσυνον: Ἀφιέρωμα στὸν Μανόλη Χατζηδάκη. Ἀθήνα, 1991. Т. 1. Σ. 197–204; Παπαγεωργίου Α. Εἰκόνες τῆς Κύπρου. Λευκωσία, 1991; Γκράτζιου Ο. Μεταμορφώσεις μιᾶς θαυματουργῆς εἰκόνας: Σημειώσεις στις ὀψιμες παραλλαγές τῆς Παναγίας τοῦ Κύκκου // ΔΧΑΕ. 1993/1994. Т. 17. Σ. 317–330; Βολανάκης Γ. Εἰκόνες τῆς Παναγίας Ἐλεούσας τοῦ Κύκκου στήν Ἑλλάδα // Ἐπετηρίδα Κέντρου Μελετῶν Ἱερᾶς Μονῆς Κύκκου. 1996. Т. 3. Σ. 39–67; *idem*. Εἰκόνες τῆς Παναγίας Ἐλεούσας τοῦ Κύκκου στήν Ἑλλάδα // Ἡ Ἱερὰ Μονὴ Κύκκου στὴ βυζαντινὴ καὶ μεταβυζαντινὴ ἀρχαιολογία καὶ τέχνη. Λευκωσία, 2001. Σ. 105–153; Weyl Carr A. Popular Imagery // The Glory of Byzantium: Art and Culture of the Middle Byzantine Era, A. D. 843–1261. N. Y., 1997. P. 113–118; *eadem*. Reflections on the Life of an Icon: The Eleousa of Kykkos // Ἐπετηρίδα Κέντρου Μελετῶν Ἱερᾶς Μονῆς Κύκκου. Λευκωσία, 2004. Т. 6. Σ. 103–162; *eadem*. Images: Expression of Faith and Power // Byzantium: Faith and Power (1261–1557) / Ed. H. C. Evans. N. Y.; New Haven, 2005. P. 77–125, 169–172; Byzantine Medieval Cyprus / Ed. D. Papanicola-Bakirtzis, M. Iakovou. Nicosia, 1998; Ἱερὰ Μητρόπολις Μόρφου 2000 χρόνια Τέχνης καὶ Ἀγιότιτος. Λευκωσία, 2000; Ἀσπρά-Βαρδαβάκη Μ. Χεῖρ ἢ ζωγράφου Κορνάρου Ἰωάννου Κρητὸς ἐν τῇ Μονῇ τῆς Κύκκου // Ἡ Ἱερὰ Μονὴ Κύκκου στὴ βυζαντινὴ καὶ μεταβυζαντινὴ ἀρχαιολογία καὶ τέχνη. 2001. Σ. 312–381; Τοῦρτα Α. Ἡ Παναγία

του Κύκκου οὐ μεταβυζαντινὲς εἰκόνες τῆς Θεσσαλονίκης παραλλαγῆς ἐνὸς εἰκονογραφικοῦ τύπου // Ibid. Σ. 161–179; Τσιγαρίδας Ε. Ἡ εἰκόνα Ἰσθίου ἐστὶ τοῦ Πρωτάτου καὶ ἡ Παναγία ἡ Κυκκώτισσα // Ibid. Σ. 181–190; Χατζηχριστοδούλου Χ., Γερασίου Κ. Μεταβυζαντινὲς εἰκόνες μετὰ τὴν παράσταση τῆς Παναγίας τοῦ Κύκκου στὴν Κύπρο // Ibid. Σ. 45–81; *Бельтинг Х.* Образ и культ: История образа до эпохи искусства / Пер. с нем.: К. А. Пиганович. М., 2002; *Κωνσταντινίδης Κ. Ν.* Ἡ εἰκονογράφηση τῆς Θεοτόκου Ἐλεούσας τοῦ Κύκκου // Ἡ Διήγηση τῆς θαυματουργῆς εἰκόνας τῆς Θεοτόκου Ἐλεούσας τοῦ Κύκκου κατὰ τὸν ἑλληνικὸ κώδικα 2313 Βατικανοῦ. Λευκωσία, 2002. Σ. 61–73.

О. В. Лосева, М. А. Маханько

К. и. в русской иконописи. В России тип К. и. становится известен в период позднего средневековья, когда связи с правосл. Востоком оказали влияние на культуру. В рус. книжности XVI–XVII вв. зафиксированы сведения о почитании икон на Кипре и чудесах от нек-рых из них, прежде всего от иконы Божией Матери, вошедшие в сборник прп. Иоанникия Галытовского «Небо новое» (Львов, 1665). Судя по данным письменных источников, в России знали о неск. чудотворных образах Божией Матери на Кипре (*Белобро-*

Киккская икона Божией Матери. 1668 г. Иконописец Симон Ушаков (ГТГ)

ва. 2005. С. 316–317), поэтому иконографию К. и. называли также Кипрской: в Сийском иконописном подлиннике 2-й пол. XVII–XVIII в. есть прорись Богоматерь с Младенцем на левой руке в изводе К. и. с надписью: «Изображение чудотворного образа престыя Бдца Кипрския» (РНБ.

ОЛДП. Ф. 88. Л. 440; см. также: *Покровский.* 1898. С. 202; *Белоброва.* 2005. Ил. 146). «Праворучный» вариант К. и. тоже был включен в Сийский иконописный подлинник (РНБ. ОЛДП. Ф. 88. Л. 319; см. также: *Покровский.* 1898. С. 173; *Белоброва.* 2005. Ил. 147) и, видимо, восходил к работам мастеров Оружейной палаты Московского Кремля. На обеих прорисях среди одежд Младенца присутствует рубашечка с короткими рукавами. Из документов известно, что неск. лучших «царских изографов» сер.– 2-й пол. XVII в. создавали списки К. и. для кремлевских и московских храмов: Симон Ушаков, Тихон Филатев и др. Одна из наиболее известных икон этого извода работы Симона Ушакова была написана для московской ц. во имя свт. Григория Неокесарийского (1668, ГТГ, см.: *Антонова, Мнева.* Каталог. 1963. Т. 2. С. 413–414. № 914; *Кочетков.* Словарь иконописцев. 2003. С. 692, 702). Название иконы дано по-гречески — «Н ΕΛΕΟΥΣΑ Η ΚΥΚΥΟΤΙΣΣΑ», как и надпись на развернутом свитке Младенца (Лк 4. 18), русский перевод сделан более мелким шрифтом на фоне рядом со свитком. По композиции этот образ повторяет К. и. нового типа в зеркальном варианте — с Младенцем на правой руке. Под хитоном Младенца белая рубашечка с короткими рукавами, на груди синяя перевязь. Одежды и покровы усыпаны золотыми узорами, в письме одежд использовано твореное золото, так что икона в букв. смысле сияет. Стиль личного письма в духе «живоподобия» близок к др. работам мастера. Эта икона послужила образцом для повторений, к их числу принадлежит рус. икона 2-й пол. XVII в. большого размера (ГЭ, см.: *Пятницкий.* 2006. С. 522). Интересно, что в надписях на рус. иконах обязательно присутствует такой эпитет К. и., как «Елеуса» (Милостивая), хотя справедливо отмечено, что данный извод правильнее называть «Взыграние Младенца» (*Кондаков.* 1910. С. 187).

Еще один список К. и. был исполнен тем же мастером «со учеником» для Успенской Флорищевой пуст. (судя по вкладной надписи на иконе: «Въ обитель Пресвятыя Богородицы на Красныхъ горахъ») в Гороховецком у. Владимиро-Суздальской епархии (1675, ныне в ГВСМЗ, см.: *Кочетков.* Словарь иконопис-

Киккская икона Божией Матери. 1675 г. Иконописец Симон Ушаков с учениками (ГВСМЗ)

цев. 2003. С. 688, 703; Иконы Владимира и Суздаля. М., 2006. С. 430–433. Кат. 90). На ней композиция соответствует большинству списков визант. и поствизант. времени (Младенец на левой руке Богоматери), а тип и цвет одежий и плата Богоматери имеют сходство с иконой, написанной для ц. свт. Григория Неокесарийского. Надпись, сделанная также по-гречески, дана в 2 строки по сторонам нимбов. Именно так размещена аналогичная надпись на прориси в Сийском иконописном подлиннике (РНБ. ОЛДП. Ф. 88. Л. 319), в то время как композиция повторяет лист с образом, названным «престыя Бдцы Кипрския» (Там же. Л. 440). Мастер Тихон Филатев написал для московской ц. в честь Рождества Пресв. Богородицы в Голутвине парные иконы Иисуса Христа и Божией Матери, последнюю — в изводе К. и. (1690–1691, ГИМ, см.: Иконные образцы XVII — нач. XIX в.: Иконография Богоматери и Богородичные праздники / Предисл., сост.: З. П. Морозова. М., 1993. С. 8; *Кочетков.* Словарь иконописцев. 2003. С. 730; *Пятницкий.* 2006. С. 521). На ней композиция, известная по иконе Ушакова, приобрела бóльшую монументальность, фигура Богоматери заполнила почти все поле средника, греч. надпись размещена симметрично по сторонам фигуры, одежды насыщены золотыми узорами. К этому же направлению исследователи относят икону из собрания В. А. Прохорова, некогда находившуюся в коллекции Русского музея имп. Александра III (ныне в ГЭ; Н. П. Кондаков считал ее произведением кипрского масте-

ра, см.: *Кондаков*. 1902. С. 176; см. также: *Белоброва*. 2005. С. 319, 323; *Пятницкий*. 2006. С. 518–519). Возможно, икона работы мастеров того же круга была вложена в мон-рь Хиландар (*Кондаков*. 1902. С. 175; *Он же*. 1910. С. 187. Рис. 134); она близка к рус. произведениям светлым фоном, монументальностью композиции и фигур Богородицы и Младенца, наличием оклада, повторением надписи в той формулировке и написании, к-рые характерны для рус. икон 2-й пол. — кон. XVII в.

Московским мастерам были известны и изводы икон, отличные от тех, к-рыми пользовались мастера Оружейной палаты 2-й пол. XVII в., более близкие к древнему изводу К. и.: на иконе малого размера (XVII в., частное собрание, см.: *Горстка А. Н.* Иконы Углича XIV–XX вв. М., 2006. С. 71, 180. Кат. 28. Ил. 48) Богородица представлена в «праворучном» варианте, отсутствует свиток и надписи, кроме традиц. сокращений; в отличие от икон письма царских изобразов переводы Младенца на этой иконе не синяя, а белая.

Вероятно, московские иконы 2-й пол. XVII в. послужили образцом для др. русских списков К. и., напр. письма мастера Леонтия Тюменева из Рыбной слободы (ныне г. Рыбинск Ярославской обл.) (1693, РГИАХМЗ, см.: *Зайцева И. Л., Постнова Н. В.* Икона «Богородица Киккская» Леонтия Тюменева. 1693 г. // VII Золотаревские чт.: Тез. докл. науч. конф. М., 1998. Ил. 14; *Хохлова И. А.* Иконы Рыбинского музея. М., 2005. С. 44–47. Кат. 10; *Она же.* Иконы Рыбинска. Рыбинск, 2009. С. 110–111; *Пятницкий*. 2006. С. 522), на к-рой царственный образ упрощен по рисунку и изменены пропорции изображения. В России достаточно рано появились гравюры с К. и., напр. работы мастера Г. П. Тепчегорского (с надписью: «Изображение чудотворного образа Пртой Бцы Кипрская», кон. XVII — нач. XVIII в., НБ МГУ).

Отдельный вопрос составляет появление плата поверх мафория как своего рода «кипрский след» в рус. изображениях Богородицы. Помимо списков К. и., в т. ч. работы рус. мастеров (С. Ушакова, Т. Филатьева), эта деталь встречается на иконах Божией Матери кон. XVII в. различных иконографических изводов: напр., «Богородица Взыграние Младенца» предположительно из Успенского собора Московского Кремля

(кон. XVII в., ГИМ, см.: 1000-летие русской художественной культуры. М., 1988. № 154. С. 124, 356); «Богородица Страстная» и Богородица из поясного Деисуса некогда находились в храмах Соловецкого мон-ря

Киккская икона Божией Матери. XVII в. (частное собрание)

(Наследие Соловецкого мон-ря в музеях Архангельской обл.: Кат. выст. / Сост.: Т. М. Кольцова. Архангельск, 2006. Кат. 46, 60. С. 41, 46).

Почитание К. и. оказало влияние на распространение за пределами Кипра массовой художественной продукции Киккского монастыря, предназначенной для паломников. Эти иконы, как правило, небольшого размера, бережно хранились и попадали в частные собрания, а позднее в музейные коллекции, как, напр., написанная на кипарисовой дощечке «в пестрой провинциальной манере живописи» икона (XVIII в., ГЭ), где Богородица представлена в традиц. изводе, с платом поверх мафория; надпись: «Н ΕΛΕΟΥΣΑ ΤΟΥ ΚΥΚΚΟΥ» (*Пятницкий*. 2006. С. 516–517; там же указаны аналоги в др. собраниях). Подобные паломнические реликвии, принесенные на новое место почитания, оказывались

Киккский мон-рь. Фотография. Нач. XX в.

у истоков собственных местных традиций: напр., икона из Белобережской Иоанно-Предтеченской муж. пуст. близ Брянска, к-рую афонский подвижник прп. старец Василий (Кишкин) привез со Св. Горы в нач. XIX в. (не сохр.). На ней также были изображены архангелы, держащие венец над Богородицею с Младенцем, и предстоящие — прор. Исаия, ап. Лука, царь Давид (*Злотникова*. 2011. С. 12). При воспроизведении извода К. и. не всегда указывалась ее связь с Киккским монастырем. Иногда в надписи, комментирующей иконное изображение, она называлась «Кипрская», «Милосердствующая», указывалось, что образ хранится «в одном знаменитом монастыре по всей Греции на острове Кипре» (надпись на иконе 1-й пол. XIX в. из НКПИКЗ, Киев).

Лит.: *Покровский Н. В.* Сийский иконописный подлинник. СПб., 1898. Вып. 4; *Кондаков Н. П.* Памятники христ. искусства на Афоне. СПб., 1902. М., 2004; *он же.* Иконография Богородицы. 1910. Т. 3; *Белоброва О. А.* Кипрский цикл в древнерус. лит-ре. Л., 1972; *она же.* Об иконах Богородицы Кипрская и Богородица Киккская в рус. культуре XVII — нач. XVIII в. // *Она же.* Очерки рус. худож. культуры XVI–XX вв.: Сб. ст. М., 2005. С. 315–323; *Маркелов Г. В.* Книга иконных образов: 500 подлинных прорисей и переводов с рус. икон XV–XIX вв. СПб., 2006. Т. 1. С. 232, 552–553; *Пятницкий Ю. А.* Три иконы Богородицы Киккской в коллекции Эрмитажа // От средневековья к Новому времени: Сб. ст. в честь О. А. Белобровой. М., 2006. С. 514–522; *Злотникова И. В.* Списки Киккской иконы Божией Матери в брянских обителях // Искусствознание. М., 2009. № 1/2. С. 582–588; *она же.* Чудотворные иконы Брянского края и их списки: Проблемы бытования и иконографии: АКД. М., 2011.

М. А. Маханько

КИККСКИЙ МОНАСТЫРЬ [греч. Ἱερά Βασιλική καὶ Σταυροπηγική Μονὴ Παναγίας τοῦ Κύκκου], крупнейший на Кипре, ставропигиальный, муж., действующий, необширный; расположен в западной части горного массива Троодос, на склоне горы Киккос на высоте 1,2 тыс. м. Происхождение названия К. м. точно неизвестно. Древнейший ис-

точник по истории К. м. — «Сказание о трех иконах, написанных ап. Лукой, где находится каждая из них, и иконе Богородицы,

называемой Киккской, которая находится на Кипре», записанное в 1422 г. со слов 125-летнего киккского иером. Григория. В нем говорится, что гора, на к-рой была основана эта обитель, первоначально называлась Коккос, а в посл. была переименована в Киккос (*Κωνσταντινίδης*. 2002. Σ. 102, 109). Греч. слово *κόκκος* помимо основного значения «зернышко» имело и ряд других (о многозначности этого термина: *Κύρρης*. 2004. Σ. 70–72), в т. ч. так назывался низкорослый кошенильный дуб, произрастающий в этой местности. Др. предание зафиксировано в «Странствиях по св. местам Востока» В. Г. Григоровича-Барского, посетившего К. м. в 1727 и 1735 гг. Эта легенда связывает название К. м. с пением вещей птицы «кик-ку, кик-ку», сопровождавшей привезенную на остров икону, пока ее несли к обители (Григорович-Барский. 1886. С. 266).

История монастыря. Обитель была создана в 90-х гг. XI в., после того как прп. *Исаия*, живший отшельником на горе Коккос, исцелил дочь имп. *Алексея I Комнина* (1081–1118) и попросил в награду хранившуюся в царском дворце икону Божией Матери, написанную ап. Лукой (см. подробнее в статьях *Исаия*, прп., и *Киккская икона Божией Матери*). Об отшельнике император узнал благодаря приехавшему с Кипра полководцу Мануилу Вутомиту. По указанию Алексея I наместник Кипра дук Георгий передал прп. Исаии средства для основания монастыря во

императором игумен. Его имя не указано (*Ibid.* Σ. 109). Древнейшее письменное свидетельство о К. м. относится к 1135/36 г. — запись в кодексе Paris. gr. 625 о приобретении этой книги киккским игум. Давидом.

После лат. завоевания Кипра Перистерона, Мил и Миликурий были отняты у К. м., однако франки оставили монахам поля и 10 крестьян для монастырских работ. К. м. пережил 4 пожара (1365, 1542, 1751 и 1813), к-рые уничтожили все строения, реликвии, древние рукописи и документы (в т. ч. хрисовул Алексея I и Типикон прп. Исаии), однако икона чудом уцелела. В 1365 г. К. м. был восстановлен кипрским кор. Петром I Лузиньяном и его женой Элеонорой Арагонской. Жители Мирианфусы вызвались добровольно помогать в строительстве мон-ря. В это время К. м. возглавляли иером. Лука и мон. Симеон (*Ibid.* Σ. 112).

Неизвестный по имени ктитор передал в качестве подворья К. м. обитель Преображения Господня, называемую Пианий (Пьянион, Πιάμιον), с кельями, деревьями и виноградником, а в 1411/12 г. кипрская кор. Гельвиза Брауншвейгская распорядилась ежегодно выдавать этому подворью и главному мон-рю 3 номизмы, вино и пшеницу (*Ibid.* Σ. 113–114). Сведения о К. м. в XV в. крайне скудны. В 1472 г. мон. Симеон Киккот переписал Псалтирь, в коллофоне к-рой К. м. назван лаврой. Скрипторий действовал в К. м. и в более позднее время, известны имена писцов иеромонахов Акакия (сер. XVI в.), Иоанникия (1680, 1693),

Явление Пресв. Богородицы имп. Алексею I. Роспись галереи Киккского мон-ря. Художники братья М. и Г. Морошаны. 1989 г.

Герасима (1693), Софрония (1695, 1696, 1706), Христудула (1706), Нафанаила (1791), Евфимия (1798) и др. Рукописи, созданные киккскими писцами, помимо К. м. хранятся в Национальной б-ке Франции в Париже, в Патриаршей б-ке в Иерусалиме и др.

В венецианских реестрах 1517–1521 гг. содержатся сведения, что ежегодный доход К. м. составлял 300 дукатов (*Γκριβά*. 1990. Σ. 64). После

пожара 1542 г. игум. Симеон отстроил мон-рь из камня. За денежной помощью он обращался даже в Венецию (*Ibid.* Σ. 60). По всей видимости, игум. Симеон является одним лицом с Симеоном Ангелом, о к-ром в записи в хранящемся в К. м. Номоканоне Мануила Малакса (*Cod.* 1, 1562 г.) говорится, что он стремился стать архиепископом Кипра. Вероятно, Симеон Ангел состоял в родстве с капитаном Иоанном Ангелом, возглавлявшим во время османского завоевания сельское ополчение (*Κύρρης*. 2004. Σ. 95–96). В 1553 г. в К. м. подвизалось 30 иноков, владения обители были незначительны: подворья вмч. Георгия Победоносца в Пентайе и свт. Николая Чудотворца на мысе Акамас, в разных селениях в долине Солея мон-рю принадлежали виноградники, мельница и сдаваемое в аренду стадо (*Γκριβά*. 1990. Σ. 61). К. м. не обладал значительными источниками рабочей силы (париками или франкоматами), поскольку не владел деревнями (*Ibid.* Σ. 64).

В 70-х гг. XVI в. игум. Григорий выкупил владения К. м. за 127 тыс. аспр (притом, что за все владения Кипрской Православной Церкви (КПЦ) было выплачено османским властям 700 тыс. аспр — *Ὁθωμανικὰ ἔγγραφα*, 1572–1839. 1993. Т. 1. Σ. XXXV). Игум. Григорий, возвратив в собственность мон-ря прежние владения, начал активно приобретать новые.

В 1609 г. игумен К. м. Леонтий подписал вместе с еп. Солийским и Киринийским Иеремией воззвание к испан. кор. Филиппу III об освобождении Кипра от турок. Деятельный Кипрский архиеп. *Никифор* (1641–1674) до своего избрания на кафедру был игуменом К. м. В 1638 г. он восстановил древний *Иереев монастырь* (Агия-Мони) и сделал его подворьем К. м. В 1672 г., во время поездки архиеп. Никифора в К-поль, были утверждены привилегии К. м. и его ставропигиальный статус, полученный от имп. Алексея I. К. м. подчинялся непосредственно К-польскому патриарху, а не Кипрскому архиепископу. Сигиллий 1672 г. был подписан К-польским патриархом Дионисием IV, Антиохийским патриархом Неофитом и Иерусалимским патриархом Досифеем II. В посл. ставропигиальный статус К. м. неоднократно подтверждался. По сведениям путешественника П. Рико, в 1678/79 г. в К. м. проживало 200

имя Пресв. Богородицы и селения Перистерона, Мил и Миликурий. Кроме того, дук Георгий подарил К. м. построенный им храм вмч. Георгия Победоносца в с. Пентайе с полями и водяной мельницей (*Κωνσταντινίδης*. 2002. Σ. 110). В «Сказании...» говорится, что вместе с иконой на Кипр прибыл назначенный

иноков. В 1683 г. голландец Корнелиус де Брэйн сообщает о 400 насельниках К. м. и о том, что неких монахов посылали с поручениями в Россию и в др. страны (Ехсертга

обитель «процветает и иноци всякое доволство имуть» и «нужди и дани великой от агарян не имат» (Он же. 1885. С. 401, 403–404), то в 1735 г. он отмечает, что «паче всех искушений Агарянских и пакостей претерпевают, обаче помощию Пресвятия Бого-

Патриарх Герасим II, ослепленный лучами от Киккской иконы Божией Матери. Роспись галереи Киккского мон-ря. Художники братья М. и Г. Морошаны. 1989 г.

Cypria: Materials for a History of Cyprus / Transl. С. D. Cobham. Camb.; N. Y., 1908. P. 235, 242).

В 1699 г. К. м. посетил Александрийский патриарх Герасим II, к-рый пожелал увидеть лик Киккской иконы Божией Матери. Он дерзнул поднять пелену над иконой и был поражен божественной силой. Лишь раскаявшись и испросив прощение у Пресв. Богородицы, патриарх получил исцеление, что и было засвидетельствовано в его грамоте (Θεοχαρίδης. 2010. Σ. 107–112).

Расцвет мон-ря начался с XVIII в. В 1713 г. К. м. приобрел у Кипрского архиеп. Иакова II за 1500 гроссов обитель арх. Михаила (Архангелу мон-рь) в Лакатамии и она стала монастырским подворьем. Григорович-Барский, гостивший в К. м. в 1727 и 1735 гг., называет его первым среди кипрских обителей «славою и честию, и богатством» (Григорович-Барский. 1886. С. 266). Если в 1727 г.

родицы вся побеждают» (Он же. 1886. С. 270). В 30-х гг. XVIII в. К. м.

находился в тяжелом экономическом положении и был обременен большим долгом (Φιλίππου. 1975. Σ. 274). По Кипру совершались крестные ходы с чудотворной иконой для сбора средств. Посланные за милостыней в Александрию, Смирну, Ларису, Этолию, на острове Родос, Кос и Эвбея монахи собрали значительную сумму денег.

В 1727 и 1735 гг. Григорович-Барский упоминает более 100 монахов, из к-рых 20 жили в самом мон-ре, а остальные на подворьях, «трудящиеся... в земледелии и древосаждении, и в пасении овец и козлищ» (Григорович-Барский. 1885. С. 403; 1886. С. 266). По словам автора, насельники К. м. были добродетельными, смиренными, благоговейными и радушно принимали странников (Он же. 1885. С. 402). В 1738 г. Р. Покок писал, что в обители проживало 70 монахов.

В сер. XVIII в. К. м. установил тесные связи с Дунайскими княжествами. В 1748 г. молдав. господарь Константин Маврокордат пожаловал К. м. хрисовул, согласно которому обитель ежегодно

хии Григоре II Гика (Θεοχαρίδης. 2010. Σ. 113–115; *Περδίκης*. 2010. Σ. 364–368, 376–377). Эти документы были подтверждены в 1750 г. молдав. господарем Константином Раковицэ, а в 1754 г. Матеем Гикой и его сыновьями Григоре, Георге и Николае.

С 40-х гг. XVIII в. с К. м. сотрудничал Ефрем Афинянин (впосл. *Ефрем II*, патриарх Иерусалимский), к-рый преподавал в монастырской школе, составил устав монастыря (утвержден 8 сент. 1746) и написал соч. «Описание честного и царского Киккского монастыря» (Венеция, 1751). В 1747 г. в братство К. м. вступил протопсалт и автор духовной музыки иером. Хрисанф (с 1763 митрополит Кирикийский).

В нояб. 1751 г. К. м. серьезно пострадал от пожара. Киккская икона Божией Матери была перенесена сначала в мон-рь Иереев, а затем в монастырское владение Василики, расположенное недалеко от К. м. Несмотря на ущерб, нанесенный пожаром, турки обложили мон-рь в этот год налогом в 20 талантов, но после вмешательства архиепископа снизили сумму до 5 (Φιλίππου. 1975. Σ. 281). Эконом Парфений (ок. 1734–1759), начавший за неск. лет до пожара расширение собора, восстановил в 1755 г. храм и др. монастырские строения. В 1759 г. Парфений был избран игуменом и много сделал для процветания обители. Сохранились написанные им муз. произведения. Кроме того, в 2 муз. рукописях XVIII в. содержатся композиции др. насельника К. м. — иером. Сильвестра. Ученик Ефрема Афинянина иером. Софроний Киккот (сер. XVIII в.) известен как гимнограф и мелург. Дополненное издание «Описания... Киккского монастыря» (Венеция, 1782) было подготовлено др. его учеником, Серафимом Писсидийцем, который является основателем книгоиздательства на карманлидике (тур. диалекте христиан М. Азии).

Активную экономическую деятельность игум. Парфения († 1776) продолжил его племянник, игум. Мелетий III (Мавроматис или Ксенос) (1776–1811). В 1787 г. он пригласил работать в К. м. знаменитого критского живописца Иоанниса Корнарота. При игум. Мелетии на средства К. м. в Венеции продолжалось книгоиздание на греч. языке и карманлидике. Ученый архим. Киприан

Ефрем Афинянин преподает детям и взрослым. Роспись галереи Киккского мон-ря. Художники братья М. и Г. Морошаны. 1989 г.

получала денежную помощь в размере 50 гроссов. Такую же сумму назначил выплачивать К. м. в 1749 г. господарь Вала-

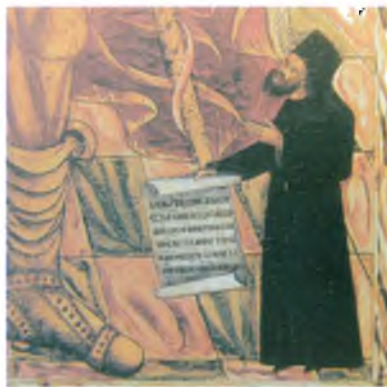
(Куриокуритис) подарил К. м. свою личную б-ку.

В 1781 г., во время поездки архим. Иоакима в Грузию для сбора пожертвований, царь Имерети Соломон I пообещал предоставить К. м. в качестве подворья мон-рь *Вардзиа* с принадлежащими ему владениями. Это обещание было выполнено через неск. лет его преемником Давидом II. В XIX в. подворье приобрело во владение сел. Акети и неск. лавок в Тбилиси. В 1873 г. недвижимое имущество греч. мон-рей (в т. ч. К. м.) в Бессарабии и на Кавказе было конфисковано государством, но частично было возвращено в 1881–1883 гг. В нач. XX в. К. м. решил продать собственность в Грузии, для чего в 1913 г. туда прибыл игум. Клеопа. Оставшееся непроданным имущество было национализировано после Октябрьской революции 1917 г.

В 1783 г. игум. Мелетий был членом делегации кипрского духовенства в К-поль с жалобой на наместника острова Хаджи Баки, который значительно увеличил налогообложение. Игум. Мелетий утвердил в качестве эмблемы мон-ря пчелу, к-рая, по местному преданию, помогла основателю К. м. прп. Исаяи отличить подлинную Киккскую икону Божией Матерью от копии.

Пожар 7 июля 1813 г. уничтожил все строения К. м., кроме соборного храма. Киккская икона на 3 года была перенесена на подворье Архангелу. В восстановлении мон-ря оказал помощь архиеп. *Киприан* (*Θεοχαρίτης*, 2010. Σ. 531). В 1814 г. значительную сумму (1 тыс. гроссов) пожертвовала К. м. Домна Смаранда, дочь валахского господара Николае Маврокордата и жена молдав. господара Скарлата Каллимаки (*Περδίκης*, 2010. Σ. 370). В 1815 г., по свидетельству У. Тёрнера, строительные работы были в разгаре, из монашеской общины в 200 чел. только 60 проживали в К. м., остальные — на подворьях. В 1815 г. К-польский патриарх Кирилл VI подтвердил древние привилегии К. м. В 1817 г. в монастыре были завершены восстановительные работы.

В последние десятилетия османского периода К. м. выделял значительные суммы на нужды образования: в 1820 г. — школе в Лимасоле, в 1830 г. — «Греческой школе» в Никосии, в 1839–1842 гг. — особой кассе на содержание кипрских школ, в 1850 и 1859 гг. — школам Никосии,

Игум. Мелетий III.
Фрагмент иконы «Арх. Михаил».
1782 г. Иконописец Михаил Киприот
(Музей Киккского мон-ря)

в 1859 г. — учебным заведениям Лимасола и т. д.

В XIX в. К. м. имел одно из крупнейших хозяйств на острове, ему принадлежали владения: Айос-Прокопиос и Айос-Дометиос (ныне оба в черте Никосии), Архангелу в Лакатамии (на окраине Никосии), на территории совр. округа Никосия — Авлона, Парадзис, или Барадзис, Ксеропотамос, или Ксиропотамос (Пендаля), Цакистра, Кораку, в округе Кирина — Каравас и Сирианохори, в округе Пафос — мон-рь Иереев, Като-Панайя, Полеми, Канавью, Айии-Апостоли, Пресв. Богородицы «ту Синди» (Пендаля), Пьянион, в округе Лимасол — Трахони и Капильон, в округе Фамагуста — Айос-Серьюс, Прастион, Калопсида. В окрестностях К. м. находились принадлежащие ему местности Василики (в 6 км к северо-востоку от К. м.) с ц. свт. Василия Великого (1736), Парадиси (в 3 км к юго-западу) с ц. ап. Андрея Первозванного (1700) и Агизма или Пирги (в 8 км к востоку) с источником св. воды, к-рая забила из скалы по молитвам монаха, умиравшего от жажды. В течение османского периода К. м. открыл ряд подворий за пределами Кипра: в К-поле, Панормосе (ныне Бандырма), Прусе (ныне Бурса), Смирне (ныне Из-

мир), Триполи Сирийском, Бейруте, Аттали (ныне Анталья), Серрах, Филиппополе (ныне Пловдив), Адрианополе (ныне Эдирне), Перистаси (ныне Шаркёй), на о-ве Кос, в Грузии и др. Из франц. документов известно, что в 1810 г. К. м. имел собственный корабль, именуемый «Богоматерь Киккская». В 1818 г. обители принадлежало 16 мельниц в разных местах Кипра (*Roudometof, Michael*, 2010. P. 66). В 20-х гг. XIX в. площадь обрабатываемых земель, к-рыми владел К. м. на острове, составляла 3872 акра (*Ibid.* P. 64). Мон-рю принадлежали виноградники, оливковые, шелковичные и рожковые деревья, скот, лавки и магазины в Никосии, Ларнаке и в др. населенных пунктах (*Ibid.* P. 67). Городские участки, как правило, сдавались в аренду. К. м. производил шелк, зерно, вино, хлопок, оливковое масло, кунжут, шерсть, кожу и др. (*Ibidem*).

В 1821 г., во время резни греков-киприотов, устроенной наместником острова Кючюк Мехметом, игумен К. м. Иосиф был убит, обитель разграблена турками, к-рые увезли реликвии и сокровища на 32 верблюдах. Похищенная церковная утварь из серебра была возвращена мон-рю после жалобы, которую направил в К-поль российский консул на Кипре К. Перистиани (*Κοκκινόφτας*, 2006. Σ. 300). В 1826 г. долги К. м. достигли 81 тыс. гроссов. Братия была вынуждена продавать движимое и недвижимое имущество, отдавать на переплавку серебряную утварь, игум. Неофит (1827–1861), племянник игум. Иосифа, отправился в К-поль просить поддержку у патриарха. Тем не менее в 1830 г. К. м. оказал денежную помощь в устройстве лепрозория.

Положение К. м. улучшилось при игум. Софронии (1861–1890), к-рый фактически управлял обителью с 1840 г. Он вел ремонтные работы в К. м., построил ц. вмч. Прокопия (1860–1861) и игуменскую резиденцию на подворье Айос-Прокопиос

Собор Киккского мон-ря.
XVIII–XIX вв.
Фотография. Нач. XX в.

в Никосии, куда был перенесен адм. центр К. м., приобрел новые владения. Мн. монахи были

отправлены игум. Софронием на обучение за пределы Кипра. В XIX в. в К. м. продолжала действовать начальная школа, в к-рой помимо монахов и послушников обучались жители окрестных деревень.

В начале брит. правления в К. м. и на подворьях проживало 54 монаха и 198 работников. Обитель владела 13 подворьями, 10 церквами,

*Турецкий караван
увозит сокровища из мон-ря.
Роспись галереи
Киккского мон-ря.
Братья М. и Г. Моршаны.
1989 г.*

15 148 скалами земли (1 скала = 1,3 тыс. кв. м), 8797 оливковыми деревьями, 429 скалами виноградников, 11 водяными мельницами, 11 маслобойнями, 5 давальными чанами для виноделия, 72 магазинами и лавками в Никосии и Ларнаке и многочисленными фруктовыми плантациями. Брит. Верховный комиссар до строительства резиденции проживал на подворье Айдос-Прокопиос. После перехода Кипра под управление брит. администрации положение КПЦ изменилось: англичане не признавали древних привилегий монастырей, в т. ч. освобождения от налогов. Были конфискованы земли и леса, на право владения которыми у мон-рей не имелось документов, значительные территории утратил и К. м. В 1881 г. игумен К. м. был вынужден на общих основаниях платить налог на огромную по объему винодельческую продукцию мон-ря (Roudometof, Michael. 2010. P. 70).

В кон. XIX — нач. XX в. К. м. активно участвовал в общественной и политической жизни Кипра. В 1889 г. обитель выделила значительную сумму на поездку кипрской делегации во главе с архиеп. Софронием III в Лондон по вопросам изменения способа брит. правления островом (К. м. также участвовал в финансировании делегаций в Великобританию в 1919 и 1929). В 1897 г. в греко-тур. войне в числе киприотов-добровольцев было 12 насельников К. м., в Балкан-

ских войнах — 7 (в т. ч. буд. игум. Хризостом). В 1894 г. К. м. оказал материальную помощь пострадавшим от наводнения в Лимасоле, в 1917 г. — жителям Фессалоники после пожара, в 1922 г. — беженцам-грекам из М. Азии.

В кон. XIX — нач. XX в. в К. м. и на подворьях велось строительство: архим. Агафангел возвел в К. м. большую гостиницу (1890), юж. корпус келий был расширен в зап. сторону

(1892). Игумен. Герасим (1890–1911) разбил на подворье Айдос-Прокопиос парк, который современники сравнивали с Версальским (Φραγκούδης Γ. Σ. Ιστορία του ἀρχιεπισκοπικού ζητήματος Κύπρου (1900–1910). Ἀλεξάνδρεια, 1911. Σ. 12). Это подворье с 90-х гг. XIX в. до 1946 г. являлось агрономическим центром, занималось внедрением передовых методов ведения сельского хозяй-

*Церковь вмч. Прокопия
на подворье Айдос-Прокопиос.
1860–1861 гг. Фотография. Нач. XX в.*

ства. В 1907 г. для расширения юж. корпуса К. м. на восток была стесана скала, находившаяся рядом с обителью.

Большую роль К. м. сыграл в улучшении образования на острове. В 1893 г. игум. Герасим стал одним из инициаторов создания Всекипрской гимназии и выделил деньги на строительство начальной школы в Никосии. В 1898 г. он стал предсе-

дателем комиссии по образованию, к-рая ввела в кипрских начальных школах учебную программу, аналогичную той, по к-рой работали школы Греческого королевства. К. м. направлял значительные средства на финансирование Всекипрского церковного уч-ща в Ларнаке (1910–1932). Мн. постриженники К. м. основали начальные школы в деревнях: иером. Макарий — в Цакистре (1917), иером. Филофей — в Галате (1919), игум. Клеопа — в Полеми (1922–1923), иером. Епифаний — в Миликури (1931). К. м. поощрял развитие спорта: в 1896 г. обитель передала в дар об-ву «Зинон» участок земли в Ларнаке, на к-ром было построено 1-е в этом городе спортивное сооружение.

С кон. XIX в. и особенно в 1-й пол. XX в. экономическая деятельность К. м. перемещается из сельской местности в город. К. м. начал продажу разрозненных и труднодоступных участков земли и приобретение собственности в столице. При игум. Клеопе из-за активного строительства (в 1918 — гостиница «Олимп» в Никосии, в 1918–1919 — там же магазины и жилые здания, в 1922 — на подворье Айдос-Прокопиос) долг К. м. увеличился с 2 тыс. до 42 тыс. фунтов стерлингов. Завершение в 1938 г. строительства дороги к К. м. значительно облегчило доступ в обитель и увеличило число паломников. Во время второй мировой войны К. м. предоставил жилье беженцам из оккупированной фашистами Греции.

Послушником К. м. был Макарий III, архиеп. Кипрский, возглавивший борьбу греков-киприотов за независимость и ставший 1-м Президентом Республики Кипр. Во время антиколониального движения 1955–1959 гг. К. м. поддерживал вооруженную борьбу подпольной Национальной орг-ции кипрских борцов (ЭОКА), обеспечивая ее членов продовольствием и необходимым снаряжением. В принадлежащей мон-рю местности Василики находилось укрытие лидера ЭОКА Г. Гриваса. За связь с повстанцами были арестованы монахи Дионисий и Макарий. Англ. губернатор Кипра Дж. Хардинг из-за участия мон-ря в освободительном движении закрыл его для посетителей с июня 1956 по март 1959 г. и разместил на его территории военный гарнизон. В февр. 1959 г. игумен К. м. Хризостом вошел

Архиеп. Макарий III.
Скульптура. 1987 г.
Скульптор Н. Кодзьяманис

в состав делегации греков-киприотов, сопровождавшей архиеп. Макария III во время поездки в Лондон для подписания цюрихско-лондонских соглашений.

Под рук. игум. Хризостома (1948–1979) началось экономическое воз-

Собор арх. Михаила
на подворье Архангелу.
XIV–XVII вв.

рождение обители. К. м. основал в Никосии семинарию «Апостол Варнава» (1949–1950) и 2 гимназии (1961 и 1964). Во мн. деревнях обитель предоставила расположенные там монастырские участки для строительства школ и храмов. С 50-х гг. XX в. К. м. в связи с расширением границ города начал выгодную продажу принадлежащих ему площадей. После тур. вторжения 1974 г. на оккупированной территории оказались подворья К. м. Ксеропотамос, Парадзис и Авлона. К. м. оказал значительную мате-

риальную поддержку беженцам с сев. части острова, в 1974–1978 гг. в К. м. была открыта начальная школа для детей беженцев, к-рые временно проживали в обители. В 1977–2006 гг. предстоятелем КПЦ являлся пострижник К. м. архиеп. Хризостом I.

Современное состояние. Монашеская община состоит из 22 монахов и 5 послушников (Ἐκκλησία τῆς Κύπρου. Διοικητικὴ συγκρότηση τῆς Ἐκκλησίας Κύπρου καὶ τῶν λοιπῶν Ὀρθοδόξων Ἐκκλησιῶν: Ἔτος 2013. Λευκωσία, 2012. Σ. 205), игуменом с 1984 г. является Никифор (с 2002 в сане епископа, с 2007 митрополит Киккский и Тиллирийский). При нем были отреставрированы монастырский комплекс и подворья. В К. м. открыт музей (1998), на подворье Архангелу — исследовательский центр (1986), к-рый издал ряд ценных документов в сериях «Архив Священного Киккского монастыря» (Ἀρχεῖον Ἱερῶς Μονῆς Κύκκου) и «Источники по истории Священного Киккского монастыря» (Πηγὲς τῆς ἱστορίας τῆς Ἱερῶς Μονῆς Κύκκου) и выпускает научный сб. «Ежегодник» (Ἐλετηρίδα), реставрационная мастерская, научный филологический центр «Тезаурус кипрского греческого языка» (1993), на подворье Айос-Прокопиос — школа визант. музыки. К. м. создал фонд «Всемирная трибуна религий и культур», деятельность кото-

рого имеет целью достижение взаимопонимания и мирного сосуществования представителей разных религий и национальных общин, в т. ч. турок-киприотов и греков-киприотов.

К. м. ведет активную общественную, культурную и благотворительную деятельность. Образованы Центр социальной и духовной поддержки, центр помощи инвалидам «Елеуса Киккская», благотворительный магазин для малоимущих и др., осуществляются специальные социальные программы для сельских жителей. К. м. выделяет средства на национальную оборону, оказывает помощь населению в области здравоохранения (гл. обр. сельским жи-

телям), приобретая для медицинских учреждений специализированное оборудование. Особое внимание К. м. уделяет образованию: финансирует 1-й и 2-й Киккские лицеи и семинарию «Апостол Варнава» в Никосии, выделяет стипендии, оказывает всестороннюю поддержку ун-ту Кипра, дарит земельные участки для строительства школ (напр., в 1987 для начальной школы № 1 р-на Македонитисса в Никосии, в 1994 для гимназии в Лакатамии) и культурных центров, сооружает храмы и светские помещения в ряде учебных заведений (церкви при лицее в Лакатамии (2004–2005), Всекипрской гимназии и гимназии в Акаки, актовый зал Киккского лицея в Пафосе (1986) и др.), устраивает компьютерные центры (напр., в Высшем технологическом ин-те и 1-м Киккском лицее). На средства К. м. были открыты детские сады в Антуполи и Цери, молодежные центры в Лаце и Камбосе.

К. м. помимо экономической поддержки киприотов оказывает гуманитарную помощь жителям др. стран, пострадавшим в результате войн и стихийных бедствий: Греции (после землетрясения 1999 г.), Сербии, Палестинской автономии, Ираку, Сомали, Грузии и др. Организация «Врачи мира» регулярно получает от К. м. лекарственные препараты.

К. м. спонсирует строительство приходских церквей и зданий в др. кипрских обителях (напр., в мон-рях прп. Георгия Аламана, сщмч. Ираклидия, Махерасском, прп. Кендея, свт. Николая Чудотворца близ Орунды, Пресв. Богородицы Трикуккиотиссы), миссионерскую деятельность в Африке, помогает др. правосл. Церквам (напр., реставрация мон-ря прп. Саввы Освященного в Александрии и начальной школы Иерусалимского Патриархата, финансирование греч. кабинета в МДА и Патриаршей церковной школы им. Кипрского архиеп. Макария III в Найроби, Кения). Постриженники К. м. занимают архиерейские кафедры КПЦ (Исаия, митр. Тамасский и Оринийский) и др. Поместных Церквей (Афанасий, митр. Киринский, Серафим, митр. Зимбабвийский и Ангольский, Сергей, митр. Мыса Доброй Надежды).

В наст. время К. м. владеет подворьями Айос-Прокопиос, Архангелу, мон-рем Иереев и ц. Пресв. Богородицы «ту Синди» (ее реставра-

ция удостоена международной премии *Europa nostra*). В 1993 и 2002 гг. были построены фабрики по производству вина и по разливу минеральной воды. Мн. здания, принадлежащие К. м., в основном в Никосии, сдаются в аренду.

Монастырский комплекс. Описания К. м. были сделаны Григоровичем-Барским в 1727 и 1735 гг. По его словам, мон-рь «зданием невелик, но строением и расположением изряден, весь от камня здан». Одноглавый собор с 3 престолами и 5 входами охарактеризован как очень большой, но красивый и расписанный фресками. Купол венчал крест, что было редкостью в османский период, 2-этажные монастырские корпуса покрыты черепичными крышами (*Григорович-Барский*. 1885. С. 400–401). Во время 2-го пребывания автор отмечал, что купол и барабан не видны снаружи из-за большой деревянной крыши, сооруженной «снегов ради и мраза» (*Он же*. 1886. С. 265). Трапезная, по словам Григоровича-Барского, «верху келий и зданий высоко стоит» (*Он же*. 1885. С. 401). Родник перед монастырскими воротами брал начало под соборным храмом (*Он же*. 1885. С. 401–402). Более подробный перечень монастырских строений дан в описании 1735 г.: К. м. «есть расположением и зданием зело лепотен, с трапезою, с поварнею, полатою, гостинницею и многими келиями, иже суть еднии верху других, даже до третаго зданию, високо устроены и чрепием покровенны» (*Он же*. 1886. С. 269). Мон-рь имеет 2 двора с цистернами. Кроме того, у мон-ря есть источник, «притворомь каменним покровен» (*Он же*. 1886. С. 269). В обитель вели 2 входа — с востока и с юга. Собор расположен в сев. части монастырского комплекса, к нему пристроена паперть. Он имел 5 дверей с зап. стороны и по одному входу с юга и с севера, пол устлан мраморными плитами, все стены расписаны, деревянный иконостас украшен искусной резьбой. По замечанию Григоровича-Барского, соборная церковь «в широту и долготу и высоту равнопространная, подобящаяся храмом Святогорским» (*Он же*. 1886. С. 270), — возможно, он хотел этим сказать, что базилика К. м. имела компактные пропорции и была схожа с крестово-купольными храмами Афона.

Ефрем Афинянин предполагал, что к сер. XVIII в. от монастырского комплекса, построенного в 1542 г., сохранились только зап. кельи и трапезная, тогда как вост. и юж. кельи были построены при игум. Мелетии, в 1700 г. (*Θεοχαρίδης*. 2010. Σ. 101). В 1745 г. началось расширение со-

бора. В 1751 г. мон-рь пострадал от пожара. В 1755 г. были построены храм, игуменская резиденция и имеющие неск. этажей келейные корпуса, трапезная, поварня, пекарня и погреб (Ibid. Σ. 189). В 1767 г. устроен вост. вход в К. м. — Лефкосийские ворота, в 1785 г. воздвигнут зап. корпус с Пафосскими воротами. В 1795 г. сделана крайняя с запада дверь в юж. стене собора.

В издании 1819 г. «Описания... Киккского монастыря» содержатся новые сведения о монастырском комплексе. После пожара 1813 г. были отстроены кельи, синодикон, игуменская резиденция, трапезная (Ibid. Σ. 530). Кроме того, говорится о возведении крещатого свода, который соединял среднюю 3-ярусную галерею с синодиконном, и об ус-

тановке колокола. К старой поварне были пристроены новая кухня и галерея (Ibid. Σ. 531). Старую поварню снесли в 1927 г. и на ее месте устроили лестницу, соединявшую

внешний и внутренний монастырские дворы.

В наст. время ядро монастырского комплекса составляют 2 двора, образованные 2-этажными, 3-этажными и 4-этажными зданиями. Центральный вход с юж. стороны оформлен порталом и украшен мозаиками. Первый двор имеет Г-образную форму. В зап. корпусе размещены кельи и парекклисион сшмч. Харалампия, над которым

*Киккский мон-рь.
Фрагмент гравюры
«Киккская икона Божией
Матери». 1776 г.
(Музей Киккского мон-ря)*

устроен синодикон, в сев. 4-этажном корпусе, разделяющем внешний и внутренний дворы, находятся кельи и подсобные помещения, в южном —

кельи, в юго-вост. углу на 2-м этаже — б-ка, в северо-восточном — трапезная, в юго-западном — вход в здание музея, пристроенное в 90-х гг. XX в. к каре монастырских корпусов с запада. Фасады корпусов оформлены галереями с аркадами, которые на кипрском диалекте называются лондзами. Галереи расписаны фресками, представляющими историю основания К. м. и чудеса от Киккской иконы Божией Матери (художники братья М. и Г. Морошаны из Румынии, 1989). Мозаики выполнены в 1991–1993 гг. греческими (П. Сарфатис, С. Яннудис с помощниками К. Балдзакисом и А. Яннудисом) и кипрскими (братья Г. и А. Кеполасы) мастерами.

Первый двор соединен арочным проходом с внутренним, к-рый имеет форму неправильной трапеции, и расположен на более низком уровне. В вост. корпусе на 1-м этаже находятся кельи, на 2-м — ре-

*Внешний двор
Киккского мон-ря.
Фотография. Нач. XX в.*

зиденция игумена, в зап. корпусе на 1-м этаже размещен церковный магазин, с сев. стороны — мо-

настырский собор. В юго-зап. углу двора возвышается колокольня (1882); самый большой из 6 колоколов (весом 1280 кг) был подарен жительницей Москвы Е. Абрамовой.

Собор К. м. представляет собой 3-нефную однокупольную базилику. Центральный престол освящен во имя Пресв. Богородицы, правый — во имя Всех святых, левый — во имя архангелов Михаила и Гавриила. В 1973–1974 гг. стены кафоликона были надстроены для установки новой крыши. Снаружи стены укрепили новой кладкой из местного необработанного камня с вкраплением черепицы. Центральный неф перекрыт цилиндрическим сводом, боковые — крестовыми. Уровень вимы на 17 см выше уровня пола наоса. Из диаконника лестница ведет в небольшое подземное помещение, которое, видимо, использовалось как костница, над ним находится небольшая комната. Собор имеет 2 входа с юж. стороны, вход с портиком с северной и еще одну дверь в сев. стене, ведущую в жертвенник. К западу от сев. входа в храм пристроены баптистерий и келья. В 2011 г. в них была устроена ризница, где выставлены для поклонения ковчеги с частями мощей мн. святых.

От росписей, выполненных известным критским живописцем Иоаннисом Корнаросом (1745–1812), сохранились только фрески в алтаре. Совр. росписи принадлежат кипрскому иконописцу Г. Георгиу (1975–1984). Иконостас изготовлен в 1755 г. (20×5 м) и включает иконы XVI–XIX вв. Его центральная часть выше, чем боковые крылья. Деисус в центре иконостаса отсутствует. В 1822 г. пострадавший от пожара 1813 г. иконостас был отреставрирован архит. Хаджи-Константином, сыном Хаджи-Николааса, из Каймакли. Чудотворная Киккская икона Божией Матери помещена в местный ряд иконостаса 3-й слева от царских врат. Она вставлена в проскинитарий, сделанный в 1996 г. Не считая этого образа, написание к-рого предание приписывает ап. Луке, древнейшие иконы иконостаса датируются нач. XVI в.: «Св. Иоанн Предтеча», «Ап. Иоанн Богослов» и «Свт. Иоанн Златоуст» в местном ряду, «Свт. Василий Великий» на юж. стене, рядом с иконостасом, образ апостольского ряда, к-рый есть только в крыльях иконостаса боковых приделов. Из 16 икон апостольского ряда 2 были отреставрированы и хранятся в Музее К. м.

В 1758 и 1761 гг. экономом К. м. иером. Иоанникием для местного ряда были созданы иконы «Собор

Собор Киккского мон-ря.
Фотография. Нач. XX в.

Бесплотных небесных сил» и «Собор всех святых». Написанная в 1786 г. икона местного ряда «Праведные Иоаким и Анна» не имеет подписи автора. Некоторые иконы праздничного ряда с изображениями двенадцатых праздников и сцен Страстей Господних, вероятно, выполнены худож. Михаилом Фесалоникийцем, сыном Апостолиса,

Иконостас
собора Киккского мон-ря. 1755 г.
Фотография. Нач. XX в.

к-рый работал в К. м. в посл. четв. XVIII в., и мастерами его круга. Иконописец Михаил Киприот (Проскинитарий или Хаджи-Михаил) написал 9 икон из 3-го ряда иконостаса главного нефа: в центре — «Иисус Христос Лоза истинная» и парные изображения 16 апостолов.

Неск. икон местного ряда принадлежит кисти Иоанниса Корнароса. Справа от царских врат находится икона «Иисус Христос Спаситель мира» (1790), слева — Киккская икона Божией Матери в серебряном окладе (1789) (см. подробнее в ст. *Киккская икона Божией Матери*), рядом с ней — «Ап. Лука пишет Киккскую икону Божией Матери» (1792), в местном ряду сев. части иконостаса — иконы Божией Матери «Отрада и Утешение» («Парамифия», ок. 1790; замироточила в 1997), «Рождество Пресв. Богородицы», «Вмч. Георгий Победоносец» (1804, видимо, создана Корнаросом вместе с учеником иером. Григорием Киккотом), «Мученики Сергей и Вакх» (1793), на сев. стене рядом с иконостасом — «Ап. Лука приносит Богородице написанную им икону для благословения» (1791). Во 2-м ряду сев. части иконостаса 5 подписанных Корнаросом икон: «Вмч. Димитрий Солунский» (1792), «Прп. Иоанн Лампадист» (1792), «Вмч. Екатерина» (1793), «Прор. Илия» (1793), «Арх. Михаил» (1793). Др. расположенные в этом ряду иконы очень близки по стилю к его работам. М. Аспра-Вардаваки считает, что Корнаросу принадлежат иконы «Прп. Симеон Столпник» (1792) и «Преподобные Иоанн Дамаскин и Савва Освященный», а остальные — его последователям: напр., «Мч. Мамант и свт. Иоанн Постник, патриарх Константинопольский» (1792) — ученику Корнароса Григорию (Ἰερέα Μουῆ Κίκκου. 2010. Σ. 119–120). Вставленная в спинку архиерейского трона икона «Отрада и Утешение» (1801) также относится к работам Корнароса.

К северу и к юго-востоку от монастырского комплекса построены гостиницы. С зап. стороны от мон-ря в нач. XXI в. возведена звонница с 5 колоколами, а с сев. стороны — пареклисион свт. Никифора, патриарха К-польского. На месте деревянной часовни, в окрестностях К. м., на вершине Трони или Трони-тис-Панайиас (т. е. Престол Божией Матери), куда во время засухи приносили Киккскую икону Божией Матери и где совершались молебны о ниспослании дождя или об избавлении от природных бедствий и эпидемий, в 1935 г. была сооружена каменная часовня, а в 90-х гг. XX в. — часовня с мозаичной иконой Киккской Божией Матери. Рядом находится

могила Кипрского архиеп. Макария III и его 10-метровый памятник (1987, скульптор Н. Кодзьяманис), раньше стоявший у архиепископской резиденции в Никосии.

Музей. Экспозицию памятников христ. искусства предваряют археологические находки первобытного и античного периодов: напр., краснополированные сосуды и антропоморфные идолы (эпоха ранней бронзы), ритон в виде фигуры животного (эпоха средней бронзы), амфора (кипро-геометрический период), ойнохойи, фигурки всадников, кратер и килик (кипро-архаический период), аттические чернофигурные кратер и амфора (540–530 и ок. 520 г. до Р. Х.), краснофигурный кратер из Апулии (IV в. до Р. Х.). Раннехрист. период представлен гл. обр. бронзовыми предметами (различные типы светильников, кресты, кадила, рипиды и др.) и керамическими изделиями. Серебряная 6-гранная курильница IV–VII вв. украшена рельефными изображениями Иисуса Христа, Пресв. Богородицы и 2 ангелов. Кон. III — нач. IV в. датируется фрагмент мраморного саркофага с рельефным изображением «Христос Добрый Пастырь», V–VI вв. — мраморный престол раннехрист. храма и 3 фрагмента мраморного эпистилиа с растительным и зооморфным орнаментом. К средневизант. периоду относится ряд золотых изделий: серьги V–VI и VII вв., ожерелье VI–VII вв. (золото, жемчуг, аметист), монета (иперпер) Алексея I Комнина, золотая застежка XI–XIII вв.

Икона Божией Матери «Одигитрия». XIII в.
(Музей Киккского мон-ря)

к XIII в.: 2 образа Божией Матери «Одигитрия», Христа Вседержителя, св. Иоанна Предтечи и свт. Василия Великого. XIII–XIV вв. датируют икону Божией Матери «Одигитрия», к-рая, как и предыдущие, происходит из ц. св. Параскевы в Мутуласе. В XV в. был выполнен образ «Иисус Христос Спаситель мира», ок. 1500 г. — один из списков чудотворной Киккской иконы Божией Матери, также переданный музею из ц. св. Параскевы в Мутуласе, в 1520 г. — «Распятие». Значительное число экспонатов датируется XVI в.: царские врата со сценой «Благовещение Пресв. Богородицы» и с фигурами апостолов Петра и Павла, фрагмент иконостаса с изображе-

Пресв. Богородица и неизвестный святой. Фрагмент фрески из ц. прп. Антония Великого в с. Келья. XII в.
(Музей Киккского мон-ря)

В Музее К. м. выставлены фрески XII и XIII вв. из верхнего слоя росписей ц. прп. Антония Великого в Келье (близ Ларнаки), снятые во время реставрации. Пять древнейших икон экспозиции относятся

к XVII в.: 2 образа Божией Матери «Одигитрия», Христа Вседержителя, св. Иоанна Предтечи и свт. Василия Великого. XIII–XIV вв. датируют икону Божией Матери «Одигитрия», к-рая, как и предыдущие, происходит из ц. св. Параскевы в Мутуласе. В XV в. был выполнен образ «Иисус Христос Спаситель мира», ок. 1500 г. — один из списков чудотворной Киккской иконы Божией Матери, также переданный музею из ц. св. Параскевы в Мутуласе, в 1520 г. — «Распятие». Значительное число экспонатов датируется XVI в.: царские врата со сценой «Благовещение Пресв. Богородицы» и с фигурами апостолов Петра и Павла, фрагмент иконостаса с изображе-

нием «Воскресения Христа» (зап. типа), иконы «Сошествие во ад», «Спас во гробе», «Христос Вседержитель», «Ап. Иоанн Богослов», Божия Мать «Madre della Consolazione». В кон. XVI в. были написаны 2 иконы св. Иоанна Предтечи и образ Киккской Божией Матери (возможно, его следует датировать уже XVII в.). Мастеру сер.

XVII в. Павлу Иерографу принадлежат образы Иисуса Христа на престоле (1650), Пресв. Богородицы на престоле (1650), арх. Михаила (1652), апостолов и иконы двенадцатых праздников. Мн. произведения иконописи XVII–XVIII вв. имеют подпись автора: «Иисус Христос Спаситель мира» (Соломос Иерофит, 1641), «Вмч. Мина» (иером. Христодул, 1707), «Свт. Николай Чудотворец и прп. Евтихий» (иером. Христодул, 1708, под записью 1899 г.), Киккская икона Божией Матери (иеродиак. Харалампий Киккот, 1757), «Рождество Христово» и «Успение Пресв. Богородицы» (иеродиак. Леонтий, 1769), «Спас Нерукотворный» (Михаил Фессалоникиец, 1776), «Арх. Михаил» (Михаил Киприот, 1782), «Святители Тихон, Парфений и Мелетий» (Михаил Киприот, 1788) и др. Из икон критского живописца Корнароса представлены «Призвание апостолов Андрея и Петра» (1792), «О Тебе радуется», «Арх. Михаил» (1793), Киккская икона Божией Матери (1789), ранее находившаяся на подворье Ајос-Прокопиос, и др. Его ученик иером. Григорий Киккот — автор икон «Христос Вседержитель» (1807) и Богоматерь с Младенцем (1812).

В Музее К. м. хранятся серебряный с позолотой оклад Киккской иконы Божией Матери, изготовленный в 1576 г. в Никосии мастером Г. Тумазосом, и проскинитарий с инкрустацией из кости (1785), в к-рый был вставлен чудотворный образ. Здесь же находится лампада (XIX в., серебро с позолотой, цветное стекло, кораллы), ранее висевшая перед этой иконой. Декор лампы сочетает барочные и исламские мотивы (лилии, двуглавые орлы, полумесяцы), а цепи украшены фигурками ангелов, серафимов и соцветиями маргариток.

Среди реликвий К. м. — энколпион с частицами Честного Креста Господня (1800, серебро с позолотой, драгоценные камни, жемчуг); серебряные ковчеги с мощами: 6-гранный с пирамидальным завершением (мастер Панайотис Ювелир, 1779), содержащий частицы мошей мн. святых; прямоугольный с пирамидальным завершением (1782), в к-ром хранится глава св. Иоанна Потамита; в форме митры (XVIII в.) — с частью главы свт. Епифания Кипрского, а также деревянные в серебре

мошевики в виде книги с изображениями на обороте верхней створки Киккской иконы Божией Матери, изготовленные в 1776, 1799, 1801 (мастер Хаджи-Лампринос из Смирны), 1833, 1834, 1864 гг. (мастер Филипп Ювелир из Невшехира в Каппадокии), и др. В деревянный антиминс 1653 г. с частицами мощей (вклад архиеп. Никифора) вставлены пластина из слоновой кости с фигурой ап. Петра (VI в.) и камня с поясным изображением вмч. Дмитрия Солунского (XII в.). Вкладами Никифора также являются литийный крест (серебро с позолотой, мастер Христофор, 1636) и водосвятная чаша (ножка — серебро с позолотой, мастер Христофис Аргирис, 1639, купель — серебро, XIX в.).

На подставке деревянного резного креста со сценами из ВЗ и НЗ сохранились дата и имя мастера — 1545 г., Георгий Ласкарис. Среди водосвятных крестов XVIII–XIX вв. (Ἱερὸν Μονῆ Κύκκου. 2010. Σ. 388–405) выделяется деревянный резной крест в серебряной оправе (1710), украшенной эмалью, кораллами, жемчугом, бирюзой, разноцветным стеклом и называемый крестом мавританки, потому что спустя некоторое время после разграбления обители он был возвращен в К. м. смуглой мусульманкой. Большой литийный серебряный с позолотой крест со сценами из истории К. м. выполнен в XVIII–XIX вв. Серебряные с позолотой оклады Евангелий изготовлены в мастерских разных регионов православного мира, напр. в Трансильвании (1693), в России (1802), а также на Кипре (братьями Иоанном и Георгием, 1813; Хаджи-Иоанном из с. Оду близ Лефкары, 1864).

Древнейшими сохранившимися предметами церковной утвари являются бронзовый дискос для антидора XV–XVI вв.; 2 др. бронзовых дискоса для антидора — работы западноевропейских мастеров XVI в. Большинство богослужебных сосудов из серебра изготовлено в XVIII–XIX вв., напр. серебряные с позолотой потир 1709 г., дискос 1809 г., дарохранильницы в форме храма 1771, 1807 и 1853 гг. и др. Имеется церковная утварь, привезенная из России: дискос для колива 1843 г., дискосы, ковш для теплоты, тарель, звезда, копие и лжица XIX в. (Ibid. Σ. 411–412, 420–421).

К XVIII–XIX вв. относятся предметы, украшенные золотым шитьем:

Водосвятный крест
(т. н. крест мавританки).
1710 г.
(Музей Киккского монастыря)

3 плащаницы, выполненные в к-польских мастерских (Деспина Аргирея, 1703; Коконя Ролога, ок. 1829; Григория Коста-Паппа, 1847), 3 омофора XVIII–XIX вв., вероятно к-польской работы, епитрахили 1735 г. (провинциальная мастерская), 1775 г. (Керкира?), 1781 г. (Грузия) и др., покров (дар господаря Валахии и

Плащаница.
1703 г.
(Музей Киккского монастыря)

Молдавии, видимо Константина Маврокордата (1711–1769)), 2 завесы для Киккской иконы Божией Матери (дар царя Грузии Ираклия II и его супруги Дареджан, 1780, и вклад неких Николая и Георгия с семьями, работа к-польской мастерицы Севасты, 1821) и др.

Архив и рукописное собрание. Архив османского периода включает 1465 документов на тур. языке и 1045 — на греческом. Архивные материалы освещают разные стороны политической, экономической и духовной жизни острова. Древнейший актов документ на тур. языке датируется 1572 г., на греческом — 1619 г. Более ранние документы были утрачены во время пожаров. В 1973 г. были опубликованы тексты 34 султанских фирманов, хранящихся в архиве (Χιδίρογλου Π. Ὁθωμανικὰ ἔγγραφα τῆς ἐν Κύπρῳ Μονῆς Κύκκου. Λευκωσία, 1973). В 1993 г. вышло в свет 5-томное издание «Ὁθωμανικὰ ἔγγραφα», к-рое содержит 1030 документов 1572–1839 гг., в 1999 г. — еще 2 тома, включающие 353 документа за 1840–1912 гг. К. м. также обладает собранием более чем из 100 рукописных книг. Архив и рукописное собрание хранятся в б-ке, наиболее древние манускрипты и акты переданы в музей.

Фрагменты пергаменных рукописей X в. были использованы для переплета бумажных кодексов — «Логика Никифора Влеммида» (Cod. 36) и «Шестокнижия Константина Арменопула» (Cod. 39). К XII в. относятся пергаменный свиток длиной 4,1 м с текстом Литургии свт. Иоанна Златоуста и Евангелие, переписанное мон. Неофитом. Литургия свт. Иоанна Златоуста сохранилась и в более поздних списках: Cod. 41, сер. XVI в. (выполнен иером. Акакием по заказу игумена К. м. Симеона), Cod. 43, 2-я пол. XVII в. (писец свящ. Иаков), вновь найденный Cod. 3, сер. XVII в. (ви-

димо, переписал мон. Варнава). Евангелие-лекционарий (Cod. 49) датируется XIV в. Помимо богослужебных книг, творений св. отцов и певч.

рукописей в б-ке К. м. сохранились произведения по церковному праву (в т. ч. Номоканон Мануила Малакса (Cod. 1 и 20, 1562 и 1700 гг.), Номоканон (Cod. 25 и 9, 1679 г. и XVIII в.) и др.) и философские сочинения (напр., «Философия» (Cod. 5, 1720 г.), «Логика Ники-

Свиток с текстом
Литургии свт. Иоанна Златоуста.
XII в. (Музей Киккского мон-ря)

фора Влеммида» (Cod. 37, 1771 г.), «Психология» (Cod. 8, 1888 г.), «Физика, то есть Философия» (Cod. 25, XIX в.) и др.).

Ист.: Григорович-Барский В. Г. Странствия по св. местам Востока. СПб., 1885. Ч. 1. С. 400–404; 1886. Ч. 2. С. 265–269; *Leont. Makhair. Chronicle*. Т. 1. Р. 36–38; *Ὁθωμανικὰ ἔγγραφα*, 1572–1839. Λευκωσία, 1993. 5 τ. (ΑΙΜΚ; 1); *Ὁθωμανικὰ ἔγγραφα*, 1840–1912. Λευκωσία, 1999. 2 τ. (ΑΙΜΚ; 5); *Μακάριος (Τηλλυρίδης), ἐπ. Ἀνέκδοτος ἀλληλογραφία τῆς Ἱερᾶς Μονῆς Κύκκου (1891–1897)*. Λευκωσία, 1996. (ΑΙΜΚ; 2); *Ἀθανάσιος Κυκκώτης, ἀρχιμ. Ἀνέκδοτα ἔγγραφα τοῦ ἐν Γεωργίᾳ Μετοχίου τῆς Ἱερᾶς Μονῆς Κύκκου*. Λευκωσία, 1998. (ΑΙΜΚ; 3); *Περδίκης Στ. Κ. Δικαιοπρακτικὰ ἔγγραφα Ἱερᾶς Μονῆς Κύκκου*, 1619–1839. Λευκωσία, 1998, 2000. 2 τ. (ΑΙΜΚ; 4); *Κοκκινόφτας Κ. Ἡ Ἱερὰ Μονὴ Κύκκου στὸν Κυπριακὸ τύπο (1878–1899)*. Λευκωσία, 1999. (Πηγὴς τῆς ἱστορίας τῆς Ἱερᾶς Μονῆς Κύκκου; 3); *idem. Ἡ Μονὴ Κύκκου στο ἀρχεῖο τῆς Ἀρχιεπισκοπῆς Κύπρου*, 1634–1878. Λευκωσία, 2011. (Πηγὴς τῆς ἱστορίας τῆς Ἱερᾶς Μονῆς Κύκκου; 11); *Σταυρίδης Σ. Ἡ Ἱερὰ Μονὴ Κύκκου στὰ Βρετανικὰ ἀποικιακὰ ἀρχεῖα (1930–1939)*. Λευκωσία, 1999. (Πηγὴς τῆς ἱστορίας τῆς Ἱερᾶς Μονῆς Κύκκου; 2); *Χριστοδούλου Ν. Ἡ Ἱερὰ Μονὴ Κύκκου στὰ Ἀγγλικὰ ἀρχεῖα (1878–1931)*. Λευκωσία, 2000. 2 τ. (Πηγὴς τῆς ἱστορίας τῆς Ἱερᾶς Μονῆς Κύκκου; 1); *Μιχαήλ Μ. Ν. Ὁ κώδικας 54 τῆς Ἱερᾶς Μονῆς Κύκκου καὶ οἱ οἰκονομικὲς δραστηριότητές τῆς (1813–1819)*. Λευκωσία, 2001. (ΑΙΜΚ; 6); *idem. Ἡ Ἱερὰ Μονὴ Κύκκου στὸ ὀθωμανικὸ οἰκονομικὸ πλαίσιο μὲ βάση τὸν κώδικα 56 (1844–1890)*. Λευκωσία, 2003. (ΑΙΜΚ; 7); *Κωνσταντινίδης Κ. Ν. Ἡ Διήγησης τῆς θαυματουργῆς εἰκόνας τῆς Θεοτόκου Ἐλεούσας τοῦ Κύκκου κατὰ τὸν ἑλληνικὸ κώδικα 2313 Βατικανοῦ*. Λευκωσία, 2002; *Θεοχαρίδης Ι. Π. Οἱ Περιγραφές τῆς Ἱερᾶς Μονῆς Κύκκου (1751, 1782, 1817, 1819)*. Λευκωσία, 2010.

Лит.: Φιλίππου Α. Ἡ Ἐκκλησία Κύπρου ἐπὶ τουρκοκρατίας. Λευκωσία, 1975; *Περδίκης Στ. Κ.* Ἡ Μονὴ Κύκκου, ὁ Ἀρχιεμανδρίτης Κυπριανὸς καὶ ὁ τυπογράφος Μιχαὴλ Γλυκῆς. Λευκωσία,

1989; *idem. Ὁδηγὸς ἐπισκεπτῶν Μουσείου Ἱερᾶς Μονῆς Κύκκου*. Λευκωσία, 1997; *idem. Ἡ Ἱερὰ Μονὴ Κύκκου καὶ οἱ σχέσεις τῆς με τῆς Παραδουνάβιες Ἡγεμονίες // Ἐπετηρίδα Κέντρου Μελετῶν Ἱερᾶς Μονῆς Κύκκου*. Λευκωσία, 2010. Τ. 9. Σ. 363–377; *Γκριβὸ Ζ. Ἡ Ἱερὰ Μονὴ Κύκκου καὶ τὰ εἰσοδήματά τῆς στὰ 1553 // Ibid.* 1990. Τ. 1. Σ. 59–73; *Κοκκινόφτας Κ. Κυκκώτικα μελετήματα*. Λευκωσία, 1997; *idem. Σχέσεις Ἱερᾶς Μονῆς Κύκκου καὶ Ρωσίας // Ἐπετηρίδα Κέντρου Μελετῶν Ἱερᾶς Μονῆς Κύκκου*. 2006. Τ. 7. Σ. 281–300; *Σταυρίδης Σ. Οἰκουμενικὸ Πατριαρχεῖο καὶ Κύπρος: Τὰ Πατριαρχικὰ ἔγγραφα τῶν ἐτῶν 1600–1878*. Λευκωσία, 2001. Σ. 102–186; *Κύρης Κ. Π. Ἱστορία τῆς Ἱερᾶς Μονῆς Κύκκου ἐξ ἀρχῆς μέχρι τοῦ 1570–1571 // Ἐπετηρίδα Κέντρου Μελετῶν Ἱερᾶς Μονῆς Κύκκου*. 2004. Τ. 6. Σ. 61–102; *Πομπεντίμσκα Σ., Καλάσνικοβα Ο., Ποντγόρνεβα Ε. Ἱερὰ Βασιλικὴ καὶ Σταυροπηγιακὴ Μονὴ Κύκκου*. Λευκωσία, 2006; *Roudometof V., Michael M. N. Economic Functions of Monasticism in Cyprus: The Case of the Kykkos Monastery // Religions*. Basel, 2010. N 1. P. 54–77; Ἱερὰ Μονὴ Κύκκου, *Εἰκὼν Ἀνεσπέρου Φωτός / Ἐπιμ. Στ. Περδίκης, Ἀ. Τσελίκας*. Ἀθήνα, 2010.

О. В. Л.

КИЛДЭР [англ. Kildare; ирл. Cill Dara], город в Ирландии, до XVI в. — кафедра католич. еп-ства; в наст. время кафедра англикан. еп-ства Мит и Килдэр. В VI–XII вв. одно из крупнейших в Ирландии церковных поселений, Келл-Дара (древнеирл. Cell Dara), местонахождение епископской кафедры и жен. мон-ря.

Келл-Дара в раннем средневековье (до XII в.). Церковное поселение возникло в V–VI вв., в средневек. источниках его основание приписывается св. Бригите († 524 или 526). Согласно агиографическим преданиям, записанным в VII–VIII вв., св. Бригита принадлежала к племени Фотарта, одна из ветвей к-рого обитала в окрестностях Келл-Дары. Святая с детства славилась даром чудотворения; она исцеляла больных, щедро раздавала милостыню, заступалась за слабых и беззащитных. В Житии I св. Бригиты (Vita I S. Brigidae; VIII в.) повествуется о ее странствиях по Ирландии, встречах со св. Патрикцем (Патриком) и его учениками. В древнейшем Житии св. Бригиты (VII в.), составленном Когитозом, обитель Келл-Дара описывается как процветающее церковное поселение; наряду с жен. мон-рем там находилась резиденция епископа. Как сообщается в Житии, св. Бригита пригласила благочестивого отшельника Конлаэда (Конлета), к-рый стал 1-м епископом Келл-Дары. С этого времени епископ и аббатиса совместно уп-

равляли церковной общиной (Vita II S. Brigidae // ActaSS. Febr. T. 1. P. 135). Однако ни в одном из Житий св. Бригиты не приводятся сведения о том, когда и при каких обстоятельствах была основана Келл-Дара.

Согласно распространенной гипотезе (в наст. время исследователи поставили ее под сомнение), до распространения в Ирландии христианства на месте Келл-Дары находилось святилище ирл. языческой богини Бригиты, к-рую историки отождествля-

Св. Бригита.
Витраж в капелле св. Нон.
Сент-Дейвидс, Уэльс. 1934 г.

ют с галльской Минервой и кельт. Бригантией (*Mac Cana*. 1970. P. 34–35, 131; *McCone*. 1990. P. 164–165; *Byrne*. 2001. P. 155–156). Самые подробные сведения о богине Бригите приведены в «Словаре Кормака» (1-я редакция составлена на рубеже IX и X вв.): она считалась богиней поэзии и прорицаний, покровительницей филидов (поэтов, знатоков старины). Ее сестры, носившие то же имя, помогали кузнецам и лекарям, в их честь ирландцы-язычники называли всех богинь Бригитами (*Three Irish Glossaries / Ed. W. Stokes. L.; Edinb., 1862. P. 8; Sanas Cormaic / Ed. K. Meyer. Halle; Dublin, 1912. Vol. 4. P. 15. (Anecdota from Irish Manuscripts; 4)*). Исследователи пытались провести параллели между мифами о богине Бригите и преданием о св. Бригите, к-рая в житийной литературе представлена покровительницей

земледельцев, дарующей изобилие и плодородие, а также защитницей обл. Лаген (Лейнстер, Юго-Вост. Ирландия). День памяти св. Бригиты (1 февр.) совпал с языческим праздником Имболк, когда в ирл. народной традиции отмечалось начало весны. Однако ни значение праздника в дохрист. эпоху, ни его связь с культом языческой богини Бригиты точно не установлены. Наиболее полно гипотезу о существовании дохрист. святилища на месте Келл-Дары изложил Р. А. С. Макалистер: там действовала «коллегия жриц» — служительниц Бригиты, старшая из к-рых считалась воплощением богини. Жрицы поддерживали священный огонь и охраняли дуб, связанный с культом солнца. В эпоху распространения христианства старшая жрица уверовала во Христа и преобразовала языческое святилище в жен. мон-рь. Впоследствии ее стали почитать как святую, и в легенде о св. Бригите совместились представления о языческой богине и христ. подвижнице (*Macalister R. A. S. Temair Breg: A Study of the Remains and Traditions of Tara // Proc. of the Royal Irish Academy. Sect. C. 1919. Vol. 34. P. 340–341*). Эта гипотеза, поддержанная Дж. Кенни (*Kenney. Sources. P. 357–358*), получила распространение в популярной и научной лит-ре, хотя она основана на поздних источниках, данные к-рых не во всем согласуются. Предположение о «коллегии жриц» опирается на сообщение (80-е гг. XII в.) *Гиральда Камбрийского* о 19 монахинях, к-рые по очереди следили за неугасимым огнем св. Бригиты в Келл-Даре; каждую 20-ю ночь пламя охраняла сама Бригита. В Житии IV св. Бригиты (XIII в.?) утверждается, что название «Келл-Дара» («церковь у дуба», «дубовая церковь») связано с необычайно высоким дубом, который некогда благословила святая (*Vita IV S. Brigidae. II 3 // Sharpe R. Medieval Irish Saints' Lives: An Introd. to Vitae Sanctorum Hiberniae. Oxf., 1991. P. 160–161*), однако в более ранних источниках не упоминается ни о неугасимом огне, ни о дубе в Келл-Даре. В наст. время нек-рым исследователям гипотеза о языческом святилище на месте церковного поселения Келл-Дара представляется мало обоснованной (ср.: *Harrington. 2002. P. 27–28, 63–67*).

Тем не менее есть основания полагать, что в дохрист. эпоху в окрест-

ностях Келл-Дары находились важные объекты, связанные с языческими культами и с представлениями местных жителей о верховной власти над обл. Лаген, одной из «пятин Ирландии». Плодородная долина р. Лиффи была благоприятным для земледелия регионом. К югу и к востоку от Келл-Дары простирается Куррах (древнеирл. *Cuirtech Lifi* — «топь Лиффи») — обширное безлесное пространство (площадь ок. 20 кв. км; сохр. многочисленные археологические объекты — следы жилых усадеб, захоронений и др.). С противоположной стороны Курраха находится холм Дун-Алинне (Ноколин), который считался «центром Лагена» — символической резиденцией правителей. На вершине холма, окруженной валом и рвом, обнаружены следы деревянных построек, в основном относящихся к железному веку (V в. до Р. Х. — III в. по Р. Х.). Вероятно, здесь проводились ежегодные собрания, связанные с языческими культами и сопровождавшиеся пиршествами и жертвоприношениями. Исследователи полагают, что окрестности Дун-Алинне представляли собой «священный ландшафт», к-рый рассматривался как срединная часть обл. Лаген. По одной из гипотез, здесь, в мест. Карман, каждые 3 года созывалось собрание жителей области (*Oenach Carmain*; см.: *Johnston S. A., Wailes B. Dún Ailinne: Excavations at an Irish Royal Site, 1968–1975. Phil., 2007. P. 188–194, 204*). Скорее всего ко времени основания церковного поселения Келл-Дара дохристианские культовые объекты использовались нерегулярно. В источниках IX в. многолюдная обитель «победоносной Бригиты» противопоставляется заброшенной языческой твердыне Дун-Алинне и др. местам, связанным с памятью о древних правителях Лагена (*Féilire Óengusso Céli Dé. 1905. P. 25; Nail Brigit. 1912*).

В историографии хорошо изучено неск. аспектов истории Келл-Дары в эпоху раннего средневековья: соперничество с церковным поселением Ард-Маха (ныне Арма, Сев. Ирландия), развитие агиографических сказаний о св. Бригите и связь Келл-Дары с правящей династией Сев. Лагена (в VII–XI вв. это был род О Дунланге). За исключением сведений о святых Бригите (записи под 439, 452, 456, 524 и 526 гг.) и Конлаэде (записи под 518 и 520 гг.),

в ирл. анналах о Келл-Даре впервые упоминается под 639 г., когда скончался епископ и аббат Аэд Тёмный (Аэд Дуб). Согласно ирл. родословиям, Аэд Тёмный, сын Колмана, принадлежал к династии О Дунланге, его брат Фаэлан († 666) был правителем обл. Лаген. Исследователи связывают вступление Аэда на епископскую кафедру Келл-Дары с успехами рода О Дунланге в борьбе за господство над Лагеном. На протяжении V–VI вв. за верховную власть над этой областью боролись разные племенные группы, важным условием победы над противниками было обладание политическим и экономическим центром Лагена — долиной р. Лиффи, где находилось церковное поселение Келл-Дара. С целью установить контроль над поселением правители из рода О Дунланге подчинили обитавшие в этом районе племена Фотарта, к-рые претендовали на родственную связь со св. Бригитой. Руководителем церковной общины стал Аэд Тёмный, о к-ром в родословиях говорилось как о «царственном епископе Келл-Дары и всего Лагена» (*rig-epsco Cille Dara & Lagen uli — Corpus Genealogiarum Hiberniae / Ed. M. A. O'Brien. Dublin, 2001. Vol. 1. P. 339*). Если эти сведения достоверны, то юрисдикция Аэда распространялась на всю обл. Лаген, т. е. на территорию, подконтрольную роду О Дунланге (*Byrne. 2001. P. 151–156; Ó Cróinín D. Ireland, 400–800 // A New History of Ireland. 2005. Vol. 1. P. 188–198*). В родословиях сообщается, что Аэд был ученым-книжником и соблюдал целибат (*mac óige é & dune amra i n-espú*), здесь же приведено стихотворение о знатности, богатстве и могуществе епископа (*Meyer. 1913*). Правители из рода О Дунланге намеревались и в дальнейшем контролировать Келл-Дару, после смерти Аэда на должность настоятеля был назначен его племянник Оэнгус.

С VII в. в источниках, происхождение к-рых связано с церковным поселением Ард-Маха, св. Патрикий представлен просветителем Ирландии, «апостольским учителем и верховным вождем всех ирландских племен» (*The Patrician Texts. 2004. P. 186*). Руководители Ард-Махи, как преемники св. Патрикия, претендовали на главенство в Ирландской Церкви. Согласно «Книге Ангела», Ард-Маха «главствует над всеми церквами и монастырями ирланд-

цев», поскольку Бог даровал Патрицию и его преемникам «весь остров» и все население Ирландии «наподобие парухии» (in modum paruchiae — Ibid. P. 184, 188). Однако в составленном Когитозом Житии св. Бригиты главенствующее положение в Церкви приписывается Келл-Даре: она именуется «главой почти всех церквей Ирландии и вершиной, вздымающейся над всеми ирландскими монастырями» (caput pene omnium Hibernensium ecclesiarum et culmen praecellens omnia monasteria Scototum); ее возглавляют «предводитель всех епископов» (principale omnium episcoporum), или «архиепископ ирландских епископов» (archiepiscopus Hibernensium episcoporum), и настоятельница жен. обители, которую «все почитают как аббатису [всех] ирландцев». Когитоз называет Келл-Дару «главной церковью» (principalis ecclesia) и «митрополией» (civitas metropolitana), «чья парухия, раскинувшаяся по всей Ирландской земле, простерлась от моря до моря» (Vita II S. Brigidae // ActaSS. Febr. T. 1. P. 135). Т. о., обе крупнейшие церковные общины заявили о правах на духовное главенство в Ирландии, их руководители притязали на титул архиепископа. В то же время стороны оставляли возможность для компромисса. В «Книге Ангела» оговаривается, что св. Патрикий, предвидя появление в Ирландии великих подвижников, оставил им часть острова, где они могли построить собственные церкви и монастыри. Определение «глава почти всех церквей», к-рое Когитоз применил к Келл-Даре, свидетельствует, что община св. Бригиты не претендовала на полный контроль над всеми ирл. церквями. Тем не менее настоятели Ард-Махи и Келл-Дары считали свои церкви главными в Ирландии, а себя — старшими церковными иерархами, обладавшими самой широкой юрисдикцией. Исследователи указывали на то, что в источниках использованы не вполне определенные выражения — «верховный понтифик» (summus pontifex), «архиепископ ирландских епископов», Келл-Дара названа «митрополией», а Ард-Маха — «верховным и свободным градом» (civitas summa et libera) (Etchingham. 1999. P. 159). Не уточняется и термин «парухия» (paruchia, parochia), к-рый мог обозначать как сферу юрисдикции верховного епископа, так и подчинен-

ные главной общине церкви и мон-рии или земельные владения общины.

По мнению большинства исследователей, с конфликтом Ард-Махи и Келл-Дары связано принятие под покровительство общины св. Патрикия находившегося в Лагене церковного поселения Слебте (ныне Слити, близ г. Карлоу). Согласно источникам VII в., обитель Слебте была основана св. Патрикием в связи с крещением сыновей Дунланга, к-рым возводила свое происхождение правящая династия Лагена. Св. Патрикий назначил 1-м епископом этого церковного поселения своего ученика Фиакка Светлого (Tírechán. Collectanea. 51.4 // The Patrician Texts. 2004. P. 162; Muirchú. Vita Patricii. I 19.3 // Ibid. P. 92). В более поздних источниках сообщается, что Фиакк стал главным епископом обл. Лаген (Bethu Phátraic / Ed. K. Mulchrone. Dublin, 1939. P. 115–116). К Сегене, аббату и епископу Ард-Махи (661–688), прибыл Аэд, еп. Слебте († 700), и вручил «завещание» (aidacht), по к-рому передавал свой род и церковное поселение в юрисдикцию общины св. Патрикия. Преемником Аэда стал еп. Конхад, к-рый также посетил Ард-Маху и был утвержден в должности настоятеля обители Слебте (The Patrician Texts. 2004. P. 178). По мнению большинства исследователей, действия епископов Слебте были направлены против общины Келл-Дары, претендовавшей на безусловное главенство в обл. Лаген (см.: Byrne F. J. A Note on Trim and Sletty // Peritia. 1984. Vol. 3. P. 316–319; Charles-Edwards. 2000. P. 261–262; Swift. 2006). Т. о., договор епископов Сегене и Аэда следует рассматривать как попытку общины Ард-Махи утвердить влияние на землях, входивших в сферу интересов Келл-Дары.

В заключительном параграфе «Книги Ангела» говорится о соглашении святых Патрикия и Бригиты. Между ними существовала «столь тесная полюбовная дружба, что были они едины сердцем и разумом»; поэтому св. Патрикий передал в исключительную юрисдикцию св. Бригиты «ее парухию в ее провинции» (paruchia tua in provincia tua apud reputabitur monarchiam tuam), однако на землях к западу и к востоку парухия св. Бригиты переходила в верховную юрисдикцию св. Патрикия (dominatu in meo erit — The Patrician Texts. 2004. P. 190). Толкование использованных в этом параграфе выраже-

ний вызывает затруднения (см.: Etchingham. 1999. P. 116–119; Swift. 2006). По мнению большинства исследователей, речь идет о признании руководством Ард-Махи независимости владений общины Келл-Дары в долине р. Лиффи или во всей обл. Лаген, но не за ее пределами. В Житии I св. Бригиты также сообщается о дружеских отношениях святых, Бригита представлена как «любимая дочь» и верная ученица св. Патрикия. Согласно выводам исследователей, конфликт Ард-Махи и Келл-Дары завершился заключением договора о разграничении сфер церковной юрисдикции. Так, в стихотворении еп. Ортанаха О Коэлламы († 840) о древних правителях Лагена утверждается, что св. Бригита царит над Юж. Ирландией, св. Патрикий — над остальной частью острова (Pátraic ás hÉrinn hi foss, Brigit óas hÉrind andess — Meyer K. Orthanach Úa Cóilláma cecinit // Zschr. f. celtische Philologie. 1917. Bd. 11. S. 110). В глоссах к гимну Броккана в честь св. Бригиты, где Патрикий и Бригита названы «столпами царства» (Lethcholbe fatho la Patricc grímde), поясняется, что святые разделили господство над Ирландией: Патрикий стал предводителем мужчин, а Бригита — женщин (sic rooinn Brigit & Patraic fathius Herend inter se conid his as cend do mnaib Erend, Patraic immorro as chend d'eraib — Thesaurus Palaeohibernicus / Ed. W. Stokes, J. Strachan. Camb., 1903. Vol. 2. P. 326).

Согласно К. Хьюз, конфликт Ард-Махи и Келл-Дары был вызван кризисом епископальной системы церковного устройства и ростом экстерриториальных «парухий монастырского типа», фактически монастырских конгрегаций. Предметом разногласий между крупнейшими общинами был контроль над отдельными церквями и мон-рями, к-рые с распадом традиц. церковной организации инкорпорировались в парухии. В VIII в. процесс разграничения сфер влияния был завершен, это получило отражение в заключительном параграфе «Книги Ангела», где зафиксирован договор между общинами Ард-Махи и Келл-Дары (Hughes. 1966. P. 83–90, 275–276). Однако К. Этчингем пришел к выводу, что конфликт был вызван не распространением «монастырских парухий» и разрушением епископальной организации, а притязаниями обеих общин

на церковное первенство в Ирландии. Притязания Ард-Махи были основаны на представлениях о св. Патрикия как об «апостоле Ирландии», утвердившем в Ард-Махе «апостольский престол», кафедру первенствующего епископа. Аргументы Келл-Дары, известные из агиографического сочинения Когитоза, не столь определенны, но ее глава претендовал на статус «архиепископа» и «митрополита». Т. о., предметом спора было место во главе епископальной иерархии в Ирландии, а статус соперничавших церковных общин как монастырских не играл существенной роли.

Большинство источников, к-рые привлекаются для изучения отношений между общинами Ард-Махи и Келл-Дары, не имеют точной датировки. Самые ранние рукописи относятся к IX в. (Книга из Арма — Dublin. Trinity College. 52; древнейшая рукопись Жития I св. Бригиты — Lond. Brit. Lib. Add. 34124). Попытки исследователей выделить основные этапы в противостоянии Келл-Дары и Ард-Махи и рассмотреть эти события в контексте политической истории Ирландии привели к дискуссии, т. к. последовательность событий зависит от датировки источников. Так, по мнению Хьюз, Когитоз составил Житие Бригиты в 30-х гг. VII в. по указанию еп. Аэда Тёмного (ср.: *Byrne*. 2001. P. 152), поэтому конфликт общины св. Бригиты с Ард-Махой относится к 1-й пол. VII в. Однако большинство исследователей датируют сочинение Когитоза 2-й пол. VII в. Дискуссионной остается датировка «Книги Ангела» и заключительного параграфа, в к-ром говорится о соглашении святых Патрикия и Бригиты. Согласно Хьюз, «Книга Ангела» была написана в VIII в. на основе несохранившихся текстов VII в., отдельные ее части трудно датировать. Л. Билер полагал, что «Книгу Ангела» составили в VII в., а заключительный параграф добавили к ней не ранее 700 г. К. Маккоун датировал основную часть «Книги Ангела» 2-й пол. VII в., заключительный параграф — 2-й пол. VIII в. Однако Р. Шарп и Т. Чарлз-Эдвардс пришли к выводу, что «Книга Ангела» (с заключительным параграфом) была написана в сер. VII в. (Шарп) или во 2-й пол. VII в. (Чарлз-Эдвардс). Сложности возникают и с датировкой Жития I св. Бригиты, в к-ром, по мнению исследователей,

описываются дружественные отношения общин Ард-Махи и Келл-Дары. Раннюю датировку этого Жития (сер. VII в.) предложил Шарп, тогда как Билер пришел к выводу, что оно было составлено ок. 700 г. на основании более ранних источников (*Bieler L. The Celtic Hagiographer // St.Patr. 1962. Vol. 5. P. 243–265; Idem. St. Patrick and the Coming of Christianity. Dublin; Melbourne, 1967. P. 19*). Согласно Маккоуну, Житие I св. Бригиты было создано в сер. VIII в., при его написании использованы более ранние агиографические сочинения, авторство которых приписывалось еп. *Ултану* из Ард-Брекана (ныне Ардбракан, графство Мит) († 657) и Алерану († 665). В IX в. эти несохранившиеся источники были использованы при составлении древнеирл. Жития св. Бригиты (*Bethu Brigte*), в к-ром, как и в Житии I, сделан акцент на отношениях св. Бригиты со св. Патрикием и на деятельности святой в Центр. Ирландии. В отличие от Когитоза авторы этих Житий уделяли Келл-Даре меньше внимания, подчеркивая, что основанные св. Бригитой церкви и мон-ри находились не только в обл. Лаген, но и в др. частях Ирландии. Согласно Маккоуну, в Житии I получила отражение позиция тех церковных общин, которые возводили свое происхождение к св. Бригите, но не принимали непосредственного участия в соперничестве Келл-Дары и Ард-Махи. Вопрос о том, можно ли выделить в сохранившихся Житиях св. Бригиты мотивы и эпизоды, восходящие к утраченным сочинениям Ултана и Алерана, остается дискуссионным (*Connolly. 1972; Idem. 1987; Idem. 1989; Ó Briain. 1977*).

Из-за противоречий относительно датировки источников исследователи высказывали разные мнения о конфликте Ард-Махи и Келл-Дары. Так, Шарп полагал, что договор обеих общин действовал до 2-й пол. VII в., о его разрыве свидетельствуют заявления Когитоза о церковном первенстве Келл-Дары во 2-й пол. VII в. (*Sharpe. 1982*). Этчингем отрицал существование договора, т. к., по его мнению, в заключительном параграфе «Книги Ангела» отражены не условия соглашения, а частное мнение неизвестного книжника, связанного с Ард-Махой. Исследователь указывал, что в источниках IX–X вв. (древнеирл. Житие св. Бригиты, Трехчастное Житие св. Патри-

кия) нет данных о договоре общин св. Патрикия и св. Бригиты. Напротив, в Трехчастном Житии утверждается, что церковное главенство над обл. Лаген принадлежало не Келл-Даре, а основанной св. Патрикием обители Слелте (*Etchingham. 1999. P. 114–120, 157–160*). Согласно гипотезе Маккоуна, начало конфликта Ард-Махи и Келл-Дары относится к сер. VII в. Вскоре после этого Когитоз составил Житие св. Бригиты, в к-ром сформулированы притязания Келл-Дары на церковное главенство, тогда как т. зр. руководства Ард-Махи была изложена в «Книге Ангела» и в сочинении Тирехана о св. Патрикии. Обострению конфликта способствовали начавшиеся в Ирландии споры о пасхалии, в которых Келл-Дара выступала на стороне «римской» партии, а руководство Ард-Махи занимало традиционалистскую позицию. Изучение Жития I, по Маккоуну, позволяет сделать вывод, что сложившаяся ситуация не устраивала те церковные общины, к-рые связывали свое происхождение со св. Бригитой, однако находились в Центр. Ирландии, на землях, подконтрольных династии Южных О Нейлов. Эти общины были заинтересованы в мирных отношениях между Ард-Махой и Келл-Дарой. По их инициативе были созданы 2 Жития св. Бригиты, в к-рых получила отражение позиция сторонников мирного сосуществования Ард-Махи и Келл-Дары (в посл. эти произведения были положены в основу Жития I св. Бригиты). Завершение конфликта, согласно Маккоуну, относится ко 2-й пол. VIII в.: именно в это время, по мнению исследователя, было заключено соглашение о разделении сфер влияния (*McCone. 1982*; см. также: *Idem. An Introduction to Early Irish Saints' Lives // The Maynooth Review. 1984. Vol. 11. P. 26–59*).

Др. реконструкция событий принадлежит Чарлзу-Эдвардсу. По мнению исследователя, конфликт Ард-Махи и Келл-Дары был во многом спровоцирован спорами о пасхалии и притязаниями св. *Вильфрида* на духовное главенство в Британии и Ирландии. После синода в Стренескальке (Уитби) (664) св. Вильфрид, возглавивший церковную организацию в Нортумбрии (Сев. Англия), неоднократно (напр., на Соборе в Риме (680)) заявлял о праве на церковное первенство на тех землях, где духо-

венство отказывалось принять рим. пасхалию. Принять новую пасхалию согласились церковные иерархи в Юж. Ирландии, в т. ч. в Келл-Даре. Община Келл-Дары претендовала на церковное первенство в Ирландии и пыталась закрепить за собой главенствующее положение в обл. Лаген, подчинив менее значительные церковные общины. Первоначально Ард-Маха не возражала против церковного главенства Келл-Дары в обл. Лаген (это было зафиксировано в «Книге Ангела»). Однако действия еп. Аэда, который передал церковное поселение Слебте под покровительство св. Патрикия, позволили руководству Ард-Махи укрепить позиции своей общины в обл. Лаген. Т. о., община св. Патрикия вмешалась в дела той области, к-рая ранее признавалась как сфера интересов Келл-Дары. Впосл. в Ард-Махе укрепилась идея, что старейшие церкви в обл. Лаген были основаны св. Патриkiem и его учениками; святому приписывалось также крещение «сыновей Дунланга», предков правящей лагенской династии (*Charles-Edwards*. 2000. P. 261–262, 416–440, 425). Попытки Ард-Махи укрепить сотрудничество с правителями обл. Лаген в ущерб интересам Келл-Дары стали предметом исследования К. Свифт. Сторонники Ард-Махи утверждали, что христианизация Лагена была проведена усилиями св. Патрикия и его учеников святых Фиакка, Ауксиллия и Изернина. Правители Лагена, принадлежавшие к династии О Дунланге, и менее значительные племенные князья должны были соблюдать права церковных общин, основанных св. Патриkiem и его учениками, т. к. именно от этих святых их предки приняли крещение. Др. церковные общины, не связанные со св. Патриkiem, должны были признать первенство Ард-Махи как «апостольского престола» и привилегии подчиненных Ард-Махе церквей (*Swift*. 2006).

Несмотря на попытки руководства Ард-Махи наладить отношения с правителями из рода О Дунланге, Келл-Дара не утратила руководящее положение в Лагене и тесную связь с правящей династией. До XI в. О Дунланге сохраняли власть над Лагеном (по крайней мере над его сев. частью), это способствовало сохранению определенной стабильности. Руководящие должности в общине занимали члены династии или

их ставленники, а возникавшие конфликтные ситуации были чаще всего связаны с междоусобной борьбой внутри правящего рода. Подобные связи между церковными общинами и династиями местных правителей были характерны для раннесредневеков. Ирландии, но союз Келл-Дары с политическим руководством Лагена исследователи считают особенно тесным (*Byrne*. 2001. P. 160–161; *Idem*. Church and Politics, с. 750 — с. 1000 // A New History of Ireland. 2005. Vol. 1. P. 671–675). В VIII–IX вв. династия О Дунланге раскололась на 3 соперничавшие ветви, к-рые оказывали покровительство разным церковным общинам. Близкие отношения с общиной Келл-Дары поддерживал правитель Финснехта, сын Келлаха (795–808), и его потомки, принадлежавшие к роду О Дунхада. Должность аббата Келл-Дары занимали братья Финснехты, Фаэлан (798–804), Муредех (804–823) и Аэд (823–828), общину монахинь возглавляла его сестра Муренн († 831). Вероятно, при поддержке Финснехты в 800 г. мощи св. Конлаэда были помещены в реликварий из золота и серебра. Согласно анналам, правитель скончался от тяжелой болезни в Келл-Даре, где, возможно, находилась его резиденция. После смерти Финснехты власть над Лагеном перешла к представителям др. ветвей династии О Дунланге, и положение Келл-Дары ухудшилось. 29 авг. 833 г., в день памяти св. Иоанна Крестителя, правитель Келлах (829–834) напал на Келл-Дару, при этом, как сообщается в анналах, погубило много людей. Верховный правитель Ирландии Аэд Ордниде (797–819), принадлежавший к династии О Нейл, пытался контролировать положение в Лагене, неоднократно разделял область между соперничавшими местными правителями. Возможно, по его указанию настоятелем Келл-Дары стал еп. Тутхар О Фердалаг († 834), к-рый происходил из племени О Эхах Кобо (в совр. графстве Даун, Сев. Ирландия) и, т. о., не был связан родственными узами с О Дунланге. В 834 г. к власти в Лагене пришел Бран, внук Финснехты, дружественно относившийся к Келл-Даре, после этого на должность архиепископа (управляющего церковным имуществом) был назначен его родственник Артри († 852). Муредех († 885), сын Брана, в анналах назван одновременно правителем Лагена и настоятелем Келл-

Дары. Вероятно, ко времени прихода к власти он занимал должность настоятеля и в период краткого правления (884–885) совмещал светские и духовные полномочия. Представители династии О Дунланге, занимавшие должность аббата в Келл-Даре, не исключались из числа претендентов на светскую власть. Об этом свидетельствуют летописные записи о Фланнакане О Риаккане († 920) и Муредехе, сыне Фаэлана († 965), названных вероятными наследниками правителей Лагена (*ríghdhamhna Laighean*).

В 836 г. на Келл-Дару напал Фелимид, сын Кримтанна, правитель обл. Муман (Мунстер) (821–847). Возможно, причиной нападения был визит настоятеля Ард-Махи Фораннана, к-рый искал у правителей Лагена поддержки против политических противников (*Swift*. 2006. P. 111–123). В 908 г. правители Мумана вновь вторглись в Лаген, но потерпели поражение в бою. Одного из них, Флатбертаху, сына Инманена, доставили в Келл-Дару, где лагенское духовенство упрекнуло его в том, что он предпочел сражение переговорам и стал виновником гибели своего благочестивого соправителя, Кормака, сына Кулленана. После обсуждения условий договора Флатбертаху освободили, аббатиса Муренн с реликвиями святых в сопровождении клириков проводила его до границы Лагена (*Fragmentary Annals of Ireland / Ed. J. N. Radner. Dublin, 1978. P. 152–158; см.: Bhreathnach. 2001. P. 116–117*).

Несмотря на контроль, который представители династии О Дунланге осуществляли над положением в Келл-Даре, руководящие должности в общине могли занимать выходцы из различных племенных групп Лагена. Так, св. Конлаэд, 1-й еп. Келл-Дары, по преданию, происходил из Дал Мессин Корб (*Corpus Genealogiarum Sanctorum Hiberniae / Ed. P. Ó Riain. Dublin, 1985. N 181.10*). Должность аббатисы нередко занимали представительницы племени Фотарта (считалось, что к этому племени принадлежала св. Бригита). Первой настоятельницей из племени Фотарта была Себданны, дочь Корка († 732), последней — Этне († 1016). Возможно, аббатиса Муренн (964–979) была дочерью верховного правителя Конгалаха Кногбы (944–956) из династии О Нейл и ставленницей правителя О Фальге,

с которым она состояла в родственных отношениях (*Byrne F. J. Church and Politics, c. 750 – c. 1100 // A New History of Ireland. 2005. Vol. 1. P. 672–673*). В XI–XII вв., с упадком династии О Дунланге, должность аббатисы стала предметом ожесточенной борьбы между неск. правящими родами Лагена.

Связь общины Келл-Дары с правителями из династии О Дунланге повлияла на формирование образа св. Бригиты как защитницы и покровительницы Лагена. В поэме еп. Ортанаха О Коэлламы († 840) «Славься, Бригита» (*Nail Brigit*) О Дунланге представлены как исконные властители Лагена, правящие под эгидой св. Бригиты. Однако земные князья смертны, их власть преходяща, св. Бригита же – «вечная владычица» (*bithfhlaith*), «владычица победоносных воинств» (*banfhlaith buidnib slúraig*), которая царит над своей землей (*Nail Brigit. 1912; см.: Byrne. 2001. P. 151–156*). О покровительстве, к-рое Бригита оказывала жителям обл. Лаген, часто говорится в связи с отражением агрессии верховных правителей из династии О Нейл, которые пытались контролировать положение в Лагене. Так, в Житии I св. Бригита благословляет не названного по имени правителя Лагена, дарует ему долголетие и победу в войне с О Нейлами. После смерти правителя, когда О Нейлы снова вторглись в Лаген, его тело вывезли на колеснице перед войском, и враги обратились в бегство (*Connolly. 1989. P. 40–41*). Влияние политической пропаганды прослеживается и в др. эпизоде Жития: невестка Коналла Кремтанне, предка Южных О Нейлов, обратилась к св. Бригите с просьбой исцелить ее от бесплодия, но святая не пожелала сотворить чудо, объяснив, что сыновья правителей – «змеи, сыны кровей и смерти, за исключением немногих, избранных Богом». Затем, уступив мольбам, св. Бригита исцелила женщину, но предсказала, что ее потомки будут нести бремя проклятия. Тем не менее святая помогала и правителям из рода О Нейл, примиряла враждовавших братьев, оберегала их от опасности (*Ibid. P. 31–32*). В повести «Битва при Алму» говорится о событиях 722 г.: св. Бригита возглавляет победоносное лагенское войско, тогда как на стороне О Нейлов выступает св. Колумба (*Cath Almaine / Ed. P. Ó Riain.*

Dublin, 1978; Предания и мифы средневеков Ирландии / Пер.: С. В. Шкунаев. М., 1991. С. 193–197). О том, что святая благословляла лагенов на сражения и защищала их от врагов, сообщается в повести «Борома» (*The Bóroma / Ed. W. Stokes // Revue Celtique. P., 1892. T. 13. P. 32–124, 299–300; Предания и мифы средневековой Ирландии. 1991. С. 173–192*), а во «Фрагментарных анналах», происхождение к-рых связано с Зап. Лагеном, подчеркивается превосходство св. Бригиты над св. покровителями О Нейлов (*Fragmentary Annals of Ireland. Dublin, 1978. P. 6–10*). Под 870 г. в анналах повествуется о сражении лагенов с племенами Осраге, при этом лагены уповали на помощь св. Бригиты, а их противники – на помощь св. Киарана Старшего. То, что конфликт разрешился без большого кровопролития, приписывается заступничеству святых (*Ibid. P. 140–143*).

В Житии св. Бригиты, составленном Когитозом, подчеркивается двойственный характер церковного поселения Келл-Дара, где находились резиденция епископа и жен. мон-рь. Агиограф утверждал, что эта традиция восходит к св. Бригите, которая пожелала иметь в мон-ре епископа для пастырского окормления мирян. Епископ и аббатиса совместно управляли «кафедрой епископов и дев» (*cathedra episcopalis et puellaris*) «в счастьевом преемстве и в соответствии с неизменным обычаем» (*felici successione et ritu perpetuo – Vita II S. Brigidae // ActaSS. Febr. T. 1. P. 135*). Начиная по крайней мере с Аэда Тёмного († 639) епископский сан мог носить настоятель (аббат) Келл-Дары, что позволяло совместить духовное и светское руководство общиной. В Келл-Даре могли пребывать неск. епископов: напр., под 787 г. в анналах сообщается о кончине аббата и 2 епископов Келл-Дары, под 875 г. вновь упоминается о 2 епископах Келл-Дары, каждый из которых занимал должность настоятеля в др. церковных общинах в обл. Лаген. Совмещение разных должностей в неск. церквях широко практиковалось в раннесредневеков. Ирландии. Так, Келлах, сын Айлиля († 865), занимал должность аббата в Келл-Даре и в обители Иона. Упоминания о некоторых епископах Келл-Дары как о «епископах Лагена» свидетельствуют о том, что при благоприятных условиях сфера юрисдикции пре-

бывавших в Келл-Даре иерархов могла быть весьма широкой (напр., «епископом Келл-Дары и пятины Лаген» (*uasal-espoc Cille Dara & coicidh Laigen*) был Маэл Бригде О Бролхан († 1097)). В анналах руководители церковной общины чаще всего именовались аббатами (*abbas*, древнеирл. *ab*) или настоятелями (*princeps*), изредка – «наследниками Конлаэда» (*comharba Conlaith – Fragmentary Annals of Ireland. Dublin, 1978. P. 140*).

Аббатиса Келл-Дары обладала статусом, равным статусу епископа. Начиная с VIII в. преемственность настоятелиниц мон-ря подробно отражена в ирл. анналах; аббатиса нередко именовалась «госпожой» или «владычицей» (*dominatrix*), также «наследницей Бригиты» (*comarba Brigte*), иногда в летописных записях подчеркивался ее пол – так, аббатиса Муренн († 964) названа в «Инисфалленских анналах» «женщиной-настоятелем» (*banairchinnech*), в «Анналах Тигернаха» под 1112 г. говорится о «женщине – наследнице [Бригиты]» (*bancomurba*). В источниках сохранились упоминания о высоком статусе аббатисы Келл-Дары, однако они не всегда поддаются однозначному истолкованию. Так, Когитоз называл ее «аббатисой ирландцев» (*abbatissa Scottorum*), в Мартирологе Оэнгуса (IX в.) о св. Бригите говорится как о «главе монахинь Ирландии» (*cenn cáid caillech n-Érenn – Féilire Oengusso Céili Dé. 1905. P. 58*), а в глоссах к гимну Ултана – как о «главе женщин Ирландии» (*cend do mnaib Erend – Thesaurus Palaeohibernicus. Camb., 1903. Vol. 2. P. 326*). В юридическом трактате «Суждения о кровавых лежаниях» (*Bretha Crólige*) перечислены категории женщин, на к-рых не распространялось действие определенных законодательных норм. Из них высшим статусом обладала «женщина, которая обращает потоки войны вспять» (*ben sues sruta cocta for cula*), в глоссе поясняется: «...например, наследница [Бригиты] в Келл-Даре... та, которая изглаживает множество грехов войны своими молитвами» (*ut est bancomarba Cille Dara... impodus imad peccad na cocad for cula trena hiraigthi – Binchy D. A. Bretha Crólige // Ériu. Dublin, 1938. Vol. 12. P. 26–27; ср.: Márkus G. Deuors and Relics in Scotland: Some Clarifications and Questions // The Innes Review. Glasgow, 2009. Vol. 60. N 2. P. 115–116*). Согласно глоссе

к «Закону о брачных союзах» (Cáin Lánamna), буд. преемница аббатисы получала половину штрафа, налагавшегося на виновного в насилии над монахиней (do tanaísi comarba Brigdi — *Eska C. M. Cáin Lánamna: An Old Irish Tract on Marriage and Divorce Law. Leiden; Boston, 2010. P. 284–285, 288–289*). В постановлении синода 1152 г. в Кенаннасе (ныне Келлс, графство Мит) говорилось о том, что «наследница Бригиты» имела старшинство над ирл. епископами. Эти сведения отражают особенности церковной иерархии в раннесредневеков. Ирландии, в к-рой высокое положение обеспечивал не только священный сан или руководящая должность, но и статус церковной общины. Поскольку Келл-Дара входила в число крупнейших общин, ее руководители обладали особенно высоким статусом независимо от пола или сана.

Попытка объяснить столь высокое положение аббатисы предпринята в легенде о епископском рукоположении св. Бригиты, которая впервые засвидетельствована в древнеирл. Житии: при возложении на святую монашеского покрывала еп. Мел, ученик св. Патрикия, «опьяненный благодатью Божией, не понимал, что он пел по своей книге, ибо он возвел Бригиту в епископский сан» (episcopus Dei gratia inebriatus non cognovit quid in libro suo cantavit. In gradum enim episcopi ordinis [sic] Brigitam). Осознав содеянное, епископ заявил: «Одна лишь эта дева в Ирландии будет иметь епископское рукоположение» (Haec sola... ordinationem episcopalem in Hibernia tenebit virgo — Bethu Brigte / Ed. D. Ó hAodha. Dublin, 1978. P. 6). В источниках XI–XII вв., где пересказывается это предание, уточняется, что равный епископскому статус признавался за «наследницей Бригиты» — аббатисой Келл-Дары (Lives of Saints from the Book of Lismore / Ed. W. Stokes. Oxf., 1890. P. 40). В нек-рых текстах даже сообщалось, что аббатиса не только обладала теми же привилегиями, какие имел епископ, но и могла «носить епископский сан» (conid desin dligis comarba Brigte grada epscuip do thabairt fair — Féilire Óengusso Céli Dé. 1905. P. 66; is dosen dliges comarba Brigte do gres grad n-epscuip fuirri & honoir epscuip — Thesaurus Palaeohibernicus. Camb., 1903. Vol. 2. P. 329–331).

В ирл. анналах упоминается о др. руководящих должностях в Келл-Даре, к-рые, как правило, занимали представители аристократических семейств. Когитоз упоминал о приоре (praepositus), руководившем работами по строительству мельницы. Должность приора, о к-рой сообщается также в «Анналах Четырех наставников» под 903 г. (píóir), могла соответствовать должности либо помощника настоятеля (sechnar; упом. в 835), либо эконома (equonimus) обители. В летописях говорится о лицах, занимавших должность «священника» (sacart; упом. в 927, 929, 1046, 1069, 1103), а также о «старческом доме», во главе к-рого стояла особая настоятельница (abatissa tighthe sruithe Cille Daro; 797).

О многих насельниках Келл-Дары в анналах сообщается как об ученых-книжниках, о «писцах» (scriba, sariens), напр. об аббатах Лохене Менне († 696) («лучший из всех ирландцев писец» (optimus scriba Scototogum) — Corpus Genealogiarum Hiberniae. Dublin, 2001. Vol. 1. P. 152) и Кобтахе († 870), о епископах Туатхаре († 834), Аэдгене Бритте († 864), «писце и анахорете», и Робартахе († 875). «Учеными» и «писцами» названы Мак Онхон († 730), Колман Банбан († 725) и До Кумаэ († 748). С X в. известно о руководителях школы (fer léiginn; упом. в 962, 965, 991, 1038, 1041, 1050, 1063, 1104, 1110 гг.).

Должности настоятеля и аббатисы Келл-Дары становились предметом острых разногласий между знатными семействами, это приводило к кровавым конфликтам. В анналах сообщается о насильственной смерти аббата Лохене Менна (696) и еп. Кулена, сына Келлаха (в «Анналах Четырех наставников» под 953 г.). Под 760 или 762 г. упоминается о том, что еп. Эхтигерн был убит священником у алтаря св. Бригиты, с этим событием летописец связывал принятый в Келл-Даре обычай, запрещавший пресвитеру литургисать в присутствии епископа. В 1041 г., во время распри между представителями разных семейств О Дунланге, один из них был насильственно выведен из Келл-Дары и убит за то, что опозорил «наследницу Бригиты».

В IX–X вв. Келл-Дара неоднократно подвергалась нападению скандинавов. Впервые церковное поселение разорили в 836 г. викин-

ги из Инбер-н-Дез (возможно, на месте совр. Арклоу), сгорела половина церкви. В 848 г. ирл. правители нанесли викингам серьезное поражение в неск. битвах, тем самым предотвратив сканд. колонизацию внутренних районов острова. Представители общины Келл-Дара приняли участие в сражениях с викингами. Так, в 845 г. при штурме викингами крепости Дун-Маск (ныне Данамайк, графство Лишь) погиб помощник аббата Кетернах, а в 888 г. в сражении со скандинавами верховного правителя Фланна Синны участвовал еп. Лергус, сын Круннена. Нападали на Келл-Дару в основном из крупных прибрежных укреплений в Дублине и Уотерфорде, в анналах об этом сообщается под 886 г., когда викинги захватили 280 пленных, под 891, 900, 917, 918, 926, 929, 942, 964, 979, 982, 999 гг. Столь частые нападения объясняются тем, что сканд. вожди из династии Ивара стремились не только захватить добычу и пленных, но и установить контроль над обл. Лаген, подавив сопротивление О Дунланге. В 964 г. дублинский правитель Амлав Куаран (Олав Ситриксон) захватил в Келл-Даре много пленных, в т. ч. из числа духовенства, однако большую часть выкупил некто Ниалл О Эрзульб, предположительно член смешанного ирландско-сканд. рода (см.: *Thornton D. E. Clann Eruilb: Irish or Scandinavian? // Irish Historical Studies. 1996. Vol. 30. N 118. P. 161–166*). В 967 г. по указанию Амлава Куарана был убит аббат Муредех, вероятный наследный правитель обл. Лаген. В 980 г. верховный правитель Маэл Сехналл II (980–1022) нанес викингам поражение, взял штурмом Дублин и наложил дань на скандинавов.

В источниках подчеркивается значение церковного поселения Келл-Дары как одного из крупнейших в Ирландии. Так, в ирл. «триадах» (IX в.?) Келл-Дара, «сердце Ирландии» (cride Hérenn), названа на 4-м месте среди самых значительных ирл. церквей (The Triads of Ireland / Ed. K. Meyer. Dublin, 1906. P. 2). В Житии св. Кадроз, написанном в 80-х гг. X в. в Меце, Келл-Дара упомянута среди 5 главных «городов» Ирландии (Acta Sanctorum veteris et maioris Scotiae, seu Hiberniae, Sanctorum insulae / Ed. J. Colgan. Lovanii, 1645. T. 1. P. 495).

В Житии св. Бригиты, составленном Когитозом (VII в.), церковное

поселение Келл-Дара именуется «городом» (civitas), его границы (suburbana) были обозначены самой святой. Келл-Дара была известна как безопасное убежище для всех гонимых и находящихся в опасности, здесь хранилась казна правителей обл. Лаген. На праздник св. Бригиты собирались гости и паломники со всей Ирландии (Vita II S. Brigidae. 39 // ActaSS. Febr. T. 1. P. 141). В Житии подробно описывается деревянный соборный храм, воздвигнутый под руководством «учителя и предводителя всех ирландских мастеров» (doctor & omnium praeuius artificum Hibernensium) на месте старой церкви, к-рую построила св. Бригита. В интерьере храма стенами или перегородками выделялись алтарное пространство и помещения для молящихся мужчин и женщин. В храме имелось двое ворот: через южные входили «священнослужители и верные миряне мужского пола», через северные — «девы и собрание верных жен». В алтарь также вели 2 двери: правая предназначалась для епископа и клириков (summus pontifex cum sua regulari schola et his qui sacris deputati sunt mysteriis), левая — для монахинь, к-рые во главе с аббатисой входили в алтарь для причащения (abbatissa cum suis puellis et viduis fidelibus). В алтарной части находились гробницы святых Бригиты и Конлаэда, богато украшенные золотом и серебром, разноцветной резьбой и драгоценными подвесными коронами. Агиограф Когитоз утверждал, что храм был просторным, хорошо освещенным и богато украшенным, в т. ч. живописными изображениями (decorata pictis tabulis; paries decoratus et imaginibus depictus) и подвесными пеленами (lintamina) (Ibid. 37 // ActaSS. Febr. T. 1. P. 141). По словам агиографа, «в одной огромной базилике множество людей в разных местах соответственно чину и полу... они, каждый в соответствии со своим чином, но единодушно, молятся всемогущему Владыке» (in una basilica maxima populus grandis in ordine et gradibus et sexu et locis diuersis... diuerso ordine et uno animo omnipotentem orant Dominatorem). Эта фраза перекликается с описанием церковного поселения Ард-Маха в «Книге Ангела», где «благочестивые христиане обоего пола... почти нераздельно пребывают». Однако для разных кате-

Крест в Муне (графство Килдэр).
X в.

горий насельников в Ард-Махе были отведены особые храмы: в одном собирались «девы, кающиеся и те, кто служат Церкви в законном браке», в другом — «епископы, пресвитеры, церковные анахореты и прочие духовные лица» (aepiscopi et praesbiteri et anchoritae aeclessiae et caeteri relegiiosi — The Patrician Texts. 2004. P. 186).

По мнению некоторых исследователей, описание соборной церкви у Когитоза было призвано напомнить о базиликах Рима, к-рым уподоблялась Келл-Дара (Bitel. 2004). Несмотря на отсутствие прямых параллелей между Римом и Келл-Дарой в этом описании, указания на рим. или итальянское влияние содержатся в др. источниках. Согласно Житию I, св. Бригита чудесным образом узрела мессы, к-рые совершались в Риме над гробницами св. апостолов Петра и Павла, и пожелала иметь чин рим. мессы и «все уставы» (ut ad me istius ordo et uniuersa regula deferatur a Roma). Посланные ею клирики привезли книги, но через нек-рое время Бригите было откровение, что в чин мессы внесены изменения (quidam commutauerunt in Roma missas), и тогда по ее указанию в Ирландию доставили новые тексты (Vita I S. Brigidae. 89 // ActaSS. Febr. T. 1. P. 131; Connolly. 1989. P. 41). Исследователи отмечали, что в Житии могло сохраниться достоверное свидетельство литургических преобразований в Риме в VII в. (см.: Stevenson J. Introd. // Warren F. E. The Liturgy and Ritual of the Celtic Church. Woodbridge, 1987². P. LXVII–

LXVIII). В более поздних источниках встречается легенда о происхождении богослужбного чина Келл-Дары. Св. Бригита дважды посылала в Рим клириков за «чином Петра и Павла» (uird Pedair & Poil), но неудачно (подразумевается, что текст мессы надлежало выучить наизусть). В 3-й раз святая отправила вместе с ними слепого отрока, к-рый, спустившись на якорю в м. Ихт (прол. Ла-Манш) или в Тирренское м., оказался в подводной обители Пляя. Его спутники, посетив Рим, по прошествии года вернулись на это место и подняли со дна моря отрока, к-рый принес с собой «чин Плеи» и колокол. Этот чин поныне соблюдается общиной Бригиты (is e ord side fil ic muindtir Brigte... is e ord Plea marus indiu — Féilire Óengusso Céili Dé. 1905. P. 64–67). Самое раннее указание на эту легенду сохранилось в гимне Броккана в честь св. Бригиты (инципит: Ní sag Brigit): «Чудесно собрание святой Бригиты, чудесна Пляя, куда оно вошло» (Amra sámud sanct Brigte, amra Plea conhúala — Thesaurus Palaeohibernicus. Camb., 1903. Vol. 2. P. 328). В глоссах к этому гимну уточняется, что речь шла о чине мессы (urd celeartha) и что Пляя — это Пьяченца, обитель св. Бригиты в Италии (Amra Plea .i. Blasantia .i. cathir sen fil do Brigit in Italia — Ibid. P. 328–329). В г. Пьяченца существует ц. св. Бригиты, которая была основана св. Донатом, еп. Фьезольским, и в 850 г. подарена им аббатству Боббио (Codice diplomatico del monastero di S. Colombano di Bobbio / Ed. C. Cirolla. R., 1918. Vol. 1. P. 165–169). Т. о., богослужбным обычаем, соблюдавшимся в Келл-Даре, приписывалось рим. или итальянское происхождение. Известны и др. рассказы о паломничестве насельников Келл-Дары в Рим, напр. о том, как 3 из них чудесным образом избежали гибели в Пьяченце (Thesaurus Palaeohibernicus. Camb., 1903. Vol. 2. P. 323–324), и о св. Конлаэде, отправившемся в Рим вопреки воле св. Бригиты и съеденном по пути волками (Ibid. P. 346–347).

До XI в. постройки в Келл-Даре были деревянными, в летописях часто сообщается о пожарах (под 710, 775, 779, 1019, 1020, 1030, 1036 гг. и т. д.); в 1089 г. поселение горело 3 раза. Среди построек чаще всего упоминается о главном храме (dairthech — «дубовая церковь»). Ланд,

жена верховного правителя Аэда Финдлиата (862–879), послала в Келл-Дару мастеров для строительства ц. во имя св. Бригиты (Fragmentary Annals of Ireland. Dublin, 1978. P. 132). Под 964 г. в анналах говорится о «большом доме св. Бригиты» (in taighi moir Sanc Brigti), вероятно резиденции аббатисы или дормитории монахинь (о «большом доме» (magna domus) в монастыре Иона сообщается в Житии св. Колумбы, составленном Адомнаном, о «большом доме аббата» в Ард-Махе — в «Ольстерских анналах» под 1116 г.). О начале каменного строительства в Келл-Даре можно судить по летописным данным. В сообщении о пожаре 1020 г. упоминается о сгоревшей деревянной церкви (сопа dairtigh), под 1050 г. говорится о пострадавшем от огня каменном храме (сопа daim liag; согласно «Инисфалленским анналам», в 1050 сгорели и каменный, и деревянный храмы (eter dam liac & durthech)). Т. о., каменное строительство в Келл-Даре скорее всего началось позже, чем в др. ирл. церковных поселениях (о каменном соборном храме и нескольких деревянных церквях в Ард-Махе упом. под 840 г., в Клуан-Мокку-Носе (ныне Клонмакнойз) каменная соборная церковь построена в нач. X в.). В «триадах», составленных предположительно в IX в., Ард-Маха, Клуан-Мокку-Нос и Келл-Дара названы «тремя каменницами Ирландии» (trí clochraid Hérenn), но значение слова «clochrad» неясно, и, т. о., это сообщение не обязательно понимать как указание на каменные храмы. Вероятно, к XII в. относится строительство «круглой башни» (колокольни), сохранившейся на месте церковного поселения Келл-Дара.

Парухия Келл-Дары. В ряде источников, напр. в агиографическом сочинении Когитоза, говорится об обширной парухии Келл-Дары, простиравшейся на всю Ирландию (Vita II S. Brigidae // ActaSS. Febr. T. 1. P. 135). Среди родословий ирл. святых сохранился перечень святых мужей и жен, основавших церкви и монастыри, к-рые входили в «парухию святой Бригиты» (Corpus Genealogiarum Sanctorum Hiberniae. Dublin, 1985. N 670). Возможно, перечень был составлен в 50-х гг. XII в. Аэдом О Кримтанном, аббатом Тир-Да-Гласа (ныне Терригласс, графство Типперэри), к-рый состоял в пе-

реписке с Финном О Горманом, еп. Келл-Дары (1146/48–1160). В списке перечислены гл. обр. небольшие общины, о к-рых сохранилось немного сведений. Они находились в разных частях Ирландии, преимущественно в Лагене (особенно в окрестностях Келл-Дары), а также в обл. Миде (Центр. Ирландия; Ibid. P. 210–212). Отдельные упоминания о подчиненных церквях имеются в агиографических источниках: напр., в Житии I говорится о подаренной св. Бригите церкви на равнине Маг-Инис (на территории графства Даун, Сев. Ирландия) (Connolly, 1989. P. 29). Нек-рые церкви, связанные с Келл-Дарой, могли находиться в обл. Аргилла (юж. часть Улада (Ольстера)), к-рая была сферой непосредственных интересов общины Ард-Махи. Согласно Житию I, св. Бригита гостила в церкви, к-рой управляла св. Ласар. В это же время в церковь прибыл св. Патрикий со свитой, и только благодаря чуду, совершенному св. Бригитой, Ласар удался накормить всех гостей. В средневек. Ирландии «гостевание» (bíathad) было распространенной формой натуральной подати: правитель или аристократ имел право жить определенный срок в доме клиента, который обеспечивал его свиту всем необходимым (Críth Gablach / Ed. D. A. Binchy. Dublin, 1970. P. 75–77; Kelly F. A Guide to Early Irish Law. Dublin, 2005. P. 30). Размеры свиты (dám) определялись статусом господина. Так, мелкий правитель имел право на свиту из 12 чел. в пределах своего туата и из 9 — на чужой территории (Críth Gablach. 1970. P. 82). Согласно «Книге Ангела», «наследника Патрикия» могли сопровождать 50 чел. (The Patrician Texts. 2004. P. 186), а в перечне 24 спутников св. Патрикия утверждается, что именно такое число людей должен был содержать правитель обл. Муман во время визита настоятеля Ард-Махи (Bethu Phátraic. Dublin, 1939. P. 155; Kenney. Sources. P. 346). Т. о., изложенные в Житии сведения о гостевании святых фактически являются указанием на то, что Келл-Дара претендовала на подати с церковной общины св. Ласар. В Житии сообщается, что вполн. Ласар подарила свою церковь св. Бригите (postea obtulit Lasrea sancta et suum locum sanctae Brigidae in aeternum — Vita I S. Brigidae. 40 // ActaSS. Febr. T. 1. P. 123; Bethu Brigte. Dublin, 1978.

P. 16). В перечне святых, чьи общины были подчинены Келл-Даре, уточняется, что церковное поселение Келл-Ласра находилось на земле О Бресал (Lassar i Cell Lasra i nUib Bresail — Corpus Genealogiarum Sanctorum Hiberniae. Dublin, 1985. N 670.11). Издатель текста локализует его в совр. графстве Дублин (Ibid. P. 211), но оно могло находиться и в обл. Артир, в непосредственной близости от Ард-Махи, что объясняет внимание общины св. Патрикия к этому поселению.

О св. Бригите неоднократно упоминается в Житии св. Мониинне (Дарерки), основательницы монастыря Келл-Слебе-Кулинн (ныне Килливи, графство Арма, Сев. Ирландия). Эти сведения можно рассматривать как указания на равноправие и независимость мон-ря, основанного св. Мониинне, от общины Келл-Дары. Напр., в Житии сообщается о дарах св. Мониинне, к-рые св. Бригита отказалась принять, заявив, что ее община богата и не нуждается в подношениях (nobis plus habentibus non licet habere). В свою очередь св. Мониинне отказалась от серебряной чаши, к-рую подарила ей св. Бригита, но вполн. чаша была вручена ей чудесным образом (The Life of Saint Monenna by Conchubranus // Seanchas Ard mhacha. 1979. Vol. 9. N 2. P. 250–273; 1980/1981. Vol. 10. N 1. P. 117–141; 1982. Vol. 10. N 2. P. 426–454). О св. Бригите упоминается также в Житии св. Тигернаха, основателя ц. Клуан-Эос (ныне Клонс, графство Монахан): святая была восприемницей при крещении Тигернаха и нарекла ему имя, а вполн., когда он посетил ее, собрала прелатов и велела возвести Тигернаха в сан епископа. Затем она направила Тигернаха в Аргиллу, где он основал обитель Клуан-Эос (Vita sancti Tigernaci episcopi de Cluain Eois. 2, 11–12 // Plummer. Vitae. T. 2. P. 262, 266). В Житии говорится, что духовенство и жители Ирландии настолько почитали св. Бригиту, что дали ей право указывать кандидатов для епископского рукоположения (возможно, это была одна из привилегий аббатисы Келл-Дары). По мнению Маккоуна, в этих сведениях получил отражение конфликт интересов Келл-Дары и Ард-Махи: ц. Клуан-Эос находилась в сфере влияния Ард-Махи, но в Житии Тигернаха подчеркивается независимость святого от «наследников

Патрикия». Исследователь предположил, что в случае с Клуан-Эосом проявился «синдром Слелте»: небольшая церковная община предпочитала войти в состав парухии крупной, но отдаленной церкви, чтобы избежать подчинения более могущественному соседу (*McCone K. Clones and Her Neighbours in the Early Period: Hints from Some Airgiolla Saints' Lives // Clogher Record. 1984. Vol. 11. N 3. P. 319–325*).

В средневек. Ирландии известны ряд топонимов, связанных с именем св. Бригиты (напр., Келл-Бригиде — «церковь Бригиты»). Среди подчиненных церквей в перечне нек-рые места носят подобные названия — Дисерт-Бригиде («пустынь Бригиты»), Рат-Бригиде («усадьба Бригиты»), Домнах-Мор-Санкт-Бригиде («великая церковь св. Бригиты»). Однако эти топонимы не обязательно связаны с влиянием ц. Келл-Дара. Выказывалось мнение, по к-рому широкое распространение культа св. Бригиты во многом было вызвано представлением о ней как о защитнице слабых и угнетенных. Кроме того, племена Фотарта, почитавшие Бригиту как покровительницу, жили небольшими анклавами как в Лагене, так и в других частях Ирландии (*Charles-Edwards T. M. Early Irish Saints' Cults and Their Constituencies // Ériu. 2004. Vol. 54. P. 79–102*).

В VII–VIII вв. почитание св. Бригиты получило распространение в Уэльсе (*Idem. 2000. P. 239*), в средние века оно существовало также в Бретани (*Baring-Gould S., Fisher J. The Lives of the British Saints. L., 1907. Vol. 1. P. 283–285*). Однако нет данных, указывающих на то, что распространение культа Бригиты на этих землях сопровождалось их подчинением общине Келл-Дары. Такие данные сохранились применительно к Шотландии, где центром почитания святой была ц. Абернети. Легенда об основании этой церкви изложена в перечнях пиктских правителей. В годы правления Нехтана в Шотландию прибыла Дарлугдах, аббатиса Келл-Дары, странствовавшая ради Христа. На 2-й год пребывания Дарлугдах в стране пиктов Нехтан подарил Богу и св. Бригите обитель Абернети (*immolavit Nectonius Aburnethige Deo et Sanctae Brigidae presente Dairlugdach*). Далее описываются границы земельных владений Абернети и объясня-

ется причина, по к-рой правитель совершил дарение: некогда он был изгнан братом Друстом и отправился в Ирландию, где попросил св. Бригиту помолиться за него. Святая предсказала ему благополучное возвращение на родину и мирный приход к власти (*Chronicles of the Picts, Chronicles of the Scots / Ed. W. F. Skene. Edinb., 1867. P. 6–7, 28, 399*). В др. версии текста основание Абернети приписывается правителю Гарнальду, сыну Домпнаха (Гартнайту IV — *Ibid. P. 201*).

Историческая компиляция, в составе к-рой сохранился перечень правителей, относится к XII в., но предание скорее всего восходит к более раннему периоду, возможно к IX в. Датировка основания Абернети неясна: если в предании говорится о правителе Нехтане I, описываемые события относятся к 463 г. (за 100 лет до прибытия св. Колумбы в Шотландию). Другие возможные датировки — правление Гартнайта IV (в таком случае церковь основана в 590), Нехтана II (1-я четв. VII в.) или Нехтана III († 729). Источники сведений по истории раннесредневек. Шотландии крайне немногочисленны, поэтому трудно установить степень достоверности и точное значение легенды (*Anderson M. O. The Scottish Materials in the Paris Manuscript, Bib. Nat., Latin 4126 // Scottish Historical Review. 1949. Vol. 28. N 105. P. 35–36; Miller M. The Disputed Historical Horizon of the Pictish King-Lists // Ibid. 1979. Vol. 58. N 165. P. 1–34*). Об аббатисе Дарлугдах не упоминается в ирл. летописях, однако в Житии I св. Бригиты сообщается, что Дарлугдах была воспитанницей святой, после ее кончины возглавила женский монастырь в Келл-Даре и умерла ровно через год после Бригиты (*Vita I S. Brigidae. 96, 113 // ActaSS. Febr. T. 1. P. 132, 134*). Поскольку сведения об основании Абернети и о ее подчинении Келл-Даре в V–VI вв. неисторичны, нек-рые исследователи относили эти события к VII в. (ок. 625 — *Smyth A. P. Warlords and Holy Men: Scotland A. D. 80–1000. Edinb., 1984. P. 82–83*). Независимо от датировки есть основания полагать, что в раннее средневековье Абернети была одной из важнейших церковных общин на земле пиктов. Шотл. историк Уолтер Боуэр († 1449), аббат монастыря Инчколм, ссылаясь на хронику Абернети, утверждал, что

это была главная церковь гос-ва пиктов (*John of Fordun's Chronicle of the Scottish Nation / Ed., transl. W. F. Skene. Edinb., 1872. P. 407*). Долина р. Тей в Вост. Шотландии, где расположена обитель, по-видимому, была центром земель пиктов. В Фортвиоте, поблизости от Абернети, находилась резиденция правителей пиктов, в Скуне — символическая столица и место инаугурации ирл. королей Шотландии (с IX в.). К XII–XIII вв. относятся данные о том, что в Абернети существовала община *Келл Де* (*Fraser J. E. From Caledonia to Pictland: Scotland to 795. Edinb., 2009. P. 134, 228; см. также: Woolf A. From Pictland to Alba: 789–1070. Edinb., 2007. P. 319*).

В позднейших источниках получила развитие легенда об обители Абернети и о пребывании св. Бригиты в Шотландии. Согласно «Книжице о рождении святого Кутберта» (написана ок. 1185 в Дареме или в Мелрозе), св. Бригита вместе со св. *Кутбертом* училась в *Данкелде* у св. Колумбы (*Libellus de nativitate S. Cuthberti. 21–22 // Miscellanea biographica / Ed. J. Raine. L.; Edinb., 1838. P. 78–78*). «Книжица...» отличается фантастичностью изложенных сведений; высказывалось предположение, что эти данные были вымышлены Евгением, еп. Ард-Мора (ныне Ардмор, графство Уотерфорд, Ирландия), к-рый поведал их англ. книжнику (*Sharpe R. Were the Irish Annals Known to a 12th-Cent. Northumbrian Writer? // Peritia. 1983. Vol. 2. P. 137–139*). Согласно Боуэру, св. Бригита с 9 монахинями прибыла в Шотландию по указанию св. Патрикия. Кор. Гартнайт IV подарил ей основанную им обитель Абернети, снабдил земельными владениями и доходами. После возвращения Бригиты в Ирландию 9 дев остались в Абернети, их могила пользовалась почитанием (*John of Fordun's Chronicle of the Scottish Nation. Edinb., 1872. P. 407*). По местному сказанию, о котором упоминал Гектор Боэций (Бойс) в «Истории шотландцев» (1527), в Абернети была похоронена и св. Бригита (*Forbes A. P. Calendars of Scottish Saints. Edinb., 1872. P. 288*). Др. версия приведена в чтениях на день памяти св. Мазоты (2 дек.) в Абердинском бревиарии (1510): родственник св. Бригиты, король пиктов Гартнайт IV, во время войны с бриттами получил откровение, что одержит

победу, если пригласит свякую в Шотландию. Бригита прибыла в сопровождении 9 св. дев и поселилась в Абернети, где построила церковь. Вскоре король и вся его родня приняли там крещение и преподнесли церковь в дар св. Бригите (*Breviarium Aberdonense: Pars Aestiva. L., 1854. Fol. 22–23; Forbes. Kalendars of Scottish Saints. Edinb., 1872. P. 396, 420–421*). Легенда о 9 св. девах получила самостоятельное развитие в шотл. народной традиции (см. ст. *Дональд*).

Отсутствие в ирл. анналах сведений о церковной общине Абернети не позволяет судить о том, входила ли она в состав парухии Келл-Дары, но такая вероятность существует.

В XI в. положение обители Келл-Дара ухудшилось, это было связано гл. обр. с упадком династии О Дунланге. Династия, сохранявшая власть над Лагеном с VII в., распалась на соперничавшие аристократические роды, ее ослабило длительное противостояние врагам, стремившимся подчинить Лаген, — верховным правителям из династии О Нейл, князьям Мумана, скандинавам. В борьбе за господство над Юго-Вост. Ирландией верх одержали правители О Кеннселаг, властвовавшие над Юж. Лагеном (*Byrne. 2001. P. 163, 271–272*). В этот период Келл-Дара подвергалась грабительским набегам соседних князей (1022, 1048, 1116) и становилась местом расправы над политическими противниками (1048). Контроль над церковным поселением оспаривался неск. правящими родами. Во 2-й пол. XI в. здесь попытались закрепиться О Кеннселаг: по летописным данным, правитель Домналл (1070–1075) добился избрания на должность аббатисы своей сестры Гормлат (1072–1112), а в 1098 г. в церковном поселении произошла схватка между родственниками Домналла, в которой погиб правитель Диармад. После этого в Келл-Даре началось противостояние племен О Фаэлан (ветвь династии О Дунланге, утратившая власть над Лагеном в 1018; жили в вост. части совр. графства К., недалеко от г. Нейс) и О Фальге (жили в зап. части графства К.). В 1102 г. в Келл-Даре скончался Мурхертах Слепой, правитель О Конхобар Фальге. Однако после кончины аббатисы Гормлат контроль над Келл-Дарой, по-видимому, перешел к О Фаэлан. В 1127 г. в церковном поселении

произошла схватка за «наследие Бригиты» (*ag cosnum chomhorbuís Bríghde*), после к-рой О Фальге установили контроль над обителью, должность аббатисы заняла их ставленница. Кербалл О Фаэлан и его люди погибли в сражении. В конфликт вмешались О Кеннселаг, т. к. Садб, дочь погибшего Кербалла, была 1-й женой их правителя Диармада Мак Мурхада (ок. 1130–1171). В 1132 г. воины Диармада напали на Келл-Дару, устроили пожар и обезчестили захваченную в плен аббатису. Вероятно, ввиду чрезвычайных обстоятельств обязанности «наследницы Бригиты» были переданы епископу — Кормак О Катасаг († 1145) назван «временным наследником Бригиты» (*comorba Brigde fria ré*; запись в «Хронике ирландцев»). После этого должность аббатисы занимала Мор († 1167), дочь правителя О Конхобар Фальге. Неизвестно, была ли она той самой аббатисой, к-рая вступила в должность после убийства Кербалла О Фаэлана в 1127 г. и была оскорблена людьми Диармада в 1132 г., или же О Фальге вновь удалось посадить в Келл-Даре ставленницу. Тем временем Диармад Мак Мурхада захватил верховную власть над Лагеном и назначил «наследницей Бригиты» свою родственницу Садб (1167–1171) — последнюю аббатису Келл-Дары, о к-рой сохранились сведения. По-видимому, ставленником Диармада был и еп. Малахия О Бран (ок. 1161–1175) (см.: *Flanagan M. T. Strategies of Lordship in Pre-Norman and Post-Norman Leinster // Anglo-Norman Studies, 20: Proc. of the Battle Conference, 1997 / Ed. C. Harper-Bill. Woodbridge, 1998. P. 119–120, 123*).

Хотя Диармаду Мак Мурхада удалось объединить Лаген и прекратить борьбу между местными князьями, это не привело к восстановлению влияния Келл-Дары. Диармад оказывал покровительство родовым церквам О Кеннселаг в Юж. Лагене (напр., Ферна-Мор (ныне Фернс, графство Уэксфорд)) и мон-рям континентальных орденов, к-рые появились в Ирландии в эпоху церковной реформы (XII в.). Именно *григорианская реформа* подвела черту под многовековым процветанием Келл-Дары. Постановлениями Соборов, проведенных сторонниками реформы, были ликвидированы древние привилегии общины св. Бригиты. По решению синода в Рат-Бре-

сале (1111) в Ирландии было основано 2 архиеп-ства (в Ард-Махе и Кашеле) и сформирована система диоцезов по континентальному образцу. В Келл-Даре была учреждена постоянная епископская кафедра, определены границы диоцеза, в состав которого вошли сев.-зап. районы Лагена (*Mac Erlean J. Synod of Ráith Breasail: Boundaries of the Dioceses of Ireland // Archivium Hibernicum. Shannon etc., 1914. Vol. 3. P. 11, 16*). Основанием кафедры, с одной стороны, признавалась значимость церковного поселения Келл-Дара, с другой — был положен конец притязаниям его настоятелей на духовное главенство в обл. Лаген (хотя Кормак О Катасаг († 1145) еще именовался «верховным епископом Лагена» (*airdepscop Laigen*)). Система епископальной иерархии была окончательно сформирована в 1152 г. по решению синода в Кенаннасе, проходившего под рук. папского легата кард. Иоанна Папарона (на синоде присутствовал епископ Келл-Дары Финн О Горман). Для обл. Лаген учреждалась архиепископия с центром в Дублине, в состав новой церковной провинции вошло и еп-ство Келл-Дара. Отмене подлежали привилегии «наследницы Бригиты», противоречившие принципам григорианской реформы. Согласно «Истории понтификов» *Иоанна Солсберийского* (ок. 1163), Иоанн Папарон «среди прочего постановил, чтобы аббатиса святой Бригиты на общественных собраниях впредь не восседала выше епископов, ибо ранее было принято, чтобы они сидели у ее ног» (*Historia Pontificalis // MGH. SS. T. 20. P. 540*; см.: *Flanagan M. T. The Transformation of the Irish Church in the 12th Cent. Woodbridge, 2010. P. 72–73*).

Церковная реформа сопровождалась основанием мон-рей континентальных орденов, этому во многом способствовал Диармад Мак Мурхада. В еп-стве Келл-Дара правитель основал цистерцианский монастырь в Балтинглассе (графство Уиклоу) (1148), пригласив монахов из аббатства Меллифонт. По случаю основания обители Диармад получил благодарственное письмо католич. св. *Бернарда Клервоского*. О земельных пожалованиях, к-рые сделал Диармад, говорится в грамоте англ. кор. Иоанна Безземельного 1185 г. (*Nicholls K. W. The Charter of John, Lord of Ireland, in Favour of the Cistercian Abbey of Baltinglas // Peritia. 1985.*

Vol. 4. P. 187–206). В 1189 г. цистерцианцы из Балтингласса основали мон-рь в Монастеревине, донаторм выступил Диармад О Диумасаг (Дермот О'Демпси), правитель О Фальге. В соседнем еп-стве Лехлин по указанию Диармада Мак Мурхада был построен жен. бенедиктинский монастырь в Килленни, вполн. переданный ордену цистерцианцев (*Flanagan M. T. Strategies of Lordship // Anglo-Norman Studies, 20. Woodbridge, 1998. P. 116*).

К. в составе английской колонии (XII–XVI вв.). В 70-х гг. XII в. большая часть обл. Лаген была захвачена англо-нормандцами во главе с Ричардом де Клэром по прозвищу Стронгбоу («крепкий лук»). К. стал одним из опорных пунктов захватчиков, рядом с церковным поселением построили деревянную крепость. Под 1172 г. в ирл. летописях сообщается о состоявшейся здесь битве англо-нормандцев с О Фальге. В ирл. источниках англо-нормандцев обвиняли в разграблении захваченных церквей. Так, под 1176 г. в анналах говорится, что ирл. святые, в т. ч. св. Бригита, покарали Стронгбоу смертью за разорение их церквей. Согласно «Анналам Тигернаха», причиной смерти предводителя был гнев св. Бригиты, к-рая явилась ему незадолго до кончины. В 1185 г. в свите Иоанна, наследника англ. престола, Ирландию посетил Гиральд Камбрийский, к-рый включил сведения о К. в соч. «Описание Ирландии» (1-я редакция составлена до 1188). Внимание Гиральда привлекали «удивительные вещи» (*mirabilia*), в их описание он нередко вкладывал поучительный смысл. Наиболее подробно он описал чудесный огонь св. Бригиты (*ignis Brigide*), горевший якобы со времени основания обители и не оставлявший очага могли заходить только женщины. Пламя нельзя было раздуть дыханием, но только мехами или веером. Некий лучник из отряда Стронгбоу зашел за ограду и подул на пламя, после чего, как отмечает Гиральд, лишился рассудка и вскоре умер на руках товарищей, испытывая страшную жажду. Др. воин попытался перелезть через ограду, но его удержали. Тем не менее его нога высохла, и он остался калекой. Др. «дивом» К. был сокол, которого называли «птицей святой Бригиты». Он часто прилетал в оби-

тель и подолгу сидел на вершукше церковной башни.

Гиральд подробно сообщает о рукописи Четвероевангелия, миниатюры к-рой были выполнены с удивительным мастерством (с этим опи-

Собор св. Бригиты в Килдэре. XIII–XV, XIX вв.

нием нередко сравнивают «Книгу из Келлса» (см. *Book of Kells*). По преданию, эту рукопись создали по указанию св. Бригиты, иллюстрации были скопированы с образцов, которые мастеру показывал ангел. Некоторые сообщения Гиральда Камбрийского представляют особый интерес. Так, он утверждал, что со времен Бригиты в обители жили 19 монахинь, это число не могло меняться. Вокруг поселения находились обширные луга, «пастбища Бригиты» (*Brigide pascu*). На этих лугах паслись церковные стада, пахать там было запрещено (*Giraldus Cambrensis. Topographia Hiberniae. II 34–39, 48 // O'Meara J. J. Giraldus Cambrensis in Topographia Hibernie: Text of*

Приходская церковь в Ледичепеле близ Селбриджа (графство Килдэр). XIV–XV вв.

the First Recension // *Proc. of the Royal Irish Academy. Sect. C. 1948/1950. Vol. 52. P. 150–152, 154; Giraldi Cambrensis Opera. L., 1867. Vol. 5 / Ed. J. F. Dimock. P. 120–124, 131*).

После укрепления англ. господства К. вошел в состав Пейла (Пэля), вост. части Ирландии, находившейся под контролем королевской администрации и англ. землевладельцев. Значительная часть Лейнстера

была включена во владения семейства Маршал, графов Пемброка, которое способствовало притоку колонистов из Англии и Уэльса, основанию городов, формированию маориальной системы. В этот период

К. стал важнейшим манором в Сев. Лейнстере, здесь был построен замок, вокруг к-рого воз-

ник небольшой город. В XIII в. город стал важным экономическим центром внутренних районов Лейнстера. Ирл. население

вытеснялось в анклав под управлением гэльских вождей. Ирландцы были лишены права занимать высокие церковные должности; епископские кафедры, мон-ри и коллегияльные церкви передавались англичанам. Корнелий Мак-Гелан (1206–1223) был последним ирл. епископом К., после его смерти на кафедру был назначен Ральф из Бристоля (1223–1232). По указанию еп. Ральфа на месте прежнего церковного поселения началось строительство кафедрального собора св. Бригиты.

В сер. XIII в. владения в графстве К. перешли под контроль семейства де Весси (Вески); к этому времени относятся данные об основании мон-рей *нищенствующих орденов*.

По указанию Уильяма де Весси в городе была построена обитель *францисканцев* («Серый мо-

настырь», 1254), ставшая усыпальницей графов К., а также обитель *кармелитов* («Белый монастырь»,

ок. 1290). К 1307 г. относится 1-е упоминание о ц. св. Марии Магдалины с госпиталем.

В кон. XIII в., с ослаблением англ. власти над Ирландией, положение города ухудшилось: ему начали угрожать гэльские и англо-ирл. магнаты. В 1294 г. замок К. был захвачен Ан Калвахом О Конхобаром, предводителем О Фальге, к-рый подверг город разорению. В 1316 г. город

и замок были пожалованы Джону Фицтому Фицджеральду, получившему титул графа К. в благодарности за верность англ. короне во время шотл. вторжения в Ирландию (1315–1318). В это время население города составляло от 1 до 1,5 тыс. чел., после эпидемии «черной смерти» (1348–1350) оно существенно сократилось и продолжало сокращаться в дальнейшем. Важнейшими городами графства стали Нейс и Мейнут.

Несмотря на то что еп-ство К. находилось на территории англ. колонии, большинство клириков были ирландцами. Уровень образования приходского духовенства был невысоким, доходы невелики. В лучшем состоянии находились мон-ри и капитулы коллегиальных церквей. Так, в Нейсе действовали приорат августинцев регулярных каноников во имя св. Иоанна Крестителя, обители доминиканцев и августинцев-еремитов (Archdall. 1876. P. 285–289). Среди крупнейших монашеских общин в еп-стве был августинский приорат во имя Пресв. Девы Марии и св. Давида в Грейт-Коннелле близ г. Ньюбридж, основанный в нач. XIII в. Мейлером Фиц-Генри. Монастырь

Интерьер
собора св. Бригиты
в Килдэре

Грейт-Коннелл отличался особенно строгим отношением к отбору братии (напр., в обитель не принимались ирландцы). Во 2-й пол. XV в. на средства Роланда Фиц-Юстаса, барона Портлестера, был основан мон-рь францисканцев-обсервантов в Килкалене (Ibid. P. 289–291). В 1518 г. на средства графа К. была основана коллегиальная ц. Пресв. Девы Марии в Мейнуте, при которой существовал капитул из 9 клириков (Ibid. P. 282–283). Донаторами мон-рей иногда выступали гэльские вожди, строившие обители на подконтрольных землях. Так, в 1393 г. Мурхад О Конхобар Фальге (Мер-

роу О'Конор Фали) основал францисканский мон-рь в Килли (графство Оффали). К 1395 г. относится упоминание о жен. приорате в К., известном как «дом огня» (Fygehouse de Kyldaria). Вероятно, название было связано с огнем св. Бригиты, о котором упоминал Гиральд Камбийский. В лит-ре встречаются данные о том, что огонь был потушен в 1220 г. по указанию Дублинского архиеп. Генриха Лондонского, но впоследствии вновь зажжен и поддерживался до Реформации (Ibid. P. 277; Cowell. 1897. P. 246; Murphy. 1898. P. 293; Day, Patton. 1932. P. 103). По указанию еп. Эдмунда Лейна (ок. 1492–1513) кафедральный собор был перестроен и расширен, возведены здания для каноников соборного капитула (см.: Lyons. 2000). К началу Реформации в еп-стве К. насчитывалось ок. 60 приходов (согласно перечню XVII в., ок. 80 — Comerford. 1883. P. 236–238, 257–261).

XVI–XXI вв. В связи с ослаблением власти англ. короны в Ирландии возросло влияние семейства Фицджеральд, графов К. Магнаты оберегали колонию от внешних угроз, но в то же время испытывали влияние гэльской культуры, вводили ирл. обычаи и традиц. право. Джеральд, 9-й граф К. (1513–1534), оказывал покровитель-

ство ирл. поэтам и музыкантам, принимал на службу гэльских судей (брегонов), привлекал на свои земли ирл. арендаторов. При поддержке еп.

Э. Лейна граф вступил в конфликт с Дублинским архиеп. Джоном Аленом, к-рый настаивал на возвращении церковных земельных владений, захваченных приближенными графа. В этом споре на стороне архиепископа выступил лорд-канцлер кард. Томас Вули, заинтересованный в ослаблении влияния графа.

Попытки кор. Генриха VIII (1509–1547) ослабить власть Фицджеральдов стали одной из причин восстания Томаса Шёлкового (1534–1536), в к-ром приняли участие представители ирл. духовенства. Подавив восстание, англ. власти конфисковали владения графа К. и его сторонников,

что облегчило проведение Реформации. При наместниках Л. Грее (1535–1540) и Э. Сент-Леджере (1540–1548) в обл. Лейнстер проводилось упразднение капитулов и монашеских общин. В случае добровольной сдачи имущества каноники и насельники мон-рей получали компенсацию, как правило в форме пенсии, поэтому монашеские общины редко оказывали сопротивление. Первым в Ирландии в 1535 г. был закрыт жен. августинский приорат в Грейни (графство Килдэр), однако приоресса Эгидия Уэйл сдала имущество лишь в июле 1538 г. (Archdall. 1876. P. 258–261). Мон-ри францисканцев и кармелитов в К. были закрыты в апр. 1539 г. Еп. Уолтер Уэллзли (1529–1539), который после избрания на кафедру К. сохранил должность приора мон-ря Грейт-Коннелл, пытался спасти обитель от уничтожения. Епископ мотивировал просьбу тем, что в мон-рь никогда не принимались «ирландские мятежники», его насельники просвещали местное население и оказывали гостеприимство королевским чиновникам. Однако после смерти епископа обитель была закрыта (1541) (Ibid. P. 261–267). Конфискованные церковные земли раздавались мелкой англ. аристократии, дворянству (джентри) и колонистам, к-рые должны были поддерживать англ. администрацию и оказывать сопротивление мятежникам. За счет конфискации в графстве К. укрепилась позиция англ. дворянства (Юстасов, Уэллзли, Саттонов и др.).

В 1540 г. кор. Генрих VIII самостоятельно назначил епископа К., отказав кандидатам, предложенным Римской курией. После того как англ. престол заняла католичка Мария I Тюдор (1553–1558), еп. Томаса Ланкастера (1549–1554) сместили по причине вступления в брак. На кафедру был возведен еп. Томас Леве-рус (1555 — ок. 1577), твердый сторонник католицизма. После восстания Томаса Шёлкового Т. Леве-рус поддерживал опальное семейство Фицджеральдов и пытался побудить ирл. вождей к мятежу против англ. короны. За отказ принести присягу кор. Елизавете I Тюдор (1558–1603), как главе Церкви в Англии и Ирландии, он был лишен кафедры; работал школьным учителем, а в последние годы жизни тайно исполнял обязанности католич. епископа в диоцезе К. Распространялись сведения о чудесах, к-рые совершались

на его могиле в Нейсе (*Ware*. 1739. P. 390–391; *Comerford*. 1883. P. 23–28). После смерти Т. Леверуса католич. кафедра не замещалась из-за преследований властей, еп-ством управляли апостольские викарии. В 1606 г. Роберт Лейлор, викарий диоцезов Дублин, К. и Фернс, был арестован за отказ принести присягу королю как главе Церкви и вскоре казнен. После вступления на престол кор. *Карла I* (1625–1649) положение католиков несколько улучшилось, на кафедру К. был назначен провинциал ордена доминиканцев Рош Мак-Гейган (1629–1644), однако после его смерти управление вновь осуществляли апостольские викарии. Несмотря на значительное количество католических приходов (в 1622 – 70 приходов; *Comerford*. 1883. P. 323), диоцез считался бедным. Еп. Марк Форсталл (1676–1683) при поддержке католич. св. Оливера *Планкета*, архиеп. Арма (1669–1681), ходатайствовал перед Папским престолом о передаче под его управление также еп-ства Лехлин. Согласие Римской курии было получено, но в 1680 г. епископ был арестован и скончался вскоре после освобождения. С этого времени католические диоцезы К. и Лехлин управлялись одним епископом.

В 1694 г. население К. составляло ок. 400 чел. Кафедральный собор находился во владении протестантов, католич. капитул бездействовал. У католич. епископа не было постоянной резиденции, богослужения совершались в частных домах, мон-ри были закрыты (*Ibid*. P. 73). Согласно отчету протестантского священника (1731), в приходе К. был католич. молитвенный дом, при котором жил пресвитер и к-рый посещали странствующие монахи-проповедники (*Ibid*. P. 267). Еп. Джеймс Галлахер (1737–1751) жил в скромном крестьянском доме возле болота, где можно было найти укрытие в случае полицейского рейда, богослужения совершались тайно. Воспользовавшись ослаблением гонений, еп. Джеймс Киф (1752–1787) поддержал движение за эмансипацию католиков, принял участие в деятельности т. н. католич. ассоциации (1756). В г. Карлоу был основан колледж св. Патрикия, действовавший в т. ч. как ДС; в нем преподавали философию, богословие, математику, иностранные языки и право (открытие колледжа состоя-

лось в 1793). При еп. Даниеле Делейни (1788–1814) были основаны жен. конгрегация св. Бригиты (бригитинки; 1807) и муж. конгрегация братьев св. Патрикия (братья-патрицианцы; 1808), задачей которых было преподавание основ веры в школах. Признаком растущей свободы католич. Церкви стала возмож-

Собор св. Бригиты в Килдэре. Гравюра. 1835 г.

ность проводить процессии на праздник Тела Христова. В 1800 г. в объединенном еп-стве К. и Лехлин насчитывалось 43 прихода, из них на территории еп-ства К. – 21 приход с 43 храмовыми зданиями, служили 16 священников. В К. действовал мон-рь кармелиток, в Ньюбридже – община доминиканцев (*Ibid*. P. 284–286). Еп. Джеймс Дойл (1819–1834) активно поддерживал движение за эмансипацию католиков, принимал участие в кампании гражданского неповиновения по отмене обязательной десятины в пользу англикан. Церкви, получил известность как религ. полемист. В Карлоу была основана епископская резиденция, построен кафедральный собор Вознесения Богородицы (1828–1833). Возрождение религиозной жизни продолжилось при еп. Фрэнсисе Хейли (1837–1855), который уделял особое внимание строительству церквей и организации школ, основал ряд монастырей, в т. ч. 5 жен. общин ордена Введения во храм Пресв. Девы Марии.

В наст. время кафедру занимает еп. Денис Налти (рукоположен в 2013). В 2011 г. в еп-стве насчитывалось ок. 240 тыс. католиков, в 56 приходах служили 174 священника (из них 68 – члены монашеских орденов). Духовенство диоцеза окомляло 203 образовательных учреждения.

После смещения еп. Т. Леверуса (1559) началась преемственность англикан. епископов К. При еп.

А. Крейке (1560–1564) в результате мошеннической сделки были проданы земельные владения протестант. кафедры (*Ware*. 1739. P. 391). При еп. У. Пилсуорте (1604–1635) были проданы оставшиеся земли. Кафедральный собор пришел в упадок. Во время восстания 1642–1653 гг. в К. велись военные действия, здание кафедрального собора было сильно повреждено (разрушен сев. трансепт и часть башни над средокрестием). Ввиду бедно-

сти кафедры еп. У. Мортон (1681–1705) получил разрешение сохранить доходную должность декана собора Св. Троицы в Дублине, эта привиле-

гия распространялась и на его преемников (как правило, протестант. епископы К. жили в Дублине). Для совершения богослужений была приспособлена алтарная часть средневекового собора (освящена 29 июня 1686), неф и трансепты оставались в руинах. Остатки сев. трансепта были разобраны при строительстве колокольни (1856), к сер. XIX в. рухнула зап. стена собора. После смерти еп. Ч. Линдсея (1846) англикан. кафедра была упразднена, территория включена в архиеп-ство Дублин и Глендалох. Т. Карлейль, посетивший К. в 1849 г., писал, что это «одна из самых диких и убогих деревень... здесь живут одни лишь попрошайки в лохмотьях» (*Carlyle T. Reminiscences of My Irish Journey in 1849*. L., 1882. P. 70).

После принятия англ. парламентом Акта о Церкви Ирландии (1869), по которому англикан. Церковь была лишена гос. статуса, и после выхода Ирландии из состава Соединенного Королевства (1921) количество англикан. приходов значительно сократилось, многие церкви были закрыты. В 1976 г. в англикан. Церкви Ирландии было образовано еп-ство Мит и К., в состав которого включены приходы бывш. еп-ства К. В настоящее время в еп-стве насчитывается 16 приходов, из них 6 – на территории бывш. диоцеза К. В 2013 г. на кафедру назначена П. Стори, 1-я женщина-епископ в англикан. Церкви Ирландии.

Архитектура. От раннесредневеков. церковного поселения Келл-Дара сохранилась т. н. круглая башня (высота 33 м). Возможно, нижняя часть башни, сложенная из тщательно отесанных блоков гранита, осталась от более раннего сооружения (верхняя часть стен построена из известняка). Резьба дверного проема, выполненная в гиберно-романском стиле, дает основание датировать строительство башни XII в. В 30-х гг. XVIII в. коеническое завершение башни заменено плоским с зубцами по периметру. Рядом с кафедральным собором сохранились остатки средневеков. здания, известного как дом огня св. Бригиты. По преданию, здесь горел огонь, о котором в XII в. писал Гиральд Камбрийский, однако датировка и функции здания неизвестны.

Кафедральный собор, построенный в XIII в., — однефный храм с трансептом и башней над средокрестием. Характерная черта его архитектуры — широкие арки над окнами, к-рые опираются на контрфорсы и поддерживают гульбище с зубчатым парапетом (вероятно, арки были сооружены в кон. XV в. и имели оборонительное значение). Собор существенно пострадал после Реформации и к XIX в. фактически лежал в руинах. В соответствии с Актом о Церкви Ирландии содержание собора стало обязанностью прихожан, после этого была выдвинута идея восстановить храм. Проект был разработан архит. Дж. Э. Стритом, получившим известность благодаря реконструкции собора Св. Троицы в Дублине. Учитывая, что от средневеков. здания сохранились боковые стены зап. нефа, юж. рукав трансепта и часть башни над средокрестием, Стрит предложил провести полную реконструкцию храма в стиле неоготики, алтарную часть и другие постройки XVII–XIX вв. следовало разобрать. Проект подвергся критике, его противники указывали, что восстановленный собор фактически будет новым зданием. Тем не менее было принято решение о реконструкции (1875–1896). Работы велись на средства, собранные англичан. духовенством и землевладельцами; перерывы, вызванные недостатком средств, были обусловлены крестьянским движением и беспорядками в стране. Церемонию открытия собора (22 сент. 1896) возглавил Э. Бен-

сон, архиеп. Кентерберийский (*Cowell*. 1897. P. 249–252).

Из-за радикального обновления собор св. Бригиты трудно считать средневеков. зданием. Заново построены хор, сев. трансепт, зап. стена нефа и значительная часть башни, др. части храма подверглись значительной реставрации. Скромное внутреннее убранство относится к XIX–XX вв.; в юж. трансепте сохранились надгробия представителей рода Фицджеральдов (графов К., затем герц. Лейнстерских) и гробница еп. Уолтера Уэллзли († 1539), перенесенная из мон-ря Грейт-Коннелл. Лит.: *Ware J.* History of the Bishops of the Kingdom of Ireland / Ed. W. Harris. Dublin, 1739. P. 379–396; *Cotton H.* Fasti Ecclesiae Hibernicae. Dublin, 1848. Vol. 2. P. 222–264; *Archdall M.* Monasticon Hibernicum, or, A History of the Abbeys, Priors, and Other Religious Houses in Ireland / Ed. P. F. Moran. Dublin, 1876. Vol. 2. P. 248–300; *Comerford M.* Collections Relating to the Dioceses of Kildare and Leighlin. Dublin, 1883; *Sherlock W.* Some Account of St. Brigid, and of the See of Kildare, with Its Bishops. Dublin, 1896; *Cowell G. Y.* St. Brigid and the Cathedral Church of Kildare // J. of the County Kildare Archaeological Society. Dublin, 1897. Vol. 2. N 4. P. 235–252; *Murphy D.* Kildare: Its History and Antiquities // Ibid. 1898. N 5. P. 289–302; *Féire Oengusso Céli Dé = The Martyrology of Oengus the Culdee* / Ed. W. Stokes. L., 1905; *Hail Brigit: An Old Irish Poem on the Hill of Allen* / Ed. K. Meyer. Halle; Dublin, 1912; *Meyer K.* Aed Dub mac Colmáin, Bishop-Abbot of Kildare // Zschr. f. celtische Philologie. Halle, 1913. Bd. 9. S. 458–460; *Kenney.* Sources. P. 356–364; *Day J. G. F., Patton H. E.* The Cathedrals of the Church of Ireland. L., 1932. P. 97–103; *Hughes K.* The Church in Early Irish Society. Ithaca (N. Y.), 1966; *Mac Cana P.* Celtic Mythology. L.; N. Y., 1970; *Connolly S.* The Authorship and Manuscript Tradition of «Vita I Sanctae Brigitae» // Manuscripta. St. Louis, 1972. Vol. 16. N 2. P. 67–82; *idem.* Cogitosus' «Life of St. Brigit»: Content and Value // J. of the Royal Society of Antiquaries of Ireland. 1987. Vol. 117. P. 5–27; *idem.* Vita Prima Sanctae Brigitae: Background and Historical Value // Ibid. 1989. Vol. 119. P. 5–49; *Ó Briain F.* Brigitana // Zschr. f. celtische Philologie. 1977. Bd. 36. S. 112–137; *McCone K.* Brigit in the 7th Cent.: A Saint with Three Lives? // Peritia. Turnhout, 1982. Vol. 1. P. 107–145; *idem.* Pagan Past and Christian Present in Early Irish Literature. Maynooth, 1990; *Paterson J. T. F.* Kildare: The Cathedral Church of Saint Brigid. [Kildare, 1982]; *Sharpe R.* Vitae S. Brigitae: The Oldest Texts // Peritia. 1982. Vol. 1. P. 81–106; *Smyth A. P.* Celtic Leinster: Towards an Historical Geography of Early Irish Civilization, A. D. 500–1600. Blackrock, 1982; *Bray D. A.* The Image of St. Brigit in the Early Irish Church // Études Celtiques. P., 1987. Vol. 24. P. 209–215; *eadem.* Brigit // Medieval Ireland: An Encyclopedia / Ed. S. Duffy. N. Y.; L., 2005. P. 48–49; *Galloway P.* The Cathedrals of Ireland. Belfast, 1992. P. 120–124; *Gwynn A.* The Irish Church in the 11th and 12th Cent. / Ed. G. O'Brien. Dublin, 1992; *Etchingham C.* Church Organisation in Ireland, A. D. 650 to 1000. Maynooth, 1999; *idem.* Kildare before the Normans: «An Episcopal and Conventual See» // J. of the County

Kildare Archaeological Society. 2001. Vol. 19. N 1. P. 7–26; *Charles-Edwards T. M.* Early Christian Ireland. Camb., 2000; *Lyons M. A.* Church and Society in County Kildare, c. 1470–1547. Dublin, 2000; *Bhreathnach E.* Abbesses, Minor Dynasties and Kings in Clericatu: Perspectives of Ireland, 700–860 // Mercia: An Anglo-Saxon Kingdom in Europe / Ed. M. P. Brown, C. A. Farr. L.; N. Y., 2001. P. 113–125; *Byrne F. J.* Irish Kings and High-Kings. Dublin, 2001²; *St. Brigid's Cathedral, Kildare: A History* / Ed. R. Gillespie. Maynooth, [2001]; *Harrington C.* Women in a Celtic Church: Ireland, 450–1150. Oxf., 2002; *Bitel L. M.* Ekphrasis at Kildare: The Imaginative Architecture of a 7th-Century Hagiographer // Speculum. Camb. (Mass.), 2004. Vol. 79. N 3. P. 605–627; *The Patrician Texts in the Book of Armagh* / Ed. L. Bieler. Dublin, 2004²; *Bradley J.* Kildare // Medieval Ireland: An Encyclopedia. 2005. P. 249; *A New History of Ireland*. Oxf.; N. Y., 2005. Vol. 1: Prehistoric and Early Ireland / Ed. D. Ó Cróinín; *Halpin A., Newman C.* Ireland: An Oxford Archaeological Guide. Oxf.; N. Y., 2006. P. 308–312; *Swift C.* Brigid, Patrick, and the Kings of Kildare, A. D. 640–850 // Kildare: History and Society / Ed. W. Nolan, T. McGrath. Dublin, 2006. P. 97–128.

А. А. Королёв

КИЛЕМА́РСКАЯ БОГОРО́ДИЦЕ-СЕРГИ́ИНА В ЧЕСТЬ ЯВЛЕНИЯ ПРЕСВЯТО́Й БОГОРО́ДИЦЫ ПРЕПОДО́БНОМУ СЕРГИ́Ю РАДОНЕЖСКОМУ МУЖСКА́Я ПУСТЫ́НЬ (Йошкар-Олинской и Марийской епархии), находится в дер. Тогашеве Килемарского р-на Республики Марий Эл, на правом берегу р. Рутки.

Основана решением Синода от 19 июля 1999 г. Названа в память

Церковь в честь Явления Пресв. Богородицы прп. Сергию Радонежскому Килемарского мон-ря. Фотография. 2012 г.

нештатного общежительного царёвококшайского Богородице-Сергиевского жен. мон-ря, учрежденного в 1886–1888 гг. по благословению Казанских архиеп. Палладия (Раева) и Павла (Лебедева) при приходском храме в честь Входа Господня в Иерусалим (сер. XVIII в.) г. Царёвококшайска (ныне Йошкар-Ола).

По преданию, в 1552 г. в окрестностях буд. обители останавливался один из отрядов царя *Иоанна IV Васильевича* Грозного, направлявшийся в Казань. Весной 1997 г. на берегу р. Рутки началось строительство мон-ря. В авг. 1998 г. состоялся первый за 70 лет крестный ход в Марийской епархии. Из Вознесенского собора г. Йошкар-Олы в строящуюся пустынь была перенесена икона «Явление Пресв. Богородицы прп. Сергию Радонежскому» – святыня, сохранившаяся после разорения в нач. 20-х гг. XX в. Царёвококшайского мон-ря.

Богослужения совершаются в ц. Явления Божией Матери прп. Сергию Радонежскому, возведенной в традициях рус. деревянного зодчества (9-главый храм, центральный объем восьмерика венчает глава). При настоятельском корпусе устроена небольшая деревянная ц. в честь Усекновения главы св. Иоанна Предтечи. В пустыни имеются также деревянные братский и трапезный (со звонницей) корпуса, хозяйственный двор, а также ограда со св. воротами, угловыми башнями и привратными постройками, обложенными кирпичом. Среди святынь К. п. особо почитаются икона «Явление Пресв. Богородицы прп. Сергию Радонежскому», украшенная золотыми и серебряными привесами, Иверская икона Божией Матери (Афон, 1905) и «Усекновение главы Иоанна Предтечи». В 2003 г. в К. п. была привезена частица мощей свт. *Нектария Эгинского*.

В нач. 2013 г. в К. п. проживали ок. 10 насельников, наместник архим. Давид (Кораблёв), пострижник *Троице-Сергиевой лавры*. Братия занимается издательской деятельностью: готовят к печати книги, выполняют переводы с греч. языка трудов совр. афонских подвижников. Стараниями иноков К. м. изданы письма старца Иосифа, духовника мон-ря *Ватопед*. По благословию святогорцев на греч. язык переведено Житие прп. Сергия Радонежского. Этот перевод был передан игумену Ватопедского мон-ря для издания. В 2007 г. в К. м. был переведен труд архим. Василия (Гондикакиса) «Входное: Элементы литургического опыта таинства единства в Православной Церкви».

Арх.: ЦНЦ.

Лит.: Денисов. С. 258; ЖМП. 1999. № 8. С. 10; Русские мон-ри: Поволжье. Новомосковск; М., 2003. С. 476–491.

КИЛИАН [лат. Kilianus, Chilianus; нем. Kilian] († 689?), мч. (пам. зап. 8 июля), почитается как христ. просветитель обл. Франкония и св. покровитель города и католического еп-ства Вюрцбург (Германия).

Источники. Основные сведения о К. содержатся в 2 Мученичествах – кратком (BHL, N 4660) и пространном (BHL, N 4661). Датировка краткого Мученичества (изд.: *Passio Kiliani martyris Wirzburgensis // MGH. Scr. Mer. T. 5. P. 722–728*) остается предметом дискуссии. Согласно

Мч. Килиан.
Витраж в ц. св. Килиана
в Хайльбронне. XV в.

В. Левизону и А. Вендехорсту, оно было составлено ок. 840 г. (Ibid. P. 713; *Wendehorst*. 1982. S. 320–322), по мнению Ф. Эммериха и А. Бигельмайра – после открытия мощей К. в 752 г. (*Emmerich*. 1896; *Bigelmair*. 1952), с т. зр. Й. Динеманна – после перенесения мощей святого в 788 г. (*Dienemann*. 1955. S. 111–113). Х. В. Гётц предложил датировать краткое Мученичество рубежом VIII и IX вв. (*Goetz H.-W. Die Viten des hl. Kilian // Kilian: Mönch aus Irland. Münch., 1989. S. 287–288*; об аргументах в пользу ранней датировки также см.: *Sprandel*. 1992). Самая ранняя рукопись краткого Мученичества относится к кон. IX в. (St. Gallen Stiftsbibliothek. 566. P. 212–219). Пространное Мучени-

чество К. составлено, вероятно, во 2-й пол. IX в. (напр.: *Schäferdiek*. 1994. S. 315–316; изд.: *Passio maior S. Kyliani et sociorum eius // Emmerich*. 1896. S. 11–25).

По мнению большинства исследователей, основой для краткого Мученичества К. послужило предание о христ. проповедниках, убитых в Вюрцбурге по указанию франк. дукса (наместника) Гоцберта (Гозберта). К ранней устной традиции могли восходить имена проповедников и данные об их ирл. происхождении (этими сведениями ограничивается краткая заметка о К. в *Мартирологе Рабана Мавра* (40-е гг. IX в.) – St. Gallen Stiftsbibliothek. 457. P. 88–89). Агиограф также мог использовать предания о хранившихся в Вюрцбурге реликвиях (рукопись Евангелия и др.), к-рые связывались с памятью о мучениках (*Schäferdiek*. 1994). В кратком Мученичестве заметно влияние франк. агиографии и церковно-политических реалий VIII в. К. представлен как апостол вост. франков (в пространном Мученичестве – «тевтонской Франкии»), 1-м проповедовавший христианство во франк. Тюрингии, предшественник св. *Бонифация* (Винфрида). Сведения о путешествии К. в Рим скорее всего вымышлены с целью уподобить его деятельность миссии св. Бонифация, к-рая велась при поддержке Папского престола. Дукс и население Вюрцбурга представлены в Мученичестве язычниками, что вряд ли справедливо для Тюрингии эпохи поздних Меровингов, несмотря на отсутствие в этом регионе сложившейся церковной организации. Дукс Гоцберт показан в Мученичестве слабым правителем, косвенно виноватым в гибели К., за что его род (династию Хеденов) постигла Божия кара. Мотив убийства епископа-проповедника по воле злой женщины, восходящий к евангельскому повествованию о гибели св. Иоанна Крестителя, содержится также в Житии св. Корбиниана, составленном Арбеоном Фрайзингским († 783) (св. *Корбиниан* заставил баварского дукса Гримоальда развестись со вдовой брата Бильтрудой, которая затем попыталась организовать убийство епископа). Житие св. Корбиниана послужило основным лит. образцом для краткого Мученичества К. (напр.: *Schäferdiek*. 1994. S. 333–334, 339; *Wood*. 2001. P. 161, 167), среди др. образцов исследова-

тели называли Житие св. Бонифация, написанное Виллибальдом (ок. 760) (VHL, N 1400), и раннее Житие св. Аманда (VHL, N 332).

Согласно краткому Мученичеству, живший в Ирландии еп. Киллена, также именовавшийся Килиан, покинул родину, чтобы странствовать ради Христа. Его сопровождали пресвитеры Колонат, Галлон и Арнувал, диак. Тотнан и еще 7 чел. Они пришли на землю восточных франков, в крепость Вюрцбург, где у власти был дукс Гоцберт, сын Хетана Старшего, сына Хруоды. Правитель и жители области не знали истинного Бога и поклонялись идолам. К. решил посетить папу Римского *Иоанна V* (685–686) и получить его разрешение на проповедь язычникам. Прибыв в Рим, миссионеры обнаружили, что Папский престол после смерти Иоанна V занял *Конон* (686–687). Выслушав просьбу К., понтифик разрешил ему и его спутникам проповедовать христианство и учить народ (*licentiam et potestatem praedicandi et docendi*). На обратном пути проповедники расстались; с К. в Вюрцбург вернулись только пресв. Колонат и диак. Тотнан (в пространном Мученичестве — Коломанн и Тотманн). Дукс Гоцберт, выслушав миссионеров, уверовал во Христа и принял крещение со всеми подданными. Спустя некоторое время К. стал уговаривать правителя оставить супругу Гейлану, вдову его брата, на к-рой, по языческому обычаю, был женат Гоцберт. Правитель согласился расторгнуть брак, противоречивший каноническим правилам, но недовольная таким поворотом дел Гейлана решила погубить К. Ночью, когда проповедники молились, посланный ею палач отрубил им головы. Тела К. и его спутников были похоронены тайно, в могилу положили принадлежавшие мученикам облачения, крест, Евангелие и ларец для Св. Даров (*сарса*). По преданию, место, где были погребены мученики, в любую погоду оставалось сухим, и через много лет их тела и вещи были обретены нетленными. Случайной свидетельницей убийства стала некая Бургунда, которая впосл. поведала об этом людям. Когда Гоцберт поинтересовался, где проповедники, Гейлана ответила, что не знает. Но палач, к-рый казнил мучеников, впал в буйное помешательство, выкрикивая, что его жжет огнем К. Собрав людей, Гоц-

Мученичество Килиана.
Миниатюра
из «Эльзасской Золотой Легенды».
1419 г. (Universitätsbibliothek Heidelberg.
Palat. germ. 144. Fol. 14v)

берт стал выяснять, что произошло, и один из присутствующих по наущению Гейланы предложил дуксу освободить безумца и т. о. проверить всемогущество христианского Бога: если преступление останется безнаказанным, можно будет отречься от Христа и вернуться к поклонению языческой богине Диане. Когда безумца освободили, он стал корчиться в судорогах, скрежетать зубами и вскоре умер. Затем Гейланой овладел нечистый дух, и она до самой смерти страдала от помешательства; Гоцберта убили собственные слуги, а его сына Хетана отстранили от власти, и правящий род пресекался. Спустя годы на могиле мучеников стали совершаться чудесные исцеления, к ней стекались больные и страждущие. По благословиению папы Римского *Захарии* (741–752) и при помощи св. Бонифация мощи святых были открыты 1-м Вюрцбургским еп. *Бурхардом* (742–753).

Пространное Мученичество К. отличается от краткого наличием пролога, риторическим стилем изложения (введены или расширены речи персонажей, добавлены цитаты из Свящ. Писания и аллюзии на него), уточнением нек-рых деталей (знатное происхождение К., его прилежность в учебе, отвержение им мирской учености ради следования за Христом, аскетические подвиги и др.). Согласно пространному Мученичеству, в Ирландии якобы была распространена пелагианская ересь и К. стремился встретиться с папой Римским, чтобы понтифик очистил его от возможных обвинений. В числе спутников К. названы св. *Колумбан*, к-рый на обратном пути из Рима

остался в Италии, и св. *Галл*, поселившийся в Алеманнии. О приближении смерти К. предупредил ангел, тела мучеников похоронила Бургунда, тогда как Гейлана, чтобы скрыть могилу, велела построить на этом месте конюшню. Добавлено повествование о том, как св. Бонифаций узнал о подвиге мучеников и решил основать епископскую кафедру в месте, где они приняли смерть. Св. Гертруда († 659), скрываясь от отца, принуждавшего ее вступить в брак, прибыла в Германию и основала монастырь Пресв. Девы Марии в крепости Карлбург (в черте г. Карлштадт). Она оставила там пресв. Аталонга и диак. Бернарда. Пресв. Аталонг, сначала не веривший в святость К., получил подтверждение ее чудодетственной силы и сообщил об этом св. Бонифацию. Мученичество завершается рассказом о том, как св. Бурхард, назначенный св. Бонифацием на Вюрцбургскую кафедру, открыл мощи мучеников и выставил их для поклонения.

Возможно, в составлении пространного Мученичества К. принял участие ирл. книжник (известно о присутствии ирландцев в Вюрцбурге в VIII–IX вв.). На это указывает ошибочный перевод имени К., к-рое якобы связано с литургической чашей (ирл. *cailech*; по-видимому, автор полагал, что «верное» ирл. имя К. — Келлах). В действительности имя К. является латинизированной формой ирл. имени Киллене (*Cilléne*; в кратком Мученичестве — *Killena*). Ирл. эквиваленты имен Колоната (Коломанна) и Тотнана (Тотманна) не столь очевидны, вероятно Колман (*Colmán*; так в рукописи Иеронимова Мартиролога из Райхенау) и Доннан (*Donnán*).

К краткой и пространной редакциям Мученичества К. восходят более поздние агиографические тексты о святом: сказания в каролингских «исторических» мартирологах, гомилии XII в., метрическое Мученичество, составленное в сер. XIV в. Иоанном из Лаутербаха, богослужбные тексты из Вюрцбурга (изд.: *Emmerich*. 1896. S. 45–60) и др.

Почитание. Возникновение и распространение почитания К. исследователи связывают с основанием в 742 г. епископской кафедры в Вюрцбурге и возведением на нее англосакса Бурхарда, помощника св. Бонифация. И в краткой и в пространной редакции Мученичества К. говорится

об открытии и о перенесении мощей К., Колоната и Тотнана по инициативе Бурхарда. Об этом сообщается и в более поздних Житиях Бурхарда. В 1-м Житии (составлено скорее всего в связи с перенесением мощей еп. Бурхарда в 986) подчеркивается, что благодаря К. Вюрцбург стал 1-м в зарейнской Германии городом, просвещенным христ. учением и освященным кровью мучеников (*Vita antiquior sancti Burchardi episcopi*. 6 // *Die Lebensbeschreibungen Bischof Burchards von Würzburg* / Hrsg. D. Barlava. Hannover, 2005. S. 112–113. (MGH. Script. Ser. Germ.; 76)). Во 2-м Житии Бурхарда, составленном, вероятно, Эккехардом из Ауры († ок. 1125), об этом рассказывается более подробно: после обретения мощи 3 года хранились в жен. мон-ре на горе Мариенберг, затем были помещены в кафедральном соборе Спасителя (*Vita posterior sancti Burchardi episcopi*. II 6–7 // *Ibid.* S. 167–171). Перенесение мощей К., Колоната и Тотнана скорее всего состоялось 8 июля 752 г. (о дате события см.: *Wendehorst A. Das Bistum Würzburg*. B., 1962. Tl. 1: *Die Bischofsreihe bis 1254*. S. 22–23. (*Germania Sacra*. N. F.; 1)).

Самое раннее датированное упоминание о К. содержится в календаре Евангелиария Годескалька, где под 8 июля указана память «святых мучеников епископа Килиана с его товарищами» (*Sanctorum martyrum Cilian episcopi cum sociis suis* — ркп.: Paris. lat. Nouv. acq. 1203. Fol. 123; изд.: *Karls des Grossen Kalendarium und Ostertafel* / Hrsg. F. Piper. B., 1858. S. 26). Евангелиарий был написан между 781 и 783 гг. в придворном скриптории в Ахене по указанию *Карла Великого* и его супруги Хильдегарды. Из герм. святых в календаре указаны только К. и Бонифаций (5 июня). Это дает основание полагать, что почитание К. пользовалось особым вниманием короля франков. В поминальной книге аббатства св. Петра в Зальцбурге, составление к-рой началось по указанию св. Виргилия († 784), упомянут «епископ Келлах», но его тождество с К. не установлено (*Killach episcopus* — MGH. *Necrologia Germaniae*. B., 1904. T. 2: *Dioecesis Salisburgensis*. P. 26). В грамотах из архива аббатства Санкт-Галлен, датированных 759 и 762 гг., упоминаются церковь и монастырь в честь исп. Килиана (Гиллиана), но скорее всего имеется

в виду др. святой со схожим именем (*Urkundenbuch der Abtei Sanct Gallen* / Hrsg. H. Wartmann. Zürich, 1863. Tl. 1. N 24, 33).

Поминовение К. значится в некрологе, приложенном к вюрцбургской копии *Мартиролога Беды* Достопочтенного (ркп.: *Würzburg. Universitätsbibl. M.p.th.f.* 49, сер. IX в.), а также в календарях IX в. из Лорша (DA. 1897. Bd. 22. S. 764), Прюма, Райхенау, Санкт-Галлена, Фульды, Эссена и др. Краткая заметка о К. включена в *Мартиролог Рабана Мавра* (40-е гг. IX в.). Память святого указана в стихотворном *Мартирологе*, составленном до 850 г. *Вандальбертом Прюмским* (MGH. *Poet.* T. 2. P. 589), а также в редакции *Иеронимова Мартиролога*, представленной в рукописи из Райхенау (Zürich. Zentralbibliothek. Rh. hist. 28; IX в.; *MartHieron.* P. 88). Поминовение К. внесено в *Мартиролог Узуарда* (*MartUsuard* // PL. 124. Col. 237–238); имя святого значится в т. н. литании *Людовика Немецкого* (Лорш, ок. 850; *Frankfurt am Main. Stadt- und Universitätsbibliothek.* Barth. 179). В грамоте имп. *Людовика Благочестивого* от 2 апр. 822 г. кафедральный собор в Падерборне назван ц. Приснодевы Марии и К. (*Böhmer. Reg. Imp.* 1. Bd. 1. T. 1. N 753; PL. 104. Col. 1111), до наст. времени собор посвящен Деве Марии, святым *Либорию* и К.

В ирл. *Мартирологе* из *Тамлахты* (1-я пол. IX в.) под 8 июля указано поминовение «св. мученика Келиана, ирландца, с братьями *Аэдом* и *Тадгом* и *Амармой*, супругой царя *Готского*, убитых [или: убитого] начальником царского двора на ристалище царского дворца» (*Sancti Cilian Scotti martiris cum suis fratribus Aed & Tadg et Amarma coniuge regis Gothorum truncati a preposito domus regiae in ippodoronia palatii regii*). Происхождение этой версии легенды о К. не находит убедительного объяснения. Под 23 окт. в *Мартирологе* указано поминовение «Килиана, сына *Доднана*; св. *Колмана*» (*Cilliani meic Doidnain. Colmani sancti* — *The Martyrology of Tallaght* / Ed. R. I. Best, H. J. Lawlor. L., 1931. P. 54, 83). По-видимому, это запись о памяти К., Колоната и Тотнана, искаженная и перемешанная на др. дату. *Аббат Мариан Горман* в составленном им метрическом *Мартирологе* (2-я пол. XII в.) указал под 8 июля память святых *Келе* *Клере-*

ха (очевидно, К.), *Аэда* и *Тадга* (*Fé-lire Húi Gormáin: The Martyrology of Gorman* / Ed. W. Stokes. L., 1895. P. 132–133; см. также: *[O'Clery M.] The Martyrology of Donegal: A Calendar of the Saints of Ireland* / Ed. J. H. Todd, W. Reeves. Dublin, 1864. P. 190–191). (О поминовении К. в календарях и *мартирологах* IX–X вв. также см.: MGH. *Scr. Mer.* T. 5. P. 712–713; *Quentin.* 1908. P. 18–23; *MartRom.* Comment. P. 276–277.)

Центром почитания К. оставался г. Вюрцбург. В описании Вюрцбургской марки, составленном посланником (*missus*) *Эбурхардом* предположительно в 779 г., говорится о «церковных владениях св. Килиана» (*chirihahha sancti Kilianes* — *Die kleineren althochdeutschen Sprachdenkmäler* / Hrsg. E. von Steinmeyer. B., 1916. S. 116). *Покорив Баварию*, *Карл Великий* посетил Вюрцбург, где 8 июля 788 г. «отпраздновал перенесение святого мученика Килиана» (*Annales Maximiani* // MGH. SS. T. 13. P. 21). Рождество 793 г. король франков также провел в Вюрцбурге «у святого Килиана» (*Annales Regni Francorum inde ab a. 741 usque ad a. 829* / Ed. F. Kurze. Hannover, 1895. P. 94–95. (MGH. *Script. Ser. Germ.*; 6); *Annales Mosellani* a. 704–797 // MGH. SS. T. 16. P. 498).

Мощи К. хранились в кафедральном соборе, построенном скорее всего при еп. *Беровельфе* (768/9–800). О базилике Спасителя и о почивавших в ней останках мучеников говорится в грамотах *Карла Великого* (подложная датирована 788 г.: MGH. *Dipl. Kar.* T. 1. N 246; подлинный документ 807 г.: *Ibid.* N 206) и в дарственной *Амальбирги* храму Спасителя (800; см.: *Johaneck P. Die Gründung von St. Stephan und Neumünster und das ältere Würzburger Urkundenwesen* // *Mainfränkisches Jb. f. Geschichte u. Kunst. Würzburg*, 1979. Bd. 31. S. 33–34). В июне 855 г. собор загорелся от удара молнии, но клирики успели вынести из храма мощи К. и др. ценности. В том же году в день памяти К. остатки сгоревшего собора были разрушены бурей (*Annales Fuldenses sive Annales Regni Francorum Orientalis* / Ed. F. Kurze. Hannover, 1891. P. 45. (MGH. *Script. Ser. Germ.*; 7)). Еп. *Арн* (855–892) восстановил кафедральный собор на новом месте и поместил в храме мощи мученика. К нач. XI в. собор именовался не только в честь Спасителя, но и в честь К., Колоната и Тотнана

(Wendehorst A. *Das Bistum Würzburg*. В., 1962. Тл. 1. S. 86–87). При еп. Бруно (1034–1045) на его месте началось строительство одного из крупнейших в Германии романских храмов, образцом для которого послужил собор в Шпайере (3-нефная базилика с трансептом и криптой под хором, зап. фасад и алтарная часть

Крипта в соборе св. Килиана в Вюрцбурге. XI–XII вв.

фланкированы 4 башнями). Строительные работы были завершены при еп. Адальбероне (1045–1090), но в посл. собор перестраивался и приобрел окончательный вид лишь к сер. XIII в. Наиболее существенные работы по реконструкции храма проводились в нач. XVIII в. (барочное оформление интерьера) и в 1879–1895 гг. (неороманский фасад). Собор был сильно разрушен в марте 1945 г., полностью утрачено внутреннее убранство. Восстановление храма завершено в 1967 г. В главном

Святые Килиан, Колонат и Тотнан. Скульптуры в ц. Ноймюнстер в Вюрцбурге. Мастер Х. Шистль (копии с работ нач. XVI в. Т. Рименшайдера)

алтаре собора находится реликварий с главами К., Колоната и Тотнана. До 1803 г. в б-ке соборного капитула хранился т. н. Евангелиарий Килиана, выполненный в Галлии в VI–VII вв. (Würzburg. Universitätsbibliothek. M.p.th.q. 1a).

На месте 1-го собора, разрушенного в 855 г., был воздвигнут т. н. Новый мон-рь (Ноймюнстер), с XI в. —

коллегиальная церковь. По средневек. преданию, храм находился либо на месте гибели мучеников, либо на месте их первоначального захоронения. Церковь в романском стиле была построена после основания капитула при еп. Адальбероне (перестроена в стиле барокко на рубеже XVII и XVIII вв. (зап. фасад, купол, оформление интерьера), пострадала от бомбежки 16 марта 1945, восстановлена к 1950). В XII в. храм был посвящен К., позд-

нее — ап. Иоанну, т. к. в честь К. был назван расположенный поблизости кафедральный собор (Wendehorst. 1989. S. 47–48). В крипте храма находилась гробница с мощами К., Колоната и Тотнана и каменный саркофаг, в котором, по преданию, некогда почивали останки К. Особым почитанием пользовался колодец, водой из которого святой, по легенде, крестил дукса Гоцберта.

В средние века К. почитался как покровитель еп-ства Вюрцбург и церковного княжества Вюрцбургских епископов, изображение мученика помещали на печатях (напр., на городской печати Вюрцбурга 1319 г.), монетах и знаменах. В наст. время К. считается также покровителем исторической обл. Франкония и г. Хайль-

бронн. Память святого указана в Римском Маттирологе, поминовение совершается в архиеп-стве Падерборн (25 марта — перенесение мощей К.), еп-стве Фульде и др. католич. диоцезах Германии и Австрии, в т. ч. в еп-стве Эрфурт, покровителем которого считается К. (вместе со св. Бонифацием и со св. Елизаветой Тюрингской).

Почитание К. существует также в Ирландии. Считается, что он род. в сел. Мулла (графство Каван), где

сохранились руины церкви и источник св. Келлаха. Сведения об отождествлении св. Келлаха и К. восходят к 1715 г., в нач. XIX в. засвидетельствован обычай отмечать храмовый праздник 8 июля. В XIX в. почитание К. получило распространение в Ирландии, во имя святого было освящено неск. католич. храмов (O'Hanlon. [1872]. P. 140–141; Ó Fiaich. 1989. P. 65–68).

Ранняя иконография К. представлена циклом миниатюр в рукописи Мученичество Киприана и Маргариты, выполненной в Фульде в посл. четв. X в. (Hannover. Niedersächsische Landesbibliothek. Ms. I 189). Наиболее известны изображения святого в епископском облачении с посохом в левой руке и мечом (орудие мученичества) в правой (резной заалтарный образ работы Х. Зейфера в ц. св. Килиана в Хайльбронне (1498); бюсты К., Колоната и Тотнана работы Т. Рименшайдера (ок. 1460–1531) в ц. Ноймюнстер в Вюрцбурге (оригиналы утрачены в 1945)).

Ист.: BHL, N 4660–4663; ActaSS. Iul. T. 2. P. 599–619; MGH. Scr. Mer. T. 5. P. 711–728; MartRom. Comment. P. 276–277. Лит.: O'Hanlon J. *Lives of the Irish Saints*. Dublin, [1872]. Vol. 7. P. 122–143; Emmerich F. *Der heilige Kilian, Regionarbischof und Martyrer: Historisch-kritische Dargestellt*. Würzburg, 1896; Riezler S. *Die Vita Kiliani* // DA. 1903. Bd. 28. S. 232–234; Quentin H. *Les martyrologues historiques du Moyen Âge*. P., 1908². P. 18–23, 235, 238; Kenney. Sources. P. 512–513; Bigelmair A. *Die Passio des hl. Kilian und seiner Gefährten* // Heribopolis Jubilans: 1200 Jahre Bistum Würzburg: FS zur Säkularfeier der Erhebung der Kiliansreliquien. Würzburg, 1952. S. 1–25; Merzbaucher F. *Zur Rechtsgeschichte und Volkskunde der Würzburger Kiliansverehrung* // Ibid. S. 27–56; Gwynn A. *Ireland and Wurzburg in the Middle Ages* // Irish Ecclesiastical Record. Ser. 5. Dublin, 1952. Vol. 83. P. 401–411; idem. *New Light on St. Kilian* // Ibid. 1957. Vol. 88. P. 1–16; Hennig J. *Ireland and Germany in the Tradition of St. Kilian* // Ibid. 1952. Vol. 83. P. 21–33; Dienemann J. *Der Kult des heiligen Kilian im 8. und 9. Jh.* Würzburg, 1955; Gordini G. D. *Chiliano, Colomano e Totnana* // BiblSS. Vol. 3. Col. 1237–1238; Wendehorst A. *Die heiligen Kilian, Kolonat und Totnan* // Bavaria Sancta: Zeugen christlichen Glaubens in Bayern. Regensburg, 1970. Bd. 1. S. 89–106; idem. *Die Iren und die Christianisierung Mainfrankens* // Die Iren und Europa im früheren Mittelalter / Hrsg. H. Löwe. Stuttgart, 1982. Bd. 1. S. 319–329; idem. *Das Bistum Würzburg*. В. 1989. Das Stift Neumünster in Würzburg. Тл. 4: (Germania Sacra. N. F.; 26); Ó Fiaich T. *St. Kilian: His Irish Background and Posthumous Influence* // Seanchas Ardmhacha. 1989. Vol. 13. N 2. P. 61–80; St. Kilian: 1300 Jahre Martyrium der Frankenapostel / Hrsg. K. Wittstadt. Würzburg, 1989. (Würzburger Diözesan-Geschichtsblätter; 51); Walter L. K. *St. Kilian: Schriftumsverzeichnis zu Martyrium und Kult der Frankenapostel und zur Gründung des Bistums Würzburg*. Würzburg, 1989; Wittstadt K. *Sankt Kilian:*

«Киликовский» крест.
Рубеж XV и XVI вв.
(ВГИАХМЗ)

Leben, Martyrium, Wirkung. Würzburg, 1984; Kilian: Mönch aus Irland aller Franken Patron / Hrsg. J. Erichsen, E. Brockhoff. Münch., 1989; Petersohn J. Zur geographisch-politischen Terminologie und Datierung der Passio maior sancti Kiliani // Jahrbuch f. fränkische Landesforschung, Neustadt, 1992. Bd. 52. S. 25–34; Sprandel R. Kilian und die Anfänge des Bistums Würzburg // Würzburger Diözesan-Geschichtsblätter. 1992. Bd. 54. S. 5–17; Schäferdiek K. Kilian von Würzburg: Gestalt und Gestaltung eines Heiligen // Iconologia Sacra: Mythos, Bildkunst und Dichtung in der Religion- und Sozialgeschichte Alteuropas: FS f. K. Hauck zum 75. Geburtstag / Hrsg. H. Keller, N. Staubach. B.; N. Y., 1994. S. 313–340; Flachenecker H. Der Bischof und sein Bischofsitz: Würzburg – Eichstätt – Bamberg im Früh- und Hochmittelalter // RQS. 1996. Bd. 91. S. 148–181; Усков Н. Ф. Христианство и монашество в Зап. Европе раннего средневековья: Германские земли II/III – сер. XI в. СПб., 2001. С. 161–162; Wood I. N. The Missionary Life: Saints and the Evangelization of Europe, 400–1050. Harlow, 2001. P. 160–162; Leng R. Ein Würzburger Nekrolog aus dem 9. Jh. // DA. 2007. Bd. 63. S. 1–40.

А. А. Королёв

«КИЛИКОВСКИЙ» КРЕСТ, запрестольный выносной 8-конечный крест (160×89,5×8,5 см) из вологодского Спасо-Прилуцкого монастыря; в наст. время — в собрании ВГИАХМЗ. Украшен окладом из медной позолоченной басмы, деревянная основа креста на обеих сторонах прорезана углублениями-нишами, в к-рые вставлены костяные пластины с резными изображениями (сюжетные композиции, фигуры святых, поясные и в рост — всего более 80). Временем создания К. к. принято считать 1-ю пол. XVI в. Костяные пластины на К. к. были собраны в процессе его создания. Нек-рые пластины, видимо, появились во время разновременных поновлений, даты к-рых установить не представляется возможным. Часть утраченных изображений была восполнена в ходе научной реставрации (напр., композиция «Предста Царица» на оборотной стороне в 1999).

На кресте нет вкладной надписи, большинство подписей к фигурам, за исключением тех, что были вырезаны вместе с изображениями, не сохранились. В опубликованных монастырских документах XVI–XVII вв. К. к. легко узнать по описанию и местоположению: в 1593 и 1688 гг. он упомянут за престолом как крест «выносной болшей», резной из «рыбина зубицы» (моржовая или слоновая кость) в металлическом окладе, украшен изображениями Распятия, праздников, пророков и «иные многие святые»; никаких свя-

зей с именем основателя монастыря эти описания не дают. Происхождение креста из Киликии (область в М. Азии), отразившееся в названии, представляется легендарным. Предание о привозе запрестольного креста из Киликии и о передаче его в дар вел. кн. Димитрию Донским прп. Димитрию Прилуцкому существовало в кон. XIX в. и было закреплено в историко-краеведческой лит-ре в нач. XX в. (Лукомский Г. К. Вологда в ее старине. СПб., 1914. С. 249; сомнение в ее достоверности было высказано Г. И. Вздорновым — см.: Вздорнов. 1972. С. 82–83).

Предположение о появлении К. к. после казанских походов Иоанна IV Васильевича Грозного 50-х гг. XVI в. опирается на монастырское предание, вошедшее в Житие прп. Димитрия Прилуцкого (Вологодского). Одному из заболевших братьев во время строительства 3-го деревянного здания монастырской церкви было видение, что сам прп. Димитрий Прилуцкий участвует в работе. Когда по завершении строительства получивший исцеление монах подумал, что хорошо бы увидеть рядом с новой церковью ее основателя, ему был голос: «Димитрия ли ищешь? Ныне чудотворец Димитрий в Казани». Далее упоминается, что летом того же года войска вел. кн. Московского были в походе у Казани и в тот день, когда иноку было явление преподобного основателя, «явилась в Руси великая помощь над неверными» (Жизнеописание достопамятных людей земли Русской: X–XX вв. / Сост.: С. С. Бычков. М., 1992. С. 135;

Украинская. 1990. С. 52). Житие прп. Димитрия, известное в неск. редакциях, основано почти целиком на устных сведениях преемников святого (Украинская Т. Н. Житие Димитрия Прилуцкого // СККДР. Вып. 2. Ч. 2. С. 259–260); сведения о построении 3-й соборной церкви находятся в сводной редакции Жития, известной уже в кон. XV в. по рукописям (Она же. 1990. С. 14) и произведениям иконописи (житийная икона прп. Димитрия Прилуцкого письма мастера Дионисия (80-е гг. XV в.—1503, ВГИАХМЗ; см.: Украинская. 1990. С. 18). Отсутствие царского титула в тексте указывает на то, что он посвящен событиям до 1547 г.; походы Московских вел. князей на Казань были частыми уже в 80-х гг. XV в., когда их цель состояла в поддержке промосковской местной элиты. Начатый весной 1487 г. поход вел. кн. Иоанна III Васильевича на Казань сопровождался осадой и завершился сдачей города 9 июля. Новым царем был поставлен хан Мухаммед Эмин («Магмедамин»), а побежденный хан Али («Алегам»), его жены и сыновья были вывезены на Русь в вологодские мон-ри. Нек-рые из родственников бывш. казанского царя приняли крещение и породнились с семьями Московской Руси, в т. ч. с правящей семьей: зятем вел. кн. Василия III был Петр (Худай-Кул), царевич Ордынский, родной брат хана Али (Худяков М. Г. Очерки по истории Казанского ханства. М., 1991³. С. 50). Вероятно, именно в этот период и в этой среде могли сформироваться соответствующие сюжеты, включенные в Житие прп. Димитрия Прилуцкого. Возможно, на легенды об участии К. к. в походе на Казань повлияло почитание святого и особенно его иконы письма Дионисия при вел. кн. Иоанне III (подробнее о местных преданиях см.: Голейзовский Н. К. О датировке местной иконы «Димитрий Прилуцкий с деянием» из вологодского Спасского Прилуцкого мон-ря // ДРВМ. 2003. № 3(13). С. 64–65).

О времени создания К. к. можно лишь выдвигать предположения, основанные либо на исторических обстоятельствах, либо на стилистических особенностях его резных пластин, в большинстве своем близких к эпохе Дионисия, т. е. к рубежу XV и XVI вв. (Николаева. 1968. С. 37–38; Вздорнов. 1972. С. 82–85). Мнение, что К. к. был вложен в мон-рь еще

в 1-й пол. XVI в. вел. кн. Василием III или царем Иоанном IV (*Вздорнов*. 1972. С. 85; *Древнерус. искусство*. 2008. С. 49), не вполне согласуется с такими особенностями К. к., как бессистемность изобразительной программы, сборный характер сюжетов и фигур и разновременные детали украшений. Эти качества можно объяснить тем, что К. к. был смонтирован из пластин, оставшихся от более древнего почитаемого выносного креста (или 2 крестов), к-рый в XVI в. уже был обязательной частью церковного убранства столь крупного мон-ря, как Прилуцкий. Возможно, К. к. мог быть создан в короткий промежуток «опричного» времени, когда в кон. 60-х — нач. 70-х гг. XVI в. царь Иоанн IV избрал Вологду своей резиденцией. Тогда в городе был построен каменный Софийский собор по подобию московского Успенского и было создано много икон для городских церквей. Возрождение в XV–XVI вв. византийской традиции украшать резными рельефами предметы богослужения, в частности процессионные кресты, могло повлиять на возникновение в названии одного из них эпитета, напоминающего о далекой Киликии.

Иконография. По стилю, цвету и фактуре материала все изображения можно разделить на несколько групп. К древнейшим рельефам В. Н. Лазарев относил 2 композиции «Успение» и «Предста Царица» на лицевой стороне; датировал их 1-й пол. XVI в. (*Лазарев*. 1955. С. 539). Остальные рельефы в зависимости от уровня мастерства исполнителя подразделяются на группы. К первой относят изображение Распятия с предстоящими на лицевой стороне; для фигур характерны вытянутые, чрезмерно удлиненные пропорции тел, ног, ладоней, деталей личного, напр., форма носа, сложная проработка глаз с воспроизведением век, четкий, геометричный, угловатый рисунок; эти особенности проявляются в композициях праздников, в надписях; костяные пластины имеют коричневый, теплый оттенок; для рельефных композиций используются редкие изводы, как на пластине с «Нерукотворным образом Спасителя с ангелами», а также подчеркнута однообразия повторяющихся по рисунку фигур, напр., как на рельефе «Обретение главы св. Иоанна Предтечи». Стиль этой группы достаточно близок произведениям визант. резной кости XV в. Большинство фигур и композиций на лицевой стороне К. к. созданы, вероятно, одним мастером или произведены в одной мастерской. Лазарев определял

мастера-резчика как младшего современника Дионисия и знатока визант. резьбы (Там же. С. 540). Вторая группа рельефов отличается светлым, почти белым тоном и ровным оттенком кости.

Распятие с предстоящими и ангелами. Фрагмент «Киликиевского» креста. Кон. XV — нач. XVI в.

Фигуры имеют приземистые пропорции, рисунок более примитивный, рельеф плоский, без намека на объем. Имитация пластики достигается за счет заглабления поверхности, без попыток воспроизвести ракурс и движение фигур. Лики округлые, с выпуклыми глазами и короткими носами, губы резаны внутрь, почти не выделены. Стиль этой группы графический, детализированный и декоративный: по краям одежды (плащей, поясов) пушены «жемчужки», сходным образом обработаны волосы. Свитки и нимбы имеют огранку по внешнему краю, линейная разделка волос напоминает «косицу»; эти свойства обнаруживают единство с памятниками резьбы XVI в. различных регионов, в частности новгородской (складень в ГММК; см.: *Соколова И. М.* Резной деревянный складень из собр. Музеев Кремля // ГММК: Мат-лы и исслед. М., 1984. Вып. 4: Произведения рус. и зарубежного искусства XVI — нач. XVIII в. С. 57), а также среднерусской резьбы (запрестольный крест мастера Салмана (1578, ЯМЗ; см.: *Харламова*. 2003)), и, возможно, восходят к еще более старым образцам пластики XV в.

Большинство фигур первой группы первоначально могли быть частью складня-иконостаса. Это изображения пророков, чаще всего поясные, в позе молитвы. Подавляющая часть рельефов второй группы — прямолинейные поясные и в рост изображения иноков.

Пророки держат свитки двумя руками. Фигуры отличаются по цвету и по особенностям исполнения от фигур основ-

ной группы рельефов. Так, св. жена в короне, возможно св. Екатерина Александрийская, на лицевой стороне, под косой перекладиной, изображена в свободной позе, драпировки ее платья чрезмерно пластичны. Часть святых опознается по иконографически значимым деталям: напр., на оборотной стороне слева от центральной композиции «Спаситель на престоле» ап. Петр — по ключам в руке, вмц. Анастасия (?) — по кресту и «узелку» (ковчегу); на лицевой стороне под Распятием врачи-безмездники Косма и Дамиан — по ящичкам-ковчезкам. Большинство святых неидентифицированы, могут быть отнесены только к чинам святости: пророки, апостолы, преподобные, пустынножители. Нек-рые фигуры апостолов и святых по облику и атрибутам явно европ. происхождения свидетельствуют о поновлениях в XVIII в.

На сборный характер К. к. указывают не только произведения, различающиеся манерой исполнения, но также несколько хаотичное, лишенное четкой структуры сочетание пластин с многофигурными композициями и единоличными изображениями св. иноков и отшельников, дублирование сюжетов (напр., сцена «Успение Пресв. Богородицы» представлена дважды — на верхней перекладине и центральном древке). Можно предположить, что для изготовления К. к. были привлечены готовые произведения (икона, складень, иконостас или небольшой крест). Возможно, эти предметы пользовались особым почитанием и были связаны с личностью, память о к-рой сохранялась в Спасо-Прилуцком мон-ре. К небольшому складню, исполнявшему роль походного иконостаса, могла относиться единственная фигура столпника в куколе — поясное изображение, возможно прп. Симеон Столпник на верху столпообразного 2-ярусного сооружения.

На К. к. сохранились редкие изводы иконографий нек-рых общехрист. и рус. святых. Изображение Спаса Нерукотворного, размещенное на лицевой стороне креста над Распятием, отличается деталями, малоизвестными в правосл. древнерус. и слав. искусстве. Классический по пропорциям и рисунку Лик Спасителя представлен на фоне ткани, формат которой так велик, что для закрепления ее концов, собранных в узлы, потребовалась опора, показанная как своего рода «рогатина»; схожее изображение ткани отмечено на 2-частной иконе «Спас Нерукотворный и «Не рыдай Мене, Мати»» тверского происхождения (кон. XIV–XV в., под записью 1-й пол. XVI в., ГЭ), на к-рой 2 ангела держат плат одной рукой за узел, а другой — за скрученный длинный конец; длинный узорчатый плат воспроизведен на иконе «Деисус, со Спасом Нерукотворным» 2-й пол. XVI в. (НГИИМЗ). В отличие от известных

икон «Спас Нерукотворный» на К. к. один ангел изображен над платом и 2 — в нижней части, под узлами; но они не прикасаются к ткани, их лики обращены друг к другу, ладони, как и крылья, разведены в стороны (жест прославления и адорации); возникают аллюзии на тему Св. Троицы. По краю композиции надпись: «Образ нерукотворенный Г(оспод)а на(шего) ІС ХС»; видимая часть плата украшена крестообразными орнаментами. В использованном для этой композиции образце Плащаница — это не только образ-носитель Лица Спасителя, но и погребальная пелена для Тела Христова, а также символ прославления ангельскими чинами святыхи — Мандилиона-Убруса с Нерукотворным образом Спасителя. Возможно, образец был зап. происхождения (о почитании Нерукотворного образа Спасителя в христ. традиции см.: *Бельтинг Х.* Образ и культ: История образа до эпохи средневековья / Пер. с нем.: К. А. Пиганович. М., 2002. С. 237–256; *Смирнова Э. С.* «Смотря на образ древних живописцев»: Тема почитания икон в искусстве Средневековья. Русь. М., 2007. С. 50–100; о западных иконографических источниках в рус. иконографии Спаса Нерукотворного см.: *Евсеева Л. М.* «Св. Образ» в XV–XVI вв.: Иконографические типы и формы почитания // Спас Нерукотворный в рус. иконе / Авт.-сост.: Л. М. Евсеева, А. М. Лидов, Н. Н. Чугреева. М., 2005. С. 108–133). На оброте К. к. над Христом, сидящим на престоле, центральным элементом деисусного чина, помещен вполне традиц. Св. Лик, с крещатым нимбом, длинными прядями волос, без ангелов и ткани.

Кроме того, в программе избранных сюжетов К. к. подчеркивались различные варианты царственной темы, напр. иконография «Предста Царица», известная в иконописи, но не имеющая отношения к темам праздничного ряда. Популярность этой темы связана с повторениями древней новгородской иконы из собора Св. Софии в Новгороде, на протяжении XVI в. приобретшей качества специфически локального сюжета для икон, писавшихся в архиерейской новгородской мастерской.

Не все святые, изображения к-рых сопровождаются надписями, были верно идентифицированы исследователями. Так, считается, что на рельефах К. к. представлены прп. Ефрем Перекомский (Новгородский, по определению Т. В. Николаевой) и св. Савва Вишерский (*Николаева.* 1968. С. 38; см. также: *Федотова М. А.* К вопросу о Житии Саввы Вишерского // ТОДРЛ. 2001. Т. 52. С. 545; Древнерус. искусство. 2008. С. 49; *Игошев В. В.* Поклонный крест прп. Саввы Вишерского // ДРВМ. 2012. Вып. 3(49). С. 39–40). Однако детали образа, подписанного именем «СТЫ САВА», напр. окладистая бо-

рода с разведенными в стороны концами, соответствуют иконографии прп. Саввы Освященного († 532), основателя лавры близ Иерусалима и автора первого монастырского устава. Тогда соседнее изображение с подписью «СТЫ ЕФРЕМ» может представлять не святого Русского Севера (Перекомского или Новоторжского), а прп. Ефрема Сирина († 373). К числу изображений рус. святых с большой долей уверенности могут быть отнесены образы праведных св. князей Бориса и Глеба († 1015), представленных в виде отдельных фигур без подписей на лицевой стороне К. к., на нижней косоной перекладине креста, московских митрополитов Петра и Алексия, к-рые узнаваемы по одеждам и чертам ликов, помещены также на лицевой стороне; ярославских князей Феодора († 1299) и его сыновей, Давида и Константина, изображенных на оборотной стороне, с подписью (сохр. часть с упоминанием Феодора как Смоленского). Наличие их изображений может указывать на создание К. к. резчиками ростовского круга, поскольку в Ростовскую епархию входили Ярославль и Белозерье с Вологодью; появление образов св. равноапостольных царя Константина и царицы Елены («ЦРЬ КОНСТАНТИ», «ЦРЦА ЕЛЕНА») скорее обусловлено темой прославления Креста, а не их патрональным характером.

Поскольку традиция украшать выносные кресты праздничными сценами была устойчивой и прослеживается во всех сохранившихся памятниках, можно сопоставить сюжеты праздничных пластин К. к. с соответствующим чином высокоиконостаса. Так, представлены праздники: Рождество Христово, Сретение, Преображение, Вход Господень в Иерусалим, Вознесение, Сошествие Св. Духа; отсутствуют сюжеты на тему Страстей Господних, но введены сцены Богородичного цикла: Рождество и Введение во храм, «Предста Царица»; некоторые праздники дублируются: Успение и «Покров Пресв. Богородицы» в разных изводах, с Христом и без Него, что указывает на использование памятников разных художественных и иконографических традиций — новгородской и московской. Редкой является композиция «Обречение главы прор. Иоанна Предтечи».

Использование для украшения больших процессионных (или запрестольных) крестов резных костяных пластин было в Др. Руси связано с заимствованием визант. традиций и следованием образцам. Весьма вероятно, что таким образом были предметы богослужения центральных храмов Др. Руси. Древнейшие рус. запрестольные кресты с костяными резными рельефами были созданы уже в XV в.: крест Успенского собора Московского Кремля, обновленный в 1570 г., с использованием резных пластин греч. работы нач. XV в. (ГММК; см.:

Стерлигова И. А. Неизвестные поздневизант. рельефы слоновой кости в Музее сл. Моск. Кремля // Образ Византии: Сб. ст. в честь О. С. Поповой. М., 2008. С. 477, 483, 484; *Она же.* Работы греч. резчиков на Руси: К изучению стиля древнерус. мелкой пластики 1-й пол. XV в. // ДРИ. М., 2012. С. 251, 253), а также запрестольный крест сер.—2-й пол. XV в. работы мастера Амвросия, художника, ювелира и резчика, обновленный в сер. XVII в.: древние пластины были перемещены на новую основу из кипариса, крест был украшен дорогим окладом (ныне в СПГИАХМЗ; подробнее см.: *Николаева.* 1968. С. 35–36. Ил. 84; об Амвросии см. также: *Олсуфьев Ю. А., Флоренский П. А., свящ.* Амвросий, троицкий резчик XV в. Серг. П., 1927. С. 39–41. Табл. 12–26; *Николаева Т. В.* Произведения мелкой пластики XIII–XVII вв. в собр. Загорского музея: Кат. Загорск, 1960. С. 311–314. Кат. 155). Похожий по типологии крест в XVI в. был в новгородской ц. Спаса на Ильине ул.—крест 1532 г. работы мастера Стефана Романовича с детьми (НГОМЗ; см.: *Шляпки И. А.* Древние рус. кресты // ЗОРСА. 1907. Т. 7. Вып. 2. С. 59; *Трифопова А. Н.* Деревянная пластика Вел. Новгорода XIV–XVII вв. М., 2012. Кат. 5. С. 42–53). Повторение в деревянных крестах всех иконографических особенностей драгоценных резных крестов известно по кресту св. Саввы Вишерского (*Игошев В. В.* Поклонный крест прп. Саввы Вишерского // ДРВМ. 2012. № 3. С. 33–44). В XVI в. кремлевские Успенский и Благовещенский соборы имели по 2 процессионных креста, из них сохранились два 8-конечных креста в драгоценных оправках с литыми рельефными композициями и драгоценными камнями из Благовещенского собора (сер. XVI в., ГММК; см.: *Моршакова Е. А.* Золотая и серебряная утварь, княжеские и царские наперсные мошевики // Царский храм: Святые Благовещенского собора в Кремле: Кат. выст. М., 2003. Кат. 40. С. 167–169; Вера и Власть: Эпоха Ивана Грозного: Кат. выст. М., 2007. Кат. 5, 6. С. 42–43) и один — из Успенского собора. К. к. воспроизводит композицию, сходную с др. памятниками той же типологии (напр., крест 1578 г. работы мастера Салмана из ярославского во имя Преображения Господня муж. мон-ря, ныне в ЯХМ; см.: *Харламова.* 2003), но не достигает роскоши и сложности стольных произведений, той стройности в следовании иконостасу в качестве образца (как, напр., в запрестольном кресте Благовещенского собора Московского Кремля).

Дублирование фигур и сюжетов, несогласованность расположения праздничных композиций и рельефов с фигурами в молитвенных позах, некогда бывших частью иконы-складня или дру-

гого креста, отличают К. к. от др. произведений XVI в. этого типа.

Ист.: Спасо-Прилуцкий мон-рь // Переписные книги вологодских мон-рей XVI–XVIII вв.: Исслед. и тексты / Отв. ред.: М. С. Черкасова. Вологда, 2011. С. 30, 54.

Лит.: Лазарев В. Н. Дионисий и его школа // История рус. искусства / Ред.: И. Э. Грабарь. М., 1955. Т. 3. С. 482–541; Николаева Т. В. Древнерус. мелкая пластика XI–XVI вв. М., 1968; Вздорнов Г. И. Вологда. Л., 1972; Рыбаков А. А. Худож. памятники Вологды XIII – нач. XX в. Л., 1980. Ил. 64–68; Украинская Т. Н. Житие Димитрия Прилуцкого – памятник вологодской агиографии // Древлехранилище Пушкинского дома: Мат-лы и исслед. Л., 1990. С. 7–53; Харламова И. Г. Запрестольный крест XVI в. мастера Салмана из собр. Ярославского музея-заповедника // Ставрографический сб. М., 2003. Кн. 2: Крест в Православии. С. 146–156; Древнерус. искусство в собр. Вологодского музея-заповедника / Авт.-сост.: А. А. Глебова, С. Б. Маймасов, Т. Г. Петрова. М., 2008²; Вел. князь и государь всея Руси Иван III: Кат. выст. / Сост.: Т. Е. Самойлова. М., 2013. Кат. 22. С. 86–89.

М. А. Маханько

КИЛИКИЙСКАЯ АРМЕНИЯ

[Киликийское армянское гос-во; арм. Կիլիկիայի Հայկազուն Թագավորություն], средневек. христ. гос-во армян в *Киликии* (историческая область на юго-востоке М. Азии и на северо-западе Сирии; ныне Турция) (кон. XI – кон. XIV в.). В кон. XI–XII в. К. А. представляла собой конгломерат княжеств, наиболее значительное из к-рых возглавляла династия Рубенидов (1080–1137, 1148–1198). В 1198–1375 гг. объединенное королевство. С кон. XI в. в Киликии находился также центр *Армянской Апостольской Церкви* (ААЦ; в разные периоды престол перемещался из одного укрепленного монастыря в другой). В западноевроп. источниках К. А. иногда обозначается как М. Армения, к-рую нельзя путать с регионом М. Армения (зап. области Армянского нагорья, входившие в состав Римской (Византийской) империи в кон. IV – нач. VII в.).

История. Армяне в Киликии. Во 2-й пол. XI в. в условиях кризиса Византийской империи и завоеваний тюрок-сельджуков в М. Азии армяне Киликии благодаря своей военной силе заняли главенствующее положение в небольшой области Горной Киликии, в районе хребта Зап. Тавр. Под их власть перешли основные цитадели Киликии, имевшие стратегическое значение. Слава арм. военной силы издавна была известна на Ближ. Востоке. Дружины арм. князей состояли на службе как в мусульманских, так и в христ.

гос-вах Ближ. Востока (Сев. Сирия, Палестина, Египет, М. Азия, Закавказье). В это время также существовали автономные и полуавтономные арм. княжества в Вел. Армении (Ши-

Вид на крепость Ламброн.
Рис. Ш. В. Ланглуа. XIX в.
(Национальный архив Франции)

рак, Гутарк, Арцах, Сюник), подчинявшиеся Грузинскому царству. В эпоху расцвета К. А. занимала территорию свыше 40 тыс. кв. км с населением более миллиона чел., содержала 30–40-тысячную армию, к-рая удваивалась в периоды войн.

Население Киликии всегда было многонациональным. В эпоху К. А.

Развалины крепости
Юмурталык (Аяс)

здесь жили армяне, греки, сирийцы (несториане и яковиты), евреи, а также западноевроп. крестоносцы и их потомки. Значительные общины составляли арабы (и мусульмане и христиане) и турки-сельджуки, а вполс. также курды и кочевники-туркмены. Здесь жили ремесленники и торговцы, пришедшие с Востока и Запада. Особенно известны венецианская и генуэзская колонии со своими факториями и нотариальными конторами. Важнейшими центрами экономической и политической жизни К. А. были города *Сис*, *Тарс*, *Адана*, *Аназарв*, *Мсис* (*Мопсуестия*, *Мамистра*, *Мисис*, ныне *Якапынар*). Вдоль границ, на важных дорогах и в ущельях была создана густая сеть связанных между собой крепостей. В деле

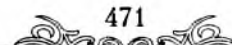
обороны страны ведущую роль играли крепости Ламброн (ныне Чамлыяйла, пров. Мерсин), Паперон (ныне Чандыр), Вахка (ныне Эски-Феке), Бардзраберд (ныне, вероятно, Мейдан), Дарбас (не локализован) и др. Морское побережье обороняли крепости *Корик* и *Аяс* (Эги, Аяц-

цо, ныне Юмурталык), где одновременно находились основные торговые гавани. Столица Сис была особенно хорошо

известна своей неприступностью. Основные города и крепости К. А. находились под управлением царской власти, а замки принадлежали родственникам правящей семьи и самым преданным подданным. Многие из киликийских цитаделей были возведены еще в доисторические времена. В их археологических пластах есть следы фортификационного искусства хеттов, греков, римлян, византийцев, арабов, армян, крестоносцев-тюр-

рок. Природные богатства, труднодоступность для завоевателей, выгодное стратегическое положение К. А. предопределили ее успехи в политическом и культурном развитии.

В больших городах были и христианские храмы различных конфессий, и мечети. Все религ. общины в К. А. создавали свои религ. структуры, к-рые сотрудничали с арм. политическими и духовными властями. В кон. XI–XIV в. в религиозной сфере господствующее положение занимала ААЦ. Резиденция католиков размещалась в разных мон-рях страны (Красный мон-рь на *Чёрной Горе* (1090–1105; хребет Аманус, ныне Нур), мон-рь Шугр на Оронте, южнее Антиохии (ок. 1110–1125), Цовк (1125–1150), Ромкла (1150–1292), Сис (1293–1921)). Помимо своей духовной миссии католикосат играл объединяющую роль

КИЛИКИЙСКАЯ АРМЕНИЯ. XI–XIV ВВ.

в политической жизни не только К. А. и Вел. Армении, но и арм. общин в странах Ближ. Востока. В эпоху К. А. в регионе в связи с нестабильной политической ситуацией существовало неск. престолов католикосов, соперничавших друг с другом. Однако католикосат в Сисе сохранил первопрестольный статус и после падения К. А. и удерживал его до возвращения католикосата в Вагаршапат в 1441 г. В К. А., а также в регионе Чёрной Горы действовало множество армянских и др. мон-рей. Среди них наиболее крупными были Касталон (усыпальница первых Рубенидов, близ Вахки), Акнер, Аркакагин, Дразарк (возможно, Аккилисе, в 33 км северо-восточнее Сиса), Грнер (не локализован), Скевра (близ Ламброна), Млич (близ Паперона) и др. В К. А. существовали большие общины правосл. греков-византийцев, сир. арабов, которых окормляли иерархи и Антиохийской Православной и Сирийской яковитской Церквей. Правосл. антиохийские патриархи с кон. XI в. в основном жили в изгнании в К-поле, хотя

время от времени им удавалось вернуться на престол в Антиохию и тем самым укрепить положение Церкви в К. А. Яковитские католикосы также долгое время жили в этом регионе в различных монастырских резиденциях. Римско-католическая Церковь создала в К. А. обширную сеть епископских кафедр. Католич. монашеские и духовно-рыцарские ордены (тамплиеры, госпитальеры, тевтоны и др.) имели здесь замки и мон-ри; мон-ри и храмы были у армян, греков (известные в средневековье как мелькиты), сир. яковитов.

С VIII–X вв. в источниках отмечается присутствие арм. подразделений в визант. армии, к-рая воевала на территории Киликии. По сообщениям хрониста Псевдо-Дионисия Телль-Махрского (IX в.) и Дионисия бар Салиби (XII в.), в VIII в. большое число армян было переселено арабами в Сев. Сирию и Киликию (Chronique de Denys de Tell-Mahré. Pt. 4 / Ed. J.-B. Chabot. P., 1895. P. 54; Mingana. 1931. P. 55; Бозоян. 1988. С. 43–44). Михаил Сириец (XII в.) упоминает также 2-й по-

ток переселенцев — в X в. (Mich. Syr. Chron. Vol. 3. P. 133). При визант. имп. Константине VII (913–959) визант. дук армянин Млех создал крупное катепанство на территории фемы Ликанд (Dédéyan. 1981). За доблестную службу арм. военная аристократия получала в регионе земельные надель. По сообщениям Асолика, в это время появляются первые епархии Армянской Церкви в Киликии (Степанос Таронечи. 1885. С. 258). Католикос Хачик I (973–992) впервые рукоположил арм. епископов в Антиохию, Тарс и Лулон (Каппадокия) — на территории, недавно освобожденные византийцами от мусульман, где проживали или куда были переселены значительные арм. общины.

В XI в. визант. экспансия в Закавказье привела к тому, что арм. правящие фамилии Арцрунидов и Багратидов, а также князья Пахлавуни получали земельные надель в Каппадокии и Сев. Сирии, переселялись туда с приближенными и военными отрядами. С сер. XI в. иммиграция армян в Киликию увеличи-

лась и в связи с опустошительными вторжениями сельджуков в Армению с востока. Наиболее интенсивно переселение шло в 70-х гг. XI в., когда после разгрома византийцев в Манцикертской битве (1071) турки-сельджуки захватили всю М. Азию, а армяне начали укреплять свои позиции в приевфратских областях Сев. Сирии и крепостях Горной Киликии. Арм. князья приобретали у визант. правительства права владения территорией и выполняли политико-адм. функции в отношении местного населения. В XI в. византийцы часто назначали в Киликии арм. правителей: Хачатура — в Антиохии, Аплгарива — в Тарсе, Васила и Тороса — в Эдессе (*Dédéyan. 2003*).

Киликийские армянские княжества. В 70-х гг. XI в., в период коллапса византийской власти в М. Азии, в Киликии и Сев. Сирии основал княжество с центром в Мараше (ныне Кахраманмараш, Турция) стратиг визант. имп. Романа IV Диогена Филарет (Вахрам) Варажнуни (1078–1086), который несколько лет сдерживал наступление сельджуков (*Ibidem*). После его смерти княжество было разделено между военачальниками. Большую часть наследовал Васил Гох (ум. в 1112). В 1073 г. под давлением сельджуков арм. кн. Ошин оставил в окр. Гандзак (совр. Гянджа, Азербайджан) свое родовое владение Майреаджур (этот топоним упом. в эпиграфической надписи, найденной в с. Ахбрадзор; см.: *Akopian. 2009. P. 66–72*) и с отрядом также переселился в Киликию. Ошин женился на дочери Аплгарива. Занятые им владения стали ядром княжества фамилии Хетумидов. Его столицами были крепости Ламброн и Паперон (Бабарон) в Зап. Киликии. Хетумиды поддерживали тесные вассальные отношения с Византией. В 1078 г. по решению визант. имп. Михаила VII представитель этой фамилии Аплгарив был назначен дукой Тарса. В Горной Киликии, в крепости Бардзраберд (недалеко от Сиса), основал княжество Рубен I (1080–1095), представитель антивизант. партии арм. знати. Он сразу порвал отношения с Византией и начал отстаивать независимость своих владений. При помощи арм. населения и своих военных отрядов кн. Рубену I удалось укрепиться в центральных областях Таврских

гор и создать фактически независимое гос-во. Несмотря на скудость сведений о деятельности Рубена, совр. историография считает его основателем княжества династии Рубенидов в К. А. Арм. историческая традиция, следуя продолжателю истории Самуэла Анеци, считает, что в сер. XI в. он был одним из вассалов арм. царя Ани Гагика II Багратуни. В продол-

Монета кн. Рубена I.
Кон. XI в. Аверс, реверс

жительной борьбе Рубен завладел крепостью Копитар и сел. Коромозол. Прах Рубена I захоронен в монастыре Касталон. Преемником стал его сын Костандин I (1095–1102). Армянские княжества, окруженные мусульманскими соседями (Иконийский султанат, Данишмендидский и Халебский эмираты), отстаивали свою независимость.

Тюрк. завоевания сказались и на судьбах ААЦ. В 1072 г. на престол католикоса вернулся Григор II Вкаясер (1066–1105). Григор II переместил свою резиденцию в Красный монастырь (Кармирванк) на Чёрной Горе близ Антиохии. В 1081 г. он возвел своего племянника Барсега на престол католикоса в Ани, где уже правили сельджуки. Григор II и Барсег начали искать контактов со многими возможными союзниками армян, возобновил переписку и обмен посольствами с церковными и политическими лидерами Византии, Римской курии, с сельджуками, с армянскими общинами Палестины и Египта, где его поддержал везир Фатимидов Бадр аль-Гамаль армянского происхождения (*Dédéyan. 2003. Vol. 2. Pt. 5. P. 881–891; Mutafian. 2012. Vol. 1. P. 255–256*). Посол Григора II в 1075 г. встречался с папой Римским Григорием VII, чем было положено начало постоянным прямым контактам Армянской и Римско-католической Церквей (*Halfter. 1996. S. 118–120*). Сохранилась переписка Григора с Иоанном X, патриархом Сирийской яковитской Церкви (1067–1073). В Зап. Европе все более интересовались Ближ. Вос-

током и говорили о крестовом походе на Иерусалим, Римская курия быстро осознала большое значение армян как союзников в этом регионе.

В кон. XI в. Византия еще частично сохраняла свое влияние в регионе; ей принадлежали юж. побережье М. Азии, Равнинная Киликия и Кипр; княжества К. А. считались вассалами Византии, к-рая помогла крестоносцам в разгроме мусульм. гос-в в М. Азии и Сирии и в создании крестоносных гос-в. Это-

му способствовали также княжества К. А. Войско 1-го крестового похода появилось у сев.-зап. гра-

ницы Горной Киликии осенью 1097 г. Брат Васила Гоха кн. Баграт (в лат. источниках Панкратий (*Pancratius*)) указал крестоносцам кратчайшие пути, ведущие из М. Азии в Киликию, Антиохию и Эдессу. За эти услуги он получил от крестоносцев неск. крепостей в Приевфратском регионе Сев. Сирии (*Guillaume de Tyr. 1986. Vol. 1. P. 348; Dédéyan. 2003. Vol. 2. Pt. 5. P. 1137–1154*). Вначале арм. князья доверяли руководителям крестоносцев и помогали им. Однако в нач. 1098 г. крестоносцы во главе с Балдуином Фландрским заняли Эдессу, где в то время правил кн. Торос, армянин правосл. исповедания. Вскоре франки устроили переворот, убили Тороса и отстранили армян от власти, образовав собственное *Эдесское графство*. После этого Рубениды и Васил Гох отстаивали свои интересы независимо. Весной 1098 г. крестоносцы, византийцы и арм. князья осадили Антиохию. Когда византийцы порвали отношения с крестоносцами и покинули осадный лагерь под Антиохией, вместе с византийцами войну прекратили и Хетумиды, а также дружина Костандина I Рубенида. Летом 1098 г. крестоносцы захватили Антиохию и создали *Антиохийское княжество*. С этого момента начинается длительное противостояние между К. А. Рубенидов и Антиохийским княжеством за владение Равнинной Киликией. Тем не менее история крестоносных государств на Ближ. Востоке (Иерусалимское королевство, Эдесское графство, с кон. XII в. Кипрское королевство)

в дальнейшем тесно пересекается с историей К. А.

Во время правления Костандина I (1095 – ок. 1100) княжество Рубенидов значительно укрепилось. В 1098 г. Костандин захватил один из важных опорных пунктов Горной Киликии – крепость Вахка, к-рая стала неприступной столицей княжества. Костандин расширил границы своих владений за счет и сельджуков и византийцев. Княжество Рубенидов внимательно следило за борьбой между крестоносцами и византийцами за влияние в Равнинной Киликии, которая тогда еще считалась владени-

Монета кн. Костандина I.
XI в. Аверс, реверс

ем Византии. Время от времени К. А. втягивалась в этот конфликт, как правило на стороне Византии. Костандин укрепил свое положение также с помощью серии династических браков. Он женился на гречанке из знатного визант. рода Фок; свою дочь выдал за эдесского гр. Жослена I де Куртене. Старший сын Костандина Торос I (ок. 1100–1129) женился на представительнице визант. фамилии Мандал. Племянница Костандина и дочь Тороса Эдесского Арда (Орианта) была выдана за кор. Балдуина I Иерусалимского и до 1113 г. была иерусалимской коро-

Продолжая политику Костандина I, его сын кн. Торос I в 1104 г. присоединил к своим владениям города Сис и Аназарв и попытался завладеть неск. крепостями Горной Киликии. Аназарв стал новой столицей княжества Рубенидов. Здесь Торос построил большой собор святых Георгия и Феодора. Сложные отношения между Византией и Антиохийским княжеством, которые напрямую касались К. А., были урегулированы Девольским мирным договором между Византией и норманнским князем Антиохии Боэмундом (1108). Антиохийское княжество обязалось вернуть Византии Равнин-

ную Киликию между реками Кидн (ныне Тарсус) и Пирам (ныне Джейхан). В соглашении

упоминаются также князья К. А. Торос I и Левон I (1129–1137), правители Горной Киликии, которые в то время делили между собой владения фамилии Рубенидов как равные вассалы Византии (*Анна Комнина*. *Алексиада* / Пер. с греч.: Я. Н. Любарский. СПб., 1996. С. 364–372). В 1111 г. Танкред, унаследовавший Антиохийское княжество Боэмунда, был также вынужден признать сюзеренитет Византии, в т. ч. относительно своих владений в Равнинной Киликии.

Князья К. А., защищая свои владения и независимость, вели длительную и тяжелую борьбу против государств тю-

ликию через перевалы Таврских гор, ограбило область и затем двинулось в Сев. Сирию, во владения Василя Гоха. Кн. Торос заключил с ним союз, разгромил сельджуков близ Бердуса и вытеснил их из страны (*Dédéyan*. 2003. Vol. 1. P. 504–505). В 1110/11 г. Иконийский султанат предпринял новый поход на Киликию и Сев. Сирию, согласовав свои действия с сельджукским султанатом Мосула. На этот раз в союзе с крестоносцами армяне дали отпор захватчикам. В 1126/27 г. Торос I поддержал Араба, брата Масуда, в междоусобной борьбе в Иконийском султанате.

В нач. XII в. ААЦ еще испытывала последствия тюрк. завоеваний и переселения значительной части паствы в Киликию. На престол католикоса был возведен 18-летний Григор III Пахлавунни (1113–1166), родственник предыдущих католикосов. Значительная часть церковных иерархов Веспуракана (одна из центральных областей Вел. Армении) выступила против него. В мон-ре *Ахтамар* еп. Давид Торникян созвал Собор, к-рый объявил избрание Григора III незаконным и провозгласил католикосом Давида. Григор III в ответ созвал Собор в мон-ре Шугр. Помимо церковных деятелей в Соборе участвовала арм. знать и представители большинства княжеств К. А. и др. арм. церковных епархий Вел. Армении и Ближ. Востока. Они выразили поддержку Григору III и объявили низложенным Давида. Тем не менее Церковь Ахтамара фактически отделилась от Армянской Церкви и сохраняла автономный статус как католикосат до 1895 г., когда мон-рь был уничтожен во время геноцида. В 1125 г. резиденция католикоса всех армян была перенесена из мон-ря Шугр в Цовк.

В 1129 г., после смерти Тороса I и его малолетнего сына, в К. А. правил его брат Левон I, который по Девольскому договору также считался вассалом Византии и ранее владел нек-рыми крепостями Горной Киликии. Продолжая борьбу за овладение Равнинной Киликией, Левон столкнулся с интересами не только Антиохийского княжества, но и Византии, поскольку стремился постепенно отказаться от политического покровительства К-поля. Ухудшились также взаимоотношения К. А. и Данишмендидского эмирата. Хронисты XII в. Михаил Си-

Балдуин Фландрский принимает почести от армян в Эдессе. Миниатюра из рукописи *Guillaume de Tyr. Historia belli sacri a principibus christianis in Palaestina et in Oriente gesti*. Кон. XIII в. (Paris. fr. 9084. Fol. 42)

левой (*Mutafian*. 2012. Vol. 2. P. 31). Т. о., благодаря матримониальным связям крестоносцы обрели союзников в арм. среде, а княжество Рубенидов постепенно начало расширять свое влияние в регионе.

рок-сельджуков М. Азия (Иконийский султанат, Данишмендидский эмират, атабекство Алеппо (Халеб), эмират Артукидов Амида), крестоносных гос-в (Антиохия и Эдесса) и Византийской империи. В 1107 г. войско Иконийского султаната вторглось в Ки-

риец и Вильгельм Тирский, описывая обстановку в Киликии в то время, среди противоборствующих сил упоминали также кн. Боэмунда II Антиохийского. В 1129/30 г. он преследовал Ридвана, мусульм. правителя Халеба (Алеппо), и случайно столкнулся с войсками Левона I и эмира Гази Данишмендида. По свидетельствам хронистов, между войсками Гази и Боэмунда II произошло сражение, к-рое закончилось поражением антиохийцев, а войско Левона I преследовало побежденных, т. е. Левон выступил на стороне Данишмендидов (*Mich. Syr. Chron. Vol. 3. P. 227*). Местом сражения Вильгельм Тирский называет *Portus Pallorum*, а Михаил Сириец — Аназарв. Предположительно накануне сражения Гази заключил союз с правителем Халеба Ридваном, напал на Антиохийское княжество и совершил поход вглубь Равнинной Киликии (*Бозоян. 1988. С. 80–84*).

Т. о., в кон. 20-х гг. XII в. Левон I, намереваясь выступить против Антиохии и заняв Равнинную Киликию, стал союзником эмирата Данишмендидов. В то же время изменение политики К. А. в пользу союза с сельджуками ухудшило отношения Рубенидов с Византией и поставило под вопрос их прежние договоры. Визант. придворный писатель Михаил Италик в одном из панегириков упоминал о том, что Левона I возвели на трон без ведома его формального сюзерена имп. Иоанна II Комнина (1118–1143) (*Бартикян. «Панегирик» Михаила Италика. 1984. С. 218; Dédeyan. 2003. Vol. 1. P. 531–532*). Исходя из этого текста, можно предположить, что Левон I тем самым заявил о своем суверенитете (*Бозоян. 1988. С. 99–101*).

Поражения антиохийского кн. Боэмунда II и его смерть в 1129/30 г. привели к временной потере самостоятельности Антиохии, к-рая до 1136 г. подчинялась Иерусалимскому королевству или Эдесскому графству. До 1136 г. Антиохия была исключена из активной борьбы за Равнинную Киликию. Однако и союз К. А. с Данишмендидами также оказался непрочным. По сообщению Михаила Сирийца, уже в 1130/31 г. Гази Данишмендид совершил новый поход на К. А., попытавшись сорвать совместные действия Византии и К. А. и втянуть армян в антивизант. союз. Вероятно, союз Левона I с Данишмендидами свидетельствует о его отказе

признавать Византию своим сюзереном, т. е. о провозглашении независимости К. А. Косвенным свидетельством тому можно считать пожалование Левоном владений в захваченной им Равнинной Киликии Исааку Комнину, брату визант. имп. Иоан-

*Встреча
кн. Раймонда де Пуатье
с франц. кор. Людовиком VII.
Миниатюра из рукописи
Mamerot S. Les Passages fais
oultre mer... contre les Turcs et
autres Sarrazins... 1474–1475 гг.
(Paris. fr. 5594. Fol. 146)*

на II, к-рый восстал против императора и покинул пределы империи.

В 1132 г. Левон I использовал свой союз с Гази и вторгся в Равнинную Киликию (о дате см.: Там же. С. 86–91). В это время основные города региона (Мсис, Адана, Тарс) перешли

*Зап. ворота
крепости Аназарв*

под контроль К. А.; Исаак Комнин был лишен своих владений. Успех Левона крайне обострил отношения К. А. с Антиохией. В борьбе против Антиохии временным союзником К. А. стало Эдесское графство. Но поведение Левона и его стремление к независимости вызвали раздражение в К-поле, и Михаил Италик назвал его «самозванцем» (*Latta. 1952. P. 3–8; Бартикян. «Панегирик» Михаила Италика. 1984. С. 216–220*). В 1136 г. новый князь Антиохии Раймонд из Пуатье, прибегнув к хитрости, захватил Левона в плен. Ви-

зантийская империя также не отказывалась от претензий на Киликию, и в 1136–1138 гг. имп. Иоанн II предпринял масштабный поход в этот регион. Появление главных сил византийцев в Киликии резко изменило соотношение сил в регионе. Под угрозой византийцев К. А. и Антиохия спешно заключили пере-

мирие. Левон I получил свободу за выкуп в 60 тыс. динаров и обязывался передать Антиохии Мсис, Адану и Сарвандикар. Византийское войско имп.

Иоанна II, несмотря на сопротивление армян, захватило всю территорию К. А. В 1137 г., после длительных осад, византийцы овладели наиболее упорно сопротивлявшимися крепостями Вахка и Аназарв и захватили в плен кн. Левона I и предположительно 2 его старших сыновей — Рубена и Тороса. Младшие сыновья Стефан и Млех бежали в Эдессу, где их принял гр. Жослен I, муж сестры

Левона. Завладев Киликией, византийцы вторглись на территорию Антиохийского княжества. К. А. прекратила существование как независи-

мое гос-во более чем на 10 лет. Тем не менее установившееся прямое управление византийцев в этом регионе также было непрочным. Спустя некоторое время горными районами Киликии завладели Данишмендиды. Византийцы стремились укрепить свое положение, и в 1142 — нач. 1143 г. имп. Иоанн II предпринял еще один большой поход в Киликию, но, достигнув ее рубежей, император скончался, и все военные планы византийцев были нарушены.

В то же время государства сельджуков в М. Азии не могли смириться

с завоеванием Киликии византийцами, поскольку, владея одновременно Киликией, зап. областями М. Азии и юж. побережьем Чёрного м., византийцы теоретически могли наступать на них сразу с 3 сторон. Иконийский султанат и Данишмендиды принимали меры, чтобы выйти к побережьям столь близко от них находящихся морей. Эти сельджукские гос-ва начали захватывать нек-рые крепости и фортификации в горной части Киликии. Организация имп. Иоанном II 2-го похода на Киликию объясняется обострением отношений между Византией и Иконийским султанатом. Визант. имп. Мануил I (1143–1180) продолжал отводить Киликии важное место в вост. политике империи.

Кн. Левон I и его старший сын Рубен умерли в плену в К-поле в 1-й пол. 40-х гг. XII в. Но 2-й сын Левона, Торос, сумел бежать из плена ок. 1145 г., накануне 2-го крестового похода. Он снова появился в Киликии и при помощи младших братьев Стефана и Млеха сумел отвоевать почти все отцовские владения. После ряда военных столкновений с Иконием и Византией кн. Торос II (1148/51–1169) установил контроль и над Равнинной Киликией, вновь сделал столицей К. А. Аназарв. В Киликии возродилась идея восстановления независимого арм. государства. Второй крестовый поход (1147–1149) активизировал политическую борьбу в Сев. Сирии и стал стимулом для оживления политических сил христианских народов региона (*Бозоян*. 1988. С. 164–182). Армяне приветствовали появление крестоносцев на Ближ. Востоке. Католикос Григор III в это время вел переписку с Римскими папами, в 1140–1141 гг. участвовал в Соборе, созванном папским легатом еп. Альбериком Остийским в Антиохии и Иерусалиме (*Schmidt, Halfter*. 1999). В переписке с папой католикос давал нек-рые объяснения по вопросам, интересовавшим католиков, в т. ч. о дне празднования Рождества в ААЦ и о добавлении воды в евхаристическое вино (*Гарсоян*. 2010).

Византия стремилась препятствовать действиям Тороса II по восстановлению государственности К. А. Торос должен был завоевывать симпатии населения Киликии, использовать политические и экономические ресурсы страны. По сведениям патриарха Михаила Сирийца, Торосу II

помогал Афанасий, митр. Аназарва Сирийской яковитской Церкви. К Рубенидам присоединились также мн. армяне и «франки» (крестоносцы, выходцы из Европы) в Горной Киликии. К. А. с ее смешанным этнически и религиозно населением, оторванная от национально-культурной почвы Армении, не имела своих устойчивых традиций организации гос. институтов. Арм. правители не могли сосредоточиться только на проблемах арм. населения и навя-

*Битва при Инабе.
Миниатюра из рукописи
Mamerot S. Les Passages faits
oultre mer... contre les Turcs et
autres Sarrazins... 1474–1475 гг.
(Paris. fr. 5594. Fol. 153v)*

зывать свою политику живущим в регионе др. народам. Было необходимо заручиться поддержкой всех народов и религ. общин Киликии, а также соседних гос-в.

В 1150 г. католикос Григор III перенес резиденцию из Цовка в крепость Ромкла на землях Мараша, принадлежавших латинским феодалам Эдесского княжества. Все еще оставаясь вне прямого политического контроля Рубенидов, католикос тем самым подчеркивал свой статус объединителя всех армян, живших под властью и христ., и мусульм. правителей. Для общин Сирийской яковитской Церкви укрепление власти Рубенидов было очень благоприятным фактором. По сведениям патриарха Михаила Сирийца, в К. А. яковиты имели равные права с армянами, а имущество их Церкви пользовалось неприкосновенным статусом. Налаживая взаимоотношения с народами К. А., Рубениды стремились найти общие цели в политической жизни региона. Несмотря на то что армяне держали в руках политическую власть и составляли большинство, они продолжали считать себя переселенцами, некоренными жителями страны. Поэтому

Григор III до конца жизни стремился вернуть престол католикосата на территорию Вел. Армении, в бывш. столицу Багратидов Ани, и заключил договор об этом с мусульм. правителем этого города Абу-ль-Асваром.

Торос II женился на дочери крестоносца Симеона, правителя Рабана, что должно было укрепить связи Рубенидов с «франками». Усилению К. А. продолжали препятствовать арм. княжеские дома региона, сохранившие провизант. ориентацию: Хетумиды, Айказуни и Натанаелиды. Гр. Жослен II, правитель Эдессы, уже не принадлежавшей крестоносцам в 1144–

1146 гг., и его вассалы считали Тороса своим союзником. Их общим врагом был Иконийский султанат, который занял ряд областей и основные крепости Горной Киликии, а в Привефратье угрожал захватом г. Мараш. Усиление Икония не было выгодно также атабеку Халеба Нур ад-Дину, который в 1148 г. заключил союз с Жосленом II (*Mich. Syr. Chron. Vol. 3. P. 282*). В 1149 г. Нур ад-Дин нанес решительное поражение антиохийскому войску в битве при Инабе, в то время как др. христ. правители, в т. ч. К. А., не смогли поддержать Антиохию.

Византия же всеми способами стремилась удержать К. А. в числе своих вассалов и препятствовала ее самостоятельной политике. Для укрепления власти Торосу II необходимо было прибегнуть к военным действиям. В 1151–1152 гг. он нанёс удары визант. армиям дук Киликии Фомы и Андроника Комнина, взял в плен неск. арм. правителей Киликии, придерживавшихся провизант. политики. Наибольшим авторитетом пользовался князь Ламброна Ошин Хетумид. Большинство местных князей Киликии были вынуждены заплатить выкуп и стать вассалами Тороса II. В 1153 г. Византия спровоцировала нападение Иконийского султаната на К. А. Сельджукское войско вторглось в стра-

ну, но Торос смог избежать крупного военного столкновения путем переговоров. Тем временем в Киликии продолжалось некое двоевластие: с одной стороны, Торос получал визант. титулы, но с другой — из К-поля в Киликию параллельно назначались лояльные к Византии правители. В 1154–1156 гг. имп. Мануил I Комнин продолжал попытки сломить Тороса, настраивая против него то Иконий, то Антиохию. Тем не менее влияние Византии в регионе падало. Местные правители гораздо быстрее договаривались друг с другом, чем на это могло реагировать далекое к-польское правительство. В 1156 г. князя К. А. и Антиохии предприняли поход на Кипр, чем вынудили визант. имп. Мануила I вновь попытаться силой переломить ситуацию в регионе в свою пользу.

В 1158 г. имп. Мануил вторгся в Киликию. Кн. Торос II с войском сначала удалился в горы, но затем вместе с князем Антиохии присоединился к союзу против Халеба, созданному Мануилом. Торос признал вассальную зависимость от Византии, передал ей ряд ранее захваченных владений, освободил пленных союзников Византии. Тем самым К. А. была избавлена от разграбления. Войска Тороса участвовали в походе византийцев против Халеба, к-рый закончился безрезультатно. В 1162 г. союз К. А. с Византией был разрушен после убийства брата Тороса Стефана во время его визита в Тарс к визант. дуче Киликии Андронику Комнину. Решив отомстить за Стефана, армяне напали на неск. визант. гарнизонов в Киликии, а затем возобновили войну против княжества Ошина Хетумида. Чтобы прекратить войну между арм. княжествами, католикосат в Ромкле пытался стать посредником между ними. В 1165 г. длительные переговоры вел Нерсес Шнорали, брат Григора III. В это же время Нерсес встретился с Алексеем Аксухом (визант. правителем Киликии) в Мамистре и начал переговоры о восстановлении общения Армянской Апостольской и К-польской Православной Церквей. Нерсес отправил в К-поль Исповедание веры ААЦ, в котором настаивал на том, что богословие свт. Кирилла Александрийского, принятое III Вселенским Собором в Эфесе (431), должно быть объединяющей основой для армян и византийцев. Через год по смерти Григора III

Нерсес IV вззошел на престол католикоса (1166–1173).

В 1164 г., все еще поддерживая союз с Византией, Торос II участвовал в коалиции христ. сил (визант. дуча

Развалины крепости Ламброн (Чамлыяйла)

Константин Каламан, кн. Боэмунд III Антиохийский), к-рая начала войну против Халеба. Однако силы мусульман слишком превосходили войска союзников, и в битве при Хариме Нур ад-Дин одержал над ними победу. Большинство предводителей коалиции попало в плен. Торос, видя неизбежность поражения, покинул место битвы.

В 1170 г., после смерти Тороса II, в К. А. произошел переворот, в ходе которого в Ромкле был свергнут

Армянский католикос Нерсес IV Шнорали. Литография из кн.: Нерсес Шнорали. Соборное послание. (СПб., 1788) (РНБ)

и убит малолетний сын Тороса Рубен II (1169–1170). Князем К. А. стал брат Тороса Млех (1170–1175), которого поддержал атабек Нур ад-Дин, отправивший войско в К. А. для утверждения его на престоле. Средневековые историки обвиняют Млеха в убийстве кн. Рубена II, указывая на его антивизант. и промусульманскую ориентацию, а также на его враждебность к Церкви. С началом правления Млеха влияние Византии в К. А. сократилось еще

сильнее. В 1173 г. Млех вновь захватил у византийцев большую часть Равнинной Киликии, в т. ч. Адану, Мсис и Тарс, начал войну против Антиохии, помогая Григору IV Тха в 1173 г. взойти на престол католикоса в Ромкле. Вновь разорвав отношения с княжеством Хетумидов, Млех осадил их столицу Ламброн и

принудил кн. Хетума III признать себя вассалом Млеха. В это же время Млех сделал своей резиденцией крепость Сис и начал ее перестройку. Но

наступательная политика против государств крестоносцев и Византии не смогла объединить раздробленные силы К. А. Мн. феодалы противились союзу с Халебом, что вскоре привело к новому перевороту в К. А. В 1175 г. кн. Млех был убит заговорщиками.

После переворота власть в К. А. перешла в руки сына погибшего в 1162 г. кн. Стефана Рубена III (1175–1185, ум. в 1187), к-рый был поборником превращения К. А. в могущественное гос-во и сохранения баланса остальных политических сил в регионе. По материнской

линии его дядей был князь из рода Хетумидов, что дало возможность наиболее влиятельным фамилиям К. А. — Ру-

бенидам и Хетумидам прекратить прежнюю вражду и создать союз. Деятельность Рубена III была сосредоточена на политике органичного объединения Горной и Равнинной Киликии. Для этой цели он искал союзников против Антиохии, непосредственного юж. соседа Равнинной Киликии. В то же время Рубен III старался не делать шагов, к-рые могли бы пробудить враждебность к К. А. со стороны соседних мусульм. гос-в.

В 70-х гг. XII в. достигли кульминации контакты между Армянской Церковью в Киликии и К-польским Патриархатом. Имп. Мануил I приглашал католикоса Нерсеса IV в К-поль. Для ведения переговоров в 1169 и 1171 гг. византийцы направляли в К. А. свои делегации, которые возглавили богослов Феориан и Иоанн Атман, армянин-халкидонит, настоятель одного из мон-рей в Филиппополе (ныне Пловдив, Болгария). В этом городе, по сообщениям визант. историков Анны Комнины и Никиты Хониата, в XII в. была большая община армян, иноверных по отношению к византийцам, окормлявшихся ААЦ. В греч. сборнике документов Иоанна Атмана Феориан назван «соплеменником и единоверцем», т. е. членом Церкви, которую возглавлял Нерсес IV. От Сирийской яковитской Церкви в переговорах официально участвовали еп. Кесуна Иоанн и ученик патриарха Михаила Сирийца Феодор бар Вахбон. Основные переговоры велись в Ромкле; после длительных богословских дискуссий Нерсес составил новую редакцию Исповедания веры, выдержанную в примирительном тоне по отношению к грекам. В послании к имп. Мануилу католикос заверял, что он приложит все усилия к примирению Армянской Церкви и К-поля (*Mansi*. Т. 22. Col. 37–120). Несмотря на то что визант. император в своих посланиях ставил ряд догматических и обрядовых вопросов, о к-рых, по мнению православных, армяне судили как еретики, Нерсес IV обстоятельно отвечал на них и обосновывал правоту арм. национальной церковной традиции, не унижая при этом Исповедание веры Византийской Церкви. Нерсес IV подчеркивал в письмах важность заключения унии между византийцами и армянами и необходимость провести Собор и обсудить визант. требования (*Бозоян*. 1983. С. 160–170). Спустя неск. месяцев визант. послы вернулись в Ромклу с дружественным посланием от имп. Мануила и К-польского патриарха Михаила III Анхиала.

Католикос Григор IV Тха (1173–1193) продолжал переписку с имп. Мануилом, просил его облегчить те требования, которые предъявлялись к армянам для объединения. Имп. Мануил в письме Григору IV в 1177 г. согласился ограничиться признанием решений Халкидонского Собора

и учения о двух природах, но просил создать новый Собор Армянской Церкви, организацию к-рого предлагал еще Нерсес. На Пасху 1178/79 г. Григор IV созвал Собор в Ромкле, в к-ром участвовали 33 архиерея, почти все главы кафедр Армянской Церкви, кроме Ахтамарского католикосата (*Он же*. 1995. С. 189–192). Собор с участием еп. Тарса Нерсеса Ламбронати (родственника Хетумидов) составил и отправил имп. Мануилу Исповедание веры, в к-ром иерархи Армянской Церкви вновь настаивали на единстве божества и человечества во Христе (*Худобашев*. 1847; *Нерсес Шнорали*. 1871. С. 192–199).

Со смертью имп. Мануила в 1180 г. и началом кризиса и распада Византии в 80-х гг. XII в. К-поль долго потерял интерес к вопросу унии с армянами. Византия вскоре лишилась почти всех своих владений в Киликии, и К. А. окончательно освободилась от имперского сюзеренитета и приобрела фактическую независимость. Григорий IV пробовал продолжить переговоры с визант. имп. Исааком II Ангелом (1185–1195), к-рый, согласно сведениям арм. источников, начал преследования армян, насильственно перекрещивая их в Православие. Сохранился греч. перевод письма католикоса императору (*Papadopoulos-Kerameus*. 1884. Σ. 59–63; *Бартикян*. 1960. С. 52–56; *Возоян*. 2009. Р. 39). Еще одни прения о вере, с участием имп. Алексея III Ангела, состоялись в К-поле в 1196/97 г., когда еп. Нерсес Ламбронати посетил византийскую столицу накануне признания Византией К. А. как суверенного гос-ва (*Микаелян*. 1952. С. 152–154; *Augé*. 2009). Однако и эти беседы не привели к уступкам к.-л. из сторон и к церковному сближению. Византийцы в этот момент уже не видели для себя политических перспектив союза с Армянской Церковью.

В 1184 г. ввиду прекращения контактов с К-полем католикос Григор IV попытался оживить взаимоотношения с Римом. Из Ромклы он отправил посольство к папе Луцию III во главе с еп. Григорием Филиппопольским. Папа встретился с ним в Вероне (Италия), выразил удовольствие по поводу возрождения отношений и сослужил еп. Григорию. В письме католикосу папа выражал надежду на объеди-

нение армян с «матерью-Церковью» и просил их выполнить 3 требования: праздновать Рождество 25 дек., добавлять воду в евхаристическое вино и освящать миро в неделю перед Пасхой. Вместе с письмом католикос Григорий получил в дар палий и митру в знак его высокого достоинства (*Halfter*. 2009. Р. 66–67).

В 1180 г. кн. Рубен III захватил Адану и Тарс, заключил союз с сельджуками Икония. Осенью того же года он должен был дать отпор войскам Салах-ад-Дина, к-рый вторгся в Киликию. Рубен продолжил наступление на Хетумидов, но на этот раз князь Ламбронати Ошин заключил союз с Антиохийским княжеством. Рубен III со своей стороны попробовал найти союзников в окружении крестоносцев. Он взял в жены Изабеллу, дочь князя Карака Онфруа III Торонского, вассала короля Иерусалима. Потеряв надежду захватить Равнинную Киликию, кн. Антиохии Боэмунд III прибегнул к коварству. В 1185 г. он пригласил Рубена III в Антиохию и, пленив его, вторгся в К. А. Однако младший брат Рубена Левон закрыл путь перед крестоносцами и выгнал их из страны. Для освобождения брата Левон должен был заплатить большой выкуп и передать антиохийцам Адану и Мсис. Вероятно, после этих событий Рубен III отрекся от престола в пользу Левона (1185–1219) (*Mich. Syr. Chron.* Vol. 3. P. 37; *Смбат Спананет*. 1856. С. 104). Рубен скончался ок. 1187 г. (*Тер-Петросян*. 2005–2007. Т. 2. С. 159–163).

Левон заключил мир с Антиохией и женился на кнж. Сивилле, племяннице антиохийского кн. Боэмунда III (*Mutafian*. 2012. Vol. 2. P. 44). После многолетней борьбы К. А. сумела укрепить свои позиции: победив сельджуков, Левон вскоре присоединил к К. А. Селевкию, в М. Азии его войско доходило до Кесарии Каппадокийской. В 1189 г. началась переписка кн. Левона с папой Климентом III и герм. имп. Фридрихом I Барбароссой, которые готовили 3-й крестовый поход и рассчитывали на поддержку К. А. В письме Фридриху и папе Левон просил пожаловать ему королевскую корону, когда император придет на Восток, и получил согласие (*Halfter*. 1996. Р. 171–197). Когда в 1190 г. войско Фридриха достигло Каппадокии, Левон отправил к нему посольство во главе с Нерсесом Ламбронати, но Фрид-

рих погиб еще до встречи с ним. План коронации Левона сорвался. Тем не менее союз с крестоносцами Запада способствовал дальнейшему укреплению К. А. В 1194 г. кн. Левон II смог пленить кн. Боэмунда III Антиохийского и заставил его заключить выгодный для К. А. мирный договор. Он расширил границы К. А. также за счет Иконийского (Румского) султаната (*Смбат Спарпет*. 1856. С. 151). По этой причине источники называют Левона II монархом еще до момента его коронации (*Recueil des historiens des Croisades*. 1869. P. 579).

Киликийское армянское королевство. В 1196 г. Левон отправил посольства ко дворам герм. имп. Генриха VI и папы Целестина III с той же просьбой о коронации. Восхождение кн. Левона на престол совпало с резкими переменами в положении всего Ближ. Востока. В 1197 г. в К. А. прибыло представительное посольство с инсигниями для Левона. В посольстве, к-рое возглавлял кор. Амальрик (Амори) II Кипрский, участвовали еп. Конрад Хильдесхаймский и кард. Конрад Виттельсбахский, архиеп. Майнцский (*Mutafian*. 2012. Vol. 1. P. 97–98). Готовя коронацию, католики требовали от армян лишь праздновать Рождество и Пасху одновременно с Римской Церковью. Впрочем, в процессе переговоров послы вынуждены были отказаться и от этих требований в обмен на богатые дары. Левон признал сюзеренитет имп. Генриха, а также папу как главу всей христ. Церкви; арм. епископы во главе с католикосом Григором VI Апиратом (1194–1203) и Нерсесом Ламбронаци поклялись в верности римско-католич. Символу веры. 6 янв. 1198/99 г., в день празднования Рождества Христова по арм. традиции, состоялась коронация Левона в ц. Св. Софии в Тарсе. По всей вероятности, корону на голову Левона возложил кард. Конрад (*Ibid*. P. 99–101). Тогда же усыновленный Левоном Раймонд Рубен, который воспринимался как наследник и К. А., и Антиохийского княжества, был крещен Конрадом. Левона поддержало и духовенство Армянской Церкви, католикос Григор VI Апират, Нерсес Ламбронаци. Сведения о церемонии коронации Левона содержит пространная редакция летописи Смбата (*La chronique attribue au connétable Smbat / Ed. D. Dédéyan*. P., 1980). Они поз-

воляют определить структуру Армянской Церкви в К. А. в это время. В церемонии участвовали 6 архиепископов, представлявших Тарс, Аназарв, Мсис, Сис, Ламброн и Капан (ныне Гебен) и 12 епископов (Адана, Аяс, Андриасанк (мон-рь св. ап. Андрея; ныне Фенккёйю), Бардзраберд, Копитар, Кракка, Маш-

Монета кор. Левона I.
XIII в. Аверс, реверс

кевор (не локализован), мон-рь Мелуос-Кастрон (Молевон; ныне Милван-Калеси), Мецкар, Санвиланк (не локализован), Селевкия и Йохнанк). Присутствовали также греч. митрополит Тарса и патриарх Сирийской яковитской Церкви. При этом значительная часть духовенства Армянской Церкви в Вел. Армении, мон-ри Гугарка и Арцаха выступили с осуждением Левона, обвинив его в византино- и латинофильстве. Архиеп. Ани Барсег принял титул католикоса вопреки Григору VI, и тем самым мог возобновиться раскол Армянской Церкви. После коронации Левон I на своих монетах именовался королем «всей Армении», подобным титулом официально пользовались также католикосы в Ромкле. Узнав о коронации Левона, визант. имп. Алексей III отправил ему корону от своего имени, призывая не надевать латинскую. Тем не менее возможность союза с К. А. для византийцев была потеряна.

После фактического распада Иерусалимского королевства под ударами Салах-ад-Дина и ослабления др. крестоносных гос-в укрепившаяся К. А. приобрела особое значение для христиан на Ближ. Востоке. После коронации Левон I продолжал политику союза с Западом и крестоносцами. Он женился во 2-й раз — на дочери короля Кипра и Иерусалима Амальрика II. Его дочь Рита (Стефания) была выдана за Иоанна Бриения, племянница Филиппа — за никейского имп. Феодора I Ласкаря.

Придворная культура К. А. с кон. XII в. испытывала все более сильное влияние западноевроп. феодальных

обычаев; внедрялось европ. феодальное право, были введены в действие Антиохийские ассизы, переведенные на армянский. Мн. политические термины заменялись лат. аналогами; ближайшие вассалы Левона теперь имели титулы баронов (вместо арм. понятия «нахарары»). Левон также укрепил союз с рыцарскими орденами. Госпитальеры (см. *Мальтийский орден*), которые присутствовали в Киликии уже с 1149 г.,

получили во владение Селевкию, Норперт и др. пункты и, т. о., должны были защищать зап. границу К. А.

Тевтонскому ордену была пожалована крепость Амуда и неск. окрестных замков (*Chevalier*. 2009). В это же время морские порты К. А. были открыты для европ. торговли, предоставлены привилегии генуэзцам и венецианцам.

В 1201 г., после смерти кн. Боэмунда III и перехода власти в Антиохии к Боэмунду IV, началась война за «антиохийское наследство», продолжавшаяся с переменным успехом в первые 2 десятилетия XIII в. Борьбой между христ. гос-вами воспользовались Халебский эмират и Иконийский султанат, к-рые в 1206 и 1216 гг., согласуя свои действия с кн. Боэмундом IV, напали на К. А. Стремление К. А. овладеть антиохийским престолом не привело к успеху. В 1216 г. Раймонд Рубен был возведен на престол в Антиохии, но в 1219 г. изгнан его дядей Боэмундом Триполийским, что вынудило Левона отказаться от мысли наследственной передачи своей власти Раймонду Рубену.

В 1220 г., после смерти Левона I, турки добились вассального подчинения К. А. Иконии. Власть в К. А. перешла к 8-летней принцессе Забел (Изабелле), при к-рой управлял совет регентов, состоявший из матери принцессы, католикоса и могущественных князей Адама и Костандина. Утративший власть также и в Антиохии, Раймонд Рубен попытался утвердиться в Киликии, но этому препятствовал Костандин Хетумид, регент принцессы. Не завершилось успехом и сватовство к принцессе сына кор. Венгрии Андраша II. В 1222 г. Забел была выдана замуж

за Филиппа, одного из младших сыновей кн. Боэмунда IV Антиохийского. После 3-летнего правления Филипп оскорбил арм. князей тем, что отправил из Сиса в Антиохию золотую корону Левона I, его трон и др. инсигнии власти. В 1226 г. Филипп был свергнут и заточен в тюрьму; королем был провозглашен малолетний сын Костандина Хетум I (1226–1269), за к-рого была выдана дочь Левона Забел. Этот союз был одобрен католиком Костандином I Бардзрабердци.

Первые годы царствования Хетума I совпали с периодом наивысшего могущества Иконийского султаната при Кей-Кубаде (1220–1237). В 1233 г. султан вторгся в К. А. и получил от Хетума большой выкуп. Сохранились монеты К. А., указывающие, что страна в это время признала вассальную зависимость от Иконийского султаната.

В 40-х гг. XIII в., после начала монг. завоеваний, ситуация на Ближ. Востоке резко изменилась. В 1242 г. монголы разгромили Иконий и сделали султана Кей-Хосрова II (1236–1246) своим вассалом. К. А. не участвовала в нападении, но по требованию монг. нойона Байджу Хетум I доставил в его ставку жену и дочь Кей-Хосрова, к-рые бежали в К. А. во время нападения монголов на Иконий. Это было использовано сельджуками как предлог для нападения на К. А., но Кей-Хосров овладел лишь неск. пограничными крепостями в Горной Киликии, к-рые армяне позднее сумели отвоевать.

С первых лет вторжения монголов в М. Азию и Сирию К. А. пришлось выбирать между противостоящими политическими силами: Иконийским султанатом и Монгольским гос-вом. Хетум I сделал смелый выбор, признав себя вассалом монголов, к-рые в этот момент испытывали к христианам расположение. Из христ. правителей его примеру последовал только кн. Боэмунд VI Антиохийский (уже в 50-х гг. XIII в.). В 1246 г. старший брат короля Смбат Спарпет, а в 1254 г. Хетум I посещали в ханской ставке владык Гуюк и Мунке, чтобы выхлопотать милости по отношению к арм. населению завоеванных монголами земель и укрепить положение К. А. В ходе этих поездок Смбат и Хетум встречались в городах Вел. Армении с князьями, пытаясь согласовать свою позицию с интересами новой Монгольской

*Кор. Хетум I
присягает монголам.
Миниатюра из рукописи
Haïton de Coricos. La Fleur des Estoires
de la Terre d'Orient. 1400–1410 гг.
(Paris. fr. 12201)*

державы. Правителям К. А. удалось добиться от монголов освобождения от податей для арм. церквей и монастырей Анатолии. В 1258 г. Хулагу начал завоевание Месопотамии. В его походах участвовала и армия К. А. во главе с Хетумом I, арм. князья Гугарка, Айрарата, Сюника и Арцаха, к-рые номинально оставались вассалами Грузии. Монголы захватили Майяфаркин, Эдессу, Халеб, Дамаск и Багдад. Однако на Ближ. Востоке сложилась и коалиция противников монголов (Хулагуидов) во главе с Египетским мамлюкским султанатом. В нее со временем вошли Иконийский султанат и др. тюрк. гос-ва М. Азии и Сирии, к-рые тем самым стали про-

тивниками К. А. Хетум I в рамках армяно-монг. союза принял деятельное участие в этой борьбе, пытаясь расширить территорию К. А., чтобы связать сухопутные пути Монголь-

ской державы со Средиземноморьем и с итал. торговыми городами. Хетуму удалось нанести поражения Румскому султанату (1259) и туркомам М. Азии (1263) и т. о. укрепить свои сев. и зап. границы. Однако положение монголов оказалось не столь твердым, особенно после их поражения от мамлюков при Айн-Джалуте в 1260 г. и потери большей части Сирии, в т. ч. Халеба.

В 1263 г. Хетум вторично был вызван ханом Хулагу в Тебриз (Иран), где при посредничестве монголов

*Левон II и Керан.
Миниатюра из Евангелия.
1262 г. Мастер Торос Рослин
(Б-ка Армянского Патриархата
в Иерусалиме. № 2660)*

был заключен мирный договор между правителем К. А. и иконийским султаном Рукн ад-Дином. Однако договор не прекратил вражду между гос-вами. Кроме того, Хетум не успел добиться от монголов к.-л. надежной поддержки в борьбе с мамлюкской угрозой. Уже в 1266 г. в отсутствие Хету-

*Победа мамлюков
над армянами в битве
при Мари в 1266 г.
Миниатюра из рукописи
Le Livre des Merveilles et autres
récits de voyages et de textes
sur l'Orient. 1410–1412 гг.
(Paris. fr. 2810)*

ма войско егип. султана Бейбарса вторглось в К. А. В бою был убит младший сын Хетума Торос, а старший сын Левон был взят в плен; большинство крупных городов было разграблено (Мсис, Адана, Аяс, Тарс, Сис), множество

жителей уведено в плен в Египет. Этот разгром психологически надломил Хетума. В 1268 г. он был вынужден заключить мир с Египтом, по которому в обмен на освобождение Левона К. А. лишилась крепостей в Аманусских горах и проч. земель в Сирии. Хетум удалился в мон-рь, передав власть Левону II (1269–1289). События 60-х гг. XIII в. стали поворотным моментом в истории К. А. Страна постоянно находилась под угрозой нападения мамлюков, к-рые уничтожили остатки гос-в крестоносцев и пользовались любой неудачей монголов на Ближ. Востоке или ослаблением их военных сил в Сирии, чтобы напасть на К. А. и взыскивать с нее контрибуции. В то же время К. А. находилась в вассальной зависимости от Монгольской державы, и отрекшийся от престола Хетум должен был совершить 3-ю поездку в ханскую ставку, чтобы Абага-хан утвердил его сына Левона на престоле К. А.

К. А., так же как и Монгольская держава, продолжала укреплять отношения с Римской курией и др. европ. гос-вами, надеясь на помощь крестоносцев в противостоянии мамлюкской угрозе. В этот период порты К. А. Аяс и Корик стали конкурентами Александрии. В 1271 г. новые торговые привилегии были дарованы венецианцам, к-рые создали крупную факторию в Аясе. Борьба Венеции и Генуи за особые торговые пошлины в К. А. закончилась победой последней. Огромное значение транзитных торговых путей К. А. и соперничество Аяса с Александрией обострили отношения К. А. с Египетским султанатом мамлюков, правители к-рого выражали недовольство тем, что К. А. являлась союзником монголов и европейцев, а те и другие (иногда договариваясь даже о совместном выступлении) стремились с ее участием завоевать Сирию и Палестину. К тому же вслед. торговой конкуренции между Аясом и Александрией Египет стремился нанести удар К. А. и помешать транзитной торговле, к-рая интенсивно велась между Европой и Востоком через порты Киликии. В 1275 г. мамлюки напали на К. А. В 1276 г. в К. А. пытались вторгнуться турки, но были остановлены Смбатом Спарпетом, который погиб в сражении. В 1281 г. войско монг. Ильханов двинулось против мамлюков и вторглось в Сирию; войска К. А. вновь

воевали бок о бок с монгольскими, но потерпели поражение в битве при Хомсе из-за отказа крестоносцев их поддержать. Арм. посольство, отправленное Левонем в Египет в надежде заключить мир, было арестовано и освобождено из тюрьмы лишь после вмешательства магистра ордена тамплиеров. Новый договор на 10 лет подписали в 1285 г. К. А. обязывалась

Монета кор. Хетума I.
Сер. XIII в.
Аверс, реверс

выплачивать Египту миллион дирхемов ежегодно и гарантировала расширение привилегий егип. купцов.

Положение К. А. продолжало ухудшаться в период правления сына Левона II Хетума II (1289–1293, 1295–1296, 1299–1301), в связи с тем что он проводил политику еще более радикальной латинизации. Религ. взгляды Хетума сформировались под сильным влиянием францисканцев. На протяжении правления Хетум неоднократно отрекался от престола и уходил на покой в мон-рь, но в силу тех или иных обстоятельств возвращался. В 1289 г. при поддержке папских легатов он сместил католикоса Костандина II Катукеци (1286–1289), стремившегося противодействовать лат. влиянию, и поставил во главе Церкви Степаноса IV Ромклаеци (1290–1292). Непопулярная пролат. политика Хетума и его стремление к уходу от власти способствовали нестабильному положению и вспышкам междоусобных войн в К. А. В мае 1292 г., после 33-дневной осады, мамлюкское войско султана аль-Ашрафа захватило Ромклу. Большинство монахов резиденции католикоса были убиты или захвачены в плен вместе со Степаносом IV. Арм. католикосы были вынуждены переехать в Сис — столицу К. А. Преемник Степаноса IV Григор VII Анаварзеци (1292–1307) был сторонником союза с католиками и политики Хетума. В это же время Сирийская яковитская Церковь потеряла свою патриаршую резиденцию в мон-ре Бар-Саума близ Мелитены, после того как он был разграблен

и разрушен. В 1293 г. мамлюки двинулись на Сис, но армянам удалось заключить мир, отказавшись от неск. городов на вост. границе К. А. (в т. ч. от Мараша) и удвоив суммы ежегодной дани. Хетум пытался поддержать союз с монголами, вновь отправившись в Иран. Заключив союз с Кипрским королевством, он выдал свою сестру Забел замуж за Амальрика, брата кор. Генриха II. В 1294 г. др. сестра Хе-

тума, Рита, стала женой Михаила IX, сына и соправителя визант. имп.

Андроника II Палеолога. Отрекшийся от власти Хетум отправился в К-поль вместе с братом кор. Торосом III (1293–1295), но в их отсутствие в К. А. престол захватил их брат Смбат (1296–1298), к-рого поддержал католикос Григор VII. Хетум и Торос были захвачены в плен, Торос умер в заточении, а Хетум был частично ослеплен. Однако в 1298 г. Смбата разбил в междоусобной войне младший брат Костандин II (1298–1299), к-рый вскоре вернул власть Хетуму.

Ослабленная междоусобицей К. А. вновь подверглась нападению мамлюков в 1298 г., которые разграбили Адану, Мсис и 11 др. крепостей. В 1299 г. монголы, поддержанные армянами, нанесли поражение мамлюкам близ Хомса, но через полгода отступили, и мамлюки вернули Сирию под свой контроль. В 1303 г. монголы и армяне потерпели поражение от мамлюков в сражениях при Хомсе и Шахабе (близ Дамаска). После этого попытки монголов завоевать Сирию прекратились. К. А. осталась фактически один на один с Мамлюкским султанатом.

В 1301 г. Хетум вновь отрекся от престола и удалился в мон-рь, передав власть племяннику Левону III (1301–1307). Тем временем после принятия ислама монголами Ирана и их поражения в Сирии отношение Хулагуидов к К. А. постепенно ухудшалось. Стремясь преодолеть политическую изоляцию, власти К. А. продолжали укреплять связи с Римско-католической Церковью. 19 марта 1307 г. Собор Армянской Церкви в Сисе, несмотря на неприятие

пролатинских взглядов большинства общества, подписал соглашение об унии с Римом. Часть епископов, в т. ч. Саргис Иерусалимский, протестуя, покинула Собор. С этого времени в Иерусалиме было основано самостоятельное Патриаршество Армянской Церкви, автокефальное по отношению к католику. Проводником унии стал избранный Собором католикос Костандин III Кесараци (1307–1322). Уния с католиками окончательно расколола общество К. А. В ряде городов вспыхнули восстания, которые власти подавляли силой. В нояб. 1307 г., во время встречи арм. правителей с монг. эмиром Биларгу близ Аназарва, были вероломно убиты Левон III, Хетум II и ок. 40 представителей арм. знати. Возможно, причиной убийства стали интриги арм. оппозиции, к-рая выступала против укрепления лат. влияния. За это преступление хан Олджейту приговорил Биларгу к смерти. Но резня под Аназарвом стала концом многолетнего союза К. А. с монголами. Отсутствие столь могущественной поддержки сделало политическое будущее К. А. фактически бесперспективным. С этого события началась последняя фаза истории К. А.

После трагедии 1307 г. разгорелась междоусобная война за престол, в к-рой победителем вышел младший сын Хетума Ошин (1309–1320), продолживший пролат. политику. Подавление выступлений противников унии сопровождалось казнями представителей различных слоев общества; священников заключали в тюрьму или высылали из страны. Ок. 1316 г. Собор в Адане подтвердил соглашение об унии 1307 г. При этом действительной военной помощи от европейцев К. А. почти не получала. В 1317 г. Ошин был вынужден отобрать владения и казну у ряда рыцарских орденов, после того как они отказались встать под знамена короля. Ухудшились отношения К. А. с Кипром; папа Иоанн XXII выступал посредником между королями, чтобы предотвратить военное столкновение. В 1314 г. монголы впервые вторглись в К. А. В 1318 г. страна подверглась нападению караманидов, но войско кн. Ошина Корикского разбило их. В 1320 г. мамлюки были остановлены под Сисом.

Со смертью Ошина престол перешел его малолетнему сыну Лео-

ну IV (1320–1342), при к-ром управлял регентский совет. Его главой стал кн. Ошин Корикский, к-рый женил Левона на своей дочери Алисе, а сам вступил в брак с вдовой

кор. Ошина Жанны Анжуйской. Тем не менее регентское правительство не могло быть достаточно сильным, а придворная борьба в последующие годы привела к серии убийств членов правящей фамилии. В 1329 г. достигший совершеннолетия Левон IV приказал убить кн. Ошина, его брата и свою жену Алису. Страну продолжали опустошать враги. В 1322 г. мамлюки захватили и разграбили Аяс, главный торговый порт К. А. Католикос Костандин IV Ламбронаци (1322–1326) отправился в Каир, где заключил мирный договор с Египтом на 15 лет. Но уже в 1323 г. мамлюки при слухах о якобы готовящемся в Европе крестовом походе вновь вторглись в К. А. В 1335–1337 гг. К. А. подверглась очередной серии нападений и грабежей; мамлюки захватили земли по правому берегу р. Пирам и порт Аяс. Несмотря на враждебность большей части населения к латинянам, правительство К. А. уже не имело альтернативы союзу с католиками и продолжало пролат. политику. Этому

пытался противодействовать католикос Акоб II Анаварзеци (1327–1341, 1355–1359), к-рый был смещен с престола по приказу Левона IV. Церковный Собор избрал католико-

сом Мхитара I Грнерци (1341–1355) вопреки воле Левона, к-рый пытался сделать католиком своего ставленника. 28 авг. 1342 г. Левон IV был убит своими приближенными. Со смертью сына кор. Левона и его внука Хетума

Победа монголов над мамлюками в битве близ Хомса в 1299 г. Миниатюра из рукописи Haiton de Coricos. La Flor des Estoires de la Terre d'Orient. 1301–1400 гг. (Paris. 886. Fol. 31v)

прекратилась династия Хетумидов. В 1342 г. собранием знати К. А. королем был избран Ги де Лузиньян, сын кор. Амальрика Кипрского и Изабеллы, дочери Левона III. Ги, принявший тронное имя Костандин II (1342–1344), сохранил католич. вероисповедание. Он продолжил политику укрепления унии, не считаясь с противодействием населения и часто притесняя арм. родовую знать. В это время в Сисе состоялся еще один церковный Собор, к-рый подтвердил унию. В 1344 г. в Адане кн. Ошин Бакуран поднял восстание, в ходе которого Костандин II был убит. На престол взошел Костандин III (1344–1362), также католик, внучатый племянник Хетума I, представитель фамилии Лузиньянов.

Собрав все силы королевства, Костандин III воевал против мамлюков и тюрок, добился ряда побед и в 1347 г. освободил Аяс. Однако силы были уже слишком неравны, и через год мамлюки вновь захватили Аяс и Вост. Киликию, а иконийские турки овладели крепостью Паперон. Дальнейшее продвижение мусульман было остановлено междоусобицей в Египте. Так и не получив существенной помощи из Европы,

Гробница Левона V в базилике Сен-Дени, Франция. Кон. XIV в.

Костандин III попытался изменить религ. политику. В 1361 г. по его распоряжению был созван Собор в Сисе под председательством католикоса Месропа I Артазеци (1359–1372). Собор разорвал ранее заключенные соглашения с католиками,

решил изъять из богослужения Армянской Церкви все изменения, внесенные под влиянием латинян. Тем самым Армянская Церковь отказалась от унии с Римом.

Кор. Костандин IV (1362–1373), племянник Хетума II, женился на вдове Костандина III Марии. Пытался укрепить союз с кор. Петром I

Крепость Сис

Кипрским, король передал ему порт Корик. Но после смерти Петра в 1359 г. Костандин потерял надежду на союз с христ. миром и обратился к переговорам с Египетским султаном. Костандин IV был убит своими приближенными.

Последним королем К. А. стал Левон V Лузиньян (1374–1375), сын Иоанна Лузиньяна и Солданы, по всей вероятности дочери царя Грузии Георгия V, имевший титул сенешаля Иерусалима (*Mutafian*. 1993. P. 201–202). Левон и его жена Маргарита (Мариун) Суасонская были коронованы в Сисе 14 сент. 1374 г. Уже в апр. 1375 г. мамлюки в очередной раз вторглись в К. А. и, пользуясь подавляющим превосходством, осадили Сис. При отражении штурма Левон был ранен. Вскоре он получил грамоту эмира Халеба, к-рой в случае сдачи крепости ему и его семье гарантировалась безопасность. Левон капитулировал и был отправлен как пленник в Каир вместе с женой и 2 дочерьми, католикосом Погосом I (1374–1382) и неск. князьями. Все они были выкуплены спустя год. Левон провел остаток жизни в изгнании в Париже и умер в 1396 г. Его титул и привилегии перешли Иакову I, кор. Кипра, к-рый тем самым объединил титулы правителей Иерусалимского, Кипрского и Киликийского королевств. Королева Маргарита жила в мон-ре св. Иакова в Иерусалиме.

В 1375 г. мамлюки овладели последней крепостью К. А. Габан. Арм.

средневеков. историки и хронисты падение Сиса и К. А. справедливо рассматривали как конец арм. государственности. Возрождение арм. гос-ва, уже на землях Армянского нагорья, произошло лишь в 1918 г.

В ходе завоевания К. А. мамлюками, а также во время походов Тамерлана на Ближ. Восток в кон. XIV в. большая часть арм. населения бежала из Киликии на Кипр и в Европу. Тем не менее до нач. XX в. армяне составляли значительную долю населе-

ния Киликии. В 1909 г. арм. община Аданы сильно пострадала от резни, устроенной турками. Арм. население Киликии было уничтожено или выселено в ходе геноцида 1915–1922 гг. Престол Киликийского католикосата ААЦ находился в Сисе до 1921 г.

А. А. Бозоян, Э. П. Г.

Лит.: Худобашев А., пер. Исторические памятники вероучения Арм. Церкви, относящиеся к XII ст. СПб., 1847; *Смбат Спаранет*. Летопись. М., 1856 (на арм. яз.); *Recueil des historiens des Croisades: Documents arméniens*. P., 1869. Т. 1; *Нерсес Шнорали*. Циркулярные послания. Иерусалим, 1871 (на арм. яз.); *Papadopoulos-Kerameus A.* 'Ανέκδοτα ἑλληνικά. Κωνσταντινούπολις, 1884; *Алишан Г.* Сисуан: Всеохватывающее описание Армянской Киликии и Левон Достославный. Венеция, 1885² (на арм. яз.); *Степанос Таронеци*. Всеобщая история. СПб., 1885 (на арм. яз.); *Орманшан М.* Армянская Церковь: Ее история, учение, управление, внутренний строй, литургия, лит-ра, ее настоящее / Пер. с франц.: Б. Рунт. М., 1913; *Mingana A.* Woodbrooke Studies. Camb., 1931. Vol. 4: The Work of Dionysius Barsalibi against the Armenians; *Tekeyan P.* Controverses théologiques en Arméno-Cilicie dans la seconde moitié du XII siècle (1165–1198). R., 1939; *Der Nersessian S.* Armenia and the Byzantine Empire. Camb. (Mass.), 1945; *idem.* The Kingdom of Cilician Armenia // A History of Crusades. Phil., 1969². Vol. 2: The Later Crusades, 1189–1311 / Ed. K. M. Setton. P. 630–659; *Микаелян Г. Г.* История Киликийского арм. гос-ва. Ереван, 1952; *Lamma P.* La spedizione di Giovanni Comneno in Cilicia ed in Siria in un panegirico inedito di Michele Italico // Memorie della Accademia delle Scienze di Bologna. Cl. di Scienze Morali. Ser. 5. Bologna, 1952. Vol. 4. P. 3–28; Мелкие хроники, XIII–XIV вв. / Сост.: В. А. Аюбян. Ереван, 1956. Т. 2 (на арм. яз.); *Mich. Syr.* Հրցոյ.; *Бартикян П. М.* К истории взаимоотношений между Византией и Киликийским Армянским гос-вом в кон. XII в. // ВВ. 1960. Т. 17. С. 52–56; *он же.* «Панегирик» Михаила Италика и проблема первого арм. короля в Киликии // ИФЖ. 1984. № 4. С. 216–229 (на арм. яз.); *он же.* Роль игумена Филиппопольского арм. мон-ря Иоанна Атмана в армяно-визант. церковных отношениях при

католикосе Нерсесе IV Благодатном (1166–1173) // ВОН. 1984. № 6. С. 78–88; *Bedouhian P.* Coinage of Cilician Armenia. N. Y., 1962; *Charanis P.* The Armenians in the Byzantine Empire. Lisboa, 1963; *Rödt-Collenberg W. H.* The Rupenides, Hethumides and Lusignans: The Structure of the Armeno-Cilician Dynasties. P., 1963; Свод арм. надписей. Ереван, 1966. Вып. 1: Городище Ани / Сост.: И. А. Орбели (на арм. яз.); *Canard M.* Le royaume d'Arménie-Cilicie et les Mamelouks jusqu'au traité de 1285 // REArm. 1967. Vol. 4. P. 217–260; *Сухиасян А. Г.* История Киликийского Арм. гос-ва и права. Ереван, 1969; *Toutanoff C.* Caucasia and Byzantium // Traditio. N. Y., 1971. Vol. 27. P. 111–158; *Борназян С. В.* Социально-экон. отношения в Киликийском Армянском гос-ве в XII–XIV вв. Ереван, 1973 (на арм. яз.); *Frazer Ch. A.* The Christian Church in Cilician Armenia: Its Relations with Rome and Constantinople to 1198 // Church History. Chicago, 1976. Vol. 45. P. 166–184; *Жаворонков П. И.* Никейская империя и Восток: Взаимоотношения с Иконийским султаном, татаро-монголами и Киликийской Арменией в 40–50-х гг. XIII в. // ВВ. 1978. Т. 39. С. 93–101; *он же.* Из истории никейско-килийских отношений в 1-й пол. XIII в. // АДСВ. 1999. Т. 30. С. 209–215; *La chronique attribuée au connétable Smbat / Ed. D. Dédéyan.* P., 1980; *Dédéyan G.* Mleh le Grand, stratège de Lykandos // REArm. 1981. Vol. 15. P. 73–102; *idem.* Les Arméniens entre Grecs, Musulmans et Croisés: Étude sur les pouvoirs arméniens dans le Proche-Orient méditerranéen (1068–1150). Lisboa, 2003. 2 vol.; *Savvidis A. G. C.* Byzantium in the Near East: Its Relations With the Seljuk Sultanate of Rum in Asia Minor, the Armenians of Cilicia and the Mongols. A. D. c. 1192–1237. Thessaloniki, 1981; *Бозоян А. А.* Восточная политика Византии и Киликия в 30–70-е гг. XII в.: Канд. дис. Ереван, 1983; *он же.* Визант. правители Киликии и княжество Рубенидов в 40–70-х гг. XII в. // ИФЖ. 1984. № 3. С. 74–86 (на арм. яз.); *он же.* Новый памятник армяно-визант. церк.-полит. и дипломатических отношений 2-й пол. XII в. // Кавказ и Византия. Ереван, 1984. Вып. 4. С. 224–231; *он же.* Восточная политика Византии и Киликия в годы правления имп. Иоанна II Комнина (до 1136) // Там же. 1987. Вып. 5. С. 5–13; *он же.* Восточная политика Византии и киликийская Армения в 30–70-х гг. XII в. Ереван, 1988 (на арм. яз.); *он же.* Новейшие публикации греч. и лат. надписей Киликии // ИФЖ. 1991. № 2. С. 216–220 (на арм. яз.); *он же.* Документы об арм.-визант. церковных контактах, 1165–1178. Ереван, 1995 (на арм. яз.); *idem.* (Bozoyan). Les documents ecclésiastiques arméno-buzantins après la quatrième croisade // ByzF. 2007. Bd. 29. S. 125–134; *idem.* Armenian Political Revival in Cilicia // Armenian Cilicia / Ed. R. G. Hovannisian, S. Payaslian. Costa Mesa (Calif.), 2008. P. 67–78; *idem.* Les relations arméno-buzantines au XIIIe siècle: nouvelles perspectives // L'Église arménienne entre Grecs et Latins (fin XIe – milieu XVe siècle) / Ed. I. Augé, G. Dédéyan. P., 2009. P. 35–47; *idem.* Le système hiérarchique de l'Église arménienne à l'époque des Mangols // Вазмавер: Revue d'études arméniennes. Venetik, 2010. Vol. 168. N 3/4. P. 521–531; *Степаненко В. П., Шорохов А. В.* Пытка реализации ойкуменической доктрины в кон. XI – нач. XII в.: К хронологии визант.-антиохийской борьбы за Равнинную Киликию, 1097–1108 // АДСВ. 1983. Вып. 20. С. 139–147; *Armenian Numismatic Bibliography and Literature / Ed. Y. T. Nersessian.* Los Angeles, 1984; *Варданян В. М.*

Каталог арм. рукописей собрания Армянского католикосата в Киликии // ВОН. 1985. Т. 11. С. 91–95 (на арм. яз.); *Guillaume de Tyr*. Chronique / Ed. R. B. C. Huygens, H. E. Mayer, G. Rösch. Turnholt, 1986. 2 vol. (СССМ; 63–63А); *Тер-Гевондян В. А.* Киликийская Армения и Сирия в 40–70-х гг. XII в. // ИФЖ. 1986. № 2. С. 122–129 (на арм. яз.); *он же.* Киликийская Армения и арабские страны Ближ. Востока, 1145–1226 гг. Ереван, 1994 (на арм. яз.); *Dagron G., Feissel D.* Inscriptions de Cilicie. P., 1987; *Степаненко В. П.* Равнинная Киликия во взаимоотношениях Антиохийского княжества и княжества Рубенидов в 10–40-х гг. XII в. // ВВ. 1988. Т. 49. С. 119–126; *он же.* Цицилия, «дама Тарса и сестра короля»: (Равнинная Киликия в составе Антиохийского княжества) // Там же. 1990. Т. 51. С. 119–123; *он же.* Киликийский вопрос в междунар. отношениях в 50–70-х гг. XII в. // Там же. 1991. Т. 52. С. 127–135; *он же.* Княжество Рубенидов Киликии в междунар. отношениях на Ближ. Востоке в 20–30-е гг. XII в. // Там же. 1994. Г. 55. Вып. 1. С. 162–168; *он же.* Торос II Рубенид и визант. администрация равнинной Киликии (1158–1160) // Там же. 1995. Т. 56. С. 127–133; *Mutafian C.* La Cilicie au carrefour des empires. P., 1988. 2 vol.; *idem.* Le Royaume Arménien de Cilicie, XIIe–XIVe siècle. P., 1993; *idem.* Lévon VI Lusignan: Un preux chevalier et/ou un prêtre monarque // Les Lousignans et l’Otre-mer: Actes du Colloque. Poitiers, 1993. P. 201–210; *idem.* L’Arménie du Levant, XIe–XIVe siècle. P., 2012. 2 vol.; *Balletto L.* Notai genovesi in Oltremare: Atti rogati a laiazzo da Federico di Piazzalunga (1274) e Pietro di Bargone (1277, 1279). Genova, 1989; *Ованнисян М.* Крепости и города-крепости Армянской Киликии. Венеция, 1989 (на арм. яз.); *Hild F., Hellenkemper H.* Kilikien und Isaurien. W., 1990. 2 Tl. (ТІВ; 5); *Halfter P.* Das Papsttum und die armenier im frühen und hohen Mittelalter. Köln; Weimar; W., 1996; *idem.* L’Église arménienne entre la Papauté et les Byzantins aux XIIe–XIIIe siècles // L’Église arménienne entre Grecs et Latins: fin XIe – milieu XIVe siècle / Ed. I. Augé, G. Dédéyan. P., 2009. P. 63–78; *Zekiyani B. L.* The Religious Quarrels of the XIVth Cent. Preluding to the Subsequent Divisions and Ecclesiological Status of the Armenian Church // Studi sull’oriente cristiano. R., 1997. Vol. 1. P. 164–180; *Schmidt A., Halfter P.* Der Brief des Papstes Innozenz II an den armenischen Katholikos Gregor III: Ein wenig beachtetes Dokument zur Geschichte der Synode von Jerusalem (Ostern 1141) // АНС. 1999. Bd. 31. S. 50–71; *Закиров А. И.* Киликийско-румские отношения в 1211–1216 гг. // АДСВ. 2001. Вып. 32. С. 180–192; *Thompson R. W.* The Crusades through Armenian Eyes // The Crusades from the Perspective of Byzantium and the Muslim World / Ed. A. Laiou-Thomadakis, R. P. Mottahedeh. Wash., 2001. P. 71–82; *Тамразян Г.* Григор Нарекаци и киликийская школа поэтического искусства // ИФЖ. 2003. № 2. С. 40–58; *Тер-Петросян Л.* Крестоносцы и армяне. Ереван, 2005–2007. 2 т. (на арм. яз.); *Akopian A. A.* Historical-Geographical and Lithographic Studies: Artsakh and Utik. W.; Yerevan, 2009; *Augé I.* L’ambassade de Nersès Lambronatsi à Constantinople (1197) // L’Église arménienne entre Grecs et Latins. 2009. P. 49–62; *Chevalier M.-A.* Les ordres religieux-militaires en Arménie cilicienne. P., 2009; *Гарсоян Н.* Беспорочное вино святой чаши причащения в Армянской Церкви // Эчмиадзин. 2010. Т. 66. № 7. С. 12–30 (на арм. яз.).

Э. П. Г.

Литература. С формированием К. А. начался новый этап развития арм. литературы, который исследователи называют «серебряным веком». В ней не только укоренились и в нек-рых случаях возобновились древние традиции арм. письменности, но и появились новые формы и жанры. Тесное соприкосновение К. А. с западноевроп. гос-вами, участие в крестовых походах, обширные торговые связи также наложили отпечаток на арм. лит-ру и традиции образования в К. А. Претерпел изменения и арм. язык: для эпохи К. А. характерен киликийский, близкий к разговорному среднеармянскому (лит. арм. язык XI–XVII вв.), пришедший на смену прежнему лит. языку – грабару (букв. – «письменный»). Среднеарм. язык со множественством заимствований из др. языков (греческого, латинского, французского, персидского, татарского и др.) стал основой зарождающейся литературы, носившей более светский характер в отличие от традиц. духовной письменности на древнеарм. языке. На среднеармянском были написаны важные исторические сочинения, лит. шедевры, экзегетические и литургические работы, памятники юридической лит-ры, естественнонаучные, философские, медицинские трактаты, притчи и проповеди, созданы различные сборники, учебники и др. Лит. деятельностью занимались: католикосы *Григор II Вкаясер* (Мартирофил (Мучениколюбец); ок. 1025–1105), *Григор III Пахлавун* (ок. 1093–1166), *Нерсес IV Шнорали* (ок. 1102–1173), *Григор IV Тха* (ок. 1133–1193), а также *Геворг Лореци* (2-я пол. XI в.), *Геворг Мегрик* (1043/45 – ок. 1113/15), *Киракос Дразаркци* (ок. 1050–1127), *Игнатиос Черногорец* (1090–1160), *Вардан Айказн* (XI–XII вв.), *Барсег Дразаркци* (ок. 1100 – ок. 1163), *Саргис Шнорали* (ок. 1100 – ок. 1167), *Григор Кесунци* (1100?–1170?), *Григор Марашеци* (XII в.), еп. *Нерсес Ламбронати* (1153–1198), *Григор Скевраци* (1170/75–1264/65), *Вардан Айгекци* (ок. 1170–1235), *Аристаке Ритор* (ок. 1170 – ок. 1240), *Ованнес Гарнеци* (ок. 1180 – ок. 1245), *Вардан Великий* (Аревелци; ок. 1198–1271), *Мхитар Скевраци* (ок. 1200 – ок. 1271), *Смбат Спарапет* (1206–1276), *Ваграм Рабуни* (ок. 1215 – ок. 1290), *Ованнес Ерзнкаци Плуз* (ок. 1230–1293), *Григор VII Анаварзеци* (ок. 1240–1307), *Хетум Патмич* (Исто-

рик; ок. 1240 – ок. 1310), *Хетум Корикосци* (ок. 1240 – ок. 1311, племянник кор. Хетума I), *Геворг Скевраци* (ок. 1246/47–1301), *Ованнес Аркаехбайр* (букв. – «брат короля» – Хетума I; XIII в.), *Мовсес Ерзнкаци* (1250 – ок. 1323, ученик Геворга Лореци), *Костандин Ерзнкаци* (ок. 1250 – ок. 1340), *Вардан Малый Бардзрабердци* (Киликеци; ок. 1260 – ок. 1326), *Барсег Машкеворци* (ок. 1280 – ок. 1345), *Тиратур Вардапет Киликеци* (ок. 1275 – ок. 1350), *Нерсес Палианенц* (кон. XIII в. – 1363), *Киракос Ерзнкаци* (1289–1355), *Ованнес Тлкуранци* (1320–1400) и др.

Как и более ранние произведения, лит-ра К. А. тоже создавалась и развивалась в центрах письменности, в вардапетаранах, – высших учебных заведениях, в основном находившихся в мон-рях. В К. А., однако, такие центры часто могли быть расположены на территории фамильного замка того или иного князя. Продолжая арм. традиции, эти центры письменности сохраняли континуитет своих школ; вардапеты-учителя передавали знания и методы обучения ученикам, к-рые основывали свои монастыри-школы и в свою очередь передавали накопленные традиции ученикам следующих поколений. Известные вардапетараны К. А., где не только обучались каллиграфы, но и переписывались и оформлялись рукописи и создавались лит. произведения, находились в городах Акнер, Дразарк, Машкевор, Аркаяхахин, Сис, Гесванц, Тарс, Скевра, Мецкар, Млич, Кракан, Перчер, Джермахбюр и др., а также в арм. мон-рях Чёрной Горы (Амануса) Кармирванк (Красный мон-рь), Карашиту, Шапирин, Арегин, Шугр, Барсехеанц, Пахакдзиак, Парлахой (Парлао) и др. В мон-рях Чёрной Горы, многие из к-рых были изначально сирийскими, подвизались не только армяне, но и греки, латиняне, сирийцы, грузины, к-рые, соперничая между собой, тем не менее сотрудничали. Фактически эти мон-ри являли собой нечто подобное международному образовательному центру, где даже давали степень доктора – вардапета. Так, напр., Мхитар Гош, получивший звание вардапета в Армении, скрыл его, когда для обогащения своих знаний посетил мон-ри Чёрной Горы и здесь фактически во 2-й раз получил то же звание. Звание Шнорали (Благодатный) встречается только в К. А. и,

очевидно, является особой степенью или титулом, к-рый носили особо одаренные ученые, работавшие именно в монашеском образовательном центре Аманусских гор. Возможно, это звание было присуждено группе студентов, к-рые учились у настоятеля мон-ря Кармирванк Степаноса Манука, т. к. все известные лица, называвшиеся Шнорали (Нерсес, Саргис и Игнатиос), были его учениками.

Характерной чертой лит-ры К. А. следует считать то, что мн. авторы наряду с лит. деятельностью были вовлечены и в политическую жизнь К. А.: занимали положение при дворе, были дипломатами и т. п. Более того, члены королевских семей К. А. нередко становились литераторами или принимали активное участие в культурной жизни страны, заказывая и спонсируя те или иные произведения. Напр., по поручению кор. Хетума I Вардан Аревелци написал

ражает, напр., рукопись арм. Библии, выполненная Геворгом Скеврати для кор. Хетума II (XIII в.). В ее колофоне, написанном самим королем, говорится о том, что текст Свящ. Писания был сличен с лат. Вульгатой и что лат. оглавление введено для всех книг. В конце колофона добавлено: «Я, Хетум, осуществил сей тяжкий труд, сделал заметки (на полях) и поменял оглавление, дабы в обоих текстах легче было найти параллели» (*Гарегин I (Овсепян)*. 1951. С. 248). Политические события эпохи отражены и в «Элегии на взятие Эдессы», написанной в 1145 г. Нерсесом Шнорали (буд. католикосом) — зачинателем жанра эпической поэмы в арм. лит-ре. В том же политическом ключе следует воспринимать и поэму католикоса Григора IV Тха «Плач по Иерусалиму» (1189). В киликийской лит-ре появляются подложные произведения, в т. ч. составленное в кон. XII — нач. XIII в. «Письмо любви и согласия между великим императором Константином и св. папой

«Книга,
называемая Сын Иисус»
Нерсеса Шнорали
(СПб., 1785) (РНБ)

Сильвестром и Трдатом, царем армян, и св. Григорием, Просветителем армян». Уже из заглавия очевидны источники этого документа: Житие св.

Сильвестра (переведено на арм. яз. в 678 Григором Дзорапореци по заказу кн. Нерсе) и «Константинов дар», к-рые в свою очередь были фальсификациями, утверждавшими первенство Римского престола и служившими источниками для папских притязаний. Согласно этому «Письму...», папа Римский имел неограниченную власть на земле и на небе от Запада до Востока, а арм. католикосу предоставлялась огромная власть на Востоке. В эдикте описаны легендарные путешествия царя Трдата и св. Григория Просветителя в Рим и совместное «хождение» в Иерусалим, перечислены дары и фантастические привилегии, якобы полученные арм. царем и католикосом от имп. Константина и св. папы Сильвестра.

На лит-ру К. А. повлияло и тесное сотрудничество с Вел. Арменией.

В эпоху К. А. мн. авторы из Армении уезжали в Киликию (Геворг Лореци, Геворг Мегрик) на учебу (Мхитар Гош, Степанос Орбелян и др.), некоторые — по приглашению киликийских властей. Были авторы и в Армении, к-рые описывали события, происходящие в К. А. или связанные с ней. Напр., вардапет, богослов и экзегет Ованнес Козерн Таронаци (ок. 970 — ок. 1050) кроме научных работ («История Багратидов», «Комментарий календаря» и др.) известен еще и предсказанием, к-рое записано в «Видении», о том, что в 1037 г. турки захватят Эдессу и произойдет невероятное землетрясение и затмение и что Армения в течение 60 лет будет находиться под игом тюрок, а через 50 лет с Запада придут франки и освободят Иерусалим и всех христиан. Совр. наука считает, что текст предсказания является более поздней интерполяцией в произведении Ованнеса Козерна. Впосл. «Видение» было включено в «Хронографию» *Маттеоса Урхаеци*. Уникальные сведения об истории не только Армении, но и К. А., равно как и соседних гос-в кон. XII в., приведены и в «Хронике» Самуэла Анеци.

Эпоха К. А. отличается бурным расцветом художественной лит-ры. В арм. поэзии зарождается любовная лирика — стихотворения Костандина Ерзнкаци восхваляют жизнь, любовь, человека, природу, содержат описание пробуждения весны. Достижением эпохи К. А. было формирование и развитие басен, многочисленных сборников наставительных рассказов, притч. Основоположником этих жанров был Мхитар Гош, получивший свое 2-е образование в Киликии. Его продолжателем был Вардан Айгекци. С XIII в. одной из вершин средневеков. арм. поэзии стали айрены — четверостишия, а иногда пятистишия со сквозной рифмой, принадлежавшие большей частью анонимным авторам. Темой айренов, как правило, были любовь и разлука, но среди них есть и лирико-философские произведения, к-рые называют айренами раздумий. Довольно большой цикл айренов посвящен скитаниям, родной земле, тяжелой доле странника. Исключительна роль и сборников «Манрусмунк» и «Хазгирк», содержащих историю арм. музыки и муз. нотации.

Лит.: *Гарегин I (Овсепян)*, католикос. Колофоны рукописей. Антилиас, 1951. Т. 1: V в. — 1250 г. (на арм. яз.); *Норайр (Похарян)*, еп. Армянские

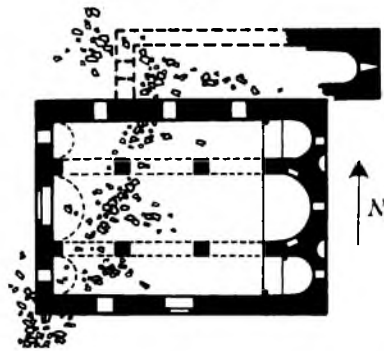
до сих пор не изданные «Комментарии к Св. Книгам», более известные под названием «Жхланк» (Разное, Стромата). Написанное простым, народным языком, это сочинение также содержит интересные сведения из различных областей знания, в т. ч. философии, музыки, грамматики, астрономии, ботаники, зоологии и др. Кор. Левон III написал четверостишия по подобию айренов, посвященные мон-рю Татев. Его дочь принцесса Алиса Тарская была поэтессой и известной каллиграфисткой: она разработала неск. шрифтов арм. письма, была автором стихотворений, высеченных на дарственных чашах.

Лит-ра К. А. очень политизирована, т. к. мн. творения этого времени описывали сложные взаимоотношения зап. и вост. гос-в. Подобные интересы арм. интеллектуалов от-

авторы V–XVII вв. Иерусалим, 1971 (на арм. яз.); *Der Nersessian S.* The Kingdom of Cilician Armenia // *Idem. Études Byzantines et Arméniennes.* Louvain, 1973. Vol. 1. P. 329–352; The Cilician Kingdom of Armenia / Ed. T. S. R. Boase et al. Edinb., 1978; *Hamilton B.* The Armenian Church and the Papacy at the Time of Crusades // *ECR.* 1978. Vol. 10. P. 61–87; *Thomson R. W.* A Bibliography of Classical Armenian Literature to 1500 AD. Turnhout, 1995; *idem.* Constantine and Trdat in Armenian Tradition // *Acta Orientalia.* Bdptst, 1997. T. 50. P. 277–289; *idem.* The Crusades through Armenian Eyes // The Crusades from the Perspective of Byzantium and the Muslim World / Ed. A. Laiou, R. P. Mottahedeh. Wash., 2001. P. 71–82; *Shirinian M. E.* The Armenian Versions of Vita Silvestri / Ed. N. Awde // *Armenian Perspectives: 10-th Anniversary Conf. of Association intern. des études arméniennes.* Richmond, 1997. P. 69–75; *eadem.* «The Letter of Love and Concord» Between Rome and Armenia: A Case of Forgery from the Period of Crusaders // *East and West in the Crusader States: Context, Contacts, Confrontations* / Ed. K. Ciggaar, H. Teule. Leuven, 2003. Pt. 3: Acta of Congress Held at Hernen Castle in Sept. 2000. P. 79–99. (OLA; 125); *она же (Ширинян М. Э.).* Житие Сильвестра и Письмо любви и согласия // *Вестн. Матенадарана.* Ереван, 2006. Т. 17. С. 53–77 (на арм. яз.); *Van Lint Th. M.* Seeking Meaning in Catastrophe: Nerses Shnorhali's «Lament on Edessa» // *East and West in the Crusader States.* Leuven, 1999. Pt. 2: Acta of Congress Held at Hernen Castle in May 1997. P. 29–47. (OLA; 92); *The Poem of Lamentation over the Capture of Jerusalem Written in 1189 by Grigor Tgha, Catholicos of All Armenians* // *The Armenians in Jerusalem and the Holy Land: Proc. of the Conf. at the Hebrew Univ. of Jerusalem, May 24–26 1999.* Leuven, 2002. P. 121–143; *Uluhogian G.* Un Tardo apocrifo armeno relative a Costantino il Grande: La Lettera dell'unione // *Constantino il Grande nell'età bizantina: Atti del conv. intern. di studio, Ravenna, 5–8 apr. 2001.* Spoleto, 2003. Vol. 1. P. 369–385. (Bizantinistica; Ser. 2. Anno 5); *Бартикян Г.* «Письмо согласия»: Структура, дата, автор и цель // *ИФЖ.* 2004. № 2. С. 65–116 (на арм. яз.); *Тер-Петросян Л.* Армяне и крестоносцы. Ереван, 2005–2007. Т. 1–2 (на арм. яз.); *Weitenberg J. J. S.* The Armenian Monasteries in the Black Mountain // *East and West in the Medieval Eastern Mediterranean: Antioch from the Byzant. Reconquest until the End of the Crusader Principality* / Ed. K. N. Ciggaar, D. M. Metcalf. Leuven, 2006. P. 79–94. (OLA; 147); *Histoire du peuple arménien* / Ed. G. Dédéyan. Toulouse, 2007; *The Letter of Love and Concord: A Revised Diplomatic Edition with Hist. and Textual Comments and Engl. Transl.* / Ed. Z. Pogossian. Leiden; Boston, 2011.

М. Э. Ширинян

Памятники церковной архитектуры. Исследование архитектуры К. А. затруднено из-за крайне ограниченного числа сохранившихся памятников. Наиболее крупными сооружениями в К. А. были многочисленные крепости, замки и цитадели. Т. о., основу архитектурного наследия региона составляло зодчество оборонительного назначения. Сохранились руины арм. крепостей Сис, Аназарв, Тарс, Мсис (Мопсуестия), Корик, Копитар, Хамус (Чардак),

План ц. Тороса I в Аназарве

Манчылык, Шах-Маран, Хачен (Самбейли), Бардзраберд (Мейдан), Тамрут, Чогакан (Азгыт), Леонкла (Левонкале), Анамур и др. Среди руин внутри крепостей известны неск. десятков малых храмов. Это квадратные в плане постройки с одной апсидой и площадью не более 15–20 кв. м. Благодаря простоте конструкции они легко вписывались в структуру крепостных башен и стен, мон-рей, светских построек более крупных размеров, дворцов и т. п.

Сохранились остатки лишь неск. крупных храмов К. А., первоначальный облик к-рых поддается реконструкции. Таковы церковь Тороса I в Аназарве, церковь кн. Смбата в Чандыре (Папероне, Бабароне), комплекс мон-ря Касталон (Каракилисе) близ крепости Вахка. Церкви в Аназарве и Чандыре, построенные по заказу крупных политических деятелей К. А., близки по размерам и по характеру кладки. Храмы нередко имеют

Крепость Сис.
Рисунок. Кон. XIX в.

плоские фасады, скрывающие их внутреннюю структуру. Стены сложены с помощью забутовки из раствора и камней, облицованы снаружи и внутри ровной кладкой из блоков известняка розово-серого цвета. Храмы 3-апсидные; боковые стены центральной апсиды имеют маленькие круглые ниши, к-рые характерны для архитектуры Киликии (подобные есть у храмов в Алахан-манас-

тыре и на горе Махрас). Церковь Тороса I в Аназарве находится в юго-восточном углу юж. двора крепости (*Bell G. L.* Notes on a Journey through Cilicia and Lycaonia // *RA.* 1906. Vol. 7. P. 24–28; *Gough M. R. E.* Anazarbus // *AnatSt.* 1952. Vol. 2. P. 125–127; *Edwards.* 1982. P. 156–161; 1983. P. 128–130, 131–134; *Hild, Hellenkemper.* 1990. Tl. 1. S. 183–184). Под резным карнизом находилась посвятельная надпись, опоясывавшая храм по периметру (сохр. фрагменты). Согласно ей, кн. Торос I построил храм как усыпальницу и место поминовения своих предков. По арм. хроникам известно, что Торос украсил церковь иконой Божией Матери, к-рая была захвачена им в одной из киликийских крепостей (RHC. Aqm. T. 1. P. 499). В хронике Самуэля Анеци освящение храма датируется 1111 г. (*Ibid.* P. 448–449). Здание находится в руинах, большая часть разрушений относится к XX в. До уровня карнизов сохранились лишь апсиды и юго-зап. угол внешней стены. Церковь (13,05×9,6 м) была сложена из известняка методом забутовки и облицована кладкой из обработанных и хорошо пригнанных каменных блоков разных размеров. Конструкция храма, слегка вытянутого по оси «запад–восток», в основном соответствовала традиции крестовокупольной архитектуры. Пространство было разделено 4 опорными столбами на 3 продольных нефа, к-рые завершались 3 алтарными апсидами, не выявленными в плане, а лишь обозначенными в вост. стене 2 небольшими вертикальными нишами. По сооб-

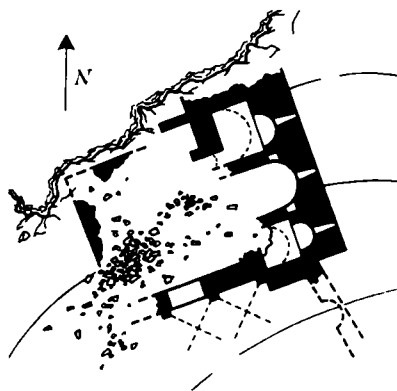
щению Г. Белл, посетившей Аназарв в 1905 г., своды храма, к-рые в то время еще сохранялись, были полностью сложены

из кирпича, что является редкостью для Киликии и, возможно, указывает на поздние перестройки. Белл и М. Гоф видели в конхе центральной апсиды фреску с изображением сидящего на троне Иисуса Христа в темных одеждах и предстоящих ему 4 евангелистов и 2 серафимов (сохр. небольшие фрагменты). С севера к храму был пристроен придел с алтарем; его посвящение неизвестно.

Согласно средневек. источникам, кор. Хетум I в 1230 г. возвел собор Св. Софии в Сисе — придворную церковь, с кон. XIII в. кафедральный собор Армянской Церкви в Киликии (*Alishan*. 1899. P. 246–250; *La chronique attribuée au connétable Smbat* / Éd. D. Dédéyan. P., 1980. P. 114; *Edwards*. 1983. P. 134–141). Сохранились лишь фундаменты этого здания, перестроенные в Новое время. Храм находился на нижней террасе крепости Сис. Он был покинут в кон. XIV в., когда после падения К. А. вся нижняя терраса Сиса была занята мусульм. общиной. В нач. XVIII в. Киликийский арм. патриарх Гугас I получил разрешение властей Османской империи на постройку мон-ря на нижней террасе. На месте храма Св. Софии, уже сильно разрушенного, было начато строительство новой церкви, к-рое затянулось на много десятилетий. В нач. XIX в., при патриархе Гирагосе I, сюда была переведена резиденция Киликийских патриархов, для к-рой был возведен комплекс каменных и деревянных зданий на месте бывш. королевского дворца К. А. Храм был освящен 30 авг. 1810 г. во имя свт. Григория Просветителя. Новая церковь, видимо, соответствовала композиции собора Св. Софии эпохи К. А. Это была 3-нефная купольная базилика с 3 апсидами, с хорами на 2-м этаже боковых нефов. К юж. апсиде была пристроена колокольня (кампанила в итал. стиле), на нижнем этаже к-рой находилась часовня апостолов Петра и Павла. В сер. XIX в. с юга к храму была пристроена часовня Сурб-Эчмиадзин с куполом на 8-гранном барабане (в археологических исследованиях известна как «капелла G»). В 1919 г. патриаршая резиденция и большая часть церкви, кроме алтаря и часовни Сурб-Эчмиадзин, были разрушены турками; остатки комплекса уничтожены после 1945 г.

Церковь кн. Смбата в Чандыре (древний и средневек. Паперон) находится внутри крепости, у ее сев. стены (*Gottwald*. 1936; *Edwards*. 1982. P. 161–164; *Hild, Hellenkemper*. 1990. Тl. 1. S. 374–375). Дата и обстоятельства постройки известны по надписи, сделанной по указанию кн. Смбата, брата кор. Хетума I, к-рый в 1251 г. освятил храм как усыпальницу Хетума. В наст. время храм почти полностью разрушен, но в XX в. исследователи успели зафиксировать его

в относительно сохранным виде, хотя основные детали его композиции во многом остаются неясны. Поскольку не сохранились ни столбы, ни своды, невозможно даже определить, был ли собор купольным хра-

План ц. кн. Смбата в Чандыре

мом или 3-нефной сводчатой базиликой. Храм имел 3 скрытые в стенах толщиной ок. 76 см апсиды, каждая освещалась через маленькое узкое окошко. Боковые апсиды были отделены от основного пространства храма и, по-видимому, служили фамильными склепами. Размеры розово-серых камней известняка, из которых сложена церковь, и характер кладки такие же, как у храма в Аназарве, но более аккуратные. Сев. стена тесно примыкала к обрыву скалы и, видимо, не имела входа. В стену юж. апсиды (или юж. придела) храма встроен большой хачкар, подобный тем, что широко известны в Вел. Армении. Ачирный вход из храма в юж. придел был богато украшен резьбой. Рядом с этим порталом находилась ныне утраченная длинная почитательная надпись, к-рая занимала почти всю стену от уровня пола до сводов (*Gottwald*. 1936. S. 95–97). Следов фресок не сохранилось, хотя в 30-х гг. XX в. Й. Готтвальд еще видел фрагменты росписи в южной капелле. К западу от храма отмечены остатки небольшого кладбища.

Мон-рь Касталон рядом с крепостью Вахка (*Edwards*. 1987. P. 260–261; *Hild, Hellenkemper*. 1990. Тl. 1. S. 207–208, 295) — место погребения князей Рубена I и его сына Костандина I на рубеже XI и XII вв. Мон-рь существовал уже в ранневизант. эпоху: сохранились остатки базилики и др. сооружений того времени. По крайней мере в кон. XII в. мон-рь был резиденцией арм. архиепископов Аназарва, к-рые считались также настоятелями Касталона. В ранне-

визант. эпоху главный храм мон-ря был 3-нефной базиликой (по остаткам декора на апсиде датируется VI в.). В период К. А. базилика была перестроена в однонефный храм меньших размеров (длина 15,75 м, ширина апсиды 6,39 м) с сохранением древней апсиды. Новые стены, сложенные из блоков известняка с забутовкой внутри (подобная техника встречается и в постройках Вахки), сохранились почти до уровня сводов. Определить конструкцию кровли невозможно. Церковь окружена развалинами др. монастырских построек, преимущественно арм. эпохи.

В Саимбейли известны остатки неск. арм. церквей разного времени (*Alishan*. 1899. P. 174–177; *Edwards*. 1983. P. 125–128, 130–131; *Hild, Hellenkemper*. 1990. Тl. 1. S. 265). В эпоху К. А. здесь была построена крепость, к-рую в 1-й пол. XV в. преобразовали в мон-рь Богородицы. Кафоликон имел крестово-купольную форму; в Новое время перестраивался дважды; был разрушен в нач. 20-х гг. XX в. в период геноцида армян. Сев.-зап. башня крепости служила основанием для колокольни, ныне также разрушенной. В этом же комплексе сохранилась апсида небольшого арм. храма, некогда встроенного в крепостную башню. В сев.-зап. части поселения видны остатки мон-ря ап. Иакова, к-рый был основан армянами в кон. XII — нач. XIII в. Монастырский храм был полностью перестроен в 1554 г. местным еп. Хачадуром. Основные пропорции сооружения (длина сев. и юж. стен ок. 19 м) предположительно соответствуют храму эпохи К. А., остатки к-рого, впрочем, не обнаружены. Это была 3-нефная купольная базилика с 3 апсидами. Некоторые конструктивные особенности храма, напр. 5-угольное башнеобразное завершение внешней стены главной апсиды, имеют аналоги в архитектуре церкви Тороса I в Аназарве. В 1919 г. основную часть храма разрушили турки. Сохранились апсиды и основания внешних стен наоса. В сер. XX в. южные неф и апсида храма использовались как основа для жилого дома.

Лит.: *Alishan G.* Sissouan, ou L'Arméno-Cilicie. Vénise, 1899; *Herzfeld Z., Guyer S.* Meriamlik und Korykos. [Manchester], 1930. (MAMA; 2); *Gottwald J.* Die Kirche und das Schloss Paparon in Kilikisch-Armenien // *BZ*. 1936. Bd. 36. S. 86–100; *idem.* Burgen und Kirchen im mittleren Kilikien // *Ibid.* 1941. Bd. 41. S. 82–103; *K'elešean M.* Sis-Matean. Beirut, 1949; *Dunbar J. G., Boal W. W. M.* The Castle of Azgit // *The Cilician Kingdom of Armenia* / Ed.

T. S. R. Boase et al. N. Y., 1978. P. 90–91; *Edwards R. W. Ecclesiastical Architecture in the Fortifications of Armenian Cilicia* // DOP. 1982. Vol. 36. P. 155–176; 1983. Vol. 37. P. 123–146; *idem. The Fortifications of the Armenian Cilicia*. Wash., 1987; *Hild F., Hellenkemper H. Kilikien und Isaurien*. W., 1990. 2 Tl. (TIB; 5).

Э. П. Г.

Монументальная живопись. Средневеков. арм. источники свидетельствуют, что настенной живописью были украшены храмы в мон-ре Скевра, в Сисе, в Ромкле. Фрагменты расписанной штукатурки сохранились на стенах часовен в крепостях Бардзраберд, Хамус, Сис, Аназарв. Остатки фресок видны в центральной апсиде церкви кн. Тороса I в Аназарве. Стены егип. мон-ря св. Шенуды (Дейр-Анба-Шенуда) украшены живописными изображениями, выполненными худож. Теодоросом Кесунци из К. А.

Иконопись. Примеры иконописи К. А. не сохранились, хотя известно, что кн. Торос I украсил иконами церковь в Аназарве. Изображения икон есть на рукописных миниатюрах.

Скульптура. В церкви кн. Тороса I в Аназарве фрагменты изысканных рельефов обрамляют вход, видны также уникальные декорированные буквы в строительной надписи. В кладку одной из часовен в Аназарве вставлены 2 простых хачкара, свидетельствующие об известности в К. А. этого традиц. вида арм. скульптуры. В той же часовне есть фрагменты скульптурно украшенных бровок. В XIX в. были описаны хачкар в ц. св. ап. Павла и скульптуры в форме щитов в кладке ц. Богородицы в Тарсе. Рельефами были украшены и надгробия (камень Алидц в ц. св. Павла). Прекрасным примером скульптуры К. А. является фрагмент хачкара в ц. кн. Смбата Спарапета в Чандыре. В нач. XX в. в Ромкле в ц. св. Нерсеса Благодатного были видны скульптурные рельефы интерьерера, а на цоколе храма по соседству с арм. надписью сохранились рельефы с животными и растительными мотивами. На тимпане одного из входов крепости Чем (Кема) есть изображение схватки человека с 2 львами, к-рое, возможно, перенесено из некой античной постройки. Рельеф на фронте входа в башню верхней крепости Левона представляет некоего правителя (прежде считалось, что это кор. Левон I), сидящего по-восточному между 2 львами. На киликийских монетах кор. Хетум II (кон. XIII — нач. XIV в.) был пред-

ставлен в такой же позе. Монеты Левона I и Хетума I (XIII в.) с изысканным рисунком имеют нек-рые общие черты с монетами крестоносцев; в свою очередь они повлияли на продукцию монетных дворов соседних с К. А. сельджукских гос-в.

Ювелирное искусство. В сер. XIII в. по приказу гос. властей старая церковная утварь была переплавлена, в связи с этим до нас дошли лишь единичные примеры изделий, созданных до этого периода. Центрами ювелирного искусства были Ромкла, Скевра, Сис. Значительными по важности являются серебряные изделия, хранящиеся в ГЭ: чаша XII в., найденная в с. Вильгорт (Пермский край), и серебряный ковш XIII в. с именем Шахука, обнаруженный в Бердянске (Запорожская обл., Украина). Евангелие 1248 г. с миниатюрами худож. Киракоса (переписчик Вардан?) украшает серебряный оклад 1254 г., заказанный еп. Степаносом. На одной стороне оклада изображен Христос на троне с символами евангелистов по краям, а на другой — «Распятие» с погрудными образами Богородицы, св. Иоанна Крестителя, 2 архангелов, 4 евангелистов и 8 апостолов. В 1255 г. в Ромкле по заказу католика Костандина I Бардзрабердци был создан серебряный оклад Евангелия 1249 г., иллиминированного Киракосом (Матен. 7690). На одной стороне оклада изображен Спаситель с предстоящими Богородицей и св. Иоанном Крестителем, а другой представлены образы 4 евангелистов в рост, созданные на основе иконографии арм. миниатюр. С окладом 1254 г. имеет иконографическое сходство серебряный оклад Зейтунского Евангелия 1256 г., украшенного Торосом Рослином (Матен. 10450). На нем изображено «Распятие» с погрудными образами Богородицы и 2 архангелов. С этими окладами сходен и серебряный складень-реликварий (ГЭ) из мон-ря Скевра, выполненный по заказу его настоятеля Костандина в память арм. воинов, погибших во время захвата Ромкы мамлюками в 1292 г. На нем — апостолы Фаддей, Варфоломей, свт. Григорий Просветитель, полководец Вардан Мамиконян, кор. Хетум II, также представлена сцена «Благовещение». Это единственный известный памятник из серебряной мастерской Скевры. В кон. XIX в. среди произведений из К. А. упомина-

ются золотой реликварий, созданный в 1293 г. по заказу Хетума II, и «Чаша Левона» (не сохр.). Со скеврским складнем-реликварием и с др. произведениями XIII в. имеет сходство серебряный реликварий свт. Николая в форме десницы (длани), который был реставрирован в 1325 г. (Antelias, Armenian Catholicosate of the Great House of Cilicia).

В 1334 г. в Сисе свящ. Григором был изготовлен серебряный позолоченный оклад для Евангелия 1332 г. (Jerus. Arm. 2649), украшенного миниатюристом Саркисом Пицаком. На окладе в обрамлении из образов святых и растительных узоров изображено «Распятие», на др. стороне — «Рождество Христово». Качество рельефов свидетельствует об исключительном мастерстве их создателя. Примером ювелирного искусства К. А. является также посох кор. Хетума I из красного янтаря, покрытый орнаментом из золота. Различные технические методы, стилистическое разнообразие дошедших до нас памятников позволяют судить о высоком уровне ювелирного искусства К. А.

Книжная миниатюра. Наивысшего расцвета в К. А., находящейся на стыке 3 мировых культур, достигло искусство оформления рукописной книги. Во многом это стало возможно благодаря вниманию высшего духовенства и царского двора. Центрами книжного искусства в К. А. были мон-ри Дразарк, Скевра, Грнер, Ромкла. В этих скрипториях работали живописцы Теодорос Кесунци, Григор Мличечи, Костандин, Киракос, Ованнес, *Торос Рослин*, Овасап, архиеп. Ованнес Аркаех байр (брат кор. Хетума I), Торос Философ, Саркис Пицак и др. мастера, имена к-рых остались неизвестны.

Важнейшими памятниками киликийского книжного искусства являются иллиминированные Четверо-евангелия. Мастера использовали новые принципы иллюстрирования рукописных книг: напр., посвящение заказчику оформлено в виде хорана (напр., Матен. 7347, 1146 г.; Baltim. 538, 1193 г.). В Евангелии 1193 г. худож. Костандином выполнены заглавные миниатюры «Крещение» и «Распятие» (Venez. Mechit. 1635) — подобная форма украшения впервые встречается в книжном искусстве К. А. и дает представление как о новой системе оформления Евангелий, так и о первом проявлении

рафинированного стиля. Торжественностью и монументальностью отличаются миниатюры Скеврского Евангелия 1197 г. (Jerus. Arm. 1796), работу над к-рым приписывают Теодоросу Кесунци, и сходного с ним по исполнению Евангелия из Галереи искусств Фрира в Вашингтоне (Freer. 50. 3). Эмоциональны и выразительны по исполнению миниатюры венецианского манускрипта (Venez. Mechit. 141).

Наиболее ранние известные иллюстрированные рукописи из Дразарка сочетают стилистические черты древних манускриптов, привезенных в К. А. из Вел. Армении, с особенностями зарождающейся киликийской миниатюры, которые складываются в т. ч. под влиянием античных памятников в Киликии, визант. живописи XI–XII вв., а также произведений крестоносцев и европ. мастеров, использовавших иконографические мотивы и орнаментальные формы. Таковы Евангелие 1113 г., Евангелие 1118 г. (Lond. Brit. Lib. 81) и 2 Евангелия XII в. (Матен. 6763; Матен. 7737). Расцвета дразаркский скрипторий достиг в XIII в. Нек-рое время здесь работал миниатюрист Киракос, который в 1239 г. украшал Лекционарий (Vindob. Mechit. 53).

Ранние роскошные образцы книжного искусства К. А. представлены иллюстрированными рукописями монастыря Скевра XII в., среди которых есть работы художников Гри-

Начало Евангелия от Марка.
2-я пол. XII в. Ромкля
(Матенадаран. № 7737. Л. 1)

гора Мличечи и Костандина. Принципы новой миниатюры воплощены в иллюстрациях «Книги скорбных песнопений» поэта, богослова и гимнографа X в. архим. Григора

Нарекаци, украшенной в 1173 г. для архиеп. Нерсеса Ламбронати худож. Григором Мличечи (Матен. 1568). Это 1-й иллюстрированный экземпляр данного произведения; на разворотах рядом с титулами глав в нем помещены 4 портрета автора, подобно образам евангелистов в Евангелиях.

В истории миниатюры К. А. центральное место занимает скрипторий патриаршей резиденции Ромклы. Этот культурный центр просуществовал до взятия его мамлюками в 1292 г. Созданные здесь кодексы представляют отдельное собрание, к-рое является ядром рукописного наследия К. А. В оформлении этих манускриптов можно выделить самобытные принципы, характерные только для миниатюр Ромклы и в целом для К. А. Наиболее ранняя сохранившаяся рукопись из Ромклы — Евангелие 1146 г. (Матен. 7347) — отражает традиции арм. миниатюры XI в. и иконографические принципы, сформированные в результате сотрудничества мастеров из арм., греч., груз., лат. мон-рей на Чёрной Горе. В XII в. в Ромкле работал Григор Мличечи. В 1174 г. для католикоса Нерсеса Шнорали он украсил Евангелие (до первой мировой войны находилось в Токате (Турция), ныне утеряно). По мнению некоторых исследователей, в Ромкле была иллюстрирована одна из самых роскошных киликийских рукописей XII в. — Евангелие 1193 г. (Baltim. 538). Предполагается, что в Ромкле оформлено Евангелие из Галереи искусств Фрира (Вашингтон), имеющее в качестве иллюстраций прекрасно исполненные хораны, портреты евангелистов, заглавные листы и сцены «Благовещение» и «Преображение».

Миниатюры из ранних манускриптов отличаются от работ художников Ромклы 1-й пол. XIII в. Художественный уровень работ стал выше, после того как по инициативе католикоса Костандина I Бардзрабердци в нач. XIII в. из разных скрипториев в Ромклу были приглашены лучшие миниатюристы и переписчики, которые в течение неск. десятилетий копировали и украшали мн. роскошные манускрипты и передавали свой опыт ученикам. Три Евангелия Киракоса из Дразарка (Venez. Mechit. 69/51, 1244 г.; Antelias. Armenian Catholicosate of the Great House of Cilicia. 8, 1248 г.; Матен. 7690, 1249 г.)

украшены изысканными миниатюрами, в которых заметно стремление художника к реалистической передаче черт. Иллюстрации Евангелий Киракоса и, видимо, учившегося у него переписчика Саргиса, оформившего Евангелие 1251 г. (Матен. 3033), а также 2 Евангелий Ованнеса (Vindob. Mechit. 833, 1235 г.; Freer. 44. 17, 1253 г.) являются произведениями, свидетельствующими о начале наивысшего подъема в скриптории Ромклы 1-й пол. XIII в. Работы Киракоса и Ованнеса оказали боль-

Ангел, поклоняющийся Христу.
Миниатюра из Евангелия.
1266 г. Ромкля (Матенадаран. № 5458)

шое влияние на формирование искусства Тороса Рослина. Согласно памятным записям Рослина, его учителем был Киракос (возможно, Рослин учился и у Ованнеса). Наследие Рослина является уникальным явлением в истории христ. книжного искусства того времени и дает представление о самобытности его творчества в арм. миниатюре. Под его именем известны неск. сот миниатюр Евангелий, а также книги Маштоца (Требника) 1266 г., созданного в Сисе для еп. Вардана (Jerus. Arm. 2027). Рослину приписывают украшение Евангелия принца Левона (Матен. 8321, 1250–1251 гг.), Евангелия 1266 г. царя Хетума I (Матен. 5458) и др. Рослин возродил ранее прерванную в арм. книжном искусстве историческую портретную живопись, создав 2 миниатюры с изображением принца Левона, буд. кор. Левона III (Евангелие принца Левона — Матен. 8321; Евангелие 1262 г. — Jerus. Arm. 1956). Произведения этого художника, проникнутые тонким лиризмом, даже элегичные, подчас с героическим, драматическим пафосом, оказали решающее влияние на развитие миниатюры К. А. Рослин передал профессиональные знания

своим ученикам, вместе с к-рыми он украсил Евангелия 1256 г. (Матен. 10450), 1260 г. (Jerus. Arm. 251), 1262 г. (Jerus. Arm. 2660; Baltim. 539), 1265 г. (Jerus. Arm. 1956), 1268 г. (Матен. 10675). Иллюстрации этих кодексов представляют новый художественный уровень развития книжной живописи К. А. с многосюжетной повествовательной миниатюрой, существовавшей в Армении в XI в., но забытой после падения Анийского царства; в них художник обратился к старым сюжетам, но использовал новые способы оформления книги.

В сер. XIII в. усилиями писца и художника архиеп. Ованнеса при мон-ре Грнер был создан скрипторий, где большой размах приобрела работа по копированию рукописей. В произведениях скрипториев в Грнере, Бардзраберде, Акнере, обобщенных под названием «Школа архиеп. Ованнеса», впервые в искусстве оформления арм. рукописей наряду с традиц. заглавными листами и евангельскими сценами на полях появляется множество образов из ВЗ. Помимо большого количества копий с визант. прототипов прошлых веков в изображениях присутствуют отсылки к европ. образцам, особенно к готической миниатюре (Евангелие 1263 г. (Freer. 56. 11), «Части Библии» 1263–1266 гг. (Матен. 4243), Библия 1270 г. (Матен. 345), Евангелие 1278 г. (Монас. Арм. 1), Библия 1295 г. (Матен. 180), Лекционарий 1278–1289 гг. (Vindob. Mechit. 245), «Книга Соломона» 1278 г. (Venez. Mechit. 376)). Изображения в отдельных манускриптах сходны с иллюстрациями Скеврского Евангелия 1273 г. миниатюриста Овасапа (Музей Топкапы, Стамбул) и Евангелия Смбата Спарапета (Гундстабля) того же времени (Матен. 7644). В иллюстрациях этих кодексов фигуры людей переданы в соответствии с классическими канонами изображения, с реалистическими чертами лица; миниатюры этого скриптория узнаваемы по мягкой, переливчатой цветовой гамме. При сходстве с произведениями Рослина работы Овасапа имеют самобытный художественный облик. В них использованы новые методы передачи архитектурной перспективы, есть изменения деталей в хорах и подчеркнутое стремление преодолеть традиционные принципы искусства хоранов. Ряд рукописей с иллюстрациями высокого качества, в основном со-

Снятие с Креста.
Миниатюра из Евангелия. «Малатиш».
1268 г. Мастер Торос Рослин
(Матенадаран. № 10675)

зданных неизвестными арм. художниками, дают возможность проследить процесс развития стиля школы миниатюр неск. поколений художников после Тороса Рослина. Среди памятников этой живописной группы богатством убранства выделяются: Евангелие царицы Керан 1272 г. (Jerus. Arm. 2563); Евангелие кн. Васака 1268–1284 гг. (Jerus. Arm. 2568);

Хоран.
Лист из Евангелия. 80-е гг. XIII в.
(Матенадаран. № 9422)

Евангелие 1274 г. (NY Morgan. 740), украшенное Костандином; Евангелие «Восьми художников» (Матен. 7651), оформление к-рого было начато в 50-х гг. XIII в. и завершено в 1320 г. Саркисом Пицаком; Лекционарий короля Хетума II 1286 г. (Ма-

тен. 979); Евангелие архиеп. Ованнеса 1287 г. (Матен. 197); Евангелие 80-х гг. XIII в. (Матен. 9422). К числу новых стилистических особенностей относятся удлинённые пропорции человеческих фигур, а иногда наоборот — уменьшение их размера, разделка складок одежд, тонкое исполнение рисунка, эмоциональная наполненность выражений лиц, движений, поз, к-рая временами достигает трагического пафоса. Изображения кор. Левона III вместе с членами семьи в Евангелии царицы Керан, миниатюры, представляющие Левона в Лекционарии короля Хетума II, в его же Часослове ок. 1270 г. (Lond. Brit. Lib. 13923), а также 2 упомянутых портрета кисти Рослина составляют исключительную коллекцию средневек. придворного искусства.

Лекционарий короля Хетума II, к-рый содержит ок. 700 изображений, кажется музеем, воплощенным в одной книге, что делает рукопись уникальной реликвией в истории христ. миниатюры.

К группе придворных рукописей принадлежит Евангелие 80-х гг. XIII в. (Vindob. Mechit. 278) с монохромными миниатюрами, к-рые выполнены фиолетовыми (пурпурными) чернилами с помощью пера, подобно иллюстрациям отдельных визант. и западноевроп. книг рубежа XIII и XIV вв. Рукопись украшена 2 мастерами (один из них, видимо, был оформителем и Евангелия кн. Васака). Иллюстрации Евангелия из музея церкви Аменапркич (Neu-Djulf. 57/161) созданы группой живописцев для Костандина, владыки цитадели Копитар. Некоторые особенности этого Евангелия сходны с иллюстрациями группы царских рукописей; др. черты роднят его с произведениями Овасапа.

Во 2-й пол. XIII в. копирование и оформление рукописей переживают расцвет в монастырях Дразарк, Машкевор, в Тарсе, Мсисе, Сисе. Среди дразаркских книг выделяется Евангелие 1282 г. (Lond. Brit. Lib. 5626), украшенное миниатюристом Ованнесом и, видимо, переписчиком Берсегом. Своими миниатюрами Евангелие переключается с группой царских рукописей. Влияние этой группы усматривается в иллюстрациях 2 Евангелий 1290 г. (Матен. 5736; ГЭ. 5-835), Евангелия 1295 г. (Матен. 6290), созданных миниатюристом из Дразарка Торосом Философом.

Художественный подъем, вызванный творчеством Тороса Рослина и его последователей, особенно миниатюриста Евангелия царицы Керан, в течение XIV в. постепенно спадает. Некоторые миниатюристы продолжают традиции живописцев предыдущего столетия, но со временем книжное искусство К. А. теряет художественные достоинства из-за обострившихся политических условий и общего ослабления страны. Последним крупным миниатюристом XIV в. был Саркис Пицак, работавший в Дразарке, Сисе, Скевре и др. городах и мон-рях. Сохранилось ок. 50 рукописей с миниатюрами этого художника.

Лит.: *Tchobanian A.* La Roseraie d'Arménie. P., 1918–1929. 3 т.; *Der Nersessian S.* Manuscrits arméniens illustrés des XIIe, XIIIe et XIVe siècles de la Bibliothèque des Pères Mekhitharistes de Venise. P., 1937; *idem.* A Catalogue of Armenian Manuscripts with an Introd. on the History of Armenian Art / Chester Beatty Library. Dublin, 1958. 2 vol.; *idem.* Armenian Manuscripts in the Freer Gallery of Art. Wash., 1963; *idem.* Armenian Manuscripts in the Walters Art Gallery. Baltimore, 1973; *idem.* Études Byzantines et Arméniennes. Louvain, 1973; *idem.* L'Art Arménien dès origines au XVIIe siècle. P., 1977; *idem.* Miniature Painting in the Armenian Kingdom of Cilicia from the XIIth to the XIVth Cent. Wash., 1993. 2 vol.; *Орбели И. А.* Киликийская серебряная чаша кон. XII в. // Памятники эпохи Руставели. Л., 1938. С. 261–274; *он же.* Дорожный ковчиг XII–XIII вв. // Там же. С. 275–288; *Саврин А. Н.* Миниатюра Др. Армении. М., Л., 1939; *Sakisian A.* Pages d'art arménien. P., 1940; *Драмбян П. Г.* Изучение арм. средневеков. живописи: Ее история и современное состояние // Изв. АН Армянской Др. Обществ. науки. 1946. № 6. С. 35–54; *Дурново Л. А.* (Дурново Л. А.). Портретные изображения на первом главном листе Чашоца 1288 г. // Там же. № 4. С. 63–69; *она же.* Древнеармянская миниатюра. Ереван, 1952; *eadem.* (Dournov L. A.). Miniatures arméniennes / Préf. S. der Nersessian. P., 1960; *она же.* Черки изобразительного искусства средневеков. Армении. М., 1979; *Измайлова Т. А.* Киликийская рукопись 1290 г. и ее мастер Торос Философ // Сообщ. ГЭ. Л., 1962. Вып. 23. С. 45–49; *она же.* Армянские иллюстрированные рукописи Гос. Эрмитажа // Тр. ГЭ. Л., 1969. Т. 10. С. 110–141; *она же.* Рукопись 1200 г. (Матенадаран, № 2589) // ВВ. 1981. Т. 42. С. 129–138; *она же.* Истоки армянской миниатюрной живописи Киликии XII в. и Черная Гора // Вестн. Ереванского ун-та. 1988. № 3. С. 36–46; *она же.* Мастер и образцы: Ромклайская модель, 2-я пол. XII — нач. XIII в. // ИФЖ. 1989. № 3. С. 174–191; *Janashian M.* Armenian Miniature Painting of the Monastic Library at San Lazzaro. Venice, 1966; Армянская миниатюра / Вступ. ст.: Л. А. Дурново; ред., предисл.: П. Г. Драмбян. Ереван, 1967; *Какошкин А. Я.* К вопросу о скеврском складне 1293 г. // ВВ. 1969. Т. 30. С. 195–204; *он же.* Серебряный оклад 1255 г. Евангелия 1249 г. // Вестн. Матенадарана. Ереван, 1969. № 9. С. 163–172; *он же.* К вопросу о визант. влиянии на арм. памятники художественного серебра // ИФЖ. 1973. № 1. С. 49–60; *он же.* О «реликварии времени Гетума» // Там

же. 1974. № 3. С. 263–266; *он же.* Элементы западной иконографии в арм. памятниках художественного серебра XIII–XVI вв. // ВВ. 1976. Т. 37. С. 212–218; *он же.* Скеврский складне 1293 г. // Вестн. общественных наук. Ереван, 1978. № 1. С. 92–97; *он же.* Памятник арм. серебротели XIV в. // Там же. 1980. № 10. С. 69–80; Treasures of the Armenian Patriarchate of Jerusalem / Ed. A. Mekhitarian. Jerusalem, 1969; *Пуцко В. Г.* О двух фигурах на скеврском реликварии 1293 г. // ИФЖ. 1972. № 2. С. 274–278; *Grape W.* Grenzprobleme der byzantinischen Malerei: Über die Grenzen der stilbildenden Rolle der byzantinischen Kunst für einzelne Buchmalereizentren in ihrem Einflussbereich: Diss. W., 1973; *Buschhausen Heide, Buschhausen Helmut, Zimmermann E.* Die illuminierten armenischen Handschriften der Mechitharisten-Congregation in Wien. W., 1976; *Zastrow O.* Autonomia creativa e sua delimitazione nella miniature di T'oros Roslin // Atti del Primo Simposio Intern. di Arte Armena. San Lazzaro; Venezia, 1978. P. 793–802; Armenian Art Treasures of Jerusalem / Ed. B. Narkiss, M. E. Stone, A. K. Sanjian. Jerusalem, 1979; *Agémian S.* Deux manuscrits ciliciens du XIVe siècle dans les Archives d'État Cluj-Napoca // RESEE. 1980. T. 18. N. 2. P. 239–263; *eadem.* Manuscrits arméniens illustrés dans les collection de Roumanie. Bucur., 1982; *eadem.* Manuscrits arméniens enluminés du Catholicosate de Cilicie. Antélias, 1991; *Velmans T.* Maniérisme et innovation stylistiques dans la miniature cilicienne a la fin du XIIIe siècle // REArm. 1980. T. 14. P. 415–433; *Brentjes B., Mnazakanjan S., Stepanjan N.* Kunst des Mittelalters in Armenien. B., 1981; *Buschhausen Heide, Buschhausen Helmut.* Armenische Handschriften der Mechitharisten-Congregation in Wien: Katalog zur Sonderausstellung in der Österreichischen Nationalbibliothek. W., 1981; *Kurz O.* Three Armenian Miniatures in the Fitzwilliam Museum, Cambridge // *Idem.* Selected Studies. L., 1982. Vol. 2. P. 36–51; *Evans H. C.* Canon Tables as an Indication of Teacher-Pupil Relationships in the Career of T'oros Roslin // Medieval Armenian Culture / Ed. Th. Samuelian, M. E. Stone. Chico (Calif.), 1984. P. 272–290; *Korkhmazian E., Drambian I., Hakopian G.* Armenian Miniatures of the XIIIth and XIVth Cent. from the Matenadaran Collection, Yerevan. Leningrad, 1984; *Pace V.* Armenian Cilicia, Cyprus, Italy and Sinai Icons: Problems of Models // Medieval Armenian Culture. Chico (Calif.), 1984. P. 291–305; *Der Nersessian S., Mekhitarian A.* Miniatures arméniennes d'Ispahan. Brux., 1986; *Nersessian V.* Armenian Illuminated Gospel Books. L., 1987; *Thierry J.-M., Thierry N., Donabédian P.* Armenian Art. N. Y., 1987; *Чугасзян Л.* Творчество Тороса Рослина и визант. монументальная живопись // Вестн. Ереванского ун-та. 1989. № 2. С. 103–108; *он же.* Миниатюра Тороса Рослина «Переход через Красное море» // Вестн. общественных наук. Ереван, 1990. № 10. С. 32–43; *idem.* (Chookaszian L.). Cilician Book Painting: Miniatures of Toros Roslin and Italian Art // Atti del 5. Simposio Intern. di Arte Armena: Venezia, Milano, Bologna, Firenze, 28 maggio–5 giugno 1988. San Lazzaro; Venezia, 1992. P. 321–332; *idem.* Remarks on the Portrait of Prince Lewon (Ms. Erevan. 8321) // REArm. N. S. 1994/1995. T. 25. P. 299–335; *idem.* Once Again on the Subject of Prince Lewon's Portrait // J. of the Society for Armenian Studies. Los Ang.; Dearborn, 1998/1999. Vol. 10. P. 47–69; *он же.* Творчество арм. миниатюриста Тороса Рослина в контексте культурных связей Киликийской Армении XIII в.: АДД. М., 2001; *idem.* On the

Portrait of Prince Lewon and Princess Keran // J. of Armenian Studies. Belmont (Mass.), 2001. Vol. 6. N. 2. P. 73–88; *idem.* L'Oeuvre de T'oros Roslin et l'enluminure byzantine // REArm. N. S. 2001/2002. T. 28. P. 399–424; *idem.* Armenisk bokmaleri Kilikia i 1100 – og 1200-arene // Kirke og Kultur. Oslo, 2003. T. 108. N. 4. S. 339–350; *idem.* The Five Portraits of King Lewon II (1270–1289) of Armenian Kingdom of Cilicia and Their Connections to the Art of Mediterranean Area // Medioevo: Immagini e Ideologia: Atti del Convegno Intern. di Studi, Parma, 23–27 settembre 2002. Mil., 2005. P. 129–137; *idem.* Newly-Discovered Illustrated Manuscript Fragments Attributed to Toros Roslin's Workshop // Alpaghian: Raccolta di scritti in onore di A. Alapago-Novello / Ed. G. Macchiarella. Napoli, 2005; *idem.* Les enlumineurs arméniens au Moyen Bge // L'artista a Bisanzio e nel mondo cristiano-orientale / Ed. M. Bacci. Pisa, 2007. P. 221–230, 235, 238–241; *idem.* The Motif of the Sphinx in the Decoration of Manuscripts Illuminated by T'oros Roslin // Between Paris and Fresno: Armenian Studies in Honor of D. Kouymjian / Ed. B. Der Mugerchian. Costa Mesa, 2008. P. 65–90; *idem.* Decorated Initials of Toros Roslin // Hask: Armenological Yearbook. N. S. Antélias, 2009. Vol. 11. P. 449–462; *idem.* L'art occidental, l'art français et la miniature arménienne du XIIIe siècle // L'Église arménienne entre Grecs et Latins, fin XIe – milieu XVe siècle / Éd. I. Augé, G. Dédéyan. P., 2009. P. 107–132; *он же.* Художественное убранство рукописи поэмы Нарекаци 1173 г. // Григор Нарекаци и духовная культура Средневековья: Книга скорбных песнопений. М., 2010. С. 321–331; *idem.* On the Full Page Illustrations of the «Last Judgment» in the Art of Armenian Miniaturist of the XIIIth Cent. Toros Roslin // Logos im Dialogos: Auf der Suche nach der Orthodoxie: Gedenkschrift für H. Goltz (1946–2010) / Hrsg. A. Briskina-Müller et al. B., 2011. S. 283–302; Арм. рукописная книга VI–XIV вв. / Сост.: В. О. Казарян, С. С. Манукян. М., 1991; *Mirzoyan A.* Le Reliquaire de Skevra. N. Y., 1993; Treasures in Heaven: Armenian Illuminated Manuscripts / Ed. Th. F. Mathews, R. S. Wieck. N. Y., 1994; Das Lemberger Evangeliar: Eine wiederentdeckte armenische Bilderhandschrift des 12. Jh. / Hrsg. G. Prinzing, A. Schmidt. Wiesbaden, 1997; *Goltz H., Goltz K. E.* Rescued Armenian Treasures from Cilicia: Sacred Art of the Kilikia Museum Antelias, Lebanon. Wiesbaden, 2000; Armenian Relics of Cilicia from the Museum of the Catholicosate in Antelias, Lebanon / Ed. A. Ballian. Athens, 2002.

Л. Б. Чугасзян

КИЛИКИЯ [греч. Κιλίκία; лат. Cilicia; арм. Կիլիկիա], историческая область на границе Юго-Вост. М. Азии и Сев. Сирии (ныне Турция), один из древнейших регионов развития христ. культуры. **География.** К. расположена у сев.-вост. берега Средиземного м., в треугольнике, образованном линией моря и хребтами гор Тавр, Антитавр и Нур (Аманус, Чёрные горы). На западе граничила с древними областями Памфилия и Писидия, на севере — с Каппадокией и Ликаонией, на востоке и юге — с Катаонией, Коммагеной, Евфратисией и Сирией. На запад

от Кахранмараша (древняя Германикия, позднее Мараш) расположен хребет Центр. (Киликийских) Тавр. Высота горного массива местами превышает 3 тыс. м, защищая от непогоды вост. берега Средиземного м. с севера. Недалеко от Кахранмараша и на юг от Тавра расположен хребет Нур, к-рый спускается к юго-вост. берегу зал. Искендерун (Искового), достигая местами в высоту более 2 тыс. м. Эти горные массивы получили название Горной (Суровой) К. В рим. эпоху зап. часть Горной К. называлась также Исаврией. Треугольная долина, образованная горными хребтами и морем, издревле считалась одним из плодороднейших сельскохозяйственных регионов Ближ. Востока. В разные эпохи авторы называли эту долину Равнинной или Низменной К., долиной городов Аданы либо Тарса. В К. протекают реки Каликадн (Селевк, Салеф, ныне Гёксу), Кидн (ныне Тарсус), Сар (ныне Сейхан) и Пирам

(ныне Джейхан). Все они берут начало в горах Тавр и Антитавр. Реки часто меняют русло, а также выносят ил на морское побережье и тем самым постепенно отодвигают береговую линию на юг и юго-запад. Сохранились многочисленные следы древних и средневековых мостов, близ населенных мест встречаются древние плотины, с помощью к-рых регулировался водный поток. В средние века реки в нижнем течении еще были судоходны, порты принимали торговые и военные суда. По суше в К. можно было попасть только через неск. ущелий, хорошо защищенных крепостями. В горах Тавр стратегически наиболее важным было ущелье Киликийских Ворот. Отсюда начиналась сухопутная дорога на запад М. Азии до К-поля. Дороги, проходящие по ущелью у г. Кокисон (ныне Гёксун) на севере К., вели в Армению и Каппадокию. Дорога из К. на юго-восток через ущелье Сирийские Вороты, или Вороты Антиохии, в Ама-

нских горах связывала страну с Сирией, Палестиной и Месопотамией, открывая путь на Верию (ныне Халеб, Сирия), Антиохию и Иерусалим. В древности через К. проходили также главные сухопутные дороги из средиземноморских портов во все регионы Ближ. Востока.

Горы К. богаты полезными ископаемыми, в скалах Тавра и Амануса обильны залежи свинца, железа и меди, золота и серебра. В долине Кахранмараша известны целебные источники; в прибрежной зоне равнинной К. добывали соль высокого качества, обнаружены запасы нефти. Одним из важных занятий населения в древности была охота. В горных лесах К. встречаются дикая серна, газель, олень, лиса, волк, ягуар, гиена, горный орел, ястреб и гриф. Богатая горная и равнинная растительность давала возможность жителям заниматься скотоводством, в т. ч. коневодством. К. экспортировала шерсть и шерстяные ткани.

Горные районы К. могли быть небогаты, т. к. горцы (преимущественно исавы) совершали нападения на окрестные равнинные поселения. В средние века, наоборот, во время военных действий или набегов кочевников жители находили убежище в горных крепостях. На реках К. и морском побережье развивалось рыболовство.

Из-за резких перепадов высот в К. есть почти все климатические пояса вплоть до субтропиков на равнине, где почти не бывает холодных зим, хотя окружающие горы покрыты ледниками. Наибольшее количество осадков выпадает осенью, зимой и весной. Летом на равнине при дневной температуре, которая доходит до 45°С, дуют сухие юж. ветры. На плодородных землях К. растут финики, маслины, инжир и цитрусовые. Вино из К. пользовалось большим спросом в соседних странах; в больших количествах экспортировались пшеница и ячмень. В XVIII–XIX вв. своими качествами славился хлопок. Горные районы К. в древности и средневековье были богаты густыми лесами. К. была одним из основных поставщиков древесины высокого качества, особенно кедра, который использовался в кораблестроении и вывозился в Сирию, Палестину, Египет и др. страны. Основные торговые пути, связывавшие К. с Западом, проходили по Средиземному м., и это имело большое значение для развития К. На берегах Иссского зал. были расположены 3 наиболее крупных торговых порта: Эги (Аяс, Аяццо, Лаяццо, ныне Юмурталык), *Корик* и Александрия-у-Исса (Александрия Малая, Александретта, ныне Искендерун).

А. А. Бозоян

История. Поселения людей в К. известны со времен неолита (VIII тыс. до Р. Х.). В VI тыс. до Р. Х. здесь начали осваивать медные орудия труда, в IV тыс. до Р. Х. — бронзу. Т. о., К. была одним из наиболее передовых регионов технологического развития на Ближ. Востоке, едва уступающая Месопотамии. В эпоху Хеттской державы (сер. II тыс. до Р. Х.) К. была известна как Кицуватна, находилась в зависимости от хеттов. Уже тогда страна разделялась на равнинную (Уру Адания) и горную (Тарца) части. В период после 1595 — кон. XV в. до Р. Х. страной правили хурриты. Первый известный хурритский царь К. Испутакху заключил

мирный договор с царем хеттов Телепину. Наибольших успехов хурриты достигли в кон. XVI в., когда проводили активную экспансию в юж. направлении, угрожая завоеванием гос-ву Алалах. Тем не менее вскоре хурритское царство в К. было вновь разбито хеттами; царь Кицуватны

*Александр Македонский.
Фрагмент мозаики
«Битва при Иссе».
Ок. 100 г. до Р. Х.
(Археологический музей,
Неаполь)*

Сунассур II признал себя их вассалом. В XIII в. в результате нашествия «народов моря» хурриты были вытеснены из К. и регион заселил конгломерат племен из Средиземноморья индоевроп. происхождения. Народ киликийцев (келекеш) упоминается в егип. источниках среди «народов моря» (или «народов северных стран»). В I тыс. до Р. Х. население К. было многоязычным и пользовалось письменностью на лувийском (индо-европейском) и западнофиникийском (семитском) языках. В нач. I тыс. до Р. Х. ассирийцы также называли жителей страны «кхиликку». В IX — кон. VII в. К. была частью Ассирийской державы. В VIII в. до Р. Х. К. правила царская династия Муксус (греч. Мопсос), вассалы ассирийцев. Их столицей была Адана, однако имя царей сохранилось в названии г. Мопсуестия (Мамистра, Эль-Массиса, Мсис, Мисис, ныне Якапынар). В кон. VI в. до Р. Х. К. вошла в состав Персидской империи; как зависимое царство, она управлялась династией Сиеннесис, образована сатрапия. Через К. проходила «царская дорога», соединявшая вост. берег Эгейского м. с Месопотамией и Персией.

Уже к нач. I тыс. до Р. Х. существовали большинство крупных городов К.: Тарцу (Тарс), Ингира (Анхиал), Дануна (вероятно, Адана), Пахри, Кунду (Квинда, Аназарв), Кара-Тепе. В «Илиаде» (VI 201) К. упоминается как Элейская равнина, по которой путешествовал Беллерофонт. Киликийцы назывались союзниками троянцев. В позднейшей элли-

стической традиции история многих городов К. связывалась с героями греч. мифологии. Основателями Тарса считались Триптолем, Персей и Аякс, Мопсуестии — Мопс, сын Тиресия из Фив, Олвы — также Аякс, Сол — Амфилох, сын Амфиарая. Несмотря на то что до кон. IV в. до Р. Х. К. входила в состав Восточных империй, эллинизация этого региона нача-

лась задолго до завоеваний Александра. Значительные поселения греков здесь образовались в VII–VI вв. до Р. Х.; в эпоху Персидской империи (кон. IV–IV в. до Р. Х.) некоторые города К. (Тарс, Сола, Гольмы (ныне Ташуку) и др.) чеканили монеты с легендами по-гречески.

Летом 333 г. до Р. Х. греко-македон. войско Александра Великого прорвалось в К. из М. Азии через персид. заслон в Киликийских Воротях. В нояб. того же года Александр разгромил главные силы персов царя Дария III в битве при Иссе. При разделе империи Александра его диадохами К. первоначально вошла в состав владений Восточного царства династии Селевкидов (кон. IV–II в. до Р. Х.). В период греч. правления в К. были основаны Селевкия (ныне Силифке) у устья р. Каликадн, Александрия-у-Исса близ места битвы при Иссе, Сола, Селинунт (близ совр. Газипаша), Зефирион (ныне Мерсин) и др. поселения. Егип. династия Птолемеев оставила память о своей поддержке К. в названиях городов Птолемаида и Арсиноя.

В кон. II в. до Р. Х., в период распада державы Селевкидов, в К. большинство городов стали автономными. В Олве (ныне Ура) образовалось небольшое царство во главе с династией Тевкридов. Цари носили имена Зенофан и Тевкр и одновременно обладали статусом верховных жрецов местного храма Зевса Олвийского. В это же время побережье Суровой К. стало прибежищем большого числа морских пиратов, которые пользовались местными портами, защищенными с суши горными хребтами,

и нападали на суда по всему Средиземноморью, доходя до Италии.

Римская эпоха (I в. до Р. Х. — III в. по Р. Х.). В кон. II в. до Р. Х. К. стала объектом интересов Римской державы. В 103 г. до Р. Х. Восточная К. была завоевана римлянами и на

*Кенотаф в Селинте.
Место смерти имп. Траяна.
Кон. III в.*

ее территории была образована рим. провинция. В 83 г. до Р. Х. царь Армении Тигран захватил часть К. и переселил жителей Сол в свою столицу Тигранакерт. Рим. провинция была восстановлена в 67 г. до Р. Х. Гнеем Помпеем, к-рый разгромил армяно-понтийскую коалицию в битве при Коракесии (ныне Аланья) и вскоре уничтожил пиратское сообщество. Восстановленные Солы получили название Помпейополь. В 51–50 гг. до Р. Х. провинцией руководил Марк

*Рим. саркофаг в Тарсе
(Музей в Тарсе)*

Туллий Цицерон. В 27 г. до Р. Х., после ряда реорганизаций, К. вошла в состав большой рим. провинции Сирия, Киликия и Финикия. В 70-х гг. I в. обе части К. были отделены от Сирии и объединены в провинцию К. с митрополией в Тарсе. В нач. II в. К. неоднократно посещал имп. Траян; в 117 г. он умер в г. Селиунт. В сер. II в., при имп. Антонине Пии, к К. были присоединены горная Исаврия и Ликаония — равнинная область к северо-западу от Тавра. В течение I в. по Р. Х. были постепенно упразднены все автономные царства. После ликвидации царства Тевкридов при имп. Тиберии близ Олвы выстроен г. Диокесария. Статус свободных городов в К. сохраняли только

Тарс, Эги и Мопсуестия, хотя большинство др. городов пользовалось той или иной формой автономии. В составе Римской империи Равнинная К. постепенно превратилась в важнейшую сельскохозяйственную житницу для соседнего мегаполиса Антиохии. Главными товарами экспортного производства стали

виноградное вино, пенька, лен и льняные ткани. Так, ритор Дион Хризостом (кон. I — нач. II в.)

в одной из речей назвал большинство жителей Тарса ткачами (*Dio Chrysost. Or. 34. 21*). Экономически и социально К. тяготела к Антиохии и Сирии и была сравнительно слабо связана с регионами М. Азии к северу и западу от нее.

Зап. (Суровая) К. также вошла в состав римской провинции. При этом горная часть К., которую было чрезвычайно трудно контролировать, долгое время сохраняла права автономии. Здесь, в районе Каставалы (ныне Кастабала-Бодрумкале) и Иераполя, было образовано союзное римлянам царство

Тархондимотидов. Формально эта часть К. была включена в рим. провинциальную систему в 72 г.

по Р. Х. Тем не менее Горная К. по существу так и не была покорена римлянами. Ее население, по источникам рим. эпохи, определяется как разнородный конгломерат племен. Известны племена кеннатов, лаласеев, клитов и наиболее крупный союз племен — исавры (все, вероятно, потомки лувийцев). Они жили в горах фактически независимо и регулярно совершали набеги на окрестные богатые области, в т. ч. на Равнинную К. Часть Равнинной К. по течению р. Каликадн (Салеф, ныне Гёксу) также была заселена исаврами, к-рые впервые стали известны римлянам в 76–75 гг. до Р. Х. Против них провел успешную кампанию проконсул Публий Сервилий, полу-

чивший за победы титул *Isauricus*. В сер. I в. по Р. Х., при имп. Клавдии, совершали набеги племена клитов, и против них приходилось использовать войска (*Tac. Ann. XII 45*). В дальнейшем, в периоды кризисов и ослабления Римской и Византийской империй, исавры становились хозяевами положения в Юго-Вост. Анатолии и могли влиять на общую политическую ситуацию в империи. В 260–268 гг., в период распада Римской империи, они провозгласили императором некоего Требеллиана. Он держал свою ставку в одной из крепостей горной Исаврии, которую переименовал в Палатиум (дворец).

Первые века христианства. В истории НЗ и первых христиан К. сыграла важную роль. Известно, что св. ап. Павел был уроженцем Тарса и сохранял связи с К. всю жизнь. В Тарсе была большая иудейская община (Деян 6. 9; *Epirh. Adv. haer. [Panagion]. 30*). В К. начали формироваться первые значительные общины выходцев из языческой среды. К христианам Антиохии, Сирии и К. обратились с письмом апостолы, собравшиеся в Иерусалиме (Деян 15. 22). Ап. Павел вместе со св. ап. Силой проповедовал по всей К., неоднократно обходя мн. города (Деян 15. 36, 41; Гал 1. 21). Дом св. ап. Павла почитался в Тарсе в IV–V вв. (*Sozom. Hist. eccl. VII 19*).

Сведений о первых веках христианства в К. за пределами книг НЗ крайне мало. Известно, что некие религ. общины здесь существовали. По визант. агиографической традиции 1-м известным епископом Тарса уже во времена имп. Нерона был Лука (*SynCP. Col. 788*). Диак. Филон из К. сопровождал смщч. *Игнатия Богоносца* в нач. II в. (*Ign. Ep. ad Philad. 11*). Епископы К. уже во II–III вв., видимо, поставлялись в Антиохии (*Euseb. Hist. eccl. VII 5*). Ок. 200 г. в хронике Псевдо-Дионисия Телль-Махрского упомянут некий епископ Александрии (*Eusebii Canonum Epitome ex Dionysii Telmaharensis Chronico / Ed. C. Siegfried, H. Gelzer. Lipsiae, 1884. P. 67*). В сер. III в. престол в Тарсе занимал еп. Елен, неоднократно упомянутый в посланиях свт. Дионисия Александрийского, в т. ч. как участник полемики с Новатом. Тарсу уже в это время подчинялось неск. епархий, и Елен носил титул епископа Тарса

и всей Церкви К. (*Euseb. Hist. eccl. VI 46*).

Уже в первые века христианства в К. особое значение приобрело почитание св. Феклы из Икония (пам. 24 сент.), первомученицы и сподвижницы св. ап. Павла. Согласно преданию, св. Фекла долгое время жила среди первых христиан в Селевквии и, скрываясь от гонений (вероятно, при имп. Домициане в кон. I в.), чудесным образом вошла внутрь скалы. Скала св. Феклы с расщелиной почиталась близ Селевквии в мест. Агия-Текла (позднее Мариамлык, Мерьемлик или Аятекла; *Hild, Hellenkemper. 1990. S. 399–400, 441–445*), неподалеку от античного святилища Аполлона Сарпедона. В IV–VII вв. Агия-Текла пре-

Руины
ц. св. Феклы
(Агия-Текла)
близ Силифке, Турция.
V в.

вратилась в крупнейшее в К. место паломничества. В 70-х гг. IV в. здесь побывал свт. Григорий Богослов. Он видел уже сложившийся к тому времени крупный женский монастырь и назвал его Парфеноном (*Greg. Nazianz. De vita sua. 547–551*). В 384 г. через Агию-Теклу проезжала паломница Эгерия из Италии, которая упомянула о святине в своем итинерарии. Византийский имп. Зинон был почитателем св. Феклы, приезжал сюда для молитв и бесед с монахами, а после 476 г. возвел здесь базилику в благодарность за победу в гражданской войне и за свое возвращение на имп. престол (*Evagr. Schol. Hist. eccl. III 8*). В нач. XIV в. реликвии св. Феклы были подарены кор. Арагона Хайме II. Паломнический центр св. Феклы действовал до кон. XIV в., после чего сведения о нем исчезли из источников. В османскую эпоху городок Агия-Текла был известен под названием Мариамлык, что, возможно, говорит о возникновении нового почитания некой св. Марии (видимо, Богородицы) среди местных христиан. Пещера св. Фек-

лы также почиталась в г. Маалула в Сирии, но это место паломничества, очевидно, более позднего происхождения.

Ранневизантийская эпоха (IV – сер. VII в.). В ходе адм. реформ имп. Диоклетиана в кон. III – нач. IV в. К., как все азиат. владения Римской империи и Египет, вошла в состав диоцеза Восток с митрополией в Антиохии. Историческая Суравая К. была преобразована в пров. Исаврия (митрополия Селевкия), в которую помимо горной области Зап. Тавра было включено морское побережье, а также юж. часть Ликаонии в северных предгорьях Тавра. Равнинная К. оставалась единой провинцией до нач. V в., когда при имп. Аркадии она была разделена на Киликию Первую (митрополия Тарс) и Киликию Вторую (митрополия Аназарв). Этой

структуре соответствовала и церковная иерархия в К., входившая в состав *Антиохийской Православной Церкви*. Церковные епархии К. сложились в основном в IV – нач. V в. Их распределение выглядело следующим образом. Митрополии Киликии Первой Тарс подчинялись 7 епархий: Адана, Севаста (ныне Аяш), Помпейополь (ныне Вيرانшехир), Маллос (руины близ Кызылтахты), Августа (место затоплено водохранилищем в 1955), Корик, Зефирион. В митрополии Киликии Второй Аназарв входили 8 епархий: Епифания (ныне Гёзене, близ Эрзина), Александрия-у-Исса, Иринуполь (Нерониада; точно не локализован), Флавиада (Карспазары, ныне Кадирли), Росос (ныне Арсуз), Мопсуестия, Каставала (Иераполь), Эги (ныне Юмурталык). В состав митрополии Исаврии с центром в Селевквии входило от 15 до 22 епархий, значительная часть которых находилась в небольших горных крепостях: Клавдиополь (ныне Мут), Диокесария (ныне Узунджабурч), Олва, Далисанд, Сивила (ныне Йылдыз), Келендерис (ныне Айдынчык), Анемурион (ныне Анамур), Титиополь

(ныне Калинорен?), Ламос (ныне Лимонлу), Антиохия-на-Крагосе (Антиохия Малая, ныне руины близ Гюнейкёя), Нефелион, Кестры (ныне Килисебелени), Селинунт (Кастелло-Ломбардо, близ совр. Газипаша), Иотапа (ныне Айдап), Филадельфия, Иринополь (руины близ Чаталбадем), Германикополь (ныне Эрменек), Дометиополь (ныне Катранлы), Зенополь (руины близ истока р. Кючюксу), Адрас (ныне Балаболу), Мелуос-Кастрон (ныне Мелван-Калеси), Неаполь (руины близ Гюнейюрт?).

В нач. IV в., в период великого гонения на христиан, в Помпейополе пострадали мученики Пров, Тарх и Андроник (их мощи позднее почитались в Тарсе), исповедником веры стал еп. Амфион из Епифании (*Sozom. Hist. eccl. I 10*); в Горную К. выселялись христиане из др. регионов. Среди участников Анкирского Собора (ок. 314) упомянуты епископы Луций Тарсийский, Амфион из Епифании и Наркисс из Нерониады. В I Вселенском Соборе в Никее (325) участвовали 9 городских епископов и хореепископ из К. во главе с еп. Феодором Тарсийским. Кроме Тарса были представлены Епифания, Нерониада, Иераполь, Флавиада, Адана, Мопсуестия, Эги и Александрия.

Имп. Константин I ок. 326 г. приказал разрушить святилище Эшмуна-Асклепия в Эгах (*Euseb. Vita Const. III 57*). Однако в 362 г., при имп. Юлиане Отступнике, культ был возобновлен, и, судя по произведениям Ливания 70-х гг. IV в., он существовал еще в течение неск. десятилетий (*Lib. Or. I 143*). Неизвестный крупный храм рим. эпохи в Эгах был раскрыт археологами в 50-х гг. XX в. На месте храма была построена христ. базилика, к-рую по стилю напольных мозаик датировали кон. V в. Вероятно, лишь к этому времени местный культ Асклепия окончательно пришел в упадок.

Крупнейшим событием в церковной истории К. стал Собор 359 г. (см. *Аримино-Селевкийский Собор*), созванный в Селевквии Исаврийской по приказу имп. Констанция II как Собор вост. епископата в рамках общего Вселенского Собора Запада и Востока. Зап. епископат в это же время заседал в Аримине (ныне Римини, Италия).

Неразрешимой проблемой для империи были набеги исавров из

горных районов Западной К. Ок. сер. IV в. в связи с обострением угрозы комит Исаврии получил гражданскую и военную власть, хотя в большинстве провинций местная администрация имела лишь гражданские полномочия. В Исаврии было сосредоточено 2 легиона. Это беспокойное положение на границах исаврийских племен повлияло на дальнейший ход социально-экономического развития, облик и структуру городов и селений К. Столкновения римлян с исаврами после некоего перерыва возобновились в 50-х гг. IV в. (*Amm. Marc. Res gest. XIV 2. 1; Hild, Hellenkemper. 1990. S. 35–36*) и с этого времени до нач. VI в. почти не прекращались. Римляне укрепляли линию крепостей вдоль горной дороги из Анемуриона через Германикополь на Ларанду (в Ликаонии; ныне Караман), чтобы сохранить контроль над путями сообщения между К. и центральными областями М. Азии. За владение крепостями по этой линии постоянно велась борьба. В 60–70-х гг. IV в. мн. города К., в т. ч. места паломничества, были обнесены укреплениями. В это же время Равнинная К. служила базой для сосредоточения рим. армии в войне против Персии, здесь часто присутствовали императоры и высшие гос. чины. 3 нояб. 361 г. имп. Констанций II умер в К. в крепости Мопсукрены, рядом с Киликийскими Воротами, на пути из Антиохии в К-поль. В 363 г. в Тарсе похоронен погибший в войне с персами имп. Юлиан Отступник. В 90-х гг. IV в. его тело было перенесено в К-поль. Ок. 370–372 гг. в условиях борьбы с горными племенами территория Исаврии была сокращена; часть ее сев. и зап. земель передана Писидии, Памфилии и Ликаонии (*Hild, Hellenkemper. 1990. S. 37*). В кон. IV в. восстание против римлян поднял некий Бальбин Исавр, который в течение некоего времени грабил окрестные земли и разграбил Аназарв, Иринополь и Каставалу (*Philost. Hist. eccl. XI 8; Ioan. Malal. Chron. P. 345*). В нач. V в. набеги исавров участились. В 403 г. они разграбили Селевкию, в 404 г. вторглись в окрестные области, дошли на юге до Палестины и персид. границы в Сев. Месопотамии, некоторые группы переправились на Кипр; на севере захватили Ликаонию, Каппадокию и Понт. В кон. 405 г. из-за угрозы нападения часть жителей г. Кукус, в т. ч.

сосланный из К-поля свт. Иоанн Златоуст, была вынуждена бежать в укрепленный г. Арависс (ныне Ярпуз) (*Ioan. Chrysost. Ep. 61, 69, 127, 135 // PG. 52. Col. 642, 646, 687, 693*). В нач. V в. против исавров вели кампании визант. полководцы: магистр Востока Флавий Фравитта и Абарзакий (*Eunap. Fragm. hist. 84, 86; Marcell. Comit. Chron. AD. 405; Ioan. Malal. Chron. P. 363*). Часть исавров заклю-

Имп. Констанций II.
Монета. Бронза. 337–361 гг.
Аверс

чила мир с империей; они поступили на военную службу в качестве федератов. В 447 г. К-поль от нападения гуннов обороняло их соединение во главе с неким Зином, к-рый вскоре получил высокую должность магистра Востока. Но уже в 449 г. он поднял восстание в родной Исаврии и имп. Феодосий II отправил против него войско комита Максимиана. В 466 г. хозяин крепости Русумблада (позднее Зенополь) исаврийский князь Тарасикодисса стал магистром Востока, женился на Ариадне, дочери визант. имп. Льва I (457–474), крестился и принял имя Зинов. После того как в 474 г. он стал полновластным императором (правил в 474–475 и 476–491), в гос. и военных структурах империи преобладали исавры. Большинство визант. общества было этим недовольно, тем более что в Исаврии набеги продолжались. Так, в 469 г. некий Индак совершил морское нападение на Родос. Зинов дал ему отпор и захватил его крепость Папирий (Папирион, ныне Багдад-Кыры). В 473 г. в К-поле население устроило резню, часть исавров погибла. Против Зинона в нач. 475 г. был поднят мятеж, который возглавил родственник правящей фамилии Василиск. Зинов бежал из К-поля в Исаврию. Василиск правил полтора года, но

не смог мобилизовать силы для окончательной победы над Зином. В это время Зинову явилась св. Фекла и предсказала ему возвращение в К-поль. Отправленное Василиском в Исаврию войско Илла и Трокунда перешло на его сторону, что позволило Зинову вскоре вернуться на престол. Во время правления Зинона в империи часто происходила борьба за раздел власти между кланами исавров. Наиболее крупными ее проявлениями были мятежи исаврийских вождей Маркиана (479) и Илла (484–488), которые в иерархии исавров были более родовиты, чем Зинов, и стремились сместить его с престола. Преемник Зинона имп. Анастасий I (491–518) воспрепятствовал дальнейшему укреплению положения исавров в элите империи, что вызвало их восстание, которое возглавил брат Зинона Лонгин. Византийцы во главе с магистром Иоанном Скифом блокировали горную Исаврию и в 492–499 гг. вели войну, в ходе которой большая часть войск исавров была уничтожена, их крепости были разрушены. Лонгин погиб в битве при Котиее в 493 г., его преемники, вожди Лонгин Селинунтский и Афинодор, были захвачены в плен, проведены в цепях по К-полю и казнены в Никее; их головы выставляли на обозрение. С этого времени о набегах исавров более неизвестно; области горной Исаврии в результате войны пришли в запустение. В VI в. небольшое число исавров служили в визант. армии в отдельных отрядах.

Период после окончания исаврийских войн в VI в. в истории К. отмечен стабильностью и может считаться временем наивысшего расцвета и экономического положения региона и его христ. культуры. Вместе с тем в VI в. К. пережила несколько разрушительных стихийных бедствий. Аназарв разрушали землетрясения в 525 и 561 гг. В результате наводнений р. Кидн в 537 и 550 гг. пострадал Тарс. В 542–543 гг. в К. люди умирали от эпидемии чумы (*Theoph. Chron. P. 222*). Власти империи вкладывали большие средства в восстановление провинции.

Длительная борьба с исаврами практически не отразилась на церковной жизни К. этой эпохи. Во II Вселенском Соборе в 381 г. участвовали 8 епископов из К. во главе с еп. Диодором Тарсийским. Ему в это время подчинялись кафедры

Аданы, Епифании, Корика, Зефириона, Помпейополя, Мопсуестии и Александрии. Кроме того, 11 кафедр составляли митрополию Исаврии (Селевкия, Иринополь, Клавдиополь, Филадельфия, Далисанд, Антиохия, Титиополь, Селинунт, Олва, Диокесария, Келендерис). Диодор, широко известный церковный ученый и один из крупнейших богословов антиохийской школы, возглавлял кафедру Тарса в 378 — ок. 390 г. Эдиктом имп. Феодосия I, который был издан в 381 г. по итогам II Вселенского Собора, Диодор, а также еп. Пелагий Лаодикийский были объявлены «хранителями веры», т. е. наиболее авторитетными богословами и толкователями вероучения для всего диоцеза Восток. Вторым знаменитым богословом в К. был ученик Диодора еп. Феодор Мопсуестийский (392 — ок. 428). К кругу учеников Диодора в разное время принадлежали также свт. Иоанн Златоуст и блж. Феодорит Кирский. В христологических спорах V в. группа учеников Диодора, как часть антиохийской богословской школы, приняла активное участие (см. *Богословские школы древней Церкви*). В несторианском споре и на III Вселенском Соборе в Эфесе в 431 г. Церковь К. выступала фактически как основа партии вост. епископов, к-рые во главе с архиеп. Иоанном I Антиохийским были противниками свт. Кирилла Александрийского и в ответ на отлучение Нестория объявили об отлучении соборного большинства. При этом богословие Диодора и Феодора Мопсуестийского, позднее осужденное Церковью за несторианство, в то время еще рассматривалось как соответствующее Православью. На Соборе и в течение 2 лет после него епископы К. во главе с еп. Елладием Тарсийским показали себя наиболее последовательными противниками осуждения Нестория. Впрочем, в ходе консультаций внутри Антиохийской Православной Церкви к 433 г. они оказались в изоляции, поскольку большинство вост. епископата были согласны на компромисс с партией свт. Кирилла. Под давлением большинства, а также имп. власти в 433 г. Церковь К. поддержала соглашение между престолами Антиохии и Александрии и взаимное снятие анафем и подтвердила правомерность отлучения Нестория.

Тем не менее результаты церковных споров 30-х гг. V в. означали

фактическое поражение школы Диодора. В последующие десятилетия взгляды и сочинения основных богословов этого круга, уже скончавшихся, изучались все подробнее и в них обнаруживалось все больше положений, к-рые Церкви следовало отвергнуть. В 441 г. Собор в Антиохии рассматривал по запросу архиеп. Прокла К-польского сочинения Феодора Мопсуестийского. Собор признал нек-рые суждения Феодора спорными, но отказался осудить их официально, указывая на запрет посмертного осуждения, а также на сходство мн. тезисов в работах Феодора с идеями каппадокийских отцов (*Theoph. Chron.* P. 96). В сер. V в. активным борцом против монофизитства проявил себя еп. Василий Селевкийский. В 448 г. он участвовал в Соборе в К-поле, на котором впервые был осужден архим. Евтихий. На IV Вселенском Соборе в Халкидоне в 451 г. он вновь выступал против монофизитства. Ранее считалось, что еп. Василий был автором Жития св. Феклы, однако в наст. время его авторство отвергается (см.: *Dagron.* 1974). В 458 г. имп. Лев I и патриарх Анатолий К-польский издали «Энциклион», окружное послание с вопросом об отношении Церкви Востока к борьбе за Патриарший престол в Александрии. В Церквях Киликии Первой (7 епископов) и Исаврии (17 епископов) были организованы поместные Соборы, которые обратились с письмами к имп. Льву I с осуждением главы монофизитской партии в Александрии Тимофея Элуря. Председателями Соборов были Пелагий Тарсийский и Василий Исаврийский. В это же время свое отношение к «Энциклиону» должна была высказать и Киликия Вторая, где престол Аназарва занимал еп. Орест. Но о Церкви в этой провинции сведений не сохранилось. В 482 г., когда имп. Зенон издал «Энотикон», содержащий тенденцию к соглашению православных с монофизитами, в К. епископы Нестор Тарсийский и Юлиан Мопсуестийский отказались его подписать, за что были низложены (*Theoph. Chron.* P. 134). Сопrotивление «Энотикону» вообще представляет собой редкий случай в Церкви Востока того времени, а также свидетельствует о крепких позициях антимонафизитства в К. (т. е. еще о сохранении нек-рого влияния школы Диодора). Тем не менее позднее на-

строения в К. существенно изменились. В 10-х гг. VI в. большинство епископата К. поддерживало Севира Антиохийского, главу монофизитской партии. В 512 г., во время интронизации Севира на кафедру Антиохии, епископы Дионисий Тарсийский и Индак Корикский отказались принять его в литургическое общение. После признания Православия офиц. вероисповеданием Церкви в Византии в 518 г. большое число епископов в Киликии Второй и Исаврии были низложены, в т. ч. Евтрехий Аназарвский, Иоанн Мопсуестийский и Стефан Селевкийский. В то же время Киликия Первая от преследований православных не пострадала.

Для церковной жизни К. VI — нач. VII в. характерно не только социальное, но и географическое противостояние между офиц. православным и оппозиционным промонофизитским течениями. В провинциях Киликии Первая и Исаврия все более проявлялись сепаратистские и сектантские настроения. В то же время в Киликии Второй визант. администрации удавалось сохранять прочное положение вплоть до эпохи персид. и араб. завоеваний в VII в.

С кон. 20-х гг. VI в. имп. Юстиниан начал поиски путей примирения православных и монофизитов, и некоторые из ранее низложенных епископов были возвращены на свои кафедры. В 532 г. в К-поле состоялся диспут, в к-ром от партии монофизитов участвовал уже реабилитированный еп. Стефан Селевкийский. Наряду со стремлением к согласию в сер. VI в. в К. присутствовала и противоположная тенденция — окончательное отделение монофизитской Церкви от К-поля. С сер. 40-х гг. VI в. *Иаков Барадей* начал создание параллельной монофизитской иерархии на Ближ. Востоке и в т. ч. рукоположил епископов Конона Тарсийского и Евгения Селевкийского, которые стали первыми митрополитами в К. в иерархии *Сирийской яковитской Церкви* (*John of Ephesus. Lives of the Eastern Saints III / Ed., transl. E. W. Brooks // PO. T. 19. Fasc. 2. P. 155–156*). В это же время Церковь Киликии Второй активно участвовала в реализации юстиниановской политической программы. В 550 г. по запросу имп. Юстиниана митр. Иоанн Аназарвский организовал поместный Собор в Мопсуестии, к-рый подтвердил, что Феодор

Мопсуестийский как еретик уже давно исключен из местных церковных диптихов, а местные общины почитают свт. Кирилла Александрийского (АСО. Т. 4. Vol. 1. P. 117–118). В 566 г. яковитские митрополиты Конон Тарсийский и Евгений Селевкийский примкнули к движению тритеизма и тем самым порвали отношения с Сирийской яковитской Церковью. В 572 г. Евгений отправился в К-поль просить милости у имп. Юстина II, но в дальнейшем содержался под надзором. Конон в течение 3 лет скрывался в монахах Иерусалима. В 575 г. он сумел вернуться в К., но епископский престол уже не занял.

С сер. V в., после того как на IV Вселенском Соборе в Халкидоне в 451 г. было признано учение о двух природах Христа, процесс критического осмысления учения школы Диодора неск. замедлился. Тем не менее в сер. V — сер. VI в. епископы-богословы из К. (Диодор, Феодор Мопсуестийский, Феодорит) воспринимались как еретики и основатели несторианства в монофизитских кругах, в основном противостоявших офиц. Церкви Византийской империи. В сер. VI в. имп. Юстиниан I инициировал новый этап исследования богословия школы Диодора. На V Вселенском Соборе в 553 г. был осужден ряд сочинений епископов Ивы Эдесского, Феодорита Кирского и Феодора Мопсуестийского, и офиц. Церковь К. поддержала это решение. Тем самым богословский авторитет группы Диодора был фактически уничтожен. Большинство сочинений этих авторов продолжали формально пользоваться доверием, но в дальнейшем воспринимались лишь как второстепенные работы. В средние века большинство сочинений этого течения были утрачены.

Средние века. Ок. 611 г. К. была оккупирована персами в ходе длительной византийско-персид. войны (602–628). В 613 г. византийцы во главе с имп. Ираклием вторглись в К. с севера, пытались там закрепиться, но потерпели поражение под Антиохией. Им тем не менее удалось задержать продвижение персов у Киликийских Ворот (*Theophyl. Sim. Hist.* VIII 12; *Себеос, en.* История имп. Иракла / Пер. с арм. и примеч.: К. П. Патканьян. СПб., 1862. С. 87–92). В 623 г. армия имп. Ираклия вновь вошла в К. и в сражении одер-

жала победу над персами, но остаться на этой территории не смогла (*Theoph. Chron.* P. 305–306). Оккупация К. персами продолжалась до конца войны. После освобождения визант. правительство не успело восстановить порядок управления разоренной страной. Уже в 637 г. Равнинная К. была завоевана арабами-мусульманами. Область оставалась в руках мусульм. правителей до сер. X в.

На протяжении последующих 300 лет византийцы неоднократно вторгались в К., но закрепить эти области за собой не могли. Арабы использовали К. как основной район для сосредоточения своих сил при подготовке походов на северо-запад, вглубь М. Азии и на К-поль. Хребет Тавра и горный перевал Киликийских Ворот служили естественной границей между визант. и мусульм. миром. С сер. VII в. в Равнинной К. обе стороны старались разрушить важнейшие крепостные сооружения, что стимулировало отток населения из К. как в визант. М. Азию, так и в мусульм. Сирию. Этот процесс превращения К. в «ничейную зону» и театр постоянных военных действий привел к экономическому упадку. При этом горные крепости бывш. Исаврии, как правило, укреплялись. И византийцы и мусульмане стремились завладеть теми или иными местностями в горах Тавра, что должно было обеспечить им безопасность равнинных земель и возможность нападений на территорию противника. В нач. X в. в ходе распада Исламского халифата и борьбы между фатимидским Египтом и Багдадом за передел сфер влияния на Ближ. Востоке в К. образовался фактически независимый эмират Тарса. Раздробленность мусульм. гос-в существенно облегчила наступление византийцев в X в. и отвоевание ими К. и ряда др. областей Ближ. Востока.

В эпоху мусульм. правления в К., как и на всем Ближ. Востоке, до половины населения по-прежнему составляли христиане. Среди христиан К. большинство были сиро-яковиты, для них приход мусульман стал избавлением от религиозно-политического гнета правосл. Византии. Яковитские патриархи Антиохии регулярно назначали иерархов в Аназарв, Тарс и др. города К. (*Mich. Syr. Chron.* Т. 3. P. 451–465). О провинциальных городах известно мало. По частоте упоминаний епископов в источниках можно судить о том, что

особенно крупные яковитские общины были в Иринополе, Мопсуестии и Епифании; в X в. возникла епархия в г. Хамам (ныне Хамаккёй, близ Аназарва) — все в бывш. Киликии Второй. О сохранении правосл. иерархии в К. в это время крайне мало сведений. Известно, что в VI Вселенском Соборе в 680–681 гг. в К-поле участвовали епископы Тарса, Аданы и Флавии; в V–VI Трулльском Соборе в 691–692 гг. в К-поле — епископы Тарса, Корики, Зефириона, Аназарва, Епифании, Иринополя и Каставалы. При этом неясно, кто из них мог приехать из К. в К-поль на Собор, а кто имел звание лишь титулярного епископа и постоянно жил в К-поле. Если предполагать, что большинство епископов все же исполняли свои обязанности на местах, то значит, что к кон. VII в. правосл. Церковь еще сохраняла в основном свою иерархию в К. Но в VIII–IX вв. о Православии в К. не известно ничего, кроме одного упоминания митр. Иоанна Помпейпольского. Не позднее нач. X в. Исаврия, бывшая еще под властью мусульман, была включена в юстиции К-польского Патриархата как митрополия, находящаяся в юрисдикции К-поля (*Darrouzès. Notitiae.* P. 72, 283, 337, 362).

Второе византийское правление (сер. X — сер. XII в.). К кон. 50-х гг. X в. византийцы, наступая на юг с Армянского нагорья, отвоевали ряд областей Сев. Месопотамии. Их вторжения в Равнинную К. в это время стали еще более решительными. Мусульм. гос-ва региона, прежде всего эмират Алеппо (Халеб) во главе с Сайфом ад-Даулой, обладали лишь ограниченными силами для сдерживания византийцев. В 959 г. стратиг Лев Фока захватил и разграбил Иринуполь, после чего начал осаду Аназарва. Несмотря на упорное сопротивление и спешный ремонт стен, в 962 г. Аназарв был взят войсками Никифора Фоки (император в 963–969), после чего византийцы овладели еще неск. десятками мелких крепостей К. В 963–964 гг. Иоанн Цимисхий (император в 969–976) захватил Адану, Мопсуестию и ряд др. городов К. В 965 г. сдался Тарс, после чего вся область надолго перешла под контроль Византии. В 969 г. византийцы взяли Антиохию и до кон. 70-х гг. X в. продолжали активное наступление в Сирии, Палестине и Месопотамии. Визан-

Возвращение имп. Иоанна I Цимисхия после победы в военной кампании. Фрагмент визант. гобелена. 1064/65 г. (Епархиальный музей, Бамберг)

тийцы распространили на К. свою систему военных округов — фем, к-рая уже не соответствовала прежнему делению провинций и церковных митрополий. По византийским печатям X–XI вв. известно о кураторах фем, которые присутствовали в Тарсе и Адане.

Правосл. Церковь К. использовалась новыми властями как основа для укрепления Антиохийского Патриархата. В 969 г., согласно хрисовулу имп. Никифора II Фоки, патриархом Антиохии на краткое время стал Евстратий (969–970), бывш. епископ Флавиады. Структура возрожденного Антиохийского Патриархата известна по notiциям X–XII вв. Она в основном соответствовала ранневизантийской, но с рядом важных изменений. В К. кафедры Аданы, Помпейополя и Мопсуестии были возведены в ранг ав-

Исаврии в это же время упоминались в notiциях без всяких изменений, и в связи с этим крайне трудно судить о реальном положении Церкви в данной области. По актам К-польской Церкви 2-й пол. XIV в. известно, что митрополия Селевкии уже была возвращена из К-польского Патриархата в состав Антиохийского.

В первые десятилетия после прихода византийцев обострилась борьба между правосл. и сирояковитскими общинами в К. Патриарх Агапий II (978–996) старался обратиться к яковитам и армянам в Православие. Однако на одном из религ. диспутов яковитский патриарх Афанасий VI одержал верх над правосл. митр. Лазарем Аназарвским, что привело к усилению преследований монофизитов в К. и Сирии. Тем не менее после столкновений кон. X в. о дальнейшем противостоянии конфессий в К. более ничего не известно. Видимо, заинтересованность византийцев в поддержке местного населения, в т. ч. растущего числа армян-переселенцев из Вост. Анатолии, привела к равновесию в жизни религ. общин в многонациональной К. Большинство яковитских кафедр сохранились, и в XI–XII вв. даже появились новые: Талль-Хамдун (Тили), Калтаг, Адана, а в XIII в. — Сис.

Эпоха крестовых походов и армянское правление (кон. XI — кон. XIV в.). После разгрома византийцев тюрками-сельджуками в 1071 г. в битве при Манцикерте власть империи рухнула в большинстве районов М. Азии. К. превратилась в анклав, окруженный со всех сторон тюрк. владениями и имеющий на-

Имп. Никифор II Фока. Монета. 963–969 гг. Аверс, реверс

дежное сообщение с Византией лишь по морю. На части территории К.

в кон. XI–XII в. сохранялось прямое правление византийцев. В то же время бо́льшая часть земель постепенно перешла в руки неск. арм. военно-феодалных фамилий, образовавших здесь свои княжества. Некоторые из них сохраняли прочный союз с Византией, в то время как другие стремились к независимости (см. *Киликийская Армения*). В этих условиях в К. начало расти

влияние Армянской Апостольской Церкви, к-рую официально поддерживала местная арм. знать.

В 1098 г. Антиохию захватили крестоносцы и вскоре образовали здесь латинский Патриархат (1100–1292). Правосл. патриарх Иоанн IV Оксит (1089–1100) был вынужден покинуть город и жить в изгнании в К-поле. К. в это время также испытала сильное давление латинян, стремившихся создать свою церковную иерархию. Уже в 1099 г. в Тарс и Мопсуестию были отправлены лат. епископы, к-рых местный клир согласился принять. Тем не менее до кон. XII в. византийцы пытались сохранить свое влияние в К. и для этой цели использовали в т. ч. Церковь. Подробности судебных митрополичьих и епископских кафедр в К. в XII в. известны плохо, и в основном связаны с переменами в военно-политическом положении региона. В 1108 г. между визант. имп. Алексеем I Комнином и кн. Боэмундом Антиохийским был заключен Девольский мирный договор, согласно которому Византия сохраняла формальный сюзеренитет над Антиохией и землями К. Договором предполагалось также возвращение правосл. патриархов в Антиохию, но крестоносцы не выполнили это условие. В последующие десятилетия влияние византийцев в регионе сокращалось, правосл. епископат был вытеснен и из большинства городов К. латинянами. В 1136–1138 гг. имп. Иоанн II Комнин предпринял большой поход на Ближ. Восток и на короткое время почти полностью восстановил визант. правление в К. Лат. епископы были изгнаны со всех местных кафедр (в т. ч. из Тарса, Мопсуестии, Корики). Армянская Церковь в К. также пострадала, и католики начали постепенно обращаться к союзу с латинянами против греков. С 1137 г. правосл. патриарх Лука (1137–1156) занял престол в Антиохии, но в 1159 г. в ходе очередных церковно-политических конфликтов в господствующем положении вновь оказались латиняне. В 1158–1159 гг. византийцы во главе с имп. Мануилом I Комнином вступили в К. с большим войском и возвели на Антиохийский церковный престол патриарха Афанасия I (1157–1171). Однако на этот раз им пришлось уже считаться с интересами армянских княжеств К. Если в 1137–1138 гг. византийцы уничтожили враждебное им княжество

токефальных митрополий, с прямым подчинением патриарху. В составе митрополии Тарса остались только епархии Севаста, Маллос, Фивы (Августа), Корик, а также Зефирион. Митрополия же Аназарва немного разрослась и помимо всех старых епархий (кроме Мопсуестии) получила Камбизополь и Сиссион (Сис, столица Киликийской Армении в XIII–XV вв.). Епархии

Рубенидов в Горной К., то спустя 20 лет возродившиеся Рубениды лишь признали себя союзниками и вассалами императора, сохранив большинство своих владений, а также позиции Армянской Церкви, к-рой они покровительствовали. В 1165 г. правосл. патриарх Афанасий I вернулся в Антиохию; в 1171 г. он погиб

*Имп. Иоанн II Комнин.
Монета. 1118–1143.
Аверс, реверс*

в храме во время землетрясения. В 1178 г. кн. Боэмунд III Антиохийский, женившийся на визант. царевне, хотел вновь предоставить правосл. Церкви свободу в своих владениях, но папа Римский Александр III специальным посланием запретил антиохийцам под угрозой отлучения пускать в город правосл. патриарха. После смерти визант. имп. Мануила I в 1180 г. начался кризис и распад Византийской империи, и в последующие годы визант. гос. и церковные структуры в К. быстро разрушились. В нач. 80-х гг. XII в. латиняне вновь смогли поставить на важнейшие кафедры К. своих епископов, изгнав греков и договорившись с армянами.

Развитие христианства в К. в XIII–XV вв. определялось политикой арм. княжества Рубенидов. В 1198 г. Левон Рубенид стал королем и получил корону, присланную из Рима, княжество было преобразовано в королевство. Религ. политика Киликийской Армении в последующем в основном строилась на стремлении сохранить и упрочить союз с Римско-католической Церковью, рыцарскими военными орденами и теми европейцами, кто участвовали в крестовом движении. Это, однако, не исключало возникновения иногда острых конфликтов между армянами и католиками, в к-рых могла участвовать и правосл. Церковь К. Так, в 1206 г. в ходе войны за «Антиохийское наследство» кор. Левон на нек-рое время контролировал Антиохию, изгнал оттуда лат. патриарха и возвел на престол правосл. патриарха Симеона II (1206 – ок. 1240). В 1213 г. ситуация изменилась не в пользу ар-

мян, и Левон был вынужден согласиться с восстановлением лат. патриарха. При этом Симеон II бежал в К., где до 1215 г. занимал кафедру правосл. митрополита Тарса, после чего кафедра вновь оказалась у латинян. Правосл. иерархам время от времени удавалось занимать различные кафедры в К., но их положение, как правило, было очень непрочным. В 1322 г. в К. скончался Антиохийский

патриарх Дионисий, который до этого был митрополитом Мопсуестийским. Между 1347 и 1365 гг. известен некий митрополит Помпейополя, в 1376 г. – епископ Германикополя, в 1394 г. – митрополит Селевкии (в дальнейшем были возведены на Патриарший престол Антиохии).

Мусульманское правление в позднее средневековье и Новое время (кон. XIV–XX в.). В 1375 г. вся территория К. была захвачена мамлюками и вошла в состав Египетского мамлюкского султаната. В кон. XIV – нач. XVI в. горный хребет Тавр и Исаврия служили пограничной зоной между владениями мамлюков и турок-османов. При этом Горная К. уже в XV в. была захвачена османами, а Равнинная нек-рое время оставалась под властью мамлюков. В 1515 г., в ходе большой завоевательной кампании турок на Ближ. Востоке, К. была полностью присоединена к Османской империи и оставалась в ее составе до нач. XX в. как крупный центр сельского хозяйства, ремесла и торговли. Армяне сохранили свое положение в регионе даже после утраты политического суверенитета и до нач. XX в. составляли значительную часть населения К. Репрессии турок против арм. населения долгое время мало затрагивали К., и мн. армяне продолжали переселяться в К. из др. районов Османской империи. Согласно переписи 1885 г., население тур. вилайета Адана и санджака Ичель, к-рые на территории почти соответствовали исторической К., составляло 509 тыс. чел. Из них 178 тыс. были армянами, хотя только 53 тыс. армян в это время исповедовали христианство. Остальные были записаны как мусульмане-сунниты. Возможно, что часть

армян исповедовала ислам лишь формально, чтобы не привлекать внимания османских властей, одновременно сохраняя христ. традиции, арм. имена и язык в быту. Греч. население К. составляло ок. 12 тыс. чел. К. также населяло небольшое количество черкесов, арабов, туркменов, курдов и др. Точных данных об изменениях состава населения в нач. XX в. нет. Османские власти и вслед за ними зарубежная печать и ученые использовали сведения 1885 г. как релевантные и для 10-х гг. XX в.

Положение армян в К. резко изменилось в апр. 1909 г., когда в ходе младотур. революции произошло массовое уничтожение арм. общин вилайетов Адана и Алеппо, организованное тур. националистами и фундаменталистски настроенной частью мусульман. Согласно сведениям парламентской комиссии, расследовавшей эти события, в К. было убито 19,5 тыс. армян, 850 сирийцев, 422 халдея и 250 греков; арм. городские кварталы и поселения были разрушены, земли захвачены турками. Тур. власти, пытавшиеся разорваться в происшедшем, настаивали на политическом, а не на этническом характере конфликта. Но при этом погибших определяли исключительно по их религиозно-этнической принадлежности. В 1915–1918 гг. К. была опустошена в ходе геноцида армян. Хозяйственно-экономическое положение региона было подорвано, памятники арм. культуры были разрушены. Значительная часть армян бежала от репрессий в Сирию и в др. страны.

С дек. 1918 по окт. 1921 г., согласно условиям перемирия по окончании первой мировой войны, К. была оккупирована войсками Франции и Великобритании. За это время в К. под защиту войск Антанты вернулось более 170 тыс. армян, ранее бежавших от геноцида. В К. был образован Армянский национальный союз, к-рый претендовал на роль неофиц. правительства региона. По Севрскому мирному договору (1920) в К. предполагалось образование нового арм. гос-ва под протекторатом Франции. Однако договор реализовать не удалось из-за противодействия Турции. В окт. 1921 г. в К. вновь вошли тур. войска. Большинство армян и др. христиан покинули К. вместе с франц. войсками, отступившими в Сирию и Ливан.

Памятники христианской архитектуры. Многочисленные завоевания и разрушения привели почти к полному уничтожению исторического и культурного наследия христ. К. Сохранившиеся архитектурные комплексы являются предметом изучения археологов и историков архитектуры. Крупнейшие памятники светской архитектуры К. — средневек. замки в Каставале, Муте, Корики, Малве и др. Большинство из исследованных христ. храмов были построены в К. в IV–VI вв. преимущественно в крупнейших городах. Однако городская архитектура сохранилась плохо, т. к. города и крепости всегда подвергались перестройкам и разрушениям интенсивнее др. объектов. Некоторые остатки древних христ. храмов существуют в Адане, Аназарве, Тарсе, Селевкии, Мопсуестии, Корики, Сисе, Ромкле (подробнее см. в статьях об этих городах). Лучше сохранились храмы, монастыри и паломнические центры, построенные в сельской местности. Среди них наиболее известны паломнический комплекс св. Феклы Аятекла (см. *Мериемлык*), а также *Алахан-монастырь*.

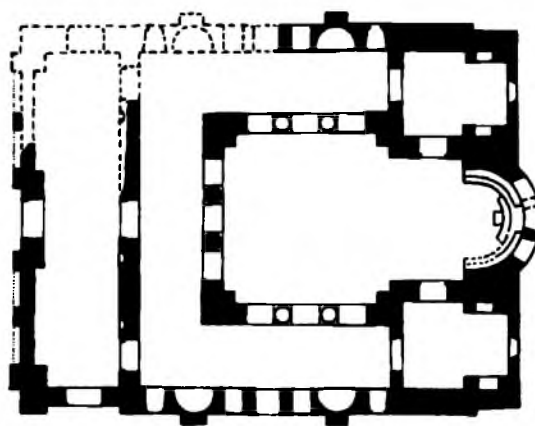
Далее представлен краткий обзор памятников, наиболее сохранившихся или важных для истории христ. архитектуры К.

Алахилсе. Небольшое горное поселение ранневизант. эпохи в 33 км к северо-западу от Силифке (Селевкии); древнее название неизвестно. До нач. XX в. здесь сохранялась греч. деревня, и в сер. XIX в. был построен храм на месте атриума древней базилики кон. V в. Древняя базилика была исследована С. Гюйе в 1906–1907 гг. (*Guyet*. 1909/1910). Храм имел необычную, почти квадратную форму (длина 28, ширина 25 м). Этот план, а также некоторые детали декора близки к «купольной» базилике в Дагпазары и церкви в Корики. Исследование Гюйе позволяет считать, что базилика завершалась куполом и входила в группу т. н. исаврийских купольных базилик кон. V в. К наст. времени фрагментов храма не сохранилось (*Hild, Hellenkemper*. 1990. S. 170; *Hill*. 1996. P. 83–84).

Дагпазары. Провинциальный город рим. и ранневизант. эпох, епископская кафедра, вероятно древний Корописс или Далисанд. Пришел в упадок в течение VI в. и в VIII в. был покинут. Спорадически заселял-

ся и использовался как крепость в средние века. Сохранились частично городские стены с башнями (IV в.), остатки акведука, стадион, неск. некрополей. Совр. деревня основана в 1875 г. турками — переселенцами с Балканского п-ова.

Кафедральная базилика больших размеров (50×16,5 м) была открыта в вост. части города в сер. XX в., когда при строительстве конюшни был обнаружен ее мозаичный пол. В 1957–1958 гг. М. Гоф провел раскопки нартекса храма, но вскоре это место было скрыто за частными постройками,

Реконструкция
плана купольной базилики
в Дагпазары

мозаики уничтожены. Базилика была 3-нефной с 2 рядами по 7 колонн с коринфскими капителями. Храм имел сложную историю: раскопками были вскрыты 4 этапа его развития, но из-за невозможности провести полное исследование подробно восстановить его историю нельзя. Возможно, в III — нач. IV в. базилика была перестроена из общественного здания с колоннадами рим. эпохи. Перестроить храм могли не ранее нач. V в., т. к. под полом в юго-зап.

Мон-рь Алахан

углу здания была найдена монета имп. Аркадия (395–408). На мозаике в нартексе была прочитана надпись, содержащая имя еп. Иоанна Елпидия с датой — 5-й индикт, а также

имелось несколько более позднее изображение кубка с надписью о ремонте мозаики еп. Лонгином. Надписи и мозаичные изображения птиц не поддаются точной датировке, но скорее всего были созданы не позже кон. V в. С севера к нартексу примыкал баптистерий шириной 14 м. Вероятно, в VI в. базилика сгорела и более не восстанавливалась. На месте ее нартекса в VII в. еще действовала небольшая часовня.

«Купольная» базилика с амбулаторием (27×20 м; скорее всего между 476 и 491) в сев.-зап. части города — 3-нефная постройка с нартексом с зап. стороны. С юга к храму примыкал атриум. Основное помещение храма одно-

этажное. Полукруглая апсида освещается 3 арочными окнами. Ее конха была украшена мозаикой. Апсида опирается на очень высокую триумфальную арку. План храма необычен для базилики. Преталтарное пространство было сформировано 4 столбами, L-образными в плане; на них опирались 4 арки. Между столбами с зап., сев. и юж. сторон находились аркады, каждая из 2 небольших колонн и 3 арок. С тех же 3 сторон преталтарное пространство окружала широкая галерея (амбулаторий). Остатки столбов и других конструкций не позволяют уверенно реконструировать форму кровли храма. По предположению Дж. Форсайта (*Forsyth*. 1957. P. 235), 4 большие арки поддерживали некое подобие квадратной башни, ко-

торая завершалась деревянной 4-скатной крышей. Этот вариант оспаривается рядом исследователей (С. Хилл), к-рые считают, что храм завер-

шался каменным куполом на парусах и использовался не только в раннюю, но и в средневизант. эпоху (X–XII вв.) и поэтому многое в его конструкции остается неясным,

не установлены время и характер его различных перестроек. Вместе с тем храм очень близок по типологии к относительно точно датированным купольным базиликам кон. V в. в Алахан-манастыре и Мерьемлике и может быть уверенно отнесен к этой же группе памятников, построенных с участием столичных архитекторов.

Остатки 3-й базилики были обнаружены в 1952 г. в районе некрополя из вырезанных в скале погребений к западу, за пределами стен города. Храм (25,87×14,85 м) имел простую 3-нефную форму с 2 аркадами по 7 колонн. Алтарная часть отделялась от нефа преградой с 4 колоннами, которые частично реконструированы. В интерьере найдены остатки амвона (единственный подобный пример в К.). По стилю мозаичного пола храм датируют V в. (Hild, Hellenkemper. 1990. S. 313–314; Hill. 1996. P. 149–162).

Джанбазлы. Крупная деревянная эллинистической и рим. эпох в 7 км к востоку от Олвы; древнее название неизвестно. Сохранился рим. не-

с аркадой. Кривизна и необычность конструкции нартекса предположительно объясняются параметрами античного храма, на месте которого построена базилика. Неф храма разделен 2 рядами по 6 колонн, соединенных аркадами. Юж. колоннада сохранила 2-й ярус, который указывает на то, что боковые нефы здания изначально были 2-этажными и вторые ярусы колоннад образовывали галереи. Перекрытия 2-го этажа в нартексе, боковых нефях, а также лестница с 1-го на 2-й этаж были деревянными. Изначально храм почти не имел декора. В 100 м от большой базилики находятся остатки другой — малой однефной базилики (14,4×8,6 м). В сев.-вост. части поселения, на кладбище, были обнаружены следы еще одной базилики (общая длина 17,5 м), однако в наст. время они засыпаны (Hild, Hellenkemper. 1990. S. 223; Hill. 1996. P. 106–111).

Диокесария (Узунджабурч). В эллинистическую эпоху здесь было поселение при храмовом комплексе близ Олвы, древнего религиозно-политического центра этого региона. Полис основан во 2-й четв. I в. по Р. X., при имп. Тиберии, после упразднения царства Олвы. Позднее название Диокесария часто воспринималось

Реконструкция
плана базилики в Джанбазлы

как синоним Олвы. Одна из надписей ранневизант. эпохи определяет Диокесарию как «город святого Лукция», что указывает на существо-

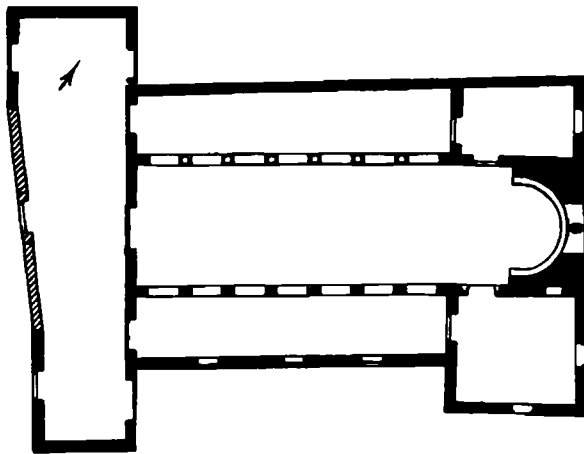
вание здесь культа местного святого (не упом. в др. источниках). Первый известный епископ Диокесарии Монтан участвовал во II Вселенском Соборе в К-поле в 381 г. Еп. Сукценс назван в письмах свт. Кирилла Александрийского, написанных вскоре после III Вселенского Собора в Эфесе (431). Местные епископы участвовали также в Соборах в Халкидоне в 451 г. (IV Вселенском), в К-поле в 458 г., в Никее в 787 г. (VII Вселенском). По лапидарным надписям известен еп. Летой (V–VI вв.). В местных надгробных надписях упоминаются пресвитер храма св. Иоанна, строитель храма св. Сергия, 2 церковных уп-

равляющих, повар епископа. В городе известны 4 христ. храма, а также мон-рь св. Феклы (не локализован, упом. в надписях). Кроме общин язычников и христиан в городе присутствовала евр. община.

Диокесария сохранила все основные элементы классического рим. градостроения. Главной достопримечательностью города был храм Зевса Олвия, основанный царем Селевком I на рубеже IV и III вв. до Р. X. Колоннада его периптера хорошо сохранилась; формы коринфских капителей указывают, что существующий храм и окружавшие его портики были возведены во 2-й пол. II — 1-й пол. I в. до Р. X. К северу от храма сохранилась большая жилая башня, построенная на рубеже III и II вв. до Р. X. Тевкром, одним из правителей Олвы, вероятно, была резиденцией местных царей-жрецов. В III в. по Р. X. башня перестраивалась и позднее была включена в зажиточное частное домовладение. К западу от храма Зевса находился храм Тихе (2-я пол. I в. по Р. X.), а к югу — театр. С севера в город вел акведук, к-рый заканчивался, вероятно, рядом с нимфеем (II–III вв.). Сохранились также остатки главных улиц, пересечение к-рых было оформлено пропилями. Вост. ворота украшала 3-пролетная арка (ок. II в.), на которой есть надпись комита Исаврии Флавия Леонтия, занимавшего должность при имп. Аркадии и Гононии (одновременно правили в 395–408). Надпись указывает на вероятность перестройки ворот и стен города в это время, видимо в связи с обострением исаврийской угрозы. С севера и запада город окружают 3 некрополя.

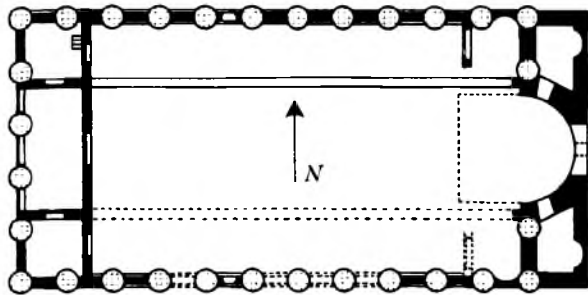
В ранневизант. эпоху (предположительно во 2-й пол. V в.) храм Зевса был перестроен в 3-нефную базилику (39×21 м). Целла храма была разобрана, а колоннада периптера включена в кладку внешних стен базилики в качестве контрфорсов. Базилика имела стандартные формы, с апсидой и пастофориями по бокам от нее. Внутренние колоннады базилики, а также проч. элементы декора почти полностью утрачены, что затрудняет определение даты постройки.

Вторая базилика (23,2×16,4 м) находилась рядом с театром; она плохо сохранилась и заросла кустарником. Ее апсида была близка по форме к апсидам храмов в Каставале.

крополь с неск. мавзолеями; известны 3 ранневизант. храма. Главная базилика (29×22 м; вероятно, 2-я пол. V — нач. VI в.) в юж. части поселения — один из наиболее сохранных христианских памятников К. Кладки стен и колоннады находятся в нетронутом виде почти до уровня карнизов кровли. Была построена на месте античного храма, частично из сполыев. Базилику отделял от жилой застройки большой храмовый двор шириной 75 м, окруженный со всех сторон колонным портиком. С запада находился 2-этажный нартекс, к-рый по ширине превосходил ширину самой базилики. Зап. стена нартекса была украшена колоннами

Базилика св. Стефана, наиболее крупная в городе (52×22 м), видимо кафедральная, находилась за пределами стен. Почти полностью утрачена, хотя в 1-й пол. XX в. остатки храма были еще видны; раскопки не

Реконструкция плана базилики в Диокаесарии, перестроенной из храма Зевса Олвия

тиан в Диокаесарии (Hild, Hellenkemper. 1990. S. 239–240; Hill. 1996. P. 252–256).

проводились. Алтарная часть базилики не имела пастофориев, что указывает на сравнительно раннее время ее постройки. Апсиды, полукруглая изнутри, с вост. стороны была обнесена дополнительной стеной и снаружи выглядела как прямоугольная. На внешней вост. стене была надпись, указывавшая на посвящение храма. К сев.-зап. углу здания примыкала цистерна.

Базилика на сев. кладбище расположена также за пределами города. Постройка имела весьма необычную форму. Апсида храма в наст. время скрыта под совр. шоссе; ее форма была такой же, как у бази-

лики (Маденшехир, *Бинбир-килисе*; центр М. Азии). Храм был богато украшен различными резными элементами, к-рые почти не сохранились. Это скальное погребение и возведенный на нем храм нестандартной формы могут считаться одним из наиболее ранних мест собраний хрис-

тиан в Диокаесарии (Hild, Hellenkemper. 1990. S. 239–240; Hill. 1996. P. 252–256). Выказывалось предположение, что если Диокаесария в одной из надписей была названа «городом святого Лукия», то эта могила и могла быть местом почитания святого (Keil, Wilhelm. 1931. P. 61–62).

Каставала (Кастабала-Бодрумкале). Город известен с эпохи эллинизма. В раннерим. время был столицей небольшого гос-ва Тархондимотидов, но после его упразднения в кон. I в. по Р. Х. потерял прежнее значение. Первенствующая экономическая и политическая роль в этой местности перешла от Каставалы к Аназарву. Город был известен святыней Артемиды Переи (отсюда его 2-е название — Иераполь). Сохранились остатки центральной городской улицы, рим. терм, театра, гробниц, средневековый

Ворота Диокаесарии

замок-цитадель. Видны также остатки апсид двух 3-нефных базилик (вероятно, 2-я пол. V в.), очень похожих друг на друга.

Они выстроены почти полностью из сполыв более ранних зданий, в основном III в.; похожи на сир. образцы того же времени. Апсиды освещались 3 большими арочными окнами. Внешнюю стену апсид над окнами у основания конхи у обоих храмов украшал большой карниз. Сев. базилика (33×17 м) находилась в центре города. Ее колоннады между нефами, видимо в VI в., были разобраны и заменены 3 парами массивных столбов, к-рые могли поддерживать купольные конструкции. Юж. базилика (31×19 м) находится за пределами античного города, почти не имеет оригинальных элемен-

тов в конструкции, кроме сполыв (Hild, Hellenkemper. 1990. S. 293–294; Hill. 1996. P. 104–105).

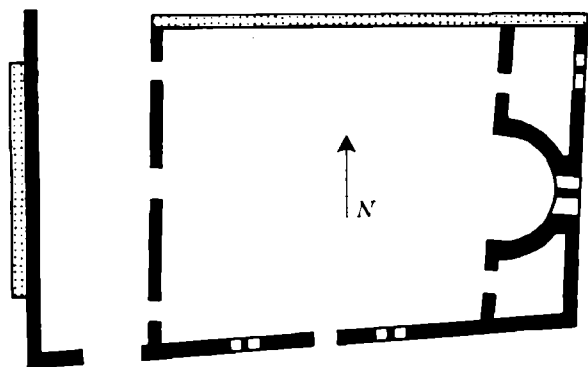
Канителла (Канлыдиване). Поселение и религ. центр в 5 км к северо-востоку от Севасты; сложилось вокруг большого скального ущелья (ширина 200 м, глубина 60 м). В эллинистическую эпоху входило в сферу влияния царства Олва. При римлянах и византийцах — полисная территория Севасты. Ущелье с древности имело статус религ. святыни. На его дне обнаружены остатки античного храма. Второй храм, видимо, находился на краю обрыва, на месте позднейшей христ. базилики № 4. На одной из скал есть рельеф раннерим. эпохи с изображением военной сцены. На юго-зап. краю долины стоит 3-этажная жилая башня, к-рая была выстроена в эллинистическую эпоху и использовалась до ранневизант. времен. На ее стенах 2 эллинистические надписи, в к-рых говорится о постройке башни по приказу правителей Олвы. Проч. жилые дома также частично сохранились. Рядом с поселением находятся некрополи с неск. богатыми гробницами, украшенными рельефами и надписями. В ранневизант. эпоху Канителла сохранила свое благосостояние и религ. значение, свидетельством чему являются 5 христ. храмов, построенных во 2-й пол. V — 1-й пол. VI в.

Базилики № 1 и 2 находились к западу от ущелья и составляли единый (возможно, монастырский) комплекс. Первая (31×18,4 м) сохранила стены нартекса с 3-арочным зап. входным порталом и вост. стену с алтарной апсидой подковообразной формы. Центральная часть ее наоса с 3 нефами разрушена. От 2-й базилики (41×18,6 м) сохранились лишь часть алтарной апсиды и часть сев. стены; план и детали здания восстанавливаются по множеству разбросанных вокруг фрагментов. Базилика была несимметрична в плане: ее апсида и зап. входной портал были смещены к югу от оси здания. Причины этого явления неясны. Апсида не имеет окон; подковообразная в плане, так же как 1-я базилика. Со стороны алтаря к базилике примыкал комплекс вспомогательных помещений. Вероятно, широкая сев.-вост. пристройка использовалась как баптистерий (подобный план был у базилики на кладбище в Анемурионе).

лики, перестроенной из храма Зевса. Зап. часть храма вырезана из скальной породы. Здесь же, в 26 м к западу от алтаря, в скале находится неизвестное погребение, к-рое, вероятно, было особо почитаемым местом храма. Возможно, базилика возникла как мартирий на месте этой чтимой христианами могилы. Храмовый комплекс включал также ряды колоннад справа и слева от основного наоса, похожие на дополнительные боковые галереи базилики. Их назначение и сочетание с основным храмом неясны. Аналогов этой конструкции в К. нет, но с ней сравнима базилика № 7 в Ва-

Базилика № 3 (23,5×17,5 м) находится у сев.-зап. края ущелья, возможно в центре поселения, она служила основным приходским храмом. За алтарем базилики с востока располагалась главная цистерна

Реконструкция плана базилики № 3 в Канителле

для воды (могла быть частью церковного владения). Лучшее др. элементов храма сохранилась зап. стена его нартекса, к-рая, вероятно, построена раньше базилики и первоначально являлась частью здания рим. эпохи. Ее внешняя поверхность была сложена из крупных, хорошо пригнанных блоков известняка, в то время как внутренняя — из камней разных размеров, как и проч. части стен базилики. С запада входа в базилику не было; двери в нартекс располагались в его юж. и сев. стенах. Предполагается, что в рим. эпоху на месте нартекса базилики с севера на юг проходила главная улица Канителлы (известно много подобных примеров строительства ранневизант. храмов на месте улиц). Наос храма был 3-нефным, хотя следов колоннад не обнаружено, имел неправильную форму: его сев. и юж. боковые стены не были параллельными, возможно из-за формы церковного участка и пропорций находившихся здесь более ранних зданий; неправильной формы были и боковые пастофории.

Базилика № 4 (общие размеры 45×15,5 м; наос и алтарь длиной 28 м) находится на сев. краю ущелья, предположительно на месте античного храма. Эта постройка — одна из наиболее значимых в К. для истории христ. архитектуры, объект долгих исследований и дискуссий. Юж. часть храма обрушилась в ущелье, но оставшиеся алтарная апсида, части центральных столбов, сев., вост. и зап. стены позволяют реконструировать облик здания. Пропорции храма так же несимметричны, как и у базилики № 2; зап. входной портал и

алтарь сдвинуты к югу от центральной оси храма. С запада храм открывался небольшим атриумом, откуда был вход в нартекс, оформленный 3 арками на колоннах (обычная форма зап. входа для Сирии). Из нартекса в наос вели 3 дверных портала, открывавшие пространство 3-нефного наоса. Колоннады, разделявшие нефы, ут-

рачены; неясно, сколько было колонн. В вост. части наоса перед алтарной апсидой были поставлены 2 крестообразных и

2 L-образных столба, к-рые образовывали квадрат и поддерживали над алтарем конструкцию из 2 триумфальных арок. По бокам столбы связывались еще 2 арками меньшей величины. Храм был 2-этажным; нартекс и боковые нефы наоса имели галереи с деревянными перекрытиями. По форме кровля храма предположительно была близка кровле сев. базилики в Окюзлю и могла иметь Т-образный вид. С востока апсида храма была окружена помещениями, образовывавшими своеобразную трапецию и скрывавшими снаружи вид на алтарь. Помещения также могли быть 2-этажными и служить как жертвенник и диаконник или как вост. обходная галерея (Hild, Hellenkemper. 1990. S. 285–286; Hill. 1996. P. 179–193).

Кёшкерли. Римско-визант. деревня; древнее название неизвестно. Насчитывалось ок. 50 домов, некоторые с загонами для скота; сохранились остатки мельницы и маслодавильни; небольшой некрополь. Здесь найдены 2 базилики. Малая почти полностью разрушена. Большая базилика может быть реконструирована. У нее сохранились части 2 внутренних колоннад, разделявших нефы, а также 4 квадратные столба в вост. части наоса, которые могли быть элементами конструкции трансепта и поддерживать купол. Боковые нефы имели галереи на 2-м этаже. По форме храм был, видимо, близок к южной базилике в Окюзлю (Hild, Hellenkemper. 1990. S. 320; Hill. 1996. P. 197).

Махрас-Дагы. Мон-рь ранневизант. эпохи находится в 15 км к западу от Алахана, на сев. склоне го-

ры; не был укреплен стенами; постройки, вероятно, кон. V в.; древнее название неизвестно. Наос главного храма был почти квадратным в плане (длина ок. 19 м), отчасти сходным с «купольной» базиликой в Дагпазары. Относительно хорошо сохранились вост. часть и апсида храма. Апсида с востока освещалась 2 арочными окнами, а по сторонам в стене имела 2 небольшие ниши, крайне редко встречающиеся в ранневизант. памятниках, но, видимо, необходимые для литургических целей (подобные ниши есть и в Алахане). С сев. стороны к храму пристроена прямоугольная комната — с апсидой и нишами меньшего размера, вероятно бывшая мартирием. Основной объем храма скорее всего формировали 4 опорных столба с дополнительными колоннами между ними. На столбы опирались арочные конструкции и купол. В 7 м к северо-востоку от основного храма есть следы храма в форме триконха (12×11 м). Апсиды этой постройки завершались полуциркульными сводами, и основной объем был увенчан куполом. Назначение триконха остается неясным. Он мог служить баптистерием или храмом-мартирием, усыпальницей ктиторов мон-ря или местных святых. Географическая близость храма Махрас-Дагы к Алахану, а также совпадения конструкций и отдельных черт указывают, что эти 2 комплекса сложились одновременно и, вероятно, заказчики и строители могли принадлежать к одному кругу (Hild, Hellenkemper. 1990. S. 336; Hill. 1996. P. 197–201).

Окюзлю. Деревня находится в 9 км от Севасты; древнее название неизвестно. Состояла из 50–70 домов. Существовала с позднеэллинистической до ранневизант. эпохи (ок. II в. до Р. Х. — VI в. по Р. Х.). Сохранились остатки 2 христ. базилик ок. V в. Сев. базилика (32×17,5 м; вероятно, кон. V в.) 3-нефная, с широким трансептом. Хорошо сохранились апсида и вост. стена с триумфальной аркой, сев.-зап. опорный столб купола, некоторые боковые помещения. Базилика имела атриум сложной многогранной формы. Нефы основного помещения храма разделены 2 рядами колонн (по 5 в каждом). В вост. части конструкции нефы пересекал широкий трансепт, к-рый составлял единое пространство шириной 4,5 м с высоким клеристорием (4 его арочных окна сохр. на вост. стене). Кров-

ля базилики скорее всего имела Т-образную форму. Апсида простой конструкции освещается окном с двойной аркой. По бокам в апсиде входы в боковые помещения храма, к-рые также имели маленькие апсиды. Сохранившиеся капители храма близки по форме к капителям базилики № 4 в Канлыдиване, а также к купольным базиликам в Корики и Дагпазары. Юж. базилика находилась на холме, за пределами поселения; сохранилась только апсида. Это также 3-нефный храм с 2 рядами по 6 колонн; по размерам меньше сев. базилики. Апсида с востока имела обходную галерею. Датировка неясна; возможно, базилика древнее северной (Hild, Hellenkemper. 1990. S. 369; Hill. 1996. P. 237–240).

Флавиада (Кадирли). Античный и средневек. город в 22 км к северо-востоку от Аназарва. Основан в кон. I в. по Р. Х. рим. имп. Веспасианом как Флавиополь. Уже в нач. III в. здесь была христ. епископская кафедра (еп. Александр упом. ок. 211). В 260 г. город был разграблен персид. войском Шапура II, но затем восстановлен. Во время Диоклетианова гонения здесь пострадал мч. Иулиан из Аназарва. Местные епископы участвовали в Соборах в Никее (325; I Вселенском), Антиохии (341), Халкидоне (451; IV Вселенском), Мопсуестии (550), К-поле (680–681; VI Вселенском). Со средневековья до XX в. место древнего города было известно под названием Карспазары (вероятно, в связи с тем, что здесь жила община армян — переселенцев из Карса). Следов древнего города почти не сохранилось. Известна мечеть Ала-джами, к-рая перестроена из базилики ранневизант. эпохи (предположительно кон. V — нач. VI в.). Использование здания как культовой постройки способствовало относительно хорошей сохранности памятника. Это 3-нефная базилика довольно больших размеров (общая длина до 40 м); близка по форме и элементам декора к храмам Сев. Сирии. Внешние стены имеют множество дверей и окон. Главный портал на юж. стене фланкирован 2 арочными окнами с запада и 3 с востока; в вост. части юж. стены есть еще 2 дверных проема. На 2-м уровне сев. и юж. стены имеют по 7 прямоугольных окон, освещавших галереи базилики (отчасти это напоминает фасады базилики св. Апостолов в Аназарве). В XII–XIII вв.

арм. община перестроила базилику в храм меньших размеров, создав новые перекрытия над алтарной апсидой и частью наоса. Позднее (возможно, в XV в.) постройка была преобразована в мечеть (Hild, Hellenkemper. 1990. S. 378–379; Hill. 1996. P. 176–179).

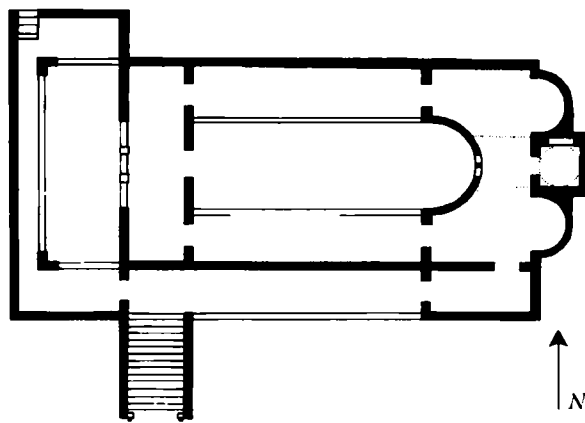
Чатыкёрен. Деревня рим. эпохи находилась в 10 км от Севасты; древнее название неизвестно. Хорошо сохранилась 3-нефная базилика на кладбище (34,4×14,8 м; основной неф 20,9×14 м), с нартексом, обходной галереей с востока от алтарной апсиды, а также с дополнительной апсидой в юж. части вост. стены. Сохранилось неск. колонн основного нефа высотой 2,77 м. По форме капителей время постройки можно определить как V, так и VI в. (Hild, Hellenkemper. 1990. S. 224–225; Hill. 1996. P. 147–148).

Эмирзели. Поселение и культовый центр в 11 км к северо-западу от Корики, на холме высотой ок. 300 м; древнее название неизвестно. В его зап. части сохранилась жилимая башня, соединенная с крепостной стеной эллинистической эпохи (царст-

Яньхан. Деревня римской и ранневизантийской эпохи; древнее название неизвестно. Сохранились остатки от 30 до 40 жилых домов, цистерн и 2 христианских базилик. Базилики имеют много общих черт; построены, видимо, почти одновременно, но с трудом поддаются датировке в пределах IV–VI вв., поскольку не сохранилось элементов декора. Базилика А (южная; 30×15 м) находилась на холме рядом с центром деревни. Над ее дверной перемычкой обнаружена надпись, где указано, что это храм-мемориал святых Георгия, Конона и Христофора, построенный комитом Матронианом. Ни святые, ни ктитор из др. источников не известны. Есть предположение на основании форм сохранившейся капители и колонны в нартексе, что храм построен в кон. IV в. Но эта версия слишком условна, т. к. эти детали могли быть использованы вторично. По др. версии, храм был построен в кон. V–VI в. Основной объем здания имел стандартную 3-нефную форму. У полукруглой апсиды с востока находились 2 дополнительных помещения

с 2 маленькими апсидами, а также квадратной комнатой между ними (вроде мавзолея с куполом). Эти пристройки скорее

Реконструкция
плана базилики А
в дер. Яньхан

всего были местом погребения почитавшихся здесь святых. Базилика В (северная; 27×14 м) построена на деревенском кладбище и сохранилась

чуть лучше. Хорошо видны ее апсида со сводом триумфальной арки, вост. и сев. стены. Конструкция ее основного объема, вероятно, изначально была похожа на базилику № 4 в Канителле. На вост. стене по сторонам апсиды есть следы небольших арок, которые поддерживали галереи 2-го этажа по сторонам алтарного пространства, а также могли соединять триумфальную арку с дополнительными зап. столбами. Впрочем, следов этих столбов в интерьере не обнаружено. Вост. часть базилики была похожа на базилику А. Здесь также были 2 дополнительные комнаты с маленькими апсидами, к-рые могли служить

матриями неизвестных нам святых (*Hild, Hellenkemper*. 1990. S. 468–469; *Hill*. 1996. P. 256–262).

Феномен т. н. исаврийской архитектуры V–VI вв. На протяжении мн. лет особое внимание исследователей визант. архитектуры привлекает группа храмов К. V в., в конструкции к-рых есть трансепты и купола. Это явление в целом нехарактерно для ранневизант. архитектуры IV–V вв. и начинает широко распространяться в К-поле и др. районах империи лишь в 1-й пол. VI в. В связи с этим ранневизант. архитектура К., по всей видимости, представляет собой уникальное явление. В этом регионе сохранилось неск. наиболее ранних примеров купольных базилик, прообразов конструкций собора Св. Софии и др. храмов в К-поле и, вероятно, всей позднейшей традиции крестово-купольной храмовой архитектуры восточнохрист. мира. Возникновение группы купольных базилик уверенно связывается со временем правления имп. Зинона (474–475, 476–491), когда исавры в К. достигли наивысшего политического могущества и могли привлекать большие средства, в т. ч. из казны, к строительным проектам (см.: *Gough*. 1972).

Термин «купольная базилика» для определения храмов К. был впервые использован Й. Стржиговским в описании вост. базилики в Алахане. Всего в К. известны 5 базилик, которые с уверенностью объединяют в группу «купольных». Это вост. базилика в Алахане, «купольная» церковь в Мерьемлике, церковь в Корики, «купольная» базилика с амбулаторием в Дагпазары, базилика в Алакилисе. Предполагается, что кроме них купольными могли быть также монастырский кафедрал в Махрас-Дагы и церковь в Кёшкерли. Большинство этих храмов сильно разрушены, и по сохранившимся остаткам едва ли можно представить их внешний вид и устройство. В связи с этим реконструкция этих храмов и их оценка в контексте ранневизант. церковной архитектуры остаются предметом дискуссий. Представления об изначальном облике этих базилик в основном связаны с вариантами реконструкции храма в Алахане. К кон. XIX в. возникла версия о том, что церковь в Алахане завершалась квадратной башней и 4-скатной деревянной кровлей (*Headlam*. 1892). Стржиговский впервые выступил против

нее, показывая возможность купольного завершения храма (*Strzygowski*. 1903. S. 110–111). Подобное же решение предложил Форсайт для базилики в Дагпазары (*Forsyth*. 1957), но одновременно он же доказывал, что большинство остальных храмов этой группы были перекрыты деревянной крышей на башне. Этой «компромиссной» версии придерживались и авторы крупнейших обобщающих трудов по визант. архитектуре последних десятилетий (*Mango*. 1966. P. 365; *Krautheimer*. 1986. P. 245). Совр. исследователь ранневизант. памятников К. Стивен Хилл выступает против идеи 4-угольных башен и доказывает, что почти все храмы «купольной» группы скорее всего были или могли быть перекрыты каменными куполами (*Hill*. 1996. P. 45–47). Хилл показывает, что из базилик этой группы имели купол храмы в Алахане, Дагпазары и Мерьемлике. Для оценки структуры Алакилисе сведений мало, но возможность его купольной конструкции также не исключена. В то же время церковь в Корики, видимо, не могла быть купольной.

Второй нерешенный вопрос в исследовании т. н. исаврийской архитектуры заключается в том, были ли модели купольных базилик импортированы в К. из каких-то более крупных городских центров Византийской империи (К-поль, Антиохия) или их возникновение стало результатом собственного развития местной архитектурной школы. Некоторые возможности в поисках решения предлагает Хилл, выделяющий в особую группу также базилики К. с трансептом в вост. части или в центре наоса.

Базилик с трансептом в К. 12, и они очень разнятся по деталям конструкции и по степени сохранности. В зап. базилике в Алахане и в базилике № 2 в Эмирзели трансепт едва заметен. Трансепты, разделенные 2 арками вдоль колоннад храма, были у 4 базилик: св. Апостолов в Аназарве, G в Корики, № 4 в Канлыдиване, св. Феклы в Мерьемлике. Трансепт с единым перекрытием имели сев. базилика в Окюзлю и храм-базилика в Дженнет-Джехеннем, кафедрал Корики и базилика в Кёшкерли. Трансепт, создававший крестообразный план всего храма, был у юго-зап. базилики в Аназарве и у «Большой армянской церкви» в Корики.

Из этих храмов только 2 в Аназарве находилось внутри городских

стен. Остальные построены на кладбищах или в местах паломничества, т. е. изначально они, вероятно, были матриями. Юго-зап. базилика в Аназарве также, возможно, была матрием местных мучеников Прова, Тараха и Андроника. Большинство этих храмов имело обходные галереи или дополнительные помещения вокруг апсиды с востока, что могло быть связано с их функцией мучеников. Среди группы купольных базилик 2 также находились на кладбищах (Алакилисе и церковь в Корики) и еще 2 были выстроены в местах паломничества (вост. базилика в Алахане и купольная в Мерьемлике).

Сведений о конструкции кровли базилик с трансептом не сохранилось, кроме сев. базилики в Окюзлю. Стены «Большой армянской церкви», кафедрала в Корики, а также базилики № 2 в Эмирзели дают возможность предполагать, что их кровли также имели крестообразную конструкцию. Возможно также, что над средокрестием нефа и трансепта могли возвести квадратную башню, опирающуюся на арки. Подобная башня могла быть промежуточным этапом в процессе формирования купольных базилик.

Хилл считает, что базилики с трансептом — это переходный этап от классической базиликальной формы к купольной. Он также предполагает, что для объяснения появления базилик с трансептом и куполом в К. не обязательно искать элементы к.-л. влияния более развитых архитектурно регионов империи. Этот вид храма мог сложиться в К. самостоятельно и отвечать местным литургическим и др. функциональным потребностям (*Hill*. 1996. P. 42). Также известно, что базилики с трансептом разных типов были широко распространены уже в V в. во всем Средиземноморье. Они не являются особой чертой К., и их присутствие здесь едва ли может прояснить проблему происхождения купольных базилик. Кроме того, представляется сложным вопрос о датировке группы базилик с трансептом. Если считать их промежуточным этапом в развитии купольных базилик, то всю эту группу необходимо датировать не позже кон. V в. Для многих из указанных выше памятников такая дата представляется слишком ранней и маловероятной. В целом для убедительного описания процесса формирования купольных ба-

зилик в К. и объяснения их происхождения данных в наст. время явно недостаточно.

Лит.: *Langlois V.* Voyage dans la Cilicie et dans les montagnes du Taurus exécuté pendant les années 1852–1853. P., 1861; *Headlam A.* Ecclesiastical Sites in Isauria. L., 1892. (Occasional Papers of the Society for the Promotion of Hellenic Stud.; 2); *Strzygowski J.* Kleinasien: Ein Neuland der Kunstgeschichte. Lpz., 1903; *Bell G. L.* Notes on a Journey through Cilicia and Lycaonia // RA. Ser. 4. 1906. Vol. 7. P. 385–414; Vol. 8. P. 7–36, 225–252, 390–401; 1907. Vol. 9. P. 18–30; *Guyer S.* Ala Kilisse: Ein Kleinasiatischer Bau des V Jh. // Zschr. für Geschichte der Architektur. Hdlb., 1909/1910. Bd. 3. S. 192–199; *Keil J., Wilhelm A.* Denkmäler aus dem Rauhen Kilikien. Manchester, 1931; *Jones A. H. M.* The Cities of the Eastern Roman Provinces. Oxf., 1937; *Ранович А. Б.* Восточные провинции Римской империи в I–III вв. М.; Л., 1949; *Magie D.* Roman Rule in Asia Minor to the End of the 3rd Cent. AD. Princeton, 1950; *Halkin F.* Un émule d'Orphée: La légende grecque inédite de S. Zosime, martyr d'Anazarbe en Cilicie // AnBoll. 1952. Vol. 70. P. 249–261; *Delehaye H.* Les Actes inédits de Sainte Charitine, martyre à Corycos en Cilicie // Ibid. 1954. Vol. 72. P. 5–14; *Gough M.* Early Churches in Cilicia // Bsl. 1955. T. 16. P. 201–211; *idem.* Alachan Monastery: A Masterpiece of Early Christian Architecture // The Bull. of the Metropolitan Museum of Art. N. Y., 1967/1968. Vol. 26. P. 455–464; *idem.* The Emperor Zeno and Some Cilician Churches // AnatSt. 1972. Vol. 22. P. 199–212; *Forsyth G. H.* Architectural Notes on a Journey through Cilicia // DOP. 1957. Vol. 11. P. 223–236; *Dalleggio D'Alessio E.* La vallée d'Ambar Deressi dans le Taurus cilicien // REB. 1966. T. 24. P. 284–291; *Mango C.* Isaurian Builders // Polychronion: FS Fr. Dölger zum 75 Geburtstag / Hrsg. P. Wirth. Hdlb., 1966. S. 358–365; *idem.* Byzantine Architecture. N. Y., 1976; *Budde L.* Antike Mosaiken in Kilikien. Recklinhausen, 1969. 2 Bde; *idem.* St. Pantaleon von Aphrodisias in Kilikien. Recklinhausen, 1987; *Lackner W.* Eine unedierte griechische Passion der kilikischen Märtyrin Domnina // AnBoll. 1972. Vol. 90. P. 241–259; *Dagron G.* L'auteur des «Actes» et des «Miracles» de sainte Thècle // Ibid. 1974. Vol. 92. P. 5–11; Vie et miracles de Sainte Thècle / Ed. G. Dagron. Brux., 1978; *Тер-Гевондян А. Н.* Первый этап образования арабской пограничной области (ас-сугур) // Кавказ и Византия. Ереван, 1980. Вып. 2. С. 21–27; *Hellenkemper H.* Zur Entwicklung des Stadtbildes in Kilikien // ANRW. 1980. Bd. 7. Hbd. 2. S. 1262–1283; *idem.* Frühe christliche Wallfahrtsstätten in Kleinasien // Akten des XII. Intern. Kongresses für Christliche Archäologie (Bonn, 22.–28. Sept. 1991). Münster, 1995. Bd. 1. S. 259–271; *Mitford T. B.* Roman Rough Cilicia // Ibid. S. 1230–1261; *idem.* The Cults of Roman Rough Cilicia // Ibid. 1990. Bd. 18. Hbd. 3. S. 2176–2211; *Hill St.* Matronianus, «Comes Isauriae»: An Inscription from an Early Byzantine Basilica at Yanikhan, Rough Cilicia // AnatSt. 1985. Vol. 35. P. 93–97; *idem.* The Early Byzantine Churches of Cilicia and Isauria. Aldershot, 1996; *Hild F., Hellenkemper H.* Neue Forschungen in Kilikien. W., 1986; *idem.* Kilikien und Isaurien. W., 1990. 2 Bde. (TIB; 5); *Krautheimer R.* Early Christian and Byzantine Architecture. New Haven; L., 1986; *Dagron G., Feissel D.* Inscriptions de Cilicie. P., 1987; *Trombley Fr. R.* Korykos in Cilicia Trachis: The Economy of a Small Coastal City in Late Antiquity (saec. V–VI) // The Ancient History Bulletin. Calgary,

1987. Vol. 1. P. 16–23; *Russel J.* Christianity at Anemurium (Cilicia) // Actes du XIe congrès intern. d'archéologie chrétienne, 21–28 sept. 1986. R., 1989. Vol. 2. P. 1621–1637; *Aubert R.* Hella-dius, métropolitain de Tarse en Cilicie Ire // DHGE. 1990. T. 23. Col. 920–922; *MacKay Th. S.* The Major Sanctuaries of Pamphylia and Cilicia // ANRW. Ser. 2. 1990. Bd. 18. Hbd. 3. S. 2045–2129; *Giannarelli E. Paolo.* Tecla e la tradizione della Cilicia cristiana // Quaderni Storici. N. S. Ancona, 1991. Vol. 76. P. 185–203; *Lala Commeno M. A.* Cilicia // Enciclopedia dell'arte medievale. R., 1993. T. 4. P. 748–756; *Hild F.* Kilikien // LTK. 1996. Bd. 5. Sp. 1428–1430; *Hagel S., Tomaschitz K.* Repertorium der westkilikischen Inschriften: Nach den Scheden der kleinasiatischen Kommission der Österreichischen Akademie der Wissenschaften. W., 1998; *Feissel D.* Deux grandes familles isauriennes du Ve siècle d'après des inscriptions de Cilicie Trachée // Mitteilungen zur christlichen Archäologie. W., 1999. Bd. 5. S. 9–17; *Tachian V.* La France en Cilicie et en Haute-Mesopotamie: Aux confins de la Turquie, de la Syrie et de l'Irak (1919–1933). P., 2004.

И. Н. Попов

КИЛИН Аняния Клеонович (1.10. 1916, дер. Ероново (ныне не существует, находилась на территории совр. Солтонского р-на Алтайского края) — 2002, г. Белореченск Краснодарского края), писатель-беспоповец. Из ста-

А. К. Килин с супругой.

Фотография.

Кон. 70-х — нач. 80-х гг. XX в.

рообрядческого рода, происходившего предположительно из Керженца. В 80-х гг. XIX в. семья Килиных переселилась в Сибирь. В 4 года К. научился читать Псалтирь, мальчик любил богослужение, не участвовал в детских играх, в деревне окончил начальную школу. В период коллективизации отец К., председатель сельсовета, разделил семью на 2 небольших хозяйства, чтобы избежать раскулачивания, и часть семьи, в т. ч. и К., отправил в тайгу, позднее перешел туда сам и основал в Горной Шории пос. Килинск (ныне Таштагольского р-на Кемеровской обл.). Зимой 1933 г., спасаясь от антирелиг. гонений, Килины предприняли попытку переселиться в более глухие места: они добрались до р. Абакан и пошли вверх по реке, в те мес-

та, где позднее обосновалась семья беспоповцев Лыковых (Займка Лыковых). И хотя, как пишет К., «душа стремилась к уединению», остаться там не решились (НБ МГУ ОРКиР. № 238-4-90. Л. 9–11). В 1935 г. для углубления познаний в богослужении, пении и каллиграфии К. отправился в тайгу в келью М. И. Колдомова, где кроме самого Колдомова жили 2 старообрядческих инока. В 1937 г., когда К. с наставником ушли в поселок, келья была разгромлена, иноков арестовали, были вывезены книги, пропали записи по истории старообрядчества, к-рые мн. годы вел Колдомов.

В 1938 г. К. женился на Феодосии Ивановне. Спасаясь от коллективизации и гонений, супруги по рекам Кас, Енисей, Дубчес перебрались в пос. Сандакчес (ныне Туруханского р-на Красноярского края). К. участвовал в Великой Отечественной войне: в 1942–1945 гг. он находился «три года на передовой, разведчик... только милость Божия сохранила меня от смерти. Войну закончил в Австрии, от г. Вены 90 км. В 1945 г. демобилизовавшись, работу нашел на железной дороге. Начальству не понравился, уехали

на шахту угольную, 12 лет работал, с шахты уехали в Киргизию в г. Пржевальск, 14 лет прожили, в Грузии, в г. Поты, 4 года прожили, в Белореченске живем 23-й год» (письмо К. от 24 мая 1999 г.— Архив Е. А. Агеевой). Килины вырастили 7 детей. К. вел обширную переписку со старообрядцами в России, в США и в странах Юж. Америки. Переписка и сочинения К. сложились в 40-томное собрание (70-е гг. XX в.— 2002). Наследие К.: сочинения и обширная б-ка сохраняются в частных собраниях; ряд сочинений находится в ОРКиР НБ МГУ. К. также передал в НБ МГУ ряд уникальных памятников книжности, в т. ч. сочинения Космы Индикоплова в списке посл. трети XVII в., Новый Завет с Псалтирью печати И. Фёдорова (Острог, 1580).

Важное место в сочинениях К. занимает история согласия, к которому он принадлежал. По-видимому,

упоминание нек-рыми исследователями согласия К. в контексте истории *часовенного согласия* привело писателя к необходимости дать определение своего сообщества и изложить его историю. К. называл своих единоверцев: «староверы-беспоповцы, не приемлющие общин», настаивал на самостоятельности этого старообрядческого общества, распространившегося от Керженца до Урала и Сибири. Он отвергал связь своего согласия с софонтгиевцами (уральскими *беглопоповцами*) (1-я кн. 5-томного труда «Мысль и мышление староверов» (1989) — НБ МГУ ОРКиР. № 287-30-90. Л. 5 об.). Продолжая дело своего учителя Колдмова, К. по крупницам собирал исторические свидетельства о предках. Истории согласия посвящены 2 отдельных произведения К.: «Исторический очерк умяляющихся старообрядцев, не принявших общин и не последующих беглопоповству» (нач. 80-х гг. XX в.), «Исторический краткий очерк староверцев-беспоповцев не часовенного согласия, имеющих начало от керженских монастырей» (2002). Предки К. «не записывались в часовни» (по-видимому, не принимали «беглых попов» и не устраивали общественных моленных), отвергли ими. указ 1906 г. «О порядке образования и действия старообрядческих и сектантских общин» (указ предоставил старообрядцам право свободного исповедания веры, публичного отправления всех обрядов, регистрации общин в качестве юридического лица, имеющего право владеть и распоряжаться имуществом ценностью не более 5 тыс. р.). Разбору законодательства нач. XX в. посвящено сохраненное К. соч. «Послание инока Григория с братией», датированное 28 июля 1928 г. Последователи согласия никогда не регистрировали своих моленных, не вступали в общины, не пользовались льготами от гос-ва. Важным признаком согласия было «духовное» понимание *антихриста* (К. писал об антихристе как о «мятеже ума», «телом антихриста» считал «всех последующих ему»).

Изложению взглядов своих единоверцев К. посвятил 5-томный труд «Мысль и мышление староверов» (1989–1995). С позиций старообрядчества автор рассуждает о совершившихся в стране политических, идеологических и социальных изменениях, о крахе социалистического строя

и коммунистической идеологии, кризисе нравственности и др. По мнению К., «в нашей стране господствовали три величайших зверя: богоборчество, классовая идеология марксизма-ленинизма и архинасилие. Эти звери выпестовали новое существо — без религии, без личной нравственности и национального содержания, создав эпоху физического и духовного истребления» (Кн. 2. Л. 23). Автор приходит к выводу: «После того как пятилетние планы ушли в область исторической свалки, теперь... ожидается самовозрождение и с ужасом обнаруживается, что под гнилью жизнеспособного осталось очень мало» (Кн. 3. Л. 5). 3-я кн. открывается главой об иконах, к-рые, по мнению К., являются главными духовными наставниками христианина (беспоповца).

Все эти размышления приводят автора к теме «духовной» и «чувственной» трактовок основных понятий эсхатологии (о последнем времени, об антихристе и его печати, о числе 666 и др.), реализацию которых беспоповцы видели в современности. 4-я и 5-я книги («Мысль и мышление староверов о антихристе», «Лукуллов пир») посвящены утверждению «духовного» понимания и критике «чувственного». (Различие между 2 подходами К. сформулировал так: «Они [сторонники чувственной трактовки] ждут как большого отступника, то есть безбожника, но не хотят видеть, не видят, не чувствуют, что мир полон и переполнен отступлением и безбожием» (Кн. 4. Л. 9 об.).)

Тема антихриста занимает большое место в сочинениях К. Ей посвящено отдельное произведение — «О антихристе» (1998). В 6 посланиях в 1996 г. К. критиковал «двузначный подход» к пониманию антихриста, к-рый утвердился среди старообрядцев в США и отчасти в России (они равно признавали «духовное» и «чувственное» понимания). К этому вопросу писатель неоднократно возвращался в конце жизни. В последние годы К. систематизировал свои записи, что отразилось в создании 2 сборников, завершённых летом 2002 г., — 36-й и 38-й частей собрания его трудов. В 36-й части К. полемизировал с одним из духовных лидеров урало-сибирских часовенных А. Г. *Мурачёвым*, в сочинениях к-рого современность рассматривалась как движение по пути «порчи»

мира слугами антихриста средствами науки и техники. В трудах Мурачёва К. усматривал подмену «духовного» понимания «чувственным», убивающий разум буквализм. Критике «чувственного» понимания антихриста посвящено одно из последних сочинений К. — «Собеседование о антихристе: Краткое изъяснение чувственного толка, описанного и Симеоном в его хитросплетении» (Ч. 38). Сочинение построено как подбор выписок из трудов учителя часовенного согласия *Симеона (Лантева)* и ответы на них К.

Помимо темы антихриста для членов согласия, к к-рому принадлежал К., были важны вопросы о возможности получать гос. пенсию и о допущении пенсионеров до чтения и пения в моленной (в согласии было запрещено получение льгот от гос-ва). К. писал о том, что пенсия не является подарком гос-ва, это часть заработанных человеком денег, поэтому ее можно брать и пенсионеры могут участвовать в богослужении. У старообрядцев вызывали сомнения гражданские паспорта, на что К. отвечал, что паспорт необходим, отрицание документов шло от *странников*, «учивших бегать записи и не брать паспорт» (Ч. 38. Л. 11 об.— 22 об.).

В 38-й части помещено «Оглавление выписок (так!) и сочинений» всего собрания, весьма разнообразного по составу. В написанных К. посланиях, небольших сочинениях (иногда в стихотворной форме), притчах изложены старообрядческие воззрения на множество тем: «мужу духовному какому бытию», «о поморцах и их начале», «ни одну иоту в Писании не пропускать», «о помощи друг другу», «христианом с еретики не брачитися», «о новых книжных переводах», «о пособии», «о антихристе» (многократно), «о брадобритии», «о том, что христианину нужно работать», «о протопопе Аввакуме», «из родословной на Урале», «о непрерывном существовании староверов», «Бог и природа», «о ядении с торжища», «о воспитании детей», «о врачах», «о брашнах», «как читать Святое Писание», «о пенсии» (многократно), «о чувственных», «что такое человек», «о деньгах и лихве», «о любви», «о уединении в городах и телевизорах», «письмо о технике», «что такое слово», «о тщеславии, унынии, гордыни и величании», «письмо в Бразилию о никонианах», «буква убивает, дух живит», «о книге про-

фессора Беляева», «работайте Господи в веселии» и о мн. другом (Ч. 38. Л. 43–67 об.). К. преимущественно в письмах уделяет внимание дисциплинарным установлениям (недопустимость игры в шахматы, запрет на посещение бани мужем и женой, вера в сны и чудеса, возможная степень родства при заключении брака и др.). В собрание также вошли пространные сочинения К.: «Моя библиотека» (1988), «Исследование призраков беглого священства» (1995), «Защита слов» (1995), «Ответы некоему Стефану» (1975, 1997), «О начале толкования аллегорического понимания Писания» (1998), «Все дальше уходит годы, когда произошел трагический раскол» (1998), «Покрывало, что такое» (1999), «Слышатся голоса в народе, что только чудо может спасти Россию» (2000).

В 40-томном своде приведены не только сочинения К. В 38-м сб. помимо трудов К. содержатся списки неизвестных по др. рукописям старообрядческих соборных уложений 1919 и 1927 гг., в которых отразились эсхатологические настроения. В частности, на последнем соборе прозвучал призыв: «Не пора ли воспрянуть от погибельной спячки и посмотреть на исполнение пророческого изречения, свидетельствующее о деятельности последнего антихриста, не исполняется ли все уже фактически!» (Ч. 38. Л. 32–32 об.). 37-я часть собрания – это сб. «Пчела», 40-я часть – Стихарник.

К. собирал рукописи и старопечатные издания, переплетал, реставрировал и украшал книги. В 90-х гг. XX в. он участвовал в конференциях археографов МГУ. О нем снят фильм «Покров день семьи Килиных».

Соч.: Коллекционирование жизненных явлений, или Повесть дней и страстей 1-й пол. XX в. / Публ.: Е. А. Агеева // Из фонда редких книг и рукописей НБ МГУ. М., 1993. [Вып. 5]. С. 229–235.

Лит.: Агеева Е. А. Современный старообрядческий писатель А. К. Килин // Традиционная духовная и материальная культура рус. старообр. поселений в странах Европы, Азии и Америки. Новосибир., 1992. С. 277–282; она же. Век минувший и век нынешний в эпистолиях старообр. писателей Я. Е. Ларина и А. К. Килина // Skupiska staroobrzędowców w Europie, Azji i Ameryce. Warsz., 1994. S. 73–80; она же. Старообрядческая полемика об антихристе на исходе XX в. // Уральский сб.: История, культура, религия. Екатеринбург, 1997. [Вып. 1]. С. 9–16; она же. Старообрядческое согласие «не приемлющих общин» и его историографы // Традиционная народная культура населения Урала: Мат-лы междунар. науч.-практ. конф. Пермь, 1997. С. 172–

178; она же. «Мысль и мышление староверов» на пороге XXI в.: (По трудам старообр. писателей) // Уральский сб. 2001. Вып. 4. С. 3–17; она же. Старообрядческий род Килиных // Старообрядчество: История и современность, местные традиции, рус. и зарубежные связи: Мат-лы III междунар. науч.-практ. конф. Улан-Удэ, 2001. С. 94–100; Салливан Дж. Духовные стихи в одной совр. старообрядческой семье // Мир старообрядчества. М., 1998. Вып. 4. С. 196–205; Бахтина О. Н. Проблемы поэтики старообрядческой лит-ры: (Агиогр. тексты): АДД. Томск, 2000. С. 33–34; Зольникова Н. Д. «Стихотворение о всеядцах»: (Памятник старообр. полемики) // Проблемы истории рус. книжной культуры и обществ. сознания. Новосибир., 2000. С. 42–51; Покровский Н. Н., Зольникова Н. Д. Староверы-часовенные на востоке России в XVIII–XX вв. М., 2002. С. 302–308.

Е. А. Агеева

КИЛИСЁ-ДЖАМИ — см. в ст. *Феодора св. храм в Константинополе.*

КИЛИФАРЕВСКИЙ (Килифарский) [болг. Килифаревски, Килифарски] в честь Рождества Пресв. Богородицы жен. мон-рь Велико-тырновской митрополии Болгарской Православной Церкви. Расположен в 5 км от г. Килифареве, на правом берегу р. Белица. Игум. Иус-

(от к-рой сохр. развалины) на холме Градиште, а позже мон-рь был построен внизу, на берегу реки на совр. месте. Археологические раскопки на Градиште (1974–1988) показали, что крепость была возведена в V в. для охраны прохода Хаинбоаз и действовала до сер. XIII в. Крепостной комплекс располагался на 3 естественных террасах и был окружен каменными стенами высотой 2,2 м и шириной 0,9 м (см.: Николова. 1978; Она же. 1980; Николова, Ровов. 1994). В крепости было 3 церкви (ок. V–VI вв.): однефный храм с притвором в вост. части, сооруженный, подобно церквам Несебыра, с чередованием каменной и кирпичной кладки (Николова. 1978. С. 31–32; Она же. 1980. С. 439; Николова, Ровов. 1994. С. 575), перестроенный из ранневизант. базилики храм в зап. части и базилика на северо-востоке (Николова, Ровов. 1994. С. 575–576). Открытая археологами лат. надпись сообщала, что рядом с крепостью в V–VI вв. существовал мон-рь (Бешевицев В. Латински надпис от ранневизант. крепост при Килифаревски манастир // Археология. София, 1978. Кн. 1. С. 35–37; Николова, Ровов. 1994. С. 572), а обнаруженные

Кафоликон
в честь Рождества
Пресв. Богородицы
Килифаревского мон-ря.
1844 г.

за юж. воротами фундаменты 3 строений, к-рые были возведены по оси «восток–запад», напоминали кельи (Николова, Ровов. 1994. С. 577; Ровов. 2004. С. 525–527). Однако археологических данных и обнаруженных артефактов, в т. ч. инструментов для обработки пергамента и фрагмента керамики с глазурованными буквами Т и Д (возможно, часть имени Феодосий, см.: Ровов. 1999), недостаточно для бесспорного установления связи крепости с прп. Феодосием.

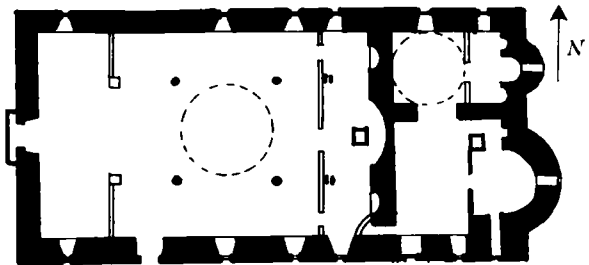
тина (Попова), в обители проживают 3 насельницы (2013). Согласно Пространному Житию прп. Феодосия Тырновского, составленному патриархом К-польским Каллистом I ок. 1348–1350 гг., одну из обителей преподобный основал возле Тырнова (Златарски. 1904. С. 1–36; Киселков. 1926. С. 1–32; Иванова, Спасова. 1986; Марчевски. 1995). Именно в этом мон-ре были заложены основы тырновской книжной школы, в к-рой получили образование ок. 400 учеников, в т. ч. буд. патриарх Тырновский Евфимий.

В Житии не уточняется местонахождение мон-ря. Большинство исследователей считают, что изначально монахи заняли визант. крепость

Об изначальном расположении монастыря выдвигались и др. версии. И. Загорский, исходя из сообщения рукописной Триоди из б-ки Нямецкого монастыря (совр. место хранения неизв.) о постройке Килифаревской лавры царем Иоанном I Асенем после победы над греками в 1189 г. (Загорски. 1947.

С. 37), полагал, что обитель находилась ближе к Велико-Търново.

Название мон-ря народное предание возводит к греч. слову κεφαλή (голова, см.: *Попгеоргиев*. 1907. С. 427; *Иречек К.* Пътвания по България. София, 1974. С. 952). По др. версии, оно произошло от имени некоего Келифира, единственного выживше-

План церкви
Килифаревского мон-ря

го во время чумы из села (*Попгеоргиев*. 1907. С. 427; *Миков В.* Произход и значение на имената на нашите градове, села, реки, планини и места. София, 1943. С. 112). Однако М. Дамянова считала, что переход греч. слова «Кефаларево» в болг. «Килифарево» не типичен для болг. языка. По ее мнению, упоминания в Житии о нахождении мон-ря в 20 «поприщах» от столицы свидетельствует об удаленности обители от Търнова, а приход к святому монахов из окрестностей Месемврии (совр. Несебыр) может указывать на ее расположение ближе к границе с Византией (*Дамянова*. 1985). По мнению Й. Андреева, соседство обители с военным гарнизоном уберегло бы монахов от описанных в Житии тур. набегов, поэтому ученый локализует обитель в мест. Мокра юго-восточнее г. Килифарево, где подвизался сподвижник Феодосия Ромил (*Андреев*. 1992).

Проанализировав архитектуру собора мон-ря, исследователи предположили, что параклисы прп. Феодосия Търновского и прп. Иоанна Рильского, расположенные в вост. части совр. храма, ранее могли быть частями алтаря большой 3-апсидной церкви, более подобающей мон-рю, чем небольшому скиту. Т. о., обитель либо возникла сразу на совр. месте, по соседству с крепостью, либо одновременно действовали 2 мон-ря — главный находился в крепости, а второй, близ реки, был основан позже из-за роста числа насельников или после разрушения крепости (*Тулешков*. 1988. С. 73; *Божилев, Тулешков, Прашков*. 1997; *Генова*. 2001. С. 14).

Сведения о К. после завоевания Търнова турками (1393) отсутству-

ют: скорее всего он был разрушен. З. Цонев сообщал о записи в греч. церковной книге 1586 г. (совр. место хранения неизв.), согласно которой обитель продолжала действовать и после падения Болгарии (*Цонев*. 1937. С. 96). Рус. византист Ф. И. Успенский видел надпись на откосе окна на юж. стене храма, сообщавшую, что мон-рь был восстановлен в 1418 г. (*Въжарова Ж.* Търнов-

ските старини приз погледа на руските очевидци // *Културата на сред-*

новеку. Търнов. София, 1985. С. 208). Загорский относил восстановление к 1442 г. (*Загорски*. 1947. С. 39), архим. Павел (Стефанов) — к 1492 г., когда мон. Евгений переписал т. н. Килифаревский Октоих (*Павел (Стефанов)*. 1985), хотя название рукописи может отражать место ее хранения, а не создания. Е. Генова полагает, что К. был восстановлен в 1596 г. (*Генова*. 2001. С. 14). Рукописи из монастырской б-ки свидетельствуют о деятельности обители в XVI–XVIII вв. (*Дончева-Панайотова Н.* Среднобългарски ръкописи в библиотеката на Великотърновската митрополия // *Трудове на Великотърновският ун-т «Св. Кирил и Методий», Филологически факултет*. Вел. Търново, 1974. Т. 10. Кн. 1. С. 361–396; *Караджова Д.* Търново и Търновско в приписките на старите бълг. ръкописи от XIII–XVIII в. // *Търновска книжовна школа*. Вел. Търново, 1994. Т. 5. С. 477–492).

Согласно преданию, в К. в 1598 г. укрывались участники 1-го Търновского восстания (*Йонов М.* Засилване на освободителното движение в края на XVI в.: Първо търновско въстание // *История на България*. София, 1983. Т. 4. С. 189–196), за что тур. полководец Синан-паша его разрушил. В 1625 г. монахи починили крыши обители (*Загорски*. 1947. С. 39).

В 1718 г., вероятно на месте древнего храма, был построен однефный 2-столпный храм, который в 1813 г. переосветили во имя прп. Феодосия, чему способствовал схим. Спиридон, к-рый нашел краткое Житие святого, возможно в Рильском панегрике *Владислава Грамматика* (Там же. С. 41). Сохранились роспи-

си, выполненные скорее всего тырновским мастером в 1718 г.: вверху разворачивается цикл Господских праздников, ниже представлены фигуры св. воинов и преподобных, на сводах — Небесные Силы, Бог Саваоф, Пантократор и Христос Еммануил, сцена «Благовещение» обрамляет алтарь. В апсиде — «Богородица Ширшая небес», ниже — «Причащение апостолов» и «Поклонение Жертве» (*Бояджиев*. 1992). Центральная часть 3-ярусного деревянного иконостаса была вырезана в XVIII в. мастерами из Арбанаси и дополнена в XIX в., большинство ее икон написано в XIX в. (*Божилев, Тулешков, Прашков*. 1997). Позже рядом был построен храм во имя прп. Иоанна Рильского.

В кон. XVIII в. К. неск. раз подвергался разграблению, жилой корпус сгорел. В 1844 г., при игумене иером. Самуиле, Никола Фичев возвел крестово-купольный 4-столпный храм в честь Рождества Пресв. Богородицы, в который как параклисы, формирующие 2 апсиды, были включены церкви прп. Феодосия и прп. Иоанна Рильского. Этот храм был украшен в барочном стиле, характерном для эпохи болг. возрождения: особый интерес представляет аркада на зап. фасаде, во фронтоне к-рой высечен крест и предстоящие ему архангелы с обнаженными мечами. В 1849 г. был возведен жилой корпус. Позже этот храм был обращен в параклис, а к нему пристроена ц. вмч. Димитрия Солунского. Иконостас Димитриевского храма по конструкции и резной пластике, особенно царских врат, аналогичен иконостасам храмов Преображенского и Плаковского мон-рей. Иконы написали тревненские мастера Теодосий (Досю) Коюв (1790–1871), Иоанникий (Йонко) Папа Витанов (поп Витанов) (1790–1853), Цаню (Стефан) и Крестю Захариевы (*Бояджиев*. 1992; *Божилев, Тулешков, Прашков*. 1997).

Во 2-й пол. XIX в., при игумене иером. Хаджи-Исани, когда братия К. насчитывала 40 чел., через р. Белица был построен мост, в 1856 г. — ворота. До сер. XIX в. в К. действовало келейное уч-ще (*Нешев Г.* Български довъзрожденски културно-народностни средища. София, 1977. С. 225; *Божилев, Тулешков, Прашков*. 1997).

В сер. XX в. в К. поселилась русская по происхождению мон. Иусти-

на, обитель стала женской. 27 нояб. 2005 г., в день памяти прп. Феодосия Тырновского, мон-рь отметил символический юбилей – 655 лет со дня основания.

Ист.: *Златарски В. Н.* Житие и жизнь прп. отца нашего Феодосия // СБНУНК. 1904. Кн. 20. С. 1–41; *Иванова К., Спасова М.* Пространно житие на Теодосий Тырновски от патриарх Калист // Стара българ. лит.-ра. София, 1986. Т. 4: Житиенписни творби. С. 443–468; *Марчевски И.* Житие на св. Теодосий Тырновски от патриарх Калист К-полски. Вел. Търново, 1995. С. 5–51.

Лит.: *Попгеоргиев Й.* Село Килифарево и манастирт му Св. Богородица // Периодическо списание на Бълг. книжовно дружество в София. 1907. Год. 18. Кн. 67. С. 427–447; *Киселков В. С.* Житието на св. Теодосий Тырновски като истор. паметник. София, 1926; *Цонев З.* Килифарският манастир и ферманът му от 1838 г. // *Он же.* Старини из българска земя. Пловдив, 1937. Т. 1. С. 96–98; *Загорски И.* Манастирите във Велико-Търновската епархия: Ист.-стопански бележки. София, 1947; *Инокентий, архим.* Историческото минало на Килифарският манастир // ДК. 1964. Кн. 10/11. С. 13–22; *Давидов А.* Килифаревският октоих: (Съдържание и палеографски особености на ръкописа) // Трудове на Висшия педагогически ин-т «Братя Кирил и Методий». Вел. Търново, 1968. Т. 4. С. 501–537; *Михайлов Г.* Килифарево. София, 1970; *Николова Я.* Разкопки на Килифаревския манастир (1974–1975) // Археология. София, 1978. Кн. 1. С. 21–34; *она же.* Археологически проучвания на Килифаревския манастир // Тырновска книжовна школа. София, 1980. Т. 2. С. 435–442; *Дамянова М.* Към въпроса за местоположението на Теодосиевия манастир // Там же. 1985. Т. 4. С. 334–340; *Павел (Стефанов), иером.* Надписи върху свитъци и кодекси в стенописите на Килифаревския манастир от XVII в. // Там же. С. 366–378; *Тулешков Н.* Архитектурата на българските манастири. София, 1988; *Андреев Й.* Ранни турски нашествия в околностите на Търново // Турските завоевания и съдбата на балканските народи, отразени в исторически и литературни паметници от XIV–XVIII в. Вел. Търново, 1992. С. 24–31; *Бояджиев С.* Килифаревският манастир // *Прашков Л., Бакалова Е., Бояджиев С.* Манастирите в България. София, 1992. С. 66–69; *Николова Я., Робов М.* Теодосиевият манастир при Килифарево в светлината на археологическите проучвания // Тырновска книжовна школа. 1994. Т. 5. С. 571–580; *Робов М.* Материали, свързани с просветния и книжовен живот в Килифаревската школа на Теодосий Тырновски // Там же. С. 593–597; *он же.* Килифаревският манастир в живота и дейността на Евтимий Тырновски // Патриарх Евтимий Тырновски и негово време. Вел. Търново, 1998. С. 317–324; *он же.* Крепостта при средновековния Килифаревски манастир в отбраната на столицния Търнов // Научни трудове / Национален военен ун-т В. Левски. Вел. Търново, 1998. Т. 60. С. 305–312; *он же.* Подглазурен монограм на Теодосий Тырновски от Килифаревския манастир // Тырновска книжовна школа. Вел. Търново, 1999. Т. 6. С. 517–522; *он же.* Анахоретски жили и устройството на средновековния Килифаревски манастир // Сб. в чест на проф. Г. Данчев. Вел. Търново, 2004. С. 522–529; *Божилков И., Тулешков Н., Прашков Л.* Български манастири. София, 1997. С. 104–109; *Чавръ-*

ков Г. Български манастири: История, култура, изкуство. София, 2000. С. 62–65, 221–222; *Генова Е.* Кивот (ковчег) за мощи от Германският манастир край София // Проблеми на изкуството. София, 2001. Год. 34. Кн. 3. С. 11–17; *Пенкова Б.* Параклис «Рождество Богородично»: Килифаревски манастир // Корпус на стенописите от XVII в. в България. София, 2012. С. 234–237.

Д. Чешмеджиев

КИМБАНГУИЗМ [официално название – Церковь Иисуса Христа на земле через Его избранного вестника Симона Кимбангу; франц. L'Église de Jésus Christ sur la Terre par son Envoyé Special Simon Kimbangu; англ. The Church of Jesus Christ on Earth through his Special Messenger Simon Kimbangu], афрохрист. новое религиозное движение синкретического характера, крупнейшая Независимая Африканская Церковь (НАЦ) на территории тропической Африки. Возникновение К., как и др. подобных религ. орг-ций, было реакцией на колониальный режим.

Основатель К., Симон Кимбангу, род. 24 сент. 1889 г. в Бельгийском Конго в дер. Нкамба (совр. пров. Н. Конго, Демократическая Республика Конго), получил начальное религиозное образование, в 1915 г. был назначен катехизатором общины Церкви англ. баптистской миссии (English Baptist Mission Church) в Нгонго-Лутете. По преданию, в 1918 г. Кимбангу получил «откровение свыше», которому сначала сопротивлялся, но после успешного исцеления женщины 6 апр. 1921 г. он стал практиковать исцеления и приобрел популярность. Путешествуя вдоль нижнего течения р. Конго, он привлекал значительное количество последователей как из протестант. деноминаций, так и из традиц. племенных культов. Его проповеди народу с призывами к строгому соблюдению нравственных предписаний и ветхозаветных заповедей сопровождались исцелениями, содержали критику пережитков племенных культов в христианстве, фетишизма и магизма, требование отказа от колдовства, гаданий, заклинаний, знахарства, запрещение многоженства. В стране появились проповедники, считавшие себя его последователями, часть из них в своих выступлениях затрагивала антиевроп. и антиколониальные темы, что вызвало негативную реакцию церковных кругов и колониальных властей. В июне 1921 г. правительство запретило движение, Кимбангу был арестован, а его сторонники со-

сланы в отдаленные сельские районы. Кимбангу бежал, что было истолковано последователями как «божье чудо» и усилило его популярность. В сент. 1921 г. он добровольно сдался властям и был приговорен к смертной казни за антигос. деятельность; впоследствии приговор был заменен пожизненным тюремным заключением.

После смерти Кимбангу 12 окт. 1951 г. движение возглавила его супруга Мари Мвилу, к-рая придала К., развивавшемуся тайно, организованные формы. Духовным центром движения стало родное село Кимбангу, переименованное в Нкамбу-Нов. Иерусалим. В качестве религ. орг-ции К. был признан официально в 1959 г., ее возглавил младший сын Кимбангу – Жозеф Дьянженда Кунтима. В 1969 г. кимбангуистская церковь стала первой НАЦ, вошедшей во *Всемирный Совет Церквей* (ВСЦ) После образования новых независимых гос-в Африки К. начал активно распространяться на территориях совр. Демократической Республики Конго, Анголы и Республики Конго.

Изначально богословская доктрина К. развивалась в русле, характерном для многих НАЦ, пытавшихся переосмыслить христианство в контексте культурных и религ. африкан. традиций с учетом обстоятельств, возникших на фоне антиколониальной борьбы. Характерными чертами К. были частые библейские чтения и беседы, харизматические молитвы с преобладанием псалмов и гимнов собственного сочинения; важную роль в литургической жизни играла музыка. В К. категорически запрещены многоженство и внебрачные связи. Приверженцы К. воздерживаются от употребления алкогольных напитков, табака, не используют в пищу свинину и мясо обезьяны.

После смерти Жозефа Дьянженды Кунтимы в 1993 г. в учении К. произошли перемены, повлекшие отдаление от прежних вероучительных основ. Так, с 1999 г. было принято решение изменить дату празднования Рождества Христова с 25 дек. на 25 мая, т. к. именно в этот день в 1916 г. род. 2-й сын Кимбангу – Саломон Дьялунгана Кьянгани, хранитель Нкамбы-Нов. Иерусалима в 1958–1992 гг., к-рого незадолго до смерти 16 авг. 2001 г. приветствовали как Иисуса Христа, тайно вернувшегося в наше время. В ответ на просьбу ВСЦ изложить официал. позицию в отношении догмата о Троице

в вероучении орг-ции Симон Кимбангу Кьянгани (внук К.), духовный лидер К., в июне 2003 г. заявил, что кимбангуистская церковь остается верной догмат о троичности Бога, при этом Дьялунгана Кьянгани — Иисус, а Симон Кимбангу — Св. Дух. В результате кимбангуистская церковь была исключена из ВСЦ, а позднее Римско-католическая Церковь и Церковь Христа в Конго (орг-ция, объединяющая протестант. церкви страны) прекратили с ней экуменические отношения. В 2008 г. международная баптистская организация «Миссия 21», правопреемник Базельского миссионерского об-ва, являющаяся партнером кимбангуистской церкви более 30 лет, также официально разорвала отношения с К. Одна часть кимбангуистских богословов отстаивает традиц. позицию, согласно которой если К. поддерживает новые тринитарные, эсхатологические и экклезиологические доктрины, то он неминуемо должен быть лишен статуса христ. церкви, другая — пытается богословски обосновать народную веру, включающую элементы христ. учения.

Кимбангуисты имеют собственное радиовещание, значительное эфирное время на телеканалах, богословские учебные заведения семинарского типа в Киншасе и Лутенделе (пригород Киншасы).

К. стал одной из 3 христ. групп, получивших статус гос. религии в Конго, наряду с Римско-католической Церковью и Церковью Христа в Конго. К. исповедуют ок. 10% населения Демократической Республики Конго, что составляет от 5 до 7 млн чел. Постоянно растет число приверженцев К. в странах Европы, США, Канаде.

Лит.: *Balandier G.* La Sociologie actuelle de l'Afrique Noire: Dynamique des changements sociaux en Afrique Centrale. P., 1955; *Anderson E.* Messianic Popular Movements in the Lower Congo. Uppsala, 1958; *Van Wing J.* Le Kibanguisme vu par un témoin // Zaire. Kinshasa, 1958. Vol. 12. N 6. P. 563–618; *Chomé J.* La passion de Simon Kimbangu, 1921–1951: Les amis de la Présence Africaine. Brux., 1959; *Raymaekers P.* L'Église de Jésus Christ sur la Terre par le Prophète Simon Kimbangu // Zaire. 1959. Vol. 13. N 7. P. 674–765; *Gilis Ch.-A.* Kimbangu, fondateur d'église. Brux., 1960; *Berstsche J. E.* Kimbanguisme: A Challenge to Missionary Statesmanship // Practical Anthropology. New Canaan, 1966/1967. Vol. 13/14. N 1. P. 13–33; *Bazola E.* Le Kibanguisme // Cahiers des Religions Africaines. Kinshasa, 1968. Vol. 2. N 3. P. 121–152; *Martin M.-L.* Prophetic Christianity in the Congo: The Church of Christ on the Earth through the Prophet Simon Kimbangu. Johannesburg, 1968; *idem.* Kimbangu: An African Prophet and His

Church. Oxf., 1975; *Keidel L.* Black Samson. Carol Stream (Ill.), 1975; *Asch S.* L'Eglise du prophète Kimbangu: De ses origines à son rôle actuel au Zaïre, 1921–1981. P., 1983; *Kuntima D.* L'Histoire du kimbanguisme. Kinshasa, 1984; *MacKay D. J.* Simon Kimbangu and the B. M. S. (Baptist Missionary Society) Tradition // J. of Religion in Africa. Zeiden, 1987. Vol. 17. N 2. P. 113–171; *Twasiua N.* L'Histoire du Département des chants de l'Eglise Kibanguiste. Kinshasa, 1990; *idem.* La généalogie de Simon Kimbangu: Sa vie en clandestinité et ses miracles. Rouen, 1998; *Nzambi L.* Réflexion sur Simon Kimbangu. Brazzaville, 1994; *Dilulu P. L.* La mort de Simon Kimbangu. Kinshasa, 1997; *Diakanua S.* Témoignage sur Simon Kimbangu. Rouen, 1998; *Louthes A.* La dimension spirituelle de Simon Kimbangu. Brazzaville, 2000; *Nsiangani S. E.* Les éphémérides kimbanguistes: Combat et souffrances de Kimbangu pour les peuples d'Afrique. Rouen, 2004; *Nzakimwena P.* La personnalité spirituelle de Simon Kimbangu. Rouen, 2004; *Nguaputshi L.* Kimbanguism: Its Present Christian Doctrine and the Problem Raised by It // Exchange. Zeiden, 2005. Vol. 34. N 3. P. 227–247; *Martey E.* Prophetic Movements in the Congo: The Life and Work of Simon Kimbangu and How His Followers Saw Him // J. of African Instituted Church Theology. Accra-North (Ghana), 2006. Vol. 2. N 1. P. 1–16; *Mélice A.* Un terrain fragmenté: Le kimbanguisme et ses ramifications // Civilisations. Brux., 2006. Vol. 54. N 1/2. Expériences de recherche en République démocratique du Congo: Méthodes et contextes. P. 67–76; *idem.* Le kimbanguisme et le pouvoir en RDC: Entre apolitisme et conception théologico-politique // Ibid. 2009. Vol. 58. N 2: Intimités et inimitiés du religieux et du politique en Afrique. P. 59–80; *idem.* La désobéissance civile des kimbanguistes et la violence coloniale au Congo belge (1921–1959) // Les Temps Modernes P., 2010. N 658/659. P. 218–250; *Balz H.* Kimbanguism Going Astray // Exchange. 2009. Vol. 38. N 4. P. 355–364.

Э. Небольсин

КИМВА́Л — см. *Музыкальные инструменты*, библейские.

КИМИНИ́Т СЕВА́СТ [греч. Σεβαστός Κυμινήτης] (ок. 1630, Кимина, близ Трапезунда — 6.09.1702, Бухарест), богослов, писатель, ученый. К. С. был слушателем Патриаршей академии в К-поле, где учился у *Иоанна Кариофилла* и *Александра Маврокордата*. Затем К. С. сам преподавал в академии, а в 1671 г. стал преемником Маврокордата на посту ее руководителя. Из-за студенческих волнений и конфликта с коллегами в 1681–1682 гг. К. С. покинул К-поль и основал школу у себя на родине, в Трапезунде, к-рую возглавлял до 1689 г. Получив приглашение из Бухареста, он в том же году вступил в должность ректора и профессора Академии св. Саввы и оставался там вплоть до смерти.

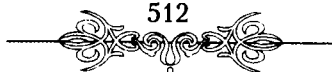
К. С. за всю жизнь ни разу не посетил Зап. Европу. С лат. полемической лит-рой он ознакомился через своего бухарестского коллегу, врача

и философа *Иоанна Комнина*, и потому считался наиболее верным хранителем философской (*Феофил Коридаллево*) и богословской (патриарх Иерусалимский *Досифей II Нотара*) традиции греч. Церкви того времени, что нашло свое выражение более чем в 100 его сочинениях, остающихся в основном неизданными.

Большая часть сочинений К. С., за исключением разнообразных переводов для нужд студентов, квалифицируются как риторические и философские. В философии К. С., согласно наставлениям *Аристотеля*, наследию к-рого он посвятил различные комментарии, и по примеру *Коридаллево* (*Феофил* отстаивал методологический принцип — невозможность использования философии в богословии) выдерживал четкую дистанцию по отношению к богословию.

Все собственно богословские сочинения касаются полемики с лат. Западом, а также с предполагаемыми сторонниками К. С. внутри Православия и свидетельствуют о теснейшем сотрудничестве их автора с патриархом *Досифеем*. С этой т. зр. прежде всего интересно письмо о пресуществлении (μετουσίωσις), адресованное архидиакону *Досифея Хрисанфу* (1687; в посл. патриарх Иерусалимский) (Εκκλησιαστικὴ Αλήθεια. 1880/1881. Т. 1. Ст. 243–246, 253–255). В письме излагаются разъяснения в понимании термина «пресуществление». Согласно К. С., в то время как одни отвергали этот термин, другие охотно его принимали — либо как выражение физического преобразования (essentia — accidentia), либо как таинственное и непостижимое проявление Христа в акциденциях хлеба и вина. Для К. С., к-рый не отвергает спорного термина «пресуществление», важным является четкое различие и несравнимость тварной природы и сверхсущной природы и, как следствие, осуждение лат. применения логики в области веры. С этой целью он цитирует не только *Аристотеля*, но и свт. *Василия Великого*, *Агапия Ландоса*, а также литургические толкования свт. *Симеона Фессалоникийского* и св. *Николая Кавасилы*.

Патриарх *Досифей* не был полностью удовлетворен этим изложением, поскольку поставил перед К. С. 2 дополнительных вопроса, на которые тот с готовностью ответил. Вопросы были нацелены на более

точное определение преложения Св. Даров и действительного присутствия Христа в *Евхаристии*. В весьма объемном ответе К. С. возвращается к парадоксу веры и к отрицанию лат. схоластического учения о таинстве. Упомянув проблему «одной жертвы и многих литургий», он отсылает читателя относительно темы способа присутствия Христа в Св. Дарах к сочинениям *Иеремии II (Траноса)*.

Подробнее всего К. С. рассматривает этот комплекс вопросов (пресуществление, мариология, преложение поминальных частиц) в изданном лишь после его смерти учеником Георгием Кастриотом главным произведении «Догматическое учение святейшей восточной и кафолической Церкви...» (*Δογματικὴ διδασκαλία τῆς ἁγιωτάτης ἀνατολικῆς καὶ καθολικῆς Ἐκκλησίας... Βουκουρεστίον, 1703*), к-рое он написал по просьбе патриарха Досифея преимущественно для укрепления Православия в России (целью Досифея была борьба с латинофронтом митр. *Стефаном (Яворским)*). Книга была просмотрена Досифеем перед ее изданием и, вероятно, отредактирована и дополнена. Больше половины из 400 страниц текста посвящено таинству Евхаристии, а конкретно — вопросам эпиклезы, невозможности преложения литургийных частиц (*μερίδες*) и пресуществлению. Остальная часть связана с изложением тогда еще спорного догмата о непорочном зачатии Богородицы (обзор этого сочинения см.: *Podskalsky, Griechische Theologie. S. 273–276*).

После предисловия, в к-ром К. С. выступает против силлогистических хитросплетений схоластической и «языческой» теологии, в 1-м разд. (с. 5–31) рассматриваются вопросы эпиклезы и освящения частиц. К. С. многократно ссылается на посвященный Флорентийскому Собору «Томос примирения» (*Τόμος καταλλαγῆς*) (Яссы, 1694) патриарха Досифея. Из цитируемых отцов Церкви сочинения свт. Иоанна Златоуста оказываются основными источниками; среди лат. отцов, из основополагающего согласия к-рых с православными исходит автор, упоминаются свт. *Киприан Карфагенский* и блж. *Августин*. Франц. католич. богослов *Симон Ришар* (1638–1712) (с. 11), позднее считающийся противником, здесь оценивается положительно. Во 2-м разд. (с. 31–82) рассматривается прежде всего уче-

ние кальвинистов (в заглавии также упоминаются и лютеране) о Евхаристии, а затем говорится о необходимости причащения. В защите пресуществления К. С. считает себя преемником *Мелетия Сирига* (с. 32). Тому факту, что протестанты сводят понимание реального присутствия Христа к наглядно-символическому, К. С. находит объяснение, с одной стороны, в стремлении человеческого духа к автономии, а с другой — в чрезмерном использовании метафор в евангельских притчах. Наряду с традиц. аргументацией (Свящ. Писание, отцы Церкви, Соборы) К. С. пытается подкрепить свою позицию типичным для греч. богословия Евхаристии того времени способом: одобрением «пресуществления» как термина, однако отказом от его более детального разъяснения и понимания.

Далее в 1-м разд. 2-й кн. (с. 83–261) после отступления в мариологию К. С. вновь возвращается к теме Евхаристии. Здесь опровергаются пространные дословные цитаты некоего «латинствующего грека» (т. е. *Стефана (Яворского)*); из лат. отцов особое значение имеет свт. Амвросий Медиоланский. Определенное углубление получает понятие «преложение» на основании греч. синонимов (с. 108–114). Позиция лютеран и кальвинистов упоминается только один раз (с. 202). Наряду с отцами Церкви для целей аргументации привлекаются также визант. авторы: патриарх *Никифор I*, *Георгий Пахимер*, *Николай Мефонский*, патриарх Антиохийский *Петр III*, свт. *Марк Евгеник*, митр. Эфесский, и др., а также приводятся события поствизант. истории, как, напр., Ясский Собор 1642 г., направленный против «Исповеданий» *Кирилла I Лукариса* (у К. С. — 1643; с. 146). К. С. обращается к анонимному противнику, который настаивает на сравнительной действенности установительных слов Христа в противоположность прочим формулам таинств. Многочисленным дословно переведенным цитатам К. С. противопоставляет свидетельство вост. литургий, к-рые он интерпретирует, сознательно противостоя франц. литургику *Ж. Гоару* и источникам, на к-рые тот опирался, — *Виссариона Евхологию* и сочинению *Аркудия Петра* («*Libri VII de concordia Ecclesiae Occidentalis et Orientalis in septem sacramentorum administratione*» (Семь книг о согласии Восточной и Западной Церквей

в совершении семи таинств)). При этом К. С. использует нек-рые вышедшие в Риме в XVII в. литургические книги. Часто он прибегает к прп. Иоанну Дамаскину, чей авторитет сравнивает с авторитетом Фомы Аквинского на Западе (с. 235, 242). В оценке Флорентийского Собора К. С. полностью полагается на «Воспоминания» Сильвестра Сирупула (с. 238–241). Согласие древней Церкви было, по его мнению, односторонне упразднено папой Иннокентием III (с. 242); следующей вехой на этом пути оказался Тридентский Собор (с. 244–248). Спор вокруг евхаристологической ереси *Беренгария Турского* К. С. также не обошел стороной (с. 248). В отношении офиц. богословской дискуссии между православными и протестантами из Тюбингена наряду с патриархом Иеремией II цитируется присоединившийся впоследствии к спору епископ Вильгельм Линдан (*Wilhelmus Lindanus*) (с. 250). Многочисленные транскрибированные лат. имена часто искажены.

Наряду с учением о Евхаристии в качестве 2-го тематического блока в сочинении представлено решительное отвержение учения о непорочном зачатии Девы Марии, к-рое тогда отчасти отвергалось и среди католиков, особенно доминиканцами (со ссылкой на Фому Аквинского), но в то же время более или менее разделялось или даже принималось мн. православными (*Jugie M. L'Immaculée-Conception dans l'Écriture Sainte et dans la tradition orientale. R., 1952*). К. С. более чем на 150 страницах излагает ту т. зр., что Богоматерь в силу всеобщей подчиненности первородному греху была освобождена от всякой греховности лишь приветствием ангела; многочисленность его доказательств и при этом недостаток серьезных возражений в значительной степени лишают аргументацию К. С. силы. Самая длинная глава (кн. 3, с. 268–370) содержит много цитат «латинофона» Яворского и опровержений их. В одном контраргументе (с. 322–333) К. С. говорит, что если Богородица не была бы подвержена первородному греху, то тогда бы и человеческая природа не была освобождена от него посредством воплощения Христа, ибо, согласно выдвинутому свт. Григорием Богословом против ереси Аполлинария Лаодикийского принципу, «не воспринятое не уврачевано».

Насколько активно К. С. при рассмотрении вопроса эпиклезы утверждал согласие греч. и лат. патристики, настолько же энергично он противостоял утверждению митр. Стефана (Яворского) относительно согласия в учении о Деве Марии (с. 349). Последний раздел (с. 371–400) посвящен неизвестному лат. сочинению, к-рое, по всей видимости, вышло в Падуе в 1628 г.

В целом сочинение К. С., бесплатно распространявшееся среди верующих, являлось, по словам Г. Подскальски, «выражением зрелого, стремящегося к ясному дистанцированию по отношению к Западу самосознания Православия» (*Podskalsky. Griechische Theologie. S. 276*) в поствизант. время.

Из др. оригинальных богословских трудов К. С. достойны упоминания неизданный антилатинский трактат о различии сущности и энергий, а также составленные по заказу патриарха Досифея парафразы на поэмы и гомилии свт. Григория Богослова, проповеди на праздничные дни и ряд писем. Повсюду К. С. свидетельствует о себе как о человеке Церкви, к-рый подчиняет свои интересы чаяниям вселенского Православия.

Лит.: *Τζοράκης Ν. Ε. Ἡ περί μετουσίωσως (Transsubstantiatio) εὐχαριστιακῆ ἐρίς. Ἀθήναι, 1977. Σ. 179–193, passim; Podskalsky. Griechische Theologie. S. 271–276, passim.*

М. М. Бернацкий

КИМРСКОЕ ВИКАРИАТСТВО

Калининской епархии (см. *Тверская и Кашинская епархия*), названо по г. Кимры (ныне Тверской обл.), существовало в 1929–1932, 1937 гг. Очевидно, учреждение епископской кафедры в Кимрах в нач. окт. 1929 г. было обусловлено образованием 30 авг. 1929 г. в составе Московской обл. Кимрского округа (упразднен 30 июля 1930). Кроме того, создание К. в. было продиктовано необходимостью укрепления позиций Патриаршей Церкви в условиях распространения *обновленчества*. К кон. 1929 г. из 5 храмов в Кимрах 1 стал обновленческим, остальные оставались в ведении РПЦ.

С 8 окт. 1929 по 29 марта 1931 г. К. в. возглавлял еп. *Иоанн (Соколов)*, с 29 марта по 16 сент. 1931 г. — еп. *Николай (Муравьев-Уральский)*, с 16 сент. 1931 по 7 дек. 1932 г. — еп. *Никифор (Никольский)*. Первоначально местом служения Кимрских епископов был Вознесенский храм

в Кимрах, последней кафедрой стала Преображенская ц. в Кимрах, настоятелем которой в 1931–1932 гг. являлся еп. *Никифор*. В дек. 1936 г. еп. *Никифор* был возведен в сан архиепископа и назначен управляющим Калининской епархией. Летом 1937 г. в условиях новой волны закрытия храмов и массовых репрессий против местного духовенства архиеп. *Никифор* вернулся в К. в., в кон. 1937 г. был арестован в Кимрах и приговорен к ссылке, скончался 22 февр. 1942 г. в г. Выкса (ныне Нижегородской обл.); в определении Патриаршего местоблюстителя митр. Московского и Коломенского *Сергия (Страгородского)* от 15 марта 1942 г. в связи с кончиной архиеп. *Никифора* он назван «архиепископом б[ывшим] Кимрским» (*Галкин. 2008. С. 77–78*).

В сент.—нояб. 1932 г. существовало К. в. обновленческой (см. *Обновленчество*) Калининской епархии, к-рое возглавлял «епископ» *Петр Горбатов*.

Ист.: Хроника церковной жизни [хиротония архим. *Николая (Муравьева)* во еп. Кимрской] // ЖМП. 1931. № 5. С. 5.

Лит.: *Коркунов В.* Судьбы кимрских храмов. Тверь, 1996. С. 28, 46; *Губонин.* История иерархии. С. 208–209; *Галкин А. К.* Указы и определения Московской Патриархии об архиереях с начала Великой Отечественной войны до Собора 1943 г. // ВЦИ. 2008. № 2(10). С. 57–118; *Полищук И. С.* Православие и Церковь в обществ. жизни рос. деревни, 1917–1937 гг. Тверь, 2010. С. 262.

В. Г. Пидгайко

КИМХИ, семья евр. ученых-филологов (XII–XIII вв.).

Йосеф (Иосиф) (акроним — Рикам («рабби Йосеф Кимхи»); ок. 1105, Андалус — ок. 1170, Нарбон, Прованс), экзегет, грамматик и полемист. Ок. 1150 г. Йосеф покинул Андалус, спасаясь от гонений при Альмохадах, и поселился на юге Франции, в Нарбоне (Прованс). В Сев. Франции к этому времени сложилась талмудическая школа, имевшая развитую экзегетическую традицию, связанную с именами *Раши* и *Моше ха-Даршана*. Вместе с тем здесь не были известны произведения евр. авторов Андалуса, написанные преимущественно на араб. языке (X–XII вв. — период расцвета евр. интеллектуальной культуры в этом регионе). Это обстоятельство определило характер ученых занятий Йосефа, который выступил популяризатором достижений своих предшественников и переводчиком

нек-рых их произведений с араб. языка. Так, Йосеф перевел сочинение *Бахьи бен Йосефа ибн Пакуды* «Китаб аль-хидайя ила фараид аль-кулуб» (Книга наставлений об обязанности сердца). Др. памятник его переводческой деятельности — нравоучительное соч. «Шекель ха-Кодеш» (Священный сикль), рифмованная подборка изречений из кн. «Мухтар аль-джавахир» (Отборные жемчуга), приписываемой *Шломо бен Йехуде ибн Габиролу*. Йосеф написал сочинения по грамматике древнеевр. языка «*Сефер Зиккарон*» (Книга памяти) и «*Сефер ха-Галуй*» (Книга явного). В трактате «*Сефер ха-Галуй*» автор полемизирует с раввом *Яковом бен Меиром*, получившим прозвание *Рабейну Там*, авторитетным талмудистом Сев. Франции. Рав *Яков* принял участие в споре между последователями *Менахема бен Сарука* и *Дунаша бен Лабрата* (евр. поэты, теоретики лит-ры и грамматисты, жившие и работавшие в Кордовском халифате в X в.). Основной предмет спора — возможность использования араб. метрики в евр. стихосложении, на которой настаивал *Дунаш*. *Яков бен Меир* написал соч. «*Хакрайот*», в к-ром поддержал *Менахема бен Сарука*. Йосеф, не согласный с позицией *Якова*, чувствовал себя достаточно компетентным в вопросах, связанных с грамматикой и поэтикой, чтобы написать опровержение, несмотря на авторитет своего противника. Так появился трактат, ставший компендиумом грамматических идей Йосефа. Кн. «*Сефер ха-Галуй*» подверглась нападкам со стороны последователей *Якова бен Меира*, но получила широкое распространение, причем в качестве не столько полемики, сколько просветительского сочинения, способствующего ознакомлению евреев христ. Европы с наукой и культурой испан. еврейства.

Есть вероятность того, что Йосеф был знаком с *Аврахамом Ибн Эзрой*, к-рый посетил Прованс ок. 1160 г. *Ибн Эзра* ссылается в библейских комментариях на Йосефа. В свою очередь Йосеф воспринял от *Ибн Эзры* модели изложения грамматического материала (др. авторами, оказавшими на него влияние, были евр. грамматисты *Иехуда бен Давид Хаюдж (X в.)* и *Иона ибн Джанах (кон. X — 1-я пол. XI в.)*, жившие в Кордовском халифате).

Йосеф — автор неск. экзегетических работ, в к-рых он подчеркивал значение букв. смысла Свящ. Писания (*pašaf*, араб.— «простой»). Трактат «Сефер ха-Тора» (Книга Закона) представляет собой комментарий на Пятикнижие, «Сефер ха-Микна» (Книга приобретения; не сохр.) — на книги пророков. Т. о., эти 2 книги полностью охватывают разделы евр. Библии «Тора» (Закон) и «Невиим» (Пророки). Что касается разд. «Кетувим» (Писания), то Йосеф прокомментировал входящие в него книги Притчей Соломоновых (комментарий на Притчи был озаглавлен издателем как «Сефер Хикка»), Иова и Песни Песней Соломона. Комментарий на Песнь Песней Соломона не издан. Давид приписывал своему отцу авторство трактата «Хиббур ха-Лекет» (Связь собранного (в библейском и мишнаитском иврите *leket* — это колосья, которые уронили жнецы и которые предназначались в пищу бедным)), однако этот трактат не сохранился и принадлежность его Йосефу не может быть проверена. Экзегетические методы Йосефа были восприняты его сыновьями Моше и Давидом, а также Менахемом бен Шимоном (учеником Йосефа) и Яковом бен Ашером.

Библейские комментарии Йосефа содержат большое число рассуждений лингвистического характера. Для прояснения слов с непонятной этимологией Йосеф обращался к параллелям в мишнаитском иврите, араб. и араб. языках. Так, Давид К., разбирая слово *'em* (мать), ссылается на Йосефа (называя его «господин мой, отец мой», без указания имени), который установил для этого слова корень *'mm*, исходя из наличия в араб. языке глагола *'mma* (*'amma* — *ya'ummu*) — «становиться матерью» (Kimhi D. Sefer ha-Shorashim. B., 1847. P. 19). Йосеф не боялся предлагать эмендации (исправления) священного текста в проблемных случаях. Так, по его мнению, авторы библейских книг могли изменять формы или порядок слов, чтобы придать тексту поэтическое звучание. Он допускал, что нек-рые контексты могут быть испорчены. Так, в 2 Цар 13. 20 употреблен союз «и» (*wə*), к-рый может показаться излишним: *wattēšeb tāmar wəšōmēmā bēl 'aḥšālōm* — «и жила Фамарь в одиночестве (букв.— «и жила Фамарь и одинокая») в доме Авессалома». Ибн Джанах и Ибн Эзра считали, что в дан-

ном случае союз *wə* соответствует араб. частице *fa*, передающей последовательность действий. Причастие *šōmēmā* в данном случае выступает полноценным сказуемым: «Жила Фамарь и пребывала в одиночестве в доме Авессалома». Йосеф не принял эту т. зр., несмотря на авторитет Ибн Джанаха и Ибн Эзры, и высказал предположение, что в данной фразе было потеряно слово: «Жила Фамарь [печальная] и одинокая в доме Авессалома» (Cohen. 2000. P. 392).

Помимо грамматических и экзегетических работ Йосефу принадлежит неск. богослужебных гимнов и полемический трактат «Сефер ха-Берит» (Книга Завета, 1710), к-рый наряду с книгой Якова бен Реувена «Милхамот ха-Шем» (Войны Господни) стал одним из первых антихрист. сочинений, написанных в Европе. В кн. «Сефер ха-Берит» идеи автора раскрываются в диалоге иудея (*ma'āmîn*, т. е. «верный») и христианина (*mîn*, т. е. «отделившийся»). Объясняя Свящ. Писание буквально, иудей отвергает как типологическую интерпретацию библейских текстов, так и связанные с ними конкретные вероучительные положения христианства. В частности, Йосеф отвергал возможность обосновать исходя из ВЗ учение о *грехе первородном*. Другой пример — отрицание попытки объяснить Быт 18. 1–2 как отрывок, свидетельствующий о Св. Троице. Следует заметить, что Йосеф аккуратен в изложении христ. аргументации и не стремится упростить ее: «Сказал христианин: Я покажу тебе в книге закона Моисеева Троицу, в Которую они [иудеи] не веруют, [свидетельство о] Которой ты не сможешь обогатить. Когда Авраам принял обрезание, ему явился Бог, как сказано: «И явился ему Господь в дубраве Мамре, когда он сидел [у входа в шатер во время дневного зноя]. И возвел очи свои, и посмотрел, и вот, три мужа стоят перед ним» (Быт 18. 1–2). Сначала он увидел Одного, но помолился Трем. Сначала, когда увидел Одного, он сказал: «Господин мой! Если я обрел благоволение в очах Твоих, не проходи мимо раба Твоего». А после этого он сказал: «И принесут немного воды и омоют ноги Ваши, и отдохните под сим деревом, а я принесу хлеба», и т. д. (Быт 18. 3–4). И Они стояли рядом с ним. И он Их накормил и напоил — это было подобие того, что они едят и пьют. И вот, вначале он сказал в

единственном числе, а после этого он увидел Трех и сказал во множественном числе. Вот, это Троица: Отец, Сын и Дух» (Sefer ha-Berit. 1974. P. 50).

Соч.: Sefer ha-Galuy / Ed. H. J. Mathews. B., 1887 (на евр. яз.); Sefer Zikkaron / Ed. W. Bacher. B., 1888 (на евр. яз.); Un fragment du commentaire de J. Kimhi sur Job. (Ch. I. et XXXIV, 17, A XLII) / Ed. S. Eppenstein. P., 1898 (на евр. яз.); Shekel ha-kodesh / Ed. H. Gollancz. L.; N. Y.; Oxf., 1919 (на евр. и англ. яз.); Sefer ha-Berit // Kimhi J., Kimhi D. The Book of the Covenant, and Other Writings / Ed. F. Talmage. Jerusalem, 1974. P. 21–70 (на евр. яз.); Perushim le-sefer Mishle le-vet Kimhi / Ed. F. Talmage. Jerusalem, 1990 (на евр. яз.). Пер.: Jehuda ibn Tibbon. Sefer torat Hovot va-levavot / Ed. A. Jellinek. Lpz., 1846 (на араб. и евр. яз.).

Лит.: Cohen M. The Qimhi Family // Hebrew Bible, Old Testament: The History of Its Interpretation / Ed. M. Saebö. Göt., 2000. Vol. 1/2. P. 390–395; EncJud. Vol. 12. P. 157–158; Вассерман Ц., Кац А. Еврейские мудрецы: со времен Мишны и до наших дней. Иерусалим, 2008². С. 62.

Моше (акроним — Рамак («рабби Моше Кимхи»); 1120, Нарбон — ок. 1190, там же), сын Йосефа, грамматик и комментатор Библии. Как экзегет, он продолжил направление, разработанное его отцом, занимаясь преимущественно установлением букв. смысла текста. Его интересовали книги, не пользовавшиеся популярностью у комментаторов, — *Ездры первая книга*, *Нееми книга*, *Книга Притчей Соломоновых* и *Иова книга*. Моше уделял большое внимание композиции библейских книг. Так, он разделил Книгу Притчей Соломоновых на 5 разделов, исходя из стилистических критериев. Первые 3 раздела имеют заглавие «Притчи Соломона» (Притч 1. 1 — 9. 18; 10. 1 — 24. 34; 25. 1 — 29. 27), 4-й раздел открывается фразой «слова Агура» (Притч 30. 1), а 5-й — «слова Лемуила царя» (Притч 31. 1). Каждую из выделенных частей Моше разделяет на смысловые единства (от 2 до 11 стихов) и показывает логическую связь между стихами в группе (Cohen. 2000. P. 396). В Книге Иова, большая часть которой имеет диалогическую структуру, он исследует грамматические и стилистические особенности речи каждого из собеседников (Ibidem). Комментарии Моше получили широкое признание и распространение, однако нередко, именно в силу их качества и популярности, приписывались Аврааму Ибн Эзру.

Как грамматист, Моше оказал большое влияние на европ. гебраистику — вероятно, даже большее, чем его брат Давид К. В отличие от последнего

Моше мало интересовался фонологией и основное внимание уделял морфологии глагола. Именно Моше предложил классифицировать формы древнеевр. глагола в соответствии со структурными моделями — биньянами (букв. — «здание», в лингвистической лит-ре в настоящее время чаще используется термин «порода») (EncJud. Vol. 12. P. 158; *Вассерман, Кац*. 2008. С. 63). Этот принцип, равно как и сама последовательность биньянов, предложенная им, до сих пор остается общепринятым. Грамматика Моше, озаглавленная «Махалах швилей ха-даат» (Ход тропинок знания), была издана в 1508 г., и уже в 1520 г. последовало ее издание на лат. языке в переводе Себастьяна Мюнстера, пользовавшееся популярностью у европ. филологов XVI в.

Моше написал также дополнение к своей грамматике — «Шекель тов», посвященное классификации частей речи, и сочинение, содержащее разбор аномальных грамматических форм, — «Сефер тахшошет» (Книга спряжения; не сохр.).

Соч.: Mahalakh Shevilei ha-Da'at. R., 1545. Hamburg, 1785 (на евр. яз.); *Ortueta y Murgoitio F. J., de. Moisés Kimchi y su obra Sekel Tob*. Madrid, 1920.

Лит.: *Cohen M.* The Qimhi Family // Hebrew Bible, Old Testament. Gött., 2000. Vol. 1/2. P. 395–396; EncJud. Vol. 12. P. 158; *Вассерман Ц., Кац А.* Еврейские мудрецы. Иерусалим, 2008². С. 63.

Давид (акроним — Радак («рабби Давид Кимхи»); ок. 1160 — ок. 1235), наиболее известный из членов семьи К., грамматист, экзегет и полемист. Начальное образование получил у собственного брата, Моше К., к-рый был старше Давида на 40 лет (*Вассерман, Кац*. 2008. С. 76). Первое сочинение Давида — трактат «Михлоль» (Совокупность), грамматическое и лексикографическое описание древнеевр. языка. Книга состоит из 2 частей: грамматики («Хелек ха-дикдук», «Грамматическая часть») и словаря («Хелек ха-Инъян», «Смысловая часть»). Название «Михлоль» часто используется применительно только к 1-й, грамматической части (1-е издание к-рой имело составное заглавие — «Сефер михлоль ха-дикдук лешон ха-кодеш», букв. — «Книга совокупности грамматики священного языка»). Лексикографическая часть также получила новое название — «Сефер ха-Шорашим» (Книга корней). Давид стремился создать компромиссный вариант грамматического

описания, избегая как избыточности в изложении, присущей Ионе ибн Джанаху и Йехуде бен Давиду Хаяуджу, так и чрезмерной краткости Аврахама Ибн Эзры и Йосефа и Моше К. Давид выступил популяризатором достижений своих предшественников (в предисловии к своей грамматике он писал, что подбирал колосья за жнецом) и вместе с тем сделал неск. новых важных наблюдений (разграничил «вав последовательности» и «соединительный вав»). Грамматические труды Давида имели большое значение для И. Рейхлина, одного из первых европ. ученых, изучавших древнеевр. язык (см. ст. *Еврейский язык*).

Давид составил справочник для переписчиков Библии «Эт софер» (Трость писца), в к-ром дал сокращенное изложение материала, вошедшего в «Сефер михлоль...». Особое внимание Давид уделил масоретским эмендациям в библейском тексте (*kaṭib* и *kaṛe*) и акцентным знакам. Соч. «Эт софер» представляет большую ценность как относительно ранняя систематизация тивериадской масоретской традиции (см. ст. *Масора*).

Свою деятельность в качестве экзегета Давид начал с комментария на книги *Паралипоменон*. Затем последовали комментарии на кн. Бытие, книги пророков и псалмы. В отличие от своих предшественников Давид часто обращался к раввинистическим толкованиям. Как экзегет, он испытал влияние рационалистического подхода *Маймонида* (сказавшееся, в частности, в отношении к библейским чудесам, к-рые Давид пытается объяснить естественными причинами или преуменьшить их значение для библейского повествования), однако в отличие от последнего почти не занимался законодательной частью Пятикнижия.

Давид также написал 2 подробных «тайных» (*nistar*) комментариев: на Быт 2. 7 — 5. 1 и на 1-ю гл. *Иезекииля пророка книги*, в к-рых органично сочетал филологическую интерпретацию текста с методами мидраша (толкования текста в гомилетических или галахических целях) и философским комментарием (EncJud. Vol. 12. P. 156; *Вассерман, Кац*. 2008. С. 77). В комментариях Давида впервые соединилась мидрашистская традиция, восходящая к Раши, и буквалистская, принесенная Йосефом К. из Андалуса.

Как и его отец, Давид получил известность в качестве полемиста, однако он не писал полемических сочинений, подобных «Сефер ха-Берит» Йосефа К. Аргументы против христ. интерпретации ВЗ рассеяны по экзегетическим сочинениям Давида. Возражения Давида, в частности, связаны со следующими текстами, в к-рых он отказывался видеть указание на грядущего Мессию или на появление Церкви: Ис 2. 22; 7. 14; Пс 22. 17; 44. 7; 86. 17; 109. 1, 7; Ис 7. 14; Иез 44. 22. Примером применения экзегетических методов Давида в полемических целях может послужить его комментарий на Пс 44: «И ошибаются христиане, истолковывающие этот псалом [как относящийся] к Иисусу Назарю и объясняющие слова «дочери царей [в чести у тебя]» (Пс 44. 10) как иносказательно [относящиеся] к народам, которые обратятся в Его [Иисуса] веру — к учению христиан — и особое внимание уделяют (букв. — «усиливающие свои слова». — *Авт.*) сказанному: «Престол Твой, Боже (*kiss'ākā 'ēlōhīm*), в век века» (Пс 44. 7). Вот они прочли «царь» (Пс 44. 2), и [вот] они прочли «Бог» (т. е. в псалме речь идет о царе, а в 7-м стихе появляется обращение к Богу, что понималось как свидетельство божественного достоинства царя, который в этом случае может быть только Христом. — *Авт.*). Для них есть ответ: *kiss'ākā 'ēlōhīm* — это мы уже объяснили (данное выражение Давид понимал в смысле «престол твой, утвержденный Богом» или «престол твой — [престол] Божий», о чем говорится далее. Оба объяснения грамматически безупречны. — *Авт.*). И если они скажут, что *kiss'ākā* говорится по отношению к (*ka-neqed*) Богу, то так истолковывалось бы, если бы [слово] *'ēlōhīm* было обращением и он сказал бы с побудительной модальностью (*derek baqqāšā*): «Боже, да будет престол Твой в век века!» Но «престол Божий» — это престол царя, как [сказано:] «И сел Соломон на престоле Господнем» (1 Пар 29. 23). И [еще так] отвечай им и говори: как он сказал бы о Боге «елеем радости больше, чем товарищей твоих», когда нет у Бога товарищей! И не сказал бы он «стала царица (*šēgāl*) одесную тебя», даже иносказательно, потому что, как мы объяснили, слово *šēgāl* связано с половыми отношениями (*maškbē 'iššā*), что не-

мыслимо о Боге (слово *šēgāl* заимствовано из аккадского и этимологически означает «царская наложница» (аккад. *ša ekallim*, т. е. «относящаяся ко дворцу»). В Ветхом Завете используется образованный от этого слова глагол *šgl* – «обесчещивать» (см.: Ис 13. 16; Зах 14. 2), для которого масореты предлагали эмендацию *škb*: «лежать; вступать в половые отношения». В то же время в Пс 44. 10 и Неем 2. 6 контекст слова *šēgāl* предполагает значение «царица» – вероятно, не в смысле наделенного властью человека (в этом значении употребляется слово *malkā*), а в смысле жены (одной из жен) царя. – *Авт.*) И опять, как он сказал бы «вместо отцов твоих будут сыновья твои» (Пс 44. 17)? И если они скажут тебе, что есть у Бога сыновья, и это верующие в Него, как [сказано:] «Вы сыновья Господа Бога вашего» (Втор 14. 1), – ты скажи им: если и есть у Него сыновья, то [в любом случае] нет у Него отцов. Другой ответ: сказали бы они [хотя бы] «отец» – [ведь] даже, по их словам, не подобает говорить «отцы» во множественном числе» (*Kimhi J., Kimhi D.* 1974. P. 74). В то же время, упрекая христ. экзегетов в злоупотреблении аллегорическим методом толкования ВЗ, Давид сам предлагает комментарии, далекие от «пшат», считая нек-рые обличительные высказывания пророков направленными против христиан. Давид возвращается к спору об «истинном Израиле», имевшему особенную актуальность во II–III вв. (*Гиршман М.* Еврейская и христианская интерпретация Библии в поздней античности: Пер. с англ. М.; Иерусалим, 2002). Отвечая на один из распространенных аргументов в антииудейской полемике, Давид писал о причинах пребывания еврейского народа в изгнании, утверждая, что оно обладает особым духовным смыслом и не означает отверженности евр. народа.

Творческое наследие семьи К. стало неотъемлемой частью религиозной жизни еврейского народа. Характерна в этом отношении поговорка «Нет Торы без Кимхи», которая представляет собой перифраз изречения из мишнаитского трактата «Пиркей Авот» – «Нет Торы без хлеба (букв. – «муки», *ḵemah*)». Комментарии Давида были напечатаны в «Раввинской Библии» (1516–1517) наряду с комментариями Раши и Ибн Эзры.

Соч.: Sefer ha-Shorashim / Ed. F. S. Lebrecht, J. H. R. Biesenthal. B., 1847; The First Book of the Psalms / Ed., transl. S. M. Schiller-Szinessy. Camb., 1883; The Commentary on Isaiah / Ed. L. Finkelstein. N. Y., 1926; The Commentary on Hosea / Ed. H. Cohen. N. Y., 1929; The Commentary on Psalms (42–72) / Ed. S. I. Esterson // HUCA. 1935. Vol. 10. P. 309–443; Hebrew Grammar (Mikhlol) / Ed. W. Chomsky. N. Y., 1952; The Commentary on The Fifth Book of Psalms, CVII–CL / Ed. J. Bosniak. N. Y., 1954; *Kimhi J., Kimhi D.* The Book of Covenant, and Other Writings / Ed. F. Talmage. Jerusalem, 1974. Лит.: Краткая евр. энциклопедия. М., 1996. Т. 4. Кол. 259–260; *Cohen M.* The Qimhi Family // Hebrew Bible, Old Testament. Gött., 2000. Vol. 1/2. P. 396–415; EncJud. Vol. 12. P. 155–158; *Вассерман Ц., Кац А.* Еврейские мудрецы. Иерусалим, 2008². С. 76–77.

М. Г. Калинин

КИНГ [англ. King] Мартин Лютер (15.01.1929, Атланта, шт. Джорджия, США – 4.04.1968, Мемфис, шт. Теннесси, там же), баптистский проповедник, лидер движения за гражданские права афроамерикан-

М. Л. Кинг.
Фотография. 1964 г.

цев в США, почитается как мученик в *Протестантской епископальной церкви в США* и в Евангелическо-лютеранской церкви в Америке. Род. в семье пастора баптистской церкви, при рождении был назван Майклом Лютером Кингом – младшим, сыном Майкла Лютера Кинга – старшего. Через неск. лет отец К. сменил собственное имя и имя сына на имя Мартин в честь М. Лютера. Семья Кингов принадлежала к среднему классу, но, несмотря на это, К. с детства испытывал последствия расовой сегрегации (неск. поколений предков К. до офиц. отмены рабства в США в 1863 были рабами). В 1948 г. К. окончил колледж Морхаус со степенью бакалавра социологии, 25 февр. того же года принял духовный сан и стал помощником отца в Эбenezерской баптистской церкви в Атланте. В 1948–1951 гг. учился в Крозерской теологической семинарии в Пенсильвании, затем

на теологическом фак-те Бостонского ун-та, в июне 1955 г. получил степень д-ра теологии (дис. «Сравнение концепции Бога в учениях П. Тиллиха и Г. Н. Уимана»). В 1953 г. К. обвенчался с Кореттой Скотт, в браке у Кингов родилось четверо детей. В 1954 г. К. стал пастором баптистской церкви на Декстер-авеню в Монтгомери (шт. Алабама) и членом местного отделения Национальной ассоциации содействия прогрессу цветного населения (была основана в 1909). В янв. 1955 г. в речи, произнесенной в Бирмингемском отделении ассоциации, К. осудил бездействие церковных лидеров в отношении защиты гражданских прав афроамериканцев: «Чтобы уничтожить сегрегацию, вы должны сделать нечто большее, чем молиться и читать Библию».

В дек. 1955 г. К. возглавил бойкот автобусных линий в Монтгомери после «инцидента с Розой Паркс», к-рая отказалась вопреки закону уступить место в автобусе пассажиру с белым цветом кожи. К. неоднократно арестовывали за участие в протестных акциях, было неск. покушений на его жизнь. К. считал руководство движением продолжением пастырской службы и использовал в большинстве последний церковную лексику и цитаты из Свящ. Писания. События, в результате которых Верховный суд США признал сегрегацию в Алабаме нарушением Конституции США, сделали К. национальным лидером. В янв. 1957 г. он был избран главой основанной им орг-ции «Конференция руководства христиан юга». В 1958 г. была опубликована 1-я книга К. «Шаг к свободе: история Монтгомери», ставшая хроникой борьбы афроамериканцев, принявших философию ненасилия в качестве основы движения активного христианства. В гл. «Паломничество к ненасилию» К. рассматривал идеи, к-рые повлияли на его обращение к методу ненасильственного сопротивления, основанному на принципе любви (агапе). Во время презентации книги на К. было совершено покушение: вполс. признанная душевнобольной афроамериканка Изола Карри нанесла ему ножевое ранение.

В 1959 г. по приглашению премьер-министра, лидера левого крыла индийского национально-освободительного движения Джавахарлала Неру К. посетил Индию, где изучал

деятельность М. Ганди, затем совершил поездку в Иерусалим и Каир. В 1960 г. семья Кингов переехала в Атланту. Движение за гражданские права набирало силу: продолжались марши протеста, экономические бойкоты, сидячие забастовки. К. выступал на митингах, собраниях, съездах, читал лекции, собирал пожертвования и передавал их в различные фонды. В 1963 г. прошла кампания в Бирмингеме, сопровождавшаяся массовыми арестами. Находясь в заключении, К. в «Письме из Бирмингемской тюрьмы» призвал амер. священнослужителей с белым цветом кожи поддержать борьбу за равные права всех граждан США.

Речь К. «У меня есть мечта» (I have a dream), произнесенная во время «марша на Вашингтон» в 1963 г. у мемориала А. Линкольну, 16-му Президенту США, принесла ему мировую известность и считается образцом ораторского искусства. Написанная в жанре плачевных песней (ср. *Иеремии плач*), помимо отсылки к ВЗ (напр.: Ис 40. 4–5; Ам 5. 24) она содержит аллюзии на Декларацию независимости США, Манифест об освобождении рабов и Конституцию США. В 1964 г. на встрече в Ватикане папа Павел VI подарил К. серебряный медальон. В этом же году 10 дек. К. получил Нобелевскую премию мира. Итогом деятельности движения за гражданские права в США стало принятие Закона о гражданских правах (1964) и Закона о правах участия в голосовании (1965). В 1966 г. К. переехал в Чикаго, и положение афроамер. гетто в этом городе стало центром его деятельности. Кн. «Куда мы пойдем теперь?», в к-рой К. изложил свое критическое отношение к войне во Вьетнаме, была опубликована в 1967 г.

В марте 1968 г. К. возглавил протестное движение в Мемфисе (шт. Теннесси). 3 апр., выступая перед манифестантами, К. сказал: «Я не знаю, что теперь может случиться. Нам предстоит пережить несколько трудных дней. Но все это для меня уже не имеет большого значения. Я побывал на самой вершине. И будь что будет. Как и всякому человеку, мне хотелось бы прожить долгую жизнь. Но сейчас я просто хочу исполнить волю Всевышнего, Который разрешил мне взойти на самую вершину горы. Я огляделся вокруг и увидел землю обетованную. Может быть, мне не суждено

будет до нее дойти вместе с вами. Но я хочу, чтобы вы сегодня вечером узнали, что мы, как народ, обязательно доберемся до этой земли. Поэтому сегодня вечером я счастлив. Меня ничто не тревожит. Я не боюсь никого. Мои глаза видели Господа во всей славе Его пришествия». Вскоре К. был смертельно ранен снайпером. Похороны К. состоялись 9 апр. в Атланте. С 1986 г. день памяти К. (Martin Luther King Jr. Day) стал национальным праздником в стране и отмечается в 3-й понедельник января. В 2004 г. К. был посмертно удостоен высшей награды США — Золотой медалью Конгресса.

Соч.: *Stride Toward Freedom: The Montgomery Story*. N. Y., 1958, 2010; *The Measure of a Man*. Phil., 1959, 2013; *Strength to Love*. N. Y., 1963, 2010; *Why We Can't Wait*. N. Y., 1964, 2010; *Where Do We Go from Here: Chaos or Community?* N. Y., 1968, 2010; *The Trumpet of Conscience*. N. Y., 1968, 2010; *A Testament of Hope: The Essential Writings and Speeches of Martin Luther King, Jr.* / Ed. J. M. Washington. San Francisco, 1986, 1991; *The Autobiography of Martin Luther King, Jr.* / Ed. Cl. Carson. N. Y., 1998. L., 2002; *All Labor Has Dignity* / Ed. M. Honey. Boston, 2011; «*Thou, Dear God*»: *Prayers That Open Hearts and Spirits* Collection of Dr. King's Prayers / Ed. L. Baldwin. Boston, 2012.

Лит.: *Кондрашов С. Н.* Жизнь и смерть Мартина Лютера Кинга. М., 1970; *Garrow D.* Bearing the Cross: Martin Luther King, Jr., and the Southern Christian Leadership Conference. N. Y., 1986; *Schulke F., McPhee P.* King Remembered. N. Y., 1986; *Branch T.* Parting the Waters: America in the King Years, 1954–1963. N. Y., 1988; *idem.* Pillar of Fire: America in the King Years, 1963–1965. N. Y., 1998; *idem.* At Canaan's Edge: America in the King Years, 1965–1968. N. Y., 2006; *Abernathy R.* And the Walls Came Tumbling Down: An Autobiography. N. Y., 1989; *King C. S.* My Life with Martin Luther King. N. Y., 1993; *Fradley M.* Martin Luther King, Jr.: A Life. N. Y., 2002; *Миллер У. Р.* Мартин Лютер Кинг: Жизнь, страдания и величие. М., 2004; *Kotz N.* Judgment Days: Lyndon Baines Johnson, Martin Luther King, Jr., and the Laws that Changed America. Boston, 2005; *The Human Tradition in the Civil Rights Movement* / Ed. S. M. Glisson. Znanium, 2006; *Hill J. B.* The Theology of Martin Luther King, Jr. and Desmond Mpilo Tutu. N. Y., 2007; *Jackson T. F.* From Civil Rights to Human Rights: Martin Luther King, Jr., and the Struggle for Economic Justice. Phil., 2007; *Rieder J.* The Word of the Lord is upon Me: The Righteous Performance of Martin Luther King, Jr. Camb., 2008; *Waldschmidt-Nelson B.* Dreams and Nightmares: Martin Luther King Jr., Malcolm X, and the Struggle for Black Equality. Gainesville (Florida), 2012.

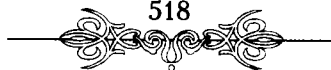
В. Н. Ефанова

КИНГИСЕППСКОЕ ВИКАРИАТСТВО Ленинградской епархии (см. *Санкт-Петербургская и Ладожская епархия*), названо по г. Кингисепп (Ленинградская обл.); существовало в 1897–1928 гг., до 1922 г. Кингисепп назывался Ямбург, ви-

кариатство — Ямбургское. Резиденцией Ямбургских (Кингисеппских) архиереев была *Александро-Невская в честь Св. Троицы лавра* в С.-Петербурге.

14 окт. 1897 г., при С.-Петербургском и Ладожском митр. *Палладию (Раеве)*, был утвержден синодальный доклад «О восстановлении в Санкт-Петербургской епархии кафедры 3-го викария с присвоением ему именованья епископа Ямбургского». Первым епископом Ямбургским стал архим. *Вениамин (Мурашовский)*, настоятель *Черемецкого во имя ап. Иоанна Богослова муж. мон-ря*, хиротонисанный митр. Палладием в Троицком соборе Александро-Невской лавры 26 окт. 1897 г. Важной сферой полномочий нового епископа стала цензура проповедей: в соответствии с распоряжением консистории всем священникам, служившим в Исаакиевском и Казанском соборах, было предписано представлять свои проповеди после цензуры благочинных на утверждение Ямбургскому еп. Вениамину. Еп. Вениамин поселился в Александро-Невской лавре, при этом некоторое время оставался настоятелем Черемецкого мон-ря. Новый архиерей занял должность председателя с.-петербургского епархиального братства Пресв. Богородицы, заведующего школой Об-ва распространения духовно-нравственного просвещения, возглавил совет с.-петербургского Исидоровского жен. училища и комитет Александровского дома призрения бедных духовного звания.

3 дек. 1898 г. еп. Вениамин (Мурашовский) был назначен епископом Гдовским, 2-м викарием С.-Петербургской епархии. 9 мая 1899 г. в Исаакиевском кафедральном соборе С.-Петербургский митр. *Антоний (Вадковский)* возглавил хиротонию ректора СПбДА архим. *Бориса (Плотникова)* во епископа Ямбургского. С тех пор все последующие Ямбургские епископы занимали должность ректора СПбДА до закрытия последней в 1918 г. и жили в ректорском флигеле академии. 20 янв. 1901 г. еп. Борис был уволен с Ямбургской кафедры. 24 янв. новым ректором СПбДА стал архим. *Сергий (Страгородский)*, к-рому 26 янв. определено также быть епископом Ямбургским; хиротония состоялась 25 февр. того же года в Троицком соборе Александро-Невской лавры.

Архиерейская хиротония архим. Сергия почти совпала по времени с синодальным определением «О графе Лье Толстом», в котором Л. Н. Толстой провозглашался отпавшим от Церкви (20–22 февр. 1901); в подготовке этого определения архим. Сергей сыграл большую роль. 24 февр. 1901 г. вышел 8-й номер «Санкт-Петербургского духовного вестника», содержащий проповедь архим. Сергия «Смысл и цель церковной анафемы», сказанную им в Неделю Православия; в ней содержалось обоснование синодального определения.

Благодаря активной деятельности еп. Сергия его статус как Ямбургского епископа был повышен: 10 дек. 1901 г. он стал 2-м викарием С.-Петербургской епархии, 22 февр. 1903 г. — 1-м викарием. Стремясь сблизить с Церковью образованное общество, епископ с нояб. 1901 г. вел *религиозно-философские собрания* представителей духовенства и мирян, на которых обсуждались проблемы общественной и церковной жизни: взаимоотношения Церкви, интеллигенции и гос-ва, свобода совести, Церковь и брак, догматы христианства в совр. мире и мн. др. (в апр. 1903 собрания были прекращены по распоряжению обер-прокурора Синода К. П. Победоносцева). С апр. 1905 г. еп. Сергей временно управлял Финляндской и Выборгской епархией. После утверждения 6 окт. 1905 г. еп. Сергия на Финляндской кафедре статус Ямбургского викариата понизился: хиротонисанный 6 нояб. 1905 г. на Ямбургскую кафедру еп. Сергей (Тихомиров) стал 3-м викарием епархии и не менял статус за все время пребывания на кафедре (первенство перешло к *Нарвскому викариатству*). С открытием в С.-Петербургской епархии *Кронштадтского викариата* статус Ямбургской кафедры снова понизился: хиротонисанный во епископа Ямбургского 22 февр. 1909 г. еп. Феофан (Быстров) сначала имел статус 4-го викария, 30 дек. того же года переименован в 3-го викария.

При переводе еп. Феофана на Симферопольскую кафедру Ямбургским епископом 19 нояб. 1910 г. был назначен Георгий (Ярошевский), который получил звание 3-го викария (с 22 нояб. 1911 — 2-й викарий). 13 мая 1913 г. еп. Георгий был назначен правящим архиереем Калужской епархии, 30 мая 1913 г. ректором СПбДА и епископом Ямбургским стал Анастасий (Александров)

в звании 3-го викария (с 20 марта 1914 — 2-й викарий С.-Петербургской епархии). Кроме должности ректора СПбДА еп. Анастасий с 1913 г. также занимал пост председателя С.-Петербургского епархиального миссионерского совета. В связи с тем что в июне 1917 г. епархия стала называться Петроградская и Гдовская, указом Синода от 17 июня 1917 г. было упразднено ее 1-е викариатство — *Гдовское*, Ямбургский еп. Анастасий стал 1-м викарием Петроградской епархии. С тех пор до кон. 1927 г. статус Ямбургских (Кингисеппских) епископов не менялся. После кончины еп. Анастасия 6 июля 1918 г. Ямбургская кафедра ок. 3 лет оставалась вакантной, полномочия 1-го викария перешли к Нарвскому еп. Геннадью (Туберозову).

21 февр. 1921 г. по просьбе Петроградского митр. Вениамина (Казанского) патриарх свт. Тихон назначил Тихвинского еп. Алексея (см. *Алексий I (Симанский)*), патриарх Московский и всея Руси епископом Ямбургским. Переехав 11 апр. 1921 г. в Петроград, еп. Алексей жил в доме при Казанском соборе, с авг. 1921 г. — в Александро-Невской лавре; местом служения ему был определен Казанский собор, община которого взяла на себя обязанность содержания викарного епископа. 18 апр. 1921 г. архиерей был назначен на Пензенскую кафедру; по прошению освобожден от назначения, о чем патриарх Тихон сообщил ему в письме от 15 мая того же года. Еп. Алексей стал заведующим богословскими курсами, открывшимися в Петрограде в 1920 — нач. 1921 г. 7–15 июля 1921 г. совершил архипастырскую поездку по р. Луга «в самую глубь уездов Ямбургского и Гдовского». 29 мая 1922 г., после ареста митр. Вениамина (Казанского), вступил в управление Петроградской епархией. 24 июня 1922 г. еп. Алексей отверг ультиматум обновленческого *Высшего церковного управления* «действовать строго по указаниям ВЦУ», признал «для себя невозможным дальнейшее управление Петроградской епархией». Еп. Алексей возглавил широкое антиобновленческое движение верующих Петроградской епархии, желавших сочетать политическую лояльность с верностью церковным канонам; в сент. 1922 г. совместно с Петергофским еп. Николаем (Ярушевичем) подал заявление о регистрации ввиду отсутствия

в Русской Церкви канонического центра автокефальной Петроградской церкви («Петроградская автокефалия»). С окт. 1922 г. еп. Алексей находился в ссылке, вернулся в Ленинград весной 1926 г., направлен на служение в Новгородскую епархию с титулом «архиепископ Тихвинский».

Назначение архиеп. Гавриила (Воеводина) викарием Ленинградской епархии с титулом «Кингисеппский» произошло, по одним данным, указом патриарха Тихона, т. е. в 1924 г. или в нач. 1925 г., по другим — в сент. 1926 г. по представлению назначенного на Ленинградскую кафедру митр. Иосифа (Петровых). С 14 сент. 1926 г. до ареста 19 апр. 1927 г. Кингисеппский архиеп. Гавриил временно управлял Ленинградской епархией, в дек. 1927 г., после освобождения, назначен на Полоцкую кафедру. Последним епископом Кингисеппским с 30 дек. 1927 по 3 авг. 1928 г. был Сергей (Зенкевич), затем переведенный на *Шлиссельбургское и Лодейнопольское викариатство*. В дальнейшем К. в. не замещалось, приходы Кингисеппского р-на в 30-х гг. XX в. находились в ведении Петергофского еп. Николая (Ярушевича).

Ист.: Высочайшие повеления // ЦВед. 1897. № 43. С. 393; Известия по С.-Петербургской епархии // СПбДВ. 1897. № 50. С. 165; 1898. № 1. С. 12–13; 1901. № 6. С. 71; Состав Свят. Правительствующего Всерос. Синода и Российской церк. иерархии на 1898–1917 гг. СПб.; Пг., 1898–1917; Наречение и хиротония преосв. Бориса, еп. Ямбургского, и первое архиерейское служение Его Преосвященства в церкви СПбДА. СПб., 1899; Памятная книга по С.-Петербургской епархии. СПб., 1899. С. 2–12 ПрибЦВед. 1909. № 9. С. 437–438; Письма Патриарха Алексея своему духовнику. М., 2000. С. 190–273.

Лит.: Шкаровский М. В. Петербургская епархия в годы гонений и утрат, 1917–1945. СПб., 1995; Коняев Н. М. Сщмч. Вениамин, митр. Петроградский. СПб., 1997; Викарии Нарвские и Ямбургские // СПбЕВ. 2001. Вып. 25. С. 45–58.

А. К. Галкин, В. Г. Пидгайко

КІНГСЛИ [англ. Kingsley] Чарлз (12.06.1819, Холн, графство Девон — 23.01.1875, Эверсли, графство Гэмпшир), англикан. священник, писатель, один из самых известных представителей англ. христианского социализма. Отец К., Чарлз Кингсли, происходил из аристократической семьи и до 32 лет вел типичный для аристократов того времени образ жизни, почти полностью растратив свое состояние. Брак с дочерью Н. Лукаса, богатого землевладельца,

писателя и ученого с о-ва Барбадос, Мэри позволил ему поправить финансовое положение. Он отправился в Кембридж, где в Тринити-колледже получил теологическое образование, затем принял сан и служил викарием в Холне. К., названный в честь отца, был старшим из детей.

В 1824 г. семья переехала в Барнак (графство Кембриджшир), в 1830 г. — в Кловелли (графство Девон). В возрасте 4 лет К. начал сочинять стихи и писать проповеди, подражая отцу, а позднее достиг больших успехов в переводах с латыни. В 1831 г. К. вместе с братом Гербертом отправился в подготовительную школу Найта в Клифтоне, близ Бристоля, и стал свидетелем т. н. Бристольских беспорядков, сопровождавшихся погромами и пожарами. События осени 1831 г. оставили глубокий след в душе К. Он был напуган происшедшим, на всю жизнь получил отвращение к любым насильственным действиям и надолго сохранил предубеждение в отношении людей из низших классов общества.

В 1832 г. К. начал обучение в школе в Хелстоне (графство Корнуолл), где проявил интерес к зоологии, ботанике, геологии, а также к живописи и лит-ре. Много времени он уделял самостоятельному изучению Свящ. Писания. В 1836 г. отец К. получил приход в Челси и семья переехала в Лондон. К. поступил в Кингс-колледж, увлекся изучением трудов античных философов и неоплатоников. В Лондоне, где в то время проживало 20% населения Великобритании, К. увидел ужасающие условия жизни рабочих в трущобах; отсутствие необходимых санитарно-гигиенических условий приводило к эпидемиям холеры и др. опасных заболеваний. Условиями жизни людей не интересовались ни государство, ни англикан. Церковь; только каждый 10-й рабочий посещал богослужения, да и то нерегулярно. В этот период К. практически не интересовался социальными вопросами.

В 1838 г. он был зачислен в колледж св. Магдалины в ун-те Кембриджа, закончил первый год обучения лучшим студентом и получил специальную стипендию. Однако у К. начался духовный кризис, порожденный упадком религ. жизни в стране и кризисом внутри англикан. Церкви. Он забросил учебу — охотился, занимался греблей, боксом, посещал вечеринки, пристра-

Ч. Кингсли.
Фотография. 2-я пол. XIX в.

тился к табаку, хотя уже страдал заболеванием легких. В 1839 г. К. познакомился с Фрэнсис Элизабет (Фанни) Гренфелл, своей будущей женой (брак был заключен в июле 1844). В 1841 г. он преодолел духовный кризис при помощи Фанни и благодаря сочинениям Т. Карлейля, о к-рых позднее писал, что они дали ему уверенность в том, что человек способен постичь истину. Неожиданно для семьи и друзей К. решил принять сан. Идеи Карлейля помогли ему создать для себя образ идеального священника. Необходимым условием для служения он считал чувство благоговения перед Богом и любовь к людям. К. полагал, что священник в совр. мире должен играть ту же роль, что и пророк в ВЗ, — руководить поклонением Богу и быть духовным вождем народа, возвещая в доступной форме Божественное Откровение.

Окончив ун-т, К. в февр. 1842 г. принял духовный сан и получил место приходского священника в деревне Эверсли в Гэмпшире, где и прожил всю жизнь, совершая поездки в Лондон и за границу. В 1847 г. он опубликовал поэму «Священная трагедия», посвященную св. Елизавете Венгерской. Поэма принесла К. известность и воспринималась как апология любви и брака, направленная против католич. прославления аскетизма и безбрачия.

После революционных событий 1848 г. во Франции политическая ситуация в Великобритании резко обострилась. В марте 1848 г. произошли массовые беспорядки в крупных англ. промышленных городах. Они показали реальную возмож-

ность революционного взрыва в Великобритании и привели в смятение англ. общество. К., Ф. Д. Морис и Дж. М. Ладлоу объединили вокруг себя людей, придерживавшихся различных политических взглядов, но единых в своем желании отвести угрозу революции. Для пропаганды своих взглядов они начали выпускать газ. «Политика для народа» (Politics for the People), в к-рой призывали задуматься над тем, что революция может принести стране.

«Политика для народа» выходила с 6 мая по 29 июля 1848 г., и, хотя в ней публиковались статьи на различные темы, о христианском социализме не упоминалось ни разу, а о социализме только в контексте событий во Франции. Большинство статей в газете принадлежали перу К. (псевдоним — Пастор Лот) и Ладлоу (псевдоним — Джон Таунсенд), они затрагивали широкий круг проблем, т. к. под политикой авторы понимали не только парламентскую борьбу, но и жизнь нации в целом. Кроме чартизма (движения за всеобщее избирательное право) и классовой борьбы в газете обсуждались вопросы эмиграции, санитарной реформы, лит-ры, искусства.

К. интересовался взаимоотношениями внутри англ. общества и много писал об этом. Он воспринимал революцию как явление неестественное, нарушающее поступательное развитие страны, как результат всеобщей озлобленности, нравственной деградации и духовного упадка общества. Корни политических беспорядков кроются в обнищании и рабском положении большинства трудящихся. К. с нескрываемым презрением относился к предпринимателям, к-рые, по его мнению, алчны и стремятся нажиться на страданиях ближнего, и возлагал большие надежды на аристократов, к-рых считал воплощением чести и гордостью англ. нации, они могли передать народу веками накопленные знания, культуру и традиции. В старой Англии царил гармония в отношениях между классами; промышленный переворот нарушил ее, заставив тысячи крестьян оставить свои дома и отправиться работать в города, где они страдали от нищеты, голода и болезней. Негативное отношение к промышленникам должно было сблизить интересы лендлордов и рабочих. Благодаря аристократам в англ. парламенте было принято большинство

законов, затрагивающих положение рабочих (напр., о 10-часовом рабочем дне), но взять рабочих под свою опеку и воспринимать их как «истинных братьев и сыновей», как призывал еще Карлейль и разделявший его идеи К., стремились лишь единицы. К. в отличие от мн. своих современников полагал, что основной источник тяжелого состояния общества кроется не в экономических кризисах, а в упадке нравственности. XIX век стал эпохой глобальных изменений, спровоцированных чередой научных и социальных революций. К. проводил параллель между I и XIX веками: в I в. человечество выбирало между язычеством и христианством, в XIX в. — между христианством и атеизмом.

Реагируя на выступления чартистов, К. писал, что формальные избирательные права не изменяют жизнь людей к лучшему и не избавят от бедности. Из «Шести пунктов» чартистов К. и его друзья соглашались лишь с необходимостью выплаты жалованья членам парламента, отвергая всеобщее избирательное право, ежегодное переизбрание парламента и отмену имущественного ценза для депутатов. Анализируя лозунг всех революционных выступлений со времен Великой Французской революции «Свобода, равенство, братство», К. отмечал, что христианство изначально придерживалось этих принципов, ибо Господь наделил Свою Церковь «Библией, провозглашающей свободу, Крещением, символизирующим равенство, и Святым Причастием, олицетворяющим братство» (цит. по: *Новиченко*. 2001. С. 77).

29 июля 1848 г. газ. «Политика для народа» перестала издаваться в связи с финансовыми трудностями. К. продолжал служить приходским священником в Эверсли и к кон. 1848 г. закончил писать 1-й социальный роман «Дрожжи» (Закваска), опубликованный затем в ж. «Фрейзерс мэгэзин». К. рассказал о хорошо известной ему жизни англ. деревни и показал равнодушие лендлордов, разорение мелких фермеров, бедственное положение батраков, беспомощность пасторов и упадок сельских приходов. Летом 1849 г. в Англии вспыхнула эпидемия холеры, К. и его друзья, Ладлоу, врач Ч. Р. Уолш, химик Ч. Б. Мансфилд, пытались организовать помощь пострадавшим районам, инициировать проведение санитарной реформы, чтобы обезопасить

страну от повторных эпидемий, но не нашли поддержки ни у Церкви, ни у гос-ва. Это стало переломным моментом для К., и он от теоретических рассуждений решил обратиться к практической социальной деятельности. В этот период термины «социализм» и «кооперация» часто воспринимались как синонимы, ибо социализм рассматривался не как программа или политическое направление, а как критика существующей организации общества с позиций коллективизма, т. е. социализм был антитезой индивидуализму. В поле зрения друзей К. оказалась деятельность французских социалистов и создание рабочих ассоциаций. В дек. 1849 г. К., Морис и Ладлоу впервые назвали себя христианскими социалистами. Тогда же К. опубликовал эссе «Дешевая одежда и мерзкая» о тяжелой жизни лондонских портных, поставленных на грань выживания конкуренцией с крупными мануфактурами. 22 янв. 1850 г. начала работу Рабочая ассоциация портных на Касл-стрит и был создан Совет попечителей Об-ва содействия рабочим ассоциациям, в к-рый вошел и К. Деятельность совета была направлена на поддержку создания ассоциаций разорившихся мелких ремесленников, объединявшихся для совместного труда и реализации продукции (всего было создано 12 ассоциаций). С февр. начали выходить «Трактаты о христианском социализме» (Tracts on Christian Socialism). К. написал роман «Элтон Локк: Портной и поэт» (Alton Locke: Tailor and Poet. L., 1850. 2 vol.), посвященный тяжелой жизни портных. Осенью 1850 г. Общество содействия стало выпускать еженедельник «Христианский социалист» (The Christian Socialist), в котором кооперация рассматривалась как богоугодное занятие, основанное на христианских заповедях, имевшее целью не накопление богатства, а повышение благосостояния общества. Благодаря деятельности Общества содействия в 1852 г. парламент принял Закон об индустриальных и о сберегательных об-вах, в результате чего кооперация была официально признана гос-вом. К. и его ближайшие соратники посчитали, что их миссия выполнена. Формальное об-во прекратило свое существование в 1854 г., а практически — в 1852 г., когда К., Морис и Ладлоу вышли из его состава. С этого времени

К. стал заниматься только проповеднической и лит. деятельностью и по-прежнему служил в приходе в Эверсли. В 1853 г. написал исторический роман «Ипатия, или Новые враги в старом обличье», посвященный судьбе женщины-философа *Ипатии*, растерзанной фанатиками в Александрии. В романе К. выступил против англ. католиков и лидеров *Оксфордского движения*, к-рые, по его мнению, черпали вдохновение в жизни монахов и считали аскетизм идеалом жизни не только для духовенства, но и для мирян. В 1855 г. был опубликован историко-патристический роман К. «Вперед, на Запад!» (Westward Ho!) о елизаветинском времени и победе над испан. Великой армадой. К написанию романа К. подтолкнули обострившиеся отношения между Великобританией и Францией, но роман оказался востребован в обществе из-за начавшейся Крымской войны, к-рую К. принял с энтузиазмом. Он написал памфлет «Храбрые слова для храбрых солдат и матросов» (Brave Words for Brave Soldiers and Sailors) (1855), распространявшийся среди англ. солдат в Крыму.

В 1860 г. по приглашению принца-консорта Альберта Саксен-Кобург-Готского К. стал его духовником, а после смерти принца в 1861 г. — духовником кор. Виктории (1837–1901). С 1860 по 1869 г. он был профессором новой истории Кембриджского ун-та. К 1863–1865 гг. относится заочная дискуссия между К. и Дж. Г. Ньюменом, одним из лидеров Оксфордского движения, принявшим в итоге католичество (1845). Начавшись с обсуждения celibата священнослужителей, она перешла к более глобальной теме — пути развития христианства в целом. К. защищал позицию англикан. Церкви, а Ньюмен обвинял ее в излишнем либерализме, указывал на серьезный кризис веры в англ. обществе и ратовал за возвращение англикан в лоно Римско-католической Церкви. Под влиянием этих событий в 1865 г. Ньюмен написал «Апологию собственной жизни», ставшую одной из самых читаемых книг в XIX в. в Великобритании. К. не чувствовал себя побежденным. Когда ему предложили ответить на «Апологию...», он отказался. Однако дискуссия с Ньюменом помогла К. начать продвижение по карьерной лестнице, несмотря на то что он не раз открыто демонстрировал свои

социалистические взгляды. В 1870–1873 гг. К. был каноником Честерского собора, с 1873 г. — каноником Вестминстерского аббатства. В 1871 г. совершил путешествие в Вест-Индию. В 1874 г. посетил с лекциями США, где резко ухудшилось его здоровье. После возвращения в Англию К. тяжело заболела его жена Фанни, за которой он преданно ухаживал, несмотря на ухудшение собственного состояния. Фанни выздоровела, а К. скончался в янв. 1875 г. от тяжелой формы пневмонии и был похоронен в Эверсли, где жил и проповедовал больше 30 лет.

К. не систематизировал свои теологические взгляды в специальных трактатах, он высказывал их в проповедях, статьях или романах. Исходным моментом его убеждений были представления о Боге. Он полагал, что в соответствии с Библией Бог является источником жизни и вселенской любви: Он есть добро и справедливость. К. верил в то, что Бог создал мир «ради Своего удовольствия и по Своим высшим законам, а человек лишь частица Его» (цит. по: *Новиченко*. 2001. С. 41). Бог изначально озаботился судьбой человечества, ибо Он послал на землю Иисуса Христа, даровав тем самым прощение и возвестив о создании Царства Божия (Там же. С. 42). Судьба человека полностью зависит от того, насколько он осознает предопределенное ему свыше. Царство Божие находится внутри человека, потому что в души и сердца людей вселился Св. Дух. Сущность Царства Божия К. определяет как творение Всевышнего.

Законы, управляющие нацией и каждым человеком на Земле, независимо от того, знает он об их существовании или нет, могут быть познаны им через веру в Спасителя. Для пояснения устройства Царства Небесного К. сравнивает его с обычным гос-вом, в к-ром при честном правителе существуют справедливые законы, повиноваться к-рым необходимо, т. к. они установлены на благо людей. Тот, кто их нарушает, вредит в первую очередь самому себе. Т. о., главный закон Царства Христова — обязанность повиноваться установлениям Творца. К. пишет о том, что Царство Божие уже пришло (из романа «Элтон Локк»: «Называйте его Церковью, Евангелием, цивилизацией, свободой, демократией, ассоциацией — как вам будет угодно,

но я называю его так, как повелел создатель — Царствием Божьим»). Толкуя слова Христа, взятые из пророчества Исаии: «Господь помазал Меня проповедовать лето Господне благоприятное...» (Ис 61. 1–2), К. напоминал прихожанам одно из установлений ВЗ о юбилейном годе, когда все находившиеся в кабале отпускались на волю и всякая проданная земля возвращалась первоначальным владельцам, поэтому общественная система, основанная на неравенстве, на обогащении немногих и превращении большинства в крепостных, поденщиков и нищих, ибо у них отнята часть принадлежавшей им собственности, противоречит понятию Царства Божия, вечной истине и божественной справедливости. Войти в Царство Божие можно, приняв крещение, которое приобщает ко Христу. Если к Царству будет стремиться какая-либо нация, то, исполнив все божественные заветы и духовные законы, она обретет и материальные блага: богатство, здоровье, культуру. Т. о., если нация возвысится духовно, она разрешит экономические и социальные проблемы. Господь постоянно учит человека, хотя и дал ему свободу, надеясь «на его лучшие чувства и достоинство». Св. Дух приучает людей к любви, радости, миру, терпению, доброте, великодушию, вере, бескорыстию, кротости, милосердию, справедливости и чистоте (*Новиченко*. 2001. С. 44). Те, кто примут крещение и последуют увещаниям Св. Духа, достойны войти в Царство Христово. Для того чтобы объяснить, почему Царство, уже сейчас существующее на Земле, почти невидимо современникам, К. разработал концепцию греха, он писал: «Мы живем в Царствии Христовом. Господь обучает нас всему праведному. Законы в наших сердцах, но чада не следуют примеру Отца, нарушают Его заповеди», поэтому «Царствие Божие на Земле, но не с ними...». Особо К. отметил, что Бог никогда не наказывает заслушание, люди сами обрекают себя на муки. Т. о., получается, что существует идеал общественной жизни, ниспосланный Богом, но люди в силу своего невежества, несовершенства и греховности не могут постичь священные законы бытия, поэтому воцарились на Земле хаос и несправедливость. К. сетовал на испорченность нации, к-рая начала поклоняться вместо

Бога т. н. законам природы и оказалась неблагодарной по отношению к своему Творцу. Каждый последующий грех делает человека все менее счастливым. Т. о., все беды и страдания — это прямой результат утраты веры. Дьявол, поощряя корыстолюбие, ненависть, жадность, ложь и жестокость, намеренно убеждает людей в их греховности. К. считал, что грех можно искупить: человек должен заслужить прощение у Бога. Он полагал, что, хотя люди и достойны наказания и им приходится расплачиваться за все свои преступления не только в будущей, но и в этой жизни, наказание за грехи не бесконечно. Господь карает, чтобы вернуть заблудшего на путь истинный, Он дает ему шанс исправиться. К. не сомневался в милосердии Бога и был уверен в Его готовности принять любого раскаявшегося. Человек рождается с потребностью верить в Бога, потому что он является Его творением, «родственная связь всегда проявляется неявным ощущением единства» (Там же. С. 46). К. делает вывод, что, хотя человеку, как существу греховному, свойственно заблуждаться и даже сомневаться в могуществе Божиим, он готов обратиться к Нему за помощью и прощением. От греха духовного человека может избавить истинная вера, но, по К., остаются еще грехи плоти и ума. Чтение Библии и молитвы помогают человеку укрепиться в вере. С помощью Свящ. Писания человек становится более мудрым, сильным и праведным. Посредством Библии Господь наставляет на истинный путь, но только истинно уверовавший способен постичь смысл божественных посланий.

К. полагал, что Бога возможно постичь 3 способами: по Его деяниям, по Его воплощениям (Давид, Моисей, Христос и др.) и по Его творениям (природа, человек, Вселенная). Духовное, физическое и умственное возрождение человека позволит вступить в Царство Христово, где всех объединяет Св. Дух. «Господь каждому определил свое место, показал, что нужно делать, дал силу выполнить работу, но способа не определил» (Там же. С. 47). Идея прогресса, с т. зр. К., заложена в разнообразии. Так, человек, постигший тайны к.-л. мастерства, должен посвятить в них соседа. Это разумный способ общения и духовного обогащения людей. Важно увидеть достоинства ближне-

го и возлюбить его, как брата, распахнуть ему сердце и стать равноправным членом Царства Христова, где все свободны и все решения принимаются сообща (Там же. С. 48). К. превратил идею Царства Божия на Земле в идеал христ. общественного устройства, к-рый подразумевал коллективизм, братскую любовь, высокую нравственность и духовность. Главное отличие людей от др. живых существ, по К., заключается в том, что людей учит Сам Господь, от них требуется покорность, терпение и настойчивость в усвоении знаний. Не только Библия создана для научения человека, «Бог влияет на человека через Церковь, священников, добрых друзей, книги, Библию, горести и несчастья, радости и удачи. Он управляет нашими умами даже при выполнении повседневной работы» (Там же). Богу подвластны все люди, независимо от того, верят они в Его существование или нет. Однако уверовавшие, постигая божественные истины, обретают способность понимать мир. Они преображаются благодаря любви к ближнему и вере. Отец «направляет их на путь истинный и дарует силы творить добро» (Там же. С. 49). Богу угоден блудный сын, осознавший свои проступки и добровольно покорившийся Отцу. «Если он вернется... то будет прощен» (Там же). В то же время не каждому верующему даруется познание божественных истин. К. полагал, что Господь различает людей религиозных и благочестивых. Критерием «ложной религиозности» для К. было следующее положение: когда люди мало думают о Боге, но постоянно говорят о религии. Разъясняя его, он писал, что те, кто говорят о религии, как правило, имеют в виду всех людей. Благочестивый человек, размышляющий о Боге, пытается разобраться в первую очередь в себе.

Только от Бога зависит, насколько талантливым родится ребенок. Однако для К. способности к науке и искусствам вовсе не являются истинными дарами Господа, ибо любой человек при определенном усердии может достичь многого в этих областях. Настоящие дары Господа — это «сила и мужество, мудрость и благоразумие, ясный, мощный ум, физическая красота, любовь, великодушие и сострадание» (Там же. С. 50). К. уделял большое внимание человеку и устройству общества. Он считал, что людям изначально свойст-

венны коллективные действия в определенных обстоятельствах: напр., и варвары и христиане инстинктивно стараются молиться вместе (Там же). Он различал неск. уровней коллективизма: семья, приход и национальная Церковь. Уверенность К. в существовании истинного человеческого братства и взаимопомощи привели его к осознанию необходимости социальных реформ. Он очень высоко ценил нравственные нормы и полагал, что главным смыслом пребывания человека на земле является добродетель («...человек предназначен не для партий, положения в обществе, способностей, обязанностей, а для праведной жизни» (Там же. С. 51). Сила человека заключается в совершении добрых дел, в страдании за них, но не в отмщении злом за зло. Он требовал от Церкви активной социальной политики, участия в образовательных программах и сострадания к простым людям. «Христианство в нашем XIX в. становится холодным и беспомощным, отрекаясь от своей социальной роли, т. е. отмежевываясь от социализма, заключая себя в четырех стенах часовен и храмов и отказываясь смело вступить в мир для победы и утверждения божеских начал в торговле и промышленности, в каждом акте повседневной жизни» (Там же. С. 238). С т. зр. К., Бог повелел людям трудиться над совершенствованием реального мира, а не избегать его. К. определил социализм как «науку человеческого партнерства и закон социального управления» и считал необходимым «социализировать христианство» ради его же спасения (Там же). Для К. быть истинным христианином означало принять «социализм, свободу, равенство и братство» при полном подчинении Всевышнему. Т. о., социализм — понятие, равноценное, напр., свободе, не воспринимался К. в качестве отдельного учения. Для К. Церковь — это воплощение братства и равенства перед Богом. Он полагал, что если отношения в промышленности и торговле будут покоиться на христ. заповедях, то в обществе воцарится гармония.

По воспоминаниям современников, К. и в частной жизни следовал принципам, к-рые он проповедовал. На его могильной плите выгравированы слова: «Любили, любим да в любви пребудем», определявшие главный принцип его жизни.

Соч.: The Works of Charles Kingsley. L., 1880–1885. 28 vol.; Храбрый искатель приключений Эмиас Лэй из Бэрруффа, его друзья и их приключения в Старом и Новом свете. М., 1931; Вперед, на Запад! М., 2008; Инпатия. М., 2009. Лит.: *Stubbs Ch. W.* Ch. Kingsley and the Christian Social Movement. Chicago, 1899; *Брентано Л.* Христианско-социальное движение в Англии. М., 1906; *Vulliamy C. E. Ch.* Kingsley and Christian Socialism. L., 1914; *Brunner K. Ch.* Kingsley als christlich sozialer Dichter // Anglia. Halle, 1922. N 46. S. 289–322; *Brown W. H. Ch.* Kingsley: The Work and Influence of Pastor Lot. Manchester, 1924; *Baldwin S. E. Ch.* Kingsley. Ithaca (N. Y.), 1934; *Nicol A. Ch.* Kingsley und die Geschichte: Diss. Würzburg, 1936; *Thorp M. Ch.* Kingsley, 1819–1875. Princeton: L., 1937; *Kendall G. Ch.* Kingsley and His Ideas. L., 1947; *Pope-Hennessy U.* Canon Ch. Kingsley. L., 1948; *Chitty S.* The Beast and the Monk: A Life of Kingsley. L., 1975; *Colloms V.* Kingsley: The Lion of Eversy. L., 1975; *Hartley A. J.* The Novels of Kingsley: A Christian Social Interpretation. Folkstone, 1975; *Uffelmann L. K. Ch.* Kingsley. Boston, 1979; *Новиченко И. Ю.* Чарльз Кингсли и англ. христ. социализм сер. XIX в. М., 2001.

КИНГЎ — см. ст. *Туамат*.

КИНДЕЙ [греч. Κινδέος, Κινδαίος], свт. (пам. визант. 19, 20, 21 февр.; пам. греч. 20 февр.), еп. Писидийский. Время жизни неизвестно, Житие святого не сохранилось. Память К. без к.-л. дополнительных сведений содержится под 19, 20 или 21 февр. в визант. Синаксарях (SynCP. Col. 476–478, 482) и в Типиконе Великой ц. (*Дмитриевский*. Описание. Т. 1. С. 50; *Mateos*. Турисон. Т. 1. Р. 236), где говорится, что он «скончался в мире». В палестино-груз. календаре Sinait. iber. 34 (X в.) под 19 февр. указано мученичество еп. Киндея (*Garitte*. Calendrier Palestino-Georgien. P. 51, 161–162).

В нек-рых рукописях имя К. искажено: Кентей, Кендий, Киндист (SynCP. Col. 476–478). По мнению И. Делеэ, св. Киндин, упоминаемый под 20 февр. в мраморном Неаполитанском календаре (сер. IX в.), является одним лицом с К. (*D[elehaye] H.* Hagiographie Napolitaine // AnBoll. 1939. Vol. 57. P. 12, 14).

Из греч. стихных Синаксарей, где память К. и посвященное этому святому двустиишие указываются под 20 февр. (ГИМ. Син. греч. 390(354), 1295 г.— *Владимир (Филантропов)*. Описание. С. 538), сведения об этом святом были заимствованы прп. *Никодимом Святогорцем*, который при составлении «Синаксариста» также поместил их под 20 февр. Впосл. под этой датой память К. утвердилась в современном календаре Греческих Церквей. Во всех греческих

агиографических источниках К. назван преподобным, а не святителем. Ист.: SynCP. Col. 476–478, 482; *Νικόδημος Συναξαριστής*, 2002⁵. Т. 3. Σ. 296. Лит.: *Sergii (Спасский)*. Месяцеслов. Т. 2. С. 50; *Doren R., van. Cendenas // DHGE*. 1953. Т. 12. Col. 136; *Ambrasi D. Cindino // BiblSS*. 1963. Vol. 3. Col. 1256; *Κινδαίος // ΘНЕ*. Т. 7. Σ. 581; *Σωφρόνιος (Εὐστρατιάδης)*. Ἀγολόγιον. Σ. 251; *Μακάριος Σιμωνοπετρίτης, ἱερομόν. Νέος Συναξαριστής τῆς Ὁρθόδοξου Εκκλησίας*. Ἀθήναι, 2006. Т. 6: Φεβρουάριος. Σ. 230.

О. В. Л.

КИНДЕЙ († нач. IV в.), сцмч., (пам. 11 июля), пострадал в гонения имп. *Диоклетиана*. Житие К. содержится в визант. Синаксарях, более краткая версия — в Минологии имп. Василия II. Житие К. также сохранилось в груз. переводе Великого Синаксаря, выполненном в XI в. прп. *Георгием Святогорцем* (Мтацмидели). Рукописи, относящиеся к тому же веку, хранятся как в Грузии (НЦРГ. А 97, А 193, Н 2211), так и за ее пределами: в б-ках Иерусалимской Патриархии (Hieros. Patr. georg. 24–25), *Екатерины вц. мон-ря на Синае* (Sinait. Iber. 4), *Иверского мон-ря на Афоне* (Ath. Iver. georg. 30). К. (груз. კობედიანი, კობედისი) в груз. источниках назван კობედიანელი ხეცვილი — Памфилийский, хуцеси (старец, священник). К. происходил из Уманады в Ликаонии и являлся пресвитером в сел. Талмения близ Сиды в Памфилии (М. Азия). Он был схвачен и приведен на суд к правителю Памфилии Стратонику. К. исповедал христ. веру, после чего его подвергли пыткам: надели на ноги железную обувь с гвоздями и заставили бежать к Священным воротам. По пути святому и его мучителям встретился бедняк, несший на продажу тяжелую вязанку дров, и язычники, решив сжечь К. на костре, отобрали ее. К. по собственной воле отдал 30 фоллисов (монет) в уплату за дрова и, взвалив их на плечи, нес до места казни. Когда огонь был разожжен, К. сам вззошел на костер и начал проповедовать христ. веру, а пламя не причиняло ему никакого вреда. В это время началась буря, грозившая погасить огонь. Но святой стал молиться, чтобы она прекратилась, и когда тучи рассеялись, мирно предал дух в руки Божии. Видя это, один из языческих жрецов уверовал во Христа. Он обратился в христ. веру и свою жену, к-рая послала служанку с миром и покрывалом для совершения погребения. Но из Уманады по воздуху был чудесно перенесен диак.

Орест, он забрал мощи К. и похоронил их на родине святого.

В большинстве календарей К. назван мучеником, хотя правильно почитать его как священномученика, поскольку он был иереем.

Исследователи высказывали предположение, что К. может быть одним лицом с одноименным святым, пострадавшим вместе с 8 др. мучениками в Сиде Памфилийской при имп. Диоклетиане (*Пергийские мученики* (пам. 1 авг.)). Однако К. был пресвитером, а Киндей, память к-рого отмечается 1 авг., — земледельцем.

Виктриций, еп. Руанский (нач. V в.), говорит об исцелениях, происходивших по молитвам к К. (*S. Victorii Rothomagensis episcopi Liber de laude sanctorum*. 11 // PL. 20. Col. 453). В кон. XVI в. кардинал Цезарь *Бароний* включил память К. в Римский Матриолог.

Ист.: PG. 117. Col. 536; SynCP. Col. 813–814; ЖСв. Июль. С. 301.

Лит.: ActaSS. 1757. Iul. Т. 3. P. 186; Aug. 1750. Т. 1. P. 21–22; *Sergii (Спасский)*. Месяцеслов. Т. 2. С. 209; Т. 3. С. 265–266; *Delehaye*. Origines. Т. 2. P. 250–251, 356; *Doren R., van. Cendenas // DHGE*. 1953. Т. 12. Col. 136; *Ritoldi A. Cindeo // BiblSS*. 1963. Vol. 3. Col. 1255–1256; *Κινδαίος // ΘНЕ*. 1965. Т. 7. Σ. 581; *Σωφρόνιος (Εὐστρατιάδης)*. Ἀγολόγιον. Σ. 251; *Γαβδзашилли*. Переводные пам-ки. 2004. Т. 1. С. 255; *Μακάριος Σιμωνοπετρίτης, ἱερομόν. Νέος Συναξαριστής τῆς Ὁρθόδοξου Εκκλησίας*. Ἀθήναι, 2008. Т. 11: Ἰούλιος. Σ. 113–114.

О. В. Л.

КИНДЕЙ, мч. Пергийский (пам. 1 авг.) — см. в ст. *Пергийские мученики*.

КИНДИТЫ [кинда; араб. كندة; в южноарав. эпиграфике — *kdt*], крупное, жестко иерархизированное объединение племен, на основе к-рого в 1-й пол. I тыс. по Р. Х. в Юж. Аравии сложились 2 протогосударственные образования, обозначаемые в научной лит-ре как древнее (старое) и новое Киндитские царства. Столицей древнего Киндитского царства стало крупное поселение Карьят-зат-Кахл (*qryt/dt/khl-m* — Кахилево селение), расположенное на расстоянии ок. 280 км к северо-востоку от *Награна*, в Вади-эд-Давасир, на территории оазиса, в наст. время известного как Карьят-эль-Фау, и являвшееся с кон. IV в. до Р. Х. до нач. IV в. по Р. Х. крупным центром трансаравийской торговли. В течение первых 3 веков его существования там находилась маинская торговая колония (см. *Маин*), затем оно перешло под контроль племени маз-

хидж, а чуть позднее — К., вступивших с мазхиджем в союз. С 70-х гг. XX в. в городище Карьят-эль-Фау ведут раскопки саудовские археологи, к-рые, вскрыв жилые кварталы, рынок, неск. культовых сооружений и некрополь, обнаружили уникальные фрески, фрагменты бронзовой скульптуры и предметы декоративно-прикладного искусства. В этих памятниках материальной культуры, выполненных в местных художественных традициях, присутствуют также переднеазиат., егип., эллинистические и рим. мотивы, что указывает на широкие международные связи Карьят-зат-Кахл со странами Запада и Востока.

О политической истории Карьят-зат-Кахл и древнего Киндитского царства сохранились лишь фрагментарные сведения. При раскопках некрополя была найдена гробничная надпись царя кахтана и мазхиджа Муавии, сына Рабии (*m'wyt/bn/rb ʿt*), Кахтанида (*qhny-n*), приблизительно I в. по Р. Х. Неясно, к какой конкретно этнополитической общности относился тогда этноним «кахтан», к-рый в арабо-мусульм. генеалогической традиции стал использоваться для обозначения всех т. н. юж. арабов, чье происхождение связывалось с древнеиранской цивилизацией.

Наиболее раннее упоминание К. в эпиграфике отмечено в надписи Ja 635, восходящей к нач. III в. по Р. Х. и повествующей о 2 победоносных походах на Карьят-зат-Кахл сабейского царя Шаара Ауара (*š'r-m/wtr*). Ему безуспешно пытался противостоять Рабия из рода Саур (*rb ʿt/d-ʿl/twr*), царь кинды и кахтана, вступивший в военный союз с находившимися в Аравии войсками *Аксумского царства*. Наконец, в сер. III в. 2 сабейских царя-соправителя — Илшарах Яхдуб (*ʿlshrh/yhdb*) II и Язил Байин (*yʿzl/byn*) отправили дипломатическую миссию в Карьят-зат-Кахл к Малику, сыну Бадда (*mlk-m/bn/bd*), «царю кинды, мазхиджа и тех, кто из бедуинов» (*mlk/kdt/w-mdhg-m/w-d-bn ʿrb-n*). О возможном упадке и гибели древнего Киндитского царства никаких данных в источниках не обнаруживается.

Древняя столица К., как видно из ее названия, была культовым центром бога Кахла (Кахила), к-рого, вероятно, следует отождествить с божественным покровителем Сабей-

ского гос-ва Альмакахом. Следы почитания Кахла встречаются в ряде североаравийских оазисов, напр. в Дедане (ныне Эль-Ула). Никаких признаков проникновения в древнее Киндитское царство монотеистических религий, в частности иудаизма и христианства, не выявлено.

В кон. III в. присутствие К. засвидетельствовано у зап. рубежей *Хадрамаута* (надпись BR-M. Вауһан 5), к-рый в арабо-мусульм. предании (не подтвержденном данными эпиграфики) считался прародиной К. В составе вспомогательных бедунских отрядов при химьяритском царском войске К. в нач. IV в. участвовали в завоевании этой области *Химьяром* (надписи Ig 32; Ja 665).

О существовании к.-л. преемственности между древним и новым Киндитскими царствами ничего не известно. Возникновение последнего напрямую связано с экспансией Химьяритского царства в Зап. и Центр. Аравии в 20–30-х гг. V в. по Р. Х., при царе Абикарибе Асаде, сыне Малкикариба Юхамина, подчинившем своей власти племенную конфедерацию мааддитов. Проводником химьяритского влияния в их кочевьях стали К. во главе с Худжром, сыном Амра, принявшим, судя по его единственной надписи, найденной в районе Наджрана (см.: *Gajda*. 1996), царский титул. В арабо-мусульм. традиции он известен под прозвищем Акиль аль-Мурар — «пожиратель горького колоковинта (верблюжьей колючки)»: это несъедобное для человека растение он якобы стал поедать с горя, когда узнал об измене своей жены Хинд. Наследником Худжра стал его сын Амр, получивший прозвище аль-Максур — «приневоленный», т. к. он стал царем против собственного желания. Он правил недолго и был убит в бою. Наиболее ярким было правление аль-Хариса, сына Амра, продолжавшееся ок. 40 или даже 60 лет. По поручению химьяритов он вмешался в междоусобные распри в крупном североаравийском племени бакр ибн ваиль и сумел их прекратить. Согласно арабо-мусульм. традиции, в самом нач. VI в. он с большим войском совершил поход через страну мааддитов на *Хиру*, столицу царства *Лахмидов*, и включил ее в состав владений К. Аль-Харису удалось временно отстранить Лахмидов от власти благодаря тактическому союзу с Маз-

даком (см. ст. *Маздакизм*) и его сторонниками, а также с покровителем им сасанидским шаханшахом *Кавадом I* (488–496, 499–531). Ослабление движения маздакитов и окончательное его подавление буд. шаханшахом *Хосровом I* (531–579) сыграли роковую роль в судьбе аль-Хариса: лахмидский царь аль-*Мунзир III* изгнал его из Хиры, он укрылся среди калбитов и ок. 528 г. был ими убит. Очевидно, аль-Мунзир III был непосредственно причастен к его гибели. Со смертью аль-Хариса новое Киндитское царство распалось на неск. владений, во главе к-рых встали его сыновья. Между ними начались междоусобные распри; наибольшим ожесточением отличалась борьба между Шарахбилем и Саламой.

По-видимому, по мере того, как влияние маздакитов в Сасанидском гос-ве стало ослабевать, аль-Харис попытался упрочить свое положение благодаря союзу с Византией. В 501/2 г. к нему прибыл визант. посол сириец *Евпор*, после чего киндитский правитель получил титул филарха, что вряд ли было бы возможно без принятия им христианства (по крайней мере формально). Однако утверждение И. Шахида, что христианство принял весь род Акиль аль-Мурара (*Shahid*. 1986. P. 119), не находит подтверждения в источниках. Из-за вражды с селестиарием Диомедом, дукой Палестины, аль-Харис вынужден был откочевать от визант. рубежей во внутренние районы Аравии. Тем не менее династия Акиль аль-Мурара сохранила политические связи с Византией. Ромейским филархом считался один из внуков аль-Хариса, Кайс, сын Саламы, правитель мааддитов и К. К нему по меньшей мере 4 раза прибывали визант. послы: сир. свящ. *Авраам*, сын Евпора (2 раза: вскоре после 527 и в 536), Юлиан (531 или несколько раньше) и сын Авраама *Нонн* (между 531 и 536). Самый знаменитый из внуков аль-Хариса, величайший араб. поэт Имру аль-Кайс, пытаясь восстановить царство своего деда, обратился за помощью к Византии и, согласно арабо-мусульм. преданию, был отравлен при помощи пропитанных ядом одежд, к-рые ему подарил имп. *Юстиниан I*. В конце концов проводниками визант. влияния на сев.-вост. рубежах стали *Гассаниды*, полностью заменив К. в этом качестве.

К числу потомков Амра аль-Максура, сына Худжра Акиль аль-Мурара, принадлежал Язид, сын Кабши (*yzd/bn/kbšt*), к-рого химьяритский царь *Абраха* поставил наместником над К., жившими вдоль рубежей Йемена. В самом нач. лета 547 г. он возглавил восстание против царя, которое поддержали представители ряда знатных сабейских родов, а также наиболее влиятельный аристократический род Химьяра — Язаниды. Под контролем повстанцев сразу же оказался практически весь Хадрамаут. Абраха выступил против них с верными ему химьяритскими и эфиопскими войсками, и уже к кон. июня Язид повинился и был прощен (надпись СІН 541). Согласно надписи Ру 506 (апр. 552), К. сражались на стороне Абрахи в походе, предпринятом им в Центр. Аравию для подчинения мааддитов.

Гибель Химьяритского царства и включение ряда его центральных областей в качестве новой провинции в состав Сасанидской державы привели к тому, что К. полностью утратили влияние во Внутренней Аравии и вынуждены были переселиться в Хадрамаут. Масштабы миграции были значительны: согласно йеменскому ученому-энциклопедисту X в. аль-Хамдани, общее число К., пришедших в эту область, достигло 30 тыс. В Хадрамауте им не удалось создать даже такое аморфное протогос. образование, каким являлось новое Киндитское царство. Накануне возникновения ислама они оказались расколоты на многочисленные племена под управлением представителей знатных родов, претендовавших на царский титул, но ни один из них не смог обеспечить себе гегемонию во всем племенном объединении. Представление ряда арабо-мусульм. авторов о киндитских вождях из рода Джабала аль-Ашасе, сыне Кайса, и его отце Кайсе, сыне Маадикариба, как о «царях», к-рым подчинялись все К. Хадрамаута или большая их часть, не соответствует действительности. Их власть распространялась на 2 племени: ади ибн раба и мурра ибн худжр, тогда как с остальными они заключали лишь временные военные союзы.

О религ. верованиях К. до ислама сохранились крайне скудные сведения. Нек-рые были привержены традиц. аравийскому политеизму, на что указывает сообщение об идоле

Зиррихе, находившемся в киндитской крепости Эн-Нуджайр, точное местоположение к-рой не установлено (приближительная локализация — в окрестностях совр. г. Тарим, Йемен); нек-рые К. приняли иудаизм (см.: *Lecker. Abū Mālik. 1994*), однако их массовое обращение в эту религию источники не подтверждают. Дочь аль-Хариса и жена аль-Мунзира III киндитка Хинд была христианкой и даже построила церковь в Хире при еп. *Ефреме*, однако, поскольку ее муж оставался язычником, выбор христианства был делом ее личного благочестия.

После того как к кон. 20-х гг. VII в. проповедь Мухаммада начала активно распространяться, нек-рые киндитские племена в числе проч. этнополитических общностей Хадрамаута отправили к нему свои делегации, члены к-рых от имени соплеменников заявили о принятии ислама. При этом они преследовали не религиозные, а военно-политические цели: все более обострявшееся соперничество между обитателями Хадрамаута вынуждало их искать сильного союзника за пределами области. После смерти Мухаммада подавляющее большинство хадрамаутских К. в соответствии с традицией племенного общества сочли свои договорные обязательства перед ним утраченными и отказались выплачивать предписываемый исламом налог на благотворительность (садаку, или *закят*). С т. зр. мусульм. права такие действия считались веротступничеством (риддой) и требовали немедленной жестокой кары.

Однако ридда хадрамаутских К. носила не религиозный, а социально-экономический характер. Она продолжалась ок. 2 лет (сер. 632 — сер. 634). На 1-м ее этапе подчиненные К. кочевые племена ас-сакун и ас-сакасик, часть оседлого населения Хадрамаута и отдельные киндитские вожди поддержали мусульман, но после ряда неудач их противникам, во главе к-рых в конечном счете оказался аль-Ашас, сын Кайса, удалось переломить ситуацию и почти полностью разгромить промусульм. коалицию в сражении у стен Тарима. Отличительная черта 2-го этапа хадрамаутской ридды заключалась в том, что К. привлеклись не только местные племена, но и мусульм. отряды, отправленные халифом Абу Бакром из Медины. Несмотря на подкрепление, коренного

перелома в ходе боевых действий мусульмане добились не сразу. Поражению К. в значительной мере способствовали раздоры среди их вождей, расторгнувший союз с аль-Ашасом, к-рый с ближайшими сородичами оказался осажден в крепости Эн-Нуджайр и после неудачной попытки вырваться из окружения предпочел сдаться. Его судьбу решил сам халиф, не только помиловавший мятежника, но и выдавший за него замуж свою сестру. Аль-Ашас не обманул ожиданий Абу Бакра и вместе с подчиненными ему К. активно включился в араб. завоевания. В Хадрамаут они больше не вернулись, влившись в элиту араб. Халифата. Внук аль-Ашаса Абд ар-Рахман, сын Мухаммада (известный как Ибн аль-Ашас), вождь К. Ирака, поднял в кон. 700 г. мятеж против всесильного наместника вост. провинций аль-Хаджаджа, в сент. 701 г. потерпел поражение, укрылся в Кабулистане, но был выдан и погиб в 702 (или 703) г. по пути к месту казни.

Оставшиеся на территории Хадрамаута отдельные подразделения К. утратили реальное политическое влияние, но продолжали пользоваться значительным авторитетом среди населения. Не случайно восстание умеренных *хариджитов* (ибадитов) в Хадрамауте, начавшееся в 746–747 гг., возглавил местный мусульм. судья (кади) Абдаллах ибн Яхья, принадлежавший к одному из знатных родов киндитского племени амр ибн муавия.

В наст. время в Хадрамауте, являющемся одной из провинций Республики *Йемен*, целый ряд этноплеменных групп возводит к К. свое родословие, как правило безосновательно (см.: *Родионов. 1994*).

Ист.: *эпиграфические*: *al-Ansary A. R. Qaryat al-Fau: A Portrait of Pre-Islamic Civilisation in Saudi Arabia. Riyadh; N. Y., [1982]. P. 19, 46, 144. Fig. 2; Robin Ch. J., Bâfaqih M. 'A. Inscriptions inédites du Maḥram Bilqīs (Mârib) au Musée de Bayhân // Raydân. 'Adan, 1980. Vol. 3. P. 101, 102 (pl. 4 a–b), 103–106 [BR-M. Bayhân 5]; CIS 4. 1911. T. 2. P. 278–296 [CIN 541]; al-Iryani M. 'A. Fi târikh al-Yaman. Al-Qâhirah, 1973. P. 99–106 [Ir 17]; Müller W. W. Das Ende des antiken Königreichs Ḥadramaut: Die sabäische Inschrift Schreyer-Geukens = Iryani 32 // Al-Hudhud: FS M. Höfner zum 80. Geburtstag / Hrsg. R. G. Stiegner. Graz, 1981. S. 225–256 [Ir 32]; Jamme A. Sabaeen Inscriptions from Maḥram Bilqīs (Mârib). Baltimore, 1962. P. 67–76, 136–138, 140–141, 169–172 [Ja 576, 634, 635, 641, 665]; Doe D. B., Jamme A. New Sabaeen Inscriptions from South Arabia // JRAS. 1968. Vol. 100. N 1. P. 15–16. Pl. 2 [Ja 2110]; Ryck-*

mans G. Inscriptions sud-arabes: 10ème série // Le Muséon. 1953. Vol. 66. P. 275–284. Pl. 2 [Ry 506]; араб. историография: Abū-l-Fara al-Iṣbahānī. Kitāb al-Aḡānī. Bulāq, 1285 [1868/9]. T. 15. P. 86–88; T. 20. P. 97–98; Ibn Aḥṡam al-Kāfi. Kitāb al-Futūḥ / Tubī'a taḥta murāqabat Muḥammad 'Abd al-Mu'id-ḥān. Hayderābād ad-Dakan, 1968. T. 1. P. 55–87; Annales quot scriptis Abu Djafer Mohammed ibn Djarir at-Tabari / Ed. M. J. de Goeje. Ser. 1. Lugd. Batav., 1890. T. 4. P. 1999–2015; Al-Hamdānī's Geographie der Arabischen Halbinsel / Hrsg. D. H. Müller. Leiden, 1884. Bd. 1. S. 84–88 (на араб. яз.); Hamzae Ispahanensis Annalium libri X / Ed. I. M. E. Gottwaldt. Petropoli; Lipsiae, 1844. T. 1: Textus arabicus. P. 139–141; Lipsiae, 1848. T. 2: Translatio latina. P. 111–112; Ibn-Wādhih qui dicitur al-Ja'ubī Historiae / Ed. M. Th. Houtsma. Lugd. Batav., 1883. Pars 1: Historiam ante-islamice continens. P. 246–251, 299; Liber expugnationis regionum auctore al-Belādsori / Ed. M. J. de Goeje. Lugd. Batav., 1866. P. 100–103; Tarikh al-Ridda: Gleaned from al-Iktifa of al-Balansi / Ed. Kh. A. Fariq. New Delhi, 1982. P. 159–173; греч. историография: Ioan. Malal. Chron. P. 434–435; Procop. Bella. I 20; Ex historia Nonnosi excerpta // Phot. Bibl. T. 1. Cod. 3.

Лит.: *Olinger G. Al-Gaun of the Family Akil al-Murar // Le Monde oriental. Uppsala, 1931. Vol. 25. P. 208–229; Пигулевская Н. В. Арабы у границ Византии и Ирана в IV–VI вв. М.; Л., 1964. С. 124–179; Shahid I. Kinda // EI. 1986. Vol. 5. P. 118–120; idem. Byzantium and the Arabs in the 5th Cent. Wash., 1989; idem. Byzantium and the Arabs in the 6th Cent. Wash., 1995. Vol. 1. Pt. 1; Bâfaqih M. 'A. L'Unification du Yémen antique: La lutte entre Saba', Himyar et le Ḥadramawt du Ier au IIIème siècle de l'ère chrétienne. P. 1990. P. 309–315; Родионов М. А. Этнография Зап. Хадрамаута: Общее и локальное в этнической культуре. М., 1994. С. 18, 24, 30, 35; Lecker M. Abū Mālik 'Abdallāh b. Sām of Kinda: A Jewish Convert to Islam // Der Islam: Zschr. für Geschichte und Kultur des islamischen Orients. B., 1994. Bd. 71. H. 2. S. 280–282; idem. Kinda on the Eve of Islam and during the Ridda // JRAS. Ser. 3. 1994. Vol. 4. N 3. P. 333–356; Французов С. А. Этнорелигиозная ситуация в Хадрамауте в VI–VII вв. // Хадрамаут: Археол., этногр. и ист.-культурные исследования: Тр. Советско-йеменской комплексной экспедиции. М., 1995. T. 1. С. 314–329; idem. [Frantsouzoff S.] Histoire sociale et politique du Hadramawt au cours du Haut Moyen-Âge (IVe–XIIe siècle de l'ère chrétienne) / Introd., trad. arabe par 'Abd al-'Azīz bin 'Aqīl. Sanaa, 2004. P. 68–81, 96–99, 101–115, 150, 182–186 (на араб. яз.); Gajda I. Ḥu r b. 'Amr roi de Kinda et l'établissement de la domination himyarite en Arabie centrale // Proc. of the Seminar for Arabian Studies. Oxf., 1996. Vol. 26. P. 67–73. Pl. 1; eadem. Le royaume de Ḥimyar à l'époque monothéiste: L'histoire de l'Arabie du Sud ancienne de la fin du IVe siècle de l'ère chrétienne jusqu'à l'avènement de l'Islam / Préf. Ch. Robin. P. 2009. (Mémoires de l'Académie des Inscriptions et Belles-Lettres; 40); Робен Кр. Ж. Династия Абкариба Ас'ада / Пер. с франц.: С. А. Французов // Scripta Yemenica: Исследования по Юж. Аравии: Сб. науч. ст. М., 2004. С. 289–314; Большаков О. Г. История Халифата. М., 2010. Т. 4: Апогей и падение арабского Халифата, 695–750. С. 38–51; Пути Аравии: Археол. сокровища Саудовской Аравии: Кат. выст. / Сост.: Н. В. Козлова, А. Д. Прутула. СПб., 2011. С. 131–177.*

С. А. Французов

КИНЕЛЬСКАЯ И БЕЗЕНЧУКСКАЯ ЕПАРХИЯ Самарской митрополии РПЦ, учреждена 15 марта 2012 г., выделена из *Самарской и Сызранской епархий*. К. и Б. е. объ-

Съезжее, Знаменка и Беловка Богатовского р-на, в с. Зуевка Нефтегорского р-на, Прохоров родник в с. Красная Самарка Кинельского р-на, колодец прав. Александра Чагрин-

Упраздненные монастыри: Чагринский Покровский (жен., близ совр. пос. Кировский Красноармейского р-на, учрежден в 1874 как община, с 1885 мон-рь, закрыт в 1927), Самарский во имя арх. Михаила (жен., в с. Самаровка (ныне с. Красноармейское), существовал в 1918–1927). Лит.: Мон-ри Самарского края: Справ. Самара, 2002; Чагринский батюшка: Жизнь и служение прот. Александра Юнгера. Самара, 2002; Православные мон-ри и церкви Самарской епархии: Библиогр. указ. Самара, 2003.

КИНЕШЕМСКАЯ И ПАЛЕХСКАЯ ЕПАРХИЯ Ивановской митрополии РПЦ, образована по решению Свящ. Синода 7 июня 2012 г. в границах Верхнеландеховского, Заволжского, Кинешемского, Лухского, Палехского, Пестяковского, Пучежского, Родниковского и Юрьеvecкого р-нов *Ивановской обл.* в составе новообразованной Ивановской митрополии (см. *Иваново-Вознесенская и Кинешемская епархия*). Еп. Кинешемским и Палехским в тот же день был утвержден игум. Иларион (Кайгородцев), его архиерейскую хиротонию в московском храме Христа Спасителя 8 июля 2012 г. возглавил Патриарх Московский и всея Руси *Кирилл*. Кафедральные храмы – в честь Успения Пресв. Богородицы и во имя Св. Троицы в Кинешме, Крестовоздвиженский в пос. Палех. Епархия разделена на 10 благочиннических округов: Кинешемские городской, районный, Верхнеландеховский, Заволжский, Лухский, Палехский, Пестяковский, Пучежский, Родниковский, Юрьеvecкий. В окт. 2013 г. в епархии действовали 62 прихода, 2 мон-ря (мужской и женский), в клире епархии состояли 85 священников, 18 диаконов. При ЕУ работают отделы: миссионерский, по взаимодействию с Вооруженными силами, правоохранительными органами и казачеством, по религ. образованию и катехизации, по работе с молодежью, по благотворительности и социальному служению, информационный.

единяет приходы на территории городских округов Кинеля и Чапаевска, а также центрального и южного районов *Самарской обл.* (Алексеевского, Безенчукского, Богатовского, Большеглушицкого, Большеchерниговского, Кинельского, Красноармейского, Нефтегорского, Пестравского, Приволжского и Хворостянского). Кафедральный собор – во имя вмч. Георгия Победоносца в г. Кинеле. Правящий архиерей – еп. *Софроний (Баландин)*; хиротонисан 17 июня 2012). Епархия разделена на 11 благочиний: Алексеевское, Безенчукское, Богатовское, Большеглушицкое, Большеchерниговское, 3 Кинельских (северное, центральное и южное), Красноармейское, Нефтегорское и Чапаевское. В июле 2013 г. в епархии насчитывалось 89 приходов, в клире епархии состояли 78 священников, 6 диаконов. При ЕУ действуют отделы: по религ. образованию и катехизации, работе с молодежью, миссионерскому служению, благотворительности и социальному служению, взаимодействию с медицинскими учреждениями и информационный. В К. и Б. е. почитаются источники свт. Николая Чудотворца в селах

сского близ пос. Кировского Красноармейского р-на (на месте упраздненного Чагринского Покровского жен. мон-ря, где служил прав. Александр *Юнгеров*), источник прп. Серрафима Саровского в с. Богдановка

Церковь
во имя прп. Сергия Радонежского
в Чапаевске. 1916–1919 гг.
Фотография. 2012 г.

Кинельского р-на, родник св. Михаила в с. Фёдоровка Богатовского р-на, источник Владимирской иконы Божией Матери в с. Алакаевка Кинельского р-на, родник в честь Покрова Божией Матери в с. Чубовка Кинельского р-на.

В XV–XVII вв. значительная часть территории епархии входила в состав Суздальского у., во 2-й пол. XVI – нач. XVII в. появились Кинешемский, Лухский и Юрьеvecкий (Юрьеvec-Повольский) уезды. В 1708 г. Кинешемский у. был приписан к Архангелогородской губ., Лухский у. – к Московской губ., Юрьеvecкий у. был упразднен, Юрьеvec отнесен к Казанской губ., в 1713 г. присоединен к Нижегородской губ. В 1719 г.

Кинешемский у. перешел в состав С.-Петербургской губ., Лух остался в Московской губ. В 1727 г. Юрьевецкий у. был восстановлен в составе Нижегородской провинции Нижегородской губ. В 1778 г. Кинешемский, Лухский и Юрьевецкий уезды

были включены в Костромскую провинцию Костромского наместничества. В 1796 г. все эти уезды вошли в Костромскую губ.

В XV–XVII вв. основная часть территории К. и П. е. входила в *Суздальскую епархию*, в XVIII в. — во Владимирскую епархию (см. *Владимирская и Суздальская епархия*), с 1796 г. — в Костромскую,

Успенский собор в Кинешме. 1745 г. Фотография. 2012 г.

с 1947 г. — в Ивановскую епархию. На территории К. и П. е. находится ряд старинных городов: Ки-

нешма (впервые упом. в 1504), Лух (упом. в 1428/29), Юрьевец (впервые упом. в кон. XIV в.). На территории К. и П. е. разворачивались мн. события *Смутного времени*, в частности, восстание в Юрьевце против *Лжедмитрия II* (1608) во главе с Федором Красным, подавленное в 1609 г. отрядами А. Ю. Лисовского, когда были сожжены Кинешма и Юрьевец. 26 мая (в этот день в 1609 г. Лисовский захватил Кинешму) до нач. XX в. был днем поминовения погибших защитников Кинешмы, обычай поминовения возродился в 90-х гг. XX в. В сер. XVII в., в ходе богослужебной реформы в Русской Церкви (см. *Никон*, патриарх Московский и вся Русь), территория К. и П. е. стала одним из центров зарождения *старообрядчества*. В 1652 г. ок. 2 месяцев настоятелем Входоиерусалимского собора в Юрьевце служил один из главных учителей старообрядчества — протопоп *Аввакум Петров*. До нач. XX в. в Кинешемском и Юрьевецком уездах бытовали все основные толки «старой веры». В XVIII — нач. XX в. главным очагом духовного просвещения в юго-вост. уездах Костромской губ. являлось открытое в 1791 г. в стенах *Тихонова Лухского в честь Воздвижения Креста Господня мон-ря* Луховское ДУ. В 1847 г. уч-ще перевели в Кинешму и оно стало называться Кинешемским. Выпускником Кинешемского ДУ был советский военачальник маршал А. М. Василевский (1895–1977). Уч-ще было закрыто в 1918 г.

К числу наиболее значимых храмов края в нач. XX в. относились соборы в Кинешме и Юрьевце. Успенский собор в Кинешме состоит из летнего Успенского храма (1745), зимнего Троицкого храма (1838) и 4-ярусной колокольни (1798). Входоиерусалимский собор в Юрьевце состоит из летнего Входоиерусалимского храма (1733), зимнего Успенского храма (1833) и 5-ярусной колокольни (1840), в 1-м ярусе которой находилась ц. во имя вмч. Георгия Победоносца и св. кн. Георгия (Юрия) Всеволодовича (предполагаемого основателя Юрьевца).

В 1918 г. произошло изменение в административно-территориальном делении края. В 1918 г. Кинешемский и Юрьевецкий уезды из Костромской губ. были переданы в новообразованную Иваново-Вознесенскую губ. (с 1929 Ивановская про-

Собор в честь Входа Господня в Иерусалим (между 1733 и 1806) и ц. во имя вмч. Георгия Победоносца и блгв. кн. Георгия Всеволодовича в колокольне (1840). Юрьевец. Фотография. 2011 г.

мышленная обл., с 1936 Ивановская обл.). В церковном отношении оба уезда (с кон. 20-х гг. XX в. районы) до 1936 г. оставались в составе Костромской епархии и управлялись епископами Кинешемскими, vicариями Костромской епархии (см. *Кинешемское vicариятство*).

В 20-х гг. XX в. на территории совр. К. и П. е. были упразднены все мон-ри. На рубеже 20-х и 30-х гг. прошло массовое закрытие храмов в Кинешме: в 1927 г. были закрыты Воскресенская и Крестовоздвиженская церкви, в 1929 г.— Благовещенская ц., в 1930 г.— Вознесенская ц., в 1940 г. прекратилось богослужение в Успенском соборе. К 1941 г. ни один из 12 храмов в Кинешме не был действующим. В 1929 г. был за-

Церковь в честь Воздвижения Креста Господня в Палехе. 1774 г. Фотография. 2012 г.

ской ГЭС были снесены церкви в Юрьевце (Благовещенская (1700) и Казанская (1754)) и Пучеже (5 из 6 храмов, упразд-

крыт Успенский собор в Юрьевце, в 1931 г.— Входаиерусалимский собор. В 1931 г. закрылись Успенский собор в Лухе и Преображенский собор в Пучеже, в 1933 г.— Крестовоздвиженский храм в Палехе. В кон. 30-х гг. началось массовое упразднение сельских храмов в крае. К 1941 г. из 13 храмов Юрьевца действовал только кладбищенский Свято-Духовский храм, ни одной действующей церкви не оставалось в Лухе, Родниках, Пучеже, Палехе.

В 20–30-х гг. XX в. жертвами террора на территории совр. К. и П. е. стали десятки священнослужителей, в т. ч. священномученики Кинешемские: епископы *Василий (Преображенский)* и *Борис (Воскобойников)*, протоиереи *Константин Разумов*, *Петр Лебедев*, *Иоанн Доброхотов* и *Николай Бухарин*, священники *Иоанн Рождественский*, *Иоанн Ру-*

Тихонов Лухский мон-рь. Фотография. 2012 г.

бывш. здание магазина перестроили в ц. во имя прп. Серафима Саровского. В 2003 г. в Кинешме начала работу право-

славная школа во имя св. кн. Александра Невского. В 1961 г. были закрыты Богородицкая ц. в погосте Ананьин Конец (Заволжский р-н), Успенская ц. в с. Бортницы (Родниковский р-н), Троицкая ц. в с. Спас-Шелутино (Палехский р-н), в 1962 г. прекратились богослужения в Успенской ц. в с. Межи (Родниковский р-н), в Кинешме вновь были закрыты Успенский и Троицкий соборы (в 1965 Ивановская епархия добилась возвращения Успенского собора).

На рубеже 80-х и 90-х гг. XX в. в крае началась передача храмов верующим. В 1989 г. Церкви была передана Богоявленская ц. в Юрьевце, в 1991 г.— Троицкий собор в Кинешме, в 1993 г.— Крестовоздвиженский храм в пос. Палех, в 1996 г.— Успенский собор в Лухе, в 2010 г.— Вознесенская ц. в Кинешме. Началось строительство новых церквей. В 1993–1996 гг. в Родниках, где не осталось ни одной церкви, был возведен каменный храм во имя св. кн. Александра Невского. В 1999 г. в Пучеже

бывш. здание магазина перестроили в ц. во имя прп. Серафима Саровского. В 2003 г. в Кинешме начала работу православная школа во имя св. кн. Александра Невского.

Особо почитаются в епархии подвизавшиеся на землях совр. К. и П. е. преподобные *Макарий Унженский* и *Тихон Лухский*, блж. *Симон Юрьевецкий*, священномученики еп. *Василий (Преображенский)* и прот. *Петр Родниковский*, блж. *Алексий Ёлнатский*. В Богоявленской (Симоновской) ц. в Юрьевце под спудом покоятся мощи блж. *Симона Юрьевецкого*.

Архиерей: еп. Иларион (Кайгородцев; с 8 июля 2012).

Монастыри. Действующие: Тихонов Лухский (муж., в с. Тимирязеве Лухского р-на, основан в кон. XV в., закрыт в 1930, возобновлен в 1995), *Макариев Решемский* (в с. Решма Кинешемского р-на, основан в нач. XVII в. как муж., с 1901 жен., закрыт в 1927, возобновлен в 1998 как муж., с 2006 жен.).

Упраздненные: Богоявленский (муж., в с. Худынском (ныне Лухского р-на), основан на рубеже XIV

и XV вв., упразднен в 1-й пол. XVIII в.), Преображенский (муж., в Кинешме, основан ранее 1452, упразднен в 1764), Богоявленский (муж., в Юрьевце, упом. в 1584, упразднен в 1719), Воскресенский Пушавский (муж., в Пучеже, основан в кон. XVI в., упразднен в 1764), Вознесенский (жен., в Кинешме, основан в 1609, упразднен в 1764, с 1869 община, с 1896 мон-рь, закрыт в 20-х гг. XX в.), Преображенский (жен., в Юрьевце, упом. в 1627, упразднен в нач. XVIII в.), Троицкая Кривоезерская пуст. (муж., на левом берегу Волги, напротив Юрьевца, основана в 1634–1641, закрыта в 20-х гг. XX в., в сер. 50-х гг. XX в. попала в зону затопления), Тихвинская Мячева пуст. (муж., находилась в с. Мячево Юрьевецкого у., основана в 1-й пол. XVII в., упразднена в 1764), Соловецкий Воскресенский (Ломова пуст.) (муж., в Юрьевце, основан в 1653, упразднен в 1686), Рождественская пуст. (муж., на р. Нодоге, в дер. Пустынь (ныне не существует, на территории совр. Кинешемского р-на), упом. в 1682, упразднена в 1764, в 1796 приписана к Макариево-Решемскому мон-рю в качестве скита, закрыта в 20-х гг. XX в.), в честь Рождества Христова (жен., в с. Решма (ныне Кинешемского р-на), упом. в 1741, упразднен ок. 50-х гг. XVIII в.), Болдырева пуст. (муж., находилась близ с. Болдырева Пустынь Юрьевецкого у., упразднена в 1764), Успенский (жен., в Кинешме, основан как община в 1868, преобразован в мон-рь в 1896, закрыт в 1924).

Арх.: ГАИО. Ф. Р-2953.

Ист.: *Альтовский И. П., свящ.* Освящение правого придела при кинешемском Успенском (летнем) соборе // Костромские Ев. 1900. № 19. Ч. неофиц. С. 533–541; *Монастырь под дом заключения // Приволжская правда.* 1923. 14 марта; Нет больше села Подмонастырного // Там же. 1930. 25 марта; *Чернецов Г. Г., Чернецов Н. Г.* Путешествие по Волге. М., 1970. С. 44–59; РПЦ в XX в. на Ивановской земле: Сб. док-тов и мат-лов. Иваново, 2010. С. 40–41, 44, 63, 64, 79–84, 101–102, 127–128, 141–144.

Лит.: *Альтовский И. П., свящ.* Кинешма в Смутное время и геройский подвиг ее 26 мая 1609 г. Кинешма, 1909; *Упраздненные мон-ри Костромской епархии.* М., 1909. С. 1–2, 10–11, 30–37; *Баженев И.* Обзор упраздненных мон-рей и пустынь Костромской епархии // Костромские Ев. 1917. № 12. Ч. неофиц. С. 199–202; *Полякова Л. Л., Шлычков Л. А.* Юрьевец: Путев. Ярославль, 1975; *Шлычков Л. А.* Листая страницы времени: Памятники архитектуры Ивановской обл. Иваново, 1983. С. 55–78, 88–95, 136–145; *Дамаскин (Орловский), иером.* Житие св. блж. Алексия

Елнатского. М., 1994; *Жизнь и чуда старца архим. Леонтия (Стасевича): Мат-лы для прославления.* Владимир, 1997; *Софронов В. Д.* Путь к храму. Родники, 1998; *Тихонова пуст. и Лухский край.* Иваново, 1998; СПАМИР: Ивановская обл. М., 2000. Ч. 2. С. 64–86, 232–249, 303–491, 602–742; Ч. 3. С. 6–199, 703–763; *Лухский край: Земля заповедная.* Иваново, 2003; *Русские мон-ри: Поволжье: Костромская, Ивановская, Нижегородская, Йошкар-Олинская, Чебоксарская епархии.* Новомосковск; М., 2003. С. 244–251, 260–267; *Федотов А. А.* Собор Ивановских святых. Иваново, 2003. С. 8–11, 14–21, 29–35, 38–39, 42, 44–50; *Соколова В. Н.* Кинешемский следственный изолятор в стенах Успенского мон-ря // Историко-культурный и природный потенциал Кинешемского края: Мат-лы 2-й регион. краевед. конф., 24–25 марта 2004 г. Кинешма, 2004. С. 61–64; *Воробьев Н. В.* Времен связующая нить: История Кинешемского ДУ и пед. колледжа. Иваново, 2008; *он же.* На пути к родовым и духовным истокам. Иваново, 2010.

Н. А. Зонтиков

КИНЕШЕМСКОЕ ВИКАРИАТСТВО Костромской епархии, названо по г. Кинешма (ныне Ивановской обл.), существовало в 1866–1936 гг. К. в. было образовано 11 мая 1866 г. Комментируя это событие, свт. *Игнатий (Брянчанинов)*, живший на покое в *Бабаевском во имя свт. Николая Чудотворца мон-ре* (Костромская епархия), писал 11 июня 1866 г. своему брату П. А. Брянчанинову: «Костромскому и Нижегородскому (архиереям. — Н. З.) даны викарии, преимущественно для обращения раскольников» (*Игнатий (Брянчанинов), свт.* Полное собр. творений. М., 2007. Т. 8. С. 451). Местопребыванием Кинешемских епископов был назначен костромской *Ипатиевский во имя Св. Троицы мон-рь*, в южном крыле Архиерейского корпуса в 1875 г. была устроена крестовая ц. во имя сщмч. Ипатия, еп. Гангрского, и ап. Филиппа (малая крестовая церковь). В управление викарию был предоставлен *Богородицко-Игрицкий в честь Смоленской иконы Божией Матери мон-рь* неподалеку от Костромы. Первым Кинешемским епископом в 1866 г. стал *Ионафан (Руднев)*, в 1869 г. он был назначен на Олонецкую и Петрозаводскую кафедру. На рубеже XIX и XX вв. видную роль в духовной жизни Костромской епархии играл Кинешемский еп. *Вениамин (Платонов; 1883–1905)*. За годы жизни в Костроме он приобрел широкую известность как старец, имевший дар прозорливости, «второй Иоанн Кронштадтский». В Ипатиевский монастырь к нему ежедневно приходило множество людей

из Костромской и Ярославской губерний.

В 1917 г. была предпринята попытка упразднения К. в. По ходатайству Костромского и Галичского еп. *Евгения (Бережкова)* Святейший Синод 25–30 мая 1917 г. постановил переименовать Кинешемского еп. *Севастиана (Вести)* в епископа Макариево-Унженского «с назначением ему местожительства в г. Макарьево и с поручением ему управления Макарьево-Кологривского, Ветлужского, Варнавинского и Юрьевецкого уездов». Это решение вызвало недовольство в Кинешме, городская дума, духовенство и жители города обратились к еп. Евгению с просьбой о восстановлении К. в., и архиерей 21 июля отправил в Синод соответствующее ходатайство. В сент. 1917 г. Синод определил: «Викарию Костромской епархии епископу Макариево-Унженскому Севастиану присвоить прежнее наименование «епископ Кинешемский» (Указ из Св. Синода // Костромской церк.-обществ. вестн. 1917. № 12/13. С. 72–73). Вскоре еп. Евгений добился учреждения в Костромской епархии 2-го викариата — *Нерехтского*, 17 сент. 1917 г. Севастиан был назначен епископом Нерехтским. В 1917–1919 гг. К. в. не замещалось. В 1919 г. Нерехтское викариатство было упразднено и еп. Севастиан вновь занял Кинешемскую кафедру. В следующем году еп. Севастиан возглавил Костромскую епархию, был возведен в сан архиепископа, в 1922 г. уклонился в *обновленчество*. В июле 1923 г. он принес покаяние пред патриархом св. *Тихоном* и был оставлен на кафедре. В сент. 1923 г. под давлением властей архиеп. Севастиан вновь примкнул к обновленчеству, в нач. 1924 г. покаялся и снова был оставлен управляющим Костромской епархией. В 20-х гг. XX в. архиеп. Севастиан наряду с Костромой часто жил в Кинешме, которая превратилась в один из кафедральных городов Костромской епархии. В окт. 1929 г. в Костроме прошли массовые аресты духовенства. Архиеп. Севастиан пытался заступиться за арестованных, но власти выслали его в Кинешму, где он умер 8 дек. 1929 г.

В 1918 г. территория Костромской губ., совпадавшая с территорией Костромской епархии, подверглась существенным изменениям: Кинешемский и Юрьевецкий уезды

отошли новообразованной Иваново-Вознесенской губ. Однако до 1936 г. в церковном отношении эти уезды оставались в составе Костромской епархии и управлялись викарными Кинешемскими епископами.

В 1921–1926 гг. Кинешемским епископом являлся сщмч. *Василий (Преображенский)*, уроженец Кинешмы, сын настоятеля местной Вознесенской ц., выпускник Кинешемского ДУ (1890), Костромской ДС (1896), Киевской ДА (1900). 19 сент. 1921 г. в Успенском соборе Кинешмы состоялась первая в истории города епископская хиротония Василия (Преображенского) во епископа Кинешемского. Недолгое управление викариатом еп. Василия составило важную эпоху в истории Кинешемского края. Одной из главных форм работы сщмч. Василия, к-рую он начал, будучи псаломщиком кинешемской Вознесенской ц. в 1917 г., стала организация в городе и в уезде евангельских кружков. Еп. Василий активно противостоял обновленческому расколу. 4 марта 1923 г. он был назначен епископом Иваново-Вознесенским, но, по-видимому, в управление епархией не вступил, т. к. 10 мая был арестован в Кинешме и вскоре выслан на 2 года в Зырянский край (совр. Республика Коми). (22 марта 1923 уполномоченный по секретным делам Иваново-Вознесенского губ. отдела ГПУ сделал об архиерее такое заключение: «Является весьма вредным человеком в смысле развития обновленческого движения церковной жизни, являясь ярким сторонником патриарха Тихона. Кроме того, из последних материалов видно, что им ведется работа среди молодежи по созданию христианских кружков, последние имеют связь с центром. Поэтому, дабы парализовать его усиленное стремление к поднятию религиозных чувств среди масс (среди которых он пользуется большим влиянием), предлагал бы епископа Василия выслать из пределов Иваново-Вознесенской губернии в одну из отдаленных местностей РСФСР» (РПЦ в XX в. на Ивановской земле. 2010. С. 33.) В мае 1925 г. еп. Василий вернулся в Кинешму, в нач. 1926 г. по требованию властей покинул город, в 1927 г. был выслан в Кинешму из Н. Новгорода, вскоре по требованию властей уехал, приезжал в Кинешму и служил здесь в 1928 г. 21 сент. 1932 г. в Москве в ц. Рождества Пресв. Богородицы в Бутыр-

ках Заместитель патриаршего местоблюстителя митр. *Сергий (Страгородский)* возглавил хиротонию архим. *Александра (Торопова)* во епископа Кинешемского. В марте 1933 г. ОГПУ предприняло в Кинешме массовые аресты духовенства и мирян (в кинешемскую тюрьму из Орла был привезен еп. Василий (Преображенский), его обвинили в создании «сети контрреволюционных кружков», он был приговорен к 5 годам ИТЛ). 24 сент. 1935 г. еп. *Александра (Торопова)* перевели на *Липецкое викариатство* Орловской епархии. Последним епископом Кинешемским в марте–июне 1936 г. был сщмч. *Борис (Воскобойников)*, 1 июля 1936 г. назначенный на Ива-

Кафоликон мон-ря Кинигу.
Рисунок. XX в.

новскую кафедру. После перевода еп. Бориса в обстановке нарастающего террора новый Кинешемский епископ не был назначен, К. в прекратило существование.

Епископы: Ионафан (Руднев; 4 сент. 1866 – 29 авг. 1869), *Палладий (Пьянков)*; 16 нояб. 1869 – 24 июня 1872), Геннадий (Левицкий; 24 июня 1872 – 9 апр. 1883), Вениамин (Платонов; 9 апр. 1883 – 13 июня 1905), *Никоандр (Феноменов)*; 10 июля 1905 – 15 февр. 1908), Иннокентий (Кременский; 24 февр. 1908 – 28 июля 1911), Арсений (Тимофеев; 28 июля 1911 – 30 июля 1914), Севастиан (Вести; 8 сент. 1914–1917, 1919–1920), сщмч. Василий (Преображенский; 19 сент. 1921–1926), исп. *Николай (Голубев)*; 18 июня – 5 дек. 1929), *Хрисогон (Ивановский)*; 14 апр. – 8 июля 1932), Александр (Торопов; 21 сент. 1932 – 24 сент. 1935), сщмч. Борис (Воскобойников; 7 марта – 1 июля 1936).

Ист.: 2ПСЗ. Т. 41. Ч. 1. № 43296. С. 546; Юбилейное торжество Преосв. Вениамина, еп. Кинешемского, викария Костромского, 29 сент. 1895 г. // Костромские Ев. 1895. № 21. Ч. неофиц. С. 487–499; Кончина и погребение Преосв. Вениамина, еп. Кинешемского, викария Костромской епархии // Там же. 1905. № 12. Ч. неофиц. С. 393–403; Костромской Ипатьевский мон-рь. Кострома, 1913. С. 55, 109; Не предать забвению: Книга памяти жертв

политич. репрессий, связанных судьбами с Ярославской обл. Ярославль, 1994. Т. 2. С. 79; ЖМП, 1931–1935. С. 142; РПЦ в XX в. на Ивановской земле: Сб. док-тов и мат-лов. Иваново, 2010. С. 33, 79–84.

Лит.: *Самарянов В. А.* Памятная книга для Костромской епархии. Кострома, 1868. Отд. 2. С. 26; *Сырцов И., прот.* Архипастыри Костромской епархии за 150 лет ее существования. Кострома, 1898. С. 46–48; За Христа пострадавшие. Кн. 1. С. 48, 224–225; *Федотов А. А.* Собор Ивановских святых. Иваново, 2003. С. 14–21; *Резелин П. П.* Епископы Кинешемские, викарии Костромские // Светоч: Альманах. Кострома, 2010. Вып. 6. С. 286–296.

Н. А. Зонтиков

КИНИГУ́ [греч. Κυνήγου], мон-рь во имя св. Иоанна Предтечи, жен., действующий, общежительный. Принадлежит *Месогейской и Лавреотикийской митрополии* Эладской Православной Церкви, расположен у сев. подножия горы Ими-

тос (Аттика). Основан во 2-й пол. XI или в нач. XII в. В кон. XII в. игуменом К. был Василий Киниг, по родовому имени к-рого мон-рь получил

свое название. Упоминание о нем содержится в переписке Афинского митр. Михаила Хониата (Акомината). Обитель также именовалась мон-рем Философон (Φιλοσόφων, т. е. философ). Видимо, его ктитория были связаны с расположенным близ Димицаны мон-рем Философу, также посвященным св. Иоанну Предтече. В нач. XIII в. племянник Василия Лука Киниг обновил К. В надписи на надгробной плите 1235 г. упомянуты «монах Лука ктитория с Философом». Игумен. Неофит (упом. в 1238) построил дорогу, которая соединяла Афинскую и Месогейскую равнины.

А. Х. С. Миго датировал монастырский собор (кафоликон) 2-й четв. XII в. Однако на фрагменте мраморной плиты, находившейся ранее над одним из порталов наоса, сохранилась надпись с указанием года строительства собора – 1205 г. Кафоликон относится к купольным храмам типа вписанного креста. Своды опираются на мощные предалтарные столбы, в зап. части – на 2 изящные мраморные колонны с ионическими капителями. Апсида

3-гранная с 2-частным окном. Барабан 8-гранный, грани оформлены колонками. Преобладает кладка из неотесанных камней и плинфы; обработанные камни использованы только в кладке конхи и барабана. Нижние части стен сложены из больших частично отесанных блоков туфа, каменных плит и плинфы. Выложенные плинфой арочные полукружия над окнами и порталом составляют скупой, но выразительный декор храма. Над входом в нартекс в стену вмонтирована плита визант. саркофага с рельефными изображениями крестов. В XVII в. к наосу был пристроен нартекс с куполом, в XVIII в. — стоя с арками, часть к-рой снесена. У местных жителей сложилась традиция обвязывать мраморные колонны храма лентами и нитями в надежде, что это избавит их от болезней и др. несчастий.

Фрагменты мраморной алтарной преграды XIII в. хранятся в Византийском музее в Афинах. В росписи кафоликона различают 3 периода — XVII, XVIII и XIX вв., сохранились также фрагменты фресок XIII–XIV вв. К визант. периоду относятся зап. ворота мон-ря. Во дворе, к югу от стои, сохранилась колонна с вырезанным на ней анафематствованием тем, кто покусится на монастырское имущество.

В османский период К. владел подворьями первоим. равноап. Феклы в Ставресе, свт. Николая Чудотворца (Леондариу) в Кандзе, ап. Иоанна Богослова в Еракесе, свт. Николая Чудотворца в Гуди (рядом с совр. больницей «Сотирия») и св. Иоанна Предтечи (около станции метро «Айос-Иоанис»).

В 1833 г. К. был закрыт, в 1837 г. его имущество было конфисковано гос-вом. С 1916 г. монастырский собор действовал как парекклисион, приписанный к ц. в честь иконы Божией Матери «Живоносный Источник» в Пеани. В 1921 г. К. был объявлен памятником визант. архитектуры. В годы второй мировой войны он использовался как загон для скота. В 1943 г. была предпринята попытка возрождения обители — К. стал подворьем мон-ря Пресв. Богородицы Фанеромени на о-ве Саламин. Отреставрирован в нач. 60-х гг. XX в. В 1969 г. был преобразован в подворье мон-ря Клистон (Κλειστόν), в 1975 г. здесь поселилась жен. монашеская община. Монахини занимаются иконописью и шитьем,

изготавливают свечи. В наст. время (2013) в К. подвизается 9 монахинь, игуменья — Тавифа (Асфи) (Δίπτυχα. 2013. С. 705).

Престольный праздник: Усекновение главы св. Иоанна Предтечи (29 авг.).

Лит.: *Megan A. H. S. The Chronology of Some Middle-Byzantine Churches // AnnBSA. 1931/1932. Vol. 32. P. 90–130. Pl. 27–31; Μαμαλούκος Σ. Ο πυλώνας της Μονής του Αγίου Ιωάννου του Κυνηγού στον Υμηττό // Αρμός: Τιμητικός τόμος στον καθηγητή Ν. Κ. Μουτσόπουλο. Θεσσαλονίκη, 1991. Τ. 2. Σ. 1107–1119; Λέκκας Ε. Π. Τά μοναστήρια του Έλληνισμού. Πειραιάς, 1998. Τ. 2. Σ. 333–334; Κόκορης Δ. Θ. Ὁρθόδοξα Ἑλληνικά Μοναστήρια. Ἀθήνα, 2002³. Σ. 29–30; Μπούρας Χ., Μπούρα Α. Ἡ Ἑλλαδική ναοδομία κατά τόν 12ο αἰώνα. Ἀθήνα, 2002. Σ. 198–201; Μοναστήρια της Ηπειρωτικής Ελλάδας. Ἀθήνα, 2008. Σ. 270–271; Электр. ресурс: www.eie.gr/byzantineathica/view.asp?cgpk=.*

О. В. Л., Э. В. Ш.

КИНИКИ [греч. οἱ Κυνικοί; лат. Cynici], представители кинизма, одной из сократических школ (см. в ст. *Сократ*) античной и эллинистической философии. Кинизм возник в IV в. до Р. Х. и просуществовал до кон. V в. по Р. Х.; в нек-рые периоды он пользовался значительной популярностью, особенно в низших слоях об-ва. Из различных источников известно ок. 80 имен кинических философов, о большинстве из к-рых имеются лишь скудные и отрывочные сведения (список с комментариями см.: *Goulet-Cazé. A Comprehensive Catalogue of Known Cynic Philosophers. 1996*).

Источники. Ни одно из сочинений К. полностью не сохранилось. Число приводимых античными авторами отрывков из произведений К., способных служить источниками для установления особенностей их философского учения, крайне невелико. Наиболее подробным источником сведений о раннем кинизме является сочинение *Диогена Лаэртского* «О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов», где кинизму посвящена целиком 6-я кн. (*Diog. Laert. VI*; см. также: *Ibid. IV 46–58*). Вместе с тем отдельные сообщения Диогена Лаэртского о К. совр. исследователи подвергают сомнению ввиду их расхождения с иными, более достоверными источниками (подробный анализ содержания 6-й кн. см.: *Goulet-Cazé. 1992; Gugliermi. 2006*). Отдельные повествования о К. и их изречения приводили мн. греч. и лат. философы и писатели, в т. ч. Ксенофонт (V–IV вв. до Р. Х.), *Аристомель* (IV в. до

Р. Х.), *Страбон* (кон. I в. до Р. Х. — нач. I в. по Р. Х.), *Филон Александрийский* (I в.), Луций Анней *Сенека* (I в.), *Плутарх* (I–II вв.), *Секст Эмпирик* (кон. II — нач. III в.), Гален Пергамский (II–III вв.), Иоанн Стобей (V в.) и др. Кроме того, важность ввиду их древности (III–I вв. до Р. Х.) представляют краткие сведения о К., содержащиеся в античных папирусах, исследованных в XIX–XX вв. (см.: *Gallo. 1980; Giannattasio Andria. 1980; Dorandi. 1982; Bastianini. 1992; Brancacci. 1996*). Во II–IV вв. учение К. подробно обсуждали некоторые греч. авторы, не принадлежавшие по своему образу жизни и убеждениям к кинической школе, однако с симпатией относившиеся к идеям кинизма: стоик *Эпиктет* (I–II вв.), философствующий оратор Дион Хризостом (I–II вв.), философ и сатирик *Лукиан Самосатский* (II в.), платоник *Максим Тирский* (II в.), неоплатоник рим. имп. *Юлиан Отступник* (361–363). В отечественной науке они получили условное наименование «кинизирующие писатели» (*Нахов. 1982. С. 26–30*). Из ранних христианских авторов различные сведения о К. приводят *Климент Александрийский* (II–III вв.), *Тертуллиан* (II–III вв.), *Лактанций* (III–IV вв.), *Евсевий*, еп. Кесарии Палестинской (III–IV вв.), *Феодорит*, еп. Кирский (IV–V вв.), свт. *Иоанн Златоуст*, архиеп. К-польский (сер. IV — нач. V в.); блж. *Августин*, еп. Гиппонский (IV–V вв.), блж. *Иероним Стридонский* (IV–V вв.) и др. (см. указатель: *SSReliq. Vol. 3. P. 93–238*). Популярность кинизма в эллинистическую эпоху привела к появлению ряда псевдоэпиграфических сочинений, в которых идеи позднего кинизма приписываются ранним представителям кинической философии. Наиболее крупным памятником такого рода являются «Письма» сократиков и К. — сборники подложных писем Антисфена, Диогена, Кратета, Мениппа и др. философов.

С кон. XIX в. наиболее часто используемым историками философии источником фрагментов К. была подборка, подготовленная немецким филологом Ф. В. А. Муллахом (*Mullach. 1881*); фрагменты приводятся здесь с лат. переводом. В XX в. были изданы собрания фрагментов отдельных К.: Антисфена (*Decleva Caizzi. 1966*), Телета (*Hense. 1909; Fuentes González. 1998*), Биона Борисфенита (*Kindstrand. 1976*), Де-

метрия (Billerbeck. 1979). В 1990 г. итал. филолог Г. Джаннантиони (1932–1998) представил полное собрание фрагментов ранних К. в составе труда «Фрагменты Сократа и сократиков» (Socratis et socraticorum reliquiae); в 1-м и 2-м томах издания приводятся систематизированные по сократическим школам и их представителям фрагменты (фрагменты К. см.: SSReliq. Vol. 2. P. 135–590 = SSReliq. V A–N), 3-й т. содержит указатели источников, исследовательской лит-ры и имен, в 4-м т. предлагаются авторские комментарии в виде экскурсов по отдельным проблемам. Хотя рецензенты отмечали ряд недостатков текстовой части этого собрания, присущая ему продуманная логичная структура сделала его удобной отправной точкой для исследователей истории сократической философии, среди которых оно к наст. времени стало стандартным цитируемым источником (см.: Döring. 1994; Slings. 1996). Изданный в 1984 г. рус. перевод фрагментов из сочинений К. и кинизирующих писателей «Антология кинизма» (= АнтКин.) был подготовлен ведущим отечественным исследователем кинической философии И. М. Наховым (1920–2006). Большая часть фрагментов ранних К. переведена по корпусу Муллаха, однако учтены и нек-рые более поздние издания; нумерация фрагментов Антисфена и Диогена соответствует нумерации в издании Муллаха.

Наименование «киники» и вопрос о философском характере кинизма. Известны 2 гипотезы происхождения названия «киники»; обе засвидетельствованы уже у Диогена Лаэртского. Предпочтение совр. историками философии той или иной из них напрямую зависит от избранного ими решения дискуссионного вопроса о том, следует ли считать Антисфена основоположником кинизма (Döring. 1998. S. 267). Исторически первое известное в наст. время употребление наименования «киники» встречается в приводимом Диогеном Лаэртским отрывке из комедии Менандра (IV–III вв. до Р. Х.), где «киником» назван Кратет (Diog. Laert. VI 93).

Согласно 1-й, более популярной, гипотезе, не требующей соотнесения кинизма с Антисфеном, К. получили свое наименование от присущего им образа жизни (ἀπὸ τοῦ εἶδους τῆς ζωῆς — *Simplic.* In Categ. P. 4; SSReliq.

I Н 9); поскольку К. вели жизнь, похожую на жизнь собак, они были насмешливо прозваны «собачьими» (κυνικός) философами. Одновременно это указывало на их преемственную связь с Диогеном, который сам называл себя «собакой» (κύων — *Diog. Laert.* VI 60; ср.: *Ibid.* 33). Наиболее подробное объяснение различных смыслов, к-рыми со временем обросла связь наименования «киники» с «собачьим» образом жизни, встречается в «Комментарии к Категориям Аристотеля», авторство к-рого приписывается александрийскому неоплатонику Элию (2-я пол. VI в.). Автор «Комментария...» выделяет 4 причины, по к-рым за К. закрепилось имя «собачьих философов». Во-первых, К. были названы так «из-за безразличия (ἀδιάφορον), свойственного этому животному, поскольку они, руководствуясь таким же безразличием, имели обыкновение, словно собаки, публично есть и предаваться любовным утехам, ходить босыми, спать в бочках и на перекрестках». Во-вторых, К. были похожи на собак тем, что «собака является бесстыдным животным, и они также хотели приобрести бесстыдство (ἀναίδεια), но не такое, которое хуже стыдливости, а такое, которое лучше ее». В-третьих, «собака является сторожевым животным, и они также охраняли основоположения своей философии с помощью различных рассуждений, и сильно гордились этим». В-четвертых, «собака — различающее животное, которое отличает дружественное и враждебное себе в зависимости от того, знакомо ему это или незнакомо... и они также признавали дружественными себе тех, кто были пригодны к философии, и принимали их благосклонно, а непригодных прогоняли лаем, словно собаки» (*Elias.* In Categ. P. 111; SSReliq. I Н 9; ср.: *Dudley.* 1937. P. 5).

Согласно 2-й гипотезе, киническая школа получила название от афинского гимназия Киносарг (Κυνόσαργες; о нем см.: *Pauly, Wissowa.* 1924. Bd. 12. Hbd. 23. Sp. 33; *Billot.* 1994), в к-ром проводил философские беседы с учениками Антисфен; эта гипотеза представлена, напр., в визант. словаре *Суда* (*Suda.* A 2723). Приводя это объяснение, Диоген Лаэртский предпологал, что оно согласуется с 1-й гипотезой, т. к. Антисфен будто бы именовал себя «подлинный пес» (Ἀπλοκύων). Совр. исследователи отмечают, что в данном

случае вероятнее всего произошло намеренное перенесение на Антисфена сведений, относящихся к Диогену Синопскому (Döring. 1998. S. 267). Косвенное подтверждение того, что первоначально ученики Антисфена не назывались К. и не соотносились с «собакой» Диогеном, обнаруживается у Аристотеля: в «Риторике» он приводит высказывание «пса», намекая, по-видимому, на Диогена (*Arist. Rhet.* III 10. 1411a), но при этом в «Метафизике» называет последователей Антисфена «антисфениками» (Ἀντισφηνικοί), а не «киниками» (*Idem.* Met. VIII 3. 1043b). Т. о., предположение о связи наименования «киники» с Антисфеном и Киносаргом, вероятнее всего, является позднейшим вымыслом (однако есть аргументы и в пользу противоположной т. зр.; см.: *Нахов.* 1982. С. 40–43; *Goulet-Cazé.* Who Was the First Dog. 1996); вместе с тем это не решает окончательно вопроса о роли Антисфена в возникновении кинизма.

По свидетельству Диогена Лаэртского, уже в его время среди историков философии существовало 2 противоположных мнения по вопросу о природе кинической философии (Döring. 1998. S. 267). Мн. авторы, настроенные по отношению к кинизму критически, считали, что кинизм вообще неправильно называть философской «школой» (αἵρεσις) в том смысле, в каком говорилось о философских школах платоников, эпикурейцев, стоиков, поскольку кинизм требует лишь определенного образа жизни (ἐνστάσις βίου) и не имеет целью теоретическое исследование философской истины (*Diog. Laert.* VI 103, ср.: *Ibid.* I 19). Так, по свидетельству блж. Августина, еп. Гиппонского, рим. писатель Марк Теренций Варрон (I в. до Р. Х.) полагал, что у киников отсутствует теоретическое учение о «цели блага» (finis boni); различные киники «принимали за конечные блага (bona finalia) различные предметы: одни добродетель, другие похоть, — однако держались одного и того же образа жизни и обычаев» (*Aug. De civ. Dei.* XIX 1). Иное мнение, особенно распространенное среди сторонников и защитников кинизма, исходит из того, что, несмотря на всецело практический характер кинической философии, в ней представлено закономерное развитие ряда этических идей Сократа и реализован

Антисфен.
Копия XIX в. скульптуры
IV–II вв. до Р. Х.
(ГМИИ)

восходящий к его учению идеал познания теоретической истины через обращение к анализу практического блага. Для представителей 2-й позиции важное значение имело возведение кинизма через Антисфена к Сократу, поскольку оно позволяло уравнивать кинизм в правах с др. сократическими школами и увеличивало его философский авторитет. Убеденными сторонниками происхождения кинизма от Сократа через Антисфена были представители стоицизма: т. к. основатель стоицизма, *Зенон Китийский*, учился у киника Кратета, обосновывая сократическое происхождение кинизма, стоики тем самым подчеркивали преемственную связь с Сократом Зенона и его школы. Одно из наиболее ранних свидетельств, подтверждающих такое преемство, содержится в трактате эпикурейца Филодема из Гадары (I в. до Р. Х.) «О стоиках», к-рый фрагментарно сохранился в составе геркуланских папирусов (Р. Негс. 339; см.: SSReliq. V B 126; подробнее см.: *Giannattasio Andria*. 1980).

Ранний кинизм. Антисфен: жизнь и учение. О жизни предполагаемого основоположника кинизма Антисфена сохранились весьма скудные сведения. Согласно источникам, он был современником и старшим ровесником др. известных учеников Сократа: Платона, Ксенофонта, Аристиппа и Эхина Сократика. Исследователи предполагают, что Антисфен род. ок. 445 г. и скончался ок. 360 г. до Р. Х. Антисфен являлся уроженцем Афин, однако не был полноправным афинским гражданином, поскольку его мать была фракиянкой (*Döring*. 1998. S. 269; *Navia*. 2001. P. 20–22). Первоначально он обучался у риторика-софиста Горгия и достиг серьезных успехов в риторике; возможно, именно в этот период жизни им были созданы мн. несохранившиеся риторические и логические сочинения. В 20-х гг. V в. до Р. Х. Антисфен начал учиться у Сократа; по свидетельству Диогена Лаэртского, его привязанность к Сократу была столь велика, что он каждый день проходил ок. 8 км от Пирейского порта, где жил, до Афин, чтобы послушать Сократа (*Diog. Laert.* VI 2). Антисфен входил в ближайший круг учеников Сократа: он является одним из собеседников Сократа в диалоге Ксенофонта «Пир»; в «Федоне» Платон сообщает, что Антисфен присутствовал при последней беседе

с учениками и смерти Сократа (*Plat. Phaed.* 59b; SSReliq. V A 20). На основании данных, содержащихся в речах Исократы и др. источниках, исследователи делают вывод, что в 1-е десятилетие после смерти Сократа Антисфен был наиболее известным сократиком в Афинах, однако в посл. уступал в популярности Платону, с к-рым вел постоянную философскую полемику. Во мн. диалогах Платона исследователи находят скрытую критику взглядов Антисфена, хотя Платон в них не называет Антисфена по имени (см.: SSReliq. Vol. 1. P. 358–373). Из ряда источников следует, что Антисфен преподавал в гимнасии Киносарг; вероятность этого подтверждается свидетельством Демосфена о том, что в этом гимнасии обучались юноши, к-рые, как и Антисфен, имели отца-афинянина и мать-чужестранку (*Demosph.* Or. 23. 213; см.: *Döring*. 1998. S. 270). Во мн. свидетельствах подчеркивается личный аскетизм Антисфена: по утверждению Ксенофонта, от Сократа он научился равнодушному отношению к богатству, внешним удовольствиям и неблагоприятным жизненным обстоятельствам (*Xen. Symp.* 4. 34–44; SSReliq. V A 82); он призывал относиться к страданию как к благу, поскольку оно придает твердость духу; Диоген Лаэртский называет его образцом «бесстрастия» (*ἀπάθεια*), «самообладания» (*ἐυκράτεια*) и «непоколебимости» (*καρτερία*), замечая вслед за Ксенофонтом, что он был «очарователен в беседе и сдержан во всем остальном» (*Diog. Laert.* VI 1. 15). Антисфен скончался в преклонном

возрасте от «слабости» (*ἀφροστία*); хотя он испытывал тяжелые страдания, он отказался от самоубийства, т. к., по словам Диогена Лаэртского, ему была свойственна чрезмерная «любовь к жизни» (*φιλοζωία*; см.: *Ibid.* 18–19).

Приводимый Диогеном Лаэртским список сочинений Антисфена содержит более 60 заглавий, распределенных по 10 «томам» (см.: *Ibid.* 15–18; SSReliq. V A 41); из них сохранились лишь 2 небольшие речи (декламации) на мифологические темы (SSReliq. V A 53–54; *АнтКин.* С. 117–122) и небольшое число кратких фрагментов. Лит. деятельность Антисфена вызывала восхищение у последователей и насмешки у противников: так, философ-скептик Тимон из Флиунта (IV–III вв. до Р. Х.) называл Антисфена «плодовитым во всех областях болтуном» (*Diog. Laert.* VI 18; ср.: *Hieron. Adv. Iovin.* II 14). Хотя сочинения Антисфена известны лишь по названиям и кратким упоминаниям у древних авторов, ученые неоднократно предпринимали попытки предложить возможные гипотезы относительно их тематики и содержания. В совр. исследованиях сочинения Антисфена с т. зр. формы разделяются на 3 группы: речи, диалоги и трактаты; с т. зр. содержания их подразделяют на 4 класса: трактаты по логике и теории познания; этические сочинения; толкования поэм Гомера; риторические сочинения (*Döring*. 1998. S. 270–272; подробнее о сочинениях Антисфена см.: *Patzer*. 1970. S. 107–163; *Giannantoni*. 1990. P. 235–354).

Анализируя сообщения об Антисфене Диогена Лаэртского и др. древних авторов, историки философии отмечали в его учении и образе жизни как черты, сближающие его с последующими К., так и особенности, отделяющие его от них. В отличие от К. Антисфен проявлял значительный интерес к проблематике теории познания и логики. О его взглядах в этой области сохранились немногочисленные и противоречивые сведения, содержащиеся гл. обр. в сочинениях Аристотеля и его последующих комментаторов. Все источники единогласно свидетельствуют о том, что отправной точкой, определявшей размышления Антисфена о человеческом познании, было решительное неприятие им учения Платона об идеях, в рамках к-рого постулировалась возмож-

ность дать определение сущности некой вещи, возведя ее к трансцендентальной и нематериальной идее-первообразу. По свидетельству Симпликия, Аммония Гермия и др. авторов, Антисфен не принимал идеи вслед того, что они не могут быть восприняты чувствами, заявляя Платону: «Я вижу лошадь, но не вижу лошадности; я вижу человека, но не вижу человечности» (см.: SSReliq. V A 149).

Следствием отвержения идей у Антисфена было убеждение в том, что не может быть дано вообще никакого определения сущности вещи. По словам Аристотеля, Антисфен и его последователи считали, что «невозможно определить суть вещи (τὸ τί ἔστιν), поскольку определение есть длинная речь (λόγον μακρόν); однако каково нечто (ποῖον τί ἔστιν), — это вполне можно выявить и объяснить» (Arist. Meth. VIII 3. 1043b; SSReliq. V A 150). Говоря об определении как о «длинной речи», Антисфен подразумевал, что во всякое определение включается больше одного понятия (логоса), вслед чего получается, что простая сущность определяется через нечто сложное; такое определение, по его мнению, заведомо не может быть истинным (см. комментарий перипатетика Александра Афродисийского (II–III вв.): *Alex. Aphrod.* In Met. P. 553–554; АнтКин. С. 124–126. № 44В). Вместо определения сущности Антисфен предлагал описывать вещи через их эмпирически данные признаки, полагая, что выделение совокупности важнейших качеств вещи является надежным способом ее познания. Функция связующего звена между миром эмпирических восприятий и миром понятий у Антисфена возлагается на «имя» вещи. Согласно свидетельству Эпиктета в «Беседах», записанных стоиком Аррианом (II в.), Антисфен утверждал: «Начало образования — исследование имен» (ἀρχὴ παιδείσεως ἢ τῶν ὀνομάτων ἐπίσκεψις — *Epict. Diss.* I 17; SSReliq. V A 160). По мысли Антисфена, правильное употребление имен приводит к тому, что между вещами в познании образуются такие же связи, к-рые существуют между ними в реальности; именно эти связи схватываются затем в понятии (логосе), описывающем качества вещей. О том, как именно Антисфен рассматривал понятие-логос, свидетельствует его высказывание, приводимое Диогене-

ном Лаэртским: «Логос есть нечто выявляющее (δηλῶν), чем что-то было или что оно есть» (*Diog. Laert.* VI 3). Т. о., у Антисфена понятие-логос трактуется как словесное обозначение той или иной единичности, которая реально либо была, либо налична в настоящее время» (Лосев. 2000. С. 103); логос выражает через имена определенное наблюдаемое состояние вещи или положение дел. Лишь с учетом такого понимания логоса может быть корректно интерпретировано свидетельство Аристотеля и др. древних авторов о том, что Антисфен считал всякий логос истинным и не допускал существования противоречия (*Arist. Met.* V 29. 1024b; *Idem.* Top. I 11. 104b; SSReliq. V A 148, 152–153; АнтКин. С. 105. № 42–43). В соответствии с пояснениями неоплатоника Прокла (V в.), логика рассуждения Антисфена была следующей: «Говорящий высказывает нечто; высказывающий нечто высказывает сущее; высказывающий сущее высказывает истину» (*Procl.* In Cratyl. 37; SSReliq. V A 155). Возражая Антисфену, Прокл указывает на различие между понятиями «высказывать нечто» (τὶ λέγειν) и «высказываться о чем-то» (περὶ τινος λέγειν); однако Антисфен, вероятнее всего, намеренно снимал такое различие, считая, что всякий высказывающий логос как «связка» имени и вещи высказывает само сущее в его эмпирической данности, вслед чего «ложный» логос, высказывающий не-сущее, вовсе не может существовать (совр. анализ теоретической философии Антисфена см.: *Branccacci.* 2005; ср. также: *Döring.* 1998. S. 272–275; *Нахов.* 1982. С. 75–85).

Хотя Антисфен не отказывался полностью от теоретической философии, но, ставя ее в зависимость от эмпирического познания, тем самым подчеркивал ее вторичность по отношению к философии как к «практике» в широком смысле. Учение о том, что «дела» предпочтительнее, чем «слова», ясно выражено в декламации «Аякс», в к-рой Аякс говорит судьям: «Слово по сравнению с делом (λόγος πρὸς ἔργον) не имеет никакой силы... только из-за недостатка дел говорятся долгие и пространные слова» (SSReliq. V A 53; АнтКин. С. 118–119). О том, что Антисфен разделял эти взгляды, свидетельствуют мн. древние авторы; так, согласно Диогену Лаэртскому, Антисфен учил, что «добродетель прояв-

ляется в делах (τῶν ἔργων) и не нуждается ни в обилии слов, ни в обилии знания» (*Diog. Laert.* VI 11). Эту принципиальную позицию Антисфена подтверждает получивший широкую известность и ставший темой для стихотворения «Движение» (1825) А. С. Пушкина рассказ об опровержении Антисфеном парменидовского учения о невозможности движения: по свидетельству комментатора Элия, познакомившись с аргументами *Зенона Элейского*, к-рыми доказывалось, что «сущее неподвижно» (см. в ст. *Апории*), Антисфен не стал возражать на них словесно, а «поднялся и стал ходить, полагая, что доказательство делом сильнее всякого возражения словом» (*Elias.* In Categ. P. 109; ср.: SSReliq. V A 159; DK. 29A15; АнтКин. С. 132. № 60; эта история рассказывается и о Диогене — *Diog. Laert.* VI 39).

В практической философии Антисфена в узком смысле, т. е. в учении о надлежащем действии, обнаруживается значительное число параллелей как с учением Сократа, так и с последующим кинизмом. Следуя Сократу, Антисфен развивал учение о достаточности (автаркии) добродетели для достижения жизненного благополучия, или счастья. Промежуточное положение этики Антисфена между этикой Сократа и этическим учением К. отражено в его этической максиме, цитируемой Диогеном Лаэртским: «Добродетель достаточна для счастья (αὐτάρκη τὴν ἀρετὴν πρὸς εὐδαιμονίαν) и не нуждается ни в чем, кроме сократовской силы (Σωκρατικῆς ἰσχύος)» (*Diog. Laert.* VI 11; SSReliq. V A 134). В 1-й части этого высказывания Антисфен точно следует Сократу, однако во 2-й части подчеркивает практико-аскетический характер добродетели в гораздо большей степени, чем это делал платоновский Сократ. Как и все сократики, Антисфен полагал, что высшая «цель» (τέλος) стремлений философа — это не просто знание о добродетели, но «жизнь, согласная с добродетелью» (τὸ κατ' ἀρετὴν ζῆν — *Diog. Laert.* VI 104; SSReliq. V A 98). Однако для платоновского Сократа и мн. последующих сократиков такая жизнь «естественно» следует из знания о добродетели, поскольку познавший истинное благо с неизбежностью следует ему (см., напр.: *Plat.* Prot. 352–362; *Idem.* Charm. 173a — 174e; *Arist.*

EN. IV 13. 1144b; подробнее см.: *Кессиди Ф. Х.* Сократ. СПб., 2001. С. 192–263), тогда как у Антисфена стремление приобрести добродетель требует специального приложения «силы» (ἰσχύς) и всегда сопряжено с тягостной работой над собой. Вместе с тем нельзя исключать, что учение об «упражнении в добродетели» излагалось историческим Сократом и было воспринято от него Антисфеном, а склонявшийся к этическому рационализму Платон намеренно его проигнорировал. В пользу этого свидетельствуют «Воспоминания о Сократе» Ксенофонта, где Сократ прямо заявляет, что «занятия, соединенные с упорным трудом, ведут к достижению добродетельности» (*Xen. Mem.* II 1. 20).

Для иллюстрации того, какой должна быть добродетельная жизнь, Антисфен использовал образ мифического Геракла; вероятнее всего, именно от него К. заимствовали почитание Геракла как «идеального героя», «образцового киника». Хотя предпринимались попытки объяснить внимание Антисфена к Гераклу тем, что Киносарг располагался рядом с почитаемым афинянами алтарем Геракла, такое внешнее объяснение не учитывает принципиальной важности для кинической философии этого мифического героя. К IV в. до Р. Х. традиц. представления ранней греч. лит-ры (Гомер, Гесиод, Пиндар, Софокл, Еврипид) о Геракле как о герое, твердо переносящем внешние превратности судьбы и выпадающие ему по воле богов испытания (см.: *Höistad.* 1948. P. 22–28), трансформировались в аллегорическую концепцию героя-одиночки, внутренне и сознательно избирающего собственный жизненный путь, готового следовать добродетели невзирая на все трудности. Наиболее ярким выражением этой трансформации является притча «Геракл на распутье», созданная софистом Продиком (V–IV вв. до Р. Х.) и сохранившаяся в «Воспоминаниях о Сократе» Ксенофонта, где ее пересказывает Сократ. В ней юному Гераклу являются 2 женщины, олицетворяющие одна — порочное удовольствие, другая — добродетель; каждая пытается доказать преимущество предлагаемого ею пути. Путь добродетели при этом — путь трудностей, поскольку «из того, что есть на свете полезного и славного, боги ничего не дают людям без труда и заботы» (*Xen. Mem.* II 1. 28;

ср.: *Höistad.* 1948. P. 31–33). Ориентируясь на представление о Геракле как о герое, подчинившем свою жизнь «упражнению в добродетели», Антисфен на его примере показывал, что следование добродетели не ведет к легкой и безмятежной жизни, однако возвышает и облагораживает человека, обеспечивая ему внутреннее счастье. Используя образ Геракла, а также хорошо известный его современникам по сочинению Ксенофонта «Киропедия» идеализированный образ персид. царя *Кира II Великого* (VI в. до Р. Х.), Антисфен утверждал, что «добродетели можно научиться» (*Diog. Laert.* VI 10; ср.: *Ibid.* 2, 105; *SSReliq.* V A 99, 134), и, по-видимому, предлагал в своих несохранившихся сочинениях различные «методики» практико-аскетического «упражнения в добродетели», нек-рые из них стали общепринятыми в кинизме (см.: *Höistad.* 1948; *Rankin.* 1986. P. 101–134; *Döring.* 1998. S. 275–277). Хотя характерная для кинизма тенденция к предпочтению частной добродетели общему благу вполне ясно выражена у Антисфена, утверждавшего, что «в общественной жизни мудрец руководствуется не общественными законами, но законами добродетели» (*Diog. Laert.* VI 1. 11), в целом представления Антисфена об отношении индивида и общества были гораздо менее радикальными, чем последующее учение К. (см.: *SSReliq.* V A 68–78; ср.: *Döring.* 1998. S. 277–278).

Вопрос об отношении Антисфена к К. активно обсуждался исследователями с нач. XX в. На основании археологических находок в Синопе (монет) неск. учеными была предпринята попытка развить историческую аргументацию в пользу гипотезы о том, что Диоген не мог встречаться с Антисфеном в Афинах, вслед чего связь между учением Антисфена и кинизмом является выдумкой К. (см., напр.: *Seltman.* 1930; *Idem.* 1938; *Dudley.* 1937. P. 1–24). В наст. время эта аргументация признана неубедительной и несостоятельной (критический обзор аргументов см.: *Haxov.* 1982. С. 44–49; см. также: *Höistad.* 1948. P. 6–12; *Bannert.* 1979; *Döring.* 1995. P. 128–133; *Idem.* 1998. S. 282–283); т. о., единственным доступным совр. исследователям способом решения вопроса о связи кинизма с Антисфеном является сопоставительный анализ имеющихся сведений о философском со-

держании учений Антисфена и Диогена. Большинство исследователей согласны с тем, что в философском учении Антисфена было предложено первоначальное теоретическое обоснование ряда принципиальных основоположений буд. кинизма, а в его личном образе жизни присутствуют нек-рые характерные черты образа жизни буд. К. Вместе с тем создание целостного кинического мировоззрения, т. е. кинизма как системы убеждений и подчиненного определенным практико-аскетическим нормам образа жизни, не может быть приписано Антисфену; оно является заслугой Диогена (*Giannantoni.* 1990. P. 226–233; *The Cynics.* 1996. P. 7).

Диоген Синопский. Согласно утверждениям древних писателей, Диоген родился в милетской колонии Синопа, бывшей в это время главным греч. торговым центром на юж.

HIIC ILLE EST DIOGENES CYNICVS

By the late 17th century

Diogenes the Cynic

Диоген.

Гравюра. 1685 г.

побережье Понта Эвксинского (Чёрного м.). Дату рождения Диогена на основании имеющихся сведений можно установить лишь приблизительно — нач. V в. до Р. Х. (возможно, ок. 405–403 гг. до Р. Х. — *Döring.* 1998. S. 281–282; *Giannantoni.* 1990. P. 421–422); по древнему преданию, которое согласуется с др. известными сведениями о жизни Диогена, он скончался в один день с царем *Aлександром Великим* (Македонским) — 13 июня 323 г. до Р. Х. (*Diog. Laert.* VI 2. 79; *SSReliq.* V B 92).

Отец Диогена, Гикесий, заведовал городским меняльным столом (δν-

μοσία τράπεζα), т. е. был банкиром (τραπεζίτης), отвечавшим за определение ценности принимавшихся к обращению монет, а также, возможно, участвовал в выпуске городских монет (подробнее о монетарной системе этого времени см.: *Bogaert R. Banques et banquiers dans les cités grecques. Leiden, 1968*). В результате раскопок в Синопе были обнаружены монеты IV в. до Р. Х., имеющие клейма ΙΚΕΣΙΟ и ΙΚΕΣΙ; исследователи полагают, что эти клейма могли принадлежать отцу Диогена (см.: *Seltman. 1930; Idem. 1938; Bannert. 1979*). Известно неск. противоречивых версий рассказа о том, что Диоген вынужден был покинуть родной город из-за обвинений в «порче монеты», выдвинутых, по одним данным, против его отца, а по другим — также против него самого. Этот рассказ дополняется свидетельством о том, что Диоген будто бы неверно понял рекомендацию дельфийского оракула, объявившего, что Диогену следует *παρὰ χαραττεῖν τὸ νόμισμα*, — в букв. смысле это выражение означает «перечеканку монеты», в т. ч. и такую, к-рая может изменить ее ценность, а в переносном смысле — «перемену сложившихся обычаев» (*Diog. Laert. VI 20*). Хотя посещение Диогеном оракула маловероятно и, по-видимому, является вымыслом доксографов, сама формула *παρὰ χαραττεῖν τὸ νόμισμα*, скорее всего, действительно восходит к Диогену и использовалась им для описания его философской деятельности. Исследователи склонны считать, что негативный смысл «порчи монеты», т. е. намеренного искажения ценности монет (или фальшивомонетничества), был придан глаголу *παρὰ χαραττεῖν* лишь в последующей традиции, тогда как первоначально у Диогена он мог означать «перечеканку» в нейтральном смысле; напр., такую, которая происходила при смене власти, когда монеты клеймились именем или изображением нового правителя (подробнее см.: *Donzelli. 1958; Bannert. 1979; Giannantoni. 1990. P. 423–431*). Будучи сыном банкира, Диоген знал о такой практике; используя двусмысленность слова *τὸ νόμισμα* (обычай/монета), он в ироничной и образной форме указывал на свою философию как на «переоценку общепринятых ценностей»; тогда как его аудитория могла понять это как признание в преступлении, связать с изгнанием из Синопы и создать со-

ответствующую легенду (*Bannert. 1979. S. 61–62*). Т. о., хотя нельзя исключать, что Диоген был замешан в «порче монеты», вероятнее всего, он был вынужден покинуть Синопу не по уголовным, а по политическим причинам.

Среди исследователей нет согласия относительно датировки изгнания Диогена и его прибытия в Афины; наиболее интересной, хотя и недостаточно подтвержденной, является гипотеза о том, что изгнание Диогена связано с происшедшим ок. 370 г. до Р. Х. захватом Синопы персид. сатрапом Дататом (ум. в 362 г. до Р. Х.). В результате смены власти в городе отец Диогена мог потерять свое влиятельное положение; Диоген, отличавшийся дерзким и своевольным характером, возможно, вступил в конфликт с лояльными сатрапу городскими властями, в результате чего и был приговорен к изгнанию (*Ibid. S. 52; ср.: Döring. 1998. S. 282–284*). Эта версия согласуется с неоднократно встречающимся у древних авторов свидетельством о том, что Диоген был учеником Антисфена (см.: *SSReliq. V B 17–24*); если Диоген прибыл в Афины вскоре после 370 г. до Р. Х., он мог в течение неск. последних лет жизни Антисфена общаться с ним. Вопрос о том, действительно ли Диоген встречался с Антисфеном, остается в совр. науке дискуссионным и нередко решается отрицательно, однако даже наиболее критически настроенные исследователи признают, что Диоген по меньшей мере был знаком с сочинениями Антисфена и испытал влияние его идей (*Dudley. 1937. P. 13; Long. 1996. P. 33*). Заслуживающими доверия являются сообщения источников о том, что в Афинах Диоген встречался и вел полемику со мн. сократиками (в т. ч. с Платоном, Аристотелем, *киренаиком* Аристиппом, *мегариком* Евклидом), с ораторами (в т. ч. с Демосфеном), с афинскими гос. деятелями и др.; вместе с тем с т. зр. содержания мн. апофтегмы Диогена, будто бы относящиеся к его беседам с этими лицами, являются позднейшим вымыслом.

Согласно источникам, сразу же по прибытии в Афины Диоген начал вести кинический образ жизни. Некоторые исследователи предполагали, что в действительности Диоген выступал против мн. общественных установлений уже в Синопе, в Афинах же лишь нашел в философии

Антисфена убедительное теоретическое обоснование того образа жизни, к-рый он вел и ранее (*Dudley. 1937. P. 23–24*). Однако более вероятно иное объяснение: в Афинах Диоген оказался без средств к существованию и был вынужден вести жизнь нищего. По словам Диогена Лаэртского, «будучи изгнанником, он повел самую простую жизнь» (*Diog. Laert. VI 2. 21*), прилагая к себе слова из трагедии: «Лишенный крова, города, отчизны, живущий со дня на день нищий странник» (*Ibid. 38; SSReliq. V B 263*; предположительно, измененная цитата из трагедии Еврипида; см.: *Packmohr. 1913. P. 60–63*). Диоген считал любое место «одинаково подходящим и для еды, и для сна, и для беседы»; намеренно устроил себе жилище в большой глиняной бочке (*πίθος*); «желая закалить себя, летом перекачивался на горячий песок, а зимой обнимал статуи, запорошенные снегом» (*Diog. Laert. VI 22–23*). Интеллектуальной реакцией Диогена на трудные жизненные обстоятельства стало его обращение к философии Антисфена, который из всех сократиков был наиболее радикальным противником традиц. общественных ценностей и проповедником умеренности и аскезы. При этом, по сообщению Диона Хризостома, Диоген видел слабость Антисфена как философа в том, что тот лишь рассуждал об аскезе, однако сам вел вполне традиц. частную и общественную жизнь: «Сравнивая самого Антисфена с его учением, он нередко упрекал его в недостаточной твердости» (*Dio Chrysost. Or. 8. 2; SSReliq. V B 584; АнтКин. С. 327*).

Источники содержат противоречивые сведения о жизни Диогена после смерти Антисфена. Мн. авторы сообщают о том, что он странствовал по городам Греции, проповедуя киническое учение, обличая пороки жителей и насмехаясь над общепринятыми нормами поведения и обычаями. Первоначальное приложение современниками к Диогену имени «собака» исследователи связывают с 2 введенными им отличительными чертами поведения К.: дерзкую свободу речи Диогена его противники сравнивали с собачьим лаем, а бесстыдное поведение — с поведением собак, традиционно считавшихся лишенными стыда животными (см., напр.: *Diog. Laert. VI 26, 46*). Хотя первоначально наименование «собака» было

оскорблением со стороны его врагов (возможно, Платона), Диоген вполс. охотно сам прилагал его к себе, находя весьма удачной содержащуюся в нем аналогию с «естественной» жизнью животного (см., напр.: *Ibid.* 55, 60; *SSReliq.* V B 34; подробнее см.: *Giannantoni.* 1990. P. 491–497).

Согласно позднему свидетельству Диона Хризостома, Диоген жил то в Афинах, то в Коринфе (*Dio Chrysost.* Or. 6. 1); Диоген Лаэртский приводит рассказ о том, что во время одного из путешествий по пути в Эгину Диоген был захвачен пиратами и продан в рабство; его купил некий Ксениад, житель Коринфа, вскоре проникшийся уважением к учению и образу жизни Диогена, доверивший ему все свое хозяйство и сделавший его учителем 2 своих детей (*Diog. Laert.* VI 74–75). Совр. исследователи полагают, что этот рассказ не соответствует действительности и был выдуман киником-рабом Мениппом, автором несохранившегося соч. «Продажа Диогена», пытавшимся с его помощью продемонстрировать, что положение раба не препятствует следованию кинической философии (см.: *Ibid.* 99–100; ср.: *Fritz.* 1926. S. 22–26; *Döring.* 1998. S. 284–285). Факт пребывания Диогена в Коринфе, по-видимому, подтверждается тем, что, согласно доксографам, именно в этом городе Диоген беседовал со свергнувшим сиракузским тираном Дионисием II Младшим, поселившимся здесь после 344 г. до Р. Х.; по сообщению Плутарха, Диоген насмешливо поздравил тирана с «незаслуженной» простой и счастливой жизнью в Коринфе, избавившей его от «заслуженного» положения властителя, к-рое Диоген назвал «рабским», т. к. оно связано с постоянным страхом потерять власть, богатство и саму жизнь (*Plut. Vitae.* Timoleon. 15; *SSReliq.* V B 54; *AntKin.* С. 161. № 260). Здесь же, согласно источникам, произошла знаменитая встреча Диогена с Александром Македонским, посетившим Коринф вскоре после вступления на царство в 336 г. до Р. Х. Во время этой встречи, отвечая на предложение Александра обратиться к нему с любой просьбой, Диоген сказал: «Не засланный мне солнце» (*Diog. Laert.* VI 38; различные версии рассказа о встрече см.: *SSReliq.* V B 31–49); в кинической традиции эта реплика обычно интерпретировалась как образец презрения мудреца к земным благам

Диоген.
Барельеф. XVIII в.
Мастера О. Пажу, Ж. Сали
(Музей искусств, Валансьен,
Франция)

и пренебрежительного отношения к могущественным властителям, которые никак не могут воздействовать на К., достигшего самодостаточности (автаркии). Хотя встреча с Александром, по-видимому, подтверждает факт пребывания Диогена в Коринфе, исследователи предлагали и иное объяснение сведений о коринфской жизни Диогена: они могли быть выдуманы ради обоснования вымышленной встречи Диогена с Александром, т. к. Афины Александр никогда не посещал (*Schwartz.* 1910. S. 4–5; ср.: *Нахов.* 1982. С. 58–59).

Местом смерти Диогена в большинстве источников называется Коринф, однако есть и указания на то, что он умер в Афинах. По версии, восходящей к его ученикам, Диоген умер, добровольно задержав дыхание; противники К. говорили, что он умер, съев сырого осьминога и заразившись холерой, или будучи укусан собаками. У Диогена Лаэртского также сообщается, что Диоген приказал оставить свое тело без погребения, чтобы оно стало добычей зверей и «принесло пользу его братьям», т. е. собакам; по-видимому, это распоряжение не было выполнено. Большинство доксографов утверждали, что ученики похоронили Диогена в Коринфе, «возле ворот, ведущих к Истму»; на его могиле

был установлен столб, а на столбе — «собака из паросского камня» (*Diog. Laert.* VI 2. 76–79; ср.: *Döring.* 1998. S. 285; полную подборку свидетельств о смерти и погребении Диогена см.: *SSReliq.* V B 81–116).

В доксографической лит-ре содержатся противоречивые сведения о сочинениях Диогена: Диоген Лаэртский приводит почерпнутый из неизвестного источника список, включающий 13 диалогов, послания и 7 трагедий, однако он же отмечает, что античные биографы Сосикрат и Сатир считали все эти сочинения неподлинными, а биограф Соттион признавал подлинными 14 сочинений (*Diog. Laert.* VI 2. 80; ср.: *SSReliq.* V B 117–136). Наиболее достоверным источником сведений о произведениях Диогена являются сохранившиеся в корпусе геркуланских папирусов отрывки из трактата Филодема «О стойках», в к-ром вопрос о сочинениях Диогена обсуждался в связи со спорами о подлинности соч. «Государство» (Πολιτεία) стойка Зенона Китийского (P. Herc. 155, 339; опубл.: *Dorandi.* 1982; ср.: *SSReliq.* V B 126). Согласно Филодему, сочинение Зенона было написано под влиянием «Государства» и трагедий Диогена и содержало идеи К.; первоначально все эти сочинения стойки признавали подлинными, о чем свидетельствуют, напр., высказывания стойков *Клеанфа* и *Хрисиппа*, однако в посл., желая размежеваться с радикальными киническими воззрениями, стойки объявили неподлинными как «Государство» Зенона, так и все известные им сочинения Диогена, что и было отражено в доксографической традиции (см.: *Goulet-Cazé.* 2003). На основании свидетельства Филодема исследователи заключают, что Диоген написал как минимум неск. трагедий, а также трактат «Государство». При этом под «трагедиями», вероятнее всего, подразумеваются не традиц. сочинения этого жанра, а кинические пародии, в к-рых порицавшиеся обществом и осуждавшиеся в традиц. трагедиях пороки оправдывались и представлялись как естественные проявления человеческой природы (*Dudley.* 1937. P. 25–26; *Giannantoni.* 1990. P. 461–484; *Döring.* 1998. S. 285–287; *Нахов.* 1982. С. 61–63).

Внимание исследователей привлекало также упоминание в списке Соттиона сочинения Диогена «Изречения» (Χρῆσις). Термином χρῆσις в ан-

тичной лит-ре обозначалось либо единичное меткое изречение по поводу некой ситуации, обычно вводимое словами «некто сказал...», либо краткий (обычно из 2 реплик) диалог 2 лиц. Маловероятно, что Диоген записывал собственные изречения; по-видимому, этим занимались его ученики (Диоген Лаэртский свидетельствует, что некое соч. «Изречения» было написано киником Метроклем — *Diog. Laert.* VI 33). Различные сборники «Изречений» Диогена были известны среди К. уже в IV в. до Р. X.; именно к таким сборникам, а не к сочинениям Диогена восходят почти все его высказывания, приводимые древними авторами. Оригинальные подборки изречений Диогена, составившиеся в IV—III вв. до Р. X., не сохранились, однако их существование подтверждается как доксографической традицией, черпавшей из них сведения о Диогене и его взглядах, так и введенными в научный оборот в XX в. фрагментами папирусов, датированных II—I вв. до Р. X., к-рые содержат отдельные высказывания Диогена в форме *χρεία* (подробнее см.: *Giannantoni.* 1990. P. 466–474; тексты папирусов и комментарии к ним см.: *Gallo.* 1980; *Bastianini.* 1992). Высказывания Диогена и истории о нем неизменно включались в визант. сборники философских апофтегм (наиболее широко они представлены в «Антологии» Стобея, «Ватиканском гномологии» (*Gnomologium Vaticanum*), «Парижском корпусе» (*Corpus Parisinum*), приписывавшихся прп. Максиму Исповеднику «Богословских главах» (*Loci communes*); см.: *Overwien.* 2005. S. 18–21); при этом они подвергались лит. обработке и изменялись в зависимости от философских убеждений и лит. вкусов составителей таких собраний; нередко составители намеренно или по ошибке приписывали Диогену изречения и мнения др. философов. Первая попытка критического анализа нек-рых тематически важных изречений Диогена была предпринята в нач. XX в. нем. филологом А. Пакмором (*Packmohr.* 1913). В нач. XXI в. О. Овервин, опираясь как на публикации изречений в собраниях Муллаха и *SSReliq.*, так и на оригинальные памятники, предпринял попытку лит. анализа и систематизации всех известных изречений Диогена; он привлек не только греч. источники, но и обширный мате-

риал, содержащийся в араб. сборниках апофтегм, антологиях и историко-философских сочинениях, наиболее ранние из к-рых относятся к IX в. (*Overwien.* 2005. S. 39–209). На основании анализа корпуса изречений Овервин предложил их условную систематизацию, разделив на группы в соответствии с теми качествами Диогена, к-рые в них описывались, а также с основными категориями кинической философии, к-рые они призваны иллюстрировать (*Ibid.* S. 235–390).

Наличие обширной и запутанной лит. традиции, связанной с именем Диогена, делает задачу выделения и систематизации его философских взглядов фактически невыполнимой. Имеющиеся источники не дают материала, к-рый позволил бы исследователям с уверенностью отделить исторического Диогена от его идеализированного лит. образа, а его подлинные высказывания — от тех убеждений и мнений, к-рые были приписаны ему последующими К. с целью их легитимизации (*The Sypnics.* 1996. P. 7). На протяжении всего исторического развития кинизма наиболее важные для К. максимы практической философии, правила поведения, черты образа жизни объявлялись восходящими к Диогену, к-рый стал для К. идеальным мудрецом (*σοφός*), учителем жизни, образцом философа (*Dudley.* 1937. P. 18–19). Отнесение некоего поступка к Диогену или приписывание ему некоего мнения означало признание К. такого поведения или мировоззрения нормативным. Вслед этого обширный философский материал, связанный с именем Диогена, будучи малопригодным для восстановления его исторического облика, вместе с тем является важнейшим и наиболее аутентичным источником сведений о философии кинизма, неформальным «каноном» кинизма (*Солопова.* 2008. С. 413), позволяющим выделить наиболее значимые для К. мировоззренческие принципы и понять кинизм как систему взаимосвязанных философских убеждений и базовых норм практического поведения.

К. в IV—I вв. до Р. X. Хотя Диоген не был основателем философской школы в классическом греч. смысле, т. е. не вел систематических теоретических занятий с учениками, доксографическая традиция свидетельствует, что многие из тех, кто под

воздействием бесед с ним и его примера обратились к киническому образу жизни, считали себя его учениками и продолжателями его философской деятельности. Диоген Лаэртский сообщает, что последователями Диогена были Моним, Онесикрит, Кратет, Менандр, Тегесий Синопский, Филиск Эгинский и др. Из них больше всего сведений сохранилось о Кратете; о Мониме и об Онесикрите известны лишь краткие биографические данные, об остальных не известно ничего, кроме имен (*Diog. Laert.* VI 82–93; ср.: *Döring.* 1998. S. 285).

Кратет, наиболее известный из К. «второго поколения», происходил из Фив, — города, к-рый до его разорения Александром Македонским в 335 г. до Р. X. был одним из наиболее богатых и могущественных в Греции. Время жизни Кратета можно установить лишь крайне приблизительно; предполагается, что он род. ок. 365 г. и скончался ок. 285 г. до Р. X. (*Döring.* 1998. S. 297). Важное место Кратета в истории кинизма обусловлено тем, что в отличие от Антисфена и Диогена он происходил из знатного рода и стал приверженцем кинизма по идейным соображениям, посчитав под влиянием Диогена кинический образ жизни наилучшим и наиболее правильным. Где и при каких обстоятельствах Кратет познакомился со взглядами Диогена — неизвестно; исследователи предполагают, что он мог встречаться с ним во время путешествий, в Афинах или в Коринфе. На то, что Кратет практиковал киническую жизнь в родных Фивах до последних дней, косвенно указывает полулегендарная история о его встрече с Александром Македонским после разорения Фив (*Diog. Laert.* VI 93; *SSReliq.* V Н 31; *АнтКин.* С. 171–172. № 9). Вместе с тем есть свидетельства о том, что в течение некоторого времени он жил в Афинах; так, Диоген Лаэртский рассказывает о его встречах с мегариком Стильпоном, посещавшим Афины (*Diog. Laert.* II 117–118). Противоречивость свидетельств исследователи объясняют желанием доксографов представить связь Кратета с Диогеном более тесной, чем она была в действительности (*Long.* 1996. P. 46; *Döring.* 1998. S. 298). Вероятнее всего, Кратет не был учеником Диогена долгое время и лишь воспринял от него основные идеи кинизма (*Giannantoni.*

Гиппархия, столь сильно полюбила «речи Кратета и его образ жизни», что отказалась от богатых женихов и решила вести

Диоген, живущий в бочке, и Кратет, бросающий деньги в море. Миниатюра из рукописи: Legrand J. Le livre de bonnes moeurs (Fol. 99r). XV в. (Музей Конде, Шантийи, Франция)

совместно с Кратетом киническую жизнь; по словам Диогена Лаэртского, она «стала сопровождать мужа повсюду, ложиться

с ним у всех на глазах и побираться по чужим застольям» (Ibid. 96–97). Пример Кратета и Гиппархии показывает, что засвидетельствованное в доксографической традиции презрительное отношение Диогена к женщинам как к постоянному источнику соблазнов не превратилось у К. в женоненавистничество: К. не отвергали естественную брачную связь между мужем и женой, но критиковали лишь беспорядочные связи ради развлечения и утоления похоти. Более того, в отличие от мн. др. философских школ К. признавали, что женщины способны к ведению «философской» жизни в той же мере, что и мужчины (Döring. 1998. S. 299; Нахов. 1982. С. 67–68). Философское влияние Кратета не ограничивается кинической традицией: исследователи признают заслуживающим доверия сообщение источников о том, что учеником Кратета был основатель стоицизма Зенон Китийский (Diog. Laert. VI 9. 105; SSReliq. V Н 37–39); однако такое же сообщение о стойке Клеанфе (SSReliq. V Н 43), приемнике Зенона в стоической философской школе, вероятнее всего, представляет собой вымысел (Döring. 1998. S. 299).

Кратет и его сподвижники являются зачинателями кинической художественной и публицистической лит. традиции. По-видимому, именно среди учеников Кратета впервые были созданы и получили распространение сборники изречений Диогена; им же принадлежит заслуга создания жанра кинической диатрибы, развитого последующими К. Отказавшись от написания философских и научных трактатов, Кратет использовал для пропаганды кинических

идей традиц. жанры поэтической греч. лит-ры того времени (лирические и драматические стихи, трагедии и комедии), но при этом нарушал все жанровые устои, пародируя и разрушая изнутри сложившиеся формы, полемизируя как с древними, так и с новыми, современными ему поэтами. Во всех сохранившихся фрагментах стихотворений Кратета (всего ок. 10; см.: SSReliq. V Н 66–86; АнтКин. С. 170–173) царит дух насмешки и иронии; переиначивая сочинения греч. лит-ры, в к-рых восхвалялись боги, герои и их подвиги, Кратет превращал их в остроумную похвалу киническим идеалам (бедности, беззаботности, самодостаточности) и порицал тягу современников к удовольствиям и роскоши (см.: Нахов. 1981. С. 55–66). Последователь Кратета Менипп, ставший киником фиванский раб, известен как создатель жанра кинической, или менипповой, сатиры. По словам Диогена Лаэртского, «его книги были полны насмешек и острот» (Diog. Laert. VI 8. 99–101); его лит. стиль высоко оценивали Варрон и Лукиан, писавшие в подражание ему собственные сатиры, однако подлинных фрагментов его сочинений не сохранилось (Нахов. 1982. С. 68–69). По-видимому, в III в. до Р. Х. киническая лит-ра пользовалась большой популярностью и активно распространялась; отзвуки обычных для кинических авторов язвительных насмешек над богачами и восхваления простой природной жизни обнаруживаются во мн. сохранившихся поэтических фрагментах этого времени, напр. в отрывках сочинений Сотата из Маронеи, Феникса из Колофона, Керкида из Мегалополя, Леонида из Тарента и др. поэтов (см.: АнтКин. С. 202–210). Попытка рассмотреть творчество всех этих авторов как представителей кинической традиции была предпринята Наховым (см.: Нахов. 1981. С. 69–128); в западной науке преобладают более осторожные оценки, поскольку с уверенностью говорить о принадлежности поэтов к кинизму как к философской школе сохранившиеся источники не позволяют (см., напр.: Relihan J. C. Ancient Menippean Satire. Baltimore, 1993; Lomiento L., ed. Cercidas: Testimonia et fragmenta. R., 1993; López Cruces J. L. Les méliambes de Cercidas de Mégalopolis: Politique et tradition littéraire. Amst., 1995).

Особое место среди учеников Диогена занимает Онесикрит. О его жизни почти ничего не известно; источники сообщают лишь, что он участвовал в завоевательном походе Александра Македонского в Индию и написал несохранившееся соч. «О воспитании Александра» (*Diog. Laert.* VI 84). Важный фрагмент из заметок Онесикрита о походе, посвященный рассказу о встрече с инд. «гимнософистами» (Этим термином греч. писатели и историки обычно обозначали приверженцев брахманизма, различных школ инд. йоги и вообще инд. аскетов), сохранился в пересказах Плутарха и Страбона. Согласно рассказу Онесикрита, гимнософисты ходили обнаженными, упражнялись в выносливости, «приучали свои тела к труду, чтобы укрепить духовные силы». Отвечая на вопрос гимнософиста о том, есть ли подобные учения в Греции, Онесикрит привел примеры учений Пифагора, Сократа и Диогена (*Strabo. Geogr.* XV 1. 63–65; *Plut. Vitae. Alexander.* 65; *SSReliq.* V C 1–4). Из текстов следует, что Онесикрит считал учение гимнософистов похожим на взгляды К.; схожесть отмечали и гимнософисты, заявляя, однако, что греки «слишком уж почитают законы» и потому не способны к всецелому отрешенной жизни. В XX в. свидетельство Онесикрита использовалось для обоснования гипотезы о том, что кинизм имеет инд. корни, является чужеродным для Греции явлением и был воспринят Диогеном от к.-н. бродячего гимнософиста (см., напр.: *Sayre.* 1938. P. 38–46); большинство совр. ученых отвергают это мнение как ненаучное (*Нахов.* 1981. С. 6–7).

Обращение к киническому образу жизни не для всех К. оказывалось окончательным выбором, а идеи кинизма уже в IV–III вв. до Р. Х. нередко причудливо смешивались с идеями др. философских школ. Иллюстрацией этого служит рассказ Диогена Лаэртского о жизни и философской деятельности Биона Борисфенита (*Diog. Laert.* IV 46–58). Бцион род. ок. 335 г. до Р. Х. (*Döring.* 1998. S. 306); согласно его рассказу, он в детстве был продан в рабство риторю, получил в наследство его состояние и на эти деньги приехал в Афины, где занялся философией (*Diog. Laert.* IV 46–47). По утверждениям доксографов, сначала он учился у последователей Платона

(академиков), затем «обратился к киническому образу жизни, надел плащ и взял посох», потом принял учение киренаика Феодора Безбожника и стал его последователем; обучался он и у перипатетика Феофраста. Источники часто называют его «софистом» и приписывают ему жизнь, не похожую на аскетическую жизнь К.: как сообщает Диоген Лаэртский, он любил пышность, часто переезжал из города в город, однако не для того, чтобы обличать пороки жителей, как К., а для того, чтобы привлекать новых последователей и жить за их счет (*Ibid.* 53). Хотя исследователи отмечали, что негативные отзывы о Бионе в источниках могут восходить к его противникам и представлять его искаженный облик, не вызывает сомнений, что «кинизм» Биона значительно отличается от классического кинизма Диогена и Кратета. По-видимому, Бцион желал совместить кинизм с гедонистическими направлениями современной ему греч. философии (прежде всего с учениями эпикурейцев и киренаиков), заимствуя из кинизма идеи свободы от общественных условий и «бесстыдства», однако отказываясь от принципов бедности и аскезы и тем самым сводя кинизм к имморалистическому и атеистическому индивидуализму (*Döring.* 1998. S. 306–310; ср.: *Dudley.* 1937. P. 62–74; попытку представить Биона «истинным киником», вернувшем кинизм к «оптимизму» Сократа, см.: *Kindstrand.* 1976). Бцион был автором многочисленных сочинений, однако даже заглавия большинства из них неизвестны. Древние авторы отмечали, что сочинения Биона отличались эклектическим характером: его речь была смешана из выражений разного стиля, вслед. чего говорили, что он «первым нарядил философию в пестрое одеяние» (*Diog. Laert.* IV 52). Мн. исследователи видели в этой оценке указание на то, что Бцион был создателем особого рода лит. произведений, известных как «диатрибы».

Согласно Диогену Лаэртскому, Бцион был автором соч. «Диатрибы», однако приводимый отрывок из него посвящен не учению К., а киренаику Аристиппу (*Ibid.* II 77). Исходя из того, что в сохранившихся под именем Телета достаточно крупных фрагментах диатриб несколько раз упоминается Бцион и с одобрением приводятся его высказывания,

исследователи сделали вывод, что «Диатрибы» Телета представляют собой лит. обработку или пересказ «Диатриб» Биона. В совр. науке эта гипотеза поставлена под сомнение; вместе с тем нельзя исключать, что кинические идеи Телет изучал по сочинениям Биона (см.: *Fuentes González.* 1998. P. 23–32). Понятие «диатриба» (*διὰ τριβῆς*), не использовавшееся в жанровом смысле древнегреч. теоретиками лит.-ры, было введено в научный оборот филологами в кон. XIX — нач. XX в. и постепенно стало применяться для объединения в одну группу достаточно разнородных сочинений, представляющих собой «непринужденные рассуждения на популярно-философскую моральную тему» (*Нахов.* 1981. С. 47). В XX в. понятие «диатриба» оказалось предметом научных дискуссий, в ходе которых были предложены различные варианты определения границ и особенностей этого вида лит.-ры (обзор см.: *Schmeller.* 1987. S. 1–54; *Fuentes González.* 1998. P. 44–78). В наст. время существует как узкое представление о диатрибе, в рамках которого она определяется как этико-практическое наставление, обращенное от учителя к ученику, т. е. как схема преподавания, характерная для ряда философских школ (*Fuentes González.* 1998. P. 52–53; *Stowers.* 1984), так и широкое представление, согласно к-рому диатриба — «речь или проповедь, с которой философ обращается к аудитории, прозаический монолог, где ведется внутренняя дискуссия с воображаемым противником, или обмен репликами с таким же подразумеваемым собеседником»; эта речь намеренно упрощенная, с множеством разговорных слов и оборотов, имитирующая живой диалог, но при этом искусно вбирающая в себя материал из многочисленных разнородных источников: мифологии, поэзии, истории, философии (*Нахов.* 1981. С. 49–52).

Важность «Диатриб» Телета для понимания развития кинической философии определяется тем, что они являются 1-м достаточно крупным по объему памятником кинической лит.-ры, сохранившимся до наст. времени в оригинальной или близкой к оригинальной форме (*Fuentes González.* 1998. P. 42–43). Вместе с тем философское значение «Диатриб» получало противоречивые оценки у исследователей; учение К. представлено

здесь упрощенно, не в его первоначальном виде, но в эклектичном соединении с идеями стоицизма и «народной философии». Источником текста «Диатриб» является «Антология» Стобея, где они либо цитируются дословно, либо пересказываются с сокращениями (подробнее о текстологии см.: Ibid. P. 3–9). О жизни Телета ничего не известно; все сведения о нем, извлекаемые исследователями из текста «Диатриб», являются весьма условными. Предполагается, что «Диатрибы» были созданы Телетом между 260 и 240 гг. до Р. X. (*Döring*. 1998. S. 312; *Fuentes González*. 1998. P. 35–36). Вероятно, Телет происходил из Мегары; сам он называет себя «учителем» (παιδαγωγός), что может быть понято как в прямом профессиональном смысле, так и в смысле кинического проповедника, видевшего свою задачу в том, чтобы «педагогически» обращать слушателей от их жизни в невежестве и страстях к кинической мудрости. Всего под именем Телета сохранилось 8 отрывков из диатриб; их заглавия, часть из которых дана Стобеем, а часть — совр. учеными, демонстрируют круг вопросов, интересовавших Телета: «О явлении и бытии», «Об автаркии», «Об изгнании», «О бедности и богатстве» (2 отрывка), «О том, что удовольствие не является предельной целью», «Об обстоятельствах», «О бесстрастии». Рассматривая ключевое для кинизма понятие «автаркия», Телет следует его интерпретации у Биона и замечает, что «человеку следует уметь сыграть роль, назначенную ему судьбой» (АнтКин. С. 180–181), ему нужно не «пытаться изменить обстоятельства», но менять «собственный характер» и «собственные ложные взгляды» (Там же. С. 182). Мудрец, согласно Телету, самодостаточен уже не столько потому, что он вернул свою жизнь к ее природной простоте, сколько в силу того, что он полностью отдался на волю судьбы. Восхваляемая Телетом любовь к бедности также оказывается не волевым выбором, как это было у Кратета, но искусством вести счастливую жизнь в трудных обстоятельствах. Телет не разделяет тенденции Биона к оправданию гедонизма, и заявляет, что в жизни гораздо больше неприятностей, чем наслаждений, поэтому поиск наслаждений не может доставить счастье (Там же. С. 196–197). Вместе с тем он не призывает

мудреца намеренно искать страданий и трудностей; философия для него — искусство примирения с действительностью. В целом «Диатрибы» Телета свидетельствуют о снижении присущего первоначальному кинизму радикализма в противопоставлении индивида об-ву; преобладание в них концепции «покорности судьбе» (Там же. С. 182, 197, 201) демонстрирует, что уже в это время кинизм испытывал сильное влияние стоицизма (*Нахов*. 1981. С. 129–131; *Döring*. 1998. S. 312–313).

Датируемые сер. III в. до Р. X. кинические стихотворения Керкида из Мегалополя и «Диатрибы» Телета являются последними известными в наст. время памятниками лит-ры раннего греч. кинизма. Отсутствие свидетельств о кинических философах и писателях во II–I вв. до Р. X. послужило основанием для гипотезы о том, что в этот период, часто называемый в лит-ре «темными веками кинизма» (*Нахов*. 1981. С. 135), киническая философия находилась в упадке и почти полностью исчезла. Совр. исследователи указывают на чрезмерную категоричность такого вывода: отсутствие ярких кинических авторов может быть объяснено общим характером кинической философии, требовавшей от ее приверженцев не философских рассуждений, а практического переустройства жизни (*Moles*. 1983. P. 120–123). Лаконично и ярко изложенные в изречениях Диогена и подтвержденные примерами из его жизни основоположения кинизма не нуждались в дальнейшей теоретической обработке; попытки осмысления кинизма чаще всего исходили извне, тогда как сами К. предпочитали практическую реализацию своих принципов их обсуждению (*Dudley*. 1937. P. 117–118). О том, что кинизм в его первоначальной радикальной форме сохранял популярность среди греч. и рим. населения, свидетельствуют датированные II–I вв. до Р. X. папирусы, содержащие изречения Диогена (см.: *Gallo*. 1980; *Bastianini*. 1992; *Нахов*. 1981. С. 136–138), а также краткие упоминания о К., встречающиеся у рим. поэтов (Гая Луцилия, Децима Лаберия и др.) и писателей (Варрона, Цицерона и др.) этого времени (см.: *Helm*. 1924. Sp. 5; *Нахов*. 1981. С. 136, 144). Оценки учения К. в лат. лит-ре показывают, что для представителей рим. цивилизации республиканского периода кинизм

представлялся возмутительным и безнравственным учением, несовместимым с рим. идеалом добродетели (virtus). Так, Цицерон писал: «Нужно отбросить все учение киников, ибо оно враждебно стыдливости (verecundia), а без нее нет ничего истинного и честного» (*Cicero*. De offic. I 41. 148; ср.: Ibid. 35. 128). Поэты и писатели, близкие к высшим слоям рим. об-ва, относились к К. издевательски и насмешливо (ср. строку Лаберия: «Сходи со мной в нужник, чтобы понять, что такое киническая секта (Cynica haeresis)» — *Decimus Laberius*. The Fragments / Ed. C. Panayotakis. Camb., 2010. P. 204, 221–224); однако в низших слоях рим. об-ва кинизм имел сторонников (ср.: *Dudley*. 1937. P. 118–121). По-видимому, отдельные приверженцы кинизма были и среди аристократии: так, из «Сравнительных жизнеописаний» Плутарха известно, что сенатор Марк Фавоний «ни во что не ставил свое достоинство» и нередко выступал с оскорбительными речами, отличавшимися «кинической откровенностью». Плутарх сообщает, как с помощью дерзкого кинического поведения Фавоний сумел добиться примирения полководцев Марка Юния Брута и Гая Кассия Лонгина; т. о., Фавоний, подобно Кратету, был киником-миротворцем и использовал кинизм в своей деятельности, направленной на защиту рим. республики (*Plut. Vitae Brutus*. 34; ср.: *Dudley*. 1937. P. 120–121; *Goulet-Cazé*. 1990. S. 2723–2724).

Изменение характера кинизма и снижение его популярности во II–I вв. до Р. X. могут быть объяснены и внешними обстоятельствами, связанными с политическим кризисом эллинистической цивилизации. Кинизм был реакцией на размеренную и подчиненную устоявшимся правилам и обычаям жизнь греч. полиса; в условиях неопределенности и смены системы общественно-политических отношений стоическое стремление к стабильности и общественному порядку находило куда более сильный отклик, чем киническое стремление к анархической индивидуальной свободе. Характерный для эпохи всплеск интереса к различным религиозно-мистическим учениям также был неблагоприятен для кинизма, сторонники которого активно критиковали народную религию, суеверия и мистицизм. К I в. до Р. X. кинизм фактически разделился на

2 течения: народно-маргинальное, представители к-рого, следуя идеалам Диогена, отказывались от изучения любых наук и от всякой теоретической деятельности (как философской, так и литературной), вели бродячую нищенскую жизнь и были постоянным объектом насмешливого презрения со стороны иных философских школ; и интеллектуально-моралистическое, в рамках к-рого первоначальные кинические ригоризм и аскетизм смягчались, а идеалы и принципы кинизма подвергались рационалистической интерпретации в духе стоицизма (*Moles*. 1983. P. 122; *Нахов*. 1981. С. 144–146). Внутренний конфликт этих течений определял развитие кинизма как школы эллинистической философии вплоть до его исчезновения в V в.

Кинизм в Римской империи (I–V вв.). Становление Римской империи как мощного централизованного гос-ва, претендовавшего на мировое политическое и культурное господство, способствовало возрождению кинизма и появлению серьезного интереса к нему среди рим. населения. В условиях доминировавшей имперской идеологии, обожествлявшей императоров и объявлявшей их волю высшим законом, вновь стали востребованы разнообразные формы индивидуального протеста против общественной несправедливости и гос. произвола. Рим. кинизм в I–II вв. существовал бок о бок со стоицизмом и часто воспринимался как его радикализованная версия; так, сатирик Децим Юний Ювенал в нач. II в. писал, что стоик отличается от киника только одеждой (*Juvenal*. Satir. V 13. 120–122). Вместе с тем как сами К., так и философски образованные рим. писатели отличали кинизм от стоицизма, поэтому, хотя на практике у мн. философов и писателей этой эпохи кинические и стоические идеи эклектически смешивались, говорить о полном слиянии этих философских школ нельзя. Выделение характерных черт рим. кинизма осложнено тем, что многочисленные сведения о нем по большей части восходят не к К., а к авторам, занимавшим иную философскую позицию и обсуждавшим взгляды К. со своей т. зр. и для собственных целей; немногие приводимые ими цитаты из кинических сочинений не позволяют судить о целостном мировоззрении философов-киников.

Негативное влияние на восприятие образованными кругами Римской империи стоиков и К. оказывала деятельность «бродячих философов», известных с III в. до Р. X. и ставших особенно многочисленными к I в. по Р. X. Эти философы, отчасти действительно следовавшие своим убеждениям, а отчасти бывшие мошенниками и шарлатанами, вели нищенскую жизнь на площадях и улицах, постоянно докучали состоятельным гражданам просьбами о милостыне, предлагали взамен незамысловатые философские поучения или, по выражению их противников, «вопили о всем известных, избитых вещах... и просто-напросто поносили всех» (*Lucian*. De morte Peregrini. 3). Уже у Тита Макция Плавта (III–II вв. до Р. X.) такого рода К. сравниваются с «паразитами», живущими за чужой счет (*Plaut*. Pers. 123–126). Марк Валерий Марциал (2-я пол. I в.) с презрением упоминает о «жалких киниках и стоиках» (*Martial*. Epigr. XI 84; ср.: *Ibid*. III 93). В одной из его эпиграмм представлен яркий образ современного ему киника: это старик с седыми волосами и грязной бородой, в засаленном плаще, с палкой и сумой, к-рому толпа «подает пищу за лай»; «никакой он не киник, а просто пес», — унижающе завершает Марциал описание (*Ibid*. IV 53). В том же духе о рим. К. писали Петроний, Авл Геллий и др. лат. авторы (*Нахов*. 1981. С. 148; *Döring*. 2006. S. 56–57). О жизни бродячих К. в Александрии красноречиво свидетельствует Дион Хризостом; по его словам, эти К. во множестве собираются «на перекрестках, в рощах для прогулок, близ храмовых ворот, выпрашивают подавание, вводят в заблуждение юношей, моряков и других лиц того же рода, производя на свет грубые шуточки и непристойные сплетни, подходящие только для рынка». Их деятельность, по убеждению Диона, «не приносит никакой пользы, но служит источником самого худшего зла, поскольку, глядя на них, люди учатся относиться с презрением вообще ко всем философам» (*Dio Chrysost*. Or. 32. 9). Гротескная и неприглядная картина деятельности бродячих К. представлена в диалоге Лукиана «Беглые рабы», где К. отождествляются с «беглыми рабами или поденщиками», к-рые из лени и тщеславия решили стать «философами» и избрали кинический образ жизни,

поскольку он не требует никаких знаний и не налагает никаких обязанностей. По словам Лукиана, «весь город наполнился бездельниками», к-рые, «записавшись в число последователей Диогена, Антисфена и Кратета» и «выступая под знаком пса», ходят из дома в дом и «собирают дань» с тех, кому неудобно отказать философам; они в точности усвоили все худшие черты собачьей природы: «собачий лай, прожорливость, похотливость, льстивое вилянье перед подачкой и прыжки вокруг накрытого стола» (*Lucian*. Fug. 12–16). Исследователи отмечают, что подобные оценки следует воспринимать с осторожностью: хотя мн. бродячие К. действительно могли быть мошенниками, само по себе осуждаемое образованными писателями на основании их представлений о кинизме поведение К. точно соответствовало заданному Дионом идеальному образцу, так что истинными К. нередко были именно уличные философы (*Moles*. 1983. P. 123; *Нахов*. 1981. С. 148, 220).

Центром деятельности К. в I–II вв. были крупные города, прежде всего Рим и Александрия. С одной стороны, это объясняется прагматическими причинами, поскольку среди богатой городской аристократии К. было проще найти себе покровителей; с др. стороны, это могло быть реализацией провозглашенного Дионом принципа «идти к больным», т. е. проповедовать истинную философию там, где люди более всего погрязли в невежестве и пороках (подробнее см.: *Goulet-Cazé*. 1990. S. 2731–2746). О деятельности александрийских К. известно не много. В совр. науке предлагалась гипотеза, что они были активными участниками александрийских восстаний против рим. господства и что их взгляды отражены в памятнике, известном как «Акты языческих мучеников Александрии» (*Acta Alexandrinorum*), однако эти тексты не имеют философской нагрузки и свидетельствуют более о гражданском мужестве и греческом патриотизме мучеников, чем об их кинических убеждениях (ср.: *Нахов*. 1981. С. 149–153). Вместе с тем источники подтверждают, что и в Александрии, и в Риме, и в др. городах Римской империи К. нередко выступали против злоупотреблений власти, хотя и не столько с политических, сколько с философско-моралистических позиций.

К. не боялись бросать вызов даже могущественным рим. императорам: киник Исидор был изгнан имп. *Нероном* (54–68) из Рима, т. к. громко крикнул при всех императору, «что о бедствиях Навплия (древнегреч. герой.— Д. С.) он поет хорошо, а со своими справляется плохо» (*Suet. Nero. 39*); некие К. Диоген и Герас в 70-х гг. I в. высмеивали любовную связь буд. имп. Тита (79–81) с Береникой, за что Диоген был подвергнут порке и изгнан, а Герас — казнен (*Dio Cassius. Hist. Rom. LXV 15*; ср.: *Goulet-Cazé. 1990. S. 2752–2759*).

Киническая философия I–II вв. Наиболее влиятельным рим. киником в I в. был Деметрий. Сведения о нем сохранились благодаря тому, что он был близко знаком с писателем, моралистом и философом-стоиком Сенекой и неоднократно упоминается в его сочинениях; кроме того, важные, хотя и не всегда достоверные, упоминания о нем встречаются в сочинении Флавия Филострата (170–247) «Жизнь Аполлония Тианского» и у Эпиктета. Точная дата рождения Деметрия неизвестна. Он не был уроженцем Рима и, вероятно, прибыл в столицу в 30-х гг. I в. (*Billerbeck. 1979. S. 10; Kindstrand. 1980. S. 84–85*); при имп. *Калигуле* (37–41) Деметрий был уже хорошо известен в Риме. Согласно сообщениям Сенеки, Деметрий вел строго аскетический образ жизни: он был «беднее всех из своей школы», ходил полуодетым и спал на голой земле; если др. К. «запрещали себе иметь, то он запрещал себе и просить», более того — отказывался от чрезмерных подаваний (*Seneca. De vita beat. 18. 3; Idem. Ep. 62. 3*). Так, по словам Сенеки, Деметрий отказался от 200 монет, предложенных ему имп. Калигулой, заявив, что не допустит, чтобы такая ничтожная сумма изменила его убеждения (*Idem. De benefic. VII 10; Billerbeck. 1979. S. 26–27*). Следуя киническому идеалу необразованности, Деметрий призывал не приобретать излишние знания, утверждая, что единственная полезная для человека наука — это познание самого себя и выработка правильного отношения к жизни. Сравнивая Деметрия с др. философами, Сенека видел его неоспоримое преимущество в том, что он являлся «не только проповедником (*praeseptor*), но и свидетелем (*testis*) истины» (*Seneca. Ep. 20. 9*), т. е. не просто учил надле-

жащему поведению, но демонстрировал его всей своей жизнью.

Приписываемые Сенекой Деметрию «правила жизни» близки к стоическим: Деметрий призывает во всем служить добродетели, «открывать совесть богам» и жить как бы перед их взором; отказываться от наслаждений и приобретать бесстрастие; преодолевать страх перед смертью и видеть в ней лишь прекращение тягот жизни (*Idem. De benefic. VII 1–2*; ср.: *Idem. De prov. 5*). Идеализированный образ Деметрия у Сенеки дополняется сообщениями рим. историков, видевших в К. возмутителей спокойствия и вслед этого отзывавшихся о них неодобрительно. Согласно источникам, Деметрий выступал с критикой имп. Нерона, был дружен с лидером стоической оппозиции Нерону сенатором Публием Клодием Тразеей Петом и присутствовал при его вынужденном самоубийстве в 66 г. Вскоре после этого Деметрий был изгнан из Рима; он вернулся в столицу при имп. *Веспасиане* (69–79), однако ок. 71 г. был изгнан и этим императором вместе со мн. стоическими и киническими философами, к-рых обвинили в том, что они «публично проповедают неподобающие учения» и смущают добродетельных граждан (*Dio Cassius. Hist. Rom. LXV 12–13*; подробнее о политической деятельности Деметрия см.: *Dudley. 1937. P. 128–137; Kindstrand. 1980. S. 94–98; Moles. 1983*). Даже после изгнания Деметрий оставался верен киническому свободолобию; согласно историку Светонию, встретив имп. *Веспасиана*, Деметрий «не пожелал ни встать перед ним, ни поздороваться, и даже стал на него лаяться», в ответ на что император презрительно назвал его псом (*Suet. Vesp. 13*).

О двух др. К. I–II вв. известно из посвященных им диалогов Лукиана: «Жизнеописание Демонакта» (*Lucian. Demon.*) и «О кончине Перегрин» (*Idem. De morte Peregrini*). Эти К. ярко представляют 2 наиболее сильных течения в кинизме этого времени: Демонакт прославился как скептик и атеист, тогда как Перегрин был мистиком и аскетом (*Dudley. 1937. P. 178*). Демонакт родился на Крите, после обращения к занятиям философией переехал в Афины, где и провел остаток жизни. Согласно Лукиану, Демонакт был учеником Деметрия; во внешности и в стремлении к бедности он подра-

жал Диогену, однако при этом не принимал всецело кинического образа жизни и не нищенствовал: «Он ел и пил вместе со всеми, был прост в обращении, лишен малейшего самомнения и держал себя как рядовой член общества и гражданин государства» (*Lucian. Demon. 5*). В учении Демонакт соединял положения мн. философских школ, говоря о себе: «Я благоговее перед Сократом, восхищаюсь Диогеном и люблю Аристиппа» (*Ibid. 62*). Хотя передаваемые Лукианом высказывания Демонакта свидетельствуют, что он был более моралистом-электиком, чем киником, в его поведении и высказываниях прослеживается явное стремление заимствовать лучшее из раннего кинизма. Он ценил «прямоту речи и независимость мысли» (*Ibid. 11*); нападал на народные суеверия (*Ibid. 23, 34, 37*); обличал ложных К., «философствующих не ради истины, а напоказ» (*Ibid. 48*); насмеялся над людьми, желающими постичь тайны мироздания, и при этом даже не задумывающимися о том, что они ведут порочную жизнь (*АнтКин. С. 277. № 6*; ср.: *Billerbeck. 1996. P. 215–216; Haxov. 1981. С. 154–155*).

Гротескное изображение Лукианом противоречивой фигуры Перегрин (или Протея), реального исторического лица, содержит важный материал, позволяющий судить о том, как понималось в I–II вв. языческими писателями отношение между кинизмом и христианством. Согласно Лукиану, Перегрин бежал из родного города из-за обвинений в прелюбодеянии и убийстве собственного отца; он скитался по разным землям, пока в Палестине не познакомился с учением христиан (*Lucian. De morte Peregrini. 9–11*). Если верить Лукиану, Перегрин стал руководителем христ. общины (возможно, епископом), толковал Свящ. Писание и почитался как пророк. Во время гонений он был схвачен и помещен в тюрьму, что еще больше усилило его славу, так что христиане из разных городов посещали его в тюрьме и жертвовали ему деньги. Лукиан, убежденный противник христианства, не осуждает здесь христиан, но лишь отмечает, что они вслед простоты и доверчивости являются легкой добычей для обманщиков, использующих новую религию ради наживы. Вскоре Перегрин был выпущен из тюрьмы; он странствовал

по разным городам одетый как киник, вначале проповедуя христианство, а затем, после того как по неизвестным причинам был отлучен от христ. общины, уже практикуя чистый кинизм. Из рассказа Лукиана следует, что Перегрин выставлял напоказ 3 кинические добродетели: бесстыдство, как и Диоген, ведя всю свою жизнь на публике; аскезу, закаляя тело упражнениями; свободу речи, браня и обличая императора и др. высокопоставленных лиц (Ibid. 11–19). Перегрин повсюду окружали восхищавшиеся им К.; по их мнению, по добродетели он был выше Диогена и Сократа и равен богам (Ibid. 5). О том, что Перегрин был скорее увлекающимся фанатиком, чем наглым мошенником, каким представляет его Лукиан, свидетельствует упоминание о нем у Авла Геллия, который сообщает, что лично встречался с ним в Афинах, оценивает его как «человека серьезного и положительного» и замечает, что «слышал от него много полезного и правдивого» (Aul. Gell. Noct. XII 11). Заявление Перегрин, что он намеревается сжечь себя живым, вызвало ожесточенные споры о том, является ли он тщеславным безумцем, или же подлинным философом, готовым в самом себе предложить образец кинического презрения к смерти. Лукиан придерживался 1-го мнения (Lucian. De morte Peregrini. 22, 38), однако отмечал, что почти все К. видели в Перегрине героя. Сам Перегрин сравнивал себя с Гераклом, излюбленным героем К., и утверждал, что «тот, кто жил, как Геракл, должен и умереть, как Геракл», т. е. добровольно взойти на костер (Ibid. 33). Самосожжение Перегрин состоялось в 165 г. в Олимпии, сразу после Олимпийских игр, при значительном стечении народа и в присутствии мн. К., одобрявших этот поступок (Ibid. 35–36). Хотя случаи добровольного ухода К. из жизни были широко распространены и не вызывали удивления, публичное самосожжение Перегрин является уникальным событием в истории кинизма. Совр. исследователи отмечают явную предвзятость Лукиана; его версия о том, что поступок Перегрин был мотивирован жадой славы, вызывает серьезные сомнения; вероятнее всего, истинной целью Перегрин было привлечение внимания к киническому учению скандальным поступком, что

вполне согласуется с принципами кинизма (см.: Bagnani. 1955; Dudley. 1937. P. 170–182; Döring. 2006. S. 62–64; Goulet-Cazé. 2008. Sp. 677–680; Haxov. 1981. С. 155–156).

История Перегрин подтверждает, что в Римской империи I–III вв. христианство и кинизм часто соприкасались как на уровне повседневной жизни, так и в области идей, преимущественно практико-аскетических. Нек-рые исследователи полагают, что Перегрин практиковал чрезмерный «кинический» аскетизм еще тогда, когда он был христианином, и объясняют его разрыв с христианством желанием христ. общин отмежеваться от радикальных форм аскетизма, к-рые в свою очередь могли возникать среди христиан в т. ч. и под влиянием кинизма (Bagnani. 1955. S. 111–112). Так, из приписываемого *Ипполиту Римскому* соч. «Опровержение всех ересей» известно о существовании ереси *энкратитов*, строгих аскетов, воздерживавшихся от мн. видов пищи и супружеских отношений; при этом автор прямо говорит, что они «более являются киниками, чем христианами» (Hipp. Refut. VIII 7). О Перегрине (под именем Протей) упоминает христ. апологет *Татиан*, по нек-рым данным основатель или активный деятель движения энкратитов (см.: Euseb. Chron. // PG. 19. Col. 563); он крайне отрицательно оценивает обращение Перегрин к кинизму: «О человек, соревнующийся с псом, ты не знаешь Бога и оттого перешел к подражанию бессловесным. Поднимая крик на людях, ты убедительно защищаешь сам себя; если не получаешь — бранишься, и философствование становится у тебя искусством добычи» (Tat. Contr. Graec. 25). Обращение из кинизма в христианство и из христианства в кинизм не было редкостью и во II в., и в более позднее время. Так, из сочинений свт. *Григория Богослова* известно об обратившемся в христианство кинике Максиме (Ироне). Практиковавший киническую жизнь в молодые годы Максим, прибыв в К-поль, представился убежденным исповедником никейского православия и вошел в доверие к свт. Григорию, посвятившему ему похвальное слово (Greg. Nazianz. Or. 25). Вскоре, однако, он вступил в сговор с арианами и др. противниками свт. Григория; был незаконно рукоположен ими во епископа К-польского. Непризнание

его хиротонии народом и императором вынудило Максима бежать из К-поля и отказаться от притязаний на кафедру (см.: *Idem*. De vita sua. 552–1912); о его дальнейшей судьбе ничего не известно (ср.: Dudley. 1937. P. 203–206; Goulet-Cazé. 2008. Sp. 680–682; подробнее см.: Mossay. 1982; Goulet-Cazé. 1990. S. 2791–2795; Eadem. 2005).

Негативные суждения Лукиана о Перегрине и намеки на то, что христианство и кинизм одинаково используются всевозможными мошенниками для собственных корыстных и тщеславных целей, во многом объясняются тем, что близкие к языческой аристократии Римской империи писатели, с презрением относившиеся к любым мировоззренческим течениям, распространенным среди простолюдинов, мало интересовались сущностью учений кинизма и христианства, поверхностно и высокомерно осуждая кинизм как «простонародную философию», а христианство — как «простонародную религию». Защитники традиц. языческого богочтения соединяли в одну группу К. и христиан также по той причине, что и те и другие насмешливо и пренебрежительно относились к языческим богам, отказывались приносить им жертвы и участвовать во всенародных религ. обрядах, т. е., с т. зр. язычников, были безбожниками и богохульниками. Показательным является суждение риторы и софиста Элия Аристида (II в.), писавшего о бродячих К.: «В своих обычаях они напоминают нечестивую секту, происходящую из Палестины (т. е. христиан. — Д. С.), поскольку как у ее приверженцев признаком их нечестия является то, что они не почитают высшие силы (т. е. языческих богов. — Д. С.), так и эти [философы] отделяют себя от всех эллинов, от всего божественного и высокого» (Aelius Aristides. Oratio III // *Idem*. Opera quae exstant omnia. Leiden, 1978. Vol. 1. Fasc. 3. P. 514–515; ср.: Goulet-Cazé. 1990. S. 2782–2788; Eadem. 2008. Sp. 668–669).

Наиболее ярким представителем атеистического кинизма во II в. был Эномай Гадарский. Его кинические и антирелиг. сочинения пользовались широкой известностью до III–IV вв.; так, имп. Юлиан Отступник с возмущением критиковал взгляды Эномай как «безбожный кинизм». Отрывки из трактата Эномай «Против

оракулов» (др. название — «Изобличение обманщиков») сохранились благодаря тому, что Евсевий, еп. Кесарии Палестинской, в соч. «Приготовление к Евангелию» дословно приводит ряд его аргументов против языческих предсказаний будущего, восхищаясь их «кинической язвительностью» (*Euseb. Praep. evang. V 21 // PG. 21. Col. 365*). Фрагменты Эномая не позволяют судить о специфике его кинических убеждений; известно лишь его утверждение, что кинизм не является ни «антисфенизмом», ни «диогенизмом» (ὄντε Ἀντισφενισμὸς ἔστιν οὐτὲ Διογενισμὸς — *Julian. Apost. Or. 9. 6. 187*). Возможно, с помощью такого отделения кинизма от его известных «основателей» Эномай противостоял стоическим попыткам идеализировать образы Антисфена и Диогена и указывал, что кинизм является не слепым повторением их слов и поступков, но практической реализацией базовых философских принципов, к которым всякий способен прийти самостоятельно (*Нахов. 1981. С. 157*). Предлагаемая Эномаем критика языческих суеверий и веры в прорицания соединяет кинические и стоические элементы: из кинизма в ней заимствованы дерзость и грубость речи, язвительные насмешки, а также философская уверенность в том, что земное существование человека подвластно ему самому и не нуждается во внешней детерминации; из стоицизма — тонкое и логически безупречное выстраивание рациональных аргументов. Эномай защищает представление о человеческой свободе, обосновывая его достоверностью для всякого человека его собственных ощущений, и выступает против любого детерминизма, в т. ч. и стоического; не отвергая важное для стоицизма представление о судьбе и необходимости, он вместе с тем не допускает, что боги или возвещающие их волю пророки могут заранее знать судьбу человека; эта судьба слагается самим человеком и зависит от его жизненных выборов (см.: *АнтКин. С. 285–315*; ср.: *Нахов. 1981. С. 157–160*). Мн. критические аргументы Эномая использовались впоследствии как языческими (Лукиан, Плутарх), так и христ. (Климент Александрийский, Ориген, Евсевий) писателями (подробнее см.: *Hammerstaedt. 1988; Idem. 1990*).

Попытка предложить осмысление истории кинизма и основных прин-

ципов кинического учения в практико-нравоучительной перспективе была предпринята неизвестными авторами «Писем киников» (совр. изд.: *Malherbe. 1977; Müseler. 1994*; ср.: *SSReliq. Vol. 2. P. 423–464, 561–576*; рус. пер.: *АнтКин. С. 218–266*). О происхождении, времени и целях создания псевдоэпиграфических писем ничего не известно; в исследовательской лит-ре предлагалась как ранняя (I в. до Р. Х.), так и поздняя (I–II вв. по Р. Х.) датировка различных писем корпуса (см.: *Giannantoni. 1990. P. 551–553*). В основе писем лежат творчески обработанные подлинные и вымышленные сведения о К.; авторы активно пользовались различными сборниками изречений

Кратет и Гиппархия (?).
Роспись. I в. (Национальный
Римский музей, Италия)

древних кинических философов (Антисфена, Диогена и Кратета), однако едва ли были знакомы с их сочинениями, вслед. чего содержание писем мало что добавляет к историческим образам Диогена и Кратета, известным из сообщений доксграфов. Тематически письма распадаются на 2 большие группы: письма единомышленникам и письма врагам (анализ содержания см.: *Нахов. 1981. С. 165–178; Döring. 2006. S. 68–74*). В письмах 1-й группы излагаются и подтверждаются примерами принципы кинизма, даются образцы надлежащего кинического поведения, в т. ч. и кинического «бесстыдства» (см., напр.: *АнтКин. С. 238–239. № 45; С. 249. № 44*), что явно указывает на происхождение писем из кинической среды. Для мн. писем характерна идеализация Диогена как «отца» кинизма, «небесной собаки» (Там же. С. 220. № 7; С. 256. № 16); фигура Антисфена отходит в тень, однако его роль как наставника Диогена признаётся: «Философствовать нужно не так, как другие, но следовать тому, чему положил начало Антисфен

и что привел к совершенству Диоген» (Там же. С. 253. № 6). Жизнь кинического философа в письмах преподносится как «короткий, но крутой и трудный» путь к счастью; к истинному счастью, т. е. к свободе от страстей и самодостаточности, «следует идти даже сквозь огонь», т. е. невзирая на любые трудности и страдания (Там же). В письмах врагам кинизма (царям, богачам, философам иных убеждений, самодовольным гражданам) проводится последовательная апология кинизма, защита кинического образа жизни от разнообразных нападок; мн. из этих писем содержат выдержанные в духе кинической «свободы речи» нападки на собеседников и могут служить показательной иллюстрацией того, как могли в действительности выглядеть оскорбительные и дерзкие кини-

ческие обличения (см., напр.: Там же. С. 228–232. № 28–29; С. 246–248. № 40; С. 253–254. № 7). Значительный интерес представляют встречаю-

щиеся в письме Кратета Гиппархии наставления о том, как воспитывать новорожденного сына, чтобы он стал истинным киником (Там же. С. 263. № 33), косвенно свидетельствующие как о допустимости для автора писем кинического брака, так и о возможном существовании среди К. этого времени некоей методики кинического воспитания детей (см.: *Billerbeck. 1996. P. 210–211*). К идеализированным фигурам кинических мудрецов из «Писем киников» по философскому содержанию близок образ кинического философа, представленный в диалоге «Киник» (см.: *АнтКин. С. 355–364*), к-рый сохранился под именем Лукиана, однако, вероятнее всего, был написан его неизвестным подражателем, придерживавшимся кинических убеждений (о проблеме авторства и датировке см.: *Bieler. 1891*; ср.: *Billerbeck. 1996. P. 214; Нахов. 1981. С. 261*). В центре диалога находится предлагаемая киником как образец и защищаемая с помощью примеров (Геракл, Тесей) и посредством рациональных (и даже софистических) доводов кини-

ческая умеренность, т. е. умение «нуждаться в немногом и довольствоваться малым» (АнтКин. С. 360–361). Обычные люди «несутся, куда угодно их страстям», они ищут в собеседниках внешней эффектности и насмеваются над грубым обликом киника, тогда как он скрывает под внешней неопрятностью внутреннюю свободу, отпугивая глупцов и привлекая людей «тонкого ума и строгой совести, желающих стать лучше» (Там же. С. 363; ср.: *Hahn*. 1896. P. 31–34).

Кинизирующие философы. Деметрий, Демонакт, Перегрин, Эномай и др. кинические философы I–II вв. при всех различиях в их деятельности и убеждениях были едины в желании вернуться к подлинному радикальному греческому кинизму. Напротив, для кинизирующих писателей и философов, противопоставлявших «грубым киникам» и «псевдокиникам» идеализированные образы К., характерно желание усвоить кинические идеи в смягченной и облагороженной форме, по возможности лишив кинизм присущего ему духа скандальности и эпатажа. В речах Диона Хризостома кинические идеи представляются с минимальными искажениями, почти в их первоначальном виде, однако при этом дополняются явными и скрытыми авторскими размышлениями, превращающими кинизм из формы протеста индивида против об-ва в способ примирения с любой действительностью. Такая интерпретация кинизма у Диона была во многом обусловлена его личными жизненными обстоятельствами. Талантливый оратор и друг мн. рим. аристократов, Дион был приговорен к изгнанию из Рима имп. Домицианом (81–96) ок. 82 г., после казни по обвинению в заговоре против императора Тита Флавия Сабина, бывшего покровителем Диона. Длительное изгнание Дион провел в странствиях по отдаленным провинциям Римской империи и варварским землям; он был вынужден вести простую жизнь и зарабатывать себе на хлеб поденной тяжелой работой. Хотя Дион не относил себя формально к К., фактически он стал похож на них как во внешнем облике (бедная и грязная одежда, борода, котомка нищего), так и в философских убеждениях, нашедших отражение в его речах этого периода, к-рые он нередко произносил перед такими же, как он,

бедняками (*Dudley*. 1937. P. 150–151). Выработанное Дионом понимание кинизма наиболее ясно представлено в неск. речах т. н. диононовской группы (см.: *SSReliq.* Vol. 2. P. 465–500): «Диоген, или О тирании» (*Dio Chrysost.* Or. 6; АнтКин. С. 315–327), «Диоген, или О добродетели» (*Dio Chrysost.* Or. 8; АнтКин. С. 327–334), «Об истмийских состязаниях» (*Dio Chrysost.* Or. 9; АнтКин. С. 334–339), «Диоген, или О рабах» (*Dio Chrysost.* Or. 10; АнтКин. С. 339–348), «О царской власти» (*Dio Chrysost.* Or. 4). По мнению мн. исследователей, при описании в этих речах характера и поступков Диогена Дион мог опираться на кинические сочинения, в посл. утраченные, благодаря чему создал живой и правдоподобный образ древнего киника (см.: *Fritz*. 1926. S. 71–90; ср.: *Giannantoni*. 1990. P. 553–559). К известным из др. источников рассказам о жизни Диогена Дион неизменно добавляет собственные краткие замечания, раскрывающие мотивацию кинического поведения и соотносящие внешние «странности» Диогена с принципами кинизма. Дион подробно описывает неприхотливость и самодостаточность (автаркию) Диогена, его аскетическую стойкость, не обходит молчанием и характерные для кинического «бесстыдства» скандальные и вызывающие поступки (см.: *Dio Chrysost.* Or. 6. 1–16; 8. 36; 9. 32). Главным подвигом Диогена Дион называет постоянную борьбу с соблазнами, удовольствиями и наслаждениями, поскольку «невозможно пребывать в общении с наслаждением или даже хотя бы мимолетно встречаться с ним и не попасть полностью в его власть» (*Ibid.* 8. 24). Диоген у Диона оказывается прежде всего проповедником простой и естественной жизни; постоянные объекты насмешек философа — это богатые, изнеженные любители роскоши, обещающие мудрость за деньги софисты, самонадеянные глупцы (*Ibid.* 8. 9, 14; 9. 8; 10. 31). В качестве идеального образца кинической жизни Дион устами Диогена указывает на жизнь первобытных людей и животных (*Ibid.* 6. 31–33); по словам Диогена, «живое существо не зарождается в среде, где оно не могло бы существовать», поэтому все направленные на облегчение жизни изобретения, отделяющие людей от природы, являются не благом, а злом (*Ibid.* 6. 26–28). Не меньшим злом явля-

ются и культурные излишества: бессмысленные спортивные состязания (*Ibid.* 9. 1–22), суеверные и бесполезные религ. обряды и церемонии (*Ibid.* 6. 24; 10. 2, 17, 22–28), бесконечные политические заботы и интриги (*Ibid.* 6. 25, 31) и т. п. Осуждаются, т. о., любые формы личной и общественной жизни, не берущие начала в природе. Особенно резкой критике Дион подвергал жизнь тирана, являющегося антиподом истинного философа (*Ibid.* 6. 35–59). Сводя в диалоге Диогена и царя Александра, Дион красноречиво демонстрировал, насколько жизнь самодостаточного мудреца счастливее и свободнее жизни тщеславного и властолюбивого царя (*Ibid.* 4. 1–10, 49–51). Однако в отличие от подлинного Диогена, отвергавшего всякую гос. власть как извращение природного порядка, Диоген у Диона всегда готов стать «придворным философом», — он дает царю Александру наставления, как ему стать «хранителем и спасителем» подданных, достичь справедливости и человеколюбия (*Ibid.* 4. 24), а вовсе не советует ему бросить все и стать нищим киником (подробнее см.: *Нахов*. 1991. С. 185–221). Активно используя кинизм для осмысления событий собственной жизни и во многом отождествляя себя с Дионом, Дион не переступил грань, отделяющую оратора, рассуждающего о достоинствах кинизма, от практикующего философа-киника. Его отличие от Диогена ясно видно из того, что при первой же возможности Дион вернулся к рим. придворной жизни; в многочисленных речах, созданных после возвращения в Рим, кинические мотивы почти не представлены и центральным становится стоический идеал общественной добродетели (Там же. С. 219–220; ср: *Dudley*. 1937. P. 153–158; *Döring*. 2006. S. 68–81).

В «Беседах» Эпиктета Диоген еще более отдаляется от исторического прототипа и окончательно становится идеальным стоическим мудрецом. Используя кинические идеи, Эпиктет стремился очистить стоицизм от теоретических умствований современных ему стоиков, восстановив присущий основателям школы Зенону Китийскому и Хрисиппу этический ригоризм (*Нахов*. 1981. С. 221–223). Образ Диогена возникает во мн. «Беседах» Эпиктета; одна из них, «О киническом образе жизни» (*Epict. Diss.* III 22; совр. комментированное

изд.: *Billerbeck*. 1978), специально посвящена рассмотрению кинической философии как высшего способа философской жизни (анализ содержания см.: *Dudley*. 1937. P. 190–198; *Goulet-Cazé*. 1990. S. 2773–2776; *Billerbeck*. 1996. P. 207–208; *Schofield*. 2007; *Нахов*. 1981. С. 224–228). Согласно Эпиктету, кинизирующие философы — это посланники бога (*Epict. Diss.* III 22. 1–8, 46), или «вестники от Зевса» (*ἄγγελος ἀπὸ τοῦ Διός* — *Ibid.* 23), получившие особое задание — надзирать за жизнью людей и непрерывно выводить на свет их заблуждения в отношении истинного блага и истинного зла. С помощью нехарактерного для раннего кинизма, однако весьма популярного в сократической и стоической традициях представления о том, что вся деятельность философа должна быть подчинена его миссии божественного служителя (см.: *Goulet-Cazé*. 1990. S. 2774), Эпиктет объясняет характерные черты кинического поведения. Поскольку истинный киник не допускает, чтобы земные заботы отвлекали его от высокого служения, он отказывается от имущества, от брака, от участия в гос. делах и т. п. (*Epict. Diss.* III 22. 67–85). Всю свою жизнь он превращает в служение добродетели, к-рую представляет людям как в своих поучениях, так и в своем образе жизни. Не отвергая открыто киническое «бесстыдство» (*ἀναίδεια*), Эпиктет старательно ретуширует его; более того, он замечает, что киник должен иметь внутреннее чувство «стыда» (*αἰδώς*) и обличать людей не своим скандальным поведением, но словами мудреца, знающего об истинном благе (*Ibid.* 15; ср.: *Billerbeck*. 1978. P. 67–68; *Schofield*. 2007. P. 76–77). Эпиктет называет киника «лазутчиком» (*κατάσκοπος*), поскольку он испытывает различные способы жизни, существующие у людей, и сообщает им в своих обличительных речах о том, что они весьма далеки от пути добродетели, ведущего к истинному счастью (*Epict. Diss.* III 22. 24–25; подробнее о смыслах метафоры см.: *Schofield*. 2007. P. 77–80). Похож киник и на врача, обходящего всех и каждому дающего рекомендацию в зависимости от состояния здоровья (*Epict. Diss.* III 22. 73). Эпиктет отмечает, что обличительная деятельность кинического философа по самой своей природе всегда вызывает недовольство у людей, по-

этому киник должен не ждать внешней славы или награды, но уметь радоваться даже страданиям: киник «должен избиваться, как осел, и, избиваемый, любить самих избивающих как отец всех, как брат» (*Ibid.* 54; ср.: *Ibid.* 100–101). Идеализированный образ «божественного служителя» Диогена Эпиктет противопоставляет многочисленным современным ему К., которые уподобляются псам в том, что «сторожат у столов», попирают приличия и назойливо бранят всех встречаемых, однако далеки от совершенства и нравственной высоты Диогена (*Ibid.* 80). Т. о., по внутреннему убеждению Эпиктета, чтобы получить право быть киником, философ вначале должен стать истинным стойком: подчинить себя всецело божественной воле, принять свою судьбу как благо, «познать самого себя», победить свои страсти: «Царственная часть (*τὸ ἡγεμονικόν*) его [души] должна быть чище, чем солнце» (*Ibid.* 93). Формально содержа многочисленные похвалы кинизму, по своему внутреннему настроению «Беседы» Эпиктета представляют кинизм как мало кому доступное высокое служение внутри стоицизма; К. оказываются «сверхлюдьми», задача к-рых заключается в том, чтобы призывать людей к общедоступному стоическому образу жизни (*Нахов*. 1981. С. 228, 232; *Billerbeck*. 1996. P. 208; *Schofield*. 2007. P. 76).

Попытки идеализации кинизма во II в. предпринимались не только стоиками. Так, убежденный платоник и известный оратор Максим Тирский посвятил обсуждению философского содержания кинизма речь «Предпочитать ли кинический образ жизни?» (*АнтКин.* С. 348–354). Речь Максима, выстроенная по всем правилам риторического искусства, начинается с мифа о творении людей Прометеем по повелению Зевса для заселения земли; естественная жизнь первых людей, согласно Максиму, была «не тяжелой», поскольку они получали все необходимое от земли и не требовали лишнего. На смену этому «золотому веку» пришел «железный век», время человеческой изобретательности, направленной на удовлетворение необузданных желаний (Там же. С. 348–350). Сравнивая эти 2 образа жизни и ставя вопрос о том, какой из них является по-настоящему счастливым, Максим вводит образ Диогена,

к-рого «Зевс и Аполлон» научили, как освободиться от всех забот. Описание Диогена у Максима выстраивается с помощью разнообразных отрицаний, подчеркивающих абсолютную свободу как наиболее важное свойство философа: он живет «не боясь тиранов, не подчиняясь насилью закона, не обременяя себя общественными делами, не тревожась о воспитании детей, не сковывая себя браком» (Там же. С. 352); не нуждается «ни в лекарствах, ни в железе, ни в огне... ни в предсказаниях прорицателей, ни в очистительных обрядах жрецов, ни в пении магов-заклинателей» (Там же. С. 354); он «свободнее даже самого Сократа», поскольку тот осознавал себя рабом закона и умер в этом рабстве, тогда как Диоген, отвергнув закон, вернулся к природной свободе и тем самым обрел истинное счастье (Там же). Предлагаемый Максимом кинический путь мифологизированного Диогена — это путь возвращения человека к той жизни, для к-рой он был создан богами, путь духовного освобождения от любых привязанностей, высшей отрешенности. В отличие от стоического Диогена платонический Диоген призван не к служению людям, но к личному богоподобию, достигаемому через познание своей подлинной природы и погружение в естественную «первобытную» жизнь (см.: *Billerbeck*. 1996. P. 213–214; *Нахов*. 1981. С. 178–185).

Образ Диогена как скептического киника-обличителя, без промедления возвышающего свой голос против несправедливости и невежества, нередко встречается в сочинениях Лукиана (см.: *Goulet-Cazé*. 1990. S. 2763–2768). Осуждая и подвергая осмеянию поверхностный и тщеславный кинизм бродячих философов, Лукиан вместе с тем видел в кинизме союзника в борьбе с общественными недостатками и человеческими предрассудками. Его понимание того, чем кинизм может быть полезен свободомыслящему философу, наиболее ярко представлено в соч. «Разговоры в царстве мертвых», где Диоген является героем 6 небольших диалогов (см.: *SSReliq.* Vol. 2. P. 501–509). В одном из диалогов Диоген посылает в земной мир Полидевка, поручая ему передать «лгунам-философам», чтобы они перестали «болтать вздор», спорить об общих понятиях и «изошрять ум неразумными вопросами»; богачам,

красавцам и силачам — чтобы они задумались о смерти и потратили остаток своей жизни с пользой; беднякам — что в загробном мире все равны, поэтому у них нет повода для сетований (*Lucian. Mort. dial. 1*). Еще в 4 диалогах Диоген высмеивает являющихся в загробный мир царей и богачей за их гордыню, тщеславие, жадность и проч. пороки, ставя им в пример славу добродетельного человека, к-рую он оставил после себя (*Ibid. 13, 16, 24, 26*). Наиболее интересен диалог Диогена с Кратетом, в к-ром, обсуждая 2 братьев, умерших в ожидании наследства, Кратет говорит, что он унаследовал от Диогена, а Диоген — от Антисфена сокровище, которое «больше и важнее всей персидской державы», а именно «мудрость, спокойствие, искренность, откровенность и свободу» (*Ibid. 11*).

Кинизм в III–V вв. Характерное для I–II вв. активное обсуждение кинических идей представителями различных философских школ в III–IV вв. прекращается. Причинами этого были и широкое распространение христианства, ставшего к V в. новой гос. религией и идеологией Римской империи; и начало ожесточенных внутривосточных богословских споров, в ходе к-рых был создан аппарат новой христ. визант. философии; и развитие неоплатонизма, претендовавшего на создание единой синкретической философии на основе наследия всех традиц. греч. философских школ; и общая тенденция мыслителей этого времени к тонкому рациональному мистицизму, с т. зр. к-рого кинизм выглядел грубым и безнадежно устаревшим этическим учением. Хотя кинизм продолжал существовать как практико-аскетическое движение в народной среде, он более не вызывал значительного интереса у философов и богословов, определявших интеллектуальную картину эпохи. Единственное исключение относится ко времени имп. Юлиана Отступника, который, осуществляя проект реставрации языческой религии, увидел в К. ее убежденных врагов, равных по опасности христианам, и вступил с ними в философскую полемику.

Понимание того, чем «подлинный» кинизм Антисфена, Диогена и др. древних К. отличается от отвергаемого им «ложного» атеистического кинизма его современников, имп.

Юлиан изложил в 2 речах: «Против невежественных киников» (*Julian. Apost. Or. 6*) и «К кинику Гераклию» (*Idem. Or. 7*). В 1-й речи содержится общее обсуждение основ кинизма и его философского значения; 2-я речь посвящена частному вопросу кинического отношения к богопочитанию и мифотворчеству. В обоих случаях повод к написанию речей был подан имп. Юлиану самими К. 1-я речь направлена против «египетского киника», подвергавшего критике нек-рые поступки Диогена и заявлявшего о себе как об «истинном» кинике. Адресат 2-й речи, киник Гераклий, изложил в присутствии императора сочиненный им кинический миф, содержащий непочтительные высказывания о богах; считая такое мифотворчество недопустимым, имп. Юлиан воспользовался этим поводом, чтобы осудить тех К., которые выступали с критикой языческой религии.

Все рассуждения имп. Юлиана о кинизме определяются его общими убеждениями относительно природы и назначения философии. По словам имп. Юлиана, «истина одна, потому и философия одна» (*Idem. Or. 6. 185*); все различия между философскими школами — это лишь различные пути к одной цели. Указание на эту цель имп. Юлиан видит в известных словах оракула: «Познай самого себя» (см., напр.: *Plat. Prot. 343b*). Для него как для неоплатоника эти слова являются призывом не столько к этическому, сколько к теологическому самопознанию: человек должен отыскать в себе божественное начало и через него возвыситься к божественной жизни, «уподобиться богу» (*Julian. Apost. Or. 6. 182–183*). Всякая философия, будучи путем возвращения к божеству, имеет божественное происхождение, поэтому и кинизм, согласно имп. Юлиану, не является человеческим изобретением, но был учрежден богом Аполлоном, давшим Диогену через оракула указание «изменить обычаи» (*Ibid. 188*). Основатели кинизма, следуя этому призыву, создали наиболее простую и естественную философию, сущность к-рой состоит в «преодолении пустых мнений и следовании истине во всем» (*Ibidem*). Идеальный философ, следующий истинному киническому учению, в описании имп. Юлиана гораздо больше похож на платоника, чем на киника: «Кто желает быть ки-

ником, презирая все человеческие обычаи и мнения, в первую очередь обращает свой ум к себе и к богу... Он полагает постыдное и красивое не в похвалах и порицаниях людских, но в природе. Он избегает излишеств в пище, отворачивается от любовных утех... Человек должен разом выйти из себя и познать, что он есть бог, и не только сохранить свой ум неутомимым, непрестанно сосредоточенным на божественном, незапятнанным и мыслящим чисто, но он должен также вполне презирать свое тело...» (*Idem. Or. 7. 226*).

В соответствии с таким неоплатоническим пониманием кинизма имп. Юлиан интерпретировал поведение Диогена, представляя его «служителем логоса», равным в этом служении Платону; они различаются лишь тем, что Платон учил словами, а Диоген открывал ту же истину своими поступками (*Idem. Or. 6. 189*); путь Платона является более высоким, однако путь Диогена — общедоступный и наиболее естественный (ср.: *Döring. 2006. S. 93–95*). Не подвергая сомнению и не осуждая скандальные поступки Диогена, имп. Юлиан предлагал для них нравственно-аллегорическое толкование. Совершая нечто непотребное, Диоген «делал это ради того, чтобы растоптать человеческую гордость и показать людям, что их собственные поступки куда хуже и тягостнее того, чем занимался он, ибо то, что он делал, было согласно природе... их же поступки вовсе не согласовывались с этой самой природой, но все они происходили от испорченности» (*Julian. Apost. Or. 6. 202*). Как утверждает имп. Юлиан, Диоген видел свою цель в служении призывавшему его богу; все его аскетические упражнения были направлены на то, чтобы достичь бесстрастия, т. е. умертвить тело и «стать богом» (*Ibid. 191–192, 195*). Диоген у имп. Юлиана становится благочестивым языческим философом: направляющий его поступки ум-логос постоянно связан с богом; он «полон священного трепета перед богами» (*Ibid. 199*). Т. о., формально выступая с апологией Диогена, имп. Юлиан в действительности переосмыслил его образ в духе собственного мистического неоплатонизма. Постоянно напоминая о покорности Диогена божественной воле, имп. Юлиан тем самым раскрывал подлинную цель предпринятого им переосмысления кинической

философии: эта философия имеет право на существование лишь в том случае, если готова стать служанкой языческой религиозности, объяснив собственную практику через неоплатоническую теорию.

В отличие от мифологизированного и платонизированного им древнего кинизма реально существовавший в его время кинизм не вызывал у имп. Юлиана никакой симпатии. Возводя традицию кинического высмеивания языческих богов и суеверий к Эномаю, он утверждал, что такой кинизм — «род безумия, основывающегося... на свойствах звериной души», поскольку он «хочет всецело искоренить благочестие в отношении к богам» (*Idem.* *Or.* 7. 209). Желая оскорбить безбожных К., скитающихся по городам империи в поисках подаяния, имп. Юлиан сравнивал их с христ. аскетами и называл «апокатастами» (*ἀποκατῆται*), т. е. «отшельниками» (*Ibid.* 224). В христианской лит-ре этого времени так именовались гетеродоксальные сторонники чрезмерного аскетизма, идейные наследники энкратитов (см.: Васил. 47; ср.: *PG.* 86. Col. 16–17), однако не исключено, что у имп. Юлиана это слово обозначает вообще любых христ. странствующих монахов. Нек-рые исследователи видят в отождествлении имп. Юлианом К. и христ. аскетов указание на существование отдельных групп христ. К., к-рые подвергались преследованиям как со стороны правосл. Церкви, не соглашавшейся с завышенными аскетическими требованиями таких К., так и со стороны языческого гос-ва, недовольного их отказом от традиц. богопочитания; вместе с тем источников, однозначно подтверждавших бы эту гипотезу, обнаружено не было (ср.: *Нахов.* 1981. С. 251).

После окончательной победы христианства в Римской империи кинизм разделил судьбу др. языческих философских направлений, деятельность к-рых постепенно прекращалась как из-за уменьшения числа их приверженцев, так и вслед. гос. мер по борьбе с нехрист. философией. То, что кинизм входил в число упорно пытавшихся продлить свое существование в новых условиях философских школ, подтверждает свидетельство блж. Августина, к-рый на рубеже IV и V вв. в соч. «Против академиков» писал: «В настоящее время мы почти не видим философов, которые не были бы или кини-

ками, или перипатетиками, или платониками» (*Aug. Contr. acad.* III 19). Обсуждая киническое бесстыдство в трактате «О Граде Божиим», блж. Августин отмечал: «Мы видим, что и сейчас еще есть философы-кинники; это те, кто не только одеваются в греческие плащи, но ходят еще и с палками» (*Idem.* *De civ. Dei.* XIV 20). Сохраняющуюся популярность кинизма блж. Августин объяснял тем, что многим импонирует проповедуемая этими философами «свобода жизни» (*libertas atque licentia vitae* — *Idem.* *Contr. acad.* III 19). Заявляя, что христиане не могут видеть в бесстыдном поведении К. ничего положительного и должны считать его лишь иллюстрацией плачевного состояния падшей человеческой природы, он отмечал, что и сами современные ему К. «не смеют повторить диогеновского срама», поскольку, если бы кто из них на это осмелился, «он утонул бы, заплыванный» (*Idem.* *De civ. Dei.* XIV 20).

Последним из греч. К., чье имя сохранили источники, является философ-аскет V в. Саллюстий (см.: *Asmus.* 1910; *Praechter* A. *Salustios* // *Pauly, Wissowa.* R. 2. 1920. Bd. 1. Hbd. 2. Sp. 1967–1970). Сведения о нем сохранились в соч. «Жизнь Исидора» неоплатоника Дамаския (V–VI вв.), последнего схоларха афинской философской школы. Этот несохранившийся трактат известен благодаря пересказу свт. *Фотия I*, патриарха К-польского, и отрывкам, цитируемым в словаре Суда. Согласно Дамаскию, Саллюстий происходил из Сирии, получил превосходное риторическое и софистическое образование в Александрии; приехав затем в Афины, он стал учеником неоплатоника Исидора, учившего также Дамаския и др. платоников. Вскоре, однако, по неизвестным причинам он решил обратиться к кинической жизни. После этого Саллюстий начал высмеивать как своих прежних учителей, обещавших мудрость, которой они сами не обладали, так и разного рода «невежд», сделавшись «оскорбителем толпы» (*ὀχλολόιδος*). Он «уводил юношей от философии», заявляя, что «люди вообще не способны философствовать». С помощью такого парадоксального утверждения Саллюстий противопоставлял рационалистической и мистической философии неоплатоников доступную всякому человеку киническую мудрость естественной

жизни. Несмотря на свое дерзкое поведение, Саллюстий пользовался уважением среди проч. философов, хотя они и считали, что он неразумно «переходит меру» (*πέρα τοῦ μετρίου*) как в своем аскетизме, так и в кинических насмешках (*Suda.* Σ. 62–63). В образе жизни Саллюстий, по видимому, подражал древним К., стремясь путем аскезы приобрести киническое безразличие и бесстрастие: «Он шел не обычным путем философии, но таким, который был связан с порицаниями, насмешками и тяготами ради стяжания добродетели» (*Damascii Vitae Isidori reliquiae* / Ed. C. Zintzen. Hildesheim, 1967. P. 130. N 89). Образ Саллюстия у Дамаския наделяется и мистическими чертами, несвойственными древним К.: так, сообщается, что он мог по выражению глаз человека предсказывать время его смерти. Дамаский отмечает, что в целом киническое поведение Саллюстия вызывало удивление у его современников; т. о., к кон. V в. кинизм стал уделом одиночек и даже среди языческих философов воспринимался как архаизм (*Dudley.* 1937. P. 207–208; ср.: *Asmus.* 1910. S. 510–512; *Goulet-Cazé.* 1990. S. 2814–2816).

Учение К. Кинические философы намеренно отказывались от систематического теоретического обоснования принципов кинического поведения, предлагая в сочинениях лишь его конкретные образцы. Поскольку кинизм на протяжении его исторического развития оставался практической философией, адекватное представление об учении К. может быть получено исключительно посредством дескриптивно-экспликативного рассуждения того образа жизни, к-рый К. принимали в качестве надлежащего. Различные варианты теоретизирующего анализа кинического поведения широко представлены как в сочинениях древних авторов, описывавших особенности кинизма как философской школы и образа жизни К., так и в исследованиях ученых XIX–XXI вв., стремившихся найти внутреннее основание кинизма, вывести его многообразные внешние проявления из некоего принципа или группы принципов. Наиболее близкой к самосознанию К. представляется теоретизация кинизма, ориентирующаяся на центральный для греч. мышления V в. до Р. Х. вопрос об отношении между «природой» (*φύσις*) и «законом» (*νό-*

Философ-киник.
Рим. копия греч. статуи
II в. до Р. Х.
(Капитолийские музеи, Рим)

до). Если докинические греч. философы, в т. ч. проблематизировавшие это отношение софисты и постоянно возвращавшийся к его рассмотрению Сократ, сопоставляли природу и закон с целью последующего философского снятия противоречия между ними (подробнее см.: *Heinitz*. 1945), то у К. противоречие намеренно заострялось: так, Диоген говорил, что он «закону противопоставляет природу» (ἀντιθέσθαι νόμον φύσιν — *Diog. Laert.* VI 2. 38). Диоген, как и все последующие К., не уравнивал по ценности то, что происходит от закона, и то, что происходит от природы (μηδὲν οὕτω τοῖς κατὰ νόμον ὡς τοῖς κατὰ φύσιν δίδουσι), неизменно подчиняя первое последнему (*Ibid.* 71) и побуждая к проверке всего многообразия законных установлений на предмет их соответствия природе. Задача кинизма, сформулированная в призыве «изменять обычаи», «переиначивать законоположения», «переоценивать ценности» (παροχαραττεῖν τὸ νόμισμα), — это восстановление правильного отношения между природой и законом путем практического раскрытия в человеке его природы, поработанной культурно-общественным законом. Т. о., К. «выбрали природу и отвергли закон, трактуя его как совокупность тех ложных ценностей, которые подлежат переоценке» (*Солопова.* 2008. С. 415; ср.: *Giannantoni.* 1990. Р. 517–519, 524–527; *Long.* 1996. Р. 34; *Tillich.* 2003. S. 91; *Брис-*

сон. 2006. С. 185). Этот выбор и определяемая им переоценка преломляются во всех задающих мотивацию конкретных человеческих поступков областях: рационально-теоретической, экзистенциально-психологической, этической и социально-политической.

В рационально-теоретической области переоценка означала отказ от законополагающего общего знания и предпочтение ему конкретного познания единичных вещей в их природной данности. В области частной жизни и повседневного существования переоценка вела к полному отказу от предлагаемых индивиду общественными установлениями критериев самоопределения. Человек, согласно К., призван судить о себе не по той роли, к-рая навязывается ему его «узаконенным» состоянием, но по той природе, к-рая в нем скрыта. Установка на поиск этой природы и на практическое раскрытие присутствующих ей качеств определяет всю жизнь К., к-рая начинается с деятельного отказа от собственного неподлинного существования, продолжается в аскетическом самоочищении и завершается самоутверждением в своей подлинной природе. Практические поступки К. эксплицитовали опытно найденное ими понимание природы человека и одновременно заново конституировали саму эту природу, очищая ее от всего того, что К. признавали чужеродным для нее. В этической области переоценке подлежало представление о цели человеческой деятельности и об определяющих «законах» надлежащего поведения. Решительно отвергнув наличие к.-л. внеположной человеку нормативной цели его действий, К. провозгласили тождество объективной добродетели и субъективного счастья, заявив, что человек в его подлинной природе есть сам для себя норма и цель. Представление о самодостаточности (автаркии) человека в его индивидуальном природном существовании, принятое в качестве экзистенциально-этического идеала, использовалось К. для проведения дальнейшей переоценки всей системы внешних отношений человека: социальных (семья, друзья, общество), политических (полис и гос-во) и религиозных (боги).

Киническое мышление: отказ от ненужного знания. Применительно к рациональному мышлению прин-

цип возвращения к природе означал для К. намеренную ориентацию на освобождение мышления из плена философских и научных теорий. Характерные черты такой ориентации прослеживаются уже у Антисфена, учившего доверять чувствам, познавать вещи по их эмпирическим качествам, все предлагаемые для усвоения знания проверять на собственном опыте. Хотя формально мышление Антисфена сохраняет типичную форму философского рассуждения, содержательно оно возвращается к природной нерелексивующей установке сознания, бытовому «здравому смыслу», принимающему все таким, «какое оно есть». Провозглашая «примат чувственности, материальной текучести и вообще жизненного процесса над разумом и чисто духовной деятельностью», К. отвергали абстрактные «идеи разума», отказывались от сократического учения о том, что «общие родовые понятия и целесообразно действующий разум... должны обязательно определять собою все единичное, то есть весь... поток и процесс жизни» (*Лосев.* 2000. С. 102, 104). Все попытки объяснить «простую» единичность через «сложное» всеобщее, обнаружить законы в любой области жизни и деятельности, являются для К. заведомо ложными и «сбивающими с пути» (ср.: *Diog. Laert.* VI 103), поскольку проецируют на действительность схемы, произвольно создаваемые людьми для собственных целей.

Согласно К., человек, стремящийся к истинной мудрости, должен отказаться как от общих философских наук, «логики и физики» (*Ibidem*), так и от частных теоретических и практических наук, являвшихся необходимым элементом древнегреч. полисного образования. «Музыкой, геометрией, астрономией и прочими подобными науками Диоген пренебрегал, почитая их бесполезными и ненужными» (*Ibid.* 73), поскольку «грамматики изучают бедствия Одиссея и не ведают своих собственных; музыканты ладят струны на лире и не могут сладить с собственным нравом; астрономы следят за солнцем и луной, а не видят того, что у них под ногами; риторы учат правильно говорить, но не учат правильно поступать» (*Ibid.* 27–28). Оценивая всю науку своего времени как «умозрительную, оторванную от жизни, не дающую ощутимых результатов в воспитании человека»

(Нахов. 1982. С. 92), К. противопоставляли ей навык надлежащей практической жизни и провозглашали идеал «необразованности» (*ἀπαιδευσία*), намеренного отказа от приобретения излишних знаний. Темой мн. рассказов о К. является высмеивание ими людей, полагающих, что они обладают неким полезным им знанием (см., напр.: *Diog. Laert.* VI 38–40).

Однако «необразованность» К. не означала полного отказа от воспитания и образования. Признавая, что «добродетели можно научить» (*Ibid.* 11), К. считали истинной наукой передачу от учителя к ученику навыков кинической жизни. Первичной формой такой передачи является личный пример; однако К. признавали важным и словесное наставление, как устное, так и письменное. Их негативная оценка знания и образования касалась его содержания, а не формы: используя одни и те же приемы, кинический мудрец наставляет в истине, тогда как софист предлагает ложное знание (ср.: *Dio Chrysost.* Ор. 4. 29–31). Из сообщений доксграфов известно о лит. деятельности ранних К., все они оставили после себя сочинения; вместе с тем явно прослеживается тенденция постепенного перехода от написания теоретических философских трактатов (Антисфен, Диоген) к созданию художественных и публицистических произведений различных жанров (трагедии Диогена, стихи Кратета, диатрибы Телета и т. п.). Лит.-ра, возникающая как результат творческого процесса индивида и предлагающая конкретные единичные образы, в кинизме признается намного более предпочтительной, чем наука, ищущая выражения для всеобщего (*Goulet-Cazé.* 1986. P. 25–26).

Провозглашенный Антисфеном и воспринятый К. принцип значимости индивидуального и иллюзорности всеобщего на протяжении всей истории кинизма оставался его скрытым и необсуждаемым логико-онтологическим основоположением, определявшим способ отношения К. к миру как к хаотичному взаимодействию индивидуальностей. Центром стабильности в нем является единичный человек, к-рый, обращаясь вовне себя, опытно размечает собственную область внешнего бытия, а обращаясь внутрь себя, открывает себя в своей природности. Т. о., софистическое учение Протагора

о человеке как о «мере всех вещей» (*Diog. Laert.* IX 51) становится у К. описанием уже не только логической, но и предельной онтологической реальности.

Киническая жизнь: практика и аскетика. Кинический идеал природной жизни не является искусственной схематической конструкцией: он не был найден на пути анализа абстрактной человеческой природы, но был взят из непосредственного опыта человеческого существования. Исходным пунктом кинического учения о надлежащей жизни является непосредственное переживание экстремальных жизненных ситуаций (изгнание, рабство, нищета, поражение в общественных правах и т. п.), оказываясь в к-рых, человек неизбежно сталкивается с вопросом о том, как в этих условиях он может сохранить свою человеческую природу, внутреннюю гармонию, мир с самим собой, т. е., на языке древнегреч. философии, остаться счастливым. Диогена подвигает к кинической жизни его участь нищего изгнанника: он «понял, как надо жить в его положении, когда поглядел на пробегавшую мышь, которая не нуждалась в подстилке, не пугалась темноты и не искала мнимых наслаждений» (*Diog. Laert.* VI 2. 22). Опыт открывает Диогену, что бывшие прежде естественными для него культурные и цивилизационные условия существования, т. е. законы и обычаи повседневной жизни, в действительности никак не затрагивают его природу, являются для нее чем-то внешним и безразличным. Тем самым он на практике убеждается в истинности принципа самоограничения, емко выраженного в древнем изречении: «Ничего не должно быть сверх меры» (*Μηδὲν ἄγαν*; см., напр.: *Plat. Prot.* 343b; *Diog. Laert.* I 2. 63). Если во мн. школах греч. философии (напр., у софистов и перипатетиков) «мера» понималась как середина между 2 крайностями, то у К. «мера» оказывается природным минимумом (*Long.* 1996. P. 34). Переоценивая собственную жизнь, кинический философ оказывается перед вопросом о том, что в наличном человеческом существовании является необходимым и природным, а что — чрезмерным, подавляющим природу. Поиск ответа на этот вопрос приводит к превращению личного опыта в метод, т. е. в практический путь к собственной

природе, к-рый может быть предложен др. людям как образец.

Для практического ведения кинической жизни необходимо иметь знание о том, что представляет собой природа человека, что является природной целью человеческой жизни, какими средствами эта цель может быть достигнута и какие препятствия могут возникнуть на пути ее достижения. Ориентация кинизма на доверие непосредственному восприятию потока ощущений определяет киническое понимание человеческой природы. Не предлагая теоретических рассуждений о том, в чем состоит природа человека, кинизм отождествляет природу с непосредственно данным течением жизни в ее наиболее простых проявлениях. Природа — это жизнь, редуцированная до той границы, при переходе к-рой она прекращается. Те базовые потребности и функции, без к-рых жизнь человека вообще невозможна, и задают его природу. Внутренней целью этой природы в ее существовании является счастье. В отличие от культурного счастья (богатства, наслаждений, славы и т. п.), к-рое доступно не всем, требует значительных усилий для достижения и легко может быть утрачено, счастье чистой природности доступно всякому человеку, готовому редуцировать все свои жизненные проявления до этой природности, отказаться от сверхприродных запросов (*Ibid.* P. 29–30). Согласно Диогену, подлинное «счастье состоит единственно в том, чтобы постоянно пребывать в радостном состоянии духа и никогда не горевать» (*SSReliq.* V B 301; *АнтКин.* С. 141. № 70). Избавляясь от всего лишнего, человек одновременно приближается к самому себе в своем природном бытии, а тем самым — к тому счастью, которое в силу его природно-субъектного характера не может быть отнято у человека извне и становится его неизменным жизненным состоянием.

По убеждению К., счастливая жизнь — это «жизнь, согласная с добродетелью» (*Diog. Laert.* VI 104). Понимание счастья как постоянного спутника добродетели было предложено Антисфеном (*Ibid.* 11); в последующей кинической традиции целью жизни киника объявлялись как счастье, так и ведущая к нему добродетель. По словам Галена, современные ему К. полагали, что кинизм есть «путь к счастью посред-

ством добродетели» (*Claudii Galeni Opera omnia*. Lpz., 1823. Vol. 5. P. 71). Поскольку собственное др. философским школам исследование природы добродетели в кинизме замещается практическим постижением добродетели в природной жизни, К. и писавшие о кинизме авторы определяли кинизм как «кратчайший путь к добродетели» (σύντομος ἐπ' ἀρετὴν ὁδός — *Diog. Laert.* VII 121; ср.: *АнтКин.* С. 232–233. № 30). Добродетель понимается здесь К. в т. ч. и как «доблесть», т. е. твердость в следовании природному благому пути (*АнтКин.* С. 223. № 12). Краткость пути указывает на его внутреннюю простоту и очевидность, а не на внешнюю легкость, т. к. киник должен постоянно «противостоять как наслаждениям, так и тяготам жизни, ибо они в равной степени враждебны и больше всего мешают» стяжанию добродетели и достижению счастья (Там же; ср.: *Goulet-Cazé.* 1986. P. 22–38). Побеждая влечение к наслаждениям и преодолевая трудности, кинический философ сам создает свое счастье; он приобретает 3 высшие кинические добродетели: свободу, бесстрашие и самодостаточность.

Противостоять наслаждениям невозможно без осознания различия между потребностями человека в их изначальном природном состоянии и теми же потребностями в их искаженном культурно-общественном виде. Так, принятие пищи является естественной потребностью, обеспечивающей жизнь тела; тогда как объедение или любовь к роскошной пище — это излишество, подменяющее природу обычаем, устоявшейся привычкой, тягой к удовольствию и т. п. Т. о., наслаждением в широком смысле является все, что помимо функции поддержания природной жизни выполняет дополнительную функцию обеспечения приятности и комфортности человеческого существования. Согласно Антисфену, точным указателем на то, что потребности человека становятся из естественных искажающими природу является намеренное стремление к наслаждению, заставляющее человека постоянно искать новых и более изысканных удовольствий. Пагубность влечения к наслаждению Антисфен выражал в максиме: «Лучше быть безумным, чем наслаждаться» (*Diog. Laert.* VI 3; *SSReliq.* V A 122). Ложное наслаждение делает

все поступки человека мотивированными его неумеренными желаниями и тем самым порабощает его, поэтому без отказа от наслаждений нельзя достигнуть свободы и самодостаточности (см.: *Dio Chrysost.* Or. 8. 21–23; *Goulet-Cazé.* 1986. P. 42–45). Само по себе достижение свободы от ложных наслаждений К. объявляли истинным наслаждением, тождественным счастью. Согласно парадоксально сформулированному высказыванию Диогена, «презрение к наслаждению благодаря привычке становится высшим наслаждением», поэтому К. «с наслаждением презирают наслаждение» (*Diog. Laert.* VI 71; ср.: *Giannantoni.* 1990. P. 521). В кинической лит-ре свобода неизменно толкуется как избавление от внутренне порабощающих человека необузданных желаний; так, в передаваемом Климентом Александрийским и Феодоритом Кирским дустихии Кратет говорит о К.: «Не порабощенные и не мучимые наслаждением, присущим рабам, они возлюбили бессмертную царственную свободу» (*Clem. Alex. Strom.* II 20. 121; *SSReliq.* V H 71; ср.: *АнтКин.* С. 172. № 10); такая свобода для К. тождественна бесстрастию (см.: *Goulet-Cazé.* 1986. P. 40–42; *Нахов.* 1981. С. 25–27).

Образец кинического отношения к трудностям был предложен Антисфеном, говорившим, что «трудности — это благо» (ὁ πόνος ἀγαθόν), поскольку именно они создают в человеке навык добродетели (*Diog. Laert.* VI 2; *SSReliq.* V A 85). Трудности, тяготы, труды являются неизбежными спутниками человеческой жизни, однако, согласно Диогену, не все трудности приносят пользу и не все связаны с жизнью в ее природном измерении. Диоген отличал «беспользные труды», т. е. те трудности, к-рые сам человек навлекает на себя в погоне за удовольствиями, богатством, славой и т. п., от трудностей, к-рые возлагает на человека природа (*Diog. Laert.* VI 71). В последующей кинической традиции «полезные трудности», т. е. те трудности, перенесению к-рых человек должен учиться, были разделены на «трудности судьбы», напр. рабское положение, изгнание, несправедливость, и «трудности природы», напр. неблагоприятный климат, слабость тела, болезни, неизбежность смерти (см.: *Goulet-Cazé.* 1986. P. 48–71; *Eadem.* 2008. Sp. 635). Стойкое и спо-

койное отношение к этим трудностям никому не дается сразу. Человеку необходимо вступить в борьбу с ними, однако эта борьба направлена не на освобождение от трудностей, — поскольку такое поведение, согласно К., было бы уже не борьбой, а бегством, — а на воспитание в себе путем аскезы равнодушия и безразличия к ним: «Того, кто презирает трудности и храбро принимает бой, выходя им навстречу, они не могут одолеть; если же он отшатнется и отступит, они будут казаться ему все более непреодолимыми» (*Dio Chrysost.* Or. 8. 18). Побеждая трудности, человек приобретает самодостаточность, т. е. учится рассчитывать только на себя и в любой ситуации оставаться в мире с самим собой (*Giannantoni.* 1990. P. 522).

Поскольку обращение к природной жизни требует от человека как изменения его образа мыслей, так и волевых усилий, постоянной работы по самоограничению и перенесению трудностей, К. выделяли 2 рода «упражнения» (ἄσκησις), т. е. аскезы: для души и для тела. Согласно Диогену, «без упражнения в жизни не возможен никакой успех, а оно превозмогает все [препятствия]» (*Diog. Laert.* VI 70–71). Содержание и объем необходимых аскетических упражнений тесно связаны с начальными условиями жизни человека, принимающего решение практиковать киническую жизнь. В одних случаях преодоление себя тождественно приспособлению души и тела к имеющимся жизненным условиям: так, нищему или рабу нет необходимости избавляться от пристрастия к роскошной еде или имуществу; им достаточно лишь постоянно преодолевать в себе желание изменить свое наличное состояние и приучать тело к перенесению внешних трудностей. В др. случаях для обращения к кинической жизни требуются более радикальные практические действия: уход из семьи, отказ от имущества, мучительная тренировка тела и т. п. Путь каждого человека к киническому аскетическому идеалу является индивидуальным, однако сам этот идеал сохранялся неизменным на протяжении всей истории кинизма, т. к. он задается принципом минимизации всех потребностей человека до природных, т. е. наиболее простых.

Представление о том, как именно К. понимали приближающее к природе внешнее аскетическое

самоограничение, дают их внешний облик и повседневный образ жизни. Согласно сообщениям источников, в качестве одежды К. пользовались сложным вдвое коротким плащом (*τρίβων*), причем надевали его на голое тело, а не на хитон, как было принято у греков; часто ходили босыми даже зимой; не стригли волосы и не брили бороду; на плече они носили котомку нищего (*πίτρα*), а в руках — палку странника (*βάκτρον*; *βάκτρις*). По-видимому, отличительные черты такого кинического облика восходят к Диогену, хотя их установление в доксографической традиции приписывается также Антисфену и Диодору Аспендскому (см.: *Diog. Laert.* VI 13, 22–23; *SSReliq.* V B 152–163). Считая семейную жизнь в домах уклонением от природного порядка, К. обычно «жили в первом попавшемся укрытии» (*Diog. Laert.* VI 105); из сообщений историков и доксографов известно, что излюбленными местами пребывания К. были храмовые здания, площади, перекрестки улиц. Вместе с тем Диоген Лазертский сообщает о «доме Кратета» (*Ibid.* 88); есть свидетельства и о др. К., живших как в собственных домах, так и у дававших им приют людей. Т. о., «бездомность» жизни не была у К. абсолютным требованием, однако высоко ценилась как признак аскетического совершенства. К. полагали, что есть нужно лишь столько, сколько требуется для утоления голода; они допускали прием лишь самой простой пищи: рыбы, зелени, хлеба, бобов, оливок, сушеных фиг и т. п.; в большинстве случаев отказывались от вина и пили только воду (*Ibid.* 25, 105; ср.: *АнтКин.* С. 227. № 26; см.: *Giannantoni.* 1990. Р. 499–500). Ведя нищенский образ жизни, К. объявляли сбор подавания единственным допустимым источником средств к существованию; они отказывались как от накопления денег, так и от зарабатывания их собственным трудом.

В совр. лит-ре о К. нередко говорится как о философах, впервые «возвеличивших труд» (*Нахов.* 1982. С. 147). В объективном смысле это отчасти верно, поскольку К. в целом одобряли простую трудовую жизнь (см., напр., рассказ Телета о Кратете и сапожнике: *АнтКин.* С. 195). Однако в субъективном смысле, применительно к самим К., это целиком неверно, т. к. в доксографических источниках отсутствуют сведения, что

как образцов победы над страстями, стойкости к трудностям, самодостаточности и т. п. В дове-

Диоген.
1860 г. Худож. Ж. Л. Жером
(Художественный музей
Уолтерса, США)

денном до предела аскетизме К. мн. их современники видели лишь причудливую и извращенную форму желающую

кто-либо из К. занимался физическим трудом (ср., напр., такие сведения о стойке Клеанфе: *Diog. Laert.* VII 168–170). Нищенство К. по своей сути противоречит киническим идеалам природной жизни и самодостаточности: призывая к природной жизни, К. отвергали труд, являющийся неотъемлемым свойством человеческой природы; вместо того чтобы зарабатывать необходимые им скромные средства собственным трудом, К. требовали от об-ва содержать их. В лит-ре такая непоследовательность обычно объяснялась особым внутренним самосознанием К. и их представлениями о своей роли в обществе. Считая себя «друзьями богов», т. е. мудрецами, в своем умении «довольствоваться немногим» уподобляющимися ни в чем не нуждающимся богам (см.: *Ibid.* VI 72, 105), К. полагали, что «богоподобное» отсутствие забот предпочтительнее, чем повседневное принуждение себя к бытовому труду. Мудрец трудится самим своим способом жизни, делами и словами постоянно указывая людям на их недостатки. Заботясь о повседневных нуждах философа, об-во лишь оплачивает его труд и отдает ему должное, поэтому Диоген, когда нуждался в деньгах, «просил не дать ему денег, а отдать его деньги» (*Ibid.* 46).

Будучи внешними «упражнениями», аскетические практики К. вместе с тем были призваны осуществлять внутреннее переустройство человека, менять его самосознание. Однако это изменение у К. имело своеобразный характер: вступая в борьбу с внешним тщеславием, т. е. отвергая богатство, благородное происхождение, власть, знания как источники «спеси» (*τῦφος*), они нередко приходили к отраженной во мн. кинических изречениях внутренней гордости, к восприятию самих себя

обратить на себя внимание тщеславия (ср.: *Goulet-Cazé.* 1986. Р. 15, 34). На такое восприятие указывают сохранные доксографами рассказы о том, как Сократ, увидев дыры на плаще Антисфена, сказал: «Через дыры плаща просвечивает твое тщеславие» (*Diog. Laert.* VI 8); как Платон в ответ на слова топтавшего его дорогой ковер Диогена: «Попираю Платонову спесь» заметил: «Попираешь собственной спесью!» (*Ibid.* 26). Вместе с тем кинический путь не вел с неизбежностью к горделивому самодовольству; в конечном счете лишь от самого практиковавшего кинизм человека зависело, будет ли он тщеславным актером или подлинным философом-аскетом.

Предлагая радикальный путь переустройства всего уклада личной жизни, кинизм находил отклик среди людей, принадлежавших к самым разным социальным слоям и имущественным группам. В условиях обладавшего сложной социально-иерархической структурой древнегреч. и лат. общества К. предлагали индивиду уникальный способ личного освобождения, никак не зависящий от его предшествующей социальной роли. Хотя исторически кинизм был более всего востребован среди бедняков, изгнанников, рабов, т. е. лиц так или иначе пораженных в своих общественных правах, пример Кратета и др. К., не принадлежавших к социальным низам общества и сознательно перестраивавших свою жизнь в соответствии с практическими принципами кинизма, демонстрирует некорректность предлагаемого в отечественной науке социально-экономического объяснения кинизма как «идеологии бесправных низов» и «философии рабов», а аскетизма К. — как «вынужденного аскетизма» (*Нахов.* 1981. С. 18). Хотя для мн. К. подвигавшие их к аске-

тизму жизненные ситуации действительно были вынужденными, их поведение в этих ситуациях определялось не вынужденной покорностью всему происходящему с ними, как это было у стоиков, а свободной волевой ориентацией на предпочтение трудностей природной жизни. В «Письмах киников» Диогену приписываются слова о том, что он добровольно избрал жизнь, полную трудов и лишений (АнтКин. С. 223. № 14), а Диоген Лаэртский сообщает, что Диоген «выше всего ставил свободу» (*Diog. Laert. VI 71*). Важность свободолюбия как определяющего фактора кинического образа жизни видна из сопоставления кинизма со стоицизмом, представители к-рого, желая сгладить кинический радикализм, подчиняли свободу индивида необходимости всеобщего мирового закона. Стоики стремились «победить» (*vincere*) человеческую природу с помощью разума, заставив человека воспринимать любую участь как счастье, поэтому от человека здесь требовалась не столько перемена жизни, сколько перемена мышления. Напротив, К. в своем образе жизни желали «превзойти» (*excedere*) эмпирическую природную участь как данность (ср.: *Seneca. De brev. vit. 14*), побуждая человека освободиться от навязанного ему «закона природы» и открыть для себя подлинную природу в индивидуальной свободе естественной жизни (см.: *Long. 1996. P. 40; Döring. 2006. S. 53–54*).

К. и общество. Отрицательное отношение ко всем устоявшимся и узаконенным формам общественной жизни у К. следовало как из теоретического предпочтения индивидуального всеобщему, так и из практического предпочтения природы закону. Осуждая общество как целостное явление и отвергая все общественные ценности в собственной частной жизни, К. вместе с тем не уходили из общества, не становились отшельниками. Так, о Диогене источники сообщают, что он регулярно посещал Истмийские игры и др. многолюдные общественные собрания; мн. К. намеренно выбирали местом своего пребывания крупные города. Объясняя на примере Диогена мотивацию стремления К. находиться в гуще общественной жизни, Дион Хризостом отмечает, что Диоген имел обыкновение «на больших собраниях изучать, к чему люди стре-

мятся, чего желают, ради чего страдают и чем гордятся», поскольку он полагал, что, «подобно хорошему врачу, который идет помогать туда, где больных больше всего, и философу необходимо находиться именно там, где больше всего встречается людей неразумных, чтобы обнаруживать их неразумие и порицать его» (*Dio Chrysost. Or. 8. 5–7*). Постоянно выступая с обличениями и порицаниями, шокируя окружающих грубостью слов и скандальностью поступков, К. парадоксальным образом демонстрировали не презрение к толпе, не высочайшее равнодушие самодосточных мудрецов, но заинтересованность врачей, воспитателей, учителей (*Нахов. 1981. С. 28;*

Диоген ищет человека.
Ок. 1642 г. Худож. Я. Йорданс
(Галерея старых мастеров,
Дрезден, Германия)

Moles. 1983. P. 112). Не ограничиваясь пассивной демонстрацией надлежащей жизни на собственном примере, К. стремились активно воздействовать на то общество, в к-ром они были вынуждены существовать. Их стремление к постоянным контактам с людьми проистекало из принципиального убеждения: природа всех людей одинакова, поэтому любой человек потенциально способен к тому, чтобы освободиться от страстей, привязанностей, ложных представлений и начать свободную природную жизнь.

Отвергнув все формы элитаризма и любые теории неравенства между людьми, кинизм стал наиболее «человеколюбивой» из всех классических школ греч. философии. Принципиальная установка К. на побуждение людей к изменению их жизни, к познанию своей истинной природы отражена в широко известных историях о том, как Диоген искал днем с фонарем человека (*Diog. Laert. VI 41*); как он кричал «Люди!» и набрасывался на сбежавшихся с палкой, восклицая: «Я звал людей, а не мерзавцев» (*Ibid. 32*); как, выйдя из

бани, он сказал, что народу в ней много, а людей мало (*Ibid. 40*), и т. п. Такое киническое поведение Диогена была вызвано не презрением и не ненавистью к людям, а желанием пробудить их от сна самодовольства (*Giannantoni. 1990. P. 508–512*). При этом киник осознавал, что реакциями общества на его поведение могут быть непонимание, брань, побои, изгнание, смерть, однако сознательно шел на этот риск ради благой цели. Обращая внимание на такую внутреннюю мотивацию поступков Диогена, Эпиктет утверждал: «Он был так кроток и человеколюбив (*φιλόφρωνος*), что ради общего блага людей с радостью принимал на себя многие труды и телесные мучения» (*Epict. Diss. III 24. 64*).

В историческом развитии кинизма образ кинического философа как

самодосточного аскета, счастливого в своей природной индивидуальности, все более вытеснялся представлением о том,

что истинные К. являются общественными «служителями», к-рые наблюдают за нравами общества и непреклонно доносят до всех людей подлинные представления об истине и лжи, благе и зле, надлежащем и недопустимом (ср.: *Moles. 1983. P. 111–116*).

С представлениями К. о том, что мудрец выполняет по отношению к обществу воспитательную роль, тесно связаны 2 наиболее известных принципа кинического поведения: «свобода речи» (*παρρησία*) и «бесстыдство» (*ἀναίδεια*). Ничем не сдерживаемая дерзость кратких и бьющих точно в цель слов появляется у Диогена; она была нехарактерна для Антисфена, не выходявшего за пределы обычного греч. остроумия. По словам Диона Хризостома, Антисфен сравнивал Диогена с оводом, к-рый «жалит жестоко» (*Dio Chrysost. Or. 8. 3*). «Свобода речи» предполагала использование в беседах намеренно язвительных, грубых, непристойных выражений, провокационное и дерзкое высмеивание оппонентов. Однако К. видели свою цель не в оскорблении как таковом, но в том,

чтобы обличительным «укусом» заставить собеседников задуматься об их недостатках и изменить образ жизни, т. е. «кусали их для их же спасения» (АнтКин. С. 137. № 33). В этом аспекте поведение Диогена и последующих К. было закономерным, хотя и более радикальным, продолжением обличительной и воспитательной «назойливости» Сократа, к-рый также сравнивал себя с оводом (*Plat. Apol. Socr. 30d*).

Принцип бесстыдства, впервые введенный Диогеном и неизвестный в греч. философии до него, будучи в своем внутреннем содержании аскетическим упражнением, воспитывавшим в К. равнодушное отношение к общественному порицанию за нарушение устоявшихся норм поведения, имел и внешнее общественное значение. Бесстыдство К. наглядно демонстрировало противоречие между подлинной природой человека и общественными условностями. Согласно Диогену, если нет ничего дурного в удовлетворении телесных потребностей вообще, то нет ничего дурного и в том, чтобы удовлетворять их публично. Доксографы сообщают, что Диоген «все дела совершал при всех»: прилюдно ел и пил, совершал акты мочеиспускания и дефекации, «то и дело занимался рукоблудием» (*Diog. Laert. VI 69; SSReliq. V B 147*). Последующие К. практиковали также публичное совокупление супругов, получившее у древних авторов насмешливое наименование «собачий брак» (*κυνουόμια*; см.: *Tat. Contr. Graec. 3. 3; Clem. Alex. Strom. IV 19; Theodoret. Curatio. 12. 49*; ср.: *SSReliq. V H 23*). Все эти скандальные поступки призваны были оказать шоковое воздействие на сознание наблюдающих. К. надеялись, что наглядно столкнув природу и обычай в своем поведении, они смогут заставить людей задуматься об условности и относительности привычных для них обычаев. В сочинениях мн. древних авторов, и в особенности в трудах христ. церковных писателей, киническое бесстыдство часто приводилось как пример философского оправдания безнравственности. Однако в действительности К. проводили четкую (хотя и не соответствующую общепринятой морали) грань между естественными потребностями и проистекающими из испорченности человека пороками; так, Диоген высмеивал и порицал проституцию (*Diog. Laert. VI 61,*

62, 66; АнтКин. С. 158. № 236), гомосексуализм (*Diog. Laert. VI 46, 47, 53, 54, 59, 61, 62, 65*; АнтКин. С. 136. № 19) и вообще любую распущенность и невоздержанность (*Diog. Laert. VI 60, 68*; АнтКин. С. 136. № 17, 22; С. 160. № 251).

Осуществлявшаяся К. критика узаконенных форм общественного бытия человека становилась особенно жесткой, когда они обращались к рассмотрению полиса и гос-ва. Для К. все общественные институты есть безусловное зло, поскольку они, будучи учреждены законом и обычаем, в свою очередь производят новые законы и установления, подавляющие все природное и индивидуальное. К. выступали как провозвестники и защитники анархизма, непримиримые критики любой власти — от власти богатого горожанина до вселенской власти царей и императоров (*Нахов. 1981. С. 31–32; Он же. 1982. С. 101–103; Giannantoni. 1990. P. 546–547*). Отказываясь от значимого для каждого грека представления о важности этнического и родового происхождения человека, определявшего его гражданский статус в полисе, Диоген провозглашал себя «гражданином мира» (*κοσμοπολίτης* — *Diog. Laert. VI 63*) и объявлял, что «единственным истинным гражданством является гражданство во вселенной» (*πολιτεία ἐν κόσμῳ* — *Ibid. 72*). Кратет утверждал, что его отечество — «селенья всей земли», готовые дать ему приют (*Ibid. 98*). К. не признавали общественных различий между эллинами и варварами, рабами и свободными, бедняками и богачами; единственное истинное различие — это отличие мудреца, обратившегося к следованию своей природе, от глупцов, пребывающих в плену общественных условностей и в рабстве у собственных страстей.

Организованной жизни людей в полисе и гос-ве К. противопоставляли «естественную» жизнь, подобную жизни животных. Нек-рое представление о том, как К. понимали такую жизнь, дают краткие пересказы содержания трактата Диогена «Государство» у Диогена Лаэртского и у Филодема (ср.: *Giannantoni. 1990. P. 537–546*). Согласно Диогену, в обществе людей, вернувшихся к природной жизни, не будет нужды в гос. учреждениях, оружии, деньгах и т. п. Институт семьи также должен упраздниться: «Жены должны быть общими... кто какую склонит, тот с тою

и сожителем; поэтому же и сыновья должны быть общими» (*Diog. Laert. VI 72*). В природном обществе снимаются все законные ограничения, поэтому допустимым становится то, что в традиц. обществе считается преступлением: сексуальные отношения между родственниками (инцест), поедание человеческого мяса (каннибализм; допустимость обонывалась родством человеческого тела с телами др. животных, к-рые используются в пищу), присвоение чужого и общественного имущества (напр., храмового; это обосновывалось идеей общности всякого имущества) и т. п. (*Ibid. 73; SSReliq. V B 125–126, 353–359*). Такие идеи не могли не шокировать мн. современников Диогена, выдвигавших в адрес К. обвинения в полной аморальности и намеренном желании превратить общественную жизнь в животную, порядок — в хаос (подробнее см.: *Goulet-Cazé. 2003. P. 28–60; Нахов. 1982. С. 129–134*). Хотя образ «природного» гос-ва время от времени возникал в сочинениях К. (см., напр.: *Diog. Laert. VI 85*), они осознавали его утопический характер и не прилагали никаких усилий к тому, чтобы реализовать свои политические идеи на практике, сохраняя их лишь как парадигматический идеал, контрастно противостоящий реальности.

Религиозные взгляды К. Отвергая все общественные установления, К. с неизбежностью приходили к отрицанию традиц. религии, следование к-рой воспринималось как одна из важнейших обязанностей гражданина греч. полиса. Высказывание Антисфена, аутентичность к-рого подтверждается тем, что его цитирует Филодем в соч. «О благодетелии», фрагментарно сохранившемся в корпусе геркуланских папирусов, позволяет заключить, что первоначальная оценка религии напрямую выводилась из центрального для кинизма противопоставления природы и закона. Антисфен утверждал: «Согласно [человеческому] закону (*κατὰ νόμον*) существует много богов, однако по природе (*κατὰ φύσιν*) — один» (*P. Herc. 1428. Fragm. 7a; SSReliq. V A 179–180; АнтКин. С. 124. № 39A*; лат. версию см.: *Cicero. De natura deorum. I 13; Min. Fel. Octavius. 19; Lact. Div. inst. I 5. 18; Idem. De ira Dei. 11*). Говоря об одном боге по природе, Антисфен вставал на строго монотеистическую позицию. В этом он

продолжал традицию элейской философской школы (прежде всего Ксенофана; ср.: DK. 21B23. 14–16); его оппонентами здесь могли быть как софисты, придерживавшиеся теологического агностицизма, так и последователи Демокрита, полагавшего, что источником знания о богах являются их материальные «образы», наполняющие мир. Кроме того, Антисфен мог выступать как продолжатель засвидетельствованной Ксенофонтом сократовской тенденции к пантеистическому отождествлению единого бога и природы (см.: Xen. Mem. I 4; IV 3; подробнее см.: Brancacci. 1985/1986; Rankin. 1986. P. 87–100; ср.: Giannantoni. 1990. P. 251–253). Любые внешние изображения и подобию единого бога Антисфен считал не отражающими его природу и потому ложными и ненужными. Так, согласно свидетельству Феодорита Кирского, «Антисфен... провозглашает о Боге всего сущего: Его нельзя узнать на изображениях, Его нельзя увидеть глазами; Он ни на что не похож, поэтому никто не может узнать Его по изображению» (Theodoret. Curatio. I 75; см. также: Clem. Alex. Strom. V 15. 108; Idem. Protrept. VI 71; Euseb. Praer. evang. XIII 13. 35; ср.: SSReliq. V A 181; АнтКин. С. 100. № 24). Последующие К. восприняли от Антисфена убежденность в том, что все человеческие представления о богах относятся к сфере «закона» и потому должны быть «переоценены» и отброшены как ложные (Goulet-Cazé. Religion. 1996. P. 60). Вместе с тем монотеизм Антисфена остался уникальным случаем для кинизма, поскольку идея единого природного бога не нашла отклика в кинической традиции (ср.: Clem. Alex. Protrept. 6. 71. 2). Вероятнее всего, это объясняется практико-эмпирической установкой кинизма: существование единого бога по природе не дано человеку в опыте, поэтому такой бог является лишь теоретической идеей, от рассмотрения которой К. намеренно уклонялись (ср.: Tillich. 2003. S. 92–93).

Отказавшись от учения о едином боге, К. на общий философский вопрос о существовании и природе богов давали ответ, выдержанный в духе строгого агностицизма. Так, Диоген, согласно свидетельству Тертуллиана, «будучи спрошен, что делается на небесах, ответил: Я никогда не всходил туда; он же, будучи

спрошен о том, есть ли боги, ответил: Я не знаю, однако полезно считать, что есть» (Tertull. Ad nat. II 2; SSReliq. V B 337; ср.: Diog. Laert. VI 39; относительно атрибуции см.: Giannantoni. 1990. P. 549). Содержащееся во 2-й части ответа указание на то, что независимо от реального существования богов вера в них полезна для об-ва, демонстрирует, что К. осознавали общественную функцию религии и выступали против нее именно вслед. неприятия этой функции, а не из-за рационально-теоретического атеизма, к-рый для них нехарактерен (Goulet-Cazé. Religion. 1996. P. 73). К. беспощадно высмеивали все человеческие способы богопочитания как выдуманные самими людьми пустые суеверия, обосновывая это тем, что без эмпирического опыта ничего достоверного о богах знать нельзя, поэтому разумной позицией может быть исключительно агностицизм. Так, Диоген порицал обряды очищения (Diog. Laert. VI 42), мистерии (Ibid. 39), жертвоприношения (Ibid. 28), молитвы (Ibid. 37, 42), храмовых служителей (Ibid. 45), прорицателей (Ibid. 24), суеверных людей (Ibid. 48) и т. п. (ср.: Goulet-Cazé. Religion. 1996. P. 49–50, 64–66; Haxov. 1982. С. 96–97). К. разделяли популярное среди античных противников религии убеждение в том, что обращение к богам часто является следствием человеческой лени, нежелания работать над собой и невежества. Так, по словам Диогена, люди заблуждаются, надеясь очищениями исправить жизненные проступки; беспокоясь о «недобрых снах», вместо того, чтобы заботиться о собственных дневных поступках; молясь богам не об истинном благе, но о том, что только кажется благом (Diog. Laert. VI 42–43). Дополнительный мотив критики религии, в особенности важный для позднего рим. кинизма, был связан с киническим идеалом самодостаточности: в результате аскезы кинический философ научается ни в чем не нуждаться и ничего не бояться, поэтому традиционным богам нечего предложить ему и нечем устрашить (Goulet-Cazé. Religion. 1996. P. 60–61, 73).

Вместе с тем Диоген утверждал, что «боги даровали людям легкую жизнь» (Diog. Laert. VI 44), что мудрец подобен богам и является их другом (Ibid. 72, 105). Эти и подобные им положительные высказыва-

ния о богах, в к-рых будто бы признаётся их существование и благое отношение к людям, в действительности едва ли свидетельствуют о к.-л. богопочитании у ранних К. Боги фактически выступают здесь как метафорическое обозначение имманентной природы, а не как мифические существа и объекты религиозного поклонения (Haxov. 1982. С. 96; Goulet-Cazé. Religion. 1996. P. 61–64, 74; иную т. зр. см.: Лосев. 2000. С. 116–117, 123–124). Крайне популярное у стоиков и неоплатоников представление о божествах как о персонифицированных проявлениях трансцендентного по отношению к человеку начала (ума, логоса, судьбы и т. п.), направляющего весь ход мирового движения, было совершенно чуждо К., отвергавшим любую теорию «закономерности» мирового развития. Миром, согласно К., правит не закон, а свобода индивидуальных деятелей, поэтому не существует никакой судьбы, невозможны предсказания, бессмысленны молитвы (Goulet-Cazé. Religion. 1996. P. 67).

Единственной сферой рассуждений К., где могут быть обнаружены слабые следы наличия у нек-рых из них веры в божественное начало, является учение о посмертной участи человека. Хотя К. не предлагали развитого учения о душе и по большей части рассматривали душу и тело человека в единстве его личности, в кинических сочинениях встречаются намеки на веру в то, что со смертью жизнь человека не прекращается. Так, Антисфен утверждал, что «те, кто хотят обрести бессмертие (βουλομένων ἀθάνατους εἶναι), должны жить благочестиво и справедливо» (Diog. Laert. VI 5; ср.: SSReliq. V A 176). Не говоря о философской вере в единого бога и отвергая народную веру во мн. богов, К. вместе с тем верили в особую «заботу» природы о человеке, иногда приходя через эту веру к фактическому обожествлению природы. Свидетельства этого часто встречаются в поздних «Письмах киников»; здесь на вопрос о загробной участи людей от лица Диогена предлагается ответ, в к-ром философский агностицизм соединяется с квазирелиг. верой в то, что природа позаботится о философе, к-рый следовал в своей жизни путем добродетели: «Я считаю достаточным жить в соответствии с добродетелью и природой, что зависит

от нас самих. Как то, что было до нашего рождения, зависит от природы, так и то, что будет после смерти, находится в ее власти. Как она породила, так она и умертвит» (АнтКин. С. 227. № 225).

Влияние К. на философию и культуру. На всем протяжении своего исторического существования кинизм был ориентирован на диалог с др. философскими школами. Наиболее значимым является влияние кинизма на зарождение и развитие стоицизма; представители 2 школ всегда помнили о своем родстве и воспринимали друг друга как естественных союзников в деле просветительской и воспитательной философской работы. Отказавшись от ригоризма кинической этики и экстремизма кинической аскетики, стоицизм вместе с тем вообрал в себя основные элементы кинической практической философии и сделал их доступными для широкого круга лиц, стремившихся к философской жизни, но не желавших следовать трудным киническим путем, предполагавшим изменение всего строя индивидуальной жизни. Непримируемыми оппонентами К. были приверженцы *эпикурейства*, провозглашавшие тождественность блага и удовольствия и критиковавшие К. за их неумеренный аскетизм. Из-за отсутствия в кинизме развитой теоретической философии его влияние на перипатетизм, платонизм и неоплатонизм было слабым, однако некоторые формы неоплатонической аскетики могут быть возведены к учению К. (Goulet-Cazé. 1990. S. 2808–2817; Desmond. 2008. P. 210–211).

Хотя к VI в. кинизм прекратил существование в качестве философской школы, кинические идеи всегда оставались востребованными в европ. философии и культуре. Связанные с Диогеном истории и его изречения часто включались в средневековые сборники этических наставлений (см. подборку отрывков: Largier. 1997. S. 175–261); традиция воспринимать его как учителя аскезы и проповедника добровольной бедности в лат. лит-ре восходила к блж. Иерониму, назвавшему Диогена «победителем человеческой природы» (Hieron. Adv. Iovin. II 14). В эпоху Ренессанса пробуждается интерес к лит. стороне кинизма; мн. авторы этого времени рассматривали К., известных гл. обр. через сочинения Лукиана, как образцовых сатириков древности, едко

Диоген и афиняне.
Гравюра. 1550 г.

и беспощадно высмеивавших недостатки индивида и общества, и считали себя продолжателями их дела (Desmond. 2008. P. 221–222; подробнее см.: Kinney. 1996; Roberts. 2006). Для мыслителей Просвещения характерно двойственное отношение к К.: как историческое явление кинизм в это время оставался почти неизученным, поэтому философиями-моралистами нередко воспринимался в общем смысле как отрицание любых нравственных ценностей и отождествлялся с имморализмом. Вместе с тем образ Диогена как независимого и самодостаточного философа-кинника часто встречается у И. В. фон Гёте (1749–1832), называвшего его даже «святым Диогеном»; др. крупный нем. поэт и писатель, К. М. Виланд (1733–1813), воплотил собственное видение философии К. в повести «Наследие Диогена Синопского» и в романе в письмах «Кратет и Гиппархия»; «новым Диогеном» нередко называли франц. философа Ж. Ж. Руссо (1712–1778), сторонника возврата к простой и естественной природной жизни. Двойственность оценки К. нашла отражение в начавшемся именно в Новое время процессе отделения понятия «кинизм», обозначающего историческую философскую школу, от понятия «цинизм», служащего для обозначения определенного типа мировоззрения, лишь отдаленно связанного с подлинным учением К.; в нем. и рус. языках понятийное отделение в посл. было выражено и орфографически (Döring. 1998. S. 316–321; подробнее см.: Niehues-Pröbsting. 1979. S. 214–243; Naхов. 1987). Особое значение образ Диогена и понятие «кинизм» приобрели в философии Ф. Ницше (1844–1900), который в поздний период творчества воспринимал себя как

нового Диогена, называл киническую насмешку «наивысшей достижимой на земле» формой мышления и считал, что его борьба с ценностями

христианства и общепринятой моралью является возрождением древнего кинизма в новых условиях, «переоценкой всех ценностей» (см.: Desmond.

2008. P. 229–234; Niehues-Pröbsting. 1979. S. 250–278). В XX в. нем. философ П. Слотердаjk (род. в 1947) в соч. «Критика цинического разума» (Kritik der zynischen Vernunft, 1983) критиковал «циническое» мышление совр. человека, для которого характерно совмещение молчаливого принятия данности обесмысливающегося существования с осознанием фальшивости ситуации в бессильной самоиронии, и призывал воскресить кинизм как «греческую философию дерзости», призывающей к реализации себя в практическом индивидуальном поступке. Provocative элементы поведения К. имеют многочисленные параллели в общественной и культурной жизни XX–XXI вв., проникнутой идеей противостояния личности и общества; отголоски кинизма исследователи находят в асоциальных движениях и молодежных субкультурах (напр., хиппи, панк), в совр. перформативном искусстве, в индивидуальных протестных акциях против социальной и политической несправедливости (Döring. 1998. S. 321).

Кинизм и христианство. В течение примерно 500 лет кинизм и христианство существовали и развивались в одной культурной и социальной среде. Исторические источники содержат достаточное число свидетельств того, что К. и христиане вели диалог как на личном, так и на идейном уровне. При рассмотрении этих свидетельств необходимо учитывать, что к моменту возникновения христианства кинизм был уже сложившейся философской школой, имевшей замкнутый набор этических идеалов и принципов поведения, а также сформировавшееся негативное отношение ко всякой религии вообще. Именно этим объясняется то обстоятельство, что влияние

христианства на кинизм было минимальным; оно фактически сводилось к обращению в христианство отдельных К. Влияние кинизма на христианство было более сложным и многоплановым. Необходимость возвещения христ. истины на языке, доступном для тех, к кому была обращена проповедь, ставила христ. Церковь перед задачей религ. и философского рассмотрения различных идейных течений греч. философии. Выработанная в ходе этого рассмотрения общая стратегия отношения к языческой философии, в соответствии с к-рой из этой философии заимствовало то, что признавалось согласующимся с христ. верой, и подвергалось оценочной критике все прочее, была применена христ. Церковью и к кинизму. В совр. науке отношение христианства к кинизму рассматривается в 3 основных направлениях: 1) гипотеза о влиянии К. на зарождение и развитие раннего христианства; 2) анализ оценочных суждений о кинической философии, представленных в сочинениях отцов Церкви и древних христ. писателей; 3) вопрос о влиянии кинической аскетической практики на появление и развитие нек-рых форм христ. аскетике.

К. и раннее христианство. Гипотеза о наличии особого рода связи между кинизмом и ранним христианством была выдвинута библеистами, занимавшимися проблемой источников синоптических *Евангелий*. Обсуждение этой гипотезы, теснейшим образом связанной с развитием теории т. н. источника Q, началось во 2-й пол. XX в. и продолжается до наст. времени. По мнению поддерживающих теорию ученых, Q является протоевангелием, т. е. наиболее ранней литературно обработанной записью изречений Иисуса Христа, и, возможно, был составлен Его ближайшими учениками и последователями. Изречения Q (наряду с возникшим независимо от них Евангелием от Марка) были, по убеждению ряда библеистов, в посл. использованы авторами Евангелий от Матфея и от Луки и встроены в их нарративную структуру. Поддерживая установку на демифологизацию НЗ, заявленную Р. Бульманом (1884–1976), сторонники теории полагают, что в отличие от принятых христ. Церковью 4 канонических Евангелий (ср. ст. *Канон библейский*) Q не имел нарративного характера, т. е. не со-

держал повествований о рождении, событиях жизни, смерти и воскресении Иисуса Христа, к-рые будто бы впервые появляются лишь в процессе мифологизирующей переработки Q. Учеными, принимающими предположение о том, что Q является не совокупностью разрозненных изречений, а цельным лит. произведением, была предпринята попытка воссоздать его с использованием материала Евангелия от Матфея, Евангелия от Луки и апокрифического *Фомы евангелия*, завершившаяся созданием условного научного текста Q (см.: *The Critical Edition of Q* / Ed. J. M. Robinson, P. Hoffmann, J. S. Kloppenborg. Leuven, 2000). В ходе длительного обсуждения вопроса о лит. природе этого текста была выдвинута идея, что он принадлежит к популярным в эллинистической литературе жанрам «изречений мудрецов» (λόγοι σοφῶν) или «жизнеописаний» (βίοι) философов. Пытаясь найти источники, повлиявшие на жанровые особенности и тематическую палитру Q, нек-рые исследователи предложили искать их в кинической литературе, а именно в собраниях изречений и в диатрибах кинических философов. Приняв это положение, отдельные библеисты (Ф. Дж. Даунинг в Великобритании, неск. участников т. н. Семинара Иисуса (Jesus Seminar) в США и др.) пошли еще дальше и заявили, что Иисус Христос и Его ученики либо находились под сильным непосредственным влиянием кинизма, либо вообще были иудейскими К. (см. основные работы: *Downing*. 1988; *Idem*. 1992; *Idem*. 1998; *Crossan*. 1991; *Mack*. 1993; *Vaage*. 1994; *Idem*. 1995; *Robinson*. 1997; *Seeley*. 1997; *Kloppenborg*. 1999). Такие взгляды получили условное наименование концепции «кинического Иисуса» (Cynic Jesus; см.: *Goulet-Cazé*. 2008. Sp. 655–659). Эта концепция не является общепринятой в совр. библеистике и неоднократно подвергалась критике как со стороны библеистов, так и со стороны историков философии (см., напр.: *Tuckett*. 1989; *Betz*. 1994; *Eddy*. 1996; *Johnson*. 1996; *Païm*. 2004; *Döring*. 2006. S. 100–105; *Goulet-Cazé*. 2008). Основные аргументы, приводимые сторонниками и противниками теории влияния кинизма на раннее христианство, делятся на 2 группы: 1) текстологические, т. е. аргументы, касающиеся отнесения Q к кинической лит-ре; 2) исторические

(в т. ч. психологические, типологические и социологические), т. е. аргументы, относящиеся к гипотетическому личному кинизму Иисуса Христа и первых христиан (обзор аргументов с позиции сторонников концепции см.: *Kloppenborg*. 1999; с позиции противников концепции см.: *Goulet-Cazé*. 2008. Sp. 649–663).

Корректное текстологическое сравнение изречений Q с кинической лит-рой затруднено как тем, что Q является совр. предположительной реконструкцией, а не оригинальным памятником христ. лит-ры, так и тем, что сборники изречений и диатрибы К. в оригинальном виде не сохранились и известны лишь в поздних переработках. Вместе с тем, по мнению оппонентов концепции «кинического Иисуса», даже на имеющемся материале можно показать принципиальную разнородность Q и кинических текстов. Так, изречения Q не соответствуют типовым формальным и лексическим структурам кинического изречения (χρῆμα); в отличие от кинических жизнеописаний предлагаемый исследователями вариант Q содержит минимум биографических сведений и не имеет своей целью описание идеальной жизни мудреца; в отличие от диатрибы Q не совмещает разноплановые лит. жанры и не посвящен раскрытию одной законченной темы (*Goulet-Cazé*. 2008. Sp. 651–654). Кроме того, в высказываниях Q и Евангелий полностью отсутствует характерная для большинства кинических изречений дерзкая насмешка и издевка над собеседником; как положительные, так и осуждающие изречения Иисуса Христа всегда проникнуты серьезностью и авторитетом. Широко распространенная среди сторонников концепции «кинического Иисуса» сравнительная текстология, при к-рой отдельные высказывания, заимствуемые из Q и книг НЗ, сравниваются с некоторыми положениями, извлекаемыми из сочинений кинических и кинизирующих авторов (наиболее показательный пример: *Downing*. 1988; ср.: *Vaage*. 1995. P. 208–229), также имеет серьезные недостатки, поскольку при ее осуществлении нередко игнорируются идейные различия внутри кинизма, личная позиция кинических авторов, исторический контекст высказываний. Так, напр., тексты Q сравниваются с высказываниями Эпиктета как «киника», без учета

того, что он писал о кинизме со стоических позиций, и того, что с хронологической т. зр. смысловые совпадения его сочинений с текстами НЗ могут быть объяснены его знакомством с христ. проповедниками, и в таком случае влияние оказывается обратным (Döring. 2006. S. 104). Часто не учитывается и мировоззренческий контекст, определявший серьезное смысловое различие даже формально близких по содержанию высказываний. Так, напр., слова «многие же будут первые последними, и последние первыми», связанные с призывом оставлять все ради Евангелия (Мф 19. 28–30), и кинические изречения о том, что оставивший все ради природной жизни бедняк в действительности счастливее царя, выражают внешне сходные идеи, однако эти идеи мотивируются различным мировоззрением: убежденностью в самодостаточности человека у К. и верой в конечный справедливый Суд Божий у христиан. Даже весьма близкие образы (наиболее популярное сопоставление — «птицы небесные», «полевые лилии» и связанная с этими образами идея жизни без забот в Мф 6. 25–30; ср., напр., в кинической лит-ре: Dio Chrysost. Or. 10. 16; Epict. Diss. I 14. 3, 9; ср.: Downing. 1988. P. 68–71), встречающиеся у К. и в изречениях Q, не могут служить убедительным доказательством наличия текстовой взаимосвязи, поскольку эти образы и связанные с ними идеи могли быть частью культурного контекста, общественного сознания, никак не обусловленного конкретной философской школой или мировоззренческим направлением (см.: Goulet-Cazé. 2008. Sp. 654–656, 661).

Историческая аргументация сторонников и противников концепции «кинического Иисуса» строится преимущественно вокруг вопроса о возможности знакомства Иисуса Христа и Его учеников с приверженцами кинизма в Палестине. Сторонники концепции полагают, что отдельные К. или кинические группы могли существовать в нек-рых городах Палестины; наиболее часто называется г. Сепфорис в Галилее, важный политический и торговый центр, располагавшийся близ Назарета, где провел детство и юность Иисус Христос, а также г. Тивериада (см., напр.: Kloppenborg. 1999. P. 98–103). В качестве дополнительного аргумента сторонники концепции указы-

вают на то, что с палестинским г. Гадара связаны имена З К.: Мениппа (III в. до Р. Х.), Мелеагра (II–I вв. до Р. Х.) и Эномая (см., напр.: Downing. 1992. P. 147–148). Однако Менипп лишь родился в Гадаре, а философскую жизнь киника вел в Фивах (см.: Diog. Laert. VI 99); Мелеагр был кинизирующим поэтом, а не философом-киником в полном смысле слова, и также не жил постоянно в Гадаре (см.: Hachov. 1981. С. 126–128); Эномай вел философскую деятельность во II в.; вслед. этого говорить о наличии некой кинической школы в Гадаре невозможно. Т. о., хотя нельзя полностью исключить вероятность того, что какие-то К. в разное время жили в Палестине, оппоненты концепции справедливо указывают на то, что не существует никаких исторических свидетельств, подтверждающих существование К. в Галилее I в., а тем более — контакты с К. Иисуса Христа и Его учеников (ср.: Betz. 1994. P. 471–472; Tuckett. 1989. P. 356–358). Кроме того, представление о сильной эллинизации Галилеи в I в., на основании к-рого делается предположение о наличии в ней значительного числа сторонников кинизма, было поставлено под сомнение данными совр. археологических раскопок.

Рассматривая предлагаемый психологический портрет Иисуса Христа как киника, противники концепции отмечают, что даже редуцированный личный образ Иисуса Христа, представленный в Q, далек от классического образа кинического философа и не совпадает с ним в ряде существенных черт: Иисус Христос ведет скромную и целомудренную жизнь, не согласующуюся с киническим принципом бесстыдства; Он не похож на кинического аскета (пьет вино, живет в домах, не просит Сам милостыню, не носит плащ на голое тело и т. п.); Он является чудотворцем и целителем; Он верит в единого Бога и проповедует благочестие, а не возврат к природной жизни (Goulet-Cazé. 2008. Sp. 662–663). Весьма популярным среди сторонников концепции является социально-политическая аргументация, в соответствии с к-рой сходство Иисуса Христа и К. проистекает из их общественной роли борцов с существующим общественно-политическим строем, ниспровергателей общепринятых ценностей. Однако, хотя критическое отношение к «миру сему»

действительно было свойственно Иисусу Христу и выражалось в Его словах и поступках, оно мотивируется тем, что истинная жизнь — это жизнь вечная, Царство Небесное, Царство Божие, тогда как в кинизме любая трансцендирующая мотивация заведомо исключена. Если проповедь К. ориентирована на призыв к индивидуальной аскезе, то для проповеди Иисуса Христа наиболее важным является призыв вступить в правильное отношение к Богу, принести покаяние и «уверовать в Евангелие» (ср.: Мк 1. 15), т. е. изменить свою жизнь так, как это угодно Богу. Т. о., поскольку за любым типологическим совпадением поступков и слов Иисуса Христа и К. кроется глубокое мотивационное различие, поиск внешних совпадений является фактически бессмысленным занятием (Goulet-Cazé. 2008. Sp. 658–663). В качестве ответа на критику сторонником концепции Дж. С. Клоппенборгом была предпринята попытка представить мировоззрение Иисуса Христа как «кинический иудаизм», т. е. киническое движение, возникшее внутри иудаизма и вследствие этого обладающее религ. своеобразием (Kloppenborg. 1999. P. 111–117). Хотя в этом случае речь идет уже скорее о типологическом сходстве, чем о прямом влиянии кинизма, даже такая «мягкая» версия не может быть убедительно и непротиворечиво обоснована; с научной т. зр. можно говорить лишь о наличии отдельных параллелей между текстами НЗ и текстами К., но не о параллелизме мировоззрений в целом.

Независимо от связанной с Q концепции «кинического Иисуса» библеистами в XX в. предлагалась также гипотеза о «кинизме» ап. Павла. Так, А. Малерб, признавая, что ап. Павел не был киническим философом формально и не разделял кинического индивидуализма, находит следы сильного кинического влияния в ряде рассуждений из Посланий ап. Павла (напр., 1 Фес 2; см.: Malherbe. 1989. P. 49–67). Схожую концепцию развивал Даунинг (см.: Downing. 1998); по его мнению, ап. Павел испытал столь сильное влияние кинизма, что мн. его современники видели в нем кинического проповедника, хотя сам он себя таковым не считал: «Павел — это христианский иудей с некоторыми важными отпечатками кинизма в его рассуждениях и образе жизни» (Ibid. P. 10).

Метод обоснования этого тезиса сводится у обоих авторов к сравнительному сопоставлению кинических текстов и текстов НЗ; поскольку ни один из них не настаивает на том, что ап. Павел был убежденным киником, эти сопоставления фактически призваны доказать, что он был знаком с нек-рыми взглядами К. Такое допущение в ряде случаев может быть верным (см., напр.: Кол 3. 8–11; ср.: *Downing*. 1998. P. 11–22), однако в большинстве случаев предлагаемые параллели имеют слишком общий характер и не отражают существенных особенностей кинизма. Сопоставительный анализ греч. философской диатрибы и рассуждений ап. Павла был осуществлен в работах С. К. Стоуэрса (*Stowers*. 1984) и Т. Шмеллера (*Schmeller*. 1987; для сравнения здесь использованы диатрибы Телета, Музония Руфа и Эпиктета). Эти авторы продемонстрировали, что греч. диатриба была не столько лит. жанром, сколько распространенным способом передачи знаний от учителя к ученику в философской школе, а также формой этического наставления. Использование ап. Павлом характерных для диатрибы риторических приемов свидетельствует о том, что он имел начальное философское (или риторико-софистическое) образование, однако не может рассматриваться как аргумент в вопросе о наличии у него собственных кинических убеждений. Т. о., гипотеза о том, что ап. Павел соприкасался с киническими идеями в той форме, в какой они были представлены в эклектических курсах философии эллинистической эпохи, а также мог быть знаком с нек-рыми киническими или близкими к кинизму стоическими диатрибами, является правдоподобной. Однако делаемый из этого вывод об идейной зависимости ап. Павла от кинизма не находит подтверждений в источниках, поскольку отраженное в них общее мировоззрение ап. Павла радикально отличается от кинического (*Goulet-Cazé*. 2008. Sp. 664–668).

Сопоставление аргументов сторонников и противников учения о киническом характере раннего христианства демонстрирует, что эта концепция, будучи неприемлемой с т. зр. традиц. правосл. библейского и догматического богословия, оказывается крайне сомнительной и с объективно-научной т. зр. Если среди современных библеистов во-

просы о концепции «кинического Иисуса», «кинического Павла» и киников-христиан отчасти остаются дискуссионными, то филологи и историки философии, ориентированные на строгую методологию работы с источниками, критически оценивая всю в целом теорию наличия тесной связи между К. и первыми христианами, прямо признают ее «продуктом фантазии» (*Döring*. 2006. S. 103) и не находят в ней научной убедительности (*Goulet-Cazé*. 2008. Sp. 663–664, 668; ср.: *Desmond*. 2008. P. 211–216).

К. в патристической литературе. Упоминания о К. в сочинениях отцов Церкви и древних христ. писателей имеют преимущественно идейный характер: обращение к образам древнего кинизма (Диоген, Кратет) для иллюстрации христ. по содержанию рассуждений встречается намного чаще, чем к.-л. сведения о кинизме как о продолжающем свое существование философском направлении и о совр. христианах отдельных К. Все свидетельства христианских авторов о К. могут быть условно разделены на 3 группы: 1) упоминания о К. исторического характера; 2) положительные суждения о взглядах и поступках древних и новых К.; 3) высказывания, содержащие осуждение некоторых особенностей кинизма, гл. обр. связанного с киническим бесстыдством безнравственного поведения К., а также кинического тщеславия (см.: *Boas*. 1948; *Dorival*. *Cyniques et Chrétiens*. 1993; *Idem*. *L'image des Cyniques*. 1993; *Krueger*. 1993; *Idem*. 1996. P. 72–89; *Desmond*. 2008. P. 216–221).

Одно из наиболее ранних исторических упоминаний К. у христ. писателей связано с деятельностью и смертью мч. *Иустина Философа* (кон. I–II в.). Во «Второй апологии» мч. Иустин выступает против некоего киника Крискента. Этот киник, согласно мч. Иустину, всенародно напал на христиан и обвинял их в том, что они «безбожники и нечестивцы». По словам мч. Иустина, Крискент нападает на христиан либо потому, что он не познал учения Христова, и в этом случае он — «человек крайне злой и гораздо хуже простолудинов, которые часто остерегаются говорить о том, чего не знают, и приносят ложное свидетельство»; либо по той причине, что, познав его, он не понял его величия; либо из-за того, что, поняв величие,

все равно решил «нападать на христиан, чтобы не заподозрили его, что он христианин» (*Iust. Martyr*. II Apol. 3). В том же сочинении мч. Иустин сообщает, что готов вести публичный спор с Крискентом, и намекает на то, что Крискент ищет возможности предать его на смерть (*Ibidem*). По свидетельству Евсевия Кесарийского, к-рое нек-рые совр. исследователи подвергают сомнению вслед. отсутствия сообщаемых им сведений в сохранившихся мученических актах Иустина, Крискент выполнил этот замысел, донеся на Иустина как на христианина гос. властям (см.: *Euseb*. *Hist. eccl.* IV 16. 1). Источником Евсевия был Татиан, сообщающий, что «Крискент, угнездившийся в Великом городе, всех превзошел мужеложеством, да и в сребролюбии был весьма прилежен; советуя презирать смерть, он сам настолько ее боялся, что старался предать Иустина... смерти, словно чему-то дурному, потому что тот, возвещая истину, обличал философов как жадных обманщиков» (*Tat. Contr. Graec.* 19). Свидетельство Татиана позволяет сделать вывод о наличии у Крискента намерения погубить мч. Иустина, а также объясняет его мотивацию; осуществил ли Крискент этот замысел, или он был непричастен к смерти мч. Иустина, достоверно установить невозможно. Еще одно свидетельство об участии К. в процессах против христиан содержится в актах мч. *Аполлония* († между 183 и 185), где упоминается некий «философ-кинник», к-рый во время допроса выступил в защиту языческого мировоззрения и заявил, что, хотя Аполлоний пытается излагать некое глубокое учение, в действительности он пребывает в заблуждении (см.: СДХА. С. 402–403). Несмотря на то что роль участников судебных процессов плохо согласуется с киническим образом жизни, нельзя исключать, что к.-л. К., возможно, выполнявшие роль «придворных философов» влиятельных чиновников Римской империи, действительно выступали против христиан, однако борьба с христианами не была целью кинизма как философского направления (ср.: *Dorival*. *Cyniques et Chrétiens*. 1993. P. 59–63; *Goulet-Cazé*. 2008. Sp. 670–671).

В сочинениях ересологов мч. Ипполита Римского и сщмч. Иринея Лионского о кинизме иногда говорится при обсуждении еретиков,

практиковавших чрезмерный аскетизм: энкратитов (*Hipp. Refut.* VIII 20; X 19), Маркиона (*Ibidem*), Валентина и валентиниан (*Iren. Adv. haer.* II 14. 5) и др. Хотя нельзя исключать, что соприкосновение некоторых христиан с учением К. могло подвигнуть их к неортодоксальным аскетическим практикам, такого рода сопоставления имеют скорее типологический, чем исторический характер.

Основоположителем традиции использования рассказов о К. для обоснования нек-рых положений христ. вероучения и нравственного учения является Климент Александрийский, в сочинениях к-рого неоднократно приводятся изречения К., согласующиеся с христ. верой, а также критические высказывания К. о языческой религии (см., напр.: *Clem. Alex. Protrept.* 6. 71. 2; 7. 75. 3; *Idem. Strom.* V 108). Наиболее часто он цитировал высказывания, посвященные критике человеческой тяги к удовольствиям, наслаждениям и стяжательству (см.: *Idem. Strom.* II 107, 119). Использование различных положительных качеств К. в качестве образца, предлагаемого христианам для подражания, встречается у мн. христианских писателей (ср.: *Dorival. L'image des Cyniques.* 1993. P. 435–437). *Ориген* в соч. «Против Цельса», отвечая на упрек в том, что христиане проповедуют на улицах перед простыми людьми, указывал, что так поступали и К., к-рые «собирали не каких-либо ученых людей, а звали к себе слушателей с перекрестных улиц» (*Orig. Contr. Cels.* III 50); он с похвалой упоминает о добровольной бедности Диогена и Кратета (*Ibid.* II 41; VI 28; ср.: *Dorival. L'image des Cyniques.* 1993. P. 440–441). Свт. *Василий Великий*, еп. Кесарии Каппадокийской, в слове «К юношам, о том, как пользоваться языческими сочинениями» приводил Диогена как пример презрительного отношения к богатству и мирским благам, а также ссылаясь на его изречение, в котором высмеивалась излишняя забота о внешности (*Basil. Magn. Hom.* 22). Свт. Григорий Богослов в похвальном слове, обращенном к кинику Ирону (Максиму), отмечал, что нек-рые полученные Максимом во время кинической жизни навыки могут быть полезны и в христианстве: «В кинической философии он осудил безбожие, а похвалил воздержание от излишнего, и стал... псом

против действительных псов, любознательным против немудрых и христианином для всех. Он пристыжает высокомерие киников сходством наружности, а малосмысленность некоторых из наших — необычайностью одеяния, и доказывает собой, что благочестие состоит не в маловажных вещах, и философия — не в угрюмости, но в твердости души, в чистоте ума и в искренней склонности к добру» (*Greg. Nazianz. Or.* 25. 6 // *PG.* 35. Col. 1205). В одном из стихотворений, рассматривая «примеры добродетели», к-рые христиане могут почерпнуть у греч. философов, свт. Григорий упоминает о нищете и умеренности «синопского пса» Диогена и о нестяжательности Кратета; он также приводит историю о том, как один из К., получив от царя талант золота, тут же на весь этот талант купил один хлеб, говоря, что он нуждается лишь в этом. По словам свт. Григория, такая жизнь приличествует христианам, призванным руководствоваться евангельским призывом к преодолению многозаботливости (ср.: *Мф* 6. 25–34). Вместе с тем свт. Григорий предупреждает, что К., «чтившие нестяжательность и свободную жизнь» нередко стремились к совершенству неверными путями; во-первых, «у них было больше тщеславия, чем любви к добру»; во-вторых, умеренность часто проистекала у них от лени и нежелания трудиться, а не была аскетическим самоограничением (*Greg. Nazianz. Carmina.* I 2. 10. 218–284 // *PG.* 37. Col. 696–700). Похвально отзывался о нестяжательности К. Нил Анкирский (IV–V вв.), отмечавший, что они, «наподобие псов, жили не под кровлей и пищу принимали, когда случалось и какую только могли найти». Нил видел в этом верное осознание того, что для «умозрения нужно иметь чистое разумение, не тревожа себя какими-либо заботами о житейских делах», и призвал христиан, «первенствующих пред эллинами в догматах», не быть вторыми по сравнению с ними в жизни и освобождаться от многостяжания (*Nil. Ad Magnam.* 39–40).

Отрицательные оценки кинизма встречаются уже у раннехрист. апологетов. Так, Татиан насмешливо упрекал К. в том, что они, провозглашая возвращение к природе, вместо уподобления Богу решили уподобляться животным (*Tat. Contr.*

25). Мч. Иустин Философ считал, что К. объявляют целью жизни достижение безразличия, и на этом основании утверждал: «Невозможно, чтобы киник, избравши последнюю целью безразличие [между добром и злом], признавал какое-нибудь добро, кроме безразличия» (*Iust. Martyr.* II Apol. 3; в действительности концепция безразличия разрабатывалась не столько в кинизме, сколько в кинизирующем стоицизме; см.: *Goulet-Cazé.* 2003. P. 112–132). Безразличие К. и их стремление вернуться к природной жизни мн. христ. авторы считали причиной их безнравственного поведения. Бесстыдство К., в качестве кульминации к-рого рассматривалось публичное совокупление («собачий брак»), особенно резко осуждали Феодорит Кирский (*Theodoret. Curatio.* 12. 49) и блж. Августин (*Aug. De civ. Dei.* XIV 20). Вместе с тем блж. Августин свидетельствует, что К. его времени такого уже не практиковали, вслед чего порицание опиралось скорее на слухи и рассказы, чем на реальный опыт общения с К. Мн. идеи К. доходили до христ. писателей в искаженном полемистами с кинизмом виде. Так, *Феофил*, еп. Антиохийский (II в.), писал, что «безбожный голос Диогена учит детей приносить отцов своих в жертву и пожирать» (*Theoph. Antioch. Ad Autol.* III 5); здесь доведена до абсурда киническая идея принципиальной допустимости каннибализма. Нередко у христианских авторов встречаются обвинения в адрес К. в том, что их поведение является неискренним и тщеславным; так, Татиан писал о хвастовстве и «надутым словоизвержением» К. (*Tat. Contr. Graec.* 3); о Диогене, «похваляющемся своей самодостаточностью» (*Ibid.* 2). Феодорит Кирский, сравнивая христ. подвижников с «Антисфеном, Диогеном и Кратетом», замечал, что христиане трудятся «не ради пустой славы», как К., но ради подлинного блага, «совершая надлежащее так, как надлежит» (*Theodoret. Curatio.* XII 31). Подобные упреки во многом объясняются тем, что К. воспринимались как безбожники, не верящие в загробную жизнь и воздаяние, поэтому вся их аскетика с т. зр. христ. мировоззрения не могла иметь никакой цели, кроме самовозвеличивания: «Всегда молчать, питаться травой, прикрывать тело худыми рубищами и жить, заключившись в боч-

ке, не ожидая за это никакого воздаяния по смерти, — хуже всякого безумия» (*Nil. Exerc. 2; ср.: Dorival. L'image des Cyniques. 1993. P. 428–430; Goulet-Cazé. 2008. Sp. 672–675*).

Наличие как положительных, так и отрицательных отзывов о К. свидетельствует, что христ. авторы признавали нек-рые положительные стороны кинической аскетики, однако отличали отдельные черты кинического образа жизни от кинического мировоззрения в целом, к-рое в силу его индивидуалистического и нерелиг. характера было чуждо христианам. Наиболее решительно существенные различия между христианскими святыми и К. подчеркивал свт. Иоанн Златоуст, в «Толковании на Первое послание к Коринфянам» противопоставлявший Диогена и ап. Павла, а в «Слове о блаженном Вавиле, а также против Юлиана» — Диогена и сщмч. *Вавилу*, еп. Антиохийского († 250). Нападая на тщеславие (*κενοδοξία*), по его мнению, присущее всем язычникам, свт. Иоанн отмечал, что ап. Павел не поступал так, как Диоген, к-рый «без всякой нужды одевался в рубище и жил в бочке, удивлял многих, но пользы не принес никому». Ап. Павел, по словам свт. Иоанна, «не руководился честолюбием», он не стремился привлечь к себе излишнее внимание и добиться похвал, поэтому «одевался со всей благопристойностью, и жил всегда в доме, и был совершен в других добродетелях, которые упомянутый киник презирал, проводя жизнь распутную, поступая бесстыдно перед всеми и увлекаясь безумной страстью тщеславия» (*Ioan. Chrysost. In 1 Cor. 35. 4*). Рассказывая о том, как сщмч. Вавила запретил войти в церковь нечестивому императору, свт. Иоанн хвалит его рассуждение и противопоставляет поведение епископа поступкам языческих философов, «которые никогда не бывают дерзновенными в меру, а всегда... или больше или меньше надлежащего», так что все рассказы о философах свидетельствуют лишь об их «тщеславии, дерзости и неразумии». Обращаясь для иллюстрации этого тезиса к истории о встрече Диогена с царем Александром Македонским, свт. Иоанн объявляет киническое дерзкое поведение глупым и не заслуживающим подражания вслед. его тщеславного и бесполезного характера: «Не гораздо лучше ли было бы,

надев на себя одежду взрослого, быть деятельным и попросить тогда у царя чего-нибудь полезного, нежели сидеть в рубище... Хорошему человеку нужно все делать для общей пользы и для исправления жизни других; а просьба о том, чтобы не заслоняли солнца, спасла ли какой город, какой дом, какого мужчину, какую женщину? Покажи пользу от этого дерзновения!». Христиане в своих подвигах призваны руководствоваться рассуждением и евангельскими нравственными ценностями, делая лишь то, «что честно, что чисто... что достопамятно, что только добродетель и похвала» (Флп 4. 8), поэтому, по мнению свт. Иоанна, киническое поведение совершенно не приличествует христианам: «У нас никто не заключал себя в бочку и не расхаживал по площади, одевши рубище; такие действия, хотя кажутся удивительными и сопряжены с великим трудом и крайними страданиями, но не заслуживают никакой похвалы» (*Ioan. Chrysost. De st. Bab. contra Jul. 7–9 // PG. 50. Col. 541–546*). Вместе с тем поступки К. у свт. Иоанна рассматриваются соответственно тому, какой цели они служат и какую пользу приносят; хотя формально он осуждает конкретные действия, в действительности объектом осуждения является ложная мотивация этих действий, отсутствие в них высшей духовной пользы, в случае наличия к-рой те же самые действия могут получить противоположную оценку (ср.: *Dorival. L'image des Cyniques. 1993. P. 422–424*). Так, во 2-м Слове «К враждующим против тех, которые привлекают к монашеской жизни» свт. Иоанн использовал тот же пример встречи Диогена и Александра, чтобы показать, что нищий и «ходящий в рубищах» человек может ни в чем не нуждаться и чувствовать себя более счастливым, чем земные цари; здесь киник Диоген становится прообразом христ. аскета (*Ioan. Chrysost. Adv. oppugn. vitae mon. // PG. 47. Col. 337, 339*).

Аскеза К. и христианская аскетика. Сравнения христ. монахов с К. неск. раз встречаются у языческих авторов; основой для таких сравнений служила прежде всего внешняя схожесть облика (нестриженные волосы и небритая борода), стиль одежды (плащ, посох, сума) и поведение (публичные проповеди и обличения). Христ. монахи, в III–IV вв. начавшие появляться в городах

Римской империи, мн. язычниками, не разбиравшимися в вероисповедных тонкостях, воспринимались как новая разновидность К. (*Goulet-Cazé. 2008. Sp. 684*). Однако в действительности монашество не зависело от кинизма в своем возникновении и не было похоже на него ни в идейном содержании, ни в аскетических практиках. К. стремились в большие города и собирали вокруг себя слушателей, тогда как монахи удалялись в пустыню и намеренно лишали себя контактов с обществом; К. отказывались трудиться, а для первых монахов было важным своими руками зарабатывать хлеб; К. добивались самодостаточности и отвергали все формы религ. жизни, в то время как монахи важнейшей частью своего подвига считали молитву и богомыслие. При этом нельзя исключать, что в нек-рых случаях имел место локальный обмен практическим опытом между К. и монахами; так, нек-рые исследователи видят следы стилистического и тематического влияния сборников кинических изречений в апофтегматических памятных египетского монашества (*Ibid. Sp. 683–685; ср.: Doresse. 1944*).

Гораздо более сложными были связи с К. возникшей в V–VI вв. новой формы христ. аскезы — *юродства* ради Христа. О том, что сама идея юродства как подвига первоначально сформировалась в монашеской среде, свидетельствует визант. христ. историк *Евагрий Схоластик* († после 594), одним из первых описавший этот феномен религ. жизни. Предлагая рассказ о формах существования монашества во времена правления имп. *Феодосия II* (408–450), Евагрий упоминает о «наиболее совершенном» виде монашеского подвига. По его словам, нек-рые монахи, «через добродетель достигнув бесстрастия, возвращаются в мир и, среди шума притворяясь помешанными, таким образом попирают тщеславие». Евагрий сообщает, что эти монахи ведут необычную жизнь: едят и пьют в харчевнях, «не стыдясь ни места, ни лица, вообще ничего»; посещают общественные бани, причем нередко совместно с женщинами, не испытывая при этом природных влечений к ним; алчут и жаждут, вкушая лишь требующуюся для поддержания жизни пищу; тело покрывают настолою, насколько требует необходимость,

и т. п. (*Evagr. Schol. Hist. eccl. I 21*). Т. о., первоначально юродство возникает как особая аскетическая форма жизни монахов, достигших духовного совершенства и возвращающихся из пустыни в мир для «упражнения в смирении». Как и К., эти монахи жили в крупных городах; с киническими философами-аскетами их сближают и детали образа жизни, описанные Евагрием, и представление о том, что исправивший и очистивший свою жизнь человек должен не уходить из общества, а жить в нем, показывая пример добродетели. Уже на самой ранней стадии существования для юродства было характерно «добровольное помешательство», проявлявшееся гл. обр. в вызывающем асоциальном поведении. В этом также можно видеть близость юродства с кинизмом. Различные источники сообщают, что противники К. нередко обвиняли их в том, что они безумны. Так, по позднему свидетельству, Платон называл Диогена «безумствующим Сократом» (*Diog. Laert. VI 54*); сам Диоген, когда некто назвал его безумцем, ответил: «Я не безумный, но ум у меня не такой, как у вас» (*SSReliq. V B 427; АнтКин. С. 135. № 11*). Эти слова Диогена созвучны известному изречению одного из основателей православного монашества, прп. *Антония Великого*: «Приходит время, когда люди будут безумствовать, и если увидят кого не безумствующим, восстанут на него и будут говорить: «Ты безумствуешь», — потому что он не подобен им» (*Apophthegmata Patrum. De abbate Antonio. 25 // PG. 65. Col. 84*). Т. о., уже в момент возникновения юродство было своеобразным христ. ответом языческому кинизму; оно заимствовало из кинизма некоторые формы и аскетические идеи, однако наполнило их новым смыслом (подробнее о возникновении и источниках юродства см.: *Иванов. 2005. С. 23–102*). Важные свидетельства о том, как развивалось юродство в VI в. и позже, содержат памятники агиографической лит-ры.

Первым юродивым, о жизни которого сохранились подробные сведения, является прп. Симеон, подвижническая жизнь которого проходила в г. Эмеса (ныне Хомс, Сирия). Краткое сообщение о прп. Симеоне, содержащееся в «Церковной истории» Евагрия Схоластика (*Evagr. Schol. Hist. eccl. IV 34*), позволяет исследователям отнести время его жизни

к периоду правления имп. св. Юстиниана I (527–565). Житие прп. Симеона (ВНГ, N 1677; рус. пер.: Византийские легенды. М., 1972. С. 53–83) было составлено в VII в. *Леонтием*, еп. Неаполя Кипрского (ныне Лимасол, Кипр). Хотя автор Жития претендует на историческую достоверность сообщаемых им сведений, совр. исследователи полагают, что в Житии представлен идеализированный парадигматический образ юродивого, определяемый не столько историческими фактами, сколько общим богословско-аскетическим представлением о смысле и необходимых элементах юродства как аскетического подвига (подробнее см.: *Krueger. 1996. P. 1–56*). Согласно Житию, прп. Симеон в молодом возрасте оставил мир и провел ок. 30 лет в монашеских подвигах в пустыне. В 60-летнем возрасте он, повинаясь внушению от Бога, принял решение вернуться в мир; сообщая о субъективных мотивах этого поступка, автор Жития указывает на стремление прп. Симеона спасти не одного себя (в пустыне), но «также и других» (в городе) и «посмеяться над миром»; оба мотива перекликаются с классической мотивацией кинического поведения. Описывая бытие прп. Симеона в Эмесе, автор Жития приводит характерную деталь его 1-го поступка в качестве юродивого: «Симеон, увидев на гноище перед стенами дохлую собаку, снял с себя веревочный пояс и, привязав его к лапе, побежал, волоча собаку за собой» (Византийские легенды. 1972. С. 68). По мнению Д. Крюгера, образ собаки в сознании мн. греков этого времени все еще был связан с киниками. Т. о., в сообщении агиографа содержится скрытое указание на то, что христ. подвиг юродства является переосмыслением языческого кинического аскетизма (*Krueger. 1996. P. 90–91, 100–106*). В Эмесе Симеон начал имитировать безумие и совершать поступки, шокировавшие христ. население города, мн. из к-рых имеют параллели с поступками К. Он нарушал все общественные установления: этические (напр., бил людей и кидался в них камнями, общался и плясал с блудницами, ходил в женскую баню, ругался неприличными словами), культурные (напр., жил и спал на улицах, ходил нагим; совершал публичные акты дефекации), религиозные (напр., публично демонстриро-

вал нарушение церковных постов, гасил светильники в храме, кидался орехами в молящихся). Вместе с тем юродивый в действительности не совершал грехов (имитация кражи, но не кража; имитация блуда, но не блуд и т. п.), тем самым показывая окружающим разницу между законом Божиим (аналогия кинической «природы») и обычаями людей (аналогия кинического «закона»). При этом прп. Симеон наделяется в Житии мн. признаками христ. святого: по ночам он пребывал в молитве, боролся с бесами, мог насылать на людей наказания за грехи и исцелять их, предвидел будущее, пророчествовал, давал наставления (см.: *Иванов. 2005. С. 111–118*). Агиограф сообщает о двойственной цели всех скандальных поступков прп. Симеона: с объективной стороны он стремился «спасти души людские либо постоянно причиняемым в насмешку вредом, либо творимыми на шутовской лад чудесами, либо наставлениями, которые он давал под видом юродства»; с субъективной стороны он желал полностью искоренить в себе гордость и тщеславие, поэтому «его целью было скрыть добродетель, дабы не иметь от людей ни хвалы, ни чести» (Византийские легенды. 1972. С. 75).

Еще одним памятником агиографической лит-ры, содержащим подробное описание поведения юродивого, является Житие прп. *Андрея Юродивого* (ВНГ, N 115z – 117k; рус. пер.: *Желтова. 2007. С. 22–155*). Созданное предположительно в X в., Житие относит подвиги прп. Андрея к V в., однако, вероятнее всего, прп. Андрей жил намного позже — в IX–X вв. Переведенное на слав. язык в XI – нач. XII в., Житие прп. Андрея имело огромную популярность на Руси и оказало определяющее влияние на рус. понимание подвига юродства (*Желтова. 2007. С. 20–21*). Как и в Житии прп. Симеона, в Житии прп. Андрея в скрытой форме присутствует образ собаки, указывающий на связь юродства с кинизмом: для ночлега прп. Андрей «искал на улице место, где лежат собаки; прогнав пса, он ложился на его место и почивал, словно на постели»; просыпаясь утром, прп. Андрей говорил сам себе: «Ты выпался как пес среди псов (κῶν μετὰ κῶν), пойдем поработаем снова». Связь с кинизмом можно увидеть и в описании облика юродивого: он был

«голый, не имел ничего, даже циновки, но ходил в одной шерстяной накидке», жил «в голоде и в жажде, страдая от холода и жары» (PG. 111. Col. 652; Желтова. 2007. С. 30–31). Как и прп. Симеон, прп. Андрей совершал множество скандальных поступков, подвергался за свое поведение насмешкам и даже избиениям (Желтова. 2007. С. 11–12). Вместе с тем автор Жития намеренно подчеркивает, что прп. Андрей, являющийся для непосвященных безумцем, для своих последователей оказывается наставником в истине: так, в беседах с юношей Епифанием он предлагает ответы на сложные богословские, философские и духовно-практические вопросы, фактически становясь христианизированным «уличным философом».

Материал 2 образцовых Житий позволяет выделить как черты сходства, так и отличия между К. и христ. юродивыми. О сходстве юродства с кинизмом свидетельствуют: 1) внешний облик и образ жизни; 2) скандальное и вызывающее поведение, нередко имеющее соблазнительный сексуальный характер; 3) дерзость речи, соединяющаяся с особым рода мудростью, когда «безумствующий» в кратком изречении высказывает вполне разумную, хотя и парадоксальную истину; 4) общественная функция, связанная с критикой общепринятых установлений, с обличением ханжества, лицемерия, стяжательства и др. пороков. Отличия обусловлены тем, что христианизация кинизма требовала как освобождения его от всех элементов, потенциально способных провоцировать в аскете тщеславие и гордость, так и введения в него нового основания, связанного с преодолением человеческого индивидуализма в религ. отношении к Богу. Если К. стремятся быть самодостаточными, то христ. юродивые желают во всем зависеть от Бога и служить духовной пользе ближних. Киническое стремление к индивидуальному счастью у юродивых сменяется стремлением к блаженству в Боге и к уподоблению Иисусу Христу, для достижения чего они считали необходимым практиковать максимально возможное смиренное самоумаление, намеренно навлекая на себя поругания. Поэтому в своих «безумствах» юродивые нередко превосходят К., не стремившихся специально быть объектами осмеяния. «Юродивый сочетает

Юродивый.

Кон. XIX в. Худож. П. А. Сведомский
(Кировоградский обл.
художественный музей)

в себе черты пророка и киника» (Иванов. 2005. С. 29): от христ. пророка он заимствует сознание покорности воли Божией, направляющей все его поступки, а также способность созерцать тайны Божии и прикровенно сообщать их людям; от К. воспринимает аскетизм и внутреннее стремление к служению людям, к-рое внешне проявляется в скандальном поведении, дерзких речах и обличениях. Типологическая связь юродства с кинизмом всегда оставалась очевидной для образованных греч. авторов и воспринималась как вполне естественная. Так, визант. писатель XIV в. *Никифор Григора*, рассказывая в Житии Иоанна, митр. Ираклийского, о находившемся при имп. дворе в К-поле юродивом, отмечает, что тот был «благочестивый киник, так сказать Диоген, который для виду изображал глупость, а в действительности выполнял Божию работу, которую способен узреть лишь тот, кто созерцает невидимое» (Laurent V. La Vie de Jean, métropolitte d'Héraclée du Pont // Ἀρχεῖον Πόντου. Ἀθήναι, 1934. Т. 6. Σ. 38; ср.: Иванов. 2005. С. 210).

Социально-политическая составляющая деятельности юродивых, нехарактерная для визант. святых, к-рые почти не выступали с критикой властей, наиболее ярко проявилась в рус. юродстве. Так, жившие во время правления ц. *Иоанна IV Васильевича Грозного* юродивые (св. Ва-

сильий Блаженный Московский, Николай Салос Псковский и др.) неоднократно обличали несправедные поступки царя и вельмож. По свидетельству англ. дипломата Дж. Горсея, в Пскове Николай «встретил царя смелыми проклятиями, заклинанием, руганью и угрозами, называл его кровопийцей, пожирателем христианской плоти» и этим поступком спас Псков от разорения (*Горсей Дж. Записки о России: XVI – нач. XVII в. М., 1990. С. 54; ср.: Иванов. 2005. С. 271–277*). Сохраняя предельный аскетизм, признаки святости и скандальность поведения, присущие их греч. предшественникам, рус. юродивые приобретают дополнительную функцию неподкупного судьи, выносящего независимое суждение по политическим вопросам и способного в одиночку противостоять абсолютистской власти (подробнее см.: *Иванов. 2005. С. 279–281*). Такая роль типологически сближает их как с греч. К., высмеивавшими царей и тиранов, так и с К. Римской империи, обличавшими императоров и сановников.

То, что юродство в христианстве не стало столь распространенным явлением, как кинизм в языческом обществе, объясняется принципиальным различием между христианским и киническим мировоззрением. Если кинизм стремился упразднить закон и вернуть человека в природу, то христианство упраздняет «закон природы» и вводит «закон благодати», призванный освободить человека как от природных, так и от общественных недостатков. Христианство не отвергает общество целиком и не противопоставляет человека обществу, как это делали К., но стремится освятить своим присутствием все формы жизни общества, придать им новый смысл и новую цель. Однако в той мере, в какой христианство ведет свою проповедь в мире, «лежащем во зле» (ср.: 1 Ин 5. 19) и не желающем слышать «слово истины» (ср.: 2 Кор 6. 7; Ин 18. 37; 1 Ин 4. 6), «кинический» подвиг юродивых, добровольных безумцев ради Христа, собственной жизнью демонстрирующих людям их уклонение от правды Божией, почитается в Церкви как высокое религ. служение.

Ист.: Mullach F. W. A., ed. Fragmenta philosophorum graecorum. P., 1881. Vol. 2. P. 261–395; Hense O., ed. Teletis reliquae. Tubingae, 1909²; Declava Caizzi F., ed. Antisthenis Fragmenta. Mil., 1966; Paquet L., ed. Les Cyniques grecs: Fragments et témoignages. Ottawa, 1975, 1988²

[собр. фрагментов во франц. пер.]; *Malherbe A. J.*, ed. *The Cynic Epistles: A Study Edition*. Missoula, 1977; *Billerbeck M.*, ed. *Epiktet: Vom Kynismus*. Leiden, 1978; *Gallo I.*, ed. *Frammenti biografici da papiri*. R., 1980. Vol. 2: *La biografia dei filosofi*; Антология кинизма / Отв. ред.: А. А. Тахо-Годи; пер. и коммент.: И. М. Нахов и др. М., 1984. (Памятники филос. мысли) [= АнтКин]; *SSRliq*. 1990. Vol. 2. P. 135–590; *Bastianini G.*, ed. *PVindob G 29946: Aneddoti su Diogene* // *CPF*. 1992. Parte 1. Vol. 1. N 2. P. 99–143; *Müseler E.*, Hrsg. *Die Kynikerbriefe*. Paderborn, 1994. 2 Bde; *Luck G.*, Hrsg. *Die Weisheit der Hunde: Texte der antiken Kyniker in deutscher Übersetzung mit Erläuterungen*. Stuttgart, 1997 [собр. фрагментов в нем. пер.]. Библиогр.: *Billerbeck M.* *Bibliographie* // *Die Kyniker in der modernen Forschung*. 1991. S. 303–318; *Navia L. E.* *The Philosophy of Cynicism: An Annotated Bibliography*. Westport (Conn.): L., 1995; *GGPh*. [Ser. 1]. 1998. Bd. 2. Hbd. 1. S. 355–364. Лит.: *Bieler J.* *Über die Echtheit des Lucianischen Dialogs Cynicus*. Hildesheim, 1891; *Hahn C.* *De Dionis Chrysostomi orationibus, quae inscribuntur Diogenes (VI, VIII, IX, X)*. Homburgi, 1896; *Asmus J. R.* *Der Kyniker Sallustius bei Damascus* // *Neue Jahrbücher für das klassische Altertum, Geschichte und deutsche Literatur und für Pädagogik*. Lpz., 1910. Bd. 25. S. 504–522; *Schwartz E.* *Diogenes der Hund und Krates der Kyniker* // *Idem*. *Charakterköpfe aus der Antiken Literatur*. B., 1910. [Bd. 2.] S. 1–26; *Packmohr A.* *De Diogenis Sinopensis apophthegmatis quaestiones selectae*. Aschendorf, 1913; *Helm R.* *Kynismus* // *Pauly, Wissowa*. R. 1. 1924. Bd. 12. Hbd. 23. Sp. 3–24; *Fritz K.*, von. *Quellenuntersuchungen zum Leben und Philosophie des Diogenes von Sinope*. Lpz., 1926. (Philologus; Supplbd. 18. H. 2); *Seltman Ch. T.* *Diogenes of Sinope, Son of The Banker Hikesias* // *Proceedings of the Cambridge Philological Society*. 1930. Vol. 142/144. P. 7; *Idem* // *Transactions of the International Numismatic Congress (London, 1936)*. L., 1938. P. 121; *Dudley D. R.* *A History of Cynicism: From Diogenes to the 6th Cent. A. D.* L., 1937; *Sayre F.* *Diogenes of Sinope: A Study of Greek Cynicism*. Baltimore, 1938; *Doresse J.* *A propos d'un apophthegme copte: Diogène et les moines égyptiens* // *RHR*. 1944. T. 128. P. 84–93; *Heinmann F.* *Nomos und Physis: Herkunft und Bedeutung einer Antithese im Griechischen Denken des 5. Jh.* Basel, 1945; *Boas G.* *Christianity and Cynicism* // *Idem*. *Essays on Primitivism and Related Ideas in the Middle Ages*. Baltimore, 1948. P. 87–128; *Höistad R.* *Cynic Hero and Cynic King: Studies in the Cynic Conception of Man*. Lund, 1948; *Bagnani G.* *Peregrinus Proteus and the Christians* // *Historia: Zschr. für Alte Geschichte*. Wiesbaden, 1955. Bd. 4. H. 1. S. 107–112; *Kusch H.* *Diogenes von Sinope* // *RAC*. 1957. Bd. 3. Sp. 1063–1075; *Donzelli G.* *Del παραχαράττειν τὸ νόμισμα* // *Siculorum Gymnasium*. Catania, 1958. Vol. 11. P. 96–107; *Patzer A.* *Antisthenes der Sokratiker: Das literarische Werk und die Philosophie, dargestellt am Katalog der Schriften*. Diss. Hdlb, 1970; *Kindstrand J. F.* *Bion of Borysthenes: A Collection of the Fragments with Introduction and Commentary*. Uppsala: Stockholm, 1976; *idem*. *Demetrius the Cynic* // *Philologus*. B. etc., 1980. Bd. 124. S. 83–98; *O'Neil E. N.* *Teles: The Cynic Teacher*. Missoula, 1977; *Bannert H.* *Numismatisches zu Biographie und Leben des Hundes Diogenes // Litterae Numismatae Vindobonenses: R. Goobl dedicatae*. W., 1979. [Bd. 1.] S. 49–63; *Billerbeck M.* *Der Kyniker Demetrius:*

Ein Beitrag zur Geschichte der Frühkaiserzeitlichen Popularphilosophie. Leiden, 1979; *eadem*. *The Ideal Cynic from Epictetus to Julian* // *The Cynics*. 1996. P. 205–221; *Niehues-Pröbsting H.* *Der Kynismus des Diogenes und der Begriff des Zynismus*. Münch., 1979; *Brancacci A.* *Tradizione cinica e problemi di datazione delle orazioni diogeniane di Dione di Prusa* // *Elenchos*. Napoli, 1980. Vol. 1. P. 92–122; *idem*. *La théologie d'Antisthène* // *Φιλοσοφία*. Ἀθήνα, 1985/1986. T. 15/16. Σ. 218–230; *idem*. *Pericor diogeniche in PVindob G 29946 (= C. P. F. Diogenes Cynicus 8 T)* // *Elenchos*. 1996. Vol. 17. N 2. P. 407–422; *idem*. *Antisthène: Le discours propre*. P., 2005; *Giannattasio Andria R.* *Diogene cinico nei papiri ercolanesi* // *Cronache ercolanesi*. Napoli, 1980. Vol. 10. P. 129–151; *Нахов И. М.* *Киническая литература*. М., 1981; *он же*. *Философия киников*. М., 1982; *он же*. *Кинизм и цинизм: Отжившее и живое: К истории понятия и слов // Живое наследие античности*. М., 1987. С. 231–245. (Вопросы классической филологии; 9); *Dorandi T.* *Filodemo: Gli Stoici (PHerc 155 e 339)* // *Cronache Ercolanesi*. 1982. Vol. 12. P. 91–133; *Mossay J.* *Note sur Héron-Maxime, écrivain ecclésiastique* // *AnBoll*. 1982. Vol. 100. P. 229–236; *Moles J.* *«Honestus Quam Ambitiosus»? An Exploration of the Cynic's Attitude to Moral Corruption in His Fellow Men* // *JHS*. 1983. Vol. 103. P. 103–123; *Stowers S. K.* *Social Status, Public Speaking and Private Teaching: The Circumstances of Paul's Preaching Activity* // *NTIQ*. 1984. Vol. 26. N 1. P. 59–82; *Goulet-Cazé M.-O.* *L'ascèse cynique: Un commentaire de Diogène Laërce VI 70–71*. P., 1986; *eadem*. *Le cynisme a l'époque impériale* // *ANRW*. 1990. Tl. 2. Bd. 36. Hbd. 4. S. 2720–2833; *eadem*. *Le livre VI de Diogène Laërce: Analyse de sa structure et réflexions méthodologiques* // *Ibid*. 1992. Tl. 2. Bd. 36. Hbd. 6. S. 3880–4048; *eadem*. *A Comprehensive Catalogue of Known Cynic Philosophers* // *The Cynics*. 1996. P. 389–413; *eadem*. *Religion and the Early Cynics* // *Ibid*. P. 47–80; *Idem*. *Who Was the First Dog?* // *Ibid*. P. 414–415; *eadem*. *Les Kynica du stoïcisme*. Stuttgart, 2003; *eadem*. *Maxime-Héron d'Alexandrie* // *Dictionnaire des philosophes antiques*. P., 2005. T. 4. P. 348–363; *eadem*. *Kynismus* // *RAC*. 2008. Bd. 22. Sp. 631–687; *Rankin H. D.* *Antisthenes Sokratikos*. Amst., 1986; *Schmeller Th.* *Paulus und die «Diatriben»: Eine vergleichende Stilinterpretation*. Münster, 1987; *Downing F. G.* *Christ and the Cynics: Jesus and Other Radical Preachers in First-Century Tradition*. Sheffield, 1988; *idem*. *Cynics and Christian Origins*. Edinb., 1992; *idem*. *Cynics, Paul and the Pauline Churches: Cynics and Christian Origins II*. L.; N. Y., 1998; *Hammerstaedt J.* *Die Orakelkritik des Kynikers Oenomaus*. Fr./M., 1988; *idem*. *Der Kyniker Oenomaus von Gadara* // *ANRW*. 1990. Tl. 2. Bd. 36. Hbd. 4. S. 2834–2865; *Malherbe A. J.* *Paul and the Popular Philosophers*. Minneapolis, 1989; *Tuckett Ch. M.* *A Cynic Q?* // *Biblica*. R., 1989. Vol. 70. N 3. P. 349–376; *Giannantoni G.* [Notae] // *Idem*. *Socratis et socraticorum reliquiae*. Napoli, 1990. Vol. 4. P. 195–584; *Crossan J. D.* *The Historical Jesus: The Life of a Mediterranean Jewish Peasant*. San Francisco, 1991; *Die Kyniker in der modernen Forschung: Aufsätze mit Einführung und Bibliographie* / Hrsg. M. Billerbeck. Amst., 1991; *Le cynisme ancien et ses prolongements: Actes du colloque international du CNRS, Paris, 22–25 juillet 1991* / Ed. M.-O. Goulet-Cazé, R. Coulet. P., 1993; *Dorival G.* *Cyniques et Chrétiens au temps des Pères grecs // Valeurs dans le stoïcisme: Du Portique à nos jours* / Ed. M. Soetard. Lille, 1993. P. 57–88; *idem*. *Limage*

des Cyniques chez les Pères grecs // Le cynisme ancien et ses prolongements. 1993. P. 419–444; *Krueger D.* *Diogenes the Cynic among the Fourth Century Fathers* // *VChr*. 1993. Vol. 47. N 1. P. 29–49; *idem*. *Symeon the Holy Fool: Leontius's «Life» and the Late Antique City*. Berkeley, 1996; *Mack B. L.* *The Lost Gospel: The Book of Q and Christian Origins*. San Francisco, 1993; *Betz H. D.* *Jesus and the Cynics: Survey and Analysis of a Hypothesis* // *The Journal of Religion*. Chicago, 1994. Vol. 74. N 4. P. 453–475; *Billot M. F.* *Le Cynosarges: Histoire, mythes et archéologie* // *Dictionnaire des philosophes antiques*. 1994. T. 2. P. 917–966; *Döring K.* [Rez.] *Socratis et Socraticorum Reliquiae* // *Gnomon*. Münch., 1994. Bd. 66. H. 3. S. 201–211; *idem*. *Diogenes und Antisthenes // La tradizione socratica: Seminario di studi*. Napoli, 1995. P. 125–150; *idem*. *Antisthenes, Diogenes und die Kyniker der Zeit vor Christi Geburt* // *GGPh*. [Ser. 1]. 1998. Bd. 2. Hbd. 1. S. 267–321; *idem*. *Die Kyniker*. Bamberg, 2006; *Vaage L. E.* *Galilean Upstarts: Jesus' First Followers according to Q*. Valley Forge, 1994; *idem*. *Q and Cynicism: On Comparison and Social Identity* // *The Gospel Behind the Gospels: Current Studies on Q* / Ed. R. A. Piper. Leiden, 1995. P. 199–229; *The Cynics: The Cynic Movement in Antiquity and Its Legacy* / Ed. R. B. Branham, M.-O. Goulet-Cazé. Berkeley, 1996; *Eddy P. R.* *Jesus as Diogenes?: Reflections on the Cynic Jesus Thesis* // *JBL*. 1996. Vol. 115. N 3. P. 449–469; *Johnson L. T.* *The Real Jesus: The Misguided Quest for the Historical Jesus and the Truth of the Traditional Gospels*. San Francisco, 1996; *Kinney D.* *Heirs of the Dog: Cynic Selfhood in Medieval and Renaissance Culture* // *The Cynics*. 1996. P. 294–328; *Long A. A.* *The Socratic Tradition: Diogenes, Crates, and Hellenistic Ethics* // *Ibid*. P. 28–46; *Navia L. E.* *Classical Cynicism: A Critical Study*. Westport (Conn.), 1996; *idem*. *Diogenes of Sinope: The Man in the Tub*. Westport, 1998; *idem*. *Antisthenes of Athens: Setting the World Aright*. Westport, 2001; *Slings S. R.* [Rev.] *G. Giannantoni. Socratis et Socraticorum reliquiae* // *Mnemosyne*. Ser. 4. Lugd. Batav., 1996. Vol. 49. N 4. P. 467–469; *Largier N.* *Diogenes der Kyniker: Exempel, Erzählung, Geschichte in Mittelalter und Früher Neuzeit*. Tüb., 1997; *Robinson J. M.* *«Galilean Upstarts»: A Sot's Cynical Disciples? // Sayings of Jesus: Canonical and Non-Canonical: Essays in Honour of T. Baarda*. Leiden, 1997. P. 223–250; *Seeley D.* *Jesus and the Cynics Revisited* // *JBL*. 1997. Vol. 116. N 4. P. 704–712; *Fuentes González P. P.* *Les diatribes de Télès: Introduction, texte revu, traduction et commentaire des fragments*. P., 1998; *Kloppenborg J. S.* *A Dog Among the Pigeons: The «Cynic Hypothesis» as a Theological Problem* // *From Quest to Q*: FS J. M. Robinson. Leuven, 1999. P. 73–117; *Лосев А. Ф.* *Киники* // *Он же*. *История античной эстетики: Софисты, Сократ, Платон*. М., 2000. С. 97–126; *Tillich P.* *Berliner Vorlesungen II: 1920–1924*. B.; N. Y., 2003. S. 87–96; *Райт Н. Т.* *Иисус и победа Бога*. М., 2004. С. 25–74; *Иванов С. А.* *Блаженные похабы: Культурная история юродства*. М., 2005; *Cutler I.* *Cynicism from Diogenes to Dilbert*. Jefferson, 2005; *Overaen O.* *Die Sprüche des Kynikers Diogenes in der griechischen und arabischen Überlieferung*. Stuttgart, 2005; *Бриссон Л.* *Кинизм // Греческая философия* / Ред.: М. Канто-Спербер и др. М., 2006. Т. 1. С. 180–189, 198–200; *Gugliemina I.* *Diogène Laërce et le cynisme*. Villeneuve d'Ascq, 2006; *Roberts H.* *Dogs' Tales: Representations of Ancient Cynicism in French Renaissance Texts*. Amst.: N. Y., 2006; *Желтова Е. В.*, ред. *Жизнь*

и деяния св. отца нашего Андрея, юродивого Христа ради. СПб., 2007; Schofield M. Epictetus on Cynicism // The Philosophy of Epictetus / Ed. A. S. Mason, Th. Scaltsas. Oxf., 2007. P. 71–86; Солопова М. А. Киники // Античная философия: Энцикл. слов. М., 2008. С. 412–417; Bosman P. R. Traces of Cynic Monotheism in the Early Roman Empire // Acta Classica. Kaapstad, 2008. Vol. 51. P. 1–20; Desmond W. Cynics. Stockfield, 2008; Husson S. La République de Diogène: Une cité en quête de la nature. P., 2011.

Д. В. Смирнов

КИННАМ – см. *Иоанн Киннам*.

КИННЕРЕТ [от евр. *kinnēret* – арфа; Тель-Киннерет; в синодальном переводе Киннереф, Хиннароф, Хиннереф], название самого большого укрепленного города в уделе колена *Неффалима* (Нав 19. 35) на берегу Галилейского м. (Тивериадского оз.); вероятно, так могло называться еще и озеро, очертаниями напоминающее арфу. Перед сражением «у вод Меромских» царь Асора Иавин собрал союзников среди царей ханаанских городов, в т. ч. и в области К. (Нав 11. 2); сир. царь *Венадад* нанес поражение войскам не только К., но и неск. городов на севере долины Иордана (3 Цар 15. 20). К. упомянут также в карнакском списке городов Ханаана, захваченных Тутмосом III, и в егип. списке 18-й династии (Петербургский папирус 1116А).

Талмуд ошибочно идентифицирует К. с Геннисаретом, расположенным к северу от Магдалы (ныне Мигдаль). У. Ф. Олбрайт и Г. Дальман независимо друг от друга предложили идентифицировать К. с Тель-эль-Орейме – холмом, возвышающимся над плодородной, орошаемой источниками долиной на сев.-зап. стороне Тивериадского оз., в 10 км к северу от Тиверии (Тивериады), с к-рого легко контролировать дорогу от средиземноморского побережья к Дамаску (высота холма – 75 м выше уровня Тивериадского оз., однако он на 125 м ниже уровня моря; площадь – ок. 10 га). Примерно половина его территории занята главной водонапорной станцией израильского водовода и поэтому недоступна для исследований.

Еще до начала раскопок на поверхности холма были найдены скарабей с именем царицы Ти, супруги егип. фараона Аменхотепа III, и фрагмент егип. стеллы 18-й династии времен Тутмоса III или его сына Аменхотепа II (XV в. до Р. X.) с текстом, в котором говорится о победе над Митанни.

С нач. XX в. К. изучают немецкие ученые. Первые пробные раскопки были произведены П. Карге (1909–1911), затем Р. Кёппелем (1932, 1939). В 1982 г. у подножия холма были обнаружены следы поселения раннего бронзового века. Систематическое исследование памятника проводил Ф. Фриц (1982–1985, ун-т Гутенберга, г. Майнц; 1994–1999, Немецкая археологическая школа в Иерусалиме). С 2003 г. раскопки К. стали частью совместного проекта (Kinneret Regional Project) ун-тов Бер-

Тель-Киннерет.
Вид с юга.
Фотография. 2010 г.

на (Швейцария), Хельсинки (Финляндия) и Лейдена (Нидерланды). В общей сложности вскрыто 10 археологических страт – от раннего бронзового до позднего железного века. Наиболее значительные результаты принесли раскопки слоев, датированных эпохой раннего железа I. В наст. время исследования памятника продолжаются.

Ранним бронзовым веком в К. датируются лишь немногие архитектурные фрагменты сохранившихся жилых домов у подножия холма и часть городской стены, обнаруженные в ходе раскопок. Тем не менее много керамической посуды этого перио-

да найдено на территории всего древнего города, что позволяет датировать конец существования древнего поселения эпохой ранней бронзы II.

В наст. время раскрыты только отдельные части жилых структур и го-

родских фортификаций (стены и гласис) периодов средней и поздней бронзы. У подножия акрополя обнаружены жилые постройки и 2 кувшинных погребения, датированные поздним бронзовым веком. Но находки времен 18-й егип. династии и упоминание К. в егип. источниках свидетельствуют о том, что город развивался в эту эпоху.

Наиболее значительны находки, относящиеся к раннему железному веку (железо I). Исследователями выявлено 3 слоя этого периода, датированные XI в. до Р. X. В последнее время в связи с постоянно пополняю-

щимся объемом материала, предоставленного археологами, стратиграфия

слоев раннего железного века пересматривается. Особенно сложной оказалась корреляция слоев, раскрытых в верхнем городе (акрополе), с тем, что было обнаружено в нижней части поселения.

Согласно результатам археологических исследований, в период раннего железа Ib (в кон. XI и, возможно, в нач. X в. до Р. X.) К. являлся крупным региональным городским центром. Фрагменты городских укреплений, местами построенные прямо на скальной породе, раскрыты на неск. участках раскопа. Поселение имело перпендикулярную сетку улиц, застраивалось по продуманному плану жилыми «домами с внутренним двором». Архитектура и материальная культура жителей К. свидетельствуют об их

Тель-Киннерет.
Археологические раскопки.
Фотография. 2007 г.

ханаанском происхождении и о продолжении традиций периода поздней бронзы. Причиной внезапной гибели города раннего железного века (1-я пол.

X в. до Р. X.), вероятно, было землетрясение, следы которого выявлены и на др. археологических памятниках Ханаана (Мегиддо, слой VI-A; Дан, слой IV-B). Жители, по всей видимости, вернулись на прежнее

место, где от города остались только руины.

В нач. VIII в. до Р. Х. (слой II) К. был заново отстроен израильтянами, однако теперь его территория ограничивалась только верхней частью холма. На ней найдено неск. жилых построек типа «4-пространственного дома», характерного для эпохи железа II. Новая городская стена достигала толщины в 2,5–4 м, местами была возведена на более древних крепостных стенах. С сев.-зап. и сев.-вост. сторон холма обнаружены 4 массивные крепостные башни. На вост. стороне города открыты 2-камерные ворота города и примыкавшее к ним здание с колоннами, вероятно общественное. Тот факт, что весь комплекс городских ворот оказался засыпанным толстым слоем обгоревших сырцовых кирпичей и пепла, свидетельствует о внезапном его разрушении. Керамические находки, в т. ч. импортная посуда, позволяют датировать разрушение комплекса 2-й пол. VIII в. до Р. Х., вероятно во время нашествия *Tiglath-palasar III* в 733 г. до Р. Х. Найдено значительное количество различных металлических инструментов, ножей и наконечников стрел, возле городских ворот железного века обнаружена бронзовая статуэтка ханаанского божества, датируемая периодом поздней бронзы.

После разрушений VIII в. до Р. Х. на вершине холма, вне пределов последнего израильского города, было построено крупное квадратное в плане здание (30×25 м) с обширным внутренним двором (слой I). Датировка здания затруднена, поскольку в доме не сохранилось полов, и керамический материал, т. о., мог случайно там оказаться. Тем не менее архитектурные особенности постройки позволяют сопоставить это здание с ассир. цитаделями в Асоре и Мегиддо.

В греко-рим. период холм оставался незаселенным. В рим. время южнее К. было основано поселение Генисарет.

Лит.: Winn S., Yakar J. The 1982 Excavations at Tel Kinrot: The Early Bronze Age Settlement // Tel Aviv. 1984. Vol. 11. N 1. P. 20–47; Fritz V. Kinneret: A Biblical City on the Sea of Galilee // Archaeology. N. Y., 1987. Vol. 40. N 4. P. 42–49; idem. Kinneret: Ergebnisse der Ausgrabungen auf dem Tell el-Oreime am See Gennesaret, 1982–1985. Wiesbaden, 1990; idem. Kinneret: Excavations at Tell el-Oreimeh (Tel Kinrot): Preliminary Report on the 1994–1997 Seasons // Tel Aviv. 1999. Vol. 26. N 1. P. 92–115; Fritz V., Mûnger S. Vorbericht über die zweite Phase der

Ausgrabungen in Kinneret (Tell el-Oreime) am See Gennesaret, 1994–1999 // ZDPV. 2002. Bd. 118. S. 2–32; Knauf E. A. Kinneret and Early Iron Age Chronology // BN. 2002. Bd. 113. S. 18–23; Mûnger S., Pakkala J., Zangenberg J. Kinneret Regional Project: Tel Kinrot Excavations: Tel Kinrot – Tell el-Oreime – Kinneret // Proc. of the Finnish Institute in the Middle East. Vantaa, 2004. Report 2. P. 1–32; idem. Tel Kinrot, Kinneret Regional Project: Preliminary Report // Hadashot Arkheologiyot. Jerusalem, 2009. Vol. 121 [Электр. ресурс: hadashot-esi.org.il/images/pdf/mag_121_en.pdf]; idem. Kinneret: An Urban Center at the Crossroads // NEA. 2011. Vol. 74. N 2. P. 68–90; Mûnger S. Of Pots and Strata: A Reply to «Kinneret and Early Iron Age Chronology» by E. A. Knauf // Jb. des Deutschen Evangelischen Institutes für Archäologie des Heiligen Landes. Fürth, 2005. Bd. 9. N 10. S. 77–91; idem. Amulets in Context: Catalogue of Scarabs, Scaraboids and Stamp-Seals from Tel Kinrot/Tell el-Oreime (Israel) // Bilder als Quellen-Images as Sources: Stud. on Ancient Near Eastern Artefacts and the Bible Inspired by the Work of O. Keel. Fribourg; Gött., 2007. S. 81–99; idem. «Handle with Care»: Notes on Stamp-Seal Impressions on Jar Handles and a Bulla from Early Iron Age Tell el-Oreime / Tel Kinrot // ZDPV. 2009. Bd. 125. S. 116–138.

Я. Чехановец

КИНОВАРНЫЕ ПОМЁТЫ — см. *Пометы*.

КИНОВИЯ — см. *Общежительные монастыри*.

КИНОКЕФАЛИЯ [от греч. *κυνόκεφαλοι* — собакоголовый], отраженное в античной и средневек. лит. и художественной традициях представление о существах с телом человека и собачьей головой (кинокефалах), повлиявшее на христ. иконографию. Упоминание о кинокефалах стало обязательным сюжетом географических и исторических описаний Земли греческими, а затем западноевроп. авторами (вплоть до XVIII в.). Они служили образом дикого, варварского народа и соответственно наделялись такими чертами, как неумение говорить или общение на смеси человеческих слов и собачьего лая, имели одежды из звериных шкур и т. п. Начало традиции

Кинокефал.
Гравюра
(Schedel H. *Liber chronicarum*. 1493)
(РГБ)

положил Геродот, согласно к-рому кинокефалы обитали на северо-востоке Африки (*Herod. Hist. IV 191*). Симмий Родосский (кон. IV — нач. III в. до Р. Х.) считал, что они живут на неких островах в мифологической Гиперборее (*Ioannis Tzetzae Historiarum variarum Chiliades*. Lipsiae, 1826. P. 266). Соч. «Индика» Ктесия Книдского (кон. V — нач. IV в. до Р. Х.) содержит сведения об одном из народов Индии, представители к-рого имели собачьи головы (*Nichols A. The Complete Fragments of Ctesias of Cnidus: Transl. and Comment. with an Introd.: Diss*. Gainesville (Florida), 2008. P. 113–114). В отличие от Ктесия, к-рый пользовался сведениями, полученными от персов, др. автор IV в. до Р. Х., Мегасфен, посетил Индию в качестве посла Селевка I Никатора в правление Чандрагупты Маурьи, поэтому современники и потомки считали, что он лично видел кинокефалов. Тексты обоих авторов сохранились только в цитатах, в частности у Гая Юлия Солина и Плиния Старшего, чьи произведения пользовались наибольшим авторитетом (*Plin. Sen. Natur. hist. VII 2. 23*).

Среди античных сочинений, содержащих описание собакоголовых людей, наибольшую популярность получил «Роман об Александре» Псевдо-Каллисфена, повествующий о многочисленных народах, встре-

Кинокефалы.
Миниатюра из: Marco Polo.
Libre des merveilles. 1410–1412 гг.
(Paris. fr. 2810. Fol. 76r)

ченных Александром Великим на пути в Индию. В романе кинокефалы описаны как дикий на-

род, гиганты-людоеды, обитающие на границе мира. Переводы, вариации и пересказы «Романа об Александре» послужили главным источником сведений о фантастических

Кинокефалы на тимпане аббатства Сен-Мадлен в Везеле, Франция XI–XII вв.

народах в средневековье. Описание Псевдо-Каллисфена позволило Псевдо-Мефодию Патарскому отождествить кинокефалов с армиями *Йога и Магога* (Истрин В. М. Откровение Мефодия Патарского и апокрифические видения Даниила в визант. и славяно-рус. литературах. М., 1897. С. 20). В Зап. Европе кинокефалов могли связывать с гуннами, с парфянами, со скифами, с аланами, с монголами и др. народами. В «Истории лангобардов» Павла Диакона рассказано о том, как лангобарды успешно использовали слух о присутствии в своей армии свирепых кинокефалов, чтобы напугать противников (Paul. Diac. Hist. Langobard. I 11–13). По мере того как расширялась известная европейцам география, множились и предположительные места обитания кинокефалов. Помимо традиц. размещения в Индии (Гонорий Отёнский, Марко Поло, Иордан из Северака, Одорик из Порденоне) назывались некий сев. остров («Космография Этика Истра», VIII в.; Чекин. 1999. С. 200–201), возможно находящийся в Балтийском м. (XI в.; Адам Бременский. Деяния архиепископов гамбургской церкви // Из ранней истории шведского народа и гос-ва. М., 1999. С. 91), мыс на Скандинавском п-ове (Херфордская карта мира; ок. 1285, собор г. Херфорд, Великобритания), юг Африки (Эбсторфская карта мира; XIII в., не сохр.), северо-восток Руси (карта Пьера Деселье; 1550, Lond. Brit. Lib. Add. 24065). Дж. дель ПIANO Карпини и Бенедикт Поляк, участники дипломатической миссии

к монг. хану в сер. XIII в., упоминали кинокефалов в рассказе о завоевании монголов (Плано Карпини Дж., дель. История Монгалов. Рубрук Г., де. Путешествие в Восточные страны / Пер.: А. И. Малеев. М., 1957. С. 42). Известие о собакоголовом народе включил в описание своего путешествия Христофор Колумб. Изображения кинокефалов помещались на средневек. картах мира (лат. *parae mundi*), иллюстрациях к географическим трактатам и энциклопедиям (напр., миниатюра сер. XIV в. из кн. «La fontaine de toutes sciences» — Amsterdam. Bibliotheca Philosophica Hermetica. MS 116. Fol. 1).

Из греч. лит-ры, гл. обр. из христианизированных вариантов «Романа об Александре» Псевдо-Каллисфена, сведения о кинокефалах попали в христ. апокрифические предания. Часто этому способствовали ошибки перевода и языковые совпадения. В одном из вариантов сир. перевода текста раннехрист. апокрифа «Деяния апостолов Андрея и Матфея» упоминается город собакоголовых людоедов, крещенных апостолами. Его название происходит от араб. названия племени халибов (*kalbin*), к-рое было понято как производное от араб. *kalb* — собака. В копт. и эфиоп. вариантах апокрифического текста «Деяния апостолов Андрея и Варфоломея» рассказывается о кинокефале, посланном на помощь

можно, послужило источником традиции изображать мч. Христофора, по одной из версий происходившего из этого племени, с собачьей головой.

Легенды о кинокефалах вступали в противоречие с образом человека как потомка Адама. Так, блж. Августин Аврелий хотя и допускал существование подобных существ, но сомневался в их принадлежности к человеческому роду (Aug. De civ. Dei. XVI 8). В IX в. католич. богословы Ратрамн из Корби и гамбургский архиеп. Римберт признали необходимость проповеди среди кинокефалов, как одного из народов, который мог встретиться участникам миссии в Скандинавии (Чекин. 2001. С. 73). Авторы христ. энциклопедий Исидор Севильский («Этимологии») и Рабан Мавр («О природе вещей») относили их к чудовищным народам и отмечали, что их лай характеризует их скорее как зверей, а не как людей. К. могла символизировать соединение звериного и божественного в самом человеке, что переключалось с двойственностью образа собаки в мифологии, которая могла быть и другом, помощником человека (символ преданности и храбрости, напр. эмблема католич. ордена доминиканцев), а могла быть и врагом, диким зверем, волком.

Восточнохристианская, в частности визант., традиция объясняла К. символически: напр., в К-польском Синаксаре (XII–XIII вв.; SynCP. Col. 667–669) сообщалось, что собакоголовый облик Христофора и его

Иисус Христос в окружении кинокефалов. Миниатюра из Киевской Псалтири. 1397 г. (РНБ. ОЛДП. Ф. 6. Л. 28)

апостолам и их защиту. Собакоголовый народ упоминается в «Сказании о хождении трех отроков к св. Макарию» (Веселовский. 1886. С. 455). Из-за созвучия с лат. словом *canis* (собака) с кинокефалами часто отождествляли народ хананеев, что, воз-

происхождение из страны кинокефалов следует понимать как намек на его низменное состояние во время пребывания в язычестве. Иногда Христос в окружении кинокефалов изображался в качестве иллюстрации к Пс 21. 17 («Ибо псы обступили меня, копиле злых обступило меня, пронзили руки мои и ноги мои»), напр. на миниатюре из Лондонской (Феодоровской) Псалтири (1066; Lond. Brit. Lib. Add.

19352. Fol. 23). В *Киевской Псалтири* 4 кинокефала, окружившие Христа, показаны в одеждах рим. воинов, они держат в руках копыя и щиты (1397; РНБ. ОЛДП. Ф. 6. Л. 28).

Древнейший известный образ мч. Христофора с собачьей головой представлен на керамическом рельефе VI – нач. VII в., найденном в Ви-

нице (Македония) (музей Македонии, Скопье), на к-ром он и вмч. Георгий поражают копиями змей. Изображения мч. Христофора подобной иконографии встречаются на рус. иконах XVI–XVII вв. В 1707 г. по распоряжению царя Петра I о соблюдении иконописных правил, принятых на Большом Московском Соборе 1666–1667 гг., Синодом разрабатывалось постановление о запрещении икон, «противных естеству, истории и истине», к которым отнесли и иконы с образом мч. Христофора в виде кинокефала (*Снигирёва*. 1990. С. 56). Однако Сенат не поддержал решение Синода, сославшись на то, что эти изображения уже много лет пользуются народным почитанием. В нек-рых случаях образы мч. Христофора исправляли: напр., в росписи Спасо-Преображенского собора в Ярославле песья голова святого была заменена человеческой. В XVIII в. духовенство Ростовской епархии, в храмах к-рой находилось много икон мч. Христофора, в т. ч. свт. Димитрий Ростовский и митр. Арсений (Мацеевич), выступало против звероподобных изображений святого и за исправление существующих икон («дабы вместо Христофора песья главы не почитать»), однако офиц. обращение в Синод не получило развития (*Вахрина В. И.* Иконы Ростова Великого. М., 2003. С. 231).

Помимо икон мч. Христофора изображения кинокефалов в христ. традиции связаны в основном с

Ближ. Востоком. В копт. и эфиоп. живописи вмч. Меркурий Кесарийский часто представлен в сопровождении 2 собакоподобных воинов, согласно одному из вариантов Жития святого, обращенных им в христианство и сражавшихся вместе с ним, напр. на иконе из ц. Бет-Меркуриос в Лалибэле (Эфиопия). На иконе XVIII в. (часть триптиха) из Коптского музея в Каире в виде кинокефалов представлены копт. святые

Кинокефалы.
Визант. миниатюра из
Гомиллий Григория Назианзина.
70–80-е гг. XI в.
(Paris. Coislin. 239. Fol. 122)

Ахракас и Аугани, к-рые также отождествляются со спутниками вмч. Меркурия (существует предположение, что они изоб-

ражены в масках, см.: *Kamil J.* Christianity in the Land of the Pharaohs: The Coptic Orthodox Church. Routledge, 2013. P. 162). С собачьими головами на арм. и сир. миниатюрах изображали измаильтян (мусульман) в композиции «Сошествие Св. Духа на апостолов», напр. на миниатюре Тороса Рослина 1262 г. из Евангелия (Baltim. 539. Fol. 379).

Лит.: *Веселовский А. Н.* Ханеней-кинокефалы и иконографические изображения св. Христофора // *Он же*. Из истории романа и повести: Мат-лы и исслед. СПб., 1886. Вып. 1: Греко-визант. период. С. 453–476; *Максимов Е. Н.* Образ Христофора Кинокефала: Опыт сравнительно-мифологического исслед. // *Др. Восток*. М., 1975. Сб. 1: К 75-летию акад. М. А. Коростовцева. С. 76–89; *Вздорнов Г. И.* Исследование о Киевской Псалтири. М., 1978. С. 65, 111; *Снигирёва Э. А.* Образ св. Христофора: Предания и действительность // Проблемы формирования и изучения музейной коллекции ГМИР. Л., 1990. С. 47–81; *White D. G.* Myths of the Dog-Man. Chicago, 1991; *Чекин Л. С.* Картография христ. средневековья: VIII–XIII вв. М., 1999; *он же*. Первые карты Скандинавского п-ова // *ДГВЕ*, 1999 г. М., 2001. С. 44–85; *Friedman J. B.* The Monstrous Races in Medieval Art and Thought. Syracuse (N. Y.), 2000. P. 67–74; *Гувакова Е. В.* Святой песьеголовец – аберрация, дань православной традиции или иконографический курьез? // *Забелинские науч. чт.*, 2003: Ист. музей – энциклопедия отеч. истории и культуры. М., 2004. С. 48–63. (Тр. ГИМ; 143).

А. С. Зверев

КИНОНИК (кенаник) — см. *Причастен*.

КИНТИАН И АТТИК [греч. Κυντιανός καὶ Ἀττικός], мученики (пам. визант. 30 апр.). Время, место и об-

стоятельства мученической кончины неизвестны; житие святых не сохранилось. Память К. и А. содержится в визант. Синаксарях (SynCP. Col. 637–641) и в Типиконе Великой ц. (в списке XI в. из мон-ря Честного Креста в Иерусалиме — *Mateos*. Typicon. T. 1. P. 276).

Видимо, имя Кинтиан является гречизированной формой лат. имени Квинтиан. Имя Атик нек-рые рукописи передают как Татик (Paris. gr. 1617, 1071 г.; Bodl. Auct. T. III. 16, 1307 г.) или Таттик (Paris. Suppl. gr. 152, XIII в.). Иногда в календарях сведения о К. и об А. помещены под 30 апр. (напр., в Минее с синаксарными заметками Paris. gr. 1575, XII в.). Память К. и А. не вошла в греч. печатные Минеи и в «Синаксарист» прп. Никодима Святогорца.

Имена К. и А. содержатся в некоторых списках древнерус. нестишных Прологов пространной редакции и славяно-рус. стишных Прологов. В ВМЧ К. дважды упомянут как Константин (ВМЧ. Апр. Дни 22–30. Стб. 1134, 1142). Память К. и А. отсутствует в совр. календаре РПЦ и Греческих Церквей.

Болландисты предполагают, что К. и Квинтиан, упомянутый в Мартирологе блж. Иеронима Стридонского среди африканских мучеников 30 апр. и 1 мая, — одно и то же лицо (MartHieron. Comment. P. 220, 222–223). Лит.: ActaSS. 1675. Apr. T. 3. P. 617; *Серапи (Снасский)*. Месяцеслов. Т. 2. С. 125; *Sauget J.-M.* Quinziano e Attico // *BibSS*. 1968. Vol. 10. Col. 1322–1323; *Σαφρόνιος (Εὐστροφιάτης)*. Ἀγολόγιον. Σ. 260.

КИНТИОН [Кинтиан; греч. Κυντιών, Κυντιανός] (IV в.), прп., (пам. визант. 13, 15, 16 нояб.; пам. греч. 15 нояб.), еп. Селевкийский. Житие К. не сохранилось, память этого святого содержится в визант. Синаксарях без к.-л. дополнительных сведений, кроме упоминания, что он был одним «из 318 святых отцов», т. е. участником *Вселенского I Собора* в Никее (325). Действительно, среди присутствовавших на Соборе архиепископов упоминается Квинтиан, еп. Селевкии в Памфилии (М. Азия) (*Gelzer H., Hilgenfeld H., Cuntz O.* Patrum Nicaenorum nomina latine, graece, cooptice, syriace, arabice, armeniace, sociata opera. Lpz., 1898. S. 41; *Honigmann E.* La liste originale des Pères de Nicée // *Byz*. 1939. Vol. 14. P. 48. N 48).

В Синаксаре К-польской ц. (архетип кон. X в.) и в ряде др. визант. Синаксарей (SynCP. Col. 222) К. на-

зван Кинтианом и его память отмечается 13 нояб. Службная Миня Paris. gr. 259 (XI в.) содержит под 13 нояб. канон Кинтиану, еп. Селгийскому (Σέλγυς), возможно написанный прп. Феофаном Начертанным (Τατσειῶν. Σ. 93–94. N 233).

В стихных Синаксарях память К. и посвященное ему двустиие приводятся под 15 нояб. В большинстве рукописей святой назван Кинтионом (напр., ГИМ. Син. греч. 369(353), 1-я пол. XIV в. — Владимир (Филантропов). Описание. С. 526), но в нек-рых рукописях — Кентианом (Paris. gr. 1582, XIV в.; SynCP. Col. 227–228). Под этой датой сведения о К. (с ошибочным именем Кинтириан) были внесены в греч. печатную Минею (Венеция, 1593) и в «Синаксарист» прп. Никодима Святоторца (Νικόδημος Συναξαριστής. 2003⁵. Т. 2. Σ. 116). При переиздании «Синаксариста» Кинтириан был исправлен на К. В нек-рых рукописях память К. указана 16 нояб. (напр., т. н. Синаксарь кардинала Гульельмо Сирлето). В греч. календарях К. именуется не святителем, а преподобным.

В древнерус. нестишных Прологах краткой и пространной редакций память «Кюнтиана» указана 13 нояб. (напр., РНБ. Соф. 1324, кон. XII — нач. XIII в. Л. 57 об.; РГАДА. Тип. № 153, кон. XIV — 1-я пол. XV в. Л. 117 об.), но в слав. стихные Прологи сведения об этом святом не вошли. В ВМЧ К. ошибочно назван епископом Солунским (ВМЧ. 1899. Ноябрь. Дни 13–15. Стб. 887). В совр. календаре РПЦ память К. отсутствует.

Лит.: Сергей (Спаский). Месяцеслов. Т. 2. С. 354–356; Κυριακός // ΟΝΕ. 1965. Т. 7. Σ. 1096; Sauget J.-M. Quinziano // BiblSS. 1968. Vol. 10. Col. 1322; Σαφρόνιος (Εὐστρατιάδης). Ἀγιολόγιον. Σ. 260; Μακάριος Σιμωνοπερίτης, ἱερομόν. Νέος Συναξαριστής τῆς Ὁρθόδοξου Ἐκκλησίας. Ἀθήναι, 2004. Τ. 3. Νοέμβριος. Σ. 177.

О. В. Л.

КИНЦВІСИ [груз. კობ(ჯ)ობი], муж. мон-рь во имя свт. Николая Мирликийского (XII–XIII вв.) Русско-Урбнисской епархии Грузинской Православной Церкви. Расположен в 2–3 км от одноименного селения, в исторической пров. Грузии Шида-Картли, в ущелье р. Дзама (массив Лихского хребта, Карельский р-н Грузии), в 7 км к юго-западу от г. Карели.

История. Народная этимология производит наименование Кинцвиси от

Кафоликон
во имя свт. Николая Чудотворца.
Нач. XIII в.

выражения «кинул цуравс» (კობჯღ ცურავს — «скользить по льду»), т. е. подразумевается, что в ущелье обилие снегов и сильные морозы, или от слова «кинци» (კობჭი — «шейка», «возвышенная местность»). Однако ни одна из этих версий научно не подтверждена (Бедошвили. 2002. С. 449–451).

Топоним Кинцвиси в форме Кинцуиси впервые упоминается в дарственной грамоте (1031–1033) католикоса-патриарха всей Грузии Мелхиседека I (1010–1033) мцхетскому кафедральному собору Светицховели. Он писал, что купил в Картли и пожертвовал собору «монастырь Палаврай с четырьмя селениями; и Цукити с окрестностями его; Кинцуиси с окрестностями его» (Корпус груз. ист. док-тов. 1984. Т. 1. С. 26; ПП. 1970. Т. 3. С. 22). К., как и мн. села и монастыри юж. части Шида-Картли, до нач. XIX в. находился во владении Светицховели, т. е. принадлежал католикосу-патриарху

Роспись сев. стены
нартекса кафоликона во имя
свт. Николая Чудотворца.
Справа внизу — Заза
Панаскертели-Цицишвили.
Сер. XVIII в.

всей Грузии (позже католикосу-патриарху Вост. Грузии).

Основание монастыря датируется XII–XIII вв. Но поскольку древнейшим строением К. является ц. во имя Пресв. Богородицы X в. (некоторые

ученые датируют ее рубежом XI и XII вв. или XIII в.), возможно существование обители уже в это время. В нач. XIII в. в К. был воздвигнут храм во имя свт. Николая Мирликийского. На его стенах были изображены портреты ктиторов — царя Грузии Георгия III (1156–1184), его дочери царицы св. Тамары (1184–1207/13), ее сына царевича Георгия IV Лаши (царь Грузии в 1207/13–1222), а также мцигнобартухуцеси (первого везира) св. Тамары еп. Чкондидского Антона (Глонистависдзе). Нек-рые ученые считают, что отсутствие фигуры католикоса-патриарха среди изображенных ктиторов указывает на стремление царского двора превратить юж. часть Шида-Картли в царский домен. На протяжении XIV–XV вв. этими землями, получившими название княжества Сащициано, владел княжеский род Панаскертели-Цицишвили. Основатель рода Заза также был изображен в ц. во имя свт. Николая. Монастырь стал усыпальницей князей Цицишвили (ПП. 1970. Т. 3. С. 569). В центральной части ц. свт. Николая, около сев. столба, сохранилась могила Кайхосро Цицишвили († 1740) и надпись на надгробной плите (Бочоридзе. 2011. С. 156). В XV в. в К. была выстроена малая зальная ц. во имя вмч. Георгия, в XVI–XVII вв. возведены крепостная стена и ворота с колокольней.

В «Описании царства Грузинского» историка 1-й пол. XVIII в. Вахушти Багратиони К. упоминается как действующий мон-рь, его настоятель назван архимандритом (имя неизв.) (КЦ. 1973. Т. 4. С. 344). Во 2-й пол. XVIII в. княжество Сащициано сильно пострадало от набегов лезгинских племен. Рос-

сийский путешественник нем. происхождения сер. XVIII в. И. А. Гюльденштедт писал, что в Сащициано

«есть несколько сел, населенных грузинами, но это, скорее, разоренные села, и все это выглядит очень похоже на необитаемую пустыню» (Гюльденштедт. 2002. С. 156). В документе 1770 г., составленном при

дворе царя Картли-Кахети *Ираклия II* (1762–1798) для российских резидентов, среди монастырей Картли и Кахети назван также «архимандритский монастырь Кинцвиси Николая Чудотворца, разоренный» (*Мацарадзе*. 1988. С. 551). Груз. историк нач. XX в. *Ф. Жордания* упоминает Кинцвисскую икону свт. Николая, «великолепно писанную на камне». По его сведениям, икона была обновлена в 1751 г. на средства Зазы Панаскертели-Цицишвили и его супруги Туты (*Жордания*. Хроники. 1967. Т. 3. С. 217). Упоминания о К. как о действующем мон-ре в документах и трудах историков XIX — нач. XX в. отсутствуют. Однако известно, что в 1849 г. кнг. Тинатин Георгиевна Цицианова (Цицишвили) пожертвовала «в Кинцвиси» икону свт. Николая. Очевидно, имеется в виду ц. во имя свт. Николая, к-рая в XIX в. была открыта. В 20-х гг. XX в. Г. Бочоридзе перенес в Тифлис отдельные фрагменты этой иконы, сильно поврежденной (местонахождение неизв.) (*Бочоридзе*. 2011. С. 266).

На протяжении XX в. К. неск. раз реставрировался. В основном обновляли кровли церквей свт. Николая, Пресв. Богородицы и вмч. Георгия; также была произведена консервация уцелевшей части ц. Пресв. Богородицы. В 1964–1966 гг. фрески храма свт. Николая были расчищены и укреплены реставраторами Ш. Абрамишвили и К. Н. Бакурадзе. В мае 1997 г. монастырская жизнь в К. была восстановлена. Сначала К. действовал как жен. мон-рь, с 2001 г. — как мужской. В 2001 г. Международный центр искусств закончил консервацию и основные реставрационные работы в ц. свт. Николая. В 2003 г. работы по сохранению уцелевших фрагментов стенной росписи были произведены в ц. Пресв. Богородицы. В кон. XX — нач. XXI в. на территории монастыря было построено неск. зданий, в т. ч. келейный корпус. В 2011 г. была восстановлена звонница. В обители подвизаются 12 монахов.

Современные настоятели К.: иеродиак. Зураб (Зеинклишвили), архим. Исаия (Гогиберидзе), архим. Шио (Хардзеишвили) (погиб во время автотрагедии 19 нояб. 2006), архим. Георгий (Едилашвили), игум. Симеон (Цакашвили), игум. Гедeon (Тиблашвили), иером. Андрей (Гвехидзе).

Г. Чеишвили

Архитектура. Монастырский комплекс включает 3 церкви и ворота со звонницей над ними (6,3×6,15 м, высота 11 м), расположенные к северу от главного здания К. В центре монастыря находится **кафоликон во имя свт. Николая Чудотворца**. Это крестово-купольный храм (19,7×14 м (без поздних притворов), высота 24,3 м) типа вписанного креста. Треугольные в плане ниши вост. фасада, многоокопный барабан, паруса обычны для церквей такого типа.

В отличие от большинства груз. церквей XI–XV вв., выстроенных из тесаного камня, кафоликон К. и современный ему кафоликон мон-ря *Тимотесубани* сложены из кирпича, что лишило мастеров возможности использовать разработанную к тому времени систему фасадного декора, основанную на богатом репертуаре резьбы по камню. Выразительность фасаду придают разбивка, точно

Ворота со звонницей

найденные размеры и пропорции оконных проемов, скупой декор — аркатура 12-окопного, суживающегося кверху барабана, ниш и портала с входом на зап. фасаде. Дифференцируя пропорции арок в интерьере (более низкие и широкие в западной и более высокие и узкие в вост. части) и их очертания (полукруглые на западе и заостренные на востоке), зодчий придал различный вид зап. и вост. частям церкви. Двухступенчатый цоколь подчеркивает устремленность храма вверх. В древности купол кафоликона, очевидно, был покрыт обливной черепицей.

Крест в плане выявлен снаружи повышенными центральными объемами каждой из его ветвей. Однородно решены 3-частные сев. и юж. фасады: центральная часть выше боковых, она освещена 3 окнами (одним в верхней части и 2 в нижней) и увенчана 2-скатной кровлей. В позд-

нее средневековье из тесаного камня к зданию с севера и с юга были пристроены притворы, перекрытые 2-скатными кровлями; в юж. притворе длиннее вост. часть, в северном — западная. Наиболее полно сохранился юж. притвор: вход в него обрамлен 3-уровневым порталом с капителями и базами, в тимпане помещен рельефный крест с узким окном над ним видна апсида. Южный притвор освещается узким восточным окном; сев. притвор имеет дополнительный вход с запада. Зап. фасад кафоликона образует 3-частный нартекс перед зап. стеной храма, который ниже ее по высоте. Средняя часть нартекса, как и на фасадах храма, с севера и юга выше боковых и увенчана 2-скатной кровлей. В нижней части боковые арки-ниши, как считают исследователи, в свое время были открытыми, но в XV в. заложены кирпичом, ныне освещаются узкими окнами. В верхней части нартекса — 3 арочных окна: маленькое — в центре и более крупные — по бокам. Двухэтажный нартекс в груз. средневековье архитектур-

туре редкость; очевидно, образцом для кафоликона К. послужило устройство храма *Цроми* (VII в.) и кафоликона монастыря *Тигва* (1152), выстроенного дочерью груз. царя св. *Давида IV Строителя* Тамар.

Интерьер кафоликона К. имеет вид купольного зала, что было обусловлено, по мнению акад. В. В. Беридзе, перекрытием зап. междукровельных пространств по оси «север—юг». Два свободно стоящих подкупольных столба (устои) в центральной части и 3-частный алтарь типичны для груз. храмового зодчества 2-й пол. XI в. Со 2-й пол. XII — нач. XIII в. в кафоликоне К., подобно др. купольным церквям, нет развитых хоров. Однако вдоль зап. стены церкви приблизительно на половине ее высоты был устроен узкий горизонтальный выступ. Дверной проем вел с него в 3-частное помещение, расположенное над нартексом. Во время реконструкции XV в. компартименты нартекса были превращены в 3 самостоятельных помещения с проходом через среднее. Также в ин-

терьере кафоликона сохранились 3-частная арочная алтарная преграда, выстроенная из кирпича в XVI–XVII вв. и расписанная цветочным орнаментом, и каменный престол предположительно XV–XVI вв.

Церковь во имя вмч. Георгия (5,1×4,5 м, высота 5,2 м; XV в.) расположена у зап. фасада кафоликона. Это строение зального типа из тесных квадр; в отделке внутренней части дверного проема и окон использован кирпич. Церковь установлена на 2-ступенчатом низком цоколе, перекрыта 2-скатной кровлей, вход

*Церковь во имя вмч. Георгия.
XV в.*

расположен с юга. Здание освещается маленьким окном с юга (смещено к востоку от входа) и большим — с запада. Над зап. окном помещено рельефное изображение креста.

Церковь во имя Пресв. Богородицы (11,2×4,5 м; X в.) расположена в сев.-зап. части комплекса, над обрывом. Это бесстолпное, слегка вытянутое по оси «запад—восток» соору-

*Роспись барабана
кафоликона во имя
свт. Николая Чудотворца.
Нач. XIII в.*

жение с одной апсидой, сложенное из блоков туфа красного и серого цвета. Здание сильно разрушено (вероятно, вслед оползня), сохранились лишь алтарная часть и вост. часть

наоса, ныне перекрытые 2-скатной кровлей.

Д. Т.

Росписи К. занимают особое место среди памятников средневеков. искусства Грузии, они выполнены на высоком художественном уровне и интересны содержащимися в них историческими сведениями. По сравнению со скромным оформлением фасада **кафоликона во имя свт. Николая** его интерьер почти целиком украшен стеной росписью, поражающей богатством колорита, в основе к-рого лазурный цвет, и величественностью образов. На основе стилистического анализа и изучения представленных в ктиторском ряду портретов исторических деятелей роспись

датируют нач. XIII в., предположительно 1205–1206 гг. (по мнению В. Н. Лазарева, не позже 1208). В целом традиц. программу росписи отличает от одновременных памят-

ников визант. и груз. живописи включение в нее неск. ведущих тем, волновавших правосл. мир той эпохи, и их переработка с учетом груз. церковных и художественных традиций.

В скупье купола представлена типичная для груз. искусства композиция «Слава креста» в окружении 9 архангелов с 3-фигурным Деисусом в вост. части; в простенках окон барабана в 2 ряда расположены по 12 изображений праотцев и пророков (первосвящ. Аарона, пророков Илии, Моисея,

Ионы, Иоила, Аввакума, Софонии, Захарии, Иезекииля, Малахии, Иеремии, Исаии) и мучеников (Миный, Созара (?), Иакова, Флора и Лавра, Марка, Платона, Гурия, Самона и Авива, Онисифора, Андрея Стратилата); в парусах — поясные изображения евангелистов в медальонах, каждое фланкировано 2 парящими ангелами.

В конхе апсиды — композиция с образом Божией Матери, сидящей на престоле с Младенцем на коленях, Ей предстоят 2 архангела. В нижнем регистре центральной части конхи между алтарными окнами — образы 2 святителей, определяемых хорошо сохранившимися груз. надписями как свт. Николай, еп. Мирликийский, и свт. Сильвестр, папа Римский. Парное изображение этих святителей — участников *Вселенского I Собора*, а также композиция, представляющая этот Собор в зап. части храма (на вост. склоне зап. свода; сохр. абрисы), придавая росписи антиретическую направленность, что было обусловлено исторической обстановкой в Византийской империи и в Грузии того времени. На стенах вимы помещена 2-частная сцена «Причащение апостолов». В самом нижнем регистре (стены апсиды и вимы) — чин святителей (начиная с сев. части вимы: сщмч. Петр I, еп. Александрийский, Григорий Чудотворец, Кирилл, патриарх Александрийский, Николай Чудотворец, Власий (?), Харалампий (?)), Иоанн Златоуст, Григорий Богослов, Баер (?), Багр(ат) (?)), Василий Великий, Афанасий I Великий, Григорий Нисский и Митрофан I, патриарх К-польский). В полуциркулярной нише — поясное изображение Христа Пантократора, в проемах окон — 6 фигур архидиаконов (Тимона, Тимофея, Тита, Стефана, Пармения, Прохора).

Своеобразно решено расположение евангельских сюжетов, включающих праздничный и Страстной циклы. Их последовательность основана на принципе антифона: сцены расположены на неск. пространственных осях, переходя из одного рукава в противоположный и обратно. Начало цикла помещено в вост. части юж. свода и открывается сценами «Рождество Пресв. Богородицы», «Введение во храм Пресв. Богородицы», «Благовещение Пресв. Богородицы» и «Рождество Христова». Затем праздничные сцены переходят в сев. рукав, где помещены «Сретение» (плохо сохр.), «Крещение», «Преображение», «Воскрешение Лазаря», «Вход Господень в Иерусалим», «Распятие», «Оплакивание Христа», «Жены-мироносицы у гроба Господня», «Сошествие во ад». Цикл продолжается в юж. рукаве, где находятся сцены «Вознесение Господне», «Сошествие Св. Духа»,

горизонтальном выступе помещены фигуры 4 груз. преподобных (Давида Гареджийского, Иоанна Зедазнийского, Шио Мгвим-

*Сошествие во ад.
Роспись кафоликона во имя
свт. Николая Чудотворца.
Нач. XIII в.*

ского и неизв. святого). Отдельная тема росписи связана с прославлением рода Багратиони. В нижнем регистре на сев. стене представлены: царь Георгий III (к тому времени уже скончавшийся), его дочь царица св. Тамара и ее сын царевич Георгий IV Лаша. Они изображены в $\frac{3}{4}$ -ном повороте перед иконой сидящего на троне Иисуса Христа. Члены царствующего дома представлены в росписи как преемники ветхозаветных царей; претензии Багратиони на происхождение от рода библейского царя Давида подкрепляются введением в программу росписи композиции «Древо Иессеево» (юго-зап. компартимент юж. стены, напротив сев. входа), тождеством образов царя Соломона (композиция «Сошествие во ад») и царицы св. Тамары, направленным на Багратиони жестом ангела у гроба Господня (композиция

«Успение Пресв. Богородицы», «Уверение ап. Фомы», «Тайная вечеря».

В кафоликоне представлен самый ранний из сохранившихся в груз. искусстве житийных циклов свт. Николая. Большое количество сцен и их размещение в основном объеме храма (в центральных сводах и на стенах зап. рукава, а также в межрукавных пространствах) связаны с посвящением кафоликона свт. Николаю (в визант. традиции эти изображения обычно находились в нартексе и в приделах храма, реже — в жертвеннике). Роспись сохранилась плохо, большинство сцен погибло, однако принцип их распределения достаточно ясен. По мнению специалистов, изначально в храме было представлено не менее 20 сцен из Жития свт. Николая. Читаются «Крещение свт. Николая», «Рукоположение в священнический сан», «Низвержение идолов», «Свт. Николай спасает от казни трех воинов, невинно осужденных», «Спасение троих детей», «Чудо на море», «Благодарение троих воинов за спасение» (?), «Явление свт. Николая имп. Константину I Великому во сне» и др. Очевидно, сцены не следуют хронологии Жития святителя.

Крупные фигуры мучеников, подвижников, пустынников, врачей, столпников, пророков изображены в проемах окон, а весь нижний регистр заполнен фигурами св. воинов. В нижнем регистре зап. стены, в плоских нишах с юж. стороны, помещены изображения вмч. *Евстафия Плакиды* с женой и 2 детьми и мучеников *Кирика* и *Иулитты*. Среди образов груз. святых особо выделяется большое поясное изображение просветительницы Грузии св. Нины на выступе южной стены. На зап. стене по сторонам входа на

«Жены-мироносицы у гроба Господня»), который трактуется как намек на включение Багратиони в совершающееся чудо спасения, и т. д. Считается, что редкие сцены «Древо

*Царица Тамара.
Фрагмент ктиторской композиции
в кафоликоне во имя
свт. Николая Чудотворца. Нач. XIII в.*

«Жены-мироносицы у гроба Господня»), который трактуется как намек на включение Багратиони в совершающееся чудо спасения, и т. д. Считается, что редкие сцены «Древо

Иессеево» и «Три отрока в печи огненной» (центральная часть зап. стены, над входом на галерею), выражающие догмат о Христе как о Божечеловеке, придали росписи антимонифизитскую направленность.

На юж. стене с моделью храма в руках изображен ктитор, еп. Чкондидский Антон (Глонистависдзе), предстоящий поясному образу свт. Николая, к-рого первый везир особо почитал. Считается, что он принял непосредственное участие в посвящении кафоликона святителю. Объяснение этому находят в биографии мцигнобартухуси: когда еп. Антон подвергся несправедливому притеснению со стороны католикоса-патриарха всей Грузии *Михаила IV (Мирианисдзе)* (1178–1187), был созван церковный Собор, на к-рый из Иерусалима был приглашен бывш. католикос-патриарх Грузии Николай I (Гулаберисдзе) (50-е гг. XII в.) (его небесный покровитель — свт. Николай), и благодаря его авторитету еп. Антон был оправдан.

Церковь обильно украшена орнаментом. На всех арках, сводах, в проемах окон находятся помещенные в медальоны изображения процветших крестов, размер к-рых увеличивается по мере приближения к центральной композиции в скупье купола «Слава креста». Общее решение пространства храма отвечает стилю высокого монументализма грузинской живописи кон. X — нач. XII в. (крупные композиции и фигуры, лаконичность, репрезентативность, центрическое построение сцен). В то же время росписи присущи такие новые черты, как динамичность рисунка, утонченная моделировка форм, удлиненные пропорции фигур, летящие складки одежд и т. д. Представлены как мощные и монументальные образы, так и изящные и нежные, очерченные каллиграфически упругой тонкой линией; лики прозрачные, как бы вплавленные притенениями и высветлениями, выражают лиричность, нежность и печаль или строгость и созерцательность. В непрерывном динамичном движении рисунок объединяет фигуры, композиции и настенные циклы. Совмещение нежности и силы, монументальности и рафинированности — характерная черта росписи кафоликона свт. Николая.

Во фресках можно различить неск. живописных почерков (6 или 7), но при этом роспись представляет еди-

Ангел.
Фрагмент композиции
«Жены-мироносицы у гроба Господня»
в кафоликоне
во имя свт. Николая Чудотворца.
Нач. XIII в.

ное произведение, что в немалой степени определяется ее колоритом, соотношением лазурного, светло-зеленого и ярко-белого, с вкраплениями киноварных и тепло-золотистых тонов, обогащенное применением золота на нимбах и одеяниях. Основной лазурный цвет (фон, разделка одежд, орнаменты, изображение архитектуры и т. д.) в росписях К. отличается особой светоносностью, с ним соотносится такой же светящийся зеленый (кадмий светлый). Символическое сопоставление лазурного и белого дополняет восприятие образов. Так, напр., позы выполнены ярко-белым цветом — подобное решение характерно для росписи еще неск. груз. памятников того времени: Озаани, Тимотесубани, Бетаниа, Бертубани.

Фигура ангела из сцены «Жены-мироносицы у гроба Господня» воплощает сущность кинцвисской росписи и стала символом груз. живописи. Ее характеризуют сочетание монументальности и лиричности, пластичность струящегося рисунка, богатство колорита, мягкая лепка лица и рук, контрапост фигуры, динамичность в рисунке крыльев, решенных в киноварно-лазурно-белой гамме, почти манерный жест руки, глубокая одухотворенность образа. Фигура ангела является композиционным центром сев. стены.

В нартексе сохранились более поздние разновременные росписи со сле-

дами переделок. Пространство поделено на 3 части 2 встроенными позже стенами. Фрески более низкого художественного уровня; колорит глухой, невыразительный; линия жесткая, грубая; манера письма упрощенная; пропорции фигур укороченные. На плоскостях стен и на сводах нартекса помещена обширная композиция «Страшный Суд» (XVI в.); на перегородках — Деисус, Мандилion (Спас на убрусе), фигуры апостолов (XVII в.) и т. д. На сев. стене-перегородке находится фигура известного врача и политического деятеля XV в. Зазы Панаскертели-Цицишвили. Он предстоит поясному изображению свт. Николая, приписанному позднее, возможно при полной замене живописи нартекса в XVI или XVII в. Сев. компартимент нартекса сильно закопчен, смутно различаются фигуры святых, обрамленные арками, на стенах и сводах видны сцены, характерные для программ усыпальниц: «Сошествие во ад», «Жены-мироносицы у гроба Господня» и т. д.

В апсиде **церкви во имя Пресв. Богородицы** сохранились фрагменты живописи, датируемой по стилистическим признакам сер. XIII в. Роспись во многом перекликается с фресками кафоликона К. В конхе апсиды помещено изображение Божией Матери «Одигитрия» на троне с благословляющим Младенцем, фланкированная фигурами 2 архангелов. В среднем регистре представлена композиция «Причащение апостолов» в довольно редком иконографическом изводе, характеризующемся усилением литургического влияния на программу росписей: между сценами «Причащение хлебом» и «Причащение вином» включено изображение Иисуса Христа с маленьким крестом в руках, молящегося перед алтарем, под киворием которого изображены серафимы и херувим. Возможно, этот сюжет указывает на те моменты литургии, когда происходит пресуществление хлеба и вина в Тело и Кровь Христовы и читаются тайные молитвы.

В том же регистре на стенах видны помещены 2 сцены с чудесами Иисуса Христа («Усмирение бури» и «Воскрешение дочери Иаира»), к-рые редко включались в программу росписи апсиды в то время. Считается, что сцена исцеления связана с росписью апсиды, раскрывающей догмат о спасении через воплощение

Богочеловека и причащение Св. Даров. В нижнем регистре находится святительский ряд, фигуры представлены в $\frac{3}{4}$ -ном повороте по отношению к центру; в простенках окон — фигуры архидиаконов Стефана и Прохора.

Стилистически роспись этой церкви следует за росписью кафоликона — колорит практически иденти-

Божия Матерь «Одигитрия» на троне.
Роспись конхи апсиды
ц. во имя Пресв. Богородицы. Сер. XIII в.

чен, но линия более хрупкая, тонкая, пропорции фигур удлиненные, формы почти невесомые, преобладает нарративно-дидактическое начало.

М. Дидебулидзе

Ист.: Корпус груз. ист. док-тов / Сост.: Т. Енукидзе, В. Силогава, Н. Шошиашвили. Тбилиси, 1984. Т. 1: Груз. ист. док-ты IX–XIII вв. (на груз. яз.); *Мачарадзе В.* Материалы по истории русско-груз. отношений 2-й пол. XVIII в. Тбилиси, 1988. Ч. 3 (на груз. яз.); *Бедошвили Г.* Толково-этимологический словарь груз. топонимов. Тбилиси, 2002. Т. 1 (на груз. яз.); *Гольденшtedт И.* Путешествие по Кавказу в 1770–1773 гг. / Пер.: Т. Шафрановская. СПб., 2002.

Лит.: *Макалатия С.* Дзамское ущелье // *Он же.* Памятники материальной культуры. Тбилиси, 1961. С. 24–27 (на груз. яз.); *Алираншвили Ш.* История груз. искусства. Тбилиси, 1963. С. 225–229; *Вачешвили К.* Об изображении кинцвисского ктиторы // *Моамбе* (Бюллетень) / АН Груз. ССР. Тбилиси, 1963. Вып. 32. С. 745–752 (на груз. яз.); *Пицалишвили О.* Росписи Кинцвиси и вопросы груз. Ренессанса // *Сабчота хеловнеба* (Советское искусство). Тбилиси, 1976. Вып. 4. С. 46–56 (на груз. яз.); *он же.* Фрески Кинцвиси. Тбилиси, 1979 (на груз. яз.); *Закарая П.* Груз. центральнокупольная архитектура. Тбилиси, 1978. Т. 2: XII–XIII вв. (на груз. яз.); *Velmans T.* Les fresques de l'église de la Vierge à Kintevisi: Une image unique de la Communion des Apôtres //

Sah. Arch. 1978. Vol. 27. P. 147–161; *Алибега-швили Г.* Светский портрет в груз. средневеков. монументальной живописи. Тбилиси, 1979; *Alprago Novello A., Beridze V. e. a.* Art and architecture in medieval Georgia / Preface T. Hackens. Louvaine-la-Neuve, 1980. P. 96–97; *Лазарев В. Н.* История визант. живописи. М., 1986. С. 143–144; *Девдариани Ф., Закарая П.* Комплекс Кинцвиси // Свод памятников истории и культуры Грузии. Тбилиси, 1990. Т. 5: Горийский, Каспийский, Мхетский, Карельский, Хашурский р-ны. С. 404–409 (на груз. яз.); *Привалова Е.* Нек-рые особенности груз. росписи рубежа XII–XIII вв. // *Ars Georgica* (Груз. искусство). Сер. А: Древнее искусство. Тбилиси, 1991. Вып. 10. С. 143–158; *Беридзе В.* Груз. церк. зодчество XVI–XVIII вв. Тбилиси, 1994 (на груз. яз.); *Симошвили Н.* Роспись ц. Богородицы в Кинцвиси: АКД. Тбилиси, 1994 (на груз. яз.); *Velmans T., Alprago Novello A.* Miroir de l'invisible: Peintures murales et architecture de la Géorgie (VI–XV s.). Saint-Léger-Vauban, 1996. P. 43–55, 93–103; *Eastmond A.* Royal Imagery in Medieval Georgia. Univ. Park, 1998. P. 141–154; *Туманишвили Д.* К интерпретации архитектуры ц. св. Николая в Кинцвиси // *Он же.* Письма и очерки: Сб. Тбилиси, 2001. С. 122–148 (на груз. яз.); *Дидебулидзе М.* Новые данные о фресках XIII в. кинцвисской ц. св. Николая // *Сакартвелос сидзвелени* (Груз. древности). Тбилиси, 2002. Вып. 1. С. 85–100 (на груз. яз.); *она же.* Отражение теологической полемики в росписи ц. св. Николая // *Там же.* 2004. Вып. 6. С. 116–146 (на груз. яз.); *eadem.* (Didebulidze). St. Nicholas in the 13th cent. mural painting of Kintsvisi Church, Georgia // *Iconographica.* Firenze, 2007. Vol. 6. P. 61–77; *eadem.* Image of the Three Youths in Furnace on the Background of the Anti-Heretical Disputes in the End of the 12th cent. // *Proc. of the 2nd Intern. Symp. of Georgian Culture.* Florence, Nov. 2–9, 2009. Tbilisi, 2011. P. 120–126; *Генгури Н.* Kuppelhalle / Ред.: Д. Туманишвили. Тбилиси, 2005. С. 56–63, 145–149 (на груз. яз.); Церковь св. Николая в Кинцвиси // *Программа культурного наследия, 2004–2005.* Тбилиси, 2006. С. 56–59 (на груз. яз.); *Бочоридзе Г.* Церкви, мон-ри и древности Каргли. Тбилиси, 2011 (на груз. яз.).

КИОН (Кентирион), мч. (пам. 4 сент.) — см. в ст. *Феодор, Миан, Иушан и Кион*, мученики.

КИОТ (кивóт), створчатая рама, ковчежец или витрина для хранения иконы или икон. Происходит от греч. *κιβωτός* — ящик, ларь (*Фасмер М.* Этимологический словарь рус. языка. М., 1986². Т. 2. С. 229). К. упоминаются уже в древнерус. летописных памятниках XII–XIII вв. (см.: *Срезневский.* Словарь. 1893. Т. 1. С. 1207, 1209; см. также: *Словарь древнерус. яз. (XI–XIV вв.)* / Ред.: Р. И. Аванесов. М., 1991. Т. 4. С. 210). К. служит для защиты иконы от пыли, влаги, механических повреждений и т. п. По форме и размеру К. обычно соответствует иконе (или иконам), в нем хранящейся. Его рама и задняя стенка изготавливаются, как правило, из

дерева или металла, а лицевая створка — из стекла. К. особо чтимых икон могут богато декорироваться, в т. ч. с использованием драгоценных металлов. Внутри таких К. нередко устраиваются особые подвески с закрепленными на них пожертвованиями (как правило, ювелирными украшениями) верующих. На К. могут помещаться соответствующие иконе молитвы и краткие гимнографические тексты.

К. также называют нишу для икон в иконостасе (см.: *Дьяченко Г. М., свящ.* Полный церковно-слав. словарь. М., 1993. С. 251).

КИОТОСКАЯ И ЗАПАДНО-ЯПОНСКАЯ ЕПАРХИЯ, входит в состав *Японской Автономной Православной Церкви*. В юрисдикции этой епархии находится территория Зап. Японии. Приходы и общины имеются в префектурах Киото, Осака, Айти, Кагосима, Кумамото, Окаяма, Токусима, Хёго, Хирокима. Епархиальный центр — г. Киото. Кафедральный храм в честь Благовещения Пресв. Богородицы освящен в мае 1903 г. свт. Николаем (Касаткиным). Епархию временно окормляет митр. Токийский и всей Японии Даниил (Нусиро). Учреждена в 1906 г. как вик-ство Токийской епархии Японской миссии РПЦ. С дарованием автономии Японской Православной Церкви 10 апр. 1970 г. епархия стала самостоятельной. Храмы и молитвенные дома действуют в городах: Тоёхаси — храм во имя св. ап. и евангелиста Матфея, построен в 1913 г., имеет статус памятника культуры Японского гос-ва; Нагоя — храм Богоявления, построен в 2009–2010 гг.; Ханда — приписной храм во имя прп. Иоанна Дамаскина, деревянный, построен в 1913 г.; Суйта — храм в честь Покрова Пресв. Богородицы (1962); Кобе — ц. в честь Успения Пресв. Богородицы, приписана к храму в Суйте, построена в 1952 г.; Токусима — храм в честь Сошествия Св. Духа, построен в 1980 г., причт храма духовно окормляет общины в Вакаяме и Такамацу; Фукуока — молитвенный дом свт. Николая, архиеп. Японского, миссионерский центр; Кумамото — молитвенный дом; Хитоёси — храм в честь Покрова Пресв. Богородицы, построен в 1933 г.; Кагосима — храм во имя ап. Иакова (1957); дер. Янаихара — молитвенный дом. Имеется община в г. Канадзава.

Епископы: сщмч. Андроник (Никольский) в 1906–1907 гг., Сергей (Тихомиров) в 1908–1912 гг. (с 1912 епископ Токийский). В 1912–1970 гг. кафедра не замещалась.

КИПАРИС [греч. *κυπάρισσος*; лат. *cupressus sempervirens*], вечнозеленое дерево, имеющее узкоконическую густую крону с ветвями, прижатыми к стволу и направленными вверх. Название дерева восходит к названию средиземноморского о-ва *Кипр*. Древесина К. желтовато-красноватая, ароматичная, твердая, прочная, не коробится и противостоит жучкам-древоточцам. В. И. Даль писал, что это дерево «пахуче в поделках, идет на иконные доски и подобную мелкую резьбу» (*Даль В. И.* Толковый словарь живого великорус. языка. М., 1981. Т. 2. С. 108). В древности греки завезли К. в Крым, но со временем он перестал там расти. «Вторично его завезли в Крым из Греции в конце 1787 года по приказу князя Г. А. Потёмкина. С 1813 года территория, занимаемая кипарисом, стала значительно расширяться, сначала в самом Крыму, а потом и на Кавказе» (*Степанов.* 2010. С. 24).

На Руси К. был известен не только по письменным источникам, но и как материал для изготовления иконных досок и предметов, предназначенных для церковного обихода. Древнерус. автор, посетивший Италию в свите митр. Исидора, писал, что К. «корою яко липа, а хвоею яко ель, но мало хвоею кудрява и мягка, а шишки походили на сосновую» (*Казакова Н. А.* Первоначальная редакция «Хождения на Флорентийский Собор» // *ТОДРЛ.* 1970. Т. 25. С. 68).

Дерево К. использовалось в ветхозаветные времена при строительстве Иерусалимского храма (3 Цар 6. 14–15) и как материал для изготовления муз. инструментов, на к-рых играл царь-пророк *Давид*. Во время ветхозаветных жертвоприношений возжигались дрова из К. Возможно, из этого дерева был сделан Ноев ковчег (*Степанов.* 2010. С. 30–31). В *Великий четверг* Христос Спаситель совершил Евхаристию на столе, крышка к-рого была предположительно из К. (Там же. С. 38), поэтому впосл. крышки престолов в храмах могли изготавливаться из К. В XIX в. очевидец писал о Софийском соборе в Киеве: «Самый престол алтаря Софийского устроен из кипариса, по

размеру Гроба Господня, и обложен позлащенными досками» (*Муравьев А. Н.* Путешествие по святым местам русским: Киев. СПб., 1844. С. 62; см. также: *Степанов*. 2010. С. 38–42).

Прав. *Иосиф Обручник* изготовил стол, за к-рым Св. Семейство обедало. В работе ему помогал божественный отрок Иисус. Согласно церковному Преданию, на кипарисовой крышке этого стола евангелист Лука написал икону Божией Матери (*Степанов*. 2010. С. 66). На кипарисовых досках выполнены известные чудотворные иконы Божией Матери: «Казанская», «Донская», «Виленская», «Влахернская», «Холмская», «Троеручица», «Боголюбская» и др. (Там же. С. 68–82).

В богослужебных текстах К. упоминается среди древесных пород. Так, из него был сделан Крест Христов: «на кипарисе, и певке [певг – сосна или ель – см.: *Дьяченко Г. М., свящ.* Полный церковно-слав. словарь. М., 1993. С. 412], и кедре вознесся еси Агнче Божий» (Октоих. М., 1981. Т. 1. С. 463).

Из К. были сделаны Голгофские кресты в храмах. В Воскресенском соборе Новоиерусалимского мон-ря, воздвигнутом патриархом *Никоном* († 1681), на Голгофском месте стоит кипарисовый крест XVII в. (*Гнутова С. В.* Крест в России. М., 2004. С. 67; *Авдеев А. Г.* Елеонский крест Патриарха Никона // *Ставрографический сб. М., 2001. Кн. 1. С. 274*). Кийский крест для Крестного мон-ря патриарха Никона также был изготовлен из К. (*Гнутова С. В.* Крест в России. М., 2004. С. 272; Кийский крест Патриарха Никона / Сост.: М. В. Осипенко. М., 2000. С. 12). В Вятском музее хранится кипарисовый крест прп. Трифона Вятского († 1612). На гробнице блж. *Иоанна* Власатого Ростовского († 1580) лежал кипарисовый крест (*Степанов*. 2010. С. 57).

Ароматное кипарисовое дерево не подвержено порче жучком, поэтому написанные на К. иконы хорошо сохраняются (Там же. С. 17–19). В рус. храмах можно встретить иконы кон. XIX – нач. XX в., написанные в афонском стиле. В 1670 г. боярин Б. М. Хитрово вложил в Троице-Сергиев мон-рь «образ чудотворца Сергия, на кипарисной цке построенъ» (*Кириченко Л. А., Николаева С. В.* Кормовая книга Троице-Сергиева мон-ря 1674 г. М., 2008. С. 131).

В Венском соборе свт. Николая иконостас выполнен из К. (*Степанов*.

2010. С. 87). Гробницы с мощами свт. Филиппа Московского († 1569), прп. Евфросинии Полоцкой († ок. 1173), благоверных кн. Петра и кнг. Февронии Муромских († 1228), прп. Сергия Радонежского († 1392), прп. Александра Свирского († 1533), прп. Серафима Саровского († 1833) и др. святых, к-рые вкладываются в раку, были изготовлены из К. (Там же. С. 88–100).

В т. н. Троицкой резьбе в качестве материала используется исключительно К. (*Давыдова Е. В.* Резные композиции «Голгофа» в стеклянных сосудах: К вопросу о происхождении // Троице-Сергиева лавра в истории, культуре и духовной жизни России: Мат-лы V Междунар. конф. 26–28 сент. 2006 г. Серг. П., 2009. С. 305). «Кипарисовые резные иконки, складни, являвшиеся еволюгиями Троице-Сергиевой лавры» ассоциировались как с культурой русского средневековья, так и с монашеской культурой (*Черкашина Г. П.* Резные изделия в культуре Троице-Сергиевой лавры нового времени // Там же: Мат-лы III Междунар. конф. 25–27 сент. 2002 г. Серг. П., 2004. С. 414).

В 1910 г., при открытии Марфо-Мариинской обители, еп. Трифон (Туркестанов) возложил на сестер во главе с прмц. вел. кнг. Елисаветой Феодоровной († 1918) «нагрудные кипарисовые кресты на белых лентах» (*Степанов*. 2010. С. 56). После расстрела царской семьи были обнаружены кипарисовые четки, принадлежавшие императрице (Там же. С. 114–115).

В Свящ. Писании неоднократно упоминаются древесные породы, из которых было изготовлено орудие страданий Христа. В богослужебных текстах Минеи нередко фигурируют кедр и К. (сосна не упом.), их качествам (устремленность вверх и благоухание древесины) уподобляют св. угодников Божиих. В службе прп. Макарию Римлянину Новгородскому († 2-я пол. XVI в.) читаем: «Яко кипарис высоковерхий, возрасл еси, преподобне Макарие, в пустыни блатней и неплодней и плодоношении духовными прославился еси в ней, яко истинный угодник Христа Бога» (Минея (МП). Янв. Ч. 2. С. 154). О прп. Мефодии Пешношском († 1392) говорится, что он, как «кипарис высоковерхий, возрасл еси... в пустыни неплодней» (Там же. Июнь. Ч. 1. С. 541). Мощи свт. Фи-

липпа Московского «...яко солнце, от земных недр возсияша честныя твоя мощи, святителю, яко кипарис мироуханен благоухают покоихи Господеви» (Там же. Май. Ч. 3. С. 291). Св. Василий Московский, блж. Христа ради юродивый († 1557), в подвигах «процвел, яко кипарис, посреде земли Российския» (Там же. Авг. Ч. 1. С. 77). В акафисте благоверным кн. Петру и кнг. Февронии Муромским († 1228) говорится: «Радуйтесь, кипариси чудоточнии ряя Иисусова» (Акафисты русским святым. СПб., 1996. Т. 3. С. 197).

Нередко в гимнографии К. упоминается в сочетании с др. растениями. В службе сщмч. Ипатии Гангрскому († ок. 326) прославляется сам иерарх и рака с его св. мощами: «Яко шипок, яко крин священный сладковонен, святителю, яко кипарис, яко миро Божественно и благовонно, рака твоя благовонствует чудесы, злосмрадныя недуги отгоняючи, священномучениче всечестне» (Минея (МП). Март. Ч. 2. С. 349). В службе прп. Герасиму на Иордане († 475) говорится, что он «яко кипарис возвеличился еси Божественными возношении» (Там же. Ч. 1. С. 79). Лит.: *Разумовский Д. В., прот.* Обзорение растений, упоминаемых в Свящ. Писании. М., 1871; *Никифор (Бажанов), архим.* Иллюстрированная полная популярная Библийская энциклопедия: В 4-х вып. М., 1892. Вып. 2. С. 393; Кипарис // ЭС. Т. 15. Кн. 29. С. 83–84; *Глубоковский Н. Н.* Библийский словарь. Серг. П.; Джорд., 2007. С. 401–402; *Степанов Ю. Г.* Необыкновенный кипарис обыкновенный. Вятка, 2010.

Архим. Макарий (Веретенников)

КИПАРИСОВ Василий Федорович (29.03.1849, с. Терса Волгского (Вольского) у. Саратовской губ. – 28.01.1899, Сергиевский посад, ныне г. Сергиев Посад Московской обл.), богослов, ординарный профессор МДА. Сын священника. В 1864 г. К. окончил Вольское ДУ, в 1870 г. – Саратовскую ДС по 1-му разряду. Как лучший выпускник, был направлен для обучения в МДА за казенный счет и поступил на церковно-практическое отд-ние. В 1874 г. окончил МДА со степенью кандидата богословия и получил право защищать магист. диссертацию без новых испытаний; его канд. соч. «Понятие о терпимости, индифферентизме и фанатизме на основании церковных правил и государственных законов» было признано одним из лучших и удостоено премии митр. *Иосифа (Семашко)* в 250 р. По окончании

курса 11 июня 1874 г. К. был назначен на должность преподавателя греч. языка в Литовскую ДС, а в июне 1875 г. определен преподавателем рус. словесности в Виленское жен. уч-ще духовного ведомства. В нач. 1875/76 уч. г. Совет МДА пригласил К. на кафедру пастырского богословия и гомилетики с историей проповедничества. Инициатором приглашения был проф. А. Ф. Лавров-Платонов, буд. архиеп. Литовский и Виленский *Алексий*, к-рому К. помогал писать канд. сочинение (Из архива прот. С. К. Смирнова. 1915). Защитив диссертацию *pro venia legendi* на тему «Отношение Древне-Вселенской Церкви ко мнениям отдельных церковных общин и лиц церковной иерархии по вопросам вероучения и церковной дисциплины», К. занял кафедру в качестве штатного приват-доцента, продолжал заниматься научными исследованиями в области церковного права. Лекций по пастырскому богословию он не читал до 1883 г., ограничиваясь изложением исключительно истории церковной проповеди и правил ее построения.

26 сент. 1883 г. на публичном диспуте К. защитил диссертацию на степень магистра богословия «О свободе совести: Опыт исследования вопроса в области истории Церкви и государства, с I по IX в.»; 3 окт. степень была утверждена, 14 окт. К. получил должность доцента. Магист. сочинение К. было удостоено Советом МДА премии митр. *Макария (Булгакова)* в 300 р., а Синодом в 1886 г.— Макариевской премии в 1 тыс. р.

После реформы 1884 г., разделившей преподавание пастырского богословия и гомилетики, К. остался на кафедре гомилетики с историей проповедничества. Тем не менее в 1884/85 уч. г. по особому распоряжению Синода от 27 сент. 1885 г. К. продолжал читать лекции по пастырскому богословию. В эти годы он исполнял должности помощника секретаря Совета и Правления (6 окт. 1882 — 15 авг. 1884) и помощника инспектора академии (8 сент. 1884 — 15 авг. 1887). Совет МДА избрал К. весной 1889 г. экстраординарным профессором, в 1894 г. удостоил половинной премии митр. *Макария* (250 р.) за соч. «Митр. Московский *Макарий* как проповедник». 29 сент. 1897 г. К. получил степень доктора богословия за соч.

В. Ф. Кипарисов.
Фотография. Кон. XIX в.

«О церковной дисциплине», а 19 нояб. утвержден в степени Синодом по дополнительному отзыву еп. Тверского и Кашинского *Димитрия (Самбикина)*. В дек. 1897 г. Совет академии избрал К. ординарным профессором; указом Синода от 27 янв. 1898 г. это избрание было утверждено. Докт. сочинение К. было удостоено Советом МДА премии митр. *Макария* в 500 р.

12 июня 1898 г., согласно прошению, К. был уволен от преподавательской работы по состоянию здоровья. Скончался от прогрессирующего паралича мозга, не дожив 2 месяцев до 50-летия. Отпевание К. проходило в Покровском храме МДА, заупокойную литургию совершил ректор МДА архим. *Арсений (Стадницкий)* в сослужении академического духовенства, к ним присоединились ректор Вифанской ДС архим. *Трифон (Туркестанов)* и инспектор архим. *Евдоким (Мещерский)*. К. был похоронен на Всехсвятском (Кокуевском) кладбище Сергиевского посада.

Оба главных труда К.— магист. и докт. диссертации — относились к области церковного права, которым профессор занимался всю жизнь. Эти сочинения были актуальны для российской Церкви 2-й пол. XIX в. Работа, посвященная свободе совести в первые 9 веков христианства, имела по преимуществу исторический характер. В исследовании К. исходил из *libertas religionis* — права следовать своей религии (*Кипарисов В. Ф. О свободе совести. 1883. С. 1–2*), считая его одним из основных в истории христианства. Желая прежде всего понять, «что же такое в самом деле совесть сама в себе» (*Там же. С. 4*), К. обращался с этим

вопросом к древним церковным писателям, зап. философам XVIII в. и делал вывод о «чрезвычайном разнообразии» в «содержании совести» в ее приложении к нравственной деятельности и тем более «в приложении к положительной религии» (*Там же. С. 8*). По мнению К., совесть, как самоопределяющееся и независимое начало, «не может подлежать никакой репрессии отовне» (*Там же. С. 26*) и «вопрос о свободе или несвободе совести относится не к совести по ее существу» — в этом смысле ее свободу защитил Сам Бог,— а к совести «в ее обнаружениях», когда «человек пытается удовлетворить тем требованиям, кои налагает на него его собственная совесть» (*Там же. С. 27*).

К. различал свободу религии — право следовать своим убеждениям в выборе того или иного вероисповедания и свободу в религии — право личного богословского мнения по вопросам, не решенным Вселенской Церковью. С его т. зр., смешение этих понятий обусловило «затемнение» вопроса о свободе совести в лит-ре. К. отметил парадокс: с одной стороны, «Вселенская Церковь... не принуждает, не делает насилия в вопросах веры, с другой — принуждение в деле религии... практиковалось в христианских обществах» (*Там же. С. 61*). Разбирая огромное количество исторических примеров, К. пытается ответить на вопрос, как понимала древняя Вселенская Церковь свободу совести в смысле свободы религии и как она относилась к совести «внешних». К. утверждал, что свобода совести по отношению к религии необходима ради «благоуспешности» самой религии.

Сочинение К. о свободе совести, несмотря на общую положительную оценку, было принято неоднозначно. На диспуте один из оппонентов, А. П. *Лебедев*, упрекал К. в односторонности понимания «свободы совести» и в отсутствии в исследовании точного определения самого понятия совести (см.: *Корсунский. 1883. С. 366*). Рецензент В. В. *Болотов* отметил, что исследование К. не имеет первостепенного значения для специалистов, изучающих детали темы: К. нередко указывал факты не по первоисточникам, а по чужим исследованиям, цитировал древних авторов по рус. переводам. Рецензент считал работу К. полезной для образованного круга читателей и спе-

циалистов, к-рые «интересуются историей отношений к иноверцам в целом, а не ее деталями» (*Болотов*. 1886. С. 300–301).

Докт. диссертация К. была отчасти продолжением магистерской. Об этом свидетельствовала первая же глава («Учение веры и дисциплины в их взаимоотношениях»); он пытался решить вопрос, является ли разграничение веры и дисциплины только требованием богословской науки или же требованием самой церковной жизни. К. видел существо церковной дисциплины в порядке церковной жизни, как в общественной деятельности властных и служащих лиц, так и в частной деятельности и отношениях всех членов Церкви, а цель — либо в благообразии или благоустройстве, либо в пользе Церкви (*salus ecclesiae*) как целого и ее отдельных членов в частности. В этом коренится и непереносимое свойство дисциплины — «изменяемость, обусловленная изменяемостью условий». Суть своего исследования К. связывает с вопросом: может ли изменяемость церковной дисциплины быть безграничной, или ей следует поставить какой-то предел? Отказываясь от 2 крайних теорий — абсолютной обязательности древних канонов (еп. Смоленский *Иоанн (Соколов)*) или только условной силы канонов в известных пределах места и времени (проф. И. В. *Чельцов*), — К. отстаивал право Церкви усовершенствовать и изменять по требованию обстоятельств церковную дисциплину. Он сформулировал «теорию изменения дисциплины», к-рая, как он надеялся, «не будет противощерковой теорией». По его мнению, все «условные элементы», т. е. местные и временные, подлежали изменениям в истории Церкви, а следов., могут быть и теперь изменяемы (*Кипарисов В. Ф.* О церковной дисциплине. Серг. П., 1897. С. 214–215, 221). Рецензенты высказали ряд критических замечаний по этому исследованию. Проф. Н. А. Заозёрский и прееосв. Димитрий (Самбикин) считали не совсем корректными анализ 2-го прав. Трулльского Собора и базирующуюся на нем теорию о законченности канона и неизменяемости церковной дисциплины (Там же. С. 160–172; ср.: *Заозерский*. 1898. С. 309–313). А. А. *Спасский* отметил, что подчеркнутое разделение областей веры и дисциплины иногда затмевает их взаимосвязь (*Спасский*. 1898. С. 324).

Канонист И. С. *Бердников* назвал ценной 2-ю ч. монографии (главы 4–6), в к-рой изучались средства к поддержанию порядка в церковном обществе, в т. ч. главное из них — отлучение (*Бердников*. 1902. С. 111). Однако относительно 1-й ч. монографии (главы 1–3), посвященной отличительному характеру церковной дисциплины сравнительно с областью вероучения, Бердников считал, что автору не удалось выяснить, какие же стороны жизни и порядки входят в область церковной дисциплины. Кроме того, он критиковал К. за чрезмерное увлечение идеей изменяемости церковной дисциплины, приведшее к значительным натяжкам при объяснении практического значения древних правил (Там же). Тем не менее общая оценка докт. диссертации К., как «желательного и крупного научного приобретения», строго объективного, построенного на основательном и тщательном изучении обширного материала, была высока (*Заозерский*. 1898. С. 314–316; *Спасский*. 1898. С. 320–321; *Бердников*. 1902. Ч. 2. С. 111–112).

К. был написан фундаментальный труд, посвященный гомилетической деятельности митр. Макария (Булгакова) (*Кипарисов В. Ф.* Митр. Московский Макарий (Булгаков), как проповедник. Серг. П., 1893), а также неск. статей, опубликованных в «Прибавлениях в Творениях святых отцов» и «Прибавлении к Церковным ведомостям». В сочинении, посвященном митр. Макарию, автор опирался не только на анализ проповедей, но и на материалы, характеризующие церковно-исторический контекст эпохи, письма преосвященного, в т. ч. и к нему, и воспоминания о нем (Там же. С. 11–12). Положив в основу исследования историко-критический и сравнительный методы, К. тщательно изучил труды и др. проповедников — современников прееосв. Макария, прежде всего свт. *Иннокентия (Борисова)*, переписывался с родственниками митр. Макария. В качестве критерия правильности своих суждений К. использовал святоотеческое наследие, выбирая и те мысли, которые его предшественники оставляли без внимания, — это достоинство работы особенно отмечал *Лебедев (Лебедев)*. 1894. С. 15).

В статьях, посвященных церковному проповедничеству, К. не вырабатывал строгой теории, но ратовал за

то, чтобы гомилетика всесторонне изучалась, чтобы проповедники были истинными толкователями слова Божия, не увлекались ораторской стороной своего дела.

Лекции К. по гомилетике и истории проповедничества не были опубликованы, их структуру возможно восстановить лишь по ежегодным отчетам МДА. В 1876–1883 гг. основу лекционного курса составляло изложение истории проповеди: в Церкви Восточной в первые 4 века; в Церкви католической в IX–XVI вв.; в протестантизме с начала Реформации до кон. XVII в. параллельно с историей католич. проповеди (Отчеты о состоянии МДА за соответствующие годы). В 1883/84–1885/86 уч. годах структура курса несколько изменилась: в 1-й части К. излагал подробную историю проповеди в патристический период, выводя на основании исторических данных главные положения гомилетической теории; во 2-й части иллюстрировал реализацию этих правил в творчестве ведущих представителей проповедничества на Западе и в России (Отчет о состоянии МДА за 1883/84 уч. г. 1885. С. 418). Со временем К. все более обращал внимание, с одной стороны, на традицию вост. проповеди, считая ее более важной для правосл. пастыря, с другой — на значение проповеди в реальной церковной жизни. Поэтому начиная с 1886/87 уч. г. и до конца учебной деятельности К. читал курс по следующему плану: сначала он излагал подробную историю гомилетики — от древнейших времен до современности, затем останавливался на значении проповеди для катехизаторской и нравоучительной дисциплин, в заключение проводил обзор восточного (греческого) проповедничества — от *Оригена* до свт. *Иоанна Златоуста*.

Лекции по пастырскому богословию, прочитанные К. в 1883/84 и 1885/86 уч. годах, состояли из 3 основных частей: в 1-й части К. делал обзор пастырского богословия как науки на Западе и в России; во 2-й — выделял и разбирал главнейшие памятники святоотеческой литературы, относящиеся к учению о пастырстве; в 3-й — излагал учение о пастыре «в его общественной деятельности и в его частной жизни», основанное преимущественно на святоотеческом наследии (Там же).

Арх.: ЦГИАМ. Ф. 229 (МДА). Оп. 4. Д. 1689. Кипарисов В. [личное дело студента]; Д. 5093.

Кипарисов В. Ф. [личное дело преподавателя]; РГИА. Ф. 796. Оп. 178. Д. 817. 1897 г. Об утверждении [Василия] Кипарисова в степени доктора богословия.

Соч.: Свобода совести: О католицизме и протестантстве в отношении к свободе совести // ПО. 1881. Т. 3. № 10. С. 283–318; 1882. Т. 1. № 1. С. 29–59; № 2. С. 312–352; О свободе совести: Опыт ист.-крит. исслед. // ПрТСО. 1881. Ч. 27. Кн. 2. С. 477–544; Ч. 28. Кн. 3. С. 294–333; Кн. 4. С. 363–403; 1882. Ч. 29. Кн. 1. С. 206–238; Ч. 30. Кн. 1. С. 176–217; Кн. 2. С. 443–512; 1883. Ч. 31. Кн. 1. С. 107–200 (отд. изд.: О свободе совести: Опыт исследования вопроса в области истории Церкви и гос-ва с I по IX в. М., 1883. Вып. 1); О веротерпимости: (2 публичных чтения в зале Моск. гор. думы, 3 и 10 апр. 1883 г.) // ПО. 1883. Т. 2. № 5/6. С. 70–115; Дисциплина древней Церкви в отношении к свободе совести // ПрТСО. 1884. Ч. 33. Кн. 2. С. 383–482; 1886. Ч. 37. Кн. 2. С. 856–915; Об условиях существования совр. рус. проповедничества // Там же. 1884. Ч. 33. Кн. 2. С. 650–699; Ч. 34. Кн. 3. С. 222–282; 1885. Ч. 35. Кн. 2. С. 601–676; Принесит ли пользу церковная проповедь? // ПрибЦВед. 1888. № 41. С. 1124–1130; № 42. С. 1152–1159; № 43. С. 1188–1195; № 46. С. 1261–1264; № 47. С. 1301–1308; Чем должен руководиться пастырь в слове обличения? // Там же. 1889. № 30. С. 877–882; № 32. С. 939–945; № 33. С. 967–976; Труд физический, как одно из внедолжностных занятий пастыря: [Святоотеческий взгляд на труд] // ПрТСО. 1891. Ч. 48. Кн. 1. С. 74–161; Митр. Московский Макарий (Булгаков), как проповедник // БВ. 1893 (2-я паг.). Т. 1. № 1. С. 85–128; № 3. С. 431–480; Т. 2. № 4. С. 1–45; Т. 3. № 7. С. 61–101; № 8. С. 177–229 (отд. отт.: Серг. П., 1893); Наша сельская проповедь: [Рец. на:] Надеждинский Г., свящ. Беседы на апостольские и евангельские чтения, положенные правосл. Церковью на службах воскресных и праздничных дней всего года. Саратов, 1893 // Там же. 1893. Т. 4. № 12. С. 566–617 (2-я паг.); Учение веры и дисциплина в Церкви христианской // Там же. 1896. Т. 2. № 6. С. 339–365 (2-я паг.); Т. 3. № 7. С. 17–44 (3-я паг.); № 9. С. 247–286 (4-я паг.); О церковной дисциплине // Там же. 1897. Т. 2. № 4. С. 1–41 (2-я паг.); Вопрос об изменчивости церковной дисциплины // Там же. (2-я паг.). Т. 3. № 7. С. 1–26; № 8. С. 103–136; Т. 4. № 10. С. 44–73; О церковной дисциплине. Серг. П., 1897; Из архива прот. С. К. Смирнова: [Письмо В. Ф. Кипарисова к С. К. Смирнову от 27 июля 1875 г. / Публ.: П. Каптерев] // Там же. 1915. Т. 3. № 10/12. С. 674–676.

Ист.: Памятная книжка Саратовской губ. на 1864 г. Саратов, 1864. Ч. 1. С. 80–81; Журналы Совета МДА за 1870 г. // ПрТСО. 1871. Ч. 24. Кн. 2. Прил. С. 64; То же за 1874 г. М., 1875. С. 94, 105–106, 115, 124; То же за 1883 г. // ПрТСО. 1883. Ч. 32. Кн. 1. С. 47–48; Кн. 2. С. 112–113; 1884. Ч. 33. Кн. 1. С. 155–156, 175; То же за 1889 г. М., 1889. С. 81–82; Отчет о состоянии МДА в 1878/79 уч. г. // ПрТСО. 1880. Ч. 26. Кн. 1. С. 166; То же в 1879/80 уч. г. // Там же. Кн. 4. С. 1125; То же в 1880/81 уч. г. // Там же. 1881. Ч. 28. Кн. 4. С. 664; То же в 1881/82 уч. г. // Там же. 1882. Ч. 30. Кн. 2. С. 696; То же в 1883/84 уч. г. // Там же. 1885. Ч. 35. Кн. 1. С. 398, 399–400, 406, 418; То же в 1884/85 уч. г. // Там же. 1886. Ч. 37. Кн. 1. С. 491; [Указ Свят. Синода от 27 сент. 1885 г.] // Там же. Кн. 2. С. 175–176; *Болотов В. В.* Отзыв о соч. В. Кипарисова «О свободе совести. Опыт исследования вопроса в области исто-

рии Церкви и государства с I по IX в.» (Вып. 1. М., 1883), представленном на соискание Макарьевской премии // ХЧ. 1886. Ч. 2. № 7/8. С. 265–301; *Лебедев А. П.* Отзыв о соч. В. Ф. Кипарисова «Митр. Московский Макарий, как проповедник», представленном на премию митр. Макария // БВ. 1894. Т. 4. № 10. С. 14–15 (3-я паг.); *Заозерский Н. А.* Отзыв о докт. диссертации В. Ф. Кипарисова «О церковной дисциплине» // Там же. 1898. Т. 2. № 5. С. 304–316; *Спаский А. А.* Отзыв о докт. диссертации В. Ф. Кипарисова «О церковной дисциплине» // Там же. С. 316–325 (4-я паг.); *Бердников И. С.* К вопросу о церковной дисциплине: Отзыв о соч. В. Кипарисова «О церковной дисциплине», представленном на соискание ученой премии митр. Макария // ПС. 1902. Ч. 1. № 3. С. 356–392; Ч. 2. № 7/8. С. 66–112.

Лит.: *Корсунский И. Н.* Магистерский диспут В. Ф. Кипарисова в МДА // ПО. 1883. Т. 3. № 10. С. 361–368; *он же.* Проф. В. Ф. Кипарисов († 28 янв. 1899): [Некр.] // БВ. 1899. Т. 1. № 2. С. 253–266 (2-я паг.); *Евдоким [Мещерский], еп.* Кипарисов Василий Федорович // ПБЭ. 1909. Т. 10. Стб. 19–22; *Семенов Н., свящ.* Проф. МДА В. Ф. Кипарисов и его гомилетические труды: Дипл. работа / МДА. Загорск, 1986.

Н. Ю. Сухова

КИПИАНИ Д. И. (1814–1887), мч., церковно-общественный и культурный деятель Грузии — см. *Димитрий Китиани*.

КИПР, мч. (пам. греч. 30 янв.; пам. зап. 24 авг.) — см. в ст. *Остийские мученики*.

КИПР [Республика Кипр; греч. *Κύπρος*; тур. *Kıbrıs*], гос-во в Зап. Азии, на о-ве Кипр, расположенном в сев.-вост. части Средиземного м. Территория 9,6 тыс. кв. км. Столица — Никосия (236 тыс. чел., 2011 г.). Другие крупные города — Лимасол (187 тыс. чел.), Ларнака (83 тыс. чел.), Пафос (56 тыс. чел.). Офиц. языки — греческий и турецкий. Страна разделена на 6 округов.

Сев. часть острова (36,2% всей территории К.) оккупирована тур. войсками; здесь образована самопровозглашенная и непризнанная мировым сообществом т. н. Турецкая Республика Северного Кипра (ТРСК). Ее столица — Никосия (в тур. части города проживает 52 тыс. чел.), население — 280 тыс. чел. Офиц. язык — турецкий. 2,7% территории К. занимает брит. военные базы Акротири и Декелия.

К. — член ООН (1960), Содружества наций (1961), МВФ (1961), Международного банка реконструкции и развития (1961), Совета Европы (1961), ОБСЕ (1973), ВТО (1995), ЕС (2004).

География. Вдоль сев. побережья в широтном направлении протягиваются горы Кирина (или Пендактилос, до 1023 м высоты) и горы Карпас (с высотами до 383 м), в центральной и юж. части острова возвышается расчлененный массив Троодос (самая высокая точка страны — гора Олимпос, 1951 м). Между горами и массивом Троодос располагается холмистая равнина Месаория (высота ок. 200 м). Берега преимущественно низменные, вдоль сев. побережья — крутые, скалистые. Протяженность береговой линии свыше 650 км. Климат средиземноморский; сухое жаркое лето и прохладная зима. Средняя температура на побережье и равнине в янв. ок. 12°C, в авг. до 28°C. Осадков выпадает до 600 мм в год на побережье и до 1 тыс. мм в горах. До высоты ок. 500 м — заросли вечнозеленых кустарников, выше — леса (занимают 18% территории страны).

Население. На К. проживает 892 400 чел. (2011), из к-рых 672 800 чел. принадлежат к греч. общине (75,4%), 89 200 чел. — к тур. общине (10%), 130 400 чел. составляют иностранцы (14,6%). Численность турок на территории Республики Кипр составляет 0,1%, а греков на территории ТРСК — 2,1% (The Republic of Cyprus: An Overview. Nicosia, 2011. P. 15, 17–19). Естественный прирост населения — 2,6% (2011). Рождаемость составляет 11,3 родившихся на 1 тыс. чел. Средняя ожидаемая продолжительность жизни: мужчин — 79, женщин — 82,9. Рост населения обусловлен притоком мигрантов из Вост. Европы, Греции, Великобритании, Юго-Вост. Азии и стран СНГ. Средняя плотность населения 118,9 чел. на кв. км.

Государственное устройство. Согласно Конституции (принята 16 авг. 1960 г.), К. — независимая и суверенная республика. Глава гос-ва и исполнительной власти — президент, грек-киприот; вице-президент — турок-киприот, избираемые соответственно греч. и тур. общинами К. путем прямого всеобщего тайного голосования на 5 лет (ст. 1). Высший орган законодательной власти — однопалатный парламент (палата представителей), состоит из 80 депутатов (56 депутатов — греки-киприоты, 24 места предоставлено туркам-киприотам). Депутаты избираются на 5 лет путем раздельного прямого всеобщего тайного голосования

греческих и турецких общин. Исполнительная власть реализуется через формируемый и возглавляемый им Совет министров. Правительство не подотчетно палате представителей. В республике существует многопартийная система. Ведущие политические партии — Демократический сбор, Прогрессивная партия трудового народа К. (АКЭЛ), Демократическая партия, Социалистическая партия.

Религия. Большинство населения К. составляют православные христиане — 78%, мусульмане — 18, верующие др. конфессий — 4%. Действуют общины *Армянской Апостольской Церкви*, Римско-католической Церкви, Маронитской католической Церкви, англиканской Церкви. Имеются также небольшие общины Свидетелей Иеговы, адвентистов седьмого дня, пятидесятников, реформатов, арм. Евангелических христиан Ближ. Востока.

Православие. На территории К. правосл. общины греков-киприотов находятся в юрисдикции автокефальной *Кипрской Православной Церкви*.

Нехалкидонские восточные церкви. Небольшая арм. община К. (ок. 3 тыс. чел.) окормляется священниками Кипрской епархии Киликийского католикосата Армянской Апостольской Церкви. Действующие церкви находятся в Никосии (Сурб-Аствацацин), Ларнаке (Сурб-Степанос), Лимасоле (Сурб-Геворг).

Римско-католическая Церковь имеет 5 приходов в юрисдикции латинского викариата с центром в Никосии, к-рый является частью латинского Иерусалимского патриархата: церкви Св. Креста в Никосии, Девы Марии Милостивой в Ларнаке, св. Екатерины в Лимасоле, приход в Пафосе с жен. мон-рем в Меса-Хорью, Миссионерская ц. в Киринии (Керинии). Число католиков на К. — ок. 10 тыс. чел.

Маронитская католическая Церковь появилась на К. в VIII в. Резиденция архиепископа Кипра расположена в Никосии. Имеется 10 приходов. Прихожан насчитывается ок. 4 тыс., большинство из которых — сельские жители. Более половины всех маронитов К. проживает в неск. деревнях в окр. Киринии. В зап. части округа, в сел. Кормакитис, находится один из старейших соборов кипрских маронитов, построенный в 1-й пол. XII в. Среди городских

жителей маронитов менее 500 чел. В Никосии проживает ок. 350 чел., в Лимасоле — ок. 100.

Протестантские церкви, деноминации и секты. Распространение протестантизма началось на К. во 2-й пол. XIX в. Тогда же образовались различные протестант. миссии. Наиболее многочисленная — 10 тыс. прихожан, в основном англичан, среди протестант. орг-ций — англикан. Епископальная Церковь Иерусалима и Ближнего Востока, представленная диоцезом Кипра и Персидского зал.

На острове проживает ок. 500 чел. *Свидетелей Иеговы*.

Адвентисты седьмого дня, Церковь Бога, Реформатская пресвитерианская церковь (греко-евангелическая) насчитывают по неск. десятков адептов каждая. Небольшое число протестантов-евангелистов, встречающихся среди армян, объединены в Союз армянских евангелических церквей на Ближ. Востоке.

Христ. Церкви К. входят в Совет Церквей Ближ. Востока.

Ислам. Верующие мусульмане К. — сунниты. В основном это турки-киприоты, проживающие в сев. части острова, где существует наибольшее количество мечетей, нередко переделанных из католич. храмов.

Иудаизм. Община приверженцев иудаизма объединяет 1800 чел. В Ларнаке открыта синагога (построена в 2005).

Религиозное законодательство. Согласно Конституции 1960 г. (ст. 18. 1), каждый человек имеет право свободы слова, совести и религии. Все религии, обряды к-рых не осуществляются тайно, являются свободными и равны перед законом (ст. 18. 2–3). Ни один законодательный, исполнительный или адм. акт республики не может дискриминировать к.-л. религ. институт или религ. орг-цию. Каждый человек имеет право на свободу вероисповедания, он может изучать догматы своей религии индивидуально или коллективно. Запрещена религ. деятельность, угрожающая конституционному строю, безопасности граждан и общественному порядку. Все эти постановления указывают на то, что на острове нет религии, признанной официальной. Гарантирована защита прав 3 религ. групп, к-рые составляют наименьшую часть населения (католики, монофизиты и марониты).

В. С. М.

История. Древнейший период.

Первые следы пребывания человека на К. относятся к эпохе мезолита. В 1980 г. на п-ове Акротири около Лимасола было открыто самое раннее поселение охотников и собирателей (ок. 8500 или 8350–7050 гг. до Р. Х.). Люди, жившие в пещерах на обрывистом холме Аэтокремнос, охотились на исчезнувших вполсл. карликовых слонов и гиппопотамов. Помимо костей этих животных в большом количестве были найдены морские раковины. Археологи обнаружили орудия из кремня (в т. ч. скребок).

Эпоха неолита (7500–3900 гг. до Р. Х.) характеризуется переходом от охоты и собирательства к земледелию. На К. обнаружены поселения докерамического периода: Хирокития (относительно датировки имеются значительные расхождения: ок. 7000–5550/5000 или 5800–3500 гг. до Р. Х.), между Лимасолом и Ларнакой; Калавасос-Тенда (7290–3680 гг. до Р. Х.), примерно в 8 км к юго-западу от Хирокитии; Кастрос на мысе Апостолос-Андреас (5825–4200 гг. до Р. Х.); островок Петра-ту-Лимниси в зал. Морфу (5800–5250 гг. до Р. Х.); Трули-1 (ок. 5675 г. до Р. Х.), к западу от Киринии (Керинии), и др. Их обитатели жили в круглых в плане домах и хоронили умерших в ямах под полом своих жилищ. Использование обсидиана и сардоникса, месторождений которых нет на К., свидетельствует о контактах К. соответственно с М. Азией и Юж. Палестиной (или Синаем). Однако редкое применение этих материалов указывает на нерегулярный характер этих связей. Керамику заменяла выдолбленная и отшлифованная посуда из твердого камня (напр., андезита). Проблема заселения острова и происхождения жителей К. (Македония и Фессалия, Киликия, Сев. Сирия) остается спорной (*Le Brun*. 1997. S. 79).

Керамика появилась на К. ок. 4500 или 4750 г. до Р. Х., о чем свидетельствуют находки в Филья-Дракос-А1 близ Морфу (5300–3800 гг. до Р. Х.), Дали-Агриди-11 (ок. 4750 г. до Р. Х.), Сотира-Тепес (4500–3900 гг. до Р. Х.), Калавасос-А (4500–3800 гг. до Р. Х.) и Айос-Эпиктитос — Вриси около Киринии (4500–3900 гг. до Р. Х.). Вначале это были простые, довольно грубо выделанные неглубокие чаши со сливом, напоминающие по форме каменные сосуды эпохи

неолита. Часто встречаются тыквообразные сосуды с высоким узким горлом. Темную лакированную керамику (Филья-Дракос-А) сменяет новый тип керамики — с красным или коричневым геометрическим рисунком по белому фону (преобладает на севере К., в Айос-Эпиктос — Вриси, примерно с 4000 г. до Р. Х., и в Трули-II, 3860–3570 гг. до Р. Х.) или с гребенчатым орнаментом (распространен на юге острова, в Сотира-Тепес, с нач. IV тыс. до Р. Х.). Керамика такого типа встречается более чем в 20 поселениях. Для этого периода характерны различные типы жилищ: подземные (Филья-Дракос-А), полуподземные (Калавасос-А), наземные (Айос-Эпиктос — Вриси, Сотира-Тепес, Филья-Дракос-А). Преобладают квадратные или прямоугольные дома с закругленными углами, изменились погребальные обычаи (захоронения мертвых не в домах, а в некрополях). Помимо зерновых и бобовых культур начинают выращивать виноград, сажают оливковые деревья, развивается прядение и ткачество. Предполагают, что эти значительные изменения произошли в результате эмиграции населения из Палестины и что именно оттуда переселились на К. жители Сотир и Калавасоса.

В эпоху энеолита (или халколита; 3900–2500/2300 гг. до Р. Х.) начинается обработка металла (меди). Первые медные орудия труда найдены в дер. Эрими (3000–2500 гг. до Р. Х.),

в 12 км от Лимасола. Получают распространение крестообразные статуэтки из стеатита, видимо служившие оберегами. Доминирует керамика, расписанная «красным по белому», которая развивается как по форме (начинают встречаться большие пифосы и остродонные сосуды), так и по декору (рисунок становится более разнообразным и сложным).

Керамика из некрополя Вунус
(Кипрский археологический музей,
Никосия)

Большие сосуды свидетельствуют о том, что сельское хозяйство стало давать избыточный продукт. Появляется новый тип керамики — красно-полированные вазы. К этому периоду относятся поселения Калавасос-В (3500–3000 гг. до Р. Х.), Кисонерга (3500–2500 гг. до Р. Х.) и Лемба (2900–2500 гг. до Р. Х.) близ Пафоса. Снова сооружаются дома неправильной круглой формы, частично высеченные в скалистой почве, одновременно с ними сосуществуют наземные жилища конической формы (Эрими, Калавасос-В, Лемба). В Эрими жилища имели в диаметре до 12 м и были разделены на части, предназначенные для различных видов деятельности.

Эпоха ранней бронзы (2500/2300 — ок. 1900 гг. до Р. Х.) связана с активной разработкой богатых залежей меди, повсеместным распространением бронзовых орудий и вывозом меди в др. страны. Наиболее

известные поселения этой эпохи: Сотира-Каминудья (2500–2075 гг. до Р. Х.), Амбелику (2000–1900 гг. до Р. Х.), Аламб-

Поселение Хирокития
на о-ве Кипр.
Ок. 7000–5500/5000 гг. до Р. Х.

ра (1900–1650 гг. до Р. Х.) близ Дали. Преобладает красно-полированная и черно-полированная керамика. В некрополе Вунус близ Белапайса помимо красно-полированной посуды встречаются вазы, украшенные скульптурными фигурками животных или людей. Найденные в Василии алебастровые сосуды, изготовленные в Египте, свидетельствуют о международной торговле. Древнейшее золотое изделие (серьга) обнаружено в Сотира-Каминудья.

В эпоху средней бронзы (ок. 1900 — ок. 1620 гг. до Р. Х.) широко распространяется керамика, расписанная темной краской по белому фону. Возникают города и крепости. Согласно господствующей т. зр., столицей К. являлась Калопсида (к западу от Фамагусты), в к-рой была сосредоточена торговля с Востоком. Кипрская медь вывозилась в Вавилон и Мари. Одновременное возведение укреплений как на сев. берегу К. (Нитовикла, Крини), так и в центральной части острова (Айос-Созоменос) служит признаком угрозы внешних нападений (возможно, гиксосов). Однако некоторые исследователи считают их следствием внутренних конфликтов между юго-вост. и зап. частями К., в к-рых начали развиваться 2 различные тенденции: юго-вост. часть во главе с Калопсидой поддерживала торговые отношения с Сиро-Палестинским регионом, а сев.-зап. часть острова (Карми, Лапет (Лалиф)) имела тесные связи с Критом, где в это время существовала могучая Минойская держава.

В эпоху поздней бронзы (ок. 1620–1050 гг. до Р. Х.) переселенцы из Сиро-Палестинского региона, прибывшие на остров ок. 1620 г. до Р. Х., использовали гончарный круг. На связь К. с Критом и Эгейским миром указывают результаты раскопок на сев.-зап. побережье в Айия-Ирини (1600 г. до Р. Х.) и в Тумба-гускуру, в районе Морфу (1525–1475 гг. до Р. Х.).

После изгнания гиксосов из Египта (сер. XVI в. до Р. Х.) и до начала экспансии микенских греков-ахейцев (ок. 1400 г. до Р. Х.) в Вост. Средиземноморье наступил период стабильности. На вост. побережье К. процветал г. Энкоми (Энгоми), а в центре острова — Никоклиды. Энкоми неоднократно подвергался разрушениям, но затем снова восстанавливался. Ок. 1520 г. до Р. Х. город пострадал от того же землетрясения, что и центры позднеминийской цивилизации на Крите (по мнению П. Дикеоса). Ок. 1420 г. до Р. Х. Энкоми подвергся нападению врагов, скорее всего вассалов хеттского царя.

В кон. XVI в. до Р. Х. на К. появилась письменность — временем ок. 1500 г. до Р. Х. датируется глиняная табличка, найденная в Энкоми, с силлабическим (слоговым) письмом. Массовый материал этого кипро-минойского письма, родственного крит-

скому линейному письму А, дошел от XIV–XIII вв. до Р. Х.

Письменные свидетельства о К. («Аши», «Алашия») содержатся в Эль-Амарнском архиве. Во время похода фараона Тутмоса III (ок. 1490–1436 гг. до Р. Х.) в Сирию киприоты преподнесли ему богатые дары. Во дворце в Эль-Амарне была найдена переписка египетского фараона Аменхотепа IV, или Эхнатона (1365–1348 или 1353/51–1336/34 гг. до Р. Х.), с правителем К., который снабжал его медью. Их отношения носили скорее союзнический, чем вассальный, характер (фараон называет царя Алашии братом).

Новый исторический период для К. начался ок. 1400 г. до Р. Х., когда после падения критской морской державы (ок. 1380 г. до Р. Х.) господство в Эгейском регионе перешло к грекам-ахейцам, важнейшие центры к-рых находились на Пелопоннесе (Микены, Пилос и Тиринф). Огромное количество микенских ваз, выполненных в «сюжетном стиле», обнаружено в Египте, на сиро-палестинском побережье и особенно на К. Ремесленники-микенцы поселились в крупнейших кипрских городах, в результате чего возник новый стиль керамики, сочетавший местные и микенские черты, названный археологами леванто-микенским или кипро-микенским. Появление колоний микенских ремесленников предвосхитило эллинизацию острова 2 века спустя. Вскоре после 1300 г. до Р. Х. был основан Китий (близ совр. Ларнаки), богатый город, отличавшийся космополитическим характером.

В результате нашествия племен из Сев. Греции ахейцы были вынуждены покинуть Пелопоннес. Они заселили Родос и др. о-ва Додеканес. Примерно 1230 г. до Р. Х. датируется прибытие первых ахейских переселенцев с Пелопоннеса на К., поселившихся как в приморских городах Китий и Энкоми, так и в центре острова, около совр. Никосии, и в Синде. Присутствие в городах ахейцев прослеживается по сооружению циклопических стен с крепостными валами и воротами (Маа-Палеокастро на зап. побережье, ок. 1230 г. — нач. XII в. до Р. Х.). Поселение ахейцев ознаменовало новый период в развитии кипрского общества. Общины ахейцев привнесли с собой более высокую технику металлургии и обработки металлов. Существенный прогресс наблюдался в градо-

Статуя бога в рогатом шлеме из Энкоми. Бронза. XII в. до Р. Х. (Кипрский археологический музей, Никосия)

строительстве, ювелирном деле, керамическом производстве. Появились храмы с колоннами и капителями в честь богов плодородия и покровителей металлургии. «Священные рога», религ. символ эгейского происхождения, встречаются в различных местах острова — в Энкоми, Ст. Пафосе и Китии (напр., медная статуя бога в рогатом шлеме). По керамике, получившей наименование «микенская III A», можно судить, что первые переселенцы были из Арголиды.

В нач. XII в. до Р. Х. т. н. народы моря (конгломерат различных эгейско-анатолийских племен) начали совершать опустошительные набеги на побережье Сирии, Палестины и Египта. Под их натиском ок. 1180 г. до Р. Х. пало Хеттское царство, контролировавшее в то время К. Приморские кипрские города, особенно Энкоми и Китий, сильно пострадали от нападений «народов моря». Ранее процветавшие города, напр. Калавасос и Марони-Вурнес, были покинуты жителями примерно на 50 лет. Военные заставы появились

в Пила-Кокинокремос (на юго-вост. берегу) и в Маа-Палеокастро (на западном). После уничтожения в 1186 г. до Р. Х. морских разбойников фараоном Рамсесом III кипрские города были снова отстроены, но более скромно. Руины огромных общественных зданий Энкоми были разобраны для строительства небольших домов и мастерских. В искусстве наблюдались 2 параллельные тенденции, связанные с 2 потоками эмигрантов — из Греции и из Угарита (город-гос-во на сиро-финик. побережье).

Начало кипро-геометрического периода (1050–750/725 гг. до Р. Х.) связано с серьезными демографическими изменениями. Около 1100–1075 гг. до Р. Х. со 2-й волной ахейских переселенцев появились новые элементы в религ. и погребальных обрядах, напр. кремация мертвых и почитание «богини в молитвенной позе» (с поднятыми руками), привнесенное с Крита. В XI в. до Р. Х. в области технологии обработки железа К. был передовым регионом в Вост. Средиземноморье (Courtois. 1997. С. 304–305). К кон. II тыс. до Р. Х. эллинизация К. была завершена, на острове получил широкое распространение греч. язык (эоло-аркадийский диалект). Древнейшим образцом использования на К. греч. языка является медный обол XI в. до Р. Х. из Ст. Пафоса, на к-ром слоговым письмом вырезано греч. имя Офелт. Слоговое письмо продолжало употребляться, несмотря на соседство в Китии финик. алфавита и переход на алфавитное письмо жителей Греции и островов Эгейского м. Китий и Энкоми были разрушены между 1075 и 1050 гг. до Р. Х. то ли землетрясением или наводнением, то ли внешними врагами. Энкоми был заброшен и сменен возникшим по соседству Саламином, основанным по традиции Тевкром, сыном Теламона, царя о-ва Саламин. Саламин сыграл значительную роль в политической и культурной истории К. в следующем тысячелетии. Китий был отстроен, но через 50 лет старый город был оставлен (ок. 1000 г. до Р. Х.), и поселение было перенесено к морю. Вероятно, возникновение новых городов связано с тем, что прежние внутренние гавани были разрушены из-за землетрясений. В XI в. до Р. Х. на К. складывается примерно 10 независимых городов-царств. Легенды связывают

их основание с прибытием на остров героев Троянской войны. Согласно мифологии, Агапенор, царь Теги в Аркадии, основал Ст. Пафос; Демофонт, сын Тесея, — Эпию (Солы); Праксандр из Лаконии — Лапет; Халканор — Идалий. Вопреки легенде об Агапеноре археологические исследования показывают, что Ст. Пафос был заселен греками еще в 1230 г. до Р. Х. Святилище Афродиты в Ст. Пафосе было известно во всем греч. мире. Возникновение Курия предание связывает с прибытием колонистов из Аргоса (что подтверждается археологией). В царстве Амафунт доминировало коренное население К. (этеокиприоты) и у власти находилась местная династия. Сильное влияние этеокиприотов прослеживается также в Лапете. В X в. до Р. Х. в Китии финикийцы основали торговую факторию и к сер. IX в. до Р. Х. постепенно приобрели политический контроль над городом. В центральной части острова известны 3 небольших царства: Тамас, Хитры (близ совр. Китрей) и Ледра (ныне Никосия), к-рая впервые упоминается в начале архаического периода (призма ассир. царя Асархаддона, 672 г. до Р. Х.), но, видимо, существовала уже в геометрический период.

В архаическую эпоху (750–475 гг. до Р. Х.) К. поочередно подвергался завоеваниям ассирийцев, египтян и персов. В 709 г. до Р. Х. 7 кипрских царей были вынуждены признать верховное господство ассирийского царя Саргона II. Из надписей на призме царя Асархаддона известно, что в 673/672 г. до Р. Х. ему подчинялось 10 кипрских царств. Спорной является получившая широкое

Статуи из святилища Айя-Ирины. VII–VI вв. до Р. Х. (Кипрский археологический музей, Никосия)

номинальным подчинением кипрских царей (667 г. до Р. Х.).

В то время как в архаический период в Греции складывалось полное устроительство, на К. продолжали существовать монархии. В этот период К. приобрел славу как остров мореплавателей; здесь был создан особый тип легких судов, называемых керкурами.

В VIII в. до Р. Х. кипрский поэт Стасинос написал «Кипрские сказания» (сохр. фрагменты), к-рые представляли собой вступление к «Илиаде» Гомера и повествовали о том, как Афродита-Киприда была признана Парисом самой прекрасной из богинь, что стало причиной Троянской войны.

В VII–VI вв. до Р. Х. появились большие глиняные статуи людей, достигавшие иногда натуральной величины. Множество таких скульптур было найдено в святилище в Айя-Ирины, возникшем в кон.

Святилище Афродиты в Ст. Пафосе. XII в. до Р. Х. (?)

XIII в. до Р. Х. и переживавшем расцвет в архаический период. С кон. VI в. до Р. Х. в кипрской скульптуре прослеживается

влияние греч. архаики. Только с нач. VI в. до Р. Х. во всех столицах кипрских царств окончательно установился культ олимпийских богов, в особенности Зевса (Саламин), Афины (Идалий, Солы, Вуни), Аполло-

на (Курий) и Афродиты (Пафос, Амафунт).

В 560/569 г. до Р. Х. К. был покорен фараоном Амасисом (Яхмосом II). Несмотря на то что господство египтян было непродолжительным, оно сильно отразилось в культурной сфере. Егип. мотивы доминировали во всех областях художественной деятельности (скульптуры сфинксов и богини Хатхор, орнаментальный мотив в виде цветков лотоса и др.). Одновременно на К. проникло влияние ионийского искусства, которое особенно сказалось на кипрской скульптуре. Импортировались греческие вазы, а кипрские бронзовые и глиняные изделия (статуэтки) экспортировались на острова Родос и Самос. Существование тесных связей с Грецией в 1-й пол. VI в. до Р. Х. подтверждает визит на К. афинского законодателя Солона, который, согласно Геродоту, гостил у царя Эпии Филокипра. Солон посоветовал царю перенести свою столицу в более удобное место, и Филокипр построил новый город, названный Солы в честь Солона. Дворец Вуни, воздвигнутый правителями Мария по образцу сир. дворцов, был перестроен во 2-й пол. V в. до Р. Х. в соответствии с принципами греч. архитектуры.

После победы Кира II Великого над лидийским царем Крёзом в 546 г. до Р. Х. кипрские цари добровольно признали персид. владычество. Они выплачивали дань персам и участвовали в походах Кира и его сына Камбиза. Сначала персид. иго не было тяжелым и К. поддерживал культурные связи с Грецией. Пока цари регулярно выплачивали дань, они пользовались относительной автономией. Напр., Евельфонт, царь Саламина (ок. 560–525 гг. до Р. Х.) из династии Тевкридов, ввел чеканку собственной серебряной монеты и в 530 г. до Р. Х. предоставил политическое убежище Феретиме, царице Кирены Ливийской.

Дарий I (522–486 гг. до Р. Х.) ужесточил контроль над К., включив его в состав Пятой Сатрапии вместе с Финикией и Палестиной. Когда в Милете, а затем в других греч. городах М. Азии вспыхнуло восстание (500–494 гг. до Р. Х.), К. примкнул к ионийским грекам. Лидером стал царь Саламина Онесил, свергший своего брата, проводившего проперсид. политику. К нему присоединились все царства, кроме Амафунта,

распространение гипотеза Э. Гьерстада (*Gjerstad E. The Swedish Cyprus Expedition. Stockholm, 1948. T. 4. Pt. 2. P. 450*), что вскоре после смерти Асархаддона ассирийцы ограничились сбором дани с киприотов и

населенного этеокиприотами. Оне-сил победил персид. военачальника Артибия, а ионийские корабли — подчиненный персам финик. флот (499 г. до Р. Х.). Но внезапное предательство царя Курия Стасанора привело к поражению греков. Кипрские царства были одно за другим покорены персами.

Последовавшие в классическую эпоху (475–334 г. до Р. Х.) попытки освобождения от персов также имели только временный успех. В 477 г. до Р. Х. на К. предприняли экспедицию греч. полководцы Павсаний и Аристид, к-рые «покорили большую часть его» (*Thuc. Hist. I 94. 1*). В 450 г. до Р. Х. афинские военачальники Кимон и Анаксикрат с флотом из 200 кораблей освободили Марий, но не смогли взять Китий. Кимон погиб при осаде этого города, а Анаксикрат — во время выигранного у персов морского сражения у Саламина.

В 411 г. до Р. Х. престол Саламина занял царь Евагор I, вдохновленный общегреч. идеалами. Он предпринял чеканку собственной золотой монеты с изображениями греч. богов и героев и ввел греч. алфавит вместо кипрского силлабического письма. Все известные серебряные и золотые монеты Евагора имеют изображение Геракла в львиной шкуре. Союзниками Евагора I были афиняне. В годы Пелопоннесской войны в Атику с К. отправлялись грузы с хлебом и медью, за что Евагор получил статус почетного гражданина Афин. За военную помощь в битве при Книде 394 г. его статуя установили на афинской агоре возле царской стои, рядом со скульптурами прославленных военачальников Конона и Тимофея. Согласно афинскому ритору Исократу, учителю сына Евагора Никокла, при саламинском дворе жили мн. греч. ученые и художники. Об их деятельности свидетельствует найденная в саламинском гимнасии мраморная голова Афродиты, выполненная скульптором школы Проксителя (нач. IV в. до Р. Х.).

Когда Артаксеркс II был отвлечен войной со Спартой, Евагор I начал объединение кипрских царств под главенством Саламина (ок. 390 г. до Р. Х.). Одни правители подчинились добровольно, владения др. завоевали силой. Жители Кития, Сол и Амафунта отказались признать власть Евагора и запросили помощи у персид. царя. Евагор I заключил военный союз

Серебряный статир Евагора I.
Ок. 411–374 гг. до Р. Х.
Аверс (частная коллекция)

с Афинами и Египтом (389 г. до Р. Х.) и получил от них, а также из Кари и Аравии существенную поддержку. В 388/7 г. до Р. Х. афинский командующий Хабрий прибыл на К. с отрядом в 800 пельтастов и 10 кораблями и помог Евагору завоевать царства, не желавшие признавать верховенство Саламина, но покинул остров после заключения Анталкидова мира (387 г. до Р. Х.). Попытка сбросить персид. иго во время «кипрской войны» (390–380 гг. до Р. Х.) потерпела неудачу. Евагор I и его старший сын и соправитель Пнидагог погибли в 374 г., престол унаследовал младший сын — Никокл (373–361 гг. до Р. Х.), к-рому удалось восстановить экономическое положение Саламина, пришедшее в упадок в результате войны. Преемник Никокла Евагор II (361–351/50 гг. до Р. Х.) проводил проперсид. политику. В 351/50 г. до Р. Х. Артаксеркс III предпринял поход против Египта, который закончился неудачей. В результате антиперсид. восстания финикийцев и всех кипрских царств, включая Китий, Евагор II потерял трон, царем стал внук Евагора I Пнидагог (351/50–332 гг. до Р. Х.). В 345/4 г. до Р. Х. Артаксеркс III подавил восстание на К. и Пнидагог был вынужден признать суверенитет персид. царя.

Лит.: *Στυριάκις Κ.* Κύπριοι Βασιλείς τοῦ 4ου αἰῶνος π. Χ. Λευκωσία, 1963; *Catling H. W.* Cyprus and the West, 1600–1050 B. C. Sheffield, 1980; *Stanley Price N. P.* Early Prehistoric Settlement in Cyprus: A Review and Gazetteer of Sites, 6500–3000 B. C. Oxf., 1980. (British Archaeol. Rep. Intern. ser.; 65); *Karageorghis V.* Cyprus: From the Stone Age to the Romans. L., 1982; *idem.* (Καραγιώργης Β.) Ἡ Ὑστερὴ Χαλκοκράτεια // Ἱστορία τῆς Κύπρου. Λευκωσία, 1997. Τ. 1. Σ. 237–285; *Peltenburg E. J.* Recent Developments in the Later Prehistory of Cyprus. Göteborg, 1982; *idem.* Ἡ Χαλκολιθικὴ περίοδος 3800–2300 π. Χ. // Ἱστορία τῆς Κύπρου. 1997. Τ. 1. Σ. 117–170; *Baurain C.* Chypre et la Méditerranée orientale au Bronze Récent. Athènes,

1984; *Fouilles récentes à Khirokitia (Chypre): 1977–1981 / Ed. A. Le Brun.* P., 1984. 2 τ.; *Idem:* 1983–1986. P., 1989; *Idem:* 1988–1991. P., 1994; *Archaeology in Cyprus: 1960–1985 / Ed. V. Karageorghis.* Nicosia, 1985; *Todd I. A.* Excavations at Kalavassos-Tenta. Göteborg, 1987. (Studies in Mediterranean Archaeology; 71/6); *Bolger D.* Erimi-Pamboula: A Chalcolithic Settlement in Cyprus. Oxf., 1988. (British Archaeol. Rep. Intern. ser.; 443); *Early Society in Cyprus / Ed. E. J. Peltenburg.* Edinb., 1989; *Stylianou P.-J.* The Age of Kingdoms: A Political History of Cyprus in Archaic and Classical Periods // *Μελέται και υπομνήματα. Λευκωσία.* 1992. Τ. 2. Σ. 373–530; *idem.* (Στυλιανού Π.) Τὰ ἀρχαία βασίλεια (Ἡ αἰὼν – 315 π. Χ.) // Ἱστορία τῆς Κύπρου. 2000. Τ. 2. Σ. 465–618; *Åström P.* Ἡ Μέση Ἐποχὴ τοῦ Χαλκοῦ // *Ibid.* Τ. 1. Σ. 213–236; *Courtois J.-C.* Ἡ Γεωμετρικὴ Ἐποχὴ (1050 – τέλος τοῦ Ἡ' αἰῶνος π. Χ.) // *Ibid.* Σ. 287–349; *Le Brun A.* Ἡ Κύπρος πρὶν ἀπὸ τὸ 5000 Β. Π./3000 π. Χ. // *Ibid.* Τ. 1. Σ. 57–105; *Swiny S.* Ἡ πρῶτη Ἐποχὴ τοῦ Χαλκοῦ // *Ibid.* Σ. 171–212; *The Earliest Prehistory of Cyprus: From Colonization to Exploitation / Ed. S. Swiny.* Boston, 2001; *The Colonization and Settlement of Cyprus: Investigations at Kissonerga-Mylothkia.* 1976–1996 / *Ed. E. J. Peltenburg.* Savedalen, 2003; *Le Néolithique de Chypre / Ed. J. Guilaine.* A. Le Brun. Athènes, 2003; *Archaeological Field Survey in Cyprus: Past History, Future Potentials / Ed. M. Iacovou.* L., 2004; *Zoumatzi A.* Persian Rule in Cyprus: Sources, Problems, Perspectives. Athens; P., 2005; *On the Margins of Southwest Asia: Cyprus During the 6th to 4th Millennia BC / Ed. J. Clarke.* L., 2007; *Jones P. L.* Moving Heaven and Earth: Landscape, Death and Memory in the Aceramic Neolithic of Cyprus. Oxf., 2008. (British Archaeol. Rep. Intern. ser.; 1795); *Knapp A. B.* Prehistoric and Protohistoric Cyprus: Identity, Insularity, and Connectivity. Oxf., 2008; *idem.* The Archaeology of Cyprus: From Earliest Prehistory Through the Bronze Age. Camb.; N. Y., 2012.

О. В. Л.

Эллинистический и римский периоды (334 г. до Р. Х. — 330 г. по Р. Х.). Правление саламинского царя Пнидагога совпало с походом *Александра Великого* (Македонского) (334–329 г. до Р. Х.) на Восток. Когда Александр осаждал Тир (332 г. до Р. Х.), кипрские цари послали ему на помощь 120 кораблей. После взятия города цари были щедро вознаграждены, в т. ч. Пнидагог получил разрешение присоединить к своему царству Тамас, проданный его последним царем Пасикипром финик. правителю Кития Пимиафу. Преемник Пнидагога Никокреон (332/1–311/10 гг. до Р. Х.) и Пасикрат, царь г. Солы, были устроителями торжеств в честь победного завершения похода Александра в Египет. Спорным остается вопрос, являлись ли кипрские цари младшими неравноправными союзниками Александра, или остров стал частью его империи, и в таком случае считался ли К. завоеванной или добровольно

подчинившейся страной (Mehl. 2000. С. 626–627). Кипрские царства не были упразднены. Скорее всего они были освобождены от налогов, которые до этого уплачивали персид. царю (Στυλιανού. 2000. С. 608).

При 1-м и 2-м разделах диадохами империи Александра (в Вавилоне в 323 г. до Р. Х. и в Трипарадесе в 320 г. до Р. Х.) К. не входил в число распределяемых территорий, а являлся сферой влияния разных диадочов (Mehl. 2000. С. 629). В последующие годы остров стал ареной борьбы правителя Египта Птолемея I Сотера сначала с регентом империи Пердиккой, а затем с Антигоном I Одноглазым.

В 321 г. до Р. Х., перед походом Пердикки на Птолемея I, союзники последнего — кипрские цари Никокреон Саламинский, Пасикрат Сольский, Никокл Пафосский и Андрокл Амафунтский — осадили не участвовавший в их союзе Марий. Пердикка направил осажденным военную помощь. После гибели Пердикки новый регент Антипатр послал против его отрядов, находившихся в Марии, флот под рук. Клиты. Вместе с царями-союзниками Птолемея Клит осадил Марий, но так и не смог его взять. Те же царства (кроме Амафунта) оказались на стороне Птолемея I в его борьбе с Антигоном Одноглазым, тогда как Китий, Лапет, Киринаия (Кериния) и Марий поддерживали последнего. К. в 314–312 гг. до Р. Х. был базой Птолемея во время операций в Вост. Средиземноморье и Эгейском м. Для полного подчинения острова он послал на К. флот из 100 кораблей с 10 тыс. наемников. Цари Мария Стасиоик и Амафунта Андрокл под давлением перешли на сторону Птолемея, а Лапет и Киринаия были взяты силой. Китий, царь которого Пимиаф в знак независимости чеканил собственную монету, был осажден. После того как Пимиаф был вынужден примкнуть к Птолемею, ему позволили сохранить царскую власть. Во время восстания в Киренаике против Птолемея кипрские цари в надежде на освобождение от его власти начали вести переговоры с Антигоном. В 312 г. Птолемей решительно подавил зреющий мятеж. Китий был взят, Пимиаф обезглавлен, а главный храм города, посвященный богу Мелькарту, разрушен. Цари Лапета и Киринаия попали в плен и лишились престолов. Царь Мария был убит, город

разрушен, а его жители переселены в Нов. Пафос. Наказанные города Птолемей отдал Никокреону Саламинскому и провозгласил его стратегом, но реальная военная власть на острове принадлежала брату Птолемея Менелаю и Селевку (впосл. основатель гос-ва Селевкидов). После 312 г. до Р. Х. упоминания о Нико-

Гимнасий в Саламине.
IV в.

креоне исчезают из источников: видимо, он вскоре умер. В 311/10 г. до Р. Х. царь Пафоса Никокл попал под подозрение в связях с Антигоном. Воины Птолемея окружили его дворец, и Никокл был вынужден покончить жизнь самоубийством. Его примеру последовала вся царская семья. Некоторые исследователи считают, что эти сведения относятся не к Никоклу, а к Никокреону (Engel. 1841. S. 368; Hill. 1949. P. 160–161 и др.). Так или иначе после смерти Никокла и Никокреона Птолемей провозгласил царем Саламина и стратегом Менелая и поручил ему управление всем островом, кроме г. Сола, царем

Амфитеатр в Кирии.
II в. до Р. Х.

к-рого был сын Пасикрата Евност, женатый на дочери Птолемея от Таис Афинской.

В 306 г. до Р. Х. Деметрий I Полиоркет высадился на п-ове Карпасия. Близ Саламина он разбил Менелая и осадил этот город, а в 305 г. до Р. Х. его корабли одержали победу над пришедшим на помощь егип.

флотом Птолемея. После этого весь остров покорился Деметрию без сопротивления. Антигониды владели К. в течение 11–12 лет. Птолемей смог отвоевать остров только в 295/4 г. до Р. Х., и К. стал провинцией его державы.

На протяжении всего птолемеевского периода островом управлял назначаемый царем Египта стратег. Исключением были небольшие временные отрезки, когда на К. проживали члены династии Птолемеев. Хотя они

именовались царями К., их полномочия и обязанности были такими же, как у стратега. Первоначально главным городом К. оставался Саламин, но затем столица была перенесена в Нов. Пафос, возможно, потому, что он находился ближе к Александрии или из-за того, что Саламин сильно пострадал в результате войны с Деметрием I Полиоркетом.

«Гражданские» стратеги были в некоторых кипрских городах (при этом в тех, где был силен финик. элемент, — в Китии и Лапете), они были не царскими чиновниками, а должностными лицами городского самоуправления (Mehl. 2000. С. 695–696, 701).

С упразднением царств был образован «Союз кипрских городов» (Κοινὸν Κυπρίων). На острове наступил период стабильности, экономического и культурного расцвета. В городах были введены демократические институты —

советы и народные собрания. В градостроительстве начала применяться система Гипподама Милетского: прямые улицы пересекались под

прямым углом, к главной из них примыкала агора. Началось возведение театров, стадионов, гимнасиев, появились первые б-ки. В этот период окончательно нивелировалось финик. влияние и возобладал греч. язык.

Егип. цари активно использовали богатства К.: рудники, древесину

для кораблестроения (значительная часть кипрских лесов была вырублена в этот период), пшеницу, вино, оливковое масло. Птолемеи чеканили монеты в Пафосе, Саламине, Китии и Амафунте.

Птолемей II Филадельф основал на К. 3 города, получившие название Арсиноя в честь его жены и сестры. Один из них располагался рядом с Марием, другой — между Ст. и Нов. Пафосом, 3-й — близ Саламина.

В 168 г. до Р. Х. правитель державы Селевкидов Антиох IV захватил К. и Н. Египет, но оставил эти территории из-за ультиматума римлян. Во II в. до Р. Х. цари Египта временами передавали остров во владение младшим членам династии Птолемеев. Проживание на К. членов царской фамилии повышало его статус. Длительный десятилетиями раздор между братьями Птолемеем VI и Птолемеем VIII затронул и К. В 163 г. до Р. Х. старший брат получил во владение Египет и К., а младший, к-рому досталась Киренаика, считал свою часть слишком малой и требовал добавить к ней К. Птолемея VIII поддержал рим. сенат. Между 161 и 156/155 г. до Р. Х. он силой захватил К. После того как Птолемею VI удалось изгнать младшего брата с острова, Птолемей VIII составил завещание, согласно к-рому передавал К. Риму. В 153 г. до Р. Х. он предпринял попытку с военной помощью римлян захватить К., но был пленен и сослан Птолемеем VI в Кирену. Птолемей VIII получил К. только после смерти брата и устранения племянника — Птолемея VII (146/5 г. до Р. Х.). В 117 г. до Р. Х., незадолго до смерти, Птолемей VIII провозгласил своего сына Птолемея IX стратегом К., а в 116 г. до Р. Х., когда тот стал царем Египта, стратегом был назначен его брат Птолемей X. Со 110 г. до Р. Х. Птолемей X носил титул царя К. Когда он в 107 г. до Р. Х. узурпировал власть в Египте, Птолемей IX поселился на К., откуда предпринимал военные операции против Сирии. После того как в 88 г. до Р. Х. Птолемей X был изгнан александрийцами и погиб в морской битве недалеко от К., власть перешла к его брату. Из 2 сыновей Птолемея IX Птолемей XII правил в Египте, а Птолемей Кипрский — на К.

В 58 г. до Р. Х. римляне решили присоединить К., используя в качест-

ве предлога завещание Птолемея XI (80 г. до Р. Х.), ставленника Луция Корнелия Суллы, к-рый передавал Риму свои владения (и, следов., К.), а также из-за покровительства пиратам правившего островом Птолемея Кипрского (80–58 гг. до Р. Х.).

Римляне под рук. Марка Порция Катона Младшего без сопротивления овладели К. в 58 г. до Р. Х. Птолемею Кипрскому предложили сдать остров при условии сохранения за ним должности верховного жреца Афродиты в Пафосе, но тот предпочел покончить жизнь самоубийством. Первоначально К. был объединен в одно проконсульство с Киликией (58–47 гг. до Р. Х.). Проконсул Публий Корнелий Лентул Спинтер (56–54 гг. до Р. Х.) дал К. собственные провинциальные законы. Однако при нем

и в большей мере при его преемнике Аппии Клавдии Пульхре (53–51 гг. до Р. Х.) К. страдал от экономических злоупотреблений рим. предпринимателей. Напр., участвовавший в присоединении К. Марк Юний Брут добился в 56 г. до Р. Х. утверждения сенатом значительного кредита саламинцам в нарушение рим. закона о запрете давать в долг из столичной казны крупные суммы жителям провинций. Когда в 51 г. до Р. Х. прокон-

сулом Киликии стал Марк Туллий Цицерон, он отправил на К. для расследования своего представителя Квинта Волузия Сатурнина, который сообщил о запустении острова в результате притеснений Пульхра: жители были не в состоянии выплачивать столь тяжелые налоги; ряд чиновников, имевших покровителей в Риме, действовали по собственному произволу, а мн. города были обя-

*Царские гробницы в Пафосе.
IV в. до Р. Х. — III в.*

заны выкупать за огромную цену освобождение от размещения в них на постой рим. отрядов. Цицерон отменил чрезмерные налоги и откуп от

постоя войск, сократил проценты по долгам (с 48 до 12), к-рые жители Саламина выплачивали друзьям Брута, а также упразднил оказание дорогостоящих почестей проконсулу.

В 47 г. до Р. Х. Юлий Цезарь подарил К. егип. царице Клеопатре VII. Впосл. это дарение подтвердил Марк Антоний. После битвы при Акции (31 г. до Р. Х.) судьба царства Птолемея была predeterminedena: в 30 г. до Р. Х. Египет и его владения (в т. ч. К.) были присоединены к Римскому гос-ву. В 27 г. до Р. Х. К. был отделен от Киликии и стал имп. провинцией со столицей в Пафосе, где находилась резиденция проконсула. В 23 г. до Р. Х. Октавиан Август сделал К. сенат-

*Театр в Саламине.
I в. (?)*

ской провинцией. Островом управлял проконсул, которому помогали легат и квестор. Проконсул назначался на год, но этот срок мог быть про-

длен. Римские легионы в сенатских провинциях подчинялись не проконсулу, а императору. К. делился на 4 округа с центрами в Пафосе, Лапете, Саламине и Амафунте. Вторым по значению городом был Саламин, его театр (15 тыс. зрителей) относится к числу самых больших в Вост. Средиземноморье; городская агора также имела значительный размер — 240×60 м. Римляне раздали царские земли киприотам,

но активно эксплуатировали рудники в Тамасе и Солах. На острове значительного размаха достигло кораблестроение. Римляне создали на К. систему дорог. Остров являлся местом пересечения торговых путей Запада с Индией и Аравией. В период рим. владычества К. был более густонаселенным, чем в древности и в средневековье. Клавдий Птолемей упоминает 17 городов, а данные археологов указывают на существо-

Фисба и Пирам.
Мозаика пола
из виллы Диониса в Пафосе.
Кон. II или нач. III в.

вание многочисленных процветавших сельских центров. Зерновые культуры, оливковое масло и вино шли на экспорт в разные регионы империи. В городах развивалось производство льняных тканей и выделка порфиры.

Союз кипрских городов продолжал существовать, хотя о его деятельности сохранились лишь отрывочные сведения. Главным городом оставался Пафос. Собственные монеты союз чеканил лишь в течение 2 периодов: с сер. I в. до 138 г. и с кон. II в. до 222 г.

Во внутренней жизни городов в римский период не произошло радикальных изменений, но Рим предоставил им большую автономию по сравнению с централизованной системой управления эпохи Птолемея. В городах действовали такие советы (в Саламине также существовала герусия), состав к-рых контролировался рим. властями, и народные собрания. При Августе была учреждена должность цензоров. В Амафунте сохранялся введенный Птолемеями пост стратега, к-рый теперь выполнял функции гражданского правителя. В Китии и Солах высшую ступень городской иерархии занимал гиппарх (к-рый из начальника конницы стал главой местной полиции).

Сильное землетрясение в 15 г. до Р. Х. разрушило Пафос; город был отстроен на средства, предоставлен-

ные Августом. Последующие рим. императоры также покровительствовали К.: Тиберий считался благодетелем Пафоса и Лапета, Клавдий — Курия и Кирении, Нерон — Сол и Саламина и т. д. Святилище Афродиты в Ст. Пафосе славилось на всю империю. Тиберий предоставил ему статус убежища, богатые дары приносились Титом и Септимием Севером.

После землетрясения 77/78 г. Пафос был восстановлен благодаря помощи императоров Веспасиана и Тита Флавия, Китий — Нервы (96–98), а Саламин — Траяна. Во

время еврейского восстания 115–117 гг., бывшего отголоском восстаний в Египте и Киренаике,

больше всего пострадало население Саламина. После этого проживание евреям на острове было запрещено (через некоторое время этот запрет был отменен). Саламин был отстроен имп. Адрианом.

Во время правления династии Северов на К. появляется имп. чиновник — прокуратор, ответственный за управления имп. землями на острове и за сбор налогов в частную казну императора. Его функции первоначально пересекались с функциями квестора. Он управлял провинцией в отсутствие проконсула. В III в., за исключением нападения в 269 г. флота готов, К. не был затронут войнами и набегами варваров.

В 293 г., после введения системы тетрархии, К. оказался в составе вост. части империи, к-рой управлял *Диоклетиан*. В результате адм. реформы Диоклетиана, разделившей империю на 12 диоцезов во главе с викариями, подчинявшимися префекту претория, К. стал провинцией диоцеза Восток, столицей которого была Антиохия. Островом управлял наместник, носивший титул презид, резиденция к-рого была в Саламине. После ухода Диоклетиана на покой К. в 305–311 гг. вошел во владения *Галерия*, в 311–313 гг. — *Максимиана Дайи*, в 313–324 гг. — *Лициния*. В 324 г. киприоты предоставили Лицинию 30 кораблей для ведения военных действий против равноап. *Константина I Великого*, к-рые за-

вершились его поражением и объединением империи под властью Константина.

Ист.: *Κατ'ἑπιπέδον* Κ. Ἡ Ἀρχαία Κύπρος εἰς τὰς Ἑλληνικὰς πηγὰς. Λευκωσία, 1971. Т. 1; *Wallace P. W., Orphanides A. C., ed.* Sources for the History of Cyprus. Nicosia, 1990. Т. 1: Greek and Latin Texts to the 3rd Cent. A. D.

Лит.: *Engel W. H.* Kypros: Eine Monographie. B., 1841. Bd. 1; *Hill G.* History of Cyprus. Camb., 1940. Vol. 1; *Badian E. M.* Porcius Cato and the Annexation and Early Administration of Cyprus // *JRS*. 1965. Т. 55. P. 110–121; *idem.* The Testament of Ptolemy Alexander // *Rheinisches Museum für Philologie*. N. F. Bonn, 1967. Bd. 110. H. 2. S. 178–192; *Arvaamides A. B.* Studies in the History of Hellenistic Cyprus: Diss. / Univ. of Minnesota. Minneapolis, 1971; *Hassall M., Crawford M., Reynolds J.* Rome and the Eastern Provinces at the End of the 2nd Cent. B. C. // *JRS*. 1974. Т. 64. P. 195–220; *Bagnall R. S.* The Administration of the Ptolemaic Possessions outside Egypt. Leiden, 1976; *Mitford T. B.* Roman Cyprus // *ANRW*. 1980. Тl. 2. Bd. 7. Hdb. 2. S. 1285–1384; *Βρόχας Φ. Π.* Ἑλληνιστικὴ Κύπρος, Ἀθήναι, 1984; *Cristol M.* Proconsuls de Chypre // *Chiron*. Münch., 1986. Bd. 16. S. 1–14; *Στυριδάκης Κ.* Ἱστορία τῆς Ἀρχαίας Κύπρου. Ἀθήναι, 1986; *Parmentier A.* Phoenicians in the Administration of Ptolemaic Cyprus // *Phoenicia and the East Mediterranean in the 1st Millennium B. C.* Leuven, 1987. P. 403–412. (*Studia Phoenicia*; 5); *Given M. J. M.* Symbols, Power and the Construction of Identity in the City-Kingdoms of Ancient Cyprus c. 750–312 B. C.: Diss. Camb., 1991; *Amandry M.* Coinage Production and Monetary Circulation in Roman Cyprus. Nicosia, 1993; *Mehl A.* Ἑλληνιστικὴ Κύπρος // Ἱστορία τῆς Κύπρου. Λευκωσία, 2000. Т. 2. Σ. 619–761; *Potter D.* Κύπρος ἐπαρχία τῆς ρωμαϊκῆς αὐτοκρατορίας // *Ibid.* Σ. 763–864; *Στυλιανού Π.* Τὰ ἀρχαία βασίλεια (Ἡ' αἰών — 315 π. Χ.) // *Ibid.* Σ. 465–618; *Burns T., Eadie J. W., ed.* Urban Centers and Rural Contexts in Late Antiquity. Michigan, 2001.

Э. П. А.

Византийский период (330–1191 гг.). Имп. равноап. Константин I Великий продолжил адм. реформу Диоклетиана. Он разделил империю на 4 префектуры, каждая из к-рых включала неск. диоцезов. Диоцез Восток вошел в префектуру Востока (praefectura praetorio per orientem), во главе которой стоял префект претория Востока. В 335 г. в диоцезе Восток должность викария была заменена должностью комита (comes Orientis). Посланный на К. равноап. имп. Константином I Великим наместник Калокер, имевший титул магистра стад верблюдов (magister pecoris camelorum; в поздних источниках назван дуксом), попытался стать независимым правителем. По местному преданию, завезенные им на остров кошки избавили жителей от ядовитых змей (*Potter*. 2000. Σ. 861). В 333/4 г. мятеж Калокера был подавлен войском кесаря Далмация Младшего. После

Триумфальный въезд
равноап. Константина Великого
в Рим. Роспись ц. Честного Креста
«ту Агиазмати». 1494 г.

сильных землетрясений 332 и 342 гг. имп. Констанций II восстановил Саламин и назвал его своим именем — Констанция. Он освободил жителей города от налогов на 4 года. От землетрясения 370 г. больше пострадала юго-зап. часть острова — Пафос и Курий.

С сер. IV в. до 536 г. наместник К. назывался консуляром (в источниках 1-е упоминание консуляра, к-рый носил имя Квирин, относится к 358). Он находился под контролем преторианского анфипата Востока (иллюстрия) и его представителя — эпарха Востока (спектабиля). Необходимость более гибкого и оперативного управления в условиях постоянной военной угрозы привела к созданию в 536 г. особой адм. единицы — квестуры экзерцитус, в которую входили М. Скифия, Н. Мёзия, Кария, К. и Кикладские о-ва. Квестору подчинялся архонт К. Целью Юстиниана I было уменьшение власти коми-та Востока и переложение финан-

Епископская базилика
в г. Соли.
IV–VI вв., 655 г.

совых затрат дунайских областей, которые были истощены варварскими вторжениями, на более богатые провинции. Эта система сохранилась до нач. VII в.

Киприоты поддержали *Ираклия*, к-рый вместе со своим отцом поднял в 608–610 гг. мятеж против имп. Фоки. В связи с этим Ираклий, придя к власти, возобновил чеканку медной монеты с надписью: «Кипр» — и финансировал постройку водопровода в Констанции. Об образовании в этот период фемы К. или о вхождении острова в к.-л. из фем, созданных имп. Ираклием (610–641), нет сведений (*Асбраха*. 2005. С. 201).

Накануне араб. экспансии остров процветал; здесь укрывались бежавшие от арабов христиане из Сирии, Палестины и Египта. Первое нападение арабов на К. — поход правителя Сирии Муавии (халиф в 661–680) традиционно датируют 647 г., но в наст. время наиболее вероятной датой считается 649 год (*Browning*. 2005. С. 247). Византийцы не держали на острове войска, поэтому он стал легкой добычей завоевателей. Констанция была разграблена, главная церковь города — базилика свт. Епифания разрушена. Надпись, обнаруженная в 1974 г. при раскопках базилики в г. Соли, сообщает о 120 тыс. пленных во время 1-го набега и 50 тыс. — во время второго (лето 650). Прибрежные города были разорены, жители переселились дальше от побережья. Некоторые городские центры так и не восстановились (напр., Лампуса). Прп. Анастасий Синаит упоминает кипрских пленных, работавших в окрестностях Мёртвого м. (*Anast. Sin. Quaest.* 96 // PG. 89. Col. 745).

Из араб. источников известно, что во время 1-го нападения Муавий подписал договор с архонтом — представителем кипрского народа (*Browning*. 2005. С. 246, 249). Согласно араб. толкователям законов, К. не считался ни завоеванным гос-вом, ни добровольно сдв-

шимся и находившимся под протекторатом на условии выплаты хараджа и соблюдения определенных условий, но являлся

страной, перешедшей под власть мусульман на основании заключенного договора и оставшейся свободной в вопросах внутреннего самоуправления (*Ibid.* С. 248). Араб. исто-

рик аль-Баладури сообщает об условиях договора: киприоты ежегодно должны были выплачивать 7200 динаров (такую же сумму, как и визант. властям), не вести враждебных действий по отношению к халифату

Мечеть Хала Султан Текке
близ Ларнаки. VII в., 1760 и 1816 гг.

и извещать арабов о военных приготовлениях византийцев (*Ibid.* С. 250). Такой договор исключал массовую исламизацию киприотов, заселение острова арабами и введение мусульм. законодательства. Этот особый статус острова получил в исторической науке название «кондоминиум» (совместное владение).

Когда Муавия узнал, что к К. послан визант. флот во главе с куропалатом Какоризом, арабы покинули остров. На К. было восстановлено визант. управление. Во время 2-го похода Муавии на К. при приближении большого араб. флота оставленный на острове визант. гарнизон погрузился на корабли и обратился в бегство. Договор киприотов с Муавией был возобновлен, на острове был размещен араб. гарнизон и устроена крепость. Кроме того, на К. были переселены жители Баальбека. Вопрос, как долго араб. гарнизон оставался на острове, является спорным: по одному мнению, он размещался на К. до правления Язида, сына Муавии, по другому — был отозван Муавией во время гражданской войны 656–661 гг. Возможно также, что отозванный в 655/656 г. гарнизон возвратился на остров в 670 г. и окончательно покинул его в 680 г. Во главе араб. чиновников на К. стоял вали. Нет информации о вмешательстве арабов в самоуправление, к-рое находилось в руках епископов и знатных граждан. Кипрский архиепископ вершил судопроизводство не только в церковных,

но и в гражданских делах. После воссоединения с Византийской империей эта функция архиепископа была ограничена (*Dikigoropoulos A. The Church of Cyprus during the Period of the Arab Wars, A. D. 649–965 // GOTR. 1965/1966. Т. 11. N 2. P. 246*). На К. также находились визант. чиновники, позднее источники упоминают о визант. правителе острова. Тактикон Успенского (ок. 843) и 2 печати из собрания Дамбартон-

*Церковь прп. Илариона
в замке св. Илариона близ
Киринии. Кон. XI в.*

Окса (IX–X вв.) свидетельствуют о существовании должности архонта К. (*Oikonomidès N. Les listes de préséance byzantines des IXe et Xe siècles. P., 1972. P. 59*).

В 688 г. сын Муавии Абд аль-Малик заключил с имп. Юстинианом II новый договор на 10 лет, согласно которому К., Армения и Иберия должны были выплачивать Византии и халифату одинаковые по размеру подати. Этот договор действовал 3 века, несмотря на неоднократные нарушения: наиболее серьезными были временное освобождение К. после победы визант. флота над арабским в 746 г., нападение на остров Харуна ар-Рашида в 806 г. и захват К. имп. Василием I в 874 г., который удерживал его 7 лет и превратил в визант. фему. В 910 г. киприоты нарушили условие нейтралитета, когда к нему подошла посланная имп. Львом VI Премудрым эскадра Имерия. В наказание за это остров был разграблен эмиром Тарса Дамианом. Множество жителей было уведено в плен, но впосл. возвращено на родину.

Араб. источники упоминают о производстве на К. шелковых и шерстяных тканей, об экспорте благовонной смолы (стиракс), камеди и мастики. Видимо, шелкопрядение зародилось на острове именно в период

кондоминиума. Древесина использовалась для кораблестроения и строительства. Об эксплуатации рудников в этот период не сохранилось сведений. В X в. из Египта на К. был завезен сахарный тростник, выращивание к-рого и производство сахара впосл. получило большое значение для кипрской экономики.

В 965 г. визант. флот под предводительством патрикия Никиты Халкуцы освободил остров, не встретив сопротивления. Византия полностью восстановила свои позиции на К. В Эскуриальском Тактиконе (70-е гг. X в.) появляется упоминание должности

стратига К. (*Ibid. P. 265*). Восстанавливается экономика и торговые отношения с левантскими рынками, возникают новые отрасли производ-

ства (соляная в районе совр. Ларнаки и текстильная). Населенные пункты образовывались не только на побережье, но и внутри страны и в горах, что связано с желанием обезопасить их от внезапных внешних нападений. Ряд городов постепенно пришел в запустение (Солы, Амафунт, Тамас). Одновременно рядом со мн. древними городами или на их месте появились новые: Ледру сменила Лефкосия (Никосия), Китий – Арника (ныне Ларнака) и Аликес, недалеко от Курия возникло поселение Эпископи, вблизи от Карпасии – Ризокарпас, по соседству с Пафосом – Ктима. Констанция уступила место более удобно расположенному порту Аммохост (Фамагуста), а Амафунт – Лимасолу. В горном массиве Пендадактилос были построены 3 важнейшие крепости острова: Св. Илариона, БуффаVENTO и Кантара. Крепостные сооружения были возведены также в Лефкосии, Киринии и Пафосе.

После долгого отсутствия сообщений в источниках визант. хроники сообщают о восстании на К. в 1042–1043 гг. под рук. Феофила Эротика, стратига К. Это восстание, поводом для к-рого послужило народное недовольство тяжелым налогообложением, носило автономистский характер. Оно было быстро подавле-

но визант. флотом под рук. стратига фемы Кивверииоты. Из лат. Жития Лиетберта, еп. Камбре, известно, что в 1055 г. К. управлялся катепаном (*Vita Lietberti // MGH. SS. T. 7. P. 536*). Во 2-й пол. XI в. наместник К., осуществлявший военную и гражданскую власть, носил титул «дука». В «Истории» Григория Иоанна Абуль-Фараджа ибн аль-Ибри говорится, что буд. визант. имп. Никифор III Вотаниат (1078–1081) одно время был дукой К. (*The Chronography of Gregory Abu'l-Faraj, the Son of Aaron, the Hebrew Physician, commonly known as Bar Hebraeus: Being the First Part of His Political History of the World. L., 1932. Vol. 1. P. 226*).

В сер. или в кон. XI в. (по мнению нек-рых исследователей, еще раньше) столица острова была перенесена в Лефкосию.

После восстания полководца Рапсомата в 1091 г., подавленного вел. дукой Иоанном Дукой и полководцем Мануилом Вутомитом, и в связи с началом эпохи крестовых походов имп. Алексей I Комнин уделил большое внимание усилению обороны острова, для управления К. он назначил опытных политических и военных деятелей. Гражданским наместником, занимающимся в т. ч. сбором налогов, стал сначала Каллипарий, затем Константин Евфорвин Катакалон, военным правителем (стратопедархом) – Евмафий Филокал. Ранее кон. 1094 г. дукой К. был назначен Филокал, в 1102 г. его

*Имп. Алексей I Комнин.
Мозаика из Киккского мон-ря.
90-е гг. XX в.*

сменил Катакалон, а с 1108/09 до 1118 г. эту должность снова занимал Филокал.

К. играл ведущую роль в снабжении гос-в крестоносцев продовольствием, зап. источники называют его

богатейшим островом (*Raoul de Caen. Gesta Tancredi in Expeditione Hierosolymitana // RHC, Occ. Vol. 3. P. 647*). К. экспортировал сельскохозяйственную продукцию (гл. обр. зерновые и вино), а также ткани, мыло, специи, соль. В 1126 г. венецианцы получили торговые привилегии на К. (этот договор был подтвержден в 1147). В 1135 г. на острове свирепствовали голод и эпидемия. В течение XII в. визант. императоры из династии Комнинов, желая, чтобы К. управляли верные им сановники, назначали дуками своих родственников. В 1136 г. в записи о приобретении рукописи «Шестоднева» кафигуменом Киккского мон-ря Давидом упоминается дука К. по имени Константин, фамильное имя которого не указано. Е. Асдраха отождествляет его с военачальником и придворным Константином Камичей, к-рый был супругом внучки Алексея I — Марии Ангелины Комнины (*‘Ασδραχά. Ἡ Κύπρος ὑπὸ τοῦς Κομνηνοῦς (Α’)*. 2005. Σ. 343–345).

Весной 1156 г. К. разграбил антиохийский правитель Рейнальд де Шатийон; военачальники, епископы и игумены были взяты в плен и увезены в Антиохию, где за них потребовали выкуп. В это время дукой К. был племянник имп. *Мануила I Комнина* Иоанн. В 1157 и 1159 гг. остров пострадал от землетрясений, во время последнего только в Пафосской епархии было разрушено 14 церквей, в т. ч. базилика Пресв. Богородицы Лимениотиссы. В 1159 г., во время нападения егип. флота, в плен попал брат дуки К. Известно, был ли он братом Иоанна Комнина или его преемника Алексея Дуки, также состоявшего в родстве с императором, 1-е упоминание о к-ром на посту дуки К. относится к 1161 г. Пираты, нанятые Раймондом Трипольским, опустошили остров в 1161 г.; причиной нападения послужила отмена сватовства Мануила I к его сестре. Помимо грабежа пираты убивали женщин, детей, священников и монахов, жгли церкви и мон-ри. Последний известный дука К., Андроник Синадин, также был женат на родственнице императора — внучке Алексея I.

После того как Мануил I в 1158 г. отвоевал Киликию, ее дуки получили право собирать налоги с киприотов, напр. Андроник Комнин (впосл. визант. имп. *Андроник I Комнин*) и Исаак Комнин. Последний

Имп. Мануил I Комнин дарует привилегии Махерасскому мон-рю на Кипре. Мозаика зап. фасада ц. свт. Григория Паламы в Махерасском мон-ре. 1998 г.

в 1184 г. провозгласил себя независимым правителем К. Прибыв на остров, он предъявил поддельные имп. документы, подтверждавшие его полномочия. Исследователи считают Исаака сыном Ирины, дочери севастократора Исаака Комнина (брата Мануила I). Исаак заставил кипрских епископов избрать патриарха, чтобы тот совершил обряд венчания его на царство как императора. Действия против него центрального правительства были безрезультатны. Правление Исаака современники называют тираническим: из-за налогового гнета в трудном положении оказались не только простые люди, но и знатные киприоты, многие из к-рых покинули остров.

Захват К. не входил в планы крестоносцев. Но после того как буря прибила к берегам Лимасола корабль, на к-ром на Св. землю плыли сестра и невеста Ричарда I Львиное Сердце, англ. король начал войну с Исааком, чтобы наказать его за арест моряков и дурное обращение с членами своей семьи. Возможно, враждебное поведение Исаака было связано с обязательством перед его союзником Салах-ад-Дином не оказывать помощь крестоносцам. В 1191 г. Ричарду удалось завоевать К. за 1 месяц (6 мая он причалил к Лимасолу, а 25 мая или 1 июня Исаак сдался в плен). Местное население не поддержало Исаака и при-

ветствовало англ. королю. Ричард собрал богатейшие трофеи, обложил население 50%-м налогом и оставил в замках свою стражу. 5 июня Ричард отплыл в Акру. Вскоре после его отъезда на острове вспыхнуло восстание греков и армян, к-рые выбрали правителем острова некоего монаха (возможно, родственника свергнутого Исаака). Приближенный Ричарда I Роберт Турнехейм, к-рого англ. король оставил на К., подавил мятеж. Однако сложности с контролем над ситуацией на острове и проблемы, с к-рыми Ричард столкнулся при осаде Акры, заставили его продать К. тамплиерам за 100 тыс. сарацинских безантов (или золотых динаров). 40 тыс. он получил сразу, а 60 тыс. тамплиеры должны были выплачивать из налогов, собираемых с киприотов. Введение новых налогов, в т. ч. на продажи в субботние и воскресные дни, подтолкнули жителей К. к новому восстанию, но из-за неорганизованности оно было быстро подавлено. Массовая резня киприотов на Пасху 1192 г. вызвала такую враждебность местных жителей к тамплиерам, что те не смогли управлять К. и вернули его Ричарду. Процветавший остров в результате правления Исаака Комнина, Ричарда I и тамплиеров пришел в запустение.

Об аграрных отношениях на К. практически ничего не известно, отдельные их аспекты можно лишь реконструировать по единичным упоминаниям в визант. источниках и по документам более позднего времени. Напр., Типикон Махерасского мон-ря (1201) содержит 1-е упоминание о париках. То, что эта категория зависимых наследственных держателей земли сохранилась в течение правления Лузиньянов и венецианцев, указывает на ее значительную роль и в более ранний период. На основании упоминания прп. Неофитом Затворником больших поместий С. Манго сделал вывод, что эта форма землевладения возобладала в XII в. на К. и земли были гл. обр. розданы выходцам из столицы (в виде пожизненных пожалований — т. н. характеристикарная система) (*Mango S. Chypre carrefour du monde byzantin // XVe Congrès Intern. d'Études Byzantines. Rapports et co-rapports. Athènes, 1976. T. 5: Chypre dans le monde Byzantin. P. 7–9*). Однако на существование большого числа мелких землевладельцев указывают

перечни налогов, сохранившихся и в период Лузиньянов (*Goumaridis*. 1996. P. 180). Сведения о тяжелом налоговом гнете присутствуют в ряде памятников письменности XII в.: в стихах Кипрского архиеп. Николая Музалона, в Житии свт. Леонтия, патриарха Иерусалимского, в Похвальном слове прп. Неофита Затворника свт. Аркадию, еп. Арсинойскому. Ист.: *Νεράντζη-Βαριμάζη Β. Σύνταγμα Βυζαντινών πηγών κυπριακής ιστορίας: 4ος – 15ος αιώνας*. Λευκωσία, 1996; *Christides V. The Image of Cyprus in the Arabic Sources*. Nicosia, 2006. Лит.: *Jenkins R. J. H. Cyprus between Byzantium and Islam*, A. D. 688–965 // *Idem. Studies on Byzantine History of the 9th and 10th Cent.* L., 1970. [P. 1006–1014]; *Οικονομάκης Ν. Ἡ ἐν Κύπρῳ ἀραβικὴ ἀποικία κατὰ τὰς ἀραβικὰς πηγὰς* // *Πρακτικὰ τοῦ Α΄ Διεθνoῦς Κυπριολογικοῦ Συνεδρίου*. Λευκωσία, 1972. Τ. 2. Σ. 193–200; *Lokin J. H. A. Administration and Jurisdiction in Cyprus in the 6th Cent. A. D.* // *Πρακτικὰ τοῦ Β΄ Διεθνoῦς Κυπριολογικοῦ Συνεδρίου*. Λευκωσία, 1986. Τ. 2. Σ. 1–9; *idem. Ὁ πολιτικὸς καὶ διοικητικὸς θεσμὸς τῆς Κύπρου ἀπὸ τὸν Μεγάλον Κωνσταντῖνον ἕως τὸν Ἰουστινιανόν* // *Ἱστορία τῆς Κύπρου*. Λευκωσία, 2005. Τ. 3. Σ. 155–197; *Cyprus in the 11th Cent.* B. C.: *Proc. of the Intern. Symposium*. Nicosia, 1994; *Νεράντζη-Βαριμάζη Β. Μεσαιωνικὴ ἱστορία τῆς Κύπρου μέσα ἀπὸ βυζαντινῶν πηγῶν*. Θεσσαλονίκη, 1995; *Goumaridis P. The Economy of Byzantine Cyprus: Cyprus, an Ordinary Byzantine Province* // *The Development of the Cypriot Economy: From the Prehistoric Period to the Present Day* / Ed. V. Karageorghis, D. Michaelides. Nicosia, 1996. P. 175–184; *Byzantine Medieval Cyprus* / Ed. D. Panikola-Bakirtzis, M. Iacovou. Nicosia, 1998; *Potter D. Κύπρος ἐπαρχία τῆς ρωμαϊκῆς αὐτοκρατορίας* // *Ἱστορία τῆς Κύπρου*. 2000. Τ. 2. Σ. 763–864; *Δημοσθένους Α. Η Βυζαντινὴ Κύπρος, 965–1191: Ὑλικὸς καὶ πνευματικὸς πολιτισμὸς*. Θεσσαλονίκη, 2002; *Browning R. Ἡ Κύπρος καὶ οἱ Ἀραβες* // *Ἱστορία τῆς Κύπρου*. 2005. Τ. 3. Σ. 235–291; *Ἀσδραχᾶ Αἰκ. Τὸ θέμα Κύπρου* // *Ibid.* Σ. 199–233; *eadem. Ἡ Κύπρος ὑπὸ τοὺς Κομνηνοὺς (Α΄)* // *Ibid.* Σ. 293–347; *eadem. Ἡ Κύπρος ὑπὸ τοὺς Κομνηνοὺς (Β΄)* // *Ibid.* Σ. 349–412; *Beihammer A. D., Parani M. G., Schabel C. D., ed. Diplomats in the Eastern Mediterranean: 1000–1500*. Leiden; Boston, 2008; *Mercalf D. M. Byzantine Cyprus: 491–1191*. Nicosia, 2009; *Lounghis T. C. Byzantium in the Eastern Mediterranean*. Nicosia, 2010.

О. В. Л.

Период правления династии Лузиньянов (1192–1489) и венецианцев (1489–1570/71). В мае 1192 г. англ. кор. Ричард I передал К. своему вассалу Ги де Лузиньяну при условии уплаты 40 тыс. золотых динаров в течение года и еще 60 тыс. впоследствии. В 1186 г. Ги стал королем Иерусалима благодаря браку с Сибиллой Иерусалимской, но в 1187 г., после поражения крестоносцев в битве при Хаттине, попал в плен к Салах-ад-Дину и в 1190 г. был низложен советом баронов. Первоначально К. считался феодем Ги, но его брат и наследник Амальрик

(Амори) де Лузиньян (1194–1205) в сент. 1197 г. получил королевский титул от имп. Генриха VI Гогенштауфена в связи с тем, что Ричард I в 1193 г. попал к тому в плен и был вынужден принести вассальную присягу.

Кипрское королевство стало одним из крупнейших лат. гос-в, созданных в Вост. Средиземноморье крестоносцами, их форпостом в Леванте, местом стоянки для пилигримов и купцов, убежищем для мн. христиан, покинувших родину во время мамлюкских завоеваний в Сирии во 2-й пол. XIII в. и османской экспансии в Византию в XV в. Неоднократно К. служил местом сбора крестоносцев, к-рым оказывалась поддержка в оснащении и пополнении армии. Через К. проходил путь на Св. землю имп. Свящ. Римской империи Фридриха II Гогенштауфена (1228), франц. кор. Людовика IX Святого (1248) и буд. англ. кор. Эдуарда I (1271).

Для укрепления своей власти и подчинения местного греч. населения Ги де Лузиньян старался опе-

Собор Св. Софии в Никосии
(ныне мечеть Селимийе).
1209–1326 гг.

реться на латинян и сирийцев, к-рых он привлекал в королевство путем предоставления им земли и экономических привилегий. Кипрский хронист Леонтий Махерас, сообщая о заселении К. латинянами, писал, что «король отправил послов на Запад с хартиями о пожаловании привилегий: во Францию, в Англию, к каталонцам и многим другим правителям, которые были богаты, и обещал дать им и их детям серебро, золото и наследство. А так как святые реликвии находились на Кипре, а Кипр был рядом с Иерусалимом, многие пришли со своими женами и детьми и поселились на Кипре. И король дал одним месячное жалованье, другим ренту и ассигнования, судей и суд во всех землях Иерусалимского королевства. Лю-

дем более низкого ранга он гарантировал свободу и освобождение от уплаты налогов» (*Leont. Makhair. Chronicle*. § 26–27. P. 24). Остров был поделен на королевские владения и феоды баронов. Ги де Лузиньян предоставил рыцарям 300 феодов и 200 проний — конным сержантам (*sergents à cheval*, профессиональным воинам-всадникам) и туркопулам (конным лучникам). Все феодалы во главе с королем участвовали в заседаниях совета, к-рый назывался Высшей палатой. Этот орган помимо выполнения судебной функции решал важнейшие политические и дипломатические вопросы. Для незнатных жителей острова была создана Палата горожан. Каждая из палат при судопроизводстве руководствовалась собственным кодексом права: Ассизы Иерусалима и Кипра делились на 2 части — Ассизы Высшей палаты и Ассизы Палаты горожан. 2-я часть Ассиз была переведена в сер. XIV в. на кипрский диалект греч. языка.

При отсутствии короля заседания Высшей палаты возглавлял сенешаль, к-рый ведал церемониалом, вершил королевское правосудие и занимался экономическими вопросами гос-ва.

Войском командовал коннетабль, а отрядами наемников — маршал. Камергер управлял королевским двором и его

хозяйственными делами. Канцлер исполнял секретарские обязанности (обычно эту должность занимали клирики), его главной функцией было обнародование королевских указов. Позже в Кипрском королевстве появилась должность адмирала, возглавлявшего флот.

Греч. население делилось на 3 категории: париков (зависимых крестьян); перперариев, к-рые в отличие от париков были лично свободны за ежегодную выплату 15 золотых монет (иперпиров); свободных земледельцев (франкоматов), которые арендовали обрабатываемую ими землю. В правление династии Лузиньянов категория перперариев неуклонно сокращалась за счет их перехода в разряд горожан. Лат. население в сельской местности в от-

личие от городов было незначительным. По подсчетам исследователей, в XIII в. на К. проживало 25–30 тыс. латинян, в XIV в. — 30–40 тыс. (исключая венецианцев и геновцев) при общей численности населения 150–200 тыс. чел.

С первых лет правления на острове Лузиньяны поняли необходимость мирного сосуществования с мусульм. гос-вами: это давало возможность укрепить королевство, стабилизировать положение латинян на острове, стимулировать развитие городов и торговли, установив связи с тур. и егип. рынками. Во время 4-го крестового похода (1202–1204) Амальрик де Лузиньян отказался принимать участие в войне против греков, а в 1205 г. заключил 6-летний союз с Египтом. Большое число беженцев из Византии, Сирии и Армении переселилось на К. после завоевания крестоносцами К-поля в 1204 г. Утрата в 1291 г. крестоносцами последних владений Иерусалимского королевства — Акры, Тира, Сидона, Бейрута вызвала массовый наплыв переселенцев на остров и одновременно смещение на К. торговли из основных центров левантского побережья. Королевство стало вост. границей христ. мира. Кипрский кор. Генрих II (1285–1324) сделал все возможное для размещения беженцев, среди к-рых были не только крестьяне, ремесленники, купцы, но и бароны, лат. духовенство, члены орденов тамплиеров и госпитальеров, требовавшие компенсации потерь и новых земельных владений. Лузиньяны начали именоваться королями Иерусалима и К. еще в 1268 г. (по др. версии, в 1269). До потери в 1291 г. Акры церемония коронации проходила в Тире. Начиная с Гуго IV (1324–1359) (Генрих II был коронован в 1286 еще в Тире) и до Петра II (1369–1382) кипрские короли венчались иерусалимской короной в Фамагусте. Именно здесь при коронации сохранялся церемониал Иерусалимского королевства, отличный от церемониала, принятого в столице К. Никосии. Во время коронации кипрские короли жаловали своим приближенным должности и титулы Иерусалимского королевства, сохраненные на острове. Т. о., Фамагуста как бы стала столицей Иерусалимского королевства, преемницей и олицетворением «святого града Иерусалима». Именно потому, что город был уподоблен Иерусалиму, в 1295 г. папа Римский

Собор свт. Николая Чудотворца в Фамагусте. 1298–1326 гг.

Бонифаций VIII решил объединить еп-ство Антарад (Тортоза), географически самую близкую к К. область в Сирии, с еп-ством Фамагуста.

Основные усилия королей в кон. XIII — 1-й пол. XIV в. были направлены на обустройство порта Фамагусты (до этого роль основного порта К. играл Лимасол), к-рая оттянула на себя значительную часть сир. торговли европ. купечества и стала главным источником доходов королевской казны. Для привлечения купцов в Фамагусту крупные торговые города Генуя, Венеция, Пиза, Флоренция, Марсель, Монпелье, Барселона получили на К. широкие привилегии. Право беспешинной торговли было даровано Генуе и Венеции. Благодаря развитию международной торговли при Генрихе II и особенно при Гуго IV Кипрское гос-во достигло наивысшего экономического расцвета и политического влияния в Восточно-Средиземноморском регионе.

В отношении мусульм. соседей кипрские короли всегда проводили осторожную политику. Однако в союзе с западноевроп. державами К. не раз выступал против Египта и Турции. После падения Акры Генрих II был готов к походу против Египта. В качестве союзников и основной ударной силы предполагалось использовать монголов, к-рые в 1299 г. вторглись в Сирию. Но из-за того что королю не удалось убедить в целесообразности своего плана тамплиеров и госпитальеров, переговоры с монг. ханом Газаном провалились. При Гуго IV главным врагом христиан в Вост. Средиземноморье являлись турки. В 1334 г. папа

Римский Иоанн XXII объявил о создании Лиги против турок (впосл. Свящ. лига), действие к-рой постоянно возобновлялось (1343, 1348, 1350, 1353, 1356–1357). Самой большой победой Лиги было взятие в 1344 г. Смирны. Кипрское королевство являлось равноправным участником всех альянсов наряду с Папским престолом, Венецией и орденом иоаннитов (в разное время в Лигу входили Византия, Пиза, Генуя и Каталония).

Самым известным крестоносцем династии Лузиньянов был кипрский кор. Петр I (1359–1369), предприимчивый и энергичный правитель. С целью организации крупномасштабного крестового похода против мамлюков он совершил 2 путешествия в страны Зап. Европы и впосл. руководил военными действиями крестоносного войска. Первым завоеванием Петра I была Атталия (ныне Анталья; 1361), которую киприоты удерживали до 1373 г. В 1365 г. впервые в истории крестоносного движения ему удалось завоевать Александрию. Событие имело колоссальный резонанс во всем христ. мире. Его деяния были воспеты трубадурами, итал. гуманистами, отмечены европ. хронистами и рус. летописцами. Затем войска Петра I разрушили тур. порт Алайя (ныне Аланья), а в нач. 1367 г. разграбили Триполи. Поход на Александрию имел экономическую подоплеку: с сер. 60-х гг. XIV в. Фамагуста постепенно начала утрачивать роль главного торгового центра региона, наметилось отклонение морских торговых путей (либо на север — через Чёрное м., либо на крайний юг — через Египет и Красное м.), итал. республики предпочитали вести прямую торговлю с Египтом. Кор. Петр I поставил задачу разрушить именно порт Александрии, чтобы, парализовав прямую торговлю с Египтом, обеспечить дальнейшее развитие Фамагусты и сохранить за кипрскими властями контрольно-посреднические функции в левантской коммерции. Однако войны опустошили казну, обострили отношения короля с вассалами, расстроили торговые связи европ. купечества с Египтом, дестабилизировали рынок. Король был убит в результате дворцового переворота в 1369 г.

Преемник и сын Петра I де Лузиньяна Петр II не смог удержать баланс сил и интересов венецианского

и генуэзского купечества на рынках королевства, что привело к вооруженному столкновению между ними. К. был вовлечен в их противостояние на стороне Венеции и в конечном счете остался один на один с могущественным врагом — Генуэзской республикой. Кипро-генуэзская война 1373–1374 гг. закончилась поражением К., выплатой огромной контрибуции победительнице, пленением кипрской знати, потерей важнейшего торгового центра — Фамагусты. Город был аннексирован Генуей, к-рая удерживала его до 1464 г. Лузиньяны потеряли часть своей территории, казна — основной источник доходов, кипрские короли были опутаны долгами и попадали во все большую зависимость от кредитов и капиталов др. держав, экономика гос-ва была подорвана. После войны 1373–1374 гг. К. и политически и экономически ориентировался на Венецию — главного союзника и кредитора.

Кризис Кипрского королевства усугубился после кипро-египетской войны 1426 г. В битве при Хирокинии

Распятие с кор. Яном и кор. Шарлоттой. Положение во гроб. Роспись Королевской часовни в Пирге. 1421 г.

мамлюки разбили кипрское войско, кор. Ян попал в плен. В результате К. признал себя вассалом и данником султана Египта. Участие Кипрского королевства в международных делах и в антитур. коалициях становится минимальным. Все попытки Лузиньянов вернуть Фамагусту и переломить ситуацию оказались тщетными. После войны 1426 г. начинается миграция кипрской знати и интеллектуальной элиты с острова в Европу. В условиях политической нестабильности и нарастания тур. угрозы в кипрском обществе подспудно усиливалось ощущение грядущей катастрофы. Ситуация за-

ставляла киприотов задумываться не только о защите острова, но и о своей судьбе: в XV в. кипрские аристократы пытались создать для себя в Европе (обычно в Генуе или Венеции, но иногда и в др. европ. городах) некую «экономическую базу» и даже получить там гражданство. К концу правления династии Лузиньянов значительно сократилось количество знатных кипрских родов франк. происхождения: в XIV в. на острове насчитывалось 168 франк. семей, в 1385–1473 гг. известен 61 род, а к концу венецианского периода — только 24. В XV в. шло формирование новой знати, в т. ч. из семей сир. и греч. происхождения: Подокатаро, Биби, Гурри (Урри), Оде, Синкритико (Синкрилико).

В 1464 г. Иаков II де Лузиньян (Бастард) при помощи венецианцев и благодаря политической и военной поддержке султана Египта узурпировал власть, свергнув сводную сестру Шарлотту, и отвоевал у генуэзцев Фамагусту. В 1468 г. Иаков II женился на венецианке Катерине Корнаро. В 1473 г. король неожиданно умер, оставив наследником новорожденного сына Иакова III, который скончался через год. Формально власть перешла

к Катерине Корнаро. В течение 16 лет ее правления венецианцы заняли ключевые посты в гос. аппарате королевства, к-рое фактически превратилось

в одну из провинций Венецианской империи. Немало представителей старой династии Лузиньянов были лишены привилегированных позиций еще Иаковом II. Однако сразу после смерти Иакова II Венеция не рискнула объявить остров своим владением. Королевское завещание предполагало передачу власти сначала законнорожденному сыну и вдове, а в случае их смерти его незаконнорожденным детям. Кроме того, вассальная зависимость К. от Египта ставила под сомнение легитимность присоединения острова к владениям Венеции. Потребовалась многолетняя дипломатическая деятель-

ность в Каире и установление контроля над внутренними делами на К. Венеция ждала подходящего момента для юридического присоединения королевства к своей территории. Лишь в 1489 г. республика вынудила Катерину Корнаро отказаться от власти и покинуть остров. Над К. был поднят венецианский флаг. Это событие вызвало серьезное недовольство султана Египта. Проблему удалось урегулировать дипломатическим путем стараниями венецианского посла Пьетро Дьедо. Между сторонами был достигнут компромисс: Венеция принимала на себя даннические обязательства прежнего королевства, формально признавала зависимость К. от Египта и обязалась помогать султану в случае нападения турок.

Адм. и военная организация К. была возложена на местоблюстителя. Он управлял островом при помощи 2 советников. Втроем они составляли совет, к-рый назывался Реджimento или Реттори. Этот совет размещался в Никосии и заменил собой Высшую палату, что вызвало недовольство феодалов. В результате был создан Великий совет, в к-рый входили все благородные жители К. старше 25 лет, однако он не имел реальной власти. Экономическими вопросами ведали камерарии. Капитан К. в мирное время являлся главнокомандующим вооруженными силами. Его резиденция находилась в Фамагусте, где он также осуществлял административную и судебную власть. В случае войны или чрезвычайных обстоятельств Большой совет Венеции назначал для командования войсками генерального проводителя (этот пост давался только на 2 года).

Социальное и экономическое состояние общества при венецианцах осталось практически без изменения. Адм. аппарат венецианских властей был многочисленным, но неэффективным. Высокий уровень налогообложения вызвал обнищание земледельцев. Многие предпочитали бежать во владения тур. султана. Доходы от высокоприбыльной соляной монополии целиком отправлялись в Венецию. В конце венецианского периода в связи с тур. угрозой было начато строительство новых крепостей. В 1550–1559 гг. были воздвигнуты укрепления Фамагусты (архит. Дж. Санмикели), в 1567–1570 гг. — крепостные стены Никосии с 11 бас-

тионами, сооруженные по плану Дж. Саворняно.

В период правления династии Лузиньянов и Венеции одним из самых важных товаров, к-рые западноевроп. купечество экспортировало с К., являлся хлопок (вывозился хлопок-сырец и реже хлопчатобумажная пряжа). Центром хлопководства были окрестности Лимасола, также хлопок выращивали на орошаемых землях в районах Ларнаки и Пафоса. К. не только экспортировал местную продукцию, но и вел транзитную торговлю хлопком (гл. обр. из Сирии).

До посл. четв. XIV в. кипрскому королю принадлежала монополия на продажу соли. Ее реализация и налоги на этот товар при продаже и вывозе с острова приносили значительный доход в королевскую казну. Важным продуктом экспорта с К. был сахар. Торговля им, так же как и солью, контролировалась королевской властью, устанавливавшей цены на них. Обширные плантации сахарного тростника находились в районах Пафоса и Лимасола. Самыми крупными их собственниками были королевская семья, орден иоаннитов, лат. епископы Пафоса и Лимасола. В кон. XIV–XV в. к ним присоединились венецианцы из рода Корнаро и каталонцы из рода Феррер. Помимо сахара киприоты экспортировали цератоний (рождовое дерево), плоды к-рого содержат ок. 50% сахара. В XIII–XV вв. на К. было хорошо развито виноделие.

Торговля зерном велась через порты Пафоса, Лимасола и Фамагусты. Фамагуста являлась также крупнейшим центром реэкспорта зерна из районов Зап. Средиземноморья. Область Лимасола была житницей острова, где выращивались все виды сельскохозяйственной продукции, предлагавшейся западноевропейским купцам.

В Никосии и Фамагусте работали мастерские, в к-рых изготавливались тонкие материи из козьей шерсти — камелоты и ярко-красные скарлаты. Европ. купцы покупали на острове не только камелоты, но и кипрские хлопчатобумажные и льняные ткани (бумазные и высококачественное льняное полотно), тканый или вышитый золотом шелк, парчу, шелковый бархат и тафту.

Лит.: *Jeffery G.* Cyprus under an English King in the 12th Cent.: The Adventures of Richard I and the Crowning of his Queen in the Island. L.,

1973; *Efthimiou M. B.* Greeks and Latins on Cyprus in the 13th Cent. Brookline (Mass.), 1987; *Edbury P. W.* The Kingdom of Cyprus and the Crusades, 1191–1374. Camb., 1991; *idem.* The Lusignan Kingdom of Cyprus and its Muslim Neighbors. Nicosia, 1993; *idem.* Kingdoms of the Crusaders: From Jerusalem to Cyprus. Aldershot, 1999; *Близнюк С. В.* Мир торговли и политики в королевстве крестоносцев на Кипре: 1192–1373. М., 1994; *Ἱστορία τῆς Κύπρου / Εκδ. Θ. Παπαδόπουλλος. Λευκωσία, 1995–1996.* Т. 4–5; *Byzantine Medieval Cyprus / Ed. D. Papanicola-Bakirtzis, M. Iakovou.* Nicosia, 1998; *Arbel B.* Cyprus, the Franks and Venice: 13th–16th Cent. Aldershot, 2000; *Luttrell A.* The Hospitallers in Cyprus, Rhodes, Greece and the West, 1291–1440. L., 2001; *Coureas N.* The Assizes of the Lusignan Kingdom of Cyprus. Nicosia, 2002; *Cyprus: Society and Culture 1191–1374 / Ed. A. Nicolaou-Konnari, C. D. Schabel.* Leiden; Boston, 2005; *Nader M.* Burgesses and Burgesses Law in the Latin Kingdoms of Jerusalem and Cyprus, 1099–1325. Aldershot, 2006; *Diplomatics in the Eastern Mediterranean: 1000–1500 / Ed. A. D. Beihammer, M. G. Parani, C. D. Schabel.* Leiden; Boston, 2008; *Jacoby D.* Latins, Greeks and Muslims: Encounters in the Eastern Mediterranean, 10th–15th Cent. Farnham etc., 2009.

С. В. Близнюк

Османское владычество (1570/71–1878). В июне 1570 г. тур. флот подошел к берегам К., и были приняты первые попытки высадить войска в окрестностях Пафоса (20 июня) и Лимасола (2 июля), к-рые закончились неудачей. Во время высадки у Ларнаки (3 июля) греч. население поддержало турок, за что венецианцы вырезали большую часть населения Лефкары. В июле турецкий главнокомандующий Лала Муштафа-паша направился от Ларнаки

флота в морском сражении при Лепанто (7 окт. 1571). В марте 1573 г. Венеция официально признала вхождение К. в состав Османской империи. Тем не менее киприоты в надежде на освобождение неоднократно обращались за помощью к правителям Савойи, Испании и Неаполя.

Вскоре после падения Фамагусты греки-киприоты отправили в К-поль посольство к вел. везиру Мехмед-паше Соколовичу (Сокоглу), который даровал ряд прав греч. населению острова: свободное отправление религ. нужд (православным отдавалось предпочтение перед др. христ. общинами К.), восстановление монастырей, приобретение домов, полей и имений с правом передачи их по наследству. Также грекам было разрешено сохранить принадлежащие им дома в Фамагусте.

По подстрекательству венецианцев в 1578 г. на К. вспыхнуло 1-е антитурист. восстание, но оно было быстро подавлено. Более серьезной стала попытка Виктора Зембетоса, поддерживавшего связь с савойским герцогом, поднять восстание в 1606 г. В 1607 г. турки нанесли поражение небольшому флоту тосканского герц. Фердинандо I Медичи и его войску, высадившемуся на К.

Административно К. подчинялся вел. везиру, к-рый назначал на остров наместника — бейлербея. Остров представлял собой отдельный эялет, состоявший из 7 санджаков: 3 на острове (Никосия (Лефкоша), Пафос (Баф), Кириная (Гирне)) и 4 на малоазийском побережье. Эти 3 санджака в свою

*Караван-сарай Бююк-хан
в Никосии. 1572 г.*

очередь делились на 12 кадылыков. В Никосии находилась резиденция музаффера — 3-бунчужного паши, в Пафосе и

Фамагусте — 2-бунчужных пашей (чьи должности были упразднены в 1640). Примерно в 1670 г. К., медные месторождения к-рого уже истощились, а доходы от левантийской торговли сократились, был переподчинен капудан-паше (начальнику турецкого флота, к-рый после завоевания Крита в 1669 имел огромный авторитет в Османской империи) в качестве отдельного санджака эялета Архипелага. Капудан-паша назначал

наместником острова мюселлима. В 1703–1785 гг. К. считался частью хасса (служебного владения) вел. везира и управлялся от его имени особым чиновником — мухассылом, а затем снова вошел в эялет Архипелага. Известно, что в 1777 г. К. делился на 4 округа (Никосия, Пафос, Ларнака и Кирия) и 17 каддыков.

В момент тур. завоевания К. население острова составляло 197–200 тыс. чел. В конце венецианского периода численность городских жителей не превышала 20%, а в эпоху османского владычества она сократилась. После турецкого завоевания христ. население К. стало уменьшаться. Большое число жителей было уведено в плен, множество беженцев переселилось на Крит, Ионические о-ва, в Полу (Пулу) в Истрии, в Венецию. В 1572 г. был издан фирман о перемещении на К. населения из М. Азии, однако оно не носило массового характера. Большую часть переселенцев составили греки из окрестностей Кесарии Каппадокийской (Кайсери). До нач. XIX в. на острове наблюдался демографический упадок. В 1691–1695 гг. население К. насчитывало 144 тыс. чел. (112 тыс. христиан и 32 тыс. мусульман), в 1738 г. — от 72 до 90 тыс. (48–60 тыс. христиан, 24–30 тыс. мусульман), в 1777 г. — 84 тыс., в 1801 г. — ок. 60 тыс., в 1814 г. — 70 тыс. (по др. сведениям, 90 тыс.) чел. По результатам переписи 1841 г. на острове проживало 108,6 тыс. чел., из к-рых 73,2 тыс. чел. были православными, 33,3 тыс. — мусульманами, 500 — католиками, 1,4 тыс. — маронитами, 200 — армянами.

Особенно интенсивно исламизация осуществлялась в первое столетие после завоевания К., при этом часть потурченцев тайно продолжала исповедовать Православие (т. н. криптохристиане). Следуя практике разделения подданных на религ. общины — миллеты, Порта признала Кипрского архиепископа главой греко-правосл. миллета на территории К. Община получила определенную автономию в вопросах внутреннего управления и располагала особым правовым и налоговым статусом. Архиепископ и епископы могли непосредственно обращаться к султану, отправляя ему послания, скрепленные собственными печатями. Интересы греч. населения перед османской администрацией представ-

лял драгоман — главный переводчик наместника К. (впервые эта должность упом. в 1608). Наиболее влиятельным драгоманом был Хаджигеоргакис Корнесиос (ок. 1780–1809).

Одним из благоприятных последствий османского завоевания для греч. населения стало то, что венецианцы и французы покинули остров, кипрское крестьянство освободилось от феодальной зависимости, греки получили возможность приобретения земли без права полного владения ей (в последние годы османского периода им было дано и право частной собственности на землю), но могли передавать ее по наследству.

В 1572 г. на острове был завершен учет податного населения и введена система тимаров — военных ленов, представляющих собой условное феодальное земельное держание. Завоеванная земля считалась общественной и принадлежала султану (мири). Служилое сословие получало от султана на условии несения военной службы право сбора налога с определенной территории (тимар), где ни крестьянин, ни тимариот не являлись собственниками земли. Сумма налога строго регламентировалась центральной властью и зависела от объема военных обязанностей и звания. Крупные тимары назывались зиаметами (их держатели именовались займами). Земледельцу предоставлялось право пользования землей, к-рое было наследственным, он мог передать это право за определенную сумму др. лицу или отдать в залог, но эти сделки совершались при посредстве тимариота. Изначально тимариоты не жили в своих тимарах, а лишь получали с них налоговые поступления. С кон. XVI в. они начали селиться в тимарах и заниматься собственным хозяйством, эксплуатируя зависимое население.

Земли, которые султан раздавал должностным лицам и чиновникам в качестве частной собственности, назывались «мюльк». Их владелец был обязан выплачивать десятину. Кроме того, к категории «мюльк» относились жилые дома, мастерские, церкви, мельницы, деревья и виноградники (земля, на к-рой они посажены, при этом не становилась частной собственностью), а также сады и огороды внутри деревень. Кроме того, на К. широко распространяется система вакфов — имущества, переданного гос-вом или отдельным

лицом на религ. или благотворительные цели. Вакфы не отчуждались и не облагались налогом. Однако исследование монастырских архивов показало, что неверно считать всю церковную собственность вакуфной. Данная форма собственности для Кипрской Православной Церкви являлась преобладающей, но не единственной. Наряду с вакфами мон-ри и др. церковные учреждения могли владеть мюльками или участками, предоставленными во временное условное пользование. Церковь приобретала собственность у владельцев мюльков и землю у тимариотов.

Уже в кон. XVI в. начался упадок системы тимаров. Гос-во старалось давать в откуп частным лицам право сбора налогов (ильтизам) на определенный срок, а впосл. и пожизненно. Собственник ильтизама — мультизам мог сдавать полученную им территорию (мукаатаа) в субаренду. С кон. XVI в. начался постепенный процесс присвоения гос. земель лицами, получившими их в условное пожалование. В XVII в. на смену тимарам приходит система наследственного помещичьего землевладения — поместья-чифтлики. Параллельно установлению системы наследуемых земельных наделов шел процесс закабаления крестьянства, оказавшегося во владениях того или иного помещика. С нач. XVII в. султан стал продавать землю христианам, к-рые имели право перепродать или сдавать ее в аренду.

Временное обложение налогового гнета после завоевания острова быстро сменилось тяжелым налогообложением. Ситуация усугублялась тем, что жалование османские чиновники получали из собираемых ими налогов, что порождало злоупотребления. В 1-й пол. XVII в. К. страдал от стихийных бедствий (землетрясений, засух), нашествий саранчи и эпидемий, которые служили причиной запустения острова. Антиправительственные движения, носившие экономический характер, возникали и среди тур. населения (напр., восстание под рук. Мехмет-аги Бояджиоглу, 1683–1690). Во время выступлений против властей мусульмане нередко действовали заодно с христианами (напр., восстание 1764 г., в результате к-рого мухассыл Чиль-Осман-ага был убит, а казна разграблена; восстание Халиль-аги 1765–1766 гг.). На тираническое правление мухассыла Хаджи-Баки-аги

(1773 или 1775–1783) в К-поль отпраздновали с жалобой как христиане, так и мусульмане. Иногда восстания были направлены и против греч. верхушки (напр., в 1804).

Экономика К. носила аграрный характер. В первые десятилетия XVII в. прекратилось производство

*Акведук,
построенный в Ларнаке
в 1746–1748 гг. Гравюра*

сахара, значительно уменьшилась добыча соли. Ведущей отраслью стало выращивание хлопка (хотя и оно сократилось по сравнению с венецианским периодом). На экспорт шли вина, плоды рожкового дерева, пшеница, марена красильная, а также разнообразные ткани, шелк, шерсть и кожи. С целью развития торговли османские власти предоставляли иностранным купцам различные привилегии.

Центральная власть практически не занималась организацией общественных работ. В городах отсутствовали гавани и канализация, порт

*Казнь архиеп. Киприана.
Роспись галереи верхнего двора
Киккского мон-ря. 1989 г.
Художники
М. и Г. Морошаны.*

Фамагусты почти затянуло песком. Важнейшим мероприятием по благоустройству в османский период стало сооружение акведука в Ларнаке при Абу-Бакр-паше (1746–1748). На острове не было налажено дорожное сообщение: единственная дорога (между столицей и главным торговым портом Ларнакой) была проложена в самом конце османского периода.

К началу Греческой национально-освободительной революции 1821–1829 гг. на К. проживало 80 тыс. греков и 20 тыс. турок. Несмотря на численное превосходство, греки-киприоты, привыкшие к мирному сосуществованию, не готовились к восстанию, не имели оружия, у них не было опыта вооруженной борьбы. Султан велел на-

местнику Акки послать 4-тысячный отряд на К.

для предотвращения восстания. Изъятие оружия у населения произошло без инцидентов. Тем не менее мутселлим К. Кючюк Мехмет составил список греков-киприотов, к-рых считал целесообразным казнить. В этот список входили 486 чел., в т. ч. архиепископ, митрополиты и др. представители высшего духовенства, знатные и влиятельные греки, старосты сельских общин (представители местного самоуправления). Османское правительство одобрило эту инициативу. Указанные в списке греки-киприоты были приглашены в Никосию, а частных лиц, к-рые не участвовали в собраниях, было приказано арестовать 12 июня в церквях во время воскресной службы. Из 486 чел. удалось схватить и заключить в тюрь-

му 470. Архиеп. *Киприан* был повешен, а 3 митрополита и др. представители высшего духовенства обезглавлены. На следующий день были казнены остальные, кроме 36 чел.,

принявших ислам. Имущество казненных было экспроприровано, их жены и дети проданы в рабство, лишь некоторые из них избежали этой участи за выкуп. Из монастырей была изъята драгоценная утварь.

В 1822–1830 гг. на К. были размещены егип. войска. В годы национально-освободительной революции мн. киприоты сражались с турками на территории Греции. Только в бит-

ве за Афины (апр.—май 1827) погибло 150 киприотов. Особый отряд, состоявший из киприотов, действовал под рук. Хаджи-Петроса. В 1828 г. новоизбранный архиеп. Кипрский *Панарет* обратился к И. *Каподистрии* с просьбой включить К. в состав греческого государства. Это воззвание было официально повторено в 1830 г. Но эти попытки не увенчались успехом.

В 1832 г., во время турецко-егип. конфликта, Мухаммад Али попытался закрепиться на К., но вмешательство Великобритании и Австрии на стороне Порты вынудило егип. правителя оставить эти планы.

В 1833 г. были жестоко подавлены 3 восстания против увеличения налогов. В Ларнаке и Никосии инициатором волнений был Н. Фисевс, член «Дружеского общества». Одновременно в окрестностях Хрисоху начались выступления мусульм. и правосл. крестьян под рук. имама, прозванного турецкими властями Гяур-имамом. Спустя неск. месяцев мон. Иоанникий возглавил мятеж на п-ове Карпасия.

В 1833–1878 гг. многие греки-киприоты эмигрировали в Греческое королевство, Италию и Египет. Согласно переписи населения, на К. в 1841 г. насчитывалось 108,6 тыс. греков, 33,3 тыс. турок и 2,1 тыс. представителей др. национальностей.

В 1840 г. в связи с реформами Танзимата, начавшимися в 1839 г., К. стал санджаком Родосского пашалыка. Наместники К. в этот период именовались мутасарифами. В 1861 г. жителям острова удалось добиться признания К. в качестве самостоятельной адм. единицы, непосредственно подчиняющейся Порте. Однако в 1868 г., в ходе изменений в адм. делении Османской империи, начавшихся в 1864 г., К. стал частью вилайета Архипелага. Островом управлял каймакам, подчиненный правителю вилайета вали. Только с апр. 1868 по авг. 1870 г. К. по требованию населения являлся самостоятельным мутесарифлыком. Остров делился на 15 каз (иногда их число сокращалось до 12).

Согласно Хатти Шерифу — султанскому указу 1839 г., задавшему основные направления курса реформ, в совещательные органы при тур. администраторах должны были входить представители христианского населения, а Хатти Хумайюн (1856) предусматривал участие в них также

выборных членов. В связи с этими реформами был преобразован Великий совет (диван) Никосии — совещательный и судебный орган, рассматривавший адм., экономические и судебные вопросы. Председателем дивана являлся наместник К., участниками — 13 чел.: высшие офицеры и чиновники османской администрации, архиепископ Кипрский, кадий Никосии и 6 выборных лиц (3 православных и 3 мусульманина). Аналогичные советы были образованы в каждом из 6 округов, в к-рых греч. население представляли местный епископ и 2 выборных лица. В 1856 г. были учреждены муниципалитеты: градоначальники назначались наместником из числа мусульман, а в городские советы в равной пропорции избирались турки и греки. Представители местного самоуправления — мухтары (главы сельских общин) также должны были избираться.

После 1840 г. улучшилось состояние сельского хозяйства, возродилась жизнь в запустевших селах. Однако в последние годы османского господства эпидемии, засухи и нашествия саранчи вызвали экономические трудности. По переписи 1881 г., из населения численностью 185 630 чел. 73% составляли правосл. греки, 24,4% — мусульмане, 1,7% — католики, марониты, монофизиты и др.

Экономика процветавших в середине века городов Фамагусты, Ктимы Пафоса и Киринии в османский период стала полуаграрной. В XIX в. возник новый городской центр — Лимасол. Ремесленное производство носило традиционный характер. Никосия и ее окрестности являлись центром изготовления изделий из меди, серебра, хлопчатобумажных и шелковых тканей (последние также производились в Ларнаке и Килани). В столице были сосредоточены и другие виды ремесел; среди ювелиров, строителей, столяров, плотников, на кожевенном производстве преобладали греки, турки изготавливали седла, обувь, занимались печатанием тканей. В 1845 г. в Никосии действовали 45–50 мастерских по штампованию тканей (большая часть для диванов и покрывал), однако к 1863 г. осталось только 5–6 мастерских. Внешняя торговля велась гл. обр. через порт Ларнаки. В этом городе находились иностранные консульства и в 1864 г. был от-

крыт 1-й банк (отд-ние Оттоманского банка).

Система тимаров была окончательно отменена Махмудом II (1808–1839). В 1850–1851 гг. была проведена перепись всех земельных владений на К. в связи с огромным числом поддельных документов, подтверждавших частную собственность. Только в 1856 г. были сняты ограничения на покупку гос. земли, и тогда значительные территории были приобретены христианами. С кон. 50-х гг. XIX в. под влиянием западноевроп. сельского хозяйства устройство чифт-ликов стало утрачивать средневек. черты. Нек-рые чифтлики превратились в крупные и довольно прибыльные помещичьи хозяйства (латифундии), ориентированные на экспорт выращенной продукции в Европу.

Согласно закону 1858 г., земли делились на 5 категорий: государственные, частные, вакуфные, общего пользования (дороги, площади, пастбища и т. п.), непригодные для использования. Частные собственники, права к-рых не были подтверждены документально, должны были приобрести у гос-ва соответствующий документ (тапу). Землевладелец был обязан обрабатывать землю, а в случае ее запустения более чем на 3 года османские власти передавали право владения др. лицу.

Ведущую роль в образовании греч. населения в османский период играла Церковь. В XVIII в. наиболее известной была греч. школа, открытая в 1741 г. в Никосии архиеп. Филофеем. В 1808 г. архиеп. Хрисанф при материальной поддержке вел. драгомана Хаджигеоргакиса Корнесиоса создал школу «Эллиномусион». В 1811–1812 гг. архиеп. Киприан основал и открыл в Никосии т. н. Греческую школу. В это время также действовали школа в Омодосе (1804) и филологическая гимназия в Лимасоле (1819–1821). Все греч. образовательные учреждения прекратили работу в 1821 г.

В 1830 г. архиеп. Панарет восстановил «Греческую школу» в Никосии (в 1893 переименована во Всекипрскую гимназию) и открыл школы в Ларнаке и Лимасоле. Количество начальных школ увеличилось при архиеп. Макарии I (1854–1865), в 1859 г. он создал в Никосии 1-ю жен. гимназию. После образования Греческого королевства кипрская молодежь отправлялась на обуче-

ние в Грецию. В конце османского периода зарождается кипрская интеллигенция.

Лит.: *Papadopoulos Th.* Social and Historical Data on Population: 1570–1881. Nicosia, 1965; *Inalcik H.* Ottoman Policy and Administration in Cyprus after the Conquest // *Πρακτικά Α' Διεθνούς Κυπριολογικού Συνεδρίου*. Λευκωσία, 1973. Т. 3/1. Σ. 120–136; *Orhonlu C.* The Ottoman Turks Settle in Cyprus (1570–1580) // *Ibid.* Σ. 257–261; *Ιστορία του ελληνικού έθνους*. Αθήνα, 1974. Т. 10. Σ. 189–201, 306–310, 322–323; 1975. Т. 11. Σ. 105, 227; Т. 12. Σ. 202–203; 1977. Т. 13. Σ. 437–445; *Gazioglu A. C.* The Turks in Cyprus: A Province of the Ottoman Empire (1571–1878). L., 1990; *Jennings R. C.* Christians and Muslims in Ottoman Cyprus and the Mediterranean World: 1571–1640. N. Y.; L., 1993; *idem.* Studies on Ottoman Social History in the 16th and 17th Cent.: Women, Zimmis and Sharia Courts in Kayseri, Cyprus and Trabzon. Istanbul, 1999; *Rizopoulou-Egoumenidou E.* The Economy of Cyprus under Ottoman Rule with Special Emphasis on the Late 18th and Early 19th Cent. // *The Development of the Cypriot Economy: From the Prehistoric Period to the Present Day* / Ed. V. Karageorghis, D. Michaelides. Nicosia, 1996. P. 193–208; *Μιχαήλ Μ. Ν.* Το τσιφλίκι (ciftlik) της Οθωμανικής περιόδου. Λευκωσία, 2005; *idem.* Από το φέουδο στο τιμάριο: Γαιοκτησία στην Κύπρο της Οθωμανικής περιόδου // *Επετηρίδα Κέντρου Μελετών Ιεράς Μονής Κύκκου*. Λευκωσία, 2010. Т. 9. Σ. 337–361; *Ottoman Cyprus: A Collection of Studies on History and Culture* / Ed. M. N. Michael, M. Kappeler, E. Gavriel. Wiesbaden, 2009; *Given M., Hadjianastasis M.* Landholding and Landscape in Ottoman Cyprus // *Byzantine and Modern Greek Studies*. Oxf., 2010. Vol. 34. N 1. P 38–60.

Э. П. А.

Британское правление (1878–1960). 4 июня 1878 г., после поражения в русско-тур. войне (1877–1878), Турция подписала тайное соглашение с Великобританией, которое предусматривало передачу ей К. в обмен на военную и дипломатическую поддержку. К. имел для Великобритании стратегическое значение из-за географической близости к Суэцкому каналу, через к-рый англ. суда шли в Индию. О передаче острова под британское правление было объявлено 9 июля 1878 г. на Берлинском конгрессе. Официально до 1914 г. К. продолжал считаться частью Османской империи, а киприоты — османскими подданными, обязанными ежегодно выплачивать в султанскую казну 92 тыс. ф. с. (т. н. султанский налог).

8 и 9 июля англ. войска высадились в Ларнаке, 12 июля они вошли в Никосию, 22 июля на К. прибыл 1-й Верховный комиссар острова сэр Гарнет Вулзли, к-рый осуществлял исполнительную власть с группой высших адм. чиновников. Первоначально Верховный комиссар подчинялся МИД, а с дек. 1880 г. — Мин-ву колоний. Остров был разделен на

6 округов (Никосия, Фамагуста, Лимасол, Ларнака, Пафос, Кириния) во главе с англ. администраторами. Был упразднен суд кадиев, и введено англ. судопроизводство. В сент. 1878 г. было объявлено об учреждении Законодательного совета, к-рый состоял из лиц, назначаемых королевой (в т. ч. по рекомендации Вер-

Верховный комиссар Г. Вулзли принимает делегацию турок-киприотов. Гравюра из газ. «Illustrated London News». 1879

ховного комиссара). Его решения носили консультативный характер и были недействительны без утверждения Верховного комиссара. Законодательный совет был преобразован после введения Конституции 1882 г.: он должен был состоять из 6 офиц. представителей англ. администрации и 12 избираемых киприотов от национально-религ. общин — 9 греков и 3 турок. Если офиц. лица выступали заодно с тур. членами совета, их голоса уравнивали голоса представителей греч. общины, и в таком случае решение определялось мнением Верховного комиссара. Остров был разделен на 3 избирательных округа, каждый из к-рых выдвигал 4 депутатов (3 христиан и мусульманина). Избирательным правом обладали все мужчины, османские или брит. подданные, достигшие 21 года, платящие налоги и прожившие на К. не менее 5 лет. Выборы проходили каждые 3 года. Сначала выборы были открытыми, затем было введено тайное голосование. В компетенцию Законодательного совета входили экономические вопросы, в т. ч. утверждение бюджета и налогов. Исполнительный совет состоял только из англ. чиновников.

В первые годы брит. правления османская система налогообложения не претерпела значительных изменений. Она включала 24 различных вида налогов и была весьма обременительной, поэтому англичане решили не устанавливать новые налоги (за исключением сборов на борь-

бу с саранчой, введенных в 1881). Постепенно десятина на нек-рые виды продуктов (напр., виноград, плоды рожкового дерева, грецкие орехи) была отменена, и пошлина взималась с них только в случае экспорта. С 1887 г. брит. власти начали внедрять практику сбора десятины не натуральными продуктами, а деньгами. Замена некоторых налогов пошлинами на экспорт и импорт привела к подъему цен. Кроме

того, с каждого киприота, включая женщин и детей, собиралось по 0,5 ф. с. в счет компенсации, ко-

торую Великобритания обязалась выплачивать Турции за утрату К.

В 1889 г. кипрская делегация во главе с архиеп. Софронием III посетила Лондон с просьбами об установлении прямого подчинения острова брит. правительству, о введении в состав Исполнительного совета 2 киприотов, о смягчении налогообложения, в частности об отмене «султанского налога» и десятины. Несмотря на торжественные встречи архиеп. Софрония III с кор. Викторией, Архиепископом Кентерберийским и правительством, эта поездка не принесла результатов. В 1897 г. вместо расширения функций Законодательного совета его состав был увеличен на 3 чел., а в Исполнительный совет введены в качестве дополнительных членов 3 киприота, мнение которых Верховный комиссар мог запрашивать в случае необходимости. Юнионистские настроения греков-киприотов постепенно усиливались. В 1903 г. вопрос об объединении с Грецией (энозис, греч. *ἔνωσις* — объединение) был поднят в Законодательном совете. В окт. 1907 г. зам. министра по делам колоний У. Черчилль во время посещения К. был встречен греками-киприотами под флагами Греции с лозунгом энозиса. В переданном в 1907 г. Черчиллю меморандуме говорилось в т. ч. и о том, что Законодательный совет должен состоять только из избираемых населением греков-киприотов и турок-киприотов пропорционально чис-

ленности их общин. Это требование было повторено в 1911 г. депутатами Законодательного совета в числе др. предлагаемых поправок к Конституции. Когда эти предложения были отвергнуты Мин-вом колоний, 17 апр. 1912 г. все греческие представители в Законодательном совете подали в отставку. В дек. 1912 — янв. 1913 г., в преддверии первой мировой войны, Великобритания с целью противостояния морской мощи Италии в Ионическом м. вела переговоры с греч. премьер-министром Э. Венизелосом об обмене К. на военную базу в Аргостолионе (о-в Кефалиния).

С 1878 г. и до начала первой мировой войны население К. увеличилось со 185 630 (в 1881) до 274 108 чел. (в 1911), в т. ч. доля греков-киприотов возросла с 73,9 (в 1881) до 78,2% (в 1911), несмотря на их значительную эмиграцию в Египет. С 1910 г. начался отъезд греков-киприотов в США, сократившийся после ограничения в 1921 г. американскими властями притока эмигрантов. В довоенный период выросло число городского населения.

В период британского правления коренным образом изменился облик К. Если до 1878 г. существовала единственная проезжая дорога — из Ларнаки в Никосию, то в 1904 г. дорожная сеть покрыла весь остров, а в 1906 г. начало действовать железнодорожное сообщение, связавшее Никосию с Фамагустой и Морфу. Была осуществлена электрификация и благоустройство городов. В Фамагусте был сооружен новый порт. Началось осушение болот около прибрежных городов. Появился телеграф, и получило развитие почтовое сообщение.

Значительный экономический сдвиг произошел только после 20 лет брит. правления, тогда как первые годы характеризовались затруднениями в этой сфере. Важнейшую роль в экономике играла внешняя торговля. Как и в период османского господства, основной объем экспорта составляли сельскохозяйственные продукты, а импорта — промышленные товары. Главными торговыми партнерами К. были Великобритания, Турция, Египет, Австрия, Франция и Италия. Началась добыча полезных ископаемых, гл. обр. асбеста, серой земли и гипса. В кон. XIX в. сельское хозяйство продолжали вести традиционными методами. При этом произошел временный спад в виноградарстве,

сократилось производство табака и хлопка, но экспорт шерсти и шелка продолжался в достаточных объемах. Текстильная промышленность не могла развиваться из-за конкуренции с англ. производством. Ведущую роль играло табачное производство, основанное на привозном сырье из Македонии. В нач. XX в. возникла туристическая отрасль (в горы Троодос приезжали на отдых гл. обр. из Египта). Развивалась банковская система: во 2-й пол. XIX в. единственным банком, действовавшим на острове, оставался Оттоманский, в 1903 г. был открыт правительственный банк, в 1910 г. — отделение Афинского банка, в 1912 г. был основан Кипрский банк. Т. о. были заложены основы последующего экономического скачка.

Произошло значительное увеличение количества школ и повышение уровня грамотности населения. В 1893 г. вместо «Греческой школы» в Никосии была учреждена Всекипрская гимназия, в 1906 г. школы в Лимасоле и Ларнаке преобразовали в полугимназии. Все они были признаны Мин-вом образования Греческого королевства. В 1911 г. полугимназия Ларнаки была превращена в Торговый лицей. В авг. 1878 г. на острове создана 1-я типография, начала печататься газета. Развивалась кипрская художественная литература и журналистика.

После вступления Турции в войну на стороне Германии Великобритания 5 нояб. 1914 г. аннексировала К. и включила его в состав своих владений. Во время первой мировой войны 15 тыс. киприотов сражались в составе брит. войск в Юго-Вост. Европе. В 1915 г. в Законодательном совете было выдвинуто предложение энозиса, но оно было отвергнуто большинством англ. и тур. членов совета. 17 окт. 1915 г. Великобритания, чтобы побудить Грецию нарушить нейтралитет в первой мировой войне, пообещала передать ей К., если она присоединится к Антанте. Но правительство А. Заимиса и прогермански настроенный кор. Константин I не приняли это предложение.

В связи с ростом прогреч. настроений в 1917 г. брит. власти попытались запретить использование греками-киприотами флага Греческого королевства и ношение греч. орден во время офиц. церемоний. Это предписание было проигнорирова-

но митр. Киринийским Макарием (впосл. архиеп. Кипрский *Макарий II*), участвовавшим в Балканских войнах в качестве полкового священника и награжденным греч. боевым орденом. Делегации греков-киприотов посетили Париж (дек. 1918, апр. 1920) и Лондон (январь. 1918 — нояб. 1920) во время переговорных процессов о послевоенном устройстве Европы и османских владений, но их надежды на присоединение к Греции оказались неосуществимыми. Окончательный отказ, полученный кипрской делегацией от министра по делам колоний 26 окт. 1920 г., вызвал возмущение греч. населения острова; греки-киприоты предприняли массовую отправку телеграмм протеста и петиций брит. правительству. В дек. 1920 г. 9 греч. депутатов вышли из Законодательного совета в знак протеста. Запрет брит. властей на проведение мероприятий 25 марта 1921 г. в связи со 100-летием со дня начала Греческой национально-освободительной революции привел к столкновению кипрской молодежи с полицией. В 1921 г. по решению созванного архиепископом Всекипрского национального собрания греки-киприоты бойкотировали выборы в Законодательный совет.

В 1922 г., после потрясения, вызванного поражением в греко-тур. войне, киприоты смягчили требования энозиса. В меморандуме, направленном Кипрским архиеп. Кириллом III министру по делам колоний (16 дек. 1922), речь шла о полном самоуправлении или о расширении конституционных прав и о включении греков-киприотов и турок-киприотов в Исполнительный совет и в администрацию в пропорции 45, соответствующей последней переписи населения.

Утрата К. и отказ от всех прав на остров были официально признаны Турцией в 1923 г. на Лозаннской конференции. 1 мая 1925 г. К. был провозглашен колонией Британской империи, Верховный комиссар стал именоваться губернатором. Число депутатов в Законодательном совете было увеличено до 24 чел.: 9 вместо 6 назначаемых членов, 12 вместо 9 греков, число депутатов-турок осталось прежним.

В 1924–1925 гг. греч. и тур. депутаты Законодательного совета совместно добивались отмены т. н. султанского налога — компенсации Тур-

ции за брит. пребывание на К. После того как губернатор проигнорировал их требования, депутаты проголосовали против бюджета на 1924–1925 гг. В результате размер налога был уменьшен, а средства направлены на оборону К. На выборах 1925 г. большинство мест получили «умеренные» депутаты, требования которых носили социально-экономический характер (отмена «султанского налога» и десятины, улучшение положения крестьян и рабочих и др.). В 1926 г. была отменена десятина на зерновые культуры и растительный корм; в 1927 г. в Апелляционный суд были введены греч. судья и турецкий. В 1927 г. совместное выступление греч. и тур. депутатов в Законодательном совете привело к отмене «султанского налога».

В период после первой мировой войны продолжился рост населения и увеличение числа греков-киприотов (с 78,8 в 1921 до 80,2% в 1946). В 20-х гг. XX в. на К. эмигрировало большое число армян из Турции, их количество выросло с 0,4 до 1%. В экономике не произошло принципиальных изменений: 4/5 населения были заняты в сельском хозяйстве, по-прежнему преобладала внешняя торговля. Тем не менее появились заводы по переработке плодов рожкового дерева, шелкопрядильный, керамический, 2 литейных, 5 кожевенных, 6 табачных и прядильная фабрика. К промышленным предприятиям также можно отнести водяные и паровые мельницы, гипсовые печи, мыловарни и винокурни. В связи с зарождением промышленности на К. стал складываться рабочий класс.

Во 2-й пол. 20-х гг. XX в. началось создание политических партий. В авг. 1926 г. в Лимасоле состоялся I съезд Коммунистической партии Кипра. В январ. 1930 г. Национальное собрание во дворце архиепископа объявило о создании Национальной организации Кипра, к-рая ставила целью присоединение К. к Греции. 18 окт. 1930 г. был образован Национальный радикалистский союз Кипра, отвергавший любую форму сотрудничества с брит. властями.

По закону от 9 дек. 1929 г. образовательные программы и комплектование преподавательского состава в начальных школах на К. были поставлены англичанами под гос. контроль.

На выборах 1930 г. греки-киприоты отдали предпочтение депутатам-

националистам, и в Законодательный совет попали те кандидаты, которые вышли на выборы под лозунгом «Энозис — и только энозис!», и антибритански настроенные тур. депутаты. В результате по ряду вопросов они вступили в конфликт с губ. Р. Сторрсом (бюджет, реформа образования, цензура печати). В апр. 1931 г. Законодательный совет (включая депутатов от турок-киприотов) проголосовал против правительства проекта увеличения таможенных пошлин. Тем не менее в авг. он был введен в действие Сторрсом. Разоблачение лордом-канцлером в палате общин предыдущей практики передачи излишков кипрского бюджета в счет погашения процентов долга Османской империи, а не на нужды острова вызвало взрыв негодования киприотов, последовали собрания и манифестации. 17 окт. 1931 г. Китийский митр. Никодим объявил, что в знак протеста он покидает Законодательный совет; его примеру последовали др. греч. депутаты. 21 окт. протестующие отправились к резиденции губернатора и подожгли ее, однако войска открыли огонь и разогнали демонстрантов. 22 окт. было сожжено здание англ. администрации в Лимасоле, а в Пафосе над митрополичьей резиденцией и гимназией были подняты греч. флаги. Согласно англ. статистике, акции гражданского неповиновения прошли в $\frac{1}{3}$ греч. и греко-тур. сел. Брит. власти перебросили войска из Египта и 27 окт. жесткими мерами навели порядок в городах. До конца 1-й недели нояб. мятеж был подавлен в сельской местности. На греч. общину был наложен штраф в размере 34 315 ф. с. для покрытия ущерба, нанесенного беспорядками. С К. были высланы митрополиты Китийский и Кириинийский и др. лидеры национального движения. В нояб. 1931 г. было приостановлено действие Конституции (отменена 12 нояб. 1932), распущены Законодательный и муниципальные советы, запрещены все политические орг-ции. На острове было введено чрезвычайное положение; вся законодательная и исполнительная власть была сосредоточена у губернатора, обязанности которого в 1933–1939 гг. исполнял Г. Р. Палмер. На протяжении 30-х гг. XX в. были запрещены греч. национальный гимн, флаг и др. символика, действовала строгая цензура. В 1935 г.

во всех школах, кроме Всекипрской гимназии в Никосии, учебная программа, аналогичная программам в школах Греции, была заменена принятой в англ. школах. Греч. гимназия Пафоса, отказавшаяся изменить учебную программу, была лишена материальной поддержки, а ее ответственность обложена налогом.

Ситуация на К. изменилась с началом второй мировой войны. 21 марта 1941 г. греч. премьер-министр А. Коризис обратился к брит. министру иностранных дел Э. Идену с предложением передать К. Греции или хотя бы гарантировать решение кипрской проблемы после окончания войны. Тот ответил, что обсуждение столь деликатного вопроса превышает его полномочия. В кон. марта ввиду неизбежной оккупации Греции фашистской Германией Коризис просил Идена предоставить К. или его часть греч. королю и правительству в изгнании. В разных видах эта просьба повторялась 9 апр. премьер-министром британскому правительству и 11 апр. кор. Георгом II англ. послу в Афинах М. Паларету. Король хотел, чтобы его сопровождал военный отряд из 40 тыс. чел. 14 апр. Иден ответил, что греч. король может исполнять свои обязанности на К., но так, как если бы находился на территории любой др. иностранной державы.

В ходе второй мировой войны киприоты-добровольцы активно участвовали в борьбе с фашизмом, был сформирован Кипрский полк брит. армии, кипрские отряды воевали во Франции, в Ливии и в Греции. В связи с этим англичане ослабили чрезвычайный режим, введенный после событий окт. 1931 г. С началом второй мировой войны была разрешена политическая и профсоюзная деятельность. В апр. 1941 г. была создана коммунистическая Прогрессивная партия трудящегося народа (АКЭЛ). В 1942 г. возникла консервативная Кипрская национальная партия во главе с Ф. Дервисом, следовавшая «непримиримой» антибрит. политике в борьбе за энозис. В марте 1943 г. прошли первые после октябрьских событий 1931 г. общинные и муниципальные выборы, на к-рых большой успех имела АКЭЛ (в т. ч. ее представители были выбраны мэрами Лимасола и Фамагусты). В 1943 г. была образована 1-я политическая орг-ция турок-киприотов во главе с Ф. Кючюком —

Турецкая партия национального единства.

Во время второй мировой войны у греков-киприотов появились надежды на скорое решение кипрской проблемы. Они ожидали изменений политического строя после окончания войны и рассчитывали на скорейшее осуществление энозиса. Однако с течением времени эти иллюзии стали рассеиваться. Если посетившему К. в 1941 г. министру иностранных дел Идену киприоты устроили радушный прием, то в 1944 г. зам. министра колоний сэр К. Паркинсон во время визита столкнулся с жесткими требованиями энозиса.

В нояб. 1944 г. для решения кипрской проблемы был создан Национальный совет во главе с местоблюстителем Леонтием, митр. Пафосским (впосл. архиеп. *Леонтий I*), куда должны были войти все партии, но гражданская война в Греции разрушила единство в рядах киприотов. В сент. 1945 г. лейбористское правительство Великобритании после неких колебаний ответило отказом на предложение регента Греческого королевства Афинского архиеп. *Дамаскина* об энозисе с сохранением англ. баз на острове и с предоставлением баз на территории Греции (за присоединение высказался министр иностранных дел, против — министры обороны и по делам колоний). Тем не менее эта просьба неоднократно повторялась греч. правительством до 1956 г. В условиях только что закончившейся гражданской войны в Греции вырисовывалась весьма непростая картина политических реалий, левое движение имело колоссальную поддержку населения, несмотря на официальный запрет деятельности Коммунистической партии Греции. Хотя и Греция и Турция проявили себя преданными сторонниками Запада в ходе войны в Корее, брит. правительство не могло рисковать К., к-рый, как часть Греции, в случае прихода к власти левых сил мог бы противостоять военному и политическому присутствию Великобритании в Вост. Средиземноморье.

В дек. 1945 г. за деятельность против существующего режима был объявлен вне закона Всекипрский союз профсоюзов; вместо него в марте 1946 г. была создана Всекипрская рабочая федерация. На фоне событий гражданской войны в Греции на К. обострились отношения между

правыми и левыми силами. На общинных и муниципальных выборах в мае 1946 г. АКЭЛ получила много голосов, и ее представители заняли должности мэров крупных городов, за исключением Пафоса и Киринии. АКЭЛ стала одной из важнейших политических сил на острове.

Ввиду назревания народного недовольства 23 окт. 1946 г. министр по делам колоний А. Крич Джонс предложил созвать Совещательное собрание из представителей кипрского народа для составления конституции, официально объявил 10-летнюю программу экономического развития острова и разрешил проведение выборов архиепископа. Этнархия (Бюро Этнархии) и АКЭЛ заявили, что не примут от брит. властей предложений, к-рые не предусматривали бы объединения с Грецией, и направили свои делегации в Лондон и в Афины. В февр. 1947 г. делегация греков-киприотов была принята брит. министром колоний, к-рый исключил вариант передачи К. Греции. Одновременно турецко-киприотская община отправила брит. правительству телеграммы протеста против энозиса.

9 июля 1947 г. новый губернатор Р. Т. Г. Флетчер, барон Уинстер, призвал киприотов выдвинуть представителей для участия в чрезвычайном Совещательном собрании для выработки новой конституции острова. Это предложение было принято турками-киприотами, а в греч. общине оно вызвало раскол: в отличие от АКЭЛ Этнархия решила бойкотировать предложение брит. властей. Совещательное собрание начало работу 1 нояб. 1947 г. с участием 10 греков-киприотов, 7 тукок-киприотов и маронита. Предложение греков-киприотов о создании местной кипрской администрации, в которой греки контролировали бы большинство мин-в, было отклонено англичанами. Поскольку работа Совещательного собрания зашла в тупик, 7 мая 1948 г. британское правительство предложило создание кипрского парламента (Законодательного собрания), состоявшего из 18 депутатов от греков-киприотов, 4 от тукок-киприотов и 4 назначаемых англ. колониальных чиновников. Председателем этого законодательного органа являлся бы губернатор. Парламенту запрещалось обсуждать вопрос о статусе К. внутри Британского Содружества (т. е. вопросы о независи-

мости и об энозисе). Законопроекты, касающиеся внешней политики, обороны, национальных меньшинств и изменений в конституции, принимались бы только с согласия губернатора. Губернатор также имел чрезвычайную законодательную власть и право решать, относится ли какой-то из законопроектов к области его компетенции. Он должен был осуществлять исполнительную власть с помощью консультативного Исполнительного совета, состоявшего из 3 греков-киприотов, турка-киприота и 4 офиц. членов Законодательного собрания. 20 мая на заседании Совещательного собрания греки-киприоты снова потребовали участия кипрского населения в работе мин-в, а после отказа проголосовали против конституции и покинули собрание, к-рое вскоре прекратило свою деятельность (хотя официально было распущено только 12 авг. 1948). В окт. 1948 г. барон Уинстер ушел в отставку, а сменивший его Э. Б. Райт начал проводить более жесткую политику, в т. ч. направленную против АКЭЛ, в результате чего эта партия отказалась от сотрудничества с англичанами и присоединилась к политической линии «Энозис — и только энозис!».

В послевоенные годы на острове развивалась в основном горнодобывающая промышленность. Колониальные власти не принимали необходимых мер для стабилизации экономики, к-рая продолжала стагнировать.

Во время плебисцита 15–22 янв. 1950 г. 95,7% греч. населения К. проголосовало за объединение с Грецией. Делегация во главе с Киринийским митр. Киприаном посетила Грецию, Великобританию и США, чтобы сообщить политическим деятелям этих стран волю кипрского народа. Однако ослабленная 5-летней гражданской войной Греция, зависевшая от Великобритании и США, не могла оказать протекцию грекам-киприотам. Как премьер-министр Н. Пластирас, так и вице-премьер Г. Папандреу сочли осложнение отношений с Великобританией в данный момент невозможным. Однако делегацию поддержали пресса, консервативная оппозиция и Элладская Православная Церковь. Безрезультатными оказались посещения делегацией греков-киприотов Лондона и Нью-Йорка. Решительный отказ Великобритании осуществить волю кипр-

ского народа связан с тем, что объединение К. и Греции могло серьезно ограничить влияние Лондона в регионе Вост. Средиземноморья. Уже тогда было понятно, что Турция, как член НАТО (с 18 февр. 1952), граничащий с Советским Союзом, значительно важнее для Североатлантического альянса, чем Греция. В связи с этим Великобритания не могла ставить под удар интересы Турции, к-рая поддерживала тур. меньшинство на К.

28 июня 1950 г. умер Макарий II, и 16 окт. архиепископом Кипрским был избран с именем *Макарий III* Китийский митр. Макарий (Мускос), к-рый, как руководитель Бюро Этнархии, сыграл большую роль в организации плебисцита. В 1951–1952 гг. Макарий III реорганизовал Совет Этнархии, создал молодежные организации, созвал Всекипское национальное собрание, преобразовал профсоюзное движение. Одной из его стратегических задач было вынесение кипрской проблемы на обсуждение ООН. Греки-киприоты рассчитывали на поддержку Греции, однако неустойчивые греч. правительства центристского блока не желали портить отношения с Великобританией, к-рая могла бы воспрепятствовать вхождению Греции в НАТО. Тем не менее популярность идеи энозиса среди народных масс Греции заставляла греческих политиков предпринимать нек-рые действия в знак солидарности. До 1953 г. США также не желали выносить кипрский вопрос на обсуждение ООН, т. к. это привело бы к публичному столкновению между странами — союзниками НАТО.

В 1953 г., после очередного отказа колониальной администрации отреагировать на выраженную плебисцитом народную волю, архиеп. Макарий III и АКЭЛ призвали киприотов не участвовать в праздновании коронации Елизаветы II. В ответ на это брит. власти запретили основанную в 1951 г. архиеп. Макарием Всекипскую национальную организацию молодежи. Когда англичане отклонили заявку на проведение уличного собрания, архиепископ призвал народ прийти 28 июня на молебен в ц. Пресв. Богородицы Фанеромени в Никосии, где произнес пламенную речь против колониального режима.

В 1954 г. англ. войска были выведены из зоны Суэцкого канала, шта-

бы сухопутных войск и воздушных вооруженных сил перемещены на К. В условиях распада брит. колониальной империи К. приобрел для англ. правящих кругов особо важное значение.

В 1954 г. правительству А. Папагоса удалось наконец поставить на обсуждение IX сессии Генеральной Ассамблеи ООН вопрос о самоопределении К.

Акция протеста в Афинах после принятия 17 дек. 1954 г. Генеральной Ассамблеей ООН резолюции о нецелесообразности обсуждения кипрской проблемы

самблеи ООН вопрос о самоопределении К. В связи с этим в июле 1954 г. Великобритания выступила с новым конституционным проектом (к-рый предусматривал участие киприотов в работе мин-в, но ущемлял представительство греков-киприотов в Законодательном собрании). При этом зам. министра колоний Г. Л. Хопкинсон заявил, что К. относится к тем стратегическим частям Британского Содружества, к которым принцип самоопределения не может быть применен никогда. 17 дек. 1954 г. Генеральная Ассамблея ООН приняла резолюцию, что обсуждение кипрского вопроса не представляется целесообразным. В Греции и на К. прошли массовые акции протеста. Для того чтобы заручиться поддержкой стран Азии и Африки, архиеп. Макарий III в апр. 1955 г. принял участие в 1-й Афроазиатской конференции в Бандунге (Индонезия).

1 апр. 1955 г. началась вооруженная борьба против колониального режима во главе с ЭОКА (Национальная орг-ция кипрских борцов), к-рой руководил полковник греч. армии в отставке Г. Гривас (псевд. Дигенис). Деятельность ЭОКА началась с подрыва отд-ний брит. полиции и распространения брошюр, с июня интенсивность действий усилилась. Партизанские отряды размещались в горах, небольшие вооруженные группы действовали в городах. ЭОКА начала серию диверсионных атак против англ. войск

и властей на острове. Вооруженные акции были поддержаны массовыми гражданскими кампаниями неповиновения, общенациональными забастовками, демонстрациями и др. формами мирного протеста. Уже летом 1955 г. колониальные власти боялись утратить контроль над ситуацией. В связи с этим англичане начали формирование отрядов вспомогательной полиции из турок-киприотов.

Потом возникла орг-ция турок-киприотов «Волкан», в 1957 г.

преобразованная в Турецкую организацию сопротивления. Фактически англичанам частично удалось перевести антиколониальную борьбу в русло межэтнического конфликта: турки-киприоты в полиции стали целью для партизанских отрядов ЭОКА, состоявших в основном из греков-киприотов.

30 июня англичане предложили провести в Лондоне 3-стороннюю конференцию по кипрскому вопросу с участием Великобритании, Греции и Турции. Впервые после отказа Турции на Лозаннской конференции (1922–1923) от претензий на К. она была признана равноправной стороной конфликта. Угроза энозиса заставила Великобританию вовлечь в сложившуюся на острове ситуацию Турцию, озабоченную судьбой турок-киприотов. После вступления в НАТО и обретения роли главного союзника США и Великобритании на Ближ. Востоке, на границе с СССР и в Персидском зал. Турция вновь стала наращивать свою военно-политическую мощь в качестве регионального лидера. Архиеп. Макарий не смог убедить греч. правительство отказаться от участия в Лондонской конференции, которая состоялась 29 авг.—7 сент. 1955 г. на уровне министров иностранных дел. С. Стефанопулос потребовал введения на К. либеральной конституции и офиц. заявления Великобритании, что через определенный срок острову будет предоставлено право самоопределения. Министр иностранных

дел Турции Ф. Р. Зорлу занял жесткую позицию, заявляя, что, если Великобритания откажется от К., он должен быть возвращен Турции. Министр иностранных дел Великобритании Г. Макмиллан выдвинул проект конституции, к-рый при сохранении брит. господства предусматривал сотрудничество Великобритании с Грецией и Турцией в управлении островом: назначенные этими странами офиц. представители имели право непосредственного доступа к губернатору. Новая конституция обеспечивала бы грекам-киприотам в парламенте большинство в 1 голос. Конец конструктивной работе конференции положили антигреч. погромы в Стамбуле и Измире 6 сент. 1955 г.

В сент. 1955 г. вновь поднятый Грецией в ООН вопрос о самоопределении К. был исключен под влиянием Великобритании и США из повестки дня X сессии Генеральной Ассамблеи, что вызвало массовые акции протеста на К.

С назначением кор. Павлом в окт. 1955 г. на пост премьера К. Караманлиса тактика греч. правительства изменилась. Если Папагос возлагал преувеличенные надежды на роль ООН в решении кипрского вопроса, то Караманлис пытался расколоть союз Великобритании с Турцией и заручиться поддержкой США. Греч. дипломатия стремилась к замене брит. влияния на острове американским. Эта линия была продиктована зависимостью Греции от США буквально во всех сферах жизни и надеждой на то, что с амер. помощью можно будет достичь более благоприятного для греч. стороны решения кипрской проблемы.

26 нояб. 1955 г. новый губернатор К. фельдмаршал Дж. А. Ф. Хардинг ввел чрезвычайное положение, последовали аресты и казни членов ЭОКА, в дек. была запрещена АКЭЛ. В окт. 1955 — февр. 1956 г. Хардинг вел переговоры с архиеп. Макарием. Это был первый и последний случай прямых переговоров англичан с лидером кипрского народа. Макарий III требовал либеральной конституции, признания Великобританией права на самоопределение К., обсуждения этой проблемы непосредственно между Великобританией и киприотами, а не между Великобританией, Грецией и Турцией. Англ. сторона отказалась от прежней позиции в вопросе предоставления

К. независимости, заменив «никогда» формулой с двойным отрицанием «не является позицией брит. властей мнение, что принцип самоопределения никогда не может быть применен на Кипре», но эта уступка не удовлетворила архиеп. Макария. Относительно принципов предложенного брит. стороной ограниченного самоуправления архиепископ настаивал, чтобы в ведение англ. губернатора входили только вопросы внешней политики, а внутренними делами занимался бы парламент, в к-ром большинство принадлежит грекам. В кон. янв. 1956 г. Макарий III стал склоняться к принятию новой брит. формулы, но под давлением митр. Киприана, Гриваса и др. «непримиримых» он отправил 2 февр. Хардингу письмо, в к-ром отклонил ее. При этом архиепископ заявил, что будет сотрудничать с англичанами в подготовке переходного периода, и потребовал уточнения ряда пунктов относительно самоуправления и амнистии заключенных, осужденных за антибрит. деятельность. В письме от 14 февр. Хардинг настаивал на публичном осуждении архиеп. Макарием деятельности ЭОКА. 23 февр., во время встречи Макария III и Хардинга, возникли противоречия по ряду вопросов (о греч. большинстве в парламенте, об изъятии проблем внутренней безопасности из компетенции губернатора, об амнистии членов ЭОКА). На К. прибыл министр по делам колоний А. Т. Леннокс-Бойд. 29 февр. 1956 г., на встрече с министром, архиеп. Макарий в целом согласился с предложенным планом, но стремился добиться больших уступок. Из-за 19 взрывов в Никосии, устроенных ЭОКА, Леннокс-Бойд прервал переговоры.

9 марта 1956 г. архиеп. Макарий III и Китийский митр. Киприан с ближайшим окружением были арестованы и сосланы на Сейшельские о-ва. Англичане рассчитывали, что вместо архиеп. Макария на политическую сцену выйдут новые лидеры, с к-рыми им будет легче договориться. Однако после ареста архиепископа прервался всякий контакт брит. властей с греками-киприотами. Активизировалась деятельность ЭОКА: в частности, было совершено покушение на Хардинга. Летом Хардинг предпринял широкомасштабные операции против ЭОКА, в к-рых использовались в т. ч. вертолеты. На некоторые деревни были наложены

штрафы, создавались концлагеря, к арестованному применялись пытки. Хардинг начал формировать и вооружать отряды турок-киприотов. Греч. посол был отозван из Лондона.

Переговоры между архиеп. Макарием III и губернатором Дж. А. Ф. Хардингом. Фотография. 1955/56 г.

США осудили насилие колониальных властей на К. В июле 1956 г. англ. правительство отправило на остров лорда С. Дж. Радклиффа для разработки новой конституции, но греки-киприоты отказались вести с ним переговоры без архиеп. Макария, и с ним встретился только лидер турок Ф. Кючюк. В июне 1956 г. Великобритания выдвинула идею вынести на рассмотрение НАТО вопрос о самоопределении К. спустя 10 лет после введения в действие новой конституции, если страны — члены НАТО проголосуют за это решение большинством в $\frac{2}{3}$ голосов. В таком случае началось бы обсуждение заключения 2 трехсторонних соглашений (между Великобританией, Грецией и Турцией) о военном использовании К. и защите прав национальных меньшинств. Греч. правительство не уведомило об этом плане под предлогом его покровительства терроризму, т. е. деятельности ЭОКА. Тур. правительство отвергло этот проект и потребовало разделения К. на 2 части — греческую и турецкую (таксим). В угоду Турции зам. министра иностранных дел А. О. Киркпатрик предложил идею расчленения острова.

Летом 1956 г. правительство Греции выработало новое предложение по решению кипрской проблемы: введение конституции, к-рая предусматривала бы греч. большинство в парламенте, сохранение на год за

губернатором управления внутренними делами, определение советом стран НАТО через 3–5 лет даты (а не самого факта) осуществления права самоопределения (в течение 5–8 лет). В случае энозиса Великобритания получила бы по одной базе на К. и в Греции. 2–3 кипрских порта должны были стать свободными, и через них велась бы беспошлинная торговля с Турцией. Туркам-киприотам предоставлялись права двойного гражданства, отказа от службы в армии и обращения в международные орг-ции по вопросам национальных меньшинств. Но в преддверии Суэцкого кризиса Великобритания была крайне заинтересована в таком союзнике, как Турция. Несмотря на посредничество США, брит. власти отказались от этого плана под предлогом, что он не учитывает интересы Великобритании и Турции. В окт. 1956 г. брит. дипломаты обсуждали с тур. министром иностранных дел Н. Бирги план расчленения острова. Для его осуществления англичане решили выдвинуть принцип права двойного самоопределения — как для греков-киприотов, так и для турок-киприотов.

План конституции Радклиффа был направлен 13 дек. 1956 г. греч. правительству и архиеп. Макарию на Сейшельские о-ва и 19 дек. 1956 г. оглашен в палате общин англ. парламента. Он оставлял вопросы внутренней безопасности, обороны и международных связей в ведении губернатора, так же как и право решать, какие дела относятся к его компетенции. Парламент состоял из 36 членов: 24 депутатов от греков-киприотов, 6 депутатов от турок-киприотов и 6 чел., назначаемых губернатором. Губернатор мог распускать парламент, назначать и отправлять в отставку премьер-министра. Но все достоинства этого плана нивелировались признанием за турками-киприотами права на самоопределение. Турция приняла эти предложения, а греч. правительство Караманлиса и архиеп. Макарий отклонили.

С приходом в янв. 1957 г. на пост премьер-министра Макмиллана изменился подход Великобритании к кипрской проблеме в пользу более реалистичного решения — довольствоваться военными базами на К. вместо всего острова. Если в нач. 1957 г. правительство Макмиллана считало разделение К. приемлемым, то после исследования проблемы

в июне таксим был признан трудноосуществимым в связи со смешанным характером населения (кроме того, турки-киприоты не составляли большинства ни в одном из округов). США также выступили против расчленения острова.

В апр. 1957 г. под давлением Греции и США был освобожден архиеп. Макарий, но англичане не разрешили ему вернуться на К., и он прибыл в Афины. Весной 1957 г., чтобы не спровоцировать срыва переговоров, ЭОКА временно приостановила вооруженную борьбу, т. к. США дали понять, что в случае ее продолжения они поддержат план разделения К. Для избежания таксима греч. правительство отказалось от энозиса и взяло курс на создание на К. независимого гос-ва (что, впрочем, в отдаленной перспективе не исключало энозиса). Архиеп. Макарий поддержал идею независимой республики, Турция ее категорически отвергла, США сначала восприняли ее скептически (в т. ч. они считали К. экономически нежизнеспособным гос-вом), но впосл. отнеслись к ней положительно. В окт. 1957 г. лейбористская партия в случае победы на выборах пообещала предоставить К. независимость. Осенью 1957 г., к неудовольствию Великобритании и Турции, с посреднической инициативой в вопросе предоставления К. независимости выступил генеральный секретарь НАТО П. А. Спаак.

14 дек. 1957 г. состоялось новое обсуждение кипрской проблемы во время XII сессии Генеральной Ассамблеи ООН. При голосовании резолюция о предоставлении К. права на самоопределение набрала большинство голосов, но не получила необходимых $\frac{2}{3}$ и осталась рекомендательной.

Прибывший на смену Хардингу губ. Х. М. Фут стал готовить почву для новых переговоров. В кон. дек. он отправился в Лондон для консультаций с премьер-министром Макмилланом, к-рый разрабатывал новый план, основанный на идее самоуправления в переходный период (5–7 лет) перед окончательным решением судьбы острова. Для этого предполагалось отменить режим чрезвычайного положения, разрешить архиеп. Макарию возвратиться на родину, провести переговоры с лидерами греков-киприотов и турок-киприотов для обсуждения

системы самоуправления. Новый план должен был гарантировать, что после переходного периода окончательное решение будет принято с одобрения обеих общин (что фактически исключало как энозис, так и расчленение острова по инициативе турок-киприотов). Для компенсации тур. интересов предполагалось устроить на К. тур. базу. Отход Великобритании от принципа двойного самоопределения вызвал бурное негодование в Турции. В янв. 1958 г. начались нападения турок-киприотов на греков-киприотов и столкновения с брит. полицией. В кон. янв. 1958 г. министр иностранных дел Великобритании Дж. Селвин-Ллойд и Фут посетили Турцию для ознакомления правительства А. А. Э. Мендереса с вышеупомянутым планом. Новый тур. министр иностранных дел Ф. Зорлу потребовал введения федеральной системы и предоставления Турции военной базы на К. После этого Селвин-Ллойд и Фут провели переговоры с греч. правительством, к-рое поддержало принцип единого самоопределения греков-киприотов и турок-киприотов (к-рое приведет либо к независимости, либо к любой форме договоренности с Великобританией), но выступило против создания на острове тур. базы, обещая рассмотреть этот вопрос только в случае согласия Турции с энозисом.

С эскалацией холодной войны в кон. 1957–1958 г. Турция приобрела огромное значение для США, к-рые решили разместить там ракеты, что сказалось на их позиции в отноше-

них портов, а также аэродрома Никосии. Однако Великобритания окончательно оставила идею таксима. Весной 1958 г. ЭОКА возобновила свою деятельность.

9 июня 1958 г. план Макмиллана был представлен в палате общин английского парламента. В течение 7 лет международный статус К. должен был оставаться неопределенным. В этот период в управлении островом предусматривалось «сотрудничество» с Великобританией Греции и Турции, к-рые бы назначали своих представителей-помощников при губернаторе. Конституция основывалась на принципе значительной автономии общин. Вместо единого парламента каждая община имела бы свою палату представителей для решения внутриобщинных проблем. Предусматривалось двойное гражданство киприотов. Совет министров, возглавляемый губернатором, состоял бы из 4 министров греков-киприотов, 2 турок-киприотов, занимавших министерские должности, и правительственных представителей Греции и Турции. После прекращения деятельности ЭОКА брит. власти обещали разрешить возвращение на остров архиеп. Макария. По окончании переходного периода на повестку дня должен был быть поставлен вопрос о создании тройного кондоминиума — Великобритании, Греции и Турции. План Макмиллана был отвергнут архиеп. Макарием, Караманлисом и тур. правительством.

7 июня 1958 г. тур. боевики организовали провокацию, заложив бомбу в Бюро печати и информации Турции в Никосии. Последовали волнения и межобщинные столкновения, продол-

Проволочные заграждения, установленные летом 1958 г. между греч. и тур. кварталами в Никосии

нии кипрской проблемы. В марте 1958 г. тур. правительство потребовало от Великобритании немедленного предоставления им Ларнаки и Фамагусты с правом использования

жавшиеся до нач. августа. Создание подразделений тур. полиции и боевиков поощрялось англичанами. В Никосии и других городах были установлены проволочные заграждения между греч. и тур. кварталами, брит. власти предполагали провести границу по 35-й параллели.

В авг. Макмиллан посетил Грецию, Турцию и К., объявив о некоторых изменениях своего плана, важнейшим из к-рых был статус представителей правительств греков-киприотов и турок-киприотов при губернаторе не как членов Совета управления, а как лиц, имеющих прямой доступ к губернатору. Архиеп. Макарий и греч. правительство сочли этот вариант также неприемлемым. Но спустя несколько недель тур. правительство, осознав преимущества плана Макмиллана, заявило, что будет сотрудничать с Великобританией в его реализации. Брит. власти решили приступить к одностороннему осуществлению данного плана, что поставило бы греков перед свершившимся фактом: назначение тур. представителя, выборы в отдельные от греко-киприотских турецко-киприотские муниципальные советы и в парламент турецко-киприотской общины. 9 сент. 1958 г. в письме Спааку Караманлис заявил, что осуществление этого плана приведет к выходу Греции из НАТО.

22 сент. архиеп. Макарий, видя, что план Макмиллана будет реализован без греков-киприотов, заявил о готовности вести переговоры о будущем К. в русле образования независимого гос-ва, отказавшись от сценария объединения с Грецией. Это предложение было поддержано оппозиционной лейбористской партией.

5 дек., во время обсуждения кипрской проблемы в ООН, Греции почти удалось добиться необходимого большинства для голосования за резолюцию о независимости К., но под давлением Великобритании и США принятие этой формулировки было сорвано. В итоге резолюция № 1287 (XII) рекомендовала принять мирное, справедливое и демократическое решение в соответствии с резолюцией № 1013 (XI) от 26 февр. 1957 г. В связи с этим тур. министр иностранных дел Зорлу предложил своему греч. коллеге Е. Аверофу-Тосицасу прямые 2-сторонние переговоры. Тур. план заключался в создании греко-тур. федерации, к-рая не имела бы членства в ООН. Кроме того, тур. правительство желало устроить на К. военную базу. Переговоры между Грецией и Турцией продолжались в Париже 16–18 дек. 1958 и 17–21 янв. 1959 г. От выдвинутых требований Турция отказалась на совещании в Цюрихе 5–11 февр. 1959 г.,

в котором участвовали премьер-министры Греции и Турции Караманлис и Мендерес и министры иностранных дел Авероф-Тосицас и Зорлу. Решения совещания предусматривали создание независимого гос-ва — Республики Кипр, возглавляемого президентом-греком и вице-президентом турком, которые избирались бы соответственно греч. и тур. общинами острова сроком на 5 лет.

*Подписание
лондонских соглашений
19 февр. 1959 г.*

Оба они обладали правом вето в вопросах внешней политики, обороны и внутренней безопасности. В Совете министров должности занимали 7 греков-киприотов и 3 турка-киприота. При этом кресло одного из министров — обороны, экономики или внешней политики — непременно должен был занимать турок. Помимо греч. и тур. общинных палат, наделенных законодательной и исполнительной властью по вопросам религии, культуры, просвещения, персонального статуса и т. д., предусматривался единый парламент (палата представителей), в котором 70% были бы греки и 30% — турки. Решения этого парламента должны были приниматься голосованием простого большинства, исключая вопросы избирательного закона, муниципального законодательства и законопроектов налогообложения, которые должны были утверждаться отдельно депутатами 2 общин. Разногласия относительно вопросов компетенции между парламентом и собраниями 2 общин должен был решать Высший конституционный суд, состоящий из грека, турка и еще одного члена, назначаемого общим решением президента и вице-президента. Гражданская администрация, полиция и жандармерия на 70% должны были состоять из греков и на 30% — из турок, армия — соответственно на 60 и 40%. Предполагалась организация судов, рассматривающих дела,

в к-рые были вовлечены члены обеих общин, и создание отдельных муниципалитетов в больших городах. Великобритания, Греция и Турция становились гарантами независимости К., его территориальной целостности и безопасности — гос-во не могло ни присоединиться к Греции, ни быть расколотым на 2 части Турцией. Без согласия стран-гарантов кипрское правительство не имело права вносить изменения в Конституцию Кипра и предпринимать действия, противоречащие интересам этих го-

сударств. В случае нарушения условий страны-гаранты обязывались восстановить статус-кво (при этом допускались дейст-

вия одной из держав в одностороннем порядке). 11 февр. последовало подписание тайного «джентльменского соглашения» между Караманлисом и Мендересом о предоставлении вице-президенту К. права вето во внешнеполитических вопросах (это положение вошло потом в Конституцию 1960 г.). «Джентльменское соглашение» предусматривало всеобщую амнистию, содействие Греции и Турции вступлению К. в НАТО и оказание этими странами влияния на президента и вице-президента К. с целью объявления коммунистической партии вне закона.

После совещания в Цюрихе Авероф-Тосицас и Зорлу отправились в Лондон, чтобы ознакомить с этими решениями брит. сторону. 12 февр. Караманлис во время личной встречи сообщил Макарию III о цюрихских соглашениях. Тот в целом одобрил их, но пожелал внести некоторые изменения (напр., относительно права на одностороннее вмешательство страны-гаранта).

17 февр. 1959 г. началась Лондонская конференция, в к-рой помимо Греции и Турции участвовали Великобритания, делегации греков-киприотов и турок-киприотов. Архиеп. Макарий просил изменить определенные пункты, но 19 февр. под давлением Караманлиса и Аверофа-Тосицаса подписал предложенный документ в существующем виде. Великобритания обязывалась предо-

ставить К. независимость 19 февр. 1960 г., но сохраняла в качестве военных баз п-ов Акротири и Декелию.

Архиеп. Макарий возвратился на К. 1 марта 1959 г. и был с энтузиазмом встречен народом. Гривас согласился с принятыми решениями, распустил ЭОКА и вернулся в Грецию, где получил звание генерала. Переходный период продолжался с марта 1959 до 16 авг. 1960 г. Греки-киприоты и турки-киприоты создали смешанную комиссию для разработки новой конституции. В дек. 1959 г. прошли первые выборы президента и вице-президента. 3 дек. 1959 г. вице-президентом был провозглашен лидер тур. общины Кючюк (как единственный кандидат). 13 дек. президентом был избран архиеп. Макарий III, набравший 66,85% голосов (др. претендентом был Иоаннис Клиридис, к-рого поддерживали левые и крайне правые).

Лит.: *Zavittos Φ.* *Ιστορία της Νήσου Κύπρου από της αγγλικής κατοχής μέχρι σήμερα.* Λάρνακα, 1910–1912. Т. 1–3; *Storrs R.* *Orientalism.* L., 1939; *Hill G.* *History of Cyprus.* Camb., 1972. Vol. 4: *The Ottoman Province. The British Colony, 1571–1948; Ιστορία του ελληνικού έθνους.* Αθήνα, 1977. Т. 14. Σ. 387–395; 1978. Т. 15. Σ. 473–481; 2000. Т. 16. Σ. 430–463; *Georghalides G. S.* *A Political and Administrative History of Cyprus: 1918–1926.* Nicosia, 1979; *Πικρός Γ.* *Ο Βενιζέλος και τὸ Κυπριακό.* Αθήνα, 1980; *Αβέρωφ-Τσιτίτσας Ε.* *Ιστορία χαμένων ευκαιριών.* Αθήνα, 1982; *Κρανιδιώτης Ν.* *Δύσκολα χρόνια: Κύπρος 1950–1960.* Αθήνα, 1982; *Παυλίδης Α.* *Αγγλοκρατία // ΜΚΕ.* 1984. Т. 1. Σ. 52–68; *Kyrtis C. P.* *History of Cyprus.* Nicosia, 1985. P. 300–377; *Иванова И. И., Капица М. С.* *Республика Кипр: Справ. М., 1992; Η κυπριακή εξέγερση τοῦ 1931: Ανθολογία κειμένων / Επμ. Γ. Χατζηκωστής.* Λευκωσία, 1993; *Οικονομίδης Χ.* *Απομυθοποιημένη Ιστορία του Κυπριακού τα τελευταία 50 χρόνια.* Λευκωσία, 1993; *Παπαγεωργίου Σ.* *Η πρώτη περίοδος της «Αγγλοκρατίας» στην Κύπρο (1878–1914).* Αθήνα, 1996; *Κασσιούνης Ρ.* *Η διασκεπτική: 1946–1948.* Λευκωσία, 2000; *Λάμπρου Γ. Κ.* *Ιστορία του Κυπριακού: Τα χρόνια μετά την ανεξαρτησία, 1960–2004.* Λευκωσία, 2004; *Varnavas A. A.* *A History of the Liberation Struggle of EOKA (1955–1959).* Nicosia, 2004.

О. В. Л., А. Г. Р.

Республика Кипр (1960 г. — нач. XXI в.). 31 июля 1960 г. состоялись выборы в общий парламент К. (палату представителей). В нее вошли 35 греч. и 15 тур. депутатов (каждая из общин проводила выборы депутатов независимо). Из 35 греч. мест в парламенте 30 заняли члены «Патриотического фронта», возглавляемого архиеп. Макарием III, 5 — члены АКЭЛ. Председателем палаты представителей стал Г. Клиридис. 7 авг. население острова проголосовало за кандидатуры депутатов па-

лат греч. и тур. общин (соответственно 26 и 30 чел.). В ночь на 16 авг. К. был провозглашен независимым гос-вом и президент Макарий III вступил в должность.

К 1960 г. численность населения К. достигла 573 566 чел., из к-рых 77% составляли греки-киприоты, 18,3% — турки-киприоты и 4,7% — национальные меньшинства (армяне, сирийцы-марониты и др.). Процентное соотношение греков-киприотов и ту-рок-киприотов не соответствовало доле, выделенной членам тур. общины в системе управления (70 и 30%).

21 сент. 1960 г. К. стал членом ООН, 14 марта 1961 г. — членом Британского Содружества, а 24 мая — членом Совета Европы. Архиеп. Макарий не хотел вступления К. в НАТО, как было предусмотрено «джентльменским соглашением» Караманлиса—

Заседание парламента Кипрской республики. Фотография. 1960 г.

Мендереса. Он предполагал оставить К. в числе нейтральных гос-в. В сент. 1961 г. Макарий III принял участие в конференции неприсоединившихся стран в Белграде. Стремление архиеп. Макария к проведению независимой внешней политики, а также его толерантность к АКЭЛ вызывали раздражение у НАТО.

С 1960 г. началось стремительное развитие кипрской экономики. Была создана инфраструктура, увеличилось производство сельскохозяйственной и промышленной продукции, интенсивно развивалась туристическая отрасль. В 1960–1973 гг. средний рост валового национального продукта составлял 6%.

30 нояб. 1963 г. в стране начался острый политический кризис в связи с попыткой президента Макария III изменить баланс власти. Архиеп. Макарий предложил вице-президенту внести серьезные поправки в Конституцию 1960 г., которые лишали тур. общину мн. полномочий

и сокращали ее представительство в гос. органах. Было предложено 13 пунктов: 1) упразднение права вето президента и вице-президента, 2) замещение президента вице-президентом в случае его временного отсутствия или невозможности исполнять обязанности, 3) избрание председателя и сопредседателя палаты представителей всеми депутатами, а не каждой общиной отдельно, 4) замещение председателя палаты представителей сопредседателем в случае его временного отсутствия или невозможности исполнения обязанностей, 5) упразднение раздельного голосования в парламенте по налоговым, муниципальным и связанным с избирательным законом вопросам, 6) создание единых муниципалитетов в 5 крупнейших городах К., 7) унификация системы судопроизводства, 8) отмена разделения сил безопасности на полицию и жандармерию, 9) регулирование постановлениями парла-

мента численности армии и сил безопасности, 10) представительство греков и ту-рок в общественных учреждениях, в силах безопасности и

в армии пропорционально численности каждой из общин, 11) сокращение числа членов комиссии общественных учреждений с 10 до 5, 12) принятие решений этой комиссии простым большинством, 13) упразднение палаты общины греков-киприотов с сохранением палаты общины ту-рок-киприотов, если те этого пожелают. Данные предложения представляли собой попытку преодолеть паралич власти в стране в силу невозможности следовать лондонско-цюрихским договоренностям. Вице-президент Кючюк отверг эти поправки, последовали протесты тур. стороны. 21 дек. 1963 г. в Никосии произошла перестрелка между кипрской полицией и группой ту-рок-киприотов, после чего последовали кровавые межобщинные столкновения, спорадически продолжавшиеся в 1964–1965 гг. Брит. войска, переброшенные с военных баз, 29–30 дек. 1963 г. создали в Никосии «зеленую линию» — нейтральную

зону между кварталами обеих общин. Турки-киприоты вышли из всех органов власти и попытались создать свою администрацию, взяв курс на самоизоляцию и разделение острова. В 1964 г. началось перемещение турок-киприотов из районов, где они составляли меньшинство населения, в области, где их было большинство, находившиеся под контролем этой администрации.

Во время конференции по кипрской проблеме в Лондоне (15 янв.—10 февр. 1964) турки-киприоты предложили перемещение населения и образование тур. территорий со своим правительством. Ставя конечной целью расчленение острова, они были готовы вести переговоры о федерации, в к-рой тур. часть занимала бы 38% территории К. Для обеспечения безопасности турок-киприотов они требовали присутствия на К. тур. войск. Эти предложения были отвергнуты кипрским правительством. Великобритания и США предложили ввести на К. контингент миротворческих войск НАТО (тогда как кипрское правительство рассчитывало на помощь миротворческих сил ООН).

15 февр. 1964 г. К. обратился в Совет Безопасности ООН. Резолюция от 4 марта 1964 г. признавала территориальную целостность и полити-

шинство ее офицеров также прибыли из Греции (греч. войска начали тайно переправляться на К. в апр. 1964). На создание Национальной гвардии тур. правительство отреагировало угрозой военного вмешательства: под предлогом защиты тур. общины на острове Турция была готова к силовым действиям против греч. стороны ради укрепления своих геополитических позиций в регионе. Военный конфликт предотвратило послание тур. премьер-министру Исмету Инёню амер. президента Л. Джонсона (5 июня 1964), который осознал, что на турецкое вторжение последует реакция СССР (Н. С. Хрущёв поддержал кипрское правительство, заявив, что в случае военного конфликта Советский Союз не останется в стороне от событий (7 февр. 1964)). Когда в 1967 г., после очередных межобщинных столкновений, Турция была опять готова прибегнуть к силе, др. послание Джонсона помешало началу тур. военного вторжения.

США выдвинули программу решения кипрской проблемы, получившую название «план Ачесона» по имени бывш. госсекретаря Д. Г. Ачесона, к-рый предложил расчленил остров на 2 части: большую присоединить к Греции, а Турцию передать сев.-вост. часть К. (на которой должна была быть

*Архиеп. Макарий III
на позициях
национальной гвардии
около Айос-Иларионас.
Фотография. 1963 г.*

устроена турецкая военная база) и входящий в состав Греции о-в Мей-

исти (Кастелоризо). Два района К. должны были подчиняться тур. комиссарам. При греческом Верховном комиссаре назначался советник по мусульм. делам. Предусматривались особые гарантии прав тур. меньшинства. При объединенных вооруженных силах греков-киприотов и турок-киприотов назначался амер. представитель. Все греки, изгнанные незадолго до этого из Турции (в т. ч. с островов Имброс и Тенедос), должны были вернуться в свои дома. Туркам-киприотам, которые пожелают покинуть страну, предлагалась денежная компенсация. Тур. правительство согласилось обсудить этот план, предполагая в ходе переговоров скор-

ректировать территориальные требования, но греч. правительство и архиеп. Макарий отвергли его, поскольку он ликвидировал Республику Кипр.

После столкновений Национальной гвардии с тур. боевиками у тур. деревень Коккина и Мансура 7–8 авг. турецкие самолеты бомбардировали города и села в северо-западной части К., в результате погибли и были ранены десятки мирных жителей. 9 авг. Правительство Республики Кипр обратилось за поддержкой к СССР и Египту как лидеру Движения неприсоединения (15 авг. Советский Союз заявил, что в случае интервенции окажет помощь К.); в тот же день на заседании Совета Безопасности ООН Греция предупредила, что, если Турция не прекратит бомбардировки, она выступит в защиту К. Совет Безопасности ООН принял резолюцию о прекращении огня, и боевые действия остановились.

В сент. 1964 г., во время визита кипрской правительственной делегации в СССР, было заключено соглашение о помощи К. По договору от 30 сент. 1964 г. К. приступил к закупке советского вооружения. Неприсоединившиеся гос-ва во время Каирской конференции (5–10 окт. 1964) приняли резолюцию, призывавшую уважать суверенитет К. и воздерживаться от вмешательства в его внутренние дела.

Доклад Гало Пласы Генеральному секретарю ООН (26 марта 1965) турки сочли прогрессивным и отказались признавать посредником ООН бывш. президента Эквадора. Пласа считал, что конфликт должен быть решен в результате переговоров 2 общин с помощью ООН. Он признал нек-рые закрепленные Конституцией 1960 г. привилегии турок-киприотов чрезмерными и требующими изменения, выступил против идеи перемещения населения для создания 2 автономных зон на К. и считал независимость страны предпосылкой решения кипрской проблемы (одним из инструментов мог стать референдум).

18 дек. 1965 г. Генеральная Ассамблея ООН приняла резолюцию против постороннего вмешательства в кипрскую проблему, а также о территориальной целостности Республики Кипр.

Попытки греков-киприотов получить от СССР и Чехословакии ору-

жие привели в 1964–1966 гг. к серьезным проблемам в отношениях с Грецией. Политика греч. премьер-министра С. Стефанопулоса (17 сент. 1965 – 21 дек. 1966) характеризовалась враждебностью по отношению к Макарию III. Положение обострилось после одностороннего решения в марте 1966 г. о подчинении всех военных сил Республики Кипр ген. Гривасу (архиеп. Макарий соглашался на подчинение ему только греч. военных подразделений, но не Национальной гвардии).

Правительство Стефанопулоса перешло к прямому греко-тур. диалогу по кипрской проблеме, предложив план присоединения К. к Греции (с сохранением определенной степени суверенитета К. во внутренних делах, подобно степени суверенитета штатов США) в обмен на предоставление Турции военной базы в Декелии. Турки настаивали на независимости К. или на совместном владении островом Греции и Турции. Пиком переговоров стала встреча в Париже министров иностранных дел Ихсана Сабри Чаглаянгила и И. Тумбаса (17 дек. 1966). Диалог был прерван из-за отставки кабинета Стефанопулоса 21 дек. 1966 г. Архиеп. Макарий считал, что переговоры Греции и Турции не могут решить кипрскую проблему, к-рая является внутренним делом К.: судьба острова должна решаться не др. странами, а в процессе диалога 2 общин.

В апр. 1967 г. к власти в Греции пришли военные (хунта «черных полковников»). Их отношения с Макарием III, оставившим идею энзосиса и выступавшим за независимость острова, были очень напряженными. Полковники рассчитывали легко осуществить энзосис, но греко-турецкая «встреча на Эвросе» (9–10 сент. 1967), на к-рой они предложили Турции во владение Декелию в обмен на присоединение К., окончилась неудачей.

Военная операция Национальной гвардии против деревень Кофину и Айос-Теодорос (14–15 нояб. 1967), контролируемых тур. боевиками, к-рые устраивали постоянные провокации на проходившей через эту местность дороге Никосия–Лимасол, дало повод Турции мобилизовать войска для вторжения на К. 17 нояб. тур. правительство предъявило Афинам ультиматум, потребовав вывода греч. войск, находившихся на острове сверх квоты, установленной цю-

рихско-лондонскими соглашениями, отзыва ген. Гриваса, роспуска Национальной гвардии, компенсации ущерба туркам-киприотам и обеспечения большей безопасности общины турок-киприотов. Хунта решила отозвать Гриваса, а через 10 дней согласилась удовлетворить др. требования, однако архиеп. Макарий выступил против роспуска Национальной гвардии. В дек. 1967 г. руководство общины турок-киприотов провозгласило «временную администрацию Республики Кипр» (до февр. 1973 ее возглавлял Кючюк, а затем его сменил Рауф Р. Денкташ). В результате усилий США, руководства НАТО и представителя ООН 16 янв. 1968 г. остров покинули находившиеся там сверх квоты греч. войска и ген. Гривас, а архиеп. Макарий сократил численность Национальной гвардии.

25 февр. 1968 г. архиеп. Макарий одержал победу на президентских выборах, получив подавляющее большинство голосов – 95,45%. В июне 1968 – сент. 1971 и в июне 1972 – июле 1974 г. между греками и турками киприотами велись межобщинные переговоры. Турки-киприоты выразили возможность отказаться от некоторых из своих привилегий, зафиксированных в Конституции 1960 г. Они были готовы обсуждать отмену права вето вице-президента в вопросах внешней политики, внутренней безопасности и обороны и вето тур. депутатов по вопросам налогообложения, соглашались на сокращение числа турок-киприотов в палате представителей, в гос. учреждениях и полиции с 30 до 20%, а также на избрание председателя и зам. председателя парламента совместно всеми депутатами. Взамен турки-киприоты требовали предоставления им самоуправления и покрытия гос-вом всех затрат на просвещение тур. общины. Они выступали категорически против предложенной греками-киприотами отмены соглашения о безопасности, союзе и странах-гарантах.

Наиболее серьезными были различия в видении гос. устройства. Греки-киприоты выступали с тезисом интеграции, единого гос-ва, тогда как турки-киприоты настаивали на федеральном устройстве с созданием тур. района на севере острова.

Одним из сложных вопросов была организация местной администрации турок-киприотов. Архиеп. Макарий возражал против создания

больших самоуправляемых единиц, объединявших тур. села, что привело бы к системе, напоминающей швейцар. кантоны, и высказывался за предоставление самоуправления на уровне сел под контролем Мин-ва внутренних дел. Но под давлением греч. правительства, ООН и зап. держав архиеп. Макарий постепенно был вынужден идти на уступки (напр., согласился на 2-ю ступень местного самоуправления, т. е. на создание адм. единиц из объединения нескольких тур. сел, к-рые бы управлялись районными советами под контролем гос-ва и согласно законам Республики Кипр). Требования турок-киприотов, наоборот, со временем ужесточались. Для того чтобы администрация турок-киприотов не контролировалась центральным правительством и палатой представителей, они предлагали создание ассамблей греч. и тур. общин как 2 органов местных администраций. Во главе 1-й должен был быть Президент К., во главе 2-й – вице-президент. Кроме того, предусматривалось создание Мин-ва по тур. делам, к-рое бы возглавлял турок-киприот. Эту систему Денкташ назвал «функционирующей федерацией». Но греко-кипрская сторона соглашалась только на создание районных советов местной администрации.

С 1969 г. «черные полковники» стали проводить планомерную кампанию против архиеп. Макария. В мар-

Архиеп. Макарий III
во время визита в Афины в 1969 г.
и министр иностранных дел
Греции П. Пипинелис

те 1969 г. начала действовать тайная террористическая организация греков-киприотов «Национальный фронт», поддерживаемая хунтой. 8 марта 1970 г. на архиеп. Макария было

совершено очередное инициированное хунтой покушение (10-е или 11-е по счету, по данным ЦРУ — *Kypris*. 1985. Р. 390).

11 июня 1971 г. для ускорения межобщинных переговоров греч. хунта потребовала, чтобы Макарий III согласился признать центральный орган местной администрации турок-киприотов. Но архиепископ, получивший во время своего визита в СССР (2–9 июня 1971) всестороннюю поддержку, отверг это предложение и вступил в конфликт с греч. правительством. 31 авг. 1971 г. ген. Гривас тайно прибыл на К. и создал подпольную орг-цию ЭОКА-2.

В сент. 1971 г. межобщинные переговоры зашли в тупик из-за вопросов, касавшихся местной администрации. При возобновлении переговоров турки-киприоты отошли от концепции «функционирующей федерации», склоняясь к идее единого 2-общинного гос-ва. В ходе переговоров было решено, что центральным органом местного самоуправления для турок станет тур. часть палаты представителей (во главе с зам. председателя парламента), а для греков — греч. часть (во главе с председателем парламента). При этом число депутатов палаты представителей должно быть увеличено с 50 до 75. За турками останется 15 мест, а число мест греков возрастет с 35 до 60, что будет соответствовать пропорции населения 20 : 80%. Кроме председателя грека и зам. председателя турка учреждалась должность 2-го зам. председателя — тоже грека. Все трое должны избираться депутатами греками и турками совместно. Предусмотренные Конституцией 1960 г. палаты греч. и тур. общин упразднены. Важным достижением был отказ турок-киприотов от объединенный тур. сел в адм. единицы.

Для противодействия террористической деятельности ЭОКА-2 кипрское правительство решило создать резервную полицию, к-рую экипировала оружием чехословацкого производства, что вызвало гнев хунты и попытку гос. переворота на К. (февр. 1972). Архиеп. Макарию пришлось передать это вооружение под контроль миротворческих сил (14 марта 1972) и заменить 3 негодных режиму полковников — членов Кабинета министров (16 июня 1972). Полное восстановление связей кипрского правительства с греч. режимом произошло только 9 авг. 1972 г.

с назначением посла Греции в Никосию.

Межобщинные переговоры остановились в связи с выборами на К. и в Турции. В февр. 1973 г. Макарий III был избран президентом еще на 5 лет, а пост вице-президента занял Денкташ. 14 окт. 1973 г. на выборах в Турции победил лидер Народно-республиканской партии Мустафа Бюлент Эджевит (заявление к-рого о необходимости устройства на К. федерального гос-ва привело к перерыву в переговорах с 9 апр. по 4 июня 1974). 25 нояб. 1973 г. диктатора Г. Пападопулоса сместил бригадный ген. Д. Иоаннидис, который ставил целью свержение архиеп. Макария и осуществление энзосиса. После смерти Гриваса (янв. 1974) ЭОКА-2 перешла под прямой контроль Иоаннидиса.

Тем не менее в межобщинных переговорах наблюдался медленный прогресс: были решены вопросы о компетенции и законодательных полномочиях органов местного самоуправления (единицами местной администрации должны были стать села и муниципалитеты), а также о контроле гос-ва (в лице генерального прокурора) над соответствием их постановлений конституции. За 2 дня до переворота был подготовлен окончательный текст соглашения о местном самоуправлении 5 крупнейших городов К., но путч 15 июля 1974 г. положил конец переговорам.

2 июля 1974 г. архиеп. Макарий, зная о настроениях среди офицерского корпуса греч. войск на К., потребовал от Афин отозвать практически всех греч. офицеров Национальной гвардии с острова и выразил протест в связи с планами хунты свергнуть законное правительство. 15 июля националистически настроенные греч. офицеры начали мятеж против Макария III, атаковав президентский дворец. Архиепископу удалось бежать с англ. базы Акротири на Мальту, затем он прибыл в Лондон и оттуда в Нью-Йорк, где 19 июля выступил на заседании Совета Безопасности ООН. Тем временем мятежники провозгласили Президентом К. националиста Н. Сампсона, получившего в результате межобщинных столкновений 1963 г. прозвище Туркоед. Ранним утром 20 июля тур. войска под предлогом защиты турок-киприотов и восстановления конституционного порядка (предотвращения энзосиса) вторглись на К. Т. о.

стремившаяся к энзосису греч. хунта «черных полковников», организовав на К. переворот, создала идеальные условия для раздела острова. В тот же день Совет Безопасности ООН принял резолюцию, в к-рой потребовал прекращения военного вторжения в Республику Кипр, восстановления конституционного режима и законного правительства, а Макарий III был признан действующим президентом. 20–22 июля на севере острова турки устроили плацдарм, к-рый расширился и после заключенного 22 июля перемирия с Турцией.

Гос. переворот на К. провалился, поскольку мятежники оказались в полной международной изоляции. 24 июля 1974 г. пал военный режим в Греции, в страну вернулся Караманлис, к-рый представлял либеральное, прозап. направление в греч. политике. На К., согласно конституции, к исполнению обязанностей главы гос-ва приступил председатель палаты представителей Г. Клиридис.

25–30 июля и 8–14 авг. 1974 г. в Женеве были проведены 2 конференции по ситуации на К., к-рые не дали результатов. За это время греческое правительство не сделало ничего для усиления обороны К. (кроме доставки 240 т боеприпасов), тогда как турки перебросили на остров 35–40 тыс. солдат, а также 200 танков, 200 бронемашин, 120 артиллерийских орудий и др. 14–16 авг. в результате операции «Аттила» тур. войска оккупировали почти 36,2% территории острова (нейтральная зона, контролируемая миротворческими силами ООН, занимает 3% площади К.). Тур. вторжение привело

Беженцы покидают сев. часть Кипра.
Фотография. 1974 г.

к этнической чистке региона. Из сев. части К., по разным оценкам, было изгнано от 142 до 200 тыс. греков-киприотов, чьи дома и собственность были переданы ушедшим из

южной части острова туркам. Ок. 20 тыс. греков-киприотов оказались в анклавах (в 1975 там оставалось 10 тыс. чел., в 1998 — 500 чел.).

Осенью 1974 г. обсуждение кипрского вопроса состоялось на XIX сессии Генеральной Ассамблеи ООН. 1 нояб. 1974 г. была принята резолюция № 3212, к-рая призвала все гос-ва уважать суверенитет, независимость и территориальную целостность Республики Кипр. В резолюции подчеркивалась необходимость вывода с К. всех иностранных войск, прекращение вмешательства в дела республики, возвращение беженцев в свои дома. Решение Генеральной Ассамблеи ООН было одобрено Советом Безопасности в его резолюции № 364 от 13 дек. 1974 г., что сделало его выполнение обязательным.

7 дек. 1974 г. на К. возвратился президент Макарий III, но восстановить статус-кво, существовавший до переворота, дипломатическим путем было уже невозможно: для этого нужны были меры военного характера.

13 февр. 1975 г. на захваченных территориях было провозглашено Турецкое федеративное гос-во Кипр, к-рое возглавил Денкташ. Основная задача тур. общины острова заключалась в том, чтобы в кратчайшие сроки добиться международного признания при активной поддержке Анкары. Однако введенное Конгрессом США эмбарго на поставки Турции вооружений (5 февр. 1975) и осуждение ООН оккупации территории независимого гос-ва помешали реализации этих планов. Шесть раундов межобщинных переговоров (апр. 1975 — апр. 1977) в Вене и Нью-Йорке провалились, т. к. турки-киприоты были заинтересованы только в сохранении результатов вторжения. Основным принципом внешней политики Северного К. стал циничный в свете происшедших на острове в 1974 г. событий лозунг «Мир в твоём доме — мир во всем мире!». Началось заселение сев. части острова турками с материка. К 1998 г. на К. прибыло почти 100 тыс. чел. Т. о., число переселенцев превзошло число турок-киприотов, из к-рых 40 тыс. эмигрировало с К. (гл. обр. в Великобританию).

В результате встреч архиеп. Макария III с Денкташем 27 янв. и 12 февр. 1977 г. в Никосии (1-я — в присутствии посредника ООН Х. Переса де Куэльяра, 2-я — Генерального секретаря ООН К.

Й. Вальдхайма) были подписаны соглашения, в к-рых провозглашалось, что стороны будут стремиться к созданию независимого 2-общинного федеративного гос-ва. В них также говорилось о свободе передвижения и расселения на острове и о праве частной собственности. Признание греко-кипрской стороной бизональной федерации представляло собой уступку туркам-киприотам. Территория каждой из общин должна была соответствовать критериям экономической жизнеспособности и частной собственности. Однако в понятие федерации турки вкладывали иной политический смысл, подразумевая скорее конфедерацию. 3 авг. 1977 г. архиеп. Макарий скончался

*Встреча
архиеп. Макария III
с Р. Р. Денкташем
12 февр. 1977 г. в Никосии*

от сердечного приступа. Согласно конституции, к исполнению обязанностей президента приступил председатель палаты представителей Спирос Киприану, лидер Демократической партии. В сент. предполагалось провести выборы лица, замещающего пост президента до февр. 1978 г., когда заканчивался 5-летний президентский срок архиеп. Макария. Однако поскольку была выдвинута лишь кандидатура Киприану, то 3 сент. он был провозглашен президентом без проведения выборов. На президентских выборах в февр. 1978 г. Киприану снова как единственный кандидат был объявлен президентом без голосования.

Договоренности архиеп. Макария — Денкташа так и остались нереализованными, т. к. после отмены в сент. 1978 г. эмбарго против Турции попытки США играть роль справедливого судьи в этническом конфликте стали весьма неубедительными. В связи с изменением позиции США и возрастанием региональной роли Турции договоренности, достигнутые ранее под давлением Запада и влиянием принципов Хельсинкской конференции по безопас-

ности и сотрудничеству 1975 г., уже не отвечали политическим амбициям Анкары, стремившейся к созданию независимого тур. гос-ва на оккупированных территориях.

Обе стороны не устроил план М. Нимица, предложенный 10 нояб. 1978 г. США, Канадой и Великобританией. Этот план предусматривал признание Правительством Республики Кипр федерации (фактически конфедерацию 2 равноценных общин) в обмен на оставленные открытыми переговоры о территориальных уступках со стороны турок-киприотов. Отвод тур. оккупационных войск провозглашался не обязательным условием соглашения, а лишь выносимым на обсуждение. Положительным моментом плана Нимица было предложение о постепенном возвращении греков в пригород

Фамагусты Варошу (Варосию) под эгидой ООН. Этот план стал основой последующих планов уре-

гулирования кипрской проблемы, выдвигаемых ООН.

Тур. вторжение 1974 г. нанесло серьезный ущерб кипрской экономике. Более 40% греков-киприотов стали беженцами. Оккупированные территории играли жизненно важную роль в экономике страны до 1974 г.: на северную часть К. приходилось 70% природных ресурсов острова, 46% промышленных объектов, 65% туристической инфраструктуры (в т. ч. 87% строящихся отелей), 56% шахт и карьеров, 41% поголовья скота, 48% продукции сельскохозяйственного экспорта, 45% школ; порт Фамагуста обслуживал 83% грузопотока. Предполагалось, что восстановление экономики займет десятилетия. Однако благодаря упорному труду греков-киприотов страна быстро смогла вернуться на довоенный экономический уровень и начать стабильный долговременный экономический подъем, к-рый был назван экспертами «кипрским экономическим чудом». В 1975–1985 гг. динамично развивались легкая промышленность и перерабатывающие отрасли, но при этом уменьшилась доля сельского хозяйства

в экономике К. С сер. 80-х гг. XX в. ведущую роль играют сфера услуг и туристическая отрасль. В 90-х гг. XX в. экономический рост составлял 4% — лучший показатель среди стран ЕС.

19 мая 1979 г. на встрече Киприану с Денкташем была достигнута договоренность, 10 пунктов которой уточняли соглашение архиеп. Макария—Денкташа 1977 г. Было решено начать межобщинные переговоры в Никосии 15 июня. В этот раз помимо территориальных и конституционных вопросов предполагалось уделить особое внимание возможности возвращения беженцев под эгидой ООН в пригород Фамагусты Варошу. Обсуждались также проблемы безопасности и вывода оккупационных войск. Были сформулированы основные принципы решения кипрской проблемы: кипрское гос-во должно быть независимым и представлять собой 2-общинную бizonальную федерацию; территория, находящаяся под управлением каждой из общин, будет определена на основе экономической жизнеспособности и частного владения землей каждой из общин; на основе принципа 2-общинного федерального управления будут решены такие проблемы, как свобода передвижения и размещения и право собственности; компетенция и полномочия федерального правительства будут гарантировать единство страны, учитывая ее 2-общинный характер. Межобщинные переговоры, начавшиеся 15 июня, вскоре зашли в тупик. Камнем преткновения стали вопросы возвращения беженцев в Фамагусту и бizonальности. Турки-киприоты отказались обсуждать проблему Фамагусты до решения вопроса о гос. устройстве К. как конфедерации, а не как федерации. Денкташ настаивал на признании существования на острове 2 гос-в и 2 народов и на провозглашении его правительства равным Правительству Республики Кипр. Переговоры были приостановлены из-за нежелания тур. стороны признать свободу перемещения, размещения и право собственности и обсуждать проблемы оккупационных войск и тур. переселенцев с материка.

15 нояб. 1983 г. Турецкое федеративное гос-во Кипр было преобразовано в Турецкую Республику Северного Кипра (ТРСК), к-рая была признана только Турцией. Президентом этого псевдогос-ва был избран

Денкташ. Хотя ТРСК не была признана в ООН (резолюцией № 541 Совета Безопасности от 18 нояб. 1983 она объявлена незаконным образованием), ее представитель участвует в работе ООН в Нью-Йорке, под-

«Зеленая линия»
в центре Никосии.
Фотография. Кон. XX в.

держивает отношения с различными аффилированными с ООН организациями и агентствами, а также с расположенным на острове офисом специального представителя ООН. Представитель ТРСК при ООН принимает участие во всех переговорах, связанных с кипрской проблемой. Турки-киприоты были представлены на встречах участников Исламской конференции с 1976 г.; кроме того, с 1992 г. ТРСК получила статус наблюдателя в Орг-ции экономического сотрудничества и развития (ЕСО).

Безрезультатными оказались встреча в янв. 1985 г. в Нью-Йорке Киприану и Денкташа, новые инициативы Генерального секретаря ООН Переса де Куэльяра в апр. 1985, марте 1986 и июле 1989 г., предложения его преемника Б. Бутроса-Гали в апр. 1992 г. и 3 раунда переговоров Г. В. Вассилиу (Президент К. в 1988–1993) с Денкташем (18–23 июня, 15 июля — 14 авг., 28 окт. — 11 нояб. 1992).

В 1986 г. было изменено количество депутатских мест в парламенте Республики Кипр: 80 мест (56 греков-киприотов и 24 турка-киприота) вместо 50 (35 греков-киприотов и 15 турок-киприотов).

Одновременно с усилением экономической мощи кипрское правительство последовательно работало над созданием условий для реализации национальной оборонительной доктрины. Важнейшим политическим успехом К. стало присоединение к единой Европе (еще в 1961 К. стал членом Совета Европы, а в 1972 заключил договор об ассоциативном членстве с Европейским

экономическим сообществом). 4 июля 1990 г. Республика Кипр направила заявку на вступление в Евросоюз (ЕС). Европейская комиссия, рассмотрев заявку, отметила 30 июня 1993 г., что К. соответствует требованиям, необходимым для начала процесса подготовки к присоединению к ЕС. К. в свою очередь еще раз заявил, что готов

выполнять все свои обязательства в связи с членством в ЕС. 4 окт. 1993 г. Совет министров Евросоюза принял решение про-

вести переговоры с К. о вступлении в ЕС, к-рые начались в нояб. 1993 г. и завершились в сер. 1995 г. В 1994 г. на заседаниях Европейского совета на Керкире (о-в Корфу) и в Эссене было подтверждено, что К. будет принят в ЕС в ходе новой фазы его расширения. Совет ЕС по общим вопросам 6 марта 1995 г. определил, что переговоры о вступлении в ЕС должны начаться через 6 месяцев после создания в 1996 г. межправительственной конференции. Стратегия К. предполагала диалог с руководством ЕС по проблемам вступления в это политическое и экономическое объединение и обсуждение буд. роли К. в ЕС, а также рассмотрение вопроса об экономической поддержке в рамках действия финансовых протоколов по Соглашению об ассоциации.

Подписание в янв. 1997 г. К. с Россией Соглашения о закупке ракет класса «земля—воздух» комплекса С-300 вызвало угрозы со стороны Турции, к-рая заявила, что нанесет превентивный удар в случае их доставки на остров. Отрицательно отреагировали также США и страны ЕС. В результате ракеты были размещены на Крите. Во время встречи Клиридиса (Президент К. в 1993–1998, 1998–2003) и Денкташа 11–15 авг. 1997 г. в Глионе (пригород Монтрё, Швейцария), устроенной Генеральным секретарем ООН Кофи Аннаном, лидер турок-киприотов поставил условием переговоров отзыв кипрской заявки на вхождение в ЕС.

На заседании Европейского совета в Люксембурге 12–13 дек. 1997 г.

К., Венгрия, Польша, Эстония, Чехия и Словения были приглашены в ЕС. Переговоры с первыми 6 кандидатами на вступление в ЕС («Люксембургской группой») в рамках его расширения начались в кон. марта 1998 г. 1-й этап переговоров был посвящен преимущественно изучению кипрского законодательства и путям его адаптации к основным законодательным документам ЕС. Для большей интеграции в европ. дела и проблемы К. присоединился к Европейской конференции, к-рая начала работу 12 марта 1998 г. в Кардиффе.

На заседании Европейского совета в Хельсинки в дек. 1999 г. было подтверждено, что решение политической проблемы острова не является обязательным предварительным условием вступления К. в ЕС. Тем не менее страны, входящие в ЕС, США и Великобритания выражали желание, чтобы межобщинные переговоры завершились соглашением до заседания Европейского совета в Копенгагене в дек. 2002 г., на котором будет окончательно решен вопрос о вступлении К. в ЕС. Переговоры, начатые 16 янв. 2002 г., быстро зашли в тупик из-за того, что Денкташ, как и в 1999–2000 гг., требовал международного признания своего гос-ва прежде заключения к.-л. соглашения и не желал обсуждать никаких вариантов, кроме создания конфедерации 2 независимых гос-в.

В 2002–2004 гг. ООН предприняла решительную попытку объединить остров. 11 нояб. 2002 г. Генеральный секретарь ООН К. Аннан выдвинул детальный план урегулирования кипрской проблемы. В первоначальном варианте (плане Аннана (1)) были предложены конкретные и ясные пути преодоления многолетнего раскола острова: превращение К. в единое гос-во, состоящее из 2 равных федераций, и в единую международную единицу, где всем его жителям предоставляется кипрское гражданство; сокращение зоны проживания тур. общины с 36,2 до 28,5%; возвращение 85 тыс. греков-киприотов в свои дома, находящиеся в сев. части острова; выплата компенсации потерявшим кров во время событий 1974 г.; вступление единого К. в ЕС и дальнейшее развитие особых отношений с Грецией и Турцией; выборы 2-палатного парламента, где будет 48 депутатских мест; создание Президентского совета, состоящего из 6 членов (пропорцио-

нально количеству населения 2 общин острова) с 10-месячной ротацией председателя совета; демилитаризация острова, подкрепленная введением эмбарго на поставку вооружений на К.; постоянный мониторинг соблюдения прав человека и национальных меньшинств. 6–9 дек. в Никосии этот план обсуждался специальным советником Генерального секретаря ООН Альваро де Сото с представителями греков-киприотов и турок-киприотов; в текст были внесены незначительные изменения. 10 дек. план Аннана (2) был предложен на рассмотрение Клиридису и Денкташу. Прибывшая в Копенгаген делегация турок-киприотов отвергла план Аннана (2). После этого на заседании Европейского совета, проходившем в Копенгагене 12–13 дек. 2002 г., было принято решение о вступлении К. в ЕС в качестве полноправного члена 1 мая 2004 г.

14 янв. и 26 февр. 2003 г. на оккупированной части острова произошли массовые демонстрации против Денкташа и его политики, поддерживаемой Анкарой. План Аннана был в 3-й раз пересмотрен 26 февр. 2003 г. Генеральный секретарь ООН во время визита на К. 27–28 февр. 2003 г. призвал новоизбранного президента Тассоса Пападопулоса (2003–

23 апр. 2003 г., уступая растущему недовольству местной оппозиции и международному давлению, вызванному отрицательным ответом на план Аннана (3), лидеры турок-киприотов были вынуждены частично снять ограничения, введенные в 1974 г. на пересечение греками-киприотами и турками-киприотами демаркационной линии. Выборы на оккупированных территориях 15 нояб. 2003 г. положили конец всевластию Денкташа. Проправительственные и оппозиционные партии получили равное число голосов. Новое правительство возглавил председатель Турецкой республиканской партии Мехмет Али Талат, а его заместителем и министром иностранных дел стал сын Денкташа Сердар, глава Демократической партии.

29 марта 2004 г., после провалившихся из-за нежелания турок-киприотов идти на уступки переговоров в Никосии (19 февр. – 22 марта 2004) и в Бюргенштоке близ Люцерна (24–31 марта 2004), Генеральный секретарь ООН предложил план Аннана (4), а 31 марта, после реакции греч. и тур. сторон, – окончательный вариант (план Аннана(5)), к-рый должен был быть вынесен на референдум 24 апр. 2004 г. Желание добиться согласия тур. стороны заставило

ООН сделать этот документ более приемлемым для турок: почти все их

*Президент Кипра
Т. Пападопулос подписывает
договор о вступлении в ЕС
на саммите в Афинах
16 апр. 2003 г.*

2008) и Денкташа встретиться 10–11 марта 2003 г. в Гааге для обсуждения плана Аннана (3), к-рый предполагалось вынести на референдумы в юж. и сев. частях острова. 30 марта 2003 г. Денкташ категорически отверг предложения Аннана. 16–17 апр. 2003 г. в Афинах состоялся саммит ЕС. Центральным событием 2-дневного форума стало подписание 16 апр. договора о вступлении в ЕС 10 гос-в, в т. ч. К. 14 июля 2003 г. этот договор был ратифицирован кипрским правительством, с 1 мая 2004 г. К. стал полноправным гос-вом – членом ЕС.

требования были включены в план Аннана (4) и план Аннана (5). Однако внесенные изменения вызвали протест официального кипрского правительства, выразившего интересы греков-киприотов. 31 марта – 1 апр. 2004 г. план Аннана (5) был представлен обеим сторонам. И хотя Денкташ продолжал выступать против проекта Аннана, Анкара выразила готовность поддержать план ООН и заявила о своем согласии с его основными положениями. Однако доработанный документ имел серьезные (по мнению кипрского руководства) отличия от первоначального варианта. Согласно плану Аннана (5), предполагалось сократить количество греч. беженцев,

возвращавшихся на Северный К., с 21 до 18% по отношению к турецкому населению, вместо чередования на посту президента К. всех членов Президентского совета (4 грека, 2 турка) ввести очередность по схеме 1 грек — 1 турок, возложить выплаты компенсаций за собственность беженцев не на Турцию, а на кипрское правительство. Абсолютно неприемлемым стало положение о том, что с острова необходимо вывести все иностранные войска, за исключением 650 турецких военных, а также отказ от решения проблемы переселенцев из Турции. В силе оставался и статус Турции как страны-гаранта, имеющей право на одностороннее вмешательство в дела К. Президент К. в специальном обращении подчеркнул, что план ООН не только не прекращает фактического разделения острова, но и узаконивает его. Он назвал данный план, разрешающий дальнейшее присутствие на острове тур. оккупационных войск, нежизнеспособным. Доработка документа без учета мнения греч. стороны привела к тому, что большинство греков-киприотов выступили против объединения. На референдуме в юж. части К. против плана проголосовало 75,83% избирателей, за — 24,17%. Большинство турок-киприотов поддержали мирный план по объединению К., предложенный ООН. По данным избирательного комитета тур. общины, 64,9% электората высказались за и 35,1% — против. В результате референдума греки-киприоты получили частичный энозис, поскольку К. и Греция стали членами единой Европы, а турки — неполноценный, невыгодный им же самим вариант таксима, т. к. вступление в ЕС было бы для них значительно более перспективной альтернативой, что подтвердили результаты референдума в сев. части К.

1 янв. 2008 г. на К. было введено евро. Избранный Президентом К. 24 февр. 2008 г. представитель АКЭЛ Димитрис Христофиас выступил за скорейшее возобновление диалога с турками-киприотами. 21 марта 2008 г. состоялась встреча Христофиаса с Талатом (Президент ТРСК в 2005–2010), в ходе которой было подтверждено, что К. должен был стать единым гос-вом с единым суверенитетом, гражданством и международным представительством, а также была достигнута договоренность о возобновлении пе-

реговоров по мирному урегулированию кипрской проблемы, созданию экспертных групп для подготовки нового соглашения и об открытии пропускного пункта в цент-

в период его председательства в Совете ЕС, кипрское правительство готово к дальнейшим конструктивным шагам и переговорам по созданию единого гос-ва и достижению базовых договоренностей с турками-киприотами. Особо важной стала инициатива К. «вернуть жизнь в Фамагусту», пустой пригород которой находит-

Город-призрак Фамагуста

ся под контролем миротворческих сил ООН. Совместное использование порта Фамагусты турками-киприотами и греками-киприотами под наблюдением ООН мо-

жет активизировать экономическую жизнь в этом регионе, а также стать мостом доверия и сотрудничества между 2 общинами.

Финансовый кризис в Европе затронул и К., считавшийся вполне благополучной в экономическом плане страной. В кон. июня 2012 г. кипрское правительство обратилось за помощью к ЕС и Международному валютному фонду, став 5-й страной Еврозоны, к-рая официально признала невозможность решить внутренние финансовые проблемы, опираясь на собственные средства. По мнению экспертов, страна оказалась на грани банкротства из-за большого числа кредитов, выданных Греции. Размеры внешних кредитов, которые потребуются К. до 2016 г., составляют от 10,6 до 18,4 млрд евро, т. е. до 100% ВВП страны. Кредиты будут использованы для погашения внешнего долга в размере 6,1 млрд евро, а также на рекапитализацию кипрских банков, чьи активы во много раз превышают ВВП К. Убытки кипрских банков после того, как им пришлось списать часть греческого гос. долга в рамках его «добровольной» реструктуризации, составили 4,2 млрд евро, или 24% ВВП страны.

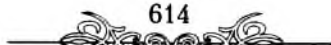
1 июля 2012 г. К. впервые после вступления в ЕС получил право председательствовать в Совете ЕС. Т. о., во 2-й пол. 2012 г. представитель К. возглавил работу профильных советов министров ЕС и председательствовал на заседаниях с участием глав мин-в стран — членов ЕС в Брюсселе. Специально для этого периода кипрское правительство разработало программу «За лучшую Европу», к-рая предусматривала укрепление сотрудничества европ. стран с гос-вами Сев. Африки и поддержку вступления в ЕС таких Балканских стран, как Черногория и Сербия. Ни́ко́сия также приложила усилия к созданию конструктивного климата для переговоров по бюджету ЕС на 2014–2020 гг. и принятия к кон. 2012 г. проекта «Общеввропейской системы предоставления убежища». Особое внимание было уделено борьбе с детской бедностью и специальным программам помощи детям.

Несмотря на заявления Турции бойкотировать любые мероприятия, организованные по инициативе К.

жест активизировать экономическую жизнь в этом регионе, а также стать мостом доверия и сотрудничества между 2 общинами.

Финансовый кризис в Европе затронул и К., считавшийся вполне благополучной в экономическом плане страной. В кон. июня 2012 г. кипрское правительство обратилось за помощью к ЕС и Международному валютному фонду, став 5-й страной Еврозоны, к-рая официально признала невозможность решить внутренние финансовые проблемы, опираясь на собственные средства. По мнению экспертов, страна оказалась на грани банкротства из-за большого числа кредитов, выданных Греции. Размеры внешних кредитов, которые потребуются К. до 2016 г., составляют от 10,6 до 18,4 млрд евро, т. е. до 100% ВВП страны. Кредиты будут использованы для погашения внешнего долга в размере 6,1 млрд евро, а также на рекапитализацию кипрских банков, чьи активы во много раз превышают ВВП К. Убытки кипрских банков после того, как им пришлось списать часть греческого гос. долга в рамках его «добровольной» реструктуризации, составили 4,2 млрд евро, или 24% ВВП страны.

Большие надежды кипрское правительство возлагало на Россию, к-рая в кон. 2011 г. предоставила К. кредит в 2,5 млрд евро под невысокий по сравнению с рыночным процент. В нач. авг. 2012 г. состоялась телефонная беседа между президентами В. В. Путиным и Христофиасом, в ходе к-рой помимо др. важных тем обсуждались перспек-

тивы сотрудничества России и К. в экономической области.

Дефицит бюджета К. составил по итогам 2012 г. 6,3% ВВП страны и, следов., не укладывался в план по снижению дефицита и приведению его в соответствие с нормами Пакта стабильности и роста, лимитирующего показатель 3% ВВП. К. находится под процедурой принудительного сокращения дефицита бюджета. Основными источниками денежных поступлений в казну К. стали налоговые сборы на импортные товары, подоходный налог и налог на роскошь. Гос. долг К. в кон. 2012 г. достиг 85,8% ВВП. В этом отношении страна также превышает лимит пакта, находящийся на отметке 60% ВВП. Большое значение для К. имеет разработка месторождений природного газа. Однако эксплуатация природных ресурсов своих территориальных вод при тесном сотрудничестве с Израилем сталкивается с противодействием Турции, к-рая не признаёт объявленную Израилем и К. эксклюзивную экономическую зону и право греков-киприотов на разработку месторождений в Вост. Средиземноморье.

По мнению ряда тур. аналитических агентств, Израиль стремится использовать свои вооруженные силы для охраны газодобывающих платформ в море у берегов К. Во время визита израильского премьер-министра Биньямина Нетаньяху на К. (16 февр. 2012) обсуждались вопросы добычи газа, его хранения и транспортировки в Европу и Азию. Кипрское правительство убедило Израиль не делать инвестиций в экономику Северного К., а Нетаньяху предложил, что Израиль профинансирует строительство всех газодобывающих платформ в море у берегов К., если Никосия согласится, чтобы все 10 тыс. работников на этих платформах были гражданами Израиля. Было решено также, что базой всех отрядов и подразделений, связанных со строительством и в последующем с охраной газодобывающих платформ, станет Лимасол, порт и крупный промышленный центр К. Этот же вопрос активно обсуждался во время офиц. визита Президента Израиля Шимона Переса в Грецию 6–8 авг. 2012 г. Важным событием стало подписание 8 авг. 2013 г. Грецией, К. и Израилем 3-стороннего соглашения о сотрудничестве в области энергетики и водных ресурсов.

В марте 2013 г. на К. разразился финансовый кризис, результатом которого стали введение единовременного налога на депозиты выше 100 тыс. евро в размере от 40 до 60% и потеря возможности получать поддержку одновременно от ЕС и от России, что давало К. возможность проводить более гибкую и независимую политику. Несомненно, политико-экономические связи между Россией и К. сохранятся, но они, вероятно, приобретут другое качество. Еврокомиссия предполагает, что ВВП К. в 2013 г. снизится на 8,7%, а в 2014 г. — на 3,9%. Новый Президент К. Никос Анастасиадис (избран в февр. 2013), лидер партии Демократический сбор, предложил эффективную программу преодоления кризиса, к-рая, по прогнозам специалистов, может дать свои первые результаты уже в нач. 2015 г. Ист.: Kissinger H. Years of Upheaval. Boston, 1982; Παπαγεωργίου Σ. Τα Κρίσιμα Ντοκουμέντα του Κυπριακού: 1959–1967. Αθήνα, 1983. 3 τ.; Παπαδόπουλος Α. Γ. Το Κυπριακό Ζήτημα: Κείμενα 1959–1974. Θεσσαλονίκη, 1999; Ψηφίσματα των Ηνωμένων Εθνών για το Κυπριακό πρόβλημα: 1964–2001. Λευκωσία, 2002. Лит.: Polygiou P. G. Cyprus: Conflict and Negotiation: 1960–1980. L., 1980; Cyprus Intercommunal Talks: Following the Turkish Invasion of July–August 1974. Nicosia, 1982; Κρανιδιώτης Γ. Το Κυπριακό Πρόβλημα... 1960–1974. Αθήνα, 1984; Kypris N. P. History of Cyprus. Nicosia, 1985. P. 378–419; Κρανιδιώτης Ν. Ανοχύρωτη Πολιτεία: Κύπρος, 1960–1974. Αθήνα, 1985. 2 τ.; Κληρίδης Γ. Η Κατάθεσή μου. Λευκωσία, 1988–1991. 4 τ.; Οικονομίδης Χ. Απομυθοποιημένη Ιστορία του Κυπριακού τα τελευταία 50 χρόνια. Λευκωσία, 1993; Η τελευταία περίοδος αγγλοκρατίας στην Κύπρο, 1941–1959 // Ιστορία του ελληνικού έθνους. Αθήνα, 2000. Τ. 16. Σ. 430–463; Η Κυπριακή Δημοκρατία από τις συμφωνίες της Ζυρίχης και του Λονδίνου ως και την τουρκική εισβολή, 1959–1974 // Ibid. Σ. 464–483; Εσωτερικές πολιτικές εξελίξεις και η Ευρωπαϊκή πορεία της Κύπρου, 1974–1998 // Ibid. Σ. 484–503; Κύπρος: Η Πορεία ένταξης στην Ευρωπαϊκή Ένωση. Λευκωσία, 2002; Λάμπρου Γ. Κ. Ιστορία του Κυπριακού: Τα χρόνια μετά την ανεξαρτησία, 1960–2004. Λευκωσία, 2004; Рытов А. Г. Внешняя политика Греции в эпоху глобальных перемен (1990–2005). М., 2005; он же. Кипр на пути к объединению. М., 2005; он же. Очерки послевоенной истории Греции (1945–1989). М., 2006; Coufoudakis V. Cyprus: A Contemporary Problem in Historical Perspective. Minneapolis, 2006; Егиазарян А. Грузия: Структурные проблемы экономики и турецкая внешнеэкономическая экспансия (1994–2007). Ереван: М., 2007; он же. Турция и Россия во внешнеэкономических отношениях Азербайджана (1995–2006). Ереван: М., 2007; Ошлаков М. Ю. Saga о свободе: Совр. история Кипра. М., 2009; Pericleous C. The Cyprus Referendum: A Divided Island and the Challenge of the Annan Plan. L.; N. Y., 2009; The Republic of Cyprus: An Overview. Nicosia, 2011.

А. Г. Рытов

Памятники православного искусства. Архитектура. В силу географического положения К. занимает особое место в истории византийской архитектуры. С одной стороны, остров находился на пересечении морских путей, что способствовало быстрому приходу сюда новых архитектурных идей. С др. стороны, определенная изоляция от остальной территории империи, частые нападения врагов и изменения в национальном составе населения придали кипр. архитектуре локальное своеобразие.

Ранневизант. храмы (всего ок. 80; Papacostas. 1999. Vol. 1. П. 275) расположены преимущественно на побережье К.: внутри острова значительные церковные комплексы известны только в районе 2 епископских центров: Тримифунта и Ледры. До араб. нашествия основной формой храма на К., как и в остальном Средиземноморье, являлась базилика эллинистического типа (с колоннами и черепичной крышей на деревянных стропилах) со стандартным литургическим устройством: алтарной преградой, синтроном, амвоном и др.

Самой крупной на острове была 7-нефная базилика свт. Епифания в Саламине (с дополнительными боковыми галереями) — кафедральный храм предстоятеля Кипрской Православной Церкви. Весьма узкие крайние нефы этого здания типологически сближают его с 5-нефной базиликой. Другая 7-нефная кипрская базилика, ц. Пресв. Богородицы Хрисополитиссы в Пафосе, позднее была перестроена в 5-нефную.

На К. преобладают стандартные 3-нефные базилики: Кампанопетра в Саламине, Ахиропиитос в Лампусе, Св. Троицы близ с. Ялусы, Пресв. Богородицы Лимениотиссы в Пафосе, сщмч. Ираклидия близ Политико, сщмч. Конона близ Пафоса, под храмами свт. Спиридона в Тримифунте, ап. Варнавы близ Саламина, свт. Филона, Бесплотных сил (Асоматон) и Пресв. Богородицы Сики на п-ове Карпасия, Пресв. Богородицы «Одигитрии» в Никосии, мч. Маманта в Морфу, в Солах, Амафунте, в Курии и за его стенами, в Алесе, Лиси, в Маратовуносе, в Калавасос-Копетра, в Калавасос-Сирмата, базилика «А» в Пейе (близ Пафоса), базилика «А» на мысе Дрепано и др. (Χοτζακόγλου. 2005). Все базилики имеют развитую восточную часть: при этом в одних за центральной

Важнейшие храмы, монастыри, памятники церковной архитектуры и живописи

1 Собор Св. Софии	22 Ц. Пресв. Богородицы Аракос	44 Ц. свт. Димитриана в Дали
2 Собор ап. Иоанна Богослова	23 Мон-рь Пресв. Богородицы Троодитиссы	45 Ц. Пресв. Богородицы Ангелоктиссы
3 Ц. Пресв. Богородицы Хриселусы в Строволосе	24 Базилики в Айос-Еорьос-тис-Пейиас	46 Ц. прав. Лазаря
4 Мон-рь арх. Михаила (подворье Киккского мон-ря)	25 Мон-рь прп. Неофита Затворника	47 Ц. прп. Антония Великого в Келье
5 Мон-рь сщмч. Ираклидия	26 Базилики Пресв. Богородицы Хрисополитиссы, Лимениотиссы и катакомбы св. Соломони	48 Ц. прп. Евфимиана в Лиси
6 Мон-рь Жалия	27 Мон-рь Пресв. Богородицы Хрисорройятиссы	49 Мон-рь Агия-Напа
7 Базилика в Солах	28 Мон-рь Иереев (Агия-Мони)	50 Ц. Спасителя в Сотире
8 Ц. мч. Маманта	29 Ц. Честного Креста в Омодосе	51 Соборы свт. Николая Чудотворца и вмч. Георгия Победоносца «Греческого» в Фаматусте
9 Ц. Пресв. Богородицы Ахиропиитос	30 Мон-рь Пресв. Богородицы Амасту	52 Мон-рь ап. Варнавы
10 Замок прп. Илариона	31 Базилики Курия	53 Базилики свт. Епифания и Кампанопетры в Саламине
11 Аббатство Белапаис	32 Мон-рь свт. Николая Чудотворца «Кошачьего»	54 Ц. Пресв. Богородицы
12 Мон-рь свт. Иоанна Златоуста близ Куцовендиса	33 Мон-рь Пресв. Богородицы Сфлангиотиссы	55 Ц. Христа Антифонита
13 Ц. преподобных Варнавы и Илариона в Перистероне	34 Базилики Амафунта	56 Ц. Пресв. Богородицы Киры
14 Ц. Пресв. Богородицы Асину	35 Мон-рь прп. Георгия Аламана	57 Ц. прп. Соломони
15 Киккский мон-рь	36 Мон-рь Пресв. Богородицы Глосса	58 Ц. Пресв. Богородицы Канакарии
16 Мон-рь прп. Иоанна Лампадиста в Калопанайотиссе	37 Мон-рь вмч. Минья	59 Базилика Св. Троицы
17 Ц. Пресв. Богородицы в Мутулассе	38 Ц. арх. Михаила	60 Базилика свт. Филона
18 Ц. Пресв. Богородицы «тис Подиту»	39 Махерасский мон-рь	61 Базилика Бесплотных сил и ц. вмч. Георгия Победоносца в Афедрике
19 Ц. арх. Михаила в Педулассе	40 Мон-рь Ставровуни	62 Мон-рь ап. Андрея Первозванного
20 Собор свт. Николая Чудотворца «тис Стегис»	41 Королевская часовня в Пирге	
21 Ц. Честного Креста «ту Агисматис»	42 Мон-рь первоум. Феклы	
	43 Ц. св. Апостолов в Пера-Хорью	

апсидой и боковыми нефами оборудованы дополнительные помещения разного назначения, вписывающие храм в прямоугольный абрис (базилика свт. Епифания в Саламине, Пресв. Богородицы Хрисополитиссы в Пафосе, епископская базилика в Курии); в других — боковые нефы завершаются апсидами, вероятнее всего под влиянием соседней Пале-

стины (Rosenthal. 1982; перестроенная базилика Пресв. Богородицы Хрисополитиссы, базилики в Солах, Лапифе (Лампусе), Политико, Курии, Амафунте, Лиси, свт. Филона, базилика «А» в Пейе, под ц. мч. Маманта в Морфу, базилика «А» на мысе Дрепано). Базилика Кампанопетра совмещает обе эти особенности; в ней также были хоры. Мн.

базилики, особенно епископские, представляют собой целые комплексы, включающие в т. ч. боковые галереи, баптистерий, нартекс или атриум и служебные помещения. Кипрские базилики обычно украшались напольными мозаиками из каменных тессер; известны также фрески, настенные мозаики и opus sectile (напр., в базилике свт. Филона).

Раннехрист. базилики подверглись разрушению в результате араб. нашествий и землетрясений. В средневизант. период наименее пострадавшие из них были перестроены в базилики др. типа (с опорой перекрытий на столбы), на месте других воздвигли базилики меньшего масштаба (напр., в 654/5 еп. Иоанн перестроил разрушенную арабами базилику в Солах).

На К. практически отсутствуют ранневизант. центрические храмы. Впосл. здесь практически не встречаются три- и тетраконхи (исключения — парекклисион, пристроенный к ц. прмц. Параскевы в *Героскипу* (Ероскипу), храм в Ставровуни). Также известен только один случай перестройки языческого святилища в христ. церковь — храм Зевса в Саламине.

В период кондоминиума (649–965) церковное строительство утрачивает свои масштабы, предпола-

Церковь святых Андроника и Афанасия во Френаросе. Кон. XI — нач. XII в.

колонных базилик или рядом с ними строятся новые короткие базилики на столбах: на п-ове Карпасия — Бесплотных сил (Асоматон) и ц. Пресв. Богородицы Афендрики, вмч. Варвары близ Коровии, *Канакарии Пресв. Богородицы ц.* в Литрангоми, ц. Пресв. Богородицы Сики; в Саламине и его окрестностях — ап. Варнавы и перестроенная ц. свт. Епифания (?); внутри острова — свт. Спиридона

Церковь Пресв. Богородицы Хрисополитиссы в Пафосе. V в.

в Тримифунте, сщмч. Ираклидия; на юго-западе К. — ц. Пресв. Богородицы Лимениотиссы в Пафосе, Честного Креста в Анойире и, возможно, базилика в Эпископи близ Курия; на севере острова — мч. Маманта в Морфу. Единственный пример купольного храма этого периода — базилика прмц. Параскевы в Героскипу, возведенная на Т-образных столбах, с рукавами креста и куполами над ними и тетроконхальным купольным пастофо-рием. Возможно, построена под влиянием архитектуры к-польского храма св. Апостолов (ср. с ц. ап. Андрея Первозванного в Перистерере близ Фессалоники,

Церковь прмц. Параскевы в Героскипу. IX в.

кон. IX в.). Чуть усложненной копией ц. прмц. Параскевы в Героскипу является ц. преподобных Варнавы и Илариона в Перистероне, которая да-

тируется по кладке приблизительно XI–XII вв.

С восстановлением визант. владычества церковное строительство на К. возобновляется в новых формах: наряду с зальным храмом основным типом церковного здания на острове становится купольный храм. При отсутствии достаточных средств для строительства больших купольных церквей в средневизантийское время и в эпоху лат. владычества на К., так же как и на островах Эгейского м. (Крит, Наксос), возводили храмы самого простого типа с 3-трапезным купольным залом, где небольшой купол опирается на пилястры, а боковые арки центральной трапезы обычно приобретают снаружи форму рукавов креста. Самый ранний пример — ц. свт. Фотия близ Ялусы. К этому же типу относятся храмы: свт. Николая Чудотворца в Хлоракасе близ Пафоса (IX–X вв.); Пресв. Богородицы «ту Кампу» в Хирокитии и Св. Софии в Тими (кон. X — нач. XI в.), Пресв. Богородицы Галактотрофусы в Фасури и вмч. Марины в Канду (сер. XI в.); арх. Михаила в Ялусе и вмч. Георгия Победоносца «Фарангу» (XI — нач. XII в.); вмч. Георгия Победоносца близ Куцовендиса, вмч. Марины в Деринии и прп. Андроника во Френаросе (кон. XI — нач. XII в.); храмы святителей Кирилла и Афанасия в Меногии, Пресв. Богородицы «ту Кампу», сщмч. Антипы в Пиройи, равноапостольных Константина и Елены в Сускии (XII в.); Панагии Аракос близ Лагудеры и мч. Мавры в Килани (XII в. или сер. XI в.; в обоих купол позднее убран под 2-скатную крышу); Пресв. Богородицы Лампадиотиссы близ Мицера и Пресв. Богородицы в Трикомо (нач. XII в.); к сер. XII в. — церкви св. Апостолов в Пера-Хорью, ап. Павла в Кипарисовуно и Пресв. Богородицы Ипати в Айос-Амвросиос (сер. XII в.); Пресв. Богородицы Хордакиотиссы в Сотире, Пресв. Богородицы в монастыре Тохниу близ Мандреса, Пресв. Богородицы Афендрики в Куцовендисе и арх. Михаила в Като-Лефкаре (кон. XII в.). Иногда, как и на островах Эгейского м. и в Греции, в купольных залах появляются 1 или 2 ниши в заплечиках апсиды (северная — для протесиса); напр., в ц. арх. Михаила в Като-Лефкаре, св. Апостолов в Перахорью, Пресв. Богородицы Криниотиссы в Василии. У таких

жительно этим временем датируются ок. 20 храмов (*Papacostas*. 1999. Vol. 1. П. 276); крупнейшим центром храмоздания в это время является п-ов Карпасия (8 церквей). Отсутствие надежных датировок для большинства кипр. храмов затрудняет возможность даже предположительно определить, когда они были построены — до или после воссоединения с Византией. На месте старых

храмов пилястры могут приобретать полукруглую (ц. Пресв. Богородицы Лампадиотиссы) или колоннообразную (церкви Пресв. Богородицы в мон-ре Тохниу и Пресв. Богородицы в Трикомо) формы, удлиняясь, превращая их в подобие типа компактно вписанного креста (ц. арх. Михаила, сер. или кон. XI — нач. XII в., ц. святых Андроника и Афанасии, кон. XI — нач. XII в., во Френаросе). Встречаются известные по храмам в Греции варианты купольного зала, построенного как пареклисион (церкви Св. Троица и Спасителя в мон-ре свт. Иоанна Златоуста близ Куцовендиса, ок. 1100).

Особую версию купольного зала представляет 2-апсидная церковь вмч. Георгия в Афендрике (IX–X вв.) и вмч. Георгия в Хулу (нач. XI или кон. XII в.; возможно, копия 1-й), а также его вариант с отсутствием углублений в торцах крайних травей (церкви вмч. Георгия и Спасителя в монастыре свт. Иоанна Златоуста близ Куцовендиса, нач. XII в.; Агия-Напа близ Канду, X–XII вв.; св. Параскевы в Криту-Тере, 2-я пол. XII в.) и его 5-травейный извод (ц. Пресв. Богородицы в Кофину, нач. XI или XII в.). Др. вариант небольшого купольного храма на К. близок к типу «компактно вписанного креста», но с удлиненными зап. и вост. рукавами (ц. прп. Евфимиана в Лиси, кон. XII — нач. XIII в.; вмч. Анастасии в Полемидии) (Ibidem).

Другой наиболее популярный тип церковного здания на средневизант. К. (как и во всей Византии) — простой (без вим) храм типа вписанного креста на 4 квадратных или прямоугольных опорах; как в визант. провинциальных храмах, угловые ячейки слегка удлиненны по продольной оси, имеют арки разной высоты и перекрыты продольными коробовыми сводами. К этому типу относятся церкви прп. Антония Великого в с. Келье и Честного Креста в Анойире (IX–X вв.), ц. вмч. Прокпия близ Синграсиса (кон. X в.), Пресв. Богородицы Пергаминиотиссы близ Аканфу (XI в.), собор прп. *Иоанна Лампадиста мон-ря* в с. Калопанайотис (XI в., купол позднее убран под 2-скатную крышу), церкви вмч. Георгия Победоносца «тон Хортакьон» в Сотире, свт. Синесия в Ризокарпасо и св. Тихика в Палодии (XI — нач. XII в.), свт. Филона на п-ове Карпасия (XI–XII вв.), мучеников Кирика и Иулитты в Ле-

тимбу (XII в.). Иногда в таких храмах отсутствуют боковые апсиды, напр. в соборе свт. Николая Чудотворца «тис Стегис» близ Какопетрии, нач. XI в.; ц. вмч. Георгия в Киринии, кон. XI — 1-я пол. XII в. Значительное удлинение по продольной оси обычно вызвано перестройкой из ранневизант. базилики, как в церквях Ахиропиитос в Лапифе (Лампусе), Панагия Ангелоктиста в Кити (XI в.), ап. Варнавы близ Саламина (с удвоением подкупольного квадрата, кон. XI — нач. XII в.), свт. Епи-

*Собор мон-ря
прп. Иоанна Лампадиста
в Калопанайотисе. XI в.*

фания в Саламине (с 3 куполами над центральным нефом, XI — нач. XII в.— *Papacostas*. 2001).

К промежуточному варианту типа храма с купольным залом и вписанного креста принадлежит ц. вмч. Феодора близ Сотиры (нач. XI в.), где с юж. стороны купол опирается на развитые пилястры, а с северной — на колонну и столб. В XII в. ц. Пресв. Богородицы Канакарии в Литрангоми перестроили в купольную базилику. В качестве особых, поздних вариантов крестово-купольного храма можно отметить типы, известные также в греч. провинции и на о-вах Эгейского м.: «вписанный

*Церковь
Христа Антифонита
близ Калогреей. Кон. XII в.*

крест» без зап. столбов (ц. Пресв. Богородицы Хрисалиниотиссы в Никосии, сер. XI в.) или без вост. столбов (ц. вмч. Евстафия Плакиды в Колоси, кон. XII в.), церковь с 3 купо-

лами по центральной оси (прав. Лазаря в Ларнаке, кон. XI — нач. XII в.), церковь с куполами над рукавами креста (преподобных Варнавы и Илариона в Перистероне).

Реже встречается тип свободного креста в виде греческого креста с удлиненными зап. и вост. рукавами (церкви Пресв. Богородицы Киры близ Ливадии, перестроена, XII в. (?); прп. Феодосия Великого в Ахелии; Пресв. Богородицы Хриселеусы в Хлоракесе; прп. Евфимиана в Лиси и Честного Креста в Месокипу, кон. XII в.) или латинского креста (церкви Пресв. Богородицы Хриселеусы в Эмбе и Честного Крес-

та в Куке, XII (?) в., свт. Епифания в Лурукине). Собор груз. мон-ря Жалия (Ялья) (1184–1207)

имеет уникальную для К. форму триконха. Этот тип в простом варианте (без обхода) начинают строить на К. только в кон. XI в.; вероятно, он был заимствован с Хиоса и распространился на Сев. и Сев.-Вост. К. (*Papageorghiou*. 2010). С. Чурчич (*Čurčić*. 2000) называет ранним примером средневизантийского октагона на тропках ц. прп. Илариона (кон. X в.) в замке св. Илариона. К 1090 г. относится строительство храма свт. Иоанна Златоуста в одноименном мон-ре близ Куцовендиса, ц. Пресв. Богородицы Марги в Мирту. В храмах святых Варнавы и Илариона (нач. XII в.) и Христа Антифонита близ Калогреей (кон. XII в.) вост. и зап. пары столбов (полукруглые или колоннообразные) смещены к запа-

ду, что придает куполу яйцевидную форму. Из данного типа храма развился его гексагональный вариант (ц. Пресв. Богородицы Апсоинфиотиссы), имеющий отдаленную параллель только с храмом в Като-Пендели близ Афин.

Начиная с периода кондоминиума церковная архитектура К. носит

ярко выраженный локальный характер с налетом провинциальности (см: *Megaw. 1974*; Чурчич не согласен с этой т. зр. — *Čurčić. 2000*). Не встречается практически никаких черт столичного зодчества: нет храмов на 4 колонках (исключение — ц. вмч. Георгия в Киринии), типичных и для Греции, и для М. Азии, хотя спойлий было достаточно, к-польских усложнений (типа апсидиолей или триконхиальных пастофориев), стремлений к иллюзионизму и «развоплощению» материи, изысканной декорации (из мрамора и мозаики).

Кирпич используется в возведении арок и сводов преимущественно в кон. XI — нач. XII в. (кирпичные стены есть только в ц. свт. Иоанна в Куцовендесе); строятся в основном невысокие купола; окна небольшие и узкие. Кладка стен преимущественно каменная, из тесанных квадров или под штукатуркой; декорация, включая расчленение стен, почти отсутствует, максимально возможная сводится к 2-уступчатым аркам вокруг окон и входов, как в барабанах церквей вмч. Георгия «Фарангу», свт. Николая Чудотворца «тис Стегис» и Христа Антифонита, на зап. стене церквей прп. Андроника во Френаросе, Пресв. Богородицы в Трикомо, преподобных Варнавы и Илариона в Перистероне. Стены ц. Честного Креста в Анойире расчленены лопатками снаружи и внутри.

Чуть более развита декорация лишь в 2 группах памятников. Фасады карпассийских храмов свт. Филона, арх. Михаила в Ялусе и свт. Синесия (XI–XII вв.) украшены 2 типами глухих 2-уступчатых ниш: занимающих всю травею больших и широких или поставленных в ряд малых и узких (несколько иной характер носят ниши на апсидах ц. Честного Креста в Ано-Лэфкаре; они близки к оформлению фасадов малоазийских храмов в Алакилисе и Дерекее (Фисандоне)). Кладка *opus mixtum* в храмах кон. XI — нач. XII в. свт. Иоанна Златоуста и Св. Троицы в мон-ре свт. Иоанна Златоуста близ Куцовендеса и преподобных Илариона и Варнавы имеет аналоги в М. Азии (Чанлы-килисе и храм в Чельтикдесеси); в храмах в мон-ре свт. Иоанна Златоуста и вмч. Георгия в Киринии сделаны наборные мраморные полы.

Карнизы в интерьере встречаются крайне редко (в церквях вмч. Георгия Победоносца в Сотире, вмч. Георгия

Портал
ц. Пресв. Богородицы «Одигитрии»
в Никосии. XIV в.

в Киринии, свт. Николая Чудотворца в Хлоракесе, свт. Синесия в Ризокарпасо); декорация сводится преимущественно к фресковой. Все купольные храмы имеют паруса, в нек-рых храмах под куполом расположены одноступенчатые (в церквях вмч. Георгия в Афендрике, вмч. Георгия в Киринии, вмч. Прокопия в Синграсисе, Панагии Ангелоктисты в Кити, прп. Андроника во Френаросе и Св. Софии в Тими) или 2-ступенчатые (в ц. Пресв. Богородицы Канакарии) повышающиеся подпружные арки. Пещерные (или устроенные в римских каменоломнях или гробницах) храмы достаточно редки: в мон-ре прп. Неофита Затворника, «катакомбы» св. Соломонии в Пафосе, храмы свт. Евлампия и Пресв. Богородицы Галатерусы в Каравасе, мц. Мавры (Хрисокава) в Киринии.

Особенностью кипрской архитектуры являются 2-скатные покрытые черепицей деревянные крыши храмов в горном массиве Троодос. Они имеют функциональное назначение — защищают постройки от дождя и снега в зимний период. А. Папагеоргиу приводит 127 таких храмов, самые ранние из к-рых относятся к XII в. Данные позволили исследователю опровергнуть мнение Г. Сотирину о зап. влиянии и доказать, что при внешнем сходстве с деревянными крышами церковных построек Центр. и Сев.-Зап. Европы крыши кипрских храмов имеют оригинальные черты. Стропильная конструкция опирается на несущие стены основного объема храма, перекрывающая его внутреннее пространство, иногда крыша устанавливалась

на каменный свод, служа дополнительной защитой сооружения (как, напр., в церквях Панагии Аракос и Панагии Асину).

С кон. XII в., в период правления династии Лузиньянов, а затем венецианцев, архитектура развивалась вне тенденций поздневизант. зодчества, но так же, как зодчество на греч. островах, находившихся под лат. властью (Родос, Крит и др.). Огромное влияние оказала зап. традиция, пришедшая на К. с крестоносцами и воплотившаяся в строительстве в Фамагусте, Никосии и нек-рых мон-рях больших соборов в духе северофранц. готики. Оно выразилось в появлении стрельчатых арок (напр., в перестроенной ц. Пресв. Богородицы Галактотрофусы в Фасури, ап. Фомы в Айос-Томасе, Панагии Трапезы, Пресв. Богородицы Авгасиды близ Алоа), «франковизантийских» купольных базилик на колоннах, обычно со смещенным к востоку куполом (перестроенный храм мч. Маманта в Морфу, собор мон-ря прп. Неофита Затворника, ц. арх. Михаила Трипиотиса в Никосии) и других архитектурных элементов. В этот период на К. начинается строительство монументальных православ. храмов в чистых готических формах, иногда в соединении со старой традицией купольной архитектуры (церкви св. Симеона, арх. Михаила, вмч. Георгия «Греческого» и свт. Николая Чудотворца «Греческого» в Фамагусте, Пресв. Богородицы «Одигитрии» в Никосии).

Продолжают возводить и купольные залы: перестроенная ц. Честного Креста в Пелэндри, ап. Фомы в Айос-Томасе, ап. Иакова в Трикомо, Пресв. Богородицы Криниотиссы в Василии (*Прокопiou. 2007*), свт. Евлалия в Каравасе. Также встречаются 2-апсидные храмы (ц. Пресв. Богородицы Елеусы на п-ове Карпассия) и храм с 2 куполами на центральной оси (Панагия Трапеза).

В османский период преобладающим был тип однефной небольшой церкви-базилики с 2-скатными крышами или полуциркульными сводами, в т. ч. в горных районах. Лишь в городах и крупных паломнических центрах могли быть возведены 3-нефные купольные базилики (напр., кафоликон Киккского мон-ря, 1755 и 1817). Архитектура К., ставшего глубокой провинцией Османской империи, была обречена на консерватизм и самоповторение.

Несмотря на отсутствие связей с европейской архитектурой, в церковном строительстве продолжают использоваться элементы готической и ренессансной архитектуры, унаследованные от периода правления Лузиньянов и венецианцев. Напр., эти черты прослеживаются в архитектуре храма мон-ря ап. Варнавы близ Саламина: своды и центральные прясла стен наоса (1674, 1740; включает часть средневизант. постройки) имеют стрельчатые очертания; центральная часть многоэтажного нартекса, по высоте равная сводам наоса, выделена пилонами и круглой розеткой-окном. Стрельчатые арки стали архитектурной доминантой.

Кафедральный собор ап. Иоанна Богослова в Никосии (1662–1720) — в основе традиц. однефная базилика — благодаря контрфорсам приобрел вид небольшой цитадели.

Примером эклектичности кипрской архитектуры является ц. свт. Синесия в Ризокарпасо (зап. часть храма в 1865–1871 пристроена к наосу XII в., архит. Х. Михаил). Об архитектуре возрождения напоминают лантерна, завершающая зап. купол, и окулусы на фасадах, о готике — зап. портал с килевидным архивольтом, к-рый украшен вимпергом с фиалами, а его тимпан имеет ажурное наполнение, о барокко — причудливая, достаточно пластичная линия завершения зап. фасада, хотя этот стиль, как и классицизм,

Церковь
свт. Синесия в Ризокарпасо.
XII в., XIX в.

не получил распространения на К. Самая большая в пределах старого города ц. Панагии Фанеромени в Никосии (1872–1873), традиционная для К. базилика с куполом и поперечным нефом, имеет на зап. фасаде открытый портик-галерею и многоярусную квадратную в плане кампанилу (1938) над юго-вост. углом здания. В нек-рых формах очевидно

следование стилю раннего и зрелого Возрождения: стрельчатые крестовые своды и арки на колоннах в нартексе; своеобразным гибридом выглядят 3-лопастные формы арок и окон, использованные для оформления окон, центрального входа в нартекс, ярусов звона на кампаниле, возвышающейся над юго-вост. углом здания.

На развитие кипрского церковного зодчества также повлияли контакты с Греческим королевством, напр., строительство в 1891–1903 гг. кафедрального собора Агия-Напа в Лимасоле осуществлялось по чертежам афинского архит. Г. Пападакиса; традиц. вид 3-нефной базилики с симметричными башнями на зап. фасаде и куполом над перекрестием смягчен округлыми формами арок в декоре окон на куполе, фасадах и башнях; в интерьере использована мраморная облицовка, иконостас решен как визант. арочный темплон и также изготовлен из мрамора.

Для оформления перекрытий базилик в XIX в. часто использовались своды с распалубками, напр. в ц. Честного Животворящего Креста в Ано-Лэфкаре (1740, перестроена в 1867, архитекторы Ф. и Н. Ираклеосы); возможно, они напоминают утраченные традиции купольных церквей.

В XX в. на К. встречаются, однако не получили большого распространения, церкви совр. модернистской архитектуры, напр., ц. вмч. Димитрия Солунского (1967–1970) в никосийском квартале Акрополи: выступ над зап. фасадом напоминает опыты Ле Корбюзье в церковном строительстве сер.

XX в., или ц. ап. Варнавы и прп. Макария Египетского в Дасуполи в Никосии (архит. Н. Михаилидис, 1974–1980, освящен в 1994): наос решен в виде огромного зала, зап. и вост. фасады — в форме опрокинутой параболы, а конструкция нартекса напоминает мост.

Во 2-й пол. XX в. в церковной архитектуре К. господствует визант. стиль, одним из первых примеров к-рого является строительство греч. архит. Г. Номикосом по заказу архиеп. Макария III ц. Пресв. Богороди-

цы Евангелистрии в Палуриотиссе (Никосия, 1961–1963). Стремление к подражанию визант. образцам отразилось и в сооружении самого большого храма на К. — ц. Св. Софии в никосийском квартале Строволос (архит. Ф. Лоизидис, 60×30 м, высота 30 м, освящен 5 мая 2012); по замыслу и деталям внешнего убранства имеет сходство с одноименным к-польским храмом, хотя и не является его точной копией.

Лит.: Σωτηρίου Γ. Τὰ βυζαντινὰ μνημεῖα τῆς Κύπρου. Ἀθήνα, 1935; Megaw A. H. S. Byzantine Architecture and Decoration in Cyprus: Metropolitan or Regional? // DOP. 1974. Vol. 28. P. 57–88; Παπαγεωργίου Ἀ. Οἱ ξυλόστυχοι ναοὶ τῆς Κύπρου. Λευκωσία, 1975; idem (Papageorgiou). Constantinopolitan Influence on the Architecture of Cyprus // JÖB. 1982. Bd. 32. N 4. S. 469–478; idem. Christian Art in the Turkish-Occupied Part of Cyprus. Nicosia, 2010; Rosenthal-Heginbottom R. Die Kirchen von Sotoba und die Dreiapsidenkirchen des Nahen Ostens. Wiesbaden, 1982; Enlart C. Gothic Art and the Renaissance in Cyprus. L., 1987; Papacostas T. Byzantine Cyprus: The Testimony of its Churches, 650–1250: Diss. Oxf., 1999. 3 vol.; Curčić S. Middle Byzantine Architecture on Cyprus: Provincial or Regional? Nicosia, 2000; Χοτζακόγλου Χ. Βυζαντινὴ ἀρχιτεκτονικὴ καὶ τέχνη στὴν Κύπρου // Ἱστορία τῆς Κύπρου / Εκδ. Θ. Παπαδόπουλλος. Λευκωσία, 2005. Τ. 3/1. Σ. 465–467; Προκοπίου Ε. Ο συνειρημένος σταυροειδῆς εγγραμμῆνος ναὸς στὴν Κύπρου. (9ος – 12ος αἰώνας). Λευκωσία, 2007; Stewart Ch. A. Domes of Heaven: The Domed Basilicas of Cyprus: Diss. Ann Arbor, 2008.

А. Ю. Виноградов, Э. П. И.

Изобразительное искусство. Произведения изобразительного искусства на К., созданные ранее VI в., не уцелели; убранство базилик этого периода — фрески, мозаики настенные (набранные из каменных тесер) — было утрачено в результате араб. набегов, продолжавшихся в течение 3 веков. О расцвете искусства в ранневизант. период можно судить по 3 сохранившимся высококачественным мозаичным ансамблям VI в. На мозаике в конхе апсиды ц. Пресв. Богородицы Канакарии в Литрангоми (30-е гг. VI в. или между 526 и 530) на фоне райского пейзажа, который символизируют 2 пальмы, изображены Пресв. Богородица с Младенцем на престоле, окруженные сине-голубой мандорлой, Им предстоят архангелы Михаил и Гавриил (утрачены голова Богородицы, нижняя часть фигуры арх. Михаила, от фигуры Гавриила сохр. только правая рука). Композицию окружал орнаментальный пояс из листьев аканфа, включающий 12 медальонов с погрудными образами апостолов, в центральном медальоне (не сохр.) был образ Иисуса Христа или

изображение Креста. На основании стилистического анализа А. Миго пришел к выводу, что мозаика в Литрангоми не имеет близких аналогий с мозаиками времени имп.

Юстиниана I в базиликах Равенны, Евфразиана в Порече (Хорватия), кафоликона мон-ря вмц. Екатерины на Синае (а также отличается и от мозаики в ц. Панагии Ангелоктисты). Исследователь допустил вероятность существования на К. местной мозаичной мастерской (Megaw, Hawkins. 1977. P. 121, 140, 144); в изображениях апостолов он усматривал влияние эллинистической традиции с присущей ей натуралистичностью (Megaw. 1974. P. 73; Megaw, Hawkins. 1977. P. 119). Исследователи единодушно указывают на связь с к-польским искусством мозаик в апсидах Ангелоктисты Панагии ц. в сел. Кити и ц. Пресв. Богородицы Киры близ дер. Ливадия. На обеих мозаиках Богородица представлена в рост между архангелами: на первой — с Младенцем на левой руке (Одигитрия), на второй — как Оранта (без Предвечного Младенца на лоне; голова, левая рука и плечо утрачены; справа фрагмент ног, оставшийся от фигуры архангела). Большинство исследователей относят создание мозаики в ц. Панагии Ангелоктисты к VI в. и сходятся во мнении, что она была выполнена позже мозаики в ц. Пресв. Богородицы Канакарии, т. е. после правления имп. Юстиниана (датировки: VI в. — Stylianou. 1997. P. 49; 2-я пол. VI в. — Michaelides. 1992. P. 119; посл. четв. VI в. — Φούλιας Ἀ. Μ. Ὁ Ναός τῆς Παναγίας τῆς Ἀγγελόκτιστης στὸ Κίτι Λάρνακας. Λευκωσία, 2004. Σ. 28; кон. VI в. — Megaw. 1974. P. 76; нач. VII в. — Γκιολέζ. 2003. Σ. 35). Мозаику ц. Пресв. Богородицы Киры Миго предложил датировать 1-й пол. VII в. на основании общих стилистичес-

ких черт с мозаикой в капелле Сан-Венанцио Латеранского баптистерия (642–649) (Megaw. 1974. P. 76; Megaw, Hawkins. 1977. P. 366), с чем согласны большинство исследователей (Michaelides. 1992. P. 122; Sophocleous. 1994. P. 12; Γκιολέζ. 2003. Σ. 35 и др.); А. и Дж. Стилия-

Пресв. Богородица
с предстоящими архангелами.
Мозаика
ц. Панагии Ангелоктисты
в Кити. VI в.

ну, Н. Хадзидаки считают ее более древней и относят к VI в. (Stylianou. 1997. P. 52; Χατζηδάκη Ν. Βυζαντινά ψηφιδωτά. Αθήνα, 1994. Σ. 17). Предположительно нач. VI в. датируют фрагменты настенной мозаичной композиции из парекклисиона, пристроенного к раннехрист. базилике, служившей кафедральным собором Курия (ныне в археологическом музее в дер. Эпископи). Сохранились сильно поврежденные изображения 4 фигур, 2 из к-рых исследователи характеризуют как бескрылых архангелов (Megaw A. H. S. Kourion City: The Basilica: The Cathedral Precinct of the Early Christian City — Area IV // An Archaeological Guide to the Ancient Kourion Area and the Akrotiri Peninsula. Nicosia, 1982. P. 117; Χατζακόγλου. 2005. Σ. 571).

Древнейшая христ. фреска нач. VI в. сохранилась в цистерне в Саламине (т. н. Агиасма Никодима): над орнаментальной лентой с изображением «нильских мотивов» (речных растений, птиц и рыб) помещен медальон с оглавным образом Спасителя с крещатым нимбом, к-рый напоминает образ Иисуса Христа на фреске в апсиде капеллы мон-ря св. Аполлона в Бауите (VI–VII вв., Коптский музей, Каир) (Χατζακόγλου. 2005. Σ. 567). Фрагменты настенных росписей с растительным и геометрическим орнаментами обнаружены при раскопках базилик на акрополе и вмц. Варвары в Амафунте, Кампанопетры в Саламине, раннехрист. комплекса Агион-Пенте в Героскипу, раннехрист. здания (базилика?) в местности Куцопетрия близ Пилы.

В период кондоминиума (649–965) остров оказался «нейтральной территорией» и потому был мало

затронут ересью иконоборчества. Он стал прибежищем или местом ссылки для мн. иконопочитателей. Это время отмечено влиянием искусства М. Азии, откуда происходила часть переселенцев, принесших на К. искусство малоазийских монашеских центров. Кроме того, мн. киприоты были уведены арабами в плен в Сирию, где познакомились с местным искусством. На К. также переселились греки из захваченных арабами Сирии и Палестины; особенно большая волна беженцев-христиан зафиксирована в 813 г.

Примеры живописи этого периода немногочисленны и сохранились фрагментарно, напр.: орнаменты в ц. вмц. Варвары близ дер. Коровия (VIII в.) и ц. Пресв. Богородицы Канакарии (IX–X вв.); изображение заключенного в медальон креста, от которого исходит сияние в виде лучей, в вост. куполе ц. прмц. Параскевы в Героскипу (1-я пол. IX в., до 843); часть фигуры апостола и крыло ангела в соборе Ираклидия мон-ря (VIII в.).

Как «очень провинциальные, если не сказать варварские» охарактеризовал Миго росписи в ц. прп. Соломонии близ с. Кома-ту-Ялу, к-рые датировал IX–X вв. (Megaw. 1974. P. 80; датировки: IX в. — Παπαγεωργίου Α. 1990. Σ. 259; X в. — Γκιολέζ. 2003. Σ. 87). Схематичностью, жирными черными контурами, небогатой цветовой гаммой и неяркими красками они напоминают архаичные каппадокийские фрески (Παπαγεωργίου Α. 2010. Σ. 235).

В это время практически прекратилось дорогостоящее изготовление мозаик. Единственный известный пример такого декора — мозаика в куполах кафоликона Варнавы апостола мон-ря близ Фамагусты (сохр. фрагменты).

Сохранились 2 иконы, созданные в этот период, однако неясно, происходят ли они с К. или являются привозными. Одна из них — икона Божией Матери типа «Знамение» (Византийский музей им. архиеп. Макария III в Никосии, кон. VIII — нач. IX в.) — выполнена в технике восковой живописи и напоминает подобные иконы Синая, а также копт. живопись (Papageorghiou A. 1992. P. 8). Написанная темперой икона «Вмц. Марина» (Византийский музей Пафоса, VII/VIII в. — Sophocleous. 1994. P. 75; VIII/IX в. — Papageorghiou A. 1992. P. 9) дополнена

сценами мученичества на полях, святая в среднике представлена в молитвенной (оранта).

Освобождение К. от арабов в 965 г. вызвало оживление художественной деятельности. К IX или X в. относится композиция «Распятие» в ц. прп. Антония Великого в с. Келья близ Ларнаки (датировки: IX в. — *Stylianou*. 1997. P. 437; 2-я пол. IX в. — О. С. Попова; кон. IX — нач. X в. — *Wharton*. 1988. P. 60; X в. — *Χοτζακόγλου*. 2005. Σ. 586; кон. X — нач. XI в. — *Γκιολές*. 2003. Σ. 88). Схематизм изображения, графичность моделировки одежд, использование жирного контурного рисунка и резких цветовых переходов присущи провинциальным памятникам той эпохи, напр.

Распятие.

Роспись ц. прп. Антония Великого в Келье. IX или X в.

фреске с аналогичным сюжетом в ц. Епископи в Эвритании (*Wharton*. 1988. P. 60).

Остатки росписей в парекклинсионе св. Мавры (Хрисокава), устроенном в бывшей каменоломне в Киринии (поврежденные изображения Пантократора и 2 ангелов, композиция «Вознесение Господне», головы апостолов) датируют ок. X в. (датировки: кон. IX — нач. X в. — *Sophocleus*. 1994. P. 12; X в. — Х. Ходзакотлу и Папагеоргиу (*Χοτζακόγλου*. 2005. Σ. 589; *Παλαγεωργίου* А. 2010. Σ. 171); кон. X в. — *Stylianou*. 1997. P. 451–455; *Γκιολές*. 2003. Σ. 87). По мнению Миго, они близки к каппадокийским фрескам (*Megaw*. 1974. P. 80), с чем согласны и др. исследователи (*Wharton*. 1988. P. 60; *Stylianou*. 1997. P. 452; *Γκιολές*. 2003. Σ. 87). В ряде памятников этого периода росписи сохранились настолько фрагментарно, что об их художественных осо-

бенностях судить трудно: фрески в аскитерии св. Созомена (X в. (?)), в ц. прмц. Параскевы в Героскипу (X в., фигуры 2 святителей), в соборе монастыря сщмч. Ираклидия (XI в., Христос Пантократор и пророк).

Росписи 2-го слоя в ц. прп. Антония Великого в с. Келья (XI в.) представляют образец провинциального искусства со свойственной ему статичностью и плоскостью изображений. К XI в. также относится древнейший слой росписей в соборе свт. *Николая Чудотворца «тис Стегис» мон-ря* (Богородица с предстоящими архангелами в конхе, композиции «Преображение Господне», «Вход Господень в Иерусалим», «Успение Пресв. Богородицы», «Вознесение Господне», «Сшествие Св. Духа» и изображение нек-рых святых), в к-рых Д. Мурики видит провинциальный вариант «монашеского» или «аскетического» направления живописи этого времени (*Mouriki*. 1980/1981. P. 93).

Благодаря стратегической роли острова в период правления династии Комнинов XII в. стал периодом расцвета для живописи К. Артелью к-польских мастеров в нач. XII в. были расписаны парекклинсионы Св. Троицы и Спасителя в свт. *Иоанна Златоуста мон-ре близ Куцовендиса*. Фрески парекклинсиона Св. Троицы, принадлежащие к лучшим образцам классической традиции комниновского искусства, отличаются очень высоким качеством. Они выполнены по заказу военачальника визант. имп. Алексея I Комнина Евмафия Филокала, бывшего наместником К. в 1099–1102/03 и 1111/12–1118 гг. Одни исследователи считают наиболее вероятным выполнение этих росписей в конце 1-го

Прп. Антоний.

Роспись ц. Панагии Асину. 1105/06 г.

периода наместничества Филокала (*Ibid*. P. 98; *Papacostas*. 2007. P. 74), другие отклоняются к тому, что они были созданы во 2-й период (*Mango, Hawkins*. 1966. P. 204; *Stylianou*. 1997. P. 458, 463). К этому же направлению искусства относится целый ряд росписей раннего XII в. в церквах: *Асину Панагии* (1105/06); Пресв. Богородицы в Трикомо, свт. *Николая Чудотворца «тис Стегис»* (2-й слой живописи); *Амасгу Богородицы жен. мон-ря*; праведных *Иоакима и Анны* в Калиане, Пресв. Богородицы *Апсинфиотиссы*. Возможно, эти фрески выполнены учениками мастеров, работавших в мон-ре свт. *Иоанна*

Златоуста, т. к. по сравнению с этими памятниками росписи парекклинсиона Св. Троицы отличаются большей утон-

Вход Господень в Иерусалим.

Роспись собора мон-ря свт. *Николая Чудотворца «тис Стегис»*. XI в.

ченностью и изяществом (*Winfield*. 1972. P. 289). При этом в церквах *Панагии Асину* и Пресв. Богородицы в Трикомо работал один и тот же

мастер. Что касается попыток ретрагировать фрески ц. Пресв. Богородицы в Трикомо в связи с тем, что в куполе вокруг Пантократора изображены служащие ангелы — иконографический извод впервые встречающийся в ц. Санта-Мария-дель-Амиральо (Марторана, Палермо, Сицилия, 1143–1148 или 1146–1151), — то наиболее убедительным представляется мнение М. Панайотиди, что фреска в куполе была выполнена позднее основных росписей (*Παναγιωτίδη*. 2001. Σ. 414). К этому же кругу памятников принадлежит икона св. Иоанна Предтечи из ц. Панагии Асину (Византийский музей им. архиеп. Макария III в Никосии).

К др. направлению комниновского искусства относятся росписи в ц. св. Апостолов в Пера-Хорью, 1160–1180 гг. (*Megaw, Hawkins*. 1962. P. 347–348). Они выполнены в т. н. динамичном стиле (*Mouriki*. 1980/1981. P. 110). Среди иконографических особенностей росписей ц. св. Апостолов следует отметить предстоящих Богоматери в конхе апсиды вместо архангелов апостолов Петра и Павла, которым посвящен храм, и размещение сцены «Успение Пресв. Богородицы» на сев. стене (позднее повторено в ц. Панагии Аракос).

В посл. четв. XIII в. на К. работал к-польский худож. Феодор Апсевд, произведение которого относится к «элегантному» направлению позднекомниновского искусства. В 1183 г. он выполнил росписи Энклистры (дословно «затвор», пещерная церковь) в *Неофита прп. мон-ре* близ Пафоса, в 1192 г. — в *Аракос Панагии* ц. близ Лагудеры (кроме фресок апсиды 2-й пол. XII в. (*Winfield*. 1973. P. 24; *Winfield D. C., Winfield J.* 2007. P. 108; *Sophocleous*. 1998. P. 20, 42–43, 45–46) или, как считает А. Николаидис, 1185–1191 гг. (*Nicolaidès*. 1996. P. 134)). Феодору Апсевду атрибутируют также 4 иконы: Божией Матери Елеусы и Христа Филантропа (в мон-ре прп. Неофита Затворника), Божией Матери Аракиотиссы и Христа Вседержителя из ц. Панагии Аракос (Византийский музей им. архиеп. Макария III в Никосии) (*Papageorgiou A.* 1992. P. 19). Творчество мастера оказало большое влияние на последующее кипрское иконописание (*Weyl Carr, Morrocco*. 1991. P. 102).

К направлению позднекомниновского искусства относятся также чуть более низкого качества роспи-

Деисус.

Роспись Энклистры
в мон-ре прп. Неофита близ Пафоса.
1183 г. Худож. Феодор Апсевд

си кон. XII — нач. XIII в. в церквах Христа Антифонита близ Калогреи, арх. Михаила в Като-Лефкаре (*Ibid*. P. 89, 99; *Nicolaidès*. 1996. P. 137) и 2-й слой фресок ц. Панагии Амасгу (*Weyl Carr, Morrocco*. 1991. P. 89). В ц. арх. Михаила «образцы Феодора Апсевда стали более тяжелыми и застывшими», а в ц. Панагии Амасгу — «невесомыми и декоративными» (*Ibidem*). Росписи ц. Христа Антифонита, по мнению В. Джурича и А. Вейл Карр, отражают усиление тенденции монументальности в позднекомниновском искусстве (*Djurić*. 1976. P. 25; *Weyl Carr, Morrocco*. 1991. P. 99).

Наряду с фресками, созданными столичными художниками или под их непосредственным влиянием, на К. существовали росписи, выполненные в провинциальном духе: фрески нач. XII в. в ц. прп. Антония Великого в с. Келья, декорация алтарной части ц. Честного Креста в Пелендри (1178), 2-й слой росписей Энклистры прп. Неофита Затворника (датировки: 1196 г. — *Stylianou*. 1997. P. 354–355; ок. 1200 г. — *Mango, Hawkins*. 1966. P. 201, 204; вскоре после 1214 — *Παπαγεωργίου Α.* 1999. Σ. 24–25). Стиль этих фресок контрастирует с росписями Феодора Апсевда; А. и Дж. Стилиану и Папагеоргиу называют его «монашеским» (*Idem*. 1972. Σ. 202; *Stylianou*. 1997. P. 354), а С. Манго, Э. Хокинс и Миго — «комниновским провинциальным» или «линейным» (*Mango, Hawkins*. 1966. P. 194, 198; *Megaw*. 1974. P. 87). С. Янг сравнила изобра-

женных в наосе Энклистры св. аскетов с монахами-подвижниками в погребальных часовнях Хирбет-эль-Марде в Ливане и в лавре прп. Саввы Освященного (*Young*. 1983. P. 115–116). В XII в. отмечены устойчивые художественные связи К. не только с К-полем, но и с Левантом, что подтверждается присутствием кипрских иконописцев в мастерской мон-ря вмц. Екатерины на Синае (*Weitzmann*. 1982. P. 47–63).

На существование в XII в. многочисленных памятников с довольно высоким качеством росписей указывают фрагменты фресок в катакомбах св. Соломонии в Пафосе, в церквах Пресв. Богородицы Пергамиотиссы близ с. Аканту, преподобных Варнавы и Илариона в Перистероне, мц. Мавры близ Ризокарпаса, Агия-Напы близ дер. Канду, вмч. Георгия Победоносца Саккаса близ Ялусы, вмц. Марины в местности Пиргос на п-ове Карпасия, свт. Филона в местности Агридия, прмц. Параскевы в Героскипу и т. д. Фрагменты фресок XII в. хранятся в Византийском музее им. архиеп. Макария III в Никосии (из ц. Пресв. Богородицы Апсинфиотиссы), в Византийском музее в Пафосе (из ц. св. Феодора в Хулу, ок. 1100), в музее в дер. Сотира (из ц. св. Феодора «тон Хортакбон») и др.

В XIII в. из-за лат. завоевания К. развитие местной живописи происходило вне связи с основными тенденциями визант. искусства (*Boyd*. 1974. P. 317). Папагеоргиу и Стилиану считали, что влияние западного искусства сказалось только на второстепенных иконографических деталях, тогда как в целом стиль оставался «консервативно византийским», опирающимся на живопись предыдущего столетия и воспроизводящим ее в упрощенном виде (*Παπαγεωργίου Α.* 1972. Σ. 202; *Stylianou*. 1997. P. 37). Однако совр. исследователи придают большее значение зап. влиянию, относя к XIII в. создание стиля «*maniera Surgia*», основанного на синтезе византийской и зап. живописи с искусством Сирии и Палестины (*Mouriki*. 1995. P. 408; *Weyl Carr, Morrocco*. 1991. P. 100–101, 108–110; *Eliades*. 2006. P. 17). Эти тенденции нашли отражение во фресках собора прп. Иоанна Лампадиаста мон-ря в с. Калопанайотис (ок. 1275–1300 гг. или 1275 — 80-е гг. XIII в. (*Young*. 1983. P. 177, 180; *Weyl Carr, Morrocco*. 1991. P. 89)) и ц. Пресв.

Богородицы в дер. Мутулас (1280). В росписях собора прп. Иоанна Лампадиста, представляющих интерпретацию комниновского стиля в «народном» духе, появляются элементы западного влияния, напр., обморок Богоматери в композиции «Распятие» (эта иконографическая деталь впервые встречается у итальянского скульптора Никколо Пизано в рельефах кафедры Сиенского собора, 1265–1269). Вейл Карр также отметила сходство типа ликов на этих фресках и фресках ц. св. Феодора в Бехдайате в Ливане (Weyl Carr, Morrocco. 1991. P. 89–90). Др. т. зр. придерживается М. Панайотиди, которая сопоставила росписи собора монастыря прп. Иоанна Лампадиста с фресками 3-й четв. XIII в. некоторых церквей Юж. Пелопоннеса с их значительным упрощением художественных средств комниновского периода (схематичность моделировки фигур и одеяний, яркие цвета и оживленные жесты), считая роспись подобного рода в целом характерной для византийских областей, захваченных крестоносцами (Παναγιωτίδη. 1986. Σ. 562).

Для кипрской живописи XIII в. становится привычным использование красного цвета как фона для композиций (напр., на красном фоне изображено «Распятие» в соборе монастыря Иоанна Лампадиста). К. Вайцман считал красный фон кипрских фресок зап. чертой (Weitzmann. 1966. P. 70). А. и Дж. Стилиану объясняли этот феномен тем, что в результате крестовых походов синяя краска вост. происхождения стала дефицитной и красный цвет в качестве фона применяли в XIII в. повсеместно, в т. ч. и на Западе (Stylianou. 1997. P. 507). С. Бойд и Вейл Карр связывали появление краснофонных фресок на К. с влиянием сир. рукописей XIII в. (Boyd. 1974. P. 321–322; Weyl Carr. 2005. P. 295). Красная цветовая гамма всех оттенков наиболее концентрировано представлена в росписях ц. Пресв. Богородицы в Мутуласе, которые исследователи сравнивали с «иконами крестоносцев» (Weitzmann. 1966. P. 70–71; Παλαγεωργίου Α. 1972. Σ. 206, 211; Mouriki. 1984. P. 206–213) и с фресками ц. св. Феодора в Бехдайате в Ливане и храмов в Каре в Сирии (Weyl Carr. 2005. P. 300). Вейл Карр ввела термины «мутуласская школа» и «марафасский стиль» (Ibid.

P. 300–301); к памятникам «мутуласской школы» она относит также ряд икон и фрески XIII в. в ц. Преображения Господня в дер. Сотира (Ibid. P. 301).

Более традиционными Вейл Карр считает фрески ц. прп. Евфимиана в Лиси, она датирует их 2-й третью XIII в. (Weyl Carr, Mor-

Распятие.
Роспись ц. Пресв. Богородицы
в Мутулас. 1280 г.

rosso. 1991. P. 109). Обнаруженные в 1991 г. росписи купола и барабана ц. Пресв. Богородицы Хриселеусы в никосийском районе Строволос (ок. 1275–1300) в целом следуют образцам комниновского искусства. Папагеоргиу считает, что «моделировка, световые эффекты и робкая попытка передачи объема являются инновациями, ставшими результатом отдаленного влияния палеологовского возрождения» (Papageorgiou A. 1999. P. 154). По мнению А. и Дж. Стилиану и Поповой, фрески 4-го слоя росписей собора монастыря свт. Николая Чудотворца «тис Стегис» кон. XIII — нач. XIV в. напоминают современную им жи-

вопись македонской школы (Stylianou. 1997. P. 65).

Предпринятое Мурики исследование кипрских икон XIII в., украшенных рельефным орнаментом по грунту (техника гессо), позволило выделить неск. групп. Самая значительная из них образована иконами, нимбы которых декорированы с использованием орнамента из повторяющихся розеток и цветков лилии (Киккская икона Божией Матери из ц. Панагии Асину, иконы вмц. Марины из Педуласа, ап.

Павла из ц. Пресв. Богородицы Хрисалиниотиссы в Никосии, Богоматери на престоле из ц. прп. Кассиана в Никосии, свт. Николая Чудотворца из монастыря свт. Николая Чудотворца «тис Стегис», образы Иисуса Христа и Богоматери из иконостаса ц. Пресв. Богородицы в Мутуласе (ок. 1280)). Иконы этой группы, в ряде случаев больших размеров, отличаются высоким качеством живописи. На примере иконы из ц. прп. Кассиана с изображениями ктиторов-кармелитов можно утверждать, что иконы и для правосл. и для католич. храмов могли писать в одной и той же мастерской.

В XIV в. особенностью кипрской живописи, как и в других отпавших от Византии регионах, является повторение ранних местных образцов, что усложняет определение времени создания памятников, не имеющих точной датировки (Emmanuel. 1999. P. 242); напр., изображения святых в нижнем ряду в соборе

Вход Господень в Иерусалим.
Роспись собора мон-ря
прп. Иоанна Лампадиста
в Калопанайотиссе.
Ок. 1275–1300 гг.
или 1275 – 80-е гг. XIII в.

свт. Николая Чудотворца «тис Стегис» Стилиану относят ко 2-й пол. XIV в. (Stylianou. 1997. P. 72), а М. Гаридис — ко

2-й пол. XV в. (*Garidis*. 1989. P. 42, note 1); выполненные одним мастером фрески наосов церкви Панагии Асину и Честного Креста в Пелендрии Стилиану датируют XIV в. (*Stylianou*. 1997. P. 126–134, 223–233), а Гаридис — 2-й пол. XV в. (*Garidis*. 1989. P. 41, 43).

Палеологовское искусство оказало большее влияние на иконопись К. (напр., иконы из ц. Пресв. Богородицы Хрисалиниотиссы, 1365, икона Божией Матери «Афанасиотисса» (на обороте «Распятие») и эпистиль из мон-ря прп. Иоанна Лампадиста 2-й пол. XIV в. — *Parageorghiou* A. 1992. P. 60, 62, 67, 88), чем на монументальную живопись (за исключением росписей 3-й четв. XIV в. в куполе, на склонах вост. свода и в сев. приделе ц. Честного Креста в Пелендрии, к-рые, по мнению Вейл Карр, выполнены художником, приглашенным на К. Изабеллой Лузиньян, супругой деспота Мистры Мануила Кантакузина (1348–1380) (*Weyl Carr*. 2005. P. 318). Однако в целом стиль палеологовского возрождения в кон. XIII — XIV в. еще не проник в искусство К. (*Stylianou*. 1997. P. 38).

Консервативная местная манера живописи, сформировавшаяся в результате эволюции позднекомниновского стиля, отражена во фресках ц. св. Димитриана в Дали (1317), нартекса ц. Панагии Асину (1332/33, худож. диак. Леонтий), внешней стороны зап. стены и люнета над сев. входом ц. Панагии Аракос (ок. 1333, он же), а также в выполненных неизвестным мастером росписях ц. Панагии Асину (наос, 2-я пол. XIV в.) и ц. Честного Креста в Пелендрии (вима, Богородичный и Страстной циклы, фигуры святых в нижнем поясе наоса, 3-я четв. XIV в.). Фрески этого мастера отличаются беглой манерой, к-рая компенсируется ярким колоритом, декоративной разделкой драпировок одежд, изощренностью пейзажных и архитектурных мотивов фона (*Weyl Carr*. 2005. P. 311–312).

Влияние зап. искусства проникает постепенно в стиль и иконографию кипрской живописи (напр., изображение Богородицы с развевающей мантией в нартексе ц. Панагии Асину И. Илиадис считает подражанием «Мадонне францисканцев» Дуччо ди Буонинсеня (70-е гг. XIII в., Пинакотекка, Сиена) — *Eliades*. 2006. P. 20). В XV в. появляются памятники живописи, сочетающие визант.

Прп. Симеон Столпник.
Роспись ц. Честного Креста
в Пелендрии. 3-я четв. XIV в.

и зап. традиции (напр., фрески королевской капеллы в Пирге, ок. 1421). Среди росписей эпохи поздних Лузиньянов (1374–1489) М. Эммануэль выделила 2 художественных направления. Первое, т. н. популярное, или народное, характеризуется линейностью и экспрессивностью и представлено гл. обр. произведениями местных мастеров (*Emmanuel*. 1999. P. 242–243): напр., худож. Мина из Мирианфусы (т. е. долины Маратаса), расписавший в 1474 г. ц. арх. Михаила в дер. Педулас. Второе связано с влиянием палеологовского искусства, которое прослеживается с сер. XV в. благодаря кор.

Положение во гроб.
Роспись ц. арх. Михаила
в Педуласе. 1474 г.
Худож. Мина

Елене Палеологине (1442–1458), приехавшей на К. из Мистры: фрески Палеа-Энклистры близ Куклии, ц. прп. Андроника в Лиопетри, собора мон-ря Честного Креста в Анойире, ц. мучеников Кирика и Иулитты в Летимбу, росписи вост. и сев. сводов, юго-зап. и сев.-зап. компартиментов нефа и апсиды собора мон-ря прп. Иоанна Лампадиста (Эмману-

эль не согласна с традиц. датировкой этого слоя живописи ок. 1400 г. и относит его ко 2-й пол. XV в. — *Ibid*. P. 245).

Из полуутраченной надписи известно, что нартекс собора мон-ря прп. Иоанна Лампадиста был расписан мастером, приехавшим на К. из К-поля (видимо, вскоре после 1453). Стиль росписей не соответствует традиц. представлению о столичном искусстве, а является образцом провинциальной живописи.

О. В. Л.

В период венецианского господства (1489–1570/71) в живописи К. существовало 2 направления — местная кипрская традиция («кипрская школа») и т. н. итало-византийский стиль, — в разной степени отразившие влияние зап. искусства. К 1-му направлению относятся росписи кипрских художников Филиппа Гуля (церкви Честного Креста «ту Агиасмати», 1494 или, более вероятно, 1505, и мч. Маманта в Луварасе, 1495) и Симеона Авксентиса (церкви прп. Созомена, арх. Михаила (Феотокос) и св. Параскевы в Галате, 1513 и 1514). Композиции Филиппа Гуля плотно вписаны в рамы, наполнены коренастыми фигурами в ярких одеяниях, размещенными в слегка углубленном пространстве между палатами или схематичными, разбеленными на уступах горками, иногда внутри архитектурных компартиментов. Симеон Авксентис работал в более декоративной манере:

статичные позы святых в нижних зонах росписи контрастируют с выразительными сценами верх-

них регистров, одежды детализированы и украшены орнаментикой, отрезанные лики святых имеют розоватое охре-

ние, в некоторых изводах («Чудо вмч. Георгия о змие») использованы критские образцы.

«Кипрская школа» развивалась параллельно критской из-за эмиграции на оба острова к-польских мастеров после падения столицы Византийской империи в 1453 г. (*Eliades*. 2006. P. 15). Помимо палеологовского искусства их творчество

основано на более ранних произведениях кипрской живописи. Палеологовский стиль нашел продолжение в декорации ряда кипрских храмов в венецианский период, напр. в росписях позднего слоя ц. прмц. Параскевы в Героскипу (кон.

«Страшный Суд» и иконостас ц. Панагии Кафолики в Пелендри (ок. 1500), росписи ц. Пресв. Богородицы Иаматики в Аракапассе (по Фриджериио-Зениу, 3-я четв. XVI в.), иконы худож. Иосифа Хурриса в иконостасе кафоликона монастыря прп. Неофита Затворника (1544) и др. Иконописец и реставратор Г. Петру доказал, что хранящаяся в этом мон-ре икона Божией Матери «Энклист-

*Крещение Господне.
Роспись ц. прмц. Параскевы
в Героскипу.
Кон. XV или нач. XVI в.*

риани» принадлежит кисти критского мастера *Феофана Критского*, который до пострига носил имя *Феофилакт Стрелицас*.

XV в. или, по М. Эммануэль, нач. XVI в. — *Emmanuel*. 1999. P. 244), где тем не менее тоже встречаются детали, заимствованные из итальянской живописи.

Наиболее ярким примером итало-визант. стиля, испытавшего влияние итальянской готики и искусства Кватроченто, являются росписи ц. Панагии «тис Подиту» в Галате (1502) и Латинской капеллы в монастыре прп. Иоанна Лампадиста. Если раньше фрески капеллы датировали кон. XV в. (*Stylianos*. 1997. P. 320) или 1-й пол. XVI в. (*Constantinides*. 1999. P. 278, 280, 284), то С. Фриджериио-Зениу пришла к выводу, что они выполнены между 1555 и 1571 гг., т. к. в качестве образцов при создании композиций «Гостеприимство Авраама» и 7-го икоса Акафиста Пресв. Богородице были использованы гравюры Б. Саломона, опубликованные в Лионе в 1555 г. (*Frigerio-Zeniou*. 2001. S. 441–445). Для этих росписей характерна тенденция к уменьшению масштаба композиций, имеющих глубокое, разделенное на планы пространство с высокой линией горизонта; фоном являются ренессансные интерьеры или пейзажи со средневек. замками. Небольшие фигуры, часто в необычных ракурсах, свободных позах и «латинских» костюмах, трактованы более объемно и натуралистично, иногда с намеком на светотеневую моделировку (полуфигуры апостолов на своде).

К произведениям итало-визант. стиля относятся также композиция

казано предположение, что и росписи собора мон-ря прп. Неофита Затворника, включающие в т. ч. 24 сцены Акафиста Пресв. Богородице, созданы этим художником в ранний период его творчества. Противоположность этим изысканным аристократическим росписям представляет настенная живопись небольшой ц. арх. Михаила в дер. Визакья (XVI в.), исполненная в упрощенной манере, но поражающая экспрессивностью форм и народной фантазией.

После тур. завоевания К. в 1570–1571 гг. мн. художники покинули остров. В Венеции работали мастера Иоанн Киприот (роспись купола ц. Сан-Джорджо-деи-Гречи, 1589), Петр, Доменик Киприот, в К-поле — Иоанн Адолос, в Эпире — Онуфрий Киприот; их произведения выполнены в итало-визант. стиле. Из-за упадка художественной деятельности на К. в этот период увеличился ввоз икон с Крита, Ионических о-вов и из Венеции: на острове бытовали произведения Эммануила Джанфурнариса, Мелетия Критянина, Теодороса Пулакиса, Эммануила Цанеса.

В кон. XVI–XVII в. кипрская иконопись развивалась в русле общих тенденций поствизант. искусства. Если работавшие на К. на рубеже XVI и XVII вв. художники продолжали следовать итало-визант. традициям живописи (Сильвестр, Лука Тохнитис, Луджиос Флангис), то для иконописцев 1-й пол. XVII в. харак-

терна тенденция к некоторой упрощенности стиля и к сближению с народным искусством: диспропорциональность рисунка, плоскость и декоративность цветового решения (свящ. Димитрий, изограф Давид, протопр. Симеон, Герасим Палпис и свящ. Феофилакт Палпис). На К. практически прекращается создание настенных росписей, а сохранившиеся образцы значительно уступают по качеству исполнения фрескам венецианского периода (напр., стенопись нартекса ц. Преображения Господня в с. Палехори, 1612).

В иконописи этого времени часто встречаются авторские и вкладные подписи с точными датами создания образа, вводятся изображения именитых заказчиков. Обширное художественное наследие оставил свящ. Павел Иерограф («Священнописец», работал в 1622–1668), иконописец и автор немногих сохранившихся росписей XVII в.: в соборе мон-ря Архангелу (1650–1652), ц. вмч. Георгия Победоносца в Кало-Хорью близ Клиру (1656), нартексе ц. арх. Михаила Антифонита близ Калогрей (1659) и др. Его произведения отли-

*Арх. Михаил.
Икона. 1652 г.
Худож. свящ. Павел Иерограф
(Музей Киккского мон-ря)*

чаются индивидуальным почерком: масштабные коренастые фигуры с немного искаженными пропорциями, сдержанная цветовая палитра, орнаментальная разработка одеяний, широкие коричневые описи рисунка на личном, узнаваемый тип ликов

с крупными чертами, который отчасти изменился в поздний период творчества мастера. Его современником был Соломон Иерофит («Иисус Христос Спаситель мира», 1641, Музей Киккского мон-ря). Продолжателем традиций свящ. Павла во 2-й пол. XVII — нач. XVIII в. можно считать свящ. Фому, в произведениях к-рого усиливается графичность и схематизм образов.

Очевидно, к иером. Леонтию, работавшему в 1659–1691 гг., относится сообщение мон. Акакия (Сб. служб Карпасийским святым из ц. Св. Троицы в Ризокарпасо, 1732/33) о некоем Леонтии Лефкосийце, к-рый 10 лет обучался иконописи в Москве. Хотя творческое наследие мастера вполне укладывается в общее направление развития кипрской иконописи этого периода (ориентация на древние традиции при большей декоративной разработанности форм и активном использовании орнамента), не-кие присущие этому мастеру особенности личного письма (форма описи глаз и наличие слезника, «подрумянка» верхнего века), последовательное использование цветных лессировок по золоту выдают знакомство мастера с образцами живописи царских изографов московской Оружейной палаты. Кисти иером. Леонтия принадлежат: образ ап. Иоанна Богослова (1679) в мон-ре Пресв. Богородицы «тис Амирус» близ Апсю; икона св. Иоанна Предтечи из музея в ц. арх. Михаила в Киринии (1680); иконы прп. Онуфрия Великого (1683), св. Иоанна Предтечи (1685) и ап. Варнавы (1691) в Византийском музее им. архиеп. Макария III в Никосии; образ свт. Феофана Нового (1689, резиденция митр. Морфского в Эвриху) и др.

У иером. Леонтия учился Иоанникий Зограф (впосл. *Иоанникий I*, митр. Китийский), произведения к-рого датируются между 1667 и 1684 гг. и близки по манере исполнения к иконам свящ. Павла Иерографа (иконы из ц. вмч. Евстафия Плакиды в Колоси). Племянник митр. Иоанникия, Иоанникий Иерограф, в изящной декоративной трактовке форм ориентировался на творчество иером. Леонтия.

Программным живописным памятником XVIII в. является полностью сохранившийся ансамбль росписей кафедрального собора ап. Иоанна Богослова в Никосии (датируется в пределах 1731–1756), на

*Св. Иоанн Предтеча.
Икона. 1680 г. Худож. иером. Леонтий
(музей в ц. арх. Михаила в Киринии)*

стенах и сводах к-рого расположены циклы сюжетов, иллюстрирующих Акафист Пресв. Богородице, Открытие ап. Иоанна Богослова, чудеса, Страсти и явления Спасителя, псалом 148 и др. Наиболее интересен ряд сюжетов из кипрской истории: явление архиеп. Анфемия ап. Варнавы и обретение его мощей и собственноручно написанного им Еван-

*Псалом 148.
Роспись кафедрального собора
ап. Иоанна Богослова
в Никосии. 1731–1756 гг.*

гелия, вручение этого Евангелия архиеп. Анфемием имп. Зинону и дарование Кипрской Православной Церкви привилегий. В не-ких сценах Страстного цикла заметно использование зап. образцов, но в целом росписи исполнены в традициях греч. искусства этого времени.

Наиболее значительным явлением художественной жизни 2-й четв.— 2-й пол. XVIII в. была деятельность иконописной мастерской монастыря сщмч. Ираклидия, еп. Тамасского, близ Политико. Ее основателем считается иером. Иоанникий (упом. в 1730–1760), а наиболее известным

представителем — его ученик Филарет из Псимолофу (упом. в 1740–1779, сначала как диакон, затем как иеромонах), автор росписей в монастырях арх. Михаила в Монагри (1740, 1746), вмч. Мины в Вавле (1757), сщмч. Ираклидия (1759) и многочисленных икон, в т. ч. для мон-ря первомц. Феклы близ Мосфилоти (1748), ц. Честного Креста в Пано-Лефкаре (в т. ч. двери т. н. кувуклии Креста, 1749), мон-рей вмч. Мины (1753, 1757), сщмч. Ираклидия (1759) и др.

Иером. Филарет преподавал иконописание в мон-ре сщмч. Ираклидия. Известны его ученики — Досифей (упом. в 1753) и иеродиак. Нектарий (упом. в 1753–1761), к-рый в свою очередь стал наставником монахов Леонтия, Филарета (Младшего) и Филофея (икона «Снятие с Креста», 1761, из ц. Честного Креста в Пано-Лефкаре). По-видимому, иеродиак. Нектарий является одним лицом с протосинкеллом Нектарием, чей ученик Лаврентий в 1775 г. написал иконы для иконостаса собора мон-ря св. Иоанна Предтечи (Меса-Потамос).

Худож. Леонтий (упом. в 1761–1790 как монах, иеромонах, затем архимандрит) выработал индивидуальную манеру, которая выделяла его среди др. мастеров из мон-ря сщмч. Ираклидия. Он расписал церкви Пресв. Богородицы в Ка-

педесе, собор арх. Михаила одноименного монастыря в Анальондасе (1769), ц. вмч. Георгия в Ксилофагу (1772). Образцами его иконописи являются, напр., изображения 4 евангелистов на амвонах соборов мон-ря вмч. Пантелеимона «тис Ахерас» (1771) и монастыря сщмч. Ираклидия (1775). Известны его совместные работы с монахом, а затем иером. Филаретом (Младшим): праздничный и деисусный ряды в ц. св. Иоанна Предтечи в Корносе (1766), иконостас ц. Пресв. Богородицы Одитриии в Пере (1773), иконы для собора монастыря Пресв. Богородицы Авгасиды (1780–1781). Филофей, 3-й ученик Нектария, является автором иконы Божией

Матери с Младенцем (1757) для ц. Честного Креста в Пано-Лэфкаре и образа вмч. Георгия Победоносца для одноименного храма в Капути (1772).

В работах представителей этого художественного направления заметна ориентация на кипрское искусство более раннего времени. Сти-

Аллегория христианской любви.
Роспись ц. арх. Михаила в мон-ре
во имя арх. Михаила в Анальондасе.
1769 г. Худож. Леонтий

листика монастырской живописи практически лишена новаций и зап. влияния, для нее характерны повышенная эмоциональная выразительность образов, изысканная графика рисунка и декора, подчеркнутая контрастность личного письма, нередко с плотным разбеленным охрением.

В посл. трети XVIII в. влияние стилей барокко и рококо заметно в произведениях Михаила Фессалоникийца, или Фессалийца, и Михаила Киприота. В 1772 г. они вместе работали над иконостасом мон-ря вмч. Пантелеимона «тис Ахерас». Михаил Фессалоникиец является автором иконы «Спас Нерукотворный» (1776, Музей Киккского монастыря), подготовительного рисунка гравюры «Киккская икона Божией Матери, с 14 клеймами» (1776, гравюра — 1778), образа Иисуса Христа Великого Архиерея для архиерейского места в соборе Киккского монастыря (1799) и др. Кисти Михаила Киприота принадлежат, напр., иконы арх. Михаила и святителей Тихона, Парфения и Мелетия (1782 и

1788, Музей Киккского мон-ря). Михаила Киприота предположительно отождествляют с Михаилом Проскинитисом (Паломником, или Хаджи-Михаилом) из Маратасы (*Παλαεωραίου Α. Μιχαήλ Προσκυνητής η Χατζημιχαήλ* // МКЕ. 1989. Т. 10. Σ. 90), выполнившим вместе с учениками в 1793–1797 гг. иконы для иконостаса собора прав. Лазаря в Ларнаке; однако, судя по высокому профессионализму и утонченной манере письма, не исключено, что руководителем этих работ являлся Михаил Фессалоникиец. Самая поздняя работа Михаила Проскинитиса датируется 1833 г., в подписи к ней указано, что художнику в то время исполнилось 102 года (икона Божией Матери с Младенцем в ц. вмч. Димитрия Солунского в с. Айос-Димитриос).

В кон. XVIII–XIX в. значительное влияние на развитие кипрской иконописи оказало творчество крит-

Ап. Лука.
Клеймо Киккской иконы
Божией Матери
из церкви подворья Айос-Прокопиос.
1789 г. Худож. И. Корнарос

ского художника Иоанниса Корнароса, к-рый работал на К. с 1787 (или 1789) по 1812 г. Наиболее важные произведения мастера, связанные с созданием новых изводов и вариантов иконографии, были выполнены для Киккского мон-ря и его подворий, кафедрального собора ап. Иоанна Богослова в Никосии и др. Кроме икон сохранились фрагменты росписи в алтаре собора Киккского мон-ря и гравюры (образы Божией Матери Киккской, Хрисорройтис-

сы и Троодитиссы). Художественная манера Корнароса отличается своеобразием, представляя творческую интерпретацию визант. и зап. традиций под воздействием стилистических форм позднего барокко. Как правило, его композиции написаны на чеканном золотом или синем фоне с использованием цветных лаков по золоту, крупный центральный образ окружает многочисленные сюжеты и образы, округлые лики имеют характерные мелкие черты и мягкую светлую карнацию, одежды и фон детально разработаны и украшены орнаментикой, барочными элементами и пространственными надписями.

Творчество Корнароса произвело большое впечатление на киприотов, у него возникло множество последователей. Один из его учеников, Иоанникий, выполнял вместе с учителем в 1790 г. иконостас кафедрального собора. Манеру Корнароса с большой степенью точности воспроизводили его ученики иером. Григорий из Киккского мон-ря, Лаврентий и Дзениос. Данное направление, представленное значительным числом датированных и подписных икон, являлось ведущим в кипрском искусстве 1-й пол.—сер. XIX в. (Николай Петридис, Христул и др.). Оно преобладало и во 2-й пол. XIX в., когда на острове получили распространение приемы академической живописи.

Живописная икона, сформировавшаяся на основе академического искусства, появилась на К. благодаря художникам, приехавшим из Греческого королевства, где после воцарения баварской династии прослеживается сильное влияние западноевроп. живописи. Не менее значительным источником является творчество киприотов, к-рые обучались в афонских мастерских, находившихся под воздействием рус. иконописания. Местные мастера использовали также образцы русского «византийского стиля», в рамках которого работали художники академической выучки (иконы 60–70-х гг. XIX в. мастерской В. М. Пешехонова из местного ряда иконостаса ц. Честного Креста в Омодосе, см.: Зеленина. 2012. С. 206). В кон. XIX–XX в. на К. было написано множество икон в стилистике живописного примитива.

Хотя это направление получило в исследованиях греч. искусствоведов наименование академического, его можно назвать таковым очень услов-

но, т. к. мастера использовали только отдельные академические приемы письма, в основном светотеневую трактовку формы, их работы уступают образцам в профессионализме исполнения. С кон. XIX в. по 1926 г. на К. в живописном стиле работал О. Явопулос (1854–1936), выпускник Школы изящных искусств в Афинах. Его иконы и полотна находятся в соборе мч. Маманта в Морфу, в мон-ре прп. Георгия Аламана, в церквах Честного Креста в Омодосе и Пресв. Богородицы Паллуриотиссы в Никосии, в сельских храмах Темврии и Капедеса, а образцы настенной живописи сохранились в соборах Агия-Напа в Лимасоле, в церквах Евангелистрии в Лофу и св. Иоанна Предтечи в Вуни.

Главными распространителями т. н. афонского стиля стали восстановивший мон-рь Ставровуни старец иером. Дионисий (Христидис; 1830–1902) и братья мон. Кирилл и иером. Нифонт. Старец Дионисий обучался иконописи в каливе сщмч. Харалампия Кавсокаливийского скита, а иером. Нифонт и мон. Кирилл (1875? – 1950) – в мастерской Иоасафеев в Кавсокаливийском скиту. В 1902–1913 гг. братья Победоносца в местности Хавуза (ныне в черте Лимасола), в 1913–1918 гг. – в мон-ре прп. Георгия Аламана, в 1918 г. уехали на Хиос. Необыкновенно плодовитыми были их ученики – братья мон. Харитон (1886–1976), игум. Стефан (1890–1977) и мон. Варнава (1898–1983), которые подвизались в мон-ре ап. Варнавы в 1917–1976 гг., а после депортации турками с оккупированной территории окончили свои дни в мон-ре прп. Георгия Аламана. Др. ученик иером. Нифонта и мон. Кирилла, Панкратий (1887–1968), ставший вполс. игуменом мон-ря Пресв. Богородицы Троодитиссы, 2 года работал вместе с ними в мастерской Иоасафеев на Афоне.

При ставровунийском игум. Варнаве (Харалампидисе; 1864–1948), ученике иером. Дионисия (Христидиса), иконописная мастерская в этом мон-ре стала ведущей на острове. С 1927 г. иконописанию в Ставровуни обучал приглашенный монахами из Греции худож. Т. Далтас, для творчества к-рого характерна ориентация на академические образцы («Положение во гроб», 20-е гг. XX в.; «Арх. Михаил», 1927; «Жертвопри-

Арх. Михаил.
1927 г. Худож. Т. Далтас
(мон-рь Ставровуни)

ношение Авраама», 1929). В 1939–1940 гг. он преподавал в монастыре Пресв. Богородицы Троодитиссы.

Учениками старца Дионисия и Далтаса были игумен Ставровуни Дионисий II (1880–1952) и его брат иером. Стефан (1896–1978), к-рый гл. обр. писал одеяния и занимался разработкой фонов. В ставровунийской мастерской существовало разделение на специализации, поэтому мн. работы выполнены 2–3 монахами-иконописцами. Игум. Дионисий II с иером. Стефаном украсили фресками ц. Пресв. Богородицы «Одигитрия» в Галате (1930). У старца Дионисия (Христидиса) учился иконописанию писатель-прозаик Н. Николаидис (1884–1956), который в 1907 г. продолжил художественное образование в Школе изящных искусств в Афинах, работал на К. в 1919–1923 гг., а затем эмигрировал в Александрию.

Афон продолжал оставаться для ставровуниотов авторитетным центром обучения. Так, иером. Киприан (Хадзигеоргалис; 1878–1955), ученик игум. Варнавы (Харалампидиса), был послан на Афон, где в Карее его наставником стал старец Хризостом. В сер. XX в. на К. возникли иконописные мастерские в жен. монастырях прп. Георгия Аламана (под рук. мон. Павла Ставровуниота), сщмч. Ираклидия, вмч. Мины.

Интерес к визант. живописи проявился на К. в связи с деятельностью иером. *Каллиника Ставровуниота* (1920–2011). В 1962 г. архиеп. Макарий III отправил его на обучение в Афины к Ф. Кондоглу, с именем к-рого связано возрождение т. н. ви-

зант. стиля в Греции. Помимо написания икон иером. Каллиник занимался и монументальной живописью (наиболее известны его росписи малого синодикона архиепископской резиденции в Никосии (1982), и кафоликона монастыря Ставровуни (1987)).

Византийское направление получило широкое распространение на К. благодаря многочисленным ученикам и последователям иером. Каллиника Ставровуниота. На К. работает также др. ученик Кондоглу – Георгиос Георгиу (род. в 1940), расписавший собор Киккского мон-ря, церкви ап. Андрея Первозванного и свт. Нектария Эгинского в Плати, свт. Николая Чудотворца в Энгоми и мн. др.

Некоторые кипрские художники обучались иконописи у учеников Кондоглу: у Я. Карузоса – священники Андрей Папаристодиму (род. в 1923) и Елевферий Христудулу (1938–2006), у братьев В. и Н. Лепурасов – архим. Симеон (Симеу; род. в 1948), игум. мон-ря вмч. Георгия Победоносца Мавровуниу, который в свою очередь имеет многочисленных учеников, среди которых – Х. Эпаминондас, свящ. Иоанн Каллис, Нектарий, еп. Арсиноский, Г. Петру, М. Куллепос, А. Адаму, архим. Евмений (Сииппис) и его брат А. Сииппис, К. Герасиму (также известен как реставратор), М. Матфеу, диак. Кириак Папаиоаким, П. Фотиу, М. Хадзимихаил, Т. Христофис, М. Ставрину.

Одна из крупнейших на К. мозаичных мастерских была организована братьями Йоргосом (род. в 1956) и Алкисом (1957–2009) Кеполасами, в числе их сотрудников – мозаичисты Н. Христулидис, К. Христу и др. На К. также работали художники и мозаичисты из др. стран: братья Х. и П. Вулгарисы, П. Сарфатис, С. Яннудис из Греции, братья М. и Г. Морощаны из Румынии, иером. Амвросий (Горелов) из России и др. Лит.: Megaw A. H. S., Hawkins E. J. W. The Church of the Holy Apostles at Perachorio, Cyprus, and Its Frescoes // DOP. 1962. Vol. 16. P. 277–348; *idem*. The Church of the Panagia Kanakariá at Lythrankomi in Cyprus: Its Mosaics and Frescoes. Wash., 1977. (DOS; 14); Mango C., Hawkins E. J. W. Report on Field Work in Istanbul and Cyprus, 1962–1963 // DOP. 1964. Vol. 18. P. 319–340; *idem*. The Hermitage of St. Neophytos and Its Wall Paintings // DOP. 1966. Vol. 20. P. 119–206; Weitzmann K. Icon Painting in the Crusader Kingdom // DOP. 1966. Vol. 20. P. 49–83; *idem*. A Group of Early Twelfth-Century Sinai Icons Attributed to Cyprus

// *Idem*. Studies in the Arts at Sinai. Princeton, 1982. P. 47–63; *Winfield D. C., Hawkins E. J. W.* The Church of Our Lady at Asinou, Cyprus: A Report on the Seasons of 1965 and 1966 // DOP. 1967. Vol. 21. P. 260–266; *Garidis M.* La peinture chypriote de la fin du XVe – début du XVIe siècle et sa place dans les tendances générales de la peinture Orthodoxe après la chute de Constantinople // Πρακτικά του Πρώτου Διεθνούς Κυπριολογικού Συνεδρίου. Λευκωσία, 1972. Τ. 2. Σ. 25–32; *idem*. La peinture murale dans le monde Orthodoxe après la chute de Byzance (1450–1600) et dans les pays sous domination étrangère. Athènes, 1989; *Winfield D. C.* Hagios Chrysostomos, Trikomo, Asinou: Byzantine Painters at Work // Πρακτικά του Πρώτου Διεθνούς Κυπριολογικού Συνεδρίου. Λευκωσία, 1972. Τ. 2. Σ. 285–291; *idem*. Panagia tou Arakos, Lagoudera: A Guide. Nicosia, [1973]; *Παπαγεωργίου Α.* Ίδιάζουσαι βυζαντινὰι τοιχογραφίαι του 13ου αιώνου ἐν Κύπρῳ // Πρακτικά του Πρώτου Διεθνούς Κυπριολογικού Συνεδρίου. Λευκωσία, 1972. Τ. 2. Σ. 201–212; *idem*. Σολωμονής ἡ Σολομωνής Αγίας ἐκκλησία // ΜΚΕ. 1990. Τ. 12. Σ. 259; *idem*. Εἰκόνες τῆς Κύπρου. Λευκωσία, 1991 (англ. пер.: *Papageorgiou A.* Icons of Cyprus. Nicosia, 1992); *idem*. Ἱερὰ Μονὴ Ἁγίου Νεοφύτου: Ἱστορία καὶ τέχνη. Λευκωσία, 1999; *idem*. (*Papageorgiou A.*) The Paintings in the Dome of the Church of the Panagia Chryseleousa, Strovolos // Medieval Cyprus: Studies in Art, Architecture, and History in Memory of D. Mouriki / Ed. N. P. Ševčenko, Ch. Moss. Princeton (N. J.), 1999. P. 147–160; *idem*. Η χριστιανικὴ τέχνη στο κατεχόμενο ἀπὸ του τουρκικὸ στρατὸ τμήμα τῆς Κύπρου. Λευκωσία, 2010; *Boyd S. et al.* The Church of the Panagia Amasgou, Monagri, Cyprus, and its Wall-paintings // DOP. 1974. Vol. 28. P. 276–345; *Megaw A. H. S.* Byzantine Architecture and Decoration in Cyprus: Metropolitan or Provincial? // DOP. 1974. Vol. 28. P. 57–88; *Djurić V.* La peinture murale Byzantine XIIe et XIIIe siècles // XVe Congrès International d'Études byzantines: Rapports et co-rapports. Athènes, 1976. Vol. 3. P. 3–96; *Hademann-Misguich L.* La peinture monumentale tardo-connéne et ses prolongement au XIIIe siècles // Ibid. P. 97–128; *Mouriki D.* Stylistic Trends in Monumental Paintings of Greece during the 11th and 12th Cent. // DOP. 1980/1981. Vol. 34/35. P. 77–124; *eadem*. The Wall Paintings of the Church of the Panagia at Moutoullas, Cyprus // Byzanz und der Westen: Stud. zur Kunst des Europäischen Mittelalters / Hrsg. I. Hutter. W., 1984. S. 171–213; *eadem*. 13th Century Icon Painting in Cyprus // *Eadem*. Studies in Late Byzantine Painting. L., 1995. P. 341–409; *Young S. H.* Byzantine Painting in Cyprus during the Early Lusignan Period: Diss. / Pennsylvania State Univ. [Univ. Park], 1983; *Παναγιωτίδης Μ.* Τεχνολογικές σχέσεις τῆς ζωγραφικῆς τῆς Κύπρου καὶ τῆς Πελοποννήσου κατὰ τὸ 13ο αἰῶνα // Πρακτικά του Δευτέρου Διεθνούς Κυπριολογικού Συνεδρίου. Λευκωσία, 1986. Τ. 2. Σ. 561–566; *eadem*. Η ζωγραφικὴ του 12ου αἰῶνα στὴν Κύπρο καὶ τὸ πρόβλημα των τοπικῶν ἐργαστηρίων // Πρακτικά του Τρίτου Διεθνούς Κυπριολογικού Συνεδρίου. Λευκωσία, 2001. Τ. 2. Σ. 411–439; *Σοφοκλέους Σ.* Νέα στοιχεία γιὰ τὴν παραμονὴ καὶ τὸ ἔργο του Κρητικοῦ ζωγράφου Ἰωάννου Κορνάρου στὴν Κύπρο // Κυπριακὰ ἑσπουδαί. Λευκωσία, 1986. Τ. 50. Σ. 227–256; *idem*. Ο ζωγράφος Ἰωάννης Κορνάρος καὶ ἡ Σχολή του // Αρχαιολογία. Αθήνα, 1987. Τ. 25. Σ. 64–70; *idem*. (*Sophocleous S.*) Icons of Cyprus: 7th–20th Cent. Nicosia, 1994; *idem*. Panagia Arakiotissa, Lagoudera, Cyprus. Nicosia, 1998; *Wharton A. J.* Art

of Empire: Painting and Architecture of the Byzantine Periphery: A Comparative Study of Four Provinces. Univ. Park, L., 1988; *Mango C., Hawkins E. J. W., Boyd S.* The Monastery of St. Chrysostomos at Koutsovendis (Cyprus) and its Wall Paintings. Pt. 1: Description // DOP. 1990. Vol. 44. P. 63–94; *Weyl Carr A., Morrocco L. J.* A Byzantine Masterpiece Recovered the 13th Cent. Murals of Lysi, Cyprus. Austin (Tex.), 1991; *Michaelides D.* Cypriot Mosaics. Nicosia, 1992; *Nicolaïdēs A.* L'église de la Panagia Arakiotissa à Lagoudéra, Chypre: Etude iconographique des fresques de 1192 // DOP. 1996. Vol. 50. P. 1–137; *Stylianou A., Stylianou J.* The Painted Churches of Cyprus. Nicosia, 1997². P. 292–320; *Frigerio-Zeniou S.* L'Art «Italo-Byzantin» à Chypre au XVIe siècle: Trois témoins de la peinture religieuse: Panagia Podithou, La Chapelle Latine et Panagia Iamatikē. Venise, 1998. P. 201–202; *eadem*. Fresques du XVIe siècle à Chypre: Données pour une nouvelle datation // Πρακτικά του Τρίτου Διεθνούς Κυπριολογικού Συνεδρίου. Λευκωσία, 2001. Τ. 2. Σ. 441–445; *Συμεών (Συμεού), αρχμ.* Οι ταπεινοὶ ἀγιογράφοι τῆς Κύπρου κατὰ τὴν Τουρκοκρατία (17ος–19ος αἰῶνας). Ἱερὰ Μονὴ Ἁγίου Γεωργίου Μαυροβουνίου, 1998; *Constantinides E.* Monumental Painting in Cyprus during the Venetian Period, 1489–1570 // Medieval Cyprus: Studies in Art, Architecture, and History in Memory of D. Mouriki. Princeton, 1999. P. 263–300; *Emmanuel M.* Monumental Painting in Cyprus during the Last Phase of the Lusignan Dynasty, 1374–1489 // Ibid. P. 241–262; *Ἀσπρά-Βαρδαβάκη Μ.* Χεῖρ ἦν ζωγράφου Κορνάρου Ἰωάννου Κρητὸς ἐν τῇ Μονῇ τῆς Κύκκου // Ἱερὰ Μονὴ Κύκκου στὴ βυζαντινὴ καὶ μεταβυζαντινὴ ἀρχαιολογία καὶ τέχνη. Λευκωσία, 2001. Σ. 312–381; *Τριανταφυλλόπουλος Δ. Δ.* Ἡ τέχνη στὴν Κύπρο ἀπὸ τὴν ἄλωση τῆς Κωνσταντινουπόλεως (1453) ἕως τὴν ἐναρξὴ τῆς Τουρκοκρατίας (1571): Βυζαντινὴ / Μεσαιωνικὴ ἢ Μεταβυζαντινὴ // Πρακτικά του Τρίτου Διεθνούς Κυπριολογικού Συνεδρίου. Λευκωσία, 2001. Τ. 2. Σ. 621–629; *idem*. Βενετία καὶ Κύπρος: Σχέσεις τους στὴν Τέχνη // Κύπρος – Βενετία, κοινὲς ιστορικὲς τύχες: Πρακτικά του Διεθνούς Συμποσίου. Βενετία, 2002. Σ. 315–316; *idem*. Μελέτες γιὰ τὴ μεταβυζαντινὴ ζωγραφικὴ: Ἐνετοκρατούμενη καὶ τουρκοκρατούμενη Ελλάδα καὶ Κύπρος. Αθήνα, 2002; *Hadjichristodoulou Ch., Mirianthefs D.* The Church of Our Lady of Asinou. Nicosia, 2002; *Winfield D. C., Winfield J.* The Church of the Panagia tou Arakos at Lagoudera, Cyprus: The Paintings and Their Painterly Significance. Wash., 2003. (DOS; 37); *Γκιολές Ν.* Η χριστιανικὴ τέχνη στὴν Κύπρο. Λευκωσία, 2003; *Λάμπρου Γ. Κ.* Ο ἀγιογράφος Καλλιníkος Σταυροβουνιώτης. Λευκωσία, 2003; *Weyl Carr A.* Art // Cyprus: Society and Culture 1191–1374 / Ed. A. Nicolaou-Konnari, Ch. Schabel. Leiden, 2005. P. 285–328; *Χοτζακόγλου Χ. Γ.* Βυζαντινὴ ἀρχιτεκτονικὴ καὶ τέχνη στὴν Κύπρο // Ἱστορία τῆς Κύπρου / Ἐκδ. Θ. Παπαδόπουλος. Λευκωσία, 2005. Τ. 3/1. Σ. 567–788; *Ποποῦ Ο. Σ.* Προβλήματα визант. искусства: Мозаики, фрески, иконы. М., 2006; *Eliades I. A.* Cultural Interactions in Cyprus 1191–1571: Byzantine and Italian Art // Power and Culture: Hegemony, Interaction and Dissent / Ed. A. Cimdina, J. P. Osmond. Pisa, 2006. P. 15–31; *idem*. (*Ηλιάδης Ι.*) Οι ζωγραφικὲς τάσεις κατὰ τους πρώτους αἰῶνες τῆς Τουρκοκρατίας στὴν Κύπρο (16ος–17ος αἰῶνας) // Κύπρος ἀπὸ τὴν ἀρχαιότητα ἕως σήμερα. Αθήνα, 2007. Σ. 406–429; *Κοκκινιώτης Κ.* Διονύσιος Χρηστίδης καὶ ἡ ἐπανάδρυση τῆς Μονῆς Σταυροβουνίου τὸ 1889 // Κυπριακὰ ἑσπουδαί. 2006. Τ. 70. Σ. 43–117; *Papacostas T.* The History

and Architecture of the Monastery of St. John Chrysostomos at Koutsovendis, Cyprus // DOP. 2007. Vol. 61. P. 25–156; *Παπαγεωργίου Κ.* Ἡ ἀναγεννησιακὴ ἀγιογραφία στὴν Κύπρο τέλη 19ου καὶ 20ου αἰῶνας. Κύπρος, 2010; *Кенюлас Г.* Работа, требующая терпения. Никосия, 2011³; *Зеленина Я. Э.* Академик В. В. Васильев – автор иконостаса Троицкого собора РДМ в Иерусалиме // Святая Земля: Ист.-культ. иллюстр. альманах. М., 2012. № 1. Ч. 1. С. 198–209.

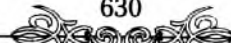
Ο. Β. Λ., Я. Э. З.

ΚΙΠΡΙΑΝ († 16.09.1406), свт.
(пам. 16 сент., 27 мая, во 2-ю Неделю по Пятидесятнице – в Соборе Афонских преподобных, 10 окт. – в Соборе Волынских святых, в воскресенье перед 26 авг. – в Соборе

Свт. Киприан, митр. Киевский и всея Руси. Фрагмент росписи Преображенского собора Новоспасского мон-ря, Москва. 1689 г.

Московских святых), митр. Киевский и всея Руси. В «Надгробном слове» К. Киевского митр. (*Западно-русской митрополии*) Григория Цамблака «отечеством» К. неоднократно названы Болгария и ее столица – Тырново (ныне Велико-Тырново). Григорий Цамблак также говорит, что ему особенно подобает скорбеть, т. к. К. «брат беаше нашему отцю». Это высказывание позволяет полагать, что К., возможно, принадлежал к знатному болг. роду Цамблаков. В одном из своих сочинений К. упоминает, что он жил некогда на Св. Горе Афон. Это дает возможность связать с его именем «Еуфимия, патриарха Терновского, послание к Киприану мниху, живущу во Святей горе Афонстей», хотя заголовок, по-видимому, сделан позднее, после того как Евфимий в 1375 г. стал патриархом, а К. покинул Афон.

В сер. 70-х гг. XIV в. К. уже находился в К-поле и принадлежал к близкому окружению К-польского патриарха *Филофея Коккина*. В это время патриарх Филофей возложил на К. важную миссию на территории Вост. Европы. Здесь наметился конфликт между Москвой и *Литовским великим княжеством*, в к-ром Киевский митр. св. *Алексий* поддержал Московского вел. кн. св. *Димитрия Иоанновича Донского*, что привело к серьезным осложнениям церковной жизни. Дело не ограничилось тем, что митр. Алексий не имел доступа в епархии Киевской митрополии, расположенные на землях Великого княжества Литовского. По свидетельству К., все связи между частями митрополии были прерваны — свт. Алексий не мог ни послать туда кого-либо, ни вызвать кого-либо оттуда; в отсутствие верховного пастыря церковная жизнь приходила в расстройство. Видя в свт. Алексии своего противника, литов. князь добивались поставления для их земель особого митрополита. Патриарх Филофей прилагал усилия для примирения враждующих сторон. Очередную такую попытку должен был предпринять его посол К. В кон. зимы — нач. весны 1374 г. К. находился в Сев.-Вост. Руси, где, в частности, сопровождал митр. Алексия в его поездке в Переяславль. Вероятно, во время этой поездки состоялось знакомство К. с преподобными *Сергием* Радонежским и его племянником *Феодором*.

О переговорах, к-рые вели в это время К., митр. Алексий и литов. князь, сведения содержатся в деяниях К-польских Соборов 1380 и 1389 гг. При существовании разной ориентации составителей обоих документов описания переговоров в них в основных чертах совпадают. Литов. князь добивались приезда митрополита в ту часть митрополии, к-рая лежала в границах их владений, обещая принять его как законного пастыря, а митрополит, хорошо помнивший о его аресте Литовским вел. кн. *Ольгердом* в Киеве, отказался это сделать. Затем литов. князь обратились в К-поль с настойчивым предложением поставить К. митрополитом для их владений. В обоих деяниях говорится, что литовские князь угрожали принятием митрополита «от латинской церкви» в случае, если их требование не будет выполнено. Предложения поставить

им особого митрополита литовские князь выдвигали и ранее, но Филофей их отклонял.

В сер. 70-х гг. XIV в. так поступить было уже невозможно. 13 февр. 1375 г. была создана новая провинция католич. Церкви с центром в Галиче (с 1412 во Львове) и с епископскими кафедрами в Галиче, в Перемышле, во Владимире-Волыньском и в Холме. Предписывалось устранить с этих кафедр правосл. епископов. В этих условиях угроза литовцев становилась очень реальной. Кроме того, в условиях экспансии католицизма нужно было положить конец расстройству церковной жизни на землях Великого княжества Литовского. Во Владимире-Волыньском должен был появиться католич. епископ, а правосл. епископа здесь в течение ряда лет не было. Приемлемой была для Филофея и кандидатура хорошо известного ему К. 2 дек. 1375 г. патриарх возглавил епископскую хиротонию К. Составленное при этом деяние не сохранилось, но может быть реконструировано по ссылкам на него в соборном деянии 1389 г. К. был поставлен митрополитом Киевским и Литовским, с тем чтобы после смерти митр. всея Руси Алексия под власть К. перешла и московская часть митрополии. На время пребывания К. в Литве в 1374–1375 гг. пришлось осуществленная при его активном участии канонизация Виленских мучеников — литов. бояр *Антония*, *Иоанна* и *Евстафия*, к-рые приняли Православие и за это были казнены по приказу вел. кн. Ольгерда. Канонизация была проведена патриархом Филофеем в К-поле, куда были доставлены частицы мощей святых. По-видимому идя навстречу пожеланиям Литовского вел. князя, Филофей рассчитывал обратиться в Православие литов. язычников.

В Москве поставление К. было воспринято как успех старого врага — Литвы и вызвало острую отрицательную реакцию, к-рая усилилась вслед. действий К. Зимой 1376/77 г. в Новгород прибыли послы К. с сообщением, что его «благословил» патриарх Филофей митрополитом «на всю Русскую землю». Т. о., К. попытался распространить свою власть и на те епархии, к-рые, по соборному деянию, должны были оставаться под властью митр. Алексия. Кроме того, как указывалось в соборном деянии 1380 г., против

митр. Алексия были выдвинуты какие-то обвинения, составление которых в Москве приписывали К. Для проведения расследования в Москву были направлены послы К-польского патриарха, которые прибыли в нач. 1376 г. Приход послов вызвал в Москве резко отрицательную реакцию. Как писал позднее К., «патриарха литвином называли, царя тако же»; в соборном деянии 1380 г. отмечено, что и «на митрополита Киприана... произносили страшные проклятия» (ПДРКП. Прил. № 30. Стб. 174). По-видимому, тогда же было принято решение о том, кто должен стать преемником митр. Алексия. За 2 года до его смерти, в 1376 г., «печатник» Димитрия Донского Митяй был пострижен в монашество с именем Михаил (см. *Митяй (Михаил)*) и поставлен настоятелем придворной обители — *московского в честь Преображения Господня монастыря* в Кремле.

Сведения о первых шагах К. по управлению митрополией содержатся в его послании 1378 г. прп. Сергию Радонежскому и архим. *московского Симонова в честь Успения Пресв. Богородицы мон-ря* прп. Феодору. По словам митрополита, он приложил усилия к восстановлению порядка в церковной жизни и возвращению церковным учреждениям утраченной собственности. Во Владимир-Волыньский, где давно не было епископа, был поставлен архиеп. В Новогрудке, к-рый в первые десятилетия XIV в. являлся резиденцией Литовского митрополита, выделенные кафедре десятина и села были утрачены, но К. добился их возвращения (по-видимому, это дало возможность Новогрудку позднее стать резиденцией западнорус. Киевских митрополитов). В условиях долгого отсутствия митрополита князь и бояре захватили села, принадлежавшие митрополичьей кафедре («софийские»), К. стал добиваться их возвращения. След деятельности К. в эти годы может быть обнаружен в фальсификате грамоты кн. Льва Даниловича 1301 г. Галицкой кафедре. При составлении фальсификата был использован какой-то документ, в котором в качестве свидетелей выступали митр. К. и Перемышльский еп. Иларион (известный по упоминанию в документе 1366 г.). Очевидно, К. сумел установить какие-то связи и с духовенством восстановленной в 1370 г. Галицкой митрополии.

Положение К. ухудшилось, когда в связи с борьбой за власть в доме Палеологов осенью 1376 г. был низложен, а затем вскоре скончался патриарх Филофей. Возможно, это событие побудило кн. Димитрия Донского направить послов в К-поль с жалобой на принятие решения о разделении митрополии. Послы утверждали, судя по соборному деянию 1380 г., что К. был поставлен незаконно, в нарушение канонов, при жизни законного митр. Алексия, «который заочно и без суда лишен был церкви» (Там же. Стб. 180). Возможно, тогда же был поднят вопрос, что Димитрий Донской хотел бы видеть на митрополичьей кафедре в случае смерти митр. Алексия Михаила (Митяя).

12 февр. 1378 г. митр. Алексей скончался. К. направился в Москву, чтобы принять под свою власть московскую часть Киевской митрополии. О поездке сохранились сведения в 2 посланиях от 3 и 23 июня 1378 г., отправленных К. преподобным Сергию Радонежскому и Феодору. В 1-м письме, написанном по приезде в Любутск, К. сообщал о своем намерении ехать в Москву и выражал надежду встретиться «и насладиться духовных словес». Однако посещение Москвы не состоялось. Как следует из послания от 23 июня, К. остановили и в грубой форме (в частности, ограбив его свиту) выпроводили из страны. Выражая возмущение действиями вел. князя, для к-рых, по словам К., не было никаких причин, т. к. он ничего не предпринимал против Димитрия Иоанновича, митрополит горько упрекал корреспондентов за то, что они хранили молчание и не выступили против таких действий правителя. В заключительных словах послания К. проклял всех, «елици причастни суть моему иманию, и запираию, и бещестию», и сообщил о намерении ехать «оборонитися» к патриарху в К-поль. Новое послание, отправленное 18 окт. 1378 г. из Киева, говорит о состоявшихся контактах, когда Сергий и Феодор признали К. законным митрополитом. В послании К. сообщал о своем отъезде в К-поль «коньми на Волошскую землю». К. претерпел «много скорби» при переходе через Дунай, а потом его торжественно встречали в Тырнове, где он благословил юного Григория Цамблака.

В К-поле К., по собственному свидетельству, пробыл 13 месяцев. Здесь

обстоятельства сложились для него неблагоприятно. В своем 1-м письме преподобным Сергию и Феодору он выражал возмущение тем, что митрополичьей кафедрой в Москве управляет простой монах, к-рый носит святительские одежды и посох. Это не было, однако, самоуправством Михаила (Митяя): как указано в деянии 1389 г., патриарх Макарий поручил ему управление делами митрополии и пригласил в К-поль для поставления в митрополиты. В К-поле К. ждал приезда рус. послов, без участия к-рых его жалобы не могли быть рассмотрены. Вместе с др. архиереями К. принял здесь участие в низложении патриарха Макария. Михаил (Митяя) скончался близ К-поля в нач. осени 1379 г. Тогда же московские послы, сопровождавшие нареченного митрополита, приняли решение использовать чистые бланки, скрепленные печатями вел. князя, и предложить в качестве митрополита Пимена, архим. *переславль-залесского Горшково в честь Успения Пресв. Богородицы мон-ря*. Спор между К. и послами начался сразу после избрания нового патриарха Нила в июне 1380 г. Международная ситуация способствовала обострению спора. К этому времени был заключен союз между вел. князем Литовским Ягайло (см. *Владислав (Ягайло)*) и Мамаем, направленный против московского князя. Сборник деяний 1389 г. приводит слова послов: «Что бы там ни было... мы не примем кир Киприана, человека, взысканного литовским князем, злейшим нашим неприятелем» (ПДРКП. Прил. № 33. Стб. 208). Видя, что дела складываются для него неблагоприятно, К. покинул К-поль. Собор по главе с патриархом в июне 1380 г. принял решение «рукоположить Пимена в митрополиты Великой Руси, наименовав его и Киевским». Соборное деяние патриарха Филофея было признано недействительным, а обвинения против К. в неканоничности его поставления были признаны правильными. Однако, поскольку К. не мог быть осужден заочно, было решено, что он останется митрополитом Малой Руси и Литвы, а после его смерти эти земли перейдут под управление Пимена.

В нач. 1381 г. произошел резкий поворот. 21 февр. Димитрий Донской послал в Киев архим. Симонского мон-ря Феодора, приглашая К. в Москву. К. прибыл 23 мая

и был принят «с великою честью», по случаю приезда устроили «пир велик». К. и прп. Сергий вместе крестили племянника Димитрия Донского Ивана, сына кн. *Владимира Андреевича*. Когда осенью 1381 г. из К-поля вернулся Пимен, он был арестован в Коломне и сослан в Чухлому. Послы, организовавшие его избрание, по свидетельству соборного деяния 1389 г., подверглись суровым наказаниям, нек-рые были казнены. Участие в событиях преподобных Сергия и Феодора, названного в летописи духовником вел. князя, говорит о том, что иноки воспользовались своим влиянием на вел. князя, чтобы убедить его призвать К. Представляется, что сложились благоприятные обстоятельства, к-рые сделали вел. князя более доступным для уговоров. В нач. 80-х гг. XIV в. Литва уже не была такой могучей державой, как при Ольгерде, сын Ольгерда вел. кн. Ягайло потерпел ряд серьезных неудач. Это ослабевшее гос-во можно было бы подчинить своему влиянию.

Вероятно, во время этого пребывания в Москве К. написал Житие митр. Петра. В этом произведении К. восхваляет благочестие вел. кн. *Иоанна I Даниловича Калиты*, принявшего в Москве митр. св. *Петра*, в уста святителя автор вложил пророчество, что «град сей славен будет в всех градах русских» и взыдут «руки его на плеча враг его». Рассказ о житии и прославлении свт. Петра заканчивался повествованием о том, как в К-поле К. был исцелен от болезни чудесным вмешательством свт. Петра. К этому же времени Г. М. *Прохоров* относит ответы К. на вопросы игум. Афанасия, к-рого исследователи отождествляют с прп. *Афанасием Высоцким Старшим*, учеником прп. Сергия Радонежского, настоятелем *Высоцкого серпуховского в честь Зачатия Пресв. Богородицы муж. мон-ря*. О близости прп. Афанасия к К. говорит тот факт, что при отъезде митрополита из Москвы в 1382 г. он взял с собой настоятеля Высоцкого мон-ря. На Русь Афанасий не вернулся, что позволяет надежно датировать вопросы и ответы 1380–1382 гг. Высоцкий мон-рь был основан в 1374 г., и молодой настоятель, конечно, нуждался в советах опытного иерарха. Среди прочего Афанасий спрашивал, можно ли принять от князя село, к-рое тот хочет подарить мон-рю. Практику

монастырского владения селами К. решительно осудил: «А еже села и люди держати иноком не предано есть святыми отци» (ПДРКП. Прил. № 32. Стб. 263). Иноки будут вынуждены бороться за обладание этими селами, управлять живущим в них населением, и тогда они не будут отличаться от мирян. Обладание селами неизбежно ведет к упадку монастырской жизни, как К. наблюдал «в Святой горе». В крайнем случае можно принять село, но поручить управление им «мирянину некоему богобоязнову», к-рый бы привозил в мон-рь необходимые для жизни припасы.

Во время нашествия Тохтамыша в авг. 1382 г. К. с трудом смог покинуть Москву, где началось народное восстание, и нашел себе приют в Твери. В это же время, по свидетельству Софийской II летописи (Воскресенский список), там же был и прп. Сергей Радонежский, к-рый «от Тахтамышева нахождения бежа во Тфер» (ПСРЛ. Т. 6. С. 122). 5 сент. 1382 г. тверской кн. св. *Михаил Александрович* с сыном отправился в Орду, в нач. окт. Димитрий Донской послал бояр привезти К. в Москву. Той же осенью К. уехал в Киев, а Пимен был вызван из ссылки и занял митрополичий стол. В московском летописании кон. XV в. читается пояснение относительно К.: «Разгнева бо ся на него великий князь Дмитриеи того ради, яко не седел в осаде на Москве» (ПСРЛ. Т. 25. С. 210). Более основательным представляется объяснение, что новый разрыв был связан с тем, что Михаил Тверской поехал в Орду добиваться ярлыка на вел. княжение и вел. князь подозревал участие в этих планах К.

Положение К. стало шатким, когда в 1383 г. Литовский вел. кн. Ягайло, пытаясь преодолеть возникшие перед ним трудности и получить поддержку в борьбе с крестоносцами, заключил договор с Димитрием Донским, пообещав жениться на его дочери и принять Православие. По-видимому, тогда же была достигнута договоренность об отстранении и К., и Пимена. Новым митрополитом должен был стать Суздальский и Нижегородский архиеп. св. *Дионисий*, который побывал в К-поле и пользовался там уважением. Летом 1383 г. Дионисий вместе с Феодором Симоновским поехал в К-поль «о управлении митрополия Русскыя». Здесь Дионисий был поставлен на

Киевскую и всея Руси митрополию кафедру и в 1384 г. прибыл в Киев, рассчитывая, очевидно, взять под свое управление сначала зап. часть митрополии. Однако к этому времени московско-литов. договор перестал действовать: в Вильно решили искать союза не с Московским великим княжеством, а с Польшей. Дионисий был арестован и заключен в тюрьму, где вскоре умер. К. мог возобновить борьбу за митрополичий стол.

Зимой 1384/85 г. в Москву прибыли 2 греч. митрополита — Матфей и Никандр и, по свидетельству летописи, «позываху Пумина в Царьград», куда тот и отправился в мае 1385 г. Туда же для проведения расследования и суда был вызван патриаршей грамотой и К. Однако решение не было принято, т. к. К. должен был временно покинуть визант. столицу, чтобы выполнить поручения, возложенные на него имп. *Иоанном V Палеологом*. Патриарх Нил и Собор 29 мая 1387 г. дали согласие на отъезд, но обязали его в течение года вернуться на суд в К-поль. Одновременно К. предписывалось, чтобы он «никоим образом не совершал ничего святительского в Великой Руси и не ходил туда» (ПДРКП. Прил. № 32. Стб. 190). В 1385–1387 гг. происходили значительные события. Литов. правитель Ягайло стал польск. королем, он и язычники-литовцы приняли католичество, в Вильно было основано лат. еп-ство, юрисдикция к-рого распространялась не только на литовские, но и на белорус. земли Великого княжества Литовского. Известно, как действовал в этой ситуации К. Единственный документ этого времени, в к-ром К. упоминается, проливает свет на причины его отъезда из К-поля. 26 сент. 1387 г. молдав. воевода Петру Мушат прибыл во Львов, где находился Ягайло, и принес ему ленную присягу. Тогда же присягу — поручительство в верности воеводы принесли сопровождавшие Петру молдав. бояре. Присягу у них принимал К. Очевидно, он выехал из К-поля по ходатайству польск. короля, чтобы содействовать установлению польск. протектората над Молдавским княжеством. В 1385 г. старший сын Димитрия Донского Василий (см. *Василий I Димитриевич*) бежал из Орды в Молдавию к воеводе Петру, осенью 1386 г. вел. князь посылал

за ним «бояр старейших» в Полоцкую землю, и 19 янв. 1387 г. он вернулся в Москву. Согласно тверскому летописанию XV в., «с ним из Киева прииха митрополит Киприан, и не приал его князь великий» (ПСРЛ. Т. 15. Стб. 444).

Позиции К. заметно окрепли, когда в 1388 г. Пимен, не дожидаясь судебного разбирательства, бежал из К-поля и упорно отказывался вернуться, несмотря на настояния патриарха и императора. В июле 1388 г. Пимен приехал в Москву «без исправы». Патриарх Нил и Собор приняли решение о низложении Пимена, которое подтвердили новый К-польский патриарх *Антоний IV* и Синод в февр. 1389 г. В сохранившемся соборном деянии, переданном прибывшему в К-поль К., не только подтверждалось решение о низложении Пимена, но и восстанавливалось действие деяния патриарха Филофея, устанавливавшего, что после смерти митр. Алексия все земли Киевской митрополии должны объединиться под властью К. В апр. Пимен вопреки воле вел. князя снова направился в К-поль, куда прибыл летом 1389 г. К этому времени там находился и К. Здесь на состоявшемся суде Пимен был снова осужден (зачто), 11 сент. он скончался в Халкидоне. Вскоре после отъезда Пимена в Византию умер и вел. кн. Димитрий Иоаннович Донской. 1 окт. 1389 г. К. направился на Русь, его сопровождали 2 греч. митрополита, епископы Волынский Иона, Смоленский Михаил и Ростовский Феодор. После тяжелого плавания по Чёрному м. они благополучно прибыли в Белгород (ныне Белгород-Днестровский, Украина). 6 марта 1390 г. К. приехал из Киева в Москву. Вел. кн. Василий Димитриевич с матерью и братьями встречал его до въезда в город, был устроен торжественный крестный ход от мон-ря Николы Старого (см. *Московский греческий во имя свт. Николая Чудотворца мон-рь*) к Успенскому собору.

В Москве и в Сев.-Вост. Руси К. провел 5 лет, стараясь устранить отрицательные последствия для церковной жизни многолетней борьбы за митрополичий стол. Усилия К. были направлены на возвращение Церкви и закрепление за нею ее собственности. Свидетельством этих стараний является сохранившийся в грамоте *Иоанна III Васильевича* 1483 г. текст соглашения об обмене

землями между К. и вел. кн. Василием Димитриевичем. Обмен был осуществлен до февр. 1392 г., когда умер один из свидетелей сделки, боярин Данило Феофанович. К. передал вел. князю купленный митр. Петром г. Алексин, получив в обмен «Слободку Всеславию» (буд. вол. Караш Ростовского у.). Вел. князь обязался с этих митрополичьих земель «ни дани, ни яму не имати никому нужно», митрополиту предоставлялась вся полнота власти над населением, жители слободки освобождались от уплаты торговых пошлин, «если продадут свое домашнее или что купят себе надобное» (АФЗХ. Ч. 1. № 1. С. 23–24). 21 окт. 1391 г. датирована уставная грамота К. одному из монастырей митрополичьего дома — владимирскому Константино-Еленинскому, определявшая пошлины и повинности крестьян после спора по этому вопросу между игуменом и крестьянами (Там же. № 201. С. 179–180).

К первым годам этого московского правления К. следует относить и договор (докончание) с вел. князем, определявший статус митрополичьих владений и духовных лиц в Великом княжестве Московском (АСЭИ. Т. 3. № 6. С. 18–20). Вопрос о дате этого документа является предметом дискуссии. В течение длительного времени дата документа — 28 июня 1392 (6900) г. не вызывала сомнений у исследователей. В дальнейшем было отмечено противоречие между датой и указанным в грамоте 12-м индиктом, к-рый в правление К. приходился на 1404 г. Однако содержание договора, в котором говорится о сохранении или восстановления порядков, существовавших при митрополитах *Феогносте* и Алексии, не позволяет согласиться с поздней датой: вероятно, индикт указан ошибочно. Договор подтверждал права митрополичьего дома на села, к-рые и до митр. Алексия, и при нем принадлежали кафедре. Жители этих сел освобождались от налогов, кроме дани для уплаты «выхода» в фиксированном размере, установленном «оброчной грамотой» вел. князя. Вместе с тем они должны были давать «ям по старине с шестой день». «Митрополичи люди» освобождались от уплаты тамги при торговле «домашним товаром». В то же время договор определял, что «митрополичи люди, которые живут в городе, а тянут к дворцу» должны

быть обложены таким же оброком, как и др. люди, работающие в дворцовом хозяйстве. Это 1-е упоминание о конфликтах вокруг налогообложения городских владений Церкви и их населения, к-рые заняли видное место в отношении гос-ва и Церкви в последующие столетия.

Подтверждались права митрополичьей кафедры на мон-ри Константино-Еленинский во Владимирском у. и Борисоглебский в Переяславском у. и на их владения. Вся полнота судебно-адм. власти над их населением должна была принадлежать игуменам. О власти митрополита в докончании ничего не сказано, очевидно, потому что по традиции митрополит обладал всей полнотой власти над своими подданными и служилыми людьми своего двора. Их единственной обязанностью по отношению к гос-ву было ходить на войну «под митрополичьим воеводой», и только в том случае, если на войну пойдет вел. князь. В договор были внесены и конкретные установления, касавшиеся митрополичьих владений в волостях Луховецкой и Сенежской Владимирского у. Здесь проводились «обыски», чтобы определить размеры этих владений. Боярам и слугам, купившим земли в Луховецкой вол., предписывалось «лести вон». Жители волости были освобождены от наложенной на них недавно обязанности ставить хоромы на дворе вел. князя во Владимире.

Ряд положений докончания касался положения духовных лиц на территории митрополии. Составители договора исходили из того, что митрополиту принадлежит судебно-адм. власть над настоятелями мон-рей, монахами и священниками. В случае жалоб мирян на церковных людей устанавливался «сместной» суд. В случае отсутствия митрополита такие дела должен был разбирать сам вел. князь. Особое установление касалось определения размеров «зборного», к-рое следовало вносить в митрополичью казну, и взносов в пользу десятичника, а также сроков их уплаты. Одновременно устанавливалось, что «зборное» не должно вноситься те соборные церкви, которые были освобождены от «зборного» при митрополитах *Феогносте* и Алексии. Внесение в договор таких положений делало великокняжескую власть арбитром в случае споров между митрополичьей администрацией и приходским духовен-

ством. Жалобы на светских чиновников митрополита, заместника, волостеля, десятичника должен был рассматривать вел. князь. Особым постановлением запрещалось ставить в священники и диаконы великокняжеских слуг и «данных людей». Сумев возвратить кафедре ее собственность и обеспечив этой собственности достаточно высокий привилегированный статус, К. был вынужден пойти на уступки при решении ряда других вопросов. Ряд принятых установлений давал великокняжеской власти достаточно широкие возможности для вмешательства во внутреннюю жизнь духовного сословия.

Ряд действий К. в нач. 90-х гг. XIV в. был направлен на урегулирование церковной жизни в других епархиях Сев.-Вост. Руси. Срочно вмешательство требовало положение в Твери, где в 1387 г. произошел острый конфликт между вел. кн. Михаилом Александровичем и Тверским еп. *Евфимием Висленем*: вел. князь «не захоте» его и епископ удалился в один из тверских мон-рей. 29 июня 1390 г. К. вместе с греч. митрополитами Матфеем и Никандром (с к-рыми он весной прибыл в Москву), а также с рус. святыми *Михаилом Смоленским* и *Стефаном Пермским* направился в Тверь, где кафедра оставалась без епископа неск. лет. Сведения о поездке сохранились в ряде летописей (наиболее ранний рассказ — в Рогожской и Симеоновской летописях) и в особой записи — бумажной вставке в пергаменный Иерусалимский устав 1438 г. из тверского *Жёлтикова в честь Успения Пресв. Богородицы муж. мон-ря*. К. принимали с большим почетом — сыновья тверского князя встречали его на дороге в город, кн. Михаил Александрович встретил митрополита в 5 верстах от города. После разбирательства с участием боярской думы и духовенства еп. Евфимий был низложен и отправлен в заточение в *Чудов в честь Чуда арх. Михаила в Хонех монастырь* в Московском Кремле. 24 июля К. поставил новым Тверским епископом своего архидиак. *Арсения*, пришедшего с ним из Киева. (В Никоновской летописи 20-х гг. XVI в. помещен особый рассказ, что из-за происходивших в городе волнений К. вынужден был покинуть Тверь, взяв с собой Арсения; в следующем году они вернулись в Тверь,

Арсения «едва умолиша» быть здесь епископом, и он был поставлен 15 авг. Эти сообщения — результат редакторской работы создателя Никоновской летописи.)

Воспользовавшись «смутой» в митрополии, новгородское вече в Великий пост 1385 г. приняло решение запретить апелляции к митрополиту, высшей судебной инстанцией должен был стать суд архиепископа вместе с 4 боярами и 4 «жителями людьми» по выбору спорящих сторон. Это соглашение было оформлено грамотой, скрепленной коллективной присягой новгородцев. К. не мог согласиться с таким ограничением своей власти. 11 февр. 1391 г. он прибыл в Новгород в сопровождении Рязанского еп. Феогноста и неизвестного по имени архимандрита *нижегородского Печерского в честь Вознесения Господня муж. монастыря*. Новгородцы приняли митрополита с почетом, ему поднесли богатые дары и в течение 2 недель устраивали пиры, но когда митрополит стал у «Новгорода суда просити», горожане отказались изменить свои решения. К. уехал, «на владыку и на весь Новгород великое нелюбие дръжа» (ПСРЛ. Т. 4. Вып. 2. Стб. 371–372). Конфликт между К. и Новгородом растянулся на неск. лет. Присутствие в свите К. архимандрита нижегородского Печерского мон-ря говорит о том, что к нач. 1391 г. митрополит поднял вопрос о возвращении Н. Новгорода и Городца из Суздальской архиепископии в Митрополичью область. Города эти вошли в Суздальскую епархию в 1374 г., что было подтверждено К-польской Патриархией в июле 1389 г. (ПДРКП. Прил. № 34. Стб. 229–230). Однако К. и его окружение считали, что Н. Новгород и Городец были переданы Суздальскому архиеп. Дионисию митр. Алексием во временное владение и должны быть возвращены в состав Митрополичьей области. Вопрос о принадлежности этих территорий обострился, после того как в 1392 г. Московский вел. кн. Василий I получил ярлык на Н. Новгород и затем занял этот город. Возможно, с попыткой К. отторгнуть от Суздальской епархии Н. Новгород и Городец связан конфликт митрополита с прп. *Евфимием Суздальским*, основателем *Евфимиева суздальского в честь Преображения Господня мон-ря*. По свидетельству прп. *Иосифа Волоцкого*, прп. Ев-

фимий «не велел был звати... Кипреяна митрополитом». К. пожаловался вел. князю, к-рый «доспел тому делу конец на Москве по свидетельству священных правил» (Послания Иосифа Волоцкого. М.; Л., 1959. С. 191).

К. также искал поддержки у К-польского патриарха Антония. Он сообщил патриарху, что, хотя он наложил на новгородцев отлучение, уезжая из Новгорода, ни новгородское духовенство, ни миряне не стали его соблюдать. Соответствующие грамоты повез в К-поль Дмитрий Афиневич, посол митрополита и вел. князя. Новгород направил в К-поль своих послов, они решительно настаивали на полном освобождении своего гос-ва от к.-л. форм подсудности митрополиту и даже угрожали переходом в католичество, если их требования не будут удовлетворены. Угрозы не подействовали: в грамотах, направленных в Новгород (1-я была написана до приезда новгородских послов), патриарх подтвердил отлучение, наложенное на новгородцев К., и потребовал, чтобы они отменили свои решения и подчинились власти митрополита. В окт. 1393 г. были составлены инструкции послам патриарха и императора — Вифлеемскому архиеп. Михаилу и Алексею Аарону, к-рые должны были направиться в Новгород и публично зачитать там грамоты патриарха. Ранее, зимой 1392/93 г., поддерживая К., вел. кн. Василий I потребовал передать митрополиту текст грамоты, к-рую новгородцы приняли в 1385 г. Отказ новгородцев удовлетворить это и др. требования привел к войне. Заключение мира в кон. 1393 г. сопровождалось передачей митрополиту «целовальной грамоты», что означало отмену принятых в 1385 г. решений, а К. снял отлучение и «благословил» новгородцев. Когда в 1394 г. в Новгород приехали послы с патриаршими грамотами, в их вмешательстве уже не было нужды. В Великий пост 1395 г. митрополит с послом патриарха прибыл в Новгород «и запроси суда, и новгородцы суда ему не даша» (НПЛ. С. 387). К. оставался в Новгороде всю весну, ему оказывали «велику честь», но успеха он не добился. Однако при отъезде разрыва не произошло и К. благословил новгородцев. В 1396 г. Новгородский архиеп. *Иоанн (Стулин)* ездил по вызову митрополита в Москву и пробыл там 2 дня. К.

отпустил его «с благословением и с честью» (Там же). В этом факте отразилось признание верховной власти митрополита над Новгородским архиепископом. Направленным на Русь послам патриарха было поручено также вынести решение о споре между К. и Суздальским архиеп. *Евфросином* о принадлежности Н. Новгорода, и спор был решен в пользу митрополита.

К 1395 г. относится установление контактов между К. и Псковом. Находясь в Новгороде весной 1395 г., митрополит воспользовался тем, что между Псковом и Новгородом было в это время «розмирье», чтобы вступить в сношения с псковским духовенством и мирянами помимо их епархиального архиерея. Позднее по пути, намеренному К., пошли его преемники. В грамоте, отправленной в Псков 12 мая 1395 г., митрополит выражал свое недовольство тем, что здесь «миряне судят попов и казнят их в церковных вещех» (ПДРКП. Прил. № 27. Стб. 231), и запретил на будущее такую практику. В др. грамоте речь шла о приписках, сделанных в нач. 80-х гг. XIV в. свт. Дионисием Суздальским к «княж Александрове грамоте», определявшей характер общественно-политического устройства Псковского гос-ва. Приписки касались того, «как ли судити или кого как казнити». К. отменил действие этих приписок, аргументируя это тем, что Дионисий превысил свои полномочия: «А деял то в мятежное время, а патриарх ему того не приказал деяти» (Там же. № 28. Стб. 233–234). Как видим, имело место серьезное вмешательство митрополита во внутреннюю жизнь Пскова, и одним из его результатов было укрепление связей между митрополичьей кафедрой в Москве и Псковом.

К несколько более позднему времени относится грамота К. Новгородскому архиеп. *Иоанну*, направленная на защиту прав новгородского «дома Св. Софии». В дошедших списках грамота датирована 1392 (6900) г., но вряд ли этот документ мог быть послан в Новгород в то время, когда новгородцы и их архиепископ находились под отлучением. Вероятно, при переписке была утрачена заключительная часть даты и грамоту следует отнести к 1395 г., когда К. во время длительного пребывания в Новгороде смог познакомиться с особенностями положения

церковных учреждений на Новгородской земле. В грамоте провозглашалась неприкосновенность церковной собственности, в частности владений Новгородского архиерейского дома: «погосты, и села, и земля, и воды со всеми пошлинами, что потягло при первых владыках, так и нынеча потянуть к Святеи Софьи» (Там же. № 26. Стб. 229–232). Одновременно К. настаивал на том, что и священники, и настоятели мон-рей должны быть «в покорении и в послушании» у архиепископа и подчиняться его суду. В этих установлениях отразилась реакция на порядки, когда большая часть новгородских храмов и мон-рей находилась под патронатом основавших их боярских родов, «улиц» и «концов».

В авг. 1395 г. Сев.-Вост. Руси угрожало нашествие Тимура, его войска уже взяли г. Елец на Рязанской земле. По общему решению К. и вел. князя в Москву из Владимира была принесена *Владимирская икона Божией Матери*. 26 авг. икону встречал крестный ход во главе с К. В течение 2 недель вел. князь ждал на Оке прихода вражеского войска, но оно ушло на юг. В память об этом событии по предложению К. на том месте, где крестный ход встречал чудотворный образ, была поставлена ц. Сретения, в которой 26 авг. должно было отмечаться принесение иконы в Москву.

Почти ничего не известно о действиях К. в 1-й пол. 90-х гг. XIV в., относящихся к литов. части Киевской митрополии. Исключением является известие о поставлении в Полоцк в 1392 г. еп. *Феодосия*. В длительную поездку в эту часть своей митрополии К. направился в нач. 1396 г. За 2 недели до Пасхи К. и Московский вел. кн. Василий I направились в Смоленск, где состоялась их встреча с вел. кн. *Витовтом*. Совсем недавно Смоленское княжество было захвачено литовскими войсками, и прибытие Московского вел. князя и митрополита в город означало признание власти Витовта над этим городом. Важное значение имел и др. шаг К. — поставление на Пасху 1396 г. Смоленским епископом Насона. Необычность этого шага состоит в том, что в Смоленске епископом был Михаил, поставленный митр. Пименом в 1383 г., когда Смоленск находился в союзе с Москвой. Еп. Михаил сохранил свое положение и при К., сопровождая его,

в частности, в поездке в Тверь в 1390 г. По-видимому, он сопровождал К. и в этой поездке, т. к. приехал в Москву вместе с ним. Однако Витовт не желал видеть в Смоленске архиерея, связанного с Москвой, и К. пошел навстречу его требованиям. На встрече с Витовтом, судя по всему, обсуждался и проект польско-литов. стороны созвать на Руси Вселенский Собор для обсуждения вопроса о соединении Церквей. К. согласился поддержать эту инициативу, и вместе с посланием польского короля по этому вопросу в К-поль было направлено и послание К. В своих ответах от янв. 1397 г. патриарх Антоний признал созыв такого Собора на Руси нецелесообразным, в частности, потому, что туда не смогут добраться представители Церквей Ближ. Востока. Он просил К. побуждать польск. короля к походу против османов для защиты К-поля. Из Смоленска К. направился в Киев, где пробыл полтора года, в окт. 1397 г. вернулся в Москву.

1393–1395 годы были временем больших перемен во внутримишской жизни Великого княжества Литовского. Здесь была ликвидирована большая часть существовавших на отдельных землях удельных княжеств, где власть сосредоточилась в руках великокняжеских наместников. Нужно было, вероятно, налаживать отношения с новыми носителями власти, к-рые в отличие от сидевших здесь ранее князей не были православными — это были представители католич. литов. знати. Кроме того, поездка К. была, вероятно, связана с развернувшейся после смерти в 1391/92 г. правосл. Галицкого митр. *Антония* борьбой вокруг судьбы Галицкой митрополии. После смерти Антония патриарх передал управление митрополией иером. Симеону, находившемуся под опекой влиятельных валашских землевладельцев из Марамороша — вассалов венг. короля. Такое решение столкнулось с противодействием польск. кор. Владислава (Ягайло), поручившего управление митрополией Луцкому еп. Иоанну (Бабе), в 1393 г. он послал его в К-поль для поставления в Галицкого митрополита. К этому времени у претендента начались конфликты с К. и др. правосл. иерархами. Еще до его приезда в К-поль на него поступили жалобы К., и здесь было назначено расследование его спора с Владимиро-

Волынским епископом. Обвинения были, видимо, достаточно серьезными, т. к. Иоанн покинул К-поль, не дожидаясь суда. В окт. 1393 г. патриарх предложил К., чтобы он низложил Иоанна и поставил в Луцк др. епископа. В окт. 1397 г. в поездке в Москву К. сопровождал Луцкий еп. Феодор. Очевидно, после приезда в Киев митрополит провел расследование, к-рое закончилось низложением Иоанна. Затем К. поставил одного из епископов на территории Галицкой митрополии (вероятно, Перемышльского) и известил об этом патриарха. К. явно стремился вернуть Галицкую землю в состав общерус. митрополии.

О позиции, занятой в этой сложной ситуации Патриархатом, дают представление инструкции для Вифлеемского архиеп. Михаила, к-рый должен был снова отправиться с важной миссией в Вост. Европу, и грамоты патриарха, адресованные Владиславу (Ягайло) и К. В послании К. патриарх порицал его действия на территории Галицкой митрополии («сделано нехорошо») и утверждал, что принятые в К-поле решения о создании Галицкой митрополии должны сохранять свою силу. В послании Владиславу (Ягайло) он предлагал королю послать Иоанна (Бабу) к К., чтобы Иоанн покаялся в своих «проступках», и, когда митрополит благословит его и «разрешит», патриарх исполнит желание короля, т. е. поставит его «в митрополиты Галицкие». Вместе с тем патриарх готов был поставить на митрополию и др. человека, «достойного посвящения». Патриаршие грамоты были составлены в янв. 1397 г. Очевидно получив послание патриарха, К. понял, что распространить его власть на земли Галицкой митрополии не удастся. Луцкий еп. Феодор поехал вместе с К. в Москву, возможно, потому, что в Луцкой епархии при поддержке польск. короля распоряжался Иоанн (Баба).

По приезде в Москву К. оказался вовлечен в новгородские дела в связи с начавшейся борьбой Москвы и Новгорода за Двинскую землю. Как сообщает Новгородская I летопись, К. прислал в Новгород своего стольника Климента, предлагая архиепископу приехать в Москву «о святительских делах» (НПЛ. С. 389–390). Новгородцы воспользовались приглашением, чтобы направить вместе с архиепископом своих послов, до-

биваясь прекращения войны и восстановления «старины». Переговоры были безуспешны, но К. отпустил архиепископа и послов «с честью и с благословением». В 1398 г. вел. кн. Василий Димитриевич и К. послали «серебро» на помощь осажденному османами К-полю. Деньги повез посол К. чернец Родион Ослябя, и они были благополучно доставлены.

Позднее К. оказался в сложном положении, т. к. в 1399 г. обострились отношения между Литвой и ее рус. соседями. Внешнеполитические планы Витовта, его намерения утвердить своего ставленника в Золотой Орде вызвали серьезные опасения рус. князей. Ответом на эти планы стало сближение Москвы и Твери, приведшее к заключению союза, направленного против Витовта, договор был заключен «по благословению» К. В нем содержится важное свидетельство о посреднической роли К. при регулировании отношений между Москвой и Тверью: он рассматривал решения «обоих судей», выделявшихся сторонами для решения спорных вопросов. После заключения договора «послаша князи русстии грамоты разметные к Витовту» (ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. Стб. 165). В том же источнике отмечено, что на «сырной неделе» К. был в Твери, оттуда направился к Витовту в Литву. Вероятно, он хотел выступить в роли посредника и предотвратить войну. Напряжение спало, когда литов. войско было разбито 12 авг. 1399 г. в сражении с татарами на р. Ворскле.

В сент. 1399 г. К. был уже в Москве, где 13 сент. выдал грамоту *владимирскому в честь Рождества Пресв. Богородицы мон-рю*, подтверждавшую его права на с. Вельское «в Суздале», пожалованное обителю Юрием Даниловичем как Владимирским вел. князем (пожалование подтверждали его преемники на Владимирском великокняжеском столе вплоть до Василия I). Свидетельствуя права мон-ря на это село — поминальный вклад по похороненному в мон-ре св. кн. *Александру Ярославичу* Невскому, митрополит предписывал, «чтоб не вступался никоторый князь в то село в Вельское» (АСЭИ. Т. 3. № 86). 1400 г. датируется письмо К-польского патриарха Матфея К. с просьбой оказать помощь осажденному османами К-полю.

Есть основания полагать, что во время поездки на запад в 1399 г. К.

сумел подчинить своей власти земли Галицкой митрополии. Сохранилась жалованная грамота Владислава (Ягайло) Перемышльскому епископству «ad peticionem Kipriano metropolitani» (Akta grodzkie i ziemskie. 1878). В сохранившейся копии документ датирован 1407 г., но он, несомненно, относится к более раннему времени, т. к. один из присутствовавших при выдаче пожалования, сандомирский воевода Ян Тарновский, занимал этот пост до 1403 г. Упоминание о «ходатайстве» К. говорит о его личном присутствии во время выдачи грамоты в Сандомире, что, видимо, имело место в 1399 г. О выдаче грамоты ходатайствовали вместе с К. правосл. князья Гедиминовичи Семен Линьвен и Федор Любартович. Очевидно отстаивая интересы Церкви, митрополит стремился опираться на поддержку правосл. князей. В грамоте К. назван митрополитом «Kioviensis et Halicensis, totiusque Russiae», т. е. его право на Галицкую митрополию было признано польск. властью. Об этом же говорит и «ходатайство» о выдаче грамоты для входившей в эту митрополию Перемышльской епархии.

В марте 1401 г. в Москву отправился Новгородский архиеп. Иоанн (Стухин), будучи «позван» К. «о святительских делах» (НПЛ. С. 396). Вместе с ним, судя по свидетельству Новгородской IV летописи, поехал новгородский посадник Юрий Онцифорович. Очевидно, в Новгороде снова воспользовались поездкой для проведения переговоров по политическим вопросам. В это время вел. кн. Василий Димитриевич послал войска на Торжок, где они «животы... из Святого Спаса поймаша» (НПЛ. С. 397). По свидетельству летописи, к-рая велась в Устюге пограничном городе, где внимательно следили за московско-новгородскими отношениями, послы приехали к вел. князю «бити челом о Торшку».

Юрий Онцифорович уехал, а архиепископ был в Москве задержан. В описании ареста источники расходятся. В Новгородской I и IV летописях отмечается, что митрополит «прия» владыку. По свидетельству Устюжского свода 1-й четв. XVI в., Иоанн по приказу вел. князя был помещен «за сторож» в Чудовом мон-ре за непредоставление митрополиту «месячного суда» (ПСРЛ. Т. 37. С. 81). Др. источники, в т. ч. такой ранний, как Троицкая летопись

1-й четв. XV в., указывают как место заключения архиепископа московский мон-рь Николы Старого. В Никоновской летописи 20-х гг. XVI в. под 1401 г. рассказывается, что К. созвал на Собор всех епископов вост. части митрополии и Черниговского еп. Исаакия и Иоанн «отписая» своей архиепископии, так же поступил Луцкий еп. Савва, «бе бо на них брань возложил митрополит за некия вещи святительския» (ПСРЛ. Т. 11. С. 85). Однако в Новгородском владычном своде 60-х гг. XV в. (дошедшем в составе «Летописи Авраамки») указывается, что Иоанн находился в заключении «без рассуда», т. е. без следствия и суда. Возможно, в рассказе Никоновской летописи мы имеем дело с редакторской работой, к-рая должна была показать безупречность действий митрополита с т. зр. канонического права. Иоанн пробыл в заключении более 3 лет, 15 июля 1404 г. вернулся в Новгород, где снова занял кафедру. В «Летописи Авраамки» сообщается, что он был освобожден по приказу Василия Димитриевича. Во всех этих сообщениях много неясного: летописцы разной ориентации явно стремились говорить как можно меньше об этом эпизоде. Споры на тему «месячного суда» могли иметь место, но вряд ли они стали причиной ареста архиепископа и его долгого заключения. Митрополит, неоднократно бывавший в Новгороде, несомненно знал, что решение вопроса о суде зависит в первую очередь не от владыки, а от новгородских властей, с к-рыми он и вел переговоры; арест архиепископа вряд ли был такой мерой, к-рая побудила бы новгородцев к уступкам.

12 дек. 1402 г. датирован сборник уставов, определяющих отношения Церкви и светской власти, источники обеспечения духовенства, объем церковного суда (в т. ч. над светскими людьми) и размеры штрафов за различные проступки. В состав сборника как действующие источники права, по мнению вел. кн. Василия Димитриевича и К., вошли Устав кн. Владимира, Устав кн. Ярослава, «Правило о церковных людях» и «Правило 165 св. отец». Тексты были выписаны «из великого старого Номоканона на Москве». Как показал Я. Н. Шапов, таким Номоканонам послужил список Чудовской редакции *Кормчей книги* в соединении с «Мерилом праведным». Речь шла

о кодификации в Московской Руси сборника текстов, сложившегося в Великом княжестве Литовском и отразившего характерные для того времени традиции отношений великокняжеской власти и Церкви. Так, в состав сборника вошел Устав Ярослава т. н. краткой редакции, где в отличие от пространной редакции был сужен круг дел, подлежавших церковному суду: по делам о краже конопля, льна, одежды, о побоях и об убийствах во время свадеб судебный штраф следовало делить пополам между князем и митрополитом, в преамбуле отсутствовало установление о передаче Церкви осмничего, 10-й недели мыта и об освобождении от уплаты мыта церковных людей, читавшееся в пространной редакции.

20 июля 1404 г. К. «поеха в Литву, и к Витовту, и в Киев» (*Присёлков*. 2002. С. 458). Одной из причин поездки была необходимость наладить пришедшее в расстройство управление митрополичьими владениями на Киевской земле. Здесь, очевидно после разбирательства, были арестованы наместник митрополита архим. Тимофей и слуги и отосланы в Москву. Новым наместником стал архим. Спасского мон-ря Феодосий, К. подобрал для него слуг. О пребывании К. в Великом княжестве Литовском сообщается в неск. летописных известиях. В Луцке К. поставил свящ. Иоанна (Гоголя) епископом во Владимир-Волынский. На поставлении вместе с митрополитом служили епископы Холмский и Луцкий. Участие первого показывает, что власть К. распространялась в эти годы на земли Галицкой митрополии. «По повелению Витовтову» К. низложил Туровского еп. Антония, он был отвезен в Москву в Симонов мон-рь. В Никоновской летописи это известие дополнено сообщением, что епископа оклеветали, обвинив в том, что он призывал хана Золотой Орды Шадибека напасть «на Киев и на Волынь и на прочаа грады» (ПСРЛ. Т. 11. С. 192). Это известие вызывает сомнения, т. к. соответствует тенденции этого летописного свода показывать, что духовные иерархи не могут совершать дурных поступков. В 1405 г. состоялась встреча в Милолюбее кор. Владислава (Ягайло), Витовта и К., продолжавшаяся неделю. Судя по перечню участников на встрече должны были обсуждаться важ-

ные вопросы, однако о содержании переговоров ничего не известно. Поездка К. продолжалась год и 5 месяцев. 1 янв. 1406 г. митрополит вернулся в Москву.

Последние дни жизни К. были отмечены войной между Литвой и Великим княжеством Московским, вызванной агрессивными планами Витовта. В нач. 1406 г. войска Витовта вторглись на Псковскую землю, в ответ Василий Димитриевич «разверже мир» с Литвой. 7 сент. 1406 г. Василий I с большим войском двинулся из Москвы к р. Плавье навстречу армии Витовта. К этому времени К. был уже серьезно болен. 9 сент.

Рака святителей Киприана и Фотия, митрополитов Московских и всея Руси (Успенский собор Московского Кремля)

хиротония нового Суздальского еп. Митрофана состоялась в подгородной резиденции митрополита — с. Голенищеве: у К., очевидно, не было сил, чтобы поехать в Москву.

12 сент. 1406 г. К. продиктовал духовную грамоту (завещание), ставшую образцом для аналогичных актов последующих рус. митрополитов. К. дал «мир и благословение» христианам и прощение всем, кто причинили ему к.-л. зло. К. дал «мир, благословение и последнее целование» вел. кн. Василию Димитриевичу, ему митрополит поручил «душу свою и дом Святыя Богородица», служивших ему бояр и слуг. К. литов. части митрополии в завещании относятся общие формулы с упоминанием «великих и малых» князей, «великих и малых» бояр, иноков и всего причта церковного. Гра-

мота была зачитана на похоронах К. Ростовским еп. св. Григорием. К. погребли в Успенском соборе Московского Кремля, его останки были обретыены при перестройке собора в 1472 г., перезахоронены в новом здании в 1479 г.

Б. Н. Флоря

Книжно-литературное творчество, книгописание. Роль К. во «втором южнославянском влиянии». Лит. наследство К. включает Житие митр. Петра, службу и Похвальное слово ему же, ряд посланий преподобным Сергию Радонежскому и Феодору Симоновскому, ответы игумену Высоцкого серпуховского монастыря прп. Афанасию по различным вопросам монастырской жизни, грамоты в Новгород и Псков и в мон-ри Митрополичьей области, ряд др. памятников.

Житие митр. Петра создано в нач. 90-х гг. XIV в. (мнение Б. М. Кюсса) или, что менее вероятно, ок. 1381 г. (т. зр. Прохорова). (Мнение Прохорова о том, что пергаменная Минея праздничная (ХНБ. 816281/а-896293), содержащая службу митр. Петру и его Житие, датируется 80-ми гг. XIV в. (*Прохоров*. 1978. С. 204; *Он же*. 1979), не подтверждается палеографической датировкой кодекса, к-рый по совокупности признаков (младший полуустав, выраженные следы среднеболг. орфографии не только в текстах, написанных К.) не может быть отнесен ко времени ранее рубежа 1-го и 2-го десятилетий XV в.) Житие невелико по объему и ориентировано на модель агнографических сочинений, разработанную Симоном Метафрастом, что в целом свойственно авторам тырновской лит. школы 2-й пол. XIV в., к к-рой принадлежал К. В изложении биографических и исторических фактов К. следует по преимуществу за более ранним Житием свт. Петра, приписываемым Ростовскому еп. Прохору. Стиль «плетения словес» использован автором умеренно (в сравнении с позднейшими авторами), возможно, из-за ориентации на неподготовленную аудиторию. Житие святого, в судьбе к-рого К. усматривал много общего со своей собственной, содержит немало автобиографических моментов, а также (в завуалированной форме) пророчество о грядущем политическом величии Москвы. Памятник известен в 2 редакциях, по всей видимости авторских. Простран-

ная редакция отличается от краткой (вероятно, изначально предназначенной на роль проложного чтения за богослужением) большим числом библейских цитат, агиографических топосов и риторических пассажей. В дальнейшем Житие митр. Петра, написанное К., послужило одним из образцов для рус.

Свт. Киприан.
Фрагмент иконы
«Похвала Богоматери Владимирской
(Дерево государства Московского)».
Иконописец Симон Ушаков.
1668 г. (ГТГ)

агиографии XV–XVI вв. как в отношении психологизма повествования, так и (в меньшей степени) в качестве образца стиля «плетения словес».

Написанная К. служба свт. Петру представляет древнейший образец службы по *Иерусалимскому уставу* на рус. почве, сохранилась в большом числе списков, включая один пергаменный. В 70-х гг. XX в. болгарская исследовательница Н. А. Дончева-Панайотова атрибутировала К. Похвальное слово свт. Петру, не имеющее надписания об авторстве и сопровождающее в ряде списков Житие святителя, однако в наши дни Клосс пришел к выводу, что данный текст написан позднее (вероятно, принадлежит к кругу сочинений *Пахомия Логофета*) с обильным цитированием сочинения К.

Послания К. личного характера, адресованные преподобным Сергию Радонежскому и Феодору Симоновскому, относятся к одному из наиболее драматичных периодов жизни К. Их содержание, в особенности послания от 23 июня 1378 г., написанного по горячим следам изгнания К. из Московского княжества, отличает повышенная эмоциональность изложения. Прохоров относит

к посланиям К. того времени также «От иного послания о повинных» (о содержании и об исторической канве посланий см.: *Прохоров*. 1978. С. 171–204).

Ответы К. на вопросы прп. Афанасия Высоцкого возрождают и продолжают домонг. практику «вопросаний» представителями местного духовенства, преимущественно черного, митрополитов и др. церковных иерархов, прибывших из Византии (см. *Георгий*, митр.; *Иоанн II*, митр.; *Кирик Новгородец*). Среди тем, затронутых в сочинении, особый интерес представляет перечень книг, рекомендуемых для чтения в церкви (Толковое Евангелие) и на монастырской трапезе («патерик», творения *Ефрема Сирина* и аввы *Дорофея Газского*, «Шестоденник св. Василия и св. Иоанна Златоуста»), в немалой мере отражающий круг южнослав. переводов, получивших известность на Руси с кон. XIV в. Прохоров обосновал датировку сочинения 1381–1382 гг. вместо принятой ранее — 1390–1405 гг. (*Дробленкова*, *Прохоров*. 1988. С. 466).

По инициативе и при непосредственном участии К. был составлен, как полагают исследователи летописания, митрополичий летописный свод (т. н. Свод 1408 г.), отразившийся в пергаменной Троицкой летописи 1-й четв. XV в. и в более поздней тверской обработке — в Рогожском летописце и Симеоновской летописи XV в. В частности, непосредственно К. исследователи атрибутируют повесть-памфлет о его сопернике — нареченном митр. Митяе (Митяе) и тесно связанный с нею агиографический рассказ «О Алексее митрополите» в составе Свода 1408 г. Перед кончиной К. продиктовал «прощальную» грамоту. Она вошла в ряд летописных сводов, начиная с пергаменной Троицкой летописи, и в список формулярника московской митрополичьей кафедры, включенного в Великие Четьи-Минеи митр. св. *Макария* под 31 авг.

В ближайшем окружении К. и, вероятно, по его инициативе ок. 1394–1396 гг. составлен (во всяком случае в своей основе) «Список русских городов, дальних и ближних», представляющий наиболее полный перечень городов с правосл. населением на территории Киевской митрополии в кон. XIV в. Мнение В. Л. Янина о составлении «Списка...» в более

раннее время основано на известиях, которые могут представлять позднейшую интерполяцию в тексте, представленном списками не ранее 2-й четв.—сер. XV в. Судя по этому памятнику, в сер.—2-й пол. 90-х гг. XIV в., после тур. завоевания Болгарии, К. претендовал (по крайней мере теоретически) на подчинение Киевской митрополии Видинской епархии и митрополий на территории Молдавского княжества, подвластных ранее Тырновскому Патриархату.

С К. либо с его канцелярией может быть связано появление на Руси (составление, перевод или привоз) древнейшего письменника, содержащего формуляры посланий духовным и светским лицам («к святейшему митрополиту и епископам», «к митрополиту епископа», «к царю или князю», «властелину», «властелю калугером», «старцу велику») (изд.: РФА. 1987. Вып. 3. Прил. 1. С. 563–568). Памятник известен в рус. списках начиная с 10-х гг. XV в., но его существование не позднее 1409 г. (т. е. до приезда на Русь св. митр. *Фотия* в 1410), причем на периферии — в окрестностях Вологды, засвидетельствовано посланием «грешного» инока *Фоки* архим. Дионисию (вероятно, настоятелю *Спаса-Каменного в честь Преображения Господня мон-ря*), сохранившимся в копии этого года, приписанной к пергаменной Триоди РГАДА. Ф. 181. № 760 (послание издано: *Вздорнов Г. И.* Искусство книги в Древней Руси. М., 1980. Кат. 99). В письме *Фоки* использован формуляр послания «великому старцу». На продолжительность бытования эпистолярия на Руси к 10-м гг. XV в. указывают как многочисленные разночтения старших списков, так и то обстоятельство, что один из них (ЯМЗ. Инв. 15231. Л. 259–260 об.) переписан, вероятнее всего, в *Димитриевом Прилуцком в честь Всемилостивого Спаса, Происхождения честных древ Креста Господня муж. мон-ре* (РФА. 1987. Вып. 3. С. 558–560; ПЭ. 2007. Т. 16. С. 54–55). Ранее в лит-ре высказывалось мнение о серб. происхождении данной версии письменника и ее создании не ранее 2-й четв. XIV в. (РФА. 1987. Вып. 3. С. 561–562). Если предложенная датировка эпистолярия может быть принята, то версия происхождения не находит подтверждения в рукописной традиции. В богатой серб. эпистолярной

культуре 2-й пол. XIV–XVI в. неизвестны как данная версия письмовника, так и конкретные послания, написанные по включенным в нее формулярам. Поэтому древнейший рус. письмовник может быть либо заимствован из болг. (тырновской) традиции, которая сохранилась несравненно хуже, чем сербская, либо специально переведен с греч. языка в окружении К. Общим версиям не противоречит существование молдав. списка письмовника, восходящего к той же редакции, что и русские (но со значительными вариантами), при пергаменной Псалтири XV или XVI в. *Vicur. Acad. Romana. Slav. 219* (Там же. С. 569–570).

В связи с лит. деятельностью К. нуждается в исследовании вопрос об авторстве краткого (проложного) Жития Виленских мучеников Антония, Иоанна и Евстафия, написанного в связи с их канонизацией в 1374 г. При этом первоначальный текст мог быть написан К. по-гречески. Скорее против, чем за авторство К., свидетельствует отсутствие памяти мучеников в месяцеслове «Киприановой Псалтири» с исследованием (РГБ. МДА Фунд. № 142). С именем К. связывается создание одной из ранних редакций *индекса запрещенных книг* («Сказания о отреченных книгах»), в 12 списках к-рой кон. XV – нач. XVII в. в конце имеется указание, что текст выписан из «Молитвенника» К.

К. перевел с греч. языка ряд канонов (и, возможно, молитв), написанных К-польским патриархом Филофеем Коккином («Канон на поганые», «Канон в усобных и иноплеменных бранях»), актуальных для той эпохи и получивших широкое распространение в рус. списках начиная с рубежа XIV и XV вв. Вполне вероятно принадлежность К. также перевода «Диатаксиста» патриарха Филофея, сохранившегося в ряде пергаменных списков кон. XIV – нач. XV в. (в частности, в составе «Служебника Киприана» (см. ниже) и «Служебника митр. Исидора» (*Vat. slav. 14*), в написании которого принимал участие (прото)диак. Спиридон, близкий к митрополичьей кафедре), хотя по этому поводу в лит-ре существуют противоречивые суждения (обзор мнений см.: *Киприана митр. Служебник; Ульянов О. Г.* Литургическая реформа в Рус. Правосл. Церкви на рубеже XIV–XV вв. в контексте русско-

афонских связей // Киприанови четения. 2008. С. 83–119).

С большой степенью вероятности с К. может быть связано появление на Руси болгарской по происхождению Мазуринской редакции Сербской Кормчей с сокращением и систематизированным тематическим расположением материала. Старший рус. список этого канонического сборника (ГИМ. Чуд. № 168) датируется 10-ми гг. XV в., однако широкое распространение в восточнослав. рукописной традиции памятник получил только с рубежа XV и XVI вв.

С деятельностью К. в значительной мере связан начальный этап т. н. 2-го южнослав. влияния (см. в ст. *Южнославянские влияния на древнерусскую культуру*) – распространение на Руси Иерусалимского церковного устава и переводов библейских и богослужебных книг и аскетических сочинений, выполненных в кон. XIII–XIV в. южнослав. (в первую очередь болг.) книжниками в Тырнове и на Афоне. При этом, однако, трудно провести границу между собственной инициативой митрополита и стремлением настоятелей и братии новых общежительных монастырей на территории Киевской митрополии приобщиться к современной им святогорской богослужебной и аскетической практике. В деле обновления и унификации богослужения К. не пользовался адм. методами, прибегая к поучениям и рекомендациям, отразившимся в его грамотах в Новгород и Псков и в ответах на вопросы прп. Афанасия Высоцкого.

Масштабы и региональные особенности распространения Иерусалимского устава и сопутствующих ему памятников на Руси (прежде всего в Великом княжестве Московском и в Сев.-Вост. Руси в целом) при жизни К. с трудом поддаются определению. Рубежом XIV и XV вв. датируются списки Иерусалимского устава (ГИМ. Син. № 320) и тесно связанного с ним в употреблении Стишного Пролога (ГИМ. Чуд. № 17) из митрополичьего Чудова мон-ря. Тот же устав (в редакции «Ока церковного») до 1406 г. имелся, вероятно, в *Андрониковом в честь Нерукотворного образа Спасителя мон-ре*. Однако даже в подмосковных мон-рях, тесно связанных с митрополичьей кафедрой, окончательное введение Иерусалимского уста-

ва происходит, по всей видимости, лишь к кон. 1-й трети XV в.: списки «Ока церковного» для Троице-Сергиева (НБ КазГУ. № 4634) и *Саввина Сторожевского в честь Рождества Пресв. Богородицы* (РГБ. Рум. № 445) мон-рей сделаны соответственно в 1429 и 1428 гг., в 1422–1425 гг. написан и пергаменный список для неустановленного мон-ря во владениях галицко-звенигородского кн. *Георгия (Юрия) Димитриеви-ча* (БАН. Арх. ком. Д. 3). При написании в сер. 10-х гг. XV в. комплекта Миней служебных в Переславле-Залесском (РГАДА. Ф. 381. № 88, 95, 102, 109, 115) был привлечен месяцеслов Иерусалимского устава (без гимнографического материала), но сами службы даны в соответствии со Студийским уставом (Каталог славяно-рус. рукописных книг XV в., хранящихся в РГАДА. М., 2000. С. 139; *Мошкова Л. В.* К вопросу о составе Переславских Миней 1-й четв. XV в. // ДРВМ. 2006. № 1(23). С. 64–70). На Новгородской земле (и, вероятно, на Псковской) широкое распространение Иерусалимского устава относится ко времени пребывания на архиепископской кафедре *Евфимия II* (список месяцесловной части типика при новгородском месяцеслове РГАДА. Ф. 381. № 45, традиционно относимый ко 2-й пол. XIV в., датируется 1-й третью следующего столетия). Можно полагать, что на правосл. землях Великого княжества Литовского и Польского королевства, где в отличие от Сев.-Вост. Руси в сер.–2-й пол. XIV в. не возникли новые общежительные мон-ри, смена устава происходила заметно медленнее, во всяком случае украинско-белорус. списки Иерусалимского типика ранее посл. четв. XV в. неизвестны.

С деятельностью К., преимущественно на основании месяцеслова «Киприановой Псалтири», содержащей памяти ряда южнослав. (в первую очередь болг.) святых и песнопения им (прп. *Параскевы (Петки)* Тырновской, прп. *Иоанна Рильского*, свт. *Илариона Могленского*, святителей *Арсения I* и *Саввы I*, архиепископов Сербских, св. *Симеона Мироточивого*, прп. *Иоакима Осоговского* Сарандапорского), принято связывать начальный этап их почитания на Руси.

Уже будучи митрополитом, К. продолжал заниматься книгописанием. Сохранилась рукопись сочинений прп. Иоанна Лествичника («Лест-

вица»), переписанная К. в К-поле в 1387 г. курсивным «александрийским» письмом (РГБ. МДА. Фунд. Ф. 171. 1. № 152). Троицкое монастырское предание XV–XVII вв. относилось к числу собственноручных рукописей К. также Псалтирь с воследованием (Там же. № 142) и сборник творений Псевдо-Дионисия Ареопажита с толкованиями прп. Максима Исповедника (Там же. № 144). В реальности, однако, это лишь сравнительно ранние рус. списки с кодексов, переписанных К. либо принадлежавших ему. Первая из этих рукописей датируется по водяным знакам 1-й четв. — третью XV в., вторая — 2-й четв. того же столетия. Также только в списках сохранились принадлежавшие К. Служебник (ГИМ. Син. № 601, пергаменная рукопись рубежа XIV и XV вв., написанная рус. уставом; см. *Киприана (митрополита) Служебник*) и Требник, к-рый, возможно, тождествен «Молитвеннику» (списки XVI в., напр. Саратов. ЗНБ. № 1292 с указанием на «потружение» К. в заглавии). К. выступал также и в роли заказчика книг: в 1403 г. по его заказу для Успенского собора Московского Кремля были переписаны Триоди постная и цветная (ГИМ. Усп. 6 перг., 7 перг.). С заказом К. связывают также по крайней мере начальный этап создания роскошно иллюминированного пергаменного Евангелия-апракос Успенского собора Московского Кремля (ГОП. 11056). По содержанию рукопись представляет «новый апрокос», составленный на основании афонской редакции Евангелия-тетр, и является в этом смысле также одним из проявлений 2-го южнослав. влияния.

Почитание. Представления о святости К. существовали, возможно, уже при его жизни. На это напр., указывает сохранившаяся в сборнике кирилло-белозерского книгописца *Евфросина* (РНБ. Кир.-Бел. № 9/1086. Л. 96 об.—97), не до конца понятная заметка о прижизненном чуде К. на «Литовской земле» (*Каяган-Тарковская М. Д.* Чудо митр. Киприана: Еще один фольклорный мотив в сб. XV в. книгописца Евфросина // ТОДРЛ. 1981. Т. 36. С. 234–238). Однако после смерти К. память о нем не получила распространения в Русской Церкви. Первые попытки установить церковное почитание К. были предприняты вскоре после его кончины. К 3-летию со дня успе-

ния К. (1409) Григорий Цамблак написал «Надгробное слово», предназначенное для произнесения в Московском Успенском соборе (известно, было ли оно произнесено над гробницей К.). Позднейшая роль Цамблака в расколе Киевской митрополии и его пребывание во главе ее зап. (литовской) части могли лишь повредить установлению почитания К. Слово сохранилось в единственном списке 1-й пол.—сер. XVI в. великорус. происхождения в составе сборника (возможно, переписанного в Кирилловом Белозерском мон-ре), основную часть которого занимают сочинения Цамблака (ГИМ. Син. № 368. Л. 236–244). Памятник фигурирует также в оглавлении июльского тома Успенского комплекта ВМЧ (Там же. № 996. Л. 827), однако сам текст в него по какой-то причине не был включен.

С посл. четв. XV в. почитание К. связано в первую очередь с праздниками Сретения Владимирской иконы Божией Матери (26 авг.) и обретения и перенесения мощей митрополитов К., Фотия и Ионы в 1472 г., при разборке Успенского собора XIV в. для строительства нового (27 мая). Отдельное почитание К. прослеживается в значительно меньшей степени. Память успения К. впервые встречается под 16 сент. в месяцеслове сборника РГБ. Ф. 304. I. № 761. (Л. 256), переписанного в 1487 г. в Ростове, но и в более поздней рукописной традиции она представляет редкость. Краткое Житие К., изредка встречающееся в рукописях не ранее сер. XVI в., встречается в неск. разновидностях. Древнейшую представляет статья в 2 списках Пролога т. н. Псковской редакции сер. XVI в. (РГБ. Егор. Ф. 98. № 1299, 50-е гг. XVI в.; РНБ. Тит. № 1220, 70-е гг. XVI в.); текст в значительной мере восходит к «прощальной» грамоте К. Жития К. проложного типа, снабженные миниатюрой с его ростовым изображением в святительском облачении, помещены в неск. минейных Торжественниках особого состава 2-й четв. XVII в. (РГАДА. Оболн. Ф. 201. № 20; РГБ. Ф. 863. Собор. магазина «Антиквар». № 3 и др.). В печатный Пролог Житие К. вошло при 2-м издании — 1642/43 г. (*Круминг А. А.* Редакции слав. печатного Пролога: Предварительные заметки // Славяноведение. 1998. № 2. С. 50; текст издан: *Пономарев А. И., ред.* Памятники древнерус. церков-

но-учительной лит-ры. СПб., 1896. Вып. 2. С. 5–6). Древняя служба К. неизвестна, не засвидетельствованы тропарь и кондак ему. В месяцесловах Псалтирей с воследованием иногда помещается память К. (РГБ. Ф. 304. I. № 321. Л. 1010 об., ок. 1528; РГАДА. Ф. 201. № 78 («Псалтирь епископа Рязанского Кассиана»). Л. 311, 2-я четв. XVI в. (не ранее 1538); Ф. 181. № 716. Л. 290, сер. XVI в.; Ф. 1192. Оп. 2. № 555 («Обиход церковный»). Л. 42 г, 3-я четв. XVI в., и др.), но закономерность ее присутствия не выявлена. К. упоминается в написанных суздальским иноком *Григорием* ок. сер. XVI в. «Слове на память всех святых русских, новых чудотворцев» и в службе им. В совокупности это позволяет предполагать, что в сер. XVI в., вероятно в связи с Соборами 1547 и 1549 гг., вставал вопрос о канонизации К., однако он был решен отрицательно.

Ситуация практически не изменилась в позднейшее время. Имя К. не значится в числе святых, к-рым, по известию Пискаревского летописца, в конце правления царя *Феодора Иоанновича* были скованы серебряные раки (ПСРЛ. Т. 34. С. 199). При составлении в 1621 г. по инициативе патриарха *Филарета* уставной записи о богослужении в московском Успенском соборе служба на перенесение мощей митрополитов К., Фотия и Ионы была признана не возбраняемой для совершения («аще изволит настоятель»), но к 1634 г. она была исключена. Память успения К. вошла (без тропаря и кондака) в московские издания «Святцев с летописью» 1646 и 1648 гг. и Месяцесловов 1659 и 1662 гг., но в др. месяцесловах (как отдельно изданных, так и при богослужебных книгах) она не встречается. В сер. XVII в. имя К. вместе с именем митр. Фотия было включено соловецким книжником иером. *Сергием (Шелониным)* в 3-й тропарь 8-й песни написанного им «Канона всем святым, иже в Велицей России в посте просиявшим».

В толковых иконописных подлинниках XVII–XVIII вв. с расположением сведений в порядке месяцеслова описание изображения К. встречается редко. Не ранее рубежа XVII и XVIII вв. сведения о К. были включены в «Книгу, глаголемую Описание о российских святых»: «Святый Киприан митрополит преставися в лето 6914 месяца сентября в 16 день»

(Описание о российских святых. С. 63). Офиц. причисление К. к лику святых состоялось не ранее 1805 г. В наст. время центром особого почитания К. является московский храм Св. Троицы в Голенищеве, на месте летней резиденции митрополита.

Сведения о почитании К. в XV–XVII вв. в Западнорусской митрополии, не зависящем от великорусской традиции, отсутствуют. В южнослав. (сербских) месаслесах кон. XVI–XVII в. (напр.: РНБ. Погод. № 328. Л. 335, богослужебный сборник 3-й четв. XVII в.) встречается память перенесения мощей митрополитов К., Ионы и Фотия (*Иванова К.* Български, сръбски и молдовлахийски ръкописи в сбирката на М. П. Погодин. София, 1981. С. 166), но это служит лишь указанием на копируемый оригинал и не отражает к.-л. традиции почитания этих святителей на слав. Балканах.

А. А. Турилов

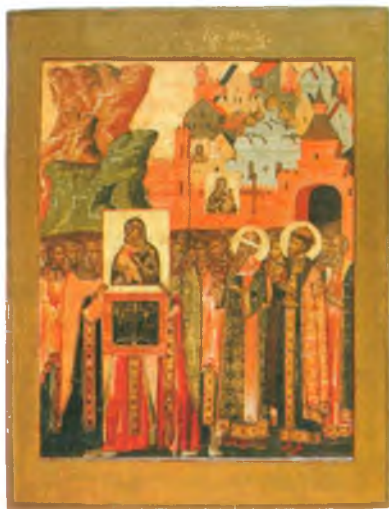
Соч.: *Павлов А. С.* Послания Всерос. митр. Киприана, доселе еще не изданные // ПС. 1860. Ч. 2. № 5. С. 75–106; ПДРКП. № 26–32. Стб. 229–270; ВМЧ. Дек. дни 18–23. Стб. 1620–1646; *Ангелов Б. Ст.* Из старата българска, руска и сръбска лит.-ра. София, 1958. Т. 1. С. 159–176; *Прохоров Г. М.* Повесть о Митяе: Русь и Византия в эпоху Куликовской битвы. Л., 1978. Прил. С. 193–228; БЛДР. 1999. Т. 6. С. 412–423, 564–566.
Ист.: Akta grodzkie i ziemskie z czasów Rzeczypospolitej polskiej w Archiwum tak zwanego bernardynińskiego we Lwowie. Lwów, 1878. Т. 7. N 26. S. 50–51; ПДРКП. № 20, 26–32; Прил. № 30, 32, 33, 36–43, 45, 46; Доп. № 5–6; *Costăchescu M.* Documentele moldovenesti înainte de Ștefan cel Mare. Iași, 1932. Т. 2. S. 599–602; ДДП. № 10. 14–16, 18, 19; НПЛ. С. 374, 378, 387–392, 389–390, 396, 398; АФЗХ. Ч. 1. С. 23–24, 28, 46, 179–180; АСЭИ. Т. 3. № 5–6, 86; ПСРЛ. Т. 4. Вып. 2. С. 371–375, 391, 396; Т. 6. Вып. 1. Стб. 473–474; Т. 11. С. 125, 126, 185, 188, 192; Т. 15. Вып. 1. Стб. 105, 116, 124–132, 136–137, 141–142, 147–150, 154–155, 157–162, 165, 436, 441, 444, 445; Т. 16. Стб. 147; Т. 37. С. 81; ДРКУ. С. 168–169, 176–178, 183–184; *Приселков М. Д.* Троицкая летопись: Реконструкция текста. СПб., 2002² (по указ.); *Малето Е. И.* Антология хожений рус. путешественников XIII–XV вв. М., 2005. С. 279–281, 297–289.
Лит.: *Мансвентов Н. Д.* Митр. Киприан в его литургической деятельности. М., 1882; *Глубоковский Н. Н.* Св. Киприан, митр. всея России (1374–1406), как духовный писатель. М., 1892; *Голубинский.* История РЦ. Т. 2. 1-я пол. С. 226–262, 297–356; *он же.* Канонизация святых. С. 84, 194–195, 229, 351, 426; Прил. С. 420–421, 559–560; *Соколов П. П.* Рус. архиеп. из Византии и право его назначения до нач. XV в. К., 1913. С. 415–577; *Пресняков А. Е.* Образование великорус. гос-ва: Очерки по истории XIII–XV ст. Пг., 1920. С. 314–317, 353–372; *Веселовский С. Б.* Феод. землевладение в Сев.-Вост. Руси. М.; Л., 1947. С. 376–379, 416–418; *Черепнин Л. В.* Рус. феод. архивы XIV–XV вв. М.; Л., 1948. Ч. 1. С. 438–442; 1951. Ч. 2. С. 91–93, 118–125; *Иванов Й.* Българско

книжно влияние в Русия при митр. Киприан (1375–1406) // ИИБЛ. 1958. Кн. 6. С. 25–79 (То же // *Он же.* Избр. твор. София, 1982. Т. 1. С. 53–110); *Бернадский В. Н.* Новгород и Новгородская земля в XV в. М.; Л., 1961. С. 226–230; *Дмитриев Л. А.* Роль и значение митр. Киприана в истории древнерус. лит.-ры // ТОДРЛ. 1963. Т. 19. С. 215–254; *Щапов Я. Н.* Княжеские уставы и Церковь в Др. Руси. М., 1972. С. 233–243; *Talev I.* Some Problems of the Second South Slavic Influence in Russia. Münch., 1973. (Slavische Beiträge; 67); *Наумов Е. П.* К истории летописного «Списка русских городов, дальних и ближних» // Летописи и хроники. 1973. М., 1974. С. 150–163; *Борисов Н. С.* Соц.-полит. содержание лит. деятельности митр. Киприана // ВМУ: Ист. 1975. № 6. С. 58–72; *он же.* Рус. Церковь в полит. борьбе XIV–XV вв. М., 1986 (по указ.); *Лурье Я. С.* Общерус. летописи XIV–XV вв. Л., 1976 (по указ.); *он же.* Троицкая летопись // СККДР. 1989. Вып. 2. Ч. 2. С. 64–67; *он же.* Две истории Руси XV в.: Ранние и поздние, независимые и офиц. летописи об образовании Московского гос-ва. СПб., 1994 (по указ.); *Бетин Л. В.* Митр. Киприан и Феофан Грек // Etudes balcaniques. Sofia, 1977. Vol. 13. N 1. P. 109–115; *Дончева-Панайотова Н.* Неизвестно «Похвално слово за митрополит Петър» от Киприан Цамблак // Старобълг. лит.-ра. София, 1977. Кн. 2. С. 136–155; *она же.* Киприан: Старобълг. и староруски книжовник. София, 1981; *она же.* Слово на Григорий Цамблак за митр. Киприан. Вел. Търново, 1995; *она же.* Григорий Цамблак и бълг. лит. традиции в Източна Европа XV–XVII в. Вел. Търново, 2004. С. 128–129, 195–245; *Прохоров Г. М.* Повесть о Митяе. Л., 1978 (по указ.); *он же.* Древнейшая рукопись с произведениями митр. Киприана // ПКНО, 1978. Л., 1979. С. 17–30; *он же.* Гимны на ратные темы эпохи Куликовской битвы // ТОДРЛ. 1983. Т. 37. С. 286–304; *он же.* Памятники переводной и рус. лит.-ры XIV–XV вв. Л., 1987 (по указ.); *он же.* Из лит. наследия митр. Киприана // Славянские литературы: X Междунар. съезд славистов. София, сент. 1988 г.: Докл. совет. делегации. М., 1988. С. 66–81; *он же.* Русь и Византия в эпоху Куликовской битвы. СПб., 2000. 2 т.; *Турилов А. А.* Оригинальные южнослав. сочинения в рус. книжности XV–XVI вв. // Теория и практика источниковедения и археографии отеч. истории. М., 1978. С. 40–44; *Тихомиров М. Н.* «Список русских городов, дальних и ближних» // *Он же.* Рус. летописание. М., 1979. С. 83–137; *Князевская О. А., Чешко Е. В.* Рукописи митр. Киприана и отражение в них орфографической реформы Евфимия Търновского // Търновска книжовна школа. София, 1980. Т. 2. С. 282–292; *Фет Е. А.* Новые факты к истории древнерус. Пролога // Источниковедение лит.-ры Др. Руси. Л., 1980. С. 59–61; *Огицкий Д. П.* К истории Виленских мучеников // БТ. 1984. Сб. 25. С. 226–246; *Дробленкова Н. Ф., Прохоров Г. М.* Киприан // СККДР. 1988. Вып. 2. Ч. 1. С. 464–475 [Библиогр.]; *Кенанов Д.* «Послание до мних Киприан от патриарх Евтимий» в руската ръкописна традиция // Palaeobulgarica. 1988. Т. 12. № 1. С. 93–100; *Кобяк Н. А.* Индекс ложных книг, приписываемый митрополитам Киприану и Зосиме // РФА. 1988. Вып. 4. Прил. 8. С. 697–716; *она же.* Чудовская и Оксфордская редакции индекса ложных книг, приписываемого митрополитам Киприану и Зосиме //

Palaeobulgarica. 1997. Т. 21. № 4. С. 88–103; *Мейендорф И. Ф., прот.* Византия и Московская Русь: Очерк по истории церк. и культурных связей в XIV в. П., 1990; *он же.* История Церкви и восточнохрист. мистика. М., 2000 (по указ.); *Георгиева Н.* Киприан // СтБЛ. С. 221–222; *Иванова К.* Житие на митр. Петър // Там же. С. 161; *Седова Р. А.* Свт. Петр, митр. Московский, в лит.-ре и искусстве Др. Руси. М., 1993. С. 21–35, 76–87, 92–107, 194–195; *Макарий.* История РЦ. Кн. 3 (по указ.); *Fennel J.* A History of the Russian Church to 1448. L.; N. Y., 1995. P. 148–161; *Приселков М. Д.* История рус. летописания XI–XV вв. СПб., 1996² (по указ.); *Сергий (Спасский).* Месаслеса. Т. 1. С. 352–361, 364; Т. 2. С. 285; *Оболенский Д. Д.* Визант. содружество наций; Шесть визант. портретов. М., 1998. С. 527–545; *Успенский Б. А.* Царь и патриарх: Харизма власти в России: (Визант. модель и ее рус. переосмысление). М., 1998 (по указ.); *он же.* История рус. лит. языка (XI–XVII вв.). М., 2002³. С. 270–275; *Podskalsky G.* Theologische Literatur des Mittelalters in Bulgarien und Serbien (865–1459). Münch., 2000. S. 212–219, 324–329, 447–448, 499–503, 504–507; *он же.* (Подскалки Г.) Средновековна теолошка книжовност у Бугарској и Србији: (865–1459). Београд, 2010. С. 243–244, 258–266, 396–397, 577; *Клосс Б. М.* Пространная (Киприановская) редакция Жития митр. Петра // *Он же.* Избр. труды. М., 2001. Т. 2. С. 32–47; *Белякова Е. В.* Мазуринская редакция как памятник права и культуры на Руси // Мазуринская Кормча: Памятник межслав. культурных связей XIV–XVI вв.: Исслед. Тексты. М., 2002. С. 55–69; Евангелие Успенского собора Московского Кремля. М., 2002. С. 15–16, 20–21, 27–38; *Фетищев С. А.* Московская Русь после Дмитрия Донского: 1389–1395 гг. М., 2003 (по указ.); *Панченко О. В.* Из археогр. разысканий в области соловецкой книжности: II. «Канон всем святым, иже в Веллице России в посте просиявшим» — соч. Сергия Шелонина // ТОДРЛ. 2004. Т. 56. С. 453–480; *Флоря Б. Н.* Договор Дмитрия Донского с Ягаило и церк. жизнь Вост. Европы // Неисчерпаемость источника: [Сб.]. М., 2005. С. 233–237; *Князевская Е. Л.* Очерки по истории тверской лит.-ры XIV–XV вв. М., 2007. С. 110–148; История на българската средновековна лит.-ра / Съст.: А. Милтенова. София, 2008. С. 551, 582–587; Кирианови четения: 600 години от успението на св. Киприан, митр. Московски. Вел. Търново, 2008; *Спасский Ф. Г.* Рус. литургическое творчество. М., 2008². С. 161–167; *Ранчин А. М., Турилов А. А.* Киприан // БРЭ. 2009. Т. 13. С. 741–743 [Библиогр.]; *Карбасова Т. Б.* Святцы 1646 г.: Памяти рус. святых // Рус. агрография: Исслед., мат.-лы, публ. СПб., 2011. Т. 2. С. 249–301; *Коссова А. Дж.* Митр. Киприан — основоположник на литературната традиция на Московска Русь // Средновековни тексти, автори и книги: Сб. в чест на Х. Миклас. София, 2012. С. 270–287. (КМС; 21); *Кузьмин А. В.* Стольники митр. Киприана // ЕОУАУОС: Сб. ст. памяти проф. И. С. Чичурова. М., 2012. С. 171–182; СККДР. 2012. Вып. 2. Ч. 3. С. 223–227; *Ророва Т. G.* Die «Leiter zum Paradies» des Johannes Klimakos: Kat. der slavischen Handschriften = «Лествица» Иоанна Синайского: Кат. слав. рукописей. Köln; Weimar; W., 2012. С. 88–90, № 44; *Макарий (Веретенников), митр.* Св. митр. Киприан. М., 2013.

Б. Н. Флоря, А. А. Турилов

Иконография. Почитание К., как и др. местночтимых Московских иерархов, было сосредоточено преимущественно в Успенском соборе Московского Кремля и при митрополичьем (патриаршем) дворе; иконы с его образом немногочисленны. Поскольку К. был участником значительных событий политической и церковной истории кон. XIV в., его изображения встречаются на миниатюрах (напр., в Лицевом летописном своде, 70-е гг. XVI в.), в сценах и иллюстративных циклах исторического содержания; изображения К. были обязательны в широко распространенном в XVI–XVII вв. сюжете иконы «Сретение Владимирской иконы Божией Матери» и др. композициях, связанных с перенесением чудо-

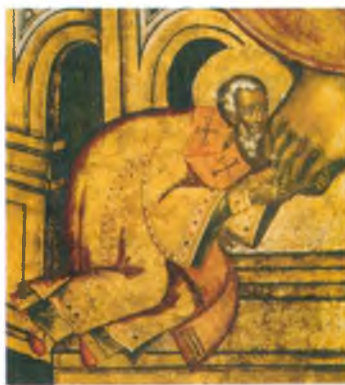
Сретение
Владимирской иконы Богоматери.
Икона. Сер. XVII в. (ГТГ)

творного образа из Владимира в Москву. В иконописных подлинниках кон. XVI – XIX в. иконография К. описывается как отдельно (под 16 сент. – в день преставления или под 27 мая – в день перенесения мощей святителей К., Фотия и Ионы, митрополитов Московских), так и в составе композиции «Сретение Владимирской иконы Божией Матери» (под 26 авг., иногда со сведениями о внешности К.). Его рекомендуется изображать в архиерейском облачении, которое описывается с разной степенью подробности, часто упоминаются архиерейская шапка (митра) и «сак» (саккос) (Филимонов. 1873. С. 31, 39; Он же. Иконописный подлинник. С. 153–154; Большаков. Подлинник иконописный. С. 30, 102, 131; Маркелов. Святые Др. Руси. Т. 2. С. 141–142; см. также композицию «Сретение Владимирской иконы Божией Матери» в Строгановском лицевом подлиннике под 26 авг. – Строгановский подлинник. Л. [109 об.]; Маркелов. Святые Др. Руси. Т. 2. С. 327. Ил. 45). В одном и том же подлиннике могут содержаться уподобления внешности разных свя-

«Спас митрополита Киприана».
Икона. Кон. XIV – нач. XV в., ок. 1700 г.
(ГММК)

тых: К. – седовласый старец с довольно длинной бородой, подобно свт. Алексию Московскому, прор. Захарии, сщмч. Власию Севастийскому («брада доле Власиевой» или, наоборот, «короче Власиевы») и свт. Василию Великому («короче Василия Кесарийского» или «подоле Василия Кесарийского»), иногда отмечается, что борода К. «подвоилась». Из числа описаний внешности святителя выделяется указание на «браду аки Афанасиеву», т. е. как у свт. Афанасия Александрийского (ИРЛИ. Древлехранили-

Свт. Киприан, митр. Киевский
и всея Руси. Фрагмент иконы
«Спас митрополита Киприана».
Кон. XIV – нач. XV в., ок. 1700 г.
(ГММК)

ще. Отд. поступления. Оп. 23. № 294). Такая форма бороды встречается на некоторых сохранившихся изображениях К. и, по-видимому, в большей степени отвечает его историческому облику. В ряде описаний сцены «Сретение Владимир-

ской иконы Божией Матери» К. именуется не седым, а русым (Там же. Л. 268; РНБ. Соф. 1523. Л. 215 об.). У В. Д. Фартусова описания внешности К. конкретизированы с учетом версии о болг. происхождении святителя и дополнены психологической характеристикой: «...глубокий старец болгарского типа, седой, с большой, длинной бородой, раздвоенной на конце, скромный, благоразумный, худощавый лицом; на нем – саккос, омофор, палица, митра и на груди – панagia. В руку можно давать Евангелие и хартию с надписью по житию» (Фартусов. Руководство к писанию икон. С. 16–17 – под 16 сент.).

На сохранившихся произведениях с образом К. видно, что рекомендации подлинников наиболее точно выполнялись при написании сцены «Сретение Владимирской иконы Божией Матери». К. мог быть изображен со сравнительно короткой округлой бородой, в белом клобуке или без головного убора. О большей исторической достоверности подобных изображений свидетельствует образ святителя, восходящий к его прижизненному донаторскому портрету, на большой иконе Христа Вседержителя на престоле («Спас митрополита Киприана») в Успенском соборе Московского Кремля (Иконы Успенского собора. 2007. Прил. 1. Кат. 2. С. 198–204), находившейся там уже в нач. XVII в. по свидетельству описи, к-рую относят к 1609–1611 гг. (Описи. 1876. Стб. 301; в др. описях см.: Там же. Стб. 400–401, 587–590). Икона была полностью записана в 1700 г. иконописцем Оружейной палаты Георгием Терентьевым Зиновьевым, который, как и др. мастера, занимавшиеся в это время поновлением древних образов Успенского собора, в целом сохранил первоначальную иконографию (древнейший слой живописи, очевидно, почти полностью утрачен). К. представлен на подножии престола Христа принадлежащим и прикасающимся руками к Его правой стопе. Святитель в саккосе (в тот период на Руси – облачении только митрополита) и омофоре, с непокрытой головой, увенчанной нимбом. Он седовлас, его борода сравнительно невелика и не заостряется книзу. О том, что внешность К. была примерно такой же до поновления иконы Зиновьевым, свидетельствует гравированное изображение на серебряной позолоченной дробнице кон. XVI – 1-й пол. XVII в. (находится на пелене из Благовещенского собора, ГММК; опубл.: Преображенский. 2010. С. 294). Мастер, изготовивший дробницу, сильно видоизменил масштаб фигуры и позу К., стоящего на коленях с воздетыми руками, но облик и атрибуты митрополита, в т. ч. изображение нимба, в целом совпадают с изображением 1700 г. Не исключено, что надпись на дробнице («Киприанъ митро[полит]») без эпитета

«о агиос» (или «святей») повторяет первоначальную надпись на иконе. Последняя не была воспроизведена Зиновьевым, возможно, из-за отсутствия такой надписи на серебряном окладе (он упомянут во всех ранних описях Успенского собора). В любом случае в XVII в. идентификация припадающего архиерея с К., судя по соборной описи 1609–1611 гг., не вызывала сомнений («да у Спаса у правыя ножки Киприан митрополит» — Описи. 1876. Стб. 301). На иконе К. показан без белого клобука, к кон. XIV в. ставшего атрибутом рус. первосвященителей (сравни изображения святителей Максима, Петра, Феоноста и Алексия, митрополитов Московских, в молении Спасу Нерукотворному на шитом воздухе 1389 г., ГИМ). Вместе с тем на нем нет и архиерейской шапки, в к-рой в позднее средневековье часто изображали К. и митрополитов XV — нач. XVI в. Если отсутствие шапки может объясняться тем, что эта деталь епископского облачения в эпоху К. еще не вошла в широкий обиход, то отказ от белого клобука, вероятно, имеет программный характер: возможно, митрополит пожелал, чтобы его изображали в соответствии с традициями визант. архиерейской иконографии. Эту гипотезу подтверждает не только аналогичное изображение свт. Фотия, др. митрополита «всея Руси» балканского происхождения, на его присланном из К-поля саккосе 10-х гг. XV в., но и фигура свт. Петра, митр. Московского, на «малом саккосе» кон. XIV в., также исполненном визант. мастерами (оба — ГММК). В рус. произведениях свт. Петр неукоснительно изображался в белом клобуке, что было отмечено и подвергнуто осуждению участниками Большого Московского Собора 1666–1667 гг.: «...ниже Киприан и Фотий митрополиты и прочии, котории поставлены быша во Царе-граде во архиерейство... клобуки белыя не носиша» (Мат-лы для истории раскола за первое время его существования, издаваемые редакцией «Братского слова». М., 1876. Т. 2. С. 255–256). Эта идея основана на неверном предположении о том, что белый клобук появился в Москве не ранее времени правления свт. Геннадия, архиеп. Новгородского; впрочем, нельзя исключить, что при митрополитах К. и Фотии традиция ношения белого клобука вышла из употребления (ср. грамоту Московского Собора 1564 г.: «...а которые Митрополиты Российския митрополии были на том высочайшем престоле, после первопрестольников Петра и Алексия Митрополитов и Чюдотворцов... те все носили черные клобуки; а того в писании не обрели есмь, чего для белые клобуки отставлены» — АИ. Т. 1. № 173. С. 332). Облик К. на иконе «Спас митрополита Киприана» не позволяет принять идею Е. Б. Громовой, считающей, что К. изображен на

Спас Вседержитель,
с припадающим митр. Киприаном.
Дробница. Кон. XVI — 1-я пол. XVII в.
(ГММК)

иконе «Похвала Богоматери, с Акафистом» из Успенского собора Московского Кремля (2-я пол. XIV в., ГММК, см.: Громова Е. Б. История рус. иконографии Акафиста: Икона «Похвала Богоматери с Акафистом» из Успенского собора Моск. Кремля. М., 2005. С. 71–104, 134–138) во 2-м справа клейме верхнего ряда (кондак 12), т. к. архиерей здесь имеет удлиненную черную бороду и одет в многокрестную фелюнь, а не в саккос.

Образ К. на иконе из Успенского собора принадлежит к особой группе визант. донаторских композиций, к-рые включают фигуры коленопреклоненных заказчиков. Обычно такой тип изображения заказчика был связан не со строительством храма, а с исполнением росписи, отдельной мозаики, фрески, иконы или лицевой рукописи. Среди др. визант. архиереев подобные донаторские образы крайне редки, хотя сомневаться в их существовании нет оснований. Кроме фрагмента ктиторской композиции 1-й трети XIV в. в кафоликоне мон-ря Продрома близ Серр с изображением Зихнийского еп. Иоакима известна еще серб. икона XVI в. «Христос на престоле с припадающим Грачаницким митр. Никанором» (занимал кафедру в 1528/29 — после 1551). Наиболее близкой параллелью образу «Спас митрополита Киприана» является мозаика в конхе апсиды базилики Сан-Паоло-фуори-ле-Мура с портретом папы Гонория III, припадающего к стопам Христа (ок. 1227; воссоздана после пожара 1823 г.). К. представлен в позе проскинесиса, его фигура очень невелика. Как и на др. близких по иконографии портретах архиереев-донаторов, его образ сопровождается характерным для искусства палеологовской эпохи изображением нимба — знака святости, высоты архиерей-

ского сана. Покаянное смирение К. становится залогом близости к Господу, подножие Его престола воспринимается как рубеж особого, сакрального пространства (*Преображенский*. 2007; *Он же*. 2011). Тема молитвы о прощении грехов акцентируется фигурами ангелов с орудиями Страстей, к-рые напоминают об искупительной жертве Спасителя, и раскрытым Евангелием с греч. текстом, содержащим призыв Христа верить в свет и быть сынами света (Ин 12. 35–36); выбор этого текста, вероятно, подчеркивал не только следование завету Спасителя, но и исповедание истинной веры. Те же идеи передает пространная молитвенная надпись на большей части полей (опубл.: Иконы Успенского собора. 2007. С. 200–201; *Преображенский*. 2010. С. 296–297); она относится к 1700 г., но явно повторяет более ранний текст, который был воспроизведен на несохранившемся «окладе по полям чеканном со словами» (Описи. 1876. Стб. 301, 400, 588; *Голубцов*. Чиновники Московские. С. 245). Одним из доказательств древности надписи служит способ ее размещения, характерный для вкладных и гимнографических текстов на визант. иконах и произведениях прикладного искусства: с разделением на длинные и короткие строки, заполнением всех полей, кроме нижнего и нижней части правого; первоначальная надпись могла занимать все поля или дополняться на нижнем поле вкладным «летописцем», вероятно утраченным при поновлении 1700 г. или ранее. Содержание текста, начало к-рого напоминает текст исповедания истинной веры в духовной грамоте К. 1406 г., его выразительность и изощренность позволяют включить надпись в корпус лит. произведений митрополита (подробнее см.: *Преображенский*. 2001; *Он же*. 2010. С. 297–305). Частично ее текст почти дословно совпадает с текстом молитвы свт. Василия (Калики), архиеп. Новгородского, рядом с его изображением у подножия тронного образа Иисуса Христа на валике *Васильевских врат* новгородского Софийского собора (1335/36, Покровский (Троицкий) собор, г. Александров).

Икона «Спас митрополита Киприана», очевидно, была создана после утверждения К. на митрополичьем престоле в 1390 г. и до его кончины (сент. 1406). Возможно, ее исполнил балканский или греч. живописец. Учитывая размеры иконы, насыщенность программы и обилие текстов, можно предположить, что она предназначалась для одного из митрополичьих Успенских соборов — владимирского или московского. Согласно надписи на правом и нижнем полях, дополнившей первоначальный текст молитвы, образ Спаса вместе с образом Пресв. Богородицы в 1518 г. был принесен в Москву из Владимира и поновлен; Богородич-

ный образ в 1520 г. был возвращен во Владимир, а икона Спаса оставлена в Успенском соборе Москвы. Эти данные совпадают с летописным сообщением о привозе из Владимира для поклонения и поновления икон Спаса «греческого письма» и Богородицы (ПСРЛ. Т. 6. Вып. 2. Стб. 413–416; Т. 8. С. 264–265, 269; Т. 13. С. 29–30, 35–36; Т. 20. Ч. 1. С. 394–395, 401). На основании предания о связи иконы с кн. Андреем Боголюбским, изложенного в последней строке надписи на нижнем поле иконы «Спас митрополита Киприана» из Успенского собора, а также мнимого совпадения размеров этой иконы (168×91 см) с Боголюбской иконой Божией Матери (185×105 см) возникла гипотеза, согласно к-рой К. не заказал новый, а поновил образ XII в., современный и едва ли не парный Боголюбской чудотворной. Аргументом в пользу этой гипотезы могут служить данные рентгенограммы иконы, на которой под существующим изображением К. видны гвозди от более древнего оклада (Иконы Успенского собора. 2007. С. 198); их местонахождение можно объяснить изменившимися контурами фигуры К. во время одного из поновлений иконы. Сохраненная мастером Зиновьевым иконография образа «Спас митрополита Киприана» близка к иконографии икон палеологовской, а не константиновской эпохи. Сведения о поновлении этой иконы в 1518 г. подтверждаются характером живописи на обороте, где помещено изображение Голгофского Креста на фоне стены Иерусалима (Там же. С. 203). Пробные раскрытия и особенности композиции, не слишком искаженной записью, позволяют датировать икону 1-й третью XVI в., что, однако, не означает безусловной связи с поновлениями 1518 г. Икона могла быть поновлена в это же время, и, отмеченное надписью с именем вел. кн. Василия III Иоанновича, это событие, вероятно, в посл. было сопоставлено с летописными известиями о привозе владимирских икон в Москву, что привело к появлению нового предания и новой редакции «летописца» на самом образе. По размерам «Спас митрополита Киприана» очень близок к др. древней иконе из московского Успенского собора «Вмч. Димитрий Солунский» (169×86 см), которая, согласно поздним источникам, происходила из Дмитриевского собора во Владимире (Смирнова Э. С. Храмовая икона Дмитриевского собора: Святость солунской базилики во владимирском храме // Дмитриевский собор во Владимире: К 800-летию создания. М., 1997. С. 220–253; Иконы Успенского собора. 2007. Прил. 1. Кат. 3. С. 205–209). В кон. XIV – нач. XV в., при К. (или митр. Фотии), она была украшена окладом, от к-рого сохранился золотой сканый венец, подобный венцу иконы Спаса (оба в ГММК).

Свт. Киприан,
митр. Киевский и всея Руси.
XVII–XIX вв. (ГММК)

Как сообщает надпись на пластине XIX в., икона «Вмч. Димитрий Солунский» была поновлена в Москве в 1517 г., т. е. почти одновременно с иконой Спаса, а попала туда еще при вел. кн. Димитрии Донском, в 1380 г., о чем известно также из летописей (ПСРЛ. Т. 15. Стб. 285). Нельзя исключить, что образ Христа на престоле с фигурой К. был создан как парный образу вмч. Димитрия, возможно символизировал посмертное примирение К. с вел. кн. Димитрием Иоанновичем. До привоза в Москву при царе Иоанне Грозном новгородских тронных образов Вседержителя именно икона с образом К. могла почитаться как местная икона Христа в столичном кафедральном храме: ее размеры скорее соответствуют масштабам московского Успенского собора 1326 г., чем владимирского.

Икона «Спас митрополита Киприана» вписывается в рус. иконографическую традицию кон. XIII–XIV в., она продолжает ряд произведений, созданных по архиерейскому заказу (как правило, для кафедральных соборов) и объединенных темой поклонения донатора-епископа Христу и Богородицы (Преображенский. 2010. С. 213–214, 412). Не исключено, что при посещении Новгорода в 1392 или в 1395 г. К. обратил внимание на Васильевские врата и текст молитвы архиеп. Василия. В сер. – 2-й пол. XVII в. икона «Спас митрополита Киприана» стала одним из образцов для больших икон Вседержителя на троне, часто с припадающими, как правило рус. святыми: иконы письма Симона Ушакова в ико-

ностах соборов Новодевичьего мон-ря и Троице-Сергиевой лавры; иконы, написанной по заказу патриарха Никона для Воскресенского Новоиерусалимского мон-ря (1657, Музей «Новый Иерусалим»; аналогичный образ находился в Иверском Валдайском мон-ре, см. подробнее: Там же. С. 305–306).

Иконы К., как и др. местночтимых Московских иерархов, немногочисленны, почитание К. было сосредоточено преимущественно в Успенском соборе Московского Кремля, где находится гробница святителя, и при митрополитом (патриаршем) дворе. Сведений об изображениях К. XVI в. немного. На пелене 1-й трети XVI в. среди образов рус. святителей и преподобных (ГИМ; Маясова Н. А. Древнерус. шитье. М., 1971. Табл. 41) образ К. отсутствует. Из описей Успенского собора Московского Кремля (Описи. 1876. Стб. 314, 420, 678) известно, что к нач. XVII в. там находились небольшие иконы митрополитов Геронтия и Макария, к-рые изначально, по-видимому, стояли у их гробов (икона свт. Геронтия, митр. Московского, 2-й пол. XVI в., ГМИР; см.: Преображенский. 2010. С. 312, 324), но аналогичного образа К. в соборе не было. В описи 1609–1611 гг. упомянута лишь икона митрополитов Петра, К. и Фотия в жертвеннике, т. е. близ раки свт. Петра (Описи. 1876. Стб. 328), но в более поздних описях она не упоминается. По замыслу этого утраченного произведения, К. и Фотий были восприняты как близкие по времени и равные по статусу архиереи, наследники 1-го Московского святителя и чудотворца – митр. Петра. Очевидно, написание таких икон зависело от распространения во 2-й пол. XVI в. изображений 3 Московских святителей – Петра, Алексия и Ионы, в свою очередь уподоблявшихся 3 Вселенским святителям (подробнее: Кулакова И. П. Петр, Алексей, Иона – святители Московские: Из истории церк.-полит. мысли кон. XVI – нач. XVII в. // Европейский альманах, 1999. М., 2000. С. 19–33; Она же. К истории Московского Кремля как религ. центра кон. XVI – нач. XVII в. (о почитании святителей Петра, Алексия и Ионы) // Кремль России. М., 2003. С. 142–154. (ГММК: Мат-лы и исслед.; 15)). Вероятно, икона святителей Петра, К. и Фотия появилась вскоре после учреждения Патриаршества и установления в 1596 г. праздника 3 святителей Московских. Она могла стоять у гробниц К. и Фотия, к-рые находились рядом друг с другом в юго-зап. углу Успенского собора, где в наст. время в киоте 1913 г. помещены парные иконы 2 святителей, обращенные друг к другу (XVII–XIX вв., возможно основательно поновленные иконы 2-й пол. XVI в., см.: Коварская С. Я. Произведения московской ювелирной фирмы Хлебникова: Кат. М.,

2001. Кат. 7; *Толстая Т. В.* Успенский собор: Путев. М., 2009. С. 194, 195). Надписи с эпитетом «о агнос» поздние; святые облачены в саккосы (саккос К. белый с черными крестами) и белые клобуки. В описях Успенского собора XVII — нач. XVIII в. такие иконы не упоминаются, но не исключено, что это были створки киота или фрагменты известной по описи 1609–1611 гг. иконы святителей Петра, К. и Фотия.

Ко 2-й пол. XVI в. относят и небольшой расчищенный образ К. из записанного в XIX в. поясного деисусного чина (ГТГ) — фрагмент изображения с полей большой иконы, по мнению В. И. Антоновой и Н. Е. Мнёвой (*Антонова, Мнёва. Каталог. Т. 2. Кат. 528. С. 139*). На рубеже XVI и XVII вв. была изготовлена уже упоминавшаяся дробница на пелене из Благовещенского собора с воспроизведением заказанной К. иконы «Спас митрополита Киприана». Неустойчивость почитания К. отражена в богослужебных уставах Успенского собора: в «Сказании действенных чин» (1621) под 27 мая отмечен день перенесения мощей митрополитов К., Фотия и Ионы, названных «новыми чудотворцами», но богослужение «с полиелеосом» в их честь оставлено на «произволение настоятеля» (*Голубцов. Чиновики Московские. С. 54*). В более поздних соборных уставах день перенесения мощей 3 митрополитов, как и день преставления К. (16 сент.), уже отсутствует (*Голубинский. Канонизация святых. С. 193–194, 420–421, 426, 559–560*).

В XVII в. образ К. встречается, как правило, в составе иконографических программ исторического содержания, основанных на идее иерархического преемства Московских святителей. В росписи патриаршей (бывш. митрополичьей) домовой ц. в честь Положения ризы Пресв. Богородицы (1644) в Московском Кремле, выполненной по заказу патриарха Иосифа мастерами Сидором Поспеевым, Иваном Борисовым и Семеном Абрамовым, на сев.-зап. столбе среди фигур 8 рус. митрополитов (аналогичные изображения могли входить в состав более ранней росписи) К. в саккосе и архиерейской шапке, с длинной заостряющейся бородой изображен в нижнем ярусе на вост. грани по соседству с митр. Фотием (*Саликова. 1980. С. 150–151; Соколова И. М. Церковь Ризположения: Путев. М., 2002. С. 90–91*). Так же святитель изображен на вост. грани столба и во 2-м ряду на сев.-зап. столбе Успенского собора Княгинина мон-ря во Владимире (1647–1648), расписанного московскими мастерами под рук. Марка Матвеева. Несмотря на утрату надписи, общее сходство в программах фресок этих церквей, хронологическая близость их создания и связь с патриархом Иосифом позволяют думать, что

*Свт. Киприан,
митр. Киевский и всея Руси.
Фрагмент росписи
Успенского собора Княгинина мон-ря
во Владимире. 1647–1648 гг.*

в соборе Княгинина монастыря также представлен К.

Эпизодически К. включали в сонм Московских митрополитов при патриархе Никоне. Так, святитель в архиерейской шапке вышит на подольнике передней стороны саккоса, пожалованного патриарху царем Алексеем Михайловичем в 1655 г., рядом с образами К-польских и Русских иерархов (ГММК; *Маслова Н. А. Древнерус. шитье: Кат. М., 2004. Кат. 108*). Ушаков поместил изображение К. на иконе «Похвала Богоматери Владимирской (Древо государства Московского)» (1668, ГТГ) в левом нижнем медальоне: он в зеленом саккосе, омофоре и шапке с меховой опушкой, подобно остальным святым в моле-

*Святители Фотий,
митр. Московский, Киприан,
митр. Киевский и всея Руси,
Иона, архиеп. Новгородский.
Фрагмент росписи алтаря
придела прп. Варлаама
Хутынского в ц. прор. Или
в Ярославле. 1680 г.*

нии иконе Божией Матери «Владимирская», со свитком в руках, надпись: «Радуйся, тайный Богонсажденный винограде и зрелый грозде нетления возрастивший» (*Антонова, Мнёва. Каталог. Кат.*

912. С. 411–413). Похожую программу имела икона Христа Вседержителя с московскими чудотворцами, написанная, очевидно, в сер.—3-й четв. XVII в. и известная по «переводу», изданному А. И. Успенским (*Маркелов. Святые Др. Руси. Т. 1. Рис. 169. С. 340–341, 617; Т. 2. С. 142*); К. (без надписи, атрибуция Г. В. Маркелова), в белом клобуке, представлен рядом с митр. Фотием. На обеих иконах показаны не только архиереи, но и др. святые, что указывает (наряду с эпитетом «о агнос» на иконе Ушакова) на статус К. как местночтимого святого. Так же К. изображен в алтарной росписи придела во имя прп. Варлаама Хутынского в ц. прор. Или в Ярославле (1680, артель Гурия *Никитина* Кинешемцева): он и митр. Фотий названы «московскими чудотворцами»; К. представлен в виде старца с довольно короткой бородой, его одежды, высокая шапка-митра, палица с изображением херувима и панатия — соответствуют богослужебному облачению рус. иерархов 2-й пол. XVII в.

Образ К. изредка появляется в произведениях, связанных с патриаршим двором и придворными мастерами. Они предназначались в т. ч. для рода Строгановых, что можно объяснить их близостью ко двору государя и вниманием к рус., в т. ч. малоизвестным, святым. Иконописец Истома Савин изготовил по заказу М. Я. Строганова на досках «Гроба Петра митрополита» 3-створчатый складень с изображением Московских святителей и юродивых в молении Богоматери (рубеж XVI и XVII вв., ГТГ; в нач. XX в. находился в усыпальнице вел. кн. Сергея Александровича в Чудовом мон-ре; *Антонова, Мнёва. Каталог. Т. 2. Кат. 785. С. 311–312; Рыбаков А. А. Вологодская икона: Центры художественной культуры земли Вологодской XIII–XVIII вв. М., 1995. Табл. 288*). На левой створке — К., в саккосе и белом клобуке, молится вместе с митрополитами Алексием и Филиппом

перед образом Пресв. Богородицы в изводе иконы «Моление о народе». Необычная форма относительно по короткой скругленной седой бороде, вероятно, свидетельствует о знакомстве иконописца с прижизненным образом К. на иконе «Спас митрополита Киприана». Эта деталь повторена и на окладе иконы

Московские святители
в молитви Богоматери.
Икона. Иконописец Истома Савин.
Рубеж XVI и XVII вв. (ГТГ)

митр. Алексия (1-я пол. (2-я четв.?) XVII в., СИХМ; см.: *Игошев В. В.* Драгоценная церковная утварь XVI–XVII вв.: Вел. Новгород, Ярославль, Сольвычегодск. М., 2009. С. 300–301. Ил. 523); на полях иконы помещены полнофигурные и поясные изображения Московских святых, в т. ч. К. В составе этой программы, в той или иной мере напоминающей программу складня Истомы Савина, росписи ц. Ризоположения и иконы «Древо государства Российского», ростовой образ К. в саккосе и клобуке занимает довольно заметное место на левом поле, между фигурами святителей Ионы и Фотия. В памятниках «строгановского» круга встречаются изображения К. в архиерейской митре: на иконе-таблетке «Минея на сентябрь и октябрь» (1-я пол. XVII в., ГЭ, см.: *Косцова А. С.* Двухсторонние иконы-таблетки XV–XVII вв. в собр. Эрмитажа // Рус. искусство в Эрмитаже: Сб. ст. СПб., 2003. С. 30–31. Ряд 3. № 3), на иконе «Минея на май» из Никольского единоверческого монастыря (сер. XVII в., см.: *Гурьянов.* 1904. С. 29, 57) — аналогично складню письма Истомы Савина. К «строгановским» произведениям восходит и комплект святцев (нач. XIX в., частное собрание), где К. изображен трижды: в композиции «Сретение Владимирской иконы Божией Матери», под 16 сент. и 27 мая (вместе со святителями Фотием и Ионой, см.: MacDougall's:

Icons of the Orthodox World: Wednesday, 2 December 2009. L., 2009. N 12; датирован 60-ми гг. XVII в. на основании надписи о принадлежности икон Д. А. Строганову; возможно, представляет собой полностью поновленный древний памятник или его точную реплику).

В церковном искусстве Нового времени К. известен по неск. ансамблям, вероятно возникшим в старообрядческой среде и восходящим к произведениям царских и «строгановских» иконописцев: по минеям со сценой преставления К. под 16 сент. и со сценой перенесения мощей К., Фотия и Ионы под 27 мая (1-я пол. XIX в., частное собрание, см.: Русские иконы в собр. М. Де Буара (Елизаветина): Кат. выст. / Авт.-сост.: Н. И. Комашко, А. С. Преображенский, Э. С. Смирнова. М., 2009. Кат. 135. 1, 135. 9), по минейной иконе на сент. из частного собрания (*Бенчев.* 2007. С. 287), а также по мстёрской сентябрьской Минее рубежа XIX и XX вв., где святитель изображен без шапки и в несвойственной его иконографии фелони (*Юхименко, Горшкова.* 2012. Кат. 121); в шапке и фелони — на иконе избранных святых XIX в. (*Бенчев.* 2007. С. 301). Чаше К. изображался в составе композиции «Образ всех святых Российских чудотворцев», разработанной в Выговском поморском общежитии не позднее 30-х гг. XVIII в. и распространенной среди старообрядцев-беспоповцев (*Платонов В. Г.* Об одном сюжете старообрядческой поморской иконописи (образ Всех Святых Российских Чудотворцев) // Старообрядчество: История, культура, современность: Тез. III науч.-практ. конф. М., 1997. С. 231–232; *Юхименко.* Агиологические разыскания. 2010; *Она же.* «Слово воспоминательное». 2010); память К. под 16 сент. была включена в богослужебный устав Выговской обители (*Она же.* Агиологические разыскания. 2010. С. 153). На таких иконах (известны 6 — по 2 в ГРМ, в ГТГ, по одной — в МИИРК, в частном собрании) К. представлен среди Московских митрополитов, как правило Филиппом (Колычевым) и Фотием. Его образ с длинной седой бородой и в архиерейской шапке ориентирован на произведения XVII в. и иконописные подлинники (*Маркелов.* Святые Др. Руси. Т. 1. Рис. 228. С. 457; *Образы и символы.* 2008. Кат. 62, 70; *Icones russes.* 2000. N 52, 53; *Юхименко, Горшкова.* 2012. Кат. 34). Фронтальные фигуры К. и митр. Фотия помещены на 3-створчатом складне, сходном по программе, но ином по композиции (1-я пол. XIX в., ГМИИРТ). Интерес к образам местночтимых Московских святителей был характерен и для представителей др. течений старообрядчества, как показывает программа гравированных изображений на утраченном окладе 1-й пол. — сер. XIX в., к-рый украшал образ «Поло-

жение ризы Господней», принадлежавший *Антонию (Шутову)*, архиеп. Московскому и Владимирскому, выходцу из беспоповской среды (Покровский собор при Рогожском кладбище, см.: Древности и духовные святые старообрядчества: Иконы, книги, облачения, предметы церковного убранства Архиерейской ризницы и Покровского собора при Рогожском кладбище в Москве. М., 2005. Кат. 82; оклад опубл.: Снимки древних икон и старообрядческих храмов Рогожского кладбища в Москве. М., 1913. Табл. 65; *Борин В.* Древнее изображение Положения ризы Господней // Светильник. М., 1914. № 11–12. С. 35–41; *Муратов П. П.* Эпоха Михаила Феодоровича // *Грбарь И. Э.* История рус. искусства. М., 1914. Т. 6. С. 389). На drobницах оклада К. был представлен вместе с др. Московскими св. митрополитами и патриархами. По старообрядческому заказу скорее всего была создана икона «Святители Киприан, Фотий и Филипп» мстёр-

Московские святители.
Фрагмент иконы «Образ всех святых
Российских чудотворцев».
XVIII в. (МИИРК)

ского письма (1890, ГИМ, см.: Москва православная: Церк. календарь: История города в его святых. Благочестивые обычаи: Сент. М., 2003. С. 371), возможно парная аналогичному по композиции образу святителей Петра, Алексия и Ионы.

Почитание К. в московском Успенском соборе также нашло отражение в памятниках XVIII–XIX вв.: на гравюре с видом Успенского собора и образами Московских святых К. представлен в правой группе вместе со святителями Алексием, Филиппом и Фотием (1-я пол. XVIII в., см.: *Ровинский.* Народные картинки. Кн. 2. № 602. С. 289–293). В 1795 г. Московская Синодальная контора расследовала слухи о чудесах от

гробниц в Успенском соборе, в т. ч. о происшедших «в недавнее время» чудесах от гробниц К. и Фотия. По словам соборных ключарей, «моление бывает при раках святителей Петра, Ионы, Филиппа и пред образами Фотия и Киприана, имеющимися на гробах их, пред которыми и прежде было» (*Скворцов*. 1914. С. 102). Вероятно, с этими событиями связано создание небольшой иконы «Святители Киприан и Фотий» из московской ц. свт. Николая, архиеп. Мирликийского, в Кузнецях, сохранившей серебряный оклад 1796 г. (*Фёдорова*. 2004; *Искусство Церкви: Факт-церк. художеств ПСТГУ*, 1992–2007. М., 2007. С. 218–219). Святители представлены на фоне пейзажа в молении образу Божией Матери «Знамение» (К. в полном архиерейском облачении, с панагией на груди и посохом в правой руке). В надписях святые названы «архиепископами», что, возможно, отражает древний обычай именовать Киевских митрополитов «архиепископами всея Руси». Финифтяными образами К. и Фотия, а также др. Московских и К-польских святых был украшен оклад храмовой иконы Успенского собора (доставлен 13 авг. 1796 московским купцом, серебряных дел мастером Трифоном Семеновым Добряковым от неизв. вкладчиков; см.: *Скворцов*. 1914. С. 104–105). Очевидно, при одном из поновлений росписи Успенского собора у входа в Похвальский придел появились изображения митрополитов К. и Фотия в молении Христу Еммануилу; святители облачены в фелони вместо саккосов (Большой Успенский собор в Москве: Собр. фототипических снимков / Изд.: кн. А. Ширинский-Шихматов. М., 1896. Ненум. табл.). В перечне сюжетов росписи, сделанном при ее поновлении в 1773 г., эта композиция отсутствует, но упоминаются парные образы свт. Фотия и патриарха Иова (*Левшин А. Г., прот.* Ист. описание первопрестольного в России храма, Московского большого Успенского собора, и о возобновлении первых трех Московских соборов Успенского, Благовещенского и Архангельского. М., 1783. С. 214; *Скворцов*. 1914. С. 315). Сходным образом при поновлении в кон. XVIII или в 1-й трети XIX в. в росписи главного алтаря сольвычегодского Благовещенского собора появилась фигура К. в фелони и белом клобуке. Скорее всего первоначально здесь был представлен один из Ростовских святителей, хотя нельзя исключить, что в слое 1600 г. на этом месте находился образ К. в клобуке и саккосе, аналогичный его изображению на складне письма Истома Савина. Росписи московского и сольвычегодского соборов свидетельствуют об определенном внимании к личности святителя; так же можно расценивать и появление фигуры К. в росписи алтаря (1782–1785) Петропав-

Святители Киприан и Фотий.
Икона. XVIII в.
(ц. свт. Николая Чудотворца
в Кузнецях)

ловской ц. в пос. Поречье-Рыбное Ростовского р-на Ярославской обл., исполненной артелью ярославских мастеров во главе с Афанасием Шустовым (*Алитова Р. Ф., Никитина Т. Л.* Церковные стенные росписи Ростова Великого и Ростовского у. XVIII — нач. XX в.: Кат. М., 2008. С. 311. Табл. 1-Б. № 10).

В XIX в. одним из мест почитания К. стало подмосковное с. Троице-Голенищево — бывш. загородная резиденция митрополитов и патриархов, где в 1406 г. он и скончался. По словам И. М. Снегирёва, в 40-х гг. XIX в. он «тщетно искал» там образ К. (*Снегирёв И. М.* Церковь в подмосковном с. Троицком-Голенищеве // *Он же*. Рус. старина в памятниках

Московские святители.
Роспись придела
св. Василия Блаженного
в соборе Покрова на Рву.
1908 г.

церк. и гражданского зодчества / Сост.: А. Мартынов. М., 1850². Год. 2. С. 40; см. также: *Барсуков*. Источники агиографии. Стб. 287–289). В 1860 г. такой образ был пожертвован в Троицкую ц. викарием Московской епархии еп. Дмитриевским Леонидом; икона была написана в 1850 г. в мастерской Троице-Сергиевой лавры под рук. И. М. Малышева (*Кузнецов И. И., свящ.* Троицкая в с. Троицком-Голенищеве, Московского у., церковь. М., 1904, 2005². С. 19). К тому же времени относится большой образ митрополитов Феоноста, Фотия и К. в ц. Покрова в с. Фили (в составе икон, созданных в 1850

для 3 притворов верхнего храма). Изображение К. соответствует иконографии рус. святителей, характерной для церковного искусства академического направления: он стоит на орлеце в полном архиерейском облачении — с панагией, в митре с крестом, в руках посох с сулоком (Москва православная: Церк. календарь: История города в его святынях. Благочестивые обычаи: Март. М., 1994. С. 203). Среди Московских митрополитов К. представлен на иконе «Собор русских святителей» 60-х гг. XIX в. в с.-петербургском Князь-Владимирском соборе (*Зеленина Я. Э.* От портрета к иконе: Очерки рус. иконографии XVIII — нач. XX в. М., 2009. Ил. 204. С. 237). В убранстве московского храма Христа Спасителя (60–70-е гг. XIX в.) икона «Святители Киприан, Феоноста и Фотий» размещалась над юж. дверями иконостаса в приделе кн. Александра Невского (парный образ над сев. дверями — «Святители Никита Новгородский, Исаия Ростовский и Арсений Тверской»; худож. Т. А. Нефф); поясные фигуры Московских митрополитов К., Фотия и Иосифа (Иоасафа?) в росписи зап. части хор соседствовали с ростовым образом митр. Феоноста и со сценой «Сретение Владимирской иконы Божией Матери в Москве», также включавшей изображение К. (*Мостовский М. С.* Ист. описание храма во имя Христа Спасителя в Москве. М., 1883. С. 124, 136).

Большое количество изображений К. в кон. XIX — нач. XX в. было вызвано распространенностью икон Собора Московских святых, ассоциировавшихся с образом древней столицы как средоточия рус. святынь, церков-

ных и национальных традиций. Известны разные варианты икон, как правило выполненные мастерами мстёрского происхождения в духе традиц. иконописи. Они различаются расположением персонажей и местом отведенным смысловому центру изображения — Владимирской иконе Божией Матери. Это, напр., 2 однотипных пядничных образа Московских святых нач. XX в., где Богородичная икона помещена в верхней части средника (обе в ЦМиАР, см.: *Московский Патерик: Древнейшие святые Московской земли*. М., 2003. Ил. 14), а также произведение, в к-рых «Богоматерь Владимирскую» поддерживают представленные в центре святители Петр и Алексей. — иконы 2-й пол. XIX в. (Успенский собор

Троице-Сергиевой лавры) и 1908 г. (придел Василия Блаженного в соборе Покрова на Рву). К. обычно изображен в паре со свт. Фотием, рядом с митр. Феогностом или еп. Стефаном Пермским. Оплечный образ К. вместе с аналогичными изображениями др. Московских святых украшает сень раки блж. Василия Московского, созданную в 1896 г. по проекту А. М. Павлинова и С. У. Соловьёва (придел Василия Блаженного в соборе Покрова на Рву). Известен случай изображения Московских чудотворцев на полях образа Божией Матери «Владимирская» — икона с фигурами святых Москвы и Подмосковья, поднесенная московским дворянством цесаревичу Алексею Николаевичу в 1912 г. в память 1-го посещения «царствующего града Москвы». На этой иконе К. представлен по пояс в килевидном клейме в центре нижнего поля, в одном ряду с местночтимыми святыми — святителями Феогностом, Фотием и Серапионом Новгородским, преподобными Михеем Радонежским, Мефодием Пешношским и Стефаном Махришским (Московский Патерик / Сост.: Е. Поселянин; рис.: С. И. Вашков. М., 1912. С. 123–124). На рубеже XIX и XX вв. К. обычно изображается в соответствии с нормами искусства XVI–XVII вв.: в архиерейской шапке древнего образца и с длинной, иногда раздваивающейся бородой. Исключение составляет образ К. с короткой бородой на иконе Московских чудотворцев из придела собора Покрова на Рву.

Фигура К. встречается на миниатюрах Лицевого летописного свода (70-е гг. XVI в.), в др. иллюстративных циклах исторического содержания, напр. в широко распространенной в XVI–XVII вв. сцене «Сретение Владимирской иконы Божией Матери в Москве» и композициях, связанных с перенесением чудотворного образа из Владимира в Москву 26 авг. 1395 г. Здесь образ К. нередко соседствует с изображением князя, в котором могли видеть принимавшего участие во встрече иконы кн. *Владимира Андреевича* Серпуховского, отсутствовавшего в это время в столице вел. кн. *Василия I Дмитриевича* или некоего безымянного правителя (*Щенникова*. 2005. С. 18; *Она же*. 2010. С. 76–78; *Сорокатый В. М.* Рус. минейные иконы: К вопросу о сложении иконографии Сретения иконы Богоматери Владимирской // Иконографические новации и традиция в рус. искусстве XVI в.: Сб. ст. памяти В. М. Сорокатого. М., 2008. С. 143–149. (Тр. ЦМиАР; 3); *Шалина И. А.* Реликвии в восточнохрист. иконографии. М., 2005. С. 55. Ил. 44–47, 221; *Смирнова*. 2007. С. 146–155). Древнейшие примеры относятся к сер. XVI в. — клеймо годовой минейной иконы в собрании Музея икон в Реклингдаузене и пядничный образ в ЦМиАР (*Хауштайн-*

Барч Е., Бенцев И. Музей икон в Реклингдаузене, Германия. М., 2008. Ил. 1, 43. С. 26–27, 70; Иконы Москвы XIV–XVI вв. / Ред.-сост.: В. М. Сорокатый. М., 2007. Кат. 84. (Кат. собр. ЦМиАР; Вып. 2)). Надпись рядом с К. иногда содержит только имя, без титула и указания на святость, хотя во многих ранних памятниках голову митрополита венчает нимб, отсутствующий у представленного здесь же князя (икона из ЦМиАР и миниатюра из Лицевого летописного свода, 70-е гг. XVI в. — БАН. 31.7.30-2, 2-й Остермановский том. Л. 541). Длиннобородый святитель, облаченный в саккос, омофор и шапку, с кадилом в правой руке, возглавляет процессию встречающих икону у стен города москвичей. Особую выразительность получает образ К. во главе всенародного моления перед чудотворным образом в иконографическом варианте, известном по вологодским произведениям сер. — 3-й четв. XVI в., к-рые, возможно, повторяют утраченный отличный образец (все — во ВГИАХМЗ; см.: Иконы Вологды XIV–XVI вв. М., 2007. Кат. 86, 91, 94). На иконе из Владимирской ц., а также в восходящих к ней клеймах иконы «Рождество Богородицы, с житием Иоакима, Анны и Богоматери» письма Сухого Милово (1565/66) и образа «Воскресение со сценами земной жизни Христа и праздниками» письма Дионисия Дмитриева Гринкова (1567/68) К. представлен без архиерейской шапки и нимба, его десница молитвенно протянута к Владимирской иконе Божией Матери, в левой руке — развернутый свиток. Это образ К. — молитвенника за Москву и Русскую землю. В памятниках XVII в. изображения К. могут отличаться формой бороды, трактовкой одежды, наличием или отсутствием надписи. Эта-лонный пример — сцена «Сретение Владимирской иконы Божией Матери в Москве» на иконе из московской ц. во имя митр. Алексия на Глинищах, на к-рой К. вместе с вел. князем представлен в молении чудотворному образу; его голова, как и голова князя, увенчана нимбом, над к-рым помещена именуемая надпись (сер. XVII в., ГТГ; *Брюсова В. Г.* Рус. живопись XVII в. М., 1984. Табл. 14).

В посл. трети XVI в. были написаны образительные циклы, иллюстрирующие «Повесть на Сретение Владимирской иконы» (древнейшие — миниатюры из Лицевого летописного свода, 70-е гг. XVI в., БАН. 31.7.30-2, 2-й Остермановский том; на иконе «Богоматерь Владимирская, с клеймами сказания», 80-е гг. XVI в., исполненной И. Савиным для ц. в честь Похвалы Пресв. Богородицы в Орле-городке, ныне — в ПГХГ); в XVII–XVIII вв. они широко распространились в иконописи и в монументальной живописи (*Каменская*. 1956; *Гребенюк*. 1972; *Она же*. 1997; *Щенникова*. 2005. С. 17–18, 19–20; *Она же*. 2010. С. 72–83; *Смирно-*

ва. 2007. С. 159–161). В этих циклах К. показан в служении в Успенском соборе до принесения иконы в Москву, в день ее Сретения и после отступления Темир-Аксака. На иконе «Богоматерь Владимирская, с чудесами» из Ризоположенской ц. Московского Кремля (30–40-е гг. XVII в., ГММК) К. благословляет на брань вел. кн. Василия Дмитриевича; поручает принести чудотворный образ в Москву; встречает икону в столице; совершает перед ней богослужение в Успенском соборе и во главе процессии с образом встречает вернувшегося в Москву вел. князя. Все эти сцены (К. посылает за иконой, встречает ее в Москве и выходит с ней навстречу вел. кн. Василию Дмитриевичу) есть на клеймах иконы из ц. во имя свт. Иоанна Златоуста в Коровницкой слободе Ярославля (50-е гг. XVII в., ЯМЗ); на клеймах иконы из Христорождественской ц. в Балахне (3-я четв. XVII в., ЦМиАР; см.: Меч и златник: К 1150-летию зарождения Древнерус. гос-ва: Кат. выст. М., 2012. Кат. 680). В сценах чудес от Владимирской иконы К. обычно изображается в саккосе и шапке (или в саккосе и белом клобуке), в нек-рых композициях — в клобуке и архиерейской мантии, часто без нимба.

К историческим композициям с К. кроме миниатюр из «Повести на Сретение Владимирской иконы» в Лицевом летописном своде, 70-е гг. XVI в., в 1-м и во 2-м Остермановских томах (БАН. 31.7.30-1, 31.7.30-2) принадлежат миниатюры, иллюстрирующие летописное повествование о борьбе неск. претендентов на Московскую митрополицию кафедру в 70–80-х гг. XIV в. и о деятельности К. Наряду с прп. Сергием Радонежским он изображается как духовный наставник вел. кн. Дмитрия Донского, благословляющий его на борьбу с Мамаем (ряд миниатюр из 2-го Остермановского тома опубли.: Повесть о Куликовской битве: Текст и миниатюры лицевого свода XVI в. / Науч. ред.: Д. С. Лихачёв; сост.: М. В. Кукушкина. Л., 1984). К. представлен без нимба (единичные исключения, в т. ч. в сцене «Сретение Владимирской иконы Божией Матери в Москве»), седым длиннобородым старцем, в богослужебных одеждах (саккос, омофор и шапка) или в святительской мантии с источниками и в белом клобуке. К. изображен среди действующих лиц ряда более поздних иллюстративных циклов, напр. в рукописях со «Сказанием о Мамаевом побоище» — РГБ. Муз. 3123, 3155; ГИМ. Барс. 1798; Муз. 2596; Увар. 999а, 1435; Lond. Brit. Mus. Y.T.51 (публикации: РГБ. Муз. 3123 — *Шамбинаго*. 1907; РГБ. Муз. 3155 — Сказание. 1980; ГИМ. Увар. 1435 — *Дианова, Черниловская, Шульгина*. 1980; ГИМ. Увар. 999а — *Дианова*. 1980; см. также: *Дмитриев*. 1966; *Она же*. 1974; *Петров*. 1995). На таких

миниатюрах образ К., к-рый благословляет на битву князей Димитрия Ивановича и Владимира Андреевича или принимает посла от вел. князя (*Шамбинаго*. 1907. Табл. XXVII), как правило, весьма условный (в полосатой мантии и белом клобуке) или богослужебное облачение передано неточно, иногда он представлен в простых монашеских одеждах (*Дианова*. 1980. С. 243, 249). В большей степени соответствуют традиции изображения К. в составе многофигурной композиции на доске-надставке более раннего житийного образа прп. Сергия Радонежского из Троице-Власьевской ц. в Ярославле (кон. XVII в., ЯХМ). В иллюстрациях «Сказания о Мамаевом побоище» К. в богослужебных одеждах или мантии, с нимбом, дает советы вел. кн. Димитрию Донскому, благословляет его в Успенском соборе, провожает у ворот Москвы и встречает после Куликовской битвы (*Филатов В. В.* Изображение «Сказания о Мамаевом побоище» на иконе XVII в. // *ТОДРЛ*. 1960. Т. 16. С. 397–408; *Болотцева И. П.* «Сказание о Мамаевом побоище» на иконе «Сергий Радонежский с житием» XVII в. // *Куликовская битва в лит-ре и искусстве: [Сб. ст.]*. М., 1980. С. 120–128; Иконы Ярославля XIII – сер. XVII в.: Шедевры древнерус. живописи в музеях Ярославля. М., 2009. Т. 1. Кат. 95). Образ К. присутствует на лубочных картинках и в иллюстрациях лубочных книг на ту же тему (*Ровинский*. Народные картинки. Кн. 2. С. 23–52; *Пушкарев Л. Н., Сидорова Л. П.* Повести о Куликовской битве в рус. лубочной картинке и книжке XIX – нач. XX в. // *Куликовская битва в лит-ре и искусстве*. М., 1980. С. 129–153).

В совр. церковном искусстве К. изображается на иконах Собора Русских и Московских святых. Ряд его образов создан для московской ц. Св. Троицы в бывш. митрополичьем с. Троице-Голенищеве (Храм Живоначальной Троицы в Троицком-Голенищеве, г. Москва. М., 2010. С. 2, 19, 34, 37). На одной из икон митрополит представлен в рост с воздетыми руками (вероятно, под воздействием «зарайского» типа иконографии свт. Николая Чудотворца и близких изображений др. святителей, в т. ч. Московских), в варианте, широко распространенном в XVI–XVII вв.: с длинной бородой, в саккосе и архиерейской шапке на фоне храма в Троице-Голенищеве и кафедрального собора в честь Рождества Пресв. Богородицы г. Велико-Тырново, куда в 2009 г. был послан подобный образ. На иконе из деисусного чина иконности главного храма К. представлен с развернутым свитком, в белом клобуке и фелони-полиставрии, к-рые известны по поздним изображениям, но не соответствуют историческим реалиям. Изображение К. как пастыря и книжника, с посохом и книгами в руках, на фоне

Троице-Голенищеве и его окрестностей на еще одной иконе из той же церкви отличается неверной трактовкой богослужебных одежд: он в обычной фелони, без омофора и с непокрытой головой. Полуфигура благословляющего К., к-рый облачен в шапку, саккос и омофор, украшает храмовый колокол.

Ист.: Описи Московского Успенского собора от нач. XVII в. по 1701 г. включ. // РИБ. 1876. Т. 3. Стб. 295–874; *Скворцов Н. А., прот.* Архив Московской Св. Синода конторы: Мат-лы по Москве и Московской епархии за XVIII в. М., 1914. Вып. 2.

Лит.: *Филимонов Г. Д., ред.* Иконописный подлинник новгородской редакции по Софийскому списку кон. XVI в.: С вариантами из списков Забелина и Филимонова. М., 1873; *Гурьянов В. П.* Лицевые святцы XVII в. Никольского Единоверческого мон-ря в Москве. М., 1904, 1997; *Шамбинаго С. К., предисл.* Сказание о Мамаевом побоище. СПб., 1907. (Изд. ОЛДРП; 125); *Голубцов А. П.* Чиновники Московского Успенского собора // *ЧОИДР*. 1907. Кн. 4(223). Разд. I; *Каменская Е. Ф.* Ист. сюжет в клеймах иконы «Владимирская Богоматерь» Истомы Савина // *ГТГ*: Мат-лы и исслед. М., 1956. Т. 1. С. 44–51; *Дмитриев Л. А.* Миниатюры «Сказания о Мамаевом побоище» // *ТОДРЛ*. 1966. Т. 22. С. 239–263; *он же.* Лондонский лицевой список «Сказания о Мамаевом побоище» // Там же. 1974. Т. 28. С. 155–179; *Гребенюк В. П.* Лицевое «Сказание об иконе Владимирской Богоматери» // *ДРИ*. 1972. [Вып.:] Рукописная книга. С. 338–363; *он же.* Икона Владимирской Богоматери и духовное наследие Москвы. М., 1997; *Дианова Т. В., ред.* Сказание о Мамаевом побоище: Лицевая рукопись XVII в. из собр. ГИМ: [Альбом]. М., 1980; *Дианова Т., Черниловская М., Шульгина Э., ред.* Сказание о Мамаевом побоище: Текст в совр. транскрипции и перевод на рус. яз. М., 1980; *Саликова Э. П.* Настенные росписи церкви Ризположения // *Искусство Москвы периода формирования Рус. централизованного гос-ва*. М., 1980. С. 138–153. (ГММК: Мат-лы и исслед.; 3); Сказание о Мамаевом побоище: Лицевой список кон. XVII в. / Вступ. ст.: Л. А. Дмитриев. Л., 1980; Богоматерь Владимирская: К 600-летию Сретения иконы Богоматери Владимирской в Москве 26 авг. (8 сент.) 1395 г.: Кат. выст. М., 1995; *Петров А. Е.* Лицевые списки «Сказания о Мамаевом побоище» XVII–XIX вв. // *Филевские чт.*: Тез. 4-й междунар. конф. 16–19 мая 1995 г. М., 1995. С. 69–73; *Icones russes: Les saintes / Fondation P. Gianadda. Martigny (Suisse); Lausanne, 2000; Преображенский А. С.* Архиерейский проскинесис: Спас митр. Киприана и ктиторская иконография XIV в. // *Russia Medaevalis*. Münch., 2001. Т. 10/1. S. 76–106; *он же.* «Подножие ног Его»: О вотивных надписях на рус. иконах Спаса на престоле XIV в. // *Искусствознание*. М., 2007. Вып. 1/2. С. 25–53; *он же.* Ктиторские портреты средневеков. Руси: XI – нач. XVI в. М., 2010; *он же.* Вкладные надписи на новгородских иконах Спаса на престоле XIV в.: аналогии и прототипы // *Новгород и Новгородская земля: Искусство и реставрация*. Вел. Новгород, 2011. Вып. 4. С. 116–141; *Фёдорова И. В.* Икона «Святители Киприан и Фотий» кон. XVIII в. (1796?) // *ИХМ*. 2004. Вып. 8. С. 291–296; *Щенникова Л. А.* Владимирская икона Божией Матери // *ПЭ*. 2005. Т. 9. С. 8–38; *она же.* Великая святая Россия: Чудотворная икона «Богоматерь Владимирская» в рус. истории. М., 2010; *Бенчев И.* Иконы святых покровителей.

М., 2007; Иконы Успенского собора Моск. Кремля: XI – нач. XV в.: Кат. М., 2007; *Смирнова Э. С.* «Смотря на образ древних живописцев...»: Тема почитания икон в искусстве Средневеков. Руси. М., 2007; Образы и символы старой веры: Памятники старообр. культуры из собр. ГРМ. СПб., 2008; *Юхименко Е. М.* Агиологические разыскания выговских старообрядцев и образ всех святых российских чудотворцев // *XIV науч. чт. памяти И. П. Болотцевой*: Сб. ст. Ярославль, 2010. С. 152–167; *она же.* «Слово воспоминательное о святых чудотворцах, в России воссиявших» Семена Денисова как отражение культурно-агиологических начинаний Выга // *ТОДРЛ*. 2010. Т. 61. С. 329–344; *Юхименко Е. М., Горшкова В. В.* «Иконы всё самые пречудные, письма самого искусного»: Собр. Г. Лепса. М., 2012.

А. С. Преображенский

КИПРИАН [греч. Κυπριανός] († 1332/33), свт. (пам. греч. в 1-е воскресенье после 15 мая в Соборе Ларисских святителей и в 1-е воскресенье ноября в Соборе всех Ларисских святых), митр. Ларисский, местночтимый святой. Похвальное слово (энкомий) в честь К. написано спустя 30 лет после кончины святого его преемником митр. Ларисским Антонием (бывшим монахом Великой Лавры) и является ценным историческим источником. Последнее упоминание митр. Антония в источниках относится к 1363 г., в 1371 г. кафедру Ларисской митрополии уже занимал Нил. Прославление фессалийских святых занимает особое место в лит. творчестве митр. Антония. Он составил канон свт. *Ахиллию* Ларисскому, Похвальное слово и мегалинарий свт. *Икумению* Триккскому и собирался сочинить гомилию в честь сщмч. *Ригина*, епископа о-ва Скопелос, к-рый входил в состав Ларисской митрополии. Видимо, Антоний написал Похвальное слово для произнесения его в день памяти К. Оно сохранилось в 3 рукописях: Chios. A. Ko-rais. 156 (XV в.), Охот. Aedes Christi. 66 (XV–XVI вв.), Ath. Iver. gr. 571 (XVII в.). Древнейший список был написан в фессалийском мон-ре *Дусику*, 2 других – видимо, в Трикке (ныне Трикала).

К. род. в Лариссе (ныне Лариса) в семье священника, происходившего из знатного рода. Исходя из того что К. скончался в преклонном возрасте, его рождение следует отнести к сер. XIII в. Рано потеряв отца, К. принял постриг в крупнейшем в Фессалии мон-ре вмч. Димитрия Солунского «Мармарианон» (Μαρμαριανών), где подвизался долгое время. Затем К. с двумя членами

братии отправился на Афон. Там он прожил недолгое время, но успел приобщиться к духовному опыту исихастов. Затем К. был избран игуменом небольшого мон-ря свт. Николая Чудотворца в устье р. Пиней (Пиньос), а вскоре — родного мон-ря вмч. Димитрия. В 1318 г. правитель Фессалии Иоанн II Ангел Комнин Дука (PLP, N 206) предложил местному Собору фессалийских епископов для замещения кафедры Ларисской митрополии кандидатуру К. В то время резиденция Ларисского митрополита находилась не в Лариссе, а в Трикке. После избрания К. отправился в К-поль для хиротонии. Он произнес речь перед имп. Андроником II Палеологом, К-польским патриархом Иоанном XIII Гликой и Свящ. Синодом, К. был единогласно одобрен и рукоположен. В это время скончался Иоанн II и т. о. пресекалась правившая в Фессалии младшая ветвь рода Ангелов Комнинов Дук, что вызвало децентрализацию власти в этом регионе: в Трикке утвердился севастократор Стефан Гавриилопул, в Магнисии — семья Малиасинов, в долине р. Пиней — Синиорин, юж. часть Фессалии и Нов. Патры (ныне Ипати) контролировали каталонские наемники. К. не был принят жителями Лариссы (митр. Антоний называл их «разбойниками»), к-рые в то время не подчинялись ни императорской, ни митрополичьей власти. В связи с этим К. получил разрешение от патриарха временно поселиться во вдовствующей Харменской епископии, а затем переместился в Трикку.

В Трикке К. был любим паствой, но Стефан Гавриилопул доставил ему множество неприятностей: в числе прочего его подчиненные (напр., Милиара, начальник крепости Фанарий) присваивали себе церковные владения. К. обладал пророческим даром — он предсказал смерть Милиары и скорое падение власти Гавриилопула (умер осенью 1333). О том, что К. наказал блудницу, автору рассказал иером. Даниил Лонгин.

Ок. 1331 г. Трикка пострадала от сильного пожара, в т. ч. сгорел митрополичий собор арх. Михаила. К. попытался его восстановить: была сооружена новая крыша и освящен престол, но из-за нехватки средств на росписи в течение многих лет стены оставались покрытыми копотью. Митр. Антоний хотел украсить храм фресками, но у него в распоряжении

не было высококачественной известки для оштукатуривания стен. Он обратился с молитвой к К., и вскоре некий житель Трикки пришел к одному из клириков, рассказал о спрятанной в яме известки и выразил желание отдать ее для нужд церкви.

К. умер в преклонном возрасте после недолгой болезни в кон. 1332 или в нач. 1333 г. От его мощей происходили чудеса, К. молились при засухе, заморозках, граде и неурожая. Исцеления происходили от земли с могилы К., от масла из лампы на его гробнице и даже от одного призывания имени святителя. Согласно митр. Антонию, масло из лампы и растворенная в св. воде земля с могилы К. помогли при тяжелых родах жене алтарника митрополичьего собора, к-рый приехал в Трикку из Нов. Патр. Местные жители также добавляли в молодое вино св. воду со шепоткой земли с могилы К.

Когда после смерти К. Стефан Гавриилопул посадил его племянника в тюрьму, святой явился ему во сне и угрожал наказать его, если тот не выпустит его родственника на свободу. Это событие изменило отношение Гавриилопула к Церкви. Ист.: ВНГ, N 2091; Γουλιούλης Σ. Γ. Αντωνίου Λαρίσης Εγκώμιο εις τον Ἁγ. Κυπριανὸν Λαρίσης; Προλεγόμενα, κείμενο, μετάφραση. Λάρισσα, 1991; PLP, N 13926; Δίπτυχα. 2013. Σ. 674.

О. В. Л.

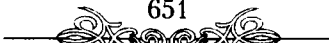
КИПРИАН († между 1210 и 1217), прп. (пам. визант. 20 нояб.), подвизался в Юж. Италии. Его Житие сохранилось в единственной рукописи (Sinait. gr. 522); этот текст перевел и опубликовал впервые Дж. Скиро. В рукописи в стихотворном вступлении говорится, что Житие создано мон. Лаврентием по указанию Киприана, архим. мон-ря свт. Николая Чудотворца «тон Каламицион» (τῶν Καλαμιτζίων; итал. Каламици), в сер. марта 1242 г. По мнению Скиро, заказчик являлся тезкой К., а рукопись, входившая в собрание обители свт. Николая Чудотворца, попала на Синай через Мессину. Скиро считал, что стихотворное вступление написано др. почерком и отличается от основного текста, но не является более поздним. Исследователь отверг версию П. Меннити о том, что К. умер 20 нояб. 904 г. (Menniti P. Didatterio Basiliano. R., 1710. P. 471). Исходя из упоминаний в Житии архиепископов Реджо-ди-

Калабрия, Скиро приходит к выводу, что К. родился ок. 1110 г. и умер примерно в 1190 г. Местом пострига К. в Житии назван мон-рь Спасителя. В окрестностях Реджо существовало 2 мон-ря с таким посвящением. Один назывался Каломено, а другой — Каланда (или Каланна). Скиро отдает предпочтение 2-му монастырю.

Д. Стьернон уточнил предложенные Скиро датировки, опираясь на сведения из соч. «Деяния Генриха II и деяния короля Ричарда» Роджера Ховеденского (кон. XII в., ранее приписывалось Бенедикту, аббату Питерборо) и «Хроники Альберика из Труа-Фонтена» (XIII в.). По мнению Стьернона, К. родился в 1-й пол. XII в., скорее всего между 1125 и 1140 г. Настоятелем мон-ря свт. Николая Чудотворца К. стал до 1190 г., после смерти К. между 1210 и 1217 гг. неизвестный монах записал его Житие на последних листах старой рукописи. Приблизительно 30 лет спустя игумен мон-ря свт. Николая Чудотворца из-за плохого состояния оригинала заказал копию — Sinait. gr. 522.

Э. Фольери датировал Житие прп. Киприана сер. XIII в. (Follieri. 1997. P. 35). М. Ре охарактеризовал этот текст скорее как синаксарное Житие (Re. 2011. P. 237).

Согласно Житию, К. родился в г. Реджо-ди-Калабрия в богатой и знатной семье. Он обучался у разных учителей, изучал Свящ. Писание. Отец К., профессиональный врач, старался передать свои знания сыну, но мальчик не интересовался мирскими делами и юношескими забавами, он стремился «делать все во славу Божию». Больше всего К. привлекала отшельническая жизнь. Оставив братьям все наследство, К. удалился в монастырь, посвященный Спасителю, который был расположен недалеко от города. Он принял монашеский постриг, но, проведя некоторое время в монашеской общине, молодой монах убедился, что по-прежнему стремится жить отшельником, вдали от возможных соблазнов общежития. К. явился к настоятелю с просьбой разрешить ему удалиться из мон-ря и, получив согласие, поселился близ церкви прмц. Параскевы в местечке Павлиана (Παυλίωνα; ныне Павильяна). Там он проводил время в молитве и трудах, сам обеспечивая себя хлебом насущным. К. недолго удалось прожить в полном одиночестве —

скоро слава о нем распространилась по окрестностям, и отовсюду стали приходить люди, страдающие телесными и душевными болезнями, чтобы получить исцеление. Отшельник, обладавший как духовным даром, так и познаниями в медицине, излечивал всех приходивших к нему. Многие из них, видя благочестие К., решили остаться и принять постриг из его рук. Т. о. уединенная обитель отшельника наполнилась монахами и мирянами, искавшими наставления К. После смерти Павла, настоятеля мон-ря свт. Николая Чудотворца «тон Каламицион», ему долго не могли найти преемника. Наконец был избран К., известный своими духовными подвигами. Но он отказался, объяснив, что недостойн быть настоятелем. Отчаявшись уговорить К., монахи обратились к Калабрийскому архиеп. Фоме. Тот призвал к себе К. и убедил его стать настоятелем мон-ря.

Возглавив монастырскую общину, К. прежде всего восстановил и перестроил церковь в обители, левое крыло к-рой обветшало. Близ алтаря он устроил ризницу, а над ней воздвиг башню с винтовой лестницей; наверху монах бил в колокол, собирая братию в часы богослужения и общей молитвы. Чтобы прокормить общину и гостей мон-ря, настоятель построил 3 двухъярусных амбара. Была воздвигнута новая трапезная, кельи расширили и укрепили.

К. стал известен во всей Калабрии и на Сицилии. Он исцелил множество людей, прося благодарить не его, а Бога и Николая Чудотворца, а сам он «лишь простой грешник». Многие присылали настоятелю милостыню, чтобы тот распределил ее среди нуждающихся. Часть местной знати вначале враждебно относилась к К., однако со временем его бывшие недруги стали благодетелями мон-ря. Достигнув преклонных лет, К. понял, что приближается его кончина. Он объехал все владения мон-ря, дал братии последние наставления и советы, отпустил грехи и просил прощения у монахов. После этого К. мирно почил. Хотя он смиренно завещал похоронить его за пределами церкви по примеру своих предшественников, тело К. было торжественно погребено внутри храма по воле архиеп. Гиральда. На похороны, продолжавшиеся 3 дня, собралось много людей из города и окрестностей.

Ист.: BHG, N 2089; Vita inedita di S. Cipriano di Calamizzi dal cod. Sinaitico n. 522 / Ed. G. Schirò // BollGrott. N. S. 1950. T. 4. P. 88–97 [текст].

Лит.: Vita inedita di S. Cipriano di Calamizzi... // BollGrott. N. S. 1950. T. 4. P. 65–87 [исслед.]; Russo F. Cipriano abate di Calamizzi, santo // BiblSS. Vol. 3. Col. 1259–1260; *Stiermon D.* St. Cyprien de Calamizzi († vers 1210–1215): *Notule chronologique* // REB. 1974. Vol. 32. P. 247–252; *Minuto D.* Catalogo dei monasteri e dei luoghi di culto tra Reggio e Logri. R., 1977. P. 7–8. (Thesaurus Ecclesiarum Italiae; 17/1); *Follieri E.* I santi dell'Italia greca // RSBN. N. S. 1997. Vol. 34. P. 3–46; *Musolino G.* Santi eremiti italogreci: Grotte e chiese rupestri in Calabria. Soveria, 2002. P. 97–101; *Re M.* Italo-Greek Hagiography // The Ashgate Research Companion to Byzantine Hagiography / Ed. S. Efthymiadis. Farnham; Burlington, 2011. Vol. 1: Period and Places. P. 227–258.

Ф. М. Панфилов

КИПРИАН († после 25.06.1598, Никольский Стороженский мон-рь (ныне дер. Сторожно Ленинградский обл.)), прп., Стороженский (пам. в 3-ю Неделю по Пятидесятнице — в Соборах Новгородских святых и С.-Петербургских святых, 21 мая — в Соборе Карельских святых), основатель Никольского Стороженского мон-ря на юго-вост. берегу Ладожского оз., на Стороженском мысе, недалеко от устья р. Свири, в новгородской Обонежской пятине. Наиболее раннее упоминание К. относится к 1570 г. В рукописном Прологе 1512 г. (утрачен) имелась запись, сделанная 20 янв. 1570 г. «монастырским дьячком» Александром Андреевым, о продаже Пролога строителем К. «Староженскаго монастыря всемирному Здвижению старосте Демиду Ивановичу Гриневу и всей волости» (*Юхименко*. 2002. С. 392). 14 мая 1587 г. царь *Феодор Иоаннович* пожаловал «строителя Киприана с братиею» грамотой об освобождении мон-ря от оброка и податей в царскую казну. В обители тогда жили 30 монахов; из грамоты следует, что ранее мон-рь получил льготы от царя *Иоанна IV Васильевича*. Грамота была подтверждена царем *Борисом Феодоровичем* Годуновым 25 июня 1598 г., здесь К. также назван действующим строителем (ДАИ. Т. 1. С. 211–212). Вероятно, при К. в мон-ре была построена каменная 2-этажная Никольская ц. (XVI в.); верхний храм освящен во имя свт. Николая с приделом Богоявления, нижний — в честь Успения Божией Матери. Преподобный был погребен близ Никольской ц., с сев. стороны. В 1803 г. в деревянной часовне над местом погребения К. бы-

ли установлены крест и каменная плита с надписью: «На сем месте погребен святая обители сия начальник строитель преподобный Киприан, преставился в лето в 7000 году, поставлен сий крест Господень в лето 1803 года октября... дня» (*Репников*. 1914. С. 175). Та же дата преставления святого — 7000 (1492) г. — указана в списках Новгородских святых в рукописях XVIII–XIX вв. (РНБ. ОЛДП. Q.862. Л. 106 об.; РНБ. Вяз. Q.80. Л. 99 и др.). Очевидно, что составители списков не знали точной даты преставления К. и дата (7000 г.) недописана.

Житие К. не сохранилось или не было написано. В «Патерик Новгородских чудотворцев» 1831 г. под 9 мая входит «Житие преподобного отца нашего Киприана, Сторожевского чудотворца», но оно представляет собой краткое сообщение об основании мон-ря и о преставлении святого: «Сей преподобный Киприан имел жительство при Ладожском озере в местечке, именуемом Сторожка, от Нева града расстоянием в (в рукописи пробел.— *А. П.*) верстах, где и основал Николаевский монастырь, коего и мощи по преставлении его во оном погребены, но когда неизвесно» (РНБ. АНЛ. А–9. Л. 56 об.).

В Приладожье бытовали устные предания о К., к-рые неоднократно фиксировались в этнографической и историко-церковной лит-ре XIX–XX вв. (наиболее раннюю фиксацию предания см. в кн.: *Дамаскин (Кононов), игум.* Ондрусова-Николаевская пуст.: Ист.-стат. очерк. СПб., 1856). Согласно этим рассказам, до пострига К. был разбойником (мирское имя — Косма), пристанище имел на Стороженском мысе, грабил суда, проходившие из Свири в Волхов. Под влиянием прп. *Адриана Ондрусовского* К. покался, принял постриг и основал мон-рь на месте бывш. разбойничьего жилища. По др. версии, К. во время бури на Ладозе дал обет свт. *Николаю* Мирликийскому оставить разбойничий промысел и основать обитель в его честь. С преданиями о К. связаны местные топонимы: «Разбойничий мыс» — название мыса недалеко от мон-ря и «Разбойничий носок» — название бухты.

По сведениям кон. XIX в., молебнов К. не служили, местные жители называли святого «просто отцом Киприаном» (*Мордвинов*. 1888. С. 115).

Е. Е. Голубинский поместил К. в список «почитаемых усопших» (*Голубинский*. Канонизация святых. С. 331). Под 2 нояб. память К. отмечена в иконописном подлиннике XVIII в.: «Преподобнаго отца нашего Киприана, строителя Никольскаго монастыря Сторожевскаго, иже на Ладогском озере, Новгородскаго чу-

Прп. Киприан Стороженский.
Памятник в дер. Надкопанье
Ленинградской обл. 2010 г.

дтворца, от Свирскаго монастыря 60 поприщ» (*Филимонов*. Иконописный подлинник. С. 38). В иконописных подлинниках память К. встречается под 2 нояб.

В 1722 г. Стороженский мон-рь был приписан к Новгородскому архиерейскому дому, в 1726 г. вновь стал самостоятельным. Не позднее 1741 г. обитель приписали к Александру Свирскому монастырю. С 1764 г. Стороженский мон-рь находился в ведении епископа Олонецкого и Каргопольского. В 1778 г. упразднен и обращен в приход, который в 1832 г. был приписан к Преображенскому приходу с. Загубье.

Канонизация К. подтверждена внесением его имени в Собор Новгородских святых, празднование которому было возобновлено по благословению Ленинградского и Новгородского митр. *Антония (Мельникова)* в 1981 г. (Собор известен с 1831). В наст. время реставрируется бывш. монастырская Никольская ц. (богослужение в ней совершается с 2001), для местного ряда иконостаса написаны икона «Прп. Киприан Стороженский и свт. Николай Угодник» и житийный образ прп. Кассиана. 21 авг. 2012 г. в дер. Сторожно Волховского р-на Ленинградской обл. был освящен храм в честь К. на

предполагаемом месте его погребения. 12 июня 2010 г. в дер. Надкопанье Волховского р-на Ленинградской обл. перед ц. Рождества Христова был установлен памятник К., камень для подножия памятника был привезен из дер. Сторожно.

Арх.: РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 8601. Л. 647 об. (Переписная книга 1710 г.); ГАНО. Ф. 480. Оп. 1. Д. 42/481. Л. 138–138 об. (Статистические сведения о монахах, священно- и церковнослужителях и монастырских служителях Новгородской епархии за 1741 г.).
Ист.: ДАИ. Т. 1. С. 211–212. № 132 (жалованные царские грамоты 1587 и 1598 гг. строителю Киприану); *Мордвинов Я. Я.* Записки капитана: Журнал о походах в Соловки и на Валаам острова. СПб., 1888. С. 51, 114–115; Прил. С. II, VI–XXVII (описи строений и имущества монастыря в 1739 и 1769 гг.).
Лит.: ИРИ. Ч. 6. С. 330–331; СИСПРЦ. 1836. С. 151; 1862. С. 132; *Андреев А. П.* Ладожское озеро. СПб., 1875. Ч. 1. С. 197–200; *Барсуков*. Источники агиографии. Стб. 289–290; Ист.-стат. сведения о С.-Петербургской епархии. СПб., 1884. Вып. 9. С. 296; *Строев*. Списки иерархов. Стб. 1005; *Леонид (Кавелин)*. Св. Русь. С. 98–99; *Зверинский*. Т. 2. С. 238–239. № 1009; *Сергий (Спасский)*. Месяцеслов. Т. 2. С. 341–342; *Никодим (Кононов)*, архим. Олонецкий патерик. Петрозаводск, 1910. С. 35; *Ретников Н.* Упраздненный Николо-Стороженский мон-рь // ИИАК. 1914. Вып. 52. С. 173–179; *Криничная Н. А.* Предания Рус. Севера. СПб., 1991. С. 148–149; *Юхименко Е. М.* Выговская старообрядческая пустынь: Духовная жизнь и лит.-ра. М., 2002. Т. 2. С. 392; *Кожевникова Ю. Н.* Мон-ри и монашество Олонецкой епархии во 2-й пол. XVIII – нач. XX в. Петрозаводск, 2009.

А. В. Пугин

Иконография. Ранние иконы К. неизвестны. В иконописных подлинниках XVIII–XIX вв. под 2 нояб. по облику святой уподобляется сщмч. *Антипе*, еп. Пергамскому: «...подобием сед, брада аки священномученика Антипы, ризы

Прп. Киприан Стороженский.
Фрагмент иконы «Собор святых,
в земле Карельской просиявших».
1876 г. Мастерская
В. М. Пешехонова (Церковное
управление ФПЦ)

преподобническа и в схиме» (*Филимонов*. Иконописный подлинник. С. 37–38); «Сед, Антипы, в схиме, ризы преподобническа» (ИРЛИ (ПД). Перетц. № 524. Л. 80 об.).

Прп. Киприан Стороженский в ряду
избранных святых. Фрагмент иконы
«Собор русских святых».
1-я пол. XIX в. (ГМНР)

Наиболее ранние изображения преподобного сохранились в композиции «Собор святых, в земле Карельской просиявших», очевидно разработанной на Валааме или в с.-петербургской мастерской *Пешехоновых*. 3 иконы этого извода 1876 г. выполнены в живописной манере на золотом фоне. Большая икона работы В. М. Пешехонова и его мастеров происходит из местного ряда ц. Всех преподобных, в poste просиявших, на игуменском кладбище Валаамского Преображенского мон-ря (в наст. время в иконостасе домового церкви Церковного управления Финляндской Православной Церкви в Куопио, Финляндия; упом. в описях имущества Валаамского мон-ря 1912 г., 1942 г. – АФВМ. Го: 6/1. Л. 159. № 18; Вд: 15. Л. 6(11). № 121). К. написан в 5-м ряду крайним слева, взирает вверх на образ Св. Троицы; у него редкие, слегка волнистые волосы и средней величины борода с проседью, голова не покрыта, лоб с залысинами; на нимбе надпись: «с. Киприанъ основ. страж. монас.». На 2 идентичных по иконографии иконах-пядницах этого извода, созданных тогда же в иконописной мастерской Валаамского мон-ря (согласно подписи, «труд валаамских иноков»; находятся в Преображенском соборе Нововалаамского мон-ря и в Музее Православной Церкви в Куопио, Финляндия), К. изображен на том же месте, вплоборота вправо, средних лет, в мантии и епитрахили, с широкоскулым лицом, волосы разделены на прямой пробор, борода слегка тронута сединой.

Изредка образ К. можно встретить на иконах «Собор русских святых», создававшихся в XIX в. преимущественно в старообрядческой среде. Так, он представлен в верхнем ряду правой группы преподобных на иконе 1-й пол. XIX в. из старообрядческой молельной на Волковом кладбище в С.-Петербурге (ГМИР) – оплечно, в куколе, в надписи именуется Новгородским. В составе Собора Новгородских чудотворцев К. присутствует на иконе 60-х гг. XX в. из местного ряда нижнего иконостаса

ц. ап. Филиппа в Вел. Новгороде (2-й справа в 3-м ряду).

В кон. XX — нач. XXI в. в местах подвижничества К. разработаны новые изводы иконографии, появилось неск. икон, исполненных в древнерус. традициях. В храме-часовне над местом погребения святого на гранитную плиту

Прп. Киприан Стороженский.
Фрагмент иконы
«Собор Карельских чудотворцев».
Кон. XX — нач. XXI в.
собор блгв. кн. Александра Невского
в Петрозаводске)

положен небольшой поясной образ К. в мантии и схимническом куколе, с благословляющей десницей и развернутым свитком в левой руке. На иконе свт. Николая Чудотворца и К. из Николо-Успенской ц. бывш. мон-ря (находится в нижнем приделе). Святые написаны в рост, внизу, на 1-м плане, — узнаваемый вид монастырского собора и погоста, частично разрушенных временем, с покосившимися крестами. К. предстает храмоздателем с большой одноглавой церковью в правой руке и со свитком в левой (пропорции храмов совпадают). Для ц. Рождества Христова в дер. Надкопанье создана житийная икона К.: средник с поясным образом святого, держащего свиток в руках, фланкирован слева и справа 6 клеймами, иллюстрирующими события его жизни и чудеса, на верхнем поле — оплечный образ свт. Николая Чудотворца, небесного покровителя Стороженской обители. К. изображен с непокрытой головой, шапкой густых волос, разделенных на прямой пробор, и седой раздвоенной бородой.

Кроме того, К. представлен в совр. композициях Соборов С.-Петербургских, Карельских, Новгородских святых. Так, его образ в куколе, со сложными крестообразно на груди руками помещен крайним справа в 3-м ряду на иконе «Собор Карельских чудотворцев» кон. XX — нач. XXI в. (собор блгв. вел. кн. Александра Невского в Петрозаводске, см.: Православная Карелия: [Фотоальбом] /

Сост.: В. П. Лобанов, М. С. Скрипкин. Петрозаводск, 2005. С. 2).

Лит.: Русак В. Икона преподобных отцев, в Земле Карельской просиявших // ЖМП. 1974. № 12. С. 16–21; Treasures of the Orthodox Church Museum in Finland. Kuopio, 1985. P. 31, 101. N 16; Маркелов. Святые Др. Руси. Т. 2. С. 143; Зеленина Я. Э. Уникальные иконы Собора Карельских святых из Финляндии // Кенозерские чт., 2009: Сб. мат-лов IV Всерос. науч.-практ. конф. / Сост.: М. Н. Мелютина. Архангельск, 2011. С. 305–312, 430.

КИПРИАН († ранее 60-х гг. XVI в., Николаевский Тропский мон-рь), прп., Тропский, Ярославский (пам. 23 мая — в Соборе Ростово-Ярославских святых), основатель Николаевского Тропского (Николо-Тропского) мон-ря (ныне дер. Николо-Тропа Рыбинского р-на Ярославской обл.). Происхождение, место, год рождения и мирское имя К. неизвестны. По позднейшему преданию, К. поселился в Пошехонском у., в лесу, на р. Золотухе (в 30 верстах к северо-востоку от г. Рыбинска), где ему чудесно явился образ свт. Николая Чудотворца. На месте явления образа К. основал Никольский мон-рь на Тропе.

Местное почитание К. началось, вероятно, вскоре после его кончины. По данным книги по межеванию дворцовых сел 1561 г., в Николо-Тропском мон-ре имелось 2 храма: холодный Никольский и теплый во имя вмц. Параскевы Пятницы. В 1561 г. в мон-ре проживало 11 чел. братии — игум. Феодосий и 10 старцев. По-видимому, уже в XVI в. возле мон-ря появилась Германова слобода (позднее с. Никольское, что на Тропе, ныне дер. Николо-Тропа). В 1561 г. в обители имелось неск. икон, связанных с К.: «Деисус на бели с пророки и с праздники на одной цке, да образ Пречитая Одигитрия на золоте полутора пяди, а у ней пять гривен серебряных; да образ Пречитые за престолом на бели полутора пяди; да образ Николы Чудотворца обложен басмы медяны, Пятница, а у него пять гривен сер(ебряных), венец золотой. А те образы началье старца Киприана, дал их в дом Николы Чудотворцу» (Титов. 1892. С. 37). По данным описных книг, в 1750 г. в монастыре имелось 3 храма: каменный в честь Смоленской иконы Божией Матери с приделом вмц. Параскевы Пятницы (построен между 1730 и 1750), деревянный шатровый Никольский и деревянный во имя св. покровителя К.— сщмч. Киприана, еп. Ан-

тихийского. Рядом с храмами возвышалась отдельно стоящая деревянная колокольня с 6 колоколами. Мон-рь окружала деревянная ограда с 4 угловыми башнями. Рядом с монастырем, в лесу, находилась деревянная часовня, поставленная на месте явления К. образа свт. Николая.

Мощи К. покоились под спудом в ц. сщмч. Киприана, где находилась его гробница. В описных книгах 1750 г. сказано: «Во оной церкви гробница преподобного Киприана... деревянная, над ней образ Киприана преподобного, писан на краске, на нем покров бархатный черный, на покрове крест серебряный, копие и трость, шиты серебром» (Там же. С. 59–60). Образ К. также помещался на его гробнице: «Имеется на гробе написанный на дике образ» (Там же. С. 64). Иконы К. до наст. времени не дошли. В сер. XVIII в. в монастыре имелись молитва и тропарь К.: «И у того же гроба на бумажке приклеенной на дщице имеющийся на стене оному Киприану преподобнический тропарь и молитва письменные» (Там же). По данным 1750 г., в мон-ре велись записи о чудесах и случаях исцелений от мощей К., но они сгорели 26 янв. 1730 г., когда пожаром была уничтожена теплая ц. Смоленской иконы Божией Матери.

К. почитался местным населением. Согласно рапорту настоятеля Николо-Тропского мон-ря игум. Иоакима в духовную консисторию от 1750 г., ежегодно 2 окт., на память сщмч. Киприана, «в том монастыре во оной церкви бывает молебщиков немало число, и после литургии совершают по оном начальнике Киприане панихиды» (Там же. С. 65). Большим почитанием в мон-ре пользовался явленный К. образ свт. Николая. В описных книгах 1750 г. о нем сказано: «А тот образ, писанный на дике малой, в вышину и ширину четырех вершков, вставлен в дцку же, на которой дике написаны от жития Николая Чудотворца чудеса. Иной образ и чудеса имеютя письма старинного, не поновлены, которому образу приходские и другие люди верующие на память чудотворца Николы и в прочие дни молебствуют» (Там же. С. 40–41).

В 1764 г. Николо-Тропский монастырь был упразднен, собор был обращен в приходский храм. После этого известий о гробнице К. не встречается. Можно лишь предполагать, что местное население продолжало

читать его память. В нач. XIX в. взамен прежнего был выстроен и в 1812 г. освящен каменный 5-главый храм, имевший 3 престола: в честь Смоленской иконы Божией Матери, во имя свт. Николая Чудотворца, во имя сщмч. Киприана, еп. Антиохийского. Храм был закрыт в 1935 г., сохранился до наших дней в руинированном виде.

Канонизация К. произошла при включении его имени в Собор Ростово-Ярославских святых, празднование которому было установлено в 1964 г. по благословению Ярославского и Ростовского архиеп. *Никодима (Ротова)*.

Ист.: Список населенных мест: По сведениям 1859 г. СПб., 1865. Т. 50: Ярославская губ. С. 268; *Титов А. А.* Рукописи слав. и русские, принадлежащие действительному члену Рус. археол. об-ва И. А. Вахрамееву. М., 1892. Вып. 3. Прил. 1. С. 36–69.

Лит.: *Крылов А. П.* Историко-стат. обзор Ростово-Ярославской епархии. Ярославль, 1861. С. 532–533; *Зверинский*. Т. 3. С. 114–115; *Голубинский*. Канонизация святых. С. 331; Мон-ри и храмы земли Ярославской: Краткая иллюстр. энциклопедия. Рыбинск, 2001. Т. 3. С. 305.

В. В. Горшкова

КИПРИАН († 29.09.1293), прп., Устюжский (пам. в 3-ю Неделю по Пятидесятнице — в Соборе Вологодских святых), основатель *великоустюжского во имя арх. Михаила муж. мон-ря*. Наиболее раннее упоминание К. в ряду устюжских святых встречается в списке XVI в. Жития блж. Иоанна Устюжского: «...и древних оных чудотворцев того града Устюга о праведниках о Иоанне и Марии, положенных у Вознесения Христова, и преподобнем Киприане в монастыре у святого архистратига Михаила» (РГБ. Муз. № 1365. Л. 195). Об устных преданиях, связанных с К. и с основанным им монастырем, рассказывается в Устюжском летописце 1-й редакции (1681) под 1491/92 г.: «О Архангелском же монастыре достовернаго летописца никако возмогохом изобрести, но точию иже от древних отец повествуется, Архангелского монастыря первоначалника Киприана, святому Прокопию друга бывша, в лета та же живша и престаившася близ Архангелскаго монастыря» (ПСРЛ. Т. 37. С. 108). Более подробные сведения о К. помещены в Устюжском летописце 2-й редакции (2-го вида), составленном в Михаило-Архангелском мон-ре в 1746 г. Под 1215/16 (6724) г. здесь сообщается, что «на-

*Прп. Киприан Устюжский.
Икона. 2-я пол. XX в. (?)
(ц. свт. Стефана Пермского
в Вел. Устюге)*

чалник» К. построил на Устюге Введенский и Михаило-Архангельский храмы «за острожной осыпью» (Там же. С. 110); под 1293 (6802) г. указывается точное время «преставления» К.: «...сентября в 29 день... в субботу, в 5-м часу дни» (Там же. С. 111); в сообщениях за 1615/16, 1653, 1678 и 1679 гг. помещен цикл посмертных чудес святого (Там же. С. 121–124). Согласно летописцу Льва Вологодина (1765–1767), К. был земледельцем, родом из Устюжской вол. Двинской трети Устюжского у.; согласно преданию, родители К. происходили из дер. Савкино (РНБ ОР. Ф I. 788. Л. 62). После пострижения в монашество К. создал в 1212 г. мон-рь в честь Введения во храм Пресв. Богородицы и арх. Михаила (ПСРЛ. Т. 37. С. 129).

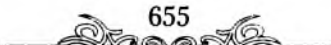
Устная традиция, отразившаяся в устюжских летописцах, помещает в один временной период земные жизни К. и блж. *Прокопия Устюжского* († 1303). По Житию блж. *Прокопия*, К., как и отец свт. *Стефана Пермского* Симеон, был другом и собеседником блж. *Прокопия*. Символично, что блаженный приходит принять «разрешение от земных телесных уз» к стенам Михаило-Архангелского мон-ря. По мнению *А. А. Турилова*, Михаило-Архангельский мон-рь, игуменом к-рого К. оставался до своей кончины, был основан им в 1276 г.

Л. Вологдин в летописце сообщает: «Начальник монах Киприан и погребен в том же монастыре, близ святых врат. А по времени над гробом его создана каменная церковь во имя Преполовения Господня. Гроб же его

внутри церкви за левым криласом при стене, и над ним устроена гробница, которая и доныне всеми видима» (Там же. С. 130). В кон. XIX в. еп. *Димитрий (Самбикин)* так описывал погребение святого: «Гробница над могилою преподобного Киприана каменная, на ней находится писанное на холсте его изображение. Дикий камень, служивший преподобному возглавием, лежит близ гробницы; от сего камня многие, отскабливая частицы, по вере врачуются от болезней. Из вещей, принадлежавших преподобному Киприану, доныне хранится небольшой деревянный напрестольный крест с литым серебряным распятием» (*Димитрий (Самбикин)*. Месяцеслов. Сент. С. 201).

Почитание. В нач. XVII в. (ок. 1614) стала вестись запись чудес К. Рассказы о них собраны в «Летописце» из устюжского Архангелского мон-ря сер. XIX в., объединившем все устные предания о К. (РНБ ОР. Ф I. 788. Л. 62–83), в житийном соч. «Жизнь и сказание о основателе обители устюжского Архангелского монастыря преподобном отце нашем Киприане» (РГБ. Ф. 199. № 326. Л. 37–62, на рус. яз.). В этих произведениях, а также в более ранних редакциях Устюжского летописца отразился сложившийся в местной устной традиции образ святого-богатыря.

Одним из аскетических подвигов К. было постоянное ношение тяжелого камня («взимал тот камень в руки и держа в сплетенных перстами руках своих пред собою, по тех пор пока преодолен будучи сном, испустит оный из рук своих» — РНБ ОР. Ф I. 788. Л. 63 об.). Этим камнем была отмечена территория мон-ря: «И взем лежащий тут камень, прокатил оным по тому месту, по которому назначали быть ограде монастырской» (Там же. Л. 62 об.). «Мокрое место», выбранное для монастыря, чудесным образом вскоре стало «просыхати, так что не по многим времени и удобно устроился к созданию монастыря». Путь в 110 верст от Устюга до родного села и в др. места К. преодолевал за один день, словно на крыльях или носимый на облаке. Незадолго до смерти К. предсказывал разорение своей обители от «животных двоеглавых» и ее возрождение через некое время в несколько ином состоянии («будут жить нутрь сея обители не только

мирских мужских лица, но и женская» — Там же. Л. 64). В монастыре в 30-х гг. XVIII в. была жива традиция выпекать «общий хлеб» для братии ковригами, каждая весом не менее пуда, к-рые К. в свое время называл просфорами (Там же. Л. 63–64). Сообщается о сохранении в монастыре муки со времени К.: «Хранилась же она мука чрез толе многие годы в особливом сосуде, что небольшую часть ее уже видали ныне в живых еще находящиеся... сказывают, что скончалась она годов за 30 до отведения вотчин или еще и менее» (Там же. Л. 64 об. — 65).

Под 1614 г. рассказывается о постриге в Михаило-Архангельском мон-ре некоего Иоанна, к-рый видел свет в часовне, где был погребен К. Через 2 недели Иоанн ночью вновь увидел старца, сидящего на гробнице. Старец пожаловался, что ему «добре... здесь мокро лежать». Узнав об этом, братия пела на месте погребения молебен и присыпала место песком. Под 1622 г. сообщается, что благодаря помощи святого был исцелен от чахотки монастырский слуга Иван Александров. Основную часть чудес составляют 7 явлений К. монастырскому келарю Иосифу (последнее датируется 1679). Среди них одно связано с повелением К. перенести его останки из часовни.

Общепринятой в лит-ре датой представления К. является 29 сент. 1276 г. (см., напр.: *Гиляшев*. 1976. С. 42). В наст. время 29 сент. в Вел. Устюге совершаются крестные ходы от Прокопьевского собора к ц. Преполовения Пятидесятницы, где под спудом покоятся мощи святого.

Канонизацией К. следует считать включение его имени в Собор всех святых, в земле Российской просиявших, состав к-рого был определен в сер. 70-х гг. XX в. при подготовке к изданию богослужебных Миней (Миней (МП). Май. Ч. 3. С. 367). Позднее имя К. вошло в Собор Вологодских святых (празднование учреждено в 1841).

Лит.: ИРИ. Ч. 3. С. 312; СИСПРЦ. 1836. С. 146–147; *Савваитов П. И.* Описание Великоустюжского Архангельского и приписного к нему Троицкого Гledenского мон-рей. СПб., 1848. С. 30–40; *Верюжский*. Вологодские святые. С. 53–57; *Барсуков*. Источники агиографии. Стб. 290; Описание о российских святых. С. 150–151; *Леонид (Кавелин)*. Св. Русь. С. 86–97; *Димитрий (Самбикин)*. Месяцеслов. Сент. С. 200–201; *Голубинский*. Канонизация святых. С. 331; *Гиляшев И., прот.* В день памяти прп. Киприана Устюжского: К 700-летию со дня преставления // ЖМП.

1976. № 9. С. 41–42; *Сербина К. Н.* Устюжское летописание XVI–XVIII вв. Л., 1985. С. 122; *Власов А. Н.* Устюжская лит-ра XVI–XVII вв.: Ист.-лит. аспект. Сыктывкар, 1995. С. 38–39; *Романова А. А.* Чудеса Киприана Устюжского // СККДР. 2004. Вып. 3. Ч. 4. С. 237–238 [Библиогр.]; *Турилов А. А.* О времени основания Михаило-Архангельского мон-ря в Вел. Устюге // *Смирнова Э. С.* Иконы Северо-Вост. Руси: Ростов, Владимир, Кострома, Муром, Рязань, Москва, Вологодский край, Двина: Сер. XIII — сер. XV в. М., 2004. С. 211–212; *Биланчук Р. П.* Предания о св. Киприане в Устюжских летописях XVII–XIX вв. // Историк и его дело: Судьбы ученых и научных школ: Сб. ст. Ижевск, 2008. С. 476–482; *Филарет (Гумилевский)*. РСв. 2008. С. 552–553.

А. Н. Власов
Иконография. В описании 6-го явления К. келарю Иосифу об облике святого сказано: «...видением же во всем подобен он архимандриту Арсению» (РНБ. ОР. F I. 788. Л. 70; очевидно, подразумевается настоятель Михаило-Архангельского мон-ря в 1658–1681). В иконописных подлинниках под 9 июня облик К. описан таким образом: «Сед, брада аки Сергиева, в схиме, риза преподобническая» (20-е гг. XIX в. — РНБ. Погод. № 1931. Л. 166; см. также: РНБ. ОЛДП. F. 110. Л. 48–48 об.). Согласно традиции, он изображался в монашеской одежде, с покрытой клобуком или куколем головой, со свитком в руке. В малочисленных сохранившихся памятниках незаметно отмечено в подлинниках сходство К. с прп. Сергием Радонежским.

Сведения о времени появления первых икон К. отсутствуют. В кон. XIX в. был известен нагробный образ преподобного, писанный на холсте (вероятно, утрачен; см.: *Димитрий (Самбикин)*. Месяцеслов. Сент. С. 201). В Великом Устюге, центре почитания К., сохранилось 4 его изображения. Наиболее ранним является наружная стенопись надвратной ц. в честь Владимирской иконы Божией Матери в основанном святым Михаило-Архангельском мон-ре. Скорее всего настенный образ появился во время значительных переделок обители, производившихся в кон. XVIII — 1-й пол. XIX в., после городского пожара 1772 г. Живописная композиция вписана в арку, заключена в имитирующую профилированный багет раму. К. представлен в рост вполоборота вправо, обращен к благословляющему Спасителю в облаках. Святой в полном монашеском облачении, в куколе или клобуке, левая рука поднята в молении, в правой — развернутый свиток с традиц. текстом («не скорбите убо братия...»), под поновлением просматривается авторская надпись. У К. правильные черты лица, большие выразительные глаза и окладистая седая борода, из-под клобука выбиваются седые пряди волос. Под изображением в картуше помещена надпись в 9 строк (с утратами), где приведены сведения из Жития преподобного и летописи монастыря.

В кон. XIX–XX в. закрепился иконографический тип К., отличающийся от сведений иконописных подлинников: удлиненный лик с впалыми щеками и длинным прямым носом, взор больших глаз обращен к небу, брови сдвинуты, уголки губ чуть опущены. Святой убелен сединами, длинные волнистые пряди спускаются на плечи, пышная борода до середины груди раздвоена. Изображения восходят к общему прототипу и принадлежат к одному художественному кругу. Наиболее интересна икона 1897 г., выполненная Н. А. Дофиним в Великом Устюге (ВУИАХМЗ): К. написан в рост на фоне основанной им обители с 2 деревянными храмами (церкви Введения и арх. Михаила?), облачен в темно-охристую рясу и темную мантию, на голове клобук, в правой согнутой руке четки, в левой развернутый свиток с текстом: «*Нескорбите братіа моа, аще шврѣтоуъ благо. дати прѣдъ вгомъ распространитса швнтель сіа*», в облаках — образ Богородицы с Младенцем. На лицевой стороне авторская подпись: «*Писанъ въ 1897 году, живописецъ Н. Дофинъ в Устюге*».

Подобный образ К., с немного иным пейзажным фоном, помещен на зап. стене в росписи интерьера ц. во имя свт. Стефана Пермского в Вел. Устюге (1965–1966 (?) возможно, на основе более ранней живописи). К. представлен в левой части композиции на опушке елового леса (напротив — прп. *Лонгин Коряжемский*), в молении Казанской иконе Божией Матери. Пальцы правой руки К. сложены, как на иконе 1897 г., но четки не изображены, в левой руке — раскрытый свиток

Прп. Киприан Устюжский. Наружная роспись ц. в честь Владимирской иконы Божией Матери Михаило-Архангельского мон-ря в Вел. Устюге. Кон. XVIII — 1-я треть XIX в.

(без текста); сверху надпись: «Св. преп. Киприанъ В. Устюжс.». Поясной образ К., исполненный или поновленный во 2-й пол. XX в. (1965–1966?), находится на горнем месте придела в честь иконы

Прп. Киприан Устюжский.
Икона. 1897 г.
Иконописец Н. А. Дофин
(ВУИАХМЗ)

Божией Матери «Всех скорбящих Радость» ц. свт. Стефана. Изображение во многом повторяет образ 1897 г., по стилю и иконографии схоже с росписью на зап. стене. На верхнем поле иконы помещен образ Богоматери с Младенцем, совпадающий по колориту с др. образами в этой группе произведений.

В 70-х гг. XIX в. образ К. встречается в ряду рус. святых на стене лестницы, ведущей на хоры сев. части зап. крыла храма Христа Спасителя (*Мостовский М. С.* Храм Христа Спасителя / [Сост. заключ. части: Б. Споров]. М., 1996. С. 86). На совр. иконах К. изображается также как основатель обители, с храмом в руке.

Лит.: *Маркелов*. Святые Др. Руси. Т. 2. С. 143; *Чебыкина Г. Н.* Церковь свт. Стефана Пермского в Вел. Устюге: (Страницы истории) // Великий Устюг: Краевед. альманах. Вологда, 2004. № 3. С. 93–104.

Е. А. Виноградова

КИПРИАН (Манько Косма; 1811, Купянский у. Харьковской губ. – 25.06.1874, Святогорская Успенская пуст.), прп. (пам. 11 авг. – в Соборе Святогорских святых), иером., подвижник Святогорский, Харьковский. Род. в семье войсковых обывателей Харьковской губ. Грамоте учился в домашней школе. 12 февр. 1835 г. поступил послушником в *Глинскую в честь Рождества Пресв. Богородицы пустынь*, окормлялся у игум. прп. *Филарета (Данилевско-*

го). Вскоре принял постриг в рясофор. В обители Косма подружился с послушником Г. И. Клицой (впосл. архим. *Герман*, настоятель Святогорской Успенской пустыни).

15 янв. 1844 г. по инициативе Т. Б. и А. М. Потёмкиных в Харьковской губ. была восстановлена Святогорская в честь Успения Пресв. Богородицы пуст., настоятелем к-рой был назначен иером. *Арсений (Митрофанов)*. 8–15 апр. 1844 г. Манько вместе с 12 глинскими насельниками прибыл в Святые горы, где участвовал в возобновлении обители по уставу Глинской пуст. Уже через неск. дней после прибытия глинской братии в Святогорье, 27 апр. 1844 г., игум. *Арсений* ходатайствовал перед Харьковским еп. свт. *Иннокентием (Борисовым)* о разрешении на пострижение Манько и еще 3 послушников. 30 июня 1844 г. Манько принял монашеский постриг с именем Киприан. Вскоре игум. *Арсений* представил новопостриженного монаха «по его способности и честному поведению» к рукоположению во диакона. Испытанный прот. Львом Яровым в познаниях, необходимых для священного сана, К. оказался искусным в пении и чтении, знании церковного устава и катехизиса. 16 авг. 1844 г., на следующий день после торжественного праздника «обновления» Святогорской пуст., свт. *Иннокентий* рукоположил К. во диакона в с. Богородичном по освящении молитвенного дома в честь св. блгв. кн. Александра Невского. 15 июля 1845 г. К. был рукоположен во иерея.

С 5 окт. 1846 г. по поручению игум. *Арсения* К. нес послушание благочинного монастыря. 15 авг. 1849 г. К. был награжден набедренником за «усердное прохождение послушания» и труды по благоустройству обители. 10 сент. 1855 г. К. был назначен братским духовником. Среди его учеников был и иером. *Иоанникий (Аверкиев)*, впосл. также ставший святогорским духовником. «Сначала, – признавался иером. *Иоанникий*, – очень надоедали мне на исповеди разные странницы и черницы своими рассказами про видения и чудеса, будто с ними бывшие; дела не говорят, а только время проводят, да свою мнимую святость на вид представляют. Вот и спросил я батюшку отца Киприана, как тут быть с этим народом. Тот и посоветовал: «Назначай за каждое подобное видение или

чудо, тебе рассказанное на духу, поклоны творить рассказавшей для самохвальства, без духовной к тому нужды, и поверь – скоро оставят они тебя в покое». Начал так делать, не понравилось богомолкам, перестали ко мне идти на дух, стали к другим духовникам обращаться, меня жестоким прозвали, а я и рад, ибо от них одно затруднение только выходило: иная целый час толкует о своих видениях у аналоя, а другие тем временем ждут» (*Ковалевский*. 1894. С. 62). В память войны 1853–1856 гг. К. был пожалован наперсный крест на Владимирской ленте. 25 апр. 1862 г. «за службу по епархиальному ведомству» Синод наградил его золотым наперсным крестом.

К. был погребен близ подземной ц. преподобных *Антония* и *Феодосия* Киево-Печерских. На могиле была установлена гробница с чугунной плитой. 8 мая 2008 г. Свящ. Синод УПЦ, рассмотрев Житие, труды, подвиги, чудеса и народное почитание подвижников благочестия, «иже во святых горах на Донце», благословил «для местного прославления и чествования в числе прочих в лике преподобного иеромонаха Киприана (Манько)». Празднование Собору Святогорских святых принято отмечать ежегодно 11 сент.

Лит.: Святогорская общежит. Успенская пустынь. М., 1867; *Ковалевский А. Ф.* Очерк жизни в Бозе почившего Святогорской Успенской пустыни настоятеля архим. *Германа*. М., 1894; [*Кулжинский Г. И.*] Святогорская Успенская общежит. пуст. в Харьковской епархии. Од., 1898; Жизнеописание игум. *Филарета*, возобновителя Глинской общежит. пуст. Курской епархии. Од., 1905³; *Иоант (Маслов)*, *схиархим.* Глинская пустынь. М., 1994; *он же*. Глинский Патерик. М., 1997. С. 398–399; ЖПодв. Февр. С. 142, 147, 152.

КИПРИАН [греч. Κυπριανός] († 1679), сщмч. (пам. греч. 5 июля). К. происходил из с. Клицос (ныне Клисто, ном Эвритания, Греция), на родине он принял монашеский постриг и был рукоположен во иерея. После этого К. отправился на Афон, где купил келлию вмч. *Георгия Победоносца*, принадлежавшую мон-рю *Кутлумуш*, и поселился там с 2 др. монахами. Благодаря монашеским добродетелям он стал образцом для святогорцев. Возгоревшись божественной любовью, К. считал венцом подвижничества мученичество за Христа. Он покинул Афон и прибыл в Фессалонику, явился в суд

и стал проповедовать христ. веру. Но судья, приняв К. за сумасшедшего, велел слугам побить и выгнать его. Тогда К. отправился в К-поль. Он письменно изложил обличение мусульм. веры и, придя ко двору везира Кара-Мустафа-паши, велел передать ему текст. Узнав о содержании послания, слуги стали гнать К., грозя, что если везир прочтет его, то отправит иеромонаха на галеры. Выждав момент, К. попытался приблизиться к везиру, но охрана воспрепятствовала ему. Однако не знавший о намерениях иеромонаха начальник стражи, сочтя, что тот пришел к везиру с какой-то жалобой, допустил его к Кара-Мустафа-паше. Подвижник призвал везира отказаться от ложной веры и принять крещение. В свою очередь везир пообещал К. высокий сан при дворе султана, если тот станет мусульманином. Видя непреклонность иеромонаха, Кара-Мустафа-паша велел отвести его на суд к муфтию, к-рый приказал обезглавить К. за оскорбление ислама в квартале Фанар для устрашения проживавших там христиан. К. с радостью шел на казнь, благодаря Бога, что сподобился быть причисленным к лику мучеников. Палач отрубил ему голову у ворот Патриархии.

Краткий рассказ о мученичестве К. содержится в рукописи Ath. Laur. H 145. Fol. 36, XVIII в. Житие К. было написано Иоанном *Кариофиллом*, в посл. отредактировано иером. Ионой из Кавсокаливиюского скита и включено в «Новый Мартирологий» прп. *Никодима Святгорца*. Служба в честь святого составлена мон. *Герасимом Микраяннитом*. Ист.: NM. 1856. С. 87–91; *Δουκάκης*, ΜΣ. Т. 7. С. 74; *Ματθαίος*, ΜΣ. Т. 7. С. 88–91; *Μακάριος, μπρ., Νικόδημος Ἀγορείτης, Νικήτορος, ἱερομόν., Ἀθανάσιος ὁ Πάριος*. Συναξαριστής νεομαρτύρων. Θεσσαλονίκη, 1996¹. С. 657–663; *Νικόδημος*. Συναξαριστής. 1998¹. Т. 6. С. 32; Афонский Патерик. 2002. Ч. 2. С. 59–66; *Μπαλατσούκας* Σ. Т. Τὸ Νεομαρτυρολόγιο τοῦ Ἰωάννου Καριοφύλλου. Θεσσαλονίκη, 2003. С. 51–62.

Лит.: *Sergii (Snasskii)*. Месяцеслов. Т. 2. С. 201; *Χρυσόστομος (Παπαδόπουλος)*. Νεομαρτύρες. С. 38; *Κυπριανός* // ΘНЕ. Т. 7. С. 1115; *Περραντώνης*. Λεξικόν. Т. 2. С. 290–291; *Σαφρόνιος (Εὐστρατιάδης)*. Ἀγιολόγιον. С. 261; *Βαστάκης Κ., πρωτοпр.* Εὐρυστανικόν Ἀγιολόγιον. Ἀθήνα, 2006². С. 68–71; *Μακάριος Σιμωνοπεριτής, ἱερομόν. Νέος Συναξαριστής τῆς Ὀρθοδόξου Ἐκκλησίας*. Ἀθήνα, 2008. Т. 11: Ἰούλιος. С. 66–67.

О. В. Л.

КИПРИАН [полное имя Тасций Цецилий Киприан; лат. Thascius Caecilius Cyprianus] (ок. 200–210, Сев. Африка — 14.09.258, Карфаген), сцмч. (пам. 31 авг.; пам. католич.

14 и 16 сент.; пам. лютеран. 14 и 16 сент.; пам. англикан. 15 сент.), еп. Карфагенский, выдающийся деятель и учитель древней Церкви.

Биографические источники. Основными источниками биографических сведений о К. являются его сочинения, в особенности письма, а также Житие (CPL, N 52; BHL, N 2041), составленное вскоре после смерти К. его другом и сподвижником диак. Понтием (*Hieron. De vir. illustr. 68*). О последних днях жизни К. повествуют мученические Акты (CPL, N 53; BHL, N 2037–2040). Сведения о К. сохранились у писателей IV–V вв. блж. *Иеронима Стридонского* (*Hieron. De vir. illustr. 67*), блж. *Августина Аврелия* (*Aug. Serm. 309–312*), свт. *Григория Богослова* (*Greg. Nazianz. Or. 24*) и *Пруденция* (*Prudent. Perist. 13 // PL. 60. Col. 569–580*), хотя последние 2 автора отождествляют К. с др. святым — сцмч. *Киприаном* Антиохийским († 304) (см.: *Delehaye. 1921*).

Жизнь. К. род. в Сев. Африке, вероятнее всего в *Карфагене* (см.: *Cypr. Carth. Ep. 7*; здесь и далее нумерация по крит. изд., ср. табл. соответствий А. Г. Дунаева (*Сагарда. 2004. С. 701–704*) и А. Р. Фокина (*Фокин. 2005. С. 353–354*); *Pontius. Vita. 15*; *Suda. K. 445*), в богатой и знатной языческой семье, владевшей большими имениями в городе и его окрестностях. После обучения «свободным искусствам» (*bonae artes* — *Pontius. Vita. 2*), гл. обр. риторике, К. быстро приобрел в Карфагене славу оратора и учителя красноречия, собиравшего вокруг себя приверженцев (*clientes*) и восторженных почитателей (*Cypr. Carth. Ad Donat. 3–4*). Существует также предположение, что К. был юристом и даже членом карфагенской курии (см.: *Evers. 2006. S. 138*; *Cyprian of Carthage. 2010. P. 35–36*). Однако пустота и безнравственность жизни языческого общества не удовлетворяли запросам буд. святителя, к-рый долгое время находился в духовных поисках, в сомнениях и во внутреннем борении с собой (*Cypr. Carth. Ad Donat. 3–4*; *Aug. Serm. 312. 2*). Наконец, он встретил христ. пресвитера по имени Цецилий или Цецилиан, под влиянием к-рого познакомился со Свящ. Писанием и вскоре обратился в христианство (*Cypr. Carth. Ad Donat. 6–13*; ср.: *Fredouille J.-C. L'humanité vue d'en haut* (Cyprien, «Ad Donatum», 6–13) // *VChr. 2010. Vol. 64. N 5. P. 445–455*;

Сцмч. Киприан Карфагенский.
Мозаика ц. Сант-Аполлинаре Нуово
в Равенне. VI в.

Haykin M. A. G. The Holy Spirit in Cyprian's «To Donatus» // EvQ. 2011. Vol. 83. N 4. P. 321–329). В память о встрече с пресв. Цецилием К. стал носить его имя.

Как предполагают, К. был крещен на Пасху 245 или 246 г. (последняя дата считается предпочтительной — см., напр.: *Clarke. 1999. P. 706*; *Cyprian of Carthage. 2010. P. 35*). Сам К. вспоминал об этом событии: «Когда возрождающие воды омыли пятна моей прежней жизни и в искупленное сердце пролился свыше ясный и чистый свет, когда, приняв Духа Небесного, я стал новым человеком по второму рождению, тогда чудным образом сомнения стали сменяться уверенностью, тайное начало становится явным, мрак исчезать; то, что прежде казалось трудным, стало удобным исполнимым; то, что считалось невозможным, стало возможным достичь; так что я начал понимать, что вся моя прежняя плотская жизнь, проведенная во грехах, была жизнью земной и что только теперь началась жизнь Божия, одушевляемая Святым Духом» (*Cypr. Carth. Ad Donat. 4*). Крестившись, К. раздал свое имущество бедным и принял обет целомудрия (*Hieron. De vir. illustr. 67*; *Pontius. Vita. 2, 15*). Через нек-рое время после своего обращения, скорее всего в дек. 247 г. (*Poole. 1930. P. 39*; *Clarke. 1999. P. 706*) или нач. 248 г. (*Mattei, Simiscalco. 2006. P. 14*), К. был рукоположен во пресвитера (*Hieron. De vir. illustr. 67*; *Pontius. Vita. 3*). Его высокие нравственные требования

к себе и окружающим, рвение к изучению Свящ. Писания и делам благочестия быстро снискали ему всеобщее уважение среди карфагенских христиан. Вероятно, эти качества, а также знатное происхождение и высокое положение, к-рое К. занимал в Карфагене еще до своего обращения, привели к стремительному росту его церковной карьеры (Cyprian of Carthage. 2010. P. 38, 41). После кончины Карфагенского еп. Доната в сер. 248 — 1-й пол. 249 г. К. был избран его преемником по общему согласию церковного народа (Cyp. Carth. Ep. 59. 6). Считая себя недостойным этого высокого назначения, К. попытался скрыться, но в конце концов был вынужден уступить настойчивым просьбам верующих и принять сан епископа Карфагенского (Pontius. Vita. 5; Hieron. De vir. illustr. 67). Однако такое быстрое продвижение К., еще недавно неопита, вызвало недовольство части карфагенского духовенства, что привело к возникновению оппозиции новоизбранному епископу, во главе которой предположительно стоял пресв. Новат (см.: Cyp. Carth. Ep. 43. 1; Pontius. Vita. 5).

Пастырская деятельность К. была нарушена гонением имп. Деция, который вскоре после вступления на рим. престол издал указ, повелевавший всем жителям империи вне зависимости от их вероисповедания принести жертвы богам о здравии нового императора и процветании гос-ва (см.: Euseb. Hist. eccl. VI 41; Lact. De mort. persecut. 4; Oros. Hist. adv. pag. VII 21). Когда 3 янв. 250 г. указ Деция стал известен в Карфагене, язычники потребовали схватить предстоятеля Карфагенской Церкви и бросить его на съедение львам (Cyp. Carth. Ep. 59. 6; Pontius. Vita. 7). Однако по просьбе карфагенских христиан К., движимый заботой о своей пастве, укрылся в безопасном месте (Cyp. Carth. Ep. 20. 1). Но и в изгнании он продолжал руководить своей Церковью через верных ему пресвитеров, регулярно посещавших его. Тем не менее бегство епископа вызвало недовольство части карфагенского клира, а противники К. получили новый повод для нападков на него. Кроме того, вскоре после мученической кончины 20 янв. 250 г. Римского еп. Фабиана пресвитеры и диаконы, управлявшие Церковью Рима до избрания нового предстоятеля, послали К.

письмо, в котором уведомили его о смерти своего епископа; к письму они приложили еще одно, в котором выражали недоумение по поводу бегства Карфагенского епископа (Ep. 8. 1). В ответном послании К. подробно объяснял мотивы своего поступка. Он приложил копии своих 13 посланий карфагенскому клиру, исповедникам и мирянам, чтобы доказать, что и в изгнании не оставлял пастырских обязанностей (Ep. 20. 2).

В Карфагенской Церкви в это время возник раскол в результате самочинных действий нек-рых исповедников, противопоставивших свой авторитет власти епископа (см.: Болотов. Лекции. Т. 2. С. 375–380). В Карфагене издавна существовал обычай, согласно к-рому исповедник мог написать для кого-либо из отлученных от Церкви ходатайство для обращения к епископу, с тем чтобы епископ присоединил отпавшего к Церкви. Этот обычай был подтвержден Карфагенскими Соборами 255–256 гг. Воспользовавшись существовавшей традицией, исповедники в отсутствие К. начали раздавать множество подобных ходатайственных записок падшим (lapsi) при последнем гонении, которых было больше, чем устоявших в вере, и которые требовали у К. немедленно присоединить их к Церкви (Cyp. Carth. Ep. 22. 1–2; 27. 1–3; 43. 2). Однако К. считал необходимым всесторонне рассмотреть вопрос о принятии падших на Соборе, а до его созыва предлагал им довольствоваться положением кающихся и не приступать к причастию (Ep. 19. 2; 43. 3; 55. 3–5). Когда он послал в Карфаген неск. верных ему епископов и пресвитеров для разбирательства дела падших, клирики во главе с диак. Фелициссимом, недовольные чрезмерной, на их взгляд, строгостью епископа, отказались им подчиниться и отделились от остальных (Ep. 41. 1–2). Среди них были 5 пресвитеров, которые ранее противились избранию К. на Карфагенскую кафедру (Ep. 43. 2–3). В их числе был и Новат, поставивший Фелициссима диаконом без ведома К. и вполсл. отправившийся в Рим в качестве посланника отделившейся партии, где он не столько добился ее признания, сколько способствовал возникновению новацианского раскола (Ep. 52. 2).

Когда гонение стало утихать, в мар-те 251 г. К. после 14-месячного от-

сутствия вернулся в Карфаген и был радостно встречен своей паствой (Ep. 43. 4). В апр. в Карфагене под председательством К. был созван Собор африкан. епископов. На нем были зачитаны трактаты К. «De lapsis» (О падших) и «De unitate Ecclesiae» (О единстве Церкви), в которых затрагивались вопросы церковной дисциплины (Benson. 1897. P. 180). Прежде всего Собор отлучил от Церкви Фелициссима и его сторонников (Cyp. Carth. Ep. 59. 9). Вместе с тем Собор решил, что падшие не должны быть лишены возможности покаяния и примирения с Церковью. Для этого устанавливались правила приема падших, которые были разделены на 2 категории: тех, кто действительно принесли жертву — sacrificati, и тех, кто получили ложное письменное свидетельство (libellus) о жертвоприношении — libellatici. Последние были прощены. Что касается первых, то Собор постановил, что они должны находиться в разряде кающихся и продолжительность периода отлучения каждого из них должна зависеть от тяжести его вины. Однако в случае смертельной угрозы пресвитерам разрешалось присоединять их к Церкви и причащать (Ep. 55. 6, 14–15, 17; 57. 1).

В это время в Римской Церкви произошли нестроения, связанные с попыткой незаконного занятия Римской кафедры пресв. Новацианом. Проявляя заботу о единстве Церкви, К. стремился с помощью посланий уврачевать раскол (см.: Ep. 46–47, 52, 54–55).

Летом 251 г. имп. Деций погиб на войне. Его преемником стал Требониан Галл. Христиане ожидали новых гонений, и в мае 252 г. очередной Карфагенский Собор под председательством К. постановил принять всех покаявшихся падших в лоно Церкви (Ep. 57. 1; 59. 10). Вскоре в Карфагене разразилась эпидемия чумы, послужившая язычникам поводом для новых гонений на христиан, которых они считали виновными в этом «гневе богов» (см.: Ad Demetr. 2). Спасаясь от эпидемии, множество людей бежало из города, оставляя больных без помощи, а мертвых — без погребения, так что трупы заполнили улицы Карфагена. В это время К., показывая пример стойкости и мужества, оставался в городе, увещывая верующих не бояться смерти и побуждая всех помогать больным и семьям умерших независимо от их

вероисповедания, что значительно смягчило отношение языческого населения к христианам (*Pontius. Vita.* 9–10). Последующие неск. лет были относительно спокойными. К. продолжал пастырскую деятельность, наставлял верующих в христ. нравственности и вероучении, заботился о церковной дисциплине.

В 255–256 гг. в Карфагене под председательством К. прошли церковные Соборы по вопросу о том, следует ли перекрещивать еретиков, возвращающихся в лоно католической Церкви (*Cypr. Carth.* Ep. 69–75; см.: *Venson.* 1897. P. 349–372; *Болотов.* Лекции. Т. 2. С. 385–395; подробнее см. в ст. *Карфагенские Соборы*). Ими была подтверждена прежняя африкан. практика повторно совершать таинства Крещения и Миропомазания над всеми еретиками и раскольниками, а тех клириков католической Церкви, к-рые вступали в церковное общение с ними, принимать обратно лишь после продолжительного покаяния и в чине мирян (*Cypr. Carth.* Ep. 72. 1–2; 73. 1). Решения Соборов были отправлены Римскому еп. сщмч. *Стефану I*.

Однако сщмч. Стефан придерживался рим. традиции принимать еретиков через возложение рук, при котором им сообщался Св. Дух (Ep. 74. 1–2; *Euseb. Hist. eccl.* VII 2–3). По этому поводу он ранее уже вступил в острую полемику с предстоятелями нек-рых малоазийских Церквей, где была распространена практика перекрещивания еретиков (*Cypr. Carth.* Ep. 74. 8; 75. 24–25; *Euseb. Hist. eccl.* VII 5). На послание К. и Карфагенского Собора он ответил в резком тоне, усмотрев в действиях африкан. епископов новшество, противоречащее церковному преданию; назвал К. «лжехристом и лжеапостолом» и пригрозил ему отлучением (*Cypr. Carth.* Ep. 74. 1; 75. 25). Однако К. твердо стоял на своих позициях и 1 сент. 256 г. созвал в Карфагене новый Собор. На этот раз в нем участвовали 87 епископов из Проконсульской Африки, Нумидии и Мавритании, к-рые приняли сторону К. и единодушно высказались в поддержку практики перекрещивания. В результате Собором был принят документ, известный как «Мнения 87 епископов о необходимости крещения еретиков» (*Sententiae episcoporum numero LXXXVII de haereticis baptizandis*) (CPL, N 56; PL. 3. Col. 1052–1078; CSEL. Vol. 3/2. P. 435–

461). Впосл. богословский и канонический разум Вселенской Церкви разрешил этот вопрос в пользу воззрения, согласно которому следует признавать действительность правильно совершенного Крещения в неправославных общинах, напр. у монофизитов, несториан (см. статьи *Монофизитство, Несторианство*) и др. (см., напр., 95-е прав. *Вселенского VI Собора*).

Летом 257 г. имп. *Валериан*, сначала проявлявший веротерпимость по отношению к христианам, издал указ, согласно к-рому им запрещалось собираться вместе, в т. ч. на кладбищах, а клирики должны были под страхом казни принести жертвы языческим богам (*Euseb. Hist. eccl.*

вернулся в Карфаген и остановился в принадлежавшем ему загородном

Мученическая кончина
сщмч. Киприана
Карфагенского.
Миниатюра из Гомилий
свт. Григория Назианзина
(Paris. Coislin. 239. Fol. 46v)

VII 10–11; *Lact. De mort. persecut.* 5). В Александрию был отправлен в ссылку еп. *Дионисий Великий* (*Euseb. Hist. eccl.* VII 11). 30 авг. 257 г. К. был также арестован и допрошен африкан. проконсулом Аспазием Патерном. После того как К. решительно отказался принести жертвы языческим богам, он был выслан в приморский г. Курубис (ныне Корба, Тунис), находившийся примерно в 150 км от Карфагена (*Pontius. Vita.* 11; *Acta proconsularia S. Cypriani.* 1–2; *Aug. Serm.* 309. 2). 14 сент., в первую ночь пребывания в Курубисе, К. было видение, в котором ему было открыто, что вскоре он пострадает за Христа как мученик. Однако в ожидании приговора Карфагенский епископ провел ок. года в довольно спокойной и мирной обстановке. Местные жители оказывали ему гостеприимство, доставляя все необходимое для жизни, а карфагенские клирики часто навещали его и оставались у него подолгу; некоторые из них, напр. диак. Понтий, постоянно жили при К. (*Pontius. Vita.* 12). И в ссылке К. не переставал забо-

таться о своей пастве. Известно, что он распорядился раздать бедным остатки своего имущества и оказал материальную помощь христианам, посланным на рудники в Нумидию (*Cypr. Carth.* Ep. 77. 3; 78. 3; 79).

Через год, в авг. 258 г., последовал новый указ имп. Валериана, предписывавший казнить епископов, пресвитеров и диаконов, упорствующих в своей вере, а также всех знатных христиан, к-рых следовало лишить имущества, а их родных отправить в ссылку (Ep. 80. 1). 6 авг. мученическую кончину приняли Римский еп. *Сикст II* и его 4 диакона, схваченные в катакомбах (*Ibidem*). В том месяце по приказу нового африкан. проконсула Галерия Максима К.

вернулся в Карфаген и остановился в принадлежавшем ему загородном

доме, ожидая вызова на допрос (Ep. 81. 1; *Pontius. Vita.* 15; *Acta proconsularia S. Cypriani.* 2). Про-

консул Галерий находился в то время в г. Утика (в совр. вилайете Бизерта, Тунис), где 18 авг. произошли народные волнения, в ходе которых было убито множество христиан (т. н. *Massa Candida* — *Prudent. Perist.* 13 // PL. 60. Col. 578; см. также: *Saumagne.* 1975. P. 179–180; см. в ст. *Квадрат*). Окончив разбирательство, проконсул вызвал туда К.; однако тот предпочел остаться в своем имени и подождать возвращения Галерия в Карфаген, чтобы пострадать в том городе, в к-ром он исполнял епископское служение (*Cypr. Carth.* Ep. 81. 1). Когда 13 сент. 258 г. Галерий вернулся в Карфаген, он послал за К. двух подчиненных. Однако по причине нездоровья проконсула рассмотрение дела было отложено на др. день, как и было предсказано К. в видении за год до этого (*Pontius. Vita.* 12). Он был взят под домашний арест в доме одного из должностных лиц (*Ibid.* 15; *Acta proconsularia S. Cypriani.* 2), а на следующий день вызван на суд к проконсулу на виллу Секста, где собралось множество народа. К. был еще

раз допрошен и приговорен к смертной казни после того, как решительно отказался принести жертвы (*Pontius. Vita. 18; Acta proconsularia S. Cypriani. 3–4*). Услышав приговор, К. произнес ставшие знаменитыми слова: «Благодарение Богу!» (*Deo gratias! — Acta proconsularia S. Cypriani. 4*). В сопровождении толпы народа он был приведен военным конвоем на место казни и публично обезглавлен (*Pontius. Vita. 18; Acta proconsularia S. Cypriani. 5; Hieron. De vir. illustr. 67; Aug. Serm. 309. 6; 310. 2*), став первым мучеником среди африкан. епископов (*Pontius. Vita. 19; ср.: Actus et visio martyrum Luci, Montani et ceterorum comitum. XXI 3 // REAug. 1983. Vol. 29. P. 80*). Слава и почитание К. быстро распространились по всему христ. миру (см.: *Greg. Nazianz. Or. 24; Prudent. Perist. 13*). Тело святителя ночью было погребено на частном кладбище, носившем имя прокуратора Макробия Кандидиана (*Acta proconsularia S. Cypriani. 5*).

Сочинения. Богословско-лит. деятельность К. была непосредственно связана с его церковным служением. Все его сочинения были написаны по особым поводам и служили практическим интересам. К. был прежде всего пастырем, человеком действия, к-рого более интересовало духовное руководство, чем умозрительное богословие. К. испытал сильное влияние *Тертуллиана*, которого он очень почитал, называя своим учителем (*magister*) и не проводя ни дня без чтения его сочинений (*Hieron. De vir. illustr. 53*). Однако К. не был ярким апологетом, глубоким догматистом или полемистом. Он избегал крайностей. Язык и стиль его сочинений гораздо изысканнее и утонченнее, чем у Тертуллиана (см.: *Lact. Div. inst. V 1 // PL. 6. Col. 551–552*); в трудах святителя также заметно влияние фразеологии и образности Свящ. Писания.

В период патристики К. был одним из самых популярных авторов, рукописи его сочинений сохранились в огромном количестве. Однако уже в эпоху Меровингов труды К. стали использоваться реже. Так, во флорилегии Дефенсора «Звёздочки» (ок. 700) самые цитируемые авторы — блж. Иероним и *Исидор Севильский*, из трудов К. заимствовано всего 23 цитаты (*Defensor de Ligugé. Livre d'épigrammes / Éd. H.-M. Rochais. P., 1962. T. 2. P. 333–334. (SC; 86)*). В круге чтения каролингских авто-

ров, к-рый сложился в т. ч. под влиянием *Беды Достопочтенного*, основное место занимали труды свт. Амвросия Медиоланского, блж. Августина, свт. Григория I Великого и блж. Иеронима. Тем не менее произведения К. продолжали использоваться, в т. ч. при составлении сборников *канонического права* (*Munier C. Les sources patristiques du droit de l'Église du VIIIe au XIIIe siècle: Diss. Strasbourg, 1954. P. 27–43; Werckmeister J. The Reception of the Church Fathers in Canon Law // The Reception of the Church Fathers in the West: From the Carolingians to the Maurists / Ed. I. Backus. Leiden; N. Y., 1997. Vol. 1. P. 66–67*). Видное место выдержки из трудов К. заняли только в «Собрании канонов» кард. Деуседита, составленном в Риме в эпоху *григорианской реформы*. В этом сборнике сочинения К. использовались для того, чтобы подчеркнуть главенствующую роль Римской кафедры во Вселенской Церкви (*Picasso G. Motivi ecclesiologici nella «Collectio canonum» del cardinale Deusedit: I testi di s. Cipriano // Idem. Sacri canones et monastica regula: Disciplina canonica e vita monastica nella società medievale. Mil., 2006. P. 103–118*).

Лит. стиль К. высоко ценил *Эразм Роттердамский*, к-рого привлекала также ригористическая позиция святого по вопросу о границах Церкви (*Boeft J., den. Erasmus and the Church Fathers // The Reception of the Church Fathers in the West. Leiden; N. Y., 1997. Vol. 2. P. 537–572*). Экклезиология К. также повлияла на учение *Ж. Кальвина* (*Oort J., van. John Calvin and the Church Fathers // Ibid. P. 661–700; см. также: DTC. T. 3. Col. 2469–2470*). Беат *Ренан* называл К. в числе самых авторитетных отцов Церкви наряду с блж. Иеронимом, блж. Августином, свт. Амвросием, свт. Афанасием Великим, свт. Иларием Пиктавийским, свт. Василием Великим и свт. Иоанном Златоустом (*Hirstein J. S. Wolfgang Capito and the Other Docti in Johann Froben's Basel Print Shop // Reformation Sources: The Letters of Wolfgang Capito and His Fellow Reformers in Alsace and Switzerland / Ed. E. Rummel, M. Kooistra. Toronto, 2007. P. 39*).

Первое печатное издание трудов К., подготовленное Джованни Андреа де Бусси, еп. Алерии, было осуществлено в рим. типографии К. Свейнхейма и А. Паннарца (*S. Cypriani*

Carthaginensis episcopi Epistolae ex recognitione J. Andreae. R., 1471). В том же году оно было перепечатано в Венеции, в типографии Венделина из Шпайера. В 3-е издание, к-рое вышло в свет ок. 1477 г. в Девентере, в типографии Р. Пафрата, внесены дополнения (в приложении помещены Мученичество К. и проповедь о нем блж. Августина). К. нач. XVI в. было выпущено 6 печатных изданий сочинений К. В 1520 г. в Базеле были изданы комментированные сочинения К., подготовленные Эразмом Роттердамским (*Opera divi Caecilii Cypriani episcopi Carthaginensis... nobis praestitit ingenti labore suo Erasmus Roterodamus. Basileae, 1520*); среди приложений помещена проповедь блж. Августина (*Aug. Serm. 309*). Публикация Эразма неоднократно переиздавалась, в XVI в. появилось издание, подготовленное Г. Морелем (*Divi Caecilii Cypriani episcopi Carthaginensis, Martyris Christi Opera... aucta Gul. Morellii typographi regii diligentia ac labore. P., 1564*). Из последующих публикаций трудов К. самым значительным было издание Э. Балюза и П. Марана (*S. Caecilii Cypriani episcopi Carthaginensis et martyris Opera omnia, ad MSS. codices recognita et illustrata studio ac labore Stephani Baluzii. P., 1726*), к-рое воспроизведено в «Латинской патрологии» *Ж. П. Муня* (PL. 3–4) (см.: *S. Thasci Caecilii Cypriani Opera omnia / Ed. G. Hartel. Vindobonae, 1871. P. LXX–LXXXVIII. (CSEL; 3. 3)*). Критическое издание трудов К. в сер. «Corpus Scriptorum Ecclesiasticorum Latinorum» осуществил В. фон Гартель; в него включены также неподлинные сочинения К. и акты Карфагенского Собора 256 г. В XX в. наибольший вклад в изучение трудов К. внес Л. Баяр, а М. Бевено и Г. У. Кларк приняли участие в подготовке нового издания для сер. «Corpus Christianorum» (*Sancti Cypriani episcopi Opera. Turnhout, 1972–2004. 3 pt. in 6 vol. (CCSL; 3–3E)*).

Имеется 3 древних перечня его творений. 1-й содержится в Житии (*Pontius. Vita. 7*), где в форме риторических вопросов описывается содержание 12 трактатов К. в том порядке, в к-ром они появляются в самых ранних рукописях. 2-й перечень (CPL, N 54; PLS. 1. Col. 67–70) был обнаружен Т. Моммзенем в 80-х гг. XIX в. в 6-ке сэра Томаса Филлипса в Челтнеме, Великобритания, в рукописи X в. (ныне хранится

в Риме — Roma. Bibl. Vict. Emman. N 1235), содержащей библейский канон (т. н. Canon Mommsenianus, составлен ок. 359–365; изд. текста всего канона: *Mommsen Th. Zur lateinischen Stichometrie // Hermes: Zschr. f. klassische Philologie. Stuttg. etc.,*

Сщмч. Киприан Карфагенский в скриптории. Миниатюра из «Жизни Киприана» диак. Понтия. XV в. (*Vat. Urb. lat. 63. Fol. 8v*)

1886. Bd. 21. N. 1. S. 142–156; 1890. Bd. 25. N. 4. S. 636–638); в перечне упоминаются также письма К. (см.: *Quasten. Patrology. Vol. 2. P. 345; Nouvelle histoire de la littérature latine / Éd. R. Herzog, P. L. Schmidt e. a. Turnhout, 2000. Vol. 4. P. 393*). 3-й перечень был обнаружен Ж. Мореном в 1914 г. в проповеди блж. Августина «De natale Cypriani. II» (*Aug. Serm. 313C // Miscellanea Agostiniana / Sancti Augustini Sermones post Maurinos reperti studio ac diligentia G. Morin. R., 1930. Vol. 1. P. 530–531 (= PLS. 2. Col. 610–611)*). Еще 1 более поздний перечень творений К. находится в рукописи IX в. (*Indiculum Wirceburgense; CPL, N 55; PLS. 1. Col. 69–71*). Всего К. принадлежат 13 трактатов и 65 писем.

Трактаты. 1. «К Донату» (*Ad Donatum; CPL, N 38; PL. 4. Col. 191–223; CSEL. Vol. 3/1. P. 3–16; CCSL. Vol. 3A. P. 3–13; SC. 291. P. 74–116*), написан вскоре после крещения К., вероятно, осенью 246 г. (*Molager. 1982. P. 12; Gryson. 2007. P. 432*); адресован другу Донату, возможно ритору или юристу, вместе с к-рым, по предположению некоторых исследователей, К. принял крещение (см.: *Boutet. 1922. P. 61; Molager. 1982. P. 10*). К. рассказывает о своей прежней

жизни, о своем обращении ко Христу и преображающем действии Божией благодати на человеческую душу, увещевая адресата отвращаться от мирской жизни и проявлять больше рвения к исполнению заповедей Христа (*Cypr. Carth. Ad Donat. 15*). Стиль трактата многословен, эмоционален и лишен простоты, чем он значительно отличается от более «тяжеловесного и умеренного красноречия» последующих сочинений К. (*Aug. De doct. christ. IV 14. 31*).

2. «О суеце идолов» (*De idolorum vanitate; др. название — «Что идолы не суть боги» (Quod idola dii non sint); CPL, N 57 (dub.); PL. 4. Col. 563–582; CSEL. Vol. 3/1. P. 17–31; CCSL. Vol. 3B. P. 183–216*), по всей вероятности, относится к числу самых ранних сочинений К. Хотя трактат не упоминается в перечнях трудов К., блж. Иероним (*Hieron. Ep. 70. 5*) и блж. Августин (*Aug. Serm. 313C; Idem. De bapt. contr. donat. VI 44. 87; Idem. De unico baptismo contra Petilianum. IV 6 // PL. 43. Col. 598*) свидетельствуют о том, что его автором является К. Кроме того, исследования рукописной традиции (*Soden. 1904. S. 205–211*), языка и стиля (*Koch. 1926. S. 1–78*), а также богословского содержания трактата дают серьезные дополнительные аргументы в пользу авторства К. Все же вопрос об авторстве до сих пор считается не до конца разрешенным (*Nuovo dizionario patristico. 2006–2008. Vol. 3. P. 4449; Cyrilian of Carthage. 2010. P. 127–142*). В нем много вербальных заимствований и компиляций из сочинений *Минуция Феликса* («*Octavius*») и Тертуллиана («*Apologeticum*», «*Ad nationes*»). Этот небольшой трактат представляет собой апологию. Состоит из 3 частей. В 1-й ч. (главы 1–7) К. доказывает, следуя аргументации Евгемера (см. ст. *Евгемеризм*), что языческие боги суть не боги, а обожествленные после смерти цари и что нет никакой связи между языческим культом и процветанием Римской империи. Во 2-й ч. (главы 8–9) утверждается, что есть только единый истинный Бог, невидимый и непостижимый. Наконец, в 3-й ч. (главы 10–15) речь идет о Христе и домостроительстве спасения.

3. «К Квиринау: 3 книги свидетельства против иудеев» (*Ad Quirinum: Testimoniorum adversus Judaeos libri tres; CPL, N 39; PL. 4. Col. 675–780; CSEL. Vol. 3/1. P. 33–184; CCSL.*

Vol. 3B. P. 3–179), составлены предположительно в 248/9 г., поскольку К. использовал материал 3-й книги при написании др. трактатов в частности, «*De habitu virginum*» (*Moreschini, Norelli. 2005. P. 365; Gryson. 2007. P. 434*); адресованы Квиринау, к-рого К. называет «возлюбленным сыном». Книги представляют собой собрание цитат из Свящ. Писания; возможно, К. опирался на уже существовавшие сборники такого рода (см.: *Bobertz. 1992*). В предисловии к первым 2 книгам автор указывает, что в 1-й книге, состоящей из 24 глав, собраны цитаты, непосредственно относящиеся к антииудейской полемике: о том, что иудеи отступили от Бога и утратили милость Господню, к-рая была дарована им прежде, и что их место заняли христиане, искренне поверившие Господу. 2-я книга, включающая 30 глав, содержит цитаты, доказывающие «таинство Христа» (*Christi sacramentum*), т. е. Его истинное мессианство. 3-я книга, самая большая, состоящая из 120 глав, снабжена отдельным предисловием, в котором говорится, что она была составлена по новому запросу Квирина неск. позже 2 первых книг, которые, впрочем, здесь не упоминаются. Возможно, все 3 книги были объединены позднейшей рукописной традицией (*Quasten. Patrology. Vol. 2. P. 363*). 3-я книга представляет собой собрание цитат на нравственно-аскетические и церковно-дисциплинарные темы. Книги «К Квиринау...» оказали значительное влияние на развитие лат. гомилетики; кроме того, они являются важнейшим источником сведений по истории текста лат. Библии.

4. «Об одежде дев» (*De habitu virginum; CPL, N 40; PL. 4. Col. 439–464; CSEL. Vol. 3/1. P. 185–205*), написан, по всей вероятности, в 249 г., вскоре после посвящения К. во епископа (*Moreschini, Norelli. 2005. P. 366; Gryson. 2007. P. 433*). Основным тематическим источником для этого небольшого нравственно-аскетического сочинения послужил трактат Тертуллиана «*De cultu feminae*». К. призывает к хранению церковной дисциплины (главы 1–2), что, как предполагают, было связано со слухами, когда принявшие обет целомудрия *девы* жили под одной крышей с клириками (см.: *Cypr. Carth. Ep. 4. 1*). Он обращается к девам, которых называет «цветком церковного стебля, красой и украшением ду-

ховной благодати, цветущим потомством, нетронутым и неповрежденным созданием хвалы и чести, образом Божиим, отражающим святость Господа, славнейшей частью стада Христова» (гл. 3). К. увещевает дев, чтобы они, избрав путь девства, украшали себя не внешними нарядами и уборами, к-рые суть изобретение лукавого, а воздержанием, целомудрием, непорочностью, скромностью и др. добродетелями (главы 5, 22). Истинные блага суть духовные (гл. 7), поэтому те девы, которые имеют богатство, должны тратить его на дела милосердия, а не на роскошные одежды (гл. 11). Сохраняя непорочность и целомудрие, девы уже в этом мире становятся равными ангелам Божиим, а в буд. веке в награду удостоются еще большей благодати и почестей (главы 32–33). Впосл. блж. Августин рассматривал стиль этого трактата как образец для молодых христ. проповедников (*Aug. De doct. christ. IV 21. 47–50*).

5. «О падших» (*De lapsis*; CPL, N 42; PL. 4. Col. 463–494; CSEL. Vol. 3/1. P. 235–263; CCSL. Vol. 3B. P. 221–242; SC. 547), написан в марте–апр. 251 г., по возвращении К. в Карфаген после гонения Деция (*Clarke G. W. Introduction // Cyprien de Carthage. Ceux qui sont tombés. P., 2012. P. 10–11. (SC; 547)*; др. датировка — кон. 250 — нач. 251, см.: *Mattei, Siniscalco. 2006. P. 31*). Это церковно-дисциплинарный трактат, главный вопрос к-рого — о присоединении к Церкви падших во время гонения. Предположительно трактат был прочитан на Карфагенском Соборе 251 г. под председательством К. и стал основой для решения вопроса о падших для всей Африканской Церкви. К. благодарит Бога за окончание гонения и воздаст хвалу мученикам и исповедникам — «славной когорте воинов Христовых», которые показали достойный пример для всех остальных (главы 1–2). В свое оправдание К. говорит, что «попасть в руки язычников и там исповедать Господа — это первое победное отличие; осторожно скрыться, чтобы благодаря этому сохранить себя для Господа, — это вторая ступень к славе» (гл. 3). Основной текст трактата — главы 4–36. К. воспринимает гонение на христиан как посланное Господом испытание за нарушение церковной дисциплины в мирный период (гл. 5). Он разделяет падших на неск. категорий. Во-первых, это те, кто при-

несли жертвы идолам и отреклись от своей веры добровольно после первых же угроз, из страха потерять свое имущество (главы 7–9, 11); такие с трудом могут заслужить прощение. К. предупреждает исповедников, чтобы они не заступались за таких людей, ибо снисхождение в подобных обстоятельствах может помешать должному искуплению их вины (гл. 15). Во-вторых, это те, кто были сломлены только после пыток и истязаний; такие заслуживают снисхождения (*excusatio miserabilis*) (гл. 13). В-третьих, это либеллатики, т. е. получившие ложное свидетельство (*libellus*) о совершении жертвоприношения, к-рые хотя и не осквернили своих рук, но запятнали совесть (гл. 27). Так или иначе, все падшие должны быть допущены к покаянию, после к-рого могут получить отпущение грехов через священников (гл. 29).

6. «О единстве Церкви» (*De unitate Ecclesiae*; CPL, N 41; PL. 4. Col. 493–520; CSEL. Vol. 3/1. P. 207–233; CCSL. Vol. 3B. P. 249–268; SC. 500), написан в кон. весны — нач. лета 251 г. (*Mattei, Siniscalco. 2006. P. 24; Mammeu. 2012. С. 49*). Поводом к написанию этого важного экклезиологического трактата послужили церковные расколы: Новата и Фелициссима в Карфагене, Новациана в Риме (*Mattei, Siniscalco. 2006. P. 33–35*). Хотя трактат был адресован карфагенским верующим и в особенности участвующим в Соборе африкан. епископам, из послания К. (*Cypri. Carth. Ep. 54. 4*) известно, что он также отправил этот трактат рим. исповедникам, когда они были на стороне Новациана и выступали против законно избранного Римского еп. Корнелия. 4-я гл. трактата сохранилась в 2 версиях: в одной из них, более краткой, говорится о примате ап. Петра (т. н. *Primatus Textus*), в то время как в другой (т. н. *Textus Recensatus*) об этом ничего не сказано. Начиная с XVI в. среди исследователей шли споры о происхождении этих добавлений. В XIX в. В. фон Гартель отверг пассажи о примате как интерполяцию не ранее VI в. (*Hartel W., von. Praefatio // CSEL. 1868. Vol. 3/3. P. XLIII–XLIV*), поместив их лишь в критический аппарат своего издания (*CSEL. Vol. 3/1. P. 212–213*). Того же мнения придерживались и др. исследователи XIX в. (ср.: *Benson. 1897. P. 203, 219; Monceaux. 1902. P. 298–299*). В нач. XX в.

Дж. Чапман предложил иное решение. Он показал, что изменения сделаны самим К., чтобы выразить почтение еп. Корнелию как преемнику ап. Петра, в посланной ему копии трактата (см.: *Chapman. 1902. P. 246–254, 357–373; 1903. P. 26–51*). Эта т. зр. впосл. была поддержана рядом исследователей: Б. Пошманом (*Poschmann. 1908*), Й. Эрнстом (*Ernst. 1912*), А. д'Алесом (*D'Alès. 1922*) и др. Вслед за ними и др. ученые, в частности Д. ван ден Эйнде (*Eynde. 1933*), Й. Людвиг (*Ludwig. 1951*) и Бевено (*Bévenot. «Primatus Petro datur». 1954*), также признали подлинность т. н. *Primatus Textus*, но предложили изменить порядок 2 версий: более краткую с добавлениями о папском примате считать 1-й по времени написания, а «общепринятую» — переработкой первоначальной версии в ходе спора с еп. Рима сцмч. Стефаном в 255–256 гг., что в наст. время признается наиболее вероятной гипотезой (*Quasten. Patrology. Vol. 2. P. 352; Mattei, Siniscalco. 2006. P. 115; Mammeu. 2012. С. 50*). Однако по версии С. Дж. Холла, пересмотревшего доводы Бевено, К. переработал главы 4–5 для епископских чтений на Соборе в мае 252 г. (*Hall S. G. The Versions of Cyprian, «De unitate», 4–5: Bévenot's dating revisited // JThSt. N. S. 2004. Vol. 55. N 1. P. 138–146*). В трактате К. расценивает расколы и ереси как изобретение дьявола (главы 1–3) и отстаивает идею единства Церкви (*Ecclesiae unitas, sacramentum unitatis* — главы 4–9). Далее он говорит о гибельных последствиях церковных расколов, о недействительности таинств, совершённых раскольниками (главы 10–22); в конце еще раз призывает всех верующих удаляться от общения с ними и сохранять единство со своими епископом и пресвитерами (главы 23–26).

7. «О Молитве Господней» (*De oratione Dominica*; CPL, N 43; PL. 4. Col. 519–544; CSEL. Vol. 3/1. P. 265–294; CCSL. Vol. 3A. P. 90–113; изд. с франц. пер. и примеч.: *Saint Cyprien. L'oraison dominicale / Éd. M. Réveillaud. P., 1964*), написан после «De unitate Ecclesiae», в кон. 251 или нач. 252 г. (*Quasten. Patrology. Vol. 2. P. 353*; ср.: *Moreschini, Norelli. 2005. P. 371*; др. датировка — 250, см.: *Gryson. 2007. P. 434; Nuovo dizionario patristico. 2006–2008. Vol. 1. P. 1029*); при работе над ним К. опирался на аналогичный трактат Тертуллиана

«De oratione», однако достиг большей глубины и ясности изложения. Состоит из 3 частей. В 1-й ч. (главы 1–6) показано, что *Молитва Господня* является самой главной для христианина, ибо ее даровал Сам Господь; по силе она превосходит все остальные молитвы, поскольку Отцу приятны слова Сына, и когда мы молимся этой молитвой, Сам Сын ходатайствует за нас перед Отцом. Во 2-й ч. (главы 7–27), являющейся центральной, приводится пространное толкование на Молитву Господню. Текст молитвы у К. разбит на 7 основных частей и несколько отличается от изложения Тертуллиана. В целом Молитва Господня является «кратким изложением (сompredium) небесного учения» (гл. 9), ибо в ней в сжатом виде содержатся все заповеди Христовы (гл. 28). Наконец, в 3-й ч. (главы 28–36) К. говорит о том, что в молитве необходимо постоянство, бодрствование, сердечная теплота, что молитва должна подкрепляться делами милосердия, а также кратко останавливается на утренней, вечерней и полночной молитве, на обычае молиться в 3, 6 и 9-й часы.

8. «К Деметриану» (*Ad Demetrianum*; CPL, N 46; PL. 4. Col. 543–564; CSEL. Vol. 3/1. P. 349–370; CCSL. Vol. 3A. P. 35–51; SC. 467), написан ок. 251–253 гг. (*Fredouille*. 2003. P. 13; *Gryson*. 2007. P. 431); адресован некоему язычнику, который часто приходил к К. более из желания поспорить, чем поучиться (гл. 1), обвиняя христиан в том, что они непочтением к языческим богам навлекли их гнев и потому виновны в обрушившихся на мир бедствиях — войнах, эпидемиях, голоде и засухе. Подобно Тертуллиану (см.: *Tertull. Apol. adv. gent.* 40–41; *Idem. Ad Scapul.* 3), К. в опровержение говорит, что причина бедствий заключается, во-первых, в естественной ветхости мира, в к-ром уже нет прежней крепости и устойчивости и к-рый клонится к закату (гл. 3); во-вторых, в действиях самих язычников, которые прогневали истинного Бога своими пороками, особенно идолослужением и гонениями на христиан (главы 5, 9, 11–12). Трактат заканчивается призывом к покаянию и обращению от ложных богов к Богу истинному и живому (главы 23–25). Мн. затронутые темы в посл. были развиты блж. Августином в первых книгах трактата «*De civitate Dei*». Апологический тон и содержание имеют

много общего с Тертуллиановыми «*Apologeticum*» и «*Ad Scapulam*», но сатира здесь еще более острая. *Лактанций* (*Lact. Div. inst.* V 4) критикует К. за обильное использование цитат из Свящ. Писания, к-рое не было авторитетом для Деметриана, и полагает, что аргументация должна основываться скорее на разумных доводах. Однако Лактанций не учитывает, что целью К. было не только опровергнуть своего оппонента, но и поднять дух христиан, оказавшихся в опасности потерять крепкую веру из-за нападков язычников. Именно поэтому жанр апологии в конце трактата плавно переходит в жанр протрепетика (*Fredouille*. 2003. P. 21). Это одно из самых оригинальных сочинений К.

9. «О смертности» (*De mortalitate*; CPL, N 44; PL. 4. Col. 581–602; CSEL. Vol. 3/1. P. 295–314; CCSL. Vol. 3A. P. 17–32), написан в 252 г., в разгар эпидемии чумы, унесшей жизни мн. людей (*Nuovo dizionario patristico*. 2006–2008. Vol. 1. P. 1029; др. датировка — 253, см.: *Moreschini, Norelli*. 2005. P. 371). К. разъясняет, что для христианина означает смерть. Освобождая от страданий временной жизни, смерть ведет к встрече со Христом (главы 3–5). Никто из верующих не должен бояться перехода из сего мира в *рай*, в наше небесное отечество, где ожидают лики святых и высшее вечное блаженство (гл. 26). Хотя в трактате заметно влияние философии рим. *стоицизма*, особенно *Цицерона* и *Сенеки*, мысль К. идет гораздо дальше покорности судьбе и мировому закону, указывая дорогу к личному блаженному бессмертию.

10. «О благотворении и милостыне» (*De opere et elemosynis*; CPL, N 47; PL. 4. Col. 601–622; CSEL. Vol. 3/1. P. 371–394; CCSL. Vol. 3A. P. 55–72; SC. 440), написан либо одновременно с предыдущим (*Quasten. Patrology*. Vol. 2. P. 358; *Nuovo dizionario patristico*. 2006–2008. Vol. 1. P. 1029), либо несколько позже (ок. 253–256, см.: *Poirier*. 1999. P. 21). В трактате говорится о необходимости оказывать помощь нуждающимся, больным и умирающим. Добрые дела необходимы для спасения; они вновь привлекают к нам милость (*indulgentia*) Божию (гл. 2), являются средством к умилоствлению и удовлествлению Бога и служат очищению от грехов, совершенных после крещения (гл. 5). Содержащиеся в начале и заключении трактата

обращения к «дражайшим братьям» (главы 1, 26) могут указывать на изначальную форму гомилии, к-рую К. в посл. отредактировал и опубликовал в виде письменного текста (*Ibid.* P. 23). Трактат пользовался в древности большой популярностью; неск. цитат из него были включены в деяния *Вселенского III Собора* (*Quasten. Patrology*. Vol. 2. P. 358–359).

11. «О благе терпения» (*De bono patientiae*; CPL, N 48; PL. 4. Col. 621–638; CSEL. Vol. 3/1. P. 395–415; CCSL. Vol. 3A. P. 118–133; SC. 291. P. 180–246), возможно, также изначально представлял собой гомилию, произнесенную в 1-й пол. 256 г., на что указывает обращение к «возлюбленным братьям», содержащееся во вступлении и в заключении; в посл. гомилия была переделана в небольшой трактат (*libellus*), к-рый К. отправил своему корреспонденту еп. Юбаяну вместе с посланием о крещении еретиков (*Cypr. Carth.* Ep. 73. 26), датируемым летом того же года (*Molager*. 1982. P. 132, 135; *Nuovo dizionario patristico*. 2006–2008. Vol. 1. P. 1029). Здесь ощущается сильное влияние трактата Тертуллиана «*De patientia*». К. рассматривает терпение в качестве важнейшей христианской добродетели, к-рая происходит от Бога; она отличается от стоического бесстрастия (главы 1–3). Терпение — это уподобление Христу, Который в Своей земной жизни подал наилучший пример терпения, безропотно перенес все страдания вплоть до крестной смерти (главы 6–8). Именно терпение вместе с любовью способно сохранить церковный мир и предотвратить расколы (главы 15–16, 20).

12. «О ревности и зависти» (*De zelo et livore*; CPL, N 49; PL. 4. Col. 637–652; CSEL. Vol. 3/1. P. 417–432; CCSL. Vol. 3A. P. 75–86; SC. 519), по предположению, основанному на Житии К. (*Pontius. Vita*. 7), написан вслед за «*De bono patientiae*», т. е. в 256 — нач. 257 г. (*Quasten. Patrology*. Vol. 2. P. 360); однако, согласно Х. Коху (*Koch*. 1926. S. 132–136), более вероятно, что трактат создан не во время спора о крещении еретиков, а в 251–253 гг., после раскола Новата и Фелициссима (*Nuovo dizionario patristico*. 2006–2008. Vol. 1. P. 1029; *Poirier*. 2008. P. 9–11). В трактате заметно влияние «*De patientia*» Тертуллиана. Он имеет форму гомилии и посвящен пастырскому анализу 2 страстей — ревности и зависти,

к-рые К. рассматривает как расставленные диаволом сети; попав в них, христианин может погибнуть (главы 1–3). Зависть и ревность — причина падения самого диавола, и кто заражен этим грехом, тот ему подражает (гл. 4). Это — корень всех зол, источник бедствий, рассадник грехов, причина преступлений (гл. 6); это — червь для души, яд для мыслей, ржавчина для сердца (гл. 7). Единственное лекарство от ревности и зависти — любовь ко всем, как к друзьям, так и к врагам (гл. 17).

13. «К Фортунату: Об увещании к мученичеству» (Ad Fortunatum: De exhortatione martyrii; CPL, N 45; PL. 4. Col. 651–676; CSEL. Vol. 3/1. P. 315–347; CCSL. Vol. 3B. P. 183–212), написан во время гонения, однако среди исследователей нет единого мнения по поводу того, о каком гонении идет речь — имп. Деция (250–251) или имп. Валериана (257–258). Нек-рые исследователи относят его создание к весне 253 г., когда Церкви угрожало гонение Требониана Галла (см.: Koch. 1926. S. 149–183; ср.: Gryson. 2007. P. 433), но более вероятно, что трактат написан в гонение Валериана и является самым последним сочинением К. (Nuovo dizionario patristico. 2006–2008. Vol. 1. P. 1029–1030). Трактат адресован Туккаборскому еп. Фортунату, принимавшему участие в Карфагенском Соборе в сент. 256 г., и представляет собой своего рода «материал для размышляющих» (materia tractantibus) — собрание цитат из Свящ. Писания, к-рое К. составил по просьбе Фортуната для поддержания духа христиан в надвигавшемся гонении. Во вступлении излагается план трактата, состоящего из 12 разделов: 1–5) об идолах и истинном Боге, об идолопоклонстве и о Божием наказании за него; 6–7) о том, что после искупления людей Кровью Христовой не следует ничего ставить выше Христа и уклоняться в мирскую жизнь; 8) о необходимости до конца пребывать стойкими в вере и добродетели; 9) о том, что бедствия и гонения служат для испытания христиан; 10) о том, что христианам не следует бояться гонений, ибо Господь силен защитить их; 11) о том, что гонения предсказывал Сам Господь; 12) о том, что праведников и мучеников ожидают небесные награды. Последний раздел состоит из 2 частей (в PL — N 12 и N 13).

Письма (CPL, N 50; PL. 3. Col. 699–838, 851–862, 972–976, 990–

998, 1013–1019, 1021–1034, 1036–1044, 1046–1051; PL. 4. Col. 224–438; CSEL. Vol. 3/2. P. 465–842; CCSL. Vol. 3B/2–3). Собрание включает 81 письмо: 65 принадлежат К., а 16 адресованы ему или карфагенскому клиру разными лицами из провинций, в т. ч. письма рим. клира, Новациана, Римских епископов Корнелия и сцмч. Стефана, еп. Кесарии Каппадокийской *Фирмилиана* и др.

Сцмч. Киприан Карфагенский.
Роспись собора Успения
Пресв. Богородицы в Грачанице,
Косово. XIV в.

В латинской «Патрологии» Миня и в русском переводе в число писем (N 1) включен трактат «К Донату». Все письма можно разделить на 5 групп (см.: Quasten. Patrology. Vol. 2. P. 365–366):

1) Ер. 5–43 — написаны К. в изгнании во время гонения Деция; 27 из них адресованы клиру и верующим Карфагенской Церкви;

2) Ер. 44–61, 64, 66 — переписка с Римскими епископами Корнелием и св. Луцием I, в к-рой 12 писем (Ер. 44–55) касаются раскола Новациана;

3) Ер. 67–75 — написаны во время пребывания на Римской кафедре сцмч. Стефана (254–257) по поводу спора о крещении еретиков;

4) Ер. 78–81 — письма из последней ссылки (257–258);

5) Ер. 1–4, 62, 63, 65, 76–77 — письма по разным поводам, не поддающиеся точной датировке: 1-е письмо подчеркивает решение Карфагенского Собора о том, что клирику не допускается служить стражником или палачом; 2-е — к Евкратию о христианине-комедианте, продолжающем учить своему ремеслу; 3-е — к Рогациану о диаконе, оскорбившем своего епископа; 4-е — к Помпонию о девах (т. н. *virgines subintproductae*, греч. *συνεῖσακτοι* — сподвижницы, спутницы), возлежавших на одном ложе с мужчинами; 62-е адресовано нумидийским епископам, которые везли деньги, собранные в Карфагене для выкупа христиан из варварского плена; в 63-м письме («К Цецилию о таинстве чаши Господней») осуждается практика использования воды вместо вина при совершении *Евхаристии* — это единственное сочинение, посвященное этому таинству в доникейский период; в 65-м письме («К Эпиктету и народу Ассуританскому») К. увещевает не позволять их бывшему еп. Фортунатиану, принесшему во время гонений жертвы идолам, возвратиться к служению; 77-е письмо адресовано К. епископами в ответ на его послание, написанное во время ссылки в Курубис (Ер. 76), в к-ром он обращается к клирикам Карфагенской Церкви, сосланным на работы в рудники.

Бевено (*Bévenot*. 1944) приписывает К. еще одно небольшое письмо — «К Силуану и Донациану» (Ad Silvanum et Donatianum; CPL, N 51), но в подлинности его есть сомнения (*Gryson*. 2007. P. 434).

Письма К. являются не только ценным источником сведений по церковной истории и каноническому праву, но и важнейшим памятником раннехрист. латыни (подробнее см.: *Nelke*. 1902; *Soden*. 1904; *Duquenne*. 1972; *Clarke*. 1999).

Неподлинные сочинения. Из-за большого авторитета К. ему в рукописях приписывались сочинения, автором к-рых он не является (см.: CPL, N 57–67; *Gryson*. 2007. P. 435–438; PL. 4. Col. 779–804, 819–972, 1153–1158; PLS. 1. Col. 51–67). Многие из них тесно связаны с событиями, происходившими в Африканской

и Римской Церкви в эпоху К., и содержат ценные сведения о христ. жизни в III в. Так, трактат «О похвале мученичеству» (*De laude martyrii*; CPL, N 58) выполнен в изысканном стиле и относится скорее к светской лит-ре; предполагаемое авторство Новациана не было убедительно доказано (*Moreschini, Norelli. 2005. P. 378*).

Автором трактата «О перекрещивании» (*De rebaptismate*; CPL, N 59) предположительно был африкан. епископ, несогласный с т. зр. К. о необходимости перекрещивания еретиков и поддерживавший позицию сцмч. Стефана. Вероятно, на этот трактат К. указывает в 2 посланиях, написанных еще до Карфагенского Собора в сент. 256 г. (*Cypr. Carth. Ep. 73. 4; 74. 4–5*). Позиция оппонента К. заключается в том, что Крещение получает силу от имени Христа и не зависит от достоинства или заслуг совершающего его священника (*Moreschini, Norelli. 2005. P. 379*).

В небольшом соч. «Об игроках в кости» (*De aleatoribus*; CPL, N 60), написанном ок. 300 г. (*Nuovo dizionario patristico. 2006–2008. Vol. 1. P. 180*), осуждается языческая по своему происхождению игра, к-рая, по мнению автора, тесно связана с культами и нравами идолопоклонников. Предположительно автор был африкан. епископом, знакомым с подлинными трудами К. и адресовавшим трактат своим коллегам (*Moreschini, Norelli. 2005. P. 326, 378*).

Трактат «О горах Синайской и Сионской» (*De montibus Sina et Sion*; CPL, N 61), в к-ром 2 горы символизируют ВЗ и НЗ, был написан в Сев. Африке между 210 и 240 гг. на простонародной латыни (*Moreschini, Norelli. 2005. P. 378*).

Соч. «Об одиночестве клириков» (*De singularitate clericorum*; CPL, N 62) представляет собой увещевание к клирикам не жить вместе с девами — проблема, поставленная К. в трактате «Об одежде дев» и 4-м письме. Существует предположение, что это сочинение тождественно «Книге к исповедникам и девам» (*Liber ad confessores et virgines*), написанной донатистским еп. Макробием, жившим в Риме в 363–375 гг. (*Moreschini, Norelli. 2005. P. 379*).

Анонимное «Увещание к покаянию» (*Exhortatio ad paenitentiam*; CPL, N 65) представляет по структуре собрание библейских цитат, похожее на подлинные сочинения

К. «К Квирину...» и «К Фортунаду...». В нем речь идет о возможности покаяния, отвергавшейся новацианами и донатистами; предположительный составлен в кон. IV — нач. V в. (*Moreschini, Norelli. 2005. P. 379*).

В небольшом «Слове о воле Божией» (*Sermo de voluntate Dei*; CPL, N 66) говорится об исполнении заповедей и о следовании воле Бога, к-рую во всей полноте исполнил Христос, указавший путь остальным людям. Его анонимный автор, живший не ранее V в., использует трактат К. «*De dominica oratione*» (гл. 14–15) и «*Tractatus super psalmum V*» блж. Иеронима Стридонского.

В проповеди «О стократном, шестидесятикратном и тридцатикратном» (*De centesima, sexagesima, tricesima*; CPL, N 67) развивается тема символизма евангельской притчи о сеятеле (Мф 13. 3–8). По мнению неизвестного автора, стократный плод означает мучеников, шестидесятикратный — подвижников, стремящихся сохранить девство, а тридцатикратный — праведных христиан, живущих брачной жизнью. В проповеди, составленной предположительно в Сев. Африке в кон. II — сер. III в. (*Moreschini, Norelli. 2005. P. 380; Nuovo dizionario patristico. 2006–2008. Vol. 1. P. 986*), заметно влияние идей *энкратитов*. Необычным является утверждение о творении в 5 дней (см.: *Sellew Ph. Five Days of Creation? The Origin of an Unusual Exegesis (Ps.-Cyprian, «De centesima...» 26) // VChr. 1990. Bd. 81. N 3/4. S. 277–283*).

Проповедь с характерным для раннехрист. лит-ры названием «Против иудеев» (*Adversus Iudaeos*; CPL, N 75) написана в III в., возможно в Риме, неизвестным автором, опиравшимся на проповедь «О страстях» св. *Мелитона*, еп. Сардского (*Quasten. Patrology. Vol. 2. P. 370; Peterson E. Ps.-Cyprian: Adversus Iudaeos und Meliton von Sardes // VChr. 1952. Vol. 6. N 1. P. 33–43; Perler O. Recherches sur le «Peri Pascha» de Méliton // RechSR. 1963. T. 51. P. 407–421*). Авторство Новациана предполагалось, но не было доказано (*Moreschini, Norelli. 2005. P. 378*; см. также: *Damme D., van. Pseudo-Cyprian: Adversus Iudaeos = Gegen die Judenchristen: Die älteste lateinische Predigt. Freiburg, 1969*).

Небольшое соч. «К епископу Вигилию об иудейской неверности» (*Ad Vigilium episcopum de iudaica incredulitate*) не что иное, как пре-

дислование к лат. переводу (или предпосланное ему посвящение) антииудейского соч. «Диспут Ясона с Паписком», принадлежащего греч. апологету II в. *Аристону из Пеллы*, написанное в III в. неким Цельсом (*Moreschini, Norelli. 2005. P. 379*).

Небольшой трактат «К Новациану» (*Ad Novatianum*; CPL, N 76), в к-ром содержится резкая критика раскольника Новациана, написан ок. 253–257 гг. неизвестным африкан. епископом, разделявшим взгляды К. на недействительность крещения у еретиков (*Quasten. Patrology. Vol. 2. P. 367*).

Трактат «О пасхальном счислении» (*De Pascha computus*), в к-ром предпринята попытка исправить допущенные *Инполитом Римским* в соч. «*Ἀπόδειξις χρόνων τοῦ Πάσχα*» (CPG, N 1895) неточности в вычислении даты *Пасхи* (см.: *Moreschini, Norelli. 2005. P. 379*), был написан в 5-й год правления имп. *Гордиана III*, т. е. во 2-й пол. 242 — 1-й пол. 243 г., неизвестным африкан. автором (*Quasten. Patrology. Vol. 2. P. 369*).

Анонимный трактат «О двенадцати злоупотреблениях века» (*De XII abusivis saeculi*), касающийся наиболее страшных проявлений зла, греха в жизни христ. общества, в т. ч. в деятельности социальных институтов, был создан в *Ирландии* в VII в. (*Moreschini, Norelli. 2005. P. 379*); трактат «О двойном мученичестве к Фортунаду» (*De duplici martyrio ad Fortunatum*) является искусной компиляцией трудов К., вышедшей предположительно из-под пера Эразма Роттердамского (*Ibid. P. 380*). В свое время К. приписывались трактаты Новациана «*De spectaculis*» (О зрелищах) и «*De bono pudicitiae*» (О благе целомудрия), а также соч. «Вечеря Киприана» (*Caena Cypriani*) о браке в *Кане Галилейской*, возможно принадлежащее галльскому поэту 1-й пол. V в. *Киприану*.

Учение. Чуждый абстрактным, метафизическим размышлениям, сосредоточенный прежде всего на пастырских вопросах, К. не был склонен к спекулятивному богословию. В центре его внимания — учение о Церкви в тесной взаимосвязи с дисциплинарно-каноническими и нравственно-аскетическими аспектами. Однако там, где речь заходит о важнейших христ. догматах, таких как Св. Троица и Воплощение, мысль и язык К. являются весьма точными в догматическом отношении (см.:

D'Alès. 1922. P. 11). В IV–V вв. К. был одним из главных церковных авторитетов на христ. Западе, его сочинения перечислялись наряду с каноническими книгами Свящ. Писания,

Сцмч. Киприан Карфагенский.
Миниатюра из *Слов*
свт. Григория Назианзина.
XII в.
(*Ath. Pantokr. 6. Fol. 64a*)

а Карфаген был известен как «кафедра Киприана» (*Optat. De schism. donat. I 10 // PL. 11. Col. 904*). Видные лат. богословы и церковные писатели IV–V вв. *Луцифер*, еп. Калаританский, *Оннат*, еп. Милевский, блж. Иероним, блж. Августин, Пруденций согласно свидетельствуют о высочайшем авторитете К., к которому апеллировали даже донатисты. В средние века К. оставался одним из самых читаемых *отцов Церкви*; весьма значительным было его влияние на каноническое право.

О Боге. Это учение встречается преимущественно в апологетических сочинениях К. и находится в сильной зависимости от произведений Минуция Феликса и Тертуллиана. Прежде всего К. указывает на единство Божие: «Есть один Господь всего — Бог; ведь эта возвышенная природа (*sublimitas*) не может иметь никакого соучастника, поскольку она одна заключает в себе все могущество» (*Cypr. Carth. De idol. vanit. 8*). Бог един и истинен (*Ad Demetr. 1, 5; Exhort. mart. 2*). Божественное Царство и сотворенный мир не могут управляться более чем одним правителем, Который все сущее приводит в бытие Своим словом, упорядочивает Своим разумом и усовершенствует Своей силой (*De idol. vanit. 8; Ad Demetr. 5*). Бог невидим, непостижим и неоценим; Он безграничен в пространстве, всюду присутствует целиком и наполняет мир, словно храм (*De idol. vanit. 6, 9*). Из всех имен Ему подходит в собственном смысле только одно — Бог (*Ibid. 9*). О существовании единого Бога говорит всеобщее согласие лю-

дей, обращающихся к Нему со словами «О Боже!», «Бог видит», «Препоручаю Богу», «Бог воздаст» и т. д. (*Ibidem*), — идея, ранее разработанная Тертуллианом в трактате «*De testimonio animae*» (О свидетельстве души). Поэтому боги, к-рым поклоняются язычники, на самом

деле не истинные, а ложные боги (*Ad Demetr. 16*); либо обожествленные после смерти правители (*De idol. vanit. 1–4*), либо демоны (*Ibid. 6–7; Ad Demetr. 15*), либо бездушные идолы — изделия рук человеческих, в к-рых часто скрываются демоны, либо мировые стихии (*Exhort. mart. 1*).

По мысли К., христ. *монотеизм* не нарушается признанием существования Сына Божия, Который есть Его Слово (*sermo*), Сила (*virtus*), Разум (*ratio*), Премудрость (*sapientia*), посредством Которой все было создано (*Test. adv. Jud. II 1–3*), и Слава (*gloria*) (*De idol. vanit. 11; Test. adv. Jud. II 1*). Христос, Первородный Сын Божий, есть Рука и Мышца Господня (*Test. adv. Jud. II 4*), Ангел (*Ibid. II 5*), наконец, Он — Бог (*Ibid. II 6; De bono patient. 6*). Наряду с Сыном К. упоминает и Св. Духа, хотя говорит исключительно о Его икономической роли. Св. Дух глаголет через *пророков* (*De lapsis. 10, 27; De unit. Eccl. 4, 8; De orat. Dom. 5, 35; Ad Demetr. 17, 20; De mort. 11, 23; De op. et elem. 2, 5, 9; De bono patient. 22; De zel. et liv. 8; Exhort. mart. 12*), был послан Христом на землю (*De orat. Dom. 2*), сошел на *апостолов* в 3-й час (*Ibid. 34*); Он подается верующим в крещении (*Ep. 63. 8; 73. 9*), исполняет их как храм (*Ad Donat. 4, 15; Ep. 69. 15*), совершает церковные священнодействия (*Ep. 65. 4*). Между Отцом, Сыном и Св. Духом существует единство (*unitas*), происходящее от божественной крепости и соответствующее «небесным таинствам»; оно является образцом для церковного единства (*De unit. Eccl. 6; De orat. Dom. 23*).

Бог сотворил мир в 6 дней (*Test. adv. Jud. I 20*) из ничего (*ex nihilo*); так возник и род человеческий (*Ex-*

hort. mart. 11; ср.: 2 Макк 7. 28). Тело человека было взято из земли, а дух — с неба; так что человек одновременно есть земля и небо (*Cypr. Carth. De orat. Dom. 16*). В связи с этим К., подобно сцмч. *Иринею* Лионскому, понимает под «дыханием жизни», к-рое Бог вдунул в Адама, не душу, а Св. Духа (*Ep. 74. 7*). Что касается происхождения остальных людей, то К., по-видимому, придерживался т. зр. креационизма: человек творится непосредственно Богом в утробе матери (*Ep. 64. 2*). Человек был создан по образу Божию (*De bono patient. 19; De zel. et liv. 4*), однако К. не раскрывает содержание этого понятия. Бог создал человека в отличие от животных простым, с возвышенным станом и лицом, направленным к небу и к своему Господу; поэтому само строение человека, считает К., естественным образом направляет его к поиску и познанию Бога. Но еще выше тела в человеке его дух (*animus*). Поэтому, чтобы человеку познать Бога, ему следует сначала познать самого себя, увидеть в себе высшее духовное начало и придать своему духу такое направление, к-рое соответствовало бы положению его лица и тела (*Ad Demetr. 16*).

В первоначальном состоянии человек обладал не только образом Божиим, но и подобием (*similitudo divina*), к-рое проявлялось в различных добродетелях (*De bono patient. 5*). Иногда К. соотносит «подобие Божие» с выражением ап. Павла «образ небесного» (*ср.: 1 Кор 15. 47–49*), к-рый заключается в уподоблении Христу (*Cypr. Carth. De zel. et liv. 14*), в приобретении таких добродетелей, как непорочность, истина, святость, праведность, благочестие, постоянство в вере, смирение, страх Божий, терпение, милосердие, братская любовь и согласие (*De habitu virginum. 23; Test. adv. Jud. III 11*). Так или иначе, человек утратил подобие через грех (*De zel. et liv. 5*), к-рый он совершил по нетерпению, поскольку не смог удержаться от вкушения смертоносной пищи вопреки божественной заповеди; в результате он подвергся смерти и не сохранил полученную от Бога благодать (*Ibid. 19; Ad Demetr. 25*). Вслед преступления заповеди телесная крепость человека исчезла вместе с бессмертием, а вместе со смертью возникла телесная немощь (*De bono patient. 17*). Впрочем, человек впал

в грех не первым: к самому началу мира К. относит падение *диавола* (*ruina diaboli — Ad Demetr. 16*) — одного из сотворенных духов, украшенного ангельским величием. «Угодный и любезный Богу», этот дух, увидев, что человек создан по образу Божию, возревновал и претерпел враждебной зависти; не стерпев превосходства человека над собой, он погубил и себя и его; и сам потерял ангельское величие, и у человека отнял дар бессмертия (*De zel. et liv. 4; De bono patient. 19; ср.: Tertull. De patient. 5*). В результате грехопадения Адама в человеческое бытие вошел грех, так что никто теперь не может быть невинным и безгрешным (*Cypr. Carth. De op. et elem. 3; De orat. Dom. 6*). Человек по своему плотскому происхождению от Адама с самого рождения воспринимает смертную скверну (*Ер. 64. 5*). Между телом и духом возникла непрестанная борьба, человек не делает того, что хочет: в то время как дух ищет небесного и божественного, тело возбуждается желанием земного и мирского (*De orat. Dom. 16*). Дух человека вынужден постоянно бороться с телесной немощью и слабостью (*De bono patient. 17*).

Христология. В раннем апологетическом трактате «О суете идолов» К. излагает учение о Христе и о дарованном через Него спасении. Вначале благодать у Бога имели иудеи, к-рые жили праведно и соблюдали религ. уставы. Поэтому их царство достигло высшего расцвета, а народ — могущества. Однако иудеи стали пренебрегать волей Божией, проявлять непослушание и гордиться верой праотцев; и поскольку они презрели божественные заповеди, то утратили дарованную им благодать. Между тем Бог еще раньше предвозвестил, что на закате века, при приближении конца мира, «Он соберет Себе из всякого племени, народа и места более верных и покорных почитателей», которые унаследуют утраченную иудеями милость (*indulgentia*). «Распорядителем благодати и Наставником истинного учения посылается Слово и Сын Божий, Просветитель и Учитель рода человеческого, предвозвещенный всеми пророками». Он вселяется в Св. Деву и облекается плотью. Так Бог теснейшим образом соединяется (*miscetur*) с человеком. Термин «*misceri*» (смешиваться) у К., так же как и у Тертуллиана, не пред-

Сщц. Киприан Карфагенский.
Мозаика из ц. Сан-Киприано в Мурано,
Венеция. XIII в.
(ц. Фриденсирхе, Потсдам)

полагает слияния природ и утраты изначальных свойств.

Сын Божий облекается в человека, чтобы привести его к Отцу (*De idol. vanit. 10–11; ср.: Test. adv. Jud. I 1–3, 7, 10, 12–14, 19–23; II 2, 6–7, 8–10*). Для спасения человека от греха и смерти Сам Бог и Господь сошел с небесной высоты на землю и, будучи лично безгрешным (*Ер. 58. 6*), не возгнушался понести чужие грехи; отложив Свое бессмертие, Он благоволил стать смертным, чтобы, будучи невинным, претерпеть смерть для спасения виновных (*De bono patient. 6*). К. учит о едином Лице и двух природах Христа. Хотя Сын Божий существовал изначально, Ему предстояло еще родиться по плоти (*Test. adv. Jud. II 8*). Как Посредник между людьми и Богом Отцом Христос есть одновременно и человек, и Бог, состоящий из двух природ (*ex utroque genere concretus — Ibid. II 10*). Наконец, К. учит и о двуприродных действиях, к-рые относятся к одному и тому же Лицу Богочеловека: «Сорок дней постится Тот, Кто насыщает других; алчет и чувствует голод, чтобы чувствовавшие голод слова и благодати насытились небесным Хлебом... Подвергается оплеванию насмешников Тот, Кто незадолго до этого Своим пленованием отверз очи слепорожденному; Тот, во имя Кого ныне Его слуги бичуют диавола с ангелами его, Сам претер-

певает бичевание; венчается терновым венком Тот, Кто венчает Своих мучеников неувядаемыми цветами; поражается в Лицо ладонями Тот, Кто вручает победителям истинные ветви [победы]; совлекается земной одежды Тот, Кто других одевает одеждой бессмертия; напитывается желчью Тот, Кто даровал небесную Пищу; поится уксусом Тот, Кто предложил спасительную Чашу; Он, невинный и праведный, более того, сама Невинность и Праведность, причисляется к беззаконным... судится Тот, Кто Сам будет судить; Слово Божие безмолвно ведется на заклание» (*De bono patient. 7*).

К. рассматривает совершённое Христом спасение с разных сторон: как победу над смертью и оживотворение человека, искупление грехов людей перед Богом, их примирение с Ним, освобождение человека от рабства греху и диаволу, возведение человека на небо, в Царство Небесное, наконец, усыновление Богу и обожение: «Таковую благодать уделяет Христос, такой дар Своего милосердия дарует, покорив смерть победным знаменем Креста, искупив верующего ценою собственной Крови, примирив человека с Богом Отцом, оживотворив смертного небесным возрождением... Он открывает нам путь жизни, Он возвращает нас в рай, Он приводит нас в Царство Небесное. И мы всегда будем жить с Ним, став через Него сынами Божиими. Мы будем всегда ликовать вместе с Ним, искупленные Его Кровью. Мы, христиане, будем прославлены вместе со Христом, блаженны в Боге Отце, от непрестанного услаждения всегда радуясь пред лицом Бога и всегда принося Богу благодарение» (*Ad Demetr. 25; ср.: De op. et elem. 2, 26; Ad Demetr. 16; Ер. 58. 6*). К. учит, что Христос, как Первосвященник Бога Отца, первый принес Самого Себя в жертву Отцу для искупления наших грехов (*Ер. 63. 14*). Так же как у сщмч. Ириней Лионского, у К. идея *обожения* человека заключается в усыновлении человека Богу через едиnorodного Сына Божия: «Отец послал Сына для нашего сохранения и оживотворения, чтобы Тот мог нас восстановить: Сын пожелал быть посланным и стать Сыном Человеческим, чтобы нас сделать сынами Божиими. Он уничтожил Себя, чтобы восставить прежде падших людей; был уязвлен, чтобы уврачевать наши язвы; был

рабом, чтобы рабствующим вывести на свободу; претерпел смерть, чтобы смертным даровать бессмертие» (De op. et eleem. 1; ср.: Ep. 58. 6). «Христос пожелал быть тем, что есть человек, чтобы и человек мог стать тем, что есть Христос» (De idol. vanit. 11). Здесь проявляется сотериологический принцип Тертуллиана и сцмч. Иринея Лионского: что воспринимается Богом, то и спасается.

Совершенное Христом спасение распространяется на всех. Милость Христова (Christi indulgentia) и следующая за ней небесная благодать изливаются на весь *народ Божий* без различия пола и возраста и без лицеприятия (Ep. 69. 14; De orat. Dom. 12, 16, 22, 27). Для усвоения этой благодати и плодов спасения человек должен уверовать во Христа и принять крещение. Однако К. полагает, что та же духовная благодать, к-рая в крещении равно приемлется всеми верующими, потом может уменьшаться или увеличиваться в соответствии с поведением и делами человека, подобно тому как в евангельской притче о сеятеле семя Господне равно сеется, но по различию почвы одно остается бесплодным, а другое приносит много плода (Ep. 69. 14). Вслед за Тертуллианом К. настаивает на необходимости не только веры во Христа и участия в таинствах Церкви, но и совершения добрых дел, поскольку и после грехопадения человек вполне сохранил свою свободу. Наделенный собственным выбором (arbitrio), он сам себе желает или смерти, или спасения (Ep. 59. 7; ср.: De unit. Eccl. 10). Господь не приказывает, а увещивает; не налагает бремя необходимости, так что у человека всегда остается право свободного решения (De habitu virginum. 33). Верующие во Христа должны исполнять то, что Он заповедал; они могут достичь награды веры, если только сохраняют верность заповедям (De unit. Eccl. 2). Если кто-то совершает грехи и после крещения, то в Свящ. Писании (см., напр.: Ис 58. 7–8) указаны средства для умиловления Бога и то, что надлежит делать: приносить Богу удовлетворение праведными делами (operationibus justis Deo satisfieri) и очищать грехи заслугами милосердия (Cypr. Carth. De op. et eleem. 5). Как полагает К., «спасительное благодетование» — это «прекрасное и богоугодное дело, оплот надежды, защита веры, лекарство от греха».

«вещь, находящаяся во власти делающего»; впрочем, одновременно это есть «истинный и величайший дар Божий», с помощью к-рого человек исполняет (perfert) духовную благодать, заслуживает милость (promeretur) у Христа Судии и даже делает Бога своим должником (Deum computat debitorem — De op. et eleem. 26). Если мы творим дела милосердия, Бог не оставит без награды наши заслуги (Ibidem).

О Церкви. Несмотря на то что некоторые положения экклезиологии К. не вошли в практику и не были усвоены церковным преданием (Bévenot. «Primatus Petro datur». 1954), в целом она оставила значительный след в истории христ. мысли. Учение о Церкви, особенно о ее единстве, является центром богословия К.

По убеждению К., Церковь — это единственный путь к спасению, ибо, как вне Ноева ковчега, «вне Церкви нет спасения» (salus extra Ecclesiam non est — Cypr. Carth. Ep. 73. 21; ср.: Ep. 69. 2; De unit. Eccl. 6). Поэтому «кто не пребывает в Церкви Христовой, тот не является христианином» (Ep. 55. 24). В таинственном отношении Церковь — это непорочная и целомудренная Невеста Христа, хранящая верность своему небесному Жениху (De unit. Eccl. 6; Test. adv. Jud. II 19; Ep. 69. 2). Церковь — это также Мать верующих, от к-рой они рождаются; христиане питаются ее молоком, одушевляются ее духом, и поэтому «кто не имеет Церковь Матерью, тот не может иметь Бога Отцом» (Habere jam non potest Deum patrem, qui Ecclesiam non habet matrem — De unit. Eccl. 5–6; ср.: Ep. 74. 7). Как историческая реальность Церковь есть «народ, объединенный со священником, и стадо, послушное своему пастырю» (Ep. 66. 8). Др. словами, «Церковь заключается в епископе, клире и всех, твердо стоящих [в вере]» (Ep. 33. 1). Состав земной Церкви смешанный: в ней есть как «пшеница», так и «плевелы», как «золотые и серебряные», так и «деревянные и глиняные сосуды», как праведники, так и грешники. Никакой человек не может присвоить себе права, к-рое принадлежит только Господу — отделять «пшеницу» от «плевел» (Ep. 54. 3; 55. 25). Те, кто согрешают в Церкви, являются большими (vulnerati) и полуживыми (semianimes), а не мертвыми, и не следует закрывать им путь покаяния (Ep. 55. 16; 15). Святость и чистота

Церкви не могут пострадать от того, что к ней принадлежат грешники, ибо каждый сам отвечает за свои грехи и один не может быть виновен за другого (Ep. 55. 27).

Господом на земле была учреждена единая и единственная Церковь (Ecclesia catholica, quae una et sola est a Domino constituta Ep. 65. 5; ср.: Ep. 55. 24); поэтому, по мнению К., единство — это важнейшее свойство Церкви: «Един Бог, один Христос, едина Церковь Его, едина вера, един народ, соединенный в целостное единство общества союзом согласия» (De unit. Eccl. 23; ср.: Ep. 39. 5). Прообраз церковного единства К. видит в единстве Лиц Св. Троицы (De unit. Eccl. 6; De orat. Dom. 30). Для описания единства во множестве К. использует те же образы, к-рые Тертуллиан относил к Св. Троице: «Церковь едина, хотя с приращением плодородия она распространяется и умножается. Ведь и у солнца много лучей, но один свет; и у дерева много ветвей, но один ствол, крепко основанный на корне; много ручьев вытекают из одного источника, и хотя разлив, происходящий от обилия вод, и кажется многочисленным, однако в самом источнике сохраняется единство... Так и Церковь, озаренная светом Господним, распространяет по всему миру свои лучи, но свет, разливающийся повсюду, один, и единство тела остается нераздельным. По всей земле она плодоносно распространяет свои ветви; обильные реки ее текут на далекое пространство, но при этом остается одна глава, одно начало, одна мать, богатая плодородным потомством» (De unit. Eccl. 5; о параллелях тринитарного и экклезиологического догмата см.: Seagraves 1993. P. 49).

Подобно составителю «Дидакхе», К. использует и евхаристический образ: как многие зерна, собранные вместе, смолотые и замешанные, образуют один хлеб, так и мн. верующие образуют одно Тело, соединяясь во Христе, Который есть наш небесный Хлеб (Cypr. Carth. Ep. 63. 13). По мнению К., это таинство церковного единства (unitatis sacramentum); этот союз нераздельного согласия (vinculum concordiae) в Евангелии символизирует тканым сверху, нешвенным хитом Господним который имел единство, происходящее с неба от Бога Отца, и поэтому не мог быть разорван, но целостно

и нераздельно сохранил свою крепость. Еретики и раскольники, дерзающие раздирать единство Божие, одежду Господню, Церковь Христову, идут прямо против воли Божией (De unit. Eccl. 7–8). Так же как и Тергуллиан, К. полагал, что ереси и расколы изобрел сам дьявол для ниспровержения веры, извращения истины и расторжения единства (Ibid. 3). Еретики и раскольники (schismatici) суть противники Господа и антихристы; находясь вне Церкви, они не имеют благодати Св. Духа и не могут совершать таинства (Ep. 70. 3; 71. 1). У еретиков нет Церкви, потому что она одна и делиться не может; у них нет Св. Духа, потому что Он также один и не может быть у нечестивых и чуждых; поэтому у еретиков нет ни Крещения, ни др. таинств, которые не могут быть отделены ни от Церкви, ни от Св. Духа (Ep. 74. 4).

По мысли К., единство Церкви обеспечивается единством ее епископата: «Вселенская и единая Церковь не разрывается и не разделяется, но связана и скреплена связью священников (т. е. епископов.— А. Ф.), взаимно соединенных друг с другом» (Ep. 66. 8; 55. 24). Епископат был учрежден Самим Господом, ибо «когда Христос определял достоинство епископа и принцип устройства (rationem) Своей Церкви, в Евангелии Он сказал ап. Петру: «Я говорю тебе: ты — Петр, и на сем камне Я создам Церковь Мою, и врата ада не одолеют ее; и дам тебе ключи Царства Небесного: и что свяжешь на земле, то будет связано на небесах, и что разрешишь на земле, то будет разрешено на небесах» (Мф 16. 18–19). Отсюда последовательно во времени и по преемству происходит поставление (ordinatio) епископов и устройство Церкви, так что Церковь утверждается на епископах, и всяким деянием Церкви управляют те же предстоятели; это основано на божественном законе», т. е. на словах Самого Христа (Cypr. Carth. Ep. 33. 1; ср.: Ep. 3. 3; De unit. Eccl. 4). Как ясно из этого текста, К. относит слова из Мф 16. 18–19 не лично к ап. Петру, но ко всему епископату, члены которого, соединенные друг с другом союзом любви и согласия (Ep. 57. 1; 67. 5), совместно управляют Вселенской Церковью (Quasten. Patrology. Vol. 2. P. 375). К. рассматривает ап. Петра в качестве образца для всех последующих

Сцмч. Киприан Карфагенский.
Ок. 1540 г. Мастер из Мессирха
(Гос. галерея, Штуттгарт)

епископов и символа единства Церкви: хотя Господь наделяет равной властью (per potestas) всех апостолов (ср.: Ин 20. 21–23), Он основывает Церковь на Петре, чтобы Своей властью установить «начало и принцип церковного единства» (unitatis origo atque ratio — Cypr. Carth. De unit. eccl. 4, 23; ср.: Exhort. mart. 11; Ep. 43. 5; 70. 3). По мнению К., хотя остальные апостолы были тем же, что и Петр, однако первенство (primatus) дается Петру, чтобы показывать единую Церковь и единое председательство (una Ecclesia et cathedra una); и хотя все суть пастыри, но указывается единое стадо, к-рое пастется всеми апостолами в единодушном согласии (De unit. Eccl. 4). Многочисленное общество священников как преемников апостолов связано узами взаимного согласия и единства (Ep. 68. 3; ср.: Ep. 55. 8); все предстоятели Церкви являются наследниками и заместителями апостолов (apostolis vicaria ordinatione succedunt — Ep. 66. 4). Богоучрежденный «епископат един, и каждый отдельный епископ целостно в нем участвует» (episcopatus unus est cuius a singulis in solidum pars tenetur — De unit. Eccl. 4; ср.: Seagraves. 1993. P. 49, 51–52). В Церкви существует единый «союз священников» (collegium sacerdotum), и кто не сохраняет един-

ства и мира с епископатом, тот от него отделяется и не может иметь ни власти, ни достоинства епископа (Cypr. Carth. Ep. 55. 24). Видимым образом единство епископата выражается на Соборах епископов (Ep. 1. 1; 55. 4 и др.).

Если единство Вселенской Церкви основано на союзе равноправных епископов, то К., подобно свт. Игнатию Богоносцу, полагает, что каждый епископ обеспечивает единство своей поместной Церкви и обладает в ней всей полнотой власти: «Один епископ начальствует в Церкви»; «епископ в Церкви, и Церковь в епископе, и кто не с епископом, тот не в Церкви» (Ep. 66. 5, 8). В избрании и посвящении нового епископа К., не без влияния рим. права (Seagraves. 1993. P. 60–66; Herrmann. 1980. P. 42–52), выделяет 3 необходимых момента. 1) Божественное решение означает, что Бог непосредственно избирает (eligit) и утверждает (facit, constituit, ordinat) каждого нового епископа в его должности (Cypr. Carth. Ep. 55. 8–9; ср.: Ep. 46. 4; 3. 1, 3; 66. 1–2, 4, 9), это выражается затем через посредников — клир и народ, а также др. епископов (см.: Seagraves. 1993. P. 53–55. Not. 56–60). 2) Избрание клиром и народом (cleri ac plebis suffragium, populi suffragium) — в целом термин «suffragium» (избрание, избирательное право, голосование) у К. означает участие церковной общины в избрании и назначении своего епископа, проявляющееся в провозглашении общиной кандидата, в его поддержке и одобрении (Ibid. P. 63–64). Термин «suffragium populi» у К. допускает разные толкования — от действительного избирательного права мирян до лишь формального права провозглашения (acclamatio, nominatio) (см.: Ibid. P. 62). Как отмечает Э. Херрманн (Herrmann. 1980. P. 48), во времена К. suffragium populi могло играть важную роль в соединении с suffragium cleri (см.: Cypr. Carth. Ep. 67; 68. 2). 3) Согласно свидетельству епископов соседних епархий (coepiscoporum testimonium, consensus) (см.: Ep. 55. 8; 66. 1; 67. 4–5; 68. 2). Термин «testimonium» у К. означает положительное свидетельство или поддержку, оказываемую кандидату, к-рая может исходить от епископов, клириков или непосредственно от Бога, но никогда — от церковного народа местной общины. Термин «consensus» в связи с вы-

борами епископа является дополнителем и означает признание новоизбранного кандидата в качестве епископа. За акт признания отвечает собрание соседних епископов. Согласие выражалось в возложении рук, что и означало посвящение (*ordinatio*) нового епископа (см.: *Seagraves*. 1993. P. 65).

Прежде чем быть рукоположенным, кандидат в епископы, как правило, должен был пройти все церковные должности (*per omnia ecclesiastica officia; cunctis religionis gradibus* — *Cypr. Carth.* Ep. 55. 8). Посвящение нового епископа должно быть справедливым и законным, основанным на принадлежащей церковному народу (*plebs*) власти избирать достойных и отвергать недостойных (*potestas eligendi vel recusandi* — Ep. 67. 3). Согласно К., основные функции епископа сводятся к управлению, совершению таинств, учительству и церковному суду (см.: *Seagraves*. 1993. P. 66–72). Во-первых, епископ есть пастырь, мудро управляющий своей паствой, следящий за миром и благочинием и предохраняющий Церковь от расколов (*Cypr. Carth.* Ep. 55. 15; 60. 4–5; 59. 14; 71. 2). Во-вторых, он «священник, замещающий Христа», который подражает действиям Первосвященника Христа и приносит в Церкви истинную и полную жертву Богу Отцу (Ep. 63. 14). Крестить и отпускать грехи могут только представители Церкви (Ep. 73. 7). Священнический авторитет и власть епископа утверждаются божественным признанием (*dignatione*) (Ep. 59. 5). В-третьих, епископ — учитель, который должен крепко придерживаться истинной веры Вселенской Церкви, учить ей и во всех евангельских и апостольских заповедях показывать смысл божественного домостроительства и единства (Ep. 73. 20). Епископ должен наставлять в истинной вере также тех, кто возвращаются в Церковь из ереси (Ep. 70. 3; 73. 22). При этом К. замечает, что епископу следует не только учить, но и учиться, потому что лучше будет учить тот, кто каждый день возрастает и преуспевает в изучении лучшего (Ep. 74. 10). В-четвертых, епископ — это «судья, на время замещающий Христа», имеющий судебную власть над своей Церковью и ее членами (Ep. 59. 5; ср.: Ep. 55. 3); источником этой судебной власти является священнический автори-

тет епископа (Ep. 59. 18; см.: *Seagraves*. 1993. P. 71). Судебная власть епископа реализовывалась, в частности, в праве отлучать от церковного общения и применять другие дисциплинарные взыскания в отношении клириков и мирян (см.: *Cypr. Carth.* Ep. 3. 3; 4. 4; 34. 1, 3–4; 48. 2; 49. 3; 52. 4; 59. 1; 68. 2, 4). В неподчинении епископской власти К. видит причину возникновения расколов и ересей (Ep. 66. 5).

Поведением и нравами епископ должен являть достойный пример для остальных верующих (Ep. 4. 3). В своих действиях епископ руководствуется евангельским законом, заповедями Господними как основным правилом; с ними как с общеобязательной нормой он должен согласовывать местные обычаи (*consuetudo*) своей Церкви (Ep. 73. 13; 74. 9). Если епископ сохраняет союз согласия с др. епископами и единство со Вселенской Церковью, он может действовать самостоятельно, действуя как представитель папского престола (Ep. 55. 21; 59. 14; 72. 3; 73. 26). В споре с Римским еп. сщмч. Стефаном о крещении еретиков К., председательствовавший на Карфагенском Соборе в сент. 256 г., говорил об отношениях между епископами: «Никто из нас не должен делать себя епископом епископов или тираническими угрозами принуждать своих коллег к необходимости подчинения, потому что каждый епископ в силу свободы и власти имеет право своего собственного выбора, и как не может быть судим другим, так и сам не может судить другого; но будем же все ожидать суда Господа нашего Иисуса Христа, Который один только имеет власть поставить нас для управления Своей Церковью и судить о наших действиях» (*Sententiae episcoporum* // PL. 3. Col. 1054). Из этих слов следует, что К. не признавал юрисдикционного примата Римского епископа. Он считал, что ап. Петр был равен с другими апостолами (*hoc erant utique et ceteri quod fuit Petrus* — *De unit. Eccl.* 4) и не претендовал на особую власть среди них: «Даже Петр, которого Господь избрал первым и на котором основал Свою Церковь, когда Павел с ним обсуждал вопрос об обрезании, не присваивал себе чего-то надменно, и ни на что не претендовал высокомерно, и не говорил, что он имеет первенство...» (Ep. 71. 3). Вместе

с тем К. рассматривает Римскую кафедру как «место Петра» (*locus Petri* — Ep. 55. 8) и «кафедру Петра» (*Petri cathedra* — Ep. 59. 14), а Римскую Церковь считает «главенствующей Церковью (*ecclesia principalis*), откуда произошло единство епископата» (*Ibidem*). Тем не менее К. даже в указанном месте не наделяет Рим высшей адм. или судебной властью давать указания др. епископским кафедрам или вмешиваться в дела др. епархий, «поскольку каждому отдельным пастырям вверена часть стада, которой каждый правит и управляет, долженствуя дать отчет в своих действиях Господу» (*Ibidem*). Однако К. считал своей обязанностью сообщать Римскому епископу о предпринимаемых им важнейших действиях (Ep. 59. 9). Т. о., К. признавал за Римской кафедрой только первенство чести и рассматривал Римского епископа как первого среди равных (*Quasten. Patrology. Vol. 2. P. 378*), исполняющего важную координирующую роль (*Bévenot. «Primatus Petro datur»*. 1954. P. 34–35). По словам современного католич. исследователя П. Маттеи, у К. «Римская Церковь (и ее глава)... как обладательница Петрова наследия являет собой гарант общения, хотя это и не предполагает какого-либо ее юрисдикционного или вероучительного первенства» (*Matteu*. 2012. С. 52).

В управлении Церковью (*administratio ecclesiastica*) и совершении таинств (*administratio religiosa*) епископу помогают пресвитеры и диаконы. Пресвитеры образуют своего рода епископский совет и занимают в Церкви особое место (*Cypr. Carth.* Ep. 16. 1; см.: *Seagraves*. 1993. P. 96–97). В их обязанности входит управление паствой, учение, совершение таинств и участие в церковных Соборах (*Seagraves*. 1993. P. 98–109). К. свидетельствует, что в его время пресвитеры могли не только сослужить епископу во время литургии (*Cypr. Carth.* Ep. 12. 2; 16. 2), но и совершать таинства без него (Ep. 5. 2; 14. 2; 15. 1; 18. 1; 72. 2). Клирики, к-рые почтены священством и поставлены на церковное служение, должны служить только алтарю и посвящать время преимущественно молитвам (Ep. 1. 1). Диаконы, избираемые со времен апостолов, являются «служителями епископата и Церкви» (Ep. 3. 3). Они служат в тесном взаимодействии с пресвитерами

(Ер. 5. 2; *Seagraves*. 1993. P. 110–111), имеют определенные учительные функции, в частности наставлять верующих в евангельском законе (*Cypr. Carth.* Ер. 15. 1), а также тайносовершенительные функции —

Сцмч. Киприан Карфагенский.
Роспись ц. Преображения Господня
Покровского мон-ря в Бюси-ан-От.
2004–2007 гг.
Мастер С. Н. Добрынин

совершать таинство Крещения и в крайних случаях таинство Покаяния (см.: Ер. 18. 1; *Seagraves*. 1993. P. 112–113). По свидетельству К., при совершении таинства Евхаристии диаконы прислуживали предстоятелю и причащали верующих из Св. Чаши (*Cypr. Carth. De lapsis*. 25; Ер. 5. 1–2). Кроме того, диаконы, так же как и пресвитеры, доставляли общинам епископские и др. церковные послания и документы (Ер. 29. 1; *Seagraves*. 1993. P. 115), хранили церковную казну (*Cypr. Carth.* Ер. 52. 1) и заботились о нуждающихся и неимущих (Ер. 5. 1; 25. 1; *Seagraves*. 1993. P. 116. Not. 151).

О таинствах. К. упоминает 4 таинства: Крещение, Миропомазание, Покаяние и Евхаристию. Некоторые исследователи добавляют к ним Священство, однако даже если К. и говорит о разных стадиях назначения и посвящения клириков (*divino sacerdotio honorati et in clerico ministerio constituti* — *Cypr. Carth.* Ер. 1. 1), он не описывает это как особое таинство (*Seagraves*. 1993. P. 105).

Таинства Крещения и Миропомазания у К., так же как и у Тертуллиана, рассматриваются вместе; однако в отличие от Тертуллиана К. считает Миропомазание отдельным таинством наряду с Крещением (*sacramento utroque nascantur* — *Cypr. Carth.* Ер. 72. 1). Крещение (*baptisma, baptismum*) означает «второе, духов-

ное рождение, которым мы рождаемся благодаря купели возрождения» (Ер. 74. 5; ср.: Ер. 74. 7; 63. 8; *De unit. Eccl.* 11; *De zel. et liv.* 14; *De bono patient.* 5; *De op. et eleem.* 2; *De unit. Eccl.* 11; *De habitu virginum.* 23; *Ad Demetr.* 26). По словам К., «все, кто приходят к божественной купели для освящения в крещении, благодатью спасительной купели отлагают ветхого человека и, обновленные Святым Духом, в новом рождении очищаются от нечистот древней скверны» (*De habitu virginum.* 23). Крещение есть таинство, в котором умирает в нас ветхий человек и рождается новый (Ер. 74. 6; *De habitu virginum.* 23); крещаемый умирает и погребается для грехов, облачается во Христа (Ер. 74. 5) и совоскресает с Ним в небесном возрождении (*De zel. et liv.* 14). В крещении человек, рождаясь от Матери-Церкви, усыновляется Богом (*De orat. Dom.* 9; *Ad Demetr.* 25; *De bono patient.* 5; Ер. 63. 8; 74. 6–7). В этом таинстве человеку даруется отпущение грехов не только личных, но и прародительского (*De op. et eleem.* 2; Ер. 64. 5; 70. 1–2; 73. 18; 74. 5) (см. ст. *Грех первородный*). Вероятно, поэтому К. в отличие от Тертуллиана признает необходимость крещения младенцев (см.: Ер. 64. 5). По его мнению, крещение должно совершаться сразу же после рождения, а не на 8-й день (*Ibid.* 2). Крещаемый сознательного возраста произносит *Символ веры* (*Symbolum*) и отвечает на вопросы, в частности: «Веришь ли в жизнь вечную и отпущение грехов через святую Церковь?» (Ер. 69. 7; 70. 2). Очистить грехи и освятить человека вода может только тогда, когда имеет Св. Духа, так что крещение без Него невозможно; невозможно облечься во Христа без Духа, как и Духу отделиться от Христа (Ер. 74. 5). Поэтому прежде вода должна быть очищена и освящена священником (Ер. 70. 1). К. настаивает на том, что недостаточно крестить во имя одного Господа Иисуса Христа, но крещение должно совершаться во имя Св. Троицы (Ер. 73. 5, 18). Хотя обычно крещение должно совершаться через погружение, К. признает и крещение через обливание в случае крайней необходимости (напр., в болезни — Ер. 69. 12). Возможно также, что во время крещения священником совершались *экзорцизмы* (см.: *De idol. vanit.* 7; Ер. 69. 15). Подобно Тертуллиану, К. говорит и о «вто-

ром крещении» — «крещении кровью», т. е. мученичестве, к-рое намного превосходнее первого (*Exhort. mart. Praef.* 4; Ер. 73. 22).

Вслед за крещением человек через молитву предстоятеля и возложение рук принимает Св. Духа и запечатлевается «печатью Господней», т. е., по-видимому, крестообразно помазывается миром (Ер. 73. 9; 74. 7). «Тому, кто крещен, — говорит К., — необходимо быть помазанным, чтобы, приняв помазание (*chrisma, id est unctio*), он мог стать помазанныком Божиим и иметь в себе благодать Христову; крещенные же помазываются елеем, освященным на престоле, где совершается Евхаристия» (Ер. 70. 2). Поскольку с Миропомазанием связано принятие Св. Духа, К. называет его «духовным помазанием» (*Ibidem*), в котором крещаемым подается «небесная, божественная благодать» (Ер. 64. 3, 5–6; 63. 8). К. настаивает, что Крещение одно и может совершаться только в Церкви (Ер. 70. 1; 73. 1, 9, 24); так что всех, крестившихся вне Церкви, следует крестить заново (Ер. 70. 1; 71. 1; 73. 1, 21).

В вопросе о таинстве Покаяния К. придерживался традиц. практики Церкви, избегающей 2 крайностей: с одной стороны, неумеренной снисходительности отдельных представителей карфагенского клира (Новата и Фелициссима) и исповедников, которые в его отсутствие без разбора и должного основания даровали прощение всем падшим, а с др. стороны, практики новациан, которые исключали из Церкви всех, совершивших тяжкие грехи (см.: *Болотов. Лекции. Т. 2. С. 374–380, 382*). К. настаивает на том, что Церкви дано право отпускать грехи (*Cypr. Carth.* Ер. 69. 7; 70. 2; 73. 7, 9, 24), причем не только те, к-рые были совершены до крещения, но и те, которые совершены после него (*De op. et eleem.* 1–2; Ер. 55 *passim*). Ибо власть разрешать на земле так, чтобы это было разрешено на небе, Сам Господь сначала дал ап. Петру (Мф 16. 18–19), а после Своего воскресения — и всем апостолам (Ин 20. 21–23). Отсюда ясно, что отпускать грехи могут в Церкви только предстоятели, имеющие основанием евангельский закон и повеление Господа; а вне Церкви ничего не может быть ни связано, ни разрешено, т. к. там нет никого, кто мог бы связать что-нибудь или разрешить (*Cypr.*

Carth. Ep. 73. 7). Только то удовлетворение и прощение угодно Господу, к-рое совершается через священников (*De lapsis.* 29; Ep. 73. 7) или с их согласия — через др. членов клира, т. е. диаконов (Ep. 12. 1). Позицию новациан, считавших, что грешники должны быть исключены из Церкви, К. сравнивает с мнением стоиков, что все грехи — страсти — равны и что мудрец, достигший бесстрастия, не должен поддаваться никаким страстям. Однако христиане не могут придерживаться этой т. зр., ибо она происходит не от милосердия Божия, а от надменности суровой философии (Ep. 55. 16). Никого не должно лишать плода покаяния и надежды примирения, ибо из учения божественного Писания известно, что грешники призываются к принесению покаяния и что кающийся не отказывается в прощении и помиловании (*Ibid.* 27). В отличие от Тертуллиана К. полагает, что всякий грех может быть отпущен кающемуся, в т. ч. идолопоклонство и прелюбодеяние (*Ibid.* 6, 20, 26). Однако после смерти нет исповедания, и находящихся в *аде* нельзя побудить к покаянию, поскольку у них отнят плод покаяния (*Ibid.* 17). Отпуская грехи на земле, предстоятели Церкви не предваряют Господа, Который будет в конце веков судить всех людей, ибо если Он найдет покаяние грешника полным и искренним, то утвердит тогда то, что постановлено ими здесь; если же кто-то обманет священника притворным покаянием, то сердцеведец Бог будет судить о том, чего не увидели предстоятели Церкви, и исправит приговор Своих рабов (*Ibid.* 18). По мнению К., священники не должны быть ни столь суровыми и неумолимыми, чтобы отвергнуть покаяние грешников, ни столь податливыми и слабыми, чтобы безрассудно облегчать им прощение (*Ibid.* 19).

Согласно К., Покаяние состоит из 3 элементов: 1) публичной исповеди (*exomologesis, confessio*), 2) удовлетворения (*satisfactio*) Богу, соответствующего тяжести совершённого греха, 3) отпущения греха (*remissio*) и примирения с Церковью (*pac, reconciliatio*), происшедшего посредством возложения рук епископа и клира (*De lapsis.* 29; Ep. 16. 2; ср.: *Godet.* 1908. Col. 2466). Б. Капелль выделяет помимо этого еще участие в Евхаристии как существенный элемент в примирении кающихся с Церковью

(см.: *Capelle.* 1935). Так или иначе, К. учит, что «покаяние не должно быть меньше преступления» (*Cypr. Carth. De lapsis.* 35). Для принесения удовлетворения Богу за прегрешения необходим пост, плач и рыдание (*iram et offensam ejus jejuniis, fletibus, placentibus, sicut admonet ipse, placemus* — *Ibid.* 29). Хотя, по мнению К., субъективный, личный фактор в процессе покаяния влияет на отпущение грехов (см.: *Ibid.* 17; Ep. 59. 13), объективный, церковный фактор примирения является «залогом жизни», поскольку он есть знак божественного прощения и снисхождения (Ep. 55. 13). К. особенно подчеркивает целостную силу и настаивает на таинственном характере покаяния гораздо сильнее, чем все последующие лат. богословы вплоть до блж. Августина, к-рый развил учение К. в полемике против донатистов.

В учении о Евхаристии К. особенно подчеркивает ее жертвенный характер. Евхаристия есть возобновление Крестной Жертвы; священник перед престолом занимает место Христа и точно воспроизводит то, что ради нас совершил Господь. К. исповедует реальное присутствие Тела и Крови Христовых в таинстве Евхаристии (*De lapsis.* 16; *De orat. Dom.* 18; Ep. 15. 1; 58. 9; 63. 2; 69. 6). Хлеб и вино являются ее незаменимыми элементами (Ep. 63. 2). Смешение в евхаристическом хлебе воды и муки, а в евхаристической чаше воды и вина означает соединение верующих со Христом. По свидетельству К., в его время в Карфагене Евхаристия совершалась не только в воскресенье утром (Ep. 63. 16), но и ежедневно (*De orat. Dom.* 18; Ep. 57. 3), как за здравствующих (Ep. 62. 4), так и за усопших (Ep. 1. 2); кроме того, она совершалась ежегодно в память мучеников (Ep. 39. 3). К. говорит о чудесной силе Евхаристии, оказывающей непреодолимое воздействие на людей (*De lapsis.* 25–26). Евхаристии, совершаемой еретиками и раскольниками, он не признавал (Ep. 72. 2). (Подробнее см. в ст. *Евхаристия.*)

Эсхатология. Хотя в трудах К. в отличие от сочинений Тертуллиана не встречается открытых хилястических (см. ст. *Хилязм*) утверждений (см.: *D'Alès.* 1922. P. 29), он был убежден в скором наступлении конца света (*vergente saeculo, finis atque consummatio mundi, occasus*

mundi, occasus saeculi, saeculi finis — см.: *Cypr. Carth. De idol. vanit.* 11; *De unit. Eccl.* 16; *De mort.* 25; *Exhort. mart. Praef.* 1; Ep. 58. 1–2; 67. 7–8 и др.; см. также: *D'Alès.* 1922. P. 78–80). Основания для такого убеждения К. видит отчасти в Свящ. Писании, отчасти в совр. ему философии. По мнению Ж. Даниелу, на учение К. о конце мира повлияли представления стоиков и эпикурейцев (см. ст. *Эпикуреизм*), в частности *Лукреция Тита Кара* (*Daniélou.* 1978. P. 207–212). Видя приближающиеся новые гонения и угнетение христиан, стихийные бедствия и эпидемии, упадок веры и отсутствие согласия среди самих христиан, К. рассматривает это как ясный признак наступления конца света, указанный в Свящ. Писании. «На нас наваливается бремя преследований и угнетения, и в конце и свершении мира уже приблизилось жестокое время антихриста» (*Cypr. Carth. Exhort. mart. Praef.* 1); «...будем же все готовы к битве и будем помышлять только о славе вечной жизни и о венце за исповедание Господа» (Ep. 58. 1). Охваченный бурями мучительных бедствий, мир уже разрушается (*De mort.* 25). «Противник, с которым мы ведем войну, старый и неприятель древний; прошло уже почти 6000 лет, с тех пор как диавол нападает на человека» (*Exhort. mart. Praef.* 2). Предвосхищая Лактанция и блж. Августина, К. видит прямую параллель между учением о 7 днях творения и 7 тыс. лет мировой истории (*primi in dispositione divina septem dies annorum septem millia continentes* — *Exhort. mart.* 11). С окончанием 6-й тыс. лет закончится и мировая история, а значит, 7-я тыс. должна приходиться на буд. Царство Христа. Впрочем, это учение не играет сколько-нибудь важной роли в его исторической концепции (см.: *Daniélou.* 1978. P. 212; *Schwarte K.-H.* *Die Vorgeschichte der Augustinischen Weltalterlehre.* Bonn, 1966. S. 159–162). К. осмысляет происходящие в мире катастрофические события с философской т. зр.: «Мир уже постарел, он не держится теми силами, какими держался прежде, нет в нем уже той крепости и устойчивости, какими он был богат ранее. Даже когда мы молчим и не приводим никаких доказательств этого из Свящ. Писания и божественных пророчеств, сам мир говорит об этом и в разрушающихся вещах

представляет ясное доказательство своего конца... Необходимо, чтобы умалось то, что с приближением кончины склоняется к дряхлости и истощению... Такой приговор дан миру, такой закон Божий: все начавшееся должно прийти к концу, возросшее — постареть, сильное — ослабеть, великое — умалиться, а ослабев и умалившись, — окончиться» (*Cypr. Carth. Ad Demetr.* 3; ср.: *Luc-ret. De ger. nat.* II 1105–1175).

Смерть для тех, кто праведен и живет верою, для «рабов Божиих, К. рассматривает как переход и переселение ко Христу, в Небесное отечество — рай и Царство Божие, ибо за смертью следует бессмертие, вечный покой» (*Cypr. Carth. De mort.* 22–24, 26, 3–5). Смерть — это призыв Господа, освобождающий от временной жизни с ее непрестанной борьбой со страстями и с дьяволом (*Ibid.* 20, 4–5).

К. особо останавливается на *Втором пришествии* и Судном дне (*Ad Demetr.* 24), дне гнева и отмщения (см. статьи *День Господень*, *Страшный Суд*), когда Господь явится уже не в унижении, но в могуществе (*De bono patient.* 23–24; *De idol. vanit.* 12; *Test. adv. Jud.* II 28–30). Господь сойдет с неба с силой Отмстителя и властью Судии для наказания дьявола и для суда над родом человеческим (*De idol. vanit.* 14). Он будет воздавать обещанные награды за заслуги и дела; приведет нас к Отцу, Которому возвратил нас Своим освящением; наградит вечностью и бессмертием, для к-рого искупил нас Своей животворящей Кровью; введет нас в рай и откроет Царство Небесное (*De op. et elem.* 26). Христиане будут вечно жить и ликовать со Христом, будучи прославлены вместе с Ним; они будут наслаждаться вечным блаженством и радостью пред лицом Бога и приносить Ему вечное благодарение (*Ad Demetr.* 25). В раю христиан ожидают любимые люди, к-рые и теперь заботятся о спасении близких, пребывающих на земле. «Увидеть их, обнять — о, какая это общая радость для них и для нас! Какое веселие в Царстве Небесном, где нет уже страха смерти, какое высочайшее и нескончаемое блаженство при вечной жизни! Там славный лик апостолов, там сонмы радующихся пророков, там бесчисленное множество мучеников, увенчанных за победу в страдании, там торжествующие

девы, силой воздержания победившие плотские и телесные вождления; там получившие награду милосердные, которые, снабжая пищу и щедрыми подаяниями нищих, совершили праведные деяния и свои земные богатства перенесли в сокровищницы небесные» (*De mort.* 26; ср.: *Exhort. mart.* 12–13). При этом одни в награду за свои труды удостоются большей благодати и лучших обителей в Царстве Небесном (*De habitu virginum.* 33). Если верующим Христос дарует в награду вечную жизнь, то неверующим Он назначит вечные мучения в пламени геенны (*Ad Demetr.* 23; ср.: *De bono patient.* 24). Души осужденных «сохранятся со своими телами для страдания в нескончаемых истязаниях» (*Ad Demetr.* 24). Но их мучения и наказания останутся без плода покаяния; плач будет напрасен, мольбы недействительны (*Ibidem*). Так же как Тертуллиан, К. полагает, что мучения грешников будут видеть праведники (*Ibidem*).

Соч.: PL. 3. Col. 699–838, 851–862, 972–976, 990–998, 1013–1019, 1021–1034, 1036–1044, 1046–1051; PL. 4; CSEL. Vol. 3. Pars 1–3; CCSL. Vol. 3A–C; Vol. 3D. P. 711–833; Correspondance / Éd., trad. L. Bayard. P., 1961–1962². 2 vol.; A. Donat, et La Vertu de patience. P., 1982. (SC; 291); La Bienfaisance et les Aumônes. P., 1999. (SC; 440); Nouvelle histoire de la littérature latine / Éd. R. Herzog, P. L. Schmidt. Turnhout, 2000. Vol. 4. P. 596–602; A. Démétrien. P., 2003. (SC; 467); L'unité de l'Église. P., 2006. (SC; 500); La Jalousie et l'Envie. P., 2008. (SC; 519); Ceux qui sont tombés. P., 2012. (SC; 547); Epistolari / Éd. J. Vergés; trad. T. Bellpuig. Barcelona, 1929–1931. 2 vol.; Lettres 1–20 / Éd., trad. S. Deléani. P., 2007; *рус. пер.*: Творения сщмч. Киприана, еп. Карфагенского / Общ. ред.: А. И. Сидоров. М., 1999; Отцы и учителя Церкви 3-го века: Антология. М., 1996. Т. 2. С. 274–381; Письма: Нов. пер. // БТ. 1985. Сб. 26. С. 197–221.

Ист.: *Pontius. Vita*; Idem: *Vita e martirio di San Cipriano* / Introd., testo crit., versione e note a cura di M. Pellegrino. Alba, 1955; Idem: *Vita di Cipriano* / Ed. e trad. A. A. R. Bastiaensen // *Vite dei santi*. R., 1975. Vol. 3. P. 4–49; *Acta proconsularia S. Cypriani*; *Acta Cypriani* // *Atti e Passioni dei martiri* / A cura di A. A. R. Bastiaensen e a. Mil., 1995³. P. 193–231.

Библиогр.: *Chevalier U. Répertoire des sources historiques du Moyen Âge*. P., 1877. Vol. 1. Col. 329–331; *The Ante-Nicene Fathers: The Writings of the Fathers down to A. D. 325*. N. Y., 1887. Vol. 10; *Bibliographical Synopsis and Indexes* / Ed. E. C. Richardson, B. Pick. P. 59–63; *Bardenhewer O. Patrologie*. Freiburg i. Br., 1894. S. 200–204; CPG, N 38–51; *Chronica Tertulliana et Cypriana*, 1975–1994; *Bibliogr. critique de la première littérature latine chrétienne* / Éd. R. Braun. P., 1999; *Chronica Tertulliana et Cypriana*, 2010 // *REAug*, 2011. Vol. 57. P. 375–427; Idem, 2011 // *Ibid.* 2012. Vol. 58. P. 323–372. Лит.: *Порфирий (Попов), архим.* Св. Киприан, еп. Карфагенский // *ПрТСО*. 1856. Ч. 15. Кн. 4. С. 494–595; *Freppel Ch. E. Saint Cyprien et l'Ég-*

lise d'Afrique. P., 1865; *Катанский А. Л.* Догматическое учение о семи церковных таинствах в творениях древнейших отцов и писателей Церкви до Оригена включительно: Ист.-догматич. иссл. СПб., 1877. М., 2003⁹. С. 334–388; *Peters J. Der heilige Cyprian von Karthago: Bischof, Kirchenvater und Blutzeuge Christi, in seinem Leben und Wirken*. Regensburg, 1877; *Fechtrup B. Der heilige Cyprian*. Münster, 1878; *Успенский П.* Учение Киприана Карфагенского о Церкви // *ЧОЛДП*. 1884. № 3. Отд. 1. С. 256–292; *Ritschl O. K. Cyprian von Karthago und die Verfassung der Kirche: Eine kirchengeschichtliche und kirchenrechtliche Untersuchung*. Gött., 1885; *Балановский А. Ф., свящ.* Взгляд св. Киприана на Церковь и епископскую власть в его отношении к вопросу о власти Римского папы // *ПО*. 1886. Т. 3. № 11. С. 595–614; *Молчанов А. В., свящ.* Св. Киприан Карфагенский и его учение о Церкви. Каз., 1888; *Goetz K. G. Das Christentum Cypriani: Eine historisch-kritische Untersuchung*. Giessen, 1896; *Benson E. W. Cyprian: His Life, his Times, his Work*. L., 1897; *Muir W. Cyprian: His Life and Teachings*. Edinb., 1898; *Heidenreich J. Der neutestamentliche Text bei Cyprian*. Bamberg, 1900; *Bayard L. Le latin de Saint Cyprien*. P., 1902; *Chapman J. Les interpolations dans le traité de S. Cyprien sur l'unité de l'Église* // *RBen*. 1902. Т. 19. P. 246–254, 357–373; 1903. Т. 20. P. 26–51; *idem*. The Interpolations in St. Cyprian's «De Unitate Ecclesiae» // *JThSt*. 1904. Vol. 5. P. 634–636; *Monceaux P. Histoire littéraire de l'Afrique chrétienne depuis les origines jusqu'à l'invasion arabe*. P., 1902. Vol. 2: Saint Cyprien et son temps; *idem*. Saint Cyprien, évêque de Carthage. P., 1914; *Nelke L. Die Chronologie der Correspondenz Cyprians und der pseudocyprianischen Schriften «Ad Novatianum» und «Liber de rebaptismate»*. Diss. Thorn, 1902; *Soden H., von. Die cyprianische Briefsammlung: Geschichte ihrer Entstehung und Überlieferung*. Lpz., 1904; *Watson E. The Interpolations in Cyprian's «De unitate Ecclesiae»* // *JThSt*. 1904. Vol. 5. P. 432–436; *Faulkner J. A. Cyprian, the Churchman*. Cincinnati, 1906; *Riou G. La genèse de l'unité catholique et la pensée de Cyprien*. Diss. P., 1907; *Godet P. Cyprien* // *DTC*. 1908. Т. 3. Col. 2459–2470; *Poschmann B. Die Sichtbarkeit der Kirche nach der Lehre des hl. Cyprian: Eine dogmengeschichtliche Untersuchung*. Paderborn, 1908; *De Longis G. Studio su Cecilio Cipriano*. Benevento, 1909; *Koch H. Cyprian und der römische Primat*. Lpz., 1910; *idem*. Cyprianische Untersuchungen. Bonn, 1926; *idem*. *Cathedra Petri*. Giessen, 1930; *Иларион (Троицкий), сщмч.* Очерки из истории догмата о Церкви. Серг. П., 1912. М., 1997⁹. С. 361–470; *Ernst J. Cyprian und das Papstum*. Mainz, 1912; *Delehaye H. Cyprien d'Antioche et Cyprien de Carthage* // *AnBoll*. 1921. Vol. 39. P. 314–332; *Boutet J. Saint Cyprien, évêque de Carthage et martyr*. Avignon, 1922; *D'Alès A. La théologie de Saint Cyprien*. P., 1922; *Beck A. Römisches Recht bei Tertullian und Cyprian: Eine Studie zur frühen Kirchenrechtsgeschichte*. Halle, 1930; *Poole G. A. The Life and Times of Saint Cyprian*. L., 1930; *Зернов Н. М.* Св. Киприан Карфагенский и единство Вселенской Церкви // *Путь*. П., 1933. № 39. С. 18–40; *Eynde D., van den.* La double édition du «De unitate» de S. Cyprien // *RHE*. 1933. Vol. 29. P. 5–24; *Capelle B. L'absolution sacerdotale chez S. Cyprien* // *RTAM*. 1935. Т. 7. P. 221–234; *Perler O. «De catholica Ecclesia unitate», cap. 4–5: Die ursprünglichen Texte, ihre Überlieferung, ihre Datierung* // *RQS*. 1936. Bd. 44. S. 151–168; *idem*. Zur Datierung der beiden

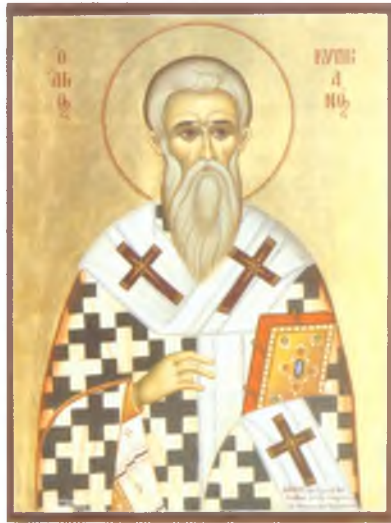

- Fassungen des vierten Kapitels «De unitate Ecclesiae» // *Ibid.* S. 1–44; *idem.* Cyprians Traktat «De catholica Ecclesia unitate» in einer Freiburger Handschrift // *Zschr. f. schweizerische Kirchengeschichte.* Freiburg, 1936. Bd. 30. S. 49–57; *Schrijnen J., Mohrmann Chr.* Studien zur Syntax der Briefe des hl. Cyprian. Nijmegen, 1936–1937. 2 Bde; *Bévenot M.* St. Cyprian's «De unitate», chap. 4, in the Light of the Manuscripts. R., 1937. (AnGreg; 11); *idem.* A New Cyprianic Fragment // *BJRL.* 1944. Vol. 28. N 1. P. 76–82; *idem.* A Bishop is Responsible to God Alone: Saint Cyprian // *RechSR.* 1951. T. 39. P. 397–415; *idem.* «Hi qui sacrificaverunt»: A Significant Variant in St. Cyprian's «De unitate» // *JThSt.* N. S. 1954. Vol. 5. N 1. P. 68–72; *idem.* «Primatus Petro datur»: St. Cyprian and the Papacy // *Ibid.* P. 19–35; *idem.* The Sacrament of Penance and St. Cyprian's «De lapsis» // *ThSt.* 1955. Vol. 16. P. 175–213; *idem.* The Tradition of Manuscripts: A Study in the Transmission of St. Cyprian's Treatises. Oxf., 1961; *idem.* Cyprian and his Recognition of Cornelius // *JThSt.* N. S. 1977. Vol. 28. N 2. P. 346–359; *Merkx P. A. H. J.* Zur Syntax der Kasus und Tempora in den Traktaten des hl. Cyprian. Nijmegen, 1939; *Pacuszka C.* Saint Cyprien pasteur de l'église de Carthage: Diss. P., [1940]; *Ehrhardt A. A.* Cyprian, the Father of Western Christianity // *Church Quarterly Rev. L.*, 1942. Vol. 133. P. 178–196; *Fichter J. H.* St. Cecil Cyprian, Defender of the Faith. St. Louis; L., 1942; *Taylor J. H.* St. Cyprian and the Reconciliation of Apostates // *ThSt.* 1942. Vol. 3. P. 27–46; *Hummel E. L.* The Concept of Martyrdom according to St. Cyprian of Carthage. Wash., 1946; *Melin B.* Studia in corpus Cyprianum. Upsaliae, 1946; *Ludwig J.* Der heilige Märtyrerbischof Cyprian von Karthago: Ein kulturgeschichtliches und theologisches Zeitbild aus der afrikanischen Kirche des 3. Jh. Münch., 1951; *Bakhuizen Brink J. N., van den.* Cyprianus van Carthago, 258 – 14 September – 1958. Amst., 1958; *Capmany J.* San Cipriano de Cartago: Maestro y pastor en la persecución // *Estudios Eclesiásticos.* Madrid, 1959. Vol. 33. N 130. P. 275–302; *Colson J.-M.* L'évêque: Lien d'unité et de charité chez Cyprien de Carthage. P., 1961; *Renaud B.* Eucharistie et culte eucharistique selon Saint Cyprien: Diss. Louvain, 1967; *Walker G. S. M.* The Churchmanship of St. Cyprian. L., 1968; *Saxer V.* Vie liturgique et quotidienne à Carthage vers le milieu du IIIe siècle: Le témoignage de S. Cyprien et de ses contemporains d'Afrique. Vat., 1969; *Simonis W.* Ecclesia visibilis et invisibilis: Untersuchungen zur Ekklesiologie und Sakramentenlehre in der afrikanischen Tradition von Cyprian bis Augustinus. Fr./M., 1970; *Fahey M. A.* Cyprian and the Bible: A Study in Third-Century Exegesis. Tüb., 1971; *Wickert U.* Sacramentum unitatis: Ein Beitrag zum Verständnis der Kirche bei Cyprian. B.; N. Y., 1971; *Duquenne L.* Chronologie des lettres de S. Cyprien: Le dossier de la persécution de Dèce. Brux., 1972; *Alföldy G.* Der heilige Cyprian und die Krise des römischen Reiches // *Historia: Zschr. für Alte Geschichte.* Wiesbaden etc., 1973. Bd. 22. H. 3. S. 479–501; *Hinchcliff P.* Cyprian of Carthage and the Unity of the Christian Church. L., 1974; *Gülzow H.* Cyprian und Novatian: Der Briefwechsel zwischen den Gemeinden in Rom und Karthago zur Zeit der Verfolgung des Kaisers Decius. Tüb., 1975; *Mohrmann Chr.* La «Vita Cypriani» // *Vite di santi / A cura di A. A. R. Bastiaensen.* Verona, 1975. Vol. 3. P. IX–XXVI; *Sage M. M.* Cyprian. Camb. (Mass.). 1975; *Saumagne Ch.* St. Cyprien, évêque de Carthage. «pape» d'Afrique (248–258): Contribution à l'étude des «persécutions» de Dèce et de Valérien. P., 1975; *Jacobs J. W.* Saint Cyprian of Carthage as Minister: A Study of Cyprian's Language for the Problem of Christian Living and Pastoral Concerns and Relationships, and of the Dimensions, Models, and Structures of his Ministry: Diss. Ann Arbor, 1976; *Daniélou J.* Les Origines du Christianisme Latin. P., 1978; *Deléani S.* Christum sequi: Étude d'un thème dans l'oeuvre de saint Cyprien. P., 1979; *Herrmann E.* Ecclesia in re publica. Fr./M.; Bern; Cirencester, 1980; *Gallo P.* San Cipriano di Cartagine e la penitenza: Diss. [Friburgo], 1981; *Swann W. S.* The Relationship between Penance, Reconciliation with the Church and Admission to the Eucharist in the Letters and the «De lapsis» of Cyprian of Carthage: Diss. [Ann Arbor], 1981; *Molager J.* Introduction // *Cyprien de Carthage.* A Donat, et La vertu de patience. P., 1982. P. 9–73. (SC; 291); *Amidon P. R.* The Procedure of St. Cyprian's Synods // *VChr.* 1983. Vol. 37. N 4. P. 328–339; *Kaczmarek T.* «Sacramentum Christi» nell'insegnamento di S. Cipriano: Il II libro dell' «Ad Quirinum»: Diss. R., 1983; *Osawa T.* Das Bischofseinsetzungsverfahren bei Cyprian: Historische Untersuchungen zu den Begriffen «iudicium», «suffragium», «testimonium», «consensus». Fr./M.; N. Y., 1983; *Laurance J. D.* «Priest» as Type of Christ: The Leader of the Eucharist in Salvation History according to Cyprian of Cathage. N. Y., 1984; *Groves C. V.* Cyprian of Carthage: His Understanding of Religious Leadership in the Controversy with the Lapsed: Diss. Chicago, 1985; *Younge R. G.* Cyprian of Carthage: Conversion and Influence: Diss. Ann Arbor, 1985; Cyprien: Traités: Concordance, documentation lexicale et grammaticale / Éd. P. Bouet e. a. Hildesheim; Zürich; N. Y., 1986; *Quasten.* Patrology. 1986³. Vol. 2. P. 340–382; *Buchheit V.* Non agnitione sed gratia (Cypr. Don. 2) // *Hermes: Zschr. f. klassische Philologie.* Stuttgart, etc., 1987. Bd. 115. N 4. S. 318–334; *idem.* Non homini sed deo (Cypr. Don. 3–4) // *Ibid.* 1989. Bd. 117. N 2. S. 210–226; *Bobertz Ch. A.* Cyprian of Carthage as Patron: A Social Historical Study of the Role of Bishop in the Ancient Christian Community of North Africa: Diss. [New Haven], 1988; *idem.* «For the Vineyard of the Lord of Hosts Was the House of Israel»: Cyprian of Carthage and the Jews // *JQR.* 1991. Vol. 82. N 112. P. 1–15; *idem.* An Analysis of «Vita Cypriani» 3. 6–10 and the Attribution of «Ad Quirinum» to Cyprian of Carthage // *VChr.* 1992. Vol. 46. N 2. P. 112–128; *Kapand'a Mbal L.* Ecclesia tamquam locus salutis: Unitas ut symbolum communionis omnium credentium cum deo patre, filio et spiritu sancto ad mentem sancti Cypriani: Diss. R., 1989; *Cavallo S.* Il magistero episcopale di Cipriano di Cartagine: Aspetti metodologici. Piacenza, 1990; *Федосик В. А.* Киприан и античное христианство. Минск, 1991; *Grataglia P. A.* Cipriano e il primato romano // *RSLR.* 1992. Vol. 28. N 2. P. 185–213; *Lo Cicero C.* La persecuzione come punizione divina in Cipriano: Motivi biblici e classici // *Res Publica Litterarum.* Lawrence (Kansas), 1992. Vol. 15. P. 91–97; *Robeck C. M.* Prophecy in Carthage: Perpetua, Tertullian, and Cyprian. Cleveland, 1992; *Adolph A.* Die Theologie der Einheit der Kirche bei Cyprian. Fr./M.; N. Y., 1993; *Seagraves R.* Pascentes cum disciplina: A Lexical Study of the Clergy in the Cyprianic Correspondence. Fribourg, 1993; *Roldanus J.* No Easy Reconciliation: St. Cyprian on Conditions for Re-Integration of the Lapsed // *J. of Theology for Southern Africa.* Braamfontein, 1995. N 92. P. 23–31; *Labrousse M.* Le baptême des hérétiques d'après Cyprien, Optat et Augustin: Influences et divergences // *REAug.* 1996. Vol. 42. N 2. P. 223–242; *Scourfield J. H. D.* The «De Mortalitate» of Cyprian: Consolation and Context // *VChr.* 1996. Vol. 50. N 1. P. 12–41; *Sebastian J. J.* «Baptisma unum in sancta ecclesia»: A Theological Appraisal of the Baptismal Controversy in the Work and Writings of Cyprian of Carthage. Delhi, 1997; *Fitzgerald P. J.* A Model for Dialogue: Cyprian of Carthage on Ecclesial Discernment // *ThSt.* 1998. Vol. 59. N 2. P. 236–253; *Clarke G. W.* Dissertatio biographica / Chronologica de Cypriani vita ac scriptis // *CCSL.* 1999. Vol. 3D. P. 679–709; *Favazza J. A.* Chaos Contained: The Construction of Religion in Cyprian of Carthage // *Questions liturgiques.* Leuven, 1999. Vol. 80. N 2. P. 81–90; *Poirier M.* Introduction // *Cyprien de Carthage.* La Bienfaisance et les Aumônes. P., 1999. P. 15–64. (SC; 440); *idem.* Introduction // *Cyprien de Carthage.* La Jalousie et l'Envie. P., 2008. P. 7–51. (SC; 519); *Hoffmann A.* Kirchliche Strukturen und römisches Recht bei Cyprian von Karthago. Paderborn, 2000; *idem.* Die Kirche – einig, heilsnotwendig, auf göttliches Gesetz gegründet: Grundlagen des Kirchenverständnisses bei Cyprian von Karthago // *Väter der Kirche: Ekklesiales Denken von den Anfängen bis in die Neuzeit / Hrsg. J. Arnold et al.* Paderborn, 2004. P. 365–388; *Nsuka-Nkoko I. B.* Christifidelium officia in quibusdam sancti Cypriani libellis eorumque fontibus: Diss. R., 2000; *Burns J. P.* Confessing the Church: Cyprian on Penance // *StPatr.* 2001. Vol. 36. P. 338–348; *idem.* Cyprian the Bishop. L.; N. Y., 2002; *idem.* Appropriating Augustine appropriating Cyprian // *Augustinian Studies.* Villanova, 2005. Vol. 36. N 1. P. 113–130; *Duval Y.* Celerinus et les siens d'après la correspondance de Cyprien (Ep. 21–23, 37, 39) // *REAug.* 2001. Vol. 47. N 1. P. 33–62; *Brent A.* Cyprian's Reconstruction of the Martyr Tradition // *JEcclH.* 2002. Vol. 53. N 2. P. 241–268; *Musoni A.* Habere iam non potest Deum patrem qui ecclesiam non habet matrem (De unit. 6): La maternité ecclésiastique chez Cyprien de Carthage et ses implications théologiques: Diss. R., 2002; *Афанасьев Н. Н., протопр.* Церковные Соборы и их происхождение. М., 2003. С. 120–167; *Dunn G. D.* «Sententiam nostram non novam promimus»: Cyprian and the Episcopal Synod of 255 // *AHC.* 2003. Bd. 35. S. 211–221; *idem.* The White Crown of Works: Cyprian's Early Pastoral Ministry of Almsgiving in Carthage // *Church History.* Chicago etc., 2004. Vol. 73. N 4. P. 715–740; *idem.* Validity of Baptism and Ordination in the African Response to the «Rebaptism» Crisis: Cyprian of Carthage's Synod of Spring 256 // *ThSt.* 2006. Vol. 67. N 2. P. 257–274; *Fredouille J.-C.* Introduction // *Cyprien de Carthage.* A Démétrien. P., 2003. P. 9–54. (SC; 467); *Mwander M.* Consortium familiare Ecclesiae: Fundamenta communionis apud Cyprianum: Diss. R., 2003; *Саарда Н. И.* Лекции по патрологии I–IV в. М., 2004. С. 500–516; *Фокс А. Р.* Латинская патрология. М., 2005. Т. 1. С. 160–206; *Christol M.* Cyprien de Carthage et la chute de l'empire romain // *Idem.* Regards sur l'Afrique romaine. P., 2005. P. 213–228, 263–267; *Mali F.* Pneumatologie und Ekklesiologie bei Cyprian von Carthago // *Der Heilige Geist im Leben der Kirche: Forscher aus dem Osten und Westen Europas an den Quellen des gemeinsamen Glaubens: Pro Oriente—Studientagung «Der Heilige Geist bei den griechischen und lateinischen Kirchenvätern im ersten Jahrtausend».* Wien, Juni 2003 / Hrsg. Y. de Andia, P. L. Hofrichter. Innsbruck; W., 2005. P. 249–259; *Moreschini C., Norelli E.* Cyprian, Bishop

of Carthage // Early Christian Greek and Latin Literature / Ed. C. Moreschini, E. Norelli. Peabody, 2005. Vol. 1. P. 364–378; *Wasilewski S.* Pacis magisterium apud sanctum Cyprianum: Diss. R., 2005; *Evers A. W. H.* Cyprianus van Carthago: Bisschop, martelaar... Afer! // *Hermeneus*. Zwolle, 2006. Jg. 78. N 2. S. 138–148; *Gui Q. A.* L'unité de l'Église selon saint Cyprien de Carthage: Diss. Fribourg, 2006; *Mattei P., Siniscalco P.* Introduction // *Cyprien de Carthage*. L'unité de l'Église. P., 2006. P. 9–135. (SC: 500); *Nuovo dizionario patristico e di antichità cristiane*. Genova: Mil., 2006–2008². 3 vol.; *Carpin A.* Battezzati nell'unica vera Chiesa? : Cypriano di Cartagine e la controversia battesimale. Bologna, 2007; *Gryson R.* Répertoire général des auteurs ecclésiastiques latins de l'antiquité et du haut Moyen Âge. Freiburg i. Br., 2007. T. 1; *Proksch B.* Christus in den Schriften Cyprians von Karthago. W.; B., 2007; *Ciccolini L.* Legis ac disciplinae memor: Le chrétien face aux persécutions chez Cyprien de Carthage // *Camenuela. P.* 2008. N 2. P. 1–20; *Bernardini P.* Un solo battesimo, una sola Chiesa: Il Concilio di Cartagine del settembre 256. Bologna, 2009; *Veronese M.* Introduzione a Cipriano. Brescia, 2009; *Brent A.* Cyprian and Roman Carthage. Camb., 2010; *Cyprian of Carthage: Studies in his Life, Language and Thought* / Ed. H. Bakker. Leuven, 2010; *Маттеи П.* Римский примат в восприятии африканских христиан: Предыстория, содержание и исторические следствия // *Вестн. ПСТГУ. Сер. 2: История. История РПЦ.* 2012. Вып. 4(47). С. 40–61.

А. Р. Фокин

Почитание К. На Востоке почитание К. сложилось не позднее IV в. По свидетельству *Евсевия* Кесарийского, уже в кон. III — нач. IV в. письма и др. сочинения святого были доступны в вост. областях Римской империи (*Euseb. Hist. eccl. VI 43. 3; VII 3. 1*). В кон. IV в. в К-поле сторонники ереси еп. *Македония I* использовали сборник посланий К. с приложенным сочинением *Новациана «О Троице»* (CPL, N 71; см.: *Rufin. De adult. lib. Orig. 41*). Однако в отличие от зап. провинций империи на Востоке о жизни Карфагенского епископа было известно немного. Возможно, это объясняет появление легендарного сказания о К., к-рое сохранилось в неск. версиях. От латинских источников (Акты К. и «Жизнь Киприана» диак. *Понтия*) это сказание отличается прежде всего сведениями о том, что К. был чернокнижником, пришедшим к истинной вере благодаря любви к некоей христианке, к-рую ему не удалось совратить с помощью демонов. Впосл. он стал епископом и принял мученическую кончину. По мнению некоторых исследователей, эти сведения были заимствованы из легенды о сщмч. Киприане, еп. Антиохийском (пам. 2 окт.; см. ст. *Киприан и Иустина*). Согласно *И. Делез*, самый ранний датированный пример

Сщмч. Киприан Карфагенский.
Икона. Нач. XXI в. (частное собрание)

смешения К. и Киприана Антиохийского — речь свт. Григория Богослова, произнесенная в 379 г. (*Greg. Nazianz. Or. 24*). Святитель говорил о том, что К., уроженец Карфагена, был известен богатством и благородным происхождением. Он успешно практиковал магию и однажды решил прельстить некую девицу, славившуюся необычайной красотой. К. послал к ней беса, однако тот был бессилен перед девушкой, т. к. она была христианкой. Узнав об этом, К. раскаялся в своей прежней жизни, на глазах у верующих сжег магические книги и был принят Церковью. Впосл. он не только возглавил Карфагенскую кафедру, но и стал пастырем христиан всей Африки и даже всего Запада. Когда имп. Деций начал жестоко преследовать христиан, он отправил К. в ссылку, надеясь т. о. лишить верующих наставника. Но и в изгнании епископ продолжал кормить верующих, наставляя их в письмах смело переносить страдания за Христа. Тогда гонители отрубили К. голову. Тело мученика таинственным образом исчезло, но впосл. было чудесно обнаружено во владении некоей благочестивой дамы. Свт. Григорий называет К. великим мучеником, известным всему миру, составлявшим славу и гордость Африканской Церкви.

Более подробное повествование сохранилось в арм. Мученичестве К., к-рое, по мнению Ф. К. Конибира, было переведено с греч. языка в V в. (*Conybear. 1922*). Текст Мученичества был издан Н. Акиньяном по 2 рукописям (Paris. arm. 118, 178; изд.: *Akinian. 1922*). Согласно арм.

Мученичеству, К. был философом и языческим жрецом из очень богатой семьи, жившей в Карфагене. Он превосходил мн. магов и был знаменит своим колдовством. Однажды К. наслал на одну юную христианку демонов, чтобы прельстить ее, но девица оградила себя крестным знаменем и отогнала бесов молитвой и постом. Узнав об этом, К. уверовал во Христа, пришел к дверям церкви («синагоги») и просил принять его. Он сжег на глазах у христиан свои магические книги и все приобретенное нечестивым путем, а деньги, нажитые честным способом, раздал нищим. На протяжении 3 лет К. изучал Свящ. Писание и принесил покаяние. Затем он был возведен в сан диакона и часто произносил проповеди, а после смерти местного епископа был избран его преемником. Однако вскоре диавол внушил имп. Децию начать гонение на христиан и в первую очередь принудить К. отречься от веры. Правитель призвал К. на суд, чтобы заставить его принести жертвы идолам, надеясь, что за пастырем последуют и др. христиане. Однако К. не поддавался на уговоры Деция, к-рый приказал избить епископа кнутом, а затем бросить в темницу, думая т. о. сломить его волю. Напротив, К. в письмах наставлял христиан терпеливо переносить страдания и не бояться мученической кончины. Диавол, увидев тщетность своих усилий, решил поссорить христиан. На Соборе было решено простить «павших», т. е. отрекшихся христиан, к-рые принесли жертвы идолам по принуждению. По наущению диавола против этого решения выступили ригористы, к-рые отказывались принимать «павших». Но К., опираясь на авторитет ап. Петра, прекратил раздоры: в Церковь после покаяния могли вернуться лишь те, кто вынужденно принесли жертву, сделавшим это добровольно было отказано в приеме. Ригористы были анафематствованы, церковный мир восстановлен. Императоры Валериан и Валион (*Valiōn*, т. е. *Галлиен*) вновь призвали К. на суд, требуя, чтобы он совершил жертвоприношение. За отказ выполнить повеление и за непреклонное исповедание веры епископ был приговорен к усекновению мечом.

По мнению Конибира, автор Мученичества мог использовать в качестве источника Проконсульские

акты К., а возможно, и сказание «Жизнь Киприана», составленное диак. Понтием, о чем свидетельствуют нек-рые лит. параллели (*Conybeare*. 1922. S. 275–276). В ряде подробностей повествование арм. Мученичества совпадает с рассказом испан. поэта Пруденция в цикле поэм «О венцах мучеников» (рубеж IV и V вв. — *Prudent. Perist.* 13). Так, в обоих источниках сообщается о том, что К. принадлежал к знатному роду и до обращения ко Христу был чернокожником, что гонители заточили епископа в темницу, но он по-прежнему увещевал христиан мужественно отстаивать свою веру. Упоминания о Соборе, на котором рассматривалась проблема «павших», о контактах африканских христиан с Римской кафедрой и о том, что К. ссылался на авторитет ап. Петра, скорее всего свидетельствуют о знакомстве составителя Мученичества с посланиями и др. сочинениями К.

Смешение агиографических преданий о К. и о сщмч. Киприане Антиохийском привело к тому, что на Востоке память о Карфагенском епископе была почти утрачена, его богослужбное поминовение не совершалось. *Симеон Метафраст* в Житии святых Киприана и Иустины отождествил Киприана Антиохийского с К. (PG. 115. Col. 848–881). Смешение святых прослеживается также в сказании араб. сиро-яковитского синаксаря (XIII–XIV вв. — *SynAlex*. 1993^г. Т. 1. P. 283–285). В Эфиопии было известно о сочинениях К. (*Cypr. Carth.* Ep. 70), но почитание этого святого в отличие от почитания Киприана Антиохийского отсутствовало (*Bausi* A. *Cyprian of Carthage* // *EncAeth.* Т. 1. P. 842).

В греч. синаксарях и месяцесловах память К. не встречается. В некоторых древнерус. и южнослав. календарях поминовение К. указывалось под 12 или 13 сент.: в месяцесловах болг. Слепченского Апостола кон. XII в., болг. Герова Евангелия (НБКМ. № 842) 2-й пол. XIII в. и рус. Евангелия (ГИМ. Чертк. № 236) кон. XIV — нач. XV в. (*Лосева* О. В. Русские месяцесловы XI–XIV вв. М., 2001. С. 67, 74, 152).

Почитание К. в РПЦ было установлено после того, как свт. *Димитрий*, митр. Ростовский, внес сведения о святом в «Книгу житий святых» под 31 авг. (причины выбора им этой даты неясны). Приведенное свт. Димитрием сказание — перера-

ботка «Жизни Киприана» диак. Понтия с добавлением сведений из Актов К. (*Димитрий (Туптало), свт. Ростовский*). Книга житий святых. М., 1764. Т. 4: Июнь—авг. Л. 557 об.—559 об.). По-видимому, оба источника были известны свт. Димитрию по изданию Лаврентия *Сурия*, который опубликовал также проповедь блж. Августина в честь К. (*Aug. Serm.* 309 — *De probatis sanctorum historis* / Ed. L. Surius. Coloniae, 1574. Т. 5. P. 221–230).

Под влиянием рус. традиции память К. под 31 авг. была внесена в календари Болгарской и Сербской Православных Церквей. В тот же день память К. отмечается в Грузинской Православной Церкви. В Румынской Православной Церкви память К. празднуется 13 сент.

В Элладской Православной Церкви поминовение К. отсутствует. Иером. Макарий Симонопетрит, составитель «Нового Синаксариста Православной Церкви», указал день памяти К. и внес его Житие под 16 сент. в соответствии с календарем Римско-католической Церкви (*Νέος Συναξαριστής τῆς Ὀρθοδόξου Ἐκκλησίας / Ὑπό ἱερομ. Μακαρίου Σιμωνοπετρίτου. Ἀθήνα, 2011². Т. 1: Σεπτέμβριος. Σ. 217–220*).

Лит.: *Delehaye* H. *Cyprien d'Antioche et Cyprien de Carthage* // *AnBoll.* 1921. Vol. 30. P. 314–332; *Akimian* N. *Das Martyrium des hl. Cyprian, Bischofs von Karthago* // *Handes Am-sorya. W.*, 1922. Bd. 36. S. 1–17 (на арм. яз.); *Conybeare* F. C. *The Armenian Acts of Cyprian* // *ZNW.* 1922. Bd. 21. S. 269–277; *Coman* J. *Les deux Cyprien de Saint Grégoire de Nazianze* // *StPatr.* 1961. Vol. 4. P. 363–372.

А. Н. Крюкова

На Западе почитание К. началось сразу после кончины святого и вскоре получило широкое распространение. В IV–VI вв. К. был одним из самых чтимых святых в лат. провинциях Римской империи. *Викентий Леринский* называл его «святильником всех святых, епископов и мучеников» (*Maier*. 1987–1989. Т. 2. P. 236); перечисляя известнейших святых, о К. упоминали Павлин Ноланский (*Paul. Nol. Carm.* 19. 141–143) и *Венанций Фортунат* (*Venant. Fort. Carm.* VIII 3. 153 // *MGH. AA.* Т. 4. Pars 1. P. 185). В этот период центром культа К. был г. Карфаген. После завоевания визант. Африки арабами (647–698) К. в основном почитали там, где хранились его мощи, преимущественно на территории Франции. Тем не менее культ святого существовал во мн. местах, что было

связано отчасти с наличием его поминовения в богослужбных книгах римской традиции, отчасти с известностью К. как отца Церкви.

На рубеже IV и V вв. поэт Пруденций писал о К. как об «украшении учителей всего мира»: «...кровь его впитала земля Африки, но глас его слышен повсюду». Пока в мире есть христиане и пока существуют священные книги, у произведений К. не будет недостатка в читателях (*Prudent. Perist.* 13. 1–8). До кон. IV в. К. был самым известным и авторитетным зап. богословом, его считали основателем лат. святоотеческой традиции и наставником более поздних церковных писателей (*Deléani*. 1988. P. 81). Сохранилось ок. 200 рукописей, в которых содержатся сочинения К.; древнейшие относятся к IV–V вв. (*Lond. Brit. Lib. Add.* 40165A 1) и к V–VI вв. (*Taurin. G V* 37 и др.). К авторитету К. обращались в богословских дискуссиях, напр. еп. *Факунд* Гермианский (ок. 550 — CPL, N 867; *Maier*. 1987–1989. Т. 2. P. 344–345). О лит. деятельности и о мученической кончине К. говорится в Хронике Иеронима (*Eusebius Werke. B.*, 1956². Bd. 7: *Die Chronik des Hieronymus* / Hrsg. R. Helm. S. 219–220); из нее эти сведения были заимствованы более поздними хронистами (*Prosperi Tironis Epitoma chronicon* // *MGH. AA.* Т. 9. P. 439–440; *Isidori Iunioris Chronica* // *Ibid.* Т. 11. P. 463; *Bedae Chronica* // *Ibid.* Т. 13. P. 292), а также авторами исторических сочинений (*Greg. Turon. Hist. Franc.* I 32 // *MGH. Scr. Mer.* Т. 1. Pars 1. P. 24).

В Африке. Древнейшие памятники почитания К. — агиографические сочинения. О последнем годе жизни и о казни К. сообщается в Актах, или Мученичестве, святого (ВНЛ, N 2037–2040; CPL, N 53). Поскольку в текст включены фрагменты протоколов допросов К., к-рые проводились проконсулами Африки, это произведение нередко именуется Проконсульскими актами (лат. *Acta proconsularia*). По мнению большинства исследователей, Акты были созданы вскоре после мученической кончины К. и являются ценным историческим источником. Благодаря исследованиям *Р. Райценштайна* выяснилось, что текст Актов сохранился в многочисленных версиях, которые можно объединить в 2 редакции (исследователь издал 7 версий: *Reitzenstein*. 1913; *Idem*. 1919). В рукописях 1-я редакция содержится

вместе с трудами К., 2-я редакция включена в средневек. легендарии под 14 сент. (описание рукописей см.: *Lanata*. 1973. P. 242–244; *Acta Surliani*. 1987. P. 197–202). Редакции различаются по составу. В 1-й редакции сообщается лишь о событиях 258 г., т. е. о возвращении К. из ссылки, о вынесении ему смертного приговора проконсулом Галерием Максимом и о казни святого (14 сент. 258). Во 2-й редакции повествуется также о 1-м суде над К., на к-ром проконсул Аспазий Патерн приговорил святого к ссылке (30 авг. 257), и о повторном аресте К. по указанию Галерия Максима. Согласно А. А. Р. Бастиансену, 1-я редакция, составленная вскоре после казни К., была адресована христианам Карфагена. Позднее для верующих, живших в др. местах и желавших подробнее узнать о подвиге святого, была написана 2-я редакция. Именно этот текст получил наибольшее распространение; его использовали в сочинениях диак. Понтий, Пруденций и блж. Августин (*Acta Surliani*. 1987. P. 202–204).

Несмотря на привлечение документальных источников (протоколы допросов), Акты К. — лит. произведение, созданное христ. авторами (*Lanata*. 1973. P. 188–193). В них сделана попытка изобразить святого не только как главу христ. общины Карфагена, но и как влиятельного рим. магната, окруженного приверженцами и слугами (см.: *Hunink*. 2010). Святой вел себя сдержанно, с достоинством; он вежливо, но твердо отвечал на требования проконсула отречься от Христа и выдать своих клириков. В последние часы жизни К. не забывал о ближних. В ночь перед судебным заседанием у дома, в к-ром содержался епископ, собралась толпа христиан, и святой распорядился охранять пришедших девочек. Перед казнью К. велел заплатить палачу 25 золотых монет. В Актах подчеркивается, что святой пользовался уважением язычников и безграничной преданностью христиан. Власти обращались с епископом с почтением: для ареста К. были направлены должностные лица из свиты проконсула, ночевал он в доме одного из них. Внимание уделено жестам К.: напр., описывается, как он снимал верхнюю одежду и готовился к казни при помощи клириков. В заключение сообщается о ночном погребении К., к-рое представ-

лено как торжественная процессия со свечами и с факелами.

Не позднее нач. IV в. в кругах донатистов была создана особая версия Актов К., в к-рую внесены незначительные изменения (*Maier*. 1987–1989. Т. 1. P. 122–126; *Donatist Martyr Stories: The Church in Conflict in Roman North Africa / Transl., not., introd. M. A. Tilley*. Liverpool, 1996. P. 1–5; см.: *García*. 1976. P. 47–49). В средние века Акты распространялись в разных версиях: напр., франко-испанская включена в т. н. Испанский Пассионарий (*Pasionario Hispánico / Ed. A. Fábrega Grau*. Madrid, 1955. Т. 2. P. 336–338).

«Жизнь Киприана» (BHL, N 2041; CPL, N 52) в рукописях сохранилась как анонимное произведение. По свидетельству блж. Иеронима, автором был диак. Понтий, к-рый сопровождал К. в ссылку (*Hieron. De vir. illustr.* 68). Значение «Жизни Киприана» в истории агиографической лит-ры стало предметом полемики среди исследователей. А. фон Гарнак, к-рый осуществил критическое издание текста, считал его «первой христианской биографией». По его мнению, в «Жизни Киприана» получила отражение самая ранняя попытка христ. агиографов описать не только страдания и гибель мученика, но и его жизнь. Тем не менее ссылке и казни К. посвящена почти половина произведения (*Harnack*. 1913. S. 36–42). Др. исследователи считали «Жизнь Киприана» христ. вариантом сказания о «смерти великого человека» (*exitus illustrium virorum — Reitzenstein*. 1913. S. 52–53) или речью-панегириком с элементами апологии (*Corssen*. 1917. S. 206–207; см.: *Barnes*. 2010. P. 82–85). Отрицательное отношение к гипотезе Гарнака высказал И. Делез (*Delehaye*. 1966). Совр. исследователи склонны считать, что «Жизнь Киприана» — это единичное произведение, к-рое не оказало значимого влияния на христ. лит-ру, др. подобные сочинения были составлены гораздо позже (напр., Жития прп. Пахомия Великого и прп. Антония Великого). Описание жизненного пути К. было приведено диак. Понтием в апологетических целях (*Ziegler*. 2009). Райценштайн и Делез низко оценивали «Жизнь Киприана» и как лит. произведение, и как исторический источник. По мнению исследователей, составитель злоупотреблял школьной риторикой в ущерб содержа-

нию, приведенные им сведения не всегда согласуются с данными Актов (см.: *Delehaye*. 1966. P. 75–77).

Диак. Понтий считал своей задачей спасти от забвения благие деяния (opera) и заслуги (merita) К. ради наставления христиан, прославления святого и защиты его от обвинений. Образ К. близок к описанному в Актах: святой представлен как благородный римлянин, разделявший традиц. ценности элиты рим. общества. Он был образован и красноречив, отличался воздержанностью (continentia) и великодушием (clementia), неукоснительно исполнял нравственные обязательства (pietas), был мужественным и обладал чувством собственного достоинства. Благодаря умению обращаться с людьми К. пользовался всеобщим уважением. Говоря о К., диак. Понтий особенно часто использовал такие понятия, как «слава» (gloria) и «честь, достоинство» (honor; см.: *Harnack*. 1913. S. 70–71). Когда началось гонение на христиан, высокопоставленные знакомые уговаривали К. скрыться, но он, презирая смерть, отклонил их предложения. Казнь святого, состоявшаяся в присутствии множества людей, представлена как триумф (illius victoria triumphanda est — *Pontius. Vita*. 19. 3). Диак. Понтий подчеркивал, что К. стал 1-м в Африке епископом, принявшим мученическую смерть (sacerdotes coronas in Africa primus imbueret — *Ibid.* 19. 1).

Значительно подробнее, чем в Актах, в «Жизни Киприана» сообщается о пастырской деятельности епископа, «благочестивого предстоятеля и славного свидетеля Божия» (religiosus antistes ac testis Dei gloriosus — *Ibid.* 1. 1), к-рый завершил служение тем, что стал «приятной жертвой Богу» (placentem Deo hostiam — *Ibid.* 15. 1). Диак. Понтий не только писал о том, что К. заботился о пастве, о слабых и об обездоленных, но и отмечал его ученость, красноречие, наличие большого лит. наследия (цитируются несохр. проповеди святого).

По мнению нек-рых исследователей, главной задачей составителя было защитить К. от обвинений, выдвигавшихся его противниками (*Ziegler*. 2009; *Barnes*. 2010. P. 82–85). Самым серьезным было обвинение в том, что при имп. Деции, когда началось гонение на христиан, К. бросил паству и скрылся (ср.: *Cypr. Carth.* Ep. 8). По-видимому, были и др. вопросы,

напр. о доме, который К. продал после обращения ко Христу и к-рый впосл. вновь оказался в его владении. Объяснение действий К. вызывало у диака. Понтия затруднения. По мнению биографа, хотя К. и удостоился чести быть внесенным в «проскрипционные списки» (*proscriptionis gloria — Pontius. Vita. 7. 1*), он предпочел скрыться и тем самым защитить паству от ярости язычников. Значение личности и деятельности К. было столь велико, что Сам Бог пожелал оставить святого в живых, и тот смиренно покорился Божией воле. Впосл. К. было ниспослано откровение о грядущей кончине, и он мужественно пострадал за Христа.

Влияние античной литературы на «Жизнь Киприана» проявилось в широком использовании приемов ораторского искусства, напр. периодов с омойотелевтоном, антитезы, вопрошаний, нарочито пышных выражений (*amplificatio*), опровержений невысказанных возражений (*refutatio*), а также сравнений (*comparatio*): К. уподобляется обращенному ап. Филиппом евнуху (Деян 8. 27–39), мужественному Товии (Тов 1. 16–19), Иову, при этом подчеркивается, что святой превзошел их всех, ему не было равных со времен апостолов (*Pontius. Vita. 19. 1*) (*Harnack. 1913. S. 45–50; Delehaye. 1966. P. 72; Montgomery. 1996. P. 205–210*). Из агиографических произведений на диака. Понтия повлияло Мученичество Перпетуи и Фелицитаты (*Reitzenstein. 1913. S. 49–50; Martin. 1919; Aronen. 1984*), в т. ч. в описании таинственного видения К., к-рое играет важную роль в повествовании (*Pontius. Vita. 12. 3–9*). «Жизнь Киприана» была среди образцов более поздних памятников африкан. агиографии — Мученичества Лукия и Монтана (CPL, N 2051), «Жизни Августина» Посидия и Фелицитаты произведений — Мученичества Маркула (CPL, N 720) и Мученичества Максимиана и Исаака (CPL, N 721) (напр.: *Corssen. 1916. S. 189*).

К. упоминается в сочинениях об африкан. мучениках, пострадавших во время гонения при имп. Валериане. В Мученичестве Мариана и Иакова (CPL, N 2050) повествуется о видении, к-рое было ниспослано для утешения заключенных в темницу христиан: Мариан узрел К., испившего чашу страданий и восседавшего по правую руку Небесного Судии

(*Franchi de' Cavalieri P. La Passio SS. Mariani et Iacobi. R., 1900. P. 53–55. (ST; 3)*). В видении мч. Монтана, также ожидавшего казни, центурионы привели мученика на бескрайнюю равнину, где ему предстали К. и Левкий (вероятно, принявший мученическую смерть епископ). Составитель Мученичества Лукия и Монтана передает также рассказ приговоренного к смерти Флавиана о бывшем ему видении: в начале гонения, «когда пострадал один лишь только наш епископ [Киприан]», Флавиан спросил святого, насколько болезненным может быть удар меча и как можно вытерпеть эту боль. Казненный епископ ответил, что тело не чувствует боли, если все мысли обращены к Богу (*Dolbeau F. La Passion des saints Lucius et Montanus: Histoire et édition du texte // REAug. 1983. Vol. 29. P. 73–74, 80*). Эти видения должны были укрепить христиан и подготовить их к подвигу «в соответствии с верой и благочестием, которым они научились у Киприана» (*Ibid. P. 75*).

Особая версия агиографической легенды о К. представлена в поэме Пруденция, написанной между 398 и 404 гг. (*Prudent. Perist. 13*). Во вступлении Пруденций противопоставляет африкан. идентичность К. его всемирной славе и влиянию. Святой род. в Африке, там же претерпел мученичество и был похоронен, но его творения стали достоянием всего христ. мира. В юности К. занимался колдовством, но ниспосланная Христом благодать привела его к истинной вере. Благодаря усердию в аскетических подвигах и в постижении христ. учения его сочли достойным занять епископскую кафедру. Нечестивые гонители Валериан и Галлиен провозгласили смертный приговор всем христианам, но К. убеждал паству не уступать их угрозам и твердо исповедовать Христа. Святого заточили в глубокую темницу, где он молился о ниспослании силы и мужества христианам, которых гонители подвергали страшным мучениям. Бог услышал молитву К.: африкан. христиане остались тверды в вере и претерпели мученичество (здесь пересказывается легенда о мучениках Масса-Кандиды, см. ст. *Квадрат*). Разъяренный проконсул немедленно приговорил К. к смерти. В заключение Пруденций подчеркивает, что К. стал мучеником и вознесся на небеса, но, как наставник

и учитель Церкви, он продолжает жить в своих лит. произведениях.

С IV в. К. нередко рассматривался как величайший святой Африки. Блж. Августин называл К. «предводителем африканцев» (*Afrotum restor — Aug. Serm. 313G*). В ответ на оскорбления Юлиана Экланского, назвавшего своих оппонентов «африканскими бандитами» и «пуническими склочниками», он с гордостью указывал, что К. также был африканцем (*Aug. Contr. Julian. III 17 // PL. 44. Col. 718–719*). *Сулпций Север* в «Диалогах» призывал поведать миру о чудесах св. Мартина: «Пусть больше узнает о нем Карфаген... и пусть [город] восхищается не одним лишь своим мучеником Киприаном, хотя он и освящен кровью этого святого» (*Sulp. Sev. Dial. II (III) 17*). Диака. Понтий писал о К. как о «подлинном» основателе епископской кафедры Карфагена, о происхождении к-рой не сохранилось сведений (*ex quo enim Carthagini episcopatus ordo numeratur — Pontius. Vita. 19. 1*). Впосл. св. Опат, еп. Милевский, именовал Карфаген «кафедрой Киприана» по аналогии с Папским престолом, «кафедрой ап. Петра» (*Optat. Contr. Parmen. I 10*). Свт. Григорий I Великий в письме Карфагенскому еп. Доминику (окт. 595) обещал молиться за него перед гробницей ап. Петра и просил помолиться о себе перед гробницей К. (*Greg. Magn. Reg. epist. VI 19*).

Особым почитанием К. пользовался среди сторонников *донатизма*, к-рые считали себя верными последователями святого. Указывая на непризнание К. таинств еретиков и схизматиков, на его мученический подвиг, донатисты обосновывали авторитетом К. правомерность разрыва общения с правосл. Церковью (напр.: *Aug. De bapt. contr. donat. I 1, 18; II 1, 3*). Донатисты составили сборник посланий К., в начале к-рого помещены Акты святого (*Mengis K. Ein donatistisches Corpus cyprianischer Briefe. Freiburg i. Br., 1916*). Предположительно в нач. V в. создано подложное послание К. к карфагенскому народу. Послание направлено против «предателей» (*traditores* — клириков, выдавших языческим властям книги Свящ. Писания в эпоху т. н. великого гонения), под к-рыми составитель-донатист подразумевал православное духовенство (CPL, N 722; *Maiier. 1987–1989. T. 2. P. 194–198*).

В полемике с донатистами, а впосл. и с пелагианами на авторитет К. опирался блж. Августин: в его произведениях имя святого упоминается 589 раз (Yates. 2005. P. 122). Оспаривая притязания донатистов на духовное наследие К., блж. Августин был вынужден признать, что они действительно опирались на отдельные положения его доктрины, получившие развитие в донатистской экклезиологии. Согласно блж. Августину, учение К. о границах Церкви было ошибочным: «Я не принимаю того, что думал о крещении еретиков и схизматиков блаженный Киприан, потому что этого не принимает Церковь» (Aug. Contr. Cresc. II 40). Блж. Августин подчеркивал разницу между трудами К., в к-рых могли содержаться неточные и ошибочные высказывания, и Свящ. Писанием, к-рое обладало безусловным авторитетом (litteras Cypriani non ut canonicas habeo, sed eas ex canonicis considero — Ibidem). Донатисты были упорными схизматиками и придавали недожное значение отдельным аспектам доктрины К.; в отличие от них К. считал самым важным хранить единство Церкви и мир между православными (García. 1976. P. 14–33). Возражая донатистам, к-рые указывали на К. как на основоположника своей общины (auctor vestrae divisionis), блж. Августин называл святого «великим защитником кафолического единства и мира» (Aug. Contr. Cresc. II 39). Заблуждения К. были нивелированы подвигом мученичества, т. к. он пострадал ради сохранения единства Церкви (см.: García. 1976. P. 7–14). Ранее схожие мысли высказывал Оптат Милевский, называвший К. епископом-мироотворцем (pacificus episcopus — Optat. Contr. Parmen. I 19).

После успешного завершения полемики с донатистами блж. Августин получил возможность с большей уверенностью опираться на труды К., к-рые он провозгласил мерилом правосл. учения (Yates. 2005). В спорах с пелагианами он чрезвычайно высоко ставил авторитет К., «знаменитейшего учителя и славнейшего свидетеля» (doctor praeclarissime et testis gloriosissime — PL. 44. Col. 691). Противоречить К. означало отвергать учение апостолов и Вселенской Церкви (Aug. Contr. secund. Julian. I 106 // PL. 45. Col. 1120–1121). Свидетельством того, что Бог утвердил учение К., была мученичес-

кая смерть святого ради процветания Церкви: «Смотри, я использовал слова пунического епископа Киприана, мученика, на которого ты брешешь, ополчаясь против крепчайшей веры той самой Церкви, за которую он пролил кровь» (Ibidem).

В полемике с пелагианами блж. Августин выступал как продолжатель дела К., боровшегося с ложными учениями и отстаивавшего единство Церкви. Он подчеркивал, что учение К. совершенно согласно со Свящ. Писанием, тогда как пелагианская ересь — чуждое Церкви новшество. В соч. «О деяниях Пелагия» блж. Августин вспоминал о том, как произносил в Карфагене проповедь против пелагиан, держа в руках послание К. (Cypr. Carth. Ep. 64; подразумевается проповедь о крещении младенцев — Aug. Serm. 294 // PL. 38. Col. 1335–1348; см.: Idem. De gest. Pelag. XI 25; Yates. 2005. P. 125). По мнению Августина, К. обличил пелагианство задолго до его появления, труды святого стали «противоядием» от ереси (ante quot annos, contra ea quae futura erant Pelagianorum venena, quale sit antidotum praeparatum — Aug. De dono persev. I 2. 4 // PL. 45. Col. 996; ср.: Idem. Contr. Julian. II 3. 6 // PL. 44. Col. 676–677). К. учил о первородном грехе, о невозможности спастись без благодати и о необходимости крещения младенцев (Idem. Contr. Pelag. IV 8. 21–11. 29). Согласно Августину, в соч. «О молитве Господней» К. доказывал, что благодать — незаслуженный дар Божий, только с ее помощью человек, страдающий от последствий первородного греха, способен возродиться к вечной жизни (Idem. De dono persev. I 2. 4 // PL. 45. Col. 996–997). Греховность человеческой природы К. ощущал на собственном опыте, но с помощью дарованной благодати он смог преодолеть соблазны и получить победный венец (Idem. Contr. Julian. II 8. 25 // PL. 44. Col. 690–691). Благодаря свидетельству К. «мы можем доказать, что защищаем кафолическую веру от новизны ваших лживых и нечестивых заблуждений», писал Августин Юлиану Экланскому (Ibid. III 17. 32–33 // Ibid. Col. 718–719).

Известны 12 проповедей блж. Августина, посвященных К., к-рые были произнесены в день памяти святого (с учетом фрагментарной гомилии, обнаруженной в 2007 в Эрфурте — Aug. Serm. 313G). Тематика пропове-

дей была разнообразной; проповедник учитывал, что основные сведения о К. были хорошо известны аудитории. Кроме того, в день праздника могли произносить неск. проповедей (Hunink. 2011). Блж. Августин пересказывал Акты К., подробно останавливаясь на обращении святого ко Христу (Aug. Serm. 309) или на его мученическом подвиге (Aug. Serm. 312), объяснял смысл чтений и псалмов праздника.

В Карфагене на месте казни и погребения К. находились храмы, о которых неоднократно упоминается в источниках IV–VI вв. Согласно Актам, К. был похоронен в пригороде Карфагена, на Маппалийской дороге близ цистерн, на земельном участке прокуратора Макробия Кандидата (или Кандидиана) (in areas Macrobi Candidati procuratoris, quae sunt in via Mappaliensi iuxta piscinas — Acta Cypriani. 1987. P. 230). В Мученичестве Максимилиана, пострадавшего в 295 г., сообщается, что тело святого привезли в Карфаген и похоронили «рядом с мучеником Киприаном, под холмом, неподалеку от дворца» (CPL, N 2052; The Acts of the Christian Martyrs / Ed. H. Musurillo. Oxf., 1972. P. 248). Согласно Сульпицию Северу, гробница К. считалась важнейшей святыней Карфагена, ее посещали прибывшие издалека паломники (Sulp. Sev. Dial. I 3). В сказании о чудесах св. Стефана упоминается о том, как Рустика, знатная жительница Карфагена, во исполнение обета отправилась на пасхальное богослужение в Маппалийскую базилику К. (CPL, N 391; PL. 41. Col. 848).

Подробные сведения о храмах, посвященных К., сохранились в проповедях Августина. Из заголовков гомилий (напр.: «[Произнесено] в Карфагене у алтаря (mensa) блаженного мученика Киприана на день его памяти»; см.: García. 1976. P. 45; Saxer. 1980. P. 192–193) следует, что в Карфагене находилось 2 храма во имя святого. На месте казни К. была воздвигнута базилика, именованная «алтарь Киприана» (mensa Cypriani). Это название стало причиной замечания блж. Августина о том, что алтари ставились во славу Бога («Затем... на этом месте был воздвигнут алтарь Богу, хотя его и называют алтарем Киприана» — Aug. Serm. 310). Проповедник объяснял разницу между почитанием мучеников и поклонением Богу: «Мы сооружаем алтарь не какому-то богу

Киприану, а Киприана делаем алтарем истинному Богу» (non enim aram constituimus tamquam deo Syriano, sed Deo vero aram fecimus Syriano) — *Aug. Sermon. 313A*; см.: *Saxer. 1980. P. 193–197*). Др. базилика, построенная над могилой К., находилась на берегу моря, «в Маппалиях» (in Mappalibus), и называлась «гробница Киприана» (memoria Syriani). Упоминается, что над мощами святого был воздвигнут алтарь (*Aug. Sermon. 309*). В этом храме Моники, мать блж. Августина, молилась о сыне, когда он тайно отплыл в Рим (*Idem. Confess. V 8. 15*). Предположений о том, что в «Исповеди» речь идет о 3-м храме во имя К., расположенном внутри городских стен (*Monceaux. 1902. P. 369–386*), не получило поддержки большинства историков (см.: *Vaultrin. 1933. P. 118–135; Lancel. 1989. P. 657–661*).

По свидетельству блж. Августина, память К. праздновалась во всей Африке (*Aug. Sermon. 310. 1*). В проповедях сохранились сведения о том, как это происходило в Карфагене. По обычаю, вечером 13 сент. христиане собирались в базилике, где был похоронен К., и устраивали пиршество. Ночь проводили в увеселениях, пели и плясали под игру на кифаре. В IV в. в Африке повсеместно проводились подобные празднества, связанные с поминальной трапезой на могилах мучеников. Блж. Августин боролся с этим обычаем, считая его проявлением языческой безнравственности и неуважения к христ. святым. Пиршества (convivia) в храмах были запрещены постановлениями Карфагенских Соборов (*Concilia Africae A. 345 — A. 525 / Ed. C. Munier. Turnhout, 1974. P. 41, 185, 196–197. (CCSL; 149)*; см.: *Quasten J. «Vetus superstitio et nova religio»: The Problem of Refrigerium in the Ancient Church of North Africa // HarvTR. 1940. Vol. 33. N 4. P. 253–266*). В 392 г. блж. Августин обратился к Карфагенскому еп. Аврелию с посланием, в котором убеждал его принять меры для искоренения пиршества (*Aug. Ep. 22*). Аврелий запретил ночное празднество в честь К., заменив его вигилией (*Idem. Sermon. 311. 5–6*). Вигилия праздника начиналась после заката, когда зажигали светильники, и длилась 3 часа (*Idem. In Ps. 69. 9*). Блж. Августин не сообщает о структуре богослужения: вероятно, она еще не была в достаточ-

ной мере оформлена. Высказывалось предположение, что ночное богослужение в честь К. совершалось по образцу вигилии Пасхи, к-рую блж. Августин называл «матерью всех вигилий» (*Idem. Sermon. 219. 1*); основное содержание составляли псалмы и библейские чтения (*Saxer. 1980. P. 198–199*). В день памяти К. совершалась месса, особенностью к-рой было чтение Актов К. (*Aug. Sermon. 313A, 313D*; чтение агиографических сказаний в дни памяти святых было одобрено африкан. Соборами — *Concilia Africae. Turnhout, 1974. P. 21, 43*). Акты читались после Евангелия, перед пением псалма. Из проповедей блж. Августина следует, что евангельское чтение на день памяти К. состояло из Мк 8. 34–35 и Ин 12. 25, из апостольских Посланий выбирались 2 Кор 2. 15 и 14 (в этом порядке; см.: *Saxer. 1980. P. 219, 226–227, 319*), из псалмов — Пс 51. 10; 123. 6–8 и 125. 5–6 (*Ibid. P. 223–224, 226–227, 319*).

После завоевания рим. Африки вандалами, исповедовавшими арианство, начались гонения на православных. По указанию кор. Гейзериха (428–477) крупнейшие храмы Карфагена были переданы арианскому духовенству, в их числе «две необычайно большие церкви святого мученика Киприана: одна на месте, где он пролил кровь, другая в местности, называемой Маппалия, где было погребено его тело» (*Vict. Viten. De persecut. Vandal. I 9, 15–16*). К эпохе владычества вандалов относится краткая гомилия на день памяти К., в к-рой говорится о гонениях на православных и о том, что гробница святого была захвачена арианами. От имени К. проповедник обращается к Богу с молитвой об освобождении от захватчиков Африки, в т. ч. и могилы святого (CPL, N 802; PL. 58. Col. 265–268). Проповедь на праздник К. сохранилась среди сочинений св. Фульгенция, еп. Руспе, но его авторство остается под сомнением (CPL, N 836; PL. 65. Col. 740–741).

Следующее упоминание о Маппалийской базилике относится ко времени завоевания Африки византийцами. Согласно *Прокопию Кесарийскому*, правосл. жители Карфагена были особенно огорчены потерей храма, т. к. они почитали К. больше всех др. святых. Стали распространяться рассказы о явлениях К., который обещал отомстить еретикам за поругание храма. В 533 г. ариан-

ские клирики подготовили базилику к торжественной службе в день памяти святого, однако приближение визант. войска заставило их бежать из города. Тогда православные заняли храм и совершили богослужение. На следующий день, 15 сент. 533 г., войско Велизария вступило в Карфаген (*Procop. Bella. III 21. 17–25*). К кон. VI в. относится упоминание о базилике у *Григория Турского*, к-рый описывал находившийся там амвон, выполненный с удивительным мастерством (*Greg. Turon. Glor. martyr. 93*).

Маппалийский храм, возведенный над могилой К., чаще всего отождествляется с т. н. базиликой у холма св. Моники, остатки к-рой обнаружены на территории сев. пригорода Карфагена, на берегу моря. Базилика была раскопана между 1915 и 1920 гг. А. Л. Делаттром. В посл. его работа подверглась жесткой критике: исследователи указывали, что археолог применял грубую методику изысканий и пренебрегал точной фиксацией процесса раскопок. Результаты исследований публиковались в отдельных статьях и заметках во франц. академической прессе (*Ennabli. 1975. P. 11–12*; об итогах раскопок базилики: *Vaultrin. 1932. P. 279–290*; о Делаттре: *Freed J. Le père A.-L. Delattre (1850–1932) et les fouilles archéologiques de Carthage // Vous avez dit «Pères Blancs»? La Société des Missionnaires d'Afrique, 1868–2008 / Éd. J.-C. Ceillier. P., 2008. P. 67–100*). Согласно Делаттру, остатки базилики плохо сохранились. После завершения раскопок они были частично реконструированы (надложены стены, установлены фрагменты колонн), что препятствует дальнейшим исследованиям храма (*Duval N. 1972. P. 1104*). Обширная базилика (71×35 м в интерьере) имеет 7 нефов и ориентирована на северо-запад, перед входом в храм расположен атриум с галереями-портиками (примерно 35×20 м), под к-рым находились 2 подземных помещения (вероятно, цистерны). Алтарный киворий, предположительно воздвигнутый над могилой К., был установлен в центральном нефе базилики, ближе к апсиде. В массивной полуциркулярной апсиде, отделенной от нефа преградой с арочными проемами, размещался пресвитерий. Апсиды фланкирована 2 прямоугольными помещениями (секретариями); окружавшие храм постройки почти

не изучены. Датировка строительства базилики основана на обнаруженных в храме многочисленных погребальных эпитафиях, к-рые в основном относятся к IV–V вв. Отождествление базилики с храмом над могилой К., сделанное Делаттром,

вызвало полемику (см.: *Vaultrin*. 1933. P. 118–135; *Ennabli*. 1975. P. 12–16; *Duval N.* 1997. P. 315–316, 340). Совр. исследователи считают это вероятным, хотя и не подтвержденным окончательно (напр.: *Duval N.* 1972. P. 1107).

«Алтарь Киприана», церковь на месте казни святого, Делаттр отождествил с руинами храмового комплекса Бир-Фтуха в сев.-зап. пригороде Карфагена. Отдельные части комплекса исследовались Делаттром и П. Гоклером начиная с 1895 г. (*Vaultrin*. 1932. P. 254–258; *Duval N.* 1972. P. 1119–1120; *Idem*. 1997. P. 341–343). В 90-х гг. XX в. комплекс Бир-Фту-

храма обнаружено не менее 16 чтимых захоронений), поэтому идентификация Бир-Фтухи с «алтарем Киприана» представляется спорной (*Bir Ftouha*. 2005).

С почитанием К. связаны др. храмы, раскопанные на территории рим. Африки. Святой среди др. мучеников упоминается в надписи из церкви в Тикстере (ныне Хербет-Ум-эль-Ахдам, Алжир),

Базилика у холма св. Моники (Сент-Моник), Карфаген. IV–V вв. Фотография. 1950 г.

датированной 359 г. (CIL. T. 8. N 20600; *Monceaux P.* Enquête sur l'épigraphie chrétienne d'Afrique // Mémoires présentés par di-

vers savants à l'Académie des Inscriptions et Belles-Lettres. P., 1908. T. 12. Pt. 1. P. 298–302; *Duval Y.* 1982. T. 1. P. 331–337). В Келибии (Тунис) баптистерий, построенный во 2-й пол. VI в. пресв. Феликсом, был посвящен «святому и блаженнейшему Киприану, епископу и предстоятелю». Возможно, речь шла о местном епископе, однако использованные эпитеты указывают скорее на К. (*Duval Y.* 1982. T. 1. P. 54–58). В г. Аммедара (ныне Хайдра, Тунис) реликвии К. были помещены еп. Меллеем под алтарь соборного храма (базилика I). На плите, закрывавшей место хранения святыни, есть надпись: «Здесь находятся реликвии блаженного мученика и предстоятеля Киприана, положенные бла-

Крещальная купель из Келибии. VI в. (Музей Бардо, Тунис)

женным епископом Меллеем в 4-й год господина императора Юстина» (568/9). Монограмма К. помещена на крышке каменного реликвария из вост. алтаря той же базилики (*Poinssot L.* Une inscription mentionnant des reliques de S. Cyprien // CRAI. 1934. Vol. 78. P. 249–254; *Recherches archéologiques à Haïdra*. R., 1975. T. 1: *Duval N., Prévot F.* Les inscriptions chrétiennes. P. 20–25; *Duval Y.* 1982. T. 1. P. 117–120).

После захвата Карфагена арабами (698) город начал приходить в упа-

док, жители эмигрировали или переселялись в др. города Африки, прежде всего в Тунис. Вероятно, некоторые храмы продолжали действовать. Так, церковный ансамбль Бир-Фтуха был разрушен не ранее кон. IX в. (*Bir Ftouha*. 2005. P. 490–491, 533). Согласно «Деяниям Редонских святых», в 50-х гг. IX в. франк. аристократ Фротмунд и его брат в качестве епитимии за убийство родичей совершили паломничество в Рим, Иерусалим и Карфаген. Паломники посетили гробницу К., расположенную на берегу моря, в 2 милях от Карфагена. У гробницы святого совершалось множество чудес (*Gesta Sanctorum Rotonensium*. III 8 // *The Monks of Redon: «Gesta Sanctorum Rotonensium» and «Vita Conuuoionis»* / Ed. C. Brett. Woodbridge, 1989. P. 207–213). Высказывалось предположение, что в IX в. на месте базилики у холма св. Моники могла находиться мечеть (*Whitehouse D.* An Early Mosque at Carthage? // *AION*. 1983. Vol. 43. P. 161–165), но из имеющихся данных трудно сделать определенные выводы (*Handley M. A.* Disputing the End of African Christianity // *Vandals, Romans and Berbers: New Perspectives on Late Antique North Africa* / Ed. A. H. Merrills. Aldershot, 2004. P. 305–306).

Самое позднее свидетельство почитания К. христианами Африки — поминовение святого, указанное в лат. Синайском календаре X в. По видимому, календарь использовался латиноязычными африканцами, эмигрировавшими в Египет или в Палестину (см.: *Conant*. 2010. P. 38–39). Окончательное исчезновение христ. общин в Африке связано с установлением власти династии Альмохадов, нетерпимо относившихся к христианам (Тунис был захвачен Альмохадами в 1159).

В Западной Европе почитание К. получило распространение гл. обр. в Италии и в Испании — странах, к-рые в эпоху Римской империи были тесно связаны с Африкой. Поминовение К. указано в древнейшем христ. календаре «Depositio martyrum», включенном в состав Хронографии 354 г.: «[Память] Киприана в Африке, в Риме празднуется у Каллиста» (*Cypriani Africae, Romae celebratur in Callisti* — *MGH*. AA. T. 9. P. 72). Т. о., уже в сер. IV в. день памяти святого отмечался в Риме, в *катакомбах* Каллиста на Аппиевой до-

ха был раскопан канад. археологами. По мнению исследователей, в 40-х гг. VI в. на месте крестообразного здания (вероятно, мавзолея) был воздвигнут храмовый ансамбль, к-рый включал 3-нефную базилику с деамбулаторием, 9-гранный нартекс, баптистерий и др. постройки, соединенные переходами и двориками-перистилами. Скорее всего здесь почитались гробницы святых (в апсиде

роге. К этому времени относятся изображения К. на стеклянных медальонах, обнаруженных в Риме (Conant. 2010. P. 6). По-видимому, из рим. календаря 1-й пол. V в. в Иеронимов Мартиролог было перенесено поминовение К. и св. Корнелия, еп. Римского: «В Риме, на Аппиевой дороге, на кладбище Каллиста, епископа Корнелия. В Африке, в городе Карфагене, поминовение святого епископа Киприана» (MartHieron. Comment. P. 505–506). Блж. Иероним ошибочно полагал, что Корнелий и К. скончались 14 сент., но в разные годы (Hieron. De vir. illustr. 67). В Риме сложилась традиция совместного поминовения Корнелия и К., связанная с почитанием гробницы Корнелия в катакомбах Каллиста. Высказывалось мнение, что выбор дня памяти Корнелия был определен датой поминовения К., т. к. оба святых считались друзьями и соратниками в борьбе с новацианской схизмой. Вероятно, это произошло в связи с перенесением мощей Корнелия в Рим (Reekmans. 1964. P. 118–119; см. также: Ruyschaert. 1966). Корнелий и К. изображены на фреске над местом захоронения Корнелия в крипте Луцины, парная композиция представляет еп. Римского Сикста II и Опата Милевского (VII в.; см.: Reekmans. 1964. P. 175–184). В *итинерарии* «О гробницах мучеников, что находятся за стенами города Рима» (1-я пол. VII в.) сообщается о гробницах Корнелия и К. в катакомбах Каллиста (De locis sanctis martyrum qui sunt foris civitatis Romae // Itineraria et alia geographica. Turnhout, 1965. Vol. 1. P. 317. (CCSL; 175)). Возможно, в крипте Луцины была устроена символическая гробница К., чьи мощи находились в Карфагене (Ruyschaert. 1966. P. 470–471, 483–484).

Празднование памяти К. было зафиксировано в рим. богослужебных книгах на раннем этапе их развития (см.: Conant. 2010. P. 6–7). Имена святых К. и Корнелия упомянуты в *каноне мессы*, в разд. «Communicantes» (Canon Missae Romanae / Ed. L. Eizenhöfer. R., 1954. Pars 1. P. 28–29). Поминовение Корнелия и К. было указано в рим. *лексионарии* сер. VII в. (тип П), чтение Лк 11. 47–54 оставалось неизменным при последующих переработках лекционария. На литургическое значение праздника К. указывает счет недель от 14 сент. до начала Адвента (Ebdo-

Св. Корнелий
и сщмч. Киприан Карфагенский.
Роспись гробницы св. Корнелия
в крипте Луцины в катакомбах
св. Каллиста в Риме. VII в.

mada... post sancti Cypriani; Klausner. 1972. S. 38, 84, 123). В *Веронском Сакраментарии* приведено 2 варианта *проприи мессы* в день памяти Корнелия и К. (Sacramentarium Leonianum / Ed. C. L. Feltoe. Camb., 1896. P. 103–105). В более поздних книгах 1-й проприй (Corpus Orationum. 1992–2004. N 62, 3628, 4002, 4195, 5112a) как единое целое не встречается, входившие в него молитвы могли включаться в другие последования; 2-й проприй приведен в *Геласия Сакраментарии* (Ibid. N 77, 465, 4265A, 5253; The Gelasian Sacramentary: Liber Sacramentorum Romanae Ecclesiae / Ed. H. A. Wilson. Oxf., 1894. P. 199; за исключением молитвы super populum (Corpus Orationum. 1992–2004. N 77), которая в Сакраментарии Геласия входит в один из проприев неск. святых (plurimorum sanctorum) — The Gelasian Sacramentary. Oxf., 1894. P. 212). В *Григория Сакраментарии* сформирован новый проприй мессы в день памяти святых Корнелия и К. с краткими молитвами без упоминания имен мучеников (Corpus Orationum. 1992–2004. N 119aB, 3134, 4850bD). В этой книге счет недель ведется от праздников св. Лаврентия (10 авг.) и св. Ангела (19 сент.) (Deshusses J. Le Sacramentaire grégorien: Ses principales formes d'après les plus anciens manuscrits. Fribourg, 1979². T. 1. P. 270–271). Т. о., значение праздника в рим. богослужении снизилось. При дополнении Сакраментария Григория новыми молитвами

для нужд Церкви в империи Каролингов к проприю 14 сент. были добавлены молитва святым Корнелию и К. и особая молитва К. (инципит: Beati Cypriani natalicia; Ibid. P. 550).

О почитании К. в Италии свидетельствует ряд проповедей в день памяти святого, предположительно созданных в V в. Среди проповедей св. Максима, еп. Тавринского (Туринского), сохранилось 2 Слова на день памяти К. (Maximus Taurinensis. Serm. 10–11 // Maximi episcopi Taurinensis Sermones / Ed. A. Mutzenbacher. Turnhout, 1962. P. 34–39. (CCSL; 23)). Еще неск. проповедей, включенных в т. н. сборники Псевдо-Максима, приписывают Тавринскому еп. Максиму II (2-я пол. V в.; см.: Étaix R. Trois nouveaux sermons à restituer à la collection du Pseudo-Maxime // RBén. 1987. T. 97. P. 28–41). В них подчеркивается повсеместное празднование памяти К., святой восхваляется как истинный пастырь и мудрый учитель, принявший венец мученика (Maximus Taurinensis. Hom. 80 // PL. 57. Col. 425–428). В др. проповеди упоминается, что в тот же день празднуется память св. Корнелия (Idem. Serm. 74 // Ibid. Col. 683–684), остальные гомилии содержат в основном риторические похвалы К. (Idem. Serm. 75, 76, 78 // Ibid. Col. 683–692). Среди творений св. Петра Хрисолога также есть Слово на день памяти К., но его авторство остается под сомнением (Petr. Chrysolog. Serm. 129 // PL. 52. Col. 555–556). Св. Эннодий, еп. Тицинский (Павийский) (514–521), посвятил К. краткий гимн (Ennodius. Carm. I 12 // MGH. AA. T. 7. P. 251).

В указе Аталариха, остгот. кор. Италии (527), говорилось о праздновании памяти К. в обл. Лукания (Базиликата); в этот день устраивалась ярмарка (Cassiodorus. Variae. VIII 33 // MGH. AA. T. 12. P. 261–262). Папа Римский Григорий I Великий в письме 592 г. упоминал, что с праздника К. начинались штормы на Средиземном м. (Greg. Magn. Reg. epist. II 51). Прокопий Кесарийский писал, что африканцы именовали праздник святого и совпадавшие с ним морские бури «Киприаны» (Κυπριανά — Procop. Bella. III 20. 12; 21. 18). Изображение К. в составе процессии мучеников имеется среди мозаик базилики Сант-Аполлинаре-Нуово в Равенне (VI в.). Также К. был представлен на мозаиках V–VI вв. в куполе и в конхе апсиды

церкви в сел. Сан-Приско близ Санта-Мария-Капуа-Вереге (утрачены в XVIII в.; см.: *Garrucci R. Storia della arte cristiana nei primi otto secoli della chiesa*. Prato, 1877. Т. 4. P. 64–65; *Müntz E. Notes sur les mosaïques chrétiennes de l'Italie*. 9 // RA. Sér. 3. 1891. Vol. 17. P. 72–79; *Mackie G. V. Early Christian Chapels in the West: Decoration, Function and Patronage*. Toronto, 2003. P. 141–143).

В Испании о почитании К. известно с IV в. Св. Пациан, еп. Барциноны (ныне Барселона), в полемике с испан. новацианином Симпонианом (CPL, N 561) опирался на авторитет К., «блаженнейшего мученика и учителя» (*Pacian. Ep.* 1. 3 // PL. 13. Col. 1054), широко использовал его сочинения. Из цитат, приведенных Пацианом, можно заключить, что К. пользовался почитанием даже среди новациан (Ibid. II 3 // Ibid. Col. 1059). Пруденций призывал Валериана, еп. Калагурриса (ныне Калаорра), добавить поминовение мч. *Ипполита* к имевшимся в календаре праздника святых, в т. ч. К. (*inter sollemnes Cyprianus vel Chelidoni – Prudent. Perist.* 11).

Испан. авторы с похвалой отзывались о лит. произведениях К. (*Hildef. Tolet. De vir. illustr.* // *Ildefonsi Toletani episcopi Opera*. Turnhout, 2007. P. 617. (CCSL; 114A); Исидору Гиспальскому принадлежит двустиише о красноречии К. (PL. 83. Col. 1109)). На творения святого опирались мосарабские писатели VIII–IX вв. (напр.: *Elipandi Ep. ad Albinum*. 12 // CSM. Т. 1. P. 168–169; *Albari Ep. IV 4; V 8* // Ibid. P. 166–167, 194; *Samsonis Apologeticus. Praef. 7; II 7. 5* // Ibid. Т. 2. P. 571). Согласно аббату Самсону, сочинения К. были использованы при составлении молитв экзорцизма в испан. богослужении (молитвы «собраны из книг блаженного Киприана» (*exorcismi verba ex libris beati Cipriani collecta – Samsonis Apologeticus. II 21. 2* // Ibid. Т. 2. P. 623; Самсон приводит слова «Ессе nunc salvat homines» (*Le Liber Ordinum en usage dans l'Église wisigothique et mozarabe d'Espagne* / Ed. M. Férotin. P., 1904. Col. 77) и «Ipse te hunc latentem atque absconsum» (Ibidem)).

Начиная с VII в. известно о храмах, посвященных К. В Житиях Эмеритских отцов сообщается о явлении мучеников Лаврентия и К. и о базиликах в честь этих святых, к-рые находились в г. Эмерита Ав-

густа (ныне Мериды) (*Vitas Sanctorum Patrum Emeretensium. IV 10* / Ed. A. Maya Sánchez. Turnhout, 1992. P. 45. (CCSL; 116)). Имя К. упоминается в поврежденной надписи из

Церковь во имя сцмч. Киприана Карфагенского в Ревилья-де-Сантульян, Испания. XII–XIII вв.

церкви в Мартосе (пров. Хаэн), вероятно VII в. (...*Populi cum gaudio salus est sancto martiris Cipriano amen – Inscriptiones Hispaniae Christianae* / Ed. A. Hübner. B., 1871. N 108; 1900. Suppl. P. 54; см.: *Díaz y Díaz*. 1998. P. 34). В источниках IX–X вв. неоднократно говорится о церкви во имя К. в Кордове, построенной скорее всего в эпоху вестгот. господства (до 711). Согласно Кордовскому календарю, в храме совершались торжественные богослужения в праздники святых Христины (26 июля), К., Цецилии (22 нояб.) и Леокадии (9 дек.) (*Le Calendrier de Cordoue*. Leiden, 1961^r. P. 116–117, 138–139, 168–169, 178–179). Духовенству этого храма адресовано сочинение Леовигильда «Об одежде клириков» (*sub tuitione beati Cipriani pontificis seu martiris – Leovigildi Liber de habitu clericorum* // CSM. Т. 2. P. 667). При церкви в доме диак. Иеронима останавливались франк. монахи *Узуард* и *Одилард*, прибывшие в Испанию за мощами мучеников (*Aimoinus. De translatione SS. martyrum* // PL. 115. Col. 944). Согласно *Евлогию* Кордовскому, в школе при базилике К. учились мученики Эмила и Иеремия, во время гонения на христиан мч. Колумба и др. монахини укрылись в доме при церкви (*Eulogius. Memoriale Sanctorum. II 12; III 9* // CSM. Т. 2. P. 431, 450). На церковном кладбище была похоронена голова пострадавшего в 925 или 926 г. мч. Пелагия (*cuius quidem caput cimiterium tenet sancti Cipriani – Gil J. La Pasión de S. Pelayo* // *Habis*. Sevilla, 1972. Vol. 3. P. 192; см. также: *Simonet F. J. Historia de los*

Mozárabes de España. Madrid, 1897/1903. P. 328, 404, 450, 478, 496, 592, 616; *Díaz y Díaz*. 1998. P. 34–35). Данные топонимики и средневековых дедикаций (посвящений храмов)

показывают, что почитание К. было укоренено в сев. и сев.-вост. частях Пиренейского п-ова, гл. обр. в Галисии, также в Пален-

сии, Саморе и Каталонии. Вероятно, распространение культа следует связывать с переселением мосарабов из мусульманского гос-ва Андалус (*Díaz y Díaz*. 1998. P. 35–36).

М. Диас-и-Диас утверждает, что значение культа К. в средневек. Испании было обусловлено его авторитетом как отца Церкви и почитанием как мученика, а также влиянием народных сказаний о Киприане Антиохийском, в которых святой был представлен раскаявшимся чернокнижником. Указывая на то, что предание о святых Киприане и Иустине было известно в Сев. Испании в X–XI вв., исследователь предположил, что оно могло смешиваться с образом К. (Ibid. P. 28–30). Однако прямых свидетельств такого смешения в средние века нет.

В Галлии ранее IX в. данные о почитании К. немногочисленны, это относится и к др. африкан. святым (*Conant*. 2010. P. 20–23). О К. редко упоминается в сочинениях галльских авторов (Сульпиций Север, Викентий Леринский, Григорий Турский; К. назван среди св. отцов в письме Туриция еп. Рурицию Лемовикскому (Лиможскому): *Turiti Ep. ad Ruricium* // MGH. AA. Т. 8. P. 272). Поминовение К. отсутствовало в галликанских богослужебных книгах, нет сведений о посвященных ему храмах. Молитвы мессы в день памяти святых Корнелия и К. впервые приведены в Готском Миссале (кон. VII – нач. VIII в.), санкторал к-рого сформирован под рим. влиянием (*Missale Gothicum* / Ed. E. Rose. Turnhout, 2005. P. 504–505. (CCSL; 159D)). На рим. происхождение праздника указывает совместное поминовение обоих святых, характер молитв (краткие тек-

сты стандартного рим. типа) и совпадение 2 молитв с текстами в Веронском саκραментарии (Ibid. P. 289; *Rose E. Liturgical Commemoration of the Saints in the «Missale Gothicum» // VChr. 2004. Vol. 58. N 1. P. 89–90*). На одном из ярлыков VII–VIII вв. с обозначением святых, хранившихся в соборе г. Сеноны (ныне Санс), указаны реликвии К. В VIII в. поминовение К. и Корнелия было включено в некоторые франк. календари

слов к правителю Востока (Eoim ducem); по пути они посетили разрушенный и почти заброшенный жителями Карфаген. Побывав в городских храмах, послы обнаружили, что гробница К. находится в небрежении. Уговорив хранителей (edituis) отдать им святыню, послы открыли саркофаг и достали кости К., обернули их в ткань и положили в ларец. Затем франки забрали мощи мучеников Сперата и Пантелеимона и отплыли на родину. Первоначально святыни хранились в Арле, но затем Лионский архиеп. Лейдрад (797/8–816) у-

Св. Корнелий и сцмч. Киприан Карфагенский.
Миниатюра из Часослова Катарины Клевской (NY Morgan. M917. Fol. 247)

ворил императора отдать ему мощи и поместил их в кафедральном соборе. Стихотворение завершается похвалой мучени-

кам и молитвой о жителях Лиона, прежде всего об архиеп. Агобарде, который прославил К. и почтил его память (qui nomen, meritum, tuumque festum/dictis extulit et honore compsit – *Flori Lugdunensis Carmina*. 13 // MGH. Poet. T. 2. P. 544–545). Диак. Флору приписывается также стихотворная надпись на гробнице мучеников в Лионе (Nac locuples) о том, что в гробнице покоились перенесенные из Карфагена при Карле Великом мощи К. и Сперата, а также глава мч. Пантелеимона (*Flori Lugdunensis Carmina*. 14 // Ibid. P. 546).

В Хронике Адона Вьеннского (ок. 874) о перенесении мощей К. сообщается под 807 г.: «В это время были доставлены из Карфагена останки блаженного Киприана вместе с мощами блаженных Сциллийских мучеников, Сперата и его товарищей, и положены в церкви блаженного Иоанна Крестителя в городе Лионе» (MGH. SS. T. 2. P. 320). Самое подробное повествование содержится в Мартирологе, к-рый Адон составил во время пребывания в Лионе (между 853 и 860). Послы, направленные Карлом Великим к царю персов Аарону (подразумевается халиф Харун ар-Рашид), на обратном пути посетили руины Карфагена и увидели заброшенные гробницы

святых. Правитель, желая проявить дружественное отношение к императору франков, разрешил им забрать мощи К. (послы взяли также мощи Сперата и главу Пантелеимона). По возвращении посольства Карл Великий велел оставить святыни в Арле, намереваясь построить для их хранения великолепную церковь. Однако этот план не был осуществлен, и по просьбе архиеп. Лейдрада император разрешил перенести мощи в Лион (PL. 123. Col. 355–356; *Quentin*. 1908. P. 507–508). На сведениях Адона основано упоминание о мощах африкан. святых, которые Харун ар-Рашид подарил Карлу Великому, в Хронике Сигеберта из Жамблу (нач. XII в.) под 802 г. (*Sigeberti Gemblacensis Chronica* // MGH. SS. T. 6. P. 336).

Исследователи отмечали, что все источники, в к-рых говорится о перенесении мощей К., происходят из Лиона. Сведения об этом событии не согласуются с данными современных ему хроник, при этом наибольшие затруднения вызывает подробный рассказ Адона. На рубеже VIII и IX вв. действительно происходил обмен посольствами между Карлом Великим, халифом Харуном ар-Рашидом и эмиром Ибрагимом I (800–812) из династии Аглабидов, во владениях к-рого находился Карфаген. Однако в анналах, где сообщается об отправлении и о прибытии послов, нет данных о перенесении мощей К. Эйнарх в «Жизни Карла Великого» писал, что император помогал христианам, жившим в бедности под властью мусульм. правителей, в т. ч. в Карфагене, а также вел по этому поводу переговоры с араб. властителями (*Einhardi Vita Karoli Magni*. 27 / Ed. G. Waitz et al. Hannover, 1911. P. 31–32. (MGH. Scr. Reg. Germ.; [25]); ср.: *Notkerus Balbulus*. *Gesta Karoli Magni imperatoris*. II 9 // *Notker der Stammler*. Taten Kaiser Karls des Grossen / Hrsg. H. F. Haefele. B., 1959. P. 62–63. (MGH. Scr. Reg. Germ. N. S.; 12)). По мнению исследователей, Адон дополнил сведения диака. Флора информацией, заимствованной из сочинения Эйнарха и из каролингских анналов, поэтому его свидетельство наименее достоверно. Но диак. Флор не приводит подробностей, к-рые позволили бы согласовать его данные с др. источниками, поэтому происхождение легенды о перенесении мощей К. трудно проследить (*Quentin*. 1908.

(*Conant*. 2010. P. 23–24). С IX в. почитание Корнелия и К. засвидетельствовано в Кёльне, где именами святых был назван храм над могилой св. *Северина* (*Terrien M.-P. La christianisation de la région rhénane du IVe au milieu du VIIIe siècle*. Besançon, 2007. [Vol. 1:] Synthèse. P. 67–68). В г. Туль существовала крипта, освященная во имя святых Аниана, Корнелия и К. (*Gesta episcoporum Tullensium*. 27 // MGH. SS. T. 8. P. 638). С IX в. во имя Корнелия и К. освящали алтари в различных храмах и мон-рях Германии (*Kühne*. 2000. S. 200).

Мощи К., как предполагается, были перенесены во Францию при имп. Карле Великом. Сведения об этом сохранились в нескольких источниках, данные которых не полностью согласуются. В Мартирологе Флора Лионского (редакция М, ок. 825) упоминается, что мощи К. и *Сциллийских мучеников*, а также глава мч. Пантелеимона были перенесены из Африки во Францию и хранились в соборной ц. св. Иоанна Крестителя в Лионе (*Quentin*. 1908. P. 348, 384, 508). Более подробно об этом сообщается в стихотворении «*Restor magnificus*», написанном при Лионском архиеп. Агобарде (816–840), вероятно также диак. Флором. Имп. Карл Великий направил по-

Р. 508–514; *Courtois*. 1945; см. также: *Conant*. 2010. Р. 2–3, 38).

Исследователи связывают перенесение мощей К. в Лион с деятельностью архиеп. Лейдрата, при котором Лионская кафедра стала важным центром церковных преобразований (см. ст. *Каролинги*). В этот период в Лионе проводилось восстановление храмов и мон-рей, упорядочение литургической жизни, были организованы школы и скрипторий. Центром духовной жизни стал кафедральный собор, при котором действовал крупнейший в диоцезе капитул (*Le Diocèse de Lyon / Éd. J. Gaudille*. Р., 1983. Р. 50–61. (*Histoire des diocèses de France*; 16); *Rubellin M.* *Lyon aux temps carolingiens // Idem. Église et société chrétienne d'Agobard à Valdès*. Lyon, 2003. Р. 139–159). Святыней собора стали мощи К., подаренные Карлом Великим. По мнению исследователей, перенесение мощей в Лион было символом интеграции Лионской митрополии в систему имперской Церкви (*Isaïa M.-C.* *L'hagiographie contre la réforme dans l'Église de Lyon au IXe siècle // Médiévales*. St.-Denis, 2012. Vol. 62. Р. 87). В стихотворении «*Rector magnificus*» диак. Флор подчеркивал, что К. стал покровителем жителей Лиона. Несмотря на то что к кон. IX в. мощи К. были вывезены из Лиона, святой продолжал пользоваться особым почитанием в кафедральном соборе. В XIII в. сцены из его жизни и мученичества были изображены на витражах центральной апсиды (*Brisac*. 1978). В богослужебных книгах память К. (14 или 16 сент., в Миссале 1737 г. — 17 сент.) указывалась со статусом «*semiduplex maius*» (напр.: *Supplementum Missali Sanctae Lugdunensis Ecclesiae, primae Galliarum sedis*. Lugduni, 1844. Р. 38).

Дальнейшая судьба мощей К. не вполне ясна. По самой распространенной версии, они были перенесены в Компьень по указанию имп. Карла Лысого (*ActaSS*. Sept. Т. 4. Р. 341–342). На основе старой королевской резиденции в Компьене Карл Лысый воздвиг дворцово-храмовый ансамбль «Карлополь»; его средоточием стала ц. во имя Пресв. Девы Марии, освященная 5 мая 877 г. в присутствии папских легатов и многочисленных франк. епископов. По преданию, в храме были помещены мощи св. Корнелия, перенесенные из Рима, и мощи К., перенесенные из Лиона. Однако об

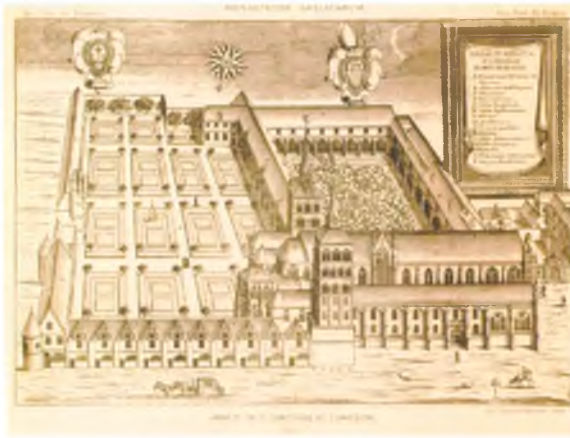
Встреча св. плащаницы и мощей сщмч. Киприана Карфагенского и св. Корнелия в Компьене. Витраж ц. Сен-Жак. XIX в.

этом не упоминается ни в привилегии Карла Лысого, изданной в связи с освящением храма (*Cartulaire de l'abbaye de Saint-Corneille de Compiègne / Publ. É. Morel*. Montdidier, 1904. Т. 1. Р. 1–8), ни в Сен-Бертенских анналах (*Annales Bertiniani / Ed. G. Waitz*. Hannover, 1883. Р. 134–135. (*Scr. Rer. Germ.*; [5])). В добавлении к сказанию о К. в Мартирологе Адона Вьеннского сообщается, что имп. Карл Лысый перенес мощи святого из Лиона в основанный им «новый монастырь» в Компьене (*PL*. 123. Col. 356; *Quentim*. 1908. Р. 477). Согласно добавлению к Мартирологу Узуарда под 14 сент., в Компьень из Рима были перенесены мощи св. Корнелия, при этом утверждается, что мощи К. почитались в Лионе (*PL*. 124. Col. 470). О перенесении мощей Корнелия из Рима в Компьень повествуется в сказании, к-рое сохранилось в рукописи X в. (*Paris*. lat. 18297. Fol. 7–14v; *Historia translationis corporis*

S. Cornelii papae // PL. 129. Col. 1375–1382; *ActaSS*. Sept. Т. 4. Р. 183–184), а также в Хронике Альберика из рим. мон-ря Трех Источников (Тре-Фонтане; *Chronica Albrici monachi Trium Fontium // MGH*. SS. Т. 23. Р. 742).

Самые ранние датированные упоминания о том, что обитель в Компьене была посвящена не только Богородице, но и святым Корнелию и К., содержатся в 2 грамотах кор. Карла Простоватого — от 27 июня и 27 июля 917 г. (*Cartulaire de l'abbaye de Saint-Corneille*. Montdidier, 1904. Т. 1. Р. 18–23). В грамоте от 28 апр. 918 г. говорится о гробнице (*sepulchrum*) святых Корнелия и К., а также о праздновании дня их памяти (*Ibid*. Р. 25). Согласно грамоте кор. Роберта II Благочестивого и кор. Констанции, в Компьене почитались мощи мучеников Корнелия и К. (1029 — *Ibid*. Р. 38). В завещании Гюи, гр. Понтъё (ок. 1067), упоминается, что храм в Компьене был посвящен Пресв. Деве и мученикам Корнелию, К., Пантелеимону, Бальземию и Сперату, в церкви хранились мощи этих святых (*Ibid*. Р. 41).

При храме в Компьене действовал капитул секулярных каноников, здесь размещалась одна из основных резиденций королей зап. франков, совершались церемонии помазания (Людовика II Заики в 877, Эда в 888 и др.). В 1150 г. по инициативе аббата *Сугерия* капитул был преобразован в бенедиктинский мон-рь, аббатство обычно именовалось в честь св. Корнелия (Сен-Корней). В средние века мон-рь был одним из крупнейших во Франции (см.: *Vecquet J.* *Abbayes et prieurés de l'ancienne France*. Ligugé, 1989. Vol. 18: *Province ecclésiastique de Reims, diocèse actuel de Beauvais*. Р. 135–141), к почитавшимся здесь святыням совершались паломничества. Для паломников, которые посещали Компьень на праздник святых Корнелия и К., издавались грамоты о да-

Аббатство Сен-Корней в Компьене. Гравюра из серии «*Monasticum Gallicanum*». Кон. XVII в.

рования *индульгенции* (на 20 дней — Санлисского еп. Гварина (в 1221 — *Cartulaire de l'abbaye de Saint-Corneille de Compiègne*).

Р., 1909. Т. 2. Р. 28–29), на 40 дней — кард. Стефана *Лангтона* (в 1221 — Ibid. Р. 31–32) и папы Римского *Иннокентия IV* (в 1249 — Ibid. Р. 353), на 100 дней — папы *Александра IV* (в 1259 — Ibid. Р. 472–473) и др.). Кроме основного праздника (14 сент.) в мон-ре совершалась память перенесения мощей Корнелия и К. (*Susceptio beatorum martyrum Cornelii et Cypriani*) (15 марта). По описанию XVII в., хор монастырской церкви был украшен 12 гобеленами со сценами из жизни Корнелия и К. (в цикл жития К. входили сцены возведения святого на епископскую кафедру, посещения им больных и страждущих, допроса Аспазием Патерном, вынесения смертного приговора, казни мученика и перенесения мощей в Компьень). В алтарной части были установлены 2 кафедры аббата: на одной находилось изображение св. Корнелия, на другой — К. (убранство хора относилось к XVI в. — *Procès-verbaux, rapports et communications diverses / Société historique de Compiègne*. 1906. Vol. 14. Р. 49–50). В 1790 г. аббатство было закрыто, в 1791 г. прекратились богослужения в бывш. монастырском храме, после чего были конфискованы церковные ценности. Святыни, в т. ч. мощи Корнелия и К., были перенесены в приходскую ц. св. Иакова. После освидетельствования в 1909 г. реликварии с мощами поместили в особую капеллу (*Bull. de la Société historique de Compiègne*. 1948. Т. 23. Р. 44–45; *Muller H. La fin de l'abbaye Saint-Corneille // Bull. de la Société historique de Compiègne*. 1960. Т. 25. Р. 85–86).

Главы святых Корнелия и К. почитались в аббатстве *Инден* (совр. Корнелимюнстер, в черте Ахена), но упоминания об этом содержатся лишь в поздних источниках (*ActaSS. Sept. T. 4. P. 185–187*). По преданию, имп. Карл Лысый обменял эти святыни на часть погребальной пелены Христа, к-рую он поместил в Компьене. В XIV–XVI вв. Корнелимюнстер был важным центром паломничества (см., напр.: *Kühne*. 2000; *Nieke E. Religiöse Bilderbogen aus Neuruppin: Eine Untersuchung zur Frömmigkeit im 19. Jh. Fr./M.*, 2008. S. 93–94). В наст. время в бывш. монастырской церкви в Корнелимюнстере хранится серебряный бюст-реликварий с частью главы К.

С Инденом предположительно связано происхождение мощей К.,

Сцмч. Киприан Карфагенский.
Витраж ц. св. Корнелия
в Корнелимюнстере. XIX в.

к-рые вместе с мощами св. Корнелия почитались в Ронсе и в Нинове (совр. Бельгия). По сведениям позднейших источников, части мощей Корнелия и К. были перенесены в Ронсе из Индена в 860 г. по указанию имп. Людовика II Итальянского, по др. сведениям, это произошло в 1160 г. (*ActaSS. Sept. T. 4. P. 187–*

Бывшая монастырская
ц. Вознесения Девы Марии
в Нинове, Бельгия.
XVIII в.

189). Согласно привилегии имп. *Людовика Благочестивого* Гамбургской кафедре (834), церковь в Ронсе была передана аббатству Инден (*Hamburgisches Urkundenbuch / Hrsg. J. M. Lappenberg. Hamburg, 1842. Bd. 1. S. 12–13*). Привилегия в значительной части подложна, но фрагмент текста, относящийся к Ронсе, может

быть подлинным; в XI в. церковь в Ронсе несомненно принадлежала мон-рю Инден (*Knibbs E. Ansgar, Rimbert and the Forged Foundations of Hamburg-Bremen. Farnham (Surrey), 2011. P. 103, 122–124*). По мнению др. исследователей, сведения о дарении церкви аббатству Инден недостоверны (*Cambier A. Rothnacum Sacrum. Ronse, 1989. P. 48–54*). Впосл. наиболее почитаемой святыней в Ронсе были мощи мч. *Ермета* (Гермета), однако 4 июля здесь совершалось празднование в честь перенесения мощей святых К., Корнелия и *Келестина I*.

В Нинове мощи Корнелия и К. почитались в премонстрантском аббатстве, основанном в 1137 г. при поддержке местного владельца *Герарда I*. О реликвиях упоминается в сборнике чудес св. Корнелия, составленном в кон. XII в. пресв. *Дамианом*, а также в сказании об основании мон-ря (сост. после 1195) (*Bijsterveld, Van de Perre*. 2001). Согласно чтению оффиция в праздник перенесения мощей Корнелия и К. (5 нояб.), хранившиеся в Нинове мощи были отделены от тех реликвий, которые перенесли из Индена в Ронсе (*ActaSS. Sept. T. 4. P. 190*). Известно о 20-дневной индульгенции, дарованной в 1247 г. папой Римским *Иннокентием II* паломникам, к-рые посещали Нинове в день памяти святых Корнелия и К. (*Codex diplomaticus abbatiae Nino-viensis // Corpus chronicorum Flandriae / Ed. J. J. de Smet. Brux., 1841. T. 2. P. 896–897*). В XV–XVI вв. монастырь был центром паломничества; в 1628 г. при обители было основано братство в честь свя-

тых Корнелия и К. Однако здесь, как и в Корнелимюнстере, самым чтимым святым был Корнелий, почитание К. было не столь активным (*Bijsterveld A.-J. A. Do ut des: Gift-Giving, Memoria, and Conflict Management in the Medieval Low Countries. Hilversum, 2007. P. 230–237*). В наст. время в бывш. монастырской ц. Вознесения Девы Марии хранится серебряная рака XVII в. с мощами святых Корнелия и К.

С XII в. К. почитался как покровитель аббатства Муасак, где также хранились его мощи. Сведения о происхождении этих реликвий приведены в Хронике аббата Аймерика де Пейрака (1377–1406): когда королевство франков подверглось нападению норманнов, благочестивые люди скрыли мощи К. и др. мучеников в еп-стве Каор (Кагор), в местности Ле-Во (in territorio qui dicitur In Vallibus; ныне сел. Сен-Сиприен, деп. Ло). Здесь была построена церковь во имя К. В 1122 г. аббат Рогерий (Роже; 1115 – ок. 1135) перенес мощи К. и мч. Сперата в Муасак (Paris. lat. 4991A. Fol. 13r, 161r, 105r – 105v; *Aymeric de Peyrac. Chronique des Abbés de Moissac* / Ed. R. de la Haye. Maastricht; Moissac, 1999². P. 131, 302, 322). О происхождении реликвий в хронике не сообщается; в XIX в. считалось, что они были перенесены из Лиона (*Bévenot. 1963. P. 150*).

Сведения о почитании К. в Муасак восходят к XI в. В грамоте мон. Бернарда и его отца Гарина (1-я пол. XI в.) аббатство Муасак названо «святой церковью Божией, освященной во имя апостола Петра и святого мученика Киприана и всех святых» (*Müssigbrod A. Die Abtei Moissac, 1050–1150: Zu einem Zentrum cluniacensischen Mönchtums in Südwestfrankreich. Münch., 1988. S. 219–220*). Согласно перечню реликвий, составленному после 1174 г., в обители хранились «тело и голова св. мученика Киприана», а также мощи св. Корнелия (Montauban. Archives Départementales de Tarn-et-Garonne. G 585).

В рукописи Paris. lat. 1656A, созданной в Муасак в нач. XII в., собраны сочинения К. и «Апологетик» Тертуллиана, поэма Пруденция (*Prudent. Perist. 13*) и краткая гомилия о К., основой к-рой послужили 2 проповеди св. Максима Тавринского (PL. 57. Col. 423–428). В нач. XIII в. была записана секвенция К. (*Gratulanda omni nisu – Bévenot. 1963. P. 147–148; Dufour. 1972. P. 111–112*). Вероятно, образцом для рукописи из Муасака послужил «Клюнийский Киприан» (Bodl. Laud. Misc. 451), сборник трудов К., составленный в IX–X вв. в Клюни. В этой рукописи также содержится поэма Пруденция и стихотворение «Rector magnificus» (см.: *Petitmengin P. Notes sur des manuscrits patristiques latins. 2: Un «Cyprien» de Cluny et la lettre apocryphe du pape Corneille* // REAug. 1974. Vol. 20. P. 15–35).

Рака с мощами св. Корнелия и сцмч. Киприана Карфагенского в Нинове, Бельгия. 1643 г.

С XIII в. в богослужебных книгах, использовавшихся в Муасак, 5 июля указывался праздник в честь перенесения мощей К.: напр., в календаре «Книги хартии» (*Livre de la Charte*), в календаре в составе бревиария из аббатства св. Бенедикта в Кастре (XIV в.), в бревиарии аббата Пьера де Кармана (кон. XV в. – NY Morgan. 463). Память перенесения мощей отмечалась особенно торжественно, в XVIII в. она имела статус «двойного» праздника (duplex) с октавой (*Bévenot. 1963. P. 149–150; La Haye. 1992*). В 1785 г. в городском совете Муасака рассматривался вопрос об отмене обязательного соблюдения нек-рых религ. праздников. Это обосновывалось чрезмерным количеством нерабочих дней и заботой о нравственности, т. к. празднование памяти К. служило поводом для пьянства и дебошей. Решение вопроса было оставлено на усмотрение правящего епископа Каорского.

Об алтаре во имя К., существовавшем в монастырской церкви в Муасак, впервые упоминается под 1247 г. В XV в. была устроена особая капелла во имя святого; в ней хранилась рака с мощами К., перед к-рой горела неугасимая лампада. При капелле действовало братство во имя святого. В 1628 г., во время эпидемии чумы, жители Муасака дали обет изготовить новую раку в случае избавления от моровой язвы. Однако работа над массивным серебряным реликварием затянулась, и торжественное переложение мощей К. состоялось лишь 16 сент. 1652 г. С этим событием связан конфликт Муасакского капитула с Аленом де Сольминаком, еп. Каорским (1637–1659),

к-рого пригласили возглавить церемонию. Епископ указал на то, что во мн. храмах диоцеза есть реликвии «либо фальшивые, либо такие, подлинность которых ничем не подтверждается», и потребовал от капитула предоставить свидетельства подлинности мощей К. Каноники не смогли этого сделать, поэтому торжество прошло без разрешения епископа (*Albe. 1911*). Глава К. хранилась в бюсте-реликварии из позолоченного серебра. В XVII–XVIII вв. существовал обычай совершать процессии с реликварием ради избавления от засухи и стихийных бедствий, при этом череп святого погружали в р. Тарн.

В 1793 г. в закрытом аббатстве в Муасак была проведена конфискация церковных ценностей, в т. ч. реликвариев. Мощи К., выброшенные агентами революционного комитета, были спасены священником, к-рый в 1795 г. вернул их в храм. В 1817 г. мощи были освидетельствованы генеральным викарием Жаном Арманом Шодрю де Трелиссаком (епископ Монтобана в 1833–1843). В 1864 г., по случаю 800-летия освящения монастырской церкви, глава К. была помещена в серебряный реликварий и установлена в особой капелле (о почитании К. в Муасак см.: *ActaSS. Sept. T. 4. P. 343; Bévenot. 1963; La Haye. 1992*).

К XI в. относятся данные о почитании К. в г. Валанс. 5 авг. 1095 г. папа Римский Урбан II освятил кафедральный собор во имя Пресв. Девы Марии, святых Корнелия и К. Об освящении сообщается в сохранившейся надписи (...in honorem beate Marie virginis et sanctorum martirum Cornelii et Cypriani hanc ecclesiam dedicavit). В Хронике епископов Валанса на основании Мартиролога Адона Вьеннского повествуется о перенесении мощей К. из Африки при имп. Карле Великом и о намерении императора построить церковь для хранения этой святыни, а также мощей св. Корнелия. Впосл. в Валансе была возведена капелла (sacellum) во имя К. По указанию еп. Гонтарда (1063–1100) на этом месте воздвигли кафедральный собор во имя Корнелия и К., в его алтарь были помещены частицы мощей святых. Т. о., намерение Карла Великого было исполнено (*Chronicon episcoporum Valentiniensium // Documents inédits relatifs au Dauphiné / Ed. C.-U.-J. Chevalier. Grenoble, 1868. Vol. 2. P. 32–34*).

хранившейся надписи (...in honorem beate Marie virginis et sanctorum martirum Cornelii et Cypriani hanc ecclesiam dedicavit). В Хронике епископов Валанса на основании Мартиролога Адона Вьеннского повествуется о перенесении мощей К. из Африки при имп. Карле Великом и о намерении императора построить церковь для хранения этой святыни, а также мощей св. Корнелия. Впосл. в Валансе была построена капелла (sacellum) во имя К. По указанию еп. Гонтарда (1063–1100) на этом месте воздвигли кафедральный собор во имя Корнелия и К., в его алтарь были помещены частицы мощей святых. Т. о., намерение Карла Великого было исполнено (Chronicon episcoporum Valentiniensium // Documents inédits relatifs au Dauphiné / Éd. C.-U.-J. Chevalier. Grenoble, 1868. Vol. 2. P. 32–34).

Почитание мощей К. во мн. храмах и мон-рях и отсутствие неоспоримых данных о различных перенесениях святыни вызывали дискуссии в XVII–XVIII вв. Высказывались мнения, что «подлинные» мощи хранились в Компьене или в Ронсе (см.: *Gervaise*. 1717. P. 546–550; *Baillet*. 1739. P. 204).

Литургическое поминовение К. скорее всего началось сразу после его мученической кончины, указания на празднование памяти святого 14 сент. содержатся во всех основных календарях и мартирологах начиная с сер. IV в. (самый ранний календарь – рим. «Depositio martyrum»). В Африке (согласно Карфагенскому календарю (1-я пол. VI в.), см.: *ActaSS. Nov. T. 2. Pars 1. P. LXXI*) и в Испании 14 сент. совершалось только поминовение К., однако в рим. богослужебной традиции в этот день праздновалась также память св. Корнелия. Самый ранний источник, в к-ром сообщается о поминовении обоих святых 14 сент., – Иеронимов Мартиролог («италийская» редакция составлена в 1-й пол. V в.). Календарь рим. богослужебных книг, прежде всего Сакраментария Григория (VII–VIII вв.), был положен в основу санкторального цикла литургического года в империи франков. Благодаря этому совместное поминовение К. и Корнелия получило широкое распространение на лат. Западе; этот праздник указан в большинстве франк. календарей эпохи Каролингов (*Der karolingische Reichskalender und seine Über-*

Сцмч. Киприан Карфагенский.
Скульптура на юж. фасаде
кафедрального собора в Милане.
XIX в.

lieferung bis ins 12. Jh. / Hrsg. A. Borst. Hannover, 2001. Tl. 2. S. 1292–1293. (MGH. Libri Memoriales; 2)).

Краткое сказание о К., составленное на основе Актов, приведено в Мартирологе Беды Достопочтенного (*Quentin*. 1908. P. 70). Этот мартиролог послужил основой для франкских «исторических» мартирологов IX в., составленных Флором Лионским, Адонем Вьенским и Узуардом. В Мартирологе Адона содержится более подробное сказание о К., составленное с учетом «Жизни Киприана» диак. Понтия (PL. 123. Col. 354–355; см.: *Quentin*. 1908. P. 508); в Мартирологе Узуарда приведена краткая заметка из Мартиролога Беды (PL. 124. Col. 467–468). Поминовение К. значится также в мартирологах *Вандальберта Прюмского* (MGH. Poet. T. 2. P. 594), *Рабана Мавра* (PL. 110. Col. 1168) и др.

В VII в. в Риме было введено празднование Воздвижения Св. Креста (Exaltatio S. Crucis) 14 сент. Начиная с понтификата *Сергия I* (687–701) в этот день совершалось поклонение Св. Древу в Латеранской базилике (LP. Vol. 1. P. 374). Со временем праздник Воздвижения стал более значимым, чем поминовение святых Корнелия и К.

В раннесредневек. богослужебных книгах Юж. Италии сохранились следы раннего почитания К., к-рое, по-видимому, было связано с рим. влиянием. Так, в «Мраморном календаре» из Неаполя (IX в.) под 14 сент. указано «мученичество св. Киприана и Воздвижение Креста», а в самых ранних календарях из аббатства Монте-Кассино (VIII–IX вв.) под 14 сент. значится память Корнелия и К. (*Die ältesten Kalendarien aus Monte-Cassino* / Hrsg. E. A. Lowe. Münch., 1908. S. 28–29). Однако в беневентских литургических книгах известен только праздник Воздвижения (*Kelly T. F. The Beneventan Chant*. Camb., 1989. P. 66, 71), к-рый имеется также в более поздних календарях из Беневенто, Капуи, Монте-Кассино и Неаполя. Возможно, в Юж. Италии К. отождествлялся со сцмч. Киприаном Антиохийским, поминовение к-рого указывалось под 26 сент. (см.: *Brown V. A New Beneventan Calendar from Naples: The Lost «Kalendarium Tutinianum» Rediscovered* // *Mediaeval Stud.* Toronto, 1984. Vol. 46. P. 414–415, 434).

Во франко-германской богослужебной традиции память святых Корнелия и К. совпадала с праздником Воздвижения. Это вызывало затруднения, поэтому поминовение К. могли перемещать на другие даты (*Jouanel P. Le culte des saints dans les basiliques du Latran et du Vatican au XIIe siècle*. R., 1977. P. 288). Так, в Париже 14 сент. праздновалось Воздвижение Креста, поминовение К. совершалось 25 или 26 сент. В др. местах (напр., в диоцезе Турне в XIV–XV вв.) 14 сент. сохранялось празднование памяти Корнелия и К., но его статус был понижен до «простого поминовения». Согласно печатному Римскому Миссалу 1474 г., оба праздника отмечались 14 сент. (*Missale Romanum Mediolani*, 1474 / Ed. R. Lippe. L., 1899. Vol. 1. P. XXI, 381–382), но в Бrevиарии кард. Франсиско Киньонеса (1535), предназначенном для секулярного духовенства, поминовение Корнелия и К. перемещено на 15 сент. (*Breviarium Romanum a Francisco Cardinali Quignonio editum et recognitum iuxta editionem Venetiis A. D. 1535 impressam* / Ed. J. W. Legg. Cantabrigiae, 1888. P. 155–156).

Поминовение К. представлено в богослужебных книгах *испано-мосарабского обряда* (под 14 сент.). В старейшей сохранившейся рукописи,

Веронском орационале, к-рый использовался в Тарраконе (ныне Таррагона; кон. VII в.), приведена молитва К. для утрени и для вечерни праздника, а также благословение. В молитве заметно влияние поэмы Пруденция; К. прославляется как учитель Церкви и мученик, проповедовавший Христа и устами, и пролитием крови (Oracional visigótico / Ed. J. Vives. Barcelona, 1946. P. 374–375). В более поздних книгах (Lond. Brit. Lib. Add. 30845, из монастыря Силос) эти тексты даны в качестве completuria и благословения на вечерне (Le Liber Mozarabicus Sacramentorum et les manuscrits mozarabes / Éd. M. Férotin. R., 1995². Col. 833–834). Мосарабский проп-

Церковь во имя
сцмч. Киприана
Карфагенского
в Беллохине, Испания.
XII в.

рий мессы в день памяти К. включал 8 молитв и благословение — характерные для испан. традиции про-странные тексты с использованием риторических приемов (основаны на Актах К. и на поэме Пруденция). В молитвах мессы К. прославляется как пастырь и мученик, но как об учителя Церкви о нем почти не упоминается (Ibid. Col. 421–425, 833–834). Из чтений в день памяти К. индивидуальным было только ветхозаветное (Еккл 44. 20–21; 50. 1–25), Евангелие и Апостол полагались общие из мессы праведнику (unius iusti — Liber Comicus sive Lectionarius Missae quo Toletana Ecclesia ante annos mille et ducentos utebatur / Ed. G. Morin. Maredsolis, 1893. P. 267). Антифоны мессы и оффиция — в основном из Книги премудрости Соломона и Посланий ап. Павла (Antiphonarium Mozarabicum de la Catedral de León. León, 1928. P. 181). На вечерне праздника исполнялся гимн К. (АНМА. Т. 27. P. 152–153; The Mozarabic Psalter (MS. British Museum, Add. 30,851) / Ed. J. P. Gilson. L., 1905. P. 249; см.: Thorsberg B. Études sur l'hymnologie

mozarabe. Uppsala, 1962. P. 155–156). Составитель гимна опирался в основном на поэму Пруденция, хотя ему были известны и Акты К. (Pérez de Urbel J. Origen de los himnos mozárabes // Bull. Hispanique. Bordeaux, 1926. Vol. 28. P. 226–227; Díaz y Díaz. 1998. P. 25–26). По мнению Диаса и-Диаса, создание или окончательное оформление литургических текстов, посвященных К., произошло в посл. четв. VII в. Это было связано с унификацией годового круга богослужения, проведенной по инициативе св. Иулиана, еп. Толетского (Ibid. P. 27–28).

О том, что испан. традиция культа К. развивалась независимо от Рима, свидетельствует отсутствие данных о поминовении св. Корнелия. Во всех мосарабских календарях X–XI вв. под 14 сент. указана толь-

ко память К. (Le Liber Ordinum. P., 1904. P. 478–479; Le Liber Mozarabicus Sacramentorum. R., 1995².

P. LI; см.: Vives J. Santoral visigodo en calendarios e inscripciones // Analecta Sacra Tarraconensia. Barcelona, 1941. Vol. 14. P. 22; Conant. 2010. P. 16–17). Мосарабские авторы 2-й пол. VIII в. упоминали о том, что праздник Обретения Креста и память К. отмечались в тот же день (CSM. Т. 1. P. 57–58). Однако это свидетельство не находит подтверждения в богослужебных книгах: празднование Обретения Креста в испан. традиции совершалось 3 мая, праздник Воздвижения (14 сент. в рим. традиции) был неизвестен. В Кордовском календаре, где описывается церковный год мосарабов еп-ства Кордова в X в., под 14 сент. указана только память «премудрого епископа Киприана Тасция, убиенного в Африке» (Le Calendrier de Cordoue / Ed. R. Dozy. Leiden, 1961^r. P. 139). В коллофоне рукописи соч. «О приснодевстве Марии» св. Ильдефонса писец архипресв. Соломон указал, что он завершил работу 14 сент. 1067 г., «в день святого епископа Киприана, в понедельник, в третьем часу» (рпк.: Laurent. Ashb. 17; см.: Simonet F. J. Historia de los Mozárabes de España.

Madrid, 1897/1903. P. 670). Упоминания о празднествах в честь Св. Креста и св. Корнелия 14 сент. встречаются лишь в календарях XI–XII вв. из Сев. Испании и Каталонии, созданных под французским влиянием (напр.: Vezin J. Un calendrier franco-hispanique de la fin du XIe siècle // Bibl. de l'École des chartes. P., 1963. Vol. 121. P. 20; Marquès J. M. Els calendaris de Girona // Miscellània litúrgica catalana. Barcelona, 1978. Т. 1. P. 156).

Богослужебные тексты о поминовении К. включены в печатные книги испано-мосарабского обряда, подготовленные по указанию Толедского архиеп. кард. Франсиско Хименеса де Сиснероса (1495–1517). Стремление редакторов привести мосарабское богослужение в соответствие с рим. образцами повлияло в т. ч. на изменения в санкторале. Так, в календаре миссала 14 сент. указан праздник Воздвижения Креста и память святых Корнелия и К., хотя посвященные Корнелию молитвы в книге отсутствуют. Перед днем памяти К. положен 3-дневный пост. Проприй мессы в целом заимствован из средневековых книг, добавлены 2 молитвы (возможно, составлены редактором: Eternum tue virtutis nomen и Debitas tibi Domine eterne) и чтения (2 Тим 1. 8–14 и Мф 5. 14–19) (Missale mixtum secundum regulam beati Isidori dictum Mozarabes. Toleti, 1500. Fol. 379v — 382v). В календаре бревиария 14 сент. указаны только праздник Воздвижения и поминовение К., но в тексте на память св. Корнелия положен общий оффиций мученику. Изменения в составе оффиция более значительны, чем в проприи мессы, однако на вечерне сохранены гимн К. и молитвы «O decus orbis, o doctor unice» и «Christus Dominus qui (beatissimum) Ciprianum», восходящие к Веронскому орационалу кон. VII в. (Breviarium secundum regulam beati Hysidori. Toleti, 1502. Fol. 400v — 402). Т. о., несмотря на внесенные изменения, составители печатных книг попытались сохранить торжественный характер поминовения К., что не соответствовало римской традиции. Согласно действующему испано-мосарабскому миссалу, праздник (festum) К. отмечается 14 сент. В богослужении римского обряда поминовение (memoria) мучеников Корнелия и К. совершается 16 сент. (Ferrer Gre-

nesche J.-M. Los santos del nuevo Misal Hispano-Mozárabe. Toledo, 1995. P. 32, 99–100).

В богослужебных книгах, изданных после Тридентского Собора, память мучеников Корнелия и К. указывалась 16 сент. (со статусом «semiduplex»; Missale Romanum ex decreto Sacrosancti Concilii Tridentini restitutum. Venetiis, 1574. P. 436–437). В Римский Мартиролог имена мучеников были внесены под 14 сент., но указывалось, что празднование следовало совершать 16 сент. (MartRom. Comment. P. 395, 399). Тем не менее в отдельных диоцезах праздник могли перемещать на другие даты. Так, согласно Лионскому бревиарию 1737 г., поминовение св. Корнелия совершалось 16 сент., К. — 17 сент. (Breviarium Sanctae Lugdunensis Ecclesiae primae Galliarum sedis. Lugduni, 1737. 4 vol.). В Браге (Португалия) память Корнелия и К. отмечали 24 сент. (*Serrano D.* O Rito Bracarense. Braga, 1906. P. 124). Особое празднование в честь К. сохранялось в испано-мосарабском обряде, который использовался лишь в неск. храмах в Испании.

В действующем Римском календаре поминовение (мемория) святых Корнелия и К. указано под 16 сент., в Римский Мартиролог (изд. 2001 г.) имена мучеников внесены под 14 сент., с указанием, что литургическое празднование совершается 16 сент.

Ист.: ActaSS. Sept. T. 4. P. 191–348; Acta Cypriani // Atti e passioni dei martiri / Ed. A. A. R. Bastiaensen et al. Mil., 1987. P. 193–231; Vita di Cipriano. Vita di Ambrogio. Vita di Agostino / Ed. A. A. R. Bastiaensen et al. Mil., 1981²; *Prudent.* Perist. 13; *Aug.* Serm. 308A // Miscellanea Agostiniana. R., 1930. T. 1: S. Augustini sermones post Maurinos reperti / Ed. G. Morin. P. 43–50; Ibid. 309–313 // PL. 38. Col. 1410–1425; Ibid. 313A (Denis 14) // Miscellanea Agostiniana. T. 1. P. 65–70; Ibid. 313B (Denis 15) // Ibid. P. 70–74; Ibid. 313C (Guelf. 26) // Ibid. P. 529–531; Ibid. 313D (Guelf. 27) // Ibid. P. 531–535; Ibid. 313E (Guelf. 28) // Ibid. P. 535–543; Ibid. 313F (Denis 22) // Ibid. P. 133–135; Ibid. 313G (Erfurt 6) // WSt. 2008. Bd. 121. S. 251–264; MartHieron. Comment. P. 505–506; MartRom. Comment. P. 395–396; Liber Miraculorum Nivnivensium Sancti Corneli Papae: Ein Beitrag zur Flandrischen Kirchengeschichte / Hrsg. W. W. Rockwell. Gött.; N. Y., 1925; Corpus Orationum. Turnhout, 1992–2004. T. 1–14. N 62, 77, 119aB, 465, 2278a, 3134, 3628, 4002, 4119, 4135B, 4195, 4226, 4265A, 4356D, 4394B, 4588, 4850bD, 4944, 5112a, 5214, 5253, 5260, 5330, 5371, 5458, 5974, 6351, 6589. (CCSL; 160–160M); *Bijsterveld A.-J., Van de Perre D.* Het Mirakelboek en de Stichtingsgeschiedenis van de Ninoofse Abdij. Leuven, 2001. P. 47–125 [чудеса св. Корнелия], 133–159 [сказание об основании монастыря Нинове].

Лит.: *Gervaise F. A.* La Vie de S. Cyprien, docteur de l'Église, évêque de Carthage et martyr. P., 1717; *Baillet A.* Les Vies des Saints. P., 1739². T. 6. P. 174–205; *Monceaux P.* Examen critique des documents relatifs au martyre de St. Cyprien // RA. Sér. 3. 1901. T. 38. P. 249–271; *idem.* Histoire littéraire de l'Afrique chrétienne. P., 1902. T. 2. P. 179–197, 369–386; *Godet P.* Cyprien (saint) // DTC. T. 3. Col. 2459–2470; *Quentim H.* Les martyrologes historiques du Moyen Âge. P., 1908. P. 48, 70, 119, 125, 346, 440, 507–514, 673; *Saumagne C.* Les basiliques cypriennes // RA. Sér. 4. 1909. T. 14. P. 188–202; *Albe E.* Les reliques de St. Cyprien: Deux lettres inédites du vénérable Alain de Solminihac, évêque de Cahors (1637–1659) // RHEF. 1911. T. 2. P. 725–727; *Harnack A., von.* Das Leben Cyprians von Pontius: Die erste christliche Biographie. Lpz., 1913. (TU; Bd. 39. H. 3); *Reitzenstein R.* Die Nachrichten über den Tod Cyprians: Ein philologischer Beitrag zur Geschichte der Märtyrerliteratur. Hdb., 1913; *idem.* Bemerkungen zur Märtyrerliteratur. 2. Nachträge zu den Akten Cyprians // NGWG. 1919. S. 177–219; *Corsen P.* Das Martyrium des Bischofs Cyprian // ZNW. 1914. Bd. 15. S. 221–233, 285–316; 1915. Bd. 16. S. 54–92, 198–230; 1916. Bd. 17. S. 189–206; 1917. Bd. 18. S. 118–139, 202–223, 249–272; *Leclercq H.* Cyprien // DACL. T. 3. Pt. 2. Col. 3214–3215; *Martin J.* Die Vita et Passio Cypriani // Historisches Jb. Münch., 1919. Bd. 39. S. 674–712; *Bord J.-B.* L'autorité de St. Cyprien dans la controverse baptismale jugée d'après St. Augustin // RHE. 1922. Vol. 18. P. 445–468; *Vaultrin J.* Les basiliques chrétiennes de Carthage // Revue Africaine. Alger, 1932. Vol. 73. P. 182–318; 1933. Vol. 74. P. 118–156; *Delehaye.* Origines. P. 380–381; *idem.* Passions. 1966². P. 62–77; *Courtois C.* Reliques carthagoines et histoire carolingienne // CRAI. 1945. Vol. 89. P. 11–15; *idem.* Reliques carthagoines et légende carolingienne // RHR. 1945. Vol. 129. P. 57–83; *Bardy G.* Cyprien // DHGE. 1956. T. 13. P. 1149–1160; *Bévenot M.* St. Cyprian and Moissac: A 13th-Cent. Sequence // Traditio. N. Y., 1963. T. 19. P. 147–166; *Gordini G. D.* Cipriano // BiblSS. Vol. 3. Col. 1260–1274; *Reekmans L.* La tombe du Pape Corneille et sa région cémétériale. Vat., 1964; *Ruysschaert J.* La commémoration de Cyprien et de Corneille in Calisti // RHE. 1966. Vol. 61. P. 455–484; *Dufour J.* La bibliothèque et le scriptorium de Moissac. Gen.; P., 1972. P. 6–7, 32; *Duval N.* Études d'architecture chrétienne nord-africaine // Melanges de l'École française de Rome. 1972. Vol. 84. P. 1071–1172; *idem.* L'État actuel des recherches archéologiques sur Carthage chrétienne // Antiquité Tardive. P., 1997. Vol. 5. P. 309–350; *Klauser T.* Das römische Capitulare Evangeliorum. Münster, 1972; *Lanata G.* Gli Atti dei Martiri come documenti processuali. Mil., 1973. P. 184–193, 242–247; *Ennabli L.* Les inscriptions funéraires chrétiennes de la basilique dite de Sainte-Monique à Carthage. R., 1975; *García R. D.* San Cipriano y el Donatismo en la polémica antidonatista de San Agustín: Estudio histórico-patristico // Teología: Revista de la Facultad de Teología de la Pontificia Univ. Católica Argentina. 1976. T. 13. N 27/28. P. 5–49; *Brisac C.* Iconographie pseudo-légitime des fondateurs de l'Église de Lyon et les reliques carolingiennes // Les Martyrs de Lyon (177): [Actes du colloque international de Lyon, 1977]. P., 1978. P. 299–310; *Saxer V.* Morts, martyrs, reliques en Afrique chrétienne aux premiers siècles. P., 1980; *Duval Y.* Loca sanctorum Africae: Le culte des martyrs en Afrique du IVe au

VIIe siècle. R., 1982. 2 vol.; *Kühn N.* Die Reichsabtei Kornelimünster im Mittelalter. Aachen, 1982; *Aronen J.* Indebtedness to Passio Perpetuae in Pontius' Vita Cypriani // VChr. 1984. Vol. 38. P. 67–76; *Maier J.-L.* Le dossier du donatisme. B., 1987–1989. 2 t.; *Deléani S.* Présence de Cyprien dans les oeuvres de Jérôme sur la virginité // Jérôme entre l'Occident et l'Orient: Actes du Colloque de Chantilly (sept. 1968) / Éd. Y.-M. Duval. P., 1988. P. 61–82; De abdijs van Sint-Cornelius en Sint-Cyprianus. Ninove, 1989; *Lancel S.* Victor de Vita et la Carthage vandale // L'Africa romana: Atti del VI convegno di studio, Sassari, 16–18 dicembre 1988 / Ed. A. Mastino. Sassari, 1989. P. 649–661; *La Haye R., de.* Saint Cyprien, patron de Moissac // Bull. de la Société Archéologique de Tarn-et-Garonne. Montauban, 1992. Vol. 117. P. 137–159; *Montgomery H.* Pontius' Vita S. Cypriani and the Making of a Saint // Symbolae Osloenses. 1996. Vol. 71. P. 195–215; *Stevens S. T.* A New Christian Structure on the Outskirts of Carthage: A Preliminary Report on the 1994 Excavations at Bir Ftouha // DOP. 1996. Vol. 50. P. 375–378; *eadem.* Excavations of an Early Christian Pilgrimage Complex at Bir Ftouha (Carthage) // Ibid. 2000. Vol. 54. P. 271–274; *Díaz y Díaz M. C.* El culto de S. Cipriano en Hispania // Pensamiento medieval hispano: Homenaje a Horacio Santiago-Otero / Ed. J. M. Soto Rábanos. Madrid, 1998. T. 1. P. 21–37; *Kühne H.* Ostensio Reliquiarum: Untersuchungen über Entstehung, Ausbreitung, Gestalt und Funktion der Heilungswweisungen im römisch-deutschen Regnum. B.; N. Y., 2000. S. 198–207; *Elm E.* Die Macht der Weisheit: Das Bild des Bischofs in der «Vita Augustini» des Possidius und andere spätantiken und frühmittelalterlichen Bischofsviten. Leiden; Boston, 2003. S. 65–78; *Fux P.-Y.* Les sept Passions de Prudence (Peristephanon 2. 5. 9. 11–14): Introd. générale et commentaire. Fribourg, 2003; Bir Ftouha: A Pilgrimage Church Complex at Carthage / Ed. S. T. Stevens et al. Portsmouth, 2005; *Yates J.* Augustine's Appropriation of Cyprian the Martyr-Bishop against the Pelagians // More Than a Memory: The Discourse of Martyrdom and the Construction of Christian Identity in the History of Christianity / Ed. J. Leemans. Leuven, 2005. P. 119–135; *Ziegler M.* Die «Vita et passio Cypriani»: Aussageabsicht und historischer Hintergrund // Klio. B., 2009. Bd. 91. S. 458–471; *Barnes T. D.* Early Christian Hagiography and Roman History. Tüb., 2010. P. 77–92; *Conant J. P.* Europe and the African Cult of Saints, circa 350–900: An Essay in Mediterranean Communications // Speculum. Camb. (Mass.), 2010. Vol. 85. P. 1–46; *Humink V.* St. Cyprian, a Christian and Roman Gentleman // Cyprian of Carthage: Studies in His Life, Language, and Thought / Ed. H. Bakker, P. van Geest, H. van Loon. Leuven, 2010. P. 29–41; *idem.* «Practicing What He Has Taught»: Augustine's Sermons on Cyprian // «In Search of Truth»: Augustine, Manichaeism and Other Gnosticism: Studies for J. van Oort at Sixty / Ed. J. A. van den Berg et al. Leiden, 2011. P. 97–108.

А. А. Королёв

Иконография. Одно из первых визант. изображений К. сохранилось в наосе храма мон-ря Оснос Лукас (30-е — 40-е гг. XI в.), он представлен на одном из сводов (вместе со святыми Спиридоном, Сильвестром и Ахилием) в рост, с епископским омофором; средовек с серыми, расчесанными на прямой пробор

волосами, средней длины бородой, в его руках — книга в драгоценном окладе.

Самое большое число изображений К. сохранилось в иллюстрированных рукописях 16 литургических гомилий свт. Григория Богослова (Назианзина), подавляющее большинство которых относится ко 2-й пол. XI — нач. XII в. На миниатюрах из гомилий К. обычно представлен как седовласый старец с недлинной бородой, в епископских одеждах, иногда с книгой в руке. Образы К., представленного в рост, стоящего или склонившегося перед свт. Григорием (как, напр., в рукописях Bodl. Canon. gr. 103. Fol. 57; Paris. gr. 533. Fol. 58 и Ambros. F 88 suppl. Fol. 73), или сидящего и ведущего разговор со свт. Григорием (как, напр., в рукописях Laurent. Plut. VII. 32. Fol. 48; Bodl. Seld. B. 54. Fol. 19v), или в сцене мученичества (как, напр., в рукописях ГИМ. Син. греч. 61. Л. 50 об.; Taurin. C. I. 6. Fol. 37v) служат иллюстрациями к 24-й гомилии свт. Григория. В некоторых рукописях показан свт. Григорий, произносящий проповедь о К. предстоящим перед святителем (напр., в рукописях Ath. Dionys. 61. Fol. 165; Hieros. Patr. S. Sepulchr. 14. Fol. 58; Paris. Coislin. 239. Fol. 46v). В рукописи из Туринского ун-та художник по ошибке помимо усекновения главы святого изобразил также традиц. сцену успения: К. лежит на смертном одре, свт. Григорий произносит надгробную речь в присутствии диаконов и епископов (Taurin. C. I. 6. Fol. 37v).

В отдельных случаях образ К. смешивали с образом сщмч. Киприана Антиохийского, почитаемого вместе с мц. Иустинией. Так, в рукописи полной редакции гомилий свт. Григория Богослова (Ambros. E 49–50 inf. Pag. 346–347), созданной, вероятно, в нач. IX в., святые Киприан и Иустина представлены на развороте листов; их изображения иллюстрируют 24-е Слово свт. Григория. Обои Киприанов обычно изображали бородами старцами в епископских одеждах, поэтому при отсутствии пояснительных надписей сщмч. Киприана Антиохийского, очевидно, можно точно идентифицировать только при наличии образа мц. Иустинии рядом с ним.

В греко-груз. рукописи (т. н. Афонской книге образцов — РНБ. О. I. 58. Л. 45, кон. XV в.) образ К. близок к описанию в Ерминии иером. Дионисия Фурноаграфота (ок. 1730–1733): «Не стар, кудряв, с длинной, раздвоенной бородой» (Ерминия ДФ. С. 162. № 63). Именно так он изображен и (погрудно) в соборе Св. Софии в Киеве (30-е — 40-е гг. XI в.).

Лит.: Galavaris G. The Illustrations of the Liturgical Homilies of Gregory Nazianzenus. Princeton (N. J.). 1969. P. 40–41. (Studies in Manuscript Illumination; 6); LCI. Bd. 6. S. 10–12; Евсева. Афонская книга. С. 195.

И. А. Орецкая

КИПРИАН (Янковский Лев Николаевич; 31.10.1897, Харьков — 26.05.1938, там же), сщмч. (пам. 19 мая и в Соборе новомучеников и исповедников Слободского края), архим. В 30-х гг. XX в. служил в ц. Казанской иконы Божией Матери на Лысой горе в Харькове. В марте или апр. 1938 г. был арестован. Обвинен в антисоветской деятельности и участии в монархической орг-ции. 15 апр. того же года постановлением Особой тройки при УНКВД по Харьковской обл. приговорен к расстрелу. 26 мая приговор был приведен в исполнение.

22 июня 1993 г. определением Синода Украинской Православной Церкви (УПЦ) прославлен как местночтимый святой Харьковской епархии. 3–4 июля, во время визита Предстоятеля УПЦ Киевского и всея Украины митр. *Владимира (Сабодана)*, состоялись торжества, посвященные прославлению святого, в харьковском кафедральном Благовещенском соборе.

Арх.: Архим. Киприан (Янковский) [мат-лы Синодальной Комиссии по канонизации УПЦ] // Архив Канцелярии Киевской Митрополии УПЦ; Журнал № 1 Заседания Свящ. Синода УПЦ от 22 июня 1993 г. // Там же; Отчет Харьковской епархии УПЦ за 1993 г. // Там же.

Лит.: *Басин И.* Канонизация святых в УПЦ МП: 1993–1996 гг. // Вестн. РХД. 1997. № 176. С. 219; *Цыпин.* История РЦ. С. 702; *Андроник (Трубачев), игум.* Канонизация святых в РПЦ // ПЭ. Т.: РПЦ. С. 363; Янковский Лев Николаевич // lists.memo.ru/d38/f391.htm [Электр. ресурс].

КИПРИАН, прмч. Валаамский (пам. 20 февр.) — см. в ст. *Тит, Тихон и 32 инока и послушника*, преподобномученики, Валаамские.

КИПРИАН, прмч. Зографский (пам. 10 окт.; пам. греч. 22 сент.) — см. в ст. *Зографские преподобномученики*.

КИПРИАН (Нелидов Константин Алексеевич; 14.07.1901, Казань — 16.06.1934, 7-е Чуйское отд-ние Сибирского ИТЛ), прмч. (пам. 3 июня и в Соборе новомучеников и исповедников Церкви Русской), иером. Из семьи врача, потомственного дворянина. Родители вскоре после его рождения развелись; отец переехал в Н. Новгород, впосл. работал врачом в амбулатории ОГПУ, мать жила в Житомире. Константин поселился в Н. Новгороде у мачехи своей матери. Учился в Нижегородском дворянском ин-те, с 1920

по 1924 г. служил в армии рядовым, после чего нек-рое время был иподиаконом у еп. *Варнавы (Беляева)*. В 1925 г. Нижегородским митр. *Сергием (Страгородским)*; впосл. патриарх Московский и всея Руси) пострижен в монашество с именем Киприан и рукоположен во иерея.

Прмч. Киприан (Нелидов).
Фотография.
Тюрьма ОГПУ. 1933 г.

С 1928 г. К. служил в Казанском храме г. Кзыл-Орда (ныне Кызыл-Орда, Казахстан).

В нач. 1932 г. митр. Сергей (Страгородский) пригласил К. в Москву для работы в канцелярии Свящ. Синода. В авг. того же года К. был назначен настоятелем храма ап. Иоанна Богослова в Богословском пер. Жил в квартире московского архит. В. И. Долганова вместе с находившимся за штатом еп. Варнавой (Беляевым).

15 марта 1933 г. К. был арестован вместе с еп. Варнавой по обвинению в антисоветской агитации и контрреволюционной деятельности, заключен в Бутырскую тюрьму. Виновным себя не признал. 10 мая Особым совещанием при Коллегии ОГПУ признан виновным в «ведении систематической антисоветской агитации», в «создании на квартире Долгановых нелегального монастыря и в религиозном влиянии на молодежь» и приговорен к 3 годам заключения в ИТЛ.

Отбывал наказание в 7-м Чуйском отд-нии Сибирского ИТЛ (Сиблаг) на строительстве Бийского тракта на Алтае. Выполнял земляные работы, затем был назначен кладовщиком. За честность и неподкупность был оклеветан и отправлен в штрафную командировку. Служил

дневальным, пользовался любовью заключенных. Скончался в лагерном лазарете, погребен в ущелье Коркучи (Кор-Кечу) в отдельной безвестной могиле. Имя К. определением Свящ. Синода от 12 марта 2002 г. включено в Собор новомучеников и исповедников Церкви Русской. Арх.: ЦА ФСБ РФ. Д. 35526.

Лит.: *Дамаскин*. Кн. 1. С. 61–64; Кн. 7. С. 91–95; У Бога все живы: Воспоминания о даниловском старце архим. Георгии (Лаврове). М., 1996; ЖНИР: Моск. Доп. Т. 1. С. 144–147; ЖНИР. Июнь. С. 9–13.

Игумен Дамаскин (Орловский)

КИПРИАН (Кириин, Киприн, Кирилл), мч. (пам. 10 мая) — см. в ст. *Алфий, Филадельф, Кириин, Еразм, Онисим и с ними 14*, мученики Бастийские.

КИПРИАН, мч. Коринфский (пам. 10 марта) — см. в ст. *Кодрат*, мч., и др. мученики Коринфские.

КИПРИАН, мч. Никомидийский (пам. 17 авг.) — см. в ст. *Стратон, Филипп, Евтихиан и Киприан*, мученики.

КИПРИАН Григорьевич Анников (1875, с. Зеленка Козловского у. Тамбовской губ.— 3.11.1937, Новоивановское отделение Сибирского ИТЛ), мч. (пам. 21 окт. и в Соборе новомучеников и исповедников Церкви Русской). Из крестьянской семьи. С 8 лет К. пел на клиросе. Был членом церковной «двадцатки» (см. *Приходское собрание*), а затем и ее председателем. С 1929 г. был в храме псаломщиком. В том же году, как церковнослужитель, лишен личного имущества и избирательных прав. Не согласившись с решением местных властей, К. подал заявление с протестом против незаконных действий представителей советской власти, и его восстановили в правах и вернули ему имущество. В авг. 1930 г. вместе с сыном Андреем он уехал в Москву, устроился сторожем при трудовой коммуне № 2 ОГПУ; члены его семьи, оставшиеся в селе, в 1931 г. были раскулачены, сосланы в Казахстан и лишены избирательных прав.

В ночь на 19 окт. 1932 г., во время дежурства К., на складе фибролитового завода трудовой коммуны № 2 ОГПУ возник пожар. 19 окт. К. и его сын были задержаны по подозрению в поджоге. К. был заключен в Бутырскую тюрьму за то, что, «буду-

чи противником советской власти с целью мести ей... совершил поджог». 16 янв. 1933 г. Коллегией ОГПУ К. и его сын были приговорены к 10 годам заключения в ИТЛ.

С 26 февр. 1933 г. К. отбывал наказание в Новоивановском отд-нии Сибирского ИТЛ (Сиблаг). В свободное от работы время вместе с др. заключенными молился во время тайных богослужений, которые часто возглавлял Могилёвский архиеп. сщмч. *Павлин (Крошечкин)*.

1 окт. 1937 г. К. был взят под стражу по обвинению в том, что «участвовал в контрреволюционной группе, возглавляемой зека Крошечкиным», «с которым проводил среди заключенных контрреволюционную агитацию, направленную на дискредитацию советской власти». Виновным себя не признал, но не отрицал того, что вместе с архиеп. Павлином участвовал в молениях, «которые устраивались за баракком во дворе подконвойного городка». 28 окт. Особой тройкой при УНКВД по Новосибирской обл. К. приговорен к расстрелу. Казнен вместе с архиеп. Павлином, со Свердловским еп. сщмч. *Аркадием (Ершовым)* и с группой правосл. священнослужителей и мирян. Погребен в безвестной общей могиле.

Прославлен Архиерейским юбилейным Собором РПЦ 2000 г. Арх.: ЦА ФСБ РФ. Д. Р–41668; Архив УФСБ РФ по Кемеровской обл. Д. П–12421.

Игумен Дамаскин (Орловский)

КИПРИАН Александрович Яценко (1878, с. Свиерна (ныне Сосновка) Гадячского у. Полтавской губ.— после 1930, ИТЛ на территории совр. Пермской обл.), мч. (пам. в Соборе новомучеников и исповедников Церкви Русской и в Соборе Уфимских святых). Из крестьян. Окончил 4-летнюю церковноприходскую школу. В 1900 г. К. переселился с семьей на приобретенный им земельный надел в с. Боголюбовка Уфимского у. и губ. (ныне Чишминского р-на, Башкирия). Как образованный и благочестивый человек, К. имел большой авторитет среди жителей села. С 1914 г. служил псаломщиком в боголюбовском храме в честь Покрова Пресв. Богородицы (с перерывом на военную службу в 1916–1917). После революции занимался приходским делопроизводством, читал и разъяснял верующим Свящ. Писание и жития святых, устраивал

при храме мероприятия для детей и молодежи. Весной 1929 г. жители села, в основном женщины, собрались на сход и заставили сельсовет Боголюбовки отменить решение о закрытии Покровской ц. Прихожане составили ходатайство к руководству Башкирской АССР с просьбой о сохранении церкви. После этого против К. возбудили уголовное дело по обвинению в организации выступления «против культурного мероприятия советской власти». К. был арестован и больше месяца находился в уфимской тюрьме. Поскольку боголюбовские прихожане на допросах единодушно отрицали участие К. в организации их выступления, власти были вынуждены освободить псаломщика. Вскоре после выхода К. из тюрьмы настоятель боголюбовской церкви предложил ему исполнять обязанности диакона, поскольку служивший ранее диакон скрылся, опасаясь репрессий.

14 февр. 1930 г. «группа бедноты» Боголюбовского сельсовета включила К. в список «социально опасных» лиц и ходатайствовала перед вышестоящими органами власти о высылке его семьи за пределы Башкирии. 17 февр. того же года сельсоветом было принято решение о раскулачивании К. как церковнослужителя и «организатора похода против закрытия церкви». У семьи К. были конфискованы и переданы в колхоз 13 дес. земли, скот, дом с дворовыми постройками, а также мебель, одежда, личные вещи и посуда. Семья переселилась в ветхую полуземлянку. Сочувствовавшие К. сотрудники сельсовета предупреждали его о скором аресте и предлагали скрыться, но он отказался: «Нет, никуда прятаться не буду. Что Богу угодно, то пусть и будет». 6 марта он был арестован и заключен в уфимскую тюрьму. К. сказал на прощание жене, что готов погибнуть за Христа, и просил воспитать детей в правде и вере. Его обвиняли в причастности к расстрелу отряда красных партизан в гражданскую войну, в антисоветской агитации, а также в организации выступления против закрытия церкви. На допросах К. отрицал обвинения в контрреволюционной деятельности. 26 марта 1930 г. был приговорен Особой тройкой при ГПУ Башкирской АССР к 10 годам трудовых лагерей. Отбывал заключение в Башкирии, ремонтировал

швейное оборудование в тюремной мастерской, затем был отправлен в один из лагерей в Уральской обл., где работал на лесоповале. Позднее родных уведомили о смерти К. от малярии. По сведениям, которые передал после освобождения отбывавший с ним вместе заключение односельчанин, К. погиб при погрузке леса на речной пристани, когда на него обрушился штабель бревен.

Прославлен Архиерейским юбилейным Собором РПЦ 2000 г.

Арх.: Архив УФСБ по Респ. Башкортостан. Д. ВФ–16232.

Лит.: *Зимина Н. П., Валева Т. Е.* «Я все равно погибну за веру Христову!»: Голгофа мученика Киприана Яценко // Уфимские ЕВ. 2000. № 6. С. 3, 5; № 7. С. 8; ЖНИР. Т. 1: Янв. С. 485–489; Книга памяти жертв политических репрессий Республики Башкортостан. Уфа, 2005. Т. 5. С. 627.

*Н. П. Зимина,
игум. Дамаскин (Орловский)*

КИПРИАН (XVII в.?), блж. (пам. во 2-ю Неделю по Пятидесятнице — в Соборе Всех святых, в земле Российской просиявших), Христа ради юродивый, Карачевский. О житии святого ничего не известно: во 2-й трети XVII в. почитание мн. блаженных не успело сложиться из-за активного осуждения «лжеюродства» иерархами Русской Церкви (указ патриарха всея Руси *Иоасафа I* 1636 г. (ААЭ. Т. 3. С. 402. № 264); Деяния *Большого Московского Собора 1666–1667 гг.* (Моск. Собор, 1666–1667. Л. 28)). К. упоминается в справочнике архим. *Леонида (Кавелина)*. Судя по прозванию святого, он подвизался в г. Карачеве (ныне Брянской обл.). В сер. 70-х гг. XX в. при составлении богослужебных миней (МП) имя К. было включено в Собор Всех святых, в земле Российской просиявших.

Лит.: *Леонид (Кавелин)*. Св. Русь. С. 158. № 611; *Сергий (Спаский)*. Месяцеслов. Т. 3. С. 563; *Миня (МП)*. Май. Т. 3. С. 379; *Иванов С. А.* Блаженные похабы: Культурная история юродства. М., 2005. С. 315.

КИПРИАН († 1622, с. Воскресенское Суздальского у. (ныне Лежневского р-на Ивановской обл.)), блж. (пам. 23 июня — в Соборе Владимирских святых, 7 июня — в Соборе Ивановских святых), Христа ради юродивый, Суздальский, Увотский.

В «Описании о российских святых» (РГБ. МДА. № 209, кон. XVII в., др. списки XVIII–XIX вв.) о подвижнике сказано: «Святый и блаженный Киприан, иже Христа ради юродивый, бысть в Воскресенском селе на Увоти реце, Суздальский чудотворец, преставися в лето 7100» (дата, очевидно, недописана). В Строгановском иконописном подлиннике кон. XVIII в. указано, что святой подвизался «при царе Борисе Годунове» (БАН. Струг. № 66. Л. 130). К. происходил, вероятно, из крестьян с. Воскресенского на р. Увоти (ныне Увот), вотчины князей Прозоровских. Подвижник жил на небольшом острове на реке, в воскресные и праздничные дни приходил молиться в Воскресенский храм. После церковной службы К. не сразу удалялся на остров, а молился около церкви на склоне берега Увоти. На этом месте К., по преданию, посадил неск. берез и сосен, некие из них сохранялись до нач. XX в. К. скончался в своем уединении, почитаемый и уважаемый окрестными жителями. Крестьяне сел Воскресенского и Петровского хотели похоронить отшельника у своих приходских церквей. По свидетельству одного из преданий, спор разрешился после того, как в одежде К. нашли записку, в которой подвижник про-

*Блж. Киприан Суздальский.
Роспись галереи
в Почаевской Успенской лавре.
Кон. 60–70-х гг. XIX в.,
поновлена в 70-х гг. XX в.
Иконописцы иеродиакон
Паисий и Анатолий*

сил похоронить его в с. Воскресенском. По др. версии, гроб пустили плыть по реке и он против течения приплыл к с. Воскресенскому. Юродивый был погребен на левой стороне Воскресенского храма, напротив клироса. В 1713 г. построили новую, каменную Воскресенскую ц. В 1751 г. на средства владельцев села князей Голицыных, почитавших К., над местом погребения блаженного соорудили придел в честь Покрова Пресв. Богородицы, который был освящен по благословию Суздальского и Юрьевского еп. Порфирия.

А. Фёдоров, ключарь суздальского Рождественского собора, в «Историческом собрании о богоспасаемом граде Суждале» (сер. XVIII в.) сообщил уникальные сведения об обретении мощей блаженного. Иерей Иоанн из с. Воскресенского, зная, что прп. *Иоаким*, инок *Шартомского во имя свт. Николая муж. мон-ря* (близ г. Шуя), пишет бесплатно иконы, пришел к нему и попросил написать образ для своего храма. Прп. Иоаким не согласился, но предсказал, что близ церкви будет обретено «сокровище великое». Через некоторое время были обретены мощи К. и «неколько лет бяху верху земли нетленны». При патриархе Московском и всея Руси *Иоакиме (Савёлове; 1674–1690)* мощи снова оказались под спудом. Икону святого, находившуюся на раке, забрали в ризницу суздальского Рождественского собора. По свидетельству Фёдорова, «и в помянутом селе над гробом того блаженнаго Киприана ныне ни молебнов, ни панихид (по показанию того села священнослужителей) не отправляют, а гроб его видится в придельной церкви под помостом церковным».

Могила К. была известна как «погребок». В описи Воскресенской ц. 1817 г. о ней значится следующее: «Под деревянным полом Покровского придела есть выход каменный, где погребено тело трудившегося в тех местах Киприана, и сделана под ним гробница для совершения панихид в память усопшего». Более подробное описание «погребка» дал в кон. XIX в. владимирский краевед Н. С. Стромиллов. По его записям, сев., зап. и юж. стены усыпальницы являлись стенами самого храма. «Посередине западной стены сохранялась впадина с аркой, которая, по-видимому, некогда была дверью

в усыпальницу... В северной стене близ западного угла имелось оконце с железной решеткой, в которое видна могила Киприана. Напротив окна была установлена лестница, по которой прихожане через подъемную дверь могли попасть в усыпальницу. Восточная стена была выложена из дикого неровного камня. Потолком «погребка» служил деревянный пол Покровского придела. В восточной части усыпальницы стоял склеп, основанием которого являлись еловые брусья, на которых были установлены 2 боковых и 2 поперечных доски каждая толщиной в вершок, скрепленные железными скобами, и венчала которые дубовая доска». В посл. трети XIX в., по свидетельству архиеп. *Димитрия (Самбикина)*, ежегодно накануне 2 окт. в Воскресенском храме совершалось торжественное всеночное бдение в честь сщмч. *Киприана*, тезоименитого святого К. В самый день праздника собиралось множество людей, чтобы служить панихиду по К. К этому дню была также приурочена местная ярмарка. По свидетельству архиеп. *Димитрия*, остров, где подвизался отшельник, назывался Киприановской пустыней, а ямы и овраги в окрестностях села крестьяне именовали пещерами К.

В 1915 г. по инициативе священников, служивших в Воскресенской ц., была начата запись чудес от мошей К., последнее чудо записано в февр. 1919 г. Рукопись была изъята при обыске в марте 1936 г. у Иваново-Вознесенского митр. *Павла (Гальковского)*, хранится в архиве УФСБ России по Ивановской обл. (опубл. на сайте [iverag.ru / books /1203102009/1605102009](http://iverag.ru/books/1203102009/1605102009)). В рукописи зафиксировано ок. 35 чудес, в т. ч. много случаев исцеления детей от испуга. Обычно больные отправлялись к месту погребения святого, «брали песочек у окошечка» или масло из лампы. По свидетельству местных жителей, святой наказывал за неблагоговейное отношение к святыне. Крестьянка М. Овсянникова почистила песок с могилы святого самовар, после чего «у нее свело руки»; исцеление она получила у мошей К., к-рый сам ей явился в тонком сне. Чудеса удостоверены священниками Воскресенской ц. Леонидом Смирновым и Александром Тихомировым и настоятелем храма в с. Лежневе Димитрием Капацинским, проводившими дознания.

В нач. 1937 г. священнослужители просили у Иваново-Вознесенского еп. св. *Бориса (Воскобойникова)* разрешения на перенос мошей К. из закрытой к тому времени Воскресенской ц. в действующий храм. Архиеп. дал благословение, но перенесение не состоялось. 20 февр. 1938 г. комиссия по ликвидации мошей Ивановского облисполкома вскрыла гробницу К. и изъяла мощи святого. Икона и металлическое надгробие были переданы в Центральный антирелигиозный музей, мощи поступили в Ивановский ин-т судебной медицины, откуда предполагалось передать их в Москву (ГАРФ. Ф. № 5263. Оп. 1. Д. 698. Л. 59). Это было одно из последних мероприятий по вскрытию мошей в СССР. Ныне местонахождение мошей К. неизвестно.

Канонизация К. подтверждена включением его имени в Собор Владимирских святых (празд. установлено в 1982) и в Собор Ивановских святых (празд. установлено в 2000). Святой прославляется в 11-м икосе акафиста Ивановским святым и в стихирах службы Собору Ивановских святых. В окрестностях с. Воскресенского почитается родник, который местные жители называют «ключиком блаженного Киприана». Ист.: *Фёдоров А.* Ист. собр. о богоспасаемом граде Суждале // ВОИДР. 1855. Кн. 22. Отд. мат.-лы. С. 190–194; Описание о российских святых. С. 212; Русская Правосл. Церковь в XX в. на Ивановской земле: Сб. докт-ов и мат-лов / Авт.-сост.: А. А. Федотов. Иваново, 2010. С. 81–82, 316–318.

Лит.: *Иоасаф (Ланов)*, иером. Начало ярмарки в с. Воскресенском Ковровского у. // Владимирские ГВ. 1857. № 8; *Соловьёв Я. А.* Памятники и предания Владимирской губ. // Отеч. зап. 1857. Т. 113. № 7. С. 170; *Тихомиров К. Н.* Палехский иконописный подлинник XVIII ст. // Владимирские ГВ. 1879. № 26. С. 1–3; *Барсуков.* Источники агнографии. Стб. 290; *Стромилов Н. С.* Блж. Киприан, юродивый // Владимирские ГВ. 1884. № 13. Ч. неофиц. С. 429–435; *Димитрий (Самбикин).* Месяцеслов. Вып. 2. С. 21; *Сергий (Спаский).* Месяцеслов. Т. 2. С. 221; *Голубинский.* Канонизация святых. С. 331; Блж. Киприан юродивый // Владимирские ГВ. 1916. № 24/25. Отд. неофиц. С. 385–387; *Маркелов.* Святые Др. Руси. Т. 2. С. 143; *Зосима (Шевчук), архим.* Блж. Киприан: Мат.-лы к общецрк. прославлению. Иваново, 1999; *Бачев И. И.* Моя малая родина: Очерки истории Лежневского р-на Ивановской обл. Иваново, 2001. С. 72; *Иванов С. А.* Блаженные похабы: Культурная история юродства. М., 2005. С. 291, 321; *Ершов А. Л.* Вскрытие мошей блж. Киприана Суздальского в 1938 г. в с. Воскресенском Лежневского р-на // Гос-во, общество, Церковь в истории России XX в.: Мат.-лы 12-й междунар. науч. конф., Иваново, 20–21 февр. 2013 г. Иваново, 2013. Ч. 1. С. 137–139.

А. В. Маштафаров, Е. В. Романенко

Иконография. В иконописных подлинниках XVIII – 30-х гг. XIX в. под 6, 7 и 22 июля приводятся разные варианты описания облика К.: «...подобием рус изчерна; власы с ушей повились, брада подоле Богословли (Иоанна Богослова.— *Ред.*) раздвоилась, в свите зеленой, ноги босы, руже молебныя» (*Филимонов.* Иконописный подлинник. С. 62, 64); «...скуд брадою, плешив, наг»; «брада черна, раздвоилась, подоле Богословли, власы с ушей повились, ноги босы, руже молебны» (ИРЛИ (ПД). Перетц. № 524. Л. 181 об., 195 об.; ср.: БАН. Строг. № 66. Л. 121 об., 130).

Изображение К. сохранилось в одной из групп рус. подвижников XVII в. в стенописи галереи рус. святых, ведущей в пещерную ц. прп. Иова Почаевского в Почаевской Успенской лавре. Первоначальная живопись в академической манере кон. 60-х – 70-х гг. XIX в. работы иеродиаконов Паисия и Анатолия поновлялась и прописывалась в 70-х гг. XX в. и ок. 2010 г. К. написан крайним справа в профиль в мантии и клобуке, с седой окладистой бородой, его пальцы сомкнуты ниже груди.

В кон. XX – нач. XXI в., после офици. канонизации К., появились его иконы, выполненные в традиц. стилистике. Он представлен в композициях Соборов Владимирских и Суздальских чудотворцев, в частности в Покровском мон-ре Суздаля (на одной из икон – К. в коленаклоненной молитве перед группой святителей). Как правило, К. изображен в верхних рядах слева в светлой рубашке как средовек с бородой средней величины, густые волосы взлохмачены. Кроме того, образ блаженного встречается на иконах «Собор Иваново-Вознесенских чудотворцев», напр. работы палехских мастеров (2011, Преображенский кафедральный собор в г. Иваново).

Лит.: *Маркелов.* Святые Др. Руси. Т. 2. С. 143.

КИПРИАН [лат. Surlianus; франц. Surlien] (VI в.), св. (пам. зап. 3 окт.), еп. г. Телон (ныне Тулон, Франция), один из ближайших учеников и сподвижников свт. *Кесария*, еп. Арелатского (Арльского). Вероятно, состоял в общине клириков, живших в епископской резиденции, где и получил образование под рук. свт. *Кесария (Vita Caesarii. I 52 // Vie de Césaire d'Arles. 2010. P. 220)*. Не позднее 517 г. возведен на Телонскую кафедру. Принял участие в работе неск. Соборов, неизменно поддерживал богословскую позицию и церковнодисциплинарные решения свт. *Кесария Арелатского*. В соборных постановлениях подпись К. стоит на одном из первых мест, что скорее всего отражало степень близости к свт. *Кесарию* и значимость поддержки,

которую К. оказывал митрополиту. 14 епископов, в т. ч. К., и 4 пресвитера из Юж. Галлии (входила в состав королевства остготов) присутствовали на Арелатском Соборе 524 г., созванном по случаю освящения базилики Пресв. Девы Марии. Решения Собора касались порядка принятия кандидатов в клир и возведения на епископские кафедры, подчеркивалась необходимость придерживаться «постановлений древних отцов» (*antiquorum patrum statuta*). К. участвовал в Карпенторатском (Карпантраском) Соборе 527 г., на котором рассматривались вопросы, связанные с правом епископов распоряжаться собственностью сельских церквей (*ragrosiae*). Участники Собора заявили о недопустимости злоупотреблений, потребовав, чтобы епископы не отчуждали в свою пользу имущество, необходимое для существования церкви. На Соборе в Вазиионе (ныне Везонла-Ромен) (нояб. 529) по инициативе свт. Кесария Арелатского были проведены богослужебные преобразования с целью привести галльские обычаи в соответствие с традициями Римской Церкви. Под актами Массилийского (Марсельского) Собора 533 г., созванного для суда над Контумелиозом, еп. г. Рейи (ныне Рьез), к-рого обвиняли в безнравственности и растрате церковного имущества, подпись К. стоит сразу после подписи свт. Кесария.

В 20-х гг. VI в. как из-за дисциплинарных мер свт. Кесария Арелатского, стремившегося укрепить свою власть как папского викария и первенствующего епископа Галлии, так и из-за богословских расхождений обострились разногласия между его сторонниками и другими галльскими иерархами. Основная часть галльского духовенства отвергала учение блж. Августина о благодати, свободной воле и предопределении, следуя «полупелагианской» позиции, наиболее последовательно выраженной св. Фавстом († до 500), еп. Рейским. Свт. Кесарий Арелатский занимал компромиссную позицию: вслед за блж. Августином он признавал основополагающее значение божественной благодати для зарождения веры в человеческой душе и для совершения добрых дел, но отвергал его учение о предопределении человека к спасению или к проклятию. В проповедях святитель утверждал, что всякий христианин, творящий

Св. Киприан.
Скульптура в соборе г. Тулон. 1852 г.

добрые дела, может достичь спасения (*Klingshirn*. 1994. P. 142–143).

Противники свт. Кесария Арелатского объединились вокруг Виеннского еп. Юлиана, чья кафедра находилась на подконтрольных бургундам, а затем франкам землях. Вероятно, ок. 528 г. еп. Юлиан созвал Собор в г. Валенция (ныне Валанс). Приглашение получил и Кесарий, к-рый отказался приехать, сославшись на болезнь. Однако в июле 529 г. он возглавил Собор епископов, состоявшийся в г. Аравсионе (ныне Оранж) по случаю освящения базилики, к-рую построил для горожан префект претория Либерий. Кроме 14 епископов на Соборе присутствовали 8 высокопоставленных мирян — представителей остгот. администрации Юж. Галлии. Участники Собора приняли ряд канонов, которые в основном соответствовали рекомендациям, полученным от Папского престола; к этим канонам были добавлены предисловие и вероучительные параграфы, которые составил Кесарий Арелатский. Собравшиеся в Аравсионе епископы поддержали умеренную позицию святителя, подтвердив его мнение о соотношении божественной благодати и человеческой воли и отвергнув учение блж. Августина о предопределении каждого человека ко злу и к гибели или к добру и спасению. Вероятно, вскоре после Аравсионского Собора состоялся Собор в Валенции, на к-рый свт. Кесарий направил делегацию во главе с К., «великим и славным предстоятелем Телонским» (*Vita Caesarii*. I 60 // Vie

de Césaire d'Arles. 2010. P. 232). О постановлениях Собора известно только из Жития свт. Кесария. Вопреки решениям Аравсионского Собора участники Собора в Валенции поддержали традиционную для галльского духовенства т. зр., согласно которой вера исходит из природы человека, а не от даруемой свыше благодати. В речи к собравшимся епископам К. изложил «истинное и очевидное учение, соответствующее апостольскому преданию», призвав согласиться с вероучительным определением, принятым в Аравсионе. Согласно Житию свт. Кесария, со временем противники святителя признали его правоту, поскольку его позицию поддержал папа Римский Бонифаций II (530–532).

В 541 г. К. вместе со свт. Кесарием Арелатским принял участие в Аврелианском (Орлеанском) Соборе. О К. упоминается в завещании свт. Кесария, составленном незадолго до смерти (27 авг. 542): епископ должен был получить «плащ и тот из поясов, что получше» (*mantum et cinctorium meliorem — Testamentum sancti Caesarii // Césaire d'Arles. Œuvres monastiques / Ed. A. de Vogüé, J. Courreau. P., 1988. T. 1. P. 394. (SC; 345)*).

К. участвовал в составлении Жития свт. Кесария. С этой просьбой к епископу обратилась Кесария Младшая, родственница святителя и аббатиса жен. обители, основанной им в Арелате. Над 1-й книгой Жития свт. Кесария работали К., Фирмин, еп. г. Уцеция (ныне Юзес), и еп. Вивенций, 2-ю книгу Жития составили пресв. Мессиян и диак. Стефан. В 1-й книге сообщается о жизни свт. Кесария до проведения Аравсионского Собора (529) и утверждения соборных актов папой Бонифацием II; рассказывается о пастырской и политической деятельности святителя (пребывание в Леринском монастыре (см. *Лерен*), руководство Арелатской митрополией, основание мон-рей, просветительские труды), его путешествиях и совершенных им чудесах. Во 2-й книге деятельность свт. Кесария представлена с т. зр. представителей арелатского духовенства (управление диоцезом, пастырские визитации) и лиц, близко знавших святого (частная жизнь святителя, его беседы со знакомыми, видения и сны). Поскольку составители Жития лично знали свт. Кесария, были очевидцами мн. описан-

ных событий и стремились сохранить как можно больше сведений о святом, оно является ценным историческим источником (см.: *Kling-shim*. 1994. P. 7–9; *Vie de Césaire d'Arles*. 2010. P. 21–22). Основным лит. образцом в работе над ним послужило, вероятно, Житие свт. Илария Арелатского, составленное Гоноратом Массилийским (о лит. особенностях Жития св. Кесария Арелатского см.: *Vie de Césaire d'Arles*. 2010. P. 113–126).

Сохранилось послание К. к Максиму, еп. Генавы (ныне Женева), где рассматривается вопрос о двух природах Христа (CPL, N 1020). Автор возражает еп. Максиму, к-рый почитал неортодоксальным использованное К. выражение «Бог пострадал как человек» (*eo quod Deum hominem esse passum dixerim*). Послание составлено ранее 541 г., возможно вскоре после Собора в Валенции, на котором могла состояться встреча К. с Максимом. Кроме Свящ. Писания автор ссылается на труды свт. Илария Пиктавийского и Лепория (V в.) (см.: *Besson M. Recherches sur les origines des évêchés de Genève, Lausanne, Sion et leurs premiers titulaires jusqu'au déclin du VIe siècle*. Fribourg, 1906. P. 130–132). К. принадлежит предисловие к переработке «Иудейской войны» Иосифа Флавия, приписываемой Егесиппу (CPL, N 1021). Иногда К. называют автором «Семикнижия», стихотворного переложения первых 7 книг ВЗ (напр.: *Mayor J. E. B. The Latin Heptateuch*. L., 1889. P. XXXIX–XLII), но, по мнению большинства исследователей, поэма принадлежит *Киприану*, галльскому автору V в.

К. скончался до 549 г.: на состоявшемся в этом году Соборе в Аврелиане присутствовал его преемник — еп. Палладий.

Самые ранние сведения о почитании К. в Тулоне относятся к XII–XIII вв. О святом упоминается в эпитафии Арльского архиеп. Пьера Иснара († 1190), занимавшего Тулонскую кафедру (*Lambert*. 1886. P. 164). О праздновании памяти К. 3 окт. известно с кон. XIII в., к 1283 г. относится упоминание о реликвии святого, помещенной в алтарь кафедрального собора в Тулоне при освящении (*Ibid.* P. 265). В 1333 г. в соборе существовала капелла во имя К. (*Ibid.* P. 171–172, 347).

В 1374 г. в стене кафедрального собора в Тулоне были обнаружены

документы с изложением сведений о К., имевших легендарный характер. Среди этих документов были акт об основании гр. Гильбертом собора в Тулоне (1096) и жития легендарных епископов города, начиная с Клеона, сподвижника св. Лазаря Четверодневного (жития были якобы переписаны по указанию гр. Гильберта с древней рукописи, заверенной еп. Дезидерием (VI в.)). Согласно Житию К., святой происходил из знатного марсельского рода. Находившихся у власти готы, к-рые исповедовали арианство, святой усердно обращал в правосл. веру. Среди обращенных были гот. военачальники Мандриан и Флавиан, к-рые затем стали отшельниками. Они погибли вместе с К. при взятии города лангобардами (556). Эти сведения были отвергнуты боландистами как недостоверные, а документы признаны подделкой (*ActaSS. Oct. T. 2. P. 178*). На время составления Жития К., обнаруженного в 1374 г., указывают имеющиеся в нем заимствования из стихотворного Жития св. Гонората на окситанском языке, написанного Раймоном Феро (ок. 1300; см.: *Lambert*. 1886. P. 50–53, 86–87). К легендарным сказаниям принадлежит и подложный акт об обретении мощей К., к-рое якобы состоялось в 1201 г. Согласно этому документу, при разборке примыкавшей к кафедральному собору стены работники обнаружили каменную гробницу, в которой находился деревянный ларец с человеческими останками, на нем была надпись: «Здесь поживает прах блаженных Киприана, Мандриана и Флавиана» (*Hic iacent ossa beatorum Cypriani, Mandriani et Flaviani*). По указанию еп. Понса Розена (Рансена) мощи святых были перенесены в собор (*ActaSS. Oct. T. 2. P. 164; Vienne H. Promenades dans Toulon ancien et moderne: Esquisses historiques*. Toulon, 1841. P. 28–29, 204–205).

К XVI–XVII вв. относятся более подробные сведения о почитании К., получившем распространение преимущественно в Тулоне и Марселе (*ActaSS. Oct. T. 2. P. 164–165*). В этот период К. почитался как св. покровитель Тулона; в день его памяти совершалась процессия с его мощами, а также со статуей. По преданию, на одной из городских площадей шека статуи красела, как якобы воспоминание о пощечине, к-рую нанес епископу некий арианин, разгневан-

ный успешной проповедью К. среди еретиков (*Lambert*. 1886. P. 177). По указанию кард. Агостино Тривульцио, апостольского администратора диоцеза Тулон (1524–1535), мощи К. были освидетельствованы, главу святого поместили в серебряный реликварий (*Idem*. 1899. P. 83).

В 1618 г. использовавшийся в Тулоне оффиций К. был отредактирован Антуаном дю Бланом, прево соборного капитула, а затем повторно исправлен, при этом удалена большая часть сведений, восходящих к агиографической легенде XIV в. (о мученической смерти К. и др.). При составлении новой версии чтений использовано Житие свт. Кесария Арелатского и его завещание, изданное Лаврентием Сурием и Винченцо Барралисом, однако были сохранены сведения, не подтвержденные надежными источниками (напр., о присутствии диак. К. на Агатском (Агдском) Соборе (506), о споре К. с кор. Аларихом о правосл. вере, об обращении Мандриана и Флавиана и др.; см.: *ActaSS. Oct. T. 2. P. 166–167; Officia propria Sanctorum sanctae ecclesiae Massiliensis. Massiliae*, 1824. P. 404–406). Согласно чтениям в бревиарии еп-ства Фрежюс, К. получил воспитание в аббатстве св. Виктора в Марселе, после чего был принят св. Кесарием в состав клира. Он участвовал во мн. церковных Соборах и успешно боролся с арианской ересью (*Breviarium Forojulense: Pars autumnalis. Vespotione*, 1833. P. 477–478).

В 1660 г. в связи с перестройкой кафедрального собора мощи К. были вновь освидетельствованы и помещены в новую раку, помещенную в главном алтаре собора. В указе еп. Пьера де Пингре (1659–1662) отмечалось, что ранее мощи К. хранились небрежно, частицы мощей раздавали частным лицам, поэтому впредь рака должна быть заперта на 4 замка, ключи от к-рых находились бы у должностных лиц капитула и у городских консулов (*Lambert*. 1899. P. 396–398). В 1792 г., во время Французской революции, хранившиеся в соборе ценности, в т. ч. серебряный реликварий для главы К., конфисковали. Однако мощи святого были спрятаны католич. духовенством и в посл. возвращены в собор. В 1851 г. в Тулоне основан приход во имя К. (приходская церковь в неороманском стиле построена в 1870–1872). Поминование святого

совершалось также в еп-ствах Марсель и Фрежюс, в состав последнего с 1822 г. вошла территория упраздненного диоцеза Тулон.

В наст. время К. почитается как один из покровителей еп-ства Фрежюс—Тулон; память святого под 3 окт. внесена в Римский Мартиролог (редакция 2001 г.).

Соч.: CPL, N 1018, 1020–1021; Vie de Césaire d'Arles / Ed. M.-J. Delage, M. Heijmans. P., 2010. (SC; 536); MGH. Epp. T. 3. P. 434–436.

Ист.: ActaSS. Oct. T. 2. P. 164–178; Concilia Galliae A. 511 – A. 695 / Ed. C. de Clercq. Turnholti, 1963. P. 45–46, 49–50, 64–65, 80–83, 85, 142, 145. (CCSL; 148A).

Лит.: Baillet A. Les Vies des Saints. P., 1739. T. 7. P. 38–40; Lambert G. Histoire de Toulon. Toulon, 1886. Pt. 1. T. 1. P. 80–95, 173–178; 1887. Pt. 1. T. 2; 1899. Pt. 2. T. 3; Duchesne. Fastes. T. 1. P. 278; Fusconi G. M. Cipriano, vescovo di Tolone // BiblSS. Vol. 3. Col. 1280–1281; Klingshirn W. E. Caesarius of Arles: The Making of a Christian Community in Late Antique Gaul. Camb., 1994; Marmottans A. La procession de Saint-Cyprien // Bull. de l'Académie du Var. N. S. Toulon, 2012. T. 13. P. 109–111.

А. А. Королёв

КИПРИАН [греч. Κύπριανός] (кон. XVII — нач. XVIII в.), патриарх К-польский. До избрания на Патриарший престол в 1708 г. митрополит Кесарии Каппадокийской. Его предшественником был Неофит V. К. отличался аскетизмом и стремился возродить в к-польском клире древнее благочестие, но встретил сопротивление, послужившее причиной его 1-го смещения в мае 1709 г. К. был сослан на Афон в монастырь *Vatoped*. 7 или 11 нояб. 1713 г., после отречения патриарха *Кирилла IV*, вновь избран патриархом К-поля. В 1714 г. был повторно смещен из-за экономических трудностей Патриархата, не сумевшего выплатить установленную сумму Высокой Порте. К. отправился в *Vatoped*, где вскоре скончался.

К., будучи патриархом, издал несколько важных документов, касающихся правовых вопросов. Особенно известно его каноническое постановление (по др. сведениям, энциклика) «О том, чтобы священникам не носить роскошные одежды».

Лит.: Γεδεών. Πίνακες. Σ. 617–619, 621; Κύπριανός // ΟΝΕ. Т. 7. Ст. 1115; Fedalto. Hierarchia. Vol. 1. P. 12.

О. Н. А.

КИПРИАН Киприот (ок. 1723, Кипр — до 20.06.1783, К-поль), патриарх Александрийский (с 9 июля 1766). Обучался в церковной школе Патмиада под рук. видного греч.

просветителя прп. *Макария Патмосского* (Калогеры) († 1737) и прп. Герасима Византийского († 1740), а с 1742 г. — в Янине у *Евгения (Булгариса)*, с к-рым в 1753 г. отправился на *Афон* и продолжил обучение в Афониаде; там же начал преподавать. Затем К. прибыл в К-поль и при патриархе *Кирилле V* (1748–1751, 1752–1757), будучи уже в сане иеродиакона, получил назначение дидаскалом Патриаршей академии в Ксирокрини. Старший современник К. Сергей Макреос, писатель и схолярх Великой школы нации в К-поле, характеризовал его как ревнителя правой веры, мужа ученого, разумного, великодушного, благородного и добродетельного (см.: Σάβας. ΜΒ. Т. 3. Σ. 254). К. был одним из наиболее образованных людей своей эпохи; согласно Георгиосу *Завирасу*, он написал «Церковную историю».

В нач. 1761 г. в К-поле К. был избран преемником Кипрского архиеп. *Паисия* (1759–1766), покинувшего остров. К. предпочел, чтобы его хиротония была совершена не в К-поле, а на Кипре, согласно кипрской традиции визант. периода (*Φιλίππος*. 1975. Σ. 112). В марте 1761 г. он прибыл на остров, однако его интронизация так и не состоялась или из-за противодействия кипрских иерархов, или из-за того, что архиеп. Паисий не отрекся от престола и не был отлучен (*Ibidem*). Кипр находился в крайне тяжелом экономическом положении после нашествия саранчи и эпидемии чумы, однако, чтобы заплатить за свое избрание обещанную туркам сумму, К. был вынужден увеличить сборы с верующих и с мон-рей. Эта мера стала причиной его непопулярности на Кипре. Проведя на острове 9 месяцев и оказавшись в долгах, К. отрекся от кафедры. Киприоты направили в К-польскую Патриархию жалобу на злоупотребления К., в т. ч. на вымогательство у *Киккского мон-ря* 1 тыс. гроссов. В связи с этим К. в июле 1762 г. был отлучен от Церкви.

После снятия отлучения К. был принят на служение в Александрийскую Православную Церковь (АПЦ), где получил священническую хиротонию и титул архимандрита. Имеются сведения, что после снятия отлучения К. вновь занимал должность дидаскала в К-поле (*Κηπίδης*. 2007. Σ. 126). В мае 1766 г. Александ-

рийский патриарх *Матфей Псалт* (1746–1766), находясь в К-поле, отправил в Египет послание, в к-ром сообщал о своем намерении ввиду телесной немощи отречься от престола и указывал в качестве своего преемника К., обещая в случае утверждения его кандидатуры взять все расходы, связанные с хиротонией, на себя (*Порфирий (Успенский)*). Алекс. Патриархия. С. 58–59; имя К. в письме восстановлено). 9 июля 1766 г. кандидатура К. была утверждена в К-поле, и он получил архиерейскую хиротонию с возведением в сан патриарха в храме св. Таксиархов (Чиноначальников) в Мега-Ревма (ныне Арнавуткёй в черте Стамбула). О своем избрании К. сообщил в окружном послании от 12 июля 1766 г. (Там же. С. 63–64), а 24 окт. прибыл в Египет.

О почти 17-летнем Патриаршестве К. сохранились лишь отрывочные сведения. АПЦ в этот период испытывала серьезные финансовые трудности, о чем сообщается, в частности, в послании ее клира и народа К-польскому патриарху *Самуилу* с ходатайством об избрании К. на Патриарший престол (Там же. С. 61). В этих условиях К. многое сделал для поддержания церковной жизни и образования: восстановил греческую школу в Каире и основал новые училища; выделил средства для реставрации мон-ря вмч. Георгия Победоносца в Ст. Каире, на ремонт синодикона Патриархии в квартале Харты-Руми (ныне Харат-эр-Рум) в Нов. Каире и строений Патриархии в городах Дельты Розетта (Рашид) и Дамьетта (Думьят); восстановил ц. вмч. Георгия Победоносца в Пелусии (ныне Тель-эль-Фарама), ц. свт. Николая Чудотворца в Каире и мон-рь прп. Саввы Освященного в Александрии. Для поддержания материального положения Патриархии К. передал александрийский метох (подворье) в Иерской епархии на о-ве Крит (см. *Иератитнская и Ситийская митрополия*) в аренду епископу этой кафедры. К. подолгу отсутствовал в Египте, что вызывало проблемы в АПЦ: в частности, некому было рукополагать новых клириков вместо умерших. В связи с этим К. благословил Синайского архиепископа совершать вместо него рукоположение священников и диаконов, а затем для решения адм. вопросов был хиротонисан митрополит Ливийский. В 1780 г. К. ак-

тивно вмешался в т. н. Синайский вопрос, добиваясь через «манифест», обращенный к К-польскому патриарху, членам Свящ. Синода и властям, включить *Екатерины великомученицы мон-рь на Синае* в юрисдикцию АПЦ.

К. скончался в К-поле и был похоронен в ц. св. Таксиархов (Чиноначальников) в Мега-Ревма. Время его кончины определяется исходя из даты избрания его преемника *Герасима III*, поставленного на Александрийскую кафедру по указанию К. Акт избрания (*Καλλίνικος (Δελικάνης)*, 1904. Σ. 42–43) датирован июнем 1783 г. (согласно Сергию Макреосу, оно состоялось 20 июня). Ввиду этого указания следует считать ошибочным сообщение о смерти К. в Египте в 1786 г., через 3 года после предполагаемого отречения от престола (*Порфирий (Успенский)*). Алекс. Патриархия. С. 14). Тем не менее, по сообщению греч. церковного историка XIX в. Г. И. Кипиадиса, незадолго до смерти из-за старости и болезней К., подобно своему предшественнику, действительно отрекся от престола (*Κητιάδης*, 2007. Σ. 128). Впрочем, рус. церковный историк И. И. Соколов, опираясь на текст акта избрания патриарха Герасима, считал, что К. скончался в чине правящего Александрийского патриарха (*Соколов*, 1916. С. 96).

Ист.: *Σάβας*, МВ. Т. 3. Σ. 254–255, 334; *Πορφύριος (Υσπενσκίυ)*, Алекс. Патриархия. С. 11, 14, 58–65; *Καλλίνικος (Δελικάνης)*, *ἀρχιμ.* Τὰ ἐν τοῖς κώδιξι τοῦ Πατριαρχικοῦ Ἀρχιεποφλακειῶου σωζόμενα ἐπίσημα ἐκκλησιαστικὰ ἐγγράφα. Κωνσταντινούπολις, 1904. Σ. 41–43.

Лит.: *Λοπαρέβ*. Каталог алекс. патриархов. С. CV–CVI; *Соколов И. И.* Избрание Патриархов Александрийской Церкви в XVIII и XIX ст. Пг., 1916. С. 67–96; *Χρυσόστομος (Παπαδόπουλος)*. Ἀλεξ. Σ. 780–785 [Библиогр.]; *Φορόπουλος Ν. Α.* Κυπριανός // ΘНΕ. Т. 7. Ст. 1115–1116; *Φιλίππου Α. Η* Ἐκκλησία Κύπρου ἐπὶ τοῦρκοκρατίας. Λευκωσία, 1975. Σ. 111–114; Σ. К. П. Κυπριανός (αντι)αρχιεπίσκοπος // ΜΚΕ. 1987. Т. 7. Σ. 375–376; *Κητιάδης Γ. Γ.* Μελέται ἐπὶ τῆς Ἀλεξανδρινῆς Ἐκκλησίας. Ἀλεξάνδρεια, 2007. Σ. 126–128.

С. А. Мусеева, О. В. Л.

КИПРИАН (2-я пол. XVI в. — после 1623), архидиак., поэт, переводчик с греч. языка, деятель Острожского культурно-просветительского кружка. О К. имеются свидетельства кон. XVI — 1-й четв. XVII в. В переводе трактата митр. Филадельфийского *Гавриила Севира* «Синтагматон, или О святых семи Тайнах церковных списание...», осуществленном К., указано прозвище пере-

водчика — Розьвганецкий, по-видимому указывающее на происхождение К. из с. Розваж под Острогом (село зафиксировано как владение князей Острожских в 1578). *Захария (Копыстенский)* в предисловии к переводу К. «Бесед на 14 посланий апостола Павла» свт. Иоанна Златоуста (Типография Киево-Печерского мон-ря, 1623) писал о том, что К. был «от града Острог», получил образование в Венеции и Падуе («любомудрствовавша в Енетиих же и Патавии»). Вероятно, К. учился за границей на средства кн. *Константина Константиновича* Острожского. Н. Н. Яковенко предположила, что он был одним из первых «ученых стипендиатов» князя (возможно, до отъезда за границу К. учился в Острожской академии).

После обучения в Италии К. ранее 1594 г. вернулся в Острог; в этом году патриарх К-польский *Кирилл I Лукарис* адресовал книжнику в Острог 3 послания (изд.: *Legrand. Bibl. hell. XVII*. Т. 4). 23 июля из Звягеля (ныне Новоград-Волынский) патриарх Кирилл сообщал, что получил послания от князя Острожского, написанные по-гречески «рукой» К. Патриарх Кирилл называет князя Острожского и К. преданными хранителями веры отцов, одобряет их расположение к грекам и любовь к просвещению. В письме из Дубно от 7 авг. патриарх Кирилл просил К. привезти ему книги, в письме от 3 дек. сообщается об обмене книгами.

Живя в Остроге, К. был деятельным участником Острожского кружка, занимался лит. творчеством, переводами с греческого. Он регулярно выполнял поручения князя Острожского: в частности, по желанию князя ездил к Александрийскому патриарху *Мелетию I Пугасу*. В составе многочисленной делегации с Волыни К. участвовал в правосл. Брестском Соборе в окт. 1596 г. В 1-й день работы Собора он переводил на греческий язык речь Львовского еп. *Гедеоны (Балабана)*, что отметил автор полемического произведения «*Ектезис*». Никаких документов, принятых Собором в защиту правосл. Церкви, К. не подписывал.

Ок. 1598 г. книжник переехал в Дерманский мон-рь, где продолжил переводческую деятельность. Позднее он поселился на Св. Горе. В предисловии к изданию 1623 г. «Бесед на 14 посланий апостола Павла» свт.

Иоанна Златоуста говорится о том, что К. в то время находился на Афоне. Этот факт подтверждается в принятом на Соборе в 1621 г. «Советовании о благочестии», где книжнику предлагается вернуться на родину.

И. З. Мышко допускает отождествление К. с Кириллом — деятелем *Львовского братства*, который подвергся преследованиям со стороны Львовского еп. Гедеоны (Балабана) и был вынужден перебраться в Вильно. Однако эта гипотеза неубедительна.

Сочинения и переводы. Единственным известным оригинальным произведением К. является написанное на греч. языке панегирическое стихотворение на герб князей Острожских, помещенное в книге С. Пекалида «*De bello Ostrogiano*» (Об Острожской войне) (Cracovia, 1600). Книга посвящена победе над восставшими под рук. К. Косинского, достигнутой при участии князей Острожских. Стихотворение «На светлейшее [представление] герба Острожских», в котором прославляется величие этого княжеского дома, состоит из 12 строк, содержит подпись автора — «Киприана архидиакона» («*Κυπριανού τοῦ Ἀρχιδιακόνου εἰς τὸν ἐκλαμπρότατος τῆς Ὀστροβία στίχιο*»).

Большинство переводов К. дошло в рукописном виде. Первым опытом перевода и одновременно первым лит. трудом К. стал осуществленный в Остроге перевод с греч. языка «Бесед прп. Макария Египетского» (изд.: Вильно, 1627). Перевод известен в неск. списках, некоторые из них датированы 8 февр. 1598 г. В конце рукописи есть запись: «Азь, многогрешный инок Киприан, любезно м[о]люся. Писан в Остроге...» Мышко приводит информацию о более поздних редакциях перевода К.: 8 февр. 1610 г., Острог; 9 февр. 1611 г., Шебжешин (Польша).

29 марта 1599 г. в Дерманском монастыре К. завершил перевод визант. сборника сентенций и афоризмов «*Пчела*» — «Сущая сей в книге Пчела, или Собрание стихов, от богодуховного Писания и внешнего учителей в три книзе Антонием и Максимом иноками собрана». На Руси переводы «Пчелы» были известны с XII–XIII вв. Древнерус. «Пчела» восходит к поздней, сокращенной версии флорилегия Псевдо-Максима. Перевод К. осуществлен независимо от предшествующих

текстов, вероятно с греч. издания 1546 г., выпущенного К. Геснером в Цюрихе. Если древнерусская редакция «Пчелы» содержала перевод только флорилегия Псевдо-Максима, то редакция К. помимо этого текста (в новом переложении) содержит также флорилегий Псевдо-Антония. «Пчела» в переводе К. включает 3 книги: 2 Псевдо-Антония и 1 Псевдо-Максима. Сентенции классифицированы тематически: о мудрости, правде, власти, молитве, страхе, красоте, пьянстве, вере, женщинах и т. д. Язык перевода – архаизированный церковнославянский, практически без разговорных элементов. В переводе К. присутствуют болгаризмы, которые могли появиться в связи с деятельностью в Остроге болгарина митр. Дионисия Ралли-Палеолога. А. Ю. Ясиновский предполагает, что перевод «Пчелы» в Дерманском монастыре мог быть коллективным, К. только закончил его. Р. Марти насчитал 22 списка «Пчелы» в переводе К. Эта редакция «Пчелы» не получила большого распространения (в отличие от древнерус. варианта сборника), в XVII–XVIII вв. была известна в старообрядческой среде.

Следующим лит. трудом К. является перевод с греч. языка на «простую мову» трактата «Синтагматион, или О святых семи Тайнах церковных списание...» митр. Филадельфийского Гавриила Севира, посвященного защите правосл. литургической традиции от нападок на нее со стороны католич. и протестант. теологов (греч. трактат впервые был опублик. в Венеции в 1600). Сочинение митр. Гавриила носит следы влияния схоластического зап. богословия. Причастность К. к переводу этого сочинения, осуществленному в 1603 г. в Дерманском монастыре, была доказана укр. историками Мыцко и Ясиновским. Трактат «Синтагматион...» стал первым обобщающим сочинением по догматике у вост. славян. Перевод К. оказал влияние на развитие укр. богословской мысли: в частности, знакомство с ним отразилось в произведениях свт. Петра (Могила), *Тарасия (Земки)*, *Сильвестра (Косова)* и др. Церковнослав. перевод трактата был напечатан в Москве в 1659 г. в качестве заключительной части «Скрижали духовной».

3 февр. 1605 г. в Дерманском монастыре К. завершил перевод с гре-

ческого на церковнослав. язык «Бесед на Евангелие от Иоанна» свт. Иоанна Златоуста. Мыцко описал 2 списка перевода в укр. б-ках. Авторство перевода отмечено во вступительной части текста: «Смирительный м[о]л[и]т[в]а Киприан», здесь же переводчик пишет о приверженности церковнослав. языку («сладкий ми словенской язык»). Этот текст ранее переводился с греческого на церковнослав. язык *Силуаном*, учеником прп. *Максима Грека*, но в этом переводе были лакуны (с середины 22-й до середины 23-й беседы). К. перевел текст целиком. Возможно, отдельные беседы на Евангелие от Иоанна переводились с латыни в кружке кн. Андрея *Курбского* в Милановичах.

Несколько позже К. перевел «Беседы на 14 посланий апостола Павла» свт. Иоанна Златоуста (изд.: К., 1623). При подготовке к изданию перевод К. был отредактирован Лаврентием Зизианом (см. в ст. *Зизиани*), Захарией (Копыстенским), *Памвой (Бериндой)*.

Арх.: НБУВ ИР Кир. № 794.

Ист.: *Legrand*. Bibl. hell. XVII. Т. 4. N 46–48. P. 220; *Тимов Хв. I*. Матеріали для історії книжної справи на Україні в XVI–XVIII вв.: Всезбірка передмов до укр. стародруків. К., 1924. С. 56–64; *Боротьба Південно-Західної Русі і України проти експансії Ватикану та унії (X – початок XVII ст.): Зб. докт-ів і мат-лів*. К., 1988. № 102. С. 1296, 250; *Описи Острожчини 2-ї пол. XVI – 1-ї пол. XVII ст.* / Упор.: В. Атаманенко. Острог, 2004. С. 53.

Лит.: *Харлампович К. В.* Западнорус. правосл. школы XVI і нач. XVII в., отношение их к инославным, религ. обучение в них и заслуги их в деле защиты правосл. веры и Церкви. Каз., 1898. С. 274–275; *Сперанский М. Н.* Переводные сборники изречений в славяно-рус. письменности: Исслед. и тексты // *ЧОИДР*. 1905. Кн. 1. С. 388, 390; *Щеглова С. А.* «Пчела» по рукописям киевских библиотек. М., 1910. С. 24, 28. (ПДПИ; 175); *Запаско Я. П.*, *Исаевич Я. Д.* Пам'ятки книжкового мистецтва: Кат. стародруків, виданих на Україні. Львів, 1981. Кн. 1: 1574–1700. № 138. С. 41; *Marti R.* Studien zur Sprache der russischen Pcela: Die finiten Verbalformen. Bern; Fr./M.; Las Vegas, 1981. S. 5–6, 10–11, 13. (Slavica Helvetica; 19); *Творогов О. В.* Пчела // СККДР. Вып. 1. С. 385–386; *Podskalsky*. Grichische Theologie. S. 117–180; *Мицько І. З.* Острозька слов'яно-греко-латинська академія (1576–1636). К., 1990. С. 94–95, 121–130; *он же*. Киприан // *Українська літературна енцикл.* К., 1990. Т. 2. С. 460; *Грушевський М. С.* Історія укр. літ-ри. К., 1995. Т. 6. С. 52–53; *Ясиновський А.* Роль Острога в культурних взаєминах України із слов'янами і греками // *Острозька давнина*. Львів, 1995. Т. 1. С. 102; *он же*. Внезок Острозького культурного осередку в розвиток укр. богословської думки (кін. XVI – початок XVII ст.) // *Ковчег: Наук. зб.* Львів, 2001. Ч. 3. С. 217–227; *он же*. Киприан // *Енциклопедія історії України*. К., 2007. Т. 4. С. 288; *он же*. Дерманський Св.-Троїцький

мон-р на Волині і слов'янський переклад Псевдо-Антонієвої «Пчоли» (1599) // *Україна: Культурна спадщина, національна свідомість, державність*. Львів, 2011. Вип. 20: *Actes testantibus*: Ювілейний зб. на пошану Л. Войтовича. С. 809–817; *Исаевич Я. Д.* Українське книговидання: Витоки, розвиток, проблеми. Львів, 2002. С. 134, 137, 172; *Яковенко Н. М.* Що за війну описує Шимон Пекалід у поемі «De bello Ostrogiano» (1600 р.) // *Она же*. Паралельний світ: Дослідження з історії уявлень та ідей в Україні XVI–XVII ст. К., 2002. С. 160–161; *Гусева А. А.* Издания кирилловского шрифта 2-й пол. XVI в.: Сводный кат. М., 2003. Кн. 2. С. 1212; *Тимошенко Л. В.* Берестейська унія 1596 р. Дрогобич, 2004. С. 183; *Кралоук П.* Киприан // *Острозька академія XVI–XVII ст.*: Енцикл. Острог, 2010. С. 142–144.

Л. В. Тимошенко

КИПРИАН [греч. *Κυπριανός*] (1756, Строволос, Кипр – 9.07.1821, Никосия), архиеп. Кипрский (июнь 1810 – 9 июля 1821), этномартир. Традиционно местом рождения К. считалось

Киприан, архиеп. Кипрский.
Портрет. Кон. XVIII в.
(Махерасский мон-рь)

либо никосийское предместье Строволос (ныне в городской черте), откуда происходил его отец, либо сел. Камбия, откуда была родом его мать (*Παυλίδης*, 1987. Σ. 376). Недавнее исследование К. Коккинофтаса показало, что К. несомненно род. в Строволосе (*Ἀρχιεπίσκοπος Κύπρου Κυπριανός*, 2009. Т. 2. Σ. 606–610). В отроческом возрасте К. стал послушником в *Махерасском мон-ре*, где подвизался его дядя по материнской линии – иером. Харалампий. К. получил образование в школе Махерасского монастыря, в к-рой в т. ч. преподавал один из учеников *Евгения (Булгариса)*. В 1769 г. К. переселился на монастырское подворье в Строволосе и в течение 3 лет обучался в архиепископской школе Эллиномусион (Греческий музей) в Никосии.

В возрасте 25 (по др. сведениям, 27) лет он был рукоположен во диакона. В нач. 1783 г. игум. Иоанникий отправил К. и его дядю, архим. Харалампия, исполнявшего тогда должность эконома Махерасского монастыря, в Дунайские княжества для сбора пожертвований. Харалампий спустя 2 года вернулся в обитель, а К. остался в Валахии и по инициативе господаря Михая III Старшего Суцу (господарь Валахии в 1783–1786, 1791–1793, 1801–1802, господарь Молдавии под именем Михаил IV в 1792–1795) был рукоположен во иерея и в 1785 г. назначен служить в господарской ц. Трех святителей в Яссах. В Яссах К. продолжил образование в Господарской академии. К. возвратился на Кипр только в 1802 г., с собой он привез церковную утварь, книги и 3 портрета — собственный, дяди Харалампия и своего покровителя господаря Михаила IV Суцу (из которых сохр. только первый).

Некое время К. прожил в Махерасском монастыре, а затем был назначен управляющим подворьем в Стрволосе. Вскоре деятельный и дипломатичный К. стал экономом архиепископии. В 1804 г. К. учредил в Никосии подворье Махерасского мон-ря, храм которого был освящен в 1806 г. во имя сщмч. Елевферия и прп. Стилиана. К. долго скрывал строительство храма от турок, говоря им, что сооружает амбар для хранения пшеницы.

В марте 1804 г. на Кипре из-за повышения налогов и голода вспыхнуло восстание, в котором участвовали гл. обр. турки и тайные христиане, а также некоторые греки. Только дипломатический талант К. спас архиепископскую резиденцию от разграбления. Содержание тур. войск, пришедших из М. Азии для подавления восстания, легло тяжелым бременем на христ. общину острова, и долг архиепископии увеличился с 1,5 до 2 млн гроссов.

В последние годы архиепископства престарелого *Хрисанфа*, к-рый из-за болезни не мог двигаться, К. сосредоточил в своих руках фактическое управление Кипрской Церковью. Мн. греки-киприоты были недовольны, что Пафосскую и Китийскую митрополичьи кафедры занимали 2 племянника архиепископа, к-рые также именовались *Хрисанфами*. В мае 1810 г. султан отдал распоряжение отправить в ссылку ар-

хиепископа и митрополита Китийского. Традиционно исследователи считали К. виновником смещения архиепископа, однако К. Коккиноф-тас, проанализировав многолетние связи К. с семьей *Хрисанфа*, продолжавшиеся и после его ссылки, опроверг эти обвинения (Ibid. Σ. 583–596).

1 сент. (по др. сведениям, 1 окт.) 1810 г. архиеп. *Хрисанф* скончался на о-ве Эвбея. Султан назначил К. предстоятелем Кипрской Церкви, 30 окт. 1810 г. он был хиротонисан прибывшим на Кипр Синайским архиеп. *Констанцием II* с одобрения К-польского патриарха.

Одной из задач нового архиепископа стала выплата долга архиепископии. Несмотря на сложное экономическое положение, К. выделял средства для основанной им в 1811–1812 гг. «Греческой школы» в Никосии и в 1819 г. обязался ежегодно выплачивать по 500 гроссов школе в Лимасоле. В 1813 г. он подарил Махерасскому мон-рю поместье в Тимву и владения в сел. Прастио на равнине Месаория. К. также оказывал помощь и др. обителям, напр. *Киккскому мон-рю* после пожара 1813 г., *Неофита Затворника преподобного мон-ря* близ Пафоса и *Варнавы апостола мон-ря* близ Фамагусты. Одна из энциклик К. посвящена отлучению от Церкви масонов (2 февр. 1815).

В 1820–1821 гг. по заказу К. были изготовлены сотни икон мч. Трифона и переданы в церкви районов, наиболее страдающих от нашествия саранчи. В наст. время сохранилось более 100 таких икон. Известно, что и К. занимался иконописанием.

К. поддерживал связи с членами «Дружеского общества», в окт. 1820 г. А. Ипсиланти предупредил архиепископа о скором начале восстания, однако тот считал киприотов не готовыми к вооруженной борьбе. Тем не менее он обещал материальную помощь «Дружескому обществу» (Ibid. Σ. 59). К. не имел отношения к распространению на острове воззваний повстанцев, к-рым занимался его племянник архим. *Феофилакт (Фисевс)*, и к перевозке пороха. В 1821 г. в энциклике от 22 апр. К. призвал киприотов подчиниться требованию тур. властей сдать оружие, а в энциклике от 16 мая — быть крайне осмотрительными в своих поступках, чтобы не вызвать репрессии.

Несмотря на отсутствие предположений о вооруженного восстания на

Кипре, наместник острова *Кючюк-Мехмет* принял жестокие меры против христианского населения и составил список 486 греков-киприотов, к-рых считал целесообразным казнить. В этот список входили архиепископ, митрополиты, игумены и проигумены мон-рей и другие представители духовенства, знатные и влиятельные греки, старосты сельских общин. Османское правительство одобрило эту инициативу, а также экспроприацию имущества казненных и продажу в рабство их жен и детей. Указанные в списке греки-киприоты были приглашены в Никосию, а частные лица, к-рые не присутствовали на собраниях, были арестованы 12 июня в церквях по месту жительства во время воскресной службы. Из 486 чел. удалось схватить и заключить в тюрьму 470.

В нач. июля 1821 г. турками был схвачен пастух *Хадзи-Петрос*, несший К. письмо «Дружеского общества». По словам современников, К. осознавал, что дни его сочтены (об этом, напр., свидетельствует англ. писатель *Джон Карн*, посетивший его за неск. дней до казни — Ibid. Σ. 310), но, несмотря на грозящую ему опасность, архиепископ не укрылся в консульствах европ. держав, желая «поддерживать свой народ до конца и принести себя в жертву за него» (Ibid. Σ. 311). Вскоре К. был схвачен по приказу наместника *Кючюк-Мехмета*, к-рый трижды предлагал даровать ему жизнь, если тот отречется от христ. веры (Ibid. Σ. 316–317). В ответ К. обличил жестокость и несправедливость тур. наместника. 9 июля 1821 г. К. был повешен на тутовом дереве на площади перед входом в сераль. Вместе с ним были казнены Пафосский, Китийский и Кирийский митрополиты, к-рым отсекали головы. Тело К. также обезглавили, и головы иерархов были отосланы султану. В этот день было казнено 470 знатных киприотов, в т. ч. 2 брата К. — эконом архиепископии *Хадзи-Савва* и протосинкелл *Лаврентий*. Тела К. и др. убиенных были погребены за алтарем ц. Пресв. Богородицы *Фанеромени* в Никосии. После перестройки церкви в 1873 г. мощи К. были помещены в каменной гробнице под алтарем, а в 1930 г. был сооружен мраморный мавзолей рядом с храмом, куда перенесли останки этномартиров (дословно «мучеников за нацию»).

К. почитался в народе не только как этномартир, но и как священик-мученик. В 1936 г. народный поэт Хадзиадамос Христофору составил славу в честь К. и др. мученически скончавшихся в 1821 г. В 1961 г. архим. Фотий (Константинидис) передал в Свящ. Синод Кипрской Православной Церкви обоснование почитания К. в качестве святого. Запрос о канонизации К. был направлен в 1972 г. архим. Леонтием (Хадзикостасом). В февр. 1984, в февр. 1993 и в авг. 2001 г. вопрос о причислении к лику святых К. и др. убиенных в 1821 г. рассматривался Свящ. Синодом. В июле 2007 г. Кипрский архиеп. Хризостом II поручил Лидрскому епископу и махерасскому игум. Елифанию собрать материалы, обосновывающие канонизацию К. Сбор документов был завершен в июле 2009 г.

Лит.: Σπυρίδακης Κ. Ὁ Ἐθνομάρτυς Ἀρχιεπίσκοπος Κύπρου Κυπριανός. Λευκωσία, 1954; Κληρίδης Ν. Ὁ Ἐθνομάρτυς Κυπριανός. Λευκωσία, 1957; Φάβριος (Κωνσταντινίδης), ἀρχιμ. Ἡ θυσία τοῦ Ἐθνομάρτυρος Ἀρχιεπισκόπου Κυπριανοῦ. Λευκωσία, 1961; Παυλίδης Α. Κυπριανός ἀρχιεπίσκοπος // ΜΚΕ. 1987. Τ. 7. Σ. 376–381; Ἀρχιεπίσκοπος Κύπρου Κυπριανός: Ὁ Μάρτυρας τῆς Πίστεως καὶ τῆς Πατρίδος. Μονὴ Μαχαρά, 2008. Τ. 1: Φωτογραφικὸν λεύκωμα; 2009. Τ. 2: Ἀρχεῖον κεκέμενων.

О. В. Л.

КИПРИАН, гимнограф, мелод, автор стихир и канонов. Исторических сведений о жизни К. не сохранилось. О происхождении и времени творчества К. высказывались различные предположения. Г. Пападопулос считал, что К. жил в IX в., был насельником *Студийского монастыря*, учеником прп. *Феодора Студита* и состоял в дружеских отношениях с К-польским патриархом *Игнатием (Папаδόπουλος)*. 1890. Σ. 248). Этой т. зр. придерживался архиеп. Филарет (Гумилевский) (см.: *Филарет (Гумилевский)*). Песнопевцы. С. 259–260). И. А. *Карабинов* (см.: *Карабинов*. 1910. С. 168) разделял его мнение, хотя считал К. учеником не Феодора, а прп. *Николая Студита*. Др. исследователи допускали, что К. происходил из лавры прп. Саввы Освященного и расцвет его творчества пришелся на сер. VIII в. (см.: *Φωκυλίδης Ι. Ἡ ἱερά Λαύρα Σάββα τοῦ Ἡγίασμένου. Ἀλεξάνδρεια*, 1927. Σ. 401). Аргументацию в поддержку этой т. зр. представил *Софроний (Евстраτιάδης)*, митр. Леонтопольский (*Σωφρόνιος (Εὐστρατιάδης)*. 1935; *Idem*. 1936). В ее основе лежит атри-

буция К. древней самогласной стихир *Οἶκος τοῦ Ἐφραθά*: («Доме Евфрафов» — см.: *Μηναῖον. Δεκέμβριος*. Σ. 281); авторство было установлено по данным из рукописи Vat. gr. 1531 XV–XVI вв. Эта стихира является прототипом мн. др. стихир (т. н. подобнов — см. ст. *Стихира*), к-рые построены на ее мелодии и метрике. Митр. Софроний удалось найти в савваитских рукописях 2 стихир, написанные на подобен «Доме Евфрафов». На основании акростихов (*ΙΩΑΝΝΟΥ* (Иоанново) и *ΓΕΡΜΑΝΟΥ* (Германово)) он атрибутировал их прп. *Иоанну Дамаскину* и свт. *Герману I К-польскому*. Т. о., эти гимнографы были знакомы с песнопением К. Учитывая, что все трое писали гимнографические каноны, а К. в своих песнопениях демонстрирует хорошее знакомство с географией Св. земли, митр. Софроний пришел к выводу, что К., как и прп. Иоанн Дамаскин, был монахом лавры прп. Саввы Освященного, современником свт. Германа I К-польского и прп. Иоанна Дамаскина и, возможно, учеником последнего (см. также: *Arata*. 1990. Р. 123–128). Основные выводы митр. Софрония подтвердил Дж. Скиро (см.: *Schiró*. 1949. Р. 141–146). Он обратил внимание, что песнопения К. (стихиры и каноны) имеют уникальные мелодии, т. е. К. сам сочинял музыку и, следов., жил до 2-й пол. VIII в., когда в гимнографии началась тенденция к подражанию хорошо известным образцам. Скиро подтвердил, что К. жил в эпоху таких песнописцев, как прп. Иоанн Дамаскин, свт. *Андрей Критский*, свт. Герман I К-польский и прп. *Косма Маюмский*, т. е. на рубеже VII и VIII вв. (Ibid. Р. 144). Предположение митр. Софрония, что К. мог быть учеником прп. Иоанна Дамаскина, Скиро считал недостаточно обоснованным, могло быть и наоборот. К. создал жанр церковных песнопений, к-рый принято называть *στυχηρὰ σύντομα* (см.: Ibid. Р. 133–141, 146–152). Подобно древнему *кондаку* и *канону*, это было многострофное песнопение; как правило, оно состояло из 3–5 строф, хотя известны и более объемные тексты (см.: *Pitra*. *Analecta Sacra*. Vol. 1. Р. 418–424). Первая строфа представляла собой образец, по к-рому составлялись последующие. Наиболее известным примером начальной строфы является самогласная стихира *Οἶκος τοῦ Ἐφραθά*: («Доме Ев-

фрафов» — см.: *Schiró*. 1949. Р. 209–211). Тем не менее строфы, некогда составлявшие единое песнопение, со временем стали использоваться по отдельности в качестве стихир-самогласнов (начальные строфы) и стихир-подобнов (последующие строфы). Эта ситуация отражена в совр. богослужебных книгах. Так, в Минее именем К. надписаны стихир-самогласны: новолетию (1 сент.— см.: *Μηναῖον. Σεπτέμβριος*. Σ. 12; Минея (МП). Сент. С. 10), прп. Симеону Столпнику (1 сент.— см.: Ibid. Σ. 9; Там же. С. 6), Собору архистратига Михаила (8 нояб.— см.: *Μηναῖον. Νοέμβριος*. Σ. 91; Минея (МП). Ноябрь. Ч. 1. С. 218), в неделю перед Рождеством Христовым (см.: *Μηναῖον. Δεκέμβριος*. Σ. 245; Минея (МП). Дек. Ч. 2. С. 55), в предпразднство Рождества Христова (20 дек.— см.: Ibid. Σ. 281; Там же. С. 85), 10 мученикам на Крите (23 дек.— см.: Ibid. Σ. 323), первомч. архидиак. Стефану (27 дек.— см.: Ibid. Σ. 438–439; Там же. С. 418–419), 14 тыс. мученикам-младенцам, избитым от Ирода (29 дек.— см.: Ibid. Σ. 459; Там же. С. 446), прп. Ефрему Сирию (28 янв.— см.: *Μηναῖον. Ἰανουάριος*. Σ. 420; Минея (МП). Янв. Ч. 2. С. 413), на Сретение Господне (1 февр.— см.: *Μηναῖον. Φεβρουάριος*. Σ. 9; Минея (МП). Февр. Ч. 1. С. 4), 40 мученикам Севастийским (9 марта — см.: *Μηναῖον. Μάρτιος*. Σ. 78), вмч. Прокопию (8 июля — см.: *Μηναῖον. Ἰούλιος*. Σ. 78; Минея (МП). Июль. Ч. 1. С. 463), мч. Христине (24 июля — Ibid. Σ. 215).

В рукописях сохранились составленные К. каноны: на Пасху, на Фомину неделю, на Лазареву субботу, на Благовещение и Успение Пресв. Богородицы, на Крестовоздвижение, св. апостолам, ап. Иоанну Богослову, прмц. Фекле, вмч. Димитрию Солунскому, свт. Николаю Чудотворцу, на Рождество и Усекновение главы св. Иоанна Предтечи, св. Бесплотным силам, вмч. Феодору, на Воскресение и всем святым (см.: *Εἰρημολόγιον / Εκδ. μητρ. Σωφρόνιος (Εὐστρατιάδης)*. *Chennevières-sur-Marne*, 1932. Σ. 24–26, 40–41, 47–50, 62–63, 111–115, 127–129, 151–152, 156–157, 185–187, 210–215, 251–252), мученикам Акесиму, Иосифу и Аифалу (*Ταχεῖον*. Σ. 76), прп. Алипию Столпнику (Ibid. Σ. 106).

Основная особенность канонов К.— уникальность ирмосов. Сохранились каноны К. как со 2-й песней, так и без нее; известны каноны К. на

все 8 гласов, кроме 3-го; гимнограф не пренебрегал акростихами, причем в богородичнах мог помещать свое имя — *Κυπριανός* (Киприан) или *Κυπριανού* (Киприаново).

Лит.: *Παπαδόπουλος Γ.* Συμβολαὶ εἰς τὴν ἱστορίαν τῆς ἐκκλησιαστικῆς μουσικῆς. Ἀθήναι. 1890. Σ. 248–249; *Καραβίνος Ι. Α.* Постная Триодь: Ист. обзор ее плана, состава, редакций и слав. переводов. СПб., 1910; *Émeryau C.* Hymnographi Byzantini // EO. 1923. Vol. 22. P. 23; *Σωφρόνιος (Εὐστροπατιάδης), μητρ. Κυπριανός ὁ Μοναχός // Νέα Σιών.* Ἱερουσαλήμ. 1935. Τ. 30. Σ. 689–697; 1936. Τ. 31. Σ. 3–10; *Schiro G.* Lineamenti storici sulla genesi e lo sviluppo del syntomon // BollGrot. 1949. Vol. 3. P. 133–152, 195–217; *Τρέμπλας Π. Ν.* Ἐκλογή Ἑλληνικῆς Ὀρθόδοξου Ὑμνογραφίας. Ἀθήναι. 1949. Σ. 119–122; *Szövérfy.* Hymnography. 1979. Vol. 2. P. 18 [Библиогр.]; *Arata M. C.* Some Notes on the Syriac the Hymnographer // Studies in Eastern Chant / Ed. D. Conomos. N. Y., 1990. Vol. 5. P. 123–136.

Е. Е. Макаров

КИПРИАН [сир. ܕܩܝܪܝܐܢ], митр. Нисибинский в юрисдикции *Церкви Востока* (740/1–767), церковный писатель. Согласно «Хронографии» *Илии бар Шинайи*, митр. Нисибинского (1018/19), К. занял кафедру *Нисибина* (ныне Нусайбин, Турция) в 123 г. хиджры, т. е. в 740/1 г. Новоизбранный католикос *Мар Аба II* (741–751) отказался признать К., поскольку считал, что его поставление прошло с нарушением церковных правил. К. в свою очередь вопреки канонам самовольно сместил одного из епископов, назначив на его место другого. Конфликт с католикосом, в который были вовлечены мн. архиереи, продлился не менее 4 лет; его подробности известны из послания *Мар Абы* (*Chabot*. 1898). Тем не менее К. удалось сохранить за собой кафедру Нисибина. Из «Хронографии» *Илии бар Шинайи* известно, что в 758 г., при К., были завершены строительные работы в апсиде и алтаре «великой церкви» в Нисибине, к-рые обошлись в 56 тыс. динаров.

Григорий Бар Эвройо, яковитский мафриан Востока (XIII в.), в «Церковной истории» приводит 2 рассказа, касающиеся К., к-рые относятся ко времени уже следующего католикоса, *Иакова II* (753–773). Первый связан с постройкой несторианами церкви в г. Тагрит (ныне Тикрит, Ирак) в обмен на открытие яковитской церкви в Нисибине. Несторианский еп. Тирханский *Цлиба Заха* сначала обратился с этим предложением к мафриану Павлу в Тагрите, а потом в Нисибине к К., к-рого убедил пойти на компромисс с яко-

витами и передать им ц. св. Дометия (Мар-Диматай). После кончины мафриана Павла (757) *Цлиба Заха* просил разрешения на строительство церкви у яковитского патриарха *Георгия I* (758–789/90), находившегося в заключении в Багдаде; строительство началось лишь в 767 г.

Второй рассказ, об участии К. в освобождении из заточения католикоса *Иакова*, более подробно передает несторианский арабоязычный писатель *Мари ибн Сулейман* (XII в.; И. С. Ассемани ошибочно атрибутировал это сообщение *Амру ибн Матте* (XIV в.) — *Assemani*. BO. Т. 3/1. P. 113). Католикос *Иаков* был заключен в тюрьму по приказу халифа аль-Мансура (754–775) вместе с оспаривавшим его власть и низложенным ранее католикосом *Сурином*. В этой ситуации придворный медик *Иса* фактически взял на себя управление церковными делами и стал вымогать деньги у епископов, ссылаясь на свое влияние на халифа. Получив письмо *Исы* с подобными требованиями, К. отправился в Багдад, где при помощи сановника по имени *Раба* добился аудиенции у халифа и предъявил ему послание. Разгневанный халиф велел сослать *Ису*, конфисковать его имущество и отпустить католикоса *Иакова*. Согласно повествованию обоих хронистов, вместе с *Иаковым* были также освобождены из багдадской тюрьмы Антиохийские патриархи яковитский *Георгий* и мелькитский *Феодор I* (751–773; *Бар Эвройо* называет его *Феодоритом*, очевидно путая с его преемником), однако, согласно др. источникам, их заключение следует относить к более раннему (в случае *Феодора*) или к более позднему (в случае *Георгия*) времени.

В «Каталоге писателей» *Авдишо бар Брхи*, митр. Нисибинского († 1318), К. приписывается комментарий к творениям свт. Григория Богослова и чин рукоположения в различные духовные степени. Первое сочинение, видимо, не сохранилось, а 2-е известно по неск. рукописям (см.: *Baumstark*. Geschichte. S. 213).

Ист.: *Assemani*. BO. Т. 3/1. P. 111–113; *Eliae Metropolitae Nisibeni* Opus chronologicum / Ed. E. W. Brooks. P. 1910. Louvain, 1954. Pars 1: [Textus]. P. 169, 176, 179. (CSCO; 62. Syr. Ser. 3; T. 7); *Greg. bar Hebr.* Chron. eccl. T. 3. Col. 155–166; *Mars, Amri et Slibae* De patriarchis Nestorianorum commentaria / Ed. H. Gismondi. R., 1899. T. 1/1. P. 69–70; *Chabot J.-B.* La lettre du

catholicos Mar-Aba II aux membres de l'École patriarcale de Séleucie // Actes du XIe Congrès Intern. des Orientalistes. Sect. 4. P., 1898. P. 295–335.

Лит.: *Fiey J.-M.* Nisibe, métropole syriaque et ses suffragants des origines à nos jours. Louvain, 1977. P. 75–78. (CSCO; 388. Subs.; 54).

Д. В. Зайцев, С. А. Мусеева

КИПРИАН († ок. 1560, Вологда), еп. Великопермский и Вологодский (1547 — ок. 1560). Не позднее 1521/22 г. стал игуменом *московского в честь Богоявления муж. монастыря* (АРГ: АММС. № 40. С. 127). Сохранилось неск. актов периода его игуменства (Там же. № 49. С. 137; № 86. С. 215), в т. ч. купчая 1543/44 г. на село Бекарево в Каменском стане Дмитровского у. (Там же. № 51. С. 139). Имя К. имеется в синодике Богоявленского монастыря (*Алексеев А. И.* Роспись главам древнейшего синодика московского Богоявленского мон-ря // Опыты по источниковедению: Древнерус. книжность. СПб., 2001. Вып. 4. С. 15, 21).

30 янв. 1547 г. митр. свт. *Макарий* возглавил хиротонию К. во епископа Великопермского и Вологодского. Свт. Макарий в то время — вскоре после венчания Московского вел. кн. *Иоанна IV Васильевича* на царство пользовался большим влиянием; новопоставленный иерарх должен был принадлежать к числу его сторонников. Первым важным событием для нового епископа было его участие в работе Собора 1 февр. 1547 г. На Соборе были причислены к лику святых рус. подвижники, в т. ч. Вологодской земли — «новые чудотворцы» преподобные *Павел Обнорский* и *Дионисий Глушицкий*. В 1551 г. К. присутствовал на московском *Стоглавом Соборе*. По решениям Стоглава епархиальное духовенство должно было подчиняться суду архиереев, и при пересмотре жалованных грамот мон-рям в мае 1551 г. в них были внесены соответствующие установления, но имели место и исключения. Так, без изменений была подтверждена грамота 1539 г. вологодскому Спасо-Прилуцкому мон-рю, по к-рой игумен должен был подчиняться суду вел. князя. Вероятно, в период проведения Собора К. участвовал в хиротониях Новгородского и Псковского архиеп. *Сератиона (Курцова)* (14 июня) (ПСРЛ. Т. 29. С. 62), Суздальского еп. *Афанасия (Палецкого)* (18 июня) (Там же. С. 64). По всей видимости, К. присутствовал на

Соборе 1554 г., осудившем М. Башкина. В 1555 г. Великопермский епископ участвовал в поставлении в Москве 1-го Казанского архиеп. свт. *Гурия*. Согласно официальному летописанию, митр. Макарий 1 окт. 1555 г. освящал в Москве «со всем собором Русския митрополия» Покровский собор; вероятно, К. был на освящении и принял участие в праздновании Покрова Пресв. Богородицы, устроенном для духовенства царем (ПСРЛ. Т. 13. С. 252). В 1555 г. в Москву с Вятки был принесен чудотворный Великопермский образ свт. Николая, который поновляли митр. Макарий и благовещенский протопоп Андрей (см. *Афанасий*, митр. Московский). Благодаря К. для Вологды был изготовлен список иконы (Древнерусское искусство в собрании Вологодского музея-заповедника: Путев. по экспозиции. М., 2004. С. 71). Как отмечает Н. И. Суворов, царь давал К. жалованные грамоты на архиерейские вотчины (*Суворов*. 1865. С. 768), но эти документы неизвестны.

В дек. 1547 г. К. в числе др. архиереев поручился перед Иоанном IV за кн. И. И. Пронского. 11 окт. 1547 г. К. дал жалованную грамоту игум. *Кириллова Белозерского в честь Успения Пресв. Богородицы муж. мон-ря Афанасию* (Палецкому), освобождающую обитель от владычных податей и различных пошлин с приписного к ней храма во имя вмч. Георгия в с. Усове в Масленском стане в Окологодной десятина; 27 мая 1558 г. К. подтвердил эту грамоту игум. Матфею (1555–1559) (ААЭ. Т. 1. № 214. С. 204; РИБ. Т. 32. Стб. 289–290. № 167). В поздних описях упоминается жалованная грамота, данная К. в 1546/47 г. *Григориеву Пельшемскому Лопотову в честь Собора Пресв. Богородицы мон-рю*, вероятно аналогичная грамоте Кириллову Белозерскому мон-рю. 20 сент. 1554 г. иерарх освободил своей жалованной грамотой Ильинский храм на Мезени в Готовской слободе Яренского у. от уплаты пошлин. Рукоположив во иерея Евдокима Логинова, он дал ему 2 апр. 1556 г. ставленую грамоту (РИБ. Т. 32. Стб. 416–417). Известен вклад святителя в Троице-Сергиев мон-рь: 28 марта 1550 г. «владыка Киприан Вологодский и Великопермский дал вкладу денег 50 рублей» (ВКТСМ. С. 39).

К. упоминается в Житии прп. Геннадия Любимоградского († 1565), где

говорится о беседе святого с епископом и о болезни архиерея в последние годы жизни. По Житию, прп. *Геннадий* посетил К. в Вологде ок. 1554 г., после чего архиерей прожил ок. 5 лет. Вычегодско-Вымская летопись (кон. XVI – нач. XVII в.) относит кончину К. к 1560 г. Епископ был погребен в ц. Воскресения Христова на Ленивой площадке в Вологде, на архиерейском подворье. Перезахоронен в новопостроенном кафедральном Софийском соборе Вологды, «на левой стороне, на первом месте от северных дверей собора». До 1848 г. над гробницей была надпись: «Великий господин Преосвященный епископ Киприан Вологодский перенесен из старья соборныя церкви древяныя, что возле Ленивого торгу и епископля старо го двора, и погребен на сем месте» (*Суворов Н.* Описание Вологодского кафедрального собора. М., 1863. С. 61; *Он же*. 1865. С. 768).

Изображение К. представлено на миниатюре в Лицевом летописном своде 70-х гг. XVI в., иллюстрирующей его поставление епископом Великопермским и Вологодским (Царственная книга; ГИМ. Син. № 149. Л. 292 об.). Он изображен как старец с недлинной округлой бородой, склонившийся перед благословляющим его митр. св. Макарием (руки К. покрыты фелонью).

Ист.: СГД. Ч. 1. С. 454; ААЭ. Т. 1. № 213. С. 203; № 214. С. 204; Прп. Геннадий, Костромской и Любимоградский чудотворец. Ярославль, 1873. С. 9–11; Вычегодско-Вымская (Мисаило-Евтихийевская) летопись // Ист.-филол. сб. Сыктывкар, 1958. Вып. 4. С. 257–271; ПСРЛ. Т. 4. Вып. 3. С. 619; Т. 13. С. 151, 250, 453.

Лит.: *Михайлов М. И.* Описание Устьвыма. Вологда, 1851. С. 306; *Суворов Н. И.* Ист. сведения об иерархах Древнепермской и Вологодской епархии // Вологодские Ев. 1865. Приб. № 19. С. 767–768; *Строев*. Списки иерархов. Стб. 175, 730; *Макарий (Веретенников)*, архим. Вологодский еп. Киприан (1547–1558) // Макарьевские чт. Можайск, 1998. Вып. 6: Канонизация святых на Руси. С. 39–45; То же // *Он же*. Свт. Макарий, митр. Московский, и архиереи его времени. М., 2007. С. 373–381; *Емченко Е. Б.* Стоглав: Исслед. и текст. М., 2000. С. 239, 267; *Воскобойникова Н. П.* К истории строительства храмов в Ильинском Косланском приходе Яренского у. в XVI–XX вв. // Материальная и духовная культура населения Европ. Севера России в XIX–XX вв.: Тез. IV науч.-практ. конф. Яренск, 2003. Ч. 1. С. 42–48; *Черкасова М. С.* Источники по истории Вологодско-Пермской епархии в XVI – 1-й четв. XVII в. // Исследования по истории средневеков. Руси: К 80-летию Ю. Г. Алексеева. М.; СПб., 2006. С. 205–206.

Архим. Макарий (Веретенников)

КИПРИАН [лат. Cyprianus] (1-я пол. V в.), лат. христ. поэт, автор поэтических переложений первых 7 книг ВЗ (кн. Бытие – Книги Судей Израилевых), т. н. Семикнижия, а также предполагаемый автор др. произведений на ветхозаветную тематику. Обстоятельства жизни неизвестны.

Сочинения К. единым корпусом впервые были опубликованы Р. Пайпером в 1891 г. (CSEL. 23), к-рый атрибутировал их некоему поэту Киприану Галлу. До этого они издавались по отдельности под именами различных авторов. Первый издатель Г. Морель, опубликовавший часть поэтического переложения кн. Бытие в Париже в 1560 г. и обнаруживший в используемой им рукописи (Paris. lat. 14758) имя Киприан, приписал этот фрагмент из 165 стихов сщмч. *Киприану*, еп. Карфагенскому. Сходным образом поступил иезуит Ж. Сирмон, нашедший другие фрагменты этой поэмы. Однако Э. Мартен опубликовал 1276 стихов переложения кн. Бытие под именем др. близкого К. по времени поэта – *Ювенка*, т. к. обнаружил это имя в самой ранней из использованных им рукописей IX в. В посл. помимо упомянутых авторов стихи К. публиковались под именами *Тертуллиана*, *Пруденция*, *Сальвиана Массилийского*, свт. *Авита*, еп. Вьеннского (последний также известен как автор поэтического переложения части библейской истории «О деяниях духовной истории»). Следуя Мартену, в пользу авторства Ювенка склонялись Ж. П. Минь (PL. 19. Col. 345–380) и кард. Ж. Б. Ф. Питра, заслугой которого является издание всех произведений К. (с 1855 по 1888). Питра ссылался на то, что Ювенк указан в качестве автора в 2 рукописях, одна из которых, относящаяся к каролингской эпохе, была известна Мартену; кардинал аргументировал свое мнение, исходя из сходства стиля, словарного запаса, синтаксиса, особенностей метрики и близости этих произведений к «Евангельской истории» Ювенка. Пайпер восстановил под корпусом этих поэтических сочинений имя автора – Киприан, указав, что речь идет не о сщмч. Киприане, еп. Карфагенском, а об одноименном поэте, жившем в нач. V в., по мнению издателя, в Галлии. Средневековая рукописная традиция весьма часто приписывала сочинения малоизвестных

поэтов одноименным, более известным писателям и богословам, тем более что произведения К. переписывались вместе с сочинениями др. авторов, обращавшихся к тем же темам, напр. свт. Авита, еп. Вьеннского, и это порождало их смешение в рукописях.

Корпус поэтических переложений К. охватывает 7 библейских книг — от кн. Бытие до Книги Судей Израилевых, отсюда название — «Семикнижие». Имя К. в качестве автора текста четко зафиксировано рукописной традицией, в то время как наименование Галл скорее всего добавлено издателем. Пайпер сначала предположил, что автором этого корпуса может быть *Киприан*, еп. Тулонский, один из соавторов Жития свт. *Кесария* Арелатского (сер. VI в.). Однако анализ содержания поэм и др. сочинений тех писателей, к-рых знал и чьи труды использовал автор «Семикнижия», заставил издателя отказаться от этой гипотезы; так, самый поздний из этих авторов, галльский поэт Марий Викторин, скончался до 450 г., следов., деятельность К. вряд ли выходит за пределы этого времени. Исследователь текстов К. Г. Бревер выдвинул др., более правдоподобное отождествление поэта — с пресв. Киприаном, другом и корреспондентом блж. *Иеронима* Стридонского, к-рому последний адресовал одно из своих посланий (*Hieron.* Ep. 140 // PL. 22. Col. 1166–1179), посвященное толкованию Пс 89(90). Из послания известно, что пресвитер усердно занимался изучением Свящ. Писания, и особенно ВЗ. Послание блж. *Иеронима* традиционно датируется 414 г., однако Ф. Каваллера предлагал датировать его 418 г. (*Cavallera F. Saint Jérôme: Sa vie et son oeuvre.* P.; Louvain, 1922. P. 164). Этот Киприан жил в Сев. Италии, вероятно в районе Бриксии (ныне Брешиа) или Вероны. По-видимому, он не знал *Вульгаты*, его текст близок к т. н. *Итале* — итальянской редакции старолат. перевода Библии. Но учитывая существование разночтений и с этой редакцией, можно предположить, что автор использовал и оригинальный греч. текст *Септуагинты*. В пользу итальянского происхождения автора 1-й поэмы на кн. Бытие высказывался еще в 1891 г. Г. Ф. Бест, однако он отличал этого автора, писавшего ок. 410 г., от автора остальных частей текста, некоего галльского поэта V в.

«Семикнижие» К. состоит из 5250 стихов, почти всегда написанных дактилическим гекзаметром. Исключением составляют песнь Моисея о переходе через Красное м. и молитва Моисея перед смертью, в которых использован 11-сложный фалекейский стих. К. уделяет основное внимание нарративной составляющей Писания, а не нравственно-учительной, отсюда неравномерность частей, посвященных разным книгам. Парафраз кн. Бытие занимает 1498 стихов, кн. Исход — 1338, кн. Левит — 309, кн. Числа — 777, кн. Второзаконие — 288, Книги Иисуса Навина — 585, Книги Судей Израилевых — 760 стихов. Самыми короткими оказываются переложения книг Левит и Второзаконие, содержащих в основном религ. и ритуальные предписания. По большей части К. пересказывает в стихах библейский текст, ничего не пропуская и не добавляя, при этом опускает не интересующие его пассажи о ритуалах. Впрочем, иногда, как, напр., при описании брака Лота со своими дочерьми, он прибегает к натуралистическим подробностям; он также красочно пересказывает историю пребывания Иосифа в Египте, но не углубляется в натурфилософские рассуждения. В парафразе К. первые 3 главы кн. Бытие занимают всего 72 стиха. Особенностью текста является то, что автор латинизирует имена собственные, прибавляя к ним лат. окончания и подгоняя под склонения лат. языка, а не транслитерирует их, оставляя несклоняемыми, как в Септуагинте и в переводе блж. *Иеронима* (напр., у К. Лот — *Lotus* и т. п.). Иногда формы имен собственных приобретают совершенно неузнаваемое звучание: напр., Ной становится *Noelus*. К. ввел в лат. текст множество неологизмов: *ditifiscus* — «обогащающий», *emitigare* — «умягчать» и т. п. Нек-рые слова он заимствует из греческого (*clepto* — «воровать»). К. хорошо знает творчество представителей классической лат. поэзии: Персия, Катулла, Овидия, Горация и в особенности Лукреция и Вергилия, и заимствует у них нек-рые фигуры речи. Однако при этом произведения К. лишены аллюзий на мифологические сюжеты, если не считать эпитета «Громыхающий» (*tonans*), к-рый он постоянно прилагает к Богу. В соответствии со вкусами времени К. любит использовать игру слов и ал-

литерации. Метрика стихов К. в отличие от просодики безупречна.

Прочие произведения. Средневек. каталоги монастырских б-к наряду с «Семикнижием» упоминают под именем К. также поэтические парафразы других библейских книг. В каролингском каталоге б-ки монастыря св. Назария в Лорше (IX в.) перечислены под именем К. переложения 1–4-й книг Царств, Книги Есфири, Книги Иудифи, 1–3-й книг Маккавейских. В каталог б-ки аббатства Ключи (XI в.) к ним добавлены переложения книг Паралипоменон. Эти поэтические парафразы не сохранились. Кроме того, в середине века под именем сщмч. Киприана Карфагенского был известен ряд поэтических произведений меньшего объема, чем «Семикнижие», автором которых вполне мог быть К. Пайпер также издал под именем Киприана Галла поэмы «О Содоме», «Об Ионе», или «О Ниневии», «О Пасхе», «О воскресении мертвых», «К сенатору».

Поэмы «О Содоме» и «Об Ионе» помещены в Патрологии Миня среди произведений Тертуллиана (PL. 2. Col. 1159–1163, 1167–1172); В. фон Гартель издал их в 1871 г. в Венском корпусе под именем Псевдо-Киприана Карфагенского (CSEL. 3/2. P. 297–314). В рукописной традиции кроме Тертуллиана и сщмч. Киприана Карфагенского эти произведения также атрибутируются свт. Авиту, еп. Вьеннскому. Соч. «О Содоме» состоит из 167 гекзаметрических стихов, поэма «Об Ионе» — из 105. Они неразрывно связаны между собой не только близостью стиля и единством метрики, но и тем, что в поэме «Об Ионе» имеется указание на поэму «О Содоме» как на произведение того же автора. Поэма «Об Ионе» начинается с пересказа конца этой библейской книги и потом возвращается к началу. В тексте не говорится о проповеди Ионы жителям Ниневии: видимо, автор счел, что это и так понятно из вступления. В поэме «О Содоме» последовательно описаны библейские события (Быт 18–19). Обе поэмы связаны общей идеей долголетия Божия и ожидания покаяния грешников, к-рое произошло только в Ниневии. Поэмы призывают читателей обратиться к Богу.

Пайпер сомневался, что К. был автором этих 2 произведений. Однако Бревер в посл. настаивал на этой

т. зр. Автор поэм хорошо знаком с классической поэзией, но при этом вольно перерабатывает библейский сюжет и вносит чуждый К. элемент морализаторства. Но сближает эти тексты с произведениями К. общность времени и места их создания.

Небольшая поэма (85 гекзаметров) «К сенатору» также распространялась и издавалась под именами сщмч. Киприана Карфагенского и Тертуллиана (PL. 2. Col. 1164–1168 (Тертуллиан); CSEL. 3/3. P. 302–305 (Псевдо-Киприан Карфагенский)). Автор упрекает некоего сенатора, бывш. консула, за то, что тот оставил христ. веру и стал жрецом Великой Матери, т. е. Кибелы и Исиды. Он удивляется, как сенатор, образованный человек, мог предаться столь «смешным суевериям», и призывает своего адресата к покаянию, надеясь, что именно в поэтической форме его призыв будет услышан. Поэма написана классическим языком с небольшим количеством неологизмов и составных слов, что отличает ее от текста «Семикнижия».

«Молитвы» и «Пир (Вечеря) Киприана». Эти произведения, из которых «Молитвы» обычно приписываются Киприану Антиохийскому (PL. 4. Col. 925–932; см. ст. *Киприан, сщмч., и Иустина*, мц.), по мнению Бревера и А. Гарнака, также могут принадлежать К.

В 1-е произведение входит 2 молитвы (наличие их греческих прототипов представляется маловероятным): «О мучениках» (*Pro martyribus*) и «Произнесенная в день собственного страдания» (*Quam sub die passione suae dixit*). Оба названия скорее всего даны переписчиками на основании содержания текстов. Так, во 2-й молитве автор просит освободить его от этого века и излечить от «слабости плоти». Обе молитвы могли использоваться при совершении мессы, на это указывает и наличие возгласа: «Свят, Свят, Свят». Автор хорошо знает ВЗ и эллинистическую иудейскую апокрифическую лит-ру, аллюзий на ветхозаветные события у него больше, чем на новозаветные. Кроме того, он знаком с «Актами Павла и Феклы». В молитве «О мучениках» представлено довольно архаическое учение о Св. Троице, в частности об ипостаси Сына, Который был сотворен из уст Отца прежде устройства мира и рожден от Девы Марии. Подобного рода доникейское богословие,

близкое к богословию антиохийской школы, а также знакомство с «Актами Павла и Феклы», памятником антиохийского происхождения, породили гипотезу о Киприане Антиохийском как об авторе текста.

В произведении «Пир (Вечеря) Киприана» (*Coena Cypriani*) описывается некий пир в Кане Галилейской, устроенный царем Иоилем (Богом). Гости представлены с теми атрибутами, к-рыми они наделены в Библии: на пиру Авраам сидит под деревом, Исаак — на жертвеннике, Ева — на фиговых листьях, Каин — на сохе, Иов — в навозе. Из блюд Еве достается ребро, Иисусу Христу — вино из сушеного винограда (*passum*), потому что Он пострадал (*passus*), — пример весьма распространенной в этом произведении игры слов. Поведение гостей также соответствует библейскому описанию: Иродиада пляшет, царь Давид музицирует для гостей, царь Соломон накрывает стол и т. п. В конце пира оказывается, что мн. вещи украдены. В краже обвинили Агарь; ее убивают и устраивают торжественное погребение.

Цель создания этого сочинения остается неясной. Маловероятно, что это пародия на Библию; возможно, используя шутивную форму, автор преследовал скорее дидактико-мнемонические цели. В тексте заметно влияние гомилетики свт. Зинона, еп. Веронского, следов., автор был человеком христ. круга и вряд ли хотел высмеять библейское повествование. А. Лапотр, считавший автором «Пира (Вечери) Киприана» испан. писателя *Вахиария*, называл это произведение переработкой сатиры рим. имп. *Юлиана Отступника* «Пир, или Сатурналия», написанной по-гречески, в к-рой на пиру у Ромула присутствуют рим. императоры. Ряд факторов указывает на то, что произведение было написано в Сев. Италии. Можно также отметить знакомство автора с «Актами Павла и Феклы». Об этом произведении на Западе впервые упоминал *Фластрий*, еп. Брешианский (кон. IV в.), но в это время «Акты...» оставались неизвестными в Риме или еще где-либо в Европе. Знаком с «Актами...» и автор «Молитв», написанных приблизительно в то же время (380–400) в том же регионе Италии. Бревер, отстаивавший тождественность К. с итальянским пресвитером, корреспондентом блж.

Иеронима, на основании единства места и времени создания текстов пытался приписать эти произведения К., т. е. автору «Семикнижия», развивая при этом теорию Гарнака, что автор «Пира (Вечери) Киприана» и «Молитв» происходил из региона Сев. Италии и жил между 380 и 408 гг. Но автор этих 2 произведений использовал несколько др. текст Библии, возможно Септуагинту, и не склонял ветхозаветные имена, как К. в «Семикнижии». По мнению К. Михеля, хотя «Молитвы» и являются памятником лат. поэзии IV в., однако их прототип восходит к III в. и, вероятно, был написан по-гречески.

О том, что средневек. католич. Церковь не видела в соч. «Пир (Вечеря) Киприана» ничего предосудительного, свидетельствует его широкое распространение в каролингскую эпоху. В 855 г. *Рабан Маер*, архиеп. Майнцский, сделал прозаическое переложение этого произведения для кор. Лотаря II (855–869). Возможно, оно предназначалось для постановки во время коронационных торжеств Лотаря; позднее оно было представлено в 875 г. в Риме, во время имп. коронации Карла II Лысого. В 877 г. по поручению папы *Иоанна VIII* рим. диак. Иоанн сделал переложение этого произведения рифмованным стихом, еще более усилив гротескный элемент. В средние века это сочинение диак. Иоанна имело большой успех, в XI в. реймский каноник Ацелин сделал его прозаическое переложение.

Совр. зап. исследователи с большим вниманием изучали «Пир (Вечеря) Киприана» как пародию, популярную в средние века, хотя и признали, что, возможно, это неординарное сочинение изначально не имело отношения к жанру пародии. Произведение переведено на рус. язык (Пир Киприана (Киприанов Пир) // *Поэзия вагантов* / Ред.: М. Л. Гаспаров. Л., 1975. С. 355–365, 586–590).

Соч.: *Cypriani Coena* // PL. 4. Col. 925–932; *Cypriani Oratio* // Ibid. Col. 905–910 [под именем Киприана Антиохийского]; *Oratio I. II* // CSEL. 3/3. P. 144–151; *Iohannis Diaconi versiculi de cena Cypriani* / Äd. K. Strecker / MGH. Poet. Bd. 4/2. P. 870–900; *Cypriani Galli poetae Heptateuchos* / Ed. R. Peiper. Vindobonae. [1891]. (CSEL: 23); *Modesto Ch. Studien zur Cena Cypriani und zu deren Reception*. Tüb. 1992 [лат. текст, пер. на нем. яз.].

Лит.: The Latin Heptateuch / Ed. J. E. B. Mayor. L.; Camb., 1889; *Best H. P. De Cypriani, quae feruntur metris in Heptateuchum*. Marpurgi Cattorum, 1892; *Gamber S. Le Livre de la «Ce-*

nèse» dans la poésie latine au Ve siècle. P. 1899; *Harnack A.* Drei wenig beachtete cyprianische Schriften und die «Acta Pauli»; Lpz., 1899. (TU; 19/3b); *Michel K.* Gebet und Bild in frühchristianischer Zeit. Lpz., 1902; *Schermann Th.* Die Griechische Cypriansgebete // *Oriens Chr.* 1903. Bd. 3. S. 303–323; *Stutzenberger A.* Der Heptateuch des gallischen Dichters Cyprianus. Zweibrücken, 1903; *Brewer H.* Über den Heptateuchdichter Cyprian und die Coena Cypriani // *ZKTh.* 1904. Bd. 28. S. 92–115; *Vernet F.* Cyprien (2) // *DTC.* 1908. T. 3. Col. 1470–1472; *Hass W.* Studien zum Heptateuchdichter Cyprian. B., 1912; *Lapotre A.* La «Cena Cypriani» et ses enigmes // *RSR.* 1912. Vol. 3. P. 497–596; *Roncoroni A.* L'epoca lirica di Avito di Vienna // *VetChr.* 1972. T. 9. P. 303–329; *Nazarro A. V.* Cyprian the Poet // *ECS.* 1992. Vol. 1. P. 212–213; *Bayless M.* The Biblical Feast and Allegorical Parody // *Eadem.* Parody in the Middle Ages: The Latin tradition. Ann Arbor, 1996. P. 19–46, 215; *Le banquet du roi Jôél* // *Textes et cultures: Réception, modèles, interférences* / Ed. P. Nobel. P., 2004. P. 21–32.

Д. В. Зайцев

КИПРИАН (Зёрнов Михаил Викентьевич; 25.01.1911, Москва — 5.04.1987, там же), архиеп. бывш. Берлинский и Средневропейский. Семья происходила из обедневше-

Киприан (Зёрнов),
еп. Дмитровский.
Фотография. Ок. 1961 г.

го купеческого рода. С 11 лет прислуживал в московском храме в честь Введения во храм Пресв. Богородицы в Барашах у Покровских ворот. Исполнял должности звонаря, пономаря, ризничего. В 15 лет лишился отца и стал единственным кормильцем семьи. В 1928 г. окончил среднюю школу и поступил с благословения духовника в театр-студию под рук. Р. Н. Симонова. Позднее был помощником режиссера на киностудии, работал заведующим костюмерным цехом в театре В. Э. Мей-

ерхожда, актером в Театре сатиры. До 1938 г. одновременно с работой в светских учреждениях продолжал прислуживать в церкви, самостоятельно изучал курс духовной семинарии.

Осенью 1943 г. подал прошение патриарху *Сергию* с просьбой о принятии в клир Московской епархии. К прошению было приложено сочинение «Как я верую», о к-ром дал положительный отзыв Саратовский и Сталинградский архиеп. *Григорий (Чуков)*; в посл. митрополит). Начал сотрудничать с «Журналом Московской Патриархии», где в дальнейшем многократно публиковался. После сдачи экзамена на священнический чин 10 авг. 1944 г. был рукоположен Крутицким и Коломенским митр. *Николаем (Ярушевичем)* целибатом во диакона, а 12 авг. того же года — во иерея. Получил назначение священником в храм во имя Св. Троицы в пос. Наташино (ныне в черте г. Люберцы Московской обл.). Одновременно являлся внештатным секретарем митр. Николая (Ярушевича). В мае—июне 1945 г. был членом церковной делегации, сопровождавшей патриарха *Алексия I* во время визита на Св. землю, написал о патриаршем паломничестве статью для «Журнала Московской Патриархии».

20 июля 1945 г. назначен настоятелем Троицкого храма в Наташино. 27 дек. 1945 г. переведен в Москву на должность настоятеля храма в честь Покрова Пресв. Богородицы в Черкизове. 12 мая 1948 г. назначен настоятелем московского храма в честь Преображения Господня на ул. Б. Ордынка (также известен по приделу в честь иконы Божией Матери «Всех скорбящих Радость» как Скорбященский храм), был возведен в сан протоиерея. Скорбященская ц. до того более 10 лет была закрыта и использовалась как складское помещение, однако ее внутреннее убранство сохранилось, что позволило в скором времени начать богослужения. Уцелела и святыня храма — икона Божией Матери «Всех скорбящих Радость». С июня 1950 г. прот. М. Зёрнов являлся секретарем по приему посетителей в Управлении делами МП. Исполнял поручения в области межцерковных связей; неоднократно входил в состав делегаций РПЦ в зарубежных поездках, участвовал в приеме иностранных делегаций.

С нояб. 1950 г. исполнял в течение неск. месяцев обязанности управляющего делами Берлинской епархии РПЦ. В июне—авг. 1953 г. вновь временно исполнял обязанности управляющего делами Берлинской епархии, одновременно был настоятелем кафедрального собора в честь Воскресения Христова в Берлине. В мае 1955 г. назначен временно исполняющим обязанности начальника Русской духовной миссии в Иерусалиме. С 1 нояб. 1956 г. член Хозяйственного управления МП, одновременно являлся благочинным подворий Поместных Православных Церквей в Москве, позднее был благочинным храмов Москворецкого благочиния. С кон. 1958 г. 10 месяцев был благочинным храмов Германской епархии. В марте 1961 г. назначен на должность благочинного патриарших приходов в Финляндии, стал заместителем председателя Отдела внешних церковных сношений (ОВЦС) Московского Патриархата.

15 июля 1961 г. Свящ. Синод РПЦ определил прот. М. Зёрнова по пострижению в монашество и возведению в сан архимандрита назначить епископом Подольским, викарием Московской епархии, с оставлением в должности зам. председателя ОВЦС. 26 июля того же года он принял монашеский постриг с именем Киприан в честь свт. Киприана, митр. Московского. Архиепископскую хиротонию 6 авг. 1961 г. в Трапезном храме ТСЛ возглавил патриарх *Алексий I*. 14 ноября 1961 г. К. был назначен управляющим делами МП, постоянным членом Свящ. Синода по должности с наименованием его епископом Дмитровским, викарием Московской епархии. 29 нояб. 1962 г. освобожден от управления патриаршими приходами в Финляндии, ему было поручено архипастырское наблюдение за Японским благочинием. 3 авг. 1963 г. назначен помощником Крутицкого и Коломенского митр. *Питирима (Свиридова)*; † 10 авг. 1963) в управлении приходами Московской патриаршей области с возведением в сан архиепископа.

В нач. 60-х гг. XX в. К. считался одним из наиболее влиятельных членов Свящ. Синода. Во время проходившей в правление Н. С. Хрущёва антицерковной кампании он немало сделал, чтобы уменьшить ущерб, причиняемый Церкви действиями советских властей. К нему часто обращались с просьбами о помощи

в защите приходов, к-рым грозила ликвидация. Иногда его советы помогали уберечь храм от закрытия. Так, узнав о требовании представителя властей закрыть одну из 3 действующих в Костроме церквей, К. предложил заявить о согласии упразднить соборный храм с переносом собора в другой, но с тем, чтобы провести там ремонт, к-рый в свою очередь следовало затянуть до окончания кампании по закрытию храмов. В результате все 3 церкви в Костроме были сохранены. К. старался быстро устроить на приход священнослужителей, оказавшихся за штатом после закрытия храмов. После введения властями репрессивно высокого налога на средства, получаемые приходом, К. добился от председателя Совета по делам РПЦ В. А. Куредова разрешения на реформирование денежного содержания приходских священнослужителей. Вместо прежней системы получения части приходского дохода священники стали получать ежемесячную зарплату в установленном размере.

25 февр. 1964 г. К. был освобожден от обязанностей управляющего делами МП и выведен из состава Свящ. Синода с оставлением в должности vicария Московской епархии. 20 мая того же года назначен архиепископом Берлинским и Среднеевропейским, патриаршим экзархом Средней Европы. 23 июня 1966 г. уволен на покой.

Последний период жизни К. связан с почетным настоятельством в возрожденном им во время своего иерейства Скорбященском (Преображенском) храме в Москве, где он служил до конца своих дней. Церковь на Б. Ордынке превратилась в этот период в один из значительных духовных и культурно-просветительских центров Москвы. Храм славился красотой уставных служб и церковного пения. Организованный при Скорбященской ц. хор под упр. Н. В. Матвеева считался в то время одним из лучших церковных хоров в России. Традицией стало отмечать годовщины со дня кончины композиторов, прославленных в истории русской духовной музыки (П. И. Чайковского, С. В. Рахманинова, П. Г. Чайковского), исполнением на литургии их духовных произведений.

К. был большим ценителем красоты и стройности церковной службы, возглавлял в храме все праздничные и воскресные богослужения, служил

и в будние дни, нередко заменяя заболевших иереев. Всегда проводил общую исповедь накануне Крещенского сочельника, в пятницу вечером на первой седмице Великого поста и вечером в Великую среду. На эти исповеди собирались верующие со всей Москвы. К. получил известность как проповедник. После каждого проведенного богослужения произносил проповеди, которые составили циклы, посвященные Свящ. истории, учению о Церкви, таинствам и богослужению; он хорошо разбирался в вопросах церковных облачений, собрал в ризнице своего храма уникальную коллекцию старинных вещей. Нек-рые его проповеди публиковались в «Журнале Московской Патриархии», другие, записанные почитателями, были напечатаны уже после смерти К. По свидетельствам знавших К., при импульсивном, вспыльчивом характере он был отходчив и незлопамятен. Добросердечность К. признавали даже его критики. Был щедр на помощь людям, в т. ч. денежную. Пользовался большой любовью и уважением прихожан.

Награжден орденами св. кн. Владимира 1-й степени (1963) и св. Сергия Радонежского 2-й степени (1981).

Скончался в своем храме перед началом воскресной литургии. 8 апр. 1987 г. Крутицкий митр. Ювеналий (Поярков) возглавил в Скорбященской ц. отпевание К., к-рое, согласно завещанию покойного, совершалось священническим чином. Погребен на Преображенском кладбище Москвы.

Соч.: Победа света над тьмой: (К церк. празднику в честь ангелов) // ЖМП. 1944. № 11. С. 32–33; Историческое путешествие // Там же. 1945. № 8. С. 6–25; № 9. С. 16–25; Уродливое явление // Там же. 1947. № 8. С. 32–34; Москва // Там же. № 10. С. 11–12; Митр. Ливанский Илия и архим. Антиохийского Патриархата Василий в гостях у Патриарха Московского и всея Руси Алексия // Там же. 1948. № 1. С. 45–56; Погребение Верховного Патриарха-Католикоса всех армян Георга VI // Там же. 1954. № 7. С. 67–75; 18 дней в Японии: [3-я Междунар. конф. за запрещение атомного и водородного оружия] // Там же. 1957. № 9. С. 35–37; Поездка в Индию: [Учредительная конф. инд. нац. объединения христиан в борьбе за мир] // Там же. 1963. № 7. С. 39–42; Высокопреосв. Питирим, митр. Крутицкий и Коломенский: [Некр.] // Там же. № 9. С. 21–25; Четыре дня в Лондоне // Там же. 1964. № 5. С. 22–25; В гостях у киприотов // Там же. 1965. № 7. С. 9–12; О хлебе насущном // Там же. 1973. № 1. С. 37; Проповедь в день прославления иконы Божией Матери «Всех скорбящих Радость» // Там же. 1975. № 10. С. 45–46; В Неделю 12-ю по Пятидесятнице (Мф. 19. 16–26) // Там же. 1987.

№ 9. С. 47–48; Архиеп. Киприан (Зёрнов): К 100-летию со дня рождения: [Статьи и проповеди] / Сост.: прот. А. Федосеев. М., 2001. Лит.: Наречение и хиротония архим. Киприана // ЖМП. 1961. № 9. С. 8–11; Мануйл. Рус. иерархи. 1893–1965. Т. 4. С. 94–98; Краснов-Левитин А. Э. «Рук Твоих жар»: (1941–1956): [Восп. Ч. 2]. Тель-Авив, 1979. С. 155–157; он же. В поисках Нового Града: Восп. Ч. 3. Тель-Авив, 1980. С. 150, 166–170; Лагуткин А., прот. [70 лет архиеп. Киприану и 20 лет его архиерейского служения] // ЖМП. 1981. № 9. С. 29–30; Пузняков Б., прот. Высокопреосв. архиеп. Киприан: [Некр.] // Там же. 1987. № 9. С. 25–27; Ардов М., прот. Мелочи архи..., прото... и просто иерейской жизни. М., 1995. С. 221–250; Цыпин. История РПЦ. С. 400–401.

Д. Н. Никитин

КИПРИАН (Керн Константин Эдуардович; 11.05.1899, Тула – 11.02.1960, Париж), архим., правосл. богослов, патролог, литургист, церковный историк.

Жизнь. Отец К. происходил из дворянского рода, вскоре после рождения сына был назначен профессором и директором имп. Лесного ин-та в С.-Петербурге, мать – из ста-

Архим. Киприан (Керн).
Фотография. 50-е гг. XX в.

рообрядцев, «святой жизни женщины» (Зайцев. 1968. С. 313; в рассказе Б. К. Зайцева «Река времен» под именем архим. Андроника описан К.; перу Зайцева принадлежат также воспоминания о К. в сб. «Далекое» (Он же. 1965) и некролог в Вестнике РСХД (Он же. 1960)). Юность К. прошла в С.-Петербурге, где он учился в гимназических классах имп. Александровского лицея. В 1917 г., после закрытия лицея Временным правительством, он поступил на юридический фак-т Московского ун-та. Будучи в Москве, неоднократно при-

существовал на заседаниях Поместного Собора 1917–1918 гг., где познакомился с митр. *Антонием (Храповицким)*, к-рый стал его духовным отцом и впосл. оказал на него большое влияние. Ученые занятия К. в ун-те были прерваны гражданской войной. Покинув Россию, К. обосновался в Сербии. Здесь он завершил юридическое образование, окончив в 1922 г. юридический фак-т Белградского ун-та. В 1925 г. окончил богословский фак-т того же ун-та (выпускное сочинение об историческом развитии греч. текста Литургии свт. Иоанна Златоуста, научный руководитель — прот. Лазарь *Миркович*). Входил в кружок русских студентов богословского факультета (с 1925 братство прп. Серафима Саровского), инициаторами создания к-рого были Н. Н. *Афанасьев* (впосл. протоиерей), С. С. *Безобразов* (впосл. еп. *Кассиан*), Ю. П. *Габбе* (впосл. еп. *Григорий*). На собраниях бывали митр. *Антоний (Храповицкий)*, архиеп. *Феофан (Быстров)*, архиеп. *Гавриил (Чепур)*, свт. *Николай (Велимирович)*. К. участвовал в работе первых съездов *Русского студенческого христианского движения* (1-й — в Пршерове (Пшерове), близ Праги, окт. 1923; 3-й — в русском жен. мон-ре (бывш. Леснинский) в Хопове, Сербия, сент. 1925). По окончании ун-та получил приглашение занять преподавательскую должность в только что открывшемся в Париже *Православном богословском институте прп. Сергия Радонежского*, однако от этого приглашения К. отказался и поступил преподавателем литургии, апологетики и греч. языка в ДС св. ап. Иоанна Богослова Сербской Православной Церкви в г. Битоль (Битола, совр. Республика Македония). Преподавание совмещал с исполнением должности помощника инспектора семинарии.

15 апр. 1927 г. принял монашеский постриг в монастыре Введения во храм Пресв. Богородицы в Милькове Браничевской епархии; 17 апр., в праздник Вербного воскресенья, рукоположен митр. Антонием во диакона в храме Патриаршей резиденции в Белграде; в Великий четверг, 21 апр. — во пресвитера. В 1928 г. по возведении в сан архимандрита (7 июля) назначен начальником *Русской духовной миссии в Иерусалиме*. Одним из результатов его пребывания на Св. земле была монография

об архим. *Антонине (Капустине)*, основателе миссии и выдающемся ученом.

В 1931 г. К. вернулся к преподавательской деятельности в Битольской семинарии. В 1936 г. вторично получил приглашение от Свято-Сергиевского ин-та и на этот раз его принял. Он переехал в Париж и стал профессором кафедры пастырского богословия. С 1937 г. преподавал также литургику, с 1942 г. — патрологию. В 1945 г. защитил докт. дис. «Антропология св. Григория Паламы». В 1953 г. по инициативе и под руководством К. в Свято-Сергиевском ин-те собрался 1-й «литургический съезд» с участием специалистов по литургике, принадлежавших к различным христ. конфессиям (впосл. такие съезды проводились в ин-те ежегодно).

В первые годы пребывания в Париже К. служил в храме Покрова Пресв. Богородицы при общежитии для неимущих рус. эмигрантов на ул. Лурмель, устроенном мон. *Марией (Скобцовой)*. Мон. Мария была «полной противоположностью» К. (*Зайцев*. 1965. С. 72). Проповедуемый ею идеал монашества, ориентированный на социальное служение и помощь бедным, оказался К. чужд: для него монашество в первую очередь связывалось с одиночеством и учеными трудами. По свидетельству митр. *Евлогия (Георгиевского)*, вскоре после прибытия К. на ул. Лурмель между ним и мон. Марией началось взаимное отчуждение, к-рое митрополиту было трудно сглаживать (см.: *Евлогий (Георгиевский)*, митр. *Путь моей жизни*. М., 1994. С. 517).

В 1940 г. К. был назначен митр. *Евлогием* настоятелем храма св. равноапостольных Константина и Елены в Клараме под Парижем (домового храма семьи Трубецких). Служение в этом храме К. совмещал с преподаванием в богословском ин-те. Несмотря на то что храм и ин-т находились далеко друг от друга, К. никогда не пропускал лекций и богословских занятий. В нач. февр. 1960 г. К. заболел воспалением легких и через неск. дней скончался. Отпевание было совершено в кламарской церкви. Похоронен в Клараме, согласно его завещанию.

Сочинения. Лит. наследие К. весьма разнородно. По замечанию протпр. Александра *Шмемана*, «своей темы, которой он был бы одержим

всю жизнь, своих вопросов, ответы на которые он посвятил бы всего себя, у него не было». Он писал на разные темы, но все они были для него очень «личными»: «Он скорее описывал то, что ему понравилось, что его увлекло, чем анализировал или искал решения проблемы» (*Шмеман*. 1960. С. 49).

Наиболее значительный труд К. — «Антропология св. Григория Паламы» (1950), за к-рый он был удостоен ученой степени доктора церковных наук. Исследование К. явилось первой в рус. богословской науке монографией, посвященной свт. Григорию Паламе. Более половины объема текста составляет последовательный обзор антропологических воззрений христ. авторов с I по XIV в., что делает этот труд своего рода справочником по святоотеческой антропологии. Учение свт. Григория Паламы рассматривается в контексте всей святоотеческой традиции, с широким использованием античных и неоплатонических источников, прежде всего *Платона* и *Плотина*.

Др. фундаментальным сочинением К. является «Евхаристия» (1947). В основу книги положен курс лекций, прочитанный К. в Свято-Сергиевском ин-те. Книга состоит из 2 разделов. В 1-м речь идет об истории евхаристического богослужения с I по VIII в.: об установлении *Евхаристии* Господом Спасителем, о раннехрист. евхаристиях и *агапах*, о различных типах *литургий*, сложившихся на христ. Востоке и Западе. 2-й раздел содержит последовательное и подробное историческое и богословское толкование отдельных элементов Божественной литургии, сопровождающееся многочисленными практическими указаниями для пастырей. Хотя труд К., по его же признанию, носит компилятивный характер (Евхаристия. 1947. С. 21), он свидетельствует не только о глубоком знании автором научной лит-ры и первоисточников, но и о «евхаристическом мировоззрении», «евхаристической настроенности» (Там же. С. 28), к-рые характеризовали самого К. как священнослужителя.

Книга К. «Православное пастырское служение» (1957) является одним из лучших руководств для пастырей, написанных на рус. языке. К. пишет, исходя из собственного опыта пастырского служения. В книге

речь идет о духовно-нравственной и интеллектуальной подготовке к священническому служению, о «пастырском призвании» и «пастырском настроении», о хиротонии, об искушениях, подстерегающих священника в его пастырской деятельности, о внешнем виде, поведении, материальном обеспечении и семейной жизни священника. Особый раздел посвящен «душепопечению» — духовному руководству и исповеди.

Книга «Золотой век святоотеческой письменности» (1967) содержит жизнеописания, обзор творений и краткий анализ богословия великих отцов и учителей Церкви IV в. — святителей *Афанасия I Великого*, *Василия Великого*, *Григория Богослова*, *Григория Нисского*, *Кирилла I*, еп. Иерусалимского, а также *Дидима Слепца* и прп. *Макария Великого*. Изложение имеет достаточно выборочный характер: напр., ничего не говорится о прп. *Ефреме Сирине*, о *Евагрии Понтийском*, о свт. *Амвросии Медиоланском*, о свт. *Иоанне Златоусте*. Обзор воззрений исследуемых авторов иногда не содержит упоминания даже об основных темах их богословского учения. В частности, учению свт. Григория Богослова о Св. Троице посвящено лишь полторы страницы, на к-рых ничего не сказано о пневматологии святителя (его учении о божестве Св. Духа). Тем не менее труд К. полезен в качестве пособия для тех, кто начинают изучать творения св. отцов восточнохрист. Церкви.

Более фундаментальным и подробным является курс лекций К. по доникейской патрологии. Опубликован только 1-й том курса (включающий обзор авторов I–II вв.); 2-й том (посвященный авторам III в., в т. ч. *Клименту Александрийскому* и *Оригену*) не издан.

Сб. «Крины молитвенные» (1928) является 1-й книгой К. В ней он касается темы богословского осмысления литургических текстов правосл. Церкви. Основную часть сборника составляет «Шестоднев» — толкование богослужения седмичного круга. В отличие от более поздних трудов К., для к-рых характерен сдержанный тон, сборник проникнут приподнятым, почти восторженным настроением. Автор не скрывает ностальгических чувств по отношению к утерянной родине, «святой Руси»: толкования богослужебных текстов перемежаются с зарисовка-

ми из дореволюционной монастырской жизни.

Сб. «Литургия: Гимнография и эортология», вышедший после смерти К. (1964), включает лекции, прочитанные им в Свято-Сергиевском ин-те. Лекции не предназначались для печати, поэтому в них отсутствуют научный аппарат и библиография. Тем не менее в книге немало сведений по истории правосл. гимнографии и христ. праздников. Автор рассматривает все основные жанры богослужебной поэзии (*антифон*, *ипакои*, *тропарь*, *кондак*, *стихира*, *канон* и т. д.), говорит о знаменитых песнописцах, анализирует древние богослужебные уставы.

Церковно-исторический интерес представляет монография К. об архим. Антонине (Капустине) (1934). Книга содержит много сведений о жизни и быте рус. духовенства XIX в., о духовных школах того времени; подробно говорится о возникновении Русской духовной миссии в Иерусалиме и первых десятилетиях ее деятельности. Взгляды архим. Антонина на взаимоотношения между Россией и правосл. Востоком чередуются с размышлениями К. на ту же тему.

Помимо монографий К. принадлежат статьи в рус. эмигрантской печати, а также в зап. научных журналах. В речи «Ангелы, иночество, человечество: К вопросу об ученом монашестве», произнесенной на торжественном акте Свято-Сергиевского ин-та в Париже (8 февр. 1942), К. предпринял попытку богословского осмысления темы ученого монашества. Занимался переводами святоотеческих текстов: в частности, перевел «Главы» и «Гомилии» свт. Григория Паламы (см.: *Бобринский*. 2000). По заказу редакции католич. ж. «*Igrénikon*» составил на франц. языке путеводитель по рус. переводам творений отцов и учителей Церкви «*Les traductions russes des textes patristiques*» (1957). В последние годы жизни собирал обширную картотеку всех рус. духовных деятелей с кон. XVIII в. до 1917 г. (хранится в архиве Свято-Сергиевского ин-та). Опубликованы воспоминания К. о митр. Антонии (Храповицком) и об архиеп. Гаврииле (Чепуре). В 2013 г. вышли в свет Иерусалимские дневники К.

Богословскому наследию К. была посвящена конференция в Свято-Сергиевском ин-те (23 сент. 2010),

приуроченная к 50-летию со дня его кончины. 29–30 мая 2012 г. состоялась Международная научная конференция «Архимандрит Киприан (Керн) и его время» (Москва — Тула).

Соч.: Крины молитвенные: Сб. ст. по литург. богословию. Белград, 1928. М.; СПб., 2002; Отец архим. Антонин (Капустин), начальник Русской духовной миссии в Иерусалиме. Белград, 1934 (переизд. под назв.: Отец Антонин Капустин, архимандрит и начальник Русской духовной миссии в Иерусалиме (1817–1894). М., 1997², 2005³); Материализм и наука. Скопье, 1936 (серб. яз.); Левитство и пророчество, как типы пастырствования // ПМ. 1937. Вып. 3: Живое предание. С. 140–152; Ангелы, иночество, человечество: (К вопросу об ученом монашестве). П., 1942 (То же // Богословский сб. Саут Канаан, 1955. Вып. 2. С. 22–41; То же // ЦиВр. 1998. № 1(4). С. 135–153); Духовные предки св. Григория Паламы // ПМ. 1942. Вып. 4: Богословская мысль. С. 102–131; Евхаристия: (Из чтений в Правосл. Богосл. ин-те в Париже). П., 1947. [М.], 1995², 1999³, 2006⁴; Предисловие к новому изданию // Откровенные рассказы странника духовному своему отцу. П., 1948. С. 3–6; Антропология св. Григория Паламы. П., 1950. М., 1996²; Явление воскресшего Господа Богоматери // ПМ. 1951. Вып. 8. С. 86–112; Дореволюционное русское духовенство за границей: (Экуменизм до экуменического движения) // Там же. 1957. Вып. 11. С. 100–122 (То же // ЖМП. 1993. № 11. С. 60–72); Православное пастырское служение. П., 1957. СПб., 1996², 2000³; Les traductions russes des textes patristiques: Guide bibliographique. Chevetogne, 1957 (рус. пер.: Русские переводы патристических текстов: Библиогр. справочник. М., б. г. Маш.); Литургия: Гимнография и эортология. П., 1964. М., 1999, 2002; Золотой век святоотеческой письменности: Жизнь и учение вост. отцов IV в. П., 1967. М.; СПб., 1995²; О религиозном пути А. Блока // ВРСХД. 1968. № 87/88. С. 66–94 (То же // А. Блок: Pro et contra. СПб., 2004. С. 559–580); Требник — книга чудотворная // Вечное. 1972. № 7/8. С. 14–15 (То же // БСб. 2002. Вып. 9. С. 237–239); Памяти патриарха Тихона // Ежегодник Правосл. Церкви в Америке. 1976. Кн. 2. С. 62–65; Верующий вольнодумец // Н. А. Бердяев: Pro et contra: Антология. СПб., 1994. Кн. 1. С. 447–450; Патрология: Лекции. П.; М., 1996. Ч. 1. К., 2003²; Богослужение Праздника Рождества Христова // БСб. 2001. Вып. 8. С. 24–36; Эло в религиозном сознании человечества: (Лекция) // Там же. Вып. 7. С. 43–55; Литургия // Там же. Вып. 8. С. 10–23; Чудо: (Конспект лекции) // Там же. Вып. 7. С. 32–42; Воспоминания о митр. Антонии (Храповицком) и еп. Гаврииле (Чепуре). М., 2002; Переписка И. Бунина с архим. Киприаном (Керном) по поводу «Освобождения Толстого» / Публ., вступ. ст.: Г. Н. Симонов // И. А. Бунин в диалоге эпох: Межвуз. сб. науч. тр. Воронеж, 2002. С. 184–191; Се, восходим в Иерусалим: Иерусалимские дневники архим. Киприана (Керна). Иерусалим, 2013. Изд.: Из неизданных писем К. Леонтьева. П., 1959.

Пер.: *Григорий Палама, свт.* На Евангелие о Втором пришествии Христовом // ВРСХД. 1969. № 94. С. 3–12.

Лит.: *Вейдле В. В.* Памяти о Киприане // ВРСХД. 1960. № 56. С. 44–45; *Зайцев Б. К.* Трудный путь // Там же. С. 46–47; он же. Ар-

хим. Киприан // *Он же*. Далекое: Очерки о писателях, путевые заметки. Wash., 1965. С. 70–78; *он же*. Река времен. Н.-Й., 1968; *Шеман А. Д., прот.* Памяти архим. Киприана // ВРСХД. 1960. № 56. С. 47–55; *Юстев А., свящ.* Проблема пастырского богословия сегодня в свете наследия архим. Киприана (Керна) // Культурное наследие рос. эмиграции, 1917–1940: В 2 кн. М., 1994. Кн. 1. С. 269–274; *Гаврюшин Н. К.* Архим. Киприан и его книга о свт. Григории Паламе // Встреча. Серг. П., 1996. № 3(3). С. 13–20; *Сидоров А. И.* Архим. Киприан (Керн) и традиция правосл. изучения поздневизант. исихазма // *Киприан (Керн), архим.* Антропология св. Григория Паламы. М., 1996. С. VIII–LXXVIII; *Иларион (Алфеев), митр.* Архим. Киприан (Керн): Священнослужитель, монах, богослов: К 100-летию со дня рожд. // *Он же*. Правосл. богословие на рубеже столетий: Статьи, доклады. М., 1999. С. 201–299; *Бобринский Б., протопр.* Об архим. Киприане // ЦиВр. 2000. № 1(10). С. 157–162; *Феннелл М. Н.* Архим. Киприан (Керн), 11.06.1899 – 11.02.1960 // Там же. С. 185–188; *Тахиаос А. Э.* «Русская эпоха» в Париже // Московия: К 60-летию Б. Л. Фонкича. М., 2001. Вып. 1. С. 536; *Елена (Хиловская), мон.* Архим. Киприан (Керн) и его «Путеводитель по русским переводам патристических текстов» // ВЦИ. 2010. № 1/2(17/18). С. 276–309; *Ткаченко А. А.* Архим. Киприан (Керн) как литургист // Там же. С. 310–313.

Митр. Иларион (Алфеев)

КИПРИАН (Комаровский Константин Станиславович; 17.09.1876, Самарканд – 11.12.1937, Киров), архиеп. Кировский и Слободской. Из семьи судейского чиновника. После окончания классической гимназии в г. Верный (ныне Алматы (Алма-Ата), Казахстан) поступил в 1895 г. в КазДА. 6 дек. 1898 г., во время учебы на последнем курсе академии, принял монашеский постриг с именем Киприан. 11 дек. того же года рукоположен во диакона. В 1899 г. окончил КазДА со степенью кандидата богословия за соч. «Значение скорбей и страданий по учению Нового Завета»; 1 окт. того же года рукоположен во иерея. Получил назначение в Киргизскую духовную миссию, действовавшую среди казахов Степного генерал-губернаторства (сев. и сев.-вост. часть совр. Казахстана). Стал миссионером Шульбинского стана в Семипалатинской обл. С 19 апр. 1901 г. помощник начальника Киргизской миссии, с 11 июля 1906 г. начальник Киргизской миссии; возведен в сан архимандрита.

К. возглавил Киргизскую миссию в сложный период ее истории. После выхода 17 апр. 1905 г. манифеста «Об укреплении начал веротерпимости» произошло массовое отпадение новокрещеных казахов от Православия. Из-за укрепления по-

зиций ислама среди казахов. населяющих миссионеры стали чаще сталкиваться с враждебностью к христ. вероучению. Одновременно членам миссии приходилось окормлять прибывающих в Степной край в большом количестве рус. переселенцев, к-рые составили основную часть паствы храмов миссии. К. оценивал сложившуюся ситуацию как критическую, настаивая на освобождении миссии от приходских обязанностей, отвлекавших от просветительской работы среди казахов. Миссия испытывала и серьезные финансовые трудности, т. к. омские епархиальные власти сократили выделяемые на ее нужды денежные средства, что привело к сокращению числа миссионерских станов.

Главной же проблемой, по мнению К., были равнодушие и даже враждебность российского общества к деятельности миссии. К. писал, что «миссия среди инородцев, населяющих русское царство — дело всего русского народа... несколько человек миссионеров не могут выполнить дело целой нации, они — деятели не сами по себе, они суть только посланники от народа... но деятельность органа оказывается бесплодной, если организм из себя не питает его» (*Киприан (Комаровский), архим.* О деятельности и состоянии Киргизской миссии за 1908 г.: (Заключение начальника миссии) // Омские Ев. 1909. № 10. С. 46). Несмотря на неблагоприятные условия, К. принимал меры к активизации работы миссии. Была преодолена тенденция к сокращению числа станов, 2 из них были перенесены на новые места; удалось восстановить упраздненный ранее Шульбинский стан; при миссии было образовано братство для организации содействия со стороны рус. населения и сбора денежных средств.

4 дек. 1911 г., после учреждения в Семипалатинске викарной кафедры Омской епархии, К. был хиротонисан в Омске во епископа Семипалатинского. При К. был построен и освящен Иоанно-Предтеченский храм в казачьей слободе, ставший 6-м приходским храмом Семипалатинска; возникшая в местности Св. Ключ жен. монашеская община решением Синода была преобразована в Знаменский жен. мон-рь, при к-ром действовал сиротский приют. К. также продолжал исполнять обязанности начальника Киргизской

миссии. В 1912–1916 гг. его помощником в управлении миссией был иером. *Мануил (Лемешевский)*; (впосл. митрополит). После Февральской революции 1917 г. К. неоднократно обращался в Семипалатинский областной комиссариат Временного правительства, ратуя за продолжение деятельности Киргизской миссии. В миссионерских приходах состоялись собрания представителей как рус. прихожан, так и новокрещеных казахов, которые приняли постановление о необходимости сохранения миссионерских станов. Однако после Октябрьской революции 1917 г. деятельность миссии была прекращена. Во время гражданской войны К. переехал в Омск, где был помощником Омского архиеп. сщмч. *Сильвестра (Ольшевского)*, главы *Высшего временного церковного управления Сибири*, затем вернулся в Семипалатинск.

Весной 1922 г., во время *изъятия церковных ценностей*, К. выступил с обращением, в к-ром призывал паству к миру и спокойствию. Это помогло избежать насильственных действий и не дало властям повода для массовых репрессий против верующих. Летом того же года К. занял двойственную позицию в отношении *обновленчества*: формально признал обновленческое *Высшее церковное управление (ВЦУ)*, но противобоевствовал исполнению его предписаний. Местные обновленцы направили в обновленческое Сибирское церковное управление в Томске просьбу о смещении К. и замене его обновленческим епископом. Из Томска в Семипалатинск прибыл в качестве главы новой обновленческой епархии свящ. Николай Минин (утвержден ВЦУ Семипалатинским «архиепископом» в нояб. 1922). Однако большинство приходов Семипалатинска признавало своим архиереем К.

Осенью 1922 г. обновленцы обратились за поддержкой к советским властям. Руководство Казахской АССР приняло решение передать кафедральный Никольский собор Семипалатинска обновленцам и потребовало от Семипалатинского губисполкома обеспечить исполнение этого распоряжения. К. организовал неск. совещаний представителей приходских советов для обсуждения мер по защите Церкви от обновленцев. Эти совещания, о которых стало известно властям, стали

поводом для обвинений в нарушении постановления об обязательной регистрации всех собраний. 4 дек. 1922 г. сотрудники ГПУ арестовали участников совещания духовенства и мирян, проходившего в Никольском храме. 7 дек. за «созыв тайного собрания без оповещения органов власти» был арестован и К. Пока епископ находился в тюрьме, по всей губернии шел сбор подписей верующих за его освобождение. 19 февр. 1923 г. Семипалатинский губернский отдел ГПУ направил дело К. и др. обвиняемых в Москву на рассмотрение центрального ГПУ, предлагая высылку подследственных, как противников обновленчества, за пределы Семипалатинской губ. 16 мая того же года особое совещание при ГПУ при НКВД РСФСР приняло решение о заключении К. за «антисоветскую деятельность» в концентрационный лагерь на 2 года. Срок заключения К. отбывал на Соловецких о-вах.

После освобождения из лагеря К. был административно выслан во Владивосток. 13 нояб. 1925 г. назначен епископом Владивостокским и Приморским, позднее возведен в сан архиепископа. В связи с притеснениями со стороны властей, передавших правосл. храмы обновленцам, К. благословил священников, сохранивших верность патриаршей Церкви, нелегально совершать литургии на частных квартирах. Летом 1926 г. написал работу «Обновленчество», в которой объяснил особенности обновленческого раскола. Эта работа по указанию К. была распространена среди владивостокского духовенства. В марте 1927 г. К. был арестован. В сент. того же года решением особого совещания при Коллегии ОГПУ направлен для проживания под надзором властей в Иркутск. 15 сент. назначен архиепископом Нижнеудинским, временно управляющим Иркутской епархией. Еще до приезда в Иркутск К. столкнулся с сопротивлением местной группы духовенства, возглавляемой прот. Николаем Пономарёвым. Участники организованного Пономарёвым собрания в Николо-Иннокентиевском храме Иркутска высказались за назначение управляющим епархией Забайкальского еп. *Евсевия (Рождественского)*; в посл. архиепископ). Пономарёв известил К., находившегося тогда во Владивостоке, об избрании епископом Евсевия «общим собранием ве-

рующих» и предложил воздержаться от приезда в Иркутск. Однако в нояб. 1927 г. К. вступил в управление епархией. После того как Пономарёв и его сторонники, даже получив разъяснения от Временного Свящ. Синода, отказались признать К. своим законным архиереем, 1 марта 1928 г. архиепископ был вынужден объявить о разрыве канонических и адм. отношений с Николо-Иннокентиевским приходом (до 1929).

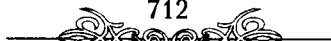
Во многом благодаря проповедям, в к-рых К. объяснял верующим ситуацию, обусловившую появление «Декларации» 1927 г., изданной заместителем патриаршего местоблестителя митр. *Сергием (Страгородским)*; с 1943 патриарх Московский и всея Руси), в Иркутске удалось избежать церковного разделения. К. уделял много внимания поддержанию дисциплины среди духовенства. Он активно занимался организацией помощи ссыльным священникам и их семьям. Для организации противодействия обновленцам К. дал указания размножить и распространить среди иркутского духовенства свою работу «Обновленчество». Выпустил ряд посланий с разъяснениями для духовенства: об обновлении св. икон, о богослужбной уставности, о церковном чтении. В нач. 1928 г. К. закончил начатую еще во Владивостоке ст. «Церковь и государство». Рукопись была послана в Москву митр. Сергию, к-рый дал на нее положительный отзыв, однако посоветовал не распространять работу «из-за могущего быть превратного толкования» со стороны властей.

В дек. 1928 г. в Иркутске были арестованы неск. священников, членов временного епархиального церковного совета. При обысках у них были изъяты тексты посланий и статей К. Архиепископ был вызван в ГПУ и предупрежден о привлечении к ответственности за нелегальное распространение «антисоветской литературы». 19 февр. 1929 г. К. был арестован по обвинению в «антисоветской пропаганде под видом религиозной деятельности». На допросах отрицал свою виновность, заявил о лояльности к гражданской власти, в отношении же своей критики обновленчества пояснил, что она не имеет отношения к антисоветской пропаганде. К. признал, что в епархии действовала система оказания помощи семьям репрессиро-

ванных священнослужителей, но пояснил: «Оказание пособий семьям я не мог рассматривать как караемое сношение с преступной средой». Выпуск и распространение посланий к клиру К. разъяснил как «прямое, обязательное для меня руководство духовенством». 24 мая 1929 г. решением особого совещания при Коллегии ОГПУ К. был освобожден из-под ареста, однако ему предписывалось в течение 3 лет проживать под надзором по выбранному им месту жительства вне крупных городов и Сибирского региона. 5 июля он выехал из Иркутска в г. Златоуст. 19 июля в связи с нахождением под адм. надзором уволен на покой.

23 окт. 1932 г., после отбытия срока поднадзорной ссылки, назначен архиепископом Златоустовским. С 14 авг. 1933 г. архиепископ Ижевский при сохранении временного управления Златоустовской епископией. 11 июня 1934 г. назначен управляющим Вятской епархией (в дек. того же года переименована в Кировскую). 25 окт. 1934 г. избран членом Временного Свящ. Синода РПЦ на зимней сессии 1934/35 г. 18 мая 1935 г. указом митр. Сергия Временный Свящ. Синод был упразднен, его члены вернулись в свои епархии. К. старался предотвратить участвовавшие закрытия церковью властями, требовал от подчиненного ему духовенства принять меры к сохранению храмов. В 1935 г. К. вынес порицание викарному Ноллинскому еп. *Георгию (Анисимову)* за не поданные в срок жалобы на закрытие кафедрального собора в Ноллинске.

5 авг. 1937 г. К. был арестован в Кирове по обвинению в принадлежности к «контрреволюционной группе епископов сергианской ориентации» и шпионской деятельности в пользу Японии. Содержался в кировской тюрьме. Первоначально на допросах отрицал обвинения в шпионаже и контрреволюционных действиях. На вопрос об отношении к политическому режиму ответил, что к советской власти относится лояльно, но хотел бы, чтобы она «дала больше свободы в церковной жизни». Также К. заявил, что недоволен действиями местных органов власти, которые «допускают перегибы в отношении Церкви». На допросе 22 сент. линия поведения К. резко изменилась. Он признал, что еще в 1918 г. был завербован япон. разведкой и в последующем состоял членом контрреволюционной мо-

нархической организации, связанной с руководством РПЦЗ. На допросе 24 сент. К. вновь изменил свои показания и заявил о существовании в СССР контрреволюционной организации, в к-рую входило все высшее духовенство Московской Патриархии во главе с митр. Сергием. Признал себя руководителем «контрреволюционной группировки церковников сергианской ориентации» в Кировской обл., но конкретных фактов шпионской и противогосударственной деятельности не назвал. 9 дек. 1937 г. Особая тройка при УНКВД Кировской обл. приговорила К. к смертной казни. Через 2 дня он был расстрелян в подвале внутренней тюрьмы НКВД в Кирове. Вместе с К. были осуждены и казнены 5 членов епархиального совета Кировской епархии. Арх.: Архив УФСБ РФ по Иркутской обл. Д. 5963 фп; ГАСПИКО. Д. СУ-4023. Лит.: *Польский*. Ч. 2. С. 281–282; *Мануил*. Рус. иерархи, 1893–1965. Т. 4. С. 99–100; За Христа пострадавшие. Кн. 1. С. 565, 566; ЖМП, 1931–1935. С. 237; «Обновленческий» раскол. С. 793–795; *Ларионов М. М.* Из истории правосл. Семипалатинска в 20–30-х гг. XX в.: Обновленческий раскол // Этнография Алтая и сопредельных территорий: Мат-лы междунар. науч.-практ. конф. Барнаул, 2005. Вып. 6. С. 24–30.

Д. Н. Никитин

КИПРИАН (Старорусенков (Старорусенников); † 17.12.1634, Новгород), митр. Новгородский, автор посланий, исторических и церковных сочинений. Не ранее 1608/09 г. К. стал архимандритом новгородского *Варлаамиева Хутынского в честь Преображения Господня монастыря*. Во время оккупации шведами Новгорода (1611–1617) возглавлял в Выборге переговоры об избрании на рус. престол швед. принца Карла Филиппа, герц. Сёдерманландского. В авг. 1613 г. новгородские послы привезли в Выборг, где находился Карл Филипп, «приговор» населения Новгородской земли о его избрании царем. На переговорах речь шла о том, что, если принц приедет в Новгород, бояре и др. знатные люди перейдут на его сторону и не станут слушать казаков, выдвинувших *Михаила Феодоровича* Романова. Одновременно новгородские послы отказались присягать швед. кор. Густаву II Адольфу. Переговоры прервались в янв. 1614 г. из-за отъезда Карла Филиппа в Стокгольм, но послы смогли вернуться в Новгород лишь в авг. того же года.

По распоряжению Новгородского митр. *Исидора* и с ведома швед. властей в 1615 г. к царю Михаилу Феодоровичу в Москву было отправлено посольство, в к-рое вошел К. Он вез «тайную» грамоту от новгородцев царю с просьбой о прощении их «вин». Во время аудиенции у царя К. «паде у ног государевых и просяше милости... о тех, кои воровали и посягали на православных крестьян». По его просьбе царь дал «милостивую» грамоту «в тайне», а также «список, выписав все неправды немецкие». По возвращении в Новгород К. отказался присягнуть кор. Густаву Адольфу и «благословить» на это новгородцев. Шведы узнали о «тайных» грамотах, началось преследование участников посольства, особенно жестоко был наказан К.: «Архимариту ж наипаче многая мука была: биша его немилостивно, после ж того бою биша на правеже до умертвия и стужею и гладом моряху; едва с таких мук душа укрепися» (ПСРЛ. Т. 14. С. 138–139). Позднее на русско-швед. мирных переговорах К. сообщал рус. послам в Тихвине о действиях швед. властей.

Преданность и стойкость помогли К. завоевать высокий авторитет в глазах царя Михаила Феодоровича и патриарха *Филарета*. При учреждении архиепископской кафедры в Тобольске выбор пал на хутынского архимандрита. 8 сент. 1620 г. он был хиротонисан на Тобольскую и Сибирскую кафедру с возведением в сан архиепископа. В дек. того же года К. участвовал в Соборе, к-рый принял решение о переименовании «белорусцев». 30 мая 1621 г. К. торжественно прибыл в столицу Сибири.

К. заложил основы обеспеченности Тобольского архиерейского дома пахотными землями, санными покосами, рыбными ловлями. При нем архиерейские вотчины насчитывали сотни десятин, десятки крестьян находились в кабальной зависимости. Ходатайствуя перед царем об отводе кафедре наиболее удобных угодий и получив их, К. вступил в конфликт с тобольским воеводой М. М. Годуновым и верхушкой тобольского казачества, издавна «без грамот» пользовавшихся теми же угодьями. Конфликт углублялся и потому, что правительство Михаила Феодоровича во всем поддерживало архиерея: из Москвы на имя воеводы приходили грамоты с требова-

ниями обеспечить архиепископа достойными его хоромы (если невозможно их построить, требовалось освободить воеводский дом), подчиняться ему во всех духовных делах. Архиепископу был поручен помимо дел церковных надзор за местной администрацией. По сообщению Сибирского летописного свода, в 1623 г. «против святительскаго челобитья против Киприянова» (Там же. Т. 36. Ч. 1. С. 147) в Сибирь прибыли сыщики для расследования деятельности Годунова.

Из «Краткого летописца Новгородских владык» известно, что К. в Сибири «неверных много крестил... и слабость многую в духовных делах, в незаконных женитвах и в иных во многих духовных делах исправил и утвердил... и от многих неискусных людей многую молву, и мятежи, и тесноту терпел» (НовгорЛет. С. 152–153). К. активно вел церковное строительство. При нем закончилось возведение тобольского кафедрального собора во имя Софии Премудрости Божией, построено большое количество церквей как в Тобольске, так и в др. сибир. городах; основано неск. мон-рей в разных городах, куда К. направлял монахов, приехавших с ним из Центр. России. Архиерей перевел на новое место в Тобольске крупнейший муж. Успенский монастырь и освятил там ц. в честь иконы Божией Матери «Знамение, яже в Великом Новгороде». При устройении церковной жизни в Сибири К. опирался на прославление новгородских святых. Он обращал особое внимание на почитание прп. *Варлаама Хутынского*: его икону К. привез из Новгорода и поместил в Софийском соборе. На стене собора был изображен свт. *Стефан Пермский* (Тобольск: Мат-лы для истории города XVII и XVIII ст. М., 1885. С. 12), чью миссионерскую деятельность ставил в пример 1-му Сибирскому архиепископу патриарх *Филарет* (*Миллер*. 1941. С. 282). Житие свт. Стефана было широко распространено на Урале и в прилегающих к нему районах Сибири.

Сохранились рукописные и печатные книги, подаренные К. Тобольскому архиерейскому дому: «Просветитель» прп. *Исидфа* Волоцкого (нач. XVII в.), сборник Слов свт. Василия Великого (XVI в.), Острожский сборник (Острог, 1588) и Книжица Острожская (Острог, 1598). К. принадлежали Апостол, хранившийся

в ярославском Спасо-Преображенском мон-ре, Синодик (РНБ. Соф. № 1059), Минея февральская 1475 г. (Там же. № 303). Эти книги были переданы Тобольскому архиерейскому дому в 1635 г., после смерти К. Обращают на себя внимание укр. полемические памятники в библиотеке архиерея, что нетипично для рус. церковных собраний первых десятилетий XVII в.

15 февр. 1624 г. по грамоте царя и патриарха К. уехал в Москву, 12 дек. того же года был поставлен митрополитом Крутицким. 20 окт. 1626 г. переведен на Новгородскую кафедру, прибыл в Новгород 3 нояб. В 1634 г. К. председательствовал на Соборе, избравшем патриарха *Иоасафа I*. Будучи Новгородским митрополитом, К. присвоил титул «государя», создал пышный двор, наподобие царского, и церемониал, скопированный с придворного, в церкви стоял «с большой гордостью», ездил летом в санях, пренебрежительно относился к указам патриарха.

Похоронен 13 янв. 1635 г. в Корсунской паперти Софийского собора Тверским архиеп. Евфимием.

Сочинения. С К. связаны первые сведения о начале сибир. летописания. Как сказано в летописи тобольского архиерейского дьяка Саввы Есипова, «во второе лето престольства своего» К. расспрашивал «Ермаковых казаков» о том, «како они придоша в Сибирь, и где с погаными были бои, и ково где убили погании на драке» (ПСРЛ. Т. 36. Ч. 1. С. 70). В ответ ему принесли «Написание» казаков о походе Ермака, на основе к-рого при К. был создан Синодик «Ермаковым казакам» и установлено их поминовение в Софийском соборе в Неделю Православия. Вероятно, автором Синодика был сам К., знаток «соборного и келейного чина» (*Зерцалов*. 1896. С. 9).

Синодик «Ермаковым казакам» сохранился в единственном списке (ГИМ. Увар. № 370 (540)) в составе чина Православия. Судя по записи *Филофея (Лещинского)*, Тобольского митрополита в 1702–1710 и 1715–1721 гг., эта рукопись происходит из б-ки Софийского собора; по-видимому, она сохранила оригинал киприановского Синодика; о том же свидетельствуют и следы редакторской правки, проводившейся в процессе переписки. Основной особенностью Синодика «Ермаковым казакам» являются краткие справки об обстоя-

тельствах гибели поминаемых лиц, благодаря чему Синодик стал одним из самых ранних памятников сибир. историографии. Синодик «Ермаковым казакам» послужил одним из источников для Есипова, который включил его в переработанном виде в собственную летопись в виде приложения; Есипов исключил перечни имен погибших казаков, сократил некоторые известия и подверг текст стилистической обработке. Вся позднейшая сибирская историография вплоть до наст. времени знала текст Синодика только в редакции Есипова; при ее посредничестве Синодик был использован в Ремезовской и Черепановской летописях, а также в Сибирском летописном своде. Независимо от Есипова также в 30-х гг. XVII в. Синодик или его ближайший протограф (возможно, казачье «Написание») был использован в качестве основного источника автором Строгановской летописи.

Включение Синодика «Ермаковым казакам» в состав чина Православия во многом определило его специфику: отсутствие предисловия (оно было единым для всей службы), нехарактерное для чина начало текста с даты похода Ермака, выпрениую стилистику. В составе чина Православия «Ермаковы казаки» поминались как местнотчтимые праведники. Вместе с тем включение в чин Православия стало причиной малого распространения текста Синодика: чин Православия в Тобольске совершался только в Софийском соборе, текст чина не переписывался для употребления в других церквях, воспользоваться им могли лишь книжники, имевшие доступ к Софийской ризнице: архиепископский дьяк Савва Есипов, в XVII в. — ямщик-летописец Илья Черепанов, бывший церковным старостой.

Составление Синодика и упоминание К. в Есиповской летописи создало ему славу 1-го историка Сибири; еще Г. Ф. Миллер считал, что К. положил «первое основание к сочинению... [сибирских] летописей» (*Пекарский П. П.* История имп. Академии наук в Петербурге. СПб., 1870. Т. 1. С. 355). Той же т. зр. придерживались *Евгений (Болховитинов)*, А. В. Старчевский, П. И. Небольсин, Н. А. Абрамов, С. А. Адрианов, В. С. Иконников. Все они считали, что позднейшие летописи (Есиповская и Строгановская) использовали текст Синодика как первооснову. Только С. В. Бахру-

шин установил, что Синодик «не представляет собой первоначального текста, а лишь перерабатывает неизвестный нам первоисточник, которым пользовались и летописи» (*Бахрушин*. 1955. С. 26). По мысли ученого, «в основе трех известных нам древнейших памятников сибирской истории — «Синодика», «Строгановской» и «Есиповской» летописей — лежит один и тот же первоисточник, то «Написание», которое принесли казаки преосв. Киприану» (Там же. С. 30). Мысль о непричастности К. к непосредственной летописной работе поддерживает и Е. И. Дергачёва-Скоп.

Идея о едином протографе Синодика, Есиповской и Строгановской летописей иначе изложена в работах А. М. Ставровиц. Она предполагала, что на основе казачьего «Написания» и рассказов очевидцев была составлена не дошедшая до нас «летопись Киприана», к-рая послужила основой для Синодика и сибир. статей «Нового летописца»; последние, дополненные др. источниками, стали протографом Есиповской и Строгановской летописей (Сибирские летописи: Эюд по истории вопроса и анализу сибирских летописей // ЛОИИ. Колл. 285. Д. 1). Д. С. Лихачёв также предполагал, что помимо Синодика при К. на основе казачьего «Написания» и татар. записок была создана 1-я офиц. сибир. летопись — «Киприановский свод» (*Лихачёв*. 1947. С. 394–395). Р. Г. *Скрынников* считает, что таким протографом была ранняя Тобольская летопись, созданная при К., возможно, с участием кн. С. И. *Шаховского*, бывшего в ссылке в Тобольске в 1621–1622 гг. (*Скрынников Р. Г.* Сибирская экспедиция Ермака. Новосиб., 1982. С. 21–33). Отношения К. с С. И. Шаховским подтверждаются сохранившимся посланием князя, где он просит К. быть «ходатаем» за него перед патриархом Филаретом (*Буслаев*. 1861). Заступничество, видимо, оказалось успешным, т. к. в 1625 г. кн. Шаховской был возвращен в Москву и участвовал в составлении послания шаху Аббасу.

Документы, относящиеся к жизни К. после отъезда из Сибири, свидетельствуют о тесных связях между ним и патриархом Филаретом. К. участвовал во мн. важных начинаниях первосвященника (в решении вопроса о словах «и огнем», в приеме послов шаха Аббаса, привезших ризу

Христа, и др.) как его непосредственный советник и помощник (см.: РГАДА. Ф. 210. Денежный стол. Кн. 173. Л. 317 об., 320 об.). В. Л. Янин предполагает, что мн. предприятия К. в Новгороде указывают на общий с патриархом Филаретом замысел упорядочить практику богослужения (Янин. 1988. С. 191).

По-видимому, К. активно участвовал в лит. начинаниях главы Русской Церкви. В «Новом летописце» (30-е гг. XVII в.), рассказывая о принесении в Москву ризы Господней, автор замечает: «Патриарх же Филарет повеле Крутицкому митрополиту Киприяну сложити стихеры и канун» (ПСРЛ. Т. 14. С. 152). Об участии К. в приеме святыни свидетельствует также «Документальное» сказание о даре шаха Аббаса: К. вместе с патриархом и др. властями «того ковчежца осматривали», после чего «патриарх Филарет Никитич Московский и всеа Русии... уложил с митрополитом Киприяном Сарским и Подонским... и со всем освященным собором тое святыню свидетельствовать чудесы» (Гухман. 1974. С. 264–265). Имя К. сохранилось и в кратком пересказе «Документального» сказания (Там же. С. 269–270).

Возможно, К. являлся автором «Документального» сказания и одним из составителей «Нового летописца». В. Г. Вовина-Лебедева отмечает особую осведомленность автора «Нового летописца» о судьбе К.: подробный, в самом выгодном свете рассказ о его поведении во время швед. оккупации Новгорода, хорошее знание сибирского периода жизни и пребывания на Крутицком подворье и в Новгороде на митрополии (Вовина В. Г. К вопросу о сибирских статьях «Нового летописца» // Лит-ра и классовая борьба эпохи позднего феодализма в России. Новосибир., 1987. С. 64–66). Гл. «О принесении срачицы Господни в царствующий град Москву», где приведены известия о К., написана на основе переработанного «Документального» сказания о даре шаха Аббаса (Она же. Новый летописец: Источниковед. исслед.: АКД. Л., 1988. С. 14). Поскольку «Новый летописец» был составлен в окружении патриарха Филарета близким к нему духовным лицом, предположение об участии К. в этой работе заслуживает внимания.

К. занимался лит. трудами и в Новгороде. При нем были составлены

Чиновник новгородского Софийского собора и описание новгородских святынь «О святей соборной церкви Софеи Премудрости Божий, иже в Велицем Новеграде, и о Новгородцких чудотворцех, идеже койждо лежит» (этот текст Янин датирует более ранним временем, чем Чиновник; Янин. 1988. С. 217). Оба памятника отражают проведенную К. локализацию древних погребений новгородского Софийского собора, связанную, по мнению Янина, с упорядочением практики богослужения. В 1629 г. К. установил празднование обретения мощей свт. Иоанна Новгородского. В 1634 г., как сообщает Новгородский хронограф XVII в., К. расспрашивал о чудесах от «Спасава образа, что на Павлове улицы на башни, что написан на стенное писмо» (Тихомиров. 1979. С. 278). Судя по тому, что вслед за этим сообщением в Хронографе помещено описание 10 чудес от иконы (Там же. С. 278–280), К. не только расспрашивал о чудесах от святыни Славянского конца Торговой стороны, но и велел записывать свидетельства. А. В. Лаврентьев с именем К. связывает создание новгородского по происхождению легендарного сочинения о первых веках слав. истории — «Повести о Словене и Русе» (Лаврентьев А. В. Летописный свод 1652 г. как источник для изучения рус. средневековой повести XV–XVIII вв. // Русская книжность XV–XIX вв. М., 1989. С. 166–167. (Тр. ГИМ; 71); о «Повести...» см.: Буланин Д. М., Турилов А. А. Сказание о Словене и Руси // СККДР. Вып. 3 (XVII в.). Ч. 3. С. 444–447).

Ист.: СГДЛ. Ч. 3. С. 245–253, 270–273; ААЭ. Т. 3. С. 221–222; АИ. Т. 3. С. 118–119, 131–132; Буславев Ф. И. Ист. хрестоматия церковно-слав. и древнерус. языков. М., 1861. Стб. 1048–1050; РИБ. 1875. Т. 2. Стб. 387–389; 1884. Т. 8. Стб. 348–349; ПСРЛ. Т. 14. С. 138–139, 152; Т. 36. Ч. 1 (по указ.); Зерцалов А. Н. О «неправдах и непригожих речах» Новгородского митр. Киприана // ЧОИДР. 1896. Кн. 1. Отд. 1. С. 1–28 (отд. паг.); Голубцов. Чиновник; Никольский А. Описание Св. Софии в Новгороде и святыни древней Велико-Новгородской обл. (до 1654 г.) // ВАИ. 1901. Вып. 14. С. 220–226; Ромодановская Е. К. Синодик ермаковым казакам: Предварительное сообщ. // Изв. СО АН СССР. Сер. обществ. наук. Новосибир., 1970. № 11. Вып. 3. С. 14–21; Гухман С. «Документальное» сказание о даре шаха Аббаса России // ТОДРЛ. 1974. Т. 28. С. 255–270; Янин В. Л. Некрополь новгородского Софийского собора: Церк. история и ист. критика. М., 1988. С. 218–221; Тобольский архиерейский дом в XVII в. / Изд. подгот.: Н. Н. Покровский, Е. К. Ромодановская. Новосибир., 1994; Лит. памятники Тобольского архиерейского дома XVII в. / Изд. подгот.: Е. К. Ромодановская, О. Д. Журавель. Новосибир., 2001.

Лит.: Абрамов Н. А. Митр. Киприан, первый просветитель Сибири и основатель ее летописи // ЖМНП. 1849. Ч. 64. № 10. Отд. 5. С. 1–8; он же. Нектарий, третий архиеп. Сибирский и Тобольский. 1636–1640 гг. // Странник. 1866. № 2. С. 65–87; Церковно-судебные определения Киприана, митр. Новгородского // ПС. 1861. № 11. С. 335–348; Буцинский П. Н. Открытие Тобольской епархии и первый Тобольский архиеп. Киприан // ВиР. 1890. Т. 1. Ч. 2. № 21. С. 555–578; № 23. С. 639–672; Адрианов С. А. К вопросу о покорении Сибири // ЖМНП. 1893. Ч. 286. № 4. Отд. 2. С. 522–550; Иконников В. С. Опыт рус. историографии. К., 1908. Т. 2. Кн. 2. С. 1291–1307; Миллер Г. Ф. История Сибири. М.; Л., 1937. Т. 1. С. 160–162; 1941. Т. 2. С. 68, 282, 571; Лихачев Д. С. Рус. летописи и их культурно-ист. значение. М.; Л., 1947. С. 393–396; он же. Повести о покорении Сибири // История рус. лит-ры. М.; Л., 1948. Т. 2. Ч. 2. С. 89–93; Бахрушин С. В. Очерки по истории колонизации Сибири в XVI и XVII вв. // Он же. Науч. труды. М., 1955. Т. 3. Ч. 1. С. 18–31; Дворецкая Н. А. Официальная и фольклорная оценка похода Ермака в XVII в. // ТОДРЛ. 1958. Т. 14. С. 330–334; Дергачева-Скоп Е. И. Из истории лит-ры Урала и Сибири XVII в. Свердловск, 1965; Ромодановская Е. К. Рус. лит-ра в Сибири 1-й пол. XVII в.: Истоки рус. сибирской лит-ры. Новосибир., 1973; она же. Киприан (Старорусенков) // СККДР. Вып. 3. Ч. 2. С. 156–163 [Библиогр.]; она же. Сибирь и литература: XVII в.: Избр. тр. Новосибир., 2002; Тихомиров М. Н. Новгородский хронограф XVII в. // Он же. Рус. летописание. М., 1979. С. 273–323; Соловьев. История. Кн. 5. Т. 9. С. 72–76, 313, 323, 325, 334; Майничева А. Ю. Двор архиеп. Киприана в Тобольске (20-е гг. XVII в.) // Гуманитарные науки в Сибири. 1998. № 3. С. 82–86; Вовина-Лебедева В. Г. Новый летописец: История текста. СПб., 2004 (по указ.); Кобзарева Е. И. Шведская оккупация Новгорода в период Смуты XVII в. М., 2005; Замятин Г. А. Россия и Швеция в нач. XVII в.: Очерки полит. и военной истории. СПб., 2008.

Е. К. Ромодановская

КИПРИАН И ИУЛИАНИЯ

[греч. Κυπριανός καὶ Ἰουλιανή] (нач. IV в.), мученики (пам. греч. 1 нояб.). Время и место мученической кончины неизвестны. В визант. стишных Синаксарях содержится посвященное этим святым двустишие, в к-ром говорится, что они были сожжены язычниками (напр., Синаксари ГИМ. Син. греч. 390(354), 1295 г.; Paris. gr. 1582, XIV в.).

Архиеп. Сергей (Спасский) и митр. Софроний (Евстратиадис) высказывали предположение, что упоминание К. и И. появилось в греч. календарях в результате искажения имен мучениц Кириены и Иулиании, память которых отмечается в тот же день. Однако эта путаница произошла довольно рано, поскольку еще в визант. период сведения о них попали в стишные Синаксари. Впосл. память и двустишие, посвященные К. и И., были включены из стишных

синаксарей в печатные греч. Минеи и в «Синаксарист» прп. *Никодима Святогорца*.

Ист.: *Владимир (Филантропов)*. Описание. С. 524; SynCP. Col. 187; *Νικόδημος. Συναξαριστής*. 2003². Т. 2. Σ. 13.

Лит.: *Сергий (Спасский)*. Месяцеслов. Т. 2. С. 341; *Σωφρόνιος (Εὐστρατιάδης)*. Ἀγιολόγιον. Σ. 261.

КИПРИАН (сщмч.) и **ИУСТІНА** (мц.) († 304?) [греч. *Κυπριανός καὶ Ἰουστίνη*; лат. *Surgianus et Iustina*; груз. *კვიპრიანე და იუსტინე(ა)*] (пам. 2 окт.; пам. зап. 26 сент.), святые правосл. Церкви.

Житие. Основные сведения о К. и об И. содержатся в 3 агиографических сочинениях в их честь: «Обращение Киприана», «Покаяние, или Исповедь Киприана» и «Мученичество Киприана и Иустины» (ВНГ, N 452–456d). Эти произведения связаны между собой сюжетно, но отличаются стилистически; кроме того, нек-рые сведения, приводимые в разных сочинениях цикла, не совпадают.

Согласно «Обращению...» (ВНГ, N 452b), дева И. была родом из Антиохии; ее отца звали Едесий, а мать — Клидония. Услышав через окно проповедь диака Праилия, И. уверовала во Христа. Родители не хотели ее слушать, однако во сне им явился Христос в сонме ангельском и повелел прийти к Нему. И. вместе с родителями приняла крещение от епископа Оптата.

Аглаид, юноша из богатой и знатной семьи, влюбился в И. и предложил ей выйти за него замуж. Однако дева с негодованием отвергла предложение, сказав, что ее жених — Христос. Юноша попытался силой увести И., но она осенила его крестным знаменем, побила по щекам, толкнула на землю и порвала его одежды. Она т. о. выставила его на посмешище перед собравшимися. Разозлившись, юноша отправился к магу К., принес ему 2 таланта серебра и 2 таланта золота и попросил, чтобы тот приворожил деву. К. вызвал демона, и тот обещал помочь ему. Он дал магу зелье, к-рым нужно было окропить снаружи дом И., а сам ночью напал на деву, пытаясь завладеть ее помыслами. Однако после молитвы святой и крестного знамения бес бежал от нее и, пристыженный, явился к К. Тогда маг призвал более могущественного демона, но и с ним повторилось то же, что и с первым, — он бежал от И. в страхе. В 3-й раз К. вызвал самого

Сщмч. Киприан.
Роспись нартекса кафедрального собора
в честь Вознесения мон-ря Дечаны.
Ок. 1350 г.

дьявола. Тот явился к И., приняв облик девушки, вступил с ней в беседу и стал рассказывать о преимуществах жизни в браке. Но И. быстро поняла, кто перед ней, и прогнала дьявола молитвой и крестным знаменем. Посрамленный дьявол не хотел говорить К., чего же именно он испугался. Он взял с мага клятву, что тот не отступится от него, узнав ответ, и тогда открыл ему правду о том, что Христос непобедим, что И. прогнала его силой крестного знамения и что все демоны боятся Бога. Тогда К., несмотря на данную клятву, прогнал дьявола крестным знаменем и уверовал во Христа.

Собрав свои книги, он пришел к еп. Анфиму, пал ему в ноги и молил о крещении. Тот взял книги, сжег их и отпустил К., благословив. На следующий день К. пришел на литургию, и, когда диак. Астерий велел ему выйти, как оглашенному, К. отказался это сделать. Епископ в тот же день крестил его; на 8-й день К. стал чтецом и проповедником. Через год он был уже пресвитером и помощником епископа, а перед смертью еп. Анфим назначил его своим преемником. К. обратил в христианство мн. язычников; дева И. он сделал диакониссой и игуменьей одного из мон-рей Антиохии. В др. редакции сочинения (ВНГ, N 452) говорится, что К. на 8-й день стал чтецом и проповедником, на 25-й — иподиаконом, на 50-й — диаконом, через год — пресвитером. Он обладал даром изгнания бесов и исцеления, а также много проповедовал и крестил мн. язычников.

«Исповедь Киприана» (ВНГ, N 453; ActaSS. Sept. Т. 7. P. 222–241) напи-

сана от его лица. В ней подробно рассказано об обучении К. магии и о его служении в храмах языческих божеств. Согласно этому тексту, К. был родом из Афин, где еще с 7 лет был посвящен в служители Митры (в лат. версии — Аполлона), а затем Деметры и Афины (в Парфеноне на Акрополе). Он провел 40 дней на горе Олимп, участвуя в языческих таинствах. В 15 лет К. стал учеником 7 жрецов, потом посетил все святилища Греции. В 20 лет он отправился в Египет, в Мемфис, а в 30 — к халдеям. К. постиг вершины магии, мог общаться с дьяволом и считал себя его учеником. К. поселился в Антиохии, где стал известнейшим магом и философом, к которому прибегали за помощью мн. горожане.

Далее в тексте приводится история о юноше Аглаиде и об И., во многом совпадающая с той, что изложена в «Обращении Киприана», но есть и нек-рые расхождения между этими текстами. Не только Аглаид, но и К. испытывал влечение к И.; используя магию, К. пытался создать для Аглаиды девушку, похожую на И., но ему это не удалось; затем сам дьявол пришел к Аглаиду в обличье И., но от одного ее имени, произнесенного юношей, он бежал в страхе. К. применял множество др. магических способов для того, чтобы добиться расположения И. или хотя бы проникнуть к ней в дом: напр., он превратился в петуха, а Аглаида обратил в воробья. Когда и в этот раз К. не добился желаемого, дьявол наслал на семью И., а затем и на весь город болезни и голод, распространив при этом предсказание, что все несчастья закончатся, как только И. выйдет замуж за Аглаиду. Тогда все жители города пришли к дому И. и стали просить ее согласиться на брак. Но по молитве девушки жители исцелились и голод прекратился. Тогда К. наконец осознал всю бесплодность своих стараний, понял, какова сила Божия, и отрекся от дьявола. Тот не хотел оставлять К., пытался его запугать, а потом стал душить, но К. смог прогнать его крестным знаменем. Затем он пошел на площадь и со слезами исповедал свои грехи перед всем народом. Некто Евсевий стал утешать К., сказав ему, что Бог прощает грехи тем, кто искренне в них сокрушается, и велел отправиться к епископу города. К. прилюдно сжег свои языческие книги, а затем пришел к епископу, к-рый удостоил его

крещения. Услышав об этом, И. обрадовалась и вскоре постриглась в монахини; Аглаид также обратился ко Христу.

«Мученичество Киприана и Иустины» (ВНГ, N 454–456d) завершает цикл агиографических сочинений об этих святых. В нем сообщается, что в период гонений на христиан при имп. Диоклетиане (284–305) комиту Евтолмию донесли на К. и И., т. к. они проповедовали христианство и обратили в истинную веру мн. язычников. Комит, разгневавшись, велел доставить их в Дамаск. Представ перед Евтолмием, К. рассказал ему историю своего обращения в христианство и призвал правителя уверовать во Христа. Евтолмий приказал подвесить К. на дереве и строгать его тело, а И. повелел бить бычьими жилами. Святые молились и не испытывали страданий. Затем К. бросили в темницу, И. отправили в «дом Тератины». Когда она вошла туда, помещение наполнилось светом. Через неск. дней К. и И. вновь предстали перед правителем. Их бросили в котел с кипящей смолой и воском, но это не причинило вреда святым. Помощник комита Афанасий решил показать силу языческих божеств: призвав на помощь Геракла и Асклепия, он вступил в котел и тут же погиб в кипящей смоле. Тогда комит понял, что сила Христа неодолима. По совету своего родственника Теренция он написал донесение имп. Диоклетиану и отправил мучеников к нему. Император поразился прочитанному и велел усечь мучеников мечом. Они были казнены близ Никомидии, на берегу р. Галл. Тела мучеников бросили на съедение псам, их нашли благочестивые моряки (по др. версии — горшечники) из Рима и с почестями привезли в Рим. Там мощи встретила матрона Руфина (или 2 женщины — Руфина и Матрона). Она положила тела К. и И. в часовне (это место названо «Клаифор», возможно речь идет о форуме Клавдия) в центре Рима. Все, кто приходили поклониться святым, получали исцеление от недугов.

В рукописях упоминается также христианин Феоктист, к-рый проходил мимо во время казни мучеников. Он бросился к ним, обнял К. и также принял мученическую смерть.

Развитие агиографической традиции и ее проблематика. Время создания этих произведений неизвестно. В первоначальном виде легенда о К. и об И. могла существовать уже

Сщмч. Киприан.
Роспись ц. Панагии Аракос в Лагудере,
Кипр. До 1192 г.

в IV в., однако дошедшая до наст. времени трилогия более поздняя. Исследователи отмечают тесную связь «Обращения...» и «Мученичества...», а «Исповедь...» считается отдельным сочинением. Подтверждением служит то, что в источниках «Обращение...» и «Мученичество...» часто приводятся вместе, иногда как единое произведение, «Исповедь...» сохранилась в меньшем числе рукописей без первых двух текстов. «Обращение...», вероятно, лежало в основе всех остальных произведений цикла, т. к. оно содержит больше всего исторических фактов, 2 др. сочинения носят скорее легендарный характер. Все 3 текста были созданы разными авторами и в разное время (*Delehayе. 1921. P. 321–322*). Возможная датировка и хронологическая последовательность источников выглядят следующим образом: «Обращение...» появилось ок. 350 г., затем — «Исповедь...», а «Мученичество...» скорее всего было создано после 379 г. (*SC. N 284. P. 22*).

Самое раннее точно датированное упоминание о К. сохранилось в похвальной речи свт. Григория Богослова, произнесенной в 379 г. (*Greg. Nazianz. Or. 24*). Речь посвящена одноименному святому — сщмч. Киприану Карфагенскому, но в рассказе о его жизни появляются сведения, относящиеся к К. Он был филосо-

фом и магом, полюбил некую деву-христианку и пытался добиться ее расположения с помощью колдовства; после неудач обратился в христианство и благодаря искреннему раскаянию и добродетельной жизни был рукоположен во диакона, затем во пресвитера и стал епископом после кончины предшественника. При этом место действия — Карфаген, время жизни — при имп. Деции (249–251) и др. факты относятся к сщмч. Киприану Карфагенскому. На основе этого сочинения высказывались разные мнения о личности и культе К. Так, И. Делеэ предположил, что К. — вымышленный персонаж, возникший в результате смешения с Киприаном Карфагенским (*Delehayе. 1921. P. 322–323*). Такие выводы основаны на том, что епископ Антиохии с именем Киприан, равно как и епископы Оптат и Анфим, упоминаемые в «Обращении...», не встречаются в известных списках архиереев (*Fedalto. Hierarchia*). Почитание К. не зафиксировано ни в зап., ни в вост. ранних календарях. Др. исследователи объясняли отсутствие К. в списках епископов тем, что он мог быть епископом Антиохии Писидийской (*ActaSS. Sept. T. 7. P. 198*) или же Антиохии Финикийской (это мнение поддерживает архиеп. Сергей (Спаский)). Высказывалось также предположение, что свт. Григорий мог случайно или намеренно объединить двух Киприанов, в частности из соображений церковной политики (*Coman. 1961. P. 371*). По другой версии, он мог пользоваться неким несохранившимся произведением, где уже были объединены истории этих 2 святых. Подтверждением этой гипотезы может служить то, что на рубеже IV и V вв. лат. поэт Пруденций посвятил сщмч. Киприану один из гимнов сб. «О венцах мучеников» (*Prudent. Perist. XIII 21–34*), где также объединены Жития К. и свт. Киприана Карфагенского. Сочинение похожей структуры сохранилось и в арм. версии V в. (*Conybeare. 1922. S. 270*).

В V в. имп. Евдокия посвятила К. похвальную песнь (*Eudocia Augusta. Carmen de S. Cypriano // PG. 85. Col. 831–864*). По общему содержанию это сочинение соответствует основному циклу агиографических произведений. К. назван епископом Антиохии, время кончины К. и И. — период правления имп. Диоклетиана.

Житие К. и И., составленное Симеоном Метафрастом (*Symeon Metaphrastes. Vita et Martyrium sanctorum Sypriani et Iustinae* // PG. 115. Col. 848–881), представляет собой соединение «Обращения...» и «Мученичества...». Здесь вновь прослеживается смешение с личностью сщмч. Киприана Карфагенского (говорится, что К. был родом из Карфагена и жил при имп. Деции), а также содержатся сведения, не встречавшиеся в основных Актах (И. называется Иустой, а имя Иустина дает ей К.; император, приговоривший святых к смертной казни, — Клавдий).

Слияние житийных традиций К. и сщмч. Киприана Карфагенского отражено и в более поздних источниках. Так, в Минологии Василия II и в Синаксаре К-польской ц. мученичество К. и И. относится ко времени правления имп. Деция. В «Синаксаристе» прп. Никодима Святогорца сообщается, что К. был родом из Карфагена и пострадал при имп. Деции. Эта традиция совмещения фактов из жизни одноименных святых сохранилась и до наст. времени, напр. в сочинении митр. Софрония (*Εὐστρατιάδης*) (*Ἀγιολόγιον*. Σ. 260–261).

В агиографическое досье К. и И. входят переводы греч. Актов на вост. языки: «Обращение Киприана» — на сирийский и арабский (ВНО, N 228–230), фрагменты «Исповеди Киприана» и «Мученичества Киприана, Иустины и Феокисты» — на коптский (ВНО, N 231, 232) (здесь имя христианина Феокиста приведено в жен. варианте).

Остается открытым вопрос о родине К. По свидетельствам синаксарей и минологов, он был родом из Антиохии, но основные источники (Акты) не упоминают происхождения К. В «Мученичестве...» рим. моряки, забравшие останки К. и И., названы соотечественниками святого, что может указывать на Рим как на его родину. Однако в некоторых редакциях сочинения сказано, что эти моряки были из одного города не с К., а с Феокистом.

Достоверно атрибутируемых К. произведений не сохранилось. Известны т. н. молитвы К. (ВНГ, N 460–461с). Это пространные молитвы для избавления от злых духов и воздействия нечистой силы. Три из 5 изданы разными исследователями, 2 остаются неопубликованными. Вероятно, они позднего происхождения,

не встречаются в рукописях ранее XV в. Их авторство может приписываться К., т. к. традиционно считалось, что он имел дар повелевать духами и снимать заговоры. Автор этих молитв, христ. поэт V в., называется также *Киприаном*. Известны аналоги (а не точные переводы) этих молитв в слав. Требниках (см.: *Алмазов*. 1900. С. 90–93).

Мощи. Согласно «Мученичеству...», мощи К. и И. вскоре после гибели святых были привезены в Рим моряками, и там матрона Руфина построила в их честь храм у форума Клавдия. Некоторые исследователи считают эти сведения достоверными (*Franchi de' Cavalieri*. 1935; *Livrea*. 1998), но данные о почитании мощей К. и И. в Риме ранее XII в. отсутствуют. В эпитафии нотариуса Евгения и его родственников 577–578 гг., обнаруженной в Ватиканской базилике, упоминается ц. св. Киприана на Лабиканской дороге (лат. *iuxta sanctum Syprianum uia Labicana* — СІЛ. Т. 6. N 8401), однако этот храм скорее носил имя Киприана Карфагенского (ActaSS. Sept. Т. 7. P. 247).

В «Книге о Латеранской церкви» в редакции Иоанна Диякона (2-я пол. XII в.) сообщается о 2 алтарях в нартексе Латеранского баптистерия, освященных папой Римским *Анастасием IV* (1153–1154). При сооружении алтаря во имя святых Руфины и Секунды были обнаружены мощи не только этих мучениц, но и К. и И. Обретенные мощи К. и И. были помещены в алтарь, освященный в

почивали в базилике святых Руфины и Секунды на Корнелиевой дороге (с названием храма связано имя матроны Руфины, зафиксированное в агиографической легенде). К XII в. пригородная базилика начала разрушаться, хранившиеся там святые были перенесены в Латеран и по указанию папы Анастасия IV помещены в соответствующие алтари (ActaSS. Sept. Т. 7. P. 247–249). В наст. время мощи К. и И. хранятся внутри барочного алтаря, освященного в 1727 г. Кроме Латеранской базилики почитание К. и И. в средние века засвидетельствовано в др. рим. храмах, в т. ч. в базилике Санта-Мария-Маджоре (см.: *Saxer V. Sainte-Marie-Majeure: Une basilique de Rome dans l'histoire de la ville et de son église* (V^e–XIIIe siècle). R., 2001. P. 299–334).

В К-поле существовал мартырий К. и И. в квартале Соломонос (*ἐν τοῖς Σολομώνος*), где могли храниться мощи святых (SynCP. Col. 100). Рус. паломники Стефан Новгородец (в 1348–1349) и диак. Зосима (в 1419–1422) поклонялись мощам К., находившимся в посвященном ему мон-ре в вост. части К-поля (*Majeska G. P. Russian Travelers to Constantinople in the 14th and 15th Cent.* Wash., 1984. P. 45, 183, 382). Вероятно, к XIV в. эти мощи были перенесены на новое место из старого мартырия (см.: *Janin. Églises et monastères*. P. 290–291).

В «Хронике» Леонтия Махераса (сер. XV в.) сообщается, что главы К. и И. хранятся на Кипре, в дер. Менико, куда они были принесены из Антиохии; там же находится источник с целебной водой (*Leont. Makhair. Chronicle*. § 39). Частицы глав и др. части мощей до сих пор сохраняются в дер. Менико в храме во имя К. и являются одними из самых почитаемых святых на Кипре. В иконостасе этого храма есть чудотворная икона К. XVII в. В 2005 г. частицы мощей привозились на поклонение в Москву, в Зачатиевский мон-рь.

Частицы мощей К. и И. хранятся и на Афоне, в мон-рях Иверском и Ксенофонт, а также в Каламате. Патрах и др. городах Греции (*Meinardus*. 1970).

Дни памяти. В вост. традиции память К. и И. отмечается 2 окт. Эта дата названа днем кончины святых в греч. версии «Мученичества...». Под этим числом их память приведена в Патмосском списке Типикона Великой ц. (IX–X вв.) (*Дмитри-*

Серебряный мощевик с частицами честных глав сщмч. Киприана и мч. Иустины. 1805 г. (ц. сщмч. Киприана в Менико, Кипр)

день их памяти, т. е. 26 сент. (*Ioannes Diaconus. Liber de ecclesia Lateranensi*. 11 // PL. 78. Col. 1388). По мнению болландистов, мощи 4 названных мучеников первоначально

евский. Описание. Т. 1. С. 11), в Синаксаре К-польской ц. (кон. X в.) (SynCP. Col. 97–100), в списке Типикона Великой ц. из мон-ря Честного Креста в Иерусалиме (XI в., архетип X в.) (*Mateos*. Turicon. Т. 1. P. 58). В этот же день память святых празднуется в греч. Церквях и РПЦ.

В Коптской Церкви память К. и И. отмечается в 21-й день месяца тута (18 сент.). В копто-араб. Синаксаре (XIII–XIV вв.) под этим числом помещена краткая заметка о них, в которой К. отождествлен со сщмч. Киприаном Карфагенским (SynAlex. Vol. 1. P. 285–287; SynAlex (Forget). Vol. 1. P. 33–34). В средневек. арм. Синаксаре Тер-Израэла память К. и И. и их краткое Мученичество содержатся под 23-м числом месяца хори (2 окт.; *Le Synaxaire arménien de Ter Israël* / Ed. G. Vayan. P., 1911. Vol. 2: Mois de Nori. P. 319–322. (PO; Т. 6. Fasc. 2)); днем литургического почитания К. и И. в Армянской Церкви является 2-й понедельник после переходящего праздника Преображения Господня.

Т. А. Артюхова, А. А. Королёв

Почитание в Грузии. В переводе на груз. язык сохранилось 3 версии Жития К. и И.: кименная (оригинальная), метафрастическая (расширенная) и синаксарная. Кименная редакция дошла неполностью. Считается, что уже к V в. кименное Житие было переведено на груз. язык. Л. Каджая, изучавшая палимпсест Vindob. georg. 2, содержащий в нижнем слое ханметный текст V–VI вв. Мученичества св. Христины, выявила, что перед этим произведением в рукописи было помещено Мученичество К. и И. Оба текста были написаны одной рукой и являлись частями агиографического сборника (*Каджая*. 1981. С. 41–44; *The Old Georgian Palimpsest*. 2007). Большой отрывок Жития К. и И. содержится в рукописи *Иверского мон-ря* на Афоне (Ath. Iver. georg. 8. Fol. 312v – 321v, X в.), днем памяти К. и И. здесь названо 21 янв. В рукописи XI в. (НЦРГ. А 95. Л. 363–385 об.) днем памяти святых указано 12 янв. Метафрастическое Житие сохранилось в 3 рукописях (НЦРГ. S 384. Л. 222–295, XI–XII вв.; Кут. 659. Л. 1, XV–XVI вв.; Кут. 4. Л. 354 об.–366, 1565 г.), во всех днем памяти К. и И. отмечено 2 окт. Синаксарная редакция Жития была переведена на груз. язык прп. *Георгием Святогорцем* (Мтацминдели) в XI в. и вклю-

чена им в Великий Синаксарь, сохранившийся в рукописях того же времени (НЦРГ. А 97, А 193, Н 2211; Hieros. Patr. georg. 24–25; Sinit. Iber. 4; Ath. Iver. georg. 30).

В 6-ке Иерусалимской Патриархии находится груз. перевод службы К. и И. (Hieros. Patr. georg. 124. XI–XII вв. Fol. 124v), выполненный в XI в. прп. Георгием Святогорцем. Служба помещена под 2 окт., содержит 7 стихир на «Господи, воззвах», прокимен и канон с ирмосами 4-го гласа «Моря чермную пучину».

В наст. время память К. и И. в Грузинской Православной Церкви отмечается только 2 окт.

Н. Т.-М.

Почитание у южных славян и на Руси. На слав. язык был переведен ряд житийных текстов, посвященных К. и И. Пространное Житие К. и И. (нач.: «Пророческим словесем

риодически встречается в слав. Требниках и сборниках апокрифических

*Сщмч. Киприан.
Мученическая кончина
сщмч. Киприана
и мц. Иустины.*

*Роспись кафоликона в честь
Вознесения мон-ря Дечаны.
Ок. 1350 г.*

сбывающимся и словесем Господа нашего Иисуса Христа о сеянной пшенице...») и Житие И. (нач.: «Явлению бывшу с небесе на землю Спаса нашего Иисуса Христа...») были переведены на слав. язык не позднее XII в., содержатся в древнейшем (иосифо-волоколамском) комплекте древнерус. Миней-Четьих (посл. четв. XV в.) (РГБ. Ф. 113. № 59) и во всех позднейших, включая ВМЧ, в составе к-рых они изданы. Южнослав. (сербские) списки обоих текстов, включенные в Торжественники минейные, известны с XIV в. (*Иванова*. Bibliotheca... С. 234–235). Древним переводом является также Сказание о К. и И. (нач.: «Бе едина дева именем Устина, Едесиа отца, матери Клидония...»), не засвидетельствованное в южнославянской традиции. Старший русский список читается в пергаменном новгородском Сильвестровском сборнике 2-й пол. XIV в. (РГАДА. Ф. 381. № 53); текст пуб-

ликован также в составе ВМЧ. Краткое Житие переведено не позднее XII в. в составе Синаксаря, положенного в основу Пролога нестишной редакции, старший список в древнерус. рукописи РНБ. Соф. 1324 (кон. XII – нач. XIII в.). В составе стихного Пролога вариант краткого Жития трижды переводился на слав. язык в 1-й пол. XIV в. в Болгарии и Сербии либо на Афоне, в т. ч. при Минеях служебных. «Покаяние...» К. может помещаться в рукописях вместе с пространном Житием К. и И. либо со сказанием о них (напр., в Сильвестровском сборнике, серб. Сборнике 1-й четв. XV в.: Афон, Русский Пантелеимонов мон-рь, Слав. 22, ВМЧ, и др.), а также иметь собственную рукописную традицию, напр. в составе Требников (старший список – ГИМ. Чуд. 5, нач. XIV в.). Молитва с именем К. в заглавии пе-

молив не позднее нач. XVI в., текст ее, как и в греч. традиции, неустойчив (*Алмазов*. 1900. С. 92–93), рукописная традиция изучена недостаточно. В 1646 г. один из ее вариантов был опубликован в Киеве в Требнике митр. Петра (Могила), в составе «Восследования молебного о избавлении от духов нечистых».

Служба К. и И. переведена на слав. язык не позднее 60-х гг. XI в. Древнейший (дефектный) восточнослав. список с фитной нотацией находится в составе новгородского комплекта Миней служебных 90-х гг. XI в. (РГАДА. Ф. 381. № 89, 1096 г.). Старший полный – в составе новгородского же комплекта 1-й пол. XII в. – ГИМ. Син. 160. Старшие южнославянские – в основной части (1234–1243) серб. Миней Братка (НБС. Рс 647) и в несколько более поздней (сер.– 3-й четв. XIII в.) серб. Минее на сент.–нояб. № 53 (Там же. I.e.7) 6-ки Зографского мон-ря на Афоне. В кон. XIII (?) – 1-й пол. XIV в. в Болгарии или на Афоне был осуществлен новый перевод

службы К. и И. в составе Миней служебных по Иерусалимскому уставу, получивших с течением времени повсеместное распространение. Бытование службы К. и И. в слав. Минях праздничных не исследовано. Память К. и И. регулярно встречается в месяцесловах слав. Евангелий и Апостолов начиная с древнейшего времени (Лосева О. В. Русские месяцесловы XI–XIV вв. М., 2001. С. 168).

Посвящения храмов (и даже приделов) К. и И. чрезвычайно редки. Так, в их честь освящен один из престолов московского храма Василия Блаженного на Красной пл. (ПСРЛ. Т. 13. Ч. 2. С. 320), что связано с общей системой выбора посвящений, приуроченных к памятным датам осады Казани русским войском в 1552 г., — на 2 окт. пришлось подрыв подкопа под городскими стенами и боевые действия в городе (Там же. Ч. 1. С. 215–218). Частица мощей К. включена в панагию-мошевик Ивана Грозного, 2 другие частицы упоминаются в описи Благовещенского собора Московского Кремля 1680–1681 гг. (Христ. реликвии в Московском Кремле / Ред.-сост.: А. М. Лидов. М., 2000. С. 30, 114).

Заметного присутствия имен К. и И. в слав. фольклоре не наблюдается. Включение молитвы К. в рус. сборники заговоров носит окказиональный характер и датируется достаточно поздно — не ранее рубежа XVIII и XIX вв.

В 1586 г. Антиохийский патриарх Иоаким V Дау привез царю Феодору Иоанновичу частицы мощей К. и И. (Муравьев А. Н. Сношения России с Востоком по делам церковным. СПб., 1858. Ч. 1. С. 173). В XVII в. частицы мощей К. (и иногда И.) также неоднократно привозились в Москву с правосл. Востока: в 1625 г. — из мон-ря Ватопед (К. и И.), в 1631 г. — от К-польского патриарха Кирилла I Лукариса (только К.), в 1645 г. — от Александрийского патриарха Иоанникия (только К.) (Он же. Сношения России с Востоком. 1860. Ч. 2. С. 28, 140, 350).

А. А. Турилов

Почитание на Западе. В основе лат. традиции почитания К. и И., так же как и в греческой, лежит 3 агнографических произведения: «Обращение Иустины и Киприана» (Conversio Iustinae et Cypriani — BHL, N 2047, изд.: *Mombritius*. 1910. P. 70–73; *ActaSS*. Sept. T. 7. P. 217–221; BHL, N 2048, изд.: *ActaSS*. Cypriani et Jus-

Сщмч. Киприан.
Икона. 1613 г. Иконописец Давид
(ц. сщмч. Киприана в Менико, Кипр)

tae martyrum. 1717. Col. 1621–1628), «Покаяние, или Исповедь Киприана» (Paenitentia seu confessio Cypriani — BHL, 2049; изд.: *ActaSS*. Cypriani et Iustinae martyrum. 1717. Col. 1629–1646) и «Мученичество Киприана и Иустины» (BHL, N 2050, изд.: *Mombritius*. 1910. P. 73–75; BHL, N 2051, изд.: *Thesaurus novus anecdotorum*. 1717. Col. 1645–1650). В некоторых рукописях представлены все 3 произведения (напр., в пассионарии IX–X вв. из Санкт-Галлена (St. Gallen. Stiftsbibl. 577. P. 664–711) и в легендарии XII в. из аббатства Редон (Vat. lat. 9668. Fol. 91v — 112v)), в других — лишь одно из сочинений. Чаще всего «Обращение...» соединялось с «Мученичеством...» (напр., в сборнике Житий святых XV в. — Melk. Stiftsbibl. 16 (M. 7). Fol. 118r — 123v («Обращение...»), 123v — 127r («Мученичество...»)).

По большей части по содержанию лат. версии этих произведений совпадают с греческими, однако там встречаются и некоторые отличия. Так, в одной из версий «Обращения...» (BHL, N 2047) диакон, проповедывший И. христ. веру, назван Предием, а юноша, добывавшийся И., — Акладием. Сообщается, что отец И. после крещения был рукоположен во пресвитера и скончался через полтора года. К. стал епископом спустя 16 лет после крещения. В BHL, N 2048 приведены подробности, которые в греч. версии встречались только в «Покаянии Киприана», а не в «Обращении...». Злой дух по указанию К. возвещает жителям Антиохии, что только брак

И. может спасти город от гнева богов и от моровой язвы. У дома И. собралась толпа, требовавшая немедленно выдать И. замуж, люди то слезно умоляли отца И., то угрожали смертью его семье. Отец И. намеревался бежать из города, но по наущению дьявола его дом взяли под охрану. Тогда Аглаид, питавший надежду на брак с И., был поражен божественной карой. По молитве св. девы все больные выздоровели и опасность эпидемии была предотвращена. В «Мученичестве...» упоминается имп. Клавдий (вероятно, подразумевается Клавдий II (268–270)), а не имп. Диоклетиан, как в греч. версиях. Юноша, пострадавший вместе с К. и И., назван здесь Феогнитом.

Самое раннее свидетельство существования лат. версии цикла произведений о К. и об И. относится к рубежу V и VI вв. В т. н. Декрете Геласия утверждается, что Римская Церковь отвергает нек-рые агнографические сочинения (напр., Мученичества св. вмч. Георгия, мч. Кирика и мц. Иулитты), т. к. они исполнены неправдоподобных вымыслов и, по-видимому, составлены еретиками. Среди таких произведений названа «книга, именуемая «Покаяние святого Киприана», — апокриф» (Liber qui appellatur Paenitentia sancti Cypriani — apocryphus) (Das Decretum Gelasianum de libris recipiendis et non recipiendis in kritischem Text / Hrsg. E. von Dobschütz. Lpz., 1912. S. 9, 12, 40–42, 54, 306. (TU; 38/4)).

В кон. VII в. агнографическое предание о К. и об И. было известно св. Альдхельму Малмсберийскому, к-рый включил его краткий пересказ в соч. «О девстве» (*Aldhelm. De virginitate*. 1919). Согласно Альдхельму, при имп. Диоклетиане в Антиохии жила дева И., к-рую тщетно пытался соблазнить с помощью волшебства К., «самый выдающийся из магов после Зороастра и Симона». Осознав тщетность своих усилий, К. уверовал во Христа и стал усердным проповедником истинной веры. Во время гонений на христиан К. и И. были схвачены, подвергнуты пыткам и казнены по приговору имп. Клавдия. В распоряжении Альдхельма несомненно находились «Обращение...» и «Мученичество...», тогда как «Покаяние...» не было им использовано. Впосл. *Флодоард Реймский* включил подробный пересказ всех 3 произведений цикла

в поэму «Победы, одержанные Христом в Антиохии» (*Flodoardi Remensis De triumphis Christi Antiochiaegestis*. I 15 // PL. 135. Col. 567–572).

Краткое сообщение о К. и об И. было помещено в Мартирологе Беды под 26 сент. Гибель мучеников датирована правлением имп. Диоклетиана, места, где они жили и пострадали, не названы. По мнению А. Кантена, в распоряжении Беды находилась одна из версий «Мученичества...» (*Quentin*. 1908. P. 71). Из Мартиролога Беды память К. и И. заимствовали франк. «исторические» мартирологи IX в., в т. ч. Малый Римский Мартиролог (здесь упом., что мученики пострадали в Антиохии, их мощи были перенесены в Рим) и Мартирологи Рабана Мавра (PL. 110. Col. 1171), Вандальберта Прюмского (MGH. Poet. T. 2. P. 595), Узуарда. Адон Виеннский включил в составленный им Мартиролог пространное сказание о мучениках (*ActaSS. Sept. T. 7. P. 196–197*), основанное, по мнению Кантена, на «Обращении...» (версия BHL, N 2047) и на «Мученичестве...» (BHL, N 2051). Др. версия «Обращения...» (BHL, N 2048) стала источником сказания о К. и об И. в Древнеанглийском Мартирологе (IX в.). В Ирландии память К. и И. известна с XII в. (*Féilire Húi Gormáin = The Martyrology of Gorman / Ed. W. Stokes. L., 1895. P. 184–185*), т. к. более ранние ирландские календари были основаны преимущественно на Иеронимовом Мартирологе, где память мучеников отсутствует.

Т. о., с кон. VII в. предание о К. и об И. было известно в англосакс. Британии, а в IX в. получило широкое распространение на Западе благодаря сказаниям в мартирологах. Поминование К. и И. 26 сент. внесено в нек-рые церковные календари эпохи Каролингов (иногда указывалась только память И., а под 25 сент. — вигилия праздника; см.: *Der karolingische Reichskalender und seine Überlieferung bis ins 12. Jh. / Hrsg. A. Borst. Hannover, 2001. Tl. 1. S. 1324, 1327–1328*). К XI в. относятся самые ранние свидетельства литургического почитания мучеников в Риме, поминование К. и И. указано в коллектарии рим. аббатства св. Анастасия (сер. XI в.), где приведены 2 молитвы мученикам (*Journel*. 1977. P. 45–46, 61, 140, 292). Однако это единичное свидетельство, и наличие памяти мучеников в 2 мар-

тирологах, использовавшихся в Ватиканской базилике (вероятно, XI в. — *Ibid.* P. 24) и в мон-ре св. Кириака (2-я четв. XI в. — *Ibid.* P. 49), не столь показательны. В XII в. поминование К. и И. было включено в нек-рые рим. литургические книги, преимущественно связанные с Латеранской базиликой (напр., в пассионарий XII в. из ц. св. Климента — *Ibid.* P. 47–48, 76, 152). С этого времени началось богослужебное почитание К. и И. в Риме, однако оно носило локальный характер.

Со 2-й пол. XI в. поминование «епископа и исповедника» К. 26 (или 25) сент. указывалось в календарях и мартирологах из Беневенто, Капуи и Неаполя (*Brown V. A New Beneventan Calendar from Naples: The Lost «Kalendarium Tutinianum» Rediscovered // Mediaeval Studies. Toronto, 1984. Vol. 46. P. 414–415, 434*). Примерно с этого же времени почитание К. и И. засвидетельствовано в Сев. Испании. «Мученичество...» включено в легендарий XI в. из монастыря Сан-Педро-де-Карденья (*Escorial. b. I. 4*). Вероятно, знакомство с этим текстом привело к включению памяти К. и И. под 18 сент. в нек-рые календари XI в. Согласно календарям в «*Liber ordinum*» из аббатства Силос (*Silos. Archivo del Monasterio. 4*) и в Леонском антифонарии (*León. Archivo de la Catedral. 8*), 18 сент. поминалась только И. или И. «с товарищами». Это позволяет предположить, что К. могли отождествлять со св. Киприаном Карфагенским, память которого отмечалась 14 сент. (*Vives J. Santoral visigodo en calendarios e inscripciones // Analecta Sacra Tarraconensis. 1941. N 14. P. 23; Díaz y Díaz M. C. El culto de San Cipriano en Hispania // Pensamiento medieval hispano: Homenaje a Horacio Santiago-Otero / Ed. J. M. Soto Rábanos. Madrid, 1997. T. 1. P. 31–32*).

Возможно, более широкое распространение праздника в честь К. и И. связано с обретением мощей мучеников в Риме (XII в.). Под римским влиянием поминование К. и И. было заимствовано в ряде диоцезов Сев. Франции, затем Англии и др. стран. Так, в Реймсе это произошло скорее всего в XII в., как показывают богослужебные тексты из реймского кафедрального собора. В литургических книгах, использовавшихся в Реймсе в IX в., поминование мучеников отсутствует, но оно имеет-

ся в более поздних источниках. В соборном мартирологе (XIII в.) под 26 сент. указана память К. и И., а в ординарии (XII в.) и в календаре (XIII в.) — только И. Комплекс литургических текстов для этого праздника не сложился, молитвы и песнопения заимствованы из проприев мученицам Агнессе, Агате и из общего проприя св. девам (*Sacramentaire et martyrologe de l'abbaye de Saint-Remi: Martyrologe, calendrier, ordinaires et prosaire de la métropole de Reims (VIIIe–XIIIe siècles) / Éd. U. Chevalier. P., 1900. P. 59, 86, 208, 227, 249, 257*). Данные богослужебных книг кафедрального собора в Лионе противоречивы: в мартирологе (вероятно, XII в.) указано празднование памяти К. и И. (*Martyrologe de la Sainte Église de Lyon / Éd. J. Condamin, J.-B. Vanel. Lyon; P., 1902. P. 89; см.: Quentin. 1908. P. 231*), но в самом раннем соборном ординарии поминование мучеников отсутствует (*Collomb P. Le premier ordinaire connu de la cathédrale Saint-Jean de Lyon (2e moitié du XIIe siècle) // Revue Mabillon. N. S. P., 1997. T. 8. P. 13–51*). Празднование памяти К. и И. указано в календаре Сарумского Миссала (*The Sarum Missal / Ed. J. W. Legg. Oxf., 1916. P. XXIX, 327*), оно значится в ряде позднесредневеков. календарей, преимущественно из Сев. Франции, в т. ч. Нормандии. Однако во многих литургических книгах 26 сент. указано поминование одного К., отождествленного с Киприаном Карфагенским. Под франц. влиянием праздник св. девы И. 28 сент. стал отмечаться в Неаполе, что зафиксировано в календаре XIV в. (в более ранних календарях беневентской традиции праздник отсутствует — см.: *Brown V. A New Beneventan Calendar from Naples: The Lost «Kalendarium Tutinianum» Rediscovered // Mediaeval Studies. Toronto, 1984. Vol. 46. P. 414–415, 434*).

Особое почитание К. и И. сложилось в Пьяченце, где И. считалась покровительницей города (*Canetti. 1993. P. 83–96*). Возможно, первоначально это было связано с культом мц. Иустины (пам. зап. 7 окт.), которая почиталась как покровительница г. Падуя и которую в посл. отождествили с И. Самые ранние свидетельства существования культа некой св. Иустины в Пьяченце относятся к эпохе Каролингов (см.: *ActaSS. Sept. T. 7. P. 250–251; Jensen. 2012. P. 13–14*). Изданная в 808 г.

грамота имп. Карла Великого адресована еп. Иулиану и клирикам соборной ц. святых Антонина и Иустины (*Giarelli F. Storia di Piacenza, dalle origini ai nostri giorni. Piacenza, 1889. Vol. 1. P. 67–68, 72; MGH. Dipl. Kar. T. 1. N 207*). В грамоте имп. Карла Толстого от 9 апр. 881 г. говорится о Павле, «епископе святой Церкви города Пьяченцы... в честь святых Антонина, Виктора и Иустины» (*Il Registrum magnum del comune di Piacenza / Ed. A. Corna e. a. Torino, 1921. Vol. 1. P. 3–6*). О том, что в IX в. кафедральный собор Пьяченцы был посвящен св. Иустине, упоминается и в др. грамотах IX в. (*Golinelli P. Giustina di Antiochia o Giustina di Padova? // Sancta martyre Justina. 2004. P. 51–59*). В источниках нач. XI в. сообщается о ц. девы и мц. Иустины, в которой почивали ее мощи. По-видимому, это был ораторий при епископском дворце (*ActaSS. Sept. T. 7. P. 251*).

В богослужебных книгах, которые использовались в Пьяченце, поминовение И. засвидетельствовано с XI в. В этот период кафедральный собор Пьяченцы стал именоваться в честь Девы Марии и И. О происхождении почитавшихся в соборе мощей мученицы сообщается в сказании о перенесении мощей К. и И., составленном в виде богослужебных чтений на 17 авг. (*BHL, N 2054; изд.: ActaSS. Sept. T. 7. P. 258–261*). Согласно этому источнику, мощи К. и И. были перенесены из Рима в Пьяченцу по указанию антипапы *Иоанна XVI* (Иоанна Филагата; 997–998), от них совершались исцеления. В более поздних источниках сообщается, что 17 авг. 1001 г. святыню принял еп. Сигифред (997–1031). По мнению биландистов, сказание было составлено намного позже описанных событий и не является достоверным источником (*ActaSS. Sept. T. 7. P. 249–256*), но многие исследователи склонны полагать, что оно было создано вскоре после перенесения мощей и изложенные в нем сведения верны. На это указывает в т. ч. изготовление в XI в. в Ломбардии небольшого реликвария (Милан, замок Сфорца), на панелях которого представлены сцены вручения ап. Петру ключей от Царства Небесного и мученичества К. и И. (см.: *Tasso F. Brescia, Piacenza, Lucca: Un contesto per la cassetta-reliquario dei santi Cipriano e Giustina del Castello Sforzesco di Milano // Arte*

Житие св.мч. Киприана и мц. Иустины
из Лекционария
(Piacenza. Bibl. Capit. 63. Fol. 126v)

medievale. N. S. R., 2008. Vol. 7. N 1. P. 125–136; *Somma*. 2011. P. 8–9). По более поздней традиции, засвидетельствованной в т. ч. *Иаковом из Варраце* и *Петром Наталисом*, в Пьяченце хранились мощи не только К. и И., но и пострадавшего с ними мч. Феоктиста. В наст. время мощи И. находятся в алтаре крипты кафедрального собора в Пьяченце.

Совершив паломничество в Палестину, еп. Альдон (до 1098 — ок. 1120) привез из К-поля Житие К. и И. на греч. языке, к-рое затем было переведено на латынь мон. Иоанном. Текст Жития был включен в состав чтений на день празднования памяти мучеников. В лекционариях 2-й пол. XII в. из 6-ки кафедрального собора в Пьяченце содержится цикл из 48 чтений для оффиция в день праздника и в дни октавы К. и И. (26 сент.— 3 окт.; изд. по ркп. Piacenza. Bibl. capit. 63; *Jensen*. 2012. P. 49–157). В чтениях содержится подробный пересказ «Обращения...», «Покаяния...» и «Мученичества...», после чего следует текст Жития, переведенный с греч. языка, в котором использованы «Обращение...» и «Мученичество...».

Повсеместное распространение богослужебного почитания К. и И. на Западе связано с реформой богослужебных книг после *Тридентского Собора* (1545–1563). День памяти мучеников (26 сент.) был включен в календарь Римского Бревиария (1568) и Римского Миссала (1570), использование которых стало обязательным в Римско-католической

Церкви. Тексты мессы в честь К. и И. в основном заимствовались из общего проприя мученикам, в чтениях на день их памяти содержалось сжатое изложение агиографического предания с упоминанием о мощах, к-рые почитались в Риме (*Missale Romanum ex decreto Sacrosancti Concilii Tridentini restitutum. Venetiis, 1574. P. 439; Breviarium Romanum ex decreto Sacrosancti Concilii Tridentini restitutum. Antverpiae, 1604. P. 964*). В Римский Мартиролог под 26 сент. включено краткое сказание о К. и об И. В нем сообщается, что мученики пострадали в Никомидии при имп. Диоклетиане и президе Евтолмии, их тела были перенесены в Рим и вполс. положены в Латеранском баптистерии (*Martyrologium Romanum ad novam calendarii rationem et ecclesiasticae historiae veritatem restitutum. R., 1583. P. 171*). В примечаниях ко 2-му изданию Мартиролога (1587) кард. Цезарь *Бароний* указал на поминовение К. и И. в греч. митологиях и на существование греч. версии «Мученичества...», к-рая, по его мнению, менее достоверна, чем латинская. Также кард. Ц. Бароний отметил случай смешения К. с Киприаном Карфагенским и обратил внимание на ложную датировку его кончины в правление имп. Клавдия. Согласно Баронию, верная датировка следует из упоминания о еп. Анфиме; его кардинал отождествил с *Анфимом*, еп. Никомидии, пострадавшим в нач. IV в. (*Martyrologium Romanum... accesserunt notationes auctore Caesaro Baronio Sorano. Venetiis, 1587. P. 437–438*).

Начиная с XII в. в средневековой лит-ре получил известность образ К.— бывшего чародея, ставшего образцовым пастырем и чудотворцем, а затем принявшего смерть за Христа. Самым ранним примером считается трактат *Гиральда Камбийского* «Церковная красота» (ок. 1190), в котором среди текстов о добродетельных святителях, обладавших властью над злыми духами, изложена легенда об обращении К. (*Giraldus Cambrensis. Gemma ecclesiastica. I 27 // Opera / Ed. J. S. Brewer. L., 1862. T. 2. P. 96–99*). В «Зерцале истории» *Винцентия из Бове* († ок. 1264) приведен пересказ «Обращения...» и «Мученичества...», за к-рым следует гл. «Из какого жалкого состояния обратился Киприан» с кратким изложением «Покаяния...» (*Vincentius Bellovacensis. Speculum histo-*

riale. XII 119–122 // *Speculum quadruplex, sive Speculum maius*. Douai, 1624. Graz, 1965. Т. 4. Р. 492–494). В сочинениях Гиральда и Винченция особое внимание уделено отношениям К. и дьявола, а также причинам и обстоятельствам обращения мученика ко Христу.

Подробное изложение «Обращения...» содержится в «Золотой легенде» Иакова из Варацце, в главе, посвященной И. (*Iacobus de Vora-gine. Legenda aurea sive legende sanctorum*. 138 // *Idem (Iacopo da Varazze). Legenda Aurea* / Ed. G. P. Maggioni. Firenze, 1998. Vol. 2. Р. 971–976). Версия Иакова, в к-рой основное внимание уделено искушениям И., договору К. с демоном и победе святых над ним, получила наибольшее распространение в зап. лит-ре. На ней основано краткое сказание в «Перечне святых» Петра Наталиса, где, однако, сообщается, что К. и И. пострадали в Дамаске и были казнены в Никомидии ок. 280 г., при имп. Клавдии. Преимущественно в этом тексте описаны пытки, которым палачи подвергали мучеников (*Petr. Natal. CatSS. VIII 121*). Легенда об отношениях К. со злыми духами использована в демонологическом трактате доминиканца Николая Жакье († 1472) «Бич еретических ведьм» (*Flagellum haeticorum fascinariorum auctore fratre Nicolao Iaquerio*. Francofurti, 1581. Р. 100–103). Со ссылкой на Винченция из Бове здесь пересказывается «Обращение...», подчеркивается возможность одолеть дьявола при помощи всемогущего Бога. В стихотворении англикан. священника и астролога Э. Аскема († 1559), основанном на «Покаянии Киприана», говорится о тщетности и бессмысленности греховного чародейства, к-рое следует отринуть, чтобы следовать Божиим заповедям (*Robinson F. C. «The Complaynt off Sanct Cipriane, the Grett Nigromancer»: A Poem by Anthony Ascham* // *The Review of English Studies*. N. S. Oxf., 1976. Vol. 27. N 107. Р. 257–265).

В XVI в. на Западе стал доступен новый агиографический текст — сказание о К. и об И. в составе Миналогия Симеона Метафраста, переведенного на латынь еп. Луиджи Липпомано (*Vitae sanctorum priscorum patrum* / Ed. A. Lipomanus. R., 1558. Т. 6. Fol. 303–308v). Липпомано указал на смешение у Метафраста сведений о К. и о Киприане Карфаген-

ском, справедливо отметив, что это смешение происходит из ранних источников. Он не нашел существенных отличий Жития, составленного Метафрастом, от сказания Адона Вьеннского, за исключением датировки гибели мучеников (при имп. Диоклетиане — у Адона, при Клавдии — у Метафраста). Как и в греч. оригинале, Житие К. и И. было помещено Липпомано под 2 окт., но картузианец Лаврентий Сурий, выбравший этот текст для составленного им сборника Житий святых, поместил его под 26 сент. в соответствии с днем памяти мучеников в зап. календарях (*De probatis Sanctorum historiis* / Ed. L. Surius. Coloniae Agrippinae, 1574. Т. 5. Р. 351–359).

Средневек. сказания о К. и об И. были положены испан. драматургом П. Кальдероном де ла Баркой в основу драмы «Маг-чудодей» («Волшебный маг» — *Calderón de la Barca P. El mágico prodigioso* (1637); рус. пер.: *Кальдерон де ла Барка П. Драммы* / Пер.: К. Бальмонт. М., 1989. Кн. 2. С. 262–402). Основным источником сюжета драмы послужило сказание о К. и об И. в «Соцветии святых» испан. иезуита Педро де Рибаденеиры (*Ribadeneira P., de. Flos Sanctorum, o Libro de las Vidas de los Santos*. Madrid, 1610. Pt. 1. Р. 662–664), составленное с учетом неск. более ранних текстов, а также, возможно, издание Сурия. Отступления Кальдерона от средневековой легенды заключаются не только во введении новых персонажей, но и в изменении сюжетной линии. В драме дьявол встречает юного философа К., который ищет истинную мудрость, и пытается помешать его стараниям, чтобы юноша не смог обрести веру в христианского Бога. Для этого дьявол обманом заставляет его выступить посредником между друзьями, влюбленными в юную христианку И. Посредничество К. приводит к тому, что он сам влюбляется в И. На 2-м плане разворачивается соперничество слуг К. за сердце Ливии, легкомысленной служанки И., которое грубой чувственностью оттеняет высокое чувство К. В отчаянии герой отдается слепой страсти и соглашается отдать душу дьяволу. Злой дух немедленно является К. и предлагает заключить договор, обещая обучить его тайнам черной магии. Пока К. осваивает волшебное искусство, дьявол искушает И. и терпит неудачу, но по городу распространя-

ются слухи о безнравственном поведении девушки. В конце концов К. с помощью заклинаний призывает любимую, но вместо нее появляется полуистлевший скелет. Потребовав от дьявола объяснений, юноша узнаёт, что И. находится под защитой всемогущего Бога, и разрывает договор. Тем временем власти заключают в тюрьму членов тайной церкви, И. оказывается среди схваченных христиан. Вернувшись в Антиохию после длительного отсутствия, К. предстает перед правителем Аврелием и исповедует Христа, благодаря Которому он обрел истинную любовь и подлинное знание. Мучеников уводят на казнь. Посрамленный дьявол по воле Бога открывает жителям города правду: несмотря на искушения и соблазны, И. осталась чистой и верной Христу, а договор, по которому К. отдал душу дьяволу, расторгнут кровью мученика. Основные темы «Мага-чудодоя» — борьба чувства с разумом, бессилие зла и путь человека к истине. Дьявол, к-рый пытается разрушить веру К. в силу разума и веру И. в Бога, терпит поражение. В ходе религиозной полемики, развернувшейся в XVII в., Кальдерон подчеркивает свободу воли человека, который, опираясь на разум, способен самостоятельно достичь спасения (диспуты о спасительной благодати и предопределении устраивались не только между католич. и протестантскими полемистами, но и среди католических богословов: напр., в Испании на рубеже XVI и XVII вв. — полемика Луиса де Молины, представлявшего иезуитов, и доминиканца Доминго Баньеса). Признавая всемогущество Провидения и не разделяя позицию Молины, Кальдерон тем не менее делал акцент на свободе воли, к-рая, опираясь на силу человеческого разума, способна противостоять судьбе (см., напр.: *Parker A. A. The Mind and Art of Calderón*. Camb.; N. Y., 1988. Р. 110–113).

Образ К.-чернокнижника присутствует и в других художественных произведениях, напр. в англ. трагикомедии «Две благородные дамы» (1622 — *Miller G. L. «The Two Noble Ladies»: An Ed. of an Anonymous Elisabethan Play*. Diss. Emporia (Kansas), 1968). Интерпретация легенды об обращении К. здесь выдержана в протестант. духе, подчеркивается значение Библии как Слова Божия,

источника знаний об истине. В повествование введен и молитвенник, к-рому придаются свойства талисмана, защищающего И. от злых духов (*Williamson E. The Materiality of Religion in Early Modern English Drama. Farnham, 2009. P. 151–153*). Предание о К.-чернокнижнике в числе др. средневеков. сказаний повлияло на формирование легенды о чародее Фаусте, ученом, к-рый отрекся от Бога и заключил договор с дьяволом, чтобы получить безграничные знания (драма К. Марло «Трагическая история доктора Фауста» (1-е изд.: 1604), трагедия И. В. Гёте «Фауст» (1806–1831) и др.). Наиболее существенным считается влияние драмы Кальдерона на трагедию Гёте (см.: *Palmer, More. 1965. P. 41–58; Brown J. K. Goethe's «Faust»: The German Tragedy. Ithaca (N. Y.), 1986. P. 19*).

Образ К. как могущественного чародея использовался не только в художественной лит-ре, но и в фольклоре. В некоторых регионах Европы ему приписывалось составление гримуаров (пособий по колдовству, сборников заклинаний). В сев. части Пиренейского п-ова, в Португалии, а впол. и в Бразилии имела хождение «Книга св. Киприана» (испан. *Libro de San Cipriano*; португ. *Livro de São Cipriano*). О ней упоминается в документах инквизиционных процессов XVI–XVII вв., однако, по-видимому, речь шла о разных колдовских книгах, составителем к-рых считался К. Сборники с таким названием создавались и в XVIII–XIX вв. В разных версиях «Книги св. Киприана» содержались молитвы исцеления и экзорцизма, заклинания, описания гаданий и обрядов белой и черной магии, наряду с текстами церковного происхождения присутствовали молитвы дьяволу. Считалось, что рукописи «Книги...» обладали колдовской силой, а их чтение было смертным грехом и закрывало перед человеком путь к спасению (*Barreiro B. Brujos y astólogos de la Inquisición de Galicia y el famoso Libro de San Cipriano. La Coruña, 1885. Madrid, 1973; Lafoz H. El Libro de San Cipriano en la Ribagorza, Sobrarbe y Somontano // I Congreso de Aragón de Etnología y Antropología. Zaragoza, 1981. P. 67–71*). В Дании и Норвегии был известен гримуар «Киприан» (*Curgianus*); как и в Испании, это название могло применяться к разным магическим

книгам. В них были собраны заговоры и заклинания, вместе с молитвами Богу и святым имелись формулы призывания нечистых духов и заключения договора с дьяволом (см. публикацию отдельных текстов по норвеж. рукописям XVII–XIX вв.: *Bang A. C. Norske Hexeformularer og Magiske Opskrifter. Kristiania, 1901. S. 582–607*). Предполагаемого составителя гримуаров Киприана могли отождествлять с К. или с Киприаном Карфагенским. Согласно др. представлениям, он был дат. или норвеж. чернокнижником, заключившим сделку с нечистым духом. По одной из версий, К. был настолько злобным человеком, что бесы не допустили его в преисподнюю. Вернувшись на землю, он написал 9 книг черной магии, к-рые были положены в основу всех колдовских сборников. Согласно позднейшей версии, бывавшей в нач. XX в. среди норвеж. переселенцев в Сев. Америке, гримуар был составлен монахиней из Мексики, к-рую в 1351 г. заточил в темницу развратный священник. Потеряв надежду на спасение, она записала кровью на обрывках одежды известные ей магические секреты (*Stokker. 2001. P. 406*).

В ходе литургической реформы, проведенной в соответствии с решениями *Ватиканского II Собора*, из общего календаря Римско-католической Церкви были исключены дни памяти тех святых, исторические данные о к-рых были признаны недостаточными или недостоверными (новый календарь утвержден *motu proprio* папы Римского *Павла VI* «*Mysterii paschalis*» от 14 февр. 1969). В числе проч. святых было прекращено общецерковное поминовение К. и И., их память отсутствует и в Римском Мартирологе (по изд. 2001). Тем не менее день памяти мучеников отмечается в тех храмах, покровителями к-рых они являются. В еп-стве Пьяченца–Боббио 26 сент. совершается торжественное празднование (*sollemnitas*) памяти И. — покровительницы диоцеза и кафедрального собора.

А. А. Королёв

Ист.: *BHG, N 452–461c; BHL, N 2047–2051a; BHO, N 228–232; ActaSS. Sept. T. 7. P. 195–262; Zahn Th. Cyprian von Antiochen und die deutsche Faustsage. Erlangen, 1882. S. 139–153* [греч. текст «Обращения Киприана»]; *Gibson M. D. Aposcyrpha arabica. L., 1901. P. 64–78* [греч. Акты]; *P. 68–81* [араб. Акты]. (*Studia Sinaitica; 8*); *Greg. Nazianz. Or. 24: In laudem S. Cypriani // PG. 35. Col. 1169–1193; idem.*

*Discours 24–26 / Ed. J. Mossay. P. 1981. (SC; 284); SynCP. Col. 97–100; Νικόδημος. Συνοξαριστής. T. 1. Σ. 263–266; Mombritius B. Sanctuarium, seu Vitae sanctorum. P., 1910. T. 2. P. 70–75; ActaSS. Cypriani et Justinae martyrum // Thesaurus novus anecdotorum / Ed. E. Martene, U. Durand. P., 1717. T. 3. Col. 1617–1650; *Aldhelm. De virginitate. 34 // Aldhelmi Opera / Ed. R. Ehwald. B., 1919. P. 295–296, 429–430. (MGH. AA; 15); Ado Viennensis. Martyrologium // PL. 123. Col. 365–367; MartUuard // PL. 124. Col. 507–508; Das altenglische Martyrologium / Hrsg. G. Kotzor. Münch., 1981. Bd. 2. S. 220–221, 357; MartRom. Comment. P. 416–417; *Bedjan. Acta. T. 3. P. 322–344* [сир. Акты]; *Lemm O., von. Sahidische Bruchstücke der Legende von Cyprian von Antiochien // ЗИАН. Сер. 8. 1900. Т. 4. № 6. С. 1–32* [ффарм. копт. Актов]; *The Old Georgian Palimpsest: Codex Vindobonensis Georgicus 2 / Ed. J. Gipert, Z. Sarjeladze, L. Kjaia. Turnhout, 2007. (Monumenta palaeographica Medii Aevi. Ser. Ibero-Caucasica; 1) [груз. Житие]; Griechische, koptische und arabische Texte zur Religion und religiösen Literatur in Ägyptens Spätzeit / Hrsg. F. Bilabel, A. Grohmann. Hdlb., 1934. S. 235–247* [изд. одной из молитв К.]; *Алмазов А. И. Врачевальные молитвы: К мат-лам и иссл. по истории рукописного рус. Требника. Од., 1900. С. 131–148* [изд. греч. и слав. текстов молитв].**

Лит.: *Сергий (Снацкий). Месяцеслов. Т. 2. С. 306; Т. 3. С. 407–408; Quentin H. Les martyrologues historiques du Moyen Âge. P., 1908. P. 48, 71, 441, 459, 485, 514; Sinko T. De Cypriano martyre a Gregorio Nazianzeno laudato // Rozprawy Akademii umiejętnosci. Ser. 3. Kraków, 1916. T. 8. S. 318–348; *Delehaye H. Cyprien d'Antioche et Cyprien de Carthage // AnBoll. 1921. Vol. 39. P. 314–333; Conybeare F. C. The Armenian Acts of Cyprian // ZNW. 1922. Bd. 21. S. 269–277; Rademacher L., Hrsg. Griechische Quellen zur Faustsage: Der Zauberer Cyprianus; Die Erzählung des Helladius; Theophilus. W.; Lpz., 1927. (SAWW. Philos.-hist. Kl.; 206/4); *Franchi de' Cavalieri P. Dove furono sepolti i SS. Cypriano, Giustina e Teoctisto? // Idem. Note agiografiche. Vat., 1935. Fasc. 8. P. 333–354. (ST; 65); Wardropper B. W. The Interplay of Wisdom and Saintliness in «El Mágico Prodigioso» // Hispanic Review. Phil., 1943. Vol. 11. P. 116–124; Nilsson M. P. Greek Mysteries in the Confession of St. Cyprian // HarvTR. 1947. Vol. 40. N 3. P. 167–176; *Coman J. Les deux Cyprien de Saint Grégoire de Nazianze // StPatr. 1961. Vol. 4. P. 363–372; Amore A. Cipriano, Giustina e Teoctisto // BiblSS. Vol. 3. Col. 1281–1285; Palmer P. M., More R. P. The Sources of the Faust Tradition: From Simon Magus to Lessing. N. Y., 1965; Meinardus O. F. A. A Study of the Relics of Saints of the Greek Orthodox Church // Oriens Chr. 1970. Bd. 54. S. 162–163, 205; Meerts C. Le «Mágico Prodigioso» de Caldeirón et la critique thomiste // Mélanges de la Casa de Velázquez. P., 1973. T. 9. P. 731–746; *Jouanel P. Le culte des saints dans les basiliques du Latran et du Vatican au XIIe siècle. L., 1977. P. 140, 152, 155, 203, 292–293; Каджая Л. Ханмэтный агиографический сб. // Мравалтави. 1981. Вып. 9. С. 41–49 (на груз. яз.); *Canetti L. Gloriosa civitas: Culto dei santi e società cittadina a Piacenza nel Medioevo. Bologna, 1993; Σαφρόνιος (Εὐστρατιάδης). Ἀγιολόγιον. Σ. 260–261; Livrea E. L'imperatrice Eudocia e Roma: Per una datazione del de S. Cypr. // BZ. 1998. Bd. 91. N 1. S. 70–91; Palomino E. The Religious******

Problem in Marlowe's «The Tragical History of Dr. Faustus» and Calderón's «El Mágico Prodigioso» // Actas del XXI Congreso Internacional de A. E. D. E. A. N / Ed. F. Toda Iglesia et al. Sevilla, 1999. P. 115–119; Ponzini D. Santa Giustina di Piacenza: Storia, tradizione, culto. Piacenza, 2001; Stokker K. Narratives of Magic and Healing: «Oldtidens Sortebog» in Norway and the New Land // Scandinavian Studies. Menasha, 2001. Vol. 73. N 3. P. 399–416; Delgado M. La melancolía erótica de Cipriano en «El Mágico prodigioso» // Bull. of Spanish Studies. Glasgow, 2004. Vol. 81. N 1. P. 37–48; Sancta martyre Justina, compatrona di Piacenza / Ed. G. Soldi Rondinini. Piacenza, 2004; *Табидзашили*. Переводные памятники. 2004. Т. 1. С. 251; 2011. Т. 5. С. 392–393; *он же*. Словарь ГПЦ. 2007. С. 459; Сщмч. Киприан в Менико / Пер.: М. Харитонова. [Эвриху], 2006; *Творогов О. В.* Переводные жития в рус. книжности XI–XV вв.: Кат. М.; СПб., 2008. С. 69, 71; *Bailey R.* The Confession of Cyprian of Antioch: Introd., Text and Transl.: Diss. Montreal, 2009; Русские заговоры из рукописных источников XVII – 1-й пол. XIX в. / Сост., подгот. текста, ст. и коммент.: А. Л. Топорков. М., 2010. С. 677–680, 748–751; *Musajo Somma I.* Una Chiesa dell'impero salica: Piacenza nel secolo XI // Reti Medievali Rivista. Florence, 2011. Vol. 12. N 2. P. 103–150 [Электр. ресурс: www.rmojs.unina.it/index.php/rm/article/view/328/409]; *Jensen B. M.* The Story of Justina and Cyprian of Antioch, as Told in a Medieval Lectionary from Piacenza. Stockholm, 2012.

Т. А. Артюхова, А. А. Королёв, Н. Т.-М., А. А. Турилов

Иконография. В зависимости от протекновения житийного текста К. предстает или зрелым мужчиной с короткой бо-

Сцены из жития
сщмч. Киприана и мч. Иустины.
Миниатюра из Гомиллий
свт. Григория Назианзина.
Между 879 и 882 гг.
(Paris. gr. 510. Fol. 332v)

родой и вьющимися волосами, или седовласым человеком со средней (или чуть ниже среднего) длины клиновидной бородой; в святительском облачении: фелони, с спитрахилью, омофором,

в руках — Евангелие. В характеристике И. обычно подчеркивается ее молодость; она облачена в платье и мафорий с обязательным включением красного цвета или его оттенков, являющихся, как и крест в руке, знаком мученического подвига. Ранние изображения К. и И. представлены на миниатюрах к Гомилиям

Сщмч. Киприан и мч. Иустина.
Миниатюра
из *Минология Василия II*.
1-я четв. XI в.
(Vat. gr. 1613. P. 80)

свт. Григория Назианзина (к 24-му Слову). Так, в рукописи из Парижской национальной б-ки (Paris. gr. 510. Fol. 332v, между 879 и 882 гг.) на листовой миниатюре, разделенной на 2 регистра, каждый из к-рых включает по 2 сцены, проиллюстрирован рассказ об обращении К. в веру юной христианкой И. В верхнем регистре справа язычник К. совершает колдовские действия, привораживая И.: К. — молодой темнорылый мужчина с короткими вьющимися волосами, облачен в голубую тогу, лишь наполовину скрывающую его обнаженный торс, представлен сидящим на престоле с подножием, рядом стоит наполненная купель, в к-рую К. погрузил мужскую и женскую скульптурные фигурки; как философа и мага его характеризуют окружающие предметы — большая сфера на столе слева, свиток в левой руке. В том же регистре слева показано моление И.: дева стоит перед киворием в $\frac{3}{4}$ -ном повороте с молитвенным жестом поднятых рук, смотрит вверх; облачена в охристый мафорий и платье розовых тонов, изображена с нимбом, сверху в медальоне оплечный образ Иисуса Христа. В верхнем регистре по сторонам по диагонали помещены изображения 2 кивориев как противопоставление христианства и язычества: слева, на переднем плане, показан киворий на золотых колонках с золотым же сводом, который осеняет престол, покрытый красной индитией. Киворий справа отодвинут на задний план, внутри этого сооружения, исполненного в голубых тонах, стоит золотой идол. В нижнем регистре на фоне архитектурных колонок, разделенных горкой, показаны события после уверования К. во Христа (К. везде с нимбом). Справа епископ крестит К. в водах источника (реки), а слева — мучение святого (варят в котле со смолой), к-рый мо-

литвенно воздел руки (орант), рядом — ему отсекают голову, слева замыкает композицию фигура человека в длинном хитоне и плаще с тавлионом, взирающего на подвиг К., вероятно упомянутого в Житии мч. Феоктиста.

В рукописи Гомилий свт. Григория Назианзина из б-ки Амброзианы в Милане (Ambros. E 49–50 inf. Pag. 346–347, нач. IX в.) К. и И. представлены на развороте листов; в рукописи из Па-

рижской национальной б-ки (Paris. Coislin. 239. Fol. 50, XI–XII вв.) фронтально в рост с мученическим крес-

том в руках изображена И., рядом слева — фигура седобородого человека, указывающего на святую, идентифицируется как образ свт. Григория Назианзина (жест святителя можно истолковать как проповеднический), 2 муж. фигуры рядом с ним символизируют слушающий народ.

Образы К. и И. вместе встречаются, как правило, в минейных циклах (в настенной живописи, в миниатюрах, на иконах и позже в гравированных святцах). На миниатюрах: в *Минологии Василия II* (Vat. gr. 1613. P. 80, 1-я четв. XI в.) и в *Минологии* с циклами двенадцатых праздников и Жития в мч. Димитрия Солунского Димитрия Палеолога (Bodl. f.1. Fol. 320, 1322–1340 гг.) — в сцене мучения показано усекновение главы К.; И., взирая на казнь, стоит рядом в молитвенной позе; в греч. *минологии* из ГИМ (Син. греч. 175. Л. 19, посл. четв. XI в.) — И. отсекают голову, К. стоит и благословляет ее (в той же рукописи. Л. 4); а также в греч. *минологии* (Vindob. hist. gr. 6. Fol. 2v, 2-я пол. XI в.), в греко-груз. рукописи (т. н. Афонской книге образцов) (РНБ. О.1.58. Л. 80, кон. XV в.) — в рост. В настенных *минологиях* в росписи храмов: Св. Троицы мон-ря Козия (Румыния), ок. 1386 г., и кафеликона мон-ря Дионисиат на Афоне, 1546–1547 гг., — в мучении. На иконах: на Синайском гексаптихе (2-я пол. XI — 1-я пол. XII в., мон-рь в мч. Екатерины на Синае) — оба в мучении, на рус. *mineях* нач. XVII в. (ЦАК МДА) — оба в рост. На гравированных святцах: Г. П. Тепчегорского (1713, 1722) на листе на октябрь — парное изображение, К. преклонных лет, с не длинной бородой, в фелони, с митрой на голове, правой рукой благословляет, в левой — Евангелие, И. — с непокрытой головой, в опущенной правой руке держит пальмовую ветвь; на

листе святцев на март работы И. К. Любецкого (1730) К. показан средневеком с короткой бородой, в фелони с оплечьем, с непокрытой головой, правой рукой благословляет, в левой — Евангелие, И. с платом на голове.

В ряде случаев в минейные циклы образ И. не включался (в т. ч. в сцену му-

Мученичество свщмч. Киприана. Роспись кафоликона в честь Успения Пресв. Богородицы мон-ря Грачаница. Ок. 1320 г.

ченичества, напр., в росписи ц. Успения Богородицы мон-ря Грачаница (Косово), ок. 1320 г., и в ц. св. Апостолов [св. Спаса], в Печской Патриархии (Косово), 1561 г., К. усекают голову; в ц. вмч. Георгия в Старо-Нагоричино (Македония), 1317–1318 гг., в ц. вмч. Димитрия Маркова мон-ря близ Скопье, Македония, ок. 1376–1381 гг., и в ц. свт. Николая в Пелиново (Черногория), 1717–1718 гг., К. изображен погрудно; в ц. Вознесения мон-ря Дечаны (Косово), ок. 1350 г. — в рост).

На изображениях, не связанных с минейными циклами, святые представлены как парно, так и по отдельности. Образы К. больше распространены, однако вне миней отсутствие И. затрудняет атрибуцию святого, к-рого смешивают со свщмч. Киприаном, еп. Карфагенским, особенно это касается храмовых росписей, где К. представлен среди др. святителей. Одним из таких, напр., является изображение в ц. Панагии Аракос близ Лагудеры, 1192 г. Мастер Феодор Ансевд разместил ростовой образ святого в алтарной зоне, в нише на сев. стене вимы, выделив его по размерам среди других святителей, предстоящих престолу. К. облачен в охристый подризник и бледно-пурпурного цвета фелонь, с омофором, епитрахилью и палицей; у него в руках развернутый вверх свиток с текстом молитвы Пресв. Богородице. Если данное изображение — образ свщмч.

Киприана, еп. Антиохийского, то оно является наиболее ранним свидетельством почитания этого святого на Кипре, т. е. до перенесения мощей К. и И. на Кипр в XIII в.

Ряд икон К. и И. связан с Кипром, особенно с дер. Менико в митрополии Морфу, в церкви которой были положены честные главы святых. Между 1359 и 1369 гг. попечением кор. Кипра Петра I Лузиньяна, исцелившегося от мощей, старый храм был разрушен, а на его месте построен новый во имя свщмч. Киприана. В наосе храма в проскинитарии находится чудотворная икона К., созданная, согласно подписи на нижнем поле, в 1613 г. иконописцем Давидом. Это — поясное изображение святителя, благословляющего правой рукой, а покровенной левой придерживающего Евангелие. Святитель изображен фронтально, по пояс, вьющиеся волосы тронуты сединой, клиновидная борода немного не доходит до середины груди. Фелонь красного цвета обильно украшена золотым растительным орнаментом (в технике сграффито), золотом же орнаментированы кресты на омофоре; элементы орнамента на нимбе органично сочетаются с орнаментом на фелони. В иконе сохранены лучшие черты пост-визант. живописи: пропорции выверенные, личное письмо плотное, лессировки смягчают яркую декоративность локального цветового решения, придавая краскам глубину. Внизу по центру в икону вмонтирован мощевик. В местном ряду иконостаса, для к-рого, очевидно, и создавалась икона К., его в наст. время замещает изготовленный в 1800 г. серебряный позолоченный оклад (лик — полиграфическая копия иконы 1613 г.). Во вкладной надписи на нижнем поле оклада упомянуто имя его создателя — художника Иоанна Корнароса; мастер внес изменения в иконографию. Так, в левой непокрытой руке К. — Евангелие с Распятием на окладе и посох. В иконостасе особое отношение к образу подчеркивают завеса (в виде шторок) и вотивные привески. К иконостасу справа примыкает выделенная киотом фреска на юж. стене с изображением К. и И. (1860). Святые представлены на темно-синем фоне поколенно в легком повороте друг к другу, К. — слева, И. — справа. Облачение К., убеленного сединами старца, традиционно, он одет в крещатую фелонь красного цвета. Одежды И. составляют красный гиматий поверх платья с декоративным поясом, на голове спадающий назад светлый плат, из-под к-рого видны пряди волос. В правой руке И. держит крест, в левой — пальмовую ветвь — символ победы над смертью. Фреска по иконографии и стилю исполнения (диспропорции рисунка, упрощенная цветовая гамма, плоскостность) близка к создан-

Свщмч. Киприан и мч. Иустина с житием. Икона. Нач. XVIII в. (Музей икон, Реклинхаузен)

ному неск. годами ранее изображению на храмовом диптихе (1856), где К. и И. представлены в верхней киотчатой части, их благословляет Иисус Христос из облачного сегмента. И. держит в правой руке крест и пальмовую ветвь, в левой — горящую свечу; плат декорирован уращением в передней части, на свисающем конце — кисть. В храме также хранится рукопись с Последованием службы К. и И., украшенная выходной миниатюрой с образом К. Согласно приписке, рукопись была создана в 1830 г. в кипрском мон-ре Махера иером. Митрофаном. Иконография выполненного в графической манере изображения традиционна: поколенный образ седовласого святителя в крещатой фелони, держащего в непокрытой левой руке Евангелие и благословляющего десницей. Рельефные изображения К. и И. (фронтально, по пояс) украшают крышку серебряного с позолотой мощевика (1805) с честными главами святых. Еще один серебряный позолоченный мощевик был изготовлен в 2002 г., на его крышке — написанные в стиле фресок ц. Панагии Аракос образы К. и И. работы иером. Амвросия. О почитании К. и И. на Кипре свидетельствуют также их иконы в др. храмах, напр. икона XIX в. «Святые Киприан и Иустина» в ц. свт. Авксивия в Астромеритисе.

Единственной в своем роде является рус. житийная икона К. и И. с 16 клеймами (нач. XVIII в., музей икон Реклинхаузен, Германия); святые представлены в среднике в 3/4-ном повороте друг на против друга на пейзажном фоне предстоящими в молении Спасителю на троне в облачном сегменте. В среднике и в клеймах К. изображен средневеком. В 10 клеймах проиллюстрированы бесовские искушения К. и И.

В греч. Ерминии иером. Дионисия Фурнографота (ок. 1730–1733) К. и И. упомянуты в Минее на октябрь в разд.

«Как изображаются страдания мучеников каждого месяца всего года»: «Святой Киприан, старец с круглою бороною, и Иустина были усечены мечом» (Ермания ДФ. Ч. 3. § 21. Окт. 2). В месяцеслове рус. иконописного подлинника по списку Г. Д. Филимонова (XVIII в.) приведено описание облика святых: «Киприан подобием рус, брада доле Козмины, на конец космочки, риза святительская, во омофоре, в руке Евангелие; Иустина лицом красотою предивна, на главе наметка, спустила на правое плечо, риза верх празелень, испод лазоревый, власы вышли из-за уха, рука молебна, а в другой крест» (Филимонов. Иконописный подлинник. С. 164–165). То же в сводном Большаковском иконописном подлиннике (XVIII в.; *Большаков*. Подлинник иконописный. С. 35–36), но в части Лицевых святцев с прорисями левая рука (в зеркальном переводе) И. покровенна, правая открыта ладонью вовне в молитвенном жесте (Там же. С. 17). В. Д. Фартусов в «Руководстве к писанию икон» (М., 1910) вносит колоритные дополнения к характеристике образа святых, давая точные указания в отношении их возраста: К. — «типа арабского, из северной Африки; средних лет; лицом очень смуглый, с небольшой курчавой черной бородой, разделенной на пряди. В руках у него хартия с его изречением: Жив Христос, Бог мой, сохранивший мя от диавола и девицу чисту соблюдый и помилувавший мя»; И. — «типа сирийского (из Антиохии сирской), лицом очень красива, средних лет; одежда на ней — белый хитон, перепоясанный через плечи крестом, как у дьякониссы, сверху епанча, на голове плат. В руке хартия с надписью ее изречения: Великое и неизреченное есть воздаяние в чистоте живущим и чудо есть велие, яко людие о сицевом сокровище великом чистоты ангельския не брегут ни мало» (Фартусов. Руководство к писанию икон. С. 33–34). Лит.: *Мижовић*. Менолог. С. 47. 263, 291, 320, 346, 350, 363, 378; *Stylianou A., Stylianou J.* The Painted Churches of Cyprus. Nicosia, 1997². P. 184–185; *Евсеева*. Афонская книга. С. 239; *Ермакова М. Е., Хромов О. Р.* Рус. гравюра на меди 2-й пол. XVII — 1-й трети XVIII в. (Москва, С.-Петербург). М., 2004. С. 47. Кат. 34.2; С. 50. Кат. 35.2; Сщмч. Киприан в Менико / Науч. ред.: Х. Хаджихристодулу. [Эвриху], 2009.

Э. В. Шевченко

Гимнография. Согласно *Типикону Великой ц.* IX–XI вв. (*Mateos*. Typicon. Т. 1. P. 58), память К. и И. отмечается 2 окт.; богослужбное последование включает прокимен из Пс 63, Апостол (Евр 10. 32–38а), аллилуиарий со стихом из Пс 36, Евангелие (Лк 21. 12–19), причащен Пс 32. 1.

В *Студийско-Алексиевском Типиконе* 1034 г. (*Пентковский*. Типикон. С. 287), к-рый отражает самую раннюю сохранившуюся редакцию студийского Си-

наксаря, память К. и И. также отмечается 2 окт.; служба имеет праздничные особенности: стихиры и тропари канона Минеи поются «по двоици», т. е. все или нек-рые из этих песнопений повторяются. В версии этого же Типикона по рукописи ГИМ. Син. № 333 (Л. 11), 1398 г., К. и И. указан общий отпустительный тропарь; на литургии назначается прокимен из Пс 67, аллилуиарий со стихом из Пс 36, чтения и причащен те же, что и в Типиконе Великой ц.

В слав. рукописных Минеях студийской традиции (напр., ГИМ. Син. № 160, XII в. — см.: *Горский, Невоструев*. Описание. Отд. 3. Ч. 2. С. 17; также см.: *Ягич*. Служебные Минеи. С. 11–16) последование К. и И. 2 окт. состоит из канона, 4 стихир-подобнов, дополнительных стихир, 2 седальнов. В Стихирарях могут помещаться 2 стихиры-самогласна К. и И., что указывает на праздничный статус их службы (напр., см.: БАН. 34.7.6, XII в. — *Sticherarium palaeoslavicum petropoli-*

Сщмч. Киприан.
Начало последования службы
сщмч. Киприану.
Разворот рукописи
«Последование службы
сщмч. Киприану
и мч. Иустине». 1830 г.
(ц. сщмч. Киприана
в Менико, Кипр)

танum / Ed. N. Schildovsky. Nauniae, 2000. (ММВ; 12); РГБ. Ф. 304/1. № 22).

В *Евергетидском Типиконе* 2-й пол. XI в. (*Дмитриевский*. Описание. Т. 1. С. 288) память К. и И. отмечена 2 окт.: стихиры и канон святых поются на 6, на утрне поется «Бог Господь», указан отпустительный тропарь 4-го гласа Καὶ τρόπος μέτοχος (И нравимъ причащеникъ:), кондак, седален, после 9-й песни канона поется праздничный светилен Ὁ οὐρανὸν τοῦς ἀστροῦς (Небо звездями:), назначается по 2 дополнительные стихиры (1 самогласен и 1 подобен) на вечерне и на утрне; на литургии указан прокимен из Пс 115, Апостол (1 Тим 1. 12–17), аллилуиарий со стихом из Пс 131, Евангелие и причащен те же, что и в Типиконе Великой ц.

Согласно *Мессинскому Типикону* 1131 г. (*Arranz*. Typicon. P. 35), 2 окт., в день памяти К. и И., совершается служба с пением на утрне «Бог Господь» и тропарем; последование помимо канона, стихир и седальна включает отпустительный тропарь (тот же, что и в Евергетидском Типиконе), 3 стихиры-самогласна, кондак, светилен; на литургии служба та же, что и в Евергетидском

Типиконе, за исключением Евангелия — Ин 10. 9–16.

В *Георгия Мтацминдели Типиконе* сер. XI в., к-рый отражает афонскую редакцию Студийского устава, сохранившуюся в груз. переводе (*Кекелидзе*. Литургические груз. памятники. С. 236), на литургии указан Апостол (1 Тим 1. 15–[17?]), чтение то же, что в Типиконе Великой ц., но от середины, «от полу».

В различных редакциях *Иерусалимского устава* указания о совершении службы К. и И. 2 окт. не имеют значительных отличий; совершается служба с пением на утрне «Бог Господь» и тропарем (тем же, что и в Типиконах студийской традиции). Помимо канона, цикла стихир-подобнов и седальна последование К. и И. содержит 3 стихиры-самогласна, кондак с икосом и светилен. На литургии указания в целом те же, что и в Мессинском Типиконе, кроме причащен — Пс 111. 6b; Апостол может варьироваться: напр., одни греческие печатные издания назначают Евр 4. 14 — 5. 6,

другие — Евр 10. 32–38а, третьи, включая совр. рус.

издания, — 1 Тим 1. 12–17; евангельское чтение варьируется реже — в одной из ранних редакций Иерусалимского устава назначается Ин 15. 1–7 (*Lossky*. Typicon. P. 175). В рус. редакциях Иерусалимского устава 2 окт. обозначается знаком Ⲅ (т. н. шестеричный святой — ст. *Знаки праздников месяцеслова*): стихиры и канон поются на 6, на литургии назначаются блаженны с тропарями из канона К. и И. (в одних Типиконах — 3-я и 6-я песни, в др. — тропари Октоиха и песнь 3-я из канона святым; последнее указывается в рус. изданиях Типикона начиная с 1682).

Последование К. и И. в совр. богослужбных книгах включает следующие элементы: отпустительный тропарь 4-го гласа Καὶ τρόπος μέτοχος (И нравимъ причащеникъ:); в слав. Минее кондак 1-го гласа Ⲅ χροδῆς τῆς βασιλειᾶς (Ек тѣхнѣс цоукѣс; — греч. текст см.: *Амфилохий*. Кондакарий. С. 205) с икосом; в греч. Минеях др. кондак, плагального 4-го (т. е. 8-го) гласа, — Ὁς ἱερὰρχῆν τίμιον (Ико шѣнноначалникоу чтѣноу — см.: Там же. С. 61–62) с икосом; канон (в совр. Минеях автор не указан, однако в рукописях канон приписывается Феофану

Начертанному – напр., см.: *Дмитриевский*. Описание. Т. 1. С. 288) 4-го гласа с акростихом Μέλπω μάκωρ σου τὴν κουλῆρῖουσαν χάριν (Под блаже свѣтозарнѣ твоѣ блгодѣть), ирмос: Θαλάσσης τὸ ἐρυθραῖον πέλαγος; (Мора черниѣ пѣчинѣ), нач.: Μετὰ τῆς ὑπερκοσμίου τάξεως νῦν αὐλιζόμενος (Ѳз премірыми чіныи нынѣ водворѣса); 3 стихирь-самогласна и цикл стихир-подобнов; светилен; седален.

В дер. Менико на о-ве Кипр, где К. и И. особо почитаются, в день их памяти поется иное последование, составленное Х. Бусьясом. Оно содержит: дополнительный отпустительный тропарь 5-го гласа «Иерарше треблаженне...»; дополнительный кондак 2-го гласа «Низложителя демонов почтим...»; канон с акростихом «Покрыйте меня, Киприане и Иустино. Х. М. Б.», плагального 4-го (т. е. 8-го) гласа, ирмос: «Воду прошед...», нач.: «Тверди страстотерпцы»; несколько стихир (см.: Священномученик Киприан в Менико. [Эвриху], 2009. С. 89–101).

В рукописях сохранились песнопения К. и И., не вошедшие в совр. издания богослужебных книг: кондак плагального 4-го (т. е. 8-го) гласа *Прѣмудрости словеснен ученикъ*: (см.: *Амфилохий*. Кондакарий. С. 237); дополнительный икос (Там же. С. 162); иной канон, приписываемый Феофану Начертанному, с акростихом *Κυπριανὸν τὸν ἀοιδίμων ἱεραστὰ μάρτυρα μέλω* (Киприана, прославленного песнями, мученика, воспеваю) плагального 2-го (т. е. 6-го) гласа, ирмос: Ὡς ἐν ἡτέρω (Иѣкв по сѣхѣ); нач.: Κάλλους ἀρρήτου καὶ δόξης τῆς τριφεγγούς (Доброты неизреченной и славы трисветлой; см.: *Томеѣев*. Σ. 53); седален (см.: *Ягич*. Служебные Минеи. С. 11–12).

А. А. Лукашевич

КИПРИАН РАЧАНИН [серб. Кипријан Рачанин] († ок. 1712, Сентендре), серб. иером., книжник, каллиграф, иллюминатор. Исходя из особенностей языка рукописей, созданных К. Р., можно предположить, что он происходил из окрестностей Призрена (Косово и Метохия) и начал свою деятельность в 50-х гг. XVII в. в скриптории мон-ря *Рача*, где вместе со своим учителем, иером. Христофором Рачанином, переписал неск. рукописей. Во время великого переселения сербов (1690) вместе с др. монахами К. Р. покинул Рачу, ок. 1692 г. поселился в мон-ре св. ап. Луки в Сентендре и открыл книжную школу. Деятельность К. Р. имела важное значение, т. к. способствовала распространению книжности. Его ученики, называвшие себя «рачанинами», хотя многие из них никогда не были в мон-ре Рача (самые известные – *Гавриил (Стефано-*

вич Венцелович) и Иерофей), считаются последними носителями сербско-словен. книжного языка, к-рый прекратил бытование из-за усиления в 20-х гг. XVIII в. рус. влияния на серб. книжность.

Важнейшими работами К. Р. являются: Псалтирь с последованием (совм. с Христофором Рачанином; мон-рь Рача, 1672); Сборник житий (совм. с Христофором Рачанином; мон-рь Рача, 80-е гг. XVII в. – Сентендре, 1691–1694; К. Р. завершил его самостоятельно, включив в него житие серб. деспота Максима Бранковича и Похвалу кн. Лазарю мон. *Евфимии*); Триодь Цветная (совм. с учеником Михаилом; Сентендре, 1694–1698); гимнографическая «Стихология» (Сентендре, 1706–1711; в книге К. Р. продемонстрировал и свой поэтический талант). К. Р. приписывалось авторство «Букваря» (1717), отражавшего сильное рус. влияние, но более вероятно, его составил Гавриил (Стефанович Венцелович).

В своих кодексах К. Р. уделял большое внимание миниатюрам и иллюминации, при создании к-рых следовал лучшим средневек. серб. образцам. Особенно высоким уровнем отличаются иллюминация и заставки в «Стихологии». Авторству К. Р. ранее приписывалась миниатюра св. ап. Луки перед Службой св. евангелисту в Цветной Триоди, но наиболее вероятно, что она была выполнена неизвестным мастером позже, в 1-й пол. XVIII в., при переплете кодекса. Лит.: *Скерлић Ј.* Српска књижевност у XVIII в. Београд, 1923. С. 161–165; *Петковић В.* Преглед црквених споменика кроз повесницу српског народа. Београд, 1950. С. 280; *Ивић П., Младеновић А.* О језику код Срба од 1699. до 1804. // *Историја српског народа*. Београд, 1986. Књ. 4. Д. 2. С. 69, 176–177; *Медаковић Д.* Српска уметност XVIII в. // Там же. С. 327–330; *он же.* Значај манастира Раче у српској култури 18. в. // *Рачански зборник*. Бајина Башта, 1996. Бр. 1. С. 19–23; *Бошковић М.* Хронографи и писарска традиција Рачана // *36МСКЈ*. 1988. Књ. 13/3. С. 367–394; *Поповић Д.* Срби у Војводини. Нови Сад, 1990. С. 409; *Синдик Н. Р., Гроздановић-Пајић М., Мано-Зиси К.* Опис рукописа и старих штампаних књига 6-ке Српске правосл. епархије Будимске у Сентандреји. Београд: Нови Сад, 1991. С. 2–7; *Давидов Д.* Сентандреја у доба Рачана // *Рачански зборник*. 1996. Бр. 1. С. 25–36; *Васильев Љ.* Нови подаци о познатим и непознатим рукописима Кипријана Рачанина // *АрхПр*. 1996. Бр. 18. С. 149–206; *он же.* Буквар из 1717 – дело Гаврила Стефановића Венцловића // Там же. 1997. Бр. 19. С. 217–232; *он же.* Непознати рукописи најпознатијих рачанских писара, Кипријана и Христофора // *Рачански зборник*. 1997. Бр. 2. С. 44–49; *Игњич С.* Манастир Рача. Ужице, 1997. С. 46–49.

Н. Радосавлевић

КИПРИАНА (МИТРОПОЛИТА) СЛУЖЕБНИК, древнерус. пергаменная рукопись (ГИМ. Син. 601) кон. XIV в., содержащая чины трех Божественных литургий и некоторые иные последования Евхология, создание к-рой приписывается митр. Киевскому и всея Руси свт. Киприану († 1406). Достаточно подробное описание рукописи сделано прот. А. В. Горским и К. И. Невоструевым (*Горский, Невоструев*. Описание. Отд. 3. Ч. 1. С. 11–20), полная публикация текста К. С. отсутствует.

Атрибуция рукописи свт. Киприану основывается на целом ряде записей в самой рукописи. На л. 72–72 об. писец отождествляет себя с митр. Киприаном: *снн служебникъ преписанъ ѿ грецкихъ книгъ на рускомъ языкъ рѣкою своею: киприанъ смиренныи митрополитъ кыевскыи и всея руси*. После чина венчания, на л. 132 об., писец вновь пишет, что приведенное выше чинопоследование было переведено с греч. самим свт. Киприаном: *сзпн. сание семоу ѿ греческихъ книгъ. смиренныи митрополитомъ киевскимъ и всея руси киприаномъ*. Позднейшая запись, сделанная др. почерком на полях рукописи начиная с л. 40, утверждает, что К. С. был составлен лично свт. Киприаном и исполнялся им за богослужением; аналогичная информация приводится в поздней приписке на л. 136 об. Однако в действительности автографом свт. Киприана рукопись не является, на что обратили внимание еще прот. А. Горский и Невоструев (Там же. С. 12; см. также: *Князевская, Чешко*. 1980). Литургические труды свт. Киприана действительно широко известны (см.: *Мансветов*. 1882). В частности, исследователи согласны, что в его кругу был подготовлен новый слав. перевод устава литургии патриарха К-польского свт. Филофея (Коккина) (Διάταξις τῆς Θείας Λειτουργίας), широко распространившийся в кон. XIV в. в правосл. мире. Этот перевод не был первым в ряду слав. версий устава, к моменту его создания уже существовали как минимум 2 перевода: южнославянский без атрибуции (мог быть выполнен серб. монахами на Афоне) и свт. Евфимия, патриарха Тырновского (см.: *Панова*. 2009; см. также: *Zheltoy*. 2010). Возможно, К. С. содержит именно киприановскую версию устава литургии, а писец рукописи, скопировав чины литургии, объединенные

с ней, буквально воспроизвел и сохранив в протографе атрибуцию перевода устава литургии свт. Киприану. Так, буквально та же запись, что на л. 72 в К. С., содержится в Служебнике ГИМ. Син. 326, XVI в. (см.: *Горский, Невоструев*. Описание. Отд. 3. Ч. 1. 203). Однако, напр., в Служебнике ГИМ. Син. 268, кон. XV в., перевод устава литургии, приписанный свт. Киприану, достаточно заметно отличается от содержащегося в К. С. (см.: Там же. С. 204–205). Выказывалось предположение, что запись о принадлежности текста свт. Киприану попала в ГИМ. Син. 601 по ошибке и содержащийся в К. С. перевод устава литургии в действительности принадлежит его предшественнику, свт. Алексию, тогда как киприановская версия содержится именно в ГИМ. Син. 268 (*Пентковский*. 1993). Но существуют аргументы в пользу принадлежности той редакции устава литургии, которая выписана в К. С., а также в Служебнике рубежа XIV и XV вв. (*Vat. slav. 14*), именно свт. Киприану (см.: *Афанасьева*. 2007; *Панова*. 2008). Как бы то ни было, в К. С. текст этой редакции представлен уже не в первичном, а в измененном виде — диатакис не образует отдельную от литургии самостоятельную статью (как было в греч. оригинале и как все еще сохраняется в *Vat. slav. 14*), а объединен с евхаристическим формуляром в одно целое, что вновь подтверждает, что этот текст не является авторством свт. Киприана.

Рукопись пользовалась большим авторитетом и входила в б-ку Московских патриархов. В 1661 г. К. С. был вложен в Воскресенский Новоиерусалимский монастырь патриархом Никоном, о чем говорит его собственноручная подпись на полях первых листов рукописи; впоследствии рукопись вернулась в состав Синодального собрания.

В работах М. Арранца наименование «Требник митрополита Киприана» систематически прилагается к др. рукописи — ГИМ. Син. 675, рубежа XIV и XV вв. (ср.: *Арранц М.* Избранные сочинения по литургике. М., 2003. Т. 3: Евхологий Константинополя в нач. XI в. и Песненное последование по Требнику митр. Киприана. С. 649–665). В самой рукописи указания на такую атрибуцию отсутствуют; возможно, исследователь смешивает ГИМ. Син. 675 с ГИМ. Син. 601, поскольку оба спис-

ка были вложены в Воскресенский Новоиерусалимский мон-рь в одном и том же году. Требник ГИМ. Син. 675, скопированный, по всей видимости, с утраченного серб. протографа (существует также копия уже с самого ГИМ. Син. 675 — ГИМ. Син. 900), обладает уникальным составом: здесь приведены священные молитвы служб малых часов согласно «песенному последованию» храма Св. Софии в К-поле и ряд др. молитв, до того не известных в слав. книжности (см.: *Горский, Невоструев*. Описание. Отд. 3. Ч. 1. С. 128–153). Молитвы малых часов не вошли в нормативную рус. богослужебную практику, однако спорадически встречаются в рукописях в качестве дополнительного молитвенного правила для желающих, причем были случаи атрибуции его свт. Киприану (ср., напр.: РГБ. МДА. Фунд. 183, XVI в. Л. 38). На ошибочность этой атрибуции указывал еще И. Д. Мансветов (см.: *Мансветов И.* О песенном последовании (Ἀσπαστικὴ ἀκολουθία): Его древнейшая основа и общий строй // *ПрТСО*. 1880. Ч. 26. С. 771), однако она также могла повлиять на Арранца, опрометчиво приписавшего рукопись ГИМ. Син. 675 митр. Киприану.

Состав рукописи можно описать как избранные чины Евхология. В позднейшей слав. традиции чины визант. Евхология обычно распределены между Служебником, содержащим последования Божественных литургий, вечерни и утрени, и Требником, включавшим прочие чины. В древнерусской традиции до XIV в. такого деления не существовало; самоназванием древнерусских сборников молитв священнослужителей было слово «Молитвеникъ», слав. эквивалент греч. *Ευχολόγιον* (см.: *Желтов М.*, *диака*. Чин Божественной литургии в древнейших (XI–XIV вв.) слав. Служебниках // *БТ*. 2007. Сб. 41. С. 305–306). К. С. является одним из самых ранних примеров возникновения такого деления, а самоназвание *службеникъ*, содержащееся в записях, приписывающих его митр. Киприану, — едва ли не первым случаем употребления этого слова в значении «литургическая книга определенного состава», а не в более древнем значении «служитель» (см.: *Срезневский*. Словарь. Т. 3. Стб. 431).

К. С. содержит следующие богослужебные последования: чин Бо-

жественной литургии свт. Иоанна Златоуста, объединенный с русской версией «Диатаксиста...» патриарха Филофея (Коккина) в одну статью (л. 1 об.— 40 об.; публикация диатаксиста с опущением молитв: *Красносельцев*. Уставы литургии. С. 30–79; ср. с текстом этой же версии «Диатаксиста...» по рукописи *Vat. slav. 14*, где он выписан отдельно от чина литургии: *Красносельцев*. Рукописи. С. 171–194); чин Божественной литургии свт. Василия Великого (л. 40 об.— 62 об.); чин литургии Преждеосвященных Даров, без указания авторства (л. 62 об.— 71 об.); молитва над кутьей (л. 71 об.); молитвы вечерни на праздник Пятидесятницы (л. 73–91 об.), в т. ч. молитва Св. Духу авторства патриарха Филофея (Коккина); чин великого водоосвящения на праздник Богоявления (л. 91 об.— 102); чин малого водоосвящения 1 авг. (л. 102–112 об.); молитвы вечерни (л. 112 об.— 116 об.); молитвы утрени (л. 116 об.— 122 об.); молитва на очищение церкви, *егда песь възсочитъ* (л. 122 об.— 123); молитва на поставление креста (л. 123); молитва над вином для службы (л. 123–123 об.); молитва на очищение церкви после совершения в ней богослужения еретиками (л. 123 об.— 124); чины обручения (л. 124 об.— 126 об.) и венчания (л. 126 об.— 132 об.), текст к-рых был заново переведен с греческого (см.: *Желтов*. 2010. С. 40–43); чин омовения мощей, т. е. еще один чин водоосвящения (л. 133–135); приписанные т. н. поздней рукой неск. прокимнов (л. 135–136).

Лит.: *Горский, Невоструев*. Описание. Отд. 3. Ч. 1. С. 11–20; *Мансветов И. Д.* Митрополит Киприан в его литургической деятельности. М., 1882; *Красносельцев*. Рукописи; он же. Уставы литургии. С. 30–79; *Князевская О. А., Чешко Е. В.* Рукописи митр. Киприана и отражение в них орфографической реформы Евфимия Тырновского // Тырновска книжовна школа. София, 1980. Т. 2. С. 282–292; *Пентковский А. М.* Из истории литургических преобразований в Русской Церкви в 3-й четв. XIV ст.: Литургические труды святителя Алексея, митр. Киевского и всея Руси // Символ. П., 1993. № 29. С. 217–238; *Афанасьева Т. И.* К вопросу о редакциях слав. перевода Диатаксиста патриарха Филофея (Коккина) // *ДРВМ*. 2007. № 3(29). С. 10–12; *Панова С. И.* К проблеме происхождения рус. редакции Диатаксиста патриарха Филофея Коккина // Там же. 2008. № 1(31). С. 31–44; она же. Диатаксист патриарха Филофея Коккина в слав. книжной традиции: Дис. / МГУ. М., 2009; *Желтов М. С.*, [святц.]. Чины обручения и венчания в древнейших слав. рукописях // Старобългаристика. София, 2010. Т. 34. № 1. С. 25–43; *idem [Zheltov M.]* A Slavonic Translation of the Eucharistic Diataxis of Philotheos

Kokkinos from a Lost Manuscript (Athos Agiou Pavlou 149) // Τοξότης: Studi per S. Parenti / Ed. D. Galadza, N. Glibetić, G. Radle. Grottaferata, 2010. P. 345–359. (Analekta Kryptopheres; 9).

Свящ. Михаил Желтов

КИПРИАНОВИЧ Григорий Яковлевич (1846 г., мест. Крайск Вилейского у. Виленской губ. (ныне агрогородок Логойского р-на Минской обл.) — 1915 г., г. Двинск Витебской губ. (ныне Даугавпилс, Латвия)), педагог, публицист, церковный историк.

Род. в семье священника Никольского храма Я. С. Киприановича. Окончил Виленское ДУ, в 1867 г. по 1-му разряду Литовскую ДС, в 1871 г. историческое отделение СПбДА. Преподавал в Самарской ДС, с 1872 г. в Литовской ДС (вел занятия по истории, лат. языку и педагогике). Без отрыва от работы в семинарии читал курсы лекций в средних учебных заведениях г. Вильна, в Мариинской жен. гимназии и училище для девиц духовного звания. В начале первой мировой войны К. эвакуировался в г. Двинск Витебской губ., где был директором коммерческого уч-ща.

Одновременно с преподавательской деятельностью К. занимался церковно-историческими исследованиями. Во время обучения в академии вошел в круг учеников и единомышленников профессора СПбДА М. О. Кояловича, возглавлявшего в дореволюционной исторической науке особое течение — западнорусизм. Согласно взглядам западнорусов, в едином рус. народе существуют 3 этнические общности: белорусы, великороссы и малороссы. Основой их единства является культурообразующая религия — Православие. Эти историки считали попытки католицизма с помощью польск. правительства и *Брестской унии* 1596 г. распространить свое влияние на православных подданных Речи Посполитой в XVI–XVIII вв. не только религиозной, но и этнокультурной трагедией населения Зап. Руси. По их мнению, это вело к разрыву общерус. единства, а также к денационализации и ополячиванию белорусов, поскольку в унию происходила целенаправленно организованная постепенная латинизация и полонизация церковной жизни. Главную отличительную черту истории Белоруссии западнорусы видели в борьбе народа за Православие

и за сохранение рус. основ своей жизни. По убеждению историков, эта борьба успешно завершилась с вхождением белорус. земель в состав Российской империи и последовавшим за этим возвращением 1,5 млн белорус. униатов в правосл. Церковь в 1839 г. Освобождение народа от уни — инструмента польско-лат. давления — привело к восстановлению религиозно-культурного единства белорусов и дало толчок развитию их национального самосознания в рамках общерус. единства. К. полностью разделял и развивал данную концепцию в своих трудах.

В 1873 г. К. защитил дис. «Высокопреосвященный Иосиф Семашко, митрополит Литовский и Виленский: Очерк его жизни и деятельности по воссоединению западнорусских униатов с православной церковью в 1839 г.» (опубл. в 1894). Продолжив работу над этой темой, он издал кн. «Жизнь Иосифа Семашки, митрополита Литовского и Виленского, и воссоединение западнорусских униатов с православной Церковью в 1839 г.» К тексту новой книги, существенно дополненному по сравнению с текстом 1-й монографии, К. в качестве приложения добавил составленную митр. *Иосифом (Семашко)* при помощи его секретаря псаломщика М. Григи часть мемуаров архиерея за 1861–1868 гг., к-рая по неизвестной причине не вошла в изданные Академией наук 3-томные «Записки Иосифа, митрополита Литовского». За это исследование Синод удостоил историка Макариевской премии в 1000 р. Впсл. К. опубликовал брошюру «Письма архиеп. Иосифа Семашко к еп. Брестскому Михаилу Голубовичу» (1898), подготовил к печати дополнительные материалы по теме «Неизданные записки Иосифа, митрополита Литовского, извлеченные из протоколов Литовского епархиального архиерея» и собрание документов из личного архива архиерея под названием «Неизданные распоряжения Иосифа, митрополита Литовского». Но эти материалы не были изданы.

В описании К. митр. Иосиф, посвятивший всю жизнь упразднению уни и преодолению ее последствий, предстает борцом за Православие в крае, где долгие столетия господствовали католицизм и полонизм. Автор подробно исследует все обстоятельства жизни и деятельности владыки, раскрывает особен-

ности его становления как церковного деятеля и архипастыря, выявляет глубинную мотивацию его поступков. Кн. «Жизнь Иосифа Семашки...» остается самым обширным и обстоятельным исследованием, посвященным деятельности высокопреосвященного Иосифа.

В сферу научных интересов К. входил также широкий круг проблем конфессиональной истории Белоруссии и Литвы. В «Вестнике Виленского Православного Свято-Духова братства» (К. был членом редакции), в журналах «Виленский вестник», «Церковный вестник», «Заря», «Православное обозрение», «Литовские епархиальные ведомости» и др. печатались его статьи, посвященные вопросам истории не только Православия, но и уни и католицизма. Многолетний труд историка завершился публикацией монографии «Исторический очерк православия, католичества и уни в Белоруссии и Литве с древнейшего до настоящего времени». Первое издание книги вышло в г. Вильна в 1895 г., второе — там же в 1899 г. Это исследование К. подал на конкурс на соискание Уваровской премии, к-рую получил в 1899 г. «Исторический очерк...» К. остается единственным в своем роде целостным описанием конфессиональной истории Белоруссии до кон. XIX в. Кроме этих сочинений К. принадлежат исследования «К истории женского образования в Западной России: (Историческая записка ко дню 50-летия Виленской, Гродненской и Ковенской гимназий), 1860–1910» (1910), «Архиепископ Полоцкий и Витебский Иосафат Кунцевич, западнорусский мученик за унию с Римом (по новым научным данным)» (1912).

Характерной чертой исследований К. являются работа с источниками по изучаемым проблемам, глубина выводов, популярный характер изложения и доступность содержания.

Соч.: Жизнь Иосифа Семашки, митр. Литовского и Виленского, и воссоединение западнорус. униатов с правосл. Церковью в 1839 г. Вильна, 1893, 1897²; Высокопреосв. Иосиф (Семашко), митр. Литовский и Виленский: Очерк его жизни и деятельности. Вильна, 1894; Ист. очерк православия, католичества и уни в Белоруссии и Литве с древнейшего до настоящего времени. Вильна, 1895, 1899². Минск, 2006; К истории жен. образования в Зап. России: (Ист. записка ко дню 50-летия Виленской, Гродненской и Ковенской гимназий), 1860–1910. Вильна, 1910; Архиеп. Полоцкий и Витебский Иосафат Кунцевич.

западнорусский мученик за унию с Римом: По новым научным данным // Вестник Виленского Правосл. Св.-Духова братства. Вильно, 1912. № 8–10.

Изд.: Письма архиеп. Литовского *Иосифа Семашко* к еп. Брестскому Михаилу Голубовичу: (К 100-летию со дня рождения митр. Иосифа 25 дек. 1798–1898 гг.). Вильна, 1898. Лит.: *Черепица В. Н.* Михаил Осипович Коялович: История жизни и творчества. Гродно, 1998; *Романчук А., свящ.* Иосиф Семашко, митр. Литовский и Виленский: Церк. деятельность в 40–60-е гг. XIX в.: Дис. Жировичи, 2001; *Хотеев А., свящ.* От редакции // *Киприанович Г. Я.* Ист. очерк православия, католичества и унии в Белоруссии и Литве с древнейшего до настоящего времени. Минск, 2006. С. 3–11.

Прот. Александр Романчук

КИПРИЛЛА, мц. (пам. 4 июля) — см. в ст. *Феодор*, смщч., еп. Киринейский (Киренский).

КИПРСКАЯ ИКОНА БОЖИЕЙ МАТЕРИ (празд. 20 апр. и в день Св. Духа), название ряда икон разных иконографических изводов, происхождение к-рых по преданию или исторически было связано с о-вом Кипр. Почитание К. и. получило распространение с XVII в. в России, гл. обр. на центральных и южнорус. землях. В основу почитания К. и. легло визант. сказание об иконе Божией Матери на Кипре, простреленной арабом (ВНГ, N 1069). Оно содержится в рукописи Vat. gr. 1147 (XVI в.), где говорится, что в одной из посвященных Пресв. Богородице церквей, в юж. части Кипра, находилась мозаика с изображением Богоматери с Младенцем на лоне, от к-рой происходили чудеса, из-за чего к ней приходило для поклонения множество верующих. Однажды проезжавший мимо араб пустил стрелу в чудотворный образ, и из раны потекла кровь, следы которой «видны до сегодняшнего дня»; нечестивца-араба вскоре постигла божественная кара (*Смирнов*. 1897. С. 6–7). Видимо, это произошло в период совместного владения Кипром византийцами и арабами (649–965). Более кратко этот рассказ изложен в некоторых версиях «Послания трех восточных патриархов». Так, в списке IX в. из б-ки мон-ря ап. Иоанна Богослова на Патмосе (Patm. 48) сообщается, что в одном из городков в юж. части Кипра из простреленного арабом мозаичного изображения Богоматери с Младенцем на коленях рекой хлынула кровь и ее следы видны до сих пор (*Смирнов*. 1897. С. 3). О том, что мозаика почиталась до этого со-

бытия как чудотворная, и о наказании араба не говорится. Я. И. Смирнов предположил, что упоминание городка относится к предыдущему рассказу о др. чудотворной иконе, а К. и. находилась вне города.

Эта история также включена в «Сокровище» свт. Дамаскина Студита. В ней появляются новые детали: указывается, что мозаичное изображение было помещено на воротах, что Богоматерь с Младенцем восседала на престоле и Ей предстояли 2 ангела, что стрела попала в правое колено, а араб скончался, не доехав до своего дома (Там же. С. 11). Эти подробности, видимо, восходят к утраченному древнему Сказанию о Кипрской иконе (Там же. С. 12–13). Один из слав. переводов данного текста встречается в рукописных сборниках (напр.: ГИМ. Увар. № 126 (2071), нач. XVIII в.— *Соболевский А. И.* Переводная лит-ра Московской Руси XIV–XVII вв. СПб., 1903. С. 330). Др. перевод получил широкое распространение благодаря тому, что был включен в сборники архим. Иоанникия (Галатовского) «Ключ разумения» (К., 1659. Л. 135, чудо 6) и «Небо новое» (Львов, 1665. Л. 75 об., чудо 36). В отличие от предыдущего перевода в нем опущена такая важная деталь, что икона была мозаичной. Автор ссылается как на источник на греч. Синаксарь в Неделю Православия. Смирнов отметил, что в сохранившихся рукописях данного памятника описания этого чуда не содержится (*Смирнов*. 1897. С. 16). Однако совр. исследователи связывают данную помету с тем, что текст Дамаскина Студита, в котором содержатся сведения о К. и., предназначался для чтения в Неделю Православия (*Megaw, Hawkins*. 1977. P. 164).

В. Г. Григорович-Барский во время пребывания на Кипре в 1735 г. зафиксировал предание, согласно которому церковь с чудотворной мозаикой Божией Матери, простреленной арабом, находилась в «веси Ките иже бяше прежде престол архиерейский» (*Григорович-Барский В. Г.* Странствия по св. местам Востока с 1723 по 1747 г. СПб., 1886. Ч. 2. С. 332). Т. е. он отождествил древний г. Китий (ныне Ларнака) с совр. сел. Кити, а К. и.— с мозаичными изображениями Богоматери (2-я пол.— кон. VI в.) в конхе апсиды *Ангелоктиты Панагии церкви*, хотя Богородица изображена не сидящей на престоле, а стоящей.

В рукописном сб. «Солнце Пресветлое» с гравюрами Г. П. Тепчегорского (известен в 2 списках: МГУ НБ. № 293 (в составе Сборника сказаний о чудотворных иконах, с «Повестью о посаднике Щиле» и житиями российских святых), 10–20-е гг. XVIII в.,— принадлежал сторожу московского Благовещенского собора С. Ф. Моховикову; ГИМ. Муз. № 42, 1-я четв. XVII в.,— принадлежал Ф. Мурыгину) есть 3 кратких рассказа об иконах, именуемых Кипрскими (главы 23, 40, 94), и заметка, посвященная «Китейской» иконе Божией Матери (гл. 10). Автор относит одни и те же сведения к разным иконам. В гл. 94 в качестве источника информации указывается сб. «Небо новое» и пересказывается описанное там «чудо с арапом» с тем изменением, что изображение Божией Матери характеризуется как произведение монументальной живописи, расположенное не на воротах, а на одной из стен: «...на стене церковной был образ Богородицы написан». В сб. «Солнце Пресветлое» сюжет об иконе, раненной арабом, дополнен новыми сведениями — о том, что она явилась на Кипре 2 июня 392 г. (МГУ НБ. № 293. Л. 112 об.; ГИМ. Муз. № 42. Л. 123). По другим источникам об этом событии ничего не известно. Более того, возглавлявший в то время Кипрскую Православную Церковь свт. *Епифаний Кипрский* известен выступлениями против иконопочитания. В обоих сборниках сохранилась вклеенная гравюра Тепчегорского с изображением Пресв. Богородицы с Младенцем на престоле и 2 предстоящих архангелов — композиция, описанная в сказании. Богоматерь сидит на низком престоле, без спинки, Младенец стоит на Ее коленях и держится рукой за край мафория; глава Божией Матери увенчана короной, архангелы с зеркалом и мерилом в руках предстоят престолу (МГУ НБ. № 293. Л. 112 об.; ГИМ. Муз. № 42. Л. 123 об.).

В гл. 23 сообщается о К. и., которая явилась 12 мая 393 г., во время архиерейства свт. Епифания Кипрского (хронологическая близость позволяет предположить, что речь идет о вышеупомянутой одноименной иконе), и о том, что от нее происходили мн. чудеса; далее автор приводит сведения о др. кипрских святых и о 24 (вместо 14) епископах (МГУ НБ. № 293. Л. 45 об.— 46; ГИМ.

Муз. № 42. Л. 37 об.). Н. А. Кобяк отменила, что празднование этой иконы приурочено ко дню памяти свт. Епифания Кипрского. На сопровождающей сказание гравюре в сборнике Моховикова (МГУ НБ. № 293. Л. 45 об.; в сборнике из ГИМ сохр. следы вклейки, — вероятно, гравюра перенесена к л. 59; еще один отпечаток гравюры представлен на неразрезанном листе с 12 иконами Божией Матери — ОГ ГМИИ. Собр. Д. А. Ровинского. 30933) помещен другой Богородичный образ, происходящий с Кипра, — *Киккская икона Божией Матери*. Название Киккской иконы Кипрской встречается еще в Сийском подлиннике (2-я пол. XVII — нач. XVIII в.), среди его прописей — изображение Богоматери с Младенцем на левой руке в изводе Киккской иконы с подписью «Изображение чудотворного образа престыя бдца Кипрския» (РНБ. ОЛДП. Ф. 88. Л. 440; см. также: *Покровский*. 1898. Вып. 4. С. 202; *Белоброва*. 2005. Ил. 146).

В гл. 10 рассказывается об иконе Божией Матери «Китейская», явление которой также приурочено к 392 г., но не ко 2 июня, а к 17 окт., что совпадает с празднованием перенесения мощей прав. *Лазаря* с Кипра в К-поль по приказу имп. *Льва VI Мудрого* в 901/2 (МГУ НБ. № 293. Л. 33–33 об.; ГИМ. Муз. № 42. Л. 25; гравюры не представлены). Местонахождение этого образа в отличие от предыдущего указано не в ц. Пресв. Богородицы, а «в соборной церкви Китейского града», т. е. в ц. прав. *Лазаря* в Китии; автор добавляет, что от иконы происходили многочисленные чудеса, а ее список, присланный в Москву «патриархом иерусалимским древним великим князем нашим на благословение», находится «в соборной церкви Успения Пресвятыя Богородицы близ царицына места, у столпа к патриаршу двору» и «ныне же от ветхости поновлен быть письмом» (цит. по: МГУ НБ. № 293. Л. 33–33 об.).

В гл. 40 говорится о К. и., к-рая явилась 10 апр. 480 г. (возможно, 5988 г. ошибочно заменил 5900 г., что соответствует 392 г.) и «велия знамения и чудеса показа» в ц. прав. *Лазаря* в Китии, и тогда можно предположительно отождествить ее с предыдущими иконами. Далее сообщается, что она была увезена имп. *Львом VI Мудрым* в К-поль вместе с мощами прав. *Лазаря* (МГУ НБ. № 293.

Л. 65 об. — 66 — гравюра не представлена; ГИМ. Муз. № 42. Л. 59 — вклеена та же гравюра с изображением Киккской иконы Божией Матери, что и в рукописи МГУ НБ. № 293. Л. 45 об.). Если о перенесении мощей прав. *Лазаря* упоминают византийские хронисты, а о местонахождении мощей в специально построенном в К-поле монастыре прав. *Лазаря* — паломники, то об иконе из ц. прав. *Лазаря* в Китии сведений нет. В представлении автора все перечисленные выше сведения относились к разным иконам: «Образ Пресвятыя Богородицы третий по числу Кипрския...» (МГУ НБ. № 293. Л. 65 об.).

В сборниках, посвященных чудотворным иконам Божией Матери, изданных в кон. XIX — нач. XX в., те же сведения распределены под др. датами. С. И. Снессорева поместила краткие сведения о *Кипрской Стромьинской иконе Божией Матери* под 20 апр. и сопровождала их изображением Богоматери с Младенцем на престоле, повторяющим с некоторыми изменениями иконографию К. и. на гравюре Тепчегорского (*Снессорева*. Земная жизнь Пресв. Богородицы. Ярославль, 1994. С. 140). Рассказ об иконе, простреленной арабом, и о ее списке в Успенском соборе приведен не под 17 окт., а под 9 июля, и ему соответствует не тронное изображение Богоматери, а поясное с Младенцем на левой руке (Там же. С. 234). Снессорева также отмечает празднование К. и. в день Св. Духа (Там же. С. 403). Е. Поселянин иначе распределил информацию об иконах, называемых Кипрскими. Он указывает дату празднования К. и. 16 февр. (без уточнения, что имеется в виду чудо от Кипрской Стромьинской иконы) (*Поселянин Е.* Богоматерь. С. 165); под 20 апр. помещены рассказы о Стромьинской иконе и об иконе, простреленной арабом (Там же. С. 251–256), — празднование последней автор также отметил под 2 июня и 9 июля (Там же. С. 331, 454). Единственное изображение К. и. — Богоматерь на престоле, помещено под 20 апр. (Там же. С. 252).

В наст. время в календаре РПЦ празднование К. и. отмечено 20 апр. и в день Св. Духа, а Кипрской Стромьинской иконе — 9 июля и в 1-ю Неделю Великого поста. В Греческих Церквях почитание раненной арабом К. и. оказалось забытым.

«Богоматерь на престоле, с клеймами Акафиста».

Икона. 1682 г.

Мастер Семен Спиридонов Холмогорец (ЯХМ)

В рус. искусстве изображение Божией Матери с Младенцем как Царицы Небесной на троне иногда имеет надпись: «Изображение называемая Кипрския Богородицы», напч на иконе «Богоматерь на престол с клеймами Акафиста», приписываемой мастеру Семену Спиридонову Холмогорцу, из ярославской во имя свт. Иоанна Златоуста в Кировницкой слободе (1682, ныне ЯХМ). Надписи золотом окружают средник; золото использовано также в разделке одежд Богоматери: резьбе престола, арки; царственность подчеркнута атрибутами: на голове Богоматери — корона, в правой руке — скипетр. Младенец сидит на Ее левой руке, вполборот к Божией Матери, правой рукой Он благословляет, в Его левой руке держава. Не менее интересными, чем образ в среднике, являются клейма (36): они демонстрируют Богородичные праздники и чудеса, связанные с почитанием разных, в т. ч. русских, икон Божией Матери. Среди них присутствует и «чудо с арапом известное по рус. рукописям о К. и. О влиянии кипрской иконографии напоминает плат поверх мафори Богоматери. Эта композиция оказалась настолько востребованной, что мастер повторил ее на нескольких иконах: на одной для того же храма, меньших размеров и с меньшим количеством клейм (32) (ок. 1682, ЯХМ), а также на иконе с 40 кле

мами из ц. свт. Николая Чудотворца (т. н. Мокрого), написанной 29 дек. 1687 г. (ГРМ, см.: *Турцова Н. М.* Новые данные о жизни и творчестве Семена Спиридонова Холмогорца // ПКНО, 1987. М., 1988. С. 215–222; «Пречистому образу Твоему поклоняемся...». 1995. Кат. 63. С. 108–109; *Кочетков.* Словарь иконописцев. С. 750–751).

Часто эпитет «Кипрская» в русских источниках XVII в. применяется к Киккской иконе Божией Матери — самой известной чудотворной иконе о-ва Кипр. Ряд ее списков под именем К. и. был создан в России царскими изографами и упоминается в документах 2-й пол. XVII в., в Житии Илариона, митр. Суздальского (*Буслаев Ф. И.* Для биографии царского иконописца Симона Ушакова // *Он же.* Исторические очерки рус. народной словесности и искусства. М., 1861. Т. 2. С. 395–396; *Ровинский.* Обзор иконописания. С. 167; *Белоброва.* 2005. С. 319); он распространился среди иконописцев, судя по Сийскому лицевому иконописному подлиннику.

Д. А. Ровинский приводит ряд гравированных листов с изображением К. и. в составе свода икон Божией Матери: «Образ сорока явлений Пресвятыя Богородицы» (*Ровинский.* Народные картинки. Т. 3. С. 475. № 1214. Подпись под иконой: «изображение чудотворнаго образ пртои Бдцы Кипрская»). Нередко среди таких гравюр изображение К. и. повторяется: напр., на листе под названием «о явлении 132-х чудотворных икон пртыя Бцы вкоих мцах и числах бывает празнество» рядом со 2-м изображением К. и. упоминается дата явления иконы — 9 июля 5600 (392) г. (Там же. С. 479. № 1217; см.: *Кочетков.* 1996. С. 407, 411, 417). Вслед за гравюрами миниатюрные изображения чудотворных икон Божией Матери появляются в большом количестве как часть таких образов. Они приобретают популярность в XIX в. и исполняются в мастерских самого простого «пошиба», напр., икона кон. XIX — нач. XX в. из собрания банка «Интеза» (Палаццо Леони Монтанари, Виченца) — миниатюрное клеймо, представляющее Богоматерь, восседающую на троне с Младенцем на руках, Он вполборота повернулся к одному из 2 стоящих по сторонам трона ангелов; на голове Богоматери — корона, правая рука Младенца поднята

с благословением; подпись на клейме: «Кипрская ПР БЦ». Иногда клейм с изображением К. и. было несколько: напр., на иконе Божией Матери «Неопалимая Купина» с чудотворными иконами Пресв. Богородицы иконописца В. А. Кукина (1894, собр. В. А. Бондаренко) их 4: в 3-м ряду сверху представлена соответствующая К. и. композиция без подписи с Богоматерью на троне, держащей Младенца прямо перед Собой, по

Кипрская икона Божией Матери.
Фрагмент акварели С. М. Шухвостова
«Интерьер Успенского собора». 1851 г.
(частное собрание)

сторонам — 2 ангела; в 6-м ряду — композиция К. и. с подписью, Богоматерь изображена сидящей на престоле (без спинки) вполборота, 2 руками поддерживающей стоящего Младенца, по сторонам — 2 ангела; М. М. Красилин считает, что празднование этой иконе приходится на день Сожествия Св. Духа.

В Новое время К. и. в поясном варианте также встречается в церковном искусстве, как видно на примере небольшой иконы, написанной в академической манере в 1-й пол. — сер. XIX в. (НКПИКЗ). На ней изображена Богоматерь с Младенцем, по типу, близкому к Киккской иконе в том варианте, который приобрел известность со 2-й пол. XVIII в., — с 2 ангелами, коронуемыми Пресв. Богородицу, в руках Богомладенца развернутый свиток, напоминающий средневековый штандарт; надпись на нижнем поле иконы: «Чудотворная икона Пресв. Бцы Кипрская называемая Милосердствующая», упоминаются также евангелист Лука как автор иконы и мон-рь,

знаменитый «по всей Греции на острове Кипре».

О том, что название К. и. применяли к самым разным изводам, происхождение к-рых не имело обоснованной связи с Кипром, подтверждают и сохранившиеся иконы, напр. кон. XVIII — нач. XIX в. (ЦМиАР). В центре ее в отдельном киоте представлено поясное изображение Богоматери, Которая смотрит на Младенца, преклоняющего колена и поднимающего ручки перед нисходящим на Него сверху Св. Духом в образе голубя; приподнятые руки Божией Матери также разведены в стороны (жест поклонения), на Ее главе корона, по сторонам — 2 ангела, поддерживающие раму киота («О Тебе радуется»: Рус. иконы Богоматери XVI — нач. XX в.: Кат. выст. М., 1995. Кат. 47. С. 61).

В Успенском соборе Московского Кремля список К. и. был установлен в киоте у сев.-вост. столпа, по левую руку от моленного места цариц, с сев. стороны, лицом к Патриаршему двору, как точно указал в сб. «Солнце Пресветлое» Моховиков (МГУ НБ. № 293. Л. 33). Судя по сохранившейся акварели С. М. Шухвостова «Интерьер Успенского собора» (1851, частное собр.), икона имела богатейший оклад, закрывавший все поле средника, ризы Богоматери и Младенца, с дополнительным платом и короной на главе Божией Матери. Список воспроизводил поясное изображение Богоматери: Она склонилась к Младенцу, Которого держит на левой руке; Его правая ножка опирается на правую руку Божией Матери, а левая согнута в колене так, что лежит горизонтально. К редким деталям относятся полуобнаженный торс Младенца, препоясанные и покрытые золотом багряные ризы, прикрывающие Его ножки, а также плат поверх мафория. Очевидно, именно эта икона в описях 1-й пол. XX в. называется «Кипрская Умиление» (*Толстая.* 2013. С. 249. Примеч. 1–3). В наст. время на этой некогда почитаемой большого размера иконе нет оклада и видно, что ее живописный слой находится под записью, скорее всего упомянутой Моховиковым в нач. XVIII в. как сделанной «ныне же». О почитании в Новое время этой иконы свидетельствуют сохранившиеся иконы разных размеров, иногда с наименованием «Кипрская»: напр., икона малого размера «Богоматерь Кипрская,

со святыми Онуфрием Великим и Петром Афонским на полях» (1-я пол. XIX в., из собр. Н. П. Лихачёва, ГРМ — «Пречистому образу Твоему поклоняемся...». 1995. Кат. 123. С. 198–199). В ковчеге ее средника на золотом фоне написана в традиц. иконописной манере полуфигура Богоматери. Слева от Нее сидит Христос, но так, что левая рука Матери Божией поддерживает Его лишь со спины, а к правой согнутой руке протянута Его полуобнаженная правая ножка. На главе Богоматери поверх обычного вишневого мафория написан красный плат с драгоценной каймой. Обнаженное тело Младенца Христа препоясано синей лентой наподобие диаконского ораля, а чресла и левая ножка прикрыты алой тканью с золотым ассистом. В изображении одеяний, позы Младенца, а также в передаче надписи, икона чрезвычайно близка к оригиналу — иконе из Успенского собора Московского Кремля, но отличается неточным повторением пропорций, неудачным рисунком правой руки Божией Матери, которая на образце служила опорой для Младенца; не удалось иконописцу

повторить наклон головы Богородицы и передать душевное единение Божией Матери и Богомладенца. Та же иконографическая схема с наименованием К. и. встречается в клейме на иконе Божией Матери «Неопалимая купина» (празднование 9 июля) с чудотворными образами Пресв. Богородицы иконописца Кукина (1894, собр. В. А. Бондаренко): в 9-м ряду (справа от центрального образа) в пояском изводе Божия Мать держит обеими руками полулежащего Младенца, облачение Которого составляют покрывающие ножки золотистые ризы и красное препоясание поверх обнаженного тела.

О целительной силе таких икон свидетельствуют предания о К. и. в нижегородской ц. во имя св. Иоанна Предтечи, что на Слободке, по молитвам перед которой прекратилась моровая язва в 1771 г. (*Поселянин Е.* Сказание о чудотворных иконах Богоматери и о Ее милостях роду человеческому. Коломна, [1994]р. С. 279). Лит.: *Покровский Н. В.* Сийский иконописный подлинник. СПб., 1895–1898. 4 вып.; *Смирнов Я. И.* Христианские мозаики Кипра // ВВ. 1897. Т. 4. С. 1–93; *Белоброва О. А.* Кипрский цикл в древнерус. лит-ре. Л., 1972;

она же. Об иконах «Богоматерь Кипрская» и «Богоматерь Киккская» в рус. культуре XVII — нач. XVIII в. // *Она же.* Очерки рус. худож. культуры XVI–XX вв. М., 2005. С. 315–323; *Поздеева И. В.* Вновь найденный сборник Симеона Моховикова с гравюрами Г. П. Тепчегорского // Народная гравюра и фольклор в России XVII–XIX вв. М., 1976. С. 175–198; *Megaw A. H. S., Hawkins E. J. W.* The Church of the Panagia Kanakaria at Lythrankomi in Cyprus: Its Mosaics and Frescoes. Wash., 1977. P. 161–170. (DOS; 14); *Bentchev I.* Bibliographie der Gottesmutterikonen. Bonn, 1992. S. 173; «Пречистому образу Твоему поклоняемся...»: Образ Богоматери в произведениях из собр. Русского музея. СПб., 1995; *Кочетков И. А.* Свод чудотворных икон Богоматери на иконах и гравюрах XVIII–XIX вв. // Чудотворная икона в Византии и Др. Руси / Ред.-сост.: А. М. Лидов. М., 1996. С. 404–420; *он же.* Словарь иконописцев; *Красилин М. М.* Икона «Богоматерь Неопалимая купина с чудотворными иконами Богоматери» // «И по плодам узнается древо»: Рус. иконопись XV–XX вв. из собр. В. А. Бондаренко: Альбом-кат. М., 2003. Кат. 63. С. 540–544; *Кобяк Н. А., Зименко Е. В., Шульгина Э. В.* Новые данные о сборниках «Солнце пресветлое» // Вестн. РГНФ. М., 2010. Вып. 3(60). С. 140–149; *Толстая Т. В.* Визант. и западноевроп. истоки иконографии иконы «Богоматерь Кипрская» из Успенского собора Моск. Кремля // Византия и визант. наследие в России и в мире: Тез. докл. XX Всерос. науч. сессии византинистов (Москва, 3–6 июня 2013 г.). М., 2013. С. 246–249.

**О. В. Лосева, М. А. Маханько,
Н. А. Кобяк**

Библиографические источники (периодические и продолжающиеся издания, энциклопедии и справочники, обзорные монографии, публикации памятников и т. п.)*

ААЭ	Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографическою экспедициею АН. СПб., 1836. 4 т.	БРЭ	Большая российская энциклопедия. М., 2004–[2012]. Т.: Россия, 1–[20]
АВАК	Акты, издаваемые Комиссиею, высочайше учрежденною для разбора древних актов в Вильне. Вильна, 1865–1915. Т. 1–39. Загл. т. 3–19: Акты, издаваемые Виленскою Археографическою комиссиею	БСб	Богословский сборник / ПСТБИ. М., 1997–2005. № 1–13
АДСВ	Античная древность и средние века. Свердловск; Екатеринбург, 1960–[2009]. Вып. 1–[39]	БТ	Богословские труды. М., 1960–[2012]. Сб. 1–[43/44]
АЗР	Акты, относящиеся к истории Западной России, собранные и изданные Археографическою комиссиею. СПб., 1846–1853. 5 т.	ВАИ	Вестник археологии и истории / СПб Археол. ин-т. СПб.; Пг., 1885–1918. 33 вып.
АИ	Акты исторические, собранные и изданные Археографическою комиссиею. СПб., 1841–1842. 5 т.	ВВ	Византийский временник. СПб.; Пг.; Л., 1894–1928. 25 т.; М., 1947–[2011]. Т. 1(26)–[70(95)]
АКавАК	Акты, собранные Кавказскою Археографическою комиссиею / Ред.: А. Берже. Тифлис, 1866–1896. 12 т.	<i>Верюжский.</i> Вологодские святые	<i>Верюжский И., свящ.</i> Исторические сказания о жизни святых, подвизавшихся в Вологодской епархии. Вологда, 1880. М., 1994 ^Р
<i>Амфилохий.</i> Кондакарий <i>Антонова, Мнева.</i> Каталог	<i>Амфилохий (Сергиевский), архим.</i> Кондакарий в греческом подлиннике XII–XIII в. М., 1879 <i>Антонова В. И., Мнева Н. Е.</i> Каталог древнерусской живописи XIV – нач. XVII в.: Опыт ист.-худож. классификации. М., 1963. 2 т. Акты Российского государства / РАН. Ин-т рос. истории и др.; изд. подгот.: Т. Н. Алексинская и др. М., 1998. [Вып.:] Архивы моск. монастырей и соборов XV – нач. XVII в. Архив русской истории / РГАДА. М., 1992–[2007]. Вып. 1–[8]	Вестн. РХД	Вестник Русского христианского движения. П., 1974–. (1925–1974 – см. ВРСХД)
АРГ: АММС	Архив Юго-Западной России, издаваемый Временною комиссиею для разбора древних актов. К., 1859–1911. 8 ч. в 35 т.	ВИД	Вспомогательные исторические дисциплины: Сб. ст. Л., 1968–[2010]. Сб. 1–[31]
Архив РИ	Археографски прилози. Београд, 1979–[2009/2010]. Бр. 1–[31/32]	ВиР	Вера и разум. Х., 1884–1917
АрхПр	Архив Юго-Западной России, издаваемый Временною комиссиею для разбора древних актов. К., 1859–1911. 8 ч. в 35 т.	ВКТСМ	Вкладная книга Троице-Сергиева монастыря. М., 1987
АрхЮЗР	Археографический сб. документов, относящихся к истории Северо-Западной Руси / Изд. при Упр. Виленского учеб. окр. Вильна, 1867–1904. 14 т.	<i>Владимир (Филантропов).</i> Описание	<i>Владимир (Филантропов), архим.</i> Систематическое описание рукописей Московской Синодальной (Патриаршей) библиотеки. М., 1894. Ч. 1: Рукописи греческие
АСЗР	Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси кон. XIV – нач. XVI в. / Отв. ред.: Б. Д. Греков. М., 1952–1964. 3 т.	ВМУ: Ист.	Вестник Московского университета. Сер.: История. М., 1960–.
АСЭИ	Акты феодального землевладения и хозяйства, XIV–XVI вв. / Подгот.: Л. В. Черепнин. М., 1951–1961. 6 вып.	ВМУ: Филол.	Вестник Московского университета. Сер.: Филология. М., 1966–.
АФЗХ	Афонский патерик, или Жизнеописания святых, на Святой Афонской горе просиявших. М., 1897, 1994 ^Р , 2002 ^Р . 2 ч.	ВМУ: Филос.	Вестник Московского университета. Сер.: Философия. М., 1966–.
Афонский патерик	Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России, собранные и изданные Археографическою комиссиею. К., 1863–1892. 15 т.	ВМЧ	Великие Минеи-Четии, собранные Всероссийским митрополитом Макарием / Изд. Археогр. комиссиею. СПб.; М.; Freiburg, 1868–1916, 1997–1998. (Памятники славяно-рус. письменности) Сентябрь, дни 1–13. СПб., 1868; Сентябрь, дни 14–24. СПб., 1869; Сентябрь, дни 25–30. СПб., 1883; Октябрь, дни 1–3. СПб., 1870; Октябрь, дни 4–18. СПб., 1874; Октябрь, дни 19–31. СПб., 1880; Ноябрь, дни 1–12. СПб., 1897; Ноябрь, дни 13–15. СПб., 1899; Ноябрь, день 16. М., 1910; Ноябрь, дни 16–17. М., 1911; Ноябрь, дни 18–22. М., 1914; Ноябрь, дни 23–25. М., 1916 (1917); Декабрь, дни 1–5. М., 1901; Декабрь, дни 6–17. М., 1904; Декабрь, дни 18–23. М., 1907; Декабрь, день 24. М., 1910; Декабрь, дни 25–31. М., 1912; Декабрь, день 31. М., 1914. (Вып. 14, тетр. 1 не до конца); Январь, дни 1–6. М., 1910; Январь, дни 6–11. М., 1914; Март, дни 1–11. Freiburg, 1997; Март, дни 12–25. Freiburg, 1998; Апрель, дни 1–8. М., 1910; Апрель, дни 8–21. М., 1912; Апрель, дни 22–30. М., 1916
АЮЗР	Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России, собранные и изданные Археографическою комиссиею. К., 1863–1892. 15 т.	ВОИДР	Временник Общества истории и древностей российских. М., 1849–1857. 25 т.
<i>Барсуков.</i> Источники агнографии	<i>Барсуков Н. П.</i> Источники русской агнографии. СПб., 1882. Лpz., 1970 ^Р	ВОН	Вестник общественных наук АН Армянской ССР. Ереван, 1943–.
БВ	Богословский вестник. Серг. П., 1892–1918, 1993–[2010]. № 1–[11/12]	ВРСХД	Вестник Русского студенческого христианского движения. Мюнхен и др., 1925–1974
БЛДР	Библиотека литературы Древней Руси. СПб., 1997–[2010]. Т. 1–[16]	ВФ	Вопросы философии. М., 1947–.
<i>Болотов.</i> Лекции	<i>Болотов В. В.</i> Лекции по истории Древней Церкви / Посмертн. изд. под ред. проф. А. Бриллиантова. СПб., 1907–1917. М., 1994 ^Р . Т. 1: Введение в церковную историю; Т. 2: История Церкви в период до Константина Великого; Т. 3: История Церкви в период Вселенских Соборов. [Ч.] 1: Церковь и государство; [Ч.] 2: Церковный строй; Т. 4: История Церкви в период Вселенских Соборов. [Ч.] 3: История богословской мысли	ВФиП	Вопросы философии и психологии. М., 1889–1918
<i>Большаков.</i> Подлинник иконописный	Подлинник иконописный / Изд.: С. Т. Большаков; ред.: А. И. Успенский. М., 1903, 1998 ^Р	ВЦИ	Вестник церковной истории / ЦНЦ «ПЭ». М., 2006–[2012]. № 1–[1/2(25/26)]
		ВЧ	Воскресное чтение. К., 1837–1912
		ВЯ	Вопросы языкознания. М., 1952–.
		<i>Габидзашвили.</i> Переводные памятники	<i>Габидзашвили Э.</i> Переводные памятники древнегрузинской литературы: Библиогр. справ. Тбилиси, 2004–

* Надстрочные знаки после цифры в выходных данных означают: ², ⁶ – номер издания; ^п – переиздание (без номера, перенабор); ^Р – репринт. В сведениях об изданиях, продолжающих выходить, ставится –. после даты начала издания. Полные версии данных таблиц см. в т. 5, 10, 15, 25, 30; аббревиатуры учреждений – в т. 30; рукописные фонды – в т. 32.

	[2012]. Т. 1–[6] (на груз. яз.). 2004. Т. 1: Агиография; 2006. Т. 2: Аскетика и мистика; 2009. Т. 3: Гомилетика; 2009. Т. 4: Библиология. Экзегетика. Апокрифы; 2011. Т. 5: Литургика. Гимнография; 2012. Т. 6: Каноника. Догматика. Полемика	Древний Патерик	Древний Патерик, изложенный по главам: Пер. с греч. / Афонский Русский Пантелеимонов мон-рь. М., 1899 ³ , 1991 ^р
Словарь ГПЦ	Энциклопедический словарь Грузинской Православной Церкви / Сост.: Э. Габидзашвили, М. Мамацашвили, А. Гамбашидзе. Тбилиси, 2007 (на груз. яз.)	ДРИ	Древнерусское искусство: Сб. М.; СПб., 1963–[2009]
Гарднер. Богослужбное пение	Гарднер И. А. Богослужбное пение. Т. 1. Джорд., 1978; Т. 2. Мюнхен, 1982. Серг. П., 1998 ^р . 2 т.	ДРКУ	Древнерусские княжеские уставы XI–XV вв. / Изд. подгот.: Я. Н. Шапов. М., 1976
ГДРЛ	Герменевтика древнерусской литературы: Сб. ст. / ИМЛИ. М., 1989–[2010]. Сб. 1–[15]	ДЧ	Душеполезное чтение. М., 1860–1917
Гимнология	Гимнология: УЗ. Науч. центра рус. церк. музыки им. прот. Д. В. Разумовского Моск. гос. консерватории им. П. И. Чайковского. М., 2000–[2011]. Вып. 1–[6]	Евсеева. Афонская книга	Евсеева Л. М. Афонская книга образцов XV в.: О методе работы и моделях средневекового художника. М., 1998
Голубинский. История РЦ	Голубинский Е. Е. История Русской Церкви. М., 1900–1911. 2 т.; 1997–1998 ^р . 4 т.	ЕжБК	Ежегодная богословская конференция Православного Свято-Тихоновского богословского ун-та: Мат.-лы. М., 1996–.
Канонизация святых	История канонизации святых в Русской Церкви. М., 1903 ^р , 1998 ^р	Ерминия ДФ	Ерминия, или Наставление в живописном искусстве, составленное иеромонахом и живописцем Дионисием Фурноаграфиотом, 1701–1733 / Пер.: еп. Порфирий [Успенский] // ТКДА. 1867. № 7; 1868. № 2, 3, 6, 12. Отд. отт.: К., 1868. М., 1993 ^р
Голубцов. Чиновник	Голубцов А. П. Чиновник новгородского Софийского собора. М., 1899	ЖМВД	Журнал Министерства внутренних дел. СПб., 1829–1861
Чиновники московские	Чиновники московского Успенского собора и выходы патриарха Никона. М., 1908	ЖМНП	Журнал Министерства народного просвещения. СПб.; Пг., 1803–1829, 1834–1917
Горский, Невоструев. Описание	Горский А. В., прот., Невоструев К. И. Описание славянских рукописей Московской Синодальной б-ки. М., 1855–1917. 3 отд. в 6 т.	ЖМП	Журнал Московской Патриархии. М., 1931–1935, 1943–.
ГТГ. Кат. собр.	Государственная Третьяковская галерея: Кат. собр. М., 1995. Т. 1: Древнерусское искусство X – нач. XV в. / Под ред. Я. В. Брука	ЖМП, 1931–1935	Журнал Московской Патриархии в 1931–1935 гг. М., 2001
Губонин. История иерархии	История иерархии Русской Православной Церкви: Коммент. списки иерархов по епископским кафедрам с 862 г. / Сост.: М. Е. Губонин; ПСТГУ. М., 2006	ЖНИР	Жития новомучеников и исповедников российских XX в. / Сост.: игум. Дамаскин (Орловский). Тверь, 2005–. Т. 1: Янв. 2005; Т. 2: Февр. 2005; Т. 3: Март. 2006; Т. 4: Апр. 2006; Т. 5: Май. 2007; Т. 6: Июнь. 2008–.
ДАИ	Дополнения к Актам историческим. СПб., 1846–1872. 12 т.	ЖНИР: Моск.	Жития новомучеников и исповедников российских XX века Московской епархии / Игум. Дамаскин (Орловский) и др.; под ред. митр. Крутицкого Ювеналия [Пояркова]. Тверь, 2002–2005. [Т. 1]: Янв.–май; [Т. 2]: Июнь–авг.; [Т. 3]: Сент.–окт.; [Т. 4]: Ноябрь; [Т. 5]: Дек.; Доп. т. 1–3
Дамаскин	Дамаскин (Орловский), иером. Мученики, исповедники и подвижники благочестия Российской Православной Церкви XX столетия. Тверь, 1992–2002. 7 кн.; 2005 ³ . Кн. 1–4	Жордания. Хроники	Жордания Ф. Д. Хроники и др. материалы по истории Грузии. Тбилиси, 1892, 2004 ² . Т. 1; 1897, 2006 ² . Т. 2; 1967. Т. 3 (на груз. яз.)
ДВС	Деяния Вселенских Соборов: В 4 т. Каз., 1908–1912. СПб., 1996–1997 ^р	ЖПодв	Жизнеописания отечественных подвижников благочестия XVIII и XIX веков. М., 1906–1912, 1994–2000 ^р . 14 т.
ДГВЕ	Древнейшие государства Восточной Европы: [Ежег.]. М., 1991–. (до 1990 – ДГСССР)	ЖСв	Жития святых, на русском языке изложенные по руководству Четьих Миней свт. Димитрия Ростовского: С доп., объяснит. примеч. и изобр. святых. Сент.–авг. М., 1903–1911 ² . Кн. доп. 1–2: Жития русских святых. Сент.–дек. М., 1908. Янв.–апр. М., 1916, 1991–1994 ^р . 12 кн., 2 кн. доп.
ДДГ	Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. / Подгот.: Л. В. Черепнин. М., 1950	За Христа пострадавшие	За Христа пострадавшие: Гонения на Русскую Православную Церковь, 1917–1956. М., 1997–. Кн. 1–.
Денисов	Денисов Л. И. Православные монастыри Российской империи: полный список всех 1105 ныне действующих в 75 губерниях и областях России. М., 1908	ЗБМСКJ	Зборник Матице Српске за књижевност и језик. Нови Сад, 1953/1954–[2011]. Кн. 1–[59]
Димитрий (Самбикин). Месяцеслов	Димитрий (Самбикин), архиеп. Месяцеслов святых, всею Русскою Церковию или местно чтимых. Вып. 1–4: Сент.–Дек. Каменец-Подольск, 1892–1895; Вып. 5–12: Янв.–Авг. Тверь, 1897–1902 ²	Зверинский	Зверинский В. В. Материалы для историко-топографического исследования о православных монастырях в Российской империи: С библиогр. указ. СПб., 1890–1897. 3 т.; 2005 ^р
ДК	Духовна культура: Ежемесячно списание за религия, философия, наука и искусство. София, 1920/1921–[2009]	ЗВОРАО	Записки Восточного отделения РАО. СПб., 1887–1912. 20 т.
Дмитриевский. Описание	Дмитриевский А. А. Описание литургических рукописей, хранящихся в библиотеках Православного Востока. Т. 1: Τυτκά. К., 1895; Т. 2: Εὐχολόγια. 1901; Т. 3: Τυτκά. Π., 1917	ЗИАН	Записки Имп. Академии наук. СПб., 1862–1895
ДНР	Древняя и новая Россия. СПб., 1875–1881	ЗИФФ	Записки историко-филологического факультета С.-Петербургского ун-та. СПб.; Пг., 1876–1918. 143 ч.
ДРВ	Древняя российская вивлиофика. СПб., 1773–1775. 10 ч.; 1788–1791 ² . 20 ч.; переизд.: Мышкин, 1894–1906. Т. 1–5. Продолж.: СПб., 1786–1801; переизд.: Мышкин, 1894–1906. Т. 6–7	ЗНТШ	Записки наукового товариства ім. Т. Шевченка. Львів, 1892–1937. Т. 1–155; 1990–[2009]. Т. 208–[257]. Мюнхен; П.; Рим; Н.-Й., 1948–1987. Т. 156–207
ДРВМ	Древняя Русь: Вопр. медиевистики / РАЕН. М., 2000–.	ЗОРСА	Записки Отделения русской и славянской археологии Русского Археологического общества. СПб., 1851–1918. 13 т.
Древние иноческие уставы	Древние иноческие уставы / [Собр.: свт. Феофан Затворник]. М., 1892, 1994 ^р	ЗРАГ	Записки Русской академической группы в США. Н.-Й., 1967–[2006]. № 1–[34]

ИА	Исторический архив. М.; Л., 1936–1953. М., 1955–.		
ИБ ОВЦС МП	Информационный бюллетень Отдела внешних церковных связей Московского Патриархата. М., 1968–.	Миняя (МП)	Свод описаний; [Т. 3]: Прориси и переводы с икон из собрания Пушкинского Дома [Миняя Служебная («месячная»);] Миняя: [В 12 т.]. М.: Моск. Патриархия, 1978–1989. Т. 1: Сентябрь. 1978; Т. 2: Октябрь. 1980; Т. 3. Ч. 1: Ноябрь. 1980; Ч. 2: Ноябрь. 1981; Т. 4. Ч. 1: Декабрь. 1982; Ч. 2: Декабрь. 1982; Т. 5. Ч. 1: Январь. 1983; Ч. 2: Январь. 1983; Т. 6: Февраль. 1981; Т. 7. Ч. 1: Март. 1984; Ч. 2: Март. 1984; Т. 8. Ч. 1: Апрель. 1985; Ч. 2: Апрель. 1985; Т. 9. Ч. 1: Май. 1987; Ч. 2: Май. 1987; Ч. 3: Май. 1987; Т. 10. Ч. 1: Июнь. 1986; Ч. 2: Июнь. 1986; Т. 11. Ч. 1: Июль. 1988; Ч. 2: Июль. 1988; Ч. 3: Июль. 1988; Т. 12. Ч. 1: Август. 1989; Ч. 2: Август. 1989; Ч. 3: Август. 1989. Гражд. шрифт
ИБ	Исторический вестник. СПб., 1880–1917		
ИИАК	Известия Имп. Археологической комиссии. СПб., 1901–1918. 65 вып.		
ИИБЛ	Известия на Института за българска литература. София, 1952–1960. Кн. 1–9 (далее: ИИЛ)		
ИОРЯС	Известия Императорской Академии наук по Отделению русского языка и словесности. СПб., 1852–1863. 14 т.; Известия Отделения русского языка и словесности Императорской Академии наук. СПб.; Пг., 1896–1916. 21 т.; Известия Отделения русского языка и словесности Российской Академии наук. Пг.; Л., 1917–1927. Т. 22–32; Известия по русскому языку и словесности. Л., 1928–1930. Т. 1–3	МИЦ	Материалы по истории Церкви: [Сер.] / Крутицкое Патриаршее подворье. М., 1992–[2011]. Кн. 1–[47]
ИРИ	История российской иерархии / Сост.: архим. Амвросий (Орнатский). СПб., 1807–1815. 6 т. в 7 кн.	Моск. Собор, 1666–1667	Деяния Московских Соборов 1666 и 1667 гг. М., 1892 ²
ИФЖ	Ratma-Banasirakan Handes = Историко-филологический журнал АН Армянской ССР. Ереван, 1958–.	НИС	Новгородский исторический сборник / ГАИМК. Л., 1936–1961. Вып. 1–10; 1981–[2011]. Вып. 1(12)–[11(22)]
ИХМ	Искусство христианского мира: Сб. ст. / ПСТБИ. М., 1997–[2009]. Вып. 1–[11]	НовгорЛет	Новгородские летописи (т. н. Новгородская 2-я и Новгородская 3-я летописи) / Сост.: А. Ф. Бычков. СПб., 1879
<i>Кекелидзе</i> . Литургические груз. памятники	<i>Кекелидзе К. С., прот.</i> Литургические грузинские памятники в отечественных книгохранилищах и их научное значение. Тифлис, 1908	НПЛ	Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов / Ред., предисл.: А. Н. Насонов. М.; Л., 1950, 2000 ^Р
КМЕ	Кирило-Методиевска енциклопедия / Гл. ред.: П. Динев. София, 1985–2003. 1985. Т. 1: А–З; 1995. Т. 2: И–О; 2003. Т. 3: П–С; Т. 4: Т–Я, доп. Кирило-Методиевски студии. София, 1984–[2009]. Кн. 1–[16]	«Обновленческий» раскол	«Обновленческий» раскол: Мат-лы для церк.-ист. и канонической характеристики / Сост.: И. Соловьёв. М., 2002. (МИЦ; Кн. 27)
КМС	Словарь русских иконописцев XI–XVII вв. / Ред.-сост.: И. А. Кочетков. М., 2003, 2009 ²	ОДДС	Описание документов и дел, хранящихся в архиве Святейшего правительствующего Синода. СПб., 1868–1915. 22 т.
<i>Кочетков</i> . Словарь иконописцев	<i>Красносельцев</i> . Словарь русских иконописцев XI–XVII вв. / Ред.-сост.: И. А. Кочетков. М., 2003, 2009 ²	Октоих	Октоих, сиречь Осмогласник. М., 1981. 3 ч. М.: Свято-Успенский Псково-Печер. мон-рь; Изд. отд. Моск. Патриархата, б. г. Т. 1: Главы 1–4; Т. 2: Главы 5–8
Рукописи Ватиканской б-ки	Сведения о некоторых литургических рукописях Ватиканской библиотеки с замечаниями о составе и особенностях богослужебных чинопоследований, в них содержащихся, и с прил. Каз., 1885	Описание Киево-Печерской лавры	Описание Киево-Печерской лавры с присовокуплением разных грамот и выписок, объясняющих оное, также планов лавры и обеих пещер / Сост.: митр. Евгений (Болховитинов). К., 1847 ³
Уставы литургии	Материалы для истории чинопоследования литургии св. Иоанна Златоустого / Сост.: Н. Ф. Красносельцев // ПС. [Вып. 1]: 1889. Т. 1. С. 1–32; Т. 2. С. 33–114; Вып. 2: 1896. Т. 1. С. 1–8	Описание о российских святых	Книга, глаголемая Описание о российских святых / Публ. и доп.: М. В. Толстой. М., 1887, 1995 ^Р
КСИИМК	Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Ин-та истории материальной культуры АН СССР. Л.; М., 1939–1958. 80 т.	Отеч. арх.	Отечественные архивы. М., 1992–.
КЦ	Картлис Цховреба / Ред.: С. Г. Каухчишвили. Тбилиси, 1955. Т. 1; 1959. Т. 2; 1975. Т. 4 (на груз. яз.)	<i>Павел Алептский</i> . Путешествие	<i>Павел Алептский, архидиак.</i> Путешествие Антиохийского Патр. Маркария в Россию в пол. XVII в., описанное его сыном / Пер. с араб.: Г. Муркос // ЧОИДР. 1896. Вып. 1; 1897. Вып. 2; 1898. Вып. 3–4; 1900. Вып. 5; То же. М., 2005
<i>Леонид (Кавелин)</i> . Св. Русь	<i>Леонид (Кавелин), архим.</i> Святая Русь, или Сведения о всех подвижниках благочестия на Руси / ОЛДП. СПб., 1891	ПБЭ	Православная богословская энциклопедия, или Богословский энциклопедический словарь / Ред.: А. П. Лопухин, Н. Н. Глубоковский. СПб., 1900–1911. Т. 1–12: А–Константинополь
<i>Лисицын</i> . Обзор	<i>Лисицын М. А.</i> Обзор духовно-музыкальной литературы. СПб., 1901, 1902 ²	ПВКДА	Памятники, изд. Временной комиссией для разбора древних актов. К., 1845, 1846, 1852, 1859. 4 т.
<i>Лопарёв</i> . Каталог алекс. патриархов	<i>Лопарёв Хр.</i> [Каталог патриархов Александрийской Церкви] // <i>Порфирий (Успенский), еп.</i> Александрийская Патриархия: Сб. мат-лов, исслед. и записок. СПб., 1898. Т. 1. С. 1–СХХVII	ПВЛ	Повесть временных лет. М.; Л., 1950. Ч. 1: Текст и перевод / Подгот. текста, пер.: Д. С. Лихачёв, Б. А. Романов; Ч. 2: Прил. СПб., 1996 ² . М., 1997 ³
<i>Лопухин</i> . Толковая Библия	Толковая Библия: В 11 т. / Под ред. А. П. Лопухина, Н. Н. Глубоковского. СПб., 1904–1911. Стокгольм, 1987 ^Р . 11 т. в 3 пер.	ППП	Памятники грузинского права: Тексты / Сост. и ред.: И. Долидзе; АН Груз. ССР. Тбилиси, 1963. Т. 1: Сб. судебных Вахтанга VI; 1965. Т. 2: Светские законодательные памятники (X–XIX вв.); 1970. Т. 3: Церковные законодательные памятники (XI–XIX вв.); 1971. Т. 4: Судебные решения (XVI–XVIII вв.); 1974. Т. 5: Судебные решения (XVIII в.); 1977. Т. 6: Судебные решения (XVIII–XIX вв.) (на груз. яз.)
<i>Макарий</i> . История РЦ	<i>Макарий (Булгаков), митр.</i> История Русской Церкви. СПб., 1864–1886. 12 т. М., 1994–1998 ^Р . 7 кн.	ПДП; ПДПИ	Памятники древней письменности [и искусства]. СПб., 1878–1925. 190 вып.
<i>Мануил</i> . Русские иерархи, 1893–1965	<i>Мануил (Лемешевский), митр.</i> Русские православные иерархи периода с 1893 по 1965 г. Erlangen, 1979–1988. 6 т.		
<i>Маркелов</i> . Святые Др. Руси	<i>Маркелов Г. В.</i> Святые Древней Руси. СПб., 1998. Т. 1: Святые Древней Руси в прорисях и переводах с икон XV–XIX вв.: Атлас; Т. 2:		

ПДРКП	Памятники древнерусского канонического права / Ред.: А. С. Павлов. СПб., 1908 ² . Ч. 1: Памятники XI–XV вв. (РИБ; Т. 6)		
<i>Пентковский.</i> Типикон	<i>Пентковский А. М.</i> Типикон Патриарха Алексия Студита в Византии и на Руси / МДА, Ин-т рус. яз. РАН. М., 2001	<i>Сергий (Спасский).</i> Месяцеслов <i>Сильвестр</i> [<i>Малеванский</i>], еп. Богословие СИСПРЦ	прот. П. Преображенский; доп., сост., общ. ред.: А. Г. Дунаев. СПб., 1999 <i>Сергий (Спасский), архиеп.</i> Полный Месяцеслов Востока. Владимир, 1901 ² . М., 1997 ^р . 3 т. <i>Сильвестр [Малеванский], еп.</i> Опыт православного догматического богословия. К., 1892. Т. 1–2; 1889. Т. 3–4; 1891. Т. 5 Словарь исторический о святых, прославленных в Российской Церкви, и о некоторых подвижниках благочестия, местночтимых / Сост.: Д. А. Эрстов, М. Л. Яковлев. СПб., 1862. М., 1990 ^р
ПККДА	Памятники, изданные Киевской комиссией для разбора древних актов. К., 1897–1898. 3 т. Памятники культуры. Новые открытия. М., 1975–[2008]	СККДР	Словарь книжников и книжности Древней Руси. Л., 1987. Вып. 1 (XI – 1-я пол. XIV в.); 1988–1989. Вып. 2. Ч. 1–2 (2-я пол. XIV–XVI в.). СПб., 1992. Вып. 3 (XVII в.). Ч. 1; 1993. Ч. 2; 1998. Ч. 3; 2004. Ч. 4
ПКНО	Памятники культуры. Новые открытия. М., 1975–[2008]		
ПМ	Православная мысль. П., 1928–[1971]. Вып. 1–[14]		
ПО	Православное обозрение. М., 1860–1891		
<i>Польский</i>	<i>Польский М., прот.</i> Новые мученики российской. Джорд., 1949–1957. М., 1993 ^р . 2 ч. <i>Порфирий (Успенский), еп.</i> Александрийская Патриархия: Сб. мат-лов, исслед. и записок. СПб., 1898. Т. 1	Смолич. История РЦ	<i>Смолич И. К.</i> История Русской Церкви. 1700–1917. М., 1996–1997. (История РЦ; Кн. 8. 2 ч.)
<i>Порфирий (Успенский).</i> Алекс. Патриархия	Православный палестинский сборник. СПб.; Пг., 1881–1916. Вып. 1–62; Палестинский сборник. М.; Л., 1954–1993. Вып. 1(63)–32(95); Православный палестинский сборник. СПб., 1998–[2012]. Вып. 96(33)–[108]	<i>Снегирева.</i> Земная жизнь Пресв. Богородицы	<i>Снегирева С.</i> Земная жизнь Пресвятой Богородицы и описание святых чудотворных Ее икон, чтимых Православною Церковью, на основании Свящ. Писания и церковных преданий, с изображением в тексте праздников и икон Божией Матери. СПб., 1892 ² . М., 1997 ^р . Ярославль, 1994, 1998 ^р
ППС	Православный палестинский сборник. СПб.; Пг., 1881–1916. Вып. 1–62; Палестинский сборник. М.; Л., 1954–1993. Вып. 1(63)–32(95); Православный палестинский сборник. СПб., 1998–[2012]. Вып. 96(33)–[108]		
ПрибЦВед	Прибавления к Церковным ведомостям. СПб., 1888–1918	Сов. Арх.	Советская археология. М., 1951–1992. № 1 (далее: Российская археология)
ПрТСО	Прибавления к Творениям святых отцов в русском переводе. М., 1844–1891	<i>Соловьев.</i> История	<i>Соловьев С. М.</i> История России с древнейших времен. М., 1851–1879. 29 т.; 1959–1966 ^р . 15 т.; 1988–1999 ^р . 18 кн.
ПС	Православный собеседник. Каз., 1855–1916, 2000–.	Сосуд избранный	Сосуд избранный / Сост.: М. Скляров. СПб., 1994. [Вып. 1:] История рос. духовных школ в ранее не публиковавшихся трудах, письмах деятелей РПЦ, а также в секретных документах руководителей сов. гос-ва, 1888–1932; 2000. Вып. 2: Памяти В. В. Болотова
ПСЗ	Полное собрание законов Российской империи. Собр. 1: (1640 – 12 дек. 1825). СПб., 1826–1830. 45 т.		
2 ПСЗ	Полное собрание законов Российской империи. Собр. 2: (12 дек. 1825 – 1 марта 1881). СПб., 1830–1884. 55 т.		
ПСПиР	Полное собрание постановлений и распоряжений по Ведомству православного исповедания. СПб., 1869–1911, 1915–1916. 10 т., т. доп.		
ПСРЛ	Полное собрание русских летописей. СПб., 1846–1921. Т. 1–24. М.; Л.; СПб., 1949–1994. Т. 25–39. М., 1994–2008. Т. 40–43. См. также: НПЛ, ПВЛ	СПАМИР	Свод памятников архитектуры и монументального искусства России. М., 1997–[2009]
ПЭ	Православная энциклопедия / Моск. Патриархия, ЦНЦ «ПЭ». М., 2000–[2013]. Т.: РПЦ, 1–[32]	СПбДВ	Санкт-Петербургский духовный вестник. 1895–1901
РА	Русский архив. М., 1863–1917	СПбЕВ	Санкт-Петербургские епархиальные ведомости. Л.; СПб., 1990–.
РИБ	Русская историческая библиотека, издаваемая Археографическою комиссиею. СПб.; Л., 1872–1927. 39 т.	<i>Срезневский.</i> Словарь	<i>Срезневский И. И.</i> Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. СПб., 1893–1912. М., 2003 ^р . 3 т.
РМГ	Русская музыкальная газета. СПб., 1894–1917	СРМ	Сообщения Ростовского музея. Ростов; Ярославль, 1991–[2010]. Вып. 1–[18]
<i>Ровинский.</i> Народные картинки Обозрение иконописания	<i>Ровинский Д. А.</i> Русские народные картинки. СПб., 1881. 4 кн. Обозрение иконописания в России до кон. XVII в. СПб., 1903	ССл	Советское славяноведение. М., 1965–1992 (с № 2 за 1992 – Славяноведение)
<i>Родосский.</i> Словарь студентов СПбДА	<i>Родосский А. С.</i> Биографический словарь студентов первых XXVIII курсов СПбДА, 1814–1869 гг. СПб., 1907	СтБЛ	Старобългарска литература: Енцикл. речник / Сост.: Д. Петканова. София, 1992
Рос. Арх.	Российская археология (с № 2 за 1992, ранее – Советская археология)	<i>Строев.</i> Списки иерархов	<i>Строев П. М.</i> Списки иерархов и настоятелей монастырей Российской Церкви. СПб., 1877. Köln; W., 1990 ^р
РФА	Русский феодальный архив XIV – 1-й трети XVI в. М., 1986–1992. 5 вып.; 2008. [Вып. 6]	ТКДА	Труды Киевской Духовной Академии. К., 1860–1917, 1999–[2012]. № 1–[16] [с 1999 – на укр. яз.]
РФВ	Русский филологический вестник. Варшава, 1879–1915. Т. 1–74. М., 1916. Т. 75–76. Пг., 1917. Т. 77–78. М., 1994–. Т. 79–.	ТОДРЛ	Труды Отдела древнерусской литературы / Ин-т рус. яз. и лит-ры (ПД). Л.; СПб., 1934–[2010]. Т. 1–[61]
СбНУНК	Сборник за народни умотворения, наука и книжнина. София, 1889–[2007]. Т. 1–[63]	<i>Фартусов.</i> Руководство к писанию икон	<i>Фартусов В. Д.</i> Руководство к писанию икон святых угодников Божиих в порядке дней года: Опыт пособия для иконописцев. М., 1910, 2002 ^р
СБОРЯС	Сборник статей, читанных в Отделе русского языка и словесности АН. СПб.; Пг.; Л., 1867–1928. 101 т.	<i>Филарет (Гумилевский).</i> Песнопевцы	<i>Филарет (Гумилевский), архиеп.</i> Исторический обзор песнопевцев и песнопения Греческой Церкви. СПб., 1902. Серг. П., 1995 ^р
СБРИО	Сборник Императорского Русского исторического общества. СПб.; Пг., 1867–1916. 148 т.	РСв	Русские святые, чтимые всею Церковью или местно. Чернигов, 1861–1865. 12 кн.; 1865 ² . 3 кн. СПб., 1882 ³ . 3 кн.; 2008 ^р
СГД	Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в государственной Коллегии иностранных дел. СПб.; М., 1813–1894. 5 т.	<i>Филарет Московский, свт.</i> Собр. мнений	<i>Филарет Московский, свт.</i> Собрание мнений и отзывов... по учебным и церковно-государственным вопросам / Ред.: архиеп. Савва (Тихомиров). М., 1883–1888. 5 т.
СДХА	Сочинения древних христианских апологетов / Введ., пер. с древнегреч., лат. и примеч.: прот. П. Преображенский; доп., сост., общ. ред.: А. Г. Дунаев. СПб., 1999		

Иконописный подлинник сводной редакции XVIII в. / Ред.: Г. Д. Филимонов. М., 1874

Флоровский Г., прот. Пути русского богословия. П., 1937, 1988⁴. Вильнюс, 1991^Р
Христианское чтение / СПбДА. СПб., 1821–1917, 1991–[2012]. № 1–[43]

Церковные ведомости. СПб., 1888–1918
Церковь и время / ОВЦСМП. М., 1991–[2011]. № 1–4[57]

Цыпин В. А., прот. История Русской Церкви, 1917–1997. М., 1997. (История РЦ; Кн. 9)

Чтения в Историческом обществе Нестора Летописца. К., 1879–1914. 24 кн.

Чтения в Обществе истории и древностей российских. М., 1846–1848, 1858–1918 (ранее: Русский ист. сб. (1837–1844. 7 т.), затем ВОИДР (1849–1857))

Чтения в Обществе любителей духовного просвещения. М., 1863–1917

Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. СПб., 1890–1907. 41 (82+4) т.

Ягич И. В. Служебные Миней за сент., окт. и нояб. в церковнослав. переводе по рус. рукописям 1095–1096 гг. СПб., 1886

Acta Conciliorum Oecumenicorum / Ed. E. Schwartz, contin. J. Straub. Strassburg; B.; Lpz., 1914–1984. 4 t. (15 vol.)

Acta proconsularia S. Cypriani / Ed. W. Hartel // *Cypriani Opera omnia*. W., 1868. P. CXI–CXIII. (CSEL; 3); Idem: *Reitzenstein R.* Die Nachrichten über den Tod Cyprians: ein philol. Beitr. z. Geschichte d. Martyrerliteratur // SHAW. 1913. Bd. 4. Abh. 14

Acta Sanctorum quotquot toto orbe coluntur, vel a catholicis scriptoribus celebrantur / Ex Latinis et Graecis aliarumque gentium antiquis monumentis collegit, digessit, notis illustr. Ioannes Bollandus etc. Antw., 1643–1894. P., 1863–1870³. Brux., 1925–1930

Ianuarii. Antverpiae, 1643. 2 t. P., 1863³;

Februarii. Antverpiae, 1658. 3 t. P., 1863³;

Martii. Antverpiae, 1668. 3 t. P., 1863³;

Aprilii. Antverpiae, 1675. 3 t. P., 1863³;

Maii. Antverpiae, 1675. T. 1–3; 1685. T. 4–5; 1688. T. 6–7. P., 1864³;

Iunii. Antverpiae, 1695. T. 1; 1698. T. 2; 1701. T. 3; 1707. T. 4; 1709. T. 5; 1714–1717. T. 6; 1717. T. 7. P., 1865³;

Iulii. Antverpiae, 1719. T. 1; 1721. T. 2; 1723. T. 3; 1725. T. 4; 1727. T. 5; 1729. T. 6; 1731. T. 7. P., 1866³;

Augusti. Antverpiae, 1733. T. 1; 1735. T. 2; 1737. T. 3; 1739. T. 4; 1741. T. 5; 1743. T. 6. P., 1867³;

Septembris. Antverpiae, 1746. T. 1; 1748. T. 2; 1750. T. 3; 1753. T. 4; 1755. T. 5; 1757. T. 6; 1760. T. 7; 1762. T. 8. P., 1868³;

Octobris. Antverpiae, 1765. T. 1; 1768. T. 2; 1770. T. 3; 1780. T. 4; 1786. T. 5; 1794. T. 6; 1845. T. 7; 1853. T. 8; 1858. T. 9; 1861. T. 10; 1864. T. 11; 1867. T. 12; 1883. T. 13. P., 1869–1870³ (T. 1–11); Supplementum ad ActaSS Oct. T. 1–6. Antverpiae, 1869;

Novembris. Antverpiae, 1887. T. 1; 1894. T. 2. Pars 1. Brux., 1925. T. 4; 1931. T. 2. Pars 2.

Indices ad ActaSS. Ian.–Oct. P., 1869–1870

Annarium historiae conciliorum: Intern. Zschr. für Konziliengeschichtsforschung. Paderborn, 1969–[2009]. Bd. 1–[41]

Analecta hymnica medii aevi. Lpz., 1886–1922, 1965⁵. 55 vol.; Analecta hymnica: Reg. / Hrsg. M. Lütolf. Bern; Münch., 1978

Aldhelmus Schireburnensis. De laudibus virginitatis sive de virginitate sanctorum // PL. 89. Col. 103–161

Alexander Aphrodisiensis. In Aristotelis Metaphysica Commentaria. B., 1891. (CAG; 1)

Ammianus Marcellinus. Res gestae // Rerum gestarum libri qui supersunt / Ed. W. Seyfarth. Lpz.,

Analecta OSBM

CPECUB

Anast. Sin. Quaest.

AnatSt

AnBoll

AnGreg

AnnBSA

ANRW

Apophthegmata

Patrum

Apopht. Patr. (Guy)

Arist.

EN

Met.

Rhet.

Top.

Arranz. Typicon

ASPh

Assemani. BO

Aug.

Confess.

Contr. acad.

Contr. Cresc.

Contr. Julian.

Contr. secund. Julian.

Contr. serm. arian.

De bapt. contr. donat.

De civ. Dei

1978. 2 t. (BSGRT) (рус. пер.: *Аммиан Марцеллин.* История / Пер.: Ю. А. Кулаковский при участии проф. А. Сонни. К., 1906–1908. Т. 1–3; *он же.* Римская история. СПб., 1994²)
Analecta Ordinis S. Basilii Magni = Записки Чину Св. Василия Великого. Ser. 1. R., 1924–1939. Vol. 1–6; Ser. 2, sect. 1–3. R., 1949–. Sect. 1: Opera. 1950–.; Sect. 2: Articuli, documenta collectanea, miscellanea bibliographia. 1949–[1996]. Vol. 1(7) – 15(21); Sect. 3: Documenta ex archivis Romanis. 1952–.

Congregationes particulares ecclesiam catholicam Ucrainae et Bielarussiae spectantes

Anastasius Sinaita. Quaestiones et responsiones / Ed. M. Richard, J. A. Munitiz. Turnhout, 2006. (CCSG; 59)

Anatolian Studies. Ankara; Camb., 1951–[2011]. Vol. 1–[61]

Analecta Bollandiana. Brux., 1882–[2011]. Vol. 1–[129]

Analecta Gregoriana: Ser. R., 1930–[2012]. T. 1–[317]

Annual of the British School at Athens. L., 1895–[2011]. N 1–[106]

Aufstieg und Niedergang der römischen Welt / Hrsg. H. Temporini. B., 1972–.

Apophthegmata Patrum // PG. 65. Col. 71–442

[Apophthegmata Patrum] = Les apophtegmes des Pères: Coll. syst. / Introd., texte crit., trad. et not. par J.-Cl. Guy. P., 1993, 2003, 2005. 3 vol. (SC; 387, 474, 498)

Aristoteles.

Ethica Nicomachea / Ed. I. Bywater. Oxf., 1894, 1962¹ (рус. пер.: *Аристотель.* Никомахова этика // Соч.: В 4 т. М., 1984. Т. 4. С. 53–294)

Metaphysica / Ed. W. D. Ross. Oxf., 1924, 1953², 1970¹. Vol. 1: 980a21–1028a6; Vol. 2: 1028a10–1093b29 (рус. пер.: *Аристотель.* Метафизика // Соч.: В 4 т. М., 1975. Т. 1. С. 65–367)

Rhetorica / Ed. W. D. Ross. Oxf., 1959, 1964¹ (рус. пер.: *Аристотель.* Риторика / Пер.: Н. Платонова. СПб., 1894, 2007)

Topica / Ed. W. D. Ross. Oxf., 1958, 2004¹ (рус. пер.: *Аристотель.* Топика // Соч.: В 4 т. М., 1978. Т. 2. С. 347–531)

Arranz M. Le typicon du monastère du Saint-Sauveur à Messine: Codex Messinensis gr. 115. A. D. 1131. R., 1969. (OCA; 185)

Archiv für slawische Philologie. B., 1875–1929. 42 Bde

Assemani J. S. Bibliotheca Orientalis. R., 1719–1728. 4 t.

Augustinus Hipponensis.

Confessionum, lib. I–XIII // PL. 32. Col. 659–869 (рус. пер.: *Августин, блж.* Исповедь / Пер.: М. Е. Сергеев. М., 2000. СПб., 2011)

Contra academicos // PL. 32. Col. 903–958 (рус. пер.: *Августин, блж.* Против академиком // Творения. К., 1905. Ч. 4. С. 1–104; То же // *Он же.* О бессмертии души: Сб. М., 2004. С. 3–91; То же / Пер. и коммент.: О. В. Голова. М., 1999)

Contra Cresconium grammaticum partis Donati // CSEL. 52. P. 325–582

Contra Julianum pelagianum // PL. 44. Col. 641–874

Contra secundam Juliani responsionem imperfectum opus // PL. 45. Col. 1049–1608

Contra sermonem arianorum // PL. 42. Col. 683–708

De baptismo contra donatistas // PL. 43. Col. 107–244

De civitate Dei, lib. I–XXII // PL. 41. Col. 13–801 (рус. пер.: *Августин, блж.* О Граде Божием // Творения. Ч. 3 (кн. 1–7); Ч. 4 (кн. 8–13);

	Ч. 5 (кн. 14–17); Ч. 6 (кн. 18–22). К., 1906–1910 ² . М., 1994 ^р . Т. 1–4)	CCSH	Ser. Hagiographies. 1994–;
De doctr. christ.	De doctrina christiana // PL. 34. Col. 35–81 (рус. пер.: <i>Августин, блж.</i> О христианском учении / Пер.: С. С. Неретина // Антология средневеков. мысли. СПб., 2001. Т. 1. С. 66–112; др. пер.: Христианская наука. К., 1835; То же: Христианская наука, или Основания священной герменевтики и церковного красноречия: Сб. СПб., 2006. С. 31–228)	CCSL	Ser. Latina. 1953–
	De dono perseverantiae // Pl. 45. Col. 993–1054 (рус. пер.: <i>Августин, блж.</i> О даре пребывания / Пер. с лат.: Д. В. Смирнов // <i>Он же.</i> Антипелагианские сочинения позднего периода. М., 2008. С. 381–457)	Cicero.	<i>Marcus Tullius Cicero.</i>
De dono persev.	De gestis Pelagii // PL. 44. Col. 319–360; Idem // CSEL. 43. P. 49–122	De natura deorum	De natura deorum: Academica. Camb., 1956 (рус. пер.: <i>Цицерон Марк Туллий.</i> О природе богов / Пер.: М. И. Рижский // <i>Он же.</i> Философские трактаты. М., 1997 ² . С. 47–146)
De gest. Pelag.	Sermones 1–50 // <i>Sancti Aurelii Augustini</i> Sermones de Vetere Testamento / Ed. C. Lambot. Turnhout, 1961. (CCSL; 41); Sermones 51–340 // PL. 38. Col. 332–1484; Sermones 341–396 // PL. 39. Col. 1493–1718 (рус. пер.: <i>Августин, блж.</i> Проповеди. 1–23 / Пер.: прот. Д. Садовский. Серг. П., 1913; То же // <i>Он же.</i> Христианская наука. СПб., 2006. С. 273–508; Проповеди / Пер., коммент.: свящ. М. Е. Козлов // <i>АиО.</i> 1996. № 1(8). С. 65–77; Проповеди / Пер.: С. А. Степанцов // <i>ВДИ.</i> 2007. № 3. С. 243–250)	De offic.	De officiis // <i>Marcus Tullius Cicero.</i> De officiis / Transl. W. Miller. Camb., 1913
Serm.	<i>Aulus Gellius. Noctes Atticae</i> / Ed. C. Hosius. Lpz., 1903	CIS 4	Corpus Inscriptionum Semiticarum. Pt. 4: Inscriptiones Himyariticae et Sabaeae. P., 1889
<i>Aul. Gell. Noct.</i>	<i>Basilii Cesariensis Cappadociae (Magnus).</i> Homilia 22: ad adolescentes, sermo de legendis libris gentium // PG. 31. Col. 563–590 (рус. пер.: <i>Василий Великий, свт.</i> К юношам, о том, как пользоваться языческими сочинениями // <i>ТСОП.</i> 1846. Т. 8. Кн. 3. С. 344–366)	<i>Clem. Alex. Protrept.</i>	<i>Clemens Alexandrinus.</i> Cohortatio ad gentes = Λόγος προτροπικός // PG. 8. Col. 49–246 (рус. пер.: <i>Климент Александрийский.</i> Увещание к язычникам. СПб., 1998)
<i>Basil. Magn. Hom. 22</i>	<i>Baumstark A. Geschichte der syrischen Literatur.</i> Bonn, 1922	Strom.	Stromata I–VIII // PG. 8. Col. 685–930; Stromata, Buch I–VI. B., 1939, 1985 ⁴ (рус. пер.: <i>Климент Александрийский.</i> Строматы. Кн. I–VII / Пер., коммент.: Е. В. Афонасин. СПб., 2003. Т. 1–3)
<i>Baumstark. Geschichte Bedjan. Acta</i>	Acta Martyrum et Sanctorum / Ed. P. Bedjan. P.; Lpz., 1890. Т. 1; 1891. Т. 2; 1892. Т. 3; 1894. Т. 4; 1895. Т. 5; 1896. Т. 6; 1897. Т. 7	CPF	Corpus dei papiri filosofici greci e latini (CPF): Testi e lessico nei papiri di cultura greca e latina / Unione acad. Naz. [ed] Accademia Toscana di scienze e lettere «La Colombaria»; [comitato scient. e red. Fr. Adorno et al.]. Firenze, 1989–[2008]
BHG	Bibliotheca hagiographica Graeca / Ed. Fr. Halckin. Brux., 1957 ³ . Vol. 1–3. (SH; 8a); Auctarium. Brux., 1969. (SH; 47); Novum auctarium. Brux., 1984. (SH; 65)	CPG	Clavis Patrum Graecorum / Ed. M. Gérard. Turnhout, 1974–2003. 7 vol. Vol. 1: Patres Antenicani. 1983; Vol. 2: Ab Athanasio ad Chrysostomum. 1974; Vol. 3: A Cyrillo Alexandrino ad Iohannem Damascenum. 1979; Vol. 3A: A Cyrillo Alexandrino ad Iohannem Damascenum. Add. vol. 3. 2003; Vol. 4: Concilia. Catenae, 1980; Vol. 5: Indices. Initia. Concordantiae. 1987; [Suppl. = CPGS] / Cura et stud. M. Gérard, J. Noret. 1998
BHL	Bibliotheca hagiographica Latina antiquae et mediae aetatis. Brux., 1898. Т. 1; 1901. Т. 2; 1992 ¹ . (SH; 6); 1911. Suppl.	CPL	<i>Dekkers E., Gaar A.</i> Clavis Patrum Latinorum. Steenbrugis, 1951. Brugis, 1961 ² . (Sacris erudiri; 3)
BHO	Bibliotheca hagiographica orientalis / Ed. Socii Bollandiani. Brux., 1910, 1970. (SH; 10)	CRAI	Comptes-rendus des séances de l'Académie des Inscriptions et Belles-Lettres. P., 1857–
BiblSS	Bibliotheca sanctorum. R., 1961–1970. 12 vol.; 1987. Append.	CSCO	Corpus scriptorum christianorum orientalium / Ed. consilio Universitatis Catholicae Americae et Universitatis Catholicae Lovaniensis. R. etc., 1903–. Louvain, 1913–.
BJRL	Bulletin of the John Rylands Library. Manchester, 1903–[2010]. Vol. 1–[92]	Aethiop.	Scriptores Aethiopici. 1903–;
BN	Biblische Notizen: Aktuelle Beitr. z. Exegese d. Bibel u. ihrer Welt. Salzburg, 1976–2003. H. 1–120; N. F. 2004–[2011]. H. 121–[151]	Arab.	Scriptores Arabici. 1903–;
BollGrott	Bolletino della Badia Graeca de Grottaferrata. Grottaferrata, 1947–[2011]. N 1–[8(65)]	Armen.	Scriptores Armeniaci. 1953–;
Bsl	Byzantinoslavica. Praha, 1929–.	Copt.	Scriptores Coptici. 1906–;
Byz	Byzantion. Brux.; P., 1924–[2011]. Vol. 1–[81]	Iber.	Scriptores Iberici. 1950–;
ByzF	Byzantinische Forschungen. Amst., 1966–[2011]. Bd. 1–[30]	Subs.	Subsidia. 1950–;
BZ	Byzantinische Zeitschrift. Lpz., 1892–1943. Münch., 1944–1991. Lpz., 1992–1997. Münch.; Lpz., 1998–[2012]. Bd. 1–[104]	Syr.	Scriptores Syri. 1903–.
BZAW	Beihefte zur Zeitschrift für die Alttestamentliche Wissenschaft. B.; N. Y., 1886–[2012]. Bd. 1–[434]	CSEL	Corpus scriptorum ecclesiasticorum Latinorum. W., 1866–[2011]. Vol. 1–[99]
Cah. Arch.	Cahiers Archéologiques: fin de l'antiquité et moyen-âge. P., 1945–[2011]. Т. 1–[53]	CSM	Corpus scriptorium de musica / American Inst. of Musicology [R.], 1950–[1997]. Vol. 1–[42]
CC	Corpus Christianorum / Hrsg. von der Abtei St. Peter in Steenbrugge (Belgien). Turnhout, 1953–.	CSMA	Corpus scriptorium muzarabicorum / Ed. J. Gil. Madrid, 1973. 2 vol.
CCCM	Continuatio Mediaevalis. 1966–;	<i>Cypr. Carth.</i>	<i>Cyprianus Carthaginiensis.</i>
CCSA	Ser. Apocryphorum. 1983–;	Ad Demetr.	Liber ad Demetrianum // CCSL. 1976. Vol. 3A. P. 35–51; Idem // PL. 4. Col. 543–564; Idem // CSEL. Vol. 3/1. P. 349–370; SC. 467
CCSG	Ser. Graeca. 1977–;	Ad Donat.	Ad Donatum // Pl. 4. Col. 191–223; CSEL. Vol. 3/1. P. 3–16; Idem // CCSL. Vol. 3A. P. 3–13; SC. 291. P. 74–116
		Ad Lucium	Epistola ad Lucium papam de exilio reservum // PL. 3. Col. 1003–1008 (рус. пер.: <i>Киприан Карфагенский, свт.</i> Письмо к Луцию, папе Римскому // Творения. М., 1999. С. 581–584)
		Ad Magnum	Epistola ad Magnum de baptizandis Novatianis et de iis qui in lecto gratiam consequuntur // PL. 3. Col. 1183–1200 (рус. пер.: <i>Киприан Карфагенский, свт.</i> Письмо к Магну о крещении новациан // Творения. М., 1999. С. 639–650)
		De bono patient.	De bono patientiae // PL. 4. Col. 621–638; Idem // CSEL. Vol. 3/1. P. 395–415; Idem // CCSL. Vol. 3A. P. 118–133; SC. 291. P. 180–

	246 (рус. пер.: <i>Киприан Карфагенский, свт.</i> Книга о благе терпения // Творения. М., 1999. С. 326–343)	<i>Delehaye. Origines</i>	<i>Delehaye H.</i> Les origines du culte des martyrs. Brux., 1933 ²
De habitu virginum	De habitu virginum // PL. 4. Col. 439–464; Idem // CSEL. Vol. 3/1. P. 185–205 (рус. пер.: <i>Киприан Карфагенский, свт.</i> Книга об одежде девственников // Творения. М., 1999. С. 191–207)	<i>Demosth. Or.</i>	<i>Demosthenes.</i> Orationes. Oxf., 1903, 1966 ^r . Vol. 1; 1907, 1966 ^r . Vol. 2. 1; 1921, 1966 ^r . Vol. 2. 2; 1931, 1960 ^r . Vol. 3 (рус. пер.: <i>Демосфен.</i> Речи / Пер.: С. И. Радциг. М., 1996. 3 т.)
De idol. vanit.	De idolorum vanitate // PL. 4. Col. 563–582; Idem // CSEL. Vol. 3/1. P. 17–31; Idem // CCSL. Vol. 3B. P. 183–216 (рус. пер.: <i>Киприан Карфагенский, свт.</i> Книга о суете идолов // Творения. М., 1999. С. 81–87)	DHGE	Dictionnaire d'histoire et de géographie ecclésiastique / Éd. A. Baudrillart e. a. P., 1912–[2010]. T. 1–[31]
De lapsis	De lapsis // PL. 4. Col. 463–494; Idem // CSEL. Vol. 3/1. P. 235–263; Idem // CCSL. Vol. 3B. P. 221–242 (рус. пер.: <i>Киприан Карфагенский, свт.</i> Книга о падших // Творения. М., 1999. С. 208–231)	<i>Dio Cassius. Hist. Rom.</i>	<i>Dionis Cassii</i> Historia Romana / Curavit L. Dindorf. Lipsiae, 1890–1894. 2 vol.
De mort.	De mortalitate // PL. 4. Col. 581–602; Idem // CSEL. Vol. 3/1. P. 295–314; Idem // CCSL. Vol. 3A. P. 17–32	<i>Dio Chrysost. Or.</i>	<i>Dio Chrysostomus.</i> Orationes. Lpz., 1916–1919. 2 vol. (BSGRT)
De op. et eleem.	De opere et eleemosynis // PL. 4. Col. 601–622; Idem // CSEL. Vol. 3/1. P. 371–394; Idem // CCSL. Vol. 3A. P. 55–72 (рус. пер.: <i>Киприан Карфагенский, свт.</i> Книга о благотворении и милостынях // Творения. М., 1999. С. 307–325)	<i>Diog. Laert.</i>	<i>Diogenes Laertius.</i> Vitae philosophorum / Ed. H. S. Long. Oxf., 1964, 1966 ^r . 2 vol. (рус. пер.: <i>Диоген Лаэртский.</i> О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов. М., 1995)
De orat. Dom.	De Dominica oratione // PL. 4. Col. 519–544; Idem // CSEL. Vol. 3/1. P. 265–294; Idem // CCSL. Vol. 3A. P. 90–113 (рус. пер.: <i>Киприан Карфагенский, свт.</i> Книга о молитве Господней // Творения. М., 1999. С. 252–273)	DK	Die Fragmente der Vorsokratiker / Griechisch u. deutsch von H. Diels; Hrsrg. W. Kranz. B., 1951–1952 ⁶ . 3 Bde
De unit. Eccl.	De unitate Ecclesiae // PL. 4. Col. 493–520; [Idem:] De Ecclesiae catholicae unitate // CSEL. Vol. 3/1. P. 207–233; Idem // CCSL. Vol. 3B. P. 249–268 (рус. пер.: <i>Киприан Карфагенский, свт.</i> Книга о единстве Церкви // Творения. М., 1999. С. 232–251)	DOP	Dumbarton Oaks Papers. Camb. (Mass.); Wash., 1941–[2011]. Vol. 1–[64]
De zel. et liv.	Liber de zelo et livore // CCSL. 1976. Vol. 3A. P. 75–86; Idem // PL. 4. Col. 637–652; Idem // CSEL. Vol. 3/1. P. 417–432; SC. 519	DOS	Dumbarton Oaks Studies / Harvard Univ. L.; Camb. (Mass.); Wash., 1950–[2011]. Vol. 1–[42]
Ep.	Epistolae // PL. 3. Col. 699–838, 851–862, 972–976, 990–998, 1013–1019, 1021–1034, 1036–1044, 1046–1051; 4. Col. 193–438; Idem // CSEL. Vol. 3/2. P. 465–842; Idem // CCSL. Vol. 3B (рус. пер.: <i>Киприан Карфагенский, свт.</i> Письма // Творения. М., 1999. С. 407–686)	DTC	Dictionnaire de théologie catholique / Éd. A. Vacant, E. Mangenot, cont. E. Amann. P., 1903–1950. 15 t.
Exhort. mart.	Ad Fortunatum: (Exhortatione martyrii) // PL. 4. Col. 651–676; Idem // CSEL. Vol. 3/1. P. 315–347; Idem // CCSL. Vol. 3B. P. 183–212 (рус. пер.: <i>Киприан Карфагенский, свт.</i> Письмо к Фортунату об увещании к мученичеству // Отцы и учителя Церкви III в. [М., 1996]. Т. 2. С. 331–347)	<i>Duchesne. Fastes</i>	<i>Duchesne L.</i> Fastes Épiscopaux de l'ancienne Gaule. P., 1907–1915 ² . 3 t.
Test. adv. Jud.	Testimoniorum adversus Iudaeos, libri tres: (Ad Quirinum) // PL. 4. Col. 675–780; CSEL. Vol. 3/1. P. 33–184; Idem // CCSL. Vol. 3B. P. 3–179 (рус. пер.: <i>Киприан Карфагенский, свт.</i> Три книги свидетельств против иудеев // Отцы и учителя Церкви III в. [М., 1996]. Т. 2. С. 89–190)	ECR	Eastern Churches Review. Oxf., 1966–1978. Vol. 1–10
DA	Deutsche Archiv für Erforschung der Mittelalters / Ges. für ältere deutsche Geschichtskunde. Köln etc., 1937–. Jg. 1–. (ранее: Archiv für Gesellschaft für ältere deutsche Geschichtskunde. Fr. a./M., 1820–1874. 12 Bde; Neues Archiv der Gesellschaft für ältere deutsche Geschichtskunde. Hannover, 1876–1935. 50 Bde; Deutsche Archiv für Geschichte des Mittelalters. Weimar, 1937–1944. 7 Bde)	EEC	Encyclopedia of the Early Church. Camb., 1992. 2 vol.
DACL	Dictionnaire d'archéologie chrétienne et de liturgie / Éd. F. Cabrol, H. Leclercq. P., 1924–1953. 15 t.	EI	The Encyclopaedia of Islam. New ed. Leiden etc., 1960–2000. 10 vol.
Darrouzès. Notitiae	<i>Darrouzès J.</i> Notitiae episcopatum Ecclesiae Constantinopolitanae. P., 1981	<i>Elias. In Categ.</i>	<i>Elias.</i> Eliae (olim Davidis) in Aristotelis Categoriae Commentarium / Ed. A. Busse // CAG. Vol. 18. Pars 1. P. 107–255
DECA	Dictionnaire encyclopedique de christianisme ancien. P., 1990. 2 vol.	EncAeth	Encyclopaedia Aethiopia / Ed. S. Uhlig, Baye Yimam. Wiesbaden, 2003–2010. 4 vol.
		EncJud	Encyclopaedia Judaica / Ed. M. Barenbaum, F. Skolnik. Detroit, 2007 ² . 22 vol.
		EO	Échos d'Orient: Revue d'histoire, de géographie et de liturgie orientale. P., 1897–1940/1942 (продолж.: Études byzantines; REB)
		<i>Epict. Diss.</i>	<i>Epictetus.</i> Dissertationes ab Arriano digestae / Hrsrg. H. Schenkl. Lpz., 1916. Stuttg., 1965 ^r (рус. пер.: <i>Беседы Эпиктета</i> / Пер. с греч.: Г. А. Таронян. М., 1997)
		<i>Epiph. Adv. haer.</i> [Panarion]	<i>Epiphanius Constantiensis in Cypro episcopus.</i> Adversus haereses // PG. 41. Col. 173–1199; 42. Col. 9–774; Panarion = <i>Κατὰ αἱρέσεων</i> / Ed. W. Dindorf. Bonn, 1852–1862. 5 t.; Idem / Hrsrg. K. Holl. B., 1915–1933. 4 Bde; 2006 (CD). (GCS) (рус. пер.: <i>Епифаний Кипрский, свт.</i> На 80 ересей Панарий, или Ковчег // Творения. М., 1863. Ч. 1. С. 21–384; продолж.: Об ересях // Там же. 1864–1882. Ч. 2–5)
		<i>Eucher. Lugd.</i>	<i>Eucherius Lugdunensis.</i>
		Ep. ad Valerian.	Epistola ad Valerianum de contemptu mundi et saecularis philosophiae // PL. 50. Col. 711–726
		Instruct.	Instructionum ad Salonium libri II // Opera omnia / Ed. C. Wotke. W., 1894. P. 65–161; Idem // <i>Eucherii Lugdunensis Opera</i> / Ed. C. Mandolfo. Turnhout, 2004. P. 77–216. (CCSL; 66)
		<i>Eunap. Fragm. hist.</i>	<i>Eunapius.</i> Fragmenta [historica] // Historici Graeci minores / Ed. L. Dindorf. Lpz., 1870. T. 1. P. 205–274
		<i>Euseb.</i>	<i>Eusebius Caesariensis.</i>
		Chron.	Chronicorum libri duo / Hrsrg. A. Schoene. B., 1866–1875. Zürich, 1999 ³ . T. 2; Idem // PG. 19. Col. 99–598
		Hist. eccl.	Historia ecclesiastica, lib. I–X // PG. 20. Col. 45–906 (рус. пер.: <i>Евсевий Памфил.</i> Церковная история. М., 1993)
		Praep. evang.	Praeparatio evangelica // PG. 21. Col. 21–1408

Vita Const.	De vita Constantini, lib. I–V // PG. 20. Col. 905–1316 (рус. пер.: <i>Евсевий Памфил. Жизнь блж. василевса Константина. М., 1998². С. 27–178</i>)	<i>Hieron.</i>	<i>Hieronimus Stridonensis.</i> Adversus Iovinianum // PL. 23. Col. 205–338 (рус. пер.: <i>Иероним Стридонский, блж. Две книги против Иовиниана // Творения. К., 1903². Ч. 4. С. 122–293</i>)
<i>Evagr. Schol. Hist. eccl.</i>	<i>Evagrius Scholasticus. Historia ecclesiastica, lib. I–VI // PG. 86. Pars 2. Col. 2415–2886</i> (рус. пер.: <i>Евагриус Схоластик. Церковная история. М., 1997²; То же. Кн. I–II / Пер.: И. В. Кривушин. СПб., 1999</i>)	Adv. Iovin.	De viris illustribus // PL. 23. Col. 597–722; De viris illustribus liber; accedit <i>Gennadii Catalogus virorum illustrium</i> / Hrsg. W. Herding. Lipsiae, 1924 (рус. пер.: <i>Иероним Стридонский, свт. Книга о знаменитых мужах // Творения. К., 1910². Ч. 5. С. 258–314</i>)
EvQ	Evangelical Quarterly: A theol. review. L., 1929–[2011]. Vol. 1–[83]	De vir. illustr.	Epistulae // PL. 22; Idem / Ed. I. Hilberg // CSEL. 54–56 (рус. пер.: <i>Иероним Стридонский, блж. [Письма] // Творения. К., 1893², 1894², 1903². Ч. 1–3</i>)
<i>Fedalto. Hierarchia</i>	Hierarchia Ecclesiastica Orientalis: Series episcoporum ecclesiarum christianarum orientalium / Ed. G. Fedalto. Padova, 1988. 2 vol.	Ep.	<i>Hildef. Tolet. De vir. illustr.</i>
<i>Garitte. Calendrier Palestino-Georgien GGPh</i>	<i>Garitte G. Le calendrier Palestino-Géorgien du Sinaiticus 34 (Xe siècle). Brux., 1958. (SH; 30) Grundriss der Geschichte der Philosophie: Völlig neu bearb. Ausg. / Hrsg. H. Holzhey e. a. Basel, 1983–[2013]. [Ser. 1:] Die Philosophie der Antike. 2013. Bd. 1. Hbd. 1–2: Frühgriechische Philosophie; 1998. Bd. 2. Hbd. 1: Sophistik, Sokrates, Sokratik, Mathematik, Medizin; 2007. Bd. 2. Hbd. 2: Platon; 2004². Bd. 3: Ältere Akademie, Aristoteles, Peripatos; 1994. Bd. 4. Hbd. 1–2: Die hellenistische Philosophie; [Ser. 4:] Die Philosophie des 17. Jh. 1998. Bd. 1. Hbd. 1–2: Allgemeine Themen, Iberische Halbinsel, Italien; 1993. Bd. 2. Hbd. 1–2: Frankreich und Niederlande; 1988. Bd. 3. Hbd. 1–2: England; 2001. Bd. 4. Hbd. 1–2: Das Heilige Römische Reich Deutscher Nation, Nord- und Ostmitteleuropa; [Ser. 5:] Die Philosophie des 18. Jh. 2004. Bd. 1. Hbd. 1–2: Grossbritannien und Nordamerika, Niederlande; 2008. Bd. 2. Hbd. 1–2: Frankreich; 2010. Bd. 3: Italien; [Ser. 6:] Die Philosophie in der Islamischen Welt. 2012. Bd. 1: 8.–10. Jh. Greek Orthodox Theological Review. Brookline (Mass.), 1954–[2002]. Vol. 1–[47]</i>	<i>Hildef. Tolet. De vir. illustr.</i>	<i>Hildefonsus Toletanus. De viris illustribus // PL. 96. Col. 195–206; Idem // Opera. Turnhout, 2007. (CCSL: 114A)</i>
GOTR	Greek Orthodox Theological Review. Brookline (Mass.), 1954–[2002]. Vol. 1–[47]	<i>Hipp. Refut.</i>	<i>Hippolitus Romanus.</i> Refutatio omnium haeresium (Philosophumena) // Refutatio omnium haeresium / Ed. M. Marcovich. V., 1986. S. 53–417. (PTS: 25) (рус. пер.: <i>Ипполит Римский, св. О философских умозрениях, или Обличение всех ересей: Кн. 1, 4 // Ипполит, еп. Римский, св. О Христе и антихристе: [Сб. творений]. СПб., 2008. С. 339–384</i>)
<i>Greg. bar Hebr. Chron. eccl.</i>	<i>Gregorius bar Hebraeus. Chronicon ecclesiasticum</i> / Ed. J. V. Abbeloos, T. J. Lamy. Louvain, 1872–1877. 3 vol.	Hist. Zschr.	Historische Zeitschrift. Münch., 1853–1876. Bd. 1–36; N. F. 1877–1906. Bd. 1–60 (37–96); Ser. 3. 1906–1924. Bd. 1–34 (97–130); 1925–1943. Bd. 131–168; 1949–[2012]. Bd. 169–[294]
<i>Greg. Magn. Reg. epist.</i>	<i>Gregorius I Papa (Magnus). Registri epistolarum, lib. I–XIV // PL. 77. Col. 441–1320</i>	<i>Horat. Epist.</i>	<i>Q. Horatius Flaccus. Epistulae // Q. Horati Flacci Opera</i> / Ed. D. R. Shackleton Bailey. Lpz., 1995 ² . P. 251–309 (рус. пер.: <i>Горацій. Послания // Он же. Собрание сочинений. СПб., 1993. С. 289–342</i>)
<i>Greg. Nazianz. Carmina</i>	<i>Gregorius Nazianzenus. Carmina // PG. 37. Col. 397–1600</i> (рус. пер.: <i>Григорий Богослов, свт. Стихотворения // Собр. творений. Минск; М., 2000. Т. 2. С. 24–498</i>)	HUCA	Hebrew Union College Annual / Jewish Inst. of Religion. Cincinnati, 1924–[2009]. Vol. 1–[80]
Carm. de se ipso	Carmina de se ipso, 1–99 // PG. 37. Col. 969–1452	<i>Ign. Ep. ad Philad.</i>	<i>Ignatius Antiochenus. Epistula ad Philadelphenses // PG. 5. Col. 697–708</i> (рус. пер.: <i>Игнатий Богоносец, свт. Послание к филиладельфийцам // ПМА. 1994. С. 334–339; 2003. С. 358–363</i>)
De vita sua	De vita sua / Ed. C. Jungck. Hdlb., 1974. S. 54–148	<i>Ioan. Chrysost. Adv. oppugn. vitae mon.</i>	<i>Ioannes Chrysostomus. Adversus oppugnatores vitae monasticae // PG. 47. Col. 319–386</i> (рус. пер.: <i>Иоанн Златоуст, свт. К враждующим против тех, которые привлекают к монашеской жизни // Творения: В 12 т. СПб., 1898–1906. М., 1991–2004². Т. 1. Кн. 2. С. 44–58</i>)
Or. 24	Oratio 24: In laudem S. Cypriani // PG. 35. Col. 1169–1194 (рус. пер.: <i>Григорий Богослов, свт. Слово 24, в похвалу св. сщмч. Киприану // Собр. творений. Минск, 2000. Т. 1. С. 421–434</i>)	De st. Bab.	De s. hieromartyre Babyla // PG. 50. Col. 527–534 (рус. пер.: <i>Иоанн Златоуст, свт. О сщмч. Вавиле // Творения: В 12 т. СПб., 1898–1906. М., 1991–2004². Т. 2. Кн. 2. С. 568–573</i>)
Or. 43	Oratio 43: Funeris oratio in laudem Basilii Magni Caesareae in Cappadocia episcopi // PG. 36. Col. 493–606 (рус. пер.: <i>Григорий Богослов, свт. Слово 43, надгробное Василию, архиепископу Кесарии Каппадокийской // Собр. творений. Минск, 2000. Т. 1. С. 730–795</i>)	Ep.	Epistulae // PG. 52. Col. 529–748 (рус. пер.: <i>Иоанн Златоуст, свт. Письма к разным лицам // Творения: В 12 т. СПб., 1898–1906. М., 1991–2004². Т. 3. Кн. 2. С. 550–806</i>)
Vita	[De vita sua] = De se ipso // PG. 37. Col. 969–1452	In 1 Cor.	Nomiliae in Epistolam primam ad Corinthios // PG. 61. Col. 11–382 (рус. пер.: <i>Иоанн Златоуст, свт. Толкование на 1-е Послание к коринфянам // Творения: В 12 т. СПб., 1898–1906. М., 1991–2004². Т. 10. Кн. 1. С. 8–458</i>)
<i>Greg. Turon. Glor. martyri.</i>	<i>Gregorius Turonensis. De gloria beatorum martyrorum // PL. 71. Col. 705–827; Idem // MGH. Ser. Mer. T. 1. Pl. 2. P. 484–561</i>	<i>Ioan. Malal. Chron.</i>	<i>Ioannis Malalae. Chronographia</i> / Ed. L. Dindorf. Bonn, 1831. (CSHB)
Hist. Franc.	Historia Francorum // PL. 71. Col. 159–704 (рус. пер.: <i>Григорий Турский. История франков. М., 1987</i>)	<i>Iren. Adv. haer.</i>	<i>Irenaeus Lugdunensis. Adversus haeresis, lib. I–V // Irenée de Lyon. Contre les hérésies. P., 1965–1982. 10 t. (SC: 263–264, 293–294, 210–211, 100, 152–153) (рус. пер.: <i>Ириней Лионский, свт. Против ересей / Пер.: прот. П. Преображенский // Творения. СПб., 1900. М., 1996²</i>)</i>
HarvTR	Harvard Theological Review. Camb. (Mass.), 1908–[2011]. Vol. 1–[104]	<i>Iust. Martyr. II Apol.</i>	<i>Iustinus Philosophus et Martyr. Apologia secunda pro Christianis ad senatum romanum // PG. 6. Col. 441–470</i> (рус. пер.: <i>Иустин Мученик, св. Апология II, представленная в пользу христиан римскому сенату // Творения / Пер.: прот. П. Преображенский. М., 1892², 1995². С. 105–121</i>)
<i>Herod. Hist.</i>	<i>Herodotus. Historiae. Oхонии, 1912. Vol. 1–2</i> (рус. пер.: <i>Геродот. История, в 9 кн. / Пер.: Г. А. Стратановский. Л., 1972. (Памятники ист. мысли)</i>)		

<i>Janin.</i>	<i>Janin R.</i>	LQF	Liturgiewissenschaftliche Quellen und Forschungen. Münster, 1902–[2012]. Bd. 1–[100]
Églises et monastères	Les églises et les monastères [de Constantinople byzantine]. P., 1969 ² . (Géographie ecclésiastique de l'empire Byzantin; 3)	LTK	Lexikon für Theologie und Kirche / Hrsg. J. Höfer, K. Rahner. Freiburg i. Br., 1957–1968 ² , 1986 ² . 10 Bde, Reg., 3 Bde. Suppl.
Grands centres	Les églises et les monastères des grands centres byzantins (Bithynie, Hellespont, Latros, Galésios, Trébizonde, Athènes, Thessalonique). P., 1975. (Géographie ecclésiastique de l'empire Byzantin; 2)	<i>Lucian.</i>	<i>Lucianus.</i>
JBL	Journal of Biblical Literature. Missoula; Atlanta, 1882–[2011]. Vol. 1–[130]	Demon.	Demonax / Ed. A. M. Harmon // <i>Lucian.</i> [Works]: In 8 vol. Camb., 1913. Vol. 1. P. 142–172 (рус. пер.: <i>Лукиан Самосатский</i> . Жизнеописание Демонаката / Пер.: Н. П. Баранов // Соч.: В 2 т. / Ред.: А. И. Зайцев. СПб., 2001. Т. 2. С. 411–420)
JEclH	Journal of Ecclesiastical History. L., 1950–[2011]. Vol. 1–[62]	De morte Peregrini	De morte Peregrini / Ed. A. M. Harmon // <i>Lucian.</i> [Works]: In 8 vol. L., 1936, 1972 ¹ . Vol. 5. P. 2–50 (рус. пер.: <i>Лукиан Самосатский</i> . О кончине Перегринна / Пер.: Н. П. Баранов // Соч.: В 2 т. / Ред.: А. И. Зайцев. СПб., 2001. Т. 2. С. 294–305)
JHS	Journal of Hellenic Studies. L., 1880–[2011]. Vol. 1–[131]	Fug.	Fugitivi / Ed. A. M. Harmon // <i>Lucian.</i> [Works]: In 8 vol. Camb., 1936. Vol. 5. P. 54–98 (рус. пер.: <i>Лукиан Самосатский</i> . Беглые рабы / Пер.: Н. П. Баранов // Соч.: В 2 т. / Ред.: А. И. Зайцев. СПб., 2001. Т. 2. С. 259–268)
JÖB	Jahrbuch der Österreichischen Byzantinistik. W.; Graz; Köln. 1969–[2011]. Bd. 18–[61]	Mort. dial.	Dialogi mortuorum / Ed. M. D. Macleod // <i>Lucian.</i> [Works]: In 8 vol. Camb., 1961. Vol. 7. P. 2–174 (рус. пер.: <i>Лукиан Самосатский</i> . Разговоры в царстве мертвых / Пер.: С. С. Сребной // Соч.: В 2 т. / Ред.: А. И. Зайцев. СПб., 2001. Т. 1. С. 369–405)
JQR	Jewish Quarterly Review. L.; N. Y., 1888–1908. 20 vol.; N. S. Phil., 1910–[2011]. Vol. 1–[101]	<i>Lucret. De rer. nat.</i>	<i>Lucretius Carus, Titus.</i> De rerum natura / Übers., hrsg. V. K. Büchner. Stuttgart., 1981 (рус. пер.: <i>Лукреций</i> . О природе вещей / Пер. с лат.: Ф. Петровский. М., 2006)
JRAS	Journal of the Royal Asiatic Society of Great Britain and Ireland. Camb., 1834–1863. Vol. 1–20; N. S. 1865–1891. Vol. 1–23; 1892–1990; Ser. 3. 1991–[2012]. Vol. 1–[22]	MAAS	Musica antiqua: Acta scientifica. Bydgoszcz, 1968–.
JRH	Journal of Religious History. Sydney, 1960–[2012]. Vol. 1–[36]	MAMA	Monumenta Asiae Minoris Antiqua / Ed. W. H. Buckler, W. M. L. Calder. Manchester, 1928–1993. Vol. 1–10
JRS	Journal of Roman Studies. L., 1911–[2011]. Vol. 1–[101]	<i>Mansi</i>	Sacrorum conciliorum nova et amplissima collectio / Ed. I. D. Mansi. Florentiae; Venetiae, 1759–1769. 31 t. Graz, 1960–1961 ¹ . 53 t.
JThSt	Journal of Theological Studies. Oxf., 1899/1900–1949. 50 vol.; N. S. 1950–[2011]. Vol. 1–[62]	<i>Marcell. Comit. Chron.</i>	<i>Marcellinus Comititis.</i> Chronicon / Ed. Th. Mommsen // MGH. AA. 1894. T. 11. Pt. 2. P. 37–108
<i>Julian. Apost. Or.</i>	<i>Julianus Apostata (Flavius Claudius Julianus Imperator).</i> Orationes // <i>Lempereur Julien.</i> Œuvres complètes. P., 1932. Vol. 1. 1 / Éd. J. Bidez; 1960 ² . Vol. 1. 2 / Éd. J. Bidez; 1963. Vol. 2. 1 / Éd. G. Rochefort; 1964. Vol. 2. 2 / Éd. C. Lacombrade (рус. пер.: <i>Юлиан, император</i> . Сочинения / Пер.: Т. Г. Сидаш. СПб., 2007)	MartHieron	Martyrologium Hieronymianum / Ed. C. de Rossi, L. Duchesne // ActaSS. Nov. T. 2. Pars 1. Brux., 1894
<i>Juvenal. Satir.</i>	<i>Juvenalis. Satirae</i> / Ed. W. V. Clausen. Oxf., 1959 (рус. пер.: <i>Ювенал</i> . Сатиры / Пер.: Д. Неодвич, Ф. Петровский // Римская сатира / Сост.: М. Гаспаров. М., 1989. С. 239–340)	MartHieron. Comment.	Commentarius perpetuus in MartHieron / Ed. H. Delehaye // ActaSS. Nov. T. 2. Pars 2. Brux., 1931
<i>Kenney. Sources</i>	<i>Kenney J. F.</i> The Sources for the Early History of Ireland: An Introd. and Guide. N. Y., 1929. Vol. 1: Ecclesiastical	<i>Martial. Epigr.</i>	<i>Marcus Valerius Martialis.</i> Epigrammata / Ed. D. R. Shackleton Bailey. Lpz., 1990 (рус. пер.: <i>Марк Валерий Марциал</i> . Эпиграммы / Пер.: Ф. А. Петровский. СПб., 1994)
<i>Lact.</i>	<i>Lactantius.</i>	MartRom	Martyrologium Romanum scholiis historicis instructum / Ed. H. Delehaye // Propylaeum ad ActaSS. Dec. Brux., 1940
De ira Dei	Liber de ira Dei // PL. 7. Col. 79–148 (рус. пер.: <i>Лактанций</i> . О гневе Божиим // <i>Он же</i> . О творении Божиим. О гневе Божиим. О смерти гонителей. Эпитомы Божественных установлений / Пер. с лат.: В. М. Тюленев. СПб., 2007. С. 77–123)	MartRom. Comment.	<i>Delehaye H. e. a.</i> Martyrologium Romanum ad formam editionis typicae, scholiis instructum // Propylaeum ad ActaSS. Dec. Brux., 1940
De mort. persecut.	De mortibus persecutorum // PL. 7. Col. 190–276 (рус. пер.: <i>Лактанций</i> . О смерти гонителей: Кисповеднику Донату // <i>Он же</i> . О творении Божиим. О гневе Божиим. О смерти гонителей. Эпитомы Божественных установлений / Пер. с лат.: В. М. Тюленев. СПб., 2007. С. 124–172)	MartUsuard.	Martyrologium Usuardi // ActaSS. Iun. T. 6. Antverpiae, 1714; Idem // PL. 123. Col. 599–987; 124. Col. 9–857
Div. inst.	Divinae institutiones // PL. 6. Col. 110–882 (рус. пер.: <i>Лактанций</i> . Божественные установления. СПб., 2007)	<i>Mateos. Typicon</i>	<i>Mateos J.</i> Le Typicon de la Grande Église: Ms. Saint-Croix n. 40, X ^e siècle / Introd., texte crit., trad. et not. J. Mateos. R., 1962–1963. 2 t. (OCA; 165–166)
<i>Legrand. Bibl. hell. XVIIe</i>	<i>Legrand E.</i> Bibliographie hellénique, ou Description raisonnée des ouvrages publiés par des grecs au XVII ^e siècle. P., 1894–1896. Brux., 1963 ¹ . 5 t.	<i>Maxim. Taurin. Serm.</i>	<i>Maximus Taurinensis.</i> Sermones / Ed. A. Mutzenbecher. Turnhout, 1962. (CCSL; 23)
<i>Leont. Makhair. Chronicle</i>	<i>Leontios Makhairas.</i> Recital concerning the Sweet Land of Cyprus entitled «Chronicle» = <i>Λεόντιος Μαχαίρας</i> . Ἐξηγήσεις τῆς γλυκείας χώρας Κύπρου / Ed. R. M. Dawkins. Oxf., 1932. 2 t.	MGH	Monumenta Germaniae Historica inde ab a. C. 500 usque ad a. 1500: Indices v. O. Holder-Egger u. K. Zeumer / Ed. Soc. aperiendis font. rerum Germ. Medii aevi. Hannover; B., 1826–.
<i>Le Quien. OC</i>	<i>Le Quien M.</i> Oriens Christianus. P., 1740. Graz, 1958 ¹ . 3 t.	AA	Auctores antiquissimi;
<i>Lib. Or.</i>	<i>Libanius.</i> Orationes, 1–64 // <i>Libanii Opera</i> : In 12 t. / Ed. R. Foerster. Lpz., 1903–1908. Hildesheim, 1963 ¹ . T. 1–4	Briefe	Die Briefe der deutschen Kaiserzeit;
<i>Lossky. Typicon</i>	<i>Lossky A.</i> Le Typicon byzantin: Éd. d'une version grecque (partiellement inédite); analyse de la partie liturgique: Diss. P., 1987	Capit.	Capitularia regum Francorum;
LP	Liber Pontificalis / Ed. L. Duchesne. P., 1955–1957. 3 vol.	Conc.	Concilia;
		Const.	Constitutiones et acta publica imperatorum et regum;

Dipl.	Diplomata;	<i>Optat.</i>	<i>Optatus Milevitanus.</i>
Dipl. Kar.	Diplomata Karolinorum;	Contr. Parmen.	Contra Parmenianum donatistam / Hrsg. C. Ziwsa. W., 1893. (CSEL; 26)
Dipl. Kar. Germ.	Diplomata regum Germaniae ex stirpe Karolinorum;	De schism. donat.	De schismate donatistarum // PL. 11. Col. 883–1104; Idem // CSEL. 26. P. 3–182
Dipl. Reg. Imp.	Diplomata regum et imperatorum Germaniae;	OrChr	Orientalia Christiana. R., 1923–1934 (c 1935 – OCA)
DtChron	Scriptores qui vernacula lingua usi sunt. Deutsche Chroniken und andere Geschichtsbücher des Mittelalters;	Oriens Chr.	Oriens Christianus. Lpz.; Wiesbaden, 1901–
DtMa	Deutsches Mittelalter. Kritische Studentexte des Reichsinstituts für ältere deutsche Geschichtskunde;	Orig. Contr. Cels.	<i>Origenes.</i> Contra Celsum // PG. 14. Col. 641–1632; Idem / Ed. M. Borret. P., 1967–1976. 5 vol. (SC; 132, 136, 147, 150, 227) (рус. пер.: <i>Ориген.</i> Против Цельса. Каз., 1912. М., 1996)
Epp.	Epistolae;	Oros. Hist. adv. pag.	<i>Paulus Orosius.</i> Historiarum adversum paganos lib. VII / Ex. rec. C. Zangemeister. Lpz., 1889; Idem // CSEL. 5 (рус. пер.: <i>Орозий П.</i> История против язычников, кн. I–VII / Пер. с лат.: В. М. Тюленев. СПб., 2001–2003)
EpSel	Epistolae selectae;		
FontIur	Fontes iuris Germanici antiqui in usum scholarum ex Monumentis Germaniae historicis separatim editi;		
Form.	Formulae;		
Gest. Pont. Rom.	Gesta Pontificorum Romanorum, 1 (= Libri Pontificalis, pars prior / Ed. Th. Mommsen. B., 1898);	<i>Ortiz de Urbina.</i> PS	<i>Ortiz de Urbina I.</i> Patrologia Syriaca. R., 1965 ² <i>Pacian [de Barcelona].</i>
Hilfsmittel	Hilfsmittel;	De bapt.	De baptismo // PL. 13. Col. 1083–1096
Leg. Const.	Leges. Constitutiones et acta publica imperatorum et regum;	Ep.	Epistolae // PL. 13. Col. 1054–1082
Leg. Nat. Germ.	Legum Nationum Germanicarum;	<i>Paul. Diac.</i> Hist.	<i>Paulus Vinfridus Diaconus.</i> De gestis Langobardorum, lib. I–VI // PL. 95. Col. 433–672; <i>idem.</i> Historia Langobardorum. Hannover, 1878. P. 12–219. (MGH. Scr. Lang.)
Lib.	Libelli de lite imperatorum et pontificum saec. s. XI et XII conscripti;	Langobard.	
Poet.	Poetae;		
QGGMA	Quellen zur Geistesgeschichte des Mittelalters;	<i>Paul. Nol.</i> Carm.	<i>Paulinus Nolanus.</i> Carmina / Ed. W. Hartel. Vindobonae, 1894
SS	Scriptores;	<i>Pauly, Wissowa</i>	Real-Encyclopädie der classischen Altertumswissenschaft / Hrsg. A. Pauly; bearb. G. Wissowa, W. Kroll e. a. R. 1. Stuttg., 1893–1963. 24 Bde; R. 2. Stuttg.; Münch., 1903–1978. 10 Bde, 15 Supplbde
Scr. Lang.	Scriptores rerum Langobardicarum et Italicarum s. VI–IX;		
Scr. Mer.	Scriptores rerum Merovingicarum;	<i>Petr. Chrysolog.</i> Serm.	<i>Petrus Chrysologus.</i> Collection sermonum a Felice episcopo parata sermonibus extravagantibus adjectis / Ed. A. Olivar. Turnhout, 1975–1982. 3 vol. (CCSL; 24, 24A, 24B); Idem // PL. 52. Col. 183–666)
Script. Rer. Germ.	Scriptores rerum Germanicarum in usum scholarum ex Monumentis Germaniae historicis separatim editi;		
Script. Rer. Germ. NS	Scriptores rerum Germanicarum. Nova series	<i>Petr. Natal.</i> CatSS	<i>Petrus de Natalibus.</i> Catalogus sanctorum et gestorum eorum. Vicentiae, 1493. Lugduni, 1545
Schr.	Schriften der MGH / Deut. Inst. für Erforschung des Mittelalters	PG	Patrologiae cursus completus. Ser. Graeca / Ed. J. P. Migne. P., 1857–1866. 161 t.
Stud. u. Texte	Studien und Texte	<i>Philost.</i> Hist. eccl.	<i>Philostorgius.</i> Kirchengeschichte: Mit dem Leben des Lucain von Antiochien und den Fragmenten eines arianischen Historiographen / Hrsg. v. J. Bidez, überarb. v. F. Winkelmann. B., 1981 ³ (рус. пер.: Сокращение Церковной истории <i>Филосторгия</i> , сделанное патр. Фотием. СПб., 1854; То же // <i>Пахимер Г.</i> История о Михаиле и Андронике Палеологах / Подгот. к изд.: А. И. Целков. Рязань, 2004)
<i>Mich. Syr.</i> Chron.	Cronique de <i>Michel le Syrien</i> , Patriarche Jacobite d'Antioche, 1166–1199 / Éd. J.-B. Chabot. P., 1889. Brux., 1963. 4 t.		
<i>Miklosich, Müller</i>	<i>Miklosich F., Müller J.</i> Acta et diplomata Graeca medii aevi sacra et profana. Vindobonae, 1860–1890. 6 vol.	<i>Phot.</i> Bibl.	<i>Photios I, Patriarchos Constantinopolitanos.</i> Bibliothèque / Éd. R. Henry. P., 1959. T. 1; 1960. T. 2; 1962. T. 3; 1965. T. 4; 1967. T. 5; 1971. T. 6; 1974. T. 7; 1977. T. 8
<i>Min. Fel.</i> Octavius	<i>Minucii Felicis</i> Octavius // PL. 3. Col. 239–376 (рус. пер.: <i>Минуций Феликс.</i> Октавий // БТ. 1981. Сб. 22. С. 139–177; То же // СДХА. С. 226–274)	PL	Patrologiae cursus completus. Ser. Latina / Ed. J. P. Migne. P., 1844–1864. 221 t.
MMB	Monumenta musicae byzantinae. Copenhagen, 1935–	<i>Plat.</i>	<i>Plato.</i>
NEA	The Near Eastern Archaeology. Atlanta, 1998– (ранее: <i>BiblArch</i>)	Apol. Socr.	Apologia Socratis // Opera: In 5 vol. / Ed. J. Burnet. Oxf., 1900, 1967 ^r . Vol. 1. 17a – 42a (рус. пер.: <i>Платон.</i> Апология Сократа / Пер.: М. С. Соловьев // Собр. соч.: В 4 т. М., 1990. Т. 1. С. 70–96)
NGWG	Nachrichten von der Gesellschaft der Wissenschaften zu Göttingen. Philos.-hist. Kl. Gött., 1845–1893	Charm.	Charmides // Opera: In 5 vol. / Ed. J. Burnet. Oxf., 1903, 1967 ^r . Vol. 3. 153a – 176d (рус. пер.: <i>Платон.</i> Хармид / Пер.: С. Я. Шейнман-Топштейн // Собр. соч.: В 4 т. М., 1990. Т. 1. С. 341–371)
<i>Niceph. Callist.</i> Hist. eccl.	<i>Nicephorus Callistus.</i> Historia ecclesiastica, lib. I–XVIII // PG. 145. Col. 559–1332 (I–VII); 146. Col. 9–1288 (VIII–XIV); 147. Col. 9–448 (XV–XVIII)	Phaed.	Phaedo // Opera: In 5 vol. / Ed. J. Burnet. Oxf., 1900, 1967 ^r . Vol. 1. 57a – 118a (рус. пер.: <i>Платон.</i> Федон / Пер.: С. П. Маркиш // Собр. соч.: В 4 т. М., 1993. Т. 2. С. 7–80)
<i>Nil.</i>	<i>Nilus, abbas.</i>	Prot.	Protagoras // Opera: In 5 vol. / Ed. J. Burnet. Oxf., 1903, 1968 ^r . Vol. 3. 309a – 362a (рус. пер.: <i>Платон.</i> Протагор / Пер.: В. С. Соловьев // Собр. соч.: В 4 т. М., 1990. Т. 1. С. 418–476)
Ad Magnam	De voluntaria paupertate ad Magnam diaconissam // PG. 79. Col. 967–1060 (рус. пер.: <i>Нил Синайский, прп.</i> К досточтимой Магне, диаконисе анкирской, Слово о нестяжательности // Творения. М., 1858. Ч. 2. С. 97–196. (ТСОП; Т. 32. Кн. 3))		
Exerc.	Liber de monastica exercitatione // PG. 79. Col. 720–809 (рус. пер.: Творения преподобного отца нашего <i>Нила Синайского.</i> Серг. П., 2000. С. 242–292)	<i>Plaut.</i> Pers.	<i>Titus Maccius Plautus.</i> Persa // <i>T. Macci Plauti</i> Comoediae / Ed. G. Goetz, F. Schöll. Lpz., 1896.
NTIQ	Novum Testamentum: An intern. quarterly. Leiden, 1956–[2011]. Vol. 1–[53]		
ODB	The Oxford Dictionary of Byzantium / Ed. A. P. Kazdan e. a. Wash., 1991. 3 vol.		
OLA	Orientalia Lovanensia analecta. Leuven, 1975–[2012]. Vol. 1–[215]		

	Fasc. 5. P. 70–125 (рус. пер.: <i>Пласт. Перс</i> // <i>Он же. Комедии. М.</i> , 1987. Т. 2. С. 261–330)	RegPatr	Les registes des actes du Patriarcat de Constantinople / Éd. V. Grumel, V. Laurent, J. Darrouzès. P., 1932–1979. Vol. 1–2. Pt. 1–8
Plin. Sen. Natur. hist.	<i>Plinius Secundus der Ältere. Naturalis historia</i> / Hrsg. R. Koenig. Münch., 1973–1996. 37 Bde (рус. пер.: <i>Плиний Старший. Естествознание. Об искусстве</i> / Пер. с лат., предисл. и примеч.: Г. А. Таронян. М., 1994)	RESEE	Revue des études sud-est européennes. Bucur., 1963–[2011]. Т. 1–[49]
PLP	Prosopographisches Lexicon der Palaiologenzeit / Ed. E. Trapp. W., 1976–1996. Bd. 1–12	RHC. Arm.	Recueil des historiens des croisades: Documents arméniens. P., 1869–1906. 2 t.
PLS	Patrologiae cursus completus a J. P. Migne. Ser. Latina: Supplementum / Cur. A. Hamman. P., 1958–1974. 5 vol. in 18 pt.	RHC, Occ.	Recueil des historiens des croisades: Historiens Occidentaux. P., 1844–1895
Plummer. Vitae	<i>Vitae Sanctorum Hiberniae</i> / Ed. C. Plummer. Oxonii, 1910. 2 t.	RHE	Revue d'histoire ecclésiastique. Louvain, 1900–[2012]. Т. 1–[107]
Plut.	<i>Plutarchos.</i>	RHEF	Revue d'histoire de l'Église de France. P., 1910–[2010]. Т. 1–[96]. N 1–[237]
Adv. Colot.	<i>Adversus Colotem</i> / Ed. R. Westman // <i>Plutarchii Moralia. Lpz.</i> , 1959 ² . Vol. 6. Pars 2. P. 173–215	RHLR	Revue d'histoire et de littérature religieuses. P., 1896–1907. 12 vol.; N. S. 1910–1922. 8 vol.
Vitae	<i>Vitae parallelae</i> / Ed. K. Ziegler. Lpz., 1960–1980 ² . 4 vol. (рус. пер.: <i>Плутарх. Избранные жизнеописания. М.</i> , 1987. 2 т.)	RHR	Revue de l'histoire des religions. P., 1880–1979. Année 1–98. Т. 1–196; 1980–[2012]. Т. 197–[229]
PO	<i>Patrologia Orientalis</i> / Ed. R. Graffin, F. Nau. P., 1907–. Т. 1–.	RQS	Römische Quartalschrift für christliche Altertumskunde und Kirchengeschichte. Freiburg i. Br.; R., 1897–1915. Bd. 1–29; 1922–1939. Bd. 30–47; 1953–[2011]. Bd. 48–[106]
Podskalsky. Griechische Theologie	<i>Podskalsky G. Griechische Theologie in der Zeit der Türkenherrschaft (1453–1821): Die Orthodoxie im Spannungsfeld der nachreformatorischen Konfessionen des Westens. Münch.</i> , 1988	RSBN	Rivista di studi bizantini e neoellenici / Istituto per l'Europa orientale. R., 1925–1963. Vol. 1–10; N. S. 1964–[2011]. Vol. 1–[47]
Pontius. Vita	<i>S. Pontius Diaconis. Vita et passio S. Caecilii Cypriani</i> // PL. 3. Col. 1541–1558; CSEL. Vol. 3/3. P. XC–CX	RSLR	Rivista di storia e letteratura religiosa. Firenze, 1965–[2012]. Vol. 1–[47]
Procl. In Cratyl.	<i>Proclus. In Platonis Cratylum commentaria</i> / Ed. G. Pasquali. Lpz., 1908	RSR	Revue des sciences religieuses: Bull. d'ancienne littérature et d'archéologie chrétiennes. Strasbourg, 1921–[2012]. Т. 1–[86]
Procop. Bella	<i>Procopii Caesariensis. De bellis</i> // Opera omnia / Ed. J. Haury, G. Wirth. Lpz., 1962–1963 ² . Vol. 1: Lib. I–IV; Vol. 2: Lib. V–VIII (рус. пер.: <i>Проконий Кесарийский. [Войны]. Кн. 1–4: Война с персами. Война с вандалами. Тайная история</i> / Пер., ст., коммент.: А. А. Чекалова. М., 1993. СПб., 1998 ² ; Кн. 5–8: Война с готами / Пер.: С. П. Кондратьев. М., 1996 ² . 2 т.)	RTAM	Recherches de théologie ancienne et médiévale. Louvain, 1929–1996. 63 t. (далее: RThPhM)
Prudent. Perist.	<i>Prudentius Clemens, Aurelius Peristephanon liber</i> // <i>Idem.</i> [Œuvres]. P., 1951. Vol. 4: Le livre des couronnes: Peristephanon liber. Dittochaeon. Epilogue; <i>Idem</i> // Prudentius / Transl. H. J. Thomson. L.; Camb. (Mass.), 1953. Vol. 2; <i>Idem</i> // <i>Aurelii Prudentii Clementis Carmina</i> / Ed. M. P. Cunningham. Turnholti, 1966. (CCSL; 126)	<i>Rufin. De adult. lib. Orig.</i>	<i>Rufinus. Epilogus in Apogeticum S. Pamphili Martyris ad Macarium, seu Liber de adulteratione librorum Origenis</i> // PG. 17. Col. 615–632
Quasten. Patrology	<i>Quasten J. Patrology. Utrecht; Brux.</i> , 1950–1953. 3 t. Westminster, 1986 ² . 4 vol. Genova, 2000; Vol. [5]: The Eastern Fathers from the Council of Chalcedon (451) to John of Damascus († 750) / Ed. A. di Berardino; Engl. Transl. by A. Walford. Camb., 2006	SAWW	Sitzungsberichte der Akademie der Wissenschaften in Wien. W., 1848–1946/1947. Bd. 1–224 (с 1947: Sitzungsber. d. österreich. Akad. d. Wiss. in Wien)
RA	Revue archéologique. P., 1844/1845–1859/1860. Vol. 1–16; 2 sér. 1860–1882. Vol. 1–44; 3 sér. 1883–1902. Vol. 1–41; 4 sér. 1903–1914. Vol. 1–24; 5 sér. 1914–1932. Vol. 1–36; 6 sér. 1933–1965. Vol. 1–50; N. S. 1966–[2011]	SC	Sources chrétiennes. P., 1942–[2012]. N 1–[554]
RAC	Reallexikon für Antike und Christentum / Hrsg. v. Th. Klauser, E. Dassman u. a. Stuttgart, 1950–[2013]. Bd. 1–[25]. Suppl. 1985–.	<i>Seneca.</i>	<i>L. Annaeus Seneca iunior.</i>
RBen	Revue bénédictine: Bull. Maredsous; [Brages], 1883–[2011]. Т. 1–[121]	De benefic.	De beneficiis / Ed. E. Hosius. Lpz., 1914
REArm	Revue des études arméniennes. P., 1920–1933. Т. 1–11; N. S. 1964–[2011]. Т. 1–[33]	De brev. vit.	Dialogorum liber X: De brevitate vitae // Dialogi / Ed. E. Hermes. Lpz., 1923. P. 279–309 (рус. пер.: <i>Луций Анней Сенека. О скоротечности жизни</i> // <i>Он же. Философские трактаты</i> / Ред., пер.: Т. Ю. Бородай. СПб., 2001 ² . С. 40–65)
REAug	Revue des études augustiniennes. P., 1955–2003. 49 t. (1940–1954: L'année théologique augustiniennne)	De prov.	Dialogorum liber I: De providentia // Dialogi / Ed. E. Hermes. Lpz., 1923. P. 1–20 (рус. пер.: <i>Луций Анней Сенека. О провидении</i> // <i>Он же. Философские трактаты</i> / Ред., пер.: Т. Ю. Бородай. СПб., 2001 ² . С. 86–102)
REB	Revue des études byzantines. P., 1943–1980. 38 t.	De vita beat.	Dialogorum liber VII: De vita beata // Dialogi / Ed. E. Hermes. Lpz., 1923. P. 195–230 (рус. пер.: <i>Луций Анней Сенека. О блаженной жизни</i> // <i>Он же. Философские трактаты</i> / Ред., пер.: Т. Ю. Бородай. СПб., 2001 ² . С. 12–39)
RechSR	Recherches de sciences religieuses = Sciences religieuses: travaux et recherches. P., 1910–[2012]. Т. 1–[100]	Ep.	Epistulae morales ad Lucilium / Ed. L. D. Reynolds. Oxf., 1965. 2 vol. (рус. пер.: <i>Сенека Луций Анней. Нравственные письма к Луцилию</i> / Пер. и примеч.: С. А. Ошеров. М., 1993)
RegImp	<i>Doelger F. Regesten der Kaiserkunden des Ost-römischen Reiches von 565–1453. Münch.</i> , 1924–1965. 5 Tl.	<i>Simplic. In Categ.</i>	<i>Simplicius. In Aristotelis Categorias Commentarium</i> / Ed. K. Kalbfleisch. B., 1907. (CAG; 8)
		<i>Socr. Schol. Hist. eccl.</i>	<i>Socrates Scholasticus. Historia ecclesiastica</i> // PG. 67. Col. 30–842; <i>Sokrates. Kirchengeschichte</i> / Hrsg. v. G. Ch. Hansen, mit Beitr. v. M. Širinjan. B., 1995 (рус. пер.: <i>Сократ Схоластик. Церковная история: Пер. с греч. Саратов, 1911. М., 1996</i>)
		SSReliq.	Socratis et Socraticorum reliquiae / Ed. G. Gianantoni. [Napoli], 1990. 4 vol.
		ST	Studi e testi. R.; Lucca, 1900–[2011]. Vol. 1–[85]
		StPatr	Studia patristica / Ed. F. L. Cross, E. A. Livingstone [e. a.]. Leuven, 1957–[2011]. Vol. 1–[50]
		<i>Strabo. Geogr.</i>	<i>Strabonis Geographica</i> / Ed. A. Meineke. Lpz., 1877. Graz, 1969 ² . 3 vol. (рус. пер.: <i>Страбон.</i>

	География: В 17 кн. / Пер.: Г. А. Стратановский. М., 1964, 1994 ^р)	ThSt	Theological Studies. Baltimore etc., 1941–[2013]. Vol. 1–[74]
Suda	Suidae Lexicon / Hrsg. A. Adler. Lpz., 1928–1938. 5 t.	TIB	Tabula Imperii Byzantini. W., 1976–[2008]. Bd. 1–[12]
Suet.	<i>C. Suetonius Tranquillus.</i>	TU	Texte und Untersuchungen zur Geschichte der Altchristlichen Literatur. Lpz., 1883–[2012]. Bd. 1–[168]
Nero	Nero // <i>C. Suetoni Tranquilli Opera</i> / Ed. M. Ihm. Lipsiae, 1907. Vol. 1: De vita Caesarum. Lib. VI (рус. пер.: <i>Гай Светоний Транквилл. Нерон // Жизнь двенадцати цезарей</i> / Пер.: М. Л. Гаспаров. М., 1966. С. 148–171)	VChr	Vigiliae Christianae: A Review of Early Christian Life and Language. Amst., 1947–[2011]. Vol. 1–[65]
Vesp.	Vespasianus // <i>C. Suetoni Tranquilli Opera</i> / Ed. M. Ihm. Lipsiae, 1907. Vol. 1: De vita Caesarum. Lib. VIII (рус. пер.: <i>Гай Светоний Транквилл. Божественный Веспасиан // Жизнь двенадцати цезарей</i> / Пер.: М. Л. Гаспаров. М., 1966. С. 195–204)	Venant. Fort. Carm.	<i>Venantius Fortunatis</i> . [Carmen de Pascha]: Ad Felicem episcopum de Paschate resurrectionis Domini // PL. 88. Col. 130–133
Sulp. Sev. Dial.	<i>Sulpicii Severi</i> . Dialogus. lib. I–III // <i>Sulpicii Severi libri qui supersunt</i> / Ed. K. Halm. Vindobonae, 1866. P. 152–216	VetChr	Vetera christianorum: [Quaderni] / Ist. di Letteratura Cristiana Antica. Bari, 1964–[2010]. T. 1–[47]; Idem: [Ser. Monogr.]. Bari, 1966–[2010]. T. 1–[33]
SynAlex	[Synaxarium Alexandrinum] = Le Synaxaire arabe jacobite (red. copte) / Publ., trad. par R. Basset. P., 1907–1929. 6 vol. (PO)	Vict. Viten. De persecut. Vandal.	<i>Victor Vitenis</i> . De persecutione Vandalorum = Historia persecutionis Africanae provinciae / Hrsg. C. Halm. B., 1879, 1961. (MGH. AA; 3/1); Idem / Hrsg. M. Petschenig. W., 1881. N. Y., 1967 ^г . (CSEL; 7)
SynAlex (Forget)	Synaxarium Alexandrinum / Ed., trad. J. Forget. P., 1912–1926. Louvain, 1953–1954. 2 vol. in 6. (CSCO; 90. Arab. Ser. 3; 19). Vol. 1: Versio; Vol. 2: Textus; Idem. Beryt, 1905–1926. (CSCO; 77, 78. Arab.; 11, 12)	Xen.	<i>Xenophon</i> .
SynCP	Synaxarium ecclesiae Constantinopolitanae e codice Sirmondiano / Ed. H. Delehaye. Brux., 1902. (Propylaeum ad ActaSS. Nov.)	Mem.	Memorabilia // <i>Opera omnia</i> / Ed. E. C. Marchant. Oxf., 1901, 1971 ^г . Vol. 2 (рус. пер.: <i>Ксенофонт. Воспоминания о Сократе</i> / Пер.: С. И. Соболевский. М., 1993. С. 5–152)
Szónérffy. Hymnography	<i>Szónérffy J. S.</i> A Guide to Byzantine Hymnography, 1978–1979. 2 vol. (Medieval Classics: Texts and Stud.; 11–12)	Symp.	Symposium // <i>Opera omnia</i> / Ed. E. C. Marchant. Oxf., 1901, 1971 ^г . Vol. 2 (рус. пер.: <i>Ксенофонт. Пир // Он же. Воспоминания о Сократе</i> / Пер.: С. И. Соболевский. М., 1993. С. 160–196)
Tac. Ann.	<i>P. Cornelius Tacitus</i> . Libri qui supersunt / Ed. E. Koestermann. Lipsiae, 1960. T. 1 (рус. пер.: <i>Корнелий Тацит. Соч.: В 2 т. М., 1969. СПб., 1993. Т. 1: Анналы. Малые произведения</i> / Пер.: А. С. Бобович)	ZDPV	Zeitschrift des deutschen Palästina-Vereins. Wiesbaden, 1878–[2011]. Bd. 1–[127]
Tat. Contr. Graec.	<i>Tatianus</i> . Oratio ad Graecos // PG. 6. Col. 803–888 (рус. пер.: <i>Татиан. Речь против эллинов</i> // СДХА. С. 10–45)	ZfS	Zeitschrift für Slawistik. B., 1956–[2011]. Bd. 1–[56]
Tertull.	<i>Tertullianus</i> .	ZKTh	Zeitschrift für katholische Theologie / Univ. Innsbruck, Theol. Fak. W.; Würzburg, 1877–1943. Bd. 1–67; 1947–[2011]. Bd. 69–[133]
Ad nat.	Ad nationes // CCSL. Vol. 1. P. 11–75 (рус. пер.: <i>Тертуллиан. К язычникам</i> / Пер.: И. Маханьков // Избр. соч. / Сост.: А. А. Столяров. М., 1994. С. 37–82)	ZNW	Zeitschrift für die neutestamentliche Wissenschaft und die Kunde der älteren Kirche. Giessen; B., 1900–[2011]. Bd. 1–[102]
Ad Scapul.	Ad Scapulam // PL. 1. Col. 697–706 (рус. пер.: <i>Тертуллиан. Послание к Скапуле, Африканскому проконсулу</i> // Творения / Пер.: Е. Карнеев. СПб., 1847. Ч. 1. С. 106–114; То же: К Скапуле / Пер.: А. Ю. Братухин // <i>Тертуллиан. Апологетик. СПб., 2005. С. 212–220</i>)	ZSKG	Zeitschrift für Schweizerische Kirchengeschichte. Freiburg, 1907–2003. Bd. 1–97 (далее: Schweizerische Zeitschrift für Religious- und Kulturgeschichte. Freiburg, 2004–[2012]. Bd. 98–[106])
Apol. adv. gent.	Apologeticus adversus gentes // PL. 1. Col. 257–536 (рус. пер.: <i>Тертуллиан. Апология, или Защищение христиан против язычников</i> // Творения / Пер.: Е. Карнеев. СПб., 1847. Ч. 1. С. 1–105; То же: Апологетик / Пер.: А. Ю. Братухин // <i>Тертуллиан. Апологетик. СПб., 2005. С. 111–191</i>)	ZSP	Zeitschrift für slavische Philologie. Lpz., 1924–1944. 19 Bde; 1950–[2010]. Bd. 20–[67]
Theodoret. Curatio	<i>Theodoretus Cyrrensis</i> . Graecarum affectionum curatio / Ed. P. Canivet = <i>Theodoret de Cyr</i> . Thérapeutique des maladies helléniques. P., 1958. Vol. 1. P. 100–287; Vol. 2. P. 296–446. (SC; 57)	АП	Ἀρχιερατικὸν Πόντου. Ἀθήναι, 1928–.
Theoph. Antioch. Ad Autol.	<i>Theophilus Antiochenus</i> . Ad Autolicum, lib. I–III // PG. 6. Col. 1023–1168 (рус. пер.: <i>Феофил Антиохийский. К Автолику</i> // СДХА. С. 128–191)	Ἀρχιερατικόν	Ἀρχιερατικόν. Ἀθήναι, 1999
Theoph. Chron.	<i>Theophanis Chronographia</i> / Ed. C. de Boor. Lipsiae, 1883. T. 1 (рус. пер.: <i>Летопись византийца Феофана от Диоклетиана до царей Михаила и его сына Феофилакты</i> / Пер.: В. И. Оболенский, Ф. А. Терновский. М., 1884)	ΒΕΠΕΣ	Βιβλιοθήκη Ἑλλήνων Πατέρων καὶ Ἐκκλησιαστικῶν Συγγραφέων / Ἐκδ. Ἀποστολικῆς Διακονίας. Ἀθήναι, 1955
Theophyl. Sim. Hist.	<i>Theophylacti Simocattae Historiae</i> / Ed. C. de Boor, P. Wirth. Stuttg., 1972 ^г (рус. пер.: <i>Феофилакт Симокатта. История</i> / Пер.: С. П. Кондратьев; примеч.: К. А. Осипова. М., 1957, 1996 ^р)	Βεργιώτης	Βεργιώτης Γ. Θ. Λεξικὸν λειτουργικῶν καὶ τελετουργικῶν ὄρων. Θεσσαλονίκη, 1995 ³
		Βιολιάκης	Βιολιάκης Γ. Τυπικὸν τῆς τοῦ Χριστοῦ Μεγάλῆς Ἐκκλησίας ὁμοίων καθ' ὅλα. Ἀθήναι; Θεσσαλονίκη, s. a.
		Γεδεών.	Γεδεών Μ. Ι.
		Ἐορτολόγιον	Βυζαντινὸν Ἐορτολόγιον. Κωνσταντινούπολις, 1895
		Πίνακες	Πατριαρχικὰ πίνακες. Κωνσταντινούπολις, 1885–1892
		ГП	Γρηγόριος ὁ Παλαμᾶς. Θεσσαλονίκη, 1917–.
		ГПАЕ	Γρηγορίου τοῦ Παλαμᾶ Ἄπαντα τὰ ἔργα. Θεσσαλονίκη, 1962–1986. 11 τ.
		ГПС	Γρηγορίου τοῦ Παλαμᾶ Συγγράμματα / Επιμελεία Π. Κ. Χρήστου. Θεσσαλονίκη, 1962–1992. 5 τ.
		ΔΙΕΕΕ	Δελτίον τῆς Ἱστορικῆς καὶ Ἐθνολογικῆς Ἑταιρείας τῆς Ἑλλάδος. Ἀθήναι, 1883
		Δίπτυχα	Δίπτυχα τῆς Ἐκκλησίας τῆς Ἑλλάδος: Κανονᾶριον ἐπετηρίδ. Ἀθήναι, 2007
		Δουκάκης ΜΣ	Δουκάκης Κ. Μέγας Συναξαριστής: Μεγάλῆ Συλλογὴ πάντων τῶν Ἁγίων. Ἀθήναι, 1889–1896. 13 τ.
		ΔΧΑΕ	Δελτίον τῆς Χριστιανικῆς Ἀρχαιολογικῆς Ἑταιρείας. Ἀθήναι, 1929–.

ΕΕΒΣ	Επετηρίς Έταιρείας Βυζαντινών Σπουδών. Αθήναι, 1924-.	Παπαρηγόπουλος. Ιστορία	Παπαρηγόπουλος Κ. Ιστορία του ελληνικού έθνους. Αθήναι, 1925 ³ . 6 τ.
ΕΕΘΣΠΑ	Επιστημονική Έπετηρίς Θεολογικής Σκολής Πανεπιστήμιον Αθηνών. Αθήναι, 1935-.	Πεντηκοστάριον	Πεντηκοστάριον. Αθήναι, 1984
ΕΠΛΒΙΠ	Εγκυκλοπαιδικό προσωπογραφικό λεξικό βυζαντινής ιστορίας και πολιτισμού / Επ. Α. Γ. Κ. Σαφβίδης. Αθήναι, 1996-. Τ. 1-.	Περαντώνης. Λεξικόν	Περαντώνης Ι. Λεξικόν των νεομαρτύρων. Αθήναι, 1972. Τ. 1: Α-Δ. Σ. 1-177; 1990. Τ. 2: Ε-Λ. Σ. 179-316; 1994. Τ. 3: Μ-Ω. Σ. 323-500
Έραν.	Ο Έρανοστής. Αθήναι, 1963-.	Πηδάλιον	Πηδάλιον τής νοητής νηός τής μίας άγιας καθολικής και άποστολικής των ορθόδοξων έκκλησίας. Αθήναι, 1886
Εύχολόγιον τὸ Μέγα	Εύχολόγιον τὸ Μέγα / Σπουδὴ καὶ έπιστασία Σπυριδόνος Ζέρβου ιερομον. Αθήναι, 1992	Ράλλης, Ποτλής.	Ράλλης Γ., Ποτλής Μ. Σύνταγμα των θείων και ιερών κανόνων. Αθήναι, 1852. Τ. 1 (рус. пер.: Харбеков В. А. Номоканон Константинопольского патриарха Фотия с толкованиями Вальсамона: В 2 ч. Каз., 1899. Ч. 2)
ΕΦ	Έκκλησιαστικός Φάρος. Αλεξάνδρεια, 1908-.	Σύνταγμα	Σάθας Κ. Ν. Μεσαιωνική βιβλιοθήκη. Βενετία, 1872-1894. 7 τ.
ΘΗΕ	Θρησκευτική και ήθικη έγκυκλοπαιδεία. Αθήναι, 1962-1968. 12 τ.	Σάθας. ΜΒ	Στάθης Γ. Θ.
Θησαυρίσματα	Θησαυρίσματα. Περιοδικόν του Έλληνικού Ινστιτούτου Βυζαντινών και Μεταβυζαντινών Σπουδών. Βενετία, 1962-.	Στάθης.	Οί άναγραμματισμοί και τά μαθήματα τής βυζαντινής μελοποιίας. Αθήναι, 1979
Καν. Απ.	[Αί διαταγαί αί διά Κλήμεντος καί] Κανόνες των άγιών Αποστόλων // Die allgemeine Kirchenordnung: Frühchristl. Liturgien und Kirchliche Überlieferung. Τl. 1: Die allgemeine Kirchenordnung des zweiten Jh. Paderborn, 1914 (рус. пер.: Каноны св. апостолов / Пер.: А. Р. Фокин // Патристика: Новые переводы. Н. Новгород, 2001. С. 32-39)	Αναγραμματισμοί και μαθήματα Χειρόγραφα	Τά Χειρόγραφα Βυζαντινής Μουσικής; "Άγιον Όρος". Αθήναι, 1975. Τ. 1; 1976. Τ. 2; 1993. Τ. 3
Ματθαίου. ΜΣ	Ματθαίου Β. Ο Μέγας Συναξαριστής. Αθήναι, 1956 ²	Σαφρόνιος (Εύστρατιάδης). Άγιολόγιον	Σαφρόνιος (Εύστρατιάδης), μητρ. πρώην Λεοντοπόλεως. Άγιολόγιον τής Όρθόδοξου Έκκλησίας. Αθήναι, 1995 ²
Μεθόδιος. Αλεξανδρ.	Μεθόδιος (Φούγας), μητρ. Πισιδίας. Συγχρόνη ιστορία τής Έκκλησίας Αλεξανδρείας (1934-1986). Αθήναι, 1993	Ταμείον	Ταμείον άνεκδότων βυζαντινών άσματικών κανόνων seu Analecta Hymnica Graeca e codicibus eruta Orientis Christiani / Ε. Παπαηλιοπούλου-Φωτοπούλου. Αθήναι, 1996. Τ. 1: Κανόνες Μηναιών
Μηναίων	Μηναίων. Αθήναι, 1970. 12 τ. (Έκκλησιαστική βιβλιοθήκη Φώς)	Τιμόθεος (Θεμέλης). Μηναια	Τιμόθεος (Θεμέλης), άρχιεπ. Ιορδάνου. Τά Μηναια από του α΄ μέχρι του ιγ΄ αιώνας. Αλεξάνδρεια, 1931
Μικρόν Εύχολόγιον	Μικρόν Εύχολόγιον ή Άγιασματάριον / Έκδ. Αποστολικής Διακονίας. Αθήναι, 1962	Τρεμπέλας.	Τρεμπέλας Π.
Μισαάκης. Βυζαντινή ύμνογραφία ΜΚΕ	Μισαάκης Κ. Βυζαντινή ύμνογραφία. Θεσσαλονίκη, 1971	Μικρόν Εύχολόγιον	Μικρόν Εύχολόγιον. Αθήναι, 1998 ² . 2 τ.
Νικηφ. Βλεμ. Περί ψυχής.	Μεγάλη Κυπριακή Εγκυκλοπαιδεία. Λευκωσία, 1984-. Τ. 1-.	Τρεις Λειτουργίαι	Αί τρεις Λειτουργίαι κατά τούς έν Αθήναις κώδικας. Αθήναι, 1935, 1997 ³
Νικηφ. Βλεμ. Περί ψυχής.	Νικηφόρου του Βλεμμύδου Περί ψυχής / Hrsq. Χ. Νίκου. Lpz., 1784; Verhelst M. Le «Traité de l'âme» de Nicéphore Blemmydes: Histoire du texte, éd. crit. et analyse du contenu doctrinal: Thèse doct. Louvain, 1976	Τριώδιον	Τριώδιον. Αθήναι, 1997
Νικόδημος. Συναξαριστής	Νικόδημος Άγιορείτης. Συναξαριστής των 12 μηναιών. Θεσσαλονίκη, 1993-2003. Τ. 1: Σεπτέμβριος-Οκτώβριος. 1993 ³ ; Τ. 2: Νοέμβριος-Δεκέμβριος. 2003 ⁵ ; Τ. 3: Ιανουάριος-Φεβρουάριος. 2002 ⁵ ; Τ. 4: Μάρτιος-Άπρίλιος. 1998 ⁴ ; Τ. 5: Μάιος-Ιούνιος. 1998 ⁴ ; Τ. 6: Ιούλιος-Αύγουστος. 1998 ⁴	Τρωϊάνος. Πηγές	Τρωϊάνος Σπ. [N.]. Οί πηγές του βυζαντινού δικαίου: Εισαγωγικό βοήθημα. Αθήναι; Κομοτηνή, 1986, 1999 ²
ΝΑ	Νέον Λειμωνάριον. Αθήναι, 1930 ⁵	Ταμαδάκης. Βυζαντινή ύμνογραφία	Ταμαδάκης Ν. Β. Η Βυζαντινή ύμνογραφία και ποίησις. Θεσσαλονίκη, 1993 ⁴
NM	Νέον Μαρτυρολόγιον. Αθήναι, 1961 ³ , 1993 ⁴	Χατζηγιακουμής. Χειρόγραφα Τουρκοκρατίας	Χατζηγιακουμής Μ. Μουσικά Χειρόγραφα Τουρκοκρατίας (1453-1832). Αθήναι, 1975. Τ. 1
Παλαμάς. Ίεροσ.	Παλαμάς Γρ., ιεροδιάκ. Ίεροσολυμιάς, ήτοι έπίτομος ιστορία τής άγιας πόλεως Ίεροσολήμ. Ίεροσόλυμα, 1862	Χρυσόστομος (Παπαδόπουλος).	Χρυσόστομος (Παπαδόπουλος), άρχιεπ. Αθηνών και πάσης Ελλάδος.
Παπαδόπουλος-Κεραμεύς. Άνάλεκτα	Παπαδόπουλος-Κεραμεύς Α. Άνάλεκτα Ίεροσολυμιτικής Σταχυολογίας. Πετρούπολις, 1891-1897. Βρυξ., 1963 ⁴ . 5 τ.	Άλεξ.	Ίστορία τής Έκκλησίας Αλεξανδρείας. Αλεξάνδρεια, 1935
		Άντιοχ.	Ίστορία τής Έκκλησίας Άντιοχείας. Αλεξάνδρεια, 1951
		Ίεροσ.	Ίστορία τής Έκκλησίας Ίεροσολύμων. Ίεροσόλυμα και Αλεξάνδρεια, 1952
		Νεομάρτυρες	Οί Νεομάρτυρες. Αθήναι, 1934 ²

Список опечаток, замеченных в томе 21

Страница	Колонка	Строка	Напечатано	Следует читать
105	3	12-я сверху	Неофита Затворника	Неофита

Список опечаток, замеченных в томе 32

83	1	11-я сверху	idem.	Rahner J.
----	---	-------------	-------	-----------

Сокращения слов, словосочетаний и терминов на русском языке, наиболее часто встречающихся в «Православной энциклопедии»

абх.	абхазский	бенг.	бенгальский	ГА	государственный
авг.	август	библ.	библейский	газ.	архив
авест.	авестийский	библиогр.	библиография, -ческий	гвин.	газета (при названии)
австр.	австрийский	биогр.	биография, -ческий	ген.	гвинейский
австрал.	австралийский	бирм.	бирманский	генеалогич.	генерал (при имени)
авт.	автор, -ский	б-ка	библиотека	геогр.	генеалогический
автобиогр.	автобиография	блгв.	благоверный (при имени)	герм.	географический
автореф.	автореферат		блаженный (при имени)	герц.	германский
агиогр.	агиография, -ческий	блж.	Ближний Восток	герц-ство	герцог (при имени)
агиол.	агиология, -ческий	Б. м.	Без места (издания)	гимнографич.	герцогство
АДД	автореферат докторской диссертации	богосл.	богословский	гл.	гимнографический
		богослуж.	богослужебный	гл. обр.	глава, главный
адм.	административный	болг.	болгарский	голл.	главным образом
адм. ц.	административный центр	браз.	бразильский	гомил.	голландский
адыг.	адыгейский	брит.	британский	гор.	гомилетический
азерб.	азербайджанский	буд.	будущий	гос-во	городской
азиат.	азиатский	букв.	буквальный	гот.	государственный
акад.	академик (при имени), академия, -ческий	бурят.	бурятский	гр.	гос-во
АКД	автореферат кандидатской диссертации	бывш.	бывший	гражд.	готский
		бюл.	бюллетень	греч.	граф (при имени)
аккад.	аккадский	В.	Верхний (в геогр. названии)	г. р. неизв.	гражданский, -ая греческий
албан.	албанский	в.; вв.	век; века	груз.	греческий
алж.	алжирский	валаам.	валаамский (муз.)	губ.	год рождения
алф.	алфавитный	введ.	введение	гуманит.	неизвестен
амер.	американский	вел. [князь, княжна, княгиня]	великий [князь, княжна, княгиня] (без имени)	ДА	грузинский
АН	Академия наук	вел. кн.	великий князь (при имени)	дагестан.	губерния, -ский
англ.	английский	венг.	венгерский	Дальн.	гуманитарный
англикан.	англиканский	вестн.	вестник	Восток	Духовная Академия
англосакс.	англосаксонский	ВЗ	Ветхий Завет	дат.	дагестанский
аннот.	аннотированный	визант.	византийский	декабрь	Дальний Восток
АО	Автономный округ	вик.	викарий (при имени)	деместв.	
ап.	апостол (при имени)	вик-ство	викариатство	деп.	департамент (геогр.)
апр.	апрель	вкл.	вклейка	дер.	деревня (при названии)
араб.	арабский	включ.	включая, -ительно	держ.	державный (укр. — государственный)
арав.	аравийский	вмч., вмц.	великомученик, -ца (при имени)	дес.	десятина (при цифре)
арам.	арамейский	вол.	волесть (в геогр. названии)	диак.	диакон (при имени)
арм.	армянский	вопр.	вопросы	дир.	диригент (укр. — дирижер)
арх.	архангел (при имени); архив, -ный	воскр.	воскресен (муз.)	дис.	диссертация
археол.	археологический	восп.	воспоминания	дискогр.	дискография
архидиак.	архидиакон (при имени)	воспроизв.	воспроизводится	доб.	добавление
архиеп.	архиепископ (при имени)	вост.	восточный	догматич.	догматический
архиеп-ство	архиепископство	впосл.	впоследствии	док.	документ
архим.	архимандрит (при имени)	Всел.	Вселенский	докл.	доклад
архит.	архитектор (при имени), -турный	всерос.	всероссийский	докт. дис.	докторская диссертация
ассир.	ассирийский	вслед.	вследствие	док-ты	документы
афган.	афганский	вступ.	вступительный	докум.	документальный
африкан.	африканский	в т. ч.	в том числе	доп.	дополнение
Б.	Большой (в геогр. названии)	в. у.	временно управляющий (епархией)	дорев.	дореволюционный
балт.	балтийский	вып.	выпуск	дослідж.	дослідження (укр. — исследование)
баптист.	баптистский	выполн.	выполненный	доц.	доцент (при имени)
башкир.	башкирский	высокопреев.	высокопреевствующий	Др.	Древний (в названии)
б. г.	без года	выступл.	выступление	др.	другой
бел.	бележки (примечания — болг.)	выш.	высший	д-р	доктор (ученая степень)
белорус.	белорусский	вых. дан.	выходные данные	ДС	духовная семинария
бельг.	бельгийский	г.; гг.	год; годы; гора; город	ДУ	духовное училище
				евр.	еврейский
				европ.	европейский
				егип.	египетский

ед.	единица (хранения)	исслед.	исследование	м.	матушка, мать (при имени); море (при названии)
ед. ч.	единственное число	ист.	исторический, источники	магист. дис.	магистерская диссертация
ежег.	ежегодник, -ный	итал.	итальянский	македон.	македонский
ежедн.	ежедневный	ИТЛ	исправительно-трудовой лагерь	матем.	математический, -ая
еженед.	еженедельный	к.	копейка (при цифре)	мат-лы	материалы
Е. И. В.	Его (Ее) Императорское Величество	кабард.	кабардинский	маш.	машинопись
еп.	епископ (при имени)	кавк.	кавказский	м. б.	может быть
епарх.	епархиальный	казах.	казахский	междунар.	международный
еп-ство	епископство	калм.	калмыцкий	мекс.	мексиканский
ЕУ	епархиальное управление	камбодж.	камбоджийский	мест.	местечко (при названии)
ж.	журнал (при названии)	канад.	канадский	метод.	методический
жен.	женский	канд. (дис.)	кандидат, -ская (диссертация)	мин-во	министерство
зав.	заведующий	канонич.	канонический	митр.	митрополит (при имени)
загл.	заглавие	каракалп.	каракалпакский	мл.	младший (к имени)
заклуч.	заключительный	кард.	кардинал (при имени)	млн	миллион
зал.	залив (при названии)	карел.	карельский	млрд	миллиард
зам.	заместитель	кат.	каталог	мн.	многие
замеч.	замечание, -я	католич.	католический	мн. др.	многие другие
зап.	западный; записки	каф.	кафедра	мн. ч.	множественное число
зб.	збірник (укр. — сборник)	кафедр.	кафедральный (собор)	молдав.	молдавский
знам.	знаменный (муз.)	кельт.	кельтский	мон.	монах, -иня (при имени)
игум.	игумен, -ия (при имени)	киев.	киевский	монг.	монгольский
идеологич.	идеологический	кипр.	кипрский	моногр.	монография, -ческий
иеродиак.	иеродиакон (при имени)	киргиз.	киргизский	мон-рь	монастырь
иером.	иеромонах (при имени)	кит.	китайский	мордов.	мордовский
иеросхим.	иеросхимонах (при имени)	кл.	класс	моск.	московский
избр.	избранный	к.-л.	какой-либо	МТ	масоретский текст (Библии)
изв.	известия	КМ	краеведческий музей	муж.	мужской
извлеч.	извлечение	кн.	книга (при названии); князь (при имени)	муз.	музыкальный
изд.	издано, издается, издание (при названии), издатель	к.-н.	какой-нибудь	мусульм.	мусульманский
изд-во	издательство	кнг.	княгиня (при имени)	мч.	мученик (при имени)
излож.	изложение, изложено	кнж.	княжна (при имени)	мц.	мученица (при имени)
изм.	изменение	кодикол.	кодикологический	Н.	Нижний (в геогр. названии)
изображ.	изображение	колл.	коллекция	НА	национальный архив
изуч.	изучение	комис.	комиссия	напеч.	напечатанный
изъясн.	изъяснительный	коммент.	комментарий, -тор	напис.	написано
иконогр.	иконография, -ческий	кон.	конец (при дате)	напр.	например
ил.	иллюстратор, -ция	конф.	конференция	нарком	народный комиссар
иллюм.	иллюминированный	копт.	коптский	наст. время	настоящее время
иллюстр.	иллюстрированный	кор.	король (при имени)	наст. фам.	настоящая фамилия (имя)
им.	имени	К-поль,	Константинополь, -ский	наук.	научовий (укр.)
имп.	император (при имени), -ский	к-польский	краткий	науч.	научный
ингуш.	ингушский	кр.	краеведческий	нач.	начало (при дате)
инд.	индонезийский	краевед.	краеведческий	НБ	научная библиотека
индонез.	индонезийский	крит.	критический	неизв.	неизвестно
иностр.	иностранный	к-рый	который	некр.	некролог; некрополь
ин-т	институт	культ.	культурный, -ая, -ое	нек-рый	некоторый
информ.	информационный	кумран.	кумранский	неофиц.	неофициальный
иподиак.	иподиакон (при имени)	л.	лист	неск.	несколько
ИР	Институт рукописей	лак.	лакский	не сохр.	не сохранился
ирак.	иракский	лат.	латинский	неуст.	неустановленный
иран.	иранский	латв.	латвийский	НЗ	Новый Завет
ирл.	ирландский	латинизир.	латинизированный, -ая	нидерланд.	нидерландский
исл.	исландский	латиноамер.	латиноамериканский	нмч.	новомученик (при имени)
ислам.	исламский	латыш.	латышский	Нов.	Новый (в геогр. названии)
исп.	исповедник (при имени)	лексикогр.	лексикография, -ческий	новозел.	новозеландский
испан.	испанский	ливан.	ливанский	норвеж.	норвежский
испр.	исправление, исправленный	лит.	литературный	нот.	нотный
		литов.	литовский	нотогр.	нотогрфия
		лит-ра	литература		
		литогр.	литография		
		литург.	литургический		
		лютеран.	лютеранский		
		М.	Малый (в геогр. названии)		

нояб.	ноябрь	пол.	половина (при дате)	рев.	революционный
Н. С.	новая серия	полемич.	полемический	регион.	региональный
н. с.	новый стиль	полит.	политический	ред.	редактор, -ция
НХГ	Национальная художественная галерея	польск.	польский	редк.	редкий
нэп	новая экономическая политика	португ.	португальский	рез.	резюме
№, N	номер (при цифре)	пос.	поселок (при названии)	религ.	религиозный
о.	отец (при имени)	посвящ.	посвящается, -енный	реперт.	репертуар, -ный
об.	оборот	посл.	последний (при дате)	репр.	репринт
об-во	общество	послесл.	послесловие	респ.	республика, -нский
обком	областной комитет КПСС	посм.	посмертно	реф.	реферат
обл.	область (при названии), -ной; обложка	почт.	почтовый	рец.	рецензия
обозр.	обозрение	поэт.	поэтический	рим.	римский
общежит.	общежительный [монастырь]	прав.	праведный (при имени); правило	рис.	рисунок
обществ.	общественный	правосл.	православный	ркп.	рукопись
объяснит.	объяснительный	празд.	празднование	р-н	район (при названии)
о-в	остров (при названии)	практ.	практический	род.	родился
оз.	озеро (при названии)	предисл.	предисловие	рожд.	рожденный
ок.	около (при дате)	преосв.	преосвященный (при имени)	рос.	российский
окр.	округ	Пресв.	Пресвятая	рук.	руководитель, -дящий
окт.	октябрь	пресв.	пресвитер (при имени)	рук-во	руководство
ОН	отдел нумизматики	прмц.	преподобномученица (при имени)	рукоп.	рукописный
оп.	опись	прмч.	преподобномученик (при имени)	румын.	румынский
опубл.	опубликованный (при названии); опубликовал	приб.	прибавление	рус.	русский
ОР	отдел рукописей	прил.	приложение	Р. Х.	Рождество Христово
орг-ция	организация	прим.	пример	с.	село (при названии); страница (при цифре)
ОРК	Отдел редкой книги	примеч.	примечание	саксон.	саксонский
ОРРИ	Отдел рукописей и редких изданий	пробл.	проблема	санскр.	санскритский
осет.	осетинский	пров.	провинция	сб.	сборник (при названии)
осн.	основной	продолж.	продолжение	св.	святой (при имени); связка (в архивных документах)
ОСРК	Отдел старопечатных и рукописных книг	произв.	произведение	свид-во	свидетельство
отв.	ответственный	прол.	пролив	свод.	сводный
отд.	отдельный	пропр.	пророк (при имени)	свт.	святитель
отд-ние	отделение	прот.	протоиерей (при имени)	Свят.	Святейший (в названии Синода до 1917 г.)
отеч.	отечественный	протестант.	протестантский	свящ.	священник (при имени)
отпеч.	отпечатанный	протодиак.	протоиерей (при имени)	Свящ.	Священный
отр.	отрывок	протопр.	протопресвитер (при имени)	сев.	северный
отт.	оттиск	проф.	профессор (при имени)	сев.-вост.	северо-восточный
офиц.	официальный	проч.	прочее	сев.-зап.	северо-западный
ОЭ	Отдел эстампов	прп.	преподобный (при имени)	сел.	селение
палеогр.	палеография, -ческий	псевд.	псевдоним	семит.	семитский
пам.	память (празднование, при дате)	ПСС	полное собрание сочинений	сент.	сентябрь
патрист.	патристический	ПССиП	полное собрание сочинений и писем	сер.	середины (при дате); серия
патрол.	патрологический	публ.	публикация; публичный	серб.	сербский
певч.	певческий	пуст.	пустыня, -нь	серебр.	серебряный
пед.	педагогический	путев.	путеводитель	сибир.	сибирский
пер.	перевел, -од, -одчик; переулок	ПЦК	Православный церковный календарь	симп.	симпозиум
переизд.	переиздание	Р.	Разряд (в архивах)	синод.	синодальный
перепеч.	перепечатка	р.	река (при названии); рубль (при цифре)	сир.	сирийский
перераб.	переработал	равноап.	равноапостольный	сист.	систематический
персид.	персидский	разд.	раздел	сканд.	скандинавский
петерб.	петербургский	различн.	различный	сл.	слово
петрогр.	петроградский	разн.	разный	слав.	славянский
пехл.	пехлевийский	райком	районный комитет КПСС	след.	следующий
печ.	печатный	расп.	распев	следов.	следовательно
пл.	площадь (при названии)	РДУМ	Региональное духовное управление мусульман	следств.	следственный
п-ов	полуостров (при названии)			слов.	словарь
подгот.	подготовил			словац.	словацкий
под рук.	под руководством			словен.	словенский
под упр.	под управлением			см.	смотри
				смеш.	смешанный
				СМИ	средства массовой информации
				соавт.	соавтор
				собр.	собрание
				сов.	советский

СОКРАЩЕНИЯ

совм.	совместно	т. о.	таким образом	хакас.	хакасский
совр.	современный	топогр.	топограф, -ический	халд.	халдейский
содерж.	содержание	тр.	труды	хорват.	хорватский
сокр.	сокращение	традиц.	традиционный	хр.	хранение
сообщ.	сообщение	транскр.	транскрипция	христ.	христианский
сост.	составил, -тель, -ление	тув.	тувинский	хроногр.	хронографический
соц.	социальный	туп.	тупик (при названии)	хронол.	хронологический
соч.	сочинение (при названии)	тур.	турецкий	худож.	художник (при имени), -ественный
справ.	справочник, -ный	туркмен.	туркменский	ц.	церковь (при названии)
ср.	сравни	тыс.	тысяча, тысячелетие (при цифре)	ЦА	Центральный архив
Ср.	Средний (в геогр. названии)	тюрк.	тюркский	цв.	цветной
сравн.	сравнительный	у.	уезд (при названии)	ЦГА	Центральный государственный архив
ср. века	средние века	УАК	Ученая архивная комиссия	ЦДНИ	Центр документации новейшей истории (разных территорий России)
средневек.	средневековый	удмурт.	удмуртский	Центр.	Центральный (в геогр. названии)
СС	собрание сочинений	УЗ	ученые записки	церк.	церковный
ст.	станция (при названии); статья; стих (при цифре); столетие (при цифре)	узбек.	узбекский	церковнослав., ц.-слав.	церковнославянский
		УИК	Уездный исполнительный комитет	ч.	час; часть
Ст.	Старый (в геогр. названии)	УК	Уголовный кодекс	чел.	человек (при указании числа)
стат.	статистический	указ.	указатель	четв.	четверть
стб.	столбец	укр.	украинский	чеш.	чешский
стеногр.	стенография, -мма	ул.	улица (при названии)	чл.-кор.	член-корреспондент (при имени)
ст. ст.	старый стиль	ум., †	умер	чт.	чтения
ст-ца	станция (при названии)	ун-т	университет	чудотв.	чудотворный
схиархим.	схиархимандрит (при имени)	упор.	упорядкував (укр. — отредактировал)	швед.	шведский
схиингум.	схиингумен (при имени)	упр.	управление	швейцар.	швейцарский
схим.	схимонах (при имени)	урожд.	урожденная	шотл.	шотландский
сщмч.	священномученик (при имени)	усл.	условно	шт.	штат
т.	том	устар.	устаревший	шумер.	шумерский
табл.	таблица	учеб.	учебник, -ный	эвенк.	эвенкийский
таджик.	таджикский	уч-ше	училище	эвенс.	эвенский
татар.	татарский	ф.	фонд	экз.	экземпляр
т-во	товарищество	факс.	факсимиле	экзегет.	экзегетический
т. е.	то есть	фак-т	факультет (при названии)	экон.	экономический
тез.	тезисы	фам.	фамилия	энцикл.	энциклопедический
текстол.	текстологический	февр.	февраль	эст.	эстонский
теолог.	теологический	фельдм.	фельдмаршал	этногр.	этнографический
теорет.	теоретический	феод.	феодалный	эфиоп.	эфиопский
термин.	терминологический	физич.	физический	юбил.	юбилейный
террит.	территориальный	фил.	филиал	юж.	южный
тетр.	тетрадь	филол.	филологический	юрим.	юридический
техн.	технический	филос.	философский	юрод.	юродивый (при имени)
т. зр.	точка зрения	фин.	финский	яз.	язык
тибет.	тибетский	финик.	финикийский	якут.	якутский
тип.	типография	форм.	формулярный	явн.	январь
т. к.	так как	фрагм.	фрагмент	япон.	японский
т. н.	так называемый	франк.	франкский		
		франц.	французский		
		фронт.	фронтиспис		
		хазар.	хазарский		

УСЛОВНЫЕ ОБОЗНАЧЕНИЯ

(общие для карт)

	Границы епархий	НИКОСИЯ	Столицы государств
	Центры епархий	ЛИМАСОЛ	Центры административных единиц
	Государственные границы		НАСЕЛЕННЫЕ ПУНКТЫ
	Границы административных единиц	⊙	более 1 000 000 жителей
	Границы полярных владений Российской Федерации	⊙	от 500 000 до 1 000 000 жителей
	Пути сообщения	⊙	от 100 000 до 500 000 жителей
	железные дороги магистральные	○	от 50 000 до 100 000 жителей
	автомобильные дороги главные	○	от 10 000 до 50 000 жителей
	Примечание.	○	менее 10 000 жителей
	В данную таблицу не включены условные обозначения, помещенные в легендах карт издания	Фаммагуста	Города и поселки городского типа
		Лейфа	Населенные пункты сельского типа

ПРАВОСЛАВНАЯ ЭНЦИКЛОПЕДИЯ

Том XXXIII

КИЕВО-ПЕЧЕРСКАЯ ЛАВРА – КИПРСКАЯ ИКОНА БОЖИЕЙ МАТЕРИ

Художественный редактор

И. А. Захарова

Художественное оформление:

*Г. М. Драговая, А. М. Драговой,
Н. В. Оглоблина, С. К. Подъяблонский (ЗАО Фирма «ЭПО»)*

Художественная обработка оригиналов осуществлена
в научном издательстве «Большая Российская энциклопедия»

Заведующая художественной редакцией

И. В. Короткова

ЛР № 030725 от 19.02.1997

Православная религиозная организация Церковно-научный центр «Православная энциклопедия»
107120, Москва, ул. Нижняя Сыромятническая, д. 10 А, стр. 1. Тел.: (+7-495)980-03-65

Для расчетов Православная религиозная организация Церковно-научный центр «Православная энциклопедия» сообщает свои реквизиты:

- 107120, Москва, ул. Нижняя Сыромятническая, д. 10А, стр. 1
- ИНН 7704153888, КПП 770901001
- р/с № 40703810038120027902 в ОАО Сбербанк России
- корр. счет № 3010181040000000225; БИК 044525225; ОКПО 45115798; ОКОНХ 98700

Подписано в печать 12.11.2013. Формат 60×90¹/₈. Бумага мелованная. Гарнитура «Petersburg».
Печать офсетная. Усл.-печ. л. 94,0. Тираж 33 000 экз. Заказ № 824/13П

Полиграфические работы – типография ООО «Полстар/Polstar».
125993, Москва, Волоколамское шоссе, д. 4, ГУК МАИ (сектор Б). Тел.: (+7-495)785-57-33,
факс (+7-495)785-55-31, e-mail: info@polstar.ru

ББК 86.372я2

ISBN 978-5-89572-037-0

© Православная религиозная организация Церковно-научный центр «Православная энциклопедия», 2013

